This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

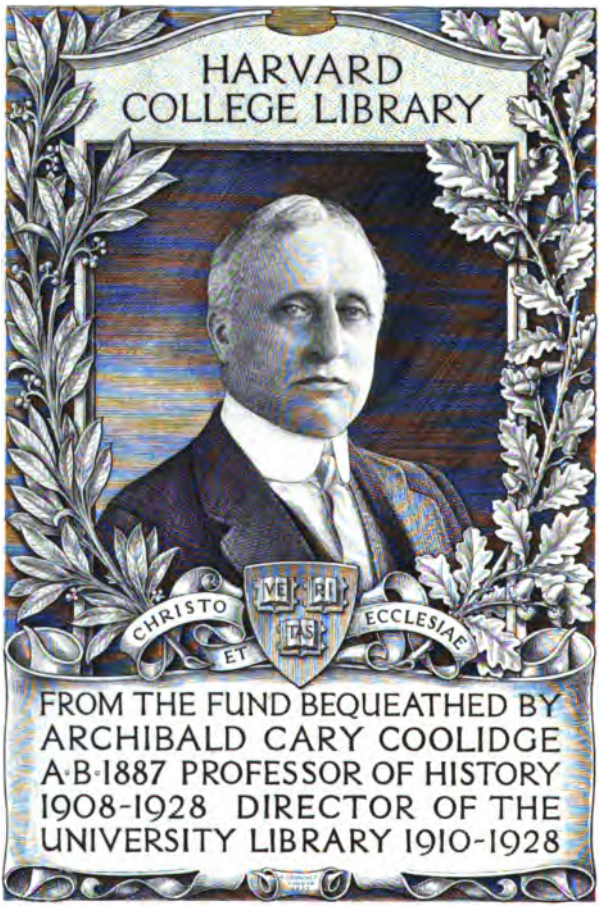
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS. law 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
VE
RI
TAS
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ).—**А. П. Чехова.** 1

II. НА ПЕНСІЮ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—**И. Н. Потапенко.** . . 34

III. УСАДЬБА ТОРПА. Повѣсть **Тора Гедберга.** Переводъ со шведскаго **В. М. С.** 85

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Д. С. Мережковскаго.** 118

V. ПОЭЗІЯ И ПРОЗА. (Повѣсть). *Окончаніе.*—**Н. И. Тимковскаго.** 120

VI. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 160

VII. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—**В. И. Семевскаго** 1

VIII. ПИЩА НАРОДНЫХЪ МАССЪ ВЪ РОССІИ.—**Л. Н. Маресса** . 43

IX. ЕЩЕ О НАРОДНИЧЕСТВѢ. (По поводу двухъ новыхъ книгъ).—**В. А. Гольцева** 68

X. РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВО ФРАНЦІИ.—**А. П.** 73

XI. МОИ КАНИКУЛЫ. (Іерусалимъ, Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море, Сорокадневная гора, Геѳсиманія и гробъ Пресвятой Богородицы, Елеонская гора, Messe pontificale, отъѣздъ изъ Іерусалима, обратный путь: Яффа, Портъ-Саидъ, Александрія, о. Хіосъ, Смирна, Константинополь, Одесса, заключеніе). *Окончаніе.* — **М. Н. Ремезова** 90

XII. ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ.—**М. В. Ватсонъ.** 112

XIII. РОСТОВЩИЧЕСТВО И ГРАБЕЖЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ВОЗЗРѢНІЯХЪ И ВЪ СВОЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ НОРМѢ. — **П. Н. Обнинскаго** 131

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условія подписки на 1894 годъ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р. —	6 р.	3 р. —	1 р.—
За границу	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	1 „ 25 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе, уплачивается по 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Леонтьевскій, 21.
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель ***В. М. ЛАВРОВЪ.***

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

„ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ".

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.**

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ пересылкою **1 р. 80 к.**

Складъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ КОНЦѢ ОКТЯБРЯ ВЫЙДЕТЪ

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Письма изъ Африки.— Письмо изъ Рима.— Письмо изъ Венеціи. — Нерви.

Цѣна **1 р. 50 к.**, съ пересылкой **1 р. 80 к.**

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль" (*Москва, Леонтьевскій пер., 21*).

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

„БЕЗЪ ДОГМАТА".

Современный романъ. Переводъ **В. М. Лаврова.**

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна безъ пересылки **1 р. 50 к.**, съ пересылкою—**1 р. 80 к.** Подписчики „Русской Мысли" за пересылку не платятъ. Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль" (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КОСМОПОЛИСЪ".

РОМАНЪ

Поля Бурже.

Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль».

Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль» (Москва, Леонтьевскій, 21).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

Вл. Г. Короленко.

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала «Русская Мысль (Москва, Леонтьевскій, 21).

1-го ОКТЯБРЯ ВЫШЛА X-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе: ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. КОНЕЦЪ ВИРЮКОВСКОЙ ДАЧИ. Разсказъ. А. Михайлова (Шеллера).—II. СОВРЕМЕННЫЯ НЕРВНЫЯ БОЛѢЗНИ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. Статья I. Проф. П. Ковалевскаго.—III. НЕВИННАЯ ЖЕРТВА. Романъ Габріэля д'Аннунціо. Перев. съ итальянск.—IV. СЕМЕЙНАЯ ИСТОРІЯ. Повѣсть. И. Потапенка.—V. ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ. Проф. И. Фойницкаго.—VI. КЪ ЗЕРКАЛУ ЛАУРЫ. Сонетъ Петрарки. Стих. К. Льдова.—VII. ВЪ ОБЛАКАХЪ. Повѣсть. Вл. Каренина.—VIII. ТРИ ИНДѢЙЦА. (Изъ Ленау). Стих. Б. Николаева.—IX. ДОКТОРЪ ПАСКАЛЬ. Романъ Эмиля Зола. Перев. съ франц. Съ прилож. замѣтки: Происхожденіе „Доктора Паскаля". М. ванъ-Сантенъ-Кольффъ.—X. ПОРУЧЕНІЕ. Повѣсть. Л. Гуревичъ.—XI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. (Неизданные историческіе документы). Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.—XII. ФАНТАЗІЯ. Стих. К. Бальмонта.—XIII. СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ. Новый романъ Генрика Сенкевича. (Перев. съ польскаго М. Ярошевича). ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. 1) ВОЛГА И ВОЛГАРИ. Путевые очерки. VI. А. Субботина.—2) СОВРЕМЕННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА. Н. Красовскерова.—II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Провинціальныя газеты о Тургеневѣ.—Чествованія Тургенева въ 1879, 1880, 1883 годахъ и нынѣ.—„Волгарь" о скукѣ.—„Одесскій Листокъ" о „маленькой" Одессѣ.—Книги на нижегородской ярмаркѣ.—Г. Л. Оболенскій объ интеллигенціи въ деревнѣ.—Наши приливы и отливы.—Новый видъ расхищенія башкирскихъ земель.—„Кіевское Слово" о дѣлѣ энергичнаго городового.—Дѣло полиціймейстера Панфилова по „Казанскому Телеграфу".—Объясненіе орловскаго полиціймейстера.—Наши нравы.—Три мѣсяца тюрьмы за 50 к.—Рѣчь г. Морозова.—„Волжскій Вѣстникъ" и „Каспій" о литературной критикѣ. Л. Оболенскаго.—III. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XLI. Достоинства и недочеты колумбійской выставки. (Впечатлѣнія заурядного посѣтителя). В. Мавъ-Гаханъ.—IV. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА. Четвертый конгрессъ международнаго союза уголовнаго права. Проф. Б. Есипова.—V. I. НОВЫЯ КНИГИ. Вас. И. Немировичъ-Данченко. Маіоръ Бобловъ и его сироты.—L'oeuvre de la femme à Moscou. Exposition Universelle Colombienne de Chicago en 1893.—Д-ръ Кюллеръ. Нервность и неврозы. Гигіена нервныхъ людей.—II. БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Литература. 2) Медицина. 3) Общественныя науки. 4) Книги для дѣтей и для юношества. 5) Изданія для народа.—VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Проф. А. Трачевскаго.—VIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Бѣлинскій. Статья I. Бѣлинскій въ характеристикахъ: Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Герцена, Панаева.—Русская критика о Бѣлинскомъ: Дружининъ, К. Полевой, Аполлонъ Григорьевъ, Чернышевскій и Добролюбовъ, Писаревъ, Пыпинъ, Кавелинъ, Скабичевскій, Михайловскій и Чуйко. А. Волынскаго.—IX. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. В. Чуйко.—X. ЗАМѢТКА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
съ дост. въ Спб.							
съ конт. журн.	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 руб.
съ дост. въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
съ пересылк. въ Америки . . .	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
за границей .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ глав. конт. С.-Петерб., Троицкая ул., № 9; въ конт. Н. Печковской (въ Москвѣ) и книжн. маг. Н. П. Карбасникова, Вѣстникѣ Времени и Фену; въ Кіевѣ: въ кн. маг. *Н. Я. Оглоблина*; въ Казани: въ кн. маг. *Н. Я. Башмакова.*

Издатель-редакторъ Л. Я. ГУРЕВИЧЪ. Редакторъ М. Н. АЛЬБОВЪ.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, предисловіемъ **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересыл 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣ 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Ал фонса Додэ.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пересылко

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юнѳши.** Перев. съ пол скаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.** Перев. **М. Н. Ремезов** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 руб. пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртел** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составл ный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 ру съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысл за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣ 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье издані Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ **графа Л. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣ 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысл за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Состави докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московска университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журна «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1893.

P Slav 605.10
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAh 26 1934

Москва. Типо-литогр. Высочайшк утвержд. Т-ва И. Н. Кушеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ).—А. П. Чехова.	1
II.	НА ПЕНСІЮ. (Повѣсть). *Окончаніе.*—И. Н. Потапенко . . .	34
III.	УСАДЬБА ТОРПА. Повѣсть Тора Гедберга. Переводъ со шведскаго В. М. С.	85
IV.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—Д. С. Мережковскаго.	118
V.	ПОЭЗІЯ И ПРОЗА. (Повѣсть). *Окончаніе.*—Н. И. Тимковскаго.	120
VI.	СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе*	160
VII.	РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—В. И. Семевскаго	1
VIII.	ПИЩА НАРОДНЫХЪ МАССЪ ВЪ РОССІИ.—Л. Н. Маресса .	43
IX.	ЕЩЕ О НАРОДНИЧЕСТВѢ. (По поводу двухъ новыхъ книгъ).—В. А. Гольцева	68
X.	РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВО ФРАНЦІИ.— А. П.	73
XI.	МОИ КАНИКУЛЫ. (Іерусалимъ, Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море, Сорокадневная гора, Геѳсиманія и гробъ Пресвятой Богородицы, Елеонская гора, Messe pontificale, отъѣздъ изъ Іерусалима, обратный путь: Яффа, Портъ-Саидъ, Александрія, о. Хіосъ, Смирна, Константинополь, Одесса, заключеніе). *Окончаніе.*— М. Н. Ремезова	90
XI	ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ.—М. В. Ватсонъ	112
XI	РОСТОВЩИЧЕСТВО И ГРАБЕЖЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ВОЗЗРѢНІЯХЪ И ВЪ СВОЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ НОРМѢ. — П. Н. Обнинскаго	131

Стр.

XIV. НОВАЯ КНИГА О ПАРИЖСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.—Z. 15

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Историческія справки о продовольственномъ дѣлѣ въ Россіи. — Обсужденіе земскими собраніями вопроса о натуральной и денежной системѣ продовольствія.—Проектъ г. Грасса о страхованіи урожаевъ.— Предложенія гг. Каблукова и Колюпанова.— Основныя причины, затрудняющія правильную постановку продовольственнаго дѣла.—Мнѣнія земствъ о взысканіи земскихъ сборовъ хлѣбомъ.— О новѣйшихъ измѣненіяхъ въ фабричномъ законодательствѣ.— О проектѣ преобразованія женскихъ гимназій. — † А. Н. Апухтинъ и А. Н. Плещеевъ. 15

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— И. И. Иванюкова . . 18

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Г. 19

XVIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Опытъ теоріи наслѣдственности.—М. А. Мензбира 20

XIX. ВОИНСТВУЮЩЕЕ НАРОДНИЧЕСТВО. (*І. Каблицъ:* «Основы народничества». Часть I и II. Второе, дополненное изданіе. Спб., 1888—1893 гг.—*В. В.*: «Наши направленія». Спб., 1893 г.).— М. А. Протопопова 23

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Въ такую ночь...* комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ г. Бухарина; *Спорный вопросъ*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Влад. Александрова; *Предразсудки*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Модеста Чайковскаго.—Ан. . 25

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія и воспоминанія. — Археологія и этнографія. — Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Языкознаніе.— Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *сентябрь*.—«Русское Богатство», *августъ*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь*.—«Русскій Вѣстникъ», *сентябрь*.— «Русское Обозрѣніе», *сентябрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1893 г. 45

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

I.

Г. Николаевскъ на Амурѣ.— Пароходъ *Байкалъ*. — Мысъ Пронге и входъ въ Лиманъ.— Сахалинъ полуостровъ.— Лаперузъ, Браутонъ, Крузенштернъ и Невельской.— Японскіе изслѣдователи.— Мысъ Джаоре.— Татарскій берегъ.— Де-Кастри.

5 іюля 1890 г. я прибылъ на пароходѣ въ г. Николаевскъ, одинъ изъ самыхъ восточныхъ пунктовъ нашего отечества. Амуръ здѣсь очень широкъ, до моря осталось только 27 верстъ; мѣсто величественное и красивое, но воспоминанія о прошломъ этого края, разсказы спутниковъ о лютой зимѣ и о не менѣе лютыхъ мѣстныхъ нравахъ, близость каторги и самый видъ заброшеннаго, вымирающаго города совершенно отнимаютъ охоту любоваться пейзажемъ.

Николаевскъ былъ основанъ не такъ давно, въ 1850 г., извѣстнымъ Геннадіемъ Невельскимъ, и это едва ли не единственное свѣтлое мѣсто въ исторіи города. Въ пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдатъ, арестантовъ и переселенцевъ, насаждали культуру, въ Николаевскѣ имѣли свое пребываніе чиновники, управлявшіе краемъ, наѣзжало сюда много всякихъ русскихъ и иностранныхъ авантюристовъ, селились поселенцы, прельщаемые необычайнымъ изобиліемъ рыбы и звѣря, и, повидимому, городъ не былъ чуждъ человѣческихъ интересовъ, такъ какъ бы[illegible]ъ даже случай, что одинъ заѣзжій ученый нашелъ нужнымъ п[illegible] честь здѣсь въ клубѣ публичную лекцію. Теперь же почти по[illegible]на домовъ покинута своими хозяевами, полуразрушена и тем[illegible] окна безъ рамъ глядятъ на васъ, какъ глазныя впадины чере[illegible] Обыватели ведутъ сонную, пьяную жизнь и вообще живутъ в[illegible]оголодь, чѣмъ Богъ послалъ. Пробавляются поставками рыбы

на Сахалинъ, золотымъ хищничествомъ, эксплуатаціей инородцевъ, продажей понтовъ, т.-е. оленьихъ роговъ, изъ которыхъ китайцы приготовляютъ возбудительныя пилюли. На пути отъ Хабаровки до Николаевска мнѣ приходилось встрѣчать не мало контрабандистовъ; здѣсь они не скрываютъ своей профессіи. Одинъ изъ нихъ, показывавшій мнѣ золотой песокъ и пару понтовъ, сказалъ мнѣ съ гордостью: «И мой отецъ былъ контрабандистъ!» Эксплуатація инородцевъ, кромѣ обычнаго спаиванія, одураченія и т. п., выражается иногда въ оригинальной формѣ. Такъ, николаевскій купецъ Ивановъ, нынѣ покойный, каждое лѣто ѣздилъ на Сахалинъ и бралъ тамъ съ гиляковъ дань, а неисправныхъ плательщиковъ истязалъ и вѣшалъ.

Гостиницы въ городѣ нѣтъ. Въ общественномъ собраніи мнѣ позволили отдохнуть послѣ обѣда, въ залѣ съ низкимъ потолкомъ— тутъ зимою, говорятъ, даются балы; на вопросъ же мой, гдѣ я могу переночевать, только пожали плечами. Дѣлать нечего, пришлось двѣ ночи провести на пароходѣ; когда же онъ ушелъ назадъ въ Хабаровку, я очутился какъ ракъ на мели: камо пойду? Багажъ мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Какъ разъ противъ города, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега, стоитъ пароходъ *Байкалъ*, на которомъ я пойду въ Татарскій проливъ, но говорятъ, что онъ отойдетъ дня черезъ четыре или пять, не раньше, хотя на его мачтѣ уже развѣвается отходный флагъ. Развѣ взять и поѣхать на *Байкалъ*? Но не ловко: пожалуй, не пустятъ,— скажутъ, рано. Подулъ вѣтеръ, Амуръ нахмурился и заволновался, какъ море. Становится тоскливо. Иду въ собраніе, долго обѣдаю тамъ и слушаю, какъ за сосѣднимъ столомъ говорятъ о золотѣ, о понтахъ, о фокусникѣ, пріѣзжавшемъ въ Николаевскъ о какомъ-то японцѣ, дергающемъ зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой какъ далека здѣшняя жизнь отъ Россіи! Начиная съ балыка изъ кеты, которымъ закусываютъ здѣсь водку, и кончая разговорами во всемъ чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плылъ по Амуру, у меня было такое чувство, какъ будто я не въ Россіи, а гдѣ-то въ Патагоніи или Техасѣ; не говоря уже объ оригинальной, не русской природѣ, мнѣ все время казалось, что складъ нашей русской жизни совершенно чуждъ кореннымъ амурцамъ что Пушкинъ и Гоголь тутъ непонятны и потому ненужны, наша исторія скучна, и мы, пріѣзжіе изъ Россіи, кажемся иностранцами. Въ отношеніи религіозномъ и политическомъ я замѣчалъ полнѣйшій индифферентизмъ. Священники, которыхъ я видѣлъ

здѣсь, ѣдятъ въ постъ скоромное и, между прочимъ, про одного изъ нихъ, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ, мнѣ разсказывали, что онъ занимается золотымъ хищничествомъ, конкуррируя со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зѣвать, то заговорите съ нимъ о политикѣ, о русскомъ правительствѣ, о русскомъ искусствѣ. И нравственность здѣсь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращеніе съ женщиной возводится почти въ культъ и, въ то же время, не считается предосудительнымъ уступить за деньги пріятелю свою жену; или вотъ еще лучше: съ одной стороны, отсутствіе сословныхъ предразсудковъ — здѣсь и съ ссыльнымъ держатъ себя, какъ съ ровней, а съ другой — не грѣхъ подстрѣлить въ лѣсу китайца-бродягу, какъ собаку, или даже поохотиться тайкомъ на горбачиковъ.

Но буду продолжать о себѣ. Не найдя пріюта, я подъ вечеръ рѣшился отправиться на *Байкалъ*. Но тутъ новая бѣда: развело порядочную зыбь и лодочники гиляки не соглашаются везти ни за какія деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Между тѣмъ, уже заходитъ солнце и волны на Амурѣ темнѣютъ. На этомъ и на томъ берегу неистово воютъ гиляцкія собаки. «И зачѣмъ я сюда поѣхалъ?» — спрашиваю я себя, и мое путешествіе представляется мнѣ крайне легкомысленнымъ. Опредѣленной программы, думаю, у меня нѣтъ, а если, быть можетъ, по прибытіи на мѣсто она выяснится, то, пожалуй, окажется мнѣ не подъ силу и я вернусь ни съ чѣмъ. И мысль, что каторга уже близка, что черезъ нѣсколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, что меня могутъ попросить уѣхать обратно, — эта мысль непріятно волнуетъ меня. Но вотъ, наконецъ, два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодкѣ, сбитой изъ трехъ досокъ, я благополучно достигаю *Байкала*.

Это пароходъ морского типа средней величины, купецъ, показавшійся мнѣ послѣ байкальскихъ и амурскихъ пароходовъ довольно сноснымъ. Онъ совершаетъ рейсы между Николаевскомъ, Владивостокомъ и японскими портами, возитъ почту, солдатъ, арестантовъ, пассажировъ и грузы, главнымъ образомъ, казенные; по контракту, заключенному съ казной, которая платитъ ему солидную субсидію, онъ обязанъ нѣсколько разъ въ теченіе лѣта заходить на Сахалинъ: въ Александровскій постъ и въ южный Корсаковскій. Тарифъ очень высокій, какого, вѣроятно, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ. Колонизація, которая, прежде всего, требуетъ свободы и легкости передвиженія, и высокіе тарифы — это ужъ совсѣмъ не политично.

Каютъ-компанія и каюты на *Байкалѣ* тѣсны, но чисты и обставлены вполнѣ по-европейски; есть піанино. Прислуга тутъ—китайцы съ длинными косами, которыхъ называютъ по-англійски—бой. Поваръ тоже китаецъ, но кухня у него русская, хотя всѣ кушанья бываютъ горьки отъ прянаго кери и пахнутъ какими-то духами, вродѣ карилопсиса.

Начитавшись о буряхъ и льдахъ Татарскаго пролива, я ожидалъ встрѣтить на *Байкалѣ* китобоевъ съ хриплыми голосами, брызгающихъ при разговорѣ табачною жвачкой, въ дѣйствительности же нашелъ людей вполнѣ интеллигентныхъ. Командиръ парохода, г. Л., уроженецъ западнаго края, плаваетъ въ сѣверныхъ моряхъ уже болѣе 30 лѣтъ и прошелъ ихъ вдоль и поперекъ. На своемъ вѣку онъ видѣлъ много чудесъ, много знаетъ и разсказываетъ интересно. Покруживъ полжизни около Камчатки и Курильскихъ острововъ, онъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Отелло, можетъ говорить о «безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ утесахъ неприступныхъ». Я обязанъ ему многими свѣдѣніями, пригодившимися мнѣ для этой работы. У него три помощника: г. Б., племянникъ извѣстнаго астронома Б., и два шведа — Иванъ Мартынычъ и Иванъ Веніаминычъ, добрые и привѣтливые люди.

8 іюля, передъ обѣдомъ, *Байкалъ* снялся съ якоря. Съ нами шли сотни три солдатъ подъ командой офицера и нѣсколько арестантовъ. Одного арестанта сопровождала пятилѣтняя дѣвочка, его дочь, которая, когда онъ поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочимъ, одна каторжная, обращавшая на себя вниманіе тѣмъ, что за нею добровольно слѣдовалъ на каторгу ея мужъ *). Кромѣ меня и офицера, было еще нѣсколько классныхъ пассажировъ обоего пола, и, между прочимъ, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилію интеллигенціи въ пустынѣ. По Амуру и въ Приморской области интеллигенція при небольшомъ вообще населеніи составляетъ высокій процентъ, и ея здѣсь относительно больше, чѣмъ въ любой русской губерніи. На Амурѣ есть городъ, гдѣ однихъ лишь генераловъ, военныхъ и гражданскихъ, насчитываютъ 16. Теперь ихъ тамъ, быть можетъ, еще больше.

---

*) На амурскихъ пароходахъ и *Байкалѣ* арестанты помѣщаются на палубѣ вмѣстѣ съ пассажирами III класса. Однажды, выйдя на разсвѣтѣ прогуляться на бакъ, я увидѣлъ умилительную картину: солдаты, женщины, дѣти, два китайца и арестанты въ кандалахъ крѣпко спали, прижавшись другъ къ другу; ихъ покрывала роса и было прохладно. Конвойный стоялъ среди этой кучи тѣлъ, держась обѣими руками за ружье, и тоже спалъ.

День былъ тихій и ясный. На палубѣ жарко, въ каютахъ душно; въ водѣ +18°. Такую погоду хоть Черному морю впору. На правомъ берегу горѣлъ лѣсъ; сплошная зеленая масса выбрасывала изъ себя багровое пламя; клубы дыма слились въ длинную, черную полосу надъ лѣсомъ и не идутъ дальше. Пожаръ громадный, но кругомъ тишина и спокойствіе, никому нѣтъ дѣла до того, что гибнетъ богатство. Очевидно, лѣса принадлежатъ здѣсь одному только Богу.

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, мы уже были у мыса Пронге. Тутъ кончается Азія и можно было бы сказать, что въ этомъ мѣстѣ Амуръ впадаетъ въ Великій океанъ, если бы поперекъ не стоялъ о. Сахалинъ. Передъ глазами широко разстилается Лиманъ, впереди чуть видна туманная полоса — это каторжный островъ; налѣво, теряясь въ собственныхъ извилинахъ, исчезаетъ во мглѣ берегъ, уходящій въ невѣдомый сѣверъ. Кажется, что тутъ конецъ свѣта и что дальше уже некуда плыть. Душой овладѣваетъ чувство, какое, вѣроятно, испытывалъ Одиссей, когда плавалъ по незнакомому морю и смутно предчувствовалъ встрѣчи съ необыкновенными существами. И въ самомъ дѣлѣ, справа, при самомъ поворотѣ въ Лиманъ, гдѣ на отмели пріютилась гиляцкая деревушка, на двухъ лодкахъ несутся къ намъ какія-то странныя существа, вопятъ на непонятномъ языкѣ и чѣмъ-то машутъ. Трудно понять, что у нихъ въ рукахъ, но когда они подплываютъ поближе, я различаю сѣрыхъ птицъ.

— Это они хотятъ продать намъ битыхъ гусей,—объясняетъ кто-то.

Поворачиваемъ направо. На всемъ нашемъ пути поставлены знаки, показывающіе фарватеръ. Командиръ не сходитъ съ мостика и механикъ не выходитъ изъ машины; *Байкалъ* начинаетъ идти все тише и тише и идетъ точно ощупью. Осторожность нужна большая, такъ какъ здѣсь не трудно сѣсть на мель. Пароходъ сидитъ 12½, мѣстами же ему приходится идти 14 фут., и былъ даже моментъ, когда намъ послышалось, какъ онъ проползъ килемъ по песку. Вотъ этотъ-то мелкій фарватеръ и особенная картина, какъ о даютъ вмѣстѣ Татарскій и Сахалинскій берега, послужили г. вною причиной тому, что Сахалинъ долго считали въ Европѣ п уостровомъ. Это очень интересное недоразумѣніе. Въ 1787 г., в іюнѣ, извѣстный французскій мореплаватель, графъ Лаперузъ, в садился на западномъ берегу Сахалина, выше 48°, и говорилъ тутъ с туземцами. Судя по описанію, которое онъ оставилъ, на берегу з алъ онъ не однихъ только жившихъ здѣсь тайно, но и пріѣхав-

шихъ къ нимъ торговать гиляковъ, людей бывалыхъ, хорошо знакомыхъ и съ Сахалиномъ, и съ Татарскимъ берегомъ. Чертя на пескѣ, они объяснили ему, что земля, на которой они живутъ, есть островъ и что островъ этотъ отдѣляется отъ материка и Іессо (Японіи) проливами *). Затѣмъ, плывя дальше на сѣверъ вдоль западнаго берега, онъ разсчитывалъ, что найдетъ выходъ изъ Сѣверо-Японскаго моря въ Охотское и тѣмъ значительно сократитъ свой путь въ Камчатку, но чѣмъ выше подвигался онъ, тѣмъ проливъ становился все мельче и мельче. Глубина уменьшалась черезъ каждую милю на одну сажень. Плылъ онъ къ сѣверу до тѣхъ поръ, пока ему позволяли размѣры его корабля, и, дойдя до глубины 9 саженъ, остановился. Постепенное равномѣрное повышеніе дна и то, что въ проливѣ теченіе было почти незамѣтно, привели его къ убѣжденію, что онъ находится не въ проливѣ, а въ заливѣ и что, стало быть, Сахалинъ соединенъ съ материкомъ перешейкомъ. Въ де-Кастри у него еще разъ происходило совѣщаніе съ гиляками. Когда онъ начертилъ имъ на бумагѣ островъ, отдѣленный отъ материка, то одинъ изъ нихъ взялъ у него карандашъ и, проведя черезъ проливъ черту, пояснилъ, что черезъ этотъ перешеекъ гилякамъ приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на немъ даже ростетъ трава, — такъ понялъ Лаперузъ. Это еще крѣпче убѣдило его, что Сахалинъ — полуостровъ **).

Девятью годами позже его въ Татарскомъ проливѣ былъ англичанинъ В. Браутонъ (Broughton). Судно у него было небольшое, сидѣвшее въ водѣ не глубже 9 фут., такъ что ему удалось пройти нѣсколько выше Лаперуза. Остановившись на глубинѣ двухъ саженъ, онъ послалъ къ сѣверу для промѣра своего помощника; этотъ на пути своемъ встрѣчалъ среди мелей глубины, но онѣ постепенно уменьшались и приводили его то къ сахалинскому берегу, то къ низменнымъ песчанымъ берегамъ другой стороны, и при этомъ получалась такая картина, какъ будто оба берега сливались; казалось, заливъ оканчивался здѣсь и никакого прохода не было. Такимъ образомъ, и Браутонъ долженъ былъ заключить то же самое, что Лаперузъ.

---

*) Лаперузъ пишетъ, что свой островъ они называли Чоко, но, вѣроятно, названіе это гиляки относили къ чему-нибудь другому, и онъ ихъ не понялъ. На картѣ нашего Крашенинникова (1752 г.) на западномъ берегу Сахалина показана рѣка Чуха. Не имѣетъ ли эта Чуха чего-нибудь общаго съ Чоко? Кстати сказать, Лаперузъ пишетъ, что, рисуя островъ и называя его Чоко, гилякъ нарисовалъ и рѣчку. Чоко переводится словомъ — мы.

**) Тутъ кстати привести одно наблюденіе Невельского: туземцы проводятъ обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что отъ берега къ берегу можно проплыть на лодкѣ, т.-е. что существуетъ между берегами проливъ.

Нашъ знаменитый Крузенштернъ, изслѣдовавшій берега острова въ 1805 г., впалъ въ ту же ошибку. Плылъ онъ къ Сахалину уже съ предвзятою мыслью, такъ какъ пользовался картою Лаперуза. Онъ прошелъ вдоль восточнаго берега и, обогнувъ сѣверные мысы Сахалина, вступилъ въ самый проливъ, держась направленія съ сѣвера на югъ, и, казалось, былъ уже совсѣмъ близокъ къ разрѣшенію загадки, но постепенное уменьшеніе глубины до $3^1/_2$ саженъ, удѣльный вѣсъ воды, а, главное, предвзятая мысль заставили и его признать существованіе перешейка, котораго онъ не видѣлъ. Но его, все-таки, точилъ червь сомнѣнія. «Весьма вѣроятно,—пишетъ онъ,—что Сахалинъ былъ нѣкогда, а можетъ быть еще въ недавнія времена, островомъ». Возвращался онъ назадъ, повидимому, съ неспокойною душой: когда въ Китаѣ впервые попались ему на глаза записки Браутона, то онъ «обрадовался не мало» *).

То обстоятельство, что трое серьезныхъ изслѣдователей, точно сговорившись, повторили одну и ту же ошибку, говоритъ уже само за себя. Если они не открыли входа въ Амуръ, то потому, что имѣли въ своемъ распоряженіи самыя скудныя средства для изслѣдованія, а, главное, потому, что, какъ геніальные люди, подозрѣвали и почти угадывали другую правду и должны были считаться съ ней. Что перешеекъ и полуостровъ Сахалинъ—не миѳы, а существовали когда-то на самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже доказано.

Ошибка была исправлена въ 1849 г. Невельскимъ. Авторитетъ его предшественниковъ, однако, былъ еще такъ великъ, что когда онъ донесъ о своихъ открытіяхъ въ Петербургъ, то ему не повѣрили, сочли его поступокъ дерзкимъ и подлежащимъ наказанію и «заключили» его разжаловать, и неизвѣстно, къ чему бы еще повела мудрость его судей, если бы не заступничество самого государя, который нашелъ его поступокъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ **). Это былъ энергическій, горячаго темперамента человѣкъ, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, и, притомъ, до такой степени чистый нравственно, что одинъ изъ знавшихъ его пишетъ, что «болѣе честнаго человѣка мнѣ не случалось

*) Обстоятельная исторія изслѣдованія Сахалина имѣется въ книгѣ А. М. Никаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ*. Въ этой же гѣ можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся къ алину.

**) Подробности въ его книгѣ: *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайостокѣ Россіи. 1849—1855 гг.*

встрѣчать». На восточномъ побережьи и на Сахалинѣ онъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру въ какія-нибудь пять лѣтъ, но потерялъ дочь, которая умерла отъ голода, и самъ состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина», переносившая всѣ лишенія геройски. Вообще жизнь и дѣятельность Невельского, его семьи и сподвижниковъ—это житіе святыхъ *). Чтобы покончить съ вопросомъ о перешейкѣ и полуостровѣ, считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя подробности. Въ 1710 г. пекинскими миссіонерами, по порученію китайскаго императора, была начертана карта Татаріи; при составленіе ея миссіонеры пользовались японскими картами: это очевидно, такъ какъ въ то время о проходимости Лаперузова и Татарскаго проливовъ могло быть извѣстно только японцамъ. Она была прислана во Францію и стала извѣстною, потому что вошла въ атласъ географа д'Анвилля **). Эта карта послужила поводомъ къ небольшому недоразумѣнію, которому Сахалинъ обязанъ своимъ названіемъ. У западнаго берега Сахалина, какъ разъ противъ устья Амура, на картѣ есть надпись, сдѣланная миссіонерами: «Saghalien-

*) Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ѣхала изъ Россіи къ мужу, сдѣлала верхомъ 1100 верстъ въ 23 дня, будучи больною, по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ и ледникамъ охотскаго тракта. Самый даровитый сподвижникъ Невельского, Н. К. Бошнякъ, открывшій Императорскую гавань, когда ему было еще только 20 лѣтъ, „мечтатель и дитя“,—такъ называетъ его одинъ изъ сослуживцевъ,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „На транспортѣ „Байкалъ“ мы всѣ вмѣстѣ перешли въ Аянъ и тамъ пересѣли на слабый баркъ „Шелеховъ“. Когда баркъ сталъ тонуть, никто не могъ уговорить г-жу Невельскую первую съѣхать на берегъ. „Командиръ и офицеры съѣзжаютъ послѣдними,—говорила она,—и я съѣду съ барки тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на суднѣ“. Такъ она и поступила. Между тѣмъ, баркъ уже лежалъ на боку“... Дальше Бошнякъ пишетъ, что, часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, онъ съ товарищами не слыхалъ ни одной жалобы или упрека,—напротивъ, всегда замѣчалось въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначило ей Провидѣніе. Она проводила зиму обыкновенно одна, такъ такъ мужчины были въ командировкахъ, въ комнатахъ съ 5° тепла. Когда въ 1852 г. изъ Камчатки не пришло суда съ провіантомъ, то всѣ находились въ болѣе чѣмъ отчаянномъ положеніи. Для грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пищи и нѣсколько человѣкъ умерло отъ цынги. Невельская отдала свою единственную корову во все общее распоряженіе; все, что было свѣжаго, поступало въ общую пользу. Обращалась она съ туземцами просто и съ такимъ вниманіемъ, что это замѣчалось даже неотесанными дикарями. А ей было тогда только 19 лѣтъ (*Лейт. Бошнякъ*: „Экспедиція въ Приамурскомъ краѣ“, *Морской Сборникъ* 1859, II). Объ ея трогательномъ обращеніи с гиляками упоминаетъ и ея мужъ въ своихъ запискахъ. „Екатерина Ивановна, — пишетъ онъ,—усаживала ихъ (гиляковъ) въ кружокъ на полъ, около большой чашки с кашей или чаемъ, въ единственной бывшей во флигелѣ у насъ комнатѣ, служившей и заломъ, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобнымъ угощеніемъ, весьм часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ“.

**) *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartaire, Chinoise et de Thibet.* 1737.

anga-hata», что по-монгольски значитъ «скалы черной рѣки». Это названіе относилось, вѣроятно, къ какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франціи же поняли иначе и отнесли къ самому острову. Отсюда и названіе Сахалинъ, удержанное Крузенштерномъ и для русскихъ картъ. У японцевъ Сахалинъ называли Карафто или Карафту, что значитъ китайскій островъ.

Работы японцевъ попадали въ Европу или слишкомъ поздно, когда въ нихъ уже не нуждались, или же подвергались неудачнымъ поправкамъ. Къ картамъ людей, которые ходятъ въ юбкахъ, европейцы относились съ пренебреженіемъ. На картѣ миссіонеровъ Сахалинъ имѣлъ видъ острова, но д'Анвилль отнесся къ ней съ недовѣріемъ и положилъ между островомъ и материкомъ перешеекъ. Японцы первые стали изслѣдовать Сахалинъ, начиная съ 1613 г., но въ Европѣ придавали этому такъ мало значенія, что когда впослѣдствіи русскіе и японцы рѣшали вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сахалинъ, то о правѣ перваго изслѣдованія говорили и писали только одни русскіе *).

Край еще молодой, пустынный, но исторія, какъ можете судить по краткимъ отрывкамъ, уже богатая. Труда и подвижничества въ прошломъ было много, но это еще только начало, и въ будущемъ предстоитъ не мало хорошей и интересной работы. Между прочимъ, давно уже на очереди новое, тщательное изслѣдованіе береговъ Татаріи и Сахалина. Теперешнія карты неудовлетворительны, что видно хотя бы изъ того, что суда, военныя и коммерческія, садятся на мель и на камни гораздо чаще, чѣмъ объ этомъ пишутъ въ газетахъ. Благодаря, главнымъ образомъ, плохимъ картамъ, командиры судовъ здѣсь очень осторожны, мнительны и нервны. Командиръ *Байкала*, г. Л., тоже очень остороженъ, несмотря на свой громадный опытъ. Онъ не довѣряетъ оффиціальной картѣ и смотритъ въ свою собственную, которую самъ чертитъ и исправляетъ во время плаванія.

Изъ осторожности же г. Л. не рѣшился плыть ночью и мы послѣ захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самомъ мысу, на берегу стоитъ одиноко избушка, въ которой живетъ морской офицеръ [illegible]., ставящій знаки на фарватерѣ и имѣющій надзоръ за ними, а

---

*) Японецъ, землемѣръ Мамія Ринзо, въ 1808 г. путешествуя въ лодкѣ вдоль нашего берега, побывалъ на Татарскомъ берегу у самаго устья Амура и не разъ ѣздилъ съ острова на материкъ и обратно. Онъ первый доказалъ, что Сахалинъ [illegible]въ. Нашъ натуралистъ Ф. Шмидтъ отзывается съ большою похвалой объ его [illegible]находя, что она „особенно замѣчательна, такъ какъ, очевидно, основана на [illegible]оятельныхъ съемкахъ".

за избушкой непроходимая, дремучая тайга. Командиръ послалъ г. Б. свѣжаго мяса; я воспользовался этимъ случаемъ и поплылъ на шлюпкѣ къ берегу. Вмѣсто пристани, куча большихъ скользкихъ камней, по которымъ пришлось прыгать, а на гору къ избѣ ведетъ рядъ ступеней изъ бревнушекъ, врытыхъ въ землю почти отвѣсно, такъ что поднимаясь надо крѣпко держаться руками. Но какой ужасъ! Пока я взбирался на гору и подходилъ къ избѣ, меня окружали тучи комаровъ, буквально тучи, потому что отъ нихъ было темно, лицо и руки мои жгло и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здѣсь остаться ночевать подъ открытымъ небомъ, не окруживъ себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мѣрѣ, сойти съ ума.

Изба раздѣляется сѣнями на двѣ половины: налѣво живутъ матросы, направо—офицеръ съ семьей. Хозяина дома не было. Я засталъ изящно одѣтую, интеллигентную даму, его жену, и двухъ дочерей, маленькихъ дѣвочекъ, искусанныхъ комарами. Въ комнатахъ всѣ стѣны покрыты еловою зеленью, окна затянуты марлей, пахнетъ дымомъ, но комары, несмотря ни на что, все-таки, есть и жалятъ бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ комнатѣ обстановка не богатая, лагерная, но въ убранствѣ чувствуется что-то милое, вкусное. На стѣнѣ висятъ этюды и, между прочимъ, женская головка, набросанная карандашомъ. Оказывается, что г. Б.—художникъ.

— Хорошо ли вамъ тутъ живется?—спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вотъ только комары.

Свѣжему мясу она не обрадовалась; по ея словамъ, она и дѣти давно уже привыкли къ солонинѣ и свѣжаго мяса не любятъ.

— Впрочемъ, вчера варили форелей,—добавила она.

Провожалъ меня до шлюпки угрюмый матросъ, который, какъ будто догадавшись, о чемъ мнѣ хочется спросить его, вздохнулъ и сказалъ:

— По доброй волѣ сюда не заѣдешь!

На другой день рано утромъ пошли дальше при совершенно тихой и теплой погодѣ. Татарскій берегъ гористъ и изобилуетъ пиками, т.-е. острыми, коническими вершинами. Онъ слегка подернутъ синеватою мглой: это—дымъ отъ далекихъ лѣсныхъ пожаровъ, который здѣсь, какъ говорятъ, бываетъ иногда такъ густъ, что становится опасенъ для моряковъ не меньше, чѣмъ туманъ. Если бы птица летѣла на-прямикъ съ моря черезъ горы, то, навѣрное, не встрѣтила бы ни одного жилья, ни одной живой души на разстояніи пятисотъ верстъ и больше... Берегъ весело зеленѣетъ на солнцѣ и, по-моему, прекрасно обходится безъ человѣка. Въ шесть часовъ ли

въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видѣли оба берега, въ восемь проходили мимо Шапки Невельского: такъ называется гора съ бугромъ на вершинѣ, похожимъ на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслажденіе, которое я испытывалъ, усиливалось еще отъ гордаго сознанія, что я вижу эти берега, которые дома представлялись мнѣ въ воображеніи сказочными.

Во второмъ часу вошли въ бухту де-Кастри. Это единственное мѣсто, гдѣ могутъ во время бури укрываться суда, плавающія по проливу, и не будь ея, судоходство у сахалинскихъ береговъ, которые сплошь негостепріимны, было бы немыслимо *). Даже есть такое выраженіе: «удирать въ де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу. Это круглый прудъ, версты три въ діаметрѣ, съ высокими берегами, защищающими его отъ вѣтровъ, и съ неширокимъ выходомъ въ море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но это только кажется, такъ какъ она бываетъ покрыта льдомъ семь мѣсяцевъ въ году, мало защищена отъ восточнаго вѣтра и такъ мелка, что пароходы бросаютъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Выходъ въ море сторожатъ три острова, или, вѣрнѣе, рифа, придающіе бухтѣ своеобразную красоту; одинъ изъ нихъ названъ Устричнымъ въ честь очень крупныхъ и жирныхъ устрицъ, которыя водятся на его подводной части.

На берегу нѣсколько домиковъ и церковь. Это Александровскій постъ. Тутъ живутъ начальникъ поста, его дѣлопроизводитель и телеграфисты; одинъ мѣстный чиновникъ, пріѣзжавшій къ намъ на пароходъ обѣдать, скучный и скучающій господинъ, много говорилъ за обѣдомъ, много пилъ и разсказалъ намъ старый анекдотъ про гусей, которые, наѣвшись ягодъ изъ-подъ наливки и опьянѣвши, были приняты за мертвыхъ, ощипаны и выброшены вонъ, и потомъ, проспавшись, голые вернулись домой; при этомъ чиновникъ побожился, что исторія съ гусями происходила въ де-Кастри въ его собственномъ дворѣ. Священника при церкви нѣтъ и онъ, когда нужно, пріѣзжаетъ изъ Маріинска. Хорошая погода бываетъ здѣсь очень рѣдко, также какъ въ Николаевскѣ. Говорятъ, что весною этого года здѣсь работала промѣрная экспедиція и во весь май было только три солнечныхъ дня. Извольте работать безъ солнца!

На рейдѣ мы застали военныя суда *Бобръ* и *Тунгусъ* и двѣ шлюпки. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили

*) О значеніи этой бухты въ настоящемъ и будущемъ см. *К. Скальковскаго*: „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ“, стр. 75.

якорь, какъ потемнѣло небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвѣтъ. *Байкалу* предстояло выгрузить четыре тысячи пудовъ казеннаго груза, и потому остались въ де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механикъ удили съ палубы рыбу и намъ попадались очень крупные, толстоголовые бычки, какихъ мнѣ не приходилось ловить ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ. Попадалась и камбала.

Выгружаютъ здѣсь пароходы всегда томительно долго, съ раздраженіемъ и порчей крови. Впрочемъ, это горькая участь всѣхъ нашихъ восточныхъ портовъ. Въ де-Кастри выгружаютъ на небольшія баржи-шаланды, которыя могутъ приставать къ берегу только во время прилива и часто нагруженныя садятся на мель; случается, что, благодаря этому, пароходъ простаиваетъ изъ-за какой-нибудь сотни мѣшковъ муки весь промежутокъ времени между отливомъ и приливомъ. Въ Николаевскѣ безпорядковъ еще больше, благодаря участію въ нагрузкѣ и выгрузкѣ буксирнаго парохода. Стоя на палубѣ *Байкала*, я видѣлъ однажды, какъ буксирный пароходъ, тащившій большую баржу съ двумя сотнями солдатъ, утерялъ свой буксирный канатъ, и баржу понесло теченіемъ по рейду; она благополучно миновала *Байкалъ* и пошла прямо на якорную цѣпь парусnаго судна, стоявшаго недалеко отъ насъ. Мы съ замираніемъ сердца ждали, что вотъ еще одинъ моментъ и баржа будетъ перерѣзана цѣпью, но, къ счастью, добрые люди во-время перехватили канатъ, и солдаты отдѣлались однимъ только испугомъ.

II.

Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ.—Пожаръ.—Пристань.—В слободкѣ.—Обѣдъ у г. Л.—Знакомства.—Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генералъ-губернатора.—Обѣдъ и иллюминація.

Сахалинъ лежитъ въ Охотскомъ морѣ, загораживая собою отъ океана почти тысячу верстъ восточнаго берега Сибири и входъ въ устье Амура. Онъ имѣетъ форму, удлиненную съ сѣвера на югъ, и фигурою, по мнѣнію одного изъ авторовъ, напоминаетъ стерлядь. Географическое положеніе его опредѣляется такъ: отъ 45° 54′ до 54° 53′ с. ш. и отъ 141° 40′ до 144° 53′ в. д. Сѣверная часть Сахалина, черезъ которую проходитъ линія вѣчно промерзлой почвы по своему положенію соотвѣтствуетъ Рязанской губ., а южная—Крыму. Длина острова 900 верстъ; наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстамъ. Онъ вдвое больше Греціи и въ полтора раза больше Даніи.

Прежнее дѣленіе его на сѣверный, средній и южный неудобно

въ практическомъ отношеніи и теперь дѣлятъ только на сѣверный и южный. Верхняя треть острова по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ совершенно непригодна для поселенія и потому въ счетъ не идетъ; средняя треть называется Сѣвернымъ Сахалиномъ, а нижняя—Южнымъ; строго опредѣленной границы между двумя послѣдними не существуетъ. Ссыльные въ настоящее время живутъ въ Сѣверномъ, по рѣкѣ Дуйкѣ и по рѣкѣ Тыми; Дуйка впадаетъ въ Татарскій проливъ, а Тымь въ—Охотское море, и обѣ рѣки на картѣ встрѣчаются своими верховьями. Живутъ также и по западному побережью на небольшомъ пространствѣ вверхъ и внизъ отъ устья Дуйки. Въ административномъ отношеніи Сѣверный Сахалинъ дѣлится на два округа: Александровскій и Тымовскій.

Переночевавши въ де-Кастри, мы на другой день, 10 іюля, въ полдень пошли поперекъ Татарскаго пролива къ устью Дуйки, гдѣ находится столица Сахалина, Александровскій постъ. Погода и въ этотъ разъ была тихая, ясная, какая здѣсь бываетъ очень рѣдко. По совершенно гладкому морю, пуская вверхъ фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрѣлище развлекало насъ на всемъ пути. Но настроеніе духа, признаюсь, было невеселое, и чѣмъ ближе къ Сахалину, тѣмъ хуже. Я былъ непокоенъ. Офицеръ, сопровождавшій солдатъ, узнавъ, за чѣмъ я ѣду на Сахалинъ, очень удивился и сталъ увѣрять меня, что я не имѣю никакого права подходить близко къ каторгѣ и колоніи, такъ какъ я не состою на государственной службѣ. Конечно, я зналъ, что онъ неправъ, но, все-таки, отъ словъ его становилось мнѣ жутко. Я боялся, что и на Сахалинѣ я встрѣчу точно такой же взглядъ, и пожалѣлъ, что я не чиновникъ.

Когда въ девятомъ часу бросали якорь, на берегу въ пяти мѣстахъ большими кострами горѣла сахалинская тайга. Сквозь потемки и дымъ, стлавшійся по морю, я не видѣлъ пристани и построекъ и могъ только разглядѣть тусклые постовые огоньки, изъ которыхъ два были красные. Страшная картина, грубо скроенная изъ потемокъ, силуэтовъ горъ, дыма, пламени и огненныхъ искръ, казалась фантастическою. На лѣвомъ планѣ горятъ чудовищные костры, выше нихъ — горы, изъ-за горъ поднимается высоко къ не багровое зарево отъ дальнихъ пожаровъ; похоже, какъ будто го[illegible]ъ весь Сахалинъ; вправо темною тяжелою массой выдается въ мо мысъ Жонкьеръ, похожій на крымскій Аю-Дагъ; на вершинѣ ег[illegible]рко свѣтится маякъ, а внизу въ водѣ, между нами и берегомъ, ст[illegible]ъ три остроконечныхъ рифа—«Три брата». И все въ дыму, ка[illegible]ъ аду.

Къ пароходу подошелъ катеръ, таща за собою на буксирѣ бар
жу. Это привезли каторжныхъ для разгрузки парохода. Слышались
татарскій говоръ и брань.

— Не пускать ихъ на пароходъ!—раздался крикъ съ борта.—
Не пускать! Они ночью весь пароходъ обокрадутъ!

— Тутъ въ Александровскѣ еще ничего,— сказалъ мнѣ механ
никъ, замѣтивъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня бе
регъ,—а вотъ вы увидите Дуэ! Тамъ берегъ совсѣмъ отвѣсный, с
темными ущельями и съ угольными пластами... мрачный берегъ
Бывало, мы возили на *Байкалъ* въ Дуэ по 200—300 каторжныхъ
такъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ при взглядѣ на берегъ пла
кали.

— Не они, а мы тутъ каторжные,—сказалъ съ раздраженіемъ
командиръ.—Теперь здѣсь тихо, но посмотрѣли бы вы осенью: вѣ
теръ, пурга, холодъ, волны валяютъ черезъ бортъ, — хоть про
падай!

Съ берега на катерѣ пріѣхалъ окружной начальникъ. Сказавши
съ нимъ нѣсколько словъ, я по выраженію его лица и по тону мог
понять, что мое имя было ему до сихъ поръ совершенно неизвѣст
но; стало быть, изъ Петербуга не дали сюда знать о моемъ пріѣз
дѣ, хотя и обѣщали мнѣ это. А со мною не было ни одного письма
ни одной карточки. Окружной начальникъ не пригласилъ меня съѣ
хать на берегъ и на вопросъ мой, гдѣ я могу переночевать, отвѣ
тилъ что-то крайне неопредѣленное. Я смалодушествовалъ и остал
ся ночевать у себя въ каютѣ, хотя командиръ и его помощникъ
пугали меня, что если ночью подуетъ вѣтеръ, что очень вѣроятно
то они снимутся съ якоря и увезутъ меня далеко отъ Сахалина.

Рано утромъ, часовъ въ пять, меня шумно разбудили: «Скорѣе
скорѣе! Катеръ въ послѣдній разъ уходитъ къ берегу! Сейчасъ сни
маемся!» Черезъ минуту я уже сидѣлъ въ катерѣ, а рядомъ со мно
молодой чиновникъ съ сердитымъ заспаннымъ лицомъ. Катеръ за
свистѣлъ и мы пошли къ берегу, таща за собой двѣ баржи съ ка
торжными. Изможденные ночною работой и безсонницей, арестанты
были вялы и угрюмы и хранили глубокое молчаніе. Лица ихъ были
покрыты росой. Мнѣ припоминается теперь нѣсколько кавказцевъ
съ рѣзкими чертами и въ мѣховыхъ шапкахъ, надвинутыхъ до
бровей.

— Позвольте познакомиться,—сказалъ мнѣ чиновникъ,—кол
лежскій регистраторъ Д.

Это былъ мой первый сахалинскій знакомый, поэтъ, авторъ об
личительнаго стихотворенія *Сахалинд*, которое начиналось такъ

«Скажи-ка, докторъ, вѣдь, не даромъ...» Потомъ онъ часто бывалъ у меня и гулялъ со мной по Александровску и его окрестностямъ, разсказывая мнѣ анекдоты или безъ конца читая стихи собственнаго сочиненія. Въ длинныя зимнія ночи онъ пишетъ либеральныя повѣсти, но при случаѣ любитъ дать понять, что онъ коллежскій регистраторъ и занимаетъ должность X класса; когда одна каторжная баба, придя къ нему по дѣлу, назвала его господиномъ Д., то онъ обидѣлся и сердито крикнулъ ей: «Я тебѣ не господинъ Д., а ваше благородіе!» По пути къ берегу я разспрашивалъ его насчетъ сахалинской жизни, какъ и что, а онъ зловѣще вздыхалъ и говорилъ: «А вотъ вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и такъ пугало воображеніе, теперь утопало въ блескѣ ранняго утра; толстый, неуклюжій Жонкьеръ съ маякомъ, «Три брата» и высокіе крутые берега, которые видны на десятки верстъ по обѣ стороны, прозрачный туманъ на горахъ и дымъ отъ пожара давали при блескѣ солнца и моря картину недурную.

Гавани здѣсь нѣтъ и берега опасны, о чемъ внушительно свидѣтельствуетъ шведскій пароходъ *Atlas*, потерпѣвшій крушеніе незадолго до моего пріѣзда и лежавшій теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно въ верстѣ отъ берега и рѣдко ближе. Пристань есть, но только для катеровъ и баржъ. Это большой, въ нѣсколько саженъ срубъ, выдающійся въ море въ видѣ буквы Т; толстыя лиственичныя сваи, крѣпко вбитыя въ дно морское, образуютъ ящики, которые до верху наполнены камнями; настилка изъ досокъ, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонетокъ. На широкомъ концѣ Т стоитъ хорошенькій домикъ—контора пристани и тутъ же высокая черная мачта. Сооруженіе солидное, но не долговѣчное; во время хорошаго шторма, какъ говорятъ, волна иногда хватаетъ до оконъ домика и брызги долетаютъ даже до мачтовой реи, причемъ дрожитъ вся пристань.

Возлѣ пристани по берегу, повидимому, безъ дѣла, бродило съ полсотни каторжныхъ: одни въ халатахъ, другіе въ курткахъ или пиджакахъ изъ сѣраго сукна. При моемъ появленіи вся полсотня сняла шапки,—такой чести до сихъ поръ, вѣроятно, не удостоивался здѣсь ни одинъ литераторъ. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная въ безрессорную линейку. Каторжные взвалили мой багажъ на линейку, человѣкъ съ черною бородой, въ пиджакѣ и въ рубахѣ на выпускъ, сѣлъ на козлы. Мы поѣхали.

Куда прикажете, ваше высокоблагородіе?— спросилъ онъ, оборачиваясь и снимая шапку.

Я спросилъ, не отдается ли тутъ гдѣ-нибудь внаймы квартира хотя бы въ одну комнату.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отдается.

Двѣ версты отъ пристани до Александровскаго поста я ѣхал по превосходному шоссе. Въ сравненіи съ сибирскими дорогами эт чистенькое, гладкое шоссе съ канавами и фонарями кажется прост роскошью. Рядомъ съ нимъ проложена рельсовая дорога. Но приро да по пути поражаетъ своею бѣдностью. Вверху на горахъ и хол махъ, окружающихъ Александровскую долину, по которой прот каетъ Дуйка, обгорѣлые пни или торчатъ, какъ иглы дикобраз стволы лиственицъ, высушенныхъ вѣтромъ и пожарами, а вниз по долинѣ кочки и кислые злаки—остатки недавно бывшаго здѣс непроходимаго болота. Свѣжій разрѣзъ земли въ канавахъ обнаж етъ во всемъ ея убожествѣ болотную перегорѣлую почву съ пол вершковымъ слоемъ плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, н клена,—одна только лиственица, тощая, жалкая, точно огрызе ная, которая служитъ здѣсь не украшеніемъ лѣсовъ и парков какъ у насъ въ Россіи, а признакомъ дурной болотистой почвы суроваго климата.

Александровскій постъ или, короче, Александровскъ предста ляетъ изъ себя небольшой благообразный городокъ сибирскаго т па, тысячи на три жителей. Въ немъ нѣтъ ни одной каменной п стройки, а все сдѣлано изъ дерева, главнымъ образомъ, изъ лис веницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здѣсь резиденція нача ника острова, центръ сахалинской цивилизаціи. Тюрьма находит близъ главной улицы, но по внѣшнему виду она мало отличает отъ военной казармы, и потому Александровскъ совсѣмъ не носи того мрачнаго острожнаго характера, какой я ожидалъ встрѣтит

Возница привезъ меня въ Александровскую слободу, составля щую предмѣстье поста, къ крестьянину изъ ссыльныхъ П. М показали квартиру. Небольшой дворикъ, мощеный по-сибир бревнами, кругомъ навѣсы; въ домѣ пять просторныхъ, чисть комнатъ, кухня, но ни слѣда мебели. Хозяйка, молодая бабен принесла столъ, потомъ минутъ черезъ пять табуретъ.

— Эта квартира у насъ ходила съ дровами 22 рубля, а б дровъ 15,—сказала она.

А когда, часъ спустя, вносила самоваръ, сказала со вздохо

— Заѣхали въ эту пропасть!

Она дѣвушкой пришла сюда съ матерью за отцомъ-каторжны который до сихъ поръ еще не отбылъ своего срока; теперь она мужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ, мрачнымъ старико

котораго я мелькомъ видѣлъ, проходя по двору; онъ былъ болѣнъ чѣмъ-то, лежалъ на дворѣ подъ навѣсомъ и кряхтѣлъ.

— Теперь у насъ въ Тамбовской губерніи, чай, жнутъ,—сказала хозяйка,—а тутъ глаза бы мои не глядѣли.

И въ самомъ дѣлѣ не интересно глядѣть: въ окно видны грядки съ капустною разсадой, около нихъ безобразныя канавы, вдали маячитъ тощая, засыхающая лиственица. Охая и держась за бока, вошелъ хозяинъ и сталъ мнѣ жаловаться на неурожаи, холодный климатъ, нехорошую землю. Онъ благополучно отбылъ каторгу и поселеніе, имѣлъ теперь два дома, лошадей и коровъ, держалъ много работниковъ и самъ ничего не дѣлалъ, былъ женатъ на молоденькой, а, главное, давно уже имѣлъ право переселиться на материкъ—и, все-таки, жаловался.

— Вы говорите—неурожаи,—сказалъ я хозяйкѣ,—но, вѣдь, у васъ два дома, скотъ, сѣнокосъ... Чѣмъ же вы нажили?

— Хлѣбопашествомъ здѣсь не наживешь, — отвѣтилъ за нее хозяинъ.

— Чѣмъ же?

— Я вамъ скажу предлогъ, ваше высокоблагородіе,— сказала хозяйка, не отвѣчая на мой вопросъ. — Сейчасъ съ покоса придутъ люди и будутъ шумѣть. Вамъ жить тутъ будетъ безпокойно.

Ей хотѣлось выпроводить меня. Я обѣщалъ ей сегодня же найти себѣ другую квартиру, и она успокоилась. Было еще рано, часовъ семь. Чѣмъ заняться? Куда идти? Мысль, что мнѣ не миновать идти по начальству, томила меня, какъ узрызеніе совѣсти.

«Какъ бы то ни было, я, все-таки, уже на Сахалинѣ»,—подумалъ я и легъ спать.

Въ полдень я отправился искать себѣ квартиру. На краю слободки стоитъ хорошенькій домикъ съ палисадникомъ и съ мѣдною дощечкой на дверяхъ, а возлѣ домика въ одномъ съ нимъ дворѣ лавочка. Я зашелъ купить себѣ чего-нибудь поѣсть. «Торговое дѣло» или «Торгово-коммиссіонный складъ»,—такъ называется эта скромная лавочка въ сохранившихся у меня печатномъ и рукописномъ прейсъ-курантахъ,— принадлежитъ ссыльно-поселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лѣтъ 12 назадъ петербургскимъ окружнымъ судомъ за убійство. Онъ уже отбылъ каторгу и занимается теперь торговлей, исполняетъ также разныя поручения по дорожной и инымъ частямъ, получая за это жалованье отъ [illegible]наго надзирателя. Жена его свободная, изъ дворянокъ, служитъ фельдшерицей въ тюремной больницѣ. Въ лавочкѣ продаются и за лавочки къ погонамъ, и рахатъ-лукумъ, и пилы поперечныя,

и серпы, и «шляпы дамскія, лѣтнія, самыя модныя, лучшихъ ф
сонов отъ 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку», но, вѣроятно, торгует
Л. плохо, такъ какъ продаетъ онъ не то, что нужно. Пока я ра
говаривалъ съ прикащикомъ, въ лавочку вошелъ самъ хозяинъ
шелковой жакеткѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Мы познакомились.

— Не будете ли добры отобѣдать у меня?—предложилъ онъ.

Я согласился и мы пошли въ домъ. Обстановка у него комфо
табельная. Вѣнская мебель, цвѣты, американскій аристонъ и гн
тое кресло, на которомъ Л. качается послѣ обѣда. Кромѣ хозяйк
я засталъ въ столовой еще четырехъ гостей, чиновниковъ. Оди
изъ нихъ, старикъ безъ усовъ и съ сѣдыми баксенами, похож
лицомъ на драматурга Ибсена, оказался младшимъ врачомъ мѣс
наго лазарета, другой, тоже старикъ, отрекомендовался штаб
офицеромъ оренбургскаго козачьяго войска. Съ первыхъ же сло
этотъ офицеръ произвелъ на меня впечатлѣніе очень добраго ч
ловѣка и большого патріота. Онъ кротокъ и добродушно разс
дителенъ, но когда говорятъ о политикѣ, онъ выходитъ изъ се
и съ неподдѣльнымъ пафосомъ начинаетъ говорить о могущест
Россіи и съ презрѣніемъ о нѣмцахъ и англичанахъ, которы
отродясь не видѣлъ. Про него разсказываютъ, что когда он
идучи моремъ на Сахалинъ, захотѣлъ въ Сингапурѣ купить св
женѣ шелковый платокъ и ему предложили размѣнять русс
деньги на доллары, то онъ будто бы обидѣлся и сказалъ: «В
еще, стану я мѣнять наши православныя деньги на какія-то
опскія!» И платокъ не былъ купленъ.

За обѣдомъ подавали супъ, цыплятъ и мороженое. Был
вино.

— Когда приблизительно идетъ здѣсь послѣдній снѣгъ?
спросилъ я.

— Въ маѣ,—отвѣтилъ Л.

— Не правда, въ іюнѣ,—сказалъ докторъ, похожій на
сена.

— Я знаю поселенца,—сказалъ Л.,—у котораго кали
ская пшеница дала самъ 22.

И опять возраженіе со стороны доктора:

— Не правда. Ничего вашъ Сахалинъ не дастъ. Прок
земля.

— Позвольте, однако,—сказалъ одинъ изъ чиновников
въ 82 году пшеница уродилась самъ 40. Я это отлично зн

— Не вѣрьте,—сказалъ мнѣ докторъ.—Это они вамъ
втирають.

За обѣдомъ же была разсказана такая легенда: когда русскіе заняли островъ и затѣмъ стали обижать гиляковъ, то гиляцкій шаманъ проклялъ Сахалинъ и предсказалъ, что изъ него не выйдетъ никакого толку.

— Такъ оно и вышло,—вздохнулъ докторъ.

Послѣ обѣда Л. игралъ на аристонѣ. Докторъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и въ тотъ же день вечеромъ я поселился на главной улицѣ поста, въ одномъ изъ домовъ, ближайшихъ къ присутственнымъ мѣстамъ. Съ этого вечера началось мое посвященіе въ сахалинскія тайны. Докторъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до моего пріѣзда, во время медицинскаго осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумѣніе съ начальникомъ острова и что будто бы даже, въ концѣ-концовъ, генералъ замахнулся на него палкой; на другой же день онъ былъ уволенъ по прошенію, котораго не подавалъ. Докторъ показалъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ, написанныхъ имъ, какъ онъ говорилъ, въ защиту правды и изъ человѣколюбія. Это были копіи съ прошеній, жалобъ, рапортовъ и... доносовъ *).

— А генералу не понравится, что вы у меня остановились,— сказалъ докторъ и значительно подмигнулъ глазомъ.

На другой день я былъ съ визитомъ у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосугъ, генералъ принялъ меня чрезвычайно любезно и бесѣдовалъ со мною около часа. Онъ образованъ, начитанъ и, кромѣ того, обладаетъ большою практическою опытностью, такъ какъ до своего назначенія на Сахалинъ въ продолженіе 18 лѣтъ завѣдывалъ каторгой на Карѣ; онъ красиво говоритъ и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе человѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями. Я не могу забыть о томъ удовольствіи, какое доставляли мнѣ бесѣды съ нимъ, и какъ пріятно въ первое время поражала меня одна черта его характера, а именно постоянно высказываемое имъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ въ своей извѣстной книгѣ отзывается о немъ восторженно.

Узнавъ, что я намѣренъ пробыть на Сахалинѣ нѣсколько мѣсяцевъ, генералъ предупредилъ меня, что жить здѣсь тяжело и скучно.

— Отсюда всѣ бѣгутъ,—сказалъ онъ,—и каторжные, и по-

*) Вотъ образчикъ доноса по телеграфу: „Долгомъ совѣсти, семьсотъ двѣнадцатой статьи, томъ третій, поставленъ необходимость утрудить ваше—ство прибѣгнуть къ правосудія противъ безнаказанности за совершаемые N лихоимство, подлоги, [illegible]".

селенцы, и чиновники. Мнѣ еще не хочется бѣжать, но я уже чувствую утомленіе отъ мозговой работы, которой требуется здѣсь такъ много, благодаря, главнымъ образомъ, разбросанности дѣла.

Онъ обѣщалъ мнѣ полное содѣйствіе, но просилъ обождать: на Сахалинѣ готовились къ встрѣчѣ генералъ-губернатора и всѣ были заняты.

— А я радъ, что вы остановились у нашего врага,—сказалъ онъ, прощаясь со мной.—Вы будете знать наши слабыя стороны.

До пріѣзда генералъ-губернатора я жилъ въ Александровскѣ, въ квартирѣ доктора. Жизнь была несовсѣмъ обыкновенная, и теперь она представляется мнѣ точно во снѣ. Когда я просыпался утромъ, самые разнообразные звуки напоминали мнѣ, гдѣ я. Мимо открытыхъ оконъ по улицѣ не спѣша съ мѣрнымъ звономъ проходили кандальные; противъ нашей квартиры въ военной казармѣ солдаты-музыканты разучивали къ встрѣчѣ генералъ-губернатора свои марши, и при этомъ флейта играла изъ одной пьесы, тромбонъ изъ другой, фаготъ изъ третьей, и получался невообразимый хаосъ. А въ комнатахъ у насъ неугомонно свистали канарейки и мой хозяинъ докторъ ходилъ изъ угла въ уголъ и, перелистывая на ходу законы, мыслилъ вслухъ:

— Если на основаніи статьи такой-то я подамъ прошеніе туда-то и т. д.

Или же онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ садился писать какую-нибудь кляузу. Выйдешь на улицу, тутъ жарко. Жалуются даже на засуху и офицеры ходятъ въ кителяхъ, а это бываетъ не каждое лѣто. Движеніе на улицахъ здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, и это легко объяснить приготовленіями къ встрѣчѣ начальника края, главнымъ же образомъ преобладаніемъ въ здѣшнемъ населеніи рабочаго возраста, который большую часть дня проводитъ внѣ дома. Къ тому же, здѣсь на небольшомъ пространствѣ сгруппированы тюрьма болѣе, чѣмъ на тысячу, и военныя казармы на 500 человѣкъ. Спѣшно строятъ мостъ черезъ Дуйку, воздвигаютъ арки, чистятъ, красятъ, подметаютъ, маршируютъ. По улицамъ носятся тройки и пары съ колокольчиками,— это готовятъ для генералъ-губернатора лошадей. Такая спѣшка, что работаютъ даже въ праздники.

Вотъ по улицѣ, направляясь къ полицейскому управленію, идетъ толпа гиляковъ, здѣшнихъ аборигеновъ, и на нихъ сердито лаютъ смирныя сахалинскія дворняжки, которыя лаютъ почему-то на однихъ только гиляковъ. Вотъ другая группа: кандальные каторжные въ шапкахъ и безъ шапокъ, звеня цѣпями, тащатъ тяже-

лую тачку съ пескомъ, сзади къ тачкѣ цѣпляются мальчишки, по сторонамъ плетутся конвойные съ потными красными лицами и съ ружьями на плечахъ. Высыпавъ песокъ на площадкѣ передъ домомъ генерала, кандальные возвращаются тою же дорогой назадъ, и звонъ кандаловъ слышится непрерывно. Каторжный въ халатѣ съ бубновымъ тузомъ ходитъ изъ двора во дворъ и продаетъ ягоду голубику. Когда идешь по улицѣ, сидящіе встаютъ и всѣ встрѣчные снимаютъ шапки.

На первыхъ порахъ я испытывалъ смущеніе. Я не то, чтобы боялся каторжныхъ, но мнѣ было какъ-то не по себѣ и странно, что я вдругъ сталъ такъ близокъ къ нимъ. Каторжные и поселенцы, за немногими исключеніями, ходятъ по улицамъ свободно, безъ кандаловъ и безъ конвоя, и встрѣчаются вамъ на каждомъ шагу толпами и въ одиночку. Они у васъ во дворѣ и въ домѣ, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость въ первое время съ непривычки смущаетъ и приводитъ въ недоумѣніе. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тутъ каторжные съ топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнется и трахнетъ! Или придешь къ знакомому и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади въ это время стоитъ и ждетъ его слуга каторжный съ ножомъ въ рукахъ, которымъ онъ только что чистилъ въ кухнѣ картофель. Или, бывало, рано утромъ, часа въ четыре, просыпаешься отъ какого-то шороха, смотришь—къ постели на цыпочкахъ, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачѣмъ? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородіе». Но скоро я приглядѣлся и привыкъ. Привыкаютъ всѣ, даже женщины и дѣти. Здѣшнія дамы бываютъ совершенно покойны, когда отпускаютъ своихъ дѣтей гулять съ няньками безсрочно-каторжными.

Одинъ корреспондентъ пишетъ, что вначалѣ онъ трусилъ чуть не каждаго куста, а при встрѣчахъ на дорогѣ и тропинкахъ съ арестантомъ ощупывалъ подъ пальто револьверъ, потомъ успокоился, придя къ заключенію, что «каторга въ общемъ—стадо барановъ, трусливыхъ, лѣнивыхъ, полуголодныхъ и заискивающихъ». Чтобы думать, что русскіе арестанты не убиваютъ и не грабятъ встрѣчнаго только изъ трусости и лѣни, надо быть очень плохого мнѣнія о человѣкѣ вообще, или, вѣрнѣе, не знать человѣка.

Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ прибылъ на Сахалинъ 19 іюля, на военномъ суднѣ *Бобръ*. На площади между домомъ начальника острова и церковью онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, чиновниками и толпою поселенцевъ и каторжныхъ. Играла та самая музыка, о которой я только что го-

ворилъ. Благообразный старикъ, бывшій каторжн[illegible] разбогатѣвшій на Сахалинѣ, по фамиліи Потемкинъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія. На площади же стоялъ мой хозяинъ докторъ въ черномъ фракѣ и въ картузѣ и держалъ въ рукахъ прошеніе. Я въ первый разъ видѣлъ сахалинскую толпу и отъ меня не укрылась ея печальная особенность: она состояла изъ мужчинъ и женщинъ рабочаго возраста, были старики и дѣти, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, какъ будто возраста отъ 13 до 20 лѣтъ на Сахалинѣ вовсе не существуетъ. И я невольно задалъ себѣ вопросъ: не значитъ ли это, что молодежь, подростая, оставляетъ островъ при первой возможности?

На другой же день по пріѣздѣ генералъ-губернаторъ приступилъ къ осмотру тюремъ и поселеній. Всюду поселенцы, ожидавшіе его съ большимъ нетерпѣніемъ, подавали ему прошенія и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или одинъ за все селеніе, и такъ какъ ораторское искусство процвѣтаетъ на Сахалинѣ, то дѣло не обошлось и безъ рѣчей; въ Дербинскомъ поселенецъ Масловъ въ своей рѣчи нѣсколько разъ назвалъ начальство «всемилостивѣйшимъ правительствомъ». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ обращавшіеся къ барону А. Н. Корфу просили того, что нужно. Тутъ, какъ и въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ, сказалась досадная мужицкая темнота: просили не школъ, не правосудія, не заработковъ, а разныхъ пустяковъ: кто казеннаго довольствія, кто усыновленія ребенка,—однимъ словомъ, подавали прошенія, которыя могли быть удовлетворены мѣстнымъ начальствомъ. А. Н. Корфъ отнесся къ ихъ просьбамъ съ полнымъ вниманіемъ и доброжелательствомъ; глубоко тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, онъ давалъ обѣщанія и возбуждалъ надежды на лучшую жизнь*). Когда въ Арковѣ помощникъ смотрителя тюрьмы отрапортовалъ: «Въ селеніи Арковѣ все обстоитъ благополучно», баронъ указалъ ему на озимые и яровые всходы и сказалъ: «Все благополучно, кромѣ только того, что въ Арковѣ нѣтъ хлѣба». Въ Александровской тюрьмѣ по случаю его пріѣзда арестантовъ кормили свѣжимъ мясомъ и даже олениной; онъ обошелъ всѣ камеры, принималъ прошенія и приказалъ расковать многихъ кандальныхъ.

22 іюля послѣ молебна и парада (былъ табельный день) прибѣжалъ надзиратель и доложилъ, что генералъ-губернаторъ желаетъ меня видѣть. Я отправился. А. Н. Корфъ принялъ меня очен

*) И даже несбыточныя надежды. Въ одномъ селеніи, говоря о томъ, что крестьяне изъ ссыльныхъ теперь уже имѣютъ право переѣзда на материкъ, онъ сказалъ: „А потомъ можете и на родину, въ Россію“.

ласково и бесѣдовалъ со мной около получаса. Нашъ разговоръ происходилъ въ присутствіи ген. Кононовича. Между прочимъ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ, не имѣю ли я какого-либо оффиціальнаго порученія. Я отвѣтилъ: нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, нѣтъ ли у васъ порученія отъ какого-либо ученаго общества или газеты?—спросилъ баронъ.

У меня въ карманѣ былъ корреспондентскій бланокъ, но такъ какъ я не имѣлъ въ виду печатать что-либо о Сахалинѣ въ газетахъ, то, не желая вводить въ заблужденіе людей, относившихся ко мнѣ, очевидно, съ полнымъ довѣріемъ, я отвѣтилъ: нѣтъ.

— Я разрѣшаю вамъ бывать, гдѣ и у кого угодно,—сказалъ баронъ.—Намъ скрывать нечего. Вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы,—однимъ словомъ, вамъ двери будутъ открыты всюду. Не могу я разрѣшить вамъ только одного: какого бы то ни было общенія съ политическими, такъ какъ разрѣшать вамъ это я не имѣю никакого права.

— Я уже приказалъ приготовить для г. Чехова открытый листъ,—сказалъ ген. Кононовичъ.

— Превосходно.

Отпуская меня, баронъ сказалъ:

— Завтра мы еще разъ поговоримъ. Приходите съ бумагой.

Въ тотъ же день я присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ въ квартирѣ начальника острова. Тутъ я познакомился почти со всею сахалинскою администраціей. За обѣдомъ играла музыка, произносились рѣчи. А. Н. Корфъ въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье сказалъ короткую рѣчь, изъ которой мнѣ теперь припоминаются слова: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастнымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже Европѣ. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ значительнымъ, превосходившимъ всякія ожиданія. Его похвальное слово не мирилось въ сознаніи съ такими явленіями, какъ голодъ, повальная проституція ссыльныхъ женщинъ, жестокія тѣлесныя наказанія, но слушатели должны были брить ему: настоящее въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило пять лѣтъ назадъ, представляется началомъ золотого вѣка.

Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ плошками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка

Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна и походила на кухаркину дочь, на которую для примѣрки надѣли барышнино платье. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли и пушку разорвало. И, все-таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоники, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертную тоску.

Когда я явился къ генералъ-губернатору съ бумагой, онъ изложилъ мнѣ свой взглядъ на сахалинскую каторгу и колонію и предложилъ записать все, сказанное имъ, что я, конечно, исполнилъ очень охотно. Все записанное онъ предложилъ мнѣ озаглавить такъ: *Описаніе жизни несчастныхъ*. Изъ нашей послѣдней бесѣды и изъ того, что я записалъ подъ его диктовку, я вынесъ убѣжденіе, что это великодушный и благородный человѣкъ, но что «жизнь несчастныхъ» была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ описанія: «Никто не лишенъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; пожизненности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжныя работы не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ».

Дни стояли хорошіе, съ яснымъ небомъ и съ прозрачнымъ воздухомъ, похожіе на наши осенніе дни. Вечера были превосходные; припоминается мнѣ пылающій западъ, темносинее море и совершенно бѣлая луна, выходящая изъ-за горъ. Въ такіе вечера я любилъ кататься по долинѣ между постомъ и деревней Ново Михайловкой; дорога здѣсь гладкая, ровная, рядомъ съ ней рельсовый путь для вагонетокъ, телеграфъ. Чѣмъ дальше отъ Александровска, тѣмъ долина становится уже, потемки густѣютъ, гигантскіе лопухи начинаютъ казаться тропическими растеніями со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя горы. Вонъ вдали огни гдѣ жгутъ уголь, вонъ огонь отъ пожара Восходитъ луна. Вдругъ фантастическая картина: мнѣ на встрѣчу по рельсамъ, подпираясь шестомъ, катитъ на небольшой платформѣ каторжный въ бѣломъ Становится жутко.

— Не пора ли назадъ?—спрашиваю кучера.

Кучеръ каторжный поворачиваетъ лошадей, потомъ оглядывается на горы и огни и говоритъ:

— Скучно здѣсь, ваше высокоблагородіе. У насъ въ Россіи лучше.

III.

Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.—О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изба и ея жильцы.—Мнѣнія ссыльныхъ о переписи.

Чтобы побывать по возможности во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ и познакомиться поближе съ жизнью большинства ссыльныхъ, я прибѣгнулъ къ пріему, который въ моемъ положеніи казался мнѣ единственнымъ. Я сдѣлалъ перепись. Въ селеніяхъ, гдѣ я былъ, я обошелъ всѣ избы и записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. Чтобы облегчить мой трудъ и сократить время, мнѣ любезно предлагали помощниковъ, но такъ какъ, дѣлая перепись, я имѣлъ главною цѣлью не результаты ея, а тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ самый процессъ переписи, то я пользовался чужою помощью только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Эту работу, произведенную въ три мѣсяца однимъ человѣкомъ, въ сущности, нельзя назвать переписью; результаты ея не могутъ отличаться точностью и полнотой, но за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ данныхъ ни въ литературѣ, ни въ сахалинскихъ канцеляріяхъ, быть можетъ, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которыя были напечатаны для меня въ типографіи при полицейскомъ управленіи. Самый процессъ переписи заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего, на каждой карточкѣ въ первой строкѣ я отмѣчалъ названіе поста или селенія. Во второй строкѣ: номеръ дома по казенной подворной описи. Затѣмъ, въ третьей строкѣ шло званіе записываемаго: каторжный, поселенецъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, свободнаго состоянія. Свободныхъ я записывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, если они принимали непосредственное участіе въ хозяйствѣ ссыльнаго, напримѣръ, состояли съ нимъ въ бракѣ, законномъ или незаконномъ, и вообще принадлежали къ семьѣ его, или проживали въ его избѣ въ качествѣ работника или жильца и т. п. Званію въ сахалинскомъ обиходѣ придается большое значеніе. Каторжнаго, несомнѣнно, стѣсняетъ его званіе; на вопросъ, какого онъ званія, онъ отвѣчаетъ: «рабочій». Если же до каторги онъ былъ солдатомъ, то непремѣнно добавляетъ еще къ этому: «изъ солдатъ. ваше высокоблагородіе». Отбывъ или, какъ самъ онъ выражается, отслуживъ

свой срокъ, онъ становится поселенцемъ. Это новое званіе не считается низкимъ уже потому, что слово поселенецъ мало чѣмъ отличается отъ поселянина, не говоря уже о правахъ, какія сопряжены съ этимъ званіемъ. На вопросъ, кто онъ, поселенецъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ: «вольный». Черезъ десять, а при благопріятныхъ условіяхъ, оговоренныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ, черезъ шесть лѣтъ поселенецъ получаетъ званіе крестьянина изъ ссыльныхъ. Это уже предѣлъ, «его же не прейдеши». На вопросъ, какого онъ званія, крестьянинъ отвѣчаетъ не безъ достоинства и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ужь не можетъ идти въ счетъ съ прочими и отличается отъ нихъ чѣмъ-то особеннымъ: «Я крестьянинъ». Но безъ прибавки «изъ ссыльныхъ». Я не спрашивалъ ссыльныхъ о прежнемъ ихъ званіи, такъ какъ по этому пункту въ канцеляріяхъ имѣется достаточно свѣдѣній. Сами они, кромѣ солдатъ, ни мѣщане, ни купцы, ни духовные, не распространяются на счетъ своего утерянаго званія, какъ будто оно уже забыто, и называютъ свое прежнее состояніе коротко—волей. Если кто заводитъ разговоръ о своемъ прошломъ, то обыкновенно начинаетъ такъ: «Когда я жилъ на волѣ...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилія. Насчетъ именъ могу только вспомнить, что я, кажется, не записалъ правильно ни одного женскаго татарскаго имени. Въ татарской семьѣ, гдѣ много дѣвочекъ, а отецъ и мать едва понимаютъ по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать на-угадъ. И въ казенныхъ бумагахъ татарскія имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русскій мужичокъ на вопросъ, какъ его зовутъ, отвѣчаетъ не шутя: «Карлъ». Это бродяга, который по дорогѣ смѣнился именемъ съ какимъ-то нѣмцемъ. Такихъ, помнится, записано мною двое: Карлъ Лангеръ и Карлъ Карловъ. Есть каторжный, котораго зовутъ Наполеономъ. Есть женщина бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилій, то по какой-то странной случайности на Сахалинѣ много Богдановыхъ и Безпаловыхъ. Очень часто попадаются курьезныя фамиліи: Шкандыба, Желудокъ, Безбожный, Зѣвака. Татарскія фамиліи, какъ мнѣ говорили, сохраняютъ и на Сахалинѣ, несмотря на лишеніе всѣхъ правъ состоянія, приставки и частицы, означающія высокія званія и титулы. Насколько это вѣрно, не знаю, но хановъ, султановъ и оглы записалъ я не мало. У бродягъ самое употребительное имя Иванъ, а фамилія Непомнящій. Вотъ нѣсколько бродяжскихъ прозвищъ: Мустафа Непомнящій, Василій Безотечества, Францъ Непо-

нящій, Иванъ Непомнящій 20 лѣтъ, Яковъ Безпрозванія, бродяга Иванъ 35 лѣтъ *), Человѣкъ Неизвѣстнаго Званія.

Въ этой же строкѣ я отмѣчалъ отношенія записываемаго къ хозяину: жена, сынъ, сожительница, работникъ, жилецъ, сынъ жильца и т. д. Записывая дѣтей, я отличалъ законно-и незаконнорожденныхъ, родныхъ и пріемныхъ. Кстати сказать, пріемыши часто встрѣчаются на Сахалинѣ, и мнѣ приходилось записывать не только пріемныхъ дѣтей, но даже пріемныхъ отцовъ. Многіе изъ живущихъ въ избахъ относятся къ хозяевамъ какъ совладѣльцы или половинщики. Въ обоихъ сѣверныхъ округахъ на одномъ участкѣ сидятъ по два и даже по три владѣльца и этакъ больше, чѣмъ въ половинѣ хозяйствъ; поселенецъ садится на участокъ, строитъ домъ и обзаводится хозяйствомъ, а черезъ два-три года ему сажаютъ совладѣльца, или же одинъ участокъ даютъ сразу двумъ поселенцамъ. Это происходитъ отъ нежеланья и неумѣнья администраціи пріискивать новыя мѣста для поселеній. Бываетъ и такъ, что отбывшій каторгу проситъ, чтобы ему позволили поселиться въ такомъ посту или селеніи, гдѣ усадебныхъ мѣстъ уже нѣтъ, и его поневолѣ приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладѣльцевъ особенно увеличивается послѣ объявленія высочайшихъ манифестовъ, когда администрація бываетъ вынуждена пріискивать мѣста сразу для нѣсколькихъ сотенъ душъ.

Пятая строка: возрастъ. Женщины, которымъ уже за сорокъ, плохо помнятъ свои лѣта и отвѣчаютъ на вопросъ подумавъ. Армяне изъ Эриванской губ. совсѣмъ не знаютъ своего возраста. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Можетъ тридцать, а можетъ уже и пятьдесятъ». Въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять возрастъ приблизительно, на глазъ, и потомъ провѣрять по статейному списку. Молодежь 15 лѣтъ и постарше обыкновенно убавляетъ свои лѣта. Иная уже невѣста или давно уже занимается проституціей, а ей все еще 13—14 лѣтъ. Дѣло въ томъ, что дѣти и подростки въ бѣднѣйшихъ семьяхъ получаютъ отъ казны кормовыя, которыя выдаются только до 15 лѣтъ, и лгать молодыхъ людей и ихъ родителей заставляетъ простой разсчетъ.

Шестая строка относилась къ вѣроисповѣданію.

Седьмая: гдѣ родился? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣчали безъ малѣйшаго затрудненія, кромѣ бродягъ, которые отвѣчаютъ какимъ-нибудь острожнымъ каламбуромъ или словами «не помню». Дѣвица Наталья Непомнящая, когда я спросилъ ее, какой она губерніи

*) Это число составляетъ часть фамиліи. Въ дѣйствительности ему 48 лѣтъ.

сказала мнѣ: «всѣхъ по-немножку». Земляки замѣтно держатся другъ друга, вмѣстѣ ведутъ компанію и, коли бѣгутъ, то тоже вмѣстѣ; тулякъ предпочитаетъ идти въ совладѣльцы къ туляку, бакинецъ къ бакинцу. Повидимому, существуютъ землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующаго, то земляки давали о немъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Восьмая строка: съ какого года на Сахалинѣ? Рѣдкій сахалинецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ сразу и безъ напряженія. Годъ прибытія на Сахалинъ—годъ страшнаго несчастья, а, между тѣмъ, его не знаютъ или не помнятъ. Спрашиваешь каторжную бабу, въ какомъ году ее привезли на Сахалинъ, а она отвѣчаетъ вяло, не думая: «Кто-жь его знаетъ? Должно въ 83-мъ». Вмѣшивается мужъ или сожитель: «Ну, что зря языкомъ болтать? Ты пришла въ 85-мъ».—«Можетъ и въ 85-мъ»,—соглашается она со вздохомъ. Начинаетъ считать и мужикъ выходитъ правъ. Мужчины не такъ туги, какъ бабы, но и они даютъ отвѣтъ не сразу, а подумавъ и поговоривъ.

— Тебя въ какомъ году пригнали на Сахалинъ?—спрашиваю я поселенца.

— Я одного сплава съ Гладкимъ,—говоритъ онъ неувѣренно, поглядывая на товарищей.

Гладкій перваго сплава, а первый сплавъ, т.-е. первый Добровольцъ, пришелъ на Сахалинъ въ 1879 г. Такъ и записываю. Или бываетъ такой отвѣтъ: «Въ каторгѣ я пробылъ шесть лѣтъ, да вотъ въ поселенцахъ ужь третій годъ... Вотъ и считайте».—«Значитъ, ты на Сахалинѣ уже девятый годъ?»—«Никакъ нѣтъ. До Сахалина я еще въ централѣ отсидѣлъ два года». И т. д. Или такой отвѣтъ: «Я пришелъ въ тотъ годъ, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль померъ». Для меня было особенно важно получать вѣрные отвѣты отъ тѣхъ, которые пришли сюда въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; мнѣ хотѣлось не пропустить ни одного изъ нихъ, что, по всей вѣроятности, не удалось мнѣ. Сколько уцѣлѣло изъ тѣхъ, которые пришли сюда 20—25 лѣтъ назадъ?—это вопросъ роковой для сахалинской колонизаціи.

Въ девятой строкѣ я записывалъ главное занятіе и ремесло.

Въ десятой—грамотность. Обыкновенно вопросъ предлагаютъ въ такой формѣ: «знаешь ли грамотѣ?»—я же спрашивалъ такъ: «умѣешь ли читать?»—и это во многихъ случаяхъ спасало меня отъ невѣрныхъ отвѣтовъ, потому что крестьяне не пишущіе умѣющіе разбирать только по-печатному называютъ себя неграмотными. Есть и такіе, которые изъ скромности прикидываются не

вѣждами. «Гдѣ ужь намъ? Какая наша грамота?»—и лишь при повтореніи вопроса говорятъ: «Разбиралъ когда-то по-печатному, да теперь, знать, забылъ. Народъ мы темный, одно слово—мужики». Неграмотными называютъ себя также плохо видящіе глазами и слѣпые.

Одиннадцатая относилась къ семейному состоянію: женатъ, вдовъ, холостъ? Если женатъ, то гдѣ: на родинѣ, на Сахалинѣ? Слова «женатъ, вдовъ, холостъ» на Сахалинѣ еще не опредѣляютъ семейнаго положенія; здѣсь очень часто женатые бываютъ обречены на одинокую безбрачную жизнь, такъ какъ супруги ихъ живутъ на родинѣ и не даютъ имъ развода, а холостые и вдовые живутъ семейно и имѣютъ по полдюжинѣ дѣтей; поэтому ведущихъ холостую жизнь не формально, а на самомъ дѣлѣ, хотя бы они значились женатыми, я считалъ не лишнимъ отмѣчать словомъ «одинокъ». Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи незаконный бракъ не имѣетъ такого широкаго и гласнаго распространенія и нигдѣ онъ не облеченъ въ такую оригинальную форму, какъ на Сахалинѣ. Незаконное или, какъ называютъ здѣсь, свободное сожительство не встрѣчаетъ себѣ противниковъ ни въ начальствѣ, ни въ духовенствѣ, а, наоборотъ, поощряется и санкціонируется. Есть поселенія, гдѣ не встрѣтишь ни одного законнаго сожительства. Свободныя пары составляютъ хозяйства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и законныя; онѣ рождаютъ для колоніи дѣтей, а потому нѣтъ причинъ при регистраціи создавать для нихъ особыя правила.

Наконецъ, двѣнадцатая строка: получаетъ ли пособіе отъ казны? Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ я хотѣлъ выяснить, какая часть населенія не въ состояніи обойтись безъ матеріальной поддержки отъ казны, или, другими словами, кто кормитъ колонію: она сама себя или казна? Пособіе отъ казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получаютъ: всѣ каторжные, поселенцы въ первые годы по отбытіи каторги, богадѣльщики и дѣти бѣднѣйшихъ семей. Кромѣ этихъ оффиціально признанныхъ пенсіонеровъ, я отмѣтилъ живущими на счетъ казны также и тѣхъ ссыльныхъ, которые получаютъ отъ нея жалованье за разные услуги, напримѣръ: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но отвѣтъ получился неполный. Кромѣ обычныхъ пайковъ, кормовыхъ и жалованій, въ широкихъ размѣрахъ практикуется еще выдача такихъ пособій, которыя невозможно отмѣтить на карточкахъ, напримѣръ: пособіе при вступленіи въ бракъ, покупка у поселенцевъ зерна по умышленно дорогой цѣнѣ, а, главное, выдача сѣмянъ, скота и пр. въ долгъ. Иной поселенецъ долженъ въ казну нѣсколько сотъ руб-

лей и никогда ихъ не отдастъ, но я поневолѣ долженъ былъ записать его не получающимъ пособія.

Каждую женскую карточку я перечеркивалъ вдоль краснымъ карандашомъ и нахожу, что это удобнѣе, чѣмъ имѣть особую рубрику для отмѣтки пола. Я записывалъ только наличныхъ членовъ семьи; если мнѣ говорили, что старшій сынъ уѣхалъ во Владивостокъ на заработки, а второй служитъ въ селеніи Рыковскомъ въ работникахъ, то я перваго не записывалъ вовсе, а второго заносилъ на карточку въ мѣстѣ его жительства.

Я ходилъ изъ избы въ избу одинъ; иногда сопрождалъ меня какой-нибудь каторжный или поселенецъ, который отъ скуки бралъ на себя роль проводника. Иногда за мной или на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ, какъ тѣнь, надзиратель съ револьверомъ. Это посылали его на случай, если я потребую какихъ-нибудь разъясненій. Когда я обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, то лобъ у него мгновенно покрывался потомъ и онъ отвѣчалъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!» Обыкновенно спутникъ мой, босой и безъ шапки, съ моею чернилицей въ рукахъ, забѣгалъ впередъ, шумно отворялъ дверь и въ сѣняхъ успѣвалъ что-то шепнуть хозяину—вѣроятно, свои предположенія на счетъ моей переписи. Я входилъ въ избу. На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто строилъ ее—сибирякъ, хохолъ или чухонецъ, но чаще всего—это небольшой срубъ, аршинъ въ восемь двухъ-или трехъоконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній крытый соломой, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора обыкновенно нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Сараишко или банька на сибирскій манеръ встрѣчаются рѣдко. Если есть собаки, то вялыя, не злыя которыя, какъ я говорилъ уже, лаютъ на однихъ только гиляковъ вѣроятно, потому, что тѣ носятъ обувь изъ собачьей шкуры. И почему-то эти смирныя, безобидныя собаки на привязи. Если есть свинья, то съ колодкой на шеѣ. Пѣтухъ тоже привязанъ за ногу.

— Зачѣмъ это у тебя собака и пѣтухъ привязаны?—спрашиваешь хозяина.

— У насъ на Сахалинѣ всѣ на цѣпи,—острить онъ въ отвѣтъ.—Земля ужь такая.

Въ избѣ одна комната, съ русскою печкой. Полы деревянные. Столъ, два-три табурета, скамья, кровать съ постелью, или на постлано прямо на полу. Или такъ, что нѣтъ никакой мебели только среди комнаты лежитъ на полу перина, и видно, что на ней только что спали; на окнѣ чашка съ объѣдками. По обстановкѣ это не изба, не комната, а скорѣе камера для одиночнаго заключе

нія. Гдѣ есть женщины и дѣти, тамъ, какъ бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но, все-таки, и тамъ чувствуется отсутствіе чего-то важнаго; нѣтъ дѣда и бабки, нѣтъ старыхъ образовъ и дѣдовской мебели, стало быть, хозяйству недостаетъ прошлаго, традицій; нѣтъ краснаго угла или онъ очень бѣденъ и тусклъ, безъ лампады и безъ украшеній,—нѣтъ обычаевъ; обстановка носитъ случайный характеръ и похоже, какъ будто семья живетъ не у себя дома, а на квартирѣ, или будто она только что пріѣхала и еще не успѣла освоиться; нѣтъ кошки, по зимнимъ вечерамъ не бываетъ слышно сверчка... а, главное, нѣтъ родины.

Картины, которыя я встрѣчалъ, обыкновенно не говорили мнѣ о домовитости, уютности и о прочности хозяйствъ. Чаще всего я встрѣчалъ въ избѣ самого хозяина, одинокаго, скучающаго бобыля, который, казалось, окоченѣлъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки; на немъ вольное платье, но по привычкѣ шинель накинута на плечи по-арестантски и, если онъ недавно вышелъ изъ тюрьмы, то на столѣ у него валяется фуражка безъ козырька. Печка у него не топлена, посуды только и есть, что котелокъ, да бутылка, заткнутая бумажкой. Самъ онъ о своей жизни и о своемъ хозяйствѣ отзывается насмѣшливо и съ холоднымъ презрѣніемъ. Говоритъ, что уже всякіе способы перепробовалъ, но никакого толку не выходитъ; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь съ нимъ, въ избу собираются сосѣди и начинается разговоръ на разныя темы: о начальствѣ, климатѣ, женщинахъ... Отъ скуки всѣ готовы говорить и слушать безъ конца. Бываетъ и такъ, что, кромѣ хозяина, застаешь въ избѣ еще цѣлую толпу жильцовъ и работниковъ, но это едва ли лучше одиночества; на порогѣ сидитъ жилецъ-каторжный съ ремешкомъ на волосахъ и шьетъ чирки; пахнетъ кожей и сапожнымъ варомъ; въ сѣняхъ на лохмотьяхъ лежатъ его дѣти и тутъ же въ темномъ и тѣсномъ углу его жена, пришедшая за нимъ добровольно, дѣлаетъ на маленькомъ столикѣ вареники съ голубикой; это недавно прибывшая изъ Россіи семья. Дальше, въ самой избѣ, человѣкъ пять мужчинъ, которые называютъ себя кто—жильцомъ, кто—работникомъ, а кто—сожителемъ; одинъ стоитъ около печки и, надувъ щеки, выпучивъ глаза, паяетъ что-то, другой, очевидно, шутъ, съ дѣланно-глупою физіономіей, бормочетъ что-то, остальные хохочутъ въ кулаки. А на постели сидитъ вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, съ веснушками; она старается посмѣшнѣе отвѣчать на мои вопросы и болтаетъ при этомъ ногами. Глаза у нея нехорошіе, мутные, и по ея тупому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своемъ еще

короткомъ вѣку переиспытала она тюремъ, этаповъ, болѣзней. Эта Лукерья задаетъ въ избѣ общій тонъ жизни и, благодаря ей, на всей обстановкѣ сказывается близость ошалѣлаго, безпутнаго бродяги. Тутъ ужь о серьезномъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Приходилось также заставать въ избѣ цѣлую компанію, которая до моего прихода играла въ карты; на лицахъ смущеніе, скука и ожиданіе: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь въ избу, и намека нѣтъ на мебель, печь голая, а на полу у стѣнъ рядышкомъ сидятъ черкесы, одни въ шапкахъ, другіе съ непокрытыми, стриженными и, повидимому, очень жесткими головами, и смотрятъ на меня, не мигая. Если я заставалъ дома одну только сожительницу, то обыкновенно она лежала въ постели, отвѣчала на мои вопросы, зѣвая и потягиваясь, и, когда я уходилъ, опять ложилась. Эта послѣдняя подробность относится, впрочемъ, къ одному только Александровскому округу.

Ссыльное населеніе смотрѣло на меня, какъ на лицо оффиціальное, а на перепись—какъ на одну изъ тѣхъ формальныхъ процедуръ, которыя здѣсь такъ часты и обыкновенно ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что я не здѣшній, не сахалинскій чиновникъ, возбуждало въ ссыльныхъ нѣкоторое любопытство. Меня спрашивали:

— Зачѣмъ это вы всѣхъ насъ записываете?

И тутъ начинались разныя предположенія. Одни говорили, что, вѣроятно, высшее начальство хочетъ распредѣлить пособіе между ссыльными, другіе—что, должно быть, ужь рѣшили, наконецъ, переселять всѣхъ на материкъ,—а здѣсь упорно и крѣпко держится убѣжденіе, что рано или поздно каторга съ поселеніями будетъ переведена на материкъ,—третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждутъ уже ничего хорошаго, такъ какъ отъ нихъ самъ Богъ отказался, и это для того, чтобы вызвать съ моей стороны возраженіе. А изъ сѣней или съ печки, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми этими надеждами и догадками, доносился голосъ, въ которомъ слышались усталость, скука и досада на безпокойство:

— И все они пишутъ, и все они пишутъ, и все они пишутъ, Царица Небесная!

Голодать и вообще терпѣть какія-либо лишенія во время моихъ разъѣздовъ по Сахалину мнѣ не приходилось. Я читалъ, будто агрономъ Мицуль, изслѣдуя островъ, терпѣлъ такую нужду, что вынужденъ былъ съѣсть свою собаку. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Теперешній агрономъ ѣздитъ по от-

личнымъ дорогамъ; даже въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ есть надзирательскіе или такъ называемые станки, гдѣ всегда можно найти теплое помѣщеніе, самоваръ и постель. Изслѣдователи, когда отправляются въ глубь острова, въ тайгу, то берутъ съ собой американскіе консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжнымъ, замѣняющимъ на Сахалинѣ вьючныхъ животныхъ. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками съ солью и даже поѣдаютъ другъ друга, но это относится не къ туристамъ и не къ чиновникамъ.

Въ слѣдующихъ главахъ я буду описывать посты и селенія и попутно знакомить читателя съ каторжными работами и тюрьмами, поскольку я самъ успѣлъ познакомиться съ ними въ короткое время. На Сахалинѣ каторжныя работы разнообразны въ высшей степени; онѣ не спеціализировались на золотѣ или углѣ, а обнимаютъ весь обиходъ сахалинской жизни и разбросаны по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ острова. Корчовка лѣса, постройки, осушка болотъ, рыбныя ловли, сѣнокосъ, нагрузка пароходовъ,—все это виды каторжныхъ работъ, которыя по необходимости до такой степени слились съ жизнью колоніи, что выдѣлять ихъ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то самостоятельно существующемъ на островѣ, можно развѣ только при извѣстномъ рутинномъ взглядѣ на дѣло, который на каторгѣ ищетъ, прежде всего, рудниковъ и заводскихъ работъ.

Я начну съ Александровской долины, съ селеній, расположенныхъ по рѣкѣ Дуйкѣ. На Сѣверномъ Сахалинѣ эта долина была первая избрана для поселеній не потому, что она лучше всѣхъ изслѣдована или отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей къ Дуэ гдѣ впервы^ возникла каторга.

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ПЕНСІЮ *).

(Повѣсть).

XII.

Въ концѣ іюля, когда на землѣ, принадлежавшей Ерошкину, какъ говорили всѣ, и «образцовой фермѣ», какъ говорилъ и думалъ самъ Степанъ Григорьевичъ, тяжелые колосья на высокихъ стебляхъ, стоявшихъ густо другъ около друга, зажелтѣли и вся нива сіяла, будто позолоченная, въ первый день, когда зазвенѣли косы и началась жаркая и оживленная уборка хлѣба, Степанъ Григорьевичъ былъ на полѣ. На немъ былъ легкій парусиновый пиджакъ, отличавшій его своимъ желтымъ цвѣтомъ отъ косарей, шагавшихъ въ толстыхъ рубахахъ съ растегнутою грудью. День былъ невыносимо жаркій и рабочіе то и дѣло останавливались, чтобы рукавомъ рубахи вытереть потъ на лицѣ; нерѣдко они подходили къ полузарытому въ землю, въ тѣни подъ возомъ, боченку съ водой, вставляли въ отверстіе наверху его камышинку и сосали влагу.

Ерошкинъ пріѣхалъ сюда на часъ посмотрѣть, какъ началась работа, и разсчитать, во сколько дней ее можно кончить. Рядъ начался неподалеку отъ большой степной дороги, которою пользовались для проѣзда жители всѣхъ прилегающихъ селъ и хуторовъ. Степанъ Григорьевичъ замѣтилъ движущуюся бричку, которая ѣхала сперва по большой дорогѣ, а потомъ свернула и направлялась по межѣ, повидимому, къ тому мѣсту, гдѣ шла работа. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже узналъ бричку и пару лошадей, и нее запряженную, и кучера, и сѣдока. Это была Марѳа Ниловна.

— Ѣхала изъ города,—объясняла она, когда бричка, проѣхав по недавнему жнитву, остановилась рядомъ съ пролеткой Ерошк

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

на,—гляжу, на твоей землѣ работаютъ, и показалось мнѣ, будто что-то желтѣетъ вродѣ кинарейки. Ну, думаю, кинарейка, должно быть, и есть самъ Степанъ Григорьевичъ... Дай навѣщу, давно не болтала съ нимъ... Вотъ и завернула...

— А вы бы, Марѳа Ниловна, лучше сдѣлали, если бы въ домъ ко мнѣ завернули... А то что тутъ на этакой жарѣ стоять? Жена дома, да и я скоро поѣду.

— Ну, что жена? Она у тебя миловановской породы, а я не охотница до нихъ,—съ шутливою усмѣшкой промолвила Марѳа Ниловна.—Ну, не сердись, не сердись, пошутила... Теперь ужь она Ерошкиной стала, такъ, я думаю, объерошилась, а? Нѣтъ, не то. А у меня, вѣдь, тоже поле желтое, не тебѣ одному Богъ даетъ, такъ надо торопиться. А на минутку завернула, не выдержала...

— Ну, и за то спасибо.

Марѳа Ниловна стала разспрашивать о томъ, о семъ. Повидимому, ее все интересовало и она не дѣлала разницы между предметами, но это происходило оттого, что, въ сущности, ее ничто изъ всего этого не интересовало. Ее занималъ т ко одинъ вопросъ, который она и высказала, то не раньше, какъ кучеръ натянулъ возжи, чтобы погнать лошадей.

— Ахъ, да, да! Что я хотѣла тебя спросить, Степанъ Григорьевичъ,—промолвила она, какъ бы случайно вспомнивъ, хотя, въ дѣйствительности, она все время только объ этомъ и думала,—а ты таки помиловалъ?

— Кого это я помиловалъ, Марѳа Ниловна?

— Да этого... нашего голубчика...—пояснила Марѳа Ниловна, выразительно кивая головой и своими сѣдыми бровями куда-то въ сторону.

— Не понимаю, Марѳа Ниловна,—сказалъ Ерошкинъ.

— Ахъ, Боже мой! Да Михаила же Аркадьевича, племянничка моего... Подписалъ отсрочку-то?

— Вотъ что! Нѣтъ, не подписалъ. Зачѣмъ? Мы и такъ въ мирѣ живемъ.

— Гм... А ты хитрый. Миръ-то—миръ, а оно, значитъ, во всякое время отобрать можно...

— Пожалуй.

— Хитрый, хитрый. Только напрасно ты это... Толку не будетъ... Это оттого, что породнился, что ли? А, вѣдь, ты мнѣ нынче племянникомъ сталъ приходиться, а? Ну, прощай, племянникъ. А, все-таки, напрасно. Прикрутилъ бы какъ слѣдуетъ голубца... Что ихъ жалѣть, безпутныхъ?

И Марѳа Ниловна уѣхала по направленію къ дорогѣ. Ерошкинъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ.

«Оригинальная баба,—думалъ онъ.—Съ виду не зла, а какая стойкость въ ненависти. Миловановымъ ничего не можетъ простить, хотя эти не сдѣлали ей никакого зла».

Онъ побылъ на полѣ еще съ четверть часа, а затѣмъ сѣлъ въ пролетку и направился въ Обдоровку, но потомъ вдругъ какъ бы передумалъ и повернулъ по берегу ставка къ миловановской усадьбѣ.

За два мѣсяца на берегахъ миловановскаго ставка успѣли произойти нѣкоторыя перемѣны. Самая главная была, разумѣется, та, что Лизавета Аркадьевна переѣхала жить въ Обдоровку. Повѣнчалъ ихъ миловановскій батюшка о. Семенъ въ старой церкви, въ которой вѣнчались Аркадій Павловичъ съ Анной Николаевной и въ ней же было отпѣваніе ихъ тѣлъ.

На обрядѣ присутствовала Марѳа Ниловна. Вѣнцы держали Михаилъ Аркадьевичъ и недавно прибывшій на ферму молодой агрономъ Рыбальскій. Въ церкви были обдоровцы и миловановцы, но лишь тѣ, кто попалъ сюда случайно. Вѣнчаніе происходило въ будній день. Ерошкинъ нарочно никому не объявлялъ о немъ, чтобы оно прошло какъ можно тише.

Но еще прежде чѣмъ Лиза переѣхала въ Обдоровку, въ миловановской усадьбѣ измѣнился тонъ жизни. Между братомъ и сестрой, прежде жившими врозь, явилась общность, они искали другъ друга, проводили вмѣстѣ время, часто гуляя по саду или просиживая на томъ самомъ камнѣ, гдѣ произошелъ памятный для нихъ обоихъ разговоръ. Прежде не находившіе темъ для пятиминутной бесѣды, теперь они, казалось, не могли наговориться. Тысяча ничтожнѣйшихъ поводовъ вызывали ихъ на объясненія, заставляли высказываться. Михаилъ Аркадьевичъ въ безпощадно-юмористическомъ тонѣ разсказывалъ Лизѣ, какъ онъ жилъ въ Москвѣ и Петербургѣ, заставляя ее то ужасаться, то хохотать. Въ особенности было великолѣпно описаніе обыкновеннаго дня, куда входили вставанье часовъ около двѣнадцати, завтракъ въ ресторанѣ, продолжавшійся до двухъ, часъ какой-нибудь случайно попавшейся подъ руку работы красками, посѣщеніе выставки, музея, лавки рѣдкостей или вообще чего-нибудь поучительнаго для художника, гулянье по Морской или по набережной, смотря по сезону, со встрѣчами и любезными поклонами во всѣ стороны, затѣмъ обѣдъ опять въ ресторанѣ, легкій отдыхъ на диванѣ у себя въ квартирѣ, напряженное рѣшеніе вопроса, куда дѣвать вечеръ, и рѣшеніе его самымъ неза-

тѣйливымъ образомъ: театръ, концертъ, кафе-шантанъ, рѣдко визитъ къ знакомымъ. Домой приходилъ онъ часа въ два и, ложась въ постель, бралъ книгу, какую-нибудь, все равно, съ единственною цѣлью, чтобъ она помогла улечься въ головѣ его дневнымъ впечатлѣніямъ, иначе говоря: помогла ему заснуть. Но случались и отступленія отъ этой нормы. Два раза въ недѣлю у него собирались друзья, исключительно холостое общество, большею частью художники и студенты академіи. Онъ любилъ этотъ неопредѣленный гулъ разнообразныхъ голосовъ, въ которомъ утопала всякая мысль. Спорившіе чѣмъ-то интересовались, чего-то добивались, но онъ слушалъ всѣхъ одинаково разсѣянно, какъ-то вскользь, приставая на минуту то къ одной, то къ другой группѣ. Его ничто глубоко не задѣвало, а разговоры дѣйствовали на него какъ дикая музыка, слегка возбуждая. Иногда составлялась небольшая экскурсія куда-нибудь за городъ. Брали пледы, зонтики, краски, дощечки и закуску и на цѣлый день забирались въ какую-нибудь рощицу ради этюдовъ. Кому-нибудь нуженъ былъ тѣнистый лѣсной уголокъ или полуразвалившаяся хижина для картины, а ему ровно ничего не было нужно, но онъ рисовалъ, пока ему это не надоѣдало. Весной онъ тоже приставалъ къ какой-нибудь небольшой компаніи, ѣхалъ за границу и шлялся по музеямъ, восхищался красотами природы и изрѣдка набрасывалъ этюды. Но это все ему какъ-то ни къ чему не служило. Много лѣтъ уже ему являлась мысль написать картину, создать что-нибудь, но это было именно желаніе создать что-нибудь, все равно, что бы то ни было, создать потому, что художникъ долженъ написать картину, въ душѣ же его не являлось ни опредѣленнаго образа, ни идеи, которые завладѣли бы его воображеніемъ и неотразимо влекли бы къ себѣ.

И такъ шла его жизнь: легко и пріятно, безъ чувствительнаго горя, безъ жгучей радости, безъ слѣда.

— Но это же ужасно!—восклицала Лиза.—Жить безъ цѣли, точно исполняя какой-то невѣдомо кѣмъ навязанный долгъ... Это ужасно! Какъ ты могъ?

— О, да, вѣдь, я только продолжалъ начатое, я шелъ по хорошо протоптанной дорожкѣ! И, притомъ, я далеко не одинъ, насъ множество,—отвѣчалъ Михаилъ Аркадьевичъ.—Вонъ Степанъ Гриньевичъ говоритъ, что такіе-то и мѣшаютъ людямъ подвигаться впередъ къ общему счастью. Это правда. Мы какъ бы узурпировали счастье и беремъ его, не дѣлая никакихъ усилій, чтобы добыть. Ихъ много насъ, страшно много! Все добрые, милые, симпатичные люди, право!

Лиза тоже много разсказала ему во время этихъ прогулокъ. Онъ совсѣмъ не имѣлъ представленія о томъ, какъ шла жизнь въ Миловановкѣ послѣ смерти отца. Въ первый годъ носили трауръ, а затѣмъ опять начали ѣздить гости. И тутъ Лиза наблюдала любопытное явленіе, которое и дало толчокъ ея мыслямъ. Векселя предъявлялись за векселями; чтобы платить по нимъ, продавали овецъ, коровъ, лошадей, сѣно, солому, полову, но гостей принимали такъ, какъ будто дѣла были блестящи. Дорогое вино, закуски, развлеченія,—все это предлагалось гостямъ точно такъ же, какъ и при Аркадіи Павловичѣ, несмотря на то, что тогда по векселямъ получались деньги, а теперь по векселямъ ихъ платили. Анна Николаевна ворчала, волновалась, бранилась, проклинала, но выходила въ гостиную съ улыбкой и дѣлала видъ, что несказанно рада гостямъ. Тутъ и бросилась Лизѣ въ глаза вся фальшь ихъ существованія. Сперва она говорила матери, что ничего этого не надо, что никто изъ тѣхъ, ради кого она такъ обкрадывала самоё себя, не нуждается въ этомъ, да и они ни въ комъ изъ нихъ не нуждаются, что лучше жить скромно, по средствамъ, но Анна Николаевна посмотрѣла на нее такъ презрительно, что она замолкла. Все это страшно мучило ее. Она терзалась и не видѣла выхода для себя. Полное незнаніе жизни, неумѣнье ступить самостоятельно шагу,—все это вмѣстѣ съ фальшью ихъ домашней жизни было для нея невыносимо. Она уединялась и плакала въ одиночку.

Знакомство съ Ерошкинымъ относится какъ разъ къ этому времени. Едва ли былъ еще другой примѣръ, чтобы люди, встрѣтившись въ первый разъ, заговорили такъ просто и откровенно о самыхъ задушевныхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ. Она уже слышала о немъ, онъ тогда вступилъ въ управленіе дѣлами отца и о немъ уже говорили, какъ о чемъ-то интересномъ и новомъ. Когда онъ появился въ ихъ домѣ, изъ всего, изъ его манеры держаться, его простого и спокойнаго взгляда, серьезнаго тона его рѣчей, о чемъ бы онъ ни говорилъ, она поняла, что это человѣкъ не похожій на гостей ея матери, и въ первый же случай, когда они остались вдвоемъ, она, путаясь и запинаясь, высказала передъ нимъ всѣ сомнѣнія и противорѣчія, такъ мучившія ее. Онъ выслушалъ ее внимательно и серьезно и сказалъ только нѣсколько словъ, которыя освѣтили ея душу.

Онъ сказалъ:

— Полноте, Лизавета Аркадьевна, вамъ нечего терзаться, у васъ не можетъ быть такихъ сомнѣній, которыя нельзя было бы разрѣшить. У васъ молодость и здоровье, и развѣ жизнь не ваша,

цѣлая жизнь, еще не начатая, съ нерастраченною ни одною каплей силъ?... Васъ возмущаетъ ложь,—и слава Богу,—отвернитесь отъ нея смѣло, оставьте ее другимъ, а вашему молодому сердцу дайте пищу, которой оно проситъ. Вы связаны съ этою средой механическою связью, разрубите эту нитку и—вы свободны и сейчасъ увидите, что не о чемъ жалѣть. Ваша мама такова, какою сдѣлало ее время и среда. Иною она и не могла быть. Мы живемъ въ другое время и другая среда заявляетъ свои права на насъ и мы должны быть иными...

Съ этого началось ихъ знакомство, которое перешло потомъ въ близость со взаимнымъ пониманіемъ и сочувствіемъ. Лиза покорно, но, въ то же время, и сознательно пошла вслѣдъ за Степаномъ Григорьевичемъ.

Вотъ уже три недѣли, какъ Михаилъ Аркадьевичъ живетъ въ усадьбѣ одинъ. Пока была тутъ Лиза, у него никогда не являлось вопроса о томъ, что дѣлать, какъ проводить время. Онъ усердно знакомился съ ней и это его увлекало. Сестра была для него совсѣмъ новымъ явленіемъ. Онъ никогда еще не встрѣчалъ дѣвушки, у которой были бы такія серьезныя задачи и такія строгія требованія по отношенію къ своей жизни. По всей вѣроятности, такія дѣвушки, при его разнообразныхъ знакомствахъ въ Петербургѣ, попадались ему, но онъ не подозрѣвалъ этого, потому что никогда не останавливался на этомъ предметѣ.

Теперь, когда Лиза перебралась въ Обдоровку, онъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ. Правда, онъ видался съ нею и съ Степаномъ Григорьевичемъ каждый день: или они заходили къ нему, или онъ къ нимъ, но это было не то. Онъ, все-таки, былъ одинъ въ большомъ пустынномъ домѣ, который ничѣмъ не пробуждалъ въ душѣ его пріятныхъ воспоминаній. Если многое еще говорило здѣсь о веселой жизни, то, вѣдь, эта веселая жизнь теперь вылилась въ осязательномъ результатѣ—въ разореніи.

Послѣ разговора въ саду, когда онъ сказалъ, что останется жить въ Миловановкѣ, у него объ этомъ не было больше рѣчи ни съ Лизой, ни съ Степаномъ Григорьевичемъ. Да и онъ самъ объ этомъ не думалъ. Ему, въ самомъ дѣлѣ, было пріятно жить съ этою новою дружбой, въ которой было нѣчто совсѣмъ не похожее на то, что давали ему прежнія отношенія съ людьми: теплая сердечность. Это его трогало и привязывало тонкими, но крѣпкими нитями къ Миловановкѣ.

Можно было подумать, что отъ него только этого и хотѣли. Пушкинъ постоянно справлялся, не скучаетъ ли онъ, привозилъ

ему книги и журналы и онъ за это время прочиталъ больше, чѣмъ за пять лѣтъ жизни въ Петербургѣ.

Онъ отдыхалъ, чувствовалъ, что здоровѣетъ, нервы, нѣсколько растроенные столичною сутолокой, стали спокойнѣе, а, главное, онъ избавился отъ самаго страшнаго пугала — вопроса объ отсрочкѣ. Теперь онъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ и странно было бы, еслибъ онъ сталъ думать о такой вещи. Если даже допустить, что у него нѣтъ правъ на имѣніе, то развѣ не естественно ему пользоваться гостепріимствомъ такихъ близкихъ ему людей, какъ Лиза и ея мужъ? Объ этомъ у него не возникало вопроса. Однимъ словомъ, онъ жилъ въ деревнѣ, не задаваясь никакими цѣлями, мирно и спокойно. Иногда у него являлось влеченіе къ рисованію. Онъ выписалъ изъ города краски и все, что нужно, ходилъ въ поле, въ плавни, въ дальній лѣсокъ и дѣлалъ наброски.

Идиллическая природа располагала его къ мечтательности. Случалось даже, что онъ, сидя гдѣ-нибудь надъ рѣкой или одиноко шагая по полю передъ заходомъ солнца, когда ослабѣвала дневная жара, вдругъ поспѣшно вынималъ изъ кармана записную книжку и карандашъ и набрасывалъ двѣ-три строки пришедшихъ ему въ голову стиховъ. Ему казалось, что у него готова поэма, мысль ясна, живые образы витаютъ передъ нимъ, надо только дать всему этому форму. И онъ писалъ, присѣвъ тутъ же на травѣ, но, остановившись на какой-нибудь рифмѣ, подбирая слова, онъ незамѣтно охладѣвалъ къ своей поэмѣ и, за полчаса передъ этимъ грандіозная, она казалась ему теперь ничтожною. Тогда онъ пряталъ книжку и карандашъ въ карманъ и спокойно, безъ раздраженія, шелъ дальше, свободно отдаваясь другимъ впечатлѣніямъ.

Былъ у него одинъ эпизодъ, одна встрѣча, которая оставила въ душѣ его глубокій слѣдъ. Это было въ серединѣ іюля, когда въ саду, сданномъ на откупъ какому-то промышленнику, собирали груши. Грушевыя деревья были разсажены во всемъ саду, неправильно чередуясь съ другими. Былъ урожай и промышленникъ спѣшилъ въ городъ. Поэтому онъ нанялъ десятка два деревенскихъ бабъ, которыя, подставивъ лѣстницу, взбирались на деревья и складывали сорванные фрукты въ помѣстительные передники. Михаилъ Аркадьевичъ проходилъ мимо одного дерева, на которомъ сидѣла баба. Баба не представляла ничего необыкновеннаго. Средняго роста, сухощавая, съ костлявыми обнаженными плечами и впалою грудью, босая, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, она была одѣта

въ сильно поношенную ситцевую юбку и холщевую рубашку. Лицо ея было морщинисто и смугло отъ загара. Онъ случайно поднялъ голову, потому что услышалъ шелестъ листьевъ наверху. Понявъ, въ чемъ дѣло, онъ уже готовъ былъ пройти мимо, но вдругъ остановился и сталъ пристально вглядываться въ лицо бабы. Ея глаза и въ особенности ихъ взглядъ что-то такое затронули въ его памяти, но что это было, онъ не понималъ. Гдѣ онъ могъ видѣть эту бабу? Какъ-нибудь случайно,— въ деревнѣ, на полѣ? Но почему она запомнилась ему? Да и видѣлъ ли онъ ее? Нѣтъ, это было не то ощущеніе. Что-то трогательное зашевелилось въ его сердцѣ, словно давнее чувство, которое когда-то согрѣвало грудь, а потомъ потухло и охладѣло. А баба смотрѣла на него внимательно и вдругъ сверху раздалось привѣтствіе:

— Здравствуйте, Михайло Аркадьевичъ!

Боже! Онъ узналъ этотъ голосъ, какъ узнаютъ драгоцѣнную вещь, давно потерянную и вдругъ отысканную гдѣ-нибудь въ сорной кучѣ, почернѣвшую, покрытую ржавчиной.

— Да неужели же это... ты, Оксана? — дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Да я-жь!... А какъ же не я? А вы и не узнали?

Это была Оксана, его нянька, та самая, которую онъ въ далекомъ дѣтствѣ обожалъ за ея чудные, глубокіе глаза. Какъ она была прекрасна тогда и что за жалкое существо это было теперь! Только одни глаза еще не совсѣмъ потускнѣли и въ нихъ еще была какая-то глубина, какая-то тайна, которая казалась и мучительной, и чудовищной на этомъ изможденномъ лицѣ со столькими слѣдами муки, горя, нужды.

Она поспѣшно сошла съ дерева и, подойдя къ нему, поклонилась. Вблизи она имѣла еще болѣе жалкій видъ. Ея одежда говорила о вопіющей бѣдности, почти о нищетѣ.

— Да, ты очень измѣнилась, Оксана. Трудно узнать, — сказалъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Ну, и какъ же это, чтобы не перемѣниться? Столько годовъ прошло... Я думаю, больше двухъ десятковъ... А вы-то какой стали! Совсѣмъ баринъ!... Не знала бы, что это вы,— не повѣрила бы!

— Какъ же ты поживаешь, Оксана?

Глупо спрашивать это, — подумалъ онъ.— И такъ видно, что плохо живется ей».

— Да слава Тебѣ, Господи!... Ничего, — отвѣтила Оксана.— Достатковъ нѣтъ, а то бы даже хорошо было. Мужъ у меня добрый,

не пьющій, да только вотъ болѣетъ все... Сердцемъ страдаетъ. Дѣти не злыя... слава Тебѣ, Господи!...

«Довольна и славитъ Бога!... Это и есть тотъ случай, про который говорилъ Ерошкинъ, когда приходится людямъ доказывать, что бѣдность не есть ихъ естественное состояніе».

Но онъ, разумѣется, ничего подобнаго ей не доказывалъ. Онъ задалъ Оксанѣ еще нѣсколько вопросовъ и попросилъ ее зайти какъ-нибудь въ усадьбу.

Оксана пришла на другой день вечеромъ и была несказанно довольна, когда Михаилъ Аркадьевичъ далъ ей пять рублей и банку варенья, которую отыскалъ въ одной изъ комнатныхъ печей.

Эта встрѣча долго не выходила у него изъ сердца. Ему было жаль прекрасныхъ глазъ Оксаны, которымъ выпала на долю такая печальная судьба.

XIII.

Ровно за часъ передъ тѣмъ, какъ въ миловановскую усадьбу пріѣхалъ Ерошкинъ послѣ встрѣчи съ Марѳой Ниловной, Михаилъ Аркадьевичъ получилъ очень непріятное извѣстіе, которое направило его мысли въ практическую сторону. Пришелъ Щербенко и заявилъ, что изъ города получена повѣстка, приглашающая въ судъ «наслѣдниковъ дворянина Аркадія Павловича Милованова» по поводу векселя на тысячу рублей, принадлежащаго второй гильдіи купцу Модесту Лупареву.

Щербенко сообщилъ это какимъ-то торжественнымъ тономъ, положилъ повѣстку на столъ и умолкъ. Дѣло было, конечно, очень простое, и не было никакой надобности безпокоить себя и являться въ судъ. Сомнѣваться въ подлинности векселя тоже не приходилось. Покойный «дворянинъ Аркадій Павловъ Милованов» довольно свободно давалъ векселя, очень естественно, что онъ выдалъ одинъ и Лупареву, и надо было только удивляться, что вексель оказался въ тысячу, а не въ десять тысячъ рублей. Но откуда взять денегъ?

Михаилъ Аркадьевичъ, вообще не привыкшій думать надъ вопросомъ, откуда взять денегъ, такъ какъ у него всегда были готовыя, за лѣто разучился думать даже о готовыхъ деньгахъ,—такъ мало ему было нужно здѣсь и такъ рѣдко приходилось покупать что-нибудь. Поэтому онъ въ тотъ же мигъ, какъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, почувствовалъ острую головную боль.

— Что же мы будемъ дѣлать, Никита Ивановичъ?—спросилъ онъ стараго приказчика, пригласивъ его сѣсть.

— Надо подумать, Михаилъ Аркадьевичъ, надо подумать! — раздумчиво отвѣтилъ Щербенко.— Вѣдь, вотъ залежался таки! Думали, что всѣ, а онъ возьми, да и выплыви... Охъ, дай Богъ, чтобы былъ послѣдній!

— Продать нечего?

— Такого, чтобы скоро купили, ничего нѣтъ. Машину можно бы, да когда найдешь покупателя?

— Машину? Какую машину?

— Молотилку, — пояснилъ Щербенко. — Съ локомобилемъ она стоитъ чего-нибудь. Она, вѣдь, не то, что негодная, а такъ, отъ бездѣлья развалилась... А больше ничего, кажись, нѣтъ такого. Но все же надо подумать...

И онъ ушелъ къ себѣ думать, а Михаилъ Аркадьевичъ остался въ самомъ тягостномъ настроеніи. Онъ-то, конечно, ничего не придумаетъ. Онъ даже не знаетъ, что у него есть въ хозяйствѣ. Какъ-то ни разу не приходило ему въ голову познакомиться съ этимъ предметомъ. Да и зачѣмъ? Все равно, онъ и такъ знаетъ, что ничего нѣтъ. Впрочемъ, какую-то тамъ «скопщину» стали возить мужики: можетъ быть, изъ этого что-нибудь извлечь можно? Но едва ли хватитъ на такую сумму.

Тетушка Марѳа Ниловна по пути изъ города заѣхала напиться и посидѣла минутъ десять. Онъ принялъ ее вѣжливо, но какъ-то не могъ разговориться.

— Что это ты такой кислый, племянникъ? — спросила Марѳа Ниловна.

— Такъ... нездоровится.

Тетка не повѣрила, но не возразила. Ему даже не пришло на мысль попросить у тетки денегъ или даже сказать ей о векселѣ. Первое будетъ безуспѣшно, да еслибъ и былъ успѣхъ, то послѣ ея перваго отказа было бы противно взять у нея деньги. Второе дало бы ей поводъ сказать что-нибудь родственно-язвительное. И онъ проводилъ ее, ничего не сказавши о векселѣ.

Когда пріѣхалъ Ерошкинъ, онъ сидѣлъ на крыльцѣ, облокотившись одною рукой на столъ. Степанъ Григорьевичъ сразу замѣтилъ, что онъ разстроенъ.

— Что у васъ, голубчикъ? — просто, сочувственно спросилъ онъ.

— Непріятность! — отвѣтилъ Милованов. — Лупаревъ предъявилъ вексель на тысячу рублей. Щербенко ничего не можетъ выдумать...

— Только-то? — ни мало не опечалившись, сказалъ Ерошкинъ.— Ну, это еще милостиво. Тысячу рублей мы заплатимъ...

— Съ какой стати вы будете платить, Степанъ Григорьевичъ? — съ легкою досадой промолвилъ Миловановъ.

— Ну, вотъ — съ какой стати! Да съ той самой, что у васъ ихъ нѣтъ, а деньги были взяты и прожиты,— значитъ, надо ихъ заплатить. И, притомъ, прожиты столько же не вами, сколько и не мной.

— Почемъ знать? Можетъ быть, именно для меня были взяты и мной прожиты!

— Да это все равно. Однимъ словомъ, Михаилъ Аркадьевичъ, деньги будутъ уплачены. Пусть Щербенко завтра съѣздитъ въ городъ, я дамъ ему чекъ, онъ получитъ и внесетъ. А вы — глядите-ка веселѣй!

— Вы хотите окончательно убить меня своимъ великодушіемъ! — еще съ нѣкоторою долей мрачности сказалъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Полноте, полноте! Не навязывайте мнѣ того, что мнѣ совсѣмъ не свойственно. Я нисколько не намѣренъ великодушничать, а, напротивъ, хочу взять съ васъ вексель на тысячу рублей...

— Вотъ за это спасибо! Въ такомъ случаѣ я буду совершенно спокоенъ! — радостно воскликнулъ Михаилъ Аркадьевичъ.

Ерошкинъ тонко усмѣхнулся и подумалъ въ это время: «Привычка къ формамъ порядочности, не больше. Вѣдь, знаетъ же онъ, что никогда не будетъ чѣмъ заплатить по векселю!»

Миловановъ оживился и тотчасъ же началъ разсказывать о своихъ вчерашнихъ похожденіяхъ по плавнямъ, куда онъ ходилъ писать этюды. Вексельное омраченіе совсѣмъ прошло. Онъ пригласилъ Щербенко и весело объяснилъ ему, что̀ надо дѣлать.

— Вы, Никита Ивановичъ, по пути въ городъ,— хотя это и не совсѣмъ по пути,— заѣзжайте ко мнѣ и получите чекъ,— сказалъ ему Ерошкинъ.

— Видите, Никита Ивановичъ,— шутилъ Михаилъ Аркадьевичъ,— я скорѣй придумалъ, чѣмъ вы.

— Признаться по правдѣ,—отвѣтилъ, усмѣхаясь, Щербенко, — это была моя первѣйшая мысль и я зналъ, что такъ будетъ...

— Однимъ словомъ, мы съ вами оба одинаково изобрѣтательны, да только съ такою изобрѣтательностью не далеко уйдешь.

— Это правда, — подтвердилъ Щербенко.

Миловановъ разсказывалъ Степану Григорьевичу о своихъ прогулкахъ на этюды. Онъ повелъ его въ кабинетъ и показалъ ему

свои наброски. Это было то, что можно было на каждомъ шагу встрѣтить въ Милованов кѣ: ива, печально-задумчиво опустившая свои вѣтви въ воду, камышевый кустъ съ выпорхнувшею изъ него напуганною дикою уткой, баба, нагнувшаяся надъ грядой и копающая картофель, болото, испещренное птицами. Все было сдѣлано недурно, спѣшными небрежными мазками и такихъ набросковъ была порядочная куча.

— Это вы для какой-нибудь картины? — спросилъ Ерошкинъ.

— Можетъ быть, когда-нибудь пригодится, — отвѣтилъ Михаилъ Аркадьевичъ. — Я пишу просто такъ, что вижу и что такъ или иначе производитъ на меня впечатлѣніе.

— Но зачѣмъ?

— О, зачѣмъ! — съ улыбкой воскликнулъ Милованов. — Ни зачѣмъ. У васъ во всемъ цѣль, Степанъ Григорьевичъ, но искусство не задается цѣлями. Художникъ переноситъ на полотно то, что его волнуетъ, вотъ и все.

— Это можетъ быть, — серьезно возразилъ Ерошкинъ, — но вся суть въ томъ, что его волнуетъ, на какія впечатлѣнія художественно откликается его душа. У одного она откликается только на то, что значительно, что затрогиваетъ глубокій общественный интересъ, и тогда мы и на полотнѣ встрѣчаемъ картину, которая будитъ въ насъ тотъ же интересъ, и такая картина, безъ сомнѣнія, полезна. У другого же душа откликается на все безразлично, его рука, держащая кисть, рабски слѣдуетъ за впечатлѣніями въ томъ порядкѣ, въ какомъ они легли въ душѣ. Это не творчество, а простая передача впечатлѣній. Я передаю ихъ словами и взглядами, вы — красками, вотъ и все. Но ни я, ни вы ничего не «творимъ». Нѣтъ, по-моему, вы правы, что у искусства нѣтъ цѣли, но у художника должна быть цѣль, какъ нѣтъ цѣли у стихійной электрической силы, а человѣкъ даетъ ей цѣль или, правильнѣе сказать, пристраиваетъ къ ней свою цѣль...

— Въ такомъ случаѣ, я — не художникъ, — сказалъ Милованов. — Въ искусствѣ я никогда не преслѣдовалъ никакой цѣли.

— Потому что у васъ ея никогда не было. Будь у васъ цѣль въ жизни, вы, владѣя кистью, сейчасъ же перенесли бы ее въ искусство. Иначе живой человѣкъ не можетъ поступить. Тѣ художники, что проповѣдуютъ искусство безъ цѣли, непремѣнно и сами живутъ безъ цѣли. По-моему, они вовсе и не художники...

О!

Да, правда. И вы не художникъ, Михаилъ Аркадьевичъ. Вы только — художественная натура. Чтобы вамъ стать художни-

комъ, надо пріобрѣсти какую-нибудь разумную цѣль въ жизни, тогда вы сейчасъ же начнете творить во имя этой цѣли и у васъ явится картина.

Разговоръ шелъ въ совершенно миролюбивомъ тонѣ съ обѣихъ сторонъ. Рѣзкіе приговоры Ерошкина произносились тономъ простого спокойнаго разсужденія и потому были лишены какой бы то ни было колкости. Миловановъ научился выслушивать его спокойно и, не соглашаясь съ нимъ, признавать его мнѣніе. Въ прежнее время подобные взгляды непремѣнно вызвали бы съ его стороны раздраженіе и ѣдкій отпоръ.

— Ѣдемте къ намъ обѣдать, — сказалъ Ерошкинъ. — Лиза поручила мнѣ взять васъ.

— Если Лиза поручила, то это для меня законъ, — отвѣтилъ Миловановъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя такъ по отношенію къ Лизѣ. За эти нѣсколько недѣль онъ сильно привязался къ ней. Это была его первая настоящая сердечная привязанность за всю жизнь и онъ цѣнилъ это.

Лизаветѣ Аркадьевнѣ стоило небольшого труда примѣниться къ образу жизни въ обдоровской усадьбѣ. Она была хорошо знакома съ тамошними порядками. Еще при жизни Анны Николаевны она нерѣдко совершала сюда прогулки пѣшкомъ и оставалась здѣсь по нѣсколько часовъ. Собственно въ самомъ домѣ велась чрезвычайно несложная жизнь. Ерошкиныхъ было только двое: онъ и его мать. Степанъ Григорьевичъ днемъ былъ въ саду, на фермѣ, на полѣ, а вечеромъ у себя въ кабинетѣ или на балконѣ, спѣшно разрѣзывая и прочитывая новыя книги, журналы и газеты. Старуха вела домашнее хозяйство, и вела какъ-то такъ, что этого ничего не было видно. Въ то время, какъ въ Милововкѣ день дѣлился на время — передъ чаемъ, послѣ чаю, передъ завтракомъ, послѣ завтрака, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, и потомъ еще чай и ужинъ, и эти событія явно играли видную роль въ жизни усадьбы, постоянно подымая вопросы о кушаньяхъ, о приглашенныхъ гостяхъ, о внезапно пріѣхавшихъ,— въ Обдоровкѣ все это дѣлалось тихо, личными усиліями старухи Ерошкиной, и никто этимъ событіямъ не придавалъ никакого значенія. У нихъ это имѣло такой видъ, будто завтракъ и обѣдъ никогда не готовятся, а какъ-то всегда сами собой готовы. Никогда никакихъ разговоровъ на этотъ счетъ, никакихъ приготовленій, никакихъ исторій по поводу недожаренной или пережаренной курицы, или чего-нибудь подобнаго.

Лиза уже давно привыкла считать этотъ кабинетъ съ «скучною»

обстановкой своимъ, и когда бывала здѣсь, то распоряжалась книгами такъ, какъ человѣкъ, знающій, гдѣ что должно лежать и что для чего служитъ. Она также привыкла къ старухѣ, которая обожала ее и только и говорила, что объ ея умѣ, нравѣ и красотѣ. Давнымъ-давно интересы, преобладающіе въ обдоровской усадьбѣ, сдѣлались ея интересами, и такимъ образомъ ей привыкать было рѣшительно не къ чему. Уже больше года, какъ она жила сердцемъ тамъ, по ту сторону ставка, а все, что дѣлалось въ Милововкѣ, скользило по ея душѣ, не причиняя ей ни радости, ни страданія. Эти маленькія трагедіи по поводу неоплатныхъ долговъ, необходимости уменьшить расходы, сократить, а затѣмъ и совсѣмъ прекратить пріемы, домашнія трагедіи, всѣ связанныя съ честью рода Миловановыхъ, ее совсѣмъ не трогали. Она видѣла всю ихъ ничтожность и тщету и не придавала имъ значенія. Она жила тамъ своею, совершенно особенною жизнью, съ своими книгами и своими мыслями.

Михаила Аркадьевича поражала въ Лизѣ та необыкновенная твердость, съ которой она держалась за свои взгляды. Въ началѣ ихъ сближенія у нихъ изрѣдка бывали дружескіе споры. Михаилъ Аркадьевичъ подолгу останавливался на ея неширокомъ, какъ ему казалось, ограниченномъ девизѣ — «быть кому-нибудь полезной», мечтательно говорилъ, что его не могла бы удовлетворить такая узкая сфера дѣятельности,— «въ какой-нибудь Обдоровкѣ съ Милововкой въ придачу», что онъ понимаетъ дѣятельность болѣе широкую, для всего народа, для человѣчества. Онъ называлъ литературу, искусство, науку и можно было подумать, что эти сферы— его сферы и онъ въ нихъ чувствуетъ себя какъ дома.

Лиза отрицательно качала головой.

— Нѣтъ,—говорила она,—этимъ меня не отобьешь отъ дѣла. Насильно не сдѣлаешься великимъ, если ты по своей природѣ маленькій и скромный человѣкъ. Я не чувствую въ себѣ никакого особеннаго таланта, зачѣмъ же я буду рваться въ высь безъ крыльевъ? Я хоть маленькую работу сдѣлаю...

— Это значитъ—добровольно осуждать себя на лямку. Это ужасно!

— На какую же лямку, если я это люблю? Дѣлать то, что любишь—удовольствіе...

У Лизы—бѣдная натура. Въ ней нѣтъ ничего милововскаго. Можетъ быть, это и къ лучшему»,—думалъ Михаилъ Аркадьевичъ.

Но подобные разговоры возникали у нихъ только вначалѣ. Потомъ ни Лиза, ни Ерошкинъ вдругъ, точно сговорившись, не

стали затрогивать принципіальныхъ вопросовъ. Они не сговаривались, но оба руководствовались однимъ и тѣмъ же соображеніемъ. Надо Михаилу Аркадьевичу дать обжиться въ деревнѣ. Онъ и самъ не замѣтитъ, какъ эта простая здоровая жизнь привьется къ нему, вытѣснитъ изъ души его всѣ столичныя привычки и ему будетъ странно думать, что онъ могъ когда-то любить ту жизнь. Теперь, глядя на то, какъ онъ спокоенъ и всегда хорошо настроенъ, какъ благодушно смотритъ на все и обо всемъ говоритъ, они начали думать, что онъ уже совсѣмъ «излечился».

XIV.

Они проѣзжали мимо фермы и Михаилу Аркадьевичу вдругъ пришла въ голову мысль, которую онъ тутъ же высказалъ:

— Не странно ли это, Степанъ Григорьевичъ, что я живу здѣсь уже два мѣсяца, состою вашимъ добрымъ пріятелемъ, чуть не каждый день у васъ бываю, знаю, что дѣятельность ваша интересна, и до сихъ поръ не поинтересовался узнать, въ чемъ собственно она состоитъ... Напримѣръ, вотъ ферма: я сто разъ проѣзжалъ и проходилъ мимо нея, а ни разу даже не заглянулъ. Вы не находите это страннымъ?

Ерошкинъ усмѣхнулся.

— Представьте, что нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Но очень радъ, что вы теперь объ этомъ подумали. Я полагаю, на васъ самое слово «ферма» уже наводило нестерпимую скуку... Не такъ ли?

— Совершенно такъ. Ферма представляется мнѣ въ видѣ какого-то казарменнаго зданія съ наглухо заколоченными окнами, гдѣ всюду мука, крупа, куры, телята, сыръ и еще машины... Не правда ли, очень нелѣпое представленіе?

— Ничего схожаго съ дѣйствительностью. Впрочемъ, можетъ быть, это оттого, что мы неправильно называемъ наше учрежденіе. Мы его назвали фермой такъ, что называется, для порядку, а, въ сущности, это даже не ферма, а нѣчто болѣе сложное...

Надо было только зацѣпить Ерошкина, чтобъ онъ уже до вечера не покидалъ этой темы. Слава Богу, что Михаилъ Аркадьевичъ заинтересовался этимъ вопросомъ. И тутъ, разумѣется, не въ фермѣ было дѣло, а въ томъ, чтобы познакомить его со всѣми своими планами. Ему казалось, что если Михаилъ Аркадьевичъ подумалъ объ этомъ самъ безъ всякаго понуканія, то, значитъ, пришло время, когда онъ можетъ воспринять его идеи. И онъ говорилъ безъ умолку — за обѣдомъ, въ саду, когда они гуляли въ тѣни старой дубовой аллеи, насаженной Обдорскими, и вечеромъ за чаемъ.

— Мой отецъ,—такъ говорилъ Ерошкинъ,—началъ свою карьеру съ тремя рублями въ карманѣ. Я не знаю, какъ образовалась у него первая сотня, но, разумѣется, не прямымъ путемъ, такъ какъ такимъ путемъ изъ трехъ рублей сдѣлать сотню нельзя. По всей вѣроятности, онъ воспользовался чьимъ-нибудь очень ужь невыносимымъ положеніемъ, а, можетъ быть, и просто взялъ то, что плохо лежало. Какъ видите, я нисколько не заблуждаюсь на этотъ счетъ и естественное уваженіе къ предкамъ не заставляетъ меня закрывать глаза на ихъ пороки. Въ первое время онъ оперировалъ среди деревенскаго люда и, какъ мнѣ извѣстно, дралъ безбожно. Я знаю по личному опыту, что это былъ человѣкъ мягкій и добрый по характеру, и тѣмъ удивительнѣе, что въ денежныхъ отношеніяхъ онъ былъ безпощаденъ. Никакое страданіе не могло смягчить его: онъ поступалъ по уговору, который, разумѣется, давалъ ему несоразмѣрныя преимущества. Случалось, что онъ оказывался полнымъ хозяиномъ нѣсколькихъ мужицкихъ урожаевъ, да еще съ условіемъ, что хозяева надѣловъ должны были скосить, свезти и смолотить ему хлѣбъ даромъ, оставаясь сами на всю зиму безъ пищи. Понятно, что такимъ путемъ онъ въ какія-нибудь пять лѣтъ превратилъ свои три рубля въ десять тысячъ и тогда онъ сказалъ буквально слѣдующую фразу: «Ну, довольно своего брата-мужика обижать. Надо повыше подняться». И онъ въ самомъ дѣлѣ вздохнулъ свободнѣе. Ему тяжело было «обижать своего брата», но онъ не могъ не обижать его, потому что весь былъ во власти своей задачи. А задача его была—нажить состояніе, нажить во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Съ десятью тысячами въ карманѣ онъ сталъ «работать» среди помѣщиковъ. Время было удивительно благопріятное. Всѣмъ нужны были деньги и никто не зналъ имъ цѣны. Дать вексель на три тысячи, взявши тысячу, было дѣломъ простымъ и общепринятымъ. Это было поколѣніе, такъ сказать, крѣпостническихъ остатковъ: или молодые помѣщики, воспитанные на крѣпостническихъ началахъ, на началахъ, съ одной стороны, готоваго труда, а съ другой—величественнаго презрѣнія къ какой бы то ни было работѣ, или старики, привыкшіе къ широкой жизни со множествомъ излишнихъ слугъ, съ шумомъ гостей, музыкой и звономъ бокаловъ. И тѣмъ, и другимъ нужны были деньги, и мой отецъ на этой почвѣ, начавъ съ скромныхъ долей, дошелъ до того, что могъ ссужать не одну сотню тысячъ. Онъ никогда не рисковалъ, какъ вы знаете, всегда обезпечивая свои деньги прочнымъ залогомъ. При этомъ онъ держался пріемовъ мягкихъ, какъ разъ противуположныхъ тѣмъ, какіе онъ примѣнялъ къ кресть

янамъ, и это понятно: мужика если не придушить, съ него и взять будетъ нечего; чтобы взять что-нибудь, хоть копѣйку съ мужика, надо непремѣнно вырвать у него кусокъ изъ горла, потому что ничего другого у него, кромѣ этого куска, нѣтъ. А тутъ совсѣмъ другое дѣло... И иные изъ помѣщиковъ по десятку лѣтъ ограничивались взносомъ процентовъ и отсрочкой. У отца былъ свой разсчетъ. Ему надо было увеличить свой капиталъ. Когда же я послѣ его смерти взялъ въ руки дѣла, у меня уже этого разсчета не было. И вы не можете себѣ представить, какъ были удивлены и поражены господа должники, когда я отказался принять проценты и дать отсрочки. Это было два года тому назадъ. Я былъ въ уѣздѣ предметомъ общаго негодованія. Какъ?— восклицали всѣ.—Тотъ былъ темный необразованный мужикъ и у него хватало деликатности... А этотъ образованный и, говорятъ еще, передовой человѣкъ... Однимъ словомъ, вродѣ той фразы, которую вы мнѣ сказали при первомъ нашемъ свиданіи. А я просто видѣлъ, что люди живутъ безъ толку, разоряютъ землю, истощаютъ ее безъ пользы для себя и для другихъ, и... воспользовался своими правами. Въ особенности досталось мнѣ изъ-за Обдорскихъ. Потеря имѣнія была для нихъ роковымъ моментомъ,—они окончательно разорились, и это почему-то всѣхъ трогало, хотя никто пальцемъ не двинулъ, чтобы выручить ихъ. Самъ Обдорскій, Андрей Петровичъ, симпатичный, умный, и мнѣ, признаюсь, даже было жаль его. Былъ такой моментъ, когда я колебался и чуть было не подписалъ отсрочку на два года. Но тутъ я вспомнилъ, до какой степени непроизводительно тратитъ онъ деньги и силы въ Петербургѣ, и вдругъ почувствовалъ себя врагомъ этого умнаго и симпатичнаго человѣка. Да, врагомъ, личнымъ врагомъ, Михаилъ Аркадьевичъ! Что-жь, въ самомъ дѣлѣ? Мы работаемъ для опредѣленной цѣли, у насъ есть задача, которую я, напримѣръ, считаю задачей всей моей жизни: улучшить благосостояніе людей, несправедливо осужденныхъ на жалкое существованіе, и мы же изъ какой-то странной деликатности будемъ поощрять самыхъ заклятыхъ враговъ нашей задачи. Я говорю: «враговъ, потому, что эти безполезные люди, ничего не производя, проѣдаютъ, вѣдь, за десятерыхъ, значитъ, изъ-за каждаго такого молодца девять человѣкъ остаются безъ пищи. Не значитъ ли это уничтожать лѣвою рукой то, что созидаетъ правая? Это безсмысленно, и я рѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ. Знаете ли что теперь дѣлаетъ Обдорскій? Онъ сталъ служить въ какомъ-то желѣзно-дорожномъ управленіи и теперь зарабатываетъ уже до трехъ тысячъ въ годъ...

Помните ли вы, Михаилъ Аркадьевичъ, тотъ вопросъ, который вы задали мнѣ въ наше первое свиданіе? Вы тогда хотѣли уязвить меня, и это понятно, потому что вы меня не знали. Вы сказали, что въ академіи я былъ демократомъ, а теперь? А теперь, я скажу вамъ, я не могу дать себѣ клички, которая ясно опредѣлила бы мою дѣятельность. Что такое «академическій демократизмъ»? Это благородный порывъ, желаніе лучшаго для своей родины, готовность поработать ради этого лучшаго, иногда готовность принести себя въ жертву. Но мы тогда не знаемъ ни жизни, ни ея нтребностей, а когда узнаемъ, кличка уже не годится, начинается работа. Я пріѣхалъ сюда совершенно невиннымъ по части знанія жизни и я жилъ съ отцомъ нѣсколько лѣтъ, изучая ее. Я могъ спокойно разрабатывать свой планъ, опираясь на большое состояніе отца, которымъ мысленно уже распоряжался въ будущемъ. Я задавалъ себѣ вопросъ: что нужнѣе всего? И послѣ долгихъ наблюденій рѣшилъ, что нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ болѣе жалкаго и несчастнаго, какъ положеніе русскаго деревенскаго человѣка, который, живя въ концѣ девятнадцатаго вѣка, когда для земледѣлія, какъ и для другихъ отраслей человѣческой дѣятельности, добыты милліоны усовершенствованій, а человѣческій умъ такъ развился и ушелъ впередъ,—остается темнымъ, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, и одинъ во всемъ мірѣ обрабатываетъ землю своимъ первобытнымъ способомъ, безъ орудій, безъ сильнаго скота, безъ хорошихъ сѣмянъ, борясь, къ тому же, постоянно то съ безводіемъ, то съ жукомъ, то съ десятками другихъ напастей. Я видѣлъ, что люди, обладавшіе образованіемъ и средствами, какъ Обдорскіе, Миловановы и другіе, не только ничѣмъ не помогли ему, но и сами дошли до разоренія... И тутъ-то я и выработалъ свой планъ. Онъ очень простъ: дать земледѣльцу то, чего ему недостаетъ, а недостаетъ ему очень многаго. Прежде всего, знаній, положительныхъ знаній. Вѣдь, земледѣліе, это—физика и химія. На каждомъ шагу вы встрѣчаете необходимость примѣненія законовъ, изученныхъ этими науками. Наши университеты и академіи съ ихъ многочисленными лабораторіями тщательно разрабатываютъ эти знанія, и затѣмъ мы почему-то держимъ ихъ въ секретѣ отъ семидесяти милліоновъ людей, которымъ они всего нужнѣе. Почему? Да потому, что существуетъ предразсудокъ, что земледѣльцу ничего этого не нужно, что ему достаточно поковырять въ землѣ своею палкою сохой и сама земля сдѣлаетъ все, что надо. Правда, земля умѣетъ это дѣлать, но послѣ того, какъ она тысячу лѣтъ кормила людей своими соками, она имѣетъ право требовать, чтобы лю-

ди помогали ей продолжать ея работу. Вотъ мы здѣсь по праздникамъ собираемся, внизу у меня есть кое-какіе необходимые приборы и я, насколько могу, знакомлю обдоровцевъ и миловановцевъ съ тѣмъ, что самъ знаю. Это очень мало, я не спеціалистъ, но гдѣ я найду спеціалиста, который захотѣлъ бы помогать мнѣ? Всѣ они или дѣлаютъ карьеру, или разрабатываютъ науку, а здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Затѣмъ недостаетъ мужику порядочныхъ орудій, доброкачественныхъ сѣмянъ, умѣнья обращаться со всѣмъ этимъ, желанія и умѣнья орошать поля, защищать ихъ отъ засухи растительностью,—все это составляетъ задачу нашей фермы. Мы только полтора года работаемъ, а уже наши нивы между крестьянскими словно оазисы среди пустыни. И уже всѣ озадачены, заинтересованы, какъ это дѣлается, почему такая разница, что за чудо такое? Насъ осаждаютъ разспросами, на нашу ферму, которой прежде не хотѣли замѣчать, лѣзутъ мужики и бабы и всюду суютъ носъ. Намъ только остается не терять времени и навязывать имъ то, что у насъ есть лучшаго. Въ этомъ году уже у насъ брали орудія. Мы даемъ ихъ за плату; это необходимо, чтобы ферма могла сама себя содержать и развиваться. Но моя затаенная мечта — это устроить заводъ рабочаго скота. У крестьянъ онъ плохъ, худой породы, малосиленъ, да и обладаніе имъ зависитъ отъ случайностей. Рыночныя цѣны руководятся нуждой и какъ разъ тогда, когда нуженъ скотъ, т.-е. весной, онъ дѣлается недоступенъ по цѣнѣ. Я мечтаю завести сильную породу и устранить зависимость отъ рынка. Но для этого нужно многое, чего мнѣ недостаетъ. Нужна земля для пастбищъ, ея у меня нѣтъ, нужны люди...

Михаилъ Аркадьевичъ слушалъ всѣ эти объясненія и не могъ надивиться тому обстоятельству, съ какимъ увлеченіемъ, съ какимъ жаромъ говорилъ все это Степанъ Григорьевичъ. Когда онъ дошелъ до своей «мечты о заводѣ рабочаго скота», у него глаза зажглись чѣмъ-то похожимъ на вдохновеніе и видно было, что это дѣйствительно его «затаенная мечта». И, несмотря на то, что Милованов заранѣе уже настроилъ себя «на серьезный ладъ», ему все время хотѣлось усмѣхнуться. «Боже мой! —думалъ онъ,— неужели же можно вдохновляться такими вещами, какъ скотскій заводъ, сельско-хозяйственныя машины, удобреніе и проч., и проч.? Гдѣ же въ этихъ сухихъ, холодныхъ, мертвыхъ предметахъ та красота, та живая теплая струя, которая способна своимъ дуновеніемъ зажечь въ душѣ человѣка огонь, заставить глаза его блестѣть и голосъ дрожать? А у него глаза горятъ и голосъ взвол-

кованно дрожитъ. Почему, наконецъ, ему это доступно, а мнѣ нѣтъ? Почему для него это источникъ радости, способный заставить его сердце биться сильнѣе, а для меня это источникъ скуки? Неужели мы до такой степени различны, что разно видимъ предметы, разно воспринимаемъ одно и то же впечатлѣніе, разно чувствуемъ — любимъ, ненавидимъ?... Приходится согласиться съ этимъ!...»

Уже вечерѣло, когда они сидѣли въ саду за чайнымъ столомъ. Ерошкинъ уже показалъ Милованову хозяйственную часть сада, водилъ затѣмъ его по огромному пространству земли, засаженному маленькими, едва вышедшими изъ почвы деревцами. Это онъ называлъ «школой» и предназначалъ для цѣлей предстоящаго лѣсоразведенія. Теперь, когда онъ, повидимому, заканчивалъ изложеніе своего плана, онъ вдругъ предложилъ:

— Хотите, пойдемте на ферму?... Я вамъ покажу ее,—и онъ, разумѣется, былъ увѣренъ, что Миловановъ сейчасъ же согласится. Но Михаила Аркадьевича это предложеніе буквально бросило въ дрожь. Уже онъ давно дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобъ не потерять внимательнаго вида, чтобы не обнаружить разсѣянности, которая въ дѣйствительности заставляла его пропускать мимо ушей цѣлые періоды изъ рѣчи Ерошкина.

Онъ развлекался собственными мыслями, попутными наблюденіями, сопоставленіями. Онъ, напримѣръ, совсѣмъ не могъ понять того обстоятельства, что Лиза, бывшая съ ними почти все время, слушала Степана Григорьевича съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, какъ будто рѣчь его была откровеніемъ. По временамъ, въ особенности когда дѣло шло о будущемъ, то-есть о томъ времени, когда скотскій заводъ будетъ въ полномъ ходу и крестьяне будутъ получать оттуда за сходную цѣну превосходный рабочій скотъ, лицо ея оживлялось удовольствіемъ и радостью. «Значитъ, она чувствуетъ такъ же, какъ и онъ,—думалъ Михаилъ Аркадьевичъ,—значитъ, и ея душу зажигаютъ тѣ же самыя явленія, которыя кажутся мнѣ холоднѣе льда... онъ переродилъ ее, онъ вселилъ въ нее свою душу».

И вдругъ ему предлагаютъ еще пройтись по фермѣ. Ужь онъ умѣлъ было сослаться на усталость или головную боль и отложить удовольствіе до другаго раза, но Лиза такъ обрадовалась предстоящей прогулкѣ и такъ горячо выразила желаніе идти съ ними, что онъ не въ силахъ былъ отказаться. Онъ рѣшилъ принести себя въ жертву.

XV.

Лиза сбѣгала наверхъ, надѣла шляпу и принесла шляпы мужчинамъ. Когда они встали, чтобъ идти, въ саду появился очень молодой человѣкъ съ необыкновенно смуглымъ лицомъ, на которомъ какъ угли горѣли блестящіе черные глаза. Онъ былъ небольшого роста, сухощавый, миніатюрный. Темно-коричневый шерстяной пиджакъ былъ словно нарочно подобранъ къ цвѣту его лица. Въ правой рукѣ онъ держалъ толстѣйшую палку, вырѣзанную, должно быть, собственноручно гдѣ-нибудь на фермѣ или въ саду.

Онъ кивнулъ головой, улыбнулся всѣмъ, блеснувъ своими бѣлыми зубами, и этимъ ограничилъ свое привѣтствіе.

— Вы пришли не кстати, Иванъ Лукичъ,—сказалъ ему Ерошкинъ.

— Какъ не кстати? — спросилъ тотъ, немного смутившись. Впрочемъ, онъ смущался каждую минуту.

— Да мы же къ вамъ собираемся. Хотимъ Михаилу Аркадьевичу ферму показать...

— Михаилу Аркадьевичу?—спросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.—Да зачѣмъ же это Михаилу Аркадьевичу?

— Какъ зачѣмъ?—вступилась Лиза такимъ тономъ, какъ будто Михаила Аркадьевича обижали.—Почему-жь вы думаете, что ему не зачѣмъ?

— Да такъ... Именно думаю, что не зачѣмъ,—отвѣтилъ гость и при этомъ привѣтливо улыбнулся Милованову.—Вѣдь, тутъ ничего нѣтъ обиднаго?—сказалъ онъ ему.

— О, разумѣется, ничего!—отвѣтилъ Милованов. Онъ хотѣлъ прибавить: «и, притомъ же, вы совершенно правы», но это очень огорчило бы Лизу и онъ воздержался.

Это былъ Рыбальскій, недавно пріѣхавшій прямо изъ школы завѣдывать фермой. На видъ ему было лѣтъ двадцать. Пріѣхалъ онъ, главнымъ образомъ, ради практики, потому что чувствовалъ себя ровно ничего не знающимъ. Любилъ говорить прямо и рѣзко и немного рисовался этимъ. Это была въ немъ странная черта на ряду съ застѣнчивостью, которая заставляла его часто краснѣть, повидимому, даже безъ повода. Кажется, застѣнчивость и была причиной его рѣзкости. Онъ боролся съ нею, шелъ напроломъ и оттого пересаливалъ. Но Ерошкинымъ онъ нравился. Въ особенности Лиза цѣнила въ немъ его прямоту и съ удовольствіемъ выслушивала его замѣчанія, которыя часто походили на дерзости, впрочемъ, не преднамѣренныя, и они его же перваго заставляли краснѣть.

— А я-то и пришелъ звать васъ! — объявилъ Рыбальскій, обращаясь къ Степану Григорьевичу.

— А что тамъ?—спросилъ тотъ.

— Тамъ мужики васъ ждутъ. Насчетъ молотилки...

— Неужто?—съ видимымъ удовольствіемъ воскликнулъ Ерошкинъ.—И много ихъ?

— Душъ пятнадцать.

— Кто такіе?

— Я ихъ поименно не знаю, но все здѣшніе, обдоровскіе.

— Превосходно, превосходно!—продолжалъ радоваться Ерошкинъ и затѣмъ пояснилъ, обращаясь къ Михаилу Аркадьевичу:— Вотъ видите, Михаилъ Аркадьевичъ, у насъ любятъ говорить объ инертности мужика, о его неподготовленности къ культурнымъ формамъ жизни. Какая это чепуха! Надо только показать ему воочію выгоду и удобство, и онъ, не долго думая, приметъ и воспользуется. Когда у меня въ первый разъ, прошлымъ лѣтомъ, засвисталъ локомобиль, вся деревня дивилась, боялись близко подойти и говорили, что это нечистая сила дѣйствуетъ. Но я очень скоро убѣдился, что это они говорятъ ради остроумія, какъ и вообще въ большей части случаевъ мужикъ любитъ путать въ дѣло нечистую силу ради остроумія, а, въ сущности, онъ ее боится почти столько же, какъ мы съ вами... И подходить стали, и ощупывали, каждый винтикъ осматривали, а, въ концѣ-концовъ, два зажиточныхъ мужика молотили ею свой хлѣбъ. Ну, вотъ, а теперь уже пятнадцать душъ разохотились, а тамъ и другіе увидятъ, что выгоднѣе покончить съ молотьбой въ какихъ-нибудь два-три часа, чѣмъ цѣлую недѣлю клюкать цѣпомъ на гумнѣ...

Они вышли со двора и минутъ черезъ десять были на фермѣ. Она нисколько не походила на представленіе о ней Михаила Аркадьевича, въ ней не было ничего казарменнаго. Обширный дворъ былъ засаженъ старыми акаціями. Здѣсь прежде былъ садъ, назначенный спеціально для прогулокъ. Въ немъ не было ни одного фруктоваго дерева или ягоднаго куста. Два обширныхъ сарая служили для машинъ, которыхъ было пока немного, деревянный амбаръ, разленный на глубокіе ящики, заключалъ въ себѣ образцы хлѣбныхъ и травяныхъ сѣмянъ. Жилыя помѣщенія были построены отдѣльными одноэтажными домиками; въ нихъ обитали Рыбальскій, машинистъ и сторожъ, но въ будущемъ предполагались два помощника *завѣдующему*. Общій видъ былъ такой, какой свойственъ новому *предпріятію*, еще только начинающемуся и дѣлающему все въ

половину. Все было новое, свѣжее, всюду была чистота, блескъ, непочатость.

Мужики сидѣли посреди двора просто на землѣ, кто на корточкахъ, кто протянувъ ноги, кто полулежа. Это были большею частью хохлы съ смуглыми лицами, широкими скулами и темными глазами; но было человѣка два великороссовъ, выселившихся сюда лѣтъ двадцать назадъ изъ сосѣдней губерніи, гдѣ надѣлы были недостаточны, а народу много. Но у этихъ были такія же полотняныя сорочки и такія же широкія шаровары, какъ и у хохловъ, въ чемъ и состоялъ весь ихъ костюмъ. Отличали ихъ, пожалуй, черныя поярковыя шляпы самаго древняго происхожденія, тогда какъ хохлы были въ желтыхъ, изъ житной соломы, или въ картузахъ, а у одного на головѣ возвышалась сивая барашковая шапка.

Ерошкинъ пошелъ прямо къ нимъ, а Рыбальскій и Лиза демонстрировали Михаилу Аркадьевичу ферму. Но Миловановъ съ гораздо большимъ интересомъ прислушивался къ тому, что говорилось во дворѣ.

— Теперь мы, Степанъ Григорьевичъ, пшеницу сняли, а просо не ждетъ и не сегодня-завтра сыпаться будетъ,— говорили мужики,—его бы какъ разъ время серпомъ забрать, а тутъ молотьба.

— Да много ли у васъ?—спросилъ Ерошкинъ.

Начали высчитывать. Тутъ явились препятствія. Михаленко считалъ на снопы, Ящукъ на копны, а у Миронова хлѣбъ еще лежалъ не связанный. Но кое-какъ привели все къ одной единицѣ. Оказалось, что богатства пятнадцати хозяевъ едва-едва хватитъ на одинъ день работы для молотилки.

— Да неужели на одинъ день?—удивились мужики.—А ежели цѣпами, такъ это каждому дней шесть возиться надо бы. Это разница.

Перешли къ вопросу о платѣ за машину.

— Это вы съ машинистомъ поговорите,—заявилъ Ерошкинъ.— Онъ вамъ скажетъ, сколько топлива пойдетъ, на ремонтъ и проч. У насъ разсчитано все это... Во всякомъ случаѣ, это вамъ обойдется такіе пустяки, какъ будто даромъ.

— А какъ же, Степанъ Григорьевичъ, она объѣзжать насъ будетъ?—спросили хозяева.

Ерошкинъ разсмѣялся. Молотилку должны были везти двѣнадцать паръ воловъ, по крайней мѣрѣ, и возить ее по мужицкимъ надѣламъ было неосуществимою мечтой.

— Нѣтъ ужь, это вы къ ней пріѣзжайте, а она никуда не поѣдетъ,—сказалъ онъ.

Условились, что мужики подвезутъ свой хлѣбъ къ фермѣ и сло-ватъ его каждый отдѣльно на огромномъ току.

— А что, Антонъ Трофимовичъ,—обратился Ерошкинъ къ од-ному изъ мужиковъ, самому почтенному на видъ, съ сѣдыми уса-ми и множествомъ глубокихъ морщинъ вокругъ глазъ,—ты уже не боишься, что это нечистая сила?

Антонъ Трофимовичъ чуть-чуть усмѣхнулся, такъ что едва только зашевелились его усы.

— А Богъ ее знаетъ,—отвѣтилъ онъ,—можетъ, она и нечи-стая, да чисто работаетъ!...

Мужики разсмѣялись и, попрощавшись съ Ерошкинымъ, пошли къ машинисту для переговоровъ о цѣнѣ.

У Михаила Аркадьевича въ это время былъ разговоръ съ Ры-бальскимъ. Этотъ съ виду двадцатилѣтній юноша былъ въ дѣйстви-тельности нѣсколько старше, года на четыре. Онъ любилъ присма-триваться къ людямъ и Миловановъ уже раньше замѣтилъ, что у него есть наблюдательность. Поэтому его замѣчаніе не прошло для него даромъ. Ему хотѣлось знать, почему Рыбальскій такъ рѣши-тельно убѣжденъ, что его, Михаила Аркадьевича, никоимъ обра-зомъ не можетъ интересовать ферма.

Они были вдвоемъ около какой-то машины. Миловановъ сказалъ:

— Да, кстати, чтобъ не забыть: почему это вы сказали тог-да, что мнѣ ферму показывать не зачѣмъ?

— А развѣ не правда?—спросилъ Рыбальскій.

— Это другой вопросъ. Мнѣ любопытно знать, какое у васъ было основаніе...

— А право же никакого основанія не было. Но я убѣжденъ въ этомъ.

— Гм... Когда же вы убѣдились?

— Всегда былъ убѣжденъ. Я замѣтилъ, что какъ только при васъ заговорятъ о фермѣ или о чемъ подобномъ, у васъ сейчасъ взглядъ мѣняется. Обыкновенно беззаботные и благодушные ваши глаза сейчасъ покрываются какою-то тѣнью, словно васъ омрачило какое-нибудь тоскливое воспоминаніе... Вамъ это не сродственно...

— Какъ не сродственно? Что это значитъ не сродственно?

— Такъ, не сродственно. Если рыбу вытащить изъ воды, на-пр..ѣръ, и показывать ей самый роскошный пейзажъ, ну, восходъ со..ца тамъ или закатъ, или что хотите, какъ вы думаете, понра-ви..ся ей это? Вотъ это и есть: не сродственно. А ей, я думаю, боль-ше понравится сидѣть на днѣ рѣки подъ какимъ-нибудь камнемъ и тереться брюхомъ о песокъ. Такъ и это.

Нѣсколько грубое сравненіе Рыбальскаго показалось Михаилу Аркадьевичу довольно подходящимъ. Слушая подробное объясненіе Ерошкина насчетъ его плановъ и обходя затѣмъ ферму, онъ чувствовалъ себя именно такъ, какъ, вѣроятно, чувствовала бы рыба, еслибъ ее вытащили на берегъ и вздумали развлекать красивыми видами. Рыбальскій заинтересовалъ его.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ, — вы здѣсь собственно съ какою цѣлью?

— Да съ самою простой. Зарабатываю пропитаніе и, кромѣ того, поучаюсь,—отвѣтилъ Рыбальскій. — Степанъ Григорьевичъ превосходный хозяинъ, дѣло у него поставлено великолѣпно и тутъ есть чему поучиться. Зарабатываю я немного, всего пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, но за то года черезъ три я могу взять мѣсто управляющаго тысячи на двѣ, на три. Отъ него меня всякій возьметъ...

— Значитъ, вы руководитесь единственно практическими соображеніями?

— А то какими же?—спросилъ Рыбальскій, повидимому, даже не понявъ вопроса.

— Я хочу сказать, какъ вы относитесь къ направленію, къ задачѣ Степана Григорьевича?—пояснилъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Какъ отношусь? Хорошо!... Отчего же? Отлично! Разумѣется, это лучше, чѣмъ бросать деньги зря или прятать ихъ въ банки.

— Но сами вы не намѣрены посвящать себя этой дѣятельности?

— Гм... Еслибъ у меня было пятьсотъ тысячъ, я, можетъ быть, тоже занялся бы гуманною дѣятельностью, но такъ какъ у меня нѣтъ ни гроша, а есть мать, двѣ сестры и братишка, то мнѣ, прежде всего, надо зарабатывать хлѣбъ.

Уже стемнѣло, когда они всѣ возвращались съ фермы въ усадьбу. Ерошкинъ былъ въ восторгѣ. Онъ придавалъ большое значеніе тому, что мужики обратились къ услугамъ молотилки, и опять заговорилъ о томъ, что нѣтъ ничего легче, какъ привить къ мужицкому хозяйству усовершенствованныя орудія. Воображеніе уносило его далеко. Онъ дѣлалъ разсчетъ, на сколько верстъ въ окружности могла бы служить, напримѣръ, одна молотилка, какой нуженъ для пріобрѣтенія ея капиталъ и во сколько времени она окупилась бы. Онъ мечталъ о широкомъ кредитѣ для пріобрѣтенія орудій цѣлыми волостями и уже вся деревенская Россія представлялась ему отбросившей въ сторону и соху, и цѣпы, и нелѣпые катки для «гармана», раздавливающіе зерно и плохо отдѣляющіе его отъ соломы, и дру-

тія несовершенныя орудія. Ему рисовалась веселая картина, когда эти обширныя пространства, надъ которыми гнуть спины и проливають потъ милліоны работниковъ, получая за это отъ земли большею частью скудные плоды, превратились въ цвѣтущія нивы, приносящія во сто разъ больше и требующія на столько же меньше труда. Можетъ быть, подъ вліяніемъ чуднаго вечера съ тихо мерцающими звѣздами на синемъ небѣ, возбужденный сочнымъ и свѣжимъ ароматомъ поля, гдѣ цвѣли позднія ромашки и отъ стожковъ недавно скошенной «второй» травы вѣяло густымъ и пряным запахомъ молодого сѣна, Степанъ Григорьевичъ, обыкновенно практическій и суховатый, никогда не позволявшій своимъ мыслямъ сходить съ узкой дороги реальной жизни, вдругъ размечтался и, самъ того не замѣчая, сталъ выдавать себѣ и другимъ свои желанія за возможную и близкую дѣйствительность.

— Да,—говорилъ онъ, мечтательно глядя въ темную даль.— Все это возможно, все это возможно, если бы были средства и люди! Сколько можно было бы сдѣлать добра на тѣ деньги, что выброшены въ бездну Обдорскими, Миловановыми и тысячами другихъ имъ подобныхъ! Сохранить бы эти деньги и теперь двинуть ихъ въ ходъ... Чудо можно было бы совершить...

— А вотъ Лупаревъ денегъ въ бездну не бросаетъ, а сохраняетъ,—замѣтилъ Милованов, Богъ знаетъ почему, нервнымъ и даже слегка раздраженнымъ тономъ. Вѣроятно, весь этотъ день, что онъ провелъ въ сферѣ «не сродственныхъ» ему разговоровъ и предметовъ, разстроилъ ему нервы. Во всякомъ случаѣ, это была простая мысль, случайно пришедшая ему въ голову, и онъ не имѣлъ въ виду никакихъ параллелей.

— И знаете, что я вамъ скажу, Михаилъ Аркадьевичъ?— промолвилъ Ерошкинъ, взявъ его за локоть.—Лупаревъ, конечно,— зло, но я предпочитаю его тѣмъ... и знаете, почему? Потому что тѣ безсмысленно бросали и бросаютъ деньги въ пропасть, а Лупаревъ, все-таки, консервирующая сила. Деньги, которыя награбилъ и наворовалъ Лупаревъ, лежатъ цѣлы, и ихъ можно еще будетъ направить и такъ, и сякъ. Вы и представить себѣ не можете, какая тутъ важная разница! — продолжалъ онъ, увлекаясь своею мыслью.—Смотрите: Милованов и Обдорскіе въ свое время были, должно быть, выдающимися людьми своего народа, потому они и завоевали привилегированное положеніе. Должно быть, это были энергичные, дѣятельные люди, сильные характеры, способные, оказавшіе какія-нибудь услуги родинѣ,—однимъ словомъ, лучшіе люди. Но отъ поколѣнія къ поколѣнію эти качества исчезали и позднѣй-

шіе потомки уже оказались способными только жить въ свое удовольствіе и отъ нихъ ужь и ждать нечего. Они ликвидируютъ остатки своихъ дѣлъ и отходятъ въ сторону. Лупаревы тоже выдающіеся люди, лучшіе люди, если хотите. Они выдвигаются изъ массы единственно потому, что ихъ болѣе сильные характеры и способности тянутъ ихъ куда-то вверхъ, у нихъ есть инстиктивная жажда чего-то лучшаго, своего рода идеалъ. Но они темны и невѣжественны и могутъ только руководствоваться образцами, которые у нихъ передъ глазами живутъ и дѣйствуютъ. Но образцы эти никто другой, какъ тѣ же Обдорскіе и Миловановы. Чему же научились отъ нихъ Лупаревы? Да тому, что съ деньгами хорошо живется на свѣтѣ, и больше ничему. Ну, вотъ Лупаревы, твердо усвоивъ этотъ взглядъ, и тянутся къ деньгамъ и больше ни къ чему. Но это только первый шагъ. У Лупарева будутъ дѣти, которымъ онъ дастъ образованіе, непремѣнно дастъ, потому что въ этомъ его тщеславіе, чтобы во всемъ сравняться съ Обдорскими и другими. А тѣ, уже просвѣщенные, въ девяти случаяхъ изъ десяти непремѣнно почувствуютъ правду и вернутъ деньги, куда слѣдуетъ...

— Выходитъ, что посредствомъ кулаковъ Лупаревыхъ будетъ спасена Россія!—воскликнулъ Милованов.

— Спасена не спасена, а я говорю только, что когда Лупаревъ собираетъ свою жатву, то можно сказать, что еще не все потеряно, и мы подождемъ, пока подростутъ Лупаревы-дѣти... Они еще близки къ народу, въ нихъ еще кровь течетъ здоровая и бодрая и душа свѣжа. Я не говорю, что они непремѣнно повернутъ на добрую дорогу, но, по крайней мѣрѣ, на это еще можно надѣяться... Но что говорить? Вотъ я—кулацкій сынъ и отецъ мой грабилъ не хуже Лупарева. Ну, вотъ, и мы съ вами вмѣстѣ вошли въ школу, однимъ и тѣмъ же наукамъ насъ учили и одни книжки мы читали. А какъ разошлись наши мысли, Михаилъ Аркадьевичъ, наши мысли и чувства!... И кто же можетъ сказать, что я, кулацкій сынъ, не возвращаю деньги, награбленныя моимъ отцомъ, куда слѣдуетъ?

По мѣрѣ того, какъ наступала ночь, Михаилъ Аркадьевичъ все больше и больше ощущалъ какое-то словно извнѣ давящее его чувство. У него рѣшительно разстраивались нервы, что было чуть ли не въ первый разъ послѣ того, какъ онъ пообѣщалъ сестрѣ остаться съ ними. Можетъ быть, это происходило оттого, что до сихъ поръ его оставляли на полной свободѣ и онъ жилъ, не тревожась никакими мыслями, никакими задачами, а сегодня вдругъ на него хлынулъ потокъ изліяній Степана Григорьевича и грозилъ задавить его беззаботность и благодушіе. Въ одинъ день это было слиш-

комъ много и ему, наконецъ, стало не въ моготу. Кажется, если бы Ерошкинъ случайно не замолкъ, онъ просто попросилъ бы его объ этомъ. Но, должно быть, и самъ Степанъ Григорьевичъ утомился, потому что вдругъ оборвалъ свою рѣчь и они прошли нѣсколько шаговъ въ глубокомъ молчаніи.

Молчаніе было нарушено вопросомъ Лизы, до такой степени страннымъ, что Михаилъ Аркадьевичъ не понялъ его, хотя прямой смыслъ его былъ очень простъ.

— Ты, Миша, учился по-латыни? — спросила Лизавета Аркадьевна.

Михаилъ Аркадьевичъ повернулъ голову въ ея сторону и большими глазами посмотрѣлъ на нее.

— По-ла-ты-ни? — спросилъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Да, по-латыни, Миша,—просто отвѣтила Лиза. Ерошкинъ въ это время усмѣхнулся, не относя, однакожь, ни къ кому этой усмѣшки.

— А тебѣ зачѣмъ латынь?—спросилъ Милововановъ.

— Я хочу учиться по-латыни, — сказала Лизавета Аркадьевна.

— Вотъ этого я ужь окончательно не понимаю!—воскликнулъ Михаилъ Аркадьевичъ, даже остановившись на секунду.—Съ чего это?

— Такъ... нужно,—былъ отвѣтъ.

— Это секретъ, должно быть?

— Нисколько. Но это дѣло еще нерѣшенное, а потому рано говорить о немъ.

И при этихъ словахъ она какъ-то вопросительно взглянула на мужа.

— Да, это дѣло нерѣшенное, Лиза, и о немъ не слѣдовало бы еще говорить,—сказалъ онъ,—но разъ ты заговорила, то ужь продолжай. Тайны, вѣдь, никакой тутъ нѣтъ.

— Конечно, тайны нѣтъ,—промолвила Лиза.—У насъ съ будущаго года будетъ строиться больница и я хочу для нея выучиться медицинѣ...

— А-а! — воскликнулъ Милововановъ, пораженный этою новостью.—Гдѣ же ты будешь учиться? У насъ, вѣдь, нѣтъ уже медицинскихъ курсовъ...

— Да, къ сожалѣнію. Но что же дѣлать? Я поѣду за границу, въ Парижъ поѣду и тамъ буду учиться....Вѣдь, мнѣ диплома не нужно, мнѣ нужно только пріобрѣсти знанія. У насъ будетъ, конеч-

но, врачъ, но мнѣ хотѣлось бы помогать нашимъ бабамъ... Онѣ неохотно идутъ къ мужчинѣ-врачу...

— Но, право же, это непрактично, Лиза!—возразилъ Миловановъ. — Гораздо проще пригласить женщину-врача, чѣмъ самой тратить для этого пять-шесть лѣтъ.

— Это не все равно,—отвѣтила Лиза.

— Почему же? Бабамъ, я думаю, безразлично, кто ихъ будетъ лечить, лишь бы вылечивалъ.

— Такъ. Для бабъ, конечно, это все равно, но для меня—чѣтъ...

— Не понимаю.

— Развѣ ты не понимаешь, что иногда предпочитаешь самъ съ большимъ трудомъ сдѣлать то, что другой сдѣлалъ бы безъ труда?... Мнѣ самой хочется лечить, у меня есть потребность быть лично полезной, нужной для кого-нибудь... Это мнѣ доставитъ наслажденіе.

— А!—сказалъ Миловановъ и подумалъ: «Это все та же сказка про бѣлаго бычка... Какъ они могутъ жить такимъ однообразнымъ чувствомъ и одною мыслью, одною только мыслью, подъ которую подводится все, вся ихъ жизнь!»

— Но, все-таки, это странно,—промолвилъ онъ.—Ты рѣшаешься оставить мужа на такой долгій срокъ... Ты недавно вышла замужъ и это, конечно, было бы тяжело и тебѣ, и Степану Григорьевичу...

Лиза промолчала, а за нее отвѣтилъ Ерошкинъ:

— Вотъ я ее и не пускаю, въ этомъ и все разногласіе,—сказалъ онъ.—Лиза настойчиво хочетъ этого и, вѣдь, это, въ сущности, такое хорошее и естественное стремленіе, что противъ него ничего нельзя сказать... А, между тѣмъ, это тяжело...

Лиза, шедшая рядомъ съ нимъ, взяла его подъ руку и крѣпко прижалась къ нему. Они шли молча, каждый сосредоточиваясь на своихъ мысляхъ. На Михаила Аркадьевича заявленіе Лизы произвело тягостное впечатлѣніе. Чѣмъ-то холоднымъ и бездушнымъ повѣяло на него отъ сестры и въ эту минуту ему даже сдѣлалось жаль Степана Григорьевича. «Какая же это любовь?—думалось ему,—это добродѣтель, что̀ далеко не одно и то же, и когда Ерошкинъ почувствуетъ это, а рано или поздно это непремѣнно случится, то не сладко ему будетъ отъ этой добродѣтели».

Они дошли до усадьбы. Михаилъ Аркадьевичъ вдругъ категорически заявилъ желаніе сейчасъ же ѣхать домой.

Напрасно Ерошкинъ говорилъ, что уже поздно ѣхать и лучше бы онъ остался у нихъ ночевать. Притомъ, ужинъ былъ на столѣ.

Милованов торопился. Онъ увѣрялъ, что дома у него есть какое-то дѣло, какія-то срочныя письма, которыя еще не написаны, а, между тѣмъ, завтра рано Щербенко долженъ отвезти ихъ въ городъ. Пришлось выкатить изъ сарая пролетку и запречь лошадь.

— И такъ, Лиза,—сказалъ онъ прощаясь,—мы начнемъ заниматься латынью. Я къ твоимъ услугамъ. Помню я, должно быть, очень мало, но для твоихъ цѣлей, я думаю, достаточно.

— Завтра пріѣду брать первый урокъ!—крикнула ему Лиза, когда пролетка уже двинулась.

XVI.

Срочныя письма, о которыхъ говорилъ Михаилъ Аркадьевичъ, были выдуманы имъ, но когда онъ пріѣхалъ домой, то нашелъ у себя на столѣ письмо изъ Петербурга. Писалъ его пріятель, участвовавшій въ «художественной экспедиціи», названной такъ въ шутку, т.-е. въ томъ небольшомъ веселомъ кружкѣ, который въ маѣ поѣхалъ въ Вѣну и затѣмъ въ Италію.

Письмо приковало Михаила Аркадьевича къ стулу, едва только онъ разсмотрѣлъ штемпель и почеркъ.

Пріятель писалъ:

«Сейчасъ только вернулись и сейчасъ только я узналъ, что ты все еще сидишь въ деревнѣ. Что за дикая мысль промѣнять чудное путешествіе въ Италію на камыши съ комарами, вишневое варенье и въ лучшемъ случаѣ наливку? Или нашлась по близости какая-нибудь художественно-наивная сосѣдка, много лѣтъ не видавшая настоящаго человѣка и потому впившаяся въ тебя когтями и не выпускающая тебя изъ своихъ объятій? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ искать причину твоего безумія? Не прикажешь же намъ думать, что ты рѣшилъ заняться хозяйствомъ, сѣять и пожинать, вмѣсто того, чтобы пожинать не сѣявши, и вообще сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ? Это такъ же правдоподобно, какъ если бы насъ увѣряли въ томъ, что волки сдѣлались вегетаріанцами или что орлы добровольно даютъ откармливать себя на убой къ святочному ст[illegible]у.

«Описывать ли тебѣ наше путешествіе? Но его описать нельзя. Оно было безподобно, очаровательно, волшебно. Но оно не было и безплодно. Когда я заглядываю въ свой чемоданъ, биткомъ набитый этюдами, украденными у итальянской природы, то считаю себя настоящимъ богачомъ. Изъ этого заключай, что я усердно работалъ и это правда. Мы не скучали ни одной секунды. Переходя отъ

чуда природы къ какому-нибудь чуду искусства и обратно, мы вели себя какъ милые мальчуганы, выпущенные на волю, дурачились и хохотали въ теченіе двухъ мѣсяцевъ безъ перерыва. Однимъ словомъ, это было прелестно, и я набрался впечатлѣній, живости, бодрости и силъ на цѣлое столѣтіе.

«Петербургъ еще спитъ, но уже занимается заря и можно угадывать программу предстоящаго сезона. Я не знаю, въ какомъ настроеніи ты теперь находишься, и потому затрудняюсь, какую область поставить на первый планъ. Въ прошломъ сезонѣ у тебя было балетное безуміе и ради балета ты отрицалъ и музыку, и драму, теперь же очередь, кажется, именно за драмой. А, можетъ быть, за музыкой? А то не за легкимъ ли жанромъ въ родѣ Palais de Cristal? Кто разгадаетъ тебя, неразгаданнаго? Но это все равно; во всѣхъ жанрахъ обѣщается много новаго и ты можешь выбирать любой.

«Изъ знакомыхъ успѣлъ побывать только у Б. и С. И тѣ, и другіе достаточно глубоко поражены твоимъ внезапнымъ отъѣздомъ. Въ особенности съ Марьей Сергѣевной ты поступилъ жестоко, не предупредивъ ее и, такимъ образомъ, не давъ возможности найти замѣстителя-друга. Тѣмъ болѣе, что дачный сезонъ уже тогда наступилъ, дача была нанята въ Павловскѣ и перемѣны были немыслимы... въ особенности было тяжело положеніе мужа, такъ какъ ему пришлось быть вдвойнѣ любезнымъ—и за тебя, и за себя. Но слышалъ, что всѣхъ вообще постигъ столбнякъ, когда узнали, что ты въ деревнѣ, да еще засѣлъ тамъ.

«Изъ новостей Васильевскаго острова сообщу слѣдующія: Марковъ рѣшительно предалъ анаѳемѣ академію и намѣренъ ѣхать заграницу учиться. Онъ написалъ картинку, передъ которой ежедневно простаиваетъ по пяти часовъ сряду. Картинка изображаетъ чухну на масляницѣ съ санями, переполненными нянъками, мамками и ребятами, и очень, очень недурна,—такою здоровою, веселою жизнью вѣетъ отъ нея, столько реализма и правды, но... но несчастье въ томъ, что самъ Марковъ считаетъ ее произведеніемъ геніальнымъ и полагаетъ, что она составитъ эпоху въ русской живописи и что все написанное до этой картинки ничего не стоитъ. Сбытинъ пріѣхалъ изъ Италіи, нагруженный и переполненный сюжетами въ классическомъ родѣ. Онъ сдѣлалъ тьму этюдовъ и хочетъ писать что-то для выставки... Ну, да, впрочемъ, все самъ узнаешь и увидишь. Августъ на носу, скоро братія начнетъ съѣзжаться и это было бы совершенною нелѣпостью, если бы тебя не нашли въ пятой линіи, въ домѣ № 14-й. Кстати, твоя квартирная

хозяйка, какъ зеницу ока, сберегаетъ твои сокровища и надѣется на скорое возвращеніе Одиссея.

«Я совершенно выпустилъ изъ вида, что ты поѣхалъ хоронить предковъ и, слѣдовательно, извѣстный періодъ времени долженъ испытывать настроеніе тихой меланхоліи, предаваясь размышленіямъ о бренности нашей жизни на землѣ вообще и на Васильевскомъ островѣ въ частности. Но, принимая во вниманіе, что ты никогда не питалъ особенной нѣжности ни къ предкамъ, ни къ возможнымъ потомкамъ, смѣю думать, что меланхолія уже прошла и сердце твое открыто для радостей жизни.

«И такъ, укладывай чемоданъ и телеграфируй о своемъ выѣздѣ. Друзья ждутъ тебя для безпутной жизни.

«P.S. Кстати, видѣлъ профессора Пукера. Спрашивалъ о тебѣ и благосклонно выразилъ мысль, что изъ тебя могъ бы выйти толкъ, но никогда не выйдетъ. Не правда ли, лучшей характеристики для твоей особы нельзя и придумать?»

Михаилъ Аркадьевичъ положилъ передъ собою письмо и долго просидѣлъ, не перемѣняя позы. Его положеніе представлялось ему похожимъ на то, какъ если бы онъ много лѣтъ тому назадъ измѣнилъ женщинѣ, съ которой прожилъ бурную жизнь, полную жгучихъ радостей и огорченій, измѣнилъ для другой любви—тихой и чистой. И вотъ, въ то самое время, когда эта новая жизнь стала тяготить его своимъ однообразіемъ, онъ вдругъ получаетъ извѣстіе о той прежней привязанности, и вновь въ душѣ его подымаются уснувшіе порывы къ бурной грѣховной жизни.

Въ этомъ письмѣ пріятеля выразилась вся его жизнь. Легкое существованіе, съ пріятнымъ разнообразіемъ развлеченій, съ неглубокими проявленіями чувства, съ милою улыбкой безобидной насмѣшки надъ всѣмъ, что проходитъ передъ глазами, и надъ самимъ собою; полная безотвѣтственность передъ чѣмъ бы то ни было, кромѣ своего желанія, своего каприза; красивое положеніе симпатичнаго человѣка, «изъ котораго могъ бы выйти толкъ, но никогда не выйдетъ».

Онъ есть именно это, и никогда ничѣмъ другимъ не былъ и не будетъ. Къ чему надувать себя и другихъ? Чего они хотятъ отъ него? Они хотятъ насильно притянуть его къ какому-то дѣлу, до котораго ему все равно. Но это нелѣпость, это насиліе, и, къ тому же, это безполезно, потому что его руки мертвы для какого бы то ни было практическаго дѣла, а мертвыми руками ничего и не сдѣлаешь живаго.

Было десять часовъ вечера. Онъ хотѣлъ тотчасъ же отвѣтить

пріятелю какою-нибудь шуткой, но оказалось, что Щербенко и вся немногочисленная экономія уже спятъ. Тогда онъ оставилъ эту мысль и вышелъ въ садъ. Его любимымъ мѣстомъ былъ берегъ пруда у большого сѣраго камня. Мѣсяцъ поднялся надъ водою и его серебристый свѣтъ игралъ тонкими переливами въ легкой дрожащей зыби на поверхности воды. Длинныя вѣтви ивъ окунулись въ воду и уснули. Спали и птицы въ своихъ черныхъ гнѣздахъ, пристроенныхъ къ вѣтвямъ тополей и вербъ. Воздухъ былъ прохладенъ и тихъ. Съ деревни глухо долеталъ сонный лай собакъ, да гдѣ-то раздавался отдаленный гулъ запоздавшаго изъ города мужицкаго воза.

Чудно-хорошо это невозмутимое спокойствіе ночи, когда все спитъ: и добро, и зло, и горе, и радость,—все спитъ, чтобы проснуться завтра и начать свою обычную жизнь. Не разъ уже Михаилъ Аркадьевичъ любовался этою тишиной ночи, и она играла не малую роль въ его временномъ приручении къ деревнѣ. Но она имѣла для него смыслъ только тогда, когда онъ не думалъ о своемъ положеніи. Никакихъ мыслей, никакихъ чувствъ; онъ словно внѣ міра, который ничѣмъ не даетъ о себѣ знать. Сидѣть съ раскрытыми глазами, глядѣть въ темную даль и видѣть не то, что, дѣйствительно, есть,—не ставокъ, не камыши, не вербы, по ту сторону ставка, не зеленую крышу ерошкинскаго дома, потому что все это покрыто темною пеленой, а видѣть и слышать то, что рисуетъ передъ тобой воображеніе, которому ничто не ставитъ границъ, оно свободно творитъ прекрасное и безумное, великое и ничтожное. Ночь тихая, темная и прохладная, это—только фонъ, на которомъ нѣтъ картины, потому что нѣтъ другихъ впечатлѣній, и на этомъ фонѣ воображеніе рисуетъ все, что ему нравится. Это отдыхъ для усталой души, это освобожденіе ея отъ мелочей жизни, отъ надоѣдливыхъ впечатлѣній дѣйствительности.

Но теперь эти впечатлѣнія такъ овладѣли имъ и были такъ сильны, что онъ, сколько ни старался, не могъ отыскать то душевное состояніе, ради котораго часто приходилъ сюда. Этотъ сѣрый камень напомнилъ ему сцену, когда онъ подслушалъ разговоръ Ерошкина съ Лизой и затѣмъ присоединился къ нимъ. У него и теперь въ сердцѣ явилось трогательное, теплое чувство, когда онъ вспомнилъ внезапно сказанныя слова Лизы и ея слезы. Онъ, пожалуй, и сейчасъ готовъ заплакать отъ умиленія... но это—нервы, не больше, и теперь, и тогда были нервы. Сколько разъ съ нимъ случалось это въ театрѣ: на сценѣ со

вершается какой-нибудь великій подвигъ самоотверженія или герою привалило счастье послѣ цѣлаго ряда неудачъ,—надо радоваться, ликовать, а у него слезы подступаютъ къ горлу и онъ не плачетъ только потому, что кругомъ публика и ему неловко. Нервы. А сегодня его нервы особенно пострадали. Исторія съ векселемъ и потомъ цѣлый день въ роли какого-то исповѣдника души Степана Григорьевича, это можетъ довести до истерики. Душа Степана Григорьевича—удивительная душа! Въ ней все въ необыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все чистое, правильное, ни одной сломанной вещицы, ничего лишняго, совершенно какъ въ какомъ-нибудь несессерѣ вполнѣ порядочной нѣмецкой дамы: тутъ ножницы, тутъ вязальныя иглы, тамъ наперстокъ, здѣсь гарусъ, шелкъ и канва, и все такъ аккуратно сложено, чтобы одно другому не мѣшало, не надавливало, не цѣплялось. И эту душу-несессеръ въ теченіе добрыхъ шести часовъ ему предлагали осматривать, ее поворачивали и такъ, и этакъ, всячески, и, все-таки, она оставалась несессеромъ. Положимъ, несессеръ—полезная вещь, безъ него ничего не сошьешь и не связешь, но Богъ съ нимъ... Что же онъ, Милованов, можетъ найти поучительнаго въ этой душѣ, когда онъ не умѣетъ ни шить, ни вязать и не питаетъ склонности къ этимъ занятіямъ и не будетъ питать, хоть зарѣжьте его?... Но, кстати, не придумать ли образъ для его собственной милованов ской души? Она подобна палитрѣ, на которой въ безпорядкѣ размазаны десятки красокъ: тамъ красная, здѣсь синяя, вонъ голубая, а здѣсь вотъ какая-то смѣсь... Иногда изъ соединенія цвѣтовъ случайно выходитъ нѣчто пріятное для глазъ, но большею частью ничего не выходитъ...

«Ну, однако, будетъ заниматься аллегоріями!»—сказалъ самъ себѣ Михаилъ Аркадьевичъ, подымаясь съ сѣраго камня. Онъ ничего не придумалъ и нервы его не успокоились. Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ усталость и пошелъ спать. Передъ сномъ онъ еще разъ перечиталъ письмо петербургскаго пріятеля и подивился тому, какъ оно, въ сущности, безсодержательно и пусто. А, между тѣмъ, второе чтеніе опять и съ новою силой пробудило въ душѣ его стремленіе туда, къ этой пустотѣ, гдѣ онъ опять станетъ на рельсы и будетъ тихо катиться по давно проложенному пути, безъ тяжелой думы, безъ сильнаго чувства, безъ замѣтныхъ радостей и огорченій словно совершать прогулку на свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни деревьевъ, среди милаго пейзажа, въ кругу добрыхъ друзей...

Ахъ, да!—подумалъ онъ, закрывъ глаза, чтобы спать,—вѣдь, завтра мнѣ предстоитъ латынью заниматься! Вотъ этого никакъ

ужь нельзя было предсказать. Надо сообщить въ Петербургъ. Тамъ это произведетъ фуроръ».

XVII.

Лиза пріѣхала около одиннадцати часовъ. Это было воскресенье. Она тотчасъ же заявила, что торопится, такъ какъ сегодня послѣ двухъ часовъ у нихъ будетъ воскресное чтеніе.

— Да ты развѣ тамъ что-нибудь дѣлаешь?—спросилъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Я помогаю Степану Григорьевичу,—отвѣтила Лиза.

— Но ты ничего не смыслишь.

— Я готовлюсь всякій разъ. По субботамъ мужъ обучаетъ меня помогать ему. Современемъ такъ навострюсь, что сама буду все дѣлать. Вѣдь, ничего особенно сложнаго. Все простыя вещи. Сегодня будемъ говорить о жидкости... Ты напрасно не побываешь. Это очень интересно...

— Это о жидкости-то? Да, вѣдь, я же все это знаю...

— Нѣтъ, не то. Разумѣется, знаешь. Интересно посмотрѣть, какъ слушаютъ. Еслибъ ты видѣлъ, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ. Вѣдь, все взрослые... Только мужчины, бабъ нѣтъ. Степанъ Григорьевичъ звалъ бабъ,—ни одна не пошла. «Это, говорятъ, не нашего ума дѣло». Ты могъ бы взять это сюжетомъ для картины... Вотъ картина, это я понимаю! Изобразить это вниманіе, эту жажду знанія, здороваго, доступнаго, реальнаго.

— Ну, Лиза, я не вижу тутъ картины,—возразилъ Миловановъ, даже и не вникнувъ въ смыслъ ея словъ.

Онъ просто былъ теперь такъ настроенъ, что ему хотѣлось возражать на все, что идетъ «оттуда, съ той стороны ставка». Свое несогласіе съ ними—свой органическій антагонизмъ всей ихъ жизни, понятіямъ, планамъ,—онъ до такой степени прочувствовалъ вчера, что ему казалось невозможнымъ согласиться съ чѣмъ бы то ни было изъ ихъ воззрѣній и даже простыхъ привычекъ.

— Какая же тутъ можетъ быть картина? Двадцать полушубковъ и физическій приборъ. Гдѣ же тутъ красота?

— Красота?—спросила Лиза, взглянувъ на него немного исподлобья, съ легкою подозрительностью. Она въ его словахъ тоже почувствовала нѣчто новое, еще неясное.—Здѣсь нѣтъ красоты внѣшней,—это правда, но за то есть внутренняя, нравственная красота. Воплотить въ картинѣ эту духовную связь между взрослыми бородатыми учениками и человѣкомъ, передающимъ имъ свои знанія, уловить и перенести на полотно эту тонкую черту: про-

свѣтлѣніе лицъ, омраченныхъ темнотой и грубыми житейскими заботами, просвѣтлѣніе въ тотъ моментъ, когда душъ ихъ касается живая струя свѣта... Это не картина? Да я не знаю лучшаго сюжета для картины, болѣе живого и поучительнаго.

— Поучительнаго?—воскликнулъ Милововановъ и что-то явно насмѣшливое зазвучало въ его голосѣ и засвѣтилось въ глазахъ.—Ты точно присяжный моралистъ, изо всего хочешь выводить поученіе. Въ искусствѣ все поучительное скучно... Ну, давай, Лиза, приступимъ къ латыни!—вдругъ оборвалъ онъ самого себя, чувствуя, что тонъ его принимаетъ раздражительный характеръ, между тѣмъ какъ онъ не хотѣлъ вовсе огорчать Лизу. Онъ даже заставилъ себя шутить, чтобы разсѣять дурное впечатлѣніе, произведенное на Лизу.

— О, ужасъ!—шутливо воскликнулъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ у Лизы толстую книгу,—если не ошибаюсь, ты вооружена Кюнеромъ?

Лиза подтвердила и спросила, почему это его ужасаетъ.

— Это мой старый врагъ, съ которымъ я не встрѣчался, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двѣнадцать,—отвѣтилъ Милововановъ.—Въ гимназіи я велъ съ нимъ отчаянную борьбу и теперь, видишь, узналъ его по наружности, съ перваго взгляда,—такъ глубоко запечатлѣлись въ душѣ моей его милыя черты.

Лиза пріобрѣла Кюнера случайно. Она зашла въ книжный магазинъ и взяла то, что ей дали. Это было недѣли двѣ тому назадъ. Оказалось, что она уже умѣетъ читать по-латыни, научившись этому за двѣ недѣли при помощи одного только Кюнера. Она могла начать прямо съ перваго склоненія.

— Думала ли ты когда-нибудь, Лиза, что я буду учить тебя латыни?—спросилъ Милововановъ.

— Мало ли о чемъ я не думала,—отвѣтила Лиза.—Было время, впрочемъ, когда я ни о чемъ не думала.

— Самое блаженное время!—воскликнулъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Богъ съ нимъ, съ такимъ блаженствомъ. Я предпочитаю сознавать себя разумнымъ существомъ.

Михаилъ Аркадьевичъ разсмѣялся.

— Я замѣтилъ, что женщины, какъ только начнутъ заниматься серьезными вещами, сейчасъ же перестаютъ говорить своимъ обыкновеннымъ языкомъ, а начинаютъ говорить какимъ-то книжнымъ,—сказалъ онъ.

— Это оттого, что ихъ языкъ, выработанный для узкой и мел-

кой сферы домашнихъ дѣлъ и личнаго чувства, не годится для серьёзныхъ вещей. Пока онѣ не выработали для этого своего языка, имъ приходится заимствовать готовый.

— Какая ты умная дама, Лиза! Ты рѣшительно на все можешь отвѣтить!... А что, если бы Миловановы-родители узнали, что ты учишься латыни и собираешься въ Парижъ учиться медицинѣ, чтобъ лечить бабъ, воображаю, какую мину скорчили бы они...

— И никакая мина меня не удержала бы отъ этого... Ты сегодня, Миша, какъ-то неспокойно настроенъ,—замѣтила Лиза.

— Да, Лиза, да. Я очень дурно настроенъ,—отвѣтилъ Милованов, подчеркивая слова, но сейчасъ же спохватился и рѣшилъ не говорить съ Лизой о своемъ настроеніи.—И такъ,— сказалъ онъ,—тебѣ задается урокъ: склоняй «mensa» и всѣ слова перваго склоненія на «а». Ты торопишься? Позавтракала бы лучше со мной.

— Нѣтъ, ужь опоздала. У насъ уже началось. Ѣдемъ къ намъ. Увѣряю тебя, что ты найдешь тамъ очень много интереснаго...

«Что-жь, въ самомъ дѣлѣ?— подумалъ про себя Михаилъ Аркадьевичъ,—почему бы мнѣ не поѣхать и окончательно не поговорить съ Ерошкинымъ? Къ чему еще тянуть? Развѣ для меня не ясно, что здѣсь мнѣ нечего дѣлать? Теперь каждый день для меня будетъ мучителенъ; я буду раздраженъ и это будетъ сквозить въ моихъ словахъ и взглядахъ. Появятся охлажденіе и совершенно излишнія тяжелыя отношенія... Къ чему? Къ чему? Не лучше ли покончить мирно, объяснившись на чистоту, и разстаться друзьями?»

— Пожалуй, поѣдемъ,—сказалъ онъ Лизѣ.—Мнѣ кстати надо поговорить съ Степаномъ Григорьевичемъ.

— О чемъ?

— Да тамъ... о дѣлахъ... Поѣдемъ.

Онъ всю дорогу старался говорить о совершенно постороннихъ вещахъ, о пустякахъ. На поверхности ставка плавала цѣлая кавалькада деревенскихъ гусей. Онъ подмѣчалъ, какъ они группировались, какъ окунали головы и встряхивали крыльями; наблюдалъ, какіе рисунки на поверхности воды получались отъ ихъ слѣдовъ, и обо всемъ этомъ докладывалъ Лизѣ съ такимъ видомъ, будто это его интересуетъ. Но самъ онъ весь былъ проникнутъ мыслью о предстоящемъ объясненіи. Рѣшеніе окончательно созрѣло въ его головѣ, и потому не должно быть недомолвокъ; надо сказать все и придти къ окончательному выводу. Щербенко какъ-то говорилъ ему, что у него на примѣтѣ есть человѣкъ, готовый хоть сейчасъ взять имѣніе въ аренду, и можно разсчитывать тысячи на четыре

въ годъ, а, можетъ быть, и на пять. Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что теперь, послѣ происшедшаго между ними сближенія, Ерошкинъ согласится сдѣлать ему всякія льготы. И Богъ съ ними, пусть они живутъ себѣ, какъ имъ нравится, а онъ будетъ жить по-своему.

Когда они пріѣхали въ усадьбу, у воротъ стоялъ почтовый экипажъ съ подвязаннымъ у дуги колокольчикомъ.

— Это кто-нибудь изъ любопытныхъ, — сказала Лиза.

— Едва ли, — замѣтилъ Миловановъ. — Любопытные не ѣздятъ на почтовыхъ и любопытныхъ почтовая тройка не ждетъ у воротъ, какъ своя собственная.

— А кто же, ты думаешь?

— Думаю, что кто-нибудь изъ начальства.

— Что же ему тутъ дѣлать? Кажется, мы ничего недозволеннаго не дѣлаемъ.

— Тогда, можетъ быть, желаютъ оказать вамъ покровительство, — съ усмѣшкой произнесъ Миловановъ, и затѣмъ обратился къ ямщику: — Кого это ты привезъ?

— Пана исправныка, — отвѣтилъ ямщикъ, глядя въ совершенно противуположную сторону.

— Видишь, какъ я догадливъ.

Оказалось, что чтеніе уже началось. Михаилъ Аркадьевичъ въ душѣ не такъ уже скептически относился къ этимъ собраніямъ. Не задаваясь вопросомъ, насколько это полезно и нужно для мужиковъ, онъ давно уже интересовался чисто-внѣшнею стороной дѣла. Картина не картина, а этюдецъ можно бы написать любопытный. Въ Петербургѣ такая вещица понравилась бы. Ее нашли бы свѣжей и характерной.

Холщевыя шаровары и праздничныя, вышитыя яркими узорами сорочки, подбритые затылки, именуемые «потылицами», гигантскіе чоботы, отъ которыхъ несло дегтемъ и саломъ, и все это среди физическихъ аппаратовъ, электрическихъ батарей и т. п. предметовъ. Лекторъ при этомъ съ какою-то посудиной въ рукахъ объясняетъ свойства воды, а мужики, раскрывъ рты, дивятся, что у воды, которую они испоконъ вѣку пьютъ, есть какія-то свойства, чего они до сихъ поръ не подозрѣвали. Право же, недурной [illegible]росокъ вышелъ бы...

Но теперь для него было вдвойнѣ интересно пойти на чтеніе. [illegible] нарисованной его воображеніемъ картинѣ надо было отвести [illegible]то исправнику, а это ужь дѣло совсѣмъ особаго рода. Тутъ при[illegible]ся пририсовать кресло гдѣ-нибудь у стѣны, а если ужь посадить

его на скамейкѣ, то съ приличною званію изоляціей и, пожалуй, окружить его легкимъ воздушнымъ сіяніемъ.

Онъ вошелъ въ залъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ дома. У стѣнъ стояли приборы, а на небольшомъ длинномъ столѣ помѣщалась маленькая химическая лабораторія. Слушатели сидѣли на скамьяхъ и ихъ внѣшній видъ соотвѣтствовалъ картинѣ, нарисованной воображеніемъ Милованова: вышитыя сорочки и бритые зарылки, но рты у нихъ не были разинуты, а на лицахъ выражалось спокойное вниманіе. Ерошкинъ, въ желтомъ парусиновомъ пиджакѣ, разлагалъ воду на ея составныя части и собирался показать, какъ горитъ водородъ. Лиза успѣла снять шляпку и очутиться около него, помогая ему. Одинъ онъ, дѣйствительно, былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи.

Но, окинувъ всю эту картину бѣглымъ взглядомъ, Михаилъ Аркадьевичъ мысленно спрашивалъ себя: «Что же это я не вижу сіянія? Гдѣ же сіяніе?» Но, повернувъ голову налѣво, онъ встрѣтился взглядъ съ взглядомъ съ добродушнѣйшимъ, сильно вспотѣвшимъ лицомъ, съ большими, немного сонными глазами, съ сѣдоватыми густыми усами, приличною лысиной и гладко выбритыми щеками и подбородкомъ. Лицо было до послѣдней степени ему знакомо и онъ вспомнилъ, что видѣлъ его на похоронахъ отца, и тогда, какъ и теперь, онъ былъ въ парусиновомъ кителѣ и съ шашкой черезъ плечо. Громоздкій, плотный, съ ожиреніемъ, «панъ исправникъ», видимо, страдалъ отъ духоты и—уже по одному этому — долженъ былъ думать, что лекція о свойствахъ воды есть зло.

Онъ почти дружески улыбнулся и протянулъ Милованову руку.

— Мы съ вами встрѣчались... Вы, вѣдь, господинъ Милановъ, Аркадія Павловича сынъ?— промолвилъ онъ шепотомъ.

Михаилъ Аркадьевичъ подтвердилъ. Исправникъ кивнулъ ему на всю картину и шепотомъ же сказалъ:

— Къ чему имъ это? Безъ этого пили воду и впредь пить будутъ...

— Какъ и мы съ вами,— замѣтилъ Милановъ и прибавилъ съ тонкою усмѣшкой: — несмотря на нашу ученость...

— Это правда, — согласился исправникъ. — Да, откровенно говоря, я и не зналъ, что въ водѣ есть такой газъ, который горитъ... Вотъ и говорите послѣ этого, что вода не горитъ.

— «Эге!—подумалъ Милановъ.—Да оно не мѣшало бы и для губернскихъ властей сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе лекцій Ерошкина!» Онъ отвѣтилъ исправнику: — Выходитъ, что и вода горитъ!

Немного помолчавъ, онъ спросилъ:

— Вы что-жь, заинтересовались?

— Какое! Насъ заинтересовали. Получили свѣдѣніе...

— Насчетъ основъ?— подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, спросилъ Милововановъ, зная очень хорошо, что ничего такъ не любятъ губернскія и уѣздныя власти, какъ шепотомъ слегка полиберальничать, хотя бы и насчетъ основъ.

— Именно,— отвѣтилъ исправникъ.

— Свѣдѣніе изволили получить со стороны господина Лупарева?— съ прежнимъ выраженіемъ прошепталъ Милововановъ.

Исправникъ не сразу отвѣтилъ, а сперва остановилъ на собесѣдникѣ взглядъ, которому, повидимому, предназначалось проникнуть въ душу, но до этого ему было далеко. Въ немъ слишкомъ много было добродушія и лѣни, а если онъ и сдѣлалъ эту напрасную попытку, то лишь по должности своего обладателя.

— А вы знаете?— спросилъ, наконецъ, исправникъ.

— Я думаю. Кому же другому? Въ здѣшнихъ мѣстахъ другого такого мерзавца нѣтъ.

— Да, это правда, что онъ-таки порядочный плутъ,— согласился исправникъ.

— Но скажите, пожалуйста, почему же вы тогда ему довѣряете?

— Мы вовсе не довѣряемъ... А это наша обязанность. Разъ есть указаніе, мы должны провѣрить.

— Значитъ, по должности?

— Именно по должности... Хотя мы и не довѣряемъ, а вдругъ что-нибудь такое... Тогда мы должны отвѣчать. Мы давно слышали про господина Ерошкина, и стороной разузнавали, но ничего такого не было, а тутъ донесеніе... Нельзя!...

— А скажите, пожалуйста... вы вотъ говорите, что по должности пріѣхали, и ежели бы что, то могли бы тогда, по должности, господина Ерошкина... Ну, вы понимаете? (исправникъ кивнулъ головой). Ну, а этого, Лупарева, вы не можете, по должности, убрать и засадить?

— Нѣтъ, не можемъ.

- Но, вѣдь, онъ плутъ и грабитель. Вы сами это признаете.

- Да, вѣдь, все по закону дѣлаетъ... Ловкій человѣкъ онъ.

инутъ пять до конца чтенія они просидѣли молча. Они помѣщ ись на послѣдней скамьѣ, которая была пуста. Когда Ерошки кончилъ, пригласивъ своихъ слушателей приходить въ четвер ъ (былъ праздникъ), мужики поднялись и какъ-то конфузливо

проходили мимо исправника, словно чувствуя себя немного виноватыми, и, наконецъ, всѣ вышли.

Ерошкинъ подошелъ къ послѣдней скамьѣ и, поздоровавшись съ Милованoвымъ, заговорилъ съ исправникомъ.

— Надѣюсь, вы не очень скучали? — промолвилъ онъ съ любезною улыбкой.

— Напротивъ, напротивъ... Многое и для меня было интересно... А это ваша супруга вамъ помогаетъ?... Кажется, это ваша сестрица? — обратился онъ къ Михаилу Аркадьевичу и прибавилъ: — Да, я слышалъ, слышалъ, что вы породнились...

Они вышли во дворъ. Ерошкинъ тотчасъ же пригласилъ исправника въ садъ, гдѣ въ густо-тѣнистомъ мѣстѣ былъ приготовленъ столъ съ закуской и выпивкой. Гость не отказывался, а прямо объявилъ, что голоденъ. Въ садъ вошли Лиза и старуха, состоялось знакомство и завязался разговоръ о гусеницѣ, которой въ томъ году было много въ садахъ. Ерошкинъ сообщилъ, что у него въ саду нѣтъ ни одной, и тутъ же изложилъ, какимъ образомъ онъ достигъ этого. У исправника былъ хуторокъ съ садомъ, и это очень заняло его. У него погибли всѣ яблоки и онъ умоляющимъ голосомъ, при этомъ выпивая и закусывая, просилъ научить его способу избавиться отъ гусеницъ.

— О, съ удовольствіемъ! — сказалъ Степанъ Григорьевичъ. — Пріѣзжайте къ намъ почаще, да на ферму загляните и, право, многому научитесь... Не хотите ли сыру? Пожалуйста! И наливки. Наливка у насъ хороша!

Милованoвъ замѣтилъ, что Ерошкинъ необыкновенно любезенъ, почти нѣженъ съ исправникомъ. Это его заинтересовало. Такой сухой и строгій человѣкъ находитъ въ своемъ голосѣ нѣжные оттѣнки для оффиціальнаго гостя. Когда исправникъ позавтракалъ и всталъ изъ-за стола, Ерошкинъ спросилъ:

— Надѣюсь, что вы ничего не встрѣтили здѣсь такого, что заставило бы васъ тревожиться?

— Совершенно ничего,— отвѣтилъ исправникъ, — совершенно ничего... И это мнѣ всего пріятнѣе!...

— Не хотите ли посмотрѣть ферму? — любезно предложилъ Степанъ Григорьевичъ.

— Непремѣнно... Только въ другой разъ. Теперь тороплюсь. Очень вамъ благодаренъ...

Тутъ исправникъ отвелъ Ерошкина въ сторону и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Только вотъ чего я не понимаю: къ чему вамъ это? З

чѣмъ вамъ заводить все это? Вотъ чего я не понимаю, откровенно признаюсь!

Ерошкинъ съ секунду помедлилъ, а потомъ отвѣтилъ:

— Да просто я... люблю хозяйство и... научныя занятія тоже люблю. Это моя страсть,— сказалъ онъ громко, такъ что слышали всѣ.—Вотъ и занимаюсь всѣмъ этимъ. Вѣдь, ничего въ этомъ нѣтъ дурного...

— Такъ-то такъ,—замѣтилъ исправникъ,—да знаете... у насъ ужь это такъ заведено: живетъ человѣкъ, какъ всѣ,—ну, и никто на него не обращаетъ вниманіе, а чуть чѣмъ жизнь его отличается, сейчасъ—тревога, что, да какъ, да нѣтъ ли чего... Вѣдь, относительно васъ я уже не одну бумагу получилъ. Снизу доносы, а сверху запросы. Ну, оно и тревожно... Вотъ, и васъ безпокою... А жили бы просто, какъ всѣ, ничего бы этого не было... Однако, мое почтеніе! Засидѣлся я у васъ!... Мое почтеніе!

Онъ попрощался со всѣми и уѣхалъ, звеня колокольчикомъ на всю деревню.

Едва только скрылась за уголъ почтовая таратайка, какъ Ерошкинъ, сѣвъ за столъ и подперевъ голову руками, задумался. Недавняя любезность и привѣтливость смѣнилась на лицѣ его суровостью, а въ глазахъ свѣтилась какъ бы переживаемая имъ мука.

— Чѣмъ это ты огорченъ, Степанъ?— спросила Лиза, подойдя къ нему.

— Чѣмъ, Лиза?— сказалъ онъ, съ грустью глядя на нее.— Тѣмъ, что мнѣ первый разъ въ жизни пришлось лицемѣрить и прятаться. Подумай: я боюсь назвать передъ нимъ такую простую вещь, какъ то, что считаю свой трудъ полезнымъ и необходимымъ для мужиковъ, а долженъ говорить, что это меня забавляетъ. А почему? Вѣдь, ничего дурного въ нашей жизни нѣтъ съ какой угодно точки зрѣнія. Но я не знаю, какого онъ мнѣнія объ этомъ, и боюсь, дрожу за свое дѣло, какъ мальчишка, и лгу... Хорошо: онъ добродушный, мягкій человѣкъ, ему лѣнь сдѣлать зло и визитъ сошелъ благополучно, но въ другой разъ можетъ пріѣхать другой, у котораго печень не въ порядкѣ, и онъ посмотритъ на дѣло иначе. Вотъ что грустно, и это, можетъ быть, единственное, что въ состояніи омрачить нашу жизнь. Что мы дѣлаемъ, въ самомъ дѣлѣ? Дѣлимся съ крестьянами нашими знаніями, вмѣсто того, чтобы неизвѣстно зачѣмъ держать ихъ у себя въ головѣ, и, сколько можемъ, облегчаемъ имъ жизнь... Ужь, кажется, программа съужена до минимума, и все же мы боимся за каждый нашъ шагъ...

Онъ тряхнулъ головой и лицо его немного просвѣтлѣло.

— Впрочемъ, это малодушіе!... А, все-таки, мы будемъ жить по-своему, хотя господинъ исправникъ и полагаетъ, что лучше жить какъ всѣ... Что-нибудь сдѣлать — и то уже много — тамъ, гдѣ ничего не дѣлается.

XVIII.

Это вышло случайно, что женщины ушли и Миловановъ остался съ Ерошкинымъ вдвоемъ. Ерошкинъ продолжалъ еще говорить по поводу визита, но Михаилъ Аркадьевичъ уловилъ моментъ, когда можно было перебить его, и сказалъ:

— Я къ вамъ, Степанъ Григорьевичъ, по дѣлу.

Тотъ вопросительно взглянулъ на него, но не потому, что у Милованова нашлось къ нему дѣло, а потому, что тонъ его заявленія былъ не тотъ, какой былъ свойственъ Михаилу Аркадьевичу въ эти послѣднія недѣли. Въ немъ слышалась какая-то рѣзкость, напоминавшая о первыхъ дняхъ послѣ его пріѣзда.

— По дѣлу, моему собственному, личному,— продолжалъ Миловановъ,—и, чтобы не отнимать у васъ лишняго времени, я прямо поставлю вопросъ: согласны ли вы дать мнѣ отсрочку по имѣнію? Я прошу дать окончательный отвѣтъ.

— Отсрочку? Зачѣмъ вамъ она? — съ изумленіемъ спросилъ Ерошкинъ.

— Я ѣду въ Петербургъ. Имѣніе я разсчитываю отдать въ аренду... Я не могу такъ жить, Степанъ Григорьевичъ, какъ вы живете... Я отъ всей души признаю ваши преимущества, я, можетъ быть, въ душѣ завидую вамъ, но самъ не могу, не могу и не могу! Къ чему я буду обманывать васъ и себя? Всѣ мои личныя симпатіи, привычки и вкусы — другіе и требуютъ другой обстановки, другой жизни... Я не гожусь для работы, мнѣ остается просто доживать свою жизнь въ той сферѣ, къ которой я привыкъ. Я въ послѣдній разъ безпокою васъ этимъ разговоромъ...

Степанъ Григорьевичъ глядѣлъ молча и сосредоточенно. На лицѣ его опять появилось выраженіе суровой холодности. Казалось, въ душѣ его въ это время происходилъ мучительный процессъ перерожденія дружественнаго чувства въ иное. И онъ отвѣтилъ уже не тѣмъ дружескимъ голосомъ, какимъ вчера еще излагалъ передъ нимъ свои планы, а какимъ-то сухимъ, глуховатымъ:

— Вы это безповоротно рѣшили, Михаилъ Аркадьевичъ?

— Не рѣшилъ, а не могу иначе, не могу! Я умираю отъ скуки и задыхаюсь здѣсь... Я не умѣю быть полезнымъ человѣкомъ...

Что же дѣлать съ такими людьми? Не душить же ихъ! Надо же и имъ дать жить! Не виноваты же они, что жизнь сдѣлала ихъ такими!...

— Да, надо дать имъ жить, Михаилъ Аркадьевичъ, надо,— отвѣтилъ Ерошкинъ. — Но не такъ, какъ они хотятъ... Вы меня понимаете? Они хотятъ проживать пять-шесть тысячъ въ годъ, ничего не дѣлая, а это несправедливо. Я вамъ поясню мою мысль: представьте себѣ благоустроенное общество, члены котораго всѣ работаютъ, кто что можетъ, принося обществу посильную пользу. Но вотъ оказывается одинъ, два, десятокъ—такихъ, которые, по слабости здоровья или по недостатку характера, не могутъ работать. Что сдѣлаетъ общество? Оно возьметъ ихъ на свои плечи и будетъ содержать: это будутъ инвалиды общества, оно будетъ содержать ихъ на пенсіи... это—пенсіонеры, несчастье и обуза каждаго общества. Всякій, заявляющій, что онъ не можетъ или не хочетъ работать, или быть полезнымъ, этимъ самымъ причисляетъ себя къ этому роду людей...

— Къ чему эти примѣры, Степанъ Григорьевичъ?— нетерпѣливо перебилъ его Милововановъ.—Я прошу у васъ прямого и яснаго отвѣта на мой вопросъ: желаете ли вы отсрочить закладную?

— Если вы припомните, Михаилъ Аркадьевичъ, нашъ первый разговоръ вонъ тамъ, на балконѣ, когда вы пріѣхали ко мнѣ въ первый разъ, то сами сдѣлаете выводъ... я не имѣю права сдѣлать это... и... не сдѣлаю...

— Какъ?... Вы?... — почти крикнулъ Милововановъ. — Вы?... Послѣ того, какъ увѣряли меня въ своей дружбѣ?... Вы, мужъ моей сестры, отказываете мнѣ въ такомъ пустомъ одолженіи?

— Да, да, да!—въ свою очередь раздраженно отвѣтилъ Ерошкинъ.—Вы не хотите понять, что у меня нѣтъ своихъ денегъ... Я только распорядитель имущества, которое принадлежитъ не мнѣ, а дѣлу... Вы знаете какому... И я не имѣю права вынимать изъ кассы пять тысячъ каждый годъ, чтобы бросать на вѣтеръ... Не и-мѣ-ю права, Михаилъ Аркадьевичъ! Имѣніе должно поступить къ намъ. Мы тамъ устроимъ заводъ рабочаго скота... Все, что я могу вамъ предложить, это—обязательство выдавать вамъ ежемѣсячно нѣкоторую сумму до тѣхъ поръ, пока вы пожелаете получать ее... Приноровившись къ обстоятельствамъ, я могу выдавать вамъ по сто пятидесяти рублей въ мѣсяцъ... Это, вѣдь, хорошая пенсія, Михаилъ Аркадьевичъ, на это можно жить хорошо. Я съ семействомъ трачу не болѣе этого.

Милововановъ вскочилъ съ мѣста. У него былъ видъ человѣка оскорбленнаго и негодующаго. Глаза его пылали гнѣвомъ.

— Я не желаю никакихъ пенсій, никакихъ подачекъ! — воскликнулъ онъ прерывающимся отъ бѣшенства голосомъ.—Мнѣ ничего не нужно!... Я предпочитаю умереть съ голоду!...

— Но, вѣдь, отсрочка—та же подачка, если ужь вамъ угодно такъ назвать,—осторожно, по твердо замѣтилъ Ерошкинъ.

— Я сегодня же уѣзжаю, — продолжалъ Миловановъ, будто не слыша.—Поклонитесь сестрѣ и скажите ей, что я нисколько не завидую ея участи...

Онъ взялъ шляпу, надѣлъ ее и пошелъ къ калиткѣ, которая вела изъ сада во дворъ.

— Не торопитесь, Михаилъ Аркадьевичъ... Подумайте!—сказалъ ему вслѣдъ Ерошкинъ.

Но онъ не отвѣтилъ и, быстро пройдя черезъ дворъ, вышелъ на дорогу, которая вела въ Милованову.

Ерошкинъ остался одинъ. Онъ нарочно не пошелъ въ домъ и не сказалъ Лизѣ о случившемся. Пусть онъ дойдетъ пѣшкомъ до дому; быть можетъ, эта прогулка освѣжитъ его и заставитъ передумать. Онъ не разсчитывалъ на то, что Миловановъ раздумаетъ ѣхать въ Петербургъ, да этого и не слѣдовало желать. Къ чему? У него было достаточно времени испытать свои силы, и если теперь вдругъ потянуло туда, значитъ, жизнь здѣсь была бы для него насиліемъ. Пусть ѣдетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, онъ инвалидъ, жертва безцѣльнаго, безсмысленнаго воспитанія, обстановки, среды... Но надо, чтобъ онъ взялъ свою «пенсію», иначе, вѣдь, онъ будетъ безпомощенъ и Богъ знаетъ на что рѣшится. Жить на эту сумму въ Петербургѣ ему будетъ трудно, но, можетъ быть, это научитъ его работать. Лизѣ онъ скажетъ немного погодя. Она, конечно, поѣдетъ къ нему и постарается повліять на него.

Но прогулка по берегу ставка нисколько не освѣжила и не образумила Михаила Аркадьевича. Напротивъ, его негодованіе росло и рѣшеніе укрѣплялось. Онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Ему точно изъ милости предлагаютъ какую-то «пенсію». Чортъ знаетъ что такое! Съ какой стати? Кто далъ ему право издѣваться надъ нимъ? У него есть тамъ какія-то права,—ну, и пусть пользуется ими. «Онъ не имѣетъ права», «ради дѣла»... но—ради дѣла, онъ имѣетъ право душить человѣка. И, все-таки, онъ кулакъ, кулакъ и кулакъ, хотя бы и не за свой личный счетъ. Кулацкая кровь, кулацкая душа, кулацкіе пріемы. Пусть! У него впереди нѣтъ рѣшительно ничего, но онъ все же не унизится до этой «пенсіи». Ну, что-жь, станетъ работать, научится работать... Сталъ же служить и зарабатывать Обдорскій. Скучно это, противно!... Дѣлать ри-

сунки для иллюстрацій, клянчить грошевую плату по магазинамъ—всѣмъ на удивленіе!...

А сестра? О, она загипнотизирована имъ! Она преклоняется передъ его подвигомъ и охотно принесетъ брата и свои симпатіи въ жертву «дѣлу»...

Онъ пришелъ домой, позвалъ Щербенко, который только что вернулся изъ города и настойчиво попросилъ его собрать послѣдніе гроши и сколотить нѣсколько сотенъ. Никита Ивановичъ, недоумѣвая и даже испуганный, объявилъ, что найдется около трехсотъ рублей, и это все, что есть въ экономіи. Милованов потребовалъ ихъ, велѣлъ приготовить лошадей и сталъ укладываться. Его багажъ былъ несложенъ. Преобладали этюды, написанные имъ въ Милованов кѣ. Онъ почти ничего не бралъ съ собой изъ Петербурга. Получивъ отъ Щербенка деньги, онъ подумалъ, что въ крайнемъ случаѣ его петербургская обстановка можетъ дать ему нѣсколько сотенъ. Вообще онъ слишкомъ долго не останавливался на практической сторонѣ дѣла, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и негодовалъ.

Экипажъ былъ готовъ, вынесли чемоданъ. Въ это время къ воротамъ подкатила пролетка и изъ нея буквально выпрыгнула Лиза. Глаза ея были красны отъ слезъ и вся она была страшно взволнована. Она вбѣжала въ комнату, гдѣ былъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Миша, голубчикъ, зачѣмъ ты ѣдешь? Къ чему? — воскликнула она, бросившись къ нему.

— Оставь это, Лиза, оставь, пожалуйста!—съ сдержанною холодностью отвѣтилъ Милованов. — Мы совершенно разные люди, мы—чужіе люди!... Будь счастлива!...

— Миша!

— Конечно, конечно!... Ты позволяешь оскорблять меня. Ты, вѣдь, не возмущаешься этимъ предложеніемъ какой-то тамъ пенсіи... Не хочу я этой пенсіи... Это оскорбительно!

— Иначе нельзя, Миша... иначе нельзя!...— промолвила она, ломая руки.—Ахъ, какъ все это грустно... Боже мой!

— Нельзя—и не надо! Прощай!... Я больше не останусь здѣсь ни минуты!

— Пойми, что это противорѣчило бы всей его жизни... Есть люди, для которыхъ убѣжденіе—все, вся ихъ жизнь...

— И превосходно! Можете вступать во владѣніе Милованов кой и превращать ее въ скотскій заводъ. Желаю вамъ успѣха!

Чемоданъ былъ вынесенъ въ коляску. Михаилъ Аркадьевичъ

остановился передъ Лизой и протянулъ ей руку. Въ глазахъ его на минуту явилась какая-то мягкость и голосъ зазвучалъ тепло.

— Ну, прощай, Лиза! Скажу тебѣ напослѣдокъ, что мнѣ жаль тебя!...

— Меня?—съ изумленіемъс просила Лиза.—Меня ты жалѣешь? Но я такъ счастлива, Миша... Я ничего больше для себя не желаю...

— Ты поѣдешь въ Парижъ?—спросилъ Михаилъ Аркадьевичъ.

— Да, я надѣюсь...

— Тамъ ты увидишь жизнь могучую, разностороннюю, богатую... И эта твоя жизнь теперешняя покажется тебѣ темною, узенькою норкой, гдѣ можно задохнуться... Вотъ когда и начнется несчастье.

— О, нѣтъ, Миша, нѣтъ!—горячо возразила Лиза.—Ты ошибаешься! Ты думаешь, я не знаю, что есть другая жизнь, болѣе блестящая, разнообразная, захватывающая? Я знаю, но я ея сознательно не хочу, потому что не имѣю права... Изъ Парижа я пріѣду такая же, какая теперь...

— Ну, прощай и не помни зла!—сказалъ Милованов и они поцѣловались.

Когда онъ сѣлъ въ коляску и кучеръ натянулъ возжи, Лиза промолвила:

— Миша, согласись на предложеніе Степана Григорьевича!

— На пенсію? Ха, ха, ха! Никогда, никогда! Кланяйся ему и будь счастлива, если можешь!

Онъ сказалъ это съ выраженіемъ сарказма, который ему, несмотря на то, что онъ не хотѣлъ огорчать сестру, не удалось скрыть. Лиза съ глубокою грустью долго смотрѣла ему вслѣдъ и затѣмъ не спѣша поѣхала домой.

Наступилъ августъ съ его ранними прохладными вечерами, но дни стояли тихіе и теплые, болѣе походившіе на конецъ весны, чѣмъ на начало осени.

Съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Аркадьевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ усадьбѣ Ерошкиныхъ ни разу не заводилась рѣчь о поѣздкѣ Лизы за границу. Лиза, однакожь, не разсталась съ Кюнеромъ и занималась латынью одна. Степанъ Григорьевичъ не разъ заставалъ ее за этимъ занятіемъ, но всегда въ такихъ случаяхъ выходилъ изъ комнаты съ такимъ видомъ, будто не хотѣлъ мѣшать ей.

Однажды Лиза пришла къ нему въ кабинетъ, когда онъ спѣшно пробѣгалъ какую-то только что полученную книжку. Онъ поднялъ

голову и, взглянувъ на Лизу, тотчасъ понялъ, что она зашла къ нему ради серьезнаго разговора, содержаніе котораго легко было предугадать. Онъ давно уже ждалъ этого разговора, хотя предпочелъ бы, чтобъ его вовсе не было, но, въ то же время, зналъ, что онъ непремѣнно будетъ.

— Ты очень занятъ?—спросила Лиза, подойдя къ самому столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

— Нѣтъ, я пробѣгаю статью...

Онъ отодвинулъ отъ себя книгу и всталъ изъ-за стола. Лиза сѣла на диванѣ, а Степанъ Григорьевичъ остановился передъ ней въ ожиданіи. Но онъ сейчасъ же замѣтилъ, что она немного взволнована и въ затрудненіи. Онъ хорошо зналъ ея лицо и ему были понятны всѣ оттѣнки выраженія ея глазъ. И онъ поспѣшилъ ей на выручку.

— Ну, какъ твоя латынь, Лизокъ?—спросилъ онъ, глядя на нее сверху внизъ.

— Кое-какъ,—отвѣтила Лиза.—Да мнѣ, вѣдь, глубокихъ знаній не требуется...

И опять она остановилась, не рѣшаясь перейти къ главному предмету.

Ерошкинъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— И такъ, Лиза, ты это безповоротно рѣшила? — промолвилъ онъ, не обращаясь къ ней, а какъ бы разсуждая вслухъ.

— Я хотѣла бы,—отвѣтила Лиза нерѣшительнымъ тономъ.

Она замѣтила въ голосѣ мужа какую-то нетвердость. Наступило молчаніе. Ерошкинъ ходилъ по комнатѣ, затѣмъ вышелъ на балконъ и продолжалъ тамъ ходить, заложивъ руки за спину и наклонивъ голову.

Лиза также вышла и остановилась на порогѣ.

— О чемъ ты думаешь, Степанъ? — спросила она тихимъ, слегка дрожащимъ голосомъ.

Онъ не отвѣтилъ; онъ подошелъ къ периламъ балкона и молча глядѣлъ въ даль, тихо млѣющую въ полусвѣтѣ надвигавшихся сумерокъ. Лиза осторожно приблизилась къ нему, тихонько положила ему руку на плечо и заглянула ему въ лицо.

— Что съ тобой, Степанъ?—произнесла она дрогнувшимъ голосомъ.

Въ глазахъ у него стояли слезы.

— Слабость, Лиза, слабость!—промолвилъ онъ, нѣжно взявъ ее руку.—Но это не возраженіе... Твое желаніе свято...

— Тебѣ будетъ очень тяжело?—спросила она.

— Сказать правду? Да, да, Лиза... Мнѣ безъ тебя будетъ очень тяжело жить... Видишь ли, ты выше меня, потому что моложе. Вѣдь, я знаю, что ты меня любишь горячо, какъ и я тебя, но у тебя духовное стремленіе побѣждаетъ личное чувство... А я... я ужь не могу достать такъ высоко... Видишь, я слабъ... я не могу довольствоваться только мыслью о тебѣ... Мнѣ нужна ты, ты сама,—живая, твоя забота, твоя ласка... Ну, когда же ты ѣдешь, мой другъ?

Лиза молчала. Никогда она еще не видала его такимъ растроганнымъ и никогда не подозрѣвала, что ея присутствіе такъ много значитъ для него. Что онъ любилъ ее, въ этомъ она ни на минуту не сомнѣвалась. Но любовь эта всегда выражалась въ какихъ-то сдержанныхъ формахъ и это имѣло такой видъ, будто онъ стѣснялся своего чувства. Можетъ быть, это такъ и было, но ей трудно было проникнуть въ его душу и она никакъ не ожидала, что ея поѣздка можетъ доставить ему столько страданій.

Она крѣпче обняла его и прижалась къ нему.

— Знаешь что? Убѣди меня, что я не права, докажи мнѣ, что не надо ѣхать,—промолвила она съ улыбкой.

— Ты очень добра,—отвѣтилъ онъ,—ты очень добра, Лиза. Но убѣдить тебя въ этомъ я не могу... Я только спрошу тебя: а тебѣ не будетъ тяжело?

— Еще бы, еще бы! О чемъ спрашиваешь!—поспѣшно проговорила она.—Тяжело безъ тебя, и тяжело знать, что ты безъ меня и тебѣ грустно...

Онъ помолчалъ и потомъ заговорилъ тише и гораздо спокойнѣе прежняго:

— Видишь, Лиза, у меня вотъ какія мысли: жизнь—не подвигъ. Она—наслажденіе. Михаилъ Аркадьевичъ находитъ наслажденіе въ бездѣйствіи, мы съ тобой—въ работѣ. Когда она становится подвигомъ, на нее мало надежды. Подвигъ, это—неестественный подъемъ силъ, за нимъ слѣдуетъ упадокъ... Только героическія натуры способны превращать безнаказанно всю свою жизнь въ подвигъ, а мы съ тобой далеко не герои,—мы простые люди. И я всегда заботился о томъ, чтобы моя жизнь не была лишеніемъ. Посмотри, я ни въ чемъ существенномъ себѣ не отказываю... Я живу въ теплѣ, въ сытости, я не чуждъ комфорта, я не довольствуюсь необходимымъ и не отказываю себѣ въ излишнемъ. Но когда ты уѣдешь, мнѣ, чтобы остаться вѣрнымъ своей цѣли, надо будетъ

превратить свою жизнь въ подвигъ... я этого боюсь, Лиза, и не надѣюсь на свои силы... Прости мнѣ эту слабость духа... Я слишкомъ люблю тебя, я слишкомъ нуждаюсь въ твоей ласкѣ, моя дорогая Лиза...

Лиза разсмѣялась тихимъ, мягкимъ, дружескимъ смѣхомъ.

— И ты, все-таки, думаешь, что я поѣду? Послѣ этого? Послѣ этого? О, милый, ты меня слишкомъ мало знаешь... Не поѣду я и не хочу ѣхать... Хочу быть съ тобой всегда... Только почаще говори мнѣ о своей любви, не скрывай ее отъ меня!—прибавила она съ улыбкой.

Онъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ. Они долго молча глядѣли на то, какъ спускалась ночь и вся окрестность—ставокъ, плавни, нивы, степь, село и хутора—окутывались темнотой.

Когда они собрались всѣ трое за чайнымъ столомъ, Степанъ Григорьевичъ обратился къ матери какимъ-то радостно-торжественнымъ голосомъ:

— Знаешь, моя старушка, Лизокъ раздумала ѣхать, она остается съ нами!

Лицо старухи просіяло. Она всегда мысленно ужасалась, когда думала о поѣздкѣ Лизы. Она подошла къ невѣсткѣ и расцѣловала ее.

Лиза глядѣла весело и ясно. Но въ глубинѣ души ея оставалось какое-то смутное ощущеніе горечи и минутами легкая тѣнь появлялась въ ея глазахъ и скользила въ чуть замѣтной складкѣ на лбу. Сердце ея было полно охватившимъ ее горячимъ чувствомъ личнаго счастья, а завѣтная мечта, которая не была капризомъ, мимолетнымъ желаніемъ, словно обиженная, притаилась гдѣ-то... Степанъ Григорьевичъ посмотрѣлъ ей въ глаза и почувствовалъ это.

— Лиза, — сказалъ онъ, — пройдетъ годъ, два, и я найду въ себѣ силы отпустить тебя... Мнѣ надо хорошенько сжиться съ этою мыслью... Разъ тебѣ хочется летѣть въ высь и есть для этого силы, я не хочу подрѣзывать тебѣ крылья.

Лиза отвѣтила ему радостною, сіяющею улыбкой.

Часовъ въ десять вечера пріѣхалъ со станціи нарочный и пер[е]далъ Ерошкину депешу. Онъ тутъ же за чайнымъ столомъ раз[вер]нулъ ее, пробѣжалъ глазами и, улыбнувшись, передалъ ее Лизѣ. А Лиза прочитала вслухъ:

Согласенъ на ваше предложеніе. Было бы вполнѣ довольно но[вѣ]сти».

Лиза вопросительно взглянула на мужа.

— Ну, и станемъ высылать по двѣсти,—сказалъ Степанъ Григорьевичъ и прибавилъ, смѣясь:—Кажется, Михаилъ Аркадьевичъ получалъ по четыреста? Что-жь, я, все-таки, порядочно выторговалъ, и эту сдѣлку можно считать для насъ выгодной. Вотъ что значитъ кулацкая наука и кулацкая кровь...

На другой день утромъ онъ самъ поѣхалъ въ городъ и отослалъ Михаилу Аркадьевичу его «пенсію».

И. Потапенко.

УСАДЬБА ТОРПА.

Повѣсть Тора Гедберга.

I.

Усадьба Торпа лежала на самомъ рубежѣ между лѣсною полосой и равниной. Лѣсъ былъ позади нея, а равнина спереди, переходъ же образовала свѣтлая кайма лиственныхъ деревьевъ, которыя мѣстами выбѣгали на равнину группами дубовъ и осинъ, мѣстами отступали назадъ въ сосновую чащу, словно испугавшись, что осмѣлились выглянуть такъ далеко. Но возлѣ самой усадьбы эта кайма обрисовывалась смѣлою линіей; вокругъ дома лиственныя деревья образовали натуральный садъ, и надо было пройти до конца всю аллею вѣковыхъ липъ, чтобъ увидать открытыя поля, волнистыя очертанія которыхъ уходили вдаль къ самому горизонту.

Совсѣмъ мимо дома протекала рѣка; смѣлымъ прыжкомъ падала она внизъ съ высокой площади сосноваго лѣса, затѣмъ расширялась въ маленькій, тихій прудъ, отдыхала здѣсь отъ сдѣланныхъ усилій и потомъ какъ-то лѣниво и неохотно разливалась по равнинѣ, гдѣ солнечные лучи сушили ее и тинистые берега мутили ея воды.

Круглый годъ раздавался здѣсь шумъ маленькаго водопада, точно глубокіе звуки органа, а мельничное колесо вторило ему своимъ немолчнымъ жужжаньемъ. Люди, жившіе по близости, такъ привыкли къ нему, что слышали его лишь въ часы отдыха и безъ дѣлья; но когда они выходили на равнину, тишина поражала ихъ, какъ нѣчто непривычное, и тогда имъ казалось, что имъ недостаетъ чего-то: имъ недоставало именно шума водопада и жужжанья мельничнаго колеса.

И какъ всякое мѣсто имѣетъ что-нибудь особенное, чѣмъ оно отличается отъ другихъ и запечатлѣвается въ памяти, такъ и этотъ

звукъ былъ характеристичною чертой Торпы, былъ точно ея собственнымъ голосомъ. Весной онъ еще заглушался громкимъ птичьимъ хоромъ, въ это время года раскидистыя верхушки дубовъ давали пріютъ цѣлымъ стаямъ пташекъ, которыя вили себѣ на нихъ гнѣзда и съ утра до ночи взапуски щебетали и выводили свои трели, а осенью вѣтеръ пѣлъ иной разъ главную партію, чаще всего западный вѣтеръ; тяжелыми, свистящими порывами налеталъ онъ на верхушки сосенъ, спускался на лиственныя деревья, шумѣлъ, стоналъ и бушевалъ въ листвѣ такими тонами, которые, казалось, пробѣгали весь регистръ сверху до низу, и, наконецъ, словно утомившись отъ своихъ неистовствъ, проносился надъ равниной, безмолвный и могучій, лишь по временамъ испуская раздраженный вой, когда уголъ какого-нибудь строенія пытался преградить ему путь.

Но когда все это смолкало, въ сонные іюльскіе дни или въ мертвенно-тихія и студеныя зимнія ночи глубокіе органные звуки раздавались на полномъ просторѣ, и въ нихъ слышалось повѣствованіе о трудолюбіи и косности, о медлительности, настойчивости и однообразіи.

Теперь, когда Торстенъ Экъ самъ былъ хозяиномъ въ Торпѣ, онъ любилъ этотъ голосъ, который въ минуты досуга звучалъ въ его ушахъ, какъ хвалебный гимнъ его спокойному довольству. Но не всегда такъ было; было время, когда ему казалось, что этотъ голосъ только удлиняетъ часы его безконечной, тяжкой кабалы,—то время, когда онъ былъ ребенкомъ и юношей.

Его отецъ, старикъ Экъ, былъ страшный чудакъ. Исполинскаго роста, одаренный громадною силой, онъ былъ извѣстенъ по всей округѣ своимъ упрямствомъ и самодурствомъ, выражавшимися при малѣйшемъ сопротивленіи въ бѣшеныхъ вспышкахъ. Онъ такъ стремительно набрасывался на вещи и на людей, что прямая борьба съ нимъ была невозможна: съ нимъ надо было примѣнять ту же тактику, какъ съ разъяреннымъ быкомъ; въ открытомъ полѣ пораженіе было неминуемо, но если удавалось найти прикрытіе въ видѣ надежнаго древеснаго ствола, то можно было сдержать его осторожными маневрами и заставить его излить свое бѣшенство на этотъ стволъ. Превосходнымъ прикрытіемъ въ этомъ случаѣ была юриспруденція, а потому всѣ сосѣди Экa стояли на-сторожѣ, каждый за своимъ юридическимъ деревомъ, и какъ только онъ дѣлалъ натискъ, сейчасъ же передъ нимъ выростал тотъ или другой параграфъ закона, и онъ ударялся лбомъ о не-

умолимый стволъ. Онъ вѣчно велъ тяжбы и неизмѣнно ихъ проигрывалъ. Поэтому онъ питалъ глубокую, закоренѣлую ненависть ко всему, что носило имя закона и юристовъ.

Свое полевое хозяйство онъ велъ совсѣмъ особеннымъ способомъ, примѣняя къ нему различные методы собственнаго измышленія, которые шли совершенно въ разрѣзъ съ обычными пріемами, но которыхъ онъ упорно держался, несмотря на то, что безпрестанно терпѣлъ неудачу. На такой землѣ, гдѣ обыкновенно сажаютъ картофель, онъ сѣялъ овесъ, а тамъ, гдѣ сѣютъ пшеницу, сажалъ картофель; когда другіе сѣяли, онъ рубилъ лѣсъ, и когда у всѣхъ другихъ сѣно было убрано, у него еще не начиналась косьба. Никогда по всей округѣ не было такого помѣщика. Единственное, что у него шло хорошо и что его выручало, это мельница. Она мелетъ себѣ, да мелетъ, говорили сосѣди, а потому ему и не къ чему тутъ рукъ приложить.

Такъ же своеобразно было и воспитаніе, данное имъ сыну. Съ десятилѣтняго возраста онъ уже долженъ былъ служить какъ простой работникъ, съ тою только разницей, что не получалъ жалованья и за малѣйшее упущеніе подвергался тѣлесному наказанію. Экъ по-своему очень любилъ мальчика, но именно поэтому никто не страдалъ такъ, какъ Торстенъ, отъ необузданнаго, лишеннаго всякаго равновѣсія характера отца, и годы отрочества и юности навсегда врѣзались въ его память, какъ непрерывная, нескончаемая пытка. И никого не было возлѣ него, кто могъ бы за него заступиться и сколько-нибудь облегчить его участь. Мать, давъ ему жизнь, умерла отъ родильной горячки, и люди утверждали, что собственно съ этого-то времени Экъ и сдѣлался такимъ чудакомъ.

Няня мальчика, Елизавета, или какъ ее звали въ домѣ—Лисса, безъ сомнѣнія, всею душой была бы рада защитить его, но когда она разъ осмѣлилась открыто взять его сторону противъ отца, надъ ея головой разразился такой ураганъ, что съ тѣхъ поръ она никогда уже не возобновляла своихъ попытокъ. Все, что она съ тѣхъ поръ рѣшалась дѣлать, это украдкой сунуть своему питомцу какой-нибудь вкусный кусочекъ, какое-нибудь лакомство изъ кухни, чтобы подсластить крайне грубую пищу, на которую отецъ по принципу обрекалъ его.

Девятнадцати лѣтъ Торстенъ въ послѣдній разъ подвергся тѣлесному наказанію; онъ никогда не пытался оказывать сопротивленія, безмолвно покорился и теперь, но на слѣдующій день исчезъ изъ родительскаго дома. Старикъ былъ въ отчаяніи и нѣсколько

дней подрядъ тщетно всюду искалъ его; когда ему удалось, наконецъ, найти его, между ними состоялось нѣчто вродѣ примиренія, на томъ условіи, что Торстенъ отправится въ Стокгольмъ и попробуетъ поступить въ какой-нибудь агрономическій институтъ. Онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ, причемъ, однако, занятіями своими пренебрегалъ совершенно и велъ довольно бурную жизнь. Къ этому времени старикъ Экъ умеръ; тогда сынъ немедленно оставилъ Стокгольмъ и поселился въ Торпѣ.

Имѣніе находилось въ крайне запущенномъ состояніи и было обременено крупными долгами.

Сосѣди чрезвычайно интересовались знать, будетъ ли Торстенъ слѣдовать безтолковымъ методамъ отца, но къ общему изумленію онъ вскорѣ показалъ себя необыкновенно дѣльнымъ хозяиномъ. Въ изумительно короткій срокъ онъ произвелъ цѣлый переворотъ въ своемъ хозяйствѣ и поставилъ на ноги все то, что раньше стояло на головѣ. Въ сущности, этотъ переворотъ вовсе не такъ трудно было привести въ исполненіе, какъ это могло казаться; его давно желали, онъ давно уже бродилъ въ умахъ и нуженъ былъ только маленькій толчокъ, чтобы положить ему начало.

Какъ скоро этотъ толчокъ былъ данъ новымъ хозяиномъ, рабочіе съ радостью устремились въ настоящую колею, и, мало того, въ работѣ стала теперь замѣтна удивительная ретивость и оживленіе; подобнымъ образомъ старая, умная лошадь, которую насильно заставили идти по незнакомой дорогѣ, мгновенно повертываетъ и направляется къ болѣе знакомымъ мѣстамъ, какъ только почувствуетъ, что ее слегка дернули за поводъ, и скачетъ, скачетъ такъ, какъ ее не могли бы къ тому принудить никакими уловками,— чтобы только не дать времени своему возницѣ раскаяться въ сдѣланномъ движеніи.

Нѣтъ, однако, въ этомъ мірѣ такой нелѣпой вещи, въ которой нельзя было бы открыть искорку здраваго смысла, если только дашь себѣ трудъ поискать ее, а потому и въ реформаторскихъ начинаніяхъ старика Эка, все-таки, попадались искорки здраваго смысла, которымъ только не удалось пробиться сквозь покрывавшую ихъ сплошную тьму. Но Торстенъ разглядѣлъ ихъ въ то время, когда вмѣстѣ съ другими ходилъ подъ ярмомъ; онъ бережно хранилъ ихъ и теперь съумѣлъ примѣнить ихъ къ дѣлу. То были мелкія усовершенствованія въ уборкѣ сѣна, въ уходѣ за скотомъ, новая система зубчатаго колеса въ молотилкѣ, благодаря которой машина сдѣлалась значительно легче, и разныя другія мелочи, изъ которыхъ у отца никогда не выходило ничего путнаго, между тѣмъ

какъ въ рукахъ сына онѣ оказывались весьма полезными. Вначалѣ эти нововведенія были встрѣчены нѣкоторою оппозиціей, но когда первые опыты дали удачный результатъ, оппозиція быстро уступила мѣсто удивленію, и Торстенъ не замедлилъ прослыть необыкновенно умнымъ человѣкомъ. Даже и суровая система воспитанія, усвоенная старикомъ, обнаружила теперь кое-какіе хорошіе плоды,—во-первыхъ, уже то, что Торстенъ, проживъ все дѣтство въ одинаковыхъ и, пожалуй, даже худшихъ условіяхъ, чѣмъ рабочіе, теперь безъ всякаго труда становился на ихъ уровень, что повлекло за собою чрезвычайно хорошія отношенія между нимъ и его подчиненными, затѣмъ, что онъ не брезгалъ и самъ принимать участіе въ работѣ, благодаря чему она шла гораздо спорѣе. Люди любили его и вѣрили въ него, потому что ему везло, и даже то, что для отца было несчастіемъ,—неудержимая запальчивость, прорывавшаяся порою сквозь спокойную оболочку,—внушало къ сыну только почтеніе. Такимъ ужь онъ уродился, этотъ Торстенъ Экъ, во всемъ рѣшительно ему была удача.

Нигдѣ, однако, не видѣлъ онъ къ себѣ такого слѣпого поклоненія, какъ въ самомъ домѣ, со стороны своихъ старухъ. Усадьба Торпа была извѣстна по всему околотку своими старухами. Въ самомъ домѣ ихъ было три—экономка, кухарка и Лисса, бывшая няня Торстена; затѣмъ, на дворѣ была Анна—птичница и старая Болла, которая подсобляла понемножку во всемъ. Она съ такихъ уже давнихъ поръ называлась Боллой, что никто не могъ сказать, откуда первоначально образовалось это прозвище,—вѣдь, было же у нея когда-нибудь настоящее имя. И такъ, всего-на-всего пять старухъ, изъ которыхъ старшей, Аннѣ, птичницѣ, было подъ восемьдесятъ, а самая младшая, Лисса, уже справила свою пятидесятилѣтнюю годовщину.

Много бурь вынесли въ свое время эти старушки, пока былъ живъ старикъ Экъ. Но все же онѣ съумѣли состариться въ усадьбѣ и мало-по-малу привыкли къ бурной погодѣ, такъ что ни одна изъ нихъ не рѣшилась отказаться отъ мѣста, хотя всѣ онѣ по очереди разъ въ недѣлю ужь непремѣнно задумывали уйти. Чтобы сколько-нибудь укрѣпиться въ своей позиціи и хотя бы въ мелочахъ домашняго хозяйства дать перевѣсъ здравому смыслу, онѣ принуждены были тѣсно сплотиться, и между ними царило такое единодушіе, какое рѣдко встрѣчается даже и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о старыхъ дѣвахъ.

Но когда Экъ умеръ, и въ домѣ вмѣстѣ съ Торстеномъ водворился болѣе кроткій скипетръ, крѣпкія узы единодушія вскорѣ на-

чали ослабѣвать, стали обнаруживаться мелкія несогласія, которыя все болѣе и болѣе разростались, съ изумительною плодовитостью порождая новыя и новыя, и дѣло дошло до того, что теперь старухи чуть ли не съ утра до ночи вели перебранку. Главнымъ поводомъ къ раздору между тремя старухами, жившими въ домѣ, служилъ вопросъ о томъ, кому быть номеромъ первымъ. Лиса претендовала на это мѣсто на основаніи того, что она ходила за хозяиномъ, когда онъ былъ ребенкомъ, а экономка, мамзель Томпсонъ, потому, что она была экономка; кухарка Лина не могла собственно привести никакихъ аргументовъ въ пользу своихъ притязаній, но у нея за то, когда было нужно, оказывался вдвое бо́льшій запасъ словъ, и это составляло ея силу. Только въ двухъ вещахъ онѣ неизмѣнно оставались союзницами—въ ссорахъ съ Анной, птичницей, и Боллой, когда тѣ въ свою очередь пробовали важничать, и затѣмъ въ безграничномъ энтузіазмѣ къ молодому хозяину,—энтузіазмѣ, не мѣшавшемъ имъ обращаться съ нимъ и няньчиться какъ съ малымъ ребенкомъ, что производило довольно комическое впечатлѣніе при томъ, что онъ на цѣлую голову былъ выше ихъ всѣхъ.

Теперь, когда Торстенъ Экъ былъ взрослымъ мужчиною, внѣшностью своей онъ очень походилъ на отца. Онъ унаслѣдовалъ его исполинскій ростъ и громадную силу, носилъ, какъ отецъ, окладистую бороду, съ каждымъ годомъ разроставшуюся все выше и выше по щекамъ, и, подобно ему, обладалъ мощнымъ голосомъ, которому трудно было спускаться до обыкновенной рѣчи и въ тембрѣ котораго было поэтому что-то тяжеловѣсное и неувѣренное, немножко напоминавшее исполненіе соло на тромбонѣ.

Но нравомъ онъ былъ далеко не похожъ на старика Эка. У него былъ спокойный и ровный, хотя нѣсколько тяжелый характеръ; лишь изрѣдка случались съ нимъ вспышки необузданнаго гнѣва. Людей Торстенъ не избѣгалъ, какъ отецъ, а, наоборотъ, коротко сошелся со своими сосѣдями и всюду встрѣчалъ радушный пріемъ. Онъ не прочь былъ вечеркомъ перекинуться въ карты, могъ вести разговоры о сельскомъ хозяйствѣ, о коровахъ и лошадяхъ, высказывалъ подчасъ относительно этихъ предметовъ самостоятельные взгляды, а во всемъ остальномъ имѣлъ такіе взгляды, которые принято считать хорошими и здравыми, т.-е. ровно никакихъ.

Но всего вольнѣе дышалось ему, все-таки, дома, въ его Торпѣ. Онъ ходилъ въ полѣ, смотрѣлъ за работами и самъ подсоблялъ—тогда работалъ за двоихъ,—спалъ по десяти часовъ въ сутки, ѣлъ съ изумительнымъ аппетитомъ и позволялъ своимъ старухамъ вся

чески холить его и въ то же время перебраниваться между собою. Когда же онѣ становились черезъ-чуръ несносны, онъ разражался противъ нихъ искреннимъ или притворнымъ гнѣвомъ, и онѣ, озадаченныя, утихали на нѣсколько дней, точь-въ-точь, какъ умолкаютъ канарейки, удивленныя какимъ-нибудь непривычнымъ звукомъ.

А въ теплые лѣтніе дни, покончивъ съ обѣдомъ, онъ любилъ сидѣть въ покойной качалкѣ на верандѣ передъ домомъ, покуривая трубку и раскачиваясь такъ, что стулъ трещалъ подъ его тяжестью, любилъ упираться взоромъ въ глубь липовой аллеи, гдѣ солнечные лучи сквозили межь вѣтвей и играли на пескѣ, любилъ слушать доносившіеся по временамъ съ плотины глубокіе органные звуки, пѣвшіе ему гимнъ объ его уютномъ житьѣ-бытьѣ.

Если-жь ему приходила охота побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, онъ набивалъ себѣ новую трубку, спускался черезъ запущенный садикъ и черезъ оврагъ прямо къ плотинѣ, а затѣмъ по узкой тропинкѣ поднимался къ мельницѣ. Тамъ онъ останавливался, облокачивался на перила у шлюза и, если мельника не было видно, кричалъ своимъ могучимъ голосомъ:

— Мастеръ, мастеръ!

Мастеръ, маленькій и толстенькій, весь обсыпанный мукой, являлся на зовъ, и они заводили разговоръ о цѣнахъ на хлѣбъ, о заграничномъ курсѣ и о тому подобныхъ вещахъ, не смущаясь шумомъ водопада и жужжаньемъ колеса, такъ какъ у мастера былъ высокій, звонкій голосъ, раздававшійся въ воздухѣ, пожалуй, еще громче, чѣмъ густой басъ Торстена Эка.

Мельникъ питалъ большое уваженіе къ Эку, но одинъ во всемъ помѣстьи, все-таки, оппонировалъ до нѣкоторой степени общему удивленію къ новому хозяину. Именно поэтому Торстену и нравилось бесѣдовать съ нимъ. Маленькій и самоувѣренный, мастеръ стоялъ въ открытыхъ дверяхъ мельницы, весь преисполненный гордымъ сознаніемъ, что онъ-то ужь всегда былъ одинаково исправенъ,—его колесо вертѣлось себѣ и вертѣлось, и такъ дѣло шло съ незапамятныхъ временъ.

II.

Анзель Томпсонъ проснулась утромъ съ тяжелою головой и, как она выражалась, такая разбитая, точно ее по всему тѣлу колотили. Во всю ночь она ни на минуту не сомкнула глазъ и видѣла во сн сѣрую кошку, что предвѣщало несчастіе.

Ея была слабость воображать, что она страдаетъ безсонни-

цей, хотя Лисса, помѣщавшаяся въ одной комнатѣ съ ней, утверждала, что *она*, наоборотъ, не можетъ спать изъ-за невыносимаго храпѣнья мамзель Томпсонъ. Это было для нихъ постояннымъ поводомъ къ утреннимъ ссорамъ.

Лисса встала въ пять часовъ, чтобъ успѣть вычистить платье Эка, прежде чѣмъ онъ проснется.

Пока она одѣвалась, живо и проворно, несмотря на свои года, мамзель Томпсонъ лежала въ постели, потягиваясь и разсказывая свой сонъ про сѣрую кошку.

Утреннее солнце уже заглядывало за гардину, бросая полоску свѣта на кровать мамзель Томпсонъ, ближе къ ногамъ, гдѣ имѣла свой ночлегъ Эсса, ея собачка, крайне оригинальный звѣрокъ, съ косматою шерстью и крысиною физіономіей.

Пока Лисса застегивала на своемъ старомъ, сморщенномъ тѣлѣ ситцевый лифъ, мамзель Томпсонъ заканчивала свою третью варіацію на сѣрую кошку. Въ это утро Лисса слушала ее съ удивительнымъ терпѣніемъ, но, наконецъ, она вышла изъ себя.

— Вѣдь, вы же глазъ не сомкнули во всю ночь, я это знаю, такъ какъ же вы могли видѣть что-нибудь во снѣ? Ну-ка!

И въ одинъ мигъ Лисса завязала на себѣ фартукъ и проскользнула въ дверь, чтобы не дать мамзель Томпсонъ опомниться отъ жестокаго удара. Но пока она усердно чистила сапоги Эка, мысли ея снова вернулись къ ней и она проворчала:

— Ужь эта дурища со своими вѣчными несчастіями!

Она тѣмъ болѣе досадовала на мамзель Томпсонъ, что самой ей съ нѣкоторыхъ поръ сдавалось, будто въ воздухѣ носится что-то необыкновенное. Ея великанъ-питомецъ былъ не похожъ на себя послѣднее время, какой-то сдѣлался странный, все о чемъ-то раздумывалъ. Она предчувствовала, что что-то готовится, но что собственно, этого она никакъ не могла себѣ представить.

Но мамзель Томпсонъ такъ взволновалась, что приподнялась на постели, собираясь отвѣчать; однако, дверь уже захлопнулась за Лиссой, и экономка со вздохомъ опустила опять голову на подушку.

Эсса проснулась отъ ея движенія и вскарабкалась къ ней на одѣяло, виляя хвостомъ. Мамзель Томпсонъ уложила ее возлѣ себя подъ одѣяло и еще немножко вздремнула: ей надо было быть на ногахъ не раньше шести, когда Экъ возвращался съ своего утренняго обхода.

Но на этотъ разъ она продремала дольше обыкновеннаго, и, когда часы показывали уже половину седьмого, столъ на верандѣ

все еще не былъ накрытъ къ утреннему кофе. Мамзель Томпсонъ пришлось такъ торопиться, что она должна была сѣсть на стулъ, чтобы перевести духъ послѣ всѣхъ своихъ тревогъ и хлопотъ. Она была довольно-таки тучная особа и очень страдала отъ жары; тѣмъ не менѣе, круглый годъ она ходила въ черномъ полушелковомъ платьѣ, потому что страшно боялась грозы и вѣрила, что шелкъ предохраняетъ отъ молніи.

Она сидѣла и ждала, благодаря въ душѣ свою счастливую звѣзду, заставившую патрона замѣшкаться въ полѣ, такъ какъ вообще онъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ трапезы подавались вовремя. Пробило три четверти, а онъ все еще не являлся. Это промедленіе было такъ необычно, что мамзель Томпсонъ вдругъ вспомнила свою сѣрую кошку и испугалась: ужь не случилось ли какое-нибудь несчастіе? Она только что хотѣла идти къ Лиссѣ, чтобы съ ней посовѣтоваться, но вздрогнула, услыхавъ за собой тяжелые шаги. Это былъ Экъ, вышедшій изъ своей спальни,—мамзель Томпсонъ увидала по его костюму, что онъ еще не былъ въ полѣ.

— Добраго утра! — коротко поздоровался Экъ и сѣлъ за столъ.

Мамзель Томпсонъ встала и поклонилась, но не нашла въ себѣ силъ что-нибудь отвѣтить,—до такой степени она была удивлена. Она налила ему кофе и такъ и осталась стоять съ кофейникомъ въ рукѣ, выпучивъ на Экa свои большіе круглые глаза. Онъ какъ будто не обращалъ на нее вниманія и молча, безъ особеннаго аппетита, съѣлъ свою первую тартинку, но вдругъ рѣзко спросилъ, не глядя на экономку:

— Что это значитъ?

Мамзель Томпсонъ подпрыгнула на мѣстѣ и побѣжала съ кофейникомъ въ кухню. Она догадалась по тону патрона, что нынче съ нимъ шутить нельзя. Но за то Линѣ пришлось выслушать четвертую варіацію на сѣрую кошку, — варіацію, сопровождаемую темными намеками и зловѣщими покачиваніями головой.

Да, сегодня съ патрономъ было что-то неладно; это замѣтили даже работники въ полѣ. Ничѣмъ ему нельзя было угодить, онъ ворчалъ на все и на всѣхъ, или же ходилъ какой-то разсѣянный, озабоченный. А, между тѣмъ, погода была чудесная, даже для помѣщика; сегодня свозили послѣдніе воза сѣна, превосходно высушенного на лугахъ Торпы.

— Въ этомъ году у насъ ровно пятьдесятъ возовъ,—съ гордостью сказалъ прикащикъ Эку, но тотъ лишь безучастно взглянулъ на него и повторилъ:

— Такъ, такъ, пятьдесятъ возовъ...—и потомъ пробормоталъ что-то, совсѣмъ не относившееся къ дѣлу, и пошелъ дальше, заложивъ руки за спину.

Да, навѣрное, съ нимъ что-нибудь да приключилось!

Послѣ обѣда онъ не захотѣлъ пить кофе и заперся въ своей комнатѣ. Полчаса спустя онъ закричалъ оттуда громовымъ голосомъ:

— Лисса! Лисса!

Лисса отставила свою чашку съ кофе и поспѣшила къ патрону. Онъ стоялъ посреди комнаты въ однихъ носкахъ, а сапоги держалъ въ рукѣ и сунулъ ихъ вошедшей Лиссѣ.

— Это у васъ называется вычистить сапоги... это?—спросилъ онъ, сердито взглянувъ на старушку.

— Ну, ну, что за важность?—преспокойно отвѣтила Лисса, принимая отъ него сапоги.—Вѣдь, не на балъ же ѣдетъ патронъ!

— Вычисти ихъ хорошенько, а потомъ приготовь мнѣ мою лучшую визитку,—продолжалъ Экъ, обходя вопросъ и отвернувшись отъ Лиссы.—А потомъ скажи Ларсу Югану, чтобъ онъ закладывалъ фаэтонъ и подалъ его черезъ полчаса!—крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

Сапоги послѣ вторичной чистки блестѣли, какъ зеркало, а на визиткѣ нельзя было найти ни пылинки, потому что Лисса обидѣлась на упрекъ патрона, а когда она была обижена, она всегда исполняла свое дѣло вдвое тщательнѣе, чѣмъ обыкновенно. Черезъ полчаса Экъ выѣхалъ изъ усадьбы, а три старухи стояли въ дверяхъ прихожей и провожали его взглядомъ, сильно разочарованныя тѣмъ, что, вопреки всѣмъ стараніямъ, не могли допытаться цѣли этой поѣздки.

Когда фаэтонъ исчезъ за изгибомъ аллеи, онѣ вернулись въ залу. Въ это время Экъ обыкновенно обходилъ скотный дворъ, а три старухи сидѣли въ залѣ, работали, болтали или перебранивались. Но сегодня онѣ и не думали ссориться.

Всѣ три сидѣли въ глубокомъ молчаніи; мамзель Томпсонъ вынула старую, истрепанную колоду картъ; она была большая охотница раскладывать пасьянсы и гадать по картамъ и каждый Божій день гадала на всѣхъ своихъ знакомыхъ, но вѣчно предсказывала несчастье, какъ вѣчно предчувствовала несчастье, и вѣчно видѣла сны, пророчившіе несчастье. Лисса, немножко юмористка, утверждала, что мамзель Томпсонъ похожа на большой шкафъ, набитый доверху несчастьями; они тамъ всегда подъ рукой, каждое на своей полкѣ и въ своемъ ящикѣ, а ключъ постоянно торчитъ въ замкѣ.

Лисса и Лина сидѣли за шитьемъ; Лисса, подъ вліяніемъ кипѣвшей въ ней досады, шила съ быстротой, мало чѣмъ уступавшей скорости швейной машины; Лина, обладавшая болѣе спокойнымъ темпераментомъ и привыкшая больше управляться съ кухонною посудой, чѣмъ съ иглой, работала медленно, сосредоточенно, точно маленькая дѣвочка, въ первый разъ подшивающая рубецъ.

У мамзель Томпсонъ былъ вначалѣ очень торжественный видъ, какъ всегда, когда она держала въ рукахъ карты. Но мало-по-малу ея лицо стало принимать напряженное, почти испуганное выраженіе; она два раза смѣшивала карты, старательно ихъ перетасовывала и снова раскладывала. Когда она стала раскладывать ихъ въ третій разъ, то вдругъ отшвырнула отъ себя остальную часть колоды и, громко вскрикнувъ, всплеснула руками.

Няня и кухарка съ любопытствомъ взглянули на нее. Лина тоже вѣрила въ карты, а Лисса, хотя и рѣшительно заявляла, что не вѣритъ въ нихъ, все-таки, относилась съ нѣкоторымъ интересомъ къ тому, что̀ онѣ могутъ сказать. А на этотъ разъ онѣ возвѣщали что-то очень важное; это было видно по лицу мамзель Томпсонъ.

На половину торжествующая, на половину возмущенная, она указала дрожащими пальцами на двѣ изъ разложенныхъ картъ и провозгласила:

— Что̀ я говорила нынче утромъ? Вотъ ужъ третій разъ, какъ трефовая дама проходитъ по черной дорогѣ. Помяните мое слово, въ этомъ домѣ поселится женщина и принесетъ съ собою несчастье.

Женщина въ домѣ! Старухи переглянулись, пораженныя. Даже Лисса, не вѣрившая въ карты, слегка поблѣднѣла.

На этотъ разъ мамзель Томпсонъ, дѣйствительно, предсказывала вѣрно. Молодой хозяинъ собирался жениться и въ этотъ именно день поѣхалъ рѣшать свою участь. Собственно говоря, иниціатива этого шага принадлежала не ему. Торстенъ Экъ былъ до нѣкоторой степени жертвой той таинственной силы, которая называется общественнымъ мнѣніемъ и является такимъ грознымъ оружіемъ въ рукахъ нашихъ друзей и пріятелей.

Съ годъ тому назадъ эти друзья и пріятели Эка начали дѣлать ему намеки насчетъ того, что пора бы ему обзавестись хозяйкой. Вначалѣ онъ отдѣлывался шутками, ссылаясь на то, что не чувствуетъ призванія къ супружеской жизни и, кромѣ того, не смѣетъ и помышлять о женитьбѣ изъ-за своихъ старухъ, которыхъ, навѣрное хватитъ ударъ, если онъ введетъ въ домъ постороннюю женщину. Но пріятели стояли на своемъ и, точно заранѣе увѣренные въ

развязкѣ, начали даже подыскивать ему подходящую партію. Такая партія вскорѣ нашлась. У одного изъ ближайшихъ сосѣдей Эка, фабриканта Гольмера, былъ полонъ домъ дочерей, и до сихъ поръ ему еще не удалось ни одной изъ нихъ выдать замужъ. Старшей было уже двадцать семь лѣтъ и, притомъ, на ней лежало хозяйство, такъ какъ отецъ былъ вдовъ,—слѣдовательно, о ней нечего было и думать; второй было двадцать пять лѣтъ и, собственно, ее и надо было бы имѣть въ виду, но по какой-то причинѣ, которой никто не могъ бы точно формулировать, на ней никогда не останавливались, когда заходила рѣчь о бракѣ. За то на третью сестру, Эльзу, точно по уговору, палъ единодушный выборъ. Ей былъ двадцать одинъ годъ; нѣкоторые находили ее красавицей, большинство премиленькой, сверхъ того, она получила нѣсколько лучшее образованіе сравнительно съ сестрами, благодаря своей крестной матери, на средства которой провела нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ, въ Швейцаріи,—такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, она представляла превосходную партію.

А потому вскорѣ вмѣсто прежнихъ совѣтовъ: «Тебѣ, право, слѣдовало бы подумать о женитьбѣ, Экъ»,—друзья стали говорить ему: «Отчего бы тебѣ не жениться на Эльзѣ Гольмеръ? Вотъ бы отличная жена тебѣ!» И это обстоятельство, что вопросъ перешелъ на такую опредѣленную стадію, не преминуло произвести должное дѣйствіе на Эка. Онъ все еще продолжалъ отшучиваться, но чувствовалъ, что его судьба уже рѣшена и что сопротивленіе теперь безполезно. У него какъ будто совѣсть стала нечиста по отношенію къ знакомымъ, въ ихъ взорахъ онъ какъ бы читалъ нѣмые упреки,—словомъ, онъ испытывалъ то, что долженъ чувствовать человѣкъ, на которомъ тяготѣетъ бремя общаго ожиданія. Такъ мало-по-малу онъ и освоился съ этою мыслью, осаждавшею его со всѣхъ сторонъ, упорно и неотвязно, какъ приставанья ребенка, и когда, наконецъ, даже отецъ дѣвушки далъ ему довольно явственный толчокъ, онъ понялъ, что крѣпость должна сдаться. И теперь, по простой ли случайности, или по разсчету, его друзья сдѣлали самое лучшее, что только можно было сдѣлать: на нѣкоторое время совершенно оставили его въ покоѣ; вопросъ о бракѣ точно канулъ въ воду. Слѣдствіемъ этого было то, что Экъ, проведя недѣлю въ одинокихъ размышленіяхъ, внезапно рѣшилъ отправиться къ Гольмеру просить руки его дочери.

Фабрикантъ притворился чрезвычайно удивленнымъ, но не сталъ дѣлать затрудненій. Съ его стороны не будетъ препятствій къ бра-

ку, онъ не можетъ желать себѣ лучшаго зятя, чѣмъ его уважаемый другъ Экъ. Но переговорилъ ли онъ съ дѣвочкой?

Нѣтъ, Экъ не говорилъ съ ней,—ему и въ голову не приходило, что это нужно; онъ думалъ, что его друзья и пріятели все это уладили за него. Теперь эта необходимость выступила передъ нимъ, какъ неожиданное затрудненіе, о которое могъ разбиться весь планъ.

Торстенъ Экъ почувствовалъ глубокое разочарованіе. У него былъ такой растерянный видъ, что Гольмеръ сжалился надъ нимъ и благосклонно пришелъ ему на помощь. Онъ обѣщалъ взять на себя это дѣло и подготовить дѣвушку; черезъ нѣсколько дней, когда Экъ пріѣдетъ вторично, онъ получитъ рѣшительный отвѣтъ.

Экъ поблагодарилъ его съ облегченнымъ сердцемъ и всталъ, чтобы проститься. Но Гольмеръ остался на своемъ мѣстѣ и вдругъ глубоко задумался; на его угреватомъ, хитромъ лицѣ появилось плутовское выраженіе.

Фабриканту Гольмеру перевалило за шестьдесятъ, но онъ казался совершенно бодрымъ и сохранилъ въ движеніяхъ юношескую живость. Онъ былъ совсѣмъ маленькаго роста и, тщетно стараясь скрыть это, держался чрезвычайно прямо. Лицо у него, какъ мы уже сказали, было угреватое и загорѣлое, съ жидкими, сѣдыми волосами, бѣлые усы спускались внизъ по обѣ стороны рта и соединялись съ рѣденькою эспаньолкой. Глаза, всѣ въ морщинкахъ, были маленькіе и имѣли полудобродушный, полухитрый взглядъ, и хитрость, пожалуй, даже слегка преобладала. Его всѣ считали и удивительно ловкимъ малымъ, и тонкимъ дѣльцомъ. Почему онъ назывался фабрикантомъ, относительно этого имѣлись довольно туманныя представленія. Онъ преимущественно велъ дѣла по куплѣ и продажѣ лѣса, но если навертывалось что-нибудь другое, онъ бра лся за все и всегда почти имѣлъ успѣхъ.

Теперь у него былъ такой видъ, точно онъ почуялъ очень хорошую аферу, и Экъ, уже нѣсколько разъ имѣвшій съ нимъ дѣло, смотрѣлъ на него съ нѣкоторою тревогой. Когда Гольмеръ замѣтилъ это, его лицо тотчасъ же приняло вновь прежнее доброжелательное выраженіе; онъ всталъ и сердечно потрясъ руку Эку. Но, проводивъ его до крыльца и выждавъ, пока онъ усядется въ фаэтонъ, онъ вдругъ спросилъ его, какъ будто ему пришла внезапная мысль:

— Постойте, вѣдь, рѣчь идетъ объ Эльзѣ?—и онъ бросилъ на Эка быстрый, пытливый взглядъ.

тъ совсѣмъ оторопѣлъ.

— Само собою разумѣется!—отвѣтилъ онъ.

— Такъ, такъ,—протянулъ Гольмеръ и продолжалъ, прищелкивая языкомъ, что было у него привычкой, когда онъ толковалъ о дѣлахъ.

— Видите ли, я думалъ, что...

Но ему такъ и не пришлось договорить. Экъ весь покраснѣлъ и запальчиво перебилъ его:

— Разумѣется, рѣчь идетъ о фрэкенъ Эльзѣ. О комъ же иначе?

Гольмеръ громко расхохотался и дружески схватилъ его за руку.

— Полно, полно, дружище, я хотѣлъ только удостовѣриться. Вы знаете, у меня цѣлая куча дѣвочекъ; неудобно было бы, еслибъ я спуталъ.

И онъ все еще смѣялся, когда Экъ уже выѣхалъ за ворота. Оставшись одинъ, онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ недовольномъ раздумьѣ, затѣмъ, сдѣлавъ комическій жестъ, означавшій: «Не вышло!», поднялся на крыльцо и вошелъ въ домъ.

Но Экъ всю дорогу не переставалъ сердиться.

— Ахъ, эта старая лиса!—ворчалъ онъ,—навѣрно, онъ хотѣлъ провести меня, сбыть мнѣ одну изъ старшихъ дочерей!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ самъ до нѣкоторой степени удивлялся, что принялъ это такъ горячо къ сердцу, и въ результатѣ мысль о личности его суженой впервые выступила передъ нимъ на первый планъ; до тѣхъ поръ она почти совсѣмъ заслонялась мыслью о самомъ сватовствѣ. Онъ началъ нанизывать на одну нить свои мимолетныя воспоминанія о ней, пытаясь составить изъ нихъ нѣчто цѣльное.

Да, эти воспоминанія были довольно мимолетны. Онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ Эльзу у общихъ знакомыхъ, раза два-три видѣлъ ее въ ея семьѣ, но такъ какъ онъ вообще немножко стѣснялся въ женскомъ обществѣ и больше держался возлѣ мужчинъ или за карточнымъ столомъ, то ему и не пришлось узнать ее поближе. Одинъ только разъ онъ долго говорилъ съ ней; это было съ годъ тому назадъ. Богъ знаетъ какимъ образомъ онъ очутился однажды въ гостиной съ глазу на глазъ съ ней и волей-неволей долженъ былъ занять ее разговоромъ. Вначалѣ дѣло шло довольно туго, но затѣмъ онъ почему-то заговорилъ о своемъ дѣтствѣ, и бесѣда сдѣлалась оживленнѣе. Мало-по-малу онъ совсѣмъ одушевился и, чѣмъ болѣе ему становилось очевидно, что Эльза интересуется предметомъ разговора, тѣмъ сильнѣе заинтересовывался и онъ самъ. Мас-

са мелочей, почти имъ забытыхъ, всплыла теперь въ его памяти, получивъ въ его глазахъ важное значеніе, и самъ онъ чувствовалъ, что рѣчь его льется непринужденно, находя для всѣхъ этихъ фактовъ соотвѣтствующія выраженія. Когда онъ, наконецъ, простился съ дѣвушкой, она сочувственно пожала ему руку, и это рукопожатіе и весь разговоръ оставили въ немъ теплое, отрадное воспоминаніе, своеобразное наслажденіе, возбуждаемое женскою симпатіей, въ которой всегда, по крайней мѣрѣ, на взглядъ мужчины, кроется нѣчто большее, чѣмъ простое участіе.

Потомъ началась исторія со сватовствомъ, и слѣдствіемъ ея было то, что Торстенъ Экъ сталъ положительно избѣгать молодую дѣвушку. Только одно еще воспоминаніе сохранялъ онъ о ней, и оно было еще очень свѣжо, такъ какъ случай этотъ имѣлъ мѣсто всего двѣ недѣли тому назадъ. Разъ онъ ѣхалъ, какъ всегда, одинъ, по лѣсной дорогѣ, ведущей въ Торпу, и тутъ совершенно неожиданно встрѣтилъ на поворотѣ Эльзу Гольмеръ. Она сняла съ себя шляпу и держала ее въ рукѣ; онъ помнилъ, что волосы у нея слегка растрепались, точно какъ она передъ тѣмъ лежала на землѣ съ непокрытою головой. Онъ поклонился ей и, совершенно противъ воли, поклонился немножко сухо; она же отвѣтила ему легкимъ наклоненіемъ головы и милою, хотя разсѣянною улыбкой. И онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, недоумѣвая, что могло завести ее такъ далеко отъ дома.

Вокругъ этихъ двухъ воспоминаній и сосредоточивались его мысли, но почему-то ему казалось, что они противорѣчатъ одно другому. Первое вызывало въ немъ чувство пріятной близости съ дѣвушкой, другое, наоборотъ, шептало ему, что ее отдѣляетъ отъ него страшная даль. А, между тѣмъ, какъ это ни странно, онъ особенно охотно останавливался на послѣднемъ воспоминаніи. Онъ такъ явственно видѣлъ Эльзу въ тотъ моментъ, какъ она шла къ нему на встрѣчу со шляпой въ рукѣ, видѣлъ ея легкій поклонъ и милую улыбку, пожалуй, особенно милую тѣмъ, что она была такъ разсѣянна. Затѣмъ онъ возвращался къ первому воспоминанію и пытался и здѣсь представить себѣ Эльзу совершенно такою, но это не удавалось ему; здѣсь она была совсѣмъ другая, гораздо проще и обыденнѣе, такая, какой онъ желалъ, чтобъ она была на самомъ дѣлѣ, хотя онъ, конечно, испытывалъ меньше удовольствія, представляя ее себѣ такой.

Нѣтъ, цѣльнаго образа онъ, все-таки, не могъ создать изъ этихъ воспоминаній, и онъ началъ спрашивать себя, что-жъ она собственно такое, эта дѣвушка, которая, быть можетъ, сдѣлается

его женой? И тогда этотъ шагъ, на который онъ рѣшился, показался ему вдругъ отчаянно-смѣлымъ; ему почудилось, будто онъ съ завязанными глазами ринулся въ предпріятіе, грозившее тайными засадами, но, въ то же время, полное какого-то страннаго очарованія.

Эти мысли не покидали его и слѣдующіе дни. Его тревога и тоска все увеличивались по мѣрѣ приближенія той минуты, когда онъ долженъ былъ получить рѣшительный отвѣтъ, и, наконецъ, достигли крайняго напряженія въ тотъ день, когда онъ вторично отправился къ Гольмеру.

Ему надо было проѣхать съ полмили. Первую половину пути, занятый своими думами, онъ ѣхалъ скорою рысью, но вдругъ испугался, что такъ далеко отъѣхалъ отъ дому, и порывисто натянулъ вожжи. Но ему все еще казалось, что онъ подвигается слишкомъ быстро; онъ охотно повернулъ бы назадъ, но былъ не въ силахъ это сдѣлать, какъ не въ силахъ былъ рѣшить, насколько онъ, въ сущности, раскаивается въ томъ, что̀ затѣялъ. Въ его жизни наступилъ такой моментъ, когда воля человѣка болѣе или менѣе сознательно складываетъ оружіе, и ничѣмъ не управляемыя чувства ведутъ его за собой наугадъ.

Когда усадьба Гольмера обрисовалась передъ нимъ, онъ подумалъ, что неприлично будетъ подъѣхать шагомъ, и пустилъ лошадь быстрѣе. Теперь дѣло уже сдѣлано, говорилъ онъ себѣ, теперь не остается ничего другого, какъ храбро идти впередъ. И вдругъ ему пришло въ голову, что онъ еще и не подумалъ о томъ, что̀ онъ скажетъ Эльзѣ, и попытался подготовиться въ послѣднюю минуту, точь-въ-точь, какъ школьникъ передъ экзаменомъ заглядываетъ напослѣдокъ въ книгу, хотя и знаетъ, что теперь уже поздно, что онъ все равно ничего не выучитъ. Но когда экипажъ подкатилъ къ дому, Экъ уже забылъ всѣ фразы, которыя успѣлъ составить.

Повидимому, его караулили. Гольмеръ стоялъ на крыльцѣ, готовый принять гостя, а въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа мелькали любопытныя личики дѣвочекъ-подростковъ.

Гольмеръ бросилъ взглядъ на взволнованную физіономію Экка, и сознаніе своего превосходства выразилось на его лицѣ, улыбавшемся покровительственною улыбкой.

— Добро пожаловать! — сказалъ онъ; то же сознаніе своего превосходства сквозило и въ тонѣ его голоса.

Экъ нервно пожалъ его руку и передалъ вожжи мальчику, выбѣжавшему изъ конюшни.

Они вошли въ переднюю. Пока Экъ снималъ съ себя пальто, онъ испытывалъ такое ощущеніе, будто противъ него учиненъ таинственный заговоръ,—ему слышались крадущіеся шаги, перешептыванія, сдавленныя хихиканья, чудились даже направленные на него изъ-за дверей критическіе взоры. Это еще усилило его мучительное состояніе духа, онъ чувствовалъ себя и смѣшнымъ, и преступнымъ, и когда Гольмеръ все съ тою же покровительственною улыбкой взялъ его подъ руку и провелъ черезъ первыя комнаты въ гостиную, это впечатлѣніе превратилось въ полупечальное сознаніе, что все это какъ-то нехорошо и некрасиво.

Гольмеръ отворилъ дверь гостиной, впустилъ гостя и снова затворилъ ее за нимъ.

Экъ сразу увидалъ Эльзу въ уголкѣ дивана и въ то же мгновеніе имъ овладѣла мысль: она скажетъ мнѣ «нѣтъ!»... Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы пройти черезъ комнату къ молодой дѣвушкѣ. Онъ замѣтилъ, какъ въ окно врывалась полоска солнечнаго свѣта, отражавшая на полу оконный переплетъ, и съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ онъ видѣлъ комнату, въ окна которой врывались лучи солнца, онъ испытывалъ совсѣмъ особенное чувство, чувство неопредѣленной грусти. Его тревога совсѣмъ исчезла; подойдя къ Эльзѣ, онъ поклонился и взялъ ея руку; она была холодна, какъ ледъ. Тогда еще настойчивѣе поднялась въ немъ мысль: она скажетъ мнѣ «нѣтъ!»—и совершенно свободно нашелъ онъ подходящія слова не для того, чтобы спросить Эльзу, согласна ли она стать его женой, а для того, чтобъ объяснить ей свое посѣщеніе.

— Фрэкенъ Эльза,—началъ онъ серьезнымъ голосомъ,—вашъ батюшка, навѣрное, уже предупредилъ васъ, по какому... — «дѣлу» хотѣлъ онъ было сказать, но спохватился и замѣнилъ это слово другимъ оборотомъ,—зачѣмъ я явился сюда?

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы повторяя свой вопросъ. Она утвердительно кивнула головой и это напомнило ему ихъ встрѣчу въ лѣсу. Чувство смутной печали еще тяжелѣе легло ему на сердце, и нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ на дѣвушку. Она сидѣла передъ нимъ съ опущенными глазами и густымъ румянцемъ на щекахъ; голову она держала немного набокъ, такъ что на тонкой кожѣ ея шеи образовались маленькія складочки, и на этихъ складочкахъ невольно остановились взоры Эка; руки Эльзы, крѣпко сплетутыя, лежали у нея на колѣняхъ.

Я...—Онъ снова умолкъ и, сдвинувъ брови, задумался.

Она бросила на него быстрый, недоумѣвающій взглядъ, и онъ продолжалъ:

— Я знаю, что вамъ это должно казаться страннымъ съ моей стороны... но я полагалъ, что вы... то-есть, я думалъ, что если не теперь... то, можетъ быть, впослѣдствіи... Видите ли, я, конечно, не могу многаго предложить вамъ, но я всегда чувствовалъ себя такимъ одинокимъ...—Раньше это никогда не приходило ему въ голову, но теперь онъ такъ сильно сознавалъ всю правду этихъ словъ, что съ невольнымъ преувеличеніемъ повторилъ ихъ: — Вы не повѣрите, до какой степени одинокимъ!... А потому я и надѣялся, что вамъ не слишкомъ противна будетъ мысль... мысль сдѣлаться... моею женой.

Онъ собственно не глядѣлъ на нее, но, все-таки, замѣтилъ, что она покачала головой. У него ёкнуло сердце, и онъ устремилъ взоры на ея лицо. Неужели она не скажетъ «нѣтъ»? Ему сдавалось, что улыбка, мелькнувшая на ея губахъ, говоритъ нѣчто совсѣмъ противуположное. Или онъ только вообразилъ себѣ?...

— Фрэкенъ Эльза!—воскликнулъ онъ,—вы въ самомъ дѣлѣ согласны?

— Да,—тихо отвѣтила она,остановивъ на немъ влажный взоръ.

Экъ стоялъ совсѣмъ растерянный и смотрѣлъ на нее, не зная, что же теперь дѣлать. Вдругъ его осѣнило вдохновеніе, онъ нагнулся и поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ. Она положила ему руки на плечи, поднявшись въ одно время съ нимъ, и тогда онъ поцѣловалъ ее въ губы.

Въ эту минуту послышался осторожный стукъ въ дверь. Эльза покраснѣла и поспѣшно высвободилась изъ объятій Торстена. Гольмеръ просунулъ голову и шутливо спросилъ, можно ли ему войти? Не дожидаясь отвѣта, онъ тотчасъ же вошелъ, приблизился къ молодымъ людямъ, взялъ ихъ за руки и сказалъ:

— Ну, вы, какъ я вижу, поладили... — и, послѣ минутнаго колебанія, прибавилъ нѣсколько сконфуженно: — Да благослов витъ васъ Богъ, милыя дѣти!

Наступило неловкое молчаніе, котораго никто не рѣшался пр рвать. Но вотъ въ дверяхъ показалась еще голова, на этотъ раз головка пятнадцатилѣтней дѣвочки, и снова исчезла, послышал шепотъ въ сосѣдней комнатѣ, и затѣмъ всѣ сестры явились поздр вить невѣсту и жениха. Двѣ старшія были немного сдержанны такъ поглядывали на Эка, будто въ глубинѣ души были убѣжден что онъ сдѣлаетъ ихъ сестру несчастной; за то младшія, очевидн смотрѣли на дѣло съ гораздо болѣе радостной точки зрѣнія.

Эк, конечно, остался на весь вечер, что дало поводъ къ маленькому «импровизированному семейному празднику», какъ выразился Гольмеръ, провозглашая во время ужина тостъ за жениха и невѣсту. Эльза держала себя немножко натянуто и была очень молчалива, но къ Торстену вернулись обычное спокойствіе и самоувѣренность, какъ только миновали первыя минуты изумленія, и онъ болталъ и шутилъ со своими «будущими свояченицами», въ особенности съ младшими, и вовсе не замѣчалъ взглядовъ кроткой укоризны, которые бросала на него Эльза. При прощаньи онъ такъ спокойно поцѣловалъ ее, точно уже цѣлый годъ былъ съ ней помолвленъ; она не сопротивлялась, но какъ будто вопросительно взглянула на него.

Возвращаясь въ Торпу въ десять часовъ вечера, Эк находился въ очень довольномъ настроеніи. Все сошло гораздо легче и оказалось гораздо пріятнѣй, чѣмъ онъ себѣ представлялъ. Точно вѣтеръ развѣялъ тревожныя чувства, волновавшія его въ предъидущіе дни; онъ не могъ удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, сколько напраснаго безпокойства онъ причинилъ себѣ, и гордое чувство торжества пробуждалось въ немъ при мысли объ его легкой побѣдѣ.

III.

Но Торстену Эку предстояла еще забота, и забота не малая: объявить своимъ старухамъ о сдѣланномъ имъ шагѣ. Когда онъ въ этотъ вечеръ вернулся въ Торпу, ему показалось, что надъ всѣмъ домомъ нависло какое-то подавленное настроеніе; ни одна изъ старухъ еще не ложилась, всѣ онѣ дожидались его, и, было ли то воображеніе или дѣйствительность, но ему почудилось, будто на ихъ лицахъ написана вѣсть объ его помолвкѣ, или, скорѣе, траурная публикація... Онъ думалъ сначала тутъ же переговорить съ ними, но потомъ отложилъ это до завтрашняго дня и прямо прошелъ къ себѣ.

Но и на слѣдующій день онъ никакъ не могъ рѣшиться сообщить имъ важную новость. Онъ самъ находилъ, что это смѣшно, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ себя точно преступникомъ по отношенію къ нимъ. Молчаливое, покорное усердіе, съ которымъ онѣ служивали ему, щепетильная подчиненность, съ которою онѣ ловили его слово принимали какъ приказаніе, печать незаслуженныхъ страданія, читавшаяся на ихъ лицахъ,—все это представлялось цѣлымъ рядомъ обвиненій... А затѣмъ это единодушіе, внесенное вчерашнимъ происшествіемъ между ними и не омрачавшееся во весь день

ни единою перебранкой,— оно въ особенности казалось ему тревожнымъ симптомомъ. Онъ рѣшилъ объявить имъ о своей помолвкѣ лишь тогда, когда ему можно будетъ представить имъ свою невѣсту, въ надеждѣ, что ея вліяніе нѣсколько смягчитъ ударъ.

Въ этотъ день онъ поѣхалъ въ городъ покупать обручальныя кольца. Вечеромъ, возвратившись домой, онъ засталъ старухъ въ самомъ разгарѣ ссоры, изъ чего и заключилъ, что съумѣлъ отвлечь ихъ подозрѣнія. Но это заставило его почувствовать себя еще болѣе виноватымъ передъ ними, и онъ рѣшилъ на слѣдующій же день ловкимъ маневромъ дать исходъ этому дѣлу.

Ударъ былъ нанесенъ за утреннимъ кофе. Сначала онъ хотѣлъ собрать всѣхъ старухъ и придать объясненію нѣсколько торжественный характеръ, но въ послѣдній моментъ передумалъ и счелъ болѣе удобнымъ лишь вскользь упомянуть о своей невѣстѣ, какъ будто его помолвка уже извѣстный фактъ. Улучивъ минуту, когда Лисса была по близости и могла слышать его, онъ обратился къ мамзель Томпсонъ:

— Да, кстати! Я сегодня не обѣдаю дома, но будьте любезны, мамзель Томпсонъ, позаботьтесь приготовить послѣобѣденный кофе къ пріѣзду моей невѣсты.

Онъ уткнулся въ свою чашку, но изъ глубокаго молчанія за своею спиной понялъ, что его слова произвели эффектъ.

— Осмѣлюсь спросить, кто нареченная?—раздался, наконецъ, дрожащій голосъ мамзель Томпсонъ.

Ея тонъ показался ему до такой степени вызывающимъ, что ему удалось немножко разсердиться.

— Конечно... я думалъ, что вамъ уже... Моя невѣста—фрэкенъ Гольмеръ,—отвѣтилъ онъ и строго взглянулъ на экономку.

Но мамзель Томпсонъ была такъ потрясена, что на этотъ разъ ему не очень-то легко было ее испугать. Она коварно усмѣхнулась и спросила:

— Старшая фрэкенъ Гольмеръ?

— Фрэкенъ Эльза!—съ удареніемъ произнесъ Экъ и теперь уже не на шутку разсердился.

— Къ какому времени прикажете приготовить кофе?

— Къ пяти часамъ.

Мамзель Томпсонъ церемонно присѣла и отошла, кинувъ на Лиссу торжествующій взглядъ Кассандры. Развѣ же не сбылись ея роковыя предсказанія? Лисса стояла въ сторонѣ и слышала разговоръ. Теперь и она исчезла, безшумно, какъ тѣнь, и Торстенъ Экъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа отправился въ поле.

Когда онъ вернулся во второмъ часу, мамзель Томпсонъ устроила ему новую сцену. Она подошла къ нему и спросила, когда назначена свадьба.

— Зачѣмъ вамъ это?—спросилъ Экъ.

— Затѣмъ,—отвѣчала она,—что надо же мнѣ знать, когда мнѣ... когда мнѣ... пере... перебираться отсюда!—Послѣднія слова она проговорила уже всхлипывая и, упавъ на стулъ, залилась слезами. Она приготовилась осыпать патрона массой упрековъ, накопившихся въ теченіе утра въ ея озлобленной душѣ, но она слишкомъ понадѣялась на свои силы: теперь явились слезы и сдѣлали ее совсѣмъ беззащитной, такъ что Эку довольно легко было образумить ее. Онъ постарался внушить ей, что вовсе не имѣетъ въ виду отказывать ей отъ мѣста, совсѣмъ наоборотъ: никогда еще не была она такъ необходима, какъ теперь, когда въ домѣ будетъ молодая хозяйка, которой, конечно, понадобятся опытность и совѣты мамзель Томпсонъ.

Экъ пустилъ въ дѣло всю свою изобрѣтательность и съумѣлъ привести ей столько аргументовъ, что она сочла возможнымъ отступить съ поля битвы съ незапятнанною воинскою честью. Утомленная столькими душевными потрясеніями, она въ самомъ кроткомъ и мирномъ расположеніи духа удалилась въ свою комнату, чтобы немножко «отдохнуть» передъ обѣдомъ.

Гораздо больше заботила Торстена Лисса, хранившая упорное молчаніе и суетившаяся такъ, какъ никогда. Совершенно неожиданно для всѣхъ она затѣяла генеральную чистку всего дома и, куда ни появлялась, всюду поднимала цѣлые столбы пыли. Но все это такъ надоѣло Эку, что онъ старался только не встрѣчаться съ нею. Что касается Лины, то она во все утро не попадалась ему на глаза—оттого ли, что она еще ничего не знала, хотя онъ считалъ это невѣроятнымъ, или хотѣла показать ему этимъ свое негодованіе, но только она сдѣлалась невидимкой, за что онъ во всякомъ случаѣ былъ ей благодаренъ.

«Все наладится, какъ только моя невѣста пріѣдетъ сюда!» — онъ съ какимъ-то суевѣріемъ цѣплялся за эту мысль и, наконецъ, —е съ болѣе легкимъ сердцемъ сѣлъ въ фаэтонъ, чтобы ѣхать къ ъзѣ.

Утромъ онъ посылалъ къ Гольмерамъ сказать, что будетъ у хъ обѣдать, а потомъ возьметъ съ собой невѣсту, чтобы показать ея будущій домъ.

Дорогой онъ все думалъ о своей поѣздкѣ къ Гольмерамъ за два передъ тѣмъ, вспоминая со смѣхомъ, какъ онъ боялся и попу-

сту безпокоился. Вѣдь, до того онъ дошелъ, что ломалъ голову надъ вопросомъ, что̀ собственно такое его будущая невѣста? Этакія глупости! Она, понятное дѣло,— онъ невольно запнулся въ ходѣ своихъ мыслей.—«Да просто моя невѣста!»—заключилъ онъ и расхохотался своей удачной шуткѣ. Онъ пріѣхалъ въ усадьбу въ превосходнѣйшемъ настроеніи.

Гольмеръ съ утра уѣхалъ по дѣламъ и долженъ былъ возвратиться лишь на слѣдующій день, но онъ поручилъ передать свой привѣтъ Эку и просилъ его быть у него какъ дома. Встрѣтить гостя вышла Эрика, вторая по счету дочь хозяина; она передала ему порученіе отца и пригласила его въ гостиную. Эльза сейчасъ придетъ, а пока онъ долженъ будетъ удольствоваться ея обществомъ. Все это она проговорила съ такою миной, точно ея слова были горькія пилюли, которыя ему предстояло проглотить, и точно она знала, что онъ ненавидитъ ее за это угощенье.

Эрика считалась самою умной изъ сестеръ, но судьба не дала ей случая примѣнить свои способности къ какому-нибудь настоящему дѣлу. У нея было желаніе поступить въ учительницы, но отецъ воспротивился этому, а веденіе книгъ, въ которомъ она помогала ему, не удовлетворяло ея жажды дѣятельности. Это привело къ тому, что мало-по-малу она начала размѣнивать свой умъ на мелкія, довольно-таки злыя остроты, и, видя, что вслѣдствіе этого, въ обществѣ ее находятъ непріятной, она вбила себѣ въ голову, будто всѣ питаютъ къ ней предвзятую антипатію.

Торстену Эку тоже приходилось не разъ служить мишенью для ея колкостей, но по большей части ихъ остріе ломалось объ его невозмутимое добродушіе; по крайней мѣрѣ, онъ никогда не подавалъ вида, что оскорбленъ ея рѣчами. И хотя она никогда не ощущала ничего похожаго на радость, если ей удавалось уязвить кого-нибудь, все же эта нечувствительность Эка раздражала ее, и она испытывала болѣзненное желаніе хотя бы разъ задѣть его за живое.

Теперь, когда они вмѣстѣ сидѣли въ гостиной, ей представился превосходный случай испробовать свое искусство, и, надо правду сказать, она старалась изо всѣхъ силъ. Она избрала объектомъ своихъ нападеній его положеніе жениха, предполагая, что это должно быть теперь его самымъ чувствительнымъ мѣстомъ. Экъ смѣялся вначалѣ ея сарказмамъ, и ей потребовалось все ея самообладаніе, чтобы не смутиться предъ его спокойнымъ, добродушнымъ взглядомъ; но, наконецъ, онъ всталъ, подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Послушай, голубушка Эрика, оставимъ-ка мы лучше все

это! — Въ тонѣ, какимъ онъ произнесъ два послѣднія слова, было безотчетное презрѣніе, поразившее дѣвушку. — Мы, вѣдь, будемъ теперь друзьями, не такъ ли?

Она взглянула на него совершенно изумленная и ничего не могла отвѣтить. Онъ выпустилъ ея руку и прибавилъ:

— Еслибъ ты только знала, сколько мнѣ было сегодня возни съ моими старухами!

Этотъ косвенный упрекъ такъ тронулъ ее, что слезы выступили у нея на глазахъ, и, стараясь скрыть ихъ, она отвернулась отъ Торстена.

Наступило минутное молчаніе; Экъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Но гдѣ же Эльза?—спросилъ онъ, наконецъ.

Эрика украдкой провела рукой по глазамъ.

— Я сейчасъ позову ее,—поспѣшно отвѣтила она и побѣжала изъ комнаты, но въ дверяхъ столкнулась съ Эльзой, остановилась на мгновенье, затѣмъ молча прошла мимо нея и затворила за нею дверь.

Эльза тоже простояла нѣсколько минутъ у двери и молча смотрѣла на Экa. Она была въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, томъ самомъ, въ которомъ онъ встрѣтилъ ее въ лѣсу, и, можетъ быть, поэтому имъ овладѣло въ первую минуту то же чувство, какъ и тогда, что она такъ далеко, далеко отъ него. Быть можетъ, по этой же причинѣ она показалась ему такою красивой. Его всегда удивляло, что она такъ непохожа на остальныхъ членовъ семьи, на отца и на сестеръ; мать ея онъ едва помнилъ. Если сестеръ и нельзя было прямо назвать дурнушками, то все же у нихъ были довольно грубыя и заурядныя лица, тогда какъ лицо Эльзы было, наоборотъ, тонкое, нѣжное, выразительное. Тѣ были брюнетки, она — блондинка, а, между тѣмъ, глаза ея были темнѣе или, по крайней мѣрѣ, казались порою темнѣй, чѣмъ у нихъ. Бюстъ былъ еще не развитъ, но плечи и руки имѣли полныя и упругія формы; можно было даже, пожалуй, сказать, что она чуть-чуть широка въ плечахъ. И такъ увѣренно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ легко и граціозно стояла Эльза на своихъ маленькихъ ножкахъ, точно ей съ самаго ранняго дѣтства приходилось упражняться въ позахъ и пріемахъ свѣтской дамы.

Да, въ ней было что-то особенное, индивидуальное, не похожее на другихъ; это-то и было тайною причиной первоначальныхъ страховъ Экa и теперь, въ первое мгновеніе, снова поразило его. Но на этотъ разъ тревога быстро смѣнилась чувствомъ удовлетворенія подъ вліяніемъ успокоительной мысли, что эта дѣвушка его невѣста.

— Почему ты заставила меня ждать такъ долго?—сказалъ онъ шутливо-укоризненнымъ тономъ и подошелъ къ ней. Онъ хотѣлъ было поцѣловать ее, но такъ какъ она оставалась неподвижна, то онъ и не рѣшился.

— Почему *ты* заставилъ меня ждать такъ долго?—отвѣтила она тѣми же словами, но съ совсѣмъ другою интонаціей, и посмотрѣла на него пытливымъ взоромъ.

— Я?!—переспросилъ онъ внѣ себя отъ изумленія.

— Да, ты не былъ вчера, а я цѣлый день ждала тебя.

Эку и въ голову не приходило, что она могла ждать его наканунѣ, и онъ стоялъ, не находя отвѣта, пока у него не блеснула счастливая идея. Онъ вынулъ изъ кармана маленькій свертокъ и подалъ его Эльзѣ.

— Я вотъ зачѣмъ ѣздилъ!—отвѣтилъ онъ.

Она вопросительно взглянула на него, затѣмъ лицо ея освѣтилось улыбкой, и она поспѣшно открыла футляръ. Въ немъ было два кольца, одно большое, другое маленькое, и, взявъ ихъ въ руки, она разсмѣялась, при видѣ громадной разницы между ними. Онъ тоже смѣялся, въ восторгѣ отъ того, что ея колечко, все-таки, оказалось слишкомъ велико. Когда они обмѣнялись кольцами, она порывисто обвила руками его шею и поцѣловала его.

Обѣдъ вышелъ, однако, довольно скучнымъ. Старшая сестра, Луиза, поглощенная хозяйственными хлопотами, не находила времени вести разговоръ, да, впрочемъ, и не особенно владѣла этимъ искусствомъ. Она была очень похожа на отца съ тою разницей, что всѣ добродушныя черты его физіономіи у нея выступали рельефнѣй, и, вмѣсто плутоватости, ея лицо выражало самую непосредственную доброту. Доброта была вообще ея самымъ выдающимся свойствомъ, она была добра въ своемъ домашнемъ обиходѣ, добра къ служанкамъ, добра къ отцу и въ особенности къ сестрамъ. Но на ея доброту былъ такой большой спросъ въ самомъ домѣ, что на постороннихъ ея уже не хватало; поэтому, когда Луиза только что узнала о помолвкѣ, то взглянула на дѣло такъ, будто это незаконное вторженіе въ семью чужого элемента, и немножко сухо обошлась съ Экомъ. Можетъ статься, въ основѣ этого крылась и капелька зависти, такъ какъ ей, вѣроятно, случалось въ какую-нибудь свободную минуту съ нѣкоторою горечью подумать о томъ, что она должна была отказаться отъ всякой мечты о своемъ личномъ счастьѣ. Но эта зависть быстро исчезла и, когда Луиза нѣсколько освоилась съ представленіемъ, что Экъ такъ или иначе сдѣлался членомъ семьи, она стала къ нему столь же добра, какъ и къ дру-

гнимъ своимъ домочадцамъ. Она клала ему на тарелку самые лучшіе куски, но предоставляла Эрикѣ, къ уму которой питала большое уваженіе, а затѣмъ и Эльзѣ, занимать гостя. Однакожь, Эрика сидѣла за обѣдомъ необыкновенно серьезная и молчаливая, а Эльзу, очевидно, смущали неотвязные любопытные взгляды младшихъ сестеръ, такъ что за столомъ было довольно неоживленно.

Послѣ обѣда Экъ хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать вмѣстѣ съ Эльзой показывать ей Торпу, какъ это было условлено раньше. Но тутъ встрѣтилось препятствіе: Луиза ни подъ какимъ видомъ не хотѣла пускать жениха и невѣсту вдвоемъ. Въ этомъ случаѣ ея доброта пришла въ столкновеніе съ боязнью нарушить приличіе, которая у нея, пожалуй, даже перевѣшивала доброту. Экъ не хотѣлъ никого приглашать, кромѣ Эльзы, и ссылался на то, что въ экипажѣ могутъ помѣститься только двое. Эльза тоже хотѣла ѣхать съ нимъ вдвоемъ. Имъ было, однако, неловко настаивать черезъчуръ рѣшительно; они слишкомъ еще недавно были помолвлены, чтобы опираться на свои права, и, можетъ быть, поѣздка разстроилась бы совсѣмъ, если бы они не нашли неожиданной союзницы въ лицѣ Эрики, которой удалось убѣдить Луизу, что въ этомъ нѣтъ ничего неприличнаго.

Когда экипажъ былъ поданъ и они стали прощаться, Экъ улучилъ минуту и, пожимая руку Эрики, сказалъ ей: «Спасибо за помощь!» Щеки ея покрылись слабымъ румянцемъ и она въ свою очередь слегка пожала его руку.

И вотъ, наконецъ, женихъ и невѣста очутились съ глазу на глазъ; въ первый разъ они по-настоящему были наединѣ другъ съ другомъ. Когда домъ скрылся изъ вида, Эльза взглянула на Эка блестящимъ взоромъ, а онъ спокойно и радостно кивнулъ ей въ отвѣтъ. Но онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать для окончательнаго успокоенія своей совѣсти:

— Можетъ быть, это, все-таки, глупо, что я не захотѣлъ пригласить кого-нибудь изъ твоихъ сестеръ.

Она сложила губы въ презрительную усмѣшку, но потомъ быстро заговорила:

— Вѣдь, мы можемъ повернуть назадъ, если тебѣ угодно...

— Нѣтъ, нѣтъ,—со смѣхомъ перебилъ онъ ее,—я только хотѣлъ сказать, что, можетъ быть, онѣ сочли это неучтивымъ съ моей стороны...

— А если бы и такъ? Развѣ онѣ дороже тебѣ, чѣмъ я?

— Нѣтъ, но развѣ ты не понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю. И какъ это ты, такой великанъ, мо-

жешь обращать вниманіе на такія мелочи?—сказала она, остановивъ на немъ полушутливый, полувосхищенный взглядъ, и любовно прильнула къ нему.

Онъ разсмѣялся, чрезвычайно польщенный, и больше объ этомъ не было рѣчи. Эльза сидѣла, попрежнему, прильнувъ къ нему; немного погодя она промолвила:

— Должно быть, ты уже началъ импонировать Эрикѣ.

— Импонировать?—повторилъ онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Да, именно импонировать. И на меня ты съ перваго же раза произвелъ такое впечатлѣніе—импонирующее.

— Оттого, что я такой великанъ?—добродушно спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она и посмотрѣла на него долгимъ вопросительнымъ взглядомъ. Затѣмъ она умолкла, какъ бы ожидая, что онъ о чемъ-то спроситъ ее; онъ тоже смутно чувствовалъ, что она ожидаетъ какого-то вопроса, какого-то слова, но не зналъ, что̀ ему сказать, и, наконецъ, заговорилъ:

— Эрика вовсе не такая злая, какъ думаютъ люди.

Она ничего не отвѣтила, только немного отодвинулась отъ него, но въ слѣдующую минуту крикнула съ живостью, въ которой сквозило что-то принужденное...

— Какъ ты медленно ѣдешь! Дай-ка мнѣ вожжи!

— Хорошо, хорошо, только смотри, будь осторожна. Брунте немножко стара.

— О, если я буду править ею, она у меня поскачетъ!

Она взяла вожжи, которыя онъ не совсѣмъ охотно передалъ ей, и стала погонять Брунте. Къ ея великому торжеству, Брунте дѣйствительно немного прибавила шагу и Эльза пришла въ самое радужное настроеніе. Она принялась разспрашивать Торстена объ его старухахъ, онъ кое-что разсказалъ ей, чтобъ ознакомить ее съ положеніемъ вещей, и при всемъ, что онъ ни говорилъ, она хохотала до слезъ. У нея былъ нѣсколько сдавленный, но, тѣмъ не менѣе, звонкій смѣхъ, вовсе не рѣзкій, но съ глубокимъ тембромъ журчащаго ручейка. Экъ слышалъ его въ первый разъ и такъ былъ очарованъ имъ, точно открылъ новое качество въ своей невѣстѣ. Онъ старался изъ всѣхъ силъ быть какъ можно болѣе занимательнымъ, и это удалось ему сверхъ всякихъ ожиданій. Въ превосходномъ расположеніи духа и съ тою пріятною усталостью, какую оставляетъ здоровый смѣхъ, они подъѣхали къ Торпѣ, и Брунте стала у крыльца, тоже довольно утомленная, такъ какъ послѣднюю часть пути, заразившись ихъ веселостью, бѣжала почти галопомъ.

Ларсъ Юганъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу изъ конюшни, но

ни одна старуха не показывалась. Экъ нахмурилъ брови. Эльза, выйдя изъ экипажа, вдругъ опять притихла и сказала съ легкою дрожью:

— Знаешь, мнѣ такъ жутко, точно я иду на экзаменъ.

Но когда они вошли въ залу, мамзель Томпсонъ уже стояла у стола, накрытаго къ кофе, и поклонилась имъ. Она чувствовала себя значительно подкрѣпленной послѣ своего «легкаго предъобѣденнаго отдыха» и проснулась съ твердымъ намѣреніемъ во всякомъ случаѣ не ронять своего достоинства передъ молодой фрэкенъ, хотя «ради патрона» она и оставила свой воображаемый планъ отказаться отъ мѣста. Поэтому въ ея реверансѣ была нѣкоторая чопорность и важность, а въ складкахъ рта мелькала немножко горькая улыбка. Но Эльза заранѣе рѣшила завоевать сердца старухъ. А потому, когда Экъ хотѣлъ представить ей экономку, она предупредила его.

— Это совершенно лишнее, вѣдь, я имѣю удовольствіе видѣть мамзель Томсонъ, не правда ли?—сказала она съ самою обворожительною улыбкой, подойдя къ ней и протянувъ ей руку.

Мамзель Томпсонъ едва дотронулась до нея кончиками пальцевъ, еще разъ церемонно присѣла и отвѣтила:

— Томпсонъ, позвольте вамъ замѣтить, съ *n*.

Эльза на минуту смѣшалась и совсѣмъ забыла приготовленное ею милое привѣтствіе. Экъ долженъ былъ придти ей на помощь.

— Будьте такъ добры, мамзель Томпсонъ, принесите намъ кофе; мы страшно голодны, то-есть страшно жаждемъ кофе,—поправился онъ, уловивъ на лицѣ мамзель Томпсонъ мину, довольно ясно выражавшую, что она ожидала этого послѣ обѣда—въ такомъ домѣ!

Она величественно выплыла изъ залы, и какъ только она скрылась, Экъ разразился громкимъ смѣхомъ, а Эльза тоже стала вторить ему, когда онъ объяснилъ ей, что мамзель Томпсонъ ни одной буквой своей фамиліи не дорожитъ такъ, какъ этимъ *n*, въ которомъ она видитъ что-то вродѣ дворянскаго титула. Едва они успѣли придти въ себя, какъ она снова вошла съ кофейникомъ на подносѣ. Поставивъ его на столъ, она сдѣлала видъ, что хочетъ удалиться, но Эльза удержала ее, ласково заставила ее сѣсть на стулъ и сама налила ей кофе.

— Но что же Лисса не идетъ? Лисса!—крикнулъ Экъ своимъ громовымъ голосомъ, гулко раздавшимся по всему дому.

Прошло, однако, еще нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ послышались легкіе и быстрые шаги Лиссы. Когда она вошла, Экъ взгля-

нулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но не замѣтилъ въ ней ничего особеннаго. Она поклонилась Эльзѣ, поздравила ее, не стала церемониться, когда ей предложили чашку кофе, и очень вѣжливо отвѣчала всякій разъ, какъ Эльза обращалась къ ней, но, тѣмъ не менѣе, и Эльза, и Экъ чувствовали оба, что за этою привѣтливостью кроется гораздо больше непримиримости, чѣмъ за всѣми жеманными ужимками мамзель Томпсонъ. Выпивъ чашку кофе, она встала и поблагодарила, но тотчасъ же попросила позволенія уйти, чтобъ успѣть справить до вечера всѣ свои дѣла. За то мамзель Томпсонъ осталась, и мало-по-малу ея настроеніе становилось все мягче и миролюбивѣе. Когда же она допила третью чашку кофе и поразсказала нѣсколько замѣчательныхъ сновъ, сбывшихся на дѣлѣ, она и совсѣмъ расположилась къ Эльзѣ. И вдругъ мамзель Томпсонъ сдѣлала неожиданное открытіе, что невѣста вовсе не брюнетка, а, наоборотъ, чистѣйшая блондинка, и что, стало быть, карты указывали не на нее,—это открытіе согнало послѣднее облачко съ ея души.

Послѣ кофе они обошли весь домъ, находившійся, благодаря стараніямъ Лиссы, въ самомъ парадномъ видѣ, а затѣмъ спустились въ кухню, гдѣ Эльза должна была испробовать силу своего обаянія на Линѣ, которая, какъ Экъ еще раньше узналъ отъ мамзель Томпсонъ, уже была освѣдомлена о помолвкѣ.

Лину они застали за чисткой мѣдныхъ кастрюль. Передъ ней изливала утромъ свое сердце мамзель Томпсонъ, когда Лисса оказалась совсѣмъ неприступной, и теперь она чувствовала себя, собственно говоря, обиженной тѣмъ, что получила новость лишь изъ вторыхъ рукъ, а не отъ самого патрона. Въ сущности, ей было безразлично, кто будетъ ей отдавать приказанія, мамзель Томпсонъ или кто другой,—въ кухонномъ департаментѣ она, во всякомъ случаѣ, была сама себѣ госпожа. Пожалуй даже она немножко радовалась тому, что надъ мамзель Томпсонъ будетъ теперь хозяйка. «Все мы такъ, какъ будто, немножко сравняемся съ ней»,—думала она про себя. Такимъ образомъ, она отчасти уже склонилась на сторону Эльзы, а послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ ей молодою дѣвушкой, окончательно признала себя побѣжденной и выразила это цѣлымъ потокомъ рѣчей, отъ которыхъ они подъ конецъ должны были спастись бѣгствомъ.

— Что-жь, все сошло отлично! — сказалъ Экъ, когда они опять остались одни.

— Да, но мнѣ больно подумать о Лиссѣ. Я увѣрена, что она не взлюбила меня, а, между тѣмъ, ея расположеніе для меня всего важнѣе.

— Ну, это обойдется! — утѣшилъ ее Экъ. — Такъ какъ же, теперь мы, вѣдь, пойдемъ знакомиться съ остальными старухами?

— А ихъ еще много?

— Всего только двѣ, и отъ нихъ мы скоро отдѣлаемся. Анна птичница... вѣдь ты, конечно, любишь куръ?

— Ахъ, нѣтъ! Я ихъ терпѣть не могу, онѣ на видъ такія глупыя!...

— Вотъ тоже причина! Вѣдь, ихъ назначеніе нестись.

— Во всякомъ случаѣ, онѣ глупыя!

— Ну, тебѣ, все-таки, придется поинтересоваться ими,— сказалъ Экъ и съ ласковою снисходительностью похлопалъ ее по плечу.— А потомъ остается еще Болла, она, вѣроятно, будетъ пытаться совратить тебя въ баптистскую секту, но сегодня, я думаю, эта опасность намъ еще не грозитъ. Ну, что же? — спросилъ онъ, видя, что Эльза вовсе не заинтересовалась его отчетомъ.

— Нельзя ли отложить это до другого раза? Мнѣ хотѣлось бы пройтись съ тобой, побыть съ тобой съ глазу-на-глазъ,— сказала она, взглянувъ на него.

— Какъ тебѣ угодно!—поспѣшилъ согласиться Экъ.— Но, въ такомъ случаѣ, пойдемъ, прежде всего, на мельницу, тебѣ непремѣнно надо посмотрѣть ее, а потомъ мы можемъ взглянуть на поля.

Они отправились на мельницу, совершенно приковавшую къ себѣ вниманіе Эльзы. Они стояли, облокотившись на перила мостика, и смотрѣли, какъ внизу бѣжала вода.

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ я стою иногда по вечерамъ и толкую съ мельникомъ,— сказалъ Экъ.

— Съ нимъ я не прочь познакомиться! — воскликнула Эльза, вдругъ снова оживившись.

Экъ приложилъ руки ко рту и крикнулъ громче, чѣмъ когда-либо:

— Мастеръ, мастеръ!

Мастеръ вышелъ и весело прищурилъ глазки, увидавъ молодыхъ людей. Онъ, должно быть, раньше слышалъ новость, и когда патронъ представилъ его Эльзѣ, тотчасъ же заговорилъ съ ней въ шутливомъ тонѣ. Онъ былъ старый холостякъ, но воображалъ, что имѣетъ большой успѣхъ у женщинъ, и съ своею самоувѣренною манерой преподнесъ Эльзѣ массу комплиментовъ, очень позабавивши ее, тѣмъ болѣе, что изъ-за шума водопада и мельничнаго колеса ихъ приходилось на половину выкрикивать. Они разстались съ мастеромъ большими друзьями.

— Ну, а теперь мы пойдемъ взглянуть на поля? — сказалъ Экъ, когда они опять очутились внизу.

Но Эльза сдѣлала недовольную мину,—ее такъ тянуло въ лѣсъ.

— Въ лѣсъ? Но что же мы будемъ тамъ дѣлать? Вѣдь, тамъ же нечего смотрѣть!

Взглядъ Эльзы внезапно потемнѣлъ и она съ нѣкоторою запальчивостью отвѣтила, что она думала, онъ самъ пожелаетъ пойти въ лѣсъ — ради нея. Экъ не понималъ хорошенько, что̀ она собственно хочетъ сказать. Развѣ не могъ онъ точно такимъ же образомъ пойти въ поле ради нея? Но онъ воздержался отъ дальнѣйшихъ возраженій. Рѣшено было отправиться въ лѣсъ. Сперва имъ надо было пройти немного проселочною дорогой, и тамъ вечернее солнце сильно пекло, но, свернувъ на тропинку, которая довольно крутымъ подъемомъ вела въ сосновый боръ, они вскорѣ оказались въ тѣни. Былъ чудный іюльскій вечеръ. Когда они взошли на площадку, откуда открывался далекій видъ на равнину, Эльза остановилась и оглядѣлась вокругъ; Экъ, конечно, остановился тоже. На западѣ собрались облака для проводовъ солнца, но вся остальная часть неба была чиста, ровное сіяніе заливало просторъ полей, переходя въ свѣтлые, голубоватые тоны на краю горизонта, и дымъ, поднимавшійся изъ трубъ жилищъ, казался легкимъ и прозрачнымъ, какъ туманъ.

— Чудо, что за поля! — сказалъ Экъ, какъ бы ожидая подтвержденія отъ Эльзы.

— Да, здѣсь хорошо! — промолвила она съ легкимъ вздохомъ.

— А вѣдь, пожалуй, завтра дождикъ будетъ, — продолжалъ Экъ и прибавилъ, самъ не зная, что произноситъ вслухъ свою мысль: — Слава Богу, что я успѣлъ убрать сѣно!

Снова Эльза бросила на него сумрачный взглядъ, но онъ этого не замѣтилъ; она повернулась и направилась дальше. И когда они вошли въ самую чащу лѣса, она сказала:

— Но здѣсь еще лучше!

Экъ пробормоталъ что-то такое, что можно было принять за согласіе съ ея мнѣніемъ. Въ глубинѣ сердца онъ предпочиталъ равнину, но немножко затруднялся признаться въ этомъ, хотя самъ хорошенько не зналъ, почему. И онъ искренно старался повѣрить, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ на равнинѣ.

Здѣсь солнце освѣщало только верхушки сосенъ, бросая отдѣльныя полоски свѣта между стволовъ; но подъ густыми сводами было темно, почти мрачно. Внизу, на равнинѣ, воздухъ былъ неподви-

женъ, здѣсь же, надъ головами молодыхъ людей, шелестилъ мимолетными порывами легкій вѣтерокъ.

Эльза совсѣмъ преобразилась; она шла молча, тихими, какъ бы усталыми шагами, устремивъ впередъ блестящій взоръ; по временамъ она напѣвала какую-то мелодію, которой Эку никогда еще не приходилось слышать.

Вдругъ она взяла его подъ руку, прижалась къ нему и какимъ-то страннымъ, затуманеннымъ голосомъ сказала:

— Не правда ли, какъ сосны ласково смотрятъ на насъ?

Онъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ; какъ могла придти ей въ голову подобная мысль? Глаза ихъ встрѣтились и ему показалось, будто и взоръ у нея какой-то затуманенный. Имъ овладѣло такое чувство, точно передъ нимъ стоитъ совсѣмъ незнакомое ему существо, и въ душѣ его поднялась тревога.

— Посмотри, какъ солнце освѣщаетъ ихъ вершины! Это такъ похоже на улыбку! Да, онѣ улыбаются намъ! — продолжала она.

«Что за странныя идеи!» — подумалъ онъ и покачалъ головой. Онъ все еще находился въ томъ веселомъ расположеніи духа, въ какомъ пріѣхалъ въ Торпу, и жаждалъ вновь услышать смѣхъ дѣвушки. Поэтому онъ попробовалъ заговорить въ шутливомъ тонѣ, но она была разсѣянна, не слушала его и едва ли улыбнулась хоть разъ. И это сознаніе, что въ ихъ настроеніи отсутствуетъ гармонія, сдѣлало ихъ чужими другъ для друга. Эльза выпустила руку жениха и они молча пошли рядомъ.

Въ душѣ Эка мелькала неясная догадка, что она ждетъ отъ него чего-то, чего онъ чувствовалъ себя неспособнымъ ей дать, и это начинало мучить его. Онъ мечталъ вернуться скорѣе домой; ему казалось, что онъ совсѣмъ возненавидѣлъ лѣсъ. И надо же имъ было забраться сюда,— вотъ еслибъ онъ могъ показать ей свои великолѣпныя поля!

Вдругъ ему пришла мысль. Можетъ быть, она считаетъ его дуракомъ и увальнемъ за то, что онъ идетъ себѣ возлѣ нея какъ ни въ чемъ не бывало,— вѣдь они женихъ и невѣста! Но онъ со стыдомъ отогналъ отъ себя эту мысль, — ему казалось, что онъ унижаетъ ею Эльзу. Что-то внутри его говорило ему, что еслибъ онъ в эту минуту вздумалъ поцѣловать ее, она сочла бы это чуть ли н оскорбленіемъ.

Но что-то было не ладно между ними. «Не такъ-то легко быть же хомъ, какъ я воображалъ!» — со вздохомъ подумалъ онъ про себя.

Они дошли до большой проѣзжей дороги, пересѣкавшей лѣсъ. З ѣсь, на одномъ поворотѣ, Эльза остановилась.

— Помнишь?—сказала она, не глядя на Эка.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но затѣмъ вспомнилъ.

— Да, когда я встрѣтилъ тебя!—онъ такъ обрадовался представившейся темѣ для разговора, что расхохотался.—Я понять не могъ, какъ ты очутилась здѣсь, такъ далеко отъ дома!

Она покраснѣла и бросила на него торопливый, бѣглый взглядъ, — взглядъ, стыдившійся признанія и, въ то же время, желавшій допроса.

Торстену сдѣлалось какъ-то странно на душѣ. Внезапная мысль поразила его, но въ первое мгновеніе онъ нашелъ ее невѣроятной.

— Неужели... неужели... это было ради меня?

Она ничего не отвѣтила, быть можетъ, она и сама была не увѣрена въ томъ, что причина совершенно ясна ей, но она покраснѣла еще сильнѣе, и онъ принялъ это за утвердительный отвѣтъ.

— А я-то, болванъ, ничего не понималъ!

Онъ взялъ ея руку въ обѣ свои и сталъ гладить тонкіе пальчики.

— А ты еще не хотѣлъ идти сюда!—тихо и укоризненно промолвила Эльза.

— Да, если тебѣ поэтому сюда хотѣлось, то, вѣдь, это совсѣмъ другое дѣло!

Къ нему вдругъ вернулось хорошее расположеніе духа, и онъ ускореннымъ шагомъ пошелъ по дорогѣ, рука объ руку съ дѣвушкой. Онъ хотѣлъ было сообщить Эльзѣ всѣ соображенія, приходившія ему въ голову по поводу этой встрѣчи, но теперь, когда онъ узналъ, что любовь привлекла ее сюда, они показались ему до такой степени наивными, что онъ устыдился ихъ и счелъ за лучшее оставить ихъ при себѣ. Но онъ снова принялся шутить и смѣяться, по временамъ останавливаясь, чтобы подумать: какой я былъ болванъ! и долго не замѣчалъ, что Эльза опять совсѣмъ примолкла. Но когда онъ, наконецъ, замѣтилъ это и пристальнѣе вглядѣлся въ нее, онъ снова увидалъ на ея лицѣ усталое, разсѣянное выраженіе.

— Что съ тобой? Отчего ты такая невеселая?—спросилъ онъ.

— Ахъ, я просто немножко устала, мнѣ ужь скоро надо ѣхать домой.

Они повернули и пошли назадъ.

Въ сущности, Эльза не столько утомилась, сколько была опечалена. Весь этотъ день представлялся ей теперь однимъ великимъ разочарованіемъ. Она раскаявалась въ своемъ недавнемъ признаніи, радость Эка мучила ее, она была такъ оскорбительно самоувѣренна. Она ожидала... Ахъ, она и сама не знала, чего ожидала!

Они поѣхали назадъ при свѣтѣ заката. Но послѣ яснаго дня онъ казался немного хмурымъ отъ темной тучи, поднявшейся съ горизонта на верхнюю часть неба, и золотые края его скоро угасли. И вѣтеръ сталъ дуть сильный.

Женихъ и невѣста во всю дорогу не обмѣнялись почти ни словомъ. Эльза извинялась усталостью, а веселое настроеніе Эка тоже замѣтно поблѣднѣло. Когда они подъѣхали къ крыльцу, онъ не пожелалъ войти въ домъ, а хотѣлъ тотчасъ же ѣхать къ себѣ.

На прощанье они пожали другъ другу руки, но уже поднявшись, чтобы выйти изъ экипажа, Эльза обернулась, порывисто обняла жениха и поцѣловала. Въ дверяхъ она опять обернулась и сдѣлала ему прощальный жестъ рукой.

Экъ поѣхалъ домой шагомъ. Онъ былъ въ томъ странномъ настроеніи, когда человѣкъ чувствуетъ, что пропустилъ мимо рукъ что-то драгоцѣнное, одинъ изъ тѣхъ случаевъ въ жизни, которыхъ впослѣдствіи никогда уже нельзя вернуть. Но, въ то же время, онъ былъ сильно утомленъ,—такъ утомленъ, какъ никогда еще не былъ даже послѣ самаго тяжелаго рабочаго дня, и совсѣмъ въ другомъ родѣ была эта усталость.

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ювеналъ о древнемъ Римѣ.

Сердце наше огрубѣло.
Хоть къ свободѣ не привыкъ,
Но кощунствуетъ онъ смѣло,
Лживый рабскій нашъ языкъ.

Мы смиренны, Богъ свидѣтель!
Скученъ подвигъ, скученъ грѣхъ.
Трусость—наша добродѣтель,
Наша мудрость—жалкій смѣхъ.

Но, смѣясь надъ цѣлымъ міромъ,
Только сильныхъ міра чтимъ,
Передъ мерзостнымъ кумиромъ
На колѣняхъ мы стоимъ.

Мы послушны, мы незлобны...
Что же нѣтъ награды намъ?
Наши празднества подобны
Погребальнымъ торжествамъ.

Не хотимъ или не смѣемъ?
Почему такъ скучно жить?
Или, мертвые, умѣемъ
Только мертвыхъ хоронить?

Кто былъ счастливъ? Кто былъ молодъ?
Гдѣ веселье? Гдѣ любовь?
Вѣчный мракъ и вѣчный холодъ...
Влага Леты—наша кровь.

Братьевъ гибнущихъ мы видимъ,
Сами гибнемъ безъ борьбы.
Мы другъ друга ненавидимъ
И боимся, какъ рабы.

Предъ такимъ позорнымъ вѣкомъ
И среди такихъ людей—
Стыдно быть мнѣ человѣкомъ,
Сыномъ родины моей!

Д. Мережковскій.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА *).

(Повѣсть).

VI.

Василій Степановичъ оказался дома и встрѣтилъ гостя въ небольшомъ, чистенькомъ зальцѣ.

— А, Александръ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ, продолжительно пожимая руку Ландышеву.—Очень радъ, очень радъ!

При этомъ онъ застегнулъ пуговицу на сюртукѣ, обернулся и взглянулъ на себя сбоку въ зеркало, давая этимъ понять, что онъ собрался уходить.

— Вамъ нужно идти?—спросилъ Ландышевъ.

Василій Степановичъ весь сморщился отъ огорченія:

— Да, да, необходимо по дѣлу... Такъ это нехорошо вышло, право!... Но позвольте, прежде всего...—тутъ онъ сжалъ руку Ландышева обѣими руками и, лаская его взоромъ, произнесъ:— Примите мою сердечную благодарность за поднесенный мнѣ вами прекрасный сборникъ вашихъ произведеній. Это очень, очень лестно... Я слѣжу за процвѣтаніемъ нашей національной музы, и мнѣ тѣмъ болѣе пріятно...

Онъ остановился, продолжая сжимать руку Ландышева. Глаза его искрились и хотѣли сказать много, много, такъ что Ландышевъ дрогнулъ и съ волненіемъ ждалъ, но Василій Степановичъ послѣ продолжительнаго молчанія только повторилъ:

— Повѣрьте, мнѣ тѣмъ болѣе пріятно...

— А вы читали мой сборникъ?—нерѣшительно спросилъ Ландышевъ.

Василій Степановичъ отступилъ на шагъ и обычнымъ граціознымъ движеніемъ руки указалъ себѣ на горло.

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

— Вотъ какъ вчера былъ заваленъ дѣломъ, ни минуты свободной... а вечеромъ...

Онъ съ таинственнымъ видомъ нагнулся къ Ландышеву, какъ бы собираясь сообщить ему что-то очень интимное.

— Вечеромъ... винтили! Собрались гости спеціально для картъ,—ну, и пришлось до самаго утра гулять по зеленому полю. Какъ вамъ это покажется? Отъ этого зеленаго поля самъ скоро позеленѣешь... Хе, хе!... Но я просто въ отчаяніи, что не успѣлъ прочитать вашего прекраснаго сборника и тѣмъ доставить себѣ эстетическое наслажденіе. Вотъ жена...

— Марья Ивановна читала?

— Нѣтъ, она тоже не успѣла, но она вамъ очень, очень благодарна... Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста. Паша, попроси сюда Марью Ивановну: скажи, что Александръ Ивановичъ пришелъ.

— Барыня извиняются, онѣ не такъ здоровы,—доложила горничная.

— Боже мой, какъ же это?—огорчился Василій Степановичъ; потомъ съ видомъ самой дружеской довѣрчивости прошепталъ Ландышеву на ухо:

— Скажу вамъ откровенно, въ характерѣ моей жены есть одна удивительная черта: сядетъ играть въ карты, проиграетъ какіенибудь пустяки, разстроится, а на утро головная боль.

Василій Степановичъ откинулъ голову и смотрѣлъ на Ландышева, какъ бы ожидая отъ него разгадки своихъ словъ. Но Ландышевъ протянулъ руку и сказалъ:

— До свиданія.

— Но, Боже мой, куда же вы?—засуетился Василій Степановичъ, горячо пожимая гостю руку и выходя вмѣстѣ съ нимъ въ переднюю.—Мнѣ, право, такъ досадно! Эти дѣла, эта житейская проза... Но, во всякомъ случаѣ, позвольте еще разъ выразить вамъ глубокую благодарность. Очень, очень пріятно! Ужь извините ради Бога, что такъ вышло.

— Ничего, помилуйте. Мнѣ самому очень пріятно,—пробормоталъ Ландышевъ, невольно впадая въ тонъ Василія Степановича.

— Да не по дорогѣ ли намъ? Я васъ подвезу.

— Нѣтъ, не по дорогѣ,—отвѣтилъ Ландышевъ, который самъ не зналъ, куда пойдетъ.

— А то бы вмѣстѣ... Такъ до пріятнѣйшаго! Весьма лестно!

Онъ пожалъ и даже погладилъ руку Ландышева, причемъ на лицѣ его было написано, что они съ Ландышевымъ поняли другъ

друга и остались взаимно довольны. Ландышевъ снова пробормоталъ, что ему тоже очень пріятно, и пошелъ машинально направо отъ крыльца.

Черезъ минуту Василій Степановичъ обогналъ его на бойкомъ извощикѣ. Онъ долго еще обертывался, раскланиваясь такъ привѣтливо и интимно, какъ будто они съ Ландышевымъ только что выпили на брудершафтъ. Ландышевъ, съ своей стороны, тоже посылалъ ему любезные поклоны и улыбки.

VII.

Когда Василій Степановичъ скрылся изъ вида, Ландышевъ спросилъ себя: «Да что же, однако, во всемъ этомъ пріятнаго?» Задавъ себѣ этотъ вопросъ, онъ разозлился сначала на Василья Степановича, потомъ на самого себя. У него мелькнула мысль: не лучше ли пойти сейчасъ домой, лечь на диванъ и ждать, когда слава сама придетъ къ нему? «Конечно, домой»,—сказалъ онъ вслухъ, но, въ то же время, отлично сознавалъ, что домой онъ не пойдетъ, что его подхватила и несетъ какая-то волна, противъ которой онъ безсиленъ. Онъ не могъ уже, какъ прежде, уйти отъ жизни въ свою комнату: теперь тамъ ожидало его тоскливое чувство какой-то затерянности. Онъ упалъ духомъ и шелъ впередъ, ожидая всего худшаго. Много знакомыхъ обошелъ онъ и каждый разъ съ замираніемъ сердца дергалъ за звонокъ, волнуясь мыслью: не здѣсь ли, наконецъ, начнется его слава? Не здѣсь ли впервые почувствуетъ онъ себя человѣкомъ, возвысившимся надъ толпой?... Но каждый разъ его ждало разочарованіе. У Александровыхъ говорили о немъ и о его сборникѣ въ шутливомъ тонѣ: спрашивали, не на Пегасѣ ли онъ къ нимъ прилетѣлъ и не въ передней ли оставилъ свою лиру? Ландышевъ обидѣлся и ушелъ. У Голубковыхъ о сборникѣ упомянули какъ-то нерѣшительно и конфузясь, точно о безтактномъ поступкѣ, который можетъ сдѣлать Ландышева смѣшнымъ; старались придать разговору характеръ дѣловой: спрашивали, дорого ли обошлось изданіе сборника и не было ли затрудненій съ цензурой? У Перышкиныхъ о сборникѣ отозвались съ похвалой, но черезъ пять минутъ уже бросили разговоръ о немъ и начали толковать о поѣздкѣ въ Петровскій паркъ. У Сливинскихъ Ландышева окружили барышни, которыя собирались тамъ ежедневно по случаю предстоящей свадьбы. Барышни наперерывъ доказывали Ландышеву, что онъ «скрытный, скрытный, скрытный», что онѣ не ожидали отъ него этого, что онѣ теперь будутъ бояться его и не повѣрятъ

ни одному его слову. Ландышева раздражала эта болтовня; онъ наговорилъ барышнямъ грубостей и ушелъ, почти не простившись.

Горько было ему сознавать, что онъ наслушался обо всемъ: о цензурѣ, о книгопродавцахъ и о многомъ другомъ,—не слыхалъ только тѣхъ словъ, которыя ему больше всего хотѣлось слышать, не видѣлъ тѣхъ взглядовъ, о которыхъ мечталъ, издавая сборникъ, и которыя идутъ прямо отъ души растроганнаго человѣка. Понуря голову, шелъ онъ и думалъ о томъ, что лучшая часть его души, которую ему удалось вложить въ нѣкоторыя изъ стихотвореній, осталась незамѣченной, непонятой или поруганной легкомысленнымъ отношеніемъ толпы. Онъ презиралъ теперь эту суетную толпу, погрязшую въ мелочахъ жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что уже не можетъ, какъ прежде, обходиться безъ нея, что онъ—рабъ ея.

Бросивъ взглядъ на противуположную сторону улицы, Ландышевъ увидалъ Илькова, который тоже брелъ, понуривъ голову, видимо, чѣмъ-то озабоченный. Ландышевъ подошелъ къ нему, поздоровался и хотѣлъ тотчасъ же приступить къ разговору о сборникѣ, экземпляръ котораго онъ наканунѣ доставилъ ему.

— Получили вы?

— Урокъ? Нѣтъ, лопнулъ,—угрюмо отвѣчалъ Ильковъ,—гувернантку взяли, чтобы съ музыкой была. Вотъ жизнь подошла, трехъ копѣекъ на конку нѣтъ.

Ильковъ началъ разсказывать Ландышеву о своемъ положеніи, но Ландышевъ слушалъ его разсѣянно: какъ только онъ убѣдился, что Илькову теперь не до *Поэтическихъ досуговъ*, онъ потерялъ для него всякій интересъ. Ландышевъ поспѣшилъ распроститься съ нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ ощутилъ въ душѣ какое-то неловкое чувство, обернулся и посмотрѣлъ вслѣдъ Илькову. На спинѣ его студенческаго пальто онъ увидалъ большую заплату, которая среди порыжѣвшаго, истертаго сукна ярко зеленѣла, какъ оазисъ среди пустыни. Что-то кольнуло въ сердцѣ у Ландышева. «Эхъ, надо бы предложить ему денегъ взаймы или вообще какъ-нибудь устроить!» — подумалъ онъ и уже хотѣлъ было догнать Илькова, но мысль о собственныхъ неудачахъ парализовала его волю.

— Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ!

Ландышевъ обернулся и увидалъ своего сослуживца, Водопоева, который слѣзалъ съ извощика. Водопоеву, какъ наиболѣе интеллигентному изъ молодыхъ чиновниковъ, Ландышевъ тоже завезъ наканунѣ сборникъ.

— Садитесь, поѣдемте ко мнѣ,—говорилъ Водопоевъ, здороваясь.—Мнѣ съ вами хочется побесѣдовать. Тутъ недалеко.

Водопоевъ былъ какъ-то особенно оживленъ и имѣлъ такой видъ, будто таилъ про себя что-то важное. Ландышевъ сѣлъ къ нему въ пролетку, и они поѣхали. Водопоевъ заговорилъ о сборникѣ, хвалилъ и восторгался, но Ландышеву казалось, что все это не то, что Водопоевъ самаго важнаго, для чего онъ и повезъ его къ себѣ, не открываетъ. Пріѣхали. Водопоевъ привелъ Ландышева къ себѣ въ комнату, наложилъ на дверь крючокъ, закурилъ сигару, потомъ, запинаясь и заикаясь, обратился къ Ландышеву съ слѣдующими словами:

— Мнѣ хотѣлось бы, Александръ Ивановичъ, прочитать вамъ одну вещицу. Такъ какъ вы сами пишете и, стало быть, понимаете и... сочувствуете, то... словомъ, мнѣ хотѣлось бы прочитать вамъ первую главу изъ своего романа.

Теперь Ландышевъ понялъ причину оживленія Водопоева, и ему сразу сдѣлалось скучно.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — пробормоталъ онъ, чувствуя къ Водопоеву почти отвращеніе.

Водопоевъ быстро залѣзъ обѣими руками въ ящикъ стола, судорожно порылся въ немъ и вытащилъ нѣсколько мелко исписанныхъ листовъ бумаги. Романъ назывался *Разбитая жизнь*. Чтеніе началось. Герой романа, мелкій чиновникъ Зеленцовъ, сидитъ въ присутствіи, невыносимо скучая и безпрестанно посматривая на часы; подробно описывается его душевное состояніе. Входитъ начальникъ и распекаетъ Зеленцова за вольнодумство. Зеленцовъ рѣзко возражаетъ, и ему велятъ подавать въ отставку. Онъ спѣшитъ домой, переодѣвается и ѣдетъ въ Сокольники. Тамъ въ густомъ саду одной изъ дачъ его съ нетерпѣніемъ ждетъ изящно одѣтая молодая женщина. Зеленцовъ тихонько пробирается въ садъ... Еще минута — и молодая женщина падаетъ въ его объятія.

«Это была жена его превосходительства»,—такъ заканчивалась первая глава романа.

Кончивъ чтеніе, Водопоевъ спряталъ рукопись и дрожащими руками сталъ раскуривать сигару.

Ландышевъ молчалъ. Въ другое время онъ сказалъ бы автору нѣсколько умѣренныхъ комплиментовъ, замѣтилъ бы, что по первой главѣ, конечно, трудно судить, но что романъ несомнѣнно обѣщаетъ быть интереснымъ, а теперь Ландышевъ нарочно молчалъ, мстя Водопоеву за обманъ. Когда же тотъ попросилъ его вы-

сказать свое мнѣніе, Ландышевъ раскритиковалъ прочитанное въ пухъ и прахъ, причемъ говорилъ небрежно и свысока. Придравшись къ чему-то, онъ незамѣтно свелъ разговоръ на свой сборникъ. Но Водопоевъ былъ слишкомъ затронутъ за живое и потому, кстати или некстати, опять перевелъ разговоръ на свой романъ. Ландышеву показалось это назойливымъ, и онъ продолжалъ говорить о сборникѣ; но Водопоевъ былъ упрямъ и тоже не хотѣлъ оставить нерѣшеннымъ спора о романѣ. Такъ разговаривали они довольно долго: когда рѣчь заходила о *Поэтическихъ досугахъ*, оживлялся Ландышевъ и замиралъ Водопоевъ; когда же затрогивалась *Разбитая жизнь*, оживлялся Водопоевъ, а Ландышевъ чувствовалъ скуку и уныніе. Они точно качались на качеляхъ: чѣмъ выше возносился одинъ, тѣмъ ниже опускался другой. Наконецъ, они разстались, крайне недовольные другъ другомъ и собой.

Ландышевъ прямо отъ Водопоева отправился къ критику, которому наканунѣ прежде всѣхъ занесъ свой сборникъ съ убѣдительною просьбой прочесть и дать отзывъ.

Когда со стѣнъ кабинета, гдѣ работалъ критикъ, взглянули на Ландышева портреты знаменитыхъ писателей, когда масса книгъ и рукописей, наваленныхъ повсюду, напомнила ему о томъ, что онъ не болѣе, какъ атомъ среди этого міра печати; когда, наконецъ, Ландышевъ увидѣлъ передъ собою свѣтло-сѣрые и какъ будто пустые глаза критика,—онъ почувствовалъ, что становится меньше, глупѣе, ничтожнѣе...

Критикъ приступилъ къ дѣлу безъ всякихъ предисловій.

— Я прочелъ треть сборника, а остальное просмотрѣлъ, — сказалъ онъ, нетерпѣливо постукивая карандашомъ по рукописи, которую читалъ.—Сборникъ довольно приличный, стихъ гладокъ, есть удачныя мѣста, удачныя выраженія. Трудно, конечно, разсчитывать на то, чтобы сборникъ рѣзко выдѣлился изъ ряда ему подобныхъ и привлекъ вниманіе публики, но, во всякомъ случаѣ, въ немъ попадаются очень недурныя стихотворенія, навѣянныя, очевидно, чтеніемъ великихъ поэтовъ. На мой взглядъ, сборникъ много выигралъ бы, если бы половину стихотвореній выбросить, а остальное сократить. Ну, что такое, напримѣръ, *Увядшій цвѣтокъ?* Вѣдь, это совершенно никому ненужная вещь. Завялъ цвѣтокъ,—ну, и выбрось его вонъ, а не проливай надъ нимъ потоки слезъ. Или вы находите, что вамъ не о чемъ больше плакать,—что, кромѣ увядшаго цвѣтка, нѣтъ въ жизни никакихъ бѣдствій, что наша жизнь такъ хороша и свѣтла?

Ландышевъ нѣсколько разъ порывался возражать, но критикъ

каждый разъ, не выслушавъ, говорилъ: «ну, да, ну, да»... и про
должалъ свое. Ландышеву казалось, что онъ сидитъ на скамьѣ под
судимыхъ и слушаетъ обвинительную рѣчь; даже лицо его приняло
виноватое выраженіе, и онъ съеживался всякій разъ, какъ тольк
на немъ останавливались пустые глаза критика.

Высказавъ свой взглядъ на весь сборникъ, критикъ начал
анатомировать отдѣльныя стихотвоеренія, а Ландышевъ въ это вре
мя чувствовалъ себя такъ, какъ будто его самого анатомируютъ
Критикъ разбиралъ образъ мыслей, стремленія, чувства Ланды
шева и распоряжался въ его душѣ, какъ у себя въ кабинетѣ. Ма
ло-по-малу онъ самъ увлекся своею критикой. Ему какъ будто хо
тѣлось вывести Ландышева на свѣжую воду. Онъ доказывалъ, чт
одно у Ландышева неясно, другое подтасовано, третье противорѣ
чиво, а четвертое надо было выразить не такъ, а вотъ какъ.

— Главный же недостатокъ вашихъ стихотвореній, — приба
вилъ онъ,—въ томъ, что во многихъ случаяхъ вы чувствуете вов
не то, что̀ должны были бы чувствовать, и потому нѣкоторыя из
вашихъ стихотвореній суть ничто иное, какъ грубыя психологи
ческія ошибки...

Критикъ началъ приводить примѣры. Ландышевъ слушалъ и
узналъ своего сборника: все представилось ему въ совершенн
новомъ и, притомъ, довольно неприглядномъ свѣтѣ. Онъ сознавал
что критикъ сдѣлалъ много мѣткихъ замѣчаній, но, вмѣстѣ съ тѣм
чувствовалъ, какъ въ устахъ критика поэзія постепенно превр
щается въ алгебру, а сборникъ стихотвореній—въ собраніе мат
матическихъ задачъ, изъ которыхъ бо̀льшая часть рѣшена Ланд
шевымъ невѣрно: не тѣми способами, не по тѣмъ формуламъ
теоремамъ, по какимъ нужно.

Долго распиналъ критикъ поэта; наконецъ, отпустилъ, обѣщ
помѣстить рецензію о сборникѣ въ ближайшей книгѣ журнала.

Тяжелое недоумѣніе было написано на лицѣ Ландышева, ко
онъ покинулъ квартиру критика. Онъ припоминалъ лучшія и
своихъ стихотвореній, и все въ нихъ казалось ему теперь
лоднымъ, неестественнымъ, ходульнымъ. Очарованіе исчезло,
вмѣсто волшебной декораціи, онъ видѣлъ передъ собою только
ревки, балки да грубо размалеванное полотно. Онъ казался само
себѣ жалкимъ, бездарнымъ кропателемъ стиховъ, которому
счастливилось подобрать «удачные» куплеты, «удачныя» выра
нія. Его особенно бѣсило это слово «удачные», точно онъ бир
вой игрокъ, которому удались спекуляціи, или фокусникъ, ко
рый удачно провелъ сеансъ.

«Куда же я еще иду и зачѣмъ?—спросилъ себя Ландышевъ.—Домой бы теперь, домой, домой!»

Онъ точно отпрашивался у кого-то: собственная воля покинула его. Старая привычка убѣгать отъ всякихъ житейскихъ непріятностей въ свою уютную комнату влекла его домой, но теперь эта комната и вся прежняя жизнь, связанная съ ней, казались ему чѣмъ-то прѣснымъ и незанимательнымъ, точно старая, надоѣвшая игрушка: хотѣлось чего-нибудь новаго, свѣжаго, остраго. Все, что̀ пережилъ онъ въ послѣдніе два-три часа, представлялось ему однимъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Утромъ еще онъ видѣлъ въ себѣ недюжиннаго поэта, котораго люди будутъ привѣтствовать съ радостнымъ удивленіемъ, а теперь онъ усумнился въ себѣ и разочаровался въ людяхъ. А, главное, онъ не зналъ, кого винить: себя или ихъ? Можетъ быть, онъ самъ глупъ и бездаренъ; можетъ быть, другіе слишкомъ мелочны и безчувственны? Какъ провѣрить это? Какъ распутать узелъ, который затягивался все больше и больше?

Ландышевъ, погрузившись въ тяжелыя думы, не замѣтилъ, какъ очутился передъ крыльцомъ квартиры Кашемировыхъ. Ихъ все еще не было дома: оказалось, что онѣ уѣхали нанимать дачу. Ландышевъ посмотрѣлъ на часы и рѣшилъ идти къ Луканинымъ обѣдать. Но тянулъ его туда не обѣдъ, а все тотъ же сборникъ. Ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь утѣшить себя: на пониманіе и сочувствіе со стороны Петра Даниловича онъ не разсчитывалъ, но за то былъ увѣренъ, что сборникъ произвелъ у Луканиныхъ эффектъ и повысилъ его въ ихъ мнѣніи.

«А, можетъ быть, по-родственному и посочувствуетъ»,—сказалъ себѣ съ горькою усмѣшкой Ландышевъ и направилъ путь къ Луканину.

VIII.

Вступивъ въ переулокъ, гдѣ находился домъ Луканина, Ландышевъ увидалъ издали, какъ Петръ Даниловичъ выбѣжалъ безъ шляпы изъ дверей крыльца и погнался за мальчишками, которые писали на воротахъ его дома какія-то надписи мѣломъ. Не догнавъ мальчишекъ, Петръ Даниловичъ погрозилъ имъ тростью, призвалъ дворника и велѣлъ ему стереть надписи; затѣмъ, погрозивъ еще вслѣдъ мальчишкамъ, онъ вернулся къ себѣ въ квартиру. Увидавъ это зрѣлище, Ландышевъ замедлилъ шагъ: ему не хотѣлось попасть къ Луканину въ сердитую минуту. Онъ понималъ, какъ много зна-

читъ попасть къ человѣку въ благопріятный моментъ: скорѣе можно разсчитывать на похвалу и сочувствіе, а Ландышевъ жаждалъ ихъ теперь до болѣзненности. Ему нужно было услыхать хоть какой-нибудь комплиментъ, хоть одно слово одобренія, чтобы подняться въ собственныхъ глазахъ. Онъ способенъ былъ въ эту минуту выпрашивать себѣ похвалы, льстить и заискивать, чтобы расположить къ себѣ человѣка и добиться отъ него лестныхъ выраженій. Онъ радъ былъ обмануть и другихъ, и самого себя для того, чтобы хоть немного поддержать въ себѣ иллюзію своей поэтической славы: онъ чувствовалъ, что безъ этого ему будетъ такъ жутко, холодно и пусто, какъ еще никогда не бывало.

«А не зайти ли къ нему лучше послѣ обѣда? — подумалъ Ландышевъ, уже взявшись за ручку звонка.—Послѣ обѣда онъ всегда бываетъ добрѣе и мягче». Но тутъ онъ вспомнилъ, что послѣ обѣда Луканинъ обыкновенно спитъ, позвонилъ и вошелъ.

Луканины уже сидѣли въ столовой за обѣдомъ. Кромѣ многочисленной семьи, за столомъ сидѣло еще нѣсколько бѣдныхъ родственниковъ Луканина, къ которымъ Ландышевъ всегда относился брезгливо, презирая ихъ за грубое раболѣпство передъ Петромъ Даниловичемъ. Столъ, раздвинутый во всю длину, былъ накрытъ для праздника бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью и блисталъ праздничными приборами. Передъ хозяйкой стояла миска съ супомъ, а за миской—огромная кулебяка съ рыбой. Самъ Луканинъ сидѣлъ противъ жены на другомъ концѣ стола въ щегольскомъ халатѣ, купленномъ имъ недавно на какой-то распродажѣ. Онъ, медленно смакуя, ѣлъ кулебяку и, въ то же время, бѣгалъ глазами по столу, слѣдя за дѣйствіями своихъ домочадцевъ, какъ полководецъ—за движеніями непріятеля.

Елизавета Захаровна бросила на Ландышева испуганный взглядъ и чуть не уронила разливательную ложку, отчего перепугалась еще больше; Варвара Ивановна взглянула на него съ какимъ-то жаднымъ и тревожнымъ любопытствомъ; въ глазахъ прочихъ свѣтилось злорадное ожиданіе. Ландышевъ поздоровался, сѣлъ за столъ, получилъ порцію кулебяки и аппетитно ковырялъ ее вилкой. Ему вдругъ противно стало видѣть передъ собой эти усердно жующіе рты, эти масляныя, лоснящіяся лица, слышать безмолвное чавканье, прерываемое робкимъ шепотомъ. Луканинъ долго молчалъ и не глядѣлъ на Ландышева, наконецъ, прожевавъ кусокъ, бросилъ на него презрительный взглядъ и протянулъ жирнымъ голоскомъ:

— Піита!... Литераторъ!...

За столомъ послышалось хихиканье. Луканинъ продолжалъ, не торопясь и сообщая каждому слову особую полновѣсность:

— Я думалъ, нынѣшняя молодежь умнѣе прежней. Къ сожалѣнію, этого не оказывается: оболтусовъ стало еще больше, только прежде они безобразничали по трактирамъ, а теперь пустились въ литературу: пишутъ стишонки, издаютъ ихъ подъ своею фамиліей, портятъ себѣ карьеру и заблаговременно записываются въ кандидаты на нищенство.

Онъ, вѣроятно, продолжалъ бы въ томъ же тонѣ, если бы внезапно не замѣтилъ на скатерти пятна, которое тщетно старался прикрыть тарелкой Владиміръ, пятнадцатилѣтній сынъ Луканина

— Это что такое? — закричалъ Петръ Даниловичъ, — чистую скатерть испортили! Тебя, большой болванъ, за столъ нельзя сажать: на кухню тебя!... Свиньи вы, шелопаи! Жить не умѣете! Что ни дай, все испакостятъ! Не стоите вы такой скатерти! Вамъ бы все въ грязи валяться да изъ деревянной чашки ѣсть! Пошелъ вонъ, нужникъ!

Владиміръ, краснѣе клюквы, быстро скрылся, а Луканинъ съ раздраженіемъ началъ осматривать пятно, посыпать солью и тереть салфеткой. Только послѣ второго блюда онъ немного успокоился и снова обратился къ Ландышеву:

— Скажи мнѣ на милость, какой чортъ дернулъ тебя издавать глупую книжонку, да еще подъ своею фамиліей? Не хватило у тебя мозговъ сообразить, что этимъ ты портишь свою репутацію? Вѣдь, ты и себя, и меня осрамилъ передъ начальствомъ. Вчера начальникъ отдѣленія подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Поблагодарите отъ меня вашего родственника, Ландышева, за книжку, которую онъ мнѣ преподнесъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтуйте ему держать ухо востро, потому что теперь не тѣ времена». Хорошо это? Вѣдь, надо быть сумасшедшимъ, чтобы подносить начальству свои кропанья.

— Я не знаю, почему же? — возразилъ сконфуженный Ландышевъ. — Мы встрѣчались съ Павломъ Александровичемъ у Боярскихъ, разговаривали о литературѣ. Онъ и самъ что-то пишетъ.

— Вотъ погоди, онъ тебѣ пропишетъ!... Ты до сихъ поръ былъ на хорошемъ счету у начальства, тебя ожидало значительное повышеніе, и вдругъ ты на все это плюешь и выкидываешь какое-то нуловское сальто-мортале, ровно никому и ни зачѣмъ не нужное. Знаешь, что ты доказалъ своимъ сборникомъ? Ты доказалъ, во-первыхъ, свое сумасбродство; ты доказалъ, во-вторыхъ, свою непригодность къ серьезному дѣлу; ты доказалъ, въ-третьихъ, что ты безполезный и даже неблагонадежный членъ государства.

По мѣрѣ того, какъ Луканинъ говорилъ, брови его поднимались и голосъ возвышался.

— Ты доказалъ, наконецъ, что ты еще мальчишка, который не дорожитъ расположеніемъ солидныхъ людей. Если бы ты просто наскандалилъ гдѣ-нибудь, это значило бы только, что ты—глупый молокососъ; но теперь... теперь ты доказалъ, что ты весь вѣкъ останешься молокососомъ, что ты, по самой натурѣ своей, своевольный, безпокойный и вредный молокососъ...

— Но позвольте же, наконецъ, изъ чего вы все это заключаете?—перебилъ Ландышевъ, съ раздраженіемъ отодвигая отъ себя тарелку.

— Изъ чего?... А вотъ я тебѣ сейчасъ покажу. Сергѣй, принеси сюда эту несчастную книжонку.

Сергѣй, жирный мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ сѣрой гимназической блузѣ, съ видимымъ удовольствіемъ побѣжалъ за книжкой и черезъ минуту принесъ *Поэтическіе досуги*, которые уже успѣли покрыться какими-то пятнами.

— Смотри сюда,—сказалъ Луканинъ, водя неуклюжимъ пальцемъ въ обручальномъ кольцѣ по страницамъ сборника:—вотъ нелѣпые стихи, гдѣ ты описываешь, какъ тебѣ хотѣлось бы убѣжать куда-то на край свѣта, къ какимъ-то питомцамъ поэзіи и музъ... Чортъ тебя знаетъ, что ты подъ этимъ разумѣешь: цыганскій таборъ, что ли?

За столомъ фыркнули. На щекахъ Ландышева начали выступать красныя пятна.

— Такъ можно все осмѣять,—возразилъ онъ, нахмурившись.

Луканинъ смѣрилъ его вызывающимъ взглядомъ.

— Извольте мнѣ отвѣтить: прилично ли писать такой вздоръ человѣку, находящемуся на государственной службѣ?—спросилъ онъ торжественнымъ басомъ, который всегда появлялся у него, какъ только онъ заговаривалъ о чемъ-нибудь государственномъ.—Ты хлопочешь о казенной квартирѣ, а самъ, въ то же время, порываешься къ какимъ-то свободнымъ питомцамъ музъ; ты состоишь при государственномъ дѣлѣ, ты зачисленъ въ штатъ, и послѣ этого ты осмѣливаешься публично заявлять о томъ, что тебѣ хотѣлось бы бѣжать, бѣжать и бѣжать куда-то, къ кому-то, зачѣмъ-то, точно ты укралъ казенныя деньги... Да ты не корчи изъ себя юродиваго-то, а смотри дальше.

И снова неуклюжій палецъ поползъ по страницамъ сборника, сообщая имъ запахъ рыбы. Ландышевъ, согнувшись, весь красный, съ ненавистью слѣдилъ за этимъ пальцемъ и чувствовалъ на себѣ

десятки насмѣшливыхъ глазъ. Палецъ остановился; Луканинъ нашелъ, что искалъ.

— Вотъ стихотвореніе *Рубль,*— стихотвореніе дерзкое и безсмысленное.

— Смыслъ этого стихотворенія ясенъ,— возразилъ, сдерживаясь, Ландышевъ,—я негодую на всеобщую погоню за рублемъ.

— Милостивый государь,—воскликнулъ Луканинъ,—вы получаете каждое двадцатое число каждаго мѣсяца жалованье изъ государственнаго казначейства, вы получаете къ празднику награды, и вы осмѣливаетесь издѣваться надъ государственною ассигнаціей, дерзко попирать ногами собственность и компрометировать значеніе ея!... Это не пройдетъ вамъ даромъ!... А вотъ не угодно ли другіе стихи, еще болѣе дерзкіе и возмутительные...

Луканинъ началъ читать, брезгливо прищуриваясь и морщась, точно онъ видѣлъ передъ собой что-то гадкое:

Моя лира.

Моя застѣнчивая лира
Не блещетъ яркой красотой;
Она горда и сильнымъ міра
Не льститъ продажною хвалой,
Передъ вельможею надменнымъ
Не воскуряетъ ѳиміамъ
И часто словомъ дерзновеннымъ
Шлетъ вызовъ истины врагамъ...

— Это что-жь такое?—спросилъ Луканинъ, откинувшись на спинку стула,—чѣмъ это пахнетъ?

— Очень просто, — отвѣтилъ сухо Ландышевъ, — я говорю только, что не желаю раболѣпствовать и льстить.

— А-а!... Нѣтъ-съ, тутъ больше сказано. Про себя ты думай, какъ хочешь, но здѣсь ты публично и, такъ сказать, всенародно ниспровергаешь... Тутъ уже не сознаніе твоего собственнаго дурацкаго достоинства: тутъ бунтъ! Всякій пойметъ, что это стихотвореніе—зажигательное... Теперь не благоволите ли прочитать намъ вслухъ вотъ эту басню?

— Читайте сами.

— Нѣтъ, потрудитесь вы прочесть, у меня языкъ не поворачивается на такія пошлости.

— Я не стану читать.

— Ага! Вотъ и выходитъ, что самъ себя высѣкъ... Сергѣй, чи ч!

Сергѣй началъ тоненькимъ голоскомъ на высокихъ нотахъ, какъ онъ привыкъ отвѣчать въ классѣ:

Именины льва.

Басня.

У льва справлялись именины;
Большой готовился обѣдъ...
Пришла лисица съ сладкой миной,
Медвѣдь съ дражайшей половиной
И двѣ гіены дряхлыхъ лѣтъ.

Предъ ними чудная поляна...
Въ тѣни, подъ кровлею вѣтвей,
Два жирныхъ, свѣженькихъ барана,
Отмѣнно нѣжныхъ, безъ изъяна,
Къ услугамъ дорогихъ гостей...

— Довольно!—крикнулъ Луканинъ.—Я знаю, какой обѣдъ вы описали; знаю, кто этотъ левъ и эти гіены... Вы осмѣлились изображать въ каррикатурномъ видѣ его превосходительство.

— Да съ чего вы взяли? Мнѣ и въ голову не приходило задѣвать личности. Я считаю это недостойнымъ писателя.

— Молчать! — вдругъ разразился Луканинъ; потомъ, грозя пальцемъ передъ носомъ Ландышева, прибавилъ трагическимъ шепотомъ:—Ты знаешь ли, мальчишка, что надо сдѣлать съ тобой за эту басню?

— Я знаю только, что вы не понимаете вещей, написанныхъ русскимъ языкомъ,—въ свою очередь вспылилъ Ландышевъ, отодвигаясь отъ пальца,—вы не понимаете того, что въ этой баснѣ я не пасквили пишу, а бичую пороки и незаконныя дѣйствія.

— Да какое же ты имѣешь право бичевать пороки?—захлебываясь, крикнулъ Луканинъ.—Кто уполномочилъ тебя на это? Кто далъ тебѣ разрѣшеніе?

— Такъ, по-вашему, я обязанъ просить разрѣшенія для того, чтобы низость назвать низостью?

— Да-съ, обязаны, обязаны!— кричалъ Луканинъ.—Не ваше дѣло разсуждать и разбирать. То, что вамъ, какъ мальчишкѣ, кажется низостью или порокомъ, на самомъ дѣлѣ можетъ оказаться не низостью и не порокомъ, а лишь недоразумѣніемъ и, притомъ, даже благодѣтельнымъ по достигаемымъ имъ результатамъ.

— Ну, избави меня Богъ отъ такой нравственности!—сказалъ съ негодованіемъ Ландышевъ.—Лучше записаться въ кандидаты на нищенство, чѣмъ жить по-вашему!

— А если хочешь жить по-своему, такъ тебя придавятъ, какъ муху!

— За что же? — спросилъ Ландышевъ, съ ненавистью смотря въ лицо Луканину.

— А за то, чтобы ты жилъ, какъ всѣ, а не выскакивалъ съ носомъ!—отвѣтилъ Луканинъ, сопровождая каждое слово энергическимъ ударомъ обручальнаго кольца по столу.

Трудно объяснить, почему именно это выраженіе: «выскакивать съ носомъ» особенно возмутило Ландышева. Можетъ быть, въ этихъ словахъ, въ тонѣ ихъ, въ выраженіи лица Луканина сказалась сразу вся пошлость луканинскаго міросозерцанія, вся возмутительная проза его жизни,—неизвѣстно. Но Ландышевъ не могъ уже болѣе сдерживаться.

— Я знаю теперь, за что вы возненавидѣли меня, — сказалъ онъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ,—за то, что въ моихъ стихахъ, какъ бы плохи они ни были, сквозитъ презрѣніе къ вашей низменной, дрянной жизни, въ которой задохнется всякій живой человѣкъ.

— Что-о?—грозно протянулъ ошеломленный Луканинъ, приподнимаясь со стула и растерянно запахивая полы халата.

Ландышевъ тоже всталъ.

— Знайте, что меня тошнитъ отъ вашей морали, отъ всей вашей жизни, отъ вашихъ торжественныхъ кулебякъ и торжественныхъ поученій, отъ вашего непроходимаго невѣжества.

— Ни слова больше!—закричалъ въ бѣшенствѣ Луканинъ.— Сергѣй, Вѣрка, вонъ отсюда: вы не должны слышать крамольныхъ рѣчей!

Сергѣй и Вѣра быстро скрылись, а за ними поспѣшно убрались и остальные.

— Вонъ, и чтобы ноги твоей не было! — сказалъ Луканинъ Ландышеву, трясясь отъ гнѣва и едва произнося слова.

— Прощайте!—сказалъ Ландышевъ въ дверяхъ.—Я знаю, что вы готовы теперь «раздавить меня, какъ муму»; знаю, что вамъ до глубины души противенъ всякій молодой, честный порывъ, все, что хоть немного похоже на свободу, на смѣлость, на достоинство человѣка,—все, на чемъ не лежитъ канцелярской печати... Какая пошлость вся ваша жизнь и всѣ ваши проповѣди!

Луканинъ слушалъ, блѣдный отъ бѣшенства; губы его дрожали, онъ порывался крикнуть, но не находилъ словъ и только протягивалъ руку, какъ Мининъ на Красной площади. Наконецъ, онъ со-

брался съ силами и какимъ-то неестественнымъ голосомъ крикнулъ:

— Милостивый государь!... Вонъ изъ моего дома, скверный мальчишка!

IX.

Послѣ вспышки Ландышевъ впалъ въ то состояніе души, которое лучше всего назвать пустопорожнимъ: вмѣсто мыслей, какое-то умственное головокруженіе, вмѣсто опредѣленнаго чувства— невидимый червякъ, который сосетъ сердце. Въ этомъ состояніи перестаешь интересоваться чѣмъ бы то ни было, перестаешь участвовать душой въ жизни, чувствуешь безсиліе, съ которымъ невозможно бороться, чувствуешь, что скверно, тошно, скучно, и кажется, что и всегда будетъ такъ же скверно, тошно и скучно.

Въ такомъ настроеніи Ландышевъ пріѣхалъ домой, спросилъ, дома ли тетушка, и, узнавъ отъ Степаниды, что она ушла къ вечернѣ, а оттуда, должно быть, опять прошла къ попадьѣ, вошелъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ за столъ, подперъ голову руками и сидѣлъ такъ, не двигаясь и не замѣчая времени. Въ квартирѣ была тишина; только котенокъ въ залѣ игралъ клубкомъ шерсти, да Степанида икала въ кухнѣ, приговаривая: «О, Господи!... О, чтобъ тебя совсѣмъ!»... Со стѣнъ комнаты глядѣли на Ландышева лица знаменитыхъ писателей и будто поддразнивали его. Съ улицы доносился глухой шумъ колесъ. Ландышевъ безсознательно вслушивался въ этотъ шумъ и выходилъ изъ состоянія холодной апатіи: въ сердце его незамѣтно заползала та томящая грусть, причины которой глубоко скрыты въ душѣ человѣка. Не о своихъ неудачахъ грустилъ Ландышевъ: онъ не думалъ о нихъ въ эти мянуты. Онъ чувствовалъ только, что никогда еще онъ не былъ такимъ жалкимъ, такимъ одинокимъ, какъ теперь, и никогда еще онъ не жаждалъ такъ страстно участія, любви, ласки, какъ въ эти минуты. Онъ подумалъ о Кашемировыхъ, но въ сердцѣ его шевельнулся страхъ: какъ онѣ отнесутся къ нему, къ его сборнику? Что, если и Маргарита тоже нанесетъ ему ударъ, который будетъ больнѣе и обиднѣе всѣхъ полученныхъ? «Вѣдь, я, можетъ быть, совсѣмъ не знаю ея»,—съ тоской подумалъ онъ, но тотчасъ же началъ гнать отъ себя эти мысли. Воображеніе рисовало ему другія картины. Онъ представлялъ себѣ, какъ жадно читала и перечитывала Маргарита его сборникъ, съ какимъ нетерпѣніемъ она ждетъ его теперь, чтобы сказать ему много, много теплыхъ, дружескихъ словъ, какъ она, узнавъ о всѣхъ его неудачахъ и огорченіяхъ, съ участіемъ и лю-

бовью взглянетъ на него и крѣпко пожметъ ему руку, какъ эта любовь согрѣетъ и одушевитъ его, заставитъ забыть всѣ неудачи и вдохнетъ въ него новую силу. «Какъ бы я любилъ ее! — думалъ растроганный Ландышевъ.—Гораздо больше и гораздо лучше прежняго. Передъ такою любовью, передъ такимъ счастьемъ меркнетъ все остальное... Выпадетъ ли мнѣ на долю это счастье? Пусть нынѣшній день рѣшитъ все. Ѣду!»

X.

Онъ засталъ Анну Павловну въ гостиной: она сидѣла и вязала кружева. Молча, не глядя на Ландышева, протянула она ему кончики шероховатыхъ пальцевъ и снова углубилась въ кружева. Вся фигура ея выражала что-то непреклонное. Взглянувъ на нее, Ландышевъ почувствовалъ себя такъ, будто его ожидала мучительная операція; передъ нимъ сидѣлъ сфинксъ, въ окаменѣлыхъ чертахъ котораго отпечатлѣлся роковой приговоръ.

— Маргарита Сергѣевна дома?

— Маргуша не такъ здорова,—сухо отвѣтила Анна Павловна, потомъ, отложивъ кружева въ сторону, она въ первый разъ остановила свои круглые, хищные глаза на Ландышевѣ, и тому стало жутко отъ этого холоднаго, безпощаднаго взгляда.—Я должна, какъ мать, объявить вамъ, что тѣ отношенія, которыя установились между вами и нашею семьей, съ нынѣшняго дня должны прекратиться.

У Ландышева вытянулось лицо. Его поразила полная безцеремонность, съ какой говорила Анна Павловна: очевидно, онъ сталъ въ ея глазахъ нулемъ, и она этотъ нуль зачеркивала.

— Анна Павловна, что же это?... — растерянно произнесъ Ландышевъ.

Въ эту минуту вошла Маргарита. Ландышевъ бросился было къ ней, но она даже не взглянула на него. Кутаясь въ платокъ, она сѣла въ дальній уголъ и надулась. Ея обычное капризно-милое выраженіе, которымъ она такъ плѣняла Ландышева, смѣнилось теперь капризно-злымъ и упрямымъ.

— Анна Павловна!—воскликнулъ Ландышевъ, совсѣмъ убитый — Скажите же ради Бога, за что вы на меня такъ разсердились? Вы отказываете мнѣ отъ дому, будто я съ вами и съ Маргаритой Сергѣевной знакомъ со вчерашняго дня, будто вы не успѣли узнать меня и... и моей привязанности къ вашему дому.

Голосъ Ландышева осѣкся отъ волненія. Анна Павловна медлен-

но встала изъ-за стола и вышла съ гордо поднятою головой. Ландышевъ и Маргарита на минуту остались одни.

— Маргарита Сергѣевна! — произнесъ умоляющимъ голосомъ Ландышевъ.

Молчаніе.

— Маргарита Сергѣевна!

То же молчаніе. Маргарита даже не пошевельнулась. Вошла Анна Павловна, держа въ рукахъ *Поэтическіе досуги*.

— Прошу взять отъ меня эту книгу, — сказала она надменно. — Вы забыли, что я мать, что у меня взрослая дочь. Я не могу имѣть такихъ вещей въ домѣ.

— Вы считаете мой сборникъ неприличною вещью?

Анна Павловна только засопѣла съ угрожающимъ видомъ и взялась за кружева.

— Сейчасъ былъ у меня Петръ Даниловичъ, — начала она металлически-строгимъ голосомъ, — онъ внѣ себя и объявилъ мнѣ, что двери его квартиры навсегда закрыты для васъ. Вы своими безтактными, неумѣстными и непозволительными фарсами уронили себя въ глазахъ начальства, испортили свою карьеру и выставили себя передъ всѣми въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ.

— Про какіе неприличные фарсы вы говорите, Анна Павловна?

— Вы были приняты въ нашемъ домѣ, какъ свой человѣкъ, — продолжала Анна Павловна, грозно дыша и не отвѣчая на вопросъ Ландышева, — вы пользовались нашимъ гостепріимствомъ, вы даже рѣшались намекать на... на еще болѣе близкія отношенія. Благодарю моего Бога, который всегда былъ милостивъ ко мнѣ, который и теперь спасъ мою дочь отъ непоправимой ошибки: отъ несчастной жизни съ человѣкомъ, не признающимъ ничего священнаго, не имѣющимъ нравственнаго права быть мужемъ и отцомъ. Ваша неприличная книга сослужила свою службу: она открыла намъ глаза. Я вижу въ этомъ руку Провидѣнія, въ которое вы, конечно, не вѣрусте.

Все это Анна Павловна произнесла съ такою несокрушимою вѣрой въ истину своихъ словъ, что Ландышевъ на нѣсколько мгновеній былъ раздавленъ и позабылъ всѣ слова. Не давая ему опомниться, Анна Павловна продолжала:

— Вы осмѣлились поднести моей дочери книгу, гдѣ, что ни страница, то воспѣвается какая-то женщина съ распущенными волосами, съ безумными взорами, со страстью въ лицѣ и... и еще не знаю, съ какими неприличіями! Вы разсказываете, не стѣсняясь, какъ эта женщина приходитъ къ вамъ, воспламеняетъ васъ и...

еще Богъ знаетъ что!... И это должна читать чистая, невинная дѣвочка, которой вы недавно только осмѣливались дѣлать намеки на священныя узы!... Поди ко мнѣ, Маргушечка, поди ко мнѣ, бѣдная дѣвочка, я съумѣю защитить тебя!

Но Маргарита не двинулась съ мѣста, а только еще больше замкнѣла въ своемъ упрямо-капризномъ выраженіи.

— Кто бы могъ подумать, что вы такъ развращены?—снова обратилась Анна Павловна къ Ландышеву, который растерянно и тупо смотрѣлъ на нее. — И это въ двадцать три года! Что-жь будетъ дальше?... И какъ у васъ хватило стыда описывать съ такою откровенностью свои похожденія?

— Да вы насмѣхаетесь надо мной, Анна Павловна! Какія похожденія?... Я изображаю музу, которая вдохновляетъ меня.

— Поздравляю васъ съ такою музой!

— Вы не понимаете... вы не хотите понять меня...

— Отлично понимаю, и вы напрасно стараетесь теперь свалить все на музу: не музу вы изображали, а негодную женщину. Я, милостивый государь, не безграмотная: я прекрасно знаю, что музу изображаютъ съ крыльями, какъ ангела, а не съ распущенными волосами и въ дезабилье...

— Да повторяю же вамъ, Анна Павловна, тутъ нѣтъ женщинъ, о которыхъ вы думаете. Тутъ идеалъ, а не любовница.

— Вы забываетесь, милостивый государь! — крикнула Анна Павловна, повернувшись такъ, что диванъ затрещалъ.

— Я идеалъ изображаю, понимаете ли, идеалъ! — простоналъ Ландышевъ.

— А я скажу вамъ на это, что у человѣка, думающаго о семейныхъ узахъ, не должно быть подобныхъ идеаловъ. У честнаго человѣка, милостивый государь, есть только одинъ идеалъ: данная ему Богомъ жена, и очень дурно, если вамъ не внушили этого ваши воспитатели. Я знаю, до чего доводятъ эти развращенныя фантазіи, эти идеалы съ распущенными волосами,—до полной распущенности во всемъ. Нынче идеалъ, а черезъ годъ, смотришь, завелъ другую семью на сторонѣ. Примѣры на каждомъ шагу. Нынче идеалъ, а завтра разводъ. Тьфу!

— Мнѣ очень жаль, Анна Павловна, что вы меня такъ поняли... или, лучше сказать, такъ меня не поняли... — сказалъ Ландышевъ, совершинно сбитый съ толку неожиданною логикой Анны Павловны.

— Напротивъ, теперь-то только я и поняла васъ. Только теперь убѣдилась, какую змѣю отогрѣла у себя... Позвольте васъ

спросить, милостивый государь, кого вы осмѣлились изобразить въ вашихъ стихахъ подъ заглавіемъ: *Мать и мачиха?* Не музу ли какую-нибудь опять?

Она, скрестивъ руки, пронизывала его негодующимъ взоромъ и грозно ждала отвѣта.

— Какъ кого?—сказалъ, оторопѣвъ, Ландышевъ.—Я изобразилъ просто мать, у которой есть родная дочь и падчерица; значитъ, она и мать, и мачиха вмѣстѣ...

— Такъ, такъ! — произнесла Анна Павловна, презрительно покачивая головой.—Жалко смотрѣть, до чего вы изолгались!... Или вы меня за дуру принимаете? Развѣ я не вижу, что вы выставили меня... да, меня?

— Васъ? — воскликнулъ Ландышевъ, отъ изумленія вскакивая со стула. — Да побойтесь вы Бога, Анна Павловна, какое же сходство?

— Надѣюсь, что между этою фуріей и мной нѣтъ ни малѣйшаго сходства, — отвѣтила Анна Павловна, гордо выпрямляясь,— но я, все-таки, къ стыду вашему, узнала себя...

— Клянусь вамъ, Анна Павловна...

— Молчите!... Теперь вамъ должно быть понятно негодованіе дочери, у которой такъ оскорбляютъ мать... Я не думала, милостивый государь, что вы способны на низость... Маргушечка, дитя мое, поди ко мнѣ!

— Клянусь же вамъ, Анна Павловна, что я вовсе не имѣлъ васъ въ виду... И никакого сходства... Развѣ какъ-нибудь случайно отдѣльныя черты... отдѣльныя выраженія...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, да такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ; въ головѣ его вдругъ молніей промелькнуло все стихотвореніе, и онъ остолбенѣлъ, внезапно пораженный необычайнымъ сходствомъ героини стихотворенія съ Анной Павловной. Какъ это могло случиться, онъ и самъ не постигалъ.

— И вы могли надѣяться, что я послѣ этого рѣшусь выдать за васъ дочь?—сказала Анна Павловна, поднимаясь съ мѣста.—Да я не позволю ей приблизиться къ человѣку, который клевещетъ на ея мать, который въ двадцать три года уже успѣлъ развратиться, который, думая о бракѣ, проповѣдуетъ, въ то же время, полную распущенность, какъ вы—въ своемъ фривольномъ стихотвореніи «Любовь».

— Анна Павловна!

— Безъ оправданій, милостивый государь! Вы осмѣливаетесь цинично доказывать, что любовь не должна знать никакихъ пре-

градъ, никакихъ стѣсненій, никакихъ законовъ, кромѣ своихъ собственныхъ; что она должна слушаться только голоса сердца и быть свободной, какъ птица... Сознаете ли вы сами, несчастный, что вы проповѣдуете? Понимаете ли вы, что это за свободная любовь? Вѣдь, этимъ вы провозглашаете... гражданскій...

— Да помилуйте, Анна Павловна, про какую любовь вы говорите? Развѣ я *эту* любовь имѣлъ въ виду?

Но Анна Павловна не желала слушать.

— Вы—человѣкъ развращенный до мозга костей. Вы распространяете нравственную заразу. Пойдемъ, Маргуша!...

Сказавъ это, она вышла изъ комнаты, гордо неся голову и не удостоивъ Ландышева взглядомъ. Маргарита послѣдовала за ней.

— Маргарита Сергѣевна! — воскликнулъ, задыхаясь, Ландышевъ.

Маргарита остановилась. Ландышевъ стоялъ передъ ней измученный, растерянный, жалкій. Въ сердцѣ его тѣснилось такъ много разнообразныхъ чувствъ: обида, горечь, негодованіе, жажда участія и нравственной поддержки,—все это вмѣстѣ слилось въ такое мучительное цѣлое, что нѣсколько мгновеній онъ не въ силахъ былъ говорить.

— И вы противъ меня!—вырвалось у него горькимъ укоромъ.— И вы вѣрите тому, что я способенъ на низость?... Я надѣялся на васъ, какъ на друга, у котораго я найду утѣшеніе, который пойметъ... сердцемъ пойметъ... и не отвернется... и я буду любить его всю жизнь... Ахъ, если бы вы знали, какъ я сегодня истерзанъ!

Маргарита слушала, стоя въ полуоборотъ около дверей, и смотрѣла на Ландышева, какъ на чужого, непріятнаго человѣка, который слишкомъ поздно вздумалъ каяться и просить прощенія.

— Маргуша!—послышался настойчивый голосъ Анны Павловны.

Маргарита сдѣлала движеніе, чтобы уйти.

— Такъ вы... отрекаетесь отъ меня?—едва выговорилъ Ландышевъ.

— У васъ есть идеалъ, ну, и отправляйтесь къ нему за утѣшеніями,—сухо отвѣтила Маргарита и ушла.

Ландышевъ остался одинъ. Онъ стоялъ и не узнавалъ ни этой комнаты, ни этой гостиной, куда входилъ прежде съ такимъ пріятнымъ замираніемъ сердца, ни этого маленькаго дивана, на которомъ онъ часто сидѣлъ съ Маргаритой, взволнованный и влюбленный; но больше всего онъ не узнавалъ самой Маргариты: не узнавалъ ни лица ея, ни манеръ, ни голоса. Послѣдняя фраза ея, которая такъ

и звенѣла въ ушахъ Ландышева, сразу разрушила передъ нимъ то очарованіе, подъ властью котораго онъ находился столько времени. Пошлый и злой тонъ этой фразы возмутилъ Ландышева и поднялъ со дна души его что-то ядовитое: «Этотъ тонъ она приберегала для мужа»,—подумалъ онъ съ злою усмѣшкой; потомъ онъ медленно взялъ шляпу, постоялъ нѣсколько секундъ, безсознательно обводя взоромъ гостиную, медленно надѣлъ въ передней пальто и вышелъ, позабывъ захватить съ собой отвергнутый экземпляръ *Поэтическихъ досуговъ*.

XI.

Бываютъ въ жизни человѣка минуты, когда все, что накапливалось въ его душѣ за долгій срокъ обычнаго теченія жизни, вдругъ отъ какой-нибудь нравственной встряски всплываетъ на поверхность души и принуждаетъ человѣка дать самому себѣ отчетъ въ пережитомъ. Въ эти минуты на сцену одинъ за другимъ выступаютъ самые жгучіе для человѣка вопросы, настоятельно требуя разрѣшенія; вспоминаются такія вещи, которыя, повидимому, давнымъ-давно были забыты; мелочи повседневной жизни окрашиваются совершенно новымъ цвѣтомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся какими-то прозрачными, такъ что сквозь нихъ можно разглядѣть много не мелочного и не маловажнаго. Въ нѣсколько часовъ человѣкъ столько передумаетъ и перечувствуетъ, что въ другое время этого хватило бы ему на цѣлые мѣсяцы. Мысль работаетъ лихорадочно-быстро, распутывая хаосъ, поднявшійся въ душѣ, и ничѣмъ нельзя остановить этихъ страстныхъ, порывистыхъ усилій ума. Такіе моменты душевнаго кризиса не проходятъ безслѣдно: человѣкъ послѣ нихъ становится хоть на время или гораздо лучше, или гораздо хуже.

На долю Ландышева выпали теперь именно такія минуты.

Онъ вышелъ отъ Кашемировыхъ съ горечью и негодованіемъ въ душѣ.

«И я могъ воображать, что это любовь! — говорилъ онъ самъ съ собой, крупно шагая по улицѣ.—Я могъ находить глубокій смыслъ въ словахъ этой бездушной дѣвчонки, этой фиглярки, фокусницы! Да любая деревенская баба, грубая, неотесенная, въ тысячу разъ и умнѣе, и честнѣе, и сердечнѣе!... Почтенная мамаша, прелестная дочка! я раскусилъ васъ теперь: мой сборникъ и мнѣ сослужилъ службу... Хороша любовь!»

Онъ началъ припоминать свою «любовь» и сдѣлалъ много не-

ожиданныхъ для себя открытій. Прежде всего, ему бросилось въ глаза то, что любовь эта велась при искусственномъ освѣщеніи. Онъ бывалъ у Кашемировыхъ только по вечерамъ, потому что днемъ сидѣлъ въ присутствіи. Онъ приходилъ къ нимъ во время вечерняго чая, который Анна Павловна умѣла сервировать очень аппетитно; отъ лампы подъ розовымъ абажуромъ разливался мягкій, пріятный свѣтъ; раскрытый рояль и ноты напоминали объ искусствѣ. Къ чаю обыкновенно приходили гости: большею частью молодежь, хорошо одѣтая, старающаяся быть веселой и игривой. Разговоръ за чаемъ шелъ легкій, почти неуловимый, и состоялъ изъ намековъ, милыхъ шутокъ и комплиментовъ. Послѣ чаю иногда начинались танцы, пересыпаемые такими же легкими разговорами, иногда пѣніе романсовъ или какія-нибудь игры. Когда Ландышеву приходилось оставаться наединѣ съ Маргаритой, то говорилъ преимущественно онъ, а она только изрѣдка вставляла незначащее слово. Никогда не приходило ей въ голову разспросить его серьезно о его завѣтныхъ желаніяхъ и мечтахъ... Разговоры были все шутливые; разговаривающіе какъ будто играли языкомъ и послѣ цѣлаго ряда бесѣдъ такъ же мало знали другъ друга, какъ и при первомъ знакомствѣ.

«Ни капли любви тутъ не было, а была какая-то пошленькая игра въ намеки и ощущенія,—съ брезгливостью подумалъ Ландышевъ,—а, главное, сколько было тутъ обмана и самообмана, сколько поддѣлки подъ истинное чувство, какъ все фальшиво, фальшиво!... Фу!»

Многое теперь выплыло передъ нимъ на свѣтъ. Вспомнилъ онъ, какъ граціозно и сладко позѣвывала Маргарита, когда онъ вдругъ вдавался въ размышленія о высокомъ и прекрасномъ, и какъ она оживлялась, когда начинались сплетни. И много подобныхъ воспоминаній вставало теперь передъ нимъ. Злое чувство, поднявшееся со дна души его, побуждало Ландышева глумиться надъ этою комедіей любви, гдѣ онъ сыгралъ такую жалкую роль:

«Загадочная натура!... Ха-ха!... Что, еслибъ у этой загадочной натуры въ одинъ прекрасный день вскочила бородавка на н[illegible]? Выдержала ли бы моя любовь такое испытаніе? Вѣдь, пожал[illegible], что и нѣтъ... Ничтожная бородавка все унесла бы съ собой: и [illegible]ашу вѣчную любовь, и поэтическую душу Маргариты, и тай[illegible]и смыслъ ея рѣчей—все, все! И не таскался бы я тогда къ ней и[illegible]дый вечеръ, и не вздыхалъ бы, и не сплетничалъ вмѣстѣ съ [illegible]и не толковалъ бы ей о возвышенныхъ предметахъ... Вотъ,

право, отличный сюжетъ для юмористическаго стихотворенія: «Любовь и бородавка»!

Ландышевъ захохоталъ, но на самомъ дѣлѣ ему было вовсе не весело и даже не смѣшно,—напротивъ, въ сердцѣ его засѣло что-то тяжелое и гадкое, а грудь болѣзненно ныла. Онъ чувствовалъ, что послѣ разрыва съ Кашемировыми внутри у него что-то оборвалось. Ему жаль было не Маргариты, а своей первой любви, хотя онъ и старался уронить эту любовь въ собственныхъ глазахъ. Ему жаль было того идеала женщины, который долго сливался у него съ образомъ Маргариты и вмѣстѣ съ нимъ упалъ теперь въ его глазахъ такъ низко. Ему было тяжело и гадко оттого, что юношескія мечты его, молодые, горячіе порывы были унижены, нѣжное чувство къ женщинѣ отравлено и, можетъ быть, надолго. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что теперь ему уже трудно будетъ отдаться довѣрчиво и беззавѣтно непосредственному чувству къ женщинѣ, что въ душу его влился какой-то ядъ, который будетъ отравлять это чувство. Поблекла первая юность, первая свѣжесть души, и не вернешь ея больше... Грусть, сожалѣніе о чемъ-то, презрѣніе къ кому-то смѣшивались у Ландышева въ одно горькое чувство. Разрывъ съ Маргаритой не былъ похожъ на трогательную разлуку любящихъ сердецъ, которая хотя измучитъ человѣка тоской, но за то оставитъ навсегда въ душѣ его отрадное воспоминаніе о свѣтлыхъ дняхъ, о любимомъ существѣ. Нѣтъ, при этомъ разрывѣ все было грубо скомкано въ одну грязную кучу, поэзія чувства была задушена наглою, унизительною прозой...

«Такъ вотъ что далъ мнѣ сборникъ,—съ горечью сказалъ самому себѣ Ландышевъ,—вотъ они, поэтическіе лавры, слава, сочувствіе и... о чемъ, бишь, я еще мечталъ?»

Тутъ ему припомнилось, какъ онъ ѣздилъ по Москвѣ, развозя свой сборникъ; припомнилось до малѣйшихъ подробностей утро этого дня: какъ онъ, лежа въ постели, воображалъ себя властелиномъ толпы, какихъ восторговъ ждалъ отъ этого дня, какъ сопоставлялъ себя съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, какъ ходилъ по знакомымъ за славой (точно на чай просилъ!),—все вспомнилъ онъ даже свои сны, и жгучее чувство стыда охватило его. То презрѣніе, которое только что возбуждали въ немъ Кашемировы, онъ перенесъ теперь на самого себя. Ему было такъ стыдно, что даже на лицѣ его выразилось страданіе. Теперь только онъ отрезвился окончательно отъ того опьяненія себялюбивыми мечтами, въ которомъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все, что было въ немъ глубокаго и правдиваго, что было загнано имъ въ самые затаенные уголки

души, вдругъ поднялось теперь, настойчиво требуя себѣ выхода. Внутренній голосъ правды громко заговорилъ въ немъ: повинуясь ему, Ландышевъ обрушился на самого себя съ тою незнающею мѣры горячностью, которая была свойственна его натурѣ и которую онъ долго подавлялъ въ себѣ по принципу душевнаго параллелизма.

«Да чѣмъ, чѣмъ я лучше ихъ?—спрашивалъ онъ себя, обращаясь мыслью къ Луканинымъ, Кашемировымъ и имъ подобнымъ.—Они самодовольны?... Да развѣ я не былъ еще самодовольнѣе ихъ, пока не получилъ щелчковъ по носу? Они самоувѣренны?... Да я-то развѣ не былъ увѣренъ въ томъ, что Александръ Ландышевъ—важная птица?... Они думаютъ только о себѣ?... Да мнѣ-то развѣ не казалось, что всѣ должны быть заняты только моею поэтическою особой?... Они гнутся передъ сильными міра?... Ну, а во мнѣ развѣ не шевелилась сладкая надежда на вниманіе начальства, когда я выступлю поэтомъ?... Какая пошлость!... Гадко и пошло то, что я, презирая ихъ, былъ, въ то же время, убѣжденъ, что самъ-то я и чистъ, и возвышенъ, и благороденъ. А казенная квартира? А прибавка жалованья, о которой я мечталъ не безъ удовольствія?... И все это за то, что я имѣю счастіе быть родственникомъ Луканина!... Какъ это мило и поэтично: днемъ думать о вниманіи сильныхъ міра, спокойно плыть по теченію вмѣстѣ съ Луканиными, по вечерамъ любоваться глазками и ручками Маргариты, пить чай съ печеньемъ и утопать въ слащавыхъ мечтахъ объ идеальной любви, а ночью вдохновляться и писать стихи, въ которыхъ воспѣвать то, чего самъ никогда не дѣлаешь, и насмѣхаться надъ тѣмъ, чѣмъ только въ продолженіе дня и занимаешься!... При этомъ жить подъ крылышкомъ у тетки и съ пріятностью сознавать, что въ черный день она тебя выручитъ: бичуй, братъ, смѣлѣе пороки,—съ тетушкой не пропадешь!... И я смѣлъ негодовать на тѣхъ несчастныхъ, которые изъ-за куска хлѣба принуждены смотрѣть въ глаза Луканинымъ, смѣлъ думать, что я благороднѣе ихъ, потому что у меня есть идеалы... Какая низость! Да, вѣдь, я не столько думалъ объ идеалахъ, сколько о томъ, какъ меня будутъ хвалить за нихъ! Да, вѣдь, на хорошихъ-то хлѣбахъ легко имѣть возвышенные идеалы, особенно когда пальцемъ не шевельнешь для ихъ осуществленія... А я не очень-то и тревожилъ себя для идеаловъ-то. Пѣлъ о томъ, какъ позорно [illegible]нять своей святынѣ, а самъ сколько разъ, растаявъ отъ [illegible]ядовъ Маргариты, поддакивалъ довольно гаденькимъ вещамъ; сколько разъ при мнѣ Луканинъ обливалъ грязью то, что должно было служить для меня святыней, и я молчалъ... И всегда, и вез-

дѣ такъ. Призывалъ другихъ въ идеальный міръ, а самъ съ утра до вечера дрызгался въ мелочахъ и пошлостяхъ, старался «пробуждать лирой чувства добрыя», вопіялъ о состраданіи, о гуманности, а кто первый догадался пріютить Митьку? Я, что ли? Нѣтъ, тетушка; а Александръ Ландышевъ въ это время писалъ чувствительныя стихотворенія и скорбѣлъ о жестокосердіи людей... Да, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было пріютить, успокоить, согрѣть, всегда на сцену выступала прозаическая тетушка, Агаѳья Никифоровна, а не поэтическій Александръ Ландышевъ, властитель думъ и сердецъ, дрянь и эгоистъ, думающій только о своей особѣ. Вотъ когда нужно было позаботиться о какомъ-нибудь сюрпризѣ для Маргариты, Александръ Ландышевъ проявлялъ изумительную расторопность... Ну, а если дѣло шло о старухѣ-теткѣ, которой онъ всѣмъ обязанъ, тутъ ужь не прогнѣвайтесь: Александръ Ландышевъ становился поэтически разсѣянъ и забывчивъ... Да и до тетушки ли ему или до какого-нибудь завалящаго Митьки? У него своихъ страданій такъ много, что ужь не остается мѣста для чужихъ; одна міровая тоска чего стоитъ!»...

Онъ презрительно засмѣялся, съ злорадствомъ развѣнчивая себя въ собственныхъ глазахъ.

«Мои страданія!... О, Боже мой! Да сколько есть людей, которые во сто разъ больше моего страдали и во сто разъ меньше носятся съ своими страданіями, чѣмъ я, обсасывающій каждое свое ощущеніе, точно конфетку!... Какъ я смѣшонъ со своею міровою тоской! А всего нелѣпѣе то, что я жду отъ кого-то какой-то награды за свои ощущенія: «Господа, я страдаю, я докладываю вамъ объ этомъ въ своихъ стихахъ,—давайте же мнѣ за это денегъ, славы, приглашайте меня на обѣды и вечеринки, льстите мнѣ и усыпайте мой путь цвѣтами...» Фу!... Тетушка на своемъ вѣку все перенесла: и несчастную любовь, и притѣсненія, и побои, сколько близкихъ перехоронила и оплакала, сколько лѣтъ промучилась съ извергомъ мужемъ, сколько разъ была безжалостно поругана въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, наконецъ, подъ-старость потеряла палецъ,— и что же? Говоритъ ли она когда-нибудь о своихъ страданіяхъ? Да, иногда пожалуется... на боль въ поясницѣ...»

При воспоминаніи о теткѣ Ландышевъ остановился и потеръ лобъ рукой. «Что, бишь, такое я хотѣлъ? Да!...» Онъ зашелъ въ магазинъ и спросилъ фунтъ пастилы. «Она любитъ пастилу»,—подумалъ онъ. Купивъ еще кое-чего изъ лакомствъ, до которыхъ Агаѳья Никифоровна была большая охотница, Ландышевъ вышелъ

изъ магазина и усмѣхнулся горькою, но добродушною улыбкой. «Вотъ чѣмъ разрѣшился для меня нынѣшній торжественный день,— подумалъ онъ, — фунтомъ рябиновой пастилы для тетушки!»

Онъ смотрѣлъ на себя теперь какъ на самаго обыкновеннаго человѣка и съ нѣкоторымъ удивленіемъ сознавалъ, что это его не возмущаетъ: напротивъ, послѣ тревогъ цѣлаго дня онъ чувствовалъ какое-то облегченіе. Ему хотѣлось теперь не возвыситься надъ толпой, а слиться съ ней: это спокойнѣе, проще, естественнѣе...

«Чего я надувался до сихъ поръ такъ спѣсиво? — спрашивалъ онъ себя.— Право, эта толпа, эти люди прозы полезнѣе меня. Они трудятся, они дѣлаютъ дѣло, нужное для жизни, а я? Какое значеніе имѣю я съ своимъ сборникомъ, со всею своею писательскою дѣятельностью? Кому я нуженъ, какъ поэтъ? Развѣ поэзія — дѣло, развѣ она нужна для жизни?»

Ландышевъ въ горькомъ раздумьи остановился на этомъ близкомъ и больномъ для него вопросѣ, который онъ впервые поставилъ себѣ такъ серьезно и прямо. Прежнее убѣжденіе его въ важности поэзіи пошатнулось. Онъ подумалъ, что всякій склоненъ придавать особенное значеніе тому, чѣмъ самъ увлекается; если же посмотрѣть безпристрастно на жизнь, то увидишь, что вездѣ и всюду царство прозы: изъ нея соткана вся эта волнующаяся кругомъ жизнь. Ландышеву припомнился зимній загородный пикникъ съ Кашемировыми. Пріѣхавъ на хорошихъ лошадяхъ, съ запасомъ закусокъ и винъ, общество пошло прогуляться по парку. Ландышевъ шелъ подъ руку съ Маргаритой и любовался чудными узорами на деревьяхъ.

«Вотъ что такое поэзія! — подумалъ Ландышевъ, вспомнивъ теперь эти узоры.— Это — забава для людей, которые сыты, безъ заботы, обезпечены. Закуски, лошади, теплая дача,—все это было намъ нужно; а эти узоры, эта поэзія... мы легко могли обойтись безъ нея. Полюбовались съ минуту на узоры, а потомъ одни запросили ѣсть, другіе захотѣли погрѣться... Настоящее оживленіе наступило тогда, когда захлопали пробки».

Сравненіе поэзіи съ зимними узорами на деревьяхъ показалось Ландышеву поразительно вѣрнымъ. Онъ съ тою же горячностью началъ развѣнчивать поэзію, съ какою недавно развѣнчивалъ самого себя:

«Поэзія, поэзія!... Да кто изъ этой толпы озабоченныхъ, дѣловыхъ людей думаетъ о тебѣ?... Несчастные сборнички, сколько надеждъ и волненій связывается съ вами, и какъ ничтожно, какъ мало ваше значеніе въ дѣйствительности!... Поэзія, искусство,

красота... не сдѣлалось ли все это теперь только прекрасными сл
вами, безъ которыхъ люди могли бы легко и спокойно обойтись?.
Сколько нужно труда и таланта, чтобы взволновать и тронуть э
равнодушную толпу; но укажите этой же толпѣ возможность к
пить что-нибудь дешево и посмотрите, какъ она заволнуется, ка
бросится по указанному направленію. И толпа права, потому ч
прозой все живетъ, а поэзіей только тѣшится... Поэзія безсиль
передъ житейскою прозой до смѣшного; надо быть безумцем
какимъ былъ я, чтобы вѣрить въ ея силу. Самая сильная сил
это — проза жизни, которая все и всѣхъ подгонетъ подъ себя, в
что-то страшное, отъ котораго ничѣмъ не спасешься, которое п
немногу, незамѣтно отшибетъ тебѣ крылья и придавитъ жел
ною рукой всѣ идеальные, поэтическіе порывы. Борись, пожалу
противъ этой силы, безумствуй, бейся головой въ стѣну,—т
все-таки, со всѣми твоими талантами и высокими стремленія
останешься нулемъ передъ всемогущею прозой жизни, котор
одна живетъ и торжествуетъ. А поэзія, этотъ зимній узоръ
деревьяхъ,—что она такое передъ ней? Призракъ, миражъ, что
мимолетное, эфемерное: подулъ вѣтеръ — и слетѣли узоры,
никто не пожалѣетъ о нихъ...»

Но Ландышевъ первый жалѣлъ о нихъ: онъ развѣнчивалъ
эзію съ грустью и болью въ сердцѣ. До сихъ поръ она дарила
лучшіе часы въ его жизни, она, и только она одна, давала удов
твореніе смутнымъ и страстнымъ запросамъ его сердца. Убивая
себѣ вѣру въ поэзію, онъ тѣмъ самымъ зачеркивалъ лучшую ча
своего прошлаго, тѣ минуты полной, кипучей жизни, когда
сильно чувствовалъ, сильно любилъ, смѣло боролся словомъ п
тивъ зла и былъ чище, лучше, искреннѣе, чѣмъ обыкновенно. Б
поэзіи онъ оставался ни съ чѣмъ, потому что за часами поэти
скаго творчества тянулись однообразные дни будничной прозы,
освѣщенные никакою идеей, не согрѣтые никакимъ серьезнымъ ч
ствомъ. Оглядываясь на эти дни, онъ находилъ тамъ только дѣ
выя бумаги, которымъ самъ не придавалъ никакого значенія,
говоры о службѣ и повышеніяхъ, мелкія заботы и забавы, жал
игру въ любовь съ Маргаритой,—и ни одного поступка, кото
доставилъ бы ему нравственное удовлетвореніе, ни одного дѣла,
которое онъ вложилъ бы душу, ни одного убѣжденія, которое
старался бы проводить въ жизнь,—ничего такого, надъ чѣмъ
онъ могъ теперь отдохнуть душой, кромѣ развѣ книгъ, котор
старался пополнить свое образованіе.

Да, одна только поэзія давала ему живую жизнь, а вотъ те

и она рушится передъ нимъ. Онъ остается на развалинахъ и даже не знаетъ, какъ и съ чего ему начать новую жизнь.

Ландышевъ остановился на ходу, пораженный сознаніемъ безвыходной пустоты, въ которую онъ попалъ. Онъ увидѣлъ себя въ длинномъ, довольно пустынномъ переулкѣ, который былъ ему совершенно незнакомъ. Уже стемнѣло; на небѣ зажглись звѣзды; изъ ближняго сада доносился запахъ тополей; теплый весенній воздухъ ласкалъ лицо... Взглянувъ на свѣтло-синее небо, по которому медленно плыли одно за другимъ бѣлыя, прозразныя облачка, Ландышевъ вспомнилъ о деревнѣ, о весеннихъ чудныхъ ночахъ, о лѣсѣ, который онъ такъ любилъ, и ему страстно захотѣлось снова повѣрить душою въ поэзію, которую онъ развѣнчалъ, снова отдаться ей всѣмъ существомъ своимъ...

Вдругъ онъ вздрогнулъ, услыхавъ звуки рояля, которые донеслись до него изъ оконъ противуположнаго дома. Играли въ четыре руки симфонію Бетховена. Мощные, величественные звуки далеко разносились по пустынному переулку. Въ одно мгновеніе въ душу Ландышева ворвалась могучая волна какой-то полной и прекрасной жизни; эта волна быстро разлилась по всему его существу, сладко сжала горло и заблистала на глазахъ слезами. Она мгновенно перевернула въ немъ весь ходъ мыслей, точно композиторъ разомъ ударилъ по всѣмъ струнамъ его сердца,—такъ непосредственно, такъ сильно было впечатлѣніе. Что-то дрожало внутри Ландышева, когда онъ вслушивался въ дивные звуки, боясь проронить малѣйшую нотку, и съ каждою минутой все больше и больше подпадая подъ власть генія. Все шире развертывался передъ нимъ необъятный міръ поэзіи, красоты, вдохновенія. Міръ этотъ былъ такъ прекрасенъ, такъ полонъ гармоніи и необъяснимаго могущества, что всѣ доводы Ландышева противъ поэзіи въ одинъ мигъ разлетѣлись, и она снова стояла передъ нимъ таинственная, дышащая силой и прелестью; онъ ощущалъ на себѣ дыханіе ея, онъ трепеталъ отъ восторга, потрясенный до глубины души, онъ забылъ всѣ свои неудачи, огорченія, разочарованія и чувствовалъ только чистую и глубокую поэзію жизни, воплощенную геніемъ въ могучихъ звукахъ...

Рояль смолкъ, но звуки, казалось, все еще дрожали и звенѣли в ночномъ воздухѣ...

«Нѣтъ, это не забава, не мимолетное наслажденіе,—думалъ Л дышевъ, восторженный, разгоряченный, вдыхая въ себя на х у полною грудью весенній воздухъ.—Нѣтъ, это больше, чѣмъ з чіе узоры... Ради этого готовъ все забыть, все принести въ

жертву... Какіе звуки! Они захватываютъ всю душу, чарующъ, покоряютъ себѣ, уносятъ куда-то... Какъ жалки мнѣ всѣ эти Луканины, Кашемировы и тысячи имъ подобныхъ съ ихъ мечтами о каменныхъ домахъ, нарядахъ и экипажахъ! Для нихъ не существуетъ этихъ звуковъ, имъ недоступна высшая поэзія и красота жизни. Несчастные, имъ даже въ голову не приходитъ, что во всѣхъ этихъ каменныхъ домахъ, экипажахъ и магазинахъ, во всей роскоши столицы нѣтъ и сотой доли той жизни, той прелести, какая заключена въ одной симфоніи Бетховена: все это дрянь, мусоръ, въ которомъ могутъ копаться люди, никогда не знавшіе полной, прекрасной жизни... Господи, да чѣмъ же человѣкъ и живъ, какъ не поэзіей?... Развѣ не она скрашиваетъ ему жизнь, не она освѣжаетъ душу? И развѣ не ея онъ ищетъ повсюду такъ жадно, чтобы хоть на одну минуту вырваться изъ-подъ гнета житейской лямки? Развѣ не носится въ воздухѣ эта жажда поэзіи, эта необходимость ея?... Дайте человѣку самую лучшую прозу жизни, но одну только прозу, безъ капельки поэзіи, и онъ задохнется въ ней, очерствѣетъ, потеряетъ образъ человѣческій... Нѣтъ, поэзія жива и никогда не умретъ! Вездѣ таится она, чистая, живая, прекрасная, но открыть ее умѣетъ не всякій: подавленная прозой толпа чувствуетъ близость ея, ищетъ, но не находитъ, не знаетъ, какъ приступиться къ ней, и хватаетъ вмѣсто истинной поэзіи жалкія поддѣлки подъ нее. Только геній умѣетъ добыть чистое золото поэзіи, безъ всякихъ примѣсей, цѣлыми кусками, цѣлыми слитками... Ахъ, еслибъ у меня была хоть искра таланта! Еслибъ я могъ найти и передать другимъ хоть маленькую крупицу чистаго золота поэзіи! Какъ бы я работалъ, какъ былъ бы счастливъ!... Бетховенъ, Бетховенъ! Какіе звуки, какая чистота и сила! Что за могучая и высокая душа должна быть у человѣка, который создалъ такіе звуки!...»

Ландышева пожиралъ внутренній огонь. Міръ поэзіи блеснулъ передъ нимъ такъ ярко и величаво, что все существо его наполнилось горячимъ стремленіемъ войти въ этотъ міръ, сдѣлаться участникомъ его. Въ поэзіи онъ видѣлъ теперь цвѣтъ жизни, передъ которымъ поблѣднѣло все остальное: и блескъ столицы, и толпа съ ея прозаическими интересами, и самъ онъ съ своимъ авторскимъ самолюбіемъ, болѣзненною жаждой славы, со всѣми неудачами и огорченіями. Симфонія сразу вырвала его изъ круга обыденныхъ житейскихъ интересовъ и вознесла на такую высоту, съ которой люди казались ему муравьями. Всѣ силы души его безраздѣльно устремились къ идеалу; онъ сталъ чуждъ всему и всѣмъ и былъ

полонъ своей особой жизни. Ему хотѣлось одного только: чтобы ничто не нарушало въ немъ этой жизни, ничто не мѣшало его возвышенному настроенію. Это былъ экстазъ, сладкій и мучительный,—мучительный потому, что душа все время судорожно рвалась куда-то, хотѣла чего-то торжественнаго, великаго, грандіознаго, а вмѣсто этого повсюду встрѣчала прозаическую, муравьиную сутолоку, которая казалась теперь Ландышеву до того ничтожною, что онъ отдалъ бы ее всю цѣликомъ за одинъ моментъ поэтическаго восторга.

XIII.

Когда Ландышевъ дошелъ до своей квартиры, имъ овладѣла боязнь, какъ бы не поблекло его возвышенное настроеніе отъ прозы домашней жизни. Ему хотѣлось быть одному, но желаніе его не исполнилось: Агаѳья Никифоровна не спала и встрѣтила племянника въ ночномъ дезабилье, шлепая полуразвалившимися туфлями. Ландышевъ поздоровался съ ней ласково, но разсѣянно, и прошелъ въ свою комнату. Агаѳья Никифоровна послѣдовала за нимъ. Ландышевъ взглянулъ на ея доброе, озабоченное лицо, и ему стало стыдно, что онъ ей только одной ничего еще не сказалъ о своемъ сборникѣ, хотя взялъ у нея денегъ на изданіе. Онъ поспѣшилъ вынуть изъ письменнаго стола экземпляръ *Поэтическихъ досуговъ,* написалъ на оберткѣ: «Дорогой тетушкѣ отъ любящаго ее автора» и преподнесъ книжку Агаѳьѣ Никифоровнѣ. Та, разобравъ, въ чемъ дѣло, обрадовалась и прослезилась. Но когда Ландышевъ разсказалъ ей все, что онъ выстрадалъ изъ-за своего сборника, Агаѳья Никифоровна ужаснулась, схватилась за голову — и полился потокъ жалобныхъ рѣчей. Этого-то всего больше и боялся Ландышевъ: онъ предчувствовалъ, что отъ этого нытья скорѣе всего исчезнетъ въ немъ подъемъ духа. Агаѳья Никифоровна говорила все то, что говорится въ подобныхъ случаяхъ: что Ландышева ждетъ тяжелая жизнь, если онъ захочетъ обойтись безъ покровителей, что онъ самъ спохватится, да будетъ поздно; лучше бы [illegible]ть потише да поскромнѣе, какъ жилось прежде: отъ добра добра [illegible]ищутъ... Много говорила она, и во всѣхъ словахъ ея звучала [illegible]а унылая нотка, что-то убогое, придавленное. Ландышевъ чув[illegible]ювалъ, какъ отъ однихъ уже звуковъ ея голоса холодѣла и съежи[illegible]лась душа его. Невольный страхъ за будущее шевельнулся въ [illegible]ъ: «А что, если тетушка хоть на половину права? Что, если я [illegible]самомъ дѣлѣ поступилъ легкомысленно? Вѣдь, впереди-то цѣ-

лая жизнь: какъ я справлюсь съ ней, опираясь на одни идеалы?...» Ему до слезъ было жаль своего недавняго настроенія. «Видно, я рыцарь только на одинъ часъ,—съ горечью подумалъ онъ,—я похожъ на паука, который прицѣпился къ хвосту орла, залетѣлъ выше облаковъ, но при первомъ порывѣ вѣтра опять свалился на землю... Мнѣ ли бороться съ прозой жизни, когда я на первыхъ же порахъ струсилъ и опустилъ руки?... Нужно быть геніемъ, чтобы побѣдить ее... Ахъ, скоро ли тетушка кончитъ свои причитанія?»

— Тетя,—сказалъ онъ, морщась точно отъ физической боли,—я усталъ сегодня, да и вамъ пора спать. Мы завтра поговоримъ обо всемъ этомъ.

Агаѳья Никифоровна покорно встала и вышла, покачивая головой. Черезъ минуту она снова вошла, неся два письма.

— Вотъ тутъ тебѣ письма пришли; еще, должно быть, какая-нибудь непріятность.

Сказавъ это, она тоскливо вздохнула и ушла въ свою комнату. Ландышевъ нетерпѣливо вскрылъ первое письмо; оно было отъ Воробушкина:

«Милостивый государь!...»

Ландышевъ даже зубами заскрипѣлъ: этотъ ненавистный «милостивый государь» преслѣдовалъ его нынѣче цѣлый день.

«Весьма признателенъ вамъ, что вы, поэтъ, увѣнчанный лаврами, вспомнили обо мнѣ, ничтожномъ смертномъ, и великодушно преподнесли мнѣ свой сборникъ. Я никогда не подозрѣвалъ въ васъ поэтическихъ талантовъ, а теперь, прочитавъ дважды вашъ сборникъ, окончательно убѣдился въ этомъ. Талантами васъ Богъ не наградилъ, но за то далъ хорошую память и умѣніе пользоваться обстоятельствами. Милостивый государь, объявляю вамъ торжественно, что ваши *Поэтическіе досуги* ничто иное, какъ самый безцеремонный плагіатъ. Вы очень хорошо сдѣлали, назвавъ вашу книгу «досугами», ибо она явилась незаконнымъ плодомъ тѣхъ досужихъ часовъ, которые мы проводили вмѣстѣ съ вами,—тѣхъ часовъ, когда, подъ вліяніемъ дружеской бесѣды, я вдохновлялся и развивалъ передъ вами разнообразные сюжеты, когда художественные образы, поэтическія сравненія, мѣткія характеристики каскадомъ лились съ моихъ устъ. Вы жадно ловили поэтическія брызги чужого вдохновенія, запоминали все, что̀ слышали, потомъ записывали... потомъ издали подъ своею фамиліей. Какъ просто и какъ благородно!... Мало этого: я читалъ и давалъ вамъ на домъ читать лучшія изъ моихъ произведеній, и что же? Въ вашемъ сборникѣ я то и дѣло натыкаюсь на стихи, въ которыхъ не трудно угадать не-

удачное подражаніе моимъ стихамъ. Желаете доказательствъ? Извольте. У меня есть элегія *Къ увядшему цвѣтку*, у васъ тоже есть *Увядшій цвѣтокъ*. У меня есть *Немилая жена* и у васъ *Немилая жена*. У меня слезы красавицы сравниваются съ росой, блещущей на солнцѣ, и у васъ тоже. У меня *Тоска* и у васъ *Тоска*; вся разница въ томъ, что моя *Тоска* вылилась въ двухъ дышащихъ глубиной и поэзіей куплетахъ, а ваша размазана на цѣлую страницу. У меня одно стихотвореніе начинается словами: «Нѣтъ, я не геній», а у васъ—«Не геній я» (какъ будто вамъ нужно объ этомъ докладывать). У меня есть стихотвореніе *Моя муза* и у васъ есть стихотвореніе *Къ моей музѣ*. У меня—*Прости* и у васъ—*Прости*; только у меня просто *Прости*, а у васъ зачѣмъто *Прости, прости*... Вы нарочно поторопились издать свой сборникъ, чтобъ опередить меня, но предупреждаю васъ: лѣтомъ появится въ печати сборникъ моихъ стихотвореній, и тогда критика съумѣетъ отличить настоящій алмазъ отъ поддѣльнаго. Будьте увѣрены, что исторія литературы отмѣтитъ современемъ этотъ безпримѣрный по своей безцеремонности плагіатъ... Я—Моцартъ, вы—Сальери. Затѣмъ остаюсь готовый къ услугамъ

«Спиридонъ Воробушкинъ».

Прочитавъ письмо, Ландышевъ въ изумленіи откинулся на спинку стула,—такъ дико и невѣроятно показалось ему прочитанное. Онъ зналъ болѣзненное самолюбіе Воробушкина, зналъ, что, издавая сборникъ, онъ дѣлаетъ этимъ непріятность ему; онъ съ улыбкой думалъ, какъ разсердится на него Воробушкинъ за то, что и онъ тоже пишетъ стихи. Но обвиненіе въ плагіатѣ было для Ландышева совершенно неожиданнымъ и непонятнымъ, такъ какъ онъ всегда былъ очень далекъ отъ всякихъ заимствованій.

— Это безуміе, это сумасшествіе!—повторялъ онъ, перечитывая письмо.

Ему стало противно при видѣ этого необъятно раздутаго «я», которое топорщится и хочетъ заслонить собой передъ глазами другихъ весь міръ и которое заслоняетъ, прежде всего, этотъ міръ передъ своими собственными глазами, такъ что ужь ничего путемъ не видитъ, кромѣ себя самого.

— Какъ мы оба съ нимъ пошлы и ничтожны передъ тѣми вдохновенными звуками!—громко сказалъ Ландышевъ, комкая въ рукѣ письмо.

Онъ поникъ головой, чувствуя, какъ поэтическій восторгъ смѣняется въ его душѣ унынiемъ и глухимъ раздраженіемъ противъ себя самаго безсилія и ничтожества.

— Дальше, дальше отъ этой проклятой жизни!—говорилъ онъ себѣ,—она не даетъ ничего, кромѣ мелкихъ гадостей и унизительныхъ дрязгъ. Надо не допускать ее до себя, надо беречь свое настроеніе, какъ сокровище, чтобы оно было чисто отъ всякой житейской грязи.

Ему попалось на глаза другое письмо; на конвертѣ было написано незнакомымъ почеркомъ: «Александру Ивановичу Ландышеву». Онъ съ непріятнымъ чувствомъ распечаталъ его и началъ читать:

«Вы, конечно, удивитесь, прочитавъ это письмо, но я увѣрена, что вы поймете, почему мнѣ такъ захотѣлось написать вамъ. Сегодня я была свидѣтельницей сцены, которая произошла между вами и Петромъ Даниловичемъ».

Ландышевъ догадался теперь, что это пишетъ Варвара Ивановна. Онъ всегда обращалъ на нее очень мало вниманія, видя въ ней простую бонну, которая все время возится съ дѣтьми, никогда не участвуетъ въ разговорѣ и, къ тому же, скверно одѣвается. Но въ послѣднее время онъ съ любопытствомъ всматривался въ ея быстрые темно-сѣрые глаза, въ которыхъ сквозило много затаеннаго.

«Живя у Луканиныхъ,—читалъ онъ дальше,—я не встрѣчала въ ихъ домѣ ни одного человѣка, который говорилъ бы что-нибудь подобное вашимъ давешнимъ словамъ, а, между тѣмъ, когда я по ночамъ читаю и думаю, мнѣ постоянно приходятъ въ голову такія слова, только я не умѣю и не смѣю высказывать ихъ. Я не знаю, что со мной сдѣлалось, когда я услыхала, наконецъ, эти слова отъ васъ (я была въ это время въ сосѣдней комнатѣ): вы высказали ихъ такъ горячо, такъ хорошо... И все это правда, что вы говорили. У Луканиныхъ дышать нельзя свободно, говорить по-человѣчески нельзя: они засмѣютъ и загоняютъ тебя, если ты осмѣлишься сдѣлать что-нибудь по-своему или сказать что-нибудь свое. Они не признаютъ никакой другой жизни, кромѣ своей, никакихъ другихъ желаній, взглядовъ, разговоровъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ они привыкли. Живя у нихъ, я чувствую себя въ какомъ-то исправительномъ пріютѣ, гдѣ всѣ подсматриваютъ, подслушиваютъ и доносятъ другъ на друга. Дѣти стали циничны и изолгались до послѣдней степени. Бываютъ дни, когда я ихъ ненавижу всѣмъ существомъ своимъ, и это меня потомъ мучитъ нестерпимо... Да, вы представить себѣ не можете, что дѣлается съ людьми, когда они живутъ въ такой удушливой атмосферѣ, когда все кругомъ пахнетъ мертвечиной... Но лучше не писать объ этомъ, только сердце надрывать. Я и то удивляюсь сама на себя: какъ это я пишу вамъ?

Но, вѣдь, у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я могла поговорить откровенно; а, кромѣ того, я нынѣшнею ночью прочитала вашъ сборникъ. Тамъ мнѣ попались такія стихотворенія, которыя просто перевернули во мнѣ все сердце: они какъ будто обо мнѣ писаны, хотя я знаю, что вовсе не обо мнѣ. Я не могла удержаться отъ слезъ, читая *Сироту;* мнѣ казалось, что тамъ вы изобразили меня, хотя я и знаю, что совсѣмъ не меня. Я увѣрена, что у васъ очень доброе и сочувствующее сердце; увѣрена также, что тѣ, которые вродѣ меня испытываютъ горе, одиночество, униженіе, тѣ, которые вѣчно должны молчать, хотя у нихъ вся душа изболѣла, тѣ найдутъ себѣ въ вашихъ стихахъ утѣшеніе и будутъ вамъ благодарны отъ всего сердца. Вѣдь, долго ли совсѣмъ ожесточиться или придти въ отчаяніе отъ той жизни, какая, напримѣръ, выпала на мою несчастную долю? Если бы вы знали, какъ дорого, какъ нужно бываетъ иногда сочувствіе хорошаго человѣка, какъ оно много можетъ сдѣлать!... Пишите больше такихъ вещей, какъ ваша *Сирота*, и будьте увѣрены, что онѣ не пройдутъ безслѣдно. Можетъ быть, я глупо дѣлаю, что говорю вамъ обо всемъ этомъ, да еще такъ несладно, но не смѣйтесь надо мной: мнѣ было бы это очень больно.

«Я написала это письмо сгоряча, тотчасъ послѣ вашего ухода. Петръ Даниловичъ страшно бѣсился и все повторялъ, что сотретъ васъ въ порошокъ. Сейчасъ пущу въ ходъ всѣ уловки, чтобы какъ-нибудь вырваться изъ дому и занести вамъ письмо; мнѣ хочется, чтобы вы его сегодня же прочитали. Желаю вамъ всего хорошаго.

«В. Данилова».

«P. S. Я выучила *Сироту* наизусть, а сборникъ вашъ потихоньку припрятала къ себѣ; его, навѣрное не хватятся».

Когда Ландышевъ кончилъ письмо, глаза его сіяли радостью. Его радовало не столько то, что онъ такъ хорошо написалъ свою *Сироту*, сколько то, что *Сирота* тронула и утѣшила одно наболѣвшее сердце. Съ этой минуты *Сирота* сдѣлалась самымъ любимымъ его стихотвореніемъ изъ всего сборника.

Долго сидѣлъ онъ надъ письмомъ, перечитывая его снова и снова чувствуя, какъ съ каждымъ разомъ все больше крѣпнетъ и усиливается въ немъ свѣтлое настроеніе. Это былъ не тотъ горделивовдохновенный подъемъ духа, который произвели въ немъ величественные звуки симфоніи, тогда онъ смотрѣлъ на все съ высоты и тамъ сквозь туманъ видѣлъ людей, которые копошатся гдѣ-то внизу придавленные своими мизерными заботами и нуждами; теперь, напротивъ, эти люди очутились такъ близко около него, что онъ дѣйствительно началъ жить ихъ жизнью, горячо принявъ къ сердцу ихъ

печали, заботы и нужды. Ему казалось, что онъ связанъ съ людьми тысячью невидимыхъ нитей, и отъ этого жизнь его вдругъ стала въ тысячу разъ полнѣе, разнообразнѣе, содержательнѣе. Его тянуло къ людямъ; ему хотѣлось принять самое горячее участіе во всѣхъ тревогахъ ихъ жизни. Онъ чувствовалъ внутреннюю необходимость сейчасъ, не откладывая ни минуты, сдѣлать что-нибудь для нихъ. И вотъ онъ всталъ, пошелъ въ переднюю, досталъ изъ кармановъ пальто забытые гостинцы и направился въ спальню тетушки.

Агаѳья Никифоровна только что помолилась и теперь ворочалась на своей деревянной скрипучей кровати, приготовляясь уснуть. Увидавъ при свѣтѣ лампадки веселое и торжественное лицо племянника, она удивилась и приподнялась на локтѣ.

— Тетя, я забылъ отдать вамъ гостинцы, — сказазъ Ландышевъ, присаживаясь на постели и кладя на столикъ лакомства.

— Это какіе же гостинцы, отъ кого?—спросила Агаѳья Никифоровна, удивляясь все больше и больше.

— Это отъ племянника вашего.

Агаѳья Никифоровна была чрезвычайно тронута и довольна.

— Ахъ, ты, ахъ, ты!...—заговорила она, просіявъ.—Вотъ баловникъ, тетку совсѣмъ избалуешь... Ну, что тутъ такое, посмотримъ... А, пастила! Хорошо, мы ее завтра съ чаемъ. А тутъ что? Винныя ягоды?... Ахъ, баловникъ, баловникъ!

Она поцѣловала племянника и положила себѣ въ ротъ винную ягоду.

— Тетя, хотите я вамъ прочту свои стихи?—спросилъ Ландышевъ, взявъ со столика сборникъ.

Это очень польстило Агаѳьѣ Никифоровнѣ.

— А ну-ка, ну-ка!...—заволновалась она на кровати, которая при этомъ заскрипѣла на разные голоса.—Пора бы тебѣ, ужь давно бы пора прочитать теткѣ свое сочиненіе.

Она какъ будто забыла уже, сколько навредилъ племяннику его сборникъ, и съ гордостью смотрѣла на *Поэтическіе досуги*, обложку которыхъ она завернула очень тщательно въ чистую бумагу. Ландышевъ открылъ *Сироту* и прочелъ ее дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Положивъ сборникъ на прежнее мѣсто, онъ увидѣлъ, что тетушка утираетъ глаза платкомъ, свернувъ его въ комочекъ. *Сирота* разбудила въ ней ея собственныя тяжелыя воспоминанія.

— Вотъ такъ-то и со мной было,—сказала она, тихонько

сморкаясь, и начала разсказывать племяннику грустную повѣсть своей прежней жизни.

Ландышевъ слушалъ, и вереница разнообразныхъ чувствъ волновала его сердце; они просились наружу, но онъ не зналъ, какъ высказать ихъ, и боялся, что Агаѳья Никифоровна не пойметъ его. Наконецъ, онъ рѣшился начать съ примѣра.

— Тетя,—сказалъ онъ,—вы сейчасъ разсказали мнѣ, какъ вы были несчастны съ мужемъ, какъ вы по цѣлымъ днямъ плакали...

— Да, Саша, не сладка была моя жизнь.

— Послушайте, тетя, я вамъ еще прочту стихи.

Онъ открылъ стихотвореніе *Немилая жена* и прочиталъ его. И опять Агаѳья Никифоровна стала тереть глаза комочкомъ, потихоньку сморкаясь въ кончикъ платка. Ландышевъ закрылъ книгу и сказалъ:

— Еслибъ я былъ тогда взрослымъ, какъ теперь, и жилъ бы съ вами и утѣшалъ бы васъ, вѣдь, вамъ бы легче жилось?

— Какъ же можно: все-таки, кто-нибудь пожалѣлъ бы.

— Ну, такъ вотъ, тетя, что я вамъ хотѣлъ сказать. Вы недавно горевали о томъ, что я своимъ сборникомъ испортилъ себѣ карьеру, что я потеряю мѣсто, что у меня не будетъ ни чина, ни званія, ни семьи...

— Ну, авось... Богъ милостивъ. Зачѣмъ разстраивать себя на сонъ грядущій?—воскликнула Агаѳья Никифоровна, снова кладя въ ротъ винную ягоду, которую вынула раньше, чтобы внимательнѣе слушать стихи племянника.

— А знаете ли вы, тетя, что мнѣ сейчасъ не нужно ни мѣста, ни чина, ни званія, ни семьи?—сказалъ Ландышевъ.—Я не жалѣю объ этомъ... я не дорожу этимъ. Мнѣ бы только маленькій заработокъ—и больше ничего... Не этого я хочу, не этого мнѣ нужно.

— Чего же тебѣ нужно, Саша?—съ испугомъ спросила Агаѳья Никифоровна.

Она медленно приподнялась на постели, вынула изо рта винную ягоду и окончательно завернула ее въ бумажку.

— Мнѣ хочется жить настоящею жизнью, тетя,—жить заодно съ людьми, любить, жалѣть, плакать и радоваться вмѣстѣ съ ними.

Агаѳья Никифоровна была встревожена и глядѣла на племянника съ недоумѣніемъ, но къ этому недоумѣнію уже начинало примѣшиваться какое-то другое чувство.

— Вотъ какъ жить,—продолжалъ Ландышевъ, какъ бы разговаривая въ задумчивости съ самимъ собой, — жить такъ, чтобы

сердце твое было открыто для всѣхъ, чтобы тебѣ было близко
понятно все, чѣмъ живутъ другіе, чтобы для тебя не было чужихъ
а все были бы свои... Тогда не было бы на душѣ пусто и холодно
Тогда была бы настоящая жизнь и былъ бы я настоящимъ живым
человѣкомъ, а теперь я только на половину живой...

Онъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ взглянулъ на тетку, боясь
встрѣтить на ея лицѣ прежнее недоумѣніе. Но Агаѳья Никифоровн
смотрѣла на него такимъ глубокимъ, яснымъ взглядомъ, которы
говорилъ, что она поняла сердцемъ не только все сказанное, но
все то, что̀ осталось невысказаннымъ, хотя и рвалось наружу.

— Саша,— сказала она, прикасаясь къ его рукѣ,— все, чт
ты говоришь, все это по-христіанскому, все это такъ и нужно
Только трудно это молодому человѣку: самому жить хочется з
двоихъ.

Она снова взглянула на него тѣмъ ласковымъ, проникновен
нымъ взоромъ, отъ котораго тепло становилось на душѣ Ландыше
ва, и продолжала:

— Я тебѣ вотъ что скажу, Саша. Былъ у меня младшій брат
Мишей его звали. Давно ужь померъ... Тоже вотъ, какъ ты,
сердцемъ своимъ не могъ совладать: отъ этого горячаго сердца
померъ такъ рано.

— Почему же, тетя?

— А потому, что за всѣхъ заступался. И били его за это:
старшій братъ билъ, и покойникъ мужъ мой (царство ему небе
ное!) билъ, потому что Миша за меня очень заступался... На м
стахъ тоже подолгу не жилъ: вѣдь, наши хозяева-купцы—наро
крутой, властный, перечить себѣ не позволятъ... Такъ и мыкале
бѣдный. А потомъ затосковалъ, дальше да больше, сохнуть стал
а тамъ и совсѣмъ зачахъ, померъ... Да еще что я тебѣ скажу: и
редъ самою смертью, какъ пришелъ къ нему покойникъ мужъ пр
щаться, онъ и говоритъ ему: «Коли не перестанешь Гашу (это м
ня-то) тиранить, и въ могилѣ спокойно не улежу,—съ того свѣ
приду, вступлюсь»... Вотъ онъ какой былъ неутолимый!

Она глубоко вздохнула и прибавила:

— И схоронили-то его кое-какъ... на-скоро. И на могилкѣ
почти никого не было. Хотѣла я ему памятникъ поставить, да му
не позволилъ: «Не заслужилъ, говоритъ, онъ такого почтенія»
Ужь только по смерти мужа поставила я ему мраморный памя
никъ, да надпись велѣла сдѣлать: «Блаженни алчущіе и жаждущ
правды»... Ахъ, Миша, Миша!... Вонъ старшій братъ, Трофим
умеръ позапрошлымъ годомъ, такъ, смотри, какой домище же

оставилъ. Бывало, къ новому году нашлютъ ему карточекъ поздравительныхъ—въ день не пересчитаешь! Даже генералы присылали... Вотъ этакихъ-то, какъ Трофимъ, любятъ, а такихъ, какъ Миша, рады со свѣту сжить.

Замѣтивъ, что лицо племянника подернулось печалью, она прибавила, проводя своею жесткою рукой по его волосамъ:

— За то такихъ Богъ любитъ, Саша.

Долго говорила она ласковымъ полушепотомъ, а Ландышевъ чувствовалъ себя такимъ чистымъ, такимъ любящимъ, какимъ онъ помнилъ себя въ дѣтствѣ... Уже разсвѣтало, когда онъ поцѣловалъ руку у тетки и ушелъ въ свою комнату. Увидавъ на полу скомканное письмо Воробушкина, онъ поднялъ его, сѣлъ къ столу и началъ писать съ лихорадочною поспѣшностью:

«Вы оскорбили меня несправедливымъ обвиненіемъ въ плагіатѣ. Но не объ этомъ я хочу писать. Пусть я буду въ вашихъ глазахъ литературнымъ воромъ, пусть мой сборникъ никуда не годится,—не въ этомъ главное. Я знаю, какъ страстно и горячо способны вы иногда отозваться на свѣтлую мысль, на хорошее дѣло, и потому я надѣюсь встрѣтить съ вашей стороны сочувствіе. Тороплюсь сейчасъ же написать вамъ обо всемъ, потому что завтра я, можетъ быть, не въ состояніи буду чувствовать этого такъ глубоко и сильно.

«Вотъ что я хочу вамъ сказать. Издавая свой сборникъ, я только мечталъ о славѣ и ни разу не подумалъ серьезно о значеніи поэзіи и моего сборника для другихъ. За время изданія я поглупѣлъ, опошлился и былъ самымъ прозаическимъ существомъ, хотя и выпускалъ въ свѣтъ *Поэтическіе досуги*. Только теперь я взглянулъ на дѣло серьезно и добросовѣстно, и передо мной ярко нарисовался идеалъ истиннаго поэта, писателя, художника,—крупнаго или мелкаго, все равно. Если бы тѣ, которые служатъ поэзіи, искусству, прониклись этимъ идеаломъ, то не было бы между ними дрязгъ и личныхъ счетовъ, а была бы одна дружная работа ради одной общей цѣли. Цѣль же эта—борьба съ прозой.

«Я не знаю, удастся ли мнѣ высказать ясно, что̀ такое, на мой взглядъ, поэзія и что̀ проза. Я много читалъ и думалъ объ этомъ, но все это смутно бродило во мнѣ. И только теперь, когда я такъ много пережилъ въ одинъ день, такъ много перечувствовалъ и такъ глубоко заглянулъ въ самого себя, послѣ мучительной душевной борьбы и ломки,—все для меня стало ясно, и я всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ, гдѣ въ жизни поэзія и гдѣ проза. Я убѣдился, что высшая и самая глубокая поэзія есть, прежде

всего, красота, свѣжесть и сила чуткой, отзывчивой души, откры-той для всего живущаго. Этою отзывчивостью поэтъ, писатель-художникъ долженъ обладать больше всѣхъ, чтобы люди могли на-ходить у него пониманіе и сочувствіе, чтобы они могли черпать у него ту внутреннюю силу, которая поднимаетъ и облагораживаетъ человѣка, ту божественную искру, которая зажигаетъ въ человѣ-ческомъ сердцѣ любовь къ доброму, великому и прекрасному. В этомъ глубокое значеніе поэзіи и вообще искусства. Если сия-чить или возвысить сердце человѣка считается дѣломъ добрымъ, если бороться за то, чтобы не зачерствѣлъ, не измельчалъ чело-вѣкъ, есть дѣло святое, то поэзія достойна труда и жертвъ.

«А проза, эта страшная для насъ проза? Развѣ не есть она прежде всего, то, что̀ роняетъ или принижаетъ человѣка, что̀ за-ставляетъ его мельчать и деревенѣть въ сухомъ эгоизмѣ, что̀ за-стилаетъ передъ нимъ Божій міръ и пріучаетъ его жить одно-только своею маленькою, пошленькою жизнью? Вотъ эта-то дере-вянность души, это холодное равнодушіе ко всему, кромѣ свое-скорлупы, и создаютъ ту прозу жизни, отъ которой становится трудно дышать, какъ отъ удушливаго чада. Поэзія, это — добра-фея, которая однимъ прикосновеніемъ своего жезла дѣлаетъ мерт-вое живымъ, а проза—злая волшебница, которая живое дѣлает мертвымъ. Вотъ почему между ними вѣчная и непримиримая вражда.

«Объявимъ же вѣчную борьбу прозѣ! Пускай нашъ идеалъ, на-ша истинная, золотая поэзія станетъ для насъ дороже всего, освѣтитъ собой всю нашу жизнь и дѣятельность. Будемъ глубоко и любовно всматриваться въ душу человѣка, отыщемъ въ ней кра-соту и дремлющія силы, скрытыя для равнодушныхъ взоровъ, узнаемъ, живя и страдая вмѣстѣ съ людьми, что̀ возвышаетъ и что̀ роняетъ человѣка, и научимся поддерживать въ немъ силу ду-ши, жажду живой жизни, высоту стремленій... И такъ, вѣчная война противъ того, что̀ я называю прозой жизни, что̀ гнетомъ ло-жится на человѣческую личность, дѣлаетъ ее холодною, трусливою и ничтожною и губитъ въ зародышѣ лучшія стремленія человѣче-скаго сердца!

«Поддержимъ другъ друга въ этой борьбѣ, потому что про-сильна и страшна. Она незамѣтно, изо дня въ день, покрываетъ душу дубовою корой, сквозь которую трудно бываетъ пробить-горячему чувству и свѣтлому, проникнутому любовью стремленію. Она тысячью мелкихъ мертвящихъ впечатлѣній отучаетъ человѣка отъ живой жизни и подрываетъ въ нему вѣру въ идеалъ... Это — страшный, страшный врагъ, и въ борьбѣ съ нимъ нужна под-держ-

ка. Дайте же мнѣ руку, а тамъ—кто знаетъ?—быть можетъ, мы и еще найдемъ себѣ товарища...

«Вашъ А. Ландышевъ».

Кончивъ писать, Ландышевъ распахнулъ окно и нѣсколько минутъ жадно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. И чудилось ему, что вмѣстѣ съ весеннимъ воздухомъ полились въ комнату знакомые звуки величавой симфоніи. Звуки эти стали для него еще ближе, еще понятнѣе, потому что и они говорили ему о той широкой жизни, когда душа открыта для всего міра...

Въ стеклахъ противуположнаго дома заиграли первые лучи солнца. Ландышевъ раздѣлся и легъ. Какъ и наканунѣ, онъ долго не могъ заснуть, только теперь совсѣмъ иныя мысли и чувства бродили въ немъ. Онъ рисовалъ себѣ новую жизнь, которую онъ поведетъ, новый идеалъ, который отнынѣ будетъ свѣтить ему.

Мысленнымъ взоромъ окинулъ онъ весь пережитый день, и его поразили двѣ вещи. Во-первыхъ, то, что предчувствіе его оправдалось: онъ теперь твердо зналъ, что этотъ день былъ роковымъ въ его жизни; во-вторыхъ, его поразило то, что онъ, которому этотъ день принесъ столько огорченій, разочарованій и уколовъ самолюбія, онъ, который за этотъ день испортилъ свои служебныя отношенія и разошелся съ дѣвушкой, долго его интересовавшей, онъ, отказавшійся отъ пылкихъ мечтаній о славѣ и разувѣрившійся въ силѣ своего поэтическаго таланта,—онъ, несмотря на все это, ощущаетъ внутри себя какую-то непонятную радость и удовлетвореніе. Мало того, онъ сознавалъ, что если бы въ этотъ день мечты улыбнулись ему, если бы на его долю выпала громкая слава и вышло бы немедленное распоряженіе переименовать Сернуховскія ворота въ *Ландышевскія*, еслибъ онъ сразу получилъ сотню приглашеній на обѣды и вечеринки, если бы Луканинъ заключилъ его въ объятія, а начальникъ отдѣленія поднесъ ему лавровый вѣнокъ, если бы, наконецъ, черные глаза Маргариты взглянули на него привѣтливо и влюбленно, то и тогда этотъ роковой день не окончился бы для него лучше, чѣмъ теперь.

Н. Тихоновскій.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

VIII.

Отвѣтъ Машко, полученный Поланецкимъ два дня спустя, гласилъ: «Вчера я купилъ Кшемень». Хотя изъ письма Марини можно было предвидѣть, что дѣло приметъ такой, а не другой оборотъ, и Поланецкій долженъ былъ быть подготовленъ къ этому,—телеграмма Машко произвела на него впечатлѣніе громоваго удара. Ему казалось, что случилось какое-то неожиданное и невознаградимое несчастье, вся отвѣтственность за которое падаетъ на него. Пани Эмилія, болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, знающая привязанность Марини къ Кшеменю, тоже испытывала предчувствіе и даже не съумѣла скрыть его, что, по милости этой продажи, дѣло сближенія молодыхъ людей необыкновенно затрудняется.

— Машко, если онъ и не женится на Маринѣ,—сказалъ Поланецкій,—то обдеретъ Плавицкаго такъ, что свою репутацію спасетъ, а старика оставитъ безъ гроша. Еслибъ я продалъ закладную первому встрѣчному ростовщику, то старикъ вывертывался бы, кое-что уплачивалъ, еще болѣе кормилъ бы обѣщаніями и паденіе Кшеменя оттянулось бы на цѣлые годы. Въ это время дѣла могли бы принять желательный оборотъ,—во всякомъ случаѣ, можно было бы продать Кшемень за болѣе выгодную цѣну. Теперь же, если они останутся нищими, то это будетъ моя вина.

Но пани Эмилія смотрѣла на дѣло еще и съ другой стороны.

— Плохо не только то, что Кшемень проданъ,—сказала она.— Еслибъ кто-нибудь другой довелъ ихъ до этого, а не вы, да еще вслѣдъ за первымъ своимъ посѣщеніемъ,—все дѣло не имѣло бы

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

такого значенія, но въ томъ-то и бѣда, что Мариня ужь никакъ не ожидала отъ васъ этого.

Полянецкій также хорошо понималъ это, а такъ какъ онъ привыкъ отдавать себѣ отчетъ во всякомъ положеніи, то понималъ, что Мариня для него утрачена. Оставалось только одно: признать, что это такъ, забыть о Маринѣ и искать себѣ другую жену. Но вся душа Полянецкаго бунтовала противъ этого. Его чувство къ Маринѣ, хотя и возникшее сразу, не укрѣпленное ни временемъ, ни ближайшимъ ознакомленіемъ, основанное скорѣе почти на физическомъ влеченіи, сильно возросло за послѣдніе дни. Отчасти повліяли на это и ея письмо, и пробуждающееся въ Полянецкомъ убѣжденіе, что онъ поступилъ съ ней несправедливо. Ему было жаль ея и онъ не могъ думать о ней безъ волненія,— вслѣдствіе этого и самое чувство его увеличилось еще двумя элементами, играющими чрезвычайно важную роль въ каждомъ мужскомъ сердцѣ. Кромѣ того, этотъ энергичный, мускулистый человѣкъ никогда не могъ пассивно отдаваться стеченію обстоятельствъ. Природа его положительно не могла выносить этого, а сознаніе трудности еще болѣе побуждало къ дѣятельности. Наконецъ, отказаться отъ Марини ему не дозволяло и его самолюбіе. Мысль, что онъ долженъ признать передъ самимъ собою, что былъ только орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь Машко, однимъ изъ средствъ для достиженія его цѣлей, приводила его въ бѣшенство. Хотя бы Машко не добился руки Марини, хотя бы дѣло ограничилось однимъ Кшеменемъ,—и это для Полянецкаго было больше, чѣмъ онъ могъ выдержать. Теперь его разбирала непреоборимая охота выступить противъ Машко, набросать каменьевъ ему подъ ноги, по крайней мѣрѣ, разрушить его дальнѣйшіе планы и показать ему, что его адвокатская ловкость не выдержитъ при столкновеніе съ настоящею мужскою энергіей.

Всѣ эти, и очень благородныя, и менѣе благородныя, соображенія толкали Полянецкаго съ неудержимою силой къ принятію какихъ-нибудь мѣръ, къ какому-нибудь дѣйствію. А положеніе было такого рода, что дѣлать ему было почти нечего. Въ этомъ-то несоотвѣтствіи собственно и крылась драма. Сидѣть въ Рейхенгаллѣ, дозволить Машко осуществлять свои планы, раскидывать свои сѣти, добиваться руки панны Плавицкой,—нѣтъ, ни за что! А что же именно дѣлать? Но на этотъ послѣдній вопросъ не было отвѣта. Въ первый разъ въ жизни Полянецкій испытывалъ такое чувство, будто его привязали на цѣпь, и чѣмъ менѣе онъ привыкъ къ такому положенію, тѣмъ труднѣе выносилъ его. Въ первый разъ въ жизни онъ узналъ, что такое безсонница и разстроенные нервы. А такъ

какъ и Литка въ послѣдніе дни чувствовала себя хуже, то надъ всѣмъ маленькимъ обществомъ тяготѣла тяжелая, какъ свинецъ, атмосфера тревоги, жизнь въ которой становилась невысимою.

Черезъ недѣлю пришло новое письмо Марини. На этотъ разъ въ немъ не упоминалось ни о Поланецкомъ, ни о Машко. Мариня только сообщала о продажѣ Кшеменя безъ малѣйшей жалобы, безъ малѣйшаго объясненія, какъ о дѣлѣ совершившемся. Но изъ этого-то собственно и можно было видѣть, какъ глубоко затронула ее эта продажа.

Поланецкій предпочиталъ бы, чтобъ она обвиняла его. Притомъ, онъ хорошо понималъ, что молчаніе о немъ доказываетъ, какъ рѣшительно онъ вычеркнутъ изъ сердца этой дѣвушки, тогда какъ молчаніе о Машко могло доказывать что-нибудь совсѣмъ противуположное. Наконецъ, если ей ужь такъ необходимъ этотъ Кшемень, то она можетъ возвратиться въ него, отдавъ свою руку его теперешнему владѣльцу; можетъ быть, теперь она собственно и боролась съ этою мыслью. У старика Плавицкаго, правда, были свои шляхетскія предубѣжденія и Поланецкій разсчитывалъ на нихъ, но, считая его эгоистомъ, допускалъ, что въ данномъ случаѣ онъ пожертвуетъ для своего удобства и дочерью, и предубѣжденіями.

Въ концѣ-концовъ, сидѣнье въ Рейхенгаллѣ со сложенными руками и ожиданіе извѣстія, благоугодно ли будетъ пану Машко предложить свою руку паннѣ Плавицкой, для Поланецкаго стало просто-на-просто невыносимымъ. Литка тоже отъ времени до времени повторяла свою просьбу вернуться въ Варшаву, и Поланецкій рѣшилъ, что ему нужно ѣхать, тѣмъ болѣе, что приближался срокъ, когда они съ Бигелемъ должны были начинать новое дѣло.

Рѣшеніе это сразу облегчило его. Онъ возвратится въ Варшаву, заглянетъ дѣлу прямо въ глаза и, можетъ быть, что-нибудь предприметъ. Во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ сидѣть въ Рейхенгаллѣ. И пани Эмилія, и Литка приняли извѣстіе о его отъѣздѣ безъ удивленія. Они знали, что онъ пріѣхалъ на нѣсколько недѣль и разсчитывалъ скоро увидаться съ ними въ Варшавѣ. Пани Эмилія тоже должна была выѣхать въ половинѣ августа. Остатокъ мѣсяца она рѣшила провести съ Васковскимъ въ Рейхенгаллѣ, а потомъ ѣхать прямо въ Варшаву. Она обѣщала Поланецкому, что извѣститъ его о состояніи здоровьи Литки и, кромѣ того, напишетъ Маринѣ и разузнаетъ, какъ она относится къ Машко.

Въ день отъѣзда Поланецкаго провожало все маленькое общество. Когда онъ усѣлся уже въ вагонъ, то почувствовалъ, что ему жаль уѣзжать. Какъ бы то ни было, онъ не узнаетъ, что будетъ въ

Варшавѣ, а тутъ его окружали самые преданные ему люди. Высунувшись изъ окна, онъ смотрѣлъ на грустные глаза Литки, обращенные на него, на доброе лицо пани Эмиліи съ такимъ чувствомъ, будто это была его семья. И снова его поразила необычайная красота молодой вдовы, ея удивительно изящныя черты лица и совершенно дѣвственный станъ, обтянутый чернымъ платьемъ.

— Будьте здоровы, — говорила пани Эмилія, — и напишите намъ изъ Варшавы. Недѣли черезъ три увидимся.

— Черезъ три недѣли,—повторилъ Поланецкій.—Непремѣнно напишу. До свиданія, Литусь.

— До свиданія. Кланяйтесь Евѣ и Іоасѣ.

— Хорошо.

И онъ еще разъ протянулъ руку въ окно.

— До свиданія. Помните о своемъ другѣ.

— Не забудемъ, не забудемъ! Хотите, мы будемъ молиться о васъ?—съ улыбкой спросила пани Эмилія.

— Благодарю и за то. Хорошо. До свиданія, профессоръ.

Поѣздъ двинулся. Пани Эмилія и Литка махали зонтиками до тѣхъ поръ, пока дыханіе локомотива не заволокло клубами дыма и пара окно, въ которое выглядывалъ Поланецкій.

— Мама,—спросила Литка,—правда, что нужно читать молитвы за пана Стаха?

— Нужно, Литусь. Онъ такъ добръ къ намъ. Нужно просить Бога, чтобъ онъ былъ счастливъ.

— А развѣ онъ несчастливъ?

— Нѣтъ... то-есть... видишь, у всякаго человѣка свои огорченія, и у него свои.

— Я знаю, я слышала на Thumsee,—отвѣтила дѣвочка.

И черезъ минуту она прибавила тихо:

— Я буду читать молитвы.

А профессоръ Васковскій, который, несмотря на всѣ свои достоинства, не умѣлъ держать языка за зубами, сказалъ пани Эмиліи, когда Литка ушла впередъ:

— Это золотое сердце, и обѣихъ васъ онъ любитъ, какъ братъ. Теперь, когда спеціалистъ сказалъ намъ, что нѣтъ ни малѣйшаго опасенія, я могу все сказать. Вѣдь, это Поланецкій нарочно выписалъ его,—такъ онъ безпокоился послѣ прогулки на Thumsee.

— Онъ?—спросила пани Эмилія.—Ну, видите, какой это человѣкъ?

Слезы благодарности навернулись у нея на глазахъ. Немного помолчавъ она прибавила:

— Но я заплачу ему за это, я ему отдамъ Мариню.

Поланецкій уѣзжалъ тоже съ сердцемъ, переполненнымъ преданности и благодарности къ пани Эмиліи, потому что человѣкъ, которому не повезетъ въ чемъ-нибудь и который вслѣдствіе этого испытываетъ горестное чувство, тѣмъ сильнѣе принимаетъ къ сердцу доброту близкихъ людей. И теперь, сидя въ углу вагона, подъ неостывшимъ впечатлѣніемъ послѣдняго свиданія съ пани Эмиліей, онъ говорилъ себѣ:

— Вотъ, еслибъ я въ нее влюбился! Что за спокойствіе, что за увѣренность въ своемъ счастьѣ! И цѣль жизни была бы найдена: я зналъ бы, для кого тружусь, зналъ бы, для чего живу, что мое существованіе имѣетъ какой-нибудь смыслъ. Правда, она говоритъ, что не выйдетъ замужъ, но за меня... кто знаетъ?... Та, можетъ быть, совершенство, но можетъ быть, что у нея сухое сердце.

Тутъ онъ вдругъ почувствовалъ, что, однако, объ этой можетъ думать спокойно, а при каждомъ воспоминаніи о той его охватываетъ какая-то тревога, и мучительная, и отрадная, въ одно и то же время. Онъ чувствовалъ, что что-то влечетъ его къ той. Недавно еще онъ пожималъ руку пани Эмиліи, и это пожатіе не произвело на него никакого впечатлѣнія, тогда какъ онъ еще до сихъ поръ помнитъ тепло, исходящее отъ руки панны Марини, и по тѣлу его пробѣгаетъ дрожь при одномъ воспоминаніи объ этомъ.

И до самаго Зальцбурга онъ думалъ только о «той». Мысли его начали даже принимать форму если не рѣшеній, то вопросовъ, какъ онъ долженъ поступать по отношенію къ ней и что при такомъ стеченіи обстоятельствъ является его обязанностью?

— Нельзя отрицать, что я—главная причина продажи Кшемеця,—говорилъ онъ себѣ.—Кшемень для нея представлялъ не только денежную стоимость, какую можно было бы извлечь изъ него, еслибъ не предстояла надобность въ скорой продажѣ, но и ту цѣнность, которая привязывала къ нему ея сердце. И вотъ я лишилъ ее и того, и другого, короче сказать—поступилъ съ ней несправедливо. Я дѣйствовалъ на законномъ основаніи, но для совѣсти, состоящей изъ чего-то большаго, чѣмъ разные параграфы, этого недостаточно. Я виноватъ и признаюсь въ этомъ, а коль скоро такъ, то долженъ исправить это какимъ-нибудь образомъ. Но какъ? Для того, чтобы выкупить Кшемень у Машко, я недостаточно богатъ. Я могъ бы сдѣлать это, еслибъ прекратилъ товарищество съ Бигелемъ и взялъ всѣ свои деньги, но это физически невозможно. Дѣла Бигеля отъ этого могутъ разстроиться, и я этого не сдѣлаю.

Остается мнѣ только одно: поддерживать отношенія съ Плавицкимъ какимъ-нибудь образомъ, а потомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, посвататься къ паннѣ Плавицкой. Если мнѣ откажутъ, то я, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю то, что отъ меня зависитъ.

Но тутъ другой человѣкъ потребовалъ своей очереди и заговорилъ въ немъ:

— Не прикрывайся вопросомъ совѣсти. Еслибъ панна Плавицкая была на десять лѣтъ старше и безобразна, то ты могъ также послужить причиною продажи Кшеменя, лишить ее всего, чего лишилъ, и тебѣ въ голову бы не пришло добиваться ея руки. Признайся же себѣ, что панна Плавицкая тянетъ тебя къ себѣ, какъ клещами, при помощи своего лица, глазъ, губъ, рукъ, всей фигуры, и не обманывай себя.

Но Поланецкій этого другого, внутренняго человѣка держалъ въежовыхъ рукавицахъ, по временамъ относился къ нему не особенно любезно, и теперь, согласно со своею методой, отвѣтилъ ему такъ:

— Прежде всего, ты, дуракъ, не знаешь, постарался ли бы я даже и въ такомъ случаѣ загладить свою несправедливость. Если теперь я хочу загладить ее, предлагая свою руку дѣвушкѣ, то это очень естественно. Люди всегда дѣлаютъ предложеніе женщинамъ, которыя нравятся имъ, а не тѣмъ, къ которымъ питаютъ отвращеніе. Если болѣе умнаго ты не можешь сказать, то молчи.

Внутренній человѣкъ осмѣлился сдѣлать нѣсколько робкихъ замѣчаній, что, напримѣръ, панъ Плавицкій можетъ приказать спустить пана Поланецкаго съ лѣстницы, что, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, не приметъ его, но панъ Поланецкій не испугался этого. «Люди,—думалъ онъ,—въ настоящее время не прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ, а если Плавицкіе меня не примутъ, тѣмъ хуже для нихъ».

Во всякомъ случаѣ, онъ предполагалъ, что если у нихъ есть хоть капля такта, то его примутъ. Наконецъ, онъ зналъ, что будетъ видѣть Мариню у пани Эмиліи. Съ такими мыслями онъ доѣхалъ до Зальцбурга. До прихода мюнхенскаго поѣзда, съ которымъ Поланецкій долженъ былъ ѣхать въ Вѣну, оставался цѣлый часъ, и онъ рѣшилъ пройтись по городу, но вдругъ въ буфетѣ увидалъ свѣтлый клѣтчатый пиджакъ Букацкаго, его монокль и его маленькую голову, прикрытую еще меньшею шляпой.

— Букацкій или его духъ?—крикнулъ онъ.

— Успокойся, Поланецкій,—флегматично отвѣчалъ Букацкій, будто они разстались часъ тому назадъ.—Какъ поживаешь?

— А ты что дѣлаешь тутъ?

— Ѣмъ котлету на маргаринѣ.

— Въ Рейхенгалль?

— Да. А ты домой?

— Да.

— Не дѣлалъ предложенія пани Эмиліи?

— Нѣтъ.

— Тогда я прощаю тебя. Можешь ѣхать.

— Прибереги остроты для болѣе удобнаго времени. Литка опасно больна.

Букацкій сдѣлался серьезнымъ, поднялъ брови и сказалъ:

— Ай-ай! И это совершенно вѣрно?

Поланецкій вкратцѣ сообщилъ ему мнѣніе докторовъ.

Букацкій помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Извольте тутъ не быть пессимистомъ! Бѣдный ребенокъ, бѣдная мать! Если случится несчастіе, я и не знаю, какъ она перенесетъ его.

— Она очень религіозна, но я боюсь и думать объ этомъ.

— Пойдемъ въ городъ,—сказалъ Букацкій.—Здѣсь можно задохнуться.

Они пошли. По дорогѣ Букацкій все повторялъ:

— И человѣкъ не долженъ быть пессимистомъ! Что такое Литка? Голубь кроткій! Всякій бы пожалѣлъ ее, только смерть не пожалѣетъ.

Поланецкій молчалъ.

— Я и самъ теперь не знаю,—продолжалъ Букацкій,—ѣхать ли въ Рейхенгалль. Когда пани Эмилія въ Варшавѣ, то и я могу сдерживаться. Разъ въ мѣсяцъ я дѣлаю ей предложеніе, разъ въ мѣсяцъ получаю отказъ,—такъ и живу себѣ отъ перваго до перваго числа. Теперь первое число прошло и я затосковалъ по своемъ жалованьи... Мать знаетъ о состояніи здоровья дѣвочки?

— Нѣтъ. Дѣвочка безнадежна, но, можетъ быть, проживетъ года два.

— Гм... Можетъ быть, и намъ остается не больше. Скажи мнѣ, ты часто думалъ о смерти?

— Нѣтъ. Развѣ это поможетъ? Я знаю, что долженъ проиграть это дѣло, и не ломаю надъ нимъ головы, въ особенности раньше времени.

— Въ томъ-то и дѣло, что мы должны проиграть, а, однако, тягаемся до конца. Вотъ и весь смыслъ жизни, которая безъ этого была бы скучнымъ фарсомъ, тогда какъ теперь она — глупая дра-

ма. Что касается меня, то у меня на выборъ три вещи: или повѣситься, или ѣхать въ Рейхенгалль, или отправиться въ Мюнхенъ еще разъ посмотрѣть на Бёклина. Еслибъ я былъ логиченъ, то избралъ бы первое, но такъ какъ я не логиченъ, то выбираю Рейхенгалль. Пани Эмилія стоитъ Бёклина, и какъ рисунокъ, и какъ колоритъ.

— Что слышно въ Варшавѣ?— спросилъ Поланецкій, у котораго этотъ вопросъ вертѣлся на языкѣ съ начала разговора.— Видѣлъ Машко?

— Видѣлъ. Онъ купилъ Кшемень и теперь — крупный собственникъ; но такъ какъ у него есть умъ, то онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы не казаться черезъ-чуръ крупнымъ. Онъ мягокъ, доступенъ, уступчивъ, ласковъ со всѣми, то-есть измѣнился въ пользу... не мою, конечно,—потому что мнѣ-то какое дѣло до этого?—но несомнѣнно въ свою собственную.

— Онъ не женится на паннѣ Плавицкой?

— Слышалъ, что имѣетъ желаніе. Твой компаньонъ, Бигель, говорилъ что-то и объ этомъ, и о томъ, что Кшемень перешелъ къ Машко на очень выгодныхъ для него условіяхъ. Но, можетъ, ты узнаешь это вѣрнѣе.

— Гдѣ теперь Плавицкіе?

— Въ Варшавѣ. Живутъ въ гостиницѣ «Римъ». Дѣвочка совсѣмъ не уродъ. Я былъ у нихъ въ качествѣ кузена и говорилъ о тебѣ.

— Ты могъ бы выбрать болѣе пріятный для нихъ предметъ бесѣды.

— Плавицкій,— онъ очень радъ случившемуся,— говоритъ, что ты оказалъ ему услугу,— конечно, не желая, но оказалъ... Спрашивалъ я у панны Маріи, какимъ образомъ она познакомилась съ тобою только въ Кшеменѣ. Она отвѣтила, что во время ея пребыванія въ Варшавѣ ты, должно быть, былъ за границей.

— Дѣйствительно, по нашимъ торговымъ дѣламъ я уѣзжалъ въ Берлинъ и прожилъ тамъ долго.

— Ну, а что они обижаются на тебя, этого я не замѣтилъ. Я только наслышался о любви панны Маріи къ сельскимъ занятіямъ, что допускаю, что она, можетъ быть, немного сердита на тебя. Но, во всякомъ случаѣ, она не выказываетъ этого.

— Можетъ быть, выкажетъ только мнѣ, а возможность у ней будетъ, потому что сейчасъ же по пріѣздѣ я отправлюсь къ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, окажи мнѣ маленькую услугу. Женись

на ней, потому что изъ двухъ золъ я выбираю меньшее и предпочитаю быть твоимъ кузеномъ, чѣмъ кузеномъ этого Машко.

— Хорошо,— коротко отвѣтилъ Поланецкій.

IX.

По возвращеніи въ Варшаву, Поланецкій, прежде всего, отправился къ Бигелю, и тотъ подробно разсказалъ ему, на какихъ условіяхъ состоялась продажа Кшеменя. Условія эти были чрезвычайно выгодны для Машко. Онъ обѣщался заплатить по истеченіи года тридцать пять тысячъ рублей, которыя должны были получиться отъ продажи Магерувки, и, кромѣ того, выдавать три тысячи рублей ежегодно до смерти пана Плавицкаго. Поланецкому съ перваго взгляда это не показалось очень невыгоднымъ для пана Плавицкаго, но Бигель былъ иного мнѣнія.

— Я поспѣшно не вывожу мнѣнія о людяхъ,— сказалъ онъ,— но, несомнѣнно, старикъ Плавицкій — старый эгоистъ, который для собственнаго удобства пожертвовалъ будущностью дочери, и, кромѣ того, человѣкъ легкомысленный. Его трехтысячная рента основана какъ будто на Кшеменѣ, но Кшемень, какъ имѣніе разстроенное, представляетъ фиктивную стоимость. Если Машко приведетъ его въ порядокъ, то это хорошо, а если нѣтъ, то въ самомъ лучшемъ случаѣ будетъ оттягивать платежи и Плавицкій въ теченіе многихъ лѣтъ можетъ и гроша не увидѣть. Что онъ сдѣлаетъ тогда? Отберетъ Кшемень обратно. Но Машко до этого времени запутается въ новые долги, хотя бы для того, чтобъ уплатить старые, и, въ случаѣ его несостоятельности, Богъ вѣсть сколько кредиторовъ протянутъ руки къ Кшеменю. Въ концѣ-концовъ, все зависитъ отъ добросовѣстности Машко. Очень можетъ быть, что онъ порядочный человѣкъ, но дѣла ведетъ рискованно и одинъ невѣрный шагъ можетъ погубить его. Кто знаетъ, самое пріобрѣтеніе Кшеменя не приведетъ ли къ этому, потому что Машко, если захочетъ упорядочить имѣніе, долженъ будетъ вычерпать весь свой кредитъ? Я видалъ такихъ, которымъ долго все удавалось, пока они не набрасывались на пріобрѣтеніе крупной земельной собственности.

— У Плавицкихъ, все-таки, останутся деньги за Магерувку,— сказалъ Поланецкій, точно желая отогнать свои опасенія за будущность Плавицкихъ.

— Если старикъ не проживетъ ихъ, не проиграетъ, не прокутитъ.

— Я долженъ подумать объ этомъ. Я былъ причиной продажи, я и долженъ помочь имъ какъ-нибудь.

— Ты? — спросилъ съ изумленіемъ Бигель. — Я думалъ, что ваши отношенія порваны.

— Я попробую завязать ихъ снова. Завтра я буду у нихъ.

— Не знаю, рады ли они будутъ видѣть тебя.

— И я не знаю.

— Хочешь, я пойду съ тобой? Нужно проломить ледъ. Одного тебя могутъ не принять... Жаль, что моей жены нѣтъ въ городѣ... Теперь всѣ вечера я просиживаю одинъ и играю на віолончели, но днемъ у меня времени много и я могу пойти, куда угодно.

Но Поланецкій не пожелалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и на другой день, одѣвшись съ величайшею тщательностью, пошелъ одинъ. Онъ зналъ, что онъ недуренъ собою, и хотя обыкновенно не много думалъ объ этомъ, но теперь рѣшился не пренебрегать ничѣмъ, что могло бы идти ему въ пользу. По дорогѣ онъ все думалъ о томъ, что̀ скажетъ, что̀ сдѣлаетъ въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ, и старался угадать, какъ его примутъ.

«Я буду какъ нельзя болѣе простъ и откровененъ, — говорилъ онъ себѣ. — Во всякомъ случаѣ, это самый лучшій способъ».

И, самъ не зная какъ, онъ очутился передъ гостинницей «Римъ». Сердце его забилось сильнѣе.

«А не дурно было бы, однако, еслибъ я не засталъ ихъ дома, — подумалъ онъ. — Оставилъ бы карточку и потомъ посмотрѣлъ бы, отдастъ мнѣ Плавицкій визитъ или нѣтъ».

Но тутъ же онъ сказалъ самому себѣ: «не трусь», вошелъ въ дверь, узналъ отъ швейцара, что панъ Плавицкій дома, и послалъ свою карточку. Его попросили наверхъ.

Панъ Плавицкій сидѣлъ у стола и писалъ письма, отъ времени до времени потягивая дымъ изъ чубука съ большимъ янтарнымъ мундштукомъ. При видѣ Поланецкаго онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него чрезъ золотое pince-nez и сказалъ:

— Милости просимъ!

— Я узналъ отъ Бигеля, что вы въ Варшавѣ, и пришелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, — сказалъ Поланецкій.

— Это очень любезно съ твоей стороны, — отвѣтилъ Плавицкій, — и, правду сказать, я не ожидалъ этого. Разстались мы при о[ч]ень непріятныхъ условіяхъ, и это по твоей винѣ. Но такъ какъ ты почувствовалъ себя обязаннымъ посѣтить насъ, то я, какъ ст[а]ршій, снова открываю тебѣ свои объятія.

На этотъ разъ открытіе объятій ограничилось подачею руки, ко[т]орую Поланецкій и пожалъ, причемъ подумалъ про себя:

«Чортъ бы меня побралъ, если я пришелъ сюда къ тебѣ и если я чувствую какую-нибудь обязанность къ тебѣ!»

— Вы переѣзжаете въ Варшаву? — спросилъ онъ вслухъ.

— Да. Я, старая деревенщина, привыкъ вставать съ солнцемъ, привыкъ къ моимъ сельскимъ занятіямъ... мнѣ тяжело будетъ въ вашей Варшавѣ. Но нельзя же мнѣ было держать въ тюрьмѣ дочь и я принесъ еще одну великую жертву.

Поланецкій провелъ двѣ ночи въ Кшеменѣ и припомнилъ, что панъ Плавицкій вставалъ около одиннадцати часовъ, и если интересовался дѣлами Кшеменя, то отнюдь не хозяйственными. Но онъ прошелъ это молчаніемъ, такъ какъ голова его была занята совсѣмъ другимъ. Открытая дверь номера пана Плавицкаго вела въ другой, въ которомъ должна была помѣщаться панна Мариня. Поланецкому, который косился на эту дверь съ первой минуты своего прихода, пришло на умъ, что, можетъ быть, она не хочетъ выйти къ нему, и онъ спросилъ:

— А я не буду имѣть удовольствія видѣть панну Марію?

— Мариня вышла посмотрѣть квартиру,— я ее послалъ сегодня утромъ. Придетъ сейчасъ,— это два шага отсюда. Вообрази себѣ, игрушка, а не квартира! У меня будетъ кабинетъ и спальня, у Марини премилая комнатка... Столовая, правда, темновата, но за то гостинная — настоящая бонбоньерка!

Панъ Плавицкій принялся описывать квартиру съ многословіемъ ребенка, котораго забавляетъ что-нибудь, или стараго привередника, которому улыбается перемѣна къ лучшему. Въ концѣ онъ сказалъ:

— Едва только осмотрѣлся, ужь и квартиру нанялъ. Варшавочка — моя старая пріятельница и я хорошо ее знаю.

Въ это время кто-то вошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Это, навѣрное, Мариня,— сказалъ Плавицкій и крикнулъ:

— Мариня, это ты?

— Я,— отозвался молодой голосъ.

— Иди сюда; у насъ гость.

Панна Мариня показалась въ дверяхъ, увидала Поланецкаго и на лицѣ ея выразилось удивленіе.

Поланецкій всталъ, поклонился, и когда Мариня приблизилась къ столу, протянулъ ей руку. Она подала ему свою, такъ же вѣжливо, какъ и холодно, потомъ обратилась къ отцу, будто въ комнатѣ не было никого другого.

— Видѣла квартиру,— сказала она,— хорошо и удобно, не знаю только, не очень ли шумна эта улица.

— Всѣ улицы шумны,— замѣтилъ панъ Плавицкій.— Это не деревня.

— Извините, я пойду снять шляпу,— сказала Мариня.

Она ушла въ свою комнату и не показывалась долгое время.

«Больше не покажется!» — думалъ Поланецкій.

Но она, вѣроятно, поправляла волосы передъ зеркаломъ, потому что вошла опять и спросила:

— Я не мѣшаю?

— Нѣтъ,—сказалъ Плавицкій,—у насъ уже нѣтъ никакихъ дѣлъ, чему я, говоря между прочимъ, необыкновенно радъ. Панъ Поланецкій былъ такъ любезенъ, что пришелъ провѣдать насъ.

Поланецкій слегка покраснѣлъ и, желая перемѣнить предметъ разговора, сказалъ:

— Я пріѣхалъ изъ Рейхенгалля и привезъ вамъ поклонъ отъ пани Хвастовской и отъ Литки. Это тоже одно изъ обстоятельствъ, по поводу которыхъ я осмѣлился придти сюда.

На минуту холодное спокойствіе исчезло съ лица панны Марини.

— Эмилія писала мнѣ о болѣзни Литки,— сказала она.—Какъ она чувствуетъ себя теперь?

— Другого припадка не было.

— Я разсчитывала получить письмо; можетъ быть, оно и пришло, но я не получила его, потому что Эмилія, вѣроятно, адресовала его въ Кшемень.

— Тогда намъ пришлютъ его,—сказалъ Плавицкій.—Я распорядился, чтобъ намъ присылали все, что будетъ получено на наше имя.

— Вы болѣе уже не возвратитесь въ деревню? — спросилъ Поланецкій.

— Нѣтъ, не возвратимся, — отвѣтила панна Мариня, и глаза ея вновь приняли выраженіе холоднаго спокойствія.

Наступила минута молчанія. Поланецкій смотрѣлъ на молодую дѣвушку и, казалось, боролся самъ съ собой. Ея лицо привлекало его къ себѣ съ незнакомою ему дотолѣ силой. Онъ чувствовалъ все яснѣе, что въ ней онъ нашелъ бы удовлетвореніе всѣхъ своихъ вкусовъ, что ее онъ могъ бы полюбить всею душой, что она предс вляетъ для него желанный типъ женщины, и ея холодность тѣмъ б ѣе становилась для него невыносимой. Онъ далъ бы Богъ знаетъ ч , чтобы снова отыскать на этомъ лицѣ то выраженіе, какое онъ в ѣлъ въ Кшеменѣ,—этотъ интересъ къ его словамъ, это вниманіе, э любопытство, сверкающее въ прозрачныхъ, улыбающихся гла- з . Онъ далъ бы Богъ знаетъ что, чтобы все это вернулось, и не

зналъ, какою дорогой идти къ тому, скорою или медленною, потому и не колебался. Онъ, наконецъ, выбралъ ту, которая болѣе всѣхъ подходила къ его природѣ.

— Я зналъ,—сказалъ онъ вдругъ,—какъ вы любили Кшемень, и, несмотря на то, можетъ быть, повліялъ на его продажу. Если это такъ, то я скажу вамъ открыто, что необыкновенно жалѣю объ этомъ и не перестану жалѣть. Въ свою защиту я не могу даже сказать и того, что сдѣлалъ это въ раздраженіи, необдуманно. Напротивъ, я долго размышлялъ, только размышленія мои были злы и безразсудны. Тѣмъ больше моя вина и тѣмъ больше я прошу васъ простить меня.

Онъ сказалъ это и всталъ. Щеки его разгорѣлись, въ глазахъ виднѣлась искренность и правда, но слова его не произвели никакого впечатлѣнія. Поланецкій шелъ по ошибочной дорогѣ. Слишкомъ мало зналъ онъ женщинъ вообще, чтобъ уяснить себѣ, насколько ихъ сужденія, въ особенности о мужчинахъ, зависятъ отъ ихъ чувствъ, мимолетныхъ или прочныхъ, все равно. Въ силу этихъ чувствъ все можетъ быть принято за настоящую или фальшивую монету; все объясняется въ хорошую или дурную сторону; глупость можетъ быть сочтена за умъ, умъ за глупость, эгоизмъ за самоотверженность, самоотверженность за себялюбіе, грубость за откровенность, откровенность за отсутствіе деликатности. Мужчина, который въ данную минуту внушаетъ женщинѣ непріязненное чувство, не можетъ имѣть для нея никакого значенія, не можетъ быть чистосердечнымъ, не можетъ быть справедливымъ, не можетъ быть даже хорошо воспитаннымъ. И панна Мариня, которая съ момента пріѣзда Машко въ Кшемень почувствовала глубокую непріязнь къ Поланецкому, теперь отнеслась прямо недоброжелательно къ его откровенности. Первою ея мыслью было: «Что это за человѣкъ, который считаетъ безразсуднымъ и злымъ то, что нѣсколько дней назадъ сдѣлалъ съ полнымъ разумѣніемъ?...» Наконецъ, Кшемень, его продажа, пріѣздъ Машко и значеніе этого пріѣзда,—а она угадала его,—все это была рана, которая разболѣвалась все сильнѣе. И теперь ей казалось, что Поланецкій разбередилъ эту рану со всею неделикатностью человѣка грубой натуры и грубыхъ нервовъ.

Онъ всталъ и, съ глазами, обращенными на нее, ждалъ, не протянетъ ли она ему пріязненную и прощающую руку, ждалъ, съ яснымъ пониманіемъ, что дѣло идетъ о его судьбѣ, но ея глаза потемнѣли будто отъ боли и гнѣва, а лицо стало еще болѣе холоднымъ.

— Пожалуйста, не заботьтесь объ этомъ,—отвѣтила она съ

леденящею вѣжливостью.—Папа, напротивъ, очень доволенъ договоромъ и всѣми отношеніями къ пану Машко.

Она также встала, какъ бы разсчитывая, что Поланецкій хочетъ удалиться. Но онъ остался еще на минуту, пораженный, обманутый, полный чувства униженія, которое испытываетъ человѣкъ, котораго оттолкнули, полный гнѣва и сознанія, что его оскорбили.

— Если такъ,—сказалъ онъ,—то и мнѣ не остается дѣлать ничего другого.

— Да, да! Я обдѣлалъ хорошее дѣло!—закончилъ панъ Плавицкій.

Поланецкій вышелъ и, переступая черезъ нѣсколько ступеней сразу, съ низко нахлобученною шляпой, повторялъ про себя:

— Нога моя больше у васъ не будетъ.

Онъ чувствовалъ, что если вернется домой, то его задушитъ злоба, и потому пустился впередъ, не думая о томъ, куда несутъ его ноги. Въ эту минуту ему казалось, что онъ не любитъ Мариню, даже ненавидитъ ее, но, однако, онъ думалъ о ней, и, еслибъ думалъ спокойнѣе, то уяснилъ бы себѣ, что одинъ видъ ея глубоко потрясъ его. Онъ видѣлъ ее снова, смотрѣлъ на нее, сравнивалъ съ дѣйствительностью тотъ образъ, который носилъ въ памяти, и этотъ образъ, ставшій еще болѣе яснымъ, еще болѣе привлекающимъ къ себѣ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ на него. И, несмотря на гнѣвъ, въ глубинѣ его души росли восторгъ и восхищеніе. Теперь для него существовали какъ будто двѣ Марини: одна—кроткая, признанная, внимательно слушающая и готовая любить,—Мариня изъ Кшеменя; другая—та леденая дѣвушка изъ Варшавы, которая оттолкнула его. Женщины часто раздваиваются такъ въ мужскомъ сердцѣ, которое въ такомъ случаѣ готово простить этой жестокой ради той любимой. Поланецкій даже не допускалъ, чтобы Мариня съумѣла быть такою, какою явилась передъ нимъ сегодня, и поэтому къ его гнѣву примѣшивалось и нѣкоторое изумленіе. Поланецкій,—онъ зналъ себѣ цѣну и былъ порядочно самонадѣянъ,—носилъ въ душѣ убѣжденіе, въ которомъ, впрочемъ, не признался бы и передъ самимъ собою, что ему достаточно протянуть руку, чтобъ за нее ухватились. А теперь вышло иначе. Кроткая панна Мариня вдругъ выступила не только въ роли судьи, который изрекаетъ рѣшеніе и можетъ погубить подсудимаго, но и въ роли королевы, у которой можно быть въ милости и въ немилости. Поланецкій не могъ освоиться съ этою мыслью и боролся съ ней, но такова ужь природа человѣческая, что когда онъ узналъ, что для этой дѣвушки онъ уже является уже такимъ желаннымъ, какъ онъ думалъ, что она

не только не цѣнитъ его очень высоко, но считаетъ стоящимъ ниже себя, то, несмотря на злобу, обиду и гнѣвъ, цѣна Марини возросла въ его глазахъ. Его самолюбіе было задѣто, но, съ другой стороны, его воля, дѣйствительно сильная, готова была ринуться въ борьбу со всѣми преградами и расщепить ихъ. Всѣ эти мысли теперь безпорядочно кружились въ его головѣ, скорѣе ощущенія, чѣмъ мысли, гнетущаго свойства и гнетущія другъ друга. Онъ повторялъ себѣ сто разъ, что броситъ все, что долженъ и хочетъ бросить, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ настолько слабъ, что въ ту же минуту гдѣ-то въ затаеннѣйшемъ уголкѣ души разсчитывалъ на пріѣздъ пани Эмиліи и на помощь, которую можетъ принести ему этотъ пріѣздъ.

Погруженный въ душевную борьбу, онъ опомнился только на Съѣздѣ. Тогда онъ задалъ вопросъ: «За коимъ чортомъ я шелъ на Прагу?»—и остановился. День былъ ясный и склонялся къ вечеру. Висла вся горѣла въ золотистомъ блескѣ, а за нею и за ближайшими островками тянулась обширная равнина, окутанная на горизонтѣ розовою и синеватою мглой. А тамъ, за этою мглой, былъ Кшемень, который Мариня такъ любила и который потеряла. Поланецкій долго смотрѣлъ въ этомъ направленіи и сказалъ себѣ:

— Интересно знать, что бы она сдѣлала, еслибъ я отдалъ ей его?

Но онъ не могъ себѣ представить этого ясно, за то вспомнилъ, что утрата этого куска земли была для нея великимъ несчастіемъ, и ему стало жаль ея. Въ этой жалости начала расплываться его обида и заволакиваться мглою. Совѣсть начала шептать ему, что онъ терпитъ по заслугамъ.

Онъ пошелъ назадъ и сказалъ себѣ: «Однако, я все время объ одномъ и томъ же думаю».

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Никогда, въ самыхъ важныхъ денежныхъ дѣлахъ, онъ не испытывалъ такого безпокойства, никогда не погружался въ свои мысли такъ глубоко. И снова ему въ голову пришло то, что говорилъ Васковскій, что природа его, Поланецкаго, не въ состояніи вложить всю душу въ наживу денегъ. Никогда онъ не сознавалъ болѣе ясно, что могутъ быть дѣла важнѣе этого, просто-на-просто болѣе положительныя.

Было около девяти часовъ, когда онъ пришелъ къ Бигелю. Бигель, одинъ въ большой, пустой квартирѣ, сидѣлъ у дверей, выходящихъ на садовую террасу, и игралъ на віолончели такъ, что все въ домѣ ходенемъ ходило. Увидавъ Поланецкаго, онъ прервалъ тремоло и спросилъ:

— Былъ сегодня у Плавицкихъ?

— Былъ.

— Какъ панна Марія?

— Какъ графинъ замороженной воды. Въ такой жаркій день это очень пріятно, но, вообще, они вѣжливые люди.

— Я предвидѣлъ это.

— Играй дальше.

Бигель началъ играть *Träumerei*, и, проводя смычкомъ по струнамъ, то закрывалъ глаза, то устремлялъ ихъ на луну. Въ глубокой тиши музыка, казалось, наполняла сладкими звуками домъ, садъ и самую ночь.

Онъ окончилъ, помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ:

— Знаешь что? Когда пани Эмилія возвратится, жена моя пригласитъ ее къ себѣ въ деревню, а вмѣстѣ съ ней и панну Плавицкую. Можетъ быть, тогда ледъ между вами растаетъ.

— Сыграй еще разъ *Träumerei*.

Звуки віолончели опять полились, спокойные и мечтательные. Поланецкій былъ настолько молодъ, что не могъ не быть хоть отчасти мечтателемъ. Онъ воображалъ, что Мариня вмѣстѣ съ нимъ слушаетъ *Träumerei*, съ рукою въ его рукахъ, съ головою на его груди, любящая и любимая больше всего на свѣтѣ.

X.

Панъ Плавицкій былъ человѣкомъ, что называется, хорошо воспитаннымъ и на третій день отдалъ визитъ Поланецкому. Не на другой, потому что такая поспѣшность указывала бы на желаніе поддерживать близкія отношенія; не на четвертый или на пятый, потому что это обозначало бы незнаніе свѣтскихъ обычаевъ; онъ отдалъ визитъ въ срокъ, согласно требованіямъ «savoir vivre». Панъ Плавицкій всю жизнь гордился знаніемъ этихъ требованій и свойственныхъ имъ оттѣнковъ и твердое исполненіе этихъ требованій считалъ за величайшую человѣческую мудрость. Какъ человѣкъ разсудительный, онъ, впрочемъ, позволялъ существовать и другимъ отраслямъ знанія, однако, подъ условіемъ, чтобъ они не придавали себѣ чрезмѣрной цѣны, а въ особенности не имѣли бы претензіи навязываться людямъ, дѣйствительно хорошо воспитаннымъ.

Поланецкій, для котораго все было желательнымъ, что̀ связывало бы нить его дальнѣйшихъ отношеній къ паннѣ Маринѣ, съ трудомъ съумѣлъ скрыть радость, которую ему доставило прибытіе пана Плавицкаго. Радость эта отразилась, однако, и въ его безномъ обращеніи съ гостемъ. Да и дѣйствительно, его

удивилъ панъ Плавицкій и вліяніе, которое произвелъ на него городъ. Волоса его лоснились, какъ вороново крыло, маленькіе усики торчали кверху, по красотѣ своей споря съ волосами, туго накрахмаленная рубашка покрывала грудь, а пунцовая гвоздика въ петлицѣ чернаго жакета придавала какой-то праздничный блескъ всей его фигурѣ.

— Честное слово, я не узналъ васъ сразу! — воскликнулъ Поланецкій—Я думалъ, что пришелъ какой-то молодой человѣкъ.

— Bonjour, bonjour! — отвѣтилъ панъ Плавицкій.—День пасмурный, здѣсь немного темно, и, можетъ быть, поэтому ты принялъ меня за молодого человѣка.

— Пасмурно или ясно, но что за фигура! — и Поланецкій безъ церемоніи схватилъ за бока пана Плавицкаго и началъ повертывать его.

— Талія, какъ у дѣвушки. Хотѣлъ бы я, чтобъ у меня была такая!

Панъ Плавицкій, весьма огорченный такимъ безцеремоннымъ привѣтствіемъ, но еще болѣе обрадованный тѣмъ изумленіемъ, которое возбудила его фигура, проговорилъ, сопротивляясь:

— Voyons! ты съ ума сошелъ! Я могу обидѣться! Право, съ ума сошелъ!

— Ну, и сведете же вы нашихъ дамъ съ ума... сколько вамъ будетъ угодно.

— Что ты говоришь?—спросилъ панъ Плавицкій, усаживаясь въ кресло.

— Я говорю, что вы пріѣхали сюда побѣждать.

— Вовсе и не думаю объ этомъ. Сумасшедшій!

— А пани Ямишъ? Точно я не видалъ собственными глазами.

— Что?

Панъ Плавицкій зажмурилъ одинъ глазъ и облизнулся, но продолжалось это одно мгновеніе. Потомъ онъ поднялъ брови и сказалъ:

— Видишь ли, пани Ямишъ... это хорошо для Кшеменя. Между тѣмъ, я не выношу аффектаціи, потому что это всегда припахиваетъ провинціей. Да проститъ Господь Богъ пани Ямишъ, какъ она меня измучила своею аффектаціей! Женщина должна имѣть храбрость состариться, тогда всѣ отношенія кончаются, переходятъ въ простую дружбу, иначе становятся невыносимыми, рабствомъ какимъ-то.

— И вы чувствовали себя мотылькомъ въ узахъ?

— Только, пожалуйста, не говори такъ,—съ достоинствомъ

сказалъ панъ Плавицкій,—и не воображай, чтобъ между нами что-нибудь было. Да еслибъ и было, ты не услыхалъ бы отъ меня объ этомъ ни слова. Вѣрь мнѣ, большая разница между вами и нами, людьми предшествующаго поколѣнія. Мы, можетъ быть, и не были святыми, но умѣли молчать, а это великое достоинство, безъ котораго то, что называется истиннымъ благородствомъ, не существуетъ.

— Отъ этого я заключаю, что вы не признаетесь мнѣ, куда пойдете отъ меня съ этою красною гвоздикой въ петлицѣ.

— Напротивъ, напротивъ... Машко сегодня пригласилъ на завтракъ меня и еще кое-кого. Сначала я отказался,—мнѣ не хотѣлось оставлять Мариню одну,—но я столько лѣтъ просидѣлъ для нея въ деревнѣ, что дѣйствительно заслужилъ кое-какого развлеченія. А ты не приглашенъ?

— Нѣтъ.

— Меня это удивляетъ. Ты, какъ самъ говоришь, «аферистъ», но носишь приличную фамилію. Да и Машко самъ только адвокатъ. Но вообще я скажу тебѣ, что не думалъ, что онъ съумѣлъ бы стать въ такое положеніе.

— Машко съумѣетъ стать даже на головѣ.

— Всюду бываетъ, всѣ его принимаютъ... А я когда-то былъ предубѣжденъ противъ него.

— А теперь у васъ нѣтъ предубѣжденій?

— Я долженъ признаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ съ Кшеменемъ онъ поступалъ со мною, какъ джентльменъ.

— И панна Марія такого же мнѣнія?

— Конечно... хотя я думаю, что Кшемень все еще лежитъ на ея сердцѣ... Для нея я это сдѣлалъ, для нея разстался съ нимъ, но молодость не все это съумѣетъ понять. Наконецъ, я уже предвидѣлъ это и готовъ перенести всякую несправедливость. Что касается Машко, то, конечно... она не можетъ ни въ чемъ упрекнуть его. Онъ купилъ Кшемень, это правда, но...

— Но готовъ отдать его?

— Ты нашъ родственникъ и, говоря между нами, я думаю, что такъ оно и есть... Мариня его очень заинтересовала еще во время нашего перваго пріѣзда, но дѣло какъ-то не шло на ладъ. Дѣвушка была еще очень молода, онъ ей не особенно понравился, да и я самъ немного морщился, потому что мнѣ наговорили о его фамиліи. Букацкій всегда острилъ на его счетъ, — вотъ и кончилось ничѣмъ...

Не кончилось, потому что начинается съизнова.

— Да, потому что я убѣдился, что онъ изъ очень хорошей фамиліи, итальянской... Они когда-то назывались Маско, пришли сюда съ королевой Боной и потомъ поселились въ Бѣлоруссіи. У него, если ты замѣтилъ, и лицо до нѣкоторой степени итальянское.

— Нѣтъ, скорѣе португальское.

— Ну, это ужь все равно... Потомъ подумай: продать Кшемень и, все-таки, удержать его, это, вѣдь, не всякій придумаетъ... Что касается Машко — да, я думаю, что таково его намѣреніе, но Мариня странная дѣвушка. Непріятно мнѣ говорить это, но всякій человѣкъ пойметъ скорѣе чужого, чѣмъ свое собственное дѣтище. Однако, если она скажетъ себѣ: «Paris vaut la messe», какъ сказалъ Талейранъ...

— Да? Я думалъ, что это сказалъ Генрихъ IV.

— Потому что ты «аферистъ», человѣкъ новыхъ временъ. Вамъ, молодымъ людямъ, исторія и дѣянія старины не по вкусу, и вы предпочитаете наживать деньги... Тогда все будетъ зависѣть отъ Марини, но я не буду настаивать, не буду, потому что при нашихъ связяхъ ей можетъ представиться еще лучшая партія. Нужно будетъ потереться между людьми и отыскать старыхъ знакомыхъ. Конечно, это трудно и утомительно, но что нужно, то нужно. Ты думаешь, я съ удовольствіемъ иду на этотъ завтракъ? Нѣтъ. Но я долженъ принимать у себя и молодежь. Надѣюсь, что ты не забудешь о насъ.

— Нѣтъ, не забуду.

— Знаешь, что мнѣ сказали о тебѣ? Что ты чертовски зарабатываешь деньги. Ну, ну, не знаю, въ кого ты уродился, — не въ отца! Во всякомъ случаѣ, не я тебя буду преслѣдовать, — нѣтъ, нѣтъ!... Ты душилъ меня безъ милосердія, обращался со мной, какъ волкъ съ ягненкомъ, но въ тебѣ есть что-то такое, что мнѣ нравится, я питаю къ тебѣ какую-то слабость.

— И я къ вамъ тоже,—сказалъ Поланецкій.

Панъ Плавицкій на самомъ дѣлѣ не лгалъ. Онъ питалъ инстинктивное уваженіе къ деньгамъ, и этотъ молодой человѣкъ, который наживалъ ихъ, возбуждалъ въ немъ нѣкоторое удивленіе, граничащее съ симпатіей. То былъ не первый попавшійся родственникъ, который потребовалъ бы помощи, и поэтому панъ Плавицкій, хотя и не имѣлъ на него пока никакихъ видовъ, рѣшилъ сохранить съ нимъ добрыя отношенія.

Въ концѣ своего посѣщенія онъ еще разъ осмотрѣлъ комнату, въ которой сидѣлъ.

— Ты хорошо живешь,—сказалъ онъ.

Это была правда. У Поланецкаго была такая квартира, какъ будто онъ намѣревался жениться. Одно устройство на такой ладъ доставляло ему удовольствіе, потому что придавало видъ дѣйствительности его желаніямъ.

Плавицкій, осмотрѣвъ гостиную, за которою виднѣлась другая, меньшая, обставленная очень роскошно, спросилъ:

— Отчего ты не женишься?

— Я сдѣлаю это какъ можно скорѣе.

Панъ Плавицкій проницательно улыбнулся, потрепалъ Поланецкаго по колѣну и зачастилъ:

— И я знаю, на комъ, знаю, на комъ!

— Вотъ это такъ голова, — воскликнулъ Поланецкій,— подика, скрой что-нибудь отъ такого дипломата!

— Ага, что? На вдовушкѣ, на вдовушкѣ, а?

— Дорогой дядюшка!...

— А? Да благословитъ тебя Богъ, какъ я благословляю. А теперь я иду, пора завтракать, а вечеромъ концертъ въ Долинѣ.

— Въ компаніи съ Машко?

— Нѣтъ, съ Мариней; но и Машко будетъ.

— И мы съ Бигелемъ собираемся.

— Тогда, значитъ, увидимся. Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда могутъ сойтись.

— Какъ сказалъ Талейранъ?

— И такъ, до свиданія.

Поланецкій иногда любилъ послушать музыку, но на концертъ не собирался, и лишь когда Плавицкій сказалъ ему объ этомъ, его охватило желаніе увидѣть Мариню. Послѣ ухода Плавицкаго онъ нѣсколько минутъ думалъ, идти ли ему, или нѣтъ, но думалъ, такъ сказать, для формы, потому что заранѣе зналъ, что не выдержитъ и пойдетъ. Бигель, который пришелъ къ нему послѣ полудня для финансовыхъ конференцій, легко далъ себя уговорить и они около четырехъ часовъ были уже въ Долинѣ. День, хотя и августовскій, былъ теплый и погожій, людей собралось много и все общество было на лѣтнемъ положеніи. Всюду яркія платья, яркіе зонтики,— молодыя женщины казались разноцвѣтными бабочками, пригрѣтыми солнцемъ. Среди этого роя существъ, предназначенныхъ для любви, можетъ быть, уже любимыхъ и любящихъ, должна была находиться и Мариня. Поланецкому припомнились студенческіе годы, когда онъ влюблялся въ незнакомыхъ и выискивалъ ихъ въ толпѣ, ежеминутно сбиваясь съ толку, благодаря сходству шляпокъ, волосъ и очертанію фигуры. И теперь ему пришлось принять за Ма-

рию нѣсколькихъ женщинъ, болѣе или менѣе на нее похожихъ, и теперь, какъ прежде, всякій разъ, когда онъ говорилъ себѣ: «это она!»—онъ испытывалъ какую-то дрожь около сердца, такое же безпокойство, какое испытывалъ встарь. Но сегодня его, вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирала и злость, потому что ему это представлялось смѣшнымъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ, что такая погоня за встрѣчами, поглощающая человѣка и сосредоточивающая его мысли на одномъ существѣ, увеличиваетъ интересъ, который оно возбуждаетъ и тѣмъ болѣе привязываетъ къ нему.

Оркестръ уже началъ играть, прежде чѣмъ онъ нашелъ въ толпѣ тѣхъ, кого отыскивалъ. Нужно было сѣсть и слушать, и Поланецкій долженъ былъ сдѣлать это, въ глубинѣ души злясь на Бигеля, который внималъ звукамъ оркестра съ закрытыми глазами безъ малѣйшаго движенія. Только послѣ окончанія нумера онъ, наконецъ, увидалъ блестящій цилиндръ и черные усики пана Плавицкаго, а за нимъ профиль Марини. Третьимъ сидѣлъ Машко, спокойный, полный достоинства, съ миной англійскаго лорда. По временамъ онъ говорилъ что-то Маринѣ, а она обращалась къ нему и утвердительно кивала головой.

— Плавицкіе здѣсь,—сказалъ Поланецкій,—нужно пойти повидаться.

— Гдѣ ты видишь ихъ?

— Вонъ тамъ, съ Машко.

— Да, вѣрно. Пойдемъ.

И они пошли. Панна Мариня очень любила пани Бигель, и потому очень ласково отвѣчала на привѣтствіе Бигеля и начала разговаривать съ нимъ, а Поланецкому только поклонилась, но не такъ холодно, чтобъ это могло обратить чье-нибудь вниманіе. Бигель очень горячо началъ упрашивать и старика Плавицкаго, и его дочь, чтобъ они пріѣхали къ нему на дачу въ будущее воскресенье.

— Моя жена будетъ счастлива, очень счастлива, — повторялъ онъ.—Можетъ быть, и пани Эмилія къ этому времени возвратится.

Мариня попробовала было отказаться, но панъ Плавицкій, который искалъ развлеченій и во время своего послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ слышалъ, что Бигели живутъ прилично, принялъ приглашеніе. Рѣшено было, что они пріѣдутъ къ обѣду, а возвратятся въ Варшаву вечеромъ. Путешествіе было не длинное,—дача Бигеля находилась близъ первой станціи желѣзной дороги.

— А пока садитесь возлѣ насъ,—сказалъ панъ Плавицкій,—рядомъ нѣсколько свободныхъ стульевъ.

Передъ этимъ Поланецкій обратился къ Маринѣ:

— Вы получали письма отъ пани Хвастовской?

— А я только что хотѣла спросить васъ объ этомъ.

— Нѣтъ, но завтра я освѣдомлюсь о здоровьѣ Литки.

И разговоръ перервался. Бигель сѣлъ около пана Плавицкаго, а Поланецкій съ краю. Мариня снова повернулась къ Машко, такъ что Поланецкій могъ видѣть только ея профиль, да и то не вполнѣ. Ему показалось, что она похудѣла, по крайней мѣрѣ, за эти нѣсколько недѣль въ городѣ, поблѣднѣла, отчего ея длинныя рѣсницы казались еще болѣе густыми, выдавались сильнѣе. Вся ея фигура стала какъ будто болѣе изящной, благодаря болѣе изысканному костюму и новой прическѣ. Прежде она носила косу низко, теперь ея волосы были причесаны по-модному, высоко, подъ самую шляпку. Поланецкій не спускалъ съ нея глазъ, восхищался всею душой ея прелестью, проглядывающею во всемъ, даже въ томъ, какъ она держала руки на колѣняхъ. И онъ снова съ непреодолимою силой почувствовалъ, что если каждый мужчина носитъ въ себѣ свой типъ женскаго обаянія, то Мариня для него близка къ этому типу, почти совпадаетъ съ нимъ. Глядя на нее, онъ повторялъ про себя:

«Вотъ такую бы жену, такую бы жену!»

Но она все обращалась къ Машко и, можетъ быть, пересаливала въ этомъ. Еслибъ Поланецкій сохранялъ хладнокровіе, то могъ бы подумать, что она дѣлаетъ это нарочно, на зло ему. Кажется, что такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Но разговоръ былъ несомнѣнно оживленный, потому что на лицѣ Марини отъ времени до времени появлялся легкій румянецъ.

«Да она просто кокетничаетъ съ нимъ»,— думалъ Поланецкій, стискивая зубы.

Ему во что бы то ни стало хотѣлось услыхать, что они говорятъ, но это было трудно. Публика во время длиннаго антракта шумѣла довольно порядочно. Мариню Поланецкій вовсе не могъ слышать, за то послѣ окончанія новаго номера ему удалось разслышать нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній Машко, который имѣлъ обыкновеніе ставить акцентъ на каждомъ словѣ, чтобы придать ему большій вѣсъ.

— Я его люблю,— говорилъ Машко.— У всякаго своя слабость; его слабость — деньги... Я благодаренъ ему, что онъ уговорилъ меня... Кшемень... Но при этомъ я думаю, что онъ расположенъ къ вамъ, потому что не щадилъ... И, признаюсь, онъ возбудилъ мое любопытство...

Мариня отвѣчала на это что-то съ большою горячностью, послѣ чего Поланецкій вновь разслышалъ конецъ отвѣта Машко:

— Характеръ еще не выработанный, умъ, можетъ быть, меньшій, чѣмъ энергія, но натура скорѣе добрая...

Поланецкій отлично понималъ, что говорятъ о немъ, и также отлично видѣлъ тактику Машко. Судить какъ будто бы хладнокровно и безпристрастно, скорѣе хвалить, чѣмъ бранить, приписывать человѣку хорошія качества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишать его всякаго обаянія, — такова была всѣмъ извѣстная манера молодого адвоката. Благодаря этому, онъ становился въ положеніе судьи, положеніе исключительное и высокое. Поланецкій зналъ также, что Машко говоритъ не столько изъ желанія унизить его, сколько для того, чтобы возвыситься самому, и что, очень вѣроятно, онъ говорилъ бы то же самое о всякомъ другомъ молодомъ человѣкѣ, въ которомъ подозрѣвалъ бы возможнаго соперника.

Можетъ быть, при данномъ положеніи вещей, и самъ Поланецкій прибѣгъ бы къ такой тактикѣ, но это не мѣшало ему въ настоящую минуту считать Машко олицетвореніемъ вѣроломства и рѣшить заплатить ему тѣмъ же, если представится возможность.

По окончаніи концерта онъ могъ еще разъ замѣтить, какъ далеко Машко вошелъ въ роль жениха. Когда панна Мариня, завязывая вуаль, положила на колѣни перчатки, а онѣ свалились на земь, Машко поднялъ ихъ, снялъ съ ручки кресла накидку, чтобы подать Маринѣ при выходѣ изъ сада,—однимъ словомъ, былъ совершенно заинтересованъ ею, хотя и при этомъ сохранялъ хладнокровіе и тактъ истинно свѣтскаго человѣка.

При этомъ онъ казался самоувѣреннымъ и счастливымъ. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ разговору съ Бигелемъ, Мариня, когда не слушала музыки, все время разговаривала только съ Машко. Когда всѣ двинулись къ выходу, она шла съ Машко же, и Поланецкій видѣлъ ея улыбающійся профиль, обращенный къ нему. Разговаривая, они смотрѣли другъ другу въ глаза. Ея лицо было оживлено, вниманіе сосредоточено исключительно на томъ, что̀ говорилъ онъ. Дѣйствительно, она кокетничала съ Машко. И Машко видѣлъ это, не допуская ни на минуту, несмотря на свою догадливость, что она могла дѣлать это только для уязвленія Поланецкаго.

У воротъ ждалъ экипажъ. Машко подсадилъ Плавицкаго и Мариню и сталъ прощаться. Но Мариня нагнулась къ нему и сказала:

— Какъ такъ? Вѣдь, вы, папа, приглашали пана Машко, да?

— Мы такъ условились,—сказалъ панъ Плавицкій.

Машко сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, обмѣнявшись поклонами съ Бигелемъ и Поланецкимъ. Двое друзей долгое время шли молча; на-

конецъ, Поланецкій сказалъ, стараясь придать спокойствіе своему голосу:

— Интересно знать, обручены они?

— Не думаю,—сказалъ Бигель,—но дѣло идетъ къ тому.

— Это и я вижу.

— Я думалъ, что Машко будетъ искать денегъ. Но онъ влюбленъ. Не со всякимъ человѣкомъ, который только и думаетъ, что о своей карьерѣ, это случается. Машко влюбленъ. Притомъ, женившись на ней, онъ освободится отъ платы за Кшемень. Впрочемъ, нѣтъ, и дѣло-то не такъ плохо, какъ кажется... А панна Мариня очень красива, что правда, то правда!...

И они снова замолчали. Но Поланецкому было такъ тяжело, что онъ не могъ дольше выдержать.

— Я скажу тебѣ откровенно,— отозвался онъ,— меня просто мучитъ та мысль, что она выйдетъ за него. И эта безпомощность! Я предпочелъ бы все, чѣмъ такую безпомощность. Какую смѣшную и глупую роль я разыгралъ во всей этой исторіи!

— Ты зарвался, а это со всякимъ можетъ случиться. Что ты былъ кредиторомъ ея отца,— это скорѣе вина страннаго стеченія обстоятельствъ. У тебя совсѣмъ другія понятія о такихъ дѣлахъ, чѣмъ у него... Вы люди съ двухъ различныхъ планетъ, поэтому почва для недоразумѣнія была готова. Ты, можетъ быть, поставилъ вопросъ ребромъ, но я, взвѣшивая всѣ обстоятельства, вижу, что ты и не могъ бы быть мягкимъ, хотя бы и ради панны Плавицкой. Если бы ты сдѣлалъ очень большія уступки, то сдѣлалъ бы для нея,— не правда ли? И что же вышло бы изъ этого? То, что она помогала бы отцу, обманывая тебя. Нѣтъ, это дѣло нужно было окончить.

Тутъ многоопытный панъ Бигель остановился на минуту, задумался и сказалъ:

— Что касается твоей роли, то тебѣ одинъ выходъ: отстраниться совершенно, предоставить дѣло его естественному теченію и сказать себѣ, что все идетъ, какъ тебѣ желательно.

— Что это мнѣ поможетъ! — раскипятился Поланецкій,— что г скажу себѣ это, коли все не идетъ, какъ мнѣ желательно, идетъ! Идетъ противъ моего желанія!... А что я въ глупомъ поженіи, то и этому помочь ничѣмъ нельзя. Какъ такъ? Я самъ все сдѣлалъ, а теперь хочу передѣлывать? Я всю жизнь зналъ, хотѣлъ, а теперь дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы не зналъ.

— Есть обстоятельства, о которыхъ забываютъ.

— Хорошо, дорогой мой, но у меня падаетъ интересъ къ жиз-

ни. Ты думаешь, меня такъ же, какъ прежде, интересуетъ, буду ли я здоровъ или болѣнъ, богатъ или бѣденъ? Мнѣ тошно становится при одной мысли о будущемъ. Ты установился, ты связанъ съ жизнью, а я что? Было у меня что-то въ виду, а теперь и этого нѣтъ.

— Да, вѣдь, наконецъ, не одна панна Плавицкая на свѣтѣ.

— Что тутъ толковать! Теперь она одна, потому что если бы была другая, то я объ этой другой и думалъ бы. Что тутъ толковать! Въ этомъ-то все дѣло, въ этомъ вся злость, что именно она одна. Черезъ годъ, можетъ быть, крыша свалится мнѣ на голову, можетъ быть, найдется другая, но того, что будетъ завтра, я не знаю, а что теперь мнѣ чортъ знаетъ какъ скверно, это знаю. Во внѣшней жизни нужно имѣть обезпеченный кусокъ хлѣба,— правда? И во внутренней жизни то же самое. Это дѣло не терпитъ отлагательства, но я его откладываю до женитьбы; я понимаю, что новыя условія вырабатываютъ новый способъ мышленія, и, наконецъ, хочу покончить съ однимъ, прежде чѣмъ начать другое. А тутъ все мѣшается, и не только мѣшается, но исчезаетъ. Едва появится что-нибудь, такъ и исчезаетъ. Такъ и теперь. Живу я въ неувѣренности. Я предпочиталъ бы, чтобъ они были уже помолвлены, потому что въ такомъ случаѣ все кончилось бы само собою.

— Я тебѣ скажу только одно,— проговорилъ Бигель,— когда, во время дѣтства, мнѣ приходилось защепить себѣ руку, то мнѣ было менѣе больно, когда я самъ вытаскивалъ занозу, чѣмъ когда это дѣлалъ кто-нибудь другой.

— Въ этомъ ты правъ,— сказалъ Поланецкій.

Но черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Только, видишь, занозу можно вытащить тогда, когда она сидитъ неглубоко и дастъ себя захватить. Впрочемъ, какія тутъ сравненія! Когда вытащишь занозу, то ничего не теряешь, а у меня всѣ надежды на будущее пропадаютъ.

— Это правда; но если нѣтъ никакого средства...

— Вотъ съ этимъ-то собственно и тяжело согласиться всякому, кто не считаетъ себя ничтожествомъ.

Разговоръ прекратился. И только когда друзья начали прощаться, Поланецкій сказалъ:

— Знаешь что? Я предпочитаю не быть у васъ въ воскресенье.

— Можетъ быть, и хорошо сдѣлаешь,—отвѣтилъ Бигель.

XI.

Дома Поланецкаго ждалъ сюрпризъ—телеграмма пани Хвастовской слѣдующаго содержанія: «Пріѣду завтра. Литка здорова».

Возвращеніе было неожиданное, по крайней мѣрѣ, очень поспѣшное; но такъ какъ телеграмма заключала въ себѣ извѣстіе, что Литка здорова, то Поланецкій понялъ, что пани Эмилія возвращается только для того, чтобы заняться его дѣломъ. И при этой мысли сердце его наполнилось чувствомъ благодарности къ ней. «Вотъ это правдивая натура,—говорилъ онъ себѣ,—вотъ это другъ!...» И на ряду съ благодарностью въ сердцѣ его возродилась такая надежда, какъ будто пани Эмилія обладала волшебнымъ кольцомъ или магическимъ жезломъ, при помощи которыхъ могла бы въ одну минуту измѣнить сердце панны Марини. Поланецкій не видалъ ясно, какъ это сдѣлается, но зналъ, что, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь, весьма къ нему расположенный, будетъ ходатайствовать за него, будетъ его оправдывать, превозносить достоинства его сердца и характера и сглаживать предубѣжденія противъ него,—предубѣжденія, нагроможденныя ходомъ обстоятельствъ. Онъ разсчитывалъ, что пани Эмилія будетъ вести себя очень стойко въ этомъ дѣлѣ и что для нея это будетъ вопросомъ обязанности. Человѣкъ, у котораго что-нибудь болитъ, всегда желаетъ отыскать тѣхъ, на кого бы свалить отвѣтственность за это. Такъ и Поланецкому, въ особенности въ минуты прилива горечи, казалось, что пани Эмилія должна нести отвѣтственность за его отношенія къ паннѣ Маринѣ. Еслибъ она не показала письма, изъ котораго было видно, что панна Мариня готова полюбить его, то онъ еще былъ бы въ состояніи оторвать отъ нея и свою мысль, и сердце. До нѣкоторой степени это, можетъ быть, такъ и было, потому что въ исторіи его любви это письмо, дѣйствительно, играло рѣшающую роль. Письмо показало ему, какъ счастье было близко, почти реально, какъ искренно она отдавала ему свое сердце и душу. Трудно отказаться отъ счастья, не только желаннаго, но и близкаго къ осуществленію, и если бы не это письмо, то, можетъ быть, Поланецкій, дѣйствительно, меньше жалѣлъ бы о случившемся, легче бы забылъ его, легче примирился бы съ своимъ положеніемъ. Теперь онъ не понималъ, что онъ самъ вынудилъ пани Хвастовскую показать ему это письмо, только думалъ, несмотря на всю любовь и уваженіе къ ней, что она должна помогать ему всѣми своими силами. Поланецъ, онъ понималъ, что многое будетъ дѣлаться само собою, разсчитывалъ часто видѣться съ панной Мариней, да еще при усло-

віяхъ весьма для себя благопріятныхъ, то-есть въ домѣ, въ которомъ его любили, цѣнили и въ которомъ подобныя чувства могли сообщиться и каждому гостю. Все это укрѣпило надежды Поланецкаго съ новою силой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпило и тѣ нити, которыя связывали его мысли съ Мариней. Еще недавно онъ далъ себѣ слово, что не будетъ у Бигелей, а теперь измѣнилъ свое рѣшеніе, предполагая, что пани Эмилія, если ей позволитъ здоровье, тоже приметъ участіе въ этой поѣздкѣ. Но, помимо соображеній относительно панны Марини, онъ былъ радъ отъ всей души, что увидитъ эти дорогія лица,— пани Эмиліи и Литки,— его величайшей привязанности.

Въ этотъ же вечеръ онъ написалъ пану Плавицкому нѣсколько словъ о полученной имъ телеграммѣ въ разсчетѣ, что панна Марина будетъ ему благодарна за это сообщеніе, далъ знать въ квартиру пани Эмиліи, чтобы ей приготовили чай, и заказалъ удобный экипажъ отвезти дамъ. На слѣдующій день въ пять часовъ онъ былъ уже на вокзалѣ.

Утро было холодное и Поланецкій, въ ожиданіи поѣзда, скорыми шагами расхаживалъ по платформѣ, чтобы согрѣться. Даль, желѣзно-дорожныя постройки и вагоны, стоящіе на ближайшихъ линіяхъ, тонули во мглѣ. Эта мгла, густая внизу, становилась розовою и свѣтящеюся вверху и предвѣщала хорошій день. На платформѣ, кромѣ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, никого не было, благодаря раннему времени, но потомъ началъ прибывать и посторонній народъ. Вдругъ передъ Поланецкимъ изъ мглы вырисовались двѣ фигуры, и онъ съ сильно бьющимся сердцемъ узналъ панну Мариню, которая, вмѣстѣ съ горничной, пріѣхала встрѣтить пани Эмилію. Онъ не разсчитывалъ на такую встрѣчу и сильно смѣшался. Она также остановилась на мѣстѣ, точно удивленная или пораженная непріятностью. Черезъ минуту, однако, Поланецкій подошелъ къ ней и подалъ ей руку.

— Добрый день!—сказалъ онъ.—И дѣйствительно онъ будетъ добрый для обоихъ насъ, если наши путешественницы пріѣдутъ.

— Развѣ это не навѣрное?—спросила Мариня.

— Навѣрное, если только не произойдетъ чего-нибудь неожиданнаго. Вчера я получилъ телеграмму и послалъ извѣстіе пану Плавицкому въ разсчетѣ, что васъ обрадуетъ пріѣздъ пани Эмиліи.

— Благодарю. Такая пріятная неожиданность!...

— Поэтому и вы встали такъ рано.

— Я еще не отвыкла вставать рано.

— Мы оба черезъ-чуръ поторопились. Поѣздъ придетъ только

черезъ полчаса, а пока я совѣтую вамъ не стоять на мѣстѣ,— утро холодное, хотя день обѣщаетъ быть хорошимъ.

— Туманъ опускается,— сказала панна Марпня, поднимая кверху свои голубые глаза, которые показались Поланецкому, при утреннемъ свѣтѣ, фіолетовыми.

— Хотите пройтись по платформѣ?

— Благодарю васъ. Я подожду въ залѣ.

Она кивнула ему головой и ушла. Поланецкій снова началъ бѣгать по платформѣ. Ему было до нѣкоторой степени непріятно, что она не хотѣла остаться съ нимъ, но онъ объяснялъ себѣ, что, можетъ быть, это и дѣйствительно такъ слѣдовало, и еще бо̀льшая надежда загорѣлась въ немъ, какъ сильно пріѣздъ пани Эмиліи будетъ сближать ихъ, сколько разъ доставитъ имъ возможность видѣться. Какія-то странныя упованія возростали въ немъ съ каждою минутой, вмѣстѣ съ хорошимъ расположеніемъ духа. Онъ думалъ о фіолетовыхъ глазахъ панны Марини, объ ея лицѣ, разрумяненномъ утреннимъ холодомъ, и, пробѣгая мимо оконъ залы, въ которой она сидѣла, говорилъ себѣ почти весело:

— Ага, сиди тамъ, прячься,—найду я тебя!

И онъ чувствовалъ съ большею силой, чѣмъ когда бы то ни было, какъ дорога бы она могла быть ему, еслибъ захотѣла быть хоть немного болѣе доброю.

Пробилъ звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ въ туманѣ, который еще держался у поверхности земли густою пеленой, хотя небо окрасилось уже голубымъ цвѣтомъ, вырисовывались неясныя очертанія поѣзда. Локомотивъ, дышащій клубами дыма, все болѣе и болѣе замедляющимся движеніемъ подошелъ къ станціи, остановился и съ шумомъ и свистомъ началъ выбрасывать ненужный паръ подъ переднія колеса.

Поланецкій подбѣжалъ къ спальному вагону, и первое лицо, которое мелькнуло передъ нимъ въ окнѣ, было лицо Литки.

При видѣ его дѣвочка прояснѣла, какъ будто на нее упалъ лучъ солнца, и радостно замахала ручонками Поланецкому, который въ одну минуту очутился въ вагонѣ.

— Котенокъ мой милый! — закричалъ онъ, схватывая руки Литки.—Выспалась? здорова?

— Здорова! И домой мы пріѣхали! И жить будемъ вмѣстѣ! Добрый день, панъ Стахъ!

За дѣвочкой стояла пани Эмилія, у которой панъ Стахъ горячо поцеловалъ руку и заговорилъ такъ часто, какъ обыкновенно говорятъ въ первыя минуты свиданія.

— Добрый день, дорогая пани Эмилія. У меня есть экипажъ. Вы можете сейчасъ же ѣхать; мой слуга получитъ вашъ багажъ. Дома васъ ждетъ чай. Позвольте квитанцію. Панна Плавицкая тоже здѣсь.

Панна Плавицкая дѣйствительно ожидала у вагона и долго пожимала руку пани Эмиліи. Литка съ минуту смотрѣла на панну Мариню, какъ бы въ нерѣшимости, потомъ и она бросилась ей на шею съ прежнею сердечностью.

— Мариня, ты поѣдешь съ нами пить чай? — сказала пани Эмилія.—У меня готовъ чай, а ты, должно быть, выѣхала на тощахъ. Хорошо, да?

— Вы, вѣроятно, утомлены, ѣхали цѣлую ночь.

— Мы спали отъ границы, какъ убитыя, потомъ только что успѣли умыться и одѣться. Во всякомъ случаѣ, мы должны будемъ напиться чаю, значитъ, ты намъ не помѣшаешь.

— Тогда хорошо. Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Литка дернула мать за платье.

— Мамочка, а панъ Стахъ?

— Понятно, и панъ Стахъ тоже. Онъ думалъ обо всемъ, благодаря ему, мы найдемъ все готовымъ, значитъ, и онъ долженъ ѣхать съ нами.

— Долженъ, долженъ!—закричала Литка, обращаясь къ Поланецкому.

— И вовсе не долженъ, а хочу.

Черезъ минуту всѣ четверо сидѣли въ каретѣ. Поланецкій былъ въ отличномъ расположеніи духа: напротивъ него сидѣла Мариня, рядомъ съ нимъ Литка. Ему казалось, что ясность утра входитъ въ него и что для него начинаются лучшіе дни. Онъ чувствовалъ, что отнынѣ будетъ принадлежать къ маленькому кружку людей, связанныхъ общею жизнью и пріязнью, а въ этомъ кружкѣ будетъ и Мариня. Вотъ теперь она сидѣла противъ него, на его глазахъ, объединенная съ нимъ любовью, какую они оба чувствовали къ пани Эмиліи.

Всѣ четверо разговаривали очень весело.

— Что случилось, Эмилія,— спросила Мариня,— почему ты пріѣхала раньше времени?

— Литка каждый день просила, чтобы возвращаться.

— Не любишь заграницы?—спросилъ Поланецкій.

— Да.

— Скучала по Варшавѣ?

— Да.

— А по мнѣ, а? Говори скорѣе, а то плохо будетъ!

Литка посмотрѣла на мать, на Мариню, на Поланецкаго и только тогда отвѣтила:

— И по васъ также.

— Вотъ тебѣ за это!—сказалъ Поланецкій.

И, схвативъ ея руку, онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но Литка сопротивлялась, какъ могла. Наконецъ, ей удалось спрятать свои руки, а Поланецкій обратился къ Маринѣ и, показывая свои здоровые, бѣлые зубы, сказалъ:

— Видите, мы вѣчно воюемъ, но любимъ другъ друга.

— Такъ всегда и бываетъ,—отвѣтила Мариня.

Онъ прямо и искренно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Эхъ, еслибъ такъ всегда было!

Панна Мариня слегка покраснѣла и сдѣлалась серьезна, но не отвѣтила ему ничего и начала разговаривать съ пани Эмиліей.

А Поланецкій спросилъ у Литки:

— Гдѣ профессоръ Васковскій? Въ Италію поѣхалъ?

— Нѣтъ, остался въ Ченстоховѣ и возвратится послѣ-завтра.

— Здоровъ?

— Здоровъ.

Тутъ дѣвочка посмотрѣла на своего друга и сказала:

— А вы похудѣли. Мама, правда, панъ Стахъ похудѣлъ?

— Дѣйствительно, вы похудѣли,—сказала пани Эмилія.

Поланецкій за послѣднее время немного перемѣнился, потому что плохо спалъ, а причина его безсонницы сидѣла передъ нимъ въ каретѣ. Но онъ началъ приписывать эту перемѣну разнымъ непріятностямъ и занятіямъ въ конторѣ. Тѣмъ временемъ экипажъ подъѣхалъ къ квартирѣ пани Эмиліи.

На минуту, когда хозяйка пошла повидаться съ прислугой, а Литка побѣжала за нею, Поланецкій остался съ панной Мариней наединѣ въ маленькой столовой.

— У васъ есть болѣе близкіе знакомые, чѣмъ пани Эмилія?

— Нѣтъ ни такихъ близкихъ, ни такихъ любимыхъ.

— Въ жизни необходима доброта, а пани Эмилія очень добра и доброжелательна ко всѣмъ. Напримѣръ, я,—у меня родственниковъ нѣтъ,—считаю этотъ домъ роднымъ. Варшава мнѣ кажется совсѣмъ другою, когда пани Эмилія и Литка здѣсь...

Потомъ онъ прибавилъ, но уже менѣе вѣрнымъ голосомъ:

— А теперь я и за васъ радуюсь ихъ пріѣзду, а также и тому, что, наконецъ, между нами будетъ что-нибудь общее и непрекаемое.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ мольбою въ глазахъ, какъ будто хотѣлъ сказать ей: «Я не могу такъ жить! Подай мнѣ руку въ знакъ примиренія, будь добра и ко мнѣ, коль скоро намъ выпалъ такой счастливый день!»

Но она именно потому, что не могла быть къ нему совершенно равнодушной, все дальше шла по пути недоброжелательства. Чѣмъ больше онъ выказывалъ доброту сердца, чѣмъ больше былъ симпатичнымъ, тѣмъ болѣе его отношенія къ ней казались ей неслыханно дерзкими, тѣмъ болѣе обида росла въ ея сердцѣ.

Натура у Марини была деликатная,—робкая, вѣрнѣе сказать,—и, ясно сознавая, что черезъ-чуръ рѣзкимъ отвѣтомъ она нарушила бы гармонію дня, она предпочитала молчать, но онъ и не требовалъ отвѣта, потому что прочелъ въ ея глазалъ:

«Чѣмъ меньше ты будешь стараться улучшить наши отношенія, тѣмъ они будутъ лучше, а самыми лучшими они будутъ тогда, когда станутъ самыми далекими».

И радость Поланецкаго угасла въ одну минуту; мѣсто ея замѣнили гнѣвъ и горесть, еще болѣе сильная, чѣмъ гнѣвъ, потому что она проистекала изъ того ничѣмъ непобѣдимаго обаянія, которому онъ поддавался все сильнѣе, и изъ убѣжденія, что пропасть между нимъ и Мариней, дѣйствительно, становится съ каждымъ днемъ шире.

Смотря теперь на ея кроткое и доброе лицо, онъ чувствовалъ, что она такъ же дорога ему, какъ и безповоротно утрачена имъ.

Къ счастью, прибѣжала Литка и положила конецъ сценѣ, въ высшей степени невыносимой для Поланецкаго. Дѣвочка прибѣжала радостная, съ растрепанными волосами, со смѣхомъ на губахъ, но, увидавъ Мариню и Поланецкаго, сразу остановилась, оглянула одного и другого своими темными глазами и, наконецъ, тихо сѣла у чайнаго столика. Веселость ея исчезла, хотя Поланецкій, затаивъ боль въ сердцѣ, старался быть за завтракомъ веселымъ и разговорчивымъ.

Онъ почти не обращался къ Маринѣ, разговаривалъ только съ пани Эмиліей и Литкой, и, странное дѣло, Мариня сочла это оскорбленіемъ. Къ числу обидъ прибавилась еще одна.

На другой день пани Эмилія и Литка были вечеромъ у Плавицкихъ. Панъ Плавицкій пригласилъ и Поланецкаго, но тотъ не пришелъ. И такова ужь природа человѣческая, что это снова уязвило Мариню. Недоброжелательство, какъ и любовь, требуютъ близкаго присутствія объекта, на котораго они обращены. Мариня невольно весь вечеръ поглядывала на двери, а съ наступленіемъ часа, когда

Поланецкаго ожидать было уже невозможно, начала кокетничать съ Машко такъ, что привела пани Эмилію въ полное изумленіе.

XII.

Машко былъ человѣкъ очень ловкій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, преисполненный самолюбія; наконецъ, у него не было ни малѣйшаго повода не принимать за чистую монету любезности, которыя оказывала ему Мариня. Не всегда одинаковое достоинство этихъ любезностей онъ приписывалъ отчасти кокетству, отчасти перемѣнчивому настроенію дѣвушки, и хотя это послѣднее и причиняло ему нѣкоторое безпокойство, но не настолько сильное, чтобъ удержать его отъ рѣшительнаго шага.

Бигель угадывалъ дѣйствительное положеніе вещей, утверждая, что Машко былъ влюбленъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. И передъ тѣмъ уже панна Плавицкая понравилась ему въ высшей степени, потомъ, подведя итоги всѣмъ *за* и всѣмъ *противъ*, онъ убѣдился, что категорія *за* превозмогаетъ. Правда, молодой адвокатъ цѣнилъ состояніе, но, одаренный трезвостью мысли и знающій хорошо условія, среди которыхъ онъ вращался, онъ пришелъ къ убѣжденію, что невѣсты очень съ большимъ приданымъ онъ не найдетъ и не заполучитъ. Очень богатыя дѣвушки находятся или среди родовитой аристократіи,—а этотъ порогъ былъ черезъ-чуръ высокъ для его ногъ,—или въ финансовомъ мірѣ, который въ свою очередь искалъ связи съ семействами, носящими болѣе или менѣе громкія фамиліи. Машко зналъ отлично, что его размалеванные аббаты и рыцари, надъ которыми подтрунивалъ Букацкій, не въ состояніи открыть ему несгораемые сундуки банкировъ. Онъ понималъ, что еслибъ они были и менѣе фантастичны, самая его адвокатская профессія составляла бы нѣкоторую «deminutionem capitis» въ глазахъ финансовыхъ тузовъ. Съ другой стороны, онъ дѣйствительно чувствовалъ нѣкоторое расовое отвращеніе къ связямъ подобнаго рода, тогда какъ дѣвушки изъ хорошей фамиліи представляли для него необыкновенное обаяніе, какъ это всегда бываетъ съ выскочками.

У панны Плавицкой не было приданаго или, по крайней мѣрѣ, приданое было, но очень небольшое. Но, женившись на ней, Машко тѣмъ самымъ освобождался отъ всѣхъ обязательствъ, въ которыя вошелъ при покупкѣ Кшеменя. Во-вторыхъ, породнившись съ хорошею дворянскою фамиліей, онъ постарался бы заграбастать всю дворянскую кліентуру, что представляло бы пользу весьма реальную. Наконецъ, благодаря семейнымъ связямъ Марини, онъ со-

временемъ могъ бы получить дѣла нѣсколькихъ родовъ дѣйствительно состоятельныхъ, а это было давно цѣлью его стремленій.

Плавицкіе, какъ всѣ немного болѣе чѣмъ среднія деревенскія фамиліи, правда, обладали и такими родственниками, которыхъ признавали не особенно охотно, но за то обладали и такими, которые и къ нимъ относились такъ же. Дѣлалось это не изъ гордости, а какъ-то само по себѣ, на основаніи извѣстнаго общественнаго подбора, въ силу котораго всякій подыскиваетъ себѣ знакомыхъ, находящихся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ жизни, какъ и онъ. Но, однако, крупныя семейныя торжества на время соединяютъ эти разъединенныя отношенія, и Машко не только было пріятно думать о томъ, что въ числѣ гостей на его свадьбѣ будутъ люди съ очень громкими фамиліями, но онъ видѣлъ, что изъ этого впослѣдствіи для него могутъ выйти большія выгоды. Дѣло только одной ловкости—подсунуть этимъ людямъ мысль, что съ ихъ стороны будетъ хорошо, а для нихъ самихъ выгодно и безопасно ввѣрить свои дѣла человѣку, извѣстному своею энергіей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своему родственнику. Это также приданое, какое они могли бы дать за небогатою кузиной. Машко, соображаясь со своими силами, надѣялся, что современемъ съумѣетъ навязаться къ будущимъ родственникамъ, а потомъ и одолѣть ихъ. Онъ зналъ, что тотъ и этотъ сначала придутъ за совѣтомъ, который можно получить въ разговорѣ съ знакомымъ или дальнимъ родственникомъ, который случайно оказывается знающимъ человѣкомъ, потомъ, поскольку совѣты окажутся хорошими, будутъ приходить чаще, а потомъ и совсѣмъ отдадутся ему въ руки. Такимъ образомъ, помогая другимъ, онъ могъ самъ выплыть на широкій фарватеръ, современемъ очистить Кшемень, нажить хорошее состояніе, наконецъ, бросить свою адвокатуру,—онъ ее не любилъ и считалъ только средствомъ для достиженія цѣли, — и стать въ высшихъ общественныхъ кружкахъ человѣкомъ независимымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представителемъ крупной и основательной земельной собственности.

Все это онъ предвидѣлъ, взвѣсилъ и высчиталъ, прежде чѣмъ рѣшилъ добиваться руки панны Плавицкой.

Не предвидѣлъ онъ только одной вещи, именно того, что влюбится до такой степени, до которой влюбился онъ.

Отчасти это сердило его; онъ думалъ, что черезъ-чуръ сильное чувство является чѣмъ-то несоотвѣтственнымъ съ тѣмъ равновѣсіемъ, которое человѣкъ изъ высшаго общества всегда обязанъ сохранять. Это равновѣсіе было однимъ изъ его за-

блужденій. Еслибъ ему не нужно было втираться въ высшій свѣтъ, или еслибъ онъ родился въ немъ, то онъ позволилъ бы себѣ любить, насколько хватитъ его сердца. Несмотря на весь свой умъ, онъ не понималъ, что одна изъ величайшихъ привилегій свѣта, считающагося высшимъ, это—свобода. Поэтому онъ былъ не особенно доволенъ, когда его сердце таяло въ присутствіи панны Марини. Но, съ другой стороны, самая цѣль, къ которой онъ стремился, все болѣе и болѣе объединялась съ личнымъ счастьемъ, граничащимъ чуть ли не съ упоеніемъ.

Для него это дѣло было новое,—настолько новое, что блескъ этихъ незнакомыхъ горизонтовъ ослѣплялъ его. Машко прожилъ тридцать слишкомъ лѣтъ, не зная, что такое значитъ восхищеніе. Теперь онъ понялъ, сколько прелести и счастья заключается въ этомъ словѣ, и восхищался панной Мариней отъ всей души. Когда случалось, что панъ Плавицкій принималъ его въ своей комнатѣ, а Мариня была въ сосѣдней, Машко такъ устремлялся къ ней своими мыслями, что съ трудомъ понималъ, что̀ говоритъ панъ Плавицкій. Когда она приходила, въ его душѣ пробуждались совершенно до сихъ поръ незнакомыя чувства, трогательныя и мягкія, дѣлали его лучшимъ, чѣмъ онъ былъ обыкновенно. Его голубые глаза въ то время мѣняли свой обычный стальной и холодный блескъ на выраженіе мягкости и упоенія, пятна на лицѣ выступали еще сильнѣе, вся фигура теряла видъ неподвижности и свои свѣтлыя баки онъ разсчесывалъ пальцами не какъ англійскій лордъ, а какъ простой влюбленный смертный. Въ концѣ онъ возвысился до такой степени, что желалъ не только своего добра, но и ея добра, конечно, не представляя его иначе, какъ только съ собою и благодаря себѣ.

Онъ былъ такъ влюбленъ, что, въ случаѣ отказа въ своихъ искательствахъ, могъ сдѣлаться опаснымъ, въ особенности при отсутствіи моральной выработки и при наличности большой энергіи и безпощадности. До сихъ поръ онъ не любилъ такъ никогда, и Мариня первая разбудила въ немъ то, что было способно любить. Она не была блестящею красавицей, но обладала въ высшей степени прелестью женщины, и эта женственность была главнымъ поводомъ, почему она притягивала къ себѣ въ особенности энергическія натуры. Въ ней было что-то, напоминающее вьющееся растеніе; лицо у нея было спокойное, глаза прозрачные, губы немного чувственныя,—все это на первый взглядъ не производило большого впечатлѣнія; но черезъ минуту всякій, даже самый равнодушный человѣкъ замѣчалъ, что въ ней кроется что-то особен-

ное, заставляющее думать, что передъ нимъ женщина, которая могла бы быть любимою.

Но насколько Машко чувствовалъ себя и былъ на самомъ дѣлѣ лучшимъ въ этомъ періодѣ своей жизни, настолько духовный уровень Марини понизился со времени ея прибытія въ Варшаву. Продажа Кшеменя отняла у нея работу и лишила ея жизнь моральнаго основанія. Ей не хватало теперь возвышенной цѣли. Кромѣ того, стеченіе обстоятельствъ нагромоздило въ ней много горечи и злобы, которыя обыкновенно портятъ человѣческое сердце. Панна Мариня сама ясно чувствовала это и, спустя нѣсколько дней послѣ вечера, когда Поланецкій не пришелъ на ихъ приглашеніе, сама заговорила съ пани Эмиліей, когда въ сѣрую вечернюю пору онѣ остались наединѣ въ маленькой гостиной, прилегающей къ комнатѣ Литки.

— Я вижу,—сказала она,—что мы съ тобой не такъ откровенны, какъ были раньше. Хотѣла я говорить съ тобой открыто, и не могла собраться съ духомъ,—мнѣ все казалось, что я уже не стою твоей любви.

Пани Эмилія приблизила свое кроткое лицо къ головѣ панны Марини и поцѣловала ее въ високъ.

— Ахъ, Мариня, Мариня! Что ты говоришь,—ты, такая разсудительная и спокойная?

— Потому что въ Кшеменѣ я стоила больше, чѣмъ теперь. Ты не повѣришь, какъ я была привязана къ этому углу. Всѣ дни мои были заняты и у меня была какая-то странная надежда, что современемъ случится что-то очень счастливое. Теперь все это пропало, я потеряла себя въ этой Варшавѣ, потеряла свое достоинство. Я видѣла, какъ ты удивлялась, когда я кокетничала съ панномъ Машко. Не говори мнѣ, что ты не замѣтила этого. А ты думаешь, сама-то я знаю, почему это дѣлала? Развѣ только потому, что я скверная, развѣ только изъ злости къ нему, къ себѣ и ко всѣму свѣту... Я не люблю его, не пойду за него; значитъ, я поступаю дурно и со стыдомъ сознаюсь въ этомъ; но приходятъ минуты, когда я хотѣла бы—и совершенно сознательно—кому-нибудь причинить зло. Ты должна порвать со мною старую дружбу, потому что теперь я не та, чѣмъ была прежде.

По лицу панны Марини текли слезы и панни Эмилія тѣмъ болѣе начала утѣшать и успокоивать ее и, наконецъ, сказала:

— Панъ Машко, видимо, заинтересованъ тобою и, признаюсь, я думала, что ты хочешь принять его предложеніе. Теперь я скажу тебѣ откровенно, что это привело меня въ ужасъ. Это чело-

вѣкъ не по тебѣ, но я знала, какъ ты любила Кшемень, и предполагала, что ты хочешь возвратить его такимъ способомъ.

— Сначала, правда, у меня была такая мысль. Я хотѣла убѣдить себя, что панъ Машко нравится мнѣ, я не хотѣла отталкивать его. Мнѣ нужно было что-то другое, но и Кшемень былъ нуженъ. Однако, я не могла себя убѣдить. За такую цѣну я не хочу даже Кшеменя, но въ этомъ-то и заключается все зло. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же я ввожу въ заблужденіе пана Машко, зачѣмъ обманываю его? Вѣдь, это безчестно.

— Не хорошо, что ты его вводишь въ заблужденіе, но, мнѣ кажется, я понимаю, откуда это происходитъ. Изъ обиды на кого-то другого, вѣдь, такъ? Успокойся, зло еще можетъ быть исправлено, потому что ты съ завтрашняго же утра можешь измѣнить свою тактику по отношенію къ пану Машко... И нужно измѣнить, Мариня, пока есть время, пока не сказано рѣшительнаго слова.

— Я знаю, Эмилія, я понимаю это, только, видишь, когда я возлѣ тебя и чувствую себя, какъ когда-то, правдивою и честною дѣвушкой, то понимаю, что не только слово, но и поступки обязываютъ къ чему-то. И онъ можетъ сказать мнѣ это...

— Тогда ты можешь отвѣтить, что старалась принудить себя полюбить его и не могла. Во всякомъ случаѣ, это единственный путь...

Наступила минута молчанія, но и Мариня, и пани Эмилія чувствовали, что не начали разговора о томъ, что̀ интересовало ихъ болѣе всего, по крайней мѣрѣ, пани Эмилію. И вотъ она взяла руку Марини и сказала:

— Теперь признайся, Мариня, что ты кокетничала съ Машко отчасти и потому, что обижаешься на пана Станислава?

Мариня отвѣтила глухо:

— Да.

— Значитъ, впечатлѣніе его перваго пріѣзда въ Кшемень и первыхъ вашихъ бесѣдъ еще не изгладилось?

— Лучше было бы, еслибъ изгладилось.

Пани Эмилія провела рукой по ея волосамъ.

— Ты не повѣришь, какой это добрый, хорошій и благородный человѣкъ. Съ нами онъ былъ всегда друженъ, всегда любилъ Литку, за что я благодарна ему отъ всей души. Но ты знаешь, что дружба—чувство не только не горячее, но даже и не теплое. А онъ и въ этомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Повѣришь ли, когда Литка захворала въ Рейхенгаллѣ, онъ выписалъ изъ Мюнхена знаменитаго доктора, а самъ, чтобы не испугать насъ, сказалъ, что

докторъ пріѣхалъ къ другому больному, что нужно только воспользоваться случаемъ. Подумай, какая это заботливость и доброта! Это человѣкъ вѣрный, на котораго можно опереться, и энергичный, и правдивый. Бываютъ люди умные, но безъ энергіи; у другихъ энергія есть, но нѣтъ деликатности сердца. А у него и то, и другое. Я забыла тебѣ сказать, что когда состоянію Литки угрожала опасность и когда братъ моего мужа взялся спасать его, то наибольшую помощь нашелъ въ панѣ Поланецкомъ. Еслибъ Литка была взрослая, я никому бы не отдала ее съ большею увѣренностью, чѣмъ ему. Я даже не съумѣю высказать, сколько добра мы видѣли отъ него.

— Если столько, сколько я видѣла зла, то очень много.

— Мариня, онъ не хотѣлъ этого. Еслибъ ты знала, какъ онъ страдаетъ за свою необдуманность и какъ искренно признаетъ, что виноватъ передъ тобою.

— Онъ самъ сказалъ мнѣ это,—отвѣтила Мариня.—Я долго думала объ этомъ... сказать правду, ни о чемъ другомъ и не думала, и не нахожу, чтобъ онъ чѣмъ-нибудь провинился передъ мною. Въ Кшеменѣ онъ былъ добръ ко мнѣ, такъ добръ, что мнѣ казалось... Тебѣ одной я скажу это, да и писала о томъ, что вечеромъ въ воскресенье, которое онъ провелъ у насъ, я пошла спать съ головой и сердцемъ, такъ переполненными имъ, что теперь мнѣ стыдно говорить объ этомъ... И я чувствовала, что еще одинъ день, еще одно доброе слово съ его стороны—и я полюблю его на всю жизнь... Казалось мнѣ, что и онъ... На другой день онъ уѣхалъ разсерженный... Тутъ была вина моего отца, была и моя,—я съумѣла это понять,—и помнишь, какое письмо написала я тебѣ въ Рейхенгалль? Видишь, такое же точно довѣріе, какое ты питаешь къ нему, питала и я. Онъ уѣхалъ. Сама не знаю почему, я думала, что онъ возвратится или напишетъ. Онъ не возвратился и не написалъ. Что-то говорило мнѣ, что онъ не отниметъ у меня Кшемень, но онъ отнялъ... И потомъ... Я знаю, что панъ Машко говорилъ съ нимъ открыто, а онъ его поощрялъ и увѣрялъ, что самъ ничего не думаетъ... Охъ, Эмилія!... Если хочешь, онъ ни въ чемъ не провинился, но сколько зла принесъ мнѣ! Благодаря ему, я потеряла не только дорогой уголъ, въ которомъ мнѣ было такъ хорошо работать, но и что-то большее: вѣру въ жизнь, въ людей... въ то, чтобы лучшее и справедливое брало на свѣтѣ верхъ надъ злымъ и пошлымъ. И сама я стала хуже. Я тебѣ правду говорю, не могу я отыскать самоё себя. Имѣлъ ли онъ право поступить такъ, какъ поступилъ?—хорошо. Я сама это говорю и не признаю за нимъ никакой вины.

Только онъ порвалъ во мнѣ какую-то жизненную нить. И тутъ уже дѣлать нечего, этого нельзя поправить. Да и какъ? Что мнѣ изъ того, что въ немъ потомъ произошла перемѣна, что онъ раскаивается и готовъ былъ бы даже жениться на мнѣ? Что мнѣ изъ того, если я, которая его почти уже любила, теперь не только не люблю, но должна бороться съ отвращеніемъ? Это хуже, чѣмъ еслибъ я была къ нему равнодушна... Я знаю, что тебѣ нужно, но, вѣдь, жизнь можно основывать на любви, а не на не нависти. Какъ я могу подать ему руку съ этою обидой въ душѣ, съ этимъ горькимъ сознаніемъ, что, благодаря ему,—виноватъ ли онъ, не виноватъ ли, все равно,—столько надеждъ моихъ погибло? Ты думаешь, я не замѣчаю его ухаживаній? Но что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ больше я ихъ вижу, тѣмъ меня сильнѣе отталкиваетъ отъ него, и еслибъ я должна была выбирать, то выбрала бы пана Машко, хотя онъ стоитъ меньше. На все, что ты мнѣ можешь сказать хорошаго о немъ, я соглашусь, но на все отвѣчаю тебѣ: не люблю его я и никогда не полюблю...

Теперь и пани Эмилія заплакала въ свою очередь.

— Бѣдный панъ Стахъ!—сказала она какъ бы про себя.

Но черезъ минуту она спросила:

— И тебѣ его ничуть не жаль?

— Жаль мнѣ его, когда я думаю о немъ, какимъ онъ былъ въ Кшеменѣ, жаль мнѣ его также, когда онъ не со мной, но съ минуты, когда я увижу его, я чувствую къ нему... отвращеніе.

— Потому что ты не знаешь, какъ онъ былъ несчастенъ въ Рейхенгаллѣ, а теперь еще болѣе несчастенъ. У него никого нѣтъ на свѣтѣ...

— У него твоя дружба и привязанность къ Литкѣ.

— Мариня моя, это совсѣмъ другое! Я отъ всей души благодарна ему за привязанность къ Литкѣ, но, опять-таки, это совсѣмъ другое, и ты сама понимаешь, что онъ тебя любитъ иначе и во сто разъ больше, чѣмъ Литку.

Въ комнатѣ было совершенно темно, но слуга принесъ лампу, поставилъ ее на столъ и ушелъ. При огнѣ пани Эмилія замѣтила какую-то бѣлую фигуру, съежившуюся на козеткѣ у двери, ведущей въ дѣтскую.

— Кто тамъ? Ты, Литка?

— Я, мамочка.

Въ голосѣ ея было что-то необычайное. Пани Эмилія встала и поспѣшно подошла къ ней.

— Когда ты пришла? Что съ тобою?

— Мнѣ такъ грустно и нехорошо.

Пани Эмилія сѣла на козетку и, прижавъ къ себѣ дѣвочку, замѣтила слезы на ея глазахъ.

— Литусь, ты плачешь? Что съ тобой?

— Такъ грустно! Такъ грустно!

И, прильнувъ головою къ плечу матери, она заплакала. Ей было, дѣйствительно, грустно,—она узнала, что «панъ Стахъ» еще болѣе несчастенъ, чѣмъ въ Рейхенгаллѣ, и что онъ Мариню любитъ во сто разъ больше, чѣмъ ее.

Въ тотъ же вечеръ, отправляясь спать, она вскарабкалась, въ одной рубашонкѣ, на кровать пани Эмиліи и шепнула ей на ухо:

— Мамочка, у меня большой грѣхъ на совѣсти.

— Крошка ты моя, что тебя безпокоитъ?

Литка сказала еще тише:

— Я не люблю панну Мариню...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ пятидесятыхъ годахъ.

Золотопромышленность въ Сибири, начало которой относится къ концу двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, нашла здѣсь благопріятныя условія для своего развитія не только въ природныхъ богатствахъ страны, но и въ томъ, что въ этой мѣстности существовалъ весьма значительный контингентъ такихъ крайне нуждающихся въ заработкахъ рабочихъ, какими были ссыльно-поселенцы; они, дѣйствительно, и составляли въ первое время сибирской золотопромышленности преобладающее большинство пріисковыхъ рабочихъ (въ 1834 г.—82%). Правда, тяжелыя условія пріисковаго труда первоначально вызывали въ нихъ особенно сильное стремленіе уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, такъ что въ первой половинѣ 30-хъ годовъ болѣе пятой части напявшихся рабочихъ не являлось на пріиски и значительное количество ихъ бѣжало съ промысловъ, но, тѣмъ не менѣе, экономическая необходимость приковывала большинство изъ нихъ къ вновь народившемуся крупному промышленному производству, и въ половинѣ 40-хъ годовъ оказалось, что нѣкоторые изъ ссыльно-поселенцевъ уже по 10, 12 и даже 16 лѣтъ провели на промыслахъ. Такимъ образомъ, рабочія руки этого поселенческаго пролетаріата содѣйствовали созданію крупныхъ богатствъ Поповыхъ, Рязановыхъ, Асташевыхъ, Бенардаки и другихъ золотопромышленниковъ.

Первое время пріисковыя работы производились исключительно ручнымъ трудомъ: не только добыча золотоносныхъ песковъ и снятіе покрывающихъ ихъ пустыхъ породъ (такъ называемаго торфа или турфа) совершились, какъ и теперь, силою человѣческихъ мускуловъ, но и перевозка турфа и песковъ возлагалась на людей, а не на лошадей. Промывка золотоноснаго песка также производилась ручнымъ способомъ при помощи самыхъ первобытныхъ снарядовъ. Однако, постепенно ручной трудъ при перевозкѣ турфа и песковъ на тачкахъ, вмѣщающихъ два - три пуда, сталъ замѣняться перевозкою лошадьми на таратайкахъ, куда можно было положить 25 и болѣе пудовъ (на нѣкоторыхъ пріискахъ, впрочемъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, стали класть даже рельсы, по которымъ передвигались лошадьми къ

промывательнымъ машинамъ вагоны съ золотоноснымъ пескомъ). Тѣмъ
менѣе, ручной трудъ еще долго преобладалъ при перевозкѣ. Но промы
золотоносныхъ песковъ ручнымъ способомъ, слишкомъ медленная и неуд
летворительная, стала замѣняться введеніемъ болѣе или менѣе усоверш
ствованныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе сначала руками, а зат
лошадьми или водою и, наконецъ, изрѣдка силою пара. Постепенная
мѣна ручного труда лошадиною силой видна, наприм., изъ того, что въ т
ніе нѣсколькихъ лѣтъ (1847—1851 г.) число лошадей на золотыхъ пр
скахъ Енисейской и Иркутской губерній удвоилось (съ 5,848 въ 1847
оно дошло въ 1851 г. до 11,750). Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и бо
чество механическихъ снарядовъ для промывки золота, приводимыхъ
движеніе лошадьми или водою: въ 1847 г. на промыслахъ Западной Сиб
ихъ было 46 (изъ нихъ 44 приводились въ движеніе водою и 2 лоша
ми), а въ 1852 г. уже вдвое болѣе—93 (изъ нихъ 78 дѣйствовавш
водою и 15 конными приводами) *). На промыслахъ Восточной Сиб
количество золотопромывательныхъ машинъ (такъ называемыя бочки, ч
и бороны) къ началу 50-хъ годовъ также не только сдѣлалось вес
значительнымъ, но онѣ даже преобладали надъ первоначальными прост
снарядами.

Такимъ образомъ, *въ пятидесятыхъ годахъ золотопромышленность Сибири переходитъ въ новый періодъ развитія:* изъ мануфактуръ зо
тые промыслы постепенно превращаются въ промышленныя учрежденія
преобладающимъ *при промывкѣ золота* машиннымъ производствомъ. Х
ручной трудъ продолжалъ играть на промыслахъ весьма важную роль
потому, что онъ былъ единственнымъ *при добычѣ* золотоноснаго песк
снятіи турфа, тѣмъ не менѣе, введеніе машинъ при промывкѣ золота
вело къ тѣмъ же послѣдствіямъ для рабочихъ, къ какимъ оно приво
и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Какъ извѣстно, введеніе машинъ удлиняетъ рабочій день, вызыва
усиленіе интензивности труда, а удлиненіе дня сопровождается понижен
цѣны труда **). Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы путемъ внимательн
изученія исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ ***

Золотопромышленность въ Сибири, какъ мы уже замѣтили, нашла
многочисленномъ классѣ ссыльно-поселенцевъ въ высшей степени бл
пріятное условіе для своего развитія въ формѣ крупнаго промышлен

*) *Гагемейстеръ:* „Историческое обозрѣніе Сибири", I, стр. 218; II, стр. 4
срав. *Горный Журналъ* 1844 г., № 4, стр. 121—131, и 1853 г., № 2, стр. 297—3

**) Срав. *Зиберъ:* „Рикардо и Марксъ". Спб., 1885 г., стр. 451—453, 456, 4
472, 500.

***) Что высота рабочей платы находится въ обратномъ отношеніи съ продол
тельностью рабочаго дня, это замѣтилъ и проф. Эрисманъ при изученіи современ
быта рабочихъ на фабрикахъ Московскаго и Клинскаго уѣздовъ. Смотри его тр
Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Московскаго уѣзда. Москва. 1882 г., ч
стр. 228; *Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Клинскаго уѣзда.* Москва 1881
стр. 69.

производства. Существованіе этого бездомнаго пролетаріата *) и дало возможность золотопромышленникамъ установить вознагражденіе за трудъ по системѣ «излишняго», лучше оплачиваемаго, времени **). При готовой пищѣ, рабочіе получали въ тридцатыхъ годахъ на промыслахъ Томской губерніи ничтожную мѣсячную плату за 30 дней работы, а именно отъ 10 до 13 руб. ассиг. (отъ 2 руб. 80 к. до 3 руб. 65 коп. сер.), т.-е. отъ 9 до 12 к. серебр. въ день; увеличить же свой заработокъ рабочій могъ лишь добавочнымъ, такъ называемымъ старательскимъ трудомъ за повышенное вознагражденіе. Эта старательская работа первоначально была обыкновенно необязательна и производилась не всѣми рабочими сообща, а по одиночкѣ или небольшими артелями. Введеніе машиннаго производства привело къ тому, что, какъ видно будетъ ниже, старательская работа постепенно превратилась въ простое продолженіе урочной и сдѣлалась также обязательною ***). Прежде по окончаніи обязательнаго труда, который въ горныхъ работахъ производился по урокамъ, рабочій могъ, если хотѣлъ, приняться за старательскую работу. Въ половинѣ 30-хъ годовъ уроки, по оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, оканчивались обыкновенно въ 2—3 часа пополудни и, слѣдовательно, если работа начиналась въ 4—5 часовъ утра, *обязательный* трудъ длился (если принять даже только часъ отдыха) около десяти часовъ. Законъ о сибирской золотопромышленности 1838 года установилъ maximum продолжительности рабочаго дня въ 15 часовъ, *со включеніемъ* времени на отдыхъ, а въ 50-хъ годахъ по нѣкоторымъ контрактамъ продолжительность обязательнаго труда опредѣляется уже въ 15 часовъ *за исключеніемъ* отдыха. Правда, въ большинствѣ контрактовъ 50-хъ годовъ количество рабочихъ часовъ опредѣляется въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, но при урочной системѣ работъ въ дѣйствительности обращали вниманіе не на ту или иную продолжительность рабочаго дня, а только наблюдали за исполненіемъ установленныхъ уроковъ; со введеніемъ же обязательности старательскихъ работъ мы нерѣдко встрѣчаемъ систему полуторныхъ уроковъ, то-есть къ прежнему уроку прибавлялась еще половина старательскаго, но уже обязательнаго замѣра. Когда рабочій не обязанъ былъ «стараться», онъ могъ по желанію сократить свой рабочій день, хотя, конечно, лишаясь при этомъ повышеннаго вознагражденія, теперь же онъ долженъ былъ непремѣнно «стараться»; такимъ образомъ, продолжительность обязательнаго труда увеличивалась, къ тому же, сдѣлалась обя-

*) Изъ числа поселенцевъ, работавшихъ въ 1843 г. на пріискахъ одной крупной золотопромышленной компаніи южной части Енисейскаго округа, менѣе 20% имѣли [illegible].

**) Срав. *Зиберъ*, стр. 469—470.

***) Пока этотъ процессъ не закончился, „вся сила механизмовъ, все дорого стоющее устройство пропадали безъ всякой пользы, стояли неподвижно во время старательской работы, ибо рабочій промывалъ пески не на машинѣ, а каждый отдѣльно, [illegible] себя, гдѣ-нибудь на вашгердѣ или небольшою артелью на бутаркѣ". *Скарятинъ:* [illegible]ѣтки золотопромышленника". Спб., 1862 г., ч. II, стр. 121

зательною и работа въ праздники. Мы увидимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что исполненіе одного и того же урока по добычѣ турфа или золотоносныхъ песковъ возлагается съ теченіемъ времени на меньшее количество людей, слѣдовательно, трудъ становился напряженнѣе. Наконецъ, приводимыя нами данныя относительно рабочей платы 50-хъ годовъ и сравненіе заработковъ рабочихъ съ предшествующимъ временемъ покажутъ намъ, что вознагражденіе за трудъ не возросло, а понизилось.

Въ другихъ родахъ производства, какъ извѣстно, введеніе машинъ усиливаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда. Если мы не замѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ того же явленія въ большихъ размѣрахъ, то это объясняется тѣмъ, что по условіямъ даннаго производства женскій трудъ имѣлъ въ немъ лишь весьма ничтожное примѣненіе (хотя и теперь еще я самъ видѣлъ на сибирскихъ промыслахъ женщинъ, протирающихъ пески на бутарѣ); что же касается труда дѣтей и подростковъ, то запросъ на него могъ увеличиться съ замѣною ручной откатки песковъ и турфа отвозкою на лошадяхъ, причемъ дѣти и подростки дѣлались погонщиками, точно такъ же, какъ и при отвозкѣ не уносимыхъ водою отбросовъ золотопромывательной машины (эфеля и гальки).

Такимъ образомъ, изслѣдованіе исторіи пріисковаго труда подтверждаетъ теоретическія положенія экономической науки, а это въ свою очередь даетъ лишній аргументъ въ пользу необходимости подобныхъ изслѣдованій, весьма важныхъ также и въ практическомъ отношеніи: для выработки болѣе совершеннаго фабричнаго законодательства. Пожелаемъ же, чтобы вниманіе историковъ обратилось и на изученіе прошлой жизни нашихъ фабричныхъ рабочихъ и чтобы исторія ихъ прежняго быта помогла бы созданію для нихъ лучшаго будущаго *).

I.

Число и составъ рабочихъ.—Наемъ и размѣръ задатковъ.—Контракты.—Пріисковыя дороги.—Усовершенствованіе золотопромышленной техники.—Огромные доходы золотопромышленниковъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Размѣръ уроковъ.—Мѣсячное жалованье.

До начала пятидесятыхъ годовъ частная золотопромышленность въ Сибири существовала въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Киргизской степи, въ Томскомъ (а по нынѣшнему административному раздѣленію въ Маріинскомъ) округѣ, Томской губерніи, во всѣхъ округахъ Енисейской губ., въ Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ Иркутской губ., въ Верхнеудинскомъ

*) При составленіи этого очерка, кромѣ печатныхъ источниковъ, мы пользовались документами сибирскаго комитета (въ архивѣ комитета министровъ), архивовъ: горнаго департамента, главнаго управленія Алтайскаго горнаго округа въ Барнаулѣ и иркутскаго горнаго управленія, архивовъ исправниковъ олекминской и южно-енисейской системъ и дмитріевскаго волостнаго правленія въ с. Тисюлѣ (Маріинскаго округа, Томской губерніи) и, наконецъ, нѣсколькихъ архивовъ частныхъ золотопромышленниковъ.

округѣ Забайкальской области. Въ пятидесятыхъ годахъ положено было начало частной золотопромышленности и въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области.

На всѣхъ этихъ промыслахъ работало *): въ 1850 году въ Западной Сибири (въ Киргизской степи и Томскомъ округѣ) 3,551 чел., въ Восточной—28,822 чел., итого 32,373 чел., въ 1851 г. въ Западной—3,510 ч., въ Восточной—31,920 чел., итого 35,430 чел. Относительно послѣдующихъ годовъ данныхъ о промыслахъ Западной Сибири мы не имѣемъ, а на пріискахъ Восточной Сибири работало: въ 1853 г. 33,152 чел., въ 1856 г. 38,251 чел., въ 1857 г. 38,123 чел., въ 1858 г. 34,960 чел. Сравнительно со второю половиной сороковыхъ годовъ число рабочихъ въ Восточной Сибири значительно увеличилось.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ преобладающимъ составнымъ элементомъ пріисковой рабочей массы были ссыльно-поселенцы: они являлись тѣмъ рабочимъ пролетаріатомъ, существованіе котораго необходимо для развитія крупной промышленности; но затѣмъ золотопромышленность стала привлекать и другія рабочія силы. Генералъ-адъютантъ Анненковъ, производившій ревизію Западной Сибири въ 1851 г., обратилъ вниманіе на то, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, число ссыльно-поселенцевъ, работавшихъ на пріискахъ Енисейской губерніи, стало быстро уменьшаться: въ 1847 г. они составляли тамъ 68% всѣхъ рабочихъ, въ 1848 г. 67%, въ 1849 г.—62% и въ 1850 г. менѣе 53% **). Другое обстоятельство, замѣченное Анненковымъ, было ежегодное увеличеніе притока на пріиски Енисейской губерніи рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній и особенно помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1847 г. рабочіе изъ Великороссіи составляли тамъ 13,7% всего числа рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьи крестьяне 6,5%), въ 1849 г. первые 18% (въ томъ числѣ помѣщичьи—8,8%), въ 1850 г. великороссовъ было 19% рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ—11,8%). Изъ числа великороссовъ, по свидѣтельству Анненкова, оставалось въ енисейской тайгѣ нѣсколько лѣтъ сряду до 1,600 чел. изъ одной Нижегородской губ. Анненковъ полагалъ, что «послѣдовательно уменьшающееся число ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ и въ той же послѣдовательности ежегодно увеличивающееся число рабочихъ изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, и особенно помѣщичьихъ, показываетъ, что внутреннія губерніи непрестанно болѣе и болѣе сближаются съ Сибирью ***) и что существовавшій прежде страхъ Сибири теряетъ въ Россіи болѣе и болѣе свою силу» и что «современемъ крестьяне могутъ совер енно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ». Анненков признавалъ значеніе золотопромышленности въ томъ отношеніи, что

) Изъ различныхъ оффиціальныхъ показаній беремъ максимальныя цифры.

) Во всей Восточной Сибири въ 1850 и 1851 гг. ссыльно-поселенцы составляли
529 изъ пріисковыхъ рабочихъ, а въ Западной Сибири въ 1847 году—72%, въ
185 —69%.

* На это мѣсто доклада Анненкова обратилъ вниманіе имп. Николай.

она въ теченіе лѣта давала работу значительному количеству бездомныхъ ссыльно-поселенцевъ, но, въ то же время, онъ пришелъ къ выводу, что золотопромышленность не только не содѣйствуетъ устройству ссыльно-поселенцевъ, но, быть можетъ, даже препятствуетъ ему.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на записку Анненкова по вопросу объ увеличеніи на пріискахъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, составляющемъ, по словамъ Муравьева, «предметъ особыхъ опасеній генералъ-адъютанта Анненкова», высказалъ мнѣніе, что нѣтъ причинъ «преграждать крестьянамъ великороссійскихъ губерній всѣхъ наименованій временно или постоянно селиться въ Сибири» въ виду ея малонаселенности и недостатка земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ европейской Россіи. «Правительству едва ли полезно было бы, — продолжаетъ Муравьевъ,—отвращать жителей внутреннихъ губерній отъ Сибири, а, напротивъ, должно желать, чтобы они переселялись сюда охотно и свободно, не требуя пособій отъ правительства для сего переселенія, чего достигнуть можно тогда лишь, когда во внутреннихъ губерніяхъ убѣдятся, что въ Сибири работать выгодно и жить привольно». По поводу предположенія Анненкова, что современемъ крестьяне великороссійскихъ губерній могутъ совершенно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ, Муравьевъ замѣтилъ, что это только содѣйствовало бы «болѣе успѣшному обращенію» ссыльно-поселенцевъ къ занятіямъ хлѣбопашествомъ и ремеслами, отъ которыхъ ихъ отвлекаетъ золотопромышленность, а въ Сибири «еще долго будетъ ощутителенъ недостатокъ рукъ, а не излишекъ ихъ». Во всякомъ случаѣ въ Сибири пока не чувствовалось, по мнѣнію Муравьева, никакого неудобства отъ постепенной замѣны на золотыхъ промыслахъ ссыльно-поселенцевъ крестьянами изъ внутреннихъ губерній, а также не замѣчено было, чтобы совмѣстная работа этихъ крестьянъ и поселенцевъ имѣла бы вредное вліяніе на первыхъ. Сибирскій комитетъ нашелъ, что «при настоящемъ положеніи дѣлъ едва ли удобно и возможно поощрять употребленіе на золотыхъ промыслахъ въ Сибири крестьянъ изъ великороссійскихъ губерній». Нѣтъ сомнѣнія, что это было бы выгодно для золотопромышленниковъ, такъ какъ давало бы имъ средства и возможность дешевле нанимать рабочихъ на промысла, «но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что многіе изъ ссыльныхъ, не получивъ до сихъ поръ надлежащаго устройства на прочныхъ основаніяхъ, существуютъ и оплачиваютъ подати единственно заработками на золотыхъ промыслахъ и что поэтому, до принятія мѣръ къ устройству ссыльныхъ на иныхъ противу теперешняго началахъ, дѣйствительно надо опасаться, что если великороссійскіе крестьяне вытѣснятъ ссыльно-поселенцевъ съ работъ на золотыхъ промыслахъ, то бродяжество сихъ послѣднихъ можетъ еще усилиться, преимущественно въ лѣтнее время, когда они могутъ быть наиболѣе вредны», а это принесетъ «вредъ всему краю». Комитетъ указалъ еще на то, что при огромномъ пространствѣ Сибири, слабости тамъ полиціи и возможности укрываться бѣглымъ и бродягамъ, трудно наблюдать за крестьянами, приходя-

шими въ Сибирь для работъ на золотыхъ промыслахъ изъ внутреннихъ губерній. Не желая мирволить золотопромышленникамъ, сибирскій комитетъ чувствовалъ, однако, нѣкоторую слабость къ великороссійскимъ помѣщикамъ: онъ считалъ «особенно вреднымъ» то, что помѣщичьи крестьяне «бродяжничаютъ по Сибири, а помѣщики даже не знаютъ, куда и къ кому обратиться, чтобы отыскать своихъ людей», и потому высказывался за необходимость мѣръ для ограниченія бродяжничества по Сибири великороссійскихъ крестьянъ. Муравьевъ, спрошенный по этому поводу, представилъ мнѣніе енисейскаго губернатора Падалки, который писалъ, что «крестьяне великороссійскихъ губерній, приходящіе для работъ на золотыхъ промыслахъ, не только не могутъ вытѣснить поселенцевъ съ промысловыхъ работъ, но, облегчивъ золотопромышленниковъ въ наймѣ на промысла рабочихъ, сохранятъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, рабочихъ и для прочихъ сословій Енисейской губерніи». Нельзя также предполагать, что современемъ потребуется большее количество рабочихъ, «отдѣленіе которыхъ изъ числа ссыльныхъ можетъ имѣть невыгодное вліяніе и на хлѣбопашество; даже истощеніе въ настоящее время на нѣкоторыхъ промыслахъ богатства содержанія песковъ заставляетъ золотопромышленниковъ увеличивать число рабочихъ. Наконецъ, самое намѣреніе правительства устроить бытъ поселенцевъ можетъ встрѣтить препятствіе въ несоразмѣрномъ требованіи этихъ людей на промыслы, такъ какъ «для прочнаго водворенія ссыльныхъ необходимо постоянное пребываніе ихъ на мѣстѣ причисленія».

Ознакомившись съ полученными имъ по этому вопросу мнѣніями, сибирскій комитетъ пришелъ къ тому заключенію, что наемъ рабочихъ на частные золотые промыслы изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній слѣдуетъ оставить «при прежнемъ порядкѣ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ своимъ первоначальнымъ положеніемъ, одобреннымъ Государемъ (въ октябрѣ 1852 г.), призналъ существенно необходимыми особыя мѣры для предупрежденія бродяжничества этихъ крестьянъ въ Сибири и принялъ съ нѣкоторыми дополненіями правила, составленныя съ этою цѣлью министромъ финансовъ. Мнѣніе комитета было одобрено Государемъ 23 декабря 1853 г. Не излагаемъ этихъ правилъ, такъ какъ они, повидимому, остались мертвою буквой.

Въ Енисейской губерніи въ 1851—54 гг. процентъ ссыльно-поселенцевъ въ общемъ числѣ пріисковыхъ рабочихъ продолжалъ постепенно уменьшается (съ 52,6 до 47,3%), но, въ то же время, уменьшался и процентъ рабочихъ, приходившихъ на пріиски изъ Европейской Россіи (съ 17 до 1%); однако, количество великороссійскихъ рабочихъ затѣмъ стало увеличиваться и дошло въ 1858 г. до 26% (въ 1859 г. 21%).

Точно также и на промыслахъ всей Восточной Сибири мѣщане, крестьяне и ссыльно-поселенцы сибирскихъ губерній составляли еще въ 1856—18[illegible] гг. 89—90%, а мѣщане и крестьяне великороссійскихъ губерній и ра[illegible]очинцы—11—10% всѣхъ рабочихъ; но въ 1858 г. притокъ рабочихъ из[illegible]еликороссіи такъ увеличился, что мѣщане и крестьяне великороссій-

ских губерній составляли уже 21% всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири.

Отчеты енисейскаго губернатора даютъ возможность вычислить и распредѣленіе по поламъ рабочихъ, находившихся на промыслахъ этой губерніи. Оказывается, что женщинъ на пріискахъ было въ 1851—1854 гг. minimum 3,3%, maximum—4,8% всего числа рабочихъ, а по округамъ наименьшій процентъ женщинъ былъ на промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа, какъ наиболѣе отдаленной и гдѣ золотопромышленники должны были особенно стремиться ограничить количество женщинъ въ виду дороговизны пропитанія (въ 1851 г. онѣ составляли здѣсь всего 1,3% рабочихъ), а наибольшій процентъ находимъ на промыслахъ Канскаго округа.

Переходя къ характеристикѣ положенія рабочихъ на золотыхъ пріискахъ въ пятидесятыхъ годахъ, мы, прежде всего, приведемъ нѣсколько свѣдѣній относительно найма рабочихъ въ Киргизской степи. Киргизскіе пріиски отличались весьма малымъ содержаніемъ золота (менѣе ½ золотника въ 100 пудахъ песку) и золотопромышленность была тамъ возможна только вслѣдствіе дешевизны рабочихъ. «На золотыхъ пріискахъ въ степи употребляются,—по словамъ генерала Анненкова,—большею частью черноробочіе изъ киргизъ, нанимаемыхъ на три разные срока: одни на все время годового производства, другіе до сѣнокоса, т.-е. до 15 іюля, третьи на нѣсколько дней», во время прохода киргизъ мимо производства работъ. Нанимались киргизы безъ всякихъ формальностей, по однимъ домашнимъ, а часто и просто по словеснымъ условіямъ, однако, случаи нарушенія ими договоровъ были довольно рѣдки. Плата киргизамъ за все лѣто бывала, по свидѣтельству Анненкова, обыкновенно до 20 руб. сер., по другимъ же источникамъ киргизы мужчины получали по 4 руб., женщины — по 3 руб. въ мѣсяцъ. За старательское золото въ степи платили не болѣе 2 руб. 50 коп. ассигнаціями (71 коп. сер.) за золотникъ. Киргизы, если имъ не давали большихъ задатковъ, вели себя на промыслахъ хорошо, но такъ какъ главною ихъ цѣлью былъ заработокъ суммы, достаточной на покупку скота и лошадей, то они рѣдко нанимались на пріиски болѣе двухъ-трехъ лѣтъ сряду; однако, нѣкоторые изъ нихъ оставались на пріискахъ на зиму въ своей кибиткѣ и со своимъ небольшимъ стадомъ.

Въ другихъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири владѣльцы пріисковъ жаловались на недостатокъ рабочихъ. Такъ, въ одной газетной статьѣ (1854 г.), составленной по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, авторъ говоритъ: «При настоящемъ развитіи золотопромышленности въ Восточной Сибири потребность въ чернорабочихъ ежегодно возростаетъ», а потому въ нихъ «оказывается недостатокъ по малонаселенности этого отдаленнаго края. Вслѣдствіе этого, наемъ работниковъ весьма затруднителенъ, особенно на такой пріискъ, который прослылъ въ народѣ неудобнымъ для работъ или хозяинъ котораго ведетъ дѣло неразсчетливо и недобросовѣстно. Только крайняя нужда, пьянство или обман-

чивая приманка большого задатка при наймѣ могутъ склонить рабочаго поступить на подобный пріискъ» *).

При наймѣ рабочихъ волостные писаря производили значительные поборы, большую часть которыхъ имъ приходилось отдавать исправникамъ и другимъ представителямъ мѣстной администраціи; понятно, что, въ виду этого, различныя предписанія, воспрещавшія взиманіе ихъ, должны были оставаться мертвою буквой. По словамъ Кривошапкина, эти поборы при наймѣ доходили до 3 р. 50 к. съ каждаго, причемъ расходъ этотъ, вмѣстѣ съ платою за паспортъ, ставили на счетъ рабочаго, но въ южной системѣ Енисейскаго округа нѣкоторыя компаніи принимали на свой счетъ, что и выговаривалось въ контрактахъ съ ними.

По закону 1840 г. золотопромышленники должны были, «независимо отъ наемной платы», вносить за каждаго ссыльно-поселенца, нанимаего ими для работъ на пріискахъ, по 1 р. 50 к. съ человѣка въ пользу экономическаго капитала ссыльныхъ. 15 мая 1853 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета, сверхъ полуторарублеваго сбора, съ золотопромышленниковъ за каждаго ссыльнаго, дѣйствительно, явившагося на пріискѣ, постановлено было еще взыскивать, также «независимо отъ наемной платы», для устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ, по 1 руб. сер. Сборъ этотъ золотопромышленники обязаны были вносить прямо въ подлежащее окружное казначейство вслѣдъ за окончаніемъ лѣтнихъ работъ, распредѣленіе же его предоставлялось усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства. Вновь установленный съ золотопромышленниковъ сборъ по 1 руб. сер. они отнюдь не должны были вычитать у ссыльно-поселенцевъ изъ задаточныхъ денегъ. Въ 1857 г. енисейская экспедиція о ссыльныхъ дала знать горнымъ исправникамъ, что со всѣхъ находящихся на промыслахъ ссыльныхъ женщинъ также слѣдуетъ взыскивать въ экономическій капиталъ по 1 руб. 50 коп. Въ слѣдующемъ году высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета была введена, въ видѣ

---

*) Вотъ какъ, по словамъ Кривошапкина, нанимала рабочихъ одна компанія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ предъидущую операцію она очень плохо кормила рабочихъ и обидѣла ихъ при разсчетѣ, сдѣлавъ разные вычеты. Слухъ о томъ прошелъ между рабочими и потому на новую операцію охотниковъ не явилось. „Попробовали послать нанимателя. При одномъ имени компаніи рабочіе машутъ только руками, да покачиваютъ головой... И вотъ отыскивается ловкій плутъ, пройдоха изъ поселенцевъ, получаетъ десять цѣлковыхъ, отправляется съ ними въ кабакъ, гдѣ и показываетъ видъ богача, кутящаго отъ благодѣяній компаніи. Затѣмъ набираетъ ви[illegible] и отправляется къ кому-нибудь въ домъ; угощаетъ, поитъ съ прибавленіемъ, мо[illegible]ъ быть, и спеціи вродѣ бѣлены или дурмана, опаиваетъ и ведетъ къ нанимате[illegible]а тамъ сидитъ уже волостной писарь съ готовымъ договоромъ, куда и вписы[illegible]тъ имя приведеннаго. Тутъ же выдаютъ задатокъ, и поселенецъ, поздравляя с[illegible]олученіемъ, проситъ отпотчивать за прежнюю его любезность; приходятъ они о[illegible]ъ въ кабакъ, и пошла потѣха, такъ что, когда мужикъ опомнится и отрезвит[illegible]е денегъ прокучено довольно, взять для возврата негдѣ, договоръ подписанъ и з[illegible]ъ... Словомъ, это ведется какъ при наемкѣ рекрутовъ“.

опыта на три года, отдача на золотые пріиски въ Сибири ссыльно-поселенцевъ, неисправныхъ въ платежѣ податей и экономическаго капитала. Отдавались они туда по распоряженію земскихъ исправниковъ, съ которыми довѣренные золотопромышленниковъ, желающихъ нанять такихъ ссыльно-поселенцевъ, заключали условія найма съ тѣмъ, чтобы плата имъ соотвѣтствовала назначаемой вольнымъ работникамъ той же мѣстности.

При взысканіи съ нанимающихся рабочихъ податей волостное начальство дѣлало на нихъ громадные начеты. Въ 1851 г. шефъ жандармовъ гр. Орловъ довелъ до свѣдѣнія министра финансовъ гр. Вронченко, что на «всякомъ почти частномъ пріискѣ Западной Сибири каждый годъ поступаютъ отъ рабочихъ къ горному исправнику Томской губерніи претензіи относительно взысканія съ нихъ волостными правленіями вдвойнѣ и втройнѣ податей и съ каждымъ годомъ претензіи эти увеличиваются, такъ что не видно ни конца имъ, ни мѣры къ удовлетворенію». Гр. Орловъ предлагалъ ввести въ волостныхъ правленіяхъ шнуровыя книги съ тѣмъ, чтобы прикащики золотопромышленниковъ сами отмѣчали бы въ нихъ количество денегъ, внесенныхъ за каждаго рабочаго; однако, огромные начеты на рабочихъ продолжались, продолжаются и до сихъ поръ. «Удивляться нужно,—говоритъ Кривошапкинъ,—какія плутовства и притѣсненія дѣлаютъ при перемѣнѣ посылаемыхъ старыхъ паспортовъ или видовъ, съ приложеніемъ, по примѣру прежняго года, денегъ, да и большею частью съ прибавочкой для ублаготворенія какого-нибудь писаря». Къ ожидаемому сроку паспортъ не приходитъ, приходится послать въ подарокъ еще рубля три, потомъ новый подарокъ, и лишь тогда получаютъ ожидаемый документъ. «А въ это время бѣдный поселенецъ можетъ за безписьменность и плети получить, а крестьянинъ вдоволь въ острогѣ насидѣться. Горько смотрѣть на этихъ несчастныхъ, какъ они на колѣняхъ и со слезами на глазахъ представляютъ полицейскому почтовыя росписки въ отсылкѣ и документовъ, и денегъ, и удостовѣреніе лицъ, у которыхъ постоянно служили, въ ихъ званіи. Вздумай только пріисковая полиція схватить всѣхъ такихъ чающихъ документовъ, а пріисковые врачи пусть откажутся только удостовѣрять въ болѣзненности такихъ лицъ, то и работы на пріискахъ, пожалуй, нужно будетъ остановить».

По закону 1838 г. выдача впередъ денегъ при наймѣ рабочихъ не должна была превышать всей платы по договору, задатки же, выдаваемые ссыльно-поселенцамъ, должны быть не болѣе 25 руб. асс., со включеніемъ въ это число годового оклада податей, но, въ дѣйствительности, задатки всегда превышали эту сумму и, по свидѣтельству генерала Анненкова (1851 г.), обыкновенно равнялись 20—30 руб. сер. Изъ разсчетныхъ книгъ и контрактовъ съ рабочими пятидесятыхъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычнымъ задаткомъ (считая въ томъ числѣ и такъ называемую ссуду) для южно-енисейской системы можно принять 30 руб. сер., а для сѣверной части Енисейскаго округа—35—40 руб. сер. Сравнительно съ сороковыми годами размѣръ задатковъ значительно увеличился. Кри-

вошапкинъ, собиравшій свѣдѣнія относительно Енисейскаго округа въ 1859 г., говоритъ, что задатки выдаются не менѣе 40 руб. и иногда восходятъ даже до 50—70 руб. Особенною тароватостью въ этомъ отношеніи отличалась компанія Бенардаки, содержателя виннаго откупа, такъ какъ при искусныхъ, опытныхъ нанимателяхъ задатки могли очень скоро возвратиться чрезъ кабаки съ двойными барышами. Нужно замѣтить, что въ счетъ задатка рабочимъ выдавали одежду и обувь по возвышеннымъ цѣнамъ и нерѣдко плохого качества. Впрочемъ, нѣкоторые рабочіе нанимались совсѣмъ безъ задатка.

Мѣстные наблюдатели съ различныхъ точекъ зрѣнія относились къ увеличенію размѣровъ задатка: одни считали это явленіе весьма вреднымъ для рабочихъ, такъ какъ видѣли въ немъ закабаливаніе ихъ золотопромышленникамъ, другіе, напротивъ, полагали, что деньги, получаемыя въ задатокъ, тратились производительнѣе, чѣмъ «додача», выдаваемая по окончаніи работъ. Перваго мнѣнія держится авторъ одной изъ самыхъ раннихъ статей въ печати въ защиту интересовъ пріисковыхъ рабочихъ *). «Наниматели,—говоритъ онъ,—зная беззаботный, разгульный характеръ и слабую сторону сибирскаго мужичка, стараются другъ передъ другомъ дать работнику побольше задатку. Они знаютъ по опыту, что едва сотый изъ нихъ устоитъ противъ такого могучаго соблазна; остальные же 99 человѣкъ, сдѣлавъ самыя необходимыя покупки на дальнюю дорогу и оставивъ немного денегъ семейству на прокормленіе, всѣ остальныя деньги вручаютъ на сохраненіе всепоглощающему сундуку услужливаго цѣловальника. Такимъ-то образомъ, гг. наниматели дѣлаютъ наемника своимъ должникомъ и, пріобрѣтая право безусловно завладѣть его личностью на все время пріисковой работы, заставляютъ его работать до совершеннаго истощенія силъ». Напротивъ, енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ отчетѣ о частной золотопромышленности въ Енисейской губерніи въ 1859 г. признаетъ, что при разсчетѣ осенью этого года большая часть рабочихъ Енисейскаго округа «вышла безъ денегъ и даже съ долгами», и что это происходитъ отъ выдачи большихъ задатковъ при наймѣ, но «обстоятельство это», по его мнѣнію, «едва ли можно назвать зломъ», такъ какъ деньги, получаемыя на мѣстахъ найма, «идутъ на уплату разныхъ повинностей и устройство домашняго хозяйства; тѣ же, которыя получаются при разсчетѣ на промыслахъ, большею частью пропиваются дорогой». Мы съ своей стороны добавимъ, что выдача значительныхъ задатковъ служила для рабочихъ нѣкоторою гарантіей отъ досрочнаго разсчета; занятые же съ малыми задатками или совсѣмъ безъ нихъ находились въ гораздо большей зависимости отъ каприза золотопромышленника или его управляющаго, которые могли разсчитать рабочаго, когда имъ вздумается.

При наймѣ служащихъ и рабочихъ заключались контракты, которые свидѣтельствовались въ городахъ въ окружныхъ судахъ, полицейскихъ

---

*) *Иркутскія Губернскія Вѣдомости* 1859 г., №№ 12 и 14.

частныхъ городовыхъ управахъ и у публичныхъ маклеровъ, въ деревняхъ въ волостныхъ правленіяхъ или инородческихъ управахъ и на пріискахъ горными исправниками. По содержанію можно различить нѣсколько типовъ договоровъ: контракты со служащими, съ разными мастеровыми, контракты при наймѣ въ поисковую партію, на вскрышу турфовъ (незолотоносной породы) и, наконецъ, общій конктракъ на всѣ пріисковыя работы. При свидѣтельствованіи контрактовъ, административныя власти Западной Сибири и Енисейской губерніи вовсе не касались ихъ содержанія; напротивъ, въ Олекминскомъ округѣ Якутской области въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ горный исправникъ требовалъ, чтобы ему представлялись условія о старательскихъ и другихъ работахъ, и были случаи, когда, имѣя въ виду интересы рабочихъ, онъ не утверждалъ договора. Такъ, наприм., лѣтомъ 1858 года олекминскій горный исправникъ Измайловъ не утвердилъ постановленія ленскаго золотопромышленнаго товарищества Баснина и Катышевцева о старательскихъ работахъ, на которое, впрочемъ, и рабочіе не изъявили согласія, и предложилъ оставить въ силѣ прошлогоднее постановленіе относительно этихъ работъ, такъ какъ измѣненіе его «есть только поводъ къ неудовольствію со стороны рабочихъ людей на управленіе», слѣдствіемъ чего является «нерадѣніе рабочихъ къ работѣ и даже ихъ побѣги». Однако, какъ мы увидимъ ниже, рабочіе одного изъ пріисковъ этой компаніи согласились подписать договоръ, а на другомъ хотя и не подписали его, но стали работать на условіяхъ, предложенныхъ пріисковымъ правленіемъ.

Въ общихъ контрактахъ съ рабочими или назначался опредѣленный срокъ явки на пріиски (первыя или послѣднія числа февраля, первое марта, начало апрѣля, первое мая, а при зимнихъ работахъ сентябрь или октябрь), или рабочихъ обязывали отправиться въ путь по первому требованію пріисковаго управленія. Неопредѣленный срокъ вызова на промысла былъ, конечно, крайне неудобенъ для рабочихъ, такъ какъ, связанные договоромъ, они не могли до отправки на пріиски наняться на другую работу. Для промывки золотосодержащихъ песковъ необходима вода и потому въ годы съ раннею весной промывка начиналась съ 1 мая, а при поздней веснѣ съ 1 іюня, приготовительныя же работы—постройка машинъ, рубка лѣса и дровъ и снятіе турфа—чаще всего начинались въ мартѣ и апрѣлѣ, иногда же производились и зимой, для чего оставляли на зиму на промыслахъ часть рабочихъ *).

Наиболѣе обычный срокъ окончанія работъ, установленный закономъ 1838 г. для всѣхъ промысловъ, гдѣ не было теплыхъ промываленъ, былъ 10 сентября, но на промысла Томской губерніи и южной части Енисейскаго округа нанимали иной разъ и до 1 октября. Въ дѣйствительности

*) На промыслахъ Енисейской губ. на зиму 1850—1851 гг. оставалось 14,7% всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на этихъ промыслахъ, зимой 1851—1852 гг.—17%, въ 1852—1853 гг.—почти 20%, въ 1853—1854 гг.—21%.

же, общій разсчетъ производился, какъ видно изъ разсчетныхъ книгъ, въ южной-енисейской системѣ обыкновенно къ 10 сентября, а въ сѣверно-енисейской системѣ съ конца августа по 10 сентября. Въ сѣверной части Енисейскаго округа разсчетъ начинался ранѣе, вслѣдствіе болѣе суроваго климата этой мѣстности и большей отдаленности отъ жилищъ рабочихъ.

Золотопромышленники не разъ ходатайствовали, чтобы имъ дозволено было продолжать пріисковыя работы (безъ устройства теплыхъ промывалень) и послѣ 10 сентября, но ихъ домогательства, въ виду климатическихъ условій Сибири, всякій разъ встрѣчали отпоръ со стороны высшей мѣстной администраціи. Съ появленіемъ мѣстнаго органа печати въ Иркутскѣ—*Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, золотопромышленники попытались подѣйствовать на общественное мнѣніе и силою печатнаго слова. Въ 1858 г. въ этой газетѣ появилась статья И. Селиванова, въ которой авторъ доказываетъ необходимость продлить срокъ пріисковыхъ работъ. Въ слѣдующемъ году статья эта вызвала чрезвычайно обстоятельное возраженіе въ той же газетѣ за подписью *Оппонентъ*, которая представляетъ едва ли не первую горячую защиту въ печати интересовъ пріисковыхъ рабочихъ. Авторы статей о золотопромышленности, ранѣе напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ, или очень мало говорили о положеніи рабочихъ, или разсматривали этотъ вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія выгодъ золотопромышленниковъ; напротивъ, лицо, скрывшее свое имя подъ указаннымъ псевдонимомъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ нуждамъ рабочихъ. Авторъ статьи указываетъ на то, что если въ контрактахъ не обозначаютъ время, когда рабочіе должны явиться на пріиски, то въ этомъ виноваты сами наниматели, которые «для своихъ собственныхъ выгодъ умышленно нарушаютъ постановленія закона», обязывающія работника непремѣнно явиться «въ означенное время и мѣсто» къ нанимателю и, слѣдовательно требующія точнаго обозначенія срока явки. Если рабочіе не успѣваютъ отработать долга, то въ этомъ опять виновны наниматели, такъ какъ по закону «деньги, впередъ выдаваемыя наемнику, никогда не должны превышать всей платы по договору», между тѣмъ какъ наниматели выдаютъ большіе задатки. «Съ перваго взгляда казалось бы, что рабочій народъ пользуется огромными поощреніями и милостями со стороны хозяевъ; но... это милость злой мачихи къ своему пасынку-ребенку, которая даетъ ему ножъ въ руки, чтобъ его потѣшить». Авторъ видитъ въ большихъ задаткахъ «существенную причину неотработыванія долга». Не говоря уже о «страшныхъ послѣдствіяхъ въ нравственномъ отношеніи, кому не извѣстно, что этихъ бѣдныхъ должниковъ не разъ увозятъ силою на пріиски съ мѣста ихъ жительства (говоря правильнѣе, изъ кабака) пьяныхъ, избитыхъ, оборванныхъ? Кому не извѣстно, сколько ихъ уходитъ ежегодно изъ пріисковъ, не видя въ настоящемъ и не находя въ будущемъ другого исхода своему бѣдственному положенію?» Возражая противъ мнѣнія Селиванова, что погода съ 10 сентября до 1 октября бываетъ лучше, чѣмъ весною, авторъ говоритъ: «Собственно пріисковыя работы (не считая при-

готовительныхъ) начинаются съ того времени, какъ откроется вода, т.-е. никакъ не раньше 1 мая. Въ это время испаренія уже проникаютъ до поверхности земли, которая хотя и покрыта легкимъ слоемъ снѣга, но уже значительно размягчена. Съ половины же сентября она крѣпнетъ до такой степени, что ее трудно взять заступомъ; самое же главное, что замерзшіе комки земли не размываются и уносятъ въ себѣ золото. Кажется, что это не маловажная причина для прекращенія промывки». Очень важна также разница въ теплотѣ воздуха, а также и въ ясности погоды между весною и осенью, такъ какъ рабочій обыкновенно плохо одѣтъ и обутъ и, притомъ, уже изнуренъ четырехмѣсячнымъ непрерывнымъ трудомъ.

Золотопромышленники выговаривали въ договорахъ право переводить рабочихъ съ одной работы на другую, а также отправлять ихъ на другой пріискъ; напротивъ, рабочіе не только не могли совсѣмъ оставить пріискъ до истеченія срока найма, но даже и временно не могли отлучиться съ него безъ разрѣшенія подъ опасеніемъ взысканія, какъ за побѣгъ. Относительно разсчета нанятыхъ рабочихъ прежде срока мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ 50-хъ годовъ двоякаго рода постановленія: въ однихъ упоминается о такомъ разсчетѣ только въ случаѣ прекращенія работъ на пріискѣ, причемъ задолжавшіе рабочіе обязываются уплатить или отработать свои долги; въ другихъ же контрактахъ пріисковому управленію предоставляется право во всякое время по своему усмотрѣнію разсчитать рабочаго. Въ позднѣйшихъ контрактахъ золотопромышленники обыкновенно предоставляютъ себѣ право передавать рабочихъ на пріиски другихъ владѣльцевъ; но изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ 50-хъ годовъ мы только въ трехъ встрѣтили подобное правило, да и то въ договорѣ Асташева 1856 г. такая передача обусловлена согласіемъ рабочихъ, а въ договорѣ съ нимъ же 1858 г. этого условія нѣтъ, но сдѣлана оговорка, что передача другому золотопромышленнику возможна лишь съ соблюденіемъ постановленій того контракта, на основаніи котораго они нанялись; наконецъ, въ договорѣ съ К° Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверной части Енисейскаго округа) 1859 г. сказано: «Если бы почему-либо работы на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ прекратились *ранѣе срочнаго времени,* то управленіе можетъ насъ *продать* (sic!) на другой пріискъ, въ чемъ мы не должны имѣть никакой претензіи, и кто останется должнымъ, тотъ обязанъ долгъ уплатить». Пріисковые рабочіе въ заключаемыхъ ими контрактахъ обыкновенно ручались другъ за друга въ исполненіи принятыхъ ими на себя обязанностей, въ исправной явкѣ къ назначенному сроку и обязывались принять на себя убытки, причиненные неисполненіемъ контракта; по нѣкоторымъ договорамъ они должны были отвѣчать даже за долги товарищей, бѣжавшихъ или разсчитанныхъ вслѣдствіе дурного поведенія, и, притомъ, отвѣчать всею своею собственностью, находящеюся какъ на пріискахъ, такъ и въ деревняхъ. Не явившіеся по болѣзни обязывались прислать вмѣсто себя другихъ, а за неявку безъ особо важныхъ причинъ полагался въ нѣкоторыхъ договорахъ штрафъ, напримѣръ, по

1 рублю въ день, а по другимъ — рабочій обязывался отработать пропущенное время послѣ 10 сентября.

Въ Восточной Сибири не явилось на пріиски въ 1850 г. всего 2,6% нанявшихся; въ слѣдующемъ году нѣсколько болѣе—4,1%. На промысла Енисейской губ. не явилось въ 1852 г. 5,1% нанявшихся, въ 1853 г.— 4,3%, въ 1854 г. — 3,6%. Эти цифры показываютъ, что количество неявившихся было не велико; сравнительно съ сороковыми годами уклоненіе отъ явки на пріиски значительно уменьшилось.

Движеніе рабочихъ на пріиски, по словамъ одного мѣстнаго писателя, «представляло нѣчто оригинальное. Довольно удобное сравненіе, данное этому движенію, до сихъ поръ сохранилось въ народной памяти. Препровожденіе на пріиски рабочихъ обыкновенно сравнивалось у отправлявшихъ ихъ прикащиковъ и довѣренныхъ съ провозомъ стеклянной посуды. Какъ съ послѣдней необходимо осторожное обращеніе, чтобъ она не разбилась, такъ точно съ промысловыми рабочими нужно знать сноровку, посредствомъ которой благополучно можно было бы прибыть на извѣстный пріискъ. Тогда полагались особыя отъ хозяевъ награды тѣмъ счастливцамъ, которымъ безъ особенныхъ казусовъ, побѣговъ и проч. удавалось доставить на пріиски большія партіи. Буйства рабочихъ партій были обыкновенными явленіями, пьянство составляло насущную потребность ихъ. Нуженъ былъ безпрерывный надзоръ для предупрежденія побѣговъ» или пропиванія одежды и обуви. Нерѣдко случалось по нѣсколько разъ одѣвать рабочаго,—конечно, на его счетъ,—пока онъ дойдетъ до пріиска. Такъ какъ золотопромышленники отпускали рабочимъ одежду по дорогой цѣнѣ, то ихъ пьянство могло бы приносить даже выгоду хозяевамъ, еслибъ ихъ не сдерживало опасеніе, что рабочій, слишкомъ много задолжавшій до начала работы, можетъ бѣжать съ пріиска, не заработавъ своего долга.

Дороги, по которымъ рабочимъ приходилось идти на пріиски и обратно, были по большей части въ крайне печальномъ состояніи. Енисейскій губернаторъ въ 1853 году, какъ свидѣтельствуетъ одинъ мѣстный писатель, разрѣшилъ золотопромышленникамъ проводить на промыслахъ дороги, какъ кому вздумается. «На основаніи этого разрѣшенія всюду повалились вѣковыя деревья въ казенныхъ лѣсахъ, и появилась цѣлая сѣть варварски-мучительныхъ дорогъ». Напримѣръ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было въ концѣ 50-хъ годовъ пять пріисковыхъ дорогъ одна отъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи. «Каждая изъ этихъ дорогъ стоитъ столько денегъ, что на общую сумму давнымъ-давно можно бы провести не только широкое шоссе, но даже желѣзно-конную дорогу и выстроить по всему и тяженію обширныя и удобныя казармы». Одинъ золотопромышленникъ, А Н. Л. (Лопатинъ), у котораго также была своя дорога, предлагалъ про- в ти одну прямую и удобную дорогу и готовъ былъ принять на себя всѣ и ержки на ея проведеніе съ условіемъ только, чтобы всѣ проходящіе по и транспорты вносили умѣренную плату за пользованіе дорогою и чтобы и ея поддержаніе золотопромышленники отдѣляли по нѣсколько человѣкъ.

Проектъ этотъ былъ единогласно принятъ, но, однако, осуществленъ не былъ. Это упорное отстаиваніе *своихъ дорогъ* авторъ объясняетъ своекорыстными разсчетами пріисковыхъ уполномоченныхъ или главныхъ управляющихъ, а, между тѣмъ, благодаря всѣмъ этимъ изворотамъ, рабочіе принуждены были пробираться на пріиски и обратно по самымъ ужаснымъ дорогамъ, которыя весною и осенью бывали страшно грязны, лѣтомъ на нихъ ломались повозки и таратайки, а зимой онѣ были такъ узки, что не было возможности разъѣхаться, и покрыты были такимъ глубокимъ снѣгомъ, что транспорты изъ Енисейска на промысла шли по нѣсколько недѣль. Зимовья далеко отстояли другъ отъ друга и были такъ тѣсны и неудобны, что плохо защищали отъ холода худо одѣтаго рабочаго. Оффиціальные отчеты енисейскаго губернатора не даютъ правильнаго понятія о состояніи путей сообщенія и представляютъ ихъ вообще въ довольно розовомъ свѣтѣ, но и въ нихъ прорываются иногда указанія на неудовлетворительность той или другой дороги. Такъ, напримѣръ, по отчету 1855 г. дороги съ Бирюсинскихъ промысловъ Канскаго округа были въ «неудовлетворительномъ состояніи» и требовали улучшенія; по отчету 1858 г. сообщеніе съ золотыми промыслами сѣверной системы Енисейскаго округа, Минусинскаго и Канскаго округовъ «не вполнѣ удовлетворительно», и улучшеніе сообщеній съ пріисками двухъ послѣднихъ округовъ казалось губернатору невозможнымъ «сколько по мѣстнымъ препятствіямъ, столько же и по весьма ограниченному числу золотопромышленниковъ», на счетъ которыхъ поддерживались дороги. Для исправленія дорогъ лѣтомъ и протаптыванія ихъ зимою назначалось золотопромышленниками извѣстное количество пріисковыхъ рабочихъ. Такъ какъ изъ-за пользованія пріисковыми дорогами выходили споры между различными компаніями, то въ октябрѣ 1857 г. исправляющій должность енисейскаго губернатора предписалъ, чтобы тою или другою пріисковою дорогой пользовались лишь тѣ компаніи, которыя ее устраивали и поддерживали, а другіе золотопромышленники не иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ.

Сравнительно съ сороковыми годами, золотыя розсыпи самыхъ богатыхъ сибирскихъ системъ, Бирюсинской и Енисейскаго округа, значительно обѣднѣли, однако, выгоды золотопромышленниковъ не уменьшились въ такой же степени вслѣдствіе усовершенствованія способовъ производства работъ, а именно: 1) употребленія лучшихъ снарядовъ для промывки песковъ, 2) употребленія воды и лошадей для приведенія въ движеніе золотопромышленныхъ машинъ и 3) подвозки песку къ машинамъ не людьми, а на лошадяхъ, по дорогамъ, выстланнымъ досками или даже желѣзными рельсами.

Вскрыша турфа производилась открытыми разрѣзами. «Разрѣзы,—говоритъ Скарятинъ въ своихъ *Замѣткахъ золотопромышленника*,—это широкій ровъ, въ которомъ производятся работы. Ровъ вырывается до почвы. Сначала снимаютъ верхній пустой слой земли (турфъ) во всю ширину золотоносной розсыпи, потомъ берутъ золотоносный пластъ, начиная съ одного

конца, и гонять разрѣзъ впередъ, обыкновенно вверхъ по теченію рѣчки, пробѣгающей по площади... Бока разрѣза называются *бортами*, а отдѣленія пласта, отмѣриваемыя на артель рабочихъ, *забоями*, отъ чего и люди получили названіе *забойщиковъ*... Разрѣзовъ бываетъ иногда нѣсколько на одномъ и томъ же пріискѣ и каждый называется станомъ; отсюда названіе становой, т.-е. прикащикъ, завѣдующій станомъ». Если турфъ и золотоносный пластъ очень толсты, то разрѣзъ ведется въ нѣсколько ярусовъ уступами, чтобы бока его не обваливались. Уступы бывали въ толщину до 1½ аршина при ширинѣ отъ 1½ до 7 аршинъ. При такомъ веденіи работы предупреждались обвалы верхнихъ слоевъ турфа на вырабатываемую площадь и при мерзлотѣ турфа скорѣе могла быть произведена его протайка. Толщина турфа на пріискахъ южно-енисейскаго округа бывала отъ ¼ арш. до 12 арш.; наиболѣе обыкновенная толщина турфа, по словамъ Скарятина, равнялась 2—5 арш. Чиновникъ Разгильдѣевъ, осматривавшій пріиски южной части Енисейскаго округа въ 1853 году, свидѣтельствуетъ, что отвозка турфа въ это время производилась уже преимущественно на лошадяхъ, а на пріискѣ Игн. Рязанова по р. Талой съ этою цѣлью была устроена желѣзная дорога. Толщина лежащаго подъ турфомъ золотоноснаго пласта бывала также весьма различна. Само собою разумѣется, что чѣмъ толще пластъ и чѣмъ тоньше турфъ, тѣмъ пріискъ лучше. «На знаменитомъ Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова по р. Огне (сѣверной части Енисейскаго округа) толщина пласта доходила до 32 арш. и въ бытность мою въ Сибири, — говоритъ Скарятинъ, — еще не было извѣстно, насколько онъ углубится еще. Поэтому пріискъ этотъ считается неисчерпаемымъ богатствомъ, несмотря на то, что по содержанію золота онъ уступаетъ многимъ прежнимъ пріискамъ... Въ Гавриловскомъ пріискѣ содержаніе золота не превышаетъ 1½ золот. отъ 100 пуд. песку; но К° Рязановыхъ, ставя 1,000 рабочихъ и намывая ежегодно болѣе 100 пуд. золота, уходитъ по длинѣ площади очень немного, благодаря именно этой необыкновенной толщинѣ пласта; а длина пріиска около 5 верстъ». Пріискъ этотъ до сихъ поръ разрабатывается (нынѣ онъ принадлежитъ г. Кыманову), и, посѣтивъ его въ 1891 г., мы видѣли образовавшіеся въ прежнихъ разрѣзахъ пруды такой глубины, что въ нихъ иной разъ тонутъ люди.

Добыча песковъ производилась или открытыми разрѣзами, или ортовыми (подземными) работами. Послѣднія, выгодныя лишь тамъ, гдѣ слой турфа очень толстъ, производились, по свидѣтельству Разгильдѣева, преимущественно зимою и, притомъ, въ южной части Енисейскаго округа только по [illegible] грожной на промыслахъ Асташева, Щеголева и Мошарова. «При этой [illegible]тѣ предварительно углубляется въ розсыпи, уже прежде этого обслѣ[illegible] иной шурфовкою, до самой постели (золотоноснаго) пласта, шахта [illegible]ою въ 7 арш. и шириною въ 6 арш.; ее обыкновенно раздѣляютъ» на [illegible] части: «два крайніе отдѣла оставляются для подъема песковъ, средній [illegible]жить для выхода рабочихъ»; шахта крѣпится срубомъ. «Углубивъ,

такимъ образомъ шахту до постели, приступаютъ къ проводу съ почвы ея во всѣ стороны четырехъ крестообразныхъ ортовъ, вышиною отъ 2½ до 3 арш., шириною въ 3 арш.», которые крѣпятся «стойками и перекладами». «Пройдя ортомъ отъ шахты не менѣе 5 саж. подъ прямымъ угломъ», отъ каждаго орта «пробиваютъ въ пескѣ штреки (поперечные ходы)», отъ соединенія которыхъ съ первыми образуются квадраты, вынимаемые постепенно, начиная съ удаленныхъ отъ шахтъ. Подъемъ песковъ изъ шахтъ производится коннымъ воротомъ въ бадьяхъ вѣсомъ до 30 пуд. каждая. «Иногда закладываютъ орта изъ самыхъ разрѣзовъ», тогда «пески изъ нихъ выкатываются въ тачкахъ». При худомъ крѣпленіи ортъ рабочіе подвергались сильной опасности, такъ какъ обрушившаяся земля могла задавить ихъ.

Откатка турфа и песка производилась или въ ручныхъ тачкахъ, вмѣщающихъ отъ 2½ до 3 пудовъ, или на лошадяхъ въ таратайкахъ (вмѣстимостью отъ 15 до 35 пудовъ, въ среднемъ 25 пуд.), или въ вагонахъ (при подвозкѣ по желѣзной дорогѣ, какъ на пріискахъ Боровкова и Асташева по р. Мурожной и Рязанова по р. Удерею въ южной части Енисейскаго округа) вмѣстимостью отъ 60 до 90 пудовъ.

Промывка песковъ первоначально производилась на вашгердахъ и бутарахъ *) или деревянныхъ наклонныхъ столахъ, по которымъ стекала вода, уносившая песокъ, оставляя на доскахъ крупинки золота. Этотъ способъ еще оставался въ началѣ 50-хъ годовъ, по словамъ Гагемейстера, единственнымъ на многихъ промыслахъ; на другихъ сверхъ бутаръ употреблялись разные снаряды, вращаемые людьми, лошадьми или водою. Снаряды эти—чаша, бочка и борона **). Изъ составныхъ частей первой золото-

*) Вашгердъ дѣлается для ручной промывки изъ деревянныхъ досокъ и бываетъ длиною отъ 2½ до 5 аршинъ, шириною отъ 1 до 2 аршинъ. Бутара или полустанокъ—тотъ же вашгердъ, но съ желѣзною рѣшеткой или съ просверленнымъ дырами изъ кубоваго желѣза листомъ, который укладывается надъ верхнею частью вашгерда; на этой рѣшеткѣ или листѣ пески протираются ручными желѣзными гребками (*Латкинъ:* „Очеркъ золотопромышленности Енисейскаго округа", стр. 143).

**) Увеличеніе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ количества машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1843 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію (т.-е. Томскаго, Мивусинскаго, Ачинскаго и Красноярскаго округовъ), было изъ 288 различныхъ „промывальныхъ устройствъ" — вашгердовъ 133 (болѣе 46%), ручныхъ мутиленъ 117 (болѣе 40%), грохотовъ 6, бутаръ 2, чашъ 1, вододѣйствующихъ машинъ 11 (менѣе 4%), коннодѣйствующихъ 9 (болѣе 3%), мутильн. лодокъ—9 (*Горн. Журн.* 1844 г. № 4, стр. 121—131). Въ 1852 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію, количество вододѣйствующихъ и коннодѣйствующихъ снарядовъ значительно увеличилось, а именно изъ 412 „промывальныхъ устройствъ" тамъ было: вашгердовъ 247 (60%), ручныхъ бутаръ 51 (болѣе 12%), ручныхъ мутиленъ 32 (менѣе 8%), вододѣйствующихъ боронъ 5, вододѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 38 и вододѣйствующихъ бочечныхъ машинъ 26, т.-е. всего машинъ, приводимыхъ въ движеніе водою, 69 (около 17%); коннодѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 10, коннодѣйствующихъ бочечныхъ машинъ 2, итого машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, 12 (3%), наконецъ, паровая бочечная машина 1 (*Горн. Журн.* 1853 г. № 2, стр. 297—312).

промывательной машины назовемъ самую чашу, желѣзныя лапы на шарнирахъ, которыя поднимаются и опускаются и при этомъ размельчаютъ песокъ (ихъ называютъ теперь «солдатами»), чанъ для воды, прикрѣпленныя къ чану кожаными рукавами желѣзныя трубочки съ отверстіями, откуда течетъ вода для обмывки песка въ чашѣ, западня въ чашѣ для выпуска гальки *) въ рогъ, откуда ее вываливаютъ, наконецъ, вашгердъ, раздѣленный поперекъ плинтусами или брусками. Машина дѣйствуетъ такимъ образомъ: пускаютъ воду въ чанъ и на колесо, отъ дѣйствія котораго приводится въ движеніе чаша и желѣзныя лапы, и въ то же время въ чашу вываливается песокъ; западня тогда бываетъ закрыта. «Вываленные пески,— говоритъ Разгильдѣевъ,—при помощи воды отъ тренія гальки и желѣзныхъ лапъ и пособія людей (которые въ это время деревянными лопатами способствуютъ скорѣйшей обмывкѣ гальки) минутъ въ 10 или 15 совершенно обмываются, т.-е. раздѣляются на крупную гальку и мелкій песокъ съ пулью; первая выпускается западней въ рогъ для отвозки въ отвалъ, второй же (въ которомъ заключается и золото) стекаетъ на наклонную плоскость или такъ называемую головку, гдѣ золото осѣдаетъ и удерживается плинтусами въ значительномъ количествѣ, остальная же часть его уносится на вашгердъ, гдѣ уже по тяжести снова осѣдаетъ. По окончаніи промывки выгрузка песковъ съ плоскости вашгерда бываетъ такъ: начинаютъ промучивать песокъ деревянными гребками, приподнимая его вверхъ по плоскостямъ, послѣ чего останавливаютъ воду и начинается выгрузка песковъ или сѣрыхъ шлиховъ, которыхъ каждый отдѣлъ промывается особенно на ручныхъ вашгердахъ, гдѣ и получается золото и черный шлихъ. По отмывкѣ полученное золото сушится на желѣзной сковородкѣ и всыпается смотрителемъ машины въ желѣзную банку за печатью управляющаго и потомъ... въ присутствіи самого управляющаго, смотрителя машины и станового прикащика промысла» производится очищеніе золота магнитомъ отъ чернаго шлиха и мелкихъ камешковъ. Машина такого устройства протирала въ смѣну до 13,500 пудовъ «мясниковатыхъ» песковъ, а по словамъ другого наблюдателя (Таскина въ 1859 г.), въ сутки 20—25 т. пудовъ, въ часъ до 2 т. пудовъ. Въ случаѣ недостатка воды, машина дѣйствовала конннымъ воротомъ.

Бочка представляла усѣченный конусъ въ 4½ арш. и болѣе длины; онѣ дѣлались изъ котельнаго желѣза, усѣяннаго отверстіями и вращаю-

---

Цифры эти нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которыя мы привели во введеніи къ нашей статьѣ, на основаніи данныхъ Гагемейстера, но изъ нихъ также видно увеличеніе передѣйствующихъ и коннодѣйствующихъ снарядовъ. На промыслахъ Восточной Сибири въ 1851 г. изъ 354 „промывальныхъ устройствъ“ было вашгердовъ 9, бутаръ 44, бочекъ 46, чашъ 49 и бочекъ 206 (*Горн. Журн.* 1852 г. № 3, стр. 463—477); о преимуществѣ „ручной протирки“ песковъ на промыслахъ Удерейской системы (южной части Енисейскаго округа) см. *Горн. Журн.* 1853 г. № 10, стр. 127.

Галька — обломки горныхъ породъ, небольшіе кругляки и бѣгуны изъ пласта, выбрасываемые при промывкѣ изъ золотопромывальной машины.

щагося на горизонтальной оси; внутри бочки дѣлали желѣзные плинтусы и зубчатыя пластинки; съ одной стороны ея отверстіе для засыпки песку, съ другой—для выбрасыванія гальки. Подъ бочкою помѣщается вашгердъ. Воду пускаютъ не на водяное колесо, а въ бочку; при помощи воды пески по жолобу спускаются въ бочку, а такъ какъ она отъ дѣйствія водяного колеса обращается около своей оси, то пески и отъ напора воды, и вслѣдствіе вращенія бочки трутся объ ея стѣнки, крупная галька постепенно отмывается и выбрасывается въ отверстіе на рѣшето, откуда по рогу сваливается на таратайку, золото же, находящееся въ мелкомъ пескѣ съ мутью, съ эфелями (мелкими камешками) и шлихами (желѣзо въ видѣ опилокъ, всегда сопутствующее золоту) сквозь дырочки бочки проходитъ на наклонную плоскость (или шлюзъ), идущую отъ бочки до земли, гдѣ золото задерживается плинтусами. Окончательное отдѣленіе золота отъ оставшейся части песковъ производится уже ручнымъ способомъ на вашгердѣ, на которомъ одинъ рабочій съ гребкомъ и щеткою въ рукахъ окончательно промываетъ пески и такимъ образомъ получается золото. На бочкѣ промывали въ смѣну, по словамъ Разгильдѣева, до 10 тыс. пудовъ малоглинистыхъ песковъ, а на двухбочечной машинѣ до 30 тыс. разрушистыхъ песковъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на бочкахъ промывали отъ 20 до 40 тыс. разрушистыхъ песковъ *). Борона, по словамъ Гагемейстера, представляла круглую наклонную плоскость, пробитую скважинами, чрезъ которыя песокъ уносится на бутару. Вода такъ быстро стекаетъ съ этой плоскости, что истребляется въ огромномъ количествѣ. Борона считалась удобною для промывки вязкихъ и полувязкихъ песковъ **). На трехъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа Разгильдѣевъ нашелъ паровыя машины; въ томъ числѣ на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева одна промывальная машина приводила въ движеніе двѣ растирательныя чаши.

Количество золота, добываемаго однимъ рабочимъ, и количество промываемыхъ имъ песковъ было весьма различно въ разныхъ сибирскихъ округахъ. На промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1851 году на каждаго рабочаго было добыто золота 2 ф. 16 золот. (въ 1846 г. даже 3 фунта); въ южной части Енисейскаго округа въ 1851 г. 1 ф. 45 золот. въ Томскомъ округѣ 46 золотниковъ, въ Киргизской степи 20 золотниковъ. Количество промытыхъ песковъ на одного рабочаго колебалось отъ 6,630 пуд. (въ Киргизской степи) до 14,666 пуд. (въ сѣв. части Енисейскаго округа), причемъ въ Енисейскомъ округѣ количество промываемыхъ песковъ

*) При промывкѣ на бочкѣ, по словамъ Скарятина, забойщиковъ вмѣстѣ с восчиками песковъ, галечниками и прочею прислугой приходилось по три человѣк на кубическую сажень, а такъ какъ она заключаетъ въ себѣ около 1,200 пудовъ, т на каждаго рабочаго промывалось въ день до 400 пудовъ песку, между тѣмъ как при началѣ сибирской золотопромышленности рабочій мылъ „далеко менѣе 100 пу въ день“: *Скарятинъ*. „Замѣтки золотопромышленника“. II, стр. 136.

**) Въ сѣверной части Енисейскаго округа промывка песковъ производилась боль шею частью въ бочечныхъ машинахъ, въ южной части въ чашахъ и также въ бочкахъ

по разсчету на одного рабочаго въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1846 года) увеличилось вдвое, что, разумѣется, объясняется усовершенствованіемъ техники. «Считая золотникъ лигатурнаго золота въ 3 руб. 15 коп.,—говоритъ Гагемейстеръ,—выходитъ, что работники производятъ, смотря по богатству розсыпи и по легкости, съ которою добываются и промываются пески, отъ 60 до 900 руб.», но за то и всѣ расходы, разсчитываемые на одного рабочаго, чрезвычайно различны. Въ видѣ примѣра доходности нѣкоторыхъ промысловъ мы укажемъ слѣдующій фактъ. Въ Удерейской К° (южно-енисейской системы) въ теченіе семи лѣтъ (1849—1856 гг.) было получено золота 81 пуд. 28 фунт. 28 золот. Считая золотникъ лигатурнаго золота по 3 р. 15 к., мы найдемъ, что стоимость всего добытаго въ это время золота равнялась 988,331 руб., расходовъ же въ семь лѣтъ въ этой К° было 505,062 рубля; слѣдовательно, чистый доходъ—483,269 руб., т.-е. на затраченный капиталъ получалось въ среднемъ 95%. Это вовсе не было явленіемъ исключительнымъ: Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые промыслы сѣверной части Енисейскаго округа давали съ половины сороковыхъ до конца пятидесятыхъ годовъ отъ 1 руб. до 2 руб. прибыли на одинъ рубль расходовъ, т.-е. отъ 100 до 200% *).

Продолжительность рабочаго дня, т.-е. урочныхъ работъ, опредѣляется контрактами пятидесятыхъ годовъ въ 12—15 часовъ, причемъ наименьшее количество часовъ находимъ въ договорахъ съ такъ называемыми *страдными* рабочими (см. ниже). Въ этомъ отношеніи не только не замѣчается прогресса сравнительно съ сороковыми годами, но въ одномъ контрактѣ, а именно съ Асташевымъ 1859 г., рабочіе обязались трудиться съ 3 час. утра до 8 час. вечера, имѣя на обѣдъ и отдыхъ два часа, т.-е. 15 часовъ въ сутки, чего въ контрактахъ прежнихъ годовъ мы никогда не встрѣчали; а по закону 1838 г. работа должна была начинаться не ранѣе 5 час. утра. Въ договорахъ 1854—1855 гг. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы находимъ такое условіе относительно продолжительности рабочаго дня: за исключеніемъ времени на обѣдъ и отдыхъ, рабочіе должны были трудиться по 12½ часовъ въ день, но обязывались не имѣть «ни претензій, ни ропота», если иногда работа продолжится и долѣе, такъ какъ при назначеніи въ этомъ контрактѣ платы за исполненіе извѣстнаго урока продолжительность работъ зависитъ отъ усердія рабочихъ. По показаніямъ одного золотопромышленника, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ рабочій при вскрышѣ турфа, принимаясь за дѣло въ 3 или 4 часа утра, могъ «свободно отработать свой урокъ во второмъ часу пополудни и даже нѣсколько ранѣе», но, во-первыхъ, это показаніе слѣдуетъ принимать съ осторожностью, а, во-вторыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ это время за исполненіемъ урока нерѣдко слѣдовала *обязательная* старательская работа. И потому немудрено, что Кривошап-

*) Объ огромныхъ барышахъ золотопромышленниковъ срав. *И. Барсукова:* „Гр. Н. Муравьевъ-Амурскій". М., 1891 г., II, стр. 30.

кнъ засталъ на одномъ пріискѣ не оконченныя работы еще въ одиннадцатомъ часу ночи. Скарятинъ также свидѣтельствуетъ, что работы на пріискахъ продолжаются «часовъ съ 4 утра и *до поздняго вечера*; отдыхаютъ только въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ» *).

Въ пріисковыхъ контрактахъ, на ряду съ опредѣленіемъ количества часовъ, мы почти всегда находимъ указаніе размѣра уроковъ (по крайней мѣрѣ, для горнорабочихъ), которые они должны были исполнить каждый день. По свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), для вскрыши турфа въ южно-енисейской системѣ наиболѣе обычными были слѣдующіе уроки: на выработку одной кубической сажени въ лѣтнее время обыкновенно ставили рабочихъ отъ 4 до 6 человѣкъ при ручной откаткѣ изъ разрѣза на разстояніи отъ 20 до 40 саж.; съ лошадью же ставили 2 человѣка на сажень съ отвозкою на разстояніе отъ 25 до 80 саж. Въ зимнее время къ этому числу прибавляли по 2 и по 3 человѣка на каждую вскрываемую сажень, смотря по качеству турфа. По другому свидѣтельству этого же времени, при ручной откаткѣ на одну кубическую сажень турфа въ южно-енисейской системѣ задолжалось около пяти человѣкъ. По словамъ жандармскаго офицера Казимирскаго (1843 г.), наиболѣе обыкновеннымъ урокомъ въ то время на пріискахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы было вскрытіе одной кубической сажени турфа въ день при отвозкѣ въ тачкахъ шестью человѣками, при отвозкѣ же на лошадяхъ въ тарантайкахъ тремя человѣками. По другому свидѣтельству (1846 г.) относительно южной части Енисейскаго округа, столько же рабочихъ требовалось для добычи кубической сажени песку и отвозки ея на промывальную машину; изъ этого видно, что сравнительно съ сороковыми годами размѣръ уроковъ въ южно-енисейской системѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ увеличился.

О величинѣ уроковъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на пріискахъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа весьма обстоятельныя свѣдѣнія мы находимъ въ отчетѣ капитана Севастьянова о его поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1859 году. Величина уроковъ *по вскрышѣ «пустой породы»* (турфовъ) измѣнялась и зависѣла отъ управляющаго пріисковъ, но болѣе постоянный урокъ, по словамъ Севастьянова, былъ слѣдующій: «При четырнадцатичасовой смѣнѣ на уборку одной кубической сажени урочной» (и извѣстнаго количества старательской, см. ниже) «задолжается *при ручной откаткѣ*, при разстояніи 20 саж.—2 челов., при 50 саж.—3 чел., при 80 саж.—4 чел., при вѣчной мерзлотѣ—5 чел.» (слѣдовательно, сравнительно съ первою половиною пятидесятыхъ годовъ уроки въ южно-енисейской системѣ еще увеличились). «Ручная откатка пустой породы употребляется только при недостаткѣ лошадей. *При отвозкѣ на лошадяхъ* задолжается на одну кубическую сажень урочныхъ» (и извѣстное количество старательскихъ) «2 челов. и 1 лошадь при отвозкѣ на 90 саж

*) *Замѣтки золотопромышленника.* II, стр. 68.

разстоянія (кромѣ того на 10 куб. саж. задолжается 1 человѣкъ на отвалъ)». По словамъ Таскина, посѣтившаго промыслы Енисейскаго округа въ 1859 г., тамъ задолжалось на вскрышу 1 куб. саж. турфа отъ 2 до 3 человѣкъ при одной лошади, но въ другой статьѣ онъ же говоритъ, что на большей части пріисковъ этого округа задолжается 2 человѣка и 1 лошадь, при мерзлотѣ же на 1 саж. употребляется и до 5 человѣкъ. Наконецъ, по словамъ Скарятина, при легкихъ турфахъ 2 человѣка съ 1 лошадью убирали даже $1^1/_2$ куб. саж. въ день *).

Относительно добычи и промывки песковъ, по свидѣтельству Разгильдѣева, на чашу, гдѣ промывалось въ смѣну до 13,500 пуд. мясниковатыхъ песковъ, задолжалось 35 челов. съ 6 лошадьми (забойщики, возчики, промывальщики и проч.); при водяномъ дѣйствіи чаши выходило на 1,000 п. песку—2,59 человѣка, а если промывальными машинами были бочки разныхъ устройствъ, то на 1,000 пуд. песку требовалось отъ 2,86 до 3,3 человѣка. Кубическую сажень чистаго песку принято было считать на пріискахъ въ 1,200 пудовъ,—слѣдовательно, на сажень требовалось отъ 3,1 до 3,96 чел. По словамъ Севастьянова, уроки по *добычѣ* песковъ на пріискахъ Енисейскаго округа были двухъ родовъ при четырнадцатичасовой смѣнѣ: 1) одна только урочная сажень; 2) урочная кубическая сажень и къ ней добавляется еще излишекъ такъ называемой старательской работы—$^1/_4$ куб. саж. Въ первомъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ, смотря по трудности работы, задолжалось отъ $^3/_4$ челов. до $1^1/_2$ человѣка (другими словами, одинъ человѣкъ добывалъ $^2/_3$—$1^1/_3$ куб. саж.). Во второмъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ урочную и четверть старательской задолжалось 2 человѣка **). По словамъ Таскина, при добычѣ песковъ въ Енисейскомъ округѣ одинъ человѣкъ вырабатывалъ въ день отъ $^1/_2$ до 1 куб. саж. ***).

Подземныя (ортовыя) работы, какъ мы видѣли, встрѣчались на нѣкоторыхъ пріискахъ южной части Енисейскаго округа. По словамъ Кривошапкина, подземныя ортовыя работы чрезвычайно изнурительны и онѣ очень много способствовали развитію простуды, цынги и водянокъ. «Сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта сопутствовали этимъ работамъ, свѣтъ же въ ортахъ отъ сальныхъ свѣчей не только никого и

*) По договору, заключенному 1 мая 1857 г. съ ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева, Олекминскаго округа Якутской области, рабочіе обязались вскрывать турфъ съ отвозкою его въ отвалъ кубическую сажень двумя человѣками при одной лошади.

**) При *перевозкѣ* песковъ, по словамъ Севастьянова, по хорошо устроенной, имѣющей дорогѣ на отвозку 1 куб. саж. при разстояніи отъ 45 до 400 саж. полагалось отъ $^1/_2$ до 2 лошадей, и при каждыхъ 2 лошадяхъ одинъ возчикъ.

***) Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области на пріискѣ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева рабочіе въ 1857 г. обязались добывать и отвезти на машину въ теплый будній день по 1 куб. саж. золотосодержащихъ песковъ двумя человѣками при одной лошади; на отвозку же въ кучѣ гальки и эфеля на каждыя 2 куб. саж. песковъ должно было ставить по одному человѣку съ лошадью; для разравниванія кучи — также полагалось ставить особыхъ людей по мѣрѣ надобности.

ничего не оживлялъ, но... увеличивалъ только испорченность воздуха» *) Кромѣ горныхъ рабочихъ, продолжительность ежедневнаго труда которыхъ обусловливалась большею частью исполненіемъ урока и гораздо рѣже назначеніемъ опредѣленнаго количества часовъ, на промыслахъ были еще плотники, кузнецы, слесаря, столяры, печники, машинисты, кашевары и т. п., такъ называемые *поторжные* рабочіе, работа которыхъ, напротивъ, опредѣлялась не уроками, а извѣстнымъ количествомъ рабочихъ часовъ. Въ договорѣ 1851 г. съ К° Рязановыхъ (сѣв. части Енисейскаго округа) сказано: «Тѣмъ изъ насъ, кому не будетъ назначена уроковая работа, какъ-то: находящимся въ плотничной, кузнечной и прочей такъ называемой *поторжный* работѣ, какой бы то ни было, обязаны продолжать оную» (съ 4 час. утра) «до семи час. вечера, и ни подъ какимъ предлогомъ не должны считать окончаніе другихъ урочныхъ работъ знакомъ прекращенія своихъ». Въ договорѣ 1859 г. съ Асташевымъ (южно-енис. система) къ числу поторжныхъ работъ отнесены также выдѣлка кирпича, кошеніе сѣна и пр.

Вознагражденіе за урочную работу производилось въ видѣ мѣсячнаго жалованья. Относительно размѣра его въ Западной Сибири мы имѣемъ лишь нѣсколько указаній въ отдѣльныхъ контрактахъ **); гораздо болѣе свѣдѣній о мѣсячной платѣ мы имѣемъ относительно промысловъ Восточной Сибири. Въ 1858 г. главное управленіе Восточной Сибири потребовало отъ горныхъ исправниковъ свѣдѣнія о рабочей платѣ на золотыхъ промыслахъ, изъ которыхъ видно, что въ *южно-енисейской системѣ* простые рабочіе получали по контракту жалованья зимою, т.-е. съ 10 сентября по апрѣль, около 5 руб. въ мѣс., лѣтомъ отъ 3 до 3 р. 50 коп. Лѣтомъ мѣсячная плата менѣе, очевидно, вслѣдствіе того, что есть возможность значительнаго заработка на старательской работѣ. Исправникъ *сѣверно-енисейской системы* сообщилъ, что на болѣе замѣчательныхъ по добычѣ золота промыслахъ «задѣльная плата въ мѣсяцъ» (т.-е. жалованье) «простымъ рабочимъ не опредѣляется, потому что имъ назначается заработная плата, которая зависитъ отъ старанья» (см. ниже); однимъ только поторжнымъ опредѣлена плата по 3 р. сер., но плата знающимъ ремесла гораздо выше ***). Изъ донесенія горнаго исправника *Олекминскаго округа* мы узна-

*) На существованіе ночныхъ работъ въ 50-е годы мы нашли весьма неопредѣленное указаніе у Кривошапкина въ его книгѣ *Енисейскій округъ*, стр. 185, и въ вышеупомянутой статьѣ Селиванова, но ни въ одномъ извѣстномъ намъ договорѣ этого времени о нихъ не упоминается.

**) Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Онуфровичемъ (1854 г.) рабочіе условились получать плату по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ, считая въ немъ 30 рабочихъ дней, назначеніе же вознагражденія цеховымъ рабочимъ (мастеровымъ) зависѣло отъ усмотрѣнія управляющаго, смотря по „усердію и способности каждаго“, но ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть менѣе 4 р. 28 коп. сер. въ мѣсяцъ; откомандированные же для расшурфовки пріисковъ и, такимъ образомъ, лишенные старательскихъ работъ, „если они будутъ допущены“, должны были получать отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ.

***) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1859 г. Севастьяновымъ на промыслахъ Ени

емъ, что жалованье чернорабочимъ обыкновенно равнялось 3 руб. въ мѣсяцъ, но на пріискахъ Прибрежно-Ленской К° забойщики и свальщики получали по 15 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ непраздничныхъ дней, турфовщики 12 р., возчики 9 руб. Такъ называемые «цеховые» рабочіе или «разночинцы» *) всего чаще получали въ 1858 г. слѣдующее мѣсячное жалованье (кромѣ старательскихъ заработковъ или праздничной платы): конюхи 7—15 руб. (maximum 20, minimum 4 р.), плотники 6—18 руб (max. 20, min. 4 р.), кузнецы 6—20 р. (min. 5 р.), хлѣбопеки 6—12 р. (max. 16 р.), повара 6—10 р. (min. 5 р., max. 20 р.), нарядчики 7—18 р (min. 5, max. 30 р.), прислуга 3—10 р. сер. Сравнивая мѣсячное жалованье по округамъ, мы находимъ, что ниже другихъ оно было въ Верхнеудинскомъ округѣ и затѣмъ въ Бирюсинской системѣ, всего выше въ Олекминскомъ и Енисейскомъ округахъ. Сверхъ мѣсячной платы всѣ чернорабочіе и большинство разночинцевъ могли пользоваться старательскою работой, а въ случаѣ отсутствія ея получали лѣтомъ добавочное вознагражденіе (см. ниже).

Но въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить не мѣсячную плату по 3 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 коп. въ день, а задѣльную плату за исполненіе извѣстнаго урока, причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни (праздничная поденная плата замѣняла въ такомъ случаѣ прежнее стараніе **).

сейскаго округа, горные работники *до открытія промывки* песковъ получали контрактную плату отъ 10 до 10½ коп. сер. въ рабочій день, а на пріискахъ, гдѣ въ будни нѣтъ добавочныхъ старательскихъ работъ, 4 руб. сер. въ мѣсяцъ. Съ открытія же промывки рабочіе на этихъ послѣднихъ промыслахъ получали повышенную плату (см. ниже).

*) По словамъ олекминскаго исправника, въ составъ „разночинцевъ" входятъ: хлѣбопеки, кашевары, квасовары, кузнецы, молотобойцы, слесаря, плотники, столяры, бондари, конюхи, шорники, служителя при больницахъ, караульные, повара, печники, прислуга, портные, сапожники, промывальщики и пр. Другіе различали мастеровыхъ отъ собственно „разночинцевъ" (конюховъ, кашеваровъ, хлѣбопековъ, поваровъ, прислуги и пр.).

**) Такъ, по договору 1854 г. съ К° Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы) рабочіе должны были получать: „за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою его въ отвалы *двумъ* человѣкамъ при одной компанейской лошади въ будничный день по 80 коп. (т.-е. каждому по 40 к.), а въ праздничный по 1 р. 50 к."; за добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки за 1 куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ праздники по 2 р. По договорамъ 1854 г. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (той же системы) назначено: за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою въ отвалы при одной компанейской лошади *двумъ* человѣкамъ въ будни 80 к., въ праздники 1 руб. 60 к.—2 р.; *четыремъ* человѣкамъ безъ лошади при отвозкѣ на тачкахъ въ будни 1 р. 50 к.—1 р. 60 к., въ праздники 3 р. 20 к.—4 р. За добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки съ куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ воскресные и табельные дни 2 р. 40 к.—3 руб. Такъ какъ для добычи и промывки 1 куб. саж. песку требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, то, слѣдовательно, въ будни каждый получалъ до 40 к., въ праздникъ 80 к.—1 р. сер.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ указаны оба способа вознагражденія: мѣсячное жалованье и задѣльная плата и управленію предоставлялось выбрать тотъ или другой способъ. Въ 1858 г., по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, мѣсячная плата чернорабочимъ была отъ 3 до 7 р., а въ лѣтнее время съ открытія горныхъ работъ они получали плату съ выработки 1 куб. саж. въ будни: за торфъ по 80 к., за добычу и промывку песковъ 1 р. 40 к. Заработокъ чернорабочихъ равнялся въ будни: за торфъ 20—35 к., а за промывку песковъ: перваго разряда чернорабочихъ (забойщиковъ, промывальщиковъ, свальщиковъ, возчиковъ песковъ и конюховъ) 45—55 к. въ день, второго разряда (разборщиковъ и возчиковъ) 35—45 коп. въ день.

II.

Измѣненіе въ системѣ старательскихъ работъ. — Удешевленіе рабочей силы. — Отрядные рабочіе.

Мѣсячное жалованье рабочихъ на золотыхъ промыслахъ было такъ ничтожно, что для нихъ имѣли огромное значеніе такъ называемыя старательскія работы, порядокъ веденія которыхъ подвергся очень существеннымъ измѣненіямъ въ 50-хъ годахъ. Въ виду важной роли старательскихъ работъ въ жизни пріисковыхъ рабочихъ, мы должны подробно разсмотрѣть происшедшія въ нихъ измѣненія, мѣстами начавшіяся еще въ концѣ 40-хъ годовъ и почти закончившіяся во всей Сибири въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія.

Горный инженеръ Ковригинъ, служившій на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, въ оффиціальномъ донесеніи (1853 г.) говоритъ: «При начальной разработкѣ сибирскихъ золотоносныхъ розсыпей на частныхъ промыслахъ промывка песковъ была очень не сложна: она производилась ручною протиркой на плоскихъ и круглыхъ вашгердахъ или бутарахъ. Поэтому и стараніе на золотѣ предпочтительно допускалось одиночное, т.-е. каждый рабочій бралъ пески изъ хозяйскаго разрѣза и промывалъ ихъ на одномъ изъ вашгердовъ, установленныхъ для урочныхъ работъ. Впослѣдствіи, когда вашгерды замѣнились машинами, тачки уступили мѣсто коннымъ таратайкамъ и вагонамъ съ желѣзными дорогами, а дневная промывка песковъ при данномъ числѣ людей слишкомъ удесятерилась, рабочіе сами по себѣ принялись составлять для старанія артели, завели лошадей и, такимъ образомъ, подражая урочнымъ работамъ, стали добывать несравненно болѣе золота, чѣмъ добывали его, работая по-одиночкѣ. Вмѣстѣ съ образованіемъ артелей, промысловыя управленія признали за лучшее отводить для старательскихъ работъ отдѣльныя мѣста, на которыхъ рабочіе закладывали свои разрѣзы и производили добычу золота правильными работами. Этотъ порядокъ старательскихъ работъ, сдѣлавшійся общимъ на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири, по мѣрѣ выемки богатыхъ пластовъ, особенно на Бирюсинской системѣ, на нѣкоторыхъ промыслахъ сталъ измѣняться: значительная часть рабочихъ, получая меньшіе сравни-

тельно съ прежними заработки, уже не такъ охотно выходила на стараніе. Видя это, промысловыя управленія, сколько для поощренія команды, столько же и для собственныхъ выгодъ, предложили послѣдней выработку *полуторныхъ уроковъ* съ тѣмъ, что каждый человѣкъ за лишніе полуурока получаетъ особую плату «въ повышенномъ размѣрѣ». Артельное же стараніе, какъ главное и необходимое условіе взаимныхъ выгодъ нанимателя и наемщика, осталось при полуторныхъ урокахъ только въ праздничные дни... Такимъ образомъ, въ настоящее время,—продолжаетъ Ковригинъ,—на золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири существуетъ два рода старанія: *артельное,* при которомъ плата производится за золотникъ добытаго золота, и *общее,* когда платится не за золото, а за трудъ, употребленный сверхъ урока. *Одиночное* же стараніе дозволяется только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ выгоды работать ни хозяевамъ, ни артелямъ, именно при окончательной очисткѣ почвы, и къ этой работѣ допускаются одни только тѣ, которымъ по роду ихъ занятій невозможно ни участвовать въ артеляхъ другихъ рабочихъ, ни составлять изъ себя артели». Ковригинъ свидѣтельствуетъ, что система полуторныхъ уроковъ *начинаетъ вводиться* на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири и постепенно сокращаетъ тамъ *артельное* стараніе; но онъ считалъ необходимымъ поддерживать и послѣднее, хотя бы для того, чтобы золото, похищаемое на урочныхъ работахъ, не было выносимо въ жилыя мѣста и не шло въ постороннія руки, въ подрывъ казнѣ и золотопромышленникамъ; одиночное же стараніе такъ незначительно, что «не заслуживаетъ вниманія».

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) о порядкѣ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы также отмѣчаетъ измѣненіе, происшедшее въ порядкѣ старательскихъ работъ въ связи съ общимъ усовершенствованіемъ золотопромышленной техники. Онъ указываетъ на то, что прежніе способы добычи золотосодержащаго песка были «почти исключительно основаны на силѣ рабочаго». Теперь же, по крайней мѣрѣ, на промыслахъ, наилучше устроенныхъ, перевозка турфа и пласта или розсыпи производится на лошадяхъ въ большихъ таратайкахъ, придуманныхъ золотопромышленникомъ Лопатинымъ, на которыхъ одна лошадь легко вывозитъ изъ разрѣза тяжесть отъ 25 до 50 пудовъ. Промывка производится на машинахъ, приводимыхъ въ движеніе водою, паромъ или лошадьми, почему измѣнилось распредѣленіе урочныхъ работъ, а потому и разсчетъ съ рабочими производится на иныхъ основаніяхъ, такъ какъ для той работы, на которую требовалось отъ 20 до 25 человѣкъ, теперь достаточно отъ 3 до 6. «Въ прежнее время,— говоритъ авторъ,— старательскія работы при промывкѣ были основаны единственно на одной только добычѣ золота; что касается количества промывныхъ песковъ, которымъ опредѣляется нынѣ, почти на всѣхъ благоустроенныхъ промыслахъ, степень труда, то оно вовсе не принималось тогда въ разсчетъ. Рабочіе, промывая пески, получали плату съ золотника добытаго ими золота». При новой системѣ нужно отличать стараніе на турфахъ

отъ старанія на пескахъ. При стараніи на турфахъ желающій стараться объявляетъ объ этомъ управляющему пріискомъ. «Ему отводятъ мѣсто и даютъ лошадь и таратайку. Выработавъ произвольное количество, рабочій сдаетъ смотрителю свою заработку, которая, по освидѣтельствованіи, записывается въ выдаваемомъ изъ конторы каждому рабочему разсчетномъ листѣ, гдѣ отмѣчается также, сколько денегъ причитается ему за стараніе», причемъ плата за старательскую работу гораздо выше, чѣмъ плата за урочную. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что стараніе на турфахъ было на нѣкоторыхъ промыслахъ нѣсколько позднѣе такъ же регулировано, какъ и стараніе на пескахъ, т.-е. обращено въ добавочную работу въ размѣрѣ извѣстной доли урока: по свидѣтельству Севастьянова, на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейской губ. въ концѣ 50-хъ годовъ сверхъ добычи урочной сажени турфа вскрывали еще «четверть сажени *добавочной* (*старательской*) пустой породы». Что касается старательскихъ работъ при промывкѣ песковъ, то, по свидѣтельству автора статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* онѣ производились инымъ порядкомъ, чѣмъ при вскрытіи турфа. «Промывальщикамъ не предоставляется» на ихъ волю «исполнять послѣурочную старательскую работу, какъ они хотятъ, т.-е. они не могутъ промывать столько розсыпи, сколько имъ вздумается, а, напротивъ того, съ ними предварительно, до начатія промывки золота, уговариваются..., чтобы они, за особую условную плату, непремѣнно промывали, въ старательскіе часы, извѣстное количество песковъ *), обыкновенно *полъ-урка* въ день, и они уже не могутъ уклоняться отъ выполненія этого условія. При промывкѣ песковъ отсутствіе одного или двухъ рабочихъ разстраиваетъ весь ходъ работъ, а потому другого условія и быть не должно». Впрочемъ, авторъ прибавляетъ, что прежняя система старательскихъ риботъ «существуетъ еще кое-гдѣ на дурно устроенныхъ пріискахъ или у отсталыхъ золотопромышленниковъ», но она «выходитъ мало-по-малу изъ употребленія».

Приведемъ еще свидѣтельство Скарятина, автора *Замѣтокъ золотопромышленника,* о перемѣнѣ, совершившейся въ системѣ старательскихъ работъ на благоустроенныхъ пріискахъ, какъ видно изъ показаній Ковригина и автора статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* уже въ первой половинѣ 50-хъ годовъ: «Въ первый періодъ золотопромышленности старательскія работы производились, во-первыхъ, *въ одиночку,* во-вторыхъ — *на золотникъ,* т.-е. по окончаніи хозяйской урочной работы всякому рабочему дозволялось выбрать себѣ мѣстечко и промывать пески отдѣльно про себя». Позднѣе «стараніе въ одиночку и на золотѣ было замѣнено платою съ выработанной кубической мѣры песковъ и турфовъ. Само собою разумѣется, что мѣра эта была введена не вдругъ и не вездѣ: сначала отмѣнили старанія въ одиночку, сохранивъ стараніе на золотѣ, т.-е. рабочіе, по окон-

*) Эта система начала вводиться на большихъ енисейскихъ промыслахъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ.

чанія хозяйскаго урока, производили промывку песковъ не въ одиночку и не каждый про себя, а всѣ вмѣстѣ, на машинѣ. Добытое такимъ образомъ золото дѣлилось между всѣми рабочими. Потомъ пошли далѣе и вовсе отмѣнили разсчеты по количеству добытаго золота, а стали разсчитываться по количеству выработанной земли; впрочемъ,— продолжаетъ Скарятинъ,— есть и теперь еще (т.-е. около 1860 г.) пріиски, на которыхъ стараются не только на золотѣ, но и въ одиночку. Съ старыми привычками разстаются не скоро, да и, кромѣ того, нѣкоторые изъ управляющихъ не замѣняютъ старый порядокъ новымъ потому, что видятъ въ этомъ свою личную выгоду. Но на большей части пріисковъ, въ особенности же въ Енисейскомъ округѣ, который далеко опередилъ всѣ другіе, давно уже введенъ новый порядокъ».

Сопоставивъ, такимъ образомъ, показанія современниковъ, мы видимъ, что одиночное стараніе на золотѣ замѣнилось затѣмъ артельнымъ и, наконецъ, общимъ, а стараніе съ разсчетомъ по количеству добытаго золота замѣнилось разсчетомъ по количеству добытой земли, и эта послѣдняя система была введена ранѣе при добычѣ песковъ, общія же старанія на турфахъ явились позднѣе. Очень важное значеніе въ этой эволюціи имѣло обращеніе (какъ увидимъ ниже) добровольныхъ старательскихъ работъ въ обязательныя. Перемѣны эти совершались не одновременно на различныхъ промыслахъ, такъ что мѣстами на ряду съ новою системой старательскихъ работъ встрѣчалась еще и прежняя.

Какое же вліяніе имѣло введеніе новой системы старательскихъ работъ на вознагражденіе за трудъ? К—въ, авторъ вышеупомянутой статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.), составленной по матеріаламъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, восхваляетъ новую систему. По его словамъ, при прежней системѣ, если случалось рабочимъ найти богатое мѣсто, «они извлекали при промывкѣ много металла и, слѣдовательно, получали много денегъ; но тѣ, которые трудились въ бѣдной розсыпи, добывали золота немного или вовсе ничего не добывали и даромъ тратили свои силы. Нерѣдко штейгеры или смотрители, изъ видовъ корысти, назначали на «стараніе» однимъ рабочимъ мѣста богатыя, а другимъ пустыя. Во всякомъ случаѣ, «стараніе на золото» есть рискъ, удача, какъ лотерея или карточная игра, а не вознагражденіе за трудъ, и потому, въ основаніи своемъ, оно не годится для чернорабочихъ, ибо соединено съ нравственнымъ вредомъ». Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что при новомъ порядкѣ разсчета за старательскія работы «нѣкоторые рабочіе не могутъ пріобрѣтать случайныхъ, иногда огромныхъ выгодъ, возбуждавшихъ зависть и ропотъ между остальными товарищами, трудившимися въ то лица въ пустой розсыпи; за то плата за трудъ раздѣляется ровнѣе и справедливѣе, и всѣ рабочіе пріобрѣтаютъ въ сложности *едва ли* не бо е прежняго, и, притомъ, не случайно, а за прямой и честный трудъ. Эт измѣненіе въ разсчетѣ, конечно, *лишитъ многихъ рабочихъ*, любителей плутовства и риска, *возможности получать большія деньги посред-*

ствомъ подкупа, *воровства или удачи;* за то честные и трудолюбивые работники довольнѣе прежняго, особенно тамъ, гдѣ, при строгомъ порядкѣ и справедливости, нѣтъ препятствій къ пріобрѣтенію денегъ».

И такъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что при новомъ порядкѣ старательскихъ работъ «всѣ рабочіе пріобрѣтаютъ въ сложности *едва ли* не болѣе прежняго». Напротивъ, въ другомъ мѣстѣ статьи онъ самъ говоритъ: «*Рабочіе не могутъ добывать нынѣ столько денегъ, сколько пріобрѣтали прежде,* хотя и спѣшитъ оговориться, что «за то распредѣленіе платы между ними гораздо уравнительнѣе и на хорошо устроенныхъ промыслахъ не бываетъ обманувшихся бѣдняковъ, которые бы уходили съ пустыми руками; *если это изрѣдка случается,* то причиною неудачи могутъ быть только (?) продолжительная болѣзнь или лѣность рабочаго,— опаснѣйшее зло, отъ котораго терпитъ не одинъ рабочій, но и золотопромышленникъ». Если принять во вниманіе, что статья эта написана по свѣдѣніямъ, доставленнымъ золотопромышленникомъ, и что конечная цѣль ея заключается въ томъ, чтобы доказать выгодность для крестьянъ Европейской Россіи работъ на промыслахъ и, такимъ образомъ, при посредствѣ помѣщиковъ, привлечь на сибирскіе промыслы новыя массы рабочихъ *), то признаніе автора, что «рабочіе не могутъ добывать нынѣ (1854 г.) столько денегъ, сколько пріобрѣтали прежде», окажется весьма знаменательнымъ.

Что и при прежней системѣ старательскихъ работъ могли быть многія злоупотребленія, это несомнѣнно **), но, тѣмъ не менѣе, и самъ авторъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* принужденъ, хотя и неохотно, признать, что заработки рабочихъ при новомъ порядкѣ работъ уменьшились. Кривошапкинъ, который собиралъ матеріалы для своего труда объ Енисейскомъ округѣ въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ, свидѣтельствуя о томъ, что «старательская работа съ золотника теперь почти вывелась», высказываетъ мнѣніе, что прежнее вознагражденіе рабочихъ было «и полюбовно-правомѣрнѣе, и законнѣе».

Извѣстный редакторъ газеты *Вѣсть* В. Д. Скарятинъ въ своей книгѣ

---

*) „Было бы полезно,— говоритъ К—въ,— какъ для золотопромышленниковъ, такъ и для владѣльцевъ населенныхъ имѣній и для крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, если бы они испытали, хотя въ маломъ на первое время размѣрѣ, эту промышленность, обратясь съ предложеніями въ конторы компаній Голубкова, Базилевскаго, Малевинскаго и др. Безъ сомнѣнія, каждый изъ этихъ... золотопромышленниковъ согласится принять на свои пріиски отъ 500 до 1000 рабочихъ, выдавъ имъ впередъ, смотря по условію, на проѣздъ до мѣста работъ значительныя деньги". Въ 40-хъ годахъ золотопромышленники все хлопотали о переселеніи при содѣйствіи правительства въ Сибирь необходимыхъ для производства ихъ промысла рабочихъ; теперь они пытались уже дѣйствовать при посредствѣ печати на аппетиты помѣщиковъ, желая побудить ихъ запродать на пріиски трудъ сотенъ и тысячъ ихъ крѣпостныхъ.

**) Авторъ одной газетной статьи (1859 г.), написанной въ защиту интересовъ пріисковыхъ рабочихъ, говоритъ, что „для урочныхъ работъ назначались всегда самыя лучшія мѣста, а для старательскихъ — самыя пустыя".

Замѣтки *золотопромышленника,* подобно К—ву, выражаетъ сочувствіе новому порядку старательскихъ работъ, но и у него можно найти указанія на пониженіе размѣра заработковъ. По его словамъ, рабочій при новой системѣ этихъ работъ, *«не участвуя въ большихъ барышахъ,* не страдаетъ и при убыткахъ. Правда,— продолжаетъ онъ,— прекратились баснословные (?) заработки, но они сдѣлались равномѣрнѣе и вѣрнѣе». Еще яснѣе невыгодность новой системы для рабочихъ видна изъ слѣдующихъ словъ Скарятина: «Второй періодъ золотопромышленности можно въ его главнѣйшихъ чертахъ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: приложеніе къ разработкѣ золотыхъ розсыпей капитала и искусства, усиленная промывка песковъ, *удешевленіе рабочей силы* и, наконецъ, какъ слѣдствіе всего этого, *разработка бѣдныхъ розсыпей».* И такъ, новая система принесла съ собою, по свидѣтельству лица, которое само занималось золотопромышленностью, *удешевленіе рабочей силы:* послѣ такого признанія Скарятинъ могъ бы не распространяться о выгодности новой системы для рабочихъ; за то онъ совершенно правъ, когда указываетъ на выгодность ея для золотопромышленниковъ: «При старанія на машинѣ,— говоритъ онъ,— всѣми вдругъ, *когда старательская работа есть только прямое и непрерывное продолженіе урочной,* нисколько не разнящаяся отъ нея въ средствахъ производства, не теряется увеличеніе производительности человѣческой руки посредствомъ машинъ и прочихъ приспособленій». Бѣда только въ томъ, что это увеличеніе производительности труда не сопровождалось, по признанію самого Скарятина, увеличеніемъ заработковъ рабочихъ, а шло на пользу лишь капиталистовъ. Другая выгода золотопромышленниковъ состояла въ томъ, что *«кража золота при общемъ стараніи на машинѣ сократилась чрезвычайно.* Теперь крадетъ лишь пріисковая аристократія, т.-е. промывальщики, иногда машинистъ и прикащики» еще рѣже управляющій. «Плебеямъ, толпѣ рабочихъ красть нельзя». Такимъ образомъ, *исчезла* (или, по крайней мѣрѣ, была затруднена) *возможность для рабочаго увеличивать и незаконнымъ путемъ свой заработокъ,* что, очевидно, нерѣдко случалось при прежней системѣ старательскихъ работъ, когда, по словамъ К—ва, рабочій, добывавшій золото на томъ пріискѣ, гдѣ ему выдавали за золотникъ по 85 к. с., утаивалъ его и черезъ другихъ рабочихъ передавалъ на тотъ пріискъ, гдѣ платили болѣе.

Мы указывали уже на то, что, кромѣ старанія на пескахъ, является и стараніе на турфахъ. Относительно послѣдняго Гагемейстеръ говоритъ: «Неоднократно случалось, что, при оскудѣніи песковъ и невыгодности посему старательской работы, рабочіе бѣгали съ пріисковъ, находя убыточнымъ держать за одно жалованье. Для предупрежденія сего установлена нынѣ на многихъ мѣстахъ вольная работа на турфы, съ платежомъ условной платы за каждую куб. сажень вынутой земли. *Выгоды, этимъ способомъ достигаемыя рабочими, менѣе значительны,* чѣмъ отъ промывки золота, но онѣ вѣрны и потому способъ этотъ предпочитается на всѣхъ убогихъ золотоносныхъ старательствованіемъ пріискахъ». Такимъ образомъ, и тутъ мы находимъ

указанія серьезнаго, безпристрастнаго изслѣдователя на меньшую выгодность для промысловыхъ рабочихъ новыхъ порядковъ пріисковыхъ работъ.

Изъ приведенныхъ указаній современныхъ наблюдателей видна общая тенденція въ измѣненіи способовъ вознагражденія пріисковыхъ рабочихъ за старательскія работы въ 50-е годы, но перемѣны въ порядкѣ работъ не на всѣхъ промыслахъ совершались одинаково быстро, такъ какъ выгодность ихъ зависѣла отъ многихъ мѣстныхъ условій. Знакомясь съ контрактами и другими источниками, рисующими положеніе пріисковыхъ рабочихъ въ разныхъ округахъ Сибири, мы видимъ значительное разнообразіе въ старательскихъ работахъ и способахъ вознагражденія за нихъ; но приведенныя общія указанія помогутъ намъ разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ. По словамъ автора статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.), не всѣ золотопромышленники Енисейскаго округа и Бирюсинской системы одинаково распоряжались силами рабочаго и вознаграждали его за трудъ; всего правильнѣе (съ его точки зрѣнія) распредѣляли работы и вознагражденіе за нихъ компаніи: Малевинскаго, Голубкова, Базилевскаго, Мясникова, Ив. Рязанова, Щеголева, Зотова и Горчакова; онъ собственно и описываетъ тотъ порядокъ, который, съ ничтожными различіями, существовалъ тогда на промыслахъ этихъ компаній. Между тѣмъ, большинство имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ (кромѣ общихъ указаній о цѣлыхъ системахъ и округахъ) относится къ другимъ компаніямъ, а часть ихъ и къ другимъ мѣстностямъ, а потому мы сплошь и рядомъ встрѣтимъ, особенно въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, другой порядокъ старательскихъ работъ.

Замѣна одиночнаго старанія на золото артельнымъ должна была происходить и на основаніи закона 17 апрѣля 1853 г., по которому старательскія работы на золото, во избѣжаніе его тайнаго хищенія, должны были производиться не иначе, какъ артелями, по крайней мѣрѣ, изъ 10 человѣкъ, а это должно было облегчить и переходъ къ общимъ старательскимъ работамъ на пескахъ, которыя еще въ концѣ 40-хъ годовъ появились на большихъ и богатыхъ промыслахъ Енисейскаго округа. Отчасти изданіемъ этого закона объясняется и то, почему одиночное стараніе на турфахъ могло удержаться долѣе, чѣмъ такое же стараніе на золотѣ.

При началѣ сибирской золотопромышленности въ договорахъ съ рабочими хозяева представляли себѣ право дозволять или не дозволять старательской работы, хотя на практикѣ имъ почти всегда приходилось рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ безъ старательскихъ работъ рабочіе не захотѣли бы оставаться на промыслахъ *). Остатокъ

*) Впрочемъ, въ одной газетной статьѣ (1860 г.) мы нашли указаніе, что „старательскія работы не вездѣ даются". Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ, въ своемъ донесеніи въ главное управленіе Восточной Сибири (1861 г.), говоритъ: „При малыхъ заработкахъ урочная работа полагается въ размѣрѣ полныхъ силъ здороваго человѣка, старательскими работами въ будничные дни заняться почти некогда, въ праздничные дни зарабатывается немного, и это совершенно зависитъ

этихъ прежнихъ договорныхъ обычаевъ мы находимъ въ контрактѣ 1854 года золотопромышленника Томскаго округа Онуфровича; а, между тѣмъ, въ этомъ же договорѣ мы встрѣчаемъ постановленіе, что по требующимся на промыслахъ «надобностямъ» рабочіе не должны отказываться отъ работъ и въ воскресные и табельные дни подъ опасеніемъ взысканія по законамъ; вѣроятно, тутъ разумѣлись экстренные случаи вродѣ прорыва плотинъ и проч., но выражено это было настолько неопредѣленно, что хозяинъ могъ бы на основаніи этого контракта потребовать рабочихъ на всякую работу въ праздникъ, хотя въ прежнее время праздничная работа была совершенно необязательною.

Артельныя и общія старательскія работы нѣкоторые золотопромышленники Западной Сибири пытались ввести на своихъ промыслахъ еще ранѣе изданія закона 17 апрѣля 1853 г., но встрѣчали противодѣйствія со стороны рабочихъ. Томскіе золотопромышленники маркизъ де-Траверсе и Оловянный заявили въ 1852 г. алтайскому горному управленію, что для нихъ всего выгоднѣе общія старательскія работы или, по крайней мѣрѣ, артелями не менѣе 10 человѣкъ, но рабочіе-поселенцы не всегда соглашаются на общія старательскія работы: нѣкоторые изъ нихъ, находя, что они успѣшнѣе другихъ занимаются «стараніемъ», не хотятъ работать за лѣнивыхъ или нерасторопныхъ и получать за добытое на старанія золото равную съ ними плату. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что, по заявленію (1852 г.) горнаго ревизора, на промыслахъ Томской губерніи и Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губ., подвѣдомственныхъ алтайскому горному начальству, производились болѣе частныя (т.-е. одиночныя) старательскія работы (на золото) на отдѣльныхъ бутарахъ или вашгердахъ, устроенныхъ самими рабочими тамъ, гдѣ они находили это выгоднѣе и удобнѣе. И вотъ рабочіе стояли за это одиночное стараніе, хотя, по свидѣтельству горнаго ревизора, и случалось часто, что рабочій, проведя цѣлый свободный день на старательской работѣ, намывалъ золота менѣе $^1/_8$ золотника, за которое и получалъ самую ничтожную плату. Но современемъ вводятся артельныя и общія старанія. Такъ, въ договорѣ (1855 г.) съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Коноваловымъ рабочіе выговорили себѣ право («должны мы») пользоваться въ праздничные дни «артельными стараніями», а именно съ осени до весны заготовлять на «общую артель» пески, «которые должны промыться съ наступленіемъ лѣтнихъ работъ и полученное изъ нихъ золото имѣетъ быть раздѣлено по ровной части на каждаго старателя, а въ лѣтнее время добывать пески изъ открытыхъ или ортовыхъ работъ и полученное изъ нихъ золото должно быть раскладываемо на старателя по окончаніи промывки того дня, въ который будутъ добываться пески, и, сверхъ того, дозволяется намъ

ть правящихъ пріисками, которымъ ничто не воспрещаетъ не допускать старателей тихъ работъ и при концѣ операціи разсчитать людей на основаніи общаго контракта тремя рублями въ мѣсяцъ,—платою, за которую ни одинъ рабочій на промыслахъ не „имѣлъ бы“, такъ какъ ее едва хватитъ на одежду и обувь.

стараться и въ будничные дни, по окончаніи работы урочной», на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дозволено, и промывать, гдѣ будетъ приказано *). Впрочемъ, по этому договору рабочіе, будучи свободны отъ хозяйскихъ работъ по праздникамъ, могли по своему усмотрѣнію заниматься старательскими работами или не браться за нихъ.

Однако, постепенно въ теченіе 50-хъ годовъ старательскія работы дѣлаются *обязательными* и являются главною гарантіей отработки взятаго задатка **). Вообще въ договорахъ начала 50-хъ годовъ ***) мы находимъ обыкновенно условіе, что рабочіе въ воскресные и табельные дни отъ хозяйскихъ работъ должны быть свободны и могутъ быть потребованы только на работы экстренныя и нетерпящія отлагательства, но затѣмъ постепенно праздничныя старательскія работы дѣлаются обязательными. Скарятинъ въ 1860 г. писалъ: «За 3 р. жалованья и за свое содержаніе на пріискѣ рабочій обязанъ выработать ежедневно (кромѣ праздниковъ и воскресеній) опредѣленный урокъ. Урокъ этотъ обыкновенно успѣваютъ кончить до паужина, а при дружной артели даже и къ обѣду; остальную часть дня рабочій *старается*, т.-е. работаетъ на себя. Всякій рабочій *обязанъ* стараться; хочешь не хочешь, а старайся. Такой обязательный трудъ есть крайняя необходимость какъ для рабочаго, такъ и для хозяина, и сами рабочіе понимаютъ это такъ хорошо, что спорятъ очень рѣдко, и старательская работа приходится даже во всѣ праздничные дни, кромѣ трехъ первыхъ дней праздника Христова Воскресенія, да еще праздника Ильи пророка. Въ этотъ день рабочіе боятся, чтобы ихъ не убило громомъ, если они будутъ работать; однако же, высокая старательская плата съ прибавкою стакана вина успѣваютъ разсѣять даже и этотъ страхъ. Очень рѣдко, и только въ такомъ случаѣ, если рабочіе находятся въ сильныхъ неладахъ съ пріисковымъ управленіемъ, они отказываются стараться въ праздники, и, такимъ образомъ, наносятъ страшный убытокъ и себѣ, лишаясь высокой праздничной платы, и хозяину, для котораго время дороже всего. Вѣдь, капиталъ затраченъ, машины построены, лошадей и людей надо кормить, къ довершенію всего—промывка продолжается всего съ небольшимъ сто дней, и вдругъ работа стоитъ въ праздникъ!» А «рабочіе знаютъ очень хорошо, что *по закону имѣютъ право не работать въ праздникъ*». Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ это время, въ концѣ 50-хъ годовъ, рабочіе еще умѣли отстаивать свое право на праздничный отдыхъ, и этимъ могли вліять на обращеніе съ ними хозяевъ. Это хорошо понималъ и Ска-

---

*) За добытое старательское золото рабочіе Коновалова должны были получать по 1 руб. 20 коп. за золотникъ, а за вскрышу по праздникамъ въ лѣтнее время турфа по 3 руб. съ сажени.

**) Такъ, рабочіе, нанявшіеся въ 1854 г. на промысла Подсосова (Томскаго округа), въ росписке на деньги, впередъ взятыя, или на одежду, обувь и уплату долговъ, обязываются отработать ихъ „старательскими работами, или какъ будетъ *приказано, безпрекословно*“.

***) Въ договорахъ съ Асташевымъ (южно-енисейской системы) еще и въ 1857 г.

рятинъ, который, указывая на право рабочихъ не работать въ праздники, говоритъ: «Вотъ и еще причина, по которой надобно хорошо содержать рабочаго и вообще не обижать его». Авторъ статьи въ одной сибирской газетѣ (1860 г.) говоритъ, что «нерѣдко» встрѣчаются контракты «съ противузаконными условіями». Года два тому назадъ ему случилось встрѣтить контракты, въ которыхъ рабочіе, условившись работать установленное закономъ число часовъ въ сутки, обязывались еще, «сверхъ того, какъ въ будни, такъ и въ праздничные дни выполнять старательскія работы въ теченіе такого времени, какое будетъ конторою назначено». Такимъ образомъ, старательская работа изъ труда добровольнаго обращалась въ обязательный. Не мудрено, что, по словамъ того же автора, работа, начинаясь «въ 5 ч. утра, если не раньше», кончалась гораздо позже 8 час. вечера, съ отдыхомъ только во время обѣда, продолжающимся одинъ часъ.

Относительно старательскихъ работъ въ южно-енисейскомъ округѣ мы узнаемъ изъ донесенія командированнаго туда въ 1853 г. чиновника Разгильдѣева, что въ это время преобладали уже *артельныя* работы и, притомъ, стараніе было не только на золото, но и на турфъ. Старательскія работы на золото дозволялись, по словамъ Разгильдѣева, съ такимъ условіемъ, чтобы рабочіе сами сняли торфъ и обнажили золотосодержащій пластъ. Гдѣ были ортовыя работы, тамъ дозволяли рабочимъ добывать пески безъ вскрыши турфа. Плата полагалась съ золотника золота отъ 85 к. до 90 к. сер. «*Стараніе рабочими*,—говоритъ Разгильдѣевъ,—*производится большею частію значительными артелями*»; для промывки песковъ золотопромышленники даютъ имъ машины, лошадей съ упряжью и экипажами. Черезъ то въ праздники бываютъ въ дѣйствіи тѣ же машины, что въ будни; поэтому и полученіе золота въ праздники бываетъ не менѣе, но, случается, еще болѣе; это зависитъ отъ того, что рабочіе, добывая пески, стараются обнажить пластъ до-чиста, т.-е. не оставляя знаковъ золота...» Старательское золото, по словамъ Разгильдѣева, составляло отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ части всего количества, добываемаго на промыслахъ южно-енисейскаго округа. За выработку 1 куб. саж. турфа старателямъ полагалась плата отъ 3 до 5 руб. сер.; эта разница въ цѣнѣ зависѣла отъ того, давались ли рабочимъ хозяйскія лошади или они отвозили торфъ на тачкахъ.

Такой же размѣръ вознагражденія за старательскую работу указанъ и въ донесеніи горнаго исправника южно-енисейской системы 1858 г.: за выработку 1 куб. саж. турфа двумя человѣками съ лошадью, данною отъ компаніи, старательская плата въ праздники полагалась отъ 3 до 4 р., а з выработку сажени турфа ручнымъ откатомъ—отъ 4 до 5 р.; съ золотн ъ добытаго на стараніи золота платили отъ 85 к. до 1 р.; старательс ая плата въ зимніе дни—40 к. Старательская плата производилась такя и разночинцамъ, находившимся при вспомогательныхъ работахъ. При п изводствѣ старательской работы артелями плата, назначенная съ золотн золота, дѣлилась между всѣми поровну. Лѣтомъ на нѣкоторыхъ про-

мыслахъ простымъ работникамъ, сверхъ платы, опредѣленной въ контрактѣ, «въ поощреніе трудовъ» платили ежедневно отъ 20 до 45 к. На нѣкоторыхъ промыслахъ дозволялось рабочимъ отдѣльно сверхъ выработки извѣстнаго урока производить работу за старательскую плату по расчисленію съ кубической сажени.

Въ договорахъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) рабочіе выговаривали себѣ *право* на старательскія работы; въ договорѣ 1856 г. Асташевъ, подобно томскому золотопромышленнику Онуфровичу, оставилъ за собою право допускать или не допускать старательскія работы; наконецъ, въ договорѣ съ этимъ же золотопромышленникомъ 1859 г. является уже *обязательное* стараніе и въ будни, и въ праздники, причемъ въ будни въ видѣ прибавки половиннаго урока; слѣдовательно, старательскія работы сдѣлались общими и составляли простое продолженіе урочной работы лишь за повышенную плату. «Тогда, когда будетъ удобное время для старанія,— сказано въ этомъ договорѣ,—*обязаны* мы стараться зарабатывать выдаваемые намъ задатки и... деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей, и на обезпеченіе семействъ, для чего имѣютъ быть намъ задаваемы *полуторные уроки*, какъ на промыслахъ при машинахъ, такъ и при вскрышѣ турфа» *). Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались работать не полуторный, а обыкновенный урокъ, какъ при промывкѣ золота **), такъ и при вскрышѣ турфа, но не воспрещалось и въ праздники вырабатывать полуторный урокъ. Этимъ, однако, еще не ограничивалось страшное напряженіе силъ рабочихъ: «если же за исполненіемъ этихъ (т.-е. полуторныхъ) урковъ, — сказано далѣе въ томъ же договорѣ,—будемъ имѣть свободное время, то предоставляется намъ вскрывать турфъ *собственно старательскими работами* съ отвозкою на промысловыхъ лошадяхъ», съ платою по 3 р. с. за куб. сажень; «старанія же на тачкахъ не требовать, которое можетъ быть допускаемо по особому разрѣшенію управляющаго». Такимъ образомъ, по этому договору «собственно старательскими» работами назывались уже тѣ, которыя производились по окончаніи полуторныхъ уроковъ ***).

---

*) За исполненіе полуторнаго урока забойщики, разборщики и свальщики должны были получать по 60 к. с. въ день, подвозчики песковъ и плотникъ при машинѣ столько же, мутильщики, отвозчики гальки и эфеля и отвальщики по 50 к., находящіеся же при вскрышѣ турфа за выполненіе полуторнаго урока должны были всѣ получать по 50 к. въ день. Такъ какъ обычная лѣтняя плата за урочную работу равнялась 3 р. за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 к. въ день, слѣдовательно, за добавочный половинный урокъ рабочимъ набавлялось отъ 40 до 50 к.

**) За такой урокъ въ праздничные дни забойщики, разборщики, свальщики, подвозчики песковъ, промывальщики и плотники должны были получать по 1 р. 20 коп., если же они выработаютъ столько же, сколько и въ будни, т.-е. полуторный урокъ, то имъ выдавалось по 1 руб. 80 коп.; артельщикамъ, отвозчикамъ гальки и эфеля по 1 р. 50 к., находившимся при вскрышѣ турфа по 1 р.

***) Изъ отчета Удерейской К° (южно-енисейской системы) за 1849—1856 гг. мы узнаемъ, что за добычу золота „*главными артельными стараніями* въ рабочіе дни

На промыслахъ сѣверно-енисейской системы по договору съ К° Рязановыхъ (1851 г.) рабочіе *обязывались* «въ свободное время и въ праздничные дни» стараться заработать выданные имъ задатки. «Если кто изъ насъ отъ старанія будетъ уклоняться, то управляющій имѣетъ право высылать насъ въ свободное время для зарабатыванія, а въ случаѣ неисполненія приносить жалобу начальству и *подвергаемся за это полицейскому взысканію*». Такимъ образомъ, *обязательныя* старанія приходилось здѣсь вводить съ помощію розогъ; вообще, по свидѣтельству Кривошапкина, въ сѣверной части Енисейскаго округа было менѣе «человѣчности въ отношеніи къ рабочимъ», чѣмъ въ южной. Въ договорѣ (1854 г.) съ тою же К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова о старательскихъ работахъ сказано: «Мы для пользы компаніи и для пользы собственной своей *обязываемся* на турфахъ и на добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *стараться* въ табельные и воскресные дни, *производя эти старательскія работы непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и въ будни,* и получая въ эти праздничные дни постоянную плату... съ выработки куб. сажени турфовъ и песковъ», «затѣмъ уже отнюдь не имѣть никакого вліянія на добычу самого золота и *никакихъ особыхъ для себя старательскихъ работъ* отъ управленія компаніи не требовать» (т.-е. не требовать *одиночнаго* старанія). «Такимъ образомъ, поставляя здѣсь правиломъ стараться непремѣнно во всѣ праздничные дни, въ которые по закону не можетъ быть хозяйскихъ работъ (впрочемъ, по усмотрѣнію управляющаго, дается въ мѣсяцъ *одинъ день праздничный* на починку одежды и обуви, и то по заработкѣ долга), мы въ противномъ случаѣ, когда будемъ уклоняться отъ этого, подлежимъ отвѣтственности компаніи платежомъ всѣхъ тѣхъ убытковъ, какіе послѣдуютъ отъ остановки работъ». По договору 1851 г. съ этою компаніей за вскрышу куб. сажени турфа на хозяйской лошади въ праздничные дни была назначена плата 3 р. 20 к., между тѣмъ, по договорамъ съ нею же 1854 г. плата была понижена вдвое или нѣсколько менѣе, а именно до 1 руб. 60 к.—2 руб.; но по договору 1857 г. плата за ту же работу была опять повышена до 3 р. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тою же компаніей горному исправнику въ 1858 г., чернорабочіе получали старательскую плату за праздничные дни (до открытія лѣтнихъ работъ) отъ 50 до 80 к., плотники отъ 1 до 3 р., столяры, слесаря и кузнецы 1 р.—2 р. 50 к., молотобойцы 70 к.—1 р.; въ лѣтнее же время, съ открытія горныхъ работъ, чернорабочіе получали за выработку куб. сажени турфа въ праздники 3 р., а за добычу и промывку песковъ въ праздничные дни полагалась особая плата, «такъ называемая поденная»: чернорабочимъ 1 р.—1 р. 50 к. и ремесленникамъ-разночин-

---

[illegible] хозяйской промывки" платили по 20—40 к. на человѣка, а въ праздничные дни 75 к.—2 р. въ день; за добытое „*вольными* стараніями мелочными" (т.-е. одиночными) было уплачено въ среднемъ по 1 руб. 6 к. за залотникъ; за вскрышу старательскаго турфа на лошадяхъ по 3 р. с. съ куб. сажени, а за вскрышу съ ручною откатой на тачкахъ въ среднемъ по 5 р. 18 к. съ сажени.

цамъ 1 р.—3 р. въ день каждому. По договору съ К° Голубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (1854 г.) за вскрышу куб. сажени торфа въ праздничные дни рабочіе должны были получать всего 1 р. 50 к., а за добычу и промывку куб. сажени песковъ 2 р.; слѣдовательно, по этому договору была назначена еще болѣе низкая плата, чѣмъ по договору того же года съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова *).

По донесенію горнаго исправника сѣверно-енисейской системы (1858 г.), «вольно-старательскихъ работъ» по промывкѣ золота съ платою *со золотника полученнаго металла* въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ это время уже вовсе не существовало.

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) К—въ о промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы говоритъ, что за добавочную старательскую плату («обыкновенно полъ-урока въ день») каждый рабочій получаетъ 60—80 к. въ день, «что почти равняется платѣ за торфовое стараніе». Но въ этомъ показаніи плата преувеличена, по крайней мѣрѣ, на Бирюсинской системѣ, по свидѣтельству горнаго ревизора Ковригина, за добавочную половину урока каждый рабочій на старательскихъ работахъ на пескахъ получалъ, смотря по свойству песковъ, 30—50 и не болѣе 60 к., а по договору съ Асташевымъ 1859 г., какъ мы видѣли, плата за исполненіе всего полуторнаго урока равнялась 50—60 к. въ день **). Относительно промысловъ Енисейскаго округа Севастьяновъ, посѣтившій ихъ въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующее: «Съ открытія промывки песковъ до 10 сентября на тѣхъ пріискахъ, гдѣ задается лишняя четверть сажени, добыча песковъ каждому рабочему къ контрактной платѣ (10—10½ к. въ день) прибавляется еще 50 до 70 к. въ день», но что послѣдняя норма добавочнаго вознагражденія была исключеніемъ, видно изъ того, что въ среднемъ *всей* контрактной и старательской платы рабочіе при работѣ на пескахъ, по свидѣтельству того же Севастьянова, получали до 70 к. въ день. При вскрываніи пустой породы «каждому рабочему прибавляется къ контрактной платѣ отъ 30 до 40 к.».

Сверхъ будничныхъ старательскихъ добавочныхъ работъ были еще праздничныя работы. По свидѣтельству Севастьянова, до открытія промывки песковъ всѣмъ рабочимъ платили въ праздники 70 к.—1 р. 50 к. въ день. Съ открытія промывки песковъ онъ раздѣляетъ праздничныя работы на четыре разряда: 1) общая работа, при которой платили за каж-

*) Какъ относилась К° Голубкова и Бенардаки къ рабочимъ и какъ тяжелы были работы на пріискахъ этой компаніи въ 60-хъ годахъ, можно видѣть изъ книги Н. В. Латкина *Очеркъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа*. 1869 г.

**) По словамъ К—ва, ремесленникамъ предоставлялось стараніе, но только въ праздничные дни, а въ будни они не имѣли для этого свободнаго времени: поправлять машины, чинить мосты приходилось даже послѣ окончанія рабочими урочныхъ работъ. Въ праздничные дни ремесленники получали 85 к.—1 р. с. за каждый золотникъ промытаго золота или по 1 р. с. за промывку каждой сотни пудовъ песку. По словамъ Таскина, „разночинцы“ получали на промыслахъ Енисейскаго округа въ праздники за стараніе 1 р.—1 р. 50 к. въ каждый день

дую выработанную куб. сажень песковъ по 4 р. 80 к.; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; 2) общая работа, при которой платили за полученное золото 80 к.—1 р. с. за золотникъ; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; при этомъ на нѣкоторыхъ пріискахъ отдѣлялась ¼ полученной суммы въ пользу компаніи за лошадей; 3) общая поденная работа, при которой каждый рабочій, находившійся на пріискѣ, получалъ поденную праздничную плату отъ 60 к. до 1 р. 50 к. въ день; 4) частная праздничная плата, при которой каждый разрядъ рабочихъ получалъ особенную плату *). Въ концѣ 40-хъ годовъ за вскрышу кубич. сажени турфа старательскими работами на пріискахъ Енисейскаго округа платили 4—7 р. с. Если даже принять, что это вознагражденіе было назначено при ручной откаткѣ, то, все-таки, очевидно пониженіе рабочей платы въ теченіе десятилѣтія, съ конца 40-хъ до конца 50-хъ годовъ (съ 4—7 р. до 3—3 р. 75 к. с.).

Мы видѣли выше, что по договору съ Асташевымъ 1859 г. рабочимъ по окончаніи полуторныхъ уроковъ предоставлялось, если они будутъ имѣть свободное время, вскрывать турфъ *«собственно старательскими работами»*; по словамъ Севастьянова, такія работы допускались только въ будничные дни при вскрышѣ турфа съ платою съ кубической сажени отъ 3 до 6 р., а по словамъ Таскина, при хозяйской лошади—3 р., а на тачкахъ—4 р. Насколько напрягались вообще силы пріисковыхъ рабочихъ, видно изъ словъ Кривошапкина, что имъ приходилось спать не болѣе 5 часовъ въ сутки.

Общій выводъ Севастьянова относительно платы рабочимъ на промыслахъ Енисейскаго округа таковъ: «Вообще рабочіе,— говоритъ онъ,— находящіеся на добычѣ, свалкѣ, промывкѣ песковъ, получаютъ платы контрактной, старательской (очевидно, въ среднемъ) до 70 к. въ день, а на турфахъ и возчики—до 60 к., прочіе же чернорабочіе до 40 к. въ день».

Относительно промысловъ Олекминскаго округа упомянемъ, что въ 1858 году на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезникова за вольно-старательскія работы по вскрышѣ турфовъ платили 6 руб. съ куб. саж. (ручнымъ откатомъ?); на золотѣ старанія не производилось, но за каждую таратайку песковъ, вывезенную на промывку сверхъ урока, платили находившимся при промывкѣ рабочимъ по 15 коп. сер. На двухъ пріискахъ Прибрежно-ленской компаніи за старательскую вскрышу турфовъ платили 3 руб. за куб. саж.

*) Напримѣръ, находившіеся при добычѣ, промывкѣ, перевозкѣ песковъ, эфелей и галекъ получали по 4 р. 80 к. за выработанную куб. саж. песковъ; находившіеся на вскрышѣ турфа получали при ручной откаткѣ на 20 саж. по 3 руб., при большомъ разстояніи по 3 р. 75 к., а при откаткѣ на компанейскихъ лошадяхъ по 2 р. 25 к. за каждую куб. саж. (тутъ мы опять видимъ пониженіе платы за трудъ, такъ какъ прежде за вскрышу куб. саж. турфа на хозяйскихъ лошадяхъ обыкновенно брали около 3 р.). Чернорабочіе при частной праздничной работѣ получали по 1 руб. сер. въ день.

1 мая 1857 г. управленіе компаніи Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева заключило со старостами и выборными отъ команды рабочихъ, находившихся на золотыхъ промыслахъ этого товарищества, условіе, по которому до открытія промывки песковъ въ воскресные и праздничные дни каждый находившійся въ работѣ человѣкъ долженъ былъ получать по 50 к. с. въ день. Со времени открытія промывки, сверхъ опредѣленной урочной работы (1 саж. на двухъ человѣкъ какъ турфа, такъ и песковъ), рабочіе *обязывались* «двумя человѣками при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а турфа вскрывать и отвозить въ отвалы по ¼ куб. саж.», а если возможно, и болѣе, за что каждый, находившійся при этой работѣ, долженъ былъ получать по 25 к. с. въ день, кромѣ обыкновенной мѣсячной платы *). Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались выполнять обычные уроки, за что каждый изъ нихъ долженъ былъ получать по 1 р. 50 к.; такую же плату должны были получать плотники, кузнецы и т. п. Если кто изъ рабочихъ по выполненіи урочной и старательской работы изъявитъ желаніе, «составя между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать турфъ», то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, причемъ рабочіе должны были получать за это по 60 к. за золотникъ, а за куб. саж. торфа только по 2 р.

Въ слѣдующемъ 1858 г. управленіе промысловъ Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ договорѣ съ рабочими, а именно: за добавочную дневную выработку (въ ¼ и болѣе сажени) обязалось платить не по 25, а по 20 к. въ день каждому рабочему и, притомъ, прибавлена еще слѣдующая оговорка: «за выработку же турфа и добычу песковъ менѣе 1¼ саж. (т.-е. если вмѣсто 1¼ саж. мы выработаемъ только 1⅛ часть сажени) добавочная плата должна уменьшиться на половину,—вмѣсто 20 к. получать намъ только 10 к. на каждаго, а за выработку только одной сажени добавочной платы намъ не производить, а получать одну мѣсячную; а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ и мастеровымъ по 15 к. каждый день, кромѣ мѣсячной же платы» **). Однако, рабочіе на эти условія не согласились, а пожелали получать ту плату за старательскія работы, которая производилась въ 1857 г.

Какъ мы упоминали уже, въ Олекминскомъ округѣ договоры о старательскихъ и другихъ работахъ посылались на утвержденіе горнаго исправника, и исправникъ Измайловъ не утвердилъ условій, предложенныхъ управленіемъ Ленскаго товарищества на 1858 г., находя ихъ отяготительными для ра-

---

*) Въ дѣйствительности рабочіе вывозили на двухъ пріискахъ этой компаніи по 12 таратаекъ сверхъ урока и получали за это по 30 к. въ день.

**) Вмѣсто платы за воскресные и праздничные дни по 1 р. 50 к., какъ было назначено по договору 1857 г., въ договорѣ слѣдующаго года опредѣлено было платить находящимся при горныхъ работахъ и мастеровымъ по 1 р. с., а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ—нарядчикамъ, конюхамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ, поварамъ, прислугѣ и пр.—по 70 к. каждому, находившемуся въ работѣ, человѣку.

бочихъ, и предложилъ оставить прошлогоднія условія. Въ отвѣтъ на его предписаніе управляющій промыслами товарищества, Рухловъ, прислалъ слѣдующее объясненіе: «По случаю удобной и легкой работы какъ добычи песковъ, такъ и вскрыши турфа на пріискахъ моихъ довѣрителей, я имѣлъ въ виду не уменьшеніе заработка у рабочихъ людей, а увеличеніе такового, но только на другихъ условіяхъ, *соблюдая при этомъ пользу моихъ довѣрителей.* Уменьшая какъ будничную, такъ и праздничную плату рабочимъ людямъ въ настоящей операціи» (но не уменьшая количества работы), Рухловъ «предложилъ имъ, сверхъ уроковъ, обозначенныхъ въ условіи, *еще вырабатывать* $^1/_7$ *часть*» урока (слѣдовательно, или количество рабочихъ часовъ должно было увеличиться, или работа должна была сдѣлаться интензивнѣе), за что имъ слѣдовало «получать уже съ причитающагося на эту часть количества золота по 60 к. с. за золотникъ» *). На это,—продолжаетъ Рухловъ,—«рабочіе люди, находящіеся на Благодатно-преображенскомъ пріискѣ, тотчасъ же согласились и подписали на старательскія работы условіе, а люди на Павловскомъ пріискѣ хотя и не подписались къ условію, но, увидя выгодные для нихъ заработки, отъ выработки вышеозначенной седьмой части не отказывались».

Въ доказательство большей выгодности для рабочихъ новаго порядка работъ Рухловъ сравнилъ заработки рабочихъ на двухъ пріискахъ Ленскаго товарищества въ 1857 и 1858 гг. и нашелъ, что заработокъ по новому условію будетъ больше **). Но нужно помнить, что это возвышеніе заработка куплено значительнымъ увеличеніемъ количества труда, а безъ этого заработокъ рабочихъ съ пониженіемъ платы значительно уменьшился бы. Прибавочная $^1/_7$ часть урока дала въ день каждому рабочему на первомъ пріискѣ 42 к., а на второмъ $48^1/_2$ к., а безъ этой прибавки зарабо-

---

*) Изъ статьи К—ва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы существовалъ подобный же разсчетъ за старательскія работы на пескахъ. По словамъ К—ва, на нѣкоторыхъ тамошнихъ промыслахъ изъ промытаго въ теченіе дня золота отдѣлялась по уговору $^1/_6$, $^1/_8$ или $^1/_{10}$ часть (смотря по богатству розсыпи), за которую и отчислялась въ пользу рабочихъ, добывавшихъ и промывавшихъ песокъ, извѣстная плата за каждый золотникъ металла; рабочимъ приходилось въ этомъ случаѣ почти такое же вознагражденіе, какъ и тѣмъ, которые получали плату по количеству промытыхъ песковъ, но этотъ послѣдній разсчетъ (т.-е. по количеству промытаго песка), по мнѣнію К—ва, гораздо основательнѣе и проще, ибо не возбуждаетъ въ рабочихъ никакихъ сомнѣній, которыя обыкновенно вызываются иными способами разсчета. Какъ мы только что видѣли, это и случилось на промыслахъ Ленскаго товарищества, гдѣ не довольствуясь добавочнымъ урокомъ, управленіе промысловъ потребовало еще болѣе того количества работы.

**) На Благодатно-преображенскомъ пріискѣ съ 20 мая по 1 іюля въ 1857 году каждый рабочій заработалъ въ среднемъ въ день по $61^1/_2$ к., а всего 22 р. 19 к., а въ 1858 г. въ день по 86 к., а всего 30 р. 92 к., т.-е. на 8 р. 82 к. болѣе; на Павловскомъ пріискѣ съ 28 мая по 1 іюля въ 1857 г. въ среднемъ было заработано въ день по $57^3/_4$ к., а всего 17 р. 90 к., а въ 1858 г.— по $89^3/_4$ к., а всего 27 р. 83 на каждаго, т.-е. на 9 р. 92 к. болѣе.

токъ рабочаго на первомъ пріискѣ уменьшился бы на 17½ к., а на второмъ на 16 коп. въ день. Слѣдовательно, и здѣсь, въ сущности, рабочая плата была значительно понижена, а увеличеніе заработка было достигнуто лишь сильнымъ увеличеніемъ интензивности труда.

По договорамъ рабочихъ съ золотопромышленниками первые обязывались подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ военнымъ судомъ представлять пріисковому начальству находимое во время работъ (такъ называемое *подгемное*) золото, самородки и пр. За это золото имъ опредѣлялась плата, которая назначалась по усмотрѣнію управляющаго и которая на промыслахъ Енисейскаго округа въ 50-хъ годахъ равнялась 65 к.—1 р. с., а на пріискахъ Олекминскаго округа въ 1858 г. 60—70 к. за золотникъ; но за большіе самородки выдавалась обыкновенно меньшая плата за золотникъ.

Отъ рабочихъ, нанимающихся по общему контракту на всѣ работы, современные наблюдатели отличаютъ такъ называемыхъ *отрядныхъ*. Въ статьѣ К—ва (1854 г.) о нихъ сказано: при вскрытіи турфовъ «допускается особый порядокъ работъ подъ названіемъ *отрядныхъ или вольныхъ*»: артели рабочихъ, составившіяся по добровольному соглашенію изъ такъ называемыхъ нижегородовъ, или крестьянъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи и преимущественно изъ Нижегородской губерніи, снимаютъ у золотопромышленника подрядъ вскрывать турфы съ платою по 1 р.—1 р. 20 к. с. съ сажени на хозяйскомъ продовольствіи; имъ даютъ рабочіе инструменты и нужное число лошадей. «Два человѣка съ одною лошадью снимаютъ въ день куб. сажень. Отрядную работу они обязаны исполнять ежедневно съ того времени, когда оттаетъ земля; впрочемъ, и ранѣе они снимаютъ турфы, сколько позволяетъ погода и твердость мерзлаго грунта»; въ праздники они пользуются стараніемъ наравнѣ съ другими рабочими, получая отъ 3 до 4 р. съ куб. саж. Отрядная работа выгоднѣе для рабочихъ, между прочимъ, потому, что они выбираютъ въ свою артель только способныхъ и старательныхъ товарищей; лѣнтяевъ они терпѣть не станутъ. «Рабочій, не надѣющійся на свои силы или прилежаніе, не пойдетъ никогда въ отрядную работу... Больныхъ между обыкновенными рабочими бываетъ всегда больше, нежели между отрядными *), поэтому отрядные рабочіе полезнѣе для золотопромышленника и зарабатываютъ болѣе денегъ, чѣмъ рабочіе по общему контракту».

Кривошапкинъ, собиравшій матеріалы для своей книги въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ отрядныхъ рабочихъ: нижегороды «являются иногда артелями на пріиски и предлагаютъ свои услуги въ работу цѣлою артелью, непремѣнно, и съ круговою порукой. Они заключаютъ осо-

*) Но, въ то же время, авторъ отмѣчаетъ готовность членовъ артели помочь дѣйствительно больному товарищу: если кто-либо изъ артели заболѣетъ, остальные безпрекословно исполняютъ за него урокъ и больной не лишается вслѣдствіе этого заработка, а получаетъ его наравнѣ съ прочими: „Чѣмъ же онъ виноватъ?—говорятъ его товарищи,—душа хочетъ, да силу Богъ отнялъ“.

бые договоры всею артелью, выпрашиваютъ, правда, значительную плату... но за то и выполняютъ неимовѣрныя работы», требуя только значительнаго количества пищи. «Эти рабочіе артелями, заключившіе законные и разумные договоры, не дадутъ уже себя ни въ обманъ, ни въ обиду, но они, по сознанію умныхъ управляющихъ, приносятъ дѣлу несравненно больше пользы... Бѣглецовъ между ними не бываетъ, мнимо - больныхъ и растравляющихъ язвы—тоже, а за настоящихъ больныхъ или умершихъ артель или зарабатываетъ, или платитъ ту часть задатка, которая отъ него останется не заработанною». Впрочемъ, размѣръ урока, указываемый Кривошапкинымъ для отрядныхъ рабочихъ — вскрыша 1 саж. турфа въ сутки двумя человѣками при помощи одной лошади—довольно обыченъ и для общеконтрактныхъ рабочихъ, а указываемая имъ плата за исполненіе этого урока отъ 70 к. до 1 р. ниже того, что мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ отрядными рабочими. За старательскую работу въ будни и въ праздники отрядные рабочіе получали, по словамъ Кривошапкина, по 3 р. за вскрышу куб. сажени. «Такимъ образомъ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,— не будучи подъ гнетомъ мысли, что они обмануты, обижены, они работаютъ не какъ-нибудь, лишь бы день за днемъ коротать, а, напротивъ, со всевозможнымъ усердіемъ, вырабатываютъ всегда болѣе противу данной сажени, потому и зарабатываютъ каждодневно болѣе другихъ. Послѣ операцій, въ итогѣ цѣнность ихъ заработковъ бываетъ всегда вдвое противу прочихъ рабочихъ. За то они уже не дозволяютъ ни поздно сгонять себя съ работы, ни рано выгонять, ни умышленно увеличивать отводимыя мѣста, ни передергивать мѣтки и пр.».

Изъ договора съ компаніей Асташева и Боровковыхъ (южно-енисейской системы) (1853 г.) мы видимъ, что отрядные рабочіе, вскрывая турфъ лѣтомъ двумя человѣками на одной лошади куб. сажень, получали плату 1 р. 15 к., а за старательскую работу 4 р.; за недоработку урока зимою болѣе извѣстнаго количества полагался вычетъ въ размѣрѣ старательской платы. По договору съ Асташевымъ 1858 г. плата нѣсколько понижена: по 1 р. за урочную сажень и по 3 р. за старательскую съ вычетомъ за недоработку по старательскому разсчету, но при мерзломъ турфѣ вычета не дѣлать. Изъ договора отрядныхъ рабочихъ съ компаніей Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа 1851 г.) видно, что при мѣсячномъ вознагражденіи (до 1 апрѣля) они получали болѣе значительную плату, чѣмъ общеконтрактные рабочіе, а именно отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ. Эту цифру генералъ Анненковъ считалъ вообще обычною мѣсячною платой для рабочихъ изъ Великороссіи на сибирскихъ промыслахъ. На промыслахъ компаніи Рязановыхъ общеконтрактные чернорабочіе получали зимою въ 18[illegible]—1853 гг. по 5 р. въ мѣсяцъ, а отрядные нижегороды въ 1852 г. по [illegible] р., въ 1853 г. по 12 р. Задѣльная плата общеконтрактнымъ была на промыслахъ этой компаніи также менѣе, чѣмъ отрядным нижегородцам: по контракту 1851 г. общеконтрактные должны были получать за всякую куб. саж. турфа, «какого бы свойства они ни были», по 60 к.,

между тѣмъ какъ отрядные получали въ этомъ же году по 1 р. Къ концу 50-хъ годовъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязанова, Горохова и Мошарова мы замѣчаемъ пониженіе платы отряднымъ рабочимъ: по договору 1859 г. съ артелью въ 10 человѣкъ рабочихъ при томъ же урокѣ на вскрышу торфа (куб. саж. на двухъ человѣкъ съ хозяйскою лошадью) полагалась плата въ будни 80 к., въ праздничные дни и за старательскую работу въ будни по 1 р. 80 к. съ куб. саж., между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ плата равнялась 1 р.—1 р. 15 к. въ будни и 3 р. 50 к. — 4 р. въ праздники за ту же работу. Отрядные рабочіе всегда получали, какъ и общеконтрактные, готовое содержаніе отъ хозяина.

Отрядными работами производилась не только вскрыша турфа, а также рубка и распилка лѣса, приготовленіе смолы, угля, кирпича, кошеніе сѣна и т. п.; всѣ эти работы назывались иначе «подрядными».

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пища народныхъ массъ въ Россіи *).

„Плохое питаніе, дурныя физическія и моральныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность,—все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама если и проистекаетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на Русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ временъ, ее создало вѣковое крѣпостное состояніе; но поддерживаетъ ее тамъ скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе, здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого низкое вознагражденіе труда; наконецъ, тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мѣстныхъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая едва кормитъ того, кто ее обрабатываетъ".

Ю. Э. Янсонъ: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ".

Вопросъ объ участіи отдѣльныхъ питательныхъ началъ въ возстановленіи разнообразныхъ органическихъ потерь разрѣшается наукой **) пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Многочисленными опытами было доказано, что въ составъ человѣческой пищи, кромѣ воды и минеральныхъ солей, должны входить бѣлковыя тѣла, жиры и углеводы, и что ни одно изъ этихъ веществъ, взятое отдѣльно, не способно поддерживать жизнь на неопредѣленно долгое время. Самыми цѣнными и важными элементами пищи

*) Докладъ, читанный въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества 24 февраля 1893 года.

**) См. проф. *Эрисманъ:* „Курсъ гигіены", т. III, вып. I, „Общіе законы питанія"; проф. *Доброславинъ:* „Курсъ общественнаго здравохраненія", т. II; „Zeitschrift für Biologie", XXI Band, 1885; Dr. *König:* „Procentische Zusammensetzung und Nährwerth der menschlichen Nahrungsmittel", 1888.

являются бѣлки и жиры. Первые (субстанція азота), возмѣщая постоянно происходящія въ тканяхъ и сокахъ потери бѣлкового вещества, тѣмъ самымъ поддерживаютъ нормальный составъ организованныхъ частей тѣла (мышцъ, нервовъ и проч.); въ виду положительной неспособности животнаго тѣла образовать бѣлки изъ менѣе сложныхъ органическихъ сочетаній, присутствіе ихъ въ пищѣ безусловно необходимо. Вторые же служатъ, главнымъ образомъ, источниками теплоты и мышечной силы; разлагаясь въ тѣлѣ, они даютъ ту живую силу, которая требуется для проявленія жизненной энергіи организма. До извѣстной степени жиры могутъ быть замѣщаемы углеводами; но, согласно съ новѣйшими изслѣдованіями Rubner'a, 100 част. жира эквивалентны 250 част. углеводовъ, и потому для выполненія одной и той же физіологической роли послѣднихъ нужно въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ первыхъ *).

Человѣкъ употребляетъ въ пищу продукты и животнаго, и растительнаго царствъ. Изъ животныхъ продуктовъ онъ добываетъ, по преимуществу, бѣлковыя тѣла и жиры, а изъ растительныхъ—углеводы **); такъ по производившимся анализамъ, химическій составъ нѣкоторыхъ, наиболѣе употребительныхъ продуктовъ оказался слѣдующій:

На 100 частей.	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.
Полужирной говядины . .	21,0	5,5	—
» баранины . .	17,0	6,0	—
Тощей свинины	20,0	7,0	—
Молока	3,4	3,6	4,8
Яйца	12,5	12,0	—
Масла	0,6	83,3	0,6
Пшеничной муки (грубой) .	12,0	1,5	71,5
Ржаной муки	11,5	2,0	69,5
Картофеля	1,8	0,2	20,6

Другое, не менѣе важное, различіе между животною и растительною пищей состоитъ въ неодинаковомъ усвоеніи организмомъ питательныхъ началъ изъ обоихъ родовъ пищи. Жиры и углеводы человѣческій организмъ утилизируетъ очень хорошо вообще изъ всякой пищи ***); что же касается бѣлковыхъ веществъ, то изъ продуктовъ животнаго происхожденія организмъ усвоиваетъ ихъ превосходно (изъ мяса 97,5%, изъ яйца 97%, молока 92%), изъ растительной же пищи — съ трудомъ и не вполнѣ.

---

*) Въ виду этого, проф. Фойтъ настаиваетъ на томъ, чтобы количество углеводовъ въ пищѣ взрослаго человѣка не превышало 500 грм., недостающее же количество углевода должно быть покрыто 56 грм. жира; иначе пришлось бы принимать пищу въ очень большихъ количествахъ, и она была бы слишкомъ обременительна.

**) Горохъ, чечевица и бобы составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе: горохъ и бобы содержатъ 23% бѣлковъ, чечевица—25,5%.

***) Неусвояемость жира обыкновенно не превышаетъ 5%, а углеводовъ — 7%; только изъ чернаго хлѣба послѣднихъ не утилизируется до 11%.

экспериментальнымъ, предпринимавшимся у насъ, изслѣдованіямъ, оказалось, что обыкновенно не усвоивается:

Изъ пшеничнаго хлѣба (Липскій)	19,5% азота.
» ржаного » (Бучинскій) . . .	36,6 » »
» » » (Дементьевъ) . .	31,6 » »
» гороха (Ворошиловъ)	16,0 » »
» гречневой каши (Судаковъ)	40,4 » »
» просовой каши (Судаковъ)	34,2 » »
» картофеля (Нѣмченковъ)	40,6 » »

По новѣйшимъ даннымъ Rubner'a, ортанизмъ, въ среднемъ, можетъ усвоить: при смѣшанной пищѣ 83% бѣлка, а при пищѣ, бѣдной мясомъ, только 72%. Объясняется это тѣмъ, что азоть растительныхъ продуктовъ по большей части бываетъ заключенъ въ плотныя оболочки изъ клѣтчатки, обыкновенно мало проникаемыя пищеварительными соками. При этомъ нужно еще замѣтить, что именно наименѣе удобоваримыя части зерна,— его верхніе слои, дающіе при размолѣ отруби,— какъ разъ и содержатъ наибольшія количества азота *). Вслѣдствіе этого, чѣмъ мука выше сортомъ, тѣмъ въ ней меньше бѣлковыхъ веществъ, и наоборотъ. Но, съ другой стороны, присутствіе отрубей въ мукѣ не только не увеличиваетъ достоинствъ хлѣба, а скорѣе даже уменьшаетъ ихъ, потому что хлѣбъ, содержащій такія грубыя примѣси, какъ отруби, дѣйствуетъ раздражающе на стѣнки желудка и кишекъ и тѣмъ вызываетъ очень быстрое передвиженіе принятой пищи по пищеварительному тракту, при которомъ потеря бѣлка оказывается еще большей; опытами Густава Мейера было найдено, что изъ 100 частей бѣлка, заключавшихся:

	Не усвоивалось.
Въ бѣломъ пшеничномъ хлѣбѣ	19,9%
» черномъ хлѣбѣ изъ лучшей муки	22,2 »
» » » » средней »	32,4 »
» » » » несѣянн. »	42,3 » **).

Принявши во вниманіе, что въ видѣ отрубей (для полученія лучшихъ сортовъ муки) отходитъ не меньше одной пятой части всего зерна, при этомъ наиболѣе богатой азотомъ, и что усвоеніе азота затѣмъ, все-таки, не превышаетъ 80%, мы должны допустить, что потеря азота хлѣбныхъ растеній, при употребленіи ихъ въ пищу, доходитъ до 40%. Въ виду этого обстоятельства, растительные продукты одни ни въ какомъ случаѣ не могутъ составлять собой пищи для человѣка, въ собственномъ смыслѣ этого слова: они слишкомъ бѣдны усвояемыми бѣлками и жирами, и для полу-

---

*) По изслѣдованіямъ Вундера, въ лучшей мукѣ содержится 8,12% бѣлковъ, въ худшей — 11,66%, въ отрубяхъ — 14,36%; по анализамъ Войтасевича и Доброславина простая ржаная мука содержитъ 12,9% бѣлка, обдирная—12,3%, а пеклеванная 10,6%.

**) Къ такимъ же выводамъ приходитъ и Rubner, принимающій 18,7% неусвоеннаго азота для бѣлаго хлѣба и 32%—для чернаго хлѣба.

ченія всего нужнаго количества послѣднихъ изъ одной растительной пищи человѣку пришлось бы вводить ее въ организмъ такими большими массами, которыя рѣшительно были бы обременительны и вызывали бы всякія разстройства. Поэтому современная физіологія требуетъ, чтобы пища человѣка была смѣшанной *), въ противномъ случаѣ она не будетъ успѣшно удовлетворять двумъ своимъ основнымъ задачамъ—пополнять вещественныя траты животнаго тѣла и доставлять матеріалъ, нужный для развитія разнообразныхъ работъ.

Послѣ этихъ замѣчаній объ отличительныхъ свойствахъ растительной и животной пищи, для насъ будетъ понятно то обстоятельство, что каждый старается составить свою пищу такъ, чтобы въ ней было больше животныхъ началъ и меньше углеводовъ. Но бѣлки и жиры, какъ наиболѣе важныя въ экономіи организма, въ то же время, и самыя дорогія питательныя начала **), поэтому растительные продукты играютъ главную роль въ питаніи народныхъ массъ: ихъ пища, въ общемъ, всегда по необходимости изобилуетъ углеводами, но бѣдна бѣлками и жирами.

Намъ предстоитъ еще разсмотрѣть вопросъ о количественномъ смѣшеніи отдѣльныхъ питательныхъ началъ, или, другими словами, вопросъ о пищевыхъ нормахъ ***). При установленіи ихъ мы встрѣчаемъ большія трудности, такъ какъ точныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій пока еще очень мало ****), непосредственныя же наблюденія надъ пищей людей велись безъ всякой системы, какъ бы случайно, съ большими пробѣлами по нѣкоторымъ возрастнымъ и соціальнымъ группамъ. Наиболѣе цѣнныя въ этомъ отношеніи изысканія даетъ мюнхенская физіологическая школа; она принимаетъ слѣдующія, нужныя на день, минимальныя количества (въ граммахъ) главныхъ питательныхъ началъ:

	Бѣлк.	Жир.	Углев.
Для дѣтей до 1½ лѣтъ	28	37	75
» » » 6—15 »	75	43	225
» работника при умѣренн. работѣ *****)	118	56	500
» работницы » » » .	92	44	400
» старика	100	68	350
» старухи	80	50	260

Такъ какъ физіологическая роль каждаго изъ элементовъ пищи наукой

*) Проф. Эрисманъ полагаетъ, что въ нормально составленной пищѣ должно быть не меньше 40—50% азота животнаго происхожденія.

**) По вычисленіямъ проф. König'a, рыночная стоимость бѣлковъ, жировъ и углеводовъ находится въ отношеніи—5 : 3 : 1.

***) За нормы обыкновенно принимаются такія пищевыя смѣси, которыя содержатъ азотъ и углеродъ въ количествахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ нормальнаго развитія организма и покрывающихъ всѣ его траты.

****) Въ этихъ изслѣдованіяхъ, путемъ физіологическаго опыта, точно устанавливалась величина обмѣна всѣхъ составныхъ частей пищи въ тѣлѣ.

*****) Норма эта дается какъ средняя изъ очень многихъ наблюденій и потому представляетъ особенно большой интересъ.

еще не вполнѣ выяснена, то будетъ и болѣе точно, и болѣе удобно для цѣлей сравненія выражать потребленіе пищи въ количествахъ тепловой энергіи, развиваемой ею при сгораніи, т.-е. въ калоріяхъ *). Производившіеся въ этомъ направленіи опыты и наблюденія показали, что при нормальныхъ условіяхъ въ сутки развивается приблизительно слѣдующее количество теплоты **):

Линамн	мужск.	пола	въ	нерабочемъ	возрастѣ . .	1,278 кол
»	»	»	»	полурабочемъ	» . .	2,135 »
»	»	»	»	рабочемъ	» ***) .	3,115 »
»	»	»	»	старческомъ	» . .	2,298 »
»	женск.	»	»	нерабочемъ	» . .	924 »
»	»	»	»	полурабочемъ	» . .	1,519 »
»	»	»	»	рабочемъ	» . .	2,452 »
»	»	»	»	старческомъ	» . .	1,815 »

Изъ наблюденій Фойта и Петтенкофера надъ взрослыми работниками было найдено, что одна калорія теплоты получалась отъ разложенія 0,037 гр. бѣлка, 0,019 гр. жира и 0,164 гр. углеводовъ ****). Такъ какъ, вслѣдствіе бѣдности народной пищи животными началами, ея усвояемость, въ общемъ, не превышаетъ 72% для бѣлковъ, 95% для жира и 93% для углеводовъ, то для образованія одной калоріи теплоты нужно, чтобы въ пищѣ находилось не меньше 0,051 гр. бѣлковъ, 0,020 гр. жира и 0,176 гр. углеводовъ. Полный суточный раціонъ взрослаго человѣка въ этомъ случаѣ будетъ состоять изъ 159 гр. бѣлковъ, 62 гр. жира и 548 гр. углеводовъ *****).

Если мы, пользуясь тѣми же пріемами, произведемъ соотвѣтствующія вычисленія для нашей страны, то найдемъ, что у насъ одинъ человѣкъ, безъ различія возраста и пола, въ среднемъ ******), долженъ развивать въ сутки 2,070 калорій теплоты; для этого ему нужно получить въ день 105 гр. бѣлка, 41 гр. жира и 364 гр. углеводовъ; изъ этого питательнаго

*) Одинъ граммъ бѣлка, разлагаясь въ тѣлѣ, даетъ 4,1 калоріи (точнѣе: животный бѣлокъ—4,23, а растительный—3,96 кал.), одинъ гр. жира—9,3 кал. и одинъ гр. углеводовъ—4,1 калор.

**) Нерабочій возрастъ принимается до 14 л. для мужч. и до 12 л. для женщ.; полурабочій—отъ 14 до 18 и 12 до 16 л.; рабочій—отъ 18 до 60 и отъ 16 до 55 л.; старческій—отъ 60 и 55 л. См. *Веселовскаго* въ „Запискахъ географ. общ." 1861 г.

***) Работа предполагается средняя; при тяжелой же работѣ взрослый работникъ развиваетъ въ сутки 3,362 кал., при легкой 2,868 калорій.

****) Хотя пища работниковъ, въ среднемъ, и состояла изъ 118 гр. бѣлк., 56 гр. жира, 500 гр. углевод., но изъ нихъ усвояемыхъ было: 105 гр. бѣлк., 53 гр. жир. и 465 гр. углеводовъ.

*****) По Плейферу, пища, отпускаемая солдатамъ въ военное время, содержитъ 154 гр. бѣлк., 68 гр. жир. и 510 гр. углевод.; слѣдовательно, и практика выработала такъ давъ ту же самую норму, что̀ и теорія.

******) Распредѣленіе русскаго населенія по возрастамъ взято по Буняковскому, а [illegible] —по оффиціальнымъ даннымъ для 1870 г.

матеріала онъ будетъ въ состояніи утилизировать около 76 тр. бѣлка, 39 гр. жира и 337 гр. углевода.

Норма эта будетъ для насъ отправною точкой при послѣдующей количественной и качественной оцѣнкѣ народной пищи. Хотя она и представляетъ собою довольно грубое приближеніе, но это обстоятельство, при тѣхъ массовыхъ исчисленіяхъ, которыя намъ придется дѣлать, не имѣетъ большого значенія.

Въ семидесятыхъ годахъ была высочайше учреждена коммиссія для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства. Въ свою программу эта коммиссія, между прочимъ, включила и такой вопросъ: «увеличивается ли потребленіе мяса и, вообще, улучшается ли пища крестьянскаго населенія?» Показанія по этому вопросу *) получились изъ 256 уѣздовъ, и, притомъ, изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: ихъ давали и землевладѣльцы (283 показанія), и волостныя правленія (94 показанія), и земскія управы (83 показанія), и сельскіе священники (21 показаніе), и крестьяне (17 показаній), и многія другія лица и учрежденія, близко стоявшія къ народу. Въ ихъ отвѣтахъ картина вышла мрачная: они почти единогласно указывали на чрезвычайное однообразіе и скудость крестьянской пищи (хлѣбъ, пустыя щи, картофель и въ скоромные дни молоко, гдѣ оно есть) и повсюду отмѣчали происходившее съ теченіемъ времени ухудшеніе въ ней (уменьшилось потребленіе мяса).

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ; за это время накопилось много новаго матеріала для болѣе обстоятельнаго и точнаго ознакомленія съ этою важною стороной народной жизни. Къ сожалѣнію, у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, до сихъ поръ не имѣется статистики потребленія (за исключеніемъ немногихъ свѣдѣній для большихъ городовъ); хотя потребленіе, по всей вѣроятности, даже болѣе закономѣрно, чѣмъ какое-либо другое явленіе изъ подлежащихъ статистическому наблюденію, тѣмъ не менѣе, оно составляетъ тайну каждой отдѣльной семьи, и эта тайна пока не выходитъ за ея предѣлы. Но за то мы располагаемъ данными о производствѣ въ странѣ важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ, ихъ вывозѣ и ввозѣ, и, отчасти, ихъ расходованіи на разныя техническія надобности. Основываясь на нихъ, можно въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ поставить вопросъ, сколько ихъ ежегодно потребляется **) однимъ человѣкомъ, но само собою понятно, что полученная этимъ путемъ средняя цифра не даетъ истиннаго представленія о дѣйствительномъ потребленіи: постоянно приходится кон-

---

*) См. *Доклады высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Россіи*, 1873 г. Приложенія.

**) Разумѣется потребленіе въ широкомъ смыслѣ слова: сюда входитъ и то, что употребляетъ страна въ кормъ домашнимъ животнымъ, потому что расходъ этотъ рѣшительно не поддается особому учету и, слѣдовательно, не можетъ быть выдѣленъ.

статировать большія различія въ потребленіи по отдѣльнымъ мѣстностямъ, классамъ общества и даже семьямъ, въ особенности относительно наиболѣе цѣнныхъ продуктовъ, фактически доступныхъ лишь незначительному меньшинству населенія.

Но хотя такая средняя цифра и не служитъ выраженіемъ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаевъ, за то она въ высокой степени обобщаетъ изучаемые факты, и въ одномъ общемъ выводѣ исчерпываетъ все ихъ содержаніе. Это придаетъ ей столь большое значеніе, что мы именно въ среднихъ величинахъ и постараемся, прежде всего, выразить потребленіе нашею страной пищи.

На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ вопросъ о производствѣ и потребленіи растительныхъ продуктовъ. Матеріалъ по сельско-хозяйственной статистикѣ, подлежащій здѣсь нашей разработкѣ, распадается на двѣ части: за время съ 1870 по 1882 г. матеріалъ этотъ приходится извлекать изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ, а съ 1883 г. нужныя свѣдѣнія о сельской производительности доставляетъ центральный статистическій комитетъ *). Проф. Фортунатовъ, авторъ работы *Урожаи ржи въ Европейской Россіи*, справедливо указываетъ на то, что «въ русской литературѣ встрѣчается очень мало критическихъ указаній, относящихся къ урожайному матеріалу, который обыкновенно оцѣнивается въ ту или другую сторону слишкомъ огульно». Въ большинствѣ случаевъ наблюдается недовѣрчивое къ нему отношеніе; поэтому необходимо войти въ обсужденіе этого матеріала, прежде чѣмъ дѣлать изъ него выводы.

Заключающіяся въ губернаторскихъ отчетахъ цифровыя данныя объ урожаяхъ, основанныя только на догадкахъ волостныхъ правленій, наименѣе точны въ сравненіи съ другими источниками по урожайной статистикѣ. Обыкновенно принимается, что они нѣсколько ниже дѣйствительныхъ урожаевъ. Но, спрашивается, какъ же велика ихъ ошибка? Для пятилѣтія 1873—1877 гг., по губернаторскимъ отчетамъ, средній урожай «самъ» всѣхъ хлѣбовъ (кромѣ овса) дается цифрой 3,84, которая, конечно, очень низка; по болѣе точнымъ даннымъ центральнаго статистическаго комитета, для пятилѣтія 1883 — 1887 гг. эта цифра поднимается до 4,63, и потому къ ней нужна поправка, по крайней мѣрѣ, въ 20% **). Но мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы въ нашей работѣ, въ которой рѣчь идетъ о потребленіи, и, слѣдовательно, приходится оперировать надъ цифровыми данными о чистомъ сборѣ, приняли тотъ же размѣръ поправки. Дѣло въ томъ, что выраженіе «урожай самъ» есть отношеніе собр нного зерна къ посѣянному, а потому необходимо поставить вопросъ, в какихъ цифрахъ допускалась волостными правленіями неточность,—тогда ли она впадала въ ошибку, когда давали показанія о количествахъ

*) Такія же свѣдѣнія даетъ еще и департаментъ земледѣлія, но съ 1884 г. онъ ст ъ самъ въ значительной степени пользоваться изданіями центральнаго ко ит та.

**) Тенгоборскій, Вильсонъ и Ермоловъ опредѣляли поправку въ 10—15%.

собиравшагося въ волости зерна, или же тогда, когда опредѣляли размѣры высѣва? Изъ сравненія тѣхъ же пятилѣтій оказывается, что очень значительная ошибка заключалась именно въ цифрѣ высѣва. Дѣйствительно, для пятилѣтія 1883—1887 гг. центральный комитетъ опредѣляетъ среднее ежегоднее количество высѣваемаго зерна (не считая овса) въ 43,059 тыс. четвертей; такъ какъ съ теченіемъ времени, во-первыхъ, происходило увеличеніе запашки *), во-вторыхъ, истощалась въ бо́льшей или меньшей степени почва (въ этомъ случаѣ нужна бо́льшая густота посѣва), то слѣдовало бы ожидать, что десятью годами раньше высѣвалось меньшее количество зерна, между тѣмъ, цифра волостныхъ правленій оказывается на 2,8% больше. Очевидно, что она преувеличена, и, притомъ, много, и что это именно обстоятельство и оказало очень большое вліяніе на низкое опредѣленіе цифры урожая въ формѣ «самъ». Но, въ такомъ случаѣ, собственно для насъ, въ вопросѣ о чистомъ производствѣ страны, нужная поправка будетъ уже гораздо меньше **); къ сожалѣнію, величина ея не можетъ быть точно установлена ***). Поэтому мы воспользуемся всеподданнѣйшими отчетами лишь для среднихъ выводовъ за большой промежутокъ времени (9 лѣтъ) и полагаемъ, что при этомъ условіи законъ большихъ чиселъ проявитъ все свое дѣйствіе, и мы достигнемъ точности, вполнѣ достаточной для практическихъ и даже для научныхъ цѣлей.

Урожайный матеріалъ, доставляемый центральнымъ статистическимъ комитетомъ, обладаетъ уже несравненно бо́льшими достоинствами въ отношеніи точности. Въ 1881 году комитетомъ было произведено обслѣдованіе площадей культуры важнѣйшихъ хлѣбовъ, которое дало болѣе ясное представленіе по этому предмету въ сравненіи съ тѣмъ, какое имѣлось раньше ****). Затѣмъ, съ 1883 года имъ было организовано собираніе свѣдѣній о посѣвахъ и сборахъ на широкихъ началахъ, путемъ ежегодней разсылки по всей странѣ до 150 тысячъ вопросныхъ листковъ,—по 12 на каждую волость. Участіе администраціи въ составленіи свѣдѣній было значительно ограничено; съ этого времени волостному правленію принадлежитъ только

*) Въ теченіе десятилѣтія 1870—1879 гг. количество посѣва ежегодно увеличивалось на 1,6%; увеличеніе наблюдается и для восьмидесятыхъ годовъ.

**) Въ этомъ случаѣ цифра высѣва есть вычитаемое, а не дѣлитель.

***) Вотъ одна такая совершенно произвольная попытка, основанная на чисто-апріорномъ положеніи, что въ странѣ, вывозящей хлѣбъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть недостатка въ немъ: по вычисленіямъ департамента земледѣлія, оказалось, что у насъ въ семидесятые годы оставалось для продовольствія на душу не 1,75 четверти, какъ это требуется нормами, а только 1,5 четв.; изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію департамента, что „цифры производства хлѣба нѣсколько ниже дѣйствительныхъ, приблизительно на цифру 18—20 милл. четверт., по разсчету 1/4 четв. на душу“. См. *Сборникъ свѣдѣній*, вып. I, 1879 г.

****) См. *Статистическій Временникъ*, сер. III, вып. 4. „Распредѣленіе земель по угодьямъ въ Европейской Россіи за 1881 г.“ Въ предисловіи къ этой работѣ центральный комитетъ говоритъ: „И теперь мы считаемъ себя вправѣ утверждать, что собранныя нами свѣдѣнія о поляхъ подъ посѣвами господствующихъ въ уѣздѣ растеній заслуживаютъ полнаго довѣрія“.

распредѣлительная роль: оно раздаетъ по своему выбору шесть листковъ частнымъ землевладѣльцамъ и шесть—крестьянамъ-хозяевамъ; нужныя же показанія даютъ сами производители.

При этомъ центральнымъ пунктомъ программы было признано показаніе о количествахъ посѣва и сбора на одну десятину, точное опредѣленіе которыхъ можетъ быть сдѣлано безъ большого труда. Несмотря, однако, на всѣ эти преимущества новой организаціи нашей сельско-хозяйственной статистики, ей, все-таки, присуща нѣкоторая неточность; мелкіе хозяева, изъ опасенія новыхъ налоговъ, склонны уменьшать свои урожаи. Сначала эта тенденція проявилась довольно сильно, но съ теченіемъ времени населеніе убѣдилось въ безрезультатности своихъ опасеній, и поводовъ къ умышленному искаженію свѣдѣній стало меньше.

За послѣдніе годы тенденція къ преуменьшенію урожаевъ была парализована отчасти еще благодаря тому, что свѣдѣнія отбирались на мѣстахъ не въ половинѣ августа, какъ это было раньше, а въ началѣ сентября, и потому приблизились къ характеру предварительныхъ показаній, относительно которыхъ извѣстно, что они, вообще, имѣютъ всегда бо́льшую величину, чѣмъ окончательныя цифры *).

Но какъ бы то ни было, а о безусловной точности цифровыхъ данныхъ центральнаго комитета говорить не приходится. Постараемся обнаружить размѣры нужной къ нимъ поправки. Проф. Фортунатовымъ было произведено сличеніе свѣдѣній объ урожаяхъ ржи, почерпаемыхъ изъ различныхъ источниковъ. Результаты его сопоставленій были слѣдующіе: 1) губернаторскія свѣдѣнія, въ среднемъ выводѣ за семь лѣтъ (1883—1889), почти на 7% ниже свѣдѣній центральнаго комитета; 2) семилѣтнія данныя о крестьянскихъ урожаяхъ центральнаго комитета очень близки къ такимъ же даннымъ департамента земледѣлія, какъ въ среднемъ выводѣ, такъ и въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ: средняя разница для тѣхъ 116 уѣздовъ, по которымъ источники располагаютъ раздѣльными свѣдѣніями, составляетъ только +4,3% въ пользу департаментскихъ цифръ; что же касается урожаевъ ржи на владѣльческихъ земляхъ, то показанія корреспондентовъ департамента въ среднемъ выводѣ приблизительно на 10% выше, чѣмъ показанія владѣльцевъ, дающихъ отвѣты комитету; такъ какъ корреспондентами департамента земледѣлія состоятъ сравнительно лучшіе хозяева, и поэтому, по крайней мѣрѣ, для владѣльческихъ земель, данныя выше дѣйствительныхъ среднихъ, то, по мнѣнію А. Ѳ. Фортунатова, и къ свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета о владѣльческихъ урожаяхъ средняя поправка не должна превышать +5%; 3) относитель-

*) Что цифры, благодаря измѣненію срока доставленія свѣдѣній, стали ближе къ [illegible]инѣ, это можно видѣть изъ того, что разница между цифрами всеподданнѣйшихъ [illegible]отовъ и центральнаго статистическаго комитета, доходившая въ 1884 году до 5 % и затѣмъ державшаяся приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ, въ 1888 [illegible]г вдругъ поднимается за 10,1%, а въ 1889 году даже до 11,9%. См. *Фортунатовъ*: „Урожаи

ная разница данныхъ основной земской статистики о крестьянскихъ урожаяхъ по 124 уѣздамъ со свѣдѣніями центральнаго комитета за семилѣтіе 1883—89 гг. составляетъ +7,1%; для частновладѣльческаго хозяйства разница эта больше—достигаетъ +19%, но основная земская статистика въ этомъ случаѣ гораздо бѣднѣе числомъ уѣздовъ, по которымъ собраны свѣдѣнія о среднихъ урожаяхъ (такихъ уѣздовъ имѣется только 52). Такой близости отдѣльныхъ источниковъ по урожайной статистикѣ, несомнѣнно, вполнѣ достаточно для того, чтобы признать за ними большую степень точности. Въ томъ же изслѣдованіи *Урожаи ржи* проф. Фортунатовъ, сопоставивши различные матеріалы за послѣднее десятилѣтіе и дополнивши ихъ тѣми средними величинами всероссійскихъ урожаевъ, которыя давались въ разное время различными писателями, приходитъ къ заключенію, что «совокупность свѣдѣній позволяетъ намъ считать для восьмидесятыхъ годовъ средній урожай крестьянскихъ земель близкимъ къ 5 четвертямъ, средній урожай владѣльческихъ земель—къ 6 четвертямъ ржи съ десятины» *). Сопоставленіе этихъ цифръ съ такими же средними (за 1883—1890 гг.) цифрами центральнаго комитета (4,43 четверти съ десятины крестьянской земли и 5,40—съ десятины владѣльческой земли) убѣждаетъ насъ, что поправка къ даннымъ центральнаго статистическаго комитета не превышаетъ въ среднемъ выводѣ 10%. По отдѣльнымъ губерніямъ предѣлъ ея, конечно, можетъ быть и больше, и меньше.

Въ виду этого, мы используемъ оффиціальный матеріалъ по статистикѣ хлѣбной производительности и за этотъ періодъ времени такъ же, какъ и за болѣе ранній, только въ среднихъ выводахъ по всей странѣ. Впрочемъ, для урожаевъ на крестьянской надѣльной землѣ можетъ быть допущено въ этомъ отношеніи исключеніе. Сличеніе источниковъ показало, что они для крестьянскихъ урожаевъ очень близки другъ къ другу не только въ среднихъ выводахъ, но и въ выводахъ по преобладающему большинству губерній. Очевидно, что свѣдѣніямъ этого рода присуща сравнительно еще большая точность. Это обстоятельство легко объясняется слѣдующимъ образомъ: 1) опредѣленіе площадей воздѣлыванія хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ не представляло очень трудной задачи, и потому было выполнено съ надлежащею точностью; 2) крестьянское земельное хозяйство настолько несложно, что, при нѣкоторой добросовѣстности, каждый производитель зерна легко можетъ дать вполнѣ вѣрныя показанія о своемъ посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ; 3) крестьянское хозяйство, что касается культуры тѣхъ или другихъ хлѣбныхъ растеній, очень постоянно, и такъ какъ надѣльныя земли почти всѣ давно уже распаханы до своихъ крайнихъ предѣловъ, то тутъ не можетъ быть серьезныхъ измѣненій и въ количественномъ отношеніи; 4) среди крестьянскихъ хозяйствъ не трудно выбрать такія, кото-

*) При вычисленіи поуѣздныхъ цифръ за 10 лѣтъ по двумъ всероссійскимъ источникамъ (цент. ком. и деп. земл.), А. Ѳ. Фортунатовымъ была получена средняя величина 4,91 четверти съ десятины для крестьянскихъ земель и 5,77—для владѣльческихъ.

рыя были бы типичны, а въ этомъ случаѣ и немногихъ показаній бываетъ достаточно, чтобы сдѣлать правильное заключеніе о результатахъ жатвы по цѣлой волости. Исходя изъ этихъ соображеній, мы позволимъ себѣ въ настоящей работѣ подвергнуть продовольственныя средства крестьянскаго населенія болѣе детальному статистическому анализу.

Среднее годовое производство и потребленіе въ нашей странѣ (вычисленіе относится только къ 50 губерніямъ Европейской Россіи) растительныхъ продуктовъ, по оффиціальнымъ даннымъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

За періодъ 1870 — 1878 гг. *).

	Чистый сборъ 1,000 пуд.	Вывозъ 1,000 пуд. **).	Остатокъ въ пуд. на душу населен. ***).
Ржи	647,581	62,400	8,05
Пшеницы	203,439	104,083	1,37
Ячменя	99,086	15,454	1,15
Гречи	57,259	4,353	0,73
Проса	53,252	215	0,73
Кукурузы	21,140	5,447	0,23
Гороха	16,238	1,967	0,20
Полбы	6,395	—	0,09
Картофеля	279,452	—	3,85

За періодъ 1883 — 1890 гг. ****).

	Чистый сборъ 1,000 пуд.	Вывозъ 1,000 пуд. **).	Остатокъ въ пуд. на душу населен. ***).
Ржи	760,371	78,306	7,91
Пшеницы	275,407	150,869	1,45
Ячменя	122,980	51,145	0,83
Гречи	47,074	4,022	0,50
Проса	68,864	364	0,79
Кукурузы	28,156	17,275	0,13
Гороха	21,382	3,823	0,20
Полбы	8,041	—	0,09
Картофеля	342,571	—	3,97

*) Свѣдѣнія за 1870 — 1878 гг. сгруппированы департаментомъ земледѣлія въ *Сборникѣ свѣдѣній по департаменту*, 1880 г., вып. II.

**) См. обзоры цент. стат. комит.: *Урожаи въ Европ. Россіи*. Объемныя мѣры вездѣ переводились въ вѣсовыя по существующимъ въ дѣйствительности среднимъ по губерніямъ отношеніямъ.

***) См. изданія департамента таможенныхъ сборовъ: *Обзоръ внѣшней торговли Россіи*, ежегодно публикуемыя. Мы вводимъ въ свои разсчеты только отпускъ по европейской границѣ, исключая по Черноморской границѣ Кавказскаго края и въ торговлѣ съ Финляндіей, но за то не выдѣляемъ участія губерній Привислянскаго края и не считаемъ привоза съ Кавказа.

****) Населеніе вычислялось по послѣдней цифрѣ цент. ст. комит. для 1886 г., см. *Сборникъ свѣдѣній по Европейской Россіи* 1890 г., и по даннымъ комитета о при-

Сравненіе между обоими періодами (также и между отдѣльными мѣстностями) было бы вполнѣ точно только въ томъ случаѣ, если бы мы могли выразить всѣ виды растительной пищи въ какомъ-нибудь одномъ наименованіи. Къ сожалѣнію, болѣе или менѣе удовлетворительное выполненіе этой задачи почти невозможно. Правда, химія уже и теперь устанавливаетъ нѣкоторое различіе въ составѣ растительныхъ продуктовъ: по таблицамъ проф. König'a, составленнымъ на основаніи большого числа анализовъ, ститается:

Во ржи	11,43%	бѣлка,	1,71%	жира.
» пшеницѣ	12,42 »	»	1,70 »	»
» ячменѣ	11,16 »	»	2,12 »	»
» гречѣ	10,58 »	»	2,79 »	»
» просѣ	11,29 »	»	3,56 »	»
» кукурузѣ	10,05 »	»	4,76 »	»
» горохѣ	22,63 »	»	1,72 »	»
» полбѣ	11,02 »	»	2,77 »	»
» картофелѣ	1,79 »	»	0,16 »	»

но 1) хлѣбныя растенія вовсе не имѣютъ вездѣ и всегда одного и того же состава: почва, климатъ, даже условія посѣва сильно вліяютъ на содержаніе ими воды и другихъ составныхъ частей *); 2) всякое зерно, прежде чѣмъ станетъ пищей человѣку, проходитъ черезъ многія стадіи обработки и тутъ претерпѣваетъ очень существенныя измѣненія въ своихъ питательныхъ достоинствахъ **). Въ виду этого мы отказываемся отъ попытки установить скалу питательности хлѣбныхъ растеній и въ своемъ послѣдующемъ изложеніи допустимъ, что она одинакова для всѣхъ растеній; исключеніе безусловно необходимо только для гороха и картофеля: питательность перваго приблизительно въ 2 раза выше по сравненію со всякимъ другимъ хлѣбомъ, а второго въ 6 разъ ниже.

Сводя по указанному способу всѣ виды растительной пищи вмѣстѣ, мы найдемъ, что въ нашей странѣ въ семидесятые годы оставалось для удовлетворенія потребностей продовольствія, винокуренія и корма скота 13 пуд. 15 фунт. растительной пищи на одного человѣка, безъ различія пола и

ростѣ населенія за 1867 — 1886 гг., см. *Статистику Россійской имперіи*, т. XII, 1890 г. Среднее населеніе для 1870 — 1878 гг. есть 72,651 тыс. душ. обоего пола, для 1883—1890 гг.—86,183 тыс.

*) Русская пшеница была изслѣдована проф. Ласковскимъ, и оказалось, что въ 100 част. сухой пшеницы изъ губерній Европ. Россіи (19 анализовъ) было 3,58 ч. азота и 1,75 ч. жира, съ Кавказа — 3,42 ч. азота и 1,86 ч. жира, изъ Сибири — 2,74 ч. азота и 2,00 ч. жира; въ среднемъ выводѣ, наша пшеница, будучи высушена, содержитъ 3,24% азота и 1,78% жира. Нужно замѣтить, что, сравнительно съ иностранною пшеницей, наша отличается очень богатымъ содержаніемъ азота.

**) Такъ, наприм., зерно пшеницы болѣе богато азотомъ, чѣмъ ржаное зерно, но въ болѣе тщательно приготовленной пшеничной мукѣ азота уже меньше, чѣмъ въ мукѣ ржаной; наконецъ, хлѣбъ пшеничный, по своимъ питательнымъ достоинствамъ, снова беретъ перевѣсъ надъ ржанымъ, вслѣдствіе своей высокой усвояемости.

возраста, а въ восьмидесятые годы—12 пуд. 31 фунт. Такимъ образомъ, за позднѣйшій изъ разсматриваемыхъ періодовъ наша страна расходовала уже меньшія количества зерна, именно: на 4,4% (для восьмилѣтія, по разсчету на все населеніе, такое пониженіе даетъ цифру въ 407 милл. пуд. *). Столь неблагопріятный результатъ объясняется: 1) тѣмъ, что производство зерна у насъ не дѣлало почти никакихъ успѣховъ и едва поспѣвало за населеніемъ: при сравненіи двухъ періодовъ оказывается, что производство растительныхъ продуктовъ, включая и картофель, увеличилось на 21%, населеніе же за то же время возросло на 19%; 2) тѣмъ, что отпускъ хлѣба за границу усиливался: за разсматриваемое время онъ поднялся на 58% и достигъ слишкомъ $^1/_5$ (22%) всего чистаго сбора. Остановимся подробнѣе на цифрѣ 12 п. 31 ф., найденной нами для послѣдняго десятилѣтія. По всей вѣроятности, она нѣсколько ниже дѣйствительной, приблизительно на 10%. Но за то она не только представляетъ собственно продовольственныя средства населенія, но включаетъ также и то, что̀ расходуется на винокуреніе и скармливается скоту. Чтобы дать понятіе о количествѣ перекуриваемыхъ матеріаловъ, мы напомнимъ, что за 1886—1888 гг., въ среднемъ, въ годъ перекуривалось 27,3 милл. пуд. риса, 10,6 милл. пуд. солоду, приготовляемаго, главнымъ образомъ, изъ ячменя, 3,6 милл. пуд. прочаго зерна и 60,6 милл. пуд. картофеля, что̀ составляетъ въ переводѣ на зерно 25 фунт. на одного человѣка (около 5% всего годового запаса). Скармливаніе зерна скоту статистическому учету не поддается, но несомнѣнно, что и этотъ расходъ имѣетъ не маловажное значеніе въ жизни земледѣльческой страны. Мы будемъ очень близки къ истинѣ, если, не отчисляя ничего изъ нашей цифры на эти двѣ статьи расхода, но, въ то же время, и не внося въ нее соотвѣтствующей поправки, примемъ, что 12 п. 31 ф. растительныхъ продуктовъ есть именно то, что населеніе наше имѣло въ послѣднее время для своего собственнаго продовольствія.

Спрашивается, достаточно ли было этихъ средствъ для покрытія потребностей продовольствія? Мы уже раньше имѣли случай указать, что у насъ каждый человѣкъ, безъ различія возраста и пола, долженъ имѣть въ сутки около 76 гр. бѣлковъ, 39 гр. жира и 337 гр. углеводовъ. Допуская, что, въ среднемъ, получается 20% усвояемыхъ бѣлковъ изъ продуктовъ животнаго происхожденія (это скорѣе много, чѣмъ мало), мы найдемъ, что изъ растительной пищи остается еще дополучить около 61 гр. бѣлка. По анализамъ Войтасевича, наша ржаная мука содержитъ 12,9% бѣлка; такъ какъ это мука грубая, заключающая много отрубей, то количество неусвояемыхъ бѣлковыхъ веществъ будетъ тутъ не меньше 33,3% (среднее изъ

*) Пониженіе это, въ сущности, еще больше, такъ какъ данныя всеподданѣйшихъ отчетовъ менѣе точны, чѣмъ данныя цент. комитета. Кромѣ того, мы умышленно не ввели въ свои разсчеты злополучнаго 1891 года, чтобы не придавать выводамъ исключительнаго характера. Еслибъ мы сдѣлали это, то потребленіе растительныхъ продуктовъ выразилось бы цифрою 12 п. 8 ф. и пониженіе, сравнительно съ болѣе раннимъ періодомъ, составляло бы 8,7%.

изслѣдованій Дементьева и Бучинскаго). Для полученія 61 гр. бѣлка такой муки нужно 710 гр. Переводя муку на зерно *), мы найдемъ, что потребность средняго русскаго человѣка въ зернѣ достигаетъ 1,8 фунта на день и 16 пуд. 14 фунт. на годъ. Эта теоретически установленная норма очень близка къ нормамъ и кадастровыхъ коммиссій, и департамента земледѣлія (1,75 четверти зерна на душу населенія). Что она ни въ какомъ случаѣ не высока, это видно изъ того, что въ Московской губерніи, въ среднемъ, каждый годъ потребляется одной только ржи и пшеницы, т.-е. тѣхъ именно хлѣбовъ, которые почти исключительно идутъ въ пищу человѣку, не считая всѣхъ другихъ продуктовъ, 13,5 пуда на душу, а въ С.-Петербургской губерніи—даже 14,65 пуда **). Потребленіе въ этихъ губерніяхъ, съ широко развитою городскою и промышленною жизнью, можетъ быть разсматриваемо какъ мѣрило того, что дѣйствительно необходимо человѣку, потому что здѣсь населеніе сравнительно съ большою легкостью добываетъ себѣ средства, и, слѣдовательно, можетъ въ нужной мѣрѣ удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ.

Останавливаясь на указанной нормѣ, мы видимъ, что страна наша давно уже не имѣетъ достаточнаго количества растительной пищи. Въ восьмидесятыхъ годахъ она каждогодно не дополучала по 309 милл. пуд. ***), и, слѣдовательно, продовольственныя потребности населенія не покрывались за послѣднее время на 22%.

Само собою разумѣется, что запасы распредѣлялись по странѣ далеко не равномѣрно. Но средняя цифра отъ этого нисколько не теряетъ въ своемъ значеніи: если одна часть элементовъ, изъ которыхъ она составилась, будетъ выше, тогда другая непремѣнно окажется ниже.

Свѣдѣнія объ урожаяхъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ: 1) крестьяне составляютъ въ нашемъ населеніи подавляющее большинство, около 77%, и 2) предоставленіемъ крестьянамъ земельныхъ надѣловъ ставилась задача обезпечить имъ надежныя средства къ жизни и дать возможность выполнять свои обязанности передъ правительствомъ и помѣщикомъ; то же самое значеніе за надѣльною землей, въ большинствѣ случаевъ, сохранилось и по настоящее время: для

---

*) Мы принимаетъ, что на отруби и потерю при размолѣ зерна идетъ только 3,3%; см. *Хлѣбопекарное производство по Бирнбауму.*

**) Среднее (за 1883—1887 гг.) производство ржи и пшеницы, за вычетомъ сѣмянъ и запасовъ, идущихъ на винокуреніе, достигаетъ: въ Московской губ. 3,77 пуд. на жителя, въ Петербургской—2,61 пуд.; средній (за 1878, 1880, 1882, 1884 и 1885 гг.) избытокъ ввоза надъ вывозомъ этихъ хлѣбовъ суть: въ Московской губ.—9,73 пуд., Петербургской—12,04 пуд. См. *Дополненіе къ статистическому сборнику м-ва путей сообщенія*, вып. IV, 1889 г.

***) Нельзя не отмѣтить одной интересной случайности въ нашемъ хлѣбномъ отпускѣ: за послѣднія восемь лѣтъ Россія, въ среднемъ, каждый годъ вывозитъ по 309 милл. пуд. зерна и каждый годъ не покрываетъ своихъ продовольственныхъ потребностей ровно на столько же.

громадной массы крестьянскаго населенія она продолжаетъ составлять и теперь важнѣйшій, а иногда даже единственный источникъ существованія.

Чтобы не путаться въ безпорядочной смѣнѣ урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ, мы представимъ статистическій матеріалъ по урожайности крестьянскихъ полей въ среднихъ цифрахъ за десять лѣтъ (1883—1891 гг.). Это настолько большой промежутокъ времени, что тутъ должна быть признана вполнѣ умѣстной разработка данныхъ даже для такихъ сравнительно уже мелкихъ территоріальныхъ единицъ, каковы наши губерніи.

Средній чистый сборъ продовольственныхъ хлѣбовъ и картофеля на крестьянскихъ земляхъ *):

Губерніи.	На душу населен. пуд. **).	Губерніи.	На душу населен. пуд.
Архангельская	5,5	Полтавская	12,1
Астраханская	6,9	Харьковская	12,3
Черниговская	7,3	Нижегородская	12,4
Олонецкая	7,5	Ярославская	12,5
Вологодская	8,3	Подольская	12,7
Новгородская	8,7	Ковенская	13,2
Московская	8,7	Курская	13,2
Могилевская	8,8	Костромская	13,5
Тверская	9,1	Вятская	13,7
Лифляндская	9,2	Симбирская	13,8
Калужская	9,2	Уфимская	14,2
Минская	9,3	Пензенская	14,5
Виленская	9,4	Саратовская	14,6
Витебская	9,9	Казанская	14,8
Владимірская	10,6	Волынская	14,8
Псковская	10,8	Самарская	15,0
С.-Петербургская	10,8	Херсонская	16,0
Смоленская	10,8	Тамбовская	16,1
Тульская	11,1	Екатеринославская	16,4
Гродненская	11,3	Воронежская	16,9
Орловская	11,6	Курляндская	17,4
Пермская	11,6	Оренбургская	19,2
Эстляндская	11,6	Бессарабская	22,4
Рязанская	11,8	Донская	26,7
Кіевская	11,9	Таврическая	27,3

*) Приведеніе къ одной единицѣ сдѣлано на тѣхъ же основаніяхъ, какія были указаны раньше.

**) Готовой цифры наличнаго крестьянскаго населенія мы не имѣемъ. Сначала мы думали вычислять ее, пользуясь для этого данными бывшей въ 1858 году ревизіи и свѣдѣніями *Статистики поземельной собственности* о среднемъ ежегодномъ приростѣ крестьянскаго населенія. Но въ послѣднихъ цифрахъ, очевидно, есть большая [illegible] въ то время, какъ цент. стат. комитетъ средній ежегодный приростъ для

Группируя губерніи по сходнымъ признакамъ, мы получаемъ слѣдующія, различающіяся между собой и почвой, и климатомъ, и густотой населенія, и степенью культуры *):

	Чистый сборъ 1,000 пуд.	На душу насел. пуд.
1) Нечерноземная степь (Астраханск. губ.) .	2,569	6,9
2) Центральное полѣсье (Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимірская, Московская, Калужская)	92,054	10,8
3) Русско-литовское полѣсье (Псковская, Смоленская, Могилевская, Минская, Волынская, Гродненская, Виленская, Витебская)	107,922	11,0
4) Полѣсье сѣверное (Архангельская, Пермская, Вятская, Вологодская, Новгородская, С.-Петербугская, Олонецкая)	97,374	11,1
5) Польско-литовское полѣсье (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Ковенская). . . .	33,300	12,3
6) Южный трехпольный черноземъ (Курская, Воронежская, Саратовская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Кіевская, Подольская, Бессарабская)	243,039	13,4
7) Сѣверный трехпольный черноземъ (Рязанская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Орловская, Тульская).	158,037	13,6
8) Сѣверный экстензивный черноземъ (Уфимская, Оренбургская, Самарская)	80,842	15,7
9) Южный экстензивный черноземъ (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Донск.).	119,235	21,5

Во всей Европейской Россіи чистый сборъ на надѣльныхъ земляхъ, в среднемъ, въ годъ составляетъ 934.402,090 пуд., что̀ даетъ на душ крестьянскаго населенія 13,2 пуда всякаго хлѣба (не считая овса).

Чтобы по этимъ цифрамъ судить о степени обезпеченности нашего сель ского населенія продовольственными средствами, вернемся еще разъ к вопросу, какъ велика можетъ быть у человѣка потребность въ раститель ной пищѣ, и для этого, прежде всего, посмотримъ, что̀ даетъ намъ тутъ не посредственное наблюденіе. Наиболѣе компетентное въ этомъ вопросѣ учреж деніе, конечно, есть земство: оно близко стоитъ къ народу, знаетъ его по

всего населенія Россіи показываетъ 1,35% (*Ст. Росс. имп.* т. XII). *Ст. поз. собств.* опредѣляетъ его въ 1,05%. Кромѣ того, по 4 губерніямъ этотъ источникъ и вов не даетъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній. Въ виду этого, послѣ нѣкотораго колебанія мы рѣшили внести въ свои разсчеты тѣ цифры, которыя цент. стат. комит. дает для сельскаго населенія за 1890 г. См. *Ст. Росс. имп.*, т. XV и XVI, 1892 г.

*) О дѣленіи нашей страны на полосы см. *Южаковъ*: „Нормы народнаго земл владѣнія“. *Русская Мысль* 1885 г., кн. IX.

ложеніе и жизнь, поэтому въ земско-статистической литературѣ и нужно будетъ поискать необходимыхъ указаній.

Бюджетныя изслѣдованія, производившіяся по четыремъ уѣздамъ Воронежской губерніи *), показали, что въ 62 типичныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ съ 533 душ. обоего пола, въ среднемъ выводѣ, ежегодно расходуется въ пищу на одного человѣка: 16 мѣръ ржаной муки, 0,4 пуда прочей муки, 2,4 мѣры гречи и пшена, 7,1 мѣр. картофеля. Въ зажиточныхъ семьяхъ (10) потребленіе муки ржаной, пшеничной, яшной и пшенной достигаетъ 22 пуд. на душу, въ семьяхъ средней экономической состоятельности (19)—18 пуд., въ малообезпеченныхъ семьяхъ (19) оно падаетъ до 13 пуд., а въ бѣдныхъ (14)—даже до 12 пуд. на душу **). Такое же изслѣдованіе мы имѣемъ и для сельскаго населенія Иркутской губерніи ***). Выполнялось оно мѣстными интеллигентными жителями, которые и доставили 7 бюджетовъ по крестьянскимъ хозяйствамъ (съ 36 душ. об. пол.) и 5 бюджетовъ по инородческимъ хозяйствамъ (съ 32 душ.). Нѣкоторые изъ этихъ бюджетовъ не полны, и потому по нимъ можно установить потребленіе только ржаной и пшеничной муки: въ русскихъ хозяйствахъ на одну душу обоего пола въ годъ расходуется 15,5 пуд. ржаной муки и 8,3 пуд. пшеничной, въ бурятскихъ—18,3 пуд. ржаной и 1,6 пуд. пшеничной *). Въ Московской губерніи, а именно въ Богородскомъ уѣздѣ, земскіе статистики собрали подробныя свѣдѣнія о продовольствованіи 15 семей (съ 88 членами) въ двухъ селеніяхъ **); въ этихъ семьяхъ на дневное пропитаніе одного человѣка, безъ различія возраста, приходилось: 1,48 ф. ржаной муки, 0,07 ф. пшеничной муки, 0,11 ф. гречневой крупы, 1,48 ф. картофеля; на годъ это составляетъ 14,1 пуд. муки, 1 пуд. крупы и 13,5 пуд. картофеля ***).

По наблюденіямъ г. Осадчаго надъ 10 хозяйствами разнаго типа въ Щербатовской волости, Елисаветградскаго уѣзда ****), на одного рабочаго

---

*) *Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Земянскомъ Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедевицкомъ уѣздахъ*, 1889 г.

**) Мы исключили 5 бюджетовъ, вслѣдствіе ихъ очевидной неточности и неполноты. О дѣленіи на группы по степени экономической состоятельности см. ниже.

***) *Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской губ.*, т. II, вып. V, 1890 г.

*) Авторъ разсматриваемой работы, г. Астыревъ, давая эти цифры, не считаетъ наемныхъ рабочихъ; вмѣстѣ съ ними потребленіе ржаной и пшеничной муки въ русскихъ хозяйствахъ выражается цифрой 20 пуд., въ инородческихъ — цифрою 19,3 пуд. При этомъ, какъ и въ Воронежской губерніи, мы находимъ, что въ богатыхъ семьяхъ оно поднимается до 22,5 пуд., а въ бѣдныхъ падаетъ до 15 пуд.

*) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.*: „Отдѣлъ хозяйственной статистики“, т. X, „Продовольственное дѣло“, вып. III, 1892 г.

** Почти къ тѣмъ же самымъ результатамъ приходитъ и д-ръ Скибневскій, изслѣдуя пищевое довольствіе крестьянскаго населенія по Можайскому уѣзду. См. *Трудъ седьмого съѣзда врачей московскаго земства*, 1884 г.

*** *Щербатовская волость Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи.* Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе, 1891 г.

человѣка обоего пола (начиная съ 16 л.) потребно въ годъ: 18 пуд. ржи, 6 пуд. пшеницы, 3 пуд. пшена и 8 пуд. картофеля; въ среднемъ выводѣ на душу потребленіе хлѣба въ этой мѣстности составляетъ 18 пуд. 30 ф. Г. Ѳедоровымъ были сведены въ одно данныя кормовыхъ бюджетовъ 11 семей (по Московской, Тамбовской, Владимірской, Нижегородской, Калужской, Курской и Псковской), съ 80 д. всякаго возраста, считая и младенцевъ, причемъ оказалось, что въ годъ на душу необходимо: 18,1 мѣры ржаной и пшеничной муки, 3,1 мѣры прочаго яроваго хлѣба и 7,7 мѣры картофеля *).

Останавливаясь на этихъ свѣдѣніяхъ, добытыхъ и провѣренныхъ изслѣдователями на мѣстахъ, мы видимъ, что собственно крестьянское населеніе потребляетъ растительные продукты въ количествѣ нѣсколько бо́льшемъ, чѣмъ та норма, которую мы раньше дали для всего населенія. Дѣло тутъ въ томъ, что потребленіе животной пищи среди крестьянскаго населенія почти вовсе не развито, мы же, устанавливая норму, допускали, что $^1/_3$ часть бѣлкового вещества получается въ видѣ продуктовъ именно животнаго происхожденія. Наименьшая цифра во всѣхъ перечисленныхъ наблюденіяхъ есть 18 пуд. на душу, считая тутъ и картофель. Она-то и будетъ взята нами за норму для крестьянина. Это низшая изъ всѣхъ нормъ, какія когда-либо устанавливались. Г. Чаславскій принимаетъ, что на прокормленіе взрослаго работника нужно 24 пуд. ржи и 6 мѣръ ярового хлѣба, на малолѣтковъ и стариковъ—вдвое меньше **). Курское земство, на основаніи обширнаго матеріала, нашло необходимымъ опредѣлить минимальную годичную норму потребленія взрослаго человѣка въ $2^1/_2$ четверти озимаго и $1^1/_2$ четверти ярового зерна ***). Петербургское земство нормой потребленія для сельскаго населенія считаетъ, кромѣ приварочныхъ (картофеля, ячменя, гречи и т. д.), около 2 четвертей озимаго хлѣба ****). Оно приводитъ, между прочимъ, одно показаніе мѣстнаго жителя, хорошо знакомаго съ потребностями крестьянъ и принимавшаго участіе въ изученіи нѣкоторыхъ волостей Ямбургскаго и Гдовскаго уѣздовъ; по словамъ послѣдняго, семья изъ 4 работниковъ потребляетъ въ годъ 8 четвертей озимаго хлѣба, 1 куль ячменя обдѣлываетъ на крупу, а 2—на муку; кромѣ того, такая семья съѣстъ не менѣе 5 четвертей картофеля; подростки съѣдаютъ хлѣба столько же, сколько и взрослые, потому что взрослый ѣстъ 2—3 раза въ день, а подростокъ разъ 6. «Впрочемъ,—замѣчаетъ этотъ изслѣдователь,—точно вычислить норму потребленія по показаніямъ самихъ крестьянъ невозможно, потому что все зависитъ отъ качества пи-

---

*) См. *Хлѣбная конкурренція Россіи съ Америкой.* Матеріалы для рѣшенія хлѣбнаго вопроса въ Россіи, 1883 г.

**) См. *Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи.*

***) *Статистическія свѣдѣнія о продовольственныхъ средствахъ крестьянскаго населенія пяти уѣздовъ Курской губерніи,* 1884 г.

****) *Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи,* вып. VI, 1891 г.

ши: при хорошемъ харчѣ съѣдается фунта два хлѣба въ день на человѣка, при дурномъ—мало и трехъ». Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право считать, что 18 пуд. растительной пищи есть только минимумъ, безусловно необходимый для человѣка въ условіяхъ крестьянской жизни.

По сдѣланному раньше разсчету оказывается, что сборъ хлѣбовъ съ надѣльной земли во всей Европейской Россіи не покрываетъ продовольственныхъ потребностей крестьянскаго населенія на 26,7%. Только въ одномъ районѣ—въ южномъ экстензивномъ черноземѣ—земля прокармливаетъ сидящее на ней населеніе; въ другихъ же получается болѣе или менѣе значительный дефицитъ:

	Населеніе.		Дефицитъ.
Въ сѣвер. экстенз. черноземѣ . .	5,151 т. д.	7,3%	12,8%
» сѣвер. трехп. » . .	11,632 » »	16,5 »	24,4 »
» южн. трехп. » . .	18,090 » »	25,6 »	25,6 »
» польс.-литов. полѣсьѣ. . . .	2,697 » »	3,8 »	31,7 »
» сѣверномъ »	8,774 » »	12,4 »	38,3 »
» русско-литовск. »	9,825 » »	13,9 »	38,9 »
» центральн. »	8,554 » »	12,1 »	40,0 »
» нечерноземной степи. . . .	375 » »	0,5 »	61,7 »

Между тѣмъ, за прокормленіемъ на крестьянинѣ лежитъ еще уплата податей и всякихъ сборовъ; въ его жизни необходимы и многіе другіе расходы: на одежду, пополненіе инвентаря, покупку дегтя и соли и т. д. *). Для всего этого крестьянинъ долженъ еще продавать часть своей скудной жатвы, въ ущербъ своему питанію. Посторонніе заработки и всякіе промыслы составляютъ сравнительно очень небольшой и ненадежный источникъ дохода: вездѣ они недостаточны для обезпеченія разнообразныхъ потребностей хозяйства и семьи крестьянина, особенно въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ лишь ничтожная часть населенія имѣетъ работу внѣ земледѣлія. Масса нуждающагося населенія, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ прибѣгнуть даже и къ арендованію частно-владѣльческихъ земель, и мы, дѣйствительно, видимъ, что наемъ крестьянами земель развивается въ прямомъ отношеніи съ увеличеніемъ ихъ благосостоянія, съ расширеніемъ находящихся въ ихъ распоряженіи собственной земли, труда и капитала **). Однимъ словомъ, населеніе наше въ своемъ теперешнемъ положеніи не можетъ въ полной мѣрѣ удовлетворять не только всей совокупности своихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ, но даже и одной насущной потребности питанія. Выводъ этотъ не новый. Въ своей извѣстной

---

* Бюджетныя изслѣдованія по Воронежской губерніи показали, что крестьянская семья, въ среднемъ, употребляетъ 40,4% своихъ доходовъ на пищу, 23,8%—на содержаніе скота, 8,0%—на аренду земли, 6,8%—на ремонтъ, постройки и другія хозяйственныя надобности, 6,4%—на подати, 4,2%—на одежду и обувь, 3,4%—на сладъ и духовенство и проч., 2,4%—на работниковъ и т. д.

** См. *Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи*, т. II: *Крестьянскія внѣнадѣльныя заработки*, проф. Карышева.

работѣ *Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ* проф. Янсонъ говоритъ: «Мы прошли по всѣмъ 12 губерніямъ нечерноземной великорусской полосы и выносимъ тотъ общій фактъ, что, за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи»; и въ другомъ мѣстѣ, уже о черноземной полосѣ: «Во всякомъ случаѣ, не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще трехъ десятинъ, но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3⅛ десятины, даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средней по губерніи и низшіе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ почти половина, а мѣстами и большинство». Но въ настоящее время этотъ выводъ опирается уже на данныя точной сельско-хозяйственной статистики и несомнѣнно пріобрѣтаетъ отъ этого еще бо́льшее значеніе. Теперь мы можемъ говорить опредѣленнѣе о нуждахъ крестьянина; мы знаемъ, насколько именно дурно хозяйственное положеніе массы нашего населенія, а, слѣдовательно, знаемъ и то, чѣмъ оно грозитъ въ будущемъ странѣ и какія послѣдствія оно будетъ имѣть для нашей экономической и духовной состоятелиности, если правительство и общество не направятъ всѣхъ силъ народнаго организма на коренное измѣненіе существующихъ условій крестьянскаго быта.

Въ поземельныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставлены крестьяне, должна быть отмѣчена разница, обнаруживающаяся въ положеніи крестьянъ различныхъ разрядовъ. Въ то время, какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили, въ среднемъ, по 3,4 десятины удобной земли на одну ревизскую *) душу муж. пола, крестьяне удѣльнаго вѣдомства—по 4,8 десят., бывшіе государственные—по 5,9 дес., крестьяне же прочихъ разрядовъ **) даже по 12 десятинъ ***). Въ общемъ выводѣ, для всей Россіи на ревизскую душу пришлось по 5,2 десят. Само самою разумѣется, что это различіе необходимо обусловливаетъ разницу и въ степени обезпеченности отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія продовольственными средствами. Разверстывая средній чистый сборъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ земель по 49 губ. (за исключеніемъ Донской области) на число ревизскихъ душъ муж. пола, мы находимъ, что на одну такую душу приходится:

---

*) По десятой ревизіи.

**) Башкиры, евреи-земледѣльцы, бывшіе колонисты, крестьяне въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, козаки Оренбургскаго и Астраханскаго войска и проч.

***) См. *Статистическій Временникъ Россійской имперіи*, сер. III, вып. X, 1886 г.: *Распредѣленіе поземельной собственности въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи въ 1877—1878 гг.*

У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	25,8 пуд.
» » удѣльныхъ »	36,5 »
» » государственныхъ крестьянъ	44,8 »
» крестьянъ прочихъ разрядовъ	91,2 »

Помѣщичьихъ крестьянъ, по десятой ревизіи, считалось 44,9%, удѣльныхъ—4%, государственныхъ—43,1%, крестьянъ прочихъ разрядовъ—8%. Съ нѣсколько грубымъ приближеніемъ мы можемъ принять, что тѣ же отношенія въ ихъ численности сохранились и въ настоящее время *). Въ такомъ случаѣ распредѣленіе продовольственныхъ средствъ въ крестьянскомъ населеніи будетъ слѣдующее:

Въ группѣ.	На надѣльную душу об. пола.
Помѣщичьихъ	8,3 пуд.
Удѣльныхъ	11,7 »
Государственныхъ	14,5 »
Крестьянъ прочихъ разрядовъ	29,4 »

Эти цифры могутъ подлежать еще и дальнѣйшему расчлененію. Вслѣдствіе различій въ величинѣ надѣловъ, даже каждая отдѣльная группа крестьянъ обезпечена далеко не въ одинаковой степени. Среди помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, получившихъ въ надѣлъ менѣе 2 десят. на ревизскую душу, было 11,2%, 2—4 десят. 40,0%, 4—6 дес.—28,2%, свыше 6 дес.—20,6%. Сообразно съ этимъ и продовольственный дефицитъ колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ. При 6 десят. крестьянская семья едва-едва можетъ покрыть свои важнѣйшія потребности **), но такой размѣръ надѣла составляетъ исключеніе, а громадная масса сельскаго населенія не имѣетъ съ своего надѣла даже насущнаго хлѣба.

Такимъ образомъ, цѣль правительства создать обезпеченное сословіе сельскихъ обывателей, за очень рѣдкими исключеніями, не была достигнута. У этого сословія, съ первой же поры его образованія, не оказалось никакихъ средствъ къ самостоятельному развитію. Начавшійся процессъ разстройства народной жизни съ того времени безостановочно идетъ впередъ, и наблюденіе каждый годъ даетъ все новые и новые, факты способные возбудить самыя тревожныя опасенія.

Наша земледѣльческая страна не только не имѣетъ нужныхъ запасовъ хлѣба, но и имѣетъ ихъ въ количествѣ много меньшемъ, чѣмъ какая-либо

*) Въ дѣйствительности, въ группѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ приростъ за 20 лѣтъ составляетъ 20,8%, въ группѣ удѣльныхъ—18,2% и въ группѣ государственныхъ—22,3%.

**) При надѣлѣ въ 6 десят. удобной земли, на наличную душу приходится около 2 [illegible], изъ которыхъ 58% пахотной. Четвертая часть послѣдней находится подъ [illegible] и 12% подъ залежью. Остальное идетъ подъ хлѣбъ, при чемъ 20% находится [illegible] овсомъ. Такимъ образомъ, на душу выходитъ съ небольшимъ $^1/_2$ дес. посѣ[illegible]ственно продовольственнаго хлѣба, съ которой получается, за вычетомъ сѣ[illegible], не больше 15 пуд. зерна. См. *Распредѣленіе земель по угодьямъ въ Европейской Россіи за 1881 г. Стат. Врем.*, сер. III, вып. IV.

другая страна. Первое положеніе въ экономической литературѣ не ново, второе же для многихъ будетъ неожиданностью, настолько противорѣчащею общераспространенному взгляду, что возможно-точное сравненіе въ этомъ отношеніи Россіи съ другими государствами можетъ быть очень поучительно. Мы составили для этого таблицу, въ которой показываемъ среднее за нѣсколько лѣтъ потребленіе (въ широкомъ значеніи этого слова) продовольственныхъ хлѣбовъ и картофеля въ главнѣйшихъ странахъ *):

Среднее годовое потребленіе на одного человѣка:

	За время.	Пшеницы и риса пуд.	Ячменя, кукур., гречи, проса, полбы пуд.	Картофеля пуд.	Всего въ переводѣ на зерно пуд.
въ С.-А. Соед. Штат.	1875—84	8,2	42,3	4,3	51,2
» Даніи	1879—84	17,0	15,9	9,6	34,5
» Бельгіи	1870—80	14,7	2,8	21,8	21,1
» Франціи	1874—84	12,1	4,5	14,4	19,0
» Германіи	1878—83	11,7	3,0	23,2	18,6
» Соед. Королев. .	1874—83	10,2	6,6	9,6	18,4
» Австро-Венгріи. .	1875—84	8,5	7,2	12,9	17,8
» Швеціи	1875—84	9,1	5,2	16,7	17,1
» Италіи	1876—81	8,6	5,5	1,2	14,3
» Россіи **)	1883—90	9,4	2,3	4,0	12,4

Таблица эта наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія есть самая бѣдная всѣми родами растительной пищи страна. Несомнѣнно, что она давно уже, какъ это ни странно, сбываетъ за границу то, въ чемъ сама сильно нуждается. Было время, когда наша страна вывозила за свои предѣлы только избытки собственнаго производства, но это время прошло, и теперь, очевидно, за границу уходитъ часть народнаго продовольствія. При такихъ условіяхъ, конечно, не возможенъ никакой прогрессъ въ сельскохозяйственной производительности страны, и отовсюду мы слышимъ объ истощеніи почвы, объ упадкѣ скотоводства. Народъ то здѣсь, то тамъ постоянно вынужденъ бываетъ ограничивать себя въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ своихъ потребностей. Болѣе или менѣе продолжительное голоданіе, замѣна хлѣба тѣми или другими мало питательными, часто вредными

*) Среднее населеніе нами вычислялось по даннымъ, заключающимся въ *Fiftieth annual report of the registrar-general of births, deaths and marriages in England 1888.* Данныя о сборѣ хлѣбовъ и картофеля заимствованы изъ работы Neumann-Spallart'a *Uebersichten der Weltwirthschaft* 1887. На посѣвъ отчислялась седьмая часть сбора, для кукурузы—десятая. Данныя о вывозѣ и ввозѣ хлѣбовъ мы брали изъ работы А. Блау: *Сборникъ матеріаловъ по урегулированію тарифовъ на русск. желѣзн. дорогахъ*, изъ *Статистическаго Словаря* Mulhall'я *(The dictionary of statistics*, 1881) и изъ *Временника центр. стат. комитета:* „Свѣдѣнія о международной хлѣбной торговлѣ", № 5, 1889 г.

**) Цифра здѣсь дается съ исключеніемъ гороха такъ же, какъ и для другихъ странъ.

суррогатами,— все это для нѣкоторой части населенія составляетъ обычное, изъ года въ годъ наблюдающееся явленіе. Случись же болѣе серьезный неурожай, какъ это было въ 1891 году, и страна попадаетъ въ критическое положеніе, и не находитъ у себя даже тѣхъ запасовъ, которые были бы нужны, чтобы предотвратить распространеніе голодныхъ болѣзней и разореніе многомилліонной массы народа. Въ увеличивающемся вывозѣ хлѣбовъ за границу нѣтъ тѣхъ признаковъ, которые говорили бы о накопленіи въ странѣ богатства. Теоретически сложившееся убѣжденіе, что каждый народъ является на всемірный рынокъ лишь съ избыткомъ своихъ произведеній, въ примѣненіи къ нашей странѣ оказывается совершенно несостоятельнымъ. Статистическія данныя о производствѣ и потребленіи у насъ хлѣба заставляютъ смотрѣть на нашъ вывозъ не иначе, какъ на растрату народнаго богатства,— того богатства, при накопленіи котораго только и возможенъ успѣхъ, и не одинъ экономическій, но и умственный, и нравственный.

Л. Маресъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Еще о народничествѣ.

(По поводу двухъ новыхъ книгъ).

Представьте, что вамъ показываютъ зданіе въ довольно неопредѣленномъ византійскомъ стилѣ и говорятъ при этомъ: «Нравится ли вамъ нашъ рисунокъ въ готическомъ стилѣ?» Вы отвѣчаете, что признаковъ готическаго стиля въ данномъ случаѣ не находите. «Позвольте,—возражаютъ вамъ,—если сюда поставить вотъ такую башню, если принять эти колонны, если измѣнить разрѣзъ оконъ...»—«Тогда,—принуждены вы будете согласиться,—выйдетъ зданіе... смѣшаннаго стиля».

Въ такомъ, примѣрно, положеніи находится въ настоящее время и «теорія» народничества.

Лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ мнѣ пришлось (въ *Голосѣ*) говорить о книгѣ г. Каблица (Юзова) *Основы народничества*. Теперь вышло второе изданіе второй части этого сочиненія. Случалось мнѣ иногда возражать и противъ нѣкоторыхъ (важныхъ, если не основныхъ) положеній г. В. В. Недавно вышла его новая книга: *Наши направленія* (переработка статей, печатавшихся въ нынѣшнемъ году въ журналѣ *Русское Богатство*). Это не только даетъ поводъ, но и обязываетъ снова обратиться къ вопросу о народничествѣ, въ числѣ послѣдователей котораго находятся люди большого ума и глубокой искренности убѣжденія.

Представьте себѣ, что вамъ говорятъ слѣдующее: истинныя понятія о наилучшихъ и справедливыхъ формахъ общежитія находятся въ народномъ міропониманіи; *интеллигенція* и *наука* тутъ ничего не должны исправлять или дополнять; всякій образованный человѣкъ, если онъ не буржуа, обязанъ принять къ руководству и исполненію *мнѣнія народа* (въ области общественно-экономическихъ и нравственно-юридическихъ отношеній).

На это ненавистный народникамъ *либералъ*,—бѣдный русскій либералъ!—возражаетъ такимъ образомъ: міропониманіе народовъ и зависящіе отъ этого міропониманія *устои* не составляютъ чего-либо абсолютнаго, навсегда даннаго; индивидуальная мысль двигаетъ впередъ народныя воззрѣнія, разрушаетъ наивные и злые предразсудки, побѣждаетъ невѣжество

и раскрываетъ новые пути для народнаго просвѣщенія и благосостоянія; въ этомъ отношеніи заслуги науки и вооруженнаго ею образованнаго меньшинства необычайно велики; наконецъ, у отдѣльной личности, у каждаго человѣка существуютъ (должны, по крайней мѣрѣ, существовать) свои убѣжденія, свой символъ вѣры, который нельзя подвергать баллотировкѣ, нельзя, не теряя своего человѣческаго достоинства, приноравливать или подчинять *мнѣнію* народа (т.-е. народнаго большинства, потому что не было, нѣтъ и не можетъ быть «народа», у котораго не было бы разногласія по многимъ и многимъ вопросамъ). Въ католической, положимъ, Испаніи, у одинокаго искателя правды, подъ вліяніемъ *книжки* или личной бесѣды съ протестантомъ, зародилось и развилось «еретическое» убѣжденіе. Не отдать же это убѣжденіе на судъ *мнѣнію* народа!

На это отвѣчаютъ: «Интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью, *или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ*, какъ средство, и самостоятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи,—таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. *Практическое осуществленіе этихъ pia desideria требуетъ умственнаго подъема массы*, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента» *).

Если необходимъ *умственный подъемъ* народа, то *готическій* стиль не былъ, стало быть, строго выдержанъ; если *формы*, которыя являются средствомъ для осуществленія народныхъ интересовъ, вырабатываются не только *коллективною* мыслью народа, но могутъ быть и *другими*, то, быть можетъ, *либераловъ* и не слѣдуетъ обвинять въ *буржуазности* за то, что они стремятся достигнуть нѣкоторыхъ условій правильной общественной жизни, къ которымъ народъ, покуда не совершился его *умственный подъемъ*, относится равнодушно, которыхъ онъ, въ иныхъ случаяхъ, еще не знаетъ.

Дѣло не въ словѣ, а въ содержаніи, не въ имени *направленія*, а въ программѣ. А кажется, что въ давнемъ уже спорѣ *народниковъ* съ *либералами* «слова» играютъ не подобающую имъ роль...

Г. В. В. говоритъ, что задача русской интеллигенціи заключается, «во-первыхъ, въ организаціи *новыхъ* соціально-культурныхъ силъ, что̀ достигается распространеніемъ знаній и просвѣтительныхъ идей *сперва* въ средѣ привилегированнаго класса, а затѣмъ въ массѣ населенія; во-вторыхъ, *въ указаніи* формъ быта, отвѣчающихъ новымъ потребностямъ страны и подлежащихъ введенію въ жизнь на мѣсто отживающихъ старыхъ, и *проведе[illegible]е таковыхъ въ жизнь*» **). Гдѣ, когда и какой русскій *либералъ* мечта[illegible] о большемъ? *Указать* народу новыя формы быта и *провести* ихъ *въ жизнь*,—легко сказать! Это великая, трудная и благородная задача,

*) *В. В.*: „Наши направленія", стр. 7. Курсивъ въ выдержкѣ мой.
**) *Наши направленія*, стр. 111.

на которой, дѣйствительно, слѣдуетъ сосредоточить силы нашего образованнаго общества.

Здѣсь кстати будетъ обратить вниманіе на одно мѣсто изъ книги г. В. В., прямо относящееся и къ занимающему насъ вопросу, и къ *Русской Мысли*. Приведя мнѣніе В. С. Соловьева, который полагаетъ, что для осуществленія высокихъ и святыхъ идей верховное правительство не нашло бы пригодныхъ орудій въ русскомъ обществѣ *), г. В. В. прибавляетъ: «Такое же приблизительно мнѣніе заявляется и редакціей противнаго (sic) народничеству либеральнаго органа, каковое заявленіе должно считаться тѣмъ болѣе цѣннымъ, что имъ выражается признаніе отсутствія соціальной основы для нашего либерализма (въ узкомъ смыслѣ слова) **), какъ практическаго направленія общественной мысли. По мнѣнію этой редакціи, заявившей, что между ею и В. С. Соловьевымъ «нѣтъ въ области русскихъ общественныхъ вопросовъ никакого разногласія, такъ какъ по отношенію къ народничеству мы (редакція) всегда высказывались въ томъ же смыслѣ, въ какомъ пишетъ и талантливый авторъ»,—русское общество «только на нашихъ глазахъ превращается изъ публики въ общество».

Г. В. В. совершенно неправильно толкуетъ эти слова. Здѣсь-то и лежитъ корень разногласія между нами и народниками. Наше образованное общество «виновато» лишь въ томъ, что оно малочисленно; *новыя формы* для народнаго быта оно давно уже указываетъ, но *провести ихъ въ жизнь* покуда не можетъ: не великъ еще тотъ *умственный подъемъ* народныхъ массъ, совершить который удалось, цѣною большого и самоотверженнаго труда, русскому образованному меньшинству.

Самъ г. В. В. находитъ вполнѣ естественнымъ, что снова и снова поднимается вопросъ о расширеніи просвѣтительнаго вліянія интеллигенціи и что явилось направленіе общественной мысли, считающее этотъ вопросъ *важнѣйшимъ* изъ вопросовъ современной жизни. Почтенный авторъ прибавляетъ: «На встрѣчу этому движенію среди культурнаго общества идутъ процессы, совершающіеся въ глубинѣ народной жизни». Въ добрый часъ! За что же, стало быть, нападать на либерализмъ въ *широкомъ смыслѣ слова?*

Г. В. В. правъ вполнѣ,—и я съ истиннымъ удовольствіемъ присоединяюсь къ его мнѣнію,—когда онъ говоритъ слѣдующее: «Современные писатели вообще гораздо больше интересуются тѣмъ, что думаютъ отживающіе отцы, а не развивающіяся дѣти. Вслѣдствіе этого они тщательно слѣдятъ за всякою потугой реакціонной мысли и не отвѣчаютъ на запросы со стороны формирующейся интеллигенціи, не оказываютъ пособія молодой мысли разработкой вопросовъ, имѣющихъ важное принципіальное значеніе,

---

*) Мнѣ кажется, что г. В. В. неправильно толкуетъ мысль В. С. Соловьева, но возражать по этому поводу не мое, разумѣется, дѣло.

**) Я не понимаю, что подъ этимъ разумѣетъ г. В. В.

чѣмъ отчасти и объясняется господствующій у насъ разбродъ общественнаго мнѣнія».

Г. Каблицъ относится къ либераламъ построже г. В. В. Вторая часть *Основъ народничества* начинается съ передачи нѣкоторыхъ мыслей... Протагора («человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей»), а кончается ссылкою на Дюринга. Между началомъ и концомъ есть много ссылокъ на Руссо и г. Перфильева, на Аристотеля и на г. Костюрина (*Русскія бани и дѣйствіе ихъ на организмъ*) и т. п. Всѣ иностранныя сочиненія цитируются только по переводамъ. Это большой недостатокъ: если для *Основъ народничества* вообще понадобилась европейская наука, то ограничиваться лишь переведенными на русскій языкъ сочиненіями нѣтъ никакой возможности для серьезнаго писателя.

По мнѣнію г. Каблица, «личность въ глазахъ народниковъ является альфой и омегой этики и соціологіи» *). Это смѣлое положеніе едва ли встрѣтитъ полное одобреніе со стороны г. В. В. и во всякомъ случаѣ не можетъ быть принято либералами, для которыхъ если личность и является альфою, то омегою будетъ общество (или народъ), а не та же самая личность. Г. Каблицъ въ данномъ случаѣ,—нечаянно, разумѣется,—зачислилъ себя въ разрядъ сторонниковъ Ницше.

Но и г. Каблицъ построилъ нѣсколько «готическихъ башенъ»: «*мнѣнію народа*,—полагаетъ онъ,—должны быть подчинены только тѣ формы, въ которыхъ онъ живетъ самъ и о которыхъ, слѣдовательно, онъ думаетъ и имѣетъ свое особое мнѣніе» **). Горожане (это ужь не народъ?) и *культурно-интеллигентный слой* должны вполнѣ самостоятельно опредѣлить свою жизнь. «Народническій принципъ требуетъ, чтобы всѣ общественныя группы вполнѣ самостоятельно опредѣляли свою жизнь». Такъ какъ они живутъ въ тѣсномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, то возникаетъ общая сфера, породившая государство. «Но государство не должно вмѣшиваться въ *спеціальныя* сферы жизни какъ народа, такъ и интеллигентнаго класса, а завѣдывать только общею для нихъ сферой. Имѣя въ виду устройство *общей* сферы жизни, напомнимъ слова Монтескьё: *народъ удивительно способенъ для избранія тѣхъ, которымъ онъ долженъ довѣрить нѣкоторую часть своей власти*». Ужь не народникъ ли и Монтескьё?

Дальше г. Каблицъ говоритъ, что государству не слѣдуетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, бросать крестьянина *безъ всякой охраны* отъ эксплуатаціи (стр. 392). Это ужь какъ будто и вмѣшательство въ *спеціальныя сферы*.

Не могу оставить, подъ конецъ, безъ возраженія выходки г. Каблица п[ро]тивъ *противнаго* народничеству журнала, т.-е. противъ *Русской Мысли*. «[К]акихъ безсмыслицъ доводитъ распространенный у насъ книжный фе[ти]шизмъ,—говоритъ авторъ *Основъ народничества*, — можно видѣть изъ

*) *Основы народничества*, ч. II, изд. второе, стр. 22.
**) Ibid., стр. 200.

слѣдующаго объясненія уничтоженія крѣпостного права въ Европѣ, сдѣланнаго журналомъ *Русская Мысль*: „*На сцену* (цитируется изъ нашего журнала) *выступила идея Руссо и Канта о неприкосновенности человѣческой личности. Она повлекла за собою уничтоженіе крѣпостного права въ Европѣ, а впослѣдствіи освобожденіе черныхъ въ колоніяхъ*". Кажется, дальше идти въ безумномъ ослѣпленіи передъ книжною мудростью—невозможно?! Тутъ забыто все: и естественное чувство справедливости, и эгоистическое стремленіе крѣпостныхъ выбираться на свободу, и проповѣди христіанства, всякаго рода Мюнцеровъ, Жаковъ и т. под., и т. под.; авторъ съ наивностью фетишиста увѣренъ, что весь общественный переворотъ совершили двѣ книжки, спокойно лежащія у него на полкѣ» *).

Г. Каблицъ воленъ, конечно, читать или не читать *Русскую Мысль;* но разъ онъ прочелъ статью въ этомъ журналѣ, ссылаться на нее надо добросовѣстно. Упоминаемая имъ статья—*Развитіе національнаго сознанія въ Германіи*—составляетъ *изложеніе* книги *Levy-Bruhl:* «L'Allemagne depuis Leibniz», что, разумѣется, въ журналѣ и сказано. Стало быть, упрекъ русскому *автору*, по меньшей мѣрѣ, неумѣстенъ. Что же касается вопроса о вліяніи идей Руссо и Канта, которыя представляются г. Каблицу лишь въ образѣ лежащихъ на полкѣ книжекъ, то объ этомъ спорить безполезно: съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія идеи великихъ мыслителей, дѣйствительно, появляются въ книгахъ; вѣрно и то, что книги лежатъ на полкахъ. Г. Каблицъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что идеи не могутъ совершать переворота въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. И въ этомъ случаѣ согласиться съ нимъ мы не можемъ.

В. Гольцевъ

---

*) *Основы* ***народничества***, стр. 321.

Роль министровъ во Франціи *).

Національное собраніе 1871 г. не соединило въ одной конституціи всѣ основныя правила новаго политическаго режима. Нынѣ дѣйствующая конституція основана на трехъ законахъ, весьма различныхъ, страдающихъ недостаткомъ методы и слишкомъ короткихъ:

1) Законъ 25 февраля 1875 г. объ организаціи общественныхъ должностей.

2) Законъ 24 февраля 1875 г. объ организаціи сената.

3) Законъ 16 іюня 1875 г. объ отношеніяхъ общественныхъ властей.

Выработка этихъ законовъ шла медленнымъ и длиннымъ путемъ. Большинство, состоявшее изъ монархистовъ, благодаря своему раздѣленію на партіи, было безсильно создать какое бы то ни было монархическое правленіе, но оно ставило всевозможныя препятствія, чтобы затруднить созданіе республики.

Законы 1875 г. тщательно избѣгаютъ теоретическихъ принциповъ. Они касаются только организаціи правъ и отношеній между различными властями, на обязанности которыхъ лежитъ управленіе государствомъ. Въ нихъ нельзя встрѣтить никакого прямого указанія относительно правъ и свободы гражданъ. Они проходятъ молчаніемъ ежегодное вотированіе бюджета, а также всю организацію судебной власти.

Пересмотръ законовъ совершается довольно просто. Палаты заявляютъ сначала, что надо приступить къ пересмотру; затѣмъ онѣ соединяются для національнаго собранія, и здѣсь предлагаемыя измѣненія и дополненія или принимаются или отвергаются.

Рядомъ съ конституціонными законами существуютъ еще разнаго рода постановленія, которыя регулируютъ политическую и административную ор[illegible]низацію Франціи: обыкновенные законы, декреты, предписанія большинство которыхъ предшествовало нынѣшнему режиму. Національное собраніе 1871 г. вотировало нѣсколько подобныхъ законовъ не придавая имъ значенія конституціонныхъ [illegible]акъ, напримѣръ законъ 10 августа 1871 г.

*) *Dupriez*: „Les ministres dans les principaux pays [illegible] Europe [illegible] d'Amérique" 18[illegible] г. [illegible]

объ организаціи генеральныхъ совѣтовъ и законы 2 августа и 30 ноября объ избраніи сенаторовъ и депутатовъ. Надо замѣтить также, что во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, кромѣ принципа права, существуютъ еще факты и политическіе обычаи, которые измѣняютъ смыслъ и значеніе права.

Главнымъ принципомъ учрежденій, основанныхъ конституціонными законами 1875 г., служитъ власть народа. Все основано на прямомъ или косвенномъ народномъ полномочіи.

Что касается организаціи власти, то законы 1875 года старались соединить республиканскую форму съ парламентарнымъ правленіемъ. Они основывались на двойномъ принципѣ раздѣленія власти между различными учрежденіями и на полномъ согласіи между собой этихъ учрежденій. Законодательная власть раздѣляется между двумя, различными по своему происхожденію, палатами. Король замѣняется президентомъ, избираемымъ соединенными палатами.

Палата депутатовъ служитъ прямымъ выраженіемъ народныхъ мнѣній. «Она должна выражать мнѣнія избирающихъ массъ, отражать всѣ элементы демократіи, до самыхъ измѣнчивыхъ и до самыхъ страстныхъ, а, главнымъ образомъ, выражать и олицетворять могущество большинства». Она должна представлять прогрессивную силу въ государствѣ и поэтому ей принадлежитъ главное значеніе. Члены ея выбираются посредствомъ народнаго голосованія; выборы производятся черезъ четыре года. Съ согласія сената президентъ можетъ распустить ее.

Сенатъ, напротивъ, долженъ представлять умѣренный и прочный элементъ конституціи, «онъ долженъ представлять духъ послѣдовательности и умѣренности, останавливать и сдерживать измѣнчивость и увлеченія, свойственныя демократіи». Распускать сенатъ никто не имѣетъ права; члены его выбираются на девять лѣтъ, причемъ черезъ каждые три года измѣняется треть состава.

Оба собранія вмѣстѣ служатъ выраженіемъ законодательной власти. Президентъ въ законодательствѣ имѣетъ только право инициативы.

Въ принципѣ палата депутатовъ и сенатъ имѣютъ одинаковыя права: они вотируютъ законы и бюджеты, утверждаютъ нѣкоторые договоры и контролируютъ дѣйствія правительства. По примѣру англійской конституціи, законы финансовые обсуждаются сначала въ палатѣ депутатовъ. Какъ уже было сказано, сенатъ по просьбѣ президента можетъ дать свое согласіе на распущеніе палаты депутатовъ. Сенатъ является также и судебнымъ учрежденіемъ. Ему принадлежитъ право судить президента республики и министровъ по обвиненію палаты депутатовъ, а также всякое лицо, обвиняемое въ преступленіи противъ государства.

Президентъ республики сохранилъ почти всѣ прерогативы конституціонныхъ королей. Въ законодательствѣ ему принадлежитъ право инициативы, а также право требовать новаго обсужденія закона, въ чемъ парламентъ не можетъ ему отказать.

Исполнительная власть въ принципѣ вся сосредоточивается въ его рукахъ: онъ назначаетъ на всѣ гражданскія и военныя должности, ему принадлежитъ право помилованія, ему подчиненна армія. Но международные договоры онъ можетъ заключать только съ согласія палатъ; безъ согласія парламента онъ не можетъ также объявить войны.

Президентъ не отвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ, за исключеніемъ только случаевъ государственной измѣны, такъ что и въ этомъ случаѣ онъ равенъ конституціонному королю. Каждое его постановленіе должно быть подписано министромъ, который и несетъ на себѣ всю тяжесть отвѣтственности передъ судомъ и передъ парламентомъ: министры отвѣтственны всѣ передъ палатами въ общей политикѣ правительства и каждый отдѣльно въ своихъ личныхъ поступкахъ.

Въ общемъ характерную черту системы народной власти, главной заботы законовъ 1875 г., составляетъ стремленіе соединить съ республикой, и съ республикой, основанной на самыхъ широкихъ началахъ, на народномъ голосованіи, основныя учрежденія конституціонныхъ монархій, т.-е. парламентъ съ двумя палатами, представителя государства съ широкими полномочіями и безъ всякой отвѣтственности, общую отвѣтственность министровъ... Конечно, это все же не конституціонная монархія безъ монарха. Во многихъ случаяхъ приходилось считаться съ демократическими республиканскими требованіями. Есть нѣкотораго рода сдѣлки между традиціями монархической системы и республиканской. Но что касается роли министерствъ и парламента, то они мало чѣмъ отличаются отъ парламентарнаго режима.

Французскій кабинетъ или совѣтъ министровъ состоитъ изъ представителей: 1) министерства юстиціи; 2) иностранныхъ дѣлъ; 3) внутреннихъ дѣлъ; 4) финансовъ; 5) военныхъ дѣлъ; 6) морскихъ дѣлъ; 7) народнаго образованія; 8) общественныхъ работъ; 9) торговли; 10) земледѣлія.

Президентъ республики имѣетъ право учреждать должности помощника государственнаго секретаря. Помощникамъ государственныхъ секретарей принадлежатъ политическія и административныя обязанности. Они принимаютъ участіе въ преніяхъ обѣихъ палатъ и иногда служатъ представителями правительства, но они не имѣютъ права принимать участія въ преніяхъ совѣта министровъ. Они исполняютъ нѣкоторыя изъ обязанностей министровъ; по большей части имъ поручается исполненіе какого-нибудь спеціальнаго дѣла въ своемъ департаментѣ.

Число помощниковъ государственныхъ секретарей постоянно мѣняется. Въ различныхъ кабинетахъ отъ 1877 до 1885 г. ихъ было не менѣе четырехъ, а иногда больше: пять, шесть или семь; въ министерствѣ Гамбетты даже девять. Число ихъ возростало благодаря нѣкоторымъ политическимъ соображеніямъ. Въ это время республиканская партія взяла на себя задачу «очищать» составъ чиновниковъ. Министры не могли сразу замѣстить всѣхъ отставленныхъ отъ должностей служащихъ. Имъ нужна была помощь, чтобы разобраться въ массѣ просьбъ и рекомендацій, ко-

торыя сыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ. Помощники государственныхъ секретарей были имъ тогда необходимы. Но когда эта задача была покончена, число ихъ мало-по-малу уменьшилось.

Исполненіе министерскихъ обязанностей не считается несовмѣстнымъ со званіемъ депутата. Члены парламента, назначенные въ министры, не должны даже просить разрѣшенія своихъ избирателей на исполненіе обязанности. По установившемуся обычаю, въ министры избираются обыкновенно члены парламента.

De jure назначеніе министровъ принадлежитъ президенту, но de facto въ выборѣ министровъ принимаетъ участіе не одинъ только президентъ. Президентъ республики, руководствуясь мнѣніемъ большинства, назначаетъ перваго министра, а этотъ, въ свою очередь, слѣдуя мнѣнію того же большинства, составляетъ списокъ своихъ будущихъ коллегъ.

Когда кабинетъ, благодаря давленію большинства, составленнаго часто изъ крайнихъ и непримиримыхъ группъ, выходитъ въ отставку, то очень рѣдко самъ собою опредѣляется новый составъ министерства съ надеждой на успѣхъ. Группы, соединившіяся вмѣстѣ для нападенія, послѣ побѣды сейчасъ же распадаются и не могутъ составить новаго министерства. Поэтому президентъ не можетъ надѣяться найти въ оппозиціи будущаго главу кабинета, и ему гораздо легче сдѣлать свой выборъ между депутатами, оставшимися вѣрными прежнему министерству. И большею частью первый министръ новаго кабинета избирается изъ побѣжденнаго меньшинства. Очень часто для образованія новаго министерства президентъ обращается къ одному изъ членовъ павшаго кабинета. Изъ восемнадцати министерствъ во время послѣдней республики семь были организованы членами павшихъ кабинетовъ. Правда, министерскіе кризисы не всегда вызываются недовѣріемъ къ политическимъ стремленіямъ кабинета и почти никогда не производятъ коренного измѣненія въ составѣ правительства. Если президентъ не желаетъ для составленія кабинета обращаться къ кому-нибудь изъ членовъ новаго министерства, то все же онъ выбираетъ будущаго главу кабинета между прежними министрами или, наконецъ, обращается къ президенту палаты депутатовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствуютъ конституціонные законы, только четыре министра управляли новыми кабинетами, не принимая участія въ предшествовавшемъ: Дюклеркъ, Гамбетта, Бриссонъ и Флоке. Трое послѣдніе были раньше предсѣдателями палаты депутатовъ.

И такъ, президенту предоставлено право выбора перваго министра, но это право не обезпечиваетъ за нимъ вліянія на будущую государственную политику. Его роль кончается вмѣстѣ съ назначеніемъ перваго министра. По традиціонному обычаю, съ 1877 года, со времени министерства Дюфора, назначеніе остальныхъ министровъ и распредѣленіе портфелей принадлежитъ главѣ кабинета. Главное его затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить будущему министерству большинство въ парламентѣ. Надо распредѣлить портфели такъ, чтобы каждый министръ имѣлъ

за себя извѣстное число сторонниковъ и чтобы эти сторонники, взятые вмѣстѣ, составляли большинство. Слѣдовательно, надо устроить такъ, чтобы каждая группа въ парламентѣ имѣла извѣстное число представителей въ кабинетѣ.

Въ виду всего этого, надо имѣть нѣкоторую смѣлость, чтобы взяться за составленіе новаго кабинета. Надо примирить различныя фракціи большинства, щадить предразсудки и антипатіи разнаго рода группъ, привести къ соглашенію, хотя бы только внѣшнему, разныя политическія партіи,—вотъ трудная задача главы кабинета, и немудрено поэтому, что онъ часто терпитъ неудачу. Очень часто министерскій кризисъ разрѣшается только послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ попытокъ, благодаря общему утомленію. Поэтому во главѣ кабинета часто становится лицо, не пользующееся для этой роли достаточнымъ вліяніемъ, или лицо, дня за два, за три только потерпѣвшее неудачу.

Въ кабинетѣ, составленномъ такимъ образомъ, не можетъ быть политическаго единства. Члены его принадлежатъ къ различнымъ парламентскимъ группамъ. Внѣшняя связь существуетъ, но эта связь относительная, основанная на компромиссѣ, на отреченіи отъ нѣкоторыхъ принциповъ.

По закону 25 февраля 1875 г., министры отвѣтственны только передъ палатами. Не имѣя никакой иной поддержки, министерство всецѣло подпадаетъ подъ ея вліяніе и не имѣетъ возможности сколько нибудь серьезно противустоять ея желаніямъ и даже капризамъ. Министры, вынужденные дѣйствовать подъ вліяніемъ большинства, разнороднаго въ своемъ составѣ, не могутъ, конечно, руководиться строго-обдуманною политическою программой.

По конституціонному закону, министры несутъ общую отвѣтственность, что предполагаетъ солидарность между членами кабинета. Но солидарность эта существуетъ только въ общемъ паденіи кабинета; ея нѣтъ, когда она нужна больше всего во время борьбы, когда кабинетъ подвергается нападенію со стороны враговъ. Въ это время обыкновенно въ самомъ кабинетѣ создается опасная оппозиція; каждый министръ, вмѣсто того, чтобы стать на защиту общаго дѣла, ищетъ средства, какъ бы спастись отъ угрожающаго крушенія, и употребляетъ весь свой талантъ и всю свою ловкость на то, чтобы удержать какой-нибудь постъ въ будущемъ министерствѣ.

Въ конституціи нѣтъ точной организаціи кабинета министровъ, ни степени его компетентности, но она указываетъ все же три случая, когда требуется вмѣшательство совѣта: 1) Исполнительная власть переходитъ въ совѣтъ министровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто президента остается в антнымъ, до новыхъ выборовъ президента. 2) Государственные совѣтн и (conseillers d'etat) назначаются на службу президентомъ, совмѣстно съ с ѣтомъ министровъ, и могутъ быть уволены только декретомъ совѣта. 3 Сенатъ исполняетъ обязанности судебнаго учрежденія, согласно декрету п зидента, совмѣстно съ совѣтомъ министровъ, чтобы судить лицо, обвиn мое въ преступленіи противъ государства.

омѣ этого, есть еще законы,—очень немногіе, правда,—опредѣляющіе

случаи вмѣшательства совѣта. Согласно ст. 14 закона 14 іюля 1874 г., главнокомандующіе назначаются президентомъ срокомъ на три года. По истеченіи этого срока они могутъ остаться на своемъ посту только согласно декрету совѣта. По закону 3 апрѣля 1873 г., военное положеніе можетъ быть объявлено только закономъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ,— отсрочка засѣданій палатъ, распущеніе палаты,— президентъ можетъ объявить временное военное положеніе съ согласія министровъ. Ст. 4 закона 16 декабря 1879 г. говоритъ, что въ промежуткахъ между парламентскими сессіями «могутъ быть временно открыты добавочные экстренные кредиты государственнымъ совѣтомъ съ согласія совѣта министровъ». Эти декреты должны быть подвергнуты утвержденію со стороны палатъ въ первыя двѣ недѣли ближайшей парламентской сессіи. Муниципальный законъ 1884 г. въ ст. 14 говоритъ, что муниципальный совѣтъ можетъ быть распущенъ декретомъ президента республики съ согласія совѣта министровъ.

Всѣ подробности внутренней организаціи совѣта основываются на обычаѣ и на соглашеніи между членами. Нѣтъ ни закона, ни правила, которые бы опредѣляли мѣсто и время собраній, форму преній, права министровъ и права президента.

Кабинетъ собирается съ чрезвычайною правильностью два раза въ недѣлю, по вторникамъ и по субботамъ, въ Елисейскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ президента республики. Бываютъ еще и экстренныя собранія, когда этого требуютъ обстоятельства. Каждый четвергъ министры собираются въ домѣ перваго министра. Эти собранія носятъ названіе совѣта кабинета (conseil du cabinet) въ отличіе отъ совѣта министровъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ президентъ республики. De jure всѣ постановленія совѣта министровъ, также какъ и кабинета, имѣютъ характеръ простыхъ мнѣній и должны получить санкцію президента республики и подпись министра, къ департаменту котораго относится то или другое рѣшеніе. Но de facto что касается совѣта, то санкція президента получается уже во время преній, а что касается кабинета, то первый легко получаетъ необходимое согласіе.

Вышеприведенные законы о случаяхъ вмѣшательства совѣта даютъ самое слабое понятіе о назначеніи этого учрежденія. Дѣла, находящіяся въ его вѣдѣніи, опредѣляются обычаемъ и политическими обстоятельствами. Во Франціи эти дѣла гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ парламентарныхъ государствахъ. Трудно перечислить всѣ вопросы, которые служатъ предметомъ обсужденія въ совѣтѣ министровъ, и провести точныя границы между компетенціей министровъ и полномочіями кабинета. Въ принципѣ можно сказать, что въ совѣтѣ обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся государственной политики, отношеній къ палатѣ, обсужденіе законовъ, представляемыхъ на ея разсмотрѣніе, обсужденіе бюджета, разныхъ запросовъ, недоразумѣній между министрами. Но компетенція совѣта простирается и на другія дѣла. Ему принадлежитъ назначеніе служащихъ на самыя высшія административныя должности, къ нему стекаются депеши и доклады отъ

всѣхъ служащихъ; ему сообщаются разнаго рода факты, имѣющіе политическое значеніе и могущіе возбудить вниманіе парламента.

Предсѣдателемъ совѣта министровъ по праву долженъ быть глава министерства, но предсѣдательствуетъ, какъ уже было сказано, президентъ республики, хотя роль его здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ политической жизни, скорѣе декоративная, чѣмъ активная. Главнымъ лицомъ является глава министерства: онъ назначаетъ собранія, руководитъ занятіями, подвергаетъ нѣкоторому контролю дѣятельность отдѣльныхъ членовъ и пр.

Въ преніяхъ голосъ его не имѣетъ преимущества передъ его сочленами, а нравственное вліяніе его не можетъ сравниться съ вліяніемъ перваго министра въ Англіи. Онъ никогда почти не имѣетъ за собой сколько-нибудь сплоченнаго большинства. Гамбетта могъ нѣкоторое время имѣть иллюзіи на этотъ счетъ, но ему скоро пришлось разочароваться. Впрочемъ, иногда, благодаря извѣстнымъ успѣхамъ, твердой поддержкѣ энергической парламентской группы, твердости характера и нѣкоторой ловкости, глава министерства можетъ имѣть довольно сильное вліяніе на своихъ коллегъ. Но такіе случаи бываютъ очень рѣдки.

Министерство пользуется исполнительною властью при строгомъ надзорѣ палатъ, можно сказать, даже каждой группы, каждаго члена парламента. Но и въ этой области, управленіе которой ему поручаютъ за его полною отвѣтственностью, частыя вмѣшательства палатъ, группъ и депутатовъ стѣсняютъ его дѣятельность и парализируютъ его иниціативу. Оно должно подготовлять и направлять работы законодательной власти. Но ему почти всегда недостаетъ достаточнаго авторитета, чтобы хорошо исполнить возложенныя на него обязательства. Его дѣятельность и его вліяніе значительно ослабляются назначеніемъ спеціальныхъ коммиссій для разработки разнаго рода вопросовъ. Министерство должно служить связью между законодательною и исполнительною властью. Но эта связь заключается въ полномъ подчиненіи второй первою. Здѣсь нѣтъ раздѣленія между законодательною и исполнительною властью; очень часто палаты не видятъ между ними никакой разницы.

Національное собраніе 1871 г. было поставлено въ довольно затруднительное положеніе, когда пришлось опредѣлять права и обязанности президента. Слишкомъ расширить его права значило предоставить ему слишкомъ много вліянія, поставить его выше всѣхъ другихъ властей и дать ему, такимъ образомъ, возможность злоупотреблять предоставленною ему властью. Конституція 1848 г., ограничивая права президента только наро̀чною властью, дѣлая его отвѣтственнымъ за всю государственную полити у, открыла широкій путь къ личному произволу. Народное собраніе 18 1 года, помня этотъ урокъ, народное избраніе замѣнило избраніемъ со иненныхъ палатъ и, кромѣ того, всю отвѣтственность возложило на ми гровъ, за исключеніемъ невѣроятнаго случая государственной измѣны. М утъ сказать, что, поступивъ такимъ образомъ, оно впало въ другую кр ность и свело значеніе президента къ нулю. «Большинство, избираю-

щее президента, смотритъ на него какъ на своего повѣреннаго; оно удивлено, когда онъ противится его волѣ; оно старается вліять на главу государства и на его министровъ. Превращать законодательную власть въ избирательное собраніе значитъ давать ей возможность превысить свои полномочія и злоупотреблять своею властью». Такъ говоритъ Лафиттъ. Но его мнѣніе врядъ ли справедливо. Если власть президента во Франціи слишкомъ незначительна, то причины этого слѣдуетъ искать не въ конституціонныхъ законахъ, а скорѣе въ условіяхъ политической жизни Франціи, въ партійности и въ личныхъ качествахъ ея политическихъ дѣятелей.

Только одна статья конституціи грѣшитъ въ этомъ отношеніи и нѣсколько стѣсняетъ свободу дѣйствій президента. Президентъ избирается на семь лѣтъ, а депутаты палаты на четыре года. Такимъ образомъ, черезъ четыре года президенту приходится управлять съ обновленнымъ составомъ палаты, члены которой, можетъ быть, далеко не сочувственно относятся къ нему, такъ что онъ или становится во враждебное отношеніе съ палатой, или слѣпо подчиняется ея требованіямъ.

Въ каждой парламентарной республикѣ президентъ можетъ пользоваться значеніемъ конституціоннаго короля, но только авторитъ его строится на другихъ основаніяхъ. Авторитетъ короля основывается, главнымъ образомъ, на монархическихъ традиціяхъ, окружающихъ его ореоломъ величія. Авторитетъ президента зависитъ исключительно отъ его личныхъ качествъ, отъ извѣстной степени его ума, характера и таланта.

Умаленію президентской власти во Франціи много способствовали обстоятельства. Только что конституціонные законы вступили въ дѣйствіе, президентъ (Макъ-Магонъ) захотѣлъ воспользоваться своими правами для противодѣйствія палатѣ депутатовъ. Но онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ, приступая къ борьбѣ, и потерпѣлъ полное пораженіе. Послѣ этого Макъ-Магонъ не могъ уже бороться и, вынужденный постоянно уступать, рѣшилъ сложить съ себя обязанности президента.

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, благодаря неудачной борьбѣ, власть президента перестала пользоваться популярностью. Вновь избранный президентъ (Греви), благодаря своей бездѣятельности и пассивности, утвердилъ верховенство парламента.

Въ министерствѣ роль президента также незначительна. Онъ не можетъ ни поддержать министровъ, ни заставить ихъ слѣдовать своей политикѣ. Онъ ничего не можетъ сдѣлать для нихъ. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что съ самаго основанія республики не было ни одного президента, который пробылъ бы на своемъ посту нормальный семилѣтній срокъ или бы оставилъ его добровольно. Всѣ они уходили ранѣе срока подъ давленіемъ парламента. Ихъ вліяніе такъ незначительно, что ни одинъ изъ нихъ ни разу не воспользовался своимъ правомъ и не обратился въ парламентъ съ просьбой подвергнуть новому обсужденію принятый имъ законъ *).

*) Эти замѣчанія автора оказываются неправильными по отношенію къ нынѣшнему президенту Французской республики.

Перейдемъ теперь къ организаціи палаты депутатовъ.

Палата депутатовъ состоитъ въ настоящее время изъ 584 членовъ, избираемыхъ посредствомъ народнаго голосованія всѣми совершеннолѣтними гражданами, пользующимися своими политическими и гражданскими правами. Члены ея въ полномъ составѣ выбираются черезъ каждые четыре года. Президентъ можетъ распустить ее съ согласія сената. Сенатъ, согласно закону 24 февраля 1875 года, состоялъ изъ трехсотъ членовъ; изъ нихъ 225 избирались на девять лѣтъ департаментами и колоніями, остальные пожизненно сначала въ національномъ собраніи, потомъ въ сенатѣ. Чтобъ имѣть право быть выбраннымъ въ сенаторы, надо только достигнуть сорокалѣтнаго возраста. Законъ 14 августа 1884 г. уничтожилъ несмѣняемость сенаторовъ. Теперь всѣ подвергаются избранію черезъ девять лѣтъ, причемъ треть изъ нихъ выбываетъ черезъ каждые три года. Распустить сенатъ никто не имѣетъ власти.

Права, общія обѣимъ палатамъ, раздѣляются на пять категорій: законодательная власть, финансовая, право вмѣшательства въ дѣла внѣшней и внутренней политики, право контроля надъ правительствомъ и надъ администраціей.

1) Палатамъ принадлежитъ вся законодательная власть. Законы, принятые палатой депутатовъ и сенатомъ, должны быть утверждены президентомъ республики; послѣдній можетъ просить вторичнаго обсужденія.

Французскіе законы отличаются ясностью и точностью. Кромѣ того, каждый изъ нихъ основывается на какомъ-нибудь принципѣ. Примѣненіе ихъ никогда не вызываетъ разныхъ толкованій, какъ въ другихъ странахъ. Но въ настоящее время собраніе, къ сожалѣнію, слишкомъ часто останавливается на такихъ подробностяхъ, которыя съ гораздо большимъ удобствомъ можно было бы предоставить исполнительной власти.

2) Финансовое право парламента заключается въ ежегодномъ вотированіи бюджета доходовъ и расходовъ и всѣхъ добавочныхъ экстренныхъ кредитовъ; ему принадлежитъ право измѣнять, уничтожать и утверждать всѣ налоги; право отчужденія недвижимой собственности стоимостью свыше милліона; изысканіе доходовъ, заемъ и выпускъ государственныхъ билетовъ. Наконецъ, законодательная власть входитъ иногда въ финансовыя дѣла коммунъ и департаментовъ.

3) Во внѣшней политикѣ французскія палаты пользуются бо́льшими правами, чѣмъ парламенты другихъ странъ. Только онѣ могутъ располагать національными землями. Кромѣ того, разнаго рода мирные договоры, ка[с]ающіеся государственныхъ финансовъ, личныхъ правъ и правъ собствен[н]ости французовъ за границей, должны быть приняты парламентомъ. На[к]онецъ, безъ согласія парламента президентъ не можетъ объявить войны.

[4]) Нѣкоторыя мѣры, касающіяся внутренней администраціи страны; [т]акія: объявленіе военнаго положенія, мѣры, касающіяся общественныхъ [р]аботъ — и общественной пользы, разрѣшеніе займовъ для департаментовъ,

коммунъ, благотворительныхъ учрежденій на опредѣленную сумму, опредѣленіе maximum'а департаментскихъ и муниципальныхъ сборовъ и пр.

5) Что касается права контроля надъ дѣйствіями правительства, то въ этомъ отношеніи французскій парламентъ пользуется самыми широкими полномочіями: право принимать прошенія и направлять ихъ въ министерство, право обращаться къ членамъ правительства съ разнаго рода вопросами и запросами, право требовать интересующіе ихъ документы, право ревизіи и, наконецъ, право для одной палаты обвиненія министровъ, для другой — право суда надъ ними.

Въ принципѣ обѣ палаты пользуются одинаковыми правами, но въ дѣйствительности палата депутатовъ пользуется несравненно бо́льшимъ значеніемъ. Еще въ началѣ сенатъ, принявъ сторону президента въ его борьбѣ съ палатой депутатовъ, скомпрометировалъ себя въ глазахъ народа. Съ тѣхъ поръ онъ ограничивается пассивною ролью и почти во всемъ подчиняется палатѣ депутатовъ.

Парламентъ собирается каждый годъ въ обыкновенную сессію со втораго вторника января. Президентъ республики имѣетъ право созвать его для экстренной сессіи; онъ даже обязанъ сдѣлать это, если этого требуетъ большинство каждой палаты. Онъ можетъ отложить собранія, но не болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, и не болѣе двухъ разъ въ каждую сессію. Онъ также и закрываетъ сессію по окончаніи пяти мѣсяцевъ.

Палаты раздѣляются на бюро,— девять въ сенатѣ, одиннадцать въ палатѣ депутатовъ,— которыя обновляются каждый мѣсяцъ. Бюро имѣютъ двойное назначеніе: обсужденіе пересылаемыхъ предложеній и проектовъ и выборъ различныхъ коммиссій.

Коммиссіи существуютъ въ обоихъ палатахъ, съ тою разницей, что число членовъ сенаторскихъ коммиссій болѣе ограничено.

Съ перваго національнаго собранія въ Бордо, въ 1871 г., въ парламентѣ образовались двѣ партіи: правая консервативная, къ которой принадлежали приверженцы монархіи, и лѣвая республиканская. Такъ какъ эти партіи не соглашались между собой не только относительно направленія политики, но и относительно самой формы правленія, то правильное развитіе парламентскаго режима съ самаго начала встрѣтило непреодолимыя затрудненія. Въ парламентѣ всегда находилась непримиримая оппозиція, готовая вотировать противъ каждаго министерства.

Правая не представляла собою тѣсно сплоченную политическую партію. Она состояла изъ группъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ, которыхъ прежде соединяла общая оппозиція республики и которыя теперь утратили и эту послѣднюю связь. Нѣкоторыя изъ группъ, число которыхъ все уменьшается, остаются еще вѣрными той или другой династіи, нѣкогда царствовавшей во Франціи; другія готовы примкнуть ко всякому монархическому режиму, чтобы только избавиться отъ ненавистной республики; третьи, наконецъ, число которыхъ все возростаетъ, готовы примкнуть къ республиканской формѣ правленія съ тѣмъ, чтобъ отстаивать консерватив-

ные принципы. Всѣ эти группы составляли одну партію только въ силу старинныхъ традицій,— ихъ не связываютъ никакіе общіе всѣмъ политическіе, административные или соціальные взгляды; голоса ихъ раздѣляются почти по всѣмъ вопросамъ и соединялись только тогда, когда надо было низвергнуть правительство.

Лѣвая, съ своей стороны, представляетъ соединеніе всѣхъ приверженцевъ республики безъ всякой организаціи и дисциплины. Къ ней примыкаютъ либералы и прогрессисты всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ самыхъ робкихъ либераловъ и кончая самыми отчаянными радикалами. Партія распадается поэтому на множество группъ. Покуда была еще боязнь передъ сторонниками монархіи, передъ оппозиціей консерваторовъ, въ партіи было нѣкоторое согласіе и дисциплина. Но теперь, когда она увѣрилась въ своемъ могуществѣ, «политика идей уступаетъ мѣсто политикѣ интересовъ,— говоритъ Лафиттъ.— Понятіе объ общественномъ благѣ все болѣе и болѣе съуживается. Общее благо—значитъ сначала благо большинства, потомъ благо большинства въ большинствѣ. На вопросы огромной важности смотрятъ съ самой узкой точки зрѣнія. Прежде депутатъ былъ представителемъ народа, теперь онъ — повѣренный группы избирателей. Это адвокатъ, защищающій насколько возможно дѣло, которое ему довѣрили». Голоса раздѣляются по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ, и часто въ самыхъ группахъ происходятъ разногласія. Этотъ печальный порядокъ вещей можетъ измѣниться только тогда, когда совсѣмъ исчезнетъ антиреспубликанская партія и въ парламентѣ образуется истинная консервативная партія.

«Министры имѣютъ право входа въ обѣ палаты и могутъ принимать участіе въ преніяхъ, если они этого хотятъ». Такъ говоритъ законъ 14 іюля 1875 г. Законъ этотъ имѣетъ самое широкое примѣненіе. Такъ, министры могутъ присутствовать во всѣхъ собраніяхъ палаты, членами которой они не состоятъ. Но они не могутъ бывать въ засѣданіяхъ комиссій, если только не имѣютъ на то спеціальнаго разрѣшенія. Вся предварительная разработка законовъ лежитъ на нихъ.

«Иниціатива законовъ принадлежитъ президенту республики совмѣстно съ палатами»,—говоритъ законъ 25 февраля 1875 года. Отсюда надо исключить только финансовые законы, которые сначала должны быть представлены въ палату депутатовъ. Право президента раздѣляютъ съ нимъ его министры. Когда правительство хочетъ внести какой-нибудь проектъ закона, оно поручаетъ одному изъ членовъ представить проектъ въ одно изъ бюро той или другой палаты. Большинство законовъ, впрочемъ, вносится въ бюро палаты депутатовъ. Палата можетъ требовать и немедленнаго чтенія закона, но обыкновенно она передаетъ его для предварительнаго обсужденія въ бюро или въ одну изъ коммиссій. Правомъ представлять проекты законовъ пользуются и члены палатъ; депутаты даже злоупотребляютъ этимъ правомъ и заваливаютъ бюро всевозможными проектами.

Когда коммиссія покончитъ съ предварительною разработкой закона, она

составляетъ отчетъ, который печатается и раздается членамъ собранія, послѣ чего назначается день для обсужденія закона. Первое обсужденіе раздѣляется на двѣ части. Сначала обсуждаются принципы и общій смыслъ закона, и потомъ, когда общія пренія кончаются, президентъ спрашиваетъ собраніе, желаетъ ли оно приступить къ обсужденію отдѣльныхъ статей? Если отвѣтъ получается отрицательный, то законъ считается отвергнутымъ.

Обсужденіе отдѣльныхъ статей ведетъ за собой значительныя измѣненія. Когда кончаются и эти пренія, назначается день второго чтенія закона не менѣе какъ черезъ пять дней послѣ перваго чтенія. Въ промежутокъ между двумя чтеніями коммиссія занимается разработкой сдѣланныхъ измѣненій. Измѣненія и дополненія закона при второмъ чтеніи или отсылаются въ коммиссію, и она должна на другой же день представить свое заключеніе, или здѣсь же принимаются или отвергаются.

Законы финансовые въ принципѣ подвергаются той же процедурѣ, какъ и остальные законы. Только по закону 24 февраля 1875 г. они сначала вносятся въ палату.

Проектъ закона вносится въ палату министерствомъ. Каждый годъ министры составляютъ бюджеты своихъ департаментовъ и представляютъ ихъ министру финансовъ. Онъ составляетъ общій бюджетъ расходовъ и доходовъ, разрабатываетъ его вмѣстѣ съ своими товарищами и представляетъ проектъ въ палату. Министръ прилагаетъ къ проекту краткую мотивировку и массу документовъ и таблицъ, которые позволяютъ депутатамъ оріентироваться въ положеніи финансовыхъ дѣлъ страны. Проектъ закона печатается, раздается депутатамъ, и потомъ для окончательной разработки отсылается въ коммиссію изъ тридцати трехъ членовъ. Проектъ разрабатывается по департаментамъ. Разсмотрѣвъ бюджетъ какого-нибудь изъ департаментовъ, коммиссія сообщаетъ свое рѣшеніе министру и, въ случаѣ его несогласія, приглашаетъ его явиться въ коммиссію, чтобы сдѣлать ей необходимыя разъясненія.

Депутаты, не принимающіе участія въ коммиссіи, тоже могутъ вносить свои измѣненія и дополненія. При чтеніи закона въ палатѣ дѣлаются еще разнаго рода измѣненія. Довольно значительная партія хочетъ покончить съ вопросомъ объ отношеніи государства къ церкви уничтоженіемъ бюджета вѣроисповѣданій. Каждый годъ дѣлаются попытки уничтожить, путемъ отказа въ кредитѣ, тѣ или другія установленныя учрежденія. Когда, наконецъ, пренія кончаются и бюджетъ принятъ, палата отправляетъ его въ сенатъ.

По поводу финансовыхъ законовъ между сенатомъ и палатой происходили серьезныя столкновенія. Основываясь на текстѣ конституціи, по которому финансовые законы должны сначала быть приняты палатой депутатовъ, палата стала отрицать право сената дѣлать измѣненія въ принятыхъ ею статьяхъ, подъ предлогомъ, что въ противномъ случаѣ право инціативы переходитъ въ сенатъ. Сенатъ настаивалъ на своихъ правахъ но, въ концѣ-концовъ, принужденъ былъ уступить.

Организація мѣстныхъ учрежденій во Франціи, къ сожалѣнію, очень мало измѣнилась со времени Наполеона I. Правда, сдѣланы были нѣкоторыя попытки къ децентрализаціи, но попытки весьма незначительныя. Такъ, законъ 1871 г. расширилъ власть общинныхъ совѣтовъ, а законъ 1884 г.— власть мэровъ и муниципальныхъ совѣтовъ.

Государство раздѣляется на департаменты (départements), округи (arrondissements), кантоны (cantons) и общины (communes). Управленіе департаментами распредѣляется между мѣстными учрежденіями и государственными.

Генеральный совѣтъ (le conseil général) состоитъ изъ членовъ, выбранныхъ въ кантонахъ общимъ голосованіемъ. Они избираются срокомъ на шесть лѣтъ, но черезъ каждые три года половина ихъ состава переизбирается. Совѣтъ собирается два раза въ годъ. Первая сессія продолжается мѣсяцъ, вторая—двѣ недѣли. Кромѣ этихъ сессій, онъ можетъ быть созванъ еще на недѣлю, если этого желаютъ двѣ трети его членовъ, но съ особаго разрѣшенія президента республики. Префектъ всегда имѣетъ право входа въ собранія и принимаетъ участіе въ преніяхъ, если хочетъ.

Обязанности и права генеральнаго совѣта точно опредѣлены закономъ; они такъ разнообразны, что можно дать только краткій перечень дѣлъ, состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи.

Генеральный совѣтъ вотируетъ бюджетъ департамента по предложенію префекта и по докладу департаментской комиссіи. Бюджетъ каждый разъ долженъ быть утвержденъ президентомъ республики.

На обязанности совѣта лежатъ всѣ дѣла департамента, и его постановленія не могутъ быть измѣнены какою-нибудь другою властью; они могутъ быть отмѣнены только за нарушеніе закона декретомъ государственнаго совѣта. Между дѣлами департамента, относящимся къ вѣдѣнію совѣта, можно отмѣтить слѣдующія: управленіе движимою и недвижимою собственностью департамента, заботы о путяхъ сообщенія, защита правъ департамента, разнаго рода общественная благотворительность, особенно касающаяся умалишенныхъ и дѣтей, ярмарки, рынки и пр.

Совѣтъ можетъ обсуждать также дѣла, касающіяся не одного департамента. Но постановленія его дѣйствительны только въ томъ случаѣ, если въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по окончаніи сессіи не получится мотивированный декретъ правительства, уничтожающій это постановленіе. Совѣтъ можетъ обращаться къ правительству съ разнаго рода требованіями въ интересахъ департамента, а также выражать свои мнѣнія по поводу общихъ экономическихъ и административныхъ вопросовъ.

Департаментская комиссія состоитъ изъ трехъ-четырехъ членовъ, избираемыхъ ежегодно генеральнымъ совѣтомъ. На ея обязанности лежитъ регламентація дѣлъ совѣта и нѣкотораго рода наблюденіе за дѣйствіями префекта по администраціи департамента. Въ рукахъ префекта сосредоточиваются почти всѣ дѣла департамента; онъ служитъ главнымъ звеномъ, соединяющимъ центральную власть съ провинціей. Онъ назначается и смѣняется

правительствомъ и совершенно независимъ по отношенію къ мѣстнымъ властямъ. Въ своемъ департаментѣ «онъ какъ бы резюмируетъ и представляетъ всѣхъ десять министровъ». Роль его очень обширная и очень сложная: онъ обязанъ сообщать правительству всѣ событія болѣе или менѣе интересныя; каждый мѣсяцъ онъ отправляетъ министру внутреннихъ дѣлъ докладъ обо всѣхъ политическихъ, административныхъ, экономическихъ дѣлахъ, а также обо всѣхъ наиболѣе важныхъ событіяхъ. Онъ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, постановленій, предписаній, за сохраненіемъ общественной тишины и спокойствія и можетъ въ случаѣ надобности прибѣгнуть къ военной силѣ. Ему принадлежитъ надзоръ за всею администраціей въ департаментѣ, и онъ имѣетъ даже право смѣнять низшихъ служащихъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ. Исполнительная власть вся принадлежитъ ему. Правда, въ каждомъ департаментѣ существуетъ совѣтъ префектуры (conseil de prefecture) изъ четырехъ-трехъ совѣтниковъ подъ предсѣдательствомъ префекта. Но совѣтъ этотъ находится въ полномъ подчиненіи у префекта. На должность совѣтника префектуры смотрятъ, обыкновенно, какъ на первую ступень административной карьеры, и молодые люди стараются поддерживать хорошія отношенія съ префектомъ, такъ какъ онъ можетъ повредить имъ въ глазахъ правительства.

Число членовъ муниципальнаго совѣта пропорціонально населенію общины. Они избираются общимъ голосованіемъ на четыре года, послѣ чего измѣняется весь составъ. Совѣтъ собирается четыре раза въ годъ; съ согласія префекта, каждая сессія продолжается двѣ недѣли, за исключеніемъ одной, которая продолжается шесть недѣль. Но мэръ всегда можетъ собрать чрезвычайную сессію совѣта; онъ обязанъ даже устроить собраніе не въ очередь, если этого требуетъ большинство. Префектъ и су-префектъ также имѣютъ право созвать экстренное собраніе совѣта. Собраніе обыкновенно открыто для публики, но совѣтъ можетъ объявить ихъ закрытыми. Предсѣдательствуетъ всегда мэръ.

Въ компетенціи совѣта находятся только дѣла общины. Въ принципѣ всѣ постановленія совѣта дѣйствительны и не нуждаются въ утвержденіи высшихъ властей. Но префектъ въ совѣтѣ префектуры можетъ объявить недѣйствительными постановленія муниципальнаго совѣта, если они касаются предмета внѣ его компетенціи, если постановленіе противорѣчитъ закону или если оно принято внѣ законнаго собранія членовъ, или членами, лично заинтересованными въ этомъ дѣлѣ. Постановленія всѣхъ засѣданій отсылаются къ префекту и становятся дѣйствительными, если не надо его особаго утвержденія, мѣсяцъ спустя послѣ ихъ отправки.

Муниципальный совѣтъ избираетъ мэра и его помощниковъ тоже на четыре года. Въ рукахъ мэра сосредоточивается исполнительная власть коммуны; онъ дѣйствуетъ одинъ и за своею полною отвѣтственностью. Несмотря на избирательное начало, положенное въ основу муниципальнаго совѣта, автономія общины все же очень незначительна. Правда, муниципальный совѣтъ избирается народнымъ голосованіемъ, но президентъ рес-

публики имѣетъ право распустить его или прекратить сессію. Для этого нуженъ только мотивированный декретъ совѣта министровъ. Степень его зависимости понятнѣе всего показываетъ ограниченность его финансовыхъ правъ. Бюджетъ вотируется каждый годъ муниципальнымъ совѣтомъ, но утверждается префектомъ, а въ большихъ городахъ президентомъ республики.

Мэръ хотя избирается муниципальнымъ совѣтомъ, но дѣйствія его ограничены или префектомъ, или центральною властью. Префектъ можетъ отрѣшить его отъ должности на одинъ мѣсяцъ, министръ внутреннихъ дѣлъ на три, а президентъ республики можетъ совсѣмъ отставить его, и законъ не опредѣлилъ тѣхъ случаевъ, когда должны быть примѣнены столь строгія мѣры.

Государственный совѣтъ (conseil d'etat) считаетъ въ своемъ составѣ: 1) тридцать два ординарныхъ совѣтника; 2) восемнадцать экстраординарныхъ совѣтниковъ; 3) тридцать рекетмейстеровъ (maîtres de requêtes); 4) тридцать аудиторовъ, изъ нихъ двѣнадцать перваго класса и двадцать четыре второго класса.

Ординарные совѣтники назначаются президентомъ республики съ согласія совѣта и министровъ; для отрѣшенія ихъ отъ должности требуется та же форма. Ихъ выбираютъ большею частью изъ числа докладчиковъ (maîtres de requêtes) или между другими болѣе или менѣе выдающимися служащими. Первымъ условіемъ для назначенія должно быть полное согласіе съ политическими взглядами правительства.

Экстраординарные совѣтники назначаются простымъ декретомъ президента республики. И область ихъ компетенціи гораздо ограниченнѣе, такъ какъ они не принимаютъ участія въ обсужденіи судебныхъ дѣлъ.

Рекетмейстеры исполняютъ обязанности коммиссара въ судебной секціи и докладчиковъ въ секціи административной. Они назначаются обычнымъ декретомъ; по крайней мѣрѣ, треть изъ нихъ должна быть назначена изъ аудиторовъ перваго класса. Они отрѣшаются отъ должности особымъ декретомъ съ согласія предсѣдателя секціи.

Аудиторы второго класса назначаются посредствомъ конкурса на восемь лѣтъ. Аудиторы перваго класса выбираются между аудиторами второго класса, прослужившими по крайней мѣрѣ четыре года.

Министры принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и имѣютъ право голоса въ дѣлахъ, касающихъ ихъ департамента. Предсѣдательствуетъ въ государственномъ совѣтѣ министръ юстиціи. Государственный совѣтъ раздѣляется на пять секцій: 1) законодательная, юстиціи и иностранныхъ дѣлъ; 2) внутреннихъ дѣлъ, вѣроисповѣданій, народнаго образованія и искусствъ; 3) финансовъ, военныхъ дѣлъ, морскихъ, колоній; 4) общественныхъ работъ, земледѣлія, торговли, промышленности, почтъ и телеграфовъ; 5) судебныя дѣла (contentieux).

Въ области законодательной и административной рѣшенія совѣта имѣютъ характеръ простыхъ мнѣній и могутъ быть только приняты во вни-

маніе; въ области судебной его постановленія обязательны и никакая власть не можетъ ихъ измѣнить или остановить. Въ судебной области государственному совѣту принадлежитъ самая разнообразная миссія: онъ исполняетъ роль и аппеляціоннаго суда, и суда первой и послѣдней инстанціи, и кассаціоннаго суда.

Дѣла поступаютъ сначала въ секцію по судебнымъ дѣламъ, которая изучаетъ ихъ и составляетъ отчетъ. Въ принципѣ всѣ дѣла должны быть подвергнуты обсужденію въ публичномъ собраніи государственнаго совѣта, особенно если этого требуетъ одинъ изъ членовъ секціи или правительственный коммиссаръ.

Нѣсколько разъ поднимался вопросъ о необходимости сдѣлать нѣкоторыя преобразованія въ государственномъ совѣтѣ. Судебная секція, между прочимъ, завалена такимъ множествомъ дѣлъ, что не успѣваетъ въ нихъ разобраться, и нѣкоторыя дѣла лежатъ по четыре, по пяти лѣтъ.

Французская администрація отличается своею правильною организаціей, но въ ней, тѣмъ не менѣе, есть много недостатковъ, которые происходятъ, главнымъ образомъ, отъ чрезмѣрной централизаціи и отъ полной зависимости служащихъ, отъ ихъ непосредственныхъ наставниковъ. Нѣтъ ни одного закона, который бы опредѣлялъ обязанности служащихъ, а, главное, ихъ права. Все это принадлежитъ усмотрѣнію исполнительной власти. Все зависитъ отъ произвола министра, который по своему усмотрѣнію создаетъ и уничтожаетъ должности, назначаетъ жалованья, превращаетъ бюро въ отдѣленія, отдѣленія въ дирекціи и проч.

Въ принципѣ назначеніе служащихъ принадлежитъ президенту республики, но это только пустая формальность, такъ какъ президентъ всегда утверждаетъ предложенія министровъ. Министръ, съ своей стороны, обладаетъ всѣми средствами, чтобы поддерживать образцовую дисциплину среди служащихъ своего вѣдомства, такъ какъ отъ него зависятъ разнаго рода повышенія по службѣ, также какъ и увольненія. Правда, въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ и по отношенію къ нѣкоторымъ чиновникамъ увольненіе зависитъ не отъ одного министра, но и отъ совѣта администраціи, причемъ должны быть выслушаны оправданія увольняемаго служащаго. Но исключенія эти слишкомъ ничтожны; все же и министръ—полный властелинъ надъ своими служащими.

Подобные же пробѣлы въ законодательствѣ можно видѣть и въ другихъ странахъ, но тамъ эти недостатки смягчаются политическими нравами и обычаями. Во Франціи, напротивъ, условія политической жизни еще больше усилили недостатокъ законодательства. Правительство считаетъ, что человѣкъ, находящійся у него на службѣ, всецѣло принадлежитъ ему; ему нуженъ не только его профессіональный трудъ, но и содѣйствіе во всѣхъ обстоятельствахъ. Оно требуетъ отъ чиновника полнаго согласія съ нимъ во взглядахъ по разнаго рода вопросамъ; оно представляетъ развѣ только нѣкоторую свободу въ оцѣнкѣ беллетристическихъ и художественныхъ произведеній, но строго слѣдитъ за его взглядами въ области религіи,

философіи и воспитанія. Въ большихъ центрахъ въ массѣ легче ускользнуть отъ этого строгаго надзора, но въ маленькихъ городахъ и въ деревняхъ это невыносимо.

Такова въ общихъ чертахъ картина политической организаціи Франціи.

Вышеописанные недостатки этой организаціи не должны внушать опасенія, такъ какъ они происходятъ отъ преходящихъ условій политической жизни во Франціи,—главнымъ образомъ, отъ того, что въ странѣ до сихъ поръ существуетъ партія, враждебная конституціи, которая своими дѣйствіями мѣшаетъ свободному развитію парламента.

Мои каникулы*).

(Іерусалимъ, Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море, Сорокадневная гора, Геѳсиманія и гробъ Пресвятой Богородицы, Елеонская гора, Messe Pontificale, отъѣздъ изъ Іерусалима, обратный путь: Яффа, Портъ-Саидъ, Александрія, о. Хіосъ, Смирна, Константинополь, Одесса, заключеніе).

Іерусалимъ, 8 мая 1893 г.

Усталъ я, дорогой мой, превыше всякой мѣры, но чувствую себя бодро, главнымъ образомъ, должно быть, отъ сознанія, что молодцомъ совершилъ трудную поѣздку. Передъ самымъ отправленіемъ въ путь мои монахи и соотечественники въ пиджакахъ отказались ѣхать со мной, за что я имъ очень благодаренъ: они только связали бы меня по рукамъ и ногамъ, и съ ними я никакъ не могъ бы сдѣлать этотъ путь такъ быстро. Для поѣздки на Іорданъ путешественники берутъ обыкновенно черезъ консульство небольшой конвой, состоящій изъ каваса, араба-шейха и турецкаго заптія (жандарма). Путь на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ безопасенъ, «шалятъ», хотя сравнительно рѣдко, за-іорданскіе бедуины. Наиболѣе надежными проводниками считаются «шейхи», состоящіе въ своего рода договорныхъ отношеніяхъ съ консульствами. Это племя арабовъ въ необыкновенно живописныхъ костюмахъ живетъ не далеко отъ Іерусалима въ селеніи, расположенномъ вправо отъ дороги на Іерихонъ. За 5 руб. они даютъ проводника и всѣмъ кланомъ отвѣчаютъ за безопасность путниковъ. Отвѣтственность, конечно, довольно проблематическая, особливо, когда бедуины кого-нибудь подстрѣлятъ, какъ это не очень давно было съ компаніей англійскихъ туристовъ. Потолковалъ я съ моимъ добрымъ кавасомъ, черногорцемъ Маркой, и мы рѣшили пуститься вдвоемъ, вооруженными, на всякій случай, и на хорошихъ коняхъ. Вчера, ровно въ 5 час. утра, мы двинулись въ путь. Мимо стѣнъ древней крѣпости мы спустились въ долину потока Кедрона, пересыхающаго теперь не на лѣто, а на весь годъ и бурливаго лишь въ сильный дождь,—мимо Геѳсиманскаго сада, могилы Авессалома и долины Іосафатовой обогнули Елеонскую гору, проѣхали сел. Виѳанію съ могилой Ла-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

заря и обломкомъ стѣны дома, въ которомъ Христосъ былъ въ гостяхъ у Маріи и Марѳы, и очутились на пустынномъ, бѣломъ шоссе, очень хорошемъ, но недоконченномъ и потому непроѣздномъ пока для экипажей. Въ часъ времени мы добрались до источника, называемаго Апостольскимъ. О происхожденіи названія никакой легенды не существуетъ, тогда какъ про ханъ (постоялый дворъ) «Добраго Самарянина» разсказываютъ очень серьезно, что на этомъ именно мѣстѣ «человѣкъ нѣкій, шедшій изъ Іерусалима въ Іерихонъ, подвергся нападенію разбойниковъ» и получилъ помощь отъ самарянина. Отъ Апостольскаго источника до этого хана дорога идетъ, поднимаясь все время въ гору. Самый ханъ стоитъ въ $3^1/_4$ час. ѣзды отъ Іерусалима, на перевалѣ, откуда начинается спускъ въ долину Іордана. Мѣстность совершенно пустынная, ее можно бы счесть совсѣмъ необитаемою, если бы вначалѣ не попадались группы осликовъ, трусящихъ съ какими-то вьюками по направленію къ городу, и не пестрѣли бы кое-гдѣ маленькіе участки земли съ золотящеюся на солнцѣ пшеницей. Не доѣзжая до хана, мы встрѣтили небольшой караванъ французовъ, человѣкъ въ 10—12 мужчинъ и дамъ верхами. Одна изъ нихъ путешествовала, впрочемъ, въ какой-то клѣткѣ, вродѣ паланкина, раскачивающейся на жердяхъ между двумя идущими другъ за другомъ мулами. Послѣ получасового отдыха подъ навѣсомъ «Добраго Самарянина», подкрѣпившись легкою закуской и виномъ, взятымъ съ собою, и хорошимъ кофеемъ, сваренным хозяиномъ, мы отправились дальше подъ жестоко палящимъ солнцемъ. Дорога стала еще пустыннѣе. Сверкающее бѣлизной шоссе, мѣстами пробитое въ натуральномъ камнѣ, рѣжетъ глаза, при этомъ яркомъ освѣщеніи, наводитъ тоску своею однотонностью среди совсѣмъ неживописныхъ и унылыхъ холмовъ со скудною зеленью. Но вотъ впереди и довольно глубоко внизу показался широкій лугъ, за нимъ группа кустовъ и деревьевъ, еще дальше сѣро-желтые песчаные бугры за-іорданской пустыни. «Іерихонъ!» — указалъ мнѣ Марко на темную зелень, выдѣлявшуюся островкомъ среди луга. На такомъ разстояніи никакого Іерихона разсмотрѣть нельзя, да и подъѣхавши къ нему, и въ него въѣхавши, смотрѣть нечего. Весь поселокъ состоитъ изъ двухъ десятковъ мелкихъ хижинъ, раскиданныхъ безпорядочно въ кустахъ по сторонамъ ручья, бѣгущаго изъ источника пророка Елисея. У въѣзда стоитъ какой-то домъ, съ виду необитаемый, хотя на немъ и красуется вывѣска: Hotêl... какой отель—забылъ. На въѣздѣ къ сторонѣ Іордана о. арх. Антониномъ выстроенъ прекрасный двухъэтажный домъ, пріютъ для богомольцевъ, напоминающій собою наши монастырскія гостиницы. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня мы сошли съ лошадей въ тѣнистомъ саду при этомъ русскомъ домѣ и, измученные зноемъ и жаждой, съ великимъ наслажденіемъ расположились въ общей комнатѣ у привѣтливо шипящаго московскаго самовара. Надъ Іерихономъ, должно быть, и понынѣ тяготѣетъ заклятіе, произнесенное Іисусомъ Навиномъ: «проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Іерихонъ». А страна такая, что про нее вполнѣ понятно, говорили посланцы Моисеевы, будто она «течетъ млекомъ

и медомъ». Ни того, ни другого я въ ней, правда, не видалъ, за то кл
матъ здѣсь парниковый, ростутъ и зрѣютъ бананы, воды—сколько угоди
земля, при надлежащемъ орошеніи, производитъ будетъ что угодно и дост
довольство большому населенію. Не производитъ же она ничего, кромѣ н
большого количества пшеницы и пататовъ, потому, что жители нисколь
не ограждены отъ грабежей бедуиновъ турецкими властями, которыя са
очень исправно грабятъ обывателей. Одно не къ авантажу служитъ «сѣ
городу Іерихону», это—«іерихонская язва», родъ злокачественнаго вред
корбункула, почти неизбѣжно поражающаго каждаго европейца, сколь
нибудь заживающагося въ этой мѣстности.

Въ третьемъ часу мы были опять на коняхъ и направлялись къ Іо
дану. Дорога идетъ сперва полями, на которыхъ уже началась уборка пш
ницы, потомъ мелкимъ кустарникомъ и далѣе песчаными низинами, захв
тываемыми, повидимому, разливами р. Іордана. До него мы добрались
полтора часа не быстрой ѣзды на притомившихся лошадяхъ. Вправо те
ною синевой блеститъ Мертвое море, окруженное голыми, мѣстами поч
черными обрывами. Близъ него видѣнъ новый монастырекъ св. Герасим
Влѣво пологими волнами поднимаются пески къ каменной грядѣ, на ко
рой стоитъ старый греческій монастырь св. Іоанна Крестителя. Впере
длинная лента яркой зелени кустовъ и деревьевъ, за ними, на сколь
глазъ хватаетъ, желтая пустыня. Кругомъ—ни души, ни звука, ни пр
знака живого существа. Кусты ниже становятся и рѣже, смѣняются вер
скомъ и какою-то приземистою, почти ползучею порослью, которая въ сво
очередь исчезаетъ и уступаетъ мѣсто голому, накаленному песку. Возду
не шелохнется, точно застылъ въ этой котловинѣ, окруженной горами, точ
отяжелѣлъ отъ насытившихъ его испареній, какъ отяжелѣла вода Мертва
моря отъ растворенной въ ней соли. Къ слову объ этомъ морѣ: оно лежи
на 392 метра ниже уровня Средиземнаго моря; вода въ немъ не одинак
вой плотности; взятая съ поверхности, она содержитъ въ себѣ на 1,0
граммъ 28 растворенныхъ солей, а на глубинѣ 300 метр. — солей 2
граммъ; температура почти никогда не спускается ниже 15—16° и сл
чается, что доходитъ до 40° R. Море—поистинѣ «мертвое», въ немъ нѣ
никакого живого существа. Случайно попавшая въ него изъ Іордана ры
гибнетъ тотчасъ. Наши поломники считаютъ, кажется, обязательнымъ
купаться въ его пересоленной водѣ и «омыться» потомъ въ святыхъ ст
яхъ Іордана. Я отъ программы отступилъ, убоявшись простуды послѣ в
ховой ѣзды, солнечнаго удара, очень возможнаго подъ этимъ пекломъ,
въ особенности іерихонскихъ нарывовъ, появленію которыхъ, говорят
способствуетъ раздражающее свойство воды моря. То мѣсто на Іордан
гдѣ, по преданію, крестился Христосъ, довольно красиво, напоминае
идиллическіе уголки на нашихъ степныхъ рѣчкахъ, окаймленныхъ склоня
шимися надъ водой невысокими деревьями. Мы отдохнули немного на сл
ленномъ тутъ сухомъ деревѣ, освѣжили головы и лица освященною вод
и пустились въ обратный путь другою дорогой мимо монастыря св. Іоан

Крестителя, расположеннаго минутахъ въ двадцати ѣзды отъ Іордана. Отъ Мертваго моря до мѣста крещенія 1½ часа. Несмотря на усиленный ходъ коней, мы вернулись въ Іерихонъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло и на небѣ яркимъ серпомъ вырѣзалась новая луна, оригинальная для меня тѣмъ, что острыми рогами она обращена совсѣмъ вверхъ къ зениту, а не къ сторонѣ востока, какъ у насъ.

На столѣ гостиницы горѣли свѣчи, русская женщина, очень привѣтливая особа, завѣдующая хозяйствомъ въ пріютѣ, внесла тотчасъ же кипящій самоваръ, мы разложили привезенный съ собою провіантъ и чудесно поблаготрапезовали. Тутъ я видѣлъ любопытный экземпляръ богомольствующаго соотечественника. Подошелъ ко мнѣ россіянинъ, видимо, изъ разряда «полупочтенныхъ», въ широкомъ пиджакѣ и съ картузомъ въ рукахъ, и объяснилъ, что потерялъ паломническій билетъ палест. общ. на обратный путь въ Россію, бывшія же съ нимъ деньги украдены, а потому— пожалуйте субсидію. Вмѣсто контрибуціи, я преподалъ ему совѣтъ обратиться къ консулу. Въ такомъ указаніи онъ, конечно, не нуждался, такъ какъ лучше меня знаетъ всѣ здѣшніе ходы и выходы, и, поморщившись, удалился съ миромъ. Этого сорта проходимскаго люда шляется тутъ не мало въ пиджакахъ и въ зипунахъ. Болѣе шустрые изъ нихъ умѣютъ ловко поживиться отъ новичковъ богомольцевъ, преимущественно же отъ богомолокъ, которымъ предлагаютъ свои услуги въ качествѣ опытныхъ проводниковъ за плату, значительно превышающую стоимость хожденія караванами, снаряжаемыми уполномоченнымъ палест. обществомъ.

Марко разбудилъ меня въ половинѣ второго ночи. Мы наскоро напились чаю, за ночлегъ положили свои посильныя приношенія въ кружку и подъ пріятною предразсвѣтною прохладой двинулись къ Сорокадневной горѣ. По дорогѣ видны развалины мельницъ, перерабатывавшихъ сахарный тросникъ еще во времена крестоносцевъ и раньше ихъ, и остатки водопровода, доставлявшаго изъ горныхъ ключей воду для приведенія мельницъ въ дѣйствіе. Для возстановленія этой промышленности въ странѣ не хватаетъ только порядка и безопасности. На дико-ростущихъ кустахъ я замѣтилъ множество неспѣлыхъ еще ягодъ. Марко объяснилъ, что это «акриды, которыми питался Іоаннъ Креститель». Въ примѣчаніяхъ къ Евангелію говорится, что подъ «акридами» разумѣется «родъ саранчи». Мѣстные жители раздѣляютъ, однако, мнѣніе каваса Марко, называютъ этотъ фруктъ «ааркадъ» и находятъ его очень вкуснымъ. Въ этомъ убѣдиться я не могъ, такъ какъ созрѣваетъ онъ къ концу мая. На вершинѣ Сорокадневной горы блеснули первые лучи солнца, когда мы подъѣхали къ ея подножью и стали взбираться верхами по узкой каменистой тропинкѣ, сдѣлавшейся скоро настолько крутой, что надо было сойти съ лошадей и продолжать путь пѣшкомъ надъ почти отвѣсными обрывами. Вдали сверкало Мертвое море, кое-гдѣ сквозь зелень серебрились извилины Іордана, зеленѣла долина Іерихона, а внизу подъ самыми ногами причудливыми тремя расходились ущелья. Въ одномъ изъ нихъ расположился станъ

кочевыхъ бедуиновъ съ черными шатрами временъ Іакова и Лавана, съ стадами черныхъ и пёгихъ козъ, съ едва курящимися кострами... Совсѣмъ библейская картина. Смотришь на нее—и складывается убѣжденіе, что такъ именно жили родоначальники народа израильскаго, подъ такими же первобытными черными шатрами, въ такихъ же костюмахъ, быть можетъ, съ такими же обычаями и нравами. На половинѣ подъема находится греческій «Сорокадневный» монастырь, большая часть котораго помѣщается въ пещерахъ, выбитыхъ въ камнѣ. Выше монастыря подъемъ становится еще круче и труднѣе, мѣстами приходится лѣзть, цѣпляясь руками за камни. На самой вершинѣ горы стоятъ мало-интересныя развалины древней церкви, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, дьяволъ искушалъ Спасителя. Тамъ же замѣтны слѣды какого-то укрѣпленія. Въ монастырѣ показываютъ углубленіе въ скалѣ и камень, у котораго молился Христосъ. Въ обители насъ радушно принялъ о. игуменъ, говорящій по-русски, угостилъ кофеемъ, ракіей, свѣжею ключевою водой и любезно проводилъ до новой стройки, предпринятой имъ ради увеличенія монастыря. Къ Іерусалиму мы направились мимо монастыря св. Георгія Хазвита, пріютившагося въ живописномъ ущельи въ сторонѣ отъ шоссе. Доступъ къ монастырю возможенъ только для пѣшеходовъ по узкимъ тропинкамъ, проложеннымъ въ полугорьѣ. Отъ Сорокадневной горы до Іерусалима 7 часовъ ѣзды, не считая отдыха у «Добраго Самарянина» и короткой остановки у Апостольскаго источника, гдѣ тоже есть маленькій плетневый ханъ съ обычнымъ кофеемъ и водой, которую пить слѣдуетъ, тщательно процѣдивши, такъ какъ въ ней водятся піявки. Послѣ страшной парниковой жары въ низинахъ Іерихона и удручающаго зноя на шоссе, крайне непріятенъ и далеко не безопасенъ для здоровья рѣзкій, холодный вѣтеръ, такъ и рвущій шляпу съ путника, начиная отъ поворота къ городу подъ Елеонскою горой. Всю дорогу я чуть не падалъ отъ жары, здѣсь сильно прозябъ, надѣвши пальто и ускоряя ходъ лошади. Къ завтраку мы были уже дома, къ удивленію нашего застольнаго общества. Изъ 32-хъ часового путешествія я провелъ на лошади и на ногахъ около 24 часовъ. Не диковина, что усталъ до изнеможенія.

Іерусалимъ, 9 мая.

Вчера на конѣ, сегодня на осликѣ я еще разъ переѣхалъ по мосту потокъ Кедронъ, чтобы посѣтить могилу Пресвятой Богородицы. Недалеко отъ моста влѣво, у подножія Елеонской горы, въ стѣнѣ, сравнительно недавней постройки, видна дверь, ведущая къ широкой лѣстницѣ, спускающейся глубоко въ подземелье. Около половины спуска показываютъ: справа—мѣсто погребенія Богоотецъ Іоакима и Анны, слѣва, немного ниже—могилы св. Іосифа и Симеона Богопріимца. На этихъ гробницахъ имѣются часовни и лампады, но подлинность ихъ не достаточно удостовѣрена. Гробъ Богоматери находится въ самомъ низу, въ обширной подземной церкви, подѣленной между православными греками, армянами и коптами. Даже мусульмане имѣютъ здѣсь свое молитвенное мѣсто, которое усердно посѣща-

вѣ, такъ какъ чтутъ Богоматерь почти наравнѣ съ христіанами. Одни католики почему-то совсѣмъ извергнуты отсюда, за что свирѣпо злобствуютъ на грековъ. Въ подтвержденіе подлинности гроба Богородицы приводится такое преданіе: въ V в. императрица Пульхерія обратилась къ епископу іерусалимскому Ювеналію съ просьбой прислать ей *мощи* Божіей Матери. Ювеналій раскрылъ гробъ и нашелъ въ немъ только одежды, такъ какъ тѣло Пречистой Дѣвы было взято на небо. Этого императрица не знала или, быть можетъ, не вѣрила такому чуду, за что ее строго укорилъ епископъ и въ удостовѣреніе послалъ часть одеждъ, которыя были положены и чествуемы во Влахернскомъ храмѣ въ Византіи. Споръ между греческимъ духовенствомъ и католическими патерами изъ-за *права собственности* на мѣсто погребенія Богородицы длится, кажется, болѣе трехъ столѣтій. Изъ-за него, какъ изъ-за большинства святыхъ мѣстъ, они многократно судились въ турецкихъ судахъ. Это здѣсь дѣло обычное. Но въ этой распрѣ любопытно увѣреніе патеровъ, будто греческіе монахи обвиняли въ XVII в. францисканцевъ въ томъ, что тѣ «украли» пречистое тѣло Богоматери и «продали» его папѣ... Во взаимной ненависти обѣ стороны ни передъ чѣмъ не останавливаются и, сказать по правдѣ, одна другой стоятъ. Мнѣ припоминается въ одномъ изъ православно-русскихъ славословій такое выраженіе: «многоболѣзное розго», вотъ такая-то для обѣихъ сторонъ чувствительная «розга», недостаточно оцѣненная, имѣется у насъ здѣсь въ лицѣ маститаго о. архимандрита Антонина. На Елеонской горѣ онъ скупилъ 8 или 9 участковъ земли, между которыми есть и очень важные, какъ, наприм., такъ называемыя «Могилы пророковъ». Ему же Россія обязана пріобрѣтеніемъ всей вершины Елеонской горы, гдѣ построена большая русская церковь съ колокольней, господствующей надъ Іерусалимомъ, видной очень издалека, чуть ли не полевинѣ Палестины. При церкви имѣется пріютъ для богомольцевъ. Произведенныя здѣсь раскопки привели къ интереснѣйшимъ открытіямъ въ смыслѣ археологическомъ. Я видѣлъ тутъ въ высшей степени любопытныя мозаики съ древними армянскими надписями и очень древнія усыпальницы. Съ террасы передъ храмомъ открывается чудеснѣйшій видъ на Мертвое море и на долину Іордана, совсѣмъ утонувшую въ знойной мглѣ, отъ взгляда на которую дрогнуло мое грѣшное тѣло, уже испытавшее, что это такое въ дѣйствительности. Но преданіе не здѣсь, не въ русскихъ владѣніяхъ, указываетъ мѣсто вознесенія Іисуса Христа. Оно находится не на вершинѣ горы, а значительно ниже, и принадлежитъ мусульманамъ. Императрица Елена построила тутъ великолѣпную «круглую» базилику. Судя по уцѣлѣвшимъ ея основаніямъ, представляющимъ собой открытый дворъ съ обваливающимися стѣнами, можно полагать, что базилика была восмигранною. Она разрушена во время нашествія Хозроя. Съ водвореніемъ здѣсь магометанъ одинъ благочестивый мусульманинъ среди развалинъ древней базилики построилъ маленькую мечеть въ честь Иссы Христа (Іисуса Христа), въ память его восшествія на небо. Мечеть намъ отворила мусульманская

дѣвушка съ открытымъ лицомъ. Мы вошли, слѣдомъ за нами появилось два или три турка. Не совсѣмъ посерединѣ зданія, въ рамѣ изъ бѣлаго мрамора, видна часть натуральной скалы съ отпечаткомъ на ней лѣвой стопы Спасителя, вдавившейся въ камень, когда Христосъ возносился на небо. Отсутствіе отпечатка правой стопы католики объясняютъ тѣмъ, что слѣдъ ея въ теченіе времени частями выковыряли и унесли вѣрующіе; магометане говорятъ, что онъ хранится въ мечети Эль-Акса на горѣ Моріа, гдѣ они его и показываютъ. И чтутъ они эти священныя стопы Спасителя настолько, что когда А. П. Поповъ запѣлъ тропарь Вознесенію, стоявшіе тутъ муллы не только не смутились этимъ, но сами благоговѣйно сложили руки и опустили головы. По выходѣ изъ ограды, они, правда, потребовали съ насъ бакшишъ, но ужь безъ этого здѣсь нельзя шага ступить. Относительно этого чтимаго мѣста терпимость ихъ доходитъ до того, что они допускаютъ здѣсь совершеніе литургіи православными и армянами и отправленія мессы католиками,—разумѣется, тоже за бакшишъ. И еще разъ я убѣдился, что между магометанами и христіанами далеко нѣтъ такой вражды и ненависти, какая существуетъ между духовными лицами различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Даже служащіе у одного съ нами алтаря греки смотрятъ далеко не дружелюбно на русское православное же духовенство, и гдѣ можно, и въ чемъ имъ удается, они готовы надѣлать намъ непріятностей. Тутъ уже дѣло идетъ не о религіозныхъ несогласіяхъ, не о диссидентствѣ, а о вліяніи и, въ извѣстной мѣрѣ, о доходахъ. Подъ Елеонскою горой, въ той мѣстности, гдѣ было село Геѳсиманія, близъ гроба Пресвятой Богородицы, католики владѣютъ огороженнымъ мѣстомъ и въ недалекомъ отъ него разстояніи довольно большою пещерой. Въ оградѣ, занятой очень чистенькимъ, красивымъ садомъ со множествомъ цвѣтовъ, патеры показываютъ мѣсто, гдѣ Христосъ провелъ послѣднюю ночь съ учениками и гдѣ Онъ скорбно молилъ: «да идетъ чаша сія мимо Меня». Тутъ же обозначено владѣльцами мѣсто предательскаго поцѣлуя Іуды. Пещеру они называютъ *S-te Grotte de l'Agonie,* увѣряя, будто и въ этой пещерѣ молился Спаситель въ ту страшную ночь. По ихъ словамъ, въ тѣни старыхъ маслинъ въ ихъ саду Христосъ бесѣдовалъ съ апостолами. Правда, маслины очень стары, правдоподобно, что въ этой мѣстности былъ и Геѳсиманскій садъ, но невѣроятно, чтобы отъ римскихъ погромовъ могло уцѣлѣть тутъ хотя бы одно дерево; ни на какомъ писаніи, ни на преданіи не основано предположеніе, будто Христосъ удалялся для молитвы въ пещеру; трудно допустимо, чтобы сохранилась точная память о мѣстѣ, гдѣ совершилось предательство. Всѣ подобнаго рода указанія представляются мнѣ совершенно произвольными, обусловленными только желаніемъ показать въ своемъ исключительномъ владѣніи мѣста священныхъ событій и привлечь къ нимъ наибольшее число поклонниковъ. Съ такими фактами встрѣчаешься здѣсь настолько часто, что и отмѣтить ихъ нѣтъ возможности иначе, какъ взявшись писать «толково-критическій» путеводитель по Святымъ мѣстамъ. У подножія Елеона и,

быть можетъ, на мѣстѣ Геѳсиманскаго сада, недавно выстроена на средства русской Императорской фамиліи прекрасная церковь во имя св. Маріи Магдалины, въ память въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны.

Одна изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Іерусалима, это — Могилы царей, куда мы отправились вдвоемъ съ моимъ добрѣйшимъ чичероне, А. П. Поповымъ, верхами на осликахъ. Мнѣніе, будто это могилы царей израильскихъ или іудейскихъ, должно быть, по всѣмъ даннымъ, признано ошибочнымъ. Самая архитектура этого обширнаго и оригинальнаго сооруженія указываетъ на устройство его въ позднѣйшее время, въ римскую эпоху, о чемъ свидѣтельствуетъ великолѣпный скульптурный фризъ надъ преддверіемъ катакомбы. Много правдоподобнѣе предположеніе, что это семейная усыпальница Елены, царицы Адіабена, о дѣтяхъ и внукахъ которой упоминаетъ Іосифъ Флавій. Въ калитку насъ впустила арабка и молча подала намъ восковыя свѣчи. Мы отправились вдвоемъ, спустившись по лѣстницѣ аршинъ 12 шириной, въ двадцать пять ступеней, вырубленныхъ въ цѣльномъ камнѣ, и, миновавши первый четырехъугольный дворъ, вошли во второй, нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ, почти квадратный, въ 35—37 шаговъ съ каждой стороны. Углубленъ онъ въ землю, вѣрнѣе — каменную скалу, сажени на три, если не больше, и, очевидно, не законченъ отдѣлкой. Съ лѣвой стороны отъ входа, почти во всю его ширину, идетъ опять-таки вырубленный изъ камня навѣсъ, который поддерживали разрушенныя теперь колонны. Отъ нихъ остались только обломки капителей. Повернувши еще разъ влѣво и спустившись еще на нѣсколько ступенекъ, мы вошли черезъ очень низкую дверь въ темную комнату, аршинъ 8 по каждой сторонѣ. Зажгли свѣчи. Три такихъ же низкихъ двери (пробираться въ нихъ приходится чуть не ползкомъ) ведутъ въ три меньшихъ комнаты (арш. по $4^1/_2$ въ квадр.); изъ нихъ въ разныя стороны расходятся съ столь же низкими лазами болѣе тридцати погребальныхъ покоевъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ по два, нѣкоторые по три ложа съ какими-то продольными выемками посерединѣ. Пазы въ дверкахъ указываютъ на то, что каждый изъ покоевъ закрывался вдвижнымъ камнемъ. На одинъ изъ нихъ я даже наткнулся. Вообще, эта экскурсія требуетъ очень большой осторожности,— вездѣ то ступеньки, то пороги, того гляди расшибешься. Въ увлеченіи осмотромъ этого диковиннаго некрополя я не сообразилъ, что хожденіе здѣсь представляетъ и еще нѣкоторую опасность: войти сюда много проще, чѣмъ выбраться наружу, такъ какъ вокругъ погребальныхъ покоевъ идутъ еще разные корридорчики и закоулочки, въ которыхъ очень легко запутаться и проплутать до тѣхъ поръ, пока свѣчи догорятъ, а потомъ сидѣть и ждать, когда тамъ, наверху, тебя хватятся и разыщутъ. Безъ такого знающаго человѣка, какъ А. П. Поповъ, сюда и соваться не слѣдуетъ...

10 мая.

Въ Іерусалимѣ мнѣ остается провести всего одну ночь. Завтра вторникъ ровно недѣля, что я здѣсь. Для того, чтобъ узнать сколько-нибудь

будь — не говорю уже Палестину, а хотя бы Іерусалимъ, этого слишкомъ мало. Для меня же, туриста, довольно, и даже съ нѣкоторымъ избыткомъ. Рядомъ съ физическимъ утомленіемъ серьезно даетъ себя чувствовать и нравственное. Вмѣсто подъема духовнаго, я вижу въ себѣ только душевную растерянность, приниженность, о которой я уже писалъ тебѣ. Я надѣялся и ждалъ, что такое впечатлѣніе разсѣется, дѣлалъ всѣ зависящія отъ меня усилія подбодриться и прочь отогнать это нехорошее, доселѣ незнакомое мнѣ настроеніе, и не могъ добиться ничего. Оно все разрасталось, поднималось все выше и начинаетъ душить меня такъ, что избавиться отъ него есть одно только средство — уѣхать, какъ можно скорѣе, что я завтра и сдѣлаю, не безъ затрудненій, впрочемъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь собранъ «евхаристическій конгрессъ католиковъ», на который съѣхалось множество патеровъ всѣхъ національностей. Сегодняшнимъ вечеромъ конгрессъ закрывается, завтра масса «чернаго» и свѣтскаго люда устремляется въ Яффу, всѣ до единаго экипажа заняты, и не только экипажи, но и лошади, и даже ослики. Я доберусь до вокзала лишь благодаря любезности Ник. Гр. Михайлова, дающаго мнѣ своего ослика и обѣщавшаго отослать мой багажъ съ своимъ носильщикомъ. На засѣданія конгресса я не попалъ, но не хотѣлось пропустить заранѣе объявленной на сегодня «grande messe pontificale», которую будетъ служить на гробѣ Господнемъ предсѣдатель конгресса, папскій легатъ кардиналъ Ланженьё. Къ назначенному въ афишѣ часу я былъ въ храмѣ. Довольно пустынно; передъ Кувукліей толчется душъ полтораста обоего пола, въ числѣ которыхъ любопытныхъ и не-католиковъ больше, чѣмъ молящихся. Передъ входомъ въ пещеру гроба стоятъ въ фескахъ и съ булавами въ рукахъ пестрые кавасы французскаго консульства. Изъ пещеры отъ времени до времени появляются какіе-то клирики въ бѣлыхъ пелеринахъ, кадятъ, бормочатъ себѣ подъ носъ что-то невразумительное, раздаются звонки жиденькаго колокольчика. Нѣтъ ни пѣнія, ни чтенія, ни возгласовъ. Что сіе обозначать должно? Гдѣ же «Grande messe pontificale»? Кардиналъ служитъ, но — тихую мессу, «messe basse»... Почему? Вотъ объясненіе: для богослуженія на общихъ алтаряхъ каждое исповѣданіе имѣетъ свои опредѣленные часы и минуты, дольше которыхъ занимать мѣсто не имѣетъ права, не то явится соперничествующее духовенство и начнетъ выставлять вонъ со скандаломъ. Пока католики съ помпой публиковали о своей «Grande messe», греческія власти молчали, а какъ только «его эминенція» пожаловалъ, то греки все торжество разрушили, заявивши, что не потерпятъ ни одной минуты лишней присутствія католиковъ въ пещерѣ гроба. Условленное же время настолько ограничено, что и тихую мессу приходится читать на-спѣхъ. Тутъ ужь не до «понтификальныхъ» церемоній!

Еще разъ я обошелъ весь храмъ и нигдѣ не видалъ молящихся, за то на каждомъ шагу попадались злорадно улыбающіяся или свирѣпо хмурящіяся лица. На площадкѣ мы (со мною сошелся А. П. Поповъ) должны были отодвинуться къ сторонкѣ, чуть не наступая на разложенные по мо-

стовой крестики, иконы и четки. Позади насъ раздавались гулкіе удары шестью булавами о каменныя плиты, впереди кавасовъ клирикъ несъ высоко поднятый серебряный крестъ, за кавасами консулъ въ мундирѣ и трехъуголкѣ велъ подъ-руку кардинала въ красной одеждѣ, въ красной шляпѣ, въ длинныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, напоминавшихъ мнѣ почему-то жандармскія; за представителями церкви и государства слѣдовало человѣкъ пять-шесть въ трехъуголкахъ, цилиндрахъ и фескахъ, двѣ-три дамы въ черномъ и столько же насильственно улыбающихся патеровъ... «Понтификальное» шествіе оказалось въ тонъ «понтификальной» мессѣ.

Мы направились къ такъ называемымъ «русскимъ раскопкамъ», рядомъ съ храмомъ гроба Господня. На мѣстѣ раскопокъ выстроенъ прекрасный домъ съ роскошнѣйшими номерами для паломниковъ. Теперь они пусты, разумѣется, но къ Святой всѣ были заняты. Въ нижнемъ, почти подвальномъ, этажѣ сохраняется часть старинной стѣны съ аркой,— старинной, но едва ли древней, т.-е. уцѣлѣвшей отъ временъ имп. Елены. Какое значеніе имѣетъ эта руина, я не знаю, самъ А. П. Поповъ не могъ мнѣ этого объяснить. За обширною залой, въ которой хранится этотъ памятникъ— невѣдомо чего, слѣдуетъ другая такая же зала, много большей вышины. Влѣво отъ входа въ нее и во всю ея длину поднимается монументальная лѣстница изъ полированнаго краснаго камня, замыкающаяся наверху бѣлою стѣнкой безъ оконъ и дверей. «Куда же ведетъ эта лѣстница?» — спросилъ я. — «Никуда», — былъ отвѣтъ. Суди о моемъ изумленіи. «Здѣсь найденъ былъ обломокъ старой лѣстницы, вотъ ее и реставрировали», — пояснилъ мой спутникъ. Нечего сказать, хороша «реставрація», когда въ блестящей полировкѣ нельзя разобрать, гдѣ тутъ остатокъ старины, гдѣ издѣліе прошлаго года, и очень нужна реставрація огромной лѣстницы, упирающейся въ сплошную стѣну!... Дальше, прямо противъ насъ, широкій проходъ въ слѣдующую комнату; въ немъ лежитъ тотъ знаменитый «порогъ», открытіе котораго дало возможность установить несомнѣнную подлинность святыхъ мѣстъ, чтимыхъ въ храмѣ. А за нимъ, опять невѣдомо для чего, положенъ большой необдѣланный камень, привезенный сюда съ очень немалыми издержками и сваленный здѣсь лишь для того, чтобы водрузить на немъ присланное аѳонскими монахами, грубо размалеванное, распятіе. Я и Ал. Петр. только посмотрѣли другъ на друга и, молча, пожали плечами. Опять обширная зала и тоже пустая, если не считать обломка какой-то стѣны. Много важнѣе—находящійся въ другомъ помѣщеніи, еще ниже, остатокъ основанія древней городской стѣны Іерусалима, ясно свидѣтельствующій о томъ, что мѣста крестной смерти и погребенія Христа находятся внѣ городской черты. Это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе потому, что оспаривавшіе подлинность названныхъ мѣстъ пытались доказать, будто находятся они въ чертѣ древняго города, а, слѣдовательно, и не соотвѣтствуютъ историческимъ указаніямъ. Къ сожалѣнію, раскопки тутъ оборваны и продолженіе древняго фундамента застроено русскимъ домомъ. Поднявшись наверхъ, мы вошли въ прекрасную залу, вмѣщающую въ себѣ

домовую церковь, совершенно готовую, отдѣланную, но не освященную до сихъ поръ, — какъ мнѣ говорили, — вслѣдствіе какихъ-то препятствій со стороны греческаго духовенства. За церковью слѣдуютъ еще залы, назначеніе которыхъ служить помѣщеніемъ для русско-палестинскаго музея древностей. Въ немъ пока собрано очень немногое, за то есть любопытный камень съ остатками латинской надписи, свидѣтельствующей о томъ, что импер. Адріанъ поставилъ здѣсь храмъ Юпитера, который,— какъ доподлинно извѣстно,—былъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ св. Елена построила великолѣпную базилику, вмѣстившую всѣ чтимыя нынѣ христіанскія святыни. Вернувшись черезъ церковь, мы прошли на террасу, потомъ пробрались еще выше и съ какого-то парапета надъ отвѣсною стѣной могли видѣть часть храма Воскресенія и прилегающій къ нему дворъ съ постройками коптскаго монастыря. Хотя лазаніе это нелегкое и, пожалуй, головоломное, но я доволенъ, что отъ него не отказался,— такъ оригинальны и любопытны виды, открывающіеся съ этой высоты.

На обратномъ пути я сдѣлалъ прощальный визитъ нашему консулу, а потомъ прошелъ къ Н. Гр. Михайлову поблагодарить этого милаго и добраго хозяина за его радушный привѣтъ на чужой сторонѣ. Едва успѣлъ я вернуться въ свой номеръ, какъ ко мнѣ вошелъ о. архим. Антонинъ, старецъ большого ума и несокрушимой энергіи. На этихъ трехъ лицахъ держится все значеніе Россіи въ Палестинѣ. Въ дружномъ единеніи между собою они могли бы сдѣлать очень многое, если только не стали бы здѣсь полными господами. Но, увы, нѣтъ ни единенія, ни даже согласія. Я вижу лишь явные признаки взаимнаго недоброжелательства, переходящаго слишкомъ часто въ открытую вражду. Не мнѣ судить, кто тутъ болѣе правъ,— для этого я мало пробылъ здѣсь и кое-чего не умѣю объяснить себѣ,— неправы же, по моему мнѣнію, всѣ три представителя разныхъ учрежденій. И что диковинно, всѣ трое превосходнѣйшіе люди, умные, знающіе, одушевленные лучшими намѣреніями, истинно преданные своему дѣлу, но почему-то не могущіе столковаться относительно средствъ, ведущихъ къ достиженію одной общей, хорошо ими опредѣляемой цѣли. При сегодняшнемъ моемъ собесѣдованіи съ каждымъ изъ нихъ рѣчь заходила о такъ называемой «наплузской катастрофѣ». Ты помнишь, конечно, сообщеніе, перепечатанное многими газетами изъ *Церковнаго Вѣстника*, о «гибели цѣлаго русскаго каравана богомольцевъ», возвращавшихся изъ Назарета въ Іерусалимъ. Въ этомъ «письмѣ» изъ Палестины говорилось о сотняхъ человѣкъ, поплатившихся жизнью по *чьей-то* винѣ... По тщательномъ разслѣдованіи мною, подтвержденномъ нѣсколькими лицами, вполнѣ заслуживающими довѣрія, и подлинными документами, оказалось, что все это «намъ пишутъ»—нехорошее вранье. Въ дѣйствительности дѣло было такъ: 4 марта нынѣшняго года выступилъ изъ Іерусалима въ Назаретъ караванъ, состоящій изъ 746 человѣкъ (въ томъ числѣ болѣе 500 богомолокъ). Вожакомъ каравана отправленъ фельдшеръ, состоящій при нашей больницѣ. Все шло благополучно до 17 марта, когда близъ Наплуза богомольцы были за-

стигнуты сильнымъ дождемъ, отъ котораго всѣ горныя лощинки обратились въ бурные потоки. Вмѣстѣ съ дождемъ наступилъ холодъ, потомъ гололедка. Двигаться дальше стало почти невозможнымъ, грозила на самомъ дѣлѣ полная гибель. Первый узналъ о несчастномъ положеніи каравана патріархъ отъ монаха, посланнаго съ этою вѣстью игуменомъ греческаго монастыря близъ Раммалы. Патріархъ распорядился немедленною отправкой помощи и, въ то же время, далъ знать о случившемся нашему консулу, который съ своей стороны успѣлъ уже получить записку фельдшера, доносившаго о бѣдѣ, постигшей караванъ. Спѣшно собравши лошадей, ословъ, провизію, одежду, С. В. Арсеньемъ (ген. конс.), Н. Гр. Михайловъ и докторъ В. Я. Сѣверовъ выѣхали верхами на помощь гибнущему каравану съ достаточнымъ числомъ людей, въ сопровожденіи турецкаго чиновника, командированнаго губернаторомъ. На мѣстѣ оказалось, что въ дорогѣ умерло 2 мужчинъ и 23 женщины (изъ нихъ четверо утонули) и сильно истомилось и обмерзло 72 человѣка, которые были доставлены въ самомъ жалкомъ положеніи въ русскую больницу, гдѣ 13 чел. умерло, остальные оправились. И такъ, караванъ пострадалъ очень сильно, но не «погибъ», умерло всего 38 чел.,—это, несомнѣнно, ужасно,—но не сотни, какъ сообщалось *Церковнымъ Вѣстникомъ*, что подхватили иностранныя газеты и усердно раздували въ укоръ русскимъ. Большаго сожалѣнія достойно, что *Церковный Вѣстникъ* слишкомъ торопливо сообщаетъ Россіи и Европѣ «сенсанціонныя» извѣстія, получаемыя отъ палестинскаго корреспондента, дурно освѣдомленнаго или незаслуживающаго довѣрія. Здѣсь же, благодаря этому, возникаютъ заподозриванія, инсинуаціи, сплетни и сугубое недоброжелательство.

Любопытно здѣсь положеніе недвижимой собственности, пріобрѣтенной для русскихъ построекъ и для охраненія чтимыхъ мѣстъ отъ перехода въ руки иновѣрцевъ. По турецкимъ законамъ, покупать земли и дома можетъ только опредѣленное лицо,—человѣкъ, а не учрежденіе. Исключеніе допускается лишь въ пользу такъ называемыхъ *вакуфовъ*, т.-е. недвижимости, поступающей въ собственность мечетей или благотворительныхъ установленій. Поэтому всѣ участки земли, пріобрѣтенной для Россіи, закрѣплены купчими за частными лицами—за о. архим. Антониномъ, за его служителемъ Якубомъ, за прежнимъ русскимъ консуломъ, за г. Михайловымъ и нѣкоторыми другими лицами. Неудобство такихъ порядковъ очевидно: въ случаѣ смерти номинальнаго собственника, имѣніе, купленное на пожертвованныя деньги, перейдетъ къ наслѣдникамъ владѣльца, которые могутъ воспользоваться своимъ легальнымъ правомъ на доставшуюся имъ собственность. Я не говорю уже о возможности для подставного покупателя сдѣлаться и фактическимъ обладателемъ купленной на его имя земли. А такихъ участковъ, застроенныхъ и незастроенныхъ, здѣсь много, и цѣнность они представляютъ очень большую. О. Антонинъ нашелъ нужнымъ нѣкоторые изъ такихъ участковъ превратить въ *вакуфъ* юридическимъ актомъ, явленнымъ у турецкихъ властей. Актъ этотъ я прочелъ въ переводѣ, озаглавлен

номъ: *Traduction d'une copie de l'acte judiciaire, rédigé en arabe, concernant la fondation du Vakouf par le R.P. Archimandrite Antonin en date du 26 Moharrem 1307.* О. архимандритъ основываетъ свой *вакуфъ* «въ пользу бѣдныхъ православнаго исповѣданія, русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Іерусалимѣ и приходящихъ въ него на богомолье, причемъ удерживаетъ за собою право пожизненнаго пользованія этимъ вакуфомъ». «Въ томъ случаѣ, если русскихъ подданныхъ въ Іерусалимѣ не будетъ, вакуфъ переходитъ къ православнымъ бѣднымъ». «Въ томъ случаѣ, если не окажется православныхъ бѣдныхъ въ Іерусалимѣ, вакуфъ переходитъ къ неимущимъ вообще (aux pauvres absolus), гдѣ бы таковые ни пребывали»... Пожизненнымъ распорядителемъ имѣній, обращаемыхъ въ вакуфъ, остается архимандритъ Антонинъ. Послѣ его смерти администраторомъ назначается «предсѣдательствующій Св. Синода въ Петербургѣ, съ правомъ поручать завѣдываніе имѣніями начальнику русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, посланному отъ Св. Синода архимандриту или епископу». Въ случаѣ перехода завакуфленныхъ имѣній (какъ выше опредѣлено) къ православнымъ бѣднымъ не русскимъ подданнымъ, распорядителемъ назначается «прокураторъ» и попечитель таковыхъ бѣдныхъ; если же вакуфъ перейдетъ къ неимущимъ вообще какой бы ни было религіи и какого бы ни было подданства, тогда администрація и наблюденіе возлагаются на іерусалимскаго кади, съ правомъ назначать завѣдующимъ лицо, по его усмотрѣнію, заслуживающее довѣрія и достойное. Въ вакуфный актъ включены, однако, не всѣ участки земли, пріобрѣтенные о. архимандритомъ; такъ, въ немъ не поименованы: «Могилы пророковъ» и другой участокъ на склонѣ горы Елеонской, земля въ Виѳаніи у могилы Лазаря, участокъ въ Анатѣ, близъ Тиверіадскаго озера, и, кажется, еще что-то. Какая постигнетъ ихъ судьба въ случаѣ смерти мастистаго архимандрита, пока неизвѣстно. Самое основаніе вакуфа на приведенныхъ условіяхъ представляется мнѣ несогласнымъ съ намѣреніями жертвователей, на чьи деньги были куплены поименованные участки. Едва ли предвидѣли жертвователи, что, по волѣ о. архимандрита, русскія, въ сущности, имѣнія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ достаться во владѣніе грекамъ и даже мусульманамъ... Я отнюдь не желаю умалить великихъ заслугъ о. Антонина. Онѣ, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣнены или, вѣрнѣе, не поняты у насъ въ Россіи. Что же касается вакуфнаго акта, то о. архимандритъ, какъ мнѣ думается, поступилъ бы много лучше, если бы распорядился иначе своимъ наслѣдствомъ. Мнѣ говорили, что вакуфныя имѣнія могутъ быть прямо передаваемы въ собственность Св. Синода. Если это вѣрно, то наше правительство сдѣлало бы очень хорошо, позаботившись неотложно записать всѣ русскія владѣнія въ Палестинѣ за Св. Синодомъ. При этомъ весьма не трудно опредѣлить, какія изъ имѣній должны быть въ распоряженіи духовной миссіи и какимъ должны завѣдывать уполномоченные русскаго палестинскаго общества. Пріѣхавши въ Москву, я покажу тебѣ имѣющуюся у меня копію съ вакуфнаго акта. А пока до свиданія. Жму твою руку.

Пароходъ „Цесаревичъ", 11 мая.

Въ поѣздѣ изъ Іерусалима была такая давка, что я едва протискался въ вагонъ I класса, биткомъ наколоченный жирными патерами и засушенными благочестіемъ дамами. Это хлынула толпа, съѣхавшаяся на католическій конгрессъ, закончившійся вчера вечеромъ. Кромѣ обычнаго поѣзда, для этихъ господъ отправлено еще нѣсколько спеціальныхъ поѣздовъ. Противъ Яффы стояли два французскихъ парохода, *Poitou* и *Brest,* разукрашенныхъ пестрыми флагами. Въ таможнѣ обычная суета, толкотня и вопли. Надо замѣтить, что въ Турціи производится таможенный досмотръ не только вещамъ пріѣзжающихъ путешественниковъ, но и тѣмъ, которыя вывозятся. И на этотъ разъ яффскіе чиновники выказали большую энергію, чѣмъ при нашемъ прибытіи. Дабы моихъ пожитковъ не трепали грязными лапами, я сунулъ какому-ту оборванцу черекъ (45 коп.) и проскользнулъ безъ задержки, чѣмъ возбудилъ забавный гнѣвъ нѣкоего соотечественника, всѣмъ недовольнаго московскаго купца С. Въ негодованіи на требованіе раскрыть его чемоданъ онъ до того увлекся, что указалъ чиновникамъ на мои вещи, уносимыя безъ досмотра. На его заявленіе никто не обратилъ вниманія, а за крикливость, должно быть, его движимость переворочали до самаго дна. Мы давно сидѣли въ лодкѣ, когда онъ явился весь красный и сѣлъ подальше отъ меня, отвернувшись въ сторону. На пароходѣ онъ тотчасъ же скрылся и до ночи не выходилъ наружу. Все наше пароходное общество состоитъ, кромѣ меня, капитана и старшаго офицера, изъ молодого итальянца К., состоящаго на египетской службѣ, араба, греко-уніатскаго священника, почтеннаго турка Али-бея Альжери, губернатора какой-то сирійской провинціи, и его молоденькой дочки, по имени Фахріа. Али-бей одѣтъ по-европейски, только въ фескѣ, и не говоритъ ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Его барышня въ турецкомъ костюмѣ сидитъ на палубѣ за отдѣльною занавѣской и выходитъ, плотно закрывая лицо черною шалью. Кушаютъ они отъ насъ отдѣльно. Послѣ обѣда я наложилъ полную тарелку всякихъ сластей и отправилъ съ горничною юной затворницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явился папаша, разсыпался въ благодарностяхъ, потомъ взялъ меня меня за руку и повелъ въ заповѣдный уголокъ представлять mademoiselle Фахріа, оказавшейся очень милою, красивою дѣвицей, говорящей немножко по-французски и играющей на фортепіано. Тѣмъ и другимъ родитель очень гордился и пришелъ въ совершенное умиленіе, когда я попросилъ дочку сыграть что-нибудь. Мы направились въ общую залу, совершенно пустую, вдвоемъ съ турецкою барышней, которая, несмотря на французскій языкъ и музыку, не рѣшилась идти впередъ, когда я уступилъ ей дорогу. По турецкому обычаю, она должна уступать дорогу мужчинѣ, особливо пожилому. Мы просидѣли съ нею болѣе часу съ глазу на глазъ. Али-бей входилъ раза два на нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться своею любимицей и мнѣ показать свою блаженную улыбку. Потомъ, на выраженное мною удивленіе передъ такою свободой молодой турчанки, синьоръ К. объяснилъ, что Али-бей оказалъ мнѣ тѣмъ величайшій почетъ и

высшее доказательство своего уваженія. Само собою разумѣется, что я постарался, по мѣрѣ силъ моихъ, отблагодарить почтеннаго турка любезностью и вниманіемъ къ его милой дочкѣ. При помощи К., служившаго намъ переводчикомъ, я узналъ отъ Али-бея такую исторію: Фахріа—его единственное дитя отъ единственной его жены и наслѣдница его очень большого состоянія. Самъ Али-бей занималъ видный постъ въ Константинополѣ. Султанъ, желая поправить дѣла одного изъ своимъ адъютантовъ, промотавшагося въ концѣ, предложилъ Али-бею выдать 14-тилѣтнюю дѣвочку за этого кутилу, любимца падишаха. Старикъ отвѣтилъ «нѣтъ» и уперся на этомъ. Тогда разгнѣванный повелитель отправилъ его въ ссылку губенаторствовать въ какомъ-то глухомъ городишкѣ.

Желѣзно-дорожная сутолока, шумъ и пестрота Яффы отъ большого наплыва европейцевъ, новость пароходнаго знакомства развлекли меня на время, заслонили собою не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія, полученныя мною въ Іерусалимѣ. Но вотъ наступила ночь, тихая, теплая, звѣздная. Я одинъ на палубѣ, слышны только мѣрное клокотаніе воды у винта и погромыхиваніе рулевой цѣпи. Далеко влѣво уже убѣгаетъ отъ насъ бѣлый огонь маяка. И опять, точно въ полуснѣ, проходятъ предо мною фигуры и лица греческихъ монаховъ, католическихъ патеровъ и иностранцевъ паломниковъ съ красненькими крестиками, сдѣланными изъ ленточекъ и нашитыми на сюртукахъ, сутанахъ и женскихъ лифахъ, нашихъ богомольцевъ въ рясахъ, въ пиджакахъ, поддевкахъ, зипунахъ и обтрепанныхъ юбкахъ; чудятся умиленные вздохи и благочестивыя рѣчи, сквозь которые прокрадываются тоны притворства, фальшивыя ноты чего-то заказнаго и обязательнаго... «А позвольте спросить,—говоритъ человѣкъ почтеннаго вида, и говоритъ искренно,—скоро ли въ нынѣшнемъ году явилась *благодать*?» Ты, впрочемъ, можетъ быть, не знаешь, что такое *благодать*, которая получается скоро или не скоро. Это тотъ «священный огонь», который зажигается въ страстную субботу въ пещерѣ гроба Господня. Издавна установилось вѣрованіе, что огонь сходитъ съ неба, по молитвѣ патріарха, и зажигаетъ лампаду. Отъ нея зажигаются другія лампады и пуки восковыхъ свѣчей, которыя раздаются всѣмъ, присутствующимъ въ храмѣ. Объ этомъ періодически повторяющемся чудѣ говорится здѣсь постоянно и было писано не мало такими людьми, какъ Муравьевъ, Норовъ и даже Василій Барскій, необыкновенно внимательный и тонкій наблюдатель. Выразить, хотя бы легкое, сомнѣніе въ дѣйствительности чуда далеко не безопасно: одни сочтутъ это безбожіемъ и богохульствомъ, другіе, въ особенности сирійцы и арабы, способны поколотить маловѣрнаго. Приведенный мною вопросъ былъ заданъ человѣку серьезному, образованному, очень почтенному. Я не спускаю глазъ съ него и вижу, что ему не ловко. Онъ какъ-то странно мямлитъ, отвѣтъ получается неопредѣленный, уклончивый. Вступается разбитной богомолецъ плутѣйшаго вида зашлявшагося дворового человѣка: «Нынче была благодать-матушка не въ примѣръ супроти прошлогодняго. Вошелъ владыко, малое время спустя, какъ громыхнетъ, ровно громъ, и какъ

бы молонья. Ну, сейчасъ и того»...—Вздохи, воздѣваніе глазъ къ потолку, крестныя знаменія.—«Анъ, вотъ и врешь!—раздается визгливый женскій голосъ.—Ты гдѣ былъ, а я возлѣ стояла, и никакого-то грома не было и молонья никто, окромя тебя, не видалъ. А появился вдругъ огнь небесный, да такъ-то разсыпался все искорками, искорками, что ажъ глазамъ больно»... Споръ—молоньей или искорками, перебранка, переходящая въ ругань. Присутствующіе вступаются, унимаютъ ссорящихся, кто-то въ порыжѣломъ полумонашескомъ подрясникѣ пытается примирить разногласіе: «Обои-то вы брешете, никому не дано сію благодать видѣть, какъ есть оное знаменіе и явленіе одному блаженнѣйшему патріарху, а не всякимъ проходимцамъ». — «Господи-Батюшка! Охъ, гдѣ намъ грѣшными очами!...» Тяжкіе вздохи, сочувствіе большинства на сторонѣ подрясника.—«Туда же праводникъ выискался!»—бормочетъ себѣ подъ носъ баба и презрительно отплевывается. Молньевидецъ ошеломленъ на минуту, но быстро оправляется и наступаетъ на оппонента: «Кто проходимецъ? Ну, ну, говори... кто? Я тѣ покажу...» Ихъ кое-какъ удается развести, предупредить драку. Присутствующіе разбиваются на двѣ группы, большая—вокругъ подрясника, человѣка три-четыре при слышавшемъ громъ, баба продолжаетъ отплевываться и отходитъ совсѣмъ прочь. Я остаюсь одинъ съ тѣмъ господиномъ, которому былъ заданъ вопросъ, и въ свою очередь прошу объяснить, въ чемъ тутъ дѣло. Отъ него и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ я узналъ вотъ что съ ничтожными варіантами: до IX в. (а, можетъ быть, и до X в.) о святомъ огнѣ не было и помина. «Весьма возможно,—привожу подлинное выраженіе, — что около этого времени совершилось какое-либо подобное чудо. Съ тѣхъ поръ священный огонь хранится на неугасимой лампадѣ въ патріаршей ризницѣ. Въ страстную субботу, по потушеніи всѣхъ огней въ храмѣ, изъ патріаршей ризницы проносятъ на гробъ Господень издревле хранимый огонь въ наглухо закрытомъ фонарѣ, дабы онъ случайно не угасъ. Тамъ патріархъ вновь зажигаетъ лампады и въ пукахъ свѣчей выдаетъ священный огонь черезъ овальное окно въ придѣлѣ Ангела». Когда и какъ сложилось вѣрованіе о нисхожденіи «огненной благодати» съ неба, я дознать не могъ, и въ полной точности передаю лишь то, что слышалъ отъ людей, которымъ должны быть доподлинно извѣстны всѣ подробности. Ни въ какую оцѣнку фактовъ я не желаю входить... А въ ушахъ у меня и сейчасъ звучатъ фальшивые тоны, передъ глазами мелькаютъ плутоватые взгляды и вдали въ какомъ-то туманѣ желтѣетъ тумбообразный «пупъ земли», блестятъ ружья турецкихъ солдатъ надъ мѣстомъ рожденія Христа... Гдѣ раздавалось славословіе Богу и воспѣвались «на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе», тамъ я нашелъ только злобу и вражду, поголовное ненавистничество, алчность къ наживѣ и всяческіе обманы. Ночь незамѣтно подвигается впередъ, а сонъ на умъ не идетъ. Съ каждымъ оборотомъ винта пароходъ уноситъ меня все дальше и дальше отъ Святой земли, но ни ясность неба, ни яркое мерцаніе звѣздъ, ни убаюкивающій плескъ подернутаго легкою рябью моря не даютъ успокоенія смятенной

душѣ моей. Нѣтъ силы, кажется, способной отогнать прочь угнетающее меня настроеніе...

Портъ-Сандъ, 12 мая.

Какъ видишь изъ помѣты письма, я направляюсь не прямо въ Россію, а вынужденъ избрать болѣе длинный, за то болѣе скорый путь на Александрію. Въ Яффу не заходятъ наши пароходы, дѣлающіе прямые рейсы. Вотъ такой-то я и ловлю теперь въ столицѣ веселой Клеопатры, и буду въ Одессѣ значительно скорѣе, чѣмъ попалъ бы туда на кораблѣ круговыхъ рейсовъ. Стали мы въ гавани ровно въ 6 ч. утра. Вскорѣ затѣмъ консульства одно за другимъ начали изукрашиваться сотнями пестрѣйшихъ флаговъ, что, на мой взглядъ, совсѣмъ не красиво, напоминаетъ о прачешной, развѣсившей для просушки разноцвѣтные лоскуты. На мой вопросъ: чему обрадовались гг. консулы?—получаются диковинные отвѣты: «Американскій консулъ отдаетъ дочь замужъ»...—«Чилійскій консулъ сына женитъ»... Наконецъ-то добиваюсь правдоподобнаго объясненія: «La festa de la regina Victoria», — говоритъ хорошо освѣдомленный итальянецъ. Ну, и на доброе здоровье безобидной старушкѣ, отъ имени которой Джонъ Буль запустивъ крѣпкіе зубы въ лакомый кусокъ фараонова наслѣдства. Слопаетъ или отнимутъ? Итальянецъ убѣжденно говоритъ: «Проглотитъ и не поперхнется». Египтяне остаются на этотъ счетъ при особомъ мнѣніи, возлагаютъ большія надежды на молодого хедива, на предположенную поѣздку его въ гости къ султану и еще большія упованія пріурочиваютъ къ европейской войнѣ... Селимъ-Молодецъ опять возилъ меня въ городъ, и я купилъ кое-какихъ китайскихъ и японскихъ бездѣлушекъ, повидимому, настоящихъ. Онѣ здѣсь очень дешевы, но сдачу надо брать осторожно, того гляди всучатъ греческихъ или румынскихъ денегъ, въ ходу же здѣсь только египетскія и французскія. Я говорю про серебро,—золото берутъ всякое...

Пароходъ „Царица“, 14 мая.

Вчера, распростившись дружески съ К., Али-беемъ и его милою дочкой, я перешелъ на пароходъ *Царица*, гдѣ нашелъ меня нашъ добрѣйшій агентъ А. Е. Прасино и вручилъ мнѣ письма изъ Москвы. Отъ души отлегло и я отправился пошляться по Александріи. На этотъ разъ она показалась мнѣ уже совсѣмъ непривлекательною. Интересъ новизны пропалъ, пестрота приглядѣлась, да и самъ я, должно быть, истрепался и усталъ... Изъ экономіи ночевалъ на пароходѣ, уступающемъ во многомъ *Чихачеву*, но, все-таки, очень удобномъ и находящемся подъ командой чрезвычайно любезнаго капитана В. П. Л. А вотъ сегодня такъ я уже совсѣмъ восплакалъ о *Чихачевѣ* и, въ особенности, объ его уютной курилкѣ. Восплакалъ же я вотъ по какому поводу: торгующіе въ Египтѣ капиталисты-греки, съ наступленіемъ жары (а наступила она здѣсь весьма серьезная), перебираются съ семьями мѣсяца на три, на четыре къ себѣ, по большой части, на острова Архипелага. На нашъ пароходъ припожаловала ихъ цѣлая толпа съ множествомъ чадъ, начиная съ грудныхъ «мы-

кробовъ» и кончая хорошо раскормленными «ишаками», отчаянными повѣсами. Всѣ эти греческіе младенцы поголовно избалованы такъ, какъ я нигдѣ не видывалъ. Не успѣли мы выйти изъ порта, какъ палуба была уже во власти этихъ сущихъ пиратовъ. Крикъ, бѣготня, ревъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже. Отъ нихъ даже капитанъ пришелъ въ отчаяніе. На палубѣ сложены сотни корзинъ съ помъ-д'амурами. Добралась до нихъ «молодая Грецiя» и полетѣли египетскіе фрукты черезъ борты въ море. Пришлось поставить караулы изъ матросовъ.

15 мая.

Ночь провелъ отвратительно, несмотря на то, что имѣю отдѣльную каюту. Младенцы, то по-одиночкѣ, то дуэтами и тріо, задавали непрерывающійся концертъ. Съ наступленіемъ утра вѣтеръ засвѣжѣлъ, стало покачивать и укладывать по очереди маменекъ и папенекъ, нянюшекъ и кормилецъ, потомъ пиратовъ школьнаго возраста. На микробовъ качка не оказываетъ почти никакого дѣйствія. Остаются они только безпризорными, такъ какъ няньки и мамки валяются по полу и стонутъ, маменьки тоже стонутъ и ругаются, свалившіеся ребятишки продѣлываютъ тутъ же все то, къ чему обязываетъ морская болѣзнь, микробы расползаются, того и смотри полетятъ кубаремъ по лѣстницамъ. Кинулся было я спасаться въ каюту, а тамъ, внизу, атмосфера обезьяньяго садка. На палубѣ порывы пронизывающаго вѣтра. Въ рубкѣ... едва я успѣлъ присѣсть, какъ нянька арабка бухнула рядомъ со мною своего младенца, прихватила его моею рукой, чтобъ онъ не свалился съ дивана, и выскочила вонъ, зажимая ротъ платкомъ. Младенецъ оретъ, заливается, я не знаю, что съ нимъ дѣлать,—выпустить нельзя, расшибется, убѣжать некуда, такъ какъ другіе хитрецы, усмотрѣвши меня съ своимъ коллегой, наползли со всѣхъ сторонъ и карабкаются ко мнѣ на колѣни, оглушая неистовымъ ревомъ... Хоть убей теперь, самъ я не знаю, сколько времени это длилось и какъ я выскочилъ изъ роли корабельной няньки. Опомнился я лишь на палубѣ безъ шляпы и пальто на леденящемъ вѣтру. Только къ вечеру стихло, когда мы зашли за первые острова архипелага, но сыро и холодно,—нельзя открыть иллюминатора въ каютѣ, приходится спать въ атмосферѣ неопрятной дѣтской...

Смирна, 16 мая.

Утро необыкновенно тихое, море—совсѣмъ зеркальное, воздухъ чистъ удивительно и такъ прохладенъ, что безъ пальто нельзя сидѣть на палубѣ. Ѣдущимъ въ эти страны я бы посовѣтовалъ запасаться, вмѣстѣ съ лѣтнимъ платьемъ, теплыми пальто и пледами. Во время остановки у о. Хіоса я такъ и не могъ ни отъ кого добиться подлиннаго названія городка, изъ котораго явились продавцы мастики и варенья изъ нея. Кто говорилъ, что это Кастро, кто называетъ иначе, а на моей дорожной картѣ Кастро значится по ту сторону острова. Гречанки и левантинки жадно накинулись на мастику, покупаютъ ее на расхватъ и жуютъ съ наслажденіемъ. Я попробовалъ и выплюнулъ Это нѣчто похожее на распущенный

и высушенный гумми-арабикъ, полупрозрачное, желтоватое и вязкое, вкусомъ напоминаетъ вишневый клей и, какъ онъ, получается съ какого-то дерева. Вывозятъ ее отсюда въ большомъ количествѣ. Другую отрасль хіосской промышленности составляетъ выдѣлка кожъ. Мы выгрузили нѣсколько барокъ сырья, взятаго изъ Египта. Славится еще Хіосъ своими виноградниками и прекраснѣйшимъ виномъ, котораго здѣсь, впрочемъ, нельзя достать. Оно скуплено оптовиками и все идетъ на вывозъ. Сады богатѣйшіе, расположены по склону горы и поливаются посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ движеніе парусными крыльями. Издали я принялъ ихъ за вѣтряныя мельницы. Приспособленіе это очень легко и дешево и съ успѣхомъ могло бы быть примѣнено къ поливкѣ нашихъ садовъ, огородовъ и даже полей.

Смирна городъ довольно большой, доволько дрянной, очень торговый и отмѣнно плутовской. Драгоманы греки говорятъ по-русски и надуваютъ, и обсчитываютъ на каждомъ шагу. Я аккуратенъ на деньги и крѣпокъ, но и меня умудрялись обманывать. Длинная набережная сплошь занята ресторанами, кафе-шантанами самаго низкаго сорта, кабаками и грязными лавчонками. Сторона влѣво отъ таможни чище. Тутъ каждый вечеръ прогуливаются смирнскіе обыватели, повидимому, всѣ поголовно, отъ грудныхъ младенцевъ на рукахъ кормилицъ до стариковъ, едва волочащихъ ноги. Столы ресторановъ заняты сплошь; я съ трудомъ добылъ себѣ стулъ. Большинство жителей греки, не мало и евреевъ, турокъ почти не видно. Красивыхъ женщинъ много, но привлекательности въ нихъ я не нахожу: лица какія-то вялыя, тупыя, глаза темные, а искорки мысли или даже просто одушевленія въ нихъ не просвѣчиваетъ. Про ихъ нравы мнѣ разсказывали кое-что далеко не къ чести ихъ служащее. Здѣсь, повидимому, все занято пріобрѣтеніемъ франковъ, и помимо этого не существуетъ никакихъ интересовъ.

17 мая.

Все утро посвятилъ осмотру города и во вчерашнемъ мнѣніи утвердился окончательно. Базары самые обыкновенные—восточно-грязные, значительно похуже уничтоженнаго въ Москвѣ гостинаго двора. Знаменитые смирнскіе ковры или неприступно дороги, или никуда негодны и тоже дороги. Евреи и греки скупаютъ грязное тряпье, довольно ловко подновляютъ его и запрашиваютъ безумныя цѣны. Вышиванія хуже константинопольскихъ и дороже. Ты знаешь мою страстишку ко всякаго рода антикамъ, въ особенности ископаемымъ, мраморамъ, терракотамъ и бронзѣ. Всего этого здѣсь великое множество и все поддѣльное, итальянской фабрикаціи. Въ Смирнѣ мы грузили любопытный товаръ — чашечки отъ желудей дуба, взяли нѣсколько тысячъ пудовъ для Одессы и Польши, гдѣ они идутъ на выдѣлку кожъ. Стоявшій рядомъ съ нами итальянскій пароходъ забиралъ стада овецъ. Къ трапу подходили барки, биткомъ набитыя овцами. На трапъ передомъ пускали козла, очевидно, знающаго свое дѣло. Онъ шелъ бодро и смѣло, какъ въ свой хлѣвъ, за нимъ непрерывною вереницей слѣдовало настоящее «панургово стадо».

21 мая.

Вотъ я, дорогой В. А., почти и дома. Далеко впереди блеститъ маякъ у Большого фонтана. Часа черезъ два Одесса. Холодно и сыро. Я ухожу въ рубку и принимаюсь за мое послѣднее письмо. Во вторникъ (18 мая) на зарѣ мы прошли Дарданелы, сдали какой-то грузъ, продѣлали портовыя формальности и яснымъ, тихимъ утромъ двинулись къ Константинополю. Видъ на него съ Мраморнаго моря далеко не такъ восхитителенъ, какъ при входѣ черезъ Босфоръ. А глазъ, все-таки, не оторвешь отъ чудной красоты диковиннаго города, и я чуть не плакалъ, когда, точно по волѣ злой волшебницы, все моментально исчезло въ черныхъ облакахъ дыма нѣсколькихъ десятковъ судовъ, спѣшившихъ къ сумеркамъ стать у Золотого Рога. Нашъ пароходъ молодецки прошелъ изъ Мраморнаго моря въ Босфоръ до дворца Дольма-Бахче,—я любовался отчетливостью маневровъ, которыми нашъ милый капитанъ В. П. Л. видимо щеголялъ передъ иностранцами и похвалиться имѣлъ полное основаніе,—лихо повернулся чуть не на мѣстѣ. Передо мною такъ и сверкаетъ, такъ и искрится мысъ стараго Сарая и весь Стамбулъ подъ розовыми лучами готоваго уйти за горы солнца. Вдругъ быстрый поворотъ, и нѣтъ ни Стамбула, ни Перы,— одно черное, какъ вдовья вуаль, пятно угольной копоти... Восходъ солнца я, разумѣется, встрѣтилъ на палубѣ, дождался стараго пріятеля Мустафу Сезай и съ нимъ пустился въ путь, прежде всего, осматривать знаменитый Семибашенный замокъ, по-турецки—Еди-кули. На пристани стараго Сарая насъ никто не остановилъ, паспорта не спросилъ, и мы безпрепятственно прошли къ большому, но очень вонючему вокзалу адріанопольской жел. дороги. Днемъ поѣзда отходятъ черезъ каждые полчаса. Поѣздъ быстро бѣжитъ по окраинѣ города между древнею стѣной, защищавшею Византію съ моря, и своеобразными домами, похожими на вычурные шкафчики. Тутъ городъ совершенно деревянный, вѣрнѣе—тесовый, такъ какъ всѣ постройки сдѣланы изъ теса съ забивкою камнемъ на смѣси извести съ глиной и съ затѣйливыми выступами вродѣ тѣхъ, что называютъ фонарями въ нашей архитектурѣ. Минутъ черезъ двадцать мы были у станціи Еди-кули и пѣшкомъ направились къ грозному когда-то Семибашенному замку, государственной тюрьмѣ, въ которую нерѣдко попадали именитые иностранцы и даже послы иноземныхъ государей. Теперь замокъ въ большомъ запустѣніи и понемногу разваливается. Въ немъ живетъ только семья сторожей, превратившая въ огородъ его обширный дворъ. Вдвоемъ съ Мустафой мы взобрались по полуразрушенной, темной лѣстницѣ на верхъ самой большой башни. Подъемъ труденъ и не безопасенъ, но лѣзть стоитъ,—видъ необыкновенно хорошъ. Обратно въ центръ города мы вернулись по конкѣ и, мимо военнаго министерства, черезъ дворъ мечети, наполненный голубями,— благочестивые люди бросаютъ имъ тутъ кормъ,—прошли на константинопольскій большой базаръ. Изъ прежнихъ опытовъ я уже знаю, насколько неудобно и непріятно покупать здѣсь что-либо. Огромное большинство лавокъ находится въ рукахъ отчаянныхъ плутовъ, грековъ, евреевъ и армянъ,

наряженныхъ опереточными турками. Въ свои лавочки они зазываютъ, иногда прямо за рукавъ тянутъ, какъ въ старые годы въ московской «Ножевкѣ», и запрашиваютъ... Съ меня въ первый мой пріѣздъ запросили за три шелковыхъ шарфа 100 руб. и отдали ихъ за 33 франка. Вотъ почему, безцеремонно отмахиваясь зонтомъ отъ зазывальщиковъ, я прошелъ прямо въ богатѣйшую лавку моихъ старыхъ знакомцевъ Исаака и Леви Мозе, испанскихъ евреевъ. Я не могу сказать, что и у нихъ торговля идетъ совсѣмъ уже безъ запроса,— да этого, кажется, и нигдѣ не бываетъ,— но тутъ уступка рѣдко, развѣ при большой покупкѣ, превышаетъ пять процентовъ. Надо замѣтить, что у Исаака Мозе можно найти все, что есть лучшаго въ Константинополѣ по части вышиваній; у него собственныя большія мастерскія. И поразительная память у этихъ людей: не на тысячи мы купили у него съ С. Ѳ., а онъ ее помнитъ, спрашивалъ про нее, просилъ передать ей поклоны... Исполни это, если увидишь ее раньше меня.

Позавтракавши на пароходѣ, мы оправились на турецкомъ пароходѣ въ Скутари. Тутъ уже почти нетронутая, настоящая Турція лѣтъ за 200 назадъ. Меня, разумѣется, больше всего привела въ восторгъ мечеть «Махпейперъ-Чусемъ Велиде-Султанъ-Джами», выложенная внутри старинными изразцами и послужившая прототипомъ для чудной мечети Султанъ-Ахмедъ-Джами. Кромѣ того, въ Скутари стоитъ съѣздить за тѣмъ, чтобы полюбоваться чуть ли не самою большою въ мірѣ кипарисною рощей, почти сплошь занятою громаднымъ турецкимъ кладбищемъ, гдѣ показываютъ богатый памятникъ надъ могилой лошади султана Мухамеда II. На пароходъ я вернулся въ сумерки. Вчерашнее утро все сполна посвящено осмотру музея, который, благодаря усиліямъ Хамди-бея, обогащается и расширяется съ каждымъ годомъ. Онъ и теперь уже обладаетъ такими сокровищами античнаго искусства, какихъ нигдѣ нѣтъ, а между ними первое мѣсто занимаетъ мраморный саркофагъ, нѣкоторое время слывшій подъ названіемъ сарк. Александра Македонскаго. Позднѣйшими открытіями доказана ошибочность такого мнѣнія, за то доказано, что онъ дѣйствительно относится ко времени великаго завоевателя. За псевдо-александровскимъ слѣдуютъ необыкновенной красоты саркофаги «Плакальщицъ», «Сатрапа», «Лиціена» и оригинальнѣйшій саркофагъ майоликовый, найденный въ Багдадскомъ вилайэтѣ въ 1890 г. Часть громоздкихъ предметовъ, составляющихъ собственность музея, находится еще во дворѣ за недостаткомъ мѣста. Особенно замѣчательна единственная въ мірѣ бѣлая мраморная колонна, изображающая стволъ пальмы.

Ровно въ 5 час. мы двинулись въ путь. Погода чудная. Слѣва бѣлѣетъ, точно кружевной, дворецъ Дольма-Бахче, за нимъ—Чираганъ-Сарай, крѣпко охраняемый дворецъ, въ которомъ заключенъ свергнутый султанъ Мурадъ, дальше тянутся въ гору роскошные сады Ильдызъ-Кіоска, резиденціи нынѣшняго султана. Люди, какъ будто знающіе, говорятъ, что Мурада давно уже нѣтъ въ Чираганскомъ дворцѣ, и строгая его охрана есть только отводъ глазамъ, такъ какъ Мурадъ «тайно» переведенъ въ одно изъ

хищеній Ильдызъ-Кіоска, гдѣ съ нимъ скорѣе можно покончить въ случаѣ попытки снова возвести его на престолъ... Лучи солнца, склоняющагося къ закату, ослѣпительнымъ огнемъ отражались отъ оконъ Скутари. Стамбулъ отодвигался все дальше, его блѣднѣющія очертанія фантастическимъ видѣніемъ гасли въ блестящей дымкѣ наступающихъ сумерокъ, быстро уходили за холмы румелійскаго берега Босфора. Еще нѣсколько мгновеній, и я простился навсегда, вѣроятно, съ этимъ волшебнымъ сномъ на-яву. Отъ Чернаго моря повѣяло холодомъ, дали совсѣмъ потемнѣли, берега скрылись, наступила унылая ночь на необъятномъ просторѣ моря. Прошелъ томительно-скучный пароходный день ничего недѣланія, съ обычными звонками къ кофею, завтраку и обѣду, и еще болѣе удручающая ночь на рейдѣ у самаго входа въ одесскую гавань. Войдемъ завтра раннимъ утромъ. До скораго свиданія.

Москва, 8 сентября.

Мои знакомые спрашиваютъ, во что обошлось мнѣ путешествіе. Очень возможно, что кто-нибудь изъ читателей *Русской Мысли* поинтересуется этою прозаическою, но весьма существенною подробностью. Вотъ мой отчетъ: проѣздъ отъ Одессы до Александріи и обратно на пароходѣ прямого рейса въ I классѣ съ продовольствіемъ 215 р., отъ Александріи до Яффы и обратно на пароходѣ кругового рейса—54 руб., на всѣ остальные расходы, кромѣ покупокъ, съ 18 апрѣля по 22 мая, мною издержано 260 руб. Все путешествіе, не считая дороги отъ Москвы до Одессы, обошлось въ 529 руб. Прибавляю къ свѣдѣнію желающихъ сдѣлать такое путешествіе еще экономнѣе, что проѣздъ во второмъ классѣ (съ продовольствіемъ) на тѣхъ же пароходахъ русск. общ. пароходства и торговли сократитъ расходы на сто рублей. Для многихъ не менѣе важенъ вопросъ о времени, потребномъ для такого путешествія. Изъ Одессы русскіе пароходы прямого сообщенія отходятъ еженедѣльно по субботамъ и идутъ, попеременно, то на Пирей, то на Смирну. Мы вышли изъ Одессы 17 апр., 19 утромъ въ Константинополѣ, 20 въ 5 ч. веч. вышли изъ К-ля, 22 въ 6 ч. утра въ Пиреѣ, съ 8 до 3 ч. въ Аѳинахъ, въ 4 ч. изъ Пирея, 24 въ субботу въ 1 ч. дня пришли въ Александрію, 25 утр. по жел. дор. въ Каиръ, гдѣ были въ первомъ ч. дня. 1 мая вечеромъ я вернулся въ Александрію, 2 воскр. отходъ парохода, 3 Портъ-Саидъ, 4 Яффа и пріѣздъ въ Іерусалимъ, 11 вторн. отъѣздъ черезъ Яффу въ Александрію, куда пришли 13 мая. 14 мая въ пятн. уходъ изъ Александріи, 16 Смирна, потомъ Константинополь, 22 мая на зарѣ въ Одессѣ *). Всего 35 дней.

М. Ремезовъ.

---

*) Нежелающіе вторично оставаться полтора сутокъ въ Константинополѣ могутъ вер[illegible]сть на пароходъ, идущій въ Севастополь, и будутъ въ Россіи однимъ днемъ рак[illegible]

Джозуэ Кардуччи.

Наиболѣе значительный, со смерти Леопарди, поэтъ современной Италіи—Джозуэ Кардуччи. Его энергическая, воинственная муза обладаетъ силой, изяществомъ, пластичною красотой, нервностью, ироніей, нѣжностью,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что создаетъ истиннаго поэта. Съ общаго признанія, даже тѣхъ, кто не раздѣляетъ его мнѣній и взглядовъ и не любитъ его, Кардуччи является въ настоящее время — съ литературной точки зрѣнія — первымъ человѣкомъ въ своей странѣ, притомъ, на разныхъ поприщахъ: и какъ блестящій поэтъ, и какъ трудолюбивѣйшій ученый, и какъ остроумный, вліятельный критикъ, и, наконецъ, какъ весьма дѣятельный профессоръ. Умственная его производительность значительна и разнообразна,—тутъ и стихи, и проза, филологія и полемика, ученость и лиризмъ. Статьи Кардуччи о развитіи, или, если хотите, объ эволюціи національной литературы высоко цѣнятся въ Италіи. Каждую эпоху и автора онъ съумѣлъ опредѣлить вѣрнымъ и точнымъ штрихомъ, который, врѣзываясь въ память, не легко забывается. Что же касается языка и формы, то Кардуччи владѣетъ ими въ совершенствѣ, онъ настоящій артистъ въ этомъ отношеніи и сохраняетъ въ прозѣ всѣ свои качества поэта. У него цѣлый томъ о латинской поэзіи Аріосто; мѣтко и тонко очерчилъ онъ, напримѣръ, Монти, Джусти и др., съ величайшимъ интересомъ читаются его труды о Дантѣ, Петраркѣ, Бокаччіо, Кальдеронѣ. Можно ему сдѣлать одинъ только упрекъ: при своей учености и основательномъ знаніи отечественной литературы, Кардуччи не всегда справедливъ, какъ, напримѣръ, по отношенію къ Манцони.

Но, оставивъ въ сторонѣ критика и ученаго, мы въ нашемъ краткомъ очеркѣ займемся только поэтомъ Кардуччи. Прежде всего, мы въ немногихъ словахъ сообщимъ его біографію и затѣмъ остановимся нѣсколько на наиболѣе замѣтныхъ поэтическихъ его произведеніяхъ.

Кардуччи родился 27 іюля 1836 года въ мѣстечкѣ Валь-ди-Кастелло въ провинціи Пиза. Но настоящею своею родиной поэтъ считаетъ Больгери, гдѣ, съ небольшими перерывами, онъ провелъ дѣтство, отъ 2 до 13 лѣтъ. Отецъ его, происходившій изъ стариннаго флорентинскаго рода, былъ вра-

чрѣ и жилъ здѣсь, въ пустынной, отравленной лихорадкой тосканской маремѣ. Тутъ, въ деревенской тиши, протекли дѣтскіе годы поэта и тутъ же, нужно думать, рано развившаяся наблюдательность и пылкая фантазія его получили первыя поэтическія впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ, его описанія природы не отличаются нигдѣ болѣе вѣрнымъ, мѣстнымъ колоритомъ, какъ именно тамъ, гдѣ онъ воспѣваетъ своеобразныя прелести маремны съ ея одинокими руинами и развалинами рыцарскихъ замковъ. Мать поэта, просвѣщенная и образованная женщина, ненавидѣвшая пуще всего ханжество, рано познакомила сына съ отечественною литературой и учила его азбукѣ чуть ли не по трагедіямъ Альфіери и патріотическимъ стихотвореніямъ Берше. Отецъ Кардуччи, страстный поклонникъ Манцони, урывками обучалъ сына латыни и обходился съ нимъ, повидимому, довольно сурово. Такъ, по разсказамъ, первое большое горе было причинено ему отцомъ. Мальчикъ воспитывалъ волчонка и сокола. Узнавъ объ этомъ, отецъ подарилъ кому-то волчонка и свернулъ шею соколу. Въ отчаяніи, взбѣшенный, убѣжалъ Джозуэ въ лѣсъ и съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ не отца, но, что очень характерно, любимаго писателя отца—Манцони. Впрочемъ, мальчикъ имѣлъ и другія причины относиться недружелюбно къ автору *Promessi Sposi*. Строгій отецъ часто запиралъ шалуна-сына въ его комнатѣ, заставляя его здѣсь читать три книги: *Католическую мораль* Манцони, трактатъ *О человѣческихъ обязанностяхъ* Сильвіо Пеллико и *Житія святыхъ* аббата Този. «Я возненавидѣлъ эти книги,—разсказываетъ поэтъ,—онѣ изображали собою для меня одиночество, униженія, удары, лишеніе воздуха и свободы».

Рано, въ дѣтскихъ уже играхъ ребенка сказывается мятежный, воинственный духъ будущаго сатирика. Въ сообществѣ товарищей-школьниковъ устраиваетъ онъ или вѣчно сражающуюся республику, или же, для разнообразія, изображаетъ римскія войны, причемъ самъ онъ беретъ на себя роль Гракха, Юлія Цезаря, Дантона и т. д. Едва десяти лѣтъ началъ Кардуччи писать стихи, въ которыхъ воспѣваетъ смерть взрощенной имъ совы, взятіе Больгери, смерть Цезаря и т. п. Но скоро нашъ юный поэтъ заболѣлъ маляріей маремны и, проглотивъ массу хинина, долженъ былъ, для болѣе полнаго выздоровленія, прибѣгнуть къ перемѣнѣ климата. Родители послали его съ этою цѣлью въ Кастаньето, гдѣ устроили сына въ домѣ доктора. Здѣсь онъ изрѣдка, больше для вида, ходилъ въ школу; на самомъ же дѣлѣ проводилъ цѣлые дни въ мастерской ультра-радикальнаго портного по имени Скальцини. Тутъ собиралась масса крестьянъ, и мальчикъ читалъ имъ не напечатанныя еще въ то время, ходившія въ рукописяхъ, политическія сатиры Джусти, которыя онъ имъ комментировалъ посвоему. Въ апрѣлѣ 1849 года Кардуччи переѣхалъ съ родными во Флоренцію и кончилъ здѣсь въ 1853 г. гимназическое образованіе. Безусловное поклоненіе въ школѣ передъ литературными заслугами Манцони еще болѣе усилило зародившееся въ дѣтствѣ нерасположеніе Кардуччи къ этому гнѣздо романтизма. За то онъ тутъ познакомился и увлекся произведеніями

Уго Фосколо, Леопарди, Парини, Прати, изъ французскихъ поэтовъ—Викторомъ Гюго, а изъ латинскихъ—Горацiемъ. И позже поэтъ продолжалъ зачитываться классиками, а одновременно ревностно изучалъ Данте, Петрарку, Винченцо Монти и др. «Я началъ съ Альфiери, Парини, Фосколо, Леопарди, и я горжусь этимъ, черезъ нихъ и съ ними вернулся къ древнимъ и проникся Данте и Петраркой»,—разсказываетъ самъ поэтъ.

Въ университетѣ въ Пизѣ, куда поступилъ Кардуччи, одинъ изъ тамошнихъ профессоровъ, извѣстный латинистъ Феруччи, еще болѣе развилъ любовь поэта къ классической древности.

Въ 1856 году Кардуччи получилъ, будучи 20 лѣтъ, ученую степень доктора философiи и словесности и мѣсто преподавателя риторики въ Санъ-Миніато. Но въ этомъ городкѣ, расположенномъ между Пизою и Флоренцiей, поэтъ пробылъ не долго. Причиной тому были взведенныя на него обвиненiя, будто онъ въ страстную пятницу въ общественномъ мѣстѣ позволилъ себѣ преступное вольнодумство и исполненныя богохульства рѣчи. Хотя допросъ по этому поводу и не имѣлъ для него дальнѣйшихъ непрiятныхъ слѣдствiй, но ему самому все въ городѣ такъ опротивѣло, что онъ добровольно отказался отъ занимаемаго имъ мѣста и переѣхалъ во Флоренцiю, гдѣ сталъ давать частные уроки. Тутъ застала его революцiя 27 апрѣля 1859 г., отнявшая у великаго герцога Тосканскаго его престолъ. Но поэтъ не принялъ лично участiя въ революцiонномъ движенiи. Причиной тому была взятая имъ, послѣ смерти отца, только что передъ тѣмъ случившейся, на себя обязанность содержать мать и всю семью. Чтобы прокормить ихъ своими трудами, онъ поборолъ въ себѣ сильное искушенiе, охватившее въ то время почти всю итальянскую молодежь,—идти драться съ австрiйцами. Тогда же, въ 1859 г., получилъ онъ мѣсто профессора греческаго языка въ Пистойскомъ лицеѣ. Годъ спустя, въ сентябрѣ 1860 г., Теренцiо Маміани, бывшiй въ ту пору временно министромъ народнаго просвѣщенiя, предложилъ Кардуччи, уже заявившему себя историко-литературными трудами, каѳедру классической литературы въ Болонскомъ университетѣ. Такимъ образомъ сдѣлался онъ 23-хъ лѣтъ профессоромъ въ Болоньи и оставался имъ до послѣдняго времени (теперь Кардуччи сенаторъ). Незадолго до переселенiя въ Болонью, Кардуччи женился и имѣлъ отъ этого брака четырехъ дѣтей: трехъ дочерей: Беатриче, Лауру и Либерта, и единственнаго сына, Данте, умершаго ребенкомъ. Памяти его поэтъ посвятилъ нѣсколько трогательныхъ стихотворенiй.

Первое время своего пребыванiя въ Болоньи Кардуччи занялся литературно-историческими и критическими работами. Со второй же половины 60-хъ годовъ онъ быстро выпускаетъ одинъ за другимъ нѣсколько сборниковъ стихотворенiй. Первый, изданный поэтомъ еще въ Санъ-Миніато въ 1857 г. сборникъ стихотворенiй, *Rime*, заключалъ въ себѣ юношескiя его произведенiя, въ которыхъ онъ преимущественно является подражателемъ древнихъ. Затѣмъ, одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1868 г. по-

явились *Levia Gravia*, гдѣ поэтъ уже значительно освободился отъ своихъ образцовъ,—въ 1870 г. *Decennalia*, заключающія въ себѣ по большей части политическія поэмы, написанныя въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ занятію Рима итальянскими войсками. Въ *Nuove Poesie* (1878 г.) Кардуччи вступаетъ уже на новый, собственный путь, въ особенности же можно это сказать про другой его сборникъ *Odi barbare*, гдѣ поэтъ является новаторомъ по отношенію къ формѣ и старается воскресить Гораціевскіе метры.

Болонскимъ книгопродавцемъ Николо Цаникелли въ окончательномъ видѣ изданы всѣ произведенія Кардуччи, какъ-то: *Juvenalia*, *Levia Gravia*, *Giambi ed Epodi*, *Rime Nuove*, *Odi barbare*, *Nuove Odi barbare* и т. д.

Первыя стихотворенія Кардуччи, съ которыми въ 1857 г. 20-ти лѣтній юноша выступилъ на литературное поприще, при относительномъ совершенствѣ формы, не отличались большою самостоятельностью и оригинальностью. Они свидѣтельствовали о глубокомъ вліяніи на юнаго поэта древней и такъ называемой классической школы итальянской поэзіи. Кардуччи до того увлекается Элладой и ея прежними богами, что въ страстномъ порывѣ, обращаясь къ Фебу-Аполлону, желаетъ гибели нашему «суровому вѣку», который леденитъ въ душѣ пѣвца греческую пѣснь:

„Che agghiaccia il canto ellenico
Nell, anima febea...“

Эти первыя *Rime* Кардуччи не имѣли успѣха: критика упрекала поэта въ подражательности, и ему пришлось вынести много нападокъ, особенно изъ-за его «языческой тенденціи». Самъ поэтъ пишетъ объ этомъ 19 февраля 1871 г. слѣдующее въ предисловіи къ *Poesie*: «Признаюсь, я бы никогда не повѣрилъ, что прекрасная Тоскана можетъ производить столько гнилыхъ яблокъ, сколько ихъ посыпалось на меня изъ рукъ моихъ соотечественниковъ, когда впервые появились юношескіе мои стихи, которые, очень лишь немногое добавивъ и исключивъ, я теперь снова выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Juvenalia*. Въ то время всѣ въ одинъ голосъ обвиняли меня въ идолопоклонствѣ по отношенію къ древности и формѣ».

Правда, большую часть *Juvenalia* составляютъ сонеты, посвященные любви, восхваленія Гольдони, Метастазіо, Никколини, Парини и др. и разныя меланхолическія изліянія, но и тутъ кое-гдѣ звучитъ другая струна, слышится голосъ болѣе рѣшительный и сильный, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ *Sicilia e la rivoluzione*, *Il Plebiscito*, *In Santa Croce* и другихъ. Вѣроятно, и поэтъ намекаетъ на эти же стихи въ предисловіи къ послѣднему изданію *Juvenalia*. «Издаю я эти юношескіе стихи,—изъ нихъ, пожалуй, многіе могутъ быть во всѣхъ смыслахъ названы *дѣтскими*,—только потому, что признаю своею обязанностью не думать о себѣ, а бороться всякимъ имѣющимся у меня подъ руками оружіемъ. Стихотворенія же эти доказываютъ, что бороться началъ я очень рано».

Поэтъ сдѣлался извѣстнымъ и обратилъ на себя общее вниманіе впервые въ 1865 г., когда онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ «Enotrio Romano» стихотвореніе, озаглавленное *A Satana*. Оно надѣлало много шума въ Италіи и вызвало здѣсь въ средѣ консерваторовъ и особенно клерикаловъ ярое негодованіе противъ поэта, въ котораго съ этой стороны посыпались громы и молніи. Но даже и въ либеральномъ лагерѣ не всѣ поняли автора; такъ, наприм., извѣстный итальянскій патріотъ Филопанти въ открытомъ письмѣ называетъ гимнъ *Сатанѣ* «интеллектуальною оргіей».

Въ статьѣ своей *Satana e polemiche sataniche* Кардуччи отвѣчаетъ противникамъ ѣдкою насмѣшкой и сарказмомъ. Само собою разумѣется, что въ Германіи, гдѣ Гёте вложилъ въ уста Мефистофеля столько житейской мудрости, и у насъ, гдѣ лермонтовскій демонъ носитъ такой чарующій внѣшній обликъ, гимнъ *Сатанѣ* Кардуччи не показался бы столь страшнымъ, какимъ онъ показался клерикальной Италіи. Вездѣ сразу бы поняли сатирическій смыслъ гимна и ту иронію, съ которой поэтъ съ личностью сатаны отождествляетъ побѣду разума и науки надъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Какъ происхожденіе стихотворенія, такъ и самая натура поэта ясно свидѣтельствуютъ, что гимнъ *Сатанѣ* ничто иное, какъ протестъ противъ римской проповѣди обскурантизма и застоя. Сатана Кардуччи вовсе не олицетвореніе начала зла, это не сѣверный фантомъ среднихъ вѣковъ, не Мефистофель, не «духъ отрицанья и сомнѣнья»,—нѣтъ, это духъ протеста противъ неправды, суевѣрія и обскурантизма. Это—торжество дорогихъ поэту принциповъ, побѣдная сила разума:

„...O, Satana, o ribellione,
O forza vindice
Della ragione...“

восклицаетъ поэтъ. Его *Сатана* олицетворяетъ въ себѣ красоту и любовь, мысль, уносящуюся за облака, науку съ ея смѣлыми экспериментами,—сердце, которое горитъ огнемъ, и чело, носящее надпись: «Я не унижаюсь». Вмѣсто слова *Сатана,* слѣдовало бы поставить *Свобода*, *Прогресъ*, и тогда всѣ сразу поняли бы истинный смыслъ стихотворенія. Въ лихорадочной пульсаціи его ритма слышна страсть и сказался истинный поэтъ. Стихотвореніе это въ нѣкоторомъ родѣ художественное, политическое и религіозное вѣроисповѣданіе Кардуччи. Быстро, сжато, въ узкой рамкѣ, мелькаетъ здѣсь передъ нашими глазами исторія развитія человѣчества, изложенная прекрасными по формѣ стихами. Поэтъ говоритъ, что Сатана, какъ элементъ движенія, живетъ въ матеріи и духѣ, овладѣваетъ умомъ и мыслью. Соблазнительно выглядываетъ онъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ милой и сверкаетъ въ пѣнящемся бокалѣ винограднаго сока. Онъ внушаетъ любовь, стихи, радость; ему служатъ алхимики и магики, онъ руководитъ страстною проповѣдью Виклефа и Лютера. Описывая, какъ человѣческій духъ подчинилъ себѣ въ нашъ вѣкъ всѣ силы природы, поэтъ не видитъ, однако, въ этомъ, въ современныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, конечной цѣли человѣческихъ стремленій. И здѣсь у него снова прорывается поклоненіе

пантеистическому міровоззрѣнію Эллады и онъ груститъ о болѣе чистой, по его мнѣнію, человѣчности античнаго міра, о томъ времени, когда еще подъ греческимъ небомъ дышала благоуханіемъ амврозіи Венера, родившаяся изъ пѣны морской:

„Quando le ioniche
Aure serene
Beo la Venere
Anadiomene"...

Къ древности влекло поэта свѣтлое міросозерцаніе, увлеченіе минутой. Но его окружала совершенно иная обстановка, совершенно иная жизнь, и онъ скоро созналъ серьезность требованій своего времени. Идея борьбы воодушевляетъ его и уже въ одномъ изъ стихотвореній *Levia Gravia* онъ обращается къ музѣ съ слѣдующими требованіями. Всюду, гдѣ слышна человѣческая печаль, гдѣ раздается голосъ ненависти, горя, несчастья и т. д., тамъ поэтъ хочетъ видѣть друзей и братьевъ. Онъ проситъ музу запѣть новыя пѣсни: «Прощайте, спокойные годы, усладившіе мнѣ сердце своими образами и звуками! О, весна жизни, прощай! Пусть отнынѣ будутъ удѣломъ другихъ счастливыя видѣнья, слава и возможность нѣжиться въ тѣни лѣсовъ, на берегу ручья и отражать въ себѣ, въ спокойномъ довольствѣ, всю вселенную. Намъ же предстоитъ идти тернистою тропой, облечься въ святую и суровую любовь и ненависть и примкнуть къ стану угнетенныхъ, накопляя на душѣ гнѣвъ и жажду мести». И поэтъ указываетъ музѣ на плачущихъ матерей, въ объятіяхъ которыхъ гибнутъ ихъ голодающія малютки, на побѣжденныхъ нуждой, безсильно упавшихъ среди своего пути, не успѣвъ окончить и половины труда и т. д.,—словомъ, на цѣлое кровавое облако людской несправедливости, поднимающееся къ небу...

Однимъ изъ преобладающихъ мотивовъ поэзіи Кардуччи является любовь къ отечеству, стремленіе къ его независимости и единству. Страстными стихами старается онъ разбудить въ соотечественникахъ патріотическій пылъ противъ наслѣдственнаго врага національнаго единства. Не надо мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній клочокъ итальянской земли не будетъ возвращенъ Италіи и свобода не сдѣлается основой международныхъ отношеній. Неутомимо повторяетъ отнынѣ поэтъ: «Въ Римъ!» Франціи же, игравшей столь некрасивую роль во время римскаго похода 1867 г., кончившагося, какъ извѣстно, полною неудачей, Кардуччи, большой ея поклонникъ, прощаетъ ошибку, потому что она—родина Вольтера и переворота 1789 г. Онъ только спрашиваетъ съ горькимъ упрекомъ: что мы сдѣлали тебѣ, что ты такъ поступаешь съ нами, «взросшими подъ твоимъ сіяніемъ свободы и любившими тебя,—о, Франція?»

„Noi, cresciuti al tuo libero splendore,
Noi che t'ammamo, o Francia!"

Главное свое оружіе поэтъ направляетъ противъ свѣтской власти римскихъ куріи. Съ свободнымъ словомъ негодованія обращается онъ къ папѣ, за [illegible]вшему, что Христосъ шелъ путемъ любви и терпимости. Какъ нельзя

болѣе рѣзко говоритъ онъ о самозванномъ представителѣ Того, Кто не имѣлъ, «гдѣ преклонить свою голову», и обращается къ нему съ такими вызывающими строками:

„Te, pontefice fosco del mistero,
Vate di lutti e d'ire,
Io, sacerdote dell augusto vero
Vate dell'avenire".

(«Къ тебѣ, мрачный жрецъ тайны, проницатель злобы и бѣдствій, обращаюсь я, служитель высокой правды, пророкъ будущаго»).

Поэтъ возстаетъ не только противъ свѣтской власти папы, но и противъ тумана, которымъ себя окружаютъ ложные служители искаженной божественной истины, противъ всѣхъ преувеличеній догматики и морали. Насколько мы встрѣчаемъ у поэта оптимизма по отношенію къ древности, настолько взглядъ его на современность и современниковъ отличается мрачностью. Съ какою силой выражаетъ онъ этотъ взглядъ, наприм., хоть въ стихотвореніи, написанномъ имъ по случаю перенесенія 24 іюня 1871 г. останковъ столь любимаго имъ поэта, Уго Фосколо, въ храмъ Санта-Кроче во Флоренціи, нѣчто вродѣ Пантеона, гдѣ схоронены выдающіеся люди страны. Поэтъ въ отчаяніи; ему кажется, что хотя родина, расширивъ границы, окрѣпла съ внѣшней стороны, но внутреннія ея стремленія не соотвѣтствуютъ наружному росту. Героевъ нѣтъ больше; изъ норъ своихъ выползаютъ наглые Терситы. Къ чему же ставить памятники великимъ предкамъ, когда потомки ихъ такъ жалки и ничтожны?

Приводимъ цѣликомъ это стихотвореніе:

„Поэтъ, въ стихахъ безсмертныхъ воскресившій
Эллады древній духъ и плачъ Петрарки
Со словомъ огненнымъ соединившій,
Ждетъ славы храмъ тебя... вступи подъ арки
Его, гдѣ тѣ почіютъ одиноко,
Которыхъ чтутъ на родинѣ высоко;
Средь усыпальницъ лаврами увѣнчанныхъ отцовъ,
Пѣвецъ свободы, здѣсь пріютъ и для тебя готовъ!

—

Кто сердцемъ чистъ, себя отдалъ всецѣло
Служенью музъ, для истины суровой
Презрѣлъ тирановъ, чернь, судьбу, и смѣло
Изъ нѣдръ души свѣтъ яркій жизни новой
Пролилъ на свой народъ,—тотъ, правды воинъ,
Здѣсь, въ Santa Croce, воспріятъ достоинъ
Почетъ посмертный,—вѣчнымъ сномъ здѣсь спать онъ заслужилъ,
Средь предковъ доблестныхъ, подъ сѣнью славныхъ ихъ могилъ.

—

Быть можетъ, духъ твой живъ, поэтъ,—витаешь
Въ поляхъ ты Елисейскихъ, гдѣ подъ кущей
Зеленыхъ миртъ Алкида ты встрѣчаешь,
И съ Данте рѣчь ведешь въ тиши цвѣтущей,
И Сафо, вся сіяя красотою,
Тамъ о любви бесѣдуетъ съ тобою!...

Оттуда легкой тѣнью, можетъ быть, слетая къ намъ,
Слезамъ ты внемлешь нашимъ, гимнамъ, искреннимъ хваламъ?...

—

Иль, можетъ, атомъ жизни, подчиняясь
Законамъ бытія, ты вновь съ вселенной
Слился, и въ ней живешь, а мы, склонясь
Во прахъ предъ мысли красотой нетлѣнной,
Молясь тебѣ, тѣмъ самымъ прославляемъ
Ее, людскую душу,—величаемъ
Ту искру божества, что всѣ вѣка вершитъ собой. .
Могила—камень для рабовъ, для насъ—алтарь святой...

—

Но есть ли въ мірѣ мраморъ погребальный,
Который могъ служить поэту платой
За сердца скорбь, за боль души печальной?...
О вы, надъ чьимъ челомъ еще крылатый
Витаетъ жизни сонъ, пусть здѣсь желанье
Испить изъ чаши славы и страданья,
Прожжетъ вамъ грудь... О, молодежь, возвысься духомъ, ницъ
Склонившись предъ святыней чтимыхъ родиной гробницъ!

—

Ужь лучше, правды ради, крестъ тяжелый
Нести, извѣдать горечь всю мученья,
Чѣмъ съ низкимъ людомъ пиръ дѣлить веселый;
Почетнѣй жизнь влачить въ тѣни забвенья,
Чѣмъ за вѣнокъ, позоря честь и чувство,
Забыть свой идеалъ, продать искусство!
Смотрѣть въ лицо грозѣ ужь лучше съ высоты вершинъ,
Чѣмъ блеять овцами на тучныхъ пастбищахъ долинъ.

—

Съ страной окрѣпшей не росли стремленья,
Не крѣпли души. Стало шире поле,
А узкій умъ все тѣ-жь хранитъ влеченья,
Не смотритъ въ высь, не ищетъ лучшей доли...
Героевъ нѣтъ... Почили всѣ... Ехидно
Осклабясь, горбъ свой обнаживъ безстыдно,—
Кого теперь страшиться?—подымается Терситъ,
Бахвалясь, наглый шутъ Аякса мертваго громитъ!

—

Гдѣ мысли свѣтъ, Италіей пролитый
На міръ, зари ея гдѣ обновленье,
Вѣнокъ любви, весь звѣздами увитый?
Гремятъ слова, но мелки и смиренья
Полны дѣла. Увы, увы, съ слѣдами
Цѣпей на тѣлѣ и въ душѣ—рабами
Умомъ и помысломъ—наврядъ теперь мы воскресимъ
И Капитолій древній и вѣнчанный славой Римъ!

—

Страна великихъ предковъ, что готовитъ
Тебѣ судьба? Но если прежде жившихъ
Ихъ мелкій, жалкій родъ такъ мало стоитъ,
Къ чему-жь тогда, друзья, на прахъ почившихъ

Намъ ставить мраморъ?... О, разлейтесь, рѣки,
О, море, подымись и затопи на вѣки
Прибрежіе кругомъ, а вы, вулканы Апеннинъ,
Господней карой гряньте на красу родныхъ долинъ!"

Кардуччи затрогиваетъ также и мотивы общественнаго неравенства въ жизни. Такъ, въ *Carnevale* поэтъ ведетъ насъ въ палаццо и въ хижину, въ пышный, залитый яркими бальными огнями залъ и на темный, холодный чердакъ. При видѣ смертнаго одра прелестной и богатой молодой синьоры поэтъ имѣетъ мужество напомнить, что бываютъ еще бо́льшія бѣдствія въ хижинахъ, гдѣ, умирая, несчастная мать оставляетъ на произволъ судьбы необезпеченныхъ, голодныхъ дѣтей...

Въ поэзіи Кардуччи пробивается довольно ярко сатирическая струя; иронія переходитъ у него подчасъ въ ѣдкую сатиру, достигающую большой силы и совершенства. Многіе критики утверждаютъ, что Кардуччи, именно какъ сатирикъ, занимаетъ первое мѣсто въ Италіи и проявляетъ на этомъ поприщѣ наибольшее могущество и оригинальность. При всѣхъ своихъ достоинствахъ сатира Кардуччи обладаетъ и нѣкоторымъ недостаткомъ: въ ней звучитъ иногда слишкомъ много личнаго раздраженія, нѣтъ достаточной дозы отвлеченнаго юмора, какимъ владѣли, наприм., Джусти или Гейне. Быть можетъ, личныя нападки и придаютъ въ глазахъ современныхъ читателей больше ѣдкости его сатирическому бичу, но навряд ли они послужатъ въ пользу прочности поэтической его славы въ будущемъ. Этотъ недостатокъ Кардуччи-сатирика проистекаетъ изъ жгучаго его темперамента и вулканической натуры, которая, съ другой стороны, принесла не мало цѣнныхъ плодовъ. Справедливо или несправедливо по своей сущности негодованіе, которымъ охваченъ поэтъ, внушена ли ему его сатира ненавистью или гнѣвомъ,—все равно, она не можетъ не увлечь своею страстностью.

Оскорбленное чувство, порождающее гнѣвъ и жажду мщенія, слышится въ грозномъ голосѣ страстнаго бойца Кардуччи, безпощадно устремляющагося на врага, въ какихъ бы образахъ послѣдній ни являлся ему. Въ такомъ духѣ написаны, наприм., стихотворенія: *A certi censori, A un Heinano d'Italia, Prologo* въ *Nuovo Poesie* и др. Въ первомъ стихотвореніи, *Къ нѣкоторымъ критикамъ*, поэтъ говоритъ, что муза его не похожа на кающуюся Магдалину и не имѣетъ цѣлительнаго бальзама, чтобы изливать его на гнойныя раны, и затѣмъ стремительно обрушивается на хоръ лицемѣрныхъ проповѣдниковъ и мудрецовъ, праздно болтающихъ объ идеалахъ, о любви и т. д. Съ такою же страстностью, хотя и несправедливо, нападаетъ онъ и на единичнаго противника, на поэта Бернарда Цендрини, посмѣявшагося надъ тѣмъ, что Кардуччи усмотрѣлъ въ Гейне радикальнаго Тиртея.

Въ *Prologo* въ *Nuove Poesie* съ характернымъ заглавіемъ *Avanti, Avanti!* (*Впередъ, впередъ!*) ясно отражается вся поэтическая физіономія Кардуччи. Тутъ онъ, какъ и въ стихотвореніи *Preludio*, предпосланномъ

Odi Barbari, высказываетъ ощущаемую имъ антипатію, даже болѣе—отвращеніе къ преобладающему между итальянскими лириками сантиментально-сладкому направленію. *Prologo* распадается на три части. Въ первой поэтъ изображаетъ, какъ онъ, верхомъ на дикомъ крылатомъ конѣ, проносясь черезъ разныя мѣстности, мчится въ страну классической древности. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ гарцующихъ передъ красавицами въ зеленыхъ садахъ маленькихъ ручныхъ лошадокъ итальянскаго Парнаса. Гривы у нихъ прекрасно расчесаны, сѣдла убраны цвѣтами и лентами. Увидѣвъ смѣлаго ѣздока на гнѣдомъ боевомъ конѣ, они приходятъ въ ужасъ и грызутъ удила. Не обращая на нихъ вниманія, поэтъ несется впередъ и впередъ по извѣданнымъ и неизвѣданнымъ долинамъ, среди рева потоковъ, среди пыли, порывовъ вѣтра и молніи. Вдали видна уже цѣль его скачки, бѣлѣются очертанія древняго храма, а въ немъ величайшая награда—слава и свобода. Во второй части *Prologo* поэтъ оставляетъ аллегорію и ступаетъ уже тверже на почву дѣйствительности. «О, слава!—восклицаетъ онъ,—еще съ юношескихъ дней таилъ я въ своемъ сердцѣ въ гордомъ молчаніи гордую любовь къ тебѣ. Изъ холоднаго мрамора бюстовъ великихъ людей, съ высокаго, мыслящаго чела ихъ, увитаго лаврами, сверкнула мнѣ въ грудь огненная молнія, и я забылъ и пляску дѣвъ, и майское солнце, и блескъ обнаженныхъ плечъ, мелькающихъ подъ золотомъ кудрей... Взамѣнъ всего этого, всего, что было такъ близко, что манило и очаровывало, я услышалъ голосъ будущаго и я отдалъ за него всѣ жизненныя блага... О, бездушное бронзовое изваяніе на высокомъ холмѣ, только великіе и сильные приближаются къ тебѣ, чтобы истощенными, умирая, приникнуть уже хладѣющимъ челомъ къ твоей холодной груди».

Но, проживъ дольше, лучше понявъ жизнь, поэтъ теперь желаетъ служить только двумъ богинямъ — справедливости и свободѣ. Онъ желаетъ быть поэтомъ своего времени, риѳмованные возгласы котораго поднимались бы къ небу, какъ пламенный мечъ, и пѣсня котораго сверкала бы какъ пожаръ, въ мгновеніе ока пожирающій лѣса. Но напрасны мечты... Въ Италіи не дождаться побѣды, борьба не дастъ здѣсь успѣха. Иначе увѣнчались усилія Демулена, Дантона. И растроганный поэтъ вспоминаетъ юнаго Гоффредо Маміано, адъютанта Гарибальди, который, одновременно поэтъ и герой, палъ въ бою подъ стѣнами Рима въ 1849 г. «Я же вижу кругомъ себя лишь рабовъ и тирановъ, и слышу, какъ надъ головою моей несутся быстро текущіе года, несутся и жужжатъ: «Что такое поэтъ этотъ вѣчно одинокій и вѣчно смущенный духомъ человѣкъ? Онъ поетъ и услаждаетъ пѣснями жалобныя порожденія собственной мысли, а того, что и видитъ, что происходитъ кругомъ него, онъ не чувствуетъ, не понимаетъ ...» О, итальянскій народъ, жизнь моей мысли! О, итальянскій народъ, старый, облѣнившійся титанъ! Я въ лицо назвалъ тебя трусомъ, а ты крикнулъ мнѣ «браво!» и увѣнчиваешь праздничный кубокъ свой моими похоронными пѣснями...»

Этими послѣдними словами Кардуччи намекаетъ на одно стихотвореніе

въ *Decennalia*, въ которомъ онъ воспѣвалъ геройскую смерть Джіованни Каироли и которое онъ, внѣ себя отъ отчаянія, что все еще не осуществляются надежды лучшихъ патріотовъ, окончилъ гнѣвнымъ возгласомъ: «La nostra patria è vile» («Наше отечество низко»).

Въ третьей части *Prologo* поэтъ переноситъ насъ на свою родину, въ Тоскану, и мысль о ней приводитъ его въ болѣе миролюбое настроеніе. Прежде всего, онъ вспоминаетъ всѣ тѣ дорогія и милыя ему мѣста, гдѣ онъ ребенкомъ и юношей жилъ и мечталъ, и гдѣ онъ дѣлалъ первыя попытки овладѣть крылатымъ конемъ поэзіи. Впрочемъ, боевой пылъ его такъ великъ, что онъ и отсюда спѣшитъ опять въ битву, тѣмъ болѣе, что чувствуетъ, коснувшись родной почвы, какъ силы его возросли, нервы и мускулы окрѣпли.

Еще болѣе ѣдкою и горькою ироніей дышатъ стихи Кардуччи, когда сатира его касается вопросовъ политическихъ, какъ, наприм., въ *Canto del Italia, che va in Campidoglio* (*Пѣснь Италіи, идущей въ Капитолій*), написанной имъ на занятіе итальянцами Рима въ 1870 году. Поэтъ даже несправедливъ къ своимъ оотечественникамъ, осмѣивая ихъ за то, что новая Италія не осуществила идеаловъ, почерпнутыхъ имъ изъ излюбленной древности. Онъ забрасываетъ ихъ укорами въ то время, когда они уже вступили, черезъ брешь въ Порта Пія, въ «вѣчный городъ». Негодуетъ онъ на то, что не собственный мужественный подвигъ, не собственная жертва и сила, а чужеземная милость или чужеземные интересы вернули Италіи Римъ. Только благодаря пораженію Франціи, благодаря хитрому разсчету, ловкости и сдержанности, а не благодаря собственной доблести, могли итальянцы овладѣть Римомъ. Вотъ какую рѣчь вкладываетъ Кардуччи въ уста матери-Италіи: «Да, да, сначала я восхищалась зуавами и вчера еще громко рукоплескала тюркосамъ, а сегодня мои степенныя дѣтки наряжаются въ уланскіе мундиры. Преклонятся ли передъ фуражкой или каской, мнѣ безразлично, я ловко и быстро стряхиваю съ себя слѣды прежняго лежанія во прахѣ, чтобы броситься ницъ передъ новымъ владыкой. Такъ я, пожалуй, верну себѣ, въ концѣ-концовъ, и троянское наслѣдство. Кусокъ за кускомъ подберу все, только потише, не торопясь, вѣдь, кровь—не вода, а меня не даромъ воспиталъ Никколо Маккіавели».

Въ стихотвореніи *Per il quinto Anniversario della battaglia di Mentana* (*На пятую годовщину битвы при Ментанѣ*), отдавая честь храбрецамъ, павшимъ за отечество въ этой несчастной битвѣ, поэтъ изображаетъ полчища мертвецовъ, не забывающихъ и въ смерти того, что было имъ дорого при жизни, встающихъ въ день годовщины ментанской битвы изъ своихъ гробовъ. Они радостно собираются въ освобожденномъ Римѣ, въ Капитоліи. А рядомъ съ безкорыстными мучениками за идею и за славу отечества, въ городъ Гракховъ являются и искатели приключеній, заботящіеся только о томъ, чтобы поскорѣе насытить свою алчность и набит карманъ. Вотъ это стихотвореніе:

„День, что каждый годъ намъ возвращаетъ
Память битвы роковой,
День Ментаны снова разсвѣтаетъ
Надъ родимою страной.
Поле вздрогнуло, въ лугахъ окрестныхъ
Клики шумные идутъ;
Изъ могилъ глубокихъ, темныхъ, тѣсныхъ
Всѣ убитые встаютъ.

—

Но встаютъ не страшные скелеты,—
Нѣтъ, прекрасны и статны,
Легкимъ, свѣтлымъ облакомъ одѣты,
Блескомъ звѣздъ озарены.
Воздухъ ихъ съ любовью окружаетъ,
Тихо вѣтеръ шелеститъ,
Сладко шепчетъ, нѣжитъ и ласкаетъ,
Дивной музыкой звучитъ.

—

Наши матери не спятъ, горюютъ,
Вспоминая сыновей;
Жены плачутъ, о мужьяхъ тоскуютъ,
Не сомкнутъ всю ночь очей.
Мы же сонъ стряхаемъ безконечный,
О, родимая земля,
Чтобъ тебѣ нести привѣтъ сердечный,
Любоваться на тебя.

—

Дорогой, богатый плащъ, бывало,
Рыцарь радостно снималъ,
На тропинкѣ, въ грязь чтобъ не ступала,
Передъ милою бросалъ;
Такъ тебѣ, отчизна, мы бросали
Души гордыя свои,
Для тебя мы жили, умирали...
А ужь насъ забыла ты.

—

Для другихъ любовь твоя сіяетъ
Ты другимъ даешь вѣнки;
Но намъ пылъ въ гробу не угасаетъ,
Чувства прежнія крѣпки,
И сбылось завѣтное желанье:
Возвращенъ Италіи Римъ...
Вмѣстѣ всѣ на праздникъ, ликованье
Соберемся мы надъ нимъ!

—

Той порой, что тучей пролетаетъ
Мертвыхъ тихая толпа,
Долгій, странный трепетъ проникаетъ
Итальянскія сердца.
Меркнетъ блескъ, и шелестъ утихаетъ,
Стройно все молчитъ вокругъ,
Кавриналъ одинъ лишь повторяетъ
Гулъ глухой, протяжный звукъ.

—

Но наживы легкой и позорной
Проповѣдники-дѣльцы,
Что съ собой духъ алчности тлетворной
Въ городъ Гракховъ принесли,
Говорятъ: „Пускай глупецъ мечтаетъ,
Мы межь тѣмъ карманъ набьемъ,
А тамъ пусть весь міръ хоть пропадаетъ,—
Есть печалиться о чемъ!“

Касаясь своею сатирой разныхъ общественныхъ язвъ, Кардуччи, между прочимъ, въ стихотвореніи *По поводу процесса Фадды* съ горькимъ сарказмомъ рисуетъ нынѣшнихъ римлянокъ, воспитанныхъ въ монастыряхъ и исповѣдальняхъ и выходящихъ оттуда какъ нельзя лучше подготовленными къ участію въ скандалезныхъ процессахъ, гдѣ предметомъ обвиненія служатъ супружеская невѣрность и убійство.

На лирѣ нашего поэта много струнъ; кромѣ сатиры, мы встрѣтимъ у него граціозную идиллію, нѣжную элегію, веселую канцону. Иногда, среди рѣзкихъ тоновъ иронiи и сарказма, у него слышится тихая жалоба, слово горькаго опыта и прорываются наружу долго заглушаемыя воспоминанія и тоска. Много теплаго чувства въ стихотвореніи Кардуччи, посвященномъ памяти брата, кончившаго жизнь свою самоубійствомъ въ 1857 г. Причина этой печальной развязки осталась неизвѣстной, и поэтъ, повидимому, не можетъ уяснить ее себѣ. Онъ переносится мысленно въ отцовскій домъ и тутъ въ холодную, свѣтлую ноябрьскую ночь, когда луна обливаетъ блѣднымъ сіяніемъ молчаливыя долины и холмы, сильный, порывистый вѣтеръ шумитъ въ зеленой оливковой рощѣ и вокругъ не слыхать ни единаго звука,—поэтъ горестно оплакиваетъ трагическую кончину столь милаго ему брата. Онъ вспоминаетъ, какъ недавно еще улыбалась весна и все кругомъ цвѣло здѣсь, въ этой тихой и мирной мѣстности. Юноша-братъ, тогда еще полный жизни и отваги, быстро носился на конѣ по этимъ равнинамъ. Но несчастная жертва была уже отмѣчена судьбой. Неудовлетворенная душа бѣднаго юноши жаждала полнаго забвенья и покоя; одинъ только исходъ находилъ онъ для себя—самоубійство. Страшное рѣшеніе хранитъ онъ въ тайнѣ, въ живомъ еще сердцѣ носитъ онъ уже смерть. Неутолимое влеченіе сойти въ неизвѣданный край мертвецовъ взяло верхъ надъ привязанностью къ семьѣ и къ жизни и прекратило молодое бытіе. Дни юности отуманились, онъ прощается съ землей, ловитъ взглядъ матери, молчитъ въ отвѣтъ на рѣчи брата и умираетъ. Но братъ его... онъ будетъ жить, потому что природа сотворила душу его изъ болѣе сопротивляющагося, болѣе упорнаго матеріала. «Я — дубъ, который стойко противустоитъ вѣтрамъ и подымается въ высь».

„Elce son io che a'venti indura“,

говоритъ про себя Кардуччи въ другомъ стихотвореніи.

И такъ, поэтъ будетъ жить, но никогда не забудетъ брата и въ кроткомъ образѣ умершаго всегда будетъ находить новую силу для борьбы.

Упоминая мелькомъ о «мачихѣ-природѣ», Кардуччи все же, повидимому, приписываетъ бо́льшую часть вины въ смерти брата обществу и потому заканчиваетъ свое стихотвореніе слѣдующимъ грознымъ обращеніемъ къ этому виновному обществу:

„...e nel tuo sangue tinta
Del verso vibrera l'alta saetta
A far nel mondo reo dolce vendetta..."

(«Окрасивъ въ крови твоей острую стрѣлу стиха, пущу ее въ преступный свѣтъ, чтобъ упиться сладкою местью»).

Къ лучшимъ элегіямъ и вообще къ лучшимъ произведеніямъ Кардуччи можно отнести его *Идиллію маремы*. Родина поэта, тосканская маремма, гдѣ «цвѣла его туманная юность», влечетъ его къ себѣ и онъ вспоминаетъ первую свою любовь, бѣлокурую Марію. Пластична, какъ древняя статуя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко окрашенная, какъ картина Рубенса, выдѣляется Марія въ рамкѣ простой деревенской жизни. Какъ прелестно съумѣлъ поэтъ очертить милую, простую дѣвушку, дышащую невинностью и миромъ!

«Когда розовые лучи новой весны обливаютъ мою комнату,—говоритъ Кардуччи,—нежданно встаешь ты опять предо мною съ улыбкой на устахъ, моя бѣлокурая Марія, и сердце, забывшее тебя, находитъ снова, послѣ столькихъ бурь и треволненій, отдохновеніе и покой въ тебѣ, о, первая моя любовь, о, лучезарное утро любви!» Дальше поэтъ спрашиваетъ: «Гдѣ ты, что съ тобою сталось?»—и представляетъ ее себѣ счастливою женой и матерью, окруженною милыми малютками. Онъ вспоминаетъ ея юность, то время, когда онъ видѣлъ ее стройной, красивой, веселой, съ цвѣтами въ рукахъ, съ роскошными косами, съ глубокимъ взглядомъ большихъ, огненныхъ, голубыхъ глазъ. «А мнѣ,—жалуется поэтъ,—жилось съ тѣхъ поръ такъ холодно, тоскливо и грустно... Лучше бы я остался съ тобой и ввелъ бы тебя хозяйкой въ свой домъ, о, бѣлокурая Марія!... Лучше трудиться въ потѣ лица и разсказывать по вечерамъ дѣтямъ своимъ объ опасностяхъ охоты за буйволомъ, чѣмъ корпѣть надъ стихами, давать голодному червю мысли неустанно точить мозгъ и стремиться разрѣшить неразрѣшимыя міровыя задачи...»

Не менѣе прелестно и другое стихотвореніе, озаглавленное *Davanti San Guido*, гдѣ поэтъ описываетъ радость и грусть свиданія съ родиной. Поэтъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ изъ Чивитавеккіо въ Ливорно и передъ нимъ разстилается его родимая маремма. Кипарисы Болгери узнаютъ путешественника, привѣтливо киваютъ своими верхушками и шепчутъ: «Ты хорошо сдѣлалъ, что вернулся къ намъ. Скорѣе остановись, сойди здѣсь... Вечеръ нѣжитъ прохладой и дорога тебѣ хорошо извѣстна. О, сядь, отдохни подъ нашею благоуханною тѣнью, гдѣ съ моря дуетъ мистраль. Мы не сердимся на тебя за тѣ камни, которыми ты, будучи мальчикомъ, бросалъ въ наши вѣтки. Останься у насъ!» «Прекрасныя деревья,—отвѣчаетъ поэтъ,—вѣрные друзья лучшей жизненной моей поры,—о, отъ всего,

сердца желалъ бы я остаться здѣсь у васъ,—отъ всего, всего сердца! Но мнѣ нельзя,—я долженъ ѣхать дальше... Не то уже время, не тѣ обстоятельства... Если бы вы все знали... вѣдь, я теперь знаменитость; я умѣю читать по-латыни и по-гречески, я много пишу и пишу, и обладаю еще мало ли какими добродѣтелями. Теперь уже я не уличный мальчишка, и, въ особенности, не бросаюсь больше камнями, и менѣе всего въ деревья...» Когда поэтъ кончилъ свою рѣчь, въ которой онъ горько иронизируетъ надъ собою, сквозь темную чащу деревьевъ сверкнуло солнце насмѣшливою улыбкой и скоро послышался отвѣтный шепотъ зашумѣвшихъ кипарисовъ: «Мы хорошо знаемъ, что ты — бѣдный, достойный жалости человѣкъ. Мы это хорошо знаемъ. Намъ сказалъ о томъ вѣтеръ, уносящій съ собою на крыльяхъ похищенные имъ человѣческіе вздохи,—онъ сказалъ намъ, что въ груди твоей горитъ пламень вѣчнаго разлада, который ты не умѣешь утишить. Здѣшнимъ зеленымъ дубамъ и намъ можешь ты разсказать про вашу человѣческую печаль и горесть. Посмотри, какъ здѣсь спокойно лазурное море и какъ, ярко разгораясь, опускается въ него сверкающее солнце...» Но поэтъ не можетъ остаться на родинѣ, а потому прощается съ кипарисами. «Что же сказать намъ на кладбищѣ, гдѣ схоронена твоя бабка?»—спрашиваютъ тогда деревья. И въ памяти поэта воскресаетъ высокая, торжественная, одѣтая вся въ черное, фигура бабки его Лючіи, разсказывавшей ему, когда онъ былъ ребенкомъ, столько прекрасныхъ сказокъ. Поэтъ проситъ ее снова разсказать «ученому мужу» чудное преданіе, восхищавшее малютку, о несчастной, вѣчной скиталицѣ, неутомимо ищущей отнятой у нея любви. «Въ поискахъ за тобою износила я семь паръ желѣзныхъ башмаковъ, семь желѣзныхъ палокъ истребила я, опираясь на нихъ въ моемъ роковомъ скитаніи, семь долгихъ лѣтъ лила я горькія слезы и наполнила ими семь бутылей, а ты спишь въ то время, когда я съ такимъ отчаяніемъ зову тебя!... Но пѣтухъ пропѣлъ и я не хочу тебя будить...» «О, какъ прекрасна, какъ все еще полна правды сказка твоя, бабка Лючія! Именно такъ,—то, что я утромъ и вечеромъ, столько и столько лѣтъ такъ тщетно искалъ,—оно, быть можетъ, здѣсь, подъ этими кипарисами, гдѣ я, подъ родною ихъ тѣнью, уже теперь не надѣюсь и не мечтаю, что меня схоронятъ, когда я умру...» «Но пока я такъ плакалъ въ душѣ,—кончаетъ свое стихотвореніе Кардуччи,—локомотивъ, дымя и пыхтя, мчалъ меня все дальше и дальше».

Въ *Idillio di maggio* поэтъ пробуждающуюся природу, которую напоминаетъ ему его давно разбитыя, улетучившіяся грезы и мечты, упрекаетъ въ томъ, что она, въ сравненіи съ человѣческою мыслью, мала, тѣсна и лишена блеска. «Одна только мысль въ чистотѣ и силѣ своей истинно-прекрасна,—восклицаетъ поэтъ.—О, какъ въ сравненіи съ нею кажется безцвѣтной и плоской эта старая природа, какъ ничтожна и скупъ этотъ весенній маскарадъ розъ и фіалокъ, какъ тѣсенъ небесный сводъ и какъ поблекло и ты, о, солнце!»

Въ стихотвореніи *Классицизмъ и романтизмъ* поэтъ животворное, сверкающее яркими лучами солнце противупоставляетъ идеалу романтиковъ—безнравственной и безплодной лунѣ. «Солнце,—говоритъ Кардуччи,—благодѣтель человѣческаго рода; солнце надѣляетъ душу веселіемъ и является помощникомъ людей въ ихъ тяжелыхъ трудахъ; благодаря ему, созрѣвшіе колосья нивъ склоняются подъ тяжестью зерна и призываютъ серпъ; благодаря ему, наливаются сладкимъ сокомъ виноградные гроздья; золотомъ свѣтитъ оно сквозь изумрудную листву. Но и въ города, на ихъ черныя крыши посылаетъ солнце свои сверкающіе лучи, и яркою улыбкой своей извлекаетъ изъ груди дѣвушки, забывающей подъ тяжестью работы о юныхъ дняхъ своихъ,—пѣсню весны и любви. А луна любитъ украшать своимъ блѣднымъ свѣтомъ развалины, скорбь и горе; въ фантастическомъ путешествіи своемъ, подъ кровомъ ночи, она не можетъ и не умѣетъ способствовать созрѣванію плодовъ, распусканію зелени и цвѣтовъ. Томно озаряя своимъ молочнымъ свѣтомъ готическія башенки, кокетничаетъ она съ безполезно-вздыхающими поэтами и мечтателями». «Ненавижу, луна,—восклицаетъ въ заключеніе поэтъ,—твое глупое, круглое лицо и твое бѣлое облаченіе, безплодная кокетка, развратная отшельница небесъ!...»

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Кардуччи, этотъ ревностный почитатель древности, какъ нельзя болѣе искренно сливается съ природой; такъ, наприм., въ *Colloqui con gli alberi, Primavere Elleniche* или же въ маленькомъ стихотвореніи, озаглавленномъ *Panteismo*.

Особенно же въ *Primavere Elleniche* (*Пѣсни Эллинской весны*) Кардуччи достигаетъ замѣчательной степени художественности, какъ по формѣ и языку, такъ и по силѣ поэтическаго вдохновенія. Отдыхая отъ несовершенствъ современной жизни, Кардуччи ищетъ наслажденіе въ цвѣтущихъ поляхъ античнаго міра. Въ *Primavere Elleniche* онъ говоритъ, что безсмертные боги Эллады не погибли и не погибнутъ, что пробудить ихъ отъ глубокаго сна, въ который они погружены суровою клятвой новаго міра, можетъ каждая женщина, охваченная пыломъ страсти, и каждое сердце, бьющееся въ поэтическомъ восторгѣ.

Особенно значительна, по совершенству формы, именно третья изъ «пѣсенъ эллинской весны». Здѣсь Кардуччи изображаетъ прогулку двухъ влюбленныхъ на кладбищѣ, подъ мелкимъ, продолжительнымъ дождемъ, въ сѣрое майское утро. «Никогда могилы,—говоритъ поэтъ,—не казались мнѣ столь прекрасными въ юношескихъ мечтахъ моихъ о славѣ. О, любовь, торжественная, сильная, какъ печать смерти! О, цвѣтъ души, вкушенный съ милыхъ устъ, и ты, найденный среди поцѣлуевъ, безконечный, вѣчный поцѣлуй!»...

Что же касается *Odi Barbari* Кардуччи, то первый сборникъ ихъ,—въ настоящее время поэтъ выпустилъ цѣлыхъ три,—вышелъ еще въ 1874 г. и составилъ тогда цѣлое литературное событіе въ Италіи. Кардуччи явился тогда въ роли новатора, поставивъ вопросъ о стихотворныхъ формахъ.

Онъ задумалъ пользоваться классическою версификаціей, по крайней мѣрѣ, въ соотвѣтствующей разстановкѣ удареній. Эта попытка поэта вызвала оживленный споръ и полемику. Газеты и журналы переполнились статьями относительно поднятаго вопроса и о томъ же писалось и въ массѣ отдѣльныхъ брошюръ и изслѣдованій. Такіе поэты и критики, какъ Кіарини, Боргоньони, Леарди, Солерти, Фалькони, Бонги, Каваллоти и др., приняли дѣятельное участіе въ возгорѣвшейся полемикѣ. Хотя весь этотъ шумъ не далъ собственно твердыхъ, положительныхъ результатовъ, но подобная значительная библіографія по вопросу о поэтической формѣ несомнѣнно доказываетъ сильную любовь къ литературѣ. Большинство критиковъ восхищаются и превозносятъ до небесъ новаторскія заслуги Кардуччи въ его *Odi Barbari*; нѣкоторые же утверждаютъ, что попытка его, все-таки, не введетъ новой поэтической формы въ итальянское стихосложеніе, такъ какъ по самой природѣ своей романскіе языки не склонны къ классической метрикѣ съ удареніями. Историческое происхожденіе отъ древняго Рима и примѣръ Англіи и Германіи не могутъ, въ этомъ случаѣ, служить достаточно побудительною причиной для заимствованія отъ нихъ формы, не свойственной духу итальянскаго языка. Какъ бы то ни было, но попытка самого Кардуччи оказалась удачной. Быть можетъ, впрочемъ, потому только она увѣнчалась такимъ успѣхомъ, что Кардуччи—настоящій мастеръ языка и владѣетъ имъ въ полномъ совершенствѣ; при томъ же, нѣкоторые изъ введенныхъ имъ въ *Odi Barbari* размѣровъ были уже въ употребленіи въ Италіи, только онъ отбросилъ риѳму. Когда же онъ берется за гекзаметръ и пентаметръ, то результатъ выходитъ не особенно блестящій; тутъ, несмотря на все его искусство, и онъ не въ силахъ придать итальянскому языку классическую форму.

Впрочемъ, и самъ поэтъ уже въ *Rime Nuove,* въ стихотвореніи *Alla Rima*, снова признаетъ владычество риѳмы и возвращается подъ ея скипетръ: «Привѣтъ тебѣ,—говоритъ онъ,—о прекрасная владычица, о счастливая королева латинскаго метра! Влекомый свободною волей и собственнымъ желаніемъ, преклоняется передъ тобою и вернулся къ подножію твоего престола сражавшійся противъ тебя мятежникъ. Честь и забота отцовъ моихъ, ты и мнѣ такъ же, какъ и имъ, дорога и священна! Привѣтъ тебѣ, о риѳма! Дай мнѣ цвѣтокъ для любви и стрѣлу для ненависти...»

По совершенству формы и сжатости выраженія *Odi Barbari* принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ поэта. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣетъ сильнымъ античнымъ духомъ, другія вполнѣ проникнуты современностью и представляютъ собою послѣднее выраженіе идей, волнующихъ нашъ вѣкъ. Ода *На вокзалѣ*—образецъ житейской реальной сцены. Кругомъ едва мерцаетъ свѣтъ дождливаго утра, смѣшивающагося со свѣтомъ фонарей и лампъ. Толпа людей торопливо разсаживается по вагонамъ, отправляясь въ погоню за невѣдомымъ горемъ и обманчивыми надеждами. Грустныя внѣшнія впечатлѣнія наполняютъ тоскою грудь поэта. «Эти пожелтѣвшіе листья, неумолимо опадающіе съ деревьевъ,—какъ тяжело они ложатся на

душу. Кажется, будто теперь уже для всего на землѣ на вѣки, навсегда насталъ ноябрь. Ужь лучше, право, ничего не чувствовать, ни о чемъ не думать въ этомъ сѣромъ туманѣ, въ этомъ все болѣе и болѣе надвигающемся сумракѣ... Такъ и кажется, будто эта гнетущая тоска уже никогда, никогда не прекратится!»

Въ другой одѣ, *На рѣкѣ Аддѣ*, поэтъ въ любовную идиллію вплетаетъ историческую картину, полную драматическаго интереса. Въ обществѣ милой катается онъ въ лодкѣ по рѣкѣ Аддѣ, вблизи города Лоди. Во время этой прогулки въ воспоминаніяхъ его встаютъ историческія событія, случившіяся въ ближайшихъ здѣшнихъ окрестностяхъ въ теченіе вѣковъ, съ той поры, когда спустившіеся съ Альпъ «варвары» схватились съ римскими легіонами въ кровопролитномъ бою. Въ краткихъ, яркихъ чертахъ даетъ поэтъ художественное изображеніе историческихъ происшествій. Онъ вспоминаетъ и Фридриха Барбароссу, приведшаго сюда войска противъ ломгобардовъ, и Наполеона, побѣдоносно совершившаго переходъ Адды при Лоди. Контрастъ вѣчной, пребывающей неизмѣнною природы съ подчиненнымъ постояннымъ перемѣнамъ человѣкомъ изображенъ поэтомъ рельефно и кратко,—въ нѣсколькихъ строкахъ. «Римскіе орлы, куда вы дѣлись,—спрашиваетъ онъ,—и вы орлы швабскаго императора, и ты, блѣдный корсиканецъ, скажи, гдѣ же остались твои знамена? А ты, голубоватая Адда, ты все такъ же катишь теперь прозрачныя волны свои, какъ и тогда»...

Въ одѣ, озаглавленной: *Передъ погребальною урной Шелли*, Кардуччи приводитъ насъ къ могилѣ великаго англійскаго поэта, украшенной урною съ надписью: «cor cordium» («сердце сердецъ»).

«Тщетно,—восклицаетъ горестно Кардуччи,— существуетъ настоящій часъ,—онъ исчезъ, какъ только пробилъ; въ одномъ лишь прошломъ—красота, въ одной только смерти—истина... О, сердце сердецъ, надъ этою урной, заключающей въ себѣ твой хладный прахъ, сверкаетъ всѣмъ своимъ тепломъ и благоуханіемъ увѣнчанная цвѣтами весна... О, сердце сердецъ, милое, умолкнувшее сердце,—солнце, дивный отецъ нашъ, обливаетъ тебя яркими лучами любви, вокругъ шумятъ зеленыя сосны, колеблемыя вѣтромъ, несущимся изъ Рима... Гдѣ же ты, поэтъ, мечтавшій объ освобожденіи и счастьи міра?... Гдѣ же ты?... Слышишь ли ты мой голосъ?... Омоченный слезой, блуждаетъ взоръ мой по грустной долинѣ, разстилающейся за стѣнами города»...

Въ другой одѣ, *На Монте Маріо*, звучитъ опять меланхолическая нота: «Друзья, собравшись здѣсь, на вершинѣ холма, сверкающаго въ солнечныхъ лучахъ, давайте наполнимъ золотистою влагой стаканы наши, и пусть солнце отражается въ нихъ, а вы, красавицы, улыбайтесь веселой,—завтра мы всѣ умремъ... Мы всѣ умремъ завтра, какъ вчера умерли любимые нами; и все болѣе и болѣе улетучиваясь въ привязанности и памяти нашихъ близкихъ, вскорѣ мы, блѣдныя тѣни, и вовсе исчезнемъ... Мы умремъ, а вѣчно дѣятельная земля, обращаясь вокругъ животворящаго [illegible]да, словно сыпля искрами, будетъ каждое мгновеніе производить

милліоны жизней,—жизней, въ которыхъ затрепещетъ новая любовь,—жизней, которыя устремятся въ новыя битвы и будутъ возносить къ новымъ божествамъ гимны будущаго. А вы, еще не родившіеся, вы, въ чьи руки перейдетъ факелъ, выпавшій изъ нашихъ рукъ, и вы, въ свою очередь,—о, сверкающія полчища!—исчезнете въ безконечности... Прощай, о, земля, мать столь кратковременной моей мысли и быстро промелькнувшей души! Сколько тысячелѣтій еще будешь ты неутомимо вращать вокругъ солнца людскую печаль и людскую славу!»...

Въ Италіи смотрятъ на Кардуччи, какъ на главу «веристовъ»,—направленія итальянской литературы, нѣсколько схожаго съ французскими «натуралистами». Въ сущности же, это не совсѣмъ такъ: хотя Кардуччи и преслѣдуетъ безпощадно романтизмъ, и хотя онъ, дѣйствительно, реалистъ, понимающій жизнь и изображающій ее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не отрицаетъ идеаловъ, скрашивающихъ все наше существованіе. У него, какъ у писателя, собственно двойной идеалъ: онъ—поэтъ революціонный и поэтъ языческій. Въ груди его неугасимо горитъ любовь къ отечеству; онъ мечтаетъ о счастіи и свободѣ родины, а съ другой стороны, онъ старается оживить форму и духъ классической древности. Впрочемъ, оба эти теченія въ его поэзіи,—любовь къ отечеству и обожаніе древности,—сливаются, по счастливой случайности, воедино. Кардуччи считаетъ себя законнымъ сыномъ древняго Рима и требуетъ своего наслѣдства. Онъ ищетъ идеалы въ Греціи и признаетъ себя охотно ученикомъ Горація, хотя бы для того, чтобы не имѣть ничего общаго съ придунайскими нѣмцами и остаться кровнымъ латиняниномъ.

М. Ватсонъ.

Ростовщичество и грабежъ въ народныхъ воззрѣніяхъ и въ своей законодательной нормѣ.

Уже не разъ въ своихъ юридическихъ монографіяхъ приходилось намъ касаться того несоотвѣтствія, а иногда глубокаго противорѣчія, какія наблюдаются между постановленнымъ *на основаніи закона* судебнымъ приговоромъ и тѣмъ нравственнымъ обликомъ караемаго дѣянія, въ какомъ представляется оно въ своемъ культурно-бытовомъ значеніи, въ своей непредвзятой оцѣнкѣ и въ самосознающемъ умыслѣ обвиняемаго (dolus). Особенно рѣзкимъ выходитъ этотъ вопіющій къ жизненной правдѣ разладъ, если «преступное дѣяніе» совершается въ *сельской средѣ*, въ этомъ необъятномъ и темномъ, не для одной ея только, лабиринтѣ, въ которомъ наиболѣе часто блуждаетъ судейская совѣсть, а тамъ, гдѣ на помощь ей не приходитъ спасательный путеводитель въ образѣ вердикта присяжныхъ засѣдателей, грѣшитъ и невольною неправдой.

Этотъ взывающій къ жизненной правдѣ разладъ вспомнился намъ еще разъ по поводу недавно обнародованнаго новаго закона о сельскомъ ростовщичествѣ, которое, какъ значится въ комментаріи (см. изданіе гос. канц. *О мотивахъ къ закону 24 мая 1893 г.*), «совершаетъ самыя вопіющія беззаконія, вымогаетъ послѣднюю копѣйку у безпомощныхъ вдовъ и сиротъ и высасываетъ, такъ сказать, кровь изъ народа», и которому, какъ это мы увидимъ ниже, суждено, однако, оставаться попрежнему ненаказуемымъ,— вспомнился въ связи съ тѣми, сравнительно безгрѣшными дѣяніями, какія народъ этотъ творитъ заурядъ подъ пьяную руку или въ праздничные дни, не подозрѣвая, что эти заурядъ творимыя дѣянія будутъ классифицированы какъ грабежъ, въ имѣющемъ быть составленнымъ обвинительномъ актѣ и въ послѣдовавшемъ за нимъ судебномъ приговорѣ.

Распредѣленіе риска отвѣтственности и наказуемости между двумя безличными, исколесившими вдоль и поперекъ необъятную правовую сферу нашей деревни вереницами дѣяній именно такого характера представляетъ собою столь своеобразную и столь скорбную параллель, что мы находимъ полезнымъ посвятить ей нижеслѣдующее изложеніе.

«Занимающійся въ видѣ промысла отдачею въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ, или же 2) денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работой, если, для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, несоотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ условіяхъ, онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика, подвергается:

«въ первый разъ—аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ; во второй и послѣдующіе разы — заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ.

«Сдѣлка, заключенная при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, какъ ростовщическая, признается недѣйствительною, но заимодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйствительно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ, за вычетомъ уже возвращеннаго ему количества».

Таковъ текстъ новаго закона. Въ немъ, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе два совершенно неожиданныя новшества: *соотвѣтствіе мѣстнымъ обычаямъ*, какъ начало, устраняющее вмѣняемость содѣяннаго — въ уголовномъ правѣ и *взысканіе по ростовщической, признанной недѣйствительною сдѣлкѣ*—въ гражданскомъ.

Карательному воздѣйствію закона положена грань, дальше которой оно идти не можетъ. Грань эта встрѣчается въ нашемъ законодательствѣ въ первый разъ, намѣченная рубежомъ, частью неяснымъ, а частью *вовсе несуществующимъ*, какъ это мы сейчасъ увидимъ. Рубежъ этотъ—«предѣлъ, его же не прейдеши»—«*чрезмѣрно обременительныя*, несоотвѣтствующія мѣстнымъ обычаямъ сдѣлки».

Первый составной признакъ, обусловливающій въ данномъ случаѣ вмѣняемость преступленія,—«*чрезмѣрная* обременительность сдѣлки». Мы не будемъ говорить о растяжимости и эластичности этого признака, опредѣленнаго терминомъ, въ юридическомъ отношеніи ничего не обозначающимъ, такъ какъ объ этомъ подробно и съ полнымъ основаніемъ недавно говорилось уже на страницахъ *Журнала гр. и угол. права*. Да и что можетъ быть признано «чрезмѣрно обременительнымъ» для среды, привыкшей умирать отъ голоднаго тифа, вмѣсто хлѣба, питаться «каменными лепешками», отравляться ядовитою чиной, отпускаемою изъ экономіи нанятымъ ею рабочимъ, зябнуть безъ топлива въ суровыя зимы, кормить скотъ кровлями своихъ жилищъ и впрягаться вмѣсто него въ сохи и бороны? Затѣмъ, опредѣлять такую «чрезмѣрную обременительность» придется земскому начальнику, а какихъ воззрѣній и мѣрилъ придерживается этотъ чинъ въ данномъ вопросѣ, мы очень хорошо знаемъ изъ двухъ очень наглядныхъ и типичныхъ эпопей, лукояновской и протопоповской, изъ усердной, огульной реставраціи тѣлесныхъ наказаній и изъ длиннаго ряда болѣе или менѣе знаменующихъ положеніе дѣла корреспонденцій. Административно-судебная миссія, заявляющая себя, прежде всего, чаще всего именно такимъ направ-

леніемъ, отклоняющая уже собранныя жертвы и пособія для голодающихъ своего участка, санкціонирующая розги, назначенныя волостнымъ судомъ за недоимку, и грозящая «бить по мордѣ» и виновнаго, и жалобщика, навряд ли усмотритъ «чрезмѣрную обременительность» въ сдѣлкѣ, которая не повлечетъ для контрагента ни голодной смерти, ни боли и позора наказанія и которая, въ концѣ-концовъ, клонитъ при этомъ къ округленію крупной земельной собственности, удешевленію рабочихъ рукъ и «сокращенію» сельскаго обывателя вообще; а чувствительныхъ и болѣе щепетильныхъ Маниловыхъ успокоитъ комментарій новаго закона, говорящій въ одномъ мѣстѣ о «землевладѣльцѣ, ссужающемъ крестьянъ деньгами или продуктами подъ условіемъ уплаты долга работою, цѣнность которой составляетъ весьма высокій процентъ на капиталъ, и, несмотря на то, часто являющемся *отнюдь не утѣснителемъ заемщиковъ, а сосѣдомъ, спасающимъ ихъ отъ разоренія*». Этому мѣсту комментарія будетъ, вѣроятно, придаваться судебною практикой очень широкое обобщеніе, и, благодаря своей не совсѣмъ удачной редакціи, оно будетъ, вѣроятно, истолковываться въ объективномъ и положительномъ, а не въ субъективномъ и исключительномъ смыслѣ «*особенностей* деревенской жизни», благодаря которымъ «*крестьянинъ сочтетъ себя* выручennымъ изъ бѣды своевременною, хотя бы и за большіе проценты, ссудой»,— смыслѣ, который только и можетъ имѣть эта тирада въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ изложеніемъ мотива.

Переходя, затѣмъ, ко второму составному признаку новоявленнаго преступленія—*несоотвѣтствію мѣстнымъ обычаямъ*, слѣдуетъ замѣтить, что наши деревенскіе нравы давно уже утратили свою первобытную, идиллическую простоту, и развившіеся на такой, далеко уже не патріархальной почвѣ, мѣстные обычаи не только коробятъ теперь нравственное чувство человѣка, но и прямо-таки караются положительнымъ закономъ, какъ преступные и воспрещенные. Современный наблюдатель деревенской жизни можетъ съ полнымъ основаніемъ повторить извѣстное изреченіе одного изъ героевъ Островскаго: «жестокіе у насъ, сударь, нравы!» «Жестоки», какъ продуктъ ихъ, и мѣстные обычаи той именно сферы, за нормировку которой взялся новый законъ. Вообще обусловливать такъ называемую «уголовную доброкачественность» дѣянія его соотвѣтствіемъ съ мѣстными обычаями кажется намъ пріемомъ въ высшей степени рискованнымъ. Мало ли какіе существуютъ мѣстные обычаи? Въ одномъ изъ своихъ очерковъ мы указали, наприм., обычай, практикуемый на весьма пространной территоріи нѣсколькихъ уѣздовъ,—обычай изгнанія бѣса путемъ воздѣванія на одержимую имъ жертву хомута, давленія руками на горло и извѣстныхъ, читаемыхъ по книгѣ заклинаній,—обычай, въ данной мѣстности до того общепринятый и по мѣстному убѣжденію спасительный, что присутствующая при операціи толпа остается безмолвною и глухою къ отчаяннымъ крикамъ о помощи истязуемой жертвы, и когда она, какъ и случилось на этотъ разъ, умираетъ отъ задушенія, только набожно крестится и произноситъ: «Богъ

убилъ!» Ревнителей этого обычая, несмотря на вполнѣ «соотвѣтствующія» ему условія ритуала, на искреннюю ихъ благонамѣренность (въ причиненіи смерти обвинялась и дочь истязуемой), зовутъ, однако, къ суду для воспріятія надлежащей кары.

Существуетъ, далѣе, обычай биться въ извѣстные дни на кулачкахъ, преслѣдуемый полиціей; существуетъ обычай напиваться до безобразія по праздникамъ, отпускать вино въ долгъ или подъ закладъ, промышлять недозволеннымъ врачеваніемъ или колдовствомъ, охотиться въ непоказанное время, рубить въ чужомъ, плохо охраняемомъ лѣсу, и т. д. и т. д. Все это мѣстные обычаи, и, несмотря на то, дѣянія, «имъ соотвѣтствующія», неукоснительно преслѣдуются и какъ нельзя лучше наказуются. Слѣдовательно, дѣйствующее законодательство далеко отъ того, чтобы въ соотвѣтствіи извѣстнаго дѣянія извѣстному мѣстному обычаю усматривать причину невмѣняемости, и статья уложенія, исчисляющая эти причины, о подобномъ соотвѣтствіи ничего не говоритъ. Отчего же теперь оказалось нужнымъ сдѣлать такое ,смѣлое и рѣшительное исключеніе для обычая, изъ всѣхъ вышеприведенныхъ самаго криминальнаго, самаго разорительнаго, самаго антисоціальнаго, плодящаго вокругъ себя огульное оскудѣніе податныхъ классовъ народа, паденіе сельскаго хозяйства, сельскій пролетаріатъ,—обычая, сковавшаго производительныя силы страны, питающагося ея послѣдними жизненными соками и «мѣстнаго» въ любой ея мѣстности? Ростовщичество—само по себѣ явленіе обычное; всегда и вездѣ оно *«соотвѣтствуетъ* мѣстнымъ обычаямъ»: если ростовщикъ одинъ въ мѣстности, онъ учредитель этихъ обычаевъ; если ихъ нѣсколько, то тотъ изъ нихъ, кто станетъ обдирать своего кліента «несоотвѣтственно мѣстнымъ обычаямъ», потеряетъ практику. Понятно, что преступленію, очерченному въ такихъ рамкахъ, суждено и предопредѣлено оставаться безнаказаннымъ.

И на этотъ разъ, какъ это нерѣдко въ послѣднее время случается, мотивъ закона расходится съ его тактомъ. «*Цѣлыя села* въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ неурожая, — читаемъ мы въ соображеніяхъ государственнаго совѣта къ закону 24 мая,—дѣлаются жертвою подобныхъ хищниковъ (т.-е. лицъ, обратившихъ ростовщичество въ промыселъ), *совершенно захватывающихъ въ свои руки сельское населеніе* и препятствующихъ развитію его благосостоянія *еще сильнѣе, чѣмъ само бѣдствіе*». Если мотивировка закона констатируетъ столь широкое и столь бѣдственное развитіе зла, то чѣмъ же можетъ оправдываться принятая въ текстѣ его наказуемость этого зла лишь при несоотвѣтствіи его мѣстнымъ обычаямъ,—условіе, благодаря которому окажется по суду правою любая «жестокая» ростовщическая сдѣлка, заключенная бѣдствующимъ заимодавцемъ съ однимъ изъ «тѣхъ ростовщиковъ,—какъ гласитъ тотъ же комментарій,—отъ коихъ, подъ многозначительнымъ наименованіемъ міроѣдовъ и кулаковъ, тяжело страдаютъ сельскіе обыватели»?

Эти же самые «міроѣды» и «кулаки» окажутся въ данномъ случаѣ установителями и предрѣшителями своей собственной невмѣняемости. Вѣдь, ими

же созданы и эти «мѣстные обычаи», и эти «соотвѣтствующія имъ условія»: развивая свою дѣятельность, «благодѣтельствуя» цѣлую округу, они превратили давно уже свои личные пріемы въ общепризнанные, общераспространенные мѣстные обычаи, и, слѣдовательно, они же сами на приготовленной новымъ закономъ благопріятной почвѣ оснуютъ пожизненную безответственность не только для себя, но и для всѣхъ грядущихъ по стопамъ ихъ. Чѣмъ бѣднѣе благодѣтельствуемая округа, тѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ крѣпче установится «мѣстный обычай», тѣмъ легче будетъ доказывать на судѣ «соотвѣтствіе», устраняющее вмѣняемость, даже и при «чрезмѣрно обременительныхъ условіяхъ сдѣлки», такъ какъ одного этого признака по закону еще недостаточно, а надо еще, чтобы эти чрезмѣрно обременительныя условія не соотвѣтствовали, кромѣ того, и мѣстнымъ обычаямъ. Въ установленіи мѣстныхъ обычаевъ никто, кромѣ этого творца съ «многозначительнымъ наименованіемъ», участвовать, конечно, не можетъ: не «безпомощныя вдовы и сироты», понятно, и не «обремененные, вынужденные должники» будутъ ставить своему кредитору-«міроѣду» выгодныя себѣ и не подходящія ему условія сдѣлки,—онъ одинъ здѣсь полный владыка и свободный повелѣвающій иниціаторъ. Въ это заблаговременно свитое и всегда готовое гнѣздо хищникъ будетъ благополучно прятаться всякій разъ, какъ только зачуетъ организуемую преслѣдованіемъ облаву, и никакой прокуроръ изъ этого гнѣзда его выгнать и затравить не сможетъ. Будутъ, конечно, исключительные случаи, но не въ нихъ дѣло, когда вопросъ касается одного изъ наиболѣе распространенныхъ, наиболѣе опасныхъ и наименѣе устранимыхъ бичей нашего сельскаго быта.

Чему, какъ не этимъ «мѣстнымъ обычаямъ», оправдывающимъ по новому закону всякую «соотвѣтствующую имъ сдѣлку», обязана наша литература такимъ коллективнымъ, исполненнымъ живого ужаса для самаго равнодушнаго читателя, типамъ, какъ Колупаевы, Разуваевы, Деруновы, прообразы которыхъ найдутся въ любомъ селѣ, любой деревнѣ, на любомъ постояломъ дворѣ, въ любомъ трактирѣ? Отчего типы эти такъ поражаютъ каждаго читателя своею реальностью, отчего такъ хорошо знакомы они каждому, кому хотя временно приходилось бывать въ деревнѣ? Отчего въ современной деревнѣ или даже поселкѣ, среди лачугъ и развалинъ, непремѣнно красуется каменный флигелекъ съ желѣзною, ярко выкрашенною крышей и росписными ставеньками у оконъ, наглядно знаменуя положеніе и роль его хозяина среди прочихъ подкабальныхъ ему односельчанъ? Вы не проѣдете нѣсколькихъ верстъ по шоссе или проселку, чтобы не встрѣтить повсюду одинаковую, пузатенькую фигурку на бѣговыхъ дрожкахъ; ф іономія, волосы, поддевка,—все это пропитано саломъ и лоснится на с нцѣ; загляните въ ея засаленный бумажникъ,—и вы найдете въ немъ і ый ворохъ такихъ же засаленныхъ безграмотныхъ росписокъ, исполни- т ьныхъ листовъ, вексельной бумаги и именныхъ списковъ съ таинствен- і ми цифрами и знаками на поляхъ. Ту же фигурку встрѣтите вы на вок- з въ вагонѣ, на станціи; пробирается она куда-нибудь на аукціонъ

скота, продаваемаго за недоимку, къ становому, земскому или въ волостное правленіе,— все это насадители или послѣдователи «мѣстнаго обычая»; объѣзжая свой округъ, они заключаютъ «соотвѣтствующія» этому обычаю сдѣлки, «взимаютъ ростъ по ссудамъ въ 200 и болѣе годовыхъ процентовъ», «исправно соблюдаютъ всѣ предписанные закономъ формы и обряды, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершаютъ самыя вопіющія беззаконія, пользуясь несчастіемъ ближняго, находящагося въ крайности» (см. тотъ же комментарій гос. сов.), и, *несмотря на все это,* остаются и теперь, какъ и прежде, невмѣняемыми, безотвѣтственными и свободными эксплуататорами нужды народной.

II.

Къ выдающемуся факту эфемерности, призрачности новаго закона періодическая печать отнеслась довольно равнодушно, высказавшись, въ большинствѣ случаевъ, объ уголовнй репрессіи, какъ о стимулѣ, почти не имѣющемъ никакого значенія въ смыслѣ охраны эксплуатируемаго ростовщиками сельскаго обывателя, и указавъ на иныя, болѣе широкія и коренныя мѣры къ поднятію его матеріальнаго благосостоянія. Несомнѣнно, что нашъ деревенскій ростовщикъ родился на «нищенскомъ надѣлѣ», обложенномъ высокими платежами, выросъ и развился, благодаря задолженности населенія, отсутствію дешеваго кредита и сельско-хозяйственной культуры; несомнѣнно, что почва оказалась чрезвычайно благопріятною этому развитію, что болѣзненный организмъ не въ силахъ былъ оказать сопротивленіе сокрушительному дѣйствію зародившейся въ немъ бактеріи и что исчезнетъ эта бактерія не прежде, какъ оздоровленный организмъ найдетъ въ самомъ себѣ, а не внѣ себя, достаточныя силы для борьбы съ нею; несомнѣнно, что никакой репрессивный законъ не можетъ въ данной цѣли стать въ уровень съ этими общими оздоровительными мѣрами, и поле его воздѣйствія всегда окажется уже, слабосильнѣе и труднѣе. Все это такъ. Но слишкомъ обезцѣнивать значеніе уголовной репрессіи въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ забывать, что эти общія оздоровительныя мѣры для своего развитія и осуществленія потребуютъ много времени, много условій, много борьбы, а, между тѣмъ, бактерія будетъ продолжать свою работу, все болѣе и болѣе обезсиливая организмъ и тѣмъ, конечно, все болѣе и болѣе затрудняя и отдаляя осуществленіе этихъ общихъ радикальныхъ мѣръ; тогда какъ репрессивный законъ можетъ дѣйствовать тотчасъ же по его обнародованіи и облегчить, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый процессъ ихъ введенія. Не слѣдуетъ забывать, что, какъ бы высоко ни поднялось матеріальное благосостояніе народа, эксплуататоры его всегда останутся налицо, всегда найдутъ то или иное средство для своей сокрушительной миссіи и всегда успѣютъ въ разореніи и состоятельнаго лица, чему наша гражданская и уголовная судебная хроника даетъ столько убѣдительныхъ примѣровъ. Да и существующая тактика ку-

лаковъ и міроѣдовъ щадитъ въ извѣстномъ смыслѣ свою жертву, оставляя ей всегда какую ни на есть возможность существованія, чтобы не потерять добычу сразу и продлить пользованіе ею. Затѣмъ, какъ бы ни сложились въ будущемъ улучшенныя условія сельскаго быта, трудъ всегда останется въ нихъ главнымъ, преобладающимъ факторомъ преуспѣянія, а трудъ всегда будетъ нуждаться въ защитѣ отъ капитала,— защитѣ государственной. Такую защиту и долженъ представлять собою законъ,— защиту надежную, а не фиктивную; въ ясныхъ, опредѣленныхъ формулахъ, не поддающихся никакому произволу или сомнѣнію, долженъ онъ указывать точную грань, на которой добросовѣстная ссуда переходитъ въ преступное ростовщичество. Грани этой не было; ея нѣтъ и въ новомъ законѣ; попрежнему, на этой грани идетъ и будетъ идти борьба двухъ сосѣдей, двухъ сопредѣльныхъ областей — гражданской и уголовной, борьба между правосознаніемъ народа и квалификаціей по закону; груды разлагающихся труповъ лежатъ у этой порубежной, спорной черты, и стаи хищныхъ вороновъ носятся надъ нею, чуя обильную добычу.

Караемость ростовщичества если и не можетъ получить фактическаго воздѣйствія въ томъ смыслѣ, что каждое нарушеніе будетъ обнаружено и наказано, чтобы «другимъ не повадно было», необходима, все-таки, какъ мѣра нравственнаго значенія: народъ будетъ знать, что то, что онъ зоветъ и считаетъ *деннымъ грабежомъ,* наказывается, или, по крайней мѣрѣ, подъ страхомъ наказанія воспрещается закономъ, что законъ этотъ не дозволяетъ обирать ближняго, «сосать его кровь», не даетъ молчаніемъ своимъ санкціи этому дѣлу, а считаетъ его злымъ и неправымъ. При беззавѣтной вѣрѣ нашего народа въ силу закона, олицетворяющаго «правду божескую», при его замѣчательной способности различать въ немъ идею отъ исполненія, подобное порицаніе, хотя бы въ одномъ своемъ принципѣ, окажется исполненнымъ на этотъ разъ этическаго, успокоительнаго значенія.

Слѣдовательно, въ теоріи, всякое возраженіе противъ наказуемости ростовщичества является неосновательнымъ, ненароднымъ и, сверхъ того, идущимъ въ разрѣзъ съ остальными однородными нормами уголовной и уже безспорной репрессіи, усвоенной дѣйствующимъ законодательствомъ: если за этимъ законодательствомъ всѣми признается право и необходимость карать своекорыстную эксплуатацію довѣрія, глупости, физической слабости, труда и т. п., то почему же сторонники «невмѣшательства» и защитники «свободы» гражданской сдѣлки должны оказаться правыми, когда дѣло идетъ объ эксплуатаціи несчастнѣйшаго изъ всѣхъ этихъ состояній потер-
[illegible]аго лица — его горькой, безысходной и мимовольной нужды?

[illegible] если это такъ, то можно ли относиться равнодушно къ той или
[illegible] редакціи закона, становящагося, наконецъ, на защиту этой нужды,
[illegible] ли своей репрессивнаго, и, несмотря на то, заключающаго въ себѣ
[illegible] олько предрѣшающихъ элементовъ невмѣняемости, любой на выборъ,—
[illegible] ціи, представляющей собою нѣчто самоупраздняющееся, нѣчто вродѣ
[illegible] что въ царствѣ флоры зовется пустоцвѣтомъ?

III.

Къ подобному же заключенію о силѣ новаго закона, парализованно уже *въ самомъ текстѣ его* включеніемъ въ составъ преступленія двух признаковъ, изъ коихъ одинъ безгранично растяжимъ, а другой не суще ствуетъ въ дѣйствительности, придемъ мы, обратившись и *къ процессуал ному порядку* предстоящаго ему воздѣйствія.

Какимъ, спрашивается, образомъ будетъ судья опредѣлять въ каждом данномъ случаѣ чрезмѣрную обременительность сдѣлки и ея несоотвѣтств мѣстнымъ обычаямъ? Въ первомъ отношеніи рѣшителемъ окажется дискр ціонное усмотрѣніе самого судьи, о вѣроятномъ характерѣ котораго уж было сказано выше, во второмъ — это усмотрѣніе будетъ ограничено и личностью того или иного «мѣстнаго обычая». Если таковой извѣстен судьѣ, или самъ онъ объ этомъ такъ полагаетъ, то гарантію правомѣ ности опредѣленія придется искать, опять-таки, въ томъ же дискреціо номъ усмотрѣніи. Если же судья пожелаетъ констатировать вопросъ бол объективнымъ порядкомъ, ему потребуется допросить свидѣтелей или пр извести дознаніе черезъ окольныхъ людей. Но ростовщичество представляе собою язву, разъѣдающую *весь* деревенскій міръ, а не одного только лич и непосредственно ею угнетеннаго; оно, какъ это мы видѣли, цѣликом зиждется на мѣстныхъ обычаяхъ; это — сплошная «юдоль скорби», въ к торой «плачъ и скрежетъ зубовный» — самыя заурядныя явленія, въ к торой всегда оказывается легкая и удобная почва для превращенія «кро пивца» и «живодёра» въ «благодѣтеля» и «вызволителя»; оно воспос ляется, это изумительное превращеніе, сознаніемъ самой замученной жерт ея собачьей преданностью своему мучителю, воспособляется ходячими в зрѣніями въ средѣ ему сочувствующей или подвластной, а теперь, хо косвенно и неумышленно, ему на руку оказывается и законъ, въ обна дованныхъ мотивахъ своихъ сравнявшій «утѣснителя заемщика» съ «со домъ, спасающимъ его отъ разоренія». Каковы въ деревнѣ свидѣтел окольные люди — хорошо извѣстно каждому, имѣвшему съ ними дѣло. Пра добиться тутъ положительно невозможно, разъ дѣло идетъ о той или д гой отвѣтственности вліятельнаго въ деревнѣ лица; это лицо всяко «нужно», кому своими деньгами, кому своею протекціей, кому источник заработковъ; оно, кромѣ того, располагаетъ широкими и грозными ср ствами мести. Возможно ли требовать отъ подвластнаго ему міра геройс правдивости показаній, возможно ли ждать отъ свидѣтелей и окольны чего-либо иного, кромѣ восторженной, блестящей его аттестаціи? Въ хо сочувственныхъ, хвалебныхъ голосовъ диссонансомъ будетъ звучать л одинокій вопль пострадавшаго и, понятно, заглохнетъ въ нихъ, какъ «б доказательный и опровергнутый».

Отчасти и иногда судьѣ будетъ оставаться иной выходъ, иной путь раскрытію истины,— строго-критическое отношеніе къ исковымъ требо ніямъ самого ростовщика, когда онъ вздумаетъ предъявить ихъ въ поряд

гражданскаго суда: истецъ всегда смѣлѣе и экспансивнѣе обвиняемаго или обвинителя. Путь этотъ, положимъ, самый вѣрный: истцу придется выложить *всѣ* свои доказательства и основанія, ему захочется содрать съ отвѣтчика какъ можно больше или въ неоплатномъ должникѣ найти себѣ даровою, пожизненнаго батрака; въ этихъ доказательствахъ и основаніяхъ иска проницательный судья можетъ получить и улики обвиненія; но это дѣло въ высшей степени трудное. Распознать въ гражданской, законно и безукоризненно оформленной сдѣлкѣ ея преступное, уголовное содержаніе и, вскрывъ это содержаніе, обнаружить «волка въ овечьей шкурѣ» — задача, требующая тонкаго юридическаго анализа, таланта, такого, наприм., какъ у г. Боровиковскаго (см. его извѣстную книгу *Отчетъ судьи*), который далъ въ своихъ рѣшеніяхъ столько новыхъ, мѣткихъ и живыхъ указаній нашимъ цивилистамъ какъ разъ въ той сферѣ, регулированію которой посвящена идея новаго закона о ростовщичествѣ.

«Всѣ законодательныя опредѣленія о гражданскихъ правоотношеніяхъ,— говоритъ этотъ судья,— безъ сомнѣнія, разсчитаны на *добросовѣстность* и правдивость контрагентовъ. Недобросовѣстность — *смертельный порокъ всякой сдѣлки,* такъ какъ отсутствуетъ предполагаемая закономъ *душа сдѣлки.* Примѣнить законъ, разсчитанный на добросовѣстную сдѣлку, къ недобросовѣстному ухищренію значило бы не исполнить законъ, а допустить его нарушеніе, допустить *глумленіе надъ нимъ.* Нерѣдко фактъ имѣетъ такой внѣшній обликъ, который, казалось бы, прямо подходитъ подъ опредѣленіе даннаго закона, а, между тѣмъ, эта оболочка только *маска:* судью хотятъ *обмануть.* Оставаясь слѣпымъ рабомъ буквы, а не разума закона, судья можетъ попасться въ ловушку и, пожалуй, будетъ утѣшать себя мыслью, что исполнилъ свой долгъ «точнымъ примѣненіемъ закона». Но такой взглядъ ошибоченъ. Напротивъ, судья тогда только дѣйствительно исполнитъ законъ и оградитъ его отъ нарушенія, если сниметъ обманчивую маску, обнаружитъ волка подъ овечьей шкурой. Недобросовѣстныя и обманныя сдѣлки направлены либо ко вреду третьихъ лицъ, либо къ обидѣ одного контрагента, простодушнаго и недогадливаго, другимъ, хитрымъ и жаднымъ. Судъ не исполнилъ бы своей *истинной задачи,* если бы недобросовѣстность и неправда не *боялись его*» (*Отчетъ судьи,* т. 1, стр. 238—239). «Изобличеніе недобросовѣстности, раскрытіе окутанной ухищреніями *правды* — одна изъ задачъ судейской должности; въ возможности оказать *защиту обиженному и обманутому* и сдѣлать это въ огражденіе святости закона заключается великая привлекательность судейской дѣятельности, вдохновляющая судью на его тяжелый трудъ» (тамъ же, стр. 240).

При подобномъ взглядѣ на сущность своихъ обязанностей исполнители [illegible] закона могли бы, разумѣется, упрочить и расширить его воздѣйст[illegible] не ограничиваясь жалобами частныхъ лицъ, а черпая источники прева[illegible]ванія въ разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ самостоятельно; но эта [illegible]а не по плечу институту, дѣла эти нынѣ вѣдающему, не по плечу [illegible]ристу-практику, такъ какъ для успѣха дѣла недостаточнымъ ока-

жется и знаніе законовъ; его одного мало: scire leges est non verba earum tenere, sed vim ac potestatem, какъ учило римское право. Но и тотъ судья, который окажется въ состояніи понять эту «vim ac potestatem» закона, встрѣтитъ неодолимыя препятствія въ своемъ стремленіи «раскрыть окутанную ухищреніями правду», и препятствія эти окажутся въ самомъ законѣ, въ его редакціонномъ текстѣ, окажутся и въ томъ случаѣ, когда судья этотъ не захочетъ ограничиться одною буквой закона, его формальнымъ только исполненіемъ. Къ обзору этихъ препятствій мы и переходимъ теперь.

IV.

Кромѣ ссылки на мѣстные обычаи, допускавшейся пока гражданскими только законами судопроизводства, и то не иначе, какъ по иниціативѣ одной изъ сторонъ, кромѣ неопредѣленности принятаго текстомъ термина «чрезмѣрной обременительности», въ новомъ законѣ имѣются и другіе неблагопріятные, ослабляющіе силу его карательной способности, элементы и указанія.

«Если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами,—гласитъ дополненіе 180² ст. уст. о нак., нал. мир. суд., — *извѣстными заимодавцу*, принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, виновный въ семъ ростовщичествѣ подвергается» и т. д.

Примѣненіе этой статьи, весьма внушительной по размѣру наказанія (тюрьма до 1 года и 4 мѣс. и денежное взысканіе до 300 руб.), весьма, повидимому, богатой и своимъ цѣлительнымъ, гуманнымъ содержаніемъ, поставлено, однако, въ прямую зависимость отъ одного изъ своихъ признаковъ — *завѣдомо для заимодавца стѣсненнаго положенія заемщика*. Эта завѣдомость, можно заранѣе предсказать, на судѣ никогда доказана не будетъ, хотя ни одинъ изъ сельскихъ ростовщиковъ своихъ денегъ или припасовъ зря раздавать, конечно, не станетъ. Онъ отлично знаетъ каждаго обывателя своей округи, знаетъ, кому и сколько можно повѣрить, когда навѣрняка можно «накрыть» его и сорвать свое съ лихвою; онъ зорко слѣдитъ за нимъ, караулитъ каждый шагъ его самолично, а при развитіи дѣла и чрезъ посредство своихъ агентовъ. Но объ этомъ, разумѣется, на судѣ никто и не заикнется. Совершенно наоборотъ, заимодавцу будетъ всегда легко убѣдительно доказать свое полнѣйшее въ этомъ отношеніи невѣдѣніе. «Помилуйте,—отвѣтитъ онъ судьѣ,—да еслибъ я зналъ, что его дѣла такъ плохи, да я бы ему гроша не повѣрилъ». Это съ одной стороны, съ другой—всякій заемщикъ, съ цѣлью получить ссуду, употребитъ всѣ старанія увѣрить заимодавца въ своей благонадежности и даже прикрасить свою кредитоспособность. Въ томъ или иномъ «внутреннемъ убѣжденіи» суда такіе и т. п. доводы могутъ встрѣтить сочувственный пріемъ, и обвиняемый будетъ оправданъ за несоставомъ преступленія, хотя бы «заемщи-

былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами принять условія ссуды крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ».

Непремѣннымъ условіемъ вмѣняемости сельскаго ростовщичества законъ ставитъ «занятіе ссудами *въ видѣ промысла*». Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ терминомъ, открывающимъ для судьи широкое поле произвольныхъ толкованій: профессіональныхъ ростовщиковъ, вродѣ городскихъ «содержателей ссудныхъ кассъ», спеціалистовъ дѣла, нѣтъ въ деревнѣ; занимается ссудами всякій, желающій повыгоднѣе помѣстить свои капиталы,—дворянинъ, чиновникъ, старшина, сторожъ волостного правленія, содержатель постоялаго двора, лавочникъ и друг.; не прочь попытать счастья и мѣстный батюшка. У каждаго изъ этихъ лицъ свое дѣло и *промышляющими ссудами* въ сжатомъ, техническомъ смыслѣ этого слова назвать никого изъ нихъ нельзя. Санъ «служители церкви», дворянскій гоноръ, должность и т. п. заставляютъ большинство изъ нихъ скрывать свою коммерцію и, получая изрядные барыши, слыть даже благодѣтелями (отчего же не помочь человѣку въ нуждѣ?»). Если земскій начальникъ разрѣшитъ юридическій вопросъ посредствомъ сжатаго, техническаго толкованія термина (а въ данномъ случаѣ сторонникъ «свободнаго усмотрѣнія» окажется буквоѣдомъ,—«нельзя же своего брата-дворянина...» и т. д.), то всѣ эти «любители искусства» избѣгнутъ преслѣдованія, хотя бы *для сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ условіяхъ, они воспользовались крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика;* между тѣмъ, этихъ послѣднихъ *непререкаемо уголовныхъ* признаковъ было бы *совершенно достаточно* для преслѣдованія и наказанія независимо отъ того, совершено ли дѣяніе «въ видѣ промысла», или въ видѣ «злонамѣреннаго пользованія тягостнымъ положеніемъ заемщика». Но этого мало: послѣдующая статья, трактующая о денежномъ ростовщичествѣ, для вмѣняемости преступленія *вовсе не требуетъ совершенія его въ видѣ промысла,* между тѣмъ, всѣ остальные признаки состава преступленія въ обѣихъ статьяхъ *совершенно тождественны,* и вся разница состоитъ только въ томъ, что первая статья предусматриваетъ возвратъ денежной суммы «*частью или вполнѣ* хлѣбомъ, припасами или работой», а вторая—*только деньгами,*—обстоятельство, ровно никакого значенія для вмѣняемости не имѣющее: если заимодавецъ въ первомъ случаѣ получитъ въ уплату должныхъ ему 20 р. 19 наличными, да 2 мѣрки овса, онъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности; если же онъ, во второмъ случаѣ, получитъ всю долговую сумму деньгами, при тождественности всѣхъ прочихъ признаковъ, онъ приговаривается къ тюремному заключенію на годъ и 4 мѣсяца и денежному взысканію въ 300 р., а при повторенiи и къ ссылкѣ.

Ѣ мѣрки овса на вѣсахъ правосудія, устраняющія вмѣняемость,—это что-то уже совсѣмъ новое!...

лѣе, въ дополненной новымъ закономъ 1707 ст. ул. о нак., «*учиненіе преступленія въ видѣ промысла*» приравнивается въ наказуемости къ его «*повторенію*». Если промыселъ и повтореніе одно и то же

(а это выходитъ такъ по редакціи указанной статьи), то для признанія наличности «промысла» достаточно двукратной ссуды при предусмотрѣнныхъ закономъ обстоятельствахъ; но, какъ это всякому извѣстно, возвышается мѣра наказанія при повтореніи преступленія не потому, что оно совершено два, три или болѣе разъ, а потому, что оно разъ уже было покрыто осужденіемъ и наказаніемъ, потому, что обвиняемый явилъ свою неисправимость, какъ рецидивистъ. Если редакція держалась такого взгляда, то сколько же разъ должна повториться не наказанная еще ростовщическая ссуда, чтобы въ глазахъ судьи принять «видъ промысла»?—все это вопросы безъ отвѣта, зародыши всяческихъ недоразумѣній, толкованій, произвола; а насколько важенъ такой отвѣтъ, видно уже изъ того, что отъ рѣшенія его можетъ зависѣть судьба цѣлой «благодѣтельствуемой округи» и самого «благодѣтеля», который въ одномъ случаѣ поплатится тюрьмой или ссылкой, а въ другомъ, совершено одинаковомъ, отдѣлается ничѣмъ.

Во всѣхъ предусмотрѣнныхъ новеллою случаяхъ эксплуатаціи народной нужды законъ, опорочивая клонящуюся къ тому сдѣлку, какъ ростовщическую, присуждаетъ, однако, виновному заимодавцу по ней взысканіе; «ростовщическое обязательство признается *не имѣющимъ силы*», но заимодавецъ освобождается отъ логически и юридически вытекающаго оттуда послѣдствія — лишенія права получить что-либо по такому обязательству. Правда, возврату подлежитъ лишь капитальная сумма долга; но развѣ капиталъ не является въ данномъ случаѣ орудіемъ преступленія,—тѣмъ ножомъ, которымъ убійца отнимаетъ жизнь у своей жертвы, или тѣмъ ломомъ, посредствомъ котораго воръ совершаетъ свое похищеніе, а такіе предметы, какъ извѣстно, уничтожаются и осужденнымъ на руки не выдаются. Съ другой стороны, страхъ утратить право на взысканіе по сдѣлкѣ, заключенной на инкриминируемыхъ закономъ условіяхъ, воздержалъ бы отъ преступленія многихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказался бы, пожалуй, дѣйствительнѣе проблематической тюрьмы или такого же ареста: «не бей мужика дубьемъ, а бей его рублемъ».

V.

Дальнѣйшія затрудненія въ пользованіи новымъ закономъ встрѣтитъ судья тамъ, гдѣ, прежде всего, казалось бы, онъ могъ разсчитывать на помощь и содѣйствіе въ своей гуманной задачѣ—«оказать защиту обиженному и обманутому» — въ самихъ показаніяхъ этого обиженнаго и обманутаго.

Выше мы уже имѣли случай упомянуть, что сельское ростовщичество при всѣхъ своихъ своеобразныхъ бытовыхъ условіяхъ, заражая и развращая все мѣстное населеніе, обладаетъ, между прочимъ, и почвой, всегда готовой для легкаго и удобнаго превращенія кровопивца въ благодѣтеля. Разоренія, ссуды, спаиванья, взысканія и другіе пластикуемые способы закабаленія одолжаемаго кліента имѣютъ для него свой предѣлъ, свою

кульминаціонную точку. Въ начальномъ періодѣ, пока жертва продолжаетъ еще сознавать свое бытіе, пока передъ нею еще мерцаетъ кое-какая надежда извернуться и возвратить свою былую экономическую свободу, вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ, съ этою надеждой, въ ней живетъ еще негодованіе къ «живодёру» и можетъ еще заявляться на судѣ. «Ваши высокородія, судьи праведные,—говоритъ она обыкновенно,—явите божескую милость, будьте заступниками за сироть малыхъ! Вѣдь, онъ (имя рекъ) по міру сколько народу пустилъ; вѣдь, на ёмъ креста нѣтъ, вѣдь, онъ съ меня послѣднюю рубаху снялъ, безъ ножа зарѣзалъ, кругомъ ограбилъ, какъ есть кровопивецъ,—ужели же на такого аспида да управы не найти?!» Такою формулой встрѣчается обыкновенно объявленное рѣшеніе суда, присудившаго аспиду взысканіе. Но наступаетъ предѣлъ, когда это страстное и критическое отношеніе къ живодёру слабѣетъ, затуманивается горемъ или виномъ и, мало-по-малу исчезая, переходитъ въ животную преданность окончательно закабаленнаго раба: кровопивецъ представляется ему благодѣтелемъ. Такъ безнадежно-больной съ вѣрою и любовью смотритъ въ глаза своему врачу, въ немъ одномъ видя свое спасеніе и безропотно подчиняясь всѣмъ его указаніямъ, мучительность и сомнительное качество которыхъ онъ такъ ясно сознавалъ прежде. Для характеристики этой психической метаморфозы, которой суждено будетъ играть главную роль въ воздѣйствіи новаго закона, всего лучше воспользоваться послѣднимъ произведеніемъ глубокаго и талантливаго знатока народной жизни, Гл. И. Успенскаго. Въ напечатанной въ іюньской книжкѣ *Русскаю Богатства* «присказкѣ» *Подкидышъ* мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Къ моему великому удивленію, въ безпорядочныхъ, спутанныхъ и ослабленныхъ пьянствомъ мысляхъ Ивана Ѳедоровича, выраженныхъ также безпорядочнымъ произнесеніемъ словъ, началъ обрисовываться образъ того хозяина-опаивателя, о которомъ я, со словъ того же Ивана Ѳедоровича, не могъ думать иначе, какъ о душегубѣ, которому нужно почему-то наживать деньги гибелью человѣческихъ существъ. По словечку, каменный, желѣзный кровопіецъ сталъ очерчиваться въ образѣ человѣка, исполненнаго истиннаго милосердія.

«— Тоже надо взять то... живутъ все нищіе... Пропьютъ, копѣйки нѣтъ, ѣсть нечего... А, вѣдь, онъ не прогонитъ. Положимъ, что жаденъ до денегъ... аспидъ... А дастъ... Обдеретъ, это вѣрно, а дастъ, снабдитъ, одѣнетъ,—«работай!»

«И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и лучше становился опаиватель въ глазъ Ивана Ѳедоровича... «Ты отдай, а когда надо—я опять тебя выручу»—и выручаетъ!... Это ему Богъ помогаетъ!... За кажиннымъ смотрѣть, кажиннаго ублаготворить, кажиннаго выручить... Стало быть, Богъ въ немъ есть!»

Въ такомъ полусознательномъ состояніи наркотическаго оптимизма, въ такомъ блаженномъ забвеніи, въ такомъ напуганномъ умиленіи будутъ находиться «вынужденные стѣсненными обстоятельствами заемщики, принимающіе

условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, — тѣ именно заемщики, охрану которыхъ имѣлъ въ виду новый законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій. Таковыми же окажутся и показанія этихъ заемщиковъ на судѣ; и судья не дождется отъ нихъ никакихъ доказательствъ чрезмѣрной обременительности сдѣлки или несоотвѣтствія ея мѣстнымъ обычаямъ, если не отрѣшится отъ рутиннаго взгляда на показанія лица потерпѣвшаго, якобы вѣрнѣйшаго руководителя въ поискахъ за уликами, если не поддастся искушенію принять это показаніе за чистую монету и не обратится къ инымъ, болѣе достовѣрнымъ и устойчивымъ, хотя и не столь легкимъ и экспансивнымъ источникамъ распознаванія истины, въ «скрытомъ состояніи» заключеннымъ въ наружно-неповинныхъ условіяхъ самой сдѣлки. Но ожидать такого критическаго отношенія къ своей задачѣ, такого глубокаго, смѣлаго и, несмотря на то, истиннаго пониманія своихъ обязанностей можно, пожалуй, отъ одного только г. Боровиковскаго, по причинамъ, нами въ своемъ мѣстѣ уже указаннымъ. И, все-таки, это — лучшій случай. Слѣдователь начнетъ слѣдствіе, судья приступитъ къ разбирательству,— тутъ еще будетъ кое-какая надежда на стараніе собрать улики, на безпристрастное отношеніе къ уличаемому. Но новымъ дѣламъ грозитъ и иная опасность — умирать въ зародышѣ на основаніи 277 или 309 ст. уст. уг. суд.: полицейскій урядникъ или сельская власть — вотъ кто будетъ производить предварительныя дознанія. Люди эти всегда нужны ростовщику, безъ ихъ покровительства невозможна его коммерція; онъ всячески ублажаетъ ихъ, заботится о нихъ, дружитъ съ ними. Со словъ неграмотныхъ свидѣтелей они будутъ писать въ своихъ дознаніяхъ самыя лестныя аттестаціи обвиняему благодѣтелю, у котораго и сами-то часто въ долгу. Здѣсь «мѣстные обычаи», занятіе «въ видѣ промысла», степень «обременительности» и др., подсказанные въ текстѣ закона защитные признаки получатъ столь широкое освѣщеніе, что слѣдователь или судья, не приступая къ дѣлу, направитъ дознаніе къ прекращенію за отсутствіемъ признаковъ преступленія. Этотъ легкій способъ отдѣлаться отъ труднаго дѣла нѣсколькими стереотипными строчками окажется на руку и лѣнивому, и заваленному работой. Зло, разъѣдающее нашъ сельскій бытъ, едва пробившись наружу въ жалобѣ одной изъ жертвъ его, скроется, неустраненное и безнаказанное, въ архивныхъ шкафахъ пустопорожней переписки по прекращеннымъ дѣламъ; еще выше подыметъ свою голову міроѣдъ и еще ниже склонится жалобщикъ.

VI.

При очевидной неудовлетворительности редакціи новаго закона, при безусловномъ сознаніи необходимости преслѣдовать ростовщичество въ уголовномъ порядкѣ независимо отъ тѣхъ или иныхъ общихъ и, разумѣется, болѣе радикальныхъ мѣръ къ охранѣ нуждающагося въ кредитѣ населенія, мы не рѣшаемся предложить какія-либо въ данной редакціи закона по-

правки и измѣненія. Дѣло это, насущное для первѣйшихъ интересовъ нашего сельскаго быта, мы считаемъ, однако, преждевременнымъ, хотя и не терпящимъ отлагательства: принятію того или иного текста закона должны предшествовать мѣстныя изслѣдованія всѣхъ видовъ и формъ, прецедентовъ и послѣдствій, условій и обстановки сельскаго ростовщичества, — изслѣдованія не по экономической только (это уже отчасти сдѣлано), а, главнымъ образомъ, по *юридической* вопросной программѣ. Они укажутъ и составные признаки преступленія, и ту грань, на которой гражданская сдѣлка переходитъ въ преступную эксплуатацію; они облегчатъ судьѣ трудную, немыслимую теперь задачу угадывать въ соблюденной законной формѣ «вопіющее беззаконіе» и дадутъ ему, вмѣсто личнаго усмотрѣнія, объективный критерій въ опредѣленіи «чрезмѣрной обременительности», «несоотвѣтствія мѣстнымъ условіямъ» и «занятія въ видѣ промысла».

А пока изъ данной редакціи новаго закона безъ всякаго ущерба для цѣлесообразности его примѣнія могли бы быть исключены всѣ эти 3 признака; «ростъ, не превышающій 12 процентовъ въ годъ, не почитается чрезмѣрнымъ», говоритъ дополненіе къ 180² ст. Уст. о нак., нал. мир. суд.; слѣдовательно, ссуда на условіяхъ, превышающихъ эту норму, окажется чрезмѣрно обременительною *и во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ остальныхъ статьяхъ закона,* говорящихъ объ этомъ признакѣ, но безъ означенія этой, однажды только почему-то указанной, нормы. Затѣмъ слѣдовало бы исключить во всѣхъ статьяхъ оговорки права заимодавца получить уплату по опороченной судомъ, признанной не имѣющею силы ростовщической сдѣлкѣ, какъ постановленія, не согласныя съ основными положеніями гражданскаго права и процесса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезсиливающія карательное воздѣйствіе закона.

При такомъ сокращеніи въ текстѣ новый законъ могъ бы только выиграть въ своемъ исполненіи, а добытый изслѣдованіями матеріалъ далъ бы возможность законодателю вооружить правосудіе болѣе дѣйствительными средствами въ борьбѣ со зломъ, ускользающимъ отъ преслѣдованія теперь точно такъ же, какъ ускользало оно и прежде.

VII.

Зло это народъ зоветъ «деннымъ грабежомъ», а вершителей его—«кровопивцами», душегубами», «живодерами», «міроѣдами», «аспидами» и другими столь же несомнѣнно уголовными кличками и именами.

Дико преклоняться передъ всякимъ воззрѣніемъ ради того только, что оно народное; но нельзя, однако, не признать, что въ правосознаніи нашего народа есть много такого, къ чему намъ, юристамъ, не мѣшаетъ не только прислушаться, приноровиться, но и поучиться. Въ особенности это необходимо отечественному уголовному правосудію, которое, главнымъ образомъ, существуетъ для народа: если мы бросимъ à vol d'oiseau общій взглядъ на всю кліентеллу, подвѣдомственную нашимъ уголовнымъ разнаго наименованія судамъ, то въ сплошной, безчисленной «сѣрой массѣ» потер-

пѣвшихъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей мы едва ли замѣтимъ совершенно исчезающую въ ней ничтожную горсточку представителей высшихъ, привилегированныхъ классовъ.

Мы видѣли уже, что въ томъ, что народъ заветъ «деннымъ грабежомъ», дѣйствующій законъ усматриваетъ лишь гражданскую сдѣлку, соотвѣтствующую мѣстнымъ обычаямъ, ненаказуемую, и въ мотивахъ своихъ открыто ожидаетъ, что «дѣятельность суда по дѣламъ этого рода будетъ отличаться такою осторожностью, при которой *извѣстная часть ростовщиковъ избѣгнетъ наказанія*» (изд. гос. канц. *О мотивахъ закона 24 мая*). Мы привели рядъ основаній и соображеній, по которымъ эта *извѣстная часть* должна принять весьма почтенные размѣры. Теперь мы переходимъ къ тѣмъ видамъ грабежа, которые признаются таковыми лишь въ своей законодательной нормѣ и, наоборотъ, вышеразсмотрѣннымъ, считаются въ народномъ, вѣрномъ и на этотъ разъ, воззрѣніи непреступнымъ озорствомъ, ухарствомъ, разгуломъ,—обычными явленіями грубой и некультурной крестьянской деревенской жизни въ дни праздника или мірской попойки,—явленіями, неразлучными съ хороводами, пѣснями, плясками и усиленнымъ посѣщеніемъ питейныхъ заведеній, въ деревенскомъ міросозерцаніи совершенно со всѣмъ этимъ отождествляемыми.

«Открытое съ насиліемъ или безъ насилія отнятіе и похищеніе чужого движимаго имущества»—таково законное понятіе грабежа. Дѣйствительная же жизнь представляетъ такіе факты, подводимые подъ это опредѣленіе нашею судебною практикой по неимѣнію для нихъ въ дѣйствующихъ уголовныхъ кодексахъ болѣе соотвѣтствующаго и менѣе опаснаго мѣста и внутреннему характеру этого опредѣленія совершенно чуждые:

Покупаетъ кто-нибудь изъ сельскихъ обывателей водку въ питейномъ заведеніи и въ бутылкѣ несетъ ее домой. Сидѣвшіе въ заведеніи двое пьяницъ, зная, что купившему водку придется идти глухимъ лѣсомъ, отправляются за нимъ въ слѣдъ, догоняютъ его и отнимаютъ бутылку, предварительно поваливъ его на землю.

Возвращается съ гулянья веселая толпа молодыхъ парней и дѣвушекъ. Одинъ изъ парней начинаетъ приставать къ дѣвушкѣ; та не соглашается на его предложенія; озлобленный сельскій ловеласъ срываетъ съ дѣвушки головной платокъ, убѣгаетъ съ нимъ и, затѣмъ, отыскавшись, не возвращаетъ отнятаго платка, отрицая и самый фактъ его отнятія.

Собирается товарищеская компанія любителей выпивки, пропиваетъ всѣ бывшія при ней деньги и начинаетъ внимательно поглядывать на сапоги одного изъ своихъ собутыльниковъ. Завязываются переговоры, и обладатель сапогъ соглашается пропить вмѣстѣ и ихъ. Всѣ идутъ искать человѣка, который бы далъ денегъ подъ эти сапоги. Въ это время обладатель сапогъ передумываетъ, мѣняетъ свое рѣшеніе и, зная, что добромъ отъ такой компаніи не отдѣлается, пускается на утекъ. Товарищи, замѣтивъ это, догоняютъ бѣглеца и, побивъ за вѣроломство, отнимаютъ сапоги и скрываются съ ними.

Въ сельскихъ трактирахъ почти ежедневно совершаются проступки, носящіе на себѣ всѣ внѣшніе признаки предусмотрѣннаго уложеніемъ грабежа. Вырвать изъ рукъ товарища рублевку и убѣжать съ нею, заперевшись потомъ въ совершеніи этого дѣянія, пьяному озорнику ничего не стоитъ. Поссорившись за выпивкою, вырвать изъ рукъ противника картузъ или что-либо другое и скрыться съ отнятымъ, пользуясь тѣмъ, что всѣ присутствующіе пьяны,—явленіе самое заурядное.

Во всѣхъ подобныхъ правонарушающихъ явленіяхъ гуляющей послѣ трудовъ деревни налицо всѣ признаки грабежа, да еще съ отягчающими вину обстоятельствами: насиліемъ, побоями, упорнымъ запирательствомъ. Но отрѣшимся на время отъ этой кодификаціонной квалификаціи и взглянемъ на дѣло не съ юридической, а съ общежитейской, народной точки зрѣнія.

Срываніе платковъ съ недоступныхъ красавицъ—такой же точно «мѣстный обычай», соотвѣтствіе которому устраняетъ, какъ мы видѣли, вмѣняемость ростовщичества въ новомъ законѣ о его преслѣдованіи. Срывается этотъ платокъ вовсе не для присвоенія его себѣ; что-либо корыстное вовсе и не входитъ въ планы «грабителя»; для него этотъ срываемый платокъ—вовсе не «движимое имущество», имѣющее извѣстную цѣнность: платокъ ему нуженъ, какъ вещественное, такъ сказать, доказательство своей побѣды, какъ трофей въ деревенскомъ флиртѣ, нуженъ на время, какъ значокъ или бантикъ въ великосвѣтскомъ котильонѣ. Кромѣ того, нашъ ловеласъ вовсе и не скрываетъ своего поступка, а, напротивъ, бахвалится имъ и молчитъ о «событіи» только тогда, когда оно, обратившись въ «грабежъ», обслѣдуется мѣстною властью.

То же самое сдѣдуетъ сказать и объ «ограбленныхъ» сапогахъ. «Грабителю» нужны не сапоги, ему нужно, до зарѣзу нужно опохмѣлиться. Есть у него свои сапоги или свой грошъ, онъ точно также пропьетъ ихъ; нѣтъ—и онъ схватитъ первый попавшійся на глаза предметъ, свой или чужой—все равно, лишь бы утолить мучительную, ничѣмъ инымъ неодолимую жажду похмѣлья. Это моментальный аффектъ, въ которомъ животное изступленіе подавляетъ волю и сознаніе; будь его жертва трезвою, не томи «грабителя» эта невыносимая жажда, да онъ и не подумалъ бы посягнуть на чужое.

Скажите такому грабителю, что онъ учинилъ предусмотрѣнный 1642 ст. уложенія, грабежъ, что за это ему слѣдуетъ Сибирь, — онъ расхохочется вамъ въ глаза. Не сдѣлаетъ онъ этого, конечно, у слѣдователя, на допросѣ въ судѣ; тамъ, изъ чувства самосохраненія, видя, что съ нимъ не шутятъ, сознавая, что онъ погибаетъ зря, онъ «явитъ упорное запирательство» и тѣмъ еще сильнѣе убѣдитъ начальство въ вѣрности принятаго послѣднимъ «взгляда на дѣло». Онъ знаетъ, конечно, что, срывая платокъ съ неприступной красавицы или разувая своего пьянаго товарища, онъ совершаетъ нѣкоторое озорство, что за это его не похвалятъ, а, въ неблагопріятномъ случаѣ, могутъ помять и бока; но что изъ-за непокорной

Дуньки или подлеца Степки его въ арестантскомъ халатѣ жандармы съ саблями на-голо поведутъ въ окружной, онъ повѣритъ только тогда, когда взойдетъ на трибуну стражъ закона и начнетъ обвинять его въ «открытомъ похищеніи чужого движимаго имущества съ насиліемъ». Онъ едва сдержитъ улыбку въ тотъ тихій и торжественный моментъ, когда священнодѣйствующій судебный приставъ, взявъ со стола вещественныхъ доказательствъ возлежащія на немъ Дунькинъ платокъ или Степкины сапоги, понесетъ показывать ихъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Этому недоумѣнію, этому сознанію, что онъ «погибаетъ зря», какъ нельзя болѣе способствуетъ то обстоятельство, что изъ массы такого рода «грабежей» до суда доходитъ только извѣстная часть, тогда именно, когда при «событіи преступленія» присутствуетъ какой-нибудь ревностный полицейскій чинъ или когда Дунька или Степка по какимъ-либо соображеніямъ сочтутъ нужнымъ «утруждать начальство» своею жалобой, не на ограбленіе, опять-таки, а на озорство или на убытокъ. Остальные, затѣмъ, случаи проходятъ, разумѣется, безслѣдно, а это въ свою очередь укрѣпляетъ и въ преслѣдуемыхъ, и во всемъ околодкѣ взглядъ, что «не за дѣло, а зря погибаетъ парень». Народъ привыкаетъ видѣть въ обвинительномъ приговорѣ суда не должное возмездіе содѣянному, не возстановленіе попраннаго права, а несчастный случай,—такой же случай, какъ ударъ грома, поразившій путника, градъ, истребившій посѣвы, или чума, уничтожившая скотъ. Воспитательное значеніе правосудія утрачивается, парализуется слѣпымъ, *непонятнымъ народу* фатумомъ, слагаемымъ на этотъ разъ случайностью и пробѣломъ закона.

Конечно, не всякій такой «грабежъ», дойдя до суда, карается обвинительнымъ приговоромъ. Но подобныя оправданія случаются почти исключительно въ столицахъ или въ губернскихъ городахъ, гдѣ присяжные засѣдатели интеллигентнѣе и хорошо знаютъ, чѣмъ пахнетъ дѣло; вполнѣ вѣря, что всѣ проставленные въ вопросѣ фактическіе признаки имѣли мѣсто, они выносятъ оправдательный вердиктъ. Но въ уѣздныхъ сессіяхъ, гдѣ въ составѣ присяжныхъ сплошь и рядомъ засѣдаютъ одни крестьяне, между которыми не найдется ни одного, знакомаго съ уложеніемъ или съ ученіемъ о зломъ умыслѣ, гдѣ дѣла такого рода наиболѣе часты и гдѣ обвинительные приговоры всегда преобладаютъ надъ оправдательными, даря ими лишь ничтожную часть разсмотрѣнныхъ дѣлъ,—тамъ прокуроръ достигаетъ своей цѣли, достигаетъ не потому, что судьи общественной совѣсти раздѣляютъ его взглядъ, а просто вслѣдствіе рокового недоразумѣнія: о *грабежѣ* не упоминается въ вопросѣ ни единымъ словомъ, вопросъ ставится судомъ по фактическимъ признакамъ преступленія («виновенъ ли такой-то въ томъ, что тогда-то, находясь тамъ-то, сорвалъ платокъ съ такой-то или снялъ сапоги съ такого-то?»), а такъ какъ оба эти дѣйствія не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, то присяжные, не подозрѣвая, какъ воспользуется ихъ отвѣтомъ судъ, произносятъ свое простодушное «да!» Судъ выноситъ «краткую резолюцію» и прочитываетъ ее; присяжные съ

испуганными лицами окружаютъ прокурора, прося вернуть ихъ для поправленія «ошибки», чей-то раздирающій душу крикъ оглашаетъ залу засѣданія... и «правосудіе торжествуетъ». Только въ этотъ неожиданный и безповоротный моментъ дѣло разъясняется для всѣхъ—для подсудимаго, свидѣтелей, присяжныхъ засѣдателей и публики.

Вотъ, если бы усвоенный закономъ о преслѣдованіи ростовщичества новый, своеобразный принципъ невмѣняемости—соотвѣтствіе дѣянія мѣстнымъ обычаямъ—былъ введенъ въ законодательную квалификацію подобныхъ «грабежей», здѣсь онъ оказался бы у мѣста. Но, кромѣ этого составного признака, во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ праздничнаго и полупьянаго озорства находится налицо и иной, несравненно болѣе общій и важный признакъ, устраняющій всякую правомѣрность кары: это—полнѣйшее отсутствіе сознанія обвиняемымъ того, что, озорничая, онъ является опаснымъ обществу и подлежащимъ далекой ссылкѣ «уголовнымъ» преступникомъ.

Честный, трудолюбивый парень, кормилецъ цѣлой семьи, праздничнымъ вечеромъ, увлеченный дѣвушкою, срываетъ съ нее платокъ... Онъ лишается за это правъ и идетъ въ Сибирь. Сосѣдъ его, «хладнокровно и по расчету совершающій самыя вопіющія беззаконія, вымогаетъ послѣднюю копѣйку у безпомощныхъ вдовъ и сиротъ, высасываетъ кровь изъ народа, «аспидъ и душегубъ», остается дома и благоденствуетъ... Положимъ, жизнь иногда идетъ помимо закона, парня иногда спасаютъ смѣтливые присяжные, а душегубъ самъ иногда умираетъ подъ обухомъ принятаго въ закладъ топора. Но, вѣдь, это—исключенія и случайности. Не ими же можетъ регулироваться та сфера отношеній, которую предусматриваетъ карательный законъ, и не можетъ этотъ законъ, являясь идеаломъ житейской морали, терпѣть въ своемъ текстѣ *такія* аномаліи и терзать подвѣдомую себѣ сферу *такими* контрастами.

П. Н. Обнинскій.

Новая книга о парижскомъ обществѣ.

Нѣсколько времени тому назадъ въ Лондонѣ появилась книга подъ заглавіемъ: *An Englishmon in Paris, notes and recollections* и немедленно привлекла вниманіе публики и литературы. Множество изданій разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ, книгу немедленно перевели на французскій языкъ и въ настоящее время это едва ли не популярнѣйшее сочиненіе историко-общественнаго содержанія. Естественно возникъ вопросъ, кто авторъ книги? Поднялась полемика, было предложено нѣсколько догадокъ, но одно опроверженіе слѣдовало за другимъ и до сихъ поръ «англичанинъ» остается таинственнымъ незнакомцемъ. Извѣстно одно, что онъ очень долго жилъ въ Парижѣ, съ 1835 года по 1871 г., занималъ положеніе, дававшее ему возможность быть своимъ человѣкомъ въ мірѣ артистовъ, писателей, студентовъ, дипломатовъ. Свои воспоминанія онъ составилъ или, по его словамъ, «переписалъ» въ 1882 году; сначала онъ не думалъ издавать ихъ, но это рѣшеніе не осуществилось и десять лѣтъ спустя вышло два тома. Живъ ли до настоящаго времени самъ авторъ, неизвѣстно.

Нѣкоторыя указанія на его личность мы можемъ почерпнуть только изъ его разсказа, и, притомъ, эти указанія совершенно случайны и крайне неполны.

Таинственный авторъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ богатой аристократической семьѣ, воспитывался на рукахъ гувернеровъ, видѣлъ въ своей семьѣ знатныхъ гостей, впослѣдствіи сталъ вхожъ въ лучшія гостиныя французской столицы. Но это далеко не заурядный аристократъ—членъ замкнутаго исключительнаго міра. Нашему автору свойственны вкусы и увлеченія, которые врядъ ли одобрилъ бы истый представитель англійскаго «свѣта». Нашъ авторъ пережилъ настоящую романтическую эпоху въ молодости, любилъ мѣнять тонную гостиную родного дома на кафе, театры и бальныя залы латинской богемы. Этого мало: много лѣтъ спустя, когда составлялись воспоминанія, авторъ находилъ, что въ далекомъ прошломъ на лѣвомъ берегу Сены онъ встрѣчалъ столько благороднаго энтузіазма, столько безкорыстныхъ и рыцарскихъ порывовъ, сколько ему не приходилось видѣть въ самомъ блестящемъ кругу. Одно это заявленіе ярко обрисовываетъ че-

ловѣка и гарантируетъ его терпимость и широту взгляда. Но это не значитъ, что у знатнаго иностранца исчезли всѣ предразсудки и пристрастія, разъ онъ цѣлыя десятилѣтія жилъ на французской почвѣ и дышалъ воздухомъ разнороднѣйшихъ слоевъ культурнаго общества. Было бы совершеннымъ чудомъ, еслибъ англичанинъ, по всей вѣроятности, занимавшій высшій административный постъ и воспитанный на исконномъ политическомъ и общественномъ консерватизмѣ своей націи, оказался во всякую минуту на высотѣ проницательнаго и безпристрастнаго наблюдателя, среди всѣхъ неожиданныхъ и радикальныхъ потрясеній чужого государства. Авторъ по натурѣ не любитъ никакихъ переворотовъ,—ничего, слишкомъ рѣзко нарушающаго разъ установившееся теченіе жизни. Онъ просвѣщенъ, терпимъ, либераленъ, но онъ сынъ народа, привыкшаго къ *реформамъ* а не къ *революціямъ*. Онъ, кромѣ того, лично любитъ комфортъ, извѣстную методу существованія, и для него одинаково тяжело видѣть сверженіе короля съ престола и, по милости революціи, лишиться обычнаго завтрака. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, такое настроеніе должно было глубоко отразиться на идеяхъ автора, но пока кругомъ все спокойно, болѣе остроумнаго и пріятнаго наблюдателя трудно указать.

Англичанинъ подробно пишетъ о трехъ предметахъ, совершенно различныхъ, но одинаково ему знакомыхъ: о студентахъ Латинскаго квартала, о писателяхъ и артистахъ и о февральской революціи. Читателю легко угадать, гдѣ долженъ обнаружиться больной пунктъ авторскихъ сужденій. Онъ стоитъ въ самомъ концѣ книги,—послѣдуемъ и мы ея порядку.

О парижскомъ студенчествѣ отдаленнаго и недалекаго прошлаго писалось очень много. Едва ли не каждый писатель, прошедшій путь оффиціальной науки, считалъ нужнымъ вспомнить о товарищахъ своей молодости. Русскіе читатели должны особенно помнить разсказы Золя на этотъ счетъ. Но даже характеристики знаменитаго романиста интересомъ и живостью подробностей далеко уступаютъ запискамъ англичанина. Первая глава книги—превосходный художественный бытовой очеркъ, простой, прочувствованный и, очевидно, безусловно правдивый. Передадимъ нѣсколько картинокъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Латинскомъ кварталѣ существовало оригинальное студенческое общежитіе. Громадное ветхое полуразвалившееся зданіе, неизвѣстно когда и зачѣмъ воздвигнутое, носило названіе *Хильдеберта*. Владѣла имъ нѣкая г-жа Шанфоръ, одаренная искреннею симпатіей къ учащейся молодежи, почти никогда не получавшая квартирныхъ денегъ и кормившая вдобавокъ своихъ квартирантовъ обѣдами съ виномъ за 12 с[ут]. Были и нѣкоторыя неудобства въ этой благотворительности: г-жа Шанфоръ на-отрѣзъ отказывалась производить какія бы то ни было поправки в своемъ владѣніи, и юное населеніе Хильдеберты должно было выносить б[ез] всякой борьбы всевозможные капризы парижскаго климата. Но жильцы н[е] унывали. Хильдеберта никогда не пустѣла, и вступленіе новаго обитат[еля] неизмѣнно сопровождалось бурнымъ торжествомъ, поднимавшимъ на н[оги] весь кварталъ.

Вообще мирнымъ обывателямъ лѣваго берега Сены въ эту эпоху приходилось жутко. Юная фантазія студентовъ и художниковъ истощала всѣ силы свои, чтобы дать по возможности небывалый спектакль буржуа и полиціи. Въ особенности буржуа приходилось терпѣть. Іюльская монархія довела ненависть интеллигентныхъ классовъ къ буржуазіи до послѣднихъ предѣловъ. Не только студенты,—писатели, поэты, знаменитые художники открыто преслѣдовали лавочниковъ, въ театрахъ, на улицахъ, на общественныхъ гуляньяхъ. Нарочно изобрѣтались невѣроятные костюмы, чтобы привести въ ярость чинную буржуазную семью. Въ Латинскомъ кварталѣ буржуа буквально подверались травлѣ, не представлявшей, конечно, никакой опасности, но жестоко шокировавшей мѣщанскую респектабельность. Буржуа не смѣлъ показаться въ театръ, посѣщаемый студентами, не могъ переступить порога Хильдеберты и долженъ былъ приходить въ ужасъ отъ одной мысли—прогуляться по улицамъ студенческаго царства.

Авторъ разсказываетъ, какими способами хильдебертинцы выживали буржуа, появлявшихся въ ихъ общежитіи. Въ Хильдебертѣ жило много художниковъ, а буржуа и ихъ супруги искони страдали слабостью—увѣковѣчивать себя великолѣпными портретами. Случалось, художникъ Хильдеберты соблазнялся заказомъ, но ему никогда не приходилось выполнить этотъ заказъ. Въ самый разгаръ сеанса въ комнату вваливалась «натура» съ предложеніемъ позировать для св. Жерома или Годивы,—фигуры, особенно популярной у «латинскихъ» артистовъ. Натура была, конечно, въ подходящемъ костюмѣ, т.-е. совсѣмъ безъ костюма, какъ это требовалось для названныхъ типовъ. Въ другой разъ Хильдеберту быстро облеталъ слухъ о появленіи бѣшеной собаки или все зданіе наполнялось густымъ дымомъ и тлѣли ворохи сырой соломы, и несчастный буржуа, воображая пожаръ, въ припадкѣ ужаса бросался вонъ. Эти мѣры навсегда отвадили ненавистныхъ гостей.

Продѣлки нерѣдко принимали публичный характеръ. Студенты весьма оригинально выражали свое сочувствіе различнымъ современнымъ литературнымъ направленіямъ. Молодежь увлекалась одновременно Байрономъ, классиками, романтиками. Всѣ эти увлеченія можно было наглядно видѣть въ «латинскомъ» городѣ. На каждомъ шагу встрѣчался юноша, наряженный въ костюмъ того или другого героя, иллюстрирующій вдохновенія какой-либо изъ многочисленныхъ литературныхъ школъ. Въ одинъ прекрасный день внезапный ужасъ охватываетъ весь кварталъ: по улицамъ разгуливаютъ Ромулъ, Ремъ и Геркулесъ въ компаніи съ своими миѳическими чудовищами—съ волчицей и львомъ. Является полиція, національная гвардія, но никто не смѣетъ нарушить процессіи, пока сами участники не соглашаются отправиться въ полицейское бюро и тамъ раскрыть тайну: волчица и левъ оказываются двумя обитателями Хильдеберты. Это—спектакль на классическую тему. Продѣлка въ романтическомъ духѣ еще оригинальнѣе. Толпа студентовъ, нарядившись бедуинами, взволновала весь Парижъ; набожные католики увѣряли, что это военноплѣнные арабы, только что

обращенные въ христіанство, посыпались пожертвованія и можно представить, съ какимъ трескомъ отпраздновала Хильдеберта свой успѣхъ.

Страсть парижскихъ студентовъ къ театру исторически извѣстна. Писатели прошлаго вѣка, напримѣръ, единогласно приписываютъ студентамъ громадное вліяніе на актеровъ и драматическую литературу и отмѣчаютъ существенную перемѣну въ искусствѣ съ тѣхъ поръ, какъ *Comédie Française* изъ Латинскаго квартала перешла на правый берегъ Сены. Но у студентовъ быстро возникли свои театры и немедленно пріобрѣли своеобразный складъ. Въ срединѣ XIX вѣка публика этихъ театровъ осталась такая же страстная, отзывчивая, художественно-чуткая, какою была почти полвѣка назадъ. Въ преданіяхъ просвѣтительной эпохи мы слышимъ гораздо чаще о *партерѣ*, чѣмъ о *сценѣ:* публика давала свои спектакли по поводу пьесы, и въ этихъ спектакляхъ современники узнавали настроеніе парижанъ въ данную минуту. Задолго до бурныхъ сценъ въ Національномъ собраніи, въ парижскихъ театрахъ можно было наблюдать постепенный ростъ революціоннаго духа. Студенты іюльской эпохи хранили эти традиціи. Они не пропускали случая шумно заявить свое отвращеніе къ буржуазному режиму, къ современнымъ властителямъ и часто до такой степени горячо участвовали въ представленіи и въ пьесѣ, что нашъ авторъ затрудняется даже припомнить содержаніе большинства драматическихъ произведеній. Эпиграммы, реплики, замѣчанія сыпались со всѣхъ сторонъ, и никакая сила въ мірѣ не съумѣла бы овладѣть юными страстями. Но въ латинскомъ городѣ все было на свой ладъ. Студенческіе театры несомнѣнно были бы закрыты по жалобѣ окрестныхъ обывателей, если бы директоры этихъ театровъ не обладали безпримѣрнымъ искусствомъ укрощать своихъ буйныхъ гостей. Въ Одеонѣ, напримѣръ, произошла такая сцена. Студентамъ страстно понравилось краснорѣчіе директора, и они ходили въ театръ чаще съ цѣлью послушать любимаго оратора, чѣмъ пьесу. При этомъ, конечно, зрители пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы вызвать директора—сказать рѣчь. Всякому другому такое положеніе отравило бы жизнь, но не таковъ былъ хозяинъ Одеона. Въ одинъ, по обыкновенію, бурный вечеръ директоръ произнесъ такую рѣчь: онъ обѣщалъ студентамъ говорить рѣчи при всякомъ случаѣ, безъ ихъ просьбъ, и готовъ былъ считать себя счастливымъ, если бы избавилъ гг. студентовъ отъ расходовъ на яблоки и яйца въ день спектакля и на лепешки отъ кашля на слѣдующій день, а гг. студенты съ своей стороны согласились щадить его мебель и костюмы его артистовъ... Такъ можно было говорить только «въ своей семьѣ», какъ выражался директоръ другого студенческаго театра, и семья отдавала полную честь родственнымъ чувствамъ и остроумію своихъ увеселителей.

Кромѣ театровъ, у студентовъ были свои бальныя залы, свои кафе, и естественно, громадное большинство латинцевъ по цѣлымъ годамъ не переходило мостовъ. Такъ же жили и «студентки», большею частью безкорыстно услаждавшія жизнь своихъ юныхъ друзей. Это былъ совершенно особый міръ—шумный, увлекающійся, легкомысленный, но таившій въ себѣ

столько природнаго благородства, столько самоотверженныхъ, юношески-свѣжихъ порывовъ, что нашъ авторъ долго спустя, пребывая уже въ свѣтской высоко-оффиціальной средѣ, по временамъ снова возвращался на лѣвый берегъ Сены все съ тѣмъ же чувствомъ старой симпатіи къ былымъ впечатлѣніямъ...

Другой міръ также отлично знакомъ автору—писатели и артисты сороковыхъ годовъ. Въ литературномъ отношеніи это было очень счастливое время даже для Франціи, никогда не оскудѣвающей художественными талантами. Въ разцвѣтѣ силъ были оба Дюма, Бальзакъ, Альфредъ Мюссе, Жоржъ Зандъ, всходили звѣзды—Ожье, Флоберъ, гремѣли менѣе почтенныя имена Скриба и Сю, на сценѣ производила фуроръ Рашель, опера блистала талантами Обера, Берліоза, Мейербера, живопись имѣла своего «Шекспира» въ лицѣ Делакруа. Почти всѣхъ этихъ людей нашъ авторъ знаетъ лично, и не только какъ общественныхъ дѣятелей, а какъ *людей*. Въ художественную критику онъ не пускается по принципу, но за то *человѣческія* стороны знаменитостей рисуются у него съ изумительною полнотой и точностью. Историкъ литературы и искусства не забудетъ этого матеріала.

Симпатичнѣйшимъ человѣкомъ для англичанина является Дюма-отецъ. Сказочная расточительность знаменитаго писателя давно извѣстна по разсказамъ сына. Дюма-отецъ рѣшительно не понималъ цѣнности денегъ. Зарабатывалъ онъ колоссальныя суммы и вѣчно не выходилъ изъ долговъ. Во всемъ Парижѣ,—говоритъ авторъ,—врядъ ли былъ судебный приставъ, не имѣвшій дѣла съ романистомъ. Человѣку, зарабатывавшему въ годъ до 200,000 франковъ, приходилось иногда одолжаться... сапогами у людей совершенно незнакомыхъ, оказывать благодѣянія первому встрѣчному, раздавая вещи, угощать роскошными обѣдами всякаго прохожаго, не зная даже его имени. Самъ расточитель не пилъ, не игралъ, даже не курилъ, и boeuf bouilli sauté предпочиталъ всѣмъ блюдамъ. И, между тѣмъ, тотъ же Дюма до безумія увлекался своимъ талантомъ, только не литературнымъ, а кулинарнымъ, довольно равнодушно встрѣчалъ нападки критиковъ на его романы, но не переносилъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его поварскомъ искусствѣ. Англичанинъ лично былъ свидѣтелемъ оригинальной борьбы Дюма за свою кулинарную честь.

Дюма обѣдалъ обыкновенно въ Café de Paris, лучшемъ ресторанѣ того времени. Всякій разъ, когда ему случалось поѣсть особенно вкуснаго блюда, онъ немедленно отправлялся на кухню, бралъ рецептъ и нѣсколько дней спустя приглашалъ друзей на то же блюдо, приготовленное его руками. По поводу жареной рыбы случилась цѣлая исторія. Дюма угостилъ своихъ пріятелей превосходнымъ карпомъ. Экономка одного изъ нихъ тщетно пыталась воспроизвести то же блюдо и въ злобѣ стала наговаривать на Дюма, будто онъ въ кулинарномъ дѣлѣ поступаетъ совершенно такъ же, какъ и въ литературномъ,—пользуется чужимъ трудомъ. Дюма не обратилъ никакого вниманія на обвиненіе въ плагіатѣ, но инсинуація насчетъ его сотрудниковъ по кухнѣ привела его въ ярость. Онъ потребовалъ

назначить ассистента, который бы наблюдалъ за приготовленіемъ карпа. Эта роль выпала на долю нашего разскащика, и онъ долженъ былъ подтвердить полную самостоятельность кулинарнаго творчества Дюма.

Полнѣйшую противуположность Дюма представляла Рашель. Мы читаемъ едва вѣроятныя исторіи о сребролюбіи и жадности прославленной артистки. Авторъ очень близко зналъ всю семью Рашели, часто пользовался обществомъ актрисы, весьма увлекательнымъ и интереснымъ, и его сообщенія объ ея подвигахъ могутъ считаться исторически-достовѣрными. Артисткѣ было доступно очень мало гуманныхъ и благородныхъ чувствъ. Благодарности она не знала и жестоко третировала знаменитаго своего учителя Самсона, благотворительности не признавала и отказывалась участвовать въ спектакляхъ съ какою бы то ни было гуманною цѣлью. Объ ея женскихъ чувствахъ можно судить по оригинальнымъ браслетамъ, съ которыми она не разставалась: браслеты были составлены изъ множества колецъ и сувенировъ отъ поклонниковъ — не одного только таланта Рашели. Семейныя отношенія складывались у нея также въ очень своеобразную форму: братъ безсовѣстно эксплуатировалъ ее, мать вѣчно держала дочь въ кабалѣ, ссужая ей деньги непремѣнно подъ векселя и за огромные проценты. Рашель отнюдь не старалась сколько-нибудь облагородить себя и свою среду путемъ знанія, мысли. Она ничего не читала, кромѣ своихъ ролей, и ничѣмъ не интересовалась, кромѣ денегъ. На этотъ счетъ Рашель не стѣснялась. Разъ пригласили ее принять участіе въ благотворительномъ вечерѣ въ пользу восточныхъ христіанъ. Она, по обыкновенію, отказалась, но дала согласіе, чтобъ ея имя было поставлено на афишѣ. Распорядители предъ началомъ вечера должны были объявить ее больной. За это право Рашель потребовала десять билетовъ—по сто франковъ билетъ—и продала ихъ сначала одному знакомому и попросила у него пять назадъ — «для себя и семьи», снова продала эти пять — и попросила одинъ «для себя». Авторъ изумляется, какъ Рашель не продала еще и этотъ билетъ. Судьба жестоко мстила артисткѣ за ея жадность. Рашель играла на биржѣ, горѣла жаждой разбогатѣть, и вѣчно попадала въ лапы мошенниковъ и спекулянтовъ. Едва вѣроятно, но фактически достовѣрно, что Рашель нуждалась до самой смерти. Нашъ авторъ былъ на посмертной распродажѣ ея вещей: ничего, кромѣ простыхъ дешевыхъ туалетовъ и самыхъ обыкновенныхъ драгоцѣнностей, Рашель не оставила.

Отдѣльныя главы въ запискахъ посвящены музыкантамъ и художникамъ. Оригинальнѣйшею и симпатичнѣйшею фигурой въ этой галлереѣ является знаменитый живописецъ Делакруа. Обладая громаднымъ, истинно шекспировскимъ вдохновеніемъ, великій поэтъ по натурѣ, Делакруа былъ совершенно чуждъ столь обычныхъ, особенно для поэтовъ, романическихъ увлеченій. Женщины не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Сама всемогущая Жоржъ Зандъ потерпѣла полное фіаско — единственный разъ въ жизни—именно съ Делакруа. Знаменитая чаровательница, сгубившая «столько великихъ»—Мюссе, Шопэна, Сандо, Ламеннэ, Кабэ,—пуска-

лась во всевозможныя ухищренія, чтобы смутить Делакруа. Раздраженная его равнодушіемъ, она устроила разъ такую сцену. Явилась утромъ къ художнику во время работы и съ крайне убитымъ видомъ заявила ему:

— Бѣдный мой Евгеній! Мнѣ страшно, но я должна сообщить вамъ печальную вѣсть.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Делакруа, не прерывая работы и улыбаясь гостьѣ.

— Да, мой милый, я посовѣтовалась съ своимъ сердцемъ и убѣдилась, что я, къ сожалѣнію, не могу васъ любить.

Делакруа, продолжая работать, снова спросилъ:

— Это навѣрное?

— Да, я прошу простить меня, что я такъ откровенна, мой бѣдный Делакруа.

Делакруа продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Вопросы сыпались одинъ за другимъ.

— Вы сердитесь на меня, не правда ли? Вы никогда не простите мнѣ?

— Конечно. Только я прошу васъ оставаться въ покоѣ въ теченіе десяти минутъ. Мнѣ надо дорисовать клочокъ неба. Я долго бился надъ нимъ, теперь, кажется, онъ удается. Посидите на минуточку или пройдитесь и возвращайтесь спустя десять минутъ.

Жоржъ Зандъ, конечно, не вернулась...

Послѣднія двѣ главы книги политическаго содержанія, и это слабѣйшая часть воспоминаній. Авторъ прекрасно зналъ Людовика-Филиппа и его семью. Здѣсь разсказъ правдивъ и несомнѣнно достовѣренъ. Интересно положеніе, занятое іюльскою монархіей въ общественномъ мнѣніи. Эту монархію создала буржуазія и король жестоко долженъ былъ расплачиваться за услугу. Онъ ненавидѣлъ своихъ помощниковъ и отлично понималъ весь эгоизмъ ихъ стремленій, прикрытый звучными словами: *общественный порядокъ* и проч. Онъ долженъ былъ терпѣть нахальный разгулъ буржуазныхъ инстинктовъ, составлять свой дворъ изъ мѣщанъ во дворянствѣ, приглашать на балы пестро разряженныхъ жеманныхъ лавочницъ. Все это возбуждало смѣхъ среди настоящей знати и даже среди народа. Старинная аристократія не показывалась при дворѣ, а на улицѣ, чему очевидцемъ былъ нашъ авторъ, открыто издѣвались надъ манерами и туалетами новыхъ придворныхъ дамъ. Монархія и монархъ не пользовались никакимъ авторитетомъ. Король пытался изгнать марсельезу изъ народнаго обихода, замѣнить ее другимъ гимномъ,—въ результатѣ подъ окнами Людовика-Филиппа стали собираться толпы и распѣвать марсельезу. Король вынужденъ былъ выходить на балконъ и подпѣвать. Гизо сдѣлалъ ему выговоръ за такую «республиканскую манифестацію». Король успокоилъ своего министра, увѣряя, что онъ *не произноситъ словъ*, а только шевелитъ губами. Къ такимъ уловкамъ приходилось прибѣгать запуганному монарху! Естественно, его одолѣвалъ вѣчный страхъ за прочность престола. Въ обществѣ короля никогда не видали яснымъ и веселымъ. «Корона Франціи,—говаривалъ

онъ,—слишкомъ холодна зимой, слишкомъ горяча лѣтомъ. Скипетръ—жалкое оружіе для нападенія и для защиты. Онъ слишкомъ коротокъ, чтобы служить поддержкой. Широкая фетровая шляпа и зонтикъ, во всякомъ случаѣ, гораздо полезнѣе».

Мысль о невольномъ путешествіи изъ столицы не покидала короля. Въ путешествіи нужны деньги, и онѣ дѣйствительно служили главнѣйшею темой въ бесѣдахъ Людовика-Филиппа. При всякомъ случаѣ онъ заявлялъ о своемъ чисто-буржуазномъ скопидомствѣ. Его посѣтила англійская королева. Во время прогулки въ саду Людовикъ-Филиппъ предложилъ Викторіи персикъ. Королева затруднялась, какъ его очистить, тогда ея спутникъ вынулъ изъ кармана большой ножъ и обратился къ своей гостьѣ съ такою рѣчью: «Когда такой бѣднякъ, какъ я, принужденъ жить на 40 су въ день, всегда слѣдуетъ имѣть при себѣ ножъ. Я могъ бы, пожалуй, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ оставить эту привычку, но неизвѣстно, что̀ можетъ случиться». Королева прослезилась, слушая такое признаніе.

Людовикъ-Филиппъ, конечно, могъ не навязывать всѣмъ встрѣчнымъ своего страха предъ будущимъ, но для насъ важно вѣчно-тревожное настроеніе короля, несмотря на царствующій, повидимому, миръ. Предчувствіе трагическаго конца не переставало угнетать буржуазнаго монарха и оправдалось даже скорѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать.

Нашъ авторъ присутствовалъ при взрывѣ февральской революціи, былъ очевидцемъ народнаго возстанія, бродилъ по бульварамъ, по улицамъ, проникъ во дворецъ въ то время, когда повсюду происходили сцены, обычныя въ эпохи гражданскихъ смутъ. Въ этихъ сценахъ, конечно, мало эстетическаго, изящнаго элемента, но ни одинъ безпристрастный и исторически-мыслящій наблюдатель не станетъ на основаніи внѣшнихъ впечатлѣній изрекать приговоръ о цѣломъ движеніи. Авторъ съ негодованіемъ описываетъ сцену пиршества парижанъ во дворцѣ, подробно останавливается на герояхъ и героиняхъ этого событія, съ глубочайшимъ прискорбіемъ повторяетъ нѣсколько разъ, что революція лишила его обычнаго завтрака, останавливается на комическихъ эпизодахъ, свидѣтельствовавшихъ о трусости буржуа, объ ихъ стремленіи подслужиться «самодержавному народу». Все это второстепенныя явленія, за исключеніемъ развѣ полнѣйшей растерянности и политической бездарности правящаго класса. Собственный опытъ и наблюденія автора должны были направить его мысли по другому пути. Безпомощное положеніе іюльской монархіи, отлично понятое и описанное самимъ авторомъ, нравственная и общественная негодность буржуа, изумительное равнодушіе короля и королевской семьи къ судьбѣ трона,—все это безъ всякихъ отдаленныхъ соображеній, краснорѣчиво доказываетъ, какъ естественна и логична была февральская революція. О ней свидѣтельствуетъ другой наблюдатель, далеко не расположенный къ перевороту, но несомнѣнно болѣе глубокій и въ политическомъ смыслѣ болѣе проницательный, чѣмъ англичанинъ. Мы говоримъ о Токвиллѣ. Онъ весьма остроумно характеризуетъ впечатлѣнія революціи на современниковъ: это былъ лишь

толчокъ сравнительно легкій и сдержанный, но зданіе, которое толкнули, было уже до такой степени разшатано, что разрушилось моментально, почти незамѣтно для жертвъ и побѣдителей. Паденіе іюльскаго трона вызвало одинаково искреннія привѣтствія въ столицѣ и въ провинціи, среди крестьянъ и дворянства. «C'est bien fait»,—такъ, по словамъ Токвилля, привѣтствовали вынужденное изгнаніе Людовика-Филиппа въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Франціи, гдѣ не могло быть и рѣчи о революціонной пропагандѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто бы могъ вѣрить въ монархію Людовика-Филиппа, кто могъ защищать его тронъ, кто могъ оплакивать его судьбу, если не было вѣры, мужества, достоинства даже у членовъ королевскаго дома? Понятно послѣ этого сообщеніе того же Токвилля: даже придворные быстро забыли своего господина. Была іюльская монархія и не стало ея: осталось впечатлѣніе чего-то случайнаго, промежуточнаго, мимолетнаго...

Такія соображенія, прежде всего, должна была вызвать февральская революція у современнаго наблюдателя. Нашъ авторъ на этотъ разъ не стоялъ на уровнѣ событій. Случайности, частности поглотили все его вниманіе. Общій смыслъ ускользнулъ отъ его взгляда и, конечно, тамъ, гдѣ въ минуты крупнѣйшаго политическаго событія человѣкъ находитъ нужнымъ тосковать безъ конца о своемъ завтракѣ, нельзя ожидать особенной поучительности отъ его разсказа. Но, снова повторяемъ, это—единственный слабый пунктъ во всѣхъ запискахъ. Онъ вполнѣ вознаграждается множествомъ интересныхъ и безусловно достовѣрныхъ сообщеній, существенно дополняющихъ наши свѣдѣнія о личностяхъ и событіяхъ одной изъ значительнѣйшихъ эпохъ французской общественной жизни.

Второй томъ записокъ охватываетъ періодъ республики 48-го года и наполеоновскаго режима. Съ этою частью сочиненія мы также познакомимъ читателей.

Z.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Историческія справки о продовольственномъ дѣлѣ въ Россіи.—Обсужденіе земскими собраніями вопроса о натуральной и денежной системѣ продовольствія. — Проектъ г. Грасса о страхованіи урожаевъ.—Предложенія гг. Каблукова и Колюпанова.—Основныя причины, затрудняющія правильную постановку продовольственнаго дѣла.—Мнѣнія земствъ о взысканіи земскихъ сборовъ хлѣбомъ. — О новѣйшихъ измѣненіяхъ въ фабричномъ законодательствѣ. — О проектѣ преобразованія женскихъ гимназій.—† А. Н. Апухтинъ и А. Н. Плещеевъ.

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована комиссія по вопросу объ упорядоченіи народнаго продовольствія. Эта сторона экономическаго быта имѣетъ столь большую важность, что нужно припомнить важнѣйшіе факты, давшіе нашей системѣ народнаго продовольствія ту организацію, которую она имѣетъ въ настоящее время.

Правительство московской Руси принимало, въ случаѣ голода, мѣры, чтобы сдѣлать хлѣбъ доступнымъ народу. Петръ Великій указомъ 20 января 1724 года впервые выразилъ мысль о необходимости предупредительныхъ мѣръ: «учинить,—говорится въ указѣ,—экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ, сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить». Мысль Петра была осуществлена только при Екатеринѣ II. Указомъ 10 марта 1765 года было предписано коллегіи экономіи имѣть въ запасѣ хлѣбный капиталъ для снабженія поселянъ въ случаѣ нужды, а также было повелѣно завести во всѣхъ деревняхъ запасные хлѣбные магазины. Первоначально магазины были устроены въ казенныхъ селеніяхъ, а въ послѣдніе годы XVIII вѣка—въ удѣльныхъ имѣніяхъ; въ 1810 году было уже до 66 000 сельскихъ магазиновъ, имѣвшихъ около 15½ милліоновъ четвертей хлѣба.

Указомъ 14 апрѣля 1822 года былъ созданъ строй продовольственнаго дѣла, во многомъ сохранившійся и до нашихъ дней. Законъ ввелъ два рода мѣръ для содѣйствія населенію въ неурожайные годы: хлѣбные запасы и денежные капиталы. Мѣстныя коммиссіи должны были отдавать предпочтеніе тѣмъ или другимъ, сообразно съ количествомъ хлѣбной произ-

водительности губерніи, съ путями сообщенія и развитіемъ хлѣбной торговли, съ ея промышленнымъ развитіемъ и съ удобствомъ содержать хлѣбные магазины. Пользуясь разрѣшеніемъ закона, мѣстныя коммиссіи 40 губерній постановили о введеніи хлѣбныхъ запасовъ; въ 12 губерніяхъ были введены денежные капиталы. Законъ опредѣлилъ количество хлѣбныхъ запасовъ въ 2 четверти на ревизскую душу съ обязательствомъ составлять ихъ ежегодными взносами по 4 гарнца на ревизскую душу. Денежные капиталы должны были быть составляемы въ такихъ размѣрахъ, чтобы на каждую ревизскую душу приходилась сумма, достаточная для покупки 1 четверти. Было постановлено образовать этотъ капиталъ ежегодными взносами по 25 коп. съ души. Ссуды помѣщичьимъ крестьянамъ изъ этихъ запасовъ обезпечивались залогомъ имѣнія, а при его недостаточности—надежнымъ поручительствомъ.

Въ 1834 году былъ изданъ нынѣ дѣйствующій уставъ о народномъ продовольствіи; онъ установилъ для всѣхъ губерній какъ хлѣбные запасы, такъ и денежный сборъ. Первые должны состоять изъ 1 четверти ржи или пшеницы и ½ четверти овса или ячменя, а денежный капиталъ долженъ состоять изъ 1 р. 60 коп. ассигн. на ревизскую душу. Тѣ и другіе должны быть образуемы посредствомъ постепенныхъ взносовъ. Для городовъ законъ предписалъ собирать по 15 коп. съ души въ теченіе 20 лѣтъ. Было постановлено о выдачѣ ссудъ двоякаго рода: частныхъ, хлѣбомъ изъ запасныхъ магазиновъ, когда нѣкоторыя семьи или не многія селенія постигнуты неурожаемъ, градобитіемъ или другимъ бѣдствіемъ, и общихъ, чрезвычайныхъ, выдаваемыхъ съ разрѣшенія высшаго правительства при неурожаѣ во всей губерніи и непомѣрномъ возвышеніи цѣнъ. Въ 1866 году были введены слѣдующія перемѣны въ систему обезпеченія народнаго продовольствія. Было постановлено, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ или денежныхъ капиталовъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, образовать: а) губернскій продовольственный капиталъ отчисленіемъ 48 копѣекъ на мужскую ревизскую душу и б) общій продовольственный капиталъ; послѣдній образуется изъ остатковъ бывшаго денежнаго сбора. Въ 1874 году былъ окончательно установленъ порядокъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ денежные капиталы. При этомъ было преподано, въ видѣ общаго правила, что замѣна разрѣшается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда земская управа найдетъ то возможнымъ. Деньги, взамѣнъ установленнаго количества хлѣба, взносятся по высшей изъ годовыхъ среднесложныхъ справочныхъ цѣнъ въ теченіе 10 предшествовавшихъ лѣтъ. Тогда же былъ опредѣленъ и порядокъ разрѣшенія ссудъ изъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ; уѣздная управа разрѣшаетъ выдачу въ такомъ размѣрѣ, чтобы, по выдачѣ, оставалось не менѣе половины установленныхъ запасовъ.

Перемѣны, которыя вводились въ организацію народнаго продовольствія, были вызываемы сознаніемъ, что дѣйствовавшія до послѣдняго времени системы не могли, въ случаѣ неурожая, обезпечить населеніе отъ голода. Неурожаи заставляли правительство дѣлать чрезвычайные расходы

на покупку хлѣба; ссуды, выданныя крестьянамъ, возвращались медленно, а во многихъ мѣстахъ числились въ недоимкѣ длинный рядъ лѣтъ. Недостаточность запасовъ, которые находились въ хлѣбныхъ магазинахъ, и накопленіе продовольственныхъ недоимокъ побудили земство, съ первыхъ лѣтъ его существованія, поставить на очередь вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ продовольственнаго дѣла.

Журналы земскихъ собраній, начиная отъ половины шестидесятыхъ годовъ, содержатъ много матеріаловъ, свидѣтельствующихъ о вниманіи, съ которымъ земства отнеслись къ этому дѣлу. Во-первыхъ, въ земскихъ собраніяхъ подвергался усердному обсужденію вопросъ о томъ, какими средствами можетъ быть обезпечено пополненіе хлѣбныхъ запасовъ въ сельскихъ магазинахъ. Въ разныхъ губерніяхъ, весьма несходныхъ по климату, почвѣ, способамъ веденія хозяйства, общественныя запашки выдвигались въ первый рядъ мѣръ, способныхъ обезпечить полную наличность хлѣба въ запасныхъ магазинахъ. Одинъ изъ гласныхъ доложилъ московскому губернскому земскому собранію 1866 года, что всѣ гласные отъ крестьянъ Можайскаго уѣзда единодушно выразили полное сочувствіе устройству общественныхъ запашекъ, имѣя въ виду употреблять для обработки полей преимущественно крестьянъ нерадивыхъ, неплательщиковъ, которые лежатъ тяжелымъ бременемъ на обществахъ, обязанныхъ круговою порукой. Это предложеніе не было принято, такъ какъ многіе гласные ссылались на недостаточное количество земли и на трудность выдѣленія участка для этой цѣли. Въ Лукояновскомъ уѣздѣ дѣло имѣло гораздо большій успѣхъ: въ 1869 году земское собраніе единогласно постановило завести мірскія запашки во всѣхъ обществахъ; по усмотрѣнію самихъ крестьянъ должно быть опредѣлено количество и качество земли для общественныхъ запашекъ. Екатеринославское губернское земство отнеслось къ этому вопросу также съ большимъ вниманіемъ. На собраніи 1874 года одинъ изъ гласныхъ высказалъ мысль, что общественная запашка представляетъ самое надежное средство обезпеченія уже потому, что она «основана на самомъ производительномъ началѣ всякихъ цѣнностей — на трудѣ, который пропадаетъ въ громадныхъ размѣрахъ, въ силу праздниковъ и нѣкоторой безпечности народа; при запашкѣ онъ невольно будетъ привлеченъ на собственное же благо». Земское собраніе утвердило эту мѣру. Котельническая земская управа ввела общественныя запашки по всему уѣзду въ 1870—72 годахъ. Нѣкоторыя земства не только одобрили въ принципѣ введеніе мірскихъ запашекъ съ предоставленіемъ самимъ сельскимъ обществамъ права рѣшать вопросъ, сколько земли должно быть отводимо для этой цѣли, но и опредѣлили площадь, которая должна отрѣзываться для общественной запашки отъ крестьянскаго надѣла. Въ Богучарскомъ уѣздѣ было постановлено отводить подъ мірскія запашки 1 десятину на каждыя 30 ревизскихъ душъ. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ и Екатеринославской губерніи было рѣшено отводить по 1 десятинѣ на 10 ревизскихъ душъ. А нѣкоторыя земства по-

дробно опредѣлили порядокъ завѣдыванія общественными запашками; было предложено сельскимъ обществамъ избрать для этой цѣли особыхъ распорядителей и попечителей. Въ большинствѣ земскихъ собраній вопросъ о запашкахъ, какъ мѣрѣ обезпеченія народнаго продовольствія, подвергался болѣе или менѣе разностороннему обсужденію. И нельзя сказать, чтобы въ тѣхъ земствахъ, которыя отрицали полезность этой мѣры, отрицаніе было голословно,—нѣтъ, оно было результатомъ наблюденія, что это дѣло только въ рѣдкихъ случаяхъ увѣнчивалось успѣхомъ. Белебеевское земство жаловалось въ 1877 году, что 89½ десятинъ, отведенныя разными сельскими обществами подъ мірскія запашки, были обработаны очень небрежно; несмотря на всѣ настоянія употребить этотъ хлѣбъ для наполненія запасныхъ магазиновъ, часть хлѣба пошла на другія надобности, а часть даже вовсе не была собрана. Котельническое земство ввело мірскія запашки по всему уѣзду, но прекратило ихъ черезъ два года, такъ какъ убѣдилось въ ихъ безполезности. Острогожская земская управа опиралась въ своихъ заключеніяхъ на результатъ обширнаго опыта: въ уѣздѣ подъ общественными запашками было всего около 1,000 десятинъ. Хотя урожай идетъ на пополненіе хлѣбныхъ магазиновъ, однако, значительная часть его не показывается и произвольно расходуется крестьянами; обработка земли плоха. Напротивъ, мірскія запашки очень укоренились во многихъ селеніяхъ Пензенской губерніи: онѣ помогли наполнить хлѣбомъ многіе общественные магазины; были даже случаи, что крестьяне оплачивали подать доходами отъ общественныхъ запашекъ. Во многихъ другихъ уѣздахъ можно найти также положительные и отрицательные результаты опыта съ общественными запашками.

Параллельно съ этимъ, при обсужденіи системы народнаго продовольствія, въ земскихъ собраніяхъ поднимается и другой, уже принципіальный вопросъ: что заслуживаетъ предпочтенія—запасные хлѣбные магазины или денежные капиталы? Здѣсь мы находимъ рѣзко обозначившіяся тенденціи въ ту и другую сторону, причемъ предпочтеніе натуральной или денежной системы иногда вовсе не можетъ быть приведено въ связь съ мѣстными условіями. Среди земствъ центральныхъ губерній калужское заявило себя горячимъ защитникомъ денежной системы продовольствія. Познакомившись съ доводами, которыми пользовалась калужская губернская управа, дабы убѣдить собраніе въ необходимости замѣны хлѣбныхъ запасовъ деньгами, мы узнаемъ большую часть аргументовъ, которые приводили и другія земства, нападая на натуральную систему продовольствія. Калужская губернія въ самые урожайные годы не въ состояніи прокормиться собственнымъ хлѣбомъ, и необходимый для продовольствія продуктъ поступаетъ преимущественно изъ Тульской и Орловской губерній. Какую бы крутую мѣру, по мнѣнію губернской управы, правительство ни приняло въ видахъ полной засыпки хлѣба въ магазины, цѣль эта никогда не можетъ быть достигнута, ибо извлеченіе изъ малохлѣбородной губерніи единовременно такого количества имѣло бы нищету населенія своимъ неизбѣжнымъ по-

слѣдствіемъ. Слѣдовательно, приходится разсрочить хлѣбный взносъ на нѣсколько лѣтъ. Однако, и это не приведетъ къ цѣли. Нельзя предполагать, чтобы въ теченіе довольно долгаго времени, на которое будетъ разсрочена засыпка, населеніе не подвергалось нуждѣ, которая заставитъ взять зерно изъ магазиновъ; нельзя разсчитывать, чтобы все населеніе губерніи разомъ оставило свою старинную привычку продавать зерно и разсчитывать на магазины. Съ переложеніемъ хлѣбныхъ запасовъ на деньги будутъ достигнуты очень крупныя выгоды: 1) продажа хлѣбныхъ магазиновъ доставитъ обществамъ значительный капиталъ; 2) населеніе избавится отъ расходовъ по страхованію этихъ зданій; 3) оно избавится отъ платежа жалованья хлѣбнымъ амбарщикамъ, которое простирается теперь по губерніи до 25,000 рублей; 4) разсрочивая взносъ даже на много лѣтъ, крестьяне образуютъ ничтожными взносами капиталъ, проценты съ котораго могутъ пойти на ихъ же нужды; 5) хотя и не скоро, однако, придетъ время, когда будетъ готовый капиталъ для обезпеченія продовольствія губерніи, чего не было при натуральныхъ запасахъ и не будетъ. Управа спрашиваетъ себя, насколько серьезно опасеніе, что замѣна натуральной системы денежною можетъ создать положеніе дѣлъ, при которомъ будутъ деньги, но не откуда будетъ взять хлѣба? Это опасеніе опровергается увѣренностью, что Калужская губернія, опоясанная желѣзными дорогами и имѣющая судоходную Оку, не можетъ испытывать недостатковъ въ хлѣбѣ, разъ населеніе будетъ имѣть деньги, чтобы купить его. Земское собраніе согласилось съ этими доводами и признало въ принципѣ полезность замѣны хлѣбнаго сбора денежнымъ капиталомъ. А вотъ аргументы, которыми большинство земствъ Ярославской губерніи (7 изъ 10) доказывало превосходство натуральной продовольственной системы передъ денежною. Общественные запасы только потому сохраняются до нѣкоторой степени въ цѣлости, что каждый магазинъ принадлежитъ сравнительно небольшому числу лицъ, которыя связаны между собою многими экономическими интересами. Съ устройствомъ же капитала каждый крестьянинъ, участвовавшій въ его составленіи, даже въ случаѣ далеко не крайней нужды, позаботится, прежде всего, взять изъ капитала ссуду побольше; возвращеніе этой ссуды будетъ всегда затруднительно, а иногда и невозможно. Въ пользу денежныхъ капиталовъ приводятъ обыкновенно тотъ аргументъ, что деньги удобнѣе хранить и что на капиталъ наростаютъ проценты; ссылаясь на это, не принимаютъ въ разсчетъ обстоятельствъ, которыя уменьшаютъ цѣнность капитала. Денежныя ссуды требуются въ неурожайные годы, когда цѣна хлѣба возростаетъ въ 1½ и 2 раза; возвышеніе цѣны поглотитъ не только проценты, но и значительную часть капитала: получившій денежную ссуду, достаточную для покупки только 1 четверти зерна, будетъ вынужденъ въ слѣдующій, урожайный годъ продать, для уплаты долга, 2 четверти. Большіе натуральные запасы имѣютъ передъ денежными капиталомъ и то важное преимущество, что избавляютъ крестьянъ отъ необходимости заботиться о покупкѣ хлѣба въ разгаръ сельскихъ ра-

ботъ, весной и лѣтомъ: въ такое время крестьянину обременительно не только ѣхать за покупкой хлѣба, но даже везти его изъ амбара на мельницу. «Нѣтъ ничего легче,—заключаетъ губернская управа,—какъ обратить хлѣбные запасы въ деньги; но и нѣтъ ничего труднѣе, какъ скопить хотя бы и небольшое количество хлѣба». Въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1872 г., при обсужденіи этого вопроса, были поставлены на видъ многія преимущества натуральной системы предъ денежною. Денежный капиталъ больше подвергается опасности непроизводительнаго употребленія, нежели хлѣбный запасъ; освѣженіе хлѣба не затруднительно; если, вмѣсто засыпки общественныхъ магазиновъ, установить денежный сборъ, хотя бы въ самомъ маломъ размѣрѣ, то, для удовлетворенія этой повинности, крестьянамъ приходилось бы съ осени, т.-е. въ самое неблагопріятное время, продавать часть своего хлѣба, весною же вновь покупать его по гораздо болѣе высокой цѣнѣ. Было, наконецъ, указано на крайнее несовершенство нашихъ путей сообщенія, даже на непроѣздность многихъ дорогъ осенью, весной, а иногда и лѣтомъ. Подъ вліяніемъ этихъ теченій одни земства удержали натурально-денежную систему продовольствія, другія же перешли къ замѣнѣ всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами. И, все-таки, вопросъ не получилъ окончательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія.

Какъ неурожаи первой четверти нынѣшняго вѣка доказали неудовлетворительность системы, основанной на образованіи однихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ голода въ 30-хъ, 40-хъ и особенно въ 1891—92 годахъ свидѣтельствуютъ о неудовлетворительности системы, состоящей въ образованіи хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ капиталовъ или же въ замѣнѣ денежными суммами всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ; во время только что пережитаго голода не только были поглощены всѣ хлѣбные запасы и денежные капиталы, но и потребовался со стороны правительства чрезвычайный расходъ, слишкомъ въ 100 милліоновъ рублей, чтобы смягчить бѣдствія, причиненныя неурожаями. Неудивительно поэтому, что область народнаго продовольствія представляетъ широкое поле для организаціонной работы.

Среди разныхъ предложеній, которыя дѣлались въ послѣднее время, заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ г. Грасса о страхованіи посѣвовъ, предложеніе г. Колюпанова и критическія замѣчанія, которыя сдѣлалъ на эти предложенія Н. А. Каблуковъ, большой знатокъ продовольственнаго вопроса *).

Въ предисловіи къ своей книгѣ *Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая* г. Грассъ вѣрно оцѣниваетъ условія, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство. Положеніе нашихъ землевладѣльцевъ крайне стѣсненное въ силу многихъ причинъ. Эти причины повели къ задолжанію нашихъ земельныхъ собственниковъ, вслѣдствіе чего каждое мало-мальски неблагопріятное обстоятельство наноситъ сельскому хозяйству

*) См. *Русскія Вѣдомости* 1893 г., №№ 159, 185, 208, 243.

сильные удары. «Земли заложены и выпаханы, запашки увеличены, лѣса большею частью истреблены, а личный кредитъ истощенъ или существуетъ подъ губительные для хозяйства проценты, и въ ближайшемъ будущемъ слѣдуетъ ожидать того момента, когда благосостояніе во всемъ земледѣльческомъ и землевладѣльческомъ классѣ окончательно упадетъ. Наступаетъ, если уже не наступило, время, когда русскіе землевладѣльцы окажутся неувѣренными въ завтрашнемъ днѣ, въ возможности сохранить за собою свои имѣнія, и попадутъ въ полную зависимость отъ случая. Такія условія окончательно убьютъ нашу земледѣльческую промышленность, и выходъ изъ нихъ необходимо долженъ быть найденъ. Съ общими независящими отъ насъ бѣдствіями можно бороться лишь совокупными усиліями, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ борьба съ пожарами, теряющими въ значительной степени свое губительное дѣйствіе, благодаря повсемѣстно существующей системѣ страхованія» (стр. 3).

Не высказываясь опредѣленно за какую-либо форму страхованія посѣвовъ,—государственную, земскую или взаимную,—авторъ всесторонне разработалъ этотъ вопросъ и подготовилъ много матеріаловъ, необходимыхъ для осуществленія дѣла.

Замѣтимъ теперь же, что въ принципѣ ни одинъ видъ страхованія не можетъ вызвать сколько-нибудь серьезныхъ возраженій. Страхованіе не устраняетъ потери, которую данное бѣдствіе причиняетъ народному хозяйству: если сгорѣлъ домъ, то въ народномъ богатствѣ стало однимъ домомъ меньше; если въ морскихъ волнахъ погибло десять кораблей, то народное имущество уменьшилось на всю стоимость этихъ десяти кораблей; если гессенская муха уничтожила посѣвы на двухъ тысячахъ десятинъ, то урожай хлѣба въ странѣ уменьшился на всю массу истребленнаго хлѣба. Но, не устраняя вреда для всего народнаго хозяйства, страхованіе распредѣляетъ рискъ между многими, собираетъ мелкіе взносы съ милліоновъ частныхъ хозяйствъ, образуетъ изъ нихъ значительные капиталы, покрываетъ убытки отдѣльныхъ лицъ и тѣмъ спасаетъ ихъ отъ разоренія. Такимъ образомъ, принципіально всѣ виды страхованія могутъ быть вполнѣ оправданы. Авторъ, повидимому, держится этихъ руководящихъ началъ и съ большимъ искусствомъ устраняетъ всѣ нападки на страхованіе урожаевъ. Онъ совершенно основательно указываетъ на бо́льшую необходимость этого вида страхованія для Россіи, чѣмъ для Западной Европы, такъ какъ у насъ и неурожаи бываютъ гораздо чаще, нежели на Западѣ, и земледѣльческая промышленность занимаетъ болѣе важное мѣсто въ народной экономіи. Онъ справедливо указываетъ на возможность привлечь къ этому дѣлу въ качествѣ агентовъ податныхъ инспекторовъ, равно какъ лицъ, которыя состоятъ теперь агентами по страхованію жизни, страхованію отъ огня. Наконецъ, г. Грассъ разъясняетъ, что страхованіе, имѣя своимъ объемомъ только невысокій средній урожай (не выше самъ-три), способно поддержать сельскаго хозяина въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, когда климатическія условія или какія-либо другія причины не позволили

собрать и этотъ низкій урожай, но не можетъ поощрять небрежныхъ хозяевъ: какъ бы ни былъ хозяинъ нерадивъ и какихъ бы устарѣлыхъ земледѣльческихъ пріемовъ ни держался, онъ всегда можетъ получить урожай въ самъ-три, если этому не препятствуютъ какія-нибудь внѣшнія неблагопріятныя условія. «Страхующій,—говоритъ авторъ,—будетъ гарантированъ лишь въ томъ, что онъ никогда не ощутитъ послѣдствій *полнаго неурожая* или *весьма плохого,* а всегда и навѣрное можетъ разсчитывать на *урожай средній*, т.-е. такой, который дастъ ему возможность сохранить за собой имѣніе, заплатить проценты по ипотечнымъ долгамъ, казенные и земскіе сборы и произвести настоятельно необходимые оборотные по имѣнію расходы» (стр. 59).

Вся трудность сводится не къ выясненію принципа страхованія посѣвовъ, простого и разумнаго, а къ сооруженію такого фундамента, на которомъ можно было бы прочно построить все это дѣло. И какъ правильная организація страхованія жизни невозможна безъ точныхъ и всесторонникъ данныхъ о смертности населенія, такъ и страхованіе отъ неурожая не можетъ быть упорядочено безъ достовѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній объ урожаяхъ. Г. Грассъ затратилъ много труда, чтобы переработать весь матеріалъ объ урожаяхъ за 25 лѣтъ (1857—1866, 1870—1876 и 1883—1889 гг.). Вѣрный строго-научнымъ пріемамъ критики матеріала, авторъ подвергаетъ сравнительной оцѣнкѣ данныя объ урожаяхъ, собираемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, земскими статистическими бюро, и записи въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Сопоставленіе побуждаетъ г. Грасса придти къ выводу, что хотя сельско-хозяйственная статистика въ Россіи мало развита, хотя свѣдѣнія, собираемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ (они представляютъ то преимущество, что обнимаютъ всю имперію), не вполнѣ точны, однако, даютъ точку опоры для страхованія отъ неурожая. Понятно, что на столь обширной площади, какъ территорія нашего отечества, находишь очень пеструю картину условій земледѣльческаго труда, системъ земледѣлія и урожаевъ. Такъ какъ страхованіе получаетъ тѣмъ болѣе правильную организацію, чѣмъ болѣе точно опредѣлена степень опасности, которая угрожаетъ каждому участнику въ средѣ застрахованныхъ, то г. Грассъ старается опредѣлить средній урожай не только для каждаго уѣзда, но даже для несходныхъ между собою полосъ одного и того же уѣзда. Многочисленныя таблицы и раскрашенныя карты служатъ автору средствомъ для обозначенія всѣхъ оттѣнковъ урожая главныхъ хлѣбовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. При классификаціи уѣздовъ на рязряды, руководящимъ началомъ служитъ не только естественное плодородіе почвы въ каждой части уѣзда, но и принадлежность земли крестьянамъ или другимъ владѣльцамъ; у послѣднихъ, вообще, урожай выше. Возьмемъ, напримѣръ, Арзамасскій уѣздъ Нижегородской губерніи: по качеству почвы онъ разбитъ на 5 разрядовъ, а въ каждомъ разрядѣ замѣчается, по урожайности, различіе между крестьянскими полями и землями другихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, для всей Россіи полу-

чается нѣсколько тысячъ районовъ, отъ черноземныхъ уѣздовъ, имѣющихъ высшую урожайность — до самъ 6, самъ 7, самъ 8, и до уѣздовъ Владимірской и Вологодской губерній, гдѣ средніе урожаи ржи не превышаютъ самъ 3 и самъ $2^1/_2$.

Основной матеріалъ позволяетъ г. Грассу вычислить отклоненіе отдѣльныхъ урожаевъ отъ средняго для главныхъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ. Оказывается, наприм., для ржи, что изъ 100 случаевъ записанныхъ урожаевъ наибольшее число (31,7) падаетъ на такіе, которые составляютъ 110—91 проц. средняго; урожаевъ очень низкихъ (40 проц. средняго и менѣе) наблюдается немного,— всего 2,8 проц. общаго числа случаевъ. По устойчивости урожаевъ главные русскіе хлѣба располагаются въ такомъ порядкѣ: рожь, овесъ, ячмень, яровая пшеница, озимая пшеница и, наконецъ, самый измѣнчивый по урожайности — гречиха.

На основаніи всѣхъ матеріаловъ г. Грассъ устанавливаетъ оклады страховыхъ премій. Въ предѣлахъ Европейской Россіи страховая премія для ржи, при страхованіи отъ 60 до 80 проц. средняго урожая, составитъ 2,4 проц. всей страховой суммы, но во многихъ мѣстностяхъ окладъ не превыситъ 1 проц. страховой суммы. По отношенію къ страховой суммѣ премія въ среднемъ составитъ: 2,9 проц. для овса, 3,4 проц. для ячменя, 3,8 проц. для яровой пшеницы, 3,9 проц. для озимой пшеницы и 4,9 проц. для гречихи. Такъ какъ многіе землевладѣльцы, ведущіе хозяйство болѣе интензивно, будутъ склонны обезпечить себѣ урожай выше, нежели самъ 3, то г. Грассъ, кромѣ *нормальнаго* страхованія урожаевъ, вводитъ также и *спеціальное*. Для установленія страховыхъ премій опредѣляется средняя цѣна урожая за цѣлый періодъ.

Поставимъ вопросъ, на который прямо не отвѣчаетъ г. Грассъ: кто можетъ быть организаторомъ этого дѣла? Мы считаемъ этотъ проектъ всего легче осуществимымъ, если за него возьмется государство. Полная неудача россійскаго общества перестрахованія, возникшаго два года тому назадъ, доказываетъ, что трудно разсчитывать на частную иниціативу въ дѣлѣ столь новомъ, какъ страхованіе урожаевъ, представляющее совершенно особую отрасль.

Г. Колюпановъ такъ оцѣниваетъ существующую систему народнаго продовольствія. Ея «основное начало есть *возвратная ссуда,* уплачиваемая самими получателями. Вся практика прежней системы доказываетъ ея полную несостоятельность. Никто не станетъ спорить, что *добровольно* и *сознательно* ссуды эти, какъ денежныя, такъ и раздаваемыя продуктами, самими получателями никогда не возвращались; денежныя выдачи накоплялись въ безконечныя недоимки, а запасы ржи и овса въ магазинахъ постоянно истощались. Можно сказать утвердительно, что, при теперешнихъ условіяхъ, возвратная ссуда сама по себѣ дѣлается источникомъ крестьянскаго разоренія». Это основное начало непригодно. Но оно можетъ быть нами, если вникнуть въ цѣль, которую намѣчаетъ самъ уставъ о народномъ продовольствіи: онъ имѣетъ въ виду какъ прокормленіе населенія,

которое случайно оказалось необезпеченнымъ въ продовольствіи, такъ и постоянное обсѣмененіе полей для тѣхъ домохозяевъ, которые въ данную минуту не располагаютъ нужнымъ количествомъ сѣмянъ. Такъ какъ эти задачи различны, то онѣ и не могутъ быть рѣшены однородными пріемами. Въ основаніи случайной помощи голодающему лежитъ филантропическое начало, которое ведетъ къ выдачѣ безвозвратныхъ пособій. Постоянная же выдача крестьянамъ зерна для обсѣмененія полей есть кредитная операція: она выражаетъ ссуду не извѣстному лицу, а ссуду оборотнаго капитала извѣстному производству. Исходя отъ этихъ положеній, г. Колюпановъ изслѣдуетъ причины, которыя вызываютъ нужду въ крестьянскомъ населеніи и дѣлаютъ необходимыми безвозвратныя пособія. Сюда должны быть отнесены всѣ условія экономическаго быта, которыя препятствуютъ росту благосостоянія крестьянъ: малоземелье, недостатокъ скота, первобытные способы веденія сельскаго хозяйства. Дабы устранить нужду, которая является результатомъ этихъ условій, нужно принять разнообразныя мѣры къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Остается одна причина нужды — неурожай, какъ слѣдствіе чисто-физической силы, съ которою очень трудно бороться. Съ неурожаями и невзгодами, которыя они причиняютъ, нужно бороться посредствомъ страхованія. Райономъ для страхованія должны служить губерніи и даже государства.

Продовольствіе губерніи должно быть обезпечено особымъ фондомъ, пополняющимся ежегодно. Онъ составляется изъ губернскаго продовольственнаго капитала и ежегоднаго продовольственнаго отчисленія со всѣхъ налоговъ, государственныхъ, земскихъ и городскихъ, собираемыхъ въ губерніи Изъ этого фонда, въ случаѣ неурожая и большого возвышенія цѣнъ на продукты, должны быть выдаваемы *безвозвратныя* пособія несостоятельнымъ лицамъ всѣхъ сословій. Сельскіе запасные магазины должны быть обращены въ сѣмянныя депо. Они должны быть устроены въ центрѣ каждой волости на счетъ крестьянъ этой волости. Изъ магазиновъ должны быть выдаваемы ссуды для обсѣмененія полей съ обязательствомъ возврата этой ссуды изъ слѣдующаго урожая, съ присоединеніемъ излишка или ренты, установленной правительствомъ и необременительной для заемщика; изъ этой ренты покрываются расходы на содержаніе магазина. Просроченныя ссуды взыскиваются очень строго и недоимки слагаются только съ тѣхъ, которые потерпѣли неурожай, вызывающій безвозвратное пособіе. Такъ какъ запасные магазины обращаются въ сѣмянныя депо, то все вниманіе должно быть обращено на то, чтобы наполнять ихъ зерномъ, годнымъ для посѣва.

Таковъ планъ г. Колюпанова. Н. А. Каблуковъ, присоединяясь къ этому плану въ его основаніяхъ, возражаетъ (и вполнѣ справедливо) противъ строгой регламентаціи, предлагаемой г. Колюпановымъ для завѣдыванія продовольственными капиталами и хлѣбозапасными магазинами. Сельскимъ обществамъ должно быть предоставлено въ этомъ дѣлѣ больше свободы и самоуправленія, что легче достигается при сельскихъ, нежели при волост-

ныхъ магазинахъ. «Пока въ средѣ нашего крестьянства существуетъ общинное землевладѣніе, столь соотвѣтствующее его хозяйственнымъ условіямъ и столь цѣпко удерживаемое имъ, несмотря на всѣ внѣшнія, разрушающія его условія, до тѣхъ поръ всякія мѣропріятія для поддержанія крестьянства должны быть тѣсно связаны съ этою формой землевладѣнія. Одно же изъ основныхъ свойствъ ея состоитъ въ томъ, что всякое внѣшнее вмѣшательство въ распорядки «міра», существующіе при этой формѣ землевладѣнія, все извнѣ навязанное, все вытекающее изъ необходимости подчиниться внѣшнему давленію, а не изъ свободнаго сознанія и убѣжденія «міра», — все это можетъ лишь обратить всѣ благія въ общественномъ и хозяйственномъ смыслѣ стороны этой формы землевладѣнія во вредъ крестьянскому хозяйству и ускорить разрушеніе его, не замѣнивъ его пока ничѣмъ лучшимъ. Но то же самое справедливо и въ отношеніи всего стоящаго въ связи съ нимъ. *Общественные* же сельскіе запасные магазины только и возможны при общинной формѣ землевладѣнія и при живой заинтересованности въ нихъ со стороны «міра», какъ онъ сложился. А эта заинтересованность мыслима лишь при томъ условіи, что самъ «міръ» непосредственно, а не черезъ уполномоченныхъ, завѣдуетъ магазиномъ, охраняетъ его передъ глазами». Сельскіе магазины будутъ болѣе цѣлесообразны, нежели волостные, и потому, что крестьянину придется терять больше времени при сдачѣ хлѣба въ центральные магазины и полученіи оттуда зерна на посѣвъ.

Такъ стоитъ въ настоящее время вопросъ о системѣ народнаго продовольствія.

Внимательное отношеніе къ дѣлу побуждаетъ заключить, что причина неудовлетворительнаго обезпеченія народа связана не со строемъ продовольственной системы, не съ натуральною или денежною формой образованія запасовъ, а съ невозможностью для русскихъ людей дѣлать, въ среднемъ, такія сбереженія, которыя отвѣчали бы размѣрамъ нужды, наступающей при неурожаѣ или другихъ бѣдствіяхъ, поражающихъ крестьянское хозяйство. Предположимъ, что потребность въ ссудахъ изъ продовольственнаго капитала, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, равна 100 единицамъ; если изъ дохода хозяйствъ, дѣлающихъ взносы въ хлѣбные магазины и денежные капиталы, можетъ быть удержано для этихъ цѣлей только 50 единицъ, то никогда не будетъ въ наличности той массы хлѣба или суммы денегъ, которыя могли бы удовлетворить обозначившуюся нужду. Невозможность будетъ выражаться въ двоякой формѣ: въ средніе годы, при н[е]городахъ или неурожаяхъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, она будетъ в[ы]ражаться тугимъ поступленіемъ платежей по продовольственнымъ ссу[д]ъ и неполнотой наличныхъ натуральныхъ и денежныхъ запасовъ; при с[а]мъ неурожаѣ она должна выразиться въ быстромъ истощеніи всѣхъ з[а]асовъ и необходимости отыскивать чрезвычайные источники для смягче[н]нужны, которую терпитъ населеніе. Продовольственныя системы всѣхъ [м]въ будутъ становиться съ каждымъ годомъ все менѣе удовлетворитель-

ными, если не будутъ устранены коренныя причины, которыя все больше разстраиваютъ крестьянское хозяйство. Ростъ населенія, возростающее малоземелье, сокращеніе скотоводства и пониженіе урожайности полей оставляютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ все меньшую долю (мы намѣренно избѣгаемъ словъ «избытокъ или «излишекъ»), которая могла бы быть внесена въ запасный хлѣбный магазинъ или продовольственный капиталъ, а ухудшеніе внѣшней природы грозитъ все болѣе частыми неурожаями. Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе между жертвами, которыя сельское населеніе можетъ принести для самообезпеченія въ будущемъ, и нуждой, которая отъ времени до времени угрожаетъ народу, будетъ становиться все болѣе рѣзкимъ. Оставить крестьянское хозяйство въ его нынѣшнемъ положеніи— значитъ осудить любую продовольственную систему на полное банкротство въ такой же мѣрѣ, въ какой то испытываютъ страховыя общества, когда пожаръ уничтожаетъ цѣлый городъ, когда огонь въ немного часовъ причиняетъ бо́льшіе убытки, нежели въ среднее десятилѣтіе.

Коренныя мѣры, направленныя къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, устранили бы много безплодныхъ споровъ о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ той или другой системы народнаго продовольствія. Большая производительность сельско-хозяйственнаго труда, повышеніе урожайности земли, разнообразныя мѣры, посредствомъ которыхъ наука помогаетъ людямъ ослаблять грозящіе неурожаи, позволили бы организовать народное продовольствіе на страховыхъ началахъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Обширность Россіи, рѣдкое населеніе и невозможность создать въ близкомъ будущемъ такую сѣть желѣзныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, которая равномѣрно охватила бы все государство, заставляютъ отдать предпочтеніе денежно - натуральной системѣ продовольствія. Она могла бы выразиться въ томъ, что все населеніе взносило бы ежегодно денежную страховую премію, обезпечивающую страхователю возмѣщеніе потерь, которыя онъ несетъ отъ градобитія, неурожая, вредныхъ насѣкомыхъ. Преміи, сосредоточиваясь въ вѣдѣніи губернскихъ земствъ, могли бы частью образовать денежный капиталъ, частью затрачиваться на покупку земствами же зерна съ помѣщеніемъ его въ волостныхъ хлѣбныхъ магазинахъ. Хлѣбные запасы съ наступленіемъ неурожая служили бы первымъ источникомъ для выдачи страхователямъ страховой суммы натурой; въ нормальные же годы, годы средняго урожая, хлѣбные магазины имѣли бы значеніе сѣменныхъ депо: населеніе могло бы покупать изъ нихъ зерно для обсѣмененія полей.

Здѣсь не мѣсто начертывать болѣе подробно планъ организаціи народнаго продовольствія. Мы предусматриваемъ, однако, пункты, въ которыхъ она должна существенно отличаться отъ нынѣшней системы. Теперь чаще отдаютъ предпочтеніе хлѣбнымъ запасамъ и охотнѣе высказываются за устройство мелкихъ хлѣбныхъ магазиновъ, по возможности, въ каждомъ селеніи. При этомъ руководствуются сознаніемъ того, что неурожай часто посѣщаетъ насъ, что каждый годъ отъ него страдаютъ нѣкоторыя и даже многія мѣстности Россіи, что наша хлѣбная торговля монополизирована и

при неурожаѣ, цѣны могутъ повышаться въ большихъ размѣрахъ, что значительную часть года мы страдаемъ отъ бездорожья и доставки хлѣба въ нѣкоторыя селенія и даже цѣлые уѣзды можетъ быть чрезвычайно затруднена. Всѣ эти предположенія истинны. Считая невозможнымъ устроить цѣлесообразную систему народнаго продовольствія при нынѣшнемъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, мы увѣрены, что коренное улучшеніе быта деревни (прежде всего, устраненіе малоземелья) поставило бы продовольственную систему въ условія рѣзко отличныя отъ настоящихъ. 1) Частые и почти изъ года въ годъ постигающіе насъ мѣстные неурожаи, связанные съ истощеніемъ полей, размноженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, съ дурною обработкой земли, дурными сѣменами, станутъ гораздо болѣе рѣдкими явленіями. Такія мѣры, какъ систематическое орошеніе, и, притомъ, по большому масштабу, сдѣлаютъ засухи менѣе пагубными и ослабятъ даже общіе неурожаи, подобные 1891—92 годовъ. 2) Общій подъемъ крестьянскаго хозяйства будетъ идти рука объ руку съ дальнѣйшимъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, улучшеніемъ подъѣздныхъ путей, исправленіемъ рѣкъ. 3) Подъемъ благосостоянія крестьянъ отразится и на хлѣбной торговлѣ: менѣе зависящій отъ внѣшняго давленія, нежели въ настоящее время, крестьянинъ не будетъ продавать съ осени весь хлѣбъ, будетъ оставлять значительно большее его количество въ своемъ хозяйствѣ. Наличность въ деревняхъ многочисленныхъ, хотя и мелкихъ, запасовъ хлѣба будетъ условіемъ, противудѣйствующимъ монопольному положенію торговцевъ хлѣбомъ даже при значительномъ неурожаѣ. Все, вмѣстѣ взятое, въ большой пропорціи уменьшитъ запасы хлѣба, которые должны быть въ общественныхъ магазинахъ на случай голода; все это позволитъ держаться въ области народнаго продовольствія началъ не исключительно натуральнаго, но натурально-денежнаго хозяйства. И если теперь одинъ хлѣбный магазинъ на волость ставилъ бы населеніе многихъ деревень въ невыгодное положеніе, то съ наступленіемъ условій, которыя мы намѣтили, одинъ хлѣбный магазинъ будетъ въ состояніи удовлетворить потребность обширнаго района.

Къ вопросу о преимуществахъ натуральной или денежной системы продовольствія прикосновененъ и вопросъ объ уплатѣ хлѣбомъ податей и податныхъ недоимокъ. Въ августѣ текущаго года министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ земствамъ съ вопросомъ, не найдутъ ли они цѣлесообразнымъ взимать земскіе сборы хлѣбомъ, дабы воспрепятствовать рѣзкому паденію хлѣбныхъ цѣнъ?

Въ теченіе сентября были созваны уѣздныя и губернскія земскія со[бр]анія для обсужденія этого вопроса. Хотя еще нельзя подвести итоги р[ѣ]шеніямъ земствъ, но уже накопился довольно большой матеріалъ для в[ы]вода, что мотивы, которыми руководствуются земства при утвердительн[омъ] и отрицательномъ отвѣтѣ на предложеніе министерства, сходны съ п[о]ложеніями, которыя заставляютъ одни земства предпочитать натуральную систему народнаго продовольствія, а другія—высказываться за денеж-

ную. Въ Московской губерніи земства отклонили проектъ взысканія земскихъ сборовъ хлѣбомъ. Это мотивировалось незначительною хлѣбною производительностью Московской губерніи, неимѣніемъ у крестьянъ излишковъ хлѣба, необходимостью для большинства покупать хлѣбъ со второй половины зимы. Къ этому присоединилось и то, что во многихъ уѣздахъ крестьянскія общества не имѣютъ никакихъ зданій для ссыпки и храненія зерна и не имѣютъ средствъ, чтобы выстроить амбары. Земства тоже не имѣютъ такихъ зданій. Къ этому присоединилось и другое, уже частное соображеніе, что въ нынѣшнемъ году часть урожая убрана при очень неблагопріятной погодѣ, зерно дурного качества и будетъ трудно сохранить его. Были выдвинуты вѣскіе аргументы противъ взиманія сборовъ хлѣбомъ и во многихъ уѣздахъ со значительнымъ производствомъ хлѣбовъ, гдѣ хорошій урожай нынѣшняго года особенно облегчилъ бы эту операцію. Казанское уѣздное земское собраніе высказалось противъ этой мѣры не только потому, что сельскіе запасные магазины, большею частью, ветхи, не приспособлены къ храненію хлѣба и хлѣбъ въ нихъ постоянно подвергается порчѣ, но и потому, что составъ управы изъ предсѣдателя и трехъ членовъ можетъ завѣдывать текущими дѣлами земскаго хозяйства, но не можетъ установить надзоръ за пріемомъ хлѣба отъ плательщиковъ. Въ уѣздѣ 12 волостей, и пріемъ хлѣба только въ одной волости поглотилъ бы все время члена управы. Но еще болѣе трудный вопросъ—о цѣнѣ, по которой нужно принимать хлѣбъ. Легко можетъ случиться, что цѣны падутъ къ веснѣ и тогда земство понесетъ убытокъ, который ляжетъ на всѣхъ плательщиковъ земскихъ податей. Большинство земствъ Воронежской, Нижегородской, Орловской губерній, одесское и многія другія высказались противъ замѣны. Но во многихъ мѣстахъ предложеніе было принято сочувственно и даже выработаны правила, которыми будутъ руководиться, принимая хлѣбъ вмѣсто земскихъ сборовъ. Порѣчское земство, согласившись на замѣну, выработало правила относительно цѣнъ, относительно того, что платежъ земскихъ сборовъ деньгами или хлѣбомъ предоставляется на усмотрѣніе плательщиковъ, относительно мѣстъ пріема хлѣба, условій его храненія и страхованія. Нѣкоторыя земства не только согласились на эту замѣну, но выразили желаніе, чтобы замѣна денежныхъ платежей хлѣбомъ была распространена и на государственныя подати.

Мы не хотимъ закрывать глаза на трудности, съ которыми связано цѣлесообразное устроеніе этого дѣла. Въ послѣднемъ *Внутреннемъ обозрѣніи* (сентябрь 1893 г.) мы указали на полезность взысканія хлѣбомъ недоимокъ и, отчасти, податей: уровень хозяйственнаго развитія нашего отечества не настолько высокъ, чтобы можно было всегда отдать предпочтеніе денежной системѣ передъ натуральною. Но переходъ къ натуральной системѣ взысканія податей, разъ денежная система примѣняется уже много лѣтъ, требуетъ большой постепенности и осторожности. Не слѣдуетъ относиться съ укоризной къ тѣмъ земствамъ, которыя не сочувствуютъ этой мѣрѣ: не слѣдуетъ приписывать ихъ отрицательное отношеніе только не-

желанію взять на себя новую и нелегкую обязанность. Нѣтъ, ссылки на отсутствіе пригодныхъ помѣщеній, на малочисленный составъ управы, на трудность установленія цѣны, которая не была бы убыточна для плательщиковъ и, въ то же время, не грозила бы потерями весной при продажѣ хлѣба,— все это вѣскіе доводы, съ которыми нужно считаться. Очень желаемъ, чтобы земства, которыя принимаются за это дѣло, довели его до конца съ полнымъ успѣхомъ и создали въ этой области полезные процеденты, но мы опасаемся, что не вездѣ дѣло будетъ удачно доведено до конца. Весь этотъ вопросъ напоминаетъ намъ объ одной сторонѣ всей административной жизни нашего отечества. Сплошь и рядомъ очень немудреныя дѣла, затрогивающія интересы немногочисленной группы лицъ одной губерніи или даже одного уѣзда, проходятъ многія вѣдомства и только чрезъ 5, 8—10 лѣтъ получаютъ окончательное рѣшеніе. Намъ живо припоминается, какъ вопросъ о направленіи почтовой дороги длиною въ 12 верстъ (это было въ одной изъ среднихъ губерній) былъ предметомъ обсужденія нѣсколькихъ министерствъ въ теченіе 5—6 лѣтъ. Напоминаемъ другой случай: только въ концѣ истекшаго лѣта утвержденъ уставъ пермскаго кустарно-промышленнаго банка, 6—7 лѣтъ путешествовавшій по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Но какъ просты эти дѣла сравнительно съ замѣной денежныхъ земскихъ сборовъ хлѣбными взносами! Для утвержденія устава кустарно-промышленнаго банка, предназначеннаго дѣйствовать въ одной губерніи, нужно знать не больше, какъ условія, въ которыхъ находится кустарная промышленность этой губерніи. А это можетъ быть выполнено въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ. Для взноса же податей хлѣбомъ, съ чѣмъ такъ спѣшатъ, должна быть выработана особая организація, должны быть сдѣланы предварительно крупныя затраты. Поспѣшить въ первомъ случаѣ, утвердить уставъ банка, не совсѣмъ цѣлесообразный въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, значило бы только уменьшить выгоды, обыкновенно доставляемыя общедоступнымъ народнымъ кредитнымъ учрежденіемъ. Поспѣшить здѣсь, принимать хлѣбъ вмѣсто денегъ и не сдѣлать для этого подготовительныхъ работъ, значитъ не только обезсилить и безъ того разстроенные земскіе финансы, но и вызвать новые упреки по адресу земствъ, дать русскимъ людямъ извѣстнаго склада и органамъ печати извѣстнаго направленія удобный случай вопить о «неспособности земствъ, о ихъ неумѣньѣ справиться съ важною общественною задачей». Неудачные опыты въ этой области потому особенно опасны, что могутъ подорвать довѣріе къ этому, въ принципѣ очень полезному дѣлу. Они расхолодятъ къ нему многихъ и будутъ во многихъ ...рѣплять убѣжденіе, что не нужно дѣлать брешь въ тягостной, неуравнительной, но простой и формально-стройной системѣ денежныхъ сборовъ.

Законъ 8 іюня нынѣшняго года внесъ нѣкоторыя измѣненія въ нашъ ...авъ о заводской и фабричной промышленности. Новыя правила нѣ...колько расширяютъ полномочія чиновъ фабричной инспекціи, а, главное, ...ютъ своимъ предметомъ упорядоченіе отношеній нанимателей и рабо-

чихъ. Въ прежней редакціи 94 статья предоставляла завѣдующему фабрикой или заводомъ, по соглашенію съ рабочимъ, сноситься съ подлежащимъ установленіемъ о высылкѣ рабочему новаго паспорта. Теперь редакція 94 статьи измѣнена въ томъ смыслѣ, что, съ истеченіемъ срока выданнаго рабочему вида на жительство, завѣдующій фабрикой можетъ безъ всякаго соглашенія съ рабочимъ выписать ему новый паспортъ. Практически это ведетъ къ съуженію правъ рабочаго. Редакція 109 статьи измѣнена съ очевидною невыгодностью для рабочаго. Прежде договоръ найма прекращался въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и иныхъ тому подобныхъ несчастныхъ случаевъ, работа пріостанавливалась «на продолжительное время». Новая редакція говоритъ о прекращеніи договора, если, вслѣдствіе несчастнаго случая, «работа пріостановлена въ теченіе болѣе семи дней». Законъ, не давая въ прежней редакціи 109 статьи опредѣленныхъ указаній относительно срока, въ теченіе котораго должна была быть пріостановлена работа, дабы договоръ между сторонами потерялъ силу, очевидно, имѣлъ въ виду срокъ болѣе продолжительный, нежели 7 дней. Мы находимъ даже, что статья 109 въ новой редакціи, столь невыгодной для работниковъ, стоитъ въ противорѣчіи сама съ собой. Пожаръ, наводненіе, взрывъ паровика причиняютъ такое разстройство фабричнымъ зданіямъ, что не можетъ быть и рѣчи объ исправленіи ихъ даже въ одинъ мѣсяцъ, не говоря уже о недѣльномъ срокѣ. Ст. 109 въ старой редакціи и подразумѣвала, говоря о несчастныхъ случаяхъ, такіе размѣры пожаровъ, наводненій, взрывовъ паровиковъ, которые дѣлаютъ работу невозможной на долгое время, причиняютъ владѣльцу большіе убытки, а потому и оправдываютъ прекращеніе ихъ договора съ рабочими. Эта статья въ новой редакціи вовсе не должна бы говорить о несчастныхъ случаяхъ, разъ они вызываютъ такую пріостановку работъ, которая только немногимъ превышаетъ 7-ми дневный срокъ: если работа будетъ возобновлена чрезъ 8—9 дней послѣ одной изъ поименованныхъ бѣдъ, то мы будемъ имѣть дѣло съ пожаромъ, который ограничивается небольшою частью фабричнаго зданія, съ наводненіемъ, которое не идетъ дальше небольшого разлива фабричной плотины. Новая редакція статьи замѣтно ухудшаетъ положеніе работника: если рабочая плата имѣетъ наклонность понижаться, то владѣльцы фабрикъ будутъ пользоваться, какъ предлогомъ, даже самыми незначительными пожарами и весенними разливами, дабы, остановивъ фабрику для поправокъ на 8 дней, уничтожить договоръ съ рабочими, а затѣмъ нанять ихъ за болѣе дешевую плату. Въ 110 статьѣ мы также находимъ теперь несуществовавшій прежде (теперь 2-й) пунктъ, крайне тяжелый для рабочихъ: договоръ найма можетъ быть расторгнутъ завѣдующимъ фабрикою или заводомъ «вслѣдствіе неявки рабочаго «на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительнымъ причинамъ». Вникнемъ въ факты, подходящіе подъ понятіе объ «уважительныхъ причинахъ», подумаемъ, что причиною неявки можетъ быть тяжкая болѣзнь, смерть жены или дѣтей на сторонѣ, вызвавшая продолжительную отлучку, по-

жаръ, разорившій хозяйство фабричнаго работника, вспомнимъ, что государство позволяетъ чиновнику хворать нѣсколько мѣсяцевъ, не заводя и рѣчи объ увольненіи его отъ службы, и мы скажемъ, что статья 110, въ своей новой редакціи, относится къ фабричнымъ работникамъ слишкомъ сурово. Новая редакція 145 статьи точнѣе опредѣляетъ наказаніе, которымъ рабочій подвергается за прогулъ. По прежней редакціи взысканіе за прогулъ не должно было превышать трехдневную плату рабочаго, причемъ не былъ указанъ періодъ времени, въ теченіе котораго завѣдующій фабрикой имѣлъ право установлять взысканіе за прогулъ въ этихъ размѣрахъ; буквальный смыслъ 145 статьи въ прежней редакціи не исключалъ возможности налагать такое взысканіе хотя бы 2 раза въ недѣлю, если бы рабочій 2 раза въ недѣлю былъ виновенъ въ прогулѣ. Новыя правила опредѣляютъ высшимъ размѣромъ взысканія въ теченіе одного мѣсяца сумму, не превышающую шестидневной платы. Однако, новая редакція 145 статьи только внѣшнимъ образомъ умѣряетъ взысканія, которымъ рабочіе могутъ подвергаться за прогулъ: кто часто грѣшитъ этимъ, тотъ обыкновенно пьетъ горькую, ибо нѣтъ другихъ обстоятельствъ, которыя были бы причинами частыхъ прогуловъ. Администрація благоустроенной фабрики предпочтетъ разсчитать такого работника, ссылаясь на 110 статью, которая разрѣшаетъ завѣдующему фабрикой расторгнуть договоръ найма, если работникъ не явился «на работу болѣе трехъ дней сряду или въ сложности болѣе шести дней въ мѣсяцъ безъ уважительныхъ причинъ», нежели штрафовать за частые прогулы. Но эта статья служитъ на руку тѣмъ завѣдующимъ фабриками, которые не въ мѣру придирчивы и взыскательны: она не запрещаетъ имъ налагать на прогулявшихъ рабочихъ высшую степень штрафа, даже за 1—2 прогульныхъ дня, хотя бы обстоятельства, вызвавшія прогулъ, и не оправдывали такого строгаго наказанія. Мы считаемъ также совершенно излишнею добавку къ 146 статьѣ: согласно съ прежнею редакціей, она перечисляла въ 7 пунктахъ провинности работника, которыя позволяютъ налагать на него штрафъ; эти пункты предусматриваютъ и несвоевременную явку на работу, и несоблюденіе опрятности, и нарушеніе правилъ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ, и приходъ на работу въ пьяномъ видѣ, и устройство недозволенныхъ игръ, какъ провинности, наказываемыя денежною пеней. Теперь къ этому пріобщенъ 8-й пунктъ: «несоблюденіе правилъ внутренняго на фабрикахъ распорядка». Семь пунктовъ такъ подробно перечисляютъ всѣ возможныя со стороны рабочаго нарушенія «правилъ внутренняго распорядка», что это добавленіе совершенно излишне и можетъ только дать новый предлогъ для придирокъ со стороны завѣдующихъ фабриками, которые считаютъ своею обязанностью держать работника въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ самомъ дѣлѣ, 8-й пунктъ относится не къ фабричнымъ правиламъ, утверждаемымъ съ одобренія фабричной инспекціи: онъ касается всѣхъ мелочей внутренней жизни фабрики, даже такихъ, какъ мѣсто, занимаемое вѣшалкой въ прихожей, или какою-нибудь скамейкой въ сѣняхъ, или ко-

чергой у печи. Нѣтъ подробности (хотя бы самой мелкой) внутренняго распорядка, нарушеніе которой не могло бы быть подведено подъ 8-й пунктъ 145 статьи и которою не могъ бы съ большимъ успѣхомъ пользоваться завѣдующій фабрикой, дабы образовать изъ штрафныхъ денегъ крупный капиталъ. Если намъ возразятъ, что завѣдующіе фабриками отличаются достаточнымъ благоразуміемъ, чтобы безъ надобности не враждовать съ рабочими и что 8-й пунктъ добавленъ только «на всякій случай», то мы отвѣтимъ, что 8-й пунктъ можетъ оказать услугу только наименѣе благоразумнымъ и справедливымъ фабрикантамъ и заводчикамъ: 7 пунктовъ съ избыткомъ обезпечиваютъ интересы каждаго, сколько-нибудь разсудительнаго владѣльца фабрики. Новыя правила, дабы сдѣлать взысканія еще болѣе чувствительными для рабочихъ, дополняютъ 143 статью устава о промышленности примѣчаніемъ, согласно съ которымъ рабочій подвергается за неисправную работу взысканію, налагаемому завѣдывающимъ фабрикой, и, сверхъ того, можетъ быть въ судебномъ порядкѣ приговоренъ къ уплатѣ вознагражденія за убытокъ, причиненный фабриканту. Мы находимъ невыгоднымъ для рабочихъ и примѣчаніе 2 къ 110 статьѣ. Оно предоставляетъ рабочему, уволенному съ фабрики или завода на основаніи 110 статьи, право обжаловать распоряженіе договора суду въ теченіе 1 мѣсяца. Мѣсячный срокъ установленъ только новыми правилами; примѣчаніе къ 110 статьѣ въ прежней редакціи ничего не говоритъ о срокѣ, въ теченіе котораго рабочій могъ жаловаться суду. Мы считаемъ мѣсячный срокъ слишкомъ краткимъ: очень многія условія домашней жизни, вмѣстѣ съ малограмотностью рабочаго и его робостью передъ присутственными мѣстами, могутъ заставить его откладывать съ подачею жалобы; часто препятствіемъ этому можетъ служить и неимѣніе денегъ, которыя нужно заплатить за составленіе и написаніе жалобы. Установленіе болѣе продолжительнаго срока, наприм., 3-хъ мѣсячнаго, облегчая работника, вовсе не было бы связано съ какими-либо невыгодами: рабочій, вызвавшій расторженіе договора своимъ дурнымъ поведеніемъ, только въ самыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ подастъ жалобу; нѣтъ основанія бояться, что суды будутъ завалены жалобами со стороны этихъ людей. Но болѣе долгій срокъ облегчилъ бы защиту правъ тѣмъ работникамъ, которые досрочно уволены съ фабрики безъ достаточныхъ къ тому основаній. Новыя правила значительно смягчаютъ кару, которою статья 1359[2] уложенія о наказаніяхъ (по продолж. 1890 года) угрожала завѣдующимъ фабриками и заводами, если они своими незаконными дѣйствіями (расплатой, вмѣсто денегъ, товарами, условными знаками, досрочнымъ самовольнымъ пониженіемъ платы) вызвали стачку рабочихъ, прекращенную чрезвычайными мѣрами: прежде они подлежали за это аресту до 3 мѣсяцевъ и могли быть навсегда лишены права завѣдывать фабриками или заводами; теперь же это право можетъ быть отнято у нихъ не болѣе, какъ на два года. Конечно, лишеніе на два года права завѣдывать фабрикой представляется серьезнымъ наказаніемъ. Но не забудемъ, что стачки рабочихъ, побуждающія

принимать чрезвычайныя мѣры, обращаться къ военной силѣ, даютъ въ результатѣ раненыхъ и убитыхъ, каторжныя работы для главныхъ виновниковъ безпорядка, служатъ причиною окончательнаго разоренія для многихъ участниковъ. Если мы сопоставимъ степень вины этихъ людей съ виновностью завѣдующаго, который вызвалъ безпорядки своимъ незаконнымъ и часто безчеловѣчнымъ образомъ дѣйствій, то мы предпочтемъ не новую, а прежнюю редакцію ст. 1359²: вина завѣдующаго фабрикой можетъ быть иногда такъ велика, а послѣдствія безпорядковъ такъ тяжки, что можно оправдать лишеніе его навсегда права завѣдывать фабрикой или заводомъ. Такая кара можетъ быть въ подобномъ случаѣ тѣмъ болѣе оправдана, что арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ является очень легкимъ наказаніемъ: не забудемъ, что рядовые участники стачки, которая не сопровождалась ни насиліемъ, ни уничтоженіемъ имущества, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Мы уже имѣли случай отмѣтить попятное движеніе въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ (*Внутреннее Обозрѣніе* 1892 г., октябрь). Правила 8 іюня текущаго года являются дальнѣйшимъ шагомъ назадъ.

При министерствѣ народнаго просвѣщенія уже нѣсколько лѣтъ работаетъ особая коммиссія, учрежденная для составленія проекта цѣльной системы женскаго образованія. Проектъ останавливается особенно подробно на низшемъ и среднемъ женскомъ образованіи. Для развитія низшихъ школъ болѣе высокаго типа проектъ предполагаетъ вводить женскія профессіональныя школы, а также Маріинскія училища; въ послѣднихъ разнообразныя рукодѣлья занимаютъ очень видное мѣсто, а общеобразовательный курсъ приближается къ курсу уѣздныхъ или городскихъ училищъ. Уже и въ настоящее время мѣстами существуютъ какъ профессіональныя школы, такъ и Маріинскія училища. Проектъ не вводитъ чего-либо новаго, а только хочетъ дать училищамъ этихъ обоихъ типовъ общее распространеніе. Ими должны быть замѣнены всѣ, существующія въ настоящее время, женскія прогимназіи. Въ связи съ этимъ учебное дѣло получаетъ въ женскихъ гимназіяхъ совершенно иную постановку. Онѣ будутъ сдѣланы только общеобразовательными заведеніями; приготовленіе учительницъ и воспитательницъ не будетъ входить въ ихъ задачи. Проектъ высказываетъ также ту мысль, что, съ проведеніемъ намѣченной реформы, женскія гимназіи будутъ служить преимущественно для образованія высшихъ классовъ; для образованія же среднихъ будутъ служить Маріинскія училища. Конечно, подъ «высшими» классами разумѣются богатые классы. Для доставленія дѣвушкамъ педагогической подготовки предположено образовать особые спеціальные педагогическіе институты.

Сравнивая предполагаемый порядокъ съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей, мы видимъ, что проектъ, обѣщая создать учрежденія, которыя будутъ полно и всесторонне подготовлять лишь желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, понижаетъ уровень образованія въ женскихъ гимназіяхъ и

лишаетъ ихъ правъ, которыя онѣ имѣютъ въ настоящее время. Теперь женскія гимназіи служатъ дѣлу подготовленія учительницъ и воспитательницъ только тѣмъ, что имѣютъ, кромѣ 7 общеобразовательныхъ классовъ, восьмой—спеціально-педагогическій. Съ преобразованіемъ гимназій отпадетъ и педагогическій классъ, такъ какъ, предположительно, онъ не нуженъ въ учебномъ заведеніи, имѣющемъ только общеобразовательный характеръ.

Допуская даже, что спеціальныя педагогическія учрежденія будутъ устроены вполнѣ цѣлесообразно, мы считаемъ ущербомъ для гимназій сокращеніе ихъ программъ и обособленіе ихъ въ такія учебныя заведенія, которыя должны служить только «высшимъ классамъ», не разсчитывающимъ подготовлять себя къ педагогической дѣятельности. Невыгодность такого порядка заявитъ о себѣ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, если даже допустить, что дѣвушки, прошедшія гимназію, тотчасъ же выходятъ замужъ и вовсе не даютъ уроковъ ни въ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ домахъ, то развѣ не странно утверждать, что имъ можетъ быть вредна или хотя безполезна педагогическая подготовка, которую даютъ нынѣшнія гимназіи? Предполагается, что эти дѣвушки станутъ матерями, а развѣ дѣти, имѣя мать хотя немного теоретически подготовленную для дѣла воспитанія, не получатъ крупнаго выигрыша? Развѣ нормаленъ такой порядокъ, при которомъ государство заботится сдать ребенка, когда онъ достигъ школьнаго возраста, на руки опытныхъ, хорошо подготовленныхъ воспитателей и воспитательницъ, и относится равнодушно къ подготовкѣ матерей, къ условіямъ воспитанія, въ которыхъ находится ребенокъ до поступленія въ школу? Предположимъ, что такая особа всегда можетъ имѣть при дѣтяхъ учительницъ и гувернантокъ; но развѣ матери не слѣдуетъ наблюдать за наемными воспитательницами? Конечно, да, и, конечно, надзоръ будетъ тѣмъ болѣе разуменъ, чѣмъ лучшую подготовку имѣетъ мать. Такой порядокъ будетъ неудобенъ и потому, что онъ затруднитъ образованіе для многихъ семействъ среднихъ классовъ. Семьи учителей, чиновниковъ, литераторовъ, небогатыхъ землевладѣльцевъ, отчасти даже средняго купечества образуютъ тотъ слой, который принято относить къ интеллигенціи. Эти общественныя группы привыкли, уже въ теченіе 2—3 поколѣній, давать дѣтямъ такое воспитаніе, которое сообщило бы имъ и извѣстную сумму свѣдѣній общеобразовательнаго характера, и извѣстную сумму спеціальныхъ знаній, которыя способны послужить источникомъ и для заработковъ. Нельзя порицать людей скромнаго достатка за то, что, давая своимъ дѣтямъ воспитаніе, они хотятъ сдѣлать ихъ не просто образованными людьми, а облегчить имъ практическую дѣятельность, которая обезпечиваетъ извѣстный доходъ. Отцы знаютъ, что борьба за существованіе не легка; они знаютъ, что не могутъ оставить дѣтямъ фондъ, который позволяетъ безъ хлопотъ получать доходы, а потому и задумываются надъ судьбой своихъ дѣтей въ этомъ отношеніи. Кто можетъ больше израсходовать на воспитаніе дочери, тотъ доводитъ ее до высшихъ женскихъ курсовъ; кто не можетъ сдѣлать это, тотъ напрягаетъ всѣ силы, чтобъ она окончила хотя гимназію. А гимназія даетъ нѣ-

которую подготовку къ педагогической дѣятельности; гимназія есть въ каждомъ губернскомъ городѣ и частью въ уѣздныхъ, а потому она сравнительно доступна. Сокращеніе курса гимназій нанесетъ ударъ почти всѣмъ семьямъ мало-и среднедостаточной интеллигенціи. Гимназіи не будутъ давать ту скромную, но все же полезную подготовку къ педагогической дѣятельности, какъ въ настоящее время. Высшія педагогическія учрежденія, которыя, конечно, будутъ устроены только въ большихъ городахъ, будутъ недоступны для многихъ и по отдаленности ихъ отъ мѣстожительства родителей, и по трудности для многихъ семей содержать дочь, пока она будетъ проходить курсъ такого заведенія. Искусственное же направленіе дочерей этихъ семей въ Маріинскія и профессіональныя школы (которыя, предположительно, будутъ устроены повсемѣстно) будетъ связано и съ пониженіемъ уровня образованія, и съ трудностью для окончившихъ курсъ найти источникъ заработковъ. Знакомство съ рукодѣліями можетъ быть полезно въ домашнемъ быту. Но не слѣдуетъ думать, что, уменьшая число учительницъ и воспитательницъ, т.-е. ослабляя ряды такъ называемаго умственнаго пролетаріата, мы дадимъ заработокъ всѣмъ этимъ женщинамъ, если онѣ научатся рукодѣльямъ въ профессіональныхъ школахъ. Если бы занятіе рукодѣльями могло обезпечить всѣхъ, которыя пройдутъ профессіональную школу, то, навѣрное, мы не наблюдали бы теперь всѣмъ извѣстнаго факта: цѣны рукодѣлій низки и заработки въ области ремеслъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ совершенно ничтожны. Со всеобщимъ распространеніемъ профессіональныхъ и Маріинскихъ школъ на рынокъ будетъ поставляться гораздо большее количество продуктовъ рукодѣльной работы, а потому ихъ цѣна понизится еще болѣе. Бороться со скудными заработками ремесленниковъ и ремесленницъ нужно не устройствомъ профессіональныхъ школъ, даже вообще не мѣропріятіями, связанными со строемъ народнаго образованія, а крупными юридико-экономическими реформами. И такъ, преобразованіе гимназій можетъ уменьшить число учительницъ съ ничтожнымъ заработкомъ, но увеличитъ число ремесленницъ, которымъ трудно будетъ пріобрѣсти кусокъ хлѣба. Въ итогѣ же понизится уровень умственнаго развитія женщинъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которыя проходятъ теперь гимназію.

Министерство народнаго просвѣщенія представило на утвержденіе государственнаго совѣта новый типъ школъ для ремесленниковъ-учениковъ. Эти училища предназначаются для мальчиковъ отъ 11 до 14 лѣтъ, которые окончили курсъ начальной школы.

Русская литература понесла двѣ печальныя утраты: скончались А. Н. [illegible]хтинъ, талантливый поэтъ, самое крупное произведеніе котораго—поэма [illegible]ъ *въ монастырь*—было напечатано въ *Русской Мысли*, и А. Н. Плещеевъ. Газеты по случаю кончины Алексѣя Николаевича напомнили главныя событія его жизни. Плещеевъ родился 22 ноября 1825 года, въ Ко[illegible]мѣ. Литературную дѣятельность онъ началъ юношей, пятьдесятъ лѣтъ [illegible] назадъ, въ *Современникѣ* Плетнева (стихотвореніемъ, переведеннымъ

изъ Рюккерта). Какъ участникъ извѣстнаго кружка Петрашевскаго, Плещеевъ былъ приговоренъ къ разстрѣленію. Эта кара была замѣнена лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и отдачею въ рядовые въ оренбургскій округъ. Новое царствованіе дозволило Алексѣю Николаевичу вернуться сначала въ Москву, потомъ въ Петербургъ. Его послѣдующая литературная дѣятельность хорошо извѣстна русскому образованному обществу. Плещеевъ много и честно поработалъ, какъ журналистъ. Какъ поэтъ, онъ займетъ почетную страницу въ исторіи нашей словесности своими стихотвореніями, проникнутыми духомъ свободы и гуманности.

Очерки провинціальной жизни.

Лица, слѣдящія за дѣятельностью земства, давно уже обратили вниманіе на плодотворныя работы земствъ пермскаго и вятскаго. Если въ отношеніи организаціи медицинской помощи и народнаго образованія нѣкоторыя земства еще могутъ конкуррировать съ пермскимъ и вятскимъ, то въ дѣлѣ экономической помощи населенію дѣятельность земствъ этихъ двухъ губерній несомнѣнно выступаетъ на первый планъ.

Началась эта дѣятельность чуть ли не съ момента открытія земскихъ учрежденій въ пермско-вятскомъ краѣ. Еще двадцать лѣтъ назадъ пермская губернская управа представила земскому собранію докладъ «о состояніи сельскаго хозяйства въ губерніи и мѣрахъ къ его улучшенію». Докладъ этотъ послужилъ толчкомъ къ осуществленію различныхъ практическихъ мѣропріятій въ интересахъ крестьянскаго хозяйства. Затѣмъ, пермское и вятское земства, гдѣ большинство гласныхъ всегда были крестьяне, идутъ рука объ руку въ заботахъ о благосостояніи населенія. Въ послѣдніе же два года эти земства проявили поистинѣ необыкновенную энергію и осуществили цѣлый рядъ полезныхъ экономическихъ мѣръ.

Хозяйственное положеніе населенія пермско-вятскаго края находится въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ двухъ видовъ промышленности: сельской и кустарной. Кустарныхъ промысловъ въ этихъ двухъ губерніяхъ находится очень много. Почти каждый крестьянинъ и крестьянка съ молодыхъ лѣтъ научаются какому-нибудь ремеслу и потомъ всю свою жизнь занимаются имъ по зимамъ. Въ виду этого, пермское и вятское земства стараются одновременно объ улучшеніи условій какъ сельской промышленности, такъ и промышленности кустарной. Для увеличенія доходности сельско-хозяйственнаго промысла эти земства особенно озабочены распространеніемъ въ массѣ техническихъ знаній. Въ Вятской губерніи въ настоящее время, какъ сообщаетъ *Русская Жизнь*, уже вполнѣ закончена организація агрономическаго института, состоящаго изъ 11 уѣздныхъ агрономическихъ смотрителей и одного губернскаго агронома. Организованы, устроены и снабжены всѣмъ необходимымъ три обширныхъ опытныхъ поля-фермы: одно на сѣверо-востокѣ губерніи (въ Глазовскомъ уѣздѣ), другое

на юго-западѣ (въ Уржумскомъ уѣздѣ) и третье въ центрѣ (въ г. Вяткѣ). Каждое изъ полей находится въ завѣдываніи спеціалистовъ-агрономовъ, а у нѣкоторыхъ имѣются и помощники. Въ скоромъ времени имѣется въ виду открыть четвертое поле на югѣ губерніи (въ Елабужскомъ уѣздѣ). Сверхъ опытныхъ полей, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ устроены небольшія фермы и почти всюду раскинулась цѣлая сѣть образцовыхъ огородовъ, школьныхъ и показательныхъ участковъ, на которыхъ производятся посѣвы травъ, древесныхъ и улучшенныхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній и показываются раціональные пріемы обработки земли и удобренія. Для болѣе быстраго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній среди населенія въ Глазовскомъ уѣздѣ открыто низшее сельско-хозяйственное училище, устраивается таковое же въ Уржумскомъ; кромѣ того, при каждомъ опытномъ полѣ содержатся воспитанники, крестьянскіе мальчики-подростки, которые практически и теоретически знакомятся съ раціональнымъ земледѣліемъ. Для служенія послѣдней цѣли привлечены земствомъ и народные учителя и учительницы, для которыхъ при вятской фермѣ устроены сельско-хозяйственные курсы. Они открываются 15 іюня и продолжаются до 1 августа. Пособіемъ курсамъ служатъ: поля-фермы, скотный дворъ, огородъ, хмѣльникъ, пасѣка, древесный и ягодный питомники и земскій музей. На курсахъ преподаются: ботаника, краткій обзоръ химическихъ явленій, пчеловодство, луговодство и сообщаются свѣдѣнія о наиболѣе вредныхъ насѣкомыхъ. Эти предметы обязательно слушаются всѣми. Затѣмъ слушатели курсовъ по своему желанію изучаютъ теоретически и практически: одни—пчеловодство, другіе—огородничество, садоводство и лѣсоразведеніе. Каждая изъ группъ работаетъ то на пасѣкѣ, то въ огородѣ, то въ древесномъ питомникѣ. Преподаваніе ведется семью спеціалистами. Учителя и учительницы заняты цѣлые дни и работаютъ съ любовью и усердіемъ.

Для поднятія кустарной промышленности вятскимъ земствомъ былъ открытъ въ Вяткѣ, въ сентябрѣ прошлаго года, кустарный музей, который энергично пополняется самыми разнообразными произведеніями мѣстныхъ и иногородныхъ кустарей. Въ теченіе минувшей зимы въ разныхъ мѣстахъ губерніи, въ г. Вяткѣ и въ уѣздахъ Орловскомъ, Нолинскомъ, Елабужскомъ и другихъ были открыты ткацкія мастерскія, въ которыхъ шло обученіе тканью на усовершенствованномъ станкѣ. Ткались холсты, полотна, сарпинки, пестряди, салфетки, скатерти, сукна, мѣшки безъ швовъ, ковры, наконечники къ полотенцамъ и т. п. Чтобы дѣло тканья поставить въ губерніи болѣе прочно, земство командировало на цѣлое лѣто одну учительницу-ткачиху въ разныя мѣста Россіи, гдѣ тканье, пряденье и выдѣлка льна поставлены хорошо. Затѣмъ земство предполагаетъ открыть нѣсколько кружевныхъ мастерскихъ по образцу воткинской (въ Сарапульскомъ уѣздѣ), которая уже существуетъ нѣсколько лѣтъ. Ремесламъ столярному, токарному слесарному, кузнечному и шорному населеніе обучается въ училищахъ, открытыхъ въ гг. Вяткѣ, Котельничѣ, Яранскѣ, Малмыжѣ, Нолинскѣ, Елабугѣ и Слободскомъ. Обращено также вниманіе на усовершенствованіе техники

промысловъ гончарнаго, рогового и выдѣлки сельско-хозяйственныхъ орудій. Для изученія вышепоименованныхъ промысловъ въ концѣ прошлаго года были командированы въ разныя мѣста (въ Кострому, Красноуфимскъ и Воткинскъ) разныя лица, которыя изучили промысла и, сверхъ того, пригласили изъ тѣхъ мѣстъ на службу въ вятское земство особыхъ мастеровъ. Приглашенные мастера въ настоящее время уже устроили мастерскія: въ Нолинскомъ уѣздѣ—роговыхъ издѣлій, въ Вятскомъ—гончарныхъ. Пріѣзжій мастеръ-гончаръ обучаетъ мѣстныхъ гончаровъ усовершенствованнымъ способамъ выдѣлки посуды и учитъ выдѣлывать черепицу для кровель. Распространеніе черепичныхъ крышъ, уменьшая число деревенскихъ пожаровъ, окажетъ огромную услугу населенію.

Вятское земство приступило также къ практическому рѣшенію вопроса о сбытѣ кустарныхъ произведеній. Въ сентябрѣ 1892 года въ г. Вяткѣ открытъ складъ кустарныхъ произведеній, для котораго, въ видѣ оборотнаго капитала, отпущено 15 тысячъ рублей. Складъ уже просуществовалъ 11 мѣсяцевъ, и дѣла въ немъ, благодаря удачному выбору завѣдующаго складомъ, идутъ прекрасно. Въ складѣ покупаются и продаются всякаго рода кустарныя произведенія: деревянныя, металлическія, льняныя, кожевенныя, шерстяныя, гипсовыя и т. п.,—произведенія мѣстныхъ и иногородныхъ кустарей (московскихъ, нижегородскихъ и вологодскихъ). Кромѣ готовыхъ кустарныхъ издѣлій, въ складѣ производится также продажа матеріаловъ для кустарей: дерево, краски, металлы и т. п. Мѣсячные обороты склада колеблются отъ 2 до 6 тысячъ рублей. Для расширенія рынка въ семи уѣздныхъ городахъ: въ Малмыжѣ, Орловѣ, Глазовѣ, Елабугѣ, Нолинскѣ, Сарапулѣ и Уржумѣ открыты и оперируютъ отдѣленія главнаго склада. Складъ вошелъ въ сношенія съ московскимъ и вологодскимъ кустарными складами и артелью павловскихъ кустарей.

Недавно правительствомъ утвержденъ уставъ перваго кустарно-промышленнаго банка, выработаннаго пермскимъ земствомъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Всѣ отрасли нашей фабричной и заводской промышленности издавна пользовались и пользуются кредитомъ. Одна кустарная промышленность, которой занимается до 8.000,000 населенія, была лишена этого важнаго экономическаго орудія. Благодаря земству, положенъ, наконецъ, починъ возникновенію кредитныхъ учрежденій и для этой поистинѣ народной формы промышленнаго труда. Въ основной капиталъ банка земствомъ отчислено 90,000 рублей. Утвержденный уставъ банка строго держится постановленія земскаго проекта не выдавать ссудъ кустарямъ, которые нанимаютъ рабочихъ. Такимъ образомъ, опредѣлены три разряда лицъ, имѣющихъ право на полученіе изъ банка ссуды: кустари, работающіе въ одиночку или семьями артели кустарей и кустарные склады, устраиваемые губернскими и уѣздными земствами. Кустарнымъ предпріятіямъ съ наемными рабочими ссуды могутъ быть выдаваемы только въ особыхъ, исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ постановленіемъ банка. Утвержденный уставъ банка принятъ правительствомъ какъ образцовый, а потому процедура возникно-

вения дальнѣйшихъ однородныхъ уставовъ значительно упрощена и для появленія на свѣтъ Божій имъ не придется ждать цѣлаго десятка лѣтъ, какъ это случилось съ уставомъ банка, выработаннаго пермскимъ земствомъ.

Бѣдствія 1890 — 91 гг. поставили передъ русскимъ обществомъ рядъ неотложныхъ задачъ. Пермское земство, подобно многимъ другимъ земствамъ, отнеслось къ этому дѣлу съ подобающимъ вниманіемъ. Недавно оно издало обширные «труды совѣщанія при пермской губернской земской управѣ о мѣрахъ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянскаго населенія». Итоги этой работы были доложены управою губернскому земскому собранію. Собраніе въ общихъ чертахъ согласилось съ программой мѣропріятій «къ поддержанію и улучшенію экономическаго положенія крестьянскаго населенія Пермской губерніи». Формулирована она была въ слѣдующихъ десяти пунктахъ:

1. Реорганизація системы обезпеченія народнаго продовольствія.

2. Улучшеніе условій сбыта крестьянскаго хлѣба путемъ взиманія государственныхъ податей и земскихъ сборовъ хлѣбомъ, а не деньгами, или организація кредита подъ залогъ хлѣба.

3. Измѣненіе устава крестьянскаго поземельнаго банка, въ смыслѣ пониженія %%% по ссудамъ и увеличенія самыхъ ссудъ; въ частности — скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о продажѣ крестьянамъ, при посредствѣ банка и земства, земель Кнауфскихъ заводовъ.

4. Организація денежнаго кредита для крестьянъ, въ дополненіе къ выработанной уже организаціи кустарнаго кредита.

5. Распространеніе въ крестьянскомъ населеніи сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній, при посредствѣ школъ, фермъ, выставокъ, музеевъ и проч., въ связи съ обязательнымъ надѣленіемъ народныхъ школъ землей и отводомъ въ арендное пользованіе оканчивающимъ курсъ въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ земельныхъ участковъ изъ казенныхъ оброчныхъ статей.

6. Реорганизація института агрономическихъ смотрителей сообразно требованіямъ жизни и указаніямъ опыта; учрежденіе должностей особыхъ техниковъ по кустарной промышленности.

7. Упорядоченіе пользованія казенными оброчными статьями, въ интересахъ установленія на нихъ раціональной культуры, при содѣйствіи института агрономическихъ смотрителей.

8. Устраненіе черезполосицы въ крестьянскихъ владѣніяхъ и округленіе крестьянскихъ надѣловъ; измѣненіе законоположеній относительно судебнаго размежеванія.

9. Мѣры къ лѣсоохраненію и лѣсоразведенію на земляхъ казенныхъ, частныхъ и крестьянскихъ, въ особенности въ юго-восточномъ районѣ губерніи.

10. Устройство, при помощи государства, ирригаціонныхъ сооруженій въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ засухи.

Въ ожиданіи отъ правительства цѣлесообразныхъ мѣръ къ улучшенію экономическаго положенія вещей, земства и лучшіе элементы общества стремятся придти на помощь страждущимъ людямъ. Рядомъ съ организованною дѣятельностью земствъ, организуются общественные союзы, задающіеся различными благотворительными цѣлями. Не во власти, конечно, современнаго русскаго общества, не во власти образующихся въ немъ союзовъ измѣнить *общія* условія дѣйствующей въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ экономической системы. Ему приходится

почти исключительно направлять свою дѣятельность на оказаніе помощи раненымъ и выбитымъ изъ строя въ жизненной борьбѣ. Современная роль экономическихъ общественныхъ союзовъ въ Россіи соотвѣтствуетъ роли «Краснаго Креста» во время войны. Въ іюньской книжкѣ нашего журнала мы уже говорили о плодотворной работѣ интеллигентныхъ кружковъ въ деревнѣ. Теперь укажемъ на благотворительныя организаціи въ городахъ, свѣдѣнія о которыхъ мы нашли въ газетахъ за послѣднее время. Дѣятельность этихъ организацій весьма разнообразна. Они учреждаютъ «дома трудолюбія», оказываютъ помощь лишившимся работы и пріискиваютъ имъ занятія; устраиваютъ ночлежные пріюты, чайныя и дешевыя столовыя; организуютъ помощь бѣднякамъ, лечащимся въ больницахъ и выходящимъ изъ нихъ, а также и семействамъ ихъ; учреждаютъ попечительства о бѣдныхъ и дома призрѣнія для нищихъ; устраиваютъ для рабочихъ разумныя развлеченія; заботятся о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ, причемъ эти заботы проявляются въ весьма разнообразныхъ формахъ, начиная отъ матеріальнаго пособія до полнаго содержанія и воспитанія, а также защиты отъ жестокости хозяевъ и родителей.

Дома трудолюбія или работные дома имѣютъ своею задачей сокращеніе нищенства чрезъ доставленіе нуждающимся лицамъ заработка, обезпечивающаго ихъ въ первыхъ потребностяхъ жизни. Первый домъ трудолюбія былъ открытъ въ Кронштадтѣ въ 1882 г., при содѣйствіи этому дѣлу отца Іоанна Сергіева. При «домѣ» этомъ теперь имѣются мастерскія для бѣдныхъ обоего пола, дневное пристанище для дѣтей, родители которыхъ заняты работой, народныя школы, амбулаторія, столовая и ночлежный пріютъ. Устраиваются публичныя чтенія съ туманными картинами, есть лавка для продажи книгъ и т. д. Когда начиналось это дѣло, то средствъ было всего 100 р., въ настоящее же время кронштадтскій домъ трудолюбія имѣетъ 200,000 капитала и на 300,000 недвижимаго имущества.

По примѣру этого дома трудолюбія, основано въ 1888 гуду два такихъ же дома въ Петербургѣ и въ 1887 году одинъ въ Псковѣ. Польза этихъ учрежденій такъ очевидна, какъ для большихъ, такъ и для малыхъ городовъ, что число ихъ быстро увеличивается; возникли такіе же дома трудолюбія въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Твери, Вильнѣ, Рязани, Нижнемъ-Новгородѣ и въ городѣ Слободскомъ, Вятской губерніи.

Значительное сходство съ задачами домовъ трудолюбія имѣетъ дѣятельность недавно открытаго благотворительнаго общества въ селѣ Зуевѣ, Московской губерніи. По сообщенію корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, здѣсь среди нѣкоторой части мѣстныхъ обывателей зародилась мысль объ учрежденіи благотворительнаго общества съ цѣлью оказанія необходимой помощи той массѣ бѣднаго люда, который въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ ежегодно стекается сюда для пріисканія заработка на близъ лежащихъ многолюдныхъ фабрикахъ гг. Морозовыхъ и Зиминыхъ и нерѣдко оказывается въ крайне удрученномъ положеніи за неимѣніемъ мѣста, за болѣзнью, за смертью главы семейства и вслѣдствіе другихъ причинъ.

Въ послѣдніе два года за осуществленіе этой мысли горячо принялись мѣстный фабричный врачъ В. Н. Кипарисовъ и священникъ села Зуева о. Ѳ. Орловскій, которые выработали «уставъ благотворительнаго въ с. Зуевѣ общества» и выхлопотали утвержденіе этого устава со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Цѣль общества, какъ гласятъ §§ 1 и 2 устава, оказаніе помощи бѣднымъ и сиротамъ изъ числа лицъ, постоянно или временно проживающихъ въ с. Зуевѣ, доставленіемъ помѣщенія, одежды, пропитанія, содѣйствіемъ въ пріисканіи занятія, заработка и проч. Въ общество поступили уже крупныя пожертвованія.

Значительную благотворительную дѣятельность проявляетъ самарское общество попеченія о бѣдныхъ. Изъ вышедшаго недавно отчета видно, что дѣятельность общества заключалась въ разслѣдованіи прошеній о пособіи и выдачѣ вспомоществованій; въ наблюденіи за устройствомъ и дѣйствіями склада пожертвованій ненужныхъ старыхъ вещей; устройствѣ чайной и дешевой столовой для неимущихъ; въ наблюденіи за ночлежными пріютами.

Исключительныя условія минувшаго 1892 года, послѣдствія неурожая, холера, посѣтившая прошлымъ лѣтомъ Поволжье,— все это заставило общество обратить особое вниманіе на организацію дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ. Столовыя отпустили до 200,000 обѣдовъ; бывали дни, что отпускалось до 1,000 обѣдовъ. На столовыя было пожертвовано болѣе 8,300 руб. и издержано болѣе 7,900 рублей.

Два временныхъ ночлежныхъ пріюта для мальчиковъ и дѣвочекъ пріютили до 80 дѣтей. Ихъ не только пріютили, кормили и одѣвали, но ихъ также учили. Мальчики занимались подъ руководствомъ особо приглашенныхъ мастеровъ различными ремеслами, а дѣвочки обучались шитью и вязанью, шили платья для себя, для пріютскихъ мальчиковъ и крестьянъ голодающихъ мѣстностей.

Текущимъ лѣтомъ обществомъ открытъ безплатный ночлежный домъ на «бурлацкомъ базарѣ». Такимъ образомъ, въ главнѣйшемъ мѣстѣ скопленія рабочаго люда на рѣкѣ Волгѣ, именно около «бурлацкаго базара», въ настоящее время имѣются три безплатныхъ ночлежныхъ дома. Въ виду того, что въ этихъ трехъ безплатныхъ ночлежныхъ домахъ, въ общемъ, можетъ помѣститься на ночь свыше тысячи человѣкъ, бѣднякамъ, пришедшимъ въ Самару на заработки, уже не придется ночевать подъ открытымъ небомъ на берегахъ рр. Волги и Самарки или подъ лодками, какъ это было въ предъидущіе годы.

Самарское общество попеченія о бѣдныхъ возникло лишь два года назадъ. Оно начало свои дѣйствія съ самыми ничтожными средствами, а теперь имѣетъ уже запасъ въ 20,000 рублей.

О рабочихъ, массами идущихъ на заработки, позаботились также Елисаветградъ и нѣкоторые другіе города. Въ Елисаветградѣ, по сообщенію корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей,* на ярмарочной площади устроена *дешевая столовая и при ней амбулаторія для пришлыхъ рабочихъ.* Столовая содержится на соединенныя средства благотворительнаго попечитель-

ства, земства и города. Помощь больнымъ и лѣкарства даровыя. Въ прошломъ году елисаветградская столовая со 2 мая по 16 іюня отпустила обѣдовъ 8,810, въ томъ числѣ 1,418 порцій безплатно; медицинская помощь оказана была 8,8% всѣхъ зарегистрированныхъ рабочихъ. Въ этомъ же году та же столовая, за время съ 15 по 30 мая, отпустила 2,335 обѣдовъ, изъ нихъ 582 безплатно. Кромѣ елисаветградской столовой, таковыя открыты также въ городахъ Вознесенскѣ, Бобринцѣ, посадѣ Новоукраинкѣ и м. Казанкѣ. Больше всего пришлыхъ рабочихъ бываетъ въ Бобринцѣ, гдѣ съ 16 по 28 мая этого года было выдано обѣдовъ 3,089, въ томъ числѣ безплатно 543. Полный обѣдъ состоитъ изъ 1½ ф. чернаго хлѣба, борща и каши и стоитъ 5 коп., за 4 коп. дается борщъ и хлѣбъ, за 3 — борщъ и каша, за 2 — только борщъ. Желающимъ отпускается чай и сахаръ. Попечительству полный обѣдъ обходится въ 7 слишкомъ копѣекъ. На сто душъ полагается въ скоромные дни 25 фун. мяса, 2½ фун. сала, хлѣбный квасъ; въ постные дни — 5 фун. сушеной рыбы, 5 фун. фасоли, 4 фун. постнаго масла, квасъ, лукъ. Среди идущихъ на заработокъ рабочихъ больше всего наблюдаются заболѣванія отъ плохого питанія, а потому устройство подобныхъ столовыхъ оказывается весьма благодѣтельнымъ для поддержанія здоровья и силы рабочихъ людей.

Къ нуждѣ, едва ли еще не болѣе сильной, пришло на помощь населеніе Казани. Въ *Волжскій Вѣстникъ* пишутъ, что на-дняхъ открываетъ свои дѣйствія весьма симпатичное общество, организованное при казанской губернской земской больницѣ. Общество имѣетъ цѣлью оказывать помощь бѣднымъ больнымъ, лечащимся въ больницѣ и выходящимъ изъ нея, а также и семействамъ ихъ. Общество снабжаетъ неимущихъ, выходящихъ изъ больницы, одеждою, деньгами и необходимыми медицинскими аппаратами и пособіями; доставляетъ неимущимъ средства возвратиться на родину; заботится о помѣщеніи малолѣтнихъ дѣтей, на время пребыванія въ больницѣ ихъ родителей, въ имѣющіяся въ Казани благотворительныя учрежденія. Уставъ утвержденъ и уже печатается. Общее число членовъ-учредителей возникающаго общества достигаетъ ста человѣкъ, при энергичномъ содѣйствіи которыхъ это въ высокой степени симпатичное учрежденіе сразу можетъ стать прочно и развить свою полезную дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ.

Та же газета сообщаетъ, что, рядомъ съ упомянутымъ обществомъ, въ Казани недавно организованъ еще «отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія и тлетворнаго вліянія растлѣвающей ихъ нравственность обстановки». Отдѣлъ, несмотря на то, что онъ только что зародился, насчитываетъ уже 135 членовъ. «Предстоящее ему живое и трудное дѣло начинаетъ привлекать къ себѣ лучшія интеллигентныя силы. Въ общемъ собраніи членовъ отдѣла 14 апрѣля избрано бюро, ближайшимъ образомъ вѣдающее дѣлами отдѣла. Оно, вмѣстѣ съ избранными тѣмъ же собраніемъ участковыми попечителями по числу полицейскихъ участковъ въ городѣ, обязано разыскивать и брать подъ свою защиту угнетаемыхъ дѣтей, вре-

менно призрѣвать ихъ, устранять ихъ отъ жестокаго или растлѣвающаго ихъ нравственность обращенія и заботиться объ устройствѣ ихъ дальнѣйшей судьбы. Нѣсколько случаевъ вопіющаго угнетенія малолѣтнихъ уже изслѣдовано бюро и приняты возможныя мѣры къ устройству судьбы этихъ несчастныхъ дѣтей. Въ настоящее время бюро занято изысканіемъ матеріальныхъ средствъ для устройства необходимыхъ убѣжищъ для дѣтей, поступающихъ подъ защиту отдѣла. Добрые люди уже начинаютъ мало-помалу откликаться на такой призывъ».

Нынѣшнимъ лѣтомъ происходило годичное общее собраніе членовъ общества попечительства о больныхъ дѣтяхъ г. Одессы, подъ предсѣдательствомъ проф. Ѳ. Н. Шведова. По открытіи засѣданія доложенъ былъ отчетъ совѣта общества за 1892 годъ. Дѣятельность совѣта въ отчетномъ году была направлена на поддержаніе и эксплуатацію амбулаторіи и санитарной станціи общества. Всѣхъ больныхъ въ амбулаторіи было 7,215 при 22,143 посѣщеніяхъ. Всѣмъ приходящимъ больнымъ выдавались молоко и чай; наиболѣе нуждающимся раздавалась одежда. Всѣхъ членовъ общества въ отчетномъ году было 615 человѣкъ. Членскихъ взносовъ поступило 2,879 рублей, а всего по 1 октября 1892 г. вмѣстѣ съ пожертвованіями поступило 8,910 руб. 57 к. Расходъ составлялъ 7,939 руб. 34 коп. Дѣтская санитарная станція была открыта съ 1 іюня по 27 августа. Всѣхъ дѣтей было 163, изъ нихъ городскихъ стипендіатовъ было 54, безплатно пользовались 70, за небольшую плату — 23. На содержаніе станціи израсходовано 4,348 руб. 50 коп.

Нижегородской газетѣ *Волгарь* пишутъ, что недавно въ г. Чистополѣ учреждено благотворительное общество — попеченія о бѣдныхъ, которое имѣетъ цѣлью оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ и больнымъ города Чистополя. Общество помѣщаетъ бѣдныхъ въ благотворительныя заведенія и дома призрѣнія на свои средства; снабжаетъ бѣдняковъ пищею, одеждою, бѣльемъ и т. п. необходимыми предметами и выдаетъ имъ пособіе деньгами, устраиваетъ дома призрѣнія, а для оказанія врачебной помощи бѣднымъ больнымъ имѣетъ амбулаторные покои, больницы и т. п. «Необходимость въ учрежденіи подобнаго общества,— говоритъ корреспондентъ,— сознавалась многими. Теперь, когда утвержденъ уставъ общества попеченія о бѣдныхъ, надо ожидать, что дѣло благотворительности въ Чистополѣ получитъ правильную организацію и окажетъ дѣйствительныя услуги нуждающемуся населенію. Нищенство въ послѣднее время здѣсь развилось до крайнихъ размѣровъ, бороться съ нимъ полиціи стало не подъ силу, хожденіе «по кускамъ» деморализуетъ народъ и дѣйствуетъ особенно на дѣтей, толпами бродящихъ изъ дома въ домъ. Болѣе 70 лицъ подписало «уставъ общества попеченія о бѣдныхъ» до представленія его на утвержденіе; теперь, когда формальныя препятствія для дѣла устранены, можно надѣяться что количество членовъ возростетъ въ значительной степени».

Корреспондентъ *Одесскаго Вѣстника* изъ Екатеринослава сообщаетъ о возникновеніи въ городѣ «общества попеченія о дѣтяхъ», на подобіе

московскаго. Основная задача этого общества—заботы о дѣтяхъ, «нуждающихся въ попеченіи и покровительствѣ», т.-е. о бѣдныхъ и безпріютныхъ, причемъ заботы эти имѣютъ проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ матеріальнаго пособія до полнаго содержанія и воспитанія, а также защиты отъ жестокости хозяевъ и родителей.

1 мая исполнилась годовщина существованія пріюта для дѣтей-сиротъ въ г. Омскѣ. Изъ отчета видно, что пріютъ возникъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе усиленнаго переселенческаго движенія крестьянъ въ Сибирь, вызваннаго неурожаями послѣднихъ лѣтъ. Скопленіе огромныхъ массъ переселенцевъ породило между ними тифъ и другія заразныя болѣзни, отчего во многихъ крестьянскихъ семьяхъ оказались осиротѣвшія дѣти, для обезпеченія будущности которыхъ и устроенъ пріютъ. Впослѣдствіи въ пріютъ стали поступать и дѣти матерей-преступницъ.

Русская Жизнь заимствуетъ изъ газеты *Wiek* сообщеніе, что въ г. Калишѣ (Царство Польское) мѣстная интеллигенція устроила пріютъ для дѣтей бѣдныхъ родителей. Въ пріютъ принимаютъ всѣхъ дѣтей, которымъ минуло 10 лѣтъ и которыя лишены попеченія. Дѣти собираются ежедневно въ 10½ часовъ утра и остаются тамъ до 4 часовъ послѣ обѣда. Они получаютъ обѣды изъ дешевой столовой въ 12 час. дня, а передъ выходомъ кружку горячаго молока и булку. Корзинщикъ учитъ мальчиковъ дѣлать корзинки, соломенныя шляпы, которыя пользуются значительнымъ сбытомъ среди мѣстныхъ обывателей, и разныя издѣлія изъ соломы и тростника. Дѣвочки учатся подъ руководствомъ монахинь, швей и дамъ, занимающихся благотворительностью; онѣ шьютъ, дѣлаютъ мѣтки, вышиваютъ и т. д. Отъ продажи работъ этого пріюта за прошлый годъ выручено: за работы мальчиковъ — 123 руб. 19 коп., за работы дѣвочекъ — 100 руб. 13½ коп. Общій доходъ этого благотворительнаго учрежденія достигъ 826 руб. 92 коп., расходъ — 767 руб. 28 коп. Излишне распространяться, сколько добра и пользы приноситъ этотъ пріютъ и какое благотворное имѣетъ вліяніе на дѣтей въ нравственномъ отношеніи, которыя безъ попеченія и руководства, до основанія этого пріюта, проводили время безполезно на дворахъ домовъ и на улицѣ.

Будемъ надѣяться,—заключаетъ газета,—что этотъ починъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и помощи дѣтямъ бѣднаго и работящаго люда не останется исключительнымъ явленіемъ, а послужитъ примѣромъ для другихъ подобныхъ ему пріютовъ повсемѣстно въ Россіи.

Въ газетѣ *Сѣверный Кавказъ* напечатано слѣдующее воззваніе отъ комитета армавирскаго общества попеченія о дѣтяхъ:

„Въ Армавирѣ имѣется нѣсколько тысячъ дѣтей коренныхъ и иногородныхъ жителей, среди этихъ дѣтей много круглыхъ сиротъ, еще больше сиротъ не полныхъ (безъ отца или матери), много нищихъ, калѣкъ, больныхъ разными болѣзнями; попадаются въ Армавирѣ и дѣти, брошенныя родителями на произволъ судьбы; бываютъ подкидыши, не находящіе себѣ воспитателей. Всѣ такія дѣти нуждаются въ самомъ необходимомъ: кровѣ, одеждѣ, пищѣ; для добыванія всего этого они часто бродятъ по улицамъ, пріучаясь къ праздности, лѣни, воровству и становясь потомъ на-

шими врагами. Не менѣе крова, пищи и одежды они нуждаются въ словѣ Божіемъ, въ ученіи.

Съ цѣлью протянуть имъ руку помощи, открыло въ Армавирѣ свои дѣйствія утвержденное правительствомъ армавирское общество попеченія о дѣтяхъ. Не велики пока его средства и потому не обширна его дѣятельность. Однако, съ 21 сентября прошлаго года оно открыло училище на 110 дѣтей, помогая въ то же время наиболѣе нуждающимся изъ этихъ дѣтей, а также и другимъ бѣднымъ дѣтямъ, преимущественно, одеждою и обувью; а въ настоящее время, вслѣдствіи дороговизны квартиръ въ Армавирѣ, строитъ на купленномъ имъ же самимъ усадебномъ мѣстѣ зданіе для училища на 120—130 дѣтей. Отъ насъ зависитъ увеличить средства общества и дать ему возможность открыть столько и такихъ школъ, сколько и какія будутъ требоваться для всѣхъ дѣтей въ Армавирѣ безъ различія пола, вѣры и націи, а также устроить для нуждающихся дѣтей пріюты, больницы, мастерскія и т. п. *Даже же эти средства намъ крайне легко.* По уставу армавирскаго общества попеченія о дѣтяхъ, всякій, кто внесъ въ годъ не менѣе 50 руб., считается почетнымъ членомъ общества, кто внесъ отъ 5 до 50 руб. въ годъ, считается дѣйствительнымъ членомъ, а кто внесетъ въ годъ менѣе 5 р.—членомъ-соревнователемъ. Для многихъ и многихъ изъ насъ внести въ годъ пять рублей совсѣмъ не обременительно, а, между тѣмъ, изъ этихъ пяти рублей могутъ составиться многія тысячи, и тогда всѣхъ нуждающихся и ходящихъ во тьмѣ мы накормимъ, укроемъ и просвѣтимъ, а себя сбережемъ отъ зла, лишь бы только всѣ мы помнили, что если мы сами себѣ и другъ другу поможемъ, то и Богъ намъ поможетъ. Но общество принимаетъ всякіе взносы, хотя бы не превышающіе копѣйки, *принимаетъ пожертвованія и одеждою, и матеріалами для построекъ, и книгами.*

Съ просьбою о дружномъ содѣйствіи трудамъ, о помощи деньгами и чѣмъ только кто можетъ и обращается армавирское общество попеченія о дѣтяхъ ко всѣмъ жителямъ Армавира.

„Кто приметъ одного изъ малыхъ сихъ во имя Мое, тотъ Меня приметъ“, сказалъ Іисусъ Христосъ.

Предсѣдатель комитета *В. Лунинъ.*
Секретарь *М. Рицъ.*

Оригинально возникновеніе пріюта для дѣтей въ Ялтѣ. Въ маѣ текущаго года въ мѣстномъ окружномъ судѣ разбиралось довольно обыкновенное дѣло. Мать и отецъ, бѣдные рабочіе люди, обвинялись въ истязаніи своего пятилѣтняго сына. Они нещадно били его ремнемъ съ пряжкой по чемъ попало, а уходя на работу на цѣлый день, запирали мальчика въ нетопленой комнатѣ, гдѣ онъ голодалъ и мерзъ. Продѣлывалось это систематически, такъ что жители сосѣдняго околодка, возмущенные жестокимъ обращеніемъ родителей съ маленькимъ ребенкомъ, вступились за него и заявили полиціи, которая и возбудила дѣло объ истязаніи. Вынужденные по долгу совѣсти обвинить родителей ребенка, присяжные, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшились не только взять на себя заботу о судьбѣ мальчика, котораго необходимо было разлучить съ родителями, но вообще позаботиться о судьбѣ маленькихъ дѣтей рабочаго люда, остающихся днемъ, во время отсутствія родителей изъ дому, зачастую безъ всякаго призора. Здѣсь же, въ совѣщательной комнатѣ, присяжные собрали между собою 100 руб. съ цѣлью открыть въ городѣ дневной пріютъ для дѣтей рабочихъ женщинъ и рѣшились призвать общество къ пожертвованіямъ на поддержку возникающаго учрежденія. Мальчика изъ залы суда принялъ и отвезъ къ себѣ

въ имѣніе присяжный засѣдатель И. Ѳ. Токмаковъ, причемъ немедленно взялся за дѣло организаціи задуманнаго пріюта. Черезъ нѣсколько дней пріютъ былъ открытъ пока въ домѣ благотворительнаго общества, гдѣ помѣщаются ночлежники. Дѣти могутъ получать въ пріютѣ пищу, а маленькія молоко и молочную кашу и будутъ находиться подъ надзоромъ особаго лица (*Русск. Вѣд.*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кружкомъ частныхъ лицъ въ Москвѣ былъ сдѣланъ удачный починъ устройства загородныхъ лѣтнихъ колоній для учениковъ городскихъ начальныхъ школъ. Газета *Вомаръ*, указавъ благотворные результаты такой мѣры, приглашаетъ всѣ большіе города послѣдовать примѣру Москвы и развивать это дѣло далѣе. Она припоминаетъ при этомъ тѣ ужасныя негигіеническія условія, въ какихъ являются на свѣтъ, ростутъ и развиваются дѣти недостаточнаго населенія, скученнаго въ городахъ, въ тѣсныхъ грязныхъ закоулкахъ, въ домахъ, пропитанныхъ сыростью и всякими вредными міазмами, безъ притока чистаго воздуха и благодатнаго солнечнаго свѣта.

Самаго усерднаго подражанія заслуживаетъ также починъ «Невскаго общества» въ Петербургѣ, задавшагося цѣлью устроить для рабочихъ разумныя развлеченія. Недавно вышедшій отчетъ общества за первый годъ его дѣятельности показываетъ, какъ успѣшно пошло это дѣло. Въ теченіе лѣтняго сезона 1892 г. было устроено 27 гуляній. Несмотря на холодное, дождливое лѣто, ихъ посѣтило 102,310 человѣкъ, съ платою за входъ по 10 коп. со взрослыхъ и 3 коп. съ дѣтей. Въ программу лѣтнихъ гуляній входили: спектакли на открытой сценѣ, два хора музыки, карусели, силомѣръ и панорамы. Объ интересѣ посѣтителей къ спектаклямъ можно судить, между прочимъ, по тому, что на всѣхъ 27 гуляньяхъ было продано 23,569 афишъ (по 1 коп. каждая). Въ общей же сложности, въ лѣтнюю и зимнюю пору, этими развлеченіями было отвлечено отъ кабаковъ и одуряющаго пьянства 110,153 посѣтителя.

Общій годичный приходъ общества составлялъ 21,144 рубля. Въ слѣдующій годъ общество намѣрено выстроить обширный театръ, съ зрительною залой не менѣе какъ на 1,000 человѣкъ. Юное «Невское общество», какъ видно изъ результатовъ годичной его дѣятельности, несомнѣнно стоитъ на прочномъ пути. Не малымъ утѣшеніемъ для его дѣятелей можетъ служить также тотъ фактъ, что въ дни устройства лѣтнихъ гуляній кабаки въ районѣ обычныхъ притоновъ рабочихъ замѣтно пустуютъ и даже раньше закрываются; на улицахъ почти не замѣчается пьянаго разгула и безчинствъ, меньше случаевъ нарушенія общественной тишины и преступленій противъ личности.

Какъ ни просты задачи благотворительнаго дѣла, какъ ни невинны его формы, но и здѣсь продолжаетъ иногда сказываться духъ *старой* Россіи, Россіи канцелярской, враждебной или чрезмѣрно равнодушной ко всякой общественной иниціативѣ. Какія мытарства приходится и понынѣ

претерпѣвать при устройствѣ благого учрежденія, хорошею иллюстраціей тому можетъ служить исторія открытія сиротскаго дома въ г. Красноярскѣ.

Въ 1879 г. г-жа Щеголева завѣщала городу Красноярску 60 т. руб. для учрежденія въ немъ дома призрѣнія и воспитанія бѣдныхъ сиротъ. Завѣщаніе было предъявлено городской думѣ 30 іюня 1879 года. Дума, чрезъ особую коммиссію, выработала уставъ и представила его въ ноябрѣ 1880 г. на утвержденіе г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, отъ котораго онъ былъ возвращенъ главнымъ инспекторомъ училищъ 31 января 1881 года для согласованія съ нормальнымъ уставомъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; туда же инспекторъ требовалъ передать и самый капиталъ, пожертвованный Щеголевой. Но городская дума, въ виду того, что означенный капиталъ пожертвованъ г-жею Щеголевой исключительно городу, отклонила предложеніе главнаго инспектора училищъ и 10 декабря 1882 года вновь представила уставъ на утвержденіе, и онъ вновь былъ возвращенъ инспекторомъ для исправленія въ редакціонномъ отношеніи. Исправивъ уставъ согласно требованію, городская дума въ третій разъ представила уставъ на утвержденіе 12 ноября 1885 года; но и на этотъ разъ уставъ былъ возвращенъ 1 іюля 1886 г. изъ главнаго управленія Восточной Сибири, для указанія типа проектируемаго заведенія, т.-е. будетъ ли это заведеніе общеобразовательное, или же только въ видѣ пріюта для бѣдныхъ сиротъ. Сдѣлавъ требуемыя указанія, хотя въ нихъ и не было надобности, такъ какъ объ этомъ говорилось въ самомъ уставѣ, городская дума въ четвертый разъ представила злосчастный уставъ для утвержденія 4 августа 1886 г., но и засимъ, пролежавъ безъ всякаго движенія въ г. Иркутскѣ до 14 іюня 1888 года, онъ опять былъ возвращенъ г. иркутскимъ генералъ-губернаторомъ, съ предложеніемъ пересоставить его согласно съ уставомъ сиропитательнаго дома Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Пересмотрѣвъ вновь уставъ во всѣхъ его частяхъ и измѣнивъ его соотвѣтственно увеличившемуся за 10 лѣтъ капиталу на это учрежденіе, городская дума въ пятый разъ представила на утвержденіе уставъ 2 декабря 1888 года, и на этотъ разъ онъ получилъ, наконецъ, дальнѣйшее движеніе и былъ представленъ 26 мая 1890 года иркутскимъ генералъ-губернаторомъ на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое и утвердило его 7 октября 1892 года, о чемъ красноярская дума оффиціально была извѣщена 19 января 1893 года, т.-е. черезъ 12 лѣтъ и 3 мѣсяца со времени перваго представленія устава на утвержденіе.

«Вотъ какія мытарства,—замѣчаетъ сибирскій корреспондентъ,—должно было претерпѣть самое простое общественное начинаніе, прежде чѣмъ добиться своего осуществленія! Не этимъ ли хотя отчасти объясняется, что провинціальная жизнь нерѣдко выглядитъ мертвой и безжизненной?»

Указанныя нами формы общественной самодѣятельности на благо страждущимъ вызваны въ большей или меньшей степени чувствомъ альтруистическимъ, состраданіемъ къ ближнему. Иной, хотя не менѣе почтенный, характеръ представляетъ починъ лодзинскихъ фабрикантовъ учредить кассы

вспомоществованія фабричнымъ рабочимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранить продолжительность рабочаго дня. Здѣсь мы имѣемъ совпаденіе хорошо понятаго личнаго интереса съ интересомъ общественнымъ.

По словамъ корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*, лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, членами котораго состоятъ, главнымъ образомъ, мѣстные фабриканты, выработало проектъ нормальнаго устава кассъ для оказанія вспомоществованія фабричнымъ рабочимъ. Проектъ этотъ является чуть ли не первымъ починомъ со стороны фабрикантовъ въ дѣлѣ организаціи правильной и широкой помощи больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Кассы эти имѣютъ цѣлью, согласно проекту, выдавать пособіе рабочимъ во время болѣзни, оказывать помощь родильницамъ во время ближайшее къ родамъ и послѣ нихъ, выдавать извѣстное пособіе семьѣ умершаго участника кассы на похороны, наконецъ, назначать пособіе рабочимъ, неспособнымъ къ труду, а также вдовамъ и сиротамъ участниковъ кассы, оставшимся послѣ ихъ смерти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Къ числу симпатичныхъ сторонъ проекта нужно отнести значительное участіе, которое предоставляется членамъ-рабочимъ въ веденіи дѣла, а именно: въ правленіе кассы, кромѣ владѣльца фабрики, входятъ отъ 5 до 10 представителей участниковъ кассы, соразмѣрно съ большимъ или меньшимъ числомъ ея участниковъ; представители эти избираются простымъ большинствомъ голосовъ на общемъ собраніи участниковъ. Другимъ, весьма важнымъ и въ высокой степени симпатичнымъ дѣйствіемъ тѣхъ же лодзинскихъ фабрикантовъ представляется ихъ рѣшеніе ходатайствовать предъ правительствомъ о сокращеніи продолжительности рабочаго дня.

Нѣсколько фабрикъ въ Лодзи уменьшили продолжительность времени работы безъ пониженія платы. Производительность труда нисколько отъ этого не уменьшилась. Такое обстоятельство побудило всѣхъ тамошнихъ фабрикантовъ обратиться въ лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности съ предложеніемъ, чтобы совѣтъ этого общества вошелъ съ ходатайствомъ къ правительству объ изданіи слѣдующихъ обязательныхъ постановленій, касающихся продолжительности рабочаго дня: а) на первое трехлѣтіе продолжительность рабочаго дня устанавливается 12 часовъ; б) по прошествіи указаннаго трехлѣтія 12-ти часовой рабочій день сокращается до 11 часовъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, и в) по прошествіи и этого срока, рабочій день долженъ продолжаться не болѣе 10 часовъ. Эта норма устанавливается на 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ заинтересованныя стороны, въ лицѣ фабрикантовъ, вмѣстѣ съ правительствомъ приступятъ къ обсужденію вопроса о томъ, слѣдуетъ ли сохранить 10-ти часовой рабочій день на будущее время, или приступить къ дальнѣйшему его пониженію. Мотивомъ къ таковому рѣшенію служитъ предположеніе, что съ сокращеніемъ рабочаго времени трудъ окажется болѣе интензивнымъ.

Ходатайство лодзинскихъ фабрикантовъ коснулось одного изъ большихъ

золъ нашего промышленнаго быта, ибо рабочій день въ Россіи чрезмѣрно великъ. *Четырнадцать* часовъ ежедневнаго труда составляетъ у насъ довольно обыденное явленіе. На нѣкоторыхъ фабрикахъ продолжительность работы достигаетъ 15 и 16 часовъ въ сутки. Наконецъ, болѣе 16 и до 18 часовъ въ сутки (а иногда, хотя трудно повѣрить, и выше) работа продолжается постоянно на рагожныхъ фабрикахъ и періодически на ситцевыхъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ. Разница между продолжительностью рабочаго времени у насъ, съ одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, австралійскими колоніями и Западною Европой—съ другой, весьма значительна. Подробныя данныя объ этомъ читатель найдетъ въ переведенной недавно на русскій языкъ книгѣ Вебба и Харольда.

Въ восьми штатахъ Америки «нормальный» рабочій день, при отсутствіи спеціальнаго контракта, опредѣленъ закономъ въ восемь часовъ. Въ большинствѣ другихъ штатовъ рабочій день ограниченъ десятью часами.

Англійская колонія въ Австраліи Викторія установила въ 1874 году восьмичасовой день для женщинъ во всѣхъ производствахъ: для рудокоповъ, работающихъ подъ землею, для машинистовъ при копяхъ, для служащихъ на конно-желѣзныхъ дорогахъ, для людей, нанимаемыхъ подрядчиками на разнообразныя общественныя работы, и для служащихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ важнѣйшей отрасли промышленности Англіи, въ ткацко-прядильномъ производствѣ, гдѣ занято около 800,000 человѣкъ, рабочая недѣля, по сложившемуся порядку, имѣетъ 56½ часовъ; въ фабрикахъ и мастерскихъ, занятыхъ иными производствами, нормальная недѣля равняется 60 часамъ. Земледѣльческіе рабочіе въ Англіи работаютъ отъ 54 до 66 часовъ въ недѣлю въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, зимою же—отъ разсвѣта до сумерокъ. 10 января текущаго года нижняя палата приняла во второмъ чтеніи правительственный проектъ объ ограниченіи рабочаго дня для желѣзнодорожныхъ служащихъ *восемью* часами.

Фабричные законы Швейцаріи ограничиваютъ максимальную продолжительность труда всѣхъ взрослыхъ рабочихъ на фабрикахъ и мастерскихъ одиннадцатью часами. Трудъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ ограниченъ десятью часами.

Въ Австріи новый фабричный законъ, вошедшій въ дѣйствіе въ теченіе 1889 года, сократилъ часы труда для взрослыхъ рабочихъ съ двѣнадцати до одиннадцати часовъ, а въ нѣкоторыхъ производствахъ продолжительность труда была сокращена затѣмъ до десяти часовъ въ день. Въ большинствѣ рудниковъ Венгріи установлены три смѣны по восьми часовъ каждая.

Закономъ 1848 года максимальный рабочій день во Франціи установленъ въ двѣнадцать часовъ.

Законодательство Германской имперіи и отдѣльныхъ государствъ ограничиваетъ трудъ женщинъ отъ 12 до 10 часовъ, а это, по обыкновенію, ведетъ къ сокращенію часовъ труда мужчинъ. Въ Вестафаліи, Силезіи и

Саксоніи рудокопы работаютъ только восемь часовъ всюду, гдѣ преобладаетъ высокая температура. Это ограниченіе часовъ труда было принято берлинскою рабочею конференціей въ маѣ 1890 г. Съ того времени многіе изъ рабочихъ въ копяхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ прусскаго правительства получили восьмичасовой день.

Такова продолжительность рабочаго дня во многихъ странахъ. Большинство законовъ, ограничивающихъ рабочій день для взрослыхъ, издано въ послѣднія двадцать лѣтъ, но могучее соціальное движеніе въ Западной Европѣ и въ Америкѣ требуетъ дальнѣйшаго сокращенія труда. И надо сказать, что въ немногихъ вопросахъ общественное мнѣніе идетъ такъ быстро впередъ, какъ въ вопросѣ о законодательномъ вмѣшательствѣ въ дѣло, касающееся продолжительности труда рабочихъ. Этому явленію существуетъ много причинъ. Но, разумѣется, въ числѣ такихъ причинъ не послѣднюю роль играетъ постоянно возростающее число изслѣдованій, которыя уясняютъ огромный вредъ для здоровья отъ чрезмѣрной продолжительности труда. Въ то же время,—что особенно важно,—опытъ показываетъ, что сокращеніе рабочихъ часовъ совмѣстимо съ сохраненіемъ существующаго количества продуктовъ труда; рабочіе въ десять часовъ производятъ столько же, сколько въ двѣнадцать, и въ восемь—столько же, сколько въ десять. Вслѣдствіе ли большой энергіи труда, вслѣдствіе ли возможности вводить машины ускореннаго дѣйствія, въ ариѳметикѣ труда, какъ и въ ариѳметикѣ таможенныхъ сборовъ,—по остроумному замѣчанію Вебба и Харольда,—при вычитаніи двухъ изъ десяти получается не восемь, а нерѣдко одиннадцать; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе сдѣлаютъ въ восемь часовъ меньше, чѣмъ въ десять или двѣнадцать часовъ. Послѣднее справедливо относительно рабочихъ, занятыхъ въ промышленности передвиженія, т.-е. служащихъ на желѣзныхъ и конножелѣзныхъ дорогахъ, при омнибусахъ и т. п. Но и здѣсь общество нисколько не теряетъ отъ ограниченія рабочаго дня,—не теряетъ потому, что хотя ежедневно милліоны мужчинъ и женщинъ работаютъ чрезъ мѣру, нанося вредъ своему здоровью и крѣпости будущаго поколѣнія, однако, производительная сила націи не употребляется сполна, такъ какъ бокъ-о-бокъ съ людьми, замученными работой, есть другіе, совсѣмъ не имѣющіе занятія. Многіе изъ послѣднихъ всѣми силами стремятся принять участіе въ какой-либо работѣ, но они не могутъ найти труда. Такимъ образомъ, одни люди работаютъ чрезъ мѣру, другіе же поэтому самому оказываются выброшенными изъ сферы труда и вынуждены жить подаяніемъ. А потому, когда ограниченіе рабочаго дня вызоветъ спросъ на «незанятыхъ» рабочихъ, то общество отъ этого экономически ничего не проиграетъ: количество услугъ и произведеннаго продукта не уменьшится, соціальное же здоровье общества улучшится, такъ какъ ослабится, во-первыхъ, чрезмѣрная напряженность труда, подрывающая силы населенія, и сократится число лицъ, лишенныхъ безъ вины средствъ существованія.

Нѣкоторые указываютъ на тотъ фактъ, что когда монотонное занятіе про-

должается свыше нѣкотораго періода, самое большее семи или восьми часовъ, то здоровью рабочаго наносится ущербъ. Это происходитъ даже и въ томъ случаѣ, когда работа сама по себѣ довольно здорова и когда она исполняется при здоровой обстановкѣ. А много ли при современныхъ условіяхъ промышленнаго труда найдется здоровыхъ занятій или исполняемыхъ при здоровой обстановкѣ? Статистика свидѣтельствуетъ, что въ среднемъ выводѣ рабочіе умираютъ въ томъ возрастѣ, въ какомъ люди свободныхъ профессій только что достигаютъ разцвѣта жизни. Ученымъ, занимавшимся изслѣдованіями смертности рабочихъ классовъ, удалось наглядно выяснить, что столь малая, въ среднемъ выводѣ, продолжительность жизни рабочаго является результатомъ не только плохого питанія и дурныхъ жилищныхъ условій, но еще въ большей степени есть слѣдствіе чрезмѣрной продолжительности труда. Теперь спрашивается: можно ли назвать правильною общественною бухгалтеріи изнашиваніе рабочихъ людей раньше, чѣмъ они достигнутъ полнаго разцвѣта жизни?

Но, кромѣ важнаго значенія продолжительности рабочаго дня для физическаго здоровья, оно велико также для умственнаго и нравственнаго здоровья. Если вы, по справедливому замѣчанію Вебба и Харольда, ежедневно заставляете мужчинъ и женщинъ работать столько времени, что имъ некогда думать, то они такъ и останутся недумающими животными. А интересы семьи и воспитанія? Вѣдь, значительная доля отцовъ и матерей изъ рабочаго класса не имѣетъ даже надлежащаго досуга для исполненія своихъ родительскихъ обязанностей. Многіе трудящіеся отцы видятъ своихъ дѣтей внѣ постели лишь по воскресеньямъ. Между тѣмъ, опытъ показываетъ, какъ сильно уменьшеніе часовъ труда поднимаетъ умственное и нравственное состояніе рабочихъ. Англійскіе рудокопы Дургама и Нортумберланда работаютъ восемь часовъ въ день, и вотъ всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ, что это самые трезвые, нравственные и развитые рабочіе во всей Англіи. Ни въ одномъ уголкѣ Англіи университетскія лекціи, даже по отвлеченнымъ научнымъ вопросамъ, не имѣютъ такого успѣха, какъ среди рудокоповъ Дургама и Нортумберланда. Извѣстны случаи, когда рудокопы, послѣ дневного труда, отправлялись за восемь англійскихъ миль, чтобы присутствовать на лекціи астрономіи или какой-либо другой науки.

И ради чего удерживается чрезмѣрная продолжительность труда? Прежде, пока не было еще богатаго опыта, можно было думать, что чрезмѣрный трудъ есть неустранимое зло,—иначе нація не прокормится. Но теперь это опровергнуто. Сокращеніе часовъ труда, начавшееся въ Великобританіи около 1817 года, шло непрерывно. Семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ на фабрикахъ этой страны обыкновенно работали 90 и 100 часовъ въ недѣлю. Шагъ за шагомъ продолжительность труда была сведена до 56½ ч. въ недѣлю. При каждомъ шагѣ фабриканты «неоспоримо» доказывали, что предполагаемое новое сокращеніе часовъ труда лишитъ ихъ всякой прибыли, поднимете цѣну продуктовъ, понизитъ заработную плату рабочихъ и раз-

строить вывозную торговлю. Однако, результаты снова и снова показывали, что предприниматели были неправы: часы труда послѣдовательно сокращались безъ уменьшенія производительности страны, безъ паденія заработной платы, безъ поднятія цѣнъ и, въ большинствѣ случаевъ, далеко безъ уменьшенія прибыли.

Фактическія доказательства только что приведенныхъ положеній не умѣстились бы въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ. И такія экономическія явленія наблюдались не въ одной Великобританіи, а повсюду, гдѣ только сокращалась продолжительность рабочаго дня. Нѣсколько примѣровъ, которые мы заимствуемъ изъ книги Вебба и Харольда, будутъ не лишни. Въ 1874 г. законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ былъ проведенъ штатомъ Массачузетсъ, ткацко-прядильная промышленность котораго подвергалась конкурренціи не только Англіи, но также и сосѣднихъ штатовъ, гдѣ продолжительность труда въ то время была совершенно неограниченна. Это походило почти на то, какъ если бы у насъ законодательное регулированіе рабочаго дня было примѣнено лишь къ одной Московской губерніи. Фабриканты и многіе экономисты предсказывали полное разореніе промышленности Массачузетса. Шумъ поднялся такой, что законодательная власть поручила «Бюро статистики труда» разслѣдовать, вѣрны ли опасенія. Завѣдующій бюро Райтъ, въ докладѣ 1881 года, представилъ обработанныя статистическія данныя этого изслѣдованія и такъ суммировалъ результатъ: «Очевидно, что Массачузетсъ въ десять часовъ производитъ столько же на человѣка, сколько другіе штаты производятъ на ту же единицу въ одиннадцать или болѣе часовъ». Въ 1831 г. въ хлопчато-бумажной промышленности Массачузетса было помѣщено 12.891,000 долларовъ, что составляло немного менѣе половины общаго итога этой промышленности во всей Новой Англіи; въ 1880 году доля Массачузетса поднялась до 72.291,601 доллара и удержала то же самое отношеніе къ цѣлому. Результатомъ этого торжественнаго заявленія объ экономическихъ выгодахъ сокращенія часовъ труда было то, что штаты Родъ-Айландъ, Нью-Гемпширъ, Менъ и Вермонтъ, бывшіе до тѣхъ поръ противъ движенія, приняли законъ о десятичасовомъ днѣ.

При уменьшеніи рабочаго дня въ Австріи съ двѣнадцати до одиннадцати часовъ, многіе дѣловые люди утверждали, что это повредитъ австрійской промышленности въ ея борьбѣ съ иностранною конкурренціей. Однако, англійскій консульскій отчетъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «На шерстяныхъ фабрикахъ въ Шмерлерѣ и Кретгимарѣ на Эгерѣ часы труда были сокращены до десяти въ день, съ очень удовлетворительнымъ результатомъ. Не только не было пониженія итога продуктовъ, но даже наблюдалось небольшое повышеніе какъ количества, такъ и качества ихъ, причемъ средняя плата рабочихъ поднялась на 40 крейцеровъ въ недѣлю. Такъ, въ недѣлю работаютъ меньше на шесть часовъ при увеличеніи и улучшеніи продукта и при небольшомъ повышеніи заработной платы. Подобный же опытъ былъ совершенъ всюду въ ткацко-прядильной промыш-

ленности посредствомъ послѣдовательнаго обязательнаго сокращенія прежнихъ двѣнадцати часовъ труда до одиннадцати часовъ. Мы можемъ поэтому заключить, что въ Австріи такъ же, какъ и въ Англіи, было получено положительное доказательство того, что разумное сокращеніе часовъ труда восполняется усиленною напряженностью работы и улучшеннымъ качествомъ ея результатовъ. Есть исключенія изъ этого правила, но они не опровергаютъ его общей справедливости».

Экономическая литература богата фактами изъ различныхъ отраслей промышленности, показывающими, что даже при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ количество производимаго продукта не уменьшается, а иногда даже увеличивается. И это свидѣтельствуютъ сами хозяева. Такъ, восьмичасовой день введенъ въ нѣкоторыхъ каменно-угольныхъ копяхъ южнаго Іоркшира. Главный секретарь «ассоціаціи хозяевъ» заявляетъ, что «при восьмичасовой системѣ продуктъ сильно превышаетъ тотъ, который когда-либо производился одинаковымъ числомъ людей при двѣнадцати или тринадцатичасовомъ трудѣ». Продолжая дальше, секретарь приписываетъ это большей энергіи и быстротѣ, съ которою люди работаютъ при весьмичасовой смѣнѣ. Въ Викторіи сокращеніе продолжительности труда до восьми часовъ нисколько не уменьшило непрерывнаго роста предпринимательскихъ выгодъ. А вотъ голосъ и изъ Германіи. Гай, владѣлецъ большого стекляннаго производства близъ Дюссельдорфа, сократилъ рабочій день съ одиннадцати до восьми часовъ. Онъ сообщаетъ, что по прошествіи самаго короткаго времени тотъ же штатъ рабочихъ производилъ столько же, сколько и до сокращенія.

Подобныхъ фактовъ накопилось такое значительное количество, что многіе экономисты и практическіе люди на Западѣ полагаютъ, что можно уже безопасно приняться за опытъ даже съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ. Для нашего отечества это дѣло будущаго. Въ настоящее же время было бы поистинѣ благимъ дѣломъ сокращеніе рабочаго дня хотя бы до одиннадцати часовъ въ сутки по примѣру сосѣдней Австріи и Швейцаріи.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ Австро-Венгріи съ нетерпѣніемъ ждали открытія парламента. На очереди стоитъ вопросъ объ одобреніи или порицаніи рейхсратомъ введенія въ Прагѣ осаднаго положенія. Газеты взвѣшивали шансы успѣха или неуспѣха правительства. Большинство полагало, что коалиція разныхъ партій поддержитъ прискорбную мѣру, къ которой прибѣгнулъ графъ Таафе. Австро-нѣмецкіе либералы-централисты не могутъ, конечно, одобрить такихъ пріемовъ управленія, которые стѣсняютъ свободу политическихъ мнѣній, замѣняютъ судъ полицейскимъ произволомъ, лишаютъ гражданъ свободы печати и свободы собраній. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о чехахъ, даже о младо-чехахъ, ненавистныхъ австрійскимъ централистамъ своими федералистическими стремленіями; поэтому можно было ожидать, что они, съ оговорками, съ завѣреніями о преданности принципамъ политической свободы, подадутъ, все-таки, голоса за правительство. Польскій клубъ также, повидимому, склонялся поддержать репрессивную мѣру. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что польскими депутатами рейхсрата могла руководить въ такомъ рѣшеніи отчасти и непріязнь къ Россіи, на которую чехи склонны возлагать большія надежды. Слѣдуетъ замѣтить по этому поводу, что враждебное чувство — плохой совѣтникъ, и нарушеніе основныхъ требованій политической справедливости не проходитъ безъ вреда, иногда непоправимаго, для нарушителя этихъ требованій.

Покуда общественное мнѣніе волновалось чешскимъ вопросомъ, графъ Таафе подготовлялъ втайнѣ проектъ измѣненія избирательной системы. По этому проекту право голоса распространяется на всѣхъ гражданъ, достигшихъ двадцати четырехъ лѣтъ, умѣющихъ читать и писать, живущихъ, по крайней мѣрѣ, полгода въ одномъ и томъ же избирательномъ округѣ и имѣющихъ постоянное занятіе. Въ сельскихъ округахъ сохраняются непрямые выборы, привилегіи крупнаго землевладѣнія не подвергаются ограниченіямъ. Графъ Таафе, внося въ изумленный парламентъ свой законопроектъ, сказалъ, что правительство сочло своимъ долгомъ, взвѣсивъ положеніе вещей, взять на себя починъ этой важной реформы. Министръ-президентъ прибавилъ, что считаетъ обсужденіе рейхсратомъ внесеннаго имъ законопроекта дѣломъ неотложной необходимости.

Правительственное предложеніе представляетъ практически значительное улучшеніе дѣйствующей въ Австріи избирательной системы, а теоретически оно является признаніемъ всеобщей подачи голосовъ, хотя и обставленной ограниченіями и стѣсненіями—наслѣдіемъ отжившаго строя. Естественно, что неожиданный шагъ графа Таафе вызвалъ необыкновенное возбужденіе и отодвинулъ на второй планъ вопросъ объ осадномъ положеніи въ Богеміи. Нельзя не признать, что правительство поступило на этотъ разъ съ замѣчательною ловкостью. Большая часть разсчетовъ парламентскихъ партій спутана искуснымъ ходомъ графа Таафе. Въ вопросѣ объ измѣненіи избирательной системы на сторонѣ правительства могутъ оказаться младо-чехи, противъ него—австро-нѣмецкіе либералы-централисты, потому что всякое приближеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ поведетъ къ усиленію представительства славянъ въ цислейтанскомъ парламентѣ. *Neue Freie Presse* рѣшительно выступаетъ противъ законопроекта, который, по мнѣнію главнаго органа нѣмецко-либеральной партіи, грозитъ раздавить средніе классы между аристократіей и пролетаріатомъ и нанести страшный ударъ германизму. Противъ законопроекта высказываются и клерикалы, а за него антисемиты,—послѣдніе надѣются, что расширеніе избирательнаго права поведетъ къ паденію либерализма. Утверждая это, антисемиты возлагаютъ, очевидно, упованіе на народное невѣжество и народныя страсти, которыя, къ сожалѣнію, направляются иногда въ дурную сторону; но они забываютъ, что невѣжество—величина не постоянная, а убывающая, что пользованіе политическими правами быстро просвѣтляетъ народное сознаніе и даетъ ему возможность побѣждать злые и разрушительные инстинкты.

Среди австрійскихъ нѣмцевъ давно уже существуетъ глубокій разладъ. *Deutsche Zeitung* (вѣнская) посвятила этому разладу въ сентябрѣ нынѣшняго года нѣсколько статей. Газета говоритъ *), что вражда между нѣмецкими національными и нѣмецкими прогрессистами приноситъ большой вредъ германизму и можетъ повести,—такъ иной разъ и бывало,—къ торжеству славянъ (въ Моравіи, Силезіи и другихъ областяхъ).

Положеніе вещей въ Венгріи сходно съ состояніемъ Цислейтаніи въ томъ отношеніи, что и тамъ противъ господствующей національности подымаются стѣсняемыя и даже прямо притѣсняемыя національности, славяне и румыны. Мадьяры ревниво оберегаютъ свои права, чего, конечно, нельзя не уважать; но національная гордость и исключительность мѣшаютъ имъ признать такія же права за другими народностями. Ихъ тяготитъ связь съ Цислейтаніей, имъ бы хотѣлось превратить нынѣшнее двойственное государство въ личную унію. И по отношенію къ коронѣ требованія венгровъ идутъ гораздо далѣе, чѣмъ требованія нѣмцевъ Цислейтаніи. Транслейтанскій парламентъ имѣетъ гораздо болѣе власти, чѣлъ цислейтанскій. Министерству Векерле выпадаетъ тяжелая задача удовлетворять желаніямъ венгерскаго народа и вѣнскаго правительства, проводить либеральные законы

*) *Deutsche Zeitung*, 20 September: *Deutschfortschrillich und deutschnational.*

и, въ то же время, не раздражать католическаго духовенства, за интересы котораго вступается императоръ Францъ-Іосифъ. Однимъ изъ трудно разрѣшимыхъ очередныхъ вопросовъ является, между прочимъ, введеніе гражданскаго брака.

Мудрено, разумѣется, предсказать ближайшую судьбу законопроекта графа Таафе, но несомнѣнно, что убѣжденіе въ необходимости всеобщей подачи голосовъ быстро развивается и крѣпнетъ въ Австро-Венгріи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, гдѣ существуютъ еще иныя избирательныя системы. Въ началѣ сентября окончился, напримѣръ, пересмотръ бельгійской конституціи 1830 года. Агитація въ пользу этого пересмотра велась болѣе двадцати лѣтъ. Новая конституція, явившаяся результатомъ компромисса между разными партіями, изъ которыхъ ни одна не обладала большинствомъ въ парламентѣ, признаетъ принципъ всеобщаго голосованія, но обставляетъ его ограниченіями, давая нѣкоторымъ категоріямъ избирателей по два и по три голоса. Сохраняется и имущественный цензъ. Во всякомъ случаѣ, реформа проведена крупная, и число избирателей въ Бельгіи увеличится вчетверо или впятеро.

Избирательною реформой занимаются въ настоящее время и генеральные штаты Голландіи. Проектъ либеральнаго министерства имѣетъ въ виду уничтоженіе ценза и установленіе почти всеобщей подачи голосовъ, причемъ число избирателей должно подняться съ 300,000 до 800,000. Консерваторы и большая часть католической партіи стараются удержать имущественный цензъ. Существуетъ большая вѣроятность, что министръ-президенту ванъ-Портвлиту, цѣною нѣкоторыхъ маловажныхъ уступокъ, удастся достигнуть принятія его законопроекта генеральными штатами. Противъ старой избирательной системы ведется борьба и въ Пруссіи, но консервативное большинство прусской палаты туго поддается преобразованіямъ, имѣющимъ цѣлью введеніе демократическаго строя. *Freisinnige-Zeitung* указываетъ на несправедливость нынѣшняго распредѣленія избирательныхъ округовъ въ Пруссіи: Берлинъ, напримѣръ, въ 1848 году выбиралъ въ ландтагъ девять депутатовъ, при населеніи въ 400,000; теперь въ Берлинѣ 1.700,000 жителей, а городъ, попрежнему, выбираетъ только девять представителей въ ландтагъ. Провинціи Западная Пруссія, Померанія и Гессенъ-Нассау, изъ которыхъ въ каждой жителей меньше, чѣмъ въ Берлинѣ, посылаютъ въ ландтагъ 20, 24 и 26 депутатовъ. Органъ Рихтера замѣчаетъ, что при справедливомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ консерваторы потеряли бы не мало мѣстъ, и въ этомъ видитъ причину ихъ упорнаго сопротивленія преобразованію *). Газета упрекаетъ національныхъ либераловъ за то, что они въ этомъ вопросѣ не были ни холодны, ни горячи. Въ отвѣтъ на это *National Zeitung* призналась, что партія, органомъ которой она служитъ, боится усиленія городского представительства,

---

*) *Freisinnige-Zeitung*, 8 September.

которое повело бы къ увеличенію числа соціалъ-демократовъ и свободномыслящихъ. Отмѣтимъ въ заключеніе очень успѣшные опыты введенія представительства меньшинства, произведенные въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи (Невшатель, Тессинъ, Женева). *Temps* высказывается за такое представительство во Франціи. *Justice* выступаетъ за него въ рѣшительныхъ выраженіяхъ *).

Въ *Revue bleue (Revue politique et littéraire)* напечатана глава изъ новаго, еще не появившагося въ печати сочиненія графа Л. Н. Толстого **). Статья говоритъ о войнѣ. Знаменитый авторъ вполнѣ отрицательно и саркастически относится къ людямъ, которые собираются на конгрессы мира, ведутъ пропаганду мира, взываютъ къ правительствамъ, чтобы введены были третейскіе суды, требуютъ разоруженія и т. п. Графъ Толстой полагаетъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, что тутъ дѣйствуютъ лицемѣріе однихъ, наивность другихъ. Вопросъ для него разрѣшается просто: люди должны рѣшиться не дѣлать того, что запрещаетъ имъ совѣсть, что имъ тягостно и противно ***). Этотъ совѣтъ моралиста, по нашему мнѣнію, именно не подвинетъ разрѣшенія вопроса. Самъ графъ Л. Н. Толстой говоритъ, что всѣ мы знаемъ о безнравственности войны, о томъ, что Евангеліе предписываетъ намъ любить, а не убивать ближняго, а, между тѣмъ, войны ведутся непрерывно. Никто не отрицаетъ необходимости нравственнаго самоопредѣленія личности, но нельзя требовать (иногда *безнравственно* требовать), чтобы человѣкъ выступалъ на борьбу съ общественнымъ зломъ на свой страхъ. Правительство, напримѣръ, объявляетъ войну; солдатъ, который пришелъ къ рѣшимости не повиноваться приказу, будетъ разстрѣлянъ. Справедливо ли это? Скажутъ, что безъ жертвъ великихъ нравственныхъ побѣдъ не одерживаютъ, что этотъ примѣръ вызоветъ подражаніе, что одного можно разстрѣлять, а тысячу или десять тысячъ человѣкъ уже невозможно. Мы замѣтимъ на это, что страшно идти на подобные опыты... Съ общественными болѣзнями слѣдуетъ бороться общественными средствами, что не только не исключаетъ, а требуетъ и личной энергіи, и личной борьбы. Мы поэтому будемъ, попрежнему, отмѣчать благородныя усилія «странныхъ людей» пропагандировать идею мира и придавать этой идеѣ практически осуществимыя формы.

---

*) *Justice*, 11 septembre.

**) *Revue bleue*, 23 septembre.

***) „Ils sont étranges, ces hommes qui se réunissent en congrès, prononcent des discours pour enseigner comment on attrape un oiseau en lui mettant un grain de sel sur la queue, tout en sachant que c'est impossible. Ils sont étranges aussi, ceux qui, comme Maupassant, M. M. Rod et bien d'autres, voient clairement toute l'horreur de la guerre, toute la contradiction résultant de ce que les hommes ne font pas ce qu'il faut faire et ce qui leur serait profitable, qui se lamentent sur les fatalités tragiques de la vie, et ne voient pas que ces fatalités cesseront aussitôt que les hommes renonçant à raisonner sur des sujets inutiles, se décideront à ne plus faire ce qui leur est pénible et répugnant".

Journal des Débats говоритъ, что проповѣдь друзей мира, совокупная дѣятельность враговъ войны и милитаризма приводятъ уже къ добрымъ практическимъ результатамъ. Газета напоминаетъ недавнее рѣшеніе третейскаго суда, устранившее серьезный споръ между Англіей и Соединенными Штатами изъ-за ловли въ Беринговомъ морѣ. Конгрессъ друзей мира, собиравшійся въ Чикаго, обратился къ президенту Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою представить парламенту проектъ учрежденія постояннаго третейскаго суда между великою заатлантическою республикой и Великобританіей (мы сообщали своевременно, что подобное предложеніе было уже внесено въ англійскій парламентъ). Не далеко, быть можетъ, время, когда этотъ проектъ станетъ совершившимся фактомъ.

Упомянемъ и о другомъ благотворномъ дѣлѣ «странныхъ людей»— о занятіяхъ конгресса гражданскаго международнаго права (въ Гагѣ, въ истекшемъ сентябрѣ). Разнообразіе законовъ, регулирующихъ въ отдѣльныхъ государствахъ гражданскія отношенія,—семейныя и имущественныя,—ведетъ за собою много затрудненій и недоразумѣній, когда гражданинъ одного государства вступаетъ въ другомъ государствѣ въ бракъ или заключаетъ какой-либо имущественный договоръ. Потребность въ международномъ гражданскомъ законодательствѣ чувствуется уже давно. Во Франціи существуетъ періодическое изданіе, спеціально разрабатывающее вопросы этого рода *).

По приглашенію голландскаго правительства, на конгрессъ въ Гагу явились делегаты Австро-Венгріи, Бельгіи, Германіи, Даніи, Испаніи, Италіи, Люксенбурга, Португаліи, Россіи, Румыніи, Франціи и Швейцаріи. Русскимъ представителемъ былъ профессоръ Мартенсъ. Конференція разработала вопросы: 1) о бракѣ (въ основу положена мысль, что брачный союзъ долженъ регулироваться законами той стороны, къ гражданамъ которой принадлежитъ лицо, заключающее бракъ за границей); 2) о передачѣ судебныхъ актовъ и разныхъ документовъ изъ одного государства въ другое; 8) о распоряженіяхъ по передачѣ наслѣдства (здѣсь также приняты принципы національнаго законодательства). Постановленія конференціи будутъ переданы правительствамъ. Ожидать, что они немедленно войдутъ въ законодательство, конечно, не слѣдуетъ, но гагская конференція, во всякомъ случаѣ, является крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи международнаго общенія.

Отвѣтный визитъ русской эскадры въ Тулонъ и поѣздка нашихъ моряковъ въ Парижъ подали поводъ къ блестящимъ торжествамъ и сердечнымъ, восторженнымъ привѣтствіямъ русскихъ гостей со стороны населенія Тулона, Парижа, Марселя и всей Франціи. Чествовалась надежная и бескорыстная дружба Россіи, чествовалась крѣпкая связь между Франціей и нашимъ отечествомъ,—связь, дающая прочное обезпеченіе европейскому

*) *Journal de droit international privé*, издаваемый г. Клюне.

миру. Французскіе и наши собственные шовинисты пытались придать посѣщенію нашей эскадры вызывающій по отношенію къ тройственному союзу характеръ, но политическій тактъ французскаго общества помѣшалъ нелѣпымъ затѣямъ и воинственнымъ демонстраціямъ, хотя кое-какія излишества, все-таки, проскользнули. Въ результатѣ добрыя отношенія между Россіею и Французскою республикой получили новое и весьма внушительное подтвержденіе. Общественное мнѣніе другихъ странъ Европы отнеслось къ франко-русскимъ торжествамъ спокойно. Нѣмецкія, австрійскія, итальянскія и англійскія газеты подсмѣивались нѣсколько надъ чрезмѣрнымъ иногда усердіемъ французовъ, но и онѣ не могли открыть въ посѣщеніи русскою эскадрой Тулона ни малѣйшей угрозы кому бы то ни было. Недавній взрывъ негодованія въ Италіи противъ французовъ, вызванный печальными событіями въ Егмортѣ, уже улегся, да и въ то время общественное мнѣніе не окончательно же было сбито съ толку шовинистскими криками. Такъ, *Il Diritto*, одна изъ важнѣйшихъ демократическихъ газетъ, по поводу новаго французскаго закона о живущихъ во Франціи иностранцахъ, настойчиво совѣтовала итальянскимъ рабочимъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ подчиниться этому закону *). Миланская *Perseveranza*, обсуждая результаты выборовъ во французскую палату депутатовъ, высказываетъ дружественныя Франціи пожеланія. Этой странѣ,—говоритъ *Perseveranza*,—недоставало нормальныхъ парламентскихъ отношеній: въ палатѣ не было прочнаго, однороднаго большинства, кабинетъ являлся результатомъ соглашенія между разными партіями, не имѣлъ по этому поводу достаточнаго авторитета и не отличался долговѣчностью **). О республиканскихъ органахъ нечего и говорить. Они признавали въ высшей степени безтактнымъ и вреднымъ для интересовъ итальянскаго народа пародированіе наслѣдника итальянскаго престола на нѣмецкихъ маневрахъ въ Эльзасъ-Лотарингіи *Il Secolo* горячо порицаетъ правительство за то, что оно дѣйствуетъ въ династическихъ интересахъ, втягивая Италію въ непомѣрные военные расходы, заключая тѣсный союзъ съ Австро-Венгріей и Германіей, тогда какъ Италія должна жить въ дружбѣ именно съ Франціей. Газета въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждаетъ безнравственныя попытки увлечь Италію въ военныя приключенія. Конечно, не мало итальянскихъ и французскихъ газетъ, раздувающихъ національную непріязнь, причемъ французы часто упрекаютъ итальянцевъ въ неблагодарности, а эти послѣдніе указываютъ на присоединеніе къ Франціи Ниццы и Савойи, какъ на актъ несправедливый и хищническій, съ которымъ Италія не должна примириться. Въ распрю вступаютъ нѣмцы, поддерживающіе своихъ новыхъ друзей—итальянцевъ и подстрекаютъ ихъ національное тщеславіе. Такъ, *National Zeitung* въ статьѣ, озаглавленной *Роль Франціи въ исторіи Италіи*, старалась доказать, что Франція всегда руководствовалась только эгоистическими соображеніями.

*) *Il Diritto*, 17 settembre.

**) *La Perseveranza*, 18 settembre.

Любопытно сопоставить съ этимъ отзывомъ статью Поля Дежардена въ *Journal des Débats* *). Французъ, по мнѣнію автора, обращаясь къ итальянцамъ, могъ бы сказать слѣдующее: «Мы не отрекаемся отъ того, что сдѣлали для Италіи тридцать четыре года тому назадъ наши предшественники. Они исполнили свой долгъ французовъ, потому что миссія, выпавшая на долю французскаго народа, состоитъ въ томъ, чтобы поднимать, когда онъ можетъ, народы, угнетенные несправедливою силой. Я сказалъ,—продолжаетъ Дежарденъ,—*когда онъ это можетъ*; по несчастію, это бываетъ не всегда. Теперь, напримѣръ, французскому народу приходится бороться за свое существованіе...»

Эти слова французскаго писателя выражаютъ настроеніе преобладающаго большинства народа и настроеніемъ этимъ объясняются многія явленія, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы лишить Францію симпатій образованнаго міра.

Вѣчное движеніе впередъ къ справедливости, безъ нарушенія свободы человѣческой личности,—вотъ,—говоритъ Дежарденъ,—что объединяетъ французовъ со всѣми другими народами. Онъ признаетъ, что сама Франція злоупотребляла силою—и поплатилась за это. Истинный духъ французскаго народа требовалъ быть съ Голландскою республикой противъ Людовика XIV, съ Россіей противъ Наполеона. Но за то Франція помогла созданію свободной Сѣверо-Американской республики, независимости Греціи, освобожденію Италіи отъ австрійскаго ига... Завоеванія, совершенныя французскимъ оружіемъ, могутъ быть утрачены, но никто и ничто не можетъ лишить Францію воспоминаній объ освободительныхъ подвигахъ. И Дежарденъ вполнѣ правъ, когда произноситъ такія слова: нѣтъ на землѣ ни одного разсудительнаго и правдиваго человѣка, который не призналъ бы этой благородной исторической роли Франціи и не согласился бы съ тѣмъ, что исчезновеніе французскаго народа было бы утратою для міровой цивилизаціи.

Къ этому можно лишь прибавить, что такая утрата была бы невознаградимымъ бѣдствіемъ, и выразить надежду, что ближайшія историческія условія снова дадутъ Франціи возможность совершать новые подвиги во имя гуманности. Здѣсь будетъ умѣстно напомнить, что вторая французская республика защитила разгромленный Австріей Піемонтъ отъ тягостныхъ притязаній побѣдителя. Въ воспоминаніяхъ Токвилля приведено слѣдующее письмо, отправленное имъ, съ одобренія всего правительства, къ Буалеконту (отъ 25 іюля 1849 г.): «Если австрійское правительство будетъ настаивать на своихъ требованіяхъ, изложенныхъ въ вашей вчерашней бесѣдѣ, если оно выйдетъ изъ сферы дипломатическихъ переговоровъ, объявитъ о прекращеніи перемирія и попытается,—какъ оно объ этомъ заявило,—продиктовать въ Туринѣ мирныя условія, то Піемонтъ можетъ быть увѣренъ, что мы не оставимъ его безъ помощи» **). Въ это же вре-

*) *Nous ne renions pas* (*Journal des Débats*, 19 septembre, веч. изд.).

**) *Воспоминанія Алексиса Токвилля*, стр. 289—291.

мя британское правительство, подстрекавшее Піемонтъ не исполнять австрійскихъ требованій, готово было предоставить его на волю судьбы. Когда французскій посланникъ въ Лондонѣ сообщилъ лорду Пальмерстону объ упомянутомъ вмѣшательствѣ Французской республики, тотъ отвѣчалъ: «Британское правительство не заинтересовано этимъ дѣломъ наравнѣ съ вами, поэтому оно окажетъ піемонтскому правительству только дипломатическое содѣйствіе и нравственную поддержку».

---

27 сентября Гладстонъ произнесъ въ Эдинбургѣ рѣчь, заключающую въ себѣ весьма недвусмысленную угрозу по адресу палаты лордовъ. Упомянувъ о томъ, что важные законопроекты не имѣли возможности пройти въ палатѣ общинъ, великій государственный человѣкъ сказалъ, что причиною такого печальнаго положенія вещей является ирландскій вопросъ. «Въ теченіе цѣлаго поколѣнія или двухъ поколѣній людей ирландскій вопросъ въ той или другой формѣ ложился бременемъ на занятія парламента, урѣзывалъ его время въ такой степени, что существенно съуживалъ законодательную дѣятельность. Правда, многое сдѣлано, если сравнить сдѣланное съ тѣмъ, что дѣлалось въ прежнія времена или дѣлается въ другихъ странахъ; но достигнутые результаты все же не велики, если сравнить ихъ съ законными требованіями и потребностями страны. Ирландскій вопросъ, попрежнему, лежитъ между вами и выполненіемъ вашихъ желаній. Почему же онъ лежитъ? На кого падаетъ отвѣтственность за это? Этого вопроса нельзя обойти, и на него можно дать одинъ и только одинъ отвѣтъ. Вина за это тягостное положеніе дѣлъ падаетъ на палату лордовъ»*) При громкомъ смѣхѣ и рукоплесканіяхъ слушателей Гладстонъ привелъ отзывъ Чемберлена о палатѣ лордовъ. Нынѣшній противникъ Гладстона говорилъ въ 1884 году слѣдующее: «Палата лордовъ въ теченіе 100 лѣтъ никогда не содѣйствовала ни на одну іоту развитію народныхъ правъ и народной свободы и не сдѣлала ничего для общаго блага; между тѣмъ, въ теченіе этого времени она покровительствовала всякому злоупотребленію и прикрывала всякую привилегію. Она отказывала въ справедливости и оттягивала реформы; она безотвѣтственна, не имѣя независимости, упорна безъ мужества, самовластна безъ разсудительности, заносчива безъ знанія дѣла». Гладстонъ иронически прибавилъ, что онъ самъ не могъ бы написать ничего болѣе сильнаго, и признается, что слова Чемберлена отличаются такою густотой красокъ, какую иногда называютъ преувеличеніемъ. Гладстонъ выражаетъ твердое убѣжденіе, что такое обветшалое учрежденіе, какъ палата лордовъ, должно будетъ уступить палатѣ общинъ, которая является истинною выразительницей народной воли.

Neue Freie Presse, которой не по душѣ, конечно, Гладстоновскій билль, создающій ирландское самоуправленіе, отдаетъ должную дань уваженія поразительной силѣ духа, съ которою великій старецъ проводитъ освободи-

---

*) *Русскія Вѣдомости,* № 260.

тельную реформу. Газета полагаетъ, что сопротивленіе лордовъ было бы скоро сломлено, если бы вопросъ о дарованіи Ирландіи самостоятельнаго парламента не разъединялъ самого англійскаго народа. Миланскій *Corriere della Sera* убѣжденъ, наоборотъ, что отказъ палаты лордовъ обсуждать билль, принятый нижнею палатой, вызоветъ сильное негодованіе въ народѣ и грозитъ существованію верхней палаты. Газета отмѣчаетъ странную роль вождя англійскихъ католиковъ въ этой палатѣ, лорда Норфолька: онъ высказался противъ билля потому, будто бы, что его не одобряетъ папа. Лордъ Норфолькъ полагаетъ, что съ учрежденіемъ ирландскаго парламента духовенство ирландское не будетъ подчиняться велѣніямъ римскаго первосвященника. Союзники лорда Норфолька, уніописты, наоборотъ, отвергаютъ билль именно потому, что онъ, по ихъ мнѣнію, усилитъ вліяніе папы на духовенство и на Ирландію вообще *). *Secolo* говоритъ, что, въ случаѣ пораженія Гладстона, когда консерваторы снова получатъ власть,— это будетъ не только тяжелымъ ударомъ для ирландскаго народа, но и большою опасностью для общеевропейскаго мира, потому что тори любятъ возмѣщать отклоненіе демократическихъ реформъ въ своей странѣ *блестящею* внѣшнею политикой, т.-е. политикой захватовъ и насилія.

Отмѣтимъ два событія во внутренней жизни Германіи. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ началѣ октября происходилъ съѣздъ ученыхъ, практическихъ дѣятелей и представителей рабочихъ для обсужденія вопроса, какъ помочь безработицѣ. На съѣздѣ было принято нѣсколько важныхъ постановленій. Делегаты дали обѣщаніе, что будутъ въ своей мѣстности настаивать на учрежденіи рабочихъ бюро и расширеніи общественныхъ работъ **).

Другимъ событіемъ является открытіе въ Карлсруэ первой въ Германіи женской гимназіи. Гимназія эта учреждена *Союзомъ для реформы женскаго образованія* (*Verein für Frauenbildungs-Reform*). Г-жа Кеттлеръ, предсѣдательница союза, произнесла рѣчь, въ которой восхваляла добрый починъ Бадена въ дѣлѣ справедливой постановки женщины въ современномъ обществѣ. Членъ высшаго училищнаго совѣта, Зальвиркъ, привѣтствовалъ гимназію, открывающую новую эпоху въ образованіи и судьбѣ германскихъ женщинъ. Руководитель гимназіи, Хаагъ, выразилъ твердую увѣренность, что дѣвушки, у которыхъ гимназія разовьетъ умъ, чувство и волю, принесутъ неоцѣнимыя услуги нѣмецкому народу. Передъ германскою женщиной открывается теперь правильный и свободный путь къ университетскому образованію.

В. Г.

---

*) *Corriere della Sera*, № 248 (*To mend or to end*).

**) Интересныя свѣдѣнія объ этомъ съѣздѣ сообщаетъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 274).

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Опытъ теоріи наслѣдственности.

Въ біологическихъ наукахъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, наблюдается громадное преобладаніе чисто-фактическихъ изслѣдованій надъ теоретическими. Если сосчитать, сколько въ настоящее время выходитъ спеціальныхъ періодическихъ изданій, или исключительно, или отчасти посвященныхъ біологическимъ наукамъ, то число ихъ превыситъ нѣсколько сотъ, и всѣ они наполнены работами чисто-фактическаго характера. Только отъ времени до времени, въ какой-либо рѣчи или въ отдѣльно издаваемой работѣ, кто-либо изъ біологовъ отрѣшается отъ простого изложенія фактовъ и вдается въ область теоретическихъ соображеній, пытаясь связать въ одно частныя данныя. Причина этого преобладанія фактическаго изложенія надъ теоретическими соображеніями, съ одной стороны, лежитъ въ самихъ біологическихъ наукахъ, съ другой—въ біологахъ. Напрасно было бы думать, что біологи не стремятся къ созиданію теорій или что біологическія науки не даютъ простора теоріямъ,—совершенно обратно: громадное число біологовъ работаетъ, стараясь собственными изслѣдованіями разъяснить значеніе той или другой группы явленій, но рѣдко кто излагаетъ свои теоретическія соображенія, и это обусловливается уже коренными особенностями біологіи. Дѣло въ томъ, что въ біологіи очень немного основныхъ вопросовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти вопросы имѣютъ первостепенное значеніе, и никто не рѣшится поспѣшно изложить свои теоретическія соображенія по одному изъ такихъ вопросовъ, отлично зная, какъ трудно дать теоретическое объясненіе тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ частныхъ данныхъ. Едва ли кто скажетъ, что вопросъ о первомъ появленіи организмовъ не даетъ простора самымъ широкимъ теоріямъ, но этотъ вопросъ уже по существу всегда долженъ остаться въ значительной мѣрѣ гипотетичнымъ, слѣдовательно, оставаясь на строго-научной почвѣ, при обсужденіи его надо быть крайне осторожнымъ. Далѣе, вопросъ объ эволюціи организованнаго міра нисколько не меньше по своему значенію и представляетъ широкое поле для теоріи, но въ примѣненіи къ нему теорія дана и нерѣшенными остались только, такъ ска-

зать, дополнительные вопросы, каковы вопросы о явленіяхъ наслѣдственности и о появленіи личныхъ особенностей. Въ какомъ состояніи находятся наши свѣдѣнія о появленіи личныхъ особенностей, мною было говорено на страницахъ этого журнала въ 1891 г., теперь мнѣ предстоитъ изложить современное состояніе вопроса о явленіяхъ наслѣдственности. Прибавлю только, прежде чѣмъ перейти къ изложенію избранной темы, что равнымъ по значенію съ вопросами о первомъ появленіи организмовъ и объ эволюціи организованнаго міра можетъ считаться только вопросъ о процессахъ, совершающихся въ организмахъ и выражающихся въ жизни послѣднихъ, но въ этомъ случаѣ наше положеніе лишь немного чѣмъ лучше, нежели при рѣшеніи вопроса о происхожденіи организмовъ, и, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, едва ли мы можемъ дать что-либо болѣе вѣроятной гипотезы.

Съ явленіями наслѣдственности мы встрѣчаемся ежедневно и настолько привыкли къ нимъ, что на первый взглядъ можетъ даже показаться страннымъ, почему трудно дать научное объясненіе этимъ явленіямъ. Гораздо естественнѣе, что дѣти походятъ на своихъ родителей, нежели противное, такъ какъ всякому извѣстно, что на дѣтей можно смотрѣть, какъ на часть, отдѣлившуюся отъ материнскаго организма. Но факты повседневной же жизни могутъ показать, что явленія наслѣдственности не такъ просты и «естественны», какъ кажется на первый взглядъ, а чѣмъ ближе познакомимся мы съ развитіемъ организмовъ, тѣмъ болѣе явится затрудненій для объясненія явленій наслѣдственности. Такъ, въ обыденной жизни насъ, конечно, не удивляетъ, что дѣти походятъ на родителей, но всегда обращаетъ на себя вниманіе появленіе особенностей, которыхъ не было ни у родителей, ни у дѣдовъ, но которыя были у прадѣдовъ; съ другой стороны, такъ же замѣчательна передача нѣкоторыхъ особенностей исключительно потомкамъ мужского пола, тогда какъ другія, напротивъ, присущи только послѣдовательному ряду женскихъ поколѣній. Но еще болѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе явленія наслѣдственности, съ которыми мы встрѣчаемся не у высшихъ, а у болѣе низко организованныхъ существъ. Простѣйшіе изъ нынѣ извѣстныхъ организмовъ суть одноклѣточные, которыя размножаются такъ называемымъ безполымъ путемъ, т.-е. дѣленіемъ и почкованіемъ, въ которомъ принимаетъ участіе только одна особь, въ отличіе отъ полового размноженія высшихъ организмовъ, въ которомъ участвуютъ двѣ особи; но, помимо этихъ двухъ способовъ размноженія, у многихъ животныхъ наблюдается еще третій, представляющій соединеніе въ извѣстной послѣдовательности безполаго и полового размноженія или то, что на техническомъ языкѣ зоологовъ носитъ названіе явленія перемежающагося размноженія. Это явленіе, свойственное, между прочимъ, хорошо извѣстнымъ морскимъ животнымъ—сальпамъ, связано съ однимъ изъ оригинальныхъ проявленій наслѣдственности: вмѣстѣ съ чередованіемъ безполаго и полового поколѣнія чередуются въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, по крайней мѣрѣ особи двухъ типовъ организаціи, и мы видимъ тогда, что безполыя

походятъ всегда на безполыхъ же, какъ половыя—на половыхъ, т.-е. здѣсь нормальное сходство между особями передается не отъ поколѣнія къ поколѣнію, а черезъ поколѣніе, такъ что сходны между собою особи, наприм., 1, 3, 5, 7 и проч. нечетныхъ поколѣній, тогда какъ, съ другой стороны, сходны особи 2, 4, 6 и другихъ четныхъ; но особи четнаго и нечетнаго поколѣній всегда разнятся между собою, хотя по времени непосредственно слѣдуютъ другъ за другомъ, т.-е. относятся между собою какъ дѣти къ родителямъ. Еще поразительный примѣръ наслѣдственности представляютъ собою явленія полиморфизма, когда въ одномъ поколѣніи особи извѣстнаго пола являются принадлежащими къ нѣсколькимъ (впрочемъ, опредѣленному числу) типамъ окраски или другихъ особенностей организаціи, примѣры чему въ такомъ большомъ числѣ мы видимъ у насѣкомыхъ, особенно у бабочекъ.

Приводить другіе случаи наслѣдственности, не поддающіеся объясненію съ перваго раза, для насъ нѣтъ надобности, такъ какъ и сказаннаго достаточно, чтобы показать, что не все то просто, что кажется простымъ, и что часто мы считаемъ за легко объяснимое то или другое явленіе только потому, что недостаточно съ нимъ знакомы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приведенныхъ примѣровъ достаточно и для того, чтобы показать, что изученіе взрослыхъ организмовъ не можетъ дать ничего болѣе простого констатированія факта, что всякій организмъ въ той или другой степени наслѣдуетъ особенности предшествовавшихъ поколѣній. Точно также и изученіе развитія сложнаго организма не можетъ прибавить ничего особеннаго. Но если мы остановимся на томъ, что всякій сложный организмъ развивается изъ яйца, т.-е. изъ клѣтки, то само собой станетъ очевидно, что всѣ унаслѣдованныя особенности развитаго, сформировавшагося организма должны быть заложены въ яйцѣ, такъ какъ присоединиться къ развивающемуся организму позднѣе, уже во время его развитія, они, очевидно, не могутъ. Здѣсь мы сами собою подошли къ любопытнѣйшему сравненію. всякій низшій или одноклѣточный организмъ, размножающійся дѣленіемъ или почкованіемъ, съ одной стороны, и сложный многоклѣточный организмъ, развивающійся изъ клѣтки-яйца путемъ ея послѣдовательнаго дѣленія,—съ другой, очевидно идутъ по одному пути; но развитіе изъ яйца въ громадномъ большинствѣ случаевъ осложняется тѣмъ, что дѣлится и образуетъ зародышъ не простая клѣтка, а клѣтка, представляющая собою соединеніе двухъ, т.-е. яйцо, оплодотворенное сперматозоидомъ. Такимъ образомъ, тогда какъ у одноклѣточнаго организма наслѣдственно передаются особенности одной особи, у многоклѣточнаго нормально наслѣдственной передачѣ подлежатъ особенности двухъ особей. Но и тамъ, и здѣсь все дѣло сводится, очевидно, къ одной простой клѣткѣ или къ клѣткѣ, образовавшейся изъ слитія двухъ,—слѣдовательно, для сложныхъ организмовъ изученіе явленій наслѣдственности сводится къ изученію строенія яйца, сперматозоида, ихъ соотношенія и яйца оплодотвореннаго, иначе говоря—слившагося съ сперматозоидомъ. Такимъ образомъ, для насъ становится яснымъ, что объясненіе явленій наслѣдственности до послѣдняго времени не могло появиться иначе, какъ

въ формѣ совершеннѣйшей гипотезы. Въ изученіи организмовъ все идетъ съ роковою послѣдовательностью: за грубымъ изученіемъ строенія организма идетъ изученіе составляющихъ его тканей, за тканями—изученіе клѣтки, во всѣхъ ея проявленіяхъ; и когда строеніе и жизнь клѣтки становятся для насъ до извѣстной степени понятными, мы опять возвращаемся къ сложному организму, но на этотъ разъ разсматриваемъ его какъ совокупность безчисленнаго множества отдѣльныхъ живущихъ единицъ, иногда сохраняющихъ свою самостоятельность, иногда болѣе или менѣе утрачивающихъ ее, но всегда живущихъ общею жизнью, выражающеюся въ жизни сложнаго организма. Вотъ почему въ исторіи біологіи открытіе яйца считается за одно изъ величайшихъ: безъ него мы не могли бы изучить ни развитія сложнаго организма, ни понять его отношенія къ другимъ, какъ сложнымъ, такъ и простымъ. Съ другой стороны, усовершенствованіе микроскопической техники дало возможность ознакомиться съ весьма сложнымъ строеніемъ клѣтки и не менѣе сложными явленіями ея жизни. То, что прежде казалось бѣлковымъ комочкомъ безъ всякой структуры, оказалось одареннымъ такою сложною организаціей, что намъ, привыкшимъ къ мысли, что всему сложному предшествуетъ нѣчто болѣе простое, невольно представляется, что есть или, по крайней мѣрѣ, было нѣчто болѣе простое, чѣмъ клѣтка, точно также какъ составляющему ее веществу плазмы мы невольно предпосылаемъ другое вещество, можетъ быть, съ тѣмъ же химическимъ составомъ, но, во всякомъ случаѣ, болѣе простой организаціи. Нашъ умъ упорно сохраняетъ убѣжденіе, что между организаціей плазмы и химическою молекулой есть или было что-то среднее, чего мы теперь не знаемъ, хотя наши глаза неустанно вооружаются всѣми усовершенствованными оптическими инструментами, чтобы разсмотрѣть тончайшее строеніе плазмы. Астрономъ и біологъ находятся въ одномъ и томъ же положеніи: одинъ, пользуясь телескопомъ, стремится найти въ небесномъ пространствѣ то тѣло, въ существованіи котораго его убѣдили вычисленія, другой, за столикомъ микроскопа, пытается разсмотрѣть тѣ минимальныя частицы, въ существованіи которыхъ его убѣждаетъ вся сумма его знаній объ организмахъ. И тотъ, и другой, въ сущности, одинаково находятся на границѣ видимаго міра и стремятся путемъ логики дополнить наши знанія тамъ, гдѣ ихъ нельзя дополнить наблюденіемъ и опытомъ.

И такъ, только съ усовершенствованіемъ микроскопической техники и съ извѣстнымъ прогрессомъ ученія о клѣткѣ біологи получили доступъ къ изученію явленій наслѣдственности. Если мы послѣ всего сказаннаго прямо поставимъ себѣ вопросъ, чего мы ждемъ и чего имѣемъ права ждать отъ теоріи наслѣдственности, въ такомъ случаѣ отвѣтъ коротко можетъ быть выраженъ въ такой формѣ: мы ждемъ объясненія того, какимъ образомъ клѣтка (яйцо) или какая-либо ея часть пріобрѣтаетъ свойство, въ теченіе послѣдующихъ процессовъ развитія, давать образующемуся изъ нея сложному организму признаки того, отъ котораго она произошла, и почему эти

признаки повторяются въ извѣстной послѣдовательности и только съ извѣстною степенью полноты. Послѣдняя часть объясненія не менѣе важна, чѣмъ первая, потому что многіе, признавая законъ наслѣдственности, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказываются признать возможность подбора, такъ какъ наслѣдственная передача особенностей родителей дѣтямъ, по ихъ мнѣнію, должна быть сильнѣе развитія тѣхъ или другихъ особенностей приспособленія. Но само собою разумѣется, что мы только кратко формулировали то, что требуется отъ теоріи наслѣдственности; на самомъ дѣлѣ, она должна объяснять если не всѣ, то большинство явленій наслѣдственности, и потому безъ всякаго поясненія можно видѣть, что теорія наслѣдственности одна изъ сложнѣйшихъ, какую только можно ждать въ біологіи. И біологи отлично сознаютъ это, такъ какъ попытокъ дать теорію наслѣдственности до сихъ поръ было очень немного.

Первою въ этомъ направленіи была попытка Герб. Спенсера, который въ своихъ *Основахъ біологіи* высказалъ гипотезу, что организмъ состоитъ изъ особыхъ физіологическихъ единицъ, которыя занимаютъ среднее мѣсто между химическою частицей и клѣткой, но безконечно-сложнѣе молекулы. Разъ весь организмъ состоитъ изъ этихъ единицъ, которыя, притомъ, совершенно одинаковы, понятно, что и зародышевыя клѣтки могутъ содержать небольшія группы ихъ. Первое обусловливаетъ собою способность возстановленія утраченныхъ частей, второе даетъ зародышевымъ клѣточкамъ возможность произвести изъ себя цѣлый организмъ, и то, и другое благодаря стремленію единицъ, вслѣдствіе присущей имъ «полярности», въ одномъ случаѣ возстановить организмъ, въ другомъ вновь образовать его. Простое измѣненіе въ расположеніи по существу одинаковыхъ единицъ обусловливаетъ собою разныя части тѣла; напротивъ, различныя единицы обусловливаютъ индивидуальное и видовое различіе. Замѣчательно, что къ признанію этихъ «единицъ», болѣе низко организованныхъ, чѣмъ клѣтки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизмѣримо превышающихъ своею организаціей химическія молекулы, конечно, въ измѣненномъ видѣ, приходятъ и всѣ авторы новѣйшихъ теорій наслѣдственности, что и не позволяетъ намъ обходить гипотезу Спенсера молчаніемъ.

Гораздо большею извѣстностью пользуется «пангенезисъ» Дарвина, теорія, которую онъ предложилъ для объясненія явленій наслѣдственности въ заключительной главѣ своего труда объ измѣненіяхъ животныхъ и растеній подъ вліяніемъ приручения и культуры. Въ противность Спенсеру, создавшему свою гипотезу отвлеченнымъ путемъ, Дарвинъ собралъ поразительное множество фактовъ, что уже само по себѣ указываетъ на то, какое значеніе придавалъ онъ выясненію явленій наслѣдственности. И несмотря на это, Дарвинъ назвалъ свое объясненіе лишь вѣроятною гипотезой, хотя въ ней мы имѣемъ первую попытку объяснить всѣ явленія наслѣдственности, исходя изъ одного общаго положенія. Въ самыхъ краткихъ словахъ эта теорія состоитъ въ слѣдующемъ.

Всякій сложный организмъ животнаго или растенія образуется изъ клѣ-

токъ путемъ дѣленія, но это не единственный способъ размноженія послѣднихъ въ организмѣ. Большею частью каждая изъ этихъ клѣтокъ на извѣстной степени развитія обладаетъ способностью отдѣлять невидимыя зернышки или частицы, которыя позднѣе при извѣстныхъ условіяхъ могутъ развиться въ такія же клѣтки, изъ которыхъ они произошли. Эти почечки или зародышки клѣтокъ во всякое время массою отдѣляются отъ всѣхъ клѣтокъ тѣла и переносятся въ кровь. Съ кровью онѣ циркулируютъ, пока укрѣпятся гдѣ-нибудь въ тѣлѣ, преимущественно на такихъ мѣстахъ, откуда позднѣе начинается ихъ развитіе, т.-е. въ почкахъ и зародышевыхъ клѣткахъ. Такъ какъ только въ этихъ клѣткахъ находятся зародышки всѣхъ клѣтокъ тѣла, то только онѣ и обладаютъ способностью развиться въ новый біонъ, новый отпрыскъ. Послѣднее происходитъ такимъ образомъ, что каждый зародышекъ развивается въ такую же клѣтку, изъ какой онъ произошелъ, и что зародышки различныхъ клѣтокъ пробуждаются къ дѣятельности въ той же послѣдовательности, въ которой слѣдовали другъ за другомъ соотвѣтствующія имъ клѣтки при развитіи родительскаго организма.

Но зародышъ никоимъ образомъ не состоитъ только изъ тѣхъ почечекъ, которыя отдѣлились и перенесены въ него существующимъ организмомъ: онъ состоитъ также изъ множества зародышковъ, оставшихся отъ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ организмовъ, и вслѣдствіе этого при каждомъ развитіи организма участіе принимаетъ гораздо большее количество зародышковъ, нежели образуется клѣтокъ; каждая клѣтка и каждая часть организма представлены многочисленными и разнообразными зародышками, такъ что всегда существуетъ выборъ, такъ какъ только одного зародышка достаточно для развитія соотвѣтствующей клѣтки, другіе же должны оставаться бездѣятельными. Такимъ образомъ отъ одного поколѣнія къ другому переносится множество зародышковъ, оставшихся до поры до времени бездѣятельными, но которые при извѣстныхъ условіяхъ могутъ начать развиваться и тѣмъ самымъ обусловить появленіе особенностей болѣе отдаленнаго поколѣнія, которыхъ не было у болѣе близкаго. Теорія пангенезиса не останавливается на объясненіи того, почему зародышки всегда находятся на опредѣленномъ мѣстѣ и начинаютъ развиваться въ клѣтки въ опредѣленное время.

Дарвинъ былъ правъ, назвавши свое объясненіе «вѣроятною гипотезой», потому что теорія пангенезиса, конечно, скорѣе доказывала, что явленія наслѣдственности могутъ быть объяснены съ одной общей точки зрѣнія, нежели представляла собою теорію, основанную на фактахъ. Но, принимая время, когда эта теорія была высказана, нельзя не удивляться ге ію Дарвина, безошибочно опредѣлившаго, въ чемъ надо искать рѣшеніе во роса о наслѣдственности. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ наши свѣдѣнія о жизни клѣтки и даже о клѣточномъ строеніи были совершенно ничтожны,—слѣдовательно, обосновать теорію наслѣдственности было не возможно; но Дарвинъ съ своими обширными познаніями угадалъ, что

рѣшеніе вопроса о наслѣдственности лежитъ въ изученіи тончайшаго строенія клѣточнаго организма. Какъ странными ни казались скрытыя въ клѣткахъ зародышки или почечки, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ развиться въ клѣтки, а мысль объяснить явленія наслѣдственности передачею отъ организма къ организму матеріальныхъ частицъ, насколько мы можемъ теперь судить объ этомъ, безусловно вѣрна. Дарвинъ положилъ въ основу своего пангенезиса, какъ онъ самъ говоритъ, ученіе Спенсера о физіологическихъ единицахъ, но отождествлять «физіологическія единицы» съ «зародышками» или «почечками», конечно, нельзя: первыя суть единицы, изъ которыхъ построенъ организмъ, вторыя—только зачатки единицъ или клѣтокъ, которыя могутъ изъ нихъ развиться при извѣстныхъ условіяхъ.

Нѣкоторое и даже довольно существенное измѣненіе въ теоріи пангенезиса было сдѣлано Гальтономъ, который, съ одной стороны, отказался отъ принятія той ея части, гдѣ говорится о разнесеніи почечекъ кровью, съ другой же—указалъ на то обстоятельство, что при развитіи организма часть зародышковъ или почечекъ идетъ на развитіе клѣтокъ, и что на этомъ основаніи въ зародышевыхъ клѣткахъ могутъ быть собраны только тѣ почечки, которыя остались непотребленными при развитіи особи. Такимъ образомъ, на зародышевую клѣтку съ заключенными въ ней почечками Гальтонъ смотритъ какъ на остатокъ зародышеваго вещества, не потребленнаго при развитіи одной особи и передаваемаго въ другую особь. Иными словами, является представленіе, хотя и неясно формулированное, о нѣкоторомъ постоянномъ зародышевомъ веществѣ, передаваемомъ отъ одной особи къ другой въ рядѣ послѣдовательныхъ поколѣній. Но совершенно оформленной и независимо отъ Гальтона идея о постоянствѣ зародышевой плазмы была выражена, спустя почти 10 лѣтъ послѣ появленія статьи Гальтона, въ одной изъ работъ Вейсманна, автора послѣдней и наиболѣе полной теоріи наслѣдственности. Такъ какъ Вейсманнъ до появленія его большой работы издалъ въ теченіе десяти лѣтъ нѣсколько меньшихъ, въ которыхъ разрабатывалъ вопросъ о наслѣдственности, иногда измѣняя, иногда прямо отбрасывая то, что ему казалось справедливымъ раньше, то мы не станемъ останавливаться на подробномъ изложеніи послѣдовательнаго хода работъ Вейсманна. Намъ достаточно знать, что однимъ изъ первыхъ важныхъ результатовъ его изслѣдованій было признаніе существованія зародышевой плазмы, которая передается отъ одной особи другой, никогда не тратясь всецѣло на развитіе организма. Такимъ образомъ, зародышевая плазма тянется какъ непрерывная нить, на которой въ видѣ боковыхъ вѣточекъ развиваются отдѣльныя особи, являющіяся въ то же самое время хранителями и кормилицами зародышевой плазмы. Любопытно, что почти одновременно съ Вейсманномъ до представленія о зародышевой плазмѣ дошелъ и другой изъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ біологовъ—ботаникъ Нэгели. Правда, онъ имѣлъ странное представленіе о зародышевой плазмѣ или идіоплазмѣ, какъ онъ

назвалъ ее, и не пріурочивалъ ее къ какому-либо опредѣленному мѣсту, а предполагалъ, что она въ видѣ топчайшей сѣти пронизываетъ всѣ составныя части организма, но, во всякомъ случаѣ, понятіе о зародышевой плазмѣ онъ противупоставилъ понятію о питательной плазмѣ и указалъ, что первая гораздо меньше по объему.

Работы Вейсманна и Нэгели совпадаютъ съ періодомъ чрезвычайно обширныхъ микроскопическихъ изслѣдованій въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, которыя познакомили насъ какъ съ крайне сложнымъ строеніемъ клѣтки, такъ съ еще болѣе сложными процессами, сопровождающими размноженія клѣтокъ. Этимъ и было положено основаніе первымъ попыткамъ дать теорію наслѣдственности, опирающуюся на факты, тогда какъ прежде можно было основываться только на догадкахъ.

Почти единственными и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе заслуживающими вниманія при этомъ новомъ направленіи разработки теоріи наслѣдственности являются работы Де-Фри и Визнера.

Де-Фри назвалъ свою теорію «интрацеллюлярнымъ пангенезисомъ», но, въ сущности, на такое названіе она не имѣетъ права, такъ какъ Де-Фри не принимаетъ той части дарвиновскаго пангенезиса, въ которой говорится о разнесеніи зародышковъ клѣтокъ кровью и объ ихъ склопленіи въ зародышевыхъ клѣткахъ. Эта сторона пангенезиса является, безъ сомнѣнія, самою слабой, но если откинуть допущеніе объ отдѣленіи отъ клѣтокъ зародышковъ, то въ такомъ случаѣ не останется и пангенезиса. Де-Фри оставилъ изъ пангенезиса только одно—образованіе наслѣдственно-передаваемаго вещества изъ зародышковъ, подъ которыми онъ разумѣетъ мельчайшія живущія частицы, способныя рости и размножаться дѣленіемъ и своимъ послѣдовательнымъ пробужденіемъ къ дѣятельности обусловливающихъ строеніе организма. Но подъ «зародышками» Де-Фри понимаетъ нѣчто весьма опредѣленное: въ зависимости отъ послѣднихъ изслѣдованій надъ строеніемъ и жизнью клѣтки, онъ помѣщаетъ зародыши въ вещество ядра, которое, какъ мы знаемъ, путемъ дѣленія передается изъ клѣтки въ клѣтку. Такимъ образомъ, теорія де-Фри является свободной отъ элемента, дѣлавшаго пангенезисъ только допущеніемъ. Кромѣ того, разница между ученіемъ Де-Фри и Дарвина состоитъ въ томъ, что Дарвинъ принималъ существованіе зародышковъ или почечекъ клѣтокъ, тогда какъ зародыши Де-Фри, такъ называем., пангены, являются зародышками гораздо болѣе мелкихъ элементовъ, именно тѣхъ частицъ, изъ которыхъ состоятъ клѣтки. Де-Фри считаетъ эти частицы хранителями клѣточныхъ особенностей и говоритъ, что характеристику видовъ составляетъ не та или другая особенность, а та комбинація, въ которой выступаютъ ея особенности. Такимъ образомъ, Де-Фри естественно подходитъ къ представленію о группахъ пангенъ, но принимать такія группы онъ считаетъ излишнимъ. Особенностью ученія Де-Фри служитъ еще то, что тогда какъ и Спенсеръ, и Дарвинъ, и Вейсманнъ въ своихъ первыхъ работахъ по наслѣдственности вводили различныя мельчайшія частицы исключительно для объясненія

явленій наслѣдственности, Де-Фри считаетъ свои пангены за элементы, изъ которыхъ можетъ быть построена всякая живая матерія. Въ томъ же смыслѣ высказывается и Визнеръ, говоря, что явленія наслѣдственности могутъ быть объяснены принятіемъ существованія тѣхъ же самыхъ единицъ, которыя участвуютъ въ отправленіяхъ живой матеріи, т.-е. которыя участвуютъ въ процессахъ усвоенія и роста.

Такимъ образомъ, всѣ выдающіеся біологи, и, притомъ, каждый изъ нихъ самостоятельно, пришли къ тому заключенію, что плазма состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, своимъ сочетаніемъ и своею дѣятельностью обусловливающихъ свойства и жизненныя явленія плазмы. Далѣе другихъ пошелъ Вейсманнъ, признавшій, что эти частицы образуютъ группы разнаго порядка, которыя своей дальнѣйшею судьбой и обусловливаютъ разныя явленія наслѣдственности. Посмотримъ, прежде всего, что убѣждаетъ насъ въ существованіи этихъ частицъ, и къ какой части плазмы мы должны ихъ пріурочить.

Въ клѣткѣ мы различаемъ двоякаго рода образованія: съ одной стороны, тѣло клѣтки, образованное изъ плазмы болѣе или менѣе зернистой, съ другой, такъ называемое ядро, имѣющее сѣтчатое строеніе. Изученіе жизненныхъ явленій клѣтки не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ вещество тѣла клѣтки, такъ и вещество ядра обладаютъ нѣкоторыми общими свойствами, какъ, наприм., способностью ассимиляціи веществъ, роста; но, кромѣ того, нельзя не видѣть, что ядру даже на первый взглядъ принадлежитъ господствующая роль въ процессахъ размноженія. Говоря коротко, всѣ явленія, связанныя съ размноженіемъ клѣтки, начинаются съ ядра, болѣе же тщательное изученіе этихъ явленій приводитъ насъ къ тому заключенію, что исключительно веществу ядра принадлежитъ роль въ наслѣдственной передачѣ признаковъ отъ однихъ особей другимъ. Чтобъ избѣжать частаго повторенія словъ «вещество ядра», замѣнимъ ихъ техническимъ названіемъ *хроматинъ*, которое это вещество получило за свою способность интензивно краситься различными веществами, употребляемыми въ микроскопической техникѣ. До начала дѣленія или размноженія клѣтки ядро представляетъ собою клубочекъ нитей хроматина, но когда клѣтка приготовляется къ размноженію, клубочекъ нитей хроматина претерпѣваетъ длинный рядъ чрезвычайно сложныхъ измѣненій; сущность ихъ состоитъ въ томъ, что изъ одного ядра образуются два совершенно равнозначущихъ, т.-е. построенныхъ изъ качественно одинаковаго вещества, такъ какъ при дѣленіи ядра нити хроматина не только раздѣлились на нѣкоторое количество отрѣзковъ, но эти отрѣзки въ свою очередь еще расщепились, чѣмъ достигается полная равномѣрность въ распредѣленіи вещества материнскаго ядра въ дочернихъ ядрахъ. Только за образованіемъ въ клѣткѣ двухъ ядеръ наступаетъ дѣленіе тѣла клѣтки и образованіе двухъ клѣтокъ. Обсуждая эти явленія совершенно безпристрастно, видя съ одной стороны ихъ постоянство, съ другой—ихъ сложность, мы, конечно, не можемъ не признать ихъ важнаго значенія для размноженія клѣтки. Но ка-

кое же можетъ быть это значеніе? Если ядро играетъ только механическую роль въ процессахъ размноженія клѣтки, то для насъ непонятно, зачѣмъ оно дѣлится такимъ сложнымъ путемъ, какъ это наблюдается. Если же съ ядромъ связана наслѣдственная передача дочерней клѣткѣ или дочернимъ клѣткамъ свойствъ материнской, въ такомъ случаѣ и поперечное дѣленіе нитей хроматина и въ особенности ихъ расщепленіе становятся совершенно понятными, такъ какъ этимъ достигается равномѣрное распредѣленіе частей хроматина въ результатахъ дѣленія клѣтки. Такимъ образомъ, простое разсужденіе приводитъ насъ къ тому, что на хроматинѣ лежитъ роль наслѣдственной передачи свойствъ одной клѣтки другой, но это разсужденіе не даетъ намъ возможности опредѣлить, исключительно ли хроматину принадлежитъ названная роль, или только преимущественно. Наблюденіе рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. Бовери дѣлалъ опыты съ яйцами одного морского ежа, искусственно лишеннаго ядеръ, и послѣ оплодотворенія такого яйца сперматозоидомъ морского ежа другого вида изъ яйца развилась личинка этого послѣдняго. Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія наслѣдственная передача свойствъ родителей дѣтямъ и вообще свойствъ особей однихъ поколѣній особямъ другихъ лежитъ исключительно на хроматинѣ. Сейчасъ приведенный примѣръ даетъ намъ возможность указать на процессы, совершающіеся въ яйцѣ при оплодотвореніи и въ свою очередь указывающіе на роль хроматина.

При образованіи дочерней клѣтки путемъ дѣленія материнской, безъ оплодотворенія послѣдней, что, наприм., мы видимъ при дѣленіи клѣтокъ, входящихъ въ составъ сложнаго организма, дѣленіе ядра прямо открываетъ собою дѣленіе клѣтки. При дѣленіи яйца процессъ осложняется слѣдующимъ образомъ. Совершенно созрѣвшее яйцо отдѣляетъ отъ своего ядра въ нѣсколько пріемовъ значительную часть хроматина, которая и выбрасывается наружу. Затѣмъ, такое зрѣлое яйцо, содержащее значительно уменьшившееся количество вещества ядра, оплодотворяется, т.-е. сливается съ сперматозоидомъ, который равнымъ образомъ представляетъ собою клѣтку. Оплодотвореніе состоитъ въ томъ, что яйцо и сперматозоидъ совершенно сливаются между собой, причемъ тѣло сперматозоида (ничтожныхъ размѣровъ) сливается съ тѣломъ яйца и ядро сперматозоида съ ядромъ яйца. Отсюда само собою понятно значеніе всѣхъ описанныхъ процессовъ: оплодотворенное яйцо содержитъ ядро, образованное изъ своего собственнаго хроматина и хроматина сперматозоида, слѣдовательно состоитъ изъ вещества, передающаго наслѣдственно какъ особенности материнскаго, такъ и особенности отцовскаго организма; но первоначально хроматинъ яйца и сперматозоида лишь грубо перемѣшаны между собою и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, прежде чѣмъ яйцо раздѣлится, его ядро претерпѣваетъ такія сложныя измѣненія хроматина, какія описаны выше. Благодаря этому, въ каждой дочерней клѣткѣ получается ядро, содержащее часть хроматина материнскаго и отцовскаго организма, и такъ какъ сложный организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, являющихся результатомъ дѣленія

яйца, то понятно, что въ каждой клѣткѣ, а слѣдовательно и въ зародышевыхъ клѣткахъ или, точнѣе, въ ихъ ядрѣ, можно найти частицы хроматина материнскаго и отцовскаго организма.

Теперь забѣжимъ нѣсколько впередъ и посмотримъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ то, что наслѣдственныя свойства передаются съ хроматиномъ.

Положимъ, что передъ нами двѣ особи *A* и *B*, отъ которыхъ произошла третья *C*; въ зародышевыхъ клѣткахъ этой особи можно найти какъ хроматинъ *a* и *b*, такъ и хроматинъ *c*; когда же отъ особи *C* рождается особь еще слѣдующаго поколѣнія *E*, послѣ оплодотворенія особи *C* особью *D*, тогда въ зародышевыхъ клѣткахъ особи *E*, т.-е. въ ядрахъ этихъ клѣтокъ, будетъ не только хроматинъ *c*, *d* и *e*, но и хроматинъ *a* и *b*, бывшій въ зародышевыхъ клѣткахъ особи *C*. Иначе говоря, въ особи *E* могли проявиться наслѣдственно не только черты матери и отца, но и болѣе ранняго поколѣнія, такъ какъ хроматинъ послѣдняго передался сюда или, точнѣе говоря, могъ передаться черезъ промежуточное поколѣніе. И само собою разумѣется, что хроматинъ можетъ передаваться не только въ рядѣ ближайшихъ поколѣній, но и въ рядѣ очень отдаленныхъ, чѣмъ и объясняется, по теоріи Вейсманна, появленіе особенностей, которыхъ не было въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, но которыя были у одного изъ прадѣдовъ. То, что подобныя особенности не обязательно должны появляться, а лишь могутъ появляться, совершенно удовлетворительно объясняется выхожденіемъ или, лучше сказать, отбрасываніемъ части хроматина ядра зрѣлаго, но не оплодотвореннаго яйца: какая часть хроматина выбрасывается при этомъ—дѣло случая: могутъ выйти частицы хроматина материнскаго ядра, могутъ выйти и частицы хроматина, сохранившіяся отъ предъидущихъ поколѣній; въ послѣднемъ случаѣ очевидно, что вмѣстѣ съ ихъ выхожденіемъ утрачивается и способность у будущихъ поколѣній развивать въ себѣ нѣкоторыя особенности поколѣній давно минувшихъ.

На первый взглядъ этого объясненія достаточно, и если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, объясненіе Вейсманна могло бы назваться теоріей, такъ какъ оно не выходитъ за предѣлы фактовъ. Яйцо и сперматозоидъ мы можемъ изслѣдовать; хроматинъ ихъ ядеръ тоже; измѣненія ядра яйца до оплодотворенія, слитіе его съ ядромъ сперматозоида въ моментъ оплодотворенія, послѣдующее затѣмъ дѣленіе и пр. — все это равнымъ образомъ не носитъ на себѣ ничего гипотетичнаго. Наконецъ, опытъ убѣждаетъ насъ, что хроматинъ дѣйствительно можетъ быть названъ хранителемъ наслѣдственныхъ свойствъ. Но, перебравши небольшой рядъ явленій наслѣдственности, мы безъ труда убѣждаемся, что теорія наслѣдственности, не разработанная дальше сейчасъ указаннаго предѣла, даетъ лишь удовлетворительное общее объясненіе и совершенно безсильна въ объясненіи множества частныхъ случаевъ. Въ такомъ видѣ, или почти такомъ, она уже была разработана и Де-Фри, и если бы Вейсманнъ не пошелъ далѣе, то на его теоріи особенно нечего было бы останавливаться. Но Вейсманнъ до-

велъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, свою теорію до конца и, сознательно вступивъ на путь гипотезы, разработкой ея сдѣлалъ ее, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени достовѣрною, если мы уже хотимъ быть настолько осторожны, что не назовемъ ее теоріей.

Оцѣнимъ, однако, безпристрастно заслугу Вейсманна. Оставаясь въ предѣлахъ только фактовъ, онъ могъ дать лишь очень общую теорію; чтобы сдѣлать теорію полнѣе, ему пришлось вступить на путь гипотезы. Чему отдать предпочтеніе? Голоса, конечно, раздѣлятся, но мы лично высказываемся за Вейсманна. Въ гипотезѣ нѣтъ ничего страшнаго, если, во-первыхъ, она строго отграничивается отъ безусловно извѣстнаго и если, во-вторыхъ, она опирается хоть на нѣкоторое количество фактовъ. При такомъ условіи, все достовѣрное во всякое время можетъ быть отдѣлено отъ допускаемаго и допускаемое измѣнено или отброшено, смотря по тому, къ чему ведутъ новыя данныя. Дарвиновскій пангенезисъ во-очію показалъ, какъ легко можно преобразовать извѣстное ученіе, хотя бы оно было совершенно гипотетично, если оно формулировано авторомъ ясно и заключаетъ въ себѣ хотя нѣчто достовѣрное. Безплодными остаются или совершенно нелѣпыя, или туманныя гипотезы, т.-е. такія, авторы которыхъ не справляются съ фактическимъ содержаніемъ извѣстной области знанія, или такія, которыя не достаточно оформились даже въ головѣ ихъ авторовъ. Но гипотеза Вейсманна отличается замѣчательною ясностью, на каждомъ шагу обнаруживаетъ громадныя знанія автора и, наконецъ, что особенно важно, самимъ авторомъ выставляется не законченною, отлившеюся въ извѣстную форму теоріей, а лишь попыткой создать теорію, которая ждетъ еще многихъ измѣненій, но можетъ считаться вѣрною, по крайней мѣрѣ, въ своихъ основныхъ положеніяхъ.

Мы видѣли, что въ настоящее время вообще признается существованіе мельчайшихъ частицъ плазмы и что основаніемъ къ этому служатъ свойства живущей матеріи, которыя, нисколько не будучи связаны съ количествомъ плазмы, безусловно связаны съ ея организаціей. Уже то, что эти единицы обладаютъ способностью уподоблять идущія имъ на питаніе вещества и размножаться, доказываетъ намъ, что онѣ никакъ не могутъ быть отождествляемы съ химическими частицами; иными словами, плазма является гораздо болѣе сложнымъ тѣломъ, которое состоитъ изъ разнородныхъ молекулъ. Этимъ самымъ мы устраняемъ всякую возможность существованія молекулъ плазмы и должны признать, что даже минимальныя частицы плазмы состоятъ изъ различныхъ количествъ молекулъ. Вейсманнъ называетъ эти частицы *біофорами*, т.-е. носителями жизни, потому что они представляютъ собою минимальныя частицы, въ которыхъ выражаются основныя свойства жизни: уподобленіе и обмѣнъ веществъ, ростъ и размноженіе дѣленіемъ. По своимъ основнымъ свойствамъ, біофоры не отличаются отъ пангенъ Де-Фри; единственная разница, существующая между ними, состоитъ въ томъ, что біофоры не только единицы извѣстнаго порядка, но и частицы высшаго порядка, тогда какъ пангены въ построеніи

единицъ высшаго порядка, по представленію Де-Фри, не участвуютъ. Главное свойство біофоровъ состоитъ въ томъ, что ихъ можно считать хранителями особенностей клѣтокъ. Такъ какъ всякая живущая матерія состоитъ изъ біофоровъ, то разница въ свойствахъ живущей матеріи или плазмы можетъ быть объяснена только разницей въ біофорахъ; клѣтка, заключающая въ себѣ вещество поперечно-полосатой мышцы, хлорофильное тѣло и проч., можетъ содержать большое число разныхъ біофоровъ и различные же біофоры образуютъ зародышевую плазму. Число возможныхъ видовъ біофоровъ можно считать неограниченнымъ, такъ какъ біофоры могутъ разниться между собою какъ по количеству образующихъ ихъ молекулъ, такъ и по группировкѣ послѣднихъ, и изъ этихъ біофоровъ построена всякая плазма, какъ тѣло клѣтки, такъ и ея ядро. Но не трудно видѣть, что въ клѣткѣ преобладающую роль играетъ ядро, потому что тѣло клѣтки обладаетъ способностью ассимиляціи, роста и дѣленія, но не обладаетъ способностью измѣняться, которая присуща только идіоплазмѣ или зародышевой плазмѣ. На этомъ свойствѣ идіоплазмы основано все развитіе особи у многочисленныхъ организмовъ. Изъ яйца путемъ дѣленія образуются двѣ первыя клѣтки зародыша, изъ нихъ въ теченіе индивидуальнаго развитія происходятъ все новыя и новыя клѣтки, отличающіяся по своимъ свойствамъ, разница же между клѣтками можетъ быть объяснена только измѣненіями вещества ядра.

Но какимъ образомъ вещество ядра можетъ оказывать вліяніе на тѣло клѣтки? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно двоякимъ путемъ: съ одной стороны путемъ сопоставленія различныхъ данныхъ, съ другой—прямо фактами. Вліяніе вещества ядра на тѣло клѣтки можетъ выразиться только двумя способами: или вліяніемъ на разстояніи, или вліяніемъ непосредственнымъ. Допустить первое у насъ нѣтъ никакого основанія, такъ какъ ничего подобнаго мы не наблюдаемъ. Если допустить, что вещество клѣточной плазмы можетъ пріобрѣсти тѣ или другія особенности, иначе говоря, если допустить, что тѣ или другія части могутъ развиться въ клѣткѣ подъ вліяніемъ ядра, передающимся черезъ нѣкоторое разстояніе, то почему же не допустить, что такія части могутъ вообще появляться при извѣстныхъ условіяхъ,—другими словами, почему не допустить произвольнаго зарожденія? Но мы рѣшительно отклоняемъ произвольное зарожденіе организмовъ въ окружающей насъ средѣ и убѣждены, что при существующихъ условіяхъ новые организмы образуются только путемъ отдѣленія отъ старыхъ. Слѣдовательно и въ вопросѣ о появленіи особенностей плазмы въ тѣлѣ клѣтки мы не имѣемъ права останавливаться ни на какомъ другомъ объясненіи, кромѣ того, что біофоры ядра проникаютъ въ тѣло клѣтки и такимъ образомъ сообщаютъ ей извѣстныя свойства. Съ этой точки зрѣнія на ядро можно смотрѣть какъ на магазинъ, въ которомъ сложены различные біофоры. Индифферентная (эмбріональная) клѣтка превращается въ клѣтку той или другой категоріи, т.-е. въ нервную, железистую или мускульную, смотря по тому, какіе біофоры вступаютъ въ нее. Наблюденіе и опытъ подтвержда-

ютъ это. Изуродованная клѣтка только въ томъ случаѣ возстановляетъ утраченныя части, если въ ней осталось ядро, что̀ безусловно указываетъ на зависимость тѣла клѣтки отъ ядра; но, съ другой стороны, если взять клѣтку, которая уже начала дѣлиться, и отрѣзать отъ нея часть содержащую ядро, дѣленіе оканчивается и утраченная часть возстановляется, что̀ было бы необъяснимо вліяніемъ ядра на разстояніи и совершенно объяснимо, если принять, что у такой клѣтки біофоры уже успѣли перебраться изъ ядра въ тѣло клѣтки.

Существованія въ ядрѣ біофоровъ, хранящихъ въ себѣ разныя особенности клѣтки, и ихъ періодическаго поступленія изъ ядра въ тѣло клѣтки, совершенно достаточно, чтобы объяснить явленія наслѣдственности у одноклѣточныхъ организмовъ, размножающихся дѣленіемъ, путемъ распаденія на два дочерніе организма, въ ядрахъ которыхъ находятся одинаковыя біофоры, своимъ позднѣйшимъ присутсвіемъ въ тѣлѣ клѣтки объясняющіе образованіе у ней извѣстныхъ особенностей. Но дѣло далеко не такъ просто по отношенію къ многоклѣточнымъ организмамъ. Если въ ядрѣ одноклѣточнаго организма, наприм., инфузоріи, можно представить себѣ множество біофоровъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ зачатку извѣстной части клѣтки, то по отношенію къ многоклѣточному организму такое представленіе, строго говоря, недопустимо, потому что какъ бы ни были малы біофоры, а, все-таки, въ зародышевой плазмѣ не могло бы умѣститься безчисленное множество біофоровъ всѣхъ частей клѣтокъ. Вейсманнъ весьма остроумно доказываетъ, что въ такомъ допущеніи въ дѣйствительности нѣтъ никакой надобности. Если бы наслѣдственно передавались только неизмѣняющіяся части, въ такомъ случаѣ въ зародышевой плазмѣ могъ бы находиться одинъ зачатокъ для всего неизмѣняющагося органа, такъ какъ нѣтъ никакой надобности въ допущеніи множества зачатковъ для одного постояннаго органа; въ такомъ случаѣ строеніе зародышевой плазмы было бы относительно очень просто; но наслѣдственно передаются не только постоянныя, но измѣняющіяся части, и чтобы объяснить ихъ передачу, мы обязательно должны для каждой изъ нихъ допустить свой собственный зачатокъ. Бабочки, которыя развиваются, какъ извѣстно, съ превращеніемъ, часто представляютъ различные типы гусеницъ, тогда какъ взрослая бабочка всегда существуетъ въ одной формѣ. Такъ у какого-либо вида могутъ быть зеленыя и бурыя гусеницы, тогда какъ бабочка всегда имѣетъ только одну опредѣленную окраску. Связывая эти измѣненія съ измѣненіями въ тончайшемъ строеніи зародышевой плазмы, мы должны допустить существованіе въ послѣдней, по крайней мѣрѣ, двухъ независимыхъ зародышевыхъ единицъ, такъ какъ если бы была одна, то ея измѣненіе непремѣнно повело бы за собою не только измѣненіе гусеницы, но и самой бабочки. Равнымъ образомъ, когда мы видимъ, что бабочки двухъ близкихъ видовъ имѣютъ разныя крылья или даже части крыльевъ, мы обязательно должны признать для каждой подобной отличающейся части самостоятельную зародышевую единицу, потому что безъ этого было бы совершенно необъяснимо,

какимъ образомъ эта часть могла измѣниться при сохраненіи другихъ частей неизмѣненными. Число этихъ единицъ въ многоклѣточномъ организмѣ должно быть очень велико, такъ какъ каждой самостоятельно измѣняющейся части должна соотвѣтствовать опредѣленная единица, независимо отъ объема этой части. Кромѣ того, эти единицы должны быть не менѣе біофора, такъ какъ онѣ опредѣляютъ собою части организма, способныя измѣняться, слѣдовательно въ нихъ мы имѣемъ дѣло никакъ не съ молекулами, потому что съ представленіемъ о молекулѣ совершенно не вяжется представленіе объ измѣняемости. Но если мы зададимся вопросомъ, какіе участки многоклѣточнаго организма должны опредѣлять эти единицы, то мы увидимъ, что простого отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Дарвинъ считалъ, что для каждой клѣтки должна быть своя единица; Де-Фри принималъ особую единицу даже для самостоятельныхъ частей клѣтки; отвѣтъ Вейсманна совершенно иной.

Строго говоря, онъ соглашается и съ Дарвиномъ, и съ Де-Фри, такъ какъ для него особая зародышевая единица можетъ быть связана и съ клѣткой, и съ частью клѣтки; но онъ принципіально расходится съ ними, говоря, что существованіе такой единицы обусловливается не объемомъ той или другой части многоклѣточнаго организма, а ея способностью измѣняться независимо отъ другихъ частей. Въ тѣлѣ какого-либо изъ высшихъ животныхъ существуютъ, наприм., милліарды кровяныхъ тѣлецъ, которыя совершенно не локализированы и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно равнозначущи; въ виду этого, извѣстная измѣнчивость присуща всей ихъ массѣ, и потому для всѣхъ этихъ тѣлецъ достаточно имѣть одну зародышевую единицу, или одинъ *детерминантъ*, какъ называетъ эти единицы Вейсманнъ. Существуютъ и другія группы клѣтокъ въ организмѣ, которыя представлены въ зародышевой плазмѣ не поклѣточно. Наприм., если нервныя клѣтки головного мозга представлены въ зародышевой плазмѣ каждая своимъ собственнымъ детерминантомъ, такъ какъ безъ этого трудно было бы объяснить различные случаи наслѣдственной передачи умственныхъ способностей у человѣка, то едва ли можно допустить, что каждое мышечное волокно, каждое соединительнотканное тѣльце или эпителіальная клѣтка имѣетъ свой собственный детерминантъ. Вѣроятнѣе всего, что большая или меньшая группа клѣтокъ представлена въ этомъ случаѣ однимъ общимъ детерминантомъ, и это подтверждается даже наблюденіемъ. Такъ при развитіи нѣкоторыхъ насѣкомыхъ мы видимъ разрушеніе личиночныхъ органовъ въ такой степени, что отъ органа или его части остается лишь нѣсколько клѣтокъ, на счетъ которыхъ и развивается соотвѣтствующій органъ взрослаго насѣкомаго. Въ этомъ случаѣ прямо можно утверждать, что только для этихъ клѣтокъ въ зародышевой плазмѣ и находятся соотвѣтствующіе детерминанты. Точно также намъ нѣтъ никакой надобности предполагать, что каждому волосу соотвѣтствуетъ особый детерминантъ; но если среди пространства, занятаго нормальными волосами, выдается бѣлый пучокъ, который передается наслѣдственно, мы не можемъ объяснить себѣ этого иначе, какъ до-

пустивъ существованіе соотвѣтствующаго детерминанта. У простѣйшихъ организмовъ, конечно, каждая клѣтка можетъ имѣть свой собственный детерминантъ въ зародышевой плазмѣ, но у многоклѣточныхъ число детерминантовъ всегда меньше числа клѣтокъ, входящихъ въ составъ организма, такъ какъ многія группы большаго или меньшаго объема представлены въ зародышевой плазмѣ каждая однимъ детерминантомъ. Детерминантомъ можетъ быть и біофоръ въ томъ случаѣ, когда онъ намѣчаетъ собою въ зародышевой плазмѣ какую-либо самостоятельно измѣняющуюся часть клѣтки, но такого опредѣленія мы не будемъ придавать біофору и, разсматривая детерминантъ какъ единицу, намѣчающую собою или клѣтку, или группу клѣтокъ, мы будемъ всегда считать детерминантъ за единицу высшаго порядка, нежели біофоръ. Не трудно доказать далѣе, что біофоры, образуя детерминантъ, лежатъ не безпорядочною группой, а въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Это слѣдуетъ уже изъ того, что детерминанты должны обладать способностью размноженія. Хорошо извѣстно какъ значительно можетъ увеличиваться во время развитія зародышевая плазма въ оплодотворенномъ яйцѣ, а это возможно только при томъ условіи, что размножаются составляющія ее одаренныя жизнью частицы, біофоры. Но если бы біофоры, намѣчающіе собою клѣтку, лежали безпорядочно и не образовали опредѣленной группы, отграниченной отъ рядомъ лежащихъ, то какимъ образомъ они могли бы намѣтить строго опредѣленныя свойства клѣтокъ? Слѣдовательно размноженіе біофоровъ можетъ идти лишь въ замкнутыхъ предѣлахъ образуемаго ими детерминанта и собою обусловливать размноженіе послѣдняго. Это въ свою очередь приводитъ насъ къ тому, что детерминантъ есть, взятый самъ по себѣ, единица живущей матеріи. Наконецъ, мы должны допустить размноженіе детерминантовъ уже потому, что, по Вейсманну, детерминантъ намѣчаетъ собою иногда цѣлую группу клѣтокъ. Послѣднее же возможно лишь при томъ условіи, что при развитіи детерминантъ размножается.

Такимъ образомъ, въ своихъ детерминантахъ Вейсманнъ удержалъ изъ пангенезиса зародышки клѣтокъ, которые могутъ размножаться, но кромѣ нихъ принялъ еще другія единицы низшаго порядка, а также отклонился отъ Дарвина въ томъ, что не для каждой клѣтки принимаетъ обязательное существованіе особаго зародышка. Принятіе одаренныхъ жизнью частицъ низшаго и высшаго порядка позволяетъ во многомъ освѣтить явленія наслѣдственности, но этимъ теорія наслѣдственности еще не заканчивается. Пускай въ зародышевой плазмѣ существуютъ и біофоры, намѣчающіе собою части клѣтокъ, и детерминанты, намѣчающіе клѣтки и группы клѣтокъ, все-таки, еще остается совершенно необъяснимымъ то, какимъ образомъ зародышевая плазма отдѣляетъ отъ себя различныя идіоплазмы клѣтокъ въ такой послѣдовательности, что это приводитъ къ построенію организма? Въ этомъ вопросѣ заключается, можно сказать, вся исторія развитія любой особи, и Вейсманнъ, при отвѣтѣ на него, обнаруживаетъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ изложенія своей теоріи, мастерское умѣнье группировать факты

Прежде всего, мы должны обратить вниманіе на то, что строеніе зародышевой плазмы въ высшей степени опредѣленно и что эта опредѣленность намѣчается всѣмъ прошлымъ плазмы. Если мы указали выше, что для нѣкоторыхъ обширныхъ группъ клѣтокъ, какъ, наприм., клѣтокъ, развивающихъ мышцы, достаточно одного детерминанта, этимъ мы не хотѣли сказать, что для мышцъ въ дѣйствительности всегда находится одинъ детерминантъ. При такомъ условіи вся мышечная система измѣнялась бы одновременно, но мы видимъ, что этого нѣтъ, что различныя мышечныя группы могутъ измѣняться самостоятельно, что̀ заставляетъ насъ признать, что въ зародышевой плазмѣ мышечная ткань намѣчена нѣсколькими детерминантами, изъ коихъ большее или меньшее число можетъ развиться въ мышцы, смотря по тому, сколько мышечныхъ партій (независимо отъ ихъ объема) обнаружитъ наклонность къ независимой измѣняемости. Такимъ образомъ, въ зародышевой плазмѣ на ряду съ дѣятельными детерминантами мы признаемъ существованіе недѣятельныхъ, но которые въ тѣхъ или другихъ условіяхъ могутъ вступить въ дѣятельность. Если же каждый изъ такихъ одинаковыхъ детерминантовъ долженъ намѣчать собою опредѣленную клѣтку или группу клѣтокъ, конечно, онъ не можетъ находиться въ любомъ мѣстѣ зародышевой плазмы или перемѣнять мѣсто въ зависимости отъ различныхъ условій; напротивъ, онъ долженъ быть строго локализированъ, и только такимъ образомъ можетъ быть объяснено, что каждый детерминантъ вступаетъ въ общій циклъ развитія особи въ опредѣленное время и на опредѣленномъ мѣстѣ. Какъ на примѣръ, можно указать на образованіе придатковъ на членикахъ усиковъ у рачковъ. Каждый придатокъ можетъ измѣняться независимо отъ другихъ,— слѣдовательно, долженъ имѣть свой детерминантъ, но детерминанты отдѣльныхъ члениковъ могутъ быть совершенно одинаковы. Или въ томъ случаѣ, когда наблюдается измѣненіе на одной изъ двухъ сторонъ животнаго, построеннаго по типу двубоковой симметріи, мы, въ свою очередь, должны признать существованіе нѣсколькихъ одинаковыхъ детерминантовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ измѣненіе шло бы одинаково на лѣвой и на правой сторонѣ.

Какъ прямое слѣдствіе сейчасъ высказаннаго положенія о мѣстѣ, занимаемомъ детерминантами въ зародышевой плазмѣ, является то, что сама зародышевая плазма не можетъ быть произвольнаго размѣра и формы, но представляетъ собою строго опредѣленную единицу, отъ которой ничего нельзя отнять и къ которой ничего нельзя прибавить. Иными словами, мы должны признать существованіе группъ детерминантовъ, какъ единицъ третьяго порядка, и эти единицы Вейсманнъ называетъ *идами*. Какъ детерминантъ, образованный біофорами, имѣетъ другія свойства, нежели біофоры, такъ точно идъ имѣетъ другія свойства, нежели детерминантъ. Но всѣ эти единицы трехъ разныхъ категорій обладаютъ общими жизненными свойствами — рости и размножаться дѣленіемъ. Разнообразныя явленія наслѣдственности, сопровождающія половое размноженіе, убѣждаютъ насъ въ томъ, что зародышевая плазма состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ

видовъ, которые могутъ расти и размножаться дѣленіемъ. Измѣненія зародышевой плазмы вида въ теченіе индивидуальнаго развитія сводится, по теоріи Вейсманна, къ послѣдовательному дробленію детерминанта на все меньшія и меньшія группы, пока, наконецъ, не получатся клѣтки, изъ которыхъ каждая будетъ содержать только одинъ родъ детерминантовъ, имѣющихъ опредѣлить ея свойства. Этотъ процессъ послѣдовательнаго дробленія детерминантовъ вытекаетъ изъ того, что совершенно невозможно и излишне допустить существованіе всѣхъ детерминантовъ зародышевой плазмы въ каждой клѣткѣ. При послѣднемъ допущеніи пришлось бы предположить, что въ каждой клѣткѣ сотни тысячъ детерминантовъ остаются до извѣстнаго времени бездѣятельными, что, конечно, менѣе вѣроятно, нежели ранѣе сдѣланное допущеніе, что одинъ детерминантъ въ извѣстное время проявляетъ дѣятельность.

Теперь мы естественно подошли къ вопросу, какія же причины вліяютъ на расчлененіе зародышевой плазмы вида на все меньшія и меньшія группы детерминантовъ. Причинами этими можетъ быть только строеніе зародышевой плазмы вида, въ которой каждый детерминантъ имѣетъ свое собственное опредѣленное мѣсто, разновременное размноженіе детерминантовъ и заключенныя въ нихъ силы притяженія. Останавливаться здѣсь подробно на строеніи зародышевой плазмы мы не можемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы общедоступной статьи, но мы укажемъ только на то, что зародышевая плазма, образованная изъ біофоровъ, детерминантовъ и идовъ, представляющихъ собою одаренныя жизнью единицы разнаго порядка, могла развиться до своей современной сложности только пройдя длинный путь измѣненій, въ теченіе котораго новыя поколѣнія плазмы историческимъ путемъ, наслѣдственно, пріобрѣтали все большую и большую сложность. Въ теченіе этого пути опредѣлились какъ мѣста детерминантовъ, такъ и ихъ взаимное отношеніе, чѣмъ самымъ опредѣлилась и послѣдовательность въ выдѣленіи группъ детерминантовъ при индивидуальномъ развитіи. Отмѣтимъ, еще то, что на идъ мы никоимъ образомъ не можемъ смотрѣть какъ на миніатюръ того организма, который современемъ разовьется изъ него. Въ идѣ, въ его детерминантахъ заложены всѣ части будущаго организма до клѣтокъ включительно, но расположеніе детерминантовъ вовсе не соотвѣтствуетъ расположенію намѣчаемыхъ ими частей. Простого наблюденія надъ развивающимся зародышемъ достаточно, чтобъ убѣдиться, какъ велика разница между строющимся, развивающимся и уже готовымъ организмомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ строеніе детерминантовъ, ихъ образованіе изъ значительнаго количества біофоровъ, въ свою очередь, опредѣляетъ разновременность ихъ размноженія. Мы видѣли выше, что детерминанты могутъ быть весьма различны и что эта разница обусловливается не только различнымъ количествомъ біофоровъ, входящихъ въ составъ детерминантовъ, но и различнымъ расположеніемъ біофоровъ въ тѣхъ детерминантахъ, которые состоятъ изъ одного и того же количества біофоровъ. Но и біофоры, и детерминанты суть одаренныя жизнью единицы и, какъ таковыя, находясь

въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ питанія, въ разное время достигнутъ зрѣлости вслѣдствіе разницы въ ихъ строеніи.

И такъ, строеніе детерминантовъ обусловливаетъ ихъ разновременную зрѣлость; строеніе зародышевой плазмы ида опредѣляетъ послѣдовательность въ назрѣваніи детерминантовъ; наконецъ, что касается тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ размноженіе біофоровъ, детерминантовъ и идовъ, то онѣ заключаются въ притяженіи, которымъ одарены перечисленныя единицы, вліяющія другъ на друга. Въ пользу существованія этихъ силъ, заключенныхъ въ самихъ элементахъ, говоритъ прямое наблюденіе, что нити хроматина расщепляются независимо отъ внѣшнихъ импульсовъ.

Прослѣдимъ теперь судьбу всѣхъ этихъ единицъ въ теченіе развитія многоклѣточнаго организма. Когда зрѣлое яйцо распадается на первыя части дѣленія, дѣлится и идъ зародышевой плазмы его ядра, распредѣляя первыя назрѣвшія группы детерминантовъ въ первыхъ шарахъ дробленія. Положеніе детерминантовъ опредѣляетъ собою затѣмъ зрѣлость слѣдующихъ ихъ группъ еще меньшаго объема, которыя располагаются въ новыхъ шарахъ дробленія. Такъ идетъ въ теченіе всего времени, пока детерминанты дробятся все на болѣе мелкія группы, опредѣляющія собою разные органы. Наконецъ, организмъ заложенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и вотъ детерминанты распадаются на біофоры, и послѣдніе размѣщаются въ ядрахъ клѣтокъ, чтобы затѣмъ пройти черезъ оболочку ядра, выйти въ тѣло клѣтки и дать послѣдней опредѣленный характеръ.

Изъ этого очерка само собою слѣдуетъ, что безъ признанія детерминантовъ трудно объяснить наслѣдственное сходство общаго характера, выражающееся въ общемъ планѣ строенія, или въ существованіи признаковъ, характеризующихъ классы, отряды, семейства и роды. Біофоры Вейсманна или пангены Де-Фри опредѣляютъ свойства клѣтокъ, слѣдовательно, по скольку этимъ выражаются, индивидуальное и видовое различія; опредѣлить же собою черты общія большимъ группамъ они не могутъ, и потому Вейсманнъ является совершенно послѣдовательнымъ, когда кромѣ біофоровъ выводитъ еще детерминанты и иды. Конечно, во всемъ этомъ преобладаютъ соображенія надъ фактами, предположенія надъ наблюденіями, но нельзя отрицать, что разныя частицы хроматина ядра, которыя мы наблюдаемъ, приближаются къ тому, что Вейсманнъ разумѣетъ подъ идами. Во всякомъ случаѣ, мы вправѣ ожидать отъ будущаго, что физіологическая химія познакомитъ насъ болѣе обстоятельно съ тѣми мельчайшими частицами плазмы, которыя одарены жизнью.

Вейсманнъ осложняетъ свою теорію тѣмъ, что признаетъ существованіе многихъ однородныхъ идовъ въ зародышевой плазмѣ, что вытекаетъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ признанія многихъ однородныхъ детерминантовъ, о чемъ уже было замѣчено. Но это является необходимымъ допущеніемъ и по другой причинѣ. Теорія, чтобы быть полной, должна освѣтить различныя явленія и связать ихъ между собою; но простое признаніе существованія біофоровъ, детерминантовъ и идовъ для этой цѣли недостаточно,—

слѣдовательно, теорія должна быть сложнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, наприм., объяснить явленія регенераціи, т.-е. возстановленія утраченныхъ частей, если признать въ зародышевой плазмѣ яйца только существованіе одной группы разнородныхъ идовъ? Организмъ развился, затѣмъ утратилъ нѣкоторую свою часть, откуда ей снова взяться? По теоріи же Вейсманна, когда какая-либо часть организма утрачивается, отъ нея остаются клѣтки, содержащія иды, необходимыя для развитія утраченной части. Эти иды, такъ сказать, до поры до времени сохраняются въ складочномъ магазинѣ организма, и если въ нихъ нѣтъ надобности, то ихъ присутствіе и не замѣчается; если же надобность наступила, иды начинаютъ развиваться, возстановляются клѣтки, размножаются детерминанты, опредѣляя роль новыхъ клѣтокъ, и, наконецъ, вся утраченная часть является возстановленной на счетъ запаснаго матеріала. Такое возстановленіе не можетъ идти неограниченно, но оно можетъ совершаться въ весьма большихъ размѣрахъ. Такъ возстановляются случайно утрачиваемыя части взрослаго организма, такъ возстановляются многіе внутренніе органы, нормально разрушающіеся въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія. Къ этой регенераціи тѣсно примыкаетъ и одинъ изъ способовъ размноженія — почкованіе и дѣленіе, изъ которыхъ дѣленіе представляетъ собою какъ бы послѣднюю ступень процесса регенераціи, состоящую въ развитіи и отдѣленіи новаго организма. Напротивъ, нѣкоторые виды почкованія тѣсно примыкаютъ къ развитію изъ яйца, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ самая возможность процесса развитія, по Вейсманну, объясняется существованіемъ временно недѣятельныхъ идовъ въ зародышевой плазмѣ клѣтокъ или клѣтки.

Какъ относится Вейсманнъ къ передачѣ благопріобрѣтенныхъ особенностей, я имѣлъ случай говорить, но здѣсь, хотя кратко, объ этомъ надо упомянуть. Разъ развитіе любой особи сводится къ послѣдовательному размноженію клѣтокъ изъ одной, причемъ параллельно размноженію клѣтокъ размножаются детерминанты, посылающія клѣткамъ, въ концѣ-концовъ, біофоры, опредѣляющіе ихъ свойства,— разъ, другими словами, свойства клѣтокъ уже являются намѣченными въ яйцѣ,— конечно, нечего говорить о наслѣдственной передачѣ благопріобрѣтенныхъ особенностей. При взглядѣ допускающемъ постоянство зародышевой плазмы, т.-е. закладку дочерняго организма въ ядрѣ яйцеклѣтки материнскаго, всѣ особенности, пріобрѣтаемыя организмомъ въ теченіе его существованія, конечно, не могутъ передаться его потомкамъ. Такимъ образомъ, можетъ казаться, что наслѣдственность не играетъ никакой роли при сохраненіи извѣстныхъ особенностей организаціи, что, конечно, затруднило бы принятіе эволюціоннаго ученія. Но Вейсманнъ не идетъ такъ далеко. По его мнѣнію, зародышевая плазма, не схватывая, такъ сказать, благопріобрѣтенныхъ особенностей, измѣняется подъ вліяніемъ различныхъ условій среды, которыя вызываютъ измѣненія и всего организма. Кромѣ того, при оплодотвореніи яйца сперматозоидомъ, что, какъ можно припомнить, влечетъ за собой выхожденіе одной части зародышевой плазмы и замѣну ея другой, зародышевая

плазма вообще мѣняется, и въ силу этого въ организмахъ новыхъ поколѣній является громадный запасъ личныхъ уклоненій, какъ бы возмѣщающихъ собою отсутствіе ихъ наслѣдственной передачи. Что нужнѣе для подбора—наслѣдственная передача особенностей благопріобрѣтаемыхъ, или сильное развитіе личныхъ особенностей, результатомъ чего бы оно ни было, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, пока есть личныя особенности, есть и подборъ, и чѣмъ разнообразнѣе онѣ, тѣмъ больше простора для подбора. При извѣстныхъ условіяхъ среды, преобладающихъ въ борьбѣ за существованіе, конечно, будутъ особи съ извѣстными, опредѣленными признаками, которые мы принимаемъ за видовые. Слѣдовательно, Вейсманнъ, въ отличіе отъ тѣхъ лицъ, которые признаютъ наслѣдственную передачу признаковъ благопріобрѣтенныхъ и этимъ, какъ и подборомъ, объясняютъ существованіе группы организмовъ съ извѣстнымъ постоянствомъ признаковъ, переноситъ центръ тяжести на подборъ. Онъ говоритъ, что, вслѣдствіе измѣненія зародышевой плазмы яйца и сперматозоида, личныя особенности особей новыхъ поколѣній появляются даже тогда, когда условія существованія извѣстной группы кажутся намъ постоянными. Съ другой стороны, и при условіяхъ существованія измѣняющихся, матеріалъ для подбора дается вслѣдствіе развитія особей изъ измѣняющейся зародышевой плазмы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вліяніе подбора не ослабѣваетъ.

Затѣмъ, какъ ни странно это покажется на первый взглядъ, а вопросъ о наслѣдственной передачѣ тѣхъ или другихъ особенностей организаціи приводитъ насъ и къ вопросу о происхожденіи организмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что не въ свойствахъ клѣтки, а въ свойствахъ плазмы должно искать объясненія всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя мы называемъ жизненными. Мы не сомнѣваемся, что плазма состоитъ изъ частицъ болѣе сложныхъ, чѣмъ молекула, но неизмѣримо болѣе мелкихъ и простыхъ, нежели клѣтка. Эти частицы или біофоры обладаютъ всѣми жизненными свойствами, и, конечно, если признавать возможность перехода неорганической матеріи въ организованную, живущую, то вмѣстѣ съ тѣмъ признавать и то, что первые появившіеся организмы были біофоры или крайне къ нимъ близки. Но въ такомъ случаѣ, и біофоры, и детерминанты, и иды являются только послѣдовательными стадіями развитія организмовъ, и если мы въ ихъ существованіи ищемъ объясненія явленій наслѣдственности, то очевидно, что подъ явленіями наслѣдственности мы разумѣемъ только исторію организованнаго міра. Начиная біофорами и кончая высшими представителями животнаго царства, исторія организованнаго міра вся записана на плазмѣ клѣтокъ. Только свитки живого пергамента недостаточно длинны, чтобъ исторія могла быть записана на нихъ полно, и природа выработала сокращенныя письмена, чтобъ однимъ знакомъ отмѣчать длинный рядъ событій. Отъ времени до времени сами свитки развертываются передъ нами (въ индивидуальномъ развитіи каждой особи организованнаго міра), но обыкновенно неполно или же представляютъ письмена, разгадать смыслъ

которыхъ является не всегда возможнымъ. Только въ одномъ не можетъ быть сомнѣнія, а именно: чѣмъ внимательнѣе и безпристрастнѣе мы будемъ изучать живую матерію, въ которой скрыта исторія организованнаго міра, тѣмъ ближе подойдемъ мы къ чтенію этой исторіи. Организованная матерія непрерывнымъ и все расширяющимся потокомъ льется въ міръ съ тѣхъ поръ, какъ возникла. Этотъ потокъ дробится на безчисленные рукава и каждый рукавъ его въ свою очередь посылаетъ отъ себя безчисленныя вѣточки. Мы сами не болѣе какъ одна изъ такихъ вѣточекъ, лишь сравнительно недавно отдѣлившаяся отъ большого ствола. Въ настоящее время эти вѣтви безконечно разнообразны, но чѣмъ далѣе назадъ мы будетъ слѣдить за развѣтвленіями организованнаго міра, тѣмъ больше сходства мы будемъ между ними находить. Въ самой глубокой дали, уже за предѣлами міра доступнаго натуралисту, мелькаютъ иды, детерминанты, біофоры, или, еще лучше, если отрѣшиться отъ этихъ терминовъ и просто признать существованіе низшихъ организмовъ, столь малыхъ и столь простыхъ, что клѣтка кажется въ сравненіи съ ними колоссомъ и жизнь ея сложною необычайно. Такимъ образомъ мы подходимъ къ началу потока, съ которымъ сравнили организованный міръ, и первыя капли его, падающія на каменистое ложе внѣшнихъ условій существованія, признаемъ лишь за нѣчто высшее, нежели химическая молекула, безконечно малыя частицы организованной матеріи, которыя питаются, усвояютъ продукты питанія и размножаются. Какъ ни малы эти частицы, но онѣ рѣзко отличаются отъ химическихъ молекулъ своею нестойкостью. Съ необычайною легкостью измѣняется составъ ихъ вещества, другими словами—онѣ живутъ, а вмѣстѣ съ жизнью и слѣдовательно размноженіемъ, попадая изъ однихъ условій въ другія, все болѣе и болѣе осложняются. Эта картина непрерывнаго потока плазмы, изъ котораго берутъ начала отдѣльные организмы, какъ самостоятельные, независимые другъ отъ друга, а на самомъ дѣлѣ тѣсно связанные между собою еще до своего рожденія, является однимъ изъ наиболѣе широкихъ обобщеній, до которыхъ только доходили біологи. Въ этой полной картинѣ, конечно, есть и факты, есть и допущенія. Это какъ бы реставрація колоссальнаго полотна, на которомъ изображено развитіе организованнаго міра. Отъ времени краски выцвѣли, только мѣстами остались болѣе или менѣе полные участки и по нимъ-то опытный художникъ воспроизводитъ цѣлое, помня, что всѣ участки, должны быть связаны въ одно общее. Для такой реставраціи нужно не только знаніе, но и талантъ, и, безъ сомнѣнія, Вейсманнъ обладаетъ тѣмъ и другимъ. Его книга не можетъ не произвести впечатлѣнія, а за этимъ несомнѣнно послѣдуетъ желаніе провѣрить то или другое, что, какъ извѣстно, служитъ вѣрнѣйшимъ способомъ къ движенію науки впередъ.

Допустимъ, что біофоры, детерминанты, иды и друг. могли возникнуть только въ умѣ нѣмецкаго натуралиста, привыкшаго издавна примѣшивать философію къ своимъ біологическимъ изслѣдованіямъ, значеніе теоріи отъ нисколько не умаляется, если только она вызоветъ новыя изслѣдо-

ванія, хотя бы, въ концѣ-концовъ, они и заставили отказаться отъ нея. Мы не думаетъ, чтобы отъ этой теоріи ничего не осталось, даже и въ далекомъ будущемъ. Въ ея основу положено слишкомъ много фактовъ, чтобъ она попала въ разрядъ многихъ другихъ теорій; но, конечно, противъ нея и сейчасъ можно сдѣлать много возраженій. Наиболѣе опасными въ настоящее время кажутся тѣ, которыя опираются на факты, пройденные со стороны Вейсманна молчаніемъ, что тѣмъ болѣе странно, что Вейсманнъ не могъ не знать ихъ, а зная, не могъ не придавать имъ значенія. Правда, пока эти факты еще не связаны между собой, но они до того однородны, что не придавать имъ значенія нельзя. Изъ этого не слѣдуетъ, что они должны оказаться безусловно гибельными для теоріи Вейсманна, но быть можетъ они заставятъ измѣнить ее или же расширить путемъ примиренія повидимому противурѣчивыхъ данныхъ. Какъ бы то ни было, при этомъ еще разъ не слѣдуетъ забывать, что Вейсманнъ самъ считаетъ свои соображенія только за начало разработки вопроса о явленіяхъ наслѣдственности, и вовсе не выдаетъ ихъ за что-либо окончательное. Возможно, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ внесетъ нѣкоторыя измѣненія и поправки въ свою теорію, возможно, что она вызоветъ горячее обсужденіе и тѣмъ самымъ будетъ подкрѣплена или расшатана. Во всякомъ случаѣ за нее говоритъ уже то, что она явилась не сразу, а постепенно. Вейсманнъ сначала былъ противъ «пангенезиса» Дарвина, но въ результатѣ десятилѣтнихъ изученій явленій наслѣдственности призналъ его существенную часть и разработалъ согласно съ современными данными біологіи. Де-Фри и нѣкоторые другіе идутъ по тому же пути, а ничто такъ не говоритъ въ пользу справедливости того или другого ученія, какъ то, что оно одновременно и независимо выработано разными лицами. Конечно, многіе скажутъ про теорію Вейсманна, что въ ней нѣтъ ничего новаго, что онъ только замѣнилъ пангены Де-Фри біофорами и ввелъ понятіе о детерминантахъ и идахъ. Но такое замѣчаніе будетъ невѣрно. Вейсманнъ и самъ признаетъ, что его біофоры то же, что пангены Де-Фри, но въ то же время онъ указываетъ и на существенное отличіе своего ученія, заключающееся въ введеніи понятій детерминанта и ида. Послѣ того, какъ мы показали значеніе этихъ проблематичныхъ элементовъ въ системѣ развитія органическаго міра, мы не можемъ не признать, что Вейсманнъ, введя эти понятія и доказавши необходимость признанія ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пополнилъ пробѣлъ, остававшійся между біофорами или пангеной и клѣткой. Уже теперь можно сказать, что всѣ затрудненія, которыя ждутъ будущихъ изслѣдователей на этомъ пути, встрѣтятся именно при изученіи элементарнаго состава плазмы. Въ этомъ случаѣ біологамъ еще разъ придется обратиться за помощью другъ къ другу. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ понадобятся соединенныя усилія разныхъ спеціалистовъ, и мы не можемъ указать ни времени, когда эти изслѣдованія будутъ закончены, ни тѣхъ результатовъ, къ которымъ они приведутъ.

Во всякомъ случаѣ едва ли мы ошибаемся, говоря, что въ біологіи

опять наступаетъ періодъ горячихъ споровъ и разносторонних изслѣдованій. Быть можетъ, споры не будутъ такъ ожесточенны, какъ были тридцать лѣтъ тому назадъ, когда о біологіи, объ ея задачахъ и методѣ судили и рядили всѣ, кто не имѣлъ на то ни малѣйшаго права, и иногда къ біологіи примѣшивали рѣшительно все, что не имѣло къ ней никакого отношенія. Но будемъ надѣяться, что при большемъ спокойствіи и большемъ безпристрастіи и результаты будутъ достигнуты скорѣе. Вопросъ о наслѣдственности, конечно, не задѣваетъ такъ, какъ вопросъ объ эволюціи организованнаго міра, но для насъ онъ, безъ сомнѣнія, представляетъ величайшій интересъ. Уже одно то, въ какую сторону будетъ рѣшенъ вопросъ о передачѣ благопріобрѣтаемыхъ особенностей, можетъ пріобрѣсти громадное практическое значеніе. Безъ массы наблюденій къ опредѣленнымъ выводамъ придти нельзя, но въ данномъ случаѣ возможны не только наблюденія, но и опыты. Объектомъ могутъ служить не только животныя и растенія, но и человѣкъ, и притомъ съ самыхъ разныхъ сторонъ. Нужны сотни наблюдателей, безпристрастная критика, и тогда всѣ данныя для строго-научной теоріи будутъ въ нашихъ рукахъ. Конечно, въ окончательной обработкѣ теорія наслѣдственности будетъ уже по своему характеру отличаться отъ теоріи Вейсманна. Послѣдняя слишкомъ обща, хотя на первый взглядъ можетъ казаться, что она обнимаетъ множество частностей. Но не будемъ забывать, что всякая теорія прежде всего должна согласоваться съ запасомъ фактовъ. Далѣе общей теоріи теперь и нельзя пойти, такъ какъ мы только подошли къ возможности изслѣдованія даннаго вопроса, но отнюдь не овладѣли тѣми средствами, которыя необходимы для его рѣшенія.

М. Мензбиръ.

Воинствующее народничество.

(*1. Каблицъ:* „Основы народности". Части I и II. Второе дополненное изданіе. Спб., 1888—1893 гг.: *В. В.:* „Наши направленія". Спб., 1893 г.)

Такъ въ ненастные дни
Занимались они—
Дѣломъ.
Кн. Вяземскій.

Русскій мужикъ — геніальная, можно сказать, натура! Безъ науки всѣ науки прошелъ!
Щедринъ: „Губернскіе очерки".

I.

Что такое народничество? Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Народничество—это такая система воззрѣній, въ основѣ которой лежитъ идея народнаго блага, какъ верховной и конечной цѣли нашихъ усилій. Народникъ—это такой дѣятель, который имѣетъ въ виду не какіе-нибудь частные, а общіе интересы, защищаетъ не привилегіи, а права, служитъ, не корпораціи и не классу, а главной массѣ населенія страны. Такова элементарная точка зрѣнія, устанавливаемая простымъ здравымъ смысломъ и съ этой точки бо́льшая и лучшая, даровитѣйшая часть нашей литературы, точно также какъ и значительная часть современной интеллигенціи нашей должны быть признаны народническими. Это фактъ исторической и текущей дѣйствительности,—фактъ, обусловленный не какими-либо нравственными особенностями нашей интеллигенціи, а всѣмъ складомъ нашей жизни: народъ—это Россія, это вскормившее и воспитавшее насъ отечество наше, это наше прошедшее и наше будущее, это наша почва, та «мать сыра—земля» наша, въ которой таятся и оберегаются всѣ жизненные корни наши. Мы не паразиты, а дѣти своего народа, и дѣти не безчувственные, не неблагодарные и потому не можемъ, не отрицая самихъ себя, класть въ край угла своей жизни и своей дѣятельности что-нибудь иное, кромѣ служенія духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ своей страны.

Формы этого служенія могутъ разнообразиться почти до безконечности. Въ несравненно меньшей, но все-таки въ значительной степени можетъ разнообразиться самое пониманіе сущности интересовъ народа, но историческія и нравственныя «основы народничества» нашего нисколько не теряютъ отъ этого своей обязательности и «наши направленія» попрежнему удобно могутъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, резюмироваться въ смыслѣ единаго направленія, имѣющаго своимъ главнѣйшимъ объектомъ народную жизнь и народные интересы. Если терминъ «народничество» можетъ имѣть какое-нибудь разумное основаніе, то лишь въ смыслѣ спеціальнаго и непосредственнаго приближенія къ народной жизни, съ цѣлью ея изученія и изслѣдованія. Въ *этомъ* смыслѣ г. Златовратскій несравненно болѣе народникъ, нежели наприм. Салтыковъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, и слѣдовать не можетъ, что заслуги Салтыкова передъ народомъ меньше заслугъ г. Златовратскаго. Можно очень плодотворно поработать на пользу народа и никогда не выѣзжая изъ города и даже не выходя изъ четырехъ стѣнъ своего кабинета,—путемъ умственнаго и нравственнаго воздѣйствія на тѣ общественныя сферы, которыя находятся въ непосредственной связи съ народною жизнью.

Все это очень просто, но пусть читатель не спѣшитъ соглашаться съ нами: онъ рискуетъ быть зачисленнымъ въ разрядъ «неустрашимыхъ мѣдныхъ лбовъ» по живописному выраженію г. Каблица—Юзова. Дѣло въ томъ, что г. Каблицъ смотритъ на народничество совсѣмъ не такъ просто, какъ смотримъ мы, — объ этомъ свидѣтельствуютъ уже тѣ два тома, которые онъ написалъ на тему, представляющуюся намъ столь несложною. Г. Каблицъ полагаетъ, что мало *любить* народъ: надо *уважать* народъ. Откровенно говоря, мы очень порадовались бы, еслибы народъ сдѣлался предметомъ настоящей, искренней любви со стороны людей, имѣющихъ возможность вліять на его бытъ и нравы, еслибы всѣ мѣропріятія по отношенію къ нему были продиктованы чувствомъ доброжелательства, безъ всякой примѣси своекорыстныхъ мотивовъ и побочныхъ соображеній. Мы никакъ не нашли бы, что этого *мало*. Отъ любви и даже отъ простого состраданія—при непремѣнномъ условіи искренности и активности этихъ чувствъ—не труденъ переходъ къ справедливости, а мы смѣемъ думать, что справедливость, положенная въ основу какого бы то ни было общежитія, это не болѣе и не менѣе какъ идеалъ въ осуществленіи. Г. Каблицъ думаетъ иначе, а именно вотъ какъ:

«Въ основѣ народническаго ученія объ устройствѣ общества лежитъ [illegible] *только любовь* (здѣсь и ниже—курсивъ автора) къ народу, но и *уваженіе ко всякой человѣческой личности*, а слѣдовательно и къ личности [illegible]рестьянина. Поэтому-то народничество утверждаетъ, что нельзя заботиться [illegible] объ «интересахъ» народа, не принимая во вниманіе его «мнѣній» объ [illegible]хъ интересахъ. Оно не третируетъ личности крестьянина и не считаетъ [illegible]я вправѣ обходиться съ нимъ какъ съ малолѣтнимъ, не имѣющимъ воз[illegible]ности жить самостоятельно, безъ опеки. Поэтому оно признаетъ, что въ

числѣ главныхъ «интересовъ» народа находится и потребность руководствоваться въ своей дѣятельности собственнымъ «мнѣніемъ» а не благодѣтельнымъ приказомъ интеллигентнаго руководителя. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы народничество проповѣдывало невмѣшательство интеллигенціи въ жизнь народа; оно лишь утверждаетъ, что это послѣднее должно выражаться только въ видѣ *духовнаго воздѣйствія* на мнѣнія народа, и отрицаетъ всякое насильственное вторженіе въ народную жизнь: «въ рай за волоса не тянутъ». Проповѣдуя подчиненіе хода народной жизни «мнѣнію» народа, народничество, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не желаетъ насильственнаго вторженія народа въ другія сферы жизни. Несомнѣнно, что, напримѣръ, жизнь города или интеллигенціи во многомъ отличается отъ жизни народа и признаніе этихъ особенностей требуется ихъ общимъ интересомъ. Насколько нераціонально требовать подчиненія народной жизни интеллигентной опекѣ, настолько же противно здравому разсудку подчинять интеллигенцію и городъ «мнѣнію» народа. Разумѣется, совмѣстная жизнь народа, горожанъ и интеллигенціи по необходимости во многихъ случаяхъ приводитъ ихъ къ столкновенію «мнѣній» и «интересовъ»: общая сфера интересовъ всѣхъ трехъ группъ, понятно, тоже должна быть подчинена и общему ихъ мнѣнію. Но чѣмъ больше будетъ самостоятельности въ жизни каждой группы, тѣмъ лучше, ибо каждая изъ нихъ будетъ чувствовать себя свободнѣе и независимѣе. Таково мнѣніе народниковъ».

Эта мысль—о необходимости уважать не только интересы, но и мнѣнія народа—повторяется г. Каблицемъ не одинъ десятокъ разъ, являясь, такимъ образомъ, основою основъ народничества. Что-жь? Мысль, если хотите, недурная, только къ ней нужно подойти поближе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Каблицъ, нужно разобраться въ ея логическихъ послѣдствіяхъ и развѣтвленіяхъ. Оставляя пока народъ въ сторонѣ, поставимъ чисто-теоретическій вопросъ: всякое ли мнѣніе заслуживаетъ уваженія? Нѣтъ, циркулируетъ не мало мнѣній, которыя не заслуживаютъ не только уваженія, но и простого вниманія. Для того, чтобы быть сколько-нибудь серьезнымъ, мнѣніе должно быть сколько-нибудь компетентнымъ, а чтобы быть компетентнымъ, оно должно основываться на дѣйствительномъ знакомствѣ съ предметомъ. Я безъ малѣйшаго конфуза высказываю эти трюизмы, потому что, несмотря на свою азбучность, они имѣютъ самое сокрушительное значеніе для излюбленной мысли г. Каблица. «Уважайте мнѣніе народа»,—мы согласны уважать, но лишь при условіи, чтобъ это уваженіе не противорѣчило нашему уваженію къ истинѣ. Правда, г. Каблицъ освобождаетъ насъ (еще бы!) отъ обязанности раздѣлять космическія воззрѣнія народа, но тѣмъ съ бо́льшимъ упорствомъ онъ настаиваетъ на необходимости «уважать» соціологическія мнѣнія народа. По этому пункту главнѣйшій доводъ г. Каблица таковъ: «Моисеи, Солоны, Ликурги, Гракхи и т. п. люди тоже имѣли достаточно нелѣпыя, на нашъ взглядъ, понятія о землѣ и ея положеніи въ міровомъ пространствѣ, однако, въ области общественныхъ во-

просовъ ихъ идеи до сихъ поръ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе». Такимъ образомъ, *все то, что будетъ дѣлаться во имя народа, должно имѣть въ основаніи понятія самого народа.*

Мы хотѣли бы знать, прежде всего, почему г. Каблицъ, отвергая вмѣстѣ съ нами компетентность народа въ области космогоніи и вообще въ области положительной науки, защищаетъ эту компетентность въ области соціологіи? Если для правильнаго пониманія «положенія земли въ міровомъ пространствѣ» народу, по замѣчанію г. Каблица, недостаетъ только «школьныхъ знаній», то откуда онъ набрался знаній, чтобы правильно судить о явленіяхъ общественной жизни? Примѣръ Ликурговъ, Солоновъ, Гракховъ нисколько не убѣдителенъ. Если идеи этихъ законодателей и реформаторовъ «до сихъ поръ останавливаютъ на себѣ наше вниманіе», то совершенно въ такой же мѣрѣ и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ останавливаютъ наше вниманіе и космогоническія воззрѣнія Гиппарховъ, Пиѳагоровъ, Ѳалесовъ: мы изучаемъ эти мнѣнія, какъ культурно-историческій матеріалъ, принимаемъ ихъ, какъ говорятъ чиновники, къ свѣдѣнію, а не къ руководству. Явленія общественной жизни сложнѣе и труднѣе для нашего пониманія, нежели явленія неодушевленной природы. Именно въ силу этого факта наука обществовѣдѣнія только на нашихъ глазахъ начала принимать дѣйствительно научный характеръ, тогда какъ наука природовѣдѣнія давнымъ-давно установилась на почвѣ положительнаго, точнаго знанія. Если для пониманія природы необходимы «школьныя знанія», то для пониманія общественной жизни такія знанія необходимы вдвойнѣ. Обществовѣдѣніе основывается на природовѣдѣніи. Если, наприм., я полагаю, что Россія въ географическомъ отношеніи есть страна, которая съ *полуночи* граничитъ «моремъ-окіаномъ», съ *востока*—«китайцемъ», съ *полудня*—Бѣлою Арапіей, а съ *захода*—«нѣмцемъ»; если въ статистическомъ отношеніи я знаю о Россіи только то, что въ ней живутъ «большіе милліоны» народа; если въ историческомъ отношеніи въ моей головѣ копошатся какія-то смутныя представленія о Владимірѣ — Красномъ Солнышкѣ, о Грозномъ Иванѣ, о царѣ Петрѣ, о батюшкѣ Степанѣ Тимоѳеичѣ, да о царицѣ Екатеринѣ; если въ политическомъ отношеніи я питаю единственное убѣжденіе, что «наша матушка-Рассея всему свѣту голова»; если таковы мои познанія о своемъ отечествѣ, пріобрѣтенныя помимо школы, то, право, напрасно было бы обращаться къ моей экспертизѣ по поводу того или другого общегосударственнаго мѣропріятія. Ничего—кромѣ конфуза для меня и потери времени для васъ—изъ этого обращенія не выйдетъ. Говоря историческимъ выраженіемъ: «брады свои уставя, ничего не твѣщать»,—это самое благоразумное, что я и мнѣ подобные мудрецы можемъ сдѣлать въ этомъ невозможномъ положеніи: судить о томъ, чего не знаешь и, слѣдовательно, не понимаешь.

Все это одно интеллигентное высокомѣріе, скажетъ г. Каблицъ, все это остатокъ старыхъ крѣпостныхъ повадокъ, отъ которыхъ не могутъ освободиться мѣдные лбы нашей пресловутой интеллигенціи. Для нашей интел-

лигенціи, продолжаетъ г. Каблицъ, «крестьянинъ представляется какимъ-то дикаремъ, котораго представленія, понятія и чувства совершенно первобытны». О чувствахъ, отвѣтимъ мы, у насъ не было и рѣчи,—*первобытныя* чувства могутъ быть очень хорошими чувствами и воспитываются они не школою, а трудовою жизнью. Рѣчь идетъ *только о понятіяхъ* народа, которыя, по вашему утвержденію, должны *лежать въ основаніи всего, что дѣлается во имя народа*. Да, говоримъ мы, эти понятія совершенно первобытны и потому *не должны* лежать въ основаніи всего, что дѣлается во имя народа. Первобытныя понятія годятся только для первобытной культуры, періодъ которой давно уже пройденъ нашею исторіей. Нѣтъ, говоритъ г. Каблицъ, «достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, насколько она приближается къ какому-то научному идеалу, а тѣмъ, насколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ людей, составляющихъ данное общество. *Самая прекрасная форма будетъ гибельна для общества, если она не соотвѣтствуетъ желаніямъ его членовъ* (курсивъ автора), ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее. Въ соціологіи нѣтъ объективныхъ истинъ, а потому выраженіе Тэна: «десять милліоновъ невѣжествъ не составляютъ одного знанія»,—не можетъ относиться къ ея области. Десять милліоновъ невѣждъ могутъ отвѣтить представителю знанія, что они хотятъ имѣть общественныя формы, вполнѣ соотвѣтствующія ихъ невѣжеству, такъ какъ живутъ для того, чтобы быть довольными своею жизнью, а не для того, чтобы жить несоотвѣтственно своимъ потребностямъ».

Яснѣе сказать нельзя. И послѣ этого г. Каблицъ рѣшается говорить, что «защитники интеллигенціи (собственно «интеллигентнаго бюрократизма»,—дальше мы увидимъ, какую разницу усматриваетъ авторъ между этими терминами) дѣлаютъ видъ, что борьбу противъ нихъ они принимаютъ за вражду къ знаніямъ и наукѣ, причемъ лгутъ, подобно защитникамъ капитализма!» Да развѣ защищать формы жизни, «вполнѣ соотвѣтствующія невѣжеству» народной массы не значитъ отрицать науку и унижать знаніе? Развѣ аргументаціей г. Каблица не могутъ воспользоваться всѣ тѣ, наприм., безчисленные городскіе и деревенскіе невѣжды, которые протестуютъ противъ принудительнаго оздоровленія ихъ жилищъ—клоакъ? Но главная сущность дѣла не въ томъ. Поищемъ такого примѣра въ сферѣ общественныхъ формъ и явленій, гдѣ бы «коллективная мысль народа» выразилась съ достаточною опредѣленностью и гдѣ бы она стала въ рѣзкое противорѣчіе съ указаніями науки. Намъ нуженъ именно такого рода примѣръ, потому что г. Каблицъ будетъ при этомъ *логически обязанъ* стать на сторону милліоновъ «невѣждъ» противъ «какого-то научнаго идеала»—и мы полюбуемся на автора въ этомъ любопытномъ положеніи. Предположимъ, наприм., что государство испытываетъ серьезныя финансовыя затрудненія. Денегъ нужно очень много, а въ наличности ихъ очень мало,—какъ быть? Интеллигенція даетъ на этотъ вопросъ самые различные отвѣты. Возвысьте

производительныя силы страны, говоритъ одинъ, оплодотворите капиталъ и трудъ знаніемъ, дайте просторъ личной иниціативѣ, поднимите уровень техническаго образованія — и вы будете богатѣть столько же быстро, сколько и вѣрно. Это слишкомъ долгая пѣсня, возражаетъ другой интеллигентъ,— гораздо проще поклониться иностраннымъ банкирамъ, чтобъ они снабдили насъ нужною суммой: проценты мы какъ-нибудь будемъ платить, а капитальную сумму пусть ужь какъ знаютъ погашаютъ наши потомки. Нѣтъ никакой надобности во внѣшнемъ займѣ, говоритъ третій интеллигентъ, потому что можно обернуться собственными средствами: вотъ я нашелъ цѣлый десятокъ предметовъ потребленія, еще не обложенныхъ никакимъ налогомъ. О чемъ же толковать? Торопитесь исправить поскорѣе вашъ недосмотръ и милліоны рѣкою хлынутъ въ вашу опустѣвшую кассу. Четвертый, десятый, сотый интеллигентъ выскажутъ еще другія мнѣнія — и г. Каблицъ будетъ радостно потирать руками: вѣдь онъ же говорилъ, что «въ соціологіи нѣтъ объективныхъ истинъ», по его именно и выходитъ. Благодѣтельная судьба тутъ же представляетъ ему другой поводъ для торжества: «коллективное мнѣніе народа» по данному вопросу вполнѣ единодушно. Не какихъ-нибудь «десять милліоновъ невѣждъ», а гораздо побольше, разрѣшаютъ задачу очень просто: надо приказать надѣлать побольше кредитныхъ бумажекъ,— вотъ вамъ и деньги, сколько угодно денегъ.

Какъ я очень хорошо помню, въ литературѣ нашей не одинъ разъ указывалось, что такое мнѣніе дѣйствительно существуетъ въ народѣ и, кажется, объ этомъ упоминалъ Энгельгардтъ въ своихъ *Письмахъ*. Мой личный, хотя и незначительный, опытъ этого рода совершенно и неоднократно подтверждалъ существованіе этого факта, и я надѣюсь, что его не будетъ оспаривать и г. Каблицъ. Упорство, съ какимъ держится это мнѣніе, вполнѣ понятно, потому что самое мнѣніе вполнѣ естественно для человѣка, свободнаго отъ «школьныхъ знаній». Вѣдь эта бѣлая и эта красная бумажка — деньги? Конечно: ими можно заплатить подати и значительно поправить свое хозяйство. Но, вѣдь, въ то же время, эти чудодѣйственныя бумажки — не болѣе какъ извѣстнымъ образомъ отпечатанная и разрисованная бумага, товарная стоимость которой совершенно ничтожна. Какъ же такъ? Зачѣмъ же изъ меня выбиваютъ по рублевкамъ какую-то несчастную недоимку, зачѣмъ староста не даетъ мнѣ покоя и раззоряетъ мое хозяйство, когда начальству стоитъ только приказать отпечатать какихъ угодно и сколько угодно бумажекъ? Гдѣ-жь, послѣ этого, правда на землѣ? И даже вотъ какъ можно сказать: отчего бы не отпечатать столько бумажекъ, чтобы можно было и казну удовлетворить, и всѣмъ бѣднымъ мужикамъ раздать, кому сколько надо, на поправку дѣлишекъ?

Г. Каблицъ, пожалуйте на защиту этого «коллективнаго мнѣнія народа». Роль тѣхъ людей, которыхъ г. Каблицъ обзываетъ «мѣдными лбами», очень проста въ настоящемъ случаѣ: такъ какъ они заботятся прежде всего объ *интересахъ* народа, то именно во имя этихъ интересовъ они не обратятъ вниманія на «коллективное мнѣніе», какъ на очевидный и наивный

вздоръ, осуществленіе котораго нанесло бы странѣ огромный вредъ. Г. Каблицъ въ иномъ положеніи. Всѣ условія, которыя онъ ставитъ «народному мнѣнію», претендующему на уваженіе, находятся въ нашемъ примѣрѣ налицо: во-первыхъ, это мнѣніе единодушно; во-вторыхъ, это мнѣніе огромнаго большинства населенія; въ-третьихъ, это мнѣніе относится къ вопросу общественнаго устроенія, самымъ тѣснымъ образомъ соприкасающагося съ кровными народными интересами. Не поможетъ г. Каблицу здѣсь и его обычная уловка, которая состоитъ въ томъ, что онъ предоставляетъ интеллигенціи право устраиваться по собственному усмотрѣнію: «уваженіе къ народной мысли въ области соціологіи отнюдь не обусловливаетъ собою полнаго подчиненія большинству меньшинства. Напротивъ, всякое меньшинство должно имѣть право на самостоятельное устройство своихъ дѣлъ, насколько это не идетъ въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями большинства». Такъ говоритъ авторъ. Пусть же укажетъ онъ, какимъ образомъ въ приведенномъ примѣрѣ меньшинство (т.-е. интеллигенція) могло бы устроить дѣло, не противорѣча желанію большинства (т.-е. народа). Между тѣмъ, дѣло происходитъ, повторяю, на чисто-общественной почвѣ: финансовая наука — только отдѣлъ политической экономіи, а послѣдняя — только часть соціологіи.

Нѣтъ, г. Каблицъ, соціологія, при всемъ своемъ несовершенствѣ, обладаетъ не только объективными истинами, вродѣ того, что деньги вообще, а бумажныя въ особенности не составляютъ богатства страны, но и безотносительными, вѣчными истинами, какъ, наприм., та истина, что знаніе есть сила. Безъ *науки*, т.-е. безъ ученья, нельзя пройти всѣ науки даже самой геніальной натурѣ. Сложныя явленія соціальной жизни не могутъ быть постигнуты инстинктивно, и безъ презираемыхъ вами «школьныхъ знаній» никакъ тутъ нельзя обойтись. Если бы исполнилось ваше желаніе, радоваться было бы, по крайней мѣрѣ, преждевременно. Россія не на лунѣ, а въ Европѣ, въ хищной и лукавой Европѣ, которая не пренебрегаетъ знаніями. Если бы г. Каблицъ поразмыслилъ въ этомъ направленіи, онъ легко бы понялъ, что примитивныя формы общежитія, хотя бы совершенно отвѣчающія желаніямъ большинства, могутъ явиться именно причиною гибели народа. «На поприщѣ ума нельзя намъ отступать».

II.

Мы разсмотрѣли только одинъ,—правда, центральный,—пунктъ народнической теоріи г. Каблица. Но въ двухъ, довольно жирныхъ, томахъ его сочиненія трактуется о самыхъ разнообразныхъ «матеріяхъ важныхъ», не имѣющихъ большею частью даже отдаленнаго отношенія къ народничеству. Г. Каблицъ вообще какой-то странный писатель. Самую простую мысль онъ находитъ нужнымъ подпирать длинными цитатами изъ различныхъ авторовъ, точно такъ же, какъ свое, въ сущности, очень незамысловатое ученіе обставляетъ — не обосновываетъ, а именно только об-

ставляетъ, — чужими и посторонними теоріями. Г. Каблицъ говоритъ и о законахъ исторіи, и о цѣнности жизни, объ этикѣ Спенсера и о томъ, кто подрываетъ религію, о націонализмѣ и о капитализмѣ, о свободѣ воли и объ основахъ нравственности, о субъективизмѣ въ соціологіи и о либерализмѣ, о западничествѣ и о протекціонизмѣ и пр., и пр. Все это является матеріаломъ для «основъ народничества». Какая, подумаешь, необыкновенная сила и широта обобщенія! Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не обобщеніе, а какая-то мозаика, какое-то механическое сцѣпленіе всякаго рода теорій, не въ силу внутренней, логической необходимости, а вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго повода. Если принять писательскую манеру г. Каблица за образецъ, то я берусь написать статью или даже цѣлую книгу по поводу... ну, хоть, наприм., *по поводу* моего письменнаго стола. Ничего не можетъ быть проще. Кѣмъ сдѣланъ столъ? Столяромъ, рабочимъ: я распространюсь о положеніи рабочаго класса у насъ и на Западѣ. Изъ чего сдѣланъ столъ? Изъ дерева: я съ чувствомъ и съ толкомъ поговорю о значеніи для страны лѣсовъ, о необходимости ихъ сбереженія и о недостаточности нашего законодательства на этотъ счетъ. Сколько заплачено за столъ? Тридцать рублей: прекрасный случай потолковать о дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ и о малой обезпеченности литераторскаго существованія. Въ заключеніе можно сказать нѣчто о суетѣ суетъ и о бренности всего земного: зачѣмъ тридцатирублевый столъ, когда можно писать на простомъ осиновомъ, цѣною въ два рубля? Частности такой статьи или книги могутъ быть очень недурны, въ ней могутъ встрѣтиться вѣрныя и не избитыя отдѣльныя мысли, она можетъ быть написана очень краснорѣчиво, но въ цѣломъ это непремѣнно будетъ самая смѣшная нескладица. Приблизительно такое же впечатлѣніе производитъ и двухтомное сочиненіе г. Каблица.

Бѣда г. Каблица состоитъ въ томъ, что онъ, компиляторъ по призванію, претендуетъ на роль новатора. Совсѣмъ не въ свои сани онъ садится. Онъ старателенъ, трудолюбивъ, начитанъ, какъ подобаетъ хорошему компилятору, но это и все. Чужія мысли онъ понимаетъ, своихъ почти совсѣмъ не имѣетъ. Что такое *свои* мысли? Въ наше время, время широкаго распространенія всякаго рода теорій и гипотезъ, слишкомъ трудно открыть какую-нибудь идейную Америку. Этотъ фактъ, однако, не уничтожаетъ и даже не ограничиваетъ возможности мыслить вполнѣ самостоятельно для человѣка способнаго къ умственной самостоятельности. Пусть ваше міросозерцаніе сложится изъ воззрѣній, не вами выработанныхъ, это, все-таки, будетъ *ваше* міросозерцаніе, если вы съумѣли критически переработать и *переварить* составляющіе его элементы. Этой критической особности г. Каблицъ совершенно лишенъ. Онъ спокоенъ и разсудителъ, пока излагаетъ чужія мысли, и тотчасъ же начинаетъ сердиться и литься, какъ только попробуетъ самостоятельно судить. Если же ему, слѣ великихъ усилій, удается овладѣть какою-нибудь мыслью вродѣ точто надо уважать не только интересы, но и мнѣнія народа, то онъ оду выставляетъ ее и тогда, когда говоритъ о протекціонизмѣ, и тогда,

когда обсуждаетъ вопросъ: кто разрушаетъ религію? Вообще слѣдить за мыслью г. Каблица и трудно, и легко. Трудно потому, что она часто дѣлаетъ неожиданные зигзаги, ровно ничѣмъ не мотивированные; легко потому, что передъ всякимъ такимъ зигзагомъ г. Каблицъ подолгу топчется на одномъ мѣстѣ, повторяетъ одно и то же съ маленькими формальными измѣненіями,—bonnet blanc, blanc bonnet,—такъ что вы, наконецъ, не только понимаете, но и *запоминаете его*.

Бѣдный человѣкъ, находясь въ незнакомой толпѣ, безпрестанно ощупываетъ свой карманъ, въ которомъ находится кошелекъ, заключающій въ себѣ два-три двугривенныхъ; богатый человѣкъ въ такомъ же положеніи не слишкомъ тревожится за свой бумажникъ, въ которомъ лежатъ сотни рублей. Есть бѣдные и богатые писатели. Чѣмъ бѣднѣе писатель идеями, тѣмъ онъ ревнивѣе оберегаетъ свое маленькое умственное достояніе, тѣмъ подозрительнѣе онъ относится къ своимъ сосѣдямъ и каждую минуту готовъ закричать: «караулъ!» Г. Каблицъ тоже кричитъ «караулъ!» и это въ буквальномъ смыслѣ. Вотъ его подлинныя слова: «Въ настоящее время народничество находится въ большой опасности, вслѣдствіе стремленій многихъ смѣшать, такъ сказать, шашки и прикрыть знаменемъ народничества интеллигентно-бюрократическое народолюбіе. Благодаря многочисленности защитниковъ этого послѣдняго направленія, ихъ грабительскія попытки на терминъ «народничество» могутъ быть успѣшны и тогда народники окажутся вытѣсненными изъ собственнаго дома. Мы считаемъ себя вправѣ протестовать противъ этихъ хищническихъ поползновеній, такъ какъ для народничества весьма важно не быть смѣшиваемымъ съ интеллигентно-бюрократическимъ народолюбіемъ, отъ котораго оно отдѣлено, можно сказать, цѣлою пропастью. Противодѣйствовать этому грабежу народники обязаны всѣми силами, а средствомъ для этого можетъ быть только выясненіе отличій народничества отъ бюрократическаго народолюбія». Не для спора съ Каблицемъ, а лишь для характеристики его писательской личности выписали мы эти слова. Безполезно было бы убѣждать автора, что его три двугривенныхъ совсѣмъ не составляютъ такой драгоцѣнности, ради которой стоило бы покуситься даже на грабежъ. Любопытно то, что дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ: не народолюбцы (пользуемся терминологіей г. Каблица) прикрываются знаменемъ народничества, а народники стремятся стать подъ защиту авторитетныхъ народолюбцевъ. На страницѣ 409 первой части своихъ *Основъ* г. Каблицъ называетъ Чернышевскаго «однимъ изъ первыхъ основателей народничества». Замѣтимъ, что г. Каблицъ очень горячо возставалъ противъ Глѣба Успенскаго за его недостаточно уважительное, по мнѣнію г. Каблица, отношеніе къ народу. Что сказалъ бы нашъ авторъ о Николаѣ Успенскомъ, въ очеркахъ котораго народъ чаще всего является почти совершеннѣйшимъ дикаремъ? Конечно, онъ затруднился бы найти достаточно сильныя слова для выраженія своего негодованія. А вотъ что писалъ о Николаѣ Успенскомъ предполагаемый основатель нашего народничества: «онъ пишетъ о народѣ правду

безъ всякихъ прикрасъ». Далѣе въ статьѣ встрѣчаются мѣста, которыя написаны точно въ предвидѣніи появленія у насъ народниковъ вродѣ г. Каблица. «Пожалуйста отстаньте,—говоритъ Чернышевскій,—кромѣ пресной лживости, усиливающейся идеализировать мужиковъ, еще отъ одного очень тупоумнаго пріема: подводить всѣхъ мужиковъ подъ одинъ типъ, вродѣ того, какъ сливаются въ нашихъ глазахъ въ одну фигуру всѣ китайцы. Наше общество составляютъ люди очень различныхъ образовъ мыслей и чувствъ. Въ немъ есть люди пошлаго взгляда и благороднаго взгляда, есть люди безличные и люди самостоятельные. Всѣ эти разницы находятся и въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ». Это уже достаточно назидательно для г. Каблица, но дальше еще назидательнѣе: «Вамъ не нужно много хлопотать объ изученіи народа, чтобы знать, чего ему нужно и чѣмъ можно на него дѣйствовать. Предположите, что ему нужно то же самое, что и вамъ, и вы не ошибетесь. Предположите, что на дюжинныхъ людей въ народѣ дѣйствуютъ тѣ же разсчеты и побужденія, какія дѣйствуютъ на дюжинныхъ людей вашего круга, и это будетъ правда». А заключеніе статьи должно окончательно возмутить всѣхъ нашихъ проповѣдниковъ уваженія къ народному мнѣнію. «Скажите, — спрашиваетъ авторъ, — гдѣ же прославляемая смѣтливость русскаго простолюдина? Вѣдь, г. Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилею. Обидно, очень обидно это краснорѣчивымъ панегиристамъ русскаго ума,—глубокаго и быстраго народнаго смысла. Обидно оно, это такъ, а, все-таки, объясняетъ намъ ходъ народной жизни и, къ величайшей досадѣ нашей, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить эту жизнь, кромѣ тупой нескладицы въ народныхъ мысляхъ». Предоставляю читателю судить послѣ этого, насколько г. Каблицъ имѣлъ право выставлять автора такихъ воззрѣній первоучителемъ и основателемъ нашего современнаго народничества.

Не на кого опереться г. Каблицу *) и онъ насильственно привлекаетъ къ союзу съ собой людей совсѣмъ другого лагеря и при этомъ жалуется, что его «грабятъ». Г. Каблицъ представляетъ собою въ литературѣ, нѣкоторымъ образомъ, психіатрическое явленіе. Онъ страдаетъ, повидимому, маніей преслѣдованія, причемъ главнѣйшею галлюцинаціей, лишающею его всякаго

*) До какой степени не на кого, я могу судить по собственному опыту. Я отнюдь не считаю себя авторитетомъ, и тѣмъ сильнѣй было мое изумленіе, когда я, благодаря искусству г. Каблица цитировать, увидѣлъ себя тоже сопричисленнымъ къ лику народниковъ. Г. Каблицъ цитируетъ и даже подчеркиваетъ слѣдующія мои слова о Глѣбѣ Успенскомъ: „Свои общественные и нравственные идеалы онъ почерпаетъ изъ народной жизни, которая, несмотря на всѣ свои изъяны, все-таки, несравненно выше, по его убѣжденію, нежели наша культурная жизнь". Въ цитатѣ допущена маленькая неточность, благодаря которой я и очутился въ рядахъ народниковъ. Моя фраза начинается со словъ: „тѣмъ не менѣе, Успенскій говоритъ много о глупости, сидящей въ мужика, и, *тѣмъ не менѣе*, почерпаетъ"... и пр. Очевидно, это не похвала, а упрекъ.—не согласіе съ писателемъ, а возраженіе ему. Не хочу думать, что г. Каблицъ умышленно исказилъ мою мысль,—нѣтъ, онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ понялъ ее.

самообладанія и самочувствія, является призракъ какой-то «интеллигентной бюрократіи». Эта ужасная «интелигентная бюрократія» *грабитъ* г. Каблица, и она же стремится ограбить народъ, не столько въ экономическомъ, сколько въ политическомъ смыслѣ, т.-е. стремится лишить народъ права на самоуправленіе и «самоопредѣленіе». Когда мы прочли первую тираду (ихъ у г. Каблица безчисленное множество) противъ «интеллигентной бюрократіи», то, подобно гоголевскому министру, спросили себя: «кто-жь бы это такой?» Дальше дѣло вполнѣ разъяснилось. «Наша интеллигенція въ большинствѣ своемъ придерживается мнѣній, которыя мы называемъ интеллигентнымъ бюрократизмомъ. Разница только та, что г. Катковъ желалъ насадить на русской почвѣ посредствомъ урядника такія учрежденія, которыя измыслилъ онъ, г. Катковъ, а г. Лавровъ, изо всѣхъ силъ стараясь этому помѣшать, утверждаетъ, что урядникъ долженъ насаждать учрежденія, которыя считаетъ наилучшими онъ, г. Лавровъ». Ясно, что рѣчь идетъ обо всей нашей интелигенціи, именно обо *всей*, а не о большинствѣ ея, потому что въ предѣлахъ, поставленныхъ г. Каблицемъ, укладываются рѣшительно всѣ мнѣнія и всѣ оттѣнки мнѣній, обращающіеся въ нашей интеллигенціи. Г. Каблицъ съ своими тремя-четырьмя единомышленниками, разумѣется, не можетъ представлять собою *меньшинство* интеллигенціи, которое, все-таки, должно сколько-нибудь быть численно-значительнымъ, чтобы не явиться просто курьезнымъ исключеніемъ. И такъ, бюрократизмъ нашей интеллигенціи состоитъ въ томъ, что она стремится къ принудительному воздѣйствію на народъ посредствомъ учрежденій. Стилистическіе перлы, украшающіе собою рѣчь г. Каблица, вродѣ «урядника» и «бюрократической палки», ровно ничего не говорятъ противъ *идеи* учрежденій вообще и доказываютъ только то, что нашъ авторъ сердитъ, да не силенъ. Какое же организованное общежитіе возможно безъ учрежденій? И на комъ же, какъ не на интеллигенціи, лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы эти учрежденія функціонировали правильно? Но,—возражаетъ г. Каблицъ,—«изобрѣсти путемъ научныхъ изслѣдованій абсолютно-прекрасную общественную форму невозможно, и попытки подобнаго рода уже окончательно отвергнуты соціологіей». Абсолютно-прекрасное вообще невозможно на землѣ,—эту истину г. Каблицъ можетъ узнать изъ азбукъ и прописей,—да и откуда онъ взялъ, что «научныя изслѣдованія» и вообще наука имѣютъ своею цѣлью познаніе абсолютнаго? Что ужь говорить объ абсолютно-прекрасномъ, когда дѣло идетъ просто о внесеніи въ жизнь нашего народа хотя бы первоначальнаго просвѣщенія, которое ослабило бы ту «тупую нескладицу въ народныхъ мысляхъ», о которой говорилъ мнимый основатель нашего народничества. А для достиженія этой цѣли никакъ нельзя обойтись безъ соотвѣтственныхъ учрежденій, безъ власти и авторитета закона, который, по самому своему существу, всегда имѣетъ нѣкоторый принудительный характеръ. Что скажетъ г. Каблицъ объ обязательномъ образованіи, практикующемся въ нѣкоторыхъ странахъ? Онъ долженъ, конечно, возстать противъ него именно за его обязательность для всѣхъ и каждаго. Такъ какъ, по ученію г. Каб-

лица, желанія личности есть единственный критерій и высшій авторитетъ, то всякому Митрофанушкѣ, провозглашающему: «не хочу учиться, хочу жениться!»—должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій. Хорошо, пусть она ему будетъ предоставлена. Но пусть же Митрофанъ, отказываясь отъ обязанностей, откажется и отъ правъ, пусть онъ осуществляетъ свои желанія на свой собственный страхъ и рискъ, не требуя отъ общества и государства никакихъ гарантій своего идеально-свободнаго существованія.

Но мы, народники, ничего иного и не желаемъ, говоритъ г. Каблицъ. «Народники подъ именемъ свободы не подразумѣваютъ участія въ политическомъ управленіи, а дѣйствительную свободу, при которой это управленіе сводится къ безконечно малой величинѣ. И только въ постепенномъ уменьшеніи «управленія» въ жизни они видятъ увеличеніе свободы. Этотъ принципъ является соціологическимъ компасомъ народниковъ при обсужденіи всякаго рода «мѣропріятій» правительства, общества и частныхъ лицъ». Тирада г. Каблица была бы очень недурна, очень рѣшительна, еслибъ ее не портило одно слово *постепенное* уменьшеніе. То-то и есть, что *постепенное*. Постепенно развивается народъ и мужаетъ личность; постепенно подготовляются они къ самостоятельному пользованію своими способностями; постепенно освобождаются они отъ тѣхъ ограниченій, которымъ естественно подвергается всякая, еще не сознавшая себя воля. Постепенно, быть можетъ, и Митрофанушка дойдетъ до степеней извѣстныхъ, но для этого ему надо помѣшать жениться и заставить учаться. Если ужь допускается принципъ постепенности (а какъ его не допустить, если это даже и не принципъ, а всеобщій фактъ и даже міровой законъ?), то открытый г. Каблицемъ «соціологическій компасъ народниковъ» оказывается совсѣмъ не новостью. Безъ сомнѣнія, расширеніе начала самоуправленія свидѣтельствуетъ о прогрессѣ народа, о расширеніи его свободы; что тутъ такого, чѣмъ можно было бы удивить и поразить «интеллигентовъ-бюрократовъ»? Исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ, т.-е. какъ разъ того періода, къ которому г. Каблицъ пріурочиваетъ возникновеніе у насъ интеллигентнаго бюрократизма, есть, главнымъ образомъ, исторія именно борьбы нашей либеральной интеллигенціи за начало самоуправленія,—не какого-нибудь сословнаго, а земскаго, всенароднаго. Кому же это не извѣстно? Или обратите вниманіе на текущій моментъ, на текущую дѣйствительность. При теперешней сумятицѣ понятій и неопредѣленности теченій очень естественно спорадическое проявленіе такихъ тенденцій, которыя дѣйствительно способны наводить насъ на мысли объ «урядникѣ» и о «палкѣ». Появляются въ разныхъ частныхъ центрахъ нѣкоторые циркуляры, о которыхъ Калхасъ сказалъ бы: «слишкомъ много попеченія, слишкомъ много попеченія!» Пусть г. Каблицъ наведетъ справки, гдѣ и у кого именно эти произведенія *подлиннаго* бюрократизма и канцеляризма встрѣчаютъ наиболѣе искусный и стойкій отпоръ: онъ убѣдится, что это какъ разъ въ той части интеллигенціи, которую онъ обвиняетъ въ бюрократизмѣ и въ крѣпостныхъ повадкахъ. Хорошо пониманіе и хороша справедливость!

«Духовное воздѣйствіе» на народъ—вотъ чѣмъ ограничиваетъ г. Каблицъ роль интеллигенціи въ исторической жизни. Это очень глубоко, но мы опять пожелали бы автору болѣе отчетливо относиться къ своимъ собственнымъ положеніямъ. Какъ помирить «воздѣйствіе», хотя бы только духовное, съ тѣмъ уваженіемъ къ народному мнѣнію, котораго требуетъ отъ насъ г. Каблицъ? Если я оспариваю какое-нибудь мнѣніе, я тѣмъ самымъ признаю его ошибочность, его неправду, а ужь къ неправдѣ какое же можетъ быть уваженіе? Можно уважать заблуждающаго человѣка, но нельзя уважать его заблужденія. Интеллигенція не имѣетъ права, да не имѣетъ ни малѣйшей охоты (какъ бы ни завѣрялъ въ противномъ г. Каблицъ) говорить народу: «повиноваться и не разсуждать!» Но она боролась и борется съ *мнѣніями* народа, безъ малѣйшаго уваженія называя ихъ грубыми предразсудками. Когда покойный Энгельгардтъ, удобривъ полосу земли фосфоритомъ, приводилъ къ ней крестьянъ, чтобы они воочію убѣдились въ пользѣ такого удобренія, онъ боролся противъ ихъ агрономическихъ предразсудковъ. Когда какая-нибудь редакція издаетъ для народа книжки, цѣною въ одну копѣйку, въ которыхъ излагаются элементарныя историческія, политическія и экономическія свѣдѣнія, она борется съ невѣжествомъ народа. Когда какой-нибудь «народолюбецъ» (этотъ терминъ употребляется г. Каблицемъ только въ ироническомъ смыслѣ) заводитъ въ деревнѣ школу или библіотеку, или больницу и убѣждаетъ крестьянъ пользоваться ими, онъ точно также идетъ наперекоръ ихъ «мнѣнію», по которому всѣ эти «новшества» только «одно баловство». Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ есть любовь, много любви къ народу, но нѣтъ и тѣни уваженія къ его мнѣніямъ, фантазіямъ, однако, неужели у г. Каблица достанетъ смѣлости и здѣсь распространяться объ «урядникѣ» и о «бюрократической палкѣ»? Между тѣмъ, дѣятельность той части интеллигенціи, съ которой воюетъ г. Каблицъ, едва ли не всегда имѣла именно такой характеръ.

Довольно объ этомъ. Укажемъ въ заключеніе на народническую схему г. Каблица, точнѣе говоря—на тотъ логическій путь, которымъ онъ пришелъ къ своимъ главнымъ заключеніямъ. Первая посылка автора состоитъ въ томъ, что благо личности составляетъ единственную цѣль прогресса, что желанія и интересы личности есть единственный критерій общественныхъ формъ: *въ обществѣ нѣтъ другихъ факторовъ, кромѣ самой личности.* Вторая посылка состоитъ въ томъ, что въ жизни личности, а, стало быть, и общества, главнымъ факторомъ прогресса является не умъ, а чувство: *прогрессъ соціальныхъ формъ заключается по преимуществу въ прогрессѣ соціальныхъ чувствъ.* Третья посылка состоитъ въ томъ, что народная масса имѣетъ *общественно-нравственное превосходство надъ интеллигенціей, хотя эта послѣдняя и является обладательницей знанія.* Заключеніе очевидно: *такъ какъ развитіе общественныхъ формъ гораздо больше зависитъ отъ прогресса общественныхъ и нравственныхъ чувствъ, нежели отъ накопленія знаній, то понятно, что участіе крестьянской*

массы въ общественномъ дѣлѣ будетъ болѣе общественно-выгоднымъ, нежели участіе интеллигенціи.

Теорія была бы недурна и логически округлена, если бы, къ несчастью, каждая изъ ея составныхъ частей не заключала въ себѣ нѣкотораго внутренняго изъяна. *Въ обществѣ нѣтъ другихъ факторовъ, кромѣ личности,* а само общество развѣ не факторъ? Если вы идете въ передъобѣденное время по тротуару Невскаго проспекта, вы *поневолѣ* будете придерживаться правой руки. Если же, вообразивъ себя единственнымъ факторомъ уличнаго движенія и уступая своему желанію, вы направитесь по лѣвой сторонѣ тротуара, на встрѣчу людскому потоку, вы причините другимъ и наживете себѣ кучу непріятностей, а, въ концѣ-концовъ, васъ, все-таки, *заставятъ* перейти на правую сторону. Далѣе, вопросъ о томъ, что важнѣе— умъ или чувство, хорошіе инстикты и стремленія или хорошія мысли и знанія, право же, походитъ на вопросъ, что намъ нужнѣе: руки или ноги? И безъ рукъ нехорошо, и безъ ногъ плохо и въ обоихъ случаяхъ человѣкъ является калѣкой. Умный и образованный негодяй отвратителенъ, но куда дѣвать того «дурня, неразумнаго бабня», который не умѣетъ кстати слова молвить», и, при встрѣчѣ съ похоронною процессіей, съ самымъ доброжелательнымъ чувствомъ говоритъ: «носить бы вамъ не переносить, таскать бы вамъ не перетаскать»? Избави Богъ отъ такого альтруизма! Далѣе, утверждать, что народъ «имѣетъ общественно-нравственное превосходство надъ интеллигенціей», нѣтъ никакого резона. Очень справедливо говорилъ тотъ публицистъ, котораго г. Каблицъ считаетъ основателемъ народничества: «Въ обществѣ есть люди пошлаго взгляда и благороднаго взгляда; есть люди безличные и люди самостоятельные. Всѣ эти разницы находятся и въ каждомъ селѣ, и въ каждой деревнѣ». Развѣ мы не изъ одного тѣста съ народомъ выпечены? И развѣ въ нашихъ рядахъ мало людей, вышедшихъ непосредственно изъ среды народа? Не полагаетъ же г. Каблицъ, что образованіе и умственное развитіе, какъ таковыя, непремѣнно *понижаютъ* нравственный уровень человѣка. Если образованіе не создаетъ нашей нравственности, оно, во всякомъ случаѣ, ограждаетъ ее: деревенскому непосредственному альтруисту часто бываетъ достаточно прожить какой-нибудь годъ на фабрикѣ или въ столицѣ, чтобы превратиться въ отъявленнаго мошенника; гораздо потруднѣе потушить *Божью искру* въ человѣкѣ, понимающемъ истинную цѣну и истинный смыслъ вещей.

Если, такимъ образомъ, невѣрны въ частности всѣ посылки г. Каблица, то невѣренъ, конечно, и общій его выводъ, тотъ выводъ, что «участіе крестьянской массы въ общественномъ дѣлѣ будетъ болѣе общественно-выгоднымъ, нежели участіе интеллигенціи». А если невѣренъ этотъ выводъ, который совокупно съ требованіемъ уважать не только интересы, но и мнѣнія народа, составляетъ всю сущность ученія г. Каблица, то что же остается отъ его народничества? Остаются только комично-высокомѣрныя претензіи, ничѣмъ не оправдываемая запальчивость, десятокъ грубыхъ сл[illegible] и прочая стилистическая «ветошь маскарада»...

III.

Г. В. В., авторъ книжки *Наши направленія*,— народникъ, подобно г. Каблицу, но это совсѣмъ не значитъ, что онъ подобенъ г. Каблицу. Между ихъ идеями очень мало общаго, а между ихъ писательскими личностями—почти ничего. Въ то время, какъ г. Каблицъ стремится объять необъятное, обобщить въ идеѣ народничества чуть не всѣ существующія общественныя теоріи, г. В. В. скромно заявляетъ, что цѣлью его труда было «выясненіе и обоснованіе той черточки, того штриха, какой новѣйшая исторія нашего общественнаго развитія прибавила къ картинѣ общественнаго міросозерцанія». Такъ этому и слѣдуетъ быть. Чѣмъ умнѣе писатель, тѣмъ скромнѣе его притязанія, и чѣмъ больше его заслуги, тѣмъ рѣже и тѣмъ меньше онъ о нихъ распространяется.

На первой же страницѣ своего труда г. В. В. выражаетъ свое уваженіе къ наукѣ и къ ея идеаламъ, о которыхъ г. Каблицъ говорилъ: «*какіе-то* научные идеалы». «Живое отношеніе нашей литературы къ основнымъ вопросамъ общежитія и этики,—говоритъ г. В. В.,—усвоеніе того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ наукой, попытки примѣнить ея завоеванія къ условіямъ русской жизни, хотя бы во всемъ этомъ было много повторенія, высказаннаго 10—15 лѣтъ назадъ, имѣло бы особенное значеніе». Переходя затѣмъ собственно къ народничеству, г. В. В. формулируетъ его основныя положенія довольно сходно съ г. Каблицемъ: «Интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью, или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи,—таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи». Если бы г. В. В. остановился на этомъ, намъ пришлось бы представить ему, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, тѣ самыя возраженія, которыя мы дѣлали г. Каблицу. Мы стали бы доказывать, что въ сознаніи народа не имѣется такихъ общественныхъ формъ, которыя соотвѣтствовали бы его интересамъ, что форма общины и артели, на которыя постоянно указываютъ народники, выработаны отнюдь не сознательно коллективною мыслью народа, а стихійнымъ историческимъ процессомъ, что *самодѣятельность* такого *населенія*, которое почти поголовно безграмотно, представляетъ собою очень ненадежный *рычагъ* общественной эволюціи и проч., и проч. Къ счастью для насъ и для читателя, въ этихъ возраженіяхъ нѣтъ надобности. Поставивши свои три положенія, г. В. В., къ великому неудовольствію народниковъ толка г. Каблица, прибавляетъ: «практическое осуществленіе этихъ ріа desideria требуетъ умственнаго подъема массы, который, поэтому, и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента».

Да, это ужь совсѣмъ не походитъ на утвержденіе, что нашъ мужикъ безъ науки всѣ науки прошелъ. Подъ *народническою* программой г. В. В. охотно подпишемся всѣ мы, не народники, потому что требованіе умствен-

наго подъема массъ есть очень давнишнее *наше* требованіе. Мы, конечно, не закричимъ по этому поводу, что насъ *грабятъ* народники, выживаютъ насъ изъ нашего собственнаго помѣщенія и т. д. Всѣмъ мѣста хватитъ, всѣмъ работы будетъ, а отстаивать свой пріоритетъ относительно идеи, превратившейся почти въ общее мѣсто, было бы странно. Лучше порадуемся вмѣстѣ: какіе широкіе и свѣтлые горизонты открываются при этой давно извѣстной, но нисколько не устарѣвшей программѣ: поднять умственный уровень массъ! *Массы*, подлежащія нашему воздѣйствію, до того громадны, а умственный уровень ихъ до того низокъ, что, кажется, и не передѣлаешь этой работы. Плодотворные результаты этой работы неисчислимы: достаточно подумать о томъ только, какой потокъ свѣжихъ умственныхъ силъ и разнообразныхъ дарованій долженъ хлынуть въ нашу жизнь изъ народнаго моря, какъ только будетъ сломана плотина невѣжества, отдѣляющая народъ отъ источниковъ цивилизаціи. А лучше всего то, что въ этой прекрасной просвѣтительной работѣ могутъ принять участіе люди самыхъ разнообразныхъ направленій и положеній, если только ихъ одушевляетъ искреннее чувство и твердое убѣжденіе. Чему учить народъ? Оставимъ споры на эту тему, разъ мы согласились въ главномъ, въ томъ, что народъ вообще нужно учить. Учите его тому, что хорошо знаете и чему придаете цѣну сами. Сельскій хозяинъ пусть учитъ агрономіи, учитель—грамотѣ, священникъ—религіи, техникъ—техническимъ знаніямъ и ремесламъ, писатель—элементарнымъ основамъ науки и государственности. Нѣтъ интеллигентнаго человѣка, который бы не имѣлъ сообщить народу что-нибудь новое и пригодное для него. Всѣ могутъ работать на этой нивѣ, за исключеніемъ, съ одной стороны, обскурантовъ, которые полагаютъ, что чѣмъ невѣжественнѣе народъ, тѣмъ лучше, а съ другой стороны—тѣхъ народниковъ, которые убѣждены, что народъ все, что ему нужно, давно знаетъ и только развѣ вотъ насчетъ лѣшихъ и русалокъ немножко сбивается.

Къ сожалѣнію, г. В. В. не удержался на только что занятой имъ твердой позиціи. Поставивъ на первый планъ задачу «умственнаго подъема массъ», онъ вслѣдъ затѣмъ пишетъ: «Народничество имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является главнѣйшимъ факторомъ общественной эволюціи, а его интеллигенція—авангардомъ прогрессивнаго движенія и потеряетъ свой raison d'être послѣ того, какъ культурные классы раздѣлятъ свою миссію съ остальною частью населенія...» Перервемъ на нѣкоторое время выписку и поразсудимъ о смыслѣ только что сказаннаго г. В. В. Какая, однако, печальная перспектива стоитъ передъ народничествомъ! Чѣмъ больше смысла въ жизни, тѣмъ меньше смысла въ народничествѣ и наоборотъ,—какое трагическое положеніе! Говорю: *трагическое* потому, что народники, какъ и всякая фракція, обязаны заботиться о водвореніи въ нашей жизни смысла и справедливости, но именно успѣхи ихъ въ этомъ направленіи будутъ постепенно лишать ихъ права на существованіе. Мнѣніе г. В. В. любопытно сопоставить съ мнѣні-

емъ г. Каблица, который усматриваетъ въ народничествѣ новый и высшій типъ общественнаго міросозерцанія,—типъ, которому безраздѣльно принадлежитъ будущее. Продолжаемъ выписку: «Тогда (т.-е. при сліяніи культурныхъ классовъ съ массой) общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которые будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. *До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій*». Вотъ, можно сказать, неожиданное заключеніе! Г. В. В. только что самъ указалъ на «умственный подъемъ массы», какъ на *главную задачу переживаемаго момента*, и мы радостно примкнули къ этой программѣ, приглашая къ тому же и народниковъ, и вотъ оказывается, что народникамъ съ нами не по пути, что у нихъ есть «свои теоретическія и практическія задачи». Въ чемъ состоятъ эти спеціальныя задачи? Наиболѣе опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы нашли уже въ самомъ концѣ книги г. В. В., — отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Благодаря порабощенію народа игомъ крѣпостного права, противорѣчившаго элементарнымъ положеніемъ (положеніямъ?) соціальной этики, и по причинѣ отсутствія у насъ привилегированнаго класса, облачавшаго просвѣтительныя идеи на Западѣ въ форму соотвѣтствующихъ его интересамъ (??), русская интеллигенція могла принимать общечеловѣческія идеи правды и справедливости въ ихъ болѣе чистомъ теченіи, толковать ихъ въ духѣ интересовъ народа (все это *благодаря* крѣпостному праву?). Такимъ образомъ, по мѣрѣ лучшаго уясненія русскою интеллигенціей воспринимаемыхъ съ Запада общечеловѣческихъ идей и ознакомленія съ широкою областью европейской науки, стихійное влеченіе къ народу и народному постепенно освѣщалось свѣтомъ идеи и знанія. Этотъ процессъ обращенія стихійнаго тяготѣнія въ совершенно сознательное и построеніе соотвѣтствующей ему логически обоснованной системы міросозерцанія, по причинѣ неблагопріятной вообще обстановки для такой работы, совершался медленно, продолжается еще на нашихъ глазахъ и при этомъ наполовину путемъ внѣлитературнымъ, а, слѣдовательно, путемъ недостаточно систематическимъ и не вполнѣ доступнымъ ни для провѣрки, ни для наблюденія. Съ теченіемъ времени описываемое народостремительное теченіе не только усилилось (или, быть можетъ, только объединилось), но и вступило въ новый фазисъ практической его реализаціи и вскорѣ приняло наименованіе народничества». Не легко, конечно, разобраться въ этихъ медлительныхъ, тягучихъ, тяжеловѣсныхъ періодахъ. Однако, прочитавъ ихъ разъ два или три, можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что заключается въ [illegible] къ [illegible]. Въ

этомъ, надо полагать, и состоитъ та спеціальная задача народничества, которая отвлекаетъ его пока отъ «главной задачи переживаемаго момента», т.-е. отъ поднятія умственнаго уровня народа. Народничеству, какъ видно, нужно прежде позаботиться о поднятіи собственнаго умственнаго уровня и ужь послѣ того только обращаться въ практическимъ задачамъ жизни. Надо прежде рѣшить вопросъ, что такое «вервіе», а изъ ямы вылѣзти мы еще успѣемъ. Какъ тутъ не вспомнить Добролюбова и его стихи:

Мы разсуждали очень тонко
(Хоть не рѣшили въ этотъ годъ),
Пороть ли розгами ребенка,
Учить ли грамотѣ народъ.

Бѣда была бы не велика, если бы, въ ожиданіи окончательныхъ теоретическихъ рѣшеній, народъ *учили* и дѣтей *не* пороли. Но въ томъ-то и горе, что дѣло происходитъ наоборотъ: пока отыскиваются непререкаемые отвѣты на вопросы: учить ли? пороть ли?—во всѣхъ концахъ нашего отечества раздается свистъ розогъ, а почтенные, бородатые сограждане наши толпами ходятъ, чуть не днемъ съ огнемъ отыскивая «письменнаго» человѣка, который растолковалъ бы имъ указъ или написалъ письмо. Искренно уважая г. В. В. и его литературно-научныя заслуги, я очень опасаюсь какъ-нибудь исказить его мысль, взвести на него какую-нибудь напраслину. Но никакихъ другихъ заключеній я не умѣлъ вывести изъ его изложенія.

Откровенно говоря, вообще разсматриваемая нами книжка г. В. В. далеко не отвѣчаетъ той почтенной репутаціи, которую составилъ себѣ въ литературѣ авторъ своими экономическими трудами. Насколько эти труды отличались выпуклою отчетливостью основной мысли, настолько же новѣйшая книжка г. В. В. страдаетъ неясностью, неопредѣленностью, какою-то нерѣшительностью общихъ заключеній. Вѣроятно, авторъ убѣжденъ въ томъ, что онъ пишетъ; однако, онъ пишетъ какъ человѣкъ равнодушный къ предмету или, по меньшей мѣрѣ, не овладѣвшій имъ, не *прочувствовавшій* его. *Судьбы капитализма въ Россіи,* кажется, это достаточно сухая матерія? И, однако, въ этой книгѣ г. В. В. есть страницы, проникнутыя сдержаннымъ, но искреннимъ одушевленіемъ,—мы беремся указать ихъ,—тогда какъ живая и благодарная, чисто-публицистическая тема о «нашихъ направленіяхъ» трактуется точно не-хотя. Съ внѣшней стороны, со стороны изложенія, книжка г. В. В. какъ будто буквальный переводъ съ нѣмецкаго, а со стороны содержанія она оставляетъ весьма смутное впечатлѣніе. Мы высказываемъ это безъ околичностей, потому что книжка г. В. В., во всякомъ случаѣ, не болѣе, какъ частный, неудачный эпизодъ его литературной дѣятельности.

Есть книги, которыя возбуждаютъ въ читателѣ рядъ вопросовъ, и такія книги желательны уже по одному тому, что способствуютъ нашей умственной самодѣятельности. Есть другія книги, которыя возбуждаютъ въ читателѣ только рядъ недоумѣній, и книжка г. В. В. принадлежитъ къ этому

разряду. Вотъ вопросъ объ интеллигенціи—этотъ истинно-пробный камень каждаго нашего народника. Г. В. В. тоже касается этого вопроса, причемъ не упоминаетъ ни о «мѣдныхъ лбахъ», ни о «бюрократической палкѣ». Напротивъ, его сужденіе о нашей интеллигенціи очень для нея благопріятно и, въ общемъ, на нашъ взглядъ, справедливо. «Русская прогрессивная интеллигенція, въ отличіе отъ западно-европейской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активнаго агента исторіи), характеризуется особеннымъ демократизмомъ воззрѣній, бо́льшимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа и проявляющимся въ ней стремленіемъ отнестись къ народной стихіи какъ къ основному началу нашего развитія, стремленіемъ искать центръ тяжести или опорную точку развитія не въ привилегированныхъ классахъ, а въ массѣ трудящагося народа». Фактъ указанъ г. В. В. вѣрно. Да, значительная степень демократизма въ воззрѣніяхъ всегда отличала нашу интеллигенцію и дѣлаетъ ей большую честь. Фактъ этотъ, по мнѣнію г. В. В., обусловливается двумя соціально-историческими причинами, которыя авторъ формулируетъ такимъ образомъ: «Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что русская интеллигенція образовывалась въ такой періодъ исторіи человѣчества, когда абстрактныя положенія общечеловѣческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смѣшиваемы съ формулами, въ отвлеченномъ выраженіи имѣющими общій характеръ, а фактически представляющими интересы привилегированнаго класса. Въ силу сказаннаго, принимая съ Запада просвѣтительныя идеи и освѣщая ими окружающую дѣйствительность, покоющуюся на основѣ крѣпостного права, интеллигенція была почти вынуждена дать этимъ просвѣтительнымъ идеямъ облаченіе въ духѣ интересовъ массы народа». Долженъ сознаться, что я не имѣю удовольствія понимать объясненія автора. Какой это такой періодъ, когда абстрактныя положенія правды и справедливости приняли, наконецъ, конкретный, жизненный характеръ? Принимая во вниманіе, что русской интеллигенціи, какъ опредѣленному, не случайному историческому дѣятелю, всего какая-нибудь сотня лѣтъ отъ роду, можно догадываться, о чемъ собственно говоритъ авторъ. Все-таки, мы не понимаемъ, почему, наприм., формула: «братство, равенство, свобода» есть формула конкретная, а формула длиннаго ряда предшествующихъ періодовъ: «люби ближняго, какъ самого себя»—есть формула абстрактная. Еще менѣе мы понимаемъ, почему послѣдняя формула могла, будто бы, служить только интересамъ привилегированныхъ классовъ. Привилегіи этихъ классовъ создались—не благодаря, а вопреки этой формулѣ—очень различными путями, но, между прочимъ, и путемъ казуистическаго искаженія яснаго смысла этой формулы. Согласимся, что, напримѣръ, демократическіе идеалы, твердо поставленные нашею аристократическою интеллигенціей въ концѣ первой четверти текущаго столѣтія, были въ извѣстной мѣрѣ результатомъ вліянія западно-европейскихъ событій. Остается несомнѣннымъ, все-таки, что почва, на которой могли возникнуть и воспитаться эти идеалы, была почвой индивидуально-психологическою или, точнѣе и общѣе говоря, расово-пс-

хологическою. Г. В. В. отказался отъ разсмотрѣнія этихъ причинъ («въ настоящей работѣ мы обратимъ вниманіе не на индивидуально-психологическія причины» и пр.), и напрасно: въ нихъ, больше и прежде всего въ нихъ, заключается истинное объясненіе разсматриваемаго замѣчательнаго явленія *).

Вторая причина демократизма нашей интеллигенціи, въ формулировкѣ г. В. В., вызываетъ еще бо́льшія недоумѣнія. «Вторая причина того же явленія есть слабость нашихъ привилегированныхъ классовъ, какъ самостоятельнаго культурнаго агента, ихъ безсиліе въ качествѣ руководителя общественнаго развитія, неспособность выставить руководящее начало этого развитія, если такового нельзя позаимствовать извнѣ, т.-е. отсутствіе въ нихъ соціальнаго творчества и безсиліе въ дѣлѣ проведенія выставленнаго начала въ жизнь». Какъ нравится читателю такое объясненіе? Наша интеллигенція демократична потому, что *слаба, безсильна, неспособна* и не обладаетъ искусствомъ *соціальнаго творчества!* Г. В. В. говоритъ именно это и никакого другого смысла нельзя выжать изъ его словъ, потому что *дворянское* происхожденіе нашей интеллигенціи не подлежитъ сомнѣнію. Наши привилегированные, правящіе классы всегда были и наиболѣе образованными классами, а, вѣдь, что же такое интеллигенція страны, какъ не совокупность всѣхъ ея образованныхъ людей? Мы ничего не хотимъ навязывать автору, приписывать ему тенденціи *завѣдомо* для него несимпатичныя, но, по крайней мѣрѣ, оставляемъ за собой право недоумѣвать и удивляться.

Намъ кажется,—и это самое безобидное объясненіе,—что политическія воззрѣнія г. В. В. недостаточно согласованы съ его экономическими взглядами, отчего онъ является народникомъ только на половину. Онъ горячо защищаетъ общинное землевладѣніе, онъ тонко и остроумно доказываетъ непригодность и даже *запоздалость* у насъ капиталистической системы производства (что, конечно, не мѣшаетъ нашему капиталу заявлять все бо́льшія и бо́льшія притязанія) и въ этомъ отношеніи онъ является чистокровнымъ народникомъ. Но, съ другой стороны, г. В. В. не можетъ забыть, какъ это основательно забылъ г. Каблицъ, что, вѣдь, и онъ въ Аркадіи родился, принадлежитъ къ той самой интеллигенціи, которую правовѣрные народники постоянно противупоставляютъ народу. Вопрошая свою совѣсть, г. В. В., разумѣется, не можетъ признать себя врагомъ народа, интересы котораго онъ такъ умѣло и энергично защищаетъ, но тотъ же голосъ совѣсти долженъ подсказывать ему, что онъ совсѣмъ не рѣдкостное исключе ie, что и въ прошломъ, и въ настоящемъ у насъ насчитывается не мало дѣ телей, которымъ «доля народа, счастье его» не менѣе дороги, чѣмъ для не го. Получается нѣкоторая двойственность: интеллигенція, въ представле-

*) Позволю себѣ сослаться на свои недавнія статьи о *Дневникѣ* Никитенка, гдѣ это пунктъ вопроса выясняется подробнѣе и обставленъ нѣкоторыми фактами, имѣющими не случайное и не личное, а типическое, расовое значеніе.

ніи г. В. В., является и врагомъ, и другомъ народа, сообразно съ чѣмъ онъ то казнитъ ее за ея безсиліе и неспособность, то милуетъ за ея демократичность; а такъ какъ это дѣлается одновременно, то автору приходится, вопреки логикѣ, приводить эти свойства интеллигенціи въ совершенно непостижимую связь. Можно сказать: наша интеллигенція неспособна, *хотя* демократична, но нельзя говорить: наша интеллигенція неспособна, *потому что* демократична.

Мнѣнія народа очень часто расходятся съ мнѣніями интеллигенціи, но между ихъ интересами нѣтъ никакой особенной пропасти. «Предположите, что народу нужно то же самое, что и вамъ, и вы не ошибетесь», какъ справедливо говорилъ публицистъ пятидесятыхъ годовъ, авторитетъ котораго въ особенности долженъ быть обязателенъ для г. В. В. Около десяти лѣтъ назадъ покойный Приклонскій, изучавшій и знавшій народъ, подробно развивалъ эту тему въ спеціальной статьѣ, и аргументація его была убѣдительна. Да и какъ иначе? Человѣку, чтобы жить по-человѣчески, нужно пользоваться всѣми своими способностями, а для этого необходима возможность ихъ безпрепятственнаго развитія—и вотъ вамъ программа, которая обнимаетъ собою всѣ частныя стремленія и, въ то же время, отвѣчаетъ желаніямъ какъ народа, такъ и интеллигенціи.

IV.

Есть во всемъ этомъ дѣлѣ еще одна сторона, чисто-практическаго свойства, которую нѣтъ надобности анализировать, но на которую стоитъ указать. Народъ нашъ, безспорно, начинаетъ мало-по-малу пріобщаться къ культурѣ, однако, somme toute, все еще является гораздо болѣе потенціальною, нежели активною силой. Центръ тяжести умственныхъ и всякихъ другихъ успѣховъ страны все еще заключается въ интеллигенціи, которая, разумѣется, не однородна. Въ ея средѣ дѣйствуютъ и борятся между собою довольно разнообразныя теченія, какъ это, впрочемъ, происходитъ и повсемѣстно. И вотъ мы спрашиваемъ себя: въ *ненастные дни*, переживаемые нами, *дѣломъ* ли является огульное осужденіе интеллигенціи, отрицаніе если не ея историческихъ задачъ, то ея историческихъ заслугъ, недоброжелательное противупоставленіе ея народу? Не значитъ ли это, какъ выражаются игроки, *говорить подъ руку?* Отвратителенъ какой-нибудь интеллигентъ, который во всеуслышаніе говоритъ: «будемъ пороть народъ, потому что меня самого пороли», но никогда не скажетъ: «будемъ учить народъ, потому что меня самого учили», но дѣлать за это отвѣтственною интеллигенцію такъ же несправедливо, какъ обвинять грамотность за совершаемые съ ея помощью подлоги. Намъ очень пріятны, но насъ, въ то же время, и удивляютъ прекрасныя заключительныя слова книжки г. В. В.: «Пожелаемъ, чтобы разъединеніе литературы и жизни исчезло; а для этого нужно, чтобы дѣятели литературы приматривались къ жизни и въ особенности чутко относились къ требованіямъ, предъявляемымъ еще лишь

формулирующеюся мыслью, памятуя, что воспособленіе росту молодой поросли составляетъ гораздо болѣе важную и плодотворную задачу, чѣмъ мало производительныя попытки исправленія кривыхъ вѣтвей и стволовъ». Да, пожелаемъ этого... Пожелаемъ, чтобы наши публицисты дѣлали заключенія и поставляли приговоры, *памятуя* объ условіяхъ исторической и конкретной дѣйствительности; пожелаемъ, чтобъ они поняли, наконецъ, что молодая поросль, къ которой они чувствуютъ такую симпатію, ростетъ подъ сѣнью нашихъ вѣтвей и на почвѣ, нами у природы или у судьбы отвоеванной. Несмотря на нашу *слабость, безсиліе* и *неспособность къ соціальному творчеству*, нашей «молодой поросли» предстоитъ не теоретическая работа установленія цѣлей,—эта работа почти сдѣлана,—а практическое ихъ осуществленіе.

Жизнеспособно только то, что преемственно. Идеи, которыя являются въ жизнь какъ непомнящіе родства Иваны, осуждены на безплодіе, потому что осуждены на одиночество. Преемственность есть ничто иное, какъ солидарность во времени. Наше народничество найдетъ свои корни не прежде, чѣмъ признаетъ себя частью той интеллигенціи, которую оно теперь порицаетъ,—не прежде, чѣмъ пойметъ, что союзъ съ *народомобіемъ* принесетъ ему не безчестье, а честь, и дастъ, кромѣ того, силу для дальнѣйшаго развитія. Не въ ревниво-самолюбивомъ отгораживаніи разными заборами «своего собственнаго помѣщенія» заключается здоровая партійная политика, не въ задорѣ новаторства заключается истиная партійная тактика, а въ умѣньи отыскать свое настоящее мѣсто и воздавать кесарево—кесарю, а Божіе—Богу.

М. Протопоповъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Въ такую ночь*... комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ г. Бухарина; *Спорный вопросъ*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Влад. Александрова; *Предразсудки*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Модеста Чайковскаго).

Семь недѣль прошло съ начала нынѣшняго театральнаго сезона, управленіе театрами успѣло выказать большое усердіе, ставило новыя пьесы чуть не еженедѣльно, но изъ этого ничего добраго не вышло, и публика, посѣщающая театры, едва ли получила какое удовольствіе. О пользѣ, которую могъ бы кто-либо извлечь изъ полдюжины новыхъ пьесъ, и рѣчи быть не можетъ. Подъ наименованіемъ комедій и драмъ зрителю преподносятся ничтожные пустяки и ничего не стоящія общія мѣста, выдающіяся дарованія и силы артистовъ безжалостно треплятся на изображеніе нелѣпостей и вздора. Въ частной антрепризѣ, особливо провинціальной, весьма понятна погоня антрепренеровъ за новыми пьесами, безъ разбора—каковы онѣ, хороши или плохи, умны или глупы. Частнымъ театрамъ нужны, прежде всего, сборы, публика, дающая ихъ, очень немногочисленна и не требуетъ ничего, кромѣ развлеченія, возможности какъ-нибудь провести вечеръ внѣ дома и не за картами. Въ иныхъ условіяхъ стоятъ казенные театры, и ихъ погоня во что бы ни стало за какими ни попало новинками представляется совершенно необъяснимою. Въ распоряженіи дирекціи имѣется обширный репертуаръ старыхъ пьесъ, полузабытыхъ пожилыми людьми и совсѣмъ незнакомыхъ молодежи. Изъ этого запаса есть полная возможность извлечь достаточное количество хорошихъ пьесъ на цѣлый сезонъ и болѣе того, дабы не удручать публику новѣйшею стряпней, вродѣ комедіи г. Бухарина *Въ такую ночь*... Дѣйствіе происходитъ во Флоренціи, но никакихъ признаковъ Италіи не имѣется, кромѣ развѣ появленія слуги, доложившаго по-итальянски, что «кушать подано». Съ такимъ же точно успѣхомъ эта якобы комедія могла разыграться гдѣ угодно, въ городѣ, въ деревнѣ, въ Липецкѣ и въ старой Русѣ... Продѣлываютъ комедію три пары россійскихъ благородныхъ дворянъ: баронесса фонъ-Трейлебенъ, вдова (г-жа Яблочкина), и ея старый другъ Странскій (г. Горевъ), богатая тридцатилѣтняя дѣвица Горяинова (г-жа Лешковская) и посланникъ Саба-

нѣевъ (г. Южинъ), молоденькая дочь баронессы Лиза (г-жа Кузина) и молодой дипломатъ Кордичъ-Залѣсскій (г. Ильинскій). Титулы «посланника» и «дипломата» такъ же нужны для пьесы, какъ Флоренція: назовите посланника губернаторомъ, директоромъ департамента, крупнымъ сановникомъ, молодого дипломата—слѣдователемъ, чиновникомъ особыхъ порученій, и выйдетъ ровно то же самое. Сабанѣевъ былъ когда-то влюбленъ въ Горяинову, и она была въ него влюблена, но по какому-то недоразумѣнію они тогда не сочетались бракомъ. Прошло лѣтъ 12, онъ остался холостымъ, она осталась дѣвицей, такъ какъ первая любовь помѣшала обоимъ обзавестись семьей. Баронесса давно неравнодушна къ старому другу Странскому, и онъ къ ней неравнодушенъ, но пожениться имъ неудобно,—не вѣдомо почему,—до тѣхъ поръ, пока не выдана замужъ Лиза, которой (сказать къ слову) Странскій говоритъ «ты». Лиза влюблена въ Залѣсскаго, а онъ влюбленъ въ Лизу. Но баронесса предпочитаетъ отдать дочь замужъ за посланника, который Лизы никогда не видалъ и о которомъ Лиза понятія не имѣетъ. Является посланникъ и объясняетъ, что жениться ему надобно, ибо безъ посланницы представительствовать неудобно. Встрѣча съ Горяиновой напоминаетъ о прежней любви, но Сабанѣевъ заподозриваетъ Горяинову въ желаніи увлечь молодого дипломата и обращаетъ свое вниманіе на Лизу. Въ третьемъ актѣ дѣло выясняется при лунномъ свѣтѣ въ теплую ночь и въ костюмахъ шекспировской комедіи *Венеціанскій купецъ*. Залѣсскій объясняется въ любви съ Лизой, баронесса съ Странскимъ, Сабанѣевъ съ Горяиновой. Всѣ парочками проходятъ нѣсколько разъ по сценѣ и повторяютъ по нѣскольку разъ: «Въ такую ночь... въ такую ночь!...» — и комедіи конецъ. Въ старые годы подобные сюжеты раздѣлывались въ одно-актныхъ водевиляхъ съ недурными куплетами, которые очень легко можно было приладить къ этой пьесѣ, оставивши въ покоѣ *Венеціанскаго купца* и взявши, вмѣсто него, подходящую оперетку. Вышло бы коротко, мило и весело. А г. Бухаринъ сдѣлалъ это длинно, плохо и скучно.

Г. Влад. Александровъ написалъ 4-хъ актную драму *Спорный вопросъ*, и ее поставили на сценѣ Малаго театра. Въ чемъ заключается «спорный вопросъ»? Вотъ въ чемъ: кому ближе ребенокъ—отцу или матери, и кто ребенку ближе—мать или отецъ? Когда родители живутъ вмѣстѣ въ добромъ согласіи, тогда подобные вопросы могутъ не возникать. Но родители, вслѣдствіе несходства взглядовъ на жизнь, не могутъ уживаться и расходятся,—какъ тутъ быть съ ребенкомъ, какъ его подѣлить, кому отдать? Это, разумѣется, вопросъ, — не новый, правда, и многократно разбиравшійся въ драматическихъ произведеніяхъ и въ повѣстяхъ, но никогда не получавшій сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія. Происходило это, происходитъ и будетъ происходить по той простой причинѣ, что самый «вопросъ» возникаетъ лишь въ каждомъ данномъ случаѣ и при точно опредѣленныхъ обстоятельствахъ, которыми и обусловливается возможность высказать свое мнѣніе о томъ, какъ бы слѣдовало поступить съ несчаст-

нымъ ребенкомъ, сдѣлавшимся жертвой супружескихъ несогласій. Подобнаго рода частный случай взялъ г. Александровъ въ основу своей драмы, но выборъ сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, крайне неудачный. Главныя лица пьесы, архитекторъ Агаѳоновъ (г. Ленскій) и его жена Ольга Васильевна (г-жа Ермолова)—люди совершенно неподходящіе для обсужденія заданнаго «вопроса». «Спорнымъ» же вопросъ оказывается лишь между дѣйствующими лицами, супругами, а для публики не представляетъ собою ровно ничего спорнаго. Ольга Васильевна—идеальная женщина, умная, образованная, безукоризненно правдивая, прекраснѣйшая жена, чудеснѣйшая мать, всю душу свою она отдаетъ благу семьи. Архитекторъ Агаѳоновъ—заурядно неглупый человѣкъ, карьеристъ и аферистъ, пріобрѣтатель, не брезгующій никакими средствами: онъ ухаживаетъ за богатою дурой, купчихой Опенковой (г-жа Никулина), раболѣпствуетъ передъ богатою старухой-барыней Болгаровой (г-жа Медвѣдева), дѣлами которой онъ завѣдуетъ, подличаетъ передъ милліонеромъ-купчикомъ Поляновымъ (г. Рыжовъ), котораго ревнуетъ къ женѣ и ненавидитъ, вертится передъ адвокатомъ Семеновымъ (г. Южинъ), котораго терпѣть не можетъ, угнетаетъ и эксплуатируетъ бѣднаго чертежника Гнутова (г. Правдинъ), лжетъ всѣмъ и на каждомъ шагу, тащитъ деньги гдѣ и какъ попало, втихомолку занимается ростовщичествомъ, грабитъ несчастную женщину, имѣвшую неосторожность ему довѣриться, совершаетъ какіе-то подлоги при отчетности о подрядныхъ работахъ. Однимъ словомъ, у идеальной жены супругъ—образцовый негодяй, съ которымъ невозможно брачное сожительство ни для какой порядочной женщины, разъ ей стало извѣстною хотя бы небольшая доля его плутней. Собственно супружеская драма разочарованій и внутренней борьбы любящей женщины разыгралась и закончилась до начала пьесы. Первый ея актъ есть лишь эпилогъ, въ которомъ по очереди приходятъ всѣ перечисленныя дѣйствующія лица и докладываютъ публикѣ о томъ, гдѣ и какъ плутовалъ Агаѳоновъ. Это длинно непомѣрно и скучно поразительно. Такъ и хотѣлось бы крикнуть автору и актерамъ, занимающимся пустыми разговорами: да не тяните вы, пожалуйста, эту ненужную канитель,—дѣло и безъ того ясно. Г-жа Ермолова могла бы все это разсказать коротко и трогательно въ монологѣ въ одну страницу и уйти отъ мужа съ маленькою Катей (восп. Соколова). Могла бы г-жа Ермолова изложить свои разочарованія въ началѣ второго акта, который сталъ бы, такимъ образомъ, первымъ, что избавило бы насъ отъ томительнаго многоглаголанія десятка дѣйствующихъ лицъ. Ольга Васильевна перебралась съ дочерью въ меблированныя комнаты, и тутъ начинается канитель второго акта: опять происходитъ выводка купчихи, барыни, купчика, адвоката, мужа, няньки съ ребенкомъ, опять разговоры о томъ, зачѣмъ ушла отъ мужа, почему не хочетъ вернуться, чѣмъ будетъ жить... Суть же только въ томъ, что мужъ не даетъ отдѣльнаго вида на жительство. И объ этомъ могла бы сообщить намъ очень сокрушенно г-жа Ермолова въ заключеніе разсказа о причинахъ ухода отъ мужа. Этимъ способомъ мы имѣли бы удо-

вольствіе избавиться отъ всего второго акта. Мужъ желаетъ во что бы ни стало жену вернуть къ себѣ въ домъ и грозитъ отнять у нея ребенка. Жена къ мужу идти не хочетъ. Чертежникъ Гнутовъ предлагаетъ ей документы, доказывающіе подлоги Агаѳонова,—этими документами Ольга Васильевна можетъ заставить мужа сдѣлать все, что ей угодно: отдѣльный видъ дать и дочь при ней оставить. Но Ольга Васильевна—женщина столь высокой души, что такимъ средствомъ воспользоваться не можетъ, и убѣждаетъ Гнутова изорвать бумаги, компрометирующіе изворовавшагося архитектора. Чертежникъ изорвалъ бумаги, а архитекторъ—тутъ, какъ тутъ, вырываетъ у матери ребенка и уноситъ къ себѣ. Въ четвертомъ актѣ маленькая Катя плачетъ, зоветъ маму; Агаѳоновъ въ затрудненіи, не знаетъ, какъ быть съ ребенкомъ, и держитъ его у себя лишь изъ упрямства. Приходятъ старуха Болгарова и купчиха Опенкова; первая восторгается великодушіемъ Ольги Васильевны, вторая, не шутя, собирается женить на себѣ Агаѳонова. Обѣ идутъ утѣшать плачущую Катю. На смѣну имъ входитъ богачъ Поляновъ и предлагаетъ Агаѳонову 100, 200 тысячъ за то, чтобъ онъ далъ разводъ своей женѣ и возвратилъ ей дочь. Ихъ ругань готова перейти въ драку, когда вбѣгаетъ Ольга Васильевна съ мольбою дать ей обнять Катю. На голосъ матери выбѣгаетъ Катя. Трогательная сцена,—настолько трогательная, что Агаѳоновъ не выдерживаетъ и говоритъ: «Возьмите дочь!» Ольга Васильевна счастлива и вознаграждаетъ покинутаго мужа дозволеніемъ иногда навѣщать ихъ въ новомъ жительствѣ. Гдѣ же, однако, рѣшеніе «спорнаго вопроса»? Какой можетъ быть споръ, когда съ одной стороны идеальная мать, съ другой—негодный отецъ, который захватилъ ребенка, чтобы скрутить жену, которому этотъ ребенокъ самъ по себѣ ни на что не нуженъ, который радъ-радёшенекъ избавиться отъ плачущей дѣвочки? Агаѳоновъ и не думалъ спорить о дочери,—ему нужно вернуть жену. Дѣвочка—не объектъ спора, а орудіе, которымъ, по выраженію гр. Толстого, «дерутся родители», которымъ, въ данномъ случаѣ, мужъ бьетъ жену. Въ рукахъ Агаѳонова орудіе оказалось непригоднымъ: общественное мнѣніе въ лицѣ Болгаровой, адвоката Семенова и купца Полянова осудило Агаѳонова и грозитъ испортить ему карьеру, и Агаѳоновъ струсилъ, уступилъ дочь покинувшей его женѣ. Перемѣстите добродѣтели и пороки, и выйдетъ, что ребенка надо отдать хорошему отцу, а не дрянной матери. Такимъ образомъ, г. Александровъ въ своей драмѣ не только не далъ отвѣта на какой-либо «вопросъ», но и самаго «вопроса» не поставилъ надлежащимъ образомъ. Авторъ только изобразилъ въ лицахъ нѣ-

торую мало интересную исторійку разлуки супруговъ изъ-за несходства рактеровъ и взглядовъ на жизнь и воспитаніе дѣтей. Изображеніе вы-ю блѣднымъ и скучнымъ, ничего не разъясняющимъ и не доказывающимъ. , то время, когда мы смотрѣли пьесу, передъ нами вставалъ иной во-юсъ о дѣтяхъ,—вопросъ о правѣ авторовъ и распорядителей театрами водить на сцену и заставлять разыгрывать слезныя драмы такихъ ма-ькихъ дѣтей, какъ воспитанница Соколова. Про себя мы давно рѣшили

этотъ вопросъ отрицательно, ибо, во-первыхъ, считаемъ дѣломъ нехорошимъ, ради какихъ бы ни было цѣлей, превращать дѣтей въ игрушку и въ забаву для публики; ибо, во-вторыхъ, дѣти ни на что не нужны на сценѣ,—драма останется драмой, безъ предъявленія зрителямъ страдающихъ дѣтей, если авторъ съумѣетъ дать намъ понять ихъ тяжелое положеніе, не выводя ихъ самихъ на-показъ. Дѣлается же это,—и за послѣдніе годы не рѣдко,—ради вящаго эффекта и сильнѣйшаго воздѣйствія на нервы зрителей. Если дурно, что родители дѣлаютъ дѣтей участниками своихъ ссоръ и орудіями въ своихъ «дракахъ», то еще того хуже, когда драматурги выпускаютъ на сцену дѣтей въ качествѣ средства произвести эффекты.

Не обошлась безъ предъявленія на сценѣ ребенка и комедія г. Модеста Чайковскаго *Предразсудки*. Этотъ младенецъ то же не особенно нуженъ, но дѣвочка г. Чайковскаго имѣетъ то преимущество передъ дѣвочкой г. Вл. Александрова, что она ведетъ себя смирно, не плачетъ и ничего не говоритъ, и къ «предразсудкамъ» не имѣетъ никакого отношенія. Слово «предразсудки» повторяется въ пьесѣ довольно часто, но трудно уяснить себѣ, что̀ самъ авторъ разумѣетъ подъ этимъ наименованіемъ. Живетъ въ Петербургѣ, въ наши дни, Дарья Алексѣевна Бѣлова (г-жа Ермолова) съ дочерью Сашенькой (г-жа Панова). При помощи Дунички (г-жа Щепкина) онѣ содержатъ чулочную мастерскую. За Сашенькой ухаживаетъ молодой человѣкъ Борисъ Охрипининъ (г. Ильинскій). Въ Сашеньку влюбленъ Ваня Николаевскій (г. Багровъ), она же любитъ Бориса. Дарья Алексѣевна желала бы выдать дочь за Ваню, съ которымъ Сашенька росла вмѣстѣ, дружна съ дѣтства и до нѣкоторой степени ровня, такъ какъ оба они незаконныя дѣти. Отъ Сашеньки ея происхожденіе тщательно скрывается, она считаетъ свою мать вдовой, себя — дочерью полковника. Бѣлова не одобряетъ Бориса отчасти за то, что онъ «не ихъ круга», принадлежитъ къ «высшему» обществу, главнымъ же образомъ за грѣхъ его молодости съ гувернанткою сестеръ, у которой имѣется на рукахъ его дочь, ребенокъ, показываемый для финала. Принадлежность къ различнымъ кругамъ и даже то обстоятельство, что Сашенька незаконнорожденная, не мѣшаетъ Борису Охрипинину сдѣлать ей предложеніе, хотя онъ и не подозрѣваетъ даже, что у нея есть сто тысячъ приданаго. Во время сватовства Дарья Алексѣевна считаетъ нужнымъ открыть дочери свою тайну, что приводитъ дѣвушку въ большое смущеніе и отчаяніе и еще больше укрѣпляетъ любовь ея къ Борису, который, по ея мнѣнію, своею женитьбой спасаетъ ее отъ ложнаго положенія, вводитъ въ запретный для нея блестящій кругъ. Сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что молодые люди искренно и сильно любятъ другъ друга. Бѣлова соглашается на ихъ бракъ, но ставитъ будущему зятю непремѣннымъ условіемъ жить вмѣстѣ въ ея чулочной мастерской. Вотъ изъ-за этого-то и загорается сыръ-боръ. Во второмъ дѣйствіи родные Бориса принимаютъ будущихъ родственницъ съ распростертыми объятіями, очаровываютъ Сашеньку, никакихъ предразсудковъ не имѣютъ относительно незаконности ея рожденія, но никакъ не могутъ примириться съ тѣмъ, что ихъ сынъ, «Охрипининъ»,

войдетъ затемъ «въ чулочную мастерскую». Не особенно это манитъ и Бориса. Уразумѣвши это изъ разговора съ матерью Бориса (г-жа Медвѣдева), Дарья Алексѣевна приходитъ въ большое негодованіе: «Какъ! Ея возлюбленная чулочная мастерская можетъ казаться кому-либо не тѣмъ, чѣмъ она считаетъ это дорогое ея сердцу заведеніе!... Да она лучше разстроитъ свадьбу дочери, чѣмъ поступится чулочною мастерской...» Однако, поступиться пришлось изъ любви къ дочери. Въ третьемъ дѣйствіи, черезъ полтора года, мастерская благополучно процвѣтаетъ подъ вывѣскою на имя Дунички, молодые супруги счастливо живутъ въ любви и согласіи на собственной квартирѣ, любятъ другъ друга сильнѣе прежняго. Единственною помѣхой ихъ полнаго блаженства оказывается Дарья Алексѣевна, ни за что не соглашающаяся оставить въ покоѣ дочь и зятя. Она, изволите видѣть, «оберегаетъ счастье» дочери, которому ничто ровно не угрожаетъ, и своимъ «обереганіемъ» отравляетъ жизнь себѣ и всѣмъ близкимъ. Борисъ, любя жену, удивительно терпѣливо сноситъ разныя чудачества тещи. Но не выдерживаетъ, наконецъ, сама Сашенька и рѣзко требуетъ, чтобы мамаша не мѣшала имъ жить, какъ они хотятъ. Бѣлова чуть не проклинаетъ дочь и уходитъ изъ ея дома. Четвертое дѣйствіе—въ тотъ же день: Ваня и Дуничка ждутъ Дарью Алексѣевну въ чулочной мастерской, крайне встревоженые тѣмъ, что она не пришла въ назначенный ею часъ. Вбѣгаетъ Сашенька, за нею Борисъ. Они пришли мириться, просить прощенія, умолять мамашу вернуться къ нимъ и съ ужасомъ узнаютъ, что мамаша пропала безъ вѣсти. Супруги мчатся на розыски черезъ полицію. Съ Дарьей Алексѣевной никакой бѣды не случилось, она постояла около проруби, хотѣла утопиться въ отместку дочери, но одумалась, вернулась въ мастерскую и, просвѣтленная страданіемъ, начинаетъ разсуждать довольно здраво, что дочь можетъ обойтись безъ нея и самое лучшее будетъ приняться опять за вязаніе чулокъ, а для исхода нѣжныхъ чувствъ своего любвеобильнаго сердца взять на воспитаніе дочь Бориса, мать которой вынуждена уѣхать на родину за границу. Между Бѣловой и молодыми супругами Охрипиниными, вернувшимися съ поисковъ, происходитъ трогательное примиреніе, въ заключеніе котораго выпускаютъ на сцену маленькую дѣвочку. Все улаживается къ общему благополучію. Сказать по правдѣ, въ такомъ обществѣ, гдѣ «предразсудки» не идутъ дальше показанныхъ намъ г. Чайковскимъ, жить можно безъ большой печали. Все дѣло, въ сущности, ограничивается тѣмъ, что «важные» господа Охрипинины имѣютъ на чулочныя и иныя ремесленныя заведенія нѣсколько иной взглядъ, чѣмъ г-жа Бѣлова, ея мастерица Дуничка и Ваня Николаевскій. Но эта небольшая разница взглядовъ не мѣшаетъ директору желѣзныхъ дорожныхъ правленій Охрипинину (г. Правдинъ), его аристократической супругѣ (г-жа Медвѣдева), ихъ гвардейцу сыну (г. Рыжовъ), ихъ дочерямъ, свѣтскимъ барышнямъ (г-жи Таирова и Ермолова-Кречетова), принять совершенно по-родственному въ свою семью незаконную дочь содержательницы мастерской. *Предразсудки* сводятся къ тому, что Охрипинины не желаютъ, чтобы ихъ сынъ, человѣкъ состоятельный и состоящій на государственной

службѣ, превратился, въ угоду чудачкѣ тещѣ, въ чулочныхъ дѣлъ мастера. Кто же тутъ правъ: Охрипинины, покупающіе себѣ готовые чулки, или Бѣлова и компанія, занимающіеся вязаньемъ чулокъ на продажу и дѣлающіе себѣ изъ чулокъ какое-то знамя? Симпатіи автора, видимо, на сторонѣ мастерскихъ: Бѣлова, Николаевскій и Дуничка все время говорятъ очень хорошія слова и честныя фразы, очень старыя и не всегда умныя; Охрипинины, всею семьей, говорятъ много глупостей и не мало гадостей, обдѣлываютъ дрянныя дѣлишки, не сознавая даже, насколько это несогласно съ правилами истинной честности и внутренней порядочности. И фигуры Охрипининыхъ, хотя нѣсколько шаржированныя, удались автору много лучше, чѣмъ излюбленные имъ представители добродѣтели, изъ которыхъ намъ наименѣе симпатична героиня Бѣлова, несмотря на превосходную, отуманивающую и подкупающую игру г-жи Ермоловой. Высокоталантливая артистка будоражитъ намъ нервы, трогаетъ сердце, но едва стихаетъ вызванное ею волненіе, передъ нами ясно обрисовывается несносная женщина, рѣзкая въ сужденіяхъ, подчиняющаяся своимъ «предразсудкамъ», плохая мать, не съумѣвшая воспитать дочь и внушить ей уваженіе къ труду и скромной жизни, обманывавшая дѣвушку до дня ея помолвки, удручавшая ее и любимаго ею мужа до тѣхъ поръ, пока не добилась изгнанія изъ дома, гдѣ отъ ея бесмысленной любви жизнь становилась невозможною. Въ пьесѣ г. Чайковскаго есть недурной матеріалъ для комедіи, но матеріалъ этотъ обработанъ неправильно и неумѣло, заглавіе, какъ опредѣленіе пьесы, не соотвѣтствуетъ содержанію, много лишнихъ разговоровъ, повтореній, длинноть, что дѣлаетъ комедію до крайности скучною, пожалуй, даже болѣе скучною, чѣмъ драма г. Александрова. Разыгрывается пьеса прекрасно, съ большимъ ансамблемъ, но половина театра не въ силахъ воздержаться отъ зѣвоты съ половины перваго дѣйствія до конца пьесы, съ маленькимъ просвѣтомъ смѣха, вызываемаго легкимъ шаржемъ въ изображеніи семьи Охрипининыхъ.

Ан.

ПОПРАВКА. Мы получили отъ дочерей статскаго совѣтника Гриневича заявленіе, что, вопреки свѣдѣніямъ, которыя заимствованы г. Джаншіевымъ изъ другихъ періодическихъ изданій, онѣ получали и получаютъ отъ отца всѣ необходимыя средства существованія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь. 1893 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Публицистика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія и воспоминанія.—Археологія и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Языкознаніе.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *сентябрь.*—«Русское Богатство», *августъ.*—«Сѣверный Вѣстникъ», *сентябрь.*—«Русскій Вѣстникъ», *сентябрь.*—«Русское Обозрѣніе», *сентябрь.* III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ *гр. Л. Н. Толстого.*—„Бракъ по любви“. *А. В. Стерна.*—„Сочиненія“ *М. В. Ломоносова.*

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Изданіе девятое. Тринадцать томовъ. Москва, 1893 г. Ц. 23 р. Новое изданіе произведеній гр. Л. Н. Толстого (in 8°—большого формата) отличается отъ предшествовавшаго тѣмъ, что въ него вошли: *Первыя воспоминанія* и статьи по поводу голода, всего около 70 стран. Кромѣ того, къ девятому изданію приложены двѣнадцать портретовъ автора, два снимка съ картинъ Рѣпина (гр. Толстой „пашущій“ и гр. Толстой „пишущій въ своей комнатѣ“), три вида усадьбы гр. Толстого и его факсимиле съ неизданной рукописи; всѣ восемнадцать снимковъ отчетливо сдѣланы фототипіей. Общаго указателя не имѣется, такъ какъ изданіе не можетъ считаться законченнымъ, и мы надѣемся въ недалекомъ будущемъ увидать четырнадцатый томъ, а затѣмъ и слѣдующіе, въ которые войдутъ имѣющіяся уже, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ неизданныя еще произведенія гр. Л. Н. Толстого и тѣ, которыя уже появляются въ печати и вновь будутъ написаны славнымъ романистомъ, отдающимъ свой чудный даръ теперь публицистикѣ и учительству—какъ надо „жить по совѣсти“, чтобы самимъ быть счастливыми и другимъ приносить добро и пользу. Всѣми признано, и признано давно, что, какъ романистъ, гр. Толстой не имѣетъ себѣ равнаго въ современной русской литературѣ и занимаетъ первое мѣсто въ средѣ нынѣшнихъ писателей всего міра. И мы думаемъ, что увлеченія публицистикой и учительствомъ не помѣшаютъ сильному духомъ и талантомъ писателю создать новые художественные образы, захватывавшіе читателей всего цивилизованнаго міра своею красотой и цѣльностью. Въ томъ, что въ сферѣ внѣ-романической „великій писатель земли

Русской", какъ назвалъ его Тургеневъ, поддается увлеченіямъ, сомнѣнія быть не можетъ. Кто-то сказалъ даже, что гр. Толстой и въ своемъ философско-учительномъ писательствѣ остается романистомъ, подчиняется тому громадному дарованію, которымъ созданы *Война и миръ*, *Анна Каренина* и мн. друг. Въ этомъ есть значительная доля правды. Ничѣмъ инымъ, какъ способностью романиста увлекаться идеей до воплощенія ея въ образы,—въ какую бы форму они ни отливались,—нельзя объяснить той перемѣнчивости, съ которою гр. Толстой то обращается къ *Женщинамъ* съ такими словами: „мужчинѣ данъ законъ труда, женщинѣ—законъ рожденія дѣтей",—то въ *Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ* пытается опровергнуть этотъ „законъ". Въ *Письмѣ по поводу возраженій на статью „Женщинамъ"* гр. Толстой говоритъ: „Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самого человѣчества". „Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей..." Въ *Послѣсловіи* мы видимъ проповѣдь совершенно обратнаго: о продолженіи человѣчества заботиться не должно, мужчина и женщина обязаны „стремиться вмѣстѣ къ освобожденію отъ соблазна, очищенію себя и прекращенію грѣха—замѣной отношеній, препятствующихъ и общему, и частному служенію Богу и людямъ, замѣной плотской любви чистыми отношеніями сестры и брата". По существу, противорѣчіе полное и несогласимое, но оно неудивительно, когда выливается изъ-подъ пера романиста, увлекающагося въ первомъ случаѣ красотою и художественною прелестью матери, во второмъ—изящными образами супруговъ, живущихъ въ ангельской чистотѣ. Моралистъ ничего не можетъ возразить ни противъ перваго положенія, ни противъ второго, относительно котораго ему остается только сказать: могущій вмѣстить сіе да вмѣститъ. Невозможное въ общемъ, какъ правило жизни, можетъ имѣть мѣсто, какъ исключеніе, и ни то, ни другое не противно понятію о добродѣтели. Такое же противорѣчіе самому себѣ мы видимъ въ проповѣдяхъ гр. Толстого, которыми онъ „людей своего круга" призывалъ къ работѣ, къ полезному труду, и въ послѣднемъ его произведеніи, только что появившемся въ печати подъ заглавіемъ *Не-дѣланіе*, не вошедшемъ въ *Собраніе сочиненій*. Въ статьяхъ: *Что намъ дѣлать?* и *О трудѣ и роскоши* славный писатель говоритъ: „Дѣло въ людяхъ, въ благѣ ихъ. А благо людей—въ жизни. А жизнь—въ работѣ..." „...Для себя я нашелъ, что для моего блага и удовлетворенія моихъ потребностей (тѣлесныхъ и душевныхъ, и совѣсти, и разума) мнѣ нужно излечиться отъ того безумія, въ которомъ я жилъ, вмѣстѣ съ крапивенскимъ сумасшедшимъ,—сумасшествія, состоящаго въ томъ, что нѣкоторымъ людямъ не полагается работать, и что все это должны управлять другіе люди..." Должно „исполнять тотъ вѣчный, несомнѣнный законъ человѣка—трудомъ всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться съ природою, для поддержанія жизни своей и другихъ людей". „Достоинство человѣка, его священный долгъ обязанность—употреблять данныя ему руки и ноги на то, для чего они даны..." Далѣе авторъ убѣждаетъ, что праздность, бездѣліе—„несчастье, безсовѣстность и опасность", въ которыя мы впали. Вся статья, обращенная къ *богатымъ*, есть проповѣдь труда ради труда, необходимаго для тѣлеснаго и духовнаго здоровья, для личнаго и общественнаго блага, а не по необходимости, о чемъ и разговоръ былъ

бы лишнимъ. Гр. Толстой на вопросъ: что выйдетъ изъ того, что два-три человѣка пойдутъ на его призывъ? — отвѣчаетъ: „То, что одинъ, два человѣка потянутъ, на нихъ глядя, присоединится третій, и такъ будутъ присоединяться лучшіе люди до тѣхъ поръ, пока не двинется дѣло...“ Къ немногимъ присоединится большинство и всѣ поймутъ, что стыдно быть празднымъ, стыдно не имѣть мозолей на рукахъ... Такъ говорилъ романистъ, увлекаясь красивыми образами людей, вродѣ Левина, не гнушающихся никакимъ трудомъ,—увлекаясь и собственнымъ образомъ, какимъ мы видимъ его на картинахъ Рѣпина, то „на пашнѣ“ за сохой, то „на отдыхѣ“ съ книгой въ рукѣ подъ деревомъ, то „пишущимъ въ своей комнатѣ“, между аттрибутами сельской работы, лопатой, косой, пилой и проч. „Трудъ“ гр. Толстого—не настоящая, не серьезная работа, конечно. Такою работой можно только пріобрѣсти мозоли на рукахъ, но нельзя самому прокормиться и тѣмъ паче сдѣлать что-либо „для поддержанія жизни другихъ людей“. Тѣмъ не менѣе, труды этого рода весьма полезны для поддержанія собственной жизни богатыхъ людей, изнывающихъ отъ бездѣлья, болѣющихъ отъ праздности и скуки. Что же касается энергическаго призыва къ труду, то такой призывъ въ высокой степени симпатиченъ, такъ какъ имъ указываются способы поддержать бодрость физическую и душевную, возстановить равновѣсіе силъ, безпрерывно нарушаемое ненормальностью жизни людей того общества, къ которому обращены поученія гр. Л. Н. Толстого. Хотя самъ по себѣ подобный трудъ есть не болѣе, какъ полезный моціонъ, все же онъ сближаетъ человѣка съ природой и съ людьми, вынужденными работать ради прокормленія себя и своихъ семействъ. Если изъ проповѣдей гр. Толстого откинуть его ни на чемъ не основанное презрѣніе къ наукѣ и пренебреженіе къ опрятности, то противъ такого ученія и возразить нечего. Чѣмъ большее число праздныхъ людей ему послѣдуетъ, тѣмъ будетъ лучше для нихъ и для ихъ дѣтей, которыя пойдутъ по слѣдамъ родителей. Но вотъ совсѣмъ неожиданно самъ проповѣдникъ труда вдается въ противуположную крайность, увлекшись иными картинами, и въ статьѣ *Не-дѣланіе* рекомендуетъ уже всѣмъ людямъ „своего круга“ и рабочаго класса перестать работать и „одуматься, измѣнить свое пониманіе жизни“. Этотъ новый поворотъ въ направленіи ученія гр. Толстого выразился по поводу рѣчи Э. Золя, призывавшаго молодежь къ дѣятельной, трудовой жизни. Вотъ что возражаетъ знаменитый русскій романистъ талантливому французскому романисту: „Меня всегда уже давно поражало то удивительное, утвердившееся особенно въ Западной Европѣ, мнѣніе, что трудъ есть что-то вродѣ добродѣтели, и еще гораздо прежде, чѣмъ прочесть это мнѣніе, ясно выраженное въ рѣчи Золя, я уже не разъ удивлялся на это странное значеніе, приписываемое труду. Вѣдь, только муравей въ баснѣ, какъ существо, лишенное разума и стремленія къ добру, могъ думать, что трудъ есть добродѣтель, и могъ гордиться имъ...“ „Но если даже трудолюбіе не есть явный порокъ, то ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть добродѣтелью. Трудъ такъ же мало можетъ быть добродѣтелью, какъ питаніе. Трудъ есть потребность, лишеніе которой составляетъ страданіе, но никакъ не добродѣтель. Возведеніе труда въ достоинство есть такое же уродство, какимъ бы было возведеніе питанія человѣка въ достоинство и добродѣтель. Значеніе, приписываемое труду въ нашемъ обществѣ, могло возникнуть только какъ реакція праздности, возведенной въ при-

знакъ благородства... Трудъ, упражненіе своихъ органовъ, для человѣка есть всегда необходимость, какъ о томъ одинаково свидѣтельствуютъ телята, скачущіе вокругъ кола, къ которому они привязаны, и люди богатыхъ классовъ, мученики гимнастики, всякаго рода игръ... Трудъ не только не есть добродѣтель, но въ нашемъ ложно организованномъ обществѣ есть большею частью нравственно анестезирующее средство, вродѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни". „Страданія людей, вытекающія изъ ложнаго пониманія жизни, такъ назрѣли, благо, даваемое истиннымъ пониманіемъ жизни, такъ стало всѣмъ ясно и очевидно, что для того, чтобы люди измѣнили свою жизнь сообразно своему сознанію, имъ не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что они дѣлаютъ, сосредоточиться и подумать". И вотъ заключеніе, къ которому приходитъ проповѣдникъ, еще такъ недавно и такъ энергично призывавшій насъ къ труду: „Только бы люди одну сотую той энергіи, которую они прилагаютъ теперь къ совершенію различныхъ, ничѣмъ не оправданныхъ и потому затемняющихъ ихъ сознаніе дѣлъ, употребили на уясненіе этого самаго сознанія и на исполненіе того, чего оно требуетъ отъ нихъ, и гораздо скорѣе и проще, чѣмъ мы можемъ себѣ представить это, установилось бы то Царство Божіе, котораго Онъ требуетъ отъ людей, и люди нашли бы то благо, которое обѣщано Имъ. Ищете Царства Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ". Статья *Не-дѣланіе* помѣчена 9 августа 1893 года, и въ ней гр. Толстой говоритъ, будто его *„уже давно* поражало то удивительное мнѣніе, что трудъ есть что-то вродѣ добродѣтели"... Такъ кажется нашему романисту, тогда какъ въ дѣйствительности онъ очень недавно, въ 1889 г., въ статьѣ *Ручной трудъ и умственная дѣятельность*, превознозилъ „ручной трудъ", говорилъ, что „ручной трудъ есть долгъ и счастіе для всѣхъ"... что „самое простое и короткое правило нравственности состоитъ въ томъ", чтобы работать для себя и для другихъ, „тотъ же, кто отдѣлывается отъ общечеловѣческой нравственной обязанности и, подъ предлогомъ влеченія къ наукѣ и искусству, устраиваетъ себѣ жизнь дармоѣда,—такой человѣкъ произведетъ только ложную науку и ложное искусство". Еще менѣе давно, въ 1890 г., Рѣпинымъ написанъ портретъ гр. Толстого въ трудовой обстановкѣ, занятаго писаніемъ, что ясно указываетъ на соединеніе ручнаго труда съ умственною работой. И, наконецъ, всего годъ назадъ гр. Л. Н. Толстой много поработалъ лично въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ. Да и теперь даже, призывая всѣхъ къ „не-дѣланію", самъ гр. Толстой, все-таки, „дѣлаетъ",— пишетъ возраженіе на статью Э. Золя и восхваляетъ Ал. Дюма-сына. Отъ всей души желаемъ, чтобы „дѣланіе" знаменитаго писателя продолжалось еще многіе годы, и увѣрены, что увлеченіе его „не-дѣланіемъ" исчезнетъ еще быстрѣе, чѣмъ оно пришло, надѣемся, что въ будущемъ четырнадцатомъ томѣ его сочиненій, вслѣдъ за статьею *Не-дѣланіе*, мы найдемъ вновь бодрый протестъ противъ тунеядства и дармоѣдства и мощный призывъ къ дружной работѣ физической и умственной на благо себѣ и человѣчеству.

Бракъ по любви. Повѣсть А. В. Стерна. Изданіе „Посредника" для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1893 г. Цѣна 50 коп. Не мудрое дѣло писать подобныя повѣсти,— на это не требуется сочинительства и выдумки. Точь-въ-точь такихъ *Браковъ по любви* имѣется несчетное множество въ русской литературѣ и, въ особенности, въ

иностранныхъ литературахъ. Героиня, не красавица,— въ семьѣ считается даже „дурнушкой“,— но съ „чудными“ глазами, влюбляется въ статнаго красавца, увлекшись не столько его внѣшностью, сколько его душевными качествами, которыя она, разумѣется, преувеличиваетъ своею дѣвическою фантазіей. Герой изъ „разночинцевъ“ влюбляется въ Вѣру Арскую, находя ее обворожительнѣе всѣхъ красавицъ въ мірѣ. Надутые аристократическимъ чванствомъ, родные дѣвушки выпроваживаютъ неподходящаго для ихъ дочери претендента на ея руку Горевидова, а Вѣру приневоливаютъ идти замужъ за болѣе „приличныхъ“, по ихъ мнѣнію, жениховъ. Послѣ четырехъ лѣтъ борьбы съ родными, „бракъ по любви“ устраивается, благодаря отчасти тому обстоятельству, что Горевидовъ добился „почти знаменитости“, какъ драматургъ. Но съ первыхъ же мѣсяцевъ *Бракъ по любви* оказывается не такимъ счастливымъ, какъ того ждали любящіе супруги. Мелочныя разочарованія и недоразумѣнія смѣняются крупными размолвками изъза различія взглядовъ на жизнь, главнымъ же образомъ — на то, что̀ слѣдуетъ признавать „порядочностью“ и что̀ „не-порядочностью“. Права всегда и во всемъ, разумѣется, героиня, вмѣстилище всякихъ добродѣтелей. Герой же въ каждой главѣ повѣсти заявляетъ себя все болѣе и болѣе человѣкомъ мелочнымъ и дряннымъ. По прошествіи пяти лѣтъ Вѣра съ дѣтьми уѣзжаетъ отъ негоднаго мужа и одиннадцать лѣтъ добродѣтельно проживаетъ въ разлукѣ съ Горевидовымъ. На двѣнадцатомъ году Горевидова постигаютъ бѣды: пьесу его освистали, самого его разбилъ параличъ. Когда-то великолѣпный, а теперь безпомощный герой обращается съ призывомъ къ женѣ. Вѣра приходитъ къ мужу, трогается его несчастнымъ положеніемъ и остается жить съ нимъ, какъ то и подобаетъ добродѣтельной супругѣ. Конецъ. Все это старо и перестаро. Въ повѣсти нѣтъ ни одного новаго положенія, ни одной живой фразы, ни одного живого лица. Самый вопросъ о бракѣ поставленъ невѣрно, какъ-то по-дѣтски, и не разрѣшенъ ничѣмъ. Хорошъ ли „бракъ по любви“, или не хорошъ? Выходитъ, по разсказу автора, что такой бракъ никуда не годится, но выходитъ такъ лишь въ томъ случаѣ, который весьма неудачно взятъ авторомъ изъ устарѣвшаго репертуара съ превозношеніемъ супруги и опозориваніемъ мужа, причемъ оба, герой и героиня, оказываются людьми не очень-то умными. Что подобныя повѣсти пишутся, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, но странно немного, для чего они печатаются такою фирмою, какъ „Посредникъ“, да еще съ обозначаніемъ: „для интеллигентныхъ читателей“, которымъ давно прискучили шаблонныя исторіи этого сорта?

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Изданіе академіи наукъ. Т. I. Спб., 1892 г. Первый томъ *Сочиненій Ломоносова* заключаетъ въ себѣ стихотворенія съ варіантами къ нимъ, извлеченными изъ старыхъ изданій и рукописей, подлинниками переводовъ и подражаній, громаднымъ количествомъ объяснительныхъ примѣчаній, подобранныхъ съ замѣчательною добросовѣстностью. Нельзя не привѣтствовать начала этого монументальнаго изданія, котораго давно уже заслуживалъ Ломоносовъ, котораго могла ожидать отъ академіи русская публика, имѣющая уже образцовое академическое изданіе сочиненій Державина: такія изданія кладутъ прочную основу истинно научнаго изученія нашихъ великихъ писателей, благодаря же вполнѣ доступной цѣнѣ, даютъ возможность всякому образованному человѣку наиболѣе легкимъ раціональнымъ об-

разомъ пополнить свои историко-литературныя свѣдѣнія, ибо каждый томъ даетъ ему тщательно составленный сводъ всѣхъ наличныхъ фактовъ по данному вопросу, иногда извлеченныхъ изъ недоступныхъ источниковъ. Въ типографскомъ отношеніи изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ". — „О состояніи чистопольскаго общественнаго управленія и г. Чистополя въ 1892 г.". — „Злая забава". *В. Ч—ва.*

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчеты за 1891—1892 г. Спб., 1893 г. Еще недавно мы могли не безъ основанія гордиться быстрыми успѣхами женскаго образованія. Послѣдніе годы въ значительной степени уменьшаютъ наше право на такую гордость. *Отчетъ* общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ свидѣтельствуетъ, во всякомъ случаѣ, что частная иниціатива въ этомъ поистинѣ великомъ дѣлѣ обнаружила рѣдкую у насъ энергичность и устойчивость, что она съумѣла преодолѣть много тяжелыхъ препятствій. Въ высшей степени утѣшительны тѣ данныя о занятіяхъ слушательницъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, которыя находятся въ отчетѣ. Нѣкоторые изъ трудовъ этихъ слушательницъ появились въ печати (напримѣръ, переводъ сочиненія Виндельбанда: *Исторія древней философіи*). Въ виду этого еще разъ нельзя не пожелать расширенія программы этихъ курсовъ и не пожалѣть о закрытіи превосходныхъ курсовъ въ Москвѣ, на которые такъ много знанія, трудовъ и энергіи положилъ профессоръ В. И. Герье. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего не слышно о возстановленіи у насъ высшаго женскаго медицинскаго образованія, потребность въ которомъ давно уже сознана русскимъ обществомъ.

О состояніи чистопольскаго общественнаго управленія и г. Чистополя въ 1892 г. Отчетъ городской управы. Чистополь, 1893 г. Мы всегда съ особенною охотой отмѣчаемъ появленіе такого рода провинціальныхъ изданій. Эта небольшая брошюрка (въ 50 страницъ), заключая въ себѣ отчетъ о дѣятельности общественнаго управленія скромнаго уѣзднаго городка, съ населеніемъ всего въ 22 тысячи человѣкъ, съ бюджетомъ въ 60 тысячъ рублей, ярко свидѣтельствуетъ, что тамъ, гдѣ-то, въ глубинѣ Казанской губерніи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Руси, общественные дѣятели посильно заботятся о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія. Они хлопочутъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, объ охраненіи здоровья жителей, не забываютъ и о посильномъ удовлетвореніи ихъ духовныхъ потребностей, о внѣшнемъ благоустройствѣ города и т. п. Иногда усилія этихъ общественныхъ дѣятелей вѣнчаются успѣхомъ, но едва ли не чаще передъ ними выростаютъ непреодолимыя преграды. И не только скудость средствъ ставитъ препятствія благимъ начинаніямъ, иногда, какъ ни странно, самый фактъ проживанія внѣ губернскаго города лишаетъ бѣдняка возможности воспользоваться самыми обычными и вполнѣ доступными пріемами духовнаго развитія.

Чистопольское городское управленіе израсходовало въ 1892 году около пятой доли своего годичнаго бюджета (болѣе 12 тыс. руб.) на народное образованіе. Хотя самая значительная доля изъ этого рас-

хода приходится на мѣстную земскую прогимназію и приходское училище, но городъ содержитъ также публичную библіотеку и читальню и хотѣлъ устроить воскресныя народныя чтенія съ туманными картинами. Къ сожалѣнію, эти чтенія не были разрѣшены въ г. Чистополѣ, такъ какъ, согласно правилъ о народныхъ чтеніяхъ, изданныхъ еще въ 1876 году, такого рода чтенія могутъ быть устроиваемы лишь въ губернскихъ городахъ. Впрочемъ, мѣстнымъ архіепископомъ Владиміромъ были разрѣшены въ Чистополѣ чтенія религіозно-нравственнаго содержанія; они происходятъ по воскресеньямъ въ залѣ думскихъ засѣданій и привлекаютъ многочисленную публику.

Злая забава. Мысли объ охотѣ В. Ч—ва. Изданіе „Посредника“. М., 1893 г. Ц. 15 к. Мы сочли бы себя неправыми передъ нашими читателями, если бы не обратили ихъ вниманія на эту маленькую брошюрку, направленную противъ охоты. Авторъ доказываетъ, что охота есть „злая забава“ и занятіе жестокое, нравственно вредное, недостойное человѣка. При этомъ авторъ, осуждая всѣ виды охоты, не разъ оговаривается, что возстаетъ онъ въ своей статьѣ противъ тѣхъ видовъ охоты, которыя производятся ради „забавы“. Вполнѣ присоединиться къ мнѣніямъ автора мы не можемъ. Онъ очень ярко изображаетъ картины „звѣрскаго“ убиванія волка на облавѣ, лисицы, затравленной собаками, и упоминаетъ о мыши, попавшей въ мышеловку. Да, правда, одинаково жестоко убивать волка, лису, мышь, зайца, птицу и какое бы ни было животное. Но не менѣе справедливо и то, что убивать животныхъ, истреблять не только ихъ по одиночкѣ, но уничтожать массами, является дѣломъ необходимымъ, ибо нѣкоторые виды животныхъ, повидимому, такихъ безобидныхъ, какъ зайцы и кролики, способны опустошить цѣлую страну, сдѣлать ее необитаемою для людей. Кролики доказали это въ Австраліи, суслики доказываютъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, зайцы, мыши, крысы способны доказать гдѣ угодно, если большинство людей присоединится къ мнѣнію г. Ч—ва, доказывающаго, что не слѣдуетъ убивать тварей на охотѣ. Г. Ч—въ прекрасно рекомендуетъ молодымъ людямъ заниматься земледѣліемъ, вмѣсто охоты. Но земледѣльцы, огородники и садоводы самыми этими занятіями поставлены въ необходимость ограждать плоды рукъ своихъ отъ всякихъ хищниковъ, какими ни казались бы тѣ безобидными, иначе тварелюбивые труженики сами останутся совсѣмъ безъ плодовъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Психологія“. *В. Снегирева.* — „Исторія древней философіи“. *Виндельбанда.* — „Недостатки въ характерѣ ребенка“. *Шольца.*

Психологія. Веніамина Снегирева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 5 р. Покойный авторъ этого курса былъ профессоромъ Казанской духовной академіи. Его сочиненіе составляетъ, конечно, немаловажное пріобрѣтеніе нашей бѣдной философской и психологической литературы. В. А. Снегиревъ былъ противникомъ нѣмецкой метафизики и высоко цѣнилъ англійскую психологическую школу. Въ разныхъ отдѣлахъ его курса видно близкое знакомство съ трудами европейскихъ ученыхъ по психофизіологіи. Но въ общихъ основахъ міропониманія Снегиревъ самъ является метафизикомъ, дуалистомъ, признающимъ раздѣльное существованіе духа и вещества. По его убѣжденію, „человѣкъ всегда и на

всѣхъ ступеняхъ своего развитія—мистикъ въ глубинѣ души, мистикъ по самой природѣ своей".

Въ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ психологическихъ вопросовъ (о природѣ нашего „я", о свободѣ воли) у Снегирева можно замѣтить колебанія и неувѣренность мысли. „Съ одной стороны,—говоритъ Снегиревъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самосознаніе развивается постепенно, что идея личности—„я"—слагается изъ многихъ состояній и сложна, что существуютъ явленія раздвоенія и, вообще мультипликаціи личности, также явленія ея превращеній въ другую; но этимъ не нарушается единство и тождество личности и не устраняется необходимость признавать въ ея идеѣ самооткрытія духа, въ его существѣ, какъ неизмѣнной, единой и себѣ всегда равной субстанціи". Само собою разумѣется, что слѣдующія затѣмъ разсужденія автора отнюдь не устраняютъ противорѣчія между единою, всегда себѣ равною субстанціей и раздвояющимся иногда, всегда измѣняющимся человѣческимъ „я". Снегиревъ прибавляетъ, что упомянутое имъ самооткрытіе „не есть прямое, непосредственное и простое воспріятіе, а скорѣе необходимый выводъ и постулятъ сознанія".

Интересны главы о творчествѣ и объ эстетическомъ чувствѣ. Авторъ является противникомъ метафизическихъ опредѣленій прекраснаго, красоты *an und für sich*. Въ главѣ о нравственномъ чувствѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Чувство возможности для человѣка всегда осуществлять въ своей жизни добро, признаніе, такъ хорошо выраженное Кантомъ въ его знаменитомъ *debes, ergo potes*,— называется *чувствомъ свободы*, а объективный фактъ зависимости дѣйствій человѣка отъ него самого, отъ его воли, называется *нравственною свободой* или свободой воли". Снегиревъ признаетъ необходимость психологическихъ, строго-научныхъ основаній для *теоріи чувства нравственнаго*. „Построеніе такой теоріи,—говоритъ онъ,—есть прямая задача психологіи, и рано или поздно должна быть ею выполнена, чего въ настоящее время, къ сожалѣнію, еще нѣтъ и что представляетъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ въ наукѣ о душѣ". Самъ авторъ пытается выступить въ роли примирителя разныхъ направленій въ области этики: онъ излагаетъ *„теорію эмпирическо-утилитарную* въ томъ, что есть въ ней лучшаго и безспорнаго", затѣмъ показываетъ ея недостатки и *дополняетъ* теоріею интуитивистовъ, „развивъ ее полнѣе и подробнѣе". Эта попытка автора окончилась, по нашему мнѣнію, неудачею. Нельзя считать удовлетворительнымъ и такого *примиренія* между ученіемъ, отрицающимъ свободу воли, и ученіемъ, ее признающимъ: *„свобода не есть*, собственно говоря, *противуположность моральной необходимости,—она есть видъ ея*, какъ фактъ сознательнаго слѣдованія сильнѣйшему мотиву".

Одна изъ главъ курса (небольшая, стр. 94—113) посвящена литературѣ психологіи, иностранной и русской. Приведемъ изъ этой главы отзывъ объ англійской психологической школѣ нашего столѣтія: „Богатство наблюденій надъ фактами душевной жизни, тонкость анализа самыхъ сложныхъ процессовъ, отсутствіе предзанятыхъ философскихъ воззрѣній и широкихъ обобщеній, простота и наглядность объясненій,—все это дѣлаетъ англійскія произведенія первыми въ мірѣ и лучшими".

Исторія древней философіи. Виндельбанда. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р. Въ русскомъ переводѣ есть отличный учебникъ исторіи греческой философіи Целлера. Онъ изданъ у насъ въ 1886 году и, кажется, разошелся. Во всякомъ случаѣ, книга

Виндельбанда является чрезвычайно полезнымъ пособіемъ: она написана ясно, точно и живо, излагаетъ философскія системы въ связи съ общимъ ходомъ историческаго развитія. Виндельбандъ говоритъ, что „исторія античной философіи есть, прежде всего, разсмотрѣніе *происхожденія западной науки вообще*. Но, въ то же время, она также и исторія зарожденія отдѣльныхъ наукъ". Авторъ полагаетъ,—и въ этомъ онъ едва ли правъ вполнѣ,— что греческая философія развивалась внѣ зависимости *отъ общихъ направленій времени*. Научное изложеніе исторіи философіи имѣетъ, по мнѣнію Виндельбанда, двоякую задачу: „съ одной стороны, констатировать тѣ умственныя представленія, которыя извѣстны подъ именемъ философскихъ, въ ихъ фактической неизмѣнности (?), и понять эти представленія въ ихъ генезисѣ, именно въ ихъ взаимной связи; съ другой — опредѣлить цѣнность, которая выпадаетъ на долю отдѣльныхъ философскихъ ученій въ поступательномъ развитіи научнаго сознанія". Вторая часть этой задачи исполнена авторомъ, по нашему мнѣнію, менѣе хорошо, чѣмъ первая, но это объясняется тѣмъ, что Виндельбандъ принадлежитъ къ числу сторонниковъ метафизическаго *направленія* въ философіи,— не *системы*, потому что теперь уже нѣтъ не только всѣми метафизиками признаваемой, но даже господствующей метафизической системы въ философіи.

Въ приложеніи къ переводу помѣщены очерки Виндельбанда (обзоръ средневѣковой философіи и философія Августина) и Фуллье (исторія схоластики).

Переводъ слушательницъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ отличается точностью и ясностью. Книгу нельзя не рекомендовать, какъ отличное пособіе для первоначальнаго и, въ то же время, достаточно отчетливаго ознакомленія съ греческою философіей и съ средневѣковою схоластическою мыслью.

Недостатки въ характерѣ ребенка. Шольца. Пер. съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 2 р. Переводчица назвала эти „педагогическія наставленія для дома и для школы" второю *золотою книжкой* (первая *золотая книжка* — работа Аммона: *Die ersten Mutterpflichten und die erste Kinderpflege*). Столь почетнаго названія сочиненіе доктора Шольца ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ. Конечно, въ немъ встрѣчаются вѣрныя наблюденія, даются разумные совѣты, но въ нихъ нѣтъ ничего новаго, ничего такого, что не говорилось уже много разъ въ нашей педагогической литературѣ. Авторъ (директоръ больницы въ Бременѣ) справедливо обращаетъ вниманіе на *воспитаніе духа посредствомъ воспитанія тѣла*. Переводъ довольно плохъ. Не рѣдкость подобныя, напримѣръ, фразы: „Дурачащіяся дѣти не только не терпимы, а подвергаются опасности оставаться въ школѣ, такъ какъ поставленныя имъ задачи вовсе не встрѣчаютъ серьезной склонности, а такія дѣти охотнѣе упражняются въ своихъ пошлыхъ насмѣшкахъ".

ИСТОРІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ.

литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича". *Н. Никольскаго.*—„Воспоминанія" *Алексиса Токвилля.*

О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича, писателя XII вѣка. Ник. Никольскаго. Спб., 1892 г. Значеніе VII в. въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы до сихъ поръ еще остается очень мало выясненнымъ. Взгляды ученыхъ, занимавшихся этою эпо-

хой, колеблются между такими крайностями, какъ признаніе научнаго разцвѣта духовной и свѣтской литературы, и мнѣніе, что у насъ была тогда только грамотность, да и то очень мало распространенная, литературное образованіе являлось счастливою случайностью и пр. Такія крупныя противорѣчія могутъ быть объяснены только недостаткомъ разработки уже извѣстныхъ памятниковъ и вообще ограниченнымъ количествомъ ихъ; много способствуетъ этому и отсутствіе общей картины, которую легко можно было бы составить даже изъ наличныхъ данныхъ: занимались изученіемъ отдѣльныхъ памятниковъ (наприм., *Словомъ о полку Игоревѣ*), но не пробовали поставить ихъ въ связь.

Г. Никольскій поставилъ себѣ тоже частную цѣль, но, стремясь къ ней, онъ даетъ по пути много цѣнныхъ данныхъ для общей картины, иногда совершенно новыхъ. Онъ напечаталъ два сочиненія Смолятича, которыя до сихъ поръ не появлялись въ печати *), собралъ біографическія данныя о немъ; болѣе общее значеніе имѣетъ характеристика литературныхъ пріемовъ Смолятича и опредѣленіе мѣста его произведеній въ исторіи древне-русской литературы. Смолятичъ былъ однимъ изъ первыхъ поклонниковъ символизма и аллегоризма, явившихся у насъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ византійской литературы, которые такъ сильно замѣчаются у Кирилла Туровскаго и которые почти совсѣмъ были чужды памятникамъ XI в. Одно изъ своихъ сочиненій Климентъ писалъ „отъ Омира, и отъ Аристотеля, и отъ Платона, иже... славнѣ быша“,—драгоцѣнное указаніе на знакомство съ классическою литературой. Посланіе Климента къ Ѳомѣ даетъ много новаго для исторіи нашей вопросо-отвѣтной литературы; комментаріи г. Никольскаго бросаютъ новый свѣтъ на такіе памятники, какъ *Бесѣда трехъ святителей* и *Голубиная Книга*.

Трудъ г. Никольскаго не только освѣщаетъ вопросъ объ исторической смѣнѣ направленій въ древне-русской духовной письменности, опредѣляетъ условія, при которыхъ явилось у насъ одно изъ нихъ искусственно-символическое, но и обогащаетъ исторію отдѣльныхъ литературныхъ фактовъ, и пополняетъ наши скудныя свѣдѣнія о тогдашнемъ литературномъ языкѣ и литературныхъ пріемахъ, даетъ, кромѣ того, шесть новыхъ текстовъ. Внимательное и осторожное отношеніе къ дѣлу, начитанность въ старинныхъ памятникахъ несомнѣнно позволятъ этому труду занять видное мѣсто въ исторіи древне-русской литературы и оживитъ ея изученіе: открываются новыя точки зрѣнія, придется восполнить невольные пробѣлы г. Никольскаго, у котораго иногда не хватало матеріаловъ для всесторонняго освѣщенія новыхъ текстовъ, поддерживается надежда на новыя счастливыя находки.

Воспоминанія Алексиса Токвилля. Пер. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. Цѣна 2 р. Мы давали уже читателямъ *Русской Мысли* отчетъ объ этихъ важныхъ мемуарахъ, когда они вышли въ подлинникѣ. Переводомъ ихъ увеличилась длинная серія превосходныхъ произведеній иностранной литературы, изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ. Къ книгѣ приложенъ хорошій портретъ Токвилля. Что касается предисловія графа Токвилля, то его, по совершенной незначительности, лучше было бы опустить въ русскомъ изданіи. Для

*) Одновременно съ г. Никольскимъ, но по другому списку, первое изъ нихъ было напечатано г. Лопаревымъ (Спб., 1892 г, *Посланіе митр. Климента къ смоленскому преосв. Ѳомѣ*). Это изданіе даетъ нѣкоторые любопытные варіанты, важные для установленія испорченнаго текста.

исторіи Франціи въ сороковыхъ годахъ и отчасти для исторіи международныхъ отношеній въ это же время *Воспоминанія* даютъ очень интересный матеріалъ.

АРХЕОЛОГІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Сборникъ памятниковъ византійской литературы". *А. Васильева.*—„Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній". *Проф. Н. Барсова.*—„Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ". *Н. И. Петрова.*—„Палея толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 году".

Сборникъ памятниковъ византійской литературы. А. Васильева. Anecdota graeco-byzantina. Pars prior. Collegit, digessit, recensuit. A. Vassiliev. М., 1893 г. Издатель, уже покойный, бывшій спеціалистомъ по древне-русской литературѣ, собралъ рядъ памятниковъ византійской литературы, по большей части ранѣе неизданныхъ и извлеченныхъ имъ изъ греческихъ рукописей какъ русскихъ, такъ, главнымъ образомъ, заграничныхъ библіотекъ. Эти памятники, имѣющіе значеніе и для византинистовъ, еще болѣе важны для занимающихся древне-русскою литературой. Они представляютъ собою ничто иное, какъ оригиналы тѣхъ произведеній, которыя въ славянскомъ текстѣ обращались среди читающихъ людей древней Руси. Большая часть ихъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ апокрифовъ; между ними—сказаніе о смерти Авраама, несомнѣнно еврейское по происхожденію, повѣсть Афродитіана, о рожденіи Христа, сказаніе о спорѣ Христа съ дьяволомъ, апокалипсисъ Богородицы, житіе Макарія Римскаго. Меньшая часть хотя не можетъ быть причислена къ апокрифамъ, однако, находится съ ними въ самой тѣсной связи. Это—такъ называемая *Историческая палея* и столь важное для изучающихъ расколъ *Преніе Панаіота съ Азимитомъ*. Изданіе памятниковъ, обыкновенно по нѣсколькимъ спискамъ, сдѣлано въ высшей степени тщательно и снабжено обширнымъ предисловіемъ, на латинскомъ языкѣ, назначеннымъ, главнымъ образомъ, для иностранныхъ читателей, которые не знакомы съ изслѣдованіями русскихъ ученыхъ. Покойный Васильевъ, какъ видно изъ находящейся во главѣ книги краткой его біографіи, оставилъ послѣ себя другое собраніе памятниковъ византійской литературы, повидимому, не менѣе важное, чѣмъ изданное, которое желательно было бы увидѣть скорѣе въ печати.

Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ народныхъ заклинаній. Проф. Н. Барсова. Спб., 1893 г. Въ настоящей брошюркѣ г. Барсовъ напечаталъ нѣсколько заклинаній по рукописи начала прошлаго вѣка, которыя могутъ представлять извѣстный интересъ: мы слишкомъ мало имѣемъ до сихъ поръ раннихъ записей заговоровъ и заклинаній, очень важныхъ для исторіи этого вида народной поэзіи и исторіи народнаго двоевѣрія вообще. Авторъ не удовлетворился этими скромными результатами и хочетъ придать найденному матеріалу значеніе нѣсколько иного порядка: онъ де имѣетъ большое значеніе для вопроса о западничествѣ въ народномъ русскомъ міросозерцаніи въ до-петровскую эпоху. Къ этому выводу привелъ г. Барсова рядъ болѣе или менѣе крупныхъ недоразумѣній.

Г. Барсовъ считаетъ очень распространенными, господствующими мнѣнія о самобытности русской народной поэзіи, отрицательномъ отношеніи къ петровской реформѣ народа, который „въ душѣ оставался

преданнымъ исключительно исконной русской самобытности и крѣпко держался за старинные устои русской жизни", и напоминаетъ о литературныхъ заимствованіяхъ, въ большой степени обнаруженныхъ новѣйшею историко-литературною критикой. Особенно сильна до сихъ поръ вѣра въ самобытность заклинаній и заговоровъ: „этотъ родъ... представляется доселѣ какъ вышедшій изъ самаго, такъ сказать, нутра русскаго народнаго духа и носитъ на себѣ, поэтому, всѣ признаки безусловной самобытности", что̀ придаетъ ему наибольшую цѣну.

Общеніе Россіи съ Западомъ до Петра, выражавшееся въ различныхъ сферахъ общественной и частной жизни, ни для кого теперь не секретъ; вѣру въ безусловную самобытность народной поэзіи можно встрѣтить развѣ въ плохихъ учебникахъ словесности; давно уже указаны византійскіе и южно-славянскіе оригиналы многихъ русскихъ заговоровъ и заклинаній, такъ что никто не отдѣляетъ ихъ теперь особенно отъ другихъ видовъ народной поэзіи. Дальше у г. Барсова начинается настоящее миѳотвореніе: въ одномъ заговорѣ упоминается „царь Осинило", въ другомъ сынъ бабы Яги (Сини). Эти имена авторъ считаетъ искаженіемъ „Синеуса". Въ царѣ Осинилѣ „народная фантазія, очевидно, олицетворяетъ и обоготворяетъ западную культуру и западно-европейское вліяніе на русское народное міросозерцаніе, равно какъ на бытъ народный и нравы, начавшіеся съ прибытіемъ къ намъ варяговъ". Вся эта чудовищная гипотеза основана только на случайномъ и слабомъ созвучіи: Осинило—Синеусъ и больше ни на что не опирается. Истолковавъ такъ имя, г. Барсовъ видитъ въ обыкновенномъ любовномъ заговорѣ, отличающемся отъ другихъ сходныхъ только страннымъ именемъ Осинила, „замѣчательную черту народнаго міровоззрѣнія,—взглядъ народа на характеръ и свойство западной культуры, которая представляется ему, въ противуположность культурѣ христіанско-византійской, непреодолимо-могущественно дѣйствующею демоническою силой, помогающею человѣку въ такихъ лишь его стремленіяхъ, которыя самъ онъ съ нескрываемымъ цинизмомъ признаетъ грѣховными и дурными съ точки зрѣнія исповѣдуемой имъ внѣшнимъ образомъ морали религіозной". Дальше идутъ столь же невѣротныя вещи: „на Западѣ общественные нравы свободно слагались по идеямъ Аріоста, Боккаччіо, Петрарки"; „на Западѣ, гдѣ слагались рыцарскія отношенія между лицами двухъ половъ"; „островъ безпрепятственныхъ любовныхъ похожденій получилъ свое названіе Буяна"; то, что заклинатель, „не благословясь и не перекрестясь, идетъ молиться самому чорту",—„чисто-фаустовскій демонизмъ" и проч. Вотъ какъ пишется исторія!

Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Н. И. Петрова. Вып. I. Москва, 1892 г. Кіевскія рукописныя собранія обладаютъ массой драгоцѣнныхъ рукописей, въ большинствѣ случаевъ, извѣстныхъ только немногимъ спеціалистамъ, которые имѣли возможность познакомиться съ ними на мѣстѣ. Изъ этихъ сокровищъ до сихъ поръ изданы только незначительныя крохи; большинство собраній даже не описано. Г. Петрову пришла благая мысль восполнить этотъ существенный пробѣлъ: онъ уже далъ лѣтъ 15 тому назадъ обстоятельное описаніе рукописей кіевскаго церковно-археологическаго музея; въ настоящемъ трудѣ описаны рукописи митроп. Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго и Кіево-братскаго монастырей, кіевской духовной семинаріи.

Большинство описанныхъ въ настоящемъ выпускѣ рукописей—богословскаго содержанія; указано и много цѣнныхъ матеріаловъ для

исторіи старой южно-русской и древне-русской литературы: наприм., Златоустъ XVI в. (стр. 5—19), разнообразные матеріалы по исторіи раскола (стр. 95—141), отрывки изъ *Пчелы*, имѣющіе отношеніе къ слову Даніила Заточника (стр. 169), историческая палея XVII в. (стр. 193—197), рядъ піитикъ и реторикъ съ разнообразными историко-литературными матеріалами (стр. 274—292) и проч. Систематически и обстоятельно составленныя описанія всѣхъ этихъ рукописей (главнымъ образомъ, сборниковъ) даютъ полную возможность ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Въ упрекъ можно поставить только отсутствіе предметнаго указателя, облегчающаго справки въ книгѣ, и обиліе опечатокъ (въ особенности на первыхъ листахъ), изъ которыхъ далеко не всѣ поправлены.

Палея толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломыѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. Вып. I. Москва, 1892 г. До сихъ поръ еще историки русской литературы и русскаго языка имѣютъ очень мало изданій старыхъ памятниковъ, которыя удовлетворяли бы научнымъ требованіямъ, точно воспроизводили бы текстъ, освобождая отъ необходимости знакомиться съ рукописями, иногда очень затруднительной. Еще меньше изданій, которыя, кромѣ точности воспроизведенія, давали бы матеріалъ для критики текста—варіанты и разночтенія изъ другихъ рукописей, подведенныя подъ текстъ, принятый за основной.

Въ томъ и другомъ отношеніи настоящее изданіе должно признать образцовымъ. Текстъ лучшаго пергаминнаго списка этого замѣчательнаго памятника древне-русской литературы воспроизведенъ съ образцовою тщательностью—строка въ строку, буква въ букву, съ сохраненіемъ орнаментовъ заглавныхъ буквъ, съ подведеніемъ варіантовъ изъ 8 списковъ той же редакціи. Для интересующихся *Палеей* это изданіе сдѣлается настольною книгой. Не легкій трудъ этотъ, заслуживающій полнаго вниманія интересующихся родною стариной, задуманъ учениками Н. С. Тихонравова по случаю сорокалѣтія его ученой дѣтельности. Къ изданію приложены 2 фотографическія таблицы, воспроизводящія 2 листа коломенской рукописи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Сообщеніе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ".—„Сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и Кутаисской губ.".

Сообщеніе с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Изд. подъ редакціей секретаря отдѣленія. Выпускъ 5-й. 1892 г. Въ первой части разсматриваемаго труда обсуждается вопросъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и кассахъ въ Германіи съ момента ихъ зарожденія по настоящее почти время (1850—1890 г.). Упомянувъ о томъ, что за этотъ сравнительно небольшой періодъ времени число ихъ достигло внушительной цифры 7,608 (3,910 ссудо-сберегательныхъ, 3,664 различныхъ промышленныхъ, 984 потребительныхъ и 50 такъ называемыхъ строительныхъ), авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи сосредоточиваетъ свое вниманіе на разсмотрѣніи принциповъ, лежащихъ въ основаніи дѣятельности кассъ товариществъ, приложеніе этихъ принциповъ на практикѣ, результатовъ этой дѣятельности, причемъ ограни-

чивается цифровыми данными за послѣднія 10—11 лѣтъ. Само собою разумѣется, что больше всего мѣста отводится характеристикѣ двухъ главнѣйшихъ типовъ кредитныхъ учрежденій: товариществу Шульце-Делича и кассѣ Райфезена, послужившихъ прототипомъ для всѣхъ другихъ кассъ и товариществъ. Мы не станемъ останавливаться на детальномъ разсмотрѣніи каждаго изъ этихъ двухъ кредитныхъ учрежденій, интересующіеся этимъ вопросомъ имѣютъ возможность обстоятельно познакомиться съ нимъ по работамъ Крюгера, Картуа, Крауза, Лебарбье, Штегера и др.; здѣсь мы ограничимся только выясненіемъ, въ короткихъ словахъ, той принципіальной разницы, которая существуетъ между этими двумя учрежденіями, задавшимися одною общею цѣлью—доставленія дешеваго кредита своимъ членамъ. Кассы Райфезена преслѣдуютъ на ряду съ матеріальными и нравственныя цѣли, и, притомъ, настолько, что даютъ право Картуа утверждать, что Райфезенъ „скорѣе преслѣдуетъ религіозно-нравственныя цѣли, чѣмъ ищетъ матеріальныхъ выгодъ"; особенно ясно это видно изъ выставленнаго учредителемъ принципа, формулированнаго словами: „чѣмъ трудолюбивѣе и способнѣе крестьянинъ, тѣмъ болѣе онъ является достойнымъ кредита", здѣсь на первый планъ выступаетъ *личный* характеръ кассъ, вопреки девизу Шульце-Делича, который переноситъ центръ тяжести съ личности на имущество: „Чѣмъ больше,—говоритъ онъ,—имѣетъ *капитала* членъ, тѣмъ больше его паевая доля, тѣмъ больше ему можетъ быть предоставленъ кредитъ". Таково чисто-теоретическое различіе между этими двумя типами кредитныхъ учрежденій. Естественно, далѣе, что первый изъ указанныхъ принциповъ ставитъ членовъ райфензенскихъ кассъ подъ строгую и постоянную опеку и даетъ право членамъ правленія обращаться за помощью извнѣ, что вовсе не допустимо въ товариществахъ Шульце-Делича. Задавшись общею цѣлью—доставленія дешеваго кредита своимъ членамъ, кассы и товарищества въ дальнѣйшемъ рѣзко расходятся, оперируя въ разныхъ классахъ населенія. Первыя служатъ нуждамъ мелкихъ земледѣльцевъ, вторыя положили своею задачей поддержку класса мелкихъ промышленниковъ въ борьбѣ съ крупными. Логическимъ слѣдствіемъ личнаго характера кассъ Райфезена было отрицательное отношеніе ихъ учредителя къ значенію паевъ, играющихъ такую видную роль въ товариществахъ Шульце-Делича. Дальнѣйшее различіе сводится къ самой организаціи, дѣятельности и результатамъ этой дѣятельности. Сравнивая эти два совершенно различныхъ по своей идеѣ и организаціи учрежденій въ отношеніи пригодности служить къ удовлетворенію потребности въ легкомъ кредитѣ въ нашей русской жизни, авторъ совершенно отвергаетъ типъ товариществъ и склоняется на сторону кассъ, какъ наиболѣе удовлетворяющихъ основнымъ требованіямъ мелкаго кредита (кредитъ долженъ быть мѣстнымъ, личнымъ и мелкимъ). Вторая часть посвящается разбору дѣятельности потребительныхъ обществъ.

Въ общемъ весь разсматриваемый трудъ представляетъ изъ себя трудно-читаемый сырой матеріалъ; авторъ, очевидно, хотѣлъ указать на связь и будущее значеніе разбираемыхъ типовъ кредитныхъ учрежденій для русской жизни, но объ этомъ упоминается только вскользь, отчего работа вся теряетъ очень много въ самомъ своемъ значеніи, не дается категорическаго отвѣта, могутъ ли вообще райфензенскія кассы въ своемъ чистомъ видѣ служить для удовлетворенія потребности въ нашей русской жизни, или если нужны какія-нибудь измѣненія и откло-

ненія отъ первоначальнаго типа, то какія. Безпорядочность же въ планѣ изложенія всей книги мѣшаетъ еще болѣе цѣльности впечатлѣнія.

Сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. Издано закавказскимъ статистическимъ комитетомъ подъ редакціей Е. Кондратенка. 1893 г. Это изданіе закавказскаго статистическаго комитета состоитъ, главнымъ образомъ, изъ таблицъ, сообщающихъ довольно подробныя данныя по землевладѣнію и платежамъ временно-обязанныхъ крестьянъ и поселянъ, водворенныхъ на частновладѣльческихъ земляхъ въ Тифлисской губ., а также объ экономическомъ положеніи хизанъ Тифлисской и Кутаисской губерній. Значительнѣйшая доля этихъ данныхъ, какъ это обыкновенно бываетъ и въ изданіяхъ другихъ правительственныхъ статистическихъ органовъ, добыта не путемъ мѣстнаго изслѣдованія, а изъ дѣлъ различныхъ учрежденій; тѣмъ не менѣе, матеріалы, опубликованные въ лежащемъ передъ нами *Сводѣ*, имѣютъ значительный интересъ и тѣмъ большую цѣнность, что получили довольно полное освѣщеніе въ предпосланномъ имъ обзорѣ г. Кондратенка. Въ этомъ обзорѣ разработаны также данныя о земляхъ привилегированныхъ сословій и крестьянъ, о мобилизаціи земельной собственности, и помѣщена интересная глава о преобладающихъ культурахъ и о существующихъ способахъ хозяйства въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ.

Хизане, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ крестьянъ, поселившихся на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. За пользованіе землей хизане отбываютъ разнообразнѣйшія повинности личнымъ трудомъ и отдѣляютъ владѣльцамъ земли условленную долю урожая зерна и винограда. Хизанъ въ Тифлисской губ. значительно больше, чѣмъ въ Кутаисской; въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ Тифлисской губ. ихъ насчитывалось до 26 тысячъ душъ мужского пола, тогда какъ въ Кутаисской немного больше 8 тыс. душъ. Число хизанъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ быстро ростетъ: такъ, наприм., въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ., они съ 1882—1884 гг. до 1890 г. болѣе чѣмъ удвоились: вмѣсто 3,222, стало 7,148 дымовъ хизанъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ почти $^{9}/_{10}$ всѣхъ хизанъ жили на занимаемыхъ ими земляхъ болѣе чѣмъ по 10 лѣтъ, а чуть не пятая доля ихъ водворилась на эти земли болѣе 50 лѣтъ.

Въ Кутаисской губерніи преобладаетъ мелкое подворное владѣніе землей, обусловливающее собой чрезвычайную черезполосицу; благодаря этому, веденіе здѣсь крупнаго полевого хозяйства немыслимо. Даже крупные мѣстные землевладѣльцы сдаютъ земли въ аренду крестьянамъ, и сколько-нибудь усовершенствованныя земледѣльческія орудія не касались здѣшней почвы. Почти все хозяйство Кутаисской губерніи основано на производствѣ кукурузы и винодѣліи; кукуруза имѣетъ хорошій заграничный сбытъ, а вино потребляется, главнымъ образомъ, мѣстнымъ и тифлисскимъ городскимъ населеніемъ.

Земледѣліе Тифлисской губ. также находится исключительно въ рукахъ крестьянъ; частновладѣльческія земли сдаются имъ въ аренду. Главными хлѣбами здѣсь слѣдуетъ считать озимую (частью и яровую) пшеницу и ячмень; воздѣлываніе кукурузы здѣсь распространено сравнительно незначительно, но винодѣліе и виноградарство и здѣсь представляются одною изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства. Наиболѣе обширною мѣстностью винодѣлія, по справедливости, считается Кахетинскій районъ и преимущественно Ахалкалакская долина. Подъ виноградниками въ Тифлисской губ. насчитывается до 47 тысячъ дес.,

и съ нихъ добывается до 3 милліоновъ ведеръ вина, т.-е. всего лишь, въ среднемъ, 68 ведеръ съ десятины. Такой незначительный урожай объясняется крайне несовершенными способами обработки виноградниковъ. Самая выдѣлка вина настолько примитивна, что цѣна за ведро колеблется между $1^1/_2$ и 3 рублями. Какъ во времена давно минувшія, такъ и теперь гроздья винограда кладутъ въ деревянную давильню, и рабочіе ногами давятъ сокъ. Это сусло стекаетъ въ глиняные кувшины и недѣли черезъ двѣ-три, перебродивъ, превращается въ молодое вино. Въ послѣднее время въ Кахетіи открытъ удѣльнымъ вѣдомствомъ образцовый погребъ для правильной выдержки вина.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Неимущественный интересъ въ обязательствѣ". *Е. В. Пассека.* — „Исторія межевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія". *И. Германа.* — „Межевой сборникъ". *Б. А. Долячко.*

Неимущественный интересъ въ обязательствѣ. Е. В. Пассека. Юрьевъ, 1893 г. Диссертація г. Пассека посвящена разсмотрѣнію столь же спорнаго, сколько и интереснаго въ наукѣ гражданскаго права вопроса о томъ, требуется ли для дѣйствительной силы обязательства денежная цѣнность того дѣйствія, которое составляетъ предметъ обязательства, или же юридическою защитой пользуются и такія обязательства, которыя не представляютъ никакого имущественнаго интереса. Въ нашей литературѣ этого вопроса касался уже проф. Муромцевъ въ своемъ *Опредѣленіи и раздѣленіи права*. Какъ и его предшественникъ, г. Пассекъ присоединяется къ воззрѣнію нѣмецкихъ юристовъ Виндшейда и Іеринга, что защитою могутъ пользоваться и интересы неимущественные. Основное положеніе автора состоитъ въ томъ, что обязательство дѣйствительно независимо отъ имущественной цѣнности дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства. Въ частности авторъ доказываетъ это положеніе для римскаго права на подробномъ анализѣ текстовъ, но предпосылаетъ этой спеціальной части своей работы изложеніе исторіи вопроса въ средневѣковой литературѣ и въ новой нѣмецкой догматической литературѣ. Въ исторіи западныхъ законодательствъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что тексты законовъ не упоминали о необходимости имущественнаго интереса для дѣйствительной силы обязательства, но требованіе имущественнаго интереса внесено было догматическою литературой, между тѣмъ какъ судебная практика (во Франціи и Англіи) отрѣшилась отъ него. Авторъ отмѣчаетъ особенности русскаго законодательства и судебной практики, строже другихъ проводящихъ требованіе имущественнаго интереса. Въ спеціальной части своей работы авторъ развиваетъ положеніе, что защита имущественныхъ интересовъ (способы и размѣры защиты) выдвигаетъ впередъ вопросъ объ организаціи гражданскаго правосудія, но что теоретически защита эта достижима при любой системѣ принужденія,—какъ при непосредственномъ давленіи на волю должника, такъ и при возстановленіи нарушеннаго права въ натурѣ, такъ и, наконецъ, при системѣ возмѣщенія ущерба въ денежной суммѣ. Въ частности для римскаго права времени Юстиніана авторъ доказываетъ свой принципъ, что обязательство было дѣйствительно независимо отъ имущественнаго интереса, разборомъ матеріальнаго права и организаціи судопроизводства. Книга написана легкимъ и яснымъ

языкомъ. Заслуживаетъ упоминанія введеніе термина „цѣнность особаго пристрастія“ для передачи нѣмецкаго Affectionswerth и французскаго prix d'affection.

Исторія межевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія (1649—1765 гг). И. Германа. Москва, 1893 г. Подъ этимъ громкимъ наименованіемъ дается довольно подробный, по крайней мѣрѣ, для эпохи соборнаго уложенія, сборникъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ по вопросу о межеваніи земель у насъ въ Россіи. Цѣлыя страницы сборника г. Германа заняты выписками изъ законовъ о межеваніи, дѣлами и спорами о межахъ, писцовыми наказами и тому подобными документами, помѣщенными въ текстѣ и приложеніяхъ (см., наприм., стр. 61 и сл., 71 и сл., 86 и сл., 114 и сл., 317 и сл.). Всѣ эти обильныя выписки сопровождаются иногда небольшими и малозначительными замѣчаніями, причемъ остаются безъ объясненій самыя важныя и темныя мѣста первоисточниковъ. Въ предисловіи къ своему сборнику г. Германъ ссылается на разбросанность законодательныхъ матеріаловъ по межеванію и на необходимость ихъ соединенія въ интересахъ учащихъ и учащихся (стр. I и II). Съ этимъ можно, конечно, согласиться, но это вовсе не оправдываетъ наименованія этого *Сборника межевыхъ законовъ — Исторіею межевого законодательства*. Подъ исторіею законодательства ужь, конечно, нельзя понимать механическаго и довольно случайнаго собранія, безъ серьезнаго научнаго комментарія, законодательныхъ актовъ по тому или иному отдѣлу права; „исторія законодательства“ нѣчто болѣе важное, чѣмъ думаетъ это, повидимому, авторъ...

Но, какъ сборникъ, особенно по XVII в., книжка г. Германа составлена удовлетворительно. Что касается XVIII в., и особенно елизаветинскаго царствованія, то въ архивныхъ документахъ, относящихся къ эпохѣ, особенно въ дѣлахъ сената, можно найти не мало законодательныхъ актовъ, повидимому, неизвѣстныхъ автору. Цѣна сборника (3 р.), въ виду его размѣровъ, кажется намъ довольно высокою.

Межевой сборникъ. Сводъ законовъ межевыхъ. Составилъ Б. А. Долячко. Москва, 1893 г. Цѣна 7 р. Наши межевые законы страдаютъ большими недостатками. Многочисленныя разъясненія, циркуляры и т. п. помѣщаются въ мало доступныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ. Присяжный повѣренный округа московской судебной палаты г. Долячко составилъ обширный сборникъ (тысяча сто страницъ крупнаго формата и убористаго шрифта), который является отличнымъ пособіемъ для юриста и для каждаго, кому приходится имѣть межевыя дѣла. Въ приложеніяхъ помѣщены разныя инструкціи, формы прошеній, довѣренностей и т. п. Справки облегчаются толково составленнымъ алфавитнымъ указателемъ

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

садники“. *Аристофана.*— „Рѣчь оратора Демосѳена о вѣнкѣ“. *Н. Виноградова.*— жеръ: введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ“. *Р. Джебба.* — „Прометей въ оковахъ“. *гила.*— „Философскіе трактаты о старостѣ и о дружбѣ“. *М. Туллія Цицерона.*— „Алфавитъ изъ 31-й буквы“. *А. Бѣляевскаго.*

Всадники, комедія Аристофана. Перевелъ Андрей Станкевичъ. б., 1892 г. Книжка эта содержитъ въ себѣ краткое введеніе, гдѣ общаются историко-литературныя свѣдѣнія о *Всадникахъ* и стихорный переводъ этой комедіи съ объяснительными примѣчаніями; ді-

алогическія части переведены размѣромъ подлинника (ямбами, трохеями, анапестами). Въ глазахъ филолога переводъ этотъ не выдерживаетъ критики; авторъ его не только не умѣетъ передать тонкихъ оттѣнковъ языка Аристофана, но часто не понимаетъ даже довольно простыхъ оборотовъ подлинника; такъ, вмѣсто „о Посейдонъ! какое (прекрасное) занятіе“ (ст. 144), г. Станкевичъ пишетъ „о Посейдонъ искусства“, вмѣсто „глупъ, какъ баранъ“ (ст. 264), онъ переводитъ „овцеводъ“ и т. д. Примѣчанія къ переводу составлены по нѣмецкому изданію Кока; но и здѣсь дѣло не обошлось безъ грубыхъ ошибокъ, наприм., „рабы за бѣгство наказывались сдираніемъ кожи“ (стр. 6): ничего подобнаго въ Греціи не было; г. Станкевичъ не понялъ примѣчанія Кока, гдѣ говорится о наказаніи „разрывающими кожу“ ударами. Въ примѣчаніи на стр. 47 сказано, что комикъ Магнетъ одержалъ, „по свидѣтельству Аристотеля, 11 побѣдъ“, но извѣстіе это сообщается вовсе не Аристотелемъ, а анонимнымъ авторомъ трактата *О комедіи*.

Однако, для читателей неспеціалистовъ ошибки эти не представляютъ особенно большой важности, такъ какъ общій смыслъ передается по большей части вѣрно; до нѣкоторой степени ошибки эти искупаются легкостью стиха и довольно яснымъ и правильнымъ языкомъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи переводъ далеко не всегда безукоризненъ: такъ, среди пяти- и шестистопныхъ ямбовъ, которыми переведенъ діалогъ, вдругъ попадается стихъ семистопный: (старикъ) „свирѣпый, вспыльчивый и до бобовъ охотникъ“ (стр. 7). Изъ ошибокъ противъ языка можно указать, наприм., слѣдующія: „я тайкомъ стянулъ святой оракулъ, котораго берегъ онъ такъ“ (стр. 12), „блажененъ“ (стр. 15), „онъ не разъ *во дни* клевещетъ“ (стр. 22) и пр.

Рѣчь оратора Демосѳена о вѣнкѣ. Николая Виноградова, преподавателя виѳанской духовной семинаріи. Москва, 1893 г. Цѣна 25 к. При самомъ переводѣ своемъ рѣчи Демосѳена г. Виноградовъ не говоритъ, съ какою цѣлью и для кого онъ перевелъ эту рѣчь, и поэтому мы должны воспользоваться указаніемъ на обложкѣ, гдѣ, послѣ перечисленія книжекъ того же „издателя“ и автора, мы читаемъ, что всѣ онѣ предлагаются „почтеннѣйшей русской публикѣ у такихъ-то книгопродавцевъ“. Это указаніе важно, такъ какъ мы менѣе всего могли бы думать, что переводъ предназначается для „публики“: „публикѣ“ едва ли нуженъ подстрочный переводъ съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей греческаго языка, затрудняющихъ пониманіе произведенія на русскомъ языкѣ,—переводъ, который написанъ не просто тяжело, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ непонятно. Для образца приводимъ нѣсколько строчекъ: „Конечно, невозможно ему (т.-е. Эсхину) преслѣдовать Ктизифонта изъ-за меня, и онъ не взвелъ бы обвиненія на меня и, если бы онъ думалъ изобличить меня, онъ не жаловался бы на него. И дѣйствительно, если бы онъ засталъ (ἑώρα) меня въ чемъ-либо изъ прочаго, за что онъ теперь оклеветалъ меня при введенныхъ на меня преступленіяхъ, или увидѣлъ, что я поступаю несправедливо въ чемъ-либо съ вами, то есть законы на все и взысканія, и состязанія, и суды (имѣющіе), сопровождающіеся горькими и сильными взысканіями, и всѣмъ этимъ возможно пользоваться противъ меня, и если бы оказалось, что онъ что-либо изъ этого сдѣлалъ и воспользовался такимъ образомъ противъ меня, то жалоба за проступки его единогласно признана была бы“ (стр. 12). Читатель, думаемъ, согласится, что приведенное мѣсто не особенно вразумительно, а такъ какъ подобныхъ мѣстъ

въ разсматриваемомъ переводѣ много, то мудрено предположить, чтобы онъ нашелъ себѣ читателей среди публики. Такимъ образомъ, переводъ г. Виноградова поневолѣ очутится въ рукахъ учащихся, которые воспользуются имъ при изученіи Демосѳена, хотя такое изученіе выиграетъ очень мало отъ перевода, никоимъ образомъ не могущаго послужить усвоенію достоинствъ рѣчи греческаго оратора.

Гомеръ: введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Р. Джебба. Съ англійскаго перевелъ съ согласія автора А. Ѳ. Семеновъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. Трудъ профессора Джебба, подъ названіемъ: *Гомеръ: введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ*, имѣетъ, по справедливому мнѣнію русскаго переводчика г. Семенова, не мало достоинствъ. Правда, это не болѣе, какъ характеристика великихъ греческихъ поэмъ, но характеристика въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Читатель найдетъ въ книгѣ профессора Джебба не только указанія на положеніе, которое занимаютъ Иліада и Одиссея въ исторіи литературы, но и на историческое значеніе ихъ для уясненія ранняго періода греческой жизни, онъ обстоятельно познакомится какъ съ критикой, примѣненной къ поэмамъ въ древности, такъ и съ новѣйшими ученіями о мѣстѣ и времени ихъ происхожденія. Такимъ образомъ, авторъ ограничивается тѣмъ, что даетъ въ своей книгѣ ясную картину „гомеровскаго міра“ и „цивилизаціи у Гомера“; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сводитъ всѣ существующіе взгляды на гомеровскій вопросъ, въ чемъ и заключается главное значеніе его труда, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что имѣть подъ рукой подобный сводъ весьма важно для всякаго, кто сталъ бы заниматься Гомеромъ. Только что названный сводъ отличается большою систематичностью, связностью и рѣдкою добросовѣстностью составленія, причемъ, если проф. Джеббъ, какъ онъ выражается, „старался вездѣ различать то, что не подлежитъ сомнѣнію, отъ того, что есть только конъектура, основанная на большей или меньшей вѣроятности“ (стр. 202), то его старанія увѣнчались, по нашему мнѣнію, полнѣйшимъ успѣхомъ. Это, конечно, большая заслуга со стороны автора, но нельзя вынести чего-нибудь большаго изъ его книги: совсѣмъ оригинальными являются здѣсь только частности, что и понятно, такъ какъ проф. Джеббъ смотритъ на дѣло слѣдующимъ образомъ: „Границы, — говоритъ онъ, — въ которыхъ возможно рѣшеніе гомеровскаго вопроса, были ясно опредѣлены трудами цѣлаго ряда ученыхъ, и что касается этихъ общихъ границъ, то съ ними въ настоящее время почти всѣ согласны“ (стр. 202).

Что касается перевода, то г. Семеновъ сдѣлалъ все, чтобы книга читалась по-русски легко: языкъ правиленъ, точенъ и литературенъ.

Прометей въ оковахъ. Драма Эсхила. Переводъ Л. Н. Дурдуфи. Одесса, 1893 г. Въ предисловіи къ своему переводу г. Дурдуфи заявляетъ, что только отсутствіе въ нашей литературѣ хоть сколько-нибудь удачныхъ переводовъ великаго произведенія Эсхила побуждаетъ его рѣшиться напечатать свою работу, законченную еще въ 1885 году. Самъ же лично онъ смотритъ на свой трудъ лишь „какъ на простую п ...бу пера,—какъ на попытку, быть можетъ, нѣсколько смѣлую, испробов... ь свои силы на безсмертномъ твореніи греческаго трагика“ (предисл.). С ...навая всю трудность передачи на современный русскій языкъ прои ...еденія античнаго писателя, г. Дурдуфи сомнѣвается въ своихъ сил ...ъ и всю заслугу своей работы полагаетъ только въ томъ, что „когда-л ...о другой, болѣе опытный переводчикъ, прежде чѣмъ приступить къ п ...едачѣ *Прометея* на русскій языкъ, внимательно ознакомится съ

ошибками и недостатками настоящаго перевода, и это поможетъ ему избѣжать тѣхъ же ошибокъ и недостатковъ въ своей работѣ" (предисл.).

Намъ такой взглядъ г. Дурдуфи на свой трудъ кажется, по меньшей мѣрѣ, скромнымъ. Прежде всего, *Прометей въ оковахъ* — произведеніе великое; оно не только имѣетъ историко-литературный интересъ, но и въ настоящее время поражаетъ своими художественными достоинствами, а потому попытка дать возможность всякому желающему познакомиться съ нимъ есть предпріятіе, заслуживающее само по себѣ большого уваженія. Что же касается самаго перевода *Прометея*, то, конечно, онъ не блещетъ какими-нибудь особенно типическими для дѣйствующихъ лицъ выраженіями и оборотами, равно какъ и самый стихъ его подчасъ сбиваетъ на далеко не звучную прозу, но простота и отсутствіе всякой высокопарности составляютъ главныя достоинства этого перевода, и, благодаря имъ, читатель легко можетъ судить о всѣхъ красотахъ подлинника знаменитой драмы. Крупныхъ недостатковъ въ переводѣ нѣтъ; совсѣмъ неудачными могутъ быть названы только нѣкоторыя частности. Таково, напримѣръ, восклицаніе *Гефеста* по поводу приказанія *Насилія* приладить покрѣпче кандалы для *Прометея:* „О, какъ *въ пору* твои слова идутъ къ твоей фигурѣ!" (стр. 11). Далѣе, едва ли умѣстно увѣщаніе *Океана,* съ которымъ онъ обращается къ *Прометею:* „И такъ, послушайся меня: *не при противъ рожна*" (стр. 21). Еще далѣе, не странны ли такія слова *Прометея:* „Но все, что до сихъ поръ ты слышала, *пока—одни цвѣточки...*" (стр. 36). Въ этомъ родѣ можно было бы указать и еще кое-что, но, повторяемъ, все это—частности; въ общемъ же переводъ г. Дурдуфи представляетъ изъ себя настолько полезное явленіе, что можно только пожелать ему широкаго распространенія.

Философскіе трактаты о старости и о дружбѣ. М. Туллія Цицерона. Переводъ И. Семенова. Москва, 1893 г. Цѣна 35 коп. Если въ предисловіи къ своему переводу г. Семеновъ ничего не говоритъ о цѣли и назначеніи его, за то изъ того же предисловія мы узнаемъ смыслъ предлагаемыхъ трактатовъ Цицерона, которые, по словамъ переводчика, „имѣютъ своимъ содержаніемъ проявленія духа въ двухъ сторонахъ человѣческой жизни: жизни личной, индивидуальной, и въ сферѣ частныхъ, взаимныхъ отношеній" (см. предисл.). Книга съ подобнымъ содержаніемъ можетъ найти себѣ, на нашъ взглядъ, читателей, а отсюда слѣдуетъ, что выборъ произведенія для перевода со стороны г. Семенова удаченъ. Нельзя, однако, назвать разсматриваемый переводъ вполнѣ хорошимъ. Правда, многія мѣста переданы не только правильнымъ, но и литературнымъ русскимъ языкомъ, но рядомъ съ такими мѣстами существуютъ и другія, чтеніе которыхъ явится тяжелою работой для читателя. Вотъ, напримѣръ, что находимъ на стр. 6-й въ трактатѣ *О старости*: „Вообще самыя удобныя орудія противъ старости — наука и жизнь по принципамъ человѣчности, что культивируемое во всякомъ возрастѣ, какъ бы долго и много кто ни жилъ, приноситъ достойные удивленія плоды не только потому, что они никогда не оставляютъ человѣка, даже въ послѣднее время жизни,—хотя это уже весьма важно и потому, что сознаніе хорошо проведенной жизни, а вмѣстѣ и воспоминаніе многихъ хорошихъ поступковъ весьма пріятно". Кажется, безъ оговорокъ можно признать, что подобное мѣсто никто не назоветъ удобопонятнымъ, и, стало быть, недостатки перевода налицо; объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что, какъ уже сказано, книга г. Семенова имѣетъ и достоинства.

Алфавитъ изъ 31-й буквы. Проектъ установленія международной письменности. А. Бѣляевскаго. Варшава, 1892 г. Цѣна 25 к. Если въ своей брошюрѣ *Сближеніе русскихъ съ французами посредствомъ усовершенствованія и объединенія ихъ письменностей*, которой мы не имѣемъ въ распоряженіи, г. Бѣляевскій говорилъ только о русскихъ и французахъ, во второй брошюрѣ *Алфавитъ изъ 31-й буквы* онъ предлагаетъ „объединенную письменность“ и для другихъ неславянскихъ и славянскихъ народовъ. Такимъ образомъ, мы можемъ отчасти понять, какія такія „громадныя неудобства“ вытекаютъ „изъ существующихъ у французовъ и русскихъ несоотвѣтствій между количествомъ (числомъ) буквъ въ ихъ настоящихъ алфавитахъ и количествомъ тѣхъ элементарныхъ звуковъ, какіе лежатъ въ основѣ организаціи звукосочетаній ихъ устныхъ словъ“ (стр. 2). Вотъ какъ выражается на этотъ счетъ г. Бѣляевскій: „Общечеловѣческія, гуманныя и политико-экономическія выгоды отъ *единой* во всемъ цивилизованномъ мірѣ *письменности* такъ многосторонни и обширны, а въ общемъ итогѣ такъ громадны, что всѣ взрослые люди, какой бы національности и географическому положенію ни принадлежали, не могутъ, во имя даже только интересовъ своихъ юныхъ дѣтей, братьевъ и сестеръ, не пойти съ радостью къ осуществленію идеи таковаго рода письменности“ (стр. 16). Не скроемъ отъ автора, что выписанныя патетическія слова его намъ представляются большимъ преувеличеніемъ, и потому мы не раздѣляемъ его утвержденія, будто выработка одного общаго алфавита и одной общей азбуки „составляетъ дѣло большой, настоятельной и, притомъ, прямо государственной важности“ (стр. 14).

Какъ бы то ни было, однако, а если разбираемую брошюру очистить отъ авторскихъ увлеченій, въ ней найдется много поучительнаго, и всего интереснѣе основная мысль ея. Въ самомъ дѣлѣ, если бы рано или поздно число буквъ можно было привести въ строгое соотвѣтствіе съ числомъ основныхъ звуковъ, причемъ буквы получили бы значеніе фонографическихъ знаковъ, и письмо буквами словъ превратилось бы въ *звукопись*, въ *фонографію*, а сама орѳографія, отъ которой „страдаютъ“ и русскіе, и французы, и другіе народы, упразднилась (стр. 2, 6 и 8), то въ этомъ не было бы, кажется, ничего, кромѣ пользы. Справедливо разсуждаетъ г. Бѣляевскій, что существуетъ же общенародная нотная музыкальная письменность,—отчего бы не быть и общенародной буквенной письменности (стр. 8): времени бы и труда сохранилось очень много. Тѣмъ не менѣе, разработка основной мысли у г. Бѣляевскаго не вездѣ удовлетворительна, и, прежде всего, можно ли принять для означенной цѣли его алфавитъ изъ 31-й буквы, это еще вопросъ. Во французскомъ и русскомъ языкахъ авторъ проекта установленія международной письменности насчитываетъ 27 однихъ и тѣхъ же звуковъ, но при этомъ въ число ихъ вводитъ такіе звуки, какъ русскіе *х*, *ч* и *ц*, которые будто бы изображаются французами черезъ *kh*, *tch*, *ts* (стр. 3). Мудренаго нѣтъ, что изображаются, но замѣняютъ ли собою русскіе звуки и вполнѣ ли соотвѣтствуютъ имъ?

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Жизнь животныхъ Брэма". *Изд. С. М. Переяславцевой.*—„Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брэму и многимъ другимъ источникамъ". *Эльпе.*—„Жигули и извѣстнякъ, которымъ мостятъ улицы г. Самары". *П. А. Ососкова.*—„„Allgemeine Meerskunde", *von Jogannes Walther.*

Жизнь животныхъ А. Брэма. Популярное изданіе. 1,200 иллюстрацій въ текстѣ и 1 карта. Переводъ со 2-го нѣмецк. изд. подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Одесса, 1893 г. Всякій согласится, что въ интересахъ общедоступности полный текстъ *Жизни животныхъ* Брэма нуждается въ сокращеніи и нѣкоторой переработкѣ, такъ какъ сочиненіе это слишкомъ объемисто, а потому и дорого, и, кромѣ того, содержитъ много страницъ или слишкомъ спеціальныхъ, или же прямо неудобныхъ для чтенія, особенно въ кругу юныхъ читателей и читательницъ. Необходимость такой переработки вызвала появленіе на нѣмецкомъ языкѣ „сокращеннаго" Брэма, каковой и переводится въ настоящее время на русскій языкъ. Переводъ выходитъ выпусками въ 2—3 печатныхъ листа большого формата и довольно убористаго шрифта. Всего должно выйти 75 выпусковъ, которые составятъ 6 полутомовъ, приблизительно по 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. По подпискѣ 5 выпусковъ стоятъ 1 руб., а въ розничной продажѣ цѣна каждаго выпуска составляетъ 25 коп. безъ пересылки. Что же касается текста перевода и рисунковъ, то въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать вполнѣ удовлетворительными, хотя внѣшній видъ изданія довольно невзраченъ. Послѣднее, впрочемъ, составляетъ общій недостатокъ русскихъ изданій и съ нимъ невольно приходится мириться, тѣмъ болѣе, что книга читается съ интересомъ и отличается богатствомъ содержанія.

Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брему и многимъ другимъ источникамъ, въ популярномъ изложеніи Эльпе. Домашняя кошка, съ одною хромолитографіей и девятью рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 коп. Г. Эльпе задумалъ немножко пополнить и исправить Брэма, который, по его мнѣнію, отводитъ слишкомъ мало мѣста „русской фаунѣ и русскимъ изслѣдованіямъ о ней". Въ виду этого, г. Эльпе рѣшилъ „дать цѣлый рядъ отдѣльныхъ, вполнѣ законченныхъ очерковъ, причемъ каждый очеркъ посвящается одному или нѣсколькимъ близкороднымъ видамъ животныхъ, съ возможно-подробною характеристикой ихъ образа жизни, нравовъ, повадокъ, приносимой ими человѣку пользы или вреда, описаніемъ различныхъ способовъ охоты" и проч., и проч. На первый разъ онъ остановилъ свое вниманіе на домашней кошкѣ, которую и описываетъ на 42-хъ страницахъ. Строго говоря, г. Эльпе было бы всего умѣстнѣе дать вполнѣ законченную зоологическую монографію домашней кошки, но онъ этого не дѣластъ и ограничивается только тѣмъ, что пишетъ довольно поверхностную и игривую апологію ея, всячески защищая свою избранницу отъ злыхъ навѣтовъ жестоковыйныхъ людей. Достаточно сказать, что въ „вполнѣ законченномъ очеркѣ" домашней кошки г. Эльпе не даетъ даже зоологической характеристики яе, чѣмъ не только не пополняетъ, но даже сокращаетъ Брэма. При такомъ характерѣ очерковъ г. Эльпе они могли бы и совсѣмъ не появляться въ печати и публика меньше пострадала бы отъ этого, чѣмъ теперь, когда ей приходится страдать какъ отъ неисправленной „односторонности" Брэма, такъ и отъ праздной болтливости г. Эльпе.

Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы г. Самары. Лекціи, читанныя преподавателемъ реальнаго училища П. А. Ососковымъ въ Самарѣ въ 1892 г. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ Самарской губ. и бѣдныхъ г. Самары. Самара, 1893 г. Ц. 90 к., съ пересылкой 1 руб. Хотя заглавіе лекцій г. Ососкова весьма скромно и на первый взглядъ можно подумать, что онъ говоритъ въ нихъ о предметѣ, имѣющемъ лишь мѣстный интересъ, но на самомъ дѣлѣ онѣ даютъ гораздо больше и, строго говоря, представляютъ собою какъ бы введеніе къ болѣе подробному изученію геологіи. Въ общемъ, г. Ососковъ справился съ своею нелегкою задачей довольно удачно и его лекціи, изложенныя живымъ и яснымъ языкомъ, читаются не безъ интереса. Авторъ касается въ нихъ почти всѣхъ основныхъ вопросовъ геологіи, хотя по временамъ увлекается и говоритъ о такихъ вещахъ, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу, какъ, напримѣръ, объ египетскихъ древностяхъ и о способѣ чтенія іероглифическихъ надписей. Не мало въ лекціяхъ и „лирическихъ отступленій", но послѣднія дѣлаются весьма кстати и не ослабляютъ серьезности изложенія. Текстъ снабженъ рисунками, картами и нѣсколькими недурно исполненными фототипіями, дающими изображеніе Жигулевскихъ горъ и Царева кургана. При указанныхъ достоинствахъ книги г. Ососкова, нельзя не пожелать ей возможно широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что часть сбора (25%) отъ продажи ея предназначается въ пользу фонда для устройства народныхъ чтеній въ Самарѣ.

Allgemeine Meereskunde, von Johannes Walther. Mit. 72 in den Text gedruckten. Abbildungen und einer Karte. Leipzig, 1893. Водная оболочка земного шара или гидросфера, отличаясь многими весьма существенными физико-химическими особенностями, служитъ ареною крайне сложныхъ и разнообразныхъ явленій, изученіе которыхъ, интересное само по себѣ, представляетъ громадную важность и въ практическомъ отношеніи. Неудивительно поэтому, что она издавна уже привлекала къ себѣ вниманіе отважныхъ и настойчивыхъ изслѣдователей; но особенно сильно моревѣдѣніе окрѣпло за послѣднія 20—30 лѣтъ, когда былъ снаряженъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ глубоководныхъ экспедицій. Съ особенною ревностью занялись изученіемъ морей и океановъ англичане, нѣмцы, французы, сѣвероамериканцы и нѣкоторыя другія національности. Къ сожалѣнію, мы остались почти чуждыми этого движенія въ области физико-географическихъ изысканій и весьма мало занимаемся изученіемъ не только чужихъ, но даже и своихъ собственныхъ морей. Наше равнодушіе въ этомъ отношеніи сказалось, между прочимъ, въ крайней бѣдности русской какъ спеціальной, такъ и популярной литературы по моревѣдѣнію. Не то мы видимъ за границей Не говоря уже о множествѣ спеціальныхъ изслѣдованій по этому предмету, можно указать не мало популярныхъ книгъ, въ которыхъ просто и толково излагается все существенное и необходимое для всесторонняго познанія гидросферы. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ и *Общее моревѣдѣніе* (Allgemeine Meereskunde) Вальтера, написанное съ большимъ знаніемъ дѣла и опытностью человѣка, привыкшаго обращаться къ большой публикѣ. Книга читается съ большимъ интересомъ и, въ то же время, отличается богатствомъ матеріала. Разсчитанная на средняго читателя, она, конечно, не даетъ особенныхъ подробностей, но за то все, сообщаемое въ ней, отличается свѣжестью и новизной, чѣмъ не всегда могутъ похвастаться книги популярнаго содержанія.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Урожаи ржи въ Европейской Россіи“. *А. Ѳ. Фортунатова.* — „Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ“. *М. Турскаго.* — „Семидесятилѣтній опытъ искусственнаго лѣсоразведенія на черноземѣ“. *Ив. Шатилова.* — „Стельная корова“. *Г. И. Гурина.* — „Искусственный выводъ цыплятъ (инкубація)“. *Г. Г. Псалти.* — „О прививкѣ деревьевъ“. *Его же.* — „Правильное сельско-хозяйственное счетоводство“. *Г. Н. Кузмина.* — „Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ и совѣты о кормленіи скота картофелемъ и другими кормами“. *С. П. Дремцова.*

Урожаи ржи въ Европейской Россіи. Алексѣя Фортунатова. Москва, 1893 г. Эта работа профессора Петровской академіи Фортунатова представлена имъ въ качествѣ диссертаціи на магистра сельскаго хозяйства. Такого рода прекрасными диссертаціонными работами мы далеко не избалованы; она потребовала отъ автора многолѣтняго труда, знаній, любви къ дѣлу и представляетъ собой самое выдающееся явленіе русской сельско-хозяйственной статистики послѣдняго времени. Обширный матеріалъ, легшій въ основаніе труда г. Фортунатова, имъ обстоятельно прокритикованъ; обработка этого матеріала строго-научна, а изложеніе автора отличается рѣдкою объективностью, граничащею съ нѣкоторою сухостью. Послѣднее обстоятельство, какъ намъ кажется, стоитъ въ связи съ диссертаціоннымъ характеромъ разсматриваемаго труда; тѣмъ не менѣе, все же можно было бы пожелать, чтобы авторъ не ограничивался констатированіемъ фактовъ и выясненіемъ зависимости размѣра урожаевъ отъ тѣхъ или иныхъ факторовъ, но давалъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объясненіе наблюденныхъ явленій. Дальше, знакомя читателя съ главнѣйшими выводами лежащаго передъ нами труда г. Фортунатова, мы отмѣтимъ, какія могутъ проистекать неудобства изъ того, что такой знатокъ дѣла, отказываясь отъ освѣщенія фактовъ и выводовъ, предоставляетъ самому читателю строить догадки по этому поводу.

Разсматриваемое изслѣдованіе обнимаетъ 50 губерній Европейской Россіи и оперируетъ надъ данными объ урожаяхъ главнѣйшаго русскаго культурнаго растенія — ржи. Ставя себѣ такую задачу, авторъ понимаетъ ее очень широко: онъ сначала подвергаетъ подробной критикѣ программы и пріемы собиранія матеріала и самый матеріалъ, надъ которымъ онъ намѣренъ оперировать, сопоставляя полученныя изъ разныхъ источниковъ данныя; затѣмъ онъ устанавливаетъ географію и хронологію урожаевъ ржи въ Европейской Россіи и — что особенно интересно — старается выяснить связь различныхъ размѣровъ урожая съ разнообразными факторами естественнаго и общественнаго порядка. Главнѣйшимъ матеріаломъ для разсматриваемой работы послужили свѣдѣнія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, а также собранныя самимъ авторомъ конкретныя записи частныхъ хозяйствъ отъ различныхъ лицъ и изъ литературныхъ источниковъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ не довольствовался изученіемъ печатныхъ массовыхъ матеріаловъ объ урожаяхъ, но ознакомился и съ сырыми, первичными записями центральнаго статистическаго комитета, департамента земледѣлія, нѣкоторыхъ губернскихъ и земскихъ статистическихъ учрежденій. Мало того, ему удалось добыть за 12 лѣтъ поуѣздныя свѣдѣнія объ урожаяхъ по всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ.

Само собою разумѣется, что наилучшимъ матеріаломъ для сужденія объ урожаяхъ были бы ежегодныя записи въ каждомъ отдѣльномъ хо-

зяйствѣ. Наши русскія свѣдѣнія очень далеки отъ такого идеала, такъ какъ въ милліонахъ крестьянскихъ хозяйствъ такія записи совершенно отсутствуютъ, да и въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ онѣ встрѣчаются рѣдко. Значительно чаще урожайныя отмѣтки дѣлаются по памяти; такой матеріалъ, конечно, нельзя считать достаточно достовѣрнымъ. О собираніи свѣдѣній объ урожаяхъ озабочивался еще Петръ Великій, учредившій еще въ 1719 году камеръ-коллегію, которая должна была „о плодородіи каждой провинціи накрѣпко увѣдомляться", а съ начала текущаго вѣка обязанности по доставленію урожайныхъ данныхъ возложены на губернаторовъ, которые и по настоящее время въ приложеніяхъ ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ обязательно сообщаютъ свѣдѣнія о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ. Къ этимъ отчетамъ съ начала 80-хъ годовъ присоединялись ежегодныя публикаціи объ урожаяхъ центральнаго статистическаго комитета и департамента земледѣлія, а за послѣднія 20 лѣтъ особенно много матеріала по урожайной статистикѣ собрано земско-статистическими учрежденіями. Первые три изъ современныхъ источниковъ объ урожаяхъ даютъ свѣдѣнія по всей Россіи, при чемъ для всеподданнѣйшихъ отчетовъ и для публикацій центральнаго статистическаго комитета первичными регистраторами являются волостныя правленія, а для департамента земледѣлія — его добровольные корреспонденты изъ мѣстныхъ жителей. Данныя земской статистики собраны путемъ экспедиціоннымъ, но за то обнимаютъ лишь часть уѣздовъ.

Сличая данныя объ урожаяхъ по общерусскимъ источникамъ, профессоръ Фортунатовъ приходитъ къ выводу, что данныя всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ на 7% ниже цифръ центральнаго статистическаго комитета, а комитетскія цифры — на 20% ниже свѣдѣній департамента земледѣлія. Для различныхъ общегосударственныхъ соображеній обыкновенно принимаются во вниманіе два послѣднихъ источника урожайныхъ свѣдѣній, и авторъ полагаетъ, что истина заключается между свѣдѣніями центральнаго статистическаго комитета и департамента земледѣлія. Вычисленія за десятилѣтіе (1881—1890 гг.) по этимъ двумъ источникамъ и положены авторомъ въ основу географическаго распредѣленія русскихъ урожаевъ ржи.

Общерусскій урожай ржи на основаніи этихъ данныхъ опредѣленъ въ 5,1 четверти съ десятины; для крестьянскихъ земель средній урожай получился нѣсколько ниже — 4,9 четверти, а для владѣльческихъ земель выше — 5,8 четверти. Иначе говоря, если средній крестьянскій урожай принять за 100, то урожай на земляхъ частныхъ владѣльцевъ выразится цифрой 115,5. Не останавливаясь на подробномъ распредѣленіи урожаевъ по губерніямъ и мѣстностямъ Россіи, отмѣтимъ лишь наиболѣе общій и довольно неожиданный выводъ, заключающійся въ томъ, что средніе урожаи ржи въ черноземныхъ губерніяхъ ниже, чѣмъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Интересно, что тотъ же выводъ примѣнимъ къ болѣе раннему періоду, съ тою разницей, что, напримѣръ, в 70-хъ годахъ, когда земледѣльческая техника была еще менѣе р звита, и разница урожаевъ ржи въ черноземныхъ и нечерноземныхъ м стностяхъ была меньше. Такимъ образомъ, господствующее представл ie о высокомъ плодородіи южно-русскаго чернозема значительно в оизмѣняется, но это происходитъ исключительно отъ того, что авторъ п нятіе объ урожаѣ отождествляетъ съ понятіемъ о валовомъ сборѣ х бба съ единицы площади, тогда какъ до сихъ поръ, въ большинствѣ с чаевъ, подъ урожаемъ разумѣлось отношеніе сбора къ высѣву и уро-

жай обыкновенно выражался въ формѣ „самъ“. Такъ какъ на нечерноземныхъ земляхъ высѣвается на десятину болѣе, чѣмъ на черноземѣ, то понятно, что при меньшемъ урожаѣ „самъ“ валовой сборъ нечерноземныхъ полей можетъ быть больше, чѣмъ на черноземѣ съ высшимъ урожаемъ въ формѣ „самъ“. И дѣйствительно, на основаніи данныхъ разсматриваемаго труда, принявъ средне-русскую величину урожая ржи за 100, на языкѣ „самъ“ черноземная область дастъ урожай 107,2, нечерноземная — всего 92,6, на языкѣ же валового сбора съ единицы площади получится обратное отношеніе — 95,5% для чернозема и 104,5% — для нечерноземныхъ мѣстностей.

Разсмотрѣніе русскихъ урожаевъ въ хронологическомъ порядкѣ приводитъ автора къ интересному выводу, что съ отмѣной крѣпостного права средніе урожаи ржи въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ нѣсколько повысились. Первое десятилѣтіе по отмѣнѣ крѣпостного права—эпоха переходная—дала наименьшій средній урожай ржи (6,1 четверти съ десятины), но за то въ слѣдующій періодъ урожай поднялся до небывалой высоты (7,4 четв.), въ 80-хъ годахъ данныя конкретныхъ записей показываютъ незначительное пониженіе урожая (7,2 четв. на десятину), который все же оставался значительно выше урожаевъ дореформенныхъ періодовъ. Хотя очень часто раздаются жалобы на пониженіе урожаевъ за послѣднее время, но весь хронологическій анализъ количественныхъ сравненій не позволяетъ автору согласиться съ этимъ. Онъ думаетъ, что въ основѣ такого рода жалобъ лежитъ опасеніе новыхъ налоговъ и обычное безсознательное превознесеніе добраго стараго времени.

Говоря о хронологіи урожаевъ ржи, нельзя не обратить вниманія на значительную сбивчивость въ отмѣткахъ урожая по разнымъ источникамъ; для различныхъ лѣтъ такая противорѣчивость показаній наблюдается не только для болѣе или менѣе крупныхъ частей государства, каковы уѣзды, губерніи, но и для всей Россіи. Возьмемъ примѣръ: лучшими годами для урожаевъ озимаго въ Россіи, судя по губернаторскимъ отчетамъ, были 1843, 1844 и 1887, а худшими,—1833, 1840 и 1865 годы; въ теченіе каждаго изъ трехъ первыхъ годовъ урожай былъ выше самъ-пять, а въ теченіе названныхъ трехъ особенно неурожайныхъ лѣтъ урожай ржи не достигалъ и трехъ зеренъ. Между тѣмъ, по имѣвшимся у автора конкретнымъ записямъ, два изъ этихъ шести годовъ (1844 и 1865 гг.) не были особенно выдающимися. Въ виду важности установленія урожаевъ за разные годы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ виду противорѣчій источниковъ, было бы весьма существенно дать въ приложеніи наиболѣе вѣроятные погодные *урожаи* ржи по каждому уѣзду за возможно-длинный промежутокъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ трудѣ мы не находимъ этихъ чрезвычайно важныхъ справочныхъ указаній.

При разсмотрѣніи связи урожаевъ ржи съ различными условіями, авторъ обратилъ особое вниманіе на вліяніе метеорологическихъ факторовъ—температуры и влажности. Изъ цифровыхъ сопоставленій авторъ приходитъ къ выводу, что высокая средняя годовая температура благопріятна для урожаевъ ржи въ Россіи и обратно: нерѣдко слѣдуетъ объяснять неурожай не засухой, какъ это обыкновенно дѣлается а низкою температурой года или его отдѣльныхъ періодовъ. Особенно ясно благопріятное вліяніе высокой годовой температуры на урожаи ржи—въ сѣверо-западной Россіи; въ южной Россіи эта зависимость выражена не такъ ясно. Хотя для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи ат

мосферная влага оказывается еще болѣе вліятельнымъ факторомъ на урожай ржи, чѣмъ температура, но въ сѣверо-западной Россіи влага является факторомъ отрицательнымъ; за то для черноземной Россіи особенно ясна прямая связь количества выпавшаго дождя съ высотой урожая ржи. Изъ сопоставленій урожаевъ съ данными о температурѣ и осадкахъ выяснилось, что на сѣверо-западѣ Россіи особенно полезно сухое тепло, тогда какъ на сѣверо-востокѣ—тепло влажное.

Отмѣтимъ еще нѣкоторые изъ выводовъ автора о вліяніи на урожай ржи факторовъ соціальнаго характера.

Анализируя данныя статистики землевладѣнія, авторъ приходитъ къ интересному заключенію, что урожаи ржи на крестьянскихъ земляхъ (по сравненію съ владѣльческими урожаями) уменьшаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше процентъ частновладѣльческихъ земель въ данной мѣстности. Авторъ устанавливаетъ также прямую связь между размѣромъ урожая ржи и процентомъ удобряемой пашни, а также раннимъ ея посѣвомъ; урожаи озимой пшеницы и сѣна тоже стоятъ въ прямой связи съ урожаями ржи и т. д. Чрезвычайно важенъ также тотъ выводъ, что повышеніе урожаевъ ржи не стоитъ въ антагонизмѣ съ ихъ устойчивостью. Но на ряду съ этими, вполнѣ понятными заключеніями, группировка урожаевъ ржи по размѣру надѣла приводитъ автора къ выводу, что урожаи ржи на крестьянскихъ земляхъ находятся въ обратномъ отношеніи съ размѣромъ надѣла на ревизскую душу. Авторъ и на этотъ разъ воздерживается отъ личнаго толкованія отмѣченнаго имъ вывода, но, вѣдь, могутъ найтись политики, которые въ заботахъ о подъемѣ общерусскаго урожая ржи предложатъ, основываясь на приведенномъ сейчасъ выводѣ, не повышать крестьянскаго землевладѣнія. А, между тѣмъ, наблюденная авторомъ связь, по всей вѣроятности, есть лишь прямое послѣдствіе пріемовъ надѣленія крестьянъ землей: въ южныхъ черноземныхъ мѣстностяхъ (по автору, менѣе урожайныхъ) крестьяне получили въ надѣлъ больше десятинъ на ревизскую душу, чѣмъ въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ. Къ той же категоріи выводовъ слѣдуетъ отнести и выводъ автора о прямой связи урожая ржи съ процентомъ безхозяйныхъ дворовъ; впрочемъ, и самъ авторъ считаетъ, что этотъ вопросъ нуждается въ спеціальныхъ разъясненіяхъ, соединенныхъ съ тщательною критикой матеріала.

Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ. Составилъ М. Турскій. М., 1893 г. Цѣна 25 коп. Сборъ сѣмянъ въ собственномъ хозяйствѣ долженъ имѣть большое значеніе для успѣховъ лѣсоразведенія въ Россіи. Въ брошюрѣ проф. Турскаго описанъ сборъ сѣмянъ по отдѣльнымъ лиственнымъ и хвойнымъ породамъ, и, кромѣ того, даны довольно подробныя указанія относительно устройства сѣмяносушиленъ, причемъ для примѣра описаны сушильня Петровской академіи и сушильня Келлера въ Дармштадтѣ. Изложеніе пояснено 22 рисун. Первая часть брошюры представляетъ далеко не одинъ только техническій интересъ и можетъ явиться прекраснымъ дагогическимъ матеріаломъ при ознакомленіи дѣтей съ деревьями, торыя часто служатъ предметами особаго вниманія со стороны дѣтей.

Сэмидесятилѣтній опытъ искусственнаго лѣсоразведенія на рноземѣ. Ив. Шатилова. Спб., 1893 г. Цѣна 35 коп. Неурожай 891 года въ сильной степени увеличилъ у насъ вниманіе къ вопромъ лѣсоразведенія. Въ числѣ частныхъ опытовъ лѣсоразведенія на рноземѣ однимъ изъ древнѣйшихъ долженъ быть названъ опытъ въ ховомъ (Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда), гдѣ лѣсоразве-

ніе началось еще съ 1822 г. Владѣлецъ Мохового, И. І. Шатиловъ, задался похвальною мыслью опубликовать нѣкоторые результаты долголѣтней лѣсокультурной практики, что и сдѣлано въ настоящей брошюрѣ, первоначально представлявшей статью въ журналѣ *Русское Лѣсное Дѣло*. Особый интересъ представляютъ замѣчанія о сибирской лиственицѣ. Полевыя защитныя посадки въ Моховомъ оказали уже замѣтное вліяніе на урожаи хлѣбовъ. Спросъ на саженцы изъ моховскаго питомника довольно значителенъ; особенно много деревцовъ отпущено было въ 1891 и 1892 годахъ, вѣроятно, отчасти по случаю общественныхъ работъ. Брошюра г. Шатилова снабжена раскрашеннымъ планомъ моховскихъ насажденій.

Стельная корова. Г. И. Гурина. Второе изданіе, Москва, 1893 г. Ц. 3 коп. Изд. Муринова. Неблагопріятный отелъ оказываетъ замѣтное вліяніе на смертность рогатаго скота въ Россіи; поэтому слѣдуетъ признать существенно-важнымъ распространеніе въ средѣ хозяевъ правильныхъ понятій объ уходѣ за стельными коровами и о той помощи, которую можно подавать при теленіи. Авторъ добросовѣстно справился со своею нелегкою задачей, и не удивительно, что первое изданіе брошюры быстро разошлось. Несмотря на сдѣланныя авторомъ дополненія, цѣна брошюры понижена; книжка снабжена 7 рисунками.

Искусственный выводъ цыплятъ (инкубація). Составилъ Г. Г. Псалти. Маріуполь, 1893 г. Ц. 10 к. Авторъ брошюры лично ознакомился съ искусственнымъ выводомъ цыплятъ во французской школѣ птицеводства, въ Гамбэ. Для примѣра авторомъ дано довольно подробное описаніе аппарата Руллье-Арну и обращенія съ этимъ аппаратомъ. Инкубація еще пользуется слабымъ распространеніемъ у насъ въ Россіи, а между тѣмъ, для коммерческаго птицеводства, особенно сѣверной Россіи, искусственный выводъ птицы долженъ представлять немалыя выгоды. Сообщенный авторомъ дневникъ относится къ опыту, въ которомъ на 219 оплодотворенныхъ яицъ вывелось 139 цыплятъ.

О прививкѣ деревьевъ. Общедоступное руководство. Перев. съ французскаго Г. Г. Псалти. Маріуполь, 1893 г. Ц. 30 к. Брошюра, выбранная г. Псалти для перевода, очень невелика, но довольно ясно излагаетъ основныя черты различныхъ способовъ прививки, причемъ отведено мѣсто и прививкѣ американскихъ виноградныхъ лозъ, въ качествѣ предохранительнаго средства отъ филоксеры. Въ руководствѣ 55 маленькихъ политипажей. Переводчикъ надѣется, что изданная имъ брошюра найдетъ доступъ въ народныя школы, но для этого потребуется пониженіе цѣны въ слѣдующемъ изданіи. Распространеніе курсовъ садоводства для народныхъ учителей создало у насъ въ послѣднее время увеличенный спросъ на общедоступныя книжки по садоводству.

Правильное сельско-хозяйственное счетоводство. Составилъ Г. Н. Кузминъ. Херсонъ, 1893 г. Цѣна 60 коп. Торговому счетоводству въ Россіи посчастливилось гораздо больше, чѣмъ сельско-хозяйственному, что̀ и не удивительно въ виду тѣсной связи сельско-хозяйственнаго счетоводства съ сельско-хозяйственною таксаціей, которая разрабатывается у насъ крайне слабо. Лучшимъ изложеніемъ основаній сельско-хозяйственнаго счетоводства на русскомъ языкѣ слѣдуетъ признать четвертую часть *Основъ сельско-хозяйственной экономіи* покойнаго профессора Людоговскаго. Появленіе брошюры г. Кузмина во 2-мъ изданіи не измѣняетъ положенія дѣла, хотя внимательное изученіе схе-

мы, предложенной г. Кузминымъ, и конкретнаго примѣра главной книги можетъ принести пользу начинающимъ хозяевамъ.

Понятіе о простомъ счетоводствѣ совершенно неправильно отождествляется у г. Кузмина съ понятіемъ о счетоводствѣ денегъ (стр. 6). Напрасно устранены авторомъ термины капитала (въ началѣ и концѣ года) и кассы. Для сравнительнаго опредѣленія доходности различныхъ полевыхъ культуръ предложенная схема главной книги не годится, такъ какъ всѣ яровыя растенія соединены въ одинъ счетъ; между тѣмъ, домашняя птица и даже козы получили по особому счету. Объ оцѣнкѣ нерыночныхъ продуктовъ въ книжкѣ не сказано ничего. Несмотря на различные недостатки, *Счетоводство* Г. Н. Кузмина, повторяемъ, явится небезполезнымъ пособіемъ при скудости нашей литературы по вопросамъ сельско-хозяйственнаго счетоводства.

Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ и совѣты о кормленіи скота картофелемъ и другими кормами. Руководство для крестьянъ. Составилъ С. П. Дремцовъ. Уржумъ, 1893 г. Ц. 10 к. Показанная нами цѣна брошюры выставлена на обложкѣ; на титулѣ сообщена иная цѣна—8 коп. Конечно, и при той, и при другой цѣнѣ брошюра въ 6 печатныхъ листовъ не можетъ считаться дорогою, но, все-таки, это непріятное разнорѣчіе, особенно для земскаго изданія. Языкъ брошюры не лишенъ поддѣлокъ подъ народную рѣчь. Мѣстами авторъ выражается черезъ-чуръ рѣзко, наприм., когда называетъ хрехпольe „дичью“ (стр. 4). Разсужденія о почвенномъ дыханіи (стр. 12—13) отличаются слишкомъ смѣлыми сравненіями. Фосфорнокислыя соединенія въ почвѣ неправильно названы (стр. 63) „фосфоритною“ пищей растеній. Вообще въ выраженіяхъ у г. Дремцова сдѣлано не мало промаховъ; вѣроятно, книжка писалась спѣшно; значительное сокращеніе объема послужило бы ей на пользу.

Всякому извѣстно, что писать для народа очень трудно, но отъ земскаго агрономическаго смотрителя (каковымъ подписался г. Дремцовъ) позволительно ждать большаго приспособленія къ уровню крестьянскаго пониманія, чѣмъ то, которое проявляется въ книжкѣ г. Дремцова. Можетъ быть, однако, при подробныхъ словесныхъ разъясненіяхъ книжка и приноситъ свою долю пользы.

МЕДИЦИНА.

„Холера, эпидеміологія и профилактика съ общественной и санитарной точки зрѣнія“. *Ѳ. Ѳ. Эрисмана.*—„Научно-популярная оптическая гигіена глазъ“. *Рейха.* — „О пользѣ кефира при холерной эпидеміи“. *К. Стамина.*—„Руководство къ фармацевтической медико-химической практикѣ“. *Hager'a.*—„Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми съ первыхъ дней жизни ребенка до юношескаго возраста“. *С. Кнейпа.*—„Курсъ акушерства“. *И. П. Лазаревича.* — „Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженицами, родильницами и новорожденными“. *А. П. Артемьева.*

Холера, эпидеміологія и профилактика съ общественной и санитарной точки зрѣнія. Ѳ. Ѳ. Эрисмана. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к. Не вдаваясь въ спеціальный разборъ труда проф. Эрисмана, мы ограничимся передачей наиболѣе существенныхъ положеній. Авторъ—противникъ теоріи Коха, видящей всю суть холеры въ запятовидной бактеріи; доказательствамъ несостоятельности этой теоріи и посвящена большая часть книги.

Если суммировать все то, что было высказано по поводу этіологіи

холеры учеными различныхъ лагерей, то налицо въ настоящее время окажется двѣ теоріи: одна, во главѣ который стоитъ Кохъ,—контагіонистическая, т.-е. видящая въ холерѣ болѣзнь, обладающую свойствами передаваться отъ человѣка къ человѣку; другая — Петтенкоферовская, локалистическая, доказывающая необходимость для развитія холеры нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій. Первая, обращая свое исключительное вниманіе на „запятую", игнорируетъ самую болѣзнь; холерный микробъ отождествляетъ съ холерой; то, что получилось при наблюденіи надъ жизнью этого микроба въ лабораторной пробиркѣ, теорія проводитъ и на практикѣ: умираетъ микробъ въ карболкѣ, значитъ, нужно только достаточное количество ея, чтобъ убить его всюду,— и льются карболовые дожди. Открытіе Кохомъ его „запятой" повело, — говоритъ Эрисманъ, — къ „почти полному игнорированію эпидеміологіи холеры и породило тенденцію подчинить ее результатамъ бактеріологическихъ изслѣдованій". Другая теорія, главнымъ образомъ, держится эпидеміологическихъ данныхъ; для нея безразлично, что̀ причиняетъ холеру, Коховская ли запятая, другой ли какой микробъ, токсины ли; поэтому „общественная борьба съ холерой не можетъ быть основана на лабораторныхъ опытахъ, а должна искать свою опору въ правильномъ пониманіи эпидеміологическихъ данныхъ". Далѣе проф. Эрисманъ указываетъ на то, что доведенная до слѣпого фанатизма борьба съ холерой, какъ съ „запятой", вызвала въ Гамбургѣ въ населеніи „небывалую панику" и, однако, тѣмъ не менѣе, нисколько не помѣшала распространенію холеры. У насъ же въ Россіи дѣло зашло еще дальше и, помимо паники, явились холерные безпорядки и мученическія жертвы ихъ. Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ передаетъ исторію холерныхъ эпидемій. Прошлогодняя—по счету уже пятая. Эти пять эпидемій въ Россіи унесли около 4 милліоновъ жизней. Подсчитывая за то же время смертность отъ чахотки, проф. Эрисманъ дѣлаетъ выводъ, что послѣдняя въ 5 разъ губительнѣе первой; страхъ же передъ холерой объясняется тѣмъ, что она вырываетъ свои жертвы разомъ, съ грубымъ насиліемъ, чахотка же дѣлаетъ свое дѣло мягко, исподволь, но за то съ необыкновеннымъ постоянствомъ.

Переходя затѣмъ къ путямъ распространенія холеры, авторъ указываетъ на роль людскихъ сношеній: „холера является исключительно въ такихъ мѣстахъ, которыя передъ этимъ уже имѣли какія-либо сношенія съ пораженными болѣзнью мѣстностями"; слѣдовательно, пути сообщеній играютъ въ дѣлѣ распространенія эпидеміи выдающуюся роль; „если сношенія совершаются пѣшкомъ, то и холера идетъ пѣшкомъ", если помощью желѣзной дороги—холера также. Однако, несомнѣнно установленъ фактъ и противуположнаго значенія: „напряженность холерныхъ эпидемій отнюдь не ростетъ пропорціонально улучшенію или ухудшенію путей сообщенія и перевозочныхъ средствъ", такъ что „вообще оживленіе людскихъ сношеній, очевидно, совершенно недостаточно для того, чтобы дать поводъ къ развитію холерной эпидеміи". Всѣ тѣ моменты народной жизни, какъ войны, ярмарки, религіозныя торжества и т. п., также не имѣютъ такого рѣшающаго вліянія въ распространеніи эпидеміи, какъ бы слѣдовало ожидать, придерживаясь контагіонистической теоріи,—помимо людскихъ сношеній необходимъ еще другой и весьма могущественный факторъ, „дѣйствующій совершенно независимо отъ человѣческихъ сношеній"; этотъ факторъ, по мнѣнію локалистовъ, заключается, главнымъ образомъ, въ уровнѣ стоянія почвенныхъ водъ. Наблюденія надъ различными эпидеміями указываютъ на

то, что „рѣчныя долины служатъ излюбленными мѣстами для распространенія холеры“, взрывы эпидемій соотвѣтствуютъ обыкновенно прекращенію весеннихъ или лѣтнихъ дождей; кромѣ того, несомнѣнно существуютъ такія мѣстности, гдѣ холера не бывала ни разу, и, наоборотъ, излюбленныя ею. Присматриваясь къ почвеннымъ условіямъ тѣхъ и другихъ мѣстностей, оказывается, что въ послѣднемъ случаѣ имѣется рыхлая, песчаная, проницаемая для воды и воздуха почва; въ первомъ же глинистая или каменистая, не вывѣтрившаяся горная порода. Несомнѣнно, однако, и вліяніе степени загрязненія почвы продуктами органическаго разложенія. Сравнивая смертность отъ холеры въ Россіи и въ Англіи, г. Эрисманъ говоритъ, что въ послѣдней, благодаря обильному водоснабженію и хорошей канализаціи, „напряженность холерныхъ эпидемій правильно и послѣдовательно убываетъ“.

Съ давнихъ поръ врачи, а затѣмъ и публика привыкли считать холернаго больного „носителемъ холернаго начала и виновникомъ распространенія эпидеміи“; открытіе Коха еще болѣе подтвердило это предположеніе. Однако, опыты прививки животнымъ холернаго начала не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; приверженцамъ Коховской теоріи пришлось признать животныхъ не способными воспринимать холеру. Немногочисленные, правда, случайные и умышленные опыты надъ людьми, однако, дали тѣ же отрицательные результаты. Далѣе, люди, имѣющіе возможность приходить въ самое тѣсное соприкосновеніе съ холерными больными и ихъ изверженіями, врачи, фельдшера, сестры милосердія, прачки, вывозчики нечистотъ и т. п., заболѣваютъ во всякомъ случаѣ не въ большомъ числѣ, чѣмъ другіе. И такъ, слѣдовательно, „холерный больной, какъ таковой, не опасенъ для окружающихъ“,—подчеркиваетъ Эрисманъ.

Послѣдняя IV лекція проф. Эрисмана посвящена оцѣнкѣ основъ борьбы съ холерою. Въ настоящее время общественныя мѣры борьбы съ нею, какъ говоритъ онъ, представляютъ „пеструю смѣсь старыхъ, традиціонныхъ и рутинныхъ взглядовъ съ послѣднимъ, даже еще недостаточно провѣреннымъ, словомъ науки“. Холера глумится надъ карантинами, надъ осмотромъ пассажировъ, надъ дезинфекціей. Такъ же безрезультатна и невозможна въ практическомъ отношеніи и изоляція холерныхъ больныхъ. „Жизнь произнесла свой суровый приговоръ,—говоритъ проф. Эрисманъ,—какъ надъ устроеннымъ гдѣ-нибудь въ полѣ одиноко стоящимъ холернымъ баракомъ, такъ и надъ попыткой помѣщать въ этомъ баракѣ больныхъ насильно“. Тѣ мѣры, на которыя можно разсчитывать въ борьбѣ съ этимъ врагомъ, по мнѣнію проф. Эрисмана, должны состоять въ слѣдующемъ: совершенная доступность врачебной помощи, улучшеніе гигіеническихъ и санитарныхъ условій, правильное питаніе населенія, постоянный разумный санитарный надзоръ, устройство оздоровленія почвы населенныхъ мѣстностей, въ смыслѣ канализаціи, дренажа, хорошаго мощенія улицъ, удаленія нечистотъ, а самое важное—поднятіе уровня экономическаго положенія и культурнаго развитія на(ленія. „Борьба съ холерой есть культурная борьба“, но, прибавимъ (ь себя, борьба не помощью карболки, холерныхъ фургоновъ, выслѣ: ванія и охоты за больнымъ, какъ за укрывающимся преступникомъ,] помощью всякихъ принудительныхъ мѣропріятій, съ грубымъ наси: мъ надъ традиціонными вѣрованіями и предразсудками, съ которыми,] лей-неволей, приходится считаться. Горькій опытъ прошлогодней эпи] ніи долженъ былъ научить многому...

Научно-популярная оптическая гигіена глазъ. Рейха. Изд. Риккера. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. Книга эта предназначена авторомъ для педагоговъ, учителей, студентовъ, врачей-неокулистовъ и образованныхъ людей вообще. Насколько возможно требовать отъ популярнаго руководства, имѣющаго такой большой и разнообразный кругъ читателей, авторомъ достаточно подробно и обстоятельно изложены предварительныя понятія объ анатоміи глаза, остротѣ зрѣнія, аккомодаціи и различныхъ типахъ строенія глазъ. Мало распространяясь на тему о леченіи различныхъ глазныхъ болѣзней, авторъ посвятилъ большую часть книги предупредительнымъ мѣрамъ; такъ, весьма подробно описаны различные типы школьныхъ скамей и прочей обстановки школъ. Особенно широко разработанъ вопросъ объ освѣщеніи; при этомъ приложены описаніе и рисунки гигіенической школьной лампы; сдѣланъ разсчетъ нужнаго количества лампъ при извѣстной величинѣ классной комнаты и планъ расположенія мебели и освѣщенія. Авторъ затрогиваетъ, такіе вопросы, съ которыми общество или незнакомо совершенно, или же мало обращаетъ на нихъ вниманія, считая ихъ пустяками; избитыхъ общихъ мѣстъ, всѣмъ понадоѣвшихъ, нѣтъ, поэтому книга читается и съ интересомъ, и съ большою пользой. Изложеніе всюду понятное, толковое, живое, сопровождается рисунками. Изданіе съ внѣшней стороны безукоризненно.

О пользѣ кефира при холерной эпидеміи. К. Сталина, Варш., 1893 г. Ц. 25 коп. Кромѣ различнаго рода водокъ и бальзамовъ отъ разстройства желудка, выпущенныхъ въ большомъ количествѣ догадливыми виноторговцами, холерная эпидемія прошлаго и нынѣшняго года вызвала еще особую „холерную“ литературу. Люди, до этого времени никогда не бравшіе пера въ руки, вдругъ почувствовали себя популяризаторами. Заботы объ „образованномъ“ и „необразованномъ“ читателѣ проявились въ массѣ брошюръ разныхъ цвѣтовъ и названій, посвященныхъ холерѣ. Одно изъ такихъ литературныхъ произведеній—и вышеупомянутое. Авторъ его, какъ онъ самъ себя называетъ, „первая распространительница кефира съ 1863 г. Варшава, Королевская, 31, въ заведеніи для леченія кефиромъ и продажи микроскопически изслѣдованныхъ грибковъ“. Содержаніе произведенія „распространительницы“ можно резюмировнть слѣдующими словами: „единственное спасеніе отъ холеры — въ кефирѣ“. „Первая распространительница“ сорокъ лѣтъ уже наблюдаетъ благодѣтельное дѣйствіе кефира и имѣетъ ни болѣе, ни менѣе какъ 5,000 письменныхъ отзывовъ больныхъ, излечившихся кефиромъ. Научная сторона произведенія ниже всякой критики, даже „внѣ конкурса“: такъ, между прочимъ, кефирныя бактеріи вступаютъ, оказывается, въ драку съ холерными и побиваютъ ихъ. Прибавьте къ этому невозможный языкъ: „шкарлатина“, „вставимъ кефиръ въ холодное мѣсто“, „доказательство о слабости и проч.“, массу опечатокъ, макулатурную бумагу и проч. достоинства...

Руководство къ фармацевтической медико-химической практикѣ. Hager'a. Съ прибавленіями, относящимися преимущественно къ работамъ русскихъ ученыхъ, проф. Пеля. Переводъ подъ ред. д-ра Иванова. Вып. 15—16. Magnezia-Olea pinguia. Спб., 1893 г. Изд. Риккера. Оригиналъ—прекрасное, извѣстное всѣмъ фармацевтамъ Германіи и Россіи руководство. Русскій переводъ, выходящій выпусками уже, если не измѣняетъ память, 4-й годъ, сдѣланъ очень добросовѣстно, снабженъ примѣчаніями и съ внѣшней стороны из

оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ настоящихъ двухъ выпускахъ, какъ и въ предъидущихъ, очень много практическихъ совѣтовъ, указаній, способовъ открытія фальсификацій, которыя цѣнны какъ для фармацевта, такъ и для врача. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе на такъ называемыя патентованныя и секретныя средства, всегда оказывающіяся при анализѣ или болѣе или менѣе ловкой продажей втридорога какихъ-нибудь невинныхъ средствъ, подчасъ даже испорченныхъ разными примѣсями, или же нахальнымъ обманомъ довѣрчивой публики. Такъ, наприм., на стр. 498 открывается секретъ „Poudre d'Adonis", имѣющей будто бы способность придавать лицу старушки нѣжность кожи 16-ти лѣтней дѣвушки; такими свойствами, оказывается, обладаетъ простой тальк, слегка подрумяненный крапомъ и надушенный,—тотъ тальк, который насыпаютъ сапожники въ тѣсные сапоги. Говоря о горькихъ минеральныхъ водахъ: Hunyadi-Ianos, Franz-Ioseph, Фридрихсгалль и друг., авторъ порицаетъ „рекламированіе, практикуемое противнѣйшимъ образомъ, ради ихъ сбыта..." „Даже самыя дрянныя лѣкарственныя вещества, въ особенности тайныя средства, охотно покупаются, если ихъ рекламируютъ..." „Воды эти можно замѣнить въ 10 разъ болѣе дешевыми сухими составными частями". Тоже самое можно сказать и о большинствѣ привозимыхъ къ намъ минеральныхъ водъ. Вмѣстѣ съ водой въ этихъ бутылкахъ не привозится ни климатъ Крейцнаха, ни тотъ режимъ, который практикуется въ курортахъ, ни полный отдыхъ.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми съ первыхъ дней жизни ребенка до юношескаго возраста. Себастьяна Кнейппа. Пер. съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 60 коп. Всего интереснѣе въ книгѣ предисловіе. Авторъ говоритъ, что онъ „часто собирался изложить въ маленькой книжкѣ обязанности матерей къ дѣтямъ, но до послѣдняго времени удерживался; я считалъ себя недостаточно сильнымъ, чтобъ судить объ этихъ обязанностяхъ". Наконецъ, *не удержался* и выпустилъ „книжку", но при этомъ предупреждаетъ: „если эта книжка будетъ читаться, когда я умру, то и тогда я не забуду о матеряхъ, но и тамъ, какъ здѣсь, сдѣлаю для нихъ все возможное". На этомъ и можно было бы покончить отзывъ о книжкѣ, еслибъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, помимо полнѣйшаго невѣжества, приправленнаго хвастовствомъ и ханжествомъ, не встрѣчались еще такіе совѣты, какъ ванна для грудныхъ дѣтей не ниже 0° (температура тающаго снѣга) и не выше 10° Р; въ главѣ о послушаніи и повиновеніи: „дѣти встаютъ и ложатся, когда хотятъ, уходятъ (именно въ праздникъ), куда и когда хотятъ. Что же это за отношенія? Куда это поведетъ? О, вы близорукіе родители! У васъ палки нѣтъ, что ли?" Далѣе: „самое опасное время—юношескій возрастъ: въ эти годы молодой человѣкъ глупѣе, чѣмъ всегда"; настоящее время развращено, въ прежнее же время для молодыхъ людей было гораздо лучше: „по вечерамъ устраивали невинную игру въ бобы или сухія сливы", а теперь нѣтъ, теперь „всякая мѣщанская дѣвушка должна играть на рояли, а всякій ...терової (?) сынокъ на скрипкѣ", а все это очень часто „вредно для ...кновенныхъ мѣщанъ". Затѣмъ слѣдуютъ совѣты для разныхъ возрастей, причемъ послѣднія перепутаны самымъ прихотливымъ образомъ: ...домъ съ затрудненнымъ дыханіемъ стоитъ растрескавшаяся кожа, ...ъ же воспаленіе глазъ, ночное мочеиспусканіе, синюха и накопленіе газовъ, и кретинизмъ, и грыжа, и полипы носовой полости. Хорошо ...то, что при всѣхъ этихъ столь различныхъ болѣзняхъ, не исклю-

чая ни кретинизма, ни полиповъ, ни грыжъ, лѣкарство одно и то же— обмываніе холодною водой; но есть, однако, и такія болѣзни, гдѣ холодная вода не помогаетъ,—это „заячья губа“ и „рыжіе волосы“; въ послѣднемъ случаѣ, вмѣсто воды, совѣтуется обмываніе свернувшимся молокомъ. Въ добавокъ ко всему этому неряшливый и безграмотный переводъ.

Курсъ акушерства. И. П. Лазаревича. Т. I (съ 314 рисун. въ текстѣ) и т. II (съ 426 рис. въ текстѣ). Изд. второе, совершенно переработанное и дополненное. Спб., 1892 г. Цѣна 6 руб. Имя заслуженнаго ординарнаго профессора Лазаревича давно уже извѣстно въ наукѣ, и названное его сочиненіе является по счету восемьдесятъ шестымъ печатнымъ трудомъ, посвященнымъ памяти Н. И. Пирогова. Авторъ дѣлитъ свой курсъ на четыре части, изъ коихъ первая анатомическая и вторая физіологическая составляютъ первый томъ сочиненія, а третья патологическая и четвертая „родопомощная“ отнесены ко второму тому. Въ числѣ 740 рисунковъ, изъ коихъ 566 составлены самимъ авторомъ, обращаютъ на себя вниманіе маленькіе гравированные портреты знаменитыхъ представителей акушерства различныхъ эпохъ.

Къ сожалѣнію, изложеніе этого обширнаго трактата (до 1,200 страницъ) страдаетъ многими странностями, примѣры которыхъ были уже указаны въ спеціальныхъ рецензіяхъ новаго изданія учебника проф. Лазаревича, какъ, наприм., д-ромъ Личкусомъ (*Врачъ* 1892 г., № 43). Нѣтъ надобности, въ данномъ случаѣ, разбирать подробно эти странности или „особности“, какъ выражается самъ авторъ, но нельзя не согласиться, что, представляя для спеціалистовъ громадный интересъ, трудъ г. Лазаревича, какъ учебникъ для начинающихъ, едва ли можетъ оказать большую услугу. Наибольшій интересъ представляетъ историческій обзоръ развитія акушерства въ различныхъ странахъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Многіе отдѣлы изложены несравненно лучше и доступнѣе въ другихъ руководствахъ по акушерству, но за то несомнѣнное достоинство книги, которое, правда, критически можетъ быть оцѣнено лишь спеціалистами-акушерами, заключается въ оригинальности взглядовъ автора, его классификаціи различныхъ акушерскихъ пріемовъ, настойчиво пропагандируемыхъ ново-изобрѣтенныхъ имъ акушерскихъ инструментовъ и т. п. Литературныя ссылки не отличаются полнотой, особенно для послѣдняго времени.

Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженицами, родильницами и новорожденными, а также по оказанію первоначальной помощи при отравленіяхъ и различныхъ случаяхъ обмиранія, со включеніемъ законоположеній, касающихся повивальныхъ бабокъ. А. П. Артемьева. Брянскъ, 1892 г. Изд. журн. „Акушерка“. Ц. 1 руб. Небольшая книжка д-ра Артемьева (испр. докт. директора Ольгинскаго повивальнаго института въ г. Тифлисѣ) представляетъ конспектъ практическихъ указаній, наиболѣе необходимыхъ въ дѣлѣ ухода за роженицами, родильницами и новорожденными, и состоитъ изъ шести отдѣловъ, содержаніе которыхъ перечисляется въ самомъ заглавіи книжки. Авторъ, исключивъ акушерскія подробности, не особенно важныя для повивальныхъ бабокъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду указывать точное время и обстоятельства во всѣхъ случаяхъ нормальныхъ и патологическихъ родовъ, когда повивальная бабка обязана обратиться за помощью къ врачу. Примѣненіе дезинфекціонныхъ средствъ онъ рекомендуетъ за-

мѣнить употребленіемъ „кипяченой“ воды (слѣдовало бы добавить—*свѣже* прокипяченной), которую можно достать въ каждомъ домѣ и которая, въ смыслѣ предупрежденія заноса инфекціи, по мнѣнію автора, гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ вода *сомнительнаго* качества, хотя и съ растворенными въ ней дезинфекціонными средствами.

УЧЕБНИКИ.

„Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи“. *Е. Крылова.*—„Краткій курсъ русской исторіи“. *П. Либена и А. Шуйской.*— „Методика обученія письму“. *Ѳ. В. Грекова.* — „Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ“. *О. Рыдецкаго и В. Соколова.*—Учебникъ зоологіи“. *С. К. Персональнаго.*—„Латинско-русскій словарь“. *О. Петрученка.* — „Сборникъ физическихъ задачъ“. *Э. Жакъе.* — „Задачи по физикѣ“. *Л. Жз.*—„Тридцатилѣтняя война“. *Фр. Шиллера.* — „Смерть Валленштейна“. *Его же.*—„Азбука-оригиналъ“. *Д-ра К. Г. Кларессино.*

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназій и учебное пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Выпускъ III. Древняя Русь. Составилъ Евстаѳій Крыловъ. Москва, 1893 г. Цѣна 65 коп. При составленіи настоящаго выпуска, г. Крыловъ пользовался, по его выраженію, многими „авторитетными трудами“. Въ иныхъ случаяхъ онъ слѣдовалъ И. Е. Забѣлину и С. Соловьеву, въ другихъ проф. Владимірскому-Буданову или К. Н. Бестужеву-Рюмину, иногда руководствовался трудами г. Иловайскаго и В. О. Ключевскаго, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ (предисл., стр. V и VI).

„Что касается руководящей идеи предлагаемаго труда, — говоритъ г. Крыловъ въ томъ же предисловіи,—то она прямо взята изъ исторіи и жизни русскаго народа и заключается въ извѣстной формулѣ: *православіе, самодержавіе* и *народность*. Въ этомъ „символѣ“ наша слава, сила и надежда. Сознавая всю важность въ русской исторіи великихъ идей—*православія* и *самодержавія*, я старался пообстоятельнѣе выяснить историческія заслуги православной церкви, показать національный характеръ московскаго самодержавія и оцѣнить его значеніе для русскаго народа. Остановиться на этихъ вопросахъ я считалъ нужнымъ и потому, что среди нашей „интеллигенціи“ насчетъ этихъ, исторически-создавшихся, народныхъ идеаловъ ходитъ не мало кривотолковъ, которые сбиваютъ съ истиннаго пути молодые умы юношей. Долгъ каждаго преподавателя противодѣйствовать разнымъ лжеисторическимъ взглядамъ, пагубно вліяющимъ на неопытную и довѣрчивую молодежь“ (предисл., стр. VI).

Задавшись такою идеей, г. Крыловъ, при выборѣ матеріала изъ вышеозначенныхъ разнорѣчивыхъ источниковъ, старался быть осторожнымъ и самостоятельнымъ (предисл., стр. V), —другими словами, желая ать книгѣ извѣстное направленіе, изъ каждаго источника бралъ тольто, что годилось для нужнаго освѣщенія того или иного факта, соытія или историческаго лица. Пріемъ этотъ, конечно, не новый, но, зъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, несмотря на всю ностороннность, все же сообщаетъ книжкѣ цѣльность, и весь вопросъ лько въ томъ, насколько взгляды, которыхъ придерживается авторъ, отвѣтствуютъ дѣйствительности.

Намъ уже приходилось своевременно давать отзывы о двухъ пер-

выхъ выпускахъ *Опыта систематическаго повторительнаго курса* г. Крылова („Библіогр. отдѣлъ", *Русская Мысль* 1890 г., кн. VII, и 1891 г., кн. II). Если въ означенныхъ выпускахъ главными достоинствами были систематичность и прагматичность изложенія, а недостатками—чрезмѣрная бойкость пера, непригодная въ учебникѣ для юношества, хлесткость нѣкоторыхъ фразъ и рѣзкость характеристикъ, то то же самое повторяется и въ настоящемъ выпускѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что какъ по подготовкѣ, такъ и по своимъ дарованіямъ авторъ могъ бы написать хорошій учебникъ, но, если, судя по одному первому выпуску, намъ приходилось указать нѣкоторый недостатокъ педагогической опытности и такта въ г. Крыловѣ, то по поводу настоящаго выпуска не можемъ не пожалѣть о той непомѣрной предвзятости, которая несомнѣнно вредитъ ему.

Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и восьми картъ. Составили П. Либенъ и А. Шуйская. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб., 1893 г. Цѣна 50 коп. Въ свое время намъ уже приходилось давать отзывъ о второмъ изданіи *Краткаго курса русской исторіи,* составленнаго гг. П. Либеномъ и А. Шуйской. Если тогда мы видѣли главное достоинство этого учебника въ предлагаемомъ авторами методѣ прохожденія исторіи при постоянной помощи географическихъ картъ, то то же повторяемъ и о третьемъ изданіи: восемь картъ, приложенныхъ къ *Краткому курсу,* несомнѣнно помогутъ и полнотѣ, и прочности усвоенія предмета. Остаемся также при томъ мнѣніи, что разбираемая книжка, при сжатости изложенія, можетъ послужить хорошимъ конспектомъ для повторенія пройденнаго. Нельзя, однако, не пожалѣть, что гг. Либенъ и Шуйская въ своемъ третьемъ изданіи, „исправленномъ и дополненномъ", не обратили вниманія на возможность сокращенія слишкомъ большого количества подробностей, кажущихся намъ, при болѣе подробномъ ознакомленіи съ учебникомъ, излишними для низшихъ учебныхъ заведеній, которыя, судя по предисловію, составляютъ цѣль распространенія книжки.

Методика обученія письму (каллиграфія и скоропись). Съ приложеніемъ образцовъ для обученія, въ пяти частяхъ, тетрадей для письма десяти номеровъ и трехъ номеровъ транспарантовъ. Составилъ преподаватель чистописанія Императорскаго Николаевскаго сиротскаго института, 4 кадетскаго корпуса и друг. учебныхъ заведеній въ Москвѣ Ѳ. В. Грековъ. Изданіе второе. 1891 г. Цѣна 40 к.+1 р. 10 к. На основаніи *Методики* г. Грекова и его *Образцовъ для обученія письму* нельзя не сдѣлать заключенія, что авторъ ихъ не только опытный и любящій свое дѣло преподаватель чистописанія, но и человѣкъ, не пренебрегающій своими интересами. Въ качествѣ опытнаго и любящаго дѣло преподавателя онъ дѣлаетъ много вѣрныхъ, цѣлесообразныхъ и тонкихъ указаній, но за то онъ, очевидно, помнитъ, что малѣйшее увеличеніе его сочиненія по объему должно отразиться на цѣнѣ послѣдняго, и потому въ изложеніи своей системы обученія письму доходитъ до такихъ подробностей, которыя по всей справедливости слѣдуетъ назвать лишними и вовсе не нужными. Такимъ образомъ, какъ въ *Методикѣ* г. Грекова, такъ и въ его *Образцахъ* существуютъ и достоинства, но есть и недостатки. Къ первымъ, кромѣ вполнѣ правильно намѣченной цѣли обученія письму, относится послѣдовательное и подробное выясненіе правилъ, пріемовъ и способовъ обученія, а также и вполнѣ основательныя замѣчанія,

вродѣ того, напримѣръ, что въ обученіи письму, т.-е. „правильному держанію себя во время его“, учителю чистописанія должны помогать, по силѣ возможности, и всѣ другіе учителя, за уроками которыхъ происходятъ письменныя работы (введеніе, стр. X и 127), или вродѣ того, что „печатанный матеріалъ, предлагаемый ученикамъ для списыванія“, долженъ быть „наивозможно полезнѣйшимъ и по внутреннему содержанію своему“ (стр. 84), почему г. Грековъ и предлагаетъ въ своихъ *Образцахъ* то пословицы, то слова съ буквою *ѣ* въ корнѣ, то фразы съ какими-либо историческими свѣдѣніями. Тѣмъ не менѣе, переводъ французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ словъ и фразъ (стр. 63, 65, 66, 67, 68 и 70) на русскій языкъ, слишкомъ длинный рядъ примѣрныхъ „формъ дѣловыхъ бумагъ“ (стр. 86—103), гдѣ помѣщенъ даже „счетъ изъ книжнаго магазина С. И. Леухина г-ну Ивану Филипповичу Трубникову“, вторая и третья части *Образцовъ для обученія письму,* которыя посвящены французскому, нѣмецкому, латинскому и греческому письму и которыя можно было бы безъ всякихъ затрудненій сократить и соединить въ одну часть,— все это необходимо только для того, чтобы *Методика* и *Образцы* г. Грекова возросли до 1 р. 50 коп. Что касается критическаго таланта г. Грекова, то поставить высоко его нельзя: по крайней мѣрѣ, его „замѣтки о прописяхъ Гербача и Пожарскаго“ (стр. 52—61) не отличаются особенною вразумительностью.

Въ заключеніе не можемъ не выразить предположенія, что г. Грековъ очень ошибается, когда думаетъ (предисловіе, стр. VI), что его способъ обученія письму пригоденъ столько же для среднихъ учебныхъ заведеній, сколько и для низшихъ: въ послѣднихъ едва ли возможенъ тотъ порядокъ усвоенія буквъ, который мы находимъ въ *Образцахъ* г. Грекова.

Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Часть I. Прозаики. Составили С. Радецкій и В. Соколовъ. Москва, 1893 г. Цѣль этой книги, какъ заявляютъ сами составители ея въ предисловіи, главнымъ образомъ, двоякая: согласно требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ, она должна служить для перевода á livre ouvert въ классѣ и для домашняго чтенія и устнаго перессказа на урокахъ древней исторіи. Книга состоитъ изъ множества отрывковъ (болѣе 500) разнаго размѣра, выбранныхъ изъ римскихъ авторовъ (Корнелія Непота, Цезаря, Саллюстія, Цицерона, Ливія, Евтропія, Юстина, Курція, Плинія, Тацита), причемъ матеріалъ расположенъ по отдѣльнымъ писателямъ и каждому изъ нихъ предпосланъ краткій, но обстоятельный историко-литературный очеркъ. Составители заботились о томъ, чтобъ выбранные ими отрывки были цѣльными, по возможности характерными и доступными пониманію учащихся. Содержаніе ихъ очень разнообразно: „учащіеся найдутъ въ нашей книгѣ,—говорятъ они,—образцы описаній—географическихъ, этнографическихъ, бытовыхъ, характеристики отдѣльныхъ похъ и замѣчательныхъ людей древности, изображенія картинъ военной и гражданской жизни древняго Рима, явленій государственнаго его строя, рѣчи, вложенныя древними историками въ уста дѣйствующихъ ицъ, письма, характеризующія или ихъ авторовъ, или настроеніе современнаго общества, цѣлый рядъ образцовъ разсужденія и различныхъ идовъ краснорѣчія“. Въ виду того, что книга предназначается преимущественно для класснаго употребленія, издатели не снабдили ее ни оваремъ, ни комментаріемъ, предоставляя это на волю преподавателя;

они дали, гдѣ нашли нужнымъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ лишь такія объясненія, безъ которыхъ содержаніе отрывка не было бы логически-цѣльно и ясно (поясненія для связи съ предъидущимъ и объясненія именъ нѣкоторыхъ лицъ, играющихъ роль въ разсказѣ). Какъ видно уже изъ перечня авторовъ, изъ которыхъ выбраны отрывки, книга эта можетъ съ пользой служить въ теченіе всего гимназическаго курса, начиная съ 3 класса.

Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть I (отдѣлъ позвоночныхъ). Составилъ С. К. Персональный, препод. естествен. исторіи и физики въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 85 коп. Въ русской учебной литературѣ по естествознанію найдется не много учебниковъ зоологіи, примѣняемыхъ къ курсу средней школы, а хорошихъ между ними и совсѣмъ мало. Благодаря этому, появленіе новаго учебника по этому предмету всегда обращаетъ на себя вниманіе, въ особенности, если въ немъ есть что-либо оригинальное. Не лишенъ оригинальности и учебникъ г. Персональнаго какъ по объему, такъ и по распредѣленію излагаемаго въ немъ матеріала. Строго говоря, онъ не совсѣмъ подходитъ къ министерскимъ примѣрнымъ планамъ преподаванія зоологіи въ реальныхъ училищахъ, но это дѣла не портитъ. Что же касается его содержанія, то, послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній, въ немъ, прежде всего, излагаются краткія свѣдѣнія по анатоміи и физіологіи человѣка, а затѣмъ уже слѣдуетъ описаніе позвоночныхъ животныхъ по классамъ и отрядамъ, причемъ описанію всякой отдѣльной группы предпосылается общая характеристика ея. Характеристики эти довольны полны и точны. Вообще, учебникъ г. Персональнаго выгодно отличается отъ другихъ обиліемъ свѣдѣній, что, при сжатости изложенія, дѣлаетъ его весьма содержательнымъ. Къ сожалѣнію, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ, къ числу которыхъ, прежде всего, необходимо отнести отсутствіе рисунковъ. Послѣднее тѣмъ болѣе странно, что въ предисловіи самъ авторъ говоритъ, что „всѣ рисунки взяты изъ учебниковъ и атласовъ, преимущественно нѣмецкихъ". Между тѣмъ, въ учебникѣ нѣтъ даже ссылокъ на рисунки, которые, быть можетъ, будутъ приложены ко второй его части. Далѣе, нельзя также не указать на умышленный пропускъ авторомъ нѣкоторыхъ весьма важныхъ и интересныхъ формъ, каковы, напримѣръ, неполнозубыя, птицезвѣри, миноги, ланцетникъ и друг. Наконецъ, въ текстѣ не мало опечатокъ, и, притомъ, очень грубыхъ. Такъ, на стр. 80 крысѣ приписывается ростъ въ 8—10 фут. (8′—10′). Всѣ указанные недочеты значительно ослабляютъ достоинство учебника г. Персональнаго и дѣлаютъ его не совсѣмъ удобнымъ для начальнаго изученія позвоночныхъ животныхъ.

Латинско-русскій словарь. О. Петрученка. Москва, 1892 г. Словарь этотъ составленъ по *Lateinisch-deutsches Schulwörterbuch* извѣстнаго лексикографа Георгеса. Преслѣдуя школьныя цѣли, онъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ не изъ всѣхъ латинскихъ авторовъ, но лишь изъ тѣхъ, которые читаются въ гимназіяхъ,—конечно, нѣмецкихъ,—для которыхъ предназначается подлинникъ. Вслѣдствіе этого г. Петрученку можно поставить въ упрекъ, что онъ, приспособляя словарь къ потребностямъ русскихъ гимназій, не позаботился исключить изъ него матеріалъ, заимствованный изъ тѣхъ авторовъ, которые въ нашихъ гимназіяхъ не читаются: Теренція, Веллея, Тацита, Курція, Юстина, Евтропія, Квинтиліана, нѣкоторыхъ сочиненій Цезаря, Цице-

рона, Овидія, Виргилія; еслибъ онъ это сдѣлалъ, словарь могъ бы значительно сократиться въ объемѣ. Но если оставить въ сторонѣ этотъ упрекъ, то словарь г. Петрученка должно признать весьма удовлетворительнымъ: значенія словъ хорошо классифицированы, при каждомъ словѣ указываются его конструкціи и дается переводъ большого числа выраженій и даже цѣлыхъ фразъ; слова, встрѣчающіяся только у поэтовъ или попадающіяся лишь однажды въ сочиненіяхъ тѣхъ авторовъ, на которыхъ составленъ словарь, отмѣчаются особыми знаками. Мы просмотрѣли съ этимъ лексикономъ *Буколики* Виргилія и отмѣтили только слѣдующіе недосмотры: для слова limus указаны значенія: „тина, илъ, грязь, нечистота“, но не указано значеніе „глина“, которое имѣетъ это слово въ *Ecl.* 8, 79; слово Nerine переведено, какъ собственное имя, „Нерина“, а, между тѣмъ, въ *Ecl.* 7, 37 оно значитъ просто „нереида“; подъ словомъ rosetum не нашли мы значенія „розовый кустъ“, нужнаго въ *Ecl.* 5, 19, а слово punicens (*Ecl.* 7, 32) совсѣмъ пропущено.

Сборникъ физическихъ задачъ. Э. Жакье. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова (15×21½). Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.— Задачи по физикѣ. Л. Жэ. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова (15×22½). Москва, 1892 г. Цѣна 2 р., пересылка по разстоянію. Предлагаемый въ переводѣ на русскій языкъ *Сборникъ физическихъ задачъ* Э. Жакье, члена высшаго совѣта народнаго просвѣщенія и профессора университета въ Парижѣ, содержитъ въ себѣ задачи по разнымъ отдѣламъ физики, а равно и по принципамъ механики и космографіи. Это второй задачникъ такого рода. Первый, авторомъ котораго является Жэ, вышелъ въ прошломъ году.

У Жэ почти всѣ задачи взяты изъ числа темъ, предложенныхъ на конкурсныхъ испытаніяхъ при вступленіи въ высшія спеціальныя французскія школы: военную, горную, нормальную и мн. др.

У Жакье болѣе широкое мѣсто отведено другимъ отдѣламъ физики, которые менѣе подробно разбираются у Жэ. Къ таковымъ относятся: круговое движеніе, маятникъ Фуко, механическій эквивалентъ теплоты, а также дано обстоятельное понятіе о тягѣ печей, радугѣ и др.

Въ обѣихъ разбираемыхъ книгахъ задачи сгруппированы по отдѣламъ, въ той постепенности, какъ онѣ входятъ въ курсъ физики. Нѣкоторыя статьи (какъ-то: по теоріямъ ареометровъ, пипетики, сифоновъ, формулы оптическихъ стеколъ и пр.), не помѣщаемыя, ради экономіи мѣста, въ обыкновенныхъ учебникахъ физики, нашли себѣ, какъ у Жэ, такъ и у Жакье, подробное и обстоятельное изложеніе и оба задачника вмѣстѣ являются въ этомъ отношеніи значительнымъ подспорьемъ въ преподаваніи физики. Сверхъ того, оба сказанные задачника представляютъ репетиторій физики и даютъ не малое упражненіе по всѣмъ ея отдѣламъ. По рѣшеннымъ задачамъ ученикъ освоивается съ методомъ рѣшенія задачъ, имѣя на каждый отдѣлъ физики много подспорнаго матеріала для усвоенія проходимыхъ отдѣловъ физики. Такой подспорный методъ веденія задачника въ связи съ преподаваніемъ предмета, какъ у Жэ, такъ и у Жакье, съ ихъ теоретическими предварительными изложеніями соотвѣтственныхъ теорій физики, весьма желателенъ и многое выясняетъ въ дѣлѣ преподаванія.

Тридцатилѣтняя война. Фридриха Шиллера. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими, словаремъ и географическою картой для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.— Смерть Валленштейна, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ Фридриха

Шиллера. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими и словаремъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Издалъ І. Гроспичъ. Москва, 1892 и 1893 гг. Цѣна 1 р.+ 60 коп. Недостатокъ изданій, подобныхъ тѣмъ, которыя предпринялъ г. Гроспичъ, давно чувствуется въ нашихъ среднеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и потому изданныя имъ *Тридцатилѣтняя война* и *Смерть Валленштейна* Шиллера являются книгами очень полезными. Учащіеся давно нуждаются въ толковыхъ историческихъ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ, вродѣ вышеназванныхъ, такъ какъ только такія примѣчанія могутъ дать имъ возможность вникать глубже въ смыслъ читаемаго текста; если же г. Гроспичъ, кромѣ историческихъ примѣчаній, къ *Тридцатилѣтней войнѣ* приложилъ географическую карту начала XVII вѣка, а *Смерти Валленштейна* предпослалъ историческое введеніе, далѣе при помощи того же нѣмецкаго языка, только въ болѣе доступной формѣ, облегчилъ въ примѣчаніяхъ всѣ трудныя мѣста подлинника и, наконецъ, всячески постарался о возможности для учащихся переводить текстъ чистымъ русскимъ языкомъ, то отъ всего этого изданія его только выигрываютъ въ своей цѣнности. Правда, чистый русскій языкъ не вездѣ дается г. Гроспичу, и иной разъ онъ употребляетъ тяжелые обороты или не совсѣмъ правильно выбираетъ слова, о чемъ можно судить даже по его предисловіямъ, но, во всякомъ случаѣ, какихъ-либо грубыхъ ошибокъ противъ русскаго синтаксиса или стилистики мы не замѣтили. Естественно пожалѣть объ одномъ въ разсматриваемыхъ изданіяхъ: цѣна ихъ для учащихся въ среднеобразовательной школѣ слишкомъ высока. Конечно, изданія эти достаточно объемисты, но намъ кажется, что можно было бы сократить словари: если г. Гроспичъ имѣлъ въ виду, какъ онъ говоритъ (см. предисловіе къ *Смерти Валленштейна*), слабыхъ учениковъ, помѣщая въ словарѣ „достаточное количество словъ“, то едва ли это не напрасно: норму въ школѣ составляютъ средніе ученики, познаніями ихъ и долженъ опредѣляться объемъ какъ грамматическихъ примѣчаній, такъ и словаря. Выборъ г. Гроспича *Тридцатилѣтней войны* и *Смерти Валленштейна* изъ произведеній Шиллера слѣдуетъ, какъ намъ представляется, вполнѣ одобрить.

Азбука-оригиналъ, по которой, безъ помощи учителя, очень быстро можно научиться читать и писать на языкахъ: русскомъ и эсперанто. Д-ра К. Г. Кларессино. Изданіе М. Я. Сокова. Спб., 1892 г. Какъ ни мала книжка, подъ названіемъ *Азбука-оригиналъ*, въ ней очень много загадочнаго. Загадоченъ чей-то портретъ, съ котораго начинается азбука, загадочно соединеніе языковъ русскаго и эсперанто, загадочно и пользованіе книжкой. Послѣднее особенно интересно: въ самомъ дѣлѣ, изъ приложеннаго объясненія, которое предполагаетъ умѣнье читать на какомъ-либо изъ названныхъ языковъ, вовсе не ясно, какъ обращаться съ *Азбукой-оригиналомъ* лицу, не умѣющему читать ни по-русски, ни на языкѣ эсперанто, между тѣмъ, въ заглавіи книжки сказано, что по ней можно научиться очень быстро читать на обоихъ языкахъ, и, притомъ, безъ помощи учителя. Далѣе, что значитъ выраженіе въ томъ же заглавіи „очень быстро“, когда „объясненіе рекомендуетъ, „взявъ какую-либо печатную книгу, переписывать ее до полнаго изученія писанія“ (стр. 3).

Такимъ образомъ, разбираемая азбука полна таинственности, какъ бы ни увѣрялъ авторъ въ своемъ заключительномъ „словѣ“, что ученикъ при рекомендуемой „методѣ“ возбуждается интересъ къ из-

ченію чтенія и письма (стр. 16). Кажется, всего понятнѣе въ книжкѣ предложеніе, которымъ авторъ заканчиваетъ ее; вотъ это предложеніе: „Богатыхъ авторъ проситъ купить по нѣсколько экземпляровъ этой азбуки и подарить бѣднымъ".

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 годъ". *М. С. Кауфмана.*—„Современный календарь на 1894 г.". *А. Д. Ступина.*— „Мѣткія и ходячія слова". *М. И. Михельсона.*

Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 годъ. Составилъ М. С. Кауфманъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 коп. *Календарь* г. Кауфмана вступаетъ во второй годъ существованія и, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія матерей семействъ и хозяекъ. Тѣ и другія найдутъ въ этой книжкѣ множество очень дѣльныхъ и полезныхъ указаній. Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ первый листокъ книжки съ портретами и короткими біографіями пяти женщинъ: Х. Д. Алчевской, извѣстной своею педагогическою дѣятельностью, Н. Я. Шведовой, весьма почтенной филантропки, С. В. Ковалевской, профессора математики, Т. А. Алексѣевой, беззавѣтно преданной дѣлу сестры милосердія, и М. К. Зенковецкой, актрисы малороссійской труппы. Мы находимъ, что въ *Книжкѣ для матерей и хозяекъ* слишкомъ много мѣста отведено заботамъ о сохраненіи красоты рукъ, ногъ, волосъ, ногтей, ушей... Для женщинъ это, можетъ быть, очень интересно, но „матери и хозяйки", вѣроятно, предпочтутъ имѣть болѣе обстоятельныя указанія по части дѣтской и домашняго дѣла. Въ книжкѣ много опечатокъ, отчасти забавныхъ, какъ на стр. 68: „Алыя зубы",—отчасти искажающихъ смыслъ, какъ на стр. 69: „Одной изъ лучшихъ зубныхъ рѣдкостей является водный растворъ". Цѣна книжки очень дешевая.

Современный календарь на 1894 г. А. Д. Ступина. Москва. Ц. 15 к. Въ ряду дешевыхъ календарей изданіе г. Ступина, существующее четыре года, занимаетъ чуть ли не первое мѣсто по полнотѣ и разнообразію заключающихся въ немъ свѣдѣній. Противъ календаря на нынѣшній годъ нѣтъ никакихъ измѣненій по существу въ новомъ, только что вышедшемъ выпускѣ для будущаго года. Статья, озаглавленная: *Русскіе писатели*, составляетъ продолженіе того, что было помѣщено въ прежнихъ выпускахъ: въ 1891 г. напечатаны краткія біографіи поэтовъ и беллетристовъ (съ 72 портретами), въ 1892 г. біографіи историковъ, археологовъ и библіографовъ (72 портрета), въ 1893 г.—публицистовъ, критиковъ и журналистовъ (то же число портретовъ), въ календарѣ на 1894 г. издатель возвращается опять къ поэтамъ и беллетристамъ и даетъ столько же портретовъ на двухъ листахъ. Довольно большая статья съ крупною виньеткой посвящена нашему славному баснописцу Ивану Андреевичу Крылову, по случаю предстоящаго пятидесятилѣтія со дня его кончины—9 ноября 1844 г. Памяти художника В. Гр. Шварца, скончавшагося 25 лѣтъ назадъ, посвящена замѣтка съ указаніемъ на его выдающіяся произведенія и съ приложеніемъ трехъ снимковъ съ его картинъ. Некрологи извѣстныхъ лицъ, умершихъ въ текущемъ году, иллюстрированы восемью портретами. Въ концѣ календаря имѣются хорошія карты Европейской Россіи и Сибири.

Мѣткія и ходячія слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, изреченій и выраженій. М. И. Михельсона. Спб., 1894 г. Составитель говоритъ въ предисловіи, что „сборникъ этотъ долженъ служить только первымъ опытомъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ, какъ матеріалъ для составленія возможно полнаго словаря часто употребляемыхъ у насъ русскихъ и иностранныхъ ходячимъ словъ". Надо отдать справедливость г. Михельсону, потрудился онъ много и матеріалъ собралъ богатый,—мы бы сказали, даже слишкомъ богатый, если бы нѣсколько лишнихъ и ненужныхъ словъ могли повредить такого рода сборнику. Какъ на примѣръ таковыхъ, мы укажемъ слова *Аббатъ*, *Аббатикъ*, *Гильотина* и др. Существеннѣе, по нашему мнѣнію, встрѣчающіяся въ книгѣ не совсѣмъ вѣрныя объясненія, — примѣръ: „До конца XVIII ст. члены аристократическихъ семействъ во Франціи получали титулъ аббата, не состоя въ духовномъ званіи"... Справочная книга не должна давать поводовъ къ недоразумѣніямъ, которыя могутъ выйти изъ подобныхъ объясненій. На стр. 85 подъ словомъ *Гарантія* и *Субсидія* (совсѣмъ необъясненными) имѣется ссылка: „См. Reptilien — субсидіи". Не знающій значенія слова *Reptilien* можетъ подумать, что оно синонимъ „субсидіи". Далѣе мы слѣдуемъ указанію и на стр. 593 находимъ: *Reptilienfonds*, *Reptil*, съ объясненіемъ весьма запутаннымъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что деньги употреблялись *противъ рептилій*, что совсѣмъ невѣрно. Проще и короче было бы сказать, что „рептиліями" (пресмыкающимися) называли продажныхъ литераторовъ, подкупленныхъ прусскимъ правительствомъ, на что употреблялись доходы съ Ганноверскаго (Вельфскаго) фонда, получившаго отъ того наименованіе *Riptilienfond*. Въ комментаріи къ извѣстной поговоркѣ: „Гора мышь родила", сказано, что это „насмѣшка *на* плохихъ поэтовъ, много обѣщающихъ, въ *ноту* лица кропающихъ стихи, но— безрезультатно. См. „Рифмоплетство". Поговорка примѣняется далеко не къ однимъ стихотворцамъ. Къ поговоркѣ: „Голодъ не тетка" приложено пять цитатъ, не дающихъ рѣшительно никакихъ указаній на происхожденіе пословицы и, по нашему мнѣнію, не имѣющихъ къ ней никакого отношенія, что встрѣчается не рѣдко въ книгѣ г. Михельсона. Нѣкоторыя пословицы переданы невѣрно, наприм.: „Какъ въ колыбелкѣ, такъ и въ могилку". Говорится: „Каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилку" (пошелъ, т.-е. неисправимымъ). Относительно нѣкоторыхъ номеровъ сборника мы въ недоумѣніи, какъ, наприм.: „Димитрій, ты и быть инымъ не можешь, другого мнѣ любить нельзя" (*Борисъ Годуновъ* Пушкина). Что это за мѣткое и ходячее слово? Такими цитатами можно наполнить цѣлую библіотеку. А пропусковъ въ книгѣ г. Михельсона не пересчитать, если обратиться къ пословицамъ, поговоркамъ и ходячимъ словамъ, не только народнымъ, но и прямо заимствованнымъ у писателей. Примѣры пропусковъ: „Безъ Бога—ни до порога", „Безъ вины виноватъ", „Безъ ножа зарѣзать", „Все хорошо, что хорошо кончается", „Воръ у вора дубинку укралъ", „Деньга деньгу родитъ" и мн. др. Въ виду того, что книга г. Михельсона есть „первый опытъ" и представляетъ собою лишь „матеріалъ" для будущихъ работъ этого рода, мы не придаемъ большого значенія пропускамъ и включенію въ сборникъ лишнихъ и неподходящихъ изреченій. Много важнѣе неправильныя объясненія, могущія вводить въ заблужденіе пользующуюся *Сборникомъ* публику и заставляющія относиться съ большою осторожностью къ „матеріалу", предлагаемому г. Михельсономъ. Книга издана очень чисто и красиво.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*.—„Русское Богатство“, *августъ*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *сентябрь*.—„Русскій Вѣстникъ“, *сентябрь*.— „Русское Обозрѣніе“, *сентябрь*.

Вѣстникъ Европы, *сентябрь*. Два съ половиною года назадъ была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* повѣсть *Мимочка на водахъ*. Читавшіе повѣсть и помнящіе образъ „Мимочки“ были не мало изумлены, узнавъ на-дняхъ, что „Мимочка отравилась“. Такъ названъ очеркъ, напечатанный теперь въ сентябрьской книжкѣ того же журнала. Никто не ожидалъ такого трагическаго случая съ Мимочкой. Къ счастью, отравленіе оказалось не серьезнымъ. Приглашенный докторъ, оглядѣвъ брошенный пустой пузырекъ, съ увѣренностью заявилъ, что онъ сейчасъ поправитъ все дѣло и больная черезъ нѣсколько дней будетъ здорова.

Въ очеркѣ *Мимочка отравилась* всѣ лица живыя; прекрасный языкъ, тонкій психологическій анализъ и широкій взглядъ на вещи,—таковы достоинства произведенія. Очеркъ окончится печатаніемъ въ слѣдующей книжкѣ и мы тогда будемъ говорить о немъ подробно.

Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала была уже отмѣчена статья г. Слонимскаго, посвященная разбору книги г. Николая — она *Очерки нашею пореформеннаго общественнаго хозяйства*. Теперь эта статья окончена. Хотя она далеко не обнимаетъ всего содержанія замѣчательной книги г. Николая—она, совершенно не говоритъ о достоинствахъ книги, а только указываетъ ея увлеченія, промахи, но указанія эти касаются столь важныхъ явленій, что статью г. Слонимскаго мы рекомендуемъ прочесть каждому, интересующемуся общественными вопросами.

Важнѣйшій недостатокъ книги г. Николая—она заключается въ томъ, что онъ всѣ наши экономическія неурядицы приписываетъ почти одной лишь причинѣ, а именно: зарождающемуся у насъ *капиталистическому хозяйству*. Между тѣмъ, если безъ предвзятой мысли оглянуться на окружающую насъ бѣдность, то причинъ экономическаго упадка нѣсколько и онѣ вполнѣ ясны. Мы брали съ крестьянъ податями,—какъ справедливо говоритъ г. Слонимскій,—вдвое больше, чѣмъ даетъ имъ земля, и тѣмъ самымъ заставляли ихъ ежегодно продавать за безцѣнокъ хлѣбъ, нужный имъ для собственнаго пропитанія; допускали продажу ихъ рабочаго скота для уплаты податей; предоставляли эксплуатировать сельское населеніе невозможными арендными, кредитными и кабальными сдѣлками; доводили до разоренія сотни тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ, а собранные съ народа милліоны употребляли на обогащеніе промышленныхъ желѣзно-дорожныхъ дѣятелей, на раздачу премій сахарозаводчикамъ, на поощреніе вывоза товаровъ за границу, на созданіе искусственной дороговизны устраненіемъ иностранной конкурренціи и т. п. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на поощреніе
лько вывоза спирта за четырнадцать лѣтъ, съ 1877 по 1880 годъ,
грачено государствомъ около *сорока* милліоновъ, причемъ размѣръ
эщренія почти достигалъ стоимости самаго поощряемаго товара.
обы добыть эти сорокъ милліоновъ рублей для доставленія дешева-
спирта иностранцамъ, пришлось, быть можетъ, продать съ аукціона
ущество и хозяйственныя принадлежности цѣлаго милліона крестьянхъ семействъ и превратить, такимъ образомъ, массу домохозяевъ
безлошадныхъ и безземельныхъ искателей работы.

Если бы авторъ книги о нашемъ пореформенномъ хозяйствѣ,—про-

должаетъ г. Слонимскій,—не приступилъ къ дѣлу съ заранѣе установленною теоріей, то онъ могъ бы увидѣть, что фабрично-заводская промышленность развилась у насъ еще слишкомъ недостаточно для совершенія серьезнаго переворота въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. За послѣднія тридцать лѣтъ наша крупная промышленность, по размѣрамъ производства, не особенно ужь далеко ушла отъ дореформенной эпохи. Громадный экономическій переворотъ, о которомъ такъ много говоритъ авторъ, сводится, въ сущности, къ отмѣнѣ крѣпостного права и вытекающимъ изъ этой отмѣны разнообразнымъ послѣдствіямъ, сводится къ финансовой и экономической политикѣ за послѣднія тридцать лѣтъ, и только затѣмъ уже къ зародившемуся капитализму.

Русское Богатство, *августъ*. Въ послѣднее время въ нашей журналистикѣ снова поднялись разговоры о цѣли и задачахъ искусства и литературной критики. Внѣшнимъ поводомъ къ возбужденію этой темы послужило появленіе въ отдѣльномъ изданіи диссертаціи *Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности*. Какъ сорокъ лѣтъ назадъ, такъ и теперь противъ нея возстали заступники такъ называемаго чистаго, самодовлѣющаго искусства. Все ими высказанное представляетъ ту же старую погудку и на старый же ладъ; ничего новаго, оригинальнаго. Какъ были безсильны доводы защитниковъ самодовлѣющаго искусства и исключительной эстетической критики, таковыми же они остались и понынѣ. Этому „вопросу“ посвящена статья Н. К. Михайловскаго *Литература и жизнь*. Сверхъ того, авторъ статьи справедливо указываетъ, какъ много лицемѣрія и празднословія заключается въ современной защитѣ тезиса „искусство ради искусства“. Гончаровъ называлъ Бѣлинскаго и Добролюбова „тонкими критическими истолкователями“, разъяснявшими иногда самимъ художникамъ плоды ихъ творчества. Нынѣшнимъ критикамъ изъ лагеря „самодовлѣющаго искусства“ эти разъясненія кажутся неудовлетворительными, потому что, дескать, ошибочны ихъ критическіе пріемы и теоретическія исходныя точки. „Хорошо,—говоритъ г. Михайловскій,—пусть невѣрны, исправляйте ихъ, но не ограничивайтесь словами, а дѣлайте дѣло. Пусть невѣрно освѣщеніе, данное Добролюбовымъ *Обломову* Гончарова, комедіямъ Островскаго и проч., но, вѣдь, онъ не слова только о критикѣ писалъ, а самую эту критику предъявлялъ. И вотъ почему его разсужденія о задачахъ искусства и критики, каковы бы они ни были сами по себѣ, не были празднословіемъ. А эти мизинные люди въ метафизическія трубы трубятъ, въ научные барабаны бьютъ, все въ походъ собираются, а сами ни съ мѣста. И вотъ почему все это — одно празднословіе, скучное, всѣмъ, кромѣ самихъ трубачей и барабанщиковъ, надоѣвшее. Невѣрно освѣщеніе, данное Гончарову или Островскому, и вы, мизинные люди, хотите научить насъ настоящему, вѣрному пониманію по строго-научному, научно-философскому, метафизическому и какому тамъ еще методу;—ну, и пересмотрите произведенія этихъ писателей вновь, или другихъ какихъ освѣтите, и только тогда слово ваше станетъ дѣломъ и перестанетъ быть празднословіемъ“. Далѣе авторъ статьи напоминаетъ, что какъ разъ въ тѣхъ литературныхъ органахъ, гдѣ поются гимны этому самому чистому искусству, печатались тенденціознѣйшіе романы, напримѣръ, Маркевича, г. Авсѣенка, г. Орловскаго, а въ критическихъ статьяхъ, ратующихъ противъ публицистической критики, нѣтъ ничего, кромѣ публицистики. Вотъ почему современные защитники самодовлѣющаго искусства суть или празднословцы, или лицемѣры. Они поютъ

гимны чистой красотѣ и чистому искусству и пишутъ негодующія тирады противъ публицистической критики; но, въ то же время, если они беллетристы, то даютъ тенденціознѣйшіе романы и повѣсти, а если критики, то, все-таки, пишутъ публицистическую критику, отличающуюся отъ гонимой ими критики не пріемами, а содержаніемъ идей. Да и что за нелѣпость,— замѣчаетъ г. Михайловскій,— ограничивать искусство и литературную критику одною эстетикой? Художникъ вложилъ въ свое произведеніе не только свое чувство красоты, а и свои идеалы, свою мысль, вѣрованія, свои знанія. И все это хотятъ подвергнуть суду исключительно эстетическому! Это просто безсмыслица, а такъ какъ на дѣлѣ никто и никогда этой программы не исполнялъ и исполнить не можетъ, то, кромѣ того—и празднословіе".

Во внутреннемъ обозрѣніи той же книжки журнала приведенъ изъ отчета о дѣятельности особаго комитета поучительный отзывъ о результатахъ помощи, оказанной народу во время голода.

Оригинальный вопросъ о развращающемъ вліяніи на мужика благотворительной помощи,— говоритъ авторъ *Обозрѣнія*,— вопросъ, такъ неожиданно возбужденный *Гражданиномъ* и покойнымъ Фетомъ на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*,— достаточно былъ выясненъ въ свое время. Въ появившемся теперь *Отчетѣ* о дѣятельности особаго комитета вопросъ этотъ также затронутъ, и отзывъ комитета о вліяніи помощи не лишенъ интереса. Этотъ отзывъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько недостойны тѣ измышленія по адресу мужика, которыми *Гражданинъ* и его союзники пытались пріостановить горячее стремленіе русскаго общества придти на помощь народу въ трудную для него минуту.

Описавъ многообразныя проявленія благотворительности въ періодъ 1891—92 гг., составитель *Отчета* заканчиваетъ его слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Широкое проявленіе благотворительной помощи, ознаменовавшее общественную борьбу съ послѣдствіями неурожая, возбудило у многимъ сомнѣнія: не были ли усилія благотворителей преувеличенными и не могъ ли избытокъ благотвореній имѣть развращающее вліяніе на населеніе, обративъ попечительную заботливость о народной нуждѣ въ потворство тунеядству, ослабляющему производительныя силы страны?" Имѣющіяся, однако, въ особомъ комитетѣ свѣдѣнія даютъ на эти вопросы отрицательный отвѣтъ. Конечно, были мѣстности, которыя въ отношеніи благотворительной помощи были болѣе обезпечены, чѣмъ другія, и въ которыхъ помощь благотворителей съ избыткомъ покрывала нужду, но мѣстности эти являлись рѣдкимъ исключеніемъ. Въ большинствѣ случаевъ, благотворительная помощь охраняла населеніе лишь отъ крайнихъ лишеній и въ этомъ отношеніи она оказала громадную поддержку усиліямъ правительства, особенно весною 1892 г., когда, при помощи широкаго развитія благотворительности, явилась возможность обезпечить не только продовольствіе нуждающагося населенія до новаго урожая, но и озаботиться поддержаніемъ его экономическаго благосостоянія и улучшеніемъ санитарнаго положенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что оказанная въ широкихъ размѣрахъ даровая помощь населенію не имѣла на него развращающаго вліянія. При объѣздахъ уполномоченными особаго комитета пострадавшихъ отъ неурожая губерній, ихъ поражало то необыкновенное терпѣніе и покорность волѣ Божіей, съ которыми народъ относился къ постигшему его тяжелому бѣдствію; повсюду замѣчался подъемъ религіознаго духа, пьянства почти не было. Какъ ни тяжело

было положеніе сельскаго населенія, нигдѣ не приходилось слышать ропота и неудовольствіи,— наоборотъ, со всѣхъ сторонъ слышны были заявленія трогательной благодарности.

Сѣверный Вѣстникъ, *сентябрь*. Въ сентябрьской книжкѣ этого журнала напечатана статья гр. Льва Толстого, озаглавленная *Не-дѣланіе*. Основной тезисъ статьи — наука есть праздное занятіе. Кто знакомъ съ послѣдними произведеніями Л. Н. Толстого, того не удивитъ такой тезисъ. Знаменитый беллетристъ давно уже не любитъ науку и ведетъ съ нею безплодную войну. Единственно цѣнное въ статьѣ, это письмо Дюма къ редактору французской газеты *Gaulois*, по поводу новыхъ стремленій въ средѣ современной молодежи,—письмо, къ которому авторъ статьи *Не-дѣланіе* относится съ большимъ сочувствіемъ. Слѣдующее мѣсто этого письма особенно интересно:

„Никогда не можетъ быть единственною заботой человѣка пріобрѣтеніе пищи, наживаніе состоянія или пріобрѣтеніе славы. Всѣ тѣ, которые ограничиваютъ себя этими цѣлями, чувствуютъ и тогда, когда они достигли ихъ, что имъ недостаетъ чего-то: дѣло въ томъ, что что бы ни производилъ человѣкъ, что бы ни говорилъ, что бы ему ни говорили, онъ состоитъ не только изъ тѣла, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, у него несомнѣнно есть еще и душа, которая еще заявляетъ свои требованія. Эта-то душа находится въ неперестающемъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ. До тѣхъ поръ, пока она не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину, она будетъ мучить человѣка.

„И вотъ — она никогда такъ не занимала, никогда не налагала съ такою силой свою власть на человѣка, какъ въ наше время. Она, такъ сказать, разлита во всемъ томъ воздухѣ, который вдыхаетъ міръ. Эту новую душу я нахожу и узнаю въ явленіяхъ, которыя кажутся болѣе всего отрицающими ее.

„Эти вооруженія всѣхъ народовъ, эти угрозы, которыя дѣлаютъ другъ другу ихъ представители, эти возобновленія гоненій извѣстныхъ народностей, эти враждебности между соотечественниками и даже эти ребячества Сорбоны суть явленія дурного вида, но не дурного предзнаменованія. Это—послѣднія судороги того, что должно исчезнуть. Болѣзнь въ этомъ случаѣ есть только энергическое усиліе организма освободиться отъ смертоноснаго начала.

„Тѣ, которые воспользовались и надѣялись еще долго и всегда пользоваться заблужденіями прошедшаго, соединяются съ цѣлью помѣшать всякому измѣненію. Въ слѣдствіи этого — эти вооруженія, эти угрозы, эти гоненія; но если вы вглядитесь внимательнѣе, вы увидите, что все это только внѣшнее. Все это колоссально, но пусто.

„Во всемъ этомъ уже нѣтъ души: она перешла въ иное мѣсто. Всѣ эти милліоны вооруженныхъ людей, которые каждый день упражняются въ виду всеобщей истребительной войны, не ненавидятъ уже тѣхъ, съ которыми они должны сражаться, и ни одинъ изъ начальниковъ не смѣетъ объявить войны. Что касается упрековъ, даже заражающихъ, которые слышатся снизу, то уже сверху начинаетъ отвѣчать имъ признающее ихъ справедливость великое и искреннее состраданіе.

„Взаимное пониманіе неизбѣжно наступитъ въ опредѣленное время, и болѣе близкое, чѣмъ мы полагаемъ. Я не знаю, происходитъ ли это отъ того, что я скоро уйду изъ этого міра и что свѣтъ, исходящій изъ-подъ горизонта, освѣщающій меня, уже затемняетъ мнѣ зрѣніе, но я думаю, что нашъ міръ вступаетъ въ эпоху осуществленія слов-

„любите другъ друга“, безъ разсужденія о томъ, кто сказалъ эти слова, Богъ или человѣкъ.

„Спиритуалистическое движеніе, замѣтное со всѣхъ сторонъ и которымъ столько самолюбивыхъ и наивныхъ людей думаютъ управлять, будетъ безусловно человѣчно. Люди, которые ничего не дѣлаютъ съ умѣренностью, будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будутъ недоразумѣнія, можетъ быть, и кровавыя,— такъ ужь мы воспитаны и пріучены ненавидѣть другъ друга часто тѣми самыми людьми, которые призваны научать насъ любви. Но такъ какъ очевидно, что этотъ великій законъ братства долженъ когда-нибудь совершиться, я убѣжденъ, что наступаютъ времена, въ которыя мы неудержимо пожелаемъ, чтобы это совершилось“.

Русскій Вѣстникъ, *сентябрь*. Въ послѣдней книжкѣ журнала находимъ новыя свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ 1829 году на Кавказѣ. Извѣстна тѣсная дружба, связывавшая Пушкина съ Иваномъ Пущинымъ, его лицейскимъ товарищемъ; поэтъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ также и съ братомъ его, Михаиломъ Пущинымъ. Оба Пущины оказались причастными къ дѣлу 14 декабря, оба были сосланы въ Сибирь, но Михаилъ Пущинъ вскорѣ же былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ принялъ участіе въ кампаніяхъ 1827—1829 гг. и былъ произведенъ въ офицеры.

М. И. Пущинъ въ 1857 г. познакомился за границей съ гр. Л. Н. Толстымъ, который и получилъ отъ него записку о Пушкинѣ и переслалъ ее П. В. Анненкову, извѣстному біографу поэта, причемъ писалъ: „Посылаю вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, записку Пущина, съ которымъ мы живемъ вмѣстѣ въ Clarens, canton de Vaud... Записка презабавная, но разсказы его изустные—прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина“. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ записки М. И. Пущина:

„Однажды,—разсказываетъ Пущинъ,—въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ разъѣзда до лагернаго расположенія турокъ на высотѣ Мелидюза, я сошелъ съ лошади въ палатку Николая Раевскаго, чтобъ его порадовать скорою неминуемою встрѣчей съ непріятелемъ. Не могу описать моего удивленія и радости, когда А. С. Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый вопросъ его былъ: „Ну, скажи, Пущинъ, гдѣ турки, и увижу ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай, пожалуйста, мнѣ видѣть то, за чѣмъ я сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ“.—„Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія“...

„По сказанному, какъ по писанному. Еще мы не кончили обѣда у Раевскаго съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣдланнымъ. Не успѣлъ я выѣхать, к съ уже попалъ въ схватку козаковъ съ наѣздниками турецкими, и т мъ же встрѣчаю Семичева, который спрашивалъ меня: не видалъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали поискать и нашли отдѣлившагося отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго, съ саблею наго ю, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за н ми уланъ съ Юзефовичемъ, скакавшимъ насъ выручать, заставило т рокъ въ этомъ пунктѣ удалиться,—и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкою башкой, и онъ, хотя съ неудоволь-

ствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ со всѣхъ сторонъ было отражено.

„Послѣ описанной стычки армія наша двинулась впередъ и вскорѣ приблизилась къ турецкимъ позиціямъ.

„По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину, въ немъ разыгралась африканская кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непремѣнно схватится съ туркомъ; но схватиться опять ему не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ и вообще всегда; въ свободное отъ занятій время за нимъ посылалъ и порядочно, по словамъ Пушкина, ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атаковывалъ, а вездѣ, до самой сдачи Эрзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованія непріятеля, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагери и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ, у меня или Раевскаго, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго ему сраженія".

По окончаніи кампаніи Пущинъ поѣхалъ лечиться на воды. По дорогѣ его догналъ Пушкинъ и они поѣхали вмѣстѣ, втроемъ въ одной коляскѣ; съ ними былъ еще Дороховъ, сынъ извѣстнаго партизана.

„Ѣхали мы втроемъ въ коляскѣ; иногда Пушкинъ садился на казачью лошадь и ускакивалъ отъ отряда, отыскивая приключеній или встрѣчи съ горцами, встрѣтивъ которыхъ, намѣревался, ускакивая отъ нихъ, навести ихъ на нашъ конвой и орудіе, но ни приключеній, ни горцевъ во всю дорогу онъ не нашелъ".

Пущинъ взялъ съ поэта обѣщаніе не играть дорогой въ карты, и Пушкинъ сдержалъ слово, но за то по пріѣздѣ въ Пятигорскъ скоро вознаградилъ себя.

„Пріѣхавши въ Пятигорскъ, я собрался сейчасъ же все осмотрѣть и пригласилъ съ собою Пушкина; но онъ отказался, говоря, что знаетъ тутъ все, какъ свои пальцы, что очень усталъ и желаетъ отдохнуть. Это уже было въ началѣ августа, мнѣ нужно было спѣшить къ Нарзану, и потому я объявилъ Пушкину, что на другой же день намѣренъ туда ѣхать, и если онъ со мной не поѣдетъ, то когда мнѣ его ожидать? „Могу тебѣ только то сказать, что не замедлю здѣсь лишняго дня,—только завтра съ тобою ѣхать не въ состояніи: хочу здѣсь день-другой отдохнуть".

„Получивши этотъ отвѣтъ Пушкина, я пошелъ осматривать источники, гулянья и городъ, что̀ заняло меня на нѣсколько часовъ. Возвращаясь домой послѣ заката солнца къ вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющаго въ банкъ съ Дороховымъ и офицеромъ павловскаго полка Астафьевымъ, „La grace est gotpue, — говоритъ Пушкинъ,— довольно мы терпѣли, связанные словомъ, но, вѣдь, слово дано было до водъ; на водахъ мы выходимъ изъ-подъ твоей опеки, а потому не хочешь ли поставить карточку? Вотъ господинъ Астафьевъ мечетъ отвѣтный".—„Ты совершенно правъ, Пушкинъ. Слово было дано — не играть между собою до водъ; ты сдержалъ слово благородно и мнѣ остается только удивляться твоему милому и покладливому характеру". Пушкинъ въ этотъ вечеръ выигралъ нѣсколько червонцевъ.

Русское Обозрѣніе, *сентябрь*. Авторъ статьи *Наша бѣдность*, г. Го-

ловинъ, затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ дня: вопросъ о причинахъ обѣднѣнія крестьянскаго населенія. Всѣмъ памятно,—говоритъ авторъ,—сильное, можно сказать, подавляющее впечатлѣніе, произведенное годъ тому назадъ книгой *Неурожай и народное бѣдствіе*. Двѣ недавно изданныя работы: *Крестьянское хозяйство въ Казанской губерніи*, принадлежащее перу казанскаго вице-губернатора г. Энгельгардта, и *Докладъ коммиссіи ливенскаго уѣзднаго земства*,—подтверждаютъ выводы автора упомянутой книги.

Трудъ г. Энгельгардта и *Докладъ коммиссіи ливенскаго уѣзднаго земства* касаются,—продолжаетъ авторъ,—двухъ очень различныхъ мѣстностей, лежащихъ почти на противуположныхъ окраинахъ черноземной полосы и не сходныхъ между собою ни по климату, ни по размѣрамъ надѣленія крестьянъ, ни по условіямъ культуры. Казанская губернія населена не особенно густо: она обладаетъ значительною лѣсною площадью, и сѣверная ея часть, особенно богатая лѣсами, почти не имѣетъ личнаго землевладѣнія. Ливенскій уѣздъ, одинъ изъ лучшихъ по качеству почвы черноземныхъ уѣздовъ, представляетъ сплошную площадь хлѣбныхъ посѣвовъ (почти 92%), и всѣ прочія угодья — луга, пастбища, лѣса—являются здѣсь лишь въ качествѣ ничтожныхъ лоскутковъ, кое-гдѣ разбросанныхъ среди безконечныхъ пашенъ. По густотѣ населенія онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, а по роду занятія населенія принадлежитъ къ мѣстностямъ исключительно земледѣльческимъ, такъ какъ единственный промыселъ тамошняго крестьянства—съемка въ аренду помѣщичьихъ земель и батрачество въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, занимающихъ нѣсколько болѣе ⅓ всего уѣзда. И при всемъ этомъ различіи, цифры, выражающія собою теперешнее состояніе крестьянскаго хозяйства въ этихъ двухъ мѣстностяхъ, поразительно сходны въ своемъ роковомъ краснорѣчіи.

„Изъ приведеннаго очерка крестьянскаго хозяйства въ Казанской губерніи, — говоритъ г. Энгельгардъ,— видно, что результаты его въ среднихъ выводахъ за послѣдніе годы нельзя назвать удовлетворительными, что доходы съ земледѣльческаго промысла едва достаточны для существованія населенія и что при современномъ его состояніи этотъ промыселъ не можетъ развиваться и совершенствоваться соотвѣтственно съ увеличеніемъ населенія и потребностями жизни. Очевидно, что крестьянское населеніе не только не можетъ сберегать какіе-нибудь запасы даже въ годы среднихъ урожаевъ, но должно проживать весь свой доходъ, а при неурожаѣ и другихъ невзгодахъ входить въ долги и растрачивать часть основного и оборотнаго капитала и, такимъ образомъ, постепенно ихъ сокращать“. Приводимыя г. Энгельгардтомъ фактическія данныя вполнѣ оправдываютъ такое заключеніе. Весь годовой доходъ, получаемый крестьянами какъ отъ земледѣлія, такъ и отъ другихъ, впрочемъ, слабо развитыхъ, промысловъ равняется въ средней сложности около 45 милліонамъ рублей, включая сюда и отхожіе промыслы, и плату за работы въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Между тѣмъ, по исчисленію г. Энгельгардта, неизбѣжные расходы на поддержаніе и ремонтъ построекъ и инвентаря, на уплату повинностей казенныхъ и земскихъ, а также страховыхъ премій, и на возмѣщеніе убытковъ отъ пожаровъ сокращаютъ эту сумму до 25 милліоновъ рублей. Этими 25 милліонами, изъ которыхъ на каждую душу обоего пола приходится 13 рублей, должны, стало быть, покрываться какъ всѣ продовольственныя нужды крестьянъ, такъ и всѣ остальныя ихъ потребности.

Въ виду такого ничтожнаго дохода крестьянскаго двора, понятно, что онъ пребываетъ въ положеніи весьма необезпеченномъ, что и подтверждается быстрымъ размноженіемъ безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ. Другимъ, не менѣе яркимъ признакомъ разоренія крестьянскаго населенія служитъ поистинѣ ужасающая цифра недоимокъ. „Къ 1 января 1891 голоднаго года за крестьянами Казанской губерніи состояло разныхъ казенныхъ и земскихъ недоимокъ около 8½ милліоновъ рублей, не считая продовольственнаго долга въ 2½ милл. рублей. Съ тѣхъ поръ первая изъ этихъ цифръ возросла до 15½ милліоновъ, а вторая почти до такой же суммы.

Такова картина крестьянскаго хозяйства въ Казанской губерніи. Посмотримъ теперь, что говоритъ г. Головинъ, что говоритъ намъ о Ливенскомъ уѣздѣ коммиссія тамошняго земства.

По исчисленію земской коммиссіи, весь крестьянскій доходъ отъ собственнаго полеводства, отъ арендованія чужихъ земель, отъ оброчныхъ статей и отъ личнаго труда, то-есть отъ найма на работы въ помѣщичьи экономіи, выражается суммою въ 3.452,000 руб., остается на покрытіе прочихъ крестьянскихъ нуждъ 1.051,000 рублей. Если мы изъ полученнаго остатка вычтемъ весь годовой окладъ крестьянскихъ платежей, казенныхъ, земскихъ, мірскихъ и страховыхъ, т.-е. 863,000 рублей, то получится до комичности ничтожная цифра въ 188,000 рублей, изъ которыхъ должны быть покрыты всѣ предметы крестьянскаго потребленія, не заготовленные дома изъ своего матеріала.

Показанная картина крестьянскаго хозяйства въ Казанской губерніи и Ливенскомъ уѣздѣ,—говоритъ авторъ статьи,—не представляется исключительной. Г. Энгельгардтъ въ концѣ предисловія своей книги прямо указываетъ, что выводы, къ которымъ онъ пришелъ, вполнѣ примѣнимы къ остальнымъ губерніямъ средне-волжскаго района, находящимся въ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ и экономическихъ условіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ условій сравнительно даже болѣе благопріятны въ Казанской губерніи, гдѣ имѣется довольно обширная площадь лѣсовъ и довольно много казенныхъ оброчныхъ статей. Примѣръ Ливенскаго уѣзда показываетъ, что явленія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не ограничиваются этимъ райономъ: они въ большей или меньшей степени встрѣчаются на всемъ пространствѣ черноземной полосы. Ливенскій уѣздъ, сравнительно съ другими мѣстностями этой полосы, тоже обладаетъ довольно благопріятными условіями—превосходнымъ качествомъ почвы и умѣреннымъ климатомъ; губительныя засухи повторяются значительно рѣже, чѣмъ въ заволжскихъ степяхъ.

Признавъ сильное разстройство крестьянскаго хозяйства, авторъ статьи переходитъ къ отысканію причинъ этого грустнаго явленія и къ указанію мѣръ, могущихъ если не устранить вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, ослабить этотъ угрожающій процессъ. Здѣсь онъ расходится съ большинствомъ изслѣдователей народной жизни и съ господствующимъ въ прессѣ взглядомъ, указывающимъ, что важнѣйшими источниками крестьянской нужды суть малоземелье и чрезмѣрное податное обремененіе. Но возраженія автора противъ этого пониманія основныхъ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства не только слабы, но и смутны, сбивчивы, противорѣчивы. Съ своей стороны, эти причины г. Головинъ видитъ въ крестьянскихъ раздѣлахъ, общинномъ землевладѣніи и чрезмѣрной дробимости крестьянскихъ надѣловъ и, какъ исцѣленіе противъ этихъ недуговъ, рекомендуетъ „сгромѣнять и не пущать“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1893 г.

Стенографическій отчетъ XXVIII очередного новгородскаго губернскаго земскаго собранія съ 14 по 26 января 1893 г. Новгородъ, 1893 г. 287 in 8.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1892 г. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ губерской управы. Новгородъ, 1893 г. in 4.

Отчетъ полтавской уѣздной земской управы за 1892 годъ. Полтава, 1893 г.

Юрьевъ, Михаилъ. Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. Часть I. Москва, 1894 г. Ц. 2 р. 196 in 8.

Брандесъ, Г. Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ. Пер. В. Невѣдомскаго. Изд. Ѳ. А. Богданова. Москва, 1893 г. 381 in 8.

Рибингъ, Севедъ, д-ръ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Пер. В. Лейненберга. Ц. 1 р. Одесса, 1893 г. 159 in 8.

Неверъ, Эмиль. Искусство быть красивой. Книга для женщинъ. Пер. съ итальянскаго Н. Л. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к. 214 in 8.

Кожевниковъ, Г. Отчетъ о русской зоологической литературѣ. Вып. 1. Москва, 1893 г. Ц. 3 р. 518 in 4.

Ярцевъ, А. А. Ѳ. Г. Волковъ, его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины. Спб., 1891 г. Ц. 25 к. 94 in 16.

Ярцевъ, А. А. М. С. Щепкинъ, его жизнь и сценическая дѣятельность въ связи съ исторіей современнаго ему театра. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 96 in 16.

Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Энциклопедическій словарь. Томъ X. Давенпортъ - Десминъ. Спб., 1893 г. 480 in 8.

Русскій сельскій календарь на 1894 г. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 88 in 4.

Клоссовскій, А. Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1892 г. Вып. III—81; IV—96; V—97. Одесса, 1893 г. in 4.

Клоссовскій, А. Опытъ спеціальнаго изученія Россіи по районамъ. Одесса, 1893 г. in 4.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1892 годъ. Съ 6 картограммами. Годъ седьмой. Полтава, 1893 г. Ц. 1 р. 443+LXVI in 4.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Тверской губерніи. Съ 10 картограммами. Тверь, 1893 г.

Паржихъ, В. Я. Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ плодовыхъ садовъ въ Южной Россіи примѣнительно къ южной степной полосѣ. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. 174 in 8.

Шестаковъ, П. Д. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Изд. А. А. Дубровина. Казань, 1893 г. 94 in 8.

Граціановъ, Н. Отчетъ нижегородской городской санитарной комиссіи за 1891 и 1892 гг. Н.-Новгородъ, 1893 г.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 380 in 8.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи. Томъ XVIII. Изд. тамбовскаго губерскаго земства. Тамбовъ, 1893 г.

Гарбель, А. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 72-й и 73-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к.

Псалти, Г. Г. О прививкѣ деревьевъ. Общедоступное руководство съ 55 рисунками. Маріуполь, 1893 г. Ц. 30 к. 78 in 16.

Песковскій, М. Л. Въ глуши. Повѣсть въ 3 частяхъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 323 in 8.

Смышляевъ, Д. Пермскій край. Томъ второй. Пермь, 1893 г. Ц. 2 р. 50 к. 303 in 8.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Изданіе „Посредника". Москва, 1893 г. Ц. 50 к. 128 in 8.

Шиленковъ, Н. Оцѣнка и обложеніе налогами городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Уфа, 1893 г. 62 in 8.

Софоклъ. Царь Эдипъ. Переводъ съ греческаго Ольги Вейссъ, съ предисловіемъ В. А. Гримгмута. Изд. женской классической гимназіи. Москва, 1893 г. 105 in 8.

Тардифъ, А. Основы исторической критики. Пер. М. Агѣева. Воронежъ, 1893 г. 16 in 8.

Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссійскія, данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1893 г. 201 in 4.

Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени. 1270—1610. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 381 in 8.

Ферлюдинъ, П. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Академія наукъ и университеты. Саратовъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. IX+184 in 8.

Шельцель, К. Э. Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Изд. Эмиля Бернгдта. Одесса, 1893 г. 125 in 8.

Вессель, Н. Х. Отчего государственный банкъ не упрочилъ кредитной денежной системы и какъ ее упрочить? Спб., 1893 г. Ц. 30 к. 16 in 8.

Острогорскій, В. Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Изд. Д. И. Тихомирова. Москва, 1893 г. Ц. 50 к. 194 in 8.

Мѣропріятія удѣльнаго вѣдомства въ борьбѣ съ засухами и другими климатическими вліяніями, препятствующими хозяйству въ юго-восточныхъ степныхъ имѣніяхъ. Спб., 1893 г. 54 in 8.

Степаненко, Н. Н. Хата. Разсказы и очерки. Ромны, 1893 г. Ц. 80 к. 87 in 16.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Подъ ред. Тхоржевскаго. Вып. XXVI и XXVII. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 20 к. in 4.

Кондръ, Гр. Новая любовь. Психологическій анализъ трагической поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ". Съ приложеніемъ самой поэмы. Нѣжинъ, 1893 г. Ц. 40 к. 108 in 16.

Брюнетьеръ, Фердинандъ. Источники пессимизма. Пер. І. Юровскаго. Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. (Международная Библіотека, № 1). Одесса, 1893 г. Ц. 15 к. 32 in 16.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Вып. I. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 150+11 in 4.

Квитка, Г. Драматическія сочиненія. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к. 246 in 8.

Энгельгардтъ, А. П. Общественныя запашки въ связи съ учрежденіемъ обязательнаго государственнаго страхованія посѣвовъ отъ неурожая на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Казань, 1893 г. 23 in 8.

Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ-Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ. Изд. псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Псковъ, 1893 г.

Бахтіаровъ, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель. (Поѣздка на Валаамъ). Изд. Г. А. Куровѣрова. Спб., 1893 г. Ц. 10 к. 32 in 8.

Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія, съ задачами для упражненія. Вильна, 1893 г. Ц. 30 к. 75 in 8.

Волжинъ, В. А. Наши тулуновцы. Повѣсть. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 216 in 8.

Павловская, Л. Холерные годы въ Россіи. Историческій очеркъ, съ 18 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. 90 in 8.

Строгановъ, В. В. Бактеріологическія изслѣдованія полового канала женщины въ различные періоды ея жизни. Спб., 1893 г. 164 in 8.

Лессингъ, Г. Молодой ученый. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. Гомберга, Изд. Ф. А. Іогансона. Ц. 25 к. Кіевъ, 1893 г. 174 in 16.

Корнетъ, Г., д-ръ. Какъ уберечься отъ чахотки. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. Ц. 15 к. 64 in 16.

Каццолино, В., д-ръ. Гигіена уха. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к. 79 in 16.

Гриммъ, братья. Сказки. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. 84 in 8.

Кауфманъ, М. С. Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 годъ. Изд. М. С. Кауфмана и Д. И. Богданова. Ц. 20 коп. Одесса, 1893 г. in 8.

Пергаментъ, М. Юридическая природа реальной уніи. Одесса, 1893 г. 136 in 8.

Кальнингъ, И. Комментарій по четвертому изданію россійской фармакопеи. Вып. 9, т. I. Москва, 1893 г. in 8.

Никульцевъ, П. Ариѳметика. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Москва, 1893 г. Ц. 70 к. 258 in 8.

Толстой. Л. Н., графъ. Сочиненія, томъ I — XIII. Изданіе 9-е. Москва, 1893 г. in 8.

Loria, Achille. Les bases économiques constitutions sociale. Paris, 1893. 430 in 8.

Kumicic, Evgenij. Urota zrinsko frankopanska svezak. I, II, III, in 8.

Бажаевъ, В. Руководство къ правильному устройству травосѣянія на надѣльныхъ крестьянскихъ поляхъ Московской губерніи. Съ 9-ю рисунками въ текстѣ. Москва, 1893 г. Ц. 10 к. 22 in 8.

Буцинскій, П. Н. Мангазея и Мангазейскій уѣздъ (1601—1645). Харьковъ, 1893 г. 66 in 8.

Duval, Mathias, et Constantin, Paul. Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. Пер. В. Фаусека. Изд. И. А. Ефрона. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 424 in 8.

Гиляровъ, А. Н. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы. Кіевъ, 1894 г. Ц. 3 р. 399 in 8.

Горкевичъ, Л. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. 45 in 8.

Пароменскій, А. Дифференціальное и интегральное исчисленія съ приложеніемъ къ анализу и геометріи. Изданіе К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. 426 in 8.

Германъ, Ф. Л. Теофрастъ Ренадб. (Историко-біографическій очеркъ). Харьковъ, 1893 г. 25 in 8.

Сборникъ пермскаго земства. Изд. пермской губернской земской управы. №2—3. Пермь, 1893 г. 144 in 8.

Буцинскій, П. Н. Къ исторіи Сибири. Харьковъ, 1893 г. 28 in 8.

Буцинскій, П. Крещеніе остяковъ и вогуловъ при Петрѣ Великомъ. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р. 93 in 8.

Вагнеръ, К. Э. Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1893 г. 28 in 8.

Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Томъ I. XVII столѣтіе. Вып. II. Изданіе редакціи журнала „Физико-математическія Науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ". Москва, 1893 г. Ц. 1 р. 70 к. 39 in 8.

Шаховской, А. Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія. Спб., 1894 г. Ц. 75 к. 106 in 8.

Бузескулъ, В. Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. Москва, 1893 г. 44 in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Сочиненія" *гр. Л. Н. Толстого.*—„Бракъ по любви". *А. В. Стерна.*—„Сочиненія" *М. В. Ломоносова.* 459

Публицистика: „Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ".—„О состояніи чистопольскаго общественнаго управленія и г. Чистополя въ 1892 г.".—„Злая забава". *В. Ч—ва* 464

Философія, психологія и педагогика: „Психологія". *В. Снегирева.*—„Исторія древней философіи". *Виндельбанда.* — „Недостатки въ характерѣ ребенка". *Шольца* 465

Исторія и воспоминанія: „О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича". *Н. Никольскаго.*—„Воспоминанія" *Алексиса Токвилля* 467

Археологія и этнографія: „Сборникъ памятниковъ византійской литературы". *А. Васильева.* — „Къ литературѣ объ историческомъ значеніи русскихъ заклинаній". *Проф. Н. Барсова.*—„Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ". *Н. И. Петрова.*—„Палея толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 году" 469

Политическая экономія и статистика: „Сборникъ с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ".—„Сводъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Тифлисской и Кутаисской губ.". 471

Юридическія книги: „Неимущественный интересъ въ обязательствѣ". *Е. В. Пассека.* — „Исторія межевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія". *И. Германа.*—„Межевой сборникъ". *Б. А. Долячко* 474

Языкознаніе: „Всадники" *Аристофана.*—„Рѣчь оратора Демосѳена о вѣнкѣ". *Н. Виноградова.*—„Гомеръ: введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ". *Р. Джебба.*—„Прометей въ оковахъ". *Эсхила.*—„Философскіе трактаты о старости и о дружбѣ". *М. Туллія Цицерона.*—„Алфавитъ изъ 31-й буквы". *А. Балтевскаго* . . . 475

Естествознаніе: „Жизнь животныхъ Брэма". *Перев. С. М. Переяславцевой.*—„Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брэму и многимъ другимъ источникамъ". *Эльпе.* — „Жигули и извѣстнякъ, которымъ мостятъ улицы г. Самары". *П. А. Ососкова.*—„Allgemeine Meerskunde", *von Jogannes Walther* 480

Стр.

Сельское хозяйство: „Урожаи ржи въ Европейской Россіи". *А. Ѳ. Фортунатова.*—„Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ". *М. Турскаго.*—„Семидесятилѣтній опытъ искусственнаго лѣсоразведенія на черноземѣ". *Ив. Шатилова.* — „Стельная корова". *Г. И. Гурина.*—„Искусственный выводъ цыплятъ (инкубація)". *Г. Г. Псалти.* — „О прививкѣ деревьевъ". *Его же.*—„Правильное сельско-хозяйственное счетоводство". *Г. Н. Кузмина.*— „Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ и совѣты о кормленіи скота картофелемъ и другими кормами". *С. П. Дремлова* 482

Медицина: „Холера, эпидеміологія и профилактика съ общественной и санитарной точки зрѣнія". *Ѳ. Ѳ. Эрисмана.* — „Научно-популярная оптическая гигіена глазъ". *Рейха.*—„О пользѣ кефира при холерной эпидеміи". *К. Сталина.*—„Руководство къ фармацевтической медико-химической практикѣ". *Hager'a.* „Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми съ первыхъ дней жизни ребенка до юношескаго возраста". *С. Кнейппа.*—„Курсъ акушерства". *И. П. Лазаревича.*— „Руководитель повивальной бабки по уходу за беременными, роженицами, родильницами и новорожденными". *А. П. Артемьева* 487

Учебники: „Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи". *Е. Крылова.*—„Краткій курсъ русской исторіи". *П. Либена и А. Шуйской.*—„Методика обученія письму". *Ѳ. В. Грекова.*—„Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ". *С. Радецкаго и В. Соколова.* — „Учебникъ зоологіи". *С. К. Персональнаго.*—„Латинско-русскій словарь". *О. Петрученка.*—„Сборникъ физическихъ задачъ". *Э. Жакье.*—„Задачи по физикѣ". *Л. Жэ.*—„Тридцатилѣтняя война". *Фр. Шиллера.* — „Смерть Валленштейна". *Его же.*—„Азбука-оригиналъ". *Д-ра К. Г. Кларессино* 493

Справочныя книги: „Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 годъ". *М. С. Кауфмана.*—„Современный календарь на 1894 г.". *А. Д. Ступина.*—„Мѣткія и ходячія слова". *М. И. Михельсона* 499

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *сентябрь.*—„Русское Богатство", *августъ.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *сентябрь.*— „Русскій Вѣстникъ", *сентябрь.* — „Русское Обозрѣніе", *сентябрь* 501

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1893 г.

Торговый Домъ
Ж. Блокъ
основанъ 1863
Главная Контора
Москва
Отдѣленія:
Петербургъ
Одесса
Варшава
Кокандъ
Екатеринбургъ
Самый обширный
въ Россіи складъ:
велосипедовъ
швейныхъ и пишущихъ
машинъ
Москва

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Арефа, Н. Изданіе неоффиціальное. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. По оффиціальному изданію 1892 г. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р.

Богдановъ, М. Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Висковскій. Пособіе для пользованія военными и гражданскими законами. Полный систематическій указатель свода военныхъ постановленій 1859 и 1869 гг. Краткій указатель Свода Законовъ Россійской имперіи, историческое обозрѣніе системы и практическія правила пользованія законами. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Гартенбахъ, д-ръ. Искусство пріобрѣсти превосходную память. Вѣрныя средства возстановить память, возрождать новую и сохранять до глубокой старости. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія С. Майковой. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Горбуновъ. Программы, учебные планы и правила реальныхъ училищъ съ новыми объяснительными записками министерства народнаго просвѣщенія, дополненіями и разъясненіями, исходившими отъ министровъ, попечителей округовъ, указаніями принятыхъ по классамъ учебниковъ, положеній о пособіи бѣднымъ ученикамъ и проч. Москва, 1892 г. Цѣна 35 к.

Греческіе классики въ русскомъ переводѣ В. Крауза. Поэмы Гомера: I—Иліада. Иллюстрированное изданіе. Выпускъ первый. Рапсодія первая. Съ восемнадцатью рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 40 к.

...нте, Алигіери. Божественная комедія. Чистилище. Переводъ стихами съ итальянскаго А. П. Ѳедорова, съ объяснительными примѣчаніями и вступленіемъ. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Дьяковъ, А. (Житель). Головка красавицы. Она хочетъ жить. Теноръ. Мгновенная и друг. разсказы. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Дьяковъ, А. (Житель). Наши дамы. Изда...ніе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Дьяковъ, А. (Житель). Рублевая деревня. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Дьяковъ, А. (Житель). Сусальныя звѣзды. Книга раздора. Изданіе 2-е. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Дюваль, М., и Константенъ, П. Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. Переводъ съ французскаго прив.-доц. Петербургскаго университета В. Фаусека. Съ 368 рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Ждановъ, А. Грамматика для народныхъ школъ. Изданіе 2-е, дополненное. Харьковъ, 1892 г. Цѣна 15 к.

Ждановъ, А. Сборникъ статей и примѣровъ для разбора, диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій. Составленъ по плану „Грамматики для народныхъ школъ". Изданіе 2-е, значительно дополненное. Харьковъ, 1893 г. Цѣна 30 к.

Имеретинскій, Н., князь. Пажескія и офицерскія потѣхи въ былыя времена. Изданіе 2-е. Спб., 1893 г. Цѣна 80 к.

Кочетова. Краткая пластическая анатомія для начинающихъ. Съ 90 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к.

Козловъ и Мельниковъ. Полная школа живописныхъ и малярныхъ работъ. Новое и полное руководство къ живописи и произведенію окраски масляными и водяными красками разнообразныхъ зданій, сооруженій и проч. Искусство подражать дереву во всѣхъ его видахъ, а также каменнымъ породамъ. Приготовленіе разныхъ сортовъ лака, красокъ, мата и разныхъ подготовокъ къ живо-

писнымъ и малярнымъ работамъ. Вѣрный опредѣлитель подмѣсей, поддѣлокъ и достоинствъ москательныхъ товаровъ, различные способы подготовки дерева подъ малярныя работы, закалка стали по новѣйшему способу. Москва, 1893 г. Цѣна 2 р.

Лихбергъ, А. Уходъ за зубами и леченіе ихъ. Необходимыя свѣдѣнія для страдающихъ зубами, особенно для родителей. Съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Спб., 1894 г. Цѣна 50 к.

Мартьяновъ, П. Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. Т. I. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже. Т. II. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Мартьяновъ, П. Цвѣтъ нашей интеллигенціи. Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка, въ силуэтахъ, краткихъ характеристикахъ, надписяхъ къ портретамъ и эпитафіяхъ. Изданіе 3-е, вновь исправленное и значительно дополненное. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Марьежоль, Ж. Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени 1270–1610. Переводъ съ франц. съ 111 рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Мебіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора медицины С. М. Ершова. Спб., 1894 г. Цѣна 75 к.

Международная Библіотека. № 1. Фердинандъ Брюнетьеръ. Источники пессимизма. Переводъ І. Юровскаго. Одесса, 1893 г. Цѣна 15 к.

Милютинъ, И. Россія и Германія. Экономическія письма. Спб., 1894 г. Цѣна 75 к.

Михайловъ, В. Руководство къ различнымъ родамъ живописи для любителей. Содержаніе: Живопись по дереву (акварелью).—Живопись по терракотѣ (акварелью и масляными красками).—Живопись по камню (акварелью).—Вытравливаніе по камню и металламъ и раскрашиваніе вытравленныхъ мѣстъ.—Новые способы раскрашиванія фотографій (акварелью).—Брилліантово-перламутровая живопись подъ стекломъ. Спб., 1893 г. Цѣна 80 к.

Нечаевъ, А. Пиръ, философская поэма любви. Опытъ поэтическаго изложенія Платона. Спб., 1893 г. Цѣна 15 к.

Новикова, Е. Новая поваренная книга. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ, легкій способъ приготовлять вкусный и дешевый столъ, необходимая экономія въ каждомъ хозяйствѣ. Болѣе тысячи различныхъ блюдъ, моченій, соленій, наливокъ и кондитерскихъ издѣлій. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Песковскій, М. Въ глуши. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Часть I—Жизнь учитъ. Часть II—Борьба Часть III—Въ - одиночку. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Попозъ, Н. Паразиты Петербурга. Уголовный романъ изъ современной столичной жизни. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р.

Рейхъ, М., д-ръ. Научно-популярная оптическая гигіена глазъ. Для педагоговъ, учителей, студентовъ, врачей неокулистовъ, образованныхъ людей вообще. Съ 11 рисунками въ текстѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Рибо, Т. Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. (La volonté). Перев. съ 8-го дополненнаго французскаго изданія. Подъ редакціей д-ра Аболенскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 80 к.

Рибо, Т. Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ съ французскаго. Подъ редакціей д-ра Аболенскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 80 к.

Русаковъ, М. Самоучитель полнаго русскаго сельскаго хозяйства. Необходимое руководство для любителей сельскаго труда и для всѣхъ желающихъ изучать агрономію въ полномъ ея составѣ, и какъ указатель средствъ для всѣхъ желающихъ улучшить свое хозяйство и получать отъ него постоянно высшій доходъ. Въ четырехъ частяхъ. Съ 120 пояснительными рисунками. Изданіе 2-е, вновь исправленное и значительно дополненное. Москва, 1893 г. Цѣна 3 р.

Станюковичъ, А. Школа поварского и кондитерскаго искусствъ. Новѣйшій полный подарокъ для молодыхъ хозяекъ. 1,000 различныхъ приготовленій кушаньевъ скоромныхъ и постныхъ, кондитерскихъ приготовленій, соленій, моченій, домашнихъ запасовъ и проч. Вѣрный источникъ къ сокращенію домашнихъ расходовъ. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р.

Устрѣцкій, И. Синтаксисъ. Курсъ повторительный. Спб., 1893 г. Цѣна 10 к.

Фудель, І. Наше дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ. Москва, 1893 г. Цѣна 30 к.

Эндлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Русаковой, пересмотрѣнный докторомъ А. И. Добровольскимъ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

Русская Мысль, кн. X.

ОТЪ КОМИТЕТА

ДЛЯ ОБРАЗОВАНІЯ КАПИТАЛА ИМЕНИ

Н. И. ЛОБАЧЕВСКАГО.

22 октября 1893 года исполнится столѣтіе со дня рожденія знаменитаго русскаго геометра Лобачевскаго.

Николай Ивановичъ Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути.

Геніальнымъ умамъ, прокладывающимъ новые пути, часто приходилось отвергать положенія, считавшіяся до нихъ неоспоримою и не требующею доказательства истиной.

Такая же почетная роль въ наукѣ выпала и на долю Н. И. Лобачевскаго, этого „Коперника геометріи", какъ назвалъ его покойный Клиффордъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Евклидъ построилъ безсмертное зданіе своей геометріи на немногихъ опредѣленіяхъ, аксіомахъ и постулатумахъ, принятыхъ имъ безъ доказательства, истина этихъ основаній геометріи не подвергалась сомнѣнію; всѣ усилія ученыхъ всѣхъ странъ и вѣковъ были направлены на сведеніе числа этихъ аксіомъ и постулатумовъ къ наименьшему; исторія науки представляетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ вывести такъ называемый постулатумъ Евклида о встрѣчѣ перпендикуляра и наклонной, какъ математическое слѣдствіе прочихъ опредѣленій, аксіомъ и постулатумовъ; истина самого постулатума не подвергалась сомнѣнію.

Лобачевскій первый увидѣлъ здѣсь вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ и, придя къ убѣжденію, что, утверждая существованіе постулатума Евклида, мы принимаемъ тѣмъ самымъ извѣстныя свойства нашего пространства, которыя могутъ быть провѣрены только путемъ опыта или наблюденія, показалъ возможность построенія геометріи безъ этого постулатума. Свою мысль Лобачевскій осуществилъ въ рядѣ мемуаровъ съ послѣдовательностью и точностью „истиннаго геометра", какъ выразился Гауссъ.

Этотъ „princeps mathematicorum" привѣтствовалъ работы Лобачевскаго еще въ 1846 г.; но привѣтствіе Гаусса прошло незамѣченнымъ, и нужно было пройти еще извѣстному времени для того, чтобы высокое научное и философское значеніе работъ Лобачевскаго было признано всѣми. Такому признанію работъ Лобачевскаго способствовали труды многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего времени, которые выяснили, между прочимъ, что геометрія Лобачевскаго для двухъ измѣреній представляетъ геометрію на поверхности съ постоянною отрицательною кривизной, а геометрія трехъ измѣреній даетъ понятіе о новыхъ протяженностяхъ,—пространствахъ, имѣющихъ кривизну.

Изученіе геометріи Лобачевскаго или неевклидовой геометріи образовало въ послѣднія два десятилѣтія особую вѣтвь математическихъ знаній, имѣющую обширную литературу. Къ изслѣдованіямъ по геометріи Лобачевскаго примыкаютъ и составляютъ ихъ непосредственное продолженіе изслѣдованія по геометріи гиперпространствъ, которыя, бросая яркій свѣтъ на многіе вопросы геометріи, въ то же время являются незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи важнѣйшихъ вопросовъ анализа.

Высокому научному значенію изслѣдованій Лобачевскаго соотвѣтствуетъ не менѣе высокое философское ихъ значеніе. Съ одной стороны они открываютъ умозрѣнію новый вопросъ объ изслѣдованіи свойствъ пространства; съ другой стороны они бросаютъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи и значеніи нашихъ геометрическихъ аксіомъ и имѣютъ, такимъ образомъ, высокую важность для теоріи познанія.

Благородная жизнь Лобачевскаго тѣсно и неразрывно связана съ исторіей Императорскаго Казанскаго Университета: онъ былъ первый его питомецъ, занявшій профессорскую каѳедру; въ немъ исполнялъ онъ въ теченіе долгаго времени обязанности ректора и профессора.

Физико-математическое общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, не могло поэтому не обратить особеннаго вниманія на достойное ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія великаго русскаго математика. Исходатайствовавъ Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки для образованія капитала съ цѣлью увѣковѣченія имени Н. И. Лобачевскаго, оно организовало для болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли комитетъ, который и обращается теперь къ ученымъ и друзьямъ науки всѣхъ странъ съ просьбою о содѣйствіи. Первымъ и главнымъ назначеніемъ капитала будетъ учрежденіе достойной значенія великаго мыслителя и математика преміи имени Лобачевскаго, носящей международный характеръ и выдаваемый за ученыя сочиненія по математикѣ (преимущественно по тѣмъ отраслямъ ея, которыя находятся въ связи съ работами Лобачевскаго). Такая премія дастъ молодымъ ученымъ, посвятившимъ свои силы любимой Лобачевскимъ наукѣ, поддержку и ободреніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится новымъ выраженіемъ единства всѣхъ культурныхъ народовъ въ ихъ стремленіи къ научной истинѣ.

Взносы просятъ высылать до 22 апрѣля 1894 г. по адресу: *Казань, Физико-математическое Общество.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ друг. города: на годъ 7 руб., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

ДЛЯ УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и СЪ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ—№№ ГАЗЕТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й страницѣ газеты—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

ВЪ ОРЛѢ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлов. Вѣст.", Болховская, д. Толстопятова. Въ книжномъ магаз. Каникина, Шемаева и Хализева. ВЪ ЕЛЬЦѢ: исключительно у В. Е. Рощукина, на Торговой улицѣ, контора „Надежды". ВЪ БРЯНСКѢ—въ библіотекѣ М. И. Юдина. ВЪ ЛИВНАХЪ—въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

Изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА:

Ал. СОРЕЛЬ. **Европа и французская революція.** Пер. съ франц., съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Т. I—**Политическіе нравы и традиціи.** Т. II—**Паденіе монархіи.** Т. III—**Война съ монархами.** Т. IV—**Естественныя границы.** Цѣна за 4 т. 11 р. 50 к. Отдѣльно III и IV т.—5 р. 50 к.

Въ 4-хъ томахъ 1690 стр. большого формата убористой печати.

М. БОБРЖИНСКІЙ, проф. Краковскаго университета. **Очеркъ исторіи Польши**, пер. съ 3 польскаго изданія подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева. Цѣна за 2 тома 5 р. 50 к.

ГЮЙО. **Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.** Съ предисловіемъ А. Фулье. Перев. съ франц. подъ редакц. А. Н. Пыпина. Цѣна 2 р. 50 к.

А. ДАЙСИ. **Основы государственнаго права Англіи.** Перев. съ 3-го англ. изданія, подъ редакц. проф. П. Г. Виноградова. Цѣна 2 р. 50 к.

Р. ДЖЕББЪ. **Гомеръ.** Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Перев. съ англ. А. Ѳ. Семенова.

В. И. МОДЕСТОВЪ. **Лекціи по исторіи римской литературы.** Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Цѣна 5 р.

МОНТЕСКЬЕ. **Персидскія письма.** Перев. съ франц. Цѣна 2 р. 50 к.

Ф. ЛАНГЕ. **Исторія матеріализма.** Перев. съ нѣмецк. Цѣна за 2 т. 5 р. Т. I—**Исторія матеріализма до Канта.** Т. II—**Исторія матеріализма послѣ Канта.**

ТАЦИТЪ. **Сочиненія.** Перев. съ примѣчаніями, со статьею о Тацитѣ и его сочиненіяхъ пр. В. И. Модестова. Т. I—**Агрикола. Германія. Исторіи.** Цѣна 2 р. 50 к. Т. II—**Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ.** Цѣна 3 р. 50 к.

ШЕРЕРЪ. **Исторія нѣмецкой литературы.** Перев. съ нѣмецк., подъ редакц. А. Н. Пыпина. Т. I—**Нѣмецкая литература до эпохи Возрожденія.** Цѣна съ билетомъ на окончаніе 5 р. (оканчивается печатаніемъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ, перев. съ фран.:

МАСПЕРО. **Древняя исторія.** Египетъ, Ассирія. Съ 192 рис. Цѣна 2 р.

ЛАНГЛУА. **Исторія среднихъ вѣковъ.** Съ рис. въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. (оканчивается печатаніемъ).

МАРЬЕЖОЛЬ. **Средніе и новые вѣка.** Съ 111 рис. Цѣна 2 р.

Наказъ Императрицы Екатерины II.

Роскошное изданіе in 4°. Русскій и французскій тексты 201 стр. Съ библіографическими примѣчаніями И. Г. Бергина, 53 стр.

Въ отношеніи внѣшняго вида по возможности выдержанъ характеръ изданія 1770 года.

Цѣна **3** руб. Небольшое количество экземпляровъ на особой бумагѣ 5 руб.

Складъ изданій Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА—книжный магазинъ Н. П. КАРБАСНИКОВА, Спб., Литейная, 46, Москва—Моховая, д. Коха.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

РУССКІЙ СЕЛЬСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1894 г.

Въ календарѣ помѣщены, кромѣ обще-календарныхъ свѣдѣній, свѣдѣнія для переселенцевъ и статьи по отдѣламъ: 1. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ. Работы на каждый мѣсяцъ.—Полевое травосѣяніе.—Садоводство.—Пчелиный уставъ (какъ водить прибыльно пчелъ).—Что дѣлать противъ пожаровъ (несгораемыя крыши и т. п.). 2) РЕМЕСЛЕННЫЙ. Витье веревокъ.—Гончарное дѣло. 3) ЛѢЧЕБНЫЙ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при холерѣ.—Скотолѣченіе. 4) ОБЩЕ-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ. Сельскія читальни.—Предсказанія погоды (популярная метереологія).—О солнцѣ, лунѣ, землѣ и звѣздахъ. 5) НРАВСТВЕННЫЙ. Бесѣды о сельской жизни.—Бесѣды о пьянствѣ.—Были и разсказы о милосердіи и самоотверженіи.

Въ календарѣ помѣщены списки полезныхъ книгъ по сельскому хозяйству, ремесламъ и производствамъ.

Въ приложеніи—карта Европейской Россіи и Сибири.

Цѣна календаря (въ хромо-литографированной обложкѣ) 25 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Сытина (Москва—у Ильинскихъ воротъ. Петербургъ—Садовая, № 25. Кіевъ—на Подолѣ). Получать также можно въ книжныхъ магазинахъ: 1) Конусова (Москва, у Страстнаго монастыря) и 2) Калмыковой (Петербургъ, Литейный просп., № 60).

1894.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемую въ форматѣ и по программѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ.

Попрежнему редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы подписчики всегда могли найти въ „АСТРАХАНСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ полезное и занимательное чтеніе.

Въ интересахъ читателей, а также и объявителей, съ новаго года газета будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО,

НЕ ИСКЛЮЧАЯ И ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Подписка принимается въ конторахъ редакціи—при Паровой Новой Русской Типографіи (Пароходная ул., соб. домъ) и въ домѣ Рѣпина, уголъ Табачнаго ряда и Эспланадн. улицы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою въ Астрахани: за годъ—7 руб., за полгода—4 руб., за три мѣсяца—2 руб. 50 коп.; съ пересылкою во всѣ города: за годъ—7 руб. 50 коп., за полгода—5 руб. и за три мѣсяца—3 руб. 50 коп.

Допускается РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 руб., къ 1 іюня—2 руб. и къ 1 сентября—остальныя, а также по соглашенію съ конторой: при подпискѣ—2 руб. и по 1 руб. къ 1 числу каждаго мѣсяца до мая включительно.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ НОВЫЕ ГОДОВЫЕ подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ и до конца года

безплатно.

Вышла октябрьская (№ 30) книжка журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Марія Стюартъ*, траг. Шиллера. Акты 1 и 2. *Золотыя розсыпи*, ром. **В. М. Михеева.** *Этюды по вопросамъ искусства*, IV, **А. А. Киселева.** *Я. Г. Брянскій* (съ портр.), ст. **Е. С. Некрасовой.** *Dentelles espagnoles*, разск. **И. А. Салова.** *Идеалы хореографіи*, ст. **Л. М. Нелидовой.** *Письмо Гектора Берліоза.* Стихотворенія **К. Д. Бальмонта** и **Д. С. Мережковскаго.** *Вальсъ* для ф.-п. **В. И. Ребикова.** *Романсъ*, **Е. Аленова.** *Театральныя светила*, очерки **Фрейнда.** *Г-жа Бартэ* (съ портр.), ст. **Catherine de C.** *Изъ актерскихъ скитаній*, **Н. Д. Бекаревича.** Акварель (факсимиле), гр. **Ѳ. Л. Сологуба** къ *Сказкѣ о золотомъ петушкѣ.* Три фототипіи. *У сліянія рѣкъ*, карт. **А. А. Киселева.** *Съ больнымъ ребенкомъ*, карт. **К. А. Савицкаго** и портр. *Э. Ф. Направника. Венецейскій истукан*, карт. въ 4 д. **П. П. Гнѣдича.** *Семейская честь*, др. въ 1 д. **Д. Верга.**

Подписная цѣна на „Артистъ"—10 р., съ перес.—12 р. Отдѣльные №№ по 2 р.

Вышелъ № 30 (оттабрь) „ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ". Содержаніе: *Виновенъ*, др. въ 3 д. **Фесса.** *Флипотъ*, ком. въ 3 д. **Лемэтра.** *Ради милой сердцу*, ком.-вод. въ 4 д. *Туръ вальса*, ком. въ 1 д. **Галеви.**

Подписка (за годъ—8 р., съ перес.—4 р.) принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на „Артистъ". Отдѣльные №№ по 1 руб.

Открыта подписка на 1894 годъ.

ВЫШЛА 19-я СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ.

Содержаніе: **Л. Лопатинъ:** „Подвижныя ассоціаціи представленій". **Е. Челпановъ:** „О природѣ времени". **А. Козловъ:** „Французскій позитивизмъ". **Ѳ. Свѣчинъ:** „Исповѣдь бывшей душевно-больной". **В. Сербскій:** „Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта". **С. Глаголевъ:** „Вопросъ о безсмертіи души". **П. Астафьевъ:** „Послѣднія тѣни прошлаго". **Г. Россолимо:** „Къ физіологіи музыкальнаго таланта". **Л. Лопатинъ:** „Новый психо-физіологическій законъ г. Введенскаго".—Критика и библіографія.—Полемика.—Психологическое Общество.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева) и у всѣхъ книгопродавцевъ. **На годъ** (съ 1 января 1893 г. по 1 января 1894 г.) безъ дост.—**6** руб., съ дост. и перес.—**6** руб. **50** коп., за границу—**7** руб. **50** коп.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ **2** руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 годъ.

Иногородніе, подписавшіеся до 1 ноября сего года, вносятъ по-прежнему **6** р. **50** к., за границу—**7** руб. **50** коп.

1 ноября предположено увеличить плату за пересылку на **50** коп. (см. „Протоколъ Психологическаго Общ.", кн. 19-я, стр. 119).

Редакторъ Н. Я. Гротъ. Издатель А. А. Абрикосовъ.

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. (съ 4-го тома) т-ва А. Граната и К°, бывш. т-ва А. Гарбель и К°.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи сообщить основныя свѣдѣнія по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ науки, искусства, исторіи, современной жизни и прикладныхъ знаній, этимъ путемъ содѣйствовать болѣе разностороннему, гармоническому развитію и открыть возможность для каждаго значительно пополнить пробѣлы образованія.

Для ознакомленія съ характеромъ изданія въ концѣ августовской книги „Русской Мысли“ приложены 5 страницъ „Словаря“ (стр. 3064—65, 3116—17, 3210), перепечатанныхъ безъ измѣненій со стереотипныхъ досокъ.

„Настольный Энциклопедическій Словарь“ составитъ всего 8 томовъ, 108—115 выпусковъ (10,600 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 5 томовъ (до слова Муромцевъ) и 3 выпуска 6-го тома (до слова Нерсесовъ).

ВСЕ ИЗДАНІЕ БУДЕТЪ ЗАКОНЧЕНО ВЪ НАЧАЛѢ 1894 ГОДА.

Въ вышедшей части помѣщено **59,837 статей и замѣтокъ, 585 портретовъ** выдающихся дѣятелей государственной и общественной жизни, науки, литературы и искусства, **509 рисунковъ** по всѣмъ отраслямъ знаній, **географическія карты**, исполненныя спеціально для изданія извѣстнымъ картографическимъ институтомъ Теодора Гофманна въ Герѣ (княж. Рейсъ), **таблицы рисунковъ, хромо и олеографіи.**

Для лучшаго ознакомленія **съ великими произведеніями искусства, къ изданію** прилагаются, начиная съ пятаго тома, **снимки съ картинъ классическихъ художниковъ**, исполненные автотипическимъ способомъ лучшими заграничными художественными фирмами.

„Настольный Энциклопедическій Словарь“ издается на веленевой глазированной бумагѣ двухъ разборовъ—обыкновенной (тонкой) и лучшей (плотной).

Цѣна тому въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ:

на обыкновенной (тонкой) бумагѣ . . . . . **4 р. 50 к.**
„ лучшей (плотной) бумагѣ. . . . . **6 „ — „**

За пересылку приплачивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ сгиба прилагается за каждую серію по 28 коп.

Учащіе, учащіеся и учебныя заведенія пользуются уступкой въ размѣрѣ 10%.

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно **3 р. 60 к.** для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и **4 р. 80 к.** для экземпляра на лучшей бумагѣ и, представивъ ручательство казначея въ аккуратномъ платежѣ мѣсячныхъ взносовъ, получаютъ немедленно первые 4 тома изданія, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, по **1 р. 20 к.** для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и по **1 р. 60 к.** для экземпляра на лучшей бумагѣ. Стоимость пересылки оплачивается мѣсячными взносами по **15 к.** для экз. на обыкн. бум. и **20 к. для экз. на лучш. бум.** На послѣдующую половину изданія допускается разсрочка на такихъ же условіяхъ.

Частныя лица, пользуясь разсрочкой, получаютъ или 1) ежемѣсячно по 5 выпусковъ (въ томѣ 14 вып.) съ наложеннымъ платежомъ въ **1 р. 50 к.** для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и въ **2 р.** для экземпляра на лучшей бумагѣ и **25—30 к.** за переводъ платежа и пересылку, или 2) каждые 2 или 3 мѣсяца по переплетенному тому, съ наложеннымъ платежомъ въ **4 р. 50 к.** для экземпляра на обыкновенной бумагѣ и, въ 6 р. для экз. на лучшей бумагѣ и **65—80 к.** за переводъ платежа и пересылку.

Главная контора—*Москва, Долгоруковскій пер., 8.*

Стр.

XIV. НОВАЯ КНИГА О ПАРИЖСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.—2. 150

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Историческія справки о продовольственномъ дѣлѣ въ Россіи.— Обсужденіе земскими собраніями вопроса о натуральной и денежной системѣ продовольствія.—Проектъ г. Грасса о страхованіи урожаевъ.— Предложенія гг. Каблукова и Колюпанова.— Основныя причины, затрудняющія правильную постановку продовольственнаго дѣла.—Мнѣнія земствъ о взысканіи земскихъ сборовъ хлѣбомъ.— О новѣйшихъ измѣненіяхъ въ фабричномъ законодательствѣ — О проектѣ преобразованія ж[illegible] тинъ и А. Н. Плещеевъ . . . . . [illegible]

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ [illegible].— [illegible] . . [illegible]

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. . . . . .

XVIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Опытъ [illegible] Мензбира . . . . . .

XIX. ВОИНСТВУЮЩЕЕ НАРОДНИ[illegible] «О народничества». Часть I и II. [illegible] 1888—1893 гг.—*В. В.*: «Нар[illegible] М. А. Протопопова . . . . . .

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: [illegible] комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ [illegible] драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ В[illegible] комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ [illegible]

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТД[illegible] Публицистика.— Философія, [illegible] рія и воспоминанія. —Археол[illegible] экономія и статистика.—Юр[illegible] Естествознаніе.— Сельское х[illegible] ки.—Справочныя книги. II. [illegible] Европы», *сентябрь*.—«Русск[illegible] ный Вѣстникъ», *сентябрь*.—«[illegible] «Русское Обозрѣніе», *сентя*[illegible] шихъ въ редакцію журнала [illegible] по 1 октября 1893 г. . . . . .

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

ля годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при
ѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

продававцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп.
годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по
ъ ими подпискамъ не допускается.

ѣну адреса взимается слѣдующая плата: при
дскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно
ъ городскіе уплачивается по 50 коп. За пере-
адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.
реса на заграничный доплачивается разница
журналъ.

ПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

иторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
отдѣленіи конторы журнала—при книж-
ъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп.,
ъ Армянской церкви.

кторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1893.

Printed in USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* . 1

II. МАМЗЕЛЬ. (Разсказъ стараго пріятеля).—**И. А. Салова**. . . 27

III. УСАДЬБА ТОРПА. Повѣсть **Тора Гедберга**. Переводъ со шведскаго **В. М. С.** *Продолженіе* 64

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Н. Ладыженскаго**. 106

V. КОСТИНО МЩЕНІЕ. (Очеркъ).—**З. Н. Гиппіусъ**. 107

VI. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — **М**. 124

VII. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе*.—**А. П. Чехова**. 149

VIII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 171

IX. РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ ВО ФРАНЦІИ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—**М. М. Ковалевскаго** 1

X. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. *Продолженіе*.—**В. И. Семевскаго**. 30

XI. ПИЩА НАРОДНЫХЪ МАССЪ ВЪ РОССІИ. *Окончаніе*.—**Л. Н. Маресса** 60

XII. РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.—**И. К—ной**. . 76

XIII. ЗЕМЛЯ ВЪ ИСТОРІИ МІРОЗДАНІЯ.—**В. Д. Соколова** 98

XIV. НОВѢЙШАЯ ПСЕВДО-НАУКА. («La Foule Criminelle», essai de psychologie collective par Scipio Sighele. Traduit de l'italien. Paris, 1892).—**Л. Е. Оболенскаго** 122

XV. СОЦІОЛОГІЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВѢ.—**В. А. Гольцева**. 143

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.— **И. И. Иванюкова** . . 156

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новѣйшія данныя о состояніи переселенческаго дѣла.—Планъ работъ по водворенію переселенцевъ.— Займки и общинное землевладѣніе.— О размѣрахъ земельнаго надѣла для переселенцевъ.—Исполненіе государствен-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Отъ конторы журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Вслѣдствіе соглашенія съ конторой *Энциклопедическаго Словаря* гг. Ефрона и Брокгауза, подписчики *Русской Мысли,* подписывающіеся въ главной конторѣ (Москва, Леонтьевскій, 21) на *Словарь* (НА ВСЕ ИЗДАНІЕ ЕГО, НАЧИНАЯ СЪ 1-го ПОЛУТОМА), пользуются уступкой въ размѣрѣ 10% съ номинальной подписной цѣны выпусковъ *Словаря;* почему подписчики *Русской Мысли,* желающіе при подпискѣ на *Словарь* воспользоваться означенною уступкой, благоволятъ АДРЕСОВАТЬ СВОИ ПОДПИСНЫЯ ТРЕБОВАНІЯ НА «СЛОВАРЬ» ВЪ КОНТОРУ «РУССКОЙ МЫСЛИ», причемъ порядокъ доставки и высылки книгъ *Словаря,* а равно облегчительныя условія разсрочки платежей остаются въ силѣ и для подписывающихся на *Словарь* чрезъ посредство конторы *Русской Мысли.*

За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Леонтьевскій, 21.
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель *В. М. ЛАВРОВЪ.*

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Генрикъ Сенкевичъ:

„ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ“.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Письма изъ Африки.—Письмо изъ Рима.—Письмо изъ Венеціи.—Нерви.

Цѣна **1** р. **50** к., съ пересылкой **1** р. **80** к.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „**Русская Мысль**“

(Москва, Леонтьевскій пер., 21).

Открыта подписка на 1894 годъ

(5-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1893 г. въ „Русской Школѣ" напечатаны, между прочими, слѣд. статьи: 1) Маленькіе моряки (изъ воспоминаній о Морскомъ корпусѣ). **К. М. Станюковича**. 2) Изъ посмертныхъ воспоминаній **М. И. Семевскаго**. 3) Неугаданный. (Педагогическій случай). **С. В. Максимова**. 4) Епархіальныя женскія училища въ первое 50-ти-лѣтіе ихъ существованія. **Д. Д. Семенова**. 5) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки. **П. Г. Мижуева**. 6) Мечты и дѣйствительность въ вопросахъ гигіены и воспитанія. **В. В. Гориневскаго**. 7) Первая всероссійская гигіеническая выставка въ 1893 г. **А. С. Виреніуса**. 8) Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія. **П. М. Головачева**. 9) Характеристики учениковъ. **Ѳ. С. Матвѣева**. 10) Внѣклассная школьная литература. **С. П. Незлобина**. 11) Къ вопросу о дѣтской литературѣ. **О. И. Роговой**. 12) Педагоги и взаимопомощь. **Н. Ѳ. Арепьева**. 13) Пенсіонное обезпеченіе народныхъ учителей. **А. М. Тютрюмова**. 14) Состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи. **А. Н. Страполюбскаго**. 15) Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губ. **С. А. Бобровскаго**. 16) Народное образованіе въ Херсонской губ. **И. П. Бѣлокопскаго**. 17) Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. **Я. В. Абрамова**. 18) О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. **А. И. Анастасьева**. 19) Начальное обученіе письменному изложенію мыслей (дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ). **Его же**. 20) Объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. **К. С.-И.** 21) Ближайшія задачи Спб. Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ. **А. М. Калмыковой**. 22) Система мѣръ распространенія сельскохозяйственныхъ свѣдѣній въ средѣ народа. **Е. Д. Максимова**. 23) Геометрія въ городскихъ училищахъ. **В. А. Латышева**. 24) Авторитетное слово въ области методики математики. **С. И. Шохоръ-Троцкаго**. 25) Бесѣды о преподаваніи географіи. **А. Ѳ. Соколова**. 26) О церковно-славянскомъ языкѣ. **А. И. Тарновскаго**. Кромѣ того, въ „Русской Школѣ" за 1893 г. заключается цѣлый рядъ критическихъ статей и рецензій (всего болѣе 80 рецензій); ежемѣсячная хроника народнаго образованія **Я. В. Абрамова**; отчеты о засѣданіяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности; цѣлый рядъ замѣтокъ по статистикѣ народнаго образованія въ Западн. Европѣ и въ Россіи и т. п.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ съ доставкою **6 р. 50 к.**, для иногородныхъ—7 р. Учителямъ и учительницамъ начальныхъ сельскихъ школъ дѣлается уступка въ 1 р. и, кромѣ того, допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ три руб., а остальные три руб. не позже 1-го іюня. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ: Карбасникова, „Новаго Времени" и А. М. Калмыковой.

Редакторъ-издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ**.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

Григорій Мачтетъ:

Силуэты. (Новые повѣсти и разсказы). Томъ второй. (Въ тундрѣ и въ тайгѣ.—Заклятый козакъ.—Жидъ.—Бѣлая панна.—Хамелеонъ.—Пессимистка.—Холера.—Добрый волкъ). Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 80 коп.

Профессоръ М. С. Карелинъ:

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1: Египетскіе боги. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ:

„ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ“.

Та третья.—Янко музыкантъ.—Поѣздка въ Аѳины.—Старый слуга.—Ганя.—Фонарщикъ на маякѣ.—Бартекъ Побѣдитель.—Пойдемъ за нимъ!

Въ переводѣ **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева.**

Цѣна **1 р. 50 К.**, съ пересылкою **1 р. 80 К.**

кладъ изданія въ конторѣ журнала *Русская Мысль* (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

подъ редакціею **К. К. Арсеньева** и ордин. проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго**

И РЕДАКТОРОВЪ ОТДѢЛОВЪ:

Проф. *А. Н. Бекетова* (біологич. науки). *С. А. Венгерова* (исторія литературы). Проф. *А. И. Воейкова* (географія). Проф. *П. И. Картева* (исторія). Проф. *Д. И. Менделѣева* (химико-технич. и фабрично-заводскій). Проф. *В. Т. Скобичевскаго* (сельско-хозяйств. и лѣсоводство). *Владиміра Соловьева* (философія). Проф. *Н. Ѳ. Соловьева* (музыка).

„СЛОВАРЬ" выходитъ полутомами (въ 30 листовъ убористой печати), по одному полутому каждые два мѣсяца. Вышло 20 полутомовъ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Цѣна за каждый полутомъ въ переплетѣ **3** руб., безъ переплета **2** руб. **70** коп. безъ пересылки.

Въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Казани полутомы *Словаря*, по мѣрѣ выхода, доставляются подписчикамъ на квартиру по указанной цѣнѣ (**3** р. или **2** р. **70** к.) безъ взиманія за пересылку. Во всѣ же остальныя мѣста Россіи книги *Словаря* высылаются по почтѣ съ наложеннымъ платежомъ за стоимость книги и **40** к. за пересылку.

Для облегченія подписки установлены нижеслѣдующ. условія разсрочки платежа:

1) Правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ вышедшіе уже полутомы, а равно и имѣющіе выходить, высылаются безъ наложеннаго платежа съ тѣмъ, что разсчетъ производится въ декабрѣ мѣсяцѣ каждаго года за всѣ выпуски, высланные въ теченіе года.

Подписное требованіе должно быть оффиціальное, за надлежащею подписью.

2) Лица, состоящія на службѣ, если желаютъ, при подпискѣ на *Словарь*, пользоваться разсрочкой платежа, благоволятъ обращаться въ контору чрезъ гг. казначеевъ или начальниковъ своихъ учрежденій, и имъ могутъ быть высланы, какъ всѣ вышедшіе, такъ и имѣющіе выходить полутомы съ разсрочкой платежа помѣс чно или въ иные промежутки времени, по желанію подписчиковъ, за отвѣтственностью гг. начальниковъ или казначеевъ тѣхъ учрежденій, гдѣ они состоятъ на службѣ.

3) Частнымъ лицамъ, желающимъ пріобрѣсти *Словарь*, для облегченія подписки могутъ быть высылаемы вышедшіе полутомы постепенно, по одному или нѣсколько полутомовъ въ мѣсяцъ или въ иные промежутки времени, по желанію подписчиковъ.

Издатели { **А. Ф. Брокгаузъ** (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (Петербургъ).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1893.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва. Типо-литогр. Высочайшк утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). *Продолженіе* . 1

II. МАМЗЕЛЬ. (Разсказъ стараго пріятеля).—**И. А. Салова**. . . 27

III. УСАДЬБА ТОРПА. Повѣсть **Тора Гедберга**. Переводъ со шведскаго **В. М. С.** *Продолженіе* 64

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**В. Н. Ладыженскаго** 106

V. КОСТИНО МЩЕНІЕ. (Очеркъ).—**З. Н. Гиппіусъ**. 107

VI. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — **М**. 124

VII. ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ. (Изъ путевыхъ записокъ). *Продолженіе*.—**А. П. Чехова**. 149

VIII. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** *Продолженіе* 171

IX. РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ ВО ФРАНЦІИ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—**М. М. Ковалевскаго** 1

X. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. *Продолженіе*.—**В. И. Семевскаго**. 30

XI. ПИЩА НАРОДНЫХЪ МАССЪ ВЪ РОССІИ. *Окончаніе*.—**Л. Н. Маресса**. 60

XII. РОЛЬ МИНИСТРОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.—**И. К—ной**. . 76

XIII. ЗЕМЛЯ ВЪ ИСТОРІИ МІРОЗДАНІЯ.—**В. Д. Соколова**. . . . 98

XIV. НОВѢЙШАЯ ПСЕВДО-НАУКА. («La Foule Criminelle», essai de psychologie collective par Spirio Sighele. Traduit de l'italien. Paris, 1892).—**Л. Е. Оболенскаго** 122

XV. СОЦІОЛОГІЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВѢ.—**В. А. Гольцева**. 143

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 156

Стр.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новѣйшія данныя о состояніи переселенческаго дѣла.—Планъ работъ по водворенію переселенцевъ.—Заимки и общинное землевладѣніе.—О размѣрахъ земельнаго надѣла для переселенцевъ.—Исполненіе государственной росписи на 1892 годъ.—Земская школа; сельскія библіотеки.—Юбилей Д. В. Григоровича.—Отъ комитета общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.—Заявленіе предсѣдателя крестецкой уѣздной земской управы.—По поводу возраженія проф. Сикорскаго.—† П. И. Чайковскій 178

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 199

XIX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи.—В. Ѳ. Миллера 207

XX. НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ СИЛА.—И. И. Иванова 230

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Венецейскій истуканъ*, картины московской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, П. П. Гнѣдича; *Расплата (Эюисты)*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго; *Ночи безумныя!...* драматическія картины въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. Деденева.—Посмертная выставка картинъ академика А. К. Трутовскаго.—Ан. . 249

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Педагогика.—Публицистика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика.—Этнографія и путешествія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *октябрь*. — «Русское Богатство», *сентябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *октябрь*.—«Русское Обозрѣніе», *октябрь*. — «Вѣстникъ Воспитанія», *сентябрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1893 г. 513

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина *).

(Ихъ переписка).

12 (Загорье).

Въ думахъ о тебѣ я не вижу, какъ идутъ дни, но они тяжки: еще двѣ недѣли остается [1])...

Полинѣ жму руку [2]). Кто же останется ея утѣшителемъ, когда ты уѣдешь [3])?... Эмилія [4]) пишетъ ко мнѣ. Она все гадаетъ о тебѣ, желаетъ ужасно, чтобъ ты пріѣхалъ, и боится этого, будто она меня не знаетъ? Объ N. [5]) почти не говоритъ ничего. О, дай Богъ, чтобъ ея страданія хоть сколько-нибудь уменьшились! Непростительно, если она бережетъ меня; я отдаю друзьямъ все свѣтлое, пусть они выльютъ всю горечь въ мою душу, пусть каждый изъ нихъ возложитъ бремя свое на плечи мои,—я все снесу за нихъ, я подѣлюсь съ ними моимъ блаженствомъ. Любовь не уменьшаетъ дружбы: это чувство безпредѣльно въ душѣ безпредѣльной [6]). Правда, я уже не могу отдать имъ себя, какъ прежде, но боли ихъ такъ же больны моему сердце. Ангелъ мой! ужель я не могу сказать тебѣ «до свиданія»? Дай обнять тебя хоть заочно!

---

14 августа 1836 г. (Вятка).

Ангелъ мой, божество—Наташа! ты, вѣдь, моя твердая дѣва, и потому я не боюсь объявить тебѣ, что наша разлука продолжится

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

1) До 26 августа, до именинъ Натальи Александровны, до дня свиданія.

2) Полинѣ Тромпетеръ, вятской пріятельницѣ Александра Ивановича. Далѣе пущено повтореніе о любви Н. А. къ этой дѣвушкѣ.

3) Выпущено повтореніе.

4) Эмилія Михайловна, бывшая гувернантка Натальи Александровны, молоденькая дѣвушка, кончившая въ институтѣ.

5) О Н. М. Сатинѣ, котораго Э. М. любила.

6) Эти слова не разъ употребляетъ А. Н. въ *Кто виноватъ?*

еще долго. Отвѣтъ пришелъ и отрѣзалъ надежды и мечты на скорое свиданіе, и это письмо придетъ къ тебѣ 26 августа, вмѣсто меня. Будь же тверда, Наташа! Въ самой любви, въ полной, сильной любви *моей* найди себѣ утѣшеніе, будь самоотверженна для того, чтобы послѣ полною чашей пить блаженство. Можетъ, еще цѣлый годъ, много времени, но Провидѣніе знаетъ цѣль... Слезы твои омочутъ эти строки... О, Наташа! для Александра будь тверда, не прибавляй тягости его кресту. Я буду къ тебѣ писать очень часто, очень много,—вотъ одно возможное вознагражденіе. О твоемъ путешествіи въ Кіевъ и не думай; а, можетъ, я сыщу современемъ другое средство. Оставимъ это. Береги себя, будь тверда: (несчастье необыкновенное) предстоитъ намъ, я впередъ тебѣ пророчилъ. Я получилъ два письма твоихъ. О, нѣтъ, нѣтъ, ничего не прибавила тебѣ моя мечта,—нѣтъ, ты превзошла всякую мечту, и что могла бы придать небесному творенію земная фантазія? Эти письма окрѣпили снова мою душу: достаточно одной строки отъ тебя, чтобы врачевать всѣ раны моего сердца. Быть такъ любиму, какъ я, и смѣть роптать,—это было бы святотатство. Ты пишешь: «отчего же мы лишены всего?—потому, что мы даны другъ другу». Помни же эти твои слова, пусть они тебѣ служатъ такимъ утѣшеніемъ, какъ мнѣ.

«Гдѣ же та душа, которой поклоняется Александръ?» О, Боже, во всякомъ словѣ, даже въ звукахъ грусти, въ изнеможеніи,—вездѣ ярко видна эта душа. Молюсь тебѣ, ангелъ Божій, посланница неба. Но только одно: оставь мысль идти въ Вятку, это рѣшительно невозможно, я приказываю оставить ее. Ты говоришь, чтобъ я твердо принялъ отказъ; я исполнилъ это,—какъ мраморный обелискъ, окрѣпъ я, и градъ, разбиваясь объ него, не дѣлаетъ трещины; исполни же и ты свое обѣщаніе, будь и ты покойна, насколько можно. Пиши чаще, чаще! А я проведу этотъ годъ совсѣмъ иначе. Буду много заниматься, буду безпрерывно сидѣть дома и, какъ прежнихъ лѣтъ отшельники проводили время въ молитвѣ къ Богородицѣ, я буду проводить время въ молитвѣ къ тебѣ. Годъ лишенія, годъ траура души можно легко бросить злому генію за одну минуту блаженства, а оно настанетъ для насъ.

А, можетъ, все еще скоро перемѣнится, можетъ, голосъ м[о]й тронетъ папеньку, и онъ постарается, чтобъ ты съ маменькой н[е] вѣстила меня здѣсь. Только въ этомъ случаѣ не надобно торопит[ь]ся. Теперь буду хлопотать о твоемъ портретѣ: онъ дѣлается м[о]ей необходимымъ образомъ, передъ которымъ я буду изливать и св[о]ю любовь, и свои несчастія.

16 августа.

И такъ, твоя любовь простила мнѣ мой черный, гнусный поступокъ [1]); тѣмъ лучше,—я это прощеніе принимаю не какъ заслуженное, а какъ даръ твоей любви, какъ раскаявшійся преступникъ принимаетъ милосердіе Христа. «Спаси ее»,—говоришь ты; все дѣлаю я для этого, но доселѣ большихъ успѣховъ нѣтъ. Ей надобно ѣхать, но нѣтъ средствъ. Худо, очень худо, но съ моей стороны все будетъ сдѣлано.

Впрочемъ, не слишкомъ ли торопливо, ангелъ мой, ты простила меня? Всѣ подробности, которыя тебѣ не извѣстны, всѣ противъ меня. Но ты совершенно права, что впередъ ничего подобнаго не случится.

Отъ Emilie получилъ письмо: та же искренняя, теплая дружба и та же грусть, раздирающая душу; я буду ей писать съ будущею почтой. Какъ она убита горемъ! А мы, разлученные матеріально,—мы, слитые въ одно за 1,000 верстъ, мы сѣтуемъ! О, Боже, чего нельзя перенести за твою любовь? «Мы даны другъ другу», повторяю, будь же тверда, береги себя для твоего Александра, котораго вся жизнь, всѣ чувства, всѣ мысли въ тебѣ, Наташа.

Жду отвѣта съ нетерпѣніемъ на это письмо. Смотри же, Наташа, главное требованіе—мысль о Кіевѣ съ корнемъ вонъ: эта мысль заставила меня ужаснуться; она велика, прелестна, но несбыточна, и потому я требую въ твоемъ слѣдующемъ письмѣ полн(аго) отречені(я) отъ нея. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, и такъ, предоставь же мнѣ печься о нашемъ соединеніи, я не останусь сложа руки.

Пиши же, ангелъ, пиши болѣе. Твое письмо—это роса. Оно окропляетъ святою водой, дыханьемъ неба мою земную душу.

Еще цѣлую, еще.

Александръ.

17 августа.

Наташа! Люди не имѣютъ столько энергіи, чтобы противиться намъ. Я хочу писать къ папенькѣ о портретѣ твоемъ; ежели онъ ---адаетъ причину, тѣмъ лучше. Ну, что, ежели бы ты вдругъ ысказала все княгинѣ? Вѣдь, есть же, можетъ, хоть уголокъ нея въ сердцѣ, гдѣ еще осталось человѣческое чувство! Ты жешь говорить и за меня все, что хочешь, ибо ты будешь ворить такъ, какъ я: твоя душа часть моей. Даже нельзя ли

[1]) Т.-е. его отношеніе къ Полинѣ Петровнѣ Медвѣдевой

преклонить на нашу сторону гнусную Марью Степановну? Это для нея будетъ большое счастье: въ первый разъ послѣ своего звенигородскаго бракосочетанія и разоренія Звенигорода Наполеономъ [1]) она замѣшается въ дѣло святое; а употребить ее, какъ орудіе, что за бѣда? Ее убѣдить легко; обѣщай именемъ моимъ подарки, деньги, что хочешь,—я свято выполню. Пожалуй, буду самъ къ ней писать, самъ обѣщать, но, смотри, поступай осторожно и пуще — не вздумай повѣрить, что она дѣйствуетъ изъ участія, — нѣтъ, употреби ее какъ стропила, какъ доску, брошенную черезъ грязь.

19 августа.

Пора, душа моя, посылать на почту. Ты получишь отъ Егора Иван. посланныя мною книги—*Notre Dame de Paris*. Это тебѣ мой подарокъ. Сверхъ того, я жду случая или того, чтобы *наши* узнали, тогда я пришлю тебѣ кольцо, которое давно уже назначилъ.

Въ твои именины я выпью цѣлую стопу, цѣлую шайку шампанскаго! Ахъ, кабы у меня былъ твой портретъ, я бы могъ цѣловать его, я бы могъ остановить на немъ взоръ и часы цѣлые смотрѣть на него. Нѣтъ, матеріальный знакъ не излишенъ,— нѣтъ, нѣтъ, твой портретъ, ради Бога!

Знаешь ли, съ чего началась вся эта исторія съ Мед., которая, все-таки, какъ клеймо каторжнаго, пятнаетъ меня? Она прекрасно рисуетъ, и я просилъ ее *для тебя* нарисовать мой портретъ [2]). Она обѣщалась это сдѣлать тайно отъ мужа. Я благодарилъ ее запиской, она отвѣчала на нее [3]). Благородный человѣкъ остановилъ бы ее; мой пылкій, сумасбродный характеръ унесъ меня за всѣ предѣлы. А теперь она очень видитъ, что я не люблю ея, и должна довольствоваться дружбой, состраданіемъ. Фу, какой скаредный поступокъ съ моей стороны!

Прощай, моя Наташа, моя жизнь, цѣлую тебя, твои руки. О, Боже, когда-жь, когда-жь? Полина въ восторгѣ, что ты не забываешь ея. Она тебѣ кланяется отъ всей души, какъ германка.

Прощай же, наконецъ... Душно!

Твой *Александръ*.

---

[1]) Марья Степановна Макашева была вдова звенигородскаго чиновника и очен гордилась чиномъ покойнаго мужа. „Никогда не могла простить Наполеону,—как говорится въ *Запискахъ*,—смерть (своей) звенигородской коровы, погибшей въ от чественную войну".

[2]) Но мужъ Полины Петровны узналъ объ этомъ и воспротивился. Тогда он обѣщалась нарисовать тайно отъ мужа. Все это она сообщила А. И. записко

[3]) Эти записки вмѣстѣ съ тайной, образовавшейся отъ мужа, послужили главно причиной сближенія между Медвѣдевой и А. И.

23 августа 1836 г., Загорье.

И такъ, еще не до дна выпита чаша разлуки! Послѣднія капли ея еще горче. Боже, дай силы допить ихъ! Съ какимъ трепетомъ ждала я письма твоего, мой ангелъ, надѣясь узнать въ немъ рѣшеніе; то яркія, прелестныя мечты поглощали меня, то я вдавалась въ грусть и безнадежность. Но 26 было уже такъ близко, а я не имѣла отъ тебя ни одного слова цѣлыхъ три недѣли; иногда мнѣ мечталось, что ужь ты или въ дорогѣ, или давно въ Москвѣ и насъ разлучаютъ только 15 верстъ. Но неизвѣстность меня томила, я жаждала хоть одного слова отъ тебя. Наконецъ, вчера получила твое письмо отъ 1 числа; отдохнула, успокоилась грудь. Не видно конца разлуки, но ты здоровъ, ты пишешь мнѣ—и я счастлива, довольна, а остальное вручаю Провидѣнію. Сердце мое билось небесною радостью при мысли, что ты будешь у меня въ именины; больно было разставаться съ нею, но можно ли роптать?И теперешнее счастье обширнѣе души моей и поглощаетъ ее собою. Ты правъ, ты правъ, ангелъ мой, что не могу представить себѣ того моря блаженства, которое раскроетъ мнѣ твоя любовь. Какъ ни высоко, какъ ни необъятно счастье, воображаемое мною, я знаю, оно ничто передъ тѣмъ, что создастъ любовь твоя. Я уже говорила тебѣ, что обыкновенная моя жизнь пересоздалась любовью къ тебѣ въ чистѣйшій гимнъ, но когда ты любишь меня, когда мы будемъ вмѣстѣ!... О, Александръ, Александръ! это счастье велико, велико, невоображаемо, и такъ, можно-ль надѣяться?... Нѣтъ, мой ангелъ, можетъ, ты не простишь мнѣ мою мысль, но напишу ее тебѣ,—она моя. Какимъ чистымъ, какимъ неизъяснимымъ восторгомъ будетъ полна душа моя при свиданіи съ тобою, я буду тогда ангелъ, и тогда бы мнѣ распроститься съ землею! О, не правда-ль, это дивно: зачѣмъ мнѣ жить тогда, чего мнѣ ждать тогда?... Всѣ восторги, всѣ радости души моей (затемняли) то люди, то грозная разлука, а тогда что затемнитъ ихъ? Прожить 18 лѣтъ на землѣ для того, чтобы разъ обнять тебя!... Ахъ, знаешь ли, я забыла, что ты пишешь мнѣ то же и, перечитавъ письмо твое, какъ удивилась, нашедши эту мысль. Вотъ, мой ангелъ, какъ безпрерывно встрѣчаются доказательства нашей симпатіи. Да, умереть бы тогда, но жить на небѣ безъ тебя? а мысль зоветъ меня на землю, я не хочу неба,—я хочу хоть страть, но быть тамъ, гдѣ ты.

25, вторникъ.

Ты пишешь о перемѣнахъ; да, Александръ, истинно эти два да лучшіе въ твоей жизни. Какъ богаты они мыслью, какъ полны вствомъ, и сколько въ нихъ высоты и поэзіи! Они — даръ Бога.

Можетъ быть, на нихъ положитъ основаніе свое вся твоя будущность, и будущность великая. Тюрьма и ссылка будутъ (продолженіемъ) ея!

Писаніе мое прервано было пріѣздомъ Насакиныхъ [1]) и Ег. Иван.[2]). И какъ скучно я провела нынѣшній день [3])!... За то какой дивный вечеръ: я до 8 часовъ гуляла. Какъ было тихо, тепло! Я неслась душою къ тебѣ, ты былъ такъ близко, близко меня, о, мой ангелъ! И не божественны-ль тѣ часы, въ которые думаешь о тебѣ, о твоей любви и чувствуешь себя достойной ея? Прости, мой свѣтъ, завтра наговорюсь съ тобою. Я уже въ постели, велятъ тушить огонь. Ангелъ, цѣлую тебя, прощай! 11 часовъ.

26, среда.

Здравствуй, милый, единственный другъ! Сію минуту открыла глаза — и тотчасъ за перо. Чѣмъ же мнѣ начать мой праздникъ, какъ не словомъ къ тебѣ, чѣмъ подарить себя болѣе, какъ не этимъ? И такъ, уже и 26, опять бумага, опять перо предлагаютъ тебѣ мою душу... Когда-жь, когда-жь?...

Вчера я долго сидѣла надъ рѣкой одна. Благовѣстили ко всенощной. Какъ спокойна, какъ чиста была моя душа въ это время! Исчезло все суетное, житейское; я видѣла одно небо, слышала одинъ призывъ святаго храма, а душа, душа... она была тогда вся ты, и послѣ восторга, послѣ молитвы я обратилась на себя. Что бы могло сдѣлать меня несчастною? Смерть твоя?—нѣтъ, потому что я не переживу тебя; и такъ, что же можетъ убить меня при жизни твоей? Если ты перестанешь любить меня,— можетъ, это убьетъ меня, я тогда умру, но несчастной не назову себя. Дунулъ вѣтеръ и навѣялъ пыли на твое лицо, дунулъ въ другой разъ—и ея уже нѣтъ; а лицо твое все такъ же ясно, чисто, все такъ же благородно, прекрасно и величественно, а пыль *исчезла;* коснувшись лица твоего, она не идетъ ужь ни на что, она стала священною. Можетъ быть, Провидѣніе такъ же и меня навѣяло на твою душу, какъ пылинку; можетъ, Его же рука сотретъ меня, и ты все такъ же чистъ, высокъ, святъ и божественъ, и буду-ль смѣть я роптать на *Него,* на *тебя?* Кто отниметъ у меня то, что дано было мнѣ твоею любовью, кто отниметъ тогда у меня мою любовь? Нѣтъ, клянусь тебѣ, мой ангелъ, я и тогда буду счастлива, ежели будешь счастливъ ты. Молиться о тебѣ, служить тебѣ, любить тебя—развѣ это не счастье не блаженство? Послѣ этихъ размышленій я обратилась на людей

---

[1]) Насакинъ, зять княгини Хованской.

[2]) Егора Ивановича Герцена.

[3]) Выпущено нѣсколько словъ.

Какъ жалки они! И они же жалѣютъ обо мнѣ! Твоей любви, кажется, не вѣритъ никто, кромѣ меня и Саши Боборыкиной; Эмилію убила измѣна, а другіе... кто-жь можетъ вполнѣ постигнуть тебя, кто можетъ обнять твою необъятную душу? Прощай, иду къ обѣднѣ молиться не о себѣ. Цѣлую тебя.

И со мною были перемѣны, другъ, и въ тѣ же числа, кромѣ одного. Твоя первая перемѣна 20 іюля 1834, моя 21 [1]) и 9 апрѣля [2]) и, наконецъ, январь [3]). Что было со мною, какъ я узнала о твоемъ взятіи! [4]) И съ тѣхъ поръ я стала совсѣмъ не та. Въ глазахъ моихъ перемѣнилось все; сначала нѣсколько дней не осушала глазъ, потомъ острое чувство горести превратилось въ тѣсную, тяжкую боль и тоску; исчезли для меня радости, веселье, забавы. Тутъ я совершенно перестала быть ребенкомъ: полюбила уединеніе, мечты,—и всѣ-то онѣ посвящались тебѣ. Потомъ это 9 апрѣля!... Но тайна души моей еще не была мнѣ открыта. Ты свѣтилъ мнѣ изъ-за облака, и я изъ тюрьмы въ щелку смотрѣла на тебя; въ (январѣ) распалась тюрьма, загорѣлось солнце, прошли всѣ тучи: ни облачка, и съ тѣхъ поры ты — *мой Александръ*! Съ тѣхъ поръ земля мнѣ рай, люди—друзья мои, душа моя—яркая звѣздочка, жизнь моя—гимнъ чистѣйшій, съ тѣхъ поръ *я* не существую: тобою, въ тебѣ *я*, съ тѣхъ поръ *ты* для меня *все*.

Не хороша теперешняя жизнь моя, Александръ, самая пустая жизнь, т.-е. то время, когда съ ними [5]), а съ ними я цѣлый день неразлучна. Встаю я теперь въ 7, а иногда въ 6 часовъ; свобода до 8, потомъ къ нимъ и до 2 часовъ. Тутъ полтора часа мнѣ свободныхъ, только и то не всегда; послѣ нихъ до 10 вечера я въ плѣну; ночь—моя, только безъ огня. Читать, играть на фортепіано запрещается, развѣ по особому благословенію. Всегдашній предметъ

---

[1]) 20 іюля 1834 года былъ взятъ А. И. Наталья Александровна узнала объ этомъ не 22, какъ говорится по памяти въ *Запискахъ*, а 21, какъ указано здѣсь, когда еще воспоминаніе было свѣжо.

[2]) 9 апрѣля 1835 года Н. А. пріѣзжала прощаться съ братомъ въ Крутицы.

[3]) Въ январѣ 1836 года она получила отъ него письмо, гдѣ онъ говоритъ ей о любви.

[4]) Вотъ какъ объ этомъ разсказывается въ *Запискахъ*: „На другой день послѣ [illegible]го взятія были именины княгини, потому-то Natalie, разставаясь со мною на [illegible]дбищѣ, сказала мнѣ: „до завтра“. Она ждала меня; съѣхалось нѣсколько человѣкъ [illegible]ныхъ, вдругъ является мой двоюродный братъ и разсказываетъ со всѣми подробностями исторію моего ареста. Новость эта, совершенно неожиданная, поразила ее; [illegible]а встала, чтобы выдти въ другую комнату и, сдѣлавъ два шага, упала безъ чувствъ [illegible]полъ“. Здѣсь надо сдѣлать только одну поправку: то было не въ именины княгини, не 22, а наканунѣ, 21 іюля.

[5]) Съ княгиней и ея неразлучною компаньонкой.

разговора или ты, или маменька [1]), или Филаретъ [2]). И такимъ образомъ утекаютъ дни, недѣли, мѣсяцы. Но жизнь внутренняя, жизнь души полна, изящна, исполнена поэзіи и любви къ тебѣ. Цѣлые часы я погружаюсь въ молитву, будучи окружена земнымъ, обыкновеннымъ, я исчезаю въ благоговѣйномъ восторгѣ передъ Его созданіемъ, но чаще всего, болѣе всего, ангелъ мой, я бесѣдую съ тобою; ты безпрерывно въ умѣ и въ сердцѣ. Чья душа полнѣе и чья жизнь глупѣе? Но, повторяю, я не ропщу, не смѣю, не должна роптать.

Не сердись на меня, ангелъ мой, что я зову себя пылинкой [3])...

Прощай, еще сегодня надо писать къ Сашѣ, къ Эмиліи.

Ты думалъ обо мнѣ весь день, я знаю, потому мнѣ сегодня не грустно было такъ, какъ тѣ дни. Прелестно начался день, прелестно и окончился. Въ 9 часовъ я пришла домой съ полей, гдѣ крестьяне убирали хлѣбъ и пѣли пѣсни. Много ходила я вдоль дороги, смотрѣла, какъ догорали послѣдніе лучи солнца. Ахъ, Александръ, какой рай былъ въ душѣ! Мнѣ казалось,—нѣтъ, я чувствовала,—что и ты глядишь на закатъ и думаешь обо мнѣ. Я чувствовала, что и твое сердце также полно, что твоя грудь хочетъ разступиться, что ты летишь ко мнѣ душой, и я видѣла тебя, мой ангелъ, насмотрѣлась на тебя, я цѣловала воздухъ, въ которомъ поселился милый призракъ.

Средину дня я провела въ хлопотахъ о невѣстѣ: дочь нашего священника — и бѣднѣйшіе люди. У насъ шьютъ приданое. Я что есть силы помогаю, работаю. Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ много денегъ? А тѣ, которымъ и некуда ихъ дѣвать, и не для чего беречь, смотрятъ равнодушно на бѣдность. Боже! это нельзя вообразить, какъ убійственно положеніе иныхъ несчастныхъ, и не хотятъ вникнуть, не хотятъ обратить вниманія. Какъ я сердита въ это время, какъ я не люблю *ихъ* тогда! Вѣришь ли, тогда я отворачиваюсь отъ нихъ, мнѣ больно на нихъ смотрѣть, я готова плакать; наконецъ, они становятся для меня жальче несчастнаго, угнетеннаго судьбою. Теперь мнѣ маленькое разсѣяніе. Я играю большую роль: относятся во многомъ ко мнѣ, туалетъ невѣсты въ полномъ моемъ распоряженіи.

Прощай, мой Александръ, прощай, обнимаю тебя, пріятныі сонъ! И я (ложусь). Цѣлую тебя, прощай.

---

[1]) Т.-е. Луиза Ивановна Гаагъ, которую такъ же, какъ и А. И, княгиня Хованская не любила.

[2]) Митрополитъ московскій.

[3]) Выпущено повтореніе о собственной ничтожности въ сравненіи съ А. И.

28, пятница.

Какъ больно мнѣ, что такъ долго не получаешь моихъ писемъ! Я знаю по себѣ, какъ это тяжело. Папенька, поздравляя меня съ именинами, между прочимъ, пишетъ, что занимается избраніемъ мнѣ жениха и уже одного имѣетъ въ виду. Е. И. говоритъ, что это долженъ быть Водо [1]). Ты не безпокойся объ этомъ и не думай, я сама не боюсь ничего. Княгиня, кажется, довольна этимъ и тревожится, и боится. Если не ошибается Саша [2]), то, кажется, к. нѣсколько догадывается о тебѣ. Впрочемъ, это не навѣрное. Она слышала только, что к. говорила М. С. [3]) о нашемъ родствѣ, а еще прежде, по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы, к., говоря мнѣ о маменькѣ, сказала: «мнѣ кажется, она готовитъ тебя въ дочки себѣ». Пусть ихъ, Богъ съ ними! Я рѣшительно ни о чемъ не безпокоюсь и не боюсь: ты, мой ангелъ, любишь меня, вотъ и все, а тамъ пусть хоть сожгутъ меня. Я вѣрую въ тебя, вѣрую, и этой вѣры никто на свѣтѣ не отниметъ у меня, хотя, кажется, стараются многіе. Писать всего я не могу, потому что знаю, что письма мои иногда читаются, и пишу мелко, для того, что не всякій разберетъ, а ты, я увѣрена, съумѣешь прочесть; какъ бы ни было написано. Да вотъ какъ это спасло меня. Разъ я писала къ тебѣ, и М. С. вошла неожиданно въ комнату. Что дѣлать? Письма не дать ей я не могла. Она въ очкахъ смотрѣла его и повѣрила, что это французскіе стихи.

Ахъ, скоро ли, скоро ли увижу тебя, мой Александръ, ангелъ мой? Какъ иногда бываетъ тяжко! Летѣла бы, летѣла бы къ тебѣ, хоть взглянуть! Много, много непріятнаго въ моей теперешней жизни, но все бы это было мнѣ ничего, еслибъ ты былъ близко меня; конечно, и теперь я не должна обращать ни на что вниманія, и не обращаю, но иногда не въ силахъ равнодушно все вынести. Главное — беззащитность; каждый имѣетъ право обидѣть. Вотъ какъ мала, другъ мой; мнѣ ли, мнѣ ли чувствовать обиды другихъ, когда ты любишь такъ меня, но, вѣдь, я не ангелъ!

Статью твою [4]) я читала, прочту ее и еще. Я часто перечитываю *Легенду*. Никакая повѣсть, никакой романъ, ничто меня не можетъ такъ занять, какъ Ѳеодора. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду

---

[1]) Октавій Тобіевичъ Водо, сослуживецъ Егора Ивановича, чиновникъ.

[2]) Горничная княгини, дочь повара, племянница няни „Костеньки“ и подруга Нальи Александровны. И барышня, и горничная вмѣстѣ молились, вмѣстѣ читали Евангеліе, „мечтали о монастырѣ и жизни за гробомъ“. Саша потомъ заболѣла чахоткой, вышла замужъ и умерла. Н. А. до послѣднихъ дней помнила свою подругу ости.

[3]) Марьѣ Степановнѣ, компаньонкѣ.

[4]) О Гофманѣ, въ *Телескопѣ* 1836 г., № 10.

твои вятскія статьи [1]). Да пріѣзжай же, мой ангелъ: я устаю, изнемогаю, ждавши тебя. Тогда начнется новая жизнь; я знаю, я буду совсѣмъ иная, тогда я сближусь съ твоимъ идеаломъ. Отъ Emilie получила 25-го. Это былъ мнѣ пріятный подарокъ. Она думаетъ, когда *они* [2]) узнаютъ о любви, то не пустятъ ее на дворъ. Это пустяки, вздоръ. Все также грустна, все также любитъ, также упадаетъ (духомъ), но не знаю я, несчастна ли она, когда слышала ужь, я думаю, милліонъ разъ отъ него [3]), что обожаема *имъ*, когда онъ клялся ей. Зимою она должна будетъ оставить этотъ домъ [4]). Опять почти безъ пристанища, это ужасно! Еслибъ была возможность когда-нибудь отдохнуть ей на моихъ рукахъ, отдохнуть отъ всѣхъ битвъ жизни, которыя утомили ее! Кажется, посылаютъ въ Москву, потому я спѣшу. Прощай, мой ангелъ. Если отложатъ до завтра, напишу еще слово. Прощай, цѣлую тебя. Твоя *Наташа*.

29, суббота.

Я не люблю оканчивать моихъ писемъ къ тебѣ въ грустномъ настроеніи. Вчера писала я о(бъ) обидахъ. Это глупость, совершенная глупость, все вздоръ, все ничтожно, и оно не должно изливаться передъ тобою. Надо, чтобъ съ тобой говорила одна чистая, непомраченная ничѣмъ земнымъ, полная любви душа или одна любовь. Ты прости мнѣ. Божусь тебѣ, рѣдки минуты, въ которыя я думаю о чемъ другомъ, кромѣ тебя, мнѣ становится тогда тяжело, и я тотчасъ сбрасываю все недостойное, и ты опять остаешься въ душѣ моей единственною мечтой, опять, какъ ангелъ Божій, льешь на меня рай и святость. Жалкіе! Не жалѣйте вы меня, жалѣйте о себѣ,—я счастлива, счастлива, и нѣтъ на свѣтѣ счастливѣе меня! О, будущее мое! вамъ оно такъ страшно (но что-жь дивнаго: «тутъ вамъ страшна и вѣчность!»), вы не поймете, вы не постигнете его и тогда, когда оно совершится.

Ангелъ мой, Александръ, дивятся, что зову тебя ангелъ мой! Да, ты мой ангелъ, ты мой спаситель, ты отецъ мой, ибо ты далъ мнѣ жизнь, а до тѣхъ поръ, пока ты не обращалъ на меня (вниманія), я была мертвая, неодушевленная, ангелъ, ангелъ мой! Прощай, обнимаю тебя. Вѣрно, въ первомъ письмѣ твоемъ я узнаю рѣшеніе. О, какъ громко бьется сердце! Прощай.

Твоя, твоя вѣчно *Наташа*.

---

[1]) Т.-е. *Встрѣчи, мысли и откровенія*.

[2]) Княгиня и ея компаньонка.

[3]) Отъ Н. М. Сатина.

[4]) Эмилія Михайловна жила въ гувернанткахъ.

25 августа 1836 г., Вятка.

И такъ, вотъ онъ—тотъ день, о которомъ я мечталъ цѣлые мѣсяцы! Завтра онъ пройдетъ холоденъ, непривѣтенъ, опять въ той же дали, въ той же Вяткѣ. Конечно, всѣ дни равны, да и что не равно сердцамъ холоднымъ? Но это 26 августа для меня не равно всѣмъ днямъ: это день—ея, день той небесной гостьи, той Наташи, которая снесла рай со своей родины для того, чтобы отдать его больной человѣческой душѣ юноши, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отдать ему и себя. Ангелъ мой, моя душа изстрадалась бы безъ тебя, самая дружба не достаточна, чтобы внести гармонію въ душу, исполненную страстями противуположными, это могла сдѣлать ты одна, и я одинъ стоилъ этого; да, да въ этой-то сломанной душѣ, пораженной такъ горько самыми близкими людьми, въ ней цѣлый міръ блаженства для тебя.

Вся моя жизнь представляетъ мнѣ два чувства, два стремленія. Они-то образовали меня и дали силу переносить многое. Я былъ еще ребенокъ лѣтъ 12, но какая-то неопредѣлимая, горькая мысль заставила меня бросить игрушку; тогда уже щеки мои были блѣдны и глаза горѣли мыслью и чувствомъ, ибо люди меня встрѣтили *обидой, оскорбленіемъ*. Но куда ни прикасался я, вездѣ встрѣчалъ одинъ камень, одинъ холодъ или чувство безъ силы и исполненное мелочи... Тогда я могъ погибнуть, тогда я могъ еще броситься въ свѣтскую жизнь, заглушить все, убить все, но Провидѣніе судило иначе: оно дало Огарева мнѣ. И какъ торжественна была минута, когда мы, юноши, дѣти, обняли другъ друга, узнавъ, какъ близки наши души! Это было въ 1826 году на Воробьевыхъ горахъ. Солнце освѣщало всю Москву, вся Москва смотрѣла на насъ [1]). О, какъ радостно билось сердце. Это *первое чувство* мое—*дружба*, оно спасло меня, сохранило. Мы дали другъ другу руку и пошли вмѣстѣ на всю жизнь. Горькій опытъ снова дотронулся холодною рукой; 1834 года снова возвращаемая внутрь душа ломалась, самая твердость ея приготовляла паденіе, и ты, ангелъ неба, явилась мнѣ 9 апрѣля, и я протянулъ мою закованную руку и пилъ этотъ свѣтъ, который лился изъ твоихъ очей и... я былъ спасенъ,—

---

[1]) А. И. и Огаревъ дѣтьми часто ходили на Воробьевы горы съ гувернеромъ [illegible]арева, К. И. Зонненбергомъ. Разъ они оба убѣжали впередъ и пришли на мѣсто [illegible]адки Видбергова храма Спасителю. „Запыхавшись и раскраснѣвшись, стояли мы [illegible]къ, обтирая потъ,—разсказываетъ А. И.—Садилось солнце, купола блестѣли, го[illegible]дъ стлался на необозримое пространство подъ горой, свѣжій вѣтерокъ подувалъ на [illegible]ъ; постояли мы, постояли, опершись другъ на друга, и вдругъ, обнявшись, при[illegible]нули, въ виду всей Москвы, пожертвовать нашею жизнью на избранную нами до[illegible]у". Александру Ивановичу въ это время было 14 лѣтъ.

это *второе чувство — любовь*. И послѣ не ввѣряться Провидѣнію, когда оно такъ явно ведетъ меня? Нѣтъ мѣста въ груди моей третьему чувству: остальное мелко, слабо, зависитъ отъ этихъ двухъ. Но ты скажешь: истина? изящное? Развѣ оно болѣе не имѣетъ мѣста въ тебѣ? О, нѣтъ, права идеи неотъемлемы, но, какъ христіанинъ во Христѣ поклоняется Богу, такъ тобою и Имъ, въ тебѣ и въ Немъ понимаю, чувствую святое, изящное. Давно собирался я тебя побранить, почему ты никогда не посылаешь мнѣ стиховъ твоего сочиненія? У тебя прекрасный талантъ къ поэзіи. Оборони, Господь, пренебрегать имъ. Тѣмъ-то поэтъ и одаренъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный не можетъ выразить чувства, оно льется стихомъ поэта. А у тебя столько чувствъ, столько высоты! Пиши же, ангелъ мой, и посылай мнѣ.

Возвращаюсь къ прежнему. Любовь была выше дружбы. Дружба дала мнѣ мысль и чувство, любовь—чувство и вѣру. Дружба страдала, изнемогала, и много отъ боренья идей, любовь несла спокойствіе и гармонію. Тамъ — общее страданіе, здѣсь — общее блаженство.

26 августа.

Поздравляю тебя. Сегодня у меня пируютъ дамы и, разумѣется, Полина. Мнѣ весело, что меня поздравляютъ съ твоими именинами; мы уже и теперь въ глазахъ постороннихъ—одно. И съ какою гордостью я буду благодарить за твой тостъ! Въ церкви я не былъ, я рѣдко могу молиться и всего рѣже въ церкви. Можетъ, сегодня принесутъ письмо отъ тебя, тогда и я буду веселъ. Прощай. Въ дополненіе къ моей жизни, которая вся изложена въ письмахъ къ тебѣ, въ слѣдующемъ письмѣ я напишу о дѣйствіи на мою душу нѣкоторыхъ авторовъ [1]). Такимъ образомъ, современемъ по письмамъ къ тебѣ я могу написать всю жизнь... Прощай же Natalie!

Твой *Александръ*.

Объяви для нынѣшняго дня мое благоволеніе Костепькѣ [2]), Сашѣ... Я ихъ не забылъ: все близкое къ тебѣ имѣетъ право на мое вниманіе. Даже моя келья въ Крутицахъ свята твоимъ посѣщеніемъ.

Цѣлую тебя.

---

31 августа 1836 г., Загорье.

Ангелъ мой, Александръ! Тяжелъ ли крестъ, который ты несешь со мною? Тяжелъ, тяжелъ ужасно. Но смѣю ли я изнемогать, когда

---

[1]) Это намѣреніе не выполнено.

[2]) „Костенька“—Наталья Константиновна, нянюшка, которая въ 12-мъ году, „будучи молодою дѣвушкой, просила у французовъ манже“ для груднаго А. И.

должна помогать нести тебѣ? Могутъ ли ослабѣвать силы мои, видя твердость твою? И ты вѣрь, Александръ, что новый годъ разлуки коснулся груди моей, какъ стрѣла—гранита. Теперь зови меня своею, я достойна этого священнаго имени; теперь цѣлуй меня, обнимай, я заслужила все; этотъ поцѣлуй—награда моей покорности, эти объятія—отдохновеніе отъ труда моего! Ты не какъ ракета умчалъ меня, но какъ ангелъ Господень на крыльяхъ своихъ вознесъ на небо. А любовь твоя, любовь... это—утѣха, водруженная самимъ Богомъ, *ею* ограждена душа моя, и ты самъ скажи, какое орудіе можетъ уязвить сквозь эту стѣну?

Понесемъ же, понесемъ крестъ нашъ! Я не смѣю просить тебя удѣлить мнѣ болѣе: мы составимъ одну душу, одного ангела, должна быть и одна тяжесть, и одна сила.

Вчера получила я твое письмо отъ 14 августа. «Слезы твои омоютъ эти строки», да, и этими же строками я утерла ихъ. Мысль, что каждая изъ нихъ падаетъ на твое сердце и сотретъ его, что грусть моя умножаетъ твою и увеличиваетъ бремя, заставила меня скоро придти въ себя и со всею силой, со всею вѣрой, со всею любовью поднять новый крестъ и нести его. Мы даны другъ другу!

Успокойся, милый ангелъ, въ Кіевъ я рѣшительно не иду, дождусь, пока самъ Богъ укажетъ мнѣ путь въ Вятку: тогда онъ будетъ вѣренъ и безопасенъ. Но признаюсь тебѣ, другъ, трудно мнѣ вырвать эту мысль, она далеко въ сердцѣ пустила корень. Несбыточное и трудное предпріятіе, но оно своею огромностью уменьшало ужасъ долгой разлуки, которой,—хотя я не ждала навѣрное,—испугалась одной мысли. Теперь оставляю это, гоню: оно не согласно съ тобой. Ангелъ мой! Вѣрь же, не только съ кротостью, съ покорностью, нѣтъ, этого мало, съ радостью несу я крестъ. Не ослабѣвай и ты, божественный другъ. Какъ же перенесемъ мы наше соединеніе, наше блаженство, когда не перенесемъ разлуки и горя? Приготовимся, будемъ тверже, сильнѣе, выше и святѣе.

Тогда занимали мою душу прелестныя, полныя счастья надежды (и) мечты, а теперь же? Если только будетъ возможно, каждое утро и вечеръ буду писать тебѣ,—это необходимо для меня, какъ молитва; буду отдавать тебѣ отчетъ въ чувствахъ и мысляхъ каждаго дня, тогда скорѣе пройдетъ *этотъ годъ*, не такъ чувствительна будетъ разлука. Тебя, мой ангелъ, умоляю писать, какъ только можно. Вѣдь, только тогда-то я и живу. Малѣйшая подробность, каждая мелочица, касающаяся тебя, занимаетъ душу мою цѣлые дни. Пиши чувства, пиши мысли, все, все. Я даю тебѣ обѣтъ не грустить, не тосковать, переносить съ твердостью все; мало того, глаза мои,

уши и сердце будутъ затворены для всего, кромѣ любви. Все могу я пережить, одной минуты безъ любви къ тебѣ не переживу. Тебѣ съ мольбою преклоняю колѣна, ангелъ Александръ! Не изнемогай, не ослабѣвай! Твоя Наташа умретъ, если душа твоя помрачится грустью. Да, я вѣрую, настанутъ, настанутъ дни свѣта, вѣрую, на землѣ намъ будетъ небо!

Давеча письмо мое было прервано пріѣздомъ невѣсты [1]). Я убирала ее къ вѣнцу. Свадьба у насъ во флигелѣ, и я пировала на ней. Теперь уже 12 часовъ. Прощай, всею душой обнимаю тебя.

1 сентября.

Съ первою же оказіей напишу, чтобъ маменька старалась какъ-нибудь уговорить папеньку подарить мнѣ твой портретъ, тотъ, который у меня былъ. О своемъ я много хлопотала, бывши въ Москвѣ, но или ожиданіе самого тебя, или что другое не заставило обратить вниманіе на это никого. Ты самъ объ этомъ старайся, я тутъ не могу ничего. Но твой портретъ не такъ похожъ, мое воображеніе наполняло недостатки; мнѣ казалось иногда, что на этомъ полотнѣ горятъ твои дивные, огненные глаза, казалось, съ нихъ льется на меня струя любви, что твои уста не безотвѣтны; но, Александръ, если ты можешь, пришли мнѣ твой портретъ черезъ папеньку; теперь у меня каждую ночь горитъ лампада: если сердитые люди [2]) не дадутъ мнѣ насмотрѣться на тебя днемъ, ночь, цѣлая ночь моя! Ангелъ мой, пришли, ради Бога, это еще болѣе подкрѣпитъ меня. Не такъ великъ, чтобъ мнѣ не нужно было разставаться съ нимъ надолго. Твои волосы, которые, помнишь, ты прислалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, я ношу всегда съ собою, и первая твоя записка изъ Крутицъ, ты въ ней впервые назвалъ меня сестрою, впервые сказалъ *ты*, также неразлучна со мною. Это моя святыня, минуты не могу пробыть безъ нея, не могу уснуть спокойно, если нѣтъ ея со мной. Я погожу лучше писать о твоемъ портретѣ; если ты мнѣ обѣщаешься, тогда совсѣмъ не буду просить, а то, отдавши мнѣ тотъ, можетъ быть, не отдадутъ присланнаго тобою. О, еслибъ онъ былъ такъ же похожъ, какъ тотъ, который писалъ Витбергъ! На тотъ я не смѣю смотрѣть, когда смотрятъ на меня,—такъ сильно онъ на меня дѣйствуетъ.

Съ какимъ восторгомъ я жду кольца! Я прежде обручилась съ тобою, помнишь ли ты мое? Впрочемъ, оно было послано *брат*

---

[1]) Дочь сельскаго священника въ Загорьѣ

[2]) Княгиня и ея компаньонка.

Александру [1]). Книги [2]) мнѣ пришлютъ съ будущею оказіей. Ты писалъ мнѣ еще прошлаго года, чтобъ я прочла *Notre Dame de Paris*, и какъ я сердилась, мнѣ Ег. И. не прислалъ ихъ, потому что Е-у И-чу Кучина [3]) не совѣтовала давать этихъ книгъ 17-ти лѣтней; теперь ужь мнѣ 18, стало, и по ихнему можно! Жду ихъ съ нетерпѣніемъ. Цѣлую тебя за этотъ подарокъ. То-то и есть, мой ангелъ, что у княгини нѣтъ уголка въ сердцѣ съ человѣческимъ чувствомъ; впрочемъ, нѣтъ, можетъ, и много, да только нѣтъ въ ея сердцѣ уголка для тебя. И я готова сказать ей, открыть ей все, но знаю навѣрное, что это послужитъ къ большому затрудненію, можетъ повредить: она тогда вооружитъ и папеньку. Надобно сперва, чтобъ онъ началъ, чтобъ онъ *хотѣлъ*, и тогда... она его боится, а мнѣ чего будетъ бояться? Всего важнѣе и нужнѣе согласіе папеньки, а надо мною власти не имѣетъ никто. Но что ты пишешь о Марьѣ Степановнѣ? На что же, мой ангелъ, тутъ вмѣшивать ее? Неужели, кромѣ этого ржаваго, негоднаго желѣза, Богъ не пошлетъ намъ орудіе? Когда можно избѣгнуть, не должно унижаться. У нея же, кажется, единственное твердое чувство—ненависть къ тебѣ, какъ къ злоумышленнику (на ней основанъ патріотизмъ ея весь), и я почти увѣрена, что оно перевѣситъ жадность и корыстолюбіе; еслибъ и не такъ, на что, мой ангелъ, на что мѣшать печистое тутъ? Провидѣніе устроитъ все, не стоитъ же портить начатаго *Имъ*. Намъ указана дорога, она терниста, трудна, но она указана намъ, *ею* и пойдемъ. Ты подумай самъ и увидишь, что М. С.—недостойное орудіе. И зачѣмъ подарками, деньгами покупать счастье? Чистотою, святостью души, любовью купимъ его, ангелъ мой. Ты пишешь, что, можетъ быть, папенька постарается, чтобъ мнѣ побывать у тебя съ маменькой, ахъ, еслибъ это сбылось, еслибъ сбылось!

Ты хочешь обратиться къ уединенію. О, мой милый отшельникъ! Оставь эти пустыя гостиныя, что въ нихъ? Въ нихъ только много сора и пыли, а въ уединенной жизни удивительная полнота, съ тобою же Витбергъ. Будь съ нимъ болѣе, занимайся, пиши Наташѣ, и годъ промчится—и ты прилетишь ко мнѣ! А, можетъ, еще въ это время перемѣнится многое, многое; можетъ быть, очень можетъ быть, что я пріѣду къ тебѣ. Папенькѣ тяжело такъ долго

---

[1]) Александру Ивановичу, къ которому писаны всѣ письма и котораго она еще звала только братомъ.

[2]) *Natre Dame de Paris*, романъ Гюго, который ей прислалъ А. И. въ подарокъ къ именинамъ.

[3]) Татьяна Петровна Пассекъ, урожденная Кучина; она не совѣтовала Егору Ивановичу давать романъ Гюго Натальѣ Александровнѣ.

не видать тебя; не вздумаетъ ли онъ къ тебѣ собраться?... Да, предоставимъ все Богу: Онъ не требуетъ помощи въ дѣлахъ Своихъ. Я весь этотъ годъ буду приготовляться предстать передъ тобою, какъ передъ самимъ Богомъ. Ты помогай мнѣ. Наставляй меня, другъ мой. Послушай, Александръ, вѣдь, я знаю, что я не совершенна, и ты знаешь это, и потому мнѣ необходимы твои заповѣди. Приказывай, повелѣвай мнѣ; я отдала тебѣ всю душу свою и слѣпо вѣрю всѣмъ словамъ твоимъ. Пиши мнѣ, какія книги читать. Rondoletto Герца я играю. Напиши, что̀ еще тебѣ нравится; я хочу во всемъ безпрерывно видѣть тебя, знать наизусть малѣйшія твои желанія и хоть за 1000 верстъ исполнять ихъ. Да и что же будетъ облегчать мою душу? Но ты не думай, я не грустна, божусь тебѣ, нѣтъ; удивительная твердость и вѣра явились мнѣ при этой вѣсти. Благодарю Бога и тебя, что я узнала ее въ твоемъ письмѣ. И что бы ни вынесла я, какую чашу ни приняла бы изъ твоихъ рукъ! Цѣлую тебя, цѣлую.

Вечеръ.

Ахъ, скоро ли оказія, скоро ли пошлютъ тебѣ это письмо? Можетъ быть, завтра ты получишь послѣднее мое письмо; оно такъ полно надеждами: тебѣ тяжело будетъ читать его. Вотъ только что̀ меня тревожитъ ужасно: ты будешь все безпокоиться обо мнѣ, но я увѣрена, это письмо утѣшитъ тебя, ибо это не пустыя слова, не пустое утѣшеніе тебѣ, нѣтъ, передъ тобою изливается вся душа моя, и еслибъ она изнемогала, къ кому-бъ прибѣгнуть, какъ не къ тебѣ? Ты врачъ моей души, и кто же, какъ не ты, долженъ знать болѣзни ея? Кто же, какъ не ты, можешь уврачевать ихъ? Но я здорова, силы обременены, но не истощены. Пріятный сонъ! То-есть желаю видѣть (во снѣ) меня. Прощай! Сегодня я начала шить тебѣ помочи; если выйдутъ хороши, подарю ихъ тебѣ въ именины. Радуются моему прилежанію; они не знаютъ моего секрета! Ну, прощай же, ангелъ. Спи, цѣлую тебя.

3, четвергъ.

Вчера цѣлый день, цѣлый вечеръ я тонула въ счастливѣйшихъ мечтахъ и восторгѣ, и они казались мнѣ сбыточны и такъ близки. Ты былъ со мною тутъ, мы собираемся въ Италію, мы ѣдемъ, мы уже тамъ... И небо юга, и воздухъ—любовь, и люди—огонь... [illegible] пристало намъ съ нашею душой, съ нашею любовью быть закованными во льдахъ сѣвера, зябнуть отъ его холода, мерзнуть въ воздухѣ его, нѣтъ, туда, туда, въ Италію! Я согрѣваюсь одною мысль о путешествіи въ Италію,—и мнѣ казалось ужь... [1]) холодным

[1]) Не разобрано.

взяться за перо. Но что было писать? Ты самъ былъ такъ близко меня, ты самъ говорилъ со мною. О, Александръ! ангелъ мой! и въ самомъ заточеніи, и въ угнетеніи, въ самой разлукѣ, какъ полна, какъ изящна жизнь моя, какъ свѣтла! Вѣрю, ангелъ мой, вѣрю, что твоя любовь никому не создавала подобнаго блаженства и никто никому не создавалъ подобнаго. Никто и не любилъ тебя такъ, и никто не былъ такъ любимъ, какъ ты. Но когда-жь придетъ то время, когда ты увидишь самъ любовь мою, а не на бумагѣ? Можно надѣяться хоть черезъ годъ? Но я боюсь и спрашивать. Получаешь ли ты отъ О.[1])? Когда-то вы увидитесь нѣсколько разъ, тогда буд(у)тъ перемѣны...Ахъ, Сатинъ, Сатинъ, зачѣмъ онъ измѣнилъ?

Впрочемъ, Александръ, ты не относи къ моему достоинству твердость, съ которой я узнала, что еще годъ разлуки предстоитъ намъ. Я не знаю, что̀-бъ было со мною, еслибъ эта вѣсть дошла до меня прежде твоего письма. Я-бъ совершенно упала духомъ и предалась бы отчаянію, но такъ какъ я всегда съ безумною радостью получаю твое письмо, особенно же послѣднее, нераспечатанное,— оно обѣщало такъ много, и я ужь въ ту минуту прочла его. Сердце сжалось, брызнули слезы, но твои слова,—о, Александръ! о, единственное созданіе!—«Будь тверда для Александра, не прибавляй тяжести его кресту»,—какъ слово самого Бога озарило душу. Мнѣ прибавлять тягость твоему кресту? Нѣтъ, нѣтъ! И, не имѣя силъ побѣдить слабость свою, я упала на колѣни передъ образомъ Спасителя. Не могу сказать тебѣ, мой ангелъ, что было со мной. Мнѣ казалось, самъ Богъ смотрѣлъ на меня, казалось, Онъ внялъ молитву души моей, безсловесную, но пламенную, выразительную, казалось, уста Его отворились, и я слышала,—это не привидѣніе, нѣтъ,—я слышала, слышала, какъ Онъ тихо сказалъ мнѣ: «будь тверда». Для него, для него, Господи! И снова залилась я слезами. Но съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ умножаются силы, я становлюсь тверже, крѣпче; безпредѣльная надежда на Него, твоя любовь,—все это безпрерывно обновляетъ на мнѣ ризу терпѣнія, и эти дни еще ни разу грустный звукъ не выходилъ изъ груди моей. Ты и твоя любовь видна вездѣ и во всемъ. Другъ мой! Ахъ, еслибъ я могла чаще знать о тебѣ, еслибъ я видѣла пріѣзжихъ изъ [illegible]ки, или хоть бы почта приходила почаще, но все это невозможно даже говорить о тебѣ не съ кѣмъ, я точно въ пустынѣ, окруженная звѣрями. Правда, есть существо, приверженное мнѣ тѣломъ

---

[1]) Отъ Н. П. Огарева.

и душой [1]), но оно вполнѣ не можетъ понять меня, мнѣ не достаточно его. Но я ужь не спрашиваю болѣе, почему мы лишены всего.

Прелестный другъ мой, мой Александръ! Можетъ, ты сидишь теперь въ своемъ кабинетѣ, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару, и взоръ углубленъ въ неопредѣленное, и нѣтъ отвѣта на многократныя привѣтствія вошедшаго. Гдѣ-жь твои думы? Куда стремится взоръ? Гдѣ душа твоя? Гдѣ весь ты?... Не давай отвѣта. Пусть придутъ ко мнѣ [2])...

4, пятница.

Ты пишешь, можетъ, еще цѣлый годъ [3]). Но что же сказано изъ Петербурга? Неужели не назначено срока? Если нѣтъ, тогда, можетъ, и въ слѣдующій разъ пришлютъ отказъ. Но Богъ пошлетъ крестъ, онъ пошлетъ и силу. Ты, Александръ, твердо принялъ отказъ, пишешь ты, и потомъ болѣе о себѣ ни слова. Въ каждомъ словѣ все утѣшеніе мнѣ, все велишь быть спокойной, твердой и кончаешь письмо: «душно!» Ты грустишь, мой ангелъ, вижу, ты грустишь. И можно-ль веселиться, можно-ль совершенно быть спокойной? Все отъ насъ закрыто, все тайна для насъ, а настоящее такъ мрачно и холодно. Въ самой надеждѣ, въ самой вѣрѣ сердце иногда ноетъ, и рѣдки, рѣдки минуты, въ которыя оно освобождается совершенно отъ земли, въ которыя оно любитъ въ небѣ. И какъ не грустить?... Ты ужь видѣлъ, другъ мой, что твоя Наташа тверда, что послушна тебѣ въ самой убійственной горести, будь и ты, ради Бога, будь спокойнѣе! Тебѣ душно, душно, о, Александръ! Но не скрывай, не пиши противнаго, изливай всю душу твою, всю грусть,—тебѣ будетъ легче, отраднѣе, ты болѣе перенесешь. Пиши, мой милый, пиши все. Кто болѣе меня оцѣнитъ твои чувства, кому дороже малѣйшее ощущеніе твое? О, какъ я сама желаю, чтобъ у тебя былъ мой портретъ! Тутъ много утѣшенія, я знаю. Проси папеньку, но пришли сперва свой, и тогда ты будешь вправѣ требовать моего. Пусть, пусть догадываются, узнаютъ, только не надобно, чтобъ знали о перепискѣ. Это отъ всѣхъ тайна. А ты знаешь, что мнѣ ужасно строго было запрещено къ тебѣ писать. Но, впрочемъ, если это необходимо, такъ что-жь такое? Развѣ я могла послушаться княгини? Она увидитъ сама, что требовала невозможнаго. Только тогда надо будетъ стараться спасти отъ вѣчныхъ преслѣдованій С.

---

[1]) Саша, горничная.

[2]) Эта часть письма перепечатана въ *Запискахъ*.

[3]) Цѣлый годъ ждать свиданія.

шу и Костю. Онѣ въ нашемъ заговорѣ, и отсюда всѣ письма къ тебѣ идутъ черезъ ихъ руки, также и твои ко мнѣ.

Пора въ Москву; какъ холодно здѣсь! А тамъ не увижу ли я Сашу Б., Эмилію? Впрочемъ, меня теперь уже такъ не радуетъ свиданіе съ ними, и имъ всѣмъ я принесу съ собою горе. Emilie боялась твоего пріѣзда, а Саша—она выше страха земного, выше людей и ихъ злобы, что̀-бъ ни было, она желала пламенно твоего возвращенія, и эта вѣсть ей будетъ горька, ея слезы смѣшаются съ моими.

5, суббота.

Полно же, Александръ, упрекать себя въ поступкѣ съ Мед. Твое раскаяніе чрезмѣрно велико, и оно давно искупило его и отъ тебя же зависитъ совершенно изгладить его передъ самою Мед., а я все, что знаю и чего не знаю, отъ всей души простила. И ты перестань винить себя, мой другъ: и орелъ спускается на землю, но взлетѣть выше его и ближе къ солнцу не можетъ никто.

Ты знаешь самъ, но не могу еще не попросить тебя быть осторожнѣе, не прибавлять ей ударовъ, не огорчать ее. Она мнѣ ужасно жалка и, какъ всѣ несчастныя, близка моему сердцу. Куда же она ѣдетъ, не въ Москву ли? Тогда бы я постаралась, если бы было можно, познакомиться съ нею и, насколько бы стало меня, утѣшить ее. Что-жь, развѣ нельзя у папеньки попросить денегъ? Можетъ быть, онъ бы для этого и прислалъ тебѣ. Пусть пріѣзжаетъ сюда и Полина; я бы обрадовалась ей, какъ самой близкой, родной. О, и сколько-бъ я наговорилась съ нею о тебѣ! Еслибъ и Петръ пріѣхалъ, я бы и того расцѣловала, заплакала бы отъ радости. И теперь краснѣю, когда вспоминаю о восторгѣ съ Эрнъ. Они, вѣрно, подумали, что я безумная,—такъ обрадовалась я его матери [2]) и ему. Теперь я въ большой дружбѣ съ Машенькой, его сестрой [3]), и даже переписываемся. Прелестное существо! Люблю ее ужасно, а видѣлись только три раза.

Какое несбыточное желаніе! Еслибъ твой портретъ былъ у меня въ браслетѣ! Я бы ни на минуту не разсталась съ нимъ. Но это рѣшительно невозможно. Еслибъ и былъ онъ, не позволили-бъ его носить.

И такъ, вотъ уже цѣлая недѣля, какъ отняты у меня всѣ на-

[1]) Петръ Ѳедоровичъ, камердинеръ, сопровождавшій Александра Ивановича въ ку, а раньше на лекціи въ университетъ.

[2]) Прасковьѣ Андреевнѣ Эрнъ.

[3]) Привезенной въ Москву и помѣщенной въ одинъ изъ пансіоновъ; въ послѣдн она уѣхала съ Герценами за границу и вышла тамъ замужъ за профессора ши Рейхеля.

дежды, всѣ райскія мечтанія! И сколько еще такихъ недѣль впереди! И всѣ онѣ составляютъ одну мрачную, самую темную, холодную ночь. Но и въ этой суровой ночи, и на этомъ черномъ небѣ горятъ кое-гдѣ звѣздочки. Пройдутъ тучи, очистится небо и всѣ онѣ загорятся, заблещутъ во всей красѣ. Такъ и въ душѣ моей: сквозь грусть и тоску кое-гдѣ проглядываетъ, свѣтится яркая мечта, даже восторгъ иногда. Вечеромъ, играя на фортепіано, одна въ огромной комнатѣ, вдругъ останавливаюсь, волшебствомъ исчезаетъ все—и предо мною является мой ангелъ, мой Александръ, и улыбка на лицѣ, и слезы на глазахъ. Но улыбка потомъ становится горькой, и слезы горькія... Но придетъ время, придетъ пора, и мы увидимъ радость не во снѣ и будемъ плакать сладкими слезами. Душа моя, Александръ! Свѣтъ, рай души моей! Страшно ревутъ кругомъ насъ грозныя волны, но не потопятъ онѣ нашего корабля. Кормчій нашъ—любовь; самъ Богъ правитъ имъ. Шумите, шумите, сердитыя, но напрасенъ вашъ гнѣвъ, напрасно усиліе,—вы не устрашите меня: со мною Александръ, не устрашите его: съ нимъ Наташа! И самъ Богъ съ нами! И не напрасно ли вы пѣнитесь, иль вы сердиты на свою ничтожность?

Воскресенье, 6.

Можетъ, еще двѣ недѣли не дойдетъ къ тебѣ это письмо, а ты ждешь его съ нетерпѣніемъ. Мнѣ тяжко за тебя! Думаешь, тревожишься обо мнѣ; или ты знаешь силу своей любви и твердо увѣренъ, что твоя Наташа не только годъ, 10 лѣтъ прожила бы въ заточеніи, въ тюрьмѣ, не видавъ свѣта Божьяго, за твою любовь? Да, въ этомъ-то ты долженъ быть увѣренъ, но *ждешь съ нетерпѣніемъ* и не получаешь, и тебѣ тяжело. Боже! сколько наслажденія получитъ листокъ бумаги, который 1,000 верстъ несъ на (себѣ) твои думы, мечты твои, твою любовь,—который такъ долго былъ въ твоихъ рукахъ и на которомъ взоръ твой долго, долго останавливался! Какъ не быть отъ него въ восторгѣ, какъ не расцѣловать его, какъ не облить слезами? Вѣришь ли, мнѣ иногда кажется, что онъ одушевленъ, что онъ слышитъ меня, понимаетъ; о, съ чѣмъ можно сравнить его, на какія сокровища можно его промѣнять? Нездорова-ль я—беру твои письма, и мнѣ легче; давитъ ли душу тоска и грусть,—опять за мою святыню, за мое лѣкарство, и выздоравливаю душою. О, мой ангелъ! и будто тутъ мало наслажденія, будто можно смѣть роптать? Я-бъ хотѣла весь этотъ годъ прожить въ маленькомъ чуланѣ, лишь бы получать отъ тебя чаще, чаще и писать бы больше, больше. А ты напиши, чтобъ скорѣе отправляли къ тебѣ мои письма, за мною не станетъ, только на почту самой от

сылать невозможно. Только меня ужасно мучаетъ, что ты такъ долго не получаешь моего отвѣта, за то я увѣрена, что онъ принесетъ тебѣ утѣшеніе, ангелъ мой. Странно, хоть слово скажу съ тобой, а все легче на душѣ, веселѣе.

Понедѣльникъ, 7.

Александръ! Мнѣ чрезвычайно пріятно, что ты намѣреваешься этотъ годъ провести иначе [1]), не потому, ангелъ мой, чтобъ я боялась, что разсѣянная жизнь заставила-бъ тебя меньше думать обо мнѣ (я бы не любила тебя, еслибъ это пришло мнѣ въ голову),— нѣтъ, а разсѣянная жизнь пуста и въ ней теряется многое, пріобрѣтенное въ жизни уединенной; тутъ безпрерывно созерцательность, безпрерывно новыя открытія, тамъ трата, и трата безполезная. Самъ же ты на опытѣ видѣлъ, какъ нелѣпа и беззвучна эта толпа, какъ смрадно и дымно въ ея гостиныхъ. Правда, ты-бъ могъ присутствіемъ своимъ освятить ее, возвысить, но она бы не поняла тебя, не оцѣнила бы, и, можетъ, одна холодная невнимательность была-бъ отвѣтомъ твоему огненному, небесному воззванію.

И такъ, на что быть съ нею, на что безъ пользы тратить тебѣ себя? Сколько можешь ты найти въ Витбергѣ! Но еще болѣе найдешь въ самомъ себѣ: ты—море, ты—небо, въ тебѣ міріады солнцевъ. О, посмотри, какъ дивенъ, какъ прекрасенъ ты, ангелъ мой! Александръ, Александръ! Ты единственное созданіе, тебѣ бы дала я цѣлый міръ, тебѣ бы... О, мой ангелъ, какъ назвать ихъ людьми? Что же они, когда не боготворятъ тебя, не молятся тебѣ? Могу ли не любить тѣхъ, которыя мечтали о тебѣ, любили тебя? Стало, онѣ мнѣ близкія, родныя. И тебя-то я смѣю, могу назвать своимъ! О, Александръ!

Я разскажу тебѣ, ангелъ мой, происшествіе, весьма маловажное, но которое сдѣлало на меня впечатлѣніе. Оно доказываетъ, какъ не теряется самая малая крошка добра, какъ все получаетъ свою награду. Недѣли три тому назадъ пришелъ сюда бѣдный полякъ наниматься вырывать пенья,— это и вообразить нельзя, сколько труда въ этой работѣ! Онъ просилъ не дорого, но ему (будто на смѣхъ) давали еще дешевле, потомъ и вовсе отказали.

Человѣкъ, покинувшій родину, семью, молодую жену, шедшій 000 верстъ кровавымъ трудомъ добы(ва)ть хлѣбъ и малость прести семейству,—на чужой сторонѣ, вмѣсто привѣта, вмѣсто жалости, встрѣчаетъ взоры, какими смотрятъ на скотовъ!... Сердце мое

[1]) А. И. намѣревался этотъ годъ жить уединенно, оставить всѣ свѣтскія знакомства, не посѣщать больше свѣтскихъ гостиныхъ.

ломилось на двое при видѣ этого несчастнаго и ихъ, еще несчастнѣйшихъ его! Но что же я могу?... Долго съ нимъ говорила, просила накормить его и дать ночлегъ. Онъ пришелъ въ другой разъ и сошлись цѣною (можетъ, и крайность принудила). Прошло три недѣли. Тутъ я получила твое письмо, тутъ душа моя была взволнована и еще то, что еще долго не получишь отвѣта моего, терзало меня.

Вдругъ вчера поздно вечеромъ оказія въ Москву, и съ кѣмъ же? Этому поляку вздумалось побывать въ Москвѣ, и наканунѣ почтоваго дня! Съ нимъ пошлю къ тебѣ мое письмо. Не воскресилъ ли онъ меня? Не воздалъ ли съ лихвою? Безъ него бы еще цѣлую недѣлю, а, можетъ быть, и болѣе мнѣ ждать и мучиться. Какъ много награды за одно состраданіе!

Ты, мой ангелъ, велишь писать болѣе, а мнѣ необходимо въ душу твою изливать хоть каплю души моей. Я ловлю *мои* минуты и посвящаю ихъ тебѣ. Твоя бесѣда приноситъ мнѣ новую жизнь, силу, твердость, благодать. Моя пусть принесетъ тебѣ хоть одну каплю утѣшенія!

8, среда.

Сегодня мнѣ грустно, все дышетъ на меня тоскою; мысли мрачны, сердце сжато. Не стану тебѣ много писать: одни унылые звуки льются изъ души; они и на тебя навѣютъ унынiе. Видишь ли, какъ непостоянна твоя Наташа, какъ мала и слаба душа ея, какъ необходимы ей твои слова? Душа жаждетъ одного взгляда, а еще цѣлый годъ, холодный, пустынный, мрачный годъ раздѣляетъ будущее глубокимъ оврагомъ, а настоящее—мракъ, настоящій ледъ. И не(къ)кому склонить голову, и нѣтъ взора, который бы могъ понять!... Прости мнѣ, прости, мой ангелъ!

10.

Пронесся слухъ, будто ты въ Петербургѣ,—не вѣрю. Неужели бы, желая сдѣлать сюрпризъ своимъ пріѣздомъ, ты бы огорчилъ меня такъ, сказавъ, что еще годъ разлуки? Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю! Нѣтъ, видно, мнѣ опредѣлено Богомъ не видать тебя долго, долго. Ему извѣстна цѣль. Можетъ быть, я еще недостойна дѣлить высокую твою участь, быть спутницей ангела; можетъ быть, недостойна и того, чтобы видѣть тебя, какъ награду за совершенст) во всѣхъ добродѣтеляхъ. И этотъ годъ искупитъ послѣдніе нед - статки мои, сотретъ послѣдній прахъ. Покорность Его волѣ, те - пѣніе смоютъ всю землю. Но болѣе всего любовь! Любовь! Любо ь святая, побѣдившая испытанія, гоненія, образовавшая душу, да - шая, наконецъ, небо, и самого Бога, и тебя! О, эта любовь иск -

нить многое! И чего бы я ни вынесла, чтобъ быть совершенно, совершенно тебя достойною! Въ эти дни я уже вижу въ себѣ перемѣну: земля, люди все далѣе, далѣе отъ меня, а я все ближе и ближе къ тебѣ, мой ангелъ. Болѣе состраданія къ ближнему, болѣе равнодушія къ собственнымъ ранамъ и, ей-Богу (хотя третьяго дня вырвался изъ души горькій звукъ), я съ радостью несу этотъ крестъ. Онъ уже мнѣ вѣрная порука блаженства въ будущемъ. Не на одно же страданіе онъ далъ намъ эту душу, эту любовь?

12.

Костенька въ Москвѣ, а Саша въ восторгѣ, что ты вспомнилъ ее, и считаетъ себя счастливою и выше существъ обыкновенныхъ, будучи упомянута въ нашей перепискѣ и получивъ отъ тебя благоволеніе. Она въ самомъ дѣлѣ выше существъ простыхъ и заслуживаетъ вниманія. Я не надѣюсь встрѣтить въ подобномъ состояніи такую душу и столько чувства[1]). Но надобно прибавить, что единственное, пламенное желаніе ея—умереть (особенно разлучившись со мною), ибо кругомъ нея мерзкое поле (какъ она выражается), а она *одна*. Ты не забылъ ее, ангелъ мой, благодарю! Это существо не должно быть забыто никогда. Едва ли любитъ меня кто во всемъ домѣ сотую долю того, какъ любитъ она.

---

6 сентября 1836 г., Вятка.

Сердце полно, полно и тяжело, моя Наташа, и потому я за перо писать къ тебѣ, моя утренняя звѣздочка, какъ ты себя назвала. О, посмотри, какъ эта звѣзда хороша, какъ она купается въ лучахъ восходящаго солнца, и знаешь ли ея названіе?—Венера, Любовь! Всегда восхищаюсь я ею, пусть же она останется эмблемой, такая же прелестная, такая же изящная, святая, какъ ты.

Въ самый день твоихъ именинъ получилъ я два письма отъ тебя,—сколько рая, сколько счастья въ нихъ!

О, Боже, Боже, быть такъ любимымъ и такою душой! Наташа[2])... (мнѣ) остается еще одно наслажденіе—упиться славой, рукоплесканіемъ людей, видѣть восторгъ ихъ при моемъ имени,—словомъ, совершить что-либо великое, и тогда я готовъ умереть, тогда я отдамъ жизнь, ибо что мнѣ можетъ дать жизнь тогда? Я одного

---

[1]) А. И. говоритъ въ своихъ *Запискахъ* про горничную Сашу: „Я Сашу потомъ зналъ очень хорошо. Гдѣ и какъ умѣла она развиться, родившись между кучерской и кухней, не выходя изъ дѣвичьей, я никогда не могъ понять, но развита была она необыкновенно“. Н. А. передъ своею кончиной вспоминала и благословляла память Саши, „какъ единственный свѣтлый образъ, явившійся въ ея дѣтствѣ“.

[2]) Пропущено два слова.

попросилъ бы у смерти: взглянуть на тебя, сказать слово любви голосомъ, взглядомъ, поцѣлуемъ, одинъ разъ: безъ этого моя жизнь не полна еще.

Ты пишешь, что я не жилъ никогда съ тобою, что, можетъ быть, въ тебѣ множество недостатковъ, которыхъ я не знаю, что ты далека отъ моего идеала. Перестань, ангелъ мой, перестань, нѣтъ, ты прелестна, ты выше моего идеала, я на колѣнахъ предъ тобою, я молюсь тебѣ, ты для меня добродѣтель, изящное, все бытіе, и я тебя такъ знаю, какъ только могъ подняться до твоей высоты. Вѣдь, и ты не жила со мною, но я смѣло говорю: твое сердце не ошиблось, оно нашло именно того, который могъ ему дать блаженство; я понимаю, чего хотѣла твоя душа,—я удовлетворю ей. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я могъ сдѣлать счастливою всякую дѣвушку съ благороднымъ сердцемъ,—о, нѣтъ, именно тебя, тебя! Мой пламень сжегъ бы слабую душу, она не вынесла бы моей любви, она бы не могла удовлетворить безумнымъ требованіямъ моей фантазіи, ты превзошла ихъ. Клянусь тебѣ нашею любовью, что никогда не видалъ существа, въ которомъ было бы столько поэзіи, столько граціи, столько любви и высоты, и силы, какъ въ тебѣ. Это все, что только могла придумать мечта Шиллера. Я иногда, читая твои письма, останавливаюсь отъ силы и высоты твоей; тебя воспитала любовь, ты безпрерывно становишься выше. Возьми одну мысль твою идти въ Кіевъ,—она безумная, нелѣпая, но высота ея превышаетъ высоту самыхъ великихъ поступковъ въ исторіи. Слезы навернулись, когда я читалъ это. Я не спорю, можетъ, другіе скажутъ, что ты *мечтательница*, что никогда не будешь *хозяйка*, т.-е. жена-кухарка, но тотъ, у кого въ душѣ горитъ огонь высокаго, тотъ пойметъ тебя, и ему не нужно другихъ доказательствъ, кромѣ одного письма. А я, любимый тобою, любящій тебя, я будто не знаю моего ангела, моей Наташи?

30 августа были именины Александра Лаврентьевича [1]); мнѣ хотѣлось ему сдѣлать такой подарокъ, который имѣлъ бы смыслъ, который навсегда былъ бы документомъ моего уваженія къ человѣку великому. Долго думалъ я и вдругъ пришло въ голову подарить твою работу—портфель. Сначала я испугался одной мысли разстаться съ тою работой, при которой за каждою ниткой была мысль обо мнѣ, мнѣ было жаль. Такъ вотъ и подарокъ, сказалъ внутренній голосъ, вотъ истинная жертва, потому-то и надлежитъ ему подарить, что жаль. Я написалъ на первой страницѣ: «А. Л. Вит-

[1]) Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, художникъ, строитель храма на Воробьевыхъ горахъ.

бергу въ знакъ симпатіи искренней и безпредѣльной (даритъ работу Наташи А. Герценъ) 1836 г., августа 30, въ Вяткѣ», и подарилъ ему; сначала онъ не хотѣлъ брать, но я сказалъ ему, чего стòитъ мнѣ подарокъ: онъ взялъ со слезами. И отчего же, думалъ я, мнѣ скупиться? Развѣ рука, дѣлавшая это, не моя? И какъ могъ я болѣе почтить его, какъ не работой *ея руки?*

Ты пишешь о Мед., говоришь, что думала, что пятно, о которомъ я писалъ, несравненно чернѣе. Что же чернѣе этого поступка? Я не знаю, можетъ, «убійство»—не чернѣе такой гнусности; нѣтъ, не извиняй меня: простить ты можешь, оправдать—нельзя [1]). Это былъ послѣдній шагъ мой въ безнравственности. Тогда, терзаемый непонятою любовью къ тебѣ, терзаемый своею ничтожною и скверною жизнью, окруженный людьми холодными, я обращалъ всюду взоръ, потухавшій отъ разврата, чтобы найти симпатію. Будь тогда Витбергъ, будь Полина—и не было бы пятна на совѣсти, и не было бы угрызенія. Первое существо высшее была она; она поняла меня (я писалъ тебѣ это тогда же); въ ней есть поэзія; она, жена мужа стараго, котораго никогда не любила и не могла любить, она бросилась со всею довѣренностью души чистой ко мнѣ, и что-жь я сдѣлалъ? Слѣдовало бы остановить, а вмѣсто того... О, не старайся оправдывать меня! Воскрешенный твоею любовью, твоею небесностью, я хотѣлъ тотчасъ спасти ее, но съ ужасомъ увидѣлъ, что поздно. Правда, съ самой весны она не слыхала отъ меня ни одного слова, которое бы могло ее болѣе завлечь, но и то правда, что она отъ этого страдаетъ, отъ этого больна; она безъ того столь несчастная, не зная о тебѣ, воображаетъ, что я влюбленъ въ Полину. Я думалъ сказать ей о тебѣ прямо, но это все равно, что дать рюмку яда. Вотъ твой идеальный Александръ.

9 сентября.

Прощай, ангелъ мой, можетъ, сегодня получу письмо отъ тебя. Прощай, я теперь спокойнѣе смотрю на разлуку. Онъ знаетъ, чтò и для чего. Жму твою руку, цѣлую ее, цѣлую тебя.

Твой *Александръ.*

Желаю разобрать,—такъ скверно написалъ этотъ листъ.

Ангелъ мой, я и забылъ тебѣ написать планъ повѣсти, кото- я уже началъ. Напиши мнѣ откровенно твое мнѣніе. Витбергу не очень нравится. Юноша, жившій до 17 лѣтъ въ деревнѣ, -кій, но подавленный холодомъ родныхъ, является въ универси-

---

Видимо, Н. А. не понимала вполнѣ поступка А. И., котораго онъ никогда простить себѣ.

тетъ учиться медицинѣ. Онъ робокъ, застѣнчивъ, у него нѣтъ друзей, онъ боится шумной вакханаліи студентовъ; у него нѣтъ дѣвы, которая раздѣлила бы его страданія, его одиночество, и онъ живетъ одною наукой. Однажды ему надобно разсѣкать какой-то женскій трупъ въ анатомической залѣ, онъ пришелъ, уже вонзилъ ножъ въ тѣло, у котораго лицо было накрыто. Когда вздумалъ онъ взглянуть на него — и что же? Это тѣло прелестной дѣвушки. Онъ влюбился въ нее (извини это глупое выраженіе, я тороплюсь); эта любовь первое его чувство, оно сильно, оно ростетъ, оно должно сжечь его, уничтожить, свести съ ума, сломать его душу и все тѣло. И вотъ онъ крадетъ трупъ и сожигаетъ его. Этотъ пепелъ въ урнѣ— все, что у него есть на бѣломъ свѣтѣ; онъ любитъ этотъ пепелъ, онъ не можетъ жить безъ него, и тутъ блеснула мысль, что алхимики имѣли средства воскрешать, и что же значитъ греческій миѳъ феникса возрождаться изъ пепла? Парацельсъ и Аполлоній Тіанскій воскрешали, и самъ Іисусъ. Вотъ рѣшена его жизнь: онъ ищетъ этотъ способъ. Проходятъ годы и онъ, погруженный во мракъ мистики и колдовства, ищетъ и ищетъ, и онъ будетъ искать всю жизнь, еслибъ его жизнь была долѣе Маѳусаил(овой). Но тайна не открывается; однако, *надежда* (главная идея повѣсти) съ нимъ, безъ нея онъ умеръ бы. Заключеніе: онъ сѣдой старикъ, одичалый, полубезумный, все еще работаетъ и ищетъ *тайны воскрешенія*. Слабый, больной, онъ уже на одрѣ смерти говоритъ друзьямъ: теперь близко, близко къ открытію (и), засыпаетъ; она не слетаетъ къ нему, и онъ не существуетъ болѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАМЗЕЛЬ.

(Разсказъ стараго пріятеля).

Это было очень давно, когда крестьяне были еще въ крѣностной зависимости, считались по душамъ, раздѣлялись на тягла и когда слухи объ эмансипаціи не тревожили еще умовъ благополучныхъ помѣщиковъ,—словомъ, такъ давно, что я изъ безъусаго юноши превратился, какъ видите, въ совершенно безволосаго и согбеннаго старца, и ежели до сего времени не ношу очковъ и чувствую себя достаточно бодрымъ и здоровымъ, то единственно потому только, что не утруждалъ своего зрѣнія чтеніемъ книгъ и газетъ, которыя, впрочемъ, въ то время рѣдко встрѣчались, и съ великою осторожностью прибѣгалъ къ пособію господъ врачей.

Тѣмъ не менѣе, однако, все это давно минувшее такъ ясно сохранилось въ моей памяти, какъ будто происходило не десятки лѣтъ назадъ, а очень недавно. Всѣ эти помѣщичьи усадьбы, нынѣ разрушенныя, либо совершенно стертыя съ лица земли, всѣ эти парки, рощи, лѣса, теперь уже вырубленные, всѣ эти громадные пруды, озера, болота и рѣчонки, въ настоящее время не только пересохшіе, но даже распаханные и успѣвшіе уже превратиться въ безплодную почву,—все это рисуется мнѣ съ такими мельчайшими подробностями, что стоитъ только закрыть глаза, какъ я опять вижу ихъ столь же прекрасными, какими они были тогда. Мнѣ часто представляется даже, что я все еще живу въ своей маленькой усадьбѣ, скромно пріютившейся у опушки крошечной рощицы, на берегу небольшой рѣчонки, изобиловавшей рыбой и дичью. Часто чудится благовѣстъ колокола, долетавшій до меня изъ сосѣдняго села Покрова,—тотъ самый благовѣстъ, который приводилъ меня въ трепетъ и заслышавъ который, я бросался на коня и мчался въ церковь съ грѣховною мыслью увидать тамъ дорогую мою Стешу, досыта наговориться съ нею и вдоволь ею налюбоваться. Мнѣ видится даже

извилистая дорожка, соединявшая мою усадьбу съ селомъ Зыковымъ, по которой я такъ часто ѣзжалъ къ владѣльцу того села Андрею Степанычу Окатову, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ родной, хотя въ родствѣ и не состоялъ. Сперва эта дорожка бѣжала вдоль отлогаго берега рѣчонки, по мелкимъ кремнистымъ камешкамъ, потомъ спускалась въ лощинку съ перекинутымъ черезъ мочежину мостикомъ, взбиралась на гору, поворачивала направо и, врѣзавшись въ небольшую березовую рощу, выбѣгала, наконецъ, на поемные луга Окатова. А тамъ, вдали, за этими обширными лугами, раскидывалось и село Зыково съ каменною церковью, господскою усадьбой и громаднымъ прудомъ, блестѣвшимъ на солнцѣ, какъ зеркало. Это была настоящая барская усадьба, строившаяся десятками лѣтъ и десятками лѣтъ украшавшаяся. Старинный каменный домъ съ колоннами и террасами, роскошные людскіе флигеля, различныя мастерскія, конный заводъ съ манежемъ, оранжереи, теплицы, ледники, кладовыя и цѣлая улица крошечныхъ домиковъ, принадлежавшихъ дворовымъ людямъ, имѣли видъ маленькаго городка, а громадный паркъ, соединявшій барскій домъ съ церковью, довершалъ красоту усадьбы.

Какъ теперь помню, паркъ былъ окруженъ глубокою канавой, по валу которой, живою изгородью, возвышались плотною и тщательно подстриженною стѣной кусты акаціи и боярышника. Дорога моя пролегала какъ разъ мимо этой канавы. Ѣдешь, бывало, и смотришь: не мелькнетъ ли Стеша? Не помахаетъ ли привѣтливо платочкомъ? Не крикнетъ ли ласковаго слова?... И отрадно вспомнить это прошлое, и, въ то же время, тяжело. Отрадно потому, что молодость, а тяжело потому, что молодость не возвратима.

Стеша была простая дворовая дѣвка, какъ называли ихъ тогда. Бросающеюся въ глаза красотой она не отличалась и на нынѣшнихъ выставкахъ красавицъ никакой бы, вѣроятно, преміи не получила. Но за то это была дѣвушка крайне симпатичная и скромная, каковая скромность и была ея лучшею преміей. Она находилась при барскомъ дворѣ и подъ наблюденіемъ экономки Татьяны Ѳедоровны, строгой и сварливой старухи, вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ дворовыхъ дѣвокъ, занималась плетеніемъ кружевъ. Въ домѣ Окатовыхъ я бывалъ часто, а когда сынъ ихъ Борисъ былъ еще ребенкомъ и воспитывался подъ наблюденіемъ гувернера мосье Поле, то я почти жилъ тамъ. Мы были съ Борисомъ почти одних лѣтъ и считались друзьями, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ ничему не учились, озорничали, ловили рыбу, лягушекъ, которыхъ жарили д мосье Поле и которыхъ онъ очень любилъ, и вмѣстѣ же упражн-

лись во всевозможныхъ забавахъ и играхъ. По праздничнымъ днямъ въ этихъ играхъ принимали участіе и дѣвчонки-кружевницы, которыя выгонялись къ намъ непремѣнно подъ надзоромъ какой-нибудь взрослой дѣвки. Мы бѣгали съ ними въ горѣлки, играли въ жмурки, ходили на ходуляхъ и лазали по деревьямъ. Въ числѣ этой-то ватаги находилась и Стеша. Это была очень бойкая дѣвчонка, шибко бѣгавшая въ горѣлки, ловко игравшая въ мячикъ, превосходно прыгавшая черезъ канавы и весьма миловидная собой. Сперва между нами завязалась дѣтская дружба, мы старались быть какъ можно чаще вмѣстѣ, —играя въ жмурки или горѣлки, я непремѣнно старался изловлять ее, непремѣнно загонялъ ее въ какое-нибудь отдаленное мѣсто и тамъ, вдали отъ постороннихъ глазъ, обнималъ ее и осыпалъ поцѣлуями. Такъ прошло наше дѣтство, а по мѣрѣ того, какъ мы возростали, возростала и наша любовь. Но любовь эта глубоко таилась въ нашихъ сердцахъ, и повѣдать ее другъ другу мы еще никакъ не рѣшались. Однако, наступило время и мы объяснились.

Какъ теперь помню, это было на Пасху, между заутреней и обѣдней. По заведенному порядку, или, правильнѣе сказать, по распоряженію Окатова, обѣдня на первый день Пасхи начиналась тотчасъ же послѣ заутрени, какъ только народъ перехристосуется съ причтомъ. Въ этотъ промежутокъ семья Окатовыхъ уѣзжала обыкновенно домой, а народъ разсыпался вокругъ церкви. Пасхальная служба въ селѣ Зыковѣ совершалась съ большою торжественностью. Отъ дома вплоть до церкви дорога освѣщалась смоляными бочками, вокругъ церкви горѣли костры и плошки, а самая церковь убиралась снаружи фонариками и шкаликами. Подвозилась даже пушка, изъ которой и совершалась пальба. Про внутреннее убранство церкви нечего и говорить. Она вся горѣла огнями, а иконостасъ, опять-таки унизанный шкаликами и уставленный тепличными растеніями, имѣлъ даже какой-то фантастическій и волшебный видъ. Служба совершалась чинно, благолѣпно; превосходный хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ опытнаго регента, музыкально выполнялъ пасхальное пѣніе, а самое торжество этого великаго праздника и наступающая весна довершали красоту религіознаго празднованія.

Во время совершенія службы семья Окатовыхъ, состоявшая изъ самого Окакова, его жены, дочери лѣтъ 15 и «мамзели», помѣщалась позади праваго клироса, на небольшомъ возвышеніи, обнесенномъ рѣшеткой, а по сторонамъ этого возвышенія устанавливались прихожане изъ дворянъ и болѣе почетныя лица мужского пола. Лѣвая сторона церкви занималась женскимъ поломъ, но, опять-таки,

съ соблюденіемъ ранговъ. Тотчасъ за лѣвымъ клиросомъ—такъ называемыя чистыя прихожанки, потомъ—комнатная прислуга женскаго пола, бѣлошвейки, кружевницы и, наконецъ, остальныя дворовыя. Я, какъ принадлежавшій къ дворянскому роду, но, по молодости лѣтъ, не дерзавшій еще становиться возлѣ барскаго возвышенія, обыкновенно выбиралъ мѣсто противъ царскихъ дверей и, такимъ образомъ, помѣщаясь посреди церкви, изображалъ собою нѣчто вродѣ межевого столба, отдѣлявшаго мужскую половину отъ женской. То же самое произошло и во время упомянутой заутрени, которая почему-то на этотъ разъ казалась мнѣ еще торжественнѣе.

По окончаніи заутрени, духовенство съ иконами, по обыкновенію, вышло на амвонъ и началось христосованіе. Первымъ, конечно, подошелъ Окатовъ съ семьей, затѣмъ мы, болѣе привилегированные, семьи духовенства, а потомъ и остальные. Окатовы уѣхали на это время домой и ряды прихожанъ смѣшались. Перехристосовавшись съ знакомыми, я поспѣшилъ въ ограду, чтобы похристосоваться поскорѣе съ Стешей, которая тоже была у заутрени. Я увидалъ ее возлѣ самой паперти. Она была вся освѣщена багровымъ заревомъ пылавшихъ бочекъ и я остановился передъ нею, словно передъ волшебною феей, окруженной сіяніемъ.

— Здравствуй Стеша! — крикнулъ я. — Мы съ тобой еще не христосовались!

— Нѣтъ еще, баринъ...

— Такъ давайте...

— Давай же...

И мы похристосовались, обмѣнявшись красными яичками.

— Пойдемъ на «барское кладбище»,—шепнулъ я.

— Ахъ, что вы, что вы... — заговорила она. — Нешто туда возможно?... Намъ не приказано ходить туда... Здѣсь посидимте...

— Здѣсь народъ,—перебилъ я ее,—а тамъ мы будемъ одни и досыта наговоримся...

— Право слово, туда нельзя...

— Со мной можно...

— Смотрите, не досталось бы...

— Не безпокойся...

И я, взявъ Стешу за руку, повелъ ее на такъ называемое «барское кладбище».

Кладбище это было передъ алтаремъ, въ той же оградѣ, и обнесено чугунною рѣшоткой, входъ за которую былъ запрещенъ. Мѣсто это было обсажено деревьями и уставлено памятниками предковъ Окатовыхъ и на этомъ-то кладбищѣ, усѣвшись на подножіи

мраморнаго памятника, мы провели съ Стешей весь промежутокъ времени между заутреней и обѣдней. Разговорамъ нашимъ не было конца. Мы вспоминали прошлое, говорили о настоящемъ, мечтали о будущемъ, но слово любви никакъ не срывалось съ нашихъ устъ. Мы только сознавали, что слово это глубоко засѣло въ нашихъ юныхъ сердцахъ, а высказать его робѣли.

Мы просидѣли бы, такимъ образомъ, очень долго, ежели бы Стеша не заслышала вдругъ шума приближавшагося экипажа.

— Ну!—вскрикнула она.—Бѣда! Господа ѣдутъ!

И, быстро вскочивъ на ноги, она побѣжала было къ выходу, но въ это самое время въ ограду влетѣла коляска Окатова, запряженная шестерикомъ вороныхъ рысаковъ, и прямо подкатила къ господскому кладбищу. Стеша отскочила въ сторону и забилась куда-то въ темный уголъ. Въ коляскѣ сидѣли: Окатовъ, жена его, дочь и мамзель. Я помогъ имъ выдти изъ экипажа и затѣмъ первымъ моимъ желаніемъ было тотчасъ же обратиться въ бѣгство, чтобы избѣжать могущей произойти сцены между Окатовымъ и Стешей. Но, устыдившись своей трусости, я остался. Окатовы поочередно обходили всѣ могилы, преклоняли передъ ними колѣни, молились и, прошептавъ затѣмъ «Христосъ воскресе», клали на подножія памятниковъ пасхальныя яйца. Такъ обошли они почти всѣ монументы, какъ вдругъ, подойдя къ послѣднему, притаившемуся въ самомъ углу, Окатовъ мгновенно остановился и словно окаменѣлъ.

— Это что такое?—прошипѣлъ онъ, бросивъ на меня грозный взглядъ.

Но, видя, что я стою передъ нимъ совершенно растерянный и съ поникшею головой, подошелъ къ спрятавшейся за памятникъ Стешѣ и вытащилъ ее изъ засады.

— А, это ты! — крикнулъ онъ. — Какъ ты смѣла?... Вонъ отсюда!

И когда Стеша ушла, снова обратился ко мнѣ.

— Что это значитъ? — повторилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Помолиться зашелъ,—пробормоталъ я.

— Съ дѣвкой-то?

Я даже вздрогнулъ.

— Для васъ она дѣвка,— проговорилъ я, поднявъ голову,— а для меня она другъ дѣтства...

Но Окатовъ перебилъ меня.

— Дворянинъ, милостивый государь мой, — проговорилъ онъ

внушительно и смотря на меня свысока,—не можетъ водить дружбу съ холопкой. Вы сами не понимаете, что говорите.

И, подойдя къ женѣ и дочери, онъ подалъ имъ руки и всѣ они пошли по направленію къ церкви.

— Какъ тебѣ не стыдно?—прошептала мамзель, проходя мимо меня.—Такой еще молодой... Фи!

Какъ только вошли они въ церковь и стали на свое возвышеніе, такъ всѣ прихожане поспѣшили занять свои мѣста и литургія началась.

Я стоялъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, но молиться не могъ. Сцена на кладбищѣ не выходила у меня изъ головы и возмущала меня до глубины души. Мнѣ было больно и обидно, что виновникомъ этой сцены былъ никто иной, какъ я. И я хотѣлъ тотчасъ же розыскать Стешу, какъ-нибудь осторожнѣе вызвать ее изъ церкви и выпросить у нея прощенія. Но отыскать Стешу я нигдѣ не могъ и мнѣ пришлось отложить свое намѣреніе до другого раза.

Мнѣ удалось устроить это въ тотъ же день.

Надо вамъ сказать, что, по изстари заведенному порядку, всѣ присутствовавшіе въ церкви, по окончаніи обѣдни, отправлялись къ Окатовымъ для принесенія поздравленій и всѣ обыкновенно приглашались гостепріимными хозяевами вмѣстѣ разговѣться. Дворяне присутствовали, конечно, въ барскомъ домѣ, а для крестьянъ устраивались столы въ манежѣ. Все это, опять-таки, происходило весьма торжественно и съ соблюденіемъ извѣстнаго церемоніала. Прежде всего, приносились изъ церкви иконы и хоругви. Встрѣчали ихъ обыкновенно сами Окатовы, крестились, прикладывались, переносили въ залъ и чинно разстанавливали по кадушамъ, наполненнымъ разными яровыми сѣменами. Затѣмъ являлось духовенство, пѣвчіе и начиналась служба, опять-таки, сопровождавшаяся пушечною пальбой, а по окончаніи службы освящались сѣмена, куличи и пасхи. Проводивъ иконы, Окатовъ выходилъ на крыльцо, здоровался съ народомъ, поздравлялъ его со свѣтлымъ праздникомъ и, пожелавъ изобильнаго урожая и добраго здоровья, приглашалъ разговѣться его хлѣбомъ-солью. «Чѣмъ Богъ послалъ»,—говорилъ онъ, улыбаясь, и, еще разъ раскланявшись, возвращался въ домъ. Войдя въ залъ, онъ извинялся передъ господами и духовенствомъ, что, заболтавшись съ «пріятелями-мужичками», долго заставилъ ждать себя, и, указывая рукой на заранѣе накрытый столъ, приглашалъ всѣхъ садиться. Начинали, конечно, съ пасхи и куличей, а затѣмъ, выпивъ водки, принимались за другія кушанья, которых изготовлялось великое количество. Тутъ были: всевозможные паш-

теты, заливныя, громадныя окорока ветчины, подъ разными видами поросята, фаршированныя пулярдки, маринованные перепела, всевозможныя наливки, запеканки и, наконецъ, шипучки, замѣнявшія въ то врема шампанское. Виноградныхъ винъ тоже не полагалось.

Надо отдать справедливость, что всѣ эти торжества устраивались Окатовымъ съ любовью и умѣньемъ. Даже народныя угощенія, и тѣ отличались порядкомъ и изобиліемъ. Каждому подносилось по хорошей чаркѣ вина, а за столы подавались: пироги съ начинкой, студни, солонина подъ хрѣномъ, жареные бараны съ позолоченными рогами и ставились цѣлыя ведра браги и меда.

Окатовъ считалъ кровною обидой, ежели кто-либо изъ дворянъ, присутствовавшихъ у обѣдни, не заѣзжалъ къ нему. Слабость эту я зналъ отлично, а потому, считая себя на этотъ разъ оскорбленнымъ, я порѣшилъ отплатить ему тѣмъ же. Но выполнить этого не удалось. Дѣло въ томъ, что, не розыскавъ въ церкви Стешу, я надѣялся увидать ее въ домѣ и тамъ какъ-нибудь объясниться съ нею. Вотъ почему, по окончаніи обѣдни, я, скрѣпя сердце, отправился къ Окатову. Сверхъ всякаго ожиданія, онъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, расцѣловалъ меня, назвалъ почему-то «умникомъ» и тотчасъ же прочиталъ мнѣ только что полученное письмо отъ сына, въ которомъ тотъ, во-первыхъ, поздравлялъ его съ праздникомъ, а, во-вторыхъ, сообщалъ, что осенью непремѣнно пріѣдетъ къ нему погостить, такъ какъ ему поручается закупить ремонтъ для полка. Борисъ не былъ въ деревнѣ года три, и потому извѣстіе это очень обрадовало родителей и оба они были въ самомъ веселомъ и добродушнѣйшемъ настроеніи.

Вскорѣ начали съѣзжаться гости, принесли иконы, явилось духовенство и извѣстная церемонія началась. Но мнѣ было не до церемоніи. Меня удивляло и безпокоило то обстоятельство, что въ средѣ явившихся къ молебну горничныхъ, опять-таки, не было Стеши. «Куда же она пропала?—думалъ я.—Ужь не наказана ли, не заперта ли?...» И все это такъ меня тревожило, что я порѣшилъ во что бы то ни стало увидать Стешу. Такъ я и сдѣлалъ. Какъ только кончился молебенъ и какъ только Окатовъ отправился христосоваться съ явившимися къ нему «пріятелями-мужичками», тамъ я, улучивъ эту удобную минуту, пошелъ въ дѣвичью. Благодаря праздничной суматохѣ, я прошелъ корридоръ никѣмъ не замѣченный, и только было собрался отворить дверь дѣвичьей, какъ вдругъ изъ чулана, находившагося подъ лѣсницей, ведущей во второй этажъ, до меня долетѣло чье-то сдержанное всхлипыванье.

Дверь была заперта снаружи крючкомъ. Отпереть крючокъ и вбѣжать въ чуланъ было дѣломъ одной секунды, и я былъ возлѣ Стеши.

— Стеша, дорогая моя, что съ тобой? — чуть не вскрикнулъ я.

Увидавъ меня, Стеша перепугалась и принялась умолять оставить ее. Я и самъ сознавалъ, что поступокъ мой безразсуденъ, но, прежде чѣмъ уйти, я рѣшился узнать отъ нея обо всемъ случившемся. Оказалось, что наше пребываніе съ ней на «господскомъ кладбищѣ» не прошло безслѣдно и что Окатовъ, войдя въ церковь, тотчасъ же подозвалъ къ себѣ экономку Татьяну Ѳедоровну, которой и приказалъ: удалить Стешу изъ церкви, надѣть на нее полосущатое платье *) и на весь день запереть въ темный чуланъ.

Все это разсказала мнѣ Стеша шепотомъ и, въ то же время, просила замолвить за нее словечко.

— Можетъ, для васъ и помилуютъ,—шептала она, всхлипывая.

Грѣшный человѣкъ, не выдержалъ я, обнялъ Стешу, прижалъ къ себѣ и, осыпая ее поцѣлуями, поклялся вымолить ей прощеніе. Затѣмъ я вышелъ изъ чулана, заперъ его на крючокъ и, опять никѣмъ незамѣченный, возвратился въ залъ.

Немного погодя мы всѣ уже сидѣли за столомъ, разговлялись и шумно бесѣдовали. Никогда еще я не видалъ Окатовыхъ такими счастливыми и довольными. Они шутили, смѣялись и не знали, какъ и чѣмъ угодить своимъ гостямъ... А когда подали «шипучку» и когда мы поднялись съ своихъ мѣстъ и предложили тостъ за здоровье будущаго ремонтера, они до того были тронуты, что даже прослезились.

Когда разъѣхались гости и мы съ Окатовымъ остались съ глазу на глазъ, я проговорилъ:

— Послушайте, Андрей Степанычъ... Я сегодня передъ вами провинился... вы меня извините...

Окатовъ даже удивился.

— Въ чемъ это? — спросилъ онъ, разведя руками и, видимо, забывъ о случившемся на кладбищѣ.

Я напомнилъ ему.

— При чемъ же ты?... Эта глупая дѣвчонка, точно, провинилась... и я наказалъ ее... А ты не виноватъ,— проговорилъ онъ.— Дворянамъ входить туда не запрещено...

— Но, вѣдь, это я привелъ ее туда...

И я разсказалъ ему, какъ было дѣло.

---

*) Полосушкой назывался домашній холстъ, сотканный изъ синей и красной ниток сконной пряжи. Изъ такого холста шились для горничныхъ платья, а для мужчинъ рубахи. *Авт.*

— Простите ее...— прибавилъ я.

Окатовъ задумался.

— Ежели не для праздника,— продолжалъ я,— то хоть ради предстоящаго свиданія съ Борисомъ.

Окатовъ быстро вскочилъ съ мѣста и захлопалъ въ ладоши. Вошелъ дворецкій.

— Позвать сюда Стешку! — приказалъ онъ.

Дворецкій вышелъ, а немного погодя въ дверяхъ корридора показалась Стеша и, опустивъ глаза, остановилась у притолоки. Окатовъ принялъ строгую осанку и, прочитавъ ей приличную нотацію, прибавилъ:

— Но... внимая прошенію этого барина,— при чемъ Окатовъ указалъ на меня,— я прощаю тебя... Только помни, чтобы впередъ этого не было... Ступай и скажи экономкѣ, что я тебя простилъ и позволилъ надѣть праздничное платье.

Стеша подбѣжала къ Окатову, упала ему въ ноги и хотѣла поцѣловать его руку, но тотъ остановилъ ее и опять-таки указалъ на меня.

— У него цѣлуй,— проговорилъ онъ.

И не успѣлъ я очнуться, какъ Стеша была уже возлѣ меня и, схвативъ мою руку, крѣпко поцѣловала ее.

Такого стыда я еще никогда не испытывалъ.

Послѣ обѣда я распростился съ Окатовыми и поѣхалъ домой. Мнѣ приходилось проѣзжать площадкой, на которой, по случаю праздниковъ, были устроены качели. Народу вокругъ этихъ качелей собралось пропасть. Казалось, не только вся дворня, но и вся молодежь села привалила сюда. Всѣ были разодѣты по праздничному и веселье шло превеликое. Тамъ и хороводы водили, и пѣсни пѣли, и плясали подъ балалайки и дудки (тогда еще про теперешнія гармоники никто и не слыхивалъ). Я ѣхалъ шагомъ, какъ вдругъ чей-то звонкій и веселый голосъ окликнулъ меня.

Я повернулъ голову по направленію къ качелямъ и увидалъ высоко взлетѣвшую на воздухъ Стешу.

— Баринъ, милый баринъ,— кричала она,— погодите-ка на минутку... словечко одно сказать надо!

Взмахъ качелей сталъ понижаться и, наконецъ, словно утонулъ въ шумной толпѣ. Я остановилъ лошадь и ко мнѣ подбѣжала вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся Стеша.

— Ну, миленькій баринъ,— говорила она, едва переводя духъ и хватаясь за ускоренно-поднимавшуюся грудь,— благодарю...

Кабы не вы, сидѣть бы мнѣ въ чуланѣ... а теперь сдѣлали меня съ праздникомъ...

И она опять схватила мою руку.

— Какъ тебѣ не стыдно!— вскрикнулъ я.— Ты никогда не смѣй цѣловать мою руку... Слышишь? Никогда! Это нехорошо... Тѣмъ болѣе нехорошо, что, вѣдь, я люблю тебя, давно люблю... Вѣдь, ты знаешь это?... Знаешь, да? — приставалъ я.

Стеша вся вспыхнула, переконфузилась, растерялась и не знала, что отвѣтить.

— Ну, что же ты молчишь?—продолжалъ я.—Вѣдь, знаешь?... Ну, скажи же...

— Послѣ, миленькій баринъ, послѣ,— прошептала она.— Ей-Богу, теперь ничего не скажу.

— А сама-то любишь меня?

— Ахъ, что ужь вы это, миленькій баринъ... Нешто такъ возможно?

— Нѣтъ, говори, Стеша, говори... Я давно хотѣлъ переговорить съ тобой объ этомъ...

— Насмѣшники вы,— прошептала она.

— Нѣтъ, Стеша, нѣтъ... Я люблю тебя... клянусь тебѣ.

— Не вѣрится что-то,— прошептала она задумчиво.

— Вѣрь, Стеша. Такимъ дѣломъ я шутить не стану.

Стеша молчала.

— Ты мнѣ хоть вотъ что скажи,— продолжалъ я, все еще не выпуская ея руки.— Скажи мнѣ, могу ли я хоть когда-нибудь надѣяться на твою любовь? Подумай и скажи мнѣ всю правду... Подумаешь?

— Хорошо,— прошептала она чуть слышно,— подумаю.

— Только ты долго-то не томи меня, Стеша. Поскорѣе скажи.

Стеша молчала, крутила передникъ... то опускала глаза, то поднимала ихъ, то блѣднѣла, то вспыхивала румянцемъ, но вдругъ, какъ бы проснувшись, чуть не вскрикнула:

— Да нѣтъ, нѣтъ... шутите... смѣетесь!

— И тебѣ не грѣшно такъ думать, Стеша?

— Да развѣ это возможное дѣло?— прошептала она, и у нея навернулись даже слезы.— Вы баринъ, а я-то что такое?... Холопка простая...

— Я же побожился тебѣ, Стеша.

Стеша замолчала, пристально и долго посмотрѣла на меня, словно стараясь прочесть мои мысли, и затѣмъ, вздохнувъ, проговорила:

— Объ чемъ же тутъ долго думать?... Давно я люблю васъ, миленькій баринъ... не смѣла только признаться.

Такимъ образомъ и совершилось наше объясненіе въ любви и про эту-то любовь я и хочу разсказать вамъ.

Андрей Степановичъ Окатовъ былъ помѣщикъ солидный, богатый и пользовался уваженіемъ не только всего уѣзда, но и всей губерніи. Онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и могъ бы быть губернскимъ, ежели бы только пожелалъ того. Но онъ этого не желалъ, во-первыхъ, потому, что, будучи примѣрнымъ хозяиномъ и любя деревню, никогда не рѣшился бы бросить ее, а, во-вторыхъ, и потому, что не искалъ почестей. У него имѣлось тысячи двѣ душъ крестьянъ, суконная фабрика и громадная псарня. Это былъ настоящій баринъ старыхъ временъ, о которыхъ нынѣшнее поколѣніе отзывается, обыкновенно, не только недружелюбно, но даже съ какимъ-то негодованіемъ, какъ будто въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ не было ничего достойнаго одобренія. Ихъ называютъ крѣпостниками, варварами и т. п., а мнѣ думается, что люди здѣсь не причемъ, а во всемъ виновато время. Прежде всего, Окатовъ былъ человѣкъ безусловно честный, добрый, прямой и презиравшій ложь, въ какой бы формѣ таковая ни проявлялась. Онъ былъ требователенъ, строгъ, но за то и справедливъ. Однако, требованія его никогда не превышали тѣхъ границъ, которыя были установлены тогдашними порядками. Онъ строго соблюдалъ трехдневную барщину, требовалъ того же, какъ предводитель, и отъ другихъ помѣщиковъ, никого излишними работами не обременялъ, входилъ въ нужды своихъ крѣпостныхъ, помогалъ имъ по мѣрѣ надобности, наблюдалъ за собственнымъ ихъ хозяйствомъ, преслѣдовалъ нерадивыхъ, а потому всѣ его крѣпостные, какъ дворовые, такъ и крестьяне, жили въ полномъ довольствѣ. Мало того, онъ даже заботился объ ихъ развитіи. У него была школа грамотности, ремесленное училище, а учениковъ болѣе способныхъ онъ отправлялъ для обученія въ Москву. Такъ, напримѣръ, у него были: собственный свой медикъ и два собственныхъ живописца, обучавшихся на его счетъ въ Москвѣ. Точно также обучалъ онъ и разнымъ ре-
ламъ. Понятно, что каждый обучавшійся на его счетъ обязанъ
лъ работами возвратить ему затраченный капиталъ, но за то
слѣ, расплатившись, такъ сказать, онъ получалъ уже, правда,
большое, но, все-таки, приличное по тому времени жалованье.
ачъ, напримѣръ, Григорій Харитоновичъ Зубаревъ, лечившій Ока-
ыхъ, на всемъ готовомъ получалъ въ годъ триста руб. ассигнаці-
и, сверхъ того, имѣлъ право заниматься частною практикой.

Я не скажу, конечно, чтобы Окатовъ былъ уже совершенно безупречнымъ человѣкомъ, чтобы за нимъ не было какихъ-либо погрѣшностей. Водились и за нимъ грѣхи, но надо принять въ соображеніе обстоятельство, что въ то время подобные грѣхи считались вполнѣ законными, никого не удивляли и даже не обращали на себя ни малѣйшаго вниманія.

Я былъ ближайшимъ сосѣдомъ Окатова, такъ какъ моя деревушка Хибаровка была отъ Зыкова всего въ пяти верстахъ. Я уже докладывалъ вамъ, что въ домѣ Окатовыхъ я началъ бывать съ дѣтства и что вмѣстѣ съ его сыномъ занимался играми и кое-чему обучался. Однако, ученіе давалось мнѣ туго и въ наукахъ я былъ не силенъ. Я кое-какъ читалъ и «избу» писалъ чуть ли не черезъ ять. Съ опредѣленіемъ сына Окатова въ корпусъ мое ученье и совсѣмъ прекратилось. Мнѣ было тогда лѣтъ одиннадцать, не больше. Отца я чуть помню, а мать вижу какъ теперь. Это была очень хлопотливая старушка, отлично заправлявшая хозяйствомъ и не знавшая отдыха. Изъ всѣхъ бывшихъ у нея дѣтей только я одинъ остался въ живыхъ и потому любила она меня безпредѣльно и берегла, какъ зѣницу ока. Мы были изъ мелкопомѣстныхъ, имѣли всего-на-всего двадцать пять душъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ слѣпой, а другой безногій, и небольшой клочокъ земли. Усадьба наша состояла изъ барскаго флигеля о трехъ окнахъ, избы, въ которой помѣщалась прислуга, и кое-какихъ надворныхъ строеній. Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, покойница матушка поскакала въ городъ и, не желая оставлять меня на всю жизнь «недорослемъ изъ дворянъ», купила мнѣ тамъ, за двадцать пять рублей ассигнаціями, свидѣтельство объ «отличномъ окончаніи» полнаго курса уѣзднаго училища. Заручившись этимъ документомъ, она отправилась къ Окатову, который и опредѣлилъ меня писцомъ въ штатъ своей канцеляріи. «Получишь чинъ,—говорила матушка,—тогда мнѣ легко будетъ и помирать». Но, увы, видѣть меня чиновникомъ ей не привелось и она скончалась гораздо прежде моего производства. Похоронивъ матушку, я вынужденъ былъ самъ приняться за хозяйство. Къ дѣлу этому я не былъ пріученъ, откровенно сказать, даже не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго влеченія, а потому не мудрствуя лукаво, созвалъ однажды всѣхъ своихъ крестьянъ предложилъ имъ снять мою землю въ аренду. На предложеніе эт они охотно согласились и я, почувствовавъ себя совершенно сво боднымъ, зажилъ «бариномъ», ничего не дѣлалъ и исключительно посвятилъ себя охотѣ. Лѣтомъ я стрѣлялъ утокъ, бекасовъ, ду пелей, ловилъ рыбу всевозможными снастями, а осенью и зим

охотился съ борзыми и почти всегда въ качествѣ «мелкотравчатаго» примыкалъ къ знаменитой въ то время охотѣ Окатова.

Нечего говорить, что, объяснившись съ Стешей, я началъ бывать въ Зыковѣ чуть не каждый Божій день. Семья Окатовыхъ была этому очень рада и принимала меня съ распростертыми объятіями. Окатовъ приписывалъ мои посѣщенія особому къ нему уваженію, а Окатова была довольна за свою дочку, которой дѣйствительно было не особенно весело постоянно находиться въ сообществѣ одной мамзели. Я развлекалъ барышню, какъ умѣлъ, и общество мое нравилось какъ ей, такъ и мамзели, которая положительно была отъ меня въ восторгѣ. Я даже началъ заниматься въ канцеляріи Окатова, въ которой все еще состоялъ на службѣ и которая помѣщалась тутъ же, въ Зыковскомъ домѣ. Я переписывалъ разныя отношенія, предложенія, предписанія, подшивалъ, по указанію секретаря, какія-то бумаги, велъ какой-то исходящій «регистръ» и секретарь былъ на седьмомъ небѣ, любуясь моимъ прилежаніемъ и усердіемъ. «Ну, батюшка,—говорилъ онъ,—много переслужило у насъ господъ дворянъ, многихъ наградили мы разными чинами, а такаго дѣятельнаго, какъ вы, вижу въ первой». Словомъ, въ домѣ Окатовыхъ я сдѣлался необходимымъ человѣкомъ и никому даже и въ голову не приходила настоящая цѣль моихъ столь частыхъ посѣщеній. Цѣлью этой, конечно, была Стеша, только она одна, и никто больше. Пока продолжалась Святая недѣля, т.-е. время, свободное отъ всякихъ работъ и занятій, мы каждый день видѣлись съ нею—то возлѣ качелей, то въ хороводахъ, то въ саду во время прогулки, то просто гдѣ-нибудь въ корридорѣ или на крыльцѣ и, несмотря на краткость всѣхъ этихъ свиданій, все-таки, успѣвали перекидываться нѣсколькими словами и обмѣниваться взглядами, краснорѣчиво говорившими намъ о нашей взаимной любви.

Но съ наступленіемъ Ѳоминой недѣли начались обычныя работы, и свиданія мои съ Стешей прекратились. Однако, посѣщать домъ Окатовыхъ я не переставалъ. По утрамъ я занимался въ канцеляріи, а послѣ обѣда находился въ обществѣ барышни и мамзели. Мамзель эта была дѣвушка лѣтъ тридцати пяти, маленькаго роста, худая, костлявая, но крайне живая и веселая. Она была француженка, съ восторгомъ говорила о своей родинѣ, о своей новой республикѣ и иначе не называла себя, какъ дочерью «свободной Франціи». Ходила быстро, чуть не бѣгала, и любила пошутить и поболтать. Говоря по-французски, она такъ и сыпала словами, а то по-русски говорила плохо, коверкала русскую рѣчь и, видимо, переводила ее съ французской. Красотой она не отличалась, хо-

тя и имѣла симпатичную наружность. За то это была очень добрая дѣвушка, съ любящимъ сердцемъ и весьма отзывчивая къ чужому горю. Она занималась съ барышней музыкою и французскимъ языкомъ, а въ свободное отъ занятій время обязана была быть ея компаньонкой и неотлучно находиться при ней. Со мной она обращалась фамильярно, словно съ мальчикомъ, и сразу же начала говорить мнѣ ты. Сперва это меня очень обижало, а потомъ я привыкъ и пересталъ обижаться. Она была ко мнѣ очень расположена, протежировала мнѣ и всегда заступалась, когда кто-либо обижалъ меня. Она кормила меня сластями, часто бесѣдовала со мною, разспрашивала о моемъ житьѣ-бытьѣ, о моихъ средствахъ, сожалѣла, что я ничему не учился, и нѣсколько разъ предлагала безплатно обучать меня французскому языку. Но, не имѣя влеченія къ какимъ бы то ни было наукамъ, я отказывался и остался такимъ же неучемъ, какимъ и былъ. Такъ продолжалось года полтора, а затѣмъ, когда у меня начали выростать усы, а щеки покрываться легонькимъ пушкомъ, я сталъ замѣчать, что отношенія ко мнѣ мамзели начинаютъ дѣлаться какими-то подозрительными. Она перестала кормить меня лакомствами, за то чаще начала оставаться со мною наединѣ, говорить про любовь, намекать, что я ей очень нравлюсь и что еже ли бы она встрѣтила такого юношу, какъ я, то она непремѣнно бы полюбила его. Въ послѣднее же время она какъ будто начала даже ревновать меня и задала серьезный нагоняй за то, что я былъ застигнутъ съ Стешей на господскомъ кладбищѣ.

— Я думаю, ты можешь понимать, что это святое мѣсто, что тамъ спятъ, кто умерли, и ты съ этою дѣвкой оскорбилъ ихъ сонъ,— говорила она.—Это дурно... Какъ ты могъ найти для своихъ амуретокъ такое мѣсто?

Но я дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и это еще болѣе бѣсило ее.

Она не стѣснялась присутствіемъ барышни и даже при ней преслѣдовала меня намеками весьма прозрачнаго свойства. Такъ, напримѣръ, вырѣзала на стволахъ деревьевъ мое имя рядомъ съ своимъ и непремѣнно соединяла ихъ цѣпью, дарила букетами, объясняя при этомъ значеніе заключавшихся въ нихъ цвѣтовъ катаясь на лодкѣ, усаживала барышню къ рулю, меня въ весла, а сама садилась посреди лодки и непремѣнно лицомъ ко мнѣ, а къ барышнѣ спиной. Сидя такимъ образомъ, она пожирала меня глазами и приводила въ немалое смущеніе. Я не зналъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ всѣхъ ея любовныхъ преслѣдованій и мысленно проклиналъ эту «дочь свободной Франціи».

Однако, этимъ она не ограничилась и однажды разыграла со мною такую штуку, которую я долго не могъ забыть. Дѣло было такъ. Разъ какъ-то, во время прогулки, барышня случайно напала на цѣлое гнѣздо только что выскочившихъ изъ-подъ земли шампиньоновъ. Она такъ была восхищена своею находкой, что тотчасъ же опустилась на землю и усердно принялась собирать ихъ. Я стоялъ поодаль, какъ вдругъ мамзель незамѣтно подошла ко мнѣ и, обнявъ меня, поцѣловала въ губы.

— Что вы дѣлаете?—чуть не вскрикнулъ я.—Какъ вамъ не совѣстно?

— Ничего не совѣстно, потому что мой любитъ тебя,— прошептала она ломанымъ русскимъ языкомъ и тотчасъ же добавила:—Вечеромъ приходи въ паркъ, въ бесѣдку, я буду тамъ.

Я не знаю, слышала ли барышня этотъ разговоръ, или нѣтъ, только въ бесѣдку я не пошелъ, а, возвратясь съ прогулки, тотчасъ же распростился съ Окатовыми и уѣхалъ домой.

Нѣсколько дней подъ рядъ просидѣлъ я дома и проклиналъ мамзель.

Наконецъ, наступило воскресенье и я поѣхалъ къ обѣднѣ.

Я пріѣхалъ въ церковь какъ разъ послѣ евангелія. Окатовыхъ никого не было и «возвышеніе» ихъ оставалось совершенно свободнымъ; только одинъ секретарь, набожный и религіозный старичокъ съ крестикомъ въ петличкѣ, скромно помѣщался позади рѣшотки. Я подошелъ къ нему и сталъ съ нимъ рядомъ. Секретарь очень обрадовался, увидавъ меня, и ни мало не медля принялся сообщать мнѣ о массѣ бумагъ, поступившихъ за это время въ канцелярію и требовавшихъ немедленнаго исполненія, причемъ добавилъ, что въ виду этого онъ хотѣлъ даже послать за мной нарочнаго и «усерднѣйше» просить меня помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Но мнѣ было не до него. Въ лѣвой половинѣ церкви, въ толпѣ «дворовыхъ дѣвокъ», я замѣтилъ знакомый мнѣ пунцовый платочекъ и сердце мое замерло. Это была Стеша.

Подходя къ кресту, я воспользовался всеобщею суматохой и, сойдясь съ Стешей, поймалъ ея руку и крѣпко пожалъ ее. Она сдѣла то же и багровый румянецъ покрылъ наши щеки.

Выйдя изъ церкви, я опять увидалъ Стешу. Она возвращалась ой въ обществѣ своихъ подругъ. Я отвязалъ лошадь и, ведя въ поводу, присоединился къ нимъ. Но поговорить съ Стешей душѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось, на этотъ разъ не удалось. Между чи завязался общій веселый разговоръ, не имѣвшій ничего об- го съ тѣмъ, что таилось у меня на сердцѣ, и волей-неволей при-

ходилось покориться судьбѣ. Но я былъ счастливъ и тѣмъ уже, что шелъ рядомъ съ нею, что слышалъ ея веселый голосъ и смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Однако, все-таки, изъ общаго разговора дѣвушекъ я узналъ, что сегодня, послѣ обѣда, онѣ, въ видѣ прогулки, собираются въ рощу за ландышами, въ ту самую березовую рощу, о которой я уже говорилъ и которая какъ разъ пересѣкалась дорогой, ведущей на мою усадьбу. Услыхавъ это, я взглянулъ на Стешу, Стеша взглянула на меня и мы краснорѣчивѣе всякихъ словъ объяснились съ нею этими мимолетными взглядами.

Насъ догналъ секретарь.

— Вы къ намъ?—спросилъ онъ меня.

Сперва я не хотѣлъ было заходить къ Окатовымъ, боясь встрѣчи съ мамзелью, но когда узналъ о ландышахъ, забылъ свой страхъ и порѣшилъ завернуть къ нимъ. Это было необходимо потому, чтобы дать время дѣвушкамъ пообѣдать и чтобы мое возвращеніе домой совпало съ ихъ прогулкою.

Окатовъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ. Изъ этого я заключилъ, что о всемъ случившемся у меня съ мамзелью онъ ничего не знаетъ и что особенно бояться мнѣ нечего. Оставалось только развѣдать, не извѣстно ли что-либо барышнѣ. Но и она тоже, судя по ея встрѣчѣ со мною, ничего не видала и не слыхала. Она радушно разговорилась со мною, попеняла, что такъ долго не былъ у нихъ, разсказала, какъ онѣ проводили безъ меня время, и просила не забывать ихъ. Къ завтраку появилась и гувернантка. При видѣ ея я пришелъ было въ смущеніе, но, оказалось, совершенно напрасно. Она встрѣтила меня какъ ни въ чемъ не бывало, весело протянула мнѣ руку, освѣдомилась о моемъ здоровьи, спросила, отчего я такъ долго не былъ, и во время завтрака болтала безъ умолку. Немного погодя, когда завтракъ былъ убранъ и когда, по моему разсчету, долженъ былъ окончиться и обѣдъ дѣвушекъ, я простился съ Окатовымъ. Онъ началъ было удерживать меня, оставлялъ обѣдать, но я отговорился недосугомъ, навралъ ему съ три короба про домашнія хлопоты и, обѣщавъ явиться завтра, уѣхалъ домой.

Однако, въ сѣняхъ мнѣ встрѣтилась гувернантка. Она отк да-то возвращалась, куда-то, повидимому, спѣшила, но, увидат меня, быстро остановилась и погрозила пальцемъ.

— О, нехорошій мальчикъ!—проговорила она и, поймавъ м ня за ухо, преисправно надрала его.—Но,—прибавила она,— знаю, что ты будешь умникъ и не будешь ребенокъ...

И не успѣлъ я опомниться, какъ она, похлопавъ меня п

щекѣ, моментально скрылась въ переднюю, съ шумомъ захлопнувъ за собою тяжелую дверь.

Я окончательно растерялся.

Въ рощу попалъ я какъ разъ во-время. Дѣвушки были уже тамъ и, звонко перекликаясь, бродили по лѣсу. Судя по ихъ голосамъ, долетавшимъ до меня, можно было заключить, что всѣ онѣ разбрелись по разнымъ сторонамъ и далеко углубились въ чащу. День былъ прелестный, теплый, ясный, на небѣ ни одного облачка и солнце ярко освѣщало молодую зелень березъ, дышавшую смолистымъ ароматомъ. Я пріостановилъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по извилистой дорогѣ, въ полной увѣренности, что Стеша будетъ непремѣнно поджидать меня гдѣ-нибудь возлѣ нея. Такъ и случилось. Не успѣлъ я добраться до небольшой лощины, пересѣкавшей рощу, и на днѣ которой таился прозрачный родничекъ, какъ я увидалъ Стешу. Она стояла подъ развѣсистою березой и, приложивъ козырькомъ руку ко лбу, смотрѣла въ ту сторону, откуда я долженъ былъ пріѣхать. Увидавъ меня, она побѣжала ко мнѣ на встрѣчу.

— Посадите меня съ собой! — крикнула она, подбѣжавъ ко мнѣ и весело протянувъ ко мнѣ обѣ руки.

Я перескочилъ на крупъ лошади, поднялъ Стешу, посадилъ ее бокомъ на сѣдло и, крѣпко прижавъ къ себѣ, принялся осыпать поцѣлуями. Я былъ весь объятъ восторгомъ и счастію моему не было границъ. Я цѣловалъ ея щеки, губы, глаза и, словно опьяненный, не зналъ, что со мной происходило.

Стеша опомнилась первая.

— Пустите,—прошептала она.

И, словно проснувшись, начала оправлять свалившійся съ головы платокъ.

— Милая, дорогая...—шепталъ я.

— Пустите, довольно!

Я остановилъ лошадь, соскочилъ на землю и бережно снялъ Стешу.

Немного погодя мы были у родника и сидѣли на каменной плитѣ, обросшей мохомъ. Роща словно молчала, словно притаилась, прислушиваясь къ біенію нашихъ сердецъ. Только голоса дѣвушекъ откуда-то долетали до насъ и все удалялись и замирали.

— Куда же это онѣ?—прошептала Стеша.

— А тебѣ скучно со мной?

— Кабы скучно-то было, не пришла бы сюда.

И, немного помолчавъ, замѣтила:

— Ахъ, баринъ, баринъ... Грѣшно вамъ говорить такъ.

— Ну, прости, я пошутилъ.

— Впередъ не шутите такъ,—проговорила она весело.

— А ты впередъ не называй меня бариномъ. Какой я тебѣ баринъ?

— Какже по другому-то, хорошій мой?

— Ну, вотъ, хоть хорошимъ.

— Ну, пусть будетъ по-вашему.

И затѣмъ она принялась разсказывать мнѣ, какъ провела это время, что дѣлала, сколько наплела кружевъ и какъ получила отъ Татьяны Ѳедоровны пощечину за то, что засмотрѣлась на меня, когда я подъѣзжалъ къ дому. Оказалось, что она видѣла меня каждый день,—видѣла, какъ я пріѣзжалъ и уѣзжалъ, и даже видѣла однажды, какъ я ходилъ по двору съ барышней и мамзелью. Барышню она очень любила, расхваливала ей доброту и ласковое обращеніе съ ними, что же касается мамзели, то не могла безъ смѣха говорить о ней.

— Ужь очень она чудно лапочетъ,—замѣтила она.—Поговорить-то, какъ видно, хочется, а не умѣетъ. Намедни зашла къ намъ, зачала чего-то разсказывать, да такъ это у нея чудно какое-то слово вышло, что мы всѣ такъ и покатились... А, все-таки, ничего,—прибавила Стеша,—добрая, веселая...

Изъ разговоровъ ея я, между прочимъ, узналъ, что работаетъ она постоянно возлѣ второго окна верхняго этажа и что поэтому-то она и видитъ меня; что она уже приноровилась ко времени моего пріѣзда и что узнаетъ меня либо по топоту лошади, ежели я верхомъ, либо по стуку колесъ, ежели я на дрожкахъ. Затѣмъ я узналъ, что при нихъ всегда торчитъ Татьяна Ѳедоровна, слѣдитъ за каждымъ ихъ движеніемъ и ни на минуточку не даетъ отдохнуть.

— Только и отдохнешь немного, когда барышня придетъ,—прибавила она,—либо мамзель... Да чего... и имъ-то долго засиживаться не позволяетъ. Чуть заговорятся, такъ она сейчасъ къ нимъ: «Пожалуйте, говоритъ, пожалуйте! А то при васъ, говоритъ, озарницы эти не дѣлаютъ ничего. Вишь, говоритъ, уши-то развѣсили!»... Такъ и выпроводитъ ихъ, ей-Богу...

Изо всего этого я понялъ, что встрѣчи съ Стешей были почти невозможны и что оставалось только ждать случая.

Немного погодя послышались вдали голоса дѣвушекъ. Сперва голоса эти были чуть слышны, но съ каждою минутой станови-

лись слышнѣе и слышнѣе. Можно было разобрать даже, что теперь дѣвушки шли кучей и пѣли пѣсню.

Стеша быстро вскочила на ноги и, обнявъ меня, крѣпко поцѣловала.

— Ну, миленькій баринъ,—проговорила она, забывъ совершенно о своемъ обѣщаніи не называть меня «бариномъ», — а теперь до свиданія... будьте здоровы!

— До свиданія, милая моя, не забывай.

— И рада бы забыть, да силъ не хватитъ.

— Зачѣмъ же желать этого, Стеша?

— А вы не слушайте меня. Мало я чего съ дуру-то наболтаю,— и, быстро перемѣнивъ тонъ, она весело спросила:—Ну, когда же къ намъ-то?

— Каждый день, дорогая моя,—чуть не вскрикнулъ я.—Авось и встрѣтимся, авось и поговоримъ. Не вѣкъ же злая судьба будетъ преслѣдовать насъ. Авось и смилуется.

Стеша радостно посмотрѣла на меня, а, между тѣмъ, двѣ слезинки, какъ два брилліантика, задрожали на ея рѣсницахъ. Она и плакала, и улыбалась, въ то же время.

— Что съ тобою, Стеша?—удивился я.—Зачѣмъ эти слезы?

Она помолчала, отерла глаза и чуть слышно проговорила:

— А затѣмъ, миленькій баринъ, что напрасно судьба свела насъ съ вами. Лучше бы, кажись, не встрѣчаться, лучше бы и не знать другъ друга. И вамъ было бы лучше, и мнѣ тоже самое.

У меня даже морозъ по кожѣ пробѣжалъ.

— Стеша, опомнись, что ты говоришь?

— Я дѣло говорю.

— Но, вѣдь, ты убиваешь меня этими разговорами.

Но Стеша хоть бы слово. Она только потупила глаза и тяжело вздохнула.

Между тѣмъ, голоса, словно волна, набѣгали на насъ, доносился трескъ ломавшихся подъ ногами сучьевъ и весь лѣсъ встрепенулся и зашумѣлъ вѣтвями.

— Впрочемъ,—проговорила Стеша, словно проснувшись,—теперь ужь поздно толковать объ этомъ. Чему быть, того не миновать.

И, быстро обнявъ меня, она бросилась на встрѣчу подругамъ.

Я вскочилъ на лошадь, выбрался на дорогу и вихремъ помчался домой.

Излишне говорить, что на слѣдующее же утро, несмотря на собиравшіяся тучи, я приказалъ заложить тарантасъ и отправился въ Зыково. Пріѣхалъ я туда часовъ въ девять утра. Окно второго

этажа было поднято и я увидалъ возлѣ него Стешу. Надо думать, что въ комнатѣ въ это время не было никого, потому что Стеша, услыхавъ стукъ тарантаса и увидавъ меня, въ ту же секунду вскочила съ мѣста и, чуть не по поясъ высунувшись въ окно, привѣтливо закивала головой... Немного погодя я былъ уже въ канцеляріи.

— Ну, батенька,—вскрикнулъ секретарь, при видѣ меня,— вотъ такъ выручили! Вѣкъ не забуду вашей услуги. Садитесь-ка, да вотъ эти бумажки во входящую потрудитесь... Экстренныя, батенька, экстренныя!

Цѣлое утро прозанимался я въ канцеляріи, и только къ завтраку сошелъ внизъ. На дворѣ шелъ дождь и Окатовъ по этому случаю былъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Онъ только что покончилъ свой посѣвъ и дождь для него былъ какъ нельзя болѣе кстати. За то на меня онъ производилъ удручающее впечатлѣніе. Не безъ ужаса смотрѣлъ я на небо и съ великимъ прискорбіемъ долженъ былъ убѣдиться, что дождь зарядилъ надолго. Все небо было покрыто густыми тучами и онъ крупными каплями барабанилъ по стекламъ. Вѣтра не было ни малѣйшаго и тяжелыя тучи висѣли неподвижно. Словно протянутыя струны, спускались сплошныя капли дождя и, вонзаясь въ лужи, поднимали пузыри. Пузырями этими, какъ предвѣстниками ненастной погоды, Окатовъ восхищался какъ Богъ знаетъ чѣмъ.

— Вотъ они когда пошли,—торжествовалъ онъ,—вотъ когда!— и заранѣе пожиналъ обильный урожай.

Совершенно обратное впечатлѣніе производили эти пузыри на барышню и на мамзель. Барышня собиралась было рыбу удить, а мамзели просто скучно было сидѣть дома. Она тоже все посматривала на небо и, нигдѣ не замѣчая просвѣта, съ ужасомъ разводила руками. Она затѣяла было играть со мною въ карты, но я, потерявъ надежду видѣть Стешу, отказался и уѣхалъ домой. Проѣзжая мимо дома, я высунулся было изъ-подъ поднятаго верха тарантаса, чтобы посмотрѣть на завѣтное окно, но оно было опущено и потоки воды, падавшіе съ крыши, заслоняли его собою. Я забился въ глубь тарантаса и чувствовалъ какъ по спинѣ моей заструились холодныя капли дождя.

Дождь этотъ продолжался двое сутокъ. Волей-неволей все время я просидѣлъ дома и не зналъ, куда дѣваться отъ тоск За то на третьи сутки, проснувшись и взглянувъ въ окно, долго не вѣрилъ глазамъ своимъ. Тучъ не было въ поминѣ голубое, прозрачное небо было совершенно чисто. Солнце тол

что вставало и яркими лучами золотило природу, словно купавшуюся въ его согрѣвающихъ лучахъ. Вчерашняя сырость и холодъ смѣнились благоухающимъ тепломъ и все встрепенулось и ожило. Я соскочилъ съ постели, вышелъ на болкончикъ, напился чаю и отправился въ Зыково. На этотъ разъ я поѣхалъ верхомъ и не могъ налюбоваться окружавшею меня картиной. Въ особенности же была хороша березовая роща. Я даже остановился, въѣхавъ въ нее. Вся она наполнялась веселымъ щебетаніемъ птичекъ и ярко горѣла на солнцѣ, насыщая воздухъ тонкимъ ароматомъ.

Проѣзжая мимо дома, я опять посмотрѣлъ на верхній этажъ. Окно было опять поднято, и я опять увидалъ Стешу. Только на этотъ разъ она ограничилась лишь однимъ бѣглымъ взглядомъ, брошеннымъ на меня, и тотчасъ же опустила голову. Она была на этотъ разъ не одна и на темномъ фонѣ окна ясно вырисовывалась брюзгливая фигура Татьяны Ѳедоровны. Я передалъ выбѣжавшему конюху лошадь и отправился въ канцелярію. Но секретаря тамъ не было, и всѣ дѣла и бумаги были тщательно убраны въ шкафъ. Можно было тотчасъ же догадаться, что секретарь, воспользовавшись ненастьемъ, тоже никуда не выходилъ и спустилъ съ рукъ всѣ свои накопившіяся за Пасху бумажонки. Я заглянулъ въ разсыльную и убѣдился въ этомъ, увидавъ длинный списокъ сданныхъ на почту конвертовъ. Въ домѣ всѣ еще спали и я пошелъ въ паркъ. Но едва успѣлъ я войти въ темную аллею, какъ встрѣтился съ мамзелью. Она подхватила меня подъ руку, и мы исколесили съ нею чуть ли не весь паркъ. Оказывается, что она видѣла меня въ окно и, предположивъ, что я разыскиваю ее, поспѣшила ко мнѣ. Такого оборота дѣла я не ожидалъ и не зналъ, какъ отдѣлаться отъ нея. Однако, отдѣлаться было не совсѣмъ-то легко. Она не выпускала моей руки и приходилось слѣдовать за нею. Наконецъ, намъ попалась скамья.

— У тебя есть платокъ?—спросила она при видѣ скамьи.

— Есть.

— Вытри,—приказала она,—посидимъ.

Я вытеръ скамью.

— Сухо?—спросила она.

— Сухо.

И она усадила меня рядомъ съ собою.

— Ты почему,—спросила она, коверкая слова,—не приходишь тогда на бесѣдка?

— Не могъ залѣзть на нее,—пошутилъ я.

— Чего говоришь?

— Недосугъ было,—отвѣтилъ я,—домой торопился.

— Нѣтъ, я думаю,—проговорила она съ насмѣшливою улыбкой,—ты просто испугался. Правда?

— Правда,—отвѣтилъ я.

Мамзель расхохоталась.

— О, глупый мальчикъ! — вскрикнула она. — Сколько тебѣ лѣтъ?

Я сказалъ, который мнѣ годъ.

— Глупый, совсѣмъ глупый... bête à manger du foin!...

И вдругъ, повернувшись ко мнѣ, спросила:

— Ты любилъ кого-нибудь?

— Любилъ.

— Дѣвку?

— Нѣтъ, пуделя,—снова пошутилъ я.

Она даже разсердилась.

— Ты не смѣйся, когда тебѣ серьезно говорятъ... Такъ дѣлать не хорошо... Я этого не хочу... Ну, говори, любилъ?

— Нѣтъ, никого.

— А я не такъ, какъ ты... Я люблю, и ты знашь кого? Тебя, мой мальчишка... тебя... Ты такъ молоденькій, хорошенькій, un vrai neophite! — проговорила она, лаская мои щеки.—Очень люблю... — и, обнявъ меня одною рукой, она продолжала:—Этотъ вечеръ ты придешь въ бесѣдку? Я много хочу съ тобой говорить, много, очень много... Ты только не смѣйся надо мной и надъ тѣмъ, что я буду говорить... Придешь?

Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея, я сказалъ, что буду непремѣнно.

— Честное слово?—спросила она.

— Честное слово.

— Ну, смотри, держи слово... Ты меня не бойся... Я не злая... Меня здѣсь капризницей называютъ... Можетъ быть, это правда... Только я не злая... Меня здѣсь всѣ,—какъ это говорится по-русски?—раздра... раздра...

— Раздражаютъ?—подсказалъ я.

— Да, да, раз-дра-жаютъ,— проговорила она,— такъ это не хорошо съ ихъ стороны... Прежде я не была такой, au contraire, я веселая была... Но ты пойми,—прибавила она, вздохнувъ.—Я далеко отъ родины, одна... на чужомъ краю... Я совсѣмъ одна... безъ родителей, безъ друга... Я не имѣю никого, кому могла бы разска-

зать свои несчастія... свои обиды... Я очень несчастлива, очень...

Та задушевность, съ которой она проговорила все это, меня очень тронула, а когда я взглянулъ на нее и увидалъ на глазахъ ея дрожавшія слезы, мнѣ стало жаль ее.

— Что съ вами, мамзель?—спросилъ я съ участіемъ.

Она торопливо отерла глаза, помахала на нихъ платкомъ и, словно проснувшись отъ тяжелаго сна, проговорила:

— Ничего... не обращай вниманія... свою родину вспомнила... отца, мать, домикъ, садикъ... цвѣты, которые любила... У насъ было очень много цвѣтовъ... такихъ розъ у васъ нѣтъ... здѣсь имъ холодно, все одно, какъ мнѣ.

— А родители ваши живы?—спросилъ я.

Но, вмѣсто отвѣта на мой вопросъ, мамзель какъ-то вся вздрогнула, словно испугалась чего-то, и быстро заговорила:

— Знаешь, милый мальчикъ, я ихъ бросила, бѣжала отъ нихъ.

— Какъ такъ?—удивился я.

— Я влюбилась и бѣжала въ Россію.

— Въ кого же влюбились?

— Въ русскій,—проговорила она задумчиво и потупя голову, но немного погодя очнулась и восторженно заговорила:—Ахъ, онъ былъ такой красивый, такой молодой, высокій, стройный!... Я его ужасно любила... и онъ меня тоже ужасно любилъ... Я только имѣла шестнадцать лѣтъ. Я жить безъ него не могла и... мы убѣжали... Онъ хотѣлъ жениться... но... бросилъ... Но онъ не виноватъ... его обвинять никакъ не можно... такъ много обстоятельства случилось... Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не виноватъ.

И, нѣсколько подумавъ, она опять заговорила:

— Ѣхать назадъ, на родину, я не хотѣла... Какъ примутъ меня отецъ, мать?... Они бы все простили... Ахъ, они меня крѣпко любили и очень были добры... Но я была горда и я не поѣхала... Но надо было кушать и я сдѣлалась гувернантка. Ты видишь, я трудиться умѣю... У меня хорошее платье, бѣлье, ботинки... у меня даже маленькій капиталъ есть. Но быть всегда одной очень трудно... и эта скука меня грызетъ моя душа... Я сосѣмъ одна... всѣмъ чужая... на чужой сторонѣ... Знаешь, какой я тебѣ скажу исторій?— заговорила она, перемѣнивъ тонъ. — Это было давно, очень давно, когда я жила еще дома, на родинѣ... Залетѣла къ намъ въ садикъ птичка, какой у насъ никогда не бываетъ. Всякій приходилъ смотрѣть ее и никто сказать не могъ, какъ ее звать... Птичка устроила себѣ маленькое гнѣздо въ нашихъ роза-

нахъ... сидѣла въ гнѣздѣ и все пѣла... Но у ней не было друга... Она была совсѣма одна... Другія птички смотрѣли на нее и не понимали, что̀ она поетъ?... Тогда птичка перестала пѣть, повѣсила головку и умеръ на свой пустой гнѣздышко... Ей очень скучно было одной...

И опять глаза ея наполнились слезами.

Словно завѣса спала съ глазъ моихъ и тогда только понялъ я всю горечь существованія этой несчастной мамзели, заброшенной на чужую сторону и въ среду не только чуждыхъ ей людей, но даже плохо понимающихъ ея ломанную рѣчь. Я понялъ тогда, что не насмѣшекъ, не порицанія достойна она, а сожалѣнія, и мнѣ стало досадно на себя, что я оскорблялъ ее моимъ глумленіемъ.

— Ну,—проговорила она, наконецъ,—теперь я тебѣ все сказала... можно еще много сказать, только не можно по-русски... По-своему я умѣла бы сказать все, чего тутъ такъ много, на сердцѣ. Ну, а по-русски нѣтъ... никакъ не можно... никакъ...

Она хотѣла еще что-то сказать, но, увидавъ вдалекѣ садовника, поспѣшно встала и, протянувъ мнѣ руку, пошла по направленію къ дому.

Видѣть Стешу мнѣ въ этотъ день не удалось, а равно не удалось быть и въ бесѣдкѣ. Это произошло потому, что тотчасъ же послѣ обѣда Окатовъ потащилъ меня осматривать поля. Поѣхали мы съ нимъ верхами и проѣздили до самаго вечера. Послѣднее осмотрѣнное нами поле примыкало какъ разъ къ моей усадьбѣ, увидавъ которую, Окатовъ самъ напросился ко мнѣ на чашку чаю. Такой чести я удостоивался рѣдко и потому очень радъ былъ видѣть его у себя. Я угостилъ его чаемъ, ужиномъ, а часу въ одиннадцатомъ вечера онъ попросилъ дать ему тарантасъ,—такъ какъ ѣздить верхомъ усталъ,—и отправился въ Зыково, а я остался дома.

На слѣдующій день мнѣ необходимо было ѣхать въ городъ или въ «губернію», какъ говорили тогда, и проѣздилъ я недѣли двѣ. Возвратясь домой, я наскоро умылся, одѣлся и тотчасъ же поскакалъ въ Зыково. День былъ превосходный и я былъ вполнѣ увѣренъ, что на этотъ разъ второе окно верхняго этажа будетъ поднято и я непремѣнно увижу Стешу. Я былъ тоже убѣжденъ и въ томъ, что, такъ долго не видавшись со мною, она непремѣнно изыщетъ какой-нибудь предлогъ перекинуться со мною хоть нѣсколькими словами.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Зыкову, тѣмъ болѣе возростало мое нетерпѣніе. Лошадь моя была вся въ мылѣ, а я все продолжалъ понукать ее. Наконецъ, Зыково было возлѣ, но каково же было

мое изумленіе, когда, подъѣзжая къ парку, я увидалъ Стешу, стоявшую на валу, которымъ паркъ былъ окруженъ? Я уже давно смѣтилъ столь знакомый мнѣ пунцовый платочекъ, но мнѣ не вѣрилось, чтобъ это была Стеша. Только когда платочекъ затрепеталъ въ воздухѣ, словно выкинутый флагъ, я убѣдился, что это была она.

— Стеша, милая!—кричалъ я, подскакавъ къ канавѣ и спрыгнувъ съ лошади.—Какими судьбами?

— Встрѣчать выбѣжала.

— Почемъ же ты знала?

— Во снѣ видѣла... Сердце на ушко шепнуло...

И, обнявъ ее, я принялся осыпать ее поцѣлуями.

Немного погодя мы сидѣли уже на канавѣ, подъ тѣнью акаціи, и весело болтали. Я разсказалъ ей про свою поѣздку въ городъ, а она—про все происходившее въ Зыковѣ во время моего отсутствія. Впрочемъ, ничего особеннаго тамъ не было, все шло по-старому, своимъ чередомъ, за исключеніемъ только одного, что ненавистная намъ Татьяна Ѳедоровна простудилась и, схвативъ лихорадку, ушла въ больницу.

— Теперь намъ свободно!—вскрикнула Стеша.

— И отлично!

— Только одна барыня смотритъ за нами,—продолжала она.—Ну, да мы ее не боимся... Она добрая... Придетъ, посмотритъ на насъ, обласкаетъ и уйдетъ... А когда барышня заглянетъ, такъ и вовсе праздникъ... Уведетъ это насъ купаться съ собой... Ну, мы тамъ, въ водѣ-то, и сидимъ, сколько намъ вздумается.

— Стало быть, теперь мы будемъ видѣться часто? — спросилъ я.

— Хоть каждый день, — проговорила она весело, махнувъ рукой.

Но въ это самое время что-то хрустнуло, послышался какой-то шорохъ. Я быстро вскочилъ на ноги и увидалъ мамзель. Она шла по аллеѣ парка, накрывшись зонтикомъ, и можно было думать, что она прошла мимо насъ, ничего не услыхавъ и не замѣтивъ. Однако, столь неожиданное появленіе ея сильно встревожило насъ, и мы оба стояли, не зная, что намъ дѣлать.

Немного погодя я былъ у Окатова. Онъ тотчасъ же потащилъ меня въ кабинетъ и, усадивъ въ кресло, принялся разспрашивать о губернскихъ новостяхъ. Его больше всего интересовалъ служебный міръ. Онъ разспрашивалъ про губернатора,—правда ли, что его куда-то переводятъ, про отношенія его съ губернскимъ предво-

дителемъ, какъ живутъ другъ съ другомъ, ладятъ ли между собой, или нѣтъ?... Не пикируются ли ихъ жены?... Разспрашивалъ про архіерея, про вице-губернатора,—въ какихъ они отношеніяхъ съ губернаторомъ, и даже полюбопытствовалъ о секретарѣ депутатскаго собранія, лысенькомъ старичкѣ, съ которымъ онъ въ тѣсной дружбѣ съ юныхъ лѣтъ.

Но ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ я ему отвѣтить не могъ, во-первыхъ, потому, что съ сильными губернскаго міра никакого знакомства не имѣлъ, а, во-вторыхъ, нисколько ими не интересовался. Это очень не понравилось Окатову.

— Не понимаю, братецъ,—удивился онъ, разведя руками,— не понимаю... Быть въ губерніи и возвратиться оттуда словно изъ лѣсу...

— Ежели это меня не интересуетъ...

— Не можетъ не интересовать, братецъ!—вскрикнулъ Окатовъ.—Міръ высокопоставленныхъ лицъ всегда интересенъ каждому образованному человѣку... Однако, пойдемъ-ка къ барынямъ,—проговорилъ онъ, перемѣнивъ тонъ.—Онѣ тоже о чемъ-то хотятъ поговорить съ тобой.

И мы перешли въ гостиную.

Барыни, а въ особенности барышня и мамзель, принялись разспрашивать меня, конечно, о нарядахъ. Имъ хотѣлось узнать, какія въ губерніи носятъ шляпки, зонтики, ботинки, платья, какъ причесываютъ волосы, въ модѣ ли локоны, какой самый послѣдній фасонъ пелеринокъ, мантилій, корсажей и какихъ цвѣтовъ шьются лѣтнія платья... Я ничего этого, конечно, не зналъ, но, все-таки, отдѣлался отъ нихъ довольно удачно. Я объяснилъ имъ, что, по случаю лѣта, вся аристократія разъѣхалась по своимъ имѣніямъ, что въ городѣ хоть шаромъ покати, а потому мнѣ и не пришлось ничего узнать по этой части. Окатовъ слушалъ меня, ядовито улыбался и, наконецъ, вскрикнулъ торжествующимъ тономъ:

— Я говорю, что словно изъ лѣсу пріѣхалъ!

Такое отсутствіе модныхъ новостей очень огорчило дамъ и волей-неволей имъ пришлось довольствоваться старомодными платьями и прическами.

Теперь такое любопытство покажется, конечно, не только страннымъ, но даже и дикимъ, но въ то время, когда не было ни газетъ, ни модныхъ журналовъ и когда даже письма большею частью пересылались не по почтѣ, а съ нарочными или «при сей вѣрной оказіи», какъ писали встарину, то оно ста-

новится весьма естественнымъ. По части франтовства тогда было очень плохо и нынѣшнимъ щеголихамъ это пришлось бы не по сердцу. Положимъ, у зажиточныхъ помѣщиковъ имѣлись свои крѣпостныя портнихи, въ свое время обучавшіяся у городскихъ модистокъ, но портнихи эти, не имѣя подъ руками новѣйшихъ рисунковъ, наряжали своихъ барынь и барышенъ по тѣмъ образцамъ, по которымъ обучались, и выходило, конечно, не то, что требовалось. Моды въ то время завозились къ намъ либо гувернантками и мамзелями, привозимыми въ деревню для обученія нашихъ барышенъ музыкѣ и иностраннымъ языкамъ, либо помѣщицами, пріѣзжавшими на лѣто въ свои помѣстья. Появленіе такихъ лицъ въ деревнѣ считалось всегда эпохой и производило громадный переворотъ въ дамскихъ нарядахъ. Никакихъ другихъ модныхъ рессурсовъ не имѣлось, а потому и страсть къ франтовству не развивалась въ молодомъ поколѣніи въ такихъ уродливыхъ размѣрахъ, въ какихъ развивается теперь.

У Окатовыхъ я пробылъ цѣлый день и цѣлый день развлекалъ и барышню, и мамзель. Я каталъ ихъ въ лодкѣ, качалъ на качеляхъ и даже бѣгалъ съ ними въ горѣлки. Онѣ были очень довольны мною, а мамзель даже похвалила моня и назвала «любезнымъ кавалеромъ». Теперь я былъ убѣжденъ, что она ничего не видала и не слыхала и что нашъ испугъ оказался совершенно напраснымъ.

Вечеромъ мнѣ опять удалось встрѣтиться съ Стешей, бѣгавшей зачѣмъ-то въ больницу, и я поспѣшилъ успокоить ее насчетъ мамзели.

Послѣ ужина, когда барыни разошлись по своимъ комнатамъ, я еще съ полчаса пробесѣдовалъ съ Окатовымъ, а затѣмъ отправился домой.

Однако, день этотъ былъ для меня цѣлымъ рядомъ самыхъ неожиданныхъ приключеній. Не успѣлъ я миновать паркъ, какъ вдругъ встрѣтилъ мамзель. Она ходила гулять и теперь возвращалась домой. Такъ, по крайней мѣрѣ, она объяснила мнѣ эту встрѣчу.

Увидавъ меня, мамзель остановилась.

— А!—вскрикнула она.

Я окончательно растерялся и не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Слѣзь съ лошадь, — продолжала она. — Идемъ и будемъ разговаривать, много, много разговаривать... Теперь хорошо, прохладно и свѣтъ отъ луна...

Ночь была дѣйствительно превосходная и имѣла видъ како-

го-то серебрянаго дня. За то на душѣ у меня была ночь непроглядная. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія, что свиданіе мое съ Стешей было замѣчено мамзелью, а равно подслушанъ и весь нашъ разговоръ. На меня напала какая-то робость и я мысленно проклиналъ мамзель.

— Слушай,—заговорила она, бросивъ на меня суровый взглядъ и сдвинувъ брови,— зачѣмъ ты лгалъ и говорилъ неправда?... Я не приказалъ лгать.

— Когда?—удивился я.

— Когда мы въ паркѣ, на скамейкѣ, серьезный разговоръ имѣли... когда я сказалъ тебѣ вся моя исторія... Ты мнѣ сказалъ тогда, что ты никого не любишь... Теперь я все знаю... Это не хорошо,— продолжала она.— Такой молодой человѣкъ... и вдругъ говоритъ неправду... Ну, признайся, вѣдь, любишь... вѣдь, любишь, да?

— Что же вамъ говорить, ежели вамъ все извѣстно?

— Можетъ быть,—спросила она,—ты любишь ее только отъ того, что скучно?

— Она не изъ такихъ!—вскрикнулъ я.

— Значитъ, любишь?

— Да, люблю, но не ради скуки, какъ думаете вы, а честною и святою любовью.

Мамзель посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и, убѣдившись, вѣроятно, что я на этотъ разъ не лгу, вздохнула. Она словно не ожидала такого отвѣта и, не совсѣмъ еще довѣряя своимъ догадкамъ, надѣялась, что я разсѣю ихъ. Но вышло иначе.

— Ахъ!—вскрикнула она послѣ продолжительнаго молчанія, съ какою-то безсильною досадой ломая себѣ руки. — Боже! какъ я несчастна, что не знаю по-русски!... Зналъ, я-бъ хорошо могла тебѣ все говорить, что я чувствую... все, что есть въ моемъ сердцу... Зачѣмъ твой языкъ такой барбарный и зачѣмъ я не могу его учить такъ скоро, какъ свой родной?... Надо очень много словъ имѣть, чтобы можно было все, все... а у меня нѣтъ словъ... совсѣмъ ничего нѣтъ и никакъ не можно...

Но, совсѣмъ запутавшись въ своей рѣчи и не подыскавъ необходимыхъ словъ, она вскрикнула съ отчаяніемъ:

— Нѣтъ, не можно, совсѣмъ не можно!

— Немножко я понимаю по-вашему,—замѣтилъ я.

— Понимайшь?—вскрикнула она радостно.

— Кое-какъ учился.

— Почему ты молчалъ, глупый мальчикъ?... Почему давно не сказалъ?

И она заговорила по-французски, и, заговоривъ, словно ожила и словно вся встрепенулась. Говорила она быстро и мнѣ необходимо было внимательно слѣдить за ея рѣчью, чтобы хоть сколько-нибудь понять ея содержаніе.

— Вотъ видишь ли,—говорила она.—Твой романъ очень похожъ на мой собственный... Я тоже изъ народа... Мой отецъ былъ простой деревенскій слесарь, а мать — поденная прачка. Возлюбленный мой, какъ тебѣ извѣстно, русскій баринъ. Но въ то время разницы происхожденія для насъ не существовало. Мы оба твердо вѣрили въ свою счастливую судьбу и были убѣждены, что ни единое облачко не омрачитъ собою нашего яснаго горизонта. Мы даже смѣялись надъ тѣми, кто не раздѣлялъ нашихъ убѣжденій. Мы, какъ дѣти, играющія въ крошечной ладьѣ, распустили, вмѣсто парусовъ, носовые платки и полетѣли въ открытое море... То же самое и ты, мой бѣдный мальчикъ... Для тебя теперь не существуетъ мрачнаго будущаго и переживаемый тобою теплый и ясный день кажется тебѣ лишь началомъ цѣлаго ряда такихъ же дней... Будь остороженъ, мой юный другъ, и рисуй себѣ въ будущемъ скорѣе дурное, чѣмъ хорошее... Я говорю тебѣ по горькому опыту, переживать который очень не легко... Но... во всякомъ случаѣ, не сердись на меня за то, что я вмѣшалась въ твое дѣло.

— Напротивъ, я благодаренъ вамъ за ваше участіе,—проговорилъ я по-русски.—Но мнѣ думается, что романъ нисколько не походитъ на вашъ...

— Почему это?—перебила она меня.

— А потому, что вашъ герой,—началъ я,—богатый русскій баринъ, знатный, избалованный и судьбой, и людьми, а мой—самый заурядный мелкій помѣщикъ, обладающій ничтожнымъ клочкомъ земли и нѣсколькими душами крестьянъ. Вашему герою были необходимы: блескъ, роскошь, а моему теплый уголъ, горшокъ щей, да любящее существо, которое умѣло бы безропотно дѣлить съ нимъ его участь и безропотно же покориться ей... Не совсѣмъ сходственны между собою и героини нашихъ романовъ... Вы хотя и произошли изъ народа, но, видно, вашъ народъ не походитъ на нашъ. Ваша героиня похожа на барышню, даже ничѣмъ не отличается отъ нея, а дочь нашего народа или, проще сказать, «крѣпостная дѣвка», съ барышней ничего общаго не имѣетъ. Она не играетъ на фортепіано, не читаетъ романовъ... даже не зна-

етъ грамоты, но за то въ ней есть великое достоинство, заключающееся въ томъ, что она не испорчена и не избалована жизнью. Она даже не въ состояніи хорошенько передать словами то чувство, которое питаетъ она къ любимому человѣку, но за то глаза ея, все ея существо ясно говорятъ вамъ, насколько она его любитъ... Но не подумайте, чтобы глаза ея лгали... Нѣтъ, это не заученный разговоръ глазъ, доведенный до извѣстнаго искусства, а только одно отраженіе того, что происходитъ въ глубинѣ ея чистой и любящей души.

— Ты кончилъ?—спросила она.

— Кончилъ.

— Въ твоихъ словахъ много правды,—проговорила она задумчиво,—но много и увлеченія. Спорить я съ тобой не буду, во-первыхъ, потому, что споры никогда ни къ чему положительному не приводятъ, а, во-вторыхъ, и потому, что въ дѣлахъ любви они даже не умѣстны. Изъ твоихъ словъ я пришла только къ тому заключенію, что твоя любовь, пожалуй, благоразумнѣе моей и что ты дѣйствительно очень любишь ее... Что-жь,—прибавила она вздохнувъ,—ежели и она такъ же горячо любитъ тебя...

— Въ этомъ нечего и сомнѣваться,—перебилъ я ее.

— То, пожалуй, вы будете и счастливы, — продолжала она.

И мы оба замолчали. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Мамзель была очень взволнована, да, по правдѣ сказать, и я волновался не меньше ея. Разница въ томъ только, что она волновалась по чувству оскорбленнаго самолюбія, а я просто-на-просто опасался, какъ бы она не впуталась въ это дѣло и не задумала бы мѣшать моимъ интересамъ.

Она словно прочла мои мысли.

— Послушай,—проговорила она,—ежели бы я захотѣла, то я могла бы въ одинъ мигъ разрушить всѣ твои планы, и твоей возлюбленной завтра же не было бы въ домѣ.

— Но вы этого не сдѣлаете?—вскрикнулъ я.

— Ее выгнали бы завтра же въ какую-нибудь отдаленную деревню,—продолжала она,—и заставили бы пасти свиней... Но я этого не сдѣлаю, потому что по себѣ знаю, какое великое блаженство любить и быть любимой. Можетъ быть, счастье это и кратковременное, но за то одна минута такого блаженства дороже цѣлой жизни, проведенной безъ любви... Но,—заговорила она какимъ-то восторженнымъ тономъ, — прежде всего, я — дочь Франціи... Мы вѣтренны, легкомысленны... все, что тебѣ угодно... но мы ни-

когда не были мстительными и подлыми... Я буду нѣма, какъ рыба, и никто про твою любовь не узнаетъ...

— Я былъ въ этомъ увѣренъ,—вскрикнулъ я.

— Да, я сдержу это слово... сдержу... и никому...

Но вдругъ ея голосъ оборвался и она истерически зарыдала.

— Мамзель, что съ вами?—вскрикнулъ я, перепугавшись не на шутку.—Успокойтесь, ради Бога... Ужь не оскорбилъ ли я васъ?... Простите... я совсѣмъ не желалъ этого.

Но мамзель долго не могла успокоиться и рыданія ея далеко оглашали тишину ночи. Она опустилась на землю, закрыла лицо руками и нервная дрожь охватила все ея тщедушное тѣло. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ и затѣмъ она начала успокоиваться. Я подсѣлъ къ ней и взялъ ея руку.

— Что съ вами?—спрашивалъ я.

— Ничего, не обращай вниманія... Это пройдетъ...

— Но что съ вами, скажите, ради Бога... Отчего эти слезы, эти рыданія?

— Не спрашивай меня,—проговорила она.—Послѣ когда-нибудь... ты все узнаешь, а теперь не скажу... Послѣ, послѣ... А теперь,—прибавила она, взглянувъ на меня,—оставь меня и поѣзжай себѣ домой.

— Какъ же я оставлю васъ въ такомъ положеніи?

— Теперь ничего, прошло... Оставь меня...

— Я провожу васъ.

— Не надо.

И она поднялась на ноги.

— Ну, благодарю тебя, что ты прошелся со мной, — проговорила она,—и что сказалъ, наконецъ, всю правду... Если бы ты сразу открылся мнѣ, ничего бы не было... А теперь ступай... пора спать... До свиданія!

Я, все-таки, хотѣлъ проводить ее, но она опять отказалась, объявивъ, что найдетъ дорогу и безъ меня, что ничего не боится и что даже любитъ ходить по ночамъ одна. Мы еще разъ пожали другъ другу руки и разстались друзьями.

Пріѣхавъ на слѣдующій день въ Зыково, я встрѣтилъ Окатова въ передней. Онъ сидѣлъ на конникѣ, а передъ нимъ, въ почтительной позѣ и заложивъ руки назадъ, стоялъ домашній медикъ изъ крѣпостныхъ, Григорій Харитонычъ. Это былъ совершенно уже образованный человѣкъ, обучавшійся медицинѣ въ Москвѣ, подъ руководствомъ опытнаго врача, прекрасно изучившій свое дѣло, пользовавшійся уваженіемъ всего уѣзда и котораго всѣ помѣщики

принимали не какъ крѣпостного, а какъ свободнаго гражданина. Онъ и по наружности не походилъ на крѣпостного. Всегда прекрасно одѣтый, приглаженный, причесанный, всегда вѣжливый и деликатный, онъ даже походилъ скорѣе на барина, чѣмъ на крѣпостного. При видѣ его, мнѣ, конечно, тотчасъ же пришло въ голову, что въ домѣ кто-нибудь захворалъ.

— Что такое случилось?—спросилъ я, поздоровавшись съ Окатовымъ и протянувъ руку Григорію Харитонычу.

Окатовъ только махнулъ рукой.

— Болѣнъ кто-нибудь?

— Да вонъ эта... капризница-то,—отвѣтилъ Окатовъ.

— Мамзель?

— Кому же еще капризничать-то?

И, обратясь къ Григорію Харитонычу, спросилъ:

— Что съ ней?

— Нервы не въ порядкѣ, сударь.

— Нервы!—замѣтилъ Окатовъ.—Мужа бы ей... вотъ и нервы успокоились бы.

Григорій Харитонычъ почтительно улыбнулся.

— Ужь ты займись ею,—проговорилъ Окатовъ, вставая.

— Будьте покойны, сударь.

— Въ постель уложилъ?

— Такъ точно-съ.

— Разохотится лежебочничать—не подымешь потомъ.

— Надоѣстъ, сударь,—успокоилъ его Григорій Харитонычъ.

И, проговоривъ это, Окатовъ взялъ меня за руку, кивнулъ медику головой и увелъ меня въ залъ.

— Бѣда съ этими гувернантками! —жаловался онъ.—Капризнѣе этого народа, кажется, найти трудно. То это не хорошо, то другое... Сегодня, напримѣръ,—продолжалъ онъ,—кофе подали ей, попробовала и выплюнула. «Это, говоритъ, что за мерзость? Перемѣни!» Горничная взяла чашку, вышла, постояла за дверью и опять подаетъ ей тотъ же самый кофе,—понимаешь?—тотъ же самый, и кофе оказался хорошимъ.

И, проговоривъ это, онъ поднялъ плечи и развелъ руками.

А вечеромъ, встрѣтившись съ Стешей, я узналъ о новой продѣлкѣ капризницы. Оказывается, что мамзель, провѣдавъ какъ-то про фокусъ съ кофе, до того обозлилась на горничную, что потребовала себѣ другую. Пришла сама барыня, разобрала дѣло, посмѣялась и, чтобы утѣшить расплакавшуюся мамзель, назначила къ ней Стешу.

— Теперь ужь не кружевницей, а горничной сдѣлалась,— добавила она, весело улыбаясь.—Еще свободнѣе будетъ.

Но меня распоряженіе это нисколько не веселило. Напротивъ, оно показалось мнѣ крайне непріятнымъ и даже подозрительнымъ. Мнѣ казалось, во-первыхъ, что Стешу назначила сама мамзель, а во-вторыхъ, что, получивъ ее въ свое распоряженіе, она непремѣнно сотворитъ мнѣ какую-нибудь мерзость. Обо всемъ этомъ я, конечно, ничего Стешѣ не сообщилъ, но порѣшилъ во что бы то ни стало разузнать подробности всей этой исторіи и потомъ уже принять какія-нибудь мѣры въ огражденіе своихъ и Стешиныхъ интересовъ. Мнѣ почему-то сдавалось, что мамзель такъ или иначе допечетъ Стешу и выживетъ ее вонъ изъ Зыкова.

Мысль эта не на шутку тревожила меня.

Говорить про мамзель съ Окатовымъ не было никакой возможности, такъ какъ онъ тотчасъ же зажималъ уши и даже выходилъ изъ комнаты, а потому я и обратился къ самой Окатовой. Отъ нея я узналъ всѣ подробности. Оказалось, что дѣйствительно, разсердившись на свою горничную, гувернантка потребовала замѣнить ее Стешей, что Окатова, вмѣсто Стеши, хотѣла было дать ей другую дѣвушку, Матрешу, но гувернантка настояла на своемъ, и волей-неволей пришлось уступить.

— Ужь такая-то меня досада разобрала,—прибавила она,—что ты даже представить себѣ не можешь. Положимъ, что и Стешка не ахти какая кружевница, ну, а, все-таки, не сравнять съ Матрешкой... Такъ вотъ нѣтъ... Хочу, говоритъ, Стешку, и конецъ. Ну, и пришлось уступить...

— Почему же именно ее?—спросилъ я.

— Стешку-то?

— Да, Стешу.

— Ну, поди вотъ...

— Да справится ли она съ этимъ дѣломъ?

— А какое тамъ дѣло-то?... Комнату убрать, постель поправить... сбѣгать куда-нибудь... только...

А вечеромъ, встрѣтившись съ Стешей, я узналъ отъ нея, что мамзель обращается съ нею ласково, сажаетъ ее возлѣ себя на постель, заставляетъ ее разсказывать ей про свое житье-бытье, не бьютъ ли ее, не притѣсняютъ ли ее? Разспрашиваетъ про житье остальной дворни... пожалѣла, что ее одѣваютъ въ такое грубое платье, и подарила ей свое, не особенно еще поношенное.

— Ужь больно только чудно говоритъ,—прибавила она, вспле-

снувъ руками и засмѣявшись.—Ужь такъ-то чудно, что иной разъ не поймешь даже...

— А про наше свиданіе ничего не говорила?—спросилъ я.

— Должно, не замѣтила.

— Почему ты думаешь?

— А потому и думаю, что ежели бы замѣтила, безпремѣнно бы заговорила... Не утерпѣла бы...

И, проговоривъ это, Стеша вдругъ покраснѣла.

— Почему же ты покраснѣла?—спросилъ я.—Навѣрное, что-нибудь да говорила.

Стеша вспыхнула еще пуще.

— Ну, признайся,—приставалъ я.

— Говорила, да не про это.

— Про что же?

— Спрашивала, не люблю ли кого-нибудь?

— И что же ты сказала?

Стеша взглянула на меня и, опять вся вспыхнувъ, проговорила:

— Солгала.

Такъ прошло недѣли двѣ, а мамзель все еще не выходила изъ своей комнаты и поправлялась какъ-то плохо. Каждый день навѣщавшій ее Григорій Харитонычъ давалъ ей разныя микстуры, но, убѣдившись, что онѣ не помогаютъ, прописалъ какія-то ванны.

— Да что съ ней такое?—приставалъ къ нему Окатовъ.

— Нервы, сударь,—говорилъ онъ,—а сверхъ того и сердце не въ порядкѣ-съ.

— Не притворяется ли?

— Никакъ нѣтъ, сударь... Я бы вамъ доложилъ-съ.

Тоже самое подтверждала мнѣ и Стеша. Она, конечно, не могла опредѣлить болѣзни, но, все-таки, сознавала, что съ мамзелью что-то не ладно.

— Ужь очень она всегда плачетъ,—говорила Стеша,—когда про свою родину разсказывать начнетъ.

— А ты бы съ нею не говорила про это.

— И такъ ужь не говорю... да, вѣдь, она сама начинает . Нешто ей запретишь?

Съ прописаніемъ ваннъ, я полагалъ, что Стешѣ прибавит работы. Придется, думаю себѣ, таскать воду, выливать и ванны, подтирать полъ, пачкаться... и, по правдѣ сказать, очень-то былъ доволенъ такимъ леченіемъ, но оказывается, ч мамзель и въ этомъ случаѣ не дала Стешу въ обиду и потр-

бовала для всего этого особую судомойку. Это снова возмутило Окатова и онъ на этотъ разъ уже набросился на Стешу.

— Это ты все финтишь!—кричалъ онъ.—Лѣнь воду-то таскать!

И какъ Стеша ни оправдывалась, ни божилась, а, все-таки, кончилось тѣмъ, что Окатовъ преисправно-таки надралъ ей уши.

Но въ то время такого рода наказанія даже ни во что не ставились, считались скорѣе шуткой, надъ которой смѣялись, а потому оно тотчасъ же и было забыто.

И такъ, всѣ мои опасенія относительно злыхъ намѣреній гувернантки оказались совершенно напрасными. Мамзель, какъ видно, сдержала свое слово и болѣзнь ея не только не угрожала дурными послѣдствіями, но даже дала мнѣ возможность видѣться съ Стешей чуть ли не каждый день. Это было тѣмъ болѣе кстати, что тѣмъ временемъ успѣла выйти изъ больницы Татьяна Ѳедоровна, въ присутствіи которой мои свиданія были бы, во всякомъ случаѣ, весьма рѣдки. Стеша очень была довольна мамзелью и своею новою должностью, а мамзель въ свою очередь была довольна Стешей, и дѣло у нихъ наладилось какъ нельзя лучше. Та же самая мамзель служила намъ и темой для нашихъ разговоровъ. Оказывается, что мамзель была съ нею очень откровенна и разсказала ей чуть ли не все свое прошлое.

Разъ какъ-то Стеша спросила меня:

— Послушайте, правда это, что у французовъ крѣпостныхъ людей нѣтъ?

— Правда,—отвѣтилъ я.

— Какъ же тамъ господа-то живутъ?

— Такъ и живутъ.

— Да нешто это возможно?—удивлялась она.—Къ примѣру, полы вымыть спонадобится, комнату убрать, на столъ накрыть... Неужто же сами господа все дѣлаютъ?

Я, и самъ въ то время не понимавшій возможности обходиться безъ крѣпостныхъ людей, не зналъ, что̀ отвѣтить ей, и только пробормоталъ, что, должно быть, нанимаютъ.

— Нанимаютъ?—переспросила меня Стеша.

— Вѣроятно.

— Господи!—вскрикнула Стеша, всплеснувъ руками,—да это и днемъ-то не хватитъ такую прорву нанимать... Нешто насъ мало народу-то?

— Стало быть, достаетъ.

Стеша недовѣрчиво покачала головой.

— Нѣтъ, это что-нибудь не такъ,—проговорила она.—Она, видно, сама хорошенько не знаетъ.

И тотчасъ же прибавила:

— Впрочемъ, гдѣ же ей и знать-то?... Вѣдь, она и сама не ахти какая барыня. Вѣдь, мать-то у нея простая прачка... Поди, господъ-то настоящихъ и не видала.

Свиданія эти происходили у насъ обыкновенно послѣ обѣда, когда въ домѣ Окатовыхъ всѣ отдыхали, а въ томъ числѣ и мамзель. На это время она обыкновенно отпускала Стешу и Стеша была вполнѣ свободна. Мѣстомъ этихъ свиданій была опять-таки та самая тропинка, съ которой вы уже знакомы и на которой мы были изловлены мамзелью.

Разъ какъ-то Стеша не явилась на это свиданіе и я напрасно прождалъ ее. Это меня удивило, а на другой день Стеша разсказала мнѣ, что произошло это потому, что какъ разъ въ это время мамзель расплакалась и ей пришлось сидѣть и утѣшать ее.

— О чемъ же она расплакалась?—спросилъ я.

— Да все на свою судьбу жаловалась.

— Это насчетъ того барина, который бросилъ ее?

— Нѣтъ, теперь ужь насчетъ другого какого-то...

— Какъ, и другой былъ?—удивился я.

— Былъ,—заговорила Стеша.—Полюбила, вишь, она другого, молоденькаго, и тоже барина, но только бѣднаго, и думала было выйти за него замужъ...

— Ну, ну?—заговорилъ я, предположивъ почему-то, что разсказъ этотъ будетъ касаться меня.—Ну, дальше, дальше...

— Ну, вотъ, полюбила и думала, что баринъ этотъ женится на ней, ежели не ради любви, то хоть по корысти, такъ какъ у нея, вишь, есть небольшія деньжонки... Я думала, говоритъ, отдать ему всѣ эти деньги, чтобы онъ могъ устроить свои дѣла, думала беречь его, покоить, ухаживать, какъ за ребенкомъ... Мнѣ, говоритъ, казалось, что и онъ не прочь отъ этого, и заранѣе радовалась своему счастью... Думала зажить семейною жизнью, выписать родителей... Но всѣ мои мечты разлетѣлись, говоритъ, словно дымъ... Оказалось, вишь, что баринъ-то, точно, любитъ, но только не ее, а какую-то другую дѣвушку... А разсказамши в этo, и давай плакать.

Теперь для меня все стало яснымъ. Мамзель искала привязанности и семейнаго очага. Одиночество ей стало, наконецъ, невыносимымъ и она порѣшила хоть за деньги пріобрѣсти себѣ мужа Выборъ ея палъ на меня, и опять неудачно. Теперь я понялъ и при

чину того истерическаго припадка, котораго былъ свидѣтелемъ. И мнѣ опять стало жаль мамзель.

— Ужь она плакала, плакала,—продолжала Стеша на-распѣвъ.—Ужь я утѣшала, утѣшала ее... и насилу-то, насилу утѣшила.

— Чѣмъ же?

— Да я и сама не знаю чѣмъ!—вскрикнула Стеша.—Я только и сказала: «Ну, вотъ, молъ, есть о чемъ плакать... Наплевали бы ему въ глаза, только и дѣловъ!» Она и расхохоталась... Да, вѣдь, какъ? Не уймешь ничѣмъ...

И, замѣтивъ, что въ свою очередь и я покатился со смѣха, она вскочила на ноги и съ изумленіемъ развела руками.

— Ну, и вы тоже!—вскрикнула она.—Да чего же смѣшного-то въ моихъ словахъ?

Но что говорила она дальше, я разобрать не могъ, ибо не могъ удержаться отъ овладѣвшаго мною хохота. Только когда припадокъ этотъ началъ нѣсколько утихать и когда я посмотрѣлъ на изумленное лицо Стеши, на ея широко-раскрытые глаза и на ея остолбенѣвшій видъ, я невольно притянулъ ее къ себѣ и обнялъ.

И. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

УСАДЬБА ТОРПА *).

Повѣсть **Тора Гедберга.**

IV.

Память о томъ днѣ они похоронили оба въ тайникахъ своей души и никогда не касались его ни единымъ намекомъ. Оба они чувствовали, что нельзя объяснить словами того, что произошло между ними тогда, а того, что могло бы это объяснить, они въ себѣ не находили. Они не пытались, каждый съ своей стороны, пробиться сквозь преграду, которую воздвигъ этотъ день между сокровеннѣйшими изгибами ихъ духовнаго существа, а шли по обѣ стороны этой стѣны, протягивая черезъ нее руку другъ другу, и воображали, что, такимъ образомъ, они соединены. По крайней мѣрѣ, Экъ такъ думалъ и ничего больше не желалъ, а Эльза была еще слишкомъ неопытна и не понимала, что требованіе чего-то бо́льшаго, просыпавшееся порою внутри ея, было не одною лишь неясною грезой, не однимъ лишь смутнымъ стремленіемъ, которому дѣйствительность не могла дать мѣста, а жизненнымъ условіемъ для ихъ счастья. Но оба они сдѣлались умнѣе или, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе послѣ этого урока. Они уже выучились приспособлять то, что должно было само собой сливаться. Эльза сдѣлалась болѣе сдержанна, стала болѣе слѣдить за собой, и рѣзкіе переходы въ ея настроеніи, тревожившіе Эка, почти совсѣмъ исчезли, или же выражались лишь въ такихъ легкихъ оттѣнкахъ, что ускользали отъ его не особенно проницательнаго взора. Поэтому онъ могъ безмятежно сживаться съ тѣмъ представленіемъ о ней, которое самъ себѣ создалъ, потому что оно было ему симпатичнѣе всякаго другого и, въ то же время, имѣло нѣсколько внѣшнихъ точекъ соприкосно-

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

венія съ ея дѣйствительною природой. То было представленіе, довольно, впрочемъ, смутное и безличное, о чемъ-то кроткомъ и женственномъ, о существѣ трезвомъ въ своей основѣ, хотя соединявшемъ эту трезвость съ дѣвически-экзальтированными идеями, въ мѣру серьезномъ и умѣвшемъ смѣяться милымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Съ своей стороны онъ дѣлалъ все возможное, чтобы примириться съ этими экзальтированными идеями, утѣшаясь мыслью, что онѣ являются неизбѣжными спутницами періода помолвки. Самою ясною формой, въ какой онѣ проявлялись передъ нимъ, былъ энтузіазмъ къ природѣ, казавшійся ему съ его сельско-хозяйственной точки зрѣнія въ высшей степени страннымъ, хотя ради Эльзы онъ и старался, насколько могъ, приноровляться къ нему.

Послѣ этого дня и сами они, и любовь ихъ всего свободнѣе чувствовали себя въ обществѣ, наединѣ же другъ съ другомъ они дѣлались застѣнчивыми и неувѣренными. А въ обществѣ у нихъ недостатка не было: всѣ сосѣди, съ извѣстною законною гордостью считавшіе ихъ помолвку дѣломъ рукъ своихъ, испытывали, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность чѣмъ-нибудь ознаменовать ее, и нескончаемою вереницей потянулись теперь званые обѣды, ужины и тому подобныя пиршества, гдѣ женихъ и невѣста натурально были почетными гостями. Эта постоянная выставка первое время стѣсняла ихъ, но вскорѣ они къ ней привыкли и стали находить въ ней облегченіе.

Когда они сидѣли между всѣми этими посторонними людьми, которые, повидимому, всѣ безъ исключенія, были глубоко убѣждены въ томъ, что все такъ есть, какъ и должно быть, и что они счастливѣйшая парочка въ мірѣ, ихъ тайныя сомнѣнія и страхи улетучивались и имъ начинало казаться, будто ихъ свела внѣшняя, доброжелательная, но все же деспотическая сила. Тогда ихъ отношенія принимали совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ когда они оставались съ глазу на глазъ; все недоумѣвающее, неувѣренное, требовательное исчезало, они уже не испытывали стремленія стать ближе другъ къ другу, чѣмъ они были, имѣя возможность держать другъ друга за руку, обмѣниваться взглядомъ и поцѣлуемъ, когда присутствующіе тактично смотрѣли въ сторону. А сознаніе, что они имѣютъ право на все это, служило для нихъ какъ бы доказательствомъ, что все идетъ такъ, какъ и должно. Такія публичныя заявленія нѣжности не вызывали въ нихъ стыдливаго чувства; мало-по-малу они сдѣлались въ ихъ глазахъ столь же естественными, какъ естественно было для нихъ ходить рука объ руку, между тѣмъ какъ тогда, когда они бывали одни, Эльза часто отводила

лицо отъ Эка, чтобы уклониться отъ его поцѣлуя. Ихъ любовь нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, чтобы чувствовать себя спокойной и на настоящей дорогѣ; наединѣ она испуганно озиралась вокругъ, боясь заблудиться, какъ только большая проѣзжая дорога терялась у нея изъ виду.

Такимъ образомъ, время ихъ помолвки было для нихъ не періодомъ развитія, открытій и золотыхъ надеждъ, а, какъ оно всего чаще бываетъ, періодомъ упражненія и параднаго смотра; они научились ходить болѣе или менѣе нога въ ногу, на радость своимъ жаднымъ до зрѣлищъ знакомымъ, а не шли рука съ рукой, какъ идутъ люди, передъ которыми лежитъ общій путь и общая цѣль, хотя шаги ихъ могутъ быть и не равны.

Такъ прошло лѣто, и насталъ сентябрь. Ихъ помолвка не была уже свѣжею новостью и интересъ къ ней сталъ охладѣвать. Празднества мало-по-малу прекратились и, когда жениху съ невѣстой случалось теперь бывать въ обществѣ, они уже не были больше центромъ всѣхъ взоровъ и общаго любопытства; ихъ кратковременной славѣ пришелъ конецъ и они были предоставлены самимъ себѣ.

И вотъ началась домашняя жизнь, тихая, ровная, однообразная. Покончивъ свою дневную работу, Экъ, если не былъ слишкомъ утомленъ, садился обыкновенно въ шарабанъ и ѣхалъ въ Бинесъ, какъ называлась усадьба Гольмера. Передъ чаемъ у нихъ со старикомъ составлялась партія въ шашки. Если же Гольмеръ былъ въ отлучкѣ по дѣламъ, тогда Экъ разговаривалъ съ невѣстой и ея старшими сестрами, или же игралъ и шумѣлъ съ младшими, такъ какъ порой, если бывалъ въ духѣ, онъ могъ веселиться, какъ дитя. Онъ и Эрика сдѣлались большими друзьями, и она была обычною собесѣдницей невѣсты и жениха, когда дѣвочки уходили спать, а Луиза отправлялась въ кухню. Вначалѣ она дѣлала видъ, будто тоже собирается удалиться, но когда Эльза какъ-то разъ чуть не разсердилась на нее за это, она покорно вошла въ роль дуэньи. И, благодаря ей, бесѣда становилась нѣсколько оживленнѣе; она умѣла легко и добродушно усвоивать себѣ ходъ мыслей Эка, затрогивать темы, интересныя для него, и внимательно выслушивать его сельско-хозяйственныя разсужденія, тогда какъ у Эльзы этой способности не было. Правда, и ей иногда случалось заинтересоваться тѣмъ, что занимало его, но этотъ интересъ вскорѣ увлекалъ ее все дальше и дальше отъ исходной точки и подъ конецъ она ловила себя на томъ, что говоритъ уже совсѣмъ не о тѣхъ вещахъ, о какихъ желалъ говорить ея женихъ, и, точно уто-

мившись, неохотно роняла слова; очень часто она и вовсе не обнаруживала этого интереса. Эрика, напротивъ того, шла съ Экомъ ровною рысцой, ни на минуту не уклоняясь въ сторону отъ темы разговора; вдобавокъ, она отличалась практическимъ смысломъ и, благодаря своему знакомству съ дѣлами отца, понимала толкъ во всемъ, что касалось сельскаго хозяйства. Ея характеръ за послѣднее время значительно смягчился, въ обращеніи съ Экомъ она никогда уже не выказывала теперь прежней рѣзкости, а относительно другихъ допускала ее гораздо рѣже, иной разъ лишь въ силу старой привычки.

— Тебѣ бы слѣдовало посвататься не ко мнѣ, а къ Эрикѣ!— сказала ему однажды Эльза, когда Эрика на минуту оставила ихъ вдвоемъ.

Экъ взглянулъ на нее совсѣмъ озадаченный и никакъ не могъ понять выраженія, появившагося въ ея глазахъ. Но затѣмъ онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ. Онъ очень былъ расположенъ къ Эрикѣ, но мысль быть ея женихомъ показалась ему нелѣпой до смѣшного. Его смѣхъ былъ такъ искренень, что увлекъ за собой и Эльзу, но вдругъ лицо ея опять сдѣлалось серьезно и она тихо промолвила:

— Бѣдная Эрика!

— Да,—отвѣтилъ онъ тоже серьезнымъ тономъ, добросердечно упрекая себя за свой смѣхъ,—да, конечно, она бѣдная... но...— Онъ схватилъ ея руку, Эльза отвѣтила ему теплымъ пожатіемъ и на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, они почувствовали, что ихъ соединяетъ полная и счастливая симпатія, благодаря преисполнившему ихъ состраданію, но, въ то же время, и тайной радости при мысли о «бѣдной Эрикѣ».

Но какъ-то вечеромъ, пріѣхавъ въ Бинесъ, Экъ засталъ Эльзу одну. Отецъ и сестры отправились въ гости къ сосѣдямъ, она же не пожелала ѣхать съ ними, вслѣдствіе усталости и легкой головной боли.

— Ты нездорова?—тревожно спросилъ Экъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она со слабою улыбкой,—я только устала.

— Устала? Вотъ какъ! Что же такое ты изволила дѣлать сегодня?—шутливымъ тономъ спросилъ Экъ, придвигая стулъ и садясь возлѣ нея.

Она сидѣла въ гостиной, откинувъ голову на спинку кресла, руки ея покоились на колѣняхъ, придерживая раскрытую книгу,

и вся ея поза производила впечатлѣніе безсилія, внушившее Эку нѣжное, покровительственное чувство.

Она тихо покачала головой.

— Ничего не дѣлала,—отвѣтила она.— Быть можетъ, потому-то я и устала.

— Ну, такъ ты занялась бы чѣмъ-нибудь.

Она не сразу отвѣтила, но глядѣла прямо передъ собой въ мрачномъ раздумьѣ.

— По-моему, это ни къ чему не ведетъ, если люди ищутъ чѣмъ-нибудь заняться,—сказала она, наконецъ.—Это просто значитъ обманывать себя. Это все равно, что принуждать себя смѣяться, чтобы только вообразить себѣ, что тебѣ весело, и по-моему, это такъ пошло!

Она взглянула на него, какъ бы ища въ немъ сочувствія, но онъ не понималъ ея, хотя искренно желалъ вникнуть въ ходъ ея мыслей.

— Работать никогда не можетъ быть пошло,—сказалъ онъ нѣсколько болѣе наставительнымъ тономъ, чѣмъ хотѣлъ.

— Нѣтъ, можетъ,—запальчиво отвѣтила она и покраснѣла, какъ всегда, когда горячилась,— когда не находишь истинной радости въ своей работѣ. И мнѣ думается, что люди рѣдко знаютъ эту радость. Сколько такихъ, которые работаютъ лишь для того, чтобъ обмануть самихъ себя! Вотъ папа, напримѣръ,—сказала она, и въ голосѣ ея внезапно послышались рѣзкія ноты,—и Эрика тоже... иной разъ и я. А вотъ Луиза никогда, и ты тоже никогда, думается мнѣ.

— Да, вѣдь, ты настоящій философъ!—сказалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ.—«Опять эти ребяческія фантазіи!»—подумалъ онъ про себя.

— Нѣтъ, но порой это гнететъ меня, страшно гнететъ!—проговорила Эльза и губы ея задрожали.

Онъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ,—онъ не понималъ, какъ можетъ она такъ серьезно задумываться надъ подобными вещами. Онъ испытывалъ желаніе утѣшить ее, какъ утѣшаютъ дитя въ какомъ-нибудь пустяшномъ огорченіи, незначительность котораго оно не въ состояніи понять. И онъ нѣжно провелъ рукой по ея волосамъ.

Она же испытывала такую глубокую потребность быть понятой, что въ такомъ смыслѣ и истолковала его нѣмую ласку и благодарно взглянула на него.

— Какой ты милый, что пріѣхалъ!—тихо сказала она, и при-

бавила, когда онъ хотѣлъ было отнять свою руку:—Нѣтъ, оставь ее! Это такъ хорошо!

И онъ послушался ея, какъ слушаются ребенка.

Въ комнатѣ начинало темнѣть; на дворѣ тоже спускались сумерки, сгущались среди вѣтвей деревьевъ, скрывая отъ взоровъ безмолвный листопадъ, потомъ выползали изъ своего непроницаемаго убѣжища въ лѣсахъ Торпы и медленно плыли надъ равниной, разстилая по небу свой темный покровъ.

Молодая парочка долго сидѣла молча и недвижно, но мало-помалу рука Эка, лежавшая на головѣ Эльзы, отяжелѣла, и дѣвушка сдѣлала движеніе, чтобъ высвободиться изъ-подъ нея. Онъ снялъ руку съ ея головы, но вмѣстѣ съ движеніемъ, которое, каждый изъ нихъ сдѣлалъ, разсѣялась сладость молчанія.

— Что это ты читаешь?—спросилъ онъ, положивъ руку на книгу, развернутую у нея на колѣняхъ.

— Ахъ, это романъ!—равнодушно отвѣтила она.

— Что-жь, онъ интересенъ?—Голосъ его слегка звучалъ презрѣніемъ, такъ какъ самъ онъ никогда не читалъ романовъ.

Она не дала прямого отвѣта.

— Я читала его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и тогда онъ такъ увлекъ меня, что нѣсколько дней сряду я не могла думать ни о чемъ другомъ и цѣлыя ночи напролетъ плакала. Я сама не знаю, почему онъ мнѣ вспомнился сегодня, и вотъ я разыскала его, чтобъ перечитать еще разъ.

— Такъ это, должно быть, ему ты и обязана головною болью!—сказалъ онъ, исполнившись ревности, которую самъ находилъ въ высшей степени глупой, но которой не въ силахъ былъ подавить.

— Головною болью! — повторила она, слегка раздраженная тѣмъ, что онъ вздумалъ заговорить о ней какъ разъ теперь, когда ей удалось о ней забыть.—Можешь самъ посмотрѣть, много ли я прочитала,— и она указала на книгу, раскрытую на двадцатой страницѣ.

— Значитъ, теперь онъ уже не нравится тебѣ?—спросилъ онъ, очень довольный.

— Не знаю,—задумчиво отвѣтила она.—Но теперь совсѣмъ не то, что прежде, я не могу уже теперь читать его съ прежнимъ интересомъ, потому что все это, въ сущности, вовсе не касается меня.

— Ну, да, конечно!—подхватилъ онъ, еще болѣе довольный.—Вѣдь, все это чистый вздоръ, намъ въ пору только думать о своихъ собственныхъ дѣлахъ!

— Мнѣ кажется, это совершенно то же, что я говорила о работѣ, это просто значитъ обманывать самихъ себя.

Экъ наморщилъ лобъ; онъ чувствовалъ, что начинаетъ терятьнить.

— Во всякомъ случаѣ, есть же разница между работой и чтеніемъ романовъ,—замѣтилъ онъ.

Она опять стала горячиться и покраснѣла.

— Нѣтъ, это совершенно одно и то же, потому что, когда мы читаемъ романъ, мы, вѣдь, ищемъ себѣ замѣны того, чего мы сами не имѣемъ. Это все равно, что жить воображеніемъ, если нельзя жить настоящею жизнью. И прежде я умѣла такъ жить, и это было такъ сладко... но теперь... теперь только хуже дѣлается отъ этого...

Она прижала къ груди крѣпко стиснутыя руки и устремила взоръ въ пространство съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго Торстену сдѣлалось жутко на сердцѣ.

— Ахъ, какая тоска меня томитъ!—сказала она такъ тихо, что онъ скорѣе угадалъ ея слова, чѣмъ ихъ разслышалъ.—Вотъ ужь сколько лѣтъ меня томитъ тоска!—продолжала она, говоря сама съ собой.—Это, конечно, неблагодарно съ моей стороны, папа, вѣдь, такой добрый,—снова зазвучали въ тонѣ ея голоса рѣзкія ноты, — и сестры тоже... Да, это, безъ сомнѣнія, очень гадко съ моей стороны, но я ничего не могу съ собой подѣлать!... Всѣ они кажутся мнѣ такими чужими!

Она смолкла, онъ тоже молчалъ; въ душѣ его проснулась мучительная, все возроставшая тревога.

— Я такъ хорошо помню,—продолжала она немного погодя,—такъ хорошо помню тотъ вечеръ, когда ты разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ.—Онъ замѣтилъ, что она повернула къ нему лицо, но постарался уклониться отъ ея взгляда.—Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ жаль тебя было, и, несмотря на это, нѣсколько дней послѣ того у меня было такъ радостно на душѣ, и я все надѣялась, что ты опять пріѣдешь, потому что мнѣ столько хотѣлось сказать тебѣ, чего я не успѣла сказать тогда... Но ты не пріѣзжалъ и я...—она вспыхнула горячимъ румянцемъ,—сколько разъ я думала пойти къ тебѣ сама. Но порой я начинала на тебя сердиться, мнѣ представлялось, что ты только посмѣялся надо мной. И вотъ насталъ день, когда ко мнѣ пришелъ папа и сказалъ мнѣ...—она оборвала рѣчь и вдругъ порывисто спросила:—Отчего ты самъ не пришелъ ко мнѣ? Я не могла понять этого, я ломала надъ этимъ голову, мнѣ казалось, что это такъ непохоже на тебя... Отчего, скажи мнѣ?

Онъ ничего не могъ отвѣтить, а только взглянулъ на нее съ мольбой.

Она хотѣла разгадать отвѣтъ по его глазамъ, но ее поразило ихъ печальное, безпокойное выраженіе и она забыла все другое, чтобъ только утѣшить его.

— Но ты пришелъ, наконецъ, и я не стала больше думать объ этомъ. Все сложилось совсѣмъ иначе, чѣмъ я представляла себѣ, но я какъ будто лишь тогда по-настоящему поняла тебя. Ты былъ такой серьезный и такой... да, знаешь ли, ты мнѣ показался настоящимъ красавцемъ.

Онъ бросилъ на нее торопливый взглядъ, какъ бы для того, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли она говоритъ правду. Ея глаза съ улыбкой встрѣтили этотъ взглядъ.

— И какъ я была счастлива на другой день, хотя ты и тогда не пріѣхалъ!—сказала она ласкающимъ тономъ, смягчившимъ упрекъ, заключавшійся въ самыхъ словахъ.—А помнишь, какъ мы смѣялись, когда ѣхали къ тебѣ въ Торпу?

Она внезапно запнулась, какъ бы стараясь отогнать мучительное воспоминаніе, схватила руку жениха и, прижавъ ее къ груди, воскликнула съ страстнымъ порывомъ:

— Торстенъ, ты въ самомъ дѣлѣ любишь меня?

Онъ сидѣлъ, какъ преступникъ, съ опущенными глазами. По мѣрѣ того, какъ она говорила, глубокое уныніе все сильнѣе и сильнѣе наполняло его. Онъ тихо выдернулъ свою руку изъ ея руки, поднялся съ мѣста, подошелъ къ окну и только тамъ, когда мракъ скрылъ его лицо, онъ обернулся къ дѣвушкѣ и сказалъ какимъ-то страннымъ, глухимъ голосомъ:

— До чего ты ребячлива, Эльза!

Онъ такъ горько сознавалъ, что его упрекъ, невольно принявшій такую форму, отразился, въ сущности, на немъ самомъ, что ему казалось естественнымъ, что и Эльза должна понять его такъ. Она ничего не отвѣтила и неподвижно сидѣла въ уголкѣ дивана. Вдругъ что-то подсказало ему, что онъ не долженъ больше оставаться здѣсь, долженъ уйти прочь, уйти во что бы то ни стало.

— Мнѣ домой пора,—сказалъ онъ все тѣмъ же глухимъ голосомъ и принудилъ себя подойти къ Эльзѣ.—Прощай!

Она взглянула на него широко раскрытыми, безпокойно-спрашивающими глазами.

— Ты уѣзжаешь?—спросила она, тяжело дыша.

Онъ нетерпѣливо уклонился отъ ея взгляда, кивнулъ ей и вышелъ изъ комнаты. Онъ прямо направился въ конюшню и, не найдя

тамъ конюха, самъ запрягъ лошадь. Пять минутъ спустя онъ уже ѣхалъ быстрымъ шагомъ изъ усадьбы.

Онъ былъ въ такомъ волненіи, какое до сихъ поръ испыталъ только разъ въ своей жизни, тогда, когда бѣжалъ изъ отцовскаго дома. Но и теперь, какъ тогда, это волненіе сдерживалось холодною рѣшимостью, не оставлявшей мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ, но побуждавшей его слѣпо, безъ малѣйшаго раздумья, привести въ исполненіе первую мысль, пришедшую ему въ голову. Вотъ почему онъ такъ внезапно разстался съ Эльзой, вотъ почему онъ гналъ теперь лошадь во весь опоръ, точно боялся, что не успѣетъ достаточно скоро скрыться изъ вида.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ вслухъ, мрачно сдвинувъ брови и смотря прямо передъ собой,—нѣтъ, это невозможно... Что это за фантазёрство?

И онъ засмѣялся жесткимъ смѣхомъ.

Но какъ и въ ту минуту, когда онъ сказалъ Эльзѣ, что она ребячлива, точно такъ и теперь онъ чувствовалъ, что упрекъ его, въ сущности, отразился на немъ самомъ. Онъ сознавалъ себя виновнымъ передъ Эльзой, ему казалось, что онъ обманулъ ее, что онъ вѣроломно чѣмъ-то завладѣлъ, что̀ не принадлежало ему по праву.

— Нѣтъ,—повторялъ онъ,—это невозможно!

Вдругъ онъ натянулъ вожжи и остановился. Въ умѣ его шевельнулась какая-то мысль, и какъ скоро она выяснилась ему вполнѣ, то приняла форму рѣшенія, которое онъ немедленно долженъ былъ выполнить. Онъ повернулъ и бѣшено помчался назадъ.

Подъѣхавъ снова къ усадьбѣ, онъ бросилъ вожжи на спину лошади и, оставивъ ее на произволъ судьбы, взбѣжалъ на крыльцо. Въ передней къ нему вышла перепуганная горничная.

— Гдѣ фрэкенъ Эльза?—коротко спросилъ онъ.

— Должно быть, ушла въ свою комнату.

— Скажите ей, что мнѣ надо переговорить съ ней.

Дѣвушка съ удивленіемъ смотрѣла на него.

— Ну, что же?—крикнулъ онъ угрожающимъ тономъ.

Она испуганно поспѣшила наверхъ.

Онъ вошелъ въ гостиную и въ бурномъ нетерпѣніи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Спустя нѣсколько минутъ вошла горничная съ зажженною лампой, которую поставила на столъ.

— Фрэкенъ Эльза сейчасъ сойдетъ,—сказала она и, уходя, кинула на него робкій взглядъ.

Онъ все ходилъ взадъ и впередъ, бросая по временамъ озлобленные взгляды на лампу, свѣтъ которой рѣзалъ ему глаза. Онъ

только что хотѣлъ подойти и потушить ее, какъ услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ шаги Эльзы и остановился; сердце его сильно застучало.

Она вошла, машинально затворила за собою дверь и взглянула на него, блѣдная, съ заплаканными глазами.

— Что это значитъ, Торстенъ?—спросила она, вся дрожа.— Что такое я сказала? Скажи мнѣ, что такое?

— Видишь ли,—началъ онъ нетвердымъ голосомъ и подошелъ къ ней,— видишь ли,—но онъ совсѣмъ забылъ то, что намѣренъ былъ сдѣлать, и долженъ былъ собраться съ мыслями, чтобы припомнить. Потомъ онъ вспомнилъ, но рѣшимость первой минуты покинула его и ему стоило усилій привести въ дѣйствіе свое намѣреніе, какъ будто онъ исполнялъ его не по своей доброй волѣ. Онъ снялъ съ пальца обручальное кольцо и, подавая его Эльцѣ, сказалъ ей:—Возьми его назадъ!

Она взглянула на него въ нѣмомъ испугѣ, потомъ вскрикнула:

— Торстенъ!—и бросилась ему на грудь.

Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на нее. То, что онъ сдѣлалъ, начинало казаться ему все болѣе и болѣе страннымъ.

— Развѣ ты не этого хотѣла?—спросилъ онъ, наконецъ.

Она выпустила его изъ своихъ объятій и отступила отъ него на одинъ шагъ, чтобы заглянуть ему въ лицо.

— Но что же такое я сказала? Я понять не могу... Боже мой, какъ ты меня испугалъ!... Но скажи же, что такое я сказала?

Онъ смотрѣлъ на нее въ замѣшательствѣ, онъ вдругъ понялъ трудность, больше того—невозможность объяснить ей свой образъ дѣйствій. Теперь, снова видя ее передъ собой, онъ боялся, что если откровенно выскажетъ ей то, что онъ чувствовалъ и думалъ въ глубинѣ души, то это, пожалуй, какъ разъ приведетъ къ тому разрыву, котораго онъ самъ недавно желалъ. Тяжело ему было обманывать Эльзу и все же онъ рѣшился на это, потому что думалъ, что любитъ ее.

— Я понялъ изъ твоихъ словъ, что ты хочешь вернуть себѣ свободу,— сказалъ онъ и въ то же мгновеніе покраснѣлъ.

Глаза Эльзы, вопросительно устремленные на его лицо, приняли обращенное внутрь, сосредоточенное выраженіе, но затѣмъ она покачала головой.

— Я не понимаю... что-жь такое я сказала, чтобы ты могъ подумать это?

Онъ ничего не могъ отвѣтить, а только съ мольбой смотрѣлъ на нее.

— Прости меня!—пролепеталъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, тутъ кроется что-нибудь другое; скажи мнѣ, что у тебя было на умѣ, объясни мнѣ!

— Ахъ, я самъ не знаю!—вырвалось у него.—Что-то толкало меня противъ моей воли; это бываетъ со мной иногда: мнѣ придетъ въ голову какая-нибудь фантазія и я чувствую, что долженъ во что бы то ни стало исполнить ее, хотя бы въ ней не было никакого смысла,—и онъ попробовалъ улыбнуться, но когда встрѣтилъ ея серьезный взглядъ, улыбка сразу сошла съ его губъ. — Прости меня!—повторилъ онъ опять и протянулъ къ ней руки умоляющимъ жестомъ.

Онъ самъ не зналъ, какъ это случилось, но въ слѣдующую минуту онъ уже привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

— Не бросай меня, Торстенъ,—тихо сказала Эльза.—Вѣдь, у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя, а если и ты... я хотѣла бы уѣхать съ тобой, уѣхать далеко, съ тобой вдвоемъ. А ты развѣ бы не хотѣлъ? Скажи мнѣ, Торстенъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее и вдругъ его лицо просвѣтлѣло. Онъ освободился изъ ея объятій и началъ ходить взадъ и впередъ; по временамъ онъ молча кивалъ головой.

Эльза слѣдила за нимъ взоромъ, стараясь прочесть его думы на его лицѣ, съ котораго теперь совершенно исчезло безпокойное, нерѣшительное выраженіе.

— О чемъ ты думаешь?—спросила она, наконецъ.

Онъ остановился передъ нею.

— Я думаю,—отвѣчалъ онъ,—что мы могли бы обвѣнчаться уже вскорѣ, еще этою осенью. Ты согласна?

— Да, Торстенъ,—отвѣтила она, вся зардѣвшись и съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Я переговорю съ твоимъ отцомъ... завтра же переговорю,— съ жаромъ продолжалъ онъ, всецѣло поглощенный этою новою мыслью.—И тогда мы могли бы обвѣнчаться не позже, какъ въ будущемъ мѣсяцѣ, когда я раздѣлаюсь съ молотьбой.

Онъ началъ развивать ей свои планы, и она слушала его, но сама мало говорила, а больше сидѣла молча, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и мечтательнымъ блескомъ во взорѣ. Но когда онъ спрашивалъ ее о чемъ-нибудь, ея отвѣты были какъ-то удивительно разсѣянны.

Полчаса спустя они разстались въ счастливомъ, но немного усталомъ настроеніи, которое обыкновенно слѣдуетъ за ссорой и

примиреніемъ, и Экъ поѣхалъ къ себѣ въ Торпу на этотъ разъ уже тихимъ шагомъ.

Онъ все еще былъ поглощенъ мыслью о близкой свадьбѣ и соображалъ, какъ бы ему все устроить. И это до такой степени занимало его, что онъ почти забылъ событія этого вечера, свои сомнѣнія и душевный разладъ.

Но вдругъ онъ вспомнилъ, что Эльза говорила что-то о путешествіи, и это слегка встревожило его. Вѣдь, свадебныя поѣздки въ обычаѣ, и она, можетъ быть, тоже мечтаетъ о чемъ-нибудь подобномъ. Но онъ вовсе не имѣлъ этого въ виду, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты путешествовать, да, впрочемъ, и не думалъ, чтобы его дѣла ему позволили ѣхать. Ну, да онъ завтра переговоритъ съ ней объ этомъ!

V.

На слѣдующее утро Экъ отправился спозаранку въ Бинесъ, чтобы потолковать съ Гольмеромъ насчетъ свадьбы. Старикъ оказался очень сговорчивымъ, онъ соглашался назначить свадьбу когда имъ угодно, лишь бы только приданое Эльзы было готово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и поговорить со своимъ уважаемымъ зятемъ объ одной сторонѣ дѣла, которой тотъ, по своей деликатности, еще не затрогивалъ, но которую имъ рано или поздно надо же разъяснить, а именно о финансовой сторонѣ. Экъ, правду сказать, не разъ подумывалъ объ этомъ и ужь, конечно, не изъ деликатности по отношенію къ Гольмеру не поднималъ онъ этого вопроса, а также и не потому, чтобъ онъ имѣлъ слишкомъ мало значенія въ его глазахъ и онъ считалъ бы за лучшее отодвинуть его совсѣмъ на задній планъ; нѣтъ, причина его молчанія было совсѣмъ иная: онъ думалъ, что Эльза, можетъ быть, какъ-нибудь спроситъ его объ этомъ, и въ такомъ случаѣ ему хотѣлось имѣть возможность сказать ей, что онъ никогда не заговаривалъ съ ея отцомъ о деньгахъ. Для него было даже нѣкоторымъ разочарованіемъ, что она никогда, хотя бы отдаленнымъ намекомъ, не касалась этого предмета.

Но разъ Гольмеръ сдѣлалъ теперь первый шагъ, Экъ почувствовалъ, что совѣсть его спокойна, и былъ очень радъ приступить къ дѣлу. Оказалось, что Гольмеръ богаче, чѣмъ думали его знакомые. Эльза получала въ приданое двадцать тысячъ кронъ и, кромѣ того, послѣ смерти отца должна была получить въ наслѣдство такую же сумму. Экъ никакъ не разсчитывалъ взять столько за женой, а по-

тому разстался съ Гольмеромъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, даже расхохотался на шутливое замѣчаніе старика, что еслибъ онъ посватался къ одной изъ его старшихъ дочерей, то получилъ бы приличную надбавку.

Затѣмъ состоялось продолжительное совѣщаніе съ Луизой, и, послѣ многихъ *но* да *если*, въ концѣ-концовъ, пришли къ тому результату, что съ приданымъ можно поспѣть къ половинѣ ноября.

Женихъ и невѣста, конечно, не думали, что имъ придется ждать такъ долго, но Луиза была непреклонна, и они должны были подчиниться ея рѣшенію.

И теперь, когда все разъяснилось, одна только вещь заботила Эка—путешествіе. Но прошло нѣсколько дней, а онъ все не рѣшался заговорить о немъ съ Эльзой. Наконецъ, разъ вечеромъ, когда она была особенно весела и совсѣмъ увлеклась, обсуждая съ нимъ разные планы относительно устройства ихъ домашняго очага, онъ собрался съ духомъ и выпалилъ:

— Только вотъ что, Эльза, отъ свадебной поѣздки ты ужь меня уволь!

— Отъ свадебной поѣздки?—повторила она въ изумленіи.

— Ну да, ты, навѣрное, мечтаешь о ней.

— Я? Да у меня ничего подобнаго и въ мысляхъ не было!

Экъ въ свою очередь пришелъ въ изумленіе.

— Вотъ какъ! А я думалъ... да развѣ же ты не помнишь, въ тотъ вечеръ, когда мы... Ты, вѣдь, тогда говорила, что хотѣла бы уѣхать... вдвоемъ со мной?...

Онъ готовъ былъ проклинать себя за то, что разбередилъ это воспоминаніе, такъ какъ Эльза сразу сдѣлалась опять серьезна и задумчива.

— Да,—отвѣтила она,—но у меня собственно не это было на умѣ... не путешествіе само по себѣ...

— Ну, такъ тѣмъ лучше,—быстро перебилъ ее Экъ,—потому что изъ этого все равно ничего бы не вышло.

Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и, обрадованный тѣмъ, что ему удалось такъ неожиданно скоро покончить это дѣло, не подумалъ спросить, что же собственно у нея было на умѣ?

Но Эльза сидѣла, погруженная въ раздумье, и уже не могла быть весела, какъ прежде. Ей казалось, что она оттолкнула отъ себя счастье, за которымъ ей стоило только протянуть руку, такъ какъ она не сомнѣвалась, что могла бы уговорить Торстена, если бы хоть немножко настояла на своемъ.

Теперь было уже поздно, теперь она опрометчиво сама загоро-

дила себѣ путь. И съ тѣхъ поръ это раскаяніе не покидало ее; мысль о путешествіи по временамъ выступала передъ ней въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ, въ сравненіи съ которымъ предстоявшая дѣйствительность становилась тусклой и бѣдной; сама она никогда не упоминала объ этомъ, но въ душѣ упрекала Торстена за то, что онъ не возобновлялъ этого разговора.

Но, несмотря на это, время, которое началось теперь, было самымъ счастливымъ временемъ ихъ помолвки. Поглощенные приготовленіями къ свадьбѣ, они не успѣвали размышлять о различіяхъ въ ихъ характерѣ и образѣ мыслей, которыя подчасъ, все-таки, обнаруживались между ними, или же не придавали имъ особаго значенія, устремляя взоръ впередъ, къ своему полному соединенію, какъ къ тому времени, когда все это разрѣшится въ гармоніи и блаженствѣ. Они даже гораздо больше сблизились между собой, благодаря этой чисто-практической работѣ надъ общею цѣлью, и для Эка въ особенности было радостною неожиданностью убѣдиться, что Эльза такъ интересуется всѣмъ этимъ. Никогда еще его поѣздки въ Бинесъ не доставляли ему такого удовольствія, какъ теперь, когда онъ могъ спокойно болтать о томъ и о семъ, а Эльза сидѣла, наклонившись надъ работой и, по временамъ, отвѣчая ему, поднимала на него глаза. Такою онъ всегда представлялъ ее себѣ и такою любилъ представлять ее себѣ въ будущемъ, когда она сдѣлается его женой,—тихою, наклоненною надъ работой, съ лицомъ, на половину заслоненнымъ абажуромъ лампы, между тѣмъ какъ свѣтъ падалъ яркою полосой на ея тонкія, бѣлыя руки. Другая Эльза, та, которой онъ не понималъ,—та, чье лицо было ему такъ чуждо, чей взоръ тревожилъ его, какъ загадка, все болѣе и болѣе отступала на задній планъ, и онъ начиналъ думать, что она существовала только въ его воображеніи.

Въ это время въ Бинесѣ работали на всѣхъ парахъ и въ особенности Луиза дѣлала чудеса по этой части. Эрика, никогда не отличавшаяся большимъ искусствомъ въ рукодѣльи, оказывалась теперь до нѣкоторой степени лишней, да и сама по себѣ начала удаляться отъ другихъ. Теперь Экъ уже рѣдко заставалъ ее, когда пріѣзжалъ къ невѣстѣ; она дѣлала длинныя, одинокія прогулки, въ особенности по вечерамъ, и возвращалась домой только къ ужину. Она, попрежнему, обходилась привѣтливо съ Экомъ и сестрами, но стала гораздо молчаливѣе.

Но и въ Торпѣ шла суета и суматоха. Экъ затѣялъ довольно крупныя поправки въ домѣ и, кромѣ того, хотѣлъ меблировать заново двѣ комнаты, спальню и гостиную. По временамъ его старухи

жестоко испытывали его терпѣніе, такъ какъ ни въ чемъ рѣшительно не могли обойтись безъ препирательствъ. Мамзель Томпсонъ страшно хлопотала, пыхтѣла и выбивалась изъ силъ безъ всякаго видимаго результата, а Лисса тихо и незамѣтно успѣвала сдѣлать массу дѣла.

Дни, между тѣмъ, бѣжали быстрою чредой и время, назначенное для свадьбы, становилось все ближе и ближе; наконецъ, до него осталась одна только недѣля. Эти послѣдніе дни были днями тяжкаго искуса для Эка. Эльза стала дичиться его и какъ-то ушла въ себя, а сестры ея тоже встрѣчали его не такъ дружелюбно, какъ прежде. Какъ только онъ являлся въ Бинесъ, его начинала мучить совѣсть, совсѣмъ же не ѣздить онъ тоже не считалъ удобнымъ. Одинъ только Гольмеръ былъ какъ всегда, а потому женихъ и ютился возлѣ него и безъ конца игралъ съ нимъ въ шашки, причемъ постоянно проигрывалъ, такъ какъ все его вниманіе было приковано къ Эльзѣ и ея сестрамъ, которыя сидѣли тѣснымъ кружкомъ и шептались. Въ его умѣ смутно носилось представленіе, что его считаютъ чуть ли не воромъ, и то, что Эльза раздѣляетъ этотъ взглядъ, казалось ему въ высшей степени несправедливымъ послѣ всѣхъ ея словъ о томъ, какъ она стремится вырваться изъ родительскаго дома.

Онъ не могъ удержаться, чтобы при случаѣ не сказать ей этого, но она вспылила и стала укорять его въ жестокости, разъ онъ не можетъ подарить ей отъ добраго сердца тѣ немногіе дни, которые ей осталось провести въ родной семьѣ. Она тѣмъ болѣе горячилась, что сама сознавала непослѣдовательность своего поведенія. Но она ничего не могла подѣлать съ собою; теперь, когда она должна была разстаться съ своими, ей казалось, что она, все-таки, любила ихъ всегда, и она испытывала лихорадочную потребность загладить въ эти два дня все, въ чемъ она могла упрекнуть себя относительно отца и сестеръ, всѣ свои непріязненныя рѣчи и непріязненныя мысли, всѣ свои невинные проступки въ годы дѣтства и грѣхи упущенія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, свою рѣзкость, свои тайныя обвиненія и свою тоску.

VI.

Свадьба состоялась въ послѣднихъ числахъ ноября. День былъ погожій и ясный, небо—высокое, иней сверкалъ на деревьяхъ. Всѣ сосѣди на цѣлую милю кругомъ были приглашены на торжество, и церковь наполняла масса народа, собравшагося со всѣхъ

сторонъ, чтобы присутствовать при брачной церемоніи, такъ какъ Торстенъ Экъ былъ общимъ любимцемъ и, кромѣ того, всѣ интересовались видѣть Эльзу невѣстой.

Однако, ее нашли менѣе красивою, чѣмъ можно было ожидать; она была черезъ-чуръ блѣдна и казалась слегка разстроенной; притомъ же, она, повидимому, вовсе на такъ радовалась случаю показать себя людямъ и не такъ была польщена общимъ вниманіемъ, какъ считали себя вправѣ отъ нея требовать. Ея лицо носило замкнутое, неприступное выраженіе, не привлекшее къ ней ничьихъ симпатій. За то женихъ былъ настоящимъ красавцемъ въ своемъ парадномъ костюмѣ; онъ тоже былъ немного взволнованъ, но гордость и счастье были написаны на его лицѣ и любопытные взоры толпы онъ встрѣчалъ добродушною улыбкой.

Съ той минуты, какъ женихъ и невѣста вошли въ церковь и пока они не преклонили колѣнъ предъ алтаремъ, они ни разу не взглянули другъ на друга. Тутъ они обмѣнялись торопливымъ взглядомъ, но этотъ взглядъ выражалъ не одно и то же,—у Торстена онъ былъ спокоенъ и признателенъ, у Эльзы въ немъ таился какъ бы робкій призывъ,—но тотчасъ же они снова опустили глаза.

Когда церемонія кончилась и они рука въ руку поднялись съ колѣнъ, Торстеномъ овладѣло такое благоговѣйное настроеніе, какого онъ никогда еще не испытывалъ въ церкви. Эльза же чувствовала съ недоумѣніемъ, что она осталась такою же, какою была,—она почти ожидала, что эта минута разомъ измѣнитъ всю ея жизнь, и не могла понять, какимъ же образомъ послѣ этого акта ея отношенія къ Торстену сдѣлались совсѣмъ иными, чѣмъ прежде.

За обѣдомъ царило вначалѣ нѣсколько подавленное настроеніе, хотя никто не могъ бы сказать почему,—быть можетъ, серьезное лицо невѣсты было тому причиной,—но къ концу всѣ мало-по-малу оживились и настроеніе сдѣлалось веселымъ, а, главное, шумнымъ. Старухи изъ Торпы тоже сидѣли за столомъ; мамзель Томпсонъ была въ новомъ черномъ шелковомъ платьѣ и имѣла кавалеромъ маленькаго, сухопараго арендатора, къ которому къ концу обѣда воспылала такою дружбой, что даже повѣдала ему въ цвѣистыхъ выраженіяхъ тайну своего сердца, будто бы разбитаго нечастною любовью.

Лисса и Лина сидѣли рядомъ на нижнемъ концѣ стола и чувствовали себя довольно неловко въ такой блестящей компаніи, что е мѣшало имъ, однако, негодовать сообща на мамзель Томпсонъ, ставлявшую на-показъ свою свѣтскость.

По временамъ Лисса поглядывала и на противуположный конецъ стола, гдѣ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣли новобрачные, и тогда она качала головой и думала про себя, что все это какъ-то неладно. Очень ужь она тонкая и блѣдная, очень ужь смахиваетъ на аристократку, эта фрэкенъ Эльза, и очень ужь не похожа на всѣхъ другихъ. И на него какъ не похожа! Ну, да все это ничего, лишь бы она сдѣлала его счастливымъ! Потомъ старая няня начинала осуждать себя, уличать себя въ ненавистничествѣ и предвзятой непріязни, давала себѣ обѣщаніе, что постарается любить молодую барыню наравнѣ съ своимъ милымъ мальчикомъ. Но если она не дастъ ему счастья, тогда...

Торстену Эку тоже казалось, когда онъ взглядывалъ украдкой на свою жену, что она удивительно не похожа на всѣхъ другихъ, точно она гдѣ-то далеко-далеко отъ нихъ, и гордое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жуткое чувство охватывало его при мысли, что теперь она принадлежитъ ему, принадлежитъ ему всецѣло. Одинъ разъ взоръ его остановился на ея шеѣ, и когда онъ увидѣлъ маленькую складочку, образовавшуюся оттого, что Эльза держала голову немножко на-бокъ, трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу. Но затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на усталую улыбку, мелькавшую на ея губахъ, и исполнился заботливой нѣжности.

— Устала ты?—тихо спросилъ онъ.

— Да,—прошептала она, бросивъ на него быстрый, благодарный взглядъ.

Онъ взялъ подъ столомъ ея руку и, почувствовавъ, что она совсѣмъ холодна, удержалъ ее въ своей, чтобы согрѣть.

Къ девяти часамъ вечера веселое свадебное настроеніе достигло высшаго предѣла. Рѣшено было устроить хороводъ вокругъ невѣсты, но она куда-то исчезла. Ее звали, окликали, но все было напрасно и, наконецъ, послали Эка разыскать ее.

Но когда онъ очутился одинъ въ передней, весь этотъ шумъ, доносившійся до него, вдругъ сдѣлался ему противенъ, онъ почувствовалъ что-то вродѣ ревности къ тѣмъ притязаніямъ, которыя другіе считали себя вправѣ предъявлять къ его женѣ, и, неожиданно для самого себя, рѣшилъ сейчасъ же уѣхать съ ней въ Торпу Въ эту минуту съ лѣстницы верхняго этажа спустилась внизъ Эрика.

— Не знаешь ли, гдѣ Эльза?—спросилъ онъ.

— Она наверху, въ своей комнатѣ, вмѣстѣ съ Луизой.

— Скажи ей, что я сейчасъ велю запрягать и буду ждать е здѣсь, на крыльцѣ. Скажи ей, чтобъ она торопилась.

Эрика поспѣшно отвернулась, чтобы не дать ему замѣтить краску, вспыхнувшую на ея лицѣ, молча кивнула и снова поднялась по лѣстницѣ.

Экъ не скоро нашелъ Ларса Югана, праздновавшаго свадьбу въ людской вмѣстѣ съ другими кучерами и оказавшагося немножко навеселѣ, такъ что пока закладывали и подавали экипажъ, прошло не мало времени, но Эльза все еще не показывалась.

Онъ подождалъ немного, затѣмъ вышелъ изъ терпѣнія и только что хотѣлъ пойти и позвать ее, какъ дверь отворилась и Эльза, въ сопровожденіи Луизы, вышла на крыльцо. Старшая сестра укоризненно взглянула на Торстена, и опять онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, хотя далеко не столь сильное, какъ въ предъидущіе дни. Эльза обняла и поцѣловала Луизу, долго прижималась къ ней и нѣсколько разъ шептала: «Прощай, поцѣлуй сестеръ!» «Точно она собирается въ дальнее путешествіе!»—съ нѣкоторою досадой подумалъ Экъ, стоя на мѣстѣ и держа открытой дверцу кареты.

Наконецъ, Эльза вырвалась изъ объятій сестры, Экъ усадилъ ее въ карету, неловко раскланялся съ Луизой, вскочилъ въ экипажъ вслѣдъ за женой и захлопнулъ дверцу съ рѣзкимъ звукомъ, отозвавшимся въ душѣ обѣихъ сестеръ. Ларсъ Юганъ щелкнулъ бичомъ и лошади тронулись.

Луиза стояла на крыльцѣ, провожая глазами молодыхъ. Ей казалось страшно возмутительнымъ, что ея сестра уѣзжаетъ изъ-подъ родительской кровли съ чужимъ человѣкомъ. И когда она вернулась въ переднюю и встрѣтилась тамъ съ Эрикой, ей захотѣлось подѣлиться съ ней волновавшими ее чувствами; она подошла къ ней, но Эрика испуганно убѣжала отъ нея.

Холодно и темно было на равнинѣ подъ яснымъ звѣзднымъ небомъ, и такъ тихо послѣ свадебнаго шума и суеты. Лошади бѣжали шибко, торопясь на ночлегъ въ конюшню, а колеса легко катились по жесткой землѣ. Новобрачные сидѣли каждый въ своемъ уголкѣ, безмолвно и неподвижно, избѣгая коснуться другъ друга. Разъ только Эльза, высунувшись изъ окна, нарушила молчаніе.

— Какія чудныя звѣзды!—сказала она.

Экъ пробормоталъ невнятный отвѣтъ, но даже не выглянулъ окошко. Ему, казалось, все равно было, горятъ ли на небѣ ѣзды, или нѣтъ.

Когда они стали приближаться къ Торпѣ, то увидали, что домъ ѣщенъ. Старухи отправились впередъ ихъ, чтобы все пригототь къ ихъ пріему.

Когда экипажъ подкатилъ къ подъѣзду, всѣ три уже стояли на

крыльцѣ, низко кланялись и поздравляли ихъ, а на дворѣ собрались Болла, Анна - птичница и нѣкоторые изъ рабочихъ. Издали доносилось сквозь мракъ жужжанье мельничнаго колеса.

Они вошли въ переднюю и потокъ тепла и свѣта устремился имъ на встрѣчу. Эльза, взволнованная и смущенная, машинально благодарила старухъ и не почувствовала, какъ Торстенъ снялъ съ нея пальто и шляпу.

Спустя нѣсколько минутъ она очутилась вдвоемъ съ нимъ въ гостиной.

— Куда же ушли мамзель Томпсонъ и Лисса? — спросила она неувѣреннымъ голосомъ, ища ихъ глазами.

Онъ улыбнулся, и эта улыбка заставила ее покраснѣть.

— Онѣ ушли наверхъ, въ свою комнату, — сказалъ онъ и, схвативъ ея руки, тихо привлекъ ее къ себѣ.

Она робко взглянула на него, и тогда его гигантскій ростъ и сила внезапно произвели на нее впечатлѣніе чего-то почти звѣрскаго, онъ возбудилъ въ ней чисто - физическій страхъ. Она поспѣшно выдернула руки и подошла къ окну. Онъ молча послѣдовалъ за нею.

— Торстенъ,—немного погодя сказала она умоляющимъ голосомъ,—отчего бы намъ не пойти погулять? Посмотри, что за чудная, звѣздная ночь!

— Пойти погулять!—повторилъ онъ, удивленный и недовольный.—Да развѣ же не гораздо уютнѣе у насъ здѣсь, дома?

Онъ снова схватилъ ея руки и попытался привлечь ее къ себѣ.

Она противилась.

— Но если я прошу тебя, Торстенъ!

— Эльза!—вскричалъ онъ въ внезапномъ порывѣ страсти,—теперь ты моя жена!

И, несмотря на ея сопротивленіе, онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

Тогда она почувствовала себя до того безпомощной и беззащитной, что залилась слезами; безсильная, потрясаемая рыданіями, лежала она въ его объятіяхъ.

Луиза почти не спала въ эту ночь. Отчасти ей мѣшали вертѣвшіяся въ ея головѣ воспоминанія о только что покончennыхъ приготовленіяхъ къ свадебному обѣду. Подобно тому, какъ, сойдя на твердую землю послѣ труднаго морского плаванія, мы постоянно чувствуемъ въ своемъ воображеніи качаніе парохода, такъ и она то и дѣло вздрагивала въ испугѣ. А ну, какъ жаркое подгорѣло, ну

какъ супъ пересоленъ? И не скоро успокоилась она на мысли, что все благополучно и счастливо миновало. Но наряду съ этимъ ей не давала заснуть другая, болѣе сильная тревога: она не могла отдѣлаться отъ мысли объ Эльзѣ; она переживала разъ за разомъ свое прощаніе съ ней, видѣла ея послѣдній, словно умоляющій взглядъ, слышала вновь, какъ захлопнулась за ней дверца кареты, и до тѣхъ поръ волновала себя самыми страшными фантазіями, отъ которыхъ волосы у нея становились дыбомъ и которыя, благодаря ея неопытности, принимали самые грандіозные размѣры, пока ей не удалось убѣдить себя, что съ Эльзой непремѣнно случилось какое-нибудь ужасное несчастіе.

Поэтому первою ея мыслью поутру было поѣхать въ Торпу и посмотрѣть, все ли тамъ благополучно. Но она не встрѣтила сочувствія ни со стороны отца, ни со стороны Эрики, которой она повѣрила одолѣвавшіе ее страхи. Гольмеръ только посмѣялся надъ ней и обозвалъ ее «старою дурой», что глубоко оскорбило ее, хотя она и привыкла къ его манерѣ, а Эрика наотрѣзъ отказалась съ ней ѣхать. За послѣднее время Луиза совсѣмъ перестала понимать Эрику. Она сдѣлалась какая-то странная и старшая сестра готова была даже пожалѣть объ ея прежнемъ рѣзкомъ и насмѣшливомъ обращеніи. Да и вообще послѣдній годъ былъ такъ богатъ событіями, что Луиза, привыкшая къ ровной, тихой, однообразной жизни, была совершенно сбита съ толку и не понимала хорошенько, что такое творится вокругъ.

Все утро она старалась преодолѣть свое безпокойство, но, наконецъ, оно одержало верхъ надъ ней и Луиза почувствовала, что должна во что бы то ни стало собственными глазами убѣдиться, что никакого несчастія не случилось. Безъ вѣдома отца она велѣла запрягать и отправилась въ Торпу.

Когда экипажъ остановился у крыльца, самъ хозяинъ вышелъ посмотрѣть, кто пріѣхалъ. У него былъ такой милый и добродушный видъ, что Луиза совсѣмъ не узнала то чудовище, какимъ онъ сдѣлался для нея въ ея ночныхъ химерахъ, и нѣсколько сконфуженно взяла его руку, когда онъ поздоровался съ ней.

— Какъ ты кстати пріѣхала!—сказалъ онъ.—Мы только что обирались садиться за столъ; ты позавтракаешь съ нами.

— Можетъ быть, я пріѣхала не во-время?—пролепетала Луиза.—Но мнѣ такъ хотѣлось повидаться съ Эльзой!

— Конечно, нѣтъ, Эльза сидитъ въ залѣ, я только пойду взглянуть, есть ли кто въ конюшнѣ. Ну-съ, пожалуйте, милая сестричка!

И онъ съ веселымъ смѣхомъ пропустилъ ее въ переднюю.

Тамъ къ ней на встрѣчу вышла Эльза. Она слегка покраснѣла, увидавъ сестру, но тотчасъ же овладѣла собой, подошла къ ней и сказала съ довольно спокойною радостью:

— Вотъ какъ, это ты, Луиза! А я спрашивала себя, кто бы это могъ быть? Добро пожаловать къ намъ!

Луиза притянула ее за руки и попыталась заглянуть ей въ глаза.

— Я не могла не пріѣхать, — сказала она, — я такъ безпокоилась...

Эльза встрѣтила ея взглядъ съ холоднымъ изумленіемъ.

— Безпокоилась? Почему же?

— Потому... потому что... я все думала, какъ ты уѣхала вчера... — смущенно отвѣтила Луиза, недоумѣвая въ душѣ, неужели Эльза забыла свое прощанье съ родительскимъ домомъ?

Эльза, дѣйствительно, наморщила лобъ, какъ бы стараясь припомнить. Она смутно помнила, что была взволнована и испытывала что-то вродѣ страха, прощаясь съ Луизой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей казалось, что это было уже такъ давно, и что Луиза поступила неделикатно, пріѣхавъ напомнить ей объ этомъ.

— Какое ты дитя! — сказала она тономъ старшей сестры и сейчасъ же перемѣнила разговоръ.—Пойдемъ, я тебѣ покажу, какъ мы устроились. А когда Торстенъ вернется, мы сядемъ завтракать.

Онѣ обошли всѣ комнаты, Эльза показывала ихъ сестрѣ, объясняла, какія перемѣны еще остается сдѣлать и какъ они съ Торстеномъ думаютъ переставить мебель. «Мы» повторялось въ каждой фразѣ.

Онѣ остановились, наконецъ, въ гостиной.

— Вотъ здѣсь мы будемъ сидѣть по вечерамъ,—сказала Эльза.

— Это самая прелестная комната, только отсюда и видѣнъ лѣсъ.

— Особенно по вечерамъ, когда темно, — со смѣхомъ подхватилъ Экъ, вошедшій въ эту самую минуту.

— Что-жь, это ничего не значитъ! Вѣдь, мы же, все-таки, будемъ знать, что онъ передъ нами.

— Да, Эльза совсѣмъ безъ ума отъ этого лѣса,—сказалъ Э Луизѣ такимъ тономъ, точно онъ зналъ это по очень давнему опы

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? Вѣдь, и ты его любишь.

Она укоризненно взглянула на него.

— Да, конечно,—отвѣтилъ онъ и поцѣловалъ жену.—Однак я страшно проголодался. Пожалуйте завтракать, завтракать!

За столомъ прислуживала Лисса и все время не спускала гла

съ Эльзы, подстерегая ея малѣйшій жестъ, чтобы тотчасъ же исполнить приказаніе, тогда какъ Эльза, наоборотъ, дѣлала всѣ распоряженія скорѣе въ формѣ вопроса, еще совсѣмъ не освоившись съ своимъ положеніемъ хозяйки и опасаясь въ чемъ-нибудь ошибиться. Утромъ они слегка поспорили съ Экомъ по поводу мамзель Томпсонъ. Эльза хотѣла, чтобъ она сидѣла за столомъ вмѣстѣ съ ними, такъ какъ иначе она оскорбилась бы и подумала бы, что ей оказываютъ пренебреженіе, но Экъ возражалъ, что прежде она всегда завтракала и обѣдала вмѣстѣ съ Лиссой и Линой, и эти сочли бы себя теперь обиженными, тогда какъ сама она не получила бы никакого удовольствія отъ такой перемѣны.

— И, наконецъ, вѣдь, мы не могли бы тогда быть одни съ тобою,—шутливо прибавилъ онъ.

Этотъ доводъ убѣдилъ Эльзу и она поблагодарила мужа поцѣлуемъ.

За завтракомъ Экъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ получилъ утромъ письмо, въ которомъ ему предлагали купить у него лѣсу на очень хорошихъ условіяхъ, и подробно изложилъ всѣ выгоды этой сдѣлки. Кромѣ того, это было бы очень полезно для самого лѣса, такъ какъ онъ былъ слишкомъ густъ и требовалъ расчистки. Но Эльзу огорчило то, что ей пришлось узнать эту новость не раньше, а одновременно съ Луизой, и что она поневолѣ должна была выдать передъ сестрой свое незнакомство съ дѣлами мужа. Она рѣшила, какъ только они останутся одни, попросить его сообщить ей важнѣйшіе пункты, касавшіеся его хозяйства.

Еще одна вещь огорчала ее—то, что онъ какъ разъ сегодня могъ говорить о дѣлахъ, особенно о томъ, что касалось лѣса. Но она сама находила это до такой степени ребячливымъ, что старалась объ этомъ не думать. Она обѣщала себѣ быть практической и разсудительной во всемъ, что имѣло отношеніе къ дѣятельности Торстена.

Тотчасъ послѣ завтрака Луиза собралась домой. Она совершенно успокоила сьнасчетъ Эльзы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовала себя немножко разочарованной и почти раскаивалась въ своемъ посѣщеніи, которое начинало ей казаться глупымъ и неумѣстнымъ. Эльза сдѣлала лишь слабую попытку удержать ее.

— Кланяйся папѣ и сестрамъ,—сказала она, когда Луиза уже сидѣла въ экипажѣ.—Мы пріѣдемъ къ вамъ какъ-нибудь на-дняхъ.

И Луиза уѣхала съ нѣкоторою горечью въ сердцѣ и непривычными мыслями о томъ, что жизнь, все-таки, складывается какъ-то странно. Она получила такое впечатлѣніе, точно Эльза сдѣлалась

ей чужая, точно она теперь уже не такая ей сестра, какою была до сихъ поръ; ихъ мысли и интересы разошлись по совсѣмъ разнымъ дорогамъ и никогда уже не будетъ такъ, какъ было прежде. Ей такъ захотѣлось вернуться скорѣе домой, къ ея хозяйственнымъ хлопотамъ и мелкимъ заботамъ... и, главное, къ маленькимъ сестрамъ. Неужели и онѣ когда-нибудь выйдутъ замужъ и сдѣлаются ей чужими?

Въ эти первые дни ихъ брачной жизни Эльза испытывала почти лихорадочную потребность раскрыть Торстену свою душу; ей хотѣлось, чтобъ онъ зналъ всѣ ея мысли, чтобъ онъ былъ участникомъ всякаго движенія ея сердца, и больше того—участникомъ всего, что она когда-либо думала и чувствовала, чтобы, такимъ образомъ, принадлежать ему не только тѣломъ, но всѣмъ своимъ существомъ. Это желаніе уже не было неопредѣленнымъ стремленіемъ, колебавшимся между преданностью и замкнутостью, какъ въ первое время ихъ помолвки, а сильнымъ, сознательнымъ побужденіемъ, только крѣпнувшимъ отъ встрѣчаемаго отпора.

Экъ терпѣливо и добродушно слушалъ ее, иной разъ ея рѣчи находили въ немъ сочувственный откликъ, но все же онѣ ему казались крайне безсвязными и причудливыми. Но теперь экзальтація Эльзы не безпокоила его, какъ передъ свадьбой, онъ не придавалъ ей значенія и думалъ, что это нѣчто совершенно несущественное и мало-по-малу исчезнетъ само собой, какъ только Эльза немножко свыкнется съ новыми условіями жизни. Теперь, вѣдь, медовый мѣсяцъ; потомъ она опять сдѣлается его настоящею Эльзой, думалъ онъ про себя, въ спокойномъ и увѣренномъ сознаніи своихъ неотъемлемыхъ правъ на нее. Самъ онъ мало чѣмъ могъ подѣлиться съ ней: онъ и отъ природы былъ довольно молчаливъ, да и не зналъ, къ тому же, о чемъ ему говорить съ ней. Его сомнѣнія и опасенія теперь окончательно разсѣялись; ему казалось, что все идетъ такъ, какъ и должно,—вѣдь, Эльза теперь его жена.

Гораздо болѣе по вкусу пришлась Эку ея другая идея — сразу ознакомиться со всѣмъ, что имѣло отношеніе къ Торпѣ и его дѣятельности. Нетерпѣніе, которое она выказывала, трогало его, какъ доказательство ея любви къ нему, и онъ съ величайшею охотой пускался въ пространныя объясненія. Они дѣлали длинныя прогулки по усадьбѣ, осматривали конюшни и скотный дворъ, овины и амбары, причемъ Эльза знакомилась съ рабочими. Это въ особенности интересовало ее, ей нравилось испытывать надъ людьми свою притягательную силу и побѣждать недовѣріе, съ которымъ въ по-

мѣстьѣ смотрѣли на новую госпожу. За то самое дѣло интересовало ее гораздо меньше; при всемъ своемъ стараніи она не могла избороть скуки, навѣваемой на нее разговорами о супескѣ и суглинкѣ, объ оросительныхъ каналахъ, о кормѣ скота и о цѣнахъ на хлѣбъ. Она думала, что все это пріобрѣтетъ для нея значеніе, потому что будетъ общимъ достояніемъ ея и мужа, но испытывала теперь горькое разочарованіе, быть можетъ, потому, что Торстенъ интересовался этими вещами ради нихъ самихъ, а вовсе не съ ея точки зрѣнія; она хотѣла смотрѣть на нихъ, какъ на средство, онъ же видѣлъ въ нихъ самую суть.

Притомъ же, все это не могло не казаться ей сухимъ и прозаическимъ какъ разъ теперь, когда словно потокъ новой жизни съ сильными порывами и нетерпѣливымъ стремленіемъ пробѣгалъ по ея тѣлу и душѣ. Настанетъ время и для этихъ скучныхъ вещей, она знала это и была готова заняться ими тогда, какъ должно, но теперь она чувствовала потребность въ чемъ-то болѣе богатомъ, болѣе прекрасномъ, въ чемъ-то такомъ, что могло бы дать жизнь всѣмъ мелодіямъ, дремавшимъ внутри ея и ожидавшимъ пробужденія. Она жаждала солнца и свѣта, она мечтала о югѣ, о чудныхъ лунныхъ ночахъ, о зеленыхъ рощахъ и птичьихъ пѣсняхъ, о счастьѣ, которое, навѣрное, поджидаетъ ее въ какомъ-нибудь уголкѣ этого манящаго міра. Ахъ, зачѣмъ они не поѣхали путешествовать, тогда все сложилось бы совсѣмъ иначе! Теперь же счастье прошло мимо ея рукъ, и никогда не удастся ей отвѣдать его. Здѣсь царила зима, здѣсь было такъ холодно и такъ пусто, а Торстенъ былъ такъ разсудителенъ, такъ нестерпимо разсудителенъ. Онъ, конечно, умѣлъ шутить и смѣяться, но въ серьезныя минуты онъ былъ ужасно разсудителенъ. И взоръ его былъ такъ спокоенъ и невозмутимъ, никогда не видала она, чтобъ онъ загорался какимъ-нибудь чувствомъ, которое охватило бы ее со всею мощью симпатіи, а голосъ его былъ такъ же ровенъ и однозвученъ, какъ голосъ мельницы, жужжавшей за ея окномъ.

Неужели это настоящая любовь?—недоумѣвала она порой.—Неужели же все то, о чемъ она мечтала, что предугадывала, было одной лишь пустою грёзой?... Дѣйствительно ли любитъ ее Торстенъ, и любитъ ли она его такимъ, какъ онъ есть? Какъ скоро эта послѣдняя мысль настойчивѣе подступала къ ней, она становилась вдвое нѣжнѣе и ласковѣе къ мужу.

Настало Рождество, а вмѣстѣ съ нимъ наступилъ и отдыхъ отъ этихъ зарождавшихся сомнѣній и этихъ порываній, никогда не находившихъ удовлетворенія и оставлявшихъ послѣ себя тревожную

усталость и горькое уныніе. Торстенъ и Эльза провели праздники въ Бинесѣ и Эльза тѣсно примкнула къ младшимъ сестрамъ, принимала участіе во всѣхъ ихъ выдумкахъ и рождественскихъ забавахъ, стараясь вообразить себѣ, будто она снова стала ребенкомъ, вспоминала прошлые года и усиливалась вызвать въ себѣ и на этотъ разъ безпокойство и ожиданіе, пріятную лихорадку, которую она испытывала обыкновенно передъ Рождествомъ. Въ рождественскій вечеръ, благодаря своей изобрѣтательности и шаловливости, она сдѣлалась центромъ общаго веселья и меньшія сестры съ такимъ энтузіазмомъ ласкались къ ней, что Луиза почувствовала себя немножко отодвинутой на задній планъ.

— Вотъ что значитъ выйти замужъ! — сказалъ Гольмеръ, и Экъ въ знакъ сочувствія радостно засмѣялся: онъ такъ гордился «своею Эльзой»! Но все же ему казалось, что она могла бы немножко заняться и имъ, а не посвящать все свое время дѣтворѣ.

Онъ поймалъ ее въ залѣ, гдѣ она стояла одна, убирая елку.

— Ты никакъ совсѣмъ забыла меня, Эльза? — сказалъ онъ комически-укоризненнымъ тономъ.

Но она сейчасъ же сдѣлалась серьезна.

— Что ты хочешь сказать? — отвѣтила она. — Я не понимаю тебя.

— Развѣ же ты не понимаешь... что я чувствую себя заброшеннымъ?

— Нѣтъ, не понимаю, — настойчиво повторила она и посмотрѣла ему въ глаза упрямымъ, вызывающимъ взглядомъ.

Онъ понять не могъ, почему она не поддерживаетъ шутливаго тона.

— Ну, въ такомъ случаѣ, мнѣ, вѣроятно, лучше всего улетучиться, — сказалъ онъ, дѣлая видъ, что хочетъ уйти.

— Ты желалъ бы, чтобы мы уѣхали отсюда? Уѣхали домой, въ Торпу? — спросила она съ тѣмъ же вызывающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не желаю этого! — отвѣтилъ онъ съ притворнымъ испугомъ.

— Но еслибъ я этого желала, поѣхалъ бы ты тогда?

— Но, вѣдь, ты этого не желаешь! — засмѣялся онъ.

Глаза Эльзы сверкнули.

— Хочешь, мы сейчасъ побѣжимъ домой, Торстенъ? — воскликнула она, — хочешь? — и она сдѣлала движеніе, какъ бы готовясь разбѣжаться. Она сама не знала въ точности, шутитъ онъ или говоритъ серьезно. Она была въ такомъ настроеніи, что, казалось, могла бы пойти на все.

— Нѣтъ, я-то ужь, по крайней мѣрѣ, поѣхалъ бы въ такомъ случаѣ,— сказалъ онъ, смѣясь, и, притянувъ къ себѣ жену, хотѣлъ поцѣловать ее.

Но она оттолкнула его отъ себя.

— Зачѣмъ ты мнѣ мѣшаешь?—нетерпѣливо вскричала она.— Сегодня я не жена тебѣ.

— Вотъ какъ! Кто-жь ты такое?

— Я опять дитя! — отвѣтила она и поднялась на цыпочкахъ, чтобы привѣсить яблоко.— Я послѣднее Рождество провожу ребенкомъ, неужели ты не можешь подарить мнѣ его? Ступай къ старикамъ!

Она отошла на нѣсколько шаговъ и стала осматривать елку, напѣвая въ полголоса какой-то мотивъ.

Онъ простоялъ нѣсколько минутъ позади нея, ожидая чего-то, хотя самъ не зналъ, чего, но она не оглянулась на него и онъ ушелъ съ мучительнымъ ощущеніемъ, что ея шутка жестока.

Но въ самой ея рождественской радости было, тѣмъ не менѣе, много грусти, въ ней крылось что-то вродѣ прощанія, и когда Эльза смѣялась, ей казалось, что она также легко могла бы заплакать. За рождественскою службой это чувство овладѣло ею съ такою силой, что она не выдержала и вдругъ залилась слезами.

Экъ, сидѣвшій возлѣ нея, совсѣмъ перепугался и спросилъ, что съ ней такое. Она только сдѣлала жестъ рукою, чтобы заставить его замолчать, но не могла ему отвѣтить изъ боязни, что ея рыданія будутъ слышны.

Но когда они вышли изъ церкви, онъ сталъ осаждать ее безпокойными вопросами. Нездорова она или чѣмъ-нибудь другимъ разстроена? Или, можетъ быть, пасторъ что-нибудь сказалъ?

Она слабо улыбнулась и отвѣтила:

— Я сама не знаю... Все это вмѣстѣ, свѣчи и... Да, особенно свѣчи... я, право, не могла удержаться!

Она чувствовала такую усталость въ тѣлѣ и такую кротость въ душѣ. Она взяла руку мужа, оперлась на нее и сказала:

— Не безпокойся обо мнѣ, Торстенъ.

Онъ все еще былъ напуганъ и старался показать ей въ своихъ ловахъ и мелкихъ заботахъ ту нѣжность, которую дѣйствительно чувствовалъ къ ней. Но когда въ теченіе дня она сдѣлалась такая ь веселая, какъ и наканунѣ вечеромъ, онъ успокоился, думая, о, вѣроятно, вся причина въ нервахъ. Вѣдь, у женщинъ всегда го-то странное творится съ нервами.

Рождество прошло и они опять возвратились въ Торпу. Экъ хотя и весело провелъ праздники, но все же радъ былъ снова зажить спокойною жизнью, а Эльза оглядывалась на нихъ съ смѣшаннымъ чувствомъ грусти и презрѣнія, какъ думаютъ о такихъ вещахъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ цѣны, а пріобрѣтаютъ ее лишь въ силу того, что онѣ никогда уже не вернутся. Но самой ей казалось, что она пережила кризисъ, послѣ котораго чувствовала себя усталой и изнеможенной, но, въ то же время, мягче настроенной, чѣмъ прежде. И вся она какъ-то притихла.

Прежде по вечерамъ она не занималась рукодѣльемъ, а просто сидѣла и болтала съ мужемъ, и необходимость поддерживать съ ней разговоръ такъ утомляла Эка, что онъ, ложившійся обыкновенно спать въ девять часовъ, уже въ восемь начиналъ дремать. Но теперь Эльза уже не чувствовала охоты вести бесѣду, для нея было настоящимъ отдыхомъ сидѣть и молчать, ей казалось, что она высказала все, что имѣла сказать, и говорила все это въ пустомъ пространствѣ, повторять все съизнова она не могла. Она придумала себѣ работу, не особенно интересовавшую ее, но все же служившую ей занятіемъ и представлявшую какъ бы точку опоры для мыслей.

Экъ сидѣлъ и курилъ, читалъ газету, отъ времени до времени завязывалъ разговоръ, который они продолжали вести довольно равнодушно, пока нить его не обрывалась сама собой, и тогда они снова погружались въ молчаніе. Потомъ къ нимъ заходила мамзель Томпсонъ, раскладывала пасьянсы или гадала, и Эльза иной разъ опускала работу на колѣни и съ разсѣяннымъ интересомъ слѣдила за бѣлыми, жирными пальцами, проворно кидавшими карты, и слушала, какъ мамзель Томпсонъ пророчила всему сосѣдству горе и несчастье. Иногда она совсѣмъ не знала, что̀ говорила гадальщица, иногда же ее вдругъ охватывалъ интересъ къ предсказаніямъ и она начинала думать о томъ, сбудутся они или нѣтъ. Потомъ они ужинали, а въ девять часовъ Экъ уходилъ спать. Эльза оставалась еще нѣкоторое время въ гостиной и, усѣвшись у окна, глядѣла въ ночную тьму, вслушиваясь въ шумъ водопада и въ жужжаніе мельничнаго колеса; наконецъ, ей это надоѣдало и она уходила къ мужу; чаще всего она заставала его спящимъ, и это ей было пріятнѣе, чѣмъ если онъ дожидался ее. Иногда она нѣсколько дольше забывалась за книгой.

Эку эти вечера были совсѣмъ по душѣ. Ему не скучно было сидѣть молча; онъ уже столько лѣтъ молчалъ по вечерамъ, что это сдѣлалось для него почти необходимостью. И это молчаніе имѣло

для него особую прелесть теперь, когда возлѣ него сидѣла Эльза склонившись надъ работой, съ лицомъ въ тѣни, между тѣмъ какъ свѣтъ падалъ на ея бѣлыя, тонкія руки, точь-въ-точь такая, какою она всегда рисовалась ему въ мечтахъ, и онъ могъ отъ времени до времени любоваться ею. И когда онъ останавливался на мысли, что она его жена, онъ не находилъ никакихъ недочетовъ въ своемъ счастьѣ.

Онъ высказалъ ей это однажды, почувствовавъ потребность въ задушевной бесѣдѣ,—на него находило иногда такое настроеніе.

— Знаешь, ты такая хорошенькая, когда сидишь вотъ такъ.

Она посмотрѣла на него съ слабымъ проблескомъ любопытства, но вовсе не польщенная.

— Какъ это «такъ»? Что ты хочешь сказать?

Онъ засмѣялся.

— Я хочу сказать... такая тихая... молчаливая.

Онъ все смѣялся, какъ бы желая замаскировать косвенный упрекъ, заключавшійся въ его словахъ.

Ея взоръ выражалъ такой настойчивый вопросъ, что онъ слегка смутился и опустилъ глаза.

Они просидѣли нѣсколько времени молча.

— Хотѣлось бы мнѣ знать...—заговорила она вдругъ, но тотчасъ же остановилась.

— Что бы тебѣ хотѣлось знать?

— Ахъ, мнѣ пришла въ голову такая странная мысль!

Она не могла удержаться и разсмѣялась надъ этою мыслью, хотя, въ сущности, ей вовсе было не до смѣха.

— Я подумала, что еслибъ я... пропала... такъ что тебѣ пришлось бы дѣлать объ этомъ заявленіе, ты, навѣрное, не съумѣлъ бы описать мои примѣты.

Онъ взглянулъ на нее, совершенно изумленный въ первую минуту этою странною мыслью, и потомъ разразился такимъ неподдѣльнымъ смѣхомъ, что увлекъ за собой и Эльзу. Но такъ какъ онъ никакъ не могъ перестать, то, наконецъ, ей сдѣлалось больно отъ его смѣха и на глазахъ ея чуть не выступили слезы.

— Нѣтъ, въ этомъ и не было бы нужды, потому что я самъ бы разыскалъ тебя,—сказалъ онъ, наконецъ, немного успокоившись.

Она принужденно улыбнулась ему въ отвѣтъ, но долго сидѣла молча. Потомъ мало-по-малу она опустила руки на колѣни, откинулась на спинку стула и спросила:

— Въ самомъ дѣлѣ, разыскалъ бы?

— Какъ же, непремѣнно,—отвѣтилъ онъ съ напускною серьезностью.

— Такъ почему же ты не ищешь теперь?—спросила она такъ тихо, что онъ не совсѣмъ разслышалъ ея слова, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она продолжала:—Какъ это удивительно, что мы сблизились, благодаря тому, что ты разсказалъ мнѣ, какъ бѣжалъ изъ дому... Ты это забылъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, не понимая, почему ей это вспомнилось именно теперь.

— И ты не испугался?

— Испугался? Чего?

— Того, что ты мнѣ этимъ-то и понравился?

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее. Онъ пришелъ къ заключенію, что это самый лучшій отвѣтъ, когда Эльза говоритъ такія странныя вещи.

По утрамъ Экъ былъ теперь очень занятъ: какъ только выпалъ первый снѣгъ, у него началась рубка лѣса и онъ самъ надзиралъ за работой. Эльза исполняла въ это время свои хозяйственныя обязанности. Вначалѣ, когда власть должна была перейти отъ мамзель Томпсонъ къ ней, возникли нѣкоторыя неудовольствія, но, благодаря твердости Эка, которую онъ умѣлъ-таки проявлять, когда считалъ это нужнымъ, они довольно быстро сгладились, и какъ скоро мамзель Томпсонъ успѣла переварить нанесенную ей обиду, она очень легко примирилась съ своею бездѣятельностью и находила даже извѣстное удовлетвореніе своимъ оскорбленнымъ чувствамъ въ возможности устроить себѣ совершенно праздную жизнь. Ничто не мѣшало ей теперь спать по утрамъ сколько ей было угодно, и она въ полной мѣрѣ пользовалась этимъ правомъ. Ея тучная фигура расплывалась все больше и больше и пропорціонально съ этимъ мамзель Томпосонъ становилась все неподвижнѣе; почти все время она проводила теперь наверху, въ своей комнатѣ, возилась съ своею собачкой и принимала визиты старухъ-сосѣдокъ, усердно навѣщавшихъ ее ради ея спиртового кофейника, рождественскаго подарка Эльзы, пламя котораго трещало съ утра и почти вплоть до обѣда.

Ея фантазія работала уже не такъ энергично, какъ прежде, и карты начинали все болѣе и болѣе вытѣснять сны.

Что касается Лиссы, то, несмотря на свои добрыя намѣре , она не могла преодолѣть непріязни къ Эльзѣ. Эта непріязнь глу - ко засѣла въ ея старомъ, упрямомъ сердцѣ и никакія ласки не м - ли ея искоренить. Но съ тѣмъ бо́льшимъ повиновеніемъ и вним - емъ относилась она къ Эльзѣ, какъ къ своей госпожѣ, и, бл -

дая ея умной головѣ и привычнымъ къ работѣ рукамъ, обязанности Эльзы казались ей довольно легки.

Такъ подошла весна, и жизнь молодой женщины исполнилась новаго, богатаго интереса, въ сравненіи съ которымъ все другое сдѣлалось для нея на нѣкоторое время незначительнымъ и ничтожнымъ. Она знала, что будетъ матерью.

VII.

Четыре года, не ознаменованные никакими выдающимися событіями, прошли съ тѣхъ поръ, какъ у Эковъ родилась дочь, ихъ первый и единственный ребенокъ. У Эльзы были очень трудные роды и ей цѣлый годъ пришлось хворать отъ ихъ послѣдствій, но теперь она опять была совершенно здорова. И съ этого времени супружеская жизнь владѣльцевъ Торпы приняла мало-по-малу тотъ характеръ, который всегда смутно представлялся Эку самымъ желательнымъ.

Когда онъ возвращался домой съ работы, усталый и голодный, онъ былъ менѣе словоохотливъ, чѣмъ когда-либо, и супруги не слишкомъ-то много разговаривали. Но пока онъ ѣлъ, и потомъ, когда отдыхалъ, ему было пріятно знать, что Эльза находится близъ него, пріятно было видѣть ее сидящей за книгой или за рукодѣльемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ она и съ нимъ усвоила себѣ спокойную и тихую манеру, которой держалась въ обхожденіи съ посторонними, и которая, прежде всего другого, привлекла его къ ней. Какъ хозяйка, она была въ его глазахъ безупречна и отношенія между ними были вполнѣ хороши; если они мало говорили другъ съ другомъ, то за то никогда и не ссорились.

Порой Эку, все-таки, сдавалось, будто между ними не все идетъ такъ, какъ должно, будто остается что-то невыясненное, что-то вродѣ недоразумѣнія. Это бывало тогда, когда на Эльзу опять находили ея прежнія «экзальтированныя идеи»; это повторялось теперь гораздо рѣже, но за то Эку казалось, будто она умышленно до такой степени преувеличиваетъ свои фантазіи, что и сама перестала имъ вѣрить. Но если онъ пробовалъ разсуждать съ ней, она горячилась и начинала еще больше преувеличивать, такъ что онъ предпочиталъ прибѣгать къ своей старой тактикѣ — дремалъ и притворялся, что не слышитъ, и тогда это проходило само собой.

Ребенокъ былъ, конечно, связующимъ звеномъ между ними, но онъ же не привелъ ихъ къ болѣе тѣсному сближенію, скорѣе наоборотъ, такъ какъ они обыкновенно обращались другъ къ другу че-

резъ посредство ребенка. Для Эка было маленькимъ разочарованіемъ, что родился не мальчикъ, а дѣвочка, но онъ очень забавлялся малюткой и, въ особенности, восхищался тѣмъ, что она такая крошечная и тоненькая.

Пока Эльза была больна, она не могла много заниматься ребенкомъ, но за то въ лицѣ Лиссы нашлась для него преданная и неутомимая няня. Въ нѣжности къ нему растаяла, наконецъ, ея вражда къ матери ребенка, и дѣло не обошлось безъ того, что ея привязанность къ патрону потерпѣла отъ этого нѣкоторый ущербъ. Что дѣлать? Старушка была немножко односторонняя въ своихъ симпатіяхъ, ей трудно было быть совсѣмъ безпристрастною. Ея маленькіе глазки были зорче, чѣмъ думали люди, и она съ самаго начала чувствовала и понимала, что не все такъ ладно между Экомъ и Эльзой, какъ могло казаться по внѣшнему виду; но, пока не было малютки, она приписывала вину Эльзѣ, потому что ея привязанность къ патрону была тогда сильнѣе. Съ рожденіемъ дѣвочки наступила перемѣна въ ея чувствахъ.

Благодаря общимъ заботамъ о ребенкѣ, она гораздо больше сблизилась съ Эльзой, научилась понимать и любить ее, и, по мѣрѣ того, какъ росла ея привязанность къ ней, она стала все больше и больше переносить вину на Эка. Эта перемѣна произошла въ ней не безъ внутренней борьбы и упрековъ самой себѣ, и потому въ своемъ обращеніи съ Эльзой она бывала подчасъ суровѣе, чѣмъ въ прежнее время: вѣдь, ей не подобало показывать то, что она думаетъ, и открыто брать чью-либо сторону.

Но когда Эльза совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, ее охватила мало-по-малу горячая, порой принимавшая страстный характеръ любовь къ ребенку, — любовь, сдѣлавшаяся съ этихъ поръ тою нитью, на которой держалось все ея существованіе.

Вообще же она ходила точно ощупью въ потемкахъ, цѣпляясь то за то, то за другое, не находя ничего, на чемъ она могла бы отдохнуть, чему могла бы отдаться съ настоящимъ, живымъ интересомъ. Въ первую весну послѣ своего выздоровленія она увлеклась мыслью привести въ порядокъ садъ. Экъ питалъ безпредѣльное презрѣніе къ этому виду агрономіи и считалъ его скорѣе праздною забавой, а потому изъ году въ годъ оставлялъ въ небреженіи свой садъ, который, наконецъ, совсѣмъ зарос и заглохъ. Идея Эльзы не особенно пришлась ему по вкусу но, добродушный какъ всегда, онъ не сталъ ей препятствовать и уступилъ ей нѣсколькихъ рабочихъ, хотя находилъ, что терпитъ отъ этого убытокъ и что вся эта затѣя—пустая трата вре

мени. И Эльза на первыхъ порахъ съ жаромъ предалась новому дѣлу, сама по мѣрѣ возможности принимала участіе въ работахъ, сажала и сѣяла, съ наслажденіемъ вдыхала теплый ароматъ земли, остававшійся на ея рукахъ, радовалась, видя, какъ всходятъ сѣмена, съ любовью холила нѣжныя растеньица, оберегала ихъ отъ солнца, сама поливала ихъ. Ей казалось, что и она причастна этой новой жизни, разцвѣтавшей, благодаря ей, обязанной ей своимъ существованіемъ, и когда, по небрежности одного рабочаго, въ садъ однажды забрели лошади и причинили довольно значительное опустошеніе, Эльза была совсѣмъ неутѣшна и такъ возненавидѣла этого рабочаго, что Экъ долженъ былъ переселить его на хуторъ. Это послужило даже поводомъ къ самой крупной размолвкѣ, какая когда-либо возникала между ними. Дѣло въ томъ, что Экъ отнесся довольно легко къ несчастью и, давши это замѣтить Эльзѣ, вызвалъ противъ себя цѣлый градъ бурныхъ упрековъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ провинности, еслибъ даже это и была провинность, съ чѣмъ Экъ никакъ не могъ согласиться. И съ тѣхъ поръ она никогда не говорила съ мужемъ объ этомъ и всячески старалась скрыть отъ него свой интересъ къ саду. Но, по мѣрѣ того, какъ лѣто близилось къ концу, по мѣрѣ того, какъ растенія поднимались и не такъ уже нуждались въ уходѣ, и этотъ интересъ сталъ ослабѣвать, и осенью она уже безъ всякой радости пожинала плоды своихъ стараній и заботъ. На слѣдующую весну она, повидимому, совсѣмъ забыла о садѣ, и такъ какъ Экъ остерегался напоминать ей о немъ, то мало-по-малу онъ опять пришелъ въ прежнее запущенное состояніе.

Иногда Эльза проводила цѣлые дни за чтеніемъ романовъ, но были опять-таки времена, когда она не могла принудить себя раскрыть книгу.

Порой на нее находила лихорадочная жажда дѣятельности, и она начинала упрекать себя въ томъ, что она совсѣмъ безполезный человѣкъ въ имѣніи, что и безъ нея все шло бы такъ же хорошо, и даже гораздо лучше. Тогда она съ внезапнымъ увлеченіемъ набрасывалась на какую-нибудь доступную ей отрасль сельскаго хозяйства, то заводила птичникъ въ обширныхъ размѣрахъ, то тепличную, то молочную ферму. Экъ, конечно, не слишкомъ-то вѣрилъ въ результаты этихъ начинаній, но не мѣшалъ женѣ въ ея предпріятіяхъ и никогда не показывалъ ей своего неудовольствія, когда они надоѣдали ей и она ихъ бросала. Но послѣ всякой подобной неудачной попытки наступалъ для Эльзы періодъ унынія и горькаго самопрезрѣнія.

Временами на нее нападала тоска по родительскомъ домѣ и она осыпала себя упреками за то, что забыла его и сдѣлалась холодна къ отцу и сестрамъ. Тогда она брала съ собой свою дѣвочку и, какъ только Экъ уходилъ въ поле, уѣзжала съ ней въ Бинесъ, гдѣ оставалась все утро до самаго обѣда; она пыталась вернуться къ своимъ прежнимъ привычкамъ, къ мыслямъ и интересамъ, наполнявшимъ ее въ дѣвическіе годы, навѣщала свою бывшую комнату, обходила всѣ свои любимые уголки, всѣ мѣста въ усадьбѣ, которыя въ тѣ времена ей особенно нравились.

Она старалась вообразить себѣ, что Луиза заступаетъ ей мѣсто матери, какъ тогда, когда она была маленькой, она ходила вмѣстѣ съ ней въ кухню и кладовую, или сидѣла возлѣ нея въ швейной и помогала ей въ работѣ, и въ массѣ мелочей она старалась доказать ей то довѣріе, котораго не могла ей доказать полною откровенностью, изъ боязни, что ея мысли, если она повѣритъ ихъ Луизѣ, останутся непонятыми ею.

Случалось, что она оставляла свою дѣвочку Эрикѣ, съумѣвшей сильно привязать къ себѣ малютку и обладавшей такою способностью всячески забавлять ее, какой она сама въ себѣ раньше не предполагала. Для нея эти дни были лучшими днями въ году; въ Торну она ѣздила чрезвычайно рѣдко.

Но Эльзу все время не покидало чувство, что это возвращеніе къ минувшему—одна только иллюзія, что никогда уже не будетъ такъ, какъ прежде, потому что сама она уже не та; она понимала, что и сестры это чувствуютъ, и постепенно это сознаніе отнимало всю прелесть у ея поѣздокъ въ Бинесъ, и она, разочарованная, возвращалась назадъ, въ свою настоящую семью.

Экъ думалъ подчасъ, что она скучаетъ и нуждается въ выѣздахъ и развлеченіяхъ, и раза два ему удалось уговорить ее отправиться погостить въ Стокгольмъ къ ея крестной матери, жившей постоянно въ столицѣ. Въ послѣдній разъ она ѣздила туда съ дѣвочкой и, вмѣсто одной недѣли, какъ было условлено, пробыла тамъ цѣлыхъ двѣ. Экъ стосковался по ней подъ конецъ, но не сдѣлалъ ей ни малѣйшаго упрека, когда она вернулась домой, тѣмъ болѣе, что первые дни по возвращеніи она была очень нѣжна съ нимъ и ласкова, почти не отходила отъ него, старалась угадывать его желанія, интересовалась его занятіями, вродѣ того, какъ это было первое время послѣ свадьбы. Но это сближеніе съ ея стороны продолжалось едва лишь недѣлю, затѣмъ опять установились прежнія отношенія, пожалуй, даже теперь она стала еще болѣе далека отъ мужа, чѣмъ прежде. Лѣто прошло тихо и спокойно, безъ всякихъ

событій, но надъ домомъ, все-таки, нависло какое-то тяжелое настроеніе, несмотря на чудесную погоду, на хорошій ростъ хлѣбовъ, блестящіе виды на урожай и вслѣдствіе этого превосходное расположеніе духа патрона.

Въ началѣ августа произошло замѣчательное въ своемъ родѣ событіе—умерла мамзель Томпсонъ. Она скончалась тихо и спокойно, безъ всякихъ широковѣщательныхъ предсказаній и предзнаменованій, совсѣмъ не такъ, какъ можно было бы ожидать. Утромъ она встала въ обычное время и передъ обѣдомъ прошлась по саду. Но потомъ она стала жаловаться на нездоровье и пошла въ свою комнату немножко отдохнуть. Когда Лисса часъ спустя заглянула къ ней, она лежала мертвая въ постели.

Ей устроили похороны, которыя вполнѣ удовлетворили бы ее самоё, еслибъ она могла ихъ видѣть,—въ воскресный день, по окончаніи утренней службы. Много народа собралось у могилы, особенно стариковъ и старухъ, и на первомъ планѣ были старухи изъ Торпы, тѣ четыре, которыя еще оставались въ живыхъ и для которыхъ эти похороны имѣли мрачный, роковой смыслъ. Тутъ же стоялъ и Торстенъ Экъ, искренно опечаленный мыслью о томъ, какъ пусто теперь будетъ въ домѣ безъ старой мамзель Томпсонъ, которую онъ привыкъ въ немъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя, и, наконецъ, Эльза, на которую эти похороны произвели глубокое, подавляющее впечатлѣніе, хотя покойница занимала въ немъ лишь второстепенное мѣсто.

Не столько объ умершей думала она, сколько о смерти, и при этой мысли у нея словно открылись глаза на ея собственную жизнь, она вдругъ поняла, до чего эта жизнь пуста, бѣдна, безсодержательна. Простая привычка, повторявшаяся изо дня въ день, безъ истинной радости и истиннаго горя, безъ удовлетворенія требованій, громко взывавшихъ въ ея душѣ, безъ развитія силъ, нуждавшихся въ воздухѣ и свободѣ. Она думала о надеждахъ и обѣщаніяхъ, съ которыми вступила въ жизнь четыре года тому назадъ, и спрашивала себя, многія ли изъ нихъ осуществились? «Ничего не сбылось, ничего!»— съ горечью отвѣчала она. Въ этихъ словахъ ключался для нея весь смыслъ ея жизни, ея думъ, надеждъ и ремленій. И какой-то голосъ поднимался въ ней, непокорный, тежный голосъ, требовавшій воздуха и свѣта, свободы и счастья.

Этотъ голосъ съ тѣхъ поръ не умолкалъ и подъ вліяніемъ его престанныхъ призывовъ во всемъ существѣ Эльзы произошла ремѣна. Какая-то тревога овладѣла ею, которую ничто не могло ушить, которая ночью прогоняла сонъ съ ея вѣкъ, а днемъ

заставляла ее ходить изъ угла въ уголъ лишь для того, чтобы почувствовать усталость. Всѣ мечты, всѣ надежды ея юности снова проснулись въ ней, но уже болѣе сильныя, болѣе страстныя, чѣмъ прежде, вполнѣ сознательныя, такъ настойчиво требовавшія осуществленія, что одними обѣщаніями ихъ уже нельзя было усыпить. Порой ей казалось, что она сдѣлалась такъ жестка и себялюбива, что все другое, кромѣ ея личнаго счастья, потеряло для нея всякое значеніе, порой она опять терзалась раскаяніемъ и жгучими упреками самой себѣ.

Въ это время она сдѣлала послѣднюю отчаянную попытку сблизиться съ мужемъ и найти у него миръ и спокойствіе своей душѣ. Но она съ ужасомъ увидала, что вся любовь, которую она чувствовала или воображала, что чувствуетъ къ нему, безслѣдно угасла, и что онъ сдѣлался для нея совершенно чужимъ человѣкомъ, съ которымъ ея внутренній міръ ничѣмъ не былъ связанъ. И мало этого, даже все то, чѣмъ она когда-то восхищалась въ немъ: его сила, спокойная самоувѣренность, его могучій голосъ, оглушительный и добродушный смѣхъ,—сдѣлались ей теперь почти ненавистны, какъ что-то грубое и звѣрское. Она испытывала въ его присутствіи чисто-физическое отвращеніе, котораго не могла побороть, но которое дѣлало ея совмѣстную жизнь съ нимъ невыносимою мукой.

Тогда она почувствовала, что у нея разбился послѣдній якорь спасенія.

Насталъ сентябрь съ тяжелыми, лѣниво плывущими облаками и жаркими лучами солнца, съ рѣзкими порывами вѣтра и падающими листьями.

Разъ вечеромъ Эльза сидѣла въ гостиной и смотрѣла въ окно на садъ и поднимавшійся за нимъ лѣсъ, на который уже спускался сумракъ. Она напѣвала въ полголоса мотивъ, цѣлый день вертѣвшійся у нея въ головѣ, припѣвъ изъ старинной народной пѣсни:

«Распустились липы, облетѣли липы,
«Гдѣ же ихъ краса?...»

На этомъ она и останавливалась,—продолженіе совсѣмъ вылетѣло у нея изъ памяти.

Вдругъ она вздрогнула, услыхавъ въ сосѣдней комнатѣ какъ-то шумъ, точно отъ опрокинутаго на полъ стула.

Она стала со страхомъ прислушиваться, но все опять стихло. Тогда она поднялась съ своего мѣста и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Наконецъ, она остановилась передъ зеркаломъ, приподняла руками волосы съ висковъ и широко раскрытыми, вопрошающими глазами взглянула въ глаза, смотрѣвшіе на нее изъ зеркала, словно стараясь проникнуть взоромъ въ глубину своей собственной души.

Но въ это мгновеніе въ сосѣдней комнатѣ опять раздался шумъ и тяжелые шаги стали приближаться къ двери. Повинуясь внушенію минуты, она, задыхаясь, бросилась въ переднюю, схватила пальто и шляпу и выскочила на дворъ. Тамъ она надѣла на себя пальто, но шляпу оставила въ рукѣ и частыми, торопливыми шагами прошла черезъ садъ и направилась по тропинкѣ, которая, пересѣкая выгонъ передъ домомъ, поднималась къ лѣсу.

Съ мучительною отчетливостью выступила передъ нею мысль, что она когда-то воображала, будто любитъ этого человѣка, отъ котораго теперь она бѣжитъ, бѣжитъ такъ, какъ бѣгутъ, спасая свою жизнь.

Она вдругъ остановилась, и кровь горячимъ потокомъ бросилась ей въ лицо. Она чувствовала, какъ щеки ея пылаютъ словно отъ стыда, и опять ускорила шаги, пока, наконецъ, чуть не бѣгомъ добралась до лиственнаго лѣса. Лишь тогда, когда она убѣдилась, что деревья скрыли ее, она опять пошла тише и перевела дыханіе.

По дорогѣ она едва не наступила на цвѣточекъ, маленькую, запоздалую, блѣдную сиротинку; она нагнулась, сорвала цвѣтокъ, торопливо поднесла его къ губамъ и затѣмъ приколола къ платью. Щеки ея попрежнему горѣли и въ груди у нея щемила тоска, какая предшествуетъ великому, рѣшительному шагу, а, между тѣмъ, она не сознавала въ себѣ никакого яснаго намѣренія,—она только хотѣла уйти, уйти отъ своихъ мыслей.

Кончился лиственный лѣсъ, начался сосновый, высокій и величавый въ своей меланхолической вѣчно-зеленой одеждѣ. Мракъ тяжело повисъ подъ вѣтвями и вѣтеръ долгими, свистящими порывами пробѣгалъ по вершинамъ. Эльзѣ почудилось, будто она перенеслась въ какой-то невѣдомый міръ, и она озиралась, недоумѣвая, почему же осень потеряла свою силу, почему здѣсь не падаютъ листья? Вокругъ нея все было такъ мирно, такъ тихо и строго-торжественно, и ей страстно захотѣлось сдѣлаться участницей этого покоя. Она вдругъ почувствовала, что устала, сѣла на камень и прислонилась къ старому обомшалому стволу. Какая-то тяжкая истома пробѣгала по ея тѣлу; она опустила голову на грудь и закрыла глаза. И долго сидѣла она такъ и ждала, ждала,

не проникнетъ ли и въ ея душу печальная проповѣдь лѣса — безропотная покорность.

Но прежняя тревога снова вернулась къ ней, и она встала съ горькимъ сознаніемъ, что все это не для нея, что она не можетъ сдѣлаться участницей царящаго здѣсь мира и спокойствія. Она пошла дальше. Вдругъ она увидала передъ собой просвѣтъ; когда она подошла ближе, оказалось, что тутъ сдѣлана вырубка. Земля была покрыта сухимъ, пожелтѣлымъ хворостомъ, тамъ и сямъ торчалъ сукъ, словно костлявая рука мертвеца, а пни казались въ темнотѣ обвалившимися могильными камнями. Эта картина произвела на Эльзу мрачное, зловѣщее впечатлѣніе; она остановилась и смотрѣла на нее воспаленными глазами; глухое рыданіе мучительно вырвалось изъ ея груди.

Было уже поздно, когда она возвратилась. Экъ сидѣлъ въ гостиной и читалъ газету. Но онъ отложилъ ее, когда въ комнату вошла Эльза, и съ безпокойствомъ взглянулъ на жену.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ.

— Гуляла,—коротко отвѣтила она и, сѣвъ къ столу, взяла работу и принялась шить.

— Но что-жь это тебѣ вздумалось гулять такъ поздно? Я уже началъ безпокоиться.

Она бросила на него торопливый взглядъ и какъ-то странно улыбнулась.

— Я было думала уйти,—сказала она сухимъ, беззвучнымъ голосомъ.

— Уйти? Куда уйти? Что ты хочешь сказать?—спросилъ онъ, внѣ себя отъ изумленія.

— Ничего,—отвѣтила она все тѣмъ же голосомъ,—я такъ только сказала.

И она еще ниже нагнулась надъ работой.

Онъ пристальнѣе вглядѣлся въ нее и вдругъ онъ увидѣлъ, что она поблѣднѣла и похудѣла и что подъ глазами у нея появились темные круги. Положимъ, онъ и раньше замѣчалъ это, но когда онъ спрашивалъ ее, что съ ней такое, не больна ли она, она отвѣчала, что это просто его фантазія, и онъ на этомъ и успокоивался. Но теперь впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ совсѣмъ перетревожился.

— Ты, навѣрное, больна,—сказалъ онъ.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣтила она, не поднимая глазъ.

— Но ты похудѣла, не можетъ быть, чтобъ ты была совсѣмъ здорова!

— Да увѣряю же тебя, что я здорова,—повторила она съ досадой.

Онъ прошелся по комнатѣ, затѣмъ опять сѣлъ на свое мѣсто и взялся за газету, но отъ времени до времени взглядывалъ на Эльзу. Что-нибудь съ ней да дѣлается, непремѣнно дѣлается, такая она странная сегодня!

Они просидѣли нѣсколько минутъ молча, вдругъ Эльза заговорила:

— Зачѣмъ ты такъ добръ ко мнѣ? Я готова почти подумать, что это у тебя разсчетъ.

Тонъ ея былъ рѣзкій, вызывающій.

— Разсчетъ!—повторилъ, онъ пораженный.

— Да, чтобъ все свалить на меня.

Она встала и стремительно подошла къ окну.

Онъ былъ такъ озадаченъ ея словами и всею ея манерой, что не нашелся ничего отвѣтить. Онъ рѣшительно не понималъ ея.

Но немного погодя она снова обернулась, и теперь выраженіе ея лица было совсѣмъ другое: въ немъ читалось раскаяніе и мольба.

— Прости меня,—сказала она.—Ты, право, слишкомъ добръ ко мнѣ.

И торопливымъ жестомъ она отколола отъ корсажа цвѣтокъ и протянула его мужу, остановивъ на немъ взоръ, сверкавшій слезами.

Онъ машинально взялъ цвѣтокъ, она отвернулась и поспѣшно ушла въ спальню.

Онъ остался съ цвѣткомъ въ рукѣ, взволнованный и разстроенный. Такою странной, какъ сегодня, онъ никогда еще ея не видалъ. Что такое она сказала? Свалить все на нее! Но что-жь бы онъ сталъ сваливать на нее? Ему чудился въ ея словахъ какой-то загадочный смыслъ, отъ котораго сердце его сжималось страхомъ. И глубокая грусть овладѣла имъ, хотя онъ самъ не зналъ ея причины.

Нѣтъ, Эльза, навѣрное, не совсѣмъ здорова! А что, если онъ попроситъ доктора заѣхать къ нимъ какъ бы случайно, такъ, чтобъ она не могла заподозрить, что его выписали для нея? А то не пообовать ли ему самому поговорить съ ней, поговорить искренно, ъ сердца?... Эта мысль такъ ему понравилась, что онъ почувстволъ непреодолимое желаніе тотчасъ же привести ее въ исполне. Онъ всталъ и пошелъ къ Эльзѣ. Полузавядшій цвѣтокъ выълъ изъ его руки, и онъ не замѣтилъ этого.

Но когда онъ вошелъ въ спальню, Эльза уже лежала и какъ

будто спала. Это успокоило его и, съ твердымъ намѣреніемъ завтра же все разъяснить, онъ тоже улегся въ постель.

Но получить объясненіе оказалось вовсе не легкимъ дѣломъ. Съ одной стороны, при болѣе трезвомъ настроеніи слѣдующаго дня, все это показалось ему скорѣе злою шуткой, чѣмъ серьезнымъ обстоятельствомъ, по поводу котораго стоило бы безпокоиться, съ другой стороны, теперь, когда уже успѣлъ пройти извѣстный промежутокъ времени, онъ просто заставить себя не могъ спросить ее, что она хотѣла сказать словами, настолько нелѣпыми въ его глазахъ, что онъ стыдился повторить ихъ. Поэтому онъ ограничился нѣсколькими дальнѣйшими разспросами о состояніи ея здоровья, на что она отвѣчала ему, какъ и прежде, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо.

Когда Эльза въ это утро вошла въ гостиную, первое, что она увидала, это—увядшій цвѣтокъ, лежавшій на полу. Въ первое мгновеніе ее больно кольнуло въ сердце, но затѣмъ она ощутила жесткую, горькую радость. Этотъ знакъ невниманія со стороны мужа какъ бы успокоилъ ея совѣсть, и въ ея мысляхъ онъ разросся еще больше, принялъ рѣшающее, символическое значеніе.

Спустя нѣсколько дней къ нимъ совершенно неожиданно явился докторъ. Онъ навѣщалъ больного въ милѣ разстоянія отъ Торпы и теперь заѣхалъ къ нимъ обѣдать, такъ какъ вечеромъ ему надо было опять провѣдать пацієнта, а возвращаться домой не хотѣлось.

Онъ былъ пожилой, довольно полный мужчина, скупой на слова и флегматическій. Въ молодости онъ пользовался славой очень искуснаго врача, но теперь порядочно отсталъ и облѣнился. Какъ всѣ врачи, практикующіе среди простонародья, онъ привыкъ къ тому, что его звали къ постели больного лишь тогда, когда уже было поздно что-нибудь предпринять, и это мало-по-малу притупило и его энергію, и его вѣру въ свои силы. По временамъ онъ, однако, умѣлъ встряхнуться; такъ было и въ томъ случаѣ, когда Эльза была больна послѣ родовъ, и побѣдоносная борьба, которую онъ выдержалъ съ ея недугомъ, внушила ему съ тѣхъ поръ искреннее расположеніе къ молодой женщинѣ.

А потому ему больно было видѣть, что она встрѣтила его и этотъ разъ холодно и недовѣрчиво. За столомъ царило подавленное и тягостное настроеніе, и когда докторъ, по окончаніи обѣда, усѣлся съ Экомъ въ его кабинетѣ, видъ у него былъ самый угрюмый.

— Что же ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ? Не могу же я принудить человѣка быть больнымъ, когда онъ самъ этого не хочетъ.

пея нервы немножко разстроены, и какая-то она грустная стала, другого я ничего не нашелъ въ ней, а противъ этого я не могу прописывать лѣкарства. Совѣтъ? Какой же я тебѣ могу дать совѣтъ? Я совѣтую тебѣ сдѣлать ее веселой попрежнему, а если ты самъ не можешь этого, то доставь ей развлеченіе какимъ-нибудь другимъ путемъ. Вотъ весь мой совѣтъ, и сдѣлай милость, не взваливай на меня въ другой разъ подобныхъ порученій,—я никакъ не желаю за нихъ браться.

Съ этимъ отвѣтомъ онъ и уѣхалъ, сердито распростившись съ Экомъ и еще сердитѣй съ его женой.

Но дня черезъ два Экъ сказалъ Эльзѣ:

— А что бы тебѣ поѣхать на нѣсколько деньковъ въ Стокгольмъ?

Она взглянула на него совсѣмъ перепуганная.

— Въ Стокгольмъ? Зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Стокгольмъ?

— Господи Боже! Да чтобъ развлечься немножко!

— Это докторъ тебѣ сказалъ?—рѣзкимъ тономъ спросила она.

Экъ покраснѣлъ.

— Да, онъ дѣйствительно говорилъ, что у тебя такой разстроенный видъ и что... да я, вѣдь, и самъ это нахожу.—Онъ подошелъ къ ней и обхватилъ рукою ея талію.—На этихъ дняхъ я буду очень занятъ, такъ что это было бы очень удобно... Твоя крестная будетъ, конечно, очень рада, если ты пріѣдешь къ ней погостить.

— Ты хочешь избавиться отъ меня?—сказала она тѣмъ же тономъ и отстранила его руку.

— Да,—шутливо отвѣтилъ онъ.—Такъ славно было бы избавиться отъ тебя на нѣсколько деньковъ.

Эльза стояла передъ нимъ блѣдная, съ потупленнымъ взоромъ.

— А какъ же Анна?—почти шепотомъ спросила она.

— Само собою разумѣется, что ты возьмешь ее, какъ и въ послѣдній разъ. Ну, что же ты скажешь на мое предложеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду!—воскликнула она почти со страхомъ.

Онъ тревожно взглянулъ на нее.

— Что съ тобой дѣлается, Эльза? Ты такая стала странная! Отчего ты не хочешь сказать мнѣ, если ты не совсѣмъ здорова? Я думалъ, что ты могла бы тогда кстати посовѣтоваться съ какимъ-нибудь докторомъ,—осторожно прибавилъ онъ.

Это невольное желаніе его убѣдить себя, что она больна, было для нея всего несноснѣе.

— Не безпокойся обо мнѣ, это пройдетъ,—сказала она холодно и сурово и отошла отъ него.

Но Экъ не бросилъ мысли о поѣздкѣ въ Стокгольмъ. Его мучила непонятная перемѣна въ Эльзѣ, его угнетало тяжелое настроеніе, которое водворялось между ними, когда они оставались одни. Притомъ же, онъ помнилъ, какое пріятное время наступило для него вслѣдъ за послѣднею поѣздкой Эльзы въ Стокгольмъ, и надѣялся, что то же самое повторится и теперь. Спустя нѣсколько дней онъ возобновилъ разговоръ.

— Ну, что же, Эльза, подумала ты о томъ, насчетъ чего мы съ тобой толковали?

— О чемъ это?

— О поѣздкѣ въ Стокгольмъ.

— Да, — отвѣтила она, остановивъ на немъ пристальный взглядъ,—я думала объ этомъ.

— Ну, и какъ же ты рѣшила?

— Какъ тебѣ угодно,—отвѣтила она усталымъ и равнодушнымъ тономъ.

— Вотъ и отлично!—радостно воскликнулъ онъ.—Значитъ, мы напишемъ нынче же вечеромъ; ты увидишь, что тебѣ будетъ гораздо веселѣе, чѣмъ ты думаешь.

— Но какъ же Анна?— спросила она, устремивъ на него умоляющій взоръ.

— Да, вѣдь, она поѣдетъ съ тобой, это ясно, какъ Божій день.

Отвѣтъ отъ крестной матери Эльзы получился вполнѣ удовлетворительный, и было рѣшено, что она поѣдетъ черезъ нѣсколько дней. Эку не очень нравилось, что Эльза выказывала такое равнодушіе и такъ мало радовалась предстоящей поѣздкѣ, но онъ былъ убѣжденъ, что разъ она попадетъ въ Стокгольмъ, все это перемѣнится.

Былъ канунъ ея отъѣзда; она хотѣла было поѣхать въ Бинесъ проститься со своими, но въ послѣднюю минуту передумала и попросила мужа передать имъ ея привѣтъ. Весь день она провела въ своей комнатѣ, занимаясь укладкой вещей, и не отпускала отъ себя маленькую Анну.

Стоялъ конецъ сентября, день былъ холодный и вѣтреный. Они рано легли спать, чтобы во-время встать на слѣдующее утро, такъ какъ поѣздъ приходилъ на станцію уже въ шесть часовъ. Холодно и вѣтрено было и на слѣдующее утро: Эльза зябла, зябла такъ, что ей казалось, будто душу ея сковываетъ холодъ. Какой то гнетъ давилъ ей голову, она ничего не думала, ничего не знала, ничего не

рѣшала; одно было ей ясно, что она не должна ѣхать, но она чувствовала себя такою безвольной, что разъ ея не удерживала никакая внѣшняя сила, то заставить себя остаться своимъ собственнымъ рѣшеніемъ она не могла.

Экипажъ стоялъ у подъѣзда.

Экъ самъ вынесъ чемоданы Эльзы и усадилъ Анну; малютка еще дремала, укутанная въ платки и пледы.

— Скорѣе, Эльза,—крикнулъ онъ,—а то мы опоздаемъ!

Эльза подошла къ окну гостиной и тамъ остановилась, обводя взоромъ морозный утренній ландшафтъ. Она зябла, зябла нестерпимо.

На зовъ мужа она вышла въ переднюю. Тамъ ждала ее Лисса, чтобы проститься съ ней. Эльза обняла ее и сказала:

— Хорошенько ходи за патрономъ!

Потомъ она сѣла въ карету, Экъ захлопнулъ за нею дверцу, и тогда въ ея душѣ промелькнуло далекое, мучительное воспоминаніе, воспоминаніе о томъ, какъ онъ повезъ ее къ себѣ въ Торпу, въ тотъ день, когда она сдѣлалась его женой.

Почему этотъ звукъ показался ей тогда такимъ зловѣщимъ?

Самъ Экъ сѣлъ на козлы, потому что карета была двумѣстная, а дѣвочкѣ надо было дать спокойно выспаться въ ея уголкѣ.

Когда они пріѣхали на станцію, до отхода поѣзда оставалось лишь нѣсколько минутъ, и они успѣли только взять билеты и отыскать свободное купе.

— До свиданія,—сказалъ ей Экъ и весело прибавилъ:—Смотри, не изволь возвращаться домой, пока опять не повеселѣешь.

Эльза вся вспыхнула и поспѣшно отвернула отъ него лицо. Но въ слѣдующее мгновенье она поднесла дѣвочку къ окну.

— Поцѣлуй ее!

И пока онъ цѣловалъ малютку, она шеппула ему:

— Прости мнѣ все, въ чемъ я...

Она не успѣла договорить, поѣздъ въ ту же минуту тронулся, и Экъ долженъ былъ соскочить съ подножки. Онъ сдѣлалъ имъ прощальный жестъ, но увидалъ только личико дѣвочки, улыбавшейся и кивавшей ему.

На обратномъ пути домой ему было немного грустно и тяжело сердцѣ, но въ теченіе дня это чувство мало-по-малу прошло.

В. С.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Умирающій пѣвецъ.

(Дорогой памяти А. Н. Плещеева).

Пѣвецъ умиралъ, истомленный борьбой,
Въ немъ сердце сжималось предсмертной тоской.

Холодная вьюга, прощаясь, надъ нимъ
Рыдала, какъ мать надъ ребенкомъ больнымъ.

Ужь смерть леденила страдальческій взоръ,
И въ скорби друзей онъ читалъ приговоръ;

И вѣчную ночь—свой желанный покой—
Страдалецъ встрѣчалъ безъисходной тоской.

Вдругъ слышитъ онъ пѣсню, несется она,
Любовью и нѣгой, и лаской полна,

И дышетъ свободнѣй усталая грудь:
Подъ пѣсню пѣвцу такъ отрадно заснуть.

Онъ самъ эту пѣсню когда-то сложилъ,
Въ нее онъ любовь и мечты перелилъ;

Тѣ звуки къ забытому счастью зовутъ...
Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ!

Покой и прощенье—тому, кто любилъ,
Кто пѣснями людямъ, какъ братьямъ, служилъ.

Пусть вянутъ надъ бѣдной могилой цвѣты,
Но жить будутъ вѣчно любовь и мечты!

Вл. Ладыженскій.

КОСТИНО МЩЕНІЕ.

(Очеркъ).

I.

Аккуратная бонна Ида прибирала дѣтскую и складывала игрушки, стараясь не стучать. Она знала, что когда Костя сидитъ такъ, на полу, носомъ въ уголъ, и черные, какъ чернила, волосы его топорщатся на затылкѣ,— это значитъ, что онъ сердится. Отъ малѣйшаго стука онъ придетъ въ неистовство и опять дѣло кончится дурно,— Ида будетъ плакать, лежа на своей постели за ширмами, и не станетъ пить вечерняго чаю. Ида была маленькая, худощавая нѣмочка съ короткимъ носомъ и розовыми пятнами на щекахъ. Она была очень молода, очень покорна и вѣчно испугана. И она рѣшительно не знала, для чего и для кого живетъ въ этомъ домѣ и что изъ этого, въ концѣ-концовъ, выйдетъ. Ее прислали изъ конторы большого города сюда, въ этотъ дрянной уѣздный городишко, къ господамъ Antipoff, и тутъ она и осталась. Дѣтей, кромѣ Кости, не было, а Костя нуждался въ ней весьма мало. Такой большой мальчикъ — девятый годъ — даже странно, что она спитъ съ нимъ въ одной комнатѣ и водитъ его гулять. Учится Костя немного: у него есть старая учительница ариѳметики и закона Божія, но она часто пропускаетъ уроки. Костя плохо пишетъ, за то онъ перечиталъ всѣ романы, какіе нашелъ въ гостиной и маминомъ будуарѣ. Ида такъ боится своего воспитанника, что не смѣетъ даже говорить съ нимъ и всѣ его приказанія исполняетъ молча.

Костя былъ золъ сегодня, какъ еще никогда не бывалъ. Онъ сидѣлъ на полу, протянувъ ноги къ стѣнѣ и упираясь подошвами въ карнизъ. Въ углу, куда онъ смотрѣлъ, было темно, едва свѣтѣли золотые разводы отставшихъ коричневыхъ обой. На подоконникѣ единственнаго окна дѣтской (оно было далеко отъ Костина

угла) лежали послѣдніе лучи зимняго солнца, свѣтло-желтые. Костя сидѣлъ согнувшись, сжавъ руки въ кулаки и сдвинувъ брови. Онъ плакалъ только при большихъ и для большихъ, но одинъ — почти никогда. Онъ зналъ, что ему восемь лѣтъ, и зналъ, что это очень много. Для мужчины въ особенности. Женщины — тѣ могутъ кискнуть хоть до двѣнадцати лѣтъ. Имъ все можно.

Костя рѣдко бывалъ въ дѣтской, онъ сидѣлъ въ гостиной съ гостями, слушалъ и смотрѣлъ молча и немножко презиралъ большихъ. Для ихъ роста и возраста они не казались ему достаточно умными. А мама...

О, эта мама! Вспомнивъ ее, Костя стиснулъ зубы и мотнулъ головой въ своемъ углу. Никогда еще никто не оскорблялъ его такъ, какъ она оскорбила сегодня. И при всѣхъ, при чужихъ, при своихъ офицерахъ, при папѣ... Папа тоже хорошъ: ничего не сказалъ, позволилъ въ своемъ присутствіи...

II.

Дѣло было такъ.

Къ мамѣ пріѣхали изъ губернскаго города въ гости три некрасивыя барышни, ея кузины. Мама сейчасъ же принялась ихъ «веселить», устраивала вечера, обѣды, а сегодня затѣяла пикникъ,— поѣздку на тройкахъ за пятнадцать верстъ, къ знакомымъ на хуторъ. Костя отлично видѣлъ, что маму все это веселитъ гораздо больше, чѣмъ кузинъ, которыя сидѣли однѣ, когда маму окружали всякіе офицеры, высокіе и низкіе, блондины и брюнеты. Костя зналъ даже причину, почему офицеры любили больше маму, чѣмъ кузинъ,— это оттого, что мама считалась хорошенькой и была при другихъ веселой и доброй. Самъ Костя, по совѣсти, не могъ рѣшить, точно ли мама хорошенькая. Она была очень тонкая, очень высокая, съ длинноватымъ лицомъ, бѣлымъ, какъ молоко, черноволосая и черноглазая. Руки у нея были узкія и розовыя, а губы, когда улыбались, кривились немного вбокъ, но это она дѣлала нарочно, Костя не сомнѣвался, потому что иногда видѣлъ, какъ она шепталась съ Полей, своею горничной, и смѣялась при этомъ совершенно прямо.

Папа служилъ, имѣлъ довольно важное мѣсто въ городкѣ и получалъ деньги, которыя были нужны для того, чтобы нанимать большую, очень большую квартиру, давать обѣды и вечера, на которыхъ мама танцовала съ офицерами. Папа былъ немножко сѣдой, плотный и серьезный, и хотя мама говорила Полѣ и офицерамъ

что онъ добрый, однако, сама его боялась,—Костя это отлично видѣлъ.

Костя долго думалъ, отчего мама боится папы,—вѣдь, она такая же большая, какъ и онъ? И только потомъ догадался, что, вѣдь, папа же даетъ мамѣ деньги на офицеровъ, а если онъ разсердится, то можетъ не дать денегъ, офицеры не придутъ танцовать и мамѣ будетъ скучно.

Костя ни капельки не любилъ ни папу, ни маму. Они до него ровно никакого отношенія не имѣли, только развѣ что жили въ одной квартирѣ съ нимъ. Костя даже зналъ, что у него есть собственныя деньги, отъ дѣдушки, и что ни папа, ни мама не могутъ ихъ взять, хотя бы и пожелали. Дѣлъ у Кости съ ними общихъ никакихъ не было; часто по цѣлымъ днямъ ему не приходилось слова сказать ни съ мамой, ни съ папой.

Къ папѣ онъ чувствовалъ даже нѣкоторую враждебность, когда тотъ шелъ по залѣ молча и съ холоднымъ выраженіемъ лица. Костю это равнодушіе смущало и злило. «Чего онъ? И что онъ воображаетъ?» —думалъ Костя и, все-таки, не зналъ, что именно папа воображаетъ. А маму онъ немножко презиралъ. Теперь, послѣ сегодняшняго оскорбленія, онъ ее ненавидѣлъ, совсѣмъ ненавидѣлъ... И какъ она смѣла?... Какъ она только смѣла?

Когда стали собираться на пикникъ, съ крикомъ, съ шумомъ, съ суетой, Костя тоже сталъ собираться. Онъ, вѣдь, бывалъ на всѣхъ вечерахъ, на всѣхъ обѣдахъ у нихъ въ домѣ, какъ же ему не поѣхать на пикникъ? Онъ началъ хлопотать, позвалъ Иду, велѣлъ принести кафтанчикъ и башлыкъ.

Одна изъ кузинъ замѣтила его сборы.

— Неужели?—протянула она какимъ-то безконечнымъ, пѣвучимъ голосомъ.—И ты, Костенька? Ты тоже съ нами ѣдешь?

Мама, которая въ это время надѣвала передъ зеркаломъ бѣлую барашковую шапочку, обернулась.

— Костя? Нѣтъ, нѣтъ, ты не поѣдешь! Недоставало возни съ ребятами! Ида, уведите его. Холодно, онъ простудится. Да и мѣста нѣтъ.

Костя улыбнулся.

— Все равно, я сяду на козлы,—сказалъ онъ снисходительно.—Ида, подайте мои рукавицы.

Около мамы стоялъ высокій офицеръ съ отвратительно-тонкими рыжими усами и такими бѣлыми зубами, что, казалось, они могли свѣтиться въ темной комнатѣ. Фамилія его была двойная: Далай-Кобачевскій.

Услыхавъ слова Кости, Далай-Лобачевскій перегнулся какъ-то впередъ и блеснулъ зубами.

— Однако,— сказалъ онъ, обращаясь къ мамѣ,— это весьма положительный и самостоятельный молодой человѣкъ.

Мама вспыхнула, но сдержалась.

— Костя, ты съ ума сошелъ,— проговорила она тихо.— Я тебѣ сказала, что ты не поѣдешь. Ты еще разсуждать будешь, клопъ такой? Отправляйся въ дѣтскую съ няней и будь умникомъ.

У Кости брови сдвинулись. Онъ подошелъ ближе къ мамѣ.

— Ты, пожалуйста, со мной такъ не разговаривай,— сказалъ онъ съ достоинствомъ.—Это вздоръ, что на козлахъ нѣтъ мѣста. Я хочу ѣхать на тройкахъ, почему я не могу, если вы ѣдете?

Всѣ онѣмѣли или показали видъ, что онѣмѣли. Папа смотрѣлъ въ окно. Далай-Лобачевскій выставилъ всѣ свои зубы.

Наконецъ, мама сдѣлала знакъ Идѣ.

— Сію минуту вонъ этого мальчишку! Въ уголъ его поставить! У меня расправа коротка; ты меня знаешь, я пріѣду—я тебя въ чуланъ запру, я тебя высѣку,—слышишь?—высѣку!

Потомъ мамѣ самой стыдно стало, что она такъ сердится при чужихъ. Она обернулась къ гостямъ и сказала, улыбаясь чуть-чуть на-бокъ:

— Бѣда съ мальчиками! Съ ними необходима строгость. Этотъ великъ становится, скоро мы его отправляемъ въ Москву, въ частную гимназію. Въ пансіонѣ ихъ отлично воспитываютъ. Ну-съ, ѣдемъ, ѣдемъ, господа!

И она сошла съ лѣстницы, за нею двинулись всѣ. Когда смѣющійся Далай-Лобачевскій проходилъ мимо Кости, то покачалъ головой и сказалъ въ полголоса:

— Ай-ай-ай-ай! Надо слушаться мамаши, а не грубить.

Костя не промолвилъ ни слова. Онъ прямо отправился въ дѣтскую. Ида, замирая отъ страха, поплелась за нимъ. Но Костя и не взглянулъ на нее, сѣлъ носомъ въ уголъ и сидѣлъ такъ, сморщивъ лобъ.

Онъ думалъ.

III.

Хуже всего было то, что Костя понялъ теперь, что и ему самому слѣдовало дѣйствовать иначе. Онъ ясно видѣлъ, что стоило только «сыграть мальчика»—и дѣло было бы въ шляпѣ. Не догадался во время. Онъ давно замѣтилъ, что при большихъ очень хорошо бы

ваетъ «играть мальчика». Они это любятъ, смѣются и дѣлаются добрыми и все готовы позволить.

Костя называлъ «играть мальчика»—говорить не то, что онъ самъ думалъ, а что большіе думали, будто онъ думаетъ; нарочно говорить. Онъ помнилъ, какъ мама дала ему хорошую грушу и поцѣловала его, а всѣ смѣялись и радовались, когда онъ разъ при гостяхъ сказалъ:

— Мама, отчего это у Володиной мамы такъ скучно всегда, а у насъ такъ весело, и всѣ говорятъ, что весело? Отчего тебя любятъ больше, чѣмъ Володину маму? Скажи, а?

Костя часто говорилъ нарочно. И сегодня можно бы выдумать что-нибудь, мамѣ бы понравилось, и она позволила бы ѣхать. А теперь что вышло? «Слушаться мамаши!»—вспомнилъ Костя противнаго Далай-Лобачевскаго.

«Нѣтъ, ну, зачѣмъ я ея буду слушаться? Кто сказалъ, что она умнѣе меня? Ко-кет-ни-чаетъ съ своими офицерами...»

Костя твердо выговорилъ это слово, онъ зналъ его хорошо; читалъ и въ романахъ, слышалъ и въ гостиной.

«Нѣтъ, что они мнѣ, папа и мама?—разсуждалъ онъ дальше, все воодушевляясь и уже не думая, а шепча про себя. — Что они мнѣ такого хорошаго сдѣлали? Подарили ли что-нибудь? На рожденье мама разъ подарила, да и то дрянь. А папа ничего. И я имъ ни на что не нуженъ. У нихъ свои дѣла. Еслибъ ихъ совсѣмъ никогда и не было, я отлично бы жилъ...»

Но тутъ ему пришла въ голову неожиданная мысль, что еслибъ ихъ не было, то и онъ бы не родился. Костя немного растерялся. Ему стало неловко, что о такомъ важномъ онъ никогда не думалъ и ничего не знаетъ. Онъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ люди, которые еще не родились.

Костя обернулся и взглянулъ изподлобья на Иду, которая кончила убирать игрушки и присѣла къ окну съ какимъ-то вязаньемъ.

Онъ долго смотрѣлъ, наконецъ, пробурчалъ:

— Ида.

Ида обомлѣла. Она была увѣрена, что теперь ужъ Костя не оставитъ ее въ покоѣ; и что впереди—неизвѣстно: можетъ, щипать, а, можетъ, и хуже.

Однако, она отвѣтила тонкимъ отъ волненія голосомъ:

— Was wollen Sie doch, Herr Kosstia?

— Послушайте, гдѣ тѣ люди, которые еще не родились, не знаете ли вы?—сказалъ Костя сурово.

Онъ старался также придать нѣкоторую небрежность своему

голосу, чтобъ Ида не вообразила, что онъ такихъ пустяковъ не знаетъ. Такъ себѣ онъ спрашиваетъ, просто.

Ида съ минуту глядѣла на него въ величайшемъ удивленіи. Она подозрѣвала, не начало ли это Костиныхъ издѣвокъ.

— Ну, что же? Вы не знаете?

— Вы меня спрашиваете, Kosstia, о душахъ человѣкъ, имѣющихъ родиться?

— Ну, да,—произнесъ Костя нетерпѣливо.—Знаете вы или нѣтъ?

Ида заторопилась, покраснѣла отъ испуга, однако, сказала:

— Такія души человѣческія находятся на небѣ, въ видѣ ангеловъ.

Костя помолчалъ.

— Это навѣрное?—спросилъ онъ, наконецъ, строго и серьезно.

— Да, навѣрное. Въ священномъ писаніи такъ говорится.

Ида не помнила рѣшительно, говорилось ли объ этомъ предметѣ въ священномъ писаніи, но видѣла, что Костя требуетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и сочла за лучшее хоть выдумать, да его не сердить.

Костя удовлетворился и опять сталъ смотрѣть въ свой уголъ и обсуждать дѣла.

«Что-жь? И прекрасно! И былъ бы я на небѣ въ видѣ ангела. Чего-жь мнѣ еще нужно? Мнѣ бы, можетъ, гораздо лучше теперь было. Навѣрное, даже лучше. Такъ зачѣмъ я обязанъ папы и мамы слушаться, а они могутъ меня оскорблять?»

Маленькое сердце Кости такъ и застучало, когда онъ вспомнилъ объ оскорбленіи. Никто ему никогда не говорилъ такихъ словъ: «Высѣку!» Этого даже и Володѣ Житкову не говорили. Впрочемъ, Володя умнѣе: онъ постоянно «мальчика играетъ». Его и любятъ всѣ.

«А я-то дуракъ!—думалъ Костя.—И зачѣмъ я сталъ передъ ними серьезно? Развѣ съ ними, съ большими, можно серьезно? Развѣ они насъ могутъ понять? Они только между собою кое-какъ...»

Костя плохо спалъ эту ночь. Его преслѣдовала мысль, чѣмъ бы «удружить» мамѣ? Онъ придумывалъ много, но все не годилось: Разбить вазы и весь фарфоръ въ будуарѣ? Опять будетъ исторія, на него станутъ кричать, а папа дастъ денегъ и выпишутъ новый фарфоръ изъ Москвы. Платье залить чернилами? Тоже самое. Остричь ее? Сказать офицерамъ, что у нея коса привязная? Да, вѣдь у нея не привязная. Она распуститъ волосы и стыдно будетъ не ей, а Костѣ.

Положительно ничего нельзя выдумать. Костя впалъ было въ отчаяніе, но не надолго. Онъ зналъ, что унываютъ лишь слабые. И онъ поклялся себѣ, даже ножомъ на рукѣ знакъ сдѣлалъ, хотя больно было, что онъ отомститъ,—нельзя этому такъ остаться.

А мама, между тѣмъ, совершенно забыла о сценѣ передъ пикникомъ. Въ Костѣ она не замѣтила никакой перемѣны, да и самъ Костя старался быть какъ прежде, чтобы никто изъ большихъ не догадался о его намѣреніи.

IV.

Кузины уѣхали. Наступилъ великій постъ. Балы и пикники поутихли. Офицеры являлись, но по одному, по два, не больше. Мама ходила въ темныхъ платьяхъ, часто говорила, что у нея болитъ голова, и приказывала Полѣ зажигать въ маленькой гостиной только одну лампу съ краснымъ абажуромъ.

Костѣ было нечего дѣлать. Его старая учительница ариѳметики заболѣла и не ходила уже цѣлыя двѣ недѣли. Костя слонялся изъ угла въ уголъ, потому что перечиталъ всѣ мамины романы, которые были, перечиталъ и тѣ, что лежали на этажеркѣ, и тѣ, что валялись на рояли.

Въ папинъ кабинетъ онъ не имѣлъ привычки заглядывать, не ходилъ туда даже и теперь, когда папа уѣхалъ «на сессію» въ другой городъ и не вернется раньше Страстной недѣли.

Особенно скучно бывало по вечерамъ.

Ида клюетъ носомъ у стола за своимъ вязаньемъ. Свѣчка, вставленная въ высокую жестяную банку отъ леденцовъ (для дѣтской хорошъ и такой подсвѣчникъ) горитъ узкимъ пламенемъ, которое временами мучительно трясется, и копоть идетъ къ потолку; въ углу ненужныя игрушки и дѣтскія книги, на которыя Костя уже два года тому назадъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Дѣлать нечего, совсѣмъ нечего... И еще двѣ мысли мучаютъ: московскій пансіонъ послѣ Пасхи (это было рѣшено) и... вѣчная злая забота: какъ отомстить?

Пансіонъ Костѣ представлялся тюрьмой. Ну, да онъ себя покажетъ. Пусть выключаютъ. И, все-таки... положимъ, тюрьма, а кто-то? Вѣдь, какая скука!

Вдругъ Костя вспомнилъ, что въ маленькой гостиной, высоко на этажеркѣ, онъ замѣтилъ днемъ какую-то новую книжку. Кажется, мамѣ ее принесли вчера. И если мама не читаетъ,—а она вѣрно читаетъ, у нея гости,—такъ эту книжку можно взять.

Костя немедленно слѣзъ со стола, на который взобрался, чтобы показать презрѣніе Идѣ и мѣшать ей работать, и отправился въ путь.

Дѣтская была самая дальняя комната въ квартирѣ и выходила на дворъ, а парадныя комнаты—всѣ на улицу. Маленькая гостиная была недалеко отъ кабинета и, чтобы попасть въ нее, приходилось пройти черезъ весь рядъ парадныхъ комнатъ.

Костя храбро вступилъ въ столовую, хотя онъ боялся немного темноты, а въ столовой не было огня; миновалъ большую гостиную, залу; увидѣлъ на другомъ концѣ залы свѣтлое пятно—освѣщенную дверь маленькой гостиной и мѣрными шагами, не спѣша (этимъ онъ доказывалъ себѣ, что не боится), направился туда

У мамы были какіе-то офицеры, Костя это зналъ; но теперь они, эти офицеры, когда нѣтъ большихъ вечеровъ, ужиновъ, стали претихіе: не кричатъ, на рояли не играютъ. Кажется, Костя слышалъ голосъ Далай-Лобачевскаго. Самый противный, самый ненавистный изъ всѣхъ офицеровъ. Костѣ иногда хотѣлось броситься на него, когда онъ сидитъ, вцѣпиться въ его щеки, чтобы видѣть его зубы близко-близко, одни зубы, и кричать, кричать пронзительно, безъ конца кричать, изо всѣхъ силъ...

Что случилось бы дальше, Костя не зналъ, но дальше ужь все равно, что...

Въ маленькой гостиной горѣла большая лампа съ темно-краснымъ абажуромъ и было такъ тихо, что Костѣ показалось, будто тамъ никого нѣтъ.

Но скоро онъ различилъ направо, на покатой кушеткѣ, маму, которая полулежала; на колѣняхъ, на коврѣ, стоялъ Далай-Лобачевскій (Костя сразу узналъ его спину) и обнималъ маму за талію. Мама обѣими руками держала голову Далай-Лобачевскаго и крѣпко и рѣдко цѣловала его, медленно отрывая губы и отстраняясь немного каждый разъ, точно желая взглянуть ему въ глаза.

Костя остановился въ дверяхъ и смотрѣлъ весьма равнодушно и спокойно, безъ всякихъ неожиданныхъ мыслей. Его бы могло удивить, если бы мама прыгала съ Далай-Лобачевскимъ черезъ веревочку или еслибъ Далай-Лобачевскій нарядился въ женское платье. Но какъ люди цѣлуются, и маленькіе съ большими, и большіе между собою, онъ видѣлъ много разъ и ничего въ этомъ зрѣлищѣ не находилъ ни интереснаго, ни замѣчательнаго.

Онъ мирно отправился къ стулу съ высокою спинкой, чтобы принести его къ этажеркѣ. Книга лежала на самомъ верху и онъ могъ достать ее только со стула.

Далай-Лобачевскій вскочилъ такъ быстро, что сдвинулъ коверъ и лампа на столѣ дрогнула. Мама не шевельнулась и смотрѣла на Костю широкими отъ ужаса глазами. Черезъ нѣсколько секундъ и она быстро встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру.

— Ты здѣсь?—сказала она тихимъ, точно чужимъ голосомъ.— Да какже ты смѣешь, какъ ты...

Но, видя, что лицо Кости изъ равнодушнаго дѣлалось все болѣе и болѣе удивленнымъ, она остановилась и вдругъ прибавила, вся измѣнившись, улыбаясь и сдѣлавшись хорошенькою и ласковою:

— Ты къ намъ посидѣть пришелъ, мальчикъ? Соскучился по мамѣ? Ну, садись, садись...

— Да нѣтъ,—сказалъ Костя,—я за книгой пришелъ. Я видѣлъ тутъ на этажеркѣ...

Но онъ не взбирался на стулъ, хотя и приставилъ уже его къ этажеркѣ, а глядѣлъ на маму и не могъ самъ понять своихъ мыслей. Какъ будто и нѣтъ ничего, а какъ будто и странно. Что это она какая вдругъ?

Костѣ приходилось все больше удивляться. Мама не пустила его въ дѣтскую, нѣсколько разъ поцѣловала, усадила рядомъ съ собой на кушетку. Далай-Лобачевскій тоже былъ очень внимателенъ къ Костѣ.

Потомъ они всѣ вмѣстѣ пили чай, ѣли обсахаренные каштаны и много смѣялись. Костя тоже смѣялся и ѣлъ каштаны, но внутри ему было нехорошо, точно онъ чего-то не понималъ и зналъ, что не понимаетъ.

Мама говорила о Костѣ при немъ же Далай-Лобачевскому. Между прочимъ, она сказала:

— Онъ у меня удивительно смышленый мальчикъ. И, знаете, скрытный ребенокъ. Ни съ кѣмъ не дружитъ, никогда не болтаетъ. За это я хвалю.

V.

Костя ушелъ спать самъ не свой. Въ постели онъ даже принялся плакать. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшей благодарности къ ма за ея ласковость; онъ боялся этой ласковости. Онъ смутно надялся, что это—такъ, что завтра опять мама будетъ прежняя. До обѣда онъ даже избѣгалъ встрѣтиться съ ней. Но за обѣдомъ она опять поцѣловала его, говорила по-дѣтски, нарочно, примѣняясь къ Костинымъ, будто бы, понятіямъ:

— Мальчикъ хочетъ еще супу? Нѣтъ? Не хорошо, слѣдуетъ

кушать супъ. Будешь толстый и съ розовыми щеками. Ида, вы ходили сегодня гулять? Надо каждый день...

У Кости сердце ныло отъ ненависти и непонятной злобы. Послѣ обѣда онъ ушелъ въ дѣтскую, легъ на кровать и сказалъ Идѣ, что у него голова болитъ и онъ хочетъ заснуть.

Но вечеромъ мама пришла и въ дѣтскую. Она принесла большой апельсинъ, а уходя потрепала Костю по щекѣ и шепнула тихонько:

— Ты, я вижу, совсѣмъ славный мальчикъ, не болтунъ и не сплетникъ. Смотри же, никогда не болтай.

Костя сѣлъ на постели и все шире и шире открывалъ глаза. На подушкѣ лежалъ апельсинъ. Апельсинъ и послѣднія мамины слова что-то разъяснили ему. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ понимать, что онъ уже на дорогѣ, онъ уже близко, сейчасъ, сейчасъ... Въ головѣ у него безпорядочно завертѣлись слова и сцены изъ прочитанныхъ романовъ, слова, на которыя онъ прежде обращалъ наименьшее вниманіе. Мужъ... жена... измѣнила... въ объятіяхъ... О, наконецъ-то онъ понялъ!... Костя все, все понялъ!

И какъ онъ раньше не догадывался? Онъ подпрыгнулъ на постели и щелкнулъ языкомъ. Все такъ просто: мама цѣловала Далай-Лобачевскаго, а папа ей это запрещаетъ, потому что жена, которая цѣлуется не съ мужемъ, а съ другимъ, измѣняетъ мужу. И папа долженъ очень разсердиться, если узнаетъ про это. Костя видѣлъ, какъ они цѣловались, и мама боится, что онъ скажетъ папѣ, а папа такъ разсердится, что, пожалуй, перестанетъ давать деньги. И у мамы не будетъ ни новыхъ платьевъ, ни колецъ, и она ужь не дастъ ни одного вечера и не будетъ танцовать съ офицерами. Поэтому она и старается Костю «умаслить» и все-то лжетъ, все лжетъ... У Кости даже духъ захватило отъ радости, что онъ такъ вѣрно все понялъ. И мама его боится! Его, Костю, боится! Пусть-ка теперь посмѣетъ сказать: «Высѣку!»... Она сказала: «Высѣку!»... При всѣхъ сказала. И всѣ смѣялись. А теперь какъ вьется. Апельсинъ принесла.

Костя съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на апельсинъ. Ему казалось, что это апельсинъ, такой толстый и желтый, помогъ ему догадаться.

«Нѣтъ, пусть посмѣетъ она теперь... Знаетъ, что я сейча же къ папѣ, и все разскажу. Только что же? Къ папѣ очень стра но. Папа и слушать не станетъ. А то и не повѣритъ просто. Да какъ это пойти къ папѣ и сказать: а я вотъ что знаю... Нехор шо... Нельзя... Даже невозможно».

Брови Кости сдвинулись и лицо опять приняло озабоченное выраженіе.

Онъ сталъ думать.

VI.

Наступила и прошла Страстная недѣля—въ четвергъ пріѣхалъ папа изъ сосѣдняго города, и пріѣхалъ довольный. Какое-то дѣло тамъ рѣшили совсѣмъ какъ онъ предполагалъ. Къ празднику папа получилъ много лишнихъ денегъ, и это тоже давало ему пріятное расположеніе духа.

На второй день рѣшили устроить обѣдъ, созвать весь городъ и даже выписать вина изъ Москвы. По этому случаю въ воскресенье визитеровъ не принимали, а всѣхъ, кто пріѣзжалъ, записывали внизу и просили на слѣдующій день на обѣдъ.

Столъ поставили въ большой залѣ и накрыли не бѣлою скатертью, а бѣловато-золотистою. Эта скатерть лежала всегда въ сундукѣ съ зеленымъ перламутромъ на крышкѣ. Когда сундукъ отпирали, то старинный ключъ пѣлъ съ переливами, какъ далекій колоколъ. Скатерть тоже была старинная. По веснамъ ее провѣтривали и разстилали на полу въ буфетной, на нѣсколькихъ простыняхъ, и буфетная оказывалась мала для всей скатерти.

Костя любилъ разсматривать блѣдные, туманно-золотые города и башни, вытканные на полотнѣ: ему говорили, что, можетъ быть, это Кіевъ, а, можетъ быть, и другой какой-нибудь городъ.

Теперь скатерть вынули, постлали на столъ и расправили концы, которые падали до полу крупными складками.

Не было ни одной бутылки на столѣ: вино слили въ рѣзные кувшины, и посуда была не фарфоровая, а металлическая и блестѣла, какъ изъ настоящаго серебра. Мама говорила, что она хочетъ сдѣлать обѣдъ «въ русскомъ вкусѣ», и даже цвѣты, которые прислалъ знакомый полковникъ, она велѣла отнести въ гостиную, а не ставить на столъ, потому что это могло помѣшать стилю.

Костя ходилъ угрюмый среди всей этой суеты въ новомъ костюмчикѣ изъ синяго шевіота.

Сначала, когда утромъ ему принесли новенькую курточку и
ганы, онъ обрадовался, но потомъ опять нахмурился, соображая,
го отъ этого ровно ничего не измѣнится. Пусть костюмъ новый,
все-таки, черезъ двѣ недѣли его повезутъ въ Москву—это пер-
е, а затѣмъ еще не надо забывать, что онъ, Костя, до сихъ поръ
чего не придумалъ и ни на чемъ не рѣшилъ. Стало быть, и радо-
ться не слѣдуетъ.

Къ маминой ласковости Костя привыкъ, принималъ все какъ должное и даже требовалъ къ себѣ вниманія и угожденія, потому что считалъ себя имѣющимъ право на угожденіе.

Чуть ему казалось, что она забыла и не заботится о доставленіи Костѣ какого-нибудь удовольствія, онъ негодовалъ, начиналъ капризничать, бранился или говорилъ все одно и то же.

— А, ты вотъ какъ!... Вотъ какъ!... Погоди же!... Ты такъ со мной?... Хорошо!

А что «хорошо»—Костя не зналъ, потому что онъ до сихъ поръ не придумалъ, какъ устроить дѣло съ папой. Знакъ на рукѣ у Кости напоминалъ ему о клятвѣ, и онъ думалъ о клятвѣ, хотя, по правдѣ говоря, прежній пылъ его поулегся. Иногда ему казалось, что это—урокъ, который нужно исполнить. А онъ не знаетъ, какъ и приняться за него.

Наконецъ, стали съѣзжаться гости.

Дамы шумѣли шелкомъ, мужчины были во фракахъ, а военные въ полной парадной формѣ.

У папы изъ-подъ борта фрака выставлялся кончикъ иностранной звѣзды. Бритое лицо его было полно достоинства и привѣтливости.

О мамѣ и говорить нечего. Глаза у нея сіяли. И даже Костя нашелъ, что она хорошенькая въ своемъ нѣжномъ платьѣ абрикосоваго цвѣта.

Въ залу, гдѣ обѣдали, отправились попарно. Всѣ говорили сразу и было шумно.

Папа объяснялъ какому-то генералу:

— Знаете, жена хотѣла непремѣнно достать для этого обѣда пѣсенниковъ и гусляровъ, чтобы стиль былъ выдержанъ, но въ нашемъ городѣ развѣ отыщешь что-нибудь? Пришлось оркестръ нанять.

Пока закусывали, еще не садясь за столъ, Костя вертѣлся около мамы.

Ему казалось, что она слишкомъ мало обращаетъ на него вниманія. Вдругъ его стѣснили сзади, онъ ступилъ впередъ, и шлейфъ абрикосоваго платья затрещалъ.

Мама обернулась, вспыхнувъ отъ досады.

— Это ты, противный мальчишка? Уходи отсюда, ступай к столу! Ты мнѣ всю оборку оторвалъ!

И она, отстранивъ его, вышла на минуту къ себѣ заколо платье.

Костя поблѣднѣлъ.

«Ага! — подумалъ онъ.— Я противный мальчишка! Опять начинается! Ну, ладно же! Погоди же ты!»

Онъ самъ не зналъ, чѣмъ онъ грозитъ, но вся его прежняя злоба поднялась въ немъ вмѣстѣ съ негодованіемъ на мамину несправедливость. Развѣ это справедливо съ ея стороны? Вѣдь, она Костю бояться должна, а она вонъ какъ!

Когда сѣли за столъ, Костю ждала новая непріятность: рядомъ съ нимъ оказался Далай-Лобачевскій. Опять мамино невниманіе! Вѣдь, она же знаетъ, что онъ терпѣть не можетъ этого зубатаго господина.

Далай-Лобачевскій, впрочемъ, усердно занималъ свою сосѣдку съ лѣвой стороны, полную пожилую даму въ сиреневомъ платьѣ. Онъ даже не обернулся къ Костѣ. Костю, уже сердитаго, и это почему-то укололо.

Музыка играла, гости смѣялись и пили, мама порхала вокругъ стола, почти не присаживаясь на мѣсто. Говорили рѣчи. Обѣдъ близился къ концу. Подали дессертъ. Рѣшительно мама не заботилась о Костѣ! Ему все подаютъ послѣднему. Костя не могъ этого терпѣть дольше.

Мама теперь сидѣла на своемъ мѣстѣ, въ началѣ стола, недалеко отъ Далай-Лобачевскаго. Папа сидѣлъ на другой сторонѣ, напротивъ.

Всѣ занялись дессертомъ и не такъ шумѣли.

Голосъ Кости былъ слышенъ ясно.

— Мама,—сказалъ онъ громко,—мама, мнѣ дессерта не даютъ!

— Ты дурно себя ведешь,—нетерпѣливо отвѣтила мама черезъ столъ.—Если не хочешь сидѣть смирно, то можешь отправляться въ дѣтскую.

Костя такъ и рванулся впередъ и хотѣлъ еще что-то сказать, но въ эту минуту Далай-Лобачевскій, обнаживъ зубы и наклоняя ихъ въ Костюну сторону, проговорилъ тихо:

— Ай-ай-ай, какъ нехорошо! Перестаньте конфузить мамашу передъ гостями. Вѣдь, ей стыдно, что у васъ такія дурныя манеры.

Костя дѣйствительно умолкъ, но не потому, что его убѣдили слова Далай-Лобачевскаго. Костѣ пришла блестящая, удивительная, геніальная мысль. Она пришла вдругъ, и исполнить ее надо было вдругъ.

Обѣдъ кончался. Послѣ взрывовъ хохота, всѣ на секунду замолкли, какъ это всегда бываетъ. И среди молчанія раздался ясный высокій голосокъ Кости:

— Мама, скажи, отчего ты папу никогда такъ крѣпко не цѣлуешь, какъ Далай-Лобачевскаго?

Каждый хотѣлъ заговорить въ эту минуту, и никто не нашелъ словъ. И слѣдующее мгновеніе было еще тише. Мама сдѣлалась блѣдной до прозрачности. А Костя продолжалъ, «играя мальчика»:

— Ты не помнишь? Въ маленькой гостиной, вечеромъ, когда папа уѣзжалъ въ Хотинскъ? Я за книжкой пришелъ, а ты разсердилась...

Но гости уже опомнились. Поднялся такой шумъ и говоръ, что, казалось, никогда еще не было такъ весело. Мама дала знакъ вставать, загремѣли стулья, музыка опять заиграла и пары потянулись въ большую гостиную.

Далай-Лобачевскій подалъ руку толстой дамѣ и улыбался, но Костя замѣтилъ, что его зубы точно перестали блестѣть и сдѣлались синеватыми и тусклыми.

Еще Костя замѣтилъ, что папа не остался пить кофе и ликеръ въ гостиной, а прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, и даже не въ кабинетъ, а въ угловую, гдѣ онъ иногда спалъ.

Самъ Костя отправился въ дѣтскую, смущенный, но довольный. Ему какъ будто стало легче. Кончено! Онъ отомстилъ! И какъ ловко, какъ хорошо все вышло! И папа слышалъ, и гости. Теперь довольно ей балы задавать. Больше не дастъ ей папа денегъ. Но что-то смущало Костю. Онъ самъ не зналъ, отчего, но ему было немного неловко.

Еще часа два или три продолжался смѣхъ и шумъ въ парадныхъ комнатахъ, а потомъ стало тихо, такъ тихо, точно весь домъ умеръ, и даже лакеи, убирая со стола, ходили на цыпочкахъ и не гремѣли посудой.

VII.

Къ удивленію Кости, эта тишина продолжалась и на другой день. Ида принесла чай и булки въ дѣтскую и сказала, что мама нездорова, кушаетъ у себя, а папа уѣхалъ по дѣламъ.

Костя выслушалъ Иду молча, молча кончилъ чай и занялся склеиваніемъ поломанной игрушечной мебели.

Завтракъ ему тоже принесли въ дѣтскую, а потомъ пришла Поля и долго шепталась съ Идой, причемъ Ида покачивала головой и была очень серьезна.

Прошелъ день, другой и третій. Ничто не мѣнялось. Въ домѣ была глубокая, гробовая тишина, никого не принимали, да, кажет

ся, никто и не пріѣзжалъ. Папа или сидѣлъ запершись у себя въ кабинетѣ, или куда-то уѣзжалъ, а мама не выходила изъ спальной. Костя скучалъ и недоумѣвалъ, и неловкость его все увеличивалась.

Хотя въ домѣ была полная тишина, однако, всѣ чувствовали, что это дурная тишина, и ходили на цыпочкахъ, и говорили шепотомъ. На четвертый день утромъ Поля пришла въ дѣтскую съ заплаканными глазами, опять отвела Иду въ сторону и стала ей что-то говорить.

Ида всплеснула руками и такъ громко ударяла одною ладонью по другой, что Костя обернулся. Обыкновенно онъ не интересовался и даже низкимъ считалъ интересоваться тайными разговорами Иды и Поли, но теперь, видя на лицѣ Иды особенно сильное выраженіе ужаса, онъ всталъ и подошелъ ближе.

Поля утерла глаза концомъ передника, повторивъ: «Такъ черезъ полчаса»,—и вышла.

Ида съ несвойственною ей укоризной посмотрѣла на Костю.

— По слѣдствію вашего неблагонравія, Herr Kosstia, папаша вашу мамашу изъ дома выгонилъ,—сказала она торжественно.

Костя раскрылъ глаза.

— Это какъ такъ? Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вы папашу передъ большимъ обществомъ въ такой свѣтъ поставили и такой ему неожиданный сердечный ударъ причинили, что онъ теперь въ полной невозможности съ мамашей жить остаться.

— Такъ, значитъ, онъ уѣдетъ? Онъ такъ сердится?

— Я предполагаю, онъ не сердится. Онъ только не можетъ продолжать... И не онъ уѣдетъ, потому что онъ не виноватъ, а совершенно правъ, а мамашѣ онъ уѣзжать велѣлъ.

— Куда уѣзжать? На сколько времени? А денегъ онъ ей дастъ?

— Я думаю, мамаша уѣдетъ къ своей мамашѣ, въ большой городъ, а такъ какъ она не вернется, а состоянія она своего не имѣетъ, и, къ тому же, это очень большой позоръ, то я и говорила вамъ, что по вашему злонравію папаша изъ дому мамашу выгонилъ.

И, объяснивъ дѣло, обстоятельная Ида сложила губы сердечкомъ съ достоинствомъ.

Костя немного пришелъ въ себя отъ изумленія и сталъ размышлять.

— А когда мама уѣзжаетъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Сегодня. Черезъ полчаса васъ проститься привести велѣла.

Костя опять задумался и думалъ долго. Потомъ произнесъ, не обращаясь къ Идѣ:

— А мнѣ все равно. Вѣдь, меня все равно въ пансіонъ свезутъ въ тотъ четвергъ. Такъ что мнѣ?

Ида взяла его за руку и повела къ мамѣ. Она отворила ему дверь будуара, а сама не вошла изъ скромности.

Въ будуарѣ стояли два сундука и сакъ. На низкомъ креслѣ у окна сидѣла мама, такъ тихо и такая худенькая, что Костя ее сначала и не замѣтилъ. Но она повернулась и подозвала его поближе.

Она была въ черномъ платьѣ; дорожная сумка уже висѣла черезъ плечо.

Костѣ показалось, что когда прежде мама носила черное платье, она выглядывала изъ него такая веселенькая и розовая, а теперь ея лицо было некрасивое, глаза мигали часто-часто, и вся она постарѣла и затуманилась.

«Все равно меня въ пансіонъ,—подумалъ настойчиво Костя.— Такъ чего же?»

— Костя, я уѣзжаю, — сказала мама, безъ сердца и безъ ласковости. — Можетъ быть, мы долго не увидимся. Ты поѣдешь въ Москву. Учись хорошенько. Не огорчай папу. Теперь прощай.

Она поцѣловала его и сдѣлала знакъ, что онъ можетъ уйти.

Костя повернулся машинально, какъ вдругъ мама неожиданно схватила его за руку и близко наклонилась къ нему своимъ лицомъ, и смотрѣла ему въ глаза.

— Костя,— шептала она,— что-жь это? Такъ нельзя. Скажи мнѣ что-нибудь, одно слово скажи... Вотъ—я одна, и ты даже не скажешь...

Она сама не знала, чего она хотѣла, и твердила ему, путаясь и спѣша, не тѣ слова, не то, что думала. Ей хотѣлось сказать, чтобъ онъ не оставлялъ ее, хотѣлось сказать: «поѣдемъ со мной», и такъ странно ей было, не говорились слова. Костя нахмурился, дышалъ тяжело, изо всѣхъ силъ старался вспомнить, что, вѣдь, все равно, его въ пансіонъ... и не могъ вспомнить. Къ нему что-то подходило—ближе, ближе, и онъ уже ничего не могъ сдѣлать, онъ закричалъ и заплакалъ, и весь съежился и присѣлъ къ маминой юбкѣ. Мама точно испугалась, хотѣла приподнять Костино лиц Но мама была не прежняя, большая мама, а такая же маленькая безпомощная, какъ самъ Костя, ему равная и милая, и такая ж бѣдная, потому что ее тоже куда-то отправляли, все равно, ка въ пансіонъ, а онъ, Костя, ее обидѣлъ, лгалъ ей, не жалѣлъ ее, какъ обидѣлъ, и *какъ* ее обидѣлъ!

Костя плакалъ «до дна», ему казалось, что вся его душа тутъ кончается, что дальше — некуда горевать и жалѣть. Онъ плакалъ съ отчаяніемъ и страстью, хватаясь за мамино платье и руки, захлебываясь слезами и умоляя ее о чемъ-то. Онъ не зналъ, о чемъ.

А въ концѣ горя была незнакомая радость. Костя чувствовалъ ее какъ разъ въ тѣ минуты, когда ему казалось, что горю некуда идти дальше,— такое оно сильное. Чѣмъ больше успокоивался Костя, чѣмъ крѣпче онъ держалъ мамину руку, тѣмъ сильнѣе была и радость. Мама молча гладила его по волосамъ, неумѣло поправляла воротникъ и, посадивъ большого мальчика на колѣни, прижала его къ себѣ.

Костя глядѣлъ въ мамино радостное, необычное лицо и улыбался, мигая длинными, мокрыми рѣснисцами.

З. Гиппіусъ.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Слава.

Разсказъ Клода Кутюрье.

Славу я узналъ яснымъ весеннимъ вечеромъ, между пятью и шестью часами, на скамейкѣ внѣшняго бульвара. Люди узнаютъ ее — гдѣ кому придется.

На скамьѣ сидѣлъ очень приличный господинъ, вида скромнаго, солидной полноты, и держалъ въ рукахъ книгу. И все въ его фигурѣ, — наклонъ головы, выставленныя впередъ плечи, спина, крѣпко прислоненная къ перекладинѣ, небрежное положеніе ногъ и размѣренное, какъ бы священнодѣйственное движеніе рукъ,—обличало въ немъ читателя-лакомку, одного изъ такихъ любителей печатнаго слова, которые наслаждаются чтеніемъ, какъ стакановъ добраго вина, и, взявши въ руки книгу, сразу оцѣниваютъ ее по букету.

Такой способъ оцѣнки чутьемъ,—да позволено мнѣ будетъ употребить это выраженіе,—представляетъ своего рода опасности и можетъ вести къ большимъ промахамъ. Но имѣетъ нѣкоторыя неудобства и другой способъ,—я разумѣю тотъ, который состоитъ въ проглатываніи залпомъ въ опрокидку, ибо люди, читающіе такимъ образомъ, едва ли остаются въ выигрышѣ.

Но все это пустыя разсужденія, и я перехожу къ моему повѣствованію.

И такъ, почтеннаго вида господинъ читалъ, читалъ внимательно, сладко улыбался, точно котъ, полизывающій сливки, переворачивалъ страницы неторопливымъ, ровнымъ жестомъ, ясно свидѣтельствовавшимъ о привычкѣ къ чтенію. И легкое похрустываніе бумаги подъ его осторожными пальцами производило своеобразно-пріятное, убаюкивающее впечатлѣніе, сразу расположившее меня к

сосѣду. Оно звучало какъ бы далекимъ отголоскомъ вѣчной пѣсни на тысячи мотивовъ, льющейся изъ человѣческой души на страницы книгъ. И въ такой-то дали пѣсня, мотивы которой рѣзки, принимала неопредѣленные тоны нѣжной мелопеи, исполняемой въ глубинѣ храма. Ненарушимымъ миромъ вѣяло отъ чтеца и отъ книги, и настроеніе это начало охватывать и меня. На бульварной скамьѣ, въ непрерывающейся сутолокѣ парижской борьбы за существованіе, среди ужасающаго шума, вызываемаго страданіемъ, ненавистью и порокомъ, въ городѣ, гдѣ все доведено до величайшаго напряженія, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ полною отчужденностью созерцающей мудрости. Вмѣсто лихорадочной погони за литературными новинками и дикихъ взрывовъ партійности, я видѣлъ передъ собою умиротворяющій диллетантизмъ ищущаго знаній эклектика, нирвану ученаго. Я самъ готовъ былъ стать библіофиломъ.

Да, библіофиломъ, подобно моему сосѣду, бывшему таковымъ до конца ногтей, въ чемъ я ни чуть не усомнился.

Эти движенія бровей, то поднимающихся, то хмурящихся, эти пробѣгающія по губамъ складки, едва уловимо-презрительныя или снисходительно-одобрительныя, вдумчиво-утвердительныя покачиванія головой, инстинктивныя помѣтки ногтемъ на поляхъ, переходящія въ ласку, эти слегка ворчливые вздохи, кому они могли быть свойственны? Библіофилу, разумѣется. Обладаютъ ли другіе люди такою свѣтящеюся достоинствомъ улыбкой, такимъ дивнымъ спокойствіемъ, такою ясною сосредоточенностью? Никогда. Въ томъ я былъ глубоко убѣжденъ и сразу почувствовалъ, какъ во мнѣ самомъ возникаютъ то же достоинство и такое же спокойствіе отъ одной близости къ библіофилу.

Тѣмъ не менѣе, въ моемъ умѣ внезапно мелькнуло и нѣкоторое сомнѣніе. Книга, которую читалъ мой сосѣдъ, была не эльзивиръ. А разъ не эльзивиръ, то и библіофила быть не можетъ. Самое большее—библіоманъ, пожалуй даже—букинистъ.

Но нѣтъ, я окинулъ взглядомъ еще разъ сосѣда, и ко мнѣ возвратилась прежняя увѣренность.

Какъ бы то ни было, книжка, которую читалъ приличный г[о]сподинъ, была обыкновеннаго удобнаго формата и напечатана ш[р]ифтомъ легко-читаемымъ безъ лупы. Изданіе,—насколько я м[о]гъ судить съ своего мѣста,—оказывалось весьма приличнымъ, д[а]же изящнымъ, но, все-таки, не миніатюрнымъ. Что же бы это м[о]гло значить?

Да всего вѣрнѣе—просто капризъ любителя. Несмотря ни на

что, я готовъ былъ поклясться, что библіотека этого господина состоитъ исключительно изъ миніатюрныхъ изданій. Такъ ясно представлялась мнѣ эта библіотека въ стеклянныхъ шкафахъ, наполняющихъ комнаты уютной квартиры холостяка, гдѣ хозяйствуетъ всевластная метелка служанки стараго стиля. По добротѣ своей, она снисходительно относится къ тому, что называетъ предосудительною слабостью хозяина, — его слабость къ дорогимъ эльзивирамъ,—и въ качествѣ полной распорядительницы хозяйства чванится пятнадцатью тысячами франковъ дохода своего господина, изъ которыхъ нѣкоторая часть уже отписана ей по завѣщанію. Повариха она, разумѣется, превосходная.

А онъ покушать любитъ и изъ-за этого терпѣливо сноситъ кое-какія выходки своей кухарки. Быть можетъ, Радегунда была когда-то и хорошенькою, да и мало ли еще что...

У него есть нѣсколько добрыхъ пріятелей, такихъ же библіофиловъ, какъ онъ. Въ своей компаніи они порою лакомятся его тонкими обѣдами и за кофеемъ ведутъ долгія библіофильскія бесѣды. Необыкновенно живо представлялось мнѣ это благополучное существованіе въ мирномъ, тепломъ уголкѣ. И кабинетъ я видѣлъ, не роскошный, но удобный, гдѣ зависти достойный библіофилъ, вдали отъ всѣхъ житейскихъ волненій, уже много лѣтъ составляетъ и дополняетъ свои нескончаемые каталоги рѣдкихъ книгъ. И столовую его я видѣлъ, точно въ ней обѣдалъ. Хорошо бы и мнѣ имѣть такой же кабинетъ, такіе же шкафы, наполненные отборными эльзивирами, составлять ихъ каталоги и собирать отъ времени до времени добрыхъ друзей за простыми, но вкусными обѣдами библіофила, какимъ я желалъ бы быть. Я чувствовалъ, я ясно сознавалъ, что это и есть мое настоящее призваніе.

Сосѣдъ продолжалъ читать.

Подъ вліяніемъ возростающей симпатіи я подвинулся къ нему. Онъ замѣтилъ это, поднялъ голову, неторопливо обернулся ко мнѣ и съ необыкновенно любезною улыбкой проговорилъ:

— Вотъ, государь мой, восхитительная книга!

Онъ протянулъ мнѣ книгу. Я чуть не вскрикнулъ: на ея оберткѣ красовалось мое имя. Мой сосѣдъ читалъ романъ, выпущенный мною въ свѣтъ какъ разъ этимъ утромъ, былъ, пожалуй, первы моимъ читателемъ, и читателемъ восторженнымъ. Для меня онъ ст илъ тысячи другихъ читателей. Вотъ она—слава-то! О, милый би ліофилъ!

А онъ продолжалъ съ блаженною улыбкой:

— Отчетливо, ясно, основательно, изящно, безъ всяки

штукъ отъ первой строки до послѣдней строки, отъ первой запятой и до послѣдней точки. Это, поистинѣ, образцовое произведеніе!

Чудный библіофилъ! Сердце мое, вздуваемое похвалами, носилось въ эмпиреяхъ блаженства.

Мирнаго настроенія какъ не бывало. Я опять рвался въ бой. Какой я библіофилъ? Я—писатель, я— отчаянный романистъ. И буду я писать книгу за книгой, отчетливо, ясно, основательно, изящно и безъ всякихъ штукъ отъ первой до послѣдней строки, отъ первой запятой до заключительной точки, буду писать такія книги, которыя всѣ разумные люди, наслаждающіеся чтеніемъ на скамейкахъ бульваровъ, найдутъ произведеніями образцовыми. Самъ я никогда не сдѣлаюсь библіофиломъ, но стану другомъ библіофиловъ, слова которыхъ цѣннѣе золота. Сочиняй, другъ, и не берись судить! Пришло ли бы тебѣ въ голову такое выраженіе: образцовое произведеніе? На это нуженъ болѣе спокойный и ясный умъ, чѣмъ твой. Да еслибъ и навернулось оно на языкъ, развѣ ты выговорилъ бы его, малодушный? И глубокое пониманіе, и смѣлость въ выраженіи своего мнѣнія,—все это достояніе однихъ библіофиловъ. Внимай и благоговѣй, литераторъ!

Мнѣ представлялось спокойнымъ, но нѣсколько узко-замкнутымъ существованіе этого человѣка. Нѣтъ и нѣтъ! Я отрицаю это, какъ сорокъ тысячъ братьевъ отрицать не могутъ: не узко оно и не замкнуто, а блестяще-свѣтло и возвышенно, такъ какъ въ созерцательномъ разумѣніи своемъ оно доходитъ до творчества и,— кто знаетъ?— превосходитъ его, быть можетъ. Доказательствомъ тому служатъ его сужденія.

Мой сосѣдъ продолжалъ:

— Мнѣ бы очень хотѣлось узнать того, кто создалъ эту прелесть, и я узнаю его непремѣнно.

Эти слова довели до изступленія мою зарождающуюся симпатію.

— Да,—воскликнулъ я,—вы его узнаете и скорѣе, чѣмъ думаете. Вы знаете его, онъ протягиваетъ вамъ руку отъ всей искренности своего сердца. Это я!

На мигъ удивленный восторженностью моего тона, сосѣдъ, не сгѣша, всмотрѣлся въ меня, потомъ пожалъ мою руку, протянутую отъ всей искренности моего сердца, и сказалъ:

— Вы первоклассный мастеръ!

Первоклассный мастеръ! Опредѣленіе простое и сильное, какимъ гордились величайшіе работники родного слова. О, чудный мой сосѣдъ!

Мы разговорились. Изъ скромности я направилъ бесѣду на

предметы, не относящіеся къ литературѣ. Ничего выдающагося я не замѣтилъ въ сужденіяхъ моего новаго знакомца. Все необыкновенно просто, заурядно даже до трогательности въ человѣкѣ, столь высоко стоящемъ интеллектуально. Наступившій часъ обѣда разлучилъ насъ, но не надолго. Я попросилъ позволенія побывать у него и получилъ самое любезное приглашеніе.

Голова шла кругомъ, когда я вернулся домой и сѣлъ къ письменному столу, охваченный настоящею горячкой сочинительства.

«Еслибъ я имѣлъ пять сыновей, они имѣли бы пять коней»,—сказалъ одинъ поэтъ,—арабскій, вѣроятно.

Я все на свѣтѣ отдалъ бы за то, чтобъ имѣть пять рукъ, дабы писать пять книгъ, которыя этотъ необыкновенный человѣкъ, мой сосѣдъ на бульварной скамьѣ, оцѣнилъ бы безпристрастно. Вотъ это цѣнитель!

Въ слѣдующій четвергъ я позвонилъ у его двери. Окруженный своими книгами, онъ встрѣтилъ меня, улыбаясь очень привѣтливо, и показалъ свою библіотеку. Отъ эльзивировъ мнѣ пришлось отказаться. Были тамъ и эльзивиры, разумѣется, и даже самые миніатюрные, но были также книги всѣхъ возможныхъ форматовъ, всѣхъ эпохъ, иныя временъ Гуттенберга. Вотъ каково! Были книги греческія, санскритскія, еврейскія, латинскія, на всѣхъ языкахъ, мертвыхъ и живыхъ, кончая даже волапюкомъ. Сущее смѣшеніе языковъ вавилонское, ключъ отъ котораго хранился въ необычайной головѣ хозяина, въ дивномъ кладезѣ знанія. Тутъ и нумизматика, и астрономія, химія и алхимія, астрологія, хиромантія, медицина, балистика, архитектура, механика, ботаника, физика, математика, космографія, статистика, музыка, кабала, поваренное искусство... и чего-чего тамъ не было, и поэты, и романисты, и философы, всѣ роды литературы, всѣ бредни и всѣ истины, даже объявленія, рекламы, афиши,—міръ цѣлый. Я онѣмѣлъ отъ изумленія.

— Не пропустилъ я въ этомъ ни единой буквы,—сказалъ хозяинъ.

И сказалъ онъ это такимъ тономъ, будто сообщалъ нѣчто вполнѣ обыкновенное. Ушелъ я отъ него совершенно растерянным.

Разстались мы въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Къ)-жалѣнію, вынужденный обстоятельствами, я долженъ былъ уѣх: ъ въ провинцію редактировать одну газету и долгое время не вид: ъ моего удивительнаго ученаго. Писемъ я не получалъ отъ него, — онъ терпѣть не могъ царапанья бумаги даже ради дружеской к)-респонденціи.

Я же, все-таки, послалъ ему мой второй романъ, потомъ третій, и, по этому случаю, онъ удостоилъ превозмочь свою обычную скриптофобію и написалъ мнѣ нѣсколько словъ. Второй томъ ему не особенно понравился:

«Недостаетъ ясности, мѣстами грубовато, изящества не хватаетъ и хромаетъ пунктуація».

Сужденіе рѣзкое, но справедливое. Замѣчаніе о пунктуаціи показалось мнѣ, однако, нѣсколько придирчивымъ. Чего же онъ хотѣлъ? Полнаго совершенства. Внимательно перечитавши мою книгу, я не могъ, однако, не согласиться съ вѣрностью указаній моего ученаго судьи, и, не впадая въ лишнюю печаль, постарался избѣжать въ четвертомъ моемъ произведеніи замѣченныхъ имъ погрѣшностей.

И что же?

«Нѣтъ это опять не то. Недурно, правда, но далеко не стоитъ первой книжки».

Закончивши пятый романъ и дорожа болѣе, чѣмъ когда-либо, одобреніемъ моего библіофила, я рѣшился показать ему мою рукопись и для этого воспользовался поѣздкою въ Парижъ, куда меня командировала редакція по случаю какихъ-то торжествъ. Въ самый день пріѣзда я уже былъ у моего критика.

И тутъ-то произошла сцена. Когда мнѣ удалось, наконецъ, съ величайшимъ трудомъ разъяснить ему, какого рода одолженія я у него прошу, съ нимъ призошло нѣчто совсѣмъ необычайное. Щеки его дрожали, руки подергивались отъ сдерживаемаго гнѣва.

— Писатель! Вы авторъ этихъ книгъ!—выкрикивалъ онъ.— Что же вамъ здѣсь угодно? Какъ могли вы ко мнѣ втереться? Да я, несчастный вы человѣкъ, интересуюсь тѣмъ, что вы городите въ вашихъ книгахъ, не болѣе, чѣмъ обрывкомъ старой газеты!

И торжественнымъ тономъ онъ возгласилъ:

— Я, милостивый государь, любитель типографскаго искусства! Такъ вы и знайте, и не желаю, чтобы мнѣ надоѣдали писатели!

Потомъ, схвативши первую попавшуюся подъ руку толстѣйшую книгу, онъ двинулся на меня съ угрожающимъ жестомъ.

— Изъ того, что здѣсь собрано, я не знаю ничего, ничего, ничего! Понимаете вы это, и знать я ничего не хочу. Интересуютъ меня «шрифты», «пагинація», «шпоны», «шпаціи», «корректура», а не вашъ вздоръ! И съ этой только стороны я взялъ на себя трудъ заняться вашими книжками. А съ тѣхъ поръ, какъ вы перемѣнили типографію, цѣна имъ—переломленный сантимъ. Вотъ что...

И, суя мнѣ подъ носъ огромную библію, онъ проговорилъ съ великолѣпнѣйшимъ презрѣніемъ:

— Не воображаете ли, что я и по-еврейски знаю?

На лѣстницѣ, куда онъ выскочилъ слѣдомъ за мною, такъ и гремѣлъ его голосъ:

— А я-то принялъ его за типографа!

Вокругъ свѣта.

Разсказъ Сенъ-Жюра.

— Нѣтъ, меня-то ужь увольте отъ разсказовъ о маленькихъ путешествицахъ,— слушать смѣшно!

— Что такъ?

— Я сдѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта.

— О-о!

— Да, государь мой, вокругъ свѣта. Было это послѣ смерти моей жены, бѣдной моей Амели. Съ нею мы прожили двадцать лѣтъ счастливо... Я не говорю, что на наше счастье не набѣгало ни одного облачка. Конечно, бывали дни, когда... Но это ровно ничего не значитъ, особливо когда сложилась привычка. Я понялъ это, когда ея уже не стало. Ея вспыльчивость, ея раздражительность, настоящія бури, которыми она потрясала весь домъ, упреки, которыми она меня осыпала, ея безумные припадки ревности,— все это исчезло, всего этого я сразу лишился. А, вѣдь, съ этимъ я сжился... И отъ горя затосковалъ... Въ Коммерческомъ кафе, гдѣ я имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ сыграть партійку въ пикетъ по маленькой,—вы знаете, меня никакъ ужь нельзя назвать игрокомъ,—всѣ мнѣ говорили: «Боннаръ, васъ изведетъ тоска». Я и пошелъ посовѣтоваться съ докторомъ... Пошелъ не къ тому, что лечилъ Амели,—нѣтъ, пошелъ я къ лучшему и разсказалъ ему все обстоятельно.

— Ничего, пройдетъ,—сказалъ онъ, не глядя на меня.—Отдѣлаетесь довольно дешево. Ничто не вылечитъ васъ такъ успѣшно, какъ путешествіе. Отправляйтесь путешествовать.

— Но, вѣдь, болѣзнь изводитъ меня, докторъ... Вы мнѣ не сказали... Не могу ли я узнать, что же это такое?

А онъ бурчитъ:

— Двадцать франковъ.

— Гм...

Заплатилъ я ему двадцать франковъ и ушелъ.

Путешествовать... Предписаніе довольно неопредѣленное. Куда

ѣхать? Въ Мёдонъ? Близко ужь очень, пожалуй, доза путешествія окажется недостаточною. За мои деньги докторъ обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлить число километровъ, которое мнѣ слѣдовало проѣхать.

Раздумывая объ этомъ, я посматривалъ въ окна магазиновъ,— я всегда былъ очень любопытенъ, — и въ одномъ изъ нихъ увидалъ афишу. Одна пароходная компанія сообщала о путешествіи вокругъ свѣта на исключительно дешевыхъ условіяхъ: Бразилія, мысъ Горнъ, Австралія, Китай, Индія, Суэцъ; восемь мѣсяцевъ пути, помѣщеніе, столъ, прислуга,—словомъ, все за десять тысячъ франковъ! Досадно было бы пропустить такой случай. Пароходъ долженъ былъ выйти изъ Гавра на слѣдующій день утромъ.

Не думая долго, я вернулся домой, сунулъ въ чемоданъ, что подъ руку попало, и—маршъ на вокзалъ Сенъ-Лазаръ.

Черезъ часъ я былъ въ вагонѣ и спалъ мертвымъ сномъ. Я всегда сплю на желѣзной дорогѣ.

Гавръ—чудеснѣйшій городокъ, какъ мнѣ говорили. Самъ я, разумѣется, не успѣлъ его осмотрѣть. Надо было спѣшно взять билетъ, занять каюту. Въ полдень снялись съ якоря, и скоро пассажиры, бывшіе на палубѣ, потеряли изъ вида берега Франціи.

Ну, а я сошелъ внизъ въ салонъ. Море я хорошо знаю. Какъ-то еще съ Амели я провелъ двѣ недѣли въ Трувилѣ. Вода и вода, много воды, безъ конца, и, въ сущности, вездѣ одно и то же.

Въ салонѣ парохода сидѣлъ уже одинъ господинъ. Мы разговорились. Оказался премилымъ человѣкъ. Мы и во вкусахъ сошлись. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ знакомства онъ предложилъ мнѣ сыграть партійку въ пикетъ. Великолѣпно! Я чуть не запрыгалъ отъ восторга. Живо, карты! Найдено средство занять скучный досугъ долгаго плаванія.

Садясь за столъ, мы условились записывать каждый день проигрышъ и разсчитываться при каждой остановкѣ, сходя на берегъ, по десяти су фишка.

И повезло же ему! Въ жизнь мою не встрѣчалъ такого счастливаго игрока, какъ это животное! Въ десять дней я проигралъ 150,000 фишъ, а когда мы пришли въ Ріо-Жанейро, за мною было уже 327,962 фишки.

Великолѣпный городъ Ріо-Жанейро! Это я могу доподлинно сказать, такъ какъ былъ тамъ, но видѣлъ его не особенно близко. Чтобы сойти на берегъ, мнѣ надо было заплатить моему партнеру проигрышъ 163,981 франкъ. Не слишкомъ ли дорого за то, чтобы видать приморскій городъ? Мы же сами прибыли прямо изъ Гав-

ра. А кто пріѣзжаетъ изъ Гавра, тому нѣтъ и надобности осматривать Ріо-Жанейро. Всѣ портовые города одинаковы. Вездѣ есть набережныя и суда, вездѣ пахнетъ смолой. Такъ я и сказалъ моему партнеру, предложивши ему остаться на пароходѣ и продолжать нашу партійку. Онъ охотно согласился. Премилый человѣкъ и порядочный въ полномъ смыслѣ слова!

Да. Но и я у него въ долгу не остался. У мыса Горна мнѣ посчастливилось. Необыкновенно красивъ мысъ Горнъ! Вода, скалы... но холодно тамъ. Само собою разумѣется, что не пустился я мерзнуть на Огненной Землѣ ради того, чтобы посмотрѣть на патагонцевъ. Нужны мнѣ очень какіе-то патагонцы!

За то объ Австраліи я сохранилъ самыя лучшія воспоминанія... Тамъ много острововъ и все такія красивыя названія... Къ тому же, счастье перевернулось, и я все время выигрывалъ: въ записи у меня было 400,127 фишъ. И это какъ разъ въ то время, когда мы пришли въ Сидней.

Чудесный портъ Сидней! Мнѣ очень хотѣлось ознакомиться съ нимъ поближе. Сходить на маленькихъ островахъ, у которыхъ мы передъ тѣмъ останавливались, я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія. Не изъ-за чего. Дикари нисколько меня не интересуютъ. Въ музеѣ у насъ есть одинъ картонный, я его видѣлъ, видѣлъ также Готтентотскую Венеру—ну, съ меня и довольно. Совсѣмъ иное дѣло Сидней. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ мой противникъ былъ настолько деликатенъ, что не потребовалъ схода на берегъ въ Бразиліи, я счелъ долгомъ вѣжливости отплатить ему тѣмъ же въ Австраліи. А за тѣмъ, по совершенно справедливому его замѣчанію, и Сидней тоже—не болѣе, какъ портовый городъ. Ужасно много перевидаешь портовыхъ городовъ во время кругосвѣтнаго плаванія, въ концѣ-концовъ, это даже надоѣдаетъ.

Совершенно правы были изображавшіе Фортуну катящеюся на колесѣ. Предательница она! Измѣнила она мнѣ вкрѣпкую, и, вмѣсто порядочнаго выигрыша, за мною оказалась крупная запись, когда мы вошли въ китайскія воды. Любопытная страна Китай, и Кантонъ—преинтересный городъ! Но не для меня, особливо въ тогдашнемъ моемъ положеніи... совсѣмъ не до китайцевъ мнѣ было, когда я только о томъ и думалъ, какъ бы вернуть полмиллі[illegible] проигранныхъ мною фишъ. Шутка сказать, двѣсти пятьдесятъ [illegible] сячъ франковъ! Тутъ не пойдутъ на умъ желторожіе уроды, [illegible] какъ думаете? Мы и продолжали нашу игру. Мой партнеръ та[illegible] же рвался въ Кантонъ, какъ я въ Сидней... Но долгъ красенъ платежомъ, вотъ и все.

Отъ Кантона далеко до Бомбея, и слава Богу, такъ какъ за это время шансы измѣнились еще разъ, и мой пріятель оказался опять въ проигрышѣ... И угадайте-ка сколько,—ровнымъ счетомъ кругленькій милліончикъ! Я никогда не воображалъ, что можно столько выиграть въ пикетъ. Бѣдняга положительно приходилъ въ отчаяніе. Мнѣ стало даже жалко его, и я уже не предлагалъ сходить на берегъ. Да сказать по правдѣ, мнѣ все еще везло и хотѣлось посмотрѣть, до чего же это, наконецъ, можетъ дойти.

Далеко не пошло, однако. Только что вышелъ пароходъ изъ Бомбея, какъ я сталъ проигрывать... и проигрывалъ постоянно. Съ досады я началъ даже увлекаться игрой. Въ Суэцѣ, вмѣсто полумилліона, у меня въ записи было всего 71,724 франка. Страшно мнѣ хотѣлось вернуть отыгранное имъ, и я уже не думалъ оставлять картъ. Да и нѣтъ ничего особеннаго въ Суэцѣ. Каналъ... такъ я видалъ каналы-то, восемь лѣтъ прожилъ вблизи канала Сенъ-Дени. Сражались мы съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-либо, утромъ, цѣлыми днями, вечерами и даже ночами, приказали кушать подавать тутъ же на карточномъ столѣ, чтобы не терять драгоцѣннаго времени.

А дѣло шло все тѣмъ же порядкомъ, онъ отыгрывался. Въ Марсели за нимъ оставалось,—представьте себѣ,—только 433 франка 50 сантимовъ! Марсель чудесный городъ, великолѣпные дома, оживленный портъ, церкви... Такъ говорили мнѣ, по крайней мѣрѣ... Самъ же я,—вы понимаете?—ни за что въ мірѣ не согласился бы закончить такую восхитительную, такую серьезную партію, длившуюся семь мѣсяцевъ, столь мизернымъ выигрышемъ... Но повѣрите ли?... Когда мы пришли въ Гавръ, сдѣлавши кругосвѣтное путешествіе, я и мой партнеръ сошли на нѣтъ, ни за нимъ, ни за мною—ничего, общій балансъ — нуль! Вѣдь, это же позорно смѣшно. Я хотѣлъ продолжать игру, капитанъ не позволилъ.

Кажется, нашъ корабль былъ настолько старъ, что закончилъ свою службу этимъ рейсомъ. Рѣшено было отчислить его въ инвалиды.

Мы сошли на берегъ, распростились съ добрымъ спутникомъ, и съ тѣхъ поръ я его не видалъ.

Милѣйшій человѣкъ! Такъ досадно, что я не спросилъ его имени .. Ну, да что съ этимъ подѣлаешь? Не успѣлъ!

Соперница.

Разсказъ **Мориса де-Флери.**

— Бринко!

— Что прикажете?

— Звонокъ... Взгляни, другъ, кто тамъ.

Такими словами, не отрываясь отъ своего опыта, обмѣнялся профессоръ Антуанъ Бальи съ своимъ лабораторнымъ служителемъ,—однимъ изъ такихъ молодцовъ, какихъ можно видѣть только въ Collège de France,—хромымъ алкоголикомъ и беззавѣтно преданнымъ, удивительнымъ препараторомъ, извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ почти наравнѣ съ самимъ профессоромъ.

Бринко вернулся, хромая еще болѣе отъ торопливости, съ комически вытянутымъ, растерянным лицомъ, и, заикаясь и путаясь, доложилъ, что молодая дама ждетъ во дворѣ, желаетъ видѣть господина профессора.

— Какая тамъ молодая дама? — но тотчасъ же догадавшись, Бальи продолжалъ:—Ахъ, Боже мой! Возможно ли это?... Ступай скорѣе, Бринко, бѣги, другъ, попроси подождать минутку... мигомъ пріодѣнусь. А ты покарауль, Бринко, да смотри—поаккуратнѣе тутъ рядомъ, въ рабочей комнатѣ, какъ бы кто...

Подъ взглядомъ своего стараго товарища по работамъ, полнымъ недоумѣнія, презрѣнія и печали, профессоръ на мгновеніе смутился, какъ священникъ, застигнутый своею кухаркой въ моментъ нарушенія монашескихъ обѣтовъ.

— Какъ же это? Здѣсь, въ лабораторіи, вы примите эту... особу?

Окрикъ профессора заставилъ его повиноваться.

Оставшись одинъ, ученый поспѣшилъ сбросить испачканный рабочій балахонъ, которымъ прикрывалъ свое платье отъ брызгъ во время опытовъ. И такъ, она рѣшилась-таки посѣтить лабораторію, о чемъ онъ много разъ просилъ ее... Она ждетъ его тутъ во дворѣ, войдетъ сейчасъ его любовница, которою онъ гордится,—такая, о какой онъ очень еще недавно и мечтать не смѣлъ,—великосвѣтская дама, маркиза,—не болѣе и не менѣе, какъ красавица маркиза де-Мендоза...

Не разсердилась бы, что ждать заставили... Онъ быстро надѣлъ только что снятую блузу, сообразивши, что эффектнѣе будетъ показаться ей въ настоящемъ видѣ физіолога, въ профессіональномъ, испачканномъ костюмѣ славной науки... Съ маркизой онъ познакомился шесть мѣсяцевъ назадъ, въ академическомъ за-

лонѣ Дю-Перье, сразу былъ пораженъ ея южною матовою красотой, ея трогательною фамильярностью истинной аристократки... И она увлеклась имъ... Почему? Наклонившись надъ ртутною ванной, онъ всматривался въ свое лицо, некрасивое, съ огромнымъ лбомъ, щетинистыми бровями, жесткою сѣдѣющею бородой, длинными волосами, которые онъ тутъ же растрепалъ поживописнѣе, причемъ выправилъ галстукъ и выпустилъ его концы. И душа его, отчужденная отъ жизни спеціальными научными задачами, его дѣтская душа великаго ученаго заранѣе уже ликовала, предвкушая всю оригинальность и прелесть свиданія съ любимою женщиной въ столь необыкновенной обстановкѣ. Понравится ли онъ ей въ такомъ костюмѣ? Бальи придалъ ему еще немного большую театральность, небрежно разстегнулъ и откинулъ воротъ, чтобы видна была красная орденская ленточка, засучилъ рукава, какъ то дѣлаютъ актеры въ роляхъ художниковъ, подтянулъ фартукъ и связалъ сзади бантомъ съ юношескимъ щегольствомъ студента.

Въ угрюмомъ внутреннемъ дворѣ, усыпанномъ мелкимъ желтымъ гравіемъ, мадамъ де-Мендоза, въ свѣтломъ весеннемъ туалетѣ, прохаживалась нетерпѣливыми шагами и раскидывала попадавшіяся подъ ноги камешки концомъ зонтика. Ея появленіе тутъ, подборъ цвѣтовъ ея туалета,—все это было поразительно эксцентрично, свѣтски-смѣло. Она обернулась, увидала его. Никогда еще ея большіе глаза испанки, дерзко сверкавшіе сквозь черную сѣтку вуалетки, не воспламеняли такъ сердца ученаго.

— Э, скажите-ка, вы,—крикнула она слишкомъ издалека и громче, чѣмъ слѣдовало бы, чудеснымъ звучнымъ контральто,—вамъ, кажется, нравится заставлять меня тутъ прогуливаться?

Онъ очень покорно извинился, оправдываясь тѣмъ, что вынужденъ былъ закончить опытъ, котораго никакъ нельзя было прервать. Она не слушала его, прочитывая вслухъ надпись надъ дверью:

Médecine expérimentale
cabinet du professeur,

и громко выражая свое удивленіе при видѣ лабораторіи, куда онъ ее ввелъ.

Профессоръ Бальи приперъ дверь задвижкой изъ понятной предосторожности, подошелъ къ гостьѣ, обнялъ ее, запрокинулъ ей голову и страстно прошепталъ:

— Какъ дивно восхитительны вы, что пришли сюда!

Она увернулась шаловливымъ пируэтомъ и на парижскомъ арго, отъ котораго въ восхищеніи всѣ ей подобныя свѣтскія дамы, выкрикнула ему подъ носъ:

— А ты какъ бы думалъ?

Потомъ, отказавшись сѣсть по его приглашенію, она легкою, изящною, какъ танецъ, походкой пустилась на осмотръ огромной залы, напоминающей суровыя трапезы старинныхъ монастырей.

Она граціозно подняла юбки и осторожно пробиралась между аппаратами, разставленными по полу, слегка вскрикивала, когда за что-нибудь зацѣплялось платье, забавно, передразнивая модныхъ актеровъ-комиковъ, разѣвала ротъ передъ невиданною ею машиной, надувши губки, осматривала, чѣмъ завалены столы и пыльныя этажерки, съ торжественною миной заглядывала въ микроскопы, трагически брала въ руки бистури, изображала нервную дрожь при видѣ анатомическаго препарата, притворяясь испуганною до ужаса, щелкала зубами передъ клѣткой съ собаками, которымъ привито бѣшенство, чуть не плакала отъ жалости надъ бассейномъ съ обреченными на смерть лягушками и пришла въ неописуемый восторгъ, когда открыла въ какомъ-то углу обшитую горностаемъ мантію и обложенную золотымъ шнуромъ шапочку профессора. Въ одно мгновеніе ока молодая женщина накинула на себя парадную тогу ученаго, оправила бѣлый мѣховой отворотъ, засунула руки въ большущія перчатки, найденныя въ карманѣ, надѣла пенсне и, каррикатурно жестикулируя, принялась необыкновенно мило передразнивать профессора, читавшаго въ одной изъ сосѣднихъ аудиторій курсъ очень жиденькой философіи. Влюбленный физіологъ себя не помнилъ отъ восторга.

Но ея энтузіазмъ перешелъ всякія границы, когда она разыскала подъ темнымъ покрываломъ фотографическій аппаратъ. Тутъ она неотступно потребовала, чтобы на память о ея посѣщеніи,— какъ она говорила,—былъ тотчасъ же снятъ ея портретъ въ надѣтомъ ею на себя костюмѣ. Хотя ученому и не особенно по вкусу была такая копотливая работа, тѣмъ не менѣе, пришлось исполнить капризъ молодой женщины, достать пластинку и настроить аппаратъ, передъ которымъ гостья стала въ докторальной позѣ.

За то хозяинъ былъ вознагражденъ неотложно: въ темной каморкѣ для фиксировки, въ то время, какъ онъ тщательно и осторожно вызывалъ милый образъ на стеклѣ, маркиза, стоя позади Бальи и положивши подбородокъ на его плечо, щекотала ему ух частыми и короткими поцѣлуями.

Когда же пробило четыре часа, мадамъ де-Мендоза объявила что умираетъ съ голоду. Позвали Бринко, чтобы послать его за провизіей. Бринко, въ высшей степени недовольный столь унизительнымъ для его достоинства порученіемъ, заставилъ себя очер

долго ждать, вернулся, ворча и размахивая бутылкой вина, выбралъ самый грязный уголъ стола, выложилъ на него запасъ пирожковъ и каштановъ въ сахарѣ, потомъ окинулъ гостью свирѣпымъ взглядомъ разозленнаго бульдога, хлопнулъ дверью и удалился въ каморку, гдѣ хранились его препараторскіе инструменты.

А тѣмъ временемъ красавица кушала, а ученый восхищался чудными жестами, которыми она клала въ ротъ сласти и, точно кошечка, облизывала засахаренные пальчики,— ученый восхищался и самъ на себя дивился, какъ могъ онъ такъ долго не понимать женщинъ и отвертываться отъ всей ихъ прелости. Надо было, чтобы это чудное созданіе само бросилось ему на шею для того, чтобъ изгнать изъ его головы нелѣпыя, предразсудочныя мысли, общія мѣста о невысокомъ уровнѣ женщинъ и страхи передъ ихъ заманчивымъ легкомысліемъ!... Въ возростающемъ восторгѣ передъ обольстительною испанкой онъ видѣлъ, какъ, подъ вліяніемъ сладкой марсалы, разгорались ея черные глаза, громче становились взрывы ея веселаго смѣха и дѣлались лѣнивѣе движенія, вызывавшія на ласку въ этомъ необыкновенномъ пріютѣ любви.

Молодая женщина нѣжно потянулась всѣмъ тѣломъ, зѣвнула, сразу встала на ноги и обѣими руками обвила шею профессора.

— А, вѣдь, я,—проговорила она, слегка задыхаясь,— еще я не посмотрѣла на тебя въ этомъ нарядѣ. Знаешь, ты восхитителенъ въ своемъ грязномъ балахонѣ!

Онъ сталъ было возражать, притворно скромничать, невыразимо польщенный до глубины души, а молодая женщина, слегка опьяненная вкусною марсалой, воскликнула:

— Когда я говорю тебѣ, что ты обворожителенъ... обворожителенъ... какъ офицеръ!

. . . . . .

Пока его возлюбленная взбивала свой пуфъ и скручивала свои роскошные волосы, Бальи удалился, изъ скромности, въ сосѣднюю комнату, отведенную для самыхъ тонкихъ опытовъ, для работъ, требующихъ полнаго спокойствія и совершеннаго одиночества.

Сколько разъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ часы печали, когда не удавались его научныя изысканія, проклиналъ онъ свое одиночество, жаждалъ женской ласки, мысленно обращался къ своей возлюбленной, пламенно желалъ ея присутствія. Мечта сбылась, исполнилось все, чего онъ хотѣлъ. И вотъ его энтузіазмъ значительно понизился и пребываніе здѣсь красавицы начинаетъ казаться слишкомъ продолжительнымъ. Его охватила непреодо-

лимая потребность работать, явилось сознаніе, что на пустѣйшій вздоръ онъ тратитъ огромное время.

Но маркиза проникла за нимъ и сюда, совсѣмъ уже забыла, что собиралась было уходить, и отчаянно болтала:

— Вотъ ты гдѣ... А этого-то уголка и не показалъ мнѣ! Что дѣлаютъ этою большою машиной?... Ахъ, бѣдная собаченька! Зачѣмъ ее привязали къ столу?... Да она жива еще, смотритъ однимъ глазомъ... Скажи, что она—бѣшеная?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! — отвѣчаетъ профессоръ съ легкимъ раздраженіемъ.—Надъ этою собакой я экспериментировалъ, когда вы пришли. И теперь, къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ необходимо...

— И это ты, злой, жестокій человѣкъ, проткнулъ ей шею, запустилъ туда трубку?... О, до чего безсердечны мужчины!

И опять тѣ же стремленія все потрогать руками, и тѣ же взвизгиванія, тѣ же несдерживаемые порывы. Но то, чѣмъ такъ еще недавно восхищался Бальи, отдается въ ушахъ ученаго ни на что ненужнымъ, безтолковымъ шумомъ. И это оглушаетъ его и раздражаетъ ему нервы, впечатлительности которыхъ онъ никогда не подозрѣвалъ.

Вслѣдъ за не совсѣмъ искренними сожалѣніями о «бѣдной собаченькѣ» и безъ признака отвращенія, испанка, увлеченная любопытствомъ, поминутно возростающимъ отъ необычайности всего здѣсь встрѣченнаго, начинаетъ дразнить животное подхваченнымъ на столѣ пинцетомъ, и каждое болѣзненное вздрагиваніе собаки,—забавное такое,—приводитъ въ восторгъ ея дикое и ребячье неистовство.

Бальи, смотрѣвшій на ея продѣлки съ сложенными руками, нетерпѣливо похлопываетъ себя пальцами по локтю и кусаетъ губы. Онъ уже не на шутку готовъ выйти изъ себя. Начать съ того, что омерзительно это безсмысленное терзаніе животнаго. Если онъ, физіологъ, мучаетъ его, то дѣлаетъ это съ благородною цѣлью, по крайней мѣрѣ, въ поискахъ за научною истиной. И непривычная ему жалость поднимается въ сердцѣ на поддержку охватывающаго его раздраженія, подъ вліяніемъ котораго онъ и въ нѣжность впадаетъ, и негодуетъ, и жалость чувствуетъ къ смиренному, доброму пёсику, обреченному на смерть ради того, чтобъ открыть неизвѣстное.

А затѣмъ... затѣмъ... эта женщина просто несносна, вотъ и все!

Какъ мужъ, учинившій женѣ невѣрность, начинаетъ нѣсколь

ко больше любить свою законную супругу и склоненъ относиться съ презрѣніемъ не къ себѣ, а къ своей сообщницѣ, такъ и ученый въ эту минуту видѣлъ въ своей любовницѣ только недостойную соперницу своей старой, суровой подруги—науки. Она одна влечетъ его теперь къ себѣ, безупречно-чистая, надъ которою на его глазахъ нагло издѣвается эта негодница.

А та, не подозрѣвая даже возможности такого оборота его мыслей, считаетъ совершенно умѣстнымъ заявить мимоходомъ:

— Не понимаю я, какъ допускаетъ правительство эти вивисекціи... Отвратительно! — и, не переводя духа, катаетъ: — Ахъ, какая чудная машина, съ крыльями, точно вѣтряная мельница!

— Ну, ужь до этого-то, — останавливаетъ ее немного рѣзко профессоръ,—я бы васъ покорнѣйше просилъ не дотрогиваться.

И онъ объяснилъ, какъ въ это самое утро ему почти чудомъ удалось, при помощи этого аппарата, зарегистрировать одно изъ самыхъ трудно уловимыхъ явленій. Начертанныя линіи еще не фиксированы, и одно дуновеніе можетъ снести ихъ зигзаги, представляющіе собою два мѣсяца упорнаго труда.

— Къ тому же, дорогая моя, — продолжалъ онъ болѣе любезнымъ тономъ,—я полагаю, что намъ уже время разстаться. Поздно становится, и вашъ добрѣйшій супругъ можетъ встревожиться. Благодаря вамъ, я восхитительно провелъ день, постараемся же не испортить его, компрометируя себя.

Съ изысканною любезностью онъ прижалъ къ губамъ ея пальцы и, покинувши ее на минуту, вернулся съ ея зонтомъ, шляпой и вуалеткой.

Оставшись одна, молодая женщина глазъ оторвать не можетъ отъ любопытнаго аппарата и преодолѣть не въ силахъ искушенія потрогать его руками,—запрещено, вѣдь, это... Она пытается надавить пружину, приводящую въ движеніе крылья того, что представляется ей вѣтряною мельницей, и совершенно нечаянно, точно губкой, стираетъ рукавомъ драгоцѣнный графикъ...

Позади нея раздается страшное ругательство... Бальи, съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, съ пылающимъ ненавистью взоромъ, хрипитъ:

— Мои линіи!... Убирайтесь вонъ отсюда!... Убирайтесь вы...

Она же, озабоченная единственно поддержаніемъ своего женскаго достоинства, хочетъ во что бы ни стало показать, что ничего не боится, и, увѣренная въ неприкосновенности слабаго пола, для доказательства своей смѣлости, принимается отчаянно хохотать.

Долго накоплявшаяся злость Бальи разражается, наконецъ: под-

нявши руку угрожающимъ жестомъ, онъ кричитъ, не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ услыхать:

— Да пошла же ты вонъ, шлюха!... Ноги уноси... не то исколочу, негодница!

Въ эту минуту изъ-за полуотворенной двери высовывается радостное, сіяющіе, все въ морщинахъ отъ удовольствія лицо Бринко:

— Не помочь ли?

Она, страшно блѣдная, отступаетъ задомъ, стараясь надѣть шляпу дрожащими руками, и безсознательно бормочетъ:

— Вы съ ума сошли!... Вы съ ума сошли!...

И вдругъ вспоминаетъ:

— А моя фотографія?

Негативъ летитъ на полъ и со звономъ разсыпается въ мелкія дребезги.

— Да уйдете ли вы, наконецъ?

У двери ее на мгновеніе задерживаетъ припертая задвижка. И, уже переступивши порогъ и чувствуя себя въ безопасности, маркиза выкрикиваетъ со всею несдерживаемою испанскою рѣзкостью:

— Помните же... отплачу!

Слово свое она, несомнѣнно, сдержала: профессору Collège de France Антуану Бальи такъ и не удалось никогда добиться избранія въ академію.

Первая охота.

Разсказъ **Шарля Фолей**.

— Мы на охоту ѣдемъ за утками нынѣшнюю ночью въ большіе затоны. Не желаешь ли отправиться съ нами, мой красавецъ племянникъ?

Въ первый разъ дядя Герве,—тридцати трехъ лѣтній дядя, гусарскій капитанъ,—звалъ меня на охоту въ компаніи съ своими товарищами. Герве былъ въ отпуску въ своемъ помѣстьи по сосѣдству съ нами. Моя матушка никогда его не посѣщала, я бывалъ рѣдко. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль цѣлая толпа молодежи шумно веселилась у него, къ великому ужасу мирныхъ провинціаловъ. Какъ я ни рвался туда, меня находили слишкомъ юнымъ для такого общества. Мнѣ едва минуло пятнадцать лѣтъ, я кое-какъ обучался латыни, не долюбливалъ греческаго языка, боялся табачнаго дыма и ни волосочка не могъ захватить на своей верхней губѣ. По части любви я считалъ себя болѣе свѣдущимъ, такъ какъ восторженно упивался романами. Я уже покончилъ съ Донной Соль и пе-

решелъ къ Индіанѣ. Но интимное знакомство съ этими прелестными особами становилось мнѣ въ тягость и я открыто увлекался мрачною Коломбой. По такимъ чисто-литературнымъ измышленіямъ, я вообразилъ, будто хорошо знаю женщинъ, и съ апломбомъ говорилъ объ ихъ непостоянствѣ и вѣроломствѣ.

Въ тѣ вечера, когда дядя Герве обѣдалъ у насъ, мы съ нимъ прохаживались по аллеямъ парка послѣ кофе, и тутъ-то я выкладывалъ передъ нимъ всѣ мои знанія, стараясь внушить ему высокое мнѣніе о моей опытности въ дѣлахъ любви и добиваясь, чтобы онъ допустилъ меня въ свой веселый холостой кружокъ. Съ сигарой во рту и засунувши руки въ карманы, онъ слушалъ меня терпѣливо, не высказывая ни одобренія, ни противорѣчія. Но въ тотъ вечеръ, когда онъ прервалъ мои разсужденія столь желаннымъ приглашеніемъ, я уже не сомнѣвался въ моемъ полномъ успѣхѣ. Онъ, стало быть, понялъ, что я мужчина, отнесся ко мнѣ какъ къ мужчинѣ: я буду участвовать въ ночной охотѣ! При всемъ желаніи поддержать собственное достоинство, я едва могъ скрыть свой восторгъ.

Не много ранѣе полночи мы были на берегу.

Насъ было восемь человѣкъ и ни одной женщины,—маленькое разочарованіе для меня. Пятерыхъ изъ пріятелей дяди я зналъ: они бывали у моей матушки. Въ первый разъ я видѣлъ шестого, самаго младшаго, съ изящнымъ, нѣжнымъ профилемъ. Насъ не познакомили, рукопожатіями обмѣнивались безъ церемоній. Потомъ мы молча пошли къ лодкамъ другъ за другомъ, по сверкающей росистой травѣ.

Изъ-за горизонта выплывала красная луна, на небѣ—ни облачка. Надъ водою бѣловатою дымкой стлался туманъ; въ его просвѣтахъ темнымъ зеркаломъ блестѣла вода, отражая густую синеву неба и яркія звѣзды. Красиво это было, чудесно.

Я не забывалъ, однако, незнакомаго молодого человѣка, шедшаго впереди меня. Онъ возбуждалъ мое любопытство. По командѣ дяди, всѣ остановились. Я хотѣлъ заглянуть въ лицо юноши, онъ отвернулся. Послѣ короткаго совѣщанія условились о подробностяхъ предстоящей охоты, разложили по лодкатъ одѣяла и припасы, раздѣлились на групы. Трое изъ охотниковъ и сторожъ заняли самую большую лодку, трое другихъ помѣстились во второй. Я и молодой человѣкъ очутились вдвоемъ въ довольно легкомъ челнокѣ. Лодки двинулись передомъ, какъ было условлено. Чтобы не очутиться подъ выстрѣлами, которые случайно могли быть выпущены на зарѣ вдоль рѣки, мы должны были направиться къ противупо-

ложному берегу и тихо держаться въ тѣни окаймляющихъ его большихъ деревьевъ.

Первыя лодки исчезли, отправились и мы.

Я сѣлъ въ весла и началъ грести безъ шума, безъ брызгъ, опуская весла прямо ребромъ и едва вынимая ихъ изъ воды плашмя,— что называется—щегольски. Мнѣ хотѣлось вызвать похвалу моего спутника, но онъ молчалъ, не обращая вниманія на мое мастерство.

Лодка неслась стрѣлою. Мы пересѣкали полосу тумана. За нами въ его разорванныхъ клочкахъ подъ луннымъ свѣтомъ разбѣгались блестящими зигзагами двѣ серебристыхъ струи; на веслахъ, точно расплавленное олово, искрились капли воды. Сидѣли мы лицами другъ къ другу. Глаза молодого человѣка были открыты, но онъ, казалось, ничего не видалъ ими. Подъ ихъ темными рѣсницами былъ загадочный мракъ, болѣе непроницаемый, чѣмъ ночная синева неба. Можно было подумать, что ни кровинки нѣтъ подъ матовою кожей этого мраморнаго лица, необыкновенно страннаго, но поразительно красиваго. Молодой человѣкъ, повидимому, не сознавалъ даже, что плыветъ въ лодкѣ, ночью, вдвоемъ съ незнакомымъ ему юношей. Онъ полулежалъ въ небрежной и лѣнивой позѣ и въ своемъ бархатномъ костюмѣ казался стройнымъ и полнымъ, но настолько измученнымъ, что мнѣ становилось жаль его. Тирольская шляпа съ торчащимъ перомъ прикрывала его лобъ, виски и затылокъ. Его душа какъ бы отлетѣла прочь, витала гдѣ-то далеко, покинувши на время прелестную оболочку, удрученную невѣдомою преждевременною скорбью. Въ рукахъ онъ держалъ шнурки руля, но имъ не правилъ. Нужно было мое умѣнье грести, чтобы прогнать лодку поперекъ теченія. Другихъ лодокъ не было видно, кругомъ— ни звука, какая-то волшебная тишина. Поднявшаяся луна сіяла перламутровымъ блескомъ, вода не подергивалась ни малѣйшею рябью; по серединѣ рѣки туманъ сгущался, охватывалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Мнѣ чудилось, будто я плыву одинъ въ невѣдомомъ очарованномъ пространствѣ съ глазу на глазъ съ этимъ фантастическимъ юношей. Мнѣ дѣлалось необъяснимо жутко. Легкимъ ударомъ весла я измѣнилъ направленіе лодки и погналъ ее вдоль берега, между островками, зарослями и склонившимися къ водѣ вѣтвями. Поворотъ лодки и внезапно наступившая темнота подъ густою листвой, непроницаемой для луннаго свѣта, вывели моего товарища изъ его страннаго оцѣпѣненія. Онъ осмотрѣлся кругомъ съ видомъ только что проснувшагося человѣка, медленно потянулся и провелъ рукою по лбу.

— Гдѣ же остальные?—проговорилъ онъ, не считая даже нужнымъ извиниться.

— Тамъ, далеко, въ островкахъ...

— Тѣмъ лучше!

— Мы ихъ скоро догонимъ.

— Вы очень этого хотите?... Вамъ весело съ ними?

— Надо же, однако, ихъ догнать,—уклонился я отъ прямого отвѣта.

— Зачѣмъ?

— Да чтобы утокъ стрѣлять!... Потомъ вернемся всею компаніей къ дядѣ, будемъ завтракать... Завтракъ грандіозный! Выпивка до полудня, спать никто не ляжетъ.

— А вамъ хочется утокъ стрѣлять, выпивать до полудня и совсѣмъ не спать?

Это небрежное равнодушіе съ оттѣнкомъ насмѣшки произвело на меня впечатлѣніе. Такое презрѣніе къ удовольствіямъ и отношеніе свысока къ товарищамъ я находилъ своеобразно смѣлымъ, утонченнымъ, почти романическимъ. Чтобы не показаться болѣе наивнымъ или менѣе разочарованнымъ, я напустилъ на себя такое же равнодушіе и проговорилъ:

— Не все ли равно, такъ провести время или иначе?

— Въ такомъ случаѣ, ужь лучше иначе.

Шелохнулся вѣтеръ и разорвалъ туманъ. Виднѣе стало небо, ярче отражались звѣзды въ водѣ. Мы пересѣкали тихій затонъ, окруженный старыми разрозненными ветлами; между ихъ темными силуэтами насъ такъ и обдало цѣлыми потоками луннаго свѣта. Молодой человѣкъ вздрогнулъ отъ удовольствія.

— Какъ хорошо!—проговорилъ онъ и, какъ бы поддаваясь очарованію, выпустилъ изъ рукъ шнуры руля, переложилъ подушку съ лавочки и привалился къ ней головой.

Онъ глазъ не спускалъ съ луны, точно упивался ея свѣтомъ.

— Вы не устали грести?

Это замѣчаніе слегка затронуло меня, я заработалъ веслами еще усерднѣе.

— Вы хорошо гребете,—продолжалъ онъ мягко и черезъ бортъ лодки сталъ проводить рукой по водѣ, чуть замѣтно вздрагивая отъ ея свѣжести.

И онъ опять смолкъ. Туманъ порѣдѣлъ, едва серебрился вдали надъ камышами. Вспорхнула какая-то птичка, запѣла и унеслась въ кусты, испуганная нашимъ приближеніемъ. Мы продолжали плыть. Куда? Я самъ не зналъ, не думалъ объ этомъ. И ни о чемъ

я не думалъ, ничего не помнилъ. Душа точно замерла въ необъятномъ просторѣ, въ чудной тишинѣ. Сколько времени это длилось, я никогда потомъ не могъ сообразить. Гдѣ-то очень близко отъ насъ раздался всплескъ воды между прибрежныхъ кочекъ. Мой спутникъ выпрямился.

— Что это такое?

— Водяная крыса.

— Крыса?... Фу, какой ужасъ!

Въ охватившемъ его внезапно страхѣ онъ подвинулся ко мнѣ и дотронулся до моей руки своими вздрагивающими пальцами. На нихъ я увидалъ нѣсколько колецъ. И это удивило меня менѣе, чѣмъ его испугъ. Я успокоилъ его и улыбнулся, довольный случаемъ, давшимъ мнѣ возможность выказать мое превосходство надъ нимъ. Ничуть не смутившись, онъ сѣлъ опять на свое мѣсто и принялъ прежнюю небрежную и мечтательную позу. Слышенъ былъ только рокотъ воды подъ килемъ. Вдругъ молодой человѣкъ проговорилъ:

— Знаете, вы очень милы, говорите не много.

Я не нашелся, что отвѣтить. Онъ продолжалъ:

— Васъ должны были удивить сейчасъ мои странности. Припоминалось такое все грустное, такое тяжелое, пережитое мной...

Я собралъ всю свою смѣлость и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Вспомнилась любовь?

— Любовь!—повторилъ онъ съ такимъ горькимъ и злымъ смѣхомъ, что я вздрогнулъ. —Это называютъ любовью!

Опять я былъ застигнутъ врасплохъ и не зналъ, что сказать. А, между тѣмъ, мнѣ очень хотѣлось говорить, мнѣ необыкновенно нравился его ласкающій голосъ. Но онъ опять погрузился въ свои невеселыя грёзы, и я не рѣшался прервать ихъ до разсвѣта. Мы все еще были въ какихъ-то невѣдомыхъ мѣстахъ.

Небо блѣднѣло съ минуты на минуту, когда усталость сразу сковала мнѣ руки: я безъ остановки гналъ лодку все время противъ теченія. Я повернулъ ее, сложилъ весла, и мы тихо двинулись внизъ по рѣкѣ. Мой спутникъ улыбнулся, не спросивши, зачѣмъ я это сдѣлалъ.

— Мнѣ тоже даетъ себя знать усталость,—прошепталъ онъ.— Давайте спать, положимъ подушку, укроемся одѣяломъ.

— А лодкой кто будетъ править?

Онъ только махнулъ рукою, точно хотѣлъ сказать: «Не прогадемъ!»

Съ секунды на секунду меня охватывало такое оцѣпенѣніе, такое непреодолимое желаніе уснуть, что я уже ни о чемъ не думалъ...

Онъ раскинулъ одѣяло, положилъ подушку на дно лодки, и мы улеглись рядомъ, подсунувши ноги подъ лавочку. Щеками мы почти касались другъ друга. Онъ прикрылъ насъ одѣяломъ и, чтобы плотнѣе завернуться въ него обоимъ, придвинулся ко мнѣ, я подвинулся къ нему и пропустилъ руку подъ его талію, онъ обнялъ меня. Окружавшее насъ безмолвіе пустыни, свѣжесть утра сблизили насъ, точно мы много-много лѣтъ были добрыми товарищами. Мнѣ хорошо было. Оба мы пригрѣлись и заснули.

Когда я проснулся, солнце поднялось уже высоко и ярко свѣтило. Лодку прибило къ берегу въ глубокой заводи. Надъ нами въ гущинѣ ветелъ щебетала стая птичекъ.

Мой товарищъ спалъ еще, и я не шевелился, чтобы не разбудить его. Онъ былъ менѣе блѣденъ, чѣмъ наканунѣ, и улыбался безъ малѣйшей горечи,—должно быть, видѣлъ хорошіе сны,—дышалъ тихо, ровно, полуоткрывши красивый ротъ. Спалъ онъ точно дитя, скрестивши на груди руки, съ блестѣвшими на нихъ кольцами. Я спокойно имъ любовался. Какая-то птичка близехонько присѣла на вѣтку, потомъ улетѣла; едва слышный шелестъ ея крыльевъ разбудилъ заспавшагося молодого человѣка.

Увидавши себя рядомъ со мною, подъ низко склонившимися вѣтвями, въ глухомъ затонѣ, онъ такъ забавно удивился, что я громко расхохотался. Онъ все припомнилъ и тоже засмѣялся молодымъ, веселымъ смѣхомъ, заставившимъ смолкнуть шумливое щебетаніе птичекъ.

Я откинулъ одѣяло, быстро поднялся и взялъ весла. Черезъ двѣ-три минуты мы выбрались на рѣку и скоро я узналъ мѣстность.

Онъ продолжалъ лежать подъ одѣяломъ, разрумянившійся, веселый, болѣе разговорчивый, чѣмъ ночью.

— Хорошо такъ выспаться! — повторялъ онъ радостно.—Три года не удавалось мнѣ уснуть такъ сладко!

И онъ вспомнилъ всѣ наши приключенія: испугавшую его водяную крысу, туманъ, лунный свѣтъ, наше возвращеніе по теченію, ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Во всемъ этомъ ничего забавнаго не было, но намъ было весело и мы смѣялись безъ конца. Я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія, и порою мы говорили другъ другу «ты», ни чуть тому не удивляясь оба и не зная, кто началъ первый.

Внезапно пронесшееся надъ рѣкою громкое «ура» заставило насъ вздрогнуть. Изъ-за островка выплывали двѣ лодки. Насъ разыскивали и теперь спѣшили намъ на встрѣчу.

Никогда я не забуду тоскливаго выраженія, затуманившаго вдругъ глаза молодого человѣка при этихъ веселыхъ крикахъ. Румянецъ продолжалъ играть на его щекахъ, поза осталась такою же спокойной, но въ улыбкѣ его отразился прежній горькій сарказмъ.

Прежде чѣмъ могли насъ видѣть остальные охотники, онъ протянулъ мнѣ руку.

— Не забудешь ты меня?... Будешь моимъ другомъ?

— Всю жизнь!

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что и всегда!

Обѣщалъ я это отъ всего моего сердца, не понимая, однако, значенія моихъ словъ, поддаваясь волненію, звучавшему въ его голосѣ.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и прибавилъ тише и торопливѣе:

— Хорошо! А до остального мнѣ дѣла нѣтъ... Если надъ тобою станутъ смѣяться, посмотри мнѣ въ глаза: ты увидишь, какъ я сильно люблю тебя!

Этотъ внезапный порывъ, — вызовъ обмѣняться мыслями въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ мы очутимся въ обществѣ нашихъ пріятелей,—настолько согласовался съ моими затаенными желаніями, что ни мало не удивилъ меня. Но меня крайне поразила очень серьезно сказанная фраза о томъ, что надо мною могутъ посмѣяться. Въ чемъ тутъ поводъ къ смѣху?

Вскорѣ наши лодки сошлись. Одна изъ нихъ стала рядомъ съ нами, и дядя Герве перескочилъ въ нашъ челнокъ. Начались укоры и объясненія. Отвѣчать я предоставилъ моему спутнику, а самъ работалъ усиленно веслами, спѣша добраться скорѣе до берега. Молодой человѣкъ разсказалъ просто, какъ было дѣло: мы воспользовались чудесною ночью, чтобы прокатиться подальше, потомъ заблудились, потомъ уснули...

Вышли на берегъ. Остальные уже ожидали насъ. Пришлось разсказывать всю исторію съ начала.

— Проспали до поздняго утра, подозрительно что-то!—сказалъ одинъ скептикъ нашей компанія.

— И во всю жизнь не довелось мнѣ провести ночь такъ сладко!—заявилъ мой добрый товарищъ.

Кругомъ раздался необъяснимый для меня взрывъ хохота. Намъ пожимали руки, расточали какія-то безсмысленно-насмѣшливыя ком-

хвалы, съ чѣмъ-то поздравляли. Я окончательно уже ничего не понималъ.

Молодой человѣкъ смотрѣлъ на нихъ утомленнымъ и презрительнымъ взглядомъ. Щеки его поблѣднѣли, пальцы вздрагивали.

Шутки не прекращались, я обводилъ всѣхъ широко открытыми отъ изумленія глазами.

Тогда, чтобы разомъ покончить это, мой спутникъ быстрымъ движеніемъ снялъ съ головы шляпу и изъ-подъ нея вырвались длинные золотистые волосы, волнами разсыпались по плечамъ и по спинѣ. У меня въ глазахъ помутилось.

— Женщина!... Такъ это женщина?...

При этомъ наивномъ возгласѣ, ихъ веселость перешла въ какой-то пароксизмъ безумія. Съ дядей колики сдѣлались, остальные чуть не по землѣ катались. Она же спокойно и неторопливо собирала свои волосы, скручивала ихъ и зашпиливала на затылкѣ. Я не хотѣлъ болѣе видѣть ее и отвернулся. Смѣхъ и шутки продолжались до воротъ парка.

Я шелъ одинъ, позади всѣхъ, опустивши голову, настолько растерянный и униженный, что былъ я въ силахъ только одно сдѣлать—не расплакаться. Въ моихъ ушахъ все еще раздавался ихъ обидный, оскорбительный хохотъ, не слыхалъ я только ея смѣха, женскаго смѣха. Я выждалъ, пока всѣ прошли въ аллею, ведущую къ замку, и двинулся въ ворота послѣднимъ. Тонкіе пальцы дотронулись до моей руки. Я поднялъ голову. Передо мною стояла она. Въ первый мигъ я было сдѣлалъ рѣзкое движеніе, чтобъ отстранить ее съ моей дороги. Не она ли первая насмѣялась надо мной? И тотчасъ же я вспомнилъ послѣднее пожатіе ея руки, ея послѣднія слова:

— Если надъ тобою станутъ смѣяться, посмотри мнѣ въ глаза.

Я взглянулъ ей въ глаза. Они были такъ же ясно-сини, какъ при ея пробужденіи, немного болѣе грустны, быть можетъ, но нѣжны и ласковы. Она слегка пожала плечами и тихо проговорила:

— Не понимаютъ они!

Не сказала она ни слова болѣе, но я ободрился.

Тутъ же я узналъ имя этой женщины: ея фамилія Самбрина. Она поетъ въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ. Иногда я встрѣчаю ее, и гдѣ бы это ни было, она покидаетъ провожающаго ее, подходитъ ко мнѣ, радостно, улыбаясь, протягиваетъ руку. Мы сѣдуемъ дружески, спокойно, по-товарищески. Въ глазахъ ея я

вижу, что данное слово остается не нарушеннымъ — *всегда и несмотря ни на что*. Когда мы заговоримся слишкомъ долго, ее отзываютъ, дѣлаютъ ей даже сцены ревности. И я вижу издали ея грустный взглядъ, ея пожатіе плечами, до меня какъ бы доносится ея разбитый печалью голосъ:

— Не понимаютъ они!

Да, они не понимаютъ. А, между тѣмъ, всегда она была только моимъ другомъ...

Такова была моя первая охота. Возможна ли менѣе удачная?

М.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ *).

(Изъ путевыхъ записокъ).

IV.

Рѣка Дуйка.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—Сахалинскій Парижъ.

Дуйка или, какъ ее иначе называютъ, Александровка въ 1881 г., когда ее изслѣдовалъ зоологъ Поляковъ, въ своемъ нижнемъ теченіи имѣла до десяти саженей въ ширину, на берега ея были намыты громадныя кучи деревьевъ, обрушившихся въ воду, низина во многихъ мѣстахъ была покрыта старымъ лѣсомъ изъ пихты, лиственницы, ольхи и лѣсной ивы и кругомъ стояло непроходимое топкое болото. Въ настоящее же время эта рѣка имѣетъ видъ длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами и своимъ слабымъ теченіемъ она напоминаетъ московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описаніе Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мелькомъ, чтобы понять, какая масса тяжкаго, во-истину каторжнаго труда уже потрачена на культуру этого мѣста. «Съ высоты сосѣднихъ горъ,—пишетъ Поляковъ,—Александровская долина кажется спертою, глухою и лѣсистою... огромный хвойный лѣсъ покрываетъ значительныя пространства на днѣ ея». Онъ описываетъ болота, непроходимыя трясины, отвратительную почву и лѣса, гдѣ, «кромѣ громадныхъ, стоящихъ на корю деревьевъ, почва нерѣдко усѣяна огромными полусгнившими тволами, свалившимися отъ старости или отъ бурь; между стволами у корней деревьевъ торчатъ часто кочки, заросшія мхомъ, рядомъ съ ними ямы и рытвины». Теперь же на мѣстѣ тайги, трясинъ и рытвинъ стоитъ цѣлый городъ, проложены дороги, зеленѣютъ лу-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

га, ржаныя поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостатокъ лѣсовъ. Къ этой массѣ труда и борьбы, когда въ трясинѣ работали по поясъ въ водѣ, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родинѣ, обиды, розги и—въ воображеніи встанутъ страшныя фигуры. И не даромъ одинъ сахалинскій чиновникъ добрякъ, всякій разъ, когда мы вдвоемъ ѣхали куда-нибудь, читалъ мнѣ некрасовскую *Желѣзную дорогу*.

Около самаго устья въ Дуйку, съ правой стороны, впадаетъ небольшая рѣчка, которая называется Малою Александровкой. По обѣ ея стороны расположено *селеніе Александровское* или Слободка. О ней я уже упоминалъ. Она составляетъ предмѣстье поста и уже слилась съ нимъ, но такъ какъ она отличается отъ него нѣкоторыми особенностями и живетъ самостоятельно, то о ней слѣдуетъ говорить особо. Это одно изъ самыхъ старыхъ селеній. Колонизація началась здѣсь вскорѣ послѣ учрежденія въ Дуэ каторжныхъ работъ. Выбрать именно это мѣсто, а не какое-нибудь другое, побудили, какъ пишетъ Мицуль, роскошные луга, хорошій строевой лѣсъ, судоходная рѣка, плодородная земля... «Повидимому, — пишетъ этотъ фанатикъ, видѣвшій въ Сахалинѣ обѣтованную землю, —нельзя было и сомнѣваться въ успѣшномъ исходѣ колонизаціи, но изъ 8 человѣкъ, высланныхъ съ этою цѣлью на Сахалинъ въ 1862 г., только 4 поселились около рѣки Дуйки». Но что могли сдѣлать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступомъ, сѣяли, случалось, весной, вмѣсто яровыхъ, озимые, и кончили тѣмъ, что стали проситься на материкъ. Въ 1869 г. на мѣстѣ Слободки была основана сельско-хозяйственная ферма. Тутъ предполагалось рѣшить очень важный вопросъ: возможно ли разсчитывать на успѣшность примѣненія къ сельскому хозяйству принудительнаго труда ссыльныхъ? Каторжные въ теченіе трехъ лѣтъ корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлѣбопашествомъ, но по отбытіи срока не пожелали остаться здѣсь и обратились къ генералъ-губернатору съ просьбой о переводѣ ихъ на материкъ, такъ какъ хлѣбопашество не давало ничего, а заработковъ не было. Просьба ихъ была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйскіе каторжные съ теченіемъ времени становились поселенцами, изъ Россіи прибывали каторжные съ семьями, которыхъ нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалинъ землею плодородною и годною для сельско-хозяйственной колоніи, и гдѣ жизнь не могла привиться естественнымъ порядкомъ, тамъ она мало-по-малу возникла искусственнымъ образомъ, принудительно, цѣной крупныхъ денежныхъ затратъ и человѣческихъ

силъ. Въ 1879 г. д-ръ Августиновичъ засталъ уже въ Слободкѣ 28 домовъ *).

Въ настоящее время въ Слободкѣ 15 хозяйствъ. Дома здѣсь крытые тесомъ, просторные, иногда въ нѣсколько комнатъ, хорошія надворныя постройки, при усадьбахъ огороды. На каждые два дома приходится одна баня. Вотъ данныя, взятыя мною изъ подворныхъ описей, касающіяся нѣкоторыхъ хозяевъ:

Рачковъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, имѣетъ подъ пашней $5^1/_2$ и подъ картофелемъ 1 десятину, 2-хъ лошадей, 2-хъ коровъ, посѣялъ въ этомъ (1890) году пшеницы 35 п., ячменя 5 п., овса 15 п., картофеля 50 п. и 18 грядъ капусты.

Шустовъ, поселенецъ—подъ пашней $4^1/_2$, подъ картофелемъ $^1/_2$ дес., 3 лошади, 4 коровы; посѣялъ пшеницы 30 п., овса 12 п. и картофеля 100 п.

Замойтисъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ—два дома, подъ пашней $4^3/_4$, подъ картофелемъ $^3/_4$ дес., 2 лошади, 2 коровы; посѣялъ пшеницы 35 п., овса 10 п., картофеля 40 п.

Петровскій, крестьянинъ изъ ссыльныхъ—3 дома, подъ пашней $5^1/_2$, подъ картофелемъ 1 дес., 2 лошади, 3 коровы, 4 телки; посѣялъ пшеницы 35 п., овса 20 п., картофеля 50 п.

Всего показано въ описи подъ пашней $39^3/_4$, подъ сѣнокосомъ $24^1/_2$ дес. Лошадей 23 и рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, 47.

По составу своихъ хозяевъ Слободка считается аристократическимъ селеніемъ: одинъ надворный совѣтникъ, женатый на дочери поселенца, одинъ свободный, прибывшій на островъ за матерью каторжною, семь крестьянъ изъ ссыльныхъ, четыре поселенца и только два каторжныхъ.

Изъ 22 семей, живущихъ здѣсь, только 4 незаконныя. И по возрастному составу населенія Слободка приближается къ нормальной деревнѣ; рабочій возрастъ не преобладаетъ такъ рѣзко, какъ въ другихъ селеніяхъ; тутъ есть и дѣти, и юноши, и старики старше 65 и даже 75 лѣтъ.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состояніе Слободки даже въ виду заявленій самихъ же мѣстныхъ хозяевъ, что «хлѣбопашествомъ здѣсь не проживешь»? Въ отвѣтъ можно бы указать на нѣсколько причинъ, которыя при обычныхъ условіяхъ располагаютъ къ правильной, осѣдлой, зажиточной жизни. Напримѣръ, большой процентъ старожиловъ, прибыв-

*) *Августиновичъ:* „Нѣсколько свѣдѣній о Сахалинѣ". Извлеченіе изъ путевого журнала. *Современность* 1880 г., № 1. Есть еще его статья *Пребываніе на о. Сахалинѣ. Правительств. Вѣстникъ* 1879 г., № 276.

шихъ на Сахалинъ до 1880 года и уже успѣвшихъ привыкнуть къ здѣшней землѣ и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю прибыли на Сахалинъ ихъ супруги, почему почти всѣ садившіеся на участки были уже женаты. Женщинъ сравнительно достаточно, такъ что одиноко живущихъ только 9, причемъ ни одинъ не живетъ бобылемъ. Вообще Слободкѣ посчастливилось въ случайныхъ обстоятельствахъ и, какъ на одно изъ нихъ, можно еще указать на высокій процентъ грамотныхъ: 26 мужчинъ и 11 женщинъ. Но все это не даетъ полнаго отвѣта на вопросъ. Не говоря о надворномъ совѣтникѣ, занимающемъ на Сахалинѣ должность землемѣра, почему хозяева свободнаго состоянія и крестьяне изъ ссыльныхъ не уходятъ на материкъ, если имѣютъ на то право? Если, какъ говорятъ, удерживаютъ ихъ въ Слободкѣ успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, то это относится не ко всѣмъ. Слободскіе сѣнокосы и пахотная земля находятся въ пользованіи не у всѣхъ хозяевъ, а только у нѣкоторыхъ. Луга и скотъ есть только у 8 хозяевъ, пашутъ землю 12. Во всякомъ случаѣ, размѣры сельскаго хозяйства здѣсь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положеніе. Постороннихъ заработковъ нѣтъ никакихъ, ремеслами не занимаются и одинъ лишь Л., бывшій офицеръ, имѣетъ лавочку. Оффиціальныхъ данныхъ, которыя бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нѣтъ, и потому за рѣшеніемъ загадки поневолѣ приходится обратиться къ единственному въ этомъ случаѣ источнику—къ дурной славѣ. Въ прежнее время въ Слободкѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ производилась тайная торговля спиртомъ. На Сахалинѣ строго запрещены ввозъ и продажа спирта, и это создало особый видъ контрабанды. Спиртъ привозили и въ жестянкахъ, имѣвшихъ форму сахарной головы, и въ самоварахъ, и чуть ли не въ поясахъ, а чаще всего просто въ бочкахъ и въ обыкновенной посудѣ, такъ какъ мелкое начальство было подкуплено, а крупное смотрѣло сквозь пальцы. Въ Слободкѣ бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; всѣ тюрьмы Сѣвернаго Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькіе пьяницы изъ чиновниковъ; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавалъ арестантамъ буквально послѣднее.

Въ настоящее время насчетъ спирта въ Слободкѣ стало гораздо потише. Теперь поговариваютъ о другомъ промыслѣ—о торговлѣ старыми арестантскими вещами—«барахломъ». Скупаютъ за безцѣнокъ халаты, рубахи, полушубки, обувь и всю эту рвань сплавляютъ для сбыта въ Николаевскъ. Затѣмъ еще тайныя ссудныя кас-

сы. Баронъ А. Н. Корфъ какъ-то въ разговорѣ назвалъ Александровскій постъ сахалинскимъ Парижемъ. Все, что есть въ этомъ шумномъ и голодномъ Парижѣ увлекающагося, пьянаго, азартнаго, слабаго, когда хочется выпить или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идетъ именно въ Слободку.

На пространствѣ между морскимъ берегомъ и постомъ, кромѣ рельсовой дороги и только что описанной Слободки, есть еще одна достопримѣчательность. Это перевозъ черезъ Дуйку. На водѣ, вмѣсто лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящикъ. Капитаномъ этого единственнаго въ своемъ родѣ корабля состоитъ каторжный Красивый, не помнящій родства. Ему уже 71 годъ. Горбатъ, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на рукѣ нѣтъ большого пальца и на всемъ тѣлѣ рубцы отъ плетей и шпицрутеновъ, полученныхъ имъ когда-то. Сѣдыхъ волосъ почти нѣтъ; волосы какъ бы полиняли, глаза голубые, ясные, съ веселымъ добродушнымъ взглядомъ. Одѣтъ въ лохмотья и босъ. Очень подвиженъ, говорливъ и любитъ посмѣяться. Въ 1855 г. онъ бѣжалъ изъ военной службы «по глупости» и сталъ бродяжить, называя себя не помнящимъ родства. Его задержали и отправили въ Забайкалье, какъ онъ говоритъ, въ козаки.

— Я тогда думалъ,— разсказывалъ онъ мнѣ,— что въ Сибири люди подъ землей живутъ, взялъ и убѣжалъ по дорогѣ изъ Тюмени. Дошелъ до Камышлова, тамъ меня задержали и присудили, ваше высокоблагородіе, на 20 лѣтъ въ каторгу и къ 90 плетямъ. Послали въ Кару, влѣпили тамъ эти самыя плети, а оттуда сюда на Сахалинъ въ Корсаковъ; я изъ Корсакова бѣжалъ съ товарищемъ, но дошелъ только до Дуи: тутъ заболѣлъ, не смогъ дальше идти. А товарищъ до Благовѣщенска дошелъ. Теперь ужь я отслуживаю второй срокъ, а всего живу тутъ на Сахалинѣ 22 года. И преступленія моего было всего, что изъ военной службы ушелъ.

— Зачѣмъ же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

— Лѣтось я сказывалъ чиновнику свое имя.

— И что же?

— Да ничего. Чиновникъ говоритъ: «Пока справки дѣлать будемъ, такъ ты помрешь. Живи и такъ. На что тебѣ?» Это правда, безъ ошибки... Все равно жить не долго. А, все-таки, господинъ хорошій, родные узнали бы, гдѣ я.

— Какъ тебя зовутъ?

— Мое здѣшнее имя Игнатьевъ Василій, ваше высокоблагородіе.

— А настоящее?

Красивый подумалъ и сказалъ:

— Никита Трофимовъ. Я Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Сталъ я переправляться въ коробочкѣ черезъ рѣку. Красивый упирается длиннымъ шестомъ о дно и при этомъ напрягается все его тощее, костистое тѣло. Работа не легкая.

— А тебѣ небось тяжело?

— Ничего, ваше высокоблагородіе, меня никто въ шею не гонитъ, я легонько.

Онъ разсказываетъ, что на Сахалинѣ за всѣ 22 года онъ ни разу не былъ сѣченъ и ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ.

— Потому что посылаютъ лѣсъ пилить—иду, даютъ вотъ эту палку въ руки—беру, велятъ печи въ канцеляріи топить—топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гнѣвить, хорошая. Слава тебѣ Господи!

Лѣтомъ онъ живетъ въ юртѣ около перевоза. Въ юртѣ у него лохмотья, каравай хлѣба, ружье и спертый, кислый запахъ. На вопросъ, для чего ему ружье, говоритъ — отъ воровъ и куликовъ стрѣлять—и смѣется. Ружье испорчено и стоитъ тутъ только для виду. Зимою превращается онъ въ дровотаска и живетъ въ конторѣ на пристани. Однажды я видѣлъ, какъ онъ, высоко подсучивъ панталоны и показывая свои жилистыя, лиловыя ноги, тащилъ съ китайцемъ сѣть, въ которой серебрились горбуши, каждая величиною съ нашего судака. Я окликнулъ его и онъ радостно отвѣтилъ мнѣ.

Александровскій постъ основанъ въ 1881 г. Одинъ чиновникъ, который живетъ на Сахалинѣ уже 10 лѣтъ, говорилъ мнѣ, что когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Александровскій постъ, то едва не утонулъ въ болотѣ. Іеромонахъ Ираклій, проживавшій до 1886 г. въ Александровскомъ посту, разсказывалъ, что вначалѣ тутъ было только три дома и въ небольшой казармѣ, гдѣ теперь живутъ музыканты, помѣщалась тюрьма. На улицахъ были пни. Тамъ, гдѣ теперь кирпичный заводъ, въ 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Ираклію была предложена надзирательская будка, но онъ отказался отъ нея, ссылаясь на тѣсноту. Въ хорош[ую] погоду служилъ онъ на площади, а въ дурную—въ казармѣ или [у] придется, одну обѣдницу.

— Служишь, а тутъ бряцанье кандаловъ,—разсказывалъ онъ. [Ш]умъ, жаръ отъ котла. Тутъ «слава святей единосущней», а [д]домъ—«растакую твою»...

Настоящій ростъ Александровска начался съ изданія новаго [у]

ложенія для Сахалина, когда было учреждено много новыхъ должностей, въ томъ числѣ одна генеральская. Для новыхъ людей и ихъ канцелярій понадобилось новое мѣсто, такъ какъ въ Дуэ, гдѣ до того времени находилось управленіе каторгой, было тѣсно и мрачно. Въ шести верстахъ отъ Дуэ на открытомъ мѣстѣ уже стояла Слободка, была уже на Дуйкѣ тюрьма, и вотъ по сосѣдству мало-помалу стала выростать резиденція: помѣщенія для чиновниковъ и канцелярій, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, безъ чего Сахалинъ обойтись бы не могъ, а именно городъ, сахалинскій Парижъ, гдѣ находитъ себѣ соотвѣтствующія общество и обстановку, и кусокъ хлѣба городская публика, которая можетъ дышать только городскимъ воздухомъ и заниматься только городскими дѣлами.

Разныя постройки, раскорчевка и осушеніе почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не была выстроена теперешняя тюрьма, жили они тутъ въ юртахъ-землянкахъ. Это были срубы, врытые въ землю на 2—$2^1/_2$ аршина, съ двухскатными земляными крышами. Окна были маленькія, узкія, въ уровень съ почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снѣгомъ. Отъ поднятія почвенной воды иногда до пола, отъ постояннаго застоя влаги въ земляныхъ крышахъ и въ рыхлыхъ гніющихъ стѣнахъ сырость въ этихъ погребахъ была ужасная. Спали люди въ полушубкахъ. Почва вокругъ, а также и колодезь съ водой были постоянно загрязняемы человѣческими испражненіями и всякими отбросами, такъ какъ отхожихъ мѣстъ и мусорныхъ ямъ не было вовсе. Въ юртахъ каторжные жили со своими женами и дѣтьми.

Въ настоящее время Александровскъ занимаетъ на планѣ площадь около двухъ квадратныхъ верстъ, но такъ какъ онъ уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходитъ къ селенію Корсаковскому, чтобы въ самомъ недалекомъ будущемъ слиться съ нимъ, то размѣры его на самомъ дѣлѣ болѣе внушительны. Онъ имѣетъ нѣсколько прямыхъ, широкихъ улицъ, которыя, однако, называются не улицами, а по старой памяти слободками. На Сахалинѣ есть манера давать названія улицамъ въ честь чиновниковъ еще п и ихъ жизни; называютъ улицы не только по фамиліямъ, но даже п именамъ и отчествамъ *). Но по какой-то счастливой случайно с Александровскъ не увѣковѣчилъ еще ни одного чиновника и у цы его сохранили до сихъ поръ названіе слободокъ, изъ кото-

*) Если, положимъ, чиновника зовутъ Иваномъ Петровичемъ Кузнецовымъ, то о улицу въ селеніи называютъ Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иванопровской.

рыхъ онѣ когда-то образовались: Кирпичная, Пейсиковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхожденіе всѣхъ этихъ названій понять не трудно, кромѣ Пейсиковской. Говорятъ, будто она названа такъ каторжными въ честь пейсовъ еврея, который торговалъ здѣсь, когда еще на мѣстѣ слободки была тайга; по другой же версіи, жила тутъ и торговала поселка Пейсикова.

На улицахъ деревянные тротуары, всюду чистота и порядокъ, и даже на отдаленныхъ улицахъ, гдѣ тѣснится бѣднота, нѣтъ лужъ и мусорныхъ кучъ. Главную суть поста составляетъ его оффиціальная часть: церковь, домъ начальника острова, его канцелярія, почтово-телеграфная контора, полицейское управленіе съ типографіей, домъ начальника округа, лавка колонизаціоннаго фонда, военныя казармы, тюремная больница, военный лазаретъ, строющаяся мечеть съ минаретомъ, казенные дома, въ которыхъ квартируютъ чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма съ ея многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейскій ладъ, крытые желѣзомъ и часто выкрашенные снаружи. На Сахалинѣ нѣтъ извести и хорошаго камня, и потому каменныхъ построекъ нѣтъ.

Если не считать квартиръ чиновниковъ и офицеровъ и Солдатской слободки, гдѣ живутъ солдаты, женатые на свободныхъ,—элементъ подвижной, мѣняющійся здѣсь ежегодно,—то всѣхъ хозяйствъ въ Александровскѣ 298. Жителей 1,499: изъ нихъ мужчинъ 923, женщинъ 576. Если сюда прибавить свободное населеніе, военную команду и тѣхъ каторжныхъ, которые ночуютъ въ тюрьмѣ и не участвуютъ въ хозяйствахъ, то получится цифра около 3,000. Въ сравненіи съ Слободкой здѣсь очень мало крестьянъ, но за то каторжные составляютъ треть всего числа хозяевъ. Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, а, стало быть, и обзаводиться хозяйствомъ только каторжнымъ разряда исправляющихся, но этотъ законъ постоянно обходится въ виду его непрактичности; въ избахъ живутъ не одни только исправляющіеся, но также испытуемые, долгосрочные и даже безсрочные. Не говоря уже о писаряхъ, чертежникахъ и хорошихъ мастерахъ, которымъ по роду ихъ занятій жить въ тюрьмѣ не приходится, на Сахалинѣ не мало семейныхъ каторжниковъ, мужей и отцовъ, которыхъ не практично было бы держать въ тюрьмахъ отдѣльно отъ ихъ семей: это внесло бы не малую путаницу въ жизнь колоніи. Пришлось бы держать семьи тоже въ тюрьмахъ, или же продовольствовать ихъ квартирой и пищей на счетъ казны, или же удерживать на родинѣ все время, пока отецъ семейства отбываетъ каторгу.

Каторжные разряда испытуемыхъ живутъ въ избахъ и часто поэтому несутъ болѣе слабое наказаніе, чѣмъ исправляющіеся. Тутъ рѣзко нарушается идея равномѣрности наказанія, но этотъ безпорядокъ находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ сложилась жизнь колоніи, и, къ тому же, онъ легко устранимъ: стоитъ только перевести изъ тюрьмы въ избы остальныхъ арестантовъ. Но, говоря о семейныхъ каторжныхъ, нельзя мириться съ другимъ безпорядкомъ — съ неразсчетливостью администраціи, съ какою она разрѣшаетъ десяткамъ семействъ селиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни усадебной, ни пахотной земли, ни сѣнокосовъ, въ то время какъ въ селеніяхъ другихъ округовъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія, хозяйничаютъ только бобыли и хозяйства не задаются вовсе благодаря недостатку женщинъ. Въ Южномъ Сахалинѣ, гдѣ урожай бываетъ ежегодно, есть селенія, въ которыхъ нѣтъ ни одной женщины, между тѣмъ, въ сахалинскомъ Парижѣ однѣхъ лишь женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ за мужьями добровольно изъ Россіи, живетъ 158.

Въ Александровскѣ уже нѣтъ усадебной земли. Въ прежнее время, когда было просторно, давали подъ усадьбы 100—200 и даже 500 квадратныхъ саженъ, теперь же сажаютъ на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчиталъ 161 хозяйства, которыя ютятся со своими стройками и огородами на усадьбахъ, имѣющихъ каждая не болѣе 20 кв. саженъ. Виноваты въ этомъ, главнымъ образомъ, естественныя условія Александровской долины: двигаться назадъ къ морю нельзя, не годится здѣсь почва, съ боковъ постъ ограниченъ горами, а впередъ онъ можетъ рости теперь только въ одномъ направленіи, вверхъ по теченію Дуйки, по такъ называемой Корсаковской дорогѣ; усадьбы тянутся въ одинъ рядъ и тѣсно жмутся другъ къ другу.

По даннымъ подворной описи, пахотною землей пользуются только 36 хозяевъ, а сѣнокосомъ только 9. Величина участковъ пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной, гдѣ картофель сажаютъ почти всѣ. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причемъ скотъ держатъ крестьяне и поселенцы, занимающіеся не хлѣбопашествомъ, а торговлей. Изъ этихъ немногихъ цифръ слѣдуетъ заключить, что хозяйства въ Александровскѣ держатся не на хлѣбопашествѣ. Какою слабою притягательною силой обладаетъ здѣшняя земля, видно уже изъ того, что здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ хозяевъ-старожиловъ. Изъ тѣхъ, которые сѣли на участокъ въ 1881 г., не осталось ни одного; съ 1882 г. сидятъ только 6, съ 1883 г.—4, съ 1884 г.—13, съ 1885 г. — 68 человѣкъ. Значитъ, остальные 207 хозяевъ сѣли

послѣ 1885 года. Судя по очень малому числу крестьянъ, — ихъ только 19,— нужно заключить, что каждый хозяинъ сидитъ на участкѣ столько времени, сколько нужно ему для полученія крестьянскихъ правъ, т.-е. права бросить хозяйство и уѣхать на материкъ.

Вопросъ, на какія средства существуетъ населеніе Александровска, до сихъ поръ остается для меня не вполнѣ рѣшеннымъ. Допустимъ, что хозяева со своими женами и дѣтьми, какъ ирландцы, питаются однимъ картофелемъ и что имъ хватаетъ его на круглый годъ; но что ѣдятъ тѣ 241 поселенцевъ и 358 каторжныхъ обоего пола, которые проживаютъ въ избахъ въ качествѣ сожителей, сожительницъ, жильцовъ и работниковъ? Правда, почти половина населенія получаетъ пособіе отъ казны въ видѣ арестантскихъ пайковъ и дѣтскихъ кормовыхъ. Есть и заработки. Болѣе ста человѣкъ заняты въ казенныхъ мастерскихъ и въ канцеляріяхъ. У меня отмѣчено на карточкахъ не мало мастеровъ, безъ которыхъ не обойтись въ городѣ: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. Въ Александровскѣ за подѣлки изъ дерева и металловъ платятъ очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня въ день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантскихъ пайковъ и мелкихъ заработковъ, очень жалкихъ? Предложеніе труда мастеровъ несоизмѣримо превышаетъ спросъ, а чернорабочіе, напримѣръ, плотники, работаютъ за 10 коп. въ день на своихъ харчахъ. Населеніе здѣсь перебивается кое-какъ, но оно, тѣмъ не менѣе, все-таки, каждый день пьетъ чай, куритъ турецкій табакъ, ходитъ въ вольномъ платьѣ, платитъ за квартиры; оно покупаетъ дома у крестьянъ, отъѣзжающихъ на материкъ, и строитъ новые. Около него бойко торгуютъ лавочки и наживаютъ десятки тысячъ разные кулаки, выходящіе изъ арестантской среды.

Тутъ много неяснаго, и я остановился на предположеніяхъ, что въ Александровскѣ поселяются большею частью тѣ, которые пріѣзжаютъ сюда изъ Россіи съ деньгами, и что для населенія большимъ подспорьемъ въ жизни служатъ нелегальныя средства. Покупка арестантскихъ вещей и сбытъ ихъ большими партіями въ Николаевскъ, эксплуатація инородцевъ и новичковъ-арестантовъ, тайная торговля спиртомъ, дача денегъ въ ссуду за очень высокіе проценты, азартная игра въ карты на большіе куши,—этимъ занимаются мужчины. А женщины, ссыльныя и свободныя, добровольно пришедшія за мужьями, промышляютъ развратомъ. Когда одну женщину свободнаго состоянія спросили на слѣдствіи, откуда у ней деньги, она отвѣтила: «Заработала своимъ тѣломъ».

Всѣхъ семей 332: изъ нихъ законныхъ 185 и свободныхъ 147. Сравнительно большое количество семейныхъ объясняется не какими-либо особенностями хозяйствъ, располагающими къ семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомысліемъ мѣстной администраціи, сажающей семейныхъ на участки въ Александровскѣ, а не въ болѣе подходящемъ для этого мѣстѣ, и тою сравнительною легкостью, съ какою здѣшній поселенецъ, благодаря своей близости къ начальству и тюрьмѣ, получаетъ женщину. Если жизнь возникла и течетъ не обычнымъ естественнымъ порядкомъ, а искуственно, и если ростъ ея зависитъ не столько отъ естественныхъ и экономическихъ условій, сколько отъ теорій и произвола отдѣльныхъ лицъ, то подобныя случайности подчиняютъ ее себѣ существенно и неизбѣжно и становятся для этой искусственной жизни какъ бы законами.

V.

Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандальныя.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Майданъ.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія.

Въ Александровской ссыльно-каторжной тюрьмѣ я былъ вскорѣ послѣ пріѣзда *). Это большой четырехъугольный дворъ, огороженный шестью деревянными бараками казарменнаго типа и заборомъ между ними. Ворота всегда открыты и около нихъ ходитъ часовой. Дворъ чисто подметенъ; на немъ нигдѣ не видно ни камней, ни мусора, ни отбросовъ, ни лужъ отъ помоевъ. Эта примѣрная чистота производитъ хорошее впечатлѣніе.

Двери у всѣхъ корпусовъ открыты настежъ. Я вхожу въ одну изъ дверей. Небольшой корридоръ. Направо и налѣво двери, ведущія въ общія камеры. Надъ дверями черныя дощечки съ бѣлыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубическаго содержанія воздуха столько-то. Помѣщается каторжныхъ столько-то». Прямо въ тупикѣ корридора тоже дверь, ведущая въ небольшую каморку: здѣсь два политическихъ, въ разстегнутыхъ жилеткахъ и въ чиркахъ на босую ногу, торопливо мнутъ перину, набитую соломой; на подоконникѣ книжка и кусокъ чернаго хлѣба. Сопровождающій меня начальникъ округа объясняетъ мнѣ, что этимъ двумъ арестантамъ

*) Лучшая характеристика русскихъ тюремъ вообще сдѣлана Н. В. Муравьевымъ въ его статьѣ: *Наши тюрьмы и тюремный вопросъ* (*Русскій Вѣстникъ* 1878 г., кн IV). О сибирскихъ тюрьмахъ, послужившихъ прототипомъ для сахалинскихъ, см. изслѣдованіе С. В. Максимова: *Сибирь и каторга*.

было разрѣшено жить внѣ тюрьмы, но они, не желая отличаться отъ другихъ каторжныхъ, не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

— Смирно! Встать!—раздается крикъ надзирателя.

Входимъ въ камеру. Помѣщеніе на видъ просторное, вмѣстимостью около 200 куб. саженъ. Много свѣта, окна открыты. Стѣны некрашенныя, занозистыя, съ паклею между бревенъ, темныя; бѣлы однѣ только голландскія печи. Полъ деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по серединѣ ея тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ что каторжные спятъ въ два ряда, причемъ головы одного ряда обращены къ головамъ другого. Мѣста для каторжныхъ не нумерованы, ничѣмъ не отдѣлены одно отъ другого, и потому на нарахъ можно помѣстить 70 человѣкъ и 170. Постелей совсѣмъ нѣтъ. Спятъ на жесткомъ или подстилаютъ подъ себя старые драные мѣшки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на видъ. На нарахъ лежатъ шапки, обувь, кусочки хлѣба, пустыя бутылки изъ-подъ молока, заткнутыя бумажкой или тряпочкой, сапожныя колодки; подъ нарами сундучки, грязные мѣшки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около наръ прогуливается сытая кошка. На стѣнахъ виситъ одежа, котелки, инструменты, на полкахъ чайники, хлѣбъ, ящички съ чѣмъ-то.

На Сахалинѣ свободные, при входѣ въ казармы, не снимаютъ шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для ссыльныхъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше, въ другія камеры, и здѣсь та же ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ мухѣ подъ увеличительнымъ стекломъ, та же сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ.

Арестанты, живущіе въ Александровской тюрьмѣ, пользуются относительною свободой; они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить изъ тюрьмы, въ продолженіе дня, куда угодно, безъ конвоя, не соблюдаютъ однообразія въ одеждѣ, а носятъ что придется, судя по погодѣ и работѣ. Подслѣдственные, недавно возвращенные изъ бѣговъ и временно арестованные по какому-либо случаю, сидятъ подъ замкомъ въ особомъ корпусѣ, который называется «кандальной». Самая употребительная угроза на Сахалинѣ такая: «Я тебя посажу въ кандальную». Входъ въ это страшное мѣсто сте-

гутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандальной все обстоитъ благополучно.

Гремитъ висячій замокъ, громадный, неуклюжій, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую камеру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ 20, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, не мытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинаетъ заростать. Всѣ они отощали и словно облѣзли, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоитъ «парашка»; каждый можетъ совершать свои естественныя надобности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клянется, что ужь больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба.

Есть камеры, гдѣ сидятъ по-двое и по-трое, есть одиночныя. Тутъ встрѣчается не мало интересныхъ людей.

Изъ сидящихъ въ одиночныхъ камерахъ особенно обращаетъ на себя также вниманіе извѣстная Софья Блювштейнъ—Золотая Ручка, осужденная за побѣгъ изъ Сибири въ каторжныя работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже сѣдѣющая женщина съ помятымъ, старушечьимъ лицомъ. На рукахъ у нея кандалы; на нарахъ одна только шубейка изъ сѣрой овчины, которая служитъ ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходитъ по своей камерѣ изъ угла въ уголъ, и кажется, что она все время нюхаетъ воздухъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, и выраженіе лица у нея мышиное. Глядя на нее, не вѣрится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своихъ тюремщиковъ, какъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ надзиратель помогъ ей бѣжать и самъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нею. На Сахалинѣ она въ первое время, какъ и всѣ присылаемыя сюда женщины, жила внѣ тюрьмы, на вольной квартирѣ; она пробовала бѣжать и нарядилась для этого солдатомъ, но была задержана. Пока она находилась на волѣ, въ Александровскомъ посту было совершено нѣсколько преступленій: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юрковскаго 56 тысячъ. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ Золотая Ручка подозрѣвается и о виняется, какъ прямая участница или пособница. Мѣстная слѣдственная власть запутала ее и самоё себя такою густою проволокой всякихъ несообразностей и ошибокъ, что изъ дѣла ея рѣшительно ничего нельзя понять. Какъ бы то ни было, 56 тысячъ еще не найдены и служатъ пока сюжетомъ для самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ разсказовъ.

О кухнѣ, гдѣ при мнѣ готовился обѣдъ для 900 человѣкъ, о провизіи и о томъ, какъ ѣдятъ арестанты, я буду говорить въ особой главѣ. Теперь же скажу нѣсколько словъ объ отхожемъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, это удобство у громаднаго большинства русскихъ людей находится въ полномъ презрѣніи. Въ деревняхъ отхожихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ. Въ монастыряхъ, на ярмаркахъ, въ постоялыхъ дворахъ и на всякаго рода промыслахъ, гдѣ еще не установленъ санитарный надзоръ, они отвратительны въ высшей степени. Презрѣніе къ отхожему мѣсту русскій человѣкъ приноситъ съ собой и въ Сибирь. Изъ исторіи каторги видно, что отхожія мѣста всюду въ тюрьмахъ служили источникомъ удушливаго смрада и заразы и что населеніе тюремъ и администрація легко мирились съ этимъ. Въ 1872 г. на Карѣ, какъ писалъ г. Власовъ въ своемъ отчетѣ, при одной изъ казармъ совсѣмъ не было отхожаго мѣста и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это дѣлалось не по желанію каждаго изъ нихъ, а въ то время, когда собиралось нѣсколько человѣкъ. И такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотню. Въ Александровской тюрьмѣ отхожее мѣсто, обыкновенная выгребная яма, помѣщается въ тюремномъ дворѣ въ отдѣльной пристройкѣ между казармами. Видно, что при устройствѣ его, прежде всего, старались, чтобъ оно обошлось возможно дешевле, но, все-таки, сравнительно съ прошлымъ замѣчается значительный прогрессъ. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждаетъ отвращенія. Помѣщеніе холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стѣнъ; на нихъ нельзя стоять, а можно только сидѣть, и это, главнымъ образомъ, спасаетъ здѣсь отхожее мѣсто отъ грязи и сырости. Дурной запахъ есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, вродѣ дегтя и корболки. Отперто отхожее мѣсто не только днемъ, но и ночью, и эта простая мѣра дѣлаетъ ненужными параши; послѣднія ставятся теперь только въ кандальной.

Около тюрьмы есть колодезь и по немъ можно судить о высотѣ почвенной воды. Вслѣдствіе особаго строенія здѣшней почвы, почвенная вода даже на кладбищѣ, которое расположено на горѣ у моря, стоитъ такъ высоко, что я въ сухую погоду видѣлъ могилы, на половину заполненныя водою. Почва около тюрьмы и во всемъ посту дренирована канавами, но не достаточно глубокими, и отъ сырости тюрьма совсѣмъ не обезпечена.

Въ хорошую теплую погоду, которая здѣсь бываетъ не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь и арестанты большую часть дня проводятъ на дворѣ или

леко внѣ тюрьмы. Зимою же и въ дурную погоду, т.-е. въ среднемъ почти 10 мѣсяцевъ въ году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственичный и еловый лѣсъ, изъ котораго сдѣланы тюрьма и ея фундаментъ, представляетъ хорошую естественную вентиляцію, но не надежную; вслѣдствіе большой влажности сахалинскаго воздуха и изобилія дождей, а также испареній, идущихъ извнутри, въ порахъ дерева скопляется вода, которая зимою замерзаетъ. Тюрьма вентилируется слабо, а, между тѣмъ, на каждаго ея обитателя приходится не много воздуха. У меня въ дневникѣ записано: «Казарма № 9. Кубическаго содержанія воздуха 187 саж. Помѣщается каторжныхъ 65». Это въ лѣтнее время, когда ночуетъ въ тюрьмѣ только половина всѣхъ каторжныхъ. А вотъ цифры изъ медицинскаго отчета за 1888 г.: «Кубическая вмѣстимость арестантскихъ помѣщеній въ Александровской тюрьмѣ 970 саж.; числилось арестантовъ: наибольшее 1,950, наименьшее 1,623, среднее годовое 1,785; помѣщалось на ночлегъ 740; приходилось на одного человѣка воздуха 1,31 саж.». Наименьшее скопленіе каторжныхъ въ тюрьмѣ бываетъ въ лѣтніе мѣсяцы, когда они командируются въ округъ на дорожныя и полевыя работы, и наибольшее—осенью, когда они возвращаются съ работъ и «Доброволецъ» привозитъ новую партію въ 400—500 человѣкъ, которые живутъ въ Александровской тюрьмѣ впредь до распредѣленія ихъ по остальнымъ тюрьмамъ. Значитъ, меньше всего воздуха приходится на каждаго арестанта именно въ то время, когда вентиляція бываетъ наименѣе дѣйствительна.

Съ работъ, производимыхъ чаще въ ненастную погоду, каторжный возвращается въ тюрьму на ночлегъ въ промокшемъ платьѣ и въ грязной обуви; просушиться ему негдѣ; часть одежи развѣшиваетъ онъ около наръ, другую, не давъ ей просохнуть, подстилаетъ подъ себя, вмѣсто постели. Тулупъ его издаетъ запахъ овчины, обувь пахнетъ кожей и дегтемъ. Его бѣлье, пропитанное насквозь кожными отдѣленіями, не просушенное и давно не мытое, перемѣшанное со старыми мѣшками и гніющими обносками, его портянки съ удушливымъ запахомъ пота, самъ онъ, давно не бывшій въ банѣ, полный вшей, курящій дешевый табакъ, постоянно страдающій метеоризмомъ; его хлѣбъ, мясо, соленая рыба, которую онъ часто мялитъ тутъ же въ тюрьмѣ, крошки, кусочки, косточки, остатки щей въ котелкѣ; клопы, которыхъ онъ давитъ пальцами тутъ же на нарахъ,—все это дѣлаетъ казарменный воздухъ вонючимъ, промозглымъ, кислымъ; онъ насыщается водяными парами до крайней степени, такъ что во время сильныхъ морозовъ окна къ утру по

крываются извнутри слоемъ льда и въ казармѣ становится темно; сѣроводородъ, амміачныя и всякія другія соединенія мѣшаются въ воздухѣ съ водяными парами и происходитъ то самое, отъ чего, по словамъ надзирателей, «душу воротитъ».

При системѣ общихъ камеръ соблюденіе чистоты въ тюрьмѣ невозможно, и гигіена никогда не выйдетъ здѣсь изъ той тѣсной рамки, какую ограничили для нея сахалинскій климатъ и рабочая обстановка каторжнаго, и какими бы благими намѣреніями ни была проникнута администрація, она будетъ безсильна и никогда не избавится отъ нареканій. Надо или признать общія камеры уже отжившими и замѣнить ихъ жилищами иного типа, что уже отчасти и дѣлается, такъ какъ многіе каторжные живутъ не въ тюрьмѣ, а въ избахъ, или же мириться съ нечистотой, какъ съ неизбѣжнымъ, необходимымъ зломъ и измѣренія испорченнаго воздуха кубическими саженями предоставить тѣмъ, кто въ гигіенѣ видитъ одну только пустую формальность.

Въ пользу системы общихъ камеръ, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущіе въ тюремной общей камерѣ,—это не община, не артель, налагающая на своихъ членовъ обязанности, а шайка, освобождающая ихъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ мѣсту, сосѣду и предмету. Приказывать каторжному, чтобы онъ не приносилъ на ногахъ грязи и навоза, не плевалъ бы на полъ и не разводилъ клоповъ—дѣло невозможное. Если въ камерѣ вонь или нѣтъ никому житья отъ воровства, или поютъ грязныя пѣсни, то виноваты въ этомъ всѣ, то-есть никто. Я спрашиваю каторжнаго, бывшаго почетнаго гражданина: «Почему вы такъ неопрятны?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Потому что моя опрятность была бы здѣсь безполезна». И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть для каторжнаго собственная его чистоплотность, если завтра приведутъ новую партію и положатъ съ нимъ бокъ-о-бокъ сосѣда, отъ котораго ползутъ во всѣ стороны насѣкомыя и идетъ удушливый запахъ?

Общая камера не даетъ преступнику одиночества, необходимаго ему для молитвы, размышленій и того углубленія въ самого себя, которое считаютъ для него обязательнымъ всѣ сторонники исправительныхъ цѣлей. Свирѣпая картежная игра съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей, ругань, смѣхъ, болтовня, хлопанье дверями а въ кандальной звонъ оковъ, продолжающіеся всю ночь, мѣшаютъ утомленному рабочему спать, раздражаютъ его, что, конечно, не остается безъ дурного вліянія на его питаніе и психику. Стадная сарайная жизнь съ ея грубыми развлеченіями, съ неизбѣжнымъ

воздѣйствіемъ дурныхъ на хорошихъ, какъ это давно уже признано, дѣйствуетъ на нравственность преступника самымъ растлѣвающимъ образомъ. Она отучаетъ его мало-по-малу отъ домовитости, то-есть того самаго качества, которое нужно беречь въ каторжномъ больше всего, такъ какъ по выходѣ изъ тюрьмы онъ становится самостоятельнымъ членомъ колоніи, гдѣ съ перваго же дня требуютъ отъ него, на основаніи закона и подъ угрозой наказанія, чтобы онъ былъ хорошимъ хозяиномъ и добрымъ семьяниномъ.

Въ общихъ камерахъ приходится терпѣть и оправдывать такія безобразныя явленія, какъ ябедничество, наушничество, самосудъ, кулачество. Послѣднее находитъ здѣсь выраженіе въ такъ называемыхъ майданахъ, перешедшихъ сюда изъ Сибири. Арестантъ, имѣющій и любящій деньги и пришедшій изъ-за нихъ на каторгу, кулакъ, скопидомъ и мошенникъ, беретъ на откупъ у товарищей-каторжныхъ право монопольной торговли въ казармѣ и, если мѣсто бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая въ пользу арестантовъ, можетъ простираться даже до нѣсколькихъ сотенъ рублей въ годъ. Майданщикъ, т.-е. хозяинъ майдана, оффиціально называется парашечникомъ, такъ какъ беретъ на себя обязанности выносить изъ камеръ параши, если онѣ есть, и слѣдить за чистотою. На нарѣ его обыкновенно стоитъ сундучокъ аршина въ полтора, зеленый или коричневый, около него и подъ нимъ разложены кусочки сахару, бѣлые хлѣбцы, величиною съ кулакъ, папиросы, бутылки съ молокомъ и еще какіе-то товары, завернутые въ бумажки и грязныя тряпочки *).

Подъ смиренными кусочками сахару и булочками прячется зло, которое распространяетъ свое вліяніе далеко за предѣлы тюрьмы. Майданъ—это игорный домъ, маленькое Монте-Карло, развивающее въ арестантѣ заразительную страсть къ штоссу и другимъ азартнымъ играмъ. Около майдана и картъ непремѣнно ютится всегда готовое къ услугамъ ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берутъ по 10% въ день и даже за одинъ часъ; не выкупленный въ теченіе дня закладъ поступаетъ въ собственность ростовщика. Отбывъ свой срокъ, майданщики и ростовщики выходятъ на поселеніе, гдѣ не оставляютъ своей прибыльной дѣятельности, и поэтому нечего удивляться, что на Сахалинѣ есть поселенцы, у которыхъ можно украсть 56 тысячъ.

---

*) Пачка изъ 9—10 папиросъ стоитъ 1 коп., бѣлая булочка 2 коп., бутылка молока 8—10, кусочекъ сахару 2 коп. Продажа производится на наличныя, въ долгъ и въ обмѣнъ на вещи. Майданъ продаетъ также водку, карты, свѣчные огарки для игры въ ночное время—это негласно. Карты даетъ и на-прокатъ.

Лѣтомъ 1890 г., въ бытность мою на Сахалинѣ, при александровской тюрьмѣ числилось болѣе двухъ тысячъ каторжныхъ, но въ тюрьмѣ жило только около 900. Вотъ цифры, взятыя наудачу: въ началѣ лѣта, 3 мая 1890 г., довольствовалось изъ котла и ночевало въ тюрьмѣ 1,279, въ концѣ лѣта, 29 сентября, 675 человѣкъ. Что касается каторжныхъ работъ, производимыхъ въ самомъ Александровскѣ, то здѣсь приходится наблюдать, главнымъ образомъ, строительныя и всякія хозяйственныя работы: возведеніе новыхъ построекъ, ремонтъ старыхъ, содержаніе на городской манеръ улицъ, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкія работы. Арестантъ, бывшій на родинѣ плотникомъ, несетъ здѣсь настоящую каторгу, и въ этомъ отношеніи онъ гораздо несчастливѣе маляра или кровельщика. Вся тягость работы не въ самой постройкѣ, а въ томъ, что каждое бревно, идущее въ дѣло, каторжный долженъ притащить изъ лѣса, а рубка въ настоящее время производится за 8 верстъ отъ поста. На каждое бревно, которое тащатъ волокомъ, полагается 3, а въ метель 4 человѣка. Лѣтомъ люди, запряженные въ бревно въ полъ-аршина и толще, а въ длину въ нѣсколько саженъ, производятъ тяжелое впечатлѣніе; выраженіе ихъ лицъ страдальческое, особенно если они, какъ это я часто наблюдалъ, уроженцы Кавказа. Зимою же, говорятъ, они отмораживаютъ себѣ руки и ноги и часто даже замерзаютъ, не дотащивъ бревна до поста. Для администраціи плотницкія работы представляются тоже не легкими, потому что людей, способныхъ на систематическій тяжкій трудъ, на Сахалинѣ вообще мало, и недостатокъ работниковъ—явленіе здѣсь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что затѣвать здѣсь новыя постройки и строиться очень трудно,—людей нѣтъ; если достаточно плотниковъ, то некому таскать бревна; если людей ушлютъ за бревнами, то не хватаетъ плотниковъ. Къ нелегкимъ работамъ относятся здѣсь также обязанности дровотасковъ, которые каждый день рубятъ дрова, заготовляютъ ихъ и подъ утро, когда еще всѣ спятъ, топятъ печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, объ его тяжести, нужно брать во вниманіе не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условія мѣста и особенности труда зависящія отъ этихъ условій. Сильные морозы зимою и сырость въ теченіе всего года въ Александровскѣ ставятъ чернорабочаго въ положеніе иной разъ едва выносимое, какого онъ при той же работѣ, напримѣръ, при обыкновенной рубкѣ дровъ, не испыталъ бы въ Россіи. Законъ ограничиваетъ трудъ каторжнаго «урочнымъ положеніемъ», приближая его къ обыкновенному крестьян

скому и фабричному труду *); онъ же предоставлятъ разныя облегченія каторжнымъ разряда исправляющихся; но практика поневолѣ не всегда сообразуется съ закономъ именно въ силу мѣстныхъ условій и особенностей труда. Нельзя же, вѣдь, опредѣлить, сколько часовъ каторжный долженъ тащить бревно во время метели, нельзя освободить его отъ ночныхъ работъ, когда послѣднія необходимы, нельзя освободить исправляющагося отъ работы въ праздникъ, если онъ, напримѣръ, работаетъ въ угольной ямѣ вмѣстѣ съ испутыемымъ, такъ какъ тогда бы пришлось освободить обоихъ и прекратить работу. Часто отъ того, что работами завѣдуютъ люди не компетентные, неспособные и неловкіе, затрачивается на работы больше напряженія, чѣмъ бы слѣдовало. Напримѣръ, нагрузка и выгрузка пароходовъ, не требующія въ Россіи отъ рабочаго исключительнаго напряженія силъ, въ Александровскѣ часто представляются для людей истиннымъ мученіемъ; особенной команды, подготовленной и выученной спеціально для работъ на морѣ, нѣтъ; каждый разъ берутся все новые люди и оттого случается нерѣдко наблюдать во время волненія страшный безпорядокъ; на пароходѣ бранятся, выходятъ изъ себя, а внизу, на баржахъ, бьющихся о пароходъ, стоятъ и лежатъ люди съ зелеными, искривленными лицами, страдающіе отъ морской болѣзни, а около баржъ плаваютъ утерянныя весла. Благодаря этому, работа затягивается, время пропадаетъ даромъ и люди терпятъ ненужныя мученія. Однажды во время выгрузки парохода я слышалъ, какъ смотритель тюрьмы сказалъ: «У меня люди цѣлый день не ѣли».

Не мало каторжнаго труда затрачивается на удовлетвореніе потребностей тюрьмы. Въ тюрьмѣ каждый день работаютъ кашевары, хлѣбопеки, портные, сапожники, водоносы, поломойки, дневальные, скотники и т. п. Каторжнымъ трудомъ пользуются также военное и телеграфное вѣдомства, землемѣръ; около 50 человѣкъ прикомандировано къ тюремному лазарету, неизвѣстно въ качествѣ кого и для чего, и не сочтешь тѣхъ, которые находятся въ услуженіи у гг. чиновниковъ. Каждый чиновникъ, даже состоящій въ

---

*) „Урочное положеніе для строительныхъ работъ, высочайше утвержденное 17 я 1869 г.“. Петербургъ, 1887 г. По этому положенію, при опредѣленіи на разго рода работы принимаются въ основаніе: физическія силы рабочаго и степень ыка къ работѣ. Положеніе опредѣляетъ также число рабочихъ часовъ въ день, с бразно временамъ года и полосамъ Россіи. Сахалинъ отнесенъ къ средней полосѣ Р сіи. Максимумъ рабочихъ часовъ—12½ въ сутки—приходится на май, іюнь и і , а минимумъ—7 ч. — на декабрь и январь.

чинѣ канцелярскаго служителя, насколько я могъ убѣдиться, можетъ брать себѣ неограниченное количество прислуги. Докторъ, у котораго я квартировалъ, жившій самъ-другъ съ сыномъ, имѣлъ повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшаго тюремнаго врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человѣкъ штатной прислуги: швея, сапожникъ, горничная, лакей, онъ же разсыльный, нянька, прачка, поваръ, поломойка. Вопросъ о прислугѣ на Сахалинѣ—обидный и грустный вопросъ, какъ, вѣроятно, вездѣ на каторгѣ, и не новый. Въ своемъ *Краткомъ очеркѣ неустройствъ, существующихъ на каторгѣ,* Власовъ писалъ, что въ 1871 г., когда онъ прибылъ на островъ, его, «прежде всего, поразило то обстоятельство, что каторжные съ разрѣшенія бывшаго генералъ-губернатора составляютъ прислугу начальника и офицеровъ». Женщины, по его словамъ, раздавались въ услуги лицамъ управленія, не исключая и холостыхъ надзирателей. Въ 1872 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ отдачу преступниковъ въ услуженіе. Но это запрещеніе, имѣющее силу закона и до настоящаго времени, обходится самымъ безцеремоннымъ образомъ. Коллежскій регистраторъ записываетъ на себя полдюжины прислуги и, когда отправляется на пикникъ, то посылаетъ впередъ съ провизіей десятокъ каторжныхъ. Начальники острова гг. Гинце и Кононовичъ боролись съ этимъ зломъ, но недостаточно энергично; по крайней мѣрѣ, я нашелъ только три приказа, относящихся къ вопросу о прислугѣ, и такихъ, которые человѣкъ заинтересованный могъ широко толковать въ свою пользу. Генералъ Гинце, какъ бы въ отмѣну генералъ-губернаторскаго предписанія, разрѣшилъ въ 1885 г. (приказъ № 95) чиновникамъ брать себѣ въ прислуги ссыльно-каторжныхъ женщинъ съ платою по два рубля въ мѣсяцъ и чтобы деньги были обращаемы въ казну. Генералъ Кононовичъ въ 1888 г. отмѣнилъ приказъ своего предшественника, опредѣливъ: «ссыльно-каторжныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ прислугу къ чиновникамъ не назначать и платы за женщинъ никакой не взыскивать. А такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ не могутъ оставаться безъ надзора и безъ удовлетворенія, то къ каждому таковому зданію разрѣшается назначать потребное число мужчинъ и женщинъ, показывая ихъ и наряду по этимъ назначеніямъ, какъ сторожей, дровотасковъ, поломоекъ и проч., смотря по потребности» (приказъ № 276). Но такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ въ громадномъ большинствѣ составляютъ ничто иное, какъ квартиры чиновниковъ, этотъ приказъ понимается какъ разрѣшеніе имѣть каторжную пр

слугу, и, притомъ, безплатную. Во всякомъ случаѣ, въ 1890 г., когда я былъ на Сахалинѣ, всѣ чиновники, даже не имѣющіе никакого отношенія къ тюремному вѣдомству (наприм., начальникъ почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашняго обихода въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ жалованья этой прислугѣ они не платили и кормилась она на счетъ казны.

Отдача каторжныхъ въ услуженіе частнымъ лицамъ находится въ полномъ противорѣчіи со взглядомъ законодателя на наказаніе: это—не каторга, а крѣпостничество, такъ какъ каторжный служитъ не государству, а лицу, которому нѣтъ никакого дѣла до исправительныхъ цѣлей или до идеи равномѣрности наказанія; онъ—не ссыльно-каторжный, а рабъ, зависящій отъ воли барина и его семьи, угождающій ихъ прихотямъ, участвующій въ кухонныхъ дрязгахъ. Становясь поселенцемъ, онъ является въ колоніи повтореніемъ нашего дворового человѣка, умѣющаго чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособнаго къ земледѣльческому труду, а потому и голоднаго, брошеннаго на произволъ судьбы. Отдача же въ услуженіе каторжныхъ женщинъ, кромѣ всего этого, имѣетъ еще свои спеціальныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ подневольныхъ фавориты и содержанки вносятъ всегда струю чего-то подлаго, въ высшей степени унизительнаго для человѣческаго достоинства, они въ частности совершенно коверкаютъ дисциплину. Мнѣ одинъ изъ священниковъ разсказывалъ, что бывали случаи на Сахалинѣ, когда женщина свободнаго состоянія или солдатъ, будучи въ прислугахъ, должны были при извѣстныхъ обстоятельствахъ убирать и выносить послѣ каторжной *).

То, что въ Александровскѣ съ важностью зовется «заводскою промышленностью», съ внѣшней стороны обставлено красиво и шумно, но не имѣетъ пока серьезнаго значенія. Въ литейной ма-

*) Власовъ въ своемъ отчетѣ пишетъ: „Такое странное отношеніе лицъ: офицера, каторжной въ качествѣ его любовницы и солдата въ роли ея кучера,—не можетъ не вызвать удивленія и сожалѣнія“. Говорятъ, что это зло допускается только въ виду невозможности имѣть прислугу изъ лицъ свободнаго состоянія. Но это не такъ. Во-первыхъ, возможно ограничить количество прислуги; вѣдь, находятъ же возможнымъ офицеры имѣть только по одному денщику. Во-вторыхъ, чиновники здѣсь, на Сахалинѣ, получаютъ хорошее жалованье и могутъ нанимать себѣ прислугу изъ среды поселенцевъ, крестьянъ изъ ссыльныхъ и женщинъ свободнаго состоянія, которые, въ большинствѣ случаевъ, нуждаются и потому не отказались бы отъ заработка. Мысль эта приходила, вѣроятно, и начальству, такъ какъ есть приказъ, въ которомъ одной поселкѣ, какъ неспособной къ земледѣльческому труду, разрѣшалось изобрѣтать средства къ существованію наймомъ въ прислуги у гг. чиновниковъ“ (приказъ № 44-й 1889 г.).

стерской, которою завѣдуетъ механикъ-самоучка, я видѣлъ колокола, вагонныя и тачечныя колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производитъ игрушечное впечатлѣніе. Вещи прекрасны, но, вѣдь, сбыта нѣтъ никакого, а для мѣстныхъ надобностей было бы выгоднѣе пріобрѣтать ихъ на материкѣ или въ Одессѣ, чѣмъ заводить свои локомобили и цѣлый штатъ платныхъ рабочихъ. Конечно, не было бы жаль никакихъ затратъ, если бы мастерскія здѣсь были школами, гдѣ каторжные учились бы мастерствамъ, на самомъ же дѣлѣ въ литейной и слесарной работаютъ не каторжные, а опытные мастера поселенцы, состоящіе на положеніи младшихъ надзирателей, съ жалованьемъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь слишкомъ замѣтно увлеченіе вещью; гремятъ колеса и молотъ и свистятъ локомобили только во имя качества вещи и сбыта ея; коммерческія и художественныя соображенія не имѣютъ здѣсь никакого отношенія къ наказанію, а, между тѣмъ, на Сахалинѣ, какъ и вездѣ на каторгѣ, всякое предпріятіе должно имѣть своею ближайшею и отдаленною цѣлью только одно — исправленіе преступника, и здѣшнія мастерскія должны стремиться къ тому, чтобы сбывать на материкъ, прежде всего, не печныя дверцы и не краны, а полезныхъ людей и хорошо подготовленныхъ мастеровъ.

Паровая мельница, лѣсопильня и кузница содержатся въ отличномъ порядкѣ. Люди работаютъ весело, потому, вѣроятно, что сознаютъ производительность труда. Но и здѣсь работаютъ, главнымъ образомъ, спеціалисты, которые уже на родинѣ были мельниками, кузнецами и проч., а не тѣ, которые, живя на родинѣ, не умѣли работать, ничего не знали и теперь больше, чѣмъ кто-либо, нуждаются въ мельницахъ и кузницахъ, гдѣ бы ихъ обучили и поставили на ноги *).

Антонъ Чеховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Мельница и слесарная находятся въ одномъ зданіи и получаютъ приводы отъ двухъ локомобилей. Въ мельницѣ четыре постава съ размоломъ въ 1,500 п. въ день. Въ лѣсопильнѣ работаетъ старый локомобиль, привезенный сюда еще кн. Шаховскимъ; его топятъ опилками. Въ кузницѣ производится работа день и ночь, въ двѣ смѣны, работаетъ шесть горновъ. Всего занято въ мастерской 105 человѣкъ. Каторжные въ Александровскѣ занимаются также добычей угля, но это дѣло едва ли будетъ имѣть когда-нибудь успѣхъ. Уголь изъ мѣстныхъ копей гораздо хуже дуйскаго: онъ грязнѣе на видъ и смѣшанъ со сланцемъ. Обходится онъ здѣсь не дешево, такъ какъ въ шахтахъ работаетъ постоянный штатъ рабочихъ подъ наблюденіемъ особаго горнаго инженера. Существованіе мѣстныхъ копей не вызывается необходимостью, такъ какъ до Дуэ не далеко и оттуда во всякое время можно получать превосходный уголь. Открыты онѣ, впрочемъ, съ доброю цѣлью—дать въ будущемъ заработокъ поселенцамъ.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XIII.

Пани Эмилія съ Литкой и Мариней, а съ ними и панъ Плавицкій ѣхали обѣдать къ Бигелямъ на дачу. День былъ сентябрьскій; легкія нити паутины носились въ воздухѣ и осѣдали на жнивахъ. На деревьяхъ еще держались свѣжіе листья, но посреди древесныхъ насажденій то и дѣло попадались желтые и красные букеты. Паннѣ Маринѣ эта блѣдная и золотистая осень напоминала ея сельскія занятія, запахъ ржи въ сусѣкахъ, поля, усѣянныя скирдами, и прозрачную даль луговъ, оканчивающихся гдѣ-то тамъ, далеко, линіей ольшняка. Загрустила она и по этой жизни, и по этому спокойствію, въ сравненіи съ которымъ городъ, несмотря на трудъ, которымъ кипитъ его жизнь, казался ей чѣмъ-то безцѣльнымъ и нелѣпымъ. Мариня, впрочемъ, и не понимала этого труда. Она сознавала теперь, что жизнь, въ которой человѣкъ сознаетъ свою цѣнность и свою заслугу передъ другими, для нея безповоротно потеряна, и, кромѣ того, передъ ней не маячитъ ничто, могущее вознаградить ее и замѣнить сущность прежней жизни. Правда, она могла бы возвратиться къ ней, выйти замужъ за Машко, но при одной мысли объ этомъ сердце ея обливалось горечью и Машко, вмѣстѣ со своею самоувѣренностью, вмѣстѣ съ своими красными пятнами на лицѣ, вмѣстѣ съ своимъ обезьяннничаньемъ англійскаго лорда, представлялся ей прямо противнымъ. Никогда она не чувствовала бо̀льшаго негодованія къ Поланецкому, который отнялъ у нея Кшемень и посадилъ на это мѣсто Машко. Этотъ былъ противенъ ей въ настоящую минуту, того, казалось ей, она ненавидѣла.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

Она видѣла передъ собою жизнь съ отцомъ на варшавскихъ улицахъ безъ цѣли, безъ труда, безъ идеала, съ горькимъ сожалѣніемъ о прошломъ и безъ всякой надежды на будущее. Поэтому-то ясный осенній день, вмѣсто того, чтобъ успокоить ее, наполнилъ ея сердце грустью и горечью. Вообще, путешествіе было не изъ веселыхъ. Литка сидѣла нахмуренная, потому что «пана Стаха» не было въ вагонѣ. Пани Эмилія все вниманіе обращала на нее и опасалась, не находится ли дурное состояніе ея духа въ зависимости отъ общаго состоянія ея здоровья? Только одинъ панъ Плавицкій чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ, въ особенности въ первыя минуты. Прежде всего, въ своемъ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, съ красною гвоздикой въ петлицѣ, въ свѣтломъ пальто и съ иглообразно нафабренными усиками, онъ чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ (погода стояла хорошая и ревматизмъ не давалъ себя знать). Во-вторыхъ, противъ него сидѣла одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ во всей Варшавѣ, и онъ думалъ, что она не останется равнодушной къ нему, по крайней мѣрѣ, настолько, что съумѣетъ понять и оцѣнить его. Пускай, по крайней мѣрѣ, она скажетъ себѣ: «Ахъ, какой это былъ когда-то красивый мужчина!» Въ самомъ худомъ случаѣ панъ Плавицкій удовлетворился бы и этимъ. Въ надеждѣ на это, онъ былъ очарователенъ, то по-отцовски возвышенъ, то фамильяренъ. Выходя изъ положенія, что теперешняя молодежь не можетъ быть любезна съ женщинами, онъ въ своихъ любезностяхъ къ пани Эмиліи касался даже миѳологіи, что до нѣкоторой степени подходило къ дѣлу, потому что онъ смотрѣлъ на нее, какъ сатиръ.

Но все это принималось съ блѣдною улыбкой, съ самымъ ничтожнымъ количествомъ вниманія. Панъ Плавицкій, въ концѣ-концовъ, обидѣлся и заговорилъ совсѣмъ о другомъ, о томъ, что, благодаря связямъ дочери, онъ знакомится съ «буржуазіей», чему, впрочемъ, онъ до нѣкоторой степени радъ, потому что такое общество прежде онъ видалъ только на сценѣ, а въ жизни нужно сталкиваться съ разными людьми,—отъ всякаго чему-нибудь да научишься. Наконецъ, онъ прибавилъ, что извѣстныя сферы обязаны не отталкивать отъ себя людей, но, напротивъ, привлекать ихъ къ себѣ, чтобы такимъ образомъ внѣдрять въ нихъ здравыя понятія. И онъ, который всегда старался исполнять свои общественныя обязанности, не отступитъ передъ такою миссіей. Къ благородному выраженію его лица прибавился оттѣнокъ меланхоліи и сохранился вплоть до прибытія на дачу Бигелей.

Она стояла въ густомъ сосновомъ лѣсу, окруженная друг[illegible]ми

дачами, посреди старыхъ сосенъ, группирующихся по одиночкѣ или цѣлыми десятками. Сосны, казалось, удивлялись, что творится среди нихъ,—стоитъ новый домъ, но гостепріимно укрывали его отъ вѣтра, а въ погожіе дни изливали на него потоки смолистаго благоуханія.

Бигели, вмѣстѣ съ кучею дѣтей, вышли гостямъ на встрѣчу. Пани Бигель, — она очень любила Мариню, — горячо обняла ее. Панъ Плавицкій, который во время своего предъидущаго пребыванія въ Варшавѣ познакомился съ Бигелями у пани Эмиліи и только обмѣнялся съ ними визитными карточками, теперь оказался такимъ благосклоннымъ вельможей, какимъ можетъ быть только самый благовоспитанный человѣкъ, да, кромѣ того, носитель миссіи «привлеченія буржуазіи». У пани Бигель онъ поцѣловалъ руку, а Бигелю сказалъ съ благосклоннымъ добродушіемъ:

— Въ теперешнія времена всякому пріятно очутиться подъ кровлей такого дома, какъ вашъ, а мнѣ тѣмъ болѣе, что мой родственникъ, Поланецкій, пошелъ по торговой стезѣ и сдѣлался вашимъ товарищемъ.

— Поланецкій дѣльный человѣкъ,—просто отвѣчалъ Бигель и пожалъ облеченную въ перчатку руку пана Плавицкаго.

Дамы на минуту вошли въ комнату, потомъ возвратились на террасу, потому что погода стояла теплая.

— А пана Поланецкаго нѣтъ еще?—спросила пани Эмилія.

— Панъ Станиславъ здѣсь съ самаго утра, — отвѣтила пани Бигель,—теперь онъ пошелъ навѣстить пани Краславскую. Это рядомъ,—прибавила она, обращаясь къ Маринѣ,—меньше полуверсты... Здѣсь много дачъ, а пани Краславская наша близкая сосѣдка.

— Я помню панну Терку Краславскую еще съ масляницы,—отвѣтила Мариня.—Она всегда была очень блѣдна.

— О, она и до сихъ поръ анемична. Прошлую зиму она провела въ По.

Маленькіе Бигели, которые до смерти любили Литку, вытащили ее играть на площадку передъ домомъ. Они наперерывъ показывали Литкѣ свои сады, насажденные на пескѣ между соснами,—сады, въ которыхъ ничто не хотѣло расти. Дѣвочки при этомъ становились на цыпочки и цѣловали Литку, которая нагибала свою хорошенькую головку и ласково отвѣчала на поцѣлуи поцѣлуями.

Но и мальчикамъ хотѣлось получить свою долю. Прежде всего, они опустошили всѣ георгины, ростущіе передъ домомъ, выбирая лучшіе экземпляры, потомъ подрались за то, во что Литка любить

играть, и пошли на судъ къ пани Эмиліи. Эдзя, который имѣлъ привычку говорить очень громко и, притомъ, закрывать глаза, заявлялъ:

— Извините меня, я говорю, что она больше всего любитъ серсо, только мы не знаемъ, позволите ли вы серсо.

— Только бы она не бѣгала,—это ей вредно.

— Нѣтъ, мы будемъ бросать такъ, чтобы всѣ обручи катились прямо къ ней, тогда ей не нужно будетъ бѣгать. А если Юзя не умѣетъ, то пусть бросаетъ къ кому-нибудь другому.

— И я хочу бросать къ ней,—жалобно отвѣтилъ Юзя.

Губы его приняли форму подковы и начали дрожать, но Литка предупредила взрывъ горя и сказала:

— И я буду бросать къ тебѣ, Юзя, часто буду бросать.

Влажные глаза Юзи улыбнулись.

— Они не обидятъ ее, — сказалъ Бигель пани Эмиліи. — Странное дѣло, мальчики—великіе сорванцы, что называется, но къ ней необыкновенно внимательны. Но это ужь Поланецкій воспиталъ ихъ въ такомъ культѣ.

Дѣти собрались въ кучу для распредѣленія обручей и палокъ. Посреди кучки стояла болѣе высокая и старшая годами Литка, и хотя дѣти Бигеля принадлежали скорѣе къ числу красивыхъ, дѣвочка съ своимъ кроткимъ, поэтическимъ личикомъ, съ своими необыкновенно тонкими чертами казалась существомъ съ другой планеты. Пани Бигель первая обратила вниманіе на это.

— Смотрите,— сказала она, — развѣ это не настоящая царевна? Откровенно говоря, я никогда не могу на нее насмотрѣться.

Пани Эмилія смотрѣла на свою дѣвочку взглядомъ, въ которомъ было цѣлое море любви. Дѣти разбѣжались и установились въ кругъ. На сѣромъ фонѣ хвои, подъ огромными соснами они казались маленькими разноцвѣтными грибками.

Панна Мариня сошла съ террасы и стала возлѣ Литки, чтобы помогать ей ловить обручи и, такимъ образомъ, охранять ее отъ усталости.

Въ это время на широкой лѣсной дорогѣ, ведущей къ дачѣ, показался Поланецкій. Дѣти сразу не замѣтили его, но онъ, кинувъ взглядомъ веранду и дворъ, увидалъ подъ сосной свѣтлое платье Марини и ускорилъ шагъ. Литка знала, что маму безпокоитъ каждое ея рѣзкое движеніе, стояла почти не двигаясь съ мѣста и ловила на палочку только тѣ обручи, которые летѣли прямо на нее, а панна Мариня бѣгала за падающими далеко,

Отъ бѣготни волосы ея распускались каждую минуту, такъ что она должна была поправлять ихъ, и въ ту минуту, когда Поланецкій входилъ въ ворота, она стояла немного отклонившись назадъ, съ высоко поднятыми руками.

Онъ не спускалъ съ нея глазъ и только одну ее и видѣлъ. На этомъ широкомъ дворѣ она показалась ему меньше ростомъ, болѣе молодою, но, притомъ, такою дѣвственною, такъ невыразимо привлекательною, такъ подходящею къ нему, что онъ обнялъ бы ее и прижалъ къ своей груди, какъ женщину и какъ самое дорогое существо въ мірѣ. И никогда съ такою силой онъ не чувствовалъ, какъ любитъ ее.

Дѣти при видѣ его побросали обручи, палки и съ крикомъ бросились къ нему на встрѣчу. Игра прекратилась. Литка въ первую минуту тоже рванулась было къ нему, но вдругъ остановилась и начала глядѣть своими большими глазами то въ сторону Поланецкаго, то на панну Мариню.

— А ты не бѣжишь повидаться съ паномъ Поланецкимъ?— спросила панна Мариня.

— Нѣтъ.

— Отчего, Литусь?

— Оттого, что...

И щеки ея слегка покраснѣли, хотя бѣдная дѣвочка не умѣла или не смѣла высказать своей мысли, которую можно было бы выразить словами:

«Потому что онъ не меня больше всѣхъ любитъ, а тебя и на тебя только и смотритъ».

Онъ приближался къ нимъ, отстраняя дѣтей и повторяя:

— Не цѣпляйтесь, шалуны, всѣхъ повалю на земь.

Онъ протянулъ руку Маринѣ, смотря ей въ глаза съ мольбой о пріязненной улыбкѣ, объ отвѣтѣ хотя бы чуть-чуть менѣе холоднымъ, чѣмъ обыкновенно, и только тогда обратился къ Литкѣ:

— А ты, котенокъ, здорова?

Литка при видѣ его и при звукѣ его голоса забыла о всѣхъ тревоженіяхъ своего маленькаго сердечка и протянула ему руки.

— Да, да, здорова. А вчера вы не пришли къ намъ... было такъ скучно... а теперь я поведу васъ къ мамѣ,—что вы ей скажете?

Черезъ минуту всѣ были на террасѣ.

— Какъ поживаютъ пани Краславскія?—спросила пани Эмилія.

— Здоровы и собираются сюда послѣ обѣда,—отвѣтилъ Поланецкій.

Передъ самымъ обѣдомъ пріѣхалъ профессоръ Васковскій и привезъ съ собой Букацкаго, который только наканунѣ пріѣхалъ въ Варшаву. Его добрыя отношенія къ Бигелямъ дозволяли ему пріѣхать безъ приглашенія, а присутствіе у нихъ пани Эмиліи было черезъ-чуръ большимъ соблазномъ, чтобъ онъ могъ противиться ему. Но повидался онъ съ ней безъ малѣйшаго проявленія чувства, скорѣе шутливо, по своему обыкновенію. Пани Эмиліи было пріятно видѣть его,—онъ забавлялъ ее своею оригинальностью и манерой выражать свои мысли.

— Вы хотѣли ѣхать въ Мюнхенъ и въ Италію?—спросила пани Эмилія, когда сѣли за столъ.

— Да,—отвѣтилъ Букацкій,—но я забылъ дорожный ножикъ для разрѣзыванія книгъ и вернулся за нимъ.

— О, это важный поводъ!

— Меня всегда бѣсило, что люди дѣлаютъ все только по важнымъ поводамъ. Что за привилегія у важныхъ поводовъ, чтобы всякій долженъ былъ къ нимъ приспособляться? Наконецъ, хотя случайно, я исполнилъ свои обязанности по отношенію къ одному своему другу. Вчера я былъ на похоронахъ Лисовича.

— Это тотъ маленькій, худой спортсменъ?—спросилъ Бигель.

— Тотъ самый,—отвѣтилъ Букацкій,—и, представьте себѣ, я до сихъ поръ не могу выйти изъ недоумѣнія, какъ человѣкъ, который всю жизнь игралъ роль шута, могъ рѣшиться на такое серьезное дѣло, какъ смерть. Ей-Богу, я не узнаю своего Лисовича! На каждомъ шагу разочарованіе!

— А мнѣ Краславскія разсказывали, что Плошовскій, тотъ, въ котораго всѣ варшавскія женщины влюблялись, застрѣлился въ Римѣ,—сказалъ Поланецкій.

— Это мой родственникъ,—проговорилъ панъ Плавицкій.

Извѣстіе это сильно взволновало только одну пани Эмилію. Самого Плошовскаго она почти не знала, но нѣсколько разъ видала его тетку, у которой старшій братъ мужа пани Эмиліи былъ главноуправляющимъ. Она знала о слѣпой привязанности тетки къ племяннику.

— Господи, какое несчастье!—сказала она.—Да правда ли это? Человѣкъ молодой, такой богатый, такой способный... Бѣдная панна Плошовская!

— И такое огромное состояніе останется безъ наслѣдниковъ,—сказалъ Бигель.—Я знаю дѣла Плошовскихъ, они жили недалеко отъ Варшавы. У старой панны Плошовской было двое родственни-

ковъ, Леонъ Плошовскій, близкій, и пани Кромицкая, та дальняя. И обоихъ нѣтъ на свѣтѣ.

Эти слова заставили пана Плавицкаго насторожиться. Онъ, дѣйствительно, былъ далекимъ родственникомъ панны Плошовской и даже когда-то видѣлъ ее два или три раза въ жизни, но отъ этихъ свиданій у него осталось только воспоминаніе страха, потому что она каждый разъ высказывала ему горькія истины безъ всякихъ обиняковъ или, говоря прямо, бранила его, сколько влѣзетъ. Поэтому онъ старательно избѣгалъ ея, всѣ связи между ними были порваны, хотя при удобномъ случаѣ онъ любилъ вставить слово о своемъ родствѣ съ такою извѣстною и богатою фамиліей. Онъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ людей, которыхъ такъ много у насъ и которые думаютъ, что Господь Богъ легкую дорогу пріобрѣтенія наслѣдства нарочно проложилъ только для нихъ, и поэтому всякую возможность въ этомъ случаѣ считаютъ за достовѣрность. Панъ Плавицкій торжественнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ и изрекъ:

— Можетъ быть, Провидѣніе рѣшило, чтобы эти богатства перешли къ другимъ людямъ, которые найдутъ имъ лучшее употребленіе.

А Поланецкій сказалъ:

— Я Плошовскаго встрѣтилъ одинъ разъ за границей и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно недюжиннаго человѣка. Я отлично припоминаю его себѣ.

— Онъ былъ такой блестящій и привлекательный,—прибавила пани Бигель.

— Да смилостивится надъ нимъ Богъ,—сказалъ Васковскій,—зналъ его и я,—онъ былъ изъ рода арійцевъ.

— Изъ рода озоріевъ,—сказалъ панъ Плавицкій.

— Аріецъ,—повторилъ профессоръ.

— Озорія...—съ удареніемъ и достоинствомъ поправилъ панъ Плавицкій.

Два старика начали посматривать другъ на друга съ недоумѣніемъ, не зная, чего они хотятъ другъ отъ друга, и къ великой утѣхѣ Букацкаго, который вставилъ себѣ монокль въ глазъ и спросилъ:

— Какъ же это такъ? то или другое?

Конецъ недоразумѣнію положилъ Поланецкій. Онъ объяснилъ, что Озорія—это названіе герба фамиліи Плошовскихъ, что можно быть, въ одно и то же время, и арійцемъ, и озоріемъ, на что панъ Плавицкій согласился неохотно и сдѣлалъ мимолетное замѣчаніе,

что кто носитъ порядочное имя, тому нечего стыдиться или коверкать его.

Букацкій обратился къ пани Эмиліи и заговорилъ свойственнымъ ему холоднымъ голосомъ:

— Только одно самоубійство я признаю резоннымъ, это—самоубійство отъ любви. Сколько лѣтъ я принуждаю себя къ этому, но все напрасно!

— Говорятъ, что самоубійство, это—трусость,—вставила Мариня.

— Да, вѣдь, и я не лишаю себя жизни отъ избытка отваги.

Но Бигель сказалъ:

— Будемъ говорить не о смерти, а о жизни, и о томъ, что въ ней лучше всего,—о здоровьѣ. За здоровье пани Эмиліи!

— И Литки!—прибавилъ Поланецкій и обратился къ паннѣ Марини:—За здоровье нашихъ общихъ друзей!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила панна Мариня.

Онъ нѣсколько понизилъ голосъ и продолжалъ:

— Видите ли, я считаю ихъ не только своими друзьями, но также и... какъ бы это сказать?... защитницами. Литка еще ребенокъ, но пани Эмилія знаетъ, кому отдать свою пріязнь, и если бы кто-нибудь былъ предубѣжденъ противъ меня, хотя и справедливо, еслибъ я поступилъ съ кѣмъ-нибудь не то, что не хорошо, а прямо дурно, еслибъ я раскаивался въ этомъ поступкѣ, страдалъ, то и тогда могу думать, что я не самый дурной человѣкъ во всемъ свѣтѣ, коль скоро пани Эмилія сохранила ко мнѣ свое расположеніе.

Панна Мариня смѣшалась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей стало жаль Поланецкаго, а онъ закончилъ еще тише:

— А я, вѣдь, дѣйствительно, страдаю. Мнѣ это очень, очень тяжело.

Прежде чѣмъ она отвѣтила, панъ Плавицкій провозгласилъ тостъ за здоровье пани Бигель и произнесъ маленькую рѣчь такого содержанія: царица творенія есть никто иной, какъ женщина, поэтому передъ женщиной, какъ передъ царицей, всякій обязанъ преклонить голову, и онъ первый всегда склонялъ свою голову передъ всѣми женщинами, а теперь въ особенности склоняетъ ее передъ пани Бигель.

Поланецкій въ глубинѣ души желалъ ему подавиться. Онъ чувствовалъ, что могъ бы получить доброе слово отъ панны Марини, и чувствовалъ, что благопріятная минута миновала. Дѣйствительно, панна Мариня пошла обнять пани Бигель и, возвратившись, не

продолжала начатаго разговора, а онъ не смѣлъ въ упоръ требовать отъ нея отвѣта.

Сейчасъ же послѣ обѣда пріѣхали Краславскія,—мать, женщина лѣтъ пятидесяти, живая, самоувѣренная, словоохотливая, и панна,—прямая противуположность матери,—неподвижная, сухая, холодная. Говорила она «дэ», вмѣсто «да», но вообще своимъ красивымъ, хотя и блѣднымъ лицомъ напоминала Гольбейновскихъ мадоннъ.

Поланецкій со зла началъ занимать ее, но, поглядывая отъ времени до времени на свѣжее лицо и голубые глаза Марини, говорилъ про себя: «Хоть бы ты мнѣ слово доброе сказала! Охъ ты... безжалостная!»

И онъ злился все болѣе, а когда панна Краславская разъ сказала «мэмэ», вмѣсто «мама», рѣзко спросилъ у нея:

— Кто это такой?

А «мэмэ» выгружала весь запасъ своихъ свѣдѣній, вѣрнѣе сказать, измышленій о самоубійствѣ Плошовскаго.

— Представьте себѣ,—горячилась она,—мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что онъ застрѣлился по поводу смерти Кромицкой. Упокой ее Господи, но она была кокетка и я никогда не любила ея. Она кокетничала съ нимъ такъ, что я боялась возить Терку туда, гдѣ они были вмѣстѣ, потому что это для молодой дѣвушки... это, согласитесь, дурной примѣръ. Что правда, то правда!... Упокой Господи ея душу!... И Терка не питала къ ней симпатіи.

— Ахъ, пани Краславская!—сказала пани Эмилія.—Я всегда слышала, что она была ангелъ.

Букацкій, который никогда не видалъ пани Кромицкой, повернулся къ пани Краславской и флегматично сказалъ:

— Madame, je vous donne ma parole d'honneur, что она была архангелъ.

Пани Краславская умолкла на минуту, не зная, что отвѣчать, потомъ окрысилась и отвѣтила бы какою-нибудь дерзостью, еслибъ Букацкій, какъ человѣкъ состоятельный, не могъ быть хорошею партіей для панны Терки. Одинаковыми шансами въ ея глазахъ пользовался и Поланецкій, и для нихъ-то она лѣтомъ поддерживала знакомство съ Бигелями, которыхъ, однако, при случаѣ и не узнавала на улицѣ.

— У васъ, мужчинъ,—наконецъ, отвѣтила она,—всякая красивая женщина или ангелъ, или архангелъ. Я не люблю, когда даже о Теркѣ говорятъ это. Пани Кромицкая могла быть хорошею женщиной, но такта у нея не было,—въ томъ вся и сила!

Такимъ образомъ, разговоръ о Плошовскомъ прекратился, тѣмъ болѣе, что все вниманіе пани Краславской обратилось теперь на Поланецкаго, который занималъ панну Терку. Занималъ онъ ее отчасти на зло себѣ, отчасти на зло паннѣ Маринѣ и старался убѣдить самого себя, что ему хорошо, старался даже открыть въ паннѣ Краславской особыя достоинства и открылъ, что у нея тонкая шея и глазки какъ будто угасшіе, но которые оживляются и вопросительно обращаются къ нему, когда какой-нибудь вопросъ является неумѣстнымъ. Онъ замѣтилъ также, что она можетъ быть молчаливою тиранкой: когда мать начинала говорить черезъ-чуръ громко, панна Терка приставляла лорнетъ къ глазамъ и смотрѣла на нее такъ внимательно, что мать, подъ вліяніемъ этого взора, понижала голосъ или окончательно умолкала. Вообще панна Терка надоѣла ему несносно, и если онъ обращалъ на нее вниманіе болѣе, чѣмъ когда-нибудь, то дѣлалъ это съ отчаянія, чтобъ возбудить хоть тѣнь ревности въ паннѣ Маринѣ. Даже и вполнѣ разумные люди хватаются за такія плохія средства, когда горе черезъ-чуръ прижметъ ихъ къ стѣнѣ. Эти средства вообще вызываютъ противуположныя послѣдствія, потому что, съ одной стороны, затрудняютъ сближеніе и устраненіе недоразумѣній, съ другой — только усиливаютъ чувство въ душѣ того, кто ихъ употребляетъ. Поланецкій въ концѣ такъ стосковался по Маринѣ, что согласился бы услыхать отъ нея какое-нибудь непріятное слово, но только чтобы подойти къ ней, а теперь это казалось ему труднѣе, чѣмъ было часъ тому назадъ.

Онъ вздохнулъ глубоко, когда вечеръ кончился и гости начали собираться уѣзжать. Передъ этимъ Литка подбѣжала къ матери, обняла ее и начала что-то шептать ей на ухо. Пани Эмилія кивнула головой и потомъ сказала Поланецкому:

— Панъ Станиславъ, если у васъ нѣтъ намѣренія ночевать здѣсь, то поѣдемте съ нами. Мы съ Мариней посадимъ Литку къ себѣ, мѣста будетъ достаточно.

— Хорошо, я не могу ночевать и очень вамъ благодаренъ,— отвѣтилъ Поланецкій.

Онъ легко догадался, кто былъ авторомъ этого проекта, и обратился къ Литкѣ:

— Ты, котенокъ мой милый!...

А она, держась за платье матери, подняла на Поланецкаго свои глаза, на половину грустные, на половину радостные-и тихо спросила:

— Хорошо, панъ Стахъ?

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уѣхали. Послѣ яснаго дня наступила еще болѣе ясная ночь, немного холодная, но вся осеребренная свѣтомъ луны. Поланецкій, который день провелъ скучно, безъ всякой пользы, вдыхалъ теперь полною грудью и чувствовалъ себя почти счастливымъ рядомъ съ двумя существами, которыхъ любилъ сильно, не говоря уже о третьей, которую любилъ больше всего на свѣтѣ. При свѣтѣ луны онъ видѣлъ ея лицо, и теперь оно казалось ему спокойнымъ и ласковымъ. Онъ подумалъ, что чувства панны Марини въ настоящую минуту такъ же спокойны и что ея нерасположеніе къ нему таетъ среди разлитаго вокругъ умиротворенія.

Литка нырнула въ глубину экипажа и, казалось, заснула. Поланецкій прикрылъ ея ноги и нѣсколько минутъ всѣ ѣхали молча.

Наконецъ, пани Эмилія заговорила о Плошовскомъ. Вѣсть о его смерти произвела на нее сильное впечатлѣніе.

— Право, во всемъ этомъ кроется какая-то необыкновенно печальная драма, — сказалъ Поланецкій, — и пани Краславская, можетъ быть, права, что смерть Плошовскаго и пани Кромицкой стоятъ въ зависимости другъ отъ друга.

На это панна Мариня отвѣтила:

— Въ самоубійствѣ ужасно то, что мы должны осуждать его, а при осужденіи нѣтъ никакого мѣста для сочувствія.

А Поланецкій отвѣтилъ:

— Сочувствіе нужно питать къ тѣмъ, которые еще сознаютъ себя, значитъ, къ живымъ.

Разговоръ опять прервался. Проѣзжая мимо освѣщенныхъ оконъ дома, стоящаго посреди парка, Поланецкій сказалъ:

— Это дача пани Краславской.

— Я не могу ей простить того, — сказала пани Эмилія, — что она говорила о бѣдной пани Кромицкой.

— Это просто какая-то хищная женщина, — перебилъ Поланецкій, — а знаете отчего? Оттого, что у нея есть дочь. Весь міръ она считаетъ фономъ, который хотѣла бы сдѣлать какъ возможно болѣе чернымъ, чтобы панна Терка рельефнѣе выступала на немъ. Быть можетъ, мамаша когда-нибудь мѣтила въ Плошовскаго, быть можетъ, она считала пани Кромицкую преградой, — отсюда и ея ненависть къ покойницѣ.

— Панна Краславская очень красивая дѣвушка, — сказала Мариня.

— Есть люди, для которыхъ за предѣлами жизни такъ называемаго «общества» начинается другой міръ, гораздо болѣе обширный, а для нея не начинается ничего, вѣрнѣе сказать, все кон-

чается. Это совершенный автоматъ, у котораго сердце бьется только тогда, когда мамаша заведетъ его ключомъ. Наконецъ, такихъ дѣвушекъ много на свѣтѣ, да и тѣ даже, которыя кажутся не такими, въ сущности, совершенно такія же... Вѣчная исторія Галатеи... Повѣрите ли вы мнѣ, что въ эту куклу, въ эту угасшую свѣчу два года тому назадъ влюбился безъ памяти одинъ молодой врачъ, мой знакомый. Дважды онъ сватался и дважды получалъ отказъ, потому что барыни смотрѣли куда-то выше. Наконецъ, онъ поступилъ на службу въ Голландію и, должно быть, гдѣ-нибудь умеръ отъ лихорадки, потому что сначала писалъ ко мнѣ, освѣдомлялся о своемъ автоматѣ, а потомъ письма прекратились.

— Панна Краславская знаетъ объ этомъ?

— Знаетъ, потому что какъ увидитъ меня, такъ разспрашиваетъ о немъ. И это характерно, что воспоминаніе о немъ ни на секунду не смущаетъ спокойствія ея духа. Говоритъ она о немъ какъ о первомъ встрѣчномъ. Если онъ разсчитывалъ хоть на какое-нибудь сожалѣніе послѣ своей смерти, то и въ этомъ обманулся... Я долженъ показать вамъ его послѣднее письмо. Я пробовалъ объяснить ему чувства панны Краславской, а онъ отвѣтилъ мнѣ: «Я о ней сужу здраво, но не могу души своей оторвать отъ нея»... А, вѣдь, это былъ скептикъ, человѣкъ позитивный, дитя послѣднихъ временъ... Но оказывается, что чувство смѣется надъ всякою философіей, надъ всякими теченіями... Все проходитъ, а оно было, есть и будетъ... Потомъ онъ писалъ мнѣ: «Я предпочиталъ бы быть несчастнымъ съ нею, чѣмъ счастливымъ съ другою»... Да что тутъ толковать? Человѣкъ смотритъ трезво, но не можетъ души оторвать, тѣмъ и кончилось.

И разговоръ ихъ тоже окончился. Теперь они выѣхали на дорогу, обсаженную каштанами, которые казались розовыми при свѣтѣ фонарей экипажа.

— А надъ кѣмъ стряслась бѣда, тотъ долженъ терпѣть,— прибавилъ въ концѣ Поланецкій, какъ будто бы слѣдуя за теченіемъ своихъ мыслей.

Тѣмъ временемъ пани Эмилія наклонилась надъ Литкой.

— Спишь, дѣвочка? — спросила она.

— Нѣтъ, мамочка,— отвѣчала Литка.

XIV.

— О богатствѣ я никогда не заботился,— говорилъ панъ Плавицкій,— но если Провидѣніе въ своихъ неисповѣдимыхъ путяхъ

предначертало, чтобы хотя часть этихъ богатствъ перешла въ наши руки, то я не хочу преграждать Ему дороги... Мнѣ-то немного достанется, скоро мнѣ нужны будутъ только четыре доски и тихая слеза дѣтища, которому я посвятилъ всю свою жизнь. Дѣло идетъ о Маринѣ.

— Позвольте обратить ваше вниманіе на то, — холодно сказалъ Машко,—что, во-первыхъ, ваши шансы очень сомнительны...

— Но принимать ихъ въ соображеніе, все-таки, слѣдуетъ?

— Во-вторыхъ, панна Плошовская еще жива...

— Но изъ нея песокъ сыплется... Старый грибъ!

— Въ-третьихъ, она можетъ завѣщать состояніе на благотворительныя дѣла.

— Развѣ противъ этого нельзя протестовать?

— Въ-четвертыхъ, ваше родство самое дальнее. Если считать такъ, то въ Польшѣ всѣ сродни другъ другу.

— Однако, болѣе близкихъ родственниковъ у нея нѣтъ.

— Поланецкій также вашъ родственникъ?

— Ничуть! Ей-Богу, ничуть! Онъ родственникъ первой моей жены, не мой.

— А Букацкій?

— Оставьте меня въ покоѣ! Букацкій кузенъ жены моего шурина.

— Другихъ родственниковъ нѣтъ?

— Набивались было Гонтовскіе изъ Ялбжикова... Что вы подѣлаете? Люди говорятъ то, что̀ имъ нравится... Но съ Гонтовскими и считаться нѣтъ надобности.

Машко нарочно преувеличивалъ трудности, чтобы показать краешекъ надежды, и потомъ сказалъ:

— У насъ люди охочи на наслѣдства, — лишь откроется какое-нибудь наслѣдство, какъ всѣ слетятся, точно воробьи на пшеницу... Въ такихъ случаяхъ все дѣло въ томъ, кто первый заявится, съ чѣмъ заявится и, наконецъ, кто представляетъ его интересы... Помните, что человѣкъ ловкій и знающій изъ ничего можетъ создать нѣчто, тогда какъ человѣкъ безъ энергіи и знанія дѣла съ важными данными ничего не сдѣлаетъ.

— Я знаю это по опыту. Я всю жизнь по сихъ поръ былъ занятъ дѣлами.

Панъ Плавицкій провелъ себѣ рукою по горлу, а Машко добавилъ:

— Кромѣ того, вы можете сдѣлаться добычею адвокатовъ, васъ могутъ эксплуатировать безъ конца...

— Въ такомъ случаѣ, я разсчитывалъ бы на ваше личное расположеніе къ намъ.

— И не ошиблись бы,— важно сказалъ Машко.— И къ вамъ, и къ паннѣ Маріи я питаю глубокое расположеніе, какъ будто вы принадлежали къ моей семьѣ.

— Отъ имени сироты благодарю,— сказалъ панъ Плавицкій.

Волненіе не позволяло ему говорить болѣе.

Машко сдѣлался еще болѣе серьезенъ и сказалъ:

— Если вы хотите, чтобъ я защищалъ ваши права и въ этомъ случаѣ, который, какъ я сказалъ, можетъ не привести ни къ чему, и въ другихъ, то дайте мнѣ и право...

Молодой адвокатъ схватилъ руку пана Плавицкаго.

— Панъ Плавицкій, — сказалъ онъ,— вы догадываетесь, о чемъ я хочу говорить съ вами, и поэтому выслушайте меня терпѣливо до конца.

Онъ понизилъ голосъ и, хотя въ комнатѣ никого не было, заговорилъ очень тихо. Говорилъ онъ съ силою, авторитетомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ умѣренностью человѣка, который никогда не забываетъ, что онъ и что предлагаетъ. Панъ Плавицкій то смыкалъ глаза, то пожималъ руку Машко и, послѣ его словъ, сказалъ:

— Идите въ гостиную, я пришлю туда Мариню. Не знаю, что она отвѣтитъ вамъ, но пусть будетъ то, что Богу угодно... Я всегда умѣлъ цѣнить васъ, теперь цѣню еще больше, и... позвольте...

Объятія пана Плавицкаго широко раскрылись. Машко склонился къ нимъ, повторяя не безъ волненія, хотя и съ сохраненіемъ высокаго достоинства:

— Благодарю, благодарю.

Черезъ минуту онъ былъ уже въ гостиной.

Панна Мариня вышла съ совершенно поблѣднѣвшимъ лицомъ, но спокойная. Машко придвинулъ ей стулъ, самъ сѣлъ на другомъ и заговорилъ:

— Я здѣсь съ согласія вашего отца. Мои слова не скажутъ вамъ ничего такого, чего бы раньше не высказало молчаніе, смыслъ котораго вы угадывали. Но приспѣла минута, когда я долженъ назвать по имени мои чувства, и я дѣлаю это съ полною вѣрой в ваше сердце. Я — человѣкъ, который любитъ васъ, на котораг можно положиться,— я отдаю вамъ въ руки всю свою жизнь и из глубины души прошу васъ согласиться идти со мною вмѣстѣ.

Панна Мариня молчала съ минуту, какъ будто подбирая слова потомъ сказала:

— Я должна ясно и чистосердечно отвѣтить вамъ; отвѣтъ мой будетъ тяжелъ, очень тяжелъ для меня, но я не хочу, чтобы такой человѣкъ, какъ вы, заблуждался. Я не люблю васъ, не люблю и женою вашей не буду никогда, хотя бы мнѣ никогда не пришлось выйти замужъ.

Воцарилось долгое молчаніе. Пятна на лицѣ Машко разгорѣлись сильнѣе. Глаза вспыхнули холоднымъ стальнымъ блескомъ.

— Отвѣтъ вашъ такъ же рѣшителенъ, какъ горестенъ для меня. Я не ожидалъ этого,— сказалъ онъ.— Вмѣсто того, чтобъ отвергать меня сразу, не согласитесь ли вы предоставить себѣ нѣсколько дней для размышленія?

— Вы сами сказали, что я угадывала ваши чувства, значитъ, у меня было время подумать, и отвѣтъ, который я даю вамъ,— я даю совершенно сознательно.

Голосъ Машко теперь сдѣлался сухимъ и острымъ.

— И вы думаете при этомъ, что ваша тактика по отношенію ко мнѣ не давала права предъявить къ вамъ такія требованія, какія предъявилъ я?

Въ эту минуту онъ былъ увѣренъ, что панна Мариня отвѣтитъ ему, что ея поведеніе онъ объяснилъ неправильно,— въ немъ не было ничего такого, что могло бы поощрить къ какой-нибудь надеждѣ,—однимъ словомъ, что она пойдетъ дорогою кокетокъ, которыя должны искупать свое кокетство ложью, но Мариня подняла на него глаза и сказала:

— Моя тактика никогда не была такою, какою должна была быть. Я признаю свою вину и ото всей души прошу у васъ прощенія.

Машко замолкъ. Женщина, которая вывертывается, возбуждаетъ презрѣніе, женщина, признающаяся въ проступкѣ, вырываетъ оружіе изъ рукъ противника, у котораго въ натурѣ или даже хотя бы въ воспитаніи кроется хоть капля рыцарства. Кромѣ того, единственный способъ въ подобномъ случаѣ взволновать сердце женщины, это — не признать великодушія ея поступка.

Машко, хотя и видѣлъ передъ собою бездну, сообразилъ это и рѣшилъ поставить все на послѣднюю карту.

— Я зналъ, что вы любите Кшемень,— сказалъ онъ,— и купилъ его единственно для того, чтобы сложить его у вашихъ ногъ. Вижу, что шелъ ошибочною дорогой и возвращаюсь назадъ, хотя съ безконечною скорбью. Не вы, а я долженъ просить прощенія. Вины съ вашей стороны не было и нѣтъ никакой. Спокойствіе ва-

ше дороже мнѣ собственнаго счастья и поэтому я прошу васъ объ одной милости — не дѣлайте себѣ никакихъ упрековъ. Прощайте.

И онъ ушелъ.

Мариня долго сидѣла неподвижно, съ блѣднымъ лицомъ, съ чувствомъ какого-то изнеможенія въ душѣ. Она не ожидала найти въ немъ столько благородныхъ чувствъ. И тотчасъ же въ голову ей пришла такая мысль: «Тотъ отнялъ у меня Кшемень, чтобы спасти свои деньги, а этотъ купилъ, чтобы возвратить его мнѣ». И никогда Поланецкій такъ низко не падалъ въ ея мнѣніи.

Въ это время она не соображала, что, во-первыхъ, Машко купилъ Кшемень не у Поланецкаго, а у ея отца; во-вторыхъ, что купилъ его выгодно; въ-третьихъ, что хотя и собирался отдать его ей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и получить обратно, съ ея рукою. Она теперь смотрѣла на дѣло по-женски и противупоставляла Машко Поланецкому, чрезмѣрно возвышая перваго и наказывая послѣдняго высокою мѣрой наказанія. Поведеніе Машко взволновало ее до такой степени, что еслибъ она не чувствовала къ нему положительнаго отвращенія, то призвала бы его обратно. Одну минуту ей казалось, что она должна сдѣлать это, но у нея не хватило силъ.

Она не знала, что Машко спускался съ лѣстницы съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ въ душѣ. Дѣйствительно, передъ нимъ разверзлась бездна. Всѣ разсчеты его оказались ошибочными: женщина, которую онъ искренно полюбилъ, не хотѣла его и оттолкнула, и хотя старалась щадить его въ своемъ отвѣтѣ, онъ чувствовалъ себя униженнымъ, какъ никогда въ жизни. До сихъ поръ все, что онъ ни предпринималъ, онъ осуществлялъ на дѣлѣ въ сознаніи собственной силы и собственнаго ума, съ непоколебимою увѣренностью, что ему все вывезетъ. Отказъ Марини лишилъ его и этой увѣренности. Въ первый разъ онъ усомнился въ себѣ, въ первый разъ почувствовалъ, что его звѣзда начинаетъ блѣднѣть и что, можетъ быть, ему предстоитъ рядъ пораженій на всѣхъ поприщахъ, на которыхъ онъ выступалъ до сихъ поръ. Это и начиналось даже. Машко купилъ Кшемень на очень выгодныхъ условіяхъ, но это было черезъчуръ большое имѣніе по его средствамъ. Если бы Мариня не отвергла его, то онъ, можетъ быть, какъ-нибудь и справился бы, тогда ему не нужно было бы думать ни о пожизненной рентѣ пану Плавицкому, ни объ уплатѣ Маринѣ за Магерувку, согласно договору. Теперь онъ долженъ платить Маринѣ, Поланецкому, выплачивать долги, лежащіе на Кшеменѣ, и выплачивать какъ можно скорѣе потому что, благодаря ростовщическимъ процентамъ, они росли съ каждымъ днемъ и грозили полнѣйшимъ банкротствомъ. Средств

противъ этого было одно — кредитъ, правда, до сихъ поръ не подорванный, но натянутый, какъ струна, а Машко чувствовалъ, что если эта струна когда-нибудь лопнетъ, то онъ погибъ безповоротно.

И минутами, рядомъ съ озлобленіемъ на Мариню, рядомъ съ болью, которую испытываетъ человѣкъ послѣ утраты счастья, его охватывалъ гнѣвъ безграничный, бѣшеный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудержимая жажда мести. Машко былъ человѣкъ въ душѣ энергичный, въ природѣ котораго лежало стремленіе платить зломъ за несправедливость. Поэтому, входя къ себѣ въ квартиру, онъ шепталъ сквозь стиснутые зубы:

— Если ты не будешь моею женой, я не прощу тебѣ того, что ты со мною сдѣлала,—если будешь... также не прощу.

Тѣмъ временемъ панъ Плавицкій вошелъ въ комнату, въ которой сидѣла Мариня, и сказалъ:

— Ты отказала ему, иначе онъ пришелъ бы ко мнѣ.

— Да, папа.

— И не дала ему никакой надежды въ будущемъ?

— Нѣтъ... Я уважаю его, какъ никого въ свѣтѣ, но не дала никакой надежды.

— Что онъ сказалъ тебѣ тогда?

— Все, что могъ сказать порядочный человѣкъ.

— Новое несчастье!... Кто знаетъ, не лишаетъ ли это меня послѣдняго куска хлѣба подъ старость?... Но я зналъ, что съ этимъ ты не будешь считаться.

— Я не могла, не могла поступить иначе.

— Я не хочу тебя приневоливать, а свою скорбь иду повергнуть туда, гдѣ каждая слеза старца будетъ сочтена.

И онъ ушелъ въ кафе Люрса смотрѣть, какъ играютъ на бильярдѣ. Онъ примирился бы съ искательствомъ Машко, но, въ сущности, не считалъ его очень блестящею партіей и, думая, что Маринѣ можетъ представиться лучшая, не особенно огорчался случившимся. А Мариня черезъ полчаса прибѣжала къ пани Эмиліи.

— Одна тяжесть свалилась у меня съ сердца,—сказала она на порогѣ,—сегодня я рѣшительно отказала пану Машко.

Пани Эмилія молча обняла ее.

Мариня продолжала дальше:

— Жаль мнѣ его... Онъ поступилъ со мною такъ благородно и деликатно, какъ могъ поступить только такой человѣкъ, и еслибъ я питала къ нему хоть малѣйшую искру чувства, то вернула бы его сегодня же.

И она передала пани Эмиліи весь свой разговоръ съ Машко. Дѣйствительно, его нельзя было ни въ чемъ упрекнуть, и пани Эмилія не могла освободиться отъ удивленія, потому что приписывала Машко бѣшеный характеръ и не ожидала, чтобы въ такую рѣшительную минуту онъ съумѣетъ быть сдержаннымъ и благороднымъ. А панна Мариня сказала:

— Эмилія, я знаю твою привязанность къ пану Поланецкому, но суди ты этихъ людей по ихъ дѣламъ, а не по словамъ, и сравни ихъ другъ съ другомъ.

— Я никогда не буду ихъ сравнивать, — отвѣтила пани Эмилія.—Здѣсь нельзя дѣлать сравненій. Для меня панъ Станиславъ существо во сто разъ высшее, чѣмъ Машко, и ты осуждаешь его несправедливо. Ты, Мариня, не имѣешь права говорить: «одинъ отнялъ у меня Кшемень, другой хотѣлъ возвратить его». Панъ Поланецкій не отнималъ его у тебя никогда, а теперь, если бы могъ, возвратилъ бы его тебѣ со всею охотой. Это предубѣжденіе противъ него говоритъ въ тебѣ.

— Не предубѣжденіе, а дѣйствительность, а ее измѣнить ничто не можетъ.

Пани Эмилія посадила ее рядомъ съ собою и сказала:

— Да, нѣтъ, Мариня, предубѣжденіе, и я скажу тебѣ, почему. Ты до сихъ поръ неравнодушна къ нему.

Панна Мариня вздрогнула, какъ будто кто-нибудь дотронулся до ея болящей раны, и отвѣтила измѣнившимся голосомъ:

— Я неравнодушна къ пану Поланецкому... Ты права... Все, что могло быть симпатіею къ нему, обратилось въ отвращеніе и слушай, Эмилія, что я скажу тебѣ теперь: еслибъ мнѣ предстоялъ выборъ между двумя этими людьми, я безъ малѣйшаго колебанія выбрала бы пана Машко.

Пани Эмилія опустила голову. Черезъ минуту руки панны Марини обвились вокругъ ея шеи.

— Какъ это мнѣ невыносимо, что я доставляю тебѣ такую непріятность, но я должна говорить правду. Я знаю, что въ концѣ и ты перестанешь любить меня и я останусь совсѣмъ одна на свѣтѣ.

И дѣйствительно, дѣлалось что-то похожее на это. Обѣ молодыя женщины разстались съ объятіями и поцѣлуями, но какъ-то почувствовали пропасть между собою, почувствовали одновременно, что между ними порвалась какая-то связь и что отношенія ихъ не имѣютъ такого сердечнаго оттѣнка, какъ прежде.

Пани Эмилія колебалась нѣсколько дней, повторить ли Поланецк-

кому слова Марини, но онъ такъ настойчиво просилъ разсказать всю правду, что она сочла за лучшее не скрывать ничего. Поланецкій выслушалъ и сказалъ:

— Благодарю васъ. Если панна Плавицкая презираетъ меня, то я долженъ примириться съ этимъ. Я только съ тѣмъ не могу примириться, чтобы сталъ самъ презирать себя. Дорогая пани Эмилія, вы знаете, что если я провинился передъ ней, то старался попросить у нея прощенія и загладить свою вину. Дальше обязанности мои не простираются. Тяжело мнѣ будетъ,—я этого не скрываю отъ васъ,—но я не калѣка, калѣкой не былъ и съумѣю собраться съ духомъ, чтобы всѣ свои чувства къ паннѣ Плавицкой выбросить за окно, какъ вещь въ моей комнатѣ неподобающую. Въ этомъ я даю вамъ торжественную клятву.

— Я вѣрю вамъ, но сколько страданія...

А онъ отвѣтилъ почти весело:

— Ну, вотъ! Если обжогъ будетъ сильно донимать меня, то я попрошу васъ сдѣлать перевязку и знаю, что если эту перевязку сдѣлаетъ добрая рука, то боль пройдетъ. Литусь поможетъ вамъ, а я и не пикну.

Онъ вернулся къ себѣ, внутренне полный сознанія воли и энергіи. Ему казалось, что онъ съумѣетъ переломить свое чувство, какъ ломаютъ палку о колѣно. Этимъ размахомъ и прожилъ онъ нѣсколько дней, не показывался нигдѣ, за исключеніемъ конторы, да и тамъ разговаривалъ съ Бигелемъ только исключительно о дѣлахъ, работалъ съ утра до ночи и днемъ не позволялъ себѣ даже и думать о паннѣ Маринѣ.

Но въ безсонныя ночи онъ не могъ оборониться отъ этого. Тогда онъ ясно сознавалъ, что Мариня могла любить его, могла выйти за него, могла быть самою лучшею женой, что онъ могъ быть счастливъ съ ней, какъ ни съ кѣмъ не будетъ, и любилъ бы ее какъ свое наивысшее благо.

Скорбь, которая нарождалась отъ этихъ размышленій, пропитывала все его существованіе и не оставляла уже его, а такъ какъ скорбь грызетъ душу и здоровье, какъ ржа желѣзо, то Поланецкій началъ чахнуть. Онъ замѣтилъ, что изломъ чувства приводитъ къ несомнѣнному результату — къ излому счастья. Никогда онъ не видалъ передъ собой такой пустоты, никогда съ такою силой не сознавалъ, что ему ничѣмъ не удастся наполнить ее. Онъ замѣтилъ также, что женщину можно любить не такою, какая она на самомъ дѣлѣ, а такою, какою она могла бы быть. И, въ концѣ-концовъ, онъ тосковалъ безконечно.

Но, благодаря своему самообладанію, онъ избѣгалъ Марини. Онъ зналъ, когда она бываетъ у пани Эмиліи, и тогда запирался у себя дома.

Только когда Литка захворала, онъ началъ ходить къ пани Эмиліи и просиживать у нея по цѣлымъ днямъ, вмѣстѣ съ панной Мариней, у постели больного ребенка.

XV.

А бѣдная Литка, послѣ припадка, болѣе грознаго, чѣмъ предшествующіе, никакъ не могла оправиться. Дни она проводила на кушеткѣ, потому что докторъ и пани Эмилія согласились не томить ее цѣлый день въ постели. Она любила, когда Поланецкій сидѣлъ около нея, и разговаривала съ нимъ и съ матерью обо всемъ, что приходило ей въ голову. Съ Мариней она больше молчала, за то по временамъ долго всматривалась въ нее, а потомъ поднимала глаза къ потолку, какъ бы задумываясь надъ чѣмъ-то, какъ будто усиливаясь что-то понять, отдать себѣ отчетъ въ чемъ-то. Не разъ эта задумчивость находила на нее и тогда, когда она оставалась одна съ матерью, и однажды, какъ-то въ полдень, она точно проснулась отъ сна и, обращаясь къ матери, сказала:

— Мамочка, садись здѣсь около меня, на диванѣ.

Пани Эмилія сѣла. Дѣвочка обняла руками ея шею, припала головой къ плечу и заговорила ласковымъ, слегка ослабленнымъ голосомъ:

— Я хотѣла у тебя спросить объ одной вещи, только не знаю, какъ это сказать.

— Что тебѣ нужно, дѣвочка?

Литка молчала съ минуту, собирая мысли, потомъ спросила:

— Если, мамочка, кто-нибудь кого-нибудь любитъ, тогда что?

— Если кто-нибудь кого-нибудь любитъ, Литусь?

Пани Эмилія повторила вопросъ, не понимая, о чемъ именно спрашиваетъ дѣвочка, но та не умѣла яснѣе выразить свои мысли.

— То что̀, мамочка?...

— То желательно было бы, чтобъ этотъ другой былъ здоровъ, вотъ какъ я желаю, чтобы ты была здорова.

— А еще что?

— Чтобы онъ былъ счастливъ, чтобъ ему на свѣтѣ было хорошо, и если случится какое-нибудь несчастіе, то хотѣлось бы страдать самому за него.

— А еще что?

— Хотѣлось бы имѣть его всегда при себѣ, такъ какъ ты при мнѣ, и хотѣлось бы, чтобъ онъ такъ любилъ, какъ ты меня любишь.

— Теперь я понимаю, — послѣ минутнаго раздумья сказала Литка.—И я сама думала, что это такъ.

— Такъ, котенокъ.

— Видишь, я еще въ Рейхенгаллѣ... помнишь, мамочка?... на Thumsee слышала, что панъ Стахъ любитъ панну Мариню, и теперь знаю, что онъ долженъ быть несчастливъ, хотя никогда не говоритъ объ этомъ.

Пани Эмилія, боясь, что Литка взволнуется, сказала:

— Тебя не утомляетъ этотъ разговоръ?

— Ни капельки! Я теперь понимаю. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ она его любила, а она не любитъ его, хотѣлъ бы, чтобъ она была всегда при немъ, а она живетъ съ отцомъ и не хочетъ жениться на немъ.

Выйти за него...

Выйти за него. Онъ этимъ огорчается. Правда, мамочка?

Конечно, дѣточка.

— Теперь я все знаю. А еслибъ она вышла за него, то любила бы его?

— Конечно, онъ такой добрый человѣкъ.

Дѣвочка закрыла глаза и пани Эмилія подумала, что она засыпаетъ, но Литка начала разспрашивать снова:

— А еслибъ панъ Стахъ женился на Маринѣ, то пересталъ бы любить насъ?

— Нѣтъ, Литусь. Онъ любилъ бы насъ точно также.

— Но Мариню больше?

— Мариня тогда была бы ближе ему, чѣмъ мы. Зачѣмъ ты, котенокъ, разспрашиваешь объ этомъ?

— Это не хорошо?

— Нѣтъ, въ этомъ ничего дурного нѣтъ, я только боюсь, что ты утомишься.

— О, я и такъ все думаю о панѣ Стахѣ! Только ты ничего не говори объ этомъ Маринѣ.

Разговоръ кончился. Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого она была молчалива, только еще упорнѣе, чѣмъ прежде, всматривалась въ Мариню. Иногда она брала ее за руку, какъ будто хотѣла спросить ее о чемъ-то, иногда, когда они вмѣстѣ съ Поланецкимъ сидѣли возлѣ ея постели, переводила взглядъ то на него, то на нее и потомъ закрывала глаза. Поланецкій и Мариня приходили часто, каждый день, иногда нѣсколько разъ на день, желая помочь пани Эмиліи, которая проводила всѣ ночи безъ сна и засыпала

только днемъ, да и то лишь по настоянію Литки. Однако, пани Эмилія и сама не знала, какъ далеко заходитъ опасность, угрожающая больной, а докторъ, не увѣренный въ исходѣ болѣзни, успокоивалъ мать по просьбѣ Поланецкаго.

Какъ бы то ни было, пани Эмилія подозрѣвала, что состояніе здоровья ребенка не хорошо, и сердце ея замирало отъ тревоги, несмотря на увѣренія доктора. Въ присутствіи Литки она всегда была весела, улыбалась, также какъ Поланецкій и панна Марыня, но дѣвочка теперь привыкла такъ внимательно относиться ко всему, что подмѣчала малѣйшую тѣнь безпокойства на лицѣ матери, какъ бы тщательно она ни старалась скрывать его.

И вотъ однажды утромъ, когда Поланецкій, оставшись съ нею наединѣ, надувалъ большой шаръ изъ шелковой тафты, который принесъ ей сегодня же въ подарокъ, дѣвочка сказала:

— Панъ Стахъ, я вижу, мамочка ужасно безпокоится, что я больна.

Поланецкій пересталъ надувать шаръ и сказалъ:

— Ей и во снѣ этого не снится. Что это роится у тебя въ головкѣ? Впрочемъ, конечно, безпокоится и хотѣла бы, чтобы ты была здорова.

— Почему это всѣ дѣти здоровы, только я одна постоянно больна?

— Хорошо здоровы! А у Бигеля дѣти не были больны коклюшемъ? Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ въ домѣ перхали, какъ овцы въ овчарнѣ. Всѣ ребятишки вѣчно хвораютъ... вотъ и вся радость отъ нихъ.

— Это вы панъ Стахъ только такъ говорите. Они хвораютъ, а потомъ здоровы...

И она покачала головой.

— Нѣтъ, здѣсь дѣло совсѣмъ другое. И теперь я должна лежать все время, потому что у меня сейчасъ же, какъ я встану, забьется сердце. Третьяго дня мамочки не было въ комнатѣ, на улицѣ запѣли, я подошла къ окну и увидала похороны и подумала, что я, должно быть, умру.

— Вздоръ ты городишь, Литка!—крикнулъ Поланецкій.

И онъ началъ надувать шаръ, чтобы скрыть свое волненіе [illegible], вмѣстѣ съ тѣмъ, показать дѣвочкѣ, какъ мало значатъ ея слова

Но Литка шла дальше вслѣдъ за своею мыслью.

— Меня иногда такъ душитъ и сердце у меня такъ бьется . Мамочка говоритъ, чтобъ я въ это время читала молитву: «По[illegible]ъ твою защиту», и я читаю... Я ужасно боюсь умереть. Я знаю, [illegible]

на небѣ хорошо, но я не была бы съ мамочкой, а одна, на кладбищѣ... Да, и ночью...

Поланецкій бросилъ шаръ, сѣлъ около кушетки, взялъ руку Литки и сказалъ:

— Мой Лѝтусь, если ты любишь маму, если любишь меня, не думай о такихъ вещахъ. Съ тобою ничего не будетъ, но какъ будетъ огорчаться мама, если узнаетъ, чѣмъ ея дѣвочка забиваетъ себѣ голову. Помни, что ты сама себѣ наносишь вредъ.

Литка съ мольбою сложила руки.

— Милый панъ Стахъ, я объ одномъ только спрошу васъ, только объ одномъ!

Онъ наклонилъ къ ней голову.

— Ну, спрашивай, котенокъ. Только что-нибудь умное.

— Вы очень будете жалѣть меня?

— Вотъ видишь, какая ты дрянная!

— Панъ Стахъ, милый... скажите!

— Я?... Ахъ, ты, гадкая дѣвчонка! Ты знаешь, что я тебя люблю... страшно люблю!... Да Боже сохрани! Никого на свѣтѣ я не жалѣлъ бы такъ... Будешь лежать тихо, ты, муха неразумная?... ты... милая ты, дорогая моя!...

Дѣвочка остановила на немъ свои прояснѣвшіе глазки.

— Я тихо буду лежать... Добрый панъ Стахъ!

И въ ту минуту, когда въ комнату вошла пани Эмилія, а Поланецкій собирался уходить, Литка спросила еще:

— Вы, панъ Стахъ, не сердитесь на меня?

— Нѣтъ, Лѝтусь,— отвѣтилъ Поланецкій.

Въ прихожей онъ услыхалъ легкій стукъ въ дверь,— пани Эмилія приказала снять звонки. Поланецкій отворилъ, въ дверяхъ показалась Мариня и спросила у него:

— Какъ сегодня Литка?

— Какъ обыкновенно.

— Докторъ былъ?

— Былъ. Новаго ничего не нашелъ. Вы позволите помочь вамъ?

Онъ хотѣлъ снять пальто съ Марини, но Мариня не желала принять его услугъ. Сердце у Поланецкаго было взволновано разговоромъ съ Литкой и онъ совершенно неожиданно для самого себя напалъ на Мариню:

— То была простая вѣжливость, не болѣе, а еслибъ здѣсь было что-нибудь и больше, то могли же бы вы оставить ваше пред-

расположеніе ко мнѣ за этимъ порогомъ? Здѣсь больной ребенокъ, котораго не только я, но и вы какъ будто бы любите. Во всемъ этомъ нѣтъ не только доброты, но и чувства мѣры. Точно такимъ же образомъ я снялъ бы пальто со всякой другой женщины, и, да было бы вамъ извѣстно, въ настоящую минуту я думаю только о Литкѣ, ни о чемъ другомъ.

Неожиданная ли его энергія такъ повліяла на женственную натуру Марини, но Поланецкій овладѣлъ ею больше, чѣмъ когда-либо со времени ихъ свиданій въ Кшеменѣ, и никогда яснѣе не напоминалъ того сильнаго молодого человѣка, который когда-то гулялъ съ нею по кшеменецкому саду. Правда, впечатлѣніе это было мимолетное, которое не могло имѣть рѣшающаго вліянія на ихъ взаимныя отношенія, но Мариня подняла на него свои немного удивленные, но вовсе не гнѣвные глаза, и сказала:

— Извините меня...

Онъ поколебался съ минуту. Ему стало стыдно.

— Это вы должны извинить меня. Литка сегодня разговаривала со мной о своей смерти и я такъ взволнованъ, что не могу справиться съ собой. Вы должны понять это и простить меня.

Онъ сильно стиснулъ ея руку и ушелъ.

XVI.

На слѣдующій день Мариня предложила пани Эмиліи переселиться къ ней до полнаго выздоровленія Литки. Литка поддержала эту просьбу и пани Эмилія, послѣ недолгаго сопротивленія, должна была согласиться. Дѣйствительно, она чуть не падала отъ утомленія; здоровье больной требовало неустанной бдительности,—новый припадокъ могъ явиться каждую минуту. Трудно было разсчитывать, чтобы горничная, хотя бы и самая преданная, не задремала какъ разъ въ ту самую минуту, когда отъ скорой помощи зависѣла жизнь ребенка, и присутствіе Марини являлось дѣйствительною помощью и успокоеніемъ для измученной матери.

Что касается пана Плавицкаго, то онъ и такъ предпочиталъ обѣдать въ ресторанѣ ,а не дома, и потому не дѣлалъ большихъ затрудненій. Наконецъ, Мариня каждый день являлась освѣдомляться о его здоровьѣ и привести въ порядокъ домашніе счеты.

Такимъ образомъ, Поланецкій, который все время, свободное отъ занятій, проводилъ у пани Эмиліи и принималъ или, вѣрнѣе сказать, выпроваживалъ всѣхъ, являющихся справляться о здоровьѣ дѣвочки, видѣлъ Мариню каждый день.

Онъ искренно удивлялся ей. Сама пани Эмилія не выказывала столько заботливости о больной и не умѣла лучше ухаживать за нею. Черезъ недѣлю лицо панны Марини поблѣднѣло отъ безсонницы и тревоги, около глазъ образовались темные круги, но ея силы и энергія, казалось, возростали съ каждою минутой. Кромѣ того, въ ея заботахъ о Литкѣ было столько кротости и доброты, что дѣвочка, несмотря на гнѣвъ, который питала къ Маринѣ въ глубинѣ своей души, начала относиться къ ней хорошо и съ тоской поглядывала на дверь, когда Мариня отлучалась къ отцу на нѣсколько часовъ.

Наконецъ, за послѣдніе дни здоровье дѣвочки немного поправилось. Докторъ позволилъ ей вставать, прогуливаться по комнатѣ и сидѣть въ креслѣ, которое въ солнечные дни передвигали къ балкону, чтобы Литка могла смотрѣть на уличное движеніе.

Поланецкій, пани Эмилія и панна Мариня окружали ее въ это время, а предметомъ разговора служило то, что̀ дѣлалось на улицѣ. Иногда дѣвочка была утомлена и какъ будто задумчива, но по временамъ ребячья натура брала верхъ и ее забавляло все,—и октябрьское солнце, обливающее крыши, стѣны и магазинныя окна блѣднымъ золотомъ, и одежда прохожихъ, и крики торговцевъ. Казалось, могучіе элементы жизни, бьющіеся въ городскомъ водоворотѣ, входятъ въ организмъ ребенка и оживляютъ его. По временамъ въ голову къ ней приходили странныя мысли и разъ, когда мимо балкона тащилась тяжелая телѣга съ лимонными деревьями въ большихъ кадушкахъ, причемъ деревья, хотя и связанныя, колыхались сообразно колебанію телѣги, Литка сказала:

— У нихъ сердце бьется.

И потомъ, поднявъ глаза на Поланецкаго, спросила:

— Панъ Стахъ, деревья долго живутъ?

— Очень долго; иныя живутъ тысячи лѣтъ.

— О, тогда я хотѣла бы быть деревомъ! А ты, мама, какое дерево любишь больше?

— Березу.

— И я хотѣла бы быть маленькою березой, а ты была бы большою березой и росла бы рядомъ. А вы, панъ Стахъ, хотѣли бы быть березой?

— Я росъ бы гдѣ-нибудь не вдалекѣ отъ маленькой березки.

Литка посмотрѣла на него и, печально тряхнувъ головкой, сказала:

— О, нѣтъ! Я теперь знаю. Я знаю, около кого вы хотѣли бы сти.

Панна Мариня смѣшалась и опустила глаза на работу, а Поланецкій началъ гладить рукою русую головку дѣвочки:

— Котенокъ ты мой милый! Милый мой, милый мой!

Литка замолкла; потомъ изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ выкатились двѣ крупныхъ слезы и тихо потекли по щекамъ.

Черезъ минуту она подняла свое кроткое личико, все сіяющее улыбкой.

— Я очень люблю маму,—сказа она,—и пана Стаха люблю, и Мариню люблю.

XVII.

Профессоръ Васковскій ежедневно освѣдомлялся о здоровьѣ дѣвочки и, хотя его почти никогда не принимали, посылалъ ей цвѣты. Поланецкій встрѣтилъ его какъ-то на ихъ обычномъ обѣдѣ и началъ благодарить отъ имени пани Эмиліи.

— Астры только, астры! — отвѣтилъ профессоръ.— Какъ она теперь?

— Сегодня недурно, но вообще плохо. Хуже, чѣмъ въ Рейхенгаллѣ. Страхъ охватываетъ передъ каждымъ новымъ днемъ, а когда подумаешь, что этотъ ребенокъ...

Голосъ Поланецкаго порвался, ему не хватало силъ говорить. Онъ захотѣлъ переломить себя и началъ браниться.

— Чего тутъ ожидать какого-то милосердія? Есть только логика, которая говоритъ, что у кого больное сердце, тотъ долженъ умереть,— и чортъ бы побралъ такую жизнь!

Къ нимъ подошелъ Букацкій, который, узнавъ, въ чемъ дѣло, тоже напалъ на Васковскаго. Онъ также любилъ Литку и возмущался въ душѣ при мысли объ угрожающей ей смерти.

— Какъ можно добровольно обманывать себя столько лѣтъ и провозглашать правила, которыя обращаются въ ничто предъ лицомъ слѣпого предопредѣленія?

Но старый профессоръ отвѣтилъ мягко:

— Какъ вы можете, дорогіе мои, мѣрить собственною мѣркою мудрость Божію и милосердіе Божіе? Кто вошелъ въ подземелье, того окружаетъ мракъ, но и онъ не имѣетъ права отрицать, что надъ подземельемъ есть небо и солнце, свѣтъ и тепло...

— Отличное утѣшеніе,— перебилъ Поланецкій,— и мухѣ отъ него толку мало, а не то что матери, у которой умираетъ единственный и любимый ребенокъ.

Голубые глаза профессора ушли куда-то вглубь. Съ минуту онъ упорно вглядывался во что то передъ собою, потомъ отозвался, какъ человѣкъ, который видитъ что-то, но не увѣренъ, ясно ли онъ видитъ:

— А мнѣ кажется, что этотъ ребенокъ такъ глубоко вошелъ въ человѣческое сердце, что не можетъ уйти безъ слѣда. Въ этомъ кроется что-то... Что-то было предназначено ей, она должна совершить это,— и раньше не умретъ.

— Мистицизмъ!— сказалъ Букацкій.

Но Поланецкій опять вмѣшался.

— Еслибъ такъ было! Мистицизмъ или не мистицизмъ, но еслибъ такъ было! Человѣкъ въ горѣ хватается даже за тѣнь надежды. Я никакъ не могу примириться съ мыслью, что она должна умереть.

А профессоръ прибавилъ:

— Кто знаетъ, можетъ быть, она всѣхъ насъ переживетъ?

Поланецкій былъ въ фазисѣ скептицизма, когда человѣкъ ни въ чемъ не чувствуетъ увѣренности, но все считаетъ за возможное, въ особенности то, чего въ данномъ случаѣ жаждетъ его сердце. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Да смилуется Богъ надъ нею и надъ пани Эмиліей,— сказалъ онъ.— Я заказалъ бы сто обѣденъ, если бы зналъ, что это поможетъ.

— Закажи одну, только съ искреннимъ чувствомъ.

— И закажу! и закажу! Что до искренности моего чувства касается, то я не былъ бы болѣе искрененъ, если бы дѣло касалось моей шкуры.

Васковскій улыбнулся и сказалъ:

— Вы на добромъ пути,— вы умѣете любить.

И имъ всѣмъ сдѣлалось какъ-то легче. Букацкій, если въ душѣ и не былъ согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ Васковскій, не смѣлъ высказать своихъ мыслей, потому что скептицизмъ, хотя бы и укоренившійся въ человѣкѣ, въ то время, когда другіе люди передъ щомъ истиннаго несчастія ищутъ спасенія въ вѣрѣ, не только адѣваетъ себѣ шапку на уши, но и представляется самому себѣ ичтожнымъ и слабымъ.

Въ эту минуту подошелъ Бигель, увидалъ веселыя лица своихъ рузей и сказалъ:

— Вижу, что дѣвочкѣ не хуже.

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтилъ Поланецкій,— а вотъ профессоръ говоритъ намъ такія прекрасныя вещи, что дороже золота.

— Слава Богу! Жена моя заказывала обѣдню, а потомъ пошла къ пани Эмиліи. Сегодня я обѣдаю съ вами, мнѣ дали отпускъ, и коль скоро Литкѣ лучше, то я вамъ сообщу еще одно пріятное извѣстіе.

— Что такое?

— Сейчасъ я встрѣтилъ Машко. Да онъ и самъ скоро придетъ сюда, а когда придетъ, поздравьте его,—онъ женится.

— На комъ?—спросилъ Поланецкій.

— На мой сосѣдкѣ.

— На паннѣ Краславской?

— Да.

— Понимаю,—сказалъ Букацкій,—онъ стеръ во прахъ этихъ барынь своимъ величіемъ, своимъ происхожденіемъ, своимъ богатствомъ, а изъ этого праха слѣпилъ себѣ и жену, и тещу.

— Объясните мнѣ одно,—сказалъ Васковскій,—Машко человѣкъ религіозный...

— Какъ консерваторъ,—прервалъ Букацкій,—изъ приличія.

— И эти дамы также,—продолжалъ Васковскій.

— По привычкѣ...

— Почему же они никогда не подумаютъ о будущей жизни?

— Машко, отчего ты никогда не думаешь о будущей жизни?— спросилъ Букацкій, обращась къ адвокату, который только что вошелъ въ комнату.

Машко приблизился къ нимъ и спросилъ:

— Что ты говоришь?

— Я говорю: Tu felix, Машко, nube!

Машко выслушалъ привѣтствія всѣхъ присутствующихъ съ важностью, полною достоинства, и потомъ сказалъ:

— Дорогіе мои, благодарю васъ отъ всего сердца, а такъ какъ вы всѣ знаете мою невѣсту, то я и не сомнѣваюсь въ искренности вашихъ пожеланій.

— И не дозволяй себѣ этого!—сказалъ Букацкій.

А Поланецкій прибавилъ:

— Вѣ-время тебѣ пришелся Кшемень!

Кшемень дѣйствитвительно пришелся Машко вѣ-время, — бе: него предложеніе его, можетъ быть, и не было бы принято. Но г тому-то это замѣчаніе и не было ему пріятно. Онъ поморщился.

— Ты облегчилъ мнѣ трудъ и помогъ купить Кшемень и я иногда то благодарю тебя за это, то проклинаю.

— Почему?

— Потому, что твой дядюшка Плавицкій—прескучнѣйшая и пренесноснѣйшая фигура въ мірѣ, не говоря уже о твоей кузинѣ. Она очень милая дѣвушка, но съ утра до вечера склоняетъ свой незабвенный Кшемень во всѣхъ семи падежахъ и къ каждому прибавляетъ слезинку. Ты рѣдко бываешь у нихъ, но вѣрь мнѣ, что это также необычайно скучно.

Полянецкій посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и отвѣтилъ:

— Слушай, Машко, я болталъ про моего дядюшку сколько влѣзетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я терпѣливо выслушивалъ всякаго, кто будетъ болтать о немъ, въ особенности того, кто обдѣлалъ съ нимъ выгодное дѣльце. Что касается панны Марини, то я знаю, что ей жаль Кшемень ..о это доказываетъ, что она не пустая кукла, не манекенъ, а женщина съ сердцемъ... Ты понимаешь меня!

Наступило молчаніе. Машко отлично понималъ, кого подразумѣвалъ Полянецкій, когда говорилъ о манекенѣ и пустой куклѣ, поэтому пятна на его лицѣ приняли коричневый оттѣнокъ, и губы задрожали. Однако, онъ сдержался. Трусомъ онъ не былъ, но даже у самаго храбраго человѣка есть кто-нибудь, кого онъ считаетъ лучшимъ не задирать, и для Машко этимъ «кѣмъ-то» былъ Полянецкій.

И, пожавъ плечами, онъ сказалъ:

— Чего ты сердишься? Если это тебѣ не нравится...

Но Полянецкій не далъ ему окончить.

— Я не сержусь, только совѣтую тебѣ помнить мои слова.

И онъ опять посмотрѣлъ ему въ глаза, и Машко подумалъ: «Если тебѣ непремѣнно хочется столкновеній, то изволь».

— Твои слова,—сказалъ онъ вслухъ,—я могу запомнить, но прими и ты мой совѣтъ: не позволяй себѣ говорить со мною подобнымъ тономъ, потому что и я могу забыться и вызвать тебя на об..ясненіе.

— Что за чортъ!—крикнулъ Букацкій.—Что съ вами?

Но Полянецкій, въ которомъ злоба на Машко сбиралась уже д..зно, несомнѣнно довелъ бы дѣло до послѣдней крайности, еслибъ] кабинетъ ресторана не ворвался слуга пани Эмиліи.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ задыхающимся голосомъ,—ба-] шня умираетъ!

Поланецкій поблѣднѣлъ, схватилъ шляпу и побѣжалъ къ двери. Наступило глухое, долгое молчаніе, которое, наконецъ, прервалъ Машко:

— Я забылъ, — сказалъ онъ, — ему теперь все нужно прощать...

Васковскій закрылъ глаза руками и молился.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и проговорилъ:

— Богъ одинъ обуздалъ смерть и можетъ удержать ее.

Четверть часа спустя Бигель получилъ отъ жены листокъ бумаги со словами:

«Припадокъ миновалъ».

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи.

Франція XVIII вѣка — страна по преимуществу земледѣльческая. Несмотря на покровительственную систему, на обложеніе иностранныхъ мануфактуратовъ высокими пошлинами и затрудненія въ вывозѣ хлѣба, съ цѣлью обезпечить дешевое продовольствіе и низкій уровень заработной платы, промышленность едва занимаетъ ежегодно три милліона рабочихъ рукъ, т.-е. восьмую или девятую часть населенія *). Говоря это, я имѣю въ виду исключительно организованныя въ цехи ремесла, и не однихъ только мастеровъ, но и тѣхъ, кто работалъ подъ ихъ началомъ на правахъ подмастерьевъ и учениковъ. Въ разсчетъ не входятъ ни поденщики, которыхъ въ одномъ Парижѣ насчитывали въ 89 г. до 150,000, а во всей Франціи нѣсколько милліоновъ, ни сельскіе рабочіе, цифра которыхъ, по Лавуазье, уже колебалась между полутора и двумя милліонами, ни домашняя прислуга,

*) Эту цифру даетъ ходатайство, направленное къ Людовику XVI въ 1791 году цехами города Тулузы: „L'abolition des jurandes, значится въ немъ, menace de la plus affreuse misère trois millions de vos sujets“ (*Antoine du Bourg:* „Tableau de l'ancienne organisation du travail dans le midi de la France“. Toulouse, 1885 г., стр 224). Эта цифра на цѣлыхъ четыре милліона меньше той, какую Бонвале-Деброс даетъ для выраженія всего числа городскихъ обывателей Франціи. Но, не говоря о томъ, что выкладки этого статистика вообще приписываютъ Франціи конца XVIII в. бо̀льшую населенность, чѣмъ та, какую признаютъ за ней одновременно другіе современники, Messance, Necker, Pommelles и Lavoisier, семь или восемь милліоновъ городского населенія не заключали въ себѣ исключительно однихъ лицъ, занятыхъ обрабатывающею промышленностью. Не говоря о торговцахъ, мелкопомѣстномъ дворянствѣ, духовенствѣ, чиновникахъ, надо считать также въ числѣ жителей бурговъ и мѣстечекъ не мало сельскихъ производителей. Если промышленность, какъ общее правило, и выходила за предѣлы городской осѣдлости, благодаря сосредоточенію ея исключительно въ рукахъ цеховъ, то ничто не мѣшало городскимъ обывателямъ владѣть землями въ предѣлахъ банльe или прилегающаго округа и завѣдывать ими изъ своихъ стѣнъ. За исключеніемъ немногихъ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ центровъ, вродѣ Версаля, Парижа, Тулузы, Ліона, Марселя, Бордо, Страсбурга, Лиля, Руана, Аміена, Аланcона, Орлеана, Тура и т. д., большинство бурговъ и мѣстечекъ по характеру своего населенія и его обычнымъ заработкамъ въ такой же если не въ большей, мѣрѣ отвѣчало понятію села, сколько и города, въ современномъ значеніи этого слова.

такъ называемые domestiques, которыми любило щеголять чванство придворныхъ и финансистовъ, ни мелкіе и оптовые торговцы, разсѣянные по селамъ и городамъ *).

Спрашивается теперь, какъ организованъ былъ этотъ промышленный людъ, три вѣка назадъ не допускавшій еще существованія бокъ-о-бокъ никакой свободы труда, а нынѣ принужденный мириться съ тѣми изъятіями, какія, въ пользу реорганизованныхъ въ цехи рабочихъ, создали частью феодальные иммунитеты, частью королевскія привилегіи?

Приближается ли внутреннее устройство французской промышленности къ тому типу совладѣнія собственниковъ и производителей, какую раскрыла предъ нами картина французскаго земледѣлія и прикосновенныхъ къ нему классовъ, или оно сложилось по какому-нибудь самостоятельному образцу, въ которомъ можно найти зародышъ современныхъ порядковъ?

Вопросъ несравненно болѣе сложенъ, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ, и это потому, что цеховое устройство въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его наканунѣ революціи, настолько же уклонилось отъ своего первоначальнаго типа, насколько сеньоріальное право является вырожденіемъ права феодальнаго.

Если вернуться къ эпохѣ полнаго разцвѣта того и другого, къ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія, нельзя будетъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что цехъ является естественнымъ дополненіемъ къ феоду и построенъ на тѣхъ же началахъ имущественной солидарности между іерархически-соподчиненными классами. Въ феодѣ эта солидарность сказывается въ отношеніяхъ сеньора-собственника къ крестьянину-чиншевику; она выступаетъ въ принадлежности одному dominium eminens, другому dominium utile, т.-е. пользованія наслѣдственнымъ надѣломъ; она ведетъ къ раздѣлу обыкновенно валового, иногда одного чистаго дохода между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ въ формѣ чинша, шампара, ренты, натуральныхъ службъ и денежныхъ платежей.

Въ цехѣ та же солидарность проявляется въ совмѣстной работѣ предпринимателя (мастера) и рабочаго (подмастерья, ученика), въ содержаніи послѣдняго на счетъ перваго, въ раздѣлѣ между ними чистой выручки на неравныя доли, согласно признанному статутами обычаю.

Общность интересовъ хозяина и мастерового не ограничивается одною

---

*) По Лавуазье, населеніе Франціи въ 1789 г. равнялось 25 милліонамъ. Изъ нихъ 8 милліоновъ жило въ городахъ и большихъ бургахъ, 6 милліоновъ занято было земледѣліемъ (крестьяне, чиншевики, фермеры, сельскіе рабочіе, пастухи), 2.550,000 — винодѣліемъ, 4.000,000 — поденною работой (journaliers, maçons etc.). Полмилл. владѣли землею въ собственность, живя въ своихъ помѣстьяхъ; 250,000 челов. входили въ составъ армій, а 1.950,000 обнимали собою одновременно мануфак-туристовъ, горно-заводчиковъ, моряковъ, лицъ, занятыхъ извознымъ промысломъ, дво-рянъ и духовныхъ.

Цифра 1.800,000 выражаетъ собою, по мнѣнію Лавуазье, число купцовъ, как. чиковъ и сельскихъ рабочихъ (см. *Borteau:* „Etat de la France en 1789", 1. 1889 г., стр. 6).

сферой имущественныхъ отношеній. Она выходитъ за ея предѣлы, проявляясь одинаково и въ повседневномъ жизненномъ обиходѣ, и въ запечатлѣнной родственнымъ характеромъ заботливости предпринимателя объ обученіи и нравственномъ воспитаніи учениковъ,—заботливости, направленной къ тому, чтобы подготовить въ нихъ достойныхъ преемниковъ въ томъ общественномъ служеніи, какимъ является строго согласное съ статутами отправленіе мастерства.

Послѣ перваго года искуса, въ теченіе котораго затраты мастера на содержаніе взятаго имъ въ обученіе подростка оплачиваются выговоренною у его семьи платой, ученикъ постепенно переходитъ въ положеніе помощника въ работѣ, своего рода товарища или подмастерья. Въ обмѣнъ за трудъ ему обезпечено жилище и продовольствіе. Онъ подчиненъ мастеру во всемъ, что касается отправленія ремесла, но внѣ этого онъ сохраняетъ полную независимость и свободу. Возможность обжалованія передъ цеховыми властями всякаго акта насилія и произвола одна доказываетъ, что потеря личности и безправіе далеко не составляютъ его удѣла.

Нѣсколько выдержекъ изъ той записи цеховыхъ статутовъ, какую представляетъ редактированный при Людовикѣ Святомъ *Livre des métiers*, достаточно для обоснованія такого взгляда.

83-й титулъ этого свода, ст. 7-я, подробно говоритъ о правѣ возмужалаго и вступившаго въ бракъ ученика «получать взамѣнъ обѣда и ужина pour sa penture» (т.-е. на продовольствіе) четыре динарія въ день, что, принимая во вниманіе тогдашнюю цѣнность денегъ, составитъ около двухъ франковъ настоящей монеты *).

Трудъ ученика не былъ, слѣдовательно, даровымъ и обезпечивалъ ему, по меньшей мѣрѣ, издержки существованія.

Титулъ 50-й, статья 13-я, вмѣняетъ мастеру въ обязанность давать ученику то содержаніе, какое «подобаетъ сыну хорошей буржуазной семьи» (filz de prend homme), одѣвать и обувать его, поить и кормить **).

Цеховыя власти (les jurés) вправѣ порицать (blamer) всякаго мастера, не исполнявшаго по отношенію къ ученику обязанности продовольствія и надзора и требовать отъ него перемѣны въ его обращеніи въ двухнедѣльный срокъ ***). Отъ нихъ зависитъ пріискать обиженному новаго хозяина въ концѣ этого срока. Цеховые статуты требуютъ, чтобы мастеръ держалъ ученика постоянно на глазахъ у себя и не пользовался его работой внѣ предѣловъ мастерской ****).

---

*) *Alfred Franklin:* „La vie privée d'Autrefois. Comment on devenait patron". 1 ris, 1889, стр. 10.

**) Одни пляшныхъ дѣлъ мастера объявляютъ праздными всякія жалобы учениковъ и хозяевъ (tit. XCI, ст. 13). Ibid., стр. 43.

***) Это, какъ и предшествующія постановленія, заимствовано изъ статутовъ 1 serands (прядильщиковъ). (См. „Le Grand Etude historique sur les corporations (rts et métiers. Mémoires de la société d'émulation de Roubaix", т. III, 1872—73, (. 225).

**) *Franklin:* „Arts et métiers", стр. 43.

Далеко не всякій трудъ поэтому обязателенъ для того, кто поступилъ въ обученіе. Онъ долженъ исполнять только заказы, которые входятъ въ кругъ занятій, связанныхъ съ отправленіемъ ремесла; онъ не служитель, не лакей, а рабочій помощникъ. Даже въ позднѣйшую эпоху французскія подобія Домостроя говорятъ, что ученики могутъ отказаться отъ мытья посуды, няньчанья дѣтей мастера и другихъ услугъ, не имѣющихъ ничего общаго съ предметомъ ихъ обученія *).

Если ученики являются своего рода помощниками въ трудѣ, то это далеко не единственные. Восходя даже къ отдаленнѣйшей эпохѣ цехового устройства, мы встрѣчаемся съ фактомъ существованія такъ называемыхъ подмастерьевъ, т.-е. рабочихъ по найму, рабочихъ, которыхъ статуты XIII вѣка окрещиваютъ даже именемъ слугъ, valets, но которые, тѣмъ не менѣе, все же являются скорѣе товарищами **) мастера, нежели его батраками. Подобно ученикамъ, они живутъ весьма часто подъ одною кровлей съ предпринимателемъ, и, какъ общее правило, столуются у него ***); цехъ не исключаетъ ихъ изъ своей среды; наравнѣ съ мастерами, они участвуютъ въ выборѣ старшинъ и въ выполненіи другихъ задачъ самоуправленія, а мастера не прочь допустить ихъ къ раздѣлу выгодъ, доставляемыхъ предпріятіемъ въ регулированномъ обычномъ размѣрѣ. Хотя общимъ правиломъ являлась поденная плата, но величина ея опредѣлялась не отношеніемъ спроса къ предложенію, а обычаемъ, въ установленіи котораго обѣ стороны принимали равное участіе. Правда, были и исключенія. Тогда какъ мебельщики и портные, напримѣръ, объявляли въ своихъ статутахъ, что ихъ рабочіе вправѣ требовать установленной обычаемъ платы ****), ременщики настаивали только на неизмѣнности ея въ теченіе недѣли; новому соглашенію мастеровъ и подмастерій предоставлялось въ концѣ этого срока опредѣлить ея ближайшій размѣръ. Поштучная плата находила сторонниковъ между рабочими, но цеховые статуты относились къ ней враждебно,

---

*) „Si les apprentis donnent de l'argent pour leur apprentissage, ils ne doivent point souffrer qu'on leur fasse rien faire qui ne soit point de leur métier, qui est comme de ne point laver la vaisselle, promener ni amuser d'enfants, ni autres choses que les maîstres et maîstresses leur font faire attendu que cela n'est point ni dans leur engagement, ni dans les status du métir ou de l'art dont ils veulent faire profession". *Andiger:* „La maison règlée à 1692", стр. 162.

**) Этотъ терминъ впервые примѣняется къ подмастерьямъ въ XV вѣкѣ. Статуты XIII столѣтія однообразно говорятъ о нихъ, какъ о valets. *Legrand:* „Etude historique sur les corporations", стр. 240.

***) *Du Bourg:* „Tableau de l'ancienne organisation du travail dans le midi de France", стр. 57. *Franclin,* стр. 80.

****) Эта точка зрѣнія высказывается случайно еще въ серединѣ прошлаго столѣтія, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка: „Il est aisé de concevoir que les ouvriers à leurs pièces n'étant conduits que par le désir d'un plus grand gain, n'avaient pas l'attention nécéssaire pour la perfection et sureté des armes. Sentence de M.le lieutenant général de police, qui ordonne l'éxécution de la délibération prise par la communauté des maîtres arquebusiers de Paris du 18 nov. 1750".

предполагая не безъ основанія, что, въ погонѣ за заработкомъ, подмастерья пренебрегутъ качествомъ изготовляемаго ими товара *).

Всякія стачки съ цѣлью повышенія или пониженія заработной платы были запрещены, и суконщики, напримѣръ, включали въ свои статуты слѣдующую норму. Ни прядильщикъ, ни красильщикъ не должны путемъ сговора устанавливать таксу на свой трудъ, что лишило бы тѣхъ, кто нуждается въ немъ, возможности получать его на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, а самихъ рабочихъ нанимать за ту низкую плату, которой они сами пожелаютъ.

Но если трудящемуся люду отрѣзанъ такимъ образомъ путь къ увеличенію своего заработка, при содѣйствіи коллективныхъ забастовокъ, то и хозяевамъ ставится въ вину всякая попытка измѣнить разъ установленный размѣръ платы въ собственную пользу и съ помощью того же пріема—частнаго сговора и пріостановки работы. Только что приведенные статуты гласятъ поэтому: «Буде мастера вздумаютъ вступить между собою въ стачку, цеховые старшины (jurés) доведутъ о томъ до свѣдѣнія парижскаго «превота купцовъ» (или мэра), а этотъ послѣдній подвергнетъ виновныхъ штрафу по собственному усмотрѣнію»**). Ошибочно было бы утверждать, тѣмъ не менѣе, что большій или меньшій спросъ на работу не оказывалъ никакого вліянія на размѣръ вознагражденія. Многіе цехи придерживались различныхъ масштабовъ при опредѣленіи платы за лѣтній и зимній трудъ, или, какъ тогда говорили, злоупотребляли церковными терминами за трудъ «постомъ» и за трудъ «мясоѣдомъ» ***).

Поштучная плата, какъ уже сказано, не находила одобренія со стороны цеховыхъ регламентовъ, но она существовала, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ. *Livre des métièrs* дважды упоминаетъ о ней ****). Авторъ *Menagier de Paris* говоритъ о рабочихъ «qui oeuvrent á la pièce ou en tache pour certain oeuvre» *****). Прямыя запрещенія поштучной работы встрѣчаются гораздо позднѣе; такъ, въ 1660 году портные, возобновляя свои статуты, включаютъ въ нихъ слѣдующія §§: мастерамъ не дозволено держать «Aucuns garçons, travaillant pour eux á leurs pièces» ******).

Къ позднѣйшей эпохѣ относятся также попытки заинтересовать рабочихъ въ выгодахъ предпріятія, обезпечивая имъ извѣстную часть той цѣ-

---

*) Le statut des buchers de 1290 défend de donner au de promettre à un ouvrier aucun denier en plus que leurs propres journées, et de payer un pris supérieur à ce qui est et a été accoutumé de donner en la ville de Paris. *Legrand*, стр. 246.

**) Et si aucun des maîtres dessus dit faisaient en leur metier aucune alliance les aitres et jurés: le feraient savoier au prévot de Paris, et le prévot de Paris defenrait les alliances et en prendrait amende selon qu'il lui semblerait bon, que ce fût tatut des tisserands de lange de Paris).

***) „L'été c'est le carême, L'hiver c'est le charnage". *Franklin*, стр. 122.

****) Titre LVI, art 7, et titre LXXVII, art 8. *Franklin*, стр. 83.

*****) Ed. Pichon II, 53—56. Цитировано у *Fagniez:* „De l'industrie et des classes lustrielles en France", стр. 80.

******) *Franklin*, стр. 99.

ны, какая была выручена отъ продажи. Примѣръ этому въ XVI вѣкѣ представляетъ основанное въ Тулузѣ итальянскимъ выходцемъ Сальвини производство шелковыхъ тканей. Въ статутахъ, изданныхъ съ цѣлью регулировать порядокъ этого новаго производства, говорится, что «рабочіе», «compagnons», изготовляющіе атласъ, получаютъ двѣ трети той цѣны, какую купецъ уплачиваетъ мастеру. При продажѣ бархата мастеръ удерживаетъ въ свою пользу всего одну пятую цѣны, отдавая все остальное рабочимъ *).

Положеніе рабочихъ въ отношеніи къ вознагражденію выступаетъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ, разъ мы примемъ во вниманіе число часовъ, ежедневно отводимыхъ для труда, и запрещеніе всякаго рода ночной работы. Статуты XIII и XIV вѣка весьма опредѣленно высказываются на этотъ счетъ: «никто,—говорятъ суконщики,—не долженъ приниматься за работу раньше восхода солнца». Шляпочныхъ дѣлъ мастера (chapeliers) ждутъ каждое утро, чтобы часовые съ башенъ Лувра и Шателе объявили имъ трубнымъ звукомъ (guette cornée) о томъ, что день начался **). «Только съ того момента, когда на улицѣ становится возможнымъ различать человѣка», начинается день для рабочихъ, занятыхъ выдѣлкою шерсти (foulons du bourg Saint-Geneviève ***).

Прерываемый утреннимъ завтракомъ, полуденнымъ обѣдомъ и вечернимъ ужиномъ ****), рабочій день далеко не во всѣхъ ремеслахъ длится до заката солнца. Многіе статуты говорятъ о «vespre», т.-е. о вечернѣ, какъ о срокѣ, къ которому должна быть окончена всякая работа; къ вечернѣ же звонили обыкновенно въ четыре часа; кто соглашался продолжать занятія до семи, до «complies» или послѣдней по времени церковной службы, тотъ получалъ добавочное вознагражденіе *****).

Запрещеніе ночной работы обусловлено было соображеніями, ничего не имѣющими общаго съ защитой рабочаго отъ эксплуатаціи хозяина. Боялись пожара, желали предупредить возможность дурной работы, въ виду недостаточности и неравномѣрности освѣщенія, доставляемаго лучиной или приготовляемою изъ сала свѣчей ******). Это не мѣшало, однако, только что

---

*) Les maistres des dit draps de velloux seront tenus de bailher aux compaignons, qui les besoigneront pour leurs façons les quatre quint qu'ils auront... Les compaignons qui feront les draps de satin, auront pour chascune canne les deux tiers du prix... Les compagnons qui besoigneront les dit damas... auront, pour leur peine les deux tiers du prix de la façon. *Du Bourg:* „Corporations ouvrières de la ville de Toulouse", стр. 132, 133.

**) *Franklin*, стр. 124.

***) Statuts sans date, publiés pour *Fagniez*, стр. 335.

****) *Fagniez*, стр. 83.

*****) Ibid., стр. 82. Время отъ vespre до complies обозначалось терминомъ vesprée.

******) Восковыя свѣчи, такъ называемыя Luminarii, были дороги. Цеховые статуты предписываютъ ихъ употребленіе лишь въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при похоронахъ и праздникахъ.

приведеннымъ постановленіямъ достигать косвенно и цѣлей, тѣсно связанныхъ съ гигіеной и нравственнымъ благосостояніемъ простонародья.

Благодаря имъ, нормальный рабочій день обнималъ собою не болѣе 11 часовъ (считая съ 5 утра до 4 вечера). Изъ нихъ надо еще вычесть $2^1/_2$ часа для завтрака и обѣда.

Мы вправѣ сказать поэтому, что тотъ восьмичасовой трудъ, о которомъ говорятъ современныя рабочія программы, довольно близко отвѣчаетъ средневѣковымъ хозяйственнымъ порядкамъ. Если ремесленнику и приходилось подчасъ проводить девять и десять часовъ за работой, то, съ другой стороны, большое число праздниковъ и строгое соблюденіе воскреснаго отдыха, нерѣдко начинавшагося съ вечера субботы и простиравшагося до полудня понедѣльника, обезпечивали ему даже большій досугъ, чѣмъ тотъ, какого тщетно требуютъ для себя современные рабочіе *).

Женскій и дѣтскій трудъ въ свою очередь были поставлены подъ защиту статутовъ, и возможность изнуренія мальчиковъ, дѣвушекъ и даже замужнихъ женщинъ предупреждалась запрещеніемъ извѣстныхъ занятій для слабаго пола и невозможностью сдѣлаться рабочими (compagnon) иначе, какъ прошедши срокъ ученичества. Никакая женщина не должна быть обучаема выдѣлкѣ восточныхъ ковровъ (tapis sarrasinois), ибо такое ремесло слишкомъ тяжко для нихъ (parce que ce métier est trop greveux) **),— читаемъ мы въ сводѣ цеховыхъ статутовъ, составленномъ при Людовикѣ IX. По той же причинѣ женщины устраняются отъ всякой работы въ суконномъ дѣлѣ, «до момента, когда шерсть поступитъ въ пряжу», т.-е. во всѣхъ тѣхъ предварительныхъ производствахъ, которыя необходимы для обращенія руна въ годный къ выдѣлкѣ матеріалъ ***).

Если прибавить ко всему сказанному легкость перехода изъ рядовъ помощниковъ или compagnons въ ряды мастеровъ, ограниченіе предварительнаго искуса немногими годами службы, ничтожность затратъ на производство работы, удостовѣряющей способность, и незначительность денежныхъ взносовъ, требуемыхъ отъ мастера, то придется сказать, что бездна, отдѣляющая въ наши дни предпринимателя и рабочаго среднимъ вѣкамъ была неизвѣстна, какъ неизвѣстно было имъ противуположеніе капиталиста и пролетарія, собственника и безземельнаго батрака.

Рабочій помощникъ и мастеръ одинаково входили въ составъ цеха, одинаково участвовали въ его администраціи, въ обсужденіи общихъ интересовъ ремесла. И тотъ, и другой, хотя и въ разной мѣрѣ, несли издерж-

---

*) Число нерабочихъ дней, судя по статутамъ булочниковъ, было меньше 141 годъ (*Franklin*, стр. 138).

**) „Livre des métiers d'Etienne Boileau, publié par Depping", стр. 126.

***) Статуты 1190 г. мотивируютъ такое запрещеніе слѣдующимъ образомъ: „Car iant une femme est grosse, et le métier despiéce, elle se pour rait bléchir en telle anière, que son entant serait péris" („Le grand étude historique sur les corporations 'arts et métiers. Mémoires de la société d'émulation de Roubaix", т. III, стр. 257).

ки на содержаніе цеховой кассы, изъ которой поступали средства на лѣченіе больныхъ и пропитаніе безработныхъ *).

Каждый въ интересахъ другого несъ извѣстныя обязательства. Рабочій не долженъ былъ выполнять заказовъ помимо мастера, мастеръ—нанимать въ услуженіе иноземцевъ и иногородныхъ **).

О томъ, какъ далеко было положеніе цехового подмастерья отъ того, какое выпало въ удѣлъ современному фабричному, можно судить по тому, что многіе мастера добровольно возвращались въ ряды рабочихъ помощниковъ или компаньононъ, распускали служащихъ у себя и принимали работу у одного изъ товарищей по цеху ***).

Солидарность, устраняющая возможность конкурренціи, обогащенія однихъ въ ущербъ другимъ, сказывается столько же въ отношеніяхъ къ подмастерьямъ и ученикамъ, сколько и въ отношеніяхъ мастеровъ между собою.

Цеховые статуты сознательно стремятся къ тому, чтобы обезпечить мастерамъ возможность закупки сырья по одинаково низкой цѣнѣ. Съ этою цѣлью они требуютъ отъ покупщика оптомъ уступки части товара по уплаченной имъ цѣнѣ каждому изъ товарищей по цеху и запрещаютъ всякаго рода махинаціи, послѣдствіемъ которыхъ было бы пріобрѣтеніе однимъ нужнаго ему матеріала въ ущербъ другому ****). Тѣ же соображенія заставляютъ составителей цеховыхъ регламентовъ настаивать на томъ, чтобы каждый ремесленникъ не занималъ своимъ товаромъ болѣе одного прилав-

---

*) *Legrand*, стр. 249. *Du Bourg*, стр. 94. Statut des peintres vêrriers. „Item si ung compagnon du dit office venait en maladie et son argent lui faillit, les maitres seront tenus lui aider et secourir de l'argent de la boiste". См. также стр. 119.

**) До тѣхъ поръ, пока всѣмъ туземцамъ не будетъ обезпеченъ трудъ (*Legrand*, стр. 243).

***) Чулочники (chauciers), внося свои статуты въ реестры Chatelet, потребовали дополненія ихъ слѣдующимъ §: „que les valets du dit métier, dont les noms sont ci dessous indiqués, puissent commencer le dit métier quand ils voudront sans l'acheter ni rien payer au roi... parce que plusieurs d'entre eux ont été autrefois maitres et sont devenus valets par pauvreté ou par leur volonté" (*Legrand*, стр. 259).

****) *Livre des métiers* очень богата постановленіями подобнаго рода. Они приведены въ сочиненіяхъ: *Legrand, Fagniez* и *Franklin*. Дополнимъ ихъ выдержками изъ статутовъ цеховъ „Wille, terre et seigneurie, d'Hericourt", съ цѣлью показать повсемѣстность подобныхъ регламентовъ, начиная съ столицы и большихъ городовъ и оканчивая мелкими бургами: „Si aucuns compagnons des dits métiers, achetantz de la marchandise soit de cuirs, oing, soin, et aucuns d'iceult compagnons survenait en faisant de marchefz demande part à iceult les dits compagnon acheteurs seront tenus lui bailler part moyen contantant le marchand au vendeur, la portion qu'il y prendra... Nuls maitres et compagnons du dir metier ne pourront, ne devront achever l'un sur l'autre... Tous ceux, travaillant du dits métiers de tisserands et fillandriers marchands de fillet ouvrages et autres marchandises semblables an autre se retrevant en faisant marchefs y demande part parini, mettant ses dênier y doit avoir pa comme lui" (См. *Revue d'Alsace*, XII, Nouvelle série. Belfort, 1883, стр. 26 271 и 273.

ка, т.-е. поставленъ былъ въ одинаковыя условія съ товарищами въ дѣлѣ отчужденія своихъ мануфактуратовъ *).

Трудно приписать той же заботливости о возможномъ уравненіи условій, въ которыхъ развивается дѣятельность отдѣльныхъ мастеровъ, запрещеніе держать больше одного или двухъ учениковъ; тѣмъ болѣе, что оно не распространяется на дѣтей и даже болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Источникъ его лежитъ въ соображеніяхъ совершенно иного рода. Оно вызвано: желаніемъ сохранить высокій уровень производства и предупредить наступленіе безработицы для подмастерьевъ, благодаря конкурренціи учениковъ. Только при небольшомъ числѣ послѣднихъ, разсуждаютъ статуты, возможна передача мастеромъ его знаній и опытности, возможенъ тотъ надзоръ, то руководительство, безъ котораго годы искуса прошли бы совершенно безслѣдно. Съ другой стороны, только запрещеніе брать больше одного или двухъ человѣкъ въ обученіе устраняетъ возможность замѣны оплачиваемаго труда подмастерьевъ дешевою работой учениковъ **). Отсутствіе всякаго законнаго максимума по отношенію къ числу рабочихъ, при существованіи его въ примѣненіи къ ученикамъ, само по себѣ доказываетъ, что цеховые порядки не устраняли вполнѣ возможности большихъ заработковъ для готоваго на большія затраты и пользующагося большимъ кредитомъ мастера.

Но, мирясь съ «равенствомъ въ разнообразіи», цеховые статуты старались предупредить возможность образованія крупнаго производства въ ущербъ мелкому. Съ этою цѣлью они противились ассоціаціямъ между мастерами,—ассоціаціямъ, результатомъ которыхъ было бы соединеніе капиталовъ и отправленіе ремесла на большую ногу для продажи оптомъ по удешевленной цѣнѣ ***). Мы оттѣнили пока только ту сторону цеховаго устройства, которая направлена къ устраненію конкурренціи какъ въ средѣ предпринимателей, такъ и въ отношеніяхъ ихъ съ рабочими. Но можно

---

*) Ibidem. „Item que aucuns des dits métiers et compagnons ne pourront les jours de vendredi faire au marché de la ville tenir qu'un banc pour vendre leur marchandise, afin que les pauvres compagnons de dits métiers puissent demeurer et gagner leur vie auprés des autres plus riches“ (p. 266).

**) Statuts des veloutiers de Toulouse, XVI s. „Item et d'autant que plusieurs des dits maistres vouldraient faire besoigner tous les ouvraiges, qu'ils prendront à faire à leurs apprentis qui ne seront encore expertz, touchans plus à leur profict particulier que publie au moyen de quoy les dits ouvraiges ne seront si bons comme doivent et les bons ouvriers seront recullés sans trouver ou gaigner leur vie, ne sera permis à aulcung des maistres pouvoir tenir plus que ung apprenti pour chasques deux mestriers de grands draps qu'il aura, adfin que les compaignons, qui seront hors d'apprentissage, puissent gaigner leur vie et les ouvraiges soient de la bonté requise“. *L. Bourg:* „Corporations ouvrières de la ville de Toulouse“, стр. 124.

**) „Deux maîtres du métier, ni plusieurs ne peuvent être compagnons ensemble dans un hôtel“ (Statut des foulons. *Livre des métiers,* titre LIII). *Legrand* приводитъ подобныя же постановленія изъ статута мясниковъ въ Аміенѣ 1281 года. Этотъ писатель высказываетъ вѣрную на нашъ взглядъ мысль, что запрещеніе ассоціацій между мастерами составляло часть того обычнаго права, которое далеко не вполнѣ нашло выраженіе себѣ въ цеховыхъ статутахъ.

указать не мало и другихъ чертъ, свидѣтельствующихъ, наприм., о томъ, что цеховая организація промышленности въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ передъ нами въ эпоху своего полнаго разцвѣта, была разсчитана на то, чтобъ обратить ремесленную дѣятельность въ своего рода общественное служеніе, въ правильномъ отправленіи котораго одинаково заинтересованы и предприниматели, и рабочіе, и потребители. Можно было бы остановиться съ этою цѣлью на анализѣ полицейскихъ регламентовъ, предписывающихъ тѣ или другіе технические пріемы, и изложить характеръ контроля, осуществляемаго обыкновенно назначаемыми свыше, рѣдко гдѣ избираемыми, присяжными старостами (jurés), но все это лежитъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи.

Мы ограничимся поэтому лишь установленіемъ того общаго вывода, что цехъ, подобно феоду, представляетъ собой полную и довольно сложную производительную группу, въ которой одинаково приняты въ расчетъ интересы публики, предпринимателей и простыхъ исполнителей труда и обезпечена возможность наслѣдственной передачи техническихъ знаній и практическаго опыта, благодаря іерархическому подчиненію учениковъ и подмастерьевъ и іерархическому прохожденію каждымъ тѣхъ различныхъ ступеней, которыя ведутъ къ мастерству.

Торжество цехового принципа равнозначительно поэтому тому, что можно назвать «организаціей труда», разумѣя подъ этимъ обезпеченіе участникамъ въ немъ постоянныхъ заработковъ, т.-е. постоянныхъ средствъ существованія. Оно знаменуетъ также отсутствіе строгаго обособленія рабочихъ отъ предпринимателей и возможность перехода первыхъ въ послѣдніе. Таковы лицевыя стороны средневѣковыхъ порядковъ промышленности. Но рядомъ съ ними надо отмѣтить присущее имъ по самой ихъ природѣ стремленіе къ замкнутости. Оно сказывается уже въ ограниченіи числа учениковъ, въ преимущественномъ положеніи, занимаемомъ законными наслѣдниками мастера. Оно выступитъ вскорѣ болѣе наглядно въ затрудненіи ученикамъ и подмастерьямъ доступа въ ряды мастеровъ и ограниченіи самого числа послѣднихъ. Съ того момента, когда званіе мастера, согласно статутамъ, сдѣлается наслѣдственною привилегіей, цехъ превратится въ своего рода касту и монополія производства въ такой же мѣрѣ сдѣлается характерною чертой, опирающеюся на немъ промышленной организаціи, въ какой монополія землевладѣнія составитъ особенность выродившихся въ сеньоріальное право феодальныхъ порядковъ.

Помимо замкнутости, цеховое устройство съ самаго начала предполагаетъ искуственную централизацію обрабатывающей промышленности въ городахъ. Оно ведетъ къ противуположенію города и села, какъ фактор въ двухъ различныхъ видовъ по природѣ производства, сельско-хозяйственн го и ремесленнаго. Оно сопровождается всякаго рода стѣсненіями для кус рныхъ промысловъ, этого необходимаго подспорья земледѣльца въ эп ку безработицы, и обращаетъ села въ естественныхъ враговъ монополіи, с выгоды которой приходятся на долю горожанъ

Предшествующія революціи столѣтія были свидѣтелями быстраго развитія этихъ невыгодныхъ сторонъ цеховыхъ порядковъ.

II.

Не слѣдя за общимъ ходомъ той эволюціи, какую переживаетъ цеховое устройство съ конца среднихъ вѣковъ и до 1789 г., отмѣтимъ его общіе результаты.

Прежде всего бросается въ глаза усиленіе тѣхъ стѣсненій, какими обставлена была обрабатывающая промышленность въ селахъ.

Сперва одни «villes jurées», позднѣе и прочіе города королевства закрыли доступъ къ рынку продуктамъ кустарнаго производства. Такъ, наприм., Тулуза добилась еще въ XVI вѣкѣ того, что всѣ ввозимые въ нее мануфактураты не раньше поступали въ продажу, какъ послѣ освидѣтельствованія ихъ мѣстными полицейскими властями (bayles). Выполненіе этого требованія повело къ открытію особаго склада для ввозимыхъ изъ селъ товаровъ, такъ называемыхъ «logis de l'escu», изъ котораго только и дозволено было производить ихъ отпускъ покупателямъ *). Цеховые статуты XVI вѣка уже весьма опредѣленно высказываются противъ конкурренціи селъ, постановляя, наприм.: никто, помимо городскихъ обывателей, не вправѣ продавать продуктовъ своего ремесла раньше осмотра ихъ бальирами, иначе ему грозитъ конфискація товара. Эта статья взята изъ устава кузнецовъ **). Другіе идутъ еще далѣе.

Въ томъ же городѣ и томъ же столѣтіи рѣзчики (taillandriers) добились запрещенія ножницъ, изготовленныхъ въ Гризолье и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, а шляпныхъ дѣлъ мастера (bonnetiers)—продажи всякихъ иногородныхъ товаровъ, помимо «красныхъ колпаковъ» Нарбонны и Рокекурба ***).

Полтора вѣка спустя тулузскіе цехи уже открыто ходатайствуютъ о томъ, чтобъ имъ было дозволено конфисковать всякій мануфактуратъ, произведенный за предѣлами города,—«tout les ouvrages que les forains porteront dans cette ville» ****).

Цехамъ не удалось, однако, устранить вполнѣ конкурренцію кустарнаго

---

*) *Du Bourg:* „Corporations ouvrières de la ville de Toulouse", стр. 88.

**) Statut des forgerons de Toulouse (Ibid. стр. 89). Statut des chandelliers. „Que toutes les chandelles qui seront apportées du dehors pour vendre en la présente ville, comme de Montauban et autres lieux, ne pourront estre deschargées que au Logis de l'Escu, où elles seront débittées, préalablement visitées par lesdits bailles et taxés par les sieurs capitouls" (ibidem, стр. 90).

***) Ibid., стр. 90.

****) Requête aux Capitouls des Tisserands de lin. Toulouse. Août, 1729 (ibid., стр. 179). Délibération des ferblantiers du 18 avril 1757. „Les marchands forains contrevenant aux statuts, qui portent que les seuls maistres du corps auront le droit de travailler, vendre et débiter les ouvrages en fer blanc... ne font plus de difficultés, de vendre publiquement une quantité prodigieuse de marchandises, que les seuls maîstres du corps sont en droit de vendre"... (ibid., стр. 180).

производства. Иначе бы Юнгу не пришлось такъ часто ссылаться на существованіе сельскихъ ткачей и ножевщиковъ, и составитель мемуара о положеніи Турэны въ 1766 году не имѣлъ бы основанія говорить: «нѣтъ деревни, въ которой не попадались бы ремесленники всякаго рода» *).

Болѣе успѣшнымъ можно признать усиліе мастеровъ запретить подмастерьямъ, простымъ рабочимъ и всѣмъ вообще лицамъ, стоящимъ внѣ цеховой организаціи, принятіе заказовъ и производство работъ за собственный счетъ. Нерѣдко городскія власти получали заявленія, что рабочіе въ пригородахъ, не запасшись дипломами на мастерство и не прослуживши нужнаго числа лѣтъ учениками и подмастерьями, занимаются **) производствомъ тѣхъ же фабрикатовъ, что и полноправные члены цеховъ. Чтобы воспротивиться частому повторенію подобныхъ явленій, запрещалось рабочимъ держать на дому инструменты ихъ ремесла. Такъ, наприм., столяры не допускали присутствія въ жилищахъ рабочихъ станковъ, пилъ и т. п., подъ страхомъ конфискаціи, лишенія свободы и тѣлеснаго наказанія. Однохарактерныя постановленія заключаютъ въ себѣ статуты золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Они распространяютъ отвѣтственность и на хозяевъ домовъ, въ коротыхъ устроены тайныя мастерскія ***).

Недостаточно было оградить себя запретами отъ конкурренціи лицъ, стоящихъ внѣ цеховой организаціи или занимающихъ въ ней подчиненное положеніе. Чтобы достигнуть монополіи производства, цехи постарались еще затруднить переходъ учениковъ въ мастера. Въ прежнія столѣтія, по истеченіи срока ученичества, открывалась предъ рабочимъ перспектива непосредственнаго вступленія въ ряды предпринимателей.

Съ XVI столѣтія цеховые статуты, съ цѣлью ограничить число хозяевъ-ремесленниковъ и тѣмъ обезпечить имъ возможность большаго дохода ****), запрещаютъ пріемъ въ ученичество кого-либо, кромѣ сыновей мастера, освобождаютъ послѣднихъ отъ обязательнаго для другихъ искуса, также отъ издержекъ по пріобрѣтенію правъ мастера *).

---

*) Tableau de la Province de Tourraine depuis 1762, jusque et y compris 1766. Annales de la Soc. d'Agr. sciences, artes et du dép. d'Indre |et Loire, année 1862, p. 237.

**) Requête, adressée le 16 décembre 1754 aux Capitouls de Toulouse par les Passementiers et Molineurs en soie, l'exposé de leur triste situation. *Corporations ouvrières de la ville de Toulouse de 1270 à 1791,* par Antoine du Bourg, стр. 150.

***) Статуты столяровъ 1743, ст. 90, 92 и 31. Статуты золотыхъ дѣлъ мастеровъ 1759 г., тит. III, стр. 5, см. *Alfred Franklin:* „Comment on devenait patron".

****) Этотъ именно мотивъ приводится въ ходатайствѣ, представленномъ въ 1737 г. главѣ парижской полиціи цехомъ limonadiers, а въ 1701 году цехомъ fourbisseu s. Ibid., стр. 38 и 39.

*****) Типографщики, книгопродавцы и переплетчики Парижа освобождаютъ сво съ дѣтей отъ ученичества. Статутъ 1618 г., ст. 9. Тоже дѣлаютъ и золотыхъ дѣлъ а стера, требуя отъ дѣтей мастера одной образцовой работы (статуты 1759 г.), и ш м (статуты 1675 г.). Золотильщики кожъ принимаютъ въ 1619 г. рѣшеніе не брать к кого въ ученики въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ. То же дѣлаютъ въ 1670 г у обойщики. Золотыхъ дѣлъ мастера въ 1632 г. объявляютъ, что, впредь до умен е

Съ тою же цѣлью монополизировать ремесленную дѣятельность въ рукахъ наличнаго числа мастеровъ, многіе цеховые статуты не допускаютъ немедленнаго перехода ученика въ ряды мастера и требуютъ отъ него нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ званіи подмастерьевъ. Такъ поступали, наприм., суконщики и красильщики. Статуты 1667 и 1669 гг. объявляютъ, что, по истеченіи срока ученичества и производства образцовой работы, имя молодого ремесленника будетъ внесено не въ списки мастеровъ, а въ книгу подмастерьевъ *). Въ ліонскихъ цехахъ этотъ вторичный искусъ продолжался обыкновенно не менѣе пяти лѣтъ, послѣ чего изготовленіе новой образцовой работы давало право на принятіе въ мастера **). Увеличеніе издержекъ на производство этой работы также явилось удобнымъ средствомъ къ ограниченію конкурренціи. Далеко не всѣ были въ состояніи затрачивать на нее мѣсяцы и годы. Не разъ парижскому превоту купцовъ приходилось разбирать жалобы лицъ, которыхъ цехъ поставилъ «въ необходимость» цѣлыхъ два года сидѣть за «chef-d'oeuvre» въ видахъ получить доступъ къ мастерству. Работа производилась на глазахъ у избранныхъ старшинъ въ особо отведенной для того комнатѣ (chambre du chef-d'oeuvre) и обходилась подмастерьямъ крайне дорого, ведя за собой нерѣдко, по словамъ современниковъ, полное его разореніе ***). Дѣти мастеровъ, а также ихъ зятья многими статутами освобождались отъ этого обязательства ****) или получали льготу затрачивать на chef-d'oeuvre только половину времени и денегъ. Нѣкоторые статуты откровенно высказываютъ ту мысль, что образцовая работа служитъ не столько средствомъ убѣдиться въ подготовленности кандидата, сколько защитой противъ конкурренціи. Отсюда возможность замѣны ея платежомъ въ сто ливровъ у вышивальщиковъ (brodeurs) *****). Chef-d'oeuvre не избавлялъ отъ единовременныхъ взносовъ за право быть мастеромъ. Эти взносы въ XVIII вѣкѣ были весьма значительны и подымались нерѣдко до 1,500, 1,800 и даже 3,240 франковъ ******).

Въ этомъ стремленіи создать монополію производства нѣкоторые цехи дошли до установленія легальнаго максимума. Золотыхъ дѣлъ мастера объ-

---

нія числа мастеровъ до трехсотъ, одни дѣти ихъ могутъ поступать въ число учениковъ. Ibid., стр. 36, 37 и 38.

*) Ibid., стр. 57 и 58.

**) См. *Paul. Boujier:* „Les associations ouvrières. Etude sur leur passé, leur présent, leurs conditions de progrès", стр. 72.

***) Эдиктъ 81 года говоритъ, что „за chef-d'oeuvre подмастерья сидѣли нерѣдко по году и болѣе". Матьэ Жеръ пишетъ въ 1627 г. о слесаряхъ: „Des ouvriers ont mi deux ans et plus à parfaire le chef-d'oeuvre, tellement que c'est quelquefois la ruine des pauvres aspirants, à cause des grands frais et dépenses qui lui convient fai e". *Franklin*, стр. 181.

****) „Les fils des maistres qui se feront recevoir ne feront qu'une simple expériance, ne payeront que la moitié des apprentis" (Statuts des Barbiers. Perruquiers. Baigneurs. Etuvistes de la ville de Toulouse). *Du Bourg*, стр. 176.

*****) Ibid., стр. 191.

******) 1,500 у сѣдельщиковъ, 1,800 у кузнецовъ, 3,240 у суконщиковъ.

явили въ серединѣ XVIII столѣтія, что число ихъ въ Парижѣ не должно быть болѣе трехсотъ. Одновременно вышивальщики сократили свой личный составъ до двухсотъ, часовщики до 72, типографщики до 36 и т. п. *). И въ провинціи число ремесленниковъ въ серединѣ прошлаго столѣтія нерѣдко ограничено было извѣстнымъ максимумомъ; такъ, наприм., въ Тулузѣ допущено было всего-на-всего 30 золотыхъ дѣлъ мастеровъ и 20 цирульниковъ **). Цеховые статуты не разъ выдаютъ дѣйствительный мотивъ такихъ мѣропріятій, говоря, напримѣръ: «причиной всеобщаго разоренія было желаніе всѣхъ заниматься выдѣлкой въ Тулузѣ золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ тканей» ***) или «множество портныхъ причина того, что у всѣхъ и каждаго нѣтъ достаточно работы для покрытія издержекъ по содержанію семьи» ****).

Монополизація производства сказывается еще въ другомъ направленіи. До 1581 года далеко не всѣ ремесла организованы были въ цехи, многіе отправляемы были свободно всѣми желающими. Ученичество и мастерство были имъ одинаково неизвѣстны. Генрихъ III впервые распространилъ цеховую организацію на всѣ виды ремеслъ, а Генрихъ IV—я на всякаго рода торговцевъ (эдиктъ 1 апрѣля 1579 года). Какъ мало отвѣчали дѣйствительнымъ запросамъ націи только что упомянутые законы, можно судить по тому, что въ 1614 году генеральные штаты потребовали отмѣны привилегій мастерства. Но правительство оставило этотъ запросъ неудовлетвореннымъ. Законодательство Людовика XIV внесло только ту перемѣну, что поставило цехи въ зависимость не только отъ городскихъ властей, но и отъ центральнаго правительства. Препирательства мастеровъ съ рабочими подчинены были въ первой инстанціи городскимъ мэрамъ, эшевенамъ и капитуламъ. Особымъ коммиссарамъ поручено было наблюденіе за строгимъ исполненіемъ цехами промышленныхъ регламентовъ, опредѣлявшихъ порядокъ производства и качество мануфактуратовъ. Наложивши руку на цеховое самоуправленіе, правительство поспѣшило воспользоваться пріобрѣтенными имъ правами контроля для цѣлей фискальныхъ. Подобно тому, какъ продажа судебныхъ и финансовыхъ должностей со временъ Франциска I заняла особое мѣсто во французскомъ бюджетѣ въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ (affaires extraordinaires), такъ точно созданіе всякаго рода надзирателей за цехами и присяжныхъ старшинъ сдѣлалось въ правленіе Людовика XIV и Людовика XV источникомъ добавочнаго дохода для казны. Всѣ эти должности поступали въ продажу. Такъ какъ отправленіе ихъ связано было съ правомъ взимать съ цеховъ извѣстные платежи, то нерѣдко достаточно было правительству заявить о своей готовности создать новую должность, чтобы побудить мастеровъ къ ея выкупу. Случаи подобнаго рода далеко были нерѣдки, особенно въ концѣ XVII и пер

*) *Franklin*, стр. 178.
**) *Du Bourg*, стр. 178.
***) Ibid., стр. 172.
****) Ibid., стр. 174.

половинѣ XVIII вѣка. Но правительство не удовольствовалось этими средствами обогащенія своей казны. Начиная съ XVI столѣтія, оно прибѣгло къ созданію въ каждомъ цехѣ извѣстнаго числа мастеровъ, должности которыхъ поступали въ продажу. Къ покупкѣ допускаемы были не одни опытныя въ ремеслѣ лица, но первый встрѣчный, всякій, готовый заплатить требуемую цѣну. Отсюда неоднократныя жалобы цеховъ на такъ называемыхъ facullistes, т.-е. лицъ, пріобрѣвшихъ у правительства право отправлять извѣстное ремесло и, въ то же время, не имѣвшихъ нужной для него подготовки *). Такимъ образомъ, къ созданнымъ самими цехами монополіямъ присоединились еще монополіи правительственныя. Мастерство сдѣлалось недоступною простымъ рабочимъ привилегіей. Чтобы добиться ея, приходилось или располагать значительными денежными средствами, быть капиталистомъ, или состоять въ отношеніяхъ близкаго родства съ наличными членами цеха. Рѣзкимъ явленіемъ былъ переходъ простого рабочаго въ ряды мастеровъ. Связь, долгое время соединявшая предпринимателей и простыхъ исполнителей труда, была разорвана. Подмастерья перестали принимать участіе въ цеховомъ самоуправленіи и въ частности въ выборѣ извѣстнаго числа старшинъ. Послѣдніе примѣры подобныхъ выборовъ не идутъ далѣе XV и XVI столѣтій. Рабочіе образуютъ теперь самостоятельные союзы, такъ называемые «compagnonages». Трудно опредѣлить въ точности время ихъ происхожденія. Рабочее законодательство середины XIV столѣтія съ его одностороннимъ стремленіемъ понизить заработную плату, удержать ее приблизительно на той же высотѣ, какой она достигла до моровой язвы 1348 года, должно было, разумѣется, содѣйствовать, если не образованію, то оживленію подобныхъ союзовъ. Неудивительно, что большинство ліонскихъ рабочихъ товариществъ восходитъ къ этой именно эпохѣ **).

Мы не будемъ задаваться вопросомъ, какъ возникли тѣ три вида рабочихъ товариществъ, которые извѣстны подъ названіемъ «Compagnons de Salomon, compagnons de maitres Jacques et compagnons du père Soubise». Для нашей цѣли достаточно указать на вліяніе, какое обычай частаго передвиженія рабочихъ изъ города въ городъ съ цѣлью усовершенствованія въ ремеслѣ долженъ былъ оказать на развитіе этихъ союзовъ взаимной помощи и поддержки. Благодаря имъ, прохожій рабочій могъ разсчитывать на содержаніе во все время, пока длилась его временная стоянка, такъ называемыя passades, отъ глагола passer—проходить ***).

*) См. *Franklin*, стр. 209 и слѣд., и *Du Bourg*, стр. 177 и слѣд.

**) Если не говорить о каменьщикахъ, плотникахъ, столярахъ и слесаряхъ, которымъ приписывается образованіе союзовъ еще во времена постройки Саломонова храма и съ большимъ вѣроятіемъ въ VI в. по Р. Х. (см. „Tableau des compagnonages, dressé à Lyon par les compagnons passants du devoir" отъ 18 мая 1807 года. *Paul Boujier*, стр. 100), всѣ остальныя товарищества возводятъ свое происхожденіе не раньше, какъ къ 1330, 1407, 1409 и 1410 годамъ.

***) См., наприм., *Statuts des faiseurs de cordes à Toulouse* 1633. „Si aucung compagnon venait de pays etranger et qu'aucung desdits maistres n'aye moyen de luy

Въ первой половинѣ XVI столѣтія рабочія товарищества уже кажутся правительству настолько опасными для общественнаго спокойствія, что эдиктомъ 1539 года Франциск'I запрещаетъ лицамъ, занятымъ строительнымъ дѣломъ, и въ томъ числѣ каменщикамъ, всякія сходбища и собранія. Въ серединѣ XVIII столѣтія compagnonages оказываютъ рабочимъ тѣ самыя услуги, какія въ наши дни приносятъ имъ англійскія trades-unions. Въ 1716 году, напримѣръ, они стоятъ во главѣ стачки, устроенной въ Аббевиллѣ на суконной фабрикѣ ванъ-Робэ. Хозяинъ, въ виду безработицы, рѣшился отпустить часть служащихъ. Фабричные отвѣчали на это пріостановкой работы. Тщетнымъ оказалось посредничество мэра и интенданта.

«Я счелъ нужнымъ, пишетъ послѣдній, убѣдиться лично въ настроеніи умовъ между ткачами. Я надѣялся расторгнуть возникшій въ ихъ средѣ союзъ; съ этою цѣлью я призвалъ къ себѣ вожаковъ бунта, но вмѣсто нихъ явилось все рабочее населеніе». Попытка арестовать отдѣльныхъ фабричныхъ, осмѣлившихся сказать въ лицо начальству, что они несогласны работать иначе, какъ при общемъ участіи всѣхъ, не повело къ ожидаемому результату, и интенданту пришлось положиться, какъ онъ самъ сознается, исключительно на вліяніе голода *). Въ слѣдующемъ году подобная же стачка повторилась въ Аміенѣ, съ цѣлью принудить хозяевъ къ увеличенію заработной платы. Вожаки движенія обошли всѣхъ рабочихъ, убѣждая ихъ къ пріостановкѣ труда. Правительство прибѣгнуло къ военной силѣ, произвело аресты и открыло судебное преслѣдованіе **).

Стачки ***) повторяются одна за другой: на бумажныхъ фабрикахъ Дофине въ 1724 г., между суконщиками Аміена въ 1727 г. и шелковыми ткачами Ліона въ 1744 г. ****).

---

fournir de la besoigne pour travailler, il lui sera donné 10 sols pour la passade entre tous les maitres. Plus que les compagnons bayles seront tenus conduire les compagnons nécessiteux pour les boutiques des maistres du dit estat, pour voir s'ils ont besoing de burs services; et à faulte de leur trouver besoigne, demander *la passade* à tous les compagnons qui seront dans les dites boutiques". *Du Bourg*, стр. 194. Подобныя же постановленія содержатъ въ себѣ старинные статуты сѣдельщиковъ и чулочниковъ въ Бордо. См. *Levasseur:* „La France industrielle en 1789". Paris, 1865. стр. 87. Эта монографія вошла цѣликомъ въ III томъ *Histoire des classes ouvrières en France.*

*) „Il n'y a qu'un moyen de faire revenir ces mutins, c'est de les prendre par la famine, car c'est proprement la fable de la revolte des membres contre l'estomac, et ces malheureus, n'ayant pas d'autres moyens de subsister viendront certainement demander grâce pour qu'on leur en donne". *Lettre de Berruage au Duc de Noailles* 27 июня 1616 г. См. *Une grève sous la régence* par Albert Babeau. *Revue internationale de Sociologie*, dirigée par Renée Worms, № 1, стр. 21.

**) Ibid., стр. 23.

***) Levasseur упоминаетъ о стачкахъ рабочихъ еще въ XVII вѣкѣ и въ частности о стачкахъ суконщиковъ Дарнеталя и льняныхъ ткачей—Кана въ Нормандіи (т. I, стр. 318 и 319).

****) См. *La question des grèves sous l'ancien régime.* Une grève de Lyon en 17[illegible], par Pierre Bonnassieut. Paris, 1882 г., стр. 9.

Изъ нихъ особенно характерной является послѣдняя. Болѣе 20,000 человѣкъ принимаютъ въ ней участіе. Женщины играютъ роль если не зачинщиковъ, то главныхъ представителей. Примѣру ткачей скоро слѣдуютъ и другіе рабочіе, красильщики, чулочники, плотники, носильщики. Всюду слѣдуетъ пріостановка работы, наложеніе штрафовъ на тѣхъ, кто рѣшится продолжить ее, шествіе толпы по улицамъ съ палками въ рукахъ, принужденіе городскихъ властей, интенданта и предпринимателей своими подписями утвердить новые регламенты взамѣнъ прежнихъ, одиночные акты насилія по адресу особенно ненавистныхъ хозяевъ, задержаніе ихъ подъ арестомъ и т. п. *).

Не располагая достаточными средствами репрессіи, власти прибѣгаютъ къ хитрости. Они соглашаются на требованія рабочихъ, но только съ тѣмъ, чтобы нарушить ихъ ближайшимъ образомъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы пріостановить броженіе 15—20 тысячъ человѣкъ, пишетъ тотъ же интендантъ. Это немыслимо, пока королевскій совѣтъ не издастъ постановленія, отвѣчающаго требованіямъ рабочихъ. Потомъ можно будетъ наказать ихъ, какъ они того заслуживаютъ **). И дѣйствительно, по прошествіи шести мѣсяцевъ, правительство не только отмѣняетъ принятыя прежде рѣшенія, но занимаетъ Ліонъ войсками, отдаетъ участниковъ стачки на судъ Монетнаго двора (Cour des monnaies de Lyon), который приговариваетъ однихъ къ пыткѣ и повѣшенію, другихъ къ галерамъ со срокомъ и безъ срока ***).

Наконецъ, изданная вслѣдъ за побѣдою въ Фонтенуа амнистія налагаетъ печать забвенія на все происшедшее.

Это не мѣшаетъ, однако, повторенію въ Ліонѣ новыхъ стачекъ въ 1752, 1778 и 1786 годахъ ****).

Однохарактерныя явленія повторяются и въ другихъ городахъ Франціи. Къ стачкѣ прибѣгаютъ также въ 1748 году рабочіе, занятые изготовленіемъ аркебузъ въ Парижѣ. На этотъ разъ вопросъ идетъ о томъ, чтобы принудить хозяевъ замѣнить поденную плату поштучной. Дѣло поручено разбирательству «лейтенанта полиціи» (lieutenant de police), который высказывается противъ рабочихъ, объявляя, что поштучная плата имѣетъ то неудобство, что при ней фабричные, занятые исключительно мыслью о большемъ заработкѣ, пренебрегутъ неизбѣжно качествомъ товара *****).

Страхъ рабочихъ товариществъ заставляетъ городскія власти Тулузы запретить «плотникамъ всякаго рода сходки свыше трехъ человѣкъ какъ

*) Интендантъ пишетъ 7 августа 1744 г.: „Ils n'ont ni pillé, ni tué, mais ils ont extorqué par la force de M-r le prévôt des marchands une ordonnance que je vous envoie, dictée par eux-mêmes et ou ils ont voulu ensuite mon attache que je n'ai pu refuser" (Ibid., стр. 29).

**) Ibid., стр. 31.

***) Стр. 46 и слѣд.

****) Ibid., стр. 50.

*****) Sentence de M. le lieutenant général de police qui ordonne l'éxécution de la déliberation prise par la communauté des maitres Arquebusiers de Paris du 18 novembre 1750.

днемъ, такъ и ночью» *). Въ 1743 г. бретанскій парламентъ запрещаетъ мастерамъ пріемъ на службу рабочихъ, состоящихъ членами подобнаго рода compagnonages. Тѣ, которые записаны въ число товарищей, могутъ сохранить мѣсто только подъ условіемъ немедленнаго выхода изъ ихъ среды.

И парижскій парламентъ принимаетъ въ 1778 году подобное же рѣшеніе. Приговоромъ 12 ноября онъ запрещаетъ всякія ассоціаціи и всякаго рода сборища между рабочими, а также ношеніе ими палокъ и оружія. Кабатчикамъ и трактирщикамъ вмѣняется въ обязанность не допускать никакихъ сходбищъ между такъ называемыми «Compagnons du Devoir» **). Въ 1783 году плотники Тулузы, жалуясь на ассоціаціи рабочихъ (Compagnons «Du Devoir» et «Gavots»), слѣдующимъ образомъ описываютъ дѣйствія ихъ членовъ: «Они бродятъ изъ города въ городъ, сходятся въ числѣ ста и болѣе человѣкъ, пренебрегаютъ запретами мастеровъ, собираются въ монастырскихъ часовняхъ и здѣсь принимаютъ мѣры, клонящіяся къ опредѣленію величины заработной платы, числа рабочихъ часовъ, количества и качества пищи и т. п. Они стараются отнять рабочихъ у хозяевъ, заслуживающихъ ихъ нерасположеніе, и съ этою цѣлью нерѣдко толпою покидаютъ городъ, оставляя немногихъ уполномоченныхъ, которымъ и поручается разгонять всѣхъ, кто явится на работу» ***).

Читая эти заявленія, думаешь имѣть передъ собою отчетъ о какой-нибудь современной рабочей стачкѣ,—такъ много общаго въ планѣ дѣйствій и средствъ принужденія представляютъ эти рабочія движенія XVIII вѣка съ тѣми, которыхъ мы являемся столь частыми свидѣтелями.

Особенность XVIII вѣка составляетъ отношеніе правительства и цехового начальства къ этимъ попыткамъ солидарной оппозиціи. Современное законодательство допустило свободу стачекъ ****), но оно сдѣлало это весьма недавно и далеко не вполнѣ. На моихъ глазахъ отмѣнено въ Англіи уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, пустившихъ въ ходъ силу убѣжденія съ цѣлью привлечь къ стачкѣ тѣхъ, кто стоитъ отъ нея въ сторонѣ (такъ называемые picketing). Сто лѣтъ назадъ всякая попытка соединить рабочихъ въ одномъ рѣшеніи считалась преступленіемъ. Она давала поводъ къ обжалованію со стороны мастеровъ, къ судебному преслѣдованію передъ

---

*) „Que la prétendue confrérie dite du Devoir, celle des Gavots et toute autre association sous telle dénomination que ce puisse être, soient abolies parmi les compagnons menuisiers, avec défense de se dire du Devoir ou Gavots, de tenir aucune assemblée générale ou particulière dans la ville ou la banlieue, sous prétexte de confrérie, association, cérémonie, affaires communes, embauchage ou sous tel autre prétexte que ce soit... Défense à tous les aubergistes et cabaretiers et autres personnes de les recevoir en plus grand nombre de trois, recevoir des lettres sous l'adresse au père et à la mère des compagnons du Davoir ou Gavots à peine de 300 livres d'amende" (Statuts des tailleurs de 1738). *Du Bourg*, стр. 208.

**) *Simon:* „Etude sur le compagnonage", стр. 47.

***) *Du Bourg*, стр. 204.

****) Во Франціи законъ 25 мая 1864 года (loi Olivier) дозволилъ устройство какъ одинаково рабочимъ и предпринимателямъ.

городскими властями и парламентами, къ отправленію войскъ на мѣсто дѣйствій и расторженію сходокъ силою. Мало того, она оправдывала принятіе властями и предупредительныхъ мѣръ противъ рабочихъ союзовъ, какъ-то: запрещеніе всякихъ сборищъ на площадяхъ и въ трактирахъ, установленіе обязательной для всѣхъ мастеровъ заработной платы, отказъ въ наймѣ лицамъ, не отпущеннымъ ихъ прежними хозяевами, передачу дѣла вербовки рабочихъ въ руки особыхъ агентовъ, установленіе рабочихъ книжекъ и т. п.

Всему этому можно найти многочисленныя иллюстраціи въ промышленныхъ регламентахъ и цеховыхъ статутахъ.

Въ Парижѣ никто не вправѣ былъ покинуть хозяина, не предупредивши его за мѣсяцъ, два или, по меньшей мѣрѣ, одну недѣлю до срока *). Полиція строго преслѣдовала всѣхъ, кто самовольно покидалъ хозяина. Кто въ теченіе трехъ дней не показывался ему на глаза, подлежалъ задержанію въ тюрьмѣ Шателе. По окончаніи слѣдствія его изгоняли изъ Парижа съ запрещеніемъ возвращаться въ столицу ранѣе трехъ лѣтъ **). Кто не можетъ удостовѣрить своей свободы отъ прежнихъ обязательствъ, съ трудомъ находитъ заработокъ.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка парижская полиція запрещаетъ давать пріютъ и пищу всякому, кто не можетъ представить аттестата (certificat), удостовѣряющаго его доброе поведеніе и согласіе хозяина на пріисканіе службы на сторонѣ. Для лицъ, не имѣющихъ такого аттестата,—говоритъ генеральный лейтенантъ полиціи,—единственнымъ жилищемъ можетъ быть тюрьма ***).

Правда, многіе изъ цеховыхъ статутовъ вмѣняютъ еще въ обязанность присяжнымъ старшинамъ (jurés) слѣдить за тѣмъ, чтобы мастера не задерживали рабочихъ дольше условленнаго между ними времени ****); но, съ другой стороны, подъ страхомъ наказанія запрещалось нанимать не отслужившихъ срока рабочихъ или переманивать ихъ у хозяевъ. Во многихъ тулузскихъ ремеслахъ установилась въ XVIII вѣкѣ даже особая практика вербовать рабочихъ не иначе, какъ чрезъ посредство особыхъ агентовъ (mandes), которые вели списки всѣмъ ищущимъ занятія съ обозначеніемъ ихъ мѣста рожденія и имени прежнихъ хозяевъ *****). Окончательная расплата

*) Statuts des drapiers d'or 1667, ст. 3; Statuts des éventaillistes 1677, ст. 12; St. des menuisiers 1743, ст. 91; St. des boulangers 1746, ст. 46; Statuts des imprimeurs libraires 1686, ст. 36 и т. д. (*Franklin*, стр. 114). Хозяинъ также обязанъ былъ предупредить рабочаго, за нѣсколько дней до срока, о нежеланіи держать его долѣе въ своемъ услуженіи (ст. 115).

**) Statuts des cordonniers 1614, ст. 24; des horlogers 1646 г., ст. 5; des savetiers 1659 г., ст. 25 и др.

*) Sentence des police du 31 octobre 1739.

*) Statuts des horlogers de Toulouse 1755 г. „Vielleront les gardes jurés à ce que les maistres ne refusent injustement le congé aux garçons et compagnons" (*Du Borg*, стр. 196).

**) Statuts des tailleurs de 1738. „Que le mande du corps sera tenu d'avoir un re-

не должна была происходить иначе, какъ съ вѣдома «mandes». Это давало имъ возможность наблюдать за точнымъ исполненіемъ рабочими и хозяевами принятыхъ ими обязательствъ *). Хозяева должны были отмѣчать въ особыхъ книжкахъ (livrets) данные ими задатки, число часовъ и дней, проведенныхъ рабочими въ отпуску, и т. п. Въ серединѣ столѣтія правительство сочло нужнымъ регулировать порядокъ найма и отпуска служащихъ общею мѣрой. Эдиктомъ 2 января 1749 года оно предписало выдачу хозяевами письменныхъ удостовѣреній объ окончаніи срока найма (такъ называемыхъ billets de congé), а эдиктомъ 1781 года предписано рабочимъ держать при себѣ рабочія книги (livrets), удостовѣряющія срокъ поступленія на службу, ея продолжительность, выговоренное жалованье, величину задатковъ и т. п. **).

Разрывъ прежней солидарности сказался и въ прекращеніи совмѣстной жизни подмастерьевъ съ хозяевами, и въ упадкѣ тѣхъ статутовъ, которыми регулировалось число рабочихъ часовъ и нормальный размѣръ заработной платы.

Правда, какъ общее правило, цехамъ, попрежнему, запрещали ночной трудъ ***), но по соображеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ гуманностью: изъ страха пожаровъ, изъ желанія обезпечить возможность безмятежнаго сна сосѣдямъ и добраго качества выдѣлываемыхъ мануфактуратовъ. Во многихъ ремеслахъ ночной трудъ фактически былъ допущенъ. Иначе немыслима была бы та 17-ти и 18-ти часовая работа, на которую жаловались наканунѣ революціи жители Ліона ****). Обнаруженное многими цехами стремленіе установить общеобязательный размѣръ заработной платы *****) свидѣтельствовало не о преданности средневѣковому идеалу: оно происходило отъ сознанія, что свободная конкурренція неминуемо поведетъ къ увеличенію денежныхъ требованій трудящагося люда, въ виду быстраго возвышенія цѣнъ на припасы. Она внушена была также страхомъ рабочихъ товариществъ, желаніемъ устранить ихъ вмѣшательство въ отношенія мастеровъ и подмастерьевъ. Эти попытки установить общеобязательный

---

gistre, sur lequel sera écrit d'un côté le nom, surnom et pays des garçons, qui se présenteront et chez quel maistre le mande les placera, et de l'autre côté du régistre — le jours, et l'heure, le nom du maistre tailleur qui luy aura demandé des garçons..." (*Du Bourg*, стр. 206).

*) „Pour que le mande puisse connaître quels sont les garçons qui sont sans maistres... Aucun maistre ne pourra payer entièrement son garçon, lorsqu'il voudra le quitter, qu'il ne luy ait porté le cartel ou cachet du mande" (Statuts des tailleurs de 1738. Ibid., стр. 207). Каждый хозяинъ обязанъ былъ, сверхъ того, „tenir un livret visé et paraphé des gardes jurés, sur lequel seront inscrits les noms, surnoms, entrées et sorties des compagnons qu'il occupera" (ibid., стр. 209). Однохарактерныя постановленія приняты были впослѣдствіи и другими цехами Тулузы.

**) *Jaeger:* „Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich", стр. 484.

***) *Franklin*, стр. 141.

****) *Levasseur:* „Histoire des classes ouvrières", т. III, стр. 18 и 76.

*****) Arrêté des chapeliers de Toulouse, 28 avril 1693 — aucun maistre ne pourra donnez plus de 6 sols par jour de travail à peine de 10 livres (*Du Bourg*, стр. 2[illegible]5).

масштабъ вознагражденія не возобновляются болѣе съ середины XVIII столѣтія. Причину тому надо видѣть въ измѣнчивости хлѣбныхъ цѣнъ и ихъ постоянномъ ростѣ, а также въ успѣшныхъ усиліяхъ «товариществъ» и руководимыхъ ими стачекъ повысить заработную плату. Въ жалобахъ на имя городскихъ властей мастера не разъ упоминаютъ о томъ, что рабочіе «грозятъ покинуть мастерскія, пока не будетъ увеличена ихъ плата и количество отпускаемой имъ пищи» *). Они настаиваютъ на томъ, что устроенные въ ихъ средѣ «compagnonages» присвоиваютъ себѣ право установлять размѣръ вознагражденія, число рабочихъ часовъ и т. п. **). Кто изъ рабочихъ не хочетъ подчиниться ихъ требованіямъ, того они бьютъ, преслѣдуютъ и выгоняютъ изъ города (battent, excédent, maltraitent et mesme obligent à quitter la ville et les chassent d'icelle) ***). Хозяевъ, отказывающихся принять предписанныя имъ условія, рабочіе нерѣдко покидаютъ толпою, удаляя, въ то же время, силою отъ ихъ мастерскихъ всякаго, кто желалъ бы занять ихъ мѣсто *). То же происходитъ и въ столицѣ, гдѣ, по словамъ Мерсье, рабочіе «предписываютъ законъ хозяевамъ и вступаютъ въ союзы съ цѣлью совмѣстнаго противодѣйствія» **).

Несмотря на всѣ эти усилія, заработная плата остается весьма низкой. Правда, абсолютно размѣръ ея увеличился, но такъ какъ цѣны на припасы возросли въ большей еще прогрессіи, то трудящемуся люду въ Ліонѣ, «напримѣръ, приходится довольствоваться ничтожнымъ вознагражденіемъ» и пребывать, благодаря этому, въ «крайней нищетѣ» (misère extrême), живя отчасти на счетъ общественной благотворительности ***).

Въ Парижѣ, гдѣ заработная плата достигла 20 и даже 40 су въ день, мастеровые, по сознанію самихъ хозяевъ, жили въ 1789 году хуже, чѣмъ на 15 су полвѣка назадъ ****). Въ Шателіеро «они питаются хлѣбомъ и

---

*) „Refusent de rentrer dans leurs ateliers, si les maitres ne consentaient à augmenter le prix de la journée de travail et le nombre de leurs repas“ (*Du Bourg*, стр. 202).

**) „Les compagnons affectent de se rendre maîtres du prix des conditions, des heures du travail, de la quantité et qualité des aliments et de privor de compagnon, les maitres qui leur déplaisent (*Requête des menuisiers de Toulouse*, janvier 1783, ibid., стр. 204).

***) *Du Bourg*, стр. 202.

*) Requête de janvier 1783.

**) „Les maîtres se plaignent de ce que leurs ouvriers leur font la loi et se coalisent pour leur résister“ (*Mercier*: „Tableau de Paris“, приведено у Babeau, Paris en 1789, стр. 495).

***) Lyon de 1778 à 1788 (*Bibl. Cyonnaise Centenaire de 1789*), стр. 107. L'ouvrier se contente d'un léger bénéfice. Cahier de la sénéchaussée de Lyon говоритъ объ extrême misère de nos ouvriers. См. *Levasseur*, т. III, стр. 63.

**) *Al. Tuetay:* „Répertoire général des sources ms. de l'histoire de Paris pendant la Révolution“, 1890, v. I, стр. XXI. Affaire Réveillon. Réveillon, parlant dans une assemblée des malheurs pablies, aurait dit qu'il était obligé de donner 40 sols par jour à ses ouvriers et qu'ils vivaient moins bien qu'avec les 15 sols, qu'il donnait autrefois (lettre du marquis de Sallery à M-r de Savigny).

мучною похлебкой и пьютъ воду». Въ Нимѣ ихъ положеніе такъ не обезпечено, что со дня на день они могутъ впасть въ нищету. Говоря о посѣщеніи имъ тулонскихъ тюремъ въ 1783 году, президентъ парламента Du Paty замѣчаетъ, что положеніе сосланныхъ на галеры отнюдь не хуже того, въ какомъ находится рабочій людъ. «Страшно сознаться,—пишетъ онъ,—милліоны французовъ живутъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, кто сосланъ на галеры: здѣсь, по крайней мѣрѣ, жизнь обезпечена».

Въ приведенномъ отрывкѣ затронута одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ того новаго экономическаго строя, отъ котораго не спасли Францію прошлаго вѣка и уцѣлѣвшіе въ ея средѣ цехи.

Подъ покровомъ цехового устройства, повидимому, отрицающаго конкурренцію, постепенно развились благопріятные ей порядки. Одно изъ главныхъ преимуществъ средневѣковаго цехового хозяйства была обезпеченность трудящагося люда отъ безработицы и голода. Это преимущество совершенно исчезло къ началу революціи. «Четвертая часть Парижа,—пишетъ въ 1781 году Мерсье,—не имѣетъ увѣренности въ томъ, что трудъ дастъ ей возможность просуществовать въ теченіе ближайшаго дня» *). При вздорожаніи сырья или паденіи цѣнъ на мануфактураты, хозяева спѣшатъ распустить рабочихъ, оставляя ихъ на произволъ судьбы. Такъ поступилъ, какъ мы видѣли, Ven Robais въ 1716 году, въ Абевилѣ, и то же замышляли въ 1787 г. ліонскіе фабриканты, въ виду недостаточной выручки шолковаго сырца въ Пьемонтѣ и Италіи **).

Такимъ образомъ разлагалась и падала вѣками существовавшая система имущественной солидарности рабочихъ и предпринимателей. Обрабатывающая промышленность переживала этотъ кризисъ одновременно и бокъ-о-бокъ съ земледѣліемъ. Послѣдствіемъ этихъ кризисовъ было разрушеніе средневѣкового хозяйственнаго строя и его юридической надстройки: городской рабочій или подмастерье въ такой же мѣрѣ переставъ быть младшимъ товарищемъ мастера, въ какой сельскій батракъ съ владѣльцемъ помѣщика. Отсюда такой же упадокъ цехового устройства, какъ и сеньоріальнаго права. Отсюда торжество добровольнаго соглашенія надъ установившимся обычаемъ и наслѣдственностью. Отсюда неизбѣжное наступленіе той «эры экономической свободы», которую физіократы впервые провозглашаютъ вѣнцомъ политической мудрости какъ для частныхъ лицъ, такъ и для правительствъ.

Безъ внимательнаго отношенія къ только что описаннымъ увлеченіямъ нельзя понять, почему проповѣдь «laissez faire — laissez passer» сразу встрѣтила дружный отзвукъ въ обществѣ.

Современники нашли въ ученіи Кэне отвѣтъ на самые жгучіе для нихъ вопросы: замѣна обычая соглашеніемъ знаменовала одновременно тор-

*) *Tableau de Paris*, t. II. Hamburg et Neufchatel, 1781, стр. 82.

**) Bibliothèque lyonnaise Centenaire de 1789. A la veille de la Révolution I[illegible] de 1778 à 1788. *Metzger et Vaesen:* „Proclamation du prévôt des marchands et é[illegible]vens de Lyon du 19 Juillet 1787".

ство и фермерской системы надъ вѣчно-наслѣдственною арендой, и ремесленной свободы надъ монополіей.

Эта побѣда была встрѣчена тѣмъ сочувственнѣе, что помѣстье и цехъ перестали быть оплотомъ трудящагося люда отъ безземелья и безработицы. Народныя массы не были заинтересованы даже въ ихъ сохраненіи. Есть основаніе думать, что и владѣтельные классы, какъ цѣлое, могли найти большую выгоду въ шедшихъ имъ на смѣну порядкахъ.

Мы видѣли уже, что личный интересъ побуждалъ помѣщиковъ сокращать районъ надѣльныхъ земель, оказывать предпочтеніе краткосрочной арендѣ надъ наслѣдственной и пришедшимъ со стороны фермерамъ-капиталистамъ надъ крестьянами-пролетаріями.

Что искусные въ своемъ дѣлѣ и сколько-нибудь изобрѣтательные ремесленники должны были страдать отъ стѣсненій, какія цеховые регламенты ставили на пути къ упрощенію и усовершенствованію порядковъ производства, могло бы быть допущено и безъ доказательствъ, но на отсутствіе ихъ нельзя пожаловаться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не сказаннымъ, объясняется фактъ скопленія лучшихъ мастеровъ въ такихъ мѣстностяхъ и кварталахъ, въ которыхъ допущена была свобода промышленной дѣятельности? Въ одномъ Парижѣ число ихъ возростало съ каждымъ поколѣніемъ и не въ силу однихъ правительственныхъ пожалованій, но и благодаря незаконному присвоенію, узурпаціи непринадлежащихъ имъ вольностей сотнями людей, неспособныхъ затѣмъ оправдать своихъ притязаній *).

Свобода труда существовала, такимъ образомъ, на правахъ исключенія и до отмѣны цеховыхъ порядковъ. Въ Парижѣ каждый, не проходя срока ученичества, не представляя образцовой работы и не платя ничего за званіе мастера, могъ открыть ремесленное заведеніе въ погостѣ Notre-Dame, во дворѣ Saint-Benoit и принадлежащаго герцогу Конте дворца Temple (старинная резиденція ордена Тампліеровъ). Онъ могъ также установить свою мастерскую въ предѣлахъ монастырскихъ обителей—Сенъ-Жермена де-Пре, Сенъ-Мартена, Сенъ-Дени, Сенъ-Жанъ-де-Латранъ, Кинзъ-вентъ, Тринитэ, во всемъ кварталѣ Сенъ-Антуанъ, въ галлереяхъ Лувра, въ дворцахъ всѣхъ и каждаго изъ принцевъ крови **).

Такія же свободные отъ цеховыхъ стѣсненій кварталы, улицы и обители существовали и въ провинціальныхъ городахъ, наприм., въ Тулузѣ ***). Тщетно цеховые старшины стараются парализовать эту конкурренцію сво-

---

*) Въ одной изъ рукописей Національной Библіотеки Парижа (ms. fr. 21, 792) и иведены любопытныя данныя на счетъ наряженнаго въ 1717 г. слѣдствія надъ з ersonnes qui prétendent avoir des privilèges ou affranchissement de maîtrises". Не з ію „привилегированныхъ мѣстъ" (lieux privilégiés) признаны были по этому слу ч о неоправдавшими своихъ притязаній и соотвѣтственно лишились своихъ вольно с й, стр. 235.

**) Ibid, стр. 231.

*) *Du Bourg.*

бодной промышленности, запрещая сбыть ея продуктовъ внѣ пользующихся привилегіями мѣсть *). Тщетно также муниципальныя власти налагаютъ денежныя пени на мастера, вздумавшаго отправлять ремесло въ этихъ кварталахъ. Законодательство и судебная практика принимаютъ сторону «свободной промышленности» въ интересахъ, какъ они говорятъ, «прогресса производства». Сами организованные въ цехи ремесленники спѣшатъ доказать своимъ примѣромъ всѣ неудобства той суровой регламентаціи, какой обставлена ихъ дѣятельность. Они нанимаютъ рабочихъ, не успѣвшихъ отслужить положеннаго срока, сманиваютъ ихъ у товарищей обѣщаніемъ высшаго жалованья и т. п. **).

Когда Тюрго рѣшается поднять руку на цеховые порядки, въ защиту ихъ не высказывается другихъ соображеній, кромѣ тѣхъ, что всякая собственность должна быть священна, что незнающіе подчиненія рабочіе представляютъ серьезную политическую опасность и что качество мануфактуратовъ можетъ пострадать отъ недостатка надзора. Никто не рѣшается утверждать, что сохраненіе цеховъ необходимо въ интересахъ рабочихъ массъ или что ихъ отмѣна парализуетъ предпріимчивость капиталистовъ ***).

Этого подъема «частныхъ интересовъ» еще недостаточно, чтобы затормазить реформу. Вслѣдъ за отставкой Тюрго, цехи болѣе или менѣе возстановлены, но только для того, чтобы пасть снова подъ ударами Конституанты. И на этотъ разъ ихъ судьба такъ же мало вызываетъ сочувствіе народныхъ массъ, какъ и судьба отмѣненной тѣмъ же собраніемъ сеньоріальной системы. Защитники стараго порядка пытаются, правда, представить дѣло въ такомъ видѣ, будто въ удержаніи цеховъ заинтересованы всѣ трудящіеся, но ихъ навѣты не находятъ откликовъ въ населеніи. Представленные Конституантѣ протесты почти всѣ исходятъ отъ мастеровъ. Въ наказахъ избирателей, наоборотъ, или высказывается желаніе, чтобы свобода труда была признана законодательствомъ, или хранится упорное молчаніе о будущей судьбѣ цеховъ.

Масса потребителей, очевидно, ничего не теряла съ отмѣной порядковъ, при которыхъ, какъ говоритъ Мерсье, «женщина, позволившая себѣ въ церковный праздникъ украсить грудь розами, присуждалась къ штрафу, а

*) *Monin*: „L'état de Paris en 1789“, стр. 452. La déclaration du 19 décembre 1776: „Les franchises dont ont joui jusqu'à présent les artisans et ouvriers habitant le faubourg Saint-Antoine ont été resserées par des gênes non moins préjudiciables à la liberté et au progrèss du commerce qu'à leurs intérêts. Les marchandises, fabriquées dans l'étendue du dit faubourg, ne pouvaient être transportées dans l'intérieur de la dite ville, sans être exposées à des saisies que les droits attribués aux corps et communautés d'arts et métier les autorisaient à faire“.

**) *Franclin*, стр. 234.

***) *Monin*: „L'état de Paris en 1789“, ordonnance de police du 8 mai 1786 (стр. 457). Ordonnance de police 30 mars 1787 (стр. 458).

****) См. рѣчь генеральнаго адвоката Сечье 12 марта 1776 г. Она приведена у извлеченіи *Jaeger*'омъ: „Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich“.

мужчина въ башмакахъ съ заплатой лишался обуви,— и все это по волѣ короля и правосудія» *).

Считаясь съ тѣмъ фактомъ, что наказы скорѣе благопріятны, чѣмъ враждебны, отмѣной цеховъ тулузскіе «arts et métiers» пытаются убѣдить короля и собраніе въ томъ, что избирателями, а слѣдовательно и составителями были лица, далекія отъ всякихъ ремеслъ.

Этого сознанія для насъ достаточно: оно доказываетъ, и какъ нельзя лучше, что за цеховое устройство высказались только тѣ, чьи интересы непосредственно были задѣты его отмѣной. Въ этомъ положеніи очутились, наприм., «мастера-парикмахеры», настаивавшіе въ Парижѣ на томъ, что существованіе бокъ-о-бокъ съ ними свободныхъ цирульниковъ «dans tout les endroits privilégiés» ставитъ ихъ въ невозможность жить, какъ слѣдуетъ, и платить исправно причитающіеся съ нихъ налоги **), цвѣточницы, увѣрявшія, что, при свободной конкурренціи, приходится понижать цѣну за букеты, что доводитъ ихъ до крайней бѣдности, продавцы фруктовъ и въ частности апельсиновъ, настаивавшіе на томъ, что, при отсутствіи корпоративнаго устройства ремеслъ, не остается другого выхода, кромѣ разоренія или обмана ***).

Тулузскіе цехи также не въ силахъ привести въ свою пользу другихъ мотивовъ, кромѣ того, что «разъ установится свобода труда, мастера, затратившіе время и состояніе на образованіе добрыхъ рабочихъ, впадутъ неизбѣжно въ крайнюю бѣдность». Отъ этого до утвержденія, что три милліона подданныхъ заинтересованы въ сохраненіи существующихъ порядковъ промышленности, еще далеко. Если въ петиціи къ королю мастера и позволяютъ себѣ такое заявленіе, то только потому, что произвольно обобщаютъ свои интересы съ интересами рабочихъ. Вѣрнѣе передаетъ ихъ сокровенную мысль слѣдующая фраза: «Подданные вашего величества сдѣлаются жертвою рабочихъ, не имѣющихъ опыта, добрыхъ нравовъ или даже обыкновенной честности. Вѣдь, всякій молодой человѣкъ предпочтетъ званію ученика положеніе мастера и хозяина» ****).

Руководящимъ мотивомъ является, такимъ образомъ, защита собственнаго кошелька, желаніе обезопасить себя отъ разоренія, какимъ грозитъ отмѣна доходной монополіи, страхъ, что послѣдствіемъ конкурренціи будетъ паденіе цѣнъ, а соотвѣтственно и заработковъ.

Паденіе цехового устройства потому уже не можетъ считаться исходнымъ моментомъ въ развитіи пролетаріата, что послѣдній существовалъ издревле въ лицѣ не имѣвшихъ корпоративнаго устройства «gros ouvriers» и обыкновенныхъ поденщиковъ. Ихъ въ одномъ Парижѣ насчитывали сотни тысячъ. Мерсье слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ бытъ. Они

*) *Tableau de Paris*, t. II, стр. 156.

*) Mémoire de maître perruquiers. *Chassin:* „Les élections et cahiers de Paris", t. , p. 531.

**) Ibid., стр. 540.

***) *Du Bourg*, стр. 228.

живутъ, по преимуществу, въ предмѣстьяхъ и, въ особенности, въ Сенъ-Марсель. Цѣлая семья занимаетъ одну комнату и мѣняетъ помѣщеніе каждые три мѣсяца за невозможностью уплатить за квартиру. Дѣти остаются цѣлый день полунагими и спятъ безъ различія пола на одной постели. Отцы и матери не знаютъ другой обуви, кромѣ деревянныхъ «sabots» *). Нигдѣ простой народъ, прибавляетъ Мерсье, не находитъ такого скуднаго и дорогого пропитанія, какъ въ Парижѣ **).

Не имѣя средствъ дѣлать запасы, онъ изо дня въ день покупаетъ нужное ему у мелочного торговца, который, по меньшей мѣрѣ, на треть повышаетъ цѣну провизіи. Даже вино пріобрѣтается не оптомъ, а въ розницу у кабатчика, который отпускаетъ, что есть у него худшаго, да и то по возвышенной цѣнѣ. Фунтъ соли оплачивается тринадцатью су, но и эта невѣроятная цѣна не мѣшаетъ тому, что въ соли сплошь и рядомъ встрѣчается примѣсь всякаго сора. Откупщики, заставляя лавочника покупать у нихъ соль по 13 су фунтъ, тѣмъ самымъ ставятъ его въ необходимость фальсифицировать ее съ цѣлью обезпечить себѣ нѣкоторую прибыль.

Какъ общее правило, трудящійся людъ не получаетъ достаточной платы, особенно если принять во вниманіе дороговизну столичной жизни. Это обстоятельство и заставляетъ многихъ прибѣгать къ нищенству, такъ сказать, изъ отчаянія, изъ сознанія, что они мучаютъ себя попустому. Любой путешественникъ готовъ будетъ признать, что нигдѣ, какъ въ Парижѣ, народъ не трудится болѣе и не живетъ хуже ***). Объясняя нѣсколько далѣе причину народной нищеты, Мерсье говоритъ о жестокосердіи, съ какимъ хозяева стараются понизить заработную плату ****), о препятствіяхъ, какія предпріимчивость находитъ въ цеховыхъ стѣсненіяхъ, о множествѣ падающихъ на трудящійся людъ налоговъ, о чрезмѣрномъ возростаніи цѣнъ на припасы, о препятствіяхъ, какія рабочій встрѣчаетъ при своемъ перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто, и т. п. *****).

Трудно опредѣлить съ точностью число лицъ, къ которымъ приложима только что приведенная характеристика. Мерсье считаетъ, что четвертая часть населенія столицы состоитъ изъ пролетаріевъ. По его вычисленіямъ, Парижъ имѣетъ около 900,000 жителей, но оцѣнка эта признавалась преувеличенной еще въ его время. Бабо не считаетъ возможнымъ приписать Парижу конца XVIII вѣка населеніе свыше 600,000. Но, отправляясь даже отъ его вычисленій, приходишь къ тому выводу, что около 150,000 чело-

---

*) *Tableau de Paris*, т. I, стр. 128.

**) „Cette malheureuse portion (la partie indigente des habitants de la capitale) acl e les denrées beaucoup plus cher et n'a que le rebut des autres citoyens... Tout augme e d'un tiers au moins pour cette classe infortunée, qui est obligée d'avoir recours e petits marchands qui revendent en détail ce qu'ils ont déjà acheté en détail" (*Mer* v. II, p. 65).

***) Ibid., стр. 70.

****) „La dureté insolente du riche qui marchande la sueur et la vie du manouv

*****) Ibid., стр. 74.

вѣкъ находились въ положеніи настолько необезпеченномъ, что малѣйшее возростаніе цѣнъ на припасы, забастовка въ производствѣ или даже простое сокращеніе его размѣровъ неминуемо ставили ихъ на порогѣ нищеты. Современники сходятся въ признаніи, что число парижскихъ пролетаріевъ было не меньше 150,000. Эта именно цифра указана авторомъ памфлета, озаглавленнаго *Петиція парижскихъ рабочихъ и ремесленниковъ* *). Разумѣется, не всѣ въ этомъ числѣ терпѣли одинаковую нужду. Но уже то обстоятельство, что число лицъ, призрѣваевыхъ въ Hôtel-Dieu, колебалось между 5-ью и 6-ью тысячами, что въ Hôpital-Général ихъ было не менѣе 10 или 12 тысячъ, а въ Бисетръ поступало отъ 4 до 5 тысячъ **), показываетъ, что ежегодно болѣзни, старость и недостатокъ работы выбрасывали на улицу среднимъ числомъ отъ 20 до 30 тысячъ человѣкъ, т.-е. седьмую часть всего трудящагося люда.

Послѣ этого неудивительно, если въ 1789 и слѣдующихъ годахъ, въ виду дороговизны припасовъ, сокращенія размѣровъ промышленности, подъ вліяніемъ англійской конкурренціи и тревожности переживаемой минуты, отъ 80 до 100 тысячъ человѣкъ оказались въ Парижѣ безъ заработка, и правительство, чтобы придти имъ на помощь, принуждено было открыть «національныя мастерскія». Число пролетаріевъ съ каждымъ мѣсяцемъ продолжало возростать, частью отъ наплыва въ столицу ищущихъ работы и дешеваго хлѣба поселянъ, частью отъ все большаго и большаго сокращенія производства. Одинъ законъ, отмѣнявшій дворянскіе титулы, выбросилъ на улицу цѣлыя тысячи рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ ливрей, гербовъ и т. п.

Обратившійся скоро въ моду выѣздъ дворянъ за границу поставилъ въ то же положеніе отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ домашней челяди, содержимой прежде не столько изъ нужды, сколько изъ чванства, а теперь поставленной въ необходимость нищенствовать подъ окнами и просить работы у правительства. Какъ ни плохо было его матеріальное положеніе, парижскій рабочій все же поставленъ былъ въ лучшія условія, чѣмъ большинство трудящагося люда въ провинціяхъ. Самъ Мерсье, такими черными красками описавшій его судьбу, признаетъ, что фабричное производство слабо развито въ столицѣ, въ виду высоты заработной платы ***). Послѣдняя была, слѣдовательно, ниже въ другихъ городахъ Франціи. И это подтверждено нами по отношенію къ Ліону въ письмѣ Гримо де-ла-Реньеръ, объявляющаго: у насъ плата рабочимъ невелика (la main-d'oeuvre est à bas prix), что позволяетъ съ немногими затратами получать превосходные фабрикаты ****).

---

*) Petition de 150,000 ouvriers et ortisans de Paris (*Chassin:* „Elections et cahiers de Paris", т. II, стр. 592).

**) *Mercier,* т. II, стр. 77.

***) *Mercier:* „Tableau de Paris", т. VI.

****) *Peu de chose,* ouvrage publié par Mercier à Neufchatel. Въ немъ воспроизведено упомянутое въ текстѣ письмо.

Только несоотвѣтствіемъ средствъ рабочаго его нуждамъ можно объяснить тотъ фактъ, что къ эпохѣ редакціи наказовъ со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы мастеровъ на стачки «товариществъ» или compagnonages *). Это признаютъ въ одно слово и другія, какъ частныя, такъ и оффиціальныя свидѣтельства. Не разъ упомянутый нами Мерсье пишетъ въ 1788 году: «Всѣ типографщики скажутъ вамъ, что рабочіе навязываютъ имъ свои требованія (que les ouvriers leur font la loi). Только и слышны, что жалобы на угрозы оставить хозяина въ случаѣ отказа въ увеличеніи платы; и не разъ эти угрозы приводятся въ исполненіе» **).

Рабочіе, занятые изготовленіемъ бумаги,—читаемъ мы въ одномъ донесеніи, заимствованномъ Бабо изъ административной переписки интенданта Турены ***),—сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова «тиранами» своихъ хозяевъ. Они сплошь и рядомъ входятъ между собою въ соглашенія съ цѣлью принудить ихъ къ тѣмъ или другимъ уступкамъ. Не готовыхъ подчиниться ихъ требованіямъ они подвергаютъ своего рода интердикту,—таковъ освященный въ рабочихъ товариществахъ терминъ. Онъ означаетъ, что никто не долженъ поступать къ нимъ въ услуженіе. И вліяніе товариществъ такъ значительно, что приказъ ихъ исполняется безпрекословно.

Послѣ сказаннаго понятна и враждебность буржуазіи къ рабочимъ ассоціаціямъ, понятно, почему Тюрго включаетъ въ эдиктъ 1776 года ****) на ряду съ отмѣной цеховъ и запрещеніе рабочихъ союзовъ, понятно, почему съ ними сражается въ теоріи Адамъ Смитъ *****), а на практикѣ учредительное собраніе. Понятенъ, однимъ словомъ, источникъ закона 17 іюня 1791 года,—закона, отмѣнившаго свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ ******).

Мы не исчерпали, разумѣется, всѣхъ сторонъ того любопытнаго вопроса, какой представляютъ отношенія рабочихъ къ предпринимателямъ въ предшествующій революціи періодъ. Матеріалы къ его рѣшенію далеко еще не собраны вполнѣ. Экономическая исторія Франціи вообще не написана. Департаментскіе и муниципальные архивы почти не изслѣдованы въ этомъ отношеніи. Имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ едва достаточно для того, чтобы намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ то направленіе, въ какомъ совершилось постепенное разложеніе среднев. солидарности рабочихъ и предпринимателей и подготовлено было наступле-

*) См., наприм., Cahiers de Montpelier et de Nîmes (tiers état). *Arch. Parl.* т. IV, стр. 51 и 243.

**) *Mercier:* „Tableaux de Paris", v. VIII, стр. 323.

***) Arch. du départ. de l'Aube. Correspondance officielle de 1782—3. № 1942. См. *Babeau:* „Artisans et domestiques", стр. 34.

****) Edit de Février 1776, art. 14. „Défendons pareillement à tous maîtres compagnons et apprentis des dits corps et communautés de former aucune association ni assemblée entre eux sous quelque prétexte, que ce puisse être". См. *Ferdinand Béchard:* „Réformes de Turgot". *Revue de la Révolution,* 1883, p. 196.

*****) „La loi ne devrait rien faire pour faciliter les assemblées des ouvriers".

******) См. *La révolution française et la question ouvrière* par Charles Cha. *Révolution française,* т. V, à 1883, p. 493.

ніе новыхъ экономическихъ порядковъ ничѣмъ несдерживаемой конкурренціи. Мы думаемъ, что предшествующее изложеніе вполнѣ установило тотъ фактъ, что революція не вызвала ихъ къ жизни, а только узаконила ихъ своимъ признаніемъ. Тѣ, кто высказываетъ соболѣзнованіе объ отмѣнѣ ею цеховыхъ порядковъ, упускаютъ изъ вида, что корпоративная организація перестала въ XVIII вѣкѣ защищать рабочаго противъ эксплуатаціи его капиталистомъ. Толкуя о ея преимуществахъ, они постоянно имѣютъ въ виду порядки XII и XIII столѣтій и не хотятъ понять, что подъ кровомъ унаслѣдованныхъ формъ и вѣками установившихся обычаевъ пробиваются зародыши новыхъ экономическихъ силъ и новыхъ общественныхъ порядковъ, представляющихъ нерѣдко антиподъ прежнихъ. Только проникнувшись этою мыслью, можно понять причину, по которой гильдія и цехъ также мало мѣшаютъ наступленію экономической розни предпринимателей и рабочихъ, какъ, напримѣръ, сельская община—имущественному неравенству бѣдныхъ и богатыхъ.

М. Ковалевскій.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ пятидесятыхъ годахъ *).

III.

Жилища и пища рабочихъ.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Болѣзненность и смертность на промыслахъ. — Разсчитываніе больныхъ рабочихъ.—Пріисковыя больницы; пріисковые фельдшера и врачи.

Въ первый періодъ сибирской золотопромышленности пріисковымъ рабочимъ нерѣдко приходилось жить на промыслахъ не только въ курныхъ избушкахъ безъ пола, но и просто въ землянкахъ, но постепенно жилища ихъ улучшались. По словамъ К—ва, для жилья рабочихъ строились «улицею избы, почти квадратныя, имѣющія въ длину и ширину отъ 9 до 10 аршинъ. Въ каждой избѣ есть русская печь и нары и въ каждой помѣщается отъ 10 до 15 рабочихъ». По словамъ Разгильдѣева (1853 г.), для помѣщенія рабочихъ на промыслахъ южно-енисейской системы «устроены казармы, но они большею частью, особенно семейные, живутъ въ избушкахъ или землянкахъ». Для нерасположенія рабочихъ къ казарменнымъ помѣщеніямъ могли быть серьезныя причины. Разсказываютъ, что при возникновеніи золотопромышленности въ сѣверно-енисейской тайгѣ каждый домикъ рабочаго представлялъ промывальню, куда тайно приносились пески и гдѣ извлекалось изъ нихъ золото; такимъ образомъ, помѣщаясь въ отдѣльныхъ избушкахъ, рабочіе могли легче, посредствомъ хищенія золота, дополнять свои небольшіе заработки. Но вотъ, по словамъ Кривошапкина, съ 1852 г. стараніемъ горнаго исправника сѣверной системы Сорокина стали устраивать, вмѣсто избушекъ, постоянныя большія казармы. Въ санитарномъ отношеніи онѣ были лучше избушекъ своею обширностью, но устройство ихъ было незавидно: сберегая лѣтнее время для работъ, казармы строили зимой либо весной на мерзлой землѣ, а такъ какъ п ъ въ нихъ стлали только на серединѣ, а у стѣнъ подъ нарами его не бы), то въ теплое время земля оттаивала и испаренія наполняли казармы. К мѣ того, несмотря на обширность казармы, воздухъ портился и отъ з -

*) *Русская Мысль*, кн. X.

чительнаго количества помѣщавшихся въ ней рабочихъ: нары дѣлались въ два ряда и жило въ ней до 200 человѣкъ. «Какъ бы то ни было, между казармами и прежними избушками большая разница, и заведеніе ихъ нельзя не считать въ числѣ обстоятельствъ, ослабившихъ развитіе цынги и другихъ болѣзней. Впрочемъ, на южной системѣ,— продолжаетъ Кривошапкинъ, — мнѣ пришлось видѣть оба устройства, но въ лучшемъ видѣ: тамъ есть мелкія избушки, но и съ поломъ, и съ хорошею русскою печью; тамъ и казармы не такъ громадны, съ однимъ только рядомъ наръ, да съ поломъ и подъ ними» *).

Сверхъ задѣльной платы или мѣсячнаго жалованья, рабочіе получали также хозяйскую пищу. На промыслахъ южно-енисейской системы, по свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), на содержаніе рабочаго полагалось въ мѣсяцъ говядины отъ 30 до 37½ ф., крупы 7½ ф., соли 3½ ф. Сверхъ этого, выдавалась въ праздничные дни для каши ячневая или гречневая крупа и нужное для нея количество сала или масла. Хлѣбъ отпускался рабочимъ безъ вѣсу, но вообще полагалось на одного человѣка до 2½ пуд. муки: этого хватало и на квасъ, и на продовольствіе семействъ рабочихъ, питавшихся этимъ же хлѣбомъ, и, кромѣ того, ежедневно подбирали на разрѣзахъ куски хлѣба, которые отдавали въ кормъ лошадямъ. Южно-енисейскій горный исправникъ указываетъ (въ 1858 г.) почти такое же количество припасовъ, выдаваемыхъ одному рабочему: говядины 30 ф., муки 2 пуда, сала или масла ¾ ф., не считая крупы и соли. Иногда на нѣкоторыхъ пріискахъ мастеровые и рабочіе, находившіеся при вспомогательныхъ работахъ, получали въ полтора раза большее количество припасовъ сравнительно съ простыми рабочими, но за то на другихъ рабочихъ выдавалось вообще меньшее количество говядины **).

Такой же размѣръ пайка для пріисковыхъ рабочихъ существовалъ и

---

*) Въ договорахъ съ рабочими 50-хъ годовъ обыкновенно сказано, что постройку избушекъ, балагановъ или казармъ, бань и пр. рабочіе должны производить въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время (иногда для этого опредѣлялось 3 дня) и по прошествіи лѣта помѣщенія эти должны были принадлежать хозяину промысла.

**) По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ 1850, 1853 и 1857 гг., рабочіе должны были получать печенаго ржаного хлѣба по 4 ф. въ день, затѣмъ „въ скоромные дни, а именно по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ“ (понедѣльникъ почему-то оказался постнымъ днемъ) мяса „свѣжаго или *соленаго не болѣе* 1 ф.“ (т.-е. менѣе, чѣмъ въ подобномъ же договорѣ съ Асташевымъ 1842 г., гдѣ было назначено въ эти дни по 1¼ ф.) „и крупы по ¼ ф. на каждаго человѣка, а въ прочіе дни и въ посты довольствоваться кашею, приправленною конопляным масломъ, а гдѣ не будетъ возможности имѣть этихъ припасовъ, получать на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы по ¾ ф. и сухарей по 2¼ ф. въ день на каждаго человѣка. По договору съ Асташевымъ, печеный хлѣбъ выдавался въ неограниченномъ количествѣ, но если кто будетъ его растрачивать, тотъ долженъ былъ подвергаться штрафу по 1 р. 50 к. с. и, сверхъ того, „наказанію, какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности“. Отрядные рабочіе выговаривали себѣ большее количество мяса: по договору съ Асташевымъ 1853 года, они должны были получать говядины свѣжей или соленой по 1½ ф. въ день.

въ сѣверной части Енисейскаго округа, гдѣ въ 1858 г. отпускалось каждому изъ нихъ въ мѣсяцъ ржаной муки 2 п. 20 ф., ячной крупы—7½ ф., соли—3 ф., сала—½—1 ф., мяса—30 ф., ремесленникамъ же и забойщикамъ въ трудныхъ работахъ 37½ ф. Сверхъ того, ежедневно давали на всю команду рабочихъ на счетъ компаніи кирпичный чай и два раза въ недѣлю кислую капусту. Послѣднее очень важно, такъ какъ это вносило нѣкоторое разнообразіе въ прѣсную и постоянно одинаковую пищу рабочихъ *).

Кривошапкинъ, вообще рисующій въ своемъ трудѣ весьма мрачную картину быта пріисковыхъ рабочихъ, одобрительно отзывается объ ихъ пропитаніи: «обидѣть рабочихъ пищею,—говоритъ онъ,—не въ модѣ, не принято». На нѣкоторыхъ пріискахъ, какъ это было достовѣрно извѣстно Кривошапкину, давали рабочимъ чай, хотя пріисковое управленіе не было обязано къ тому договорами. Два раза въ сутки (въ 7 час. утра и въ 4 ч. пополудни) варили въ котлѣ чай, конечно, кирпичный или, по сибирскому названію, карымскій, полагая на человѣка по 1½ зол. «Прежде чай рабочіе готовили свой, не получая для него отъ хозяевъ по положенію хлѣба, почему и таскали отъ обѣда и ужина по цѣлой ковригѣ, прятали, портили и на половину бросали не съѣвши. Теперь же компаніи, приготовляющія свой чай, даютъ по ¼ ковриги хлѣба на человѣка за каждый изъ четырехъ «присѣстовъ» (чай, обѣдъ, чай и ужинъ); рабочій чувствуетъ себя довольнымъ, сытымъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности таскать, попрежнему, хлѣбъ. Впрочемъ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—говоря откровенно, на такую милость... для рабочихъ компанія подвинута собственнымъ разсчетомъ: хлѣбъ съ 1857 г. страшно вздорожалъ, а чай остался въ той же цѣнѣ, и потому для компаніи гораздо выгоднѣе удѣлять рабочимъ по 3 зол. чая на человѣка, чѣмъ терять много хлѣба». Таскинъ, посѣтившій промысла Енисейскаго округа въ 1859 г., опредѣляетъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ ежедневную выдачу чая, а именно по ¼ зол. въ день на человѣка или 40—50 к. въ мѣсяцъ. Говядина, по его словамъ, давалась все время соленая, исключая августъ мѣсяцъ, когда на пріиски пригоняютъ скотъ для убоя и заготовленія мяса. На пріискахъ К° Зотовыхъ (гдѣ былъ введенъ американскій способъ промывки песковъ) лѣтомъ 1859 года давали рабочимъ около 2 ф. говядины въ день и замѣтили, что при этомъ они никогда не съѣдали положеннаго количества хлѣба и были весьма довольны. Чай на пріискахъ этой компаніи варили для сбереженія времени тутъ же въ разрѣзѣ. По словамъ Севастьянова, содержаніе рабочаго на енисейскихъ пріискахъ стоило въ 1859 г. отъ 20 до 50 к. въ день. Такакая значительная разница въ стоимости содержанія рабочаго зависѣла

*) По общему контракту съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, въ постные дни полагалось по ¼ ф. крупы на человѣка и постное масло, „сколько будетъ выдано". Въ поисковыхъ партіяхъ выдавалось сушеной говядины *или* крупы по ¾ ф въ день и сухарей по 2¼ ф. на человѣка. Отрядные, по договору 1854 г., выговорили себѣ по 1½ ф. говядины, но безъ сала.

отъ разности разстоянія пріисковъ отъ мѣста доставки припасовъ и вслѣдствіе неодновременнаго ихъ заготовленія *).

На разныхъ промыслахъ Олекминскаго округа въ операцію 1857—58 г. выдавалось слѣдующее мѣсячное продовольствіе: ржаной муки чернорабочимъ и разночинцамъ 2 пуд. 10 фун., крупы ячной или гречневой чернорабочимъ—7½—8½ ф., разночинцамъ до 10 ф., мяса, соленаго или свѣжаго, чернорабочимъ—30 ф., разночинцамъ—30 ф.—1 п. 5 ф., скоромнаго масла или сала чернорабочимъ—½—1 ф., разночинцамъ—½ до 2½ ф., соли 2½ до 5 ф., чаю кирпичнаго конюхамъ на нѣкоторыхъ промыслахъ по ½ ф. **).

Въ общемъ, сравнительно съ 40-ми годами, въ пищѣ пріисковыхъ рабочихъ замѣтно нѣкоторое улучшеніе: между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ, при ежедневной выдачѣ мяса, давали его въ день не болѣе фунта, въ 50-хъ годахъ мѣстами начинаютъ давать по 1¼ ф. (отряднымъ и до 1½ ф.), въ контрактахъ кое-гдѣ появляются уже условія о выдачѣ сала или масла, которыхъ вовсе нѣтъ въ договорахъ 40-хъ годовъ, а также постоянно, хотя и далеко не вездѣ, начинаетъ входить въ употребленіе кирпичный чай. Попрежнему, пища пріисковыхъ рабочихъ отличалась крайнимъ однообразіемъ, но и тутъ мѣстами была сдѣлана попытка введенія въ паекъ рабочихъ кислой капусты.

Нѣсколько чаще, чѣмъ въ 40-хъ годахъ, упоминается и о выдачѣ рабочимъ на пріискахъ вина, необходимаго при тяжелыхъ условіяхъ промысловыхъ работъ и при привычкѣ къ нему рабочихъ. Правда, Гагемейстеръ едва ли справедливо утверждаетъ, что рабочимъ «большею частью» отпускается «винная порція болѣе или менѣе значительная», но, тѣмъ не менѣе, упоминанія о выдачѣ вина, все-таки, встрѣчаются. Разгильдѣевъ въ своемъ отчетѣ о положеніи рабочихъ въ южно-енисейской системѣ говоритъ, что «въ торжественные дни, раза 4 въ годъ, дается рабочимъ порція, т.-е. чарка хлѣбнаго вина, мѣрою до ¾ ф. Въ общемъ контрактѣ 1854 г. съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова вслѣдъ за опредѣленіемъ размѣра продовольствія рабочихъ сказано: «кромѣ того, компанія въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта обѣщаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничные». Это, конечно, очень неопредѣленно, но, все-таки, мы видимъ, что рабочіе начинаютъ уже предъявлять требованія о выдачѣ имъ вина отъ хозяевъ. Дѣйствительно, потребность въ винѣ настолько настоятельна при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ производится работа на золотыхъ промыслахъ, что въ одномъ контрактѣ мы встрѣтили даже обязательство выдавать рабочимъ опредѣленное количество вина на ихъ собственный счетъ: «сверхъ с редѣленнаго намъ продовольствія,—сказано въ общемъ контрактѣ К° Го-

*) За пищею и чистотою въ казармахъ наблюдалъ выбранный рабочими старос а; онъ же служилъ посредникомъ между управляющимъ и рабочими при старательс ихъ работахъ и при сдачѣ золота.

**) На промыслахъ Соловьева въ операцію 1856—57 г. давали еще гороху черно- р бочимъ 1 пудъ 20 ф., разночинцамъ—2 пуда 10 ф.

лубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы),—мы, въ видахъ предупрежденія въ насъ цынготной и ревматической болѣзни и для подкрѣпленія нашихъ силъ, просимъ управленіе компаніи, если оно сочтетъ нужнымъ и получитъ разрѣшеніе начальства, имѣть на пріискахъ на счетъ нашъ по ¾ вина на человѣка съ тѣмъ, чтобы К°, вычтя съ каждаго изъ насъ изъ заработка по 3 р. 75 к. и раздѣля означенное количество вина на 50 порцій (считая по полторы сотыхъ ведра), выдавало оныя по два раза въ будніе дни недѣли, кромѣ той, какая по усмотрѣнію К° можетъ быть отпущена намъ собственно на счетъ пріиска, также въ награду нашего усердія въ праздничные и табельные дни». Такимъ образомъ, утвержденіе г. Саввиныхъ, что водка будто бы вовсе не употреблялась въ это время на пріискахъ, несправедливо. «Изъ отчетныхъ документовъ одной богатой компаніи 40-хъ и 50-хъ годовъ,—говоритъ этотъ авторъ,—видно, что спирта или водки совсѣмъ не было на пріискахъ въ употребленіи» *). Компанія эта Удерейская (Бенардаки и Рязановыхъ) и документами ея пользовался для составленія своей статьи г. Саввиныхъ. Но вотъ что мы читаемъ въ неизданномъ отчетѣ этой Удерейской К° за 1849—1856 гг., который мы получили изъ архива пріиска, арендуемаго г. Саввиныхъ, съ его любезнаго разрѣшенія: «За семь указанныхъ лѣтъ на промыслахъ этой компаніи было куплено и *употреблено на порціи*—хлѣбнаго вина 267 ведеръ (по 6 р. 22 к. за ведро) и хлѣбнаго спирта 198 ведеръ (по 13 р. 3 к.)» **). Скарятинъ, хорошо знавшій пріиски Енисейскаго округа (въ концѣ 50-хъ годовъ), говоритъ, что рабочему «даютъ иногда стаканъ вина». Въ росписаніи 1856 г. о выдачѣ припасовъ рабочимъ на двухъ пріискахъ Соловьева Олекминскаго округа также предписывается отпускать рабочимъ каждое воскресенье по одной сотой ведра вина. Наконецъ, о раздачѣ винныхъ порцій на пріискахъ говорится уже въ одномъ циркулярѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа (конца 50-хъ годовъ), какъ объ обычномъ явленіи. Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, обративъ вниманіе на усиленное пьянство среди пріисковыхъ рабочихъ, предложилъ енисейскому губернатору принять мѣры противъ этого зла, южно-енисейскій горный исправникъ въ сдѣланномъ имъ по этому поводу циркулярномъ распоряженіи (1859 г.), между прочимъ, писалъ: «Во всякое время, когда бываетъ выдача рабочимъ порціи вина, полезно объявить имъ, что взамѣнъ порціи, кто отъ нея откажется изъ добрыхъ побужденій не употреблять вина, записываема будетъ въ разсчетные листы равносильная денежная награда. Отъ исполненія сего, конечно, не откажутся гг. управляющіе». Рабочимъ удавалось пріобрѣтать вино на промыслахъ и тайкомъ. «На [illegible]верныхъ промыслахъ,—писалъ енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ въ 1859 г.,—въ нынѣшнемъ году въ особенности замѣтенъ былъ тайный п[illegible]

*) *Сибирскій Вѣстникъ* 1890 г., № 66.

**) Для провоза вина на пріиски губернаторомъ выдавались особыя свидѣтельства.

возъ спирта и недозволенная продажа его рабочимъ какъ на промыслахъ, такъ и по дорогамъ по выходѣ рабочихъ. Спиртъ тайно продается на промыслахъ рублей 5 за бутылку» (питейные дома по закону могли быть не ближе 50 верстъ отъ пріисковъ).

Рабочіе обыкновенно могли приводить на пріиски женъ и дѣтей лишь съ разрѣшенія пріисковаго управленія, какъ это было и въ первый періодъ сибирской золотопромышленности. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) къ этому условію контракта прибавлено: «если же кто и будетъ женъ и дѣтей имѣть съ позволенія хозяина, никто на нихъ содержанія требовать не долженъ, кромѣ одного хлѣба». Тутъ, очевидно, хлѣбъ семействамъ рабочихъ выдавался безплатно, но по договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.) рабочіе, если они привели съ собою семейство и по особому разрѣшенію, должны были продовольствовать его на свой счетъ, причемъ за прокормленіе однимъ хлѣбомъ каждаго члена семьи старше 13 лѣтъ взималось по 1 руб. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ же привода семьи безъ разрѣшенія пріисковаго управленія, на нѣкоторыхъ пріискахъ была положена весьма значительная плата за ихъ содержаніе. Такъ, въ договорѣ съ Асташевымъ (1859 г.) постановлено, что если кто изъ рабочихъ явится на пріискъ съ женою и дѣтьми безъ разрѣшенія довѣреннаго золотопромышленника, то пріисковое управленіе можетъ вычитать за содержаніе жены и дѣтей по 5 руб. въ мѣсяцъ за каждаго или же тотчасъ отправлять обратно съ пріисковъ. Въ случаѣ привода семьи съ разрѣшенія пріисковыхъ властей, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, на промыслахъ южно-енисейскаго округа, платы за хлѣбъ для нея не взималось, такъ какъ Разгильдѣевъ въ своемъ донесеніи объ этомъ округѣ, упомянувъ, что на каждаго рабочаго полагалось тамъ по 2½ пуда муки, говоритъ, что «семейства рабочихъ (которыхъ по числу душъ онъ считаетъ до ⅙ части всего рабочаго населенія) питаются этимъ же хлѣбомъ». На промыслахъ К° Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы), по договору 1854 г., семьи рабочихъ вовсе не допускались безъ разрѣшенія управляющаго, въ договорѣ же 1856 г. прибавлено, что, въ случаѣ дозволенія привести на пріиски женъ, онѣ должны заниматься какою-либо работой: приготовленіемъ пищи, чисткою бѣлья, мытьемъ половъ и проч., а въ противномъ случаѣ рабочіе обязывались за отпускаемый ихъ женамъ хлѣбъ платить компаніи по 3 руб. въ мѣсяцъ.

Одежду, обувь и все для нихъ необходимое, за исключеніемъ предметовъ роскоши, пріисковые рабочіе могли получать изъ хозяйскихъ амбаровъ за установленную цѣну въ счетъ заработка. Какъ заработокъ, такъ и заборъ записывались въ концѣ каждаго мѣсяца въ выданные рабочимъ расчетные листы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 40-хъ годахъ, встрѣчается обязательство полученныя въ счетъ мѣсячной платы вещи ни въ какомъ случаѣ не передавать «въ свои селенія или въ другія мѣста» подъ опасеніемъ наказанія (договоръ съ Онуфровичемъ 1854 года), а въ

контрактѣ съ К° Рязанова и Мошарова 1854 г. (сѣверно-енисейской системы) воспрещалось передавать вещи одинъ другому подъ опасеніемъ законнаго взысканія. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) сказано, что одежда и обувь должны отпускаться рабочимъ по цѣнамъ, назначеннымъ хозяиномъ или управляющимъ, причемъ умалчивалось, что въ Западной Сибири золотопромышленникамъ не дозволялось назначать цѣнъ по своему усмотрѣнію, а они должны были руководствоваться утвержденною администраціею таксой. По договору съ К° Рязанова и Мошарова (1854 г.), вещи должно было отпускать «по цѣнамъ, стоющимъ компаніи, по контракту съ нею же 1856 г.—«по цѣнамъ, стоющимъ компаніи, съ наложеніемъ процентовъ на задолженный капиталъ»; въ договорахъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) по тѣмъ цѣнамъ, «какія будутъ объявлены по таксѣ», причемъ оговорено, что «предметовъ, къ роскоши относящихся и званію рабочихъ неприличныхъ, отнюдь требовать они не должны» (въ числѣ же вещей, приличныхъ для нихъ, названы бродни, чарки, армяки, рукавицы и т. п.); по договору съ Асташевымъ 1856 г. опредѣлено выдавать вещи «по стоющимъ въ Красноярскѣ цѣнамъ, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ расходовъ». Напротивъ, по контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.), вещи отпускались «по цѣнамъ, *утвержденнымъ правительствомъ*, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ и прочихъ хозяйскихъ расходовъ» (какъ будто дозволялась такая надбавка сверхъ таксы). Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что на промыслахъ Томской губерніи таксы утверждались администраціею, а на енисейскихъ промыслахъ составлялись пріисковымъ управленіемъ и объявлялись рабочимъ, но утвержденію не подлежали. Однако, въ 1857 г. высшая администрація Восточной Сибири поставила тамошнимъ горнымъ исправникамъ въ обязанность наблюдать, чтобы цѣны припасовъ и вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, не были обременительны.

Къ запретнымъ на пріискахъ предметамъ роскоши въ сороковыхъ годахъ относились чай и сахаръ, но въ пятидесятыхъ годахъ они стали дѣлаться все болѣе настоятельною потребностью рабочихъ, что и понятно въ виду возбуждающаго дѣйствія чая, и, наконецъ, нѣкоторыя компаніи стали отпускать рабочимъ на свой счетъ кирпичный чай. Это отразилось и на ослабленіи надзора за ввозомъ этихъ предметовъ, для котораго требовалась выдача разрѣшительныхъ «ярлыковъ» горнымъ исправникомъ *).

Въ сороковыхъ годахъ, какъ видно изъ разсчетныхъ книгъ, таксъ на енисейскихъ промыслахъ еще не существовало, между тѣмъ какъ на томскихъ мы находимъ ихъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, въ пятидесятыхъ же годахъ мы встрѣчаемъ уже таксы и на промыслахъ Восточной Сибири. Относительно пріисковъ Томскаго округа мы имѣемъ в-

*) Въ 1857 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по кардонамъ всѣхъ пріисковыхъ дорогъ, чтобы казаки пропускали следующіе на пріиски вещи и припасы (исключая спиртъ), по предъявленіи транспортныхъ фактуръ, не домогаясь ярлыковъ.

чатный указъ томскаго губернскаго правленія (въ октябрѣ 1852 г.), изъ котораго видно слѣдующее. Губернское правленіе сдѣлало въ августѣ мѣсяцѣ представленіе губернатору, что «хотя цѣны на нѣкоторыя вещи», выдаваемыя пріисковымъ рабочимъ, «въ настоящемъ году и выше утвержденныхъ въ прошломъ 1851 году, но онѣ не превышаютъ среднесправочныхъ цѣнъ, утвержденныхъ городскою думой», и потому губернаторъ утвердилъ доставленную ему губернскимъ правленіемъ таксу съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи ея въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ, она была отправлена къ томскому горному исправнику и прибита на всѣхъ пріискахъ, вмѣнивъ исправнику въ обязанность, чтобы вещи отпускались рабочимъ хорошаго качества и отнюдь не дороже утвержденныхъ цѣнъ. Изученіе разсчетныхъ книгъ промысловъ Енисейскаго округа подтверждаетъ, что тамъ въ это время несомнѣнно были уже росписанія цѣнъ, установленныя пріисковымъ управленіемъ на всю операцію, но только въ Томскомъ округѣ была одна такса обязательная для всѣхъ промысловъ, а въ Енисейскомъ были особыя цѣны на каждомъ пріискѣ. Потребности пріисковыхъ рабочихъ, очевидно, возросли, такъ какъ заборъ нѣкоторыхъ предметовъ, рѣдкихъ въ сороковыхъ годахъ, сталъ явленіемъ гораздо болѣе обычнымъ, по крайней мѣрѣ, въ южно-енисейской системѣ: масло и пшеничная мука стали продаваться на бо̀льшемъ числѣ промысловъ; явился запросъ на такія вещи, какъ, напримѣръ, кожаныя шаровары. Напротивъ, въ сѣверно-енисейской системѣ, на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ К° Рязановыхъ, въ 1851 г. продавалось въ пріисковыхъ лавкахъ еще весьма ограниченное количество товаровъ. Сравнивая цѣны на различныхъ промыслахъ Енисейскаго округа, мы видимъ, что всего выше онѣ были на пріискахъ Удерейской К° (южно-енисейской системы), причемъ разница съ другими промыслами была иной разъ весьма значительна *). Сахаръ и чай продавались открыто какъ въ Енисейскомъ округѣ, такъ и на олекминскихъ промыслахъ.

«Чтобы вынести какую-нибудь копѣйку съ мучительныхъ работъ,—говоритъ Кривошапкинъ,—а не все отдавать компаніи», рабочіе старались брать въ пріисковыхъ лавкахъ какъ можно менѣе одежды и обуви **). Поэтому они носили по нѣсколько недѣль одну и ту же рубашку, которая успѣвала такъ загрязняться, что уподоблялась плотной, непромокаемой матеріи. Нѣкоторые изъ управляющихъ пріисками пускались на такую спекуляцію: ввозъ предметовъ роскоши на пріиски былъ запрещенъ, а отпускать холстъ на бѣлье имъ казалось невыгоднымъ; поэтому они скупали для рабочихъ гнилой ситецъ, рубашки изъ котораго скоро распадались, такъ что приходилось вновь покупать его.

Въ маѣ 1857 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ

*) Коровье масло, одинъ изъ самыхъ необходимыхъ припасовъ, стоило на Ка[illegible]скомъ пріискѣ Асташева 15 к. ф., а въ Удерейской К°—25 к.

**) „Нижегороды“ обыкновенно изъ дому запасались одеждою или, какъ ее назы[illegible]тъ въ Сибири, „лопатью“.

разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляры, въ которыхъ, указывая на свою заботливость о положеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, обращалъ вниманіе исправниковъ на то, что «нѣкоторыя товарныя вещи отпускаются рабочимъ за слишкомъ высокую цѣну и, притомъ, нерѣдко одна и та же вещь на всѣхъ пріискахъ въ разной цѣнѣ и на одномъ изъ нихъ гораздо дороже, чѣмъ на другихъ». Не менѣе значительна разница и въ цѣнахъ припасовъ. «Вообще же рѣдко замѣтно, чтобы одинъ и тотъ же товаръ былъ одинаковой стоимости, хотя и не на всѣхъ пріискахъ, но, по крайней мѣрѣ, на нѣсколькихъ». Муравьевъ приказалъ: 1) представить ему реестръ товарныхъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ съ обозначеніемъ цѣнъ; 2) «объявить золотопромышленникамъ, что при снабженіи рабочихъ на частныхъ пріискахъ одежными вещами должно имѣть въ виду не тѣ выгоды, которыя дозволяютъ себѣ занимающіеся исключительно торговлей изъ барышей, часто весьма значительныхъ, а, напротивъ, по долгу человѣколюбія и добросовѣстности слѣдуетъ заботиться о положеніи рабочаго, приходящаго изъ отдаленнаго мѣста и жертвующаго для золотопромышленниковъ самыми усиленными трудами и *сокращеніемъ жизни*»; 3) «предложить золотопромышленникамъ, чтобы они имѣли строгое наблюденіе за дѣйствіями своихъ конторъ, управляющихъ и прикащиковъ», и 4) «смотрѣть безъ всякаго послабленія, чтобы въ магазинахъ, гдѣ продаются одежныя вещи и припасы, *были непремѣнно таксы, подписанныя золотопромышленниками или уполномоченными отъ нихъ довѣренными*» (однако, объ утвержденіи этихъ таксъ правительственною администраціей не упоминается) *).

Вслѣдствіе этого предписанія Муравьева, горный исправникъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ, Измайловъ, отправилъ въ декабрѣ 1857 г. въ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири сводную таблицу цѣнъ на промыслахъ этихъ округовъ и, притомъ, пояснилъ, что «разительная разность въ цѣнахъ на вещи» на различныхъ пріискахъ происходитъ отъ разнаго качества товаровъ и условій ихъ заготовки, т.-е. самъ ли владѣлецъ закупаетъ товары изъ первыхъ рукъ или по коммиссіи, и на наличныя ли деньги или въ кредитъ, почему уравнять цѣны «не предстоитъ почти никакой возможности. Судя же по добротѣ товаровъ въ магазинахъ пріисковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и беря въ разсчетъ дальность края отъ мѣста покупки, какъ, напримѣръ, отъ Тюмени, Екатеринбурга и Томска, гдѣ большая часть товаровъ золотопромышленниками

*) Въ томъ изъ этихъ циркуляровъ 1857 г., который былъ отправленъ къ Олекминскому горному исправнику, въ примѣръ разницы цѣнъ на товары, было указано на то, что цѣна армяковъ перваго сорта на разныхъ олекминскихъ пріискахъ колебалась между 4 руб. (на Преображенскомъ пріискѣ К° Баснина и Катышевцева) и 6 руб. 50 коп. (на Анненскомъ пріискѣ Персина по р. Молво), такъ что разница въ цѣнѣ на армякъ доходила до 2 руб. 50 коп. Цѣна на овчинныя шубы колебалась между 5 и 8 руб.; стоимость припасовъ была столь же различна: ржаная мука отъ 80 коп. до 1 руб. 80 коп., пшеничная—отъ 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп. за п.

заготовляется, существующія въ настоящее время цѣны почти равны цѣнамъ на таковые же товары г. Иркутска и цѣнамъ товаровъ, отпускаемыхъ на промыслахъ Енисейскаго округа, изъ чего заключаю, что пріисковыя управленія Олекминскаго округа въ отпускѣ товаровъ поступаютъ еще довольно добросовѣстно. Впрочемъ, были случаи, что нѣкоторыя управленія возвышали цѣны на товары, выставляя причиною этого «поспѣшную обстановку дѣла и оттого несвоевременное заготовленіе товарныхъ вещей», «но,—продолжаетъ Измайловъ,—*по настоянію моему сбавляли цѣну*, уравнивая съ прочими, смотря по качеству товаровъ, не заставляя меня объ этомъ дѣлать представленія высшему начальству». Изъ этого видно, что въ Олекминскомъ округѣ таксы на пріискахъ подлежали нѣкоторому контролю мѣстной администраціи (быть можетъ, послѣ циркуляра Муравьева 1857 г.).

Сопоставивъ цѣны на пріискахъ Олекминскаго округа съ цѣнами товаровъ и припасовъ на енисейскихъ промыслахъ, мы, пожалуй, можемъ согласиться, что, *сравнительно съ этими послѣдними*, ихъ вообще (за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ) можно признать довольно умѣренными въ виду отдаленности Олекминскаго округа, но нельзя не видѣть справедливости словъ Муравьева о страшной разницѣ между стоимостью нѣкоторыхъ припасовъ на различныхъ промыслахъ одного и того же округа: такъ, цѣна пшеничной муки, попрежнему, колебалась между 1 р. 20 к. и 2 р. 50 к. за пудъ; страшная разница въ цѣнѣ сахара (50—80 коп. за фунтъ) никакъ не можетъ оправдываться разницею въ условіяхъ пріобрѣтенія и доставки, да и такая цѣна его, какъ 80 коп. за фунтъ, уже никакъ не можетъ почитаться умѣренною. Но, въ общемъ, олекминскія цѣны не особенно выше, а на нѣкоторыхъ промыслахъ и ниже енисейскихъ; если олекминскіе золотопромышленники,—конечно, не безъ выгоды для себя,—продавали рабочимъ товары по этой цѣнѣ, то какіе же, значитъ, огромные барыши получали енисейскіе, особенно Удерейская К°? На запросъ о томъ, по какой цѣнѣ закупаются товары на олекминскіе пріиски и во что обходится перевозка, лишь немногіе представители тамошнихъ золотопромышленныхъ компаній сообщили свѣдѣнія горному исправнику, другіе же ссылались на то, что не они производятъ эти закупки, или отдѣлались общею фразой, что товары куплены у подрядчиковъ съ доставкой на промысла и отпускаются служащимъ и рабочимъ «безъ взиманія процентовъ по стоющей компаніи цѣнѣ». Но четыре компаніи сообщили довольно подробныя свѣдѣнія (насколько вѣрныя, это—другой вопросъ) о томъ, по какой цѣнѣ были закуплены припасы и товары и во что обошлась перевозка. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Желтуктинская К° Каратаева брала по съ видомъ «траты» или на коммиссію весьма значительные проценты, размѣръ которыхъ чаще всего, по собственному показанію пріискового управленія, колебался между 6 и 10, но иногда былъ и гораздо значительнѣе: такъ, на кирпичный чай налагалось 11%, крестьянское сукно—1 %, табакъ—21%, пшеничную муку—28% и на ржаную муку даже 33%

покупной цѣны. При этомъ мы принимали въ разсчетъ только то, что сама компанія указывала, какъ вознагражденіе за трату или комиссію, но, сверхъ того, она нерѣдко назначала себѣ еще совершенно произвольно громадное вознагражденіе подъ видомъ издержекъ на перевозку. Такъ, за провозъ *одного аршина* крестьянскаго сукна, покупная цѣна котораго равнялась 20 коп., назначена плата 7 коп., т.-е. 35% покупной цѣны, кромѣ 3 коп. за «трату» или комиссію; такимъ образомъ, накладные расходы на крестьянское сукно равнялись въ суммѣ 50% первоначальной стоимости. Очевидно, компанія наживала на продажѣ товаровъ хорошенькіе барыши, и, притомъ, довольно вѣрные, такъ какъ золотопромышленники пользовались правомъ монопольной торговли на своихъ пріискахъ. А, между тѣмъ, были пріиски, хозяева которыхъ назначали еще высшія цѣны, чѣмъ Желтуктинское товарищество Каратаева: такъ, на пріискахъ этого послѣдняго пшеничная мука стоила 1 р. 80 к., а на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезникова—2 р. 40 к., на пріискахъ Соловьева—2 р. 50 к., на пріискахъ Желтуктинскаго товарищества пудъ сахара продавался по 22 р., т.-е. фунтъ по 55 к., а у Соловьева—по 80 к.

Что торговля въ пріисковыхъ лавкахъ была весьма значительною статьей дохода золотопромышленниковъ, видно и изъ того, что заборъ въ пріисковыхъ лавкахъ составлялъ весьма значительный процентъ заработка рабочихъ. Такъ, на пріискахъ Удерейской К° въ 1850 г. рабочіе почти 37% своего заработка получили вещами и съѣстными припасами (въ томъ числѣ «аммуничными» вещами 24%, припасами болѣе 12%); въ 1858 г. въ этой же компаніи вещами и съѣстными припасами выдано было около 30%. Въ К° Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) болѣе 22% заработка забрано было рабочими въ видѣ вещей и съѣстныхъ припасовъ (въ томъ числѣ 17% первыхъ и болѣе 5% вторыхъ).

Когда главное управленіе Восточной Сибири получило къ началу 1858 г. всѣ донесенія горныхъ исправниковъ о пріисковыхъ таксахъ предъидущаго года, то предсѣдатель этого управленія, генералъ Венцель, разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ: «Я нахожу, что цѣны на припасы и матеріалы весьма различны не только на промыслахъ разныхъ округовъ, но даже въ одномъ и томъ же округѣ. Принимая въ соображеніе, что нѣтъ никакой возможности къ достиженію установленія одинаковыхъ цѣнъ на одни и тѣ же припасы и матеріалы не только на промыслахъ разныхъ, но даже одного и того же округа, ибо заготовленіе подобныхъ вещей зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и другихъ условій, какъ-то: мѣстности, гдѣ они пріобрѣтаются, цѣнъ, зависящихъ отъ времени и подвозовъ, средствъ самихъ золотопромышленниковъ, способовъ заготовленія и доставки на промысла на наличныя деньги или въ долгъ и проч., и проч.; но, желая, въ то же время, чтобы цѣны на припасы и матеріалы по всѣмъ частнымъ промысламъ Восточной Сибири не были обременительны для рабочаго класса, трудящагося на этихъ промыслахъ», Венцель, согласно съ предписаніемъ Муравьева отъ 11 [illegible]я

1857 г., просилъ горныхъ исправниковъ «имѣть тщательнѣйшее наблюденіе», «чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы на всѣ безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ, чтобы они не были для нихъ обременительными, чтобы на пріискахъ не были допускаемы предметы роскоши и, наконецъ, чтобы сами хозяева, по чувству человѣколюбія къ рабочимъ, для пользы ихъ трудящимся, зорко смотрѣли» за своими довѣренными и не допускали назначенія произвольныхъ цѣнъ на припасы и товары.

Относительно болѣзней рабочихъ и ихъ леченія въ пріисковыхъ больницахъ во многихъ контрактахъ 50-хъ годовъ постановлено, что за время пребыванія въ больницѣ рабочіе не могутъ себѣ требовать платы съ хозяевъ, въ другихъ же договорахъ это подразумѣвается; затѣмъ по однимъ контрактамъ хозяева за расходы на леченіе въ больницахъ ничего не взыскивали съ рабочихъ, другіе, напротивъ, устанавливали за это извѣстную плату *). Въ извѣстныхъ намъ разсчетныхъ книгахъ 50-хъ годовъ, такъ же, какъ и въ книгахъ предшествовавшаго времени, нигдѣ прямо вычетовъ за леченіе мы не нашли, но, быть можетъ, вычетъ состоялъ въ томъ, что сверхъ извѣстнаго числа нерабочихъ дней *не записывалось* еще нѣкоторое количество дней рабочихъ.

На частныхъ золотыхъ пріискахъ Томскаго округа въ теченіе года (1855—56 гг.) было 1,778 больныхъ, изъ которыхъ умерло 22 человѣка. Если принять во вниманіе, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ въ Томскомъ округѣ было всего 3—3½ тысячи пріисковыхъ рабочихъ, то мы увидимъ, что процентъ заболѣвшихъ среди нихъ очень великъ (болѣе половины). На всѣхъ пріискахъ Енисейской губерніи въ 1851 г. было больныхъ 32% рабочихъ, умерло 3,1% заболѣвшихъ; въ 1852 г. было больныхъ 34% рабочихъ, умерло 4,5% заболѣвшихъ. По отчету енисейскаго жандармскаго штабъ-офицера Борка за 1859 г., на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа заболѣло 16,7% явившихся рабочихъ, умерло 7,5% заболѣвшихъ; въ южной системѣ того же округа было больныхъ гораздо болѣе—почти 47% явившихся на пріиски, изъ нихъ умерло 3,2% заболѣвшихъ. Впрочемъ, Борк оговаривается, что «значительная часть

*) По договору съ Онуфровичемъ, за леченіе и содержаніе въ лазаретахъ никакого вычета съ рабочихъ не установлено. По договору съ Асташевымъ (1850, 1853, 1857 и 1858 гг.), не должно было дѣлать вычетовъ только за пребываніе въ больницѣ въ теченіе трехъ дней, а затѣмъ „въ возмѣщеніе расходовъ на содержаніе“ должно было взыскивать съ нихъ за каждый день по 50 коп. асс., а по договору съ нимъ же 1856 г. никакого вычета не назначено. Въ договорѣ Асташева съ отрядными рабочими (1858 г.) установлено безплатное леченіе въ пріисковой больницѣ и, кромѣ того, сдѣлана оговорка, что здоровые не обязаны отрабатывать уроковъ больного. По договорамъ съ К° Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (1854 г.) и съ К° Рязановыхъ (1851 г.), сѣверной части Енисейскаго округа, рабочіе обязаны были уплатить издержки, употребленныя на ихъ леченіе, а по договорамъ съ К° Рязановыхъ (1854 и 1856 гг.), съ дѣйствительно больныхъ за содержаніе и леченіе вычета не производилось.

больныхъ, показанная на южной системѣ Енисейскаго округа, состоитъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые по маловажнымъ недугамъ ограничивались только *открытіемъ крови*. Они вошли въ общую цифру потому, что промысловыя управленія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ медикъ признаетъ необходимымъ открыть кровь рабочему, даютъ ему сутки отдыха, въ теченіе которыхъ онъ свободенъ отъ занятій и числится больнымъ для вѣрнаго учета рабочихъ дней». Въ семилѣтнемъ разсчетѣ работъ Удерейской К° (1849—1856 гг.) больные отдѣлены отъ открывающихъ себѣ кровь: изъ всего числа поденщинъ за это время больныхъ поденщинъ было болѣе 4% и «у открытія крови и на отдыхѣ» болѣе 1%. Нужно замѣтить, что кровопусканіе и теперь очень распространено на сибирскихъ промыслахъ, что объясняется, по новѣйшихъ научнымъ изслѣдованіямъ, возбуждающимъ (на нѣкоторое время) вліяніемъ кровопусканія на переутомленные мускулы рабочихъ *), хотя, конечно, въ концѣ-концовъ, такія частыя кровопусканія очень вредны. Въ томъ же разсчетѣ работъ Удерейской К° мы находимъ за семь лѣтъ «не въ работѣ праздничныхъ» поденщинъ болѣе 8% всего ихъ числа, что составляетъ болѣе 2½ праздничныхъ дней въ мѣсяцъ, а вмѣстѣ съ днями «у открытія крови и на отдыхѣ» составитъ болѣе трехъ дней отдыха въ мѣсяцъ.

Г. Саввиныхъ въ своей статьѣ *Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ* говоритъ: «Нельзя не поражаться страшнымъ процентомъ больныхъ въ то время (въ пятидесятыхъ годахъ). У рѣдкихъ рабочихъ доходило въ мѣсяцъ до 24—26 дней въ работѣ, что даже составляло исключеніе; у большинства же меньше 20 дней, а много есть такихъ, у которыхъ въ мѣсяцъ обходилось по 5 и по 7 дней на работѣ, а *остальное все время значились больными*» **). Этотъ выводъ г. Саввиныхъ основывается на разсчетныхъ книгахъ Удерейской компаніи; познакомившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы можемъ подтвердить, что, дѣйствительно, въ активъ рабочаго обыкновенно записано въ нихъ гораздо меньшее количество рабочихъ дней, чѣмъ можно ожидать, но предположеніе г. Саввиныхъ, что всѣ остальные рабочіе дни являются «больными поденщинами», не только ни на чемъ не основано, но даже прямо опровергается приведенными данными семилѣтняго отчета Удерейской компаніи, гдѣ процентъ больныхъ поденщинъ лишь нѣсколько болѣе 4, а если къ этому прибавить еще одинъ слишкомъ процентъ у «открытія крови и на отдыхѣ», то всего больныхъ поденщинъ окажется 5—6%, а съ прибавкою праздничныхъ дней—до 14%, т.-е. въ мѣсяцъ болѣе 4 нерабочихъ дней. Это заставляетъ предполагать, что извѣстная часть рабочихъ поденщинъ не записывалась въ видѣ штрафа за какіе-либо проступки или въ видѣ вычета за леченье. Къ вопросу о штрафахъ мы, впрочемъ, вернемся ниже.

---

*) См. *М. Манассеина:* „Объ усталости вообще и объ условіяхъ ея развит". Спб., 1893 г., стр. 16 (или въ *Сѣверн. Вѣстн.* 1892 г. № 4).

**) *Сибирскій Вѣстникъ* 1890 г., № 66.

Какъ свидѣтельствуетъ енисейскій врачъ Кривошапкинъ, промысловыя управленія весьма нерѣдко разсчитывали тяжело-больныхъ рабочихъ и «всѣ эти несчастные, разсчитанные и изгнанные страдальцы, кончающіе жизнь свою гдѣ-нибудь недалеко отъ вытолкнувшаго ихъ пріиска, означаются въ больничномъ спискѣ и вѣдомостяхъ выздоровѣвшими». «При каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, завала, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п.,— говоритъ докторъ Кривошапкинъ,— рабочихъ разсчитываютъ, съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ: «разсчитанъ за болѣзнію; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года». Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды... Вѣтры пронизываютъ насквозь его дырявую одежонку, жуетъ онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ, смотрите: одинъ въ конвульсіяхъ умираетъ на дорогѣ, еще въ границахъ пріисковъ, и предается землѣ съ вѣдома пріисковой полиціи жильцами сосѣдняго зимовья. Другого смерть застаетъ гдѣ-нибудь на зимовьѣ... Третій протащится всю тайгу, умретъ гдѣ-нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья... и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра *)... Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ отъ чахотки гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку у забора... Пятый препровождается въ городскую больницу — оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью даже до того, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одною, то другою стороной, обличаютъ въ немъ живого человѣка... Другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ, и засыпаютъ на вѣки черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ такими-то больными наполняется енисейская больница, и число больныхъ въ ней бываетъ втрое противу комплекта... Что же дѣлать врачу..., если нѣтъ ни богадѣльни, ни дома неизлечимыхъ, если компаніи не хотятъ давать пріютъ и на сутки на своихъ подворьяхъ **), если у самихъ больныхъ нѣтъ ни копѣйки за душой, и никакой домохозяинъ не пуститъ ихъ переночевать, если имъ остается лежать на улицахъ, и полиція, поднимая ихъ, руководится однимъ правиломъ: «свозить къ больницѣ, выкладывать тамъ на крыльцо и уѣзжать...»? Принимать — и по совѣсти, и чтобы не подвергнуться отвѣтственности за смерть людей на крыльцѣ больницы, безъ пріюта и помощи ***)... Пробовано было

*) Въ губернаторскихъ отчетахъ мы можемъ найти этихъ несчастныхъ въ отдѣлѣ „происшествій“ на промыслахъ подъ рубрикою замерзшихъ, найденныхъ мертвыхъ тѣл , скоропостижно умершихъ.

**) Исключеніе, по словамъ Кривошапкина, составляла К° Зотовыхъ.

*** „По крайней мѣрѣ, такъ дѣлалъ я,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—подвергая

и чувство человѣколюбія въ золотопромышленникахъ, но оно оказалось прикрытымъ непроницаемою броней, и отвѣтомъ на оффиціальное предложеніе помочь выходу изъ этого состоянія была ссылка на взносъ, дѣлающійся въ поселенческій капиталъ, хотя большая часть (?) изуродованныхъ—вовсе не поселенцы. А вѣдь ничего бы не стоило для всѣхъ компаній сѣверной системы давать ежегодно копѣйки по двѣ съ каждаго фунта золота».

Оффиціальные документы подтверждаютъ слова Кривошапкина. Енисейскій губернаторъ въ предписаніи 30 мая 1856 г. горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа указываетъ на то, что одинъ поселенецъ, присланный въ енисейскую городскую больницу, принятъ не былъ, такъ какъ всѣ кровати были заняты. По словамъ енисейскаго окружнаго начальника, «подобные случаи повторялись неоднократно, въ особенности при выходѣ съ пріисковъ рабочихъ, которые, по непринятіи ихъ въ больницу, не могутъ имѣть въ городѣ никакого призрѣнія». Поэтому губернаторъ предписалъ горнымъ исправникамъ «наблюдать, чтобы заболѣвающіе на промыслахъ рабочіе не были отправляемы въ путь въ болѣзненномъ состояніи, сколько для отвращенія встрѣченныхъ затрудненій въ помѣщеніи ихъ въ енисейскую гражданскую больницу, а не менѣе того и для избѣжанія несчастныхъ послѣдствій, за которыя виновные будутъ отвѣчать предъ Богомъ и правительствомъ».

Горные исправники довели объ этомъ предписаніи до свѣдѣнія золотопромышленниковъ, но послѣдніе мало обратили на него вниманія, и въ августѣ 1858 г. горному исправнику южно-енисейской системы Чайковскому пришлось обратиться къ пріисковымъ управленіямъ своего округа съ циркуляромъ, въ которомъ онъ указываетъ на то, что они, «разсчитывая рабочихъ, оказавшихся неспособными къ работѣ по медицинскому освидѣтельствованію, отправляютъ ихъ съ пріисковъ, предоставляя слѣдовать до жилыхъ мѣстъ произвольно, не обращая вниманія на слабое ихъ состояніе», вслѣдствіе чего «немощные остаются на дорогахъ безъ призрѣнія и съ трудомъ доходятъ до жилыхъ мѣстъ, а нѣкоторые даже въ пути умираютъ». Исправникъ потребовалъ отъ золотопромышленниковъ, уполномоченныхъ и управляющихъ пріисками, чтобы рабочіе, «оказавшіеся неспособными къ работамъ и не имѣющіе достаточно силъ къ слѣдованію, отнюдь не были увольняемы съ пріиска, а помѣщались въ пріисковыхъ боль-

---

себя отвѣтственности и за недослугу бѣлья, которое при двойномъ и тройномъ комплектѣ больныхъ должно было служить безсмѣнно, и за большую цифру умиравшихъ въ больницѣ приказа противу выздоровѣвшихъ, и за недостаточность сохранія порядка и чистоты, когда и число кроватей, и прислуга, и посуда положены были сперва на 25, а потомъ... на 30 больныхъ, а случалось ихъ и по 85 человѣкъ... Въ числѣ умершихъ было много и калѣкъ, для которыхъ у насъ нѣтъ богадѣленъ и неизлечимо-хворыхъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по своду законовъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ были изъ поселенцевъ, тогда какъ до сихъ поръ нѣтъ для нихъ домовъ призрѣнія, что есть въ сводѣ законовъ и на что составился уже огромный экономическій поселенческій капиталъ".

ницахъ впредь до возстановленія ихъ силъ; если же управленіе будетъ считать это для себя обременительнымъ, то обязано такихъ людей отправлять подъ надзоромъ при подводахъ» и не иначе, какъ препроводивъ въ канцелярію исправника, откуда они должны были отправляться партіями черезъ каждыя двѣ недѣли.

Другія показанія Кривошапкина также подтверждаются оффиціальными документами. Такъ, изъ одного циркуляра южно-енисейской системы 1857 г. видно, что въ общемъ губернскомъ управленіи Енисейской губерніи возникла переписка «объ устройствѣ въ Енисейскѣ собственно для призрѣнія пріисковыхъ рабочихъ особаго заведенія». Эта переписка вмѣстѣ съ доставленными Кривошапкинымъ соображеніями о расширеніи круга дѣйствій тамошней больницы «для удобнаго призрѣнія дряхлыхъ и увѣчныхъ» была передана енисейскимъ губернаторомъ на разсмотрѣніе приказа общественнаго призрѣнія, который увѣдомилъ, что на устройство новаго зданія, необходимаго для увеличенія помѣщенія больницы, приказъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ. Тогда енисейскій губернаторъ, принимая во вниманіе, что потребность въ расширеніи больницы вызывается настоятельною надобностью «дать призрѣніе людямъ, возвращающимся съ золотыхъ промысловъ, часто увѣчнымъ и одержимымъ неизлечимыми болѣзнями вслѣдствіе промысловыхъ работъ», пришелъ къ мысли, что гораздо справедливѣе устроить если не въ Енисейскѣ, то на дорогѣ изъ него къ промысламъ особое заведеніе для призрѣнія увѣчныхъ и неизлечимыхъ больныхъ *на счетъ золотопромышленниковъ*, «подобно тому, какъ были устроены ими же на пути къ золотымъ промысламъ больничныя заведенія». По порученію губернатора, горные исправники Енисейскаго округа предложили золотопромышленникамъ представить губернскому начальству свои соображенія по этому предмету, но они сослались на то, что уже вносятъ деньги въ поселенческій капиталъ.

Въ 1859 г. мѣстной администраціи вновь пришлось возвратиться къ вопросу объ обремененіи енисейской городской больницы больными рабочими, разсчитанными съ промысловъ. Въ это время въ енисейской больницѣ, по ходатайству завѣдующаго ею врача, т.-е. Кривошапкина, вмѣсто прежнихъ 25 кроватей, устроено было 30 и, кромѣ того, 10 запасныхъ. Для дальнѣйшаго увеличенія больницы не было средствъ, а, между тѣмъ, скопленіе больныхъ достигало тамъ до 55 человѣкъ, такъ что не хватало ни кроватей, ни прислуги. Такъ какъ накопленіе больныхъ обусловливалось присылкою рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, то приказъ нашелъ необходимымъ предложить исправникамъ Енисейскаго округа, чтобы они «не допускали разсчета и высылки съ пріисковъ рабочихъ, не освѣдомясь предварительно, есть ли въ енисейской больницѣ свободныя кровати. Рабочіе, идущіе на пріиски, заболѣвающіе на пути и присылаемые городскою и земскою полиціями во множествѣ безъ предварительнаго освѣдомленія, также увеличиваютъ число больныхъ сверхъ комплекта». По мнѣнію приказа общественнаго призрѣнія, горные исправники Енисейскаго округа и

общая полиція, освѣдомившись о неимѣніи свободныхъ кроватей въ больницахъ, «могли бы и даже обязаны» были «распорядиться, чтобы въ этой крайности заболѣвающіе пріисковые рабочіе помѣщались въ пріисковыя больницы, нарочно для того устроенныя, а въ городѣ — при конторахъ каждой компаніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказъ предписалъ, чтобъ енисейская городская больница не принимала неизлечимо-больныхъ пріисковыхъ рабочихъ. Кромѣ этого распоряженія приказа, енисейскій земскій судъ получилъ и отношеніе енисейскаго городского врача Кривошапкина, въ которомъ тотъ говоритъ, что онъ «неоднократно доносилъ высшему начальству о безпорядкахъ, происходящихъ въ больницѣ и увеличивающихъ цифру умершихъ отъ того, что съ пріисковъ выпускаютъ больныхъ людей и выпускаютъ безъ призрѣнія. Приказъ общественнаго призрѣнія строго предписалъ конторѣ больницы не принимать сверхъ комплекта и не подлежащихъ пріему по роду болѣзней», между тѣмъ, въ августѣ 1859 г. отъ земскаго суда былъ присланъ въ больницу «такой чахоточный больной, которому остается жить лишь нѣсколько дней и который могъ умереть на дорогѣ, а изъ разсчетнаго листа видно, что онъ разсчитанъ по болѣзни и затѣмъ не препровожденъ попечительно, какъ бы слѣдовало, а выпущенъ просто». Кривошапкинъ просилъ земскій судъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи подобныхъ случаевъ, «могущихъ во множествѣ повториться при общемъ выходѣ рабочихъ съ пріисковъ». Земскій судъ призналъ, что, дѣйствительно, иногда волостными правленіями представляются въ судъ для помѣщенія въ городскую больницу рабочіе съ золотыхъ промысловъ, разсчитанные тамъ по болѣзни безъ всякаго пособія отъ золотопромышленныхъ компаній, и которые, не имѣя силъ для путешествія, остаются въ какой-либо деревнѣ или на дорогѣ, «гдѣ или служатъ къ обремененію жителей, или же окончательно гибнутъ безъ всякаго призрѣнія и помощи»; онъ призналъ также, что эти случаи особенно часто повторялись въ прошедшемъ году передъ временемъ общаго выхода рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, и потому, въ виду приближенія времени осенняго разсчета, земскій судъ «поручилъ» горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа «убѣдить (?!) золотопромышленниковъ, чтобъ они не разсчитывали людей, одержимыхъ болѣзнями, а помѣщали бы ихъ въ пріисковыя больницы для излеченія», хронически же больныхъ, какъ, напримѣръ, чахоточныхъ, не отсылали бы съ промысловъ безъ всякаго призрѣнія, а для облегченія ихъ участи отправляли на свой счетъ до мѣста жительства. Горные исправники написали промысловымъ управленіямъ новые циркуляры и затѣмъ, конечно, все осталось по-старому *).

Возвращаемся къ статистикѣ больныхъ и умершихъ на промыслахъ. На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1851 году было больныхъ 3 %

*) Какое значительное количество рабочихъ разсчитывали на нѣкоторыхъ промыслахъ по болѣзни, видно изъ книгъ Удерейской компаніи 1852 г., гдѣ изъ 140 рабочихъ было уволено по болѣзни 37.

рабочихъ, умерло 5% заболѣвшихъ; въ 1852 году заболѣло 28%, изъ нихъ умерло 3,4%; въ 1853 году заболѣло 41%, умерло 5% заболѣвшихъ.

Лѣтомъ 1854 года горный ревизоръ частныхъ золотыхъ промысловъ поставилъ на видъ управляющимъ промыслами, чтобъ они, для предупрежденія частыхъ случаевъ убійствъ и сильныхъ ушибовъ рабочихъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія работъ въ разрѣзахъ, вели бы ихъ, какъ слѣдуетъ, ибо иначе «всякій смертный случай и увѣчье, происшедшіе отъ завала землею, повлекутъ къ отвѣтственности самихъ управляющихъ». Несмотря на то, въ 1856 г. до августа мѣсяца уже было 4 смертныхъ случая на разныхъ промыслахъ этого округа. Главное управленіе Восточной Сибири предписало горному ревизору принять мѣры къ устраненію подобныхъ несчастій, и въ изданномъ имъ циркулярѣ онъ «просилъ» управляющихъ промыслами «работы въ разрѣзахъ вести по правиламъ горнаго искусства, уступами», какъ при вскрышкѣ турфа, такъ и при добычѣ золотосодержащихъ песковъ, причемъ каждый уступъ долженъ быть отъ 1½ до 2 арш. вышины и не ближе аршина одинъ отъ другого. Въ случаѣ смерти отъ ушиба или членовредительства, управляющій пріискомъ долженъ былъ доносить горному исправнику и оставлять мѣсто, гдѣ произошелъ несчастный случай, безъ обработки, въ томъ самомъ видѣ, до освидѣтельствованія горнымъ исправникомъ, а иначе горный ревизоръ грозилъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о преданіи виновныхъ суду.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Семипалатинской области въ 1855 г. были больницы лишь на трехъ пріискахъ, а въ 1857 г., повидимому, на всѣхъ дѣйствовавшихъ тамъ промыслахъ. Въ Томскомъ золотопромышленномъ округѣ въ 1856 г. было 11 лазаретовъ. На большей части промысловъ Енисейскаго округа были устроены больницы, но на 11-ти промыслахъ въ 1851 г. и на 4-хъ въ 1852 г. ихъ не было вовсе. Въ больницахъ всѣхъ промысловъ Енисейскаго округа было въ 1851 г.—1,262 кровати (одна кровать на 24 рабочихъ) и въ 1852 г.—1,328 кроватей (одна кровать на 23 рабочихъ).

Оффиціальные отчеты не даютъ истиннаго понятія о состояніи больницъ *). На золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1856 г. для завѣдыванія больницами было пять врачей, въ Минусинскомъ одинъ, а бирюсинскіе пріиски посѣщалъ нижнеудинскій окружной врачъ; на чикойскихъ промыслахъ Верхнеудинскаго округа былъ одинъ врачъ, но тамъ чувствовался недостатокъ въ фельдшерахъ. Больницы олекминскихъ промысловъ, по заявленію горнаго исправника Измайлова, требовали «непремѣннаго улучшенія» и необходимо было пригласить на эти промыслы двухъ

*) По отчету о золотыхъ промыслахъ Семипалатинской области (1857 г.), больницы на всѣхъ дѣйствовавшихъ промыслахъ были „въ порядкѣ и достаточно снабжены медикаментами, но киргизы неохотно идутъ туда лечиться; они предпочитаютъ свои средства европейской медицинѣ и только при особой настойчивости управляющихъ лечатся въ промысловыхъ больницахъ. Къ счастію, болѣзни на промыслахъ очень рѣдки, чему много способствуютъ здоровый климатъ и хорошая пища рабочихъ".

медиковъ, такъ какъ на нихъ не было въ то время ни одного врача, а только лекарскіе ученики и одинъ помощникъ. Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ мартѣ 1857 г., указавъ на равнодушіе владѣльцевъ пріисковъ къ облегченію участи больныхъ рабочихъ, просилъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ принять мѣры къ надлежащему устройству госпиталей на олекминскихъ промыслахъ и пригласить для завѣдыванія ими двухъ врачей. Находившіеся въ Иркутскѣ ленскіе золотопромышленники въ отзывѣ на это предписаніе, поданномъ черезъ нѣсколько дней Муравьеву, отвѣчали, что, несмотря на все желаніе, они не могутъ найти врачей, которые согласились бы ѣхать къ нимъ на промыслы, такъ какъ при этомъ они лишаются выгодъ коронной службы, и потому просили назначить трехъ медиковъ отъ правительства съ правами, присвоенными служащимъ на коронныхъ заводахъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ издержки на нихъ и жалованье имъ падали на счетъ золотопромышленниковъ *). Ходатайство ихъ было исполнено, и въ Олекминскій округъ было назначено правительствомъ три врача **).

Каково было дѣйствительное состояніе пріисковыхъ больницъ, насколько могли находить въ нихъ врачебную помощь рабочіе, видно изъ свидѣтельства такого компетентнаго лица, какъ докторъ Кривошапкинъ. «Пріисковыя больницы,—говоритъ онъ,—имѣютъ весьма хорошій видъ, а для тайги и лечащихся въ больницѣ рабочихъ нѣкоторыя даже слишкомъ роскошны (?): хорошій домикъ, построенный правильно, съ корридоромъ; на окнахъ шторы, на кроватяхъ чистыя принадлежности; въ аптекѣ много медикаментовъ, такъ что фельдшера воруютъ, не будучи замѣчены; можетъ быть порядочная и пища ***). Но этимъ все и кончается. Такъ какъ больницы пріисковыя не поручены мѣстному врачебному надзору, то для чиновъ немедицинскихъ онѣ прекрасны. Въ какой же степени выполняютъ цѣль, беру смѣлость судить я, какъ очевидецъ, на служебной дѣятельности котораго это очень отзывалось... Больница есть такого рода заведеніе, гдѣ лечатъ больныхъ съ цѣлью выздоровленія ихъ... Золотопромышленники же и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ коммерческой точки зрѣнія: они говорятъ, что наши пріиско-

*) Въ составленномъ ими при этомъ постановленіи они назначили каждому доктору (съ обязательствомъ для него жить безвыѣздно на промыслахъ и зимою) по 2,000 руб., съ готовою квартирой, освѣщеніемъ, отопленіемъ и съ готовымъ продовольствіемъ по числу членовъ его семейства; уволить доктора золотопромышленники могли не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, причемъ они должны были дать врачу средства для выѣзда съ промысловъ.

**) Въ 1858 году на енисейскихъ промыслахъ было уже семь врачей, и [illegible]синскихъ и ачинскихъ 1, на олекминскихъ — 3, на канскихъ и нижнеудинск[illegible]—1 и въ Забайкальской области—1; на верхнеудинскихъ промыслахъ, попрежнему, чувствовался недостатокъ въ лекарскихъ ученикахъ. Сверхъ того, на промыслахъ Енисейскаго округа была одна акушерка.

***) Больнымъ давали супъ съ мясомъ или съ пшеннымъ хлѣбомъ, какую-нибудь жидкую кашицу изъ гречневыхъ или ячменныхъ крупъ, или кисель.

выя больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо. Но, вѣдь, изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затяжно больныхъ». Сообщивъ далѣе уже извѣстные намъ факты объ изгнаніи съ промысловъ серьезно заболѣвшихъ рабочихъ, Кривошапкинъ продолжаетъ: «При больницахъ имѣется по фельдшеру и имѣются врачи, которые завѣдуютъ обыкновенно множествомъ больницъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ на разныхъ пріискахъ и у разныхъ хозяевъ... Они же вскрываютъ трупы въ судебно-медицинскихъ случаяхъ и такимъ образомъ дѣлаются судьями тѣхъ хозяевъ, у которыхъ сами нанялись служить. Это и неестественно, и смѣшно *). Пора бы назначить врача отъ правительства для дѣлъ судебно-медицинскихъ на пріискахъ... А что за фельдшера, которымъ поручаются пріисковыя больницы? Одинъ... сосланный за кражу и т. п. и объявившій себя годнымъ въ фельдшера за знаніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ и умѣнье читать по-латыни. Другой хотя и изъ отставныхъ дѣльныхъ фельдшеровъ, но тянетъ горькую и выпиваетъ всѣ спирты и тинктуры. Третій изъ аптекарскихъ помощниковъ, и если знаетъ пріемъ лѣкарствъ, то ему темны анатомія, наука о переломахъ, перевязка и т. п., что особенно нужно на пріискахъ. А четвертый не только этихъ наукъ, но и пріема лѣкарствъ знать не можетъ, какъ зубной врачъ, но за слово «врачъ» онъ даже можетъ предпочитаться другимъ. Пятый... ну, да большею частью все въ этомъ же родѣ». «Врачи же пріисковые,—говоритъ Кривошапкинъ въ другомъ мѣстѣ,—поставлены большею частью такъ, что видятъ, да не видятъ, и все зависитъ отъ управляющихъ. Если врачъ и видитъ негодность лица быть фельдшеромъ, а того хочетъ управляющій на томъ основаніи, что онъ не бѣлоручка—берется и воду, и дрова носить, т.-е. прислуги не нужно,—или что можетъ управляющему поучить грамотѣ дѣтей, перебѣлить бумагу и т. п.», или землякъ ему и родственникъ,—«нужно кусокъ хлѣба дать, или ловкій пройдоха и можетъ быть «на всякій случай» правою рукой. А врачъ?—онъ только и существовать можетъ у мѣста при безмолвіи, потому что нанимаютъ его, какъ и всякаго служащаго, на лѣтнюю операцію копѣекъ по 80 съ человѣка, по числу команды; кончилась операція, врачъ и свободенъ, а не угодилъ, такъ и не возьмутъ на слѣдующую операцію» **). Изъ всего сказаннаго выше видно,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—«что внутреннее достоинство пріисковыхъ больницъ и самое леченіе далеко не идутъ въ уровень съ наружнымъ видомъ больницъ».

---

*) Такой же неестественный порядокъ продолжается и до сихъ поръ на сибирскихъ промыслахъ.

**) Какъ мы видѣли выше, въ олекминскій округъ врачи были назначены Муравьевымъ на иныхъ основаніяхъ, но въ настоящее время они и здѣсь находятся въ такой же зависимости отъ золотопромышленниковъ, какъ и въ остальныхъ промысловыхъ округахъ.

IV.

Наказанія рабочихъ ссыльно-поселенцевъ и мѣщанъ.—Денежные штрафы.—Тѣлесныя наказанія.—Досрочный разсчетъ.—Бѣгство рабочихъ съ промысловъ.

Въ 1856 г. въ Восточной Сибири былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какимъ наказаніямъ слѣдуетъ подвергать ссыльно-поселенцевъ, работающихъ на золотыхъ промыслахъ. Пріисковые рабочіе за лѣность, пьянство, запрещенную картежную игру, побѣги и другіе маловажные проступки подвергались, по словесному приговору артельной расправы или горныхъ исправниковъ, удержанію нѣкоторой части слѣдующей имъ платы въ пользу артели или, смотря по винѣ и по слѣдствіямъ проступка, наказанію розгами не болѣе 50 ударовъ *). Но такъ какъ въ числѣ рабочихъ на промыслахъ было много ссыльно-поселенцевъ, которые, въ случаѣ совершенія ими преступленія и проступковъ до перечисленія въ званіе государственныхъ крестьянъ, должны были подлежать сужденію и наказанію не по общему уголовному закону, а по особымъ, собственно для нихъ изданнымъ, правиламъ **), то въ виду этого мѣстныя власти Восточной Сибири возбудили вопросъ, въ какой мѣрѣ 651 ст. улож. (15 августа 1845 г.) можетъ быть примѣняема къ рабочимъ изъ ссыльныхъ? Нѣкоторыя изъ этихъ властей указывали на необходимость усилить строгость взысканія собственно за побѣги съ пріисковъ рабочихъ изъ ссыльныхъ? находя недостаточнымъ подвергать ихъ за отлучки съ промысловъ дисциплинарному наказанію по 651 ст. улож., подобно рабочимъ изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, онѣ предлагали распространить на эти случаи тѣ строгія карательныя мѣры, какія опредѣлены ссыльнымъ за побѣги ихъ съ мѣстожительства ***).

---

*) На основаніи 651 ст. улож. о наказ. и 2396-й и 2420-й горнаго устава, по продолж. т. XV, ч. 2-я.

**) Новая редакція VIII главы устава о ссыльныхъ 18 мая 1855 года.

***) Горный исправникъ Верхнеудинскаго и Иркутскаго округовъ Поротовъ находилъ необходимымъ распространить на поселенцевъ за побѣги съ пріисковъ наказанія сообразно съ назначенными для нихъ въ 1791 ст. устава о ссыльныхъ (изд. 1842 г.) за самовольную отлучку изъ мѣстожительства въ слѣдующемъ размѣрѣ: за первый побѣгъ наказаніе розгами 100 ударами [съ возвращеніемъ] на пріиски; за второй—наказаніе 25 ударами плетьми, также съ возвращеніемъ на пріиски; за третій—отъ 35 до 40 ударовъ плетьми и отсылка въ ближайшій заводъ въ каторжную работу на 1 годъ (за всѣ эти три побѣга наказанія назначались полицейскою властью) и, наконецъ, за четвертый побѣгъ опредѣлять наказанія по судебному приговору на основаніи 1799 ст. устава о ссыльныхъ (40 ударами плетьми и съ отд[ачей] въ каторжную работу). Горный исправникъ Канскаго и Минусинскаго округовъ [по]несъ енисейскому губернскому правленію, что въ 1856 году, при поимкѣ бѣжавш[ихъ] съ промысловъ рабочихъ, онъ на основ. 1791 ст. новой редакціи наказывалъ, по своему постановленію, за первый побѣгъ 20 ударами плетьми, послѣ чего „втор[ыхъ] побѣговъ“ они „уже не дѣлали“. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, при разсмотрѣніи вопроса о наказаніи ссыльныхъ за побѣги, также выска[залъ] мнѣніе, что если ихъ подвергать наказанію наравнѣ съ другими рабочими на [промыслахъ]

Вопросъ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе и разрѣшеніе министра финансовъ, а тотъ вошелъ въ сношеніе съ управляющимъ вторымъ отдѣленіемъ Собствен. Е. В. канцеляріи гр. Блудовымъ. Этотъ послѣдній (въ 1858 г.), прежде всего, разсмотрѣлъ вопросъ о примѣненіи къ поселенцамъ вообще постановленій 651 ст. улож. и высказалъ такое мнѣніе: что касается преступленій и проступковъ, за которые по уложенію виновные подвергаются наказанію, не восходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ и лишенію особенныхъ правъ состоянія, то за нихъ въ новой редакціи устава о ссыльныхъ (18 мая 1855 г.) вовсе не положено особыхъ мѣръ наказанія и назначеніе ихъ предоставлено самимъ начальствамъ виновныхъ поселенцевъ и дозволено имъ возвышать наказаніе до 100 ударовъ розгами съ отдачею въ работу на заводъ или же въ арестантскую, или въ поселенческую рабочую роту на время до одного года (ст. 1769). Находя, что виновные поселенцы должны быть наказываемы на основаніи этого постановленія, гр. Блудовъ замѣчаетъ: «кажется, что упомянутый выше крайній размѣръ наказанія не долженъ казаться слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ тою мѣрой, которая положена для рабочихъ изъ свободныхъ состояній». Далѣе гр. Блудовъ высказался за то, чтобы артельнымъ расправамъ и горнымъ исправникамъ было дозволено подвергать ссыльныхъ наказанію до 50 ударовъ розгами и заключенію не болѣе, какъ на недѣлю, при опредѣленіи же наказаній, превышающихъ эту мѣру, они должны испрашивать разрѣшеніе высшаго начальства. Переходя, наконецъ, къ разсмотрѣнію вопроса о мѣрѣ наказанія ссыльныхъ собственно за побѣги съ промысловъ, гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что для правильнаго его разрѣшенія «необходимо обратить вниманіе на различіе въ самомъ родѣ и, такъ сказать, въ характерѣ отлучки рабочаго съ промысловъ», на которые онъ нанятъ. Если ссыльный, оставивъ хотя и своевольно работы, отправился къ мѣсту своего постояннаго жительства и явился въ свое селеніе или волость (какъ это большею частью и бываетъ), то едва ли есть основаніе признавать его бѣглецомъ, такъ какъ рабочіе изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, отлучающіеся такимъ образомъ съ промысловъ, не подлежатъ дѣйствію правилъ о бродяжествѣ. «Въ подобныхъ случаяхъ достаточно подвергнуть виновнаго поселенца за своевольство и нарушеніе заключеннаго въ установленномъ порядкѣ контракта, примѣняясь къ постановленіямъ 651 ст. улож., одному лишь дисциплинарному наказанію, опредѣленному въ ст. 1769 и 1770 устава о ссыльныхъ, VIII гл. нов. ред. (maximum наказанія, опредѣленное статьею 769 г., указано выше). Но если, отлучившись съ промысловой работы, бѣглецъ не явится въ свое селеніе или, будучи пойманъ на дорогѣ, не въ

ыслахъ по 651 ст. улож., то это поведетъ къ увеличенію ихъ побѣговъ, такъ какъ ни „за побѣгъ съ пріисковъ понесутъ болѣе слабое наказаніе, нежели за побѣгъ съ мѣста причисленія или жительства“, и что потому горные исправники должны наказывать рабочихъ и ссыльныхъ за побѣги съ промысловъ и другіе проступки на основаніи новой редакціи устава о ссыльныхъ.

состоянiи будетъ доказать, что онъ шелъ къ мѣсту своего жительства, то справедливо, кажется, приговорить его къ наказанiю по общимъ правиламъ о бѣглыхъ ссыльныхъ»*).

Министръ финансовъ согласился съ мнѣнiемъ гр. Блудова, точно также какъ и министръ государственныхъ имуществъ гр. Муравьевъ, послѣдній съ тою оговоркой, чтобы взысканiе съ волостного и сельскаго начальства производилось лишь въ томъ случаѣ, когда его виновность въ «передержательствѣ» бѣглыхъ будетъ обнаружена слѣдствiемъ и чтобы пойманные сельскими властями бѣглые рабочiе были передаваемы мѣстному земскому начальству для высылки ихъ на промысла. Золотопромышленники были очень недовольны распоряженiемъ, сдѣланнымъ по этому поводу министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1858 г., и находили, что вслѣдствiе слабости взысканiя, опредѣленнаго въ немъ за побѣги, эти послѣдніе очень усилились.

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ возникъ также вопросъ, могутъ ли мѣщане, нанимающiеся на золотые промысла, подвергаться за побѣги и прочiе проступки полицейской расправѣ. Правительствующiй сенатъ нашелъ, что на основанiи законовъ о мѣщанахъ тѣ изъ нихъ, которые нанимались на пріиски, не могутъ быть подвергаемы за проступки тѣлесному наказанiю наравнѣ съ крестьянами и ссыльно-поселенцами по приговору артельной расправы, но могутъ быть исправляемы другими мѣрами, постановленными на тѣ же случаи въ 651 ст. уложенiя о наказанiяхъ, а именно удержанiемъ у нихъ части изъ платы въ пользу артели.

Переходимъ къ разсмотрѣнiю тѣхъ взысканiй и наказанiй, которымъ рабочiе подвергались на промыслахъ на основанiи ихъ договоровъ съ золотопромышленниками, причемъ мы увидимъ, что въ контрактахъ 50-хъ годовъ артельная расправа не играетъ уже той видной роли, какъ прежде, и чувствуется усиленiе произвола пріисковыхъ управленiй.

Мы видѣли, что и за леченiе дѣйствительно больныхъ нѣкоторыя компанiи дѣлали съ рабочихъ извѣстные вычеты, уклоняющiеся же отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни вездѣ подвергались тѣмъ или другимъ штрафамъ, хотя фельдшера, о которыхъ намъ далъ хорошее понятiе Кривошапкинъ, конечно, были и не въ состоянiи отличить притворяющагося отъ дѣйствительно больнаго **). Въ договорѣ 1859 г. съ Асташевымъ рабочiе

*) Сибирскiя власти предлагали, кромѣ того, взыскивать съ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ за невысылку на пріиски бѣглыхъ рабочихъ (на основ. 1201 ст. уложенiя) по два рубля за каждаго. Это предложенiе гр. Блудовъ нашелъ основательнымъ.

**) По договору съ Онуфровичемъ 1854 г., съ рабочихъ, притворно объявившихъ себя больными, пріисковому управленiю предоставлялось право вычитать не только стоимость продовольствiя, но и за употребленныя (на леченiе здоровыхъ?) лѣкарства каждый день по 15 коп. По договору съ Коноваловымъ (1855 г.), съ тѣхъ, „кто явится къ работѣ въ назначенное время по лѣности или упрямству“, пріисковое управленiе имѣло право взыскивать по 1 р. с. за каждый прогульный день, между тѣмъ какъ по договору съ тѣмъ же Коноваловымъ 1842 г. полагалось взыскивать

предоставляли пріисковому управленію право «взыскивать съ безусловно провинившихся, а именно: изобличенныхъ при урочной работѣ въ подвозкѣ таратаекъ съ пескомъ вѣсомъ менѣе опредѣленнаго считать двѣ таратайки за одну; за отлучку безъ позволенія съ пріиска, за невыходъ на работу чрезъ лѣность и нерадѣніе подъ предлогомъ болѣзни, за отбытіе съ работъ ранѣе опредѣленнаго времени взыскивается и *записывается въ плату* въ разсчетный листъ по 1 р. 50 к. въ каждый день или подвергать себя полицейскому исправленію (т.-е. тѣлесному наказанію) горнымъ исправникамъ *или* артельною расправой». Тутъ, прежде всего, обращаютъ вниманіе слова: вычеты «записываются въ плату», т.-е., вѣроятно, заносятся какъ бы выданные деньгами, «со счета кассы» по пріисковой терминалогіи. Изъ договоровъ съ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы также видимъ, что размѣръ вычетовъ съ теченіемъ времени все увеличивается. Это заставляетъ думать, что условія о штрафахъ не оставались пустою формальностью, иначе ихъ незачѣмъ было бы увеличивать *).

Въ договорахъ съ рабочими назначались вычеты не только за уклоненіе отъ работы, но и за недоработку урока **). Силы рабочаго напрягались для исполненія урока, такъ какъ за недоработку въ будни ему грозилъ вычетъ по старательской оцѣнкѣ, хотя вознагражденіе за трудъ полагалось по будничной, гораздо болѣе дешевой нормѣ.

Различныя наказанія грозили рабочимъ за неповиновеніе пріисковымъ властямъ ***). По договору съ Коноваловымъ 1855 г. за неповиновеніе, непослушаніе и непочтительность рабочихъ «имѣли право хозяинъ, управля-

---

за уклоненіе отъ работъ по 1 руб. *асс.*, и то лишь въ случаѣ прогула болѣе трехъ дней. По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), за уклоненіе отъ работъ, какъ и по договору 1843 г., назначался вычетъ въ размѣрѣ 1 руб. за каждый день, проведенный безъ работы, а по договору 1859 г., за пребываніе въ лазаретѣ съ притворною болѣзнью опредѣлено уже взыскивать по 1 р. 50 к.

*) По договору съ К° Рязановыхъ 1851 г. за уклоненіе отъ работъ и требованіе разсчета прежде срока компаніи предоставлялось за каждый прогульный день вычитать по 1 р. 50 к. По договору съ тою же К° 1854 г., пріисковое управленіе за самовольную отлучку, несвоевременный выходъ на работу, преждевременный уходъ съ нея и за уклоненіе отъ работы подъ предлогомъ болѣзни имѣло право вычитать съ виновнаго за каждый недоработанный часъ 50 к., за полдня 2 руб. и за цѣлый день 3 р., а въ договорѣ 1855 г. еще прибавлено: „за непротирку песковъ взыскивать при малѣйшемъ знакѣ золота въ откидныхъ отвалахъ, какъ бы за золотникъ онаго, по 4 р.“.

**) По договору Асташева 1853 г. съ рабочими, нанявшимися для снятія турфа, хозяинъ выговорилъ себѣ право дѣлать вычетъ за каждую недоработанную сажень въ размѣрѣ старательской платы, за исключеніемъ того случая, если встрѣтится мерзлота. По нѣкоторымъ договорамъ, вычетъ назначался лишь за недоработку, превышающую $^1/_4$ или $^1/_3$ сажени.

***) Въ договорѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. была почти дословно повторена статья закона 30 апрѣля 1838 года, по которой рабочіе подвергались за различные проступки наказанію по приговору артельной расправы прибавкою работы, вычетомъ въ пользу артели и розгами до 100 ударовъ или „полицейскому исправленію“ чрезъ горнаго исправника.

ющіе и старшіе прикащики *взыскивать»* съ нихъ *«по усмотрѣнію сами* или отдавать на расправу артели». Тутъ уже, очевидно, пріисковому управленію предоставлялась возможность самому подвергать рабочихъ тѣлесному наказанію, хотя по закону это право принадлежало только артельной расправѣ и горнымъ исправникамъ. По договорамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), «въ случаѣ прекащенія работъ ранѣе означеннаго въ контрактѣ срока всею артелью, на промыслѣ находящеюся, или скопищами изъ нѣсколькихъ человѣкъ, а въ особенности... съ намѣреніемъ препятствовать продолженію работъ другими артелями виновные», сверхъ денежнаго взысканія за нерабочіе дни въ пользу Асташева, «за нарушеніе порядка и условія подвергаются отвѣтственности предъ судомъ». Наконецъ, по договору 1858 г., рабочіе, нанявшіеся къ Асташеву для вскрыши торфа, прямо предоставляли промысловому управленію дѣлать съ нихъ *«полицейское* взысканіе» въ случаѣ лѣности, неповиновенія и грубости. Такимъ образомъ, не предоставленное закономъ пріисковымъ управленіямъ право подвергать рабочихъ по собственному усмотрѣнію (безъ посредства артельной расправы) тѣлесному наказанію теперь уже откровенно выговорилось золотопромышленниками въ договорахъ найма. Быть можетъ, впрочемъ, прежде золотопромышленники пользовались этимъ правомъ на дѣлѣ безъ всякихъ договоровъ и стали упоминать о немъ въ контрактахъ лишь тогда, когда оно стало подвергаться отрицанію или сомнѣнію подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ.

Рабочіе въ договорахъ пытались оградить себя отъ крайней жестокости со стороны промысловаго управленія, но самая форма подобныхъ оговорокъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало была защищена ихъ личность отъ суроваго произвола. Въ договорѣ съ Коноваловымъ (1855 г.) сказано: «Въ огражденіе себя поставляемъ въ непремѣнное наше требованіе, чтобы не было причиняемо намъ самовольно безъ вѣдѣнія управляющаго промысломъ *служителями тяжкихъ* побоевъ и *другихъ жестокостей*, вредныхъ здоровью, а поступлено бы было за всякіе противные проступки съ нами согласно уложенія о частной золотопромышленности въ Сибири §§ 51 и 55» (т.-е. по постановленію артельной расправы). Самая необходимость подобной оговорки свидѣтельствуетъ, что кулаки и розги пускали въ ходъ даже и низшіе промысловые служащіе, а что тѣлесное наказаніе производилось по усмотрѣнію самой пріисковой администраціи, это видно и изъ текста приведенныхъ выше договоровъ *).

Такимъ образомъ, и безъ свидѣтельства очевидцевъ мы могли бы не сомнѣваться въ томъ, что пріисковые служащіе часто пускали въ ходъ розги и кулаки, но мы можемъ сослаться и на показаніе Кривошапкина,

*) Въ договорахъ съ Асташевымъ рабочіе также ставили условіемъ не причинять имъ „самовольно тяжкихъ побоевъ и жестокостей, здоровью вредныхъ", какъ это подсказывалось и текстомъ закона 1838 года, однако же, претензіи по этому поводу они должны были предъявлять или немедленно, или при первой возможности, иначе не принимались во вниманіе.

по словамъ котораго были «извѣстны случаи», что довѣренные сѣкли рабочихъ, когда они «либо не заслуживали никакого наказанія, либо подлежали уже судебнымъ разбирательствамъ». По словамъ г. Саввиныхъ, въ «страшное и темное время сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ» золотопромышленники «не знали себѣ границъ въ жестокостяхъ и деспотизмѣ къ рабочимъ. Сейчасъ хотя и рѣдко,—продолжаетъ онъ,—но встрѣчаются на пріискахъ дряхлые старики, всю жизнь свою пробывшіе на пріискахъ,—эти могикане, служащіе намъ живою лѣтописью давно минувшихъ дней, вынесшіе на своихъ плечахъ весь ужасъ того страшнаго времени, когда *на бортахъ разрѣзовъ лежали вороха приготовленныхъ розогъ*, когда рабочій не могъ пикнуть безнаказанно даже въ томъ случаѣ, когда онъ въ изнеможеніи не могъ работать» *).

По нѣкоторымъ контрактамъ рабочимъ за дурное поведеніе грозилъ переводъ на хуже оплачиваемую работу, какъ, напримѣръ, изъ «цеховыхъ» въ чернорабочіе. Во многихъ договорахъ пріисковыя управленія предоставляли себѣ право разсчитывать во всякое время по своему усмотрѣнію рабочихъ, для которыхъ такой досрочный разсчетъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, тѣмъ болѣе, что мѣстная администрація начинаетъ въ 50-хъ годахъ принимать мѣры для высылки съ пріисковъ уволенныхъ рабочихъ. Горный исправникъ южно-енисейской системы Чайковскій, обративъ вниманіе на то, что разсчитанные рабочіе «шатаются по пустымъ зимовьямъ и могутъ допустить себя до преступленій», въ циркулярѣ отъ 8 августа 1858 г. просилъ пріисковое управленіе всѣхъ разсчитанныхъ рабочихъ представлять къ нему «для отправленія ихъ партіями при старостахъ». Въ нѣкоторыхъ договорахъ хозяева выговаривали себѣ еще болѣе важное право нанять на счетъ разсчитаннаго другого рабочаго, «хотя и съ передачею въ цѣнѣ», причемъ разсчитанные должны были отвѣчать всею своею собственностью, какая найдется не только при нихъ, но и на мѣстѣ ихъ причисленія. Впрочемъ, это постановленіе едва ли когда-либо примѣнялось.

Высшею полицейскою властью въ промысловыхъ округахъ были горные исправники (переименованные изъ особыхъ засѣдателей земскаго суда). Завѣдываніе техническою частью находилось въ рукахъ горныхъ ревизоровъ (изъ числа горныхъ инженеровъ). Козачьи команды, находившіяся на промыслахъ для охраненія порядка, подчинялись горнымъ исправникамъ **).

Бѣгство рабочихъ съ промысловъ происходило не въ особенно значительныхъ размѣрахъ, волненій же ихъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Въ пятидесятыхъ годахъ бѣжало съ промысловъ всей

---

*) *Сибирскій Вѣстникъ* 1890 г., № 64. Къ приведеннымъ словамъ автора редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: „Ужасы эти дѣйствительно были. Теперь, слава Богу, они рѣдки, но не совсѣмъ немыслимы, и нѣчто подобное происходитъ на пріискахъ иногда и нынѣ“.

**) На промыслахъ восточной Сибири въ 1856 — 57 гг. было отъ 310 до 324 казаковъ.

Восточной Сибири отъ 2,6% до 4,1% рабочихъ; изъ числа бѣжавшихъ ловили отъ 29 до 38%. Съ промысловъ Енисейской губ. въ этотъ же періодъ времени бѣжало отъ 2 до 4,8% рабочихъ, причемъ процентъ бѣжавшихъ къ концу этого десятилѣтія сталъ видимо уменьшаться *); изъ числа бѣжавшихъ ловили отъ 19 до 41%. Относительно южно-енисейской системы мы имѣемъ данныя (1856—59 гг.), которыя показываютъ, что бѣжали преимущественно поселенцы, а именно въ 1856 г. поселенцы составляли 83% бѣжавшихъ, въ 1857 г.—80%, въ 1858 г.—79% и, наконецъ, въ 1859 г.—71%. Постепенное уменьшеніе процента бѣглыхъ изъ ссыльно-поселенцевъ объясняется и вообще уменьшеніемъ процента поселенцевъ въ числѣ пріисковыхъ рабочихъ.

Что приходилось выносить рабочему, рѣшившемуся бѣжать съ пріиска, хорошо рисуется въ воспоминаніяхъ одного ссыльно-поселенца, нанявшагося на пріиски Енисейскаго округа въ 1857 г. и вскорѣ бѣжавшаго съ нихъ.

Съ мѣста причисленія онъ шелъ съ своею партіей до г. Енисейска въ мартѣ мѣсяцѣ 18 дней. Проживши здѣсь одни сутки, они получили по полпуда сухарей и отправились въ тайгу за 270 верстъ, куда шли 10 сутокъ. По прибытіи на пріискъ имъ дали отдохнуть одни сутки, а затѣмъ пошла ежедневная работа, и начинавшаяся, и кончавшаяся по колокольчику; послѣ звонка подрядчики и козаки гнали всѣхъ на „раскомандировку". „Какъ другіе, такъ и я началъ отваливать мерзлую землю, вывозить ее на лошадяхъ или на себѣ въ тачкѣ... Къ сѣверу отъ Енисейска климатъ холодный и очень непостоянный... Какъ во время дождя или послѣ снѣга придется возить одноколесную тачку, такъ и бѣда. Колесо... не имѣетъ ходу, самому также нѣтъ возможности идти; нога скользитъ, спотыкаешься, падаешь... а тутъ еще руки опухли отъ работы, ослабъ весь, но нѣтъ тебѣ никакой поддержки въ болѣзненномъ положеніи, никакого облегченія... Пища худая, лечить не думаютъ **)... Наконецъ, прекратилось наше терпѣніе... коренные хорошіе работники не въ состояніи стали выносить тягости работъ и разбѣжалось около 70 человѣкъ". Бѣжалъ и авторъ воспоминаній со своимъ пріятелемъ. Цѣлую ночь бѣжали они, не останавливаясь, по лѣсу, выбрались на енисейскую дорогу и стали пробираться лѣсомъ неподалеку отъ нея. Однако, на третьи сутки безъ пищи они стали ослабѣвать, но проѣзжающій старикъ далъ имъ маленькій хлѣбецъ. Вдругъ около берега широкой и быстрой рѣчки, пересѣкающей дорогу, они увидѣли огонь. „Два козака побѣжали за нами, и мы, не разсчитывая тогда на жизнь и не дорожа ею... бросились въ рѣчку, кое какъ переплыли ее, поднялись на берегъ и ударились прямо въ гору. Бѣжали мы тутъ безъ души—долго, очень долго и остановились тогда только", когда не могли уже бѣжать дальше. „Мокрое платье стало застывать на тѣлѣ; мы начали мерзнуть и принуждены были развести огонь, чтобы высушиться и отогрѣться. Утромъ на разсвѣтѣ слышимъ началась переправа черезъ рѣчку для нашей поимки: повелительные крики козаковъ и лай собакъ раздавались гдѣ-то не очень далеко. Видимъ, нечего намъ тутъ охать и мѣшкать, схватили мы свои котомки и бросились въ путь. Голодъ уже порядочно истощилъ насъ, мы были слабы, а потому и бѣгство наше было нелегкое. Мы часто спотыкались и падали, пробираясь по сухому лѣсу, но не думали ни разу остановиться, хоть для небольшого отдыха, и все бѣжали впередъ и впередъ... А какъ

*) На нѣкоторыхъ промыслахъ процентъ бѣжавшихъ значительно выше: такъ, пріисковъ Удерейской К° въ 1852 г. бѣжало почти 16%; это объясняется небольшими заработками рабочихъ этой компаніи, что въ свою очередь могло зависѣть отъ страшной дороговизны вещей и припасовъ въ пріисковыхъ магазинахъ.

**) Дѣло идетъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, о пріискахъ Голубкова и Бенар

ристое было это мѣсто! Только и знали мы, что подниматься въ гору, да спускаться съ горы". Наконецъ, они заблудились. „Обезсиленные и голодные, рѣшились мы ночевать на горѣ, покрытой мохомъ, разложили огонь и сварили чаю... Чай и котелокъ мы захватили еще съ пріиска". Настали, наконецъ, девятыя сутки со времени ихъ бѣгства, а они не употребляли „никакой пищи, кромѣ маленькаго хлѣба, подареннаго проѣзжимъ старикомъ. Голодъ сильно насъ мучилъ, мы теряли почти послѣднія силы", когда, наконецъ, напали на тропинку, но были не въ силахъ двигаться далѣе и расположились на ночлегъ. На десятыя сутки голода они стали уже прощаться другъ съ другомъ и готовиться къ смерти, какъ вдругъ увидѣли полевой лукъ, поѣли его немного, захватили съ собою про запасъ и, освѣжившись, двинулись впередъ. Скоро тропинка по берегу рѣки вывела ихъ на то мѣсто, гдѣ они спаслись бѣгствомъ отъ козаковъ. Переправившись вплавь черезъ рѣчку и чуть не утонувъ при этомъ, бѣглецы, высушивъ одежду на разведенномъ огнѣ, отправились дальше въ путь. „Шатаясь, какъ полумертвые, послѣ каждыхъ 10 шаговъ мы опускались на землю для отдыха и, разсматривая при этомъ другъ друга, не могли надивиться постнымъ, блѣднымъ и страшнымъ нашимъ лицамъ. Въ двѣнадцатыя сутки вышли мы на дорогу", легли совершенно обезсиленные и стали вновь прощаться другъ съ другомъ. Но тутъ ихъ нашли „золотопромышленники", т.-е. пріисковые рабочіе, шедшіе съ одного дальняго пріиска, которые и насыпали имъ въ шапку сухарей. Размочивъ часть ихъ въ ручейкѣ, бѣглецы подкрѣпились.

На слѣдующій день они подошли къ какому-то зимовью, и такъ какъ у нихъ было съ собою немного денегъ, то захотѣли купить у зимовщика сухарей, но не успѣли ихъ взять, какъ увидѣли спускающихся съ горы всадниковъ. Зимовщикъ указалъ имъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ можно было скрыться, но тутъ авторъ воспоминаній наткнулся на собакъ зимовщика и, спасаясь отъ нихъ, потерялъ своего товарища. На другой день Кузнецовъ *) былъ арестованъ козакомъ, который поѣхалъ съ нимъ обратно къ зимовью. На встрѣчу имъ попался товарищъ Кузнецова, который на вопросъ козака о видѣ не потерялся и досталъ изъ котомки пріисковый разсчетный листъ. Безграмотный козакъ удовлетворился этимъ, но потомъ, подслушавъ разговоръ Кузнецова съ зимовщикомъ, арестовалъ его товарища. Козакъ препроводилъ ихъ на Алиндахское зимовье и сдалъ другому козаку, но тотъ надѣлилъ каждаго изъ нихъ четырьмя фунтами сухарей и отпустилъ, указавъ путь, идя по которому они могли встрѣтить двухъ рыболововъ и спокойно тамъ отдохнуть. Когда они уже скрылись, добрый козакъ поднялъ тревогу, но направилъ ее въ противуположную сторону. Они легко добрались до рыболововъ; тутъ, вслѣдствіе фальшивой тревоги, товарищъ Кузнецова бросился въ лѣсъ и не возвратился, но младшій изъ рыболововъ, какъ оказалось, тайно служившій по найму на рыбномъ промыслѣ, рѣшился замѣнить Кузнецову его товарища и пустился съ нимъ въ путь. Хозяинъ, вмѣсто денежной платы, далъ ему мѣшокъ сухарей. За ночь они изготовили себѣ плотъ и по р. Алиндахѣ выплыли къ р. Питъ. Тутъ холодный сѣверный вѣтеръ заставилъ ихъ пристать къ берегу, чтобы развести огонь и отогрѣться. Когда стемнѣло, Кузнецовъ вдругъ увидѣлъ медвѣдя, который поднялся на заднія лапы и съ страшнымъ ревомъ бросился на него. „Не имѣя въ рукахъ ни малѣйшей обороны, я успѣлъ только сложить на груди руки и сталъ ожидать смерти. Но вдругъ, стремясь ко мнѣ, медвѣдь наткнулся на спящаго моего спутника и остановился надъ нимъ. Онъ раскрылъ у него сперва одежду, какъ человѣкъ, приподнялъ за плеча, а потомъ сразу запустилъ ему въ тѣло когти и сталъ немилосердно рвать лапами и грызть зубами... Скоро все смолкло—и ревъ медвѣдя, и вопли несчастнаго"... Когда начало свѣтать, Кузнецовъ прыгнулъ на плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ, но тотчасъ услышалъ умоляющій голосъ товарища, который просилъ не покинуть его и взять съ собою. Оказалось, что „на головѣ у него клочьями болталась кожа и страшно нависла надъ глазами, а самъ онъ весь былъ

*) Этимъ именемъ подписаны воспоминанія.

мокрый". Кузнецовъ усадилъ его на плотъ, доплылъ съ нимъ до Питскаго зимовья и, оставивъ тамъ по его просьбѣ на берегу, поплылъ далѣе. „Чаще и чаще пошли такія быстрыя мѣста, что я несся по нимъ подобно птицѣ. Между тѣмъ, начали еще встрѣчаться среди рѣки огромные камни; сильный вѣтеръ сталъ крѣпчать больше и больше, я выбился изъ силъ. Править плотомъ мнѣ стало рѣшительно невозможно, я легъ на него и... отдался на волю Божію. Смотрю, плотъ мой то здѣсь, то тамъ началъ ударяться о камни, валы по временамъ чуть не ставили его ребромъ, и скоро почувствовалъ я, что мнѣ приходится довольно круто въ такомъ положеніи. А тутъ еще и быстрота рѣки при поворотѣ теченія въ южную сторону оказалась неимовѣрною; пороги пошли большіе и опасные; валы усилились еще больше, и мой плотикъ, какъ щепку, начало побрасывать изъ стороны въ сторону, отъ камня къ камню... Вдругъ плотъ мой ударился со всего розмаху о такъ называемый косой камень и разлетѣлся въ разныя стороны. Самъ я едва успѣлъ ухватиться за два бревешка, которыя какъ-то удержались на тонкой связи, и поплылъ съ ними весь въ водѣ, только придерживаясь руками и налегая грудью на нихъ, чтобы не утонуть окончательно. Меня несло почти по самой срединѣ рѣки и, вѣроятно, я проплылъ такимъ образомъ уже верстъ 15, какъ послѣднія силы стали окончательно оставлять меня. Вода въ р. Питъ, какъ и вообще въ здѣшнихъ рѣкахъ, чрезвычайно холодная, и потому, пробывши въ ней, можетъ быть, около часу, я закоченѣлъ. Ноги мои уже перестали двигаться, руки также потеряли всякую силу. Вдругъ увидѣлъ я на берегу строенія зимовья Сухой Питъ и, подплывая къ нему, началъ звать на помощь. Быстро выбѣжали оттуда два козака, бросились въ лодку, подплыли ко мнѣ и спасли меня". Черезъ два дня послѣ того „на рѣкѣ показались 6 плотовъ съ людьми, и козаки, завидя ихъ, сейчасъ же рѣшили, что это бѣглые рабочіе съ пріисковъ, и пустились за ними въ лодкахъ. Пять плотовъ успѣли, однако, пристать къ противуположному берегу, и люди съ нихъ разбѣжались по тайгѣ, но шестой плотъ остался на рѣкѣ, и козаки бросились на него. Рабочіе долго отбивались шестами отъ преслѣдованія, но, наконецъ, козаки осилили ихъ, схватили и привели бѣглыхъ на зимовье". Среди нихъ оказался и первый товарищъ Кузнецова, вмѣстѣ съ которымъ онъ и былъ отправленъ подъ карауломъ козаковъ обратно въ тайгу въ распоряженіе исправника. Въ канцеляріи его онъ встрѣтилъ своего знакомаго, какого-то разжалованнаго капитана, и по просьбѣ его получилъ по возвращеніи на пріискъ болѣе легкую работу, а именно его опредѣлили ночнымъ караульнымъ въ разрѣзѣ. При разсчетѣ 10 сентября его, какъ должника, хотѣли было оставить на пріискахъ и на зиму, но кое-какъ онъ получилъ увольнительный видъ и 10 фунтовъ сухарей и отправился обратно въ Енисейскъ.

Изъ этого разсказа видно, что бѣглецамъ не легко было выбраться благополучно изъ тайги и, какъ было указано выше, около трети ихъ и болѣе обыкновенно ловили, а пойманному поселенцу грозили первоначально плети (за второй побѣгъ), а за третій и каторжная работа, позднѣе же, со второй половины 50-хъ годовъ, розги, тюремное заключеніе и отдача въ арестантскую или поселенческую роту. При такихъ условіяхъ нужны были серьезныя причины, чтобы рѣшаться на побѣгъ. «Тогда были сильные кордоны,—говоритъ г. Саввиныхъ въ своей статьѣ о времени сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ,—устраивались летучіе отр[я]ды изъ козаковъ и служащихъ для поимки бѣглыхъ, а золотопромышленныя компаніи были настолько сильны, что для нихъ ничего не значило доставать бѣжавшихъ живыми или полуживыми. Это было время жестокаго деспотизма и произвола. Рабочіе, находясь на частныхъ золотыхъ промыслахъ, были въ условіяхъ, можетъ быть, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ крѣпостные у нѣкоторыхъ помѣщиковъ».

Волненій на пріискахъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Скарятинъ (въ 1860 году) писалъ: «Бунты бываютъ очень рѣдко, въ теченіе 10 лѣтъ я не слыхалъ ни объ одномъ; да и кромѣ того бунты эти вовсе не такого свойства, чтобы нужны были военныя средства,—вѣдь, весь бунтъ заключается обыкновенно въ томъ, что рабочіе отказываются работать. Въ прежнее время въ Бирюсѣ *взбунтовались*, такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ-за какихъ-то неладовъ съ управляющимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, кромѣ отказа работать, прибили еще кого-то. На пріиски пріѣхалъ адъютантъ генералъ-губернатора и сразу усмирилъ бунтъ. Теперь пусть читатель вообразитъ себѣ: съ одной стороны адъютанта со шпагой и нѣсколько козаковъ съ тѣмъ жалчайшимъ оружіемъ, какое имѣли сибирскіе козаки въ то время, а съ другой—тысячи раздраженныхъ рабочихъ съ ломами, топорами, кайлами и т. п., пусть прибавитъ еще къ этому, что дѣло происходило въ пустынной тайгѣ за сотни верстъ бездорожья отъ тѣхъ мѣстъ, откуда можно было получить вооруженную силу, и затѣмъ спроситъ себя, нуженъ ли военный судъ? Тутъ, какъ это случается очень часто, рабочіе сопротивлялись до тѣхъ только поръ, пока думали, что право и высшая мѣстная власть на ихъ сторонѣ, а затѣмъ покорились адъютанту».

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Пища народныхъ массъ въ Россіи *).

По относительной численности скота, Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ странъ. На 100 душъ наличнаго населенія въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ приходилось всего скота, въ переводѣ на крупный **):

въ Соед. Штатахъ .	102 шт.	въ Франціи	41 шт.
» Даніи	87 »	» Соед. Королев. .	41 »
» Швеціи.	55 »	» Россіи	39 »
» Австро-Венгріи. .	45 »	» Бельгіи	29 »
» Германіи	44 »	» Италіи	21 »

Одно уже простое сопоставленіе этихъ цифръ убѣждаетъ насъ въ бѣдности нашей страны скотомъ, а, слѣдовательно, и животными продуктами. Въ то же время, нашъ скотъ, вслѣдствіе недостаточнаго корма и плохихъ помѣщеній, много уступаетъ иностранному и въ качественномъ отношеніи: туша украинскаго быка вѣситъ 14—19 пуд., киргизскаго — 15—19 пудовъ, великорусскаго — 6—7 пудовъ, убойный же вѣсъ иностраннаго скота обыкновенно не бываетъ ниже 20—30 пудовъ; удойливость украинской коровы не превышаетъ 300—800 литровъ (кружекъ) молока въ годъ, великорусской — 600—1,200 литровъ, киргизская и калмыцкая порода маломолочна, и только холмогорская корова даетъ 1,500—1,700 литровъ, въ другихъ же странахъ годовой удой коровы оказывается гораздо выше: въ Голландіи—2,000—4,925 литр., въ Германіи—1,200—2,600 литр., во Франціи—1,625—2,000 литр., въ Англіи—1,250—2,440 литр., въ Шотландіи—2,200—3,330 литр. и т. д. ***). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что потребленіе въ Россіи мясныхъ и молочныхъ продуктовъ развито сравнительно много меньше, чѣмъ въ Европѣ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

**) По даннымъ Neumann-Spallart'a; см. выше цитированное сочиненіе. Приведеніе скота дѣлалось по слѣдующему правилу: одна штука крупнаго рогатаго скота — 10 овц. или 4 свин.; см. *Справочную книгу русскаго сельскаго хозяина* Баталина, 1892 г.

***) Всѣ эти цифры даетъ П. Н. Кулешовъ; см. *Справочную книгу русскаго сельскаго хозяина*.

Крайне трудно, при современномъ состояніи статистики, подвергнуть точному учету все количество продуктовъ, доставляемыхъ домашними животными. Всѣ необходимыя для этого данныя, а именно: данныя о количествѣ убиваемаго скота и его вѣсѣ, о числѣ дойныхъ коровъ и ихъ средней удойливости и т. д.,— всѣ они могутъ быть основаны только на болѣе или менѣе произвольныхъ исчисленіяхъ. Поэтому мы не будемъ входить ни въ какія подробности по этому вопросу и ограничимся лишь немногими цифрами, по которымъ можно было бы судить о снабженіи различныхъ странъ животными продуктами.

Потребленіе мяса (считая здѣсь и ввозимое въ страну мясо), согласно съ данными Mulhall'я, въ послѣдніе годы выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ *):

въ Соед. Штат. . .	172 фунт.	въ Бельгіи	72 фунт.
» Даніи	141 »	» Германіи. . . .	70 »
» Соед. Королев. .	120 »	» Швейцаріи. . .	68 »
» Франціи. . . .	85 »	» Австріи	67 »

Для Россіи Mulhall даетъ цифру 56 фунт. на душу населенія. Значительная часть потребляемаго въ странѣ мяса приходится на города. На одного жителя въ годъ выходитъ:

въ Лондонѣ . . .	228 фунт.	въ Вѣнѣ.	171 фунт.
» Мюнхенѣ . . .	222 »	» Брюсселѣ . . .	162 »
» Парижѣ. . . .	178 »	» Берлинѣ. . . .	151 »

Такое же неравномѣрное распредѣленіе наблюдается и въ Россіи: крестьянское населеніе Воронежской губерніи расходуетъ въ годъ по 43 фунт. мяса на душу, крестьяне Можайскаго уѣзда — по 30,4 фунта (12% всѣхъ изслѣдованныхъ семей вовсе не употребляли мяса), Богородскаго уѣзда — по 20 фунт. и т. д. **). При этомъ потребленіе мяса главнымъ образомъ падаетъ на большіе праздники; въ эти дни крестьянинъ старается съѣдать его возможно больше и, слѣдовательно, непроизводительно расходуетъ питательный матеріалъ. Ѣстъ крестьянинъ мясо еще иногда и во время усиленныхъ полевыхъ работъ, но по большей части въ видѣ солонины, которая, какъ извѣстно, вдвое менѣе питательна, чѣмъ свѣжее мясо (азотъ остается въ разсолѣ). Однимъ словомъ, даже и тѣ минимальныя количества мяса, которыя наше населеніе имѣетъ, не представляютъ всѣхъ своихъ питательныхъ достоинствъ.

Другой не менѣе важный продуктъ скотоводства есть молоко. Mulhall считаетъ во всей Европѣ, кромѣ Россіи, 28.200,000 коровъ (33% всего рогатаго скота), причемъ средняя удойливость коровы принимается имъ въ 1,575 литровъ молока. При такомъ разсчетѣ на одного жителя приходится 205 литровъ молока; изъ нихъ 123 литра Европа расходуетъ въ видѣ молока, а остальное идетъ на приготовленіе сыра и масла. Потреб-

*) *The dictionary of statistics.*

**) См. выше цитированныя работы.

леніе этихъ послѣднихъ продуктовъ (считая и ввозъ) въ настоящее время, въ среднемъ, по всей Европѣ достигаетъ 11,8 фунт. на душу въ годъ. Для Европейской Россіи подобный же разсчетъ даетъ проф. Янсонъ *). Принимая число дойныхъ коровъ въ 9.900,000 шт. (45% всего рогатаго скота, по отдѣльнымъ областямъ 30—60%) и удойливость въ 20—60 ведеръ, онъ опредѣляетъ производство молока въ нашей странѣ въ 91 литр. на душу населенія. Приблизительно третья часть его идетъ на приготовленіе масла, что даетъ около 2 фунт.

Такимъ образомъ, потребленіе животной пищи у насъ, какъ оказывается, почти вовсе не развито, и въ этомъ отношеніи Россія стоитъ еще болѣе въ невыгодныхъ условіяхъ по сравненію съ Западною Европой.

Нужно еще замѣтить, что скотоводство наше съ теченіемъ времени приходитъ все въ большій и большій упадокъ. Дѣлая сравненіе относительной численности скота за разные періоды, мы находимъ, что на 100 жителей приходилось **):

	Рогат. ск.	Овецъ.	Свиней.	Всего въ переводѣ на крупный.
въ 1856 году . . .	37,7 шт.	71,9 шт.	16,1 шт.	48,9 шт.
» 1866 » . . .	33,2 »	68,7 »	14,6 »	43,7 »
» 1876 » . . .	29,2 »	60,1 »	12,4 »	38,3 »
» 1888 » . . .	27,9 »	50,4 »	10,5 »	35,5 »

Несомнѣнно, что статистическій матеріалъ, которымъ мы пользуемся, не вполнѣ точенъ; наша оффиціальная статистика животноводства до сихъ поръ находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе, выводъ, вытекающій изъ этой таблицы, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ онъ основывается на сравненіи между собою равноцѣнныхъ матеріаловъ. Оказывается, что за 32 года убыль въ относительной численности скота достигла 27%, при чемъ тенденція эта все время обнаруживалась безостановочно. Въ шестидесятые годы, сравнительно съ пятидесятыми, убыль равнялась 11%; въ семидесятые, сравнительно съ шестидесятыми, она равнялась 12% и, наконецъ, въ восьмидесятые годы, сравнительно съ семидесятыми,— 7%.

Отсюда слѣдуетъ, что потребленіе въ Россіи мясныхъ и молочныхъ продуктовъ не только развито очень слабо, но еще и падаетъ изъ года въ годъ съ необыкновеннымъ постоянствомъ.

Указывая на бо́льшую обезпеченность Европы пищевыми продуктами, мы не хотѣли этимъ сказать, что она находится въ положеніи, не остав-

*) См. его *Сравнительную статистику*, т. II.

**) Данныя за 1856 и 1866 гг. доставлялись во всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетахъ; мы заимствуемъ ихъ изъ *Доклада высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства*. Цифровыя данныя за 1876 и 1888 г. даетъ центр. стат. комитетъ. Населеніе для каждаго изъ указанныхъ періодовъ вычислялось съ помощью ежегоднаго прироста.

***) Въ настоящее время, благодаря тяжкому 1891 году, убыль эта, несомнѣнно, приняла чрезвычайные размѣры.

ляющемъ желать ничего лучшаго. На Западѣ мы также встрѣчаемъ факты массовой, нерѣдко чрезмѣрной бѣдности, и тамъ населеніе не всегда имѣетъ все необходимое, чтобы удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ во всей ихъ полнотѣ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно то, что Европа стоитъ въ этомъ отношеніи далеко впереди Россіи. Она не останавливается ни передъ какими затрудненіями, старательно привлекаетъ къ себѣ жизненные припасы и постоянно увеличиваетъ ихъ потребленіе. Въ 50-ые и 60-ые гг. въ Великобританію ввозилось только 35% всей потребляемой въ странѣ пшеницы, въ 70-ые гг. — уже 57%, а въ 80-ые гг.— даже 65%. Данія ежегодно прикупаетъ по 4,5 пуда хлѣба на человѣка, несмотря на то, что сама производитъ по 28,4 пуда. Въ С.-А. Соед. Штатахъ производство всякаго хлѣба достигаетъ 55,6 пуд. на душу населенія, и изъ этого огромнаго количества на вывозъ отчисляется только 5,1 пуд. *). Увеличивая потребленіе растительной пищи, Европа одновременно и улучшаетъ ее. Наиболѣе цѣнный хлѣбъ—пшеница—съ теченіемъ времени вытѣсняетъ въ Соединенномъ Королевствѣ всѣ другія хлѣбныя растенія: въ періодъ 1851—70 гг. тамъ расходовалось 8,8 пуда пшеницы на душу населенія, въ періодъ 1871—80 гг.— 9,7 пуда, а въ послѣдніе годы (1881—1889) — уже 10,2 пуда. Во Франціи въ 1818 году пшеницей питалось 45% всего населенія, въ 1839 году— 60%, а въ 1888 году — 86% **). Однимъ словомъ, другія страны на этомъ пути сдѣлали уже не мало; во многихъ случаяхъ, за покрытіемъ собственно продовольственныхъ потребностей населенія, тамъ получается даже нѣкоторый избытокъ въ наиболѣе грубыхъ хлѣбахъ, который и можетъ быть предоставляемъ домашнимъ животнымъ, а это обстоятельство въ свою очередь должно имѣть самое благодѣтельное вліяніе на улучшеніе земледѣльческой промышленности и на размѣры производства мясныхъ и молочныхъ продуктовъ.

Глядя на тѣ усилія, какія дѣлаетъ Европа, чтобъ обезпечить себѣ всѣ нужныя для жизни средства, невольно еще разъ приходишь къ тому заключенію, что вывозъ хлѣбовъ изъ Россіи есть ненормальное и опасное явленіе. Для пониманія его истинной причины мы не должны забывать того, что вся налоговая тягость, главнымъ образомъ, лежитъ на крестьянской массѣ населенія и вынуждаетъ ее продавать часть своего урожая. Продавши хлѣбъ осенью, крестьянинъ затѣмъ уже не можетъ, вслѣдствіе своей бѣдности, прикупить необходимое количество его. Поэтому даже въ неурожайные годы вывозъ нашъ падаетъ очень мало, и хлѣбъ спѣшитъ уйти за границу, не находя сбыта внутри страны, хотя тамъ и есть большая надобность въ немъ.

Такъ же стоитъ дѣло и съ животными продуктами. За послѣднія 50 лѣтъ въ Германіи потребленіе мяса увеличилось на 7%, въ Соединенномъ Королевствѣ—на 25%, въ Бельгіи—на 30%, во Франціи на 79%; у насъ же

*) См. *Mulhall:* „The dictionary of statistics".
**) Ibid.

оно правильно изъ года въ годъ падаетъ. Вездѣ ввозъ этихъ продуктовъ возростаетъ: въ 70-мъ году въ Соединенное Королевство на душу населенія было привезено 11 ф. мяса и 9 ф. сыра и масла, въ 80-мъ году—42 ф. мяса и 13 ф. масла и сыра, въ 89-мъ г.—47 ф. мяса и 17 фун. масла и сыра *); между тѣмъ, наша страна, несмотря на всю свою бѣдность животною пищей, ежегодно отправляетъ за границу довольно значительныя количества ея: по даннымъ департамента таможенныхъ сборовъ, въ среднемъ, за послѣднія пять лѣтъ (1886—1890) изъ Россіи въ годъ вывозилось: 295 тыс. пуд. мяса, 422 тыс. п. масла и сыра, 26 тыс. шт. рогатаго скота, 42 тыс. шт. свиней, 207 тыс. шт. овецъ и телятъ, 3,064 тыс. шт. домашней птицы, 594 милліона шт. яицъ **).

Продолжимъ нѣсколько далѣе начатое сравненіе. Извѣстное Bureau of Labor собрало въ 1886 году подробныя свѣдѣнія о пищѣ американскихъ рабочихъ и нашло, что взрослый работникъ съѣдаетъ въ день 5,06 фун. пищи, изъ которыхъ 2,09 ф. приходятся на животные продукты (мясо, рыба, молочные продукты, яйца) ***). Такое же изслѣдованіе и для той же группы населенія было выполнено у насъ проф. Эрисманомъ ****). Оно показало, что нашъ фабричный работникъ съѣдаетъ въ день 3,92 ф. всякой пищи, и изъ нихъ животной только 0,32 ф. Такимъ образомъ, пища русскаго работника много бѣднѣе и въ количественномъ отношеніи, и, особенно, въ качественномъ. Въ то время, какъ американскій рабочій имѣетъ въ своей пищѣ 37—57% бѣлка животнаго происхожденія, русскій—только 17,8%. Ядро его пищи состоитъ изъ ржаного хлѣба, гречневой крупы и квашеной капусты. Такъ какъ эти продукты бѣдны усвояемыми питательными началами, то пища нашихъ рабочихъ, въ сущности, оказывается далеко недостаточной; особенно въ ней мало бѣлкового вещества, котораго, по заключенію проф. Эрисмана, недостаетъ, по крайней мѣрѣ, 20 граммовъ, т.-е. около 17% *****).

Въ заключеніе, чтобы обобщить предъидущіе выводы, мы покажемъ въ слѣдующей таблицѣ издержки главнѣйшихъ націй на пищу:

---

*) Ibiden.

**) См. *Обзоры внѣшней торговли Россіи* за соотвѣтствующіе года.

***) См. *Seventeenth annual report of the Bureau of Statistics of Labor*, 1886. Изслѣдованіе это обнимаетъ обширную группу населенія съ 275 взросл. мужч., 258 взросл. женщ. и 61 дѣтьми. Наблюденіе производилось въ каждомъ случаѣ въ теченіе 30 дней.

****) См. *Труды шестого губернскаго съѣзда врачей московскаго земства*, ст. „I. Пища рабочихъ на фабрикахъ Московскаго уѣзда“. Число харчевыхъ дней, на которыхъ основывались вычисленія, простиралось для мужскихъ артелей до 200,244.

*****) Замѣтимъ при этомъ, что московскій рабочій, по всей вѣроятности, есть наилучше обставленный въ матеріальномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, рабочіе Привислянскаго края, судя по работѣ д-ра Святловскаго („О продовольствіи рабочихъ на фабрикахъ Привислянскаго края“, *Русская Медицина* 1888 г., №№ 24 и 25) потребляютъ пищу и въ меньшемъ количествѣ, и худшаго качества.

Въ Соедин. Корол. . .	192 шилл. *).	Въ Швеціи . . .	153 шилл
» Франціи.	188 »	» Австріи. . .	121 »
» Бельгіи	187 »	» Италіи. . . .	96 »
» Даніи.	180 »	» Россіи . . .	92 »
» Германіи	168 »		

Таблица эта заимствована нами изъ *Статистическаго словаря* Mulhall'я; послѣдній утверждаетъ, что она дана имъ не наобумъ, а представляетъ исчисленія, основанныя на изслѣдованіяхъ хорошо освѣдомленныхъ въ этомъ дѣлѣ писателей; мы лично не можемъ не признать за этими цифрами извѣстнаго значенія для цѣлей сравненія.

Питаніе имѣетъ громадное вліяніе на всѣ стороны индивидуальной и общественной жизни. Это—та сила, которая подчиняетъ себѣ народное здоровье и опредѣляетъ экономическое и духовное развитіе страны. Только что констатировавши тотъ фактъ, что населеніе наше питается недостаточно, мы не можемъ не войти въ нѣкоторыя подробности и по этому вопросу.

Въ организмѣ безпрерывно происходитъ разложеніе пищевыхъ и тканевыхъ веществъ. Всякое жизненное проявленіе истощаетъ запасы скрытой силы. Поэтому, если питательный матеріалъ поступаетъ въ организмъ въ недостаточномъ количествѣ, необходимо въ соотвѣтственной мѣрѣ начинаетъ падать и его жизнедѣятельная способность. Нерѣдко такой упадокъ жизненности не влечетъ за собой какихъ-либо самостоятельныхъ заболѣваній; тутъ мы имѣемъ передъ собой не больной, а только слабый и истощенный организмъ. Но, въ то же время, именно такой организмъ и обнаруживаетъ особенно сильное предрасположеніе ко всякимъ заболѣваніямъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точной цифры заболѣваній среди русскаго населенія, такъ какъ дѣло врачебной помощи поставлено у насъ до крайности плохо. За три года (1886, 1887 и 1889) по всей странѣ было насчитано всего только 45,7 милл. случаевъ обращенія къ врачебной помощи. Несомнѣнно, что эта цифра, по сравненію съ дѣйствительной, очень низка; всѣ эти заболѣванія дали только 882 тыс. смертныхъ случаевъ, между тѣмъ, всего ихъ было за это время 8,2 милліона **). Мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если для всѣхъ вообще смертныхъ случаевъ удержимъ одно и то же отношеніе между заболѣвшими и умершими (1 смертный случай приходится на слишкомъ 50 заболѣваній); тогда окажется, что, въ среднемъ, каждый человѣкъ въ теченіе года заболѣваетъ 1,6 раза. Мы имѣемъ также нѣкоторыя, впрочемъ, очень немногія указанія на преобладающія среди нашего населенія формы заболѣваній. Изъ данныхъ о распредѣленіи амбулантовъ въ Московской губерніи за пятилѣтній періодъ 1878—1882 гг. мы узнаемъ, что въ 15,8 случаяхъ изъ 100 продолжительность болѣзни до прихода въ амбулаторію была меньше одной недѣли,

*) Шиллингъ=28,8 метал. копѣйки.

**) См. отчеты медицинскаго департамента за указанные годы.

въ 32,7 случ.—отъ одной недѣли и до одного мѣсяца, въ 28,2 случ.—отъ одного мѣсяца до одного года, въ 14,1 случ.—одинъ годъ и больше *). Такимъ образомъ, населеніе наше, какъ и слѣдовало ожидать, болѣетъ не только часто, но и упорно, подолгу, что объясняется вообще дурными гигіеническими условіями и, въ особенности, плохимъ питаніемъ.

Сильной заболѣваемости, конечно, сопутствуетъ и сильная смертность. Въ среднемъ, за 10 лѣтъ (1878—1887) на 1,000 населенія ежегодно умирало **):

въ Австріи.	30,0	въ Бельгіи.	20,9
» Италіи	28,1	» Соедин. корол. .	19,5
» Германіи	25,7	» Даніи.	18,8
» Франціи	22,3	» Швеціи.	17,4
въ среднемъ выводѣ.	24,3.		

За то же время въ Европейской Россіи смертность доходила до 33,7 ***); слѣдовательно, на каждую тысячу населенія у насъ въ годъ умираетъ на 9,4 больше, чѣмъ въ Европѣ,—для всего разсматриваемаго десятилѣтія получается 7,651 тыс. лишнихъ смертныхъ случаевъ. Наибольшая смертность падаетъ на низшія возрастныя группы: 26,9% общаго числа родившихся не доживаютъ у насъ и до одного года ****). Очевидно, что страна наша рѣшительно не можетъ обставить сколько-нибудь сносными условіями жизнь своихъ молодыхъ поколѣній; между тѣмъ, всякая органическая порча, происходящая въ эти годы, бываетъ чрезвычайно чувствительна и оставляетъ глубокіе слѣды на всю жизнь. Значительный перевѣсъ смертности въ Россіи сохраняется и во всѣхъ прочихъ возрастныхъ группахъ. При этомъ нужно отмѣтить еще то обстоятельство, что въ Европѣ она за послѣднее столѣтіе значительно уменьшилась, и самое уменьшеніе это шло болѣе или менѣе правильно, соотвѣтственно тому, какъ возростало потребленіе всѣхъ необходимыхъ для жизни предметовъ *****), что же касается Россіи, то тутъ въ ходѣ смертности мы постоянно встрѣчаемъ очень большія колебанія, и уменьшенія ея почти вовсе не замѣтно.

Уже и по этимъ фактамъ мы могли бы правильно судить о томъ, на-

*) Въ остальныхъ случаяхъ продолжительность болѣзни опредѣлена не была. См. *Сборникъ статист. свѣд. по Московской губ.*, ст. „Болѣзненность населенія за 1878—82 гг.“, т. V, вып. I, 1890 г.

**) Вычисленіе сдѣлано по даннымъ *Fiftieth annual report of the registrar-genera of births, deaths and morriages in England.*

***) По даннымъ центр. стат. комитета. См. *Стат. Россійск. Импер.*, XII, 1890 г.

****) *Временникъ центр. стат. комит.*, № 6, 1889 г.

*****) D-r Léon Vacher въ своемъ докладѣ: „De la diminution de la mortalité et l'accroissement de la vie moyenne depuis la fin du siècle dernier“ говоритъ слѣдующее: „Il est certain que la consommation a augmenté partout dans de notables proportions, et il est non moins certain que cette consommation plus grande de toutes choses necéssaires à la vie a un pour effet d'accroître la force de resistence physiologique, la vitalité de l'homme“. См. *Bulletin de l'Institut international de statistique*, v. II, 1887.

сколько удовлетворительно состояніе здоровья народныхъ массъ въ Россіи. Но для оцѣнки послѣдней у насъ есть еще болѣе надежный матеріалъ, а именно—данныя объ исполненіи населеніемъ воинской повинности. Если мы примемъ во вниманіе, что призывной возрастъ составляетъ цвѣтущую фазу въ развитіи мужского организма и что контингентъ такихъ, подлежащихъ нашему наблюденію, лицъ весьма значительный, то увидимъ, что воинская повинность легко можетъ дать вѣрный отвѣтъ на вопросъ о состояніи общественнаго здоровья. Что же даетъ этотъ опытъ за послѣдніе годы (1885—1889? *). Изъ всего числа осмотрѣнныхъ врачами въ воинскихъ присутствіяхъ молодыхъ людей были признаны годными къ военной службѣ и приняты въ войска только 61,2%, 13,5% были освобождены по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ, 3,8%—по недостаточности роста и по слабости и невозмужалости послѣ двухгодичной отсрочки, наконецъ, 21,5% получили отсрочку по слабосилію и невозмужалости. Такимъ образомъ, почти $^2/_3$ молодыхъ людей въ тотъ періодъ своей жизни, когда организмъ достигаетъ наибольшаго физическаго развитія, уже обезсилены своимъ прошлымъ. Съ большою вѣроятностью мы можемъ перенести эти заключенія отъ части къ цѣлому. Распространяя ихъ на все населеніе и принимая въ соображеніе еще то обстоятельство, что всѣ эти больные, слабые, остановившіеся въ своемъ развитіи оказались уже послѣ того, какъ большая половина всѣхъ однолѣтковъ преждевременно вымерла **), мы поймемъ, что человѣческая жизнь въ нашей странѣ обставлена весьма неудовлетворительно и что общественное здоровье сильно подорвано.

Кромѣ этой громадной убыли въ населеніи вообще и въ числѣ пользующихся здоровьемъ въ частности, плохо питающаяся нація терпитъ серьезный ущербъ и въ своей экономической состоятельности. Причина дѣйствуетъ здѣсь въ двоякомъ направленіи: 1) истощенность работающихъ нервныхъ центровъ всегда сопровождается чувствомъ нѣкотораго утомленія и непріятности, а это чувство заставляетъ избѣгать всякихъ напряженій и усилій и вызываетъ нерасположеніе къ труду; 2) производительная сила каждой націи необходима тѣмъ больше, чѣмъ большее количество питательныхъ началъ входитъ въ обычные раціоны ея рабочихъ классовъ. Трудъ русскаго работника сравнительно мало производителенъ; изслѣдователямъ иногда приходилось наблюдать въ характерѣ нашего народа инертность и вялость; не забудемъ, что всѣ эти особенности всегда имѣютъ свои глубокія органическія основанія.

Недостаточное питаніе не ограничиваетъ своего рокового вліянія областью матеріальныхъ интересовъ страны, но оставляетъ глубокіе слѣды на всемъ умственномъ и нравственномъ складѣ ея обитателей. Физіологическое обѣднѣніе захватываетъ вообще всякую органическую ткань, въ

*) Вычисленія дѣлались по даннымъ воинскихъ рекрутскихъ присутствій, публикуемыхъ въ *Отчетахъ медиц. департамента*.

**) За время 1867—81 гг. мальчики, умершіе въ возрастѣ 0—5 л., составляли 42% всего числа родившихся. См. *Вр. центр. стат. комит.*, № 6.

томъ числѣ и нервную, которая также перестаетъ въ этомъ случаѣ продолжительно и равномѣрно функціонировать. Соотвѣтственно этому наблюдается перемѣна и во всемъ строѣ психическихъ отправленій человѣка; каждое такое отправленіе начинаетъ терять въ полнотѣ, быстротѣ и энергіи: вниманіе ослабляется, воля парализуется, нравственная сила въ большей или меньшей степени падаетъ. Съ ослабленіемъ жизненныхъ силъ человѣкъ испытываетъ тяжелыя внутреннія состоянія, которыя заставляютъ его настойчиво прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ; поэтому пьянство есть обычный спутникъ длящейся бѣдности. Истощеніе быстро идетъ впередъ и все болѣе и болѣе развиваетъ въ человѣкѣ недовольство, раздражительность, грубость, даже жестокость *). Наша народная жизнь не чужда и этихъ печальныхъ явленій. Постоянно приходится встрѣчать указанія на распространеніе въ народѣ пьянства, жестокихъ чувствованій и поступковъ. Напомнимъ здѣсь статьи г. Лудмера *Бабьи стоны* **). Автору случилось нѣкоторое время проживать въ одномъ мировомъ участкѣ въ одной изъ подмосковныхъ губерній (около 90 деревень). По его словамъ, въ бытовомъ и экономическомъ отношеніи этотъ участокъ ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется среди другихъ россійскихъ пейзажей: крестьяне сидятъ или на даровомъ, или, самое большее, на полуторадесятинномъ надѣлѣ истощенной земли, которая зачастую «вовсе не рожаетъ»; есть тутъ фабрики, которыя даютъ населенію кое-какіе заработки. Въ своихъ замѣткахъ г. Лудмеръ разсказываетъ про жалобы крестьянскихъ женщинъ, которыя ему, какъ судьѣ, приходилось разбирать. Это были жалобы на «жестокое обращеніе», на «нестерпимые, безмилосердные побои», на «дранье черезсѣдельникомъ», «кусаніе зубами», «ломаніе головъ» и т. д. Въ этомъ участкѣ не было никакихъ мѣстныхъ особенностей, и потому мы не можемъ думать, чтобы такіе же факты массоваго ожесточенія, иногда просто озвѣренія, не встрѣчались въ другихъ мѣстахъ нашей страны.

Свое физіологическое обѣднѣніе человѣкъ неизбѣжно передаетъ своему потомству ***). Послѣднее приноситъ въ этомъ случаѣ въ жизнь бѣдное органическое наслѣдіе, бываетъ малокровно, золотушно, хило, вообще болѣзненно и массами погибаетъ уже въ первые дни своего существованія; если оно и выживаетъ, унаслѣдованный порокъ органической бѣдности, все-таки, не оставляетъ его и нерѣдко является источникомъ послѣдующихъ нравственныхъ извращеній.

Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, органическая бѣдность способна, въ концѣ-концовъ, получить очень широкое распространеніе; въ виду

---

*) Всѣ подробности по этимъ вопросамъ можно найти въ извѣстныхъ работах Д. А. Дриля.

**) См. *Юридическій Вѣстникъ* 1884 г., №№ 11 и 12.

***) По новѣйшимъ теоріямъ Weismann'a и Bouchard'a, наслѣдственность есть ничто иное, какъ передача съ помощью воспроизводительныхъ элементовъ интенсивности питательнаго процесса, совершающагося въ организмѣ родителей. Подробности см. *Дежеринъ:* „Наслѣдственность и болѣзни нервной системы", 1887 г.

этого, она представляетъ серьезную опасность не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для будущаго цѣлой націи. Если послѣдняя, въ общемъ, плохо питается, то постоянно нарощающійся органическій дефицитъ грозитъ окончательно подорвать ея физическія и нравственныя силы.

Мы можемъ и другимъ путемъ получить не мало указаній на громадное значеніе для страны продовольственныхъ условій, въ которыхъ живетъ ея населеніе

При анализѣ матеріала, имѣвшагося въ первыхъ работахъ Le Play и Ducpetiaux (бюджеты рабочихъ классовъ), Эрнстомъ Энгелемъ было установлено, что 1) чѣмъ меньше доходъ семьи, тѣмъ большее количество издержекъ падаетъ на физическія потребности (пища, жилище, одежда) и тѣмъ меньше остается средствъ для удовлетворенія потребностей религіозныхъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ; 2) чѣмъ меньше сумма, расходуемая на удовлетвореніе физическихъ потребностей, тѣмъ больше та часть ея, которая употребляется на одну пищу; 3) чѣмъ менѣе достаточна сумма, расходуемая на пищу, тѣмъ менѣе она удовлетворительна въ качественномъ отношеніи *). Это положеніе позднѣйшими изслѣдованіями, производившимися въ разныхъ странахъ и касавшимися различныхъ общественныхъ группъ, было неоднократно подтверждаемо **); въ настоящее время считается доказаннымъ, что для населенія, живущаго въ экомически однородной области, издержки на пищу съ увеличеніемъ благосостоянія относительно уменьшаются, а абсолютно возростаютъ.

Та же самая закономѣрность въ издержкахъ на пищу можетъ быть прослѣжена и для нашей страны. Для этого мы еще разъ возвращаемся къ бюджетнымъ изслѣдованіямъ по Воронежской губерніи ***). Всѣ изученныя хозяйства мы подраздѣлили на четыре группы: къ первой отнесли болѣе или менѣе зажиточныя хозяйства, въ которыхъ на одного взрослаго члена въ годъ, въ среднемъ, приходится 145 руб. всякихъ расходовъ; ко второй—хозяйства средней экономической состоятельности, въ которыхъ издержки одного взрослаго человѣка не превышаютъ 78 руб.; къ третьей—малообезпеченныя хозяйства, расходующія по 50 руб., и, наконецъ, къ четвертой—бѣдныя хозяйства, расходующія по 31 руб. на взрослаго члена ****). Годовой расходъ на пищу выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

---

*) La consommation comme mesare du bien-être des in dividus, des familles et des nations. См. *Bulletin de l'Institut internationale de statistique*, т. II, 1887 г.

**) Подробности по этому вопросу см. въ работѣ *Dr. Karl. Hampke*: „Das Ausgabebudget der Privatwirtschaften", 1888 г.

***) См. выше цитированную работу воронежскаго земства.

****) Такъ какъ семьи различались по своей численности и по своему составу (половому и возрастному), то мы для этой группировки приняли участіе въ потребленіи взрослаго работника=1, полуработника = 0,76, неработника = 0,43; потребленіе лицами женскаго пола принималось на 20% ниже. Въ этомъ случаѣ мы допускали, что участіе каждаго члена семьи въ потребленіи всѣхъ вообще благъ то же, что и участіе въ потребленіи одной только пищи. См. выше, о нормахъ.

	На взрослаго работ.	На душу.
Въ зажит. хозяйст.	44 руб.	29 руб.
» хозяйств. сред. состоят. .	36 »	23 »
» малообезп. хозяйст. . .	24 »	17 »
» бѣдныхъ хозяйствахъ. .	16 »	10 »

Зажиточная семья тратитъ на свою пищу въ три раза больше, а семья средней состоятельности—почти въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ бѣдная семья. Выражая годовой расходъ на пищу въ % ко всѣмъ издержкамъ *), мы находимъ, что въ хозяйств. первой группы онъ достигаетъ 30,5%

» второй » » » 46,3 »
» третьей » » » 48,5 »
» четвертой » » » 52,2 »

Такимъ образомъ, чѣмъ зажиточнѣе семья, тѣмъ абсолютно больше и относительно меньше тратитъ она на свою пищу.

Само собою разумѣется, что чѣмъ выше относительная цифра издержекъ на пищу, тѣмъ меньше участіе семьи въ пользованіи всѣми прочими матеріальными и, подавно, духовными благами. Потребность въ пищѣ оказывается настолько настоятельной, что человѣкъ начинаетъ думать о другихъ своихъ нуждахъ только тогда, когда удовлетворитъ ей. Также и цѣлая нація, если только не покрываетъ своихъ продовольственныхъ потребностей, то необходимо въ своемъ культурномъ развитіи идетъ назадъ. Въ этомъ случаѣ она не накопляетъ богатствъ и не можетъ ничего удѣлять на споспѣшествованіе своему экономическому, политическому и духовному росту; всякое усиліе въ этомъ направленіи, откуда бы оно ни исходило, будетъ тщетно и разобьется о неизмѣнныя свойства человѣческой натуры.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ средними цифрами. Мы уже указывали, что вполнѣ возможно оперировать и на основаніи столь общихъ данныхъ, но не отрицаемъ, что было бы очень важно имѣть матеріалы болѣе подробныя и обстоятельныя. Къ сожалѣнію, такихъ матеріаловъ у насъ очень немного. Общество охраненія народнаго здравія рѣшило въ 1885 году собрать свѣдѣнія о томъ, чѣмъ и въ какихъ размѣрахъ питаются массы населенія Россіи—наши крестьяне, и сдѣлало призывъ врачамъ. Результаты этого призыва были весьма скудны **): мы насчиты-

*) Въ среднемъ, по всѣмъ 62 хозяйствамъ, на пищу тратится 40,4% всего получаемаго дохода. Но если мы выключимъ расходы на разныя хозяйственныя надобности, требуемыя земледѣліемъ и промыслами, то окажется, что въ собственно домашнемъ бюджетѣ крестьянина расходъ на пищу составляетъ 68,5%.

**) Д-ръ Святловскій въ своей диссертаціи *Матеріалы по вопросу о санитарномъ положеніи русскаго крестьянства. Медико-топографическое описаніе Волчанскаго уѣзда, 1887 г.*, даетъ этому такое объясненіе: „Какъ ни цѣлесообразна программа, предложенная общ. охр. нар. здравія, я не рѣшился примѣнить ее къ нашей голодающей крестьянской семьѣ. Нужно имѣть большой запасъ храбрости, чтобы вымаривать жалкіе куски чернаго хлѣба и водянистаго картофеля, крошечные кусочки тарани въ мутномъ отварѣ ботвы, этой обычной пищи огромнаго большинства нас

ваемъ всего только нѣсколько изслѣдованій, содержаніе которыхъ въ главныхъ чертахъ сейчасъ и передадимъ.

Въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи *), пища крестьянина мало разнообразна и худа по качеству; составъ ея соотвѣтствуетъ строгому посту; взрослый человѣкъ получаетъ здѣсь въ день такія количества питательныхъ началъ, которыя совершенно не покрываютъ затратъ организма:

	Бѣлковъ.	Жира.	Углевод.
Въ Лѣсномъ участкѣ. . . .	97 гр.	46 гр.	462 гр.
» Уломскомъ » . . .	112 »	49 »	551 »

Вслѣдствіе плохого питанія, здоровье населенія находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи: не часто попадаются лица просто съ здоровымъ видомъ; какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ, кромѣ общаго истощенія и слабосилія, постоянно встрѣчается масса болѣзней желудочно-кишечнаго канала, острыхъ и хроническихъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ, Московской губерніи **), пища крестьянъ оказалась страшно однообразной: изо дня въ день ржаной хлѣбъ, картофель и капуста, остальные же продукты изрѣдка служатъ какъ бы приправой къ этимъ тремъ средствамъ. Изъ всѣхъ домохозяевъ 12%, вовсе не употребляли мяса. Количество усвоиваемыхъ взрослымъ человѣкомъ питательныхъ началъ было слѣдующее:

		Бѣлк.	Жира.	Углев.
Въ первой группѣ	потребл. масо .	109,7 гр.	50,8 гр.	683,1 гр.
» второй »	не потребл. мяса .	67,3 »	26,4 »	445,9 »

Пища крестьянъ первой группы бѣдна бѣлками и жирами, а пища для второй группы не соотвѣтствуетъ минимальнымъ требованіямъ физіологіи даже относительно углеводовъ. Къ недостаткамъ крестьянской пищи присоединяется еще то, что всѣ, отъ мала до велика, должны ѣсть одно и то же: для дѣтей это обстоятельство очень чувствительно, постоянно приходится наблюдать задержку въ развитіи и разныя конституціональныя разстройства,

Въ Аккерманскомъ уѣздѣ ***) была подвергнута точному опредѣленію пища семи крестьянскихъ семей, и оказалось, что три семьи хронически не доѣдали. Голоданіе ихъ отразилось и на ихъ физическомъ здоровьѣ: эти

ленія. Заранѣе зная свою неспособность къ изслѣдованіямъ этого рода, я къ нимъ и не приступалъ".

*) См. *Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта медико-топографія Череповецкаго уѣзда.* Дисс. врача Грязнова, 1880 г. Изслѣдованіе производилось по четыремъ участкамъ, но достаточно полныя данныя имѣются только для двухъ участковъ.

**) См. *Труды* седьмого съѣзда врачей московскаго земства; докладъ д-ра Скибевскаго: *Пищевое довольствіе крестьянскаго населенія Можайскаго уѣзда.*

***) *Труды общества охраненія народнаго здравія*, т. II, вып. IV, 1886 г., работа д-ра Галина *О количествѣ и качествѣ пищи у крестьянъ нѣкоторыхъ селъ Аккерманскаго уѣзда.* Изслѣдованіе производилось по двумъ селамъ.

семьи состояли изъ истощенныхъ, ослабленныхъ и рано состарившихся членовъ; совершенно взрослыя 18-ти лѣтнія дѣвушки въ физическомъ отношеніи походили на 10-ти лѣтнихъ дѣтей. А такихъ семей, по словамъ автора, было не мало на селѣ. Самое изслѣдованіе производилось въ концѣ лѣта, а лѣтомъ крестьяне питаются гораздо лучше, чѣмъ въ остальное время года. «Интересно было бы знать,—спрашиваетъ авторъ,—что же ѣдятъ крестьяне въ зимніе мѣсяцы?»

Въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губерніи *), наблюденію подверглись лишь немногія семьи, но за то наблюденіе это было очень тщательно. Оно дало слѣдующіе результаты:

Усвояемыхъ веществъ въ суточной порціи.

	Бѣлковъ.	Жира.	Углеводовъ.
Мужчины зажиточной семьи .	110,4 гр.	41,4 гр.	521,3 гр.
» средней » .	91,3 »	31,7 »	534,9 »
» бѣдной » .	90,6 »	28,1 »	529,8 »
Женщины зажиточной » .	95,4 »	32,8 »	424,0 »
» средней » .	70,2 »	26,4 »	430,7 »
» бѣдной » .	67,6 »	22,1 »	408,1 »

Еще менѣе удовлетворительна была пища дѣтей: того количества основныхъ питательныхъ началъ, которое находится въ пищѣ дѣтей 3 — 5 лѣтъ, не хватаетъ, въ сущности, и для годовалаго ребенка. Останавливаясь на этой работѣ, проф. Эрисманъ замѣчаетъ **): «Настолько мало количество питательнаго матеріала въ пищѣ младшихъ дѣтей, что можно было бы даже дать мѣсто предположенію о какой-нибудь погрѣшности въ производствѣ изслѣдованій, еслибъ одно и то же явленіе не повторялось изо дня въ день въ продолженіе всего опыта».

Въ Кирсановскомъ уѣздѣ врач. Богдановымъ были опрошены ***) 60 семей съ 480 членами, большею частью средней экономической состоятельности. Пища оказалась вообще крайне недостаточною: взрослый рабочій, при получаемой въ этой мѣстности діэтѣ, можетъ работать только въ продолженіе 5½ часовъ; для подростающаго поколѣнія діэта такова, что способна почти только поддерживать жизнь, а на ростъ и правильное развитіе не остается ничего. «Стоитъ только присмотрѣться,— говоритъ авторъ, — къ здѣшнему населенію, какъ сейчасъ же убѣдишься въ неблестящемъ его положеніи: народъ все низкорослый, малосильный, болѣзненный, неспособный къ продолжительному, сколько-нибудь значительному напряженію, настойчивому труду. Здѣсь есть такія села, жителей которыхъ почти никто не беретъ въ работники, вслѣдствіе ихъ вялости и вообще неспособности къ труду. Женщины тутъ блѣдны, некрасивы, плохо сложены, очень ран

*) См. диссерт. *д-ра Зорина*: „Описаніе западно-врачебнаго участка Верейскаг уѣзда“, 1887 г.

**) См. *Курсъ гигіены*, т. III.

***) См. *Медицинское Обозрѣніе*, т. XXVIII, 1887 г., раб.: „Опытъ количественнаго и качественнаго анализа пищи крестьянъ Кирсановскаго уѣзда“.

старѣютъ, часто родятъ мертвыхъ дѣтей, еще чаще выкидываютъ. Дѣти почти всѣ сплошь золотушны, истощены, блѣдны, постоянно болѣютъ. Постоянно слышишь обвиненія здѣшнихъ крестьянъ въ дикости, грубости, непробудномъ пьянствѣ, лѣности, неспособности къ труду и проч.».

Мы исчерпали почти весь матеріалъ *) и выносимъ то общее заключеніе, что всякій разъ, какъ изслѣдователь шелъ изучать жизнь народа и гдѣ бы онъ это ни дѣлалъ, ему всегда неизмѣнно приходилось констатировать все одинъ и тотъ же печальный фактъ, что народъ нашъ питается недостаточно и плохо. Но, повторяемъ, такихъ изслѣдованій, къ сожалѣнію, очень немного, и потому всякія широкія обобщенія пока еще могутъ быть опасны.

Несмотря на громадный, самый жизненный интересъ, какой представляетъ вопросъ о питаніи народныхъ массъ, мы ни для одной страны не имѣемъ такого изслѣдованія, которое охватывало бы возможно большій районъ и давало бы ясное представленіе о всемъ разнообразіи, наблюдающемся въ потребленіи различныхъ общественныхъ группъ и зависящемъ отъ мѣстныхъ этическихъ и промысловыхъ различій, отъ различій въ общественномъ положеніи, въ величинѣ и родѣ дохода. Намъ извѣстна только одна попытка восполнить этотъ пробѣлъ въ нашемъ знакомствѣ съ народною пищей. При исполненіи кадастра въ Венгріи, д-ру Karl Keleti **) удалось получить свѣдѣнія о главнѣйшихъ пищевыхъ предметахъ, потребляемыхъ венгерскимъ населеніемъ, узнать, какая пища преобладаетъ въ различныхъ округахъ, что̀ населеніе ѣстъ на завтракъ, обѣдъ и ужинъ, что̀ оно потребляетъ по преимуществу въ разныя времена года, какъ разнообразитъ свою пищу въ праздничные дни.

Пользуясь этими свѣдѣніями и исходя изъ соображеній о томъ, какъ много нужно той или другой жизни для полученія необходимаго, по разсчетамъ физіологовъ, количества бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, Keleti опредѣляетъ, сколько каждая провинція потребляетъ въ годъ мяса, молока, масла, муки, картофеля, зелени и прочихъ продуктовъ. Если мы знаемъ,— говоритъ онъ, — какіе предметы населеніе потребляетъ, мы можемъ вычислить ихъ количества, взявши изъ различныхъ видовъ пищи такія количества питательныхъ началъ, которыя необходимы, чтобы поддерживать во взросломъ человѣкѣ его рабочую силу, въ ребенкѣ ростъ. Въ нормахъ— исходный пунктъ всей его работы; при всѣхъ своихъ вычисленіяхъ, онъ всегда допускаетъ, что человѣкъ потребляетъ именно столько питательныхъ

*) Мы не упомянули здѣсь о работѣ *д-ра Щепетова*: „О питаніи татаръ южнаго берега Крыма“ (диссерт., 1886 г.), объ изслѣдованіи *д-ра Судакова*: „О пищѣ рабочихъ“ (*Здоровье*, т. VII, 1881 г.), вслѣдствіе ихъ спеціальнаго характера. Замѣтимъ только, что пища татаръ оказалась много лучше обычной пищи большинства нашихъ крестьянъ.

**) См. *Die Ernährungsstatistik der Bevölkerung Ungarns auf physiologischer Grundlage bearbeitet von D-r Karl Keleti*, 1887.

началъ, сколько ему нужно. Въ дѣйствительности, это далеко не всегда вѣрно; кромѣ того, самое заключеніе о количествѣ пищи по ея составу необходимо основывалось хотя и на очень искусныхъ, но, все-таки, болѣе или менѣе произвольныхъ соотношеніяхъ. Поэтому громадная работа Keleti мало подвигаетъ впередъ научное рѣшеніе вопроса о питаніи народныхъ массъ.

Есть другой методъ, который въ данномъ случаѣ будетъ гораздо болѣе плодотворенъ. Этотъ методъ есть монографія типической семьи *). Наибольшее развитіе онъ впервые получаетъ со времени извѣстныхъ изслѣдованій Le Play, посвященныхъ рабочимъ классамъ Европы, ихъ домашней жизни, условіямъ ихъ труда и нравственнаго существованія. Существенная часть каждой такой монографіи семьи есть ея бюджетъ; изучая послѣдній, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнаемъ и всѣ подробности внѣшней дѣятельности семьи. Чтобы остановить свое вниманіе именно на типическихъ для данной мѣстности и для данной общественной группы семьяхъ, изслѣдователь въ широкой мѣрѣ пользуется результатами массовыхъ обслѣдованій, раньше производившихся по странѣ; въ нихъ онъ находитъ всѣ необходимыя указанія и приступаетъ къ своей работѣ, напередъ зная ту среду, которую ему предстоитъ изучать. Если выборъ типичной семьи удаченъ, монографія смѣло можетъ претендовать на такіе выводы, которые можно обобщать.

Этотъ методъ даетъ средство сравнительно очень легко изучать разные экономическіе и соціальные вопросы въ ихъ непосредственной чистотѣ. Многіе извѣстные политико-экономы и статистики (Rodbertus, Goltz, Engel, Börnerht, Schmoller, Wagner) внимательно останавливались на немъ и въ изученіи бюджета рабочихъ классовъ усматривали одну изъ важнѣйшихъ задачъ соціальной статистики.

Съ каждымъ днемъ этотъ методъ пріобрѣтаетъ все большее и большее распространеніе **). Массовое статистическое наблюденіе всегда по необходимости идетъ въ ширину, а не въ глубину, а потому монографія есть необходимое къ нему дополненіе. Каждая страна уже насчитываетъ по нѣскольку очень цѣнныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. У насъ наиболѣе обстоятельная изъ такихъ работъ имѣется для четырехъ уѣздовъ Воронежской губерніи. Изслѣдованіе было выполнено по очень обширной программѣ, съ 537 вопросными пунктами, и, несмотря на нѣкоторые промахи, все-таки, даетъ отчетливое представленіе о хозяйственной жизни населенія цѣлой мѣстности.

Въ частности монографическій методъ съ большимъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ и къ изслѣдованіямъ о пищевомъ довольствіи народны ъ

---

*) Подробности объ этомъ методѣ: *Les budgets comparés des cent monograp es de familles* (*Bulletin de l'Institut internationale de statistique*) и *Das Konsumtio s-budget der Haushaltung* (*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 24, 1892).

**) Литературу см. *Die Haushaltung der arbeitenden Klassen* von Ignaz Gru r, 1877, и *Das Ausgabebudget der Privatwirtschaften* von dr. Karl Hampke. 1888

массъ. Изученіе съ этой стороны немногихъ, только типическихъ семей въ каждой данной мѣстности не потребуетъ ни чрезмѣрныхъ усилій, ни большихъ затратъ. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ земско-статистическія учрежденія, въ наличныхъ работникахъ недостатка быть не можетъ. Будемъ надѣяться, что земства, при своихъ изслѣдованіяхъ мѣстной жизни, обратятъ должное вниманіе и на то, какъ питается нашъ народъ. Московское статистическое отдѣленіе въ настоящемъ году выработаетъ необходимый для такихъ изслѣдованій единообразный планъ.

Л. Маресъ.

Роль министровъ въ Западной Европѣ.

Пруссія.

Политическая организація Пруссіи новѣйшаго происхожденія. Она опирается на конституцію 1850 г., которая и представляетъ основной законъ прусскаго государственнаго права.

До XVII в. Пруссія еще не существовала какъ политическое цѣлое. Различныя государства, находящіяся подъ властью курфюрстовъ бранденбургскихъ, носили явный отпечатокъ феодальнаго строя. Каждое изъ нихъ сохраняло свою независимость и свои представительныя учрежденія. Начало прусскому могуществу было впервые положено великимъ курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Онъ объединилъ разрозненныя владѣнія своихъ предшественниковъ и образовалъ мощное государство подъ властью абсолютнаго монарха. Его преемникъ довершилъ дѣло объединенія и принялъ титулъ короля. Такимъ образомъ, представительнымъ учрежденіямъ феодальной эпохи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ грубою рукой абсолютизма. Но послѣ кровавой кампаніи 1806 г. и тильзитскаго мира идея представительнаго образа правленія получила опять право гражданства въ Пруссіи. Къ этой эпохѣ относятся реформы Штейна и Гарденберга. Правда, имъ не удалось довершить начатаго дѣла, не удалось обратить Пруссію изъ абсолютной монархіи въ конституціонное государство, но толчокъ былъ данъ и она пошла по этому направленію. На вѣнскомъ конгрессѣ делегаты Пруссіи требовали введенія представительныхъ учрежденій, но, благодаря оппозиціи Австріи, конгрессъ ограничился только принципіальною постановкой вопроса: «Во всѣхъ союзныхъ государствахъ,—возвѣстилъ онъ,—будетъ введенъ представительный образъ правленія», и тѣмъ дѣло кончилось. Прусскій король пошелъ дальше: онъ издалъ въ 1815 г. указъ объ организаціи провинціальныхъ чиновъ и національнаго сейма, но прусская реакціонная партія, дѣйствуя подъ вліяніемъ австрійскаго кабинета, съумѣла охладить благія намѣренія короля и проектированныя реформы были отложены на неопредѣленное время. Наконецъ, въ 1823 г. появился законъ, столь долго жданный. Подъ видомъ народнаго представительства онъ создалъ учрежденіе безъ всякой силы, безъ всякаго в[illegible]я-

нія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Разумѣется, этотъ призрачный конституціонализмъ не могъ удовлетворить лучшей части общества. Поднялось глухое недовольство, и когда оно смѣнилось, наконецъ, громкимъ требованіемъ реформъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV долженъ былъ уступить. Онъ собралъ въ Берлинѣ представителей отъ провинціальныхъ чиновъ и предоставилъ имъ обсужденіе новыхъ законопроектовъ (1842 г.). Однако, и на этотъ разъ вопросъ о народномъ представительствѣ былъ отложенъ. А, между тѣмъ, требованія либеральной партіи становились все настойчивѣе и настойчивѣе. Король сдѣлалъ еще одну уступку: онъ созвалъ въ Берлинѣ соединенный ландтагъ (Vereinigte Landtag) изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ чиновъ (1847 г.). Но когда народные представители потребовали исполненія обѣщаній, данныхъ народу въ 1815 г., король далъ категорическій отказъ, заявивъ имъ, что никакой власти въ мірѣ не удастся принудить его превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ *договорное,* конституціонное. Разумѣется, эти полумѣры не могли привести ни къ какимъ добрымъ результатамъ; онѣ возбудили только умы, и достаточно было одной искры для взрыва общественнаго негодованія. Когда во Франціи вспыхнула февральская революція 1848 г., ея отголоски повторились по всей Германіи; прусскій король, застигнутый врасплохъ революціоннымъ движеніемъ, готовъ былъ на всякія уступки. Онъ созвалъ опять соединенный ландтагъ для обсужденія избирательнаго закона, на основаніи котораго предстояло избрать учредительное собраніе. Послѣднее собралось въ Берлинѣ 22 мая. Избранное всеобщею подачей голосовъ, оно выдвинуло на первый планъ суверенитетъ народа. Король распустилъ его 5 декабря 1848 года и даровалъ Пруссіи конституцію отъ своего имени. Она была утверждена новыми палатами, избранными на основаніи этого закона, и обнародована 31 января 1850 г. Эта конституція и составляетъ краеугольный камень прусскаго государственнаго права. Впослѣдствіи она подверглась кое-какимъ измѣненіямъ, тѣмъ болѣе, что въ Пруссіи нѣтъ никакихъ затрудненій для пересмотра конституціи. Смыслъ ея текста былъ точнѣе опредѣленъ различными законами и королевскими распоряженіями, но ея основныя положенія сохранились въ цѣлости. Конституція 1850 г. дала Пруссіи представительный образъ правленія. Она создала двѣ палаты, одну изъ нихъ выборную; предоставила имъ законодательную власть, право вотировать бюджеты и контролировать дѣйствія администраціи, а исполнительную власть вручила королю и отвѣтственному министерству. Прусская конституція составлена по образцу бельгійской; статьи, касающіяся прерогативъ короля, компетенціи палатъ и правъ министровъ, взяты оттуда почти цѣликомъ. Но, несмотря на сходство этихъ конституцій, между ними существуетъ принципіальное различіе: одна изъ нихъ опирается на верховную власть народа, другая—на авторитетъ короля. Хотя королевская власть и была ограничена конституціей 1850 г., но, тѣмъ не менѣе, она смѣло могла поспорить съ правами законодательнаго собранія. Конституціонная практика дала еще бо́льшій перевѣсъ королю надъ палатами и такимъ образомъ,

центръ тяжести очутился не на сторонѣ народнаго представительства, а на сторонѣ королевской власти. Въ силу этого условія образовалась такая глубокая рознь между прусскимъ министерствомъ и парламентскими кабинетами другихъ странъ.

Нынѣ дѣйствующее въ Пруссіи министерство (Staatsministerium) существовало еще во времена Гарденберга. Конституція 1850 г. нѣсколько видоизмѣнила его и придала ему законное обоснованіе. До реформъ Штейна и Гарденберга прусская администрація представляла сложную систему департаментовъ, различныхъ дѣленій и подраздѣленій, которые сильно препятствовали единству и быстротѣ правительственныхъ дѣйствій. Подъ твердою рукой Фридриха II она могла еще держаться, но при его преемникахъ обнаружилась вся ея несостоятельность. Потому-то первою заботой Штейна было преобразованіе административной части. Онъ создалъ кабинетъ изъ пяти членовъ, которому вручилъ все государственное управленіе Пруссіи, а надъ нимъ поставилъ въ видѣ контроля государственный совѣтъ (1808 г.). Но Штейну не удалось довершить начатыхъ реформъ, и Гарденбергъ продолжалъ его дѣло. Онъ оставилъ оба учрежденія Штейна, кабинетъ и государственный совѣтъ, но лишилъ ихъ всякаго значенія, а на мѣсто послѣднихъ выдвинулъ министерство. Во главѣ его явился канцлеръ, который имѣлъ право контроля надъ дѣйствіями своихъ коллегъ и могъ у нихъ требовать отчета въ каждомъ ихъ шагѣ. Это министерство, созданное королевскимъ указомъ 1810 г. и двумя постановленіями кабинета 1814 и 1817 гг., сохранилось въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ и до сихъ поръ. Въ настоящее время оно состоитъ изъ девяти департаментовъ, которыми завѣдуютъ особые министры. Совѣтъ министровъ и есть Staats ministerium. Въ числѣ ихъ членовъ могутъ быть также министры безъ портфеля, не принимающіе непосредственнаго участія въ государственномъ управленіи Пруссіи. Конституція предоставила королю право назначать и удалять своихъ министровъ, и, въ дѣйствительности, онъ широко пользуется этимъ правомъ. Парламентское большинство не имѣетъ никакого вліянія на его выборъ, а конституція не обязываетъ короля избирать своихъ совѣтниковъ изъ числа парламентскихъ членовъ. Министрамъ открытъ свободный доступъ въ обѣ палаты во всякое время. Прусскіе министры—люди практики, прошедшіе всю служебную карьеру съ первыхъ ея ступеней и хорошо знакомые съ административнымъ дѣломъ; они вносятъ съ собой духъ покорности и подчиненія, выработанный служебною дисциплиной.

Внутренняя организація и роль прусскаго министерства далеко не отвѣчаютъ требованіямъ парламентскаго кабинета. Министры являются подчиненными короля, а не уполномоченными націи, какъ, наприм., въ Англіи. Между ними нѣтъ никакой солидарности, никакого внутренняго единства, которое создается только общностью политической программы. Король съумѣлъ отстоять свое право назначать министровъ и устранилъ всякое вмѣшательство палатъ. А, между тѣмъ, конституція признаетъ министерскую отвѣтственность. «Королевскіе министры отвѣтственны,—гласитъ ст.

44.— Правительственные акты имѣютъ законную силу лишь тогда, когда они скрѣплены подписью министра; право скрѣпы и налагаетъ на нихъ отвѣтственность». Но тутъ идетъ рѣчь о чисто-юридической отвѣтственности. «Министры,—добавляетъ статья 61,—могутъ подвергнуться преслѣдованію той или другой палаты только за явное нарушеніе конституціи, взяточничество и измѣну. Судъ надъ ними принадлежитъ верховному королевскому суду въ полномъ его составѣ. Поводъ къ отвѣтственности, порядокъ судопроизводства и наказанія будутъ опредѣлены точнѣе спеціальнымъ закономъ». Но даже и эта юридическая отвѣтственноссь осталась мертвою буквой. Какъ ни настаивала палата депутатовъ, въ особенности въ первый періодъ конституціоннаго режима, на изданіи обѣщаннаго закона, онъ никогда не былъ изданъ, а безъ этого закона, какъ утверждаютъ нѣмецкіе юристы, 61 ст. конституціи не имѣетъ никакого реальнаго значенія.

Такимъ образомъ, прусскіе министры, въ сущности, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ чиновниковъ, такъ какъ они не несутъ спеціальной отвѣтственности передъ палатами. О солидарности министерствъ нечего и говорить. Не министры выставляютъ политическую программу правительства, а король. Они поставлены у власти не для того, чтобы проводить въ жизнь идеи и стремленія парламентскаго большинства, а для того, чтобы слѣпо исполнять волю монарха. «У насъ, — говоритъ князь Бисмаркъ, — управляетъ одинъ король. Король приказываетъ, а министры подчиняются»... Разумѣется, при такихъ условіяхъ, солидарность— излишняя роскошь: удаленіе одного не измѣняетъ положенія другихъ. Король даетъ общій тонъ и направленіе политикѣ. Подъ рукою у него находится совѣтъ министровъ, съ которымъ онъ раздѣляетъ тяжесть правительственнаго бремени. Конституція отвела послѣднему довольно значительное мѣсто: она поставила его во главѣ администраціи и вручила ему контроль надъ государственнымъ управленіемъ Пруссіи. Засѣданія его происходятъ разъ въ недѣлю или даже чаще, въ случаѣ необходимости, подъ предсѣдательствомъ короля или министра-президента, который явился на смѣну бывшему канцлеру. Но постановленія большинства вовсе не обязательны для короля: это простые совѣты, на которые онъ можетъ не обращать никакого вниманія, между тѣмъ какъ постановленія парламентскихъ кабинетовъ носятъ рѣшающій характеръ. Роль прусскаго премьера принадлежитъ министру-президенту. Правда, эта роль нѣсколько неопредѣленна. Онъ не наслѣдовалъ правъ канцлера надъ своими коллегами, онъ стоитъ съ ними на совершенно равной ногѣ и не направляетъ и не контролируетъ ихъ дѣйствій. Вся его миссія сводится къ предсѣдательству на министерскихъ собраніяхъ. Повидимому, прусскій премьеръ далеко уступаетъ англійскому первому министру. Но въ дѣйствительности это не такъ. Князь Бисмаркъ, бывшій президентъ совѣта, старался какъ-то выяснить въ рейхстагѣ свои отношенія къ остальнымъ министрамъ: «Я, въ сущности, не даю никакихъ приказаній своимъ коллегамъ,—говорилъ онъ.—Я ихъ прошу, убѣждаю письменно, но это не всегда приводитъ къ цѣли, и потому я пред-

почитаю другое средство. Когда я считаю необходимымъ провести какое-нибудь дѣло и встрѣчаю препятствія со стороны коллегъ, тогда я обращаюсь къ истинному президенту совѣта, его величеству королю. Если я не нахожу у него сочувствія, я бросаю это дѣло; въ противномъ же случаѣ я получаю предписаніе сдѣлать то или другое». Эти слова показываютъ намъ, какое глубокое различіе существуетъ между прусскимъ министромъ-президентомъ и англійскимъ первымъ министромъ: одинъ опирается на короля, другой—на парламентъ. Правда, это не мѣшаетъ имъ пользоваться одинаковою властью и вліяніемъ на политику правительства. Князь Бисмаркъ, несмотря на встрѣчаемый отпоръ въ лицѣ коллегъ, держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія въ теченіе многихъ лѣтъ. Но такая преобладающая роль прусскаго премьера—совершенно случайное явленіе: она обусловливалась личными качествами лица, занимавшаго этотъ постъ, его умомъ, энергіей, талантомъ, между тѣмъ какъ власть перваго англійскаго министра почти возведена въ законъ. Въ Пруссіи за полновластнымъ правителемъ можетъ слѣдовать скромный чиновникъ, который ничѣмъ не отличается отъ прочихъ министровъ и представляетъ такое же орудіе королевской воли. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, не министерство является правительствомъ Пруссіи, а король. Парламентскіе кабинеты служатъ связующимъ звеномъ между исполнительною и законодательною властью; прусское же министерство поддерживаетъ одну въ ущербъ другой. Съ введеніемъ имперской конституціи роль прусскаго министерства и, въ особенности, министра-президента нѣсколько возросла. Образованіе имперіи было дѣломъ Пруссіи, и она постаралась сохранить за собой гегемонію: она управляетъ и руководитъ имперіей. Ея министерство уже въ силу того, что оно находится во главѣ прусской администраціи, оказываетъ вліяніе на дѣла имперіи. Черезъ его руки проходятъ инструкціи, даваемыя правительствомъ делегатамъ Пруссіи на союзномъ совѣтѣ, а они-то, главнымъ образомъ, и накладываютъ отпечатокъ на всю имперскую политику. Но, въ дѣйствительности, эта роль вовсе не такъ велика, какъ это можетъ казаться. Министерство дѣйствуетъ подъ бдительнымъ окомъ короля, императора Германіи, или министра-президента, всесильнаго канцлера имперіи. Двойной титулъ послѣдняго внушаетъ больше уваженія его коллегамъ, чѣмъ скромная роль прусскаго премьера, и они окончательно пассуютъ передъ нимъ. Что же касается остальныхъ министровъ, то, съ установленіемъ имперіи, кругъ ихъ вѣдомства или возросъ, или съузился: однимъ было поручено сверхъ ихъ предъидущихъ обязанностей также завѣдываніе дѣлами союзныхъ государствъ; у другихъ была отнята часть полномочій въ пользу имперіи, и, наконецъ, третьи очутились въ зависимости отъ имперскаго правительства, воплощеннаго въ лицѣ одного канцлера, президента прусскаго министерства.

Таковы измѣненія, внесенныя конституціей имперіи въ область прусской администраціи. Хотя она нѣсколько и расширила компетенцію прусскаго министерства и его президента, тѣмъ не менѣе, отношенія министровъ къ королю остались все тѣ же. Разумѣется, слуги неограниченнаго монарха и

могли пользоваться ни независимостью, ни правами члена парламентскаго кабинета. Король назначалъ и удалялъ ихъ вполнѣ произвольно; въ его власти было даже самое существованіе министровъ; онъ могъ его уничтожить такъ же легко, какъ и создалъ.

Въ первый же періодъ конституціоннаго режима между королемъ и ландтагомъ завязалась упорная борьба: палата депутатовъ старалась расширить кругъ своей компетенціи; король отстаивалъ свои прерогативы. Разумѣется, всѣ шансы были на его сторонѣ и онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Опираясь на хорошо организованную армію и сильную бюрократію, которыя были ему преданы по традиціи, король съумѣлъ удержать за собою первое мѣсто въ государствѣ. Да и окружающія условія благопріятствовали тому: народъ не былъ еще подготовленъ къ политической жизни, верхняя палата находилась въ рукахъ короля, даже въ нѣдрахъ палаты депутатовъ образовалась сильная партія, приверженная коронѣ. Двѣнадцать лѣтъ продолжалась борьба. Король не уступалъ ни на іоту своихъ правъ; палата настойчиво требовала введенія парламентскаго режима. Наконецъ, въ 1862 г., когда во главѣ министровъ появился Бисмаркъ, правительство перемѣнило тактику: изъ оборонительнаго оно перешло въ наступательное положеніе. Случай не замедлилъ представиться: палата депутатовъ отказалась принять военный законопроектъ, предложенный правительствомъ. Тогда послѣднее взяло на свой рискъ и страхъ осуществленіе этого проекта, разсчитавъ, что палата должна будетъ примириться съ совершившимся фактомъ. Но палата отказалась вотировать кредитъ и вычеркнула изъ бюджета статью, касавшуюся новыхъ расходовъ по военному вѣдомству. Правительство ничуть не смутилось, оно заставило палату господъ вотировать бюджетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ въ нижнюю палату.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ правительство находилось въ открытой враждѣ съ народнымъ собраніемъ и управляло страной безъ правильнаго бюджета. Страна не пришла въ негодованіе. Король зналъ свой народъ и былъ совершенно спокоенъ; онъ предпринялъ даже двѣ войны за этотъ періодъ. Побѣда пруссаковъ въ 1866 года положила конецъ кризису: палата признала себя побѣжденной и уступила пальму первенства правительству. Борьба, какъ извѣстно, велась не только на почвѣ военнаго бюджета. Съ первыхъ же ея шаговъ обнаружилось два теченія: одно за личный, другое — за парламентскій режимъ. Престижъ короля поднялся еще выше послѣ основанія имперіи. Народъ гордился имъ: онъ одинъ осуществилъ его мечты, онъ создалъ германское единство и отвелъ Пруссіи преобладающее мѣсто. Неудивительно, что личный режимъ взялъ верхъ надъ парламентскимъ. Министерская отвѣтственность была вовсе устранена изъ конституціонной практики и министры очутились въ зависимости отъ одной короны. Конституція ограничила только законодательное право короля, предоставивъ ему цѣликомъ исполнительную власть. Король, какъ и прежде, первое лицо въ государствѣ. Онъ прини-

маетъ участіе въ законодательной власти, ему принадлежитъ право инициативы и право veto. И если онъ не пользуется имъ въ настоящее время, то только потому, что не нуждается въ немъ; палаты дѣйствуютъ подъ его контролемъ и онъ заставляетъ ихъ считаться съ королевскою волей. Исполнительная власть вся въ его рукахъ. Онъ высшій авторитетъ въ государствѣ; его министры простые совѣтники, покорные слуги его величества. Разумѣется, люди генія и таланта могутъ оказывать на него вліяніе, но это только рѣдкія исключенія, которыя ничуть не измѣняютъ сущности дѣла. Правда, король охотно выслушиваетъ мнѣнія своихъ совѣтниковъ, даже принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію, но ничто не обязываетъ его слѣдовать имъ. Члены парламентскаго кабинета имѣютъ за собой парламентъ; у прусскихъ министровъ нѣтъ никакой опоры. «Одинъ король, — какъ говорилъ князь Бисмаркъ,— предписываетъ то, что должно быть сдѣлано. Министры обязаны лишь исполнить и оформить его предписанія. Конечно, они могутъ быть несогласны съ мнѣніемъ короля; тогда на сцену является компромиссъ,—вся конституціонная жизнь состоитъ изъ компромиссовъ,—и если король дорожитъ своимъ совѣтникомъ, онъ дѣлаетъ ему извѣстную уступку. Но въ большинствѣ случаевъ поступаетъ иначе. Когда министры не могутъ добиться согласія короля на то или другое дѣло въ полномъ его объемѣ, они разсуждаютъ такъ: зачѣмъ губить все дѣло?... Королевская воля всегда имѣла и будетъ имѣть рѣшающій голосъ». Разумѣется, эта воля не можетъ простираться на всѣ детали государственнаго управленія. Министры получаютъ отъ короля инструкціи въ общей формѣ и очень часто имъ приходится принимать то или другое рѣшеніе вполнѣ самостоятельно. Но въ важныхъ вопросахъ они должны спрашиваться мнѣнія короля и давать ему ежегодный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Хотя 44 ст. конституціи и требуетъ контрассигнаціи министровъ на всѣхъ правительственныхъ актахъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ появляются безъ министерской подписи, какъ, наприм., королевскіе указы относительно командованія войскъ и друг.

Въ сферѣ законодательной власти права короля ограничены ландтагомъ. Послѣдній состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты господъ и палаты депутатовъ. Первая представляетъ аристократическое начало; члены ея назначаются королемъ, одни изъ нихъ пользуются наслѣдственными правами, другіе—только пожизненными. Вторая состоитъ изъ народныхъ представитей; число ея членовъ равняется 433. Выборы на двухъ степеняхъ совершаются по трехклассной системѣ. Каждый двадцатичетырехлѣтній пруссакъ, обладающій политическими и гражданскими правами, можетъ быть внесенъ въ списокъ избирателей 1-й степени (Urwähler). Послѣдніе дѣлятся на три класса, пропорціонально количеству вносимыхъ ими податей. Въ первомъ классѣ находятся богатые собственники, во второмъ—представители буржуазіи, а въ третьемъ—толпа рабочихъ, которая платитъ минимальный налогъ. И такъ какъ каждый классъ избираетъ одинаковое число избирателей 2-й степени (Wahlmänner), то участіе народа въ выборахъ очень слабо.

Чиновники не исключены изъ числа депутатовъ. Правительство смотритъ на нихъ весьма благосклонно, такъ какъ это его вѣрные союзники. Король созываетъ и распускаетъ ландтагъ. Засѣданія палатъ происходятъ ежегодно въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ, съ ноября до половины января. Для удобства они раздѣлены на отдѣленія (sections),—верхняя на пять, нижняя на семь. Послѣднія назначаютъ членовъ парламентскихъ коммиссій, на которыхъ возложена вся подготовительная работа, разсмотрѣніе и изученіе законопроектовъ. Компетенція ландтага строго опредѣлена. Если оставить въ сторонѣ его миссію назначенія регента въ случаѣ смерти короля и несовершеннолѣтія наслѣдника, ему принадлежитъ право: 1) издавать законы, 2) вотировать бюджетъ и всѣ проекты финансовыхъ мѣръ, 3) утверждать нѣкоторые дипломатическіе договоры и 4) подвергать контролю администрацію. Ландтагъ раздѣляетъ съ королемъ функцію законодательной власти. «Для каждаго закона необходимо согласіе короля и палатъ» (конст. ст. 62). Въ принципѣ законодательныя права ландтага не ограничены. Онъ можетъ внести, измѣнить, принять или отвергнуть всякій законопроектъ, каковъ бы онъ ни былъ. Но, къ сожалѣнію, прусская конституція, также какъ и другія, не постаралась дать точнаго опредѣленія закона, не указала, какія государственныя мѣры могутъ быть облечены въ форму законодательнаго акта. Нѣмецкіе юристы пытались выяснить этотъ вопросъ. Они различаютъ законъ въ двоякомъ смыслѣ: формальномъ и матеріальномъ. Въ первомъ смыслѣ всякій актъ, имѣющій законную силу, носитъ названіе закона; во второмъ — законъ есть «предписаніе нормы права, юридически обязательное». Компетенція палатъ простирается, прежде всего, на законъ въ матеріальномъ смыслѣ, какъ его опредѣляютъ нѣмецкіе юристы; затѣмъ на нѣкоторые административные акты, которые, въ силу историческихъ и политическихъ соображеній, помѣщены въ разрядъ законовъ, и, наконецъ, на извѣстныя правительственныя мѣры, созданныя конституціонною практикой, которыя облекаются въ форму закона благодаря тому принципу, что всякій законодательный актъ можетъ быть измѣненъ или уничтоженъ только закономъ.

Финансовыя права ландтага въ теоріи довольно широки. Онъ ежегодно вотируетъ бюджетъ, вводитъ налоги, даетъ кредитъ, совершаетъ государственные займы. Что же касается его правъ въ сферѣ международныхъ отношеній, то въ настоящій моментъ этотъ пунктъ утратилъ все свое значеніе. Пруссія не вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ иностранными державами, предоставляя это имперскимъ властямъ, а договоры заключенные во имя имперіи, не подлежатъ компетенціи прусскаго парламента. Остается упомянуть еще о контролѣ палатъ надъ администраціей. Имъ предоставлено право предлагать королю адресы съ изложеніемъ своихъ требованій, интерпеллировать министровъ, назначать коммиссіи для изслѣдованія правительственныхъ дѣйствій и, наконецъ, подвергать осужденію королевскихъ совѣтниковъ. Прусскій ландтагъ не раздѣленъ, какъ англійскій парламентъ, на двѣ большихъ, правильно организованныхъ партіи. Правда, и

здѣсь существуетъ два теченія: консервативное и прогрессистское, но не они одни послужили основой для политическихъ партій. Въ Пруссіи играли не малую роль религіозные и національные вопросы, и они-то повели къ дробленію первоначальныхъ группъ на мелкія фракціи всевозможныхъ оттѣнковъ. Еще во времена прусской реставраціи, въ средѣ націи образовалось двѣ большихъ партіи: партія консерваторовъ и партія либераловъ. Но онѣ въ свою очередь распались на отдѣльныя группы: консервативная партія на старо-консерваторовъ и нео-консерваторовъ, либеральная—на умѣренныхъ и радикаловъ. Конституціонный режимъ объединилъ первую и раздробилъ еще больше вторую. Къ этой же эпохѣ относится образованіе партіи центра; она возникла подъ вліяніемъ преслѣдованія католиковъ, но получила правильную организацію только во времена Kulturcampf'а. Основаніе сѣверо-германскаго союза произвело новый расколъ въ прусскихъ партіяхъ. Отъ консервативной отдѣлилась группа независимыхъ консерваторовъ. Въ нѣдрахъ либеральной образовалась партія національ-либераловъ, которая примкнула къ правительству. Одна прогрессистская группа осталась вѣрна идеямъ свободы и парламентаризма. Эти же партіи дѣйствуютъ въ рейхстагѣ,—тамъ главная арена борьбы,—и потому мы разсмотримъ ихъ подробнѣе, когда будемъ говорить о рейхстагѣ, а здѣсь ограничимся только общею характеристикой. Консервативная партія—надежная опора правительства; она идетъ съ нимъ въ разрѣзъ лишь тогда, когда затронуты интересы аристократіи. Независимые консерваторы — вѣрные слуги короля и его совѣтниковъ. Національ-либералы — скорѣе правительственная, чѣмъ либеральная партія. Центръ также склоняется все больше и больше на сторону правительства съ тѣхъ поръ, какъ религіозный вопросъ потерялъ свой жгучій характеръ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сохраняетъ свою полную независимость и является иногда защитникомъ либеральныхъ реформъ. Прогрессистская партія—партія оппозиціи, сторонница парламентскаго режима. Есть еще небольшая группа непримиримыхъ, но она весьма незначительна.

Эти партіи распредѣлены въ палатахъ ландтага далеко не равномѣрно. Почти вся верхняя палата находится въ рукахъ короны. Въ палатѣ депутатовъ ни одна изъ политическихъ группъ не представляетъ большинства. Двѣ трети собраній состоятъ изъ правительственныхъ партій, такъ что и здѣсь правительство находитъ сильную поддержку.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ положеніе прусскихъ министровъ передъ ландтагомъ носитъ вполнѣ независимый характеръ. Конституція открыла имъ доступъ въ обѣ палаты ландтага, даже если они и не его [illegible]ены, а взамѣнъ дала послѣднему право интерпелляціи и обвиненія [illegible]олевскихъ совѣтниковъ въ случаѣ нарушенія конституціи, взяточничества [illegible] государственной измѣны. Министры держатся передъ палатами не [illegible] представители парламентскаго большинства, а какъ агенты короны, защ[illegible]тники ея прерогативъ. Не ландтагъ оказываетъ на нихъ вліяніе и под[illegible]гаетъ контролю ихъ дѣйствія, а они производятъ давленіе на ланд[illegible]ъ,

взывая къ авторитету короля при каждомъ удобномъ случаѣ. Они могутъ требовать слова во всякое время, тогда какъ члены собранія пользуются этимъ правомъ всего одинъ разъ по каждому данному вопросу. Когда палата приступаетъ къ голосованію интерпелляцій, министры оставляютъ залу засѣданій. Когда она назначаетъ коммиссію для изслѣдованія правительственныхъ дѣйствій, они запрещаютъ своимъ агентамъ подчиняться требованіямъ коммиссіи, заявляя въ ландтагѣ, что «коммиссія, назначенная противъ воли правительства, не можетъ, конечно, пользоваться его содѣйствіемъ». Ихъ отвѣтственность передъ палатами осталась на почвѣ конституціоннаго принципа и не перешла еще въ дѣйствительность. При составленіи и проведеніи законопроектовъ министры играютъ въ Пруссіи большую роль. Право предлагать законы принадлежитъ какъ королю, такъ и обѣимъ палатамъ. Проекты могутъ быть представлены въ ту или другую палату, за исключеніемъ финансовыхъ, которые поступаютъ сперва на утвержденіе палаты депутатовъ, а затѣмъ уже палаты господъ. Хотя каждый членъ ландтага и имѣетъ право внести законопроектъ въ формѣ предложенія, подкрѣпленнаго пятнадцатью подписями, тѣмъ не менѣе, иниціатива законовъ исходитъ всегда отъ правительства. Большинство утвержденныхъ проектовъ принадлежитъ ему. Парламентская иниціатива въ Пруссіи такъ же слаба, какъ и въ Англіи. Какъ здѣсь, такъ и тамъ законодательная монополія находится въ рукахъ правительства. Но причины этого явленія коренятся въ различныхъ условіяхъ: въ Англіи правительство опирается на парламентское большинство, въ Пруссіи—на авторитетъ королевской власти.

Почти всѣ законопроекты вносятся обыкновенно въ палату депутатовъ. Послѣдняя подвергаетъ ихъ троекратному чтенію. Въ первомъ чтеніи обсуждается принципіальная сторона вопроса, во второмъ—проектъ подвергается измѣненіямъ и отсылается на изученіе коммиссіи, въ третьемъ—слѣдуетъ окончательное рѣшеніе. Министры принимаютъ самое горячее участіе въ обсужденіяхъ. Стараясь отстоять всѣ детали своего проекта, они ведутъ ожесточенную борьбу съ собраніемъ и очень часто одерживаютъ верхъ. Проекты, утвержденные палатой депутатовъ, поступаютъ въ палату господъ. Послѣдняя отправляетъ его въ коммиссію, а затѣмъ уже вотируетъ, или же обсуждаетъ его въ два пріема, не отсылая его на разсмотрѣніе коммиссій. Министры играютъ здѣсь еще болѣе важную роль, чѣмъ въ палатѣ депутатовъ. Встрѣчая поддержку въ лицѣ консервативнаго большинства, они оказываютъ давленіе на палату и заставляютъ ее отвергнуть поправки, внесенныя представительнымъ собраніемъ. Проекты, принятые ландтагомъ, подлежатъ санкціи короля. Послѣдній можетъ наложить свое veto, но онъ не прибѣгаетъ къ нему въ настоящее время: и безъ его veto законы, противные королевской политикѣ, не проходятъ въ ландтагѣ. Финансовые проекты представляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Палата господъ можетъ принять ихъ или отвергнуть цѣликомъ, но безъ права измѣненія.

Парламентскій кризисъ 1863 — 1866 гг. нанесъ сильный ударъ фи-

нансовымъ правамъ ландтага. Распря между правительствомъ и нижнею палатой, возникшая сперва на почвѣ военнаго бюджета, вскорѣ обратилась въ «бюджетный вопросъ» и привела къ знаменитому парламентскому конфликту, который разрѣшился побѣдой правительства. «Конфликты между властями становятся вопросомъ силы»,—заявилъ однажды Бисмаркъ и создалъ теорію и практику безбюджетнаго управленія.

Послѣ блестящей кампаніи 1866 г. правительство гордо подняло свою голову, а ландтагъ смиренно склонился передъ нимъ. Побѣдоносно разрѣшивъ этотъ первый конфликтъ, оно захватило въ свои руки финансовую власть ландтага. Составленіе бюджета лежитъ на министрѣ финансовъ. Онъ сносится съ своими коллегами, справляется у нихъ о приблизительной цифрѣ расходовъ и доходовъ по ихъ департаменту и составляетъ государственную смѣту. Первоначальный проектъ обсуждается въ общемъ собраніи министровъ, затѣмъ поступаетъ на разсмотрѣніе короля и вносится въ палату. Въ Пруссіи нѣтъ подраздѣленія бюджета на ординарный и чрезвычайный; онъ предлагается въ формѣ одного проекта и всего на одинъ годъ. Порядокъ обсужденія и голосованія ничѣмъ не отличается отъ формъ обыкновеннаго закона. Въ большинствѣ случаевъ, бюджетъ остается почти безъ всякихъ измѣненій и проходитъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ правительствомъ. Палата господъ не имѣетъ права подвергать его измѣненіямъ; но, тѣмъ не менѣе, въ 1862—1865 гг. она, подъ вліяніемъ королевскихъ агентовъ, не постѣснилась возстановить статьи, отвергнутыя палатой депутатовъ. Съ тѣхъ поръ преобладающая роль въ сферѣ финансовъ осталась за короной.

Контроль палатъ надъ дѣйствіями администраціи обратился въ пустой звукъ. Министерская отвѣтственность, установленная конституціей, никогда не практиковалась въ Пруссіи. Ландтагъ можетъ допрашивать министровъ сколько угодно; ничто не обязываетъ королевскихъ совѣтниковъ давать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и очень часто они отказываются отвѣчать на предложенные имъ вопросы. Впрочемъ, послѣ настоятельныхъ требованій палаты они присылаютъ ей письменный рапортъ по всѣмъ интересующимъ ее пунктамъ. Ландтагъ имѣетъ также право предлагать королю адресы съ изложеніемъ своихъ мнѣній по поводу тѣхъ или другихъ дѣйствій правительства.

Германія.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка древняя Германская имперія не имѣла и тѣни существованія. Религіозныя распри XVI и XVII вв. нанесли ей жестокій ударъ. Быстрое возвеличеніе Пруссіи и побѣды ея надъ Австріей пошатнули авторитетъ императорской власти, а наполеоновскія войны довершили ея паденіе. Раздробленная Германія не имѣла прежней силы; ни ея славы прошли и оскорбленное національное чувство не могло примириться съ этимъ фактомъ. Объединеніе Германіи стало мечтой всѣхъ патріотовъ.

Первая попытка объединенія была сдѣлана на вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г. Союзный актъ создалъ конфедерацію изъ извѣстнаго числа независимыхъ государствъ, которая имѣла цѣлью внутреннюю и внѣшнюю безопасность страны. Это не было истинно-федеративное государство (Bundesstaat), а союзъ государствъ (Staatenbund), договоръ между князьями о взаимной поддержкѣ въ трудную минуту. Союзныя власти засѣдали во Франкфуртѣ подъ предсѣдательствомъ Австріи, но ихъ авторитетъ былъ слишкомъ слабъ и не на ихъ долю выпало объединеніе Германіи. Между тѣмъ, подоспѣла революція 1848 г.,—казалось, завѣтныя мечты народа готовы сбыться: во Франкфуртѣ собралось національное собраніе для реформы союзной конституціи; но печальная участь франкфуртскаго парламента хорошо извѣстна. И вопросъ германскаго единства былъ рѣшенъ не постановленіями большинства, а «желѣзомъ и кровью», какъ рекомендовалъ Бисмаркъ. Политическое единство, подготовленное экономическимъ путемъ, знаменитымъ таможеннымъ союзомъ (Zollverein), было довершено рѣшительною политикой Пруссіи. Послѣ блестящаго ряда побѣдъ она основала сѣверо-германскій союзъ, оставивъ за собой право дать ему новую политическую организацію (1866 г.). Менѣе чѣмъ черезъ годъ была выработана конституція союза, которая подверглась утвержденію берлинскаго учредительнаго собранія и представителей союзныхъ государствъ. Основа Германской имперіи была положена, недоставало только имени. Война 1870 года рѣшила вопросъ о присоединеніи южныхъ государствъ къ союзу, и 18 января 1871 г. въ Версалѣ была провозглашена имперія и титулъ германскаго императора преподнесенъ прусскому королю Вильгельму I. Рейхстагъ, созванный въ Берлинѣ для пересмотра конституціи сѣверо-германскаго союза, подвергъ ея текстъ соотвѣтствующимъ измѣненіямъ и утвердилъ ее большинствомъ голосовъ. 16 апрѣли 1871 г. она была обнародована подъ названіемъ конституціи Германской имперіи.

Германская имперія есть федеративное государство, обладающее органами власти, необходимыми для самостоятельной жизни. Всѣ мелкія разновидности Германіи слились въ одну большую націю, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстную долю независимости. Кромѣ мѣстныхъ законовъ, каждый изъ членовъ федераціи признаетъ общіе законы имперіи и посылаетъ своихъ депутатовъ какъ въ мѣстный ландтагъ, такъ и въ обще-германскій рейхстагъ. Въ принципѣ имперія обладаетъ только правами, предоставленными ей союзными государствами, но въ дѣйствительности она часто посягаетъ на ихъ автономію, опираясь на широкій смыслъ конституціонныхъ законовъ. Ни одна федерація въ мірѣ не отводила такого большого мѣста центральной власти, какъ конституція 1871 г. Имперіи принадлежитъ право вѣдать общіе интересы Германіи: объявлять войну, заключать миръ, вступать въ сношенія съ иностранными державами, завѣдывать германскою арміей и флотомъ, чеканить монету, разрѣшать конфликты между союзными государствами. Въ ея рукахъ находится обще-германское законодательство какъ публичное, такъ и частное, почты и телеграфы всей

страны (за исключеніемъ Баваріи и Вюртемберга), а также контроль надъ желѣзными дорогами (кромѣ баварскихъ). У нея есть свои суды, своя казна, которую она можетъ пополнять путемъ таможенныхъ сборовъ и другихъ пошлинъ. И имперія издаетъ законы, дѣйствуетъ и управляетъ, какъ самое централизованное государство. Примѣненіе ея законовъ совершается подъ надзоромъ центральной власти. Она вмѣшивается даже въ такія области, которыя вовсе не подлежатъ ея компетенціи, какъ, наприм., мѣстныя дѣла союзныхъ государствъ. Послѣднія вовсе не обязаны давать ей отчета ни въ своемъ законодательствѣ, ни въ своей администраціи, а, между тѣмъ, она зорко слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ тамъ, и никто не протестуетъ противъ ея вмѣшательства. «Во всѣхъ сферахъ своихъ дѣйствій, — говоритъ Лабандъ, — государства сталкиваются съ авторитетомъ высшей власти, которой они подчинены. Они могутъ вращаться только въ кругу, предоставленномъ имъ имперскимъ законодательствомъ. Этотъ кругъ существуетъ: онъ ограниченъ имперіей, но не поглощенъ ею». Тѣмъ не менѣе, въ ея волѣ съузить его до крайнихъ предѣловъ, такъ какъ право пересмотра конституціи находится въ рукахъ имперскихъ властей. «И такъ, можно смѣло сказать, что государства сохраняютъ свои политическія права только изъ милости имперіи и самое обладаніе ими носитъ чисто-временный характеръ» (Лабандъ).

Таково въ общихъ чертахъ созданіе Пруссіи. Она объединила государства силой и продиктовала имъ свои законы. Разумѣется, первое мѣсто осталось за ней. Съ основаніемъ имперіи утвердилась ея гегемонія: всѣ государства очутились въ зависимости отъ имперіи, а имперія была та же Пруссія. Пришлось, конечно, до извѣстной степени щадить самолюбіе подвластныхъ ей государствъ, и въ виду этой цѣли имперская конституція надѣлила ихъ призрачными правами, окутавъ туманомъ смыслъ своихъ законовъ. Отсюда такая неясность, неопредѣленность ея текста, надъ которой изощряютъ свой умъ нѣмецкіе юристы.

Конституція поставила во главѣ имперіи союзный совѣтъ (Bundesrath) изъ представителей германскихъ государствъ. De jure онъ обладаетъ широкими полномочіями во всѣхъ сферахъ власти; императоръ во всемъ подчиненъ ему. Но de facto это учрежденіе не имѣетъ никакой реальной силы. Императоръ и рейхстагъ—вотъ два дѣйствующихъ лица въ государственной жизни Германіи. Bundesrath—игрушка въ могучихъ рукахъ императора и орудіе въ борьбѣ съ представительнымъ собраніемъ. Организація государственныхъ властей здѣсь нѣсколько иная, чѣмъ въ Пруссіи. Императоръ не раздѣляетъ съ палатами функцій законодательной власти и не управляетъ страной при помощи отвѣтственнаго министерства. У него есть только одинъ министръ—имперскій канцлеръ. Bundesrath представляетъ, по словамъ Бисмарка, «высшій совѣтъ имперіи, въ которомъ суверенитетъ каждаго народа находитъ свое выраженіе». По своему составу, это не палата, а скорѣе дипломатическая конференція изъ полномочныхъ представителей государствъ, которые дѣйствуютъ по указаніямъ своихъ правительствъ.

Роль Bundesrath'а весьма разнообразна. Онъ является, въ одно и то же время, и государственнымъ совѣтомъ, и верхнею палатой, и министерствомъ. Онъ составляетъ проекты законовъ и бюджетовъ, обсуждаетъ, измѣняетъ и вотируетъ ихъ, а также принимаетъ участіе въ дебатахъ рейхстага. Въ сферѣ исполнительной власти онъ завѣдуетъ какъ внѣшнею, такъ и внутреннею политикой Германіи. Его согласіе необходимо для объявленія войны, заключенія мира и почти всѣхъ международныхъ договоровъ. Ему принадлежитъ также административная и даже судебная власть. Императоръ не имѣетъ права veto. Онъ обязанъ обнародовать всякій законъ, принятый рейстагомъ и утвержденный союзнымъ совѣтомъ. Императоръ созываетъ Bundesrath и рейхстагъ, закрываетъ и откладываетъ ихъ засѣданія, но онъ не вправѣ распустить второй безъ согласія перваго. Какъ олицетвореніе имперіи, онъ ведетъ дипломатическіе переговоры съ иностранными державами, но не самостоятельно, а подъ контролемъ Bundesrath'а. Есть только одна область, гдѣ императоръ является полнымъ господиномъ, это—начальствованіе надъ войсками. Рейхстагъ — представитель законодательной власти. Члены его избираются всеобщею подачей голосовъ безъ различія государствъ. Онъ вотируетъ законы, бюджеты и обладаетъ извѣстнымъ правомъ контроля надъ администраціей. Повидимому, императоръ играетъ довольно ничтожную роль: съ одной стороны его власть ограничена союзнымъ совѣтомъ, съ другой—рейхстагомъ; но все это только въ теоріи. На практикѣ онъ верховный глава государства. Bundesrath — послушное орудіе въ рукахъ императора. Его права шире, вмѣшательство чаще, но роль та же: онъ отстаиваетъ политику императора и сражается съ либеральными тенденціями рейхстага. Отвѣтственность имперскаго канцлера ничѣмъ не отличается отъ отвѣтственности прусскихъ министровъ. На немъ лежитъ двойная миссія: онъ—представитель Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ и единственный германскій министръ. Какъ первому делегату Пруссіи, ему принадлежитъ роль президента Bundesrath'а, императоръ назначаетъ его самъ и управляетъ при его содѣйствіи имперіей. Канцлеръ можетъ быть, въ то же время, и президентомъ прусскаго министерства. Конституція не оговорила этого пункта. Полное отождествленіе Пруссіи и имперіи возможно только при этомъ условіи: первый совѣтникъ прусскаго короля долженъ быть первымъ совѣтникомъ германскаго императора. Канцлеръ несетъ двойную отвѣтственность: передъ прусскими властями онъ отвѣчаетъ какъ членъ союзнаго совѣта и президентъ прусскаго министерства, передъ имперскими какъ германскій министръ. Его отвѣтственность передъ послѣдними установлена конституціей 1871 г. «Всѣ императорскіе указы и распоряженія,—гласитъ ст. 17,—для приданія имъ законной силы, должны быть скрѣплены подписью канцлера, который и несетъ за нихъ отвѣтственность». Но какая это отвѣтственность—нравственная, политическая, юридическая? И передъ кѣмъ,—передъ императоромъ, Bundesrath'омъ или рейхстагомъ? Неизвѣстно. Много ломали голову надъ этимъ вопросомъ нѣмецкіе юристы, много вели изъ-за него дебатовъ. Но, очевидно, здѣсь дѣло идетъ о юридической отвѣтственности, такъ какъ

политическая не устанавливается закономъ, а создается путемъ конституціонной практики. Очевидно также, что эта отвѣтственность—передъ рейхстагомъ и Bundesrath'омъ, такъ какъ ст. 17 имперской конституціи взята изъ конституцій представительныхъ монархій и она не имѣла бы никакого смысла, если бы трактовала только объ отвѣтственности канцлера передъ императоромъ.

Должность канцлера, единственнаго министра и президента союзнаго совѣта, представляетъ странное исключеніе въ исторіи конституціонныхъ монархій. Этимъ Германія обязана Бисмарку. При обсужденіи проекта имперской конституціи предполагалось учредить совѣтъ министровъ на подобіе прусскаго, но Бисмаркъ горячо возсталъ противъ этого намѣренія. Резоны, которые онъ приводилъ, не были изъ особенно убѣдительныхъ, да и не въ нихъ была сила. У него была скрытая цѣль; онъ не могъ ее обнаружить ни передъ государствами, ни передъ народомъ. Прусскій премьеръ прекрасно зналъ, что учрежденіе совѣта министровъ неразрывно связано съ парламентскимъ режимомъ, а онъ старался убить его въ корнѣ. Правда, парламентскій конфликтъ въ Пруссіи разрѣшился въ пользу правительства, но, вѣдь, это была случайность. Стоитъ лишь остыть народному энтузіазму, думалъ онъ, и обаяніе императора утратитъ свою силу, борьба станетъ неизбѣжной. Совѣтъ министровъ напомнитъ рейхстагу парламентскія традиціи другихъ странъ, и авторитетъ императорской власти пошатнется до основанія. Нѣтъ, спасеніе только въ личномъ режимѣ: это лучшая гарантія противъ либеральныхъ поползновеній рейхстага. И, опираясь на вѣковыя традиціи Германіи, онъ выдвинулъ на сцену ея отжившее учрежденіе — должность канцлера или, вѣрнѣе, вице-канцлера древней имперіи.

Но такое средоточіе государственнаго управленія въ однѣхъ рукахъ было возможно только въ первый періодъ основанія союза. До 1870 г. существовалъ всего одинъ департаментъ, подъ названіемъ Bundeskanzleramt, который состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Завѣдываніе внѣшними дѣлами, германскою арміей и флотомъ было поручено прусскимъ министерствамъ. Но такое положеніе не могло долго продолжаться. Въ 1870 г. возникъ, независимо отъ Bundeskanzleramt, департаментъ иностранныхъ дѣлъ. За нимъ послѣдовали другіе и, когда, наконецъ, въ 1879 г. самъ Bundeskanzleramt распался на свои составныя части, на мѣстѣ послѣдняго образовалось нѣсколько департаментовъ подъ непосредственнымъ началомъ канцлера, которые получили названіе имперской канцеляріи (Reichskanzlei). Въ настоящее время число ихъ возросло до девяти. Этими департаментами завѣдуютъ особые начальники, статсъ-секретари. Они дѣлятся на два разря одни изъ нихъ подвѣдомственны канцлеру и отвѣтственны только пер нимъ,—это чиновники, а не министры, подчиненные канцлера, а не вѣтники императора; другіе болѣе приближаются къ типу министровъ: с имѣютъ право скрѣплять своею подписью правительственные акты, каса щіеся ихъ департамента, и въ силу этого принимаютъ на себя отв ственность не только передъ канцлеромъ, а также передъ императоромъ

рейхстагомъ. До 1878 г. всѣ статсъ-секретари стояли на равной ногѣ и были подчинены одному канцлеру. Онъ скрѣплялъ за нихъ своею подписью всѣ императорскіе указы и отвѣчалъ за ихъ дѣйствія. Но съ 1878 г., по закону 27 марта, канцлеръ получилъ право, въ случаѣ болѣзни, отлучки или большого количества дѣлъ, находить себѣ замѣстителей. Одни изъ нихъ пользуются всѣми его правами, какъ, наприм., вице-канцлеръ (Generalstellvertreter), другіе только частью права (Specialstellvertreter). Императоръ можетъ ихъ назначать лишь по требованію своего совѣтника. Вице-канцлеръ исполняетъ въ отсутствіе канцлера всѣ его обязанности. Онъ первый представитель Пруссіи и президентъ союзнаго совѣта; онъ завѣдуетъ всѣмъ государственнымъ управленіемъ, скрѣпляетъ государственные акты и несетъ за нихъ отвѣтственность. Но, въ сущности, онъ находится въ полной зависимости отъ канцлера: послѣдній можетъ удалить его во всякую минуту и взять въ свои руки завѣдываніе дѣлами. Specialstellvertreter имѣютъ также право скрѣпы императорскихъ указовъ, но только въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Эта роль выпадаетъ на долю нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ, принимающихъ непосредственное участіе въ государственномъ управленіи, какъ, наприм., статсъ-секретари юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и др. Тѣ же, миссія которыхъ сводится къ простому контролю надъ исполненіемъ имперскихъ законовъ въ союзныхъ государствахъ, лишены этого права. Отсюда двѣ категоріи чиновниковъ, о которыхъ мы упоминали выше. Но какъ тѣ, такъ и другіе въ полномъ подчиненіи у канцлера: онъ отдаетъ имъ приказанія, одобряетъ или отмѣняетъ ихъ рѣшенія. «Не начальники департаментовъ отвѣтственны за меня,— говорилъ Бисмаркъ въ рейхстагѣ,— я отвѣтственъ за нихъ. Мнѣ принадлежитъ право избирать ихъ, и я слѣжу за тѣмъ, чтобы это были люди сочувствующіе общей политикѣ имперіи, такъ какъ я несу за нихъ отвѣтственность. И въ тотъ моментъ, когда я не встрѣчаю такого сочувствія съ ихъ стороны, мой долгъ сказать имъ: мы не можемъ служить вмѣстѣ». Слѣдуетъ упомянуть еще о спеціальномъ положеніи штатгальтера Эльзасъ-Лотарингіи. Вначалѣ управленіемъ этой провинціи завѣдывалъ канцлеръ, но съ 1879 г. оно было передано въ руки штатгальтера и особаго министерства, находящихся въ Страсбургѣ. Штатгальтеръ стоитъ на положеніи отвѣтственнаго министра; онъ имѣетъ право скрѣпы императорскихъ указовъ, касающихся Эльзасъ-Лотарингіи, и можетъ передавать это право завѣдующему министерствомъ статсъ-секретарю. Но, разумѣется, и онъ подчиняется предписаніямъ изъ Берлина, какъ и всѣ остальные.

И такъ, мы видимъ въ Германіи не совѣтъ министровъ, а всемогущаго канцлера, единственнаго совѣтника короны и полновластнаго правителя, у котораго нѣтъ коллегъ, а одни подчиненные. Но такая выдающаяся роль канцлера обусловливалась личными качествами лица, занимающаго этотъ постъ. Въ сущности, его положеніе передъ императоромъ ничѣмъ не отличается отъ положенія прусскихъ министровъ передъ королемъ. У канцлера, какъ и у нихъ, нѣтъ другой опоры, кромѣ личныхъ симпатій императора.

Такое положеніе было неизбѣжно: оно явилось наслѣдіемъ прусскаго режима. Съ основаніемъ имперіи ничто не измѣнилось въ отношеніяхъ короны и ея совѣтниковъ. Прусскій король, сдѣлавшись германскимъ императоромъ, вручилъ осуществленіе своей новой власти тому же лицу, услугами котораго онъ пользовался раньше, и прусскій премьеръ сталъ имперскимъ канцлеромъ. Разумѣется, какъ тотъ, такъ и другой были одинаково подчинены королю-императору. И если случалось, что канцлеръ подымался на огромную высоту, становился во главѣ правленія, то этимъ онъ былъ обязанъ только себѣ, своему уму, таланту. Путемъ одного убѣжденія онъ съумѣлъ пріобрѣсти неотразимое вліяніе на императора и подчинить его волю своимъ желаніямъ. Но это только рѣдкія исключенія; въ общемъ, канцлеръ—вѣрный слуга императора, послушное орудіе его власти.

Далеко не таково положеніе канцлера передъ союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Bundesrath, какъ мы уже замѣтили, необыкновенно оригинальное учрежденіе, свойственное только Германіи. Онъ исполняетъ функціи верхней палаты, государственнаго совѣта и министерства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это ни то, ни другое, ни третье. Bundesrath—высшій совѣтъ имперіи, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ ея члены. Каждое государство посылаетъ туда своихъ представителей; но число ихъ зависитъ не отъ количества населенія, а отъ степени его важности. Пруссія имѣетъ семнадцать голосовъ, Баварія шесть, Саксонія и Вюртембергъ—каждое по четыре и т. д. Ни одно государство не стѣснено въ выборѣ своихъ представителей. Въ большинствѣ случаевъ, эта миссія выпадаетъ на долю министровъ или высшихъ должностныхъ лицъ. Члены союзнаго совѣта не имѣютъ ничего общаго съ представителями выборной палаты. Послѣдніе могутъ свободно располагать врученнымъ имъ правомъ голоса, тогда какъ первые обязаны вотировать сообразно съ инструкціями своихъ правительствъ, такъ какъ это простые выразители воли уполномочившихъ ихъ государствъ, а не самостоятельныя лица. На этомъ принципѣ покоится вся организація союзнаго совѣта. Правда, бываютъ исключенія: министры-правители въ роли делегатовъ пользуются большею самостоятельностью, но это вовсе не исключаетъ ихъ отвѣтственности передъ властями, давшими имъ полномочія. Представители каждаго государства подаютъ общій вотумъ; голоса ихъ не могутъ разбиваться, такъ какъ они являются выраженіемъ единой воли государства. Число голосовъ постоянно: оно не измѣняется отъ количества присутствующихъ членовъ. Рѣшенія принимаются обыкновенно большинствомъ голосовъ; для пересмотра конституціи необходимо преобладающее большинство: четырнадцать голосовъ могутъ отвергнуть проектъ пересмотра.

Компетенція союзнаго совѣта, какъ мы уже видѣли, очень широка: онъ принимаетъ участіе въ отправленіи законодательной, исполнительной и судебной власти. Въ сферѣ законодательства его миссія не ограничивается одною ролью верхней палаты. Союзный совѣтъ не только предлагаетъ, обсуждаетъ и вотируетъ законы, а также санкціонируетъ ихъ. Сверхъ того, онъ пользуется особою привилегіей: его члены присутствуютъ на за-

сѣданіяхъ рейхстага и участвуютъ въ преніяхъ законодательнаго собранія. Ни одно изъ государствъ не лишено права законодательной иниціативы, но, разумѣется, Пруссія злоупотребляетъ этимъ правомъ въ ущербъ другимъ. Проектъ, утвержденный Bundesrath'омъ, поступаетъ на разсмотрѣніе рейхстага, а затѣмъ опять возвращается въ совѣтъ. Послѣдній принимаетъ или отвергаетъ его. Право санкціи принадлежитъ только ему; императоръ долженъ обнародовать всякій законъ, утвержденный Bundesrath'омъ. Въ сферѣ государственнаго управленія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, союзный совѣтъ обладаетъ не меньшими правами. Его согласіе необходимо для объявленія войны, заключенія мира и всѣхъ договоровъ, которые по своему характеру подлежатъ скорѣе компетенціи законодательной, чѣмъ исполнительной власти. Въ области внутренней политики ни одна серьезная мѣра не можетъ быть принята безъ вѣдома Bundesrath'a. Нужно ли распустить рейхстагъ, употребить военную силу для усмиренія того или другого непокорнаго члена имперіи, приходится ждать его предписанія. Даже изданіе административныхъ распоряженій находится отчасти въ рукахъ совѣта. Сверхъ того, онъ пользуется правомъ назначать нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, напримѣръ, членовъ контрольной палаты, членовъ верховнаго имперскаго суда, дисциплинарнаго суда и др. И, наконецъ, ему принадлежитъ право контроля надъ дѣйствіями администраціи. Судебная роль Bundesrath'a не такъ велика: количество дѣлъ, подлежащихъ его компетенціи, очень ограничено. Онъ разбираетъ политическія распри между союзными государствами, разрѣшаетъ конфликты между конституціонными властями и ограждаетъ отъ произвола лицъ, которымъ было отказано въ правосудіи. Разумѣется, при такой сложной массѣ функцій союзный совѣтъ не можетъ справиться одинъ со своею задачей. Для этой цѣли онъ назначаетъ особые коммиссіи и комитеты, которые раздѣляютъ съ нимъ его труды. Одни изъ нихъ носятъ временный, другіе—постоянный характеръ. Постоянные комитеты не прекращаютъ своихъ занятій въ теченіе цѣлаго года. Они состоятъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ семи членовъ. Для каждаго изъ нихъ необходимо представительство пяти государствъ и въ томъ числѣ Пруссіи. Въ настоящее время число этихъ комитетовъ возросло до одиннадцати. На нихъ лежитъ вся подготовительная работа: изученіе спеціальныхъ вопросовъ, выработка проектовъ и т. п. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ пользуются извѣстными правами въ сферѣ администраціи. Канцлеръ является, въ одно и то же время, и президентомъ союзнаго совѣта, и главнымъ представителемъ Пруссіи, и совѣтникомъ императора. Эта тройная миссія обезпечиваетъ ему первое мѣсто въ совѣтѣ. Какъ делегатъ Пруссіи, онъ обладаетъ правомъ законодательной иниціативы; какъ президентъ, онъ вноситъ всѣ проекты, предлагаемые государствами; какъ министръ, онъ слѣдитъ за обнародованіемъ и исполненіемъ изданныхъ имъ законовъ. Вотъ права, предоставленныя ему конституціей. Но въ дѣйствительности его роль гораздо шире: канцлеръ имѣетъ рѣшающее вліяніе на всю законодательную дѣятельность Bundesrath'a. Онъ, такъ сказать, моно-

полизировалъ право иниціативы. Только законы, предложенные во имя Пруссіи или съ ея согласія, проходятъ въ союзномъ совѣтѣ. У императора нѣтъ права veto, но у него есть сила, и его канцлеръ легко можетъ не подчиниться требованіямъ Bundesrath'a. Принимая на себя отвѣтственность за этотъ шагъ, онъ парализуетъ всякій протестъ собранія. Въ конституціонной практикѣ былъ такой фактъ. Въ 1880 г. Пруссія внесла проектъ штемпельнаго налога; союзный совѣтъ подвергъ его кое-какимъ измѣненіямъ и утвердилъ большинствомъ голосовъ. Но такъ какъ это не входило въ разсчеты канцлера, онъ отказался представить его рейхстагу, оправдывая себя тѣмъ, что вся отвѣтственность за этотъ поступокъ падаетъ него. И когда Bundesrath продолжалъ настаивать на своихъ требованіяхъ, онъ гордо заявилъ, что подаетъ въ отставку. Императоръ, конечно, не согласился разстаться со своимъ министромъ, и Bundesrath уступилъ. И такъ, иниціатива законовъ принадлежитъ всецѣло имперскому правительству; союзный совѣтъ не имѣетъ настолько силы, чтобъ дать ему отпоръ. Онъ ходитъ на помочахъ у канцлера и безусловно подчиняется его волѣ. Представители мелкихъ государствъ, сознавая свое безсиліе, отдаютъ себя во власть могущественной Пруссіи, и такимъ образомъ въ средѣ союзнаго совѣта царятъ полная гармонія, миръ и согласіе. Административная власть Bundesrath'a также сведена на нуль имперскимъ правительствомъ. Послѣднее издаетъ регламенты, а первому ничего больше не остается, какъ признать ихъ и придать имъ свою санкцію, да онъ и не отказываетъ въ ней съ тѣхъ поръ, какъ потерпѣлъ пораженіе.

Что же касается судебной миссіи Bundesrath'a, то, вѣроятно, и тутъ дѣло не обойдется безъ вмѣшательствъ канцлера, если собранію придется выступить въ роли судьи. Еще одно замѣчаніе. Статсъ-секретари не могутъ присутствовать на засѣданіяхъ союзнаго совѣта, но они всегда тутъ въ качествѣ представителей Пруссіи и защитниковъ ея интересовъ. Такимъ образомъ, вся роль Bundesrath'a, несмотря на огромныя полномочія, данныя ему конституціей, сводится къ роли орудія въ рукахъ имперскаго правительства.

На ряду съ нимъ стоитъ рейхстагъ. Это—живое воплощеніе національнаго единства, представитель всего германскаго народа; члены его избираются всеобщею подачей голосовъ безъ различія государствъ. Каждый гражданинъ имперіи пользуется правомъ голоса, даже внѣ предѣловъ своей родины: пруссакъ, при извѣстныхъ условіяхъ мѣстожительства, можетъ быть избирателемъ и избираемымъ въ Баваріи, баварецъ въ Пруссіи и т. д. Въ принципѣ всѣ депутаты пользуются одинаковыми правами. Конституція подчеркнула этотъ пунктъ: «члены рейхстага — представители всей націи». Но, тѣмъ не менѣе, послѣ того, какъ къ союзу примкнули южныя государства, сохранивъ за собою извѣстныя права, отъ которыхъ отказались сѣверныя въ пользу имперіи, было установлено, что въ обсужденіи частныхъ вопросовъ принимаютъ участіе только заинтересованные члены собранія.

Король сзываетъ рейхстагъ, открываетъ и закрываетъ его засѣданія, но не можетъ распустить его безъ вѣдома союзнаго совѣта. Рейхстагъ, какъ и палата депутатовъ, раздѣленъ на семь отдѣленій, на которыхъ лежитъ обязанность назначать коммиссіи для изученія сложныхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію собранія. Законодательныя права рейхстага сводятся къ иниціативѣ, обсужденію и голосованію законовъ. Его компетенція простирается на всѣ акты, устанавливающіе новый принципъ права или видоизмѣняющіе старый, на всѣ регламенты, причисленные конституціей къ разряду законовъ, и на утвержденіе всѣхъ международныхъ договоровъ, которые по своему характеру соприкасаются съ областью имперскаго законодательства. Финансовыя права рейхстага не отличаются отъ правъ другихъ парламентовъ. Онъ вотируетъ бюджеты, вводитъ налоги, опредѣляетъ расходы, утверждаетъ государственные займы и свѣряетъ послѣдующіе расчеты. Конституція предоставила ему также право контроля надъ администраціей, но не дала ему никакого оружія въ руки: она признала отвѣтственность канцлера, но не указала, какъ ею пользоваться. Рейхстагъ, какъ и палата депутатовъ, представляетъ смѣсь партій, фракцій и оттѣнковъ. Бисмаркъ дѣлилъ ихъ на друзей и недруговъ имперіи. И дѣйствительно, одни изъ нихъ преданы правительству, другіе сочувствуютъ ему, но сохраняютъ, въ то же время, свою независимость, третьи враждуютъ съ нимъ. Канцлеръ находитъ обыкновенно поддержку въ лицѣ консерваторовъ, членовъ имперской партіи и націоналъ-либераловъ. Первые, какъ представители дворянства и протестантскаго духовенства, преданы коронѣ по духу, по традиціи. Они сдерживаютъ либеральныя поползновенія правительства и составляютъ ему оппозицію, когда оно затрогиваетъ интересы аристократіи. Вторые всецѣло къ услугамъ императора и его канцлера. Они образовали партію въ 1876 г. изъ умѣренныхъ либераловъ и консерваторовъ. И, наконецъ, третьи, націоналъ-либералы, отдѣлились въ 1876 г. отъ либеральной партіи и примкнули къ правительству, пожертвовавъ своимъ либерализмомъ идеѣ національнаго единства. Это скорѣе правительственная, чѣмъ либеральная партія, хотя она и за парламентскій режимъ въ сферѣ внутренняго управленія.

Но есть пункты, въ которыхъ она рѣзко расходится съ правительствомъ, это—религіозные и экономическіе вопросы. Націоналъ-либералы до сихъ поръ не могутъ простить правительству уничтоженія майскихъ законовъ и такъ же неодобрительно смотрятъ на его государственный соціализмъ. Бисмарку удалось объединить эти три партіи въ 1887 году по случаю проектированнаго имъ военнаго септенната. Подъ его вліяніемъ онѣ заключили союзъ (Cartell), обѣщавъ ему содѣйствіе при проведеніи его проектовъ. Но послѣ удаленія Бисмарка картель потерялъ все свое значеніе. Центръ также скорѣе на сторонѣ правительства, чѣмъ противъ него. Но было время, когда онъ велъ съ нимъ ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть. Въ 1871 г. канцлеръ, подстрекаемый націоналъ-либералами, предпринялъ свое знаменитое гоненіе на католиковъ. Послѣдніе, тѣсно сло-

тившись вокругъ своего блестящаго вождя (Виндгорстъ), образовали прекрасно организованную партію оппозиціи, которая выдержала схватку съ правительствомъ и заставила его отказаться отъ всѣхъ своихъ стѣснительныхъ мѣръ. Теперь не осталось и слѣда отъ майскихъ законовъ. Потому-то центръ смирилъ свое ожесточеніе и если не вполнѣ примкнулъ къ правительству, то сильно приблизился къ нему, въ особенности послѣ отставки Бисмарка, который былъ главнымъ иниціаторомъ Kulturkampf'a. Къ оппозиціоннымъ партіямъ принадлежатъ прогрессисты (свободомыслящіе), соціалисты и партикуляристы. Нѣсколько южно-германскихъ депутатовъ образуютъ болѣе передовую группу — демократическую. Соціалистическая программа хорошо всѣмъ извѣстна и намъ нѣтъ нужды распространяться о ней. Партикуляристы—поляки, эльзасъ-лотарингцы и др. — являются защитниками своей національности. Всѣ эти партіи имѣютъ правильную организацію и строго опредѣленную программу. Каждая группа изъ пятнадцати членовъ носитъ названіе «фракціи»; она можетъ участвовать въ парламентскихъ коммиссіяхъ и посылать своихъ представителей въ Seniorenconvent,—такъ называется общее собраніе главныхъ вождей партій, въ которомъ обсуждаются всѣ важные вопросы, стоящіе на очереди.

У каждой фракціи есть свой президентъ и свой центральный комитетъ. Они собираются помимо засѣданій въ рейстагѣ для обсужденія всѣхъ своихъ дѣйствій въ палатѣ. Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ даже отъ своихъ членовъ, чтобы тѣ представляли на усмотрѣніе коллегъ или, по крайней мѣрѣ, президента свои предложенія, которыя они намѣрены внести въ рейхстагъ. Но, несмотря на такую организацію, нѣмецкія партіи часто разбиваются на группы во время голосованія. На засѣданіяхъ рейхстага присутствуютъ не только одни представители націи, но и члены союзнаго совѣта. Нужно отдать справедливость рейхстагу: онъ не такъ подчиняется вліянію имперскаго правительства, какъ ландтагъ вліянію прусскихъ министровъ. Конституція не установила отношеній канцлера и представительнаго собранія. Она дала послѣднему право петицій, но какая же это гарантія противъ злоупотребленій правительства? Впрочемъ, рейхстагъ пріобрѣлъ уже право интерпеллировать канцлера и его товарищей. Въ собраніи депутатовъ члены союзнаго совѣта пользуются особою привилегіей: они могутъ требовать голоса, не соблюдая своей очереди. Канцлеръ является здѣсь не вождемъ парламентскаго большинства, даже не представителемъ Bundesrath'a, а совѣтникомъ короны, защитникомъ ея прерогативъ.

Каждый членъ рейхстага, какъ и членъ союзнаго совѣта, имѣетъ право законодательной иниціативы. Но имперское правительство забрало это право исключительно въ свои руки. Всѣ проекты законовъ, представленные въ рейхстагъ послѣ обсужденія союзнаго совѣта,—продуктъ имперской канцляріи. Мы видѣли, какую роль играетъ канцлеръ въ Bundesrath'ѣ, какъ онъ направляетъ всю законодательную дѣятельность собранія и устраняетъ участіе остальныхъ членовъ. Ту же цѣль онъ преслѣдуетъ и въ рейхстагѣ. Хотя каждый депутатъ пользуется правомъ иниціативы, но ни одинъ

нихъ не можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своего проекта, если канцлеръ на сторонѣ оппозиціи.

Проектъ, внесенный въ рейхстагъ, подвергается той же процедурѣ, что и въ палатѣ депутатовъ: сперва принципіальное обсужденіе закона, затѣмъ изученіе деталей въ коммиссіи, измѣненія и, наконецъ, окончательный вотумъ. Члены союзнаго совѣта принимаютъ самое живое участіе въ дебатахъ рейхстага. Они могутъ даже оспаривать здѣсь проекты, утвержденные Bundesrath'омъ. Но къ чему имъ ссориться съ императоромъ и его канцлеромъ? Это страшная сила, передъ которой они пасуютъ. Такимъ образомъ, канцлеръ, поддерживаемый членами совѣта, ведетъ борьбу съ рейхстагомъ. Разумѣется, всѣ шансы на его сторонѣ: послѣдній слишкомъ слабъ, чтобы облечь въ форму закона предложенія своихъ членовъ, если этого не желаетъ императоръ и его совѣтникъ. Пусть собраніе обсуждаетъ его сколько угодно, Bundesrath не приметъ проекта. Правда, и рейхстагъ умѣетъ давать отпоръ правительству, если это нужно; случалось и канцлеру лавировать между партіями и дѣлать имъ тѣ или другія уступки, боясь полнаго пораженія. Если же рейхстагъ непремѣнно настаивалъ на своемъ, Bundesrath объявлялъ, что онъ считаетъ лишнимъ вотировать проектъ въ такомъ искаженномъ видѣ. И, тѣмъ не менѣе, народному собранію удавалось не разъ отстаивать свои взгляды. Онъ подвергалъ серьезнымъ измѣненіямъ правительственные проекты, отказываясь ихъ принять въ противномъ случаѣ. Канцлеръ взывалъ къ патріотическому чувству депутатовъ, къ ихъ долгу, и, когда все это было безполезно, онъ скрѣпя сердце шелъ на уступки. Составленіе бюджета также въ рукахъ имперскаго правительства. Канцлеръ вноситъ его сперва въ союзный совѣтъ, а затѣмъ уже въ рейхстагъ. Германскій бюджетъ, какъ и прусскій,—годичный и не подраздѣленъ на ординарный и чрезвычайный. Канцлеръ пытался не разъ ввести двухгодичный бюджетъ, но его попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Рейхстагъ прекрасно понялъ, что, если этотъ проектъ пройдетъ, правительство обойдется безъ его услугъ и его засѣданія будутъ совершаться черезъ два года. Бюджетъ, какъ и обыкновенный законъ, подвергается троекратному чтенію; послѣ перваго чтенія онъ сдается въ коммиссію, измѣняется, а затѣмъ уже голосуется во всемъ объемѣ. Между Бисмаркомъ и рейхстагомъ случались не разъ столкновенія на почвѣ финансовыхъ вопросовъ, изъ которыхъ онъ выходилъ побѣдителемъ, но принужденъ былъ дѣлать уступки. Съ теченіемъ времени, естественно, значеніе рейхстага будетъ возрастать.

И. К—на.

Земля въ исторіи мірозданія.

„Жизненная волна, пробѣгающая по нашей планетѣ, составляетъ лишь легкую струйку на морѣ жизни, обнимающемъ солнечную систему, а это море жизни, въ свою очередь,— едва замѣтное колебаніе океана вѣчной жизни, обнимающаго вселенную".

Проторъ.

Вѣчно прикованные къ землѣ и подавленные мелочами обыденной жизни, слагающейся изъ ряда конечныхъ существованій и мимолетныхъ событій, мы рѣдко обращаемъ нашу мысль къ тѣмъ безпредѣльнымъ областямъ небеснаго пространства, въ которыхъ царитъ величавая гармонія міровъ. Намъ трудно отвлечься отъ назойливыхъ интересовъ безпорядочной жизненной сутолоки для того, чтобы возвыситься до созерцанія и пониманія того дивнаго порядка, какимъ полна безконечность вселенной и какого мы не знаемъ въ условіяхъ нашего земного существованія. Но когда мысль наша, покидая конечное, освобождается отъ тяжкихъ оковъ ограниченности, тогда мы съ невольнымъ любопытствомъ вступаемъ въ ту таинственную бездну, изъ которой на насъ смотрятъ миріады небесныхъ тѣлъ, полныхъ жизни и движенія. Здѣсь все манитъ насъ къ себѣ чарующею прелестью новизны, гармоничностью соотношеній и величіемъ событій, о которыхъ мы часто не въ состояніи даже составить себѣ надлежащаго понятія. Увлекаемые открывающеюся передъ нами стройностью мірозданія и пораженные его чудною красотой, мы почти не замѣчаемъ, какъ мало-по-малу мысль наша, окрыленная сознаніемъ своего могущества, уносится въ безпредѣльность мірового пространства, стараясь проникнуть въ тайну бытія всего, сущаго въ немъ.

Изъ вѣка въ вѣкъ жизни человѣчества повторялись подобныя попытки, чаще всего совершенно безплодныя, но иногда приводившія къ поразительнымъ результатамъ. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи текущему столѣтію. Опираясь на цѣлый рядъ астрономическихъ открытій, сдѣланныхъ въ предшествовавшіе вѣка, и пользуясь усовершенствованными методами изслѣдованія, современная наука быстро подвигается впередъ въ разрѣше-

ніи труднѣйшихъ вопросовъ по изученію таинственной природы небесныхъ тѣлъ. Давнымъ-давно на равнинахъ Месопотаміи грубая матеріальная сила, желая увѣковѣчить славу своего горделиваго торжества, попыталась воздвигнуть башню до небесъ, но не такимъ памятникамъ суждено достигать столь чистой высоты: рознь языковъ быстро прекратила и безслѣдно уничтожила праздно затѣянное дѣло. Не такова судьба другого зданія,—зданія точной науки, первыя основы котораго были положены скромными пастухами на равнинахъ той же Месопотаміи: нынѣ вершина этого величественнаго памятника успѣховъ чистой мысли, воздвигаемаго соединенными усиліями безкорыстныхъ тружениковъ всего цивилизованнаго человѣчества, вознеслась уже до той высоты, откуда предѣлы вселенной кажутся шире и откуда въ необъятности небеснаго пространства мы яснѣе видимъ тѣ безчисленные міры, которые въ вѣчной смѣнѣ величавыхъ событій проходятъ передъ нами, наполняя нашу душу чувствомъ благоговѣйной безмятежности.

Пытаясь проникнуть въ тайны мірозданія, мысль человѣческая издавна уже обращалась къ изученію и того ограниченнаго міра, какимъ является наша земля, столь грандіозная въ сравненіи съ физическимъ ничтожествомъ человѣка и, въ то же время, теряющаяся въ безпредѣльности вселенной. Прослѣдить судьбу этого міра на всѣхъ ступеняхъ его послѣдовательнаго развитія, разъяснить его вѣроятную будущность всегда составляло одну изъ благороднѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ для научныхъ изысканій. Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время мы были близки къ рѣшенію этой задачи, въ которой все еще остается много загадочнаго и неопредѣленнаго, но, тѣмъ не менѣе, мысль человѣческая съ каждымъ годомъ дѣлаетъ въ этой области все большія и большія завоеванія, раскрывающія намъ сокровеннѣйшія тайны *геогеніи* или происхожденія земли.

Желая разъяснить исторію земли во всей послѣдовательности ея космическаго развитія, мы можемъ или изучать слѣды пережитыхъ ею превращеній, по скольку они сохранились во внѣшнемъ обликѣ и внутреннемъ строеніи нашей планеты, или же обратиться къ изученію другихъ небесныхъ тѣлъ и по ходу событій на нихъ заключить о томъ, что было пережито землею въ прошломъ и что ожидаетъ ее въ будущемъ. Въ первомъ случаѣ мы получимъ весьма важныя данныя по интересующему насъ вопросу, изслѣдуя форму земли, ея плотность, тепловое состояніе ея внутреннихъ частей, вещественный составъ ея наружной оболочки, строеніе этой оболочки, заключенные въ ней остатки органическихъ существъ, нѣкогда населявшихъ нашу планету, и т. п. Но всѣ эти данныя, вполнѣ достаточныя для уясненія хода и преемственности геологическихъ событій въ позднѣйшія эпохи развитія земли, даютъ лишь косвенное и, притомъ, весьма неполное указаніе на то, что происходило въ періоды ея начальнаго существованія. Для разъясненія событій, имѣвшихъ мѣсто въ эти періоды, приходится уже обратиться къ результатамъ *сравнительнаго изученія* небесныхъ тѣлъ, которое за послѣдніе годы сдѣлало чрезвычайные

успѣхи, благодаря значительному усовершенствованію методовъ научныхъ изысканій.

Дѣйствительно, еще недавно въ распоряженіи астронома былъ только одинъ приборъ для подробнаго изученія небесныхъ тѣлъ, это—болѣе или менѣе сильные телескопы; но даже наиболѣе совершенные изъ нихъ оказываются слишкомъ недостаточными для того, чтобы при помощи ихъ мы могли дѣлать заключеніе о вещественномъ составѣ и физическихъ свойствахъ различныхъ свѣтилъ. Въ этомъ отношеніи достаточно вспомнить, что даже на ближайшемъ къ намъ небесномъ тѣлѣ, на лунѣ, пространство, имѣющее въ поперечникѣ до двухъ верстъ, при разсматриваніи въ самые лучшіе телескопы представляется намъ въ видѣ точки, такъ что всѣ подробности, заключающіяся въ предѣлахъ этого пространства, остаются совершенно скрытыми отъ насъ. На солнцѣ такою едва различимою точкой является пространство съ поперечникомъ въ 700 верстъ, т.-е. величиною больше цѣлой Франціи. На Юпитерѣ въ видѣ столь же неразличимой точки представляется намъ поверхность, равная по величинѣ всей Европѣ. Нечего и говорить, что при помощи одного только телескопа мы рѣшительно ничего не могли бы узнать о составѣ и свойствахъ звѣздъ и туманныхъ пятенъ, столь удаленныхъ отъ насъ, что свѣтъ, пробѣгающій 280,000 верстъ въ секунду, употребляетъ долгіе годы, чтобы пройти тѣ необъятныя разстоянія, которыя отдѣляютъ ихъ отъ насъ. Правда, самые усовершенствованные и лучшіе изъ теперешнихъ телескоповъ, увеличивающіе видимый діаметръ небесныхъ тѣлъ въ 1,500—2,000 разъ, повидимому, еще не достигаютъ предѣловъ возможнаго увеличенія, особенно при пользованіи ими на вершинахъ горъ, гдѣ атмосфера прозрачнѣе и нѣсколько покойнѣе; но еслибъ они были еще совершеннѣе, то астрономія, все-таки, не пріобрѣла бы тѣхъ могучихъ средствъ для изученія небесныхъ тѣлъ, какими она располагаетъ въ настоящее время помимо прямого пользованія совершенными телескопами. Средства эти: спектральный анализъ, изученіе химическаго и петрографическаго состава метеоритовъ, фотометрія и фотографія. Благодаря спектральному анализу, химическія особенности и физическое состояніе веществъ на отдаленнѣйшихъ небесныхъ тѣлахъ стали столь же легко распознаваемы, какъ и въ нашихъ лабораторіяхъ. Возникающія при этомъ затрудненія происходятъ не отъ отдаленности изучаемыхъ небесныхъ тѣлъ, а отъ того обстоятельства, что вещества на этихъ тѣлахъ нерѣдко находятся въ такихъ условіяхъ существованія, которыхъ мы не въ состояніи воспроизвести наличными средствами науки. Я не говорю уже о непосредственномъ химическомъ и петрографическомъ анализѣ космической пыли и метеоритовъ, которые изслѣдуются въ нашихъ лабораторіяхъ при помощи тѣхъ же пріемовъ, какими мы пользуемся при изученіи всѣхъ остальныхъ веществъ. Что же касается фотометріи, то она даетъ возможность, прежде всего, опредѣлять напряженность лучей свѣта, какъ исходящихъ отъ самосвѣтящихся свѣтилъ, отъ звѣздъ, такъ и отражаемыхъ темными небесными тѣлами. Производя такія опредѣленія въ различныя времена, мы получаемъ количественныя выраженія ея измѣненія мо-

сти, которыя въ свою очередь приводятъ насъ къ интереснѣйшимъ заключеніямъ о состояніи вещества въ глубинѣ небесныхъ пространствъ. Кромѣ того, фотометрія позволяетъ отчасти судить также и о свойствахъ отражающихъ свѣтъ поверхностей небесныхъ тѣлъ и даже объ относительномъ перемѣщеніи ихъ въ небесномъ пространствѣ. Наконецъ, фотографія, еще недавно примѣненная къ изученію небесныхъ тѣлъ, оказала уже весьма существенныя услуги астрономіи. Дѣйствительно, телескопическое изображеніе, воспроизведенное, а затѣмъ и увеличенное фотографическимъ способомъ, обнаруживаетъ такія подробности строенія небесныхъ тѣлъ, на которыя даже лучшіе телескопы не даютъ ни малѣйшаго намека. При этомъ необходимо еще имѣть въ виду, что въ фотографическомъ изображеніи исчезаетъ субъективность наблюдателя и одинъ моментъ явленія, нерѣдко почти мимолетнаго, запечатлѣнный фотографическимъ снимкомъ, какъ бы растягивается на неопредѣленное время, дѣлаясь доступнымъ множеству изслѣдователей, которые могутъ изучать его когда угодно.

Естественно, что, располагая вышеуказанными средствами, подлежащими еще дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, и опираясь на точность математическаго анализа, астрономія или, лучше сказать, тотъ отдѣлъ ея, какой называется *астрофизикой,* сдѣлала за послѣдніе годы блестящія открытія въ области сравнительнаго изученія небесныхъ тѣлъ. Теперь мы знаемъ не только законы движенія планетъ, ихъ взаимныя соотношенія, объемы, массы, плотности и ихъ видимыя очертанія, но мы даже получили возможность составить себѣ понятіе о физико-химическихъ свойствахъ такихъ свѣтилъ, какъ звѣзды, кометы и туманности, теряющіяся въ безднахъ мірового пространства. Пользуясь все болѣе и болѣе совершенствующимися пріемами астрофизическихъ изслѣдованій, мы слѣдимъ за изверженіями газообразныхъ веществъ, происходящими на поверхности солнца, опредѣляемъ составъ его периферическихъ частей, измѣряемъ быстроту бурныхъ потоковъ въ одѣвающей его газовой оболочкѣ, изслѣдуемъ химическій составъ кометнаго вещества, судимъ о физическомъ состояніи звѣздъ и туманностей, объясняемъ, согласно законамъ термодинамики, тѣ сложныя явленія, какія мы наблюдаемъ на этихъ небесныхъ тѣлахъ,— короче сказать, проникаемъ въ такія тайны превращеній космическаго вещества, о которыхъ 30—40 лѣтъ тому назадъ думали даже, что они не подлежатъ астрономическимъ изслѣдованіямъ.

Посмотримъ же теперь, каковы результаты всѣхъ этихъ строго-научныхъ изысканій и въ какой мѣрѣ мы можемъ воспользоваться ими для того, чтобъ опредѣлить то мѣсто, какое занимаетъ наша планета въ исторіи мірозданія.

Вглядываясь въ темную синеву ночного неба, мы видимъ его усѣяннымъ міріадами свѣтящихся точекъ, то болѣе, то менѣе яркихъ и горящихъ всѣми цвѣтами радуги. Точки эти или звѣзды группируются въ опредѣленныя сочетанія, называемыя нами созвѣздіями, которыя, въ свою очередь, образуютъ необъятныя скопища, подобныя млечному пути или магел-

лановымъ облакамъ: Относительное расположеніе звѣздъ въ каждомъ такомъ созвѣздіи, при поверхностномъ наблюденіи, не обнаруживаетъ никакихъ видимыхъ измѣненій, благодаря чему входящія въ нихъ составъ звѣзды и получили названіе неподвижныхъ. Скопленія звѣздъ иногда бываютъ такъ густы, что для невооруженнаго глаза онѣ кажутся какъ бы слившимися въ туманныя пятна различнаго очертанія. При разсматриваніи такихъ туманностей съ помощью сильныхъ телескоповъ, мы обыкновенно легко убѣждаемся, что онѣ представляютъ собою громадныя скопища отдѣльныхъ, болѣе или менѣе ясно различимыхъ звѣздъ; но рядомъ съ ними встрѣчаются туманности, которыя ни при какихъ увеличеніяхъ не разлагаются на отдѣльныя звѣзды. Такого рода туманности являются въ видѣ рдѣющихъ космическихъ облаковъ, имѣющихъ грандіозные размѣры и нерѣдко чрезвычайно причудливыя очертанія. Среди сонмища подобныхъ величественныхъ свѣтилъ нетрудно замѣтить нѣсколько своеобразныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя, постоянно мѣняя свое относительное положеніе на небесномъ сводѣ, какъ бы блуждаютъ отъ одного созвѣздія къ другому, благодаря чему мы и называемъ ихъ подвижными звѣздами или планетами. Внимательно вглядываясь въ ихъ поступательныя движенія и опредѣляя элементы этихъ движеній, астрономы убѣдились, что между планетами существуютъ закономѣрныя соотношенія, выражающіяся, прежде всего, въ томъ, что всѣ онѣ, двигаясь по строго опредѣленнымъ эллиптическимъ путямъ, вращаются вокругъ солнца и въ своей совокупности составляютъ то, что мы называемъ солнечною системой, къ которой принадлежитъ и земля съ своимъ спутникомъ, луною. Строго говоря, при тѣхъ безмѣрныхъ разстояніяхъ, какія отдѣляютъ солнечную систему отъ другихъ міровъ, она представляетъ собою какъ бы ничтожный архипелагъ, затерянный въ необъятномъ океанѣ мірового пространства. Кромѣ указанныхъ свѣтилъ, отъ времени до времени на небесномъ сводѣ появляются еще и другого рода космическія тѣла то въ видѣ хвостатыхъ звѣздъ или кометъ, то въ видѣ быстро движущихся свѣтящихся точекъ, называемыхъ нами падающими звѣздами. Послѣднія нерѣдко попадаютъ на поверхность земли въ видѣ желѣзистыхъ или камневидныхъ массъ, которыя мы называемъ метеоритами въ томъ случаѣ, когда они достаточно крупны, и космическою пылью, когда они мелки, какъ пылинки. Кометы и падающія звѣзды въ громадномъ большинствѣ случаевъ не входятъ въ составъ солнечной системы и, такимъ образомъ, вступая по временамъ въ ея предѣлы, онѣ являются какъ бы пришельцами изъ невѣдомыхъ областей небеснаго пространства, тѣмъ болѣе дорогими для насъ, что они представляютъ собою единственную вещественную связь между нашею планетой и тѣми несмѣтными мірами, которые теряются въ безпредѣльныхъ безднахъ вселенной.

Уже изъ этого краткаго обзора небесныхъ тѣлъ вполнѣ очевидно, что міровое пространство не представляетъ абсолютной пустоты, а наполнено космическимъ веществомъ, находящимся на всевозможныхъ ступеняхъ раздѣленности. Вещество это то рдѣетъ въ видѣ туманнаго облака, то вы-

хиваетъ ослѣпительнымъ блескомъ ярко мерцающей звѣзды, то гаснетъ, образуя темную массу планеты, то, наконецъ, ниспадаетъ на поверхность земли въ видѣ метеорита или космической пыли. Такимъ образомъ, мы должны признать не только существованіе космическаго вещества, но также и то, что оно испытываетъ разнообразныя превращенія, совершающіяся подъ вліяніемъ различныхъ физическихъ дѣятелей, которые и заставляютъ его отливаться въ ту или другую форму. Формы эти непостоянны и одну изъ нихъ представляетъ земля въ ея теперешнемъ состояніи. Принимая же такое непостоянство, совершенно естественно предположить въ немъ извѣстную послѣдовательность, которую мы и постараемся раскрыть путемъ сопоставленія нашихъ знаній о вещественномъ составѣ и физическомъ состояніи различныхъ небесныхъ тѣлъ.

Чудный источникъ свѣта, теплоты и жизни, лучезарное солнце, составляющее средоточіе планетнаго міра, въ теченіе секунды изливаетъ на поверхность земли количество теплоты, соотвѣтствующее 300,000,000,000,000 лошадиныхъ силъ. Но лучи солнца изливаются не на одну только землю, а по всѣмъ направленіямъ, и земля улавливаетъ лишь небольшой пучокъ ихъ, который въ 2 милліарда разъ менѣе того количества теплоты, какое изливается солнцемъ въ небесное пространство. Въ общемъ за годъ путемъ лученспусканія солнце теряетъ столько теплоты, сколько могло бы ея развиться отъ сгоранія каменноугольнаго шара, который былъ бы въ 4,5 раза больше земли, т.-е. имѣлъ бы въ діаметрѣ около 7,700 геогр. миль. Изъ всего этого очевидно, что солнце представляетъ собою огромное накаленное небесное тѣло, на которомъ совершается рядъ физико-химическихъ процессовъ, обусловливающихъ его исключительное тепловое состояніе. Сущность этихъ процессовъ долгое время не поддавалась изученію, и только помощью спектральнаго анализа удалось, наконецъ, хотя нѣсколько, разъяснить какъ химическій составъ, такъ и физическое состояніе отдѣльныхъ частей солнца. Пользуясь этимъ методомъ, легко убѣдиться, что въ составъ солнца входитъ болѣе половины химическихъ элементовъ, свойственныхъ землѣ. Изъ числа ихъ назовемъ: водородъ, натрій, барій, кальцій, магній, желѣзо, марганецъ, хромъ, кобальтъ, никель, цинкъ, мѣдь и др. Весьма замѣчательнымъ является то обстоятельство, что на солнцѣ, повидимому, существуютъ особыя химическія тѣла, совершенно чуждыя землѣ. Такимъ гипотетическимъ тѣломъ является, между прочимъ, гелій съ атомнымъ вѣсомъ болѣе низкимъ, чѣмъ у водорода. Таковъ вещественный составъ солнца. Что же касается его физическаго состоянія, то, при нѣкоторомъ разногласіи въ мнѣніяхъ, большинство изслѣдователей согласно, однако, въ томъ, что въ центральныхъ своихъ частяхъ солнце заключаетъ нѣчто способное испускать лучи свѣта и теплоты. Трудно сказать, въ какомъ физическомъ состояніи находятся вещества, составляющія это нѣчто. Во всякомъ случаѣ, едва ли это — твердыя тѣла. Всего вѣроятнѣе, что самосвѣтящееся ядро солнца составляютъ вещества, находящіяся въ переходномъ состояніи отъ газовъ къ жидкостямъ. Предѣльную поверхность такого самосвѣтящагося ядра

называютъ обыкновенно фотосферой и, судя по присутствію въ солнечномъ спектрѣ темныхъ фраунгоферовыхъ линій, думаютъ, что за фотосферой слѣдуетъ оболочка, состоящая изъ паровъ различныхъ веществъ съ сравнительно низкою температурой и поглощающая нѣкоторую часть лучей, изливаемыхъ фотосферой. Надъ этою оболочкой разстилается такъ называемая хромосфера, содержащая большое количество водорода и имѣющая до 1,200 геогр. миль въ толщину. Рдѣющая слабымъ красноватымъ свѣтомъ, хромосфера въ своихъ внѣшнихъ частяхъ становится крайне разрѣженной и переходитъ, наконецъ, въ скопленія гелія и другихъ веществъ чрезвычайно малой плотности, изъ которыхъ и образуется такъ называемая корона солнца, дѣлающаяся видимой только при полныхъ его затменіяхъ. Нечего и говорить, что при тѣхъ крайне высокихъ температурахъ, какія царятъ на солнцѣ, всѣ входящія въ его составъ вещества находятся въ состояніи крайне неустойчиваго равновѣсія, при которомъ въ массѣ солнца легко возникаютъ могучіе потоки паровъ и газовъ. Въ тѣсной связи съ существованіемъ такихъ потоковъ находится образованіе въ фотосферѣ и хромосферѣ солнца пятенъ, факеловъ и такъ называемыхъ протуберанцевъ или выступовъ, нерѣдко достигающихъ колоссальныхъ размѣровъ. Всѣ эти явленія краснорѣчиво говорятъ о томъ, что солнце представляетъ собою вполнѣ опредѣленную и измѣняемую матеріальную систему, подлежащую дальнѣйшимъ грандіознымъ превращеніямъ, конечные результаты которыхъ столь сложны, что, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній, мы не въ состояніи даже опредѣлить ихъ съ достаточною подробностью.

Покидая солнце, мы вступаемъ въ міръ планетъ, существенно отличающихся отъ него многими весьма важными особенностями. Всѣ онѣ представляютъ собою болѣе или менѣе охладившіяся небесныя тѣла, свѣтящіяся не своимъ собственнымъ, а отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, благодаря которому, будучи сами по себѣ темными, онѣ становятся видимы для насъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Юпитера и Сатурна, которые отчасти обладаютъ способностью самосвѣченія. Нельзя не отмѣтить также, что при всемъ томъ планеты въ значительной степени индивидуализированы и, благодаря этому, полнаго сходства между ними не существуетъ.

Минуя гипотетическій Вулканъ, лежащій на ближайшемъ разстояніи отъ солнца, и слѣдуя въ порядкѣ постепеннаго удаленія отъ него, мы, прежде всего, встрѣчаемъ Меркурій, который настолько близко расположенъ къ солнцу, что буквально тонетъ въ его лучезарномъ ореолѣ и, благодаря этому, рѣдко бываетъ доступенъ прямому наблюденію. Разсматриваемый съ земли, онъ обнаруживаетъ тѣ же фазы, какія мы наблюдаемъ и на нашей лунѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Меркурій, повидимому, окруженъ атмосферой, о составѣ которой, однако, мы ровно ничего не знаемъ. Наконецъ, судя по малой величинѣ массы Меркурія и по большой плотности его, нужно думать, что онъ далѣе другихъ планетъ подвинулся по пути охлажденія и въ этомъ отношеніи значительно опередилъ ихъ.

Слѣдующею планетой является Венера, которая яркою «вечернею и

утреннею звѣздой» блеститъ на нашемъ небосклонѣ и нерѣдко бываетъ видима даже при полномъ дневномъ освѣщеніи. На ней мы замѣчаемъ тѣ же фазы, какъ и на Меркуріи, тѣ же зори, какія мы наблюдаемъ и на землѣ, ту же атмосферу, какая окружаетъ и нашу планету, но рядомъ съ этимъ на ней замѣчаются явленія, сущность которыхъ пока еще плохо поддается объясненіямъ. Изъ числа такихъ явленій укажемъ на существованіе сѣрыхъ и свѣтлыхъ пятенъ, которыя довольно рѣзко выступаютъ на освѣщенныхъ частяхъ этой планеты. Нѣкоторые изслѣдователи готовы думать, что существованіе подобныхъ пятенъ обусловливается разницею въ уровняхъ поверхности Венеры, причемъ болѣе возвышенныя части ея кажутся свѣтлыми, а болѣе низменныя—сѣрыми. Кромѣ этихъ пятенъ, на Венерѣ весьма замѣчательны яркоблестящія бѣлоснѣжныя пятна, которыми оканчиваются рога ея серпа. Пятна эти располагаются въ полярныхъ частяхъ планеты и невольно наводятъ на мысль, что они представляютъ собою мощныя скопленія льдовъ и снѣговъ, которыя особенно сильно блестятъ на вершинахъ полярныхъ горъ, выступающихъ яркими точками на освященной сторонѣ планеты. Существованіе неровностей на поверхности Венеры доказываютъ также чрезвычайно капризныя измѣненія въ очертаніяхъ внутренняго края ея не вполнѣ освѣщеннаго диска, причемъ край этотъ является то выпуклымъ, то вогнутымъ, а иногда даже слегка выемчатымъ, особенно въ его полярныхъ частяхъ. Укажемъ еще на наблюдаемую иногда необыкновенную удлиненность роговъ серпа Венеры, которые нерѣдко даже сходятся своими концами, и тогда въ видѣ тонкой свѣтлой каемки онъ охватываетъ темный дискъ планеты, по временамъ мерцающій слабымъ пепельнымъ свѣтомъ таинственнаго происхожденія. Быть можетъ, свѣтъ этотъ испускается освѣщенными солнцемъ облаками, плавающими надъ неосвѣщенною поверхностью планеты, но быть можетъ также, что явленіе это представляетъ собою нѣчто, подобное нашимъ полярнымъ сіяніямъ. Въ общемъ, Венера представляетъ не мало сходнаго съ землею, и невольно хочется думать, что, близкія по своему положенію и размѣрамъ, онѣ близки между собою и въ своихъ физическихъ особенностяхъ.

Не останавливаясь на характеристикѣ нашей планеты, скажемъ нѣсколько словъ только объ ея спутникѣ, современное состояніе котораго, по мнѣнію весьма многихъ спеціалистовъ, является какъ бы прообразомъ будущаго, какое предстоитъ пережить землѣ. Благодаря близости къ намъ луны, топографія ея поверхности изучена съ большою подробностью. Даже при разсматриваніи невооруженнымъ глазомъ, лунная поверхность кажется неравномѣрно освѣщенной. При помощи же телескопа легко можно убѣдиться, что причина этого кроется въ неровностяхъ луннаго рельефа, который характеризуется чрезвычайнымъ обиліемъ горныхъ возвышенностей, достигающихъ нерѣдко колоссальной высоты и имѣющихъ видъ земныхъ вулкановъ съ громадными кратеровидными углубленіями на вершинѣ, вродѣ слабовыпуклыхъ вулкановъ Сандвичевыхъ острововъ. Вообще, рельефъ лунной поверхности указываетъ на сильное напряженіе вулканической дѣятельности

нѣкогда бывшее здѣсь, которая, быть можетъ, не прекратилась и по настоящее время. Такъ, несомнѣнно, что формы нѣкоторыхъ лунныхъ горъ съ теченіемъ времени претерпѣваютъ замѣтныя измѣненія, которыя не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ только продолжающеюся еще вулканическою дѣятельностью. Весьма замѣчательно также наблюдаемое мѣстами своеобразное расположеніе лунныхъ кратеровъ на гребняхъ изгибающихся валовъ, подобныхъ разносклоннымъ земнымъ хребтамъ, образовавшимся путемъ могучихъ дислокацій. Въ то же время, очертанія лунныхъ горъ довольно ясно обнаруживаютъ существованіе на ихъ скатахъ трещинъ, обваловъ и особыхъ бороздокъ, которыя отчетливо выступаютъ на фотографическихъ снимкахъ лунной поверхности въ видѣ сѣти волнистыхъ и вѣтвящихся линій, поразительно похожихъ на русла нашихъ рѣкъ. Но о существованіи рѣкъ и даже воды на лунѣ говорить пока еще преждевременно, такъ какъ мы не имѣемъ для этого достаточныхъ данныхъ. Болѣе вѣроятнымъ является присутствіе на лунѣ атмосферы, которая, однако, должна существенно отличаться отъ атмосферы нашей планеты, главнымъ образомъ, по своей ничтожной плотности. Все это, конечно, создаетъ такія условія, при которыхъ существованіе органической жизни на лунѣ дѣлается невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ, какія населяютъ землю.

Довольно подробныя свѣдѣнія были добыты за послѣднее время относительно Марса съ его двумя спутниками. Появляясь на нашемъ небосклонѣ, онъ невольно обращаетъ на себя вниманіе своимъ иногда довольно сильнымъ краснымъ блескомъ. При болѣе подробномъ изслѣдованіи оказывается, что поверхность его окрашена неравномѣрно и мѣстами отливаетъ оранжево-краснымъ, а мѣстами—голубовато-зеленымъ цвѣтомъ. Относительное положеніе этихъ пятенъ остается неизмѣннымъ, и общій видъ ихъ невольно заставляетъ думать, что первыя суть участки суши, тогда какъ вторыя представляютъ собою водныя пространства на поверхности Марса. Послѣднія занимаютъ едва только половину поверхности этой планеты, такъ что мы почти не видимъ на ней такихъ обширныхъ водоемовъ, какими являются океаны на поверхности земли. Что же касается суши, то на Марсѣ совершенно незамѣтно обширныхъ материковъ, а вмѣсто нихъ мы видимъ только то мелкіе, съ Сицилію, то крупные, съ Европейскую Россію, многочисленные острова, раздѣленные меридіональными и широтными узкими каналами, по временамъ какъ бы удвояющимися. Моря на Марсѣ, повидимому, не имѣютъ большой глубины, а потому нужно думать, что общее количество воды на этой планетѣ невелико и, во всякомъ случаѣ, несравненно меньше, чѣмъ на землѣ. Рельефа его суши мы пока не знаемъ но несомнѣнно, что на немъ существуютъ болѣе или менѣе значительны неровности. Такъ, за послѣднее время было указано существованіе н Марсѣ мощной и очень высокой горной цѣпи, направляющейся отъ сѣве наго полюса къ югу и на небольшомъ разстояніи отъ экватора раздѣля щейся на двѣ расходящіяся вѣтви. Весьма замѣчательны на Марсѣ больш бѣлоснѣжныя площади, давно уже подмѣченныя на его обоихъ полюсах

Площади эти нельзя не принять за обширныя снѣговыя или ледяныя поля, величина которыхъ измѣняется въ зависимости отъ временъ года на Марсѣ, или, лучше сказать, отъ количества солнечной теплоты, падающей на соотвѣтственныя части его поверхности. Кромѣ того, на обоихъ полюсахъ эти поля располагаются эксцентрично относительно ихъ, что, конечно, обусловливается своеобразными климатическими особенностями приполярныхъ странъ на Марсѣ соотвѣтственно тому, что̀ мы видимъ и на нашей планетѣ. Значительное сходство съ землею проявляется также въ существованіи на Марсѣ богатой водяными парами атмосферы, которая тонкимъ слоемъ одѣваетъ эту планету и сообщаетъ ей красноватый цвѣтъ, т.-е. тотъ же цвѣтъ, какимъ окрашивается и земля для наблюдателя, находящагося на какой-либо изъ ближайшихъ къ ней планетъ. Всѣ вышеуказанныя подробности позволяютъ смотрѣть на Марса какъ на планету, во многихъ отношеніяхъ весьма сходную съ землею, что дѣлаетъ изученіе его особенно поучительнымъ для насъ.

Минуя поясъ маленькихъ и, за исключеніемъ Весты, лишенныхъ атмосферы планетокъ или астероидовъ, которыхъ въ настоящее время извѣстно около 300, мы достигаемъ крупнѣйшей изъ планетъ солнечной системы, Юпитера, съ его пятью спутниками, изъ которыхъ послѣдній былъ открытъ только въ 1892 г. Благодаря, однако, своей значительной удаленности отъ земли, Юпитеръ не представляетъ объекта, удобнаго для наблюденія, почему наши свѣдѣнія о немъ являются весьма неполными. Наиболѣе характерную особенность Юпитера представляетъ присутствіе на немъ темно-сѣрыхъ полосъ, расположенныхъ параллельно экватору планеты и постоянно измѣняющихся въ своихъ очертаніяхъ. Существованіе этихъ полосъ и темныхъ пятенъ многіе изслѣдователи связываютъ съ существованіемъ на Юпитерѣ довольно плотной атмосферы, поглощающей нѣкоторую часть лучей солнечнаго спектра. Особенно же замѣчательнымъ было появленіе на Юпитерѣ своеобразнаго овальнаго ярко-краснаго пятна, видимаго теперь уже болѣе 10 лѣтъ. Пятно это то тускнѣетъ, то снова разгорается и своимъ внѣшнимъ видомъ невольно наводитъ на мысль, что оно обусловливается изліяніемъ на поверхность планеты самосвѣтящейся раскаленной, быть можетъ, огненно-жидкой массы, истекающей черезъ гигантскія трещины подобно лавѣ нашихъ вулкановъ. Въ такомъ предположеніи весьма много вѣроятнаго, такъ какъ существуетъ не мало данныхъ, заставляющихъ склониться въ пользу того мнѣнія, что Юпитеръ находится еще если не въ парообразномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ жидкомъ состояніи, и если нѣсколько остылъ с поверхности, то, во всякомъ случаѣ, покрытъ весьма тонкою и хрупкою корой. Не забудемъ, что плотность Юпитера составляетъ всего только 0,23 плотности земли, или, другими словами, немного больше плотности воды.

На вдвое большемъ разстояніи отъ солнца, чѣмъ Юпитеръ, вращается Сатурнъ, съ его восемью спутниками и загадочными кольцами, лежащими въ плоскости его экватора. Поверхность самого Сатурна покрыта полосами

и пятнами, подобно тому, что мы видѣли на Юпитерѣ. Здѣсь также существуетъ атмосфера, благодаря которой спектръ Сатурна дѣлается несплошнымъ и мѣстами прерывается темными линіями. Что же касается его колецъ, то нужно думать, что они состоятъ изъ массы свободныхъ частицъ, изъ которыхъ каждая движется около Сатурна на подобіе спутника, и цѣлый рой подобныхъ микроскопическихъ спутниковъ отдаленному наблюдателю представляется въ формѣ чего-то сплошного. Относительно происхожденія колецъ Сатурна и физическаго состоянія самой планеты свѣдѣнія наши весьма скудны, хотя, съ другой стороны, мы едва ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что Сатурнъ не менѣе накаленъ, чѣмъ Юпитеръ, тѣмъ болѣе, что плотность его составляетъ всего только 0,13 плотности земли.

Относительно физическаго состоянія Урана и Нептуна, благодаря ихъ чрезмѣрной отдаленности отъ земли, свѣдѣнія наши столь ограничены, что мы не будемъ останавливаться на нихъ и перейдемъ къ краткой характеристикѣ тѣхъ своеобразныхъ космическихъ тѣлъ, которыя, двигаясь за предѣлами солнечной системы, по временамъ вступаютъ въ нихъ для того, чтобы снова исчезнуть въ необъятныхъ безднахъ мірового пространства, а иногда, подчиняясь притяженію солнца и планетъ, уже на вѣки остаются связанными съ ними. Таковы, загадочныя по своему происхожденію, кометы и падающія звѣзды.

Безъ преувеличенія можно сказать, что кометъ въ межзвѣздныхъ пространствахъ такъ же много, какъ рыбъ въ моряхъ, но только не многія изъ нихъ попадаютъ въ предѣлы солнечной системы и описываютъ свой путь вокругъ солнца. Свое перемѣщеніе около него кометы совершаютъ такимъ образомъ, что несравненно болѣе значительную часть своего пути онѣ описываютъ въ отдаленнѣйшихъ отъ солнца пространствахъ, двигаясь тамъ съ чрезвычайною медленностью, и лишь только весьма малую часть своей орбиты они проходятъ вблизи отъ солнца, имѣя здѣсь и наибольшую скорость движенія, достигающую нѣсколькихъ сотъ верстъ въ секунду. Громадное большинство описанныхъ и достаточно изслѣдованныхъ кометъ, приближаясь къ солнцу изъ безмѣрно отдаленныхъ пространствъ, снова и навсегда удаляется отъ него на разстоянія, по громадности своей не подлежащія исчисленію. Нѣкоторыя же изъ нихъ періодически возвращаются и, такимъ образомъ, становятся постоянными членами солнечной системы, отличаясь отъ планетъ, прежде всего, особенностями своего движенія. Дѣйствительно, въ то время, какъ планеты движутся по эллиптическимъ путямъ, близкимъ къ кругу, т.-е. слабо растянутымъ, орбиты кометъ имѣютъ совершенно иной видъ. Только небольшое число ихъ, именно кометы періодическія, движутся по эллипсисамъ, которые, однако, чрезвычайно растянуты; огромное же большинство остальныхъ кометъ имѣетъ орбиты лишь видѣ такихъ кривыхъ линій, которыя въ отдаленнѣйшихъ отъ солнца частяхъ остаются разомкнутыми. Такого рода кривыя линіи носятъ названіе парабол, благодаря чему движущіяся по нимъ кометы и называются параболическими. Кромѣ своеобразной формы кометныхъ орбитъ, весьма замѣчатель-

что плоскости этихъ орбитъ не совпадаютъ съ плоскостями планетныхъ путей, почти совпадающими другъ съ другомъ, и пересѣкаются съ ними подъ всевозможными углами. Наконецъ, въ отличіе отъ однообразнаго движенія планетъ отъ запада къ востоку, только часть всѣхъ извѣстныхъ намъ кометъ движется въ томъ же направленіи, или, какъ говорятъ астрономы, имѣетъ прямое движеніе, тогда какъ всѣ остальныя совершаютъ свое движеніе въ обратномъ порядкѣ или имѣютъ движеніе обратное. Что же касается вида и строенія кометъ, а также тѣхъ измѣненій, которымъ онѣ подвергаются, перемѣщаясь вокругъ солнца на своихъ эксцентричныхъ путяхъ, то въ этомъ отношеніи свѣдѣнія наши довольно полны и почти съ каждымъ годомъ становятся еще полнѣе. Дѣлаясь видимой, комета является въ видѣ округлой, болѣе или менѣе сгущенной въ центрѣ, туманной массы, которую обыкновенно называютъ головою кометы. Иногда въ серединѣ головы усматривается звѣздообразная свѣтлая точка или такъ называемое ядро кометы. Чаще же всего средина головы постепенно сливается съ ея периферическими частями и, при разсматриваніи ея въ телескопъ, представляется какъ бы размытой и расплывающейся къ краямъ. По мѣрѣ приближенія къ солнцу, кометы обыкновенно обнаруживаютъ существенныя измѣненія въ своей формѣ, выражающіяся, прежде всего, въ появленіи болѣе или менѣе значительнаго придатка, называемаго хвостомъ. Величина хвоста неодинакова для различныхъ кометъ и даже для одной и той же кометы она измѣняется въ огромныхъ предѣлахъ, возростая отъ нуля до милліоновъ географическихъ миль и, затѣмъ, снова уменьшаясь до полнаго исчезновенія. Направленіе хвоста также измѣняется, хотя онъ всегда бываетъ обращенъ въ сторону противуположную отъ солнца, и, притомъ, обнаруживаетъ большее или меньшее искривленіе въ ту сторону, откуда движется комета, т.-е. назадъ. Хвостовъ у одной и той же кометы иногда бываетъ и болѣе одного, при чемъ каждый изъ нихъ отличается степенью своего искривленія. Существуетъ не мало наблюденій, изъ которыхъ можно заключить о прозрачности не только хвостовъ и туманныхъ краевъ кометы, но даже и самыхъ ядеръ. На основаніи этого и нѣкоторыхъ другихъ соображеній можно допустить, что вообще среднее состояніе сцѣпленія кометнаго вещества чрезвычайно слабо и что вещество ихъ слѣдуетъ считать по меньшей мѣрѣ рыхлымъ и разсыпчатымъ. Весьма вѣроятно, что масса кометы состоитъ изъ несвязанныхъ частицъ, какъ бы зеренъ, составляющихъ, въ силу взаимнаго притяженія, одно цѣлое, одну систему, которая и совершаетъ свое движеніе около солнца точно такъ же, какъ совершала бы его сплошная масса, поставленная въ тѣ же отношенія къ центральному тѣлу. Съ приближеніемъ къ солнцу, подъ возростающимъ вліяніемъ энергіи его лучей, начинаетъ обращаться въ паръ или газъ все то, что только есть летучаго въ этихъ зернахъ или вокругъ нихъ. На счетъ газообразнаго вещества, которое, истекая изъ кометной головы, постепенно облекаетъ ее, и развивается кометный хвостъ, состоящій изъ скопленія рѣдкихъ паровъ и газовъ, отталкиваемыхъ солнцемъ въ безпредѣльныя дали

небеснаго пространства. На основаніи нѣкоторыхъ теоретическихъ соображеній и данныхъ спектральнаго анализа мы можемъ даже опредѣлить химическій составъ кометныхъ паровъ и газовъ, которые для болѣе прямыхъ хвостовъ оказываются водородомъ, для нѣсколько искривленныхъ—углеродомъ и нѣкоторыми углеводородами, и, наконецъ, для сильно искривленныхъ хвостовъ—парами тяжелыхъ металловъ, наприм., желѣза.

При указанной рыхлости кометнаго вещества, нѣтъ ничего удивительнаго, что съ приближеніемъ къ солнцу роя частицъ, составляющихъ комету, его притягательное дѣйствіе произведетъ въ этомъ роѣ нѣчто подобное приливу, по направленію линіи, соединяющей центры кометы и солнца, какъ на сторонѣ, обращенной къ солнцу, такъ и на сторонѣ прямо противуположной. Такимъ образомъ, скопленіе кометныхъ частицъ сдѣлается растянутымъ во вредъ взаимному притяженію ихъ другъ къ другу, и если это притяженіе недостаточно велико, то связь частицъ, при продолжающемся и увеличивающемся растяженіи, легко можетъ быть нарушена, и тогда вся зернистая куча распадается на болѣе мелкія и независимыя другъ отъ друга части, изъ которыхъ каждая станетъ описывать самостоятельный путь около солнца, тождественный съ тѣмъ, какой описывала вся совокупность частицъ до ихъ распаденія. Все это прекрасно согласуется съ наблюдаемымъ иногда явленіемъ дѣлимости кометъ, происходящимъ обыкновенно въ моментъ ихъ наибольшаго приближенія къ солнцу. Коль скоро такое распаденіе началось, то естественно ожидать, что каждое отдѣльное зерно распадающейся такимъ образомъ кометы, двигаясь по одному пути съ нею, станетъ отставать отъ другихъ, и что сначала небольшія разности во временахъ обращенія и движенія отдѣльныхъ частицъ съ теченіемъ времени будутъ все болѣе и болѣе накопляться, пока, наконецъ, частицы эти не растянутся по всей орбитѣ распавшейся кометы, которая на этомъ и прекращаетъ свое существованіе. Въ окончательномъ результатѣ подобныхъ превращеній, вмѣсто кометы, мы получимъ кольцеобразную тучу или нѣчто, подобное хороводу изъ мелкихъ тѣлъ, неравномѣрно скученныхъ по протяженію орбиты, по которой они располагаются, то болѣе, то менѣе густыми роями. Само собою понятно, что если такому распаденію подвергалась періодическая комета, то и образовавшіяся изъ нея скопища вышеописанныхъ мелкихъ тѣлъ будутъ двигаться по эллиптическимъ путямъ, оставаясь постоянными членами солнечной системы; если же комета двигалась по параболическому пути, то и продукты ея распаденія будутъ слѣдовать по тому же пути, т.-е., разъ обогнувши солнце, они уже никогда не возвращаются къ нему.

При обиліи кометъ въ небесномъ пространствѣ и при возможности и распаденія подъ вліяніемъ притяженія тѣхъ или другихъ небесныхъ тѣлъ легко себѣ представить, насколько многочисленны должны быть тѣ мелкія части, на которыя онѣ распадаются, и насколько велика вѣроятность столкновенія этихъ частей какъ другъ съ другомъ, такъ и съ другими небесными тѣлами, а также и съ нашею планетой. Такія сто-

новенія происходятъ и на самомъ дѣлѣ, выражаясь ниспаденіемъ на поверхность земли болѣе или менѣе объемистыхъ металлическихъ, а иногда камневидныхъ массъ, называемыхъ нами метеоритами или аеролитами. Паденіе метеоритовъ сопровождается обыкновенно весьма характерными явленіями, невольно приковывающими къ себѣ вниманіе всякаго случайнаго свидѣтеля ихъ. Дѣло начинается съ появленія сперва едва замѣтной свѣтящейся точки, которая, затѣмъ, быстро разростается въ несущійся огненный шаръ или болидъ, особенно эффектный въ ночной темнотѣ, когда онъ мерцаетъ краснымъ, зеленымъ и другими цвѣтами и проносится въ атмосферѣ, оставляя за собою свѣтлую, искристую полосу на небесномъ сводѣ. Свѣтъ, испускаемый болидами, настолько ярокъ, что бываетъ замѣтенъ даже и при солнечномъ освѣщеніи, а ночью онъ озаряетъ земную поверхность на далекое разстояніе съ такою же силой, съ какою блеститъ молнія въ глубокомъ мракѣ безпросвѣтной ночи. Приближаясь къ поверхности земли, болидъ начинаетъ клубиться и, наконецъ, съ громовымъ ударомъ разрывается на болѣе или менѣе мелкіе куски, которые по одиночкѣ или цѣлымъ каменнымъ дождемъ ниспадаютъ на землю, нерѣдко зарываясь въ почву на весьма большую глубину. Случается, однако, что послѣ взрыва болидъ безслѣдно исчезаетъ или же, вмѣсто камней, онъ разсыпается въ мельчайшую пыль. Гораздо чаще все дѣло разрѣшается только появленіемъ свѣтящейся точки, быстро проносящейся по небесному своду въ видѣ такъ называемой падающей звѣзды или метеора. Подобныя падающія звѣзды такими массами рѣютъ надъ поверхностью земли, что, по исчисленію астрономовъ, въ теченіе сутокъ число звѣздныхъ паденій доходитъ для всей земли до 400.000,000. Внимательное изученіе падающихъ звѣздъ показало, что нѣкоторыя изъ нихъ бороздятъ небесный сводъ какъ бы поодиночно и по всевозможнымъ направленіямъ, тогда какъ другія, являясь обыкновенно въ большомъ числѣ, слѣдуютъ нѣкоторымъ опредѣленнымъ направленіямъ и принадлежатъ какъ бы отдѣльнымъ роямъ. Первыя принято называть спорадическими, а вторыя—періодическими. Есть извѣстныя времена года, когда, черезъ опредѣленные промежутки лѣтъ, падающія звѣзды проносятся мимо земли дѣйствительно цѣлыми кучами или роями, исходящими изъ какой-либо постоянной точки небеснаго свода. Такъ, ночью 10 августа новаго стиля метеорный потокъ какъ бы выходитъ изъ созвѣздія Персея, благодаря чему образующіе его метеоры получили названіе персеидъ, а 12—13 ноября звѣзды сыпятся какъ бы изъ созвѣздія Льва, почему ихъ и принято называть леонидами. Кромѣ двухъ названныхъ метеорныхъ потоковъ, можно насчитать еще около сотни другихъ, которые появляются въ опредѣленныя времена года, причемъ весьма многіе изъ нихъ повторяются не каждый годъ, а черезъ нѣкоторые опредѣленные періоды лѣтъ. Изъ указанной періодичности и порядка кучеваго появленія падающихъ звѣздъ мы должны заключить, что земля, перемѣщаясь въ небесномъ пространствѣ, въ различныхъ точкахъ своего пути встрѣчается съ болѣе или менѣе густыми роями маленькихъ тѣлъ, часть которыхъ про-

никаетъ въ атмосферу земли и, накаливаясь при необыкновенно быстромъ движеніи черезъ нее, является намъ въ видѣ падающихъ звѣздъ. Очевидно также, что пути такихъ періодическихъ метеорныхъ потоковъ должны быть замкнуты, т.-е. представляютъ собою сильно вытянутые эллипсисы, какими они являются и на самомъ дѣлѣ. Плоскости этихъ эллипсисовъ, какъ оказывается, не совпадаютъ съ плоскостью планетныхъ орбитъ, а пересѣкаются съ ними подъ всевозможными углами, причемъ движенія падающихъ звѣздъ могутъ быть какъ прямыми, такъ и обратными, а скорость ихъ движенія измѣняется отъ 25 до 160 верстъ въ секунду. Такого рода движеніе и такая скорость, а равно положеніе плоскостей метеорныхъ орбитъ въ значительной степени сближаютъ падающія звѣзды съ кометами. Эта близость становится еще нагляднѣе при сравненіи элементовъ метеорныхъ и нѣкоторыхъ кометныхъ орбитъ. Въ результатѣ подобнаго сравненія оказывается, что рои метеоровъ суть ничто иное, какъ кометы, подвергшіяся распаденію, и что, такимъ образомъ, одно и то же небесное тѣло, смотря по времени и положенію въ пространствѣ, является намъ то какъ комета, то какъ скопленіе метеоритовъ, чего и слѣдовало ожидать согласно тому порядку распаденія кометнаго ядра, которому, какъ мы видѣли уже, оно подвергается подъ вліяніемъ солнечнаго и планетнаго притяженій.

На основаніи вышеизложеннаго мы должны допустить, что между метеоритами и кометами нѣтъ существеннаго различія, а въ виду такой близости ихъ между собою изученіе вещественнаго состава метеоритовъ, интересное само по себѣ, пріобрѣтаетъ еще бо́льшую важность, давая намъ возможность чисто-лабораторнымъ путемъ проникнуть въ тайну состава и строенія космическаго вещества и тѣмъ провѣрить выводы спектральнаго анализа. Многочисленныя изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи, показали, что въ составъ метеоритовъ входятъ тѣ же химическіе элементы, изъ которыхъ слагается и наша планета. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ въ нихъ было найдено болѣе 40 элементовъ, изъ числа которыхъ назовемъ: водородъ, кислородъ, азотъ, сѣру, хлоръ, углеродъ, кремній, калій, натрій, кальцій, аллюминій, магній, марганецъ, желѣзо, хромъ, никкель и др. Въ метеоритахъ мы встрѣчаемъ не только тѣ же самые химическіе элементы, но и тѣ же самыя сочетанія ихъ, какъ и на землѣ. Сочетанія эти являются въ видѣ весьма обыкновенныхъ минераловъ, каковы, наприм., тридимитъ, авгитъ, оливинъ, анортитъ, бронзитъ, хромитъ, магнетитъ и др. Все это достаточно краснорѣчиво говоритъ за то, что въ небесныхъ пространствахъ космическое вещество формируется подъ вліяніемъ тѣхъ же химико-физическихъ агентовъ, какіе проявляютъ себя и на нашей планетѣ. Впрочемъ, въ метеоритахъ встрѣчаются и такія минеральныя соединенія, которыя неизвѣстны на землѣ, какъ-то: односѣрнистое желѣзо, сѣрнистый хромъ, сѣрнистый кальцій и др. Группировка всѣхъ вышеказанныхъ минераловъ въ метеоритахъ также весьма близка къ той, какую мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ вулканическихъ породахъ земного происхожденія. Но не слѣдуетъ преувеличивать этого сходства, такъ какъ боль-

шинство метеоритовъ представляетъ собою тѣла менѣе окисленныя и менѣе богатыя кремнеземомъ, чѣмъ соотвѣтствующія имъ горныя породы, изъ которыхъ слагаются поверхностныя части нашей планеты. Многіе изъ метеоритовъ содержатъ значительное количество или даже исключительно состоятъ изъ неокисленнаго металла, какимъ и является, наприм., такъ называемое метеорное желѣзо. Впрочемъ, существуютъ и на землѣ неокисленные металлы, скопляющіеся не столько на поверхности, сколько въ болѣе глубокихъ частяхъ ея, откуда они и выносятся иногда потоками тяжелыхъ и мало окисленныхъ лавъ, сравнительно бѣдныхъ кремнеземомъ.

Переходя въ звѣздный міръ, мы вступаемъ въ область, которая, за чрезмѣрною дальностью разстояній, стала доступна для насъ единственно только благодаря крайней изощренности человѣческаго ума и точности научныхъ изысканій, а, главнымъ образомъ, благодаря спектральному анализу. Раньше мы имѣли уже случай говорить о такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздахъ. На самомъ же дѣлѣ вполнѣ неподвижными ихъ нельзя назвать, такъ какъ онѣ хотя и очень медленно, но, тѣмъ не менѣе, измѣняютъ свое относительное положеніе, не говоря уже о такихъ звѣздныхъ системахъ, въ которыхъ двѣ или нѣсколько звѣздъ вращаются около общаго средоточія такой системы. Такимъ образомъ, выраженіе: «звѣзда неподвижная»—не совсѣмъ точно и представляетъ собою наслѣдіе древности, когда звѣзды считались прикрѣпленными къ небесному своду, какъ шляпки гвоздей, вбитыхъ въ потолокъ. Чрезвычайно интересными являются звѣзды, періодически измѣняющія силу своего блеска и потому названныя перемѣнными. Мы хорошо не знаемъ истинной причины такой измѣнчивости, но для многихъ звѣздъ она несомнѣнна. Столь же несомнѣнно существованіе и такъ называемыхъ новыхъ звѣздъ, т.-е. такихъ, которыя внезапно разгораются и затѣмъ постепенно меркнутъ. Такое быстрое усиленіе и затѣмъ медленное ослабленіе свѣта новыхъ звѣздъ происходитъ, повидимому, отъ измѣненія физическаго состоянія ихъ, на что указываетъ также и спектральный анализъ этихъ звѣздъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ удалось подмѣтить присутствіе водорода, который, извергаясь изъ нѣдръ звѣзды, до такой степени накаленъ, что дѣлается свѣтящимся, и сама звѣзда, при такомъ катастрофическомъ изверженіи, вспыхиваетъ яркимъ блескомъ и, затѣмъ, постепенно потухая, иногда совершенно перестаетъ быть видимой. Спектральный же анализъ позволяетъ ближе вникнуть и въ физическое строеніе обыкновенныхъ звѣздъ. Между ними различаютъ чаще всего четыре типа. Первый обнимаетъ звѣзды бѣлаго цвѣта съ легкимъ голубоватымъ оттѣнкомъ. Спектръ ихъ, нѣсколько усиленный къ фіолетовому концу, обнаруживаетъ всѣ цвѣта радуги и, въ то же время, пересѣченъ темными линіями, которыя указываютъ на присутствіе въ атмосферѣ этихъ звѣздъ водорода, натрія, желѣза и магнія, да нѣкоторыхъ элементовъ, не существующихъ на землѣ, но свойственныхъ солнцу. Второй типъ составляютъ желтыя звѣзды, по своему спектру весьма сходныя съ солнцемъ, съ которымъ онѣ имѣютъ, повидимому, совершенно одинаковый

физическій и вещественный составъ. Звѣзды третьяго типа краснаго цвѣта и имѣютъ весьма характерный спектръ, отличающійся обиліемъ темныхъ полосъ, которыя тянутся по всему спектру въ видѣ ряда колоннъ, и, кромѣ того, значительнымъ ослабленіемъ въ его фіолетовомъ концѣ. Наше солнце представляло бы спектръ звѣзды третьяго типа, если бы большая часть его блестящей фотосферы была покрыта пятнами, или, другими словами, если бы оно было охлаждено съ поверхности болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Звѣздъ этого типа немного, но еще меньшее число ихъ можетъ быть причислено къ особому, четвертому типу, который обнимаетъ собою мелкія звѣзды, имѣющія густой красный цвѣтъ и отличающіяся нѣкоторыми весьма существенными свѣтовыми особенностями. Особенности эти таковы, что относительно звѣздъ четвертаго типа, какъ и относительно звѣздъ третьяго, мы должны допустить болѣе значительную степень охлажденія ихъ вещества, чѣмъ для звѣздъ перваго и второго типовъ. Но коль скоро существуютъ различныя степени охлажденія для отдѣльныхъ звѣздъ, то, будучи послѣдовательными, мы должны признать существованіе и такихъ звѣздъ, которыя уже настолько охладились, что перестали быть самосвѣтящимися и, такимъ образомъ, временно или навсегда сдѣлались темными небесными тѣлами. При существованіи же такихъ «темныхъ» звѣздъ, подобныхъ планетамъ солнечной системы, вполнѣ естественно допустить, что въ звѣздныхъ мірахъ возможны сочетанія небесныхъ тѣлъ, тождественныя съ этою системой, или, другими словами, въ безднахъ мірового пространства возможенъ такой же порядокъ вещей, какой мы видимъ и въ нашей солнечной системѣ. Такимъ образомъ, системы звѣздъ, которыя отнюдь не должны быть смѣшиваемы съ ихъ искусственною группировкой по созвѣздіямъ, наполняютъ вселенную и только ничтожная часть ея занята тѣмъ обособленнымъ міромъ, въ составъ котораго входитъ и наша планета.

Но если системы звѣздъ, съ одной стороны, могутъ быть отождествляемы съ солнечною системой, то, съ другой, онѣ имѣютъ несомнѣнную связь также и съ тѣми скопленіями космическаго вещества, которыя являются намъ въ видѣ туманностей. Многія изъ нихъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, только по внѣшности кажутся сплошными туманными пятнами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ представляютъ собою звѣздныя кучи или густыя скопища звѣздъ, въ чемъ легко убѣдиться при разсматриваніи ихъ вооруженнымъ глазомъ или при помощи фотографированія. Но рядомъ съ ними существуютъ туманности, которыя никакими способами не могутъ быть разложены на отдѣльныя звѣзды и являются въ видѣ рдѣющихъ облаковъ космическаго вещества. Форма этихъ туманностей чрезвычайно разнообразна и иногда необыкновенно затѣйлива. Изъ нихъ особенно замѣчательны правильныя туманности: спиральныя, эллиптическія, кольцеобразныя и планетарныя. Нерѣдко такія туманности соединяются съ простыми или двойными звѣздами, помѣщающимися иногда въ центрѣ ихъ, а иногда нѣсколько эксцентрично. Наружный видъ туманностей послѣдняго рода какъ бы указываетъ на способъ формировки звѣздъ путемъ сгущенія

и уплотненія космическаго вещества, выдѣляющаго изъ себя самосвѣтящееся ядро или нѣсколько подобныхъ ядеръ. Весьма важныя въ этомъ отношеніи данныя были получены при помощи спектральнаго анализа, который показалъ, что всѣ разложимыя туманности, т.-е. собственно скопища звѣздъ, даютъ спектръ непрерывный, свойственный звѣздамъ, тогда какъ настоящія туманности имѣютъ спектръ, состоящій изъ одной или изъ немногихъ свѣтлыхъ линій. Такой спектръ даютъ приведенныя въ состояніе самосвѣченія газообразныя вещества, изъ которыхъ въ туманностяхъ были найдены азотъ, водородъ и нѣкоторые другіе элементы, причемъ вещества эти находятся здѣсь, повидимому, въ болѣе элементарной формѣ, чѣмъ та, въ которой мы знаемъ ихъ на поверхности земли. Кромѣ двухъ указанныхъ типовъ туманностей, существуетъ третій, со спектромъ, представляющимъ совмѣщеніе непрерывнаго и линейнаго спектровъ, изъ чего слѣдуетъ предположить, что въ такихъ туманностяхъ мы имѣемъ дѣло съ массой, состоящей отчасти изъ звѣздъ, а отчасти изъ газообразнаго космическаго вещества. Подобнаго рода туманности отличаются и своимъ внѣшнимъ видомъ, представляя различныя степени сгущенія въ своихъ центральныхъ и периферическихъ частяхъ и, въ то же время, обладая болѣе правильною формой. Сопоставляя все вышеизложенное, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что различіе во внѣшнемъ видѣ и особенно въ спектрахъ отдѣльныхъ туманностей слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, какимъ подвергается космическое вещество въ процессѣ развитія изъ него болѣе совершенныхъ элементовъ вселенной.

Обращаясь къ общимъ выводамъ изъ вышеприведенныхъ фактовъ и соображеній, мы должны признать, что самою важною подробностью, вытекающею изъ данныхъ спектральнаго анализа и изъ лабораторнаго изслѣдованія метеоритовъ, является почти полнѣйшее тождество вещественнаго состава всѣхъ небесныхъ тѣлъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ тѣ же самые химическіе элементы, какіе встрѣчаются и на нашей планетѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ туманностяхъ такіе элементы, какъ водородъ и азотъ, значительно упрощены, а на солнцѣ и нѣкоторыхъ другихъ небесныхъ тѣлахъ, повидимому, существуютъ элементы, совершенно неизвѣстные на землѣ, какъ, наприм., гелій; но современная наука и не отрицаетъ какъ возможности подобнаго упрощенія, т.-е., иначе сказать, разложенія химическихъ элементовъ на болѣе простыя тѣла, такъ и существованія элементовъ съ меньшимъ атомнымъ вѣсомъ, чѣмъ у водорода. Такимъ образомъ, тождество вещественнаго состава небесныхъ тѣлъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а это въ свою очередь заставляетъ насъ признать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ *единство вещества,* наполняющаго вселенную. Согласно этому выводу, всѣ составныя части нашей планеты, всѣ растительныя и животныя формы, весь органическій міръ, наше тѣло, нашъ мозгъ,—все это создано изъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ безпредѣльныхъ глубинъ мірового пространства и переработанныхъ процессами, которые длились милліоны милліоновъ вѣковъ.

Принимая же единство вещества, наполняющаго вселенную, мы должны допустить и единство силъ или, лучше сказать, *единство міровой энергіи*, проявляющейся въ различныхъ превращеніяхъ этого вещества. Дѣйствительно, съ одной стороны, мы не можемъ представить себѣ вещество абсолютно коснымъ, а съ другой — мы знаемъ, что единство силъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онѣ проявляются на землѣ, составляетъ основной законъ природы. Едва ли можно думать, что законъ этотъ составляетъ удѣлъ одной только нашей планеты и не распространяется на всю вселенную. Думать такимъ образомъ несравненно рискованнѣе, чѣмъ допускать противуположное, а отсюда слѣдуетъ, что міровая энергія такъ же вѣчна, едина и неистребима, какъ и вещество, наполняющее вселенную.

Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ является также очевидная неустойчивость тѣхъ формъ, въ которыхъ обособляется космическое вещество при образованіи изъ него различныхъ небесныхъ тѣлъ. Этотъ послѣдній выводъ имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, такъ какъ, опираясь на него, мы получаемъ возможность прослѣдить развитіе каждаго отдѣльнаго небеснаго тѣла и, прежде всего, нашей планеты — не по тѣмъ нѣкогда пережитымъ ими измѣненіямъ, слѣды которыхъ навѣки исчезли въ безконечномъ рядѣ позднѣйшихъ превращеній, а по тѣмъ особенностямъ, какія мы наблюдаемъ въ современномъ намъ состояніи различныхъ элементовъ вселенной. Въ этомъ случаѣ изслѣдователь небесныхъ тѣлъ уподобляется натуралисту, который, проходя лѣсомъ, наблюдаетъ особенности отдѣльныхъ деревьевъ въ ихъ возрастныхъ измѣненіяхъ и, затѣмъ, на основаніи своихъ наблюденій, опредѣляетъ законы, которымъ подчиняется каждое дерево въ послѣдовательные моменты его существованія. Методъ этотъ съ большимъ успѣхомъ примѣняется біологами при сравнительномъ изученіи развитія органическихъ формъ, и мы не видимъ достаточныхъ основаній для того, чтобъ отказаться отъ него при изученіи развитія небесныхъ тѣлъ, а въ числѣ ихъ и нашей планеты. Правда, принимая послѣдовательность развитія тамъ, гдѣ въ дѣйствительности мы наблюдаемъ только различныя формы космическаго вещества, мы основываемся на предположеніи, которое нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть; но, съ другой стороны, во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что мы совершенно лишены возможности присутствовать при всѣхъ превращеніяхъ какого-либо небеснаго тѣла, для чего мы должны были бы располагать временемъ, въ сравненіи съ которымъ человѣческая жизнь является лишь однимъ мгновеніемъ, а, во-вторыхъ, допуская послѣдовательность превращеній или, другими словами, *единство развитія* небесныхъ тѣлъ, мы подходимъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ отвергая это положеніе, иначе стройность такой системы, какъ солнечная, должна оказаться дѣломъ случая, что, однако, совершенно противорѣчитъ кореннымъ основамъ нашего познанія.

Но, принимая единство развитія небесныхъ тѣлъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что о полной аналогіи здѣсь не можетъ быть рѣчи. Дѣйствительно, первоначальное количество матеріи и энергіи въ каждомъ нес-

номъ тѣлѣ, проходящемъ послѣдовательныя ступени своего развитія, должно существенно видоизмѣнять дѣйствительное состояніе этого тѣла на каждой такой ступени, какъ равно и продолжительность отдѣльныхъ періодовъ его развитія. Въ виду этого, весьма возможно, что во вселенной нѣтъ и не было двухъ такихъ свѣтилъ, которыя вполнѣ могли бы быть уподоблены другъ другу, и что никакое измѣненіе, пережитое однимъ изъ нихъ, не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергалось другое. Отсюда аналогія въ развитіи небесныхъ тѣлъ не можетъ идти далѣе порядка преемственности и послѣдовательности основныхъ моментовъ его, которые мы и должны признать неизмѣнными для всѣхъ элементовъ вселенной.

Въ грубомъ видѣ эти моменты могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: первичною формой космическаго вещества является неправильная по своему внѣшнему виду туманность, которая, постепенно уплотняясь и принимая болѣе правильныя очертанія, вызываемыя сложнымъ внутреннимъ движеніемъ, разрѣшается затѣмъ отчасти въ пылеобразную массу кометнаго вещества, а отчасти и даже главнымъ образомъ въ нѣсколько самосвѣтящихся тѣлъ, связанныхъ взаимнымъ притяженіемъ и образующихъ систему, подобную солнечной, причемъ каждое изъ этихъ тѣлъ, медленно охлаждаясь и проходя послѣдовательныя состоянія звѣздъ различныхъ типовъ, становится темнымъ, пока, наконецъ, вся система не превратится въ скопище мертвыхъ планетныхъ руинъ. Зная отдѣльныя звенья этой непрерывной цѣпи послѣдовательныхъ превращеній, мы, однако, совершенно не знаемъ того порядка вещей, который наступаетъ за послѣднимъ изъ указанныхъ моментовъ. Но, въ то же время, трудно допустить, чтобы небесныя тѣла завершали на этомъ циклѣ своихъ превращеній и навѣки оставались неизмѣнными въ своемъ мертвенномъ величіи. Всего вѣроятнѣе, что такое состояніе ихъ столь же преходяще, какъ и всѣ другія, и что, въ концѣ-концовъ, они или возвращаются къ первоначальной стадіи туманности, или же переживаютъ такія превращенія, о которыхъ мы въ настоящее время не въ состояніи даже составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Такимъ образомъ, то, что мы готовы назвать концомъ въ существованіи отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ, въ сущности, составляетъ только начало новыхъ эръ, которыя смѣняютъ другъ друга въ безконечной послѣдовательности.

Допуская тотъ же порядокъ преемственности превращеній въ исторіи развитія земли, перенесемся къ тѣмъ событіямъ, которыя были раньше геологическихъ вѣковъ, раньше того момента, когда обособились отдѣльные члены солнечной системы. Вообразимъ себѣ, что въ этой первой стадіи все вещество, изъ котораго впослѣдствіи образовалась солнечная система, было въ ультрагазовомъ состояніи, при условіяхъ столь исключительныхъ, что химическіе элементы не могли еще образоваться. Въ такомъ состояніи космическое вещество является въ видѣ такъ называемаго протила или первозданной матеріи, существующей до возникновенія химическихъ элементовъ и обладающей нѣкоторымъ запасомъ міровой энергіи, вмѣщающемъ въ

себѣ всѣ формы ея послѣдующихъ проявленій. Мы совершенно не знаемъ этой первичной формы міровой энергіи, но, по всей вѣроятности, она столь же проста, какъ и самъ протилъ. Въ состояніи протила солнечная система имѣла видъ хаотической массы, разсѣянной на пространствѣ въ милліоны милліоновъ кубическихъ миль такъ же причудливо, какъ облака въ воздухѣ. Насколько протилъ способенъ лучеиспускать энергію въ видѣ свѣта, настолько его скопленіе въ формѣ туманности причудливаго очертанія могло бы дать въ своемъ спектрѣ лишь немногія отдѣльныя линіи, составляющія какъ бы предвѣстіе спектровъ водорода и азота. Но съ теченіемъ времени какой-то процессъ, сущность котораго намъ неизвѣстна, привелъ протилъ въ такое состояніе, при которомъ въ немъ стали зарождаться химическіе атомы. Съ возникновеніемъ же атомной матеріи, въ ней стали формироваться отдѣльные химическіе элементы и первымъ изъ нихъ образовался, по своей простотѣ наиболѣе близкій къ протилу, загадочный гелій, а за нимъ послѣдовалъ водородъ и другіе элементы, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, состоятъ не только земля, но, повидимому, и всѣ остальныя небесныя тѣла. По мѣрѣ формированія атомной матеріи, въ ней начинаютъ дѣйствовать болѣе сложныя формы энергіи и возникаетъ болѣе правильное внутреннее движеніе, результатомъ котораго является, прежде всего, измѣненіе формы туманности. Вмѣсто рдѣющихъ хаотическихъ массъ протила, мы, наконецъ, видимъ туманность, въ которой нельзя не замѣтить явныхъ признаковъ совершающагося развитія, выражающагося въ видѣ центральной аггрегаціи или скучиванія космическаго вещества. Такое скучиваніе становится все болѣе и болѣе явственнымъ, въ массѣ туманности появляются одинъ или нѣсколько центровъ, которые начинаютъ оказывать замѣтное вліяніе на движеніе остальныхъ частей, и, въ концѣ-концовъ, вся туманность пріобрѣтаетъ болѣе правильную форму. Продолжая идти далѣе по пути этихъ послѣдовательныхъ превращеній, мы доходимъ до такого состоянія нашей туманности, при которомъ въ ней загорается одна или нѣсколько звѣздъ, представляющихъ собою зачатки будущихъ планетъ. Мало-по-малу все вещество первоначальной туманности распредѣляется между этими звѣздами, которыя размѣщаются въ строго опредѣленномъ порядкѣ, вытекающемъ изъ ихъ взаимнаго притяженія. Совокупность такихъ звѣздъ и образовала солнечную систему, причемъ на долю центральнаго свѣтила, сформировавшагося въ той же послѣдовательности, какъ и другія планеты, пришлась наибольшая доля космическаго вещества.

Мы дошли теперь до того момента, когда земля вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, выдѣлившись изъ массы первозданной туманности, обособилась въ свое космической индивидуальности, принявъ форму, близкую къ шару. Въ такомъ видѣ она состояла изъ скопленія болѣе или менѣе уплотненныхъ паровъ и газовъ и какъ бы готовилась сдѣлаться солнцемъ. Она имѣла видъ блестящей звѣзды, сіявшей ослѣпительнымъ бѣлымъ свѣтомъ, свойственнымъ звѣздамъ перваго типа. Въ слѣдующемъ затѣмъ моментѣ развитія земля является намъ уже въ видѣ солнца, когда она представляла собою звѣзду

второго типа и, быть можетъ, была уже настолько уплотнена, что въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ стала переходить въ жидкое состояніе. При дальнѣйшемъ измѣненіи она становилась все болѣе и болѣе тусклой, благодаря напряженному излученію теплоты въ міровое пространство, причемъ отдѣльныя части ея мало-по-малу затвердѣвали, пока, наконецъ, на поверхности ея не образовалась твердая оболочка, въ первое время не отличавшаяся особенною прочностью. Она часто трескалась и изъ нѣдръ земли изливались потоки самосвѣтящихся газообразныхъ веществъ и массы огненно-жидкихъ продуктовъ. При появленіи первыхъ, уже померкшая земля вспыхивала мимолетнымъ блескомъ новой звѣзды, а отъ изліянія вторыхъ, скоплявшихся на ея поверхности въ видѣ раскаленнаго океана, она покрывалась красными пятнами, подобными тому, которое мы видимъ на Юпитерѣ. Въ этомъ состояніи земля была окружена несравненно болѣе плотною и сложною атмосферой, чѣмъ теперь. Громадныя массы облаковъ, сильно поглощавшихъ лучи солнечнаго свѣта, плавали надъ все еще нагрѣтою поверхностью нашей планеты и изливали на нее проливные дожди, изъ которыхъ позднѣе скопились океаны. Въ это время земля переживала, повидимому, то состояніе, въ которомъ находятся теперь Юпитеръ и Сатурнъ. Однимъ изъ главныхъ условій для дальнѣйшаго перехода земли къ ея теперешнему состоянію, попрежнему, оставалась потеря теплоты. Процессъ этотъ привелъ къ совершенному охлажденію наружныхъ частей земли, которая съ этого момента стала темнымъ небеснымъ тѣломъ, какимъ она остается и по настоящее время. Единственнымъ свидѣтельствомъ о ея первобытномъ раскаленномъ состояніи служитъ теперь чрезвычайно высокая температура ея внутреннихъ частей и отчасти ея своеобразная форма. Слѣдствіемъ указаннаго прогрессивнаго охлажденія земли явилось также образованіе атмосферы, подъ вліяніемъ которой на поверхности земли возникъ цѣлый кругъ явленій, наблюдаемыхъ нами и въ настоящее время. Съ этого момента земля вступила въ тотъ періодъ своего развитія, когда космическое вещество, послѣ многократныхъ и сложныхъ превращеній, стало обособляться на ней въ тѣхъ формахъ, которыя мы называемъ органическими, а міровая энергія приняла тотъ видъ, въ которомъ проявилась жизнь этихъ формъ. Таково первобытное прошлое нашей планеты, съ котораго начинается уже геологическое лѣтосчисленіе.

Каково же ея вѣроятное будущее? Мы видѣли землю въ такомъ состояніи, когда она была солнцемъ, гордымъ своею молодою силой. Затѣмъ мы видѣли ее въ эпоху, когда она находилась въ тѣхъ же условіяхъ существованія, въ какихъ находятся теперь Юпитеръ и Сатурнъ, плотныя атмосферы которыхъ до сихъ поръ еще обильно насыщены водяными парами — будущими океанами этихъ величественныхъ планетъ. Видимъ ее, наконецъ, въ ея теперешнемъ состояніи, когда она стала какъ бы средоточіемъ жизни, покрывшей ея поверхность пестрымъ сочетаніемъ растительныхъ и животныхъ формъ. Идя далѣе по тому же пути, мы увидимъ нашу планету постепенно

дряхлѣющею, когда она, еще болѣе охладившись и потерявъ большую часть своихъ поверхностныхъ водъ, сдѣлается подобною лунѣ, лишенною не только воды, но и атмосферы, а вмѣстѣ съ ними и жизни, и, въ концѣ-концовъ, какъ бы застынетъ въ своемъ мертвенномъ величіи. Достанетъ ли у насъ смѣлости взглянуть на эти отдаленные періоды будущаго земли? Хотя сдѣлать это—почти то же, что проникнуть за предѣлы смерти, тѣмъ не менѣе, мысль наша невольно влечетъ насъ въ этотъ міръ неизвѣстнаго и воображеніе рисуетъ намъ землю въ видѣ холодной и сухой массы, не только безжизненной, какою она была при началѣ своего существованія, но даже лишенной той возможности жизни, которою она обладала прежде, чѣмъ на ея поверхности появилась жизнь.

Мы не будемъ искать конца этого, на нашъ взглядъ, совершенно безполезнаго существованія нашей планеты, а остановимся нѣсколько на одной подробности, которой въ предшествовавшемъ изложеніи мы касались только мимоходомъ. Мы говорю о томъ, что можетъ быть названо міровою жизнью, являющеюся не въ формѣ отвлеченнаго понятія, а въ рядѣ конкретныхъ существованій или такъ называемыхъ организмовъ, въ числѣ которыхъ долженъ быть поставленъ и человѣкъ. Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что органическая жизнь на другихъ небесныхъ тѣлахъ столь же возможна, какъ и на нашей планетѣ, но, съ другой стороны, трудно отдѣлаться отъ этой мысли, когда вы видите предъ собою такую планету, какъ Венера, и, въ особенности, Марсъ. Дѣйствительно, когда въ чудную звѣздную ночь вы наблюдаете этотъ уголокъ вселенной, когда вы видите полярные снѣга, ежегодно накопляющіеся на Марсѣ и ежегодно тающіе, подобно снѣгамъ въ приполярныхъ странахъ земли, когда вы вглядываетесь въ очертанія его острововъ, разъединенныхъ морями и проливами, когда вы разсматриваете всѣ разнообразныя особенности его поверхности, то вы невольно спрашиваете себя: неужели солнце, освѣщающее этотъ міръ такъ же, какъ и нашъ, не освѣщаетъ и не согрѣваетъ на немъ ничего живого, неужели эти воды не утоляютъ ничьей жажды, неужели этою атмосферой не дышетъ ни одно живое существо, неужели производительныя силы природы не дѣйствуютъ здѣсь по тѣмъ же законамъ, какъ и на поверхности земли, и неужели онѣ остаются здѣсь вѣчно бездѣятельными и безплодными, не будучи въ состояніи оживить этотъ міръ, столь привлекательный по своему внѣшнему родству съ землею? Но даже отвлекаясь отъ этихъ вопросовъ и обращаясь только къ тому единству мірозданія, какое удалось намъ подмѣтить въ гармоніи вселенной, мы должны признать, что какъ въ извѣстные періоды существованія космическаго вещества въ немъ развиваются и особые виды міровой энергіи, такъ точно и въ тѣ моменты его превращеній, когда оно складывается въ формы органическихъ существъ, въ космическомъ веществѣ проявляется тотъ видъ міровой энергіи, какой мы называемъ *жизнью*. Такимъ образомъ, въ рядѣ тѣхъ превращеній, какимъ подвергаются небесныя тѣла, мы должны допустить также и такое состояніе ихъ, при ко-

торомъ жизнь дѣлается возможной на любомъ свѣтилѣ или, другими словами, она становится вѣчною. Прекратившись на землѣ или на какомъ-либо другомъ небесномъ тѣлѣ, она снова возрождается на другихъ свѣтилахъ, которыя въ свое время пріобрѣтаютъ всѣ условія, обезпечивающія существованіе безчисленныхъ формъ растительной и животной жизни. При такомъ порядкѣ вещей, жизненная волна, пробѣгающая по нашей планетѣ, скоро должна угаснуть въ океанѣ вѣчной міровой жизни, который столь же безпредѣленъ, какъ и сама вселенная.

В. Соколовъ.

Новѣйшая псевдо-наука.

(«La Foule Criminelle», essai de psychologie collective par Scipio Sighele. Traduit de l'italien. Paris, 1892).

I.

Холерные безпорядки прошлаго года вызвали усиленное вниманіе и нашего общества къ вопросамъ о «преступной толпѣ», о «психологіи народныхъ массъ» и т. п. Въ печати появились двѣ-три статейки, эксплуатировавшія преимущественно работу Тарда по этому предмету. О книжкѣ итальянскаго ученаго Сципіо Сигеле упоминалось также, но очень кратко и въ тонѣ полнаго согласія съ его основными положеніями. На нихъ просто ссылались, какъ на вполнѣ авторитетныя, т.-е. безъ критики и провѣрки. За границей его книжка имѣла еще большій успѣхъ: она выдержала въ Италіи два изданія въ одинъ годъ, переведена на французскій языкъ и встрѣтила не мало лестныхъ отзывовъ въ критикѣ *).

Самъ Сигеле скромно приписываетъ свой успѣхъ интересу предмета, но я думаю, что тутъ была и другая причина. Авторъ разрабатываетъ свою задачу такимъ пріемомъ, который теперь можно считать «модным» въ области общественныхъ наукъ: онъ безпрестанно ссылается на естествознаніе, беретъ для объясненія соціальныхъ явленій сравненія изъ области физики, нервной патологіи, химіи, зоологіи... Онъ предлагаетъ даже новую науку, «коллективную психологію» или «психо-физіологію массъ»; она «должна заниматься исключительно тѣми *объединеніями* людей (наприм., судъ присяжныхъ, законодательныя собранія, коммиссіи, театръ и т. п.), которыя удаляются въ своихъ проявленіяхъ какъ отъ законовъ индивидуальной психологіи, такъ и отъ законовъ соціологіи» (стр. 17).

Авторъ добавляетъ, что «эти *объединенія* людей не воспроизводятъ, конечно, *психологіи личностей*, изъ которыхъ они составлены. Это—*всѣмъ и вѣстно* (?!), а потому не нуждается въ доказательствахъ».

Однако, слѣдуетъ ссылка на соч. E. Sergi: *Nouveaux Horizons*.

Если всѣмъ извѣстно,—зачѣмъ ссылка?

---

*) Когда моя статья была уже написана, появился и русскій переводъ книги

Такимъ образомъ, основное положеніе, оправдывающее возникновеніе новой науки, ставится внѣ вопроса, какъ аксіома, не требующая доказательствъ, а, между тѣмъ, напримѣръ, я первый считаю его болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Но объ этомъ послѣ.

Основываясь на этой *безспорной аксіомѣ,* авторъ не только создаетъ новую науку, но поднимаетъ и рѣшаетъ съ поразительною оригинальностью и новизной важнѣйшіе вопросы и задачи общественной практики: онъ уничтожаетъ и судъ присяжныхъ, и парламенты, и комиссіи, и всеобщую подачу голосовъ, и даже само избирательное начало.

Правда, въ «прибавленіи» къ своему сочиненію авторъ нѣсколько спасаетъ человѣчество отъ того разрушенія, которое самъ же произвелъ, и находитъ средство оставить Европу и Америку при демократическихъ учрежденіяхъ. Но до этого утѣшительнаго «Appendice» читатель серьезно обезкураженъ: все, во что онъ привыкъ вѣрить, летѣло вверхъ дномъ, благодаря новоизобрѣтенной наукѣ, и можно было ожидать, что на развалинахъ этого «коллективно-психологическаго» землетрясенія Сигеле воздвигнетъ «личное усмотрѣніе», по рецептамъ нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ. Къ тому же, и успокоительное средство, которое онъ предлагаетъ, такъ очевидно *пристегнуто* къ книгѣ, такъ противорѣчитъ всѣмъ ея положеніямъ, такъ явно несостоятельно (если согласиться съ остальною книгой), что новая наука произведетъ если не въ европейскихъ учрежденіяхъ, то въ европейскихъ умахъ значительный кавардакъ. Ея положенія и формулы, какъ я выше сказалъ, уже гуляютъ, какъ безспорныя, въ нашей литературѣ. На нихъ начинаютъ ссылаться и европейскіе соціологи. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: серьезно вдуматься въ книгу и разобрать ее основательно никому не приходитъ въ голову, потому что она окружила себя престижемъ учености и научныхъ пріемовъ: чуть не на каждой строкѣ ссылка на зоологовъ, физіологовъ, психіатровъ всѣхъ націй. Наконецъ, она принадлежитъ къ самому «модному» направленію, предлагающему выбросить за бортъ соціологіи «индивидуумовъ», «личную волю» и «личную психологію», занявшись только процессами и движеніями въ массахъ *).

Конечно, такая «обстановка» или декораціи, сопровождающія появленіе книги, ея оригинальность, парадоксальность и общедоступное изложеніе достаточны для того, чтобы не только создать ей успѣхъ, но и расшатать взгляды даже недюжиннаго читателя, если онъ не привыкъ разбираться въ тонкостяхъ псевдо-научной эквилибристики и вообще не спеціалистъ въ области научныхъ методовъ и ихъ значенія. Вотъ почему стоитъ серьезно заняться книгой Сигеле и псевдо-научными пріемами вообще. Сигиле не одинокъ: это—цѣлая школа, цѣлое направленіе, входящее въ моду. Парадоксы Сигеле—даже не его личные парадоксы, а взяты изъ сотенъ подобныхъ же соціологическихъ «nouveaux horizons».

---

*) См. новую книгу извѣстнаго *Гумиловича*: „Sociologie und Politik“ (Leipzig, 18[illegible]), гдѣ развиты эти положенія.

II.

Чтобы читателю былъ нагляднѣе процессъ мысли Сигеле, я въ нѣсколькихъ словахъ намѣчу сперва основныя мысли сочиненія и его доводы.

Взявъ двѣ-три судебныя ошибки присяжныхъ, припомнивъ латинскую пословицу: «Senatores boni viri, Senatus autem mala bestia», авторъ въ сочиненіи итальянца Габелли и въ *Парадоксахъ* Нордау отыскалъ объясненіе этого явленія, которое и возвелъ во всеобщій законъ коллегіальныхъ учрежденій. Общечеловѣческое мнѣніе говоритъ: «умъ хорошо, а два лучше». Сигеле доказываетъ наоборотъ: «тамъ, гдѣ *собралось нѣсколько умовъ, хотя бы геніальныхъ, рѣшеніе ихъ должно быть ниже отдѣльнаго мнѣнія каждаго изъ нихъ,* но не выше рѣшенія любого изъ уличныхъ прохожихъ («à tous les individus inconnus, qui passent dans la rue»)».

Съ этого и начинается.

Вѣдь, одно это положеніе, конечно, упраздняетъ всѣ парламенты, сенаты, государственные совѣты, всѣ коллегіи.

Когда дѣло доходитъ до народа, оказывается еще хуже. Собраніе геніевъ давало лишь рѣшеніе, равное рѣшенію уличнаго прохожаго, а собраніе народа непремѣнно должно совершать только жестокости и кровопролитія: «въ толпѣ есть скрытая тенденція къ жестокости, составляющая, если можно такъ выразиться, сложный органическій факторъ будущихъ проявленій» (?!). «Толпа есть почва, на которой *микробъ зла* развивается легко, тогда какъ *микробъ добра* почти всегда умираетъ, не находя условій для жизни» (стр. 63).

Теперь можно перейти къ болѣе подробному изложенію мотивовъ и доводовъ автора и къ ихъ разбору. Но предварительно скажу два слова о пріемѣ, который въ этомъ направленіи соціологіи играетъ роль «научнаго». Ниже мы увидимъ подтвержденія на дѣлѣ моей краткой характеристики. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ явленія, происходящія въ обществѣ или массѣ, лишать *личной*, психологической основы, стараться сдѣлать ихъ какъ бы продуктами единаго мозга, «мозга толпы», а не мозговъ отдѣльныхъ лицъ. Для этого всѣ термины личной психологіи, извѣстные каждому близко по личному опыту, замѣняются терминами, взятыми изъ всякихъ другихъ наукъ, по нѣкоторому сходству (или аналогіи) явленій. Образуется нѣчто вродѣ *волапюка*, гдѣ все ясное и хорошо извѣстное замѣняется неяснымъ, чуждымъ, далекимъ, мало-понятнымъ и потому «таинственнымъ». Это даетъ пріему особую привлекательность, «интересность» въ глазахъ неразборчивой массы читателей. Ей кажется, наоборотъ, что вопросъ получилъ необыкновенную глубину и широту.

Но нижеслѣдующее изложеніе и разборъ покажутъ читателю значеніе этой кажущейся глубины и широты.

III.

Авторъ исходитъ изъ слѣдующихъ основныхъ положеній: силы людей, при ихъ соединеніи, *не слагаются,* а *вычитаются*. Эту идею высказалъ

сперва итальянскій писатель Аристидъ Габелли, а затѣмъ развилъ въ своихъ *Парадоксахъ* Максъ Нордау и развилъ, надо сознаться, такъ остроумно, что сразу не найдешь той бѣлой нити, которою связанъ этотъ парадоксъ. Приведемъ доказательства Нордау:

«Соберите двадцать или тридцать Гёте, Кантовъ, Гельмгольцевъ, Шекспировъ, Ньютоновъ и т. д., и предложите имъ обсудить и рѣшить нѣсколько практическихъ задачъ даннаго момента. Ихъ *разсужденія*, быть можетъ, будутъ совершенно иными, чѣмъ разсужденія въ какомъ-либо другомъ собраніи людей (обыкновенныхъ), но что касается *ихъ* рѣшенія, оно, навѣрное, не будетъ ничѣмъ отличаться отъ рѣшеній какого угодно другого собранія. А почему? Потому что каждый изъ 20 или 30 «избранныхъ», кромѣ своей оригинальности, дѣлающей изъ него выдающуюся личность, обладаетъ также и запасами наслѣдственныхъ свойствъ «вида»; эти-то свойства дѣлаютъ его подобнымъ не только своему сосѣду по собранію, но также и всѣмъ *невѣдомымъ личностямъ, идущимъ мимо по улицѣ*. Можно сказать, что всѣ люди, въ нормальномъ состояніи, обладаютъ извѣстными качествами, составляющими общее достояніе, тождественное у всѣхъ. Обозначимъ это свойство у каждаго черезъ x. Значитъ, если въ собраніи будетъ 20 человѣкъ, то мы будемъ имѣть 20 x. Наоборотъ, тѣ оригинальныя свойства, которыя дѣлаютъ изъ каждаго члена собранія генія или великаго человѣка, обозначимъ черезъ b, c, d и т. д. Очевидно, что мы будемъ имѣть только одно b, одно c, одно d. Поэтому 20 x необходимо должны побѣдить отдѣльныя b, c, d, т.-е. человѣческая *сущность* побѣдить личную *индивидуальность*».

Вотъ видите, какъ все научно! Съ алгеброй, какъ въ «настоящихъ» наукахъ!

Но достаточно немного подумать, чтобъ открыть тайну этого фокусъ-покуса.

Несомнѣнно, что каждый вопросъ и особенно вопросы «даннаго момента» имѣютъ всегда *нѣсколько* сторонъ: возьмите для примѣра любой вопросъ,—ну, хотя бы въ думѣ или на судѣ, сдѣланный присяжнымъ. Если въ составѣ думцевъ или присяжныхъ есть и геніальный физіологъ, и выдающійся психіатръ, и художникъ-психологъ, то ихъ «оригинальности» не только не «вычтутся», а именно *сложатся* для полученія наилучшаго рѣшенія. Геній же каждаго ручается за его авторитетность въ своей спеціальности, т.-е. за то, что каждое изъ его мнѣній будетъ принято. При этомъ можно ручаться, что физіологъ, напримѣръ, предоставитъ въ вопросахъ архитектуры голосъ архитектору, а инженеръ будетъ внимательно выслушивать въ вопросѣ гигіены голосъ знаменитаго физіолога и т. д. Такъ оно всегда было и бываетъ въ дѣйствительности. Не ясно ли, что фокусъ-покусъ, т.-е. парадоксъ Нордау, достигаетъ своей цѣли (обмана зрителя) только потому, что въ *живомъ* вопросѣ человѣческихъ отношеній онъ, вмѣсто живыхъ людей и отношеній, какъ они установились въ дѣйствительности, подсовываетъ отвлеченныя величины x, a, b, c и т. д.

И такъ, запомнимъ, что въ соціологіи нельзя иногда шагу ступить, не имѣя въ виду живыхъ, конкретныхъ отношеній и типовъ или характеровъ, какъ они есть въ дѣйствительности. Ошибка тутъ заключается именно въ *массовомъ*, *отвлеченномъ* ариѳметическомъ разсужденіи, опирающемся на *сравненія*.

Но это не все. Раскроемъ и еще одинъ фокусъ-покусъ. Онъ скрывается въ подготовительномъ положеніи, трактующемъ о томъ, *воспроизводитъ ли характеръ аггрегата характеръ единицъ, составляющихъ его*.

Гербертъ Спенсеръ доказывалъ, что характеръ какого-нибудь *объединенія* вещей (аггрегата) воспроизводитъ характеръ этихъ самыхъ вещей или единицъ, наприм., если дана куча кубиковъ, то, расположивъ ихъ правильно, можно сложить одинъ большой кубъ. Кристалъ слагается, въ концѣ-концовъ, такъ, что воспроизводитъ форму составляющихъ его маленькихъ кристалликовъ, а, быть можетъ, и молекулъ. И вотъ Сигеле доказываетъ, что хотя вообще это довольно вѣрно, но требуетъ дополненій. Чтобы характеръ аггрегата былъ похожъ на характеръ единицъ, составляющихъ его, необходимы слѣдующія условія: *единицы, входящія въ составъ аггрегата, должны быть одинаковы или, по меньшей мѣрѣ, подобны*. Соединеніе различныхъ единицъ не только не можетъ дать аггрегата, воспроизводящаго различные характеры его единицъ, но даже не можетъ дать какого бы то ни было (?!) аггрегата»... «Человѣкъ, лошадь, рыба и насѣкомое не могутъ образовать *никакого* (?!) аггрегата» (стр. 18). Какъ въ ариѳметикѣ можно складывать только однородныя единицы и нельзя дѣлать сложенія стульевъ съ книгами, монетъ съ животными, такъ и въ *обществѣ* сумма единицъ возможна только при ихъ однородности. Но въ обществѣ мы имѣемъ дѣло съ разнородными величинами, наприм., съ представителями различныхъ классовъ, уровней образованія, таланта и т. д.

Такими-то, совершенно произвольными сравненіями аггрегата съ ариѳметическою суммой авторъ приходитъ, наконецъ, къ положенію, что «характеръ аггрегата тѣмъ лучше воспроизведетъ характеры составляющихъ его единицъ, чѣмъ они однороднѣе, и наоборотъ». Но, вспомнивъ тутъ же, что, наприм., куча кубиковъ, брошенныхъ въ безпорядкѣ, не воспроизводитъ куба, онъ дѣлаетъ дополненіе: «соединеніе единицъ даже подобныхъ, чтобы дать аггрегатъ, должно имѣть характеръ *органическій и, притомъ, постоянный*». Такъ, семья имѣетъ характеръ органическаго и постояннаго объединенія: отъ этого будто бы она и воспроизводитъ въ своемъ характерѣ характеръ составляющихъ ее членовъ. Постоянное собраніе (наприм., несмѣняемыхъ членовъ въ коллегіи) лучше воспроизводитъ характеръ каждаго члена, чѣмъ случайное соединеніе,—наприм., въ судѣ присяжныхъ а тѣмъ болѣе въ уличной толпѣ, въ собраніи избирателей.

Вы уже теперь видите, къ чему клонятся эти разсужденія: всѣ случайныя и временныя коллегіи,—избирательныя, судебныя и т. п.,—никуда не годны по двумъ причинамъ: 1) составляющія ихъ личности разнородны и 2) сами коллегіи не имѣютъ характера органичности и постоянства.

Но это совершенно не нужно для рѣшенія вопроса, *хорошо или плохо будетъ рѣшена собраніемъ извѣстная задача.* Вѣдь, *хорошее,* т.-е. *полезное,* рѣшеніе состоитъ вовсе не въ томъ, *чтобы оно воспроизводило единицы, входящія въ составъ собранія.* Такъ, наприм., собраніе идіотовъ совершенно точно воспройзведетъ въ своемъ рѣшеніи личность каждаго члена, но отъ этого ихъ рѣшеніе не будетъ превосходнымъ, а останется все же идіотскимъ. Наоборотъ, собраніе спеціалистовъ по разнымъ наукамъ дастъ рѣшеніе, не воспроизводящее единаго спеціалиста, но оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе спеціально, т.-е. чѣмъ менѣе односторонне. Наприм., обсужденіе вопроса даннаго момента, предложенное спеціалистомъ *только одной* науки, хотя и болѣе воспроизведетъ индивидуальныя знанія членовъ, но будетъ ниже многосторонняго рѣшенія представителей *нѣсколькихъ* профессій.

И такъ, парадоксъ Сигеле состоялъ въ томъ, что онъ взялъ вѣрное положеніе: «аггрегатъ, дѣйствительно, тѣмъ ближе воспроизводитъ характеръ составляющихъ его единицъ, чѣмъ онѣ однороднѣе», но эта истина не относится къ тому дѣлу, въ которое онъ ее подсунулъ. Внѣшнее сходство задачъ обмануло читателя: «*точное воспроизведеніе* аггрегатомъ своихъ элементовъ» было смѣшано съ *наилучшимъ* рѣшеніемъ собранія. Запомнимъ и это разоблаченіе: соціологія не должна пользоваться выводами изъ явленій низшаго порядка въ качествѣ вполнѣ примѣнимыхъ къ ея задачамъ. Это уже показалъ основатель соціологіи, О. Контъ. Что вѣрно для *аггрегата вообще,* не должно по сходству (аналогіи) втискивать въ рѣшенія соціальныхъ задачъ, не изслѣдовавъ эти послѣднія *по существу* и во всей ихъ сложной особенности.

Отъ этихъ положеній автора прямой переходъ къ толпѣ вообще и къ преступной въ частности. Ужь если собраніе геніевъ дало въ результатѣ нуль, то толпа людей дастъ его, конечно, и подавно. Нѣтъ, читатель, хуже: я уже сказалъ ранѣе, что толпа, по этой псевдо-наукѣ, должна непремѣнно давать отрицательную величину, т.-е. зло. Но авторъ и его единомышленники все же знаютъ исторію и не могутъ закрыть глаза на факты, когда толпа бывала охвачена такимъ геройскимъ воодушевленіемъ, что самыя обыкновенныя личности несли свое достояніе и жизнь на пользу общую. Да, отъ такихъ фактовъ не могъ отдѣлаться и Сигеле, и вотъ онъ доказываетъ, что это *исключенія изъ правила,* а правило, наоборотъ, состоитъ въ торжествѣ «микроба зла» и въ смерти «микроба добра».

Разсмотримъ подробнѣе доводы въ пользу этого парадокса.

Сигеле беретъ ихъ сперва у Тарда; они доказываютъ, что толпа, собравшаяся совершенно *случайно,* можетъ мгновенно *электризироваться* и придти въ связное, организованное состояніе. *Случайные* зрители заражаются иногда *контагіемъ* убійства.

Я нарочно подчеркнулъ слова «электризируются» и «контагій». Все это— *аналогіи, сравненія,* повидимому, что-то говорящія, но если вы вдумаетесь въ нихъ, то не увидите ничего, кромѣ *метафоръ:* психологическая

сущность явленія нисколько не становится извѣстной или изслѣдованной научно, а взяты только слова изъ «науки» («электризированіе», «контагій»), т.-е. возникаетъ новый *волапюкъ*.

Далѣе идетъ *подражаніе:* толпа заражается путемъ «подражанія», т.-е. простого *рефлекса*. Это—снова попытка отдѣлаться отъ рѣшенія одного вопроса подстановкой другого, еще менѣе понятнаго въ данной области и взятаго изъ другой. Мы увидимъ сейчасъ самый корень этого ошибочнаго *перенесенія*. «Каждый человѣкъ,—говоритъ Тардъ,— расположенъ индивидуально къ подражанію, но эта способность достигаетъ своего максимума въ собраніяхъ людей».

Для доказательства приводятся залы спектаклей и публичныя засѣданія, гдѣ будто бы «малѣйшее хлопанье руками, малѣйшій свистокъ достаточны для того, чтобы поднять всю залу въ томъ или другомъ направленіи» (*A. Bordier:* «La vie de société»).

И до такой степени многихъ ослѣпляетъ кажущаяся простота такого объясненія, что имъ и въ голову не приходитъ обратиться къ личному психическому опыту.

Неужели, читатель, бывая въ спектаклѣ, вы когда-нибудь апплодировали актеру, который *вамъ не нравится,*—апплодировали только потому, что хлопала зрительная зала и заразила васъ «контагіемъ подражательности»?

Или вотъ еще примѣръ: выдающійся ораторъ на митингѣ или въ парламентѣ вызываетъ сразу громъ рукоплесканій у «своихъ» и свистки у «враговъ». Но по закону подражательности всѣ должны слиться въ *одномъ* рефлексѣ. Ясно, что тутъ нѣтъ никакого «подражанія»: никогда членъ «лѣвой» не станетъ апплодировать оратору «правой», если тотъ говоритъ противъ «лѣвой». Ясно, что тутъ не безсмысленный рефлексъ или подражаніе, а «мнѣніе», «сочувствіе», наконецъ, «предубѣжденіе», все, что угодно, но только не рефлексъ, играютъ основную роль.

Я готовъ признать, что въ толпѣ мы испытываемъ нѣкоторую нервность, извѣстное специфическое настроеніе. Но мы его (въ другомъ родѣ) испытываемъ въ лѣсу, въ горахъ, на морѣ, на высотѣ. Никто не думалъ дѣлать изъ этого новой, *не личной* психологіи, а горной, морской, лѣсной. Подъ вліяніемъ нервности или возбужденія я не сдѣлалъ бы многаго такого, что дѣлаю въ толпѣ, если бы былъ одинъ въ своей комнатѣ. Но и въ лѣсу я дѣлаю многое, чего не сдѣлалъ бы дома, наприм., пою, зная, что меня никто не слышитъ. Меньшая *сдержанность* можетъ быть обусловлена, какъ я покажу дальше, въ своемъ мѣстѣ, самыми различными причинами, чаще всего, не имѣющими ничего общаго съ обычною «подражательностью» въ точномъ смыслѣ слова (наприм., у обезьянъ, у попугаевъ), а тѣмъ болѣе съ «рефлексами» въ ихъ чистомъ видѣ.

А, между тѣмъ, далѣе приводится именно сравненіе со стадомъ барановъ, ожидающихъ перваго прыжка своего вожака; приводятся въ примѣръ осы и т. п.

Вскроемъ и этотъ пріемъ.

Если наблюдать извнѣ,— съ верхнихъ ярусовъ театра,— панику, происходящую внизу, подъ вліяніемъ ложнаго крика: «пожаръ, спасайтесь!»— то дѣйствительно можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ безсознательнымъ, не разсуждающимъ стадомъ. Однако, *доказывать* научно стадность толпы *внѣшнимъ сходствомъ* со стадомъ барановъ уже потому крайне нелѣпо, что ни у барановъ, ни у осъ мы не можемъ разспросить, что̀ ими руководитъ въ ихъ стадности. То-есть вмѣсто одного неизвѣстнаго мы ставимъ еще болѣе неизвѣстное и даже *непознаваемое* психологически—субъективное состояніе стада безсловесныхъ животныхъ.

Между тѣмъ, у насъ подъ рукой другой, совершенно простой способъ,— дѣйствительно, изслѣдовать дѣло: стоитъ только разспросить у отдѣльныхъ людей изъ толпы, охваченной паникой, что̀ они чувствовали, чѣмъ руководились въ своихъ движеніяхъ? Я самъ два раза находился въ такомъ положеніи и разспрашивалъ у многихъ. Никто не слѣдуетъ за другими рефлекторно, какъ автоматъ. Нѣкоторые бѣгутъ въ одну и ту же сторону, потому что знаютъ *одинаково,* или предполагаютъ *одинаково,* что это— лучшій путь спастись. Иные же полагаются на это предполагаемое знаніе другихъ. Но всѣ *думаютъ* и, притомъ, конечно, крайне быстро, такъ какъ медленно думать, что надо спасаться, некогда. Очевидное доказательство, даже внѣшнее, того, что всѣ думаютъ не подражательно, а эгоистически - индивидуально, состоитъ въ томъ, что каждый стремится опередить другихъ, обмануть ихъ, воспользовавшись какимъ-нибудь средствомъ спасенія; иногда изъ-за этого выходитъ отчаянная борьба.

Наконецъ, есть и другое доказательство: не всѣ бѣгутъ во время паники. Почему же «подражательность», если она—*видовое* свойство, не охватываетъ всѣхъ? Очевидно, что, даже по этой теоріи, бываютъ въ средѣ самой массы *различныя* индивидуальности съ разною психологіей; стало быть, надо считаться съ индивидуальностями. Но, изслѣдовавъ дѣло ближе, мы увидимъ, что и вся толпа (остальная, т.-е. за исключеніемъ предполагаемыхъ оригиналовъ), если и дѣйствуетъ *какъ одинъ человѣкъ,* то потому, что каждый въ отдѣльности стремится къ одной и той же цѣли самъ по себѣ. Но такъ какъ эти отдѣльныя стремленія *подобны,*—въ силу сходства организацій,—то и кажется извнѣ, что одинъ подражаетъ другому.

Я не отрицаю совершенно существованія подражательности, но ея значеніе и роль разсмотрю ниже.

Теперь же снова прошу запомнить еще одинъ выводъ, къ которому насъ при[illegible]зело внимательное разсмотрѣніе пріемовъ новой науки: не слѣдуетъ ограничиваться внѣшнимъ массовымъ наблюденіемъ толпы. Мы ничего не поймемъ въ ея движеніяхъ безъ знакомства съ индивидуальнымъ психологическимъ состояніемъ каждаго ея члена. Еще болѣе не научно, вмѣсто такого изученія, объяснять явленіе сравненіемъ съ явленіями низшаго порядка (стадностью барановъ, осъ), основываясь лишь на внѣшнемъ сходствѣ (аналогіи).

Выписки, приводимыя затѣмъ Сигеле изъ Ebrard'a, Jolly и полдюжины психіатровъ, о «моральномъ зараженіи», о «психическихъ эпидеміяхъ», о «контагіи» ничего не доказываютъ: въ тѣхъ случаяхъ, которые изслѣдованы психіатрами, существовали специфическія патологическія условія для зараженія, наприм., пляской св. Вита, эпилептическими припадками и т. п. И, въ своемъ мѣстѣ, все это вѣрно. Но распространеніе *патологическихъ* случаевъ на *нормальное состояніе массъ* есть снова и снова—пріемъ не только псевдо-научный, но и анти-научный: нельзя частное явленіе, имѣющее частныя условія, переносить на общее состояніе, имѣющее иныя *условія*. Это—не наука, а *метафоры*, не больше.

Но гдѣ же во всемъ этомъ доводы въ пользу положенія, будто бы въ толпѣ можетъ развиваться только «микробъ зла»? Чѣмъ доказывается, что подвигъ древнихъ нижегородцевъ, спартанцевъ, павшихъ при Ѳермопилахъ, и т. д. суть исключенія?

Увы, мы натыкаемся только на тѣ самые доводы, которые уже разобрали: «въ большинствѣ (толпѣ), добрыя свойства частныхъ личностей не соединяются, а вычитаются» (стр. 63). «Какъ среднее многихъ чиселъ не можетъ быть, очевидно, равно самому высшему изъ этихъ чиселъ или выше его, такъ и аггрегатъ людей не можетъ отразить въ своихъ проявленіяхъ самыя высшія способности, свойственныя нѣкоторымъ изъ этихъ людей».

Но это — опять ариѳметика, а мы имѣемъ дѣло не съ *постоянными* единицами, а съ живыми личностями, способными къ высочайшему воодушевленію, т.-е. къ *измѣненію* въ лучшемъ смыслѣ. Самъ Сигеле говоритъ,—хотя и въ примѣчаніи подъ страницей,—что онъ въ 1-мъ изданіи цитировалъ слова Могеап о классическомъ типѣ парижскаго *гамена*, который «во время *мира* дѣлается въ 16 лѣтъ сутенёромъ, воромъ и убійцей, въ 19 лѣтъ идетъ въ Рокетскую тюрьму, откуда направляется въ каторгу, а во время *баррикадъ* тотъ же *гаменъ* умираетъ, какъ герой» (*Le monde des prisons*. Paris, 1881, стр. 81).

«Я не отрицаю,—говоритъ Сигеле,—что толпа можетъ, такъ же, какъ и отдѣльный индивидъ, подняться на чудную высоту самоотверженія и героизма, я хочу только установить, что толпа *предрасположена,—по фатальному закону психологической ариѳметики* больше къ злу, чѣмъ къ добру,—тѣмъ же способомъ, какъ и всякое другое объединеніе людей *предрасположено* давать результатъ умственный, стоящій ниже того, какой должна бы дать сумма слагаемыхъ. Въ толпѣ есть скрытая тенденція къ жестокости, составляющая,—если можно такъ выразиться,—сложный органическій факторъ будущихъ проявленій» (?!).

Но откуда же это слѣдуетъ? Гдѣ доказательства? Ихъ нѣтъ. Да... не опять идетъ сравненіе толпы съ порохомъ, который взрывается отъ ничтожнаго дѣйствія, потому что освобождаетъ накопленную уже заранѣе [illegible]лу (стр. 67). Но взрывъ можетъ быть, какъ у нижегородцевъ при Мин[illegible]ѣ, въ сторону добра. Авторъ этого не отрицаетъ самъ, а все же тверд[illegible]тъ свое. Покажите же вашего «микроба зла»!

Авторъ ходитъ около рѣшенія и нашелъ бы его въ своихъ же примѣрахъ, еслибъ его не ослѣплялъ избранный методъ объективнаго, массоваго объясненія метафорами изъ другихъ областей. Въ чемъ, наприм., состоялъ микробъ зла въ массахъ, свирѣпствовавшихъ въ 1-ю французскую революцію или во время нашей «пугачевщины»? Онъ заключался просто въ *историческомъ* озлобленіи народа противъ извѣстныхъ сословій или порядковъ. Это озлобленіе затаивалось, запрятывалось въ глубь души страхомъ наказаній. Но вотъ масса почувствовала, что она — сила, что ей бояться больше не нужно, и скрываемое чувство проявилось. Причемъ тутъ коллективная психологія? Оружіе изъ рукъ одного противника попало въ руки другого, до сихъ поръ безоружнаго, и онъ пользуется имъ. Почему тутъ психологія будетъ индивидуальной, а въ толпѣ она становится коллективной, дѣлается «контагіемъ»? Человѣкъ, страдающій водобоязнью, не разбираетъ, на кого бросается: вотъ это «микробъ». Но и въ первую революцію, и въ прошлогодніе холерные безпорядки нападали не *на всѣхъ*, а на *опредѣленныя группы* лицъ, наприм., на врачей или на лицъ, подозрѣваемыхъ, что они врачи.

Авторъ,— по тому же игнорированію индивидуальной психологіи,— не можетъ понять безъ гипноза и внушенія, почему «крикъ какого-нибудь человѣка передъ толпой имѣетъ безконечно большее значеніе, чѣмъ передъ отдѣльнымъ человѣкомъ»,— почему «толпа легче воспламеняется, чѣмъ одинъ человѣкъ» (стр. 68).

Я обѣщалъ ранѣе сказать подробнѣе о причинахъ вообще меньшей сдержанности нашей въ толпѣ. Теперь замѣчу, что иногда можетъ быть наоборотъ: въ сдержанной, наприм., не апплодирующей, толпѣ вы не будете апплодировать просто изъ нежеланія показаться смѣшнымъ, неприличнымъ. Наоборотъ, въ толпѣ апплодирующей вы свободны отъ этого страха. Но почти тотъ же психологическій стимулъ можетъ лежать въ разнузданной жестокости толпы, наприм., въ возмущеніи рабочихъ на фабрикѣ: одинъ человѣкъ, какъ бы ни былъ озлобленъ издавна, не сталъ бы громить фабрику, потому что онъ не чувствуетъ *силы*. Въ толпѣ онъ, наоборотъ, сознаетъ за собою тысячи рукъ, тысячи соединенныхъ силъ, и вотъ онъ даетъ волю своему накопившемуся гнѣву, не сдерживается, какъ обыкновенно. Но, рядомъ съ этимъ, замѣтьте, тѣ же рабочіе расправлялись съ каждымъ воромъ, бережно несли и сами охраняли кассу и т. п. Какой же это контагій, какой это порохъ? Порохъ и контагій не разсуждаютъ, не помнятъ, а взрываютъ и уничтожаютъ все, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ, ни стѣнъ, ни кассъ, ничего. Сигеле придаетъ большое значеніе тому, что добрыя сердца среди толпы боятся защищать преслѣдуемыхъ, хотя бы и невинныхъ жертвъ. Или же они, высказавшись разъ, молчатъ, видя, что ихъ слова безсильны. Все это вѣрно, но все это *личная* психологія, а не какая-то особая, таинственная психологія толпы, для которой сейчасъ изобрѣтается и особый терминъ, взятый у естествознанія: «моральная мимичность».

Въ естественныхъ наукахъ *мимичностью* называется способность нѣкоторыхъ животныхъ постепенно и безсознательно принимать окраску и даже форму окружающихъ предметовъ; этимъ они и спасаются отъ хищниковъ. Но зачѣмъ же обычное «притворство» называть «мимичностью»? У животныхъ оно, дѣйствительно, *мимичность,* хотя у нѣкоторыхъ есть и притворство (наприм., они имитируютъ мертвыхъ). Повторяю, въ томъ и лежитъ сущность этой «коллективной психо-физіологіи», что она называетъ терминами, взятыми изъ физики, физіологіи, зоологіи, патологіи, самыя простыя и понятныя психическія состоянія. Отъ этого они не дѣлаются ни понятнѣе, ни извѣстнѣе, а даже наоборотъ: то, что было вполнѣ яснымъ, дѣлается какимъ-то загадочнымъ. Вѣдь, наши психическія явленія, наприм., страхъ, притворство, намъ гораздо извѣстнѣе, чѣмъ какое-то «гипнотизирующее очарованіе массы» или «мимичность». Но еще было бы полбѣды съ этимъ пріемомъ, если бы онъ только дѣлалъ темнымъ и непонятнымъ— понятное и очевидное. Но онъ идетъ дальше: онъ прямо извращаетъ наше живое практическое отношеніе къ явленіямъ въ мертвое, пассивное.

Поясню наглядно.

Читая *Горе отъ ума,* вы до сихъ поръ видѣли, наприм., въ Молчалинѣ просто прощалыгу, ловко и разсчетливо поддѣлывающагося къ нужнымъ людямъ, чтобы заполучить крестикъ или мѣстечко. Теперь вы должны признать въ немъ «мимичность», онъ «принимаетъ только (какъ тысячи невинныхъ бабочекъ) моральный цвѣтъ окружающей среды» (стр. 75).

Прежде, видя, что въ комиссіи какого-нибудь земства засѣдаютъ пять безграмотныхъ и одинъ грамотный, вы знали, что вопросъ о школахъ провалится потому, что въ комиссіи большинство невѣждъ. Теперь васъ увѣряютъ, что комиссія пришла бы къ тому же рѣшенію, если бы ее составить изъ философовъ, ученыхъ и художниковъ всего міра. И это потому, что существуетъ «фатальный ариѳметическій законъ», по которому «соединеніе людей даетъ не сумму, а разность».

Почему, встрѣтивъ волка, вы испытываете страхъ, относящійся къ *личной* психологіи, а робѣя передъ собраніемъ, гдѣ вы должны произнести рѣчь, вы оказываетесь объектомъ *коллективной* психологіи? Развѣ это не одинъ и тотъ же аффектъ, но въ одномъ случаѣ сильнѣе, въ другомъ — слабѣе: въ одномъ — вы боитесь за цѣлость своихъ брюкъ и ногъ, а въ другомъ — за вашу карьеру.

Введеніе въ простые процессы личной психологіи терминовъ, взятыхъ изъ объективной науки и ничего не уясняющихъ, только лишаетъ васъ возможности бороться со зломъ: когда вы знали, что Молчалинъ про проныра, вы его могли громить, уличать, будить его совѣсть, наконецъ, п грозить. Но если это «мимичность», т.-е. органическій законъ приро то что же вы будете дѣлать съ этою хитрою штукой, безличною и безпр метною? Какъ ее побѣдить, эту мимичность? Когда вы знали, что нер жественное большинство рѣшитъ вопросъ о школахъ отрицательно,

знали, что надо избирать просвѣщенное большинство. Теперь это оказывается безразлично. И такъ — все!

Конечно, это — вздоръ, но вздоръ обольщающій, обманывающій призракомъ научности, маской научнаго метода.

До какой степени доходитъ слѣпота господъ, увлекшихся этимъ методомъ, видно, наприм., изъ слѣдующаго мѣста, которое Сигеле беретъ у Sergi и не видитъ, что въ немъ лежитъ лучшій аргументъ противъ его псевдо-научныхъ благоглупостей (см. 64 стр.):

«Послѣднія и лучшія наслоенія (толпы), — говоритъ Sergi (перечисляя различныя наслоенія толпы и ихъ отношенія къ возбужденію), — это тѣ, которыхъ *цивилизація и образованіе* успѣли преобразовать въ нѣчто вродѣ привилегированныхъ индивидовъ. Но они затмѣваются средними наслоеніями, составляющими наслѣдство всѣхъ; въ общей суммѣ эти послѣдніе слои получаютъ верхъ, а первые исчезаютъ». Отсюда — торжество «микроба зла».

И такъ, весь вопросъ сводится къ цивилизаціи и образованію? Дайте ихъ всей толпѣ, и не будутъ нужны ваши «электризированія», «мимичности», «гипнозы и внушенія», «моральная окраска среды» и тому подобные «законы» коллективной психо-физіологіи. Но не такъ по Сигеле.

Однако, я думаю, онъ уже порядочно и выяснился, и надоѣлъ читателю. Поэтому, я подведу итоги, но сперва хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями тѣмъ спасительнымъ лѣкарствомъ, которое въ концѣ предлагаетъ самъ Сигеле отъ произведеннаго имъ погрома. Этимъ лѣкарствомъ онъ въ то же время побиваетъ въ существѣ всю свою книгу и самъ не видитъ этого. Тутъ вы имѣете апогей ученаго легкомыслія, развитаго во всей этой школѣ. Но этимъ мы займемся въ особой главѣ, такъ какъ вопросъ, поднимаемый авторомъ, весьма важенъ самъ по себѣ: это вопросъ о *правахъ меньшинства* въ обществѣ и о значеніи *большинства*.

IV.

Споръ о правахъ и значеніи «личности»,—а стало быть и меньшинства,—вопросъ не новый въ европейской литературѣ. Однимъ изъ блестящихъ защитниковъ личности былъ Джонъ Стюартъ Милль (въ соч. *On liberty*). Онъ формулируетъ право личности такъ: «Если бы весь человѣческій родъ,—за исключеніемъ одного человѣка,—былъ одинаковаго мнѣнія, и только одинъ этотъ человѣкъ держался мнѣнія противуположнаго, то человѣчество настолько же не имѣло бы права требовать молчанія отъ данной личности, насколько эта личность не имѣла бы права (если бы могла) требовать молчанія отъ человѣчества».

Но это лишь право выраженія мнѣній.

Въ статьѣ моей о книгѣ Спенсера *Справедливость* я показалъ, какъ Спенсеръ примиряетъ практическія требованія индивидуальности съ большинствомъ: онъ желаетъ, чтобы представительство было не ариѳметическимъ выраженіемъ всей *массы*, а выражало различные *интересы*. Кромѣ

того, онъ предполагаетъ ограничить компетенцію государства самымъ тѣснымъ кругомъ вопросовъ, предоставивъ всѣ прочія задачи частнымъ усиліямъ.

Есть другая форма защиты меньшинства, которую можно назвать *аристократической*. Основныя положенія этого взгляда совпадаютъ съ тѣмъ, что̀ мы видѣли у Сигеле: «большинство всегда грубо и умственно посредственно. Да оно и не можетъ быть инымъ» (см. выше о «фатальномъ ариѳметическомъ законѣ коллективной психологіи»). Отсюда логическій выводъ, что «допустить себя управляться имъ, это—то же самое, что дать скипетръ посредственности». «Логика требуетъ скорѣе, чтобы самые интеллигентные,—а они составляютъ меньшинство,—управляли міромъ, а не наоборотъ, чтобъ ими управляли менѣе интеллигентные, составляющіе наибольшее число» (*Sighele*, стр. 170).

Но авторъ понимаетъ, что ему нельзя примкнуть и къ аристократіи (даже въ самомъ широкомъ смыслѣ—умственной аристократіи): вѣдь, онъ уже показалъ, опираясь на Макса Нордау и Gabelli, что группа даже геніальнѣйшихъ людей можетъ дать только вульгарное, *уличное* рѣшеніе. И вотъ онъ изобрѣтаетъ слѣдующій неожиданный выходъ изъ этой дилеммы: «Дѣйствительно ли справедливо,—спрашиваетъ онъ,—что когда большинство одерживаетъ побѣду, это значитъ, что одержали побѣду мнѣнія посредственностей, сильныхъ только численностью? Или же слѣдуетъ признать, что побѣду одерживаютъ при этомъ *идеи*, *сгумпьвшія* привлечь къ себѣ наибольшее число голосовъ, т.-е. идеи, *имѣвшія сами въ себѣ* наибольшую *притягательную силу*, стало быть, такія, которыя должны были зародиться въ головахъ людей *высшихъ*?» (стр. 171).

Въ этомъ и состоитъ *примиряющее открытіе* Сигеле: толпа сама по себѣ можетъ дать только зло. Но ея соединеніе съ выдающимися умами даетъ,—особенно благодаря опять-таки *подражательности*,—великое благо.

Мы покажемъ далѣе, насколько это вѣрно *по существу*, а пока обратимъ лишь вниманіе на противорѣчія этого новаго положенія со всѣми предъидущими: тамъ доказывалось, что складываться (давать аггрегатъ) могутъ только величины *однородныя*; здѣсь, наоборотъ, складывается и даетъ превосходный аггрегатъ невѣжество и посредственность съ знаніемъ и геніемъ. Тамъ, даже въ собраніи геніевъ, а не только въ толпѣ (и ея сочетаніи съ геніями, конечно), видѣлось одно *вычитаніе*, здѣсь все наоборотъ.

Наконецъ, является совершенно непонятнымъ, почему въ собраніи геніевъ ихъ *частныя* идеи не имѣютъ притягательной силы (вычитаются), а въ толпѣ онѣ пріобрѣтаютъ эту силу, т.-е. складываются съ невѣжествомъ толпы и даютъ даже не сумму, (т.-е. не невѣжество плюсъ зн ніе), а только *одно* знаніе,—иными словами, одно изъ слагаемыхъ прев щается во всю сумму, а другое (невѣжество) исчезаетъ?

Съ нашей точки зрѣнія это понятно и даже иначе быть не долж знаніе просвѣщаетъ незнаніе и послѣднее исчезаетъ. Но, вѣдь, мы и

держимся ариѳметическаго метода въ соціологіи. А какъ же это примирить съ фатальнымъ закономъ ариѳметическаго сложенія и вычитанія, обязательнаго для коллективной психологіи? Авторъ теперь допускаетъ даже возможность производить «внушенія» не для однихъ геніевъ, а вообще для лицъ, выдающихся въ своей спеціальности.

«Почему бы законъ «внушенія»,— спрашиваетъ онъ,—терялъ здѣсь свою силу?»

Но, вѣдь, раньше же самъ онъ доказывалъ, что лучшіе люди безсильны въ толпѣ, благодаря тому же «внушенію» *худшихъ*,—боязни ихъ гнѣва, подражательности и пр., и пр. Теперь тѣ же термины являются, *когда нужно*, для подтвержденія совершенно противуположныхъ положеній. А нужно ему это теперь вотъ для чего:

Авторъ предвидитъ слѣдующее возраженіе: «не вѣрно, что большинство склоняется *тотчасъ же* передъ людьми высшими въ политикѣ, искусствѣ, наукѣ. Люди таланта всегда остаются одинокими (изолированными) въ теченіе своей жизни, потому что имъ приходится бороться съ общественнымъ *мизонеизмомъ*» *).

«Да,—говоритъ Сигеле,—это вѣрно. Я и не утверждалъ, что масса *быстро* воспринимаетъ великія *внушенія* (идеи). Но это-то и *хорошо*». «Конечно, если бы государство управлялось *нѣсколькими выдающимися людьми* деспотически, то многія полезныя реформы совершались бы ранѣе, чѣмъ большинство рѣшалось бы на нихъ». Но этотъ выигрышъ времени часто обращался бы въ великую потерю (стр. 177). Реформы являлись бы преждевременными, а «ничто не причиняетъ столько опасности, какъ такая преждевременность». И наоборотъ, «если, вмѣсто этого, мы допустимъ, чтобы какая-нибудь идея свободно свершила свой путь и была осуществлена лишь тогда, когда закончила свою работу «внушенія» среди большинства, то мы можемъ быть увѣрены, что она примѣнится тогда, когда ея примѣненіе удобно».

Отсюда послѣдній выводъ, заканчивающій книгу: «Такъ какъ мнѣніе *наибольшаго числа* есть, въ сущности, лишь мнѣніе *выдающихся* (высшихъ) личностей, *медленно проникающее въ большинство*, то деспотизмъ большинства сводится на деспотизмъ геніальныхъ идей, когда ихъ примѣненіе удобно и назрѣло» (стр. 178).

Но если геніи дѣйствуютъ на большинство своимъ престижемъ, внушеніемъ, то почему же это вліяніе такъ медленно? Иногда проходятъ вѣка, прежде чѣмъ идея генія осуществляется. Если бы въ этомъ «внушеніи» участвовалъ гипнозъ, то оно распространилось бы мгновенно, и, конечно,] и жизни гипнотизёра, а не послѣ его смерти: странный гипнозъ изъ] огилы! Но самъ авторъ окончательно добиваетъ его слѣдующимъ утвержденi-

*) „Враждой къ новизнѣ“,—терминъ, ставшій модньмъ въ извѣстной группѣ, (агодаря Ломброзо, употребившему его въ книгѣ *Il delitto politico*. Ниже мы раз- (отримъ состоятельность этого новаго ломброзовскаго изобрѣтенія.

емъ: «Исторія цѣлаго міра,—говоритъ онъ на стр. 176,—доказываетъ намъ, что *одни только полезныя идеи* «пережили», т.-е., говоря иными словами, онѣ были *собраны большинствомъ* и увѣковѣчены».

Но это доказываетъ именно, что тутъ дѣйствуетъ не гипнозъ, не внушеніе и престижъ, а *польза самихъ идей*, т.-е. здравый смыслъ, разумъ толпы, начало совершенно противуположное утвержденію Сигеле. Такимъ-то путемъ намъ совершенно съ иной стороны — вопреки ожиданіямъ Сигеле—освѣщается и слѣдующее его объясненіе медленности внушенія въ массахъ: «есть внушенія *непосредственныя*, свойственныя преимущественно *чувствованіямъ*, и есть внушенія *посредственныя*, свойственныя преимущественно *идеямъ*». Авторъ хочетъ сказать, что идеи внушаются геніемъ не непосредственно всей массѣ, а сперва группѣ лицъ, ближе подходящихъ къ его умственному уровню (какое противорѣчіе съ утвержденіемъ о собраніи талантливыхъ людей!); эта группа передаетъ ихъ дальше болѣе обширной группѣ и т. д. до нижнихъ слоевъ. «Явленіе (внушенія) не измѣняется,—говоритъ онъ,—оттого только, что происходитъ медленно». Теперь ясно, для чего нужно было подготовить къ мысли, что не одни геніи пользуются даромъ «внушенія» (см. выше).

Да; но, въ такомъ случаѣ, для чего же допускать гипнозъ, престижъ, внушеніе, а не простой разумъ? Вѣдь, престижъ и внушеніе были нужны автору сперва для объясненія воздѣйствія *геніевъ* на массу. Но если геніи не сами дѣйствуютъ на нее, а ихъ идеи спускаются, постепенно популяризируясь, отъ группы ближайшей къ генію (т.-е. способной *понимать* его), то ни престижа, ни внушенія не требуется, а нужно только обыкновенное *пониманіе*. Вотъ тутъ-то и ясно, почему «подбираются и увѣковѣчиваются *только полезныя* идеи». При гипнозѣ и внушеніи это было бы совсѣмъ безсмысленно: престижъ и внушеніе нужны для принятія того, что не воспринимаемо разумнымъ путемъ.

Къ чему же послужили и здѣсь мудреныя слова, взятыя изъ другой области явленій и только затмѣвающія то, что было ясно и просто безъ нихъ? Но я уже не разъ предупредилъ читателя, что въ этомъ затемнѣніи простого и яснаго лежитъ *сущность* новой науки и ея пріема. И опять это *не безвредно практически*. Въ самомъ дѣлѣ, если медленность распространенія высшихъ идей въ массахъ мы будемъ считать продуктомъ медленности *неизбѣжнаго процесса внушенія*, то естественно, что съ такимъ явленіемъ ничего не подѣлаешь, и придется только утѣшиться, какъ Сигеле, пословицей: «тише ѣдешь — дальше будешь». Но понимаете ли вы, въ какой заколдованный кругъ вводитъ насъ это ни къ чему не нужное, свалившееся съ неба (или, вѣрнѣе, изъ сочиненій Тарда) *внушеніе?* Реформа невозможна, потому что умы подготовляются медленно, благодаря медленности «внушенія». «Но это очень хорошо, потому что, пока внушеніе не охватитъ всѣхъ, реформа опасна». Очевидно, внушеній ускорить нельзя; еслибъ ихъ можно было ускорить, то медленность реформы не была бы нужна. Но если, какъ мы показали, тутъ нѣтъ никакой

внушенія, а есть постепенное *знаніе,* если это знаніе идетъ медленно въ массы потому только, что онѣ *невѣжественны,* то лѣкарство отъ этой медленности, очевидно, *въ знаніи;* благодѣтельность медленности исчезаетъ, становится *зломъ, виной* общества или тѣхъ его элементовъ, отъ которыхъ зависитъ скорѣйшее образованіе массъ. Кажется, у Тайлора я встрѣтилъ указаніе, что среди саксонскихъ крестьянъ обращаются теперь тѣ медицинскія формулы, которыя во время Парацельса были научными открытіями. То-есть понадобилось 400 лѣтъ для того, чтобъ идеи геніевъ XV вѣка дошли до народнаго сознанія, спускаясь внизъ отъ группы къ группѣ, все въ болѣе и болѣе популярной формѣ. Если бы 400 лѣтъ назадъ народная масса была такъ же образована, какъ группа людей, стоявшая во главѣ тогдашнѣйшей интеллигенціи, идеи науки XV в. были бы усвоены этою массой еще въ то время. И вдругъ виновато *внушеніе!*

Спутывая всѣ понятія, замѣняя ясные термины индивидуальной психологіи совершенно ненужными словами изъ другой области знанія, называя всю эту путаницу понятій «коллективною психо-физіологіей», эта новая псевдо-наука только мѣшаетъ видѣть истинныя причины того или иного явленія и ближайшія средства борьбы съ ними.

Хорошо еще, если она только *наивное* празднословіе. Но иногда кажется, что это *умышленное* и весьма *разсчетливое* «затемнѣніе» умовъ. Посмотрите, какъ все направлено въ одну цѣль, въ одну точку: коллегіальность, образованіе массы, быстрота реформъ,—все дискредитируется путемъ весьма хитрой механики, въ которой разобраться весьма не легко.

Но допустимъ, что заблужденіе автора вполнѣ добросовѣстно и наивно. Тогда надо тѣмъ серьезнѣе бороться съ этимъ заблужденіемъ, а оно кроется *въ методѣ.* И этотъ методъ есть достояніе не одного Сигеле, а цѣлой школы. Вотъ почему въ концѣ статьи я дамъ краткій разборъ этого метода.

V.

А пока необходимо сдѣлать оговорку: неужели я совершенно отрицаю дѣйствіе въ обществѣ подражанія, престижа и внушенія? Вовсе нѣтъ. Но ихъ значеніе далеко не такъ важно въ обществѣ, какъ это кажется нѣкоторымъ новымъ писателямъ, раздувшимъ явленіе въ цѣлый пожаръ, стремящійся охватить всѣ общественные процессы. Во-первыхъ, оно явленіе индивидуальное, а вовсе не коллективное.

Возьмемъ наглядный примѣръ: самъ Сигеле въ своей особѣ даетъ прекрасный образецъ человѣка, пишущаго подъ *внушеніемъ* Тарда и его учен[ія] о *престижа.* Подъ вліяніемъ этого престижа, онъ слѣпъ къ собственнымъ противорѣчіямъ: въ самомъ дѣлѣ, нужно быть ослѣпленнымъ идеей Тарда о внушеніи, чтобъ утверждать, съ одной стороны, что масса подбираетъ *только одни полезныя* идеи, а съ другой—увѣрять, что все же это происходитъ путемъ *внушенія.*

Но тутъ-то мы и видимъ ясно, какъ раздуто это явленіе: вѣдь, то «внушеніе», которое охватило Сигеле, не охватило, наприм., ни меня, ни васъ, читатель, т.-е. оно *не коллективно,* а *индивидуально.* Во-вторыхъ, мы съ вами разбираемъ вслухъ, печатно, идею Тарда, доказываемъ ея раздутость, а это уже уничтожаетъ и гипнозъ, и престижъ, а, стало быть, и внушеніе въ тѣхъ индивидуумахъ, которые ему поддались.

И такъ было и будетъ всегда. Но чтобы понять это, нужно было опять обратиться къ индивидуумамъ, ибо самая способность увлекаться престижемъ, т.-е. разѣвать ротъ при всякой блестящей погремушкѣ, есть *индивидуальная* способность, далеко *не похвальная.*

Въ обществѣ, обладающемъ литературой, критикой, учеными собраніями, въ которыхъ сталкиваются различныя мнѣнія, долгое внушеніе, обусловленное престижемъ, невозможно: всегда найдутся индивидуальности, не поддающіяся гипнозу и разрушающія своею критикой очарованіе идеи въ умахъ ротозѣевъ, если идея ложна и значеніе ея преувеличено. Это мы видѣли съ идеями Ломброзо, разобранными по косточкамъ сперва на парижскомъ, а потомъ и на брюссельскомъ конгрессѣ. Отъ нихъ осталось нѣсколько дѣйствительно важныхъ крупицъ, а остальное снесено волнами критики. И вотъ почему «масса подбираетъ *только* полезныя идеи». Прочно только господство *логики и истинной науки.* Престижъ и внушеніе временны, мимолетны, *личны.* Критика свойственна не однимъ «высшимъ» умамъ, но и лучшимъ умамъ массы, даже среди «невѣжественной» толпы. Сколько ложныхъ внушеній, даже историческихъ, эта масса съумѣла понять и отвергнуть, хотя ея критика имѣла наивныя опоры, наприм., средневѣковой раціонализмъ!

Нельзя отрицать вовсе существованія *внушеній* и *подражанія,* но ихъ значеніе все болѣе меркнетъ и слабѣетъ съ развитіемъ мысли и знанія, съ его распространеніемъ въ массахъ. Эти факторы могутъ сослужить нѣкоторую службу въ объясненіяхъ прошедшей исторіи человѣчества. Да и то немыслимо, чтобъ они тамъ дѣйствовали какъ явленія *коллективной психологіи.* Все это *слова*: коллективной психологіи нѣтъ, потому что въ обществѣ нѣтъ *единаго* чувствилища, *единаго* мозга. Это—отрыжка старой соціологической теоріи объ обществѣ, какъ организмѣ (аналогическій методъ). Цѣликомъ онъ брошенъ давно, но теперь ухватились за его частичку: психологическія явленія въ массахъ. Они совершаются въ отдѣльныхъ мозгахъ и представляютъ задачи индивидуальной психологіи. Общество и его явленія могутъ вліять на мозгъ, создавать въ немъ новыя понятія, чувствованія и т. п. Но все это—задачи индивидуальной психологіи. Онѣ прекрасно намѣчены еще Льюисомъ (*Вопросы о жизни и духѣ*) и въ этой области уже многое сдѣлано лучшими современными психологами — Спенсеромъ, Бэномъ, Вундтомъ и др. Новая «псевдо-наука» только путаетъ, затемняетъ значеніе и практическія слѣдствія этихъ открытій и изслѣдованій.

VI.

Я уже сказалъ, что новая «псевдо-наука» есть отрыжка старой соціологической теоріи, видѣвшей въ обществѣ организмъ и переносившей на общество біологическіе законы, въ виду нѣкотораго сходства (аналогіи) между обществомъ и организмомъ. Поэтому ее называютъ «аналогическою теоріей», а ея методъ — «аналогическимъ методомъ». Я уже сказалъ, что въ своемъ чистомъ видѣ она брошена всѣми, но въ замаскированномъ еще увлекаетъ многихъ и даже входитъ въ моду то въ видѣ эволюціонной соціологіи (см. мою предъидущую статью въ *Русской Мысли*), то въ видѣ «коллективной психологіи». Поэтому не мѣшаетъ вкратцѣ разобрать ея опоры, лежащія въ нѣкоторыхъ сходствахъ организма и общества. Эти сходства *есть*. Но они парализируются радикальнымъ различіемъ: организмъ развился постепенно, *ради самозащиты*, изъ колоніи или общества клѣтокъ. Поэтому его называютъ—не вполнѣ точно—«обществомъ клѣтокъ», хотя странно называть *обществомъ* такой аггрегатъ, который состоитъ на половину изъ единицъ, потерявшихъ почти всякую жизненность, наприм., окостенѣвшихъ. Но допустимъ, что организмъ есть *общество клѣтокъ* или *бывшее общество клѣтокъ* (что точнѣе); въ немъ поэтому должно быть нѣкоторое сходство съ *обществомъ моделей*, но должны быть и тѣ гигантскія различія, какія лежатъ между индивидуумами обоихъ обществъ: съ одной стороны, клѣточкой, если и чувствующей, то *не сознающей своей индивидуальности*, а съ другой—*самознающимъ* человѣкомъ.

Организмъ (или бывшее общество *безсознательныхъ* клѣтокъ) слагался подъ гнетомъ среды, не заботясь о сохраненіи въ совершенномъ видѣ своихъ элементовъ. Самосохраненіе имѣло здѣсь въ виду только *цѣлый* аггрегатъ. Клѣточки не имѣли столь ярко выраженной индивидуальности, чтобъ бороться за нее съ организаціей, нужной для сохраненія цѣлаго и обращавшей ихъ въ несамостоятельные, иногда омертвѣвшіе органы самозащиты этого цѣлаго. Такимъ образомъ, онѣ во многихъ тканяхъ организма потеряли, вѣроятно, и ту чувствительность, какую имѣли: она спеціализировалалась въ клѣточкахъ нервной системы и мозга. У аггрегата образовалось спеціальное чувствилище, поглотившее всѣ индивидуальныя чувствованія. Цѣлое сдѣлалось *личностью*, *сознательнымъ организмомъ*.

Не то—въ *обществѣ людей:* его индивидуумами были уже эти *сознательныя личности*. Если въ первобытномъ состояніи общества, какъ думаютъ нѣкоторые, ихъ *самосознаніе*, какъ личностей, было еще слабо и онѣ недостаточно отдѣляли себя отъ общества (рода, семьи, міра, племени, государства и т. д.), то, тѣмъ не менѣе, сознаніе это было настолько сильно, что мы не видимъ даже въ первобытномъ или дикомъ состояніи хотя бы значительнаго приближенія индивидуумовъ—людей—къ тому состоянію, въ какомъ оказываются, напримѣръ, клѣтки, кости въ организмѣ. Въ обществахъ животныхъ (напримѣръ, муравьевъ, пчелъ) мы видимъ уже значительное перерожденіе или вырожденіе индивидуумовъ въ интересахъ цѣ-

лаго *). Индивидуумы этихъ животныхъ обществъ были слабы для борьбы съ организаціей, развивавшейся для охраны «цѣлаго». Интересы цѣлаго ихъ сломили, подчинили себѣ, изуродовали.

Исторія человѣческихъ обществъ представляетъ обратный процессъ: были эпохи, напримѣръ, хроническихъ войнъ, когда самозащита личности требовала отдачи себя въ распоряженіе цѣлаго. Это создало организаціи, значительно поработившія личность общимъ цѣлямъ, частью добровольно, частью насиліемъ (забираніе въ рабство и т. п.). Но личность, временно подавленная, не только не погибла, а, наоборотъ, все болѣе и болѣе самоопредѣлялась и, въ то же время, устраняла тѣ элементы организаціи, которые подавляли ее,—съ ея ли согласія, ради временныхъ цѣлей, или насильственно.

Такимъ образомъ, очевидно, что общество людей не можетъ перейти *въ организмъ*, а, наоборотъ, обладая временно, въ теченіе своего развитія, нѣкоторыми формами защиты единицъ при помощи цѣлаго, уподобившими его кое въ чемъ организму, оно все дальше и дальше уходитъ даже отъ *этого* состоянія.

Существуютъ двѣ теоріи общества: *договорная* и *органическая*. Первая видитъ въ обществѣ добровольный союзъ, договоръ, явно или молча созданный для блага личности. Вторая видитъ въ обществѣ безсознательное, органическое развитіе или эволюцію разныхъ формъ. Если бы была вѣрна совершенно вторая теорія, мы видѣли бы въ исторіи или то, что видимъ въ обществахъ муравьевъ и пчелъ (т.-е. перерожденіе индивидуумовъ), или даже болѣе: переходъ къ организму, т.-е. индивидуумовъ окостенѣвшихъ, потерявшихъ сознаніе и т. д. Этого не было, и мы вправѣ думать, что этого не случилось, благодаря постоянному, глухому упорству человѣческой личности противъ принятія такихъ формъ защиты цѣлаго, которыя бы раздавили и переродили человѣческій индивидуумъ. Поэтому состояніе общества никогда не было вполнѣ органическимъ; въ его эволюціи всегда былъ элементъ самосохраняющейся личности, то глухо, то явно и массой—въ союзѣ съ другими—борющейся за цѣлость своего «я».

Понятно, что первобытнаго состоянія нельзя назвать, тѣмъ не менѣе, договорнымъ, въ полномъ смыслѣ. Но, по мѣрѣ уже указаннаго нами развитія личности и ея самосознанія, общество все полнѣе и ярче переходитъ къ договорному типу и все сознательнѣе интересъ цѣлаго признается только ради блага личностей, которое и составляетъ единственную и исключительную задачу общества.

Но отсюда очевидна и дальнѣйшая несостоятельность «коллективной психологіи» и ея массоваго метода. Эта проектируемая наука желае

*) Правда, я слышалъ отъ одного путешественника, изучавшаго бытъ фабр ных рабочихъ въ Бельгіи, что замѣчается измѣненіе въ пальцахъ руки у тѣхъ нихъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній выбираютъ узелки изъ шелковы матерій. Это ужасно, но это не можетъ долго продержаться, на основаніи вы изложеннаго.

какъ и нѣкоторыя направленія въ соціологіи (я уже упоминалъ о вышедшемъ въ прошедшемъ году соч. Гумпловича *Sociologie und Politik*), «совершенно игнорировать разсмотрѣніе индивидуальной воли и устранить вмѣшательство психологическаго индивидуализма». Соціологія, по Гумиловичу, беретъ своею «единицей не человѣка, но соціальную группу или *коллективную личность* (вотъ оно куда пошло!) и систему движеній, производимыхъ взаимодѣйствіемъ существующихъ общественныхъ группъ».

Все это было бы прекрасно, но тутъ забывается «научный законъ», а, вѣдь, открытіе «законовъ» только и можетъ быть *цѣлью науки*. Законъ же, въ научномъ смыслѣ, есть раскрытіе постоянной связи между условіями какого-либо явленія и этимъ явленіемъ («постоянство связи послѣдовательности и сосуществованія». Стюартъ Милль: *Логика*).

Но въ число *условій любого общественнаго явленія*, прежде всего, входятъ *личности*.

Какимъ же образомъ можно открыть хотя одинъ соціологическій законъ, игнорируя личность и индивидуальную психологію?

Одно изученіе *внѣшнихъ* процессовъ общества въ его массѣ не говоритъ намъ объ условіяхъ этого процесса, а потому не даетъ «закона» въ научномъ смыслѣ, а только «эмпирическое обобщеніе». Мы видѣли выше ошибочность такого внѣшняго массоваго наблюденія, когда говорили о паникѣ въ театрѣ. То, что извнѣ кажется стадностью, подражаніемъ, оказывается при изученіи индивидуумовъ (въ ихъ психологіи) результатомъ совпаденія мыслей и стремленій. Отсюда очевидно, что далѣе эмпирическихъ обобщеній такая соціологія (т.-е. имѣющая дѣло съ массами только) не пойдетъ.

Поясникъ еще нагляднѣе.

Возьмемъ образецъ какого-нибудь эмпирическаго обобщенія, чтобы показать, какое мѣсто занимаетъ оно въ человѣческомъ знаніи.

Сельскій житель замѣчаетъ, что передъ пожаромъ или чьею-нибудь смертью выла собака. Онъ дѣлаетъ выводъ изъ этого *опыта* (эмпирическое обобщеніе), что пожару и покойнику *всегда* (обобщеніе) предшествуетъ вой собаки.

Но это первобытно. Допустимъ, что онъ вводитъ болѣе научный пріемъ—статистику и что случайно въ его деревнѣ изъ 10 разъ 9 передъ пожаромъ и покойникомъ выла собака. И вотъ уже «эмпирическое обобщеніе», опирающееся на *статистику*, готово!

Но насколько это—пріемъ науки и законъ научный, вы видите. Чтобы сдѣлать этотъ выводъ научнымъ закономъ, надо, какъ уже сказано мною, опредѣлить *условія* явленія: напримѣръ, въ данномъ явленіи условія пожара и условія воя собаки. Эти условія окажутся совершенно различными, и мы все же еще не будемъ имѣть закона, а только научно обслѣдованный фактъ. Для научнаго закона должно быть доказано *постоянство* связи данныхъ условій и даннаго явленія.

Вотъ что такое «эмпирическое обобщеніе». Соціологія, игнорирующая индивидуумъ и его психологію, осуждена никогда не выходить изъ эмпирическихъ обобщеній, потому что она никогда не узнаетъ *условій* ни одного общественнаго процесса или явленія, если устранитъ, игнорируетъ индивидуумъ, обусловливающій въ обществѣ все.

Въ совершенно такомъ же положеніи будетъ находиться и «коллективная психологія», взявшая пріемы и методы изъ того же источника.

Самое большее, что она совершитъ, это—новый волапюкъ и полную путаницу понятій, обращающую все простое и ясное въ загадочное и непонятное.

Л. Е. Оболенскій.

Соціологія на экономической основѣ.

Въ іюльской книжкѣ журнала *Русская Мысль* 1887 года была напечатана статья М. Я. Герценштейна, въ которой онъ излагалъ, въ существенныхъ чертахъ, содержаніе и подвергнулъ основательному разбору книгу итальянскаго экономиста Лоріа: *Экономическая теорія политическаго строя* (*La teoria economica della constituzione politica,* 1886). Насколько мнѣ извѣстно, въ нашей ученой литературѣ другихъ статей объ этомъ выдающемся произведеніи не появлялось. Теперь въ Парижѣ, по переводу съ рукописи, вышло второе изданіе этого сочиненія, вполнѣ передѣланное *). Авторъ настаиваетъ на всѣхъ важныхъ положеніяхъ своей теоріи и старается опровергнуть всѣ возраженія, которыя были представлены ему итальянскими и иностранными учеными. Въ виду этого, въ виду несомнѣнной талантливости Лоріа и той силы мысли и послѣдовательности, съ которыми онъ защищаетъ теорію экономическаго матеріализма, я считаю полезнымъ передать эту теорію въ ея новой формѣ и представить на нее нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Въ каждомъ обществѣ,—начинаетъ Лоріа,—мы наблюдаемъ одно и то же явленіе: существованіе двухъ классовъ, изъ которыхъ одинъ, ничего не дѣлая, получаетъ все возростающіе доходы, а другой, гораздо болѣе многочисленный, работаетъ постоянно за ничтожное вознагражденіе. Первый классъ живетъ, не работая; второй—работаетъ и не живетъ въ человѣческомъ смыслѣ слова.

Это раздѣленіе общества является ли неизбѣжною необходимостью, или оно производится историческими причинами, которыя исчезнутъ на высшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія? Изученіе исторіи и экономической соціологіи привело Лоріа къ заключенію, что раздвоеніе общества на классы капиталистовъ и работниковъ не было продуктомъ безусловныхъ требованій человѣческой природы, что оно порождено историческими причинами, которыя въ будущемъ необходимо должны прекратить свое существованіе.

*) *Achille Loria:* „Les bases économiques de la constitution sociale", 1893.

Вотъ какъ объясняетъ Лоріа зарожденіе, характеръ и стремленія капиталистической собственности. Покуда земля свободна, т.-е. пока каждый можетъ ее безпрепятственно обрабатывать, капиталистическая собственность безусловно невозможна. Естественною формой производства при такихъ условіяхъ является изолированность каждаго земледѣльца, каждаго производителя капитала, какъ ихъ въ данномъ случаѣ называетъ Лоріа. Если земля плодоносна, то лишь деспотическая власть можетъ объединить производителей. Въ противуположномъ случаѣ производители необходимо объединяются или въ чистую ассоціацію, въ которой продуктъ дѣлится на равныя части, или въ смѣшанную ассоціацію, гдѣ производители капитала соединяются съ простыми рабочими, на долю которыхъ выпадаетъ равная часть продукта. До тѣхъ поръ, пока существуетъ свободная земля, возстановленіе капиталистической собственности невозможно; при относительной малочисленности населенія только учрежденіе рабства вызываетъ ея возникновеніе. Съ того момента, когда производительность почвы падаетъ, рабство замѣняется крѣпостнымъ правомъ, потому что въ этой болѣе мягкой формѣ подневольный трудъ становится производительнѣе.

Съ возникновеніемъ мануфактуръ и съ исчезновеніемъ крѣпостного состоянія возникаетъ новая, варварская форма смѣшанной ассоціаціи: *патронъ* (производитель капитала) и *компаньонъ* (простой работникъ) раздѣляютъ продуктъ поровну. Это продолжается до тѣхъ поръ, покуда есть свободная земля. Когда, съ увеличеніемъ населенія, ея не остается,—рабочій можетъ жить только продажею своего труда капиталисту, иными словами, попадаетъ въ такое зависимое положеніе, въ которомъ трудъ вознаграждается по усмотрѣнію капиталиста. Разъ возникнувъ, капиталистическая собственность стремится упрочить свое существованіе, а для этого необходима такая низкая заработная плата, чтобы рабочій не могъ дѣлать сбереженій.

Въ дальнѣйшей эволюціи, по Лоріа, снова является необходимость *свободной земли*, потому что съ теченіемъ времени и саларіатъ приводитъ, какъ рабство и крѣпостное состояніе, къ паденію производительности, что влечетъ за собою уменьшеніе дохода съ капитала и, наконецъ, его уничтоженіе. Тогда распадается капиталистическій строй, возстанавливается, на основѣ свободной земли, ассоціація труда, соціальное равновѣсіе. Эту смѣшанную ассоціацію Лоріа называетъ, употребляя математическій терминъ, экономическою предѣльною формой (*forme-limite*). Она имѣетъ въ его глазахъ абсолютную цѣнность, представляетъ окончательную экономическую организацію человѣчества. Она исключаетъ всякую узурпацію и всякое столкновеніе и можетъ существовать безъ содѣйствія какихъ бы то ни было охраняющихъ ее учрежденій. Но до наступленія такой поры далеко. Капиталистическая собственность держится крѣпко, опираясь на защиту морали, права и государственныхъ учрежденій. По мнѣнію Лоріа, и нравственность, и законы, и политическій строй являются произведеніями исключительно экономическихъ причинъ, и въ такомъ истолкованіи [illegible]да

историческаго развитія Лоріа не останавливается передъ самыми крайними выводами.

Когда мы разсматриваемъ,—говоритъ итальянскій мыслитель,—экономическую форму, установленную на свободной земельной собственности или на естественно соотвѣтствующей ей смѣшанной ассоціаціи,—мы спрашиваемъ: какое верховное правило руководитъ человѣческими дѣйствіями въ предѣлахъ этой формы, — другими словами, какова въ данномъ случаѣ нравственность, ея условія и ея санкція? Отвѣтъ, по мнѣнію Лоріа, дается самою формой экономическихъ отношеній: въ этой формѣ мораль есть совокупность дѣйствій и воздержаній, которыя обезпечиваютъ общественную связь и благосостояніе. Для этого не надо никакой санкціи: вполнѣ достаточно личнаго эгоизма, ибо всякій поступокъ, который компрометируетъ общественную гармонію, отражается ущербомъ на совершителѣ такого поступка. Въ обществѣ свободныхъ и равныхъ (экономически) людей каждое хищничество, каждое насиліе является дѣломъ неразумнымъ и антиэгоистическимъ. Для личности, наоборотъ, выгодно будетъ дѣйствовать благожелательно по отношенію къ другимъ, потому что при установившейся солидарности всѣхъ членовъ ассоціаціи доброжелательный поступокъ умножитъ личную выгоду и удовольствія лица, которое этотъ поступокъ совершило. Въ *обществѣ-предѣлѣ* (*société-limite*) будутъ различія въ физической силѣ и въ духовныхъ способностяхъ, но въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ настоящее время, потому что такія различія являются по большей части результатомъ капиталистической среды. Эти немногіе люди, болѣе сильные или болѣе способные, воспользуются своими преимуществами, чтобы получить болѣе высокое вознагражденіе, но они даже не представятъ себѣ возможности добиваться какихъ-либо другихъ привилегій. Въ этой формѣ разумный эгоизмъ заставитъ, наоборотъ, сильныхъ приходить на помощь слабымъ; въ ней поэтому осуществится самая тщательная справедливость, самая безусловная благожелательность.

Такъ будетъ, по теоріи Лоріа, въ смѣшанной ассоціаціи, основанной на свободной землѣ и на союзѣ производителей капитала съ простыми рабочими. Иначе дѣло происходитъ въ капиталистической формѣ общественнаго строя. Эгоизмъ капиталистовъ подсказываетъ имъ эксплуатировать рабочихъ. Всѣми способами послѣднимъ внушается мысль о смиреніи и повиновеніи установившимся порядкамъ. Въ интересахъ самихъ капиталистовъ, обуздываются крайнія проявленія ихъ эгоизма во заимныхъ сношеніяхъ, въ борьбѣ за существованіе, правильнѣе—за наибольшую прибыль. Съ этою цѣлью выдвигаются угрозы вѣчныхъ мученій и обѣщанія вѣчныхъ наградъ. Такія религіозныя представленія, думаетъ Лоріа, являются необходимымъ послѣдствіемъ капиталистической формы производства. Религія затѣмъ слѣдуетъ, фаза за фазой, за измѣненіями экономическаго строя. Побѣда протестантизма, напримѣръ, въ Германіи и въ Англіи объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ странахъ природа требуетъ большихъ усилій отъ человѣка, пробуждаетъ сильнѣе его мысль и освобождаетъ по-

этому отъ суевѣрій. «Мораль страха, которая господствуетъ въ классической древности, воспроизводится роковымъ образомъ, когда воспроизводятся экономическія и территоріальныя условія, составляющія ея субстратумъ», и т.д.

Системы страха и религіи смѣняются моральною санкціей общественнаго мнѣнія; но и оно является сознательнымъ или безсознательнымъ выраженіемъ эгоистическихъ интересовъ экономически-господствующаго класса. Общественное благо, справедливость,—все это слова, иллюзіи: ихъ единственнымъ источникомъ служатъ экономическія отношенія. Состраданіе и справедливость вызываются первоначально разумно-понятымъ эгоизмомъ капиталистовъ; съ теченіемъ времени такое происхожденіе этихъ чувствъ и идей забывается, но они, попрежнему, служатъ интересамъ собственниковъ: поступая въ извѣстныхъ случаяхъ справедливо и сострадательно, капиталистъ смягчаетъ противуположеніе его класса классу рабочихъ и, такимъ образомъ, содѣйствуетъ продолженію и устойчивости капиталистическаго строя. Самая наука, по мнѣнію итальянскаго ученаго, прямо или косвенно подкупается въ интересахъ капиталистическихъ порядковъ. Ученые, литераторы и люди другихъ свободныхъ профессій—непроизводительные работники, которые участвуютъ въ прибыляхъ господствующаго капитала и служатъ его цѣлямъ.

Но духовныхъ воздѣйствій,—религіи и морали,—недостаточно для того, чтобъ обезпечить господство класса капиталистовъ надъ гораздо болѣе значительною частью населенія, надъ рабочими. Тогда на помощь появляется право. Въ предѣльной формѣ право, охраняющее интересы всѣхъ и каждаго, совпадающіе съ интересами цѣлаго общества, фактически не обнаруживается.

Иное происходитъ въ исторіи, въ эволюціи экономическаго строя. Здѣсь могутъ и въ дѣйствительности происходятъ частные и общіе случаи нарушенія правъ собственности. Въ правѣ народа, въ его законодательствѣ послушно отражаются интересы господствующаго класса капиталистовъ. Отъ національнаго характера право безусловно не зависитъ. При одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ всегда и вездѣ явятся и одинаковыя юридическія нормы. Такъ существованіе рабства полагаетъ препятствія накопленію и производству; ихъ надо смягчить или разрушить новымъ факторомъ: создается право завѣщанія. Съ переходомъ рабства въ крѣпостное состояніе необходимо возстановить непрерывною культурой истощенную почву,—и тогда выступаетъ наслѣдованіе безъ завѣщанія. Въ другой юридической области, въ договорномъ правѣ, мы видимъ то же самое. Лоріа полагаетъ, что дѣятельная сила слова, существовавшая въ эпоху рабства, объясняется именно этимъ состояніемъ: отношенія, основанныя на силѣ, были грубо-откровенны, не требовали и не допускали лжи. Ссылаясь на Іеринга, Лоріа говоритъ, что ложь тогда только наказуется, когда она общественно-вредна; при деспотическомъ режимѣ ложь есть необходимое условіе личнаго существованія и спокойствія. Экономическій деспотизмъ,—и забавляетъ итальянскій ученый,—сопровождается такими же результатами.

Право можетъ нѣсколько отставать отъ измѣненія экономическихъ отношеній или содѣйствовать ускоренію перехода изъ одной стадіи экономической эволюціи въ другую. Но всегда и вездѣ его роль совершенно второстепенная, опредѣляемая исключительно экономическими причинами. Разсматривая законодательство, регулирующее отношенія между предпринимателями и рабочими, Лоріа повсюду видитъ «упорное, безстыдное и полное освященіе привилегіи и рѣшительное предпочтеніе собственности». Юристы,—говоритъ Лоріа,—всегда были заклятыми врагами рабочихъ классовъ и наиболѣе ревностными защитниками феодальныхъ и капиталистическихъ захватовъ.

Естественно, что уголовное право отражаетъ на себѣ интересъ господствующаго класса собственниковъ. Но экономическими же факторами объясняется отношеніе законодателя ко всѣмъ другимъ преступленіямъ. Право—монополія богатства и въ храмѣ Ѳемиды нѣтъ мѣста для работника,—такъ заключаетъ эту главу своего изслѣдованія авторъ *Экономическихъ основаній общественнаго строя.*

Для того, чтобы законодательство всегда служило интересамъ господствующаго класса собственниковъ, необходимо, чтобы въ рукахъ этого класса сосредоточивалась государственная власть. Такъ, по мнѣнію Лоріа, всегда и бывало. Если, при свободной землѣ и ея возвышенной производительности, не образуется ассоціація производителей, государство должно обладать абсолютною властью, чтобъ обуздать разъединяющую производства волю отдѣльныхъ лицъ. Деспотизмъ при этихъ условіяхъ является въ глазахъ итальянскаго экономиста благодѣтельнымъ орудіемъ подъема производительныхъ силъ *).

Таковъ былъ, по увѣренію Лоріа, азіатскій деспотизмъ, насильственно объединившій работниковъ для того, чтобы дать большую производительность ихъ труду.

Образованіе государства обусловливается образованіемъ собственности. Политическія формы по отношенію къ формамъ экономическимъ составляютъ надстройку, приспособляются къ условіямъ и требованіямъ господствующаго класса капиталистовъ. Такъ, одна и та же шапка можетъ подходить къ головѣ и кретина, и геніальнаго человѣка. Но въ общемъ и существенномъ власть всегда отвѣчаетъ экономическому строю и находится въ распоряженіи того класса, въ рукахъ котораго находится собственность, т.-е. класса, живущаго прибылью съ капитала. Различіе структуры капиталистическаго дохода опредѣляетъ съ неотразимою силой не только характеръ организаціи власти, но и способъ дѣйствія самой власти. Коллективной собственности,—полной экономической солидарности,—соотвѣтствуетъ полная политическая солидарность; при собственности, основанной на рабствѣ, на-

*) „Le despotisme, dans ces conditions de l'économie, n'est, en somme, rien autre chose que le moyen adéquat pour que le travail de chacun puisse acquérir une plus grande efficacité; c'est un instrument de *potentiation* du travail, et, de cette manière, il se résout en une methode d'ampliation et de garantie de la liberté" (126).

ступаетъ экономическій атомизмъ, острое столкновеніе экономическихъ интересовъ, но политическая солидарность существуетъ, потому что между свободными людьми устанавливается крѣпкая связь и государственная дѣятельность составляетъ часть ихъ личнаго существованія; въ феодальномъ обществѣ, наоборотъ, экономическія отношенія солидарны, а политическая организація представляетъ крайній атомизмъ, за исключеніемъ политической солидарности вольныхъ городовъ; наконецъ, въ наше время экономическому атомизму соотвѣтствуетъ столь же безусловный политическій атомизмъ, потому что внутренняя связь между государствомъ и гражданиномъ исчезла, смѣнившись отношеніями взаимной терпимости или взаимнаго равнодушія.

Наиболѣе важнымъ явленіемъ, составляющимъ результатъ превращенія рабскаго и крѣпостного экономическаго строя въ строй съ наемными рабочими, оказывается, по мнѣнію Лоріа, образованіе представительнаго правленія. Это правленіе,—говоритъ онъ,—всего лучше обезпечиваетъ владычество господствующихъ классовъ. Капиталисты, занятые своими промышленными предпріятіями, посылаютъ депутатами въ представительныя собранія непроизводительныхъ работниковъ,—адвокатовъ, публицистовъ и людей другихъ свободныхъ профессій. Эти люди находятся въ зависимости отъ капитала и дѣйствуютъ поэтому исключительно въ его интересахъ.

Современные парламенты, однако, издали не мало законовъ, которые имѣютъ цѣлью пользу и благополучіе рабочихъ классовъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? По мнѣнію Лоріа, исключительно экономическими причинами. Основная изъ такихъ причинъ—двойственность распредѣленія дохода и власти (bipartition de revenu et du pouvoir): одинъ классъ обладаетъ земельною собственностью (рента), другой—движимою (прибыль на капиталъ); наименѣе сильный изъ нихъ вступаетъ въ союзъ съ представителями непроизводительнаго капитала и начинаетъ дѣйствовать въ интересахъ рабочихъ классовъ. При этомъ если власть получаютъ землевладѣльцы, то они проводятъ законы, невыгодные для фабрикантовъ и другихъ капиталистовъ (ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда и т. п.); въ противуположномъ случаѣ капиталисты стремятся пріобрѣсти сочувствіе и поддержку народа, поражая тѣмъ или инымъ способомъ земельную ренту. Такъ, въ теченіе долгаго времени въ англійскомъ парламентѣ фабрикантъ Villiers каждый годъ предлагалъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ, а крупный земельный собственникъ лордъ Ashley требовалъ фабричныхъ законовъ. Подобныя явленія Лоріа видитъ и въ другихъ странахъ, въ другія эпохи. Такъ, по его мнѣнію, въ древнемъ Римѣ происходила борьба между земельными собственниками и капиталистами, вслѣдствіе чего представители послѣднихъ, Гракхи, и выступили съ аграрными преобразованіями. Двойственность дохода—спас. э пролетаріата.

Владѣя государствомъ, капиталисты поддерживаютъ свое господст э путемъ законодательства. Система податей, вся внутренняя и внѣшняя п - литика служатъ этой цѣли. Съ торжествомъ, напримѣръ, буржуазія по. - чаютъ широкое распространеніе косвенные налоги и т. д. Этому объяс. -

нію противорѣчатъ налоги, падающіе на капиталъ: подоходный налогъ, налогъ съ наслѣдства. Но и эти факты Лоріа вводитъ въ предѣлы своей теоріи. Дѣйствительно,—говоритъ онъ,—на первый взглядъ такіе налоги какъ будто направлены противъ интереса капитала, въ пользу рабочихъ; но на самомъ дѣлѣ классомъ капиталистовъ и здѣсь руководитъ эгоизмъ, хотя и безсознательный. Когда капиталъ ростетъ быстрѣе населенія и не успѣваетъ превращаться, въ соотвѣтствующей мѣрѣ, въ капиталъ непроизводительный, то послѣдствіемъ этого можетъ явиться возвышеніе рабочей платы, непостоянство прибыли. Задерживая налогомъ на доходъ накопленіе капитала, законодатель избѣгаетъ этихъ невыгодныхъ для класса капиталистовъ послѣдствій. Но это основаніе самообложенія капитала остается тайною для самихъ капиталистовъ, которые полагаютъ, что они руководствуются въ данномъ случаѣ принципомъ справедливости.

Въ одномъ отношеніи Лоріа отступаетъ отъ своей теоріи, давая неэкономическое объясненіе историческому явленію: при существованіи рабства,—говоритъ онъ,—собственниками руководятъ во внѣшней политикѣ жажда власти и славы, а не имущественные интересы, почему въ этомъ періодѣ мы и видимъ столько завоеваній. Это, кажется, единственный прямой ударъ, наносимый Лоріа собственной теоріи. Войны, совершаемыя при другомъ экономическомъ строѣ, итальянскій ученый объясняетъ опять исключительно экономическими причинами: крестовые походы, напримѣръ, носятъ, по его мнѣнію, экономическій характеръ: крестоносцы шли за добычей, и т. п. Современныя войны служатъ экономическимъ интересамъ буржуазіи. Борьба Италіи, Піемонта, за освобожденіе отъ австрійскаго ига началась съ того, что Австрія въ 1848 году обложила пошлиною піемонтскія вина. Великое національное движеніе съ 1859 года послужило интересамъ капитала, хотя начало его и напугало биржу, на которой каждый успѣхъ итальянскаго объединенія отражался пониженіемъ. Очевидно, и при этомъ объясненіи Лоріа приходится призывать на помощь *безсознательное*, олицетворять *классъ* капиталистовъ, который смотритъ на дѣло проницательнѣе всѣхъ капиталистовъ, облеченныхъ плотью и кровью. Въ одномъ мѣстѣ своей книги Лоріа прямо и говоритъ, что наука есть философія безсознательнаго (*La science est la philosophie de l'inconscient*). Приведу еще одинъ примѣръ, которымъ пользуется Лоріа для историческаго оправданія своей теоріи. Что такое,—спрашиваетъ онъ,—нигилистическое движеніе въ Россіи, какъ не возмущеніе соединившагося съ пролетаріатомъ капиталистическаго дохода противъ власти, основанной на патріархальной и коллективной собственности? Это объясненіе, необходимое для Лоріа въ интересахъ его теоріи, такъ странно, что едва ли нуждается въ опроверженіи. По мнѣнію Лоріа, въ нашихъ земствахъ преобладаетъ капиталистическая аристократія. Извѣстно, наоборотъ, что въ громадномъ большинствѣ земствъ преобладало дворянское землевладѣніе.

Для Лоріа всѣ неэкономическія формы общественнаго строя являются необходимымъ послѣдствіемъ экономическихъ отношеній, несущественною

надстройкой надъ основами этихъ отношеній или ихъ опредѣленнымъ выраженіемъ. Законы могутъ облегчать до извѣстной степени роковые экономическіе процессы, ускорять ихъ или замедлять нѣсколько, но самостоятельнымъ историческимъ факторомъ они не могутъ быть. То же самое должно быть сказано о формахъ политической жизни, о нравственности, объ идеяхъ и идеалахъ. Соціальные законы, необходимые и ненарушимые,— пишетъ Лоріа,— имѣютъ первоисточникомъ экономическіе факторы. Только съ принятіемъ этой точки зрѣнія можетъ быть создана, полагаетъ авторъ *Экономическихъ основаній общественнаго строя*, точная наука объ обществѣ— соціологія.

Теорія Лоріа, при появленіи перваго изданія его книги, вызвала серьезныя возраженія. Лоріа старается опровергнуть ихъ въ новомъ изданіи своего сочиненія, но это далеко не всегда ему удается. Я остановлюсь сначала на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ и натяжкахъ, которыхъ не мало въ разсужденіи даровитаго итальянскаго мыслителя.

Утвержденіе Лоріа, что религія и мораль всегда служатъ интересамъ господствующаго класса, предполагаетъ или сознательный обманъ со стороны творцовъ религіозныхъ и нравственныхъ системъ, или же руководящую роль *безсознательнаго*, о которомъ я уже упоминалъ,— безсознательнаго, всегда безошибочно дѣйствующаго на пользу господствующаго класса. И то, и другое предположенія отличаются одинаковою неосновательностью. Наука не знаетъ такого *безсознательнаго*. Ученіе Христа прозвучало вопреки интересамъ господствовавшаго класса собственниковъ. Лоріа признаетъ существованіе *возвышенныхъ принциповъ* и *возвышенныхъ чувствъ*. Съ другой стороны, по его мнѣнію, только систематическое искаженіе эгоизма могло привести народныя массы къ повиновенію (стр. 395): религія и мораль убѣждали народъ признавать за его интересы то, что служило на пользу собственниковъ. Но если это такъ, то рѣшающимъ факторомъ являются психическіе мотивы и средства: это они сохраняютъ данный строй экономическихъ отношеній. Самъ Лоріа признаетъ значеніе психологическихъ мотивовъ, упоминая о томъ, что Рикардо предполагаетъ за налогомъ на наслѣдство и за прогрессивнымъ подоходнымъ одинаковую задерживающую силу по отношенію къ накопленію богатства. Лоріа замѣчаетъ по этому поводу, что значенія психологическихъ основаній невозможно опредѣлить. Это, возразимъ мы, другой вопросъ, рѣшеніе котораго, кромѣ того, преждевременно. Важно именно существованіе психическихъ факторовъ. Я сошлюсь при этомъ на новѣйшія психологическія изслѣдованія, на обширный трудъ извѣстнаго французскаго мыслителя Фуилье: *Психологія идей-сил*. Фуилье говоритъ (и доказываетъ), что наше сознаніе, бывшее первоначально только свидѣтелемъ борьбы идей, становится главною силой, руководящею подборомъ идей, становится силою творческой *).

---

*) *Alfred Fouillée:* „La psychologie des idées-forces". Paris, 1893. T. I, стр. 29.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги, въ примѣчаніи на стр. 297, Лоріа пишетъ: «Чернышевскій (въ *Письмахъ безъ адреса*) утверждаетъ, что Крымская война могущественно содѣйствовала освобожденію крѣпостныхъ въ Россіи, потому что, въ общественномъ мнѣніи, причиною пораженія была господствовавшая феодальная (?) система. Мнѣ кажется, однако,— прибавляетъ Лоріа,— что, *рядомъ съ этимъ чисто-психологическимъ вліяніемъ*, должно было быть экономическое вліяніе, поскольку произведенное войною разрушеніе капитала сдѣлало болѣе чувствительными границы, опредѣляемыя производству крѣпостническою экономіей и болѣе неотложною необходимость ея уничтоженія».

Но, вѣдь, въ этомъ и все дѣло: если психологическіе факторы стоятъ *рядомъ съ экономическими*, то падаетъ вся теорія объясненія исторіи *исключительно экономическими* причинами. Лоріа вынужденъ признавать иногда направляющую роль того, что онъ называетъ иллюзіями, т.-е. сознанія, идей и идеаловъ. Я упоминалъ уже о томъ, что, по его мнѣнію, внѣшняя политика государства рабовладѣльцевъ опредѣляется не экономическими мотивами, идетъ даже въ прямой ущербъ экономическимъ интересамъ господствующаго класса. Непроизводительные работники всегда, будто бы, поддерживавшіе интересы капитала противъ народа, извращавшіе, путемъ религіи, нравственныхъ теорій и права, правильное пониманіе народныхъ интересовъ, могутъ и руководить народомъ, просвѣщать его, въ истинномъ смыслѣ слова. Тогда,— продолжаетъ Лоріа,— всеобщая подача голосовъ дозволитъ бѣднымъ классамъ имѣть представителей, соотвѣтствующихъ ихъ интересамъ и стремленіямъ (стр. 356). Въ другомъ мѣстѣ Лоріа считаетъ вполнѣ справедливымъ мнѣніе одного писателя, который говоритъ, что большинство народа, получивши право издавать законы, воспользуется этимъ въ своихъ интересахъ. И въ явномъ противорѣчіи съ этими утвержденіями Лоріа пишетъ, что всеобщая подача голосовъ ничего не значитъ, что депутаты отъ рабочихъ ни малѣйшимъ образомъ не затрогиваютъ интересовъ буржуазіи. Всѣмъ, однако, извѣстно, какъ противилась буржуазія введенію всеобщей подачи голосовъ въ Бельгіи, какъ въ наши дни энергично выступаетъ противъ нея буржуазія въ Австріи. По мнѣнію Лоріа, факты опровергнули мысль Лассаля который считалъ введеніе всеобщей подачи голосовъ достаточнымъ, чтобы разрушить монополію собственности. По моему мнѣнію, факты подтверждаютъ взглядъ Лассаля. Слѣдуетъ только помнить, что для знаменитаго агитатора всеобщая подача голосовъ является средствомъ для достиженія народныхъ цѣлей, по мѣрѣ того, какъ онѣ сознательно ставятся и усвояются народомъ. Опять впадая въ противорѣчіе, Лоріа сообщаетъ *), что въ 1837 году въ Англіи право подачи голоса было распространено на фермеровъ, и, притомъ, они были поставлены въ независимое положеніе благодаря тайной баллотировкѣ. Сейчасъ же,— прибавляетъ Лоріа,— политическая сила класса фермеровъ увеличилась и они начали энергическую аги-

*) *Les bases économiques* etc., p. 178 (второе примѣчаніе).

тацію, чтобы добиться вознагражденія за земельныя улучшенія. Это ли не доказательство великаго значенія учрежденій?

Желая доказать, что политическія формы отражаютъ существующее распредѣленіе дохода, Лоріа прибѣгаетъ къ натяжкамъ и къ положительно невѣрнымъ утвержденіямъ. Онъ думаетъ, что двойственность дохода (рента и прибыль съ капитала) опредѣлитъ демократическую форму правленія, единство его, при малочисленности собственниковъ (земельныхъ или движимаго капитала), создастъ аристократическое правленіе, а при многочисленности ихъ — абсолютную монархію. Въ доказательство приводится іюльская монархія: столкновеніе между крупною поземельною собственностью и крупною промышленностью повело, будто бы, къ установленію демократическаго строя; между тѣмъ, іюльская монархія есть по преимуществу буржуазная, въ которой представительство опредѣлялось имущественнымъ цензомъ.

Въ книгѣ Лоріа мы находимъ, однако, и краснорѣчивую страницу, написанную въ доказательство большаго и плодотворнаго значенія представительныхъ учрежденій. Парламентская форма,—говоритъ онъ *),—даетъ возможность созданія такихъ соціальныхъ законовъ, которые не согласуются съ строгимъ экономическимъ интересомъ господствующаго класса: нравственное электричество, развивающееся при встрѣчѣ людей, возбуждаетъ великодушные порывы и благодѣтельныя восторженныя настроенія; публичность и торжественность парламентскихъ засѣданій дѣлаетъ невозможнымъ открытое проявленіе экономическаго эгоизма. Мы видимъ поэтому, что собранія, составленныя изъ людей съ эгоистическими стремленіями, приходятъ иногда къ альтруистическимъ постановленіямъ.

Лоріа, какъ я замѣтилъ въ началѣ статьи, не отступаетъ передъ крайними выводами изъ основныхъ положеній его теоріи. Онъ не затрудняется, напримѣръ, объяснять Варѳоломеевскую ночь исключительно враждою къ гугенотской аристократіи католической буржуазіи или государства, поддержаннаго (sic) этою буржуазіей. Трактатъ, при такихъ условіяхъ, отличается стройностью своихъ частей. Вполнѣ ясна и основная мысль Лоріа о значеніи экономическихъ отношеній. Но не все ясно для меня въ философскомъ міропониманіи автора. Онъ говоритъ, что капиталистическая собственность можетъ развиваться только при помощи необузданнаго хищническаго эгоизма. Мораль, которая внушается этимъ эгоизмомъ, благословляетъ и освящаетъ его, не только удовлетворяетъ интересу класса собственниковъ, но является, вмѣстѣ съ тѣмъ, *теоретическимъ выраженіемъ высшихъ интересовъ цивилизаціи, по отношенію къ которымъ капиталистическій эгоизмъ служитъ только слѣпымъ орудіемъ* **). Правила, сдерживающія эгоизмъ мужчины по отношенію къ женщинѣ,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ книги—,должны быть наложены господствующему полу ***).

---

*) *Les bases économiques*, стр. 199.

**) Ibid., стр. 50.

***) Ibid., стр. 31.

Кѣмъ же?—спросимъ мы. Что это за таинственная сила, которая творитъ цивилизацію, двигаетъ ее къ высшимъ интересамъ путемъ вѣроломства и жестокости, причемъ цѣли эти разумѣетъ только сама роковая сила, а люди и не догадываются о дѣйствительномъ значеніи историческаго процесса?

И, тѣмъ не менѣе, Лоріа утверждаетъ, что его теорія вовсе не ведетъ къ фатализму, что она, наоборотъ, стремится *абсолютно его исключить и замѣнить разумнымъ творчествомъ человѣка* *). Но какъ же можно исключить фатализмъ и водворить раціонализмъ, отрицая за мыслью самостоятельное значеніе, считая ее игрушкой роковыхъ силъ, безсознательнаго процесса? Въ томъ же сочиненіи намъ говорятъ (стр. 210), что при Кампальвино, Монтеаперти и Леньяно противники сражались за торжество императора или папы. Необходимая иллюзія,—замѣчаетъ Лоріа,—только возвышенный идеалъ могъ послать на смерть молодыхъ людей, которымъ жизнь улыбалась. Въ дѣйствительности невидимый и неизвѣстный геній, руководившій войною, не сходилъ съ небесъ, а выходилъ *изъ адской пропасти* экономическихъ интересовъ.

Эта адская пропасть и этотъ незнаемый геній выходятъ изъ предѣловъ научнаго объясненія общественныхъ явленій.

Никто не отрицаетъ вліянія экономическихъ отношеній и на нравственный, и на общественный строй, — вліянія, которое можетъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже главнымъ, но которое никогда не является исключительнымъ и единственнымъ. Первоначально-производные факторы — наука, идеи—становятся могущественными причинами цѣлесообразныхъ измѣненій въ экономическомъ и общественномъ строѣ, причемъ и цѣль, и средства опредѣляются все болѣе и болѣе просвѣщающимся народнымъ самосознаніемъ. Юристы, въ частности, вовсе не такіе закоренѣлые противники народныхъ интересовъ, какъ это съ легкимъ сердцемъ утверждаетъ Лоріа, трудъ котораго вообще характеризуется односторонностью и излишнею категоричностью сужденій. По моему мнѣнію, напримѣръ, неправильно и то утвержденіе итальянскаго ученаго, по которому наше время отличается абсолютнымъ политическимъ атомизмомъ. Существованіе дисциплинированныхъ политическихъ партій является опроверженіемъ этого мнѣнія.

То же самое можно сказать и по поводу другого утвержденія Лоріа. Право,—говоритъ онъ,—зависитъ исключительно отъ экономической структуры и абсолютно (опять абсолютно!) не зависитъ отъ національнаго характера **). По нашему мнѣнію, наоборотъ, нельзя допустить такой абсолютной независимости: если существуютъ опредѣленныя особенности націо-

*) „Loin de conclure au fatalisme, notre théorie tend, au contraire, à l'exclure olument pour lui substituer l'oeuvre rationelle de l'homme, laquelle, seule peut pêcher ou mitiger les dechirements, autrement inévitables, de la transformation ·iale" (*Les bases écon.*, стр. 418).

**) *Les bases économiques*, стр. 89.

нальнаго характера, то, при непрерывной связи всѣхъ общественныхъ явленій, эти особенности не могутъ не отражаться, прямо или косвенно, и на юридическихъ нормахъ, въ области, наприм., семейнаго или государственнаго права.

Лоріа приводитъ въ доказательство безсилія законодателя идти противъ господствующаго экономическаго строя освобожденіе рабовъ, совершонное бразильскимъ императоромъ Донъ-Педро: коалиція рабовладѣльцевъ и военныхъ,—говоритъ онъ,—низвергла реформатора съ престола. Лоріа забываетъ при этомъ, что реформа, все-таки, совершилась. Не мѣшало бы вспомнить и освобожденіе крестьянъ въ Россіи.

Не безъ удивленія приходится послѣ всего сказаннаго прочесть слѣдующія строки въ изслѣдованіи объ *Экономическихъ основаніяхъ общественнаго строя*: «Если бы законодательство было безсильно измѣнять экономическія отношенія, т.-е. еслибъ эти послѣднія были непремѣнно (irrévocablement) опредѣлены естественными законами, то собственники не имѣли бы никакого побужденія обезпечивать себѣ политическую монополію, потому что классы несобственниковъ, если бы даже они владѣли отправленіемъ законодательства, не были бы въ состояніи внести никакого измѣненія въ общественный порядокъ» *). Это справедливо, но только не согласуется, по моему мнѣнію, съ основными положеніями теоріи экономическаго матеріализма. Изъ приведеннаго утвержденія вытекаетъ, что, овладѣвши политическою властью, можно измѣнять экономическій строй. Самъ Лоріа приходитъ къ противуположному, однако, заключенію; онъ полагаетъ, что теорія экономическаго основанія политическаго строя наноситъ смертельный ударъ теоріи, по которой государство является результатомъ договора. Въ противорѣчіе съ приведеннымъ утвержденіемъ о значеніи законодательства, Лоріа черезъ нѣсколько страницъ говоритъ слѣдующее: не въ волѣ гражданъ источникъ жизни государства и не во власти класса, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ, опрокинуть государство; послѣднее опирается на гранитныя основанія естественной необходимости и существуетъ, какъ бы ни были сильны и энергичны нападенія класса, который остается исключеннымъ изъ политическаго управленія. Гранитныя основанія, о которыхъ говоритъ Лоріа, дѣло рукъ человѣческихъ. Если въ рядѣ вѣковъ они складывались при слабомъ блескѣ сознанія, то въ настоящее время это уже анахронизмъ. Договорнаго государства въ глубокой древности не существовало; но Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты созданы договоромъ и въ жизни всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, какъ и въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, договорное начало играетъ все возрастающую роль. Возражая Тарду и Саландра, Лоріа утверждаетъ, что не вѣрованія и идеи вообще являются факторами исторіи, но лишь вѣрованія и идеи господствующихъ классовъ, собственниковъ. Это смѣлое утвержденіе опровергается самимъ Лоріа, который признаетъ, что при помощи *нет*

*) *Les bases économiques*, стр. 362.

изводительныхъ работниковъ, каковъ, напримѣръ, самъ авторъ *Экономическихъ основаній общественнаго строя*, масса несобственниковъ приходитъ къ отчетливому пониманію своихъ интересовъ. Разъ такое пониманіе явилось, явится солидарность рабочихъ, народная партія, которая путемъ всеобщей подачи голосовъ постепенно пріобрѣтетъ рѣшающее значеніе въ парламентской жизни.

Справедливости нѣтъ,—говоритъ Лоріа,—даже исторической, относительной: справедливо въ каждую данную эпоху лишь то, что идетъ на пользу господствующему классу. Нѣтъ,—возразимъ мы,—наука и философская мысль не напрасно изучали нормальныя и ненормальныя отношенія людей другъ къ другу и далеко не безполезно пытались установить истинныя нормы и создать высокіе идеалы. Самъ Лоріа говоритъ о *священныхъ* лаврахъ тѣхъ героевъ, которые достигли освобожденія Италіи (стр. 317); что же въ его устахъ означаетъ слово *священный?* Неужели лишь то, что было выгодно итальянскимъ банкирамъ и промышленникамъ? Нѣтъ, основныя правила личнаго поведенія и общественныхъ отношеній могутъ уже быть формулированы съ достаточною опредѣленностью и совершенно не зависятъ отъ интересовъ господствующихъ классовъ (капиталистовъ). Требованія уважать человѣческое достоинство, обезпечить свободу мысли и слова, создать порядки, благопріятные для всесторонняго развитія личности,—не иллюзіи, не отраженіе экономическихъ отношеній, а могущественные уже теперь факторы общественной эволюціи. Идеи,—говоритъ одинъ изъ противниковъ теоріи Лоріа, Тардъ,—проникаютъ въ умы; они овладѣваютъ даже притѣснителями и обновляютъ лицо земли. Нѣтъ,—восклицаетъ Саландра,—на Голгоѳѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ кончилъ жизнь Сократъ, повелѣвали не экономическіе мотивы! Истинное научное изслѣдованіе, скажу я въ заключеніе, не умаляетъ, а увеличиваетъ безпредѣльно значеніе человѣческаго духа, какъ историческаго фактора, значеніе тѣхъ формъ общественной жизни, въ основу которыхъ положены идеи гуманности и справедливости.

В. Гольцевъ.

Очерки провинціальной жизни.

Въ концѣ сентября текущаго года происходилъ въ Саратовѣ областной сельско-хозяйственный съѣздъ, обсуждавшій сельско-хозяйственныя нужды юго-восточнаго края. Въ составъ съѣзда входили губерніи: Самарская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Саратовская, Астраханская, Уфимская, Оренбургская, Донская и Уральская области. Отсюда видны интересы какого огромнаго пространства Европейской Россіи представляли собою лица, съѣхавшіяся на съѣздъ. Въ съѣздѣ могли принять участіе «члены сельско-хозяйственныхъ обществъ, а также и лица, практически или теоретически знакомыя съ сельскимъ хозяйствомъ». Правомъ этимъ воспользовалось до *ста* человѣкъ. Мѣсяца за три до съѣзда распорядительное его бюро разослало по земскимъ управамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ приглашенія и программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Наиболѣе общій вопросъ программы просилъ отвѣта на важнѣйшую злобу дня, а именно: «Какія причины повліяли на пониженіе доходности сельско-хозяйственнаго промысла въ юго-восточномъ краѣ за послѣдніе годы. Въ какой степени упадокъ здѣсь сельскаго хозяйства зависѣлъ отъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ условій, а также отъ истощенія почвы, нераціональной обработки ея, низкихъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, вслѣдствіе перепроизводства ихъ или вслѣдствіе недостатковъ въ организаціи ихъ сбыта и т. д. Какія мѣры могутъ послужить къ упорядоченію мѣстнаго сельскаго хозяйства». Программа сопровождалась объяснительною запискою, въ которой излагались причины, побудившія просить правительство разрѣшенія съѣзда. Объяснительная записка эта заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. «Хроническій кризисъ, — говорится въ запискѣ, — ярко обнаружившійся во время неурожая 1891 го а, обратилъ вниманіе сельскихъ хозяевъ на причины экономическаго упа ка юго-восточнаго края. Очевидно, что прогрессъ сельскаго хозяйства, ро ъ урожайности и доходности земли далеко не поспѣваютъ ни за приросто ъ населенія, ни за развитіемъ его потребностей. Достигшая крайней степ ни задолженность землевладѣльцевъ и крестьянъ, массовыя переселенія зем ельческаго населенія изъ юго-восточныхъ губерній, и безъ того не го го

заселенныхъ, служатъ наглядными доказательствомъ этой мысли. Ухудшеніе за послѣднее время климатическихъ условій района и пониженіе естественной производительности почвы, по мнѣнію многихъ компетентныхъ хозяевъ, не подлежатъ сомнѣнію. Прогрессивный ростъ населенія при крайне медленномъ улучшеніи, а иногда и при полномъ застоѣ техники сельско-хозяйственнаго промысла, вызвали усиленный спросъ на пахотныя земли. Распашка юго-восточныхъ степей была непосредственнымъ результатомъ этого усиленнаго спроса. Естественная кормовая для скота площадь земли сократилась до ничтожныхъ размѣровъ. Такая культура вела къ истощенію производительности земли и сокращенію скотоводства, а недостатокъ и грубость кормовыхъ средствъ дѣлали нерѣдко безплодными всѣ попытки улучшить качества мѣстнаго скота. Вырубка лѣсовъ и распашка степей не остались безъ вліянія на снѣжный покровъ полей, на быстрый ростъ овраговъ, на обмеленіе рѣкъ и на пониженіе уровня грунтовыхъ водъ».

Все это привело къ неурожаю 1891 года, и общество, наконецъ, «не только поняло, но и осязательно почувствовало, что Россія есть страна земледѣльческая, и что ея земледѣліе нуждается въ покровительствѣ и вниманіи болѣе, чѣмъ какая-либо иная отрасль промышленной и торговой дѣятельности».

Таковы мотивы, которые заставили саратовское общество сельскаго хозяйства ходатайствовать предъ правительствомъ о созывѣ областного сельско-хозяйственнаго съѣзда въ г. Саратовѣ. То сочувствіе, какое съѣздъ встрѣтилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, позволяетъ надѣяться, что труды его будутъ имѣть не только теоретическій интересъ, но и могутъ послужить матеріаломъ для правительственныхъ предначертаній, направленныхъ къ устраненію важнѣйшихъ невзгодъ нашего сельскаго хозяйства.

Что говоритъ въ *Запискѣ* саратовское общество сельскаго хозяйства, то самое говорили за послѣднее время всѣ компетентные и безпристрастные люди. И это единодушіе въ пониманіи причинъ земледѣльческаго кризиса съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что положеніе дѣлъ достаточно выяснено.

Люди науки и люди опыта одинаково согласны, что переживаемый Россіей земледѣльческій кризисъ не есть явленіе временное, а вошло оно уже въ стадію *хроническую;* и, безъ радикальнаго измѣненія въ положеніи дѣлъ, мы всегда должны быть готовы къ повторенію такихъ же страшныхъ неурожаевъ, какимъ былъ неурожай 1891 года. И причина такого анти-культурнаго, вполнѣ необезпеченнаго, существованія страны заключается въ томъ, что производительность земли стала отставать отъ роста населенія. Населеніе ростетъ, увеличивается запросъ на размѣръ пищи, а земледѣльческія улучшенія происходятъ урывками, кое-гдѣ, въ цѣломъ же наблюдается полный застой техники сельско-хозяйственнаго промысла. Чтобы достать хлѣба, приходится болѣе и болѣе распахивать землю и тѣмъ самымъ уменьшать кормовую площадь для скота. Вслѣдствіе этого, количество скота уменьшается. Уменьшается, слѣдовательно, количество удобренія

и, въ то же время, приходится ограничиваться тѣми земледѣльческими орудіями, которыя хоть и плохо вспахиваютъ землю, но за то не требуютъ значительныхъ силъ рабочаго скота. Оба эти обстоятельства ведутъ къ уменьшенію производительности почвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезмѣрная распашка земли не остается безъ вліянія на обмеленіе рѣкъ и на пониженіе уровня грунтовыхъ водъ. Прогрессирующій ростъ этихъ явленій вызывался также и другою причиной, а именно происходившимъ со времени отмѣны крѣпостного права поистинѣ хищническимъ истребленіемъ лѣсовъ. Хозяева-практики дружно свидѣтельствуютъ, что засухи въ послѣднее время стали и чаще, и продолжительнѣе. Такимъ образомъ, соціальныя условія повліяли и на ухудшеніе физическихъ условій земледѣльческаго промысла.

Вотъ въ немногихъ словахъ картина сельско-хозяйственнаго промысла въ нашемъ отечествѣ. Положеніе дѣлъ, какъ видитъ читатель, очень серьезно. Не даромъ оно получило названіе «кризиса». А отъ кризиса, какъ извѣстно, или излечиваются, или умираютъ. И какъ только распространилось въ обществѣ пониманіе, къ какому неустойчивому экономическому положенію пришли мы,—а распространилось оно, къ сожалѣнію, лишь подъ вліяніемъ страшнаго 1891 года,—то понятно, что надъ судьбами земледѣлія задумались.

И вотъ, благодаря такому положенію дѣлъ, саратовское общество сельскаго хозяйства получило разрѣшеніе на созваніе съѣзда сельскихъ хозяевъ отъ девяти губерній и двухъ областей.

Какъ видитъ читатель, задача съѣзда была чрезвычайно важная. Онъ долженъ былъ высказаться о «хроническомъ» ухудшеніи того промысла, которымъ живетъ до *ста* милліоновъ населенія Россіи, отъ котораго зависитъ процвѣтаніе промышленности и торговли, отъ котораго зависятъ и государственные финансы. Онъ долженъ былъ отвѣтить на вопросъ: «Какія мѣры могутъ послужить къ упорядоченію сельскаго хозяйства?»

Я убѣжденъ, что читатель съ необычайнымъ интересомъ приступаетъ къ чтенію дальнѣйшихъ строкъ. Несомнѣнно, онъ очень заинтересованъ узнать, что сказалъ съѣздъ? Какія мѣры предложены съѣздомъ къ упорядоченію экономическаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ?

Но, прежде чѣмъ удовлетворять этотъ интересъ читателя, я прошу у него позволенія сдѣлать небольшое предварительное замѣчаніе.

Я боюсь, что, при чтеніи отчета о дѣятельности съѣзда, читатель будетъ нѣсколько разочарованъ; дѣятельность съѣзда представится ему блѣдною сравнительно съ громадною важностью поставленной ему задачи. Меня же характеръ съѣзда значительно удовлетворяетъ. И удовлетворяетъ онъ меня значительно потому, что я не забываю условій времени и мѣста. Думаю, что если и читатель приметъ во вниманіе это обстоятельство, онъ отнесется къ дѣятельности съѣзда съ точки зрѣнія *относительнаго*, а не абсолютнаго требованія, и тогда, по справедливости, станетъ менѣе взыскательнымъ.

Сдѣлавъ такое предварительное замѣчаніе, переходимъ къ изложенію важнѣйшихъ вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ.

Имѣется два рода причинъ, обусловливающихъ успѣшность земледѣльческаго промысла: причины физическія и причины экономическія, причемъ, какъ извѣстно, между ними нерѣдко происходитъ довольно сильное взаимодѣйствіе. Естественно, что на съѣздѣ обсуждались оба вида причинъ *).

Наиболѣе полный рефератъ объ ухудшеніи климатическихъ условій юго-восточнаго края былъ прочитанъ землевладѣльцемъ А. В. Михайловымъ. Климатическія условія,—говорилъ г. Михайловъ въ своемъ рефератѣ,—ухудшились настолько, что сдѣлалось невозможно вести сельское хозяйство безубыточно въ томъ самомъ краѣ, гдѣ еще недавно жилось такъ привольно и такъ богато. За послѣднія 30 лѣтъ многое измѣнилось. По берегамъ р. Дона росшіе лѣса замѣнились песчаными барханами, напоминающими барханы средне-азіатскихъ степей. Муромскіе и другіе знаменитые прежде великорусскіе лѣса отошли въ область преданій. Наша красавица Волга лишилась своихъ дѣвственныхъ покрововъ и обнажена съ головы до ногъ. Наши дивныя, ни съ чѣмъ несравнимыя украинскія степи распаханы до послѣднихъ предѣловъ. Такому же хищничеству подверглись безъ исключенія всѣ необозримыя степныя пространства, отдѣлявшія насъ когда-то отъ прикаспійскихъ пустынь Средней Азіи. Измѣненіе физическаго вида страны отразилось на климатѣ. Лишившись внутреннихъ лѣсовъ, за неимѣніемъ горъ и внутреннихъ морей, мы лишились одновременно атмосферной влаги. Воздухъ сталъ суше, дожди стали рѣдки, росы исчезли, а съ самой ранней весны прикаспійскіе пески, раскаленные солнцемъ, безпрепятственно несутся къ намъ чрезъ открытыя природныя ворота, между Каспіемъ и Уральскимъ Сыртомъ, въ видѣ горячихъ пыльныхъ урагановъ, производя губительное дѣйствіе на наши молодые всходы. Легкія почвы уносятся ими цѣлыми десятинами вмѣстѣ съ задѣланными уже сѣменами, подкошенная чечевица и горохъ уносятся въ пространство изъ глазъ недоумѣвающаго хозяина; только что созрѣвшія нивы буквально вымолачиваются на корню, оставляя владѣльцу одну пустую солому. Вслѣдъ за горячими ураганами въ разрѣженную атмосферу прикаспійскихъ широтъ идетъ съ сѣвера ледяная струя, которая часто завершается морозомъ. Зимнія вьюги, не встрѣчая преграды, уносятъ съ полей почти весь выпадающій снѣгъ. И вотъ хищническая вырубка лѣсовъ повела, въ концѣ-концовъ, къ тому, что кругомъ насъ все стало сохнуть—высыхаютъ ручьи, высыхаютъ озера, высыхаютъ рѣки и, наконецъ, стали сохнуть наши послѣдніе лѣса. Отсутствіе подпочвенной воды, полная засуха въ самый необходимый лѣтній періодъ роста хлѣбовъ, палящіе, пыльно-знойные вѣтры, несвоевременные морозы ставятъ нынѣ каждаго сельскаго хозяина въ невозможныя условія.

Такой порядокъ вещей грозитъ намъ страшными опасностями. «Я глубоко убѣжденъ,—говорилъ г. Михайловъ,—что всѣ наши юго-восточныя

*) Подробные отчеты о дебатахъ, происходившихъ на саратовскомъ съѣздѣ, печатались въ двухъ мѣстныхъ газетахъ: *Саратовскомъ Дневникѣ* и *Саратовскомъ Листкѣ*. Отчеты эти и послужили намъ матеріаломъ для настоящей статьи.

окраины наканунѣ превращенія въ западныя окраины средне-азіатскихъ степей и весь нашъ юго-восточный край рискуетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ изъ прежней житницы имперіи сдѣлаться страною непригодною для всякой культуры».

Для улучшенія климатическихъ условій юго-восточнаго края г. Михайловъ рекомендуетъ:

1) задержаніе снѣга и снѣговой воды въ лѣсахъ и поляхъ.
2) перепрудку овраговъ и ихъ облѣсеніе;
3) засадку хворостомъ прибрежныхъ песчаныхъ полосъ;
4) закрѣпленіе летучихъ песчаныхъ бархановъ путемъ облѣсенія;
5) прекращеніе усиленной рубки лѣсовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ;
6) строгія мѣры къ охраненію лѣсовъ всего Поволжья;
7) облѣсеніе береговъ Урала;
8) ограниченіе правъ собственности землевладѣнія въ интересахъ исключительно государственныхъ.

Послѣдній тезисъ былъ разъясненъ г. Михайловымъ по поводу сдѣланнаго ему запроса: на чей счетъ должны производиться рекомендуемыя имъ работы по обводненію, облѣсенію и др.? Референтъ отвѣчалъ, что онъ имѣлъ въ виду ходатайство о томъ, чтобъ эти мѣры были признаны обязательными, и вводиться онѣ должны на счетъ владѣльца земли, кромѣ работъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, которыя правительство должно принять на свой счетъ.

Рефератъ г. Михайлова вызвалъ продолжительныя и живыя пренія. Въ нихъ, между прочимъ, было высказано, что еще болѣе сильною, чѣмъ измѣненіе климатическихъ условій, причиной упадка матеріальнаго благосостоянія юго-восточнаго края является ухудшеніе почвенныхъ условій; и далѣе, что нѣкоторыя изъ рекомендуемыхъ въ рефератѣ мѣръ слѣдуетъ признать общегосударственными, тѣмъ болѣе, что само министерство государственныхъ имуществъ въ настоящее время предполагаетъ организовать особую комиссію для изслѣдованія главныхъ рѣкъ; въ этомъ случаѣ указанія областного съѣзда будутъ имѣть большое практическое значеніе. Въ результатѣ преній, съѣздъ призналъ себя солидарнымъ съ первыми четырьмя и съ шестымъ пунктами рекомендуемыхъ въ рефератѣ мѣръ. Что же касается предложенія ходатайствовать о прекращеніи усиленной рубки лѣсовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ силу того, что этими лѣсами центральная и южная Россія защищается отъ полярныхъ вѣтровъ, то съѣздъ не согласился на это, такъ какъ выяснилось, что въ сѣверныхъ губерніяхъ обиліе лѣса вредитъ интересамъ сельскаго хозяйства, а хлопотать о своихъ интересахъ на счетъ интересовъ сѣверныхъ губерній не слѣдуетъ. Отвергнуто было съѣздомъ также предложеніе объ ограниченіи правъ земельной собственности. Предложеніе референта объ облѣсеніи береговъ Урала отъ Орска до Каспійскаго моря вызвало возраженіе профессора лѣснаго института Костычева, доказывавшаго, что возможность и значеніе такого лѣсоразведенія еще не выяснены. Съѣздъ постановилъ ходатайство-

вать объ изслѣдованіи этого вопроса и о принятіи мѣръ къ возможному ослабленію вліянія изсушающихъ вѣтровъ на юго-восточный край.

Два засѣданія съѣзда почти цѣликомъ были посвящены слушанію докладовъ и преніямъ по вопросамъ объ орошеніи и обводненіи. Доклады начались съ обширнаго сообщенія ген.-лейт. Жилинскаго о дѣятельности находящейся подъ его начальствомъ экспедиціи, учрежденной еще въ 1880 году для производства предварительныхъ изслѣдованій и работъ по орошенію на югѣ Россіи. Не передавая всѣхъ подробностей о ходѣ работъ экспедиціи, отмѣтимъ лишь сообщенныя ген. Жилинскимъ данныя о вліяніи оросительныхъ сооруженій на возвышеніе урожайности и доходности земли. Наиболѣе блестящіе результаты получены на казенномъ валуйскомъ участкѣ въ Новоузенскомъ у., Самарской губ. Прежде этотъ участокъ сдавался крестьянамъ въ аренду рубля по 2—4 за десятину; теперь же доходъ казны достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 16 руб. съ десятины. Съ устройствомъ оросительныхъ сооруженій десятина стала давать отъ 70 до 100 пуд. пшеницы, а на сосѣднихъ крестьянскихъ земляхъ сборъ съ десятины колебался между 5 и 30 пуд. Въ среднемъ за трехлѣтіе 90—93 гг. чистый доходъ съ десятины составилъ болѣе 32 руб.; въ 93 году онъ былъ почти такой же. Въ настоящее время экспедиція намѣрена приступить къ устройству опытныхъ станцій на казенныхъ участкахъ въ губерніяхъ: Саратовской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской. Въ заключеніе ген. Жилинскій заявилъ, что всѣ мѣры министерства государственныхъ имуществъ направлены къ тому, чтобы возможно скорѣе развить дѣло орошенія, особенно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; съ этою цѣлью министерство рѣшило производить безвозмездно предварительныя изысканія и работы на частныхъ земляхъ, собственники которыхъ заявятъ свое желаніе на это.

Затѣмъ прочитаны были доклады по орошенію гг. Ролланда, Губина, Малоховца и Лутохина, разсматривавшіе техническую сторону дѣла. Въ результатѣ обсужденія вопроса г. Губинымъ былъ поставленъ такой тезисъ: можетъ ли пагубное вліяніе сухихъ юго-восточныхъ вѣтровъ на растительность юго-восточнаго края быть ослаблено устройствомъ ирригаціонныхъ сооруженій въ самыхъ широкихъ размѣрахъ между Волгою и восточною границей Оренбургской губерніи? Послѣ долгихъ преній по вопросамъ о томъ, можно ли возбуждать ходатайства объ устройствѣ ирригаціонныхъ сооруженій въ Астраханской и Оренбургской губ., можетъ ли эта мѣра повліять на юго-восточный край, и въ какой именно степени, съѣздъ пришелъ къ общему заключенію, что орошеніе и обводненіе составляетъ дѣло первостепенной государственной важности и настоящую потребность для сельскаго хозяйства юго-восточнаго края, причемъ съѣздомъ было выражено желаніе, чтобы правительство обратило скорѣйшее вниманіе на обводненіе, какъ на мѣру болѣе важную.

Обводненіе, орошеніе, облѣсеніе—вотъ тѣ важнѣйшія мѣры, которыя пр знаетъ съѣздъ безусловно необходимыми для борьбы съ неблагопріят-

ными для сельскаго хозяйства физическими условіями. Обсудивъ это дѣло, съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію соціальныхъ причинъ упадка земледѣлія въ юго-восточномъ краѣ. Въ числѣ такихъ причинъ указаны были: огромная задолженность хозяйства, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго, малоземелье, плохая обработка почвы, плохое состояніе живого инвентаря, малое развитіе, а то и полное отсутствіе внѣземледѣльческихъ промысловъ, отсутствіе кредита для крестьянъ. Къ чести съѣзда надо сказать, что на разстройство крестьянскаго хозяйства было обращено имъ не меньшее вниманіе, какъ и на трудныя условія веденія хозяйства помѣщичьяго. Одинъ изъ энергичнѣйшихъ выяснителей на съѣздѣ тяжелой обстановки крестьянскаго хозяйства былъ податной инспекторъ Е. А. Ганейзеръ. Важнѣйшими изъ причинъ, оказывающихъ гибельное вліяніе на крестьянское хозяйство, г. Ганейзеръ признавалъ малоземелье, плохое состояніе живого инвентаря, чрезмѣрныя подати и отсутствіе организаціи мелкаго кредита. Для иллюстраціи важной роли, какую эти обстоятельства играютъ въ дѣлѣ экономическаго упадка населенія, онъ привелъ свѣдѣнія о числѣ безземельныхъ и безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ въ Саратовской губерніи. Оказывается, что изъ 400 тысячъ крестьянскихъ дворовъ, числившихся въ Саратовской губерніи, 20,115 не имѣютъ вовсе надѣла и около 50 тыс. имѣютъ до $2^1/_2$ дес. надѣльной земли. Такимъ образомъ, болѣе 70 тыс. или около $^1/_6$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ губерніи находятся въ положеніи крайне неустойчивомъ. Далѣе, въ Саратовской губерніи дворовъ безъ рабочаго скота насчитывается до 36 тыс., безъ всякого скота—39 тыс., съ 1 штукою скота—37 тыс. дворовъ,—всего, значитъ, около 112 тыс. дворовъ не могутъ вести самостоятельнаго хозяйства. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ обремененіи крестьянства платежами, г. Ганейзеръ привелъ поразительныя данныя о размѣрахъ обложенія 1 десятины крестьянской земли въ нѣкоторыхъ волостяхъ Саратовскаго уѣзда. Такъ, количество всякаго рода платежей, приходящееся на 1 десятину въ елшанскомъ обществѣ Елшанской волости, достигаетъ 11 руб. 28 коп.; въ сосѣднихъ обществахъ цифра эта равна 10 руб. 35 коп., 10 р. 74 к., 12 р. и т. д. Картина очень печальная. Понятно, что при такихъ условіяхъ,—продолжалъ г. Ганейзеръ,—не можетъ процвѣтать сельское хозяйство. Съѣздъ долженъ возможно болѣе оттѣнить эти вопіющія нужды крестьянскаго хозяйства и ходатайствовать предъ правительствомъ: 1) объ устраненіи малоземелья путемъ переселеній на свободныя земли; 2) объ уменьшеніи платежей, обременяющихъ землю; 3) объ организаціи дешеваго кредита, а также меліоративнаго кредита.

Заявленіе г. Ганейзера подало поводъ къ продолжительнымъ прениямъ.

Г. Миропольскій (фабричный инспекторъ Воронеж. фабр. округа) высказался въ томъ смыслѣ, что кореннымъ средствомъ выйти изъ теперешняго труднаго экономическаго положенія является увеличеніе покупной способности русскаго крестьянства. Крестьянинъ составляетъ основу нашего

экономическаго строя: если онъ богатъ,—всѣ богаты. Въ настоящее время изъ Россіи вывозится за границу слишкомъ много хлѣба, такъ что внутри страны его остается количество, недостаточное для хорошаго питанія. Заботиться о развитіи внѣшней торговли, какъ это многіе рекомендуютъ, значитъ ухудшать, а не улучшать экономическое положеніе населенія и сельскаго хозяйства. Необходимо всѣ силы направлять къ тому, чтобы увеличить покупную способность населенія, создать широкій внутренній рынокъ для сбыта произведеній русской промышленности. Если крестьяне станутъ хорошо питаться, хорошо одѣваться и обуваться, станутъ жить въ удобныхъ домахъ и т. д.,—словомъ, если всѣ элементарныя потребности ихъ будутъ удовлетворяться надлежащимъ образомъ, тогда намъ не потребуется хлопотать о пріобрѣтеніи внѣшнихъ рынковъ, незачѣмъ будетъ хлопотать о покровительственныхъ пошлинахъ; тогда наша промышленность, опираясь на внутренній рынокъ, получитъ громадное развитіе. Для достиженія этой-то главной цѣли до сихъ поръ ничего не сдѣлано, тогда какъ о разнаго рода палліативахъ, вродѣ подъѣздныхъ путей и т. д., у насъ очень много заботятся. Земская статистика констатировала фактъ малоземелья, безземелья и безлошадности среди крестьянъ, и до сихъ поръ не принято серьезныхъ мѣръ къ устраненію этого зла, свидѣтельствующаго о крайнемъ экономическомъ упадкѣ населенія. Между тѣмъ, малоземелье легко уничтожить,—въ Россіи масса свободныхъ земель, куда могутъ переселяться крестьяне изъ густонаселенныхъ мѣстностей. Точно также не трудно организовать и кредитъ, чтобъ избавить крестьянство отъ вынужденной продажи своихъ продуктовъ по низкимъ цѣнамъ.

В. А. Фурдуевъ (управляющій отдѣленіемъ дворянскаго банка въ Саратовѣ) развивалъ мысль, что для достиженія указанной г. Миропольскимъ цѣли крайне важно развитіе, на ряду съ земледѣліемъ, кустарныхъ, внѣземледѣльческихъ промысловъ. Нашъ крестьянинъ занятъ только шесть мѣсяцевъ въ году—въ теченіе сезона земледѣльческихъ работъ; остальные шесть мѣсяцевъ пропадаютъ непроизводительно, ибо кустарные промыслы распространены далеко не вездѣ.

Ту же мысль развивалъ г. Харизоменовъ. Мы много хлопотали,—говорилъ онъ,—о развитіи внутренней обрабатывающей промышленности, но шли по ложному пути, стараясь оградить нашу фабричную промышленность отъ конкурренціи иностранной индустріи. Рынокъ и доходъ нашимъ фабрикантамъ этимъ дѣйствительно обезпечивались, но за то у нихъ не было стимула, который побуждалъ бы ихъ слѣдить за всѣми усовершенствованіями производства въ Западной Европѣ и вводить ихъ у себя. А, между тѣмъ, вся тяжесть протекціонной системы ложилась на земледѣльца. Если бы былъ открытъ свободный доступъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, то, съ одной стороны, наша промышленность получила бы сильный толчокъ, благодаря конкурренціи, а съ другой—населеніе стало бы пріобрѣтать болѣе дешевые продукты. Но самая важная задача государства и общества въ дѣлѣ развитія обрабатывающей промышленности заклю-

чается въ способствованіи къ упорядоченію и преуспѣянію кустарныхъ промысловъ, которые, при теперешнихъ условіяхъ, неизбѣжно попадаютъ подъ власть капитала.

Наше счастье, — добавилъ къ этому г. Мирополькій, — что народъ у насъ любитъ земледѣліе, привязанъ къ землѣ. Фабричная промышленность, это—страшное зло. Проработавъ часть жизни на фабрикѣ, рабочій становится у насъ никуда уже негоднымъ,—это я знаю по личному опыту, въ качествѣ фабричнаго инспектора.

По обсужденіи экономическихъ вопросовъ, съѣздомъ единогласно были приняты слѣдующія постановленія.

Признавая, что малоземелье является одною изъ главныхъ причинъ экономическаго упадка крестьянскаго населенія, съѣздъ высказывается за скорѣйшее урегулированіе переселенія и разселенія крестьянъ на свободныя и удобныя земли.

Съѣздъ признаетъ необходимымъ уменьшеніе платежей, обременяющихъ землю, въ виду несоотвѣтствія ихъ съ ея доходностью.

Съѣздъ признаетъ необходимою организацію дешеваго земледѣльческаго кредита вообще и въ частности меліоративнаго кредита.

Разсмотрѣвъ экономическія причины разстройства земледѣльческаго промысла, съѣздъ перешелъ къ обсужденію состоянія сельско-хозяйственнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Почти всѣ ораторы,—а ихъ было не мало, — признавали крайнюю недостаточность сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній какъ въ средѣ землевладѣльцевъ, такъ и въ средѣ крестьянства, и причину этого явленія видѣли въ ничтожномъ количествѣ сельско-хозяйныхъ школъ. Поэтому наше сельское хозяйство находится въ очень незавидныхъ условіяхъ не только въ экономическомъ, но даже и въ техническомъ отношеніи. Урожай находится въ зависимости отъ погоды, нашъ сельскій хозяинъ является игрушкою въ рукахъ природы. Недостатокъ техническихъ знаній даетъ себя знать на каждомъ шагу. Проф. Костычевъ сообщилъ, что видалъ много имѣній, гдѣ на разнаго рода хозяйственныя улучшенія тратятся значительныя суммы и, все-таки, дѣло идетъ очень плохо. Между тѣмъ, при гораздо меньшихъ затратахъ, хозяйство могло бы идти успѣшнѣе, если бы владѣльцы знали, что дѣлается кругомъ нихъ и какія усовершенствованія имъ слѣдуетъ примѣнять. О крестьянствѣ въ этомъ отношеніи и говорить нечего; оно получаетъ образованіе недостаточное даже въ смыслѣ грамотности; рѣдкій изъ крестьянъ въ состояніи читать даже самыя популярныя книги. Между тѣмъ, прежніе способы хозяйства, возникшіе при обиліи нераспаханной земли, теперь устарѣли, перестали удовлетворять новымъ потребностямъ въ болѣе тщательной обработкѣ почвы. Хозяева сознаютъ необходимость измѣненія старыхъ методовъ производства, но, не имѣя передъ собою примѣровъ, не знаютъ, что же имъ дѣлать теперь, какъ обращаться съ землею? Несомнѣнно, что наше сельское хозяйство находится теперь въ переходномъ состояніи. А потому въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ покрыть Россію об-

широкою сѣтью сельско-хозяйственныхъ школъ съ нѣсколькими высшими учебными заведеніями во главѣ. Необходимость нѣсколькихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ защищалъ, между прочимъ, г. Фурдуевъ тѣми соображеніями, что хозяину нужно, прежде всего, ознакомиться съ естественными условіями, при которыхъ ему приходится вести хозяйство, т.-е. съ природными условіями мѣстности, надо изучить законы природы. Такія знанія можетъ дать только высшее агрономическое училище. Но, такъ какъ Россія очень обширна и отличается большимъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій, то высшее сельско-хозяйственное образованіе должно быть децентрализовано и приноровлено къ условіямъ различныхъ мѣстностей. Г. Стефановскій указалъ, что преподавателями въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ могутъ быть только лица, окончившія курсъ въ высшихъ агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ, а чтобы получить достаточный контингентъ такихъ преподавателей, необходимо имѣть нѣсколько высшихъ агрономическихъ институтовъ.

Г. Михайловъ, не отрицая пользы распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, совершенно справедливо замѣтилъ, что никакія знанія не помогутъ крестьянству встать на ноги, если не будетъ измѣнено его экономическое положеніе. При современномъ положеніи крестьянства, оно не можетъ примѣнять къ дѣлу даже имѣющіяся у него свѣдѣнія, не можетъ вводить улучшеній — по бѣдности, по недостатку пастбищъ для скота и многимъ другимъ причинамъ.

Результатомъ обсужденія этого вопроса было постановленіе съѣзда, «что одною изъ многихъ причинъ упадка сельскаго хозяйства служитъ недостатокъ сельско-хозяйственныхъ знаній, а потому съѣздъ считаетъ крайне необходимымъ возможное увеличеніе числа низшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и учрежденіе нѣсколькихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній».

Другою цѣлесообразною мѣрой для распространенія агрономическаго образованія съѣздъ призналъ раздѣленіе Россіи на сельско-хозяйственные округи, обнимающіе мѣстности съ одинаковыми естественными и экономическими условіями. Теперь на сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ,—говорилось по этому предмету,—присутствуютъ хозяева изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей, являясь представителями различныхъ нуждъ, создаваемыхъ различными мѣстными условіями, а потому они не всегда могутъ относиться съ полнымъ интересомъ къ сообщеніямъ другъ друга. При раздѣленіи же Россіи на округи съ одинаковыми условіями, на областные сельско-хозяйственные съѣзды станутъ являться лица съ нуждами вполнѣ одинаковыми, съ одинаковыми интересами и однороднымъ опытомъ. При такихъ условіяхъ дѣятельность съѣздовъ будетъ гораздо болѣе плодотворна. Точно также цѣлесообразно будетъ и устройство въ каждомъ округѣ учебныхъ фермъ, которыя служили бы образцомъ для мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя бы были пріурочены къ мѣстнымъ условіямъ и приготовляли бы лицъ, хорошо знакомыхъ съ хозяй-

ствомъ данной мѣстности, чего нельзя достигнуть теперь, когда одна школа приходится на нѣсколько разнородныхъ мѣстностей; вслѣдствіе этого, образованіе носитъ менѣе интензивный характеръ.

Таковы были, въ главныхъ чертахъ, сужденія съѣзда о причинахъ бѣственнаго положенія сельско-хозяйственнаго промысла и о мѣрахъ къ поправленію дѣлъ. На съѣздѣ не было сомнѣнія въ томъ, что только цѣлая совокупность мѣръ, одновременно и энергично принятыхъ правительствомъ, можетъ привести земледѣліе къ нормальному, устойчивому положенію. Но если даже это и свершится, то, все-таки, послѣдствія такой новой и благопріятной для страны экономической политики не обнаружатся немедленно, для сколько-нибудь существеннаго измѣненія въ судьбахъ земледѣльческаго промысла потребуется время. Между тѣмъ, неурожаи, обнимающіе большій или меньшій районъ, стали обычнымъ явленіемъ въ Россіи. Огромная масса сельскаго населенія крайне обѣднѣла, она не имѣетъ никакихъ запасовъ, а потому неурожаи ставятъ ее въ самое критическое положеніе. Населенію, постигнутому неурожаемъ, необходимо оказывать немедленную помощь, чтобы оно не умерло съ голоду, а, между тѣмъ, дѣйствующая продовольственная система не въ состояніи исполнить свое назначеніе, не въ состояніи оказать помощь населенію, разъ неурожай выразился въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Дѣло это громадной важности и надо сказать, что съѣздъ отнесся къ нему съ подобающимъ вниманіемъ.

Со времени неурожая 1891 года, обнаружившаго полную несостоятельность дѣйствующей нынѣ продовольственной системы, печать, земства и правительство были весьма озабочены дѣломъ реформы продовольственной системы. Постепенно выяснилось, что самое правильное было бы примѣнить къ продовольственному дѣлу принципъ страхованія. Отвѣчая на злобу дня, явился обстоятельный трудъ члена казанскаго окружного суда, г. Грасса, примѣнившаго страховой принципъ къ продовольственному дѣлу въ Россіи. Трудъ г. Грасса разсматривается теперь въ правительственныхъ сферахъ и вызываетъ тамъ большое къ себѣ сочувствіе. Саратовское общество сельскаго хозяйства пригласило г. Грасса принять участіе въ областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ въ числѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда, будетъ разсматриваться также и проектъ реформы продовольственной системы.

Проектъ г. Грасса вызвалъ на съѣздѣ весьма оживленныя пренія, которыя заняли нѣсколько засѣданій. Постараемся вкратцѣ изложить суть дебатовъ, происходившихъ на съѣздѣ по этому предмету.

Никто изъ членовъ съѣзда не отрицалъ полной раціональности, при нормальномъ положеніи дѣлъ, примѣненія къ продовольственной системѣ принципа страхованія. Но высказывались сомнѣнія въ возможности успѣшнаго примѣненія его при настоящемъ, крайне разстроенномъ состояніи крестьянскаго хозяйства. Указывали, что мѣра эта очень хороша, когда несчастія составляютъ исключеніе, а не явленіе обычное. Нельзя, — говорилъ г. Юматовъ, — страховать домъ, который горитъ каждый годъ. Наше кре-

янское хозяйство находится именно въ положеніи этого дома, который постоянно истребляется пожаромъ,—оно дошло до такого состоянія, что неурожаи стали обычнымъ, регулярнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, страхованіе посѣвовъ оказывается вещью невозможною, если только теперешнія земельныя отношенія не будутъ измѣнены. При крѣпостномъ правѣ и въ первое время послѣ уничтоженія его крестьяне такъ много засѣвали земли, что случайный неурожай они всегда могли переживать безъ посторонней помощи. Но потомъ земельныя отношенія стали измѣняться и при неурожаѣ потребовались для крестьянъ продовольственныя ссуды. Съ 1880 г., когда цѣны на хлѣбъ страшно поднялись, помѣщики увеличили площадь своихъ посѣвовъ, обзавелись своимъ мертвымъ и живымъ инвентаремъ; для крестьянъ земли стало мало, спросъ на ихъ трудъ тоже сталъ ничтожный. Надѣльной земли у крестьянъ всегда было мало, а съ приростомъ населенія безземелье даетъ себя чувствовать все сильнѣе. Значитъ, бѣдствіе крестьянъ не случайное, а хроническое; при такихъ условіяхъ никакое страхованіе не выдержитъ, такъ какъ каждый годъ, все-таки, очень многихъ крестьянъ придется кормить. Помочь дѣлу возможно не страхованіемъ посѣвовъ, а измѣненіемъ земельныхъ отношеній. Для поднятія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ требуются болѣе дѣйствительныя мѣры, чѣмъ страхованіе; требуется, прежде всего, организація въ широкихъ размѣрахъ переселеній.

Г. Яблонскій доказывалъ, что крестьянское хозяйство до такой степени упало, что разнаго рода палліативы, — а проектъ г. Грасса относится къ числу палліативовъ, къ которымъ стали прибѣгать подъ вліяніемъ бѣдствій послѣдняго времени, — не принесутъ существенной пользы. Къ 1884 г., когда производилось земское статистическое изслѣдованіе въ Тамбовской губерніи, безлошадныхъ и безземельныхъ крестьянъ насчитывалось тамъ 33%; число необезпеченныхъ земледѣльцевъ достигаетъ тамъ поразительныхъ размѣровъ; смертность среди крестьянъ гораздо выше, чѣмъ среди городскихъ сословій. Страхованіемъ посѣвовъ отъ неурожая нельзя помочь этому злу; крестьянское хозяйство до такой степени разстроено и лишено устойчивости, что пришлось бы застраховывать не только посѣвы, а все хозяйство. Нужно, слѣдовательно, болѣе радикальное средство—улучшеніе всего хозяйственнаго быта крестьянъ. Страхованіе посѣвовъ можно еще признавать пригоднымъ для обезпеченія крестьянъ отъ голода, но отнюдь не для поднятія крестьянскаго хозяйства.

Далѣе, высказывалось сомнѣніе, въ состояніи ли будутъ крестьяне уплачивать страховую премію. При настоящемъ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія,—говорилъ г. Ганейзеръ,—нельзя и думать о новыхъ платежахъ. Одного продовольственнаго долга лежитъ на крестьянахъ 300 милліоновъ рублей, не считая казенныхъ и частныхъ долговъ, которые тоже достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Крестьянство не въ силахъ расплатиться ни съ этими долгами, ни уплачивать полностью уже существующія подати,—что же будетъ, если возложить на него новую тягость? Бу-

детъ то, что недоимки еще болѣе возростутъ, и въ первый же неурожайный годъ придется опять принимать исключительныя мѣры, чтобы прокормить народъ. Съ крестьянскаго хозяйства нечего больше взять. Крестьянство нуждается въ помощи извнѣ—само себѣ оно не въ силахъ помочь. Введеніе страхованія посѣвовъ весьма желательно, но лишь послѣ того, какъ улучшено будетъ крестьянское хозяйство.

По поводу этихъ разсужденій гласный саратовскаго губернскаго земства Д. А. Столыпинъ заявилъ, что онъ испытываетъ большое нравственное удовлетвореніе, принимая участіе въ съѣздѣ, который «вышелъ на широкую столбовую дорогу», вступилъ на твердую почву, всталъ на настоящую точку зрѣнія, ребромъ поставивши вопросъ объ улучшеніи всего сельскаго хозяйства. Съ этой именно точки зрѣнія и нужно разсматривать всѣ представленные въ бюро доклады, — только въ такомъ случаѣ и можетъ быть плодотворною дѣятельность съѣзда. Такая точка зрѣнія основывается не на квасномъ народничествѣ,—замѣтилъ г. Столыпинъ, — мы должны заботиться о крестьянскомъ благосостояніи изъ эгоизма, въ своихъ собственныхъ интересахъ. Крестьянство—нашъ главный потребитель. Съ возвышеніемъ уровня его матеріальнаго благосостоянія намъ незачѣмъ будетъ искать внѣшнихъ рынковъ, незачѣмъ будетъ вести таможенныя войны. Не только въ сферѣ потребленія, но и въ сферѣ производства мы заинтересованы въ искорененіи крестьянской бѣдности, ибо нигдѣ намъ нельзя обойтись безъ многомилліоннаго крестьянства. Между тѣмъ, покупная способность этого въ высшей степени важнаго для насъ сословія окончательно упала. О поднятіи-то ея и слѣдуетъ, прежде всего, позаботиться. Это самая неотложная наша нужда. Страхованіе посѣвовъ не можетъ достигнуть этой цѣли.

Послѣ рѣчи Д. А. Столыпина, г. Галкинъ, крестьянинъ Тамбовской губерніи, замѣтилъ, что крестьяне рады бы работать, да бѣда въ томъ, что какъ только мужикъ «подшибется» въ своемъ хозяйствѣ, такъ ему никто и земли-то въ аренду не даетъ. Надо сердечнѣе относиться къ бѣдняку и сообща помочь ему.

Далѣе, нѣкоторые члены съѣзда высказали мысль, что если страхованіе посѣвовъ и можетъ возымѣть правильное дѣйствіе, если государству не придется выдавать страховую премію изъ общаго бюджета, не придется кормить народъ, то лишь при условіи распространенія обязательности страхованія на всѣ земли, а не на однѣ лишь крестьянскія, какъ это, по циркулирующимъ слухамъ, предполагается сдѣлать. Распространяя обязательное страхованіе посѣвовъ на всѣ земли, возможно будетъ понизить размѣръ страховой преміи и тѣмъ увеличить шансы на уплату ея крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такая организація и справедливѣе, потому что очень много владѣльческихъ земель находится въ арендѣ у крестьянъ, а при страхованіи всѣхъ посѣвовъ землевладѣльцы получатъ гарантію въ уплатѣ аренды.

Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на это дѣло г. Столыпинъ. «Меня,—

залъ онъ,—смущаетъ принципіальный вопросъ объ *обязательномъ* страхованіи для однихъ лишь крестьянъ. Сколько же времени мы будемъ опекать крестьянъ? Когда же, наконецъ, крестьянство станетъ свободно и самостоятельно? Если страхованіе посѣвовъ полезно, то одинаково полезно оно должно быть для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, безотносительно къ сословіямъ ихъ. Я по принципу, какъ культурный человѣкъ, не могу согласиться на такія исключенія для одного крестьянскаго сословія. Это должно быть координальнымъ вопросомъ нашего съѣзда. Когда же мы поставимъ крестьянъ въ равноправное съ нами положеніе? Откровенность—прежде всего. Я обращаюсь съ вопросомъ къ гг. дворянамъ: примутъ ли они для своего сословія *обязательное* страхованіе посѣвовъ? Намъ, культурнымъ представителямъ сельскаго хозяйства, пора открыто высказаться, что крестьянъ необходимо поставить въ равноправное съ нами положеніе».

Ту же мысль защищалъ г. Фроловъ. «Если,—говорилъ онъ,—правительство находитъ *обязательное* страхованіе посѣвовъ полезнымъ, если оно считаетъ умѣстнымъ примѣненіе здѣсь принципа принужденія, то принужденіе должно коснуться всѣхъ землевладѣльцевъ, а не однихъ крестьянъ. Принципъ раздѣленія сословій крайне нежелателенъ».

Много рѣчей было произнесено также въ защиту осуществимости, и при настоящихъ условіяхъ, обязательнаго страхованія посѣвовъ. Но при этомъ на съѣздѣ высказывалось, что введеніе страхованія посѣвовъ можно поручить только мѣстнымъ людямъ, представителямъ самихъ страхователей, которые одни знаютъ мѣстныя условія. Землевладѣлецъ г. Ровинскій привелъ параллель между саратовскою и астраханскою губерніями по примѣненію закона 3 іюня 1879 года объ убиваніи чумнаго скота. Въ Саратовской губ., гдѣ эта мѣра проведена была земствомъ, получились блестящіе результаты, а въ Астраханской, гдѣ земскихъ учрежденій нѣтъ, примѣненіе той же самой благодѣтельной мѣры имѣло своимъ послѣдствіемъ полное разореніе населенія губерніи. По этимъ соображеніямъ г. Ровинскій высказался за то, что страхованіе посѣвовъ можно вводить лишь при томъ условіи, если все дѣло поручено будетъ мѣстнымъ людямъ.

Затѣмъ, съѣздомъ были формулированы и приняты слѣдующія постановленія:

Страхованіе посѣвовъ отъ неурожаевъ, отъ чего бы они ни произошли, признано желательнымъ; оно должно быть государственнымъ, а не частнымъ; должно состоять въ вѣдѣніи земства или другихъ общественныхъ учрежденій; оно должно быть обязательнымъ для всей площади засѣваемой земли, безъ различія землевладѣнія; желательно введеніе добровольнаго страхованія по спеціальной оцѣнкѣ, причемъ лица, страхующія по добровольному страхованію, избавляются отъ обязательнаго; прежде утвержденія закона о страхованіи, проектъ его необходимо опубликовать и передать на обсужденіе мѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

И такъ, съѣздъ большинствомъ 27 голосовъ противъ 24 призналъ желательнымъ введеніе обязательнаго государственнаго страхованія посѣвовъ

отъ неурожая *для всей площади земли* независимо отъ личности владѣльцевъ. Въ виду такого постановленія, два члена съѣзда, гг. Кривскій и Киндяковъ, подали предсѣдателю *особое мнѣніе*, въ которомъ объясняли, что они не соглашаются съ вышеприведеннымъ постановленіемъ съѣзда, ибо распространеніе обязательнаго страхованія посѣвовъ на частновладѣльческія земли ляжетъ тяжелымъ и непосильнымъ бременемъ на землевладѣльцевъ; далѣе оно является нарушеніемъ принциповъ справедливости, которые должны лежать въ основѣ общественнаго строя; наконецъ, дѣлая такое постановленіе, съѣздъ вступилъ на путь самой широкой благотворительности, ничего общаго съ сельско-хозяйственными вопросами не имѣющей. Такое особое мнѣніе гг. Кривскаго и Киндякова основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: уровень крестьянскаго хозяйства ниже частновладѣльческаго, урожайность крестьянскихъ земель гораздо ниже владѣльческихъ; у крестьянъ очень часто оказывается огромный недоборъ хлѣба; у крупныхъ же владѣльцевъ недоборъ представляетъ исключительное явленіе, и потому крупные землевладѣльцы будутъ получать страховую премію лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, вызванныхъ какими-нибудь экстренными бѣдствіями (напримѣръ, когда хлѣбъ будетъ побитъ градомъ и пр.). Благодаря всему этому, очень многія деревни съ перваго же года по введеніи обязательнаго государственнаго страхованія посѣвовъ отъ неурожая сдѣлаются государственными пансіонерами на счетъ крупныхъ землевладѣльцевъ. По словамъ гг. Кривскаго и Киндякова, съѣздъ мотивировалъ свое рѣшеніе по данному вопросу необходимостью всѣмъ классамъ населенія придти на помощь отечеству, которому грозитъ экономическое банкротство, и при этомъ обнаружилъ стремленіе къ проведенію въ жизнь идей «государственнаго соціализма».

По поводу этого заявленія въ засѣданіи 2 октября была прочитана записка пяти членовъ съѣзда: гг. Львова, Харизоменова, Фролова, Губина и Фурдуева, въ которой опровергаются воззрѣнія, высказанныя гг. Кривскимъ и Киндяковымъ. Названные пять членовъ слѣдующимъ образомъ разъясняютъ смыслъ постановленія съѣзда 24 сентября.

Мнѣніе, будто обязательное государственное страхованіе посѣвовъ отъ неурожая, распространенное на всѣ земли Русскаго государства, поведетъ къ обложенію частнаго землевладѣнія въ пользу крестьянъ, основано на недостаточномъ знакомствѣ съ проектомъ г. Грасса. Г. Грассъ, согласно общимъ экономическо-страховымъ принципамъ, проводитъ взглядъ, что всякій страхователь долженъ быть обложенъ страховою преміей равномѣрно и долженъ получать отъ страхованія посѣвовъ выгоду. Общій для всей Россіи тарифъ совсѣмъ не предполагается вводить; тарифъ долженъ измѣняться сообразно съ урожайностью каждой данной мѣстности, по количеству взносовъ и по количеству принимаемаго на страхъ урожая. Для страхованія ржи, напримѣръ, проектируется образовать изъ 494 уѣздовъ пять районовъ, и страховые взносы для каждаго изъ этихъ районовъ будутъ различны,—отъ 34 коп. за страхованіе 27 пудовъ урожая съ каждой

десятины до 1 р. 12 коп. Но такое уравненіе районовъ въ отношеніи тарифовъ не ставитъ жителей одного и того же района въ одинаковое положеніе. Районы разбиваются на группы, въ которыхъ страховымъ взносомъ обезпечивается большее или меньшее количество урожая, смотря по высотѣ земледѣльческой культуры,—именно отъ 27 до 50 пудовъ съ десятины. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ Л. І. Грассъ: «Сохраняя и при обязательномъ страхованіи общій экономическо-страховой принципъ индивидуализаціи объектовъ страхованія, мы, по необходимости, должны придти къ тому, что страхователи, владѣющіе худшими землями и хуже обработанными, будутъ обезпечены только сѣменами и продовольствіемъ, между тѣмъ какъ владѣльцы лучшихъ земель или относительно лучше обработанныхъ могутъ всегда разсчитывать при неурожаѣ на страховое вознагражденіе, дающее имъ возможность не только прокормиться, но и уплатить подати и возмѣстить необходимые оборотные расходы на улучшеніе своего хозяйства».

Обращаясь въ частности къ земледѣльческимъ посѣвамъ, авторы записки объясняютъ, что при страхованіи ихъ будутъ примѣняться тѣ же самые общіе принципы, и, слѣдовательно, тарифъ, выведенный на основаніи урожайности крестьянскихъ земель, не будетъ прилагаться къ землямъ частновладѣльческимъ. Если крестьяне данной мѣстности за 60 коп. страхуютъ 27 пуд. урожая съ десятины, то землевладѣльцы будутъ страховать за тѣ же 60 коп. 40—50 пуд., въ зависимости отъ средней урожайности ихъ земель и колебанія урожаевъ на нихъ. Наконецъ, для имѣній, которыя находятся въ исключительныхъ условіяхъ, урожайность которыхъ много превышаетъ обычный въ данной мѣстности размѣръ урожая, будетъ по проекту существовать страхованіе по спеціальному тарифу. И такъ, государственное страхованіе посѣвовъ отъ неурожая будетъ обезпечивать крестьянину, урожайность земли котораго ниже владѣльческой, только средства для прокормленія себя и скота и для обсѣмененія полей, а землевладѣльцу дастъ оборотныя средства для веденія хозяйства и возможность раздѣлаться съ долгами. *Обязательное* страхованіе предполагается ввести въ тѣхъ видахъ, чтобы эта важная и полезная мѣра не осталась благимъ пожеланіемъ, а перешла въ дѣйствительную жизнь. Безъ требованія обязательности страхованіе по необходимости было бы чрезвычайно высоко, а, слѣдовательно, и недоступно.

Вотъ каковы,— заключаютъ авторы,— основанія, на которыя опирается постановленіе съѣзда объ обязательномъ страхованіи посѣвовъ для всей з ѣваемой площади безъ различія землевладѣнія.

Высказавшись противъ раздѣленія сословій въ дѣлѣ страхованія по с вовъ, съѣздъ защищалъ то же начало безсословности и въ вопросѣ объ о щественныхъ запашкахъ. Введеніе обязательныхъ общественныхъ запа п къ на крестьянскихъ земляхъ было предметомъ доклада архангельскаго г бернатора А. П. Энгельгардта. Въ своемъ докладѣ г. Энгельгардтъ о новился на организаціи общественныхъ запашекъ въ связи съ обяза-

тельнымъ государственнымъ страхованіемъ посѣвовъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. По мнѣнію докладчика, учрежденіе общественныхъ запашекъ вполнѣ обезпечитъ страховому учрежденію безнедоимочное поступленіе страховыхъ платежей. Подъ общественныя запашки г. Энгельгардтъ рекомендовалъ отводить $^1/_{23}$ часть всей площади крестьянскаго посѣва къ одному мѣсту или въ каждомъ полѣ особо, и сборъ съ этихъ запашекъ поступаетъ въ уплату страховыхъ платежей. Общественныя запашки вводятся по доброй волѣ сельскихъ обществъ, при согласіи $^2/_3$ домохозяевъ, но, въ случаѣ накопленія на обществѣ страховыхъ недоимокъ, уѣздному земскому собранію предоставляется право обязательнаго введенія запашки въ обществѣ; такое постановленіе должно быть утверждено губернскимъ земскимъ собраніемъ. Общій надзоръ за устройствомъ общественныхъ запашекъ и веденіемъ дѣла возлагается на уѣздныя земскія учрежденія, при ближайшемъ содѣйствіи земскихъ начальниковъ.

По поводу этого доклада г. Столыпинъ предлагалъ съѣзду принципіально высказаться противъ общественныхъ запашекъ, круговой поруки и тому подобныхъ исключеній для крестьянскаго сословія. «Мы всѣ знакомы,— говорилъ онъ,— съ исторіей общественныхъ запашекъ и знаемъ, что въ глазахъ крестьянъ попытки наши въ этомъ родѣ воскрешаютъ въ ихъ памяти порядки барщины, возвратъ къ наихудшей системѣ хозяйства. Пора положить конецъ тому, чтобы ставить крестьянство въ положеніе опекаемаго сословія, не слѣдуетъ возвращаться къ старому».

Помимо политическихъ соображеній, съѣздъ высказался противъ обязательныхъ для крестьянъ общественныхъ запашекъ и по соображеніямъ хозяйственнымъ. На это г. Ермоловъ, земскій начальникъ въ Самарской губерніи, замѣтилъ, что, можетъ быть, было бы желательно введеніе общественныхъ запашекъ, но не въ формѣ личной обработки земли всѣми членами общины, а въ формѣ наемной обработки всей площади общественныхъ запашекъ. «Теперь,—продолжаетъ онъ,— съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, крестьянская жизнь значительно упорядочилась, и значеніе начальника благодѣтельно воздѣйствуетъ на крестьянское населеніе, даже въ сферѣ сельско-хозяйственной дѣятельности его».

Г. Фроловъ отвѣтилъ, что саратовское земство интересовалось вопросомъ объ общественныхъ запашкахъ и лѣтъ 15 тому назадъ предприняло спеціальное экспедиціонное изслѣдованіе о пользѣ общественныхъ запашекъ и объ отношеніи къ нимъ крестьянъ. Оказалось, что обработка земли, при общественныхъ запашкахъ, дурная, урожаи низкіе, сами крестьяне относятся къ общественнымъ запашкамъ отрицательно.

Г. Ермоловъ возражаетъ, что эта справка не имѣетъ теперь значенія, такъ какъ, съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ, наша деревня переродилась, и земскій начальникъ является хозяиномъ всякаго крестьянскаго дѣла. На это г. Фроловъ отвѣчаетъ, что крестьянская экономическая жизнь не такъ проста, чтобы къ ней можно было примѣнять выраженіе: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ; она имѣетъ свои традиціи, устои, исторіи и

ломать ее не слѣдуетъ, такъ что *хозяйничать* пришлому человѣку среди крестьянъ непозволительно. Съ этой точки зрѣнія онъ, г. Фроловъ, и привелъ историческую справку объ общественныхъ запашкахъ.

Г. Ганейзеръ приводитъ фактъ по Саратовскому уѣзду: благодаря воздѣйствію на крестьянъ одной общины трехъ земскихъ начальниковъ, введена была общественная запашка; осенью посѣяли рожь, а весною положеніе посѣва было таково, что «колосъ отъ колоса — не слышно голоса». Принудительный трудъ всегда даетъ такіе результаты.

При баллотировкѣ вопроса, съѣздъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ отвергъ принудительныя общественныя запашки.

Въ нашемъ изложеніи отмѣчены всѣ важнѣйшіе общественно-экономическіе вопросы, обсуждавшіеся на съѣздѣ, и показанъ господствовавшій въ собраніи почтенный характеръ отношеній къ этимъ вопросамъ. А потому читатель пойметъ, какимъ диссонансомъ прозвучалъ докладъ одного изъ членовъ съѣзда, приписывавшій первенствующее значеніе въ дѣлѣ разоренія владѣльческихъ хозяйствъ неисполненію договоровъ со стороны рабочихъ. Отвѣтъ, данный г. Иконниковымъ на этотъ докладъ, былъ встрѣченъ собраніемъ съ большимъ сочувствіемъ. Г. Иконниковъ не отрицалъ, что существуютъ имѣнія, гдѣ рабочіе нарушаютъ договоры, но это именно такія имѣнія, гдѣ помѣщикъ пользуется стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, нанимающихся на лѣтнія работы зимою, когда имъ ѣсть бываетъ нечего, и даетъ имъ слишкомъ низкую цѣну въ сравненіи съ тою, какая устанавливается въ округѣ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ еще нѣкоторыми членами съѣзда, докладъ былъ изъятъ изъ обсужденій.

Такая же участь постигла и предложеніе землевладѣльца Бабянскаго. Г. Бабянскій, воспользовавшись приведеннымъ нами выше докладомъ г. Михайлова о трудности веденія, при настоящихъ условіяхъ, сельскаго хозяйства, рекомендовалъ немедленно отправить отъ имени съѣзда телеграмму г. министру финансовъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы были отмѣнены торги, назначенные въ октябрѣ на заложенныя дворянскія имѣнія и чтобы уплата процентовъ государственному дворянскому земельному банку была отсрочена до будущей весны. Предложеніе свое г. Бабянскій мотивировалъ тѣмъ, что теперь цѣны на хлѣбъ стоятъ очень низкія, а многія землевладѣльцы не успѣли обмолотить хлѣбъ, такъ что не могутъ ни продать, ни заложить его. Предсѣдатель съѣзда, князь Голицынъ, высказался, что предложеніе г. Бабянскаго имѣетъ сословный дворянскій характеръ, а съѣздъ не долженъ преслѣдовать сословной цѣли. Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя и предложеніе г. Бабянскаго было снято съ очереди.

На съѣздѣ имѣлъ мѣсто и такой казусъ. Землевладѣлецъ Агринскій нѣсколько разъ заявлялъ, при обсужденіи то того, то другого вопроса, что съѣздъ выходитъ изъ рамокъ разрѣшенной ему программы. Предсѣдатель просилъ г. Агринскаго предоставить ему судить о компетенціи съѣзда, тѣмъ болѣе, что только онъ является отвѣтственнымъ предъ правительствомъ лицомъ, если бы съѣздъ дѣйствительно вышелъ изъ начертанныхъ ему про-

граммой вопросовъ. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій г. Агринскій снова повторилъ такое свое заявленіе. «Мы уже привыкли отъ васъ это слышать»,—сказалъ одинъ изъ членовъ съѣзда. Въ собраніи раздался смѣхъ. Г. Агринскій заявилъ, что считаетъ себя оскорбленнымъ, и демонстративно оставилъ залу засѣданія.

При обсужденіи явленій, свидѣтельствующихъ о разстройствѣ крестьянскаго хозяйства, на съѣздѣ не разъ высказывалась мысль, что самымъ могущественнымъ средствомъ къ поднятію народнаго благосостоянія служитъ организація въ широкихъ размѣрахъ переселеній. Затѣмъ, эта мысль была выражена въ *единогласномъ* постановленіи съѣзда, слѣдующимъ образомъ формулированномъ: «Признавая, что малоземелье является одною изъ главныхъ причинъ экономическаго упадка крестьянскаго населенія, съѣздъ высказывается за скорѣйшее урегулированіе переселенія и разселенія крестьянъ на свободныя и удобныя земли». Уже однимъ этимъ постановленіемъ съѣздъ показалъ, что онъ ясно понимаетъ основныя нужды переживаемаго времени и относительную важность мѣръ къ удовлетворенію ихъ. Дѣйствительно, нѣтъ въ Россіи въ настоящее время болѣе назрѣвшей экономической потребности, какъ потребность въ организаціи государствомъ переселенческаго дѣла.

Еще тридцать лѣтъ назадъ законодательная коммиссія по крестьянской реформѣ, названная «редакціонною коммиссіей», высказала ту мысль, что недостатки дѣла освобожденія крестьянъ могутъ быть исправлены лишь организаціей переселеній. Редакціонная коммиссія, принявъ правило объ оставленіи за помѣщикомъ трети удобныхъ земель, ясно предвидѣла многочисленные черезъ то случаи земельныхъ стѣсненій для крестьянъ. Съ особенною силой стѣсненія эти должны были проявиться въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянамъ пришлось ограничиться полученіемъ такого небольшого надѣла, который ставилъ ихъ въ положеніе вполнѣ не обезпеченное. Кромѣ того, искусственная скученность населенія, порождавшаяся крѣпостнымъ правомъ, требовала такой мѣры, которая дала бы возможность крестьянамъ размѣститься сообразнѣе съ поземельными условіями нашего отечества. Такимъ средствомъ редакціонная коммиссія считала переселенія.

Условія сельской жизни, ярко обрисовавшіяся за тридцатилѣтній періодъ времени, протекшій со времени освобожденія крестьянъ, вполнѣ подтвердили взглядъ редакціонной коммиссіи, что безъ организаціи переселеній никоимъ образомъ не удастся поднять крестьянской массы. На это властно указывала сама жизнь, а потому естественно, что со времени освобожденія крестьянъ наша экономическая литература непрестанно указывала на огромную важность переселенческаго дѣла. Опираясь на богатый фактическій матеріалъ, она убѣждала, что безъ организаціи государствомъ переселеній нельзя поднять обезпеченность крестьянской массы и разселить ее сообразно съ поземельными условіями нашего отечества. О томъ

мадномъ значеніи дѣла переселеній у насъ было написано столько статей и книгъ, что, собранныя вмѣстѣ, онѣ представятъ нѣсколько десятковъ большихъ томовъ. Между тѣмъ, въ административныхъ сферахъ проявлялись по этому предмету нерѣшительность и колебанія. Правительство то склонялось къ поощренію колонизаціи, то противодѣйствовало ей; издавались даже указы о возвращеніи уже устроившихся въ Сибири переселенцевъ на родныя пепелища. Нерѣдко мотивомъ къ противодѣйствію колонизаціи выставлялось опасеніе недостатка рабочихъ рукъ для хозяйствъ, нуждающихся въ наемномъ трудѣ. Опасенія этого рода совершенно напрасны. Основываясь на статистическихъ данныхъ о переселеніи на Востокъ и въ Сибирь и принимая въ разсчетъ переселенія на Кавказъ и въ южныя губерніи, мы находимъ, что въ той трети губерній Европейской Россіи, изъ которыхъ совершаются переселенія, ежегодный приростъ сельскаго населенія составляетъ болѣе 300,000 душъ. Цифра переселенцевъ никогда не превышала 17% всего годичнаго прироста и только въ настоящій годъ достигла 33% прироста. Если бы даже переселеніе дошло до грандіознаго размѣра въ 300,000 душъ, то и тогда оно не превысило бы ежегоднаго прироста населенія, а, слѣдовательно, и не уменьшило бы числа рабочихъ рукъ, которыми располагаютъ нынѣ наши крупныя и среднія сельскія хозяйства.

Несмотря на разныя противодѣйствія, переселенія шли безостановочно съ перваго же года освобожденія народа. Въ послѣдніе же три года число переселенцевъ достигло небывалыхъ еще цифръ. Черезъ Тюмень, эту главную станцію на пути переселенческаго движенія въ Сибирь, прошло:

Въ 1885 г.	9,678	чел.
» 1886 »	11,826	»
» 1887 »	13,910	»
» 1888 »	26,129	»
» 1889 »	28,341	»
» 1890 »	39,000	»
» 1891 »	60,966	»
» 1892 »	82,000	»

И такихъ размѣровъ достигло переселеніе, несмотря на противодѣйствіе ему со стороны администраціи! Противодѣйствіе это оказываетъ много вреда. Колонизація совершалась и совершается въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, нежели въ какихъ ей надлежало быть въ виду земельныхъ условій крестьянства; а переселенцы, то стѣсняемые, то оставленные на произволъ судьбы, много выстрадали и продолжаютъ страдать какъ въ пути, такъ и по прибытіи на мѣсто. Какимъ невѣроятнымъ испытаніямъ подвергаются переселенцы въ пути, объ этомъ въ печати говорилось не разъ и, притомъ, не особенно давно напечатаны обращики изъ авторитетнаго доклада г. Ядринцева въ обществѣ для содѣйствія промышленности и торговлѣ. Достаточно вспомнить изъ этого доклада, что добрая половина переселен-

цевъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти лошадь, а потому переселенецъ покупаетъ телѣжку, складываетъ въ нее весь свой скарбъ, сажаетъ вмѣстѣ со скарбомъ дѣтей, самъ запрягается въ телѣжку и въ такомъ видѣ пускается изъ центральной Россіи въ отдаленныя мѣста Сибири. Столь же авторитетнымъ свидѣтельствомъ о тяжелыхъ условіяхъ, какими обставлено переселеніе, служитъ циркуляръ и. д. томскаго губернатора. «Не больше, какъ у сотой части передвигающихся,—говорится въ циркулярѣ,—имѣются заморенныя лошади. Питаются переселенцы исключительно подаяніемъ, и бываетъ, что цѣлая толпа ихъ прямо является къ мѣстному сельскому старостѣ, требуя ночлега и пищи». Циркуляръ обращается къ духовенству и другимъ сословіямъ съ просьбою оказать возможную помощь къ облегченію передвиженія переселенцевъ.

Накопившійся матеріалъ о крайне неудовлетворительномъ положеніи переселенческаго дѣла, а также разстройство крестьянскаго хозяйства, особенно ярко обнаружившееся въ послѣдніе два неурожайные года, побудили земство подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ. На послѣднихъ собраніяхъ нѣсколько земствъ не только возбудили ходатайства о мѣрахъ къ добровольной эмиграціи крестьянъ изъ малоземельныхъ уѣздовъ, но и предложили правительству свои услуги для урегулированія переселеній. Это, безспорно, одно изъ самыхъ важныхъ земскихъ начинаній. Активное участіе земства въ переселенческомъ дѣлѣ можетъ оказаться какъ нельзя болѣе плодотворнымъ: земства обладаютъ достаточно полными свѣдѣніями объ экономическомъ положеніи и объ особенностяхъ различныхъ частей уѣзда и могутъ съ наибольшею правильностью опредѣлить размѣры нужды въ переселеніи для каждой волости.

Установленіе правильной системы собиранія данныхъ о числѣ нуждающихся въ переселеніи составляетъ первую важнѣйшую часть эмиграціонной политики. Эта сторона дѣла лучше всего можетъ быть исполнена земствомъ. Другою, не менѣе важною составною частью переселенческой политики является указаніе мѣстъ, куда выселяющіеся могутъ направляться. Для этого необходимо произвести обширныя межевыя работы на всѣхъ земляхъ, годныхъ для колонизаціи. На эти работы, равно какъ и на помощь переселенцамъ, правительствомъ ассигновано въ этомъ году 95 тысячъ рублей. Очевидно, эта сумма далеко не находится въ соотвѣтствіи съ тою цѣлью, для которой она предназначена. Чтобы колонизаціонная политика сдѣлалась способною исцѣлить многіе недуги разстроеннаго народнаго хозяйства, чтобъ она подняла матеріальное благосостояніе крестьянства, для этого необходимо ассигновать на нее значительныя суммы. Трудно затратить нашему государству деньги болѣе плодотворно, какъ на оказаніе матеріальной помощи переселенію. Не можетъ быть займа болѣе производительнаго, чѣмъ заемъ для организаціи переселеній въ размѣрахъ, указываемыхъ самою жизнью. И это вѣрно не только съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, взятаго въ цѣломъ, но даже съ точки зрѣнія выгодъ государственнаго казначейства. Девять десятыхъ переселенцевъ

суть бѣдняки; большинство изъ нихъ — хроническіе недоимщики по прямымъ податямъ и дающіе мало косвенныхъ налоговъ. Но вотъ проходитъ немного лѣтъ послѣ переселенія, и положеніе бывшаго бѣдняка рѣшительно измѣняется. По отзыву всѣхъ нашихъ статистиковъ и этнографовъ, изучавшихъ бытъ новоселовъ, жизненный обиходъ поселенцевъ часто представляетъ картину благосостоянія, рѣшительно неизвѣстнаго въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Есть разсчеты, что каждая семья, переселившаяся на Востокъ и устроившаяся на новомъ мѣстѣ, даетъ государственному казначейству ежегодный приростъ дохода, примѣрно, на сорокъ рублей, а потому переселеніе не только наиболѣе могущественное и *самое легкое* средство для поднятія народнаго благосостоянія, но, въ то же время, одно изъ надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія финансовъ государства. Все это показываетъ, какъ необходима активная помощь правительства и общества, главнымъ образомъ, какъ по упорядоченію и урегулированію движенія,—не въ смыслѣ задержки и насильственной остановки, а предоставленія полной свободы желающимъ переселяться на новыя мѣста, не стѣсняя ихъ излишними формальностями,—такъ и оказаніемъ помощи въ дорогѣ и на мѣстахъ переселенія, знакомя ихъ съ условіями жизни той мѣстности, куда они идутъ. Межеваніе и приведеніе въ наличность свободныхъ государственныхъ земель въ Сибири, широкій кредитъ въ мѣстахъ водворенія, помощь въ дорогѣ—вотъ необходимыя мѣры, которыя должно предпринять государство, если оно не хочетъ, чтобы переселеніе, этотъ законный, исторически-необходимый актъ народной жизни, превратилось въ безпорядочное скитаніе десятковъ тысячъ русскихъ людей, влекущее за собою, при современномъ положеніи, сотни и тысячи жертвъ, безполезную трату силъ, массу лишеній и окончательное разстройство народнаго хозяйства. Тотъ капиталъ, который въ настоящее время страна затратитъ на помощь и устройство переселенцевъ, принесетъ огромную пользу и будетъ возвращенъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новѣйшія данныя о состояніи переселенческаго дѣла.— Планъ работъ по водворенію переселенцевъ.— Заимки и общинное землевладѣніе.— О размѣрахъ земельнаго надѣла для переселенцевъ.— Исполненіе государственной росписи на 1892 годъ.— Земская школа; сельскія библіотеки.—Юбилей Д. В. Григоровича.— Отъ комитета общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.— Заявленіе предсѣдателя крестецкой земской управы.—По поводу возраженія проф. Сикорскаго.— † П. И. Чайковскій.

Какъ теперь, такъ и въ теченіе длиннаго ряда предстоящихъ лѣтъ переселенческій вопросъ будетъ однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской общественной жизни. Наука и публицистика много поработали надъ выясненіемъ частностей переселенческаго дѣла. Западно-европейская и русская литература дала рядъ цѣнныхъ научныхъ трудовъ о переселеніяхъ; повременная печать популяризовала положенія, установленныя наукой; причины, вызывающія переселенческое движеніе, и выгоды, которыя оно приноситъ народному хозяйству, настолько извѣстны, что облеклись въ формулы, ставшія общими мѣстами. А на практикѣ сдѣлано мало, дабы упорядочить это движеніе и отвѣтить на законныя и настоятельныя нужды переселенцевъ.

Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ движеніе переселенцевъ въ Сибирь было еще очень незначительно. Но въ 1886 году оно дало уже довольно большую цифру—11,826 душъ, а въ 1887 году—около 14,000. Съ этого времени число переселенцевъ начинаетъ быстро возростать: въ 1888 г. ихъ было 26,129, въ 1889 г.—28,341, въ 1890 г.—39,000, въ 1891 г.—до 60,000, въ 1892 г.—болѣе 80,000. Эти цифры обнимаютъ только тѣхъ переселенцевъ, которые идутъ главнымъ путемъ—черезъ Тюмень. Но многіе проходятъ боковыми дорогами и ускользаютъ отъ регистраціи. Если принять въ разсчетъ также переселенцевъ, уходящихъ на Кавказъ и осѣдающихъ въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, наконецъ, перевозимыхъ моремъ въ Пріамурскій край, то получимъ не менѣе 100,000.

Движеніе многократно возросло, а средства, которыми можно было бы облегчить трудную долю передвигающихся, увеличились въ очень малой

пропорціи. Къ средствамъ, которыя выравниваютъ терпистый путь переселенцевъ, относятся какъ удешевленіе имъ проѣзда и устройство разнообразныхъ учрежденій, помогающихъ имъ въ дорогѣ, такъ и облегченіе формальностей, съ которыми связано водвореніе въ Сибири, такъ, наконецъ, выдача ссудъ и пособій, которыя помогаютъ при основаніи новаго хозяйства. Не забудемъ, что теперь нужда среди переселенцевъ и абсолютно, и относительно гораздо болѣе велика, нежели 4—5 лѣтъ тому назадъ. И тогда малоземелье и упадокъ хозяйства были главными условіями, побуждавшими крестьянъ выселяться, и тогда переселенію предшествовалъ долгій періодъ, въ теченіе котораго крестьянинъ все болѣе проникался убѣжденіемъ, что на родинѣ нельзя свести концы съ концами. Но тогда еще не были пережиты два послѣднихъ голодныхъ года. А они, потрясши все крестьянское хозяйство, даже и самыхъ исправныхъ людей, окончательно и непоправимо унесли послѣднія крохи изъ хозяйства бѣднѣйшаго населенія деревни. Два послѣдніе года должны были дать еще гораздо большую массу переселенцевъ, а уровень матеріальнаго достатка долженъ былъ понизиться до предѣловъ, которые кажутся почти невѣроятными. Статистика переселенческаго движенія только что зарождается. Только за лѣто 1893 года переселенцы опрашивались по обширной программѣ, и собираніемъ свѣдѣній завѣдывало довольно большое число образованныхъ молодыхъ людей — врачей, статистиковъ и другихъ добровольцевъ. Но уже и теперь есть много фактовъ, которые заставляютъ припомнить слова одного иностранца, путешествовавшаго въ Россіи, что нѣтъ minimum'а человѣческихъ потребностей, который былъ бы невозможенъ въ нашемъ отечествѣ. Г. Дуровъ, чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ въ Томскѣ, сообщаетъ намъ такія свѣдѣнія о переселенцахъ, прошедшихъ черезъ Томскъ въ 1892 году. Относительно имущественныхъ средствъ были опрошены 4,601 семья; оказалось, что изъ нихъ только 83 семьи имѣли болѣе 300 рублей каждая, 280 семей имѣли отъ 100 до 300 рублей, 330—отъ 50 до 100, 1,119—отъ 10 до 50 и 2,789—менѣе 10 и даже ничего. Такимъ образомъ, послѣдняя группа, не менѣе 60% общаго числа, была въ состояніи полной нищеты. Можно ли повѣрить этому? Правду ли говорили переселенцы чиновнику, который опрашивалъ ихъ? Не скрывали ли они отъ него истины о своихъ имущественныхъ средствахъ изъ боязни, какъ бы ихъ не обложили на новомъ мѣстѣ новою податью? Такое подозрѣніе неумѣстно. Весь этотъ бѣднѣйшій людъ, еслибъ и не давалъ показаній о послѣднихъ рубляхъ, которые еще оставались въ карманѣ, выдаетъ свое крайнее у[illegible]ожество и рубищемъ, и отсутствіемъ исправныхъ телѣги и лошади, на которыхъ можно было бы довезти женщинъ и дѣтей до новаго мѣста. Если бы эти показанія не соотвѣтствовали дѣйствительности, то сибирская администрація не заявляла бы изъ года въ годъ о многихъ тысячахъ семей, которыя не могутъ обзавестись даже самымъ скуднымъ хозяйствомъ. Вѣскимъ доказательствомъ возростающей бѣдности переселенцевъ служитъ также число крестьянъ, которые везутъ на тачкахъ свое имущество и дѣтей.

Исаевъ въ своей книгѣ *Переселенія и русское народное хозяйство,* на основаніи наблюденій надъ переселенцами въ 1890 году, сообщаетъ о тачечникахъ, какъ единичныхъ явленіяхъ, а въ 1892 году черезъ Тюмень прошли 600 переселенческихъ семей, которыя везли въ тачкахъ дѣтей и убогій домашній скарбъ. Здѣсь — крайній предѣлъ нищеты; отъ этихъ фактовъ сжимается сердце русскихъ людей, не на словахъ только любящихъ родину. Плохенькая лошадь со сбруей и телѣга могутъ быть куплены въ Пріуральскомъ краѣ или Сибири за 25 рублей. Какъ ни плохи онѣ, однако, на нихъ можно перевезти дѣтей и имущество. Но переселенецъ не имѣетъ даже и этихъ грошей и многія сотни верстъ съ самыми тяжкими лишеніями перевозитъ на тачкахъ дѣтей и жалкіе лохмотья.

Въ мѣстахъ остановки переселенцы находятъ такъ же мало удобствъ, какъ и въ предъидущіе годы. За 1888 годъ въ Тюмени умерло всего 19 переселенцевъ, въ 1889 было уже 68 смертныхъ случаевъ, а за 1892 г.— 938. По описаніямъ сибирскихъ газетъ, въ прошломъ году въ баракахъ помѣстилось буквально въ пять разъ большее количество людей, чѣмъ эти бараки могли въ себя вмѣстить. Люди валялись на грязномъ полу, на двухъ-этажныхъ нарахъ, подъ нарами, вездѣ, гдѣ только было можно пристроиться. Тѣмъ не менѣе, огромная толпа должна была остаться подъ открытымъ небомъ. Прибывшій санитарный отрядъ встрѣтилъ слѣдующія картины. Каждая прибывшая семья занимала съ трудомъ отысканный такой крошечный клочокъ земли на этой площади, на которомъ едва-едва удавалось положить имущество и разбить шалашъ. Смерть царила въ таборѣ, перебираясь отъ одного шалаша къ другому. Въ день пріѣзда отряда въ лагерѣ было тридцать покойниковъ. Пробираясь въ глубь этой толпы, приходилось на каждомъ шагу наталкиваться на самыя тяжелыя картины. Посинѣвшіе отъ холода и крика грудные ребята, тоскливыя, изнуренныя лица стариковъ, женщинъ и дѣтей, расположившихся прямо подъ открытымъ небомъ въ разлагающейся атмосферѣ собственныхъ отбросовъ и нечистотъ,— все это производило страшно-угнетающее, невыносимо-тяжелое впечатлѣніе. Возлѣ этого лагеря продавалась гнилая рыба и всевозможные, никуда негодные продукты, отъ которыхъ десятки и сотни людей заболѣвали ежедневно. Тутъ же, рядомъ, въ кубахъ нагрѣвалась вода и подавалась переселенцамъ, но ея было слишкомъ недостаточно для 15,000-ой толпы. Масса пила воду изъ болота, находящагося за бараками, куда стекали, въ силу топографическаго расположенія мѣстности, нечистоты. Мнѣ,— говоритъ корреспондентъ одной сибирской газеты,—приходилось видѣть эту воду, при посѣщеніи лагеря въ прошломъ году, и нужно сознаться, что такой воды, мутной и скорѣе похожей на разбавленное молоко, чѣмъ на воду, мнѣ не приходилось никогда ни видѣть, ни пить. Цѣлая толпа стояла въ продолженіе всего дня около этого колодца, дожидаясь по получасу очереди зачерпнуть ковшомъ или набрать этой отвратительной влаги въ чайникъ. Отсюда, конечно, новый источникъ заболѣваній. Наконецъ, болото высохло. Тогда стали пить воду изъ Туры,—той Туры, въ которой ежегодно

вымачивается до 200,000 кожъ. Какъ долженъ былъ переносить эту воду и безъ того истощенный организмъ переселенца, когда ее непривычный человѣкъ не переноситъ и при здоровомъ желудкѣ, предоставляется судить читателю. И передвиженіе на пароходахъ связано для переселенцевъ далеко не съ меньшими неудобствами, нежели въ прежніе годы. Одинъ изъ сотрудниковъ *Сибирскаго Листка,* ѣхавшій съ переселенцами отъ Тобольска до Барнаула, такъ описываетъ подробности во-истину безчеловѣчнаго размѣщенія переселенцевъ:

«Внутри обыкновенная обстановка громадной товарной баржи. Посрединѣ, вдоль баржи, идетъ два ряда колоннъ, поддерживающихъ палубу и укрѣпленныхъ въ громадныхъ, аршинъ въ квадратѣ, брусьяхъ, положенныхъ вдоль всего корпуса. Брусья эти вмѣстѣ съ колоннами образуютъ нѣчто вродѣ 3 коридоровъ. Въ двухъ боковыхъ изъ нихъ устроены, въ половинѣ колоннъ, нары, такъ что переселенцы помѣщаются здѣсь въ два яруса—и на нарахъ, и на полу. Для входа и выхода служатъ обыкновенные люки съ лѣстницами. Вотъ и вся внутренняя обстановка помѣщенія. Мебели, понятно, никакой. Спятъ прямо на полу въ растяжку, ѣдятъ также на полу. О мытьѣ, метеньѣ нечего, конечно, и думать при массѣ народа, буквально усѣявшей всякій уголокъ. Въ первое время этотъ человѣческій муравейникъ производилъ тяжелое впечатлѣніе. Представьте себѣ тысячную толпу, скученную на пространствѣ 75-ти кв. саженей,—на каждую сажень приходится 12 человѣкъ, если бы размѣстить ихъ только на полу. Помѣщеніе на нарахъ разрѣжаетъ нѣсколько скученность, но и 8 человѣкъ на сажень нужно признать очень тѣснымъ. Чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ внутри баржи, вамъ приходится шагать черезъ туловища, головы, руки, останавливаясь поминутно, чтобы выбрать мѣсто, куда ступить.

«Ночью дышать рѣшительно нечѣмъ. Днемъ, въ хорошую погоду, люки открываются только на половину, такъ какъ если открыть совсѣмъ, то уменьшится и та малая площадь палубы, куда выходитъ подышать чистымъ воздухомъ публика; ночью же оставляется только узкая щель, чтобы пройти человѣку бокомъ. Можно представить, какой тамъ воздухъ ночью отъ присутствія тысячи человѣкъ. Если бы палуба не была загромождена багажомъ, каютами, такелажемъ, половина народа могла бы днемъ проводить время на воздухѣ, но при страшной тѣснотѣ и давкѣ, царящей здѣсь, каждый предпочитаетъ сидѣть на своемъ мѣстѣ внутри баржи,—тамъ хоть никто не гонитъ, не толкаетъ въ бока. Большинство болѣзней, развившихся впослѣдствіи, нужно приписать исключительно отсутствію вентиляціи внутри барж и недостатку движенія, въ связи со скернымъ питаніемъ. Какъ-то ышло кряду нѣсколько дождливыхъ дней. Люки остались плотно зарытыми, такъ какъ переселенцы сами этого требовали, чтобы дождь не опадалъ на головы помѣщающихся около входовъ. Очистить же мѣсто около люковъ за отсутствіемъ свободнаго уголка внутри баржи—невозможно. Женщины и дѣти рѣшительно задыхались отъ недостатка чистаго оздуха».

Больницу на баржѣ корреспондентъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Представьте себѣ помѣщеніе въ 3½ квадратныхъ сажени, огороженное полугнилыми щелеватыми досками и покрытое крышей овальной формы. Два маленькихъ окопца скудно освѣщаютъ внутренность; печи нѣтъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ холодъ ужаснѣйшій, особенно вечеромъ. Поломъ служитъ баржевая палуба, засмоленная и загрязненная до крайности. Благодаря носовой покатости, на которой стоитъ больница, послѣ каждаго дождя черезъ всю больницу протекаютъ цѣлые потоки дождевой воды, такъ что больнымъ ступать на полъ новозможно. Подстилокъ не оказалось. Послѣ одного ливня крыша оказалась дырявой, смочило всѣ полки, такъ что надъ больными на потолкѣ пришлось растянуть случайно оказавшихся нѣсколько клеенокъ. Сквознякъ, благодаря щелямъ, постоянный. Для кухни посрединѣ баржи было отгорожено помѣщеніе изъ теса въ 2 квадр. сажени. Здѣсь устроены 2-хъ котельная плита для кипяченія воды и плита для варки пищи. На эту плиту можно было при самой строгой экономіи мѣста поставить 8 котловъ. Неудивительно, что многимъ переселенцамъ за всю дорогу не пришлось поѣсть горячей пищи. Понятно, что при такихъ условіяхъ невозможны были сколько-нибудь правильное леченіе и уходъ за больными. Въ Самаровѣ, согласно инструкціи, данной фельдшерицамъ, рѣшили ссадить одну тифозную больную, въ полной увѣренности, что переселенческій баракъ тамъ уже готовъ и больная найдетъ надлежащій пріютъ и уходъ. Но оказалось, что баракъ только что начали строить и, по словамъ медика-студента, онъ будетъ готовъ не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. Больную, все-таки, высадили, но ее пришлось унести въ самое село, отстоящее отъ пристани въ 5 верстахъ. Гдѣ ее тамъ помѣстили—неизвѣстно. Высадка на толпу произвела, очевидно, непріятное впечатлѣніе; слѣдствіемъ ея было то, что переселенцы перестали показывать больныхъ фельдшерицамъ, боясь, что въ случаѣ тяжкихъ заболѣваній будутъ оставлены въ баржахъ. И дѣйствительно, тутъ двѣ правды. Съ одной стороны, подвергается опасности цѣлая масса народа, если окажется больной заразительный, полная безпомощность при недостаткѣ медикаментовъ, съ другой—положеніе больного, котораго кидаютъ среди дороги въ совершенно незнакомой обстановкѣ, часто безъ средствъ, и тяжелое положеніе семьи, у которой отнимаютъ мать-кормилицу, жену».

Когда пережиты всѣ эти лишенія, переселенцу остается, повидимому, избрать подходящій участокъ земли и завестись хозяйствомъ. Но здѣсь начинается новая страда. Запасъ участковъ, нарѣзываемыхъ чинами межевого отряда, такъ незначителенъ, что всѣ переселенцы не могутъ быть удовлетворены. Многія тысячи кочуютъ по Сибири, лѣтомъ становятся таборами при дорогахъ, а зимою прибиваются къ старожильскимъ деревнямъ и послѣдними свитками и полушубками уплачиваютъ за наемъ угловъ. Осень 1892 г. въ одной Томской губ. было болѣе 20,000 такихъ переселенцевъ.

За послѣдніе годы частная благотворительность ввела и переселенцевъ въ кругъ своихъ заботъ. Тюменскій, томскій, иркутскій, читинскій перес

ленческіе комитеты употребляютъ свои средства на вспоможеніе переселенцамъ. Чрезъ редакцію *Русскихъ Вѣдомостей,* которыя много потрудились надъ выясненіемъ переселенческаго вопроса, прошелъ для этой цѣли не одинъ десятокъ тысячъ рублей. Въ прошломъ году и въ Красноярскѣ основанъ переселенческій комитетъ, который уже успѣлъ организовать отдѣленіе въ Минусинскѣ и устроить агентуры въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ. Наконецъ, въ теченіе почти 3 лѣтъ дѣйствуетъ основанное въ Петербургѣ общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ (уставъ утвержденъ 6 ноября 1890 г., а дѣйствія начались въ концѣ января 1891 г.). Недавно оно издало отчетъ о своей дѣятельности за 2 года. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что общество собрало около 30,000 рублей и проявило свою дѣятельность постройкою переселенческихъ бараковъ въ нѣсколькихъ пунктахъ: 1 въ Казани, 4 въ Тюмени, 1 въ Барнаулѣ, 1 на Карташовской пристани по Иртышу, направленіемъ нѣсколькихъ тысячъ рублей къ чиновникамъ по переселенческимъ дѣламъ въ Тюмень и Томскъ для выдачи пособій, а также единовременнымъ ассигнованіемъ по 100, 150 и 200 рублей на нужды отдѣльныхъ переселенческихъ семей. Вотъ и все, чѣмъ ознаменовала себя частная благотворительность по отношенію къ переселенцамъ. Опредѣливъ общій итогъ частныхъ пожертвованій 50,000 р. въ годъ, мы не уменьшимъ, а скорѣе увеличимъ пособія, получаемыя переселенцами. Къ этому съ будущаго года приростаетъ еще небольшая цифра. Нѣкто Третьяковъ, скромный чиновникъ въ петербургскомъ почтамтѣ, прожилъ вѣкъ въ высшей степени бережливо и даже скупо и, умирая, оставилъ наслѣдство около 160,000 рублей; но это была благородная скупость, та, о которой французы говорятъ: *on est avare pour être généreux.* Въ послѣдніе годы своей жизни онъ задумывался надъ тѣмъ, кого бы сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Онъ старательно просматривалъ уставы и отчеты разныхъ благотворительныхъ обществъ и рѣшилъ, что переселенцы принадлежатъ къ тѣмъ разрядамъ нуждающихся, которые особенно безпомощны. И вотъ этотъ скромный, великодушный человѣкъ завѣщалъ почти все состояніе обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ съ условіемъ, чтобы капиталъ былъ неприкосновененъ и только проценты ежегодно затрачивались на нужды переселенцевъ. Это дастъ до 7,000 рублей ежегоднаго дохода. Пріобщимъ сюда 100,000 рублей, которые правительство ежегодно расходуетъ на нужды переселенцевъ. Итого мы получаемъ 150,000 рублей. Изъ 15,000 семей, которыя вступили въ Сибирь за 1892 г., 60%, т.-е. 9,000, не имѣли почти никакихъ средствъ. Наименьшія средства, необходимыя для обзаведенія въ Сибири хозяйствомъ, составляютъ 150 рублей, а каждая семья, если считать только самыхъ бѣдныхъ, получаетъ по 15—16 рублей, т.-е. $^1/_{10}$ часть того, что было бы необходимо, чтобы поставить переселенческое дѣло на прочныя основанія.

Въ настоящее время начались подготовительныя работы для болѣе широкой постановки этого дѣла. Проектировано увеличеніе числа чиновниковъ по переселенческой части, задача которыхъ заключается въ оказаніи пере-

селенцамъ содѣйствія совѣтомъ и дѣломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагается увеличеніе числа чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, съ расширеніемъ круга ихъ дѣятельности по переселенческому дѣлу: имѣется въ виду предоставить этимъ чиновникамъ непосредственное участіе и въ образованіи участковъ для вновь прибывающихъ переселенцевъ, и въ размѣщеніи послѣднихъ, по мѣрѣ ихъ прибытія, по участкамъ, причемъ, главнымъ образомъ, въ видахъ огражденія интересовъ старожилаго населенія, предполагается предоставить имъ право пріостанавливать дѣйствія чиновъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, которыя они признаютъ неправильными, и входить съ протестомъ въ губернскіе совѣты по крестьянскимъ дѣламъ. Министерство государственныхъ имуществъ сформировало уже четыре новыхъ отряда для образованія переселенческихъ участковъ, въ составѣ въ сложности до 120 чел. Отряды эти образованы по типу дѣйствующихъ въ Европейской Россіи поземельно-устроительныхъ отрядовъ и состоятъ каждый, подъ начальствомъ особаго старшаго чиновника, изъ производителей работъ и межевыхъ техниковъ. Оклады для чиновъ этихъ отрядовъ очень значительно повышены сравнительно съ нормальными окладами министерства государственныхъ имуществъ, благодаря чему оказалось возможнымъ привлечь въ составъ отрядовъ весьма полезныхъ дѣятелей; на должности производителей работъ назначены почти исключительно лица либо съ высшимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, либо бывшіе земскіе статистики, либо, наконецъ, чиновники министерства, ранѣе производившіе въ Сибири изслѣдованія крестьянскаго хозяйства. Въ настоящее время министерство занято разработкой проекта инструкціи для отрядовъ, по утвержденіи которой въ законодательномъ порядкѣ эти послѣдніе немедленно начнутъ свою дѣятельность. Въ основаніе инструкціи предполагается положить слѣдующія начала: образованіе переселенческихъ участковъ допускается лишь въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ на наличную душу (мужского пола) старожилаго населенія имѣется болѣе 15 десятинъ удобной земли; въ пользованіе старожиловъ при этомъ оставляются, по разсчету 15 десятинъ на наличную душу, всѣ угодья постояннаго пользованія,—усадьбы, огороженные выгоны, пашни и передѣляемые покосы, а выдѣляются для образованія переселенческихъ участковъ, по возможности, тѣ урочища, на которыя укажутъ сами старожилы, какъ на наименѣе для нихъ необходимыя. Изъ земель, изъятыхъ изъ пользованія старожиловъ, пятая часть оставляется въ запасѣ, остальныя $^4/_5$, преимущественно въ сплошныхъ, возможно обширныхъ участкахъ, обращаются подъ поселеніе переселенцевъ, причемъ, однако, вошедшія въ черту участковъ «занимки» старожиловъ оставляются за ними, попрежнему, въ подворно-наслѣдственномъ пользованіи. Проекты образованія переселенческихъ участковъ составляются производителями работъ, при содѣйствіи межевыхъ чиновъ, и утверждаются особыми смѣшанными коммиссіями изъ чиновъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, причемъ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ предоставляется, при несогласіи съ большинствомъ коммиссіи, не-

реносить дѣло на разрѣшеніе губернскаго совѣта. Водвореніе вновь прибывающихъ переселенцевъ на участкахъ тоже поручается чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ; число подлежащихъ водворенію на каждомъ участкѣ переселенцевъ опредѣляется съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждую душу мужского пола досталось по 15 десятинъ удобной земли.

Въ предположенныхъ правилахъ есть пункты, которые вызываютъ недоумѣніе. Такова, прежде всего, мысль оставить заимки старожиловъ въ ихъ подворномъ наслѣдственномъ владѣніи. Чиновники, недостаточно близко знакомые съ подробностями поземельнаго строя нашихъ крестьянъ, часто бываютъ склонны принимать захватъ, заимку земли за принципъ, который обусловливаетъ для заимщика право частной собственности на занятый участокъ. Изученіе же общины какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и внѣ Россіи убѣждаетъ, что захватъ распространяется со стороны членовъ общины и на общинныя земли, пока обиліе земли и рѣдкость населенія не дѣлаетъ этого факта противнымъ общимъ выгодамъ. Право собственности на общинную землю не можетъ быть пріобрѣтаемо, но захватъ обосновываетъ для захватившаго право болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія, которое община можетъ пріостановить, какъ скоро нарушаются ея интересы. Избытокъ земли объясняетъ распространенность захвата въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Захватъ сохранился, наприм., въ общинахъ Яковлевской волости, Архангельскаго уѣзда: найденныя кѣмъ-либо изъ крестьянъ прогалины въ лѣсу, которыя могутъ быть обращены въ сѣнокосъ или пашню, оставляются въ пользованіи заимщика до перваго передѣла; если онѣ составляютъ очень небольшой участокъ, то оставляются за владѣльцемъ на неопредѣленное время. Въ нѣкоторыхъ общинахъ Кемскаго уѣзда захваченными участками пользуются 40 лѣтъ. Въ Евдокимовской волости, Онежскаго уѣзда, крестьяне, разработавшіе пустоши, пользуются ими 15 лѣтъ. Подобныя явленія мы находимъ повсюду въ сибирскихъ губерніяхъ. Заимочная система пользованія землею не противорѣчитъ общинному землевладѣнію. Община высоко цѣнитъ трудъ своихъ членовъ и стремится къ тому, чтобы каждый извлекъ наибольшія выгоды изъ участка земли, на который было употреблено много труда, и, притомъ, тяжелаго труда, связаннаго съ разсчисткою нови. Но община не отказывается отъ права собственности на участки, поступившіе въ распоряженіе отдѣльныхъ членовъ. Если земли очень много, а людей мало, то она оставляетъ эти участки въ пользованіи заимщиковъ на неопредѣленное время; если земли, относительно, не очень много, то община ограничиваетъ пользованіе извѣстнымъ срокомъ. По истеченіи срока, участокъ получаетъ отъ общины назначеніе, которое она считаетъ наиболѣе сообразнымъ съ ея интересами.

Признаніе за заимщиками права частной собственности на занятые участки поведетъ къ образованію тѣхъ высшихъ привилегированныхъ слоевъ крестьянства, возникновеніе которыхъ вовсе не лежитъ въ интересахъ всего народнаго хозяйства. Обыкновенно заимкамъ даютъ начало самые состоятельные и предпріимчивые крестьяне. Почему-либо недовольные поряд-

ками въ селеніи, они, въ одиночку, съ членами семей или группами, въ 2—3 семьи, удаляются въ тайгу за десятки, иногда сотни верстъ и тамъ избираютъ мѣсто водворенія. Площадь, на которой стоитъ ихъ усадьба, косится трава и сѣется хлѣбъ, невелика; но если принять въ разсчетъ, что обработанная земля лежитъ въ обширной тайгѣ небольшими клочками, что поселенецъ выбираетъ изъ разныхъ мѣстъ дрова и строительный матеріалъ, что его коровы и лошади пасутся на большомъ пространствѣ, то придется признать его заимкою многіе десятки, а иногда и сотни десятинъ. Распространеніе права частной собственности на часть заимочной земли, равную только опредѣленному для Сибири душевому надѣлу въ 15 десятинъ, будетъ искусственнымъ образованіемъ права частной собственности на землю, тогда какъ крестьяне сроднились съ общиной и по многимъ важнымъ причинамъ считаютъ для себя выгоднымъ общинное владѣніе. Отвести же заимщикамъ на правѣ частныхъ владѣній всѣ тѣ земли, которыя носятъ на себѣ хотя бы слабые слѣды ихъ пребыванія—это значитъ создать разрядъ многоземельныхъ крестьянъ, которые въ недалекомъ будущемъ станутъ усиленно пользоваться наемнымъ трудомъ, которые преобразуютъ крестьянское семейное хозяйство въ частно-капиталистическое и послужатъ отличнымъ элементомъ для умноженія числа ростовщиковъ. Было бы нежелательно повторить ошибку, которая сдѣлана въ 1867 году *правилами для составленія и выдачи государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей*. Эти правила закрѣпляли за домохозяевами отдѣльныя владѣнія во всѣхъ тѣхъ обществахъ, гдѣ крестьяне не передѣляютъ періодически своихъ земель. Такимъ образомъ, правила признали отсутствіе передѣловъ безусловнымъ доказательствомъ отсутствія общиннаго и существованія подворнаго владѣнія. Недоразумѣнія, вызванныя этими правилами, были прекращены циркуляромъ министра государственныхъ имуществъ отъ 27 февраля 1882 г., который предписывалъ «требовать отъ крестьянъ тѣхъ селеній, гдѣ существуетъ подворное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ (а это именно и подходитъ подъ понятіе о заимкѣ), составленія приговора о томъ, признаютъ ли они расчистки отдѣльныхъ домохозяевъ *дѣйствительно* состоящими и долженствующими оставаться въ ихъ наслѣдственномъ владѣніи, или же расчистки эти состоятъ и должны оставаться въ общинномъ владѣніи крестьянъ». Только въ первомъ случаѣ предписывалось закрѣплять расчистки въ потомственное подворное владѣніе. Приводя эту ссылку, *Русскія Вѣдомости* (1893 г., № 277) дѣлаютъ такое справедливое замѣчаніе: «Нужно желать, чтобы министерство государственныхъ имуществъ и въ настоящее время оказалось на высотѣ циркуляра 1882 года и не стало ломать общинное владѣніе, поощряя, такимъ образомъ, богачей-заимочниковъ, весьма нерѣдко принадлежащихъ къ худшимъ элементамъ крестьянства, въ ущербъ массѣ и нынѣ живущаго крестьянскаго населенія, и въ особенности его потомства».

Мы считаемъ нужнымъ возразить также противъ 15-ти десятинной нормы надѣла, установляемой для всей Сибири. Сибирь представляетъ больш-

разнообразіе относительно почвы и климата. Въ недалекомъ будущемъ ярко обозначится разнообразіе условій и сибирской общественной жизни: желѣзная дорога облегчитъ возникновеніе вблизи рельсоваго пути новыхъ рынковъ сбыта и замѣну первобытныхъ земледѣльческихъ системъ болѣе правильными способами веденія сельскаго хозяйства. Это разнообразіе условій служитъ причиною того, что 15 десятинъ на душу или 30 десятинъ на дворъ, будучи достаточною высшею нормой надѣла, могутъ быть понижены до 12—10 десятинъ въ наиболѣе плодородныхъ и густо-населенныхъ округахъ Сибири, мѣстами, быть можетъ, даже до 8 десятинъ. Не слѣдуетъ забывать, что большая часть переселенцевъ — выходцы изъ такихъ мѣстъ Европейской Россіи, гдѣ на душу приходится не больше 2—2½ десятинъ. Получивъ въ Сибири хорошій 10-ти или 8-ми десятинный надѣлъ, крестьянинъ будетъ имѣть достаточное земельное обезпеченіе и получитъ главное условіе для упроченія своего быта.

Мы считаемъ также цѣлесообразнымъ оставлять свободною, въ интересахъ возростающаго населенія, не ⅛ часть всей площади, а значительно больше. Приростъ населенія совершается съ такою быстротой, что черезъ 18—20 лѣтъ въ каждомъ новомъ сельскомъ обществѣ число душъ увеличится на 25% и въ раздѣлъ поступитъ весь запасный земельный фондъ. Еще 10 лѣтъ,—а всего не болѣе 30 со времени образованія поселка,—и на каждый дворъ будетъ приходиться меньшій надѣлъ, чѣмъ при первоначальномъ населеніи. Такъ какъ крупные успѣхи въ земледѣліи совершаются медленно, то скоро обнаружится земельная тѣснота, и снова нужно будетъ или мириться съ пониженіемъ уровня благосостоянія, или выселить часть семей изъ даннаго сельскаго общества. Мы находимъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ отнесеніе къ запасному земельному фонду не ⅛, а ½ всей площади удобныхъ земель, съ поселеніемъ въ данномъ районѣ такого числа семей, чтобы на душу приходилось отъ 8 до 15 десятинъ, согласно съ качествомъ почвы, съ климатомъ и хозяйственными условіями мѣстности. Запасъ свободныхъ земель, равный площади, отведенной сельскому обществу при первоначальномъ поселеніи, дастъ въ теченіе 50—60 лѣтъ возможность обезпечивать возростающее населеніе, а за такой продолжительный періодъ сельское хозяйство можетъ усовершенствоваться и большая плотность населенія не будетъ вызывать невыгодныхъ послѣдствій, которыя связаны съ малоземельемъ. Конечно, такой планъ можетъ быть исполненъ, если при нарѣзкѣ земли будутъ производиться тщательныя статистико-экономическія изслѣдованія, которыя позволятъ опредѣлить размѣры участковъ, необходимыхъ въ каждой мѣстности для крестьянскаго двора.

На пути къ устроенію переселенческаго дѣла на широкихъ основаніяхъ стоитъ, повидимому, одно крупное препятствіе—недостатокъ удобныхъ земель. Только шесть лѣтъ тому назадъ въ Сибирь былъ посланъ отрядъ межевыхъ чиновъ для устроенія переселенцевъ. Сибирскія газеты, оцѣнивая дѣятельность отряда, отмѣчаютъ тотъ фактъ, что земли много, но удобная земля составляетъ только отъ 25 до 50 процентовъ всей площа-

ди, въ среднемъ не болѣе 30. Этимъ и объясняется разбросанность населенія въ Сибири: такъ, наприм., Каинскій округъ заключаетъ въ себѣ болѣе 9 милліоновъ десятинъ, и болѣе чѣмъ на три четверти неудобенъ для заселенія. Милліоны десятинъ находятся подъ тундрами или солончаками. Когда приходится нарѣзать на 100 душъ установленный надѣлъ въ 15 десятинъ на 1 душу, то отрѣзываютъ площадь въ 6—7—8 т. десятинъ,—до того разбросаны удобные клочки земли по обширному пространству солончаковъ. Къ этому присоединяются сѣтованія на недостатокъ усадебныхъ мѣстъ: многія озера высохли, а берега рѣкъ сплошь заняты старожилами.

Эти данныя не должны лишать бодрости тѣхъ, кто считаетъ Сибирь мѣстомъ, способнымъ принять многіе милліоны переселенцевъ. Если бы пригодной для заселенія земли было $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$ всей Сибири, то страна могла бы вмѣстить до 100 милліоновъ людей. Но есть основанія считать эти показанія окрашенными черезъ-чуръ пессимистически. Процессъ высыханія озеръ, подмѣченный въ разныхъ мѣстахъ Азіатской Россіи, тождественъ съ процессомъ пониженія уровня водъ, которое наблюдается почти повсемѣстно. И если, наблюдая это явленіе въ Европейской Россіи, особенно въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, мы не кричимъ о ея непригодности и дѣлаемъ опыты съ системами орошенія, которыя парализовали бы это явленіе, то и въ Азіатской Россіи должно держаться такого же образа дѣйствій. Второй же пунктъ—малая площадь земель, удобныхъ для культуры,—прямо не заслуживаетъ довѣрія; это предположеніе должно быть приписано недостаточному знакомству съ Сибирью. Полоса тундръ спускается очень далеко на югъ вслѣдствіе изобилія лиственныхъ лѣсовъ, которые поддерживаютъ излишнюю влажность атмосферы. Вырубка части этихъ лѣсовъ уменьшитъ область тундръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ наблюденія показываютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, которыя обыкновенно считаютъ вовсе неудобными для культуры (наприм., около Нарыма или Сургута), нѣкоторые крестьяне занимаются очень успѣшно хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Такимъ образомъ, главная бѣда не въ тѣхъ недостаткахъ, которыми, будто бы, страдаетъ внѣшняя природа Сибири, а въ отсутствіи серьезныхъ мѣропріятій относительно переселенческаго дѣла.

Знакомясь съ отчетомъ объ исполненіи государственной росписи на 1892 годъ, мы видимъ, что финансовый годъ не только не далъ дефицита, но превышеніе доходовъ надъ расходами составило крупную цифру въ 65 милліоновъ рублей. Увеличеніе доходовъ сказалось почти по всѣмъ статьямъ росписи.

Питейный доходъ, исчисленный въ 242$^1/_2$ милл. руб., доставилъ 269 милл., т.-е. избытокъ въ цѣлыхъ 26$^1/_2$ милл.; и такіе результаты достигнуты, несмотря на плохой урожай, выпавшій въ 1892 году на долю многихъ мѣстностей Россіи. Второе мѣсто занимаетъ таможенный доходъ; онъ далъ въ 1892 году 130$^1/_2$ милл., на 19$^1/_2$ милл. больше сравнительно съ предположеніемъ по росписи. По налогамъ табачному, сахарному, не-

ному и спичечному поступило противъ росписи на 12 милліоновъ рублей болѣе. Особенно крупное увеличеніе далъ сахарный доходъ: его ожидалось на 21 милліонъ, а поступило на 27½ милліоновъ. Мы находимъ замѣтное увеличеніе доходовъ сравнительно съ росписью также по слѣдующимъ статьямъ: больше 5½ милліоновъ по обязательнымъ платежамъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, больше 4 милліоновъ по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, больше 3½ милліоновъ по лѣсному доходу. Въ итогѣ поступило больше 970 милліоновъ рублей, вмѣсто 886½ милліоновъ, исчисленныхъ по росписи. Повидимому, такой результатъ долженъ быть признанъ въ высокой степени благопріятнымъ.

Изслѣдованіе же причинъ, которыя привели къ такимъ выгоднымъ послѣдствіямъ, заставитъ насъ немедленно отказаться отъ оптимистическаго вывода.

Увеличеніе государственныхъ доходовъ является результатомъ, прежде всего, крайне умѣреннаго исчисленія доходовъ по росписи. Такъ, наприм., питейный доходъ былъ исчисленъ на 5 милліоновъ ниже дохода 1891 г., когда тяжелый неурожай причинилъ очень большое пониженіе сборовъ. Второю причиной увеличенія служитъ повышеніе окладовъ очень многихъ податей. Акцизъ на вино возвышенъ на 75 коп. съ ведра спирта. Потребленіе вина уменьшилось въ большой пропорціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ, при введеніи акцизной системы, населеніе Европейской Россіи, кромѣ привислянскихъ губерній, потребляло 25 милл. ведеръ спирта, а въ 1890 г., включая и польскія губерніи, потребленіе не превышало 24 милл. ведеръ, причемъ населеніе увеличилось на 30%. Можно было бы примириться съ уменьшеннымъ потребленіемъ спирта, если бы причиной этого была возростающая трезвость населенія. Но мы не видимъ признаковъ этого, а потому и приписываемъ этотъ фактъ только пониженію благосостоянія. Причиною повышенія таможеннаго дохода былъ новый таможенный тарифъ, введенный въ дѣйствіе съ 1 іюля 1891 года и замѣтно усилившій обложеніе ввозныхъ товаровъ. Напрасно думать, что возросшій таможенный доходъ стоитъ въ какой-либо связи съ расширеніемъ оборотовъ по нашей вывозной торговлѣ. Привозъ иностранныхъ товаровъ обнаруживаетъ очень большое сокращеніе: въ 1879 году цѣнность привоза составляла 587 милліоновъ, въ 1889 году — только 432 милліона, а въ 1891—на 371½ милліона, т.-е. почти опустился на уровень 1871 года (368½ милліона). То же скажемъ мы и о сахарномъ доходѣ: 1 сентября 1892 года установленъ дополнительный акцизъ по 40 коп. съ 1 пуда рафинированнаго сахару. Состоялось также возвышеніе налога на нефть.

Одновременно съ процессомъ крупнаго увеличенія налоговъ мы видимъ очень медленное развитіе тѣхъ государственныхъ расходовъ, которые отличаются наибольшею производительностью. Съ начала 80-хъ годовъ въ нашемъ финансовомъ управленіи часто провозглашался принципъ сокращенія или, по крайней мѣрѣ, медленнаго увеличенія расходовъ. Расходы 1892 года, достигнувъ 802 милліоновъ, были только на 104 милліона зна-

чительнѣе расходовъ 1882 года (698 милл.). Изъ этой суммы около половины падаетъ на военное и морское вѣдомства, расходы которыхъ увеличились на 49 милл. руб. Помимо этого прироста, связаннаго съ непрерывно увеличивающимися запросами вооруженнаго мира, расходы возросли только на 55 милл. Министерство народнаго просвѣщенія является именно тѣмъ вѣдомствомъ, на долю котораго перепало очень малое увеличеніе бюджета: въ 1882 году онъ достигалъ 19 милл. руб., а теперь составляетъ 21½ милл.

Мы видѣли, что роспись на 1892 годъ была составлена съ крайнею осторожностью, которая даже не оправдывалась положеніемъ дѣлъ. Мы видѣли, что расходы, наиболѣе производительные, не увеличились, а безчисленные факты, наблюденные во всѣхъ концахъ Россіи, доказываютъ, что благосостояніе народа понизилось въ большой пропорціи. Это особенно подкрѣпляется цифрами объ уменьшеніи количества крестьянскаго скота. Возьмемъ, наприм., свѣдѣнія, собранныя губернскою земскою управой объ убыли скота въ Вятской губерніи. По семи наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая уѣздамъ—Малмыжскому, Нолинскому, Сарапульскому, Уржумскому, Яранскому, Глазовскому, Елабужскому—убыль скота выражается въ потерѣ слишкомъ 143,000 лошадей и болѣе 112,000 коровъ, а всего до 256,000 головъ. Если оцѣнить лошадь только въ 20, а корову только въ 15 рублей, то потеря превыситъ 4½ милліона. По остальнымъ же уѣздамъ губерніи потеря составляетъ еще около 1 милл. Не трудно понять, что убыль скота наиболѣе велика въ тѣхъ уѣздахъ, которые получили, относительно, меньшую продовольственную ссуду. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число лошадей уменьшилось на 30%. Сюда присоединяются также большіе убытки отъ уменьшенія количества мелкаго скота; овцеводство, наприм., сократилось за 12 лѣтъ на 86%; въ Нолинскомъ уѣздѣ—даже на 97%. Сходную картину даютъ намъ и всѣ другія губерніи, пострадавшія отъ неурожая: общая потеря на скотѣ превышаетъ 100 милліоновъ рублей. Если мы вспомнимъ о потеряхъ вслѣдствіе продажи на сносъ и употребленія на топливо избъ и другихъ построекъ, то убытки опредѣлятся еще гораздо болѣе крупною цифрой. Глазамъ не вѣришь, когда читаешь въ *Отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ* о размѣрахъ потребленія въ Россіи сахару: они составляютъ 8 неполныхъ фунтовъ на душу, т.-е. въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Англіи, и въ 3 раза меньше, чѣмъ въ Германіи. И такое ничтожное потребленіе идетъ рука объ руку съ крайнею дешевизной сахара въ Россіи.

Какъ ни скромны матеріальныя средства земствъ, какъ ни пусты очасъ земскія кассы, народное образованіе дѣлаетъ, благодаря земствамъ, безостановочные успѣхи. Такое впечатлѣніе производятъ, наприм., новѣйшія данныя о состояніи школьнаго дѣла въ Тверскомъ уѣздѣ. Изъ доклада, который былъ въ минувшемъ октябрѣ представленъ земскому собранію, видно, что земство приближается къ своей цѣли—сдѣлать школу доступ-

ною всему населенію: теперь начальную школу посѣщаетъ только $^1/_3$ дѣвочекъ школьнаго возраста, но за то болѣе 95% мальчиковъ. Успѣхи школы въ Тверскомъ уѣздѣ должны быть приписаны неослабѣвающему сочувствію земства этому дѣлу. Въ прошломъ году смѣта увеличена на 4,000 рублей. Въ нынѣшнемъ году смѣта на народное образованіе достигла $35^1/_2$ тысячъ рублей, что составляетъ около $^1/_4$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Слѣдуетъ отмѣтить также заботливость, съ которою земство относится къ составленію школьныхъ библіотекъ. Собраніе постановило посылать въ каждую вновь открываемую школу библіотеку изъ книгъ, цѣною въ 25 рублей, и дававать ежегодно каждой школѣ 5 руб. для пополненія библіотеки. Вопросъ объ открытіи сельскихъ библіотекъ въ наиболѣе крупныхъ селахъ былъ разработанъ земствомъ еще два года тому назадъ. Въ прошломъ году земская управа выработала уставъ этихъ библіотекъ и намѣтила въ уѣздѣ 3 пункта для ихъ открытія. На далекомъ сѣверѣ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, дѣло народнаго просвѣщенія также имѣетъ преданныхъ и энергическихъ работниковъ. Г. Мартыновъ, директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, прочиталъ на земскомъ собраніи докладъ по народному образованію. Повидимому,—говорится въ докладѣ,—земскія училища поставлены на прочныя основанія, однако, у земской школы много недоброжелателей; они и до сихъ поръ имѣютъ смѣлость утверждать, что земству не стоитъ содержать школы, такъ какъ дѣти, вскорѣ по выходѣ изъ училища, забываютъ все, чему ихъ учили, и что, во-вторыхъ, эти училища разлагающе дѣйствуютъ на народную нравственность. Но есть факты, которые совершенно уничтожаютъ всѣ эти возраженія. Весною нынѣшняго года въ Каргопольскомъ уѣздѣ были произведены повѣрочныя испытанія всѣмъ лицамъ, прежде окончившимъ курсъ въ земскихъ училищахъ. Результаты оказались блестящіе. Никто изъ этихъ лицъ не забылъ грамоты и на вопросъ о пользѣ, которую доставляетъ грамотность, были даны осмысленные письменные отвѣты: «могу прочитать въ свободное время хорошую книгу», «могу написать письмо» и «прочитать неграмотному»; «ежели хожу въ церковь, то могу понять, что тамъ читается». Докладъ, по словамъ *Русской Жизни*, былъ законченъ такими словами: «Пусть что угодно клевещутъ на народное образованіе его недоброжелатели, но не достигнуть имъ того, чего хочется. *Благодаря честнымъ и высокимъ стремленіямъ и заботамъ русскаго земства,* народилось на Руси народное просвѣщеніе и крѣпко пустило корни въ народное сознаніе. Подорвать или ослабить ростъ народнаго просвѣщенія было бы грѣшно предъ отечествомъ и судомъ потомства. Наконецъ, если благосостояніе народа заключается въ его (гатствѣ, которое всегда находилось въ прямой зависимости отъ степени народнаго просвѣщенія, то стремиться къ уничтоженію или сокращенію народныхъ училищъ равносильно было бы распродажѣ послѣдняго сокро[illegible]ища народа»... Докладъ произвелъ такое впечатлѣніе на присутствующихъ, [illegible]то гласные собранія горячо и единодушно благодарили докладчика и ассигновали 100 рублей на школьныя библіотеки и 50 рублей на устройство

ночлежныхъ помѣщеній при училищахъ, которыя въ томъ особенно нуждаются.

Къ этимъ фактамъ можно пріобщить и многіе другіе, краснорѣчиво свидѣтельствующіе о томъ, съ какимъ горячимъ сочувствіемъ относится народъ къ учительскому персоналу, вѣрой и правдой служащему своему призванію. *Волжскій Вѣстникъ* передаетъ о слѣдующемъ случаѣ въ деревнѣ Вырыпаевкѣ, Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Мѣстная учительница М. И. Сурова вышла въ отставку, чтобы поступить на курсы въ Казани. Ея 8-ми лѣтняя дѣятельность была такъ полезна и дорога Вырыпаевкѣ, что когда сельчане узнали объ ея уходѣ, то пришли къ ней всѣмъ селомъ и на колѣняхъ просили «дорогую утѣшительницу» остаться. Когда она, все-таки, рѣшила уѣхать отъ нихъ, то крестьяне со слезами провожали ее и просили хотя позднѣе снова вернуться къ нимъ и занять мѣсто учительницы.

Къ этимъ даннымъ слѣдуетъ добавить нѣкоторыя свѣдѣнія о развитіи народныхъ библіотекъ. Вятская губернія занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ. До конца 80-хъ годовъ дѣло устройства сельскихъ народныхъ библіотекъ не шло дальше пожеланій. Но съ 1887 года планы начали приводиться въ исполненіе. Починъ принадлежалъ орловскому уѣздному земству, которое ассигновало 300 рублей на открытіе двухъ безплатныхъ сельскихъ библіотекъ при великорѣцкомъ и верхошижемскомъ училищахъ. Обѣ библіотеки были открыты въ сентябрѣ 1888 г. Въ день открытія великорѣцкой библіотеки абонировалось 15 человѣкъ, но въ теченіе года ихъ число достигло 142, изъ которыхъ 135 были крестьяне. Среди подписчиковъ были и подростки отъ 12 до 14 лѣтъ. Въ верхошижемской библіотекѣ число подписчиковъ уже въ теченіе перваго года достигло 330. Въ 1891 году вятское уѣздное земство открыло 4 библіотеки. Въ теченіе года подписчиками этихъ 4 библіотекъ было взято 7,775 книгъ, въ среднемъ, 13,7 книги каждымъ подписчикомъ. Завѣдующій куменскою библіотекой сообщаетъ, что бываютъ дни, когда за полученіемъ книгъ приходятъ 100 человѣкъ и болѣе. Принятіе отъ нихъ книгъ, выдача новыхъ занимаетъ столько времени, что многимъ подписчикамъ приходится оставаться на ногахъ до 5 часовъ вечера и возвращаться домой, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Завѣдующій другою библіотекой говоритъ въ своемъ отчетѣ, что многіе проводятъ за книгами всѣ свободные дни и прихватываютъ часть ночи. Рабочіе мѣстной спичечной фабрики читаютъ книги послѣ 8 часовъ вечера, по окончаніи работъ, а иногда просиживаютъ ночь за чтеніемъ. Завѣдующій великорѣцкою библіотекой Орловскаго уѣзда передаетъ такіе любопытные факты. Приходитъ въ библіотеку парень и при-ситъ записку, на которой отмѣчено нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ— о-чиненія Пушкина, Гоголя, Толстого. На вопросъ завѣдующаго, отк[уда] пришедшій узналъ названія столькихъ книгъ, парень отвѣтилъ, что с[ъ] «со своякомъ *Юрія Милославскаго* читалъ весь день и прихватилъ ча[сть] ночи и о другихъ книжкахъ узналъ». Тотъ же библіотекарь сообщаетъ о

другомъ крестьянинѣ, который долго держалъ книгу, потому что она понравилась односельчанамъ и онъ три раза прочитывалъ ее вслухъ собравшимся крестьянамъ. Въ прошломъ году это дѣло получило въ Вятской губерніи дальнѣйшее развитіе: уржумское земское собраніе открыло управѣ кредитъ въ 900 рублей на устройство 6 сельскихъ библіотекъ, а слободское земское собраніе уполномочило управу открыть 3 библіотеки. Просматривая списокъ книгъ, затребованныхъ читателями, мы видимъ, что вкусы подписчиковъ очень разнообразны. Изъ 7,775 книгъ, выданныхъ библіотеками Вятскаго уѣзда, 2,313 требованій относились къ книгамъ по беллетристикѣ, 2,215—къ книгамъ религіозно-нравственнаго содержанія; книгъ по исторіи требовали 1,534 раза, по географіи — 354, біографическихъ очерковъ — 320, по естествознанію—210, по сельскому хозяйству — 164. Такимъ образомъ, потребность народа въ знаніи удовлетворяется не какимъ-либо однимъ, а разными родами чтенія. Нечего и говорить, насколько важна и полезна дѣятельность земства въ этомъ отношеніи.

Мы закончимъ хронику народнаго просвѣщенія указаніемъ на дѣятельность городской народной читальни въ Одессѣ за 1892 годъ. Первая одесская безплатная народная читальня была основана по мысли и на средства г. Маразли; ея открытіе состоялось 19 февраля 1891 г. Въ теченіе 360 читальныхъ дней 1892 года для занятій въ читальнѣ записались 7,603 человѣка, въ числѣ которыхъ женщины составляли 21%. Отмѣтимъ, что малолѣтніе до 14 лѣтъ составляютъ очень крупную цифру: цѣлыхъ 67%. На зрѣлый же возрастъ,—отъ 26 лѣтъ,—падаетъ только очень небольшое число—3,3%. Конечно, учащіеся образуютъ главную массу. Но значительное число падаетъ и на лицъ бѣднѣйшихъ классовъ: среди записавшихся въ читальню было 762 ремесленника и 50 человѣкъ прислуги. За отчетный годъ въ обращеніи было 755 названій книгъ въ количествѣ 1,561 тома. Наибольшее число требованій было заявлено на книги по словесности (47,4%). Требованія на историческія сочиненія заняли 13,8%, по 9% приходится на книги духовнаго содержанія, по географіи и періодическія изданія. Изъ русскихъ писателей всего чаще спрашивались Л. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ и Гоголь, а изъ западно-европейскихъ — Диккенсъ и Вальтеръ-Скоттъ. Скажемъ и здѣсь, какъ говорили уже не разъ въ нашихъ обозрѣніяхъ, что частная благотворительность, направленная на дѣло народнаго просвѣщенія, имѣетъ большое общественное значеніе и оставляетъ за собой замѣтные слѣды.

---

31 октября въ Петербургѣ былъ торжественно отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Дмитрія Васильевича Григоровича. Къ великому сожалѣнію, немногіе изъ нашихъ замѣчательныхъ писателей доживаютъ до такого праздника; еще меньшее число проходитъ свой литературно-общественный путь съ непоколебимою вѣрностью великодушнымъ убѣжденіямъ, съ неугасающею вѣрой въ добро, съ глубокою преданностью искусству. Къ числу такихъ счастливцевъ принадлежитъ авторъ

Антона Горемыки. Онъ выступилъ съ задушевными и правдивыми изображеніями нашей крестьянской жизни въ то время, когда царила зловѣщая пора крѣпостного права. До нашихъ дней *униженные и оскорбленные* съ особенною любовью изображаются Григоровичемъ. Онъ далъ русской словесности скорбные образы переселенцевъ, шарманщиковъ, гуттаперчевыхъ мальчиковъ, заклеймилъ акробатовъ благотворительности. Къ нему вполнѣ приложимы извѣстные стихи Я. П. Полонскаго:

„Писатель, если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія".

Намъ доставлено слѣдующее заявленіе петербургскаго комитета для вспомоществованія студентамъ:

«Комитетъ общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію несоразмѣрности своихъ ограниченныхъ денежныхъ средствъ съ постоянно возростающею нуждой среди учащейся молодежи. Количество просьбъ о пособіяхъ (выдаваемыхъ въ видѣ безпроцентныхъ, долгосрочныхъ ссудъ) особенно увеличилось со времени повышенія (въ 1887 г.) платы за слушаніе лекцій, и, не желая отказывать нуждающимся, общество вынуждено выдавать ссуды въ ничтожномъ размѣрѣ, обыкновенно отъ 4-хъ до 6-ти рублей въ мѣсяцъ.

Доходы общества состоятъ: 1) изъ процентовъ принадлежащихъ обществу капиталовъ, 2) пожертвованій и случайныхъ поступленій, 3) членскихъ взносовъ и 4) возвратовъ ссудъ.

При медленномъ ростѣ неприкосновеннаго капитала и совершенной случайности въ поступленіи пожертвованій, объ эти статьи не могутъ играть большой роли въ надеждахъ общества на увеличеніе его средствъ. Что же касается членскихъ взносовъ, то, принимая во вниманіе незначительность ихъ (по 5 р. въ годъ) и простой путь къ поступленію въ члены общества (отъ кандидата въ члены требуется только рекомендація *одною* изъ ранѣе избранныхъ членовъ общества). Можно было бы подумать, что сами студенты, знающіе близко положеніе своихъ учащихся товарищей, поспѣшатъ по выходѣ изъ университета записаться въ члены общества и этимъ не только оказать помощь нуждающимся, но и сохранить прочную нравственную связь съ роднымъ университетомъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что число ежегодно поступающихъ новыхъ членовъ далеко не покрываетъ числа тѣхъ изъ прежнихъ членовъ общества, которые прекращаютъ свои членскіе взносы, и тѣмъ самымъ выбываютъ изъ состава общества; такимъ образомъ, къ 1 января 1883 г. *) въ обществѣ состояло 1,084

---

*) Не считая лицъ, хотя и умершихъ, но уплатившихъ единовременно не менѣе 100 р. и потому не исключаемыхъ изъ числа членовъ; таковыхъ—41.

члена, а къ 1 января 1893 г.—586; сообразно съ этимъ, цифра ежегодныхъ членскихъ взносовъ, достигаемая въ прежніе годы до 4,920 р., въ 1892 г. составляла 2,180 р. Надо надѣяться, что такое равнодушіе къ задачамъ нашего общества вызвано какими-нибудь временными причинами: въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ постараемся видѣть залогъ еще лучшаго будущаго.

Но самое «больное мѣсто» нашего общества—вопросъ о возвратѣ долгосрочныхъ ссудъ.

Несмотря на письменныя обязательства, выдаваемыя обществу студентами при полученіи ссудъ, весьма немногіе, *почти никто* изъ окончившихъ курсъ студентовъ не приступаетъ добровольно, безъ особаго напоминанія, къ погашенію долга. Такимъ образомъ, къ 1 января 1893 г. состояло въ долгу невозвращенныхъ ссудъ на *168,599 руб. 79 к.* Правда, часть этого долга числится за нынѣшними студентами и за оставившими университъ менѣе 4-хъ лѣтъ тому назадъ, и, согласно уставу общества, эта часть еще не подлежитъ взысканію; но, все-таки, болѣе чѣмъ половину всей громадной цифры составляетъ долгъ студентовъ, давно окончившихъ курсъ, изъ которыхъ большинство, при нѣкоторомъ желаніи, несомнѣнно было бы въ состояніи *по частямъ* погашать взятую ими ссуду: если бы каждый изъ нихъ возвращалъ хотя бы по *1 рублю* въ мѣсяцъ, то общество, по разсчетамъ комитета, имѣло бы въ своемъ распоряженіи, для выдачи нынѣшнимъ нуждающимся студентамъ, сумму, по крайней мѣрѣ, *втрое* бо́льшую, чѣмъ та, которою она располагаетъ въ настоящее время.

Для болѣе успѣшнаго поступленія возвратовъ ссудъ, изъ нѣсколькихъ членовъ общества составилась при комитетѣ особая коммиссія, которая, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Ремезова, еженедѣльно собирается вечеромъ въ зданіи университета, составляетъ лицевые счеты должниковъ, разыскиваетъ ихъ адресы по справочнымъ книжкамъ различныхъ вѣдомствъ, ведетъ обширную переписку съ должниками и обсуждаетъ общія мѣры, касающіяся взысканія долговъ обществу.

Случается, что, при первомъ напоминаніи о долгѣ, должникъ, извиняясь за свою забывчивость, спѣшитъ расплатиться съ обществомъ; иной разъ бывшій бѣднякъ-студентъ, давно вышедшій изъ университета, оказывается все тѣмъ же бѣднякомъ, только вдобавокъ обремененнымъ семействомъ, и коммиссіи приходится отсрочивать долгъ, иногда на неопредѣленное время; но, къ сожалѣнію, гораздо чаще бывшій студентъ, занимающій положеніе, обезпеченное достаточнымъ содержаніемъ, вовсе не отвѣчаетъ на письма коммиссіи, или въ отвѣтѣ своемъ обнаруживаетъ такой, недостойный бывшаго студента, взглядъ на уплату долга, что коммиссія вынуждена обращаться къ судебному иску, какъ ни тягостна для членовъ коммиссіи такая мѣра по отношенію къ бывшимъ ихъ товарищамъ...

Наконецъ, многихъ изъ должниковъ коммиссія, несмотря на всѣ старанія и обращенія къ содѣйствію прочихъ членовъ общества, не могла разыскать.

Всѣмъ вышеизложеннымъ вызвано рѣшеніе коммиссіи придать, посредствомъ настоящаго заявленія, перечисленнымъ печальнымъ фактамъ болѣе широкую гласность.

Прежде всего, коммиссія обращается къ *совѣсти* должниковъ общества: трудно повѣрить, чтобы въ бывшемъ студентѣ какая бы то ни была житейская проза могла заглушить всякое воспоминаніе о когда-то дорогихъ ему стремленіяхъ и вѣрованіяхъ, чтобы въ немъ исчезло всякое сочувствіе къ нуждамъ нынѣшней молодежи; мы не пріукрасили здѣсь голыхъ фактовъ; надѣемся, нѣкоторыхъ они заставятъ подумать серьезно,—тогда длинная переписка, вѣчныя напоминанія, судебные иски и т. д. станутъ болѣе рѣдкими, а, быть можетъ, современемъ отойдутъ въ область преданій.

Затѣмъ коммиссія проситъ всѣхъ нынѣшнихъ членовъ общества и тѣхъ, кто на будущемъ общемъ собраніи (въ февралѣ 1894 г.) намѣренъ баллотироваться въ члены общества, обратить вниманіе на упомянутое «больное мѣсто» нашего общества и помочь коммиссіи въ разысканіи должниковъ и въ побужденіи ихъ къ уплатѣ долга.

Наконецъ, предполагается въ скоромъ времени публиковать въ нѣкоторыхъ ежедневныхъ изданіяхъ фамиліи должниковъ *не разысканныхъ*, не получившихъ, слѣдовательно, напоминаній объ уплатѣ. Надо думать, что многіе изъ нихъ, за давностью времени, забыли о долгѣ и не будутъ уклоняться отъ возврата, а нѣкоторые окажутся умершими и долги ихъ тогда будутъ подлежать сложенію со счетовъ; поэтому коммиссія проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ объ этихъ должникахъ какія-либо свѣдѣнія, сообщать эти свѣдѣнія въ комитетъ общества вспомоществованія студентамъ (С.-Петербургъ, въ зданіи университета).

Просимъ сочувствующія нашему обществу періодическія изданія перепечатать настоящее заявленіе».

Мы получили отъ г. предсѣдателя крестецкой уѣздной земской управы слѣдующее заявленіе:

«Въ іюльской книжкѣ журнала *Русская Мысль* въ статьѣ *Подать и народное хозяйство* г. П. А. Голубева, между прочимъ, упоминается (на стр. 22 и 23) о практикуемой крестецкимъ земствомъ, для поддержанія осеннихъ цѣнъ на хлѣбъ и сохраненія у крестьянъ сѣмяннаго овса до весны, выдачѣ ссудъ подъ залогъ хлѣба, причемъ авторъ, описывая постепенное развитіе дѣла съ самаго начала, не точно изложилъ положеніе его въ настоящее время. Постановка этого дѣла въ послѣдніе три года подверглась такимъ значительнымъ измѣненіямъ, что умолчать о нихъ мы не считаемъ себя въ правѣ.

Авторъ объясняетъ, что крестецкое земство, начавъ операцію выдачи ссудъ подъ залогъ хлѣба съ 4,500 руб., вскорѣ получило отъ новгородскаго земскаго собранія ссуду безъ % въ 10,000 руб., которыми и оперировало, прибавляя къ нимъ часть и изъ своего запаснаго капитала. Въ

минувшемъ 1889 году для этой цѣли изъ губернскаго земства было выдано уже 7,000 руб. безъ процентовъ. При выкупѣ заложеннаго хлѣба крестьяне до 1891 года уплачивали 10% коммиссіонныхъ, изъ которыхъ 6% шло въ доходъ земства, а 4%—на вознагражденіе лицъ, завѣдующихъ пріемомъ и обратною выдачей хлѣба. Съ 1889 года % на ссуду уменьшенъ до 8, изъ которыхъ 4% шло, попрежнему, на вознагражденіе завѣдующихъ операціею, а 4%—земству за ссуду.

Дѣйствительно, земство до 1877 года оперировало на средства губернскаго земства, какъ сказано въ статьѣ, но уже съ 1877 года, когда въ уѣздномъ земствѣ образовался свой запасный капиталъ, займы прекратились и выдача ссудъ производилась изъ этого капитала, причемъ общій оборотъ достигалъ до 39,000 руб. (въ 1882 году), а размѣръ % съ 10 понизился до 8, изъ которыхъ половина шла въ пользу завѣдующихъ складами, а остальные въ доходъ земства. При этомъ выдача наличныхъ денегъ за заложенный хлѣбъ постепенно прекращается, а таковыя прямо засчитываются самою управой въ уплату казенныхъ и земскихъ повинностей съ крестьянъ, согласно высылаемыхъ волостными правленіями объявленій.

Въ 1890 и 1891 годахъ, за несвоевременный выкупъ хлѣба, по постановленію собранія, кромѣ установленныхъ %, взималась пеня по 1 к. съ рубля за каждый просроченный мѣсяцъ, *но въ 1891 году земское собраніе, отмѣнивъ взиманіе % и пени въ пользу земства, постановило:* производить выдачу ссудъ подъ залогъ хлѣба изъ суммъ продовольственнаго капитала крестьянъ, котораго къ 1893 г. по 14 волостямъ уѣзда, кромѣ одной 15-й, оставшейся при хлѣбо-запасныхъ магазинахъ, состоитъ 178,947 руб. 71 коп., на что открыло кредитъ до 75,000 руб., съ тѣмъ, что крестьяне должны отвести для хлѣба безплатное помѣщеніе, содержать сторожа, застраховать заложенный хлѣбъ не ниже выданной подъ него ссуды и платить вознагражденіе завѣдующему складомъ по 2 к. съ каждаго взятаго рубля.

Въ 1892 году это постановленіе дополнено собраніемъ тѣмъ, что сельскія общества, которыя не имѣютъ своего продовольственнаго капитала или которымъ недостаточно онаго, получаютъ ссуду изъ капитала другихъ сельскихъ обществъ съ уплатою % по разсчету 6 годовыхъ въ пользу позаимствованнаго капитала.

Изложивъ состоявшіяся въ послѣднее время измѣненія и дополненія въ правилахъ по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ, управа надѣется, что допущенная г. Голубевымъ неточность будетъ исправлена, тѣмъ болѣе, что онъ, указывая теперь на отмѣненный уже два года тому назадъ процентъ, умаляетъ значеніе самой операціи, находя довольно высокими расходы со стороны крестьянъ по залогу хлѣба».

Проф. Сикорскій прислалъ намъ возраженіе на статью г. Алелекова. Возставая противъ обсужденія медицинскихъ вопросовъ въ общихъ жур-

налахъ, г. Сикорскій желаетъ, однако, напечатать у насъ свое возраженіе не только на статью *Русской Мысли*, но и на статью, помѣщенную въ спеціальномъ журналѣ *Медицинское Обозрѣніе*. Это мы находимъ неудобнымъ и отсылаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые интересуются споромъ, къ № 19 *Медицинскаго Обозрѣнія*: тамъ помѣщены возраженія г. Сикорскаго и отвѣты на него г. Алелекова.

Въ ночь на 25 октября скончался въ Петербургѣ отъ холеры знаменитый композиторъ Петръ Ильичъ Чайковскій. Эта неожиданная смерть глубоко поразила и опечалила русское общество; она вызвала искреннія сожалѣнія на Западѣ Европы и въ Америкѣ, гдѣ имя Чайковскаго пользовалось большою извѣстностью и было окружено почетомъ.

Петру Ильичу было только 53 года. По всеобщему признанію, въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ ему принадлежитъ второе мѣсто послѣ геніальнаго Глинки. Государь Императоръ повелѣлъ принять похороны Чайковскаго на собственныя средства, и похороны эти отличались величественностью. Множество вѣнковъ на гробѣ композитора и другія выраженія сочувствія свидѣтельствуютъ, что русское общество видитъ въ кончинѣ Чайковскаго національную утрату.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Противъ графа Таафе, т.-е. противъ его законопроекта, имѣвшаго цѣлью серьезное измѣненіе избирательной системы въ Цислейтаніи, образовалась коалиція консерваторовъ-клерикаловъ (клубъ Гоэнварта), нѣмецкой либеральной партіи и поляковъ. Императоръ принужденъ былъ разстаться съ министромъ, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ пользовался полнымъ его довѣріемъ и, безпрестанно лавируя между партіями и народностями, довелъ дѣло, съ одной стороны, до объявленія осаднаго положенія въ Прагѣ, а съ другой стороны, до окончательнаго разрыва съ нѣмецкими централистами. Это обычная участь тѣхъ политиковъ, которые подражаютъ Рейнеке, если они долго остаются во власти: хитрость, частая перемѣна фронта и т. п. пріемы управленія подъ конецъ никого не удовлетворяютъ и всѣхъ раздражаютъ.

Мы говорили въ прошломъ обозрѣніи, что избирательный законопроектъ, который повелъ къ крушенію графа Таафе, представляетъ шагъ впередъ въ политической исторіи Австріи. Поучительны пренія въ парламентѣ, которыя разъяснили отношеніе къ этому проекту разныхъ партій. Пленеръ, Вурмбрандтъ (нѣмецкая либеральная партія), полякъ Стадницкій выступили противъ законопроекта; младо-чехи Кайцль, Крамаржъ, русинъ Романчукъ, нѣмецкіе либералы-демократы (Пернерсторферъ)—въ пользу правительственнаго предложенія. Несправедливо,—говоритъ Кайцль,—въ государствѣ, гдѣ существуетъ общая воинская повинность, гдѣ существуетъ народная школа, ограничивать избирательное право только нѣкоторыми классами или группами населенія. Невѣрно,—съ полнымъ основаніемъ возражалъ Крамаржъ Стадницкому,— будто нравственный и культурный ростъ народа и всего человѣчества зависитъ отъ одного средняго класса. Наоборотъ, только привлеченіе всего народа къ участію въ общественной жизни дастъ незыблемую основу для правильнаго развитія всѣхъ нравственно-культурныхъ силъ. Ложно утвержденіе Стадницкаго,— продолжалъ Крамаржъ,— будто бы у низшихъ классовъ народа нѣтъ никакихъ идеальныхъ стремленій. «Нашею цѣлью,—такими словами кончилъ свою рѣчь Крамаржъ,— является демократическая федерація; мы никогда не откажемся отъ прин-

ципа автономіи, мы никогда не признаемъ нынѣшней конституціи и не будемъ содѣйствовать ея укрѣпленію. Но когда имперское правительство формально будетъ поставлено на его естественную основу, когда рейхсратъ дѣйствительно сдѣлается народнымъ, тогда отдѣльнымъ народностямъ будутъ возвращены ихъ права» *).

Графъ Вурмбрандтъ находилъ правительственный законопроектъ революціоннымъ. По его мнѣнію, ни радикалы (демократы), ни консерваторы не понимаютъ смысла исповѣдываемыхъ ими принциповъ и невольно расчищаютъ путь для революціи. Крупные землевладѣльцы, крестьяне и горожане,—утверждаетъ представитель нѣмецкихъ централистовъ,—не желаютъ избирательной реформы, а они составляютъ громадное большинство, потому что однихъ крестьянъ въ Австріи 72% населенія.

На это оратору легко можно было бы возразить: если такое подавляющее большинство единомышленно, то какая же для него опасность въ введеніи всеобщей и прямой подачи голосовъ?

Разнообразіе интересовъ, задѣтыхъ законопроектомъ графа Таафе, выяснилось и въ рѣчахъ представителей крестьянъ среди нѣмецкой либеральной партіи. Одинъ изъ нихъ доказывалъ, что введеніе всеобщей подачи голосовъ угрожаетъ австрійскому крестьянству, въ особенности въ Богеміи: законопроектъ лишитъ крестьянъ-собственниковъ нѣсколькихъ депутатовъ и создастъ для безземельныхъ работниковъ благопріятныя условія для борьбы съ классомъ работодателей.

Представитель нѣмецкихъ либераловъ-демократовъ, Пернерсторферъ, произнесъ большую, содержательную и горячую рѣчь въ защиту правительственнаго предложенія: «Мы не остановимъ,— такъ кончилъ ораторъ,— народнаго потока; теперь поздно думать о поворотѣ назадъ. Въ Австріи для политическаго авторитета и господства меньшинства уже прошло время. Наступилъ моментъ, когда, по извѣстному изреченію римлянина, *рабы себя пересчитали*. Остановить ихъ—значитъ идти на встрѣчу бурному, можетъ быть, насильственному движенію, которое, въ концѣ-концовъ, побѣдитъ. Въ Австріи наступятъ времена, пожалуй, болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя недавно пережила Бельгія. Одумаемся же, войдемъ въ новое столѣтіе съ свѣточемъ мира и справедливости, а не при заревѣ пожара и громѣ меча. То, чего рабочіе требуютъ,—справедливо, и я хочу надѣяться, что австрійская палата не выступитъ противъ людей, требующихъ своего права» **).

Большинство германскихъ газетъ отнеслось къ законопроекту графа Таафе съ такою же враждебностью, какъ и австро-нѣмецкія газеты. Расширеніе избирательнаго права въ разноплеменномъ государствѣ, съ господствующимъ нѣмецкимъ меньшинствомъ, конечно, не по душѣ защитникамъ этого господства. Національные предразсудки и опасенія нерѣдко заглуш-

*) Привожу по переводу *Русской Жизни* (№ 281).

**) *Русскія Вѣдомости*, № 288.

ютъ голосъ справедливости даже у высококультурныхъ народовъ. *National-Zeitung* злорадно указываетъ на пораженіе графа Таафе и обвиняетъ его въ легкомысленномъ нарушеніи парламентскихъ обычаевъ за неожиданное внесеніе законопроекта, спутавшаго всѣ отношенія партій. Газета выступаетъ какъ будто на защиту парламентскихъ правъ, но неискренность такого заявленія станетъ очевидною, когда мы вспомнимъ, что недавно *National-Zeitung* горячо одобряла такую антиконституціонную мѣру графа Таафе, какъ введеніе осаднаго положенія въ Богеміи.

Новому министерству съ Виндишгрецомъ во главѣ, съ Пленеромъ и Яворскимъ, какъ представителями нѣмецкой либеральной партіи и поляковъ, не сулятъ долговѣчности. Требованій чеховъ и русскихъ въ Галиціи заглушить нельзя, хотя, конечно, можно затормазить осуществленіе этихъ требованій на довольно продолжительное время. Кризисомъ въ Цислейтаніи воспользовался мадьярскій министръ-президентъ Векерле и добился отъ императора согласія на введеніе въ Венгріи гражданскаго брака, противъ котораго вело упорную борьбу католическое духовенство. Прекращать этой борьбы римско-католическая церковь, повидимому, не намѣрена и возлагаетъ теперь надежды на то, что законопроектъ, который несомнѣнно будетъ принятъ въ палатѣ депутатовъ, не пройдетъ въ палатѣ магнатовъ. Если это случится въ дѣйствительности, то борьба партій въ Транслейтаніи еще болѣе обострится.

Послѣ тулонскихъ и парижскихъ празднествъ французы усердно занялись подсчетомъ нашихъ батальоновъ, батарей и эскадроновъ. Результаты получаются весьма внушительные. Полковникъ Hennebert написалъ даже цѣлую книгу подъ заглавіемъ *Русскій орелъ*. Въ военной газетѣ *L'Écho de l'armée* печатаются статьи,—иногда и русскихъ сотрудниковъ,—гдѣ сообщаются свѣдѣнія о могуществѣ нашей арміи и нашего флота, о происхожденіи донскихъ козаковъ и т. п. Подобными вопросами занимаются теперь во Франціи и мирные ученые. Такъ, довольно извѣстный профессоръ и знатокъ русской исторіи, Альфредъ Рамбо, напечаталъ въ *Сѣверномъ Обозрѣніи* статью объ арміи царя Александра III въ 1893 году *). Онъ излагаетъ въ ней условія мобилизаціи нашихъ войскъ, сообщаетъ объ ихъ расположеніи и т. д. Кончается очеркъ г. Рамбо такими словами: «Если русско-французскій союзъ укрѣпляется и сохраняется, то обнаруживается историческій законъ, законъ неумолимый; въ долгое или короткое время, раньше или позже, но, навѣрное, Германія не въ состояніи будетъ, въ финансовомъ и военномъ отношеніи, поддерживать свое господство; *и настанетъ день возстановленій* («et le jour des restitutions se lévera»). У Франціи только одно требованіе—Эльзасъ-Лотарингія; но требованія съ той стороны Вислы будутъ, можетъ быть, болѣе суровыми. Сознаніе славянскихъ

*) *Alfred Rambaud:* „L'armée du Tsar Alexandre III en 1893". *Revue bleue*, № 15.

племенъ, такъ долго подавляемыхъ германскимъ племенемъ, пробудилось въ настоящее время, и война 1877 года показала, что это сознаніе можетъ располагать арміями. Времена натиска на Востокъ (*Drang nach Osten*) кончились для Германіи; начинается обратное теченіе, *натискъ на Западъ* славянскихъ племенъ. Чтобы удался этотъ неизбѣжный возвратный потокъ, чтобы онъ ускорился на столѣтіе или на два, славянамъ недоставало только одного: того, что дало имъ присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи».

На эти слова мы должны возразить слѣдующее: наше правительство такъ часто и столь торжественно заявляло о безусловно мирномъ характерѣ происходящаго теперь сближенія съ Французскою республикой, что упоминать о *днѣ возстановленій* было неумѣстно. Воевать съ Германіей изъ-за возвращенія Франціи Эльзаса и Лотарингіи Россія не станетъ. Дѣйствительно, часть нашей печати, и значительная, впадаетъ въ репетиловскій тонъ. *Новое Время*, *Московскій Листокъ*, *Новости* съ полнымъ правомъ могли бы озаглавить свои статьи о франко-русскихъ торжествахъ знаменитымъ изреченіемъ: «Шумимъ, братецъ, шумимъ»... Но даже и эти газеты подчеркиваютъ значеніе союза Россіи съ Франціей, какъ оплота европейскаго мира. Петербургскія и московскія дамы благодарятъ г-жу Аданъ, шлютъ ей адресы и подарки, но это дѣлается, по большей части, изъ хорошихъ побужденій, усложненныхъ кое-какими недоразумѣніями. Многіе и въ особенности многія не знаютъ, что Жюльета Аданъ—убѣжденная, стойкая и страстная французская шовинистка, такъ что слова любви и мира, которыя она читаетъ въ русскихъ заявленіяхъ, могли бы показаться ей довольно обидною ироніей.

Рамбо правъ, когда говоритъ о пагубномъ вліяніи для Германіи насильственнаго отторженія отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Слѣдовало бы прибавить, что этотъ актъ жестокаго насилія оказалъ пагубное также вліяніе на всю Европу, заставивъ ее вооружаться до крайняго напряженія и такимъ образомъ осудивъ ее, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на одичаніе.

О миролюбіи русскаго народа говорятъ въ настоящее время сами нѣмцы, отмѣчая, съ какою заботливостью и тактомъ русское правительство устранило изъ тулонскаго свиданія все, что такъ или иначе могло бы быть истолковано, какъ враждебная демонстрація по отношенію къ тройственному союзу. Въ статьѣ о братаніи народовъ *National Zeitung* говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ провинціяхъ Россіи нѣтъ и слѣда французскаго лоска высшихъ общественныхъ слоевъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Даже честолюбіе и стремленіе къ завоеваніямъ, которыя на первый взглядъ проникаютъ оба народа, существуютъ только въ правящихъ и военныхъ кругахъ Россіи. Каждый третій французъ—шовинистъ въ сердцѣ и по темпераменту, русскій крестьянинъ, рабочій и мелкій горожанинъ—прирожденные друзья мира».

National Zeitung ошибается, приписывая воинственные замыслы [illegible]скому правительству, но мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ признаніе [illegible]р-

линскою газетой миролюбивыхъ чувствъ русскаго народа. Нѣмцы знаютъ, что наши солдаты умѣютъ героически умирать, но никогда русскій народъ не пожелаетъ наступательной войны. У насъ много неотложной внутренней работы, мы страшно отстали отъ Западной Европы въ просвѣщеніи и поощрять французскіе планы *возмездія* было бы историческимъ преступленіемъ противъ русскаго народа. Болѣе или менѣе воинственныя теченія образуются у насъ иногда въ полуобразованныхъ общественныхъ классахъ. Сами по себѣ теченія эти, конечно, неопасны, но на обязанности публицистики, все-таки, лежитъ распространеніе здравыхъ понятій о международныхъ правахъ и обязанностяхъ, и велика нравственная вина той части нашей печати, которая, обращаясь къ подобнымъ читателямъ, воспитываетъ въ нихъ не подлинную *любовь къ отечеству*, а пагубную *народную гордость*, враждебное или презрительное отношеніе къ другимъ племенамъ.

Въ русскихъ газетахъ и журналахъ нерѣдки, къ счастію, заявленія вполнѣ миролюбиваго характера. Проповѣдь мира и разоруженія находитъ все большее и большее число сторонниковъ. Такъ, г. Авсѣенко по поводу франко-русскаго сближенія говоритъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, что, «въ виду создавшейся новой международной лиги, къ которой можетъ примкнуть цѣлый рядъ другихъ государствъ (Испанія, Португалія, Бельгія, Голландія, Данія *), перестаетъ казаться химерой самый колоссальный вопросъ нашего времени—вопросъ о всеобщемъ разоруженіи. Эта химера была поистинѣ химеричною до тѣхъ поръ, пока тройственный союзъ могъ считать себя безспорно сильнѣе всѣхъ тѣхъ, кто предлагалъ разоруженіе; но дѣло ставится иначе съ тѣхъ поръ, какъ силы не только уравновѣсились, но даже, видимо, перетянули на противуположную сторону. Германія, а тѣмъ болѣе ея истощаемыя непомѣрнымъ напряженіемъ союзники могутъ, наконецъ, придти къ убѣжденію, что въ настоящее время ихъ интересы только выиграютъ, если европейскія вооруженія возвратятся къ своимъ нормальнымъ размѣрамъ. А нужно ли говорить, какія необъятныя перспективы открылись бы въ такомъ случаѣ для плодотворныхъ культурныхъ успѣховъ человѣчества?» **).

Милитаризмъ не только задерживаетъ эти культурные успѣхи, но и понижаетъ нравственно-культурный уровень страны, развращаетъ общество. Тягостное и убѣдительное доказательство этого мнѣнія могутъ представить недавніе громкіе процессы въ Германіи, въ которыхъ разбирались мошенническія продѣлки, связанныя съ азартною игрой. Оказалось, что многіе германскіе офицеры, несмотря на строжайшее запрещеніе императора, посѣщаютъ темные игорные притоны и разоряются въ игрѣ. Толкаетъ ихъ на это, конечно, отсутствіе высшихъ интересовъ, та духовная пустота и праздность, на которую обрекаетъ казарма. «Удивительно ли,—

*) Сюда слѣдуетъ отнести всѣ вообще второстепенныя государства Европы, кромѣ Турціи и, можетъ быть, Швеціи.

**) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 288.

говоритъ *Berliner Tageblatt*,—что германскій офицеръ, систематически удаляясь отъ міра науки, искусства и промышленности, принимается за карты, чтобы найти себѣ хоть какое-нибудь развлеченіе? Съ момента поступленія въ корпусъ онъ живетъ замкнутою жизнью, и единственное, что можетъ свести его съ бюргерскимъ міромъ, это деньги. Бракъ для денегъ, сдѣлка съ ростовщикомъ, карточный столъ,—вотъ та почва, на которой сходятся съ собою эти два міра. Мы не будемъ, конечно, обвинять всего нѣмецкаго дворянства за фонъ-Мейеринка и К°, какъ не будемъ обвинять еврейства за Абтера и Зеемана. Мы только спрашиваемъ, гдѣ же то нравственное начало, единственнымъ носителемъ котораго считаютъ себя тѣ слои общества, которымъ было ввѣрено воспитаніе героевъ ганноверскаго процесса? Какую нравственную силу дало имъ то направленіе, которое изгнало либеральное начало изъ школы? Просто смѣшно слушать, когда называютъ офицеровъ, попавшихъ въ процессъ, жертвами, а господъ Абтеръ etc.—соблазнителями. Гдѣ же,—спрашиваетъ *Berliner Tageblatt*,—та сила характера, которую воспитаніе было обязано дать германскимъ офицерамъ?»

Естественно, что этотъ процессъ и другой, ему подобный, теперь начавшійся, сильно волнуетъ и огорчаетъ германское общественное мнѣніе. Печально, разумѣется, что нѣсколько десятковъ офицеровъ, принадлежащихъ къ такъ называемому высшему обществу, предавались безобразной игрѣ, вступали въ близкія сношенія съ грязными людьми и совершали грязныя дѣла; но еще печальнѣе то, что процессы эти служатъ признакомъ времени, показываютъ, какими стремленіями и интересами живетъ теперь весьма и весьма значительная часть германскаго общества. Общій духъ милитаризма заражаетъ всю нравственно-общественную атмосферу. Давно уже указываютъ на паденіе въ Германіи научныхъ, художественныхъ и нравственныхъ интересовъ. Выдающіеся профессора, принадлежащіе къ до-седанскому поколѣнію, горько оплакиваютъ духовный упадокъ нѣмецкаго студенчества. Недавно въ этомъ смыслѣ говорили Гнейстъ и Шмоллеръ. Мудрено молодежи сохранить высокіе помыслы и любовь къ безкорыстному труду, когда вокругъ господствуютъ казарма, игорные дома, промышленные вертепы... Эти внутренніе враги будутъ для германскаго народа пострашнѣе враговъ внѣшнихъ.

Тронная рѣчь императора Вильгельма при открытіи парламента звучитъ миролюбиво. Въ ней упомянуто о таможенныхъ переговорахъ съ Россіей и выражена надежда на ихъ благополучное окончаніе. Само собою разумѣется, что для этого потребуются уступки и отъ нашего правительства, и отъ Германіи. Императоръ возвѣстилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что парламентъ долженъ будетъ разсмотрѣть проекты новыхъ налоговъ, необходимыхъ для покрытія тѣхъ военныхъ расходовъ, на которые большинство рейхстага дало согласіе въ прошлую законодательную сессію. Конечно, справедливость требуетъ, чтобы новыя подати легли на наиболѣе состоятельные классы, на крупное землевладѣніе, поставляющее получающихъ жалованье офицеровъ

и защищаемое высокими хлѣбными тарифами отъ иностранныхъ конкурентовъ, въ ущербъ нѣмецкому потребителю; на крупную промышленность, получающую большіе барыши при содѣйствіи такого покровительства и зарабатывающую большія деньги на пушкахъ и другихъ военныхъ принадлежностяхъ. Но, по всей вѣроятности, интересы этихъ классовъ будутъ затронуты лишь въ слабой степени и дѣло не обойдется безъ косвенныхъ налоговъ на важные предметы общаго истребленія. Намъ приходилось уже говорить о томъ, что установленіе справедливой налоговой системы излечило бы отъ шовинизма тѣ общественные слои, которые теперь не чувствуютъ на себѣ тяжести милитаризма. Но современной Германіи далеко еще отъ установленія такой системы.

Далеко отъ нея и Французской республикѣ, пожалуй, еще далѣе, чѣмъ германской имперіи. Республиканское большинство въ новой палатѣ депутатовъ мало склонно къ серьезнымъ экономическимъ и финансовымъ реформамъ. Сторонники покровительственной системы въ пользу крупной промышленности и невмѣшательства въ пользу рабочихъ классовъ представляютъ среди этого большинства значительную группу. Радикальное меньшинство въ парламентѣ будетъ, всего правдоподобнѣе, играть оппозиціонную роль, хотя въ кабинетѣ Дюпюи и находятся представители радикаловъ, какъ министръ финансовъ Пейтраль. Послѣдній всегда былъ сторонникомъ прогрессивнаго подоходнаго налога, противъ котораго выступаетъ министръ-президентъ.

Радикальная печать продолжаетъ, конечно, выдвигать впередъ такіе вопросы, безъ скораго разрѣшенія которыхъ, по ея мнѣнію, невозможно правильное развитіе демократіи. Въ числѣ этихъ вопросовъ, кромѣ податного, находится и отдѣленіе церкви отъ государства. Клемансо, ставшій послѣ своего пораженія въ Варѣ дѣятельнымъ редакторомъ газеты *Justice*, гдѣ онъ каждый день печатаетъ свою передовую статью, горячо выступаетъ за амнистію всѣхъ осужденныхъ за государственныя преступленія. Упомянувъ о томъ единодушіи всѣхъ французовъ, которое проявилось во время франко-русскихъ празднествъ, о томъ миролюбивомъ характерѣ, который приняли эти демонстраціи, Клемансо говоритъ, что неизбѣженъ возвратъ къ внутренней политической дѣятельности и, стало быть, къ борьбѣ политическихъ партій. Но передъ возобновленіемъ этой борьбы Клемансо возвышаетъ голосъ для того, чтобы призвать забвеніе прежней ненависти, прежнихъ ошибокъ; онъ предлагаетъ совершить актъ высшей политики, т.-е. вполнѣ человѣчное дѣяніе: дать общую амнистію.

Нельзя не удивляться энергіи Клемансо, сразу занявшаго одно изъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстъ во французской журналистикѣ. По всей вѣроятности, его политическая роль далеко не закончена и двери парламента вновь откроются передъ этимъ выдающимся человѣкомъ, вопреки глубокомысленнымъ порицаніямъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ.

Когда пишутся эти строки, телеграфъ принесъ извѣстіе объ открытіи засѣданій французской палаты, но нѣтъ еще возможности составить точ-

ное понятіе о распредѣленіи и относительной численности парламентскихъ партій. Президентомъ палаты депутатовъ вновь избранъ Казиміръ Перье, умѣренный республиканецъ, большинствомъ 295 голосовъ противъ 195, поданныхъ за Бриссона. Избраніе это еще ничего не предопредѣляетъ.

Англійская палата общинъ приняла во второмъ чтеніи билль, преобразующій мѣстное самоуправленіе на демократическихъ основаніяхъ, и приступила къ правительственному законопроекту объ отвѣтственности предпринимателей при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. *Русскія Вѣдомости* (№ 303) справедливо указываютъ на неудовлетворительность этого билля, который, между прочимъ, возлагаетъ на рабочихъ обязанность доказывать, что несчастіе произошло по винѣ фабриканта или его служащихъ. Германское и швейцарское,— наиболѣе развитыя фабричныя законодательства,— съ полнымъ теоретическимъ и практическимъ основаніемъ приняли противуположный принципъ. Мы думаемъ, однако, что гладстоновскій билль имѣетъ, все-таки, немаловажное значеніе. Англійское законодательство вообще развивается туго, за то новое начало, разъ положенное въ основу закона, пускаетъ глубокіе корни. Кромѣ того, общественная нравственность, благодаря долгому историческому воспитанію въ самоуправленіи, такъ высока въ Англіи, что недостатки билля не могутъ имѣть такого вреднаго вліянія, какое они имѣли бы въ другихъ странахъ.

Весьма знаменательный опытъ будетъ произведенъ въ швейцарскомъ законодательствѣ: за подписью 53,387 гражданъ союзному совѣту подано предложеніе подвергнуть всеобщему народному голосованію *право на трудъ*. Для такого *референдума* по конституціи требуется пятьдесятъ тысячъ подписей полноправныхъ лицъ. Если большинство швейцарскаго народа приметъ это *право на трудъ*, то союзный совѣтъ долженъ будетъ составить законопроектъ, облекающій народное рѣшеніе въ практическую формулу, и внести этотъ законопроектъ на обсужденіе національнаго совѣта.

National Zeitung говоритъ, что *право на трудъ*, котораго теоретически нельзя не признать, встрѣтитъ неодолимыя практическія затрудненія при своемъ осуществленіи. Газета полагаетъ, что референдумъ не дастъ благопріятнаго результата для иниціаторовъ предложенія. По поводу этого референдума римская *Tribuna* замѣчаетъ, что Швейцарія полагаетъ возможнымъ разрѣшить великую проблему, которая волнуетъ и мучаетъ современное общество. Что рабочій вопросъ чрезвычайно важенъ и неотложенъ, этого газета не отрицаетъ, но она предостерегаетъ противъ преувеличенныхъ въ этомъ отношеніи требованій *).

В. Г.

---

*) „Che la questione del lavoro sia grave, imperiosa ad urgente non si può negare. Ma bisogna guardarsi dal guastarla con domande esagerate le quali passano oltre i limiti della scienza, della esperienza e della ragione“.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи.

Уже болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря счастливой находкѣ французскаго археолога Ларте, наука отодвинула доисторическій періодъ человѣчества въ ту отдаленную эпоху, когда въ лѣсахъ Европы бродили носороги и мамонты, тигры и исполинскіе пещерные медвѣди и другія, давно вымершія, породы животныхъ. Быстрыя завоеванія доисторической археологіи во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ земного шара наполнили музеи тысячами предметовъ, которые изготовлялъ и употреблялъ человѣкъ каменнаго вѣка. Археологи прилежно и детально изучаютъ форму этихъ каменныхъ топоровъ, молотковъ, ножей, стрѣлъ, скребковъ и т. п., технику ихъ изготовленія, матеріалъ, способы ихъ употребленія, и уже въ учебникахъ доисторической археологіи можно найти картину быта нашихъ отдаленныхъ предковъ, начертанную на основаніи данныхъ, добытыхъ безчисленными случайными находками и раскопками. Человѣкъ, охотившійся за мамонтомъ во Франціи или на берегахъ Оки, переставъ быть миѳомъ, какимъ онъ представлялся въ 20-хъ годахъ знаменитому Кювье: мы твердо знаемъ, что онъ не только хитростью загонялъ этихъ великановъ животнаго царства въ ямы и убивалъ ихъ своими каменными орудіями, но и любовался ихъ видомъ и художественно воспроизводилъ ихъ изображенія первобытнымъ рѣзцомъ, остріемъ кремня на слоновой кости (открытіе Ларте 1864 года). Мы знаемъ, что онъ жилъ въ пещерахъ, снискивалъ себѣ пропитаніе исключительно охотой и рыбною ловлей, знаемъ, что онъ умѣлъ разводить огонь, одѣвался въ звѣриныя шкуры, знаемъ, что у него были эстетическія потребности: онъ украшалъ себя раковинами и глиняными бусами, расписывалъ себя охрой и проч. Все это факты, прочно установленные доисторической археологіей; но многія детали жизни первобытныхъ людей оставались бы намъ недоступны, еслибъ ихъ не восполнила другая обширная отрасль науки — сравнительная этнографія. Изученіе быта дикарей открыло между ними такія же орудія, одежды, украшенія, такіе же пріемы охоты, способы добыванія огня и проч., какими пользовался человѣкъ каменнаго вѣка. Сходство во всемъ этомъ

между современнымъ дикаремъ и первобытнымъ ископаемымъ человѣкомъ иногда бываетъ поразительно, и естественно, что многія детали быта первыхъ могутъ служить лучшей иллюстраціей быта послѣднихъ. Дикари нашего времени объясняютъ намъ, какимъ образомъ древній человѣкъ могъ побѣдоносно бороться съ гигантскими животными своимъ каменнымъ оружіемъ, какимъ способомъ онъ прикрѣплялъ лыкомъ или ремнемъ каменный топоръ къ деревянной рукоятке, какъ онъ сшивалъ себѣ одежду, пользуясь костяною иглой и сухожиліями, вмѣсто нитокъ, какъ онъ нагрѣвалъ воду, бросая въ нее раскаленные камни, какъ онъ добывалъ огонь посредствомъ тренія кусковъ дерева, какъ сверлилъ камни, отскребалъ волосъ со шкуры для изготовленія ремней и проч., и проч. Но, давая лучшую иллюстрацію къ пониманію матеріальной стороны быта древняго человѣка, изученіе современныхъ низшихъ расъ восполняетъ еще громадный пробѣлъ, который не въ состояніи восполнить археологія и антропологія. Сколько бы антропологъ ни измѣрялъ канштадскій или неандертальскій черепъ человѣка, современника угасшихъ породъ животныхъ, сколько бы онъ ни всматривался въ его плоское темя, низкій лобъ, короткій подбородокъ, онъ никогда не угадаетъ, какія понятія имѣлъ первобытный человѣкъ о Богѣ, о мірѣ, о себѣ самомъ, какіе мифы онъ разсказывалъ, какъ относился къ людямъ своего племени и чужого, къ женщинѣ, къ дѣтямъ, къ животнымъ и растеніямъ, кого боялся или презиралъ, любилъ или ненавидѣлъ. Обо всемъ этомъ огромный запасъ свѣдѣній даетъ новая наука — сравнительная этнографія, изучающая вмѣстѣ съ матеріальной и духовную сторону — религію, психологію, этику некультурныхъ племенъ земного шара. Обильнымъ матеріаломъ для такого изученія служатъ безчисленныя сказки и преданія, собранныя среди разныхъ племенъ земного шара путешественниками, изложенія религіозныхъ вѣрованій, сдѣланныя, главнымъ образомъ, миссіонерами, описанія обычаевъ и обрядовъ, до сихъ поръ соблюдаемыхъ некультурными племенами,— словомъ, весь тотъ запасъ данныхъ, который накапливается и разрабатывается тѣмъ отдѣломъ сравнительной этнографіи, который извѣстенъ подъ названіемъ «фольклора». Научное отношеніе къ этому богатому источнику познанія человѣка, представляющее блестящее завоеваніе нашего вѣка, дало возможность устранить тѣ фантазіи о первобытномъ человѣкѣ, которыя были въ ходу въ научной литературѣ XVIII столѣтія, и установить въ главныхъ чертахъ тѣ этапы развитія, которые были пройдены историческими народами въ *доисторическія* времена ихъ существованія.

Извѣстно, что начало каждой исторической культуры теряется въ мифахъ и преданіяхъ. Вооруженные оружіемъ критики, историки давно отдѣлили эти народные вымыслы отъ положительной исторіи, основанной на неложныхъ письменныхъ документахъ. Имѣя въ виду преимущественно древнѣйшій періодъ исторіи народовъ, скептическій Вольтеръ заявлялъ, что l'histoire est une fable convenue. Наука нашего времени иначе взглянула на эти отвергнутыя историками басни. Она изучаетъ ихъ детально, сопоста-

лля миѳы и сказанія историческихъ народовъ со сказаніями современныхъ некультурныхъ племенъ, и открыла въ нихъ высокій культурно-историческій интересъ. Изученіе миѳовъ какого-нибудь историческаго народа, напримѣръ, грековъ, позволяетъ намъ проникнуть въ психическій міръ этого народа въ тотъ отдаленный періодъ его жизни, отъ котораго не дошло до насъ никакихъ письменныхъ памятниковъ. Эти многочисленныя сказки о богахъ, полубогахъ и герояхъ, эти космогоническія преданія должны отражать на себѣ понятія своихъ первыхъ слагателей, которые отдалены многими вѣками отъ начала положительной исторіи. Они составляли глубокое убѣжденіе предковъ тѣхъ эллиновъ, которые дали міру Сократа и Платона, и образованнымъ аѳинянамъ временъ Перикла представлялись иногда столь же странными и загадочными, какъ и для насъ, даже оскорбляли ихъ религіозныя и нравственныя понятія. Дѣйствительно, не было такихъ безнравственныхъ, дикихъ и странныхъ дѣяній, которыя не разсказывали бы миѳы о народныхъ богахъ: отцеубійство, обманы, воровство, каннибальство, любовныя похожденія въ звѣриномъ образѣ и множество позорныхъ дѣйствій, отъ которыхъ съ негодованіемъ отшатнулся бы нравственно и эстетически развитой аѳинянинъ, этотъ аѳинянинъ слышалъ о своихъ богахъ, которымъ молился и возводилъ храмы. Какъ объяснить этотъ ирраціональный и дикій элементъ, который въ такомъ обиліи содержится въ миѳахъ? Очевидно, что первые слагатели миѳовъ по условіямъ своего быта, по своимъ религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ стояли еще на такой низкой ступени культуры, когда то, что аѳинянамъ и намъ представляется ирраціональнымъ и дикимъ, казалось естественнымъ и нравственнымъ. Дѣйствительно, для раціональнаго объясненія миѳовъ, для пониманія міровоззрѣнія ихъ слагателей лучшимъ комментаріемъ могутъ служить миѳы современныхъ некультурныхъ племенъ, и такія сопоставленія миѳовъ историческихъ народовъ съ миѳами или сказками дикарей открыли между тѣми и другими замѣчательныя совпаденія. Оказалось, что многіе изъ греческихъ миѳовъ о богахъ и герояхъ ничто иное, какъ хорошо извѣстныя многимъ племенамъ въ разныхъ мѣстахъ земного шара сказки, которыя прикрѣпляются лишь къ разнымъ именамъ и различнымъ мѣстностямъ, и что сходство ихъ объясняется сходствомъ въ представленіяхъ о божествѣ, природѣ и человѣкѣ, замѣчаемомъ у большинства примитивныхъ или малокультурныхъ племенъ, такимъ же нерѣдко поразительнымъ сходствомъ, которое замѣчается между формами и матеріаломъ орудій людей каменнаго вѣка и орудіями многихъ дикихъ племенъ нашего времени. Съ этой точки зрѣнія, изученіе древнихъ миѳовъ, сохраненныхъ письменностью, и современныхъ сказокъ не только некультурныхъ, но даже культурныхъ народовъ, представляетъ высокій интересъ для историка культуры. Постоянно видоизмѣняясь въ подробностяхъ, скрещиваясь въ сюжетахъ, примѣняясь къ разному времени и мѣсту, многія сказки, еще въ настоящее время блуждающія въ народѣ въ разныхъ культурныхъ странахъ Европы и Азіи, сохраняютъ иногда черты самаго примитивнаго быта, самыхъ первобытныхъ нравствен-

ныхъ понятій, представляя живую старину, интересную и важную для культурно-историческихъ заключеній. Для поясненія этой мысли приведу нѣсколько примѣровъ *древнѣйшихъ* представленій человѣка о природѣ, сохранившихся въ современныхъ народныхъ сказкахъ, причемъ долженъ оговориться, что количество матеріала такъ обильно, что изслѣдователь безбрежнаго моря сказокъ чувствуетъ затрудненіе въ выборѣ фактовъ того чудеснаго, ирраціональнаго, которое для разсказчика и для слушателя представляется лишь забавною игрой воображенія, а для изслѣдователя нерѣдко любопытнымъ переживаніемъ вѣрованій, еще до сихъ поръ бытующихъ у дикарей.

Во многихъ сказкахъ, европейскихъ и азіатскихъ, разсказывается, что отсутствующій царь, ожидавшій, что жена подаритъ его наслѣдникомъ, былъ крайне разочарованъ, когда ему доложили, что жена произвела на свѣтъ щенятъ. Положимъ, сказка разъясняетъ, что это была гнусная клевета другой женщины, и добродѣтельная жена впослѣдствіи оправдывается отъ взведеннаго на нее поклепа. Но мужъ *повѣрилъ* въ возможность такой непріятности и распорядился, чтобы жену бросили въ море въ бочкѣ или отрубили ей руки и т. п. Чѣмъ объяснить такой дикій вымыселъ? Очевидно, что первые слагатели сказки смотрѣли на фактъ, представляющійся намъ дикимъ, съ точки зрѣнія дикарей, которые и доселѣ въ нѣкоторыхъ странахъ признаютъ полную возможность такого рожденія. До сихъ поръ нѣкоторыя племена на островѣ Явѣ увѣрены въ томъ, что ихъ жены по временамъ производятъ на свѣтъ крокодиловъ; ацтеки думали, что женщины, смотрящія на луну, могутъ подарить мужей мышами, вмѣсто дѣтей. Подобныя вѣрованія породили широкораспространенное у разныхъ народовъ ученіе, извѣстное въ этнографіи подъ именемъ *тотемизма*, убѣжденіе, что извѣстныя колѣна происходятъ отъ животныхъ, растеній и даже отъ неодушевленныхъ предметовъ. Такое вѣрованіе, распространенное, напримѣръ, у нѣкоторыхъ краснокожихъ Сѣверной Америки и у австралійцевъ, отразилось въ практической жизни на строжайшихъ брачныхъ и другихъ законахъ, въ силу которыхъ члены рода, ведущаго себя отъ одного животнаго, не могутъ вступать между собою въ бракъ, не могутъ ѣсть мясо животнаго-предка и т. п. Мужчина и женщина, считающія, наприм., своимъ общимъ отдаленнымъ предкомъ кенгуру, смотрятъ другъ на друга, какъ на брата и сестру *).

Въ той же сказкѣ женщина, считаемая виновной, сажается въ бочку, которую бросаютъ въ воду; въ другихъ сказкахъ виновныхъ привязываютъ къ хвосту дикаго коня, котораго гонятъ въ полѣ; въ другихъ — виновныхъ привязываютъ въ лѣсу къ дереву, предоставляя ихъ ихъ участи (наприм., *Аѳанасьевъ*, V, стр. 130) или преступнику на голову бросаютъ жерновъ, или сожигаютъ его на кострѣ. Всѣ эти способы казней въ сказкахъ повторяютъ лишь казни въ дѣйствительности совершавшіяся еще въ средніе вѣка въ

*) *Lang:* „Mythologie Comparée", p. 75—77.

Европѣ,—казни, документально засвидѣтельствованныя, и въ нѣкоторыхъ странахъ въ низшихъ темныхъ слояхъ народа подобные самосуды повторяются и въ наше время *). Часто встрѣчающееся въ сказкахъ вырѣзаніе ремня изъ спины хорошо извѣстно было средневѣковой инквизиціи.

Вѣрованія дикарей въ близость животныхъ къ человѣку по происхожденію, въ разумность ихъ, въ возможность переселенія человѣческой души въ тѣло животнаго, въ оборотничество находятъ отраженіе во множествѣ сказокъ, въ которыхъ животныя то являются помощниками сказочныхъ героевъ, оказавшихъ имъ услугу, то, напротивъ, врагами, и, притомъ, дѣйствующими съ разумѣніемъ человѣка. Вспомнимъ многочисленныя сказки о волкодлакахъ, о разумныхъ и благодарныхъ мышахъ, спасающихъ, выбѣгая изъ подполья, дѣвицу или героя, о медвѣдѣ, приходящемъ къ старику и старухѣ за своею отрубленною лапой и поющемъ свою страшную пѣсню отъ которой такъ жутко становится дѣтямъ **). Эта человѣческая роль Мишки въ нашихъ сказкахъ находитъ себѣ объясненіе въ культѣ медвѣдя, до сихъ поръ бытующемъ у самоѣдовъ, лопарей, якутовъ, остяковъ и въ убѣжденіи нашихъ крестьянъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ), что въ медвѣдя превратился нѣкогда человѣкъ за то или другое преступленіе.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ отражаются самые примитивные взгляды на семейныя отношенія. Извѣстна сказка объ умномъ старикѣ, объясняющая, вслѣдствіе какого событія прекратился обычай убіенія стариковъ-родителей. И мы знаемъ, что дѣйствительно такой обычай существовалъ въ древности у многихъ народовъ, а кое-гдѣ бытуетъ до сихъ поръ, наприм., у нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной и Южной Америки (сіуксовъ, чипевеевъ), у туземцевъ острововъ Фиджи, у чукчей, у негровъ и друг., причемъ убіеніе стариковъ сопровождалось у нѣкоторыхъ народовъ древности каннибальствомъ, продолжающимъ практиковаться и до нашихъ дней, напримѣръ, на о. Суматрѣ. Такъ, у племени батта пожилыхъ людей заставляютъ влѣзать на дерево, которое присутствующіе принимаются качать, напѣвая: «Время уже приспѣло, плодъ уже созрѣлъ, пора его стряхнуть!» Старика убиваютъ и затѣмъ пожираютъ ***).

Весьма популярный въ сказкахъ мотивъ — оставленіе новорожденныхъ дѣтей на произволъ судьбы, конечно, также широко распространенная доселѣ бытовая черта, не нуждающаяся въ подтвержденіи примѣрами ****). Предпочтеніе младшаго сына—эта обычная сказочная черта—также находитъ себѣ объясненіе въ быту многихъ народовъ. Обычное право, иногда и письменное законодательство, даетъ младшему сыну особыя преимущества при раздѣлѣ родительскаго наслѣдія. Слѣды права *младшинства* оказываются въ германскихъ сказаніяхъ, въ Швейцаріи, Эльзасѣ, Бельгіи, Англіи, въ

*) *Liebrecht:* „Zur Volkskunde", S. 297.
**) *Аѳанасьевъ,* III, № 17; IV, № 15.
***) *Кулишеръ:* „Очерки сравнительной этнографіи и культуры", стр. 37.
****) См. тамъ же, стр. 49.

древнихъ законахъ индійцевъ, въ обычаяхъ Новозеландіи, Южной Африки и проч. *).

Нечего и говорить, что въ встрѣчахъ сказочныхъ героевъ съ людоѣдами, иногда великанами, сохраняются глухіе отголоски тѣхъ отдаленныхъ для культурныхъ народовъ временъ каннибализма, который еще не вывелся до сихъ поръ на землѣ. Особою архаичностью вѣетъ, напримѣръ, отъ фигуры нашей сказочной бабы-яги (польской ендзы-бабы, чешской ежи-бабы, сербской гвоздензубы, нѣмецкой желѣзной Берхты и проч.). Вспомнимъ ея жилье въ глухомъ лѣсу, окруженное тыномъ, съ черепомъ на каждой тычинкѣ, напоминающее какое-то древнее капище, вспомнимъ ея прожорливость, особенную охоту до дѣтскаго мяса, ея желѣзный пестъ, ея желѣзные зубы и тому подобныя страсти, пугающія еще доселѣ дѣтское воображеніе, наконецъ, ея зооморфическую форму, чудовищную кобылью голову **), играющую роль бабы-яги въ сказкахъ.

Всѣмъ этимъ фантастическимъ чертамъ мы найдемъ реальное объясненіе въ культѣ богини тьмы и смерти у разныхъ народовъ, сопровождавшемся человѣческими жертвоприношеніями. У древнихъ и даже современныхъ индійцевъ это—богиня Дурга (Durgâ), Кали (Kalî—черная) или Kumarî (дѣвица), которой идолы до сихъ поръ въ глухихъ мѣстахъ Индіи обагряются человѣческою кровью: она изображается на рисункахъ съ желѣзными зубами (какъ баба-яга), съ желѣзною палкой и носитъ на шеѣ ожерелье изъ человѣческихъ череповъ. Та же кровожадная богиня когда-то въ глубокой древности чествовалась въ Тавридѣ (Diana Taurica) и подъ разными именами (Деметры, Артемиды) въ мѣстныхъ культахъ древней Греціи. Извѣстно, что, по преданію, въ Лаконіи Ликургъ отмѣнилъ приношеніе дѣтей въ жертву мѣстной Артемидѣ и замѣнилъ этотъ обычай менѣе варварскимъ—сѣченіемъ дѣтей при ея алтарѣ. Воспоминаніе о чествованіи Деметры въ зооморфическомъ образѣ кобылы сохранялось у аркадійцевъ въ извѣстномъ мнѣ о превращеніи этой богини въ кобылу во избѣжаніе преслѣдованій Посейдона. Отставшіе въ культурности отъ другихъ племенъ Эллады, аркадійцы поклонялись своей мѣстной *черной* богинѣ въ пещерѣ, гдѣ стояла ея деревянная статуя съ конскою головой. Глухой отголосокъ подобнаго же миѳическаго женскаго существа сохранился въ святочныхъ и масляничныхъ обрядахъ и славянскаго и нѣмецкаго простонародья. У сербовъ кое-гдѣ въ Дубровникѣ и въ княжествѣ въ этотъ періодъ ходитъ по деревнямъ такъ называемая *турица,* существо съ кобыльей головой и длинными щелкающими зубами. У насъ по мѣстамъ еще недавно весною мужики наряжались кобылою и пугали мальчишекъ, особенно постомъ, чтобы отучить ихъ просить скоромнаго.

Однако, приводя изъ сказокъ примѣры примитивныхъ взглядовъ на природу и вѣрованій, я далекъ отъ мысли, что сказки могутъ служить

*) *Grimm:* „Rechtsalterthümer", S. 475; *Liebrecht:* „Zur Volkskunde", S. 431—432 (Jüngstenrecht).

**) *Аѳанасьевъ:* „Сказки". I, стр. 88.

дежнымъ источникомъ для изученія древнихъ вѣрованій того или другого *историческаго* народа, среди котораго онѣ извѣстны. Миѳологическая эксегеза народныхъ сказаній, господствовавшая въ этой области со временъ братьевъ Гриммовъ и представленная въ нашей литературѣ многими выдающимися учеными: Аѳанасьевымъ, О. Миллеромъ, Котляревскимъ, Потебнею, отчасти Буслаевымъ и друг., впала въ односторонность, положивъ, главнымъ образомъ, миѳологію природы въ основу сказокъ и стараясь извлечь изъ нихъ матеріалъ для характеристики языческихъ представленій древнихъ германцевъ, славянъ, литовцевъ и т. д. Для такихъ заключеній требуется крайняя осторожность, которой далеко не отличались ни на Западѣ, ни у насъ увлеченные миѳологи. Большинство сказокъ представляютъ безпочвенный кочевой элементъ, ходящій по рукамъ, какъ монеты, переходящій отъ одного народа къ другому путемъ устнымъ и книжнымъ. Объяснять ихъ сходство въ сюжетахъ общими свойствами человѣческаго духа, облекающаго одинаковыя представленія въ одинаковые образы, кажется такъ же односторонне, какъ и выводить, наприм., большинство европейскихъ сказокъ изъ Индіи чрезъ посредство арабовъ или монголовъ. Научная обработка сказочныхъ схемъ и путей ихъ распространенія начата лишь сравнительно недавно, и дѣлать рѣшительныя заключенія о первоначальномъ значеніи и путяхъ перехода того или другого сказочнаго сюжета обыкновенно представляется крайне рискованнымъ. Культурныя вліянія одного народа на другой извѣстны намъ за сравнительно незначительный періодъ историческаго времени, которое для однихъ народовъ уже наступило за 4 тысячи лѣтъ до Р. Хр., для другихъ—тысячелѣтіе по Р. Хр. Даже за эти періоды факты международныхъ отношеній на землѣ крайне неполны и неповсемѣстны. Что же мы знаемъ о разселеніяхъ народовъ, объ ихъ сношеніяхъ между собою, о вліяніи одного племени на другое въ огромный доисторическій періодъ человѣчества? Какія сказки разсказывало оно за этотъ неисчислимый рядъ столѣтій, а что оно разсказывало ихъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ Геккелевскій homo alalos (безъ языка)—повидимому, ученая фантазія. Можно думать, что сказки людей каменнаго вѣка, какъ ихъ орудія, не исчезли безслѣдно. Человѣчество, какъ показываетъ анализъ сказочныхъ сюжетовъ всего міра, отличается крайнею консервативностью и неизобрѣтательностью въ сюжетахъ, но замѣчательною страстью къ переработкѣ въ деталяхъ однихъ и тѣхъ же сюжетовъ. При всемъ богатствѣ сказочной литературы въ количествѣ, основные сюжеты могутъ быть сведены къ ограниченному числу формулъ: вездѣ безконечныя варіаціи на немногія темы. Поэтому въ сказкахъ, записанныхъ въ простонародьѣ Европы гдѣ-будь на-дняхъ, могутъ оказаться наидревнѣйшіе мотивы, доисторическія бытовыя черты, мысли и дѣянія дикарей и, конечно, мы никогда не узнаемъ, когда и кѣмъ впервые былъ сложенъ какой-нибудь разсказъ и только при особенно удачныхъ условіяхъ можемъ прослѣдить исторію кочеванія и распространенія этого разсказа за какія-нибудь два-три столѣтія. Въ деталяхъ той или другой сказки историкъ культуры можетъ иногда отмѣ-

тить печать, наложенную тѣмъ или другимъ народомъ, какое-нибудь мѣстное пріуроченіе, какъ по штемпелямъ много путешествовавшаго письма можно знать, гдѣ оно побывало. Но основной сюжетъ для заключеній частныхъ, т.-е. сужденій о творчествѣ и понятіяхъ той или другой опредѣленной національности, окажется, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ непригоденъ. Имъ можно воспользоваться только для общихъ соображеній объ условіяхъ быта, о нравственныхъ понятіяхъ, о вѣрованіяхъ и проч. того неизвѣстнаго народа, который впервые создалъ сюжетъ, и того отдаленнаго отъ насъ, быть можетъ, длиннымъ рядомъ тысячелѣтій, времени, когда все странное, чудесное, ирраціональное въ сюжетѣ считалось столь же естественнымъ и разумнымъ, какъ намъ кажутся естественными и разумными наши современныя научныя понятія о природѣ и нравственныя понятія о человѣкѣ.

Эти общія соображенія объ интересѣ, представляемомъ изученіемъ сказокъ для культурно-историческихъ выводовъ, я считаю удобнымъ иллюстрировать разборомъ одного изъ самыхъ распространенныхъ сказочныхъ сюжетовъ, именно—*овладѣнія землей* посредствомъ коровьей кожи.

Самое раннее документальное свидѣтельство объ извѣстности разсматриваемаго сюжета восходитъ къ классической древности. Сказка о коровьей кожѣ была извѣстна поэту Вергилію, какъ древнее преданіе, связанное съ основаніемъ Карѳагена. Повѣствуя въ Энеидѣ о построеніи этого города Дидоной, бѣжавшей съ своими приверженцами изъ Тира, поэтъ въ слѣдующихъ стихахъ намекаетъ на преданіе, которое, конечно, было извѣстно въ подробностяхъ его образованнымъ современникамъ:

Mercatique solum, facti de nomine Byrsam,
Taurino quantum possent circumdare tergo *).

Римскій позднѣйшій историкъ Іустинъ (III или IV в.), сохранившій обширныя выдержки изъ утраченной исторіи Трога Помпея, въ разсказѣ о томъ же событіи объясняетъ намъ краткій намекъ поэта. По его словамъ, Дидона купила въ Африкѣ такое пространство земли, которое можно было бы покрыть бычачьей кожей, чтобы дать возможность своимъ спутникамъ отдохнуть на землѣ послѣ долгаго морского путешествія, затѣмъ разрѣзала кожу на тонкіе ремни и обвела ими болѣе широкое пространство, чѣмъ требовала сначала. Мѣсто, обведенное ею, получило названіе Бирсы (Byrsa) **).

Не зная другихъ параллелей хитрости, употребленной финикіянкою Дидоной, все, что мы можемъ вывести изъ разсказа Вергилія и Іустина, ограничивается тѣмъ, что сказка, прикрѣпленная къ основанію финикійской колоніи въ Африкѣ, была извѣстна грекамъ и, вѣроятно, литературнымъ путемъ проникла въ римскую литературу. Имя Byrsa (Βύρσα ***), ко-

*) *Aeneid.* I. 367.

**) *Justin.* XVIII, 5.

***) Слово Βύρσα сопоставляется съ древне-верхне-нѣмецкимъ chursina, crusi. *шуба*, откуда заимствовано церковно-слав. кръзно. См. *Prellwitz:* „Etymolog. Wörterbuch der griech. Sprache". 1892 (s. v.).

торое носилъ замокъ Карѳагена, имѣетъ въ греческомъ языкѣ значеніе *шкуры* (отсюда βυρσεύς—кожевникъ, βυρσίνη—ремень и друг.), такъ что названіе карѳагенскаго замка—вѣроятно, финикійскаго происхожденія—напоминало эллинамъ ихъ слово, означающее *шкуру*, и, быть можетъ, послужило поводомъ къ прикрѣпленію сказки о бычьей кожѣ къ имени легендарной основательницы Бирсы. Впослѣдствіи мы встрѣтимъ другіе примѣры прикрѣпленія той же сказки, вызваннаго народною этимологіей.

Переходя изъ Африки на востокъ, въ Азію, мы находимъ рядъ, хотя краткихъ, указаній на извѣстность сказки о разрѣзанной шкурѣ въ разныхъ мѣстахъ Индостана въ прикрѣпленіи къ основанію разныхъ городовъ. Англійскій изслѣдователь Индіи, Джэмсъ Тоддъ (James Todd), въ своихъ лѣтописяхъ и древностяхъ Раджастана, сообщаетъ мѣстное преданіе о томъ, какъ нѣкій царь Баттовъ Деораджъ выпросилъ себѣ столько земли для поселенія, сколько могъ покрыть кожей буйвола, и затѣмъ поступилъ такъ же, какъ Дидона. То же преданіе, по словамъ Тодда, прикрѣплено къ основанію Бутнайра (Bhutnair) и Калькутты *). Древность ходящей въ устахъ народа сказки въ такой странѣ, какъ Индія, обладающей древнѣйшею и богатѣйшею литературой, также засвидѣтельствована письменностью. Сказка о бычьей кожѣ занесена, какъ событіе изъ міра боговъ, въ древнѣйшее религіозное сочиненіе Çatapatha Brâhmana, принадлежащее къ ведійской литературѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ легенду о томъ, какъ враждебные богамъ духи Асуры вымѣряютъ посредствомъ бычьей кожи землю и начинаютъ дѣлить ее между собою **). Извѣстныхъ изъ другихъ пересказовъ подробностей объ обманѣ, о разрѣзаніи кожи на ремни, здѣсь еще нѣтъ: разсказанъ только фактъ измѣренія земли бычьей кожей, имѣющій, какъ увидимъ ниже, культурно-историческій интересъ.

Въ болѣе близкой формѣ къ классической сказкѣ о Дидонѣ находимъ то же сказаніе въ Индокитаѣ, котораго культура находилась подъ вліяніемъ древней цивилизаціи передней Индіи. Въ Бирмѣ ходитъ разсказъ, прикрѣпленный къ построенію города Иссай-Мевъ (Issay-Mew). Его построила возлюбленная одного царя, выпросивъ у него столько земли, сколько можно покрыть бычьей кожей и, затѣмъ, разрѣзавъ послѣднюю на тонкіе ремешки, обвела обширное мѣсто для постройки города. И здѣсь также народная этимологія замѣшалась въ преданіе. Названіе царства Thara-kettara или Thayakittaya, которое восходитъ къ санскритскому Çrîkshetra, т.-е. поле счастья, бирманцы сближаютъ съ своимъ словомъ thara—кожа ***).

Переходя отъ крайняго востока Азіи къ Европѣ, мы встрѣчаемъ рядъ варіантовъ нашей сказки, извѣстныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена.

Прежде всего, отмѣтимъ двукратное прикрѣпленіе нашей сказки къ сто-

*) *Annals and antiquities of Rajasthan.* London, 1832. Vol. II, p. 235.

**) *Çatap. Brâhm.*, 1, 2, 5, 2.

***) *Bastian:* „Die Völker des östlichen Asien". 1866, I.—„Die Geschichte der Indochinesen aus einheimischen Quellen", S. 25.

лицѣ Византійской имперіи. Извѣстный путешественникъ XV вѣка Клавихо, въ своемъ сочиненіи *Жизнь и дѣянія Тамерлана,* сообщаетъ слышанное имъ въ Константинополѣ преданіе, будто Перу (нынѣ европейская часть Константинополя) генуэзцы получили слѣдующимъ образомъ: «они купили у одного императора это мѣсто и землю, сколько обхватитъ бычья кожа, изрѣзанная на ремни» *). Объясняя такимъ образомъ водвореніе генуэзцевъ въ Перѣ, та же сказка, послѣ завоеванія Константинополя турками, припомнилась и по поводу послѣдняго событія. Легендарная біографія Махмудъ-паши, визиря завоевателя Канстантинополя султана Мухаммедъ-хана (II-го), приписываетъ этому популярному визирю главную роль во взятіи столицы Византіи (которое, однако, произошло раньше его визирства). Приводимъ извлеченіе изъ этого турецкаго сказанія, обязательно переведеннаго для насъ проф. С. Е. Саковымъ. Султанъ Мухаммедъ-ханъ сталъ лагеремъ на азіатскомъ берегу Босфора тамъ, гдѣ находится нынѣ старая крѣпость (Эски-Хасаръ). «Отсюда отправили людей къ правителю (бею) Константинополя, приказавъ имъ сказать, если будетъ спрошено о причинѣ прибытія сюда султана Мухаммеда, что онъ прибылъ-де на нѣсколько дней, съ цѣлью поправленія здоровья, такъ какъ вода въ этой странѣ очень хороша и воздухъ полей очень пріятенъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, визирь Махмудъ-паша обратился къ султану съ такими словами: «Государь, пока мы не утвердимся на томъ (европейскомъ) берегу Босфора, завоеваніе города для насъ немыслимо». Султанъ сказалъ: «Какъ знаешь, дядька (ляля) **), сдѣлай, какъ тебѣ кажется лучше». Тогда Махмудъ-паша завернулъ въ большой платокъ одну бычью шкуру и говоритъ: «Государь, попросимъ, чтобы намъ уступили на томъ берегу мѣсто величиной съ эту бычью шкуру...» Людямъ, понесшимъ шкуру къ бею Константинополя, приказали сказать: «Падишахъ нашъ проситъ мѣстечко съ эту бычью шкуру на берегу, чтобы тамъ по временамъ отдыхать». Выслушавъ посланныхъ, правитель Константинополя согласился безъ всякаго колебанія и уступилъ мѣсто. Узнавъ объ этомъ, Махмудъ-паша тотчасъ переплылъ на противуположный берегъ и, разложивъ шкуру, разрѣзалъ ее острымъ ножомъ на пергаментныя полосы, а затѣмъ на занятомъ ими пространствѣ построилъ крѣпость. Тутъ только правитель Пелямбола, увидавъ, что сдѣлано, раскаялся въ своемъ поступкѣ и впалъ въ безпокойство. Между тѣмъ, въ то время всѣ припасы въ Константинополь привозились съ Чернаго моря, такъ какъ городъ Галлиполи находился въ нашихъ рукахъ. Поэтому, когда суда шли съ Чернаго моря, люди, находившіеся въ нашей крѣпости, топили ихъ пушечными выстрѣлами и жители Константинополя отъ недостатка припасовъ очень ослабѣли. Послѣ того неожиданно было сдѣлано нами нападеніе съ 10,000 войска, и въ 3

*) См. *Сборн. отд. русск. языка и словесн.,* изд. ак. наукъ, т. 28, стр. 91.

**) По преданію, Махмудъ-паша при жизни султана Мурада былъ дядькой Мухаммеда.

дня была завоевана Галата. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о взятіи самого Константинополя, также украшенный легендами *).

Что касается непосредственнаго источника турецкой версіи сказки о бычьей шкурѣ, то можно предположить, что турки узнали ее въ Константинополѣ, какъ мѣстную легенду, прикрѣпленную къ почвѣ, и дали сказкѣ только другое пріуроченіе, подставивъ своего султана и его визиря на мѣсто генуезцевъ, утвердившихся подобнымъ же обманомъ въ Перѣ, согласно преданію, слышанному Клавихо.

Если въ разсмотрѣнной версіи хитрость Дидоны приписываютъ себѣ турки, то, не заходя далеко за предѣлы Балканскаго полуострова, можно найти подобную же сказку, въ которой роль обманутыхъ переносится на турецкаго султана. Вотъ какое народное преданіе изъ Герцеговины сообщаетъ знатокъ сербской народности Вукъ Врчевичъ въ одномъ сербскомъ журналѣ (*Србадија*). Одинъ христіанинъ изъ Сараева (Босна сераль), прослуживъ 20 лѣтъ вѣрно и честно султану, задумалъ вернуться въ родной городъ и испросилъ у султана фирманъ, въ силу котораго сараевскимъ христіанамъ дозволялось построить церковь и кладбище на такомъ пространствѣ земли, которое можно обнять коровьей шкурой. Горожане повторили хитрость Дидоны и на пространствѣ, обведенномъ ремнемъ, начали возводить фундаментъ для постройки. Сараевскіе турки запротестовали, но христіане показали имъ султанскій фирманъ. Тогда мусульмане отправили депутацію въ Константинополь съ жалобой на христіанъ. Но султанъ не принялъ ихъ сторону: «Я не зналъ,—сказалъ онъ,—что христіанинъ можетъ такъ ловко обмануть; но что сдѣлано, то сдѣлано,—царское слово не отмѣнимо». Когда постройка была закончена, ее обвели кругомъ ремнемъ и оказалось, что мѣра была соблюдена точно **).

Передвинувшись съ Балканскаго полуострова на сѣверъ къ области германскихъ народовъ, мы находимъ рядъ варіантовъ нашей сказки въ средневѣковыхъ сказаніяхъ англо-саксовъ, норманновъ и нѣмцевъ.

Начнемъ съ исландской саги о сынѣ Рагнара Лодброка Иварѣ. Рагнаръ датскій несчастливо воевалъ съ Эллой, королемъ англійскимъ, былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ яму со змѣями. Умирая, онъ угрожаетъ Эллѣ мщеніемъ своихъ сыновей. Опасаясь этой кровной мести, Элла старается склонить ихъ къ миру дарами, но всѣ они, кромѣ Ивара, продолжаютъ воевать съ королемъ Англіи и такъ же неуспѣшно, какъ ихъ отецъ. Иваръ притворился готовымъ къ примиренію и, вмѣсто виры за кровь отца, проситъ у короля Эллы лишь столько земли, сколько можно покрыть бычьей кожей. Получивъ согласіе Эллы, Иваръ велѣлъ размочить кожу, растянуть и вырѣзать изъ нея тонкій длинный ремень. Обведя этимъ

*) Преданіе, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ, посвящено жизни и дѣяніямъ Махмуда-паши и помѣщено въ турецкомъ текстѣ въ хрестоматіи Dieterici, (*Chrestomatie ottomane,* Berlin, 1854), который извлекъ его изъ собранія рукописей Diez'a, хранящихся въ берлинской королевской библіотекѣ (Q. 57).

**) См. замѣтку Ягича въ *Archiv für slavische Philologie* I, S. 153.

ремнемъ значительное пространство, Иваръ строитъ на немъ замокъ Лундунаборгъ, величайшій и знаменитѣйшій въ Нордландѣ. Утвердившись такимъ образомъ на почвѣ Англіи, Иваръ дѣлается вассаломъ Эллы и старается щедростью расположить къ себѣ мѣстное населеніе. Затѣмъ, когда ему удалось усыпить недовѣрчивость короля, онъ призвалъ къ себѣ своихъ братьевъ и поднялъ возстаніе противъ Эллы. Однако, чтобы сдержать данную королю клятву, онъ самъ лично не принималъ участія въ битвахъ. Судьба Эллы кончилась трагически: онъ попалъ въ плѣнъ, и сыновья Рагнара, отмщая кровь отца, вскрыли его жилы. Иваръ сталъ королемъ Англіи. Въ датской исторіи Саксона Грамматика, историка XII вѣка († 1204 г.), то же преданіе разсказывается нѣсколько иначе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Король Англіи названъ Гелла (Hella), обманъ произведенъ посредствомъ лошадиной шкуры, имени города нѣтъ. Въ сагѣ объ Ингварѣ, утвердившемся посредствомъ той же хитрости въ Northumberland'ѣ при королѣ Эллѣ, городъ, къ построенію котораго прикрѣплена легенда, называется Jorvik, т.-е. Іоркъ. Здѣсь опять замѣшалась народная этимологія, такъ какъ Іог на скандинавскомъ языкѣ значитъ *конь*.

Другая легенда того же характера, также прикрѣпленная къ Англіи, и извѣстная изъ хроники Готфрида Монмоутскаго (XII в.), приписываетъ обманъ съ воловьей шкурой предводителю саксовъ, Генгисту. Обманувъ такимъ образомъ британскаго короля Вортегирна, Генгистъ, по преданію, построилъ замокъ Кэркоррей (Kaercorrei), котораго британское имя будто бы испорченное латинское слово corrigia—ремень (по-саксонски онъ назывался Thancastro, т.-е. castrum corrigiae) **).

Иногда разсматриваемая сказка получаетъ настолько характеръ историческаго разсказа, пріурочиваясь къ именамъ историческихъ лицъ, что въ нее вносится даже хронологическая дата. Такъ, сообщается, что шведскій король Бирге (Byrge), отправившись въ 1312 году на островъ Готландъ (Guthiland), выпросилъ у жителей города Висби такой клочекъ земли, который онъ могъ бы покрыть телячьей шкуркой. Затѣмъ, совершивъ обычный обманъ, онъ построилъ на мѣстѣ, обмѣренномъ ремнемъ, большой домъ, называемый доселѣ «домомъ телячьей шкуры». Здѣсь въ свои пріѣзды останавливался король Бирге и его потомки, пока король Эрикъ не построилъ замокъ Виссборгъ.

Передвинувшись изъ Готланда на востокъ въ Лифляндію, мы найдемъ нашу сказку снова въ прикрѣпленіи къ городу, именно къ Ригѣ. Діонисій Фабриціусъ сообщаетъ слѣдующее преданіе о хитрости нѣмецкихъ купцовъ. Явившись къ королю ливовъ, нѣмцы просили уступить имъ на устьѣ Двины столько земли, сколько можно обмѣрить бычьей шкурой. На этомъ мѣ-

---

*) Ragnar Lodbroks saga, cap. 19, 20. См. у Grimm'a—*Deutsche Rechtsalterthümer*, S. 91.

**) См. *J. Grimm:* „Deutsche Rechtsalterthümer, 2 ausg. 1854, S. 90.

стѣ, гдѣ впослѣдствіи возникла Рига, нѣмцы построили нѣсколько небольшихъ зданій для склада товаровъ и завязали торговлю въ странѣ *).

Вступивъ уже вмѣстѣ съ преданіемъ о Ригѣ на почву, принадлежащую Россіи, приведемъ и другіе извѣстные намъ варіанты нашей сказки, записанные въ нашемъ отечествѣ. Покойный этнографъ Павелъ Якушкинъ, исходившій переодѣтый офеней многія области Россіи, слышалъ въ Псковской губерніи такой разсказъ объ Иванѣ Грозномъ: «Грозный царь былъ здѣсь въ Опсковѣ, когда онъ былъ ѣхамши подъ Ригу воевать; подъ Ригу онъ ѣхалъ: на Изборскъ, на Печоры. На то время въ Печорахъ архимандритомъ былъ преподобный Корнилій. Былъ Грозный пріѣхамши въ Печоры; стрѣчалъ его съ крестомъ, иконами Корнилій преподобный. Благословилъ его Корнилій, да и говоритъ: «Позволь мнѣ, царь, вокругъ монастыря ограду сдѣлать».—«Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилій, сдѣлаешь? Маленькую дѣлай, а большой не позволю».—«Да я маленькую,—говорилъ Корнилій преподобный,—я маленькую: коль много захватитъ воловья кожа, такую и поставлю».—«Ну, такъ ставь»,—сказалъ, засмѣявшись, царь.

«Царь воевалъ съ Ригою ровно семь годовъ; а Корнилій преподобный тѣмъ временемъ поставилъ не ограду, а крѣпость, да царское приказаніе выполнилъ—поставилъ ограду на воловью кожу: онъ разрѣзалъ ее на тоненькіе-тоненькіе ремешки, да и охватилъ большое мѣсто, а кругомъ то мѣсто и огородилъ стѣною съ башнями, какъ есть крѣпость. Воевалъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ Ригу семь лѣтъ и поѣхалъ назадъ. Проѣхалъ онъ Новый городокъ (Нейгаузенъ), не доѣхалъ Грозный 12 верстъ до Печоръ, увидалъ съ Мерины горы—крѣпость стоитъ. «Какая такая крѣпость?»—закричалъ царь. Распалился гнѣвомъ и поскакалъ на Корниліеву крѣпость. Преподобный Корнилій вышелъ опять встрѣчать царя, какъ царскій чинъ велитъ: съ крестомъ, иконами, съ колокольнымъ звономъ. Подскакалъ царь къ Корнилію преподобному: «Крѣпость выстроилъ!—закричалъ царь,—на меня пойдешь!» Хвать саблей и отрубилъ Корнилію преподобному голову. Корнилій преподобный взялъ свою голову въ руки, да и держитъ передъ собою. Царь отъ него прочь, а Корнилій преподобный за нимъ, а въ рукахъ все держитъ голову. Царь дальше, а Корнилій преподобный все за нимъ да за нимъ... Царь видитъ то, сталъ Богу молиться, въ грѣхахъ отпущенія просить; сталъ царь Богу молиться, Корнилій преподобный и умеръ. Такъ царь ускакалъ изъ Корниліевой крѣпости въ чемъ былъ: все оставилъ: коляску, сѣдло, ложки, кошелекъ съ деньгами забылъ... Такъ испугавшись былъ... Послѣ того подъ Опсковъ и не ѣздилъ» **).

Историческій фактъ, лежащій въ основѣ этого псковскаго преданія,—смерть святого Корнилія. Извѣстно, что этотъ просвѣтитель чуди, игуменъ

---

*) См. *Christian Pabst:* „Bunte Bilder, das ist Geschichten, Sagen u. Gedichte nebst sonstigen Denkwürdigkeiten Ehstlands, Livlands, Curlands u. der Nachbarlande". I heft. Reval, 1856, S. 26—27.

**) *П. Якушкинъ:* „Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній". 1860 г., стр. 160.

псковской печорской обители, оставившій повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, былъ замученъ Іоанномъ IV въ 1570 году. Все же содержаніе преданія представляетъ любопытное соединеніе бродячаго сказочнаго сюжета о коровьей кожѣ съ легендою о посмертномъ чудѣ. Съ окончаніемъ разсказа можно сопоставить извѣстную смоленскую легенду о Меркуріи.

Пречистая Богородица, явившись къ угоднику своему Меркурію, въ то время, когда злочестивый царь Батый приступилъ къ Смоленску, повелѣваетъ ему биться съ врагами и сотворить отмщеніе крови христіанской. «Ступай,— говоритъ Богоматерь,— побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руки свои и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ тѣло твое въ моей церкви». Угодникъ Меркурій, вооружившись и найдя чуднаго осѣдланнаго коня, выѣхалъ на бой, прогналъ враговъ, и злочестивый царь, видя побѣду надъ людьми своими, въ страхѣ и ужасѣ, съ малою дружиной побѣжалъ отъ города. Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ все свое оружіе; потомъ преклонилъ голову и былъ усѣченъ. И такъ блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ уздцы, пришелъ въ свой городъ безглавенъ. Люди же, смотря на него, удивлялись Божію устроенію. Такъ дошелъ онъ до мологинскихъ воротъ, гдѣ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ. Такова въ главныхъ чертахъ *народная* редакція легенды о Меркуріи, помимо которой существуетъ *лирическая* въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и стихахъ, служащая переходамъ къ книжной передѣлкѣ, вошедшей въ Макарьевскія четьи-минеи. Въ послѣдней юноша, отсѣкшій голову Меркурію, является лютымъ *варваріномъ* или сыномъ исполина, убитаго Меркуріемъ въ бою. Слѣдствіемъ убіенія Меркурія является паническій страхъ, овладѣвающій Батыемъ и его войскомъ, которое въ смятеніи бѣжитъ отъ города *).

Приводя для уясненія окончанія псковскаго преданія о смерти Корнилія смоленскую легенду, я имѣю въ виду не только указать общій легендарный мотивъ усѣкновенной главы. Можетъ быть, между обѣими легендами, псковской и смоленской, существуетъ болѣе тѣсное отношеніе. Если мы вспомнимъ, что смоленская легенда была связана съ *Печерскимъ* монастыремъ (близъ Смоленска за Днѣпромъ), въ которомъ явила Богоматерь свое чудо, и что подобная же легенда, пріуроченная къ другому лицу и болѣе позднему историческому событію, разсказывается въ *Печерскомъ* же монастырѣ Псковской области, что въ обѣихъ легендахъ лицо, являющееся прямымъ или косвеннымъ виновникомъ смерти угодника, бѣжитъ охваченное ужасомъ послѣ усѣченія главы угодника, то склонимся къ предпо-

*) См. статью *Буслаева:* „Смоленская легенда о св. Меркуріѣ", въ *Очерк* etc. II, стр. 173 и слѣд. 191.

женію: не была ли занесена легенда изъ одной Печерской обители въ другую, болѣе позднюю, не была ли роль лютаго царя Батыя перенесена на Грознаго царя Ивана? Мотивомъ такого перенесенія, столь часто происходящаго въ народныхъ сказаніяхъ, могла быть смутная память, что св. Корнилій погибъ отъ грознаго царя. Подробности, столь интересующія естественно народное воображеніе, не извѣстны, и вотъ не создается вновь, а припоминается какими-нибудь странниками, слышавшими смоленское преданіе о Меркуріи и царѣ Батыѣ, старинный апокрифъ, передѣлывается въ нѣкоторыхъ чертахъ примѣнительно къ другимъ историческимъ именамъ и пускается въ народный оборотъ.

Что касается начала псковской легенды о Корнилiи, т.-е. построенія монастырскихъ стѣнъ, то и здѣсь, быть можетъ, существуютъ нѣкоторые слѣды, указывающіе путь, по которому сказаніе о воловьей кожѣ пришло въ Псковскую область. Вспомнимъ, что то же сказаніе было прикрѣплено къ Ригѣ и что псковское преданіе связываетъ построеніе Корниліемъ стѣнъ или возведеніе «крѣпости» съ походомъ Ивана Грознаго и *семильтнимъ* пребываніемъ его подъ стѣнами Риги. Не изъ рижскихъ ли предѣловъ занесено сказаніе «о воловьей кожѣ» въ псковскіе?

Вспомнимъ хорошо извѣстныя историческія и культурныя связи прибалтійскихъ нѣмцевъ съ Новгородомъ и Псковомъ, западное вліяніе на новгородское искусство, переходъ нѣкоторыхъ германскихъ книжныхъ сказаній въ народныя новгородскія и тому подобные культурные факты. Смутныя воспоминанія о нѣмецкихъ рыцаряхъ еще до сихъ поръ кое-гдѣ живутъ въ новгородскомъ и псковскомъ простонародьѣ. Такъ, П. Якушкинъ, между прочимъ, описываетъ любопытную святочную игру въ рыцари, распространенную въ Шимскомъ погостѣ, Новгородской губерніи, причемъ «окрутники» наряжаются рыцарями, устраиваютъ себѣ шлемы и забрала и скачутъ въ новый годъ верхами *).

Не останавливаясь долѣе на вопросѣ о слѣдахъ германскаго вліянія въ новгородскомъ и псковскомъ населеніи, требующемъ подробнаго изслѣдованія, перехожу къ другимъ версіямъ и пріуроченіямъ разсматриваемаго сказочнаго сюжета въ Россіи.

Полную аналогію разсмотрѣнной псковской легендѣ представляетъ записанное этимъ лѣтомъ С. Я. Дерунovымъ преданіе объ основаніи Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря. Преданіе разсказываетъ, какъ св. Кириллъ съ братомъ и другомъ своимъ св. Ферапонтомъ, удалившись изъ Москвы, странствовали по сѣверу, взошли на гору Мауру, любовались оттуда прекраснымъ видомъ Шексны, обрѣли на горѣ икону Смоленской Божьей Матери и получили отъ Богородицы внушеніе поселиться въ этихъ мѣстахъ. Спустившись съ горы, угодники пришли къ Сиверскому озеру. «Святый Кириллъ собралъ у озера жителей изъ окрестныхъ селеній и попросилъ у нихъ земли для келейки. Жители спросили: «Сколько, братику, надо зем-

*) *Путевыя письма* и проч., стр. 91.

лицы подъ келейку?» А св. угодникъ отвѣтствовалъ: «Какъ велика вытянется шкура воловья». Жители усмѣхнулись, да и согласились и подпись своеручно учинили. Святой угодникъ шкуру воловью разрѣзалъ на тонкіе ремешки, яко ниточки, да и обошелъ земли видимо-невидимо по пространству земному и водному: озера и рѣки съ лѣсами и угодьями стали святаго угодника Божія. Задумалъ онъ поселиться у озера Сиверскаго, гдѣ и основалась чудная обитель, а впослѣдствіи и градъ» *).

Кромѣ Ивана Грознаго, сказаніе о воловьей кожѣ пристало и къ другой знаменитой исторической личности еще болѣе поздняго времени, къ Петру Великому. Недавно была записана малорусская версія сказанія въ Черниговской губерніи и уѣздѣ. Царь Петръ представляется здѣсь воюющимъ съ какими-то двумя волшебницами—такой видъ въ народной памяти приняли враги Петра въ Сѣверной войнѣ—Лютрой (люторы = шведы?) и Утеранкой (?). «Петро, выпросивъ земли на шкурку у Утеранки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременци, посшивавъ ихъ, одъ Двины до Двины обовьевъ землю и построивъ крѣпость. Воевавъ онъ съ Утеранкою и Лютрою. Лютру убивъ одинъ козакъ, а съ Утеранкою царь Петро воевавъ що много лѣтъ. Дочка ни полюбыла Петра, ходила по саду зъ имъ и вонъ спрашуее ни, чи возьму я твою матку, чи нѣ? Хоть 7 годъ стой, дакъ не возьмешь. Есть у тебя солдатъ Иванъ, дакъ его смерть у моей матки, а матчина у его». Далѣе идетъ разсказъ о солдатѣ Иванѣ и о томъ, какъ чрезъ него царь Петръ справился съ Утеранкой **).

Въ этомъ преданіи, какъ и въ псковскомъ, мы также находимъ сочетаніе двухъ сказочныхъ сюжетовъ, изъ которыхъ второй относится къ широко распространенной сказочной формулѣ: дочь помогаетъ сказочному герою овладѣть своимъ отцомъ или матерью, принадлежащими къ породѣ колдуновъ, чародѣевъ, великановъ, вообще злыхъ существъ. Въ первомъ мотивѣ находимъ знакомое намъ сказаніе о шкурѣ, но безъ прикрѣпленія къ извѣстному городу или крѣпости, такъ что нѣтъ никакихъ слѣдовъ пути, которымъ бродячій сюжетъ пробрался въ черниговское простонародье.

Передъ нами уже прошелъ рядъ городовъ,—отъ Карѳагена и Калькутты до Константинополя, Лондона, Іорка, Риги,—связанныхъ съ разсматриваемымъ сказаніемъ. Въ эту серію нужно включить и нашу первопрестольную столицу. И ея основаніе когда-то въ глубокой старинѣ вызвало среди финскаго населенія, которому нѣкогда принадлежала безраздѣльно почва, ставшая впослѣдствіи историческимъ центромъ великорусскаго государства, знакомый всесвѣтный сказочный сюжетъ. Послѣдовательное обрусѣніе финскаго населенія въ московскихъ предѣлахъ и отступленіе его на дальній сѣверо-востокъ занесло эту сказку о Москвѣ далеко отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ она была нѣкогда прикрѣплена. Ее разсказываютъ или неда но

*) См. *Этнографическое Обозрѣніе* 1893 г., кн. XVIII, стр. 161.

**) Легенда была сообщена жителемъ села Колчина въ *Черниговскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ* 1889 г., № 5, и перепечатана въ *Кіевской Старинѣ* 1889 г., февр ль стр. 542.

еще разсказывали, по свидѣтельству академика Шёгрена, зыряне, населяющіе, какъ извѣстно, сѣверо-восточную часть Вологодской губерніи и смежныя съ нею части Архангельской и Вятской губерній. Къ сожалѣнію, Шёгренъ не указалъ, гдѣ именно привелось ему записать зырянское преданіе. Онъ говоритъ лишь слѣдующее: «Такъ какъ зыряне произносятъ имя Москва—Mösskua, то примѣнили къ нему довольно курьезную этимологію. Когда зыряне еще жили въ тѣхъ мѣстахъ (гдѣ впослѣдствіи была построена Москва) и когда русскіе начали тамъ селиться, послѣдніе просили у одного зырянскаго князя уступить имъ столько земли, сколько можно покрыть коровьей шкурой. Князь, не подозрѣвая хитрости, дозволилъ имъ это, и русскіе поступили, какъ нѣкогда Дидона. Съ тѣхъ поръ это мѣсто, по словамъ зырянъ, получило названіе Möss-ku, т.-е. коровья кожа» *). Дѣйствительно, по-зырянски и пермяцки слово mös значитъ «корова», а ku—«кожа».

Зырянское сказаніе вызываетъ слѣдующіе вопросы: имѣетъ ли оно какое-нибудь историческое основаніе? Явилось ли оно только по случайной народной этимологіи у зырянъ въ современной территоріи, ими населенной, или наслѣдовано ими изъ старины отъ предковъ?

Зыряне, вмѣстѣ съ пермяками, составляли нѣкогда одно финское племя, жившее нераздѣльно въ одной территоріи. Это — фактъ, уясненный давно изслѣдователями языковъ финской семьи, и нѣтъ основанія отдѣлять древнѣйшій періодъ исторіи зырянъ отъ древнѣйшаго періода исторіи пермяковъ. Для опредѣленія района, въ которомъ въ глубокой древности жили общіе предки тѣхъ и другихъ, служатъ хорографическія названія извѣстнаго зыряно-пермяцкаго типа, распространенныя въ ихъ современной территоріи, и, слѣдя за такими названіями за предѣлами этой территоріи, изслѣдователи (Шёгренъ, Веске, Смирновъ, Альквистъ и друг.) стараются опредѣлить приблизительно древніе предѣлы распространенія финновъ *пермской* группы. Особенно пристально въ послѣднее время занимался этимъ вопросомъ проф. И. Н. Смирновъ въ своей интересной монографіи о пермякахъ **). Изучивъ хорографическія названія территорій зырянъ и пермяковъ, т.-е. названія рѣкъ, ручьевъ, озеръ, горъ, болотъ и населенныхъ мѣстъ, авторъ сводитъ ихъ къ нѣсколькимъ рѣзко опредѣленнымъ типамъ. Таковы для текучихъ водъ названія, сложенныя со словами *ва* (иначе — ма)—вода, рѣка, *шоръ*—рѣчка, *joль*—рѣчка, *ю*—рѣчка, *вожъ*—рукавъ и друг. Для названій урочищъ или населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по верховьямъ, по теченію или въ устьяхъ рѣкъ, типическими являются окончанія *илъ*, *дорь*, *динъ*. Разсмотрѣвъ и другіе звуковые признаки, характеризующіе зыряно-пермяцкія хореографическія названія, авторъ посредствомъ ихъ опредѣляетъ предѣлы, въ которыхъ когда-то жили общіе

*) *Пермяки.* Историко-этнографическій очеркъ. Казань, 1891 г.

**) *Sjögren:* „Histor.-ethnolog. Abhandlungen über den Finnischen und Russischen Norden" въ *Gesamm. Schriften,* I, S. 301.

предки обоихъ племенъ. Предѣлы эти обнимаютъ огромную территорію, въ которую въ Европейской Россіи, кромѣ губ. Пермской, Вятской, Вологодской, входятъ нѣкоторыя части губерній Костромской, Владимірской, *Московской*, Калужской, Новгородской, Архангельской. Въ Московской губерніи встрѣчается рядъ рѣчныхъ названій зыряно-пермскаго типа. Кромѣ *Клязьмы*, на сѣверъ отъ нея *Яхрома* (притокъ Сестры), *Вѣдома;* на югъ *Москва* рѣка (названіе послѣдней уже Шёгреномъ было признано пермскимъ), на крайнемъ югѣ губерніи *Протва,* вступающая частью своего теченія въ сѣверо-восточный уголъ Калужской губерніи. Южнѣе Протвы,—говоритъ г. Смирновъ,—мы уже не встрѣчаемъ рѣчныхъ названій разсматриваемаго типа: тутъ уже идутъ *южно*-финскія названія» *). Эти лингвистическо-этнографическіе факты заставляютъ предполагать, что славянское заселеніе предѣловъ нынѣшней Московской губерніи могло застать на этихъ мѣстахъ предковъ нынѣшнихъ зырянъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что потомки, до сихъ поръ еще живущіе въ древнихъ условіяхъ жизни, консервативные въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, могли наслѣдовать преданіе о поселеніи русскихъ на мѣстахъ, нѣкогда принадлежавшихъ ихъ давнимъ предкамъ. Конечно, случайное совпаденіе названія Москвы съ ихъ родными словами *мӧс* и *ку* послужило къ появленію и пріуроченію сказки о коровьей кожѣ, но послужило не въ недавнее время нынѣшнимъ зырянамъ Вологодской губерніи, а ихъ предкамъ, болѣе близкимъ къ Москвѣ по мѣстности и къ ея основанію—по времени. Конечно, какой-нибудь зырянскій остроумецъ, задумавшись въ наше время надъ такимъ курьезнымъ совпаденіемъ названія главнаго русскаго города, отдаленнаго отъ него тысячью верстъ, съ зырянскими словами и не зная никакихъ преданій о прошлыхъ историческихъ отношеніяхъ своего народа къ русскимъ, могъ бы придумать разныя объясненія этого совпаденія. Но его предокъ, еще воевавшій съ русскими и наблюдавшій ихъ насильственное занятіе зырянской территоріи, могъ пріурочить къ этой борьбѣ съ хитрымъ и непреодолимымъ врагомъ сказаніе о коровьей кожѣ. Мы видѣли рядъ примѣровъ тому, что оно появляется, точнѣе—припоминается, именно въ случаяхъ столкновенія двухъ народностей, причемъ народность пострадавшая, уступившая свою территорію другой, объясняетъ свою неудачу обманомъ, къ которому долженъ былъ прибѣгнуть врагъ-насельникъ, такъ какъ не могъ побѣдить открытою силой.

Въ недавнее время, при большемъ знакомствѣ съ кавказскими сказаніями, наша сказка нашлась и тамъ, именно вплетенною въ кабардинскія преданія. Она прикрѣплена къ аулу Куденетову, расположенному на берегу рѣки Чегема въ Терской области. Разсказывается, что въ тѣхъ мѣстахъ и на р. Баксанѣ жилъ съ своимъ родомъ родоначальникъ кабардинцевъ Тамбіевъ, отецъ прекрасной дочери Зулиханъ. Стояла весна. Снѣга въ горахъ стаяли, отъ чего разыгрался Баксанъ и, выйдя изъ береговъ, разлился во всѣ стороны. Аульные жители, въ числѣ которыхъ

*) *Пермяки* и проч., стр. 93.

былъ и Тамбіевъ, вышли полюбоваться бушующею рѣкой, какъ вдругъ на противоположномъ берегу показался всадникъ на бѣломъ конѣ. Подъѣзжая къ рѣкѣ, онъ сталъ гарцовать на своемъ конѣ, и всѣ Тамбіевцы съ нетерпѣніемъ ожидали, что̀ онъ станетъ дѣлать. Тогда Тамбіевъ, обратившись ко всему народу, сказалъ: «Если этотъ всадникъ переправится вбродъ чрезъ рѣку къ намъ, то я отдамъ за него свою дочь. Всадникъ оказался удальцомъ; онъ бросился въ рѣку и послѣ упорной борьбы съ яростными волнами благополучно вышелъ на берегъ. Тамбіевъ долженъ былъ исполнить обѣщаніе, данное имъ передъ цѣлымъ ауломъ, и пріѣзжій, оказавшійся евреемъ по имени Куденетъ, сталъ его зятемъ. Женившись на дочери Тамбіева, Куденетъ жилъ цѣлый годъ въ особомъ домѣ, построенномъ для него тестемъ. По истеченіи этого срока, молодая должна была, какъ этого требовалъ обычай, посѣтить домъ своего отца. Отправляясь туда, жена спросила мужа, какіе подарки брать у отца, когда онъ станетъ ихъ предлагать. «Попроси у отца,—сказалъ Куденетъ,—столько земли, сколько можно захватить воловьею шкурой». Жена исполнила безпрекословно приказаніе мужа. «Бери самую большую воловью шкуру, какая найдется въ аулѣ!»—сказалъ, усмѣхнувшись, отецъ, выслушавъ просьбу дочери. На слѣдующій день Куденетъ, при свидѣтеляхъ, зарѣзалъ быка, снялъ съ него шкуру и, разрѣзавъ ее на тоненькіе ремешки, отправился къ отцу. Принесли туда огромную связку тончайшихъ ремней, и Куденетъ началъ, при большомъ стеченіи народа, развертывать по землѣ свои ремни. Тамбіевъ стоялъ въ недоумѣніи, да и всѣ аульные жители не знали, что̀ изъ этого выйдетъ. Куденетъ растянулъ свои ремни, начиная отъ кургана Фендуко, и захватилъ ими огромное пространство земли, насколько можно окинуть взоромъ; въ составъ земли, обведенной ремешками, вошли также берега р. Чегема, на которомъ онъ основалъ свой аулъ, существующій и понынѣ и называемый Куденетовымъ *).

Изслѣдователь языка и фольклора кабардинцевъ, г. Лопатинскій, сообщившій это преданіе, указавъ на его сходство съ преданіемъ о Карѳагенѣ, подчеркиваетъ, что Куденетъ былъ *евреи*, такъ же какъ Дидона была *семитка*, и замѣчаетъ далѣе: «Общность этого преданія расширяетъ еще кругъ сопоставленій между мивами народовъ бассейна Средиземнаго моря и кавказскими сказаніями» **). Такое заключеніе является чисто-случайнымъ, такъ какъ основано на сравненіи только двухъ варіантовъ сказанія. Конечно, семитизмъ Куденета и Дидоны здѣсь ни причемъ, и нѣтъ между кавказскимъ и карѳагенскимъ сказаніями какой-нибудь исторической или генетической связи, большей чѣмъ между другими версіями того же сюжета. Особенность кавказскаго варіанта, по сравненіи съ большинствомъ уже разсмотрѣнныхъ нами, заключается въ томъ, что онъ не носитъ международнаго характера: здѣсь въ основѣ лежитъ не столкновеніе двухъ на-

*) *Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа*, 1891 г., X , стр. 18—19.

**) Тамъ же, стр. 20.

родовъ, а выдѣленіе части земли, правда чужестранцу-пріѣзжему, но породнившемуся съ мѣстнымъ владѣльцемъ. Дочь, поддерживающая интересы мужа противъ отца, напоминаетъ весьма распространенный сказочный типъ. Затѣмъ въ этомъ преданіи, на мой взглядъ, ярче выставлена, чѣмъ въ другихъ, юридическая сторона дѣла. Въ раньше разсмотрѣнныхъ варіантахъ, представляющихъ столкновеніе двухъ племенъ, уловка съ коровьей кожей, продѣланная пришлымъ племенемъ, представляется какъ обманъ одной стороны и оплошность другой. Если мы не видимъ здѣсь протеста со стороны обманутыхъ, попытокъ выгнать насильниковъ, вторгнувшихся въ ихъ территорію, то это вполнѣ понятно: обманъ приписывается сторонѣ, оказывающейся болѣе сильной,— такими исторически оказались, наприм., саксы относительно бритовъ, норманны относительно англосаксовъ, русскіе относительно предковъ зырянъ, нѣмцы относительно ливовъ и т. д. Такого отношенія нѣтъ между сильнымъ своимъ родомъ Тамбіемъ и одиночнымъ пришельцемъ Куденетомъ. Тамбій долженъ былъ поступиться значительною частью своихъ владѣній, очевидно, потому, что призналъ юридическую силу въ поступкѣ Куденета. Актъ отмежеванія земли происходитъ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, которые, такъ сказать, его санкціонируютъ своимъ присутствіемъ. Здѣсь ярче, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ преданіяхъ, выступаетъ обрядовая сторона, символика овладѣнія землею, на чемъ я остановлюсь ниже.

Прослѣдивъ дошедшія до насъ сказки на почвѣ Европы, мы по ту сторону Атлантическаго океана найдемъ ту же избитую тему въ разсказахъ сѣверо-американскихъ племенъ (Делаваровъ, Огійцевъ, Ирокезовъ), что вполнѣ понятно, такъ какъ едва ли гдѣ-нибудь въ такихъ размѣрахъ какъ въ Америкѣ пускались въ ходъ коварство и обманъ европейскими пришельцами при овладѣніи землей. Такіе разсказы объ обманномъ захватѣ земли европейскими колонистами сообщаетъ Коттенкампъ въ своей книгѣ *О первыхъ американцахъ на Западѣ* *), которую мы знаемъ только изъ цитатъ.

Такимъ образомъ предъ нами прошло до 20 сказокъ одного сюжета: анекдотъ о захватѣ земли посредствомъ коровьей кожи разсказывали и въ глубокой древности, и въ средніе вѣка, и въ недавнее время народы разныхъ расъ и племенъ—семитскіе и индо-европейскіе, финскіе и тюркскіе и проч., разныхъ степеней культуры, разныхъ религій, живущіе на обоихъ полушаріяхъ. Разсмотрѣнная сказка можетъ, по справедливости, быть названа *всемірной*. Спрашивается, какіе выводы могутъ быть сдѣланы изъ нашихъ наблюденій о распространеніи этого анекдотическаго сюжета и каковъ былъ первоначальный смыслъ этого всемірнаго разсказа.

Извѣстные намъ варіанты сказки въ крайнихъ предѣлахъ своего распространенія доходятъ на востокѣ до Задней Индіи, на западѣ до американскихъ краснокожихъ, на сѣверѣ до Швеціи и на югѣ до африканскаго побережья. Несомнѣнно однако, что число варіантовъ не исчерпывается

*) См. *Orient.* и *Occ.* III, 187.

попавшими доселѣ въ разные сказочные сборники: вѣроятно, многія сказки того же рода, разсказывавшіяся въ древнія времена и средніе вѣка, исчезли безслѣдно, не попавъ въ письменность, вѣроятно, съ другой стороны, что въ дальнѣйшихъ развѣдкахъ въ области сказаній разныхъ современныхъ племенъ, изслѣдователи фольклора не разъ нападутъ на тотъ же популярный сюжетъ со всѣми его несложными деталями. На какомъ же пунктѣ земли, въ какое время возникъ въ первые этотъ сюжетъ и какой народъ впервые пустилъ его въ ходъ? Всякій народъ, разсказывающій эту сказку, смотритъ на нее какъ на историческій фактъ и увѣренъ, что либо его предки совершили хитрый поступокъ, либо пострадали отъ такого же поступка другого народа. Но изслѣдователь народныхъ сказаній, знающій не одинъ, а много такихъ quasi-историческихъ разсказовъ, знаетъ ихъ настоящую цѣну и изъ области положительной исторіи переноситъ ихъ въ область вымысла, полную однако, культурно-историческаго интереса. Конечно, изслѣдователь не можетъ надѣяться открыть тотъ народъ, который впервые сочинилъ эту сказку, такъ какъ время ея созданія лежитъ далеко за предѣлами исторіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ. Она была извѣстна раньше основанія Карѳагена и встрѣчается въ древнѣйшихъ религіозныхъ легендахъ Индіи. Но изслѣдователь можетъ найти психологическій мотивъ широкой популярности сказки о бычьей кожѣ и дать культурно-историческое объясненіе ея деталямъ.

Такъ изъ разсмотрѣнія условій, при которыхъ припоминается этотъ разсказъ, видно, что онъ всего чаще прикрѣпляется къ враждебному столкновенію двухъ народностей, къ захвату одной народностью территоріи, принадлежавшей другой. Народность, уступившая другой свою родную почву, не желая изъ чувства національной гордости признать себя побѣжденной открытой силой, скорѣе готова допустить, что была обманута врагомъ неблаговидными образомъ. И вотъ благопріятныя условія для припоминанія сказки о бычьей кожѣ. Такъ какъ исторія человѣчества полна фактами насильственныхъ вторженій однихъ народовъ на территорію другихъ, то понятно, какъ часто оно имѣло случай припоминать сказку, вводить въ нее историческія имена, обращать ее въ историческое событіе.

Обратимъ теперь вниманіе на одну черту сказки, проходящую по всѣмъ пересказамъ. Наивный, на нашъ взглядъ, обманъ, къ которому прибѣгли Дидона и цѣлый рядъ другихъ персонажей, обнаруживается немедленно, но нигдѣ не видно, чтобы обманутая сторона протестовала и требовала себѣ возвращенія своей, занятой врагомъ, территоріи. Въ герцеговинской сказкѣ, какъ мы видѣли, вводится то объясненіе, что султанъ, хотя и видитъ явный обманъ, находитъ остроумной хитрость сараевскихъ христіанъ и свое султанское слово не отмѣннымъ. Но въ другихъ сказкахъ чувствуется въ обѣихъ сторонахъ, обманывающей и обманываемой, какое-то скрытое убѣжденіе, что путемъ обведенія участка земли ремнями совершился юридическій актъ, имѣющій законную силу. Въ этомъ-то и заключается основной смыслъ сказки и ея культурно-историческій интересъ. Она впер-

вые сложилась въ такой средѣ, по понятіямъ которой разсказываемое событіе было вполнѣ раціонально. Народъ, сложившій сказку, долженъ былъ признавать юридическую силу акта, совершеннаго Дидоной и прочими, т.-е законность овладѣнія тѣмъ пространствомъ почвы, которое было обведено ремнемъ изъ коровьей кожи. Очевидно, такой поступокъ относится къ обширной области символики въ правѣ, которая такъ широко развита въ жизни первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ, хорошо извѣстна средневѣковой Европѣ и еще доселѣ живетъ въ обычномъ правѣ многихъ племенъ. Исторіи культуры извѣстенъ рядъ символическихъ актовъ, практиковавшихся при переходѣ недвижимой собственности въ частное владѣніе. Такъ, напримѣръ, для перехода недвижимыхъ имуществъ требуется передача извѣстной части вмѣсто цѣлаго: при продажѣ поля новый владѣлецъ получалъ въ руки кусокъ дерну. Этотъ способъ назывался въ сѣверно-русскихъ купчихъ XIV—XVI вв., продажей земли въ «дернь» или «одерень» *). У нѣкоторыхъ народовъ для символическаго обозначенія права собственности употребляется шерстяная нитка, которою предметъ обвязывается. У карибовъ изъ Куманы было достаточно обвести шерстяной ниткой садъ или полевой участокъ, чтобы охранить его отъ посягательства посторонннхъ лицъ **). Тамъ, гдѣ не было недостатка въ землѣ, всякій имѣлъ право захватить въ частную собственность любое пространство, но подъ условіемъ его обработывать. Такой взглядъ на право перваго захвата еще доселѣ не отжилъ свое время у донскихъ козаковъ. По свѣдѣніямъ М. Н. Харузина, пользуясь этимъ правомъ, богатые козаки ограничиваются лишь тѣмъ, что опахиваютъ кругомъ извѣстное пространство земли въ степи, т.-е. проводятъ нѣсколько бороздъ по бокамъ нивы, оставляя середину нетронутою, и затѣмъ переѣзжаютъ на другое мѣсто, гдѣ повторяютъ то же самое. По стародавнему обычаю, всѣ отмѣченныя такимъ образомъ пашни, считаются для остальныхъ неприкосновенными. Захвативъ этимъ способомъ нѣсколько участковъ, они часть ихъ обработываютъ сами, другую же часть отдаютъ тайно въ аренду пришлымъ иногороднымъ крестьянамъ подъ предлогомъ нанятія ихъ къ себѣ въ годовые работники ***). Слѣды древняго обычая опахиванья, какъ символа овладѣнія, сохранились въ римской литературѣ. По преданію, сообщаемому Ливіемъ, Горацію Коклесу было дано столько земли, сколько онъ могъ вспахать въ одинъ день (agri quantum uno die circumagerit) ****). Подобно тому, какъ у донскихъ козаковъ окружающая участокъ земли борозда считается неприкосновенной, такъ и въ разсматриваемой сказкѣ участокъ земли, обведенный ремнемъ, становится законной собственностью пришельцевъ.

Но, помимо символики обведенія ремнемъ, самый матеріалъ, изъ котораго онъ изготовленъ, повидимому, имѣлъ особое значеніе. Нельзя не от-

*) *М. Кулишеръ:* „Очерки сравнительной этнографіи и культуры", стр. 121.
**) Тамъ же, стр. 123.
***) Тамъ же, стр. 132.
****) *Liv.*, 2, 5.

мѣтитъ, что въ большинствѣ версій сказки упоминается именно бычья кожа, и нужно думать, что она существовала въ основномъ разсказѣ и, затѣмъ, когда утратился первоначальный смыслъ юридическаго акта, могла быть замѣнена конской или оленьей кожей. Вспомнимъ, что въ индійскомъ религіозномъ миѳѣ враждебные богамъ духи Асуры вымѣряютъ землю именно бычьей кожей, вспомнимъ культъ быка и коровы въ древней Индіи, названіе земли коровой *) и особенно важное въ культурно-историческомъ отношеніи древне-индійское названіе опредѣленнаго пространства земли gocarman, которое значитъ собственно коровья (go) кожа (carman). Любопытно также, что именно коровья кожа употреблялась въ символикѣ, связанной съ опредѣленіемъ межи. Въ сѣверо-западной Индіи, по свидѣтельству Элліота **), человѣкъ опредѣляющій межу, произноситъ торжественную клятву и обходитъ границы участка, неся на головѣ коровью кожу (такой обрядъ носитъ названіе *chaur*). Въ параллель съ древнимъ индійскимъ названіемъ мѣры земли (gocarman) можно поставить англо-саксонскій hyd, англ.—hide, означающее первоначально кожу (нѣмец. Haut), а затѣмъ извѣстный участокъ земли, равняющійся 40 моргенамъ. Отсюда становится очень вѣроятнымъ, что индійскій gocarman обозначало первоначально такой кусокъ почвы, который можно обхватить разрѣзанною на ремни коровьей кожей, и только впослѣдствіи, когда древнее значеніе было забыто, стало обозначать такое пространство, на которомъ могутъ вплотную помѣститься 100 коровъ съ ихъ телятами и быкъ ***).

И такъ, и коровья кожа, и обведеніе земли ремнемъ въ разсмотрѣнной народной сказкѣ имѣютъ очевидное символическое значеніе и открываютъ намъ завѣсу того отдаленнаго отъ насъ періода культуры, когда этой символикой освящался юридическій актъ перехода участка земли въ частную собственность. Сколько смѣнилось человѣческихъ поколѣній съ той поры, когда эта символика, нѣкогда считавшаяся раціональной и необходимой, утратила всякое значеніе и могла дать сюжетъ анекдоту, выставляющему хитрость одной и простоватость другой стороны! Конечно, наукѣ не удастся даже приблизительно опредѣлить періодъ, отдѣляющій насъ отъ первыхъ разсказчиковъ сказки, какъ ей доселѣ не удалось хронологически опредѣлить, такъ называемый, каменный вѣкъ человѣчества. Но какъ доисторическая археологія даетъ намъ возможность составить себѣ понятіе о внѣшнемъ бытѣ человѣка этого отдаленнаго времени, такъ сравнительная этнографія позволяетъ намъ иногда заглянуть въ его внутренній міръ посредствомъ изслѣдованія сказокъ, обычаевъ и обрядовъ современныхъ намъ дикихъ и мало-культурныхъ племенъ.

Всев. Миллеръ.

---

*) Въ Санскритѣ слово *go* имѣетъ то и другое значеніе.

**) *Elliot*: „Memoirs on the history, folklore and distribution of the races of the north western provinces of India". 1869, v. I, p. 239.

***) См. *Böhtlingk-Roth:* „Sanscritwörterbuch, s. v. Gocarman".

Новая культурная сила *).

Третій вѣкъ цивилизованный міръ смотритъ на столицу Франціи, какъ на источникъ и центръ духовной жизни, переживаетъ вмѣстѣ съ ней историческія драмы и послушно отзывается на ея настроенія, часто капризы. Ровно годъ назадъ настроеніе было неожиданно мрачно: Парижъ видѣлъ тяжелые дни. Никакихъ переворотовъ не было,—ни внутренней, ни внѣшней войны,—а, между тѣмъ, совершались событія, какими сопровождаются обыкновенно эпохи безпощадной ненависти среди народовъ. Надъ французскою столицей будто вновь разразилась прусская осада. Рушились зданія, увѣчились и гибли люди безъ разбору — ни въ чемъ неповинные, у кого нечего было отнимать, кого не за что было ненавидѣть. Казалось, вдругъ открылся какой-то тайный, годами созрѣвшій, недугъ. Отъ него приходили въ ужасъ, бѣжали, сознавая безсиліе бороться съ нимъ, даже опредѣлить его...

Два мѣсяца спустя послѣ драмы разыгрался фарсъ. Въ винномъ погребкѣ, гдѣ-то на окраинѣ Парижа, лопнула бочка. Надо было видѣть, какая дрожь съ быстротой молніи пробѣжала по громадному тѣлу мірового города. Запуганное воображеніе встрепенулось. Газеты выпускали четыре изданія по поводу фактовъ, о которыхъ въ другое время не сказали бы ни слова... Сколько же болѣзненнаго инстинктивнаго страха обнаружили люди другъ передъ другомъ, хотя, повидимому, кругомъ царствовалъ порядокъ и процвѣтала утончennѣйшая культура! На первый взглядъ это казалось неразрѣшимымъ противорѣчіемъ. Но, можетъ быть, именно здѣсь и таилась надежда. Можетъ быть, въ этой культурѣ было спасеніе. Вѣдь, ни одинъ вѣкъ не свободенъ отъ недуговъ и страха. Въ томъ же Парижѣ на каждой площади стоятъ изображенія великихъ дѣятелей мысли и жизни. Многіе изъ этихъ людей жили во времена умственнаго мрака и нравственной низости. Велась борьба во имя разума — и болѣзни врачевались. Отчего же не вѣрить и намъ, что бѣшеные припадки ненависти человѣка къ человѣ-

*) Публичная лекція, читанная 25 февраля 1893 г. въ Москвѣ въ пользу Комитета грамотности.

ку — рѣдкія исключенія и что рядомъ съ ними ведетъ обычную работу свѣтлая мысль и гуманное чувство? Плоды мысли и искусства въ наше время обильнѣе, чѣмъ когда-либо. Много знаменитыхъ именъ и произведеній перейдетъ отъ насъ въ потомство. Тысячи всѣмъ знакомыхъ желтыхъ томиковъ ежегодно свидѣтельствуютъ, какимъ могучимъ тактомъ бьется до сихъ поръ умственный пульсъ міровой столицы. Раскроемъ эти книги: не найдемъ ли, по крайней мѣрѣ, здѣсь *человѣка*, котораго такъ безчестятъ и такъ мало цѣнятъ въ дѣйствительности?

Читаемъ... Невольно въ нашей памяти воскресаютъ былые образы европейской литературы и припоминается аллегорія старинаго русскаго поэта, нехитро задуманная, наивно написанная, но прекрасно характеризующая наши впечатлѣнія. Поэтъ изобразилъ юношу, слишкомъ бурно и быстро прожившаго вѣкъ. Юный герой читаетъ книгу, раздѣленную тремя лентами: розовой, голубой и черной. Настроенія чтеца соотвѣтствуютъ каждому изъ этихъ цвѣтовъ:

Унылъ
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...
Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой,
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ
И жизнь догораетъ во взорахъ...

Современная литература вся написана будто за этою лентой. Вспомните, въ чемъ раньше люди видѣли свою силу, свою гордость, свое счастье,— все это развѣнчано, осмѣяно, поругано. Предъ нами популярнѣйшія имена новыхъ писателей и каждое изъ нихъ означаетъ гибель какого-нибудь источника нашихъ надеждъ. Это — настоящіе надгробные памятники надъ человѣческими стремленіями и идеалами. Здѣсь человѣкъ или смѣшонъ, или жалокъ, или ужасенъ, смотря, въ какомъ настроеніи, съ какимъ темпераментомъ онъ рисуется.

Вообразите спокойное чувство симпатіи, картину яснаго счастья въ семьѣ, въ дружбѣ,—авторъ постарается пропитать и сцены, и героевъ такимъ букетомъ пошлости, ничтожества, зальетъ такими густыми красками вульгарнаго и мизернаго, что у васъ останется развѣ только чувство состраданія и какой-то нравственной подавленности. Авторъ употребитъ всю силу своего таланта, чтобы пошлость и глупость поднять на высоту верховныхъ распорядителей человѣческой жизни.

Это—Флоберъ.

У другого писателя весь человѣкъ будетъ подчиненъ одной силѣ—страстнымъ запросамъ физическихъ наслажденій. На мѣсто нравственныхъ принциповъ—неустанная забота о тѣлѣ. На мѣсто морали откровенно и совершенно серьезно будетъ поставлена медицина и гигіена. Мы услышимъ такое поученіе насчетъ смысла нашего существованія: «чѣмъ дольше человѣкъ съумѣетъ пользоваться чувственною жизнью, тѣмъ онъ нравственнѣе».

«Я хотѣлъ бы,—сознается авторъ,— обладать живучестью цѣлаго поколѣнія до такой степени одолѣвають меня всевозможные аппетиты». Но спросъ въ такихъ вещахъ всегда превосходитъ предложеніе. Чувственныя удовольствія утомительно похожи одно на другое — и тоскующій эпикуреецъ начинаетъ презирать человѣка за безсиліе его фантазіи, за ограниченность его физическихъ силъ. Только что мы видѣли героя, бѣднаго духомъ, смѣшного и пошлаго,— теперь намъ представятъ существо съ немощною плотью, нѣчто дряблое, гадкое.

Это возьметъ на себя Мопассанъ.

Но не вездѣ же немощи и нищета, какъ бы безнадежно ни смотрѣть на людей. Можетъ встрѣтиться сила и страсть. Что же тогда? Третій авторъ дастъ намъ самый ясный категорическій отвѣтъ. Онъ изобразитъ намъ звѣря. Это и будетъ сильный человѣкъ нашего времени. Для него потребуется особая атмосфера,— его утопятъ въ эссенціи физической и нравственной грязи. Мы будемъ видѣть только тѣ стороны нашей природы, какими она соприкасается съ низшими ступенями творенія.

Ни въ одномъ чувствѣ, ни въ одной идеѣ не останется и признаковъ красоты и величія послѣ того, какъ человѣкъ побываетъ въ рукахъ новѣйшаго художника. Авторская кисть напоминаетъ гарпій, которыя своимъ прикосновеніемъ осквернили и отравляли пищу троянскихъ изгнанниковъ.

Скажите, можно ли послѣ этого щадить людей, уважать, любить? Сами романисты отнюдь не скрываютъ своего отвращенія къ нимъ. Пусть самый любезный изъ нихъ, Мопассанъ, сколько угодно забавляетъ насъ милымъ смѣхомъ, изящною наивною игрой двусмысленныхъ образовъ,— за шаловливою улыбкой неизмѣнно скрывается циническая насмѣшка надъ героями и самимъ читателемъ, чуется гадливое ощущеніе автора при одной мысли о человѣкѣ.

Современные писатели болѣе всего кичатся своимъ безпристрастіемъ, фактическою правдивостью. Они не дѣлаютъ никакихъ общихъ выводовъ, каковъ бы ни былъ собранный ими матеріалъ. Выводы, — говорятъ они, — дѣло философовъ, идеологовъ, а мы только историки и физіологи.

Дѣйствительно, выводы будутъ сдѣланы философами и будутъ они тѣмъ эффектнѣе, что появятся въ другой странѣ, среди народа совершенно другого культурнаго склада. Выводы будутъ самые логическіе, съ точки зрѣнія нашихъ писателей—безусловно убѣдительные. У романистовъ обыкновенный человѣкъ—глупецъ и пошлякъ, а сильный — звѣрь, и философъ объявитъ намъ: все человѣчество—безличное, безвольное стадо, или еще лучше—загнившая куча червей. Быть гуманнымъ, терпимымъ, т.-е. быть полезнымъ *стаду,* значитъ поощрять жалкую посредственность, плодить нравственную плѣсень. Настоящая добродѣтель—вознести свою личность надъ этимъ муравейникомъ, открыть безграничный просторъ своей натурѣ, стать сверхъ-человѣкомъ. Что это будетъ за герой—намъ извѣстно.

Философъ Нитче цѣликомъ возьметъ его изъ современной литературы. Отдѣльные факты онъ возведетъ только въ общій принципъ. Онъ тщательно

соберетъ все, чѣмъ проявляется въ жизни эгоистъ и звѣрь, поставитъ это чудовище на пьедесталъ и обратится къ человѣчеству съ воззваніемъ: «Да будетъ сверхъ-человѣкъ солью земли! Да снизойдутъ другіе на уровень рабовъ и простыхъ орудій! Ради него священно право человѣка на чужую личность, на чужую жизнь».

Теперь представьте дѣятеля, вдохновеннаго такими мыслями. Пусть явится пророкъ новой религіи, готовый не только проповѣдывать ее, но и оправдывать дѣлами... Развѣ его пропаганда,—если онъ рѣшится остаться послѣдовательнымъ,—не поведетъ къ такимъ же событіямъ, какія въ прошломъ году изъ Парижа приводили въ ужасъ весь міръ? Стоитъ только отождествить силу съ правомъ, и отъ всей цивилизаціи не останется камня на камнѣ. Воцарится анархія не больного горячаго воображенія, не слѣпыхъ инстинктовъ,— настанетъ анархія духа, всей человѣческой природы.

Мы видимъ, какъ пути современной литературы, мысли, жизни совпадаютъ: у нихъ общій источникъ. «Мы устали отъ человѣка»,—говоритъ одинъ новый мудрецъ. «Видъ животнаго,—сознается другой,—меня радуетъ, но при взглядѣ на человѣка во мнѣ закипаетъ непреодолимое отвращеніе». И эти чувства философы оправдываютъ личнымъ существованіемъ. Имъ подражаютъ представители художественнаго творчества. Это общій заговоръ мысли и таланта противъ человѣчества, и когда мы представляемъ, положимъ, Стриндберга на дикомъ уединенномъ островѣ среди стаи собакъ, намъ рисуется типическое настроеніе современнаго *сильнаго человѣка*.

Откуда такая злоба? Какъ въ концѣ нашего столѣтія могло возникнуть чудовище сверхчеловѣка, когда въ началѣ того же столѣтія восторженные поэты и трезвые политики не находили словъ—воздать должное идеальнымъ свойствамъ человѣческой природы? Послѣ, повидимому, истинно-братской любви одинаково къ великимъ и малымъ—дрожь физическаго отвращенія! Такъ это неожиданно,—и чувствительные страдаютъ и жалуются, равнодушные и менѣе искренніе успокоиваются на разныхъ словечкахъ, вродѣ: пессимизмъ, декадансъ, fin de siècle... На самомъ дѣлѣ, безцѣльны жалобы и излишни слова. Конецъ нашего вѣка по существу ничѣмъ не отличается отъ самыхъ жизнерадостныхъ эпохъ. Мрачные образы, угнетающіе современнаго человѣка, рѣяли надъ Европой въ минуты пламеннаго увлеченія человѣчествомъ и его будущимъ,—рѣяли только въ другомъ уборѣ и подъ другими именами.

Разъяснить этотъ вопросъ стало легко: предметъ обнаружилъ свою сущность съ откровенностью, возможною только въ наше откровенное время. Онъ далъ, наконецъ, зрѣлый, вполнѣ развитой плодъ... Изслѣдовать его представляетъ особенный интересъ именно для насъ, русскихъ. Безчисленное число разъ обсуждался смыслъ нашей дѣятельности среди европейскихъ народовъ. Главнѣйшіе отвѣты у всѣхъ на памяти. Однимъ казалось, мы должны безусловно и во всемъ слушаться Запада, другіе русскую самобытность возводили въ перлъ созданія и пророчили цѣлую Америку въ области цивилизаціи, называли даже Колумбовъ русскаго происхожде-

нія. Отвѣты сильные, но врядъ ли когда-либо представлялся такой случай отвѣтить точно и, повидимому, справедливо, какой мы видимъ при современномъ положеніи европейской мысли.

Вглядимся свободно и пристально въ прошлое и настоящее западной культуры. Если потребуется, смѣло подвергнемъ пересмотру ея старые завѣты, освященные временемъ и наслѣдственною привычкой. Только что изложенные современные результаты вѣковой цивилизаціи должны оправдать наши сомнѣнія, какъ бы далеко они ни шли.

Эта цивилизація, въ одномъ единственно для насъ существенномъ отношеніи, всегда оставалась одна и та же, производила ли она открытыхъ человѣконенавистниковъ или восторженныхъ идеалистовъ. Вызовемъ изъ самаго свѣтлаго прошлаго самые чистые образы, разсмотримъ внимательнѣе ихъ черты,— мы будемъ поражены фамильнымъ сходствомъ поэтичнѣйшихъ созданій минувшаго съ кошмаромъ нашихъ дней.

Вы знаете, на зарѣ нашего вѣка появился всѣмъ до сихъ поръ дорогой, какъ воспоминаніе молодости, шиллеровскій «гражданинъ вселенной», «посланникъ человѣчества», «создатель человѣческаго счастья»: такъ называетъ себя маркизъ Поза, а самъ поэтъ увѣренъ, что создаетъ намъ идеальнаго человѣка. Въ ту минуту, когда испанскій король взываетъ къ Богу: «Дай человѣка мнѣ, Создатель,—только человѣка!» — является Поза. Онъ говоритъ горячо, въ каждомъ словѣ заявляетъ о своей страстной любви къ человѣчеству. И эта любовь дѣйствительно должна быть велика! Рядомъ съ ней маркизъ не терпитъ другихъ чувствъ. Онъ жестоко укоряетъ принца, когда тотъ отдается невольному влеченію своего юношескаго сердца. Онъ требуетъ, чтобы, вмѣсто любви къ женщинѣ, въ груди Донъ-Карлоса «вселенная вмѣщалась». Сильныя идеи возникаютъ въ сильныхъ умахъ. О маркизѣ говорятъ, что онъ не мечтатель, что онъ глубоко постигъ людей и предпринимаетъ только то, что надѣется окончить. Всѣ данныя для дѣятельности реформатора. Послушаемъ, какъ онъ поведетъ ее...

Перомъ черкнуть вамъ стоитъ,— и земля
Обновлена!...
Возстановите право человѣка
Во всемъ его величьи!...

Вотъ слова, съ какими маркизъ обращается къ королю деспоту и фанатику. Вдумайтесь въ эту рѣчь, и вы будете поражены ея сходствомъ съ увѣщаніями, какія великій инквизиторъ обращаетъ къ Филиппу. Инквизиторъ говоритъ:

Что вамъ въ человѣкѣ?
Для васъ онъ цифра — больше ничего...

Развѣ маркизъ исходитъ не изъ того же представленія о человѣкѣ, когда убѣждаетъ Филиппа однимъ почеркомъ пера обновить міръ? Цѣли у католическаго палача и благороднаго маркиза различны, но на средства и предметъ дѣятельности оба смотрятъ совершенно одинаково. Для того и для другого человѣческая природа — листъ бумаги, на которомъ одинаково

легко и просто написать догматы римскаго папы и идеи Руссо. Отдѣльныя личности превращаются въ груду камней: предполагается, что первый же энергичный архитекторъ можетъ возвести какое угодно зданіе по собственному вкусу. Ни у инквизитора, ни у Позы нѣтъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что каждый человѣкъ, какъ бы малъ и незамѣтенъ онъ ни былъ, носитъ въ себѣ цѣлый міръ годами взлелѣянныхъ, часто выстраданныхъ чувствъ и убѣжденій. Для него будетъ одинаковою жестокостью, кто бы ни подписалъ хартіи, разъ преобразователь вздумаетъ оперировать съ нимъ, какъ съ цифрой...

И посмотрите, сколько тождественныхъ взглядовъ и отношеній у людей, повидимому, совершенно противуположныхъ! Инквизиторъ, истребляя у Филиппа чувство отца, говоритъ ему: «Предъ вѣрою нѣтъ голоса природы». А когда Поза громитъ безпощадною рѣчью самыя естественныя настроенія юнаго принца, когда онъ ради своихъ плановъ забываетъ чувство дружбы къ нему,—развѣ онъ въ свою очередь не доказываетъ, что для нѣкоторыхъ идеалистовъ предъ идеей такъ же нѣтъ голоса природы, какъ для фанатиковъ нѣтъ его предъ вѣрой? И если прекрасный, высокоодаренный принцъ подвергся укоризнамъ, не смогъ вынести бремени, возложеннаго на него представителемъ человѣчества,—чего же было ожидать отъ обыкновенныхъ смертныхъ? Даже раньше, чѣмъ Поза успѣваетъ сдѣлать опытъ съ своими идеями, разражается двойная кара. Маркизъ умираетъ со словами: «сумасбродствомъ была моя увѣренность», а принцъ сознается: «жатвы мои пропали», «въ сердцѣ моемъ вымерла природа».

И насъ не изумляетъ такой конецъ. Природа, съ какою бы цѣлью ни пренебрегали ея законами, мститъ за себя неотразимо. Равнодушіе къ человѣческой личности, незнаніе человѣка, какія бы идеальныя стремленія ни воодушевляли насъ, отплачиваются разочарованіемъ и отчаяніемъ.

Вотъ первый идеальный образъ, открывшій нашъ вѣкъ. Развѣ мы не прочли на лицѣ этого самоувѣреннаго, героически-настроеннаго реформатора родовыхъ признаковъ сверхчеловѣка? Развѣ намъ не рисовался здѣсь пьедесталъ, воздвигнутый изъ слабыхъ безличныхъ существъ для одного сильнаго?... И развѣ теперь неясна намъ разница между идеальною любовью къ человѣчеству и живою симпатіей къ человѣку? Сейчасъ мы увидимъ эту разницу еще ближе. Герой палъ. Но на этотъ разъ вина, можетъ быть, не въ немъ. Поза говоритъ:

> Вѣкъ тщедушный
> Не вызрѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ.

Можетъ быть. Вѣдь, область, охваченная идеями въ шиллеровской драмѣ, крайне ограничена. Принцъ, маркизъ,—а народъ—темная безотвѣтная масса. Можетъ быть, иначе будетъ, когда появятся личности среди цифръ, когда проснутся идеи тамъ, гдѣ человѣкъ коснѣлъ до сихъ поръ подъ гнетомъ вѣковыхъ преданій и лишеній. Здѣсь искони жили простою реальною жизнью, привыкли терпѣть, даже любить обыкновеннаго средняго человѣка,

и, можетъ быть, именно здѣсь пламенная идея дастъ рядомъ съ собою мѣсто природѣ. Найдетъ литература идеалистовъ среди народа и мы услышимъ новыя рѣчи.

Революціонныя движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ были въ сильной степени демократическими, народными. На общественной сценѣ появился новый дѣятель, бывшій раньше только орудіемъ,—теперь часто вождь и вдохновитель. Литература немедленно схватила новые побѣги и создала новые типы. Въ исконной странѣ всякаго идеализма героями романовъ явились такъ называемыя геніальныя загадочныя натуры. Много шуму надѣлали онѣ въ свое время и среди нашихъ читателей. Одна изъ такихъ личностей долго играла у насъ роль «героя времени». Это всѣмъ извѣстный, русскою критикой неоднократно прославленный, «одинъ въ полѣ воинъ» Лео Гутманъ.

Болѣе полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ германская молодежь бредила маркизомъ Шиллера,—теперь старый образъ воскресъ въ новомъ лицѣ и съ такою же стремительностью увлекъ современниковъ. Но это увлеченіе означало, прежде всего, что ни авторы, ни читатели ничему не научились, ничего не забыли съ тѣхъ поръ, какъ произошла драма шиллеровскаго идеалиста.

Русскіе публицисты завѣщевали даже своимъ дѣтямъ свой культъ—Лео, и Лео, дѣйствительно, герой съ головы до ногъ. Онъ ходитъ, говоритъ, пишетъ, какъ необыкновенный человѣкъ. Возвышенный тонъ—на внѣшности, въ чувствахъ, идеяхъ, даже минутныхъ настроеніяхъ. Слова: «необыкновенно мрачно», «мрачныя рѣчи», «онъ весь мраченъ» пестрятъ цѣлыя страницы всякій разъ, когда идетъ рѣчь объ этомъ феноменѣ. Даже почеркъ его особенный: каждая буква производитъ впечатлѣніе взмаха орлинаго крыла. Всѣ эти декораціи освѣщены однимъ блескомъ. Лео, несмотря на демократическое происхожденіе,—аристократъ до послѣдняго атома своего тѣла, до мельчайшаго ощущенія своего мозга. По внѣшности его сравниваютъ то съ испанскимъ грандомъ, то съ венеціанскимъ нобиле, то съ самимъ королемъ. Мысли его парятъ на недосягаемую высоту. Мы снова слышимъ давно знакомыя «идеальныя» рѣчи о томъ, что народъ и даже представители народа—машина въ рукахъ ловкаго предпринимателя. Дѣйствовать рядомъ съ обыкновенными людьми—значитъ возиться въ золѣ. Новый идеалистъ теперь совершенно откровенно высказываетъ идеи, какія у маркиза Позы были скрыты на днѣ высокихъ замысловъ. Всѣ, съ кѣмъ Лео приходится имѣть дѣло, оказываются именно цифрами его политической задачи. Какъ онъ будетъ относиться къ нимъ—съ самаго начала ясно изъ его общихъ разсужденій. Онъ гордится, что у него нѣтъ сердца, что онъ рѣшительно не въ силахъ понимать чужое счастье и несчастье, что истинныя страсти головныя, а не сердечныя. При такихъ взглядахъ, конечно, всѣ средства за герою будутъ позволены. Лео губитъ наивнаго юношу, который ему повѣрился, разбиваетъ семью, которая поддалась его вліянію, любимую и страстно влюбленную дѣвушку дѣлаетъ постыднымъ орудіемъ своихъ замысловъ, самъ готовъ жениться ради своихъ идей на дѣвицѣ ничтожной,

развращенной, питающей къ нему презрѣніе. Этого мало. «Саулъ убилъ тысячу филистимлянъ,— разсуждаетъ Лео,— а Давидъ десять тысячъ: разница въ числѣ, а не въ сущности дѣла. Вопросъ, кому удалось исполнить великое дѣло?»... И Лео намѣренъ искусственно вовлечь народъ въ войну, довести народныя бѣдствія до крайняго предѣла, потому что, сознается онъ, «я спекулирую на эти бѣдствія»...

Дальше нечего прибавить. Лео совершенно естественно силу признаетъ правомъ, будетъ доказывать эту истину путемъ естественныхъ наукъ. Все время идемъ мы съ этою «геніальною натурой» по пути безсердечія, полнѣйшаго пренебреженія къ людямъ, къ человѣческой природѣ, и только обстоятельства мѣшаютъ Лео повести насъ путемъ истребленія и злодѣйствъ. Онъ ежеминутно будетъ твердить намъ, что всякая новая жертва— лишній камень въ великомъ зданіи общественнаго блага. Но насъ мучаетъ неотвязный вопросъ: чѣмъ этотъ идеальный министръ отличается отъ какого-нибудь Наполеона, заливающаго кровью подданныхъ свои безумства и насилія? Чѣмъ этотъ народный трибунъ превосходитъ современнаго борца за существованіе, который самые низменные инстинкты и преступленія пытается оправдать авторитетомъ науки?... Мы видимъ, какое преобразованіе совершилось съ идеалистомъ. Раньше, въ лицѣ маркиза Позы, онъ просто по молодости, по своимъ страстнымъ увлеченіямъ, могъ только не знать, не понимать человѣка. Всемогущій почеркъ пера былъ въ его рукахъ еще не преступленіемъ, а безсознательнымъ порывомъ воспламененнаго воображенія. Теперь такой почеркъ возведенъ въ принципъ, будто бы оправданъ наукой и жизнью: идеалистъ ни во что не ставитъ людей, потому что, по его мнѣнію, онъ превосходно ихъ знаетъ. Здѣсь самъ герой хочетъ обманываться во что бы то ни стало, идти впередъ съ глазами, неподвижно устремленными въ одну точку, потому что именно такое шествіе, по искреннему убѣжденію Лео,— неотъемлемое право людей избранныхъ и сильныхъ. А что можетъ натворить, до чего можетъ додуматься человѣкъ, добровольно ослѣпшій!...

Какъ на самомъ дѣлѣ у Лео мало любви къ народу и вѣры въ него, онъ высказалъ самъ. Разъ онъ пошелъ крайнимъ путемъ своихъ идеальныхъ предковъ, онъ долженъ придти къ безнадежному концу. Онъ видитъ, какъ постепенно падаютъ его силы, рушатся его замыслы. Вы думаете: можетъ быть, теперь, наконецъ, онъ пойметъ себя и сознаетъ свой грѣхъ передъ человѣкомъ и народомъ? Нѣтъ, Лео въ своихъ глазахъ все тотъ же герой, а народъ—все то же безсмысленное стадо. Ночью, въ припадкѣ отчаянія, ему слышится голосъ: «Хотя бы ты бѣднѣйшему поденщику клалъ каждое воскресенье по курицѣ въ горшокъ, хотя бы ты построилъ ему прочную хижину и оградилъ его жизнь и здоровье отъ дождя и вѣтра, отъ лѣтняго зноя и зимняго мороза,—можешь ли ты, всетаки, сдѣлать, чтобъ эти люди не были жалкими, темными существами, живущими только для того, чтобы умереть, и умирающими, не узнавъ, что такое жизнь?...»

Выводъ ясенъ: разъ темнота и нравственное ничтожество народа непреодолимы,—всѣ усилія безцѣльны. Такимъ совершенно логическимъ путемъ восторженный идеалистъ-олимпіецъ доходитъ до апатіи и нравственной смерти.

Нѣмецкій романистъ изображалъ вовсе не какія-либо свои исключительныя видѣнія. Величайшій поэтъ новой Франціи отдалъ свое вдохновеніе также героямъ и героинямъ изъ народа. И здѣсь тѣ же образы. Викторъ Гюго охарактеризовалъ ихъ одною фразой: «въ горнило одиночества и борьбы судьба бросаетъ человѣка всякій разъ, когда хочетъ сдѣлать изъ него воришку или полубога». Именно полубога. Въ иномъ видѣ западный поэтъ не въ силахъ мыслить идеальнаго героя.

Я не стану распространяться о женщинахъ, появившихся въ литературѣ одновременно съ полубогами-мужчинами. Вы помните Сильвію изъ того же романа Шпильгагена. Это второй Лео. Она также стремится стать деспотомъ природы, всѣми силами подавляетъ въ себѣ чувство къ отцу, къ любимому человѣку, идетъ въ сдѣлки съ своею совѣстью и сердцемъ и смѣло доказываетъ Лео, что сильнымъ земли дѣйствительно необходимы жертвы среди слабыхъ, среди не-героевъ.

За такой героизмъ природа страшно мститъ Сильвіи, какъ женщинѣ. Въ концѣ романа передъ нами два трупа: въ нихъ жилъ, можетъ быть, великій духъ, но, навѣрное, бились извращенныя жестокія сердца. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ катастрофа должна была бы научить и образумить идеально-настроеннаго западнаго человѣка. Нѣтъ, все попрежнему!

Наше время неблагопріятно для идеальнаго творчества и идеальныхъ созданій, но если такія созданія появляются, мы неизмѣнно узнаемъ все тѣхъ же нашихъ знакомыхъ. Приведу одинъ примѣръ. Популярнѣйшій современный драматургъ Ибсенъ создалъ героя-идеалиста и героиню-идеалистку,—доктора Штокмана и Нору. Какъ же говорятъ и дѣйствуютъ эти герои? Штокманъ: «Всѣ люди, питающіеся неправдой, должны быть уничтожены, какъ гады... Да погибнетъ страна, да погибнетъ весь народъ ея!...» Нора тотъ же принципъ вноситъ въ семью. Она ради идеи отрицаетъ дѣтей, которыхъ сама воспитала, она уходитъ въ чужой ей міръ съ тѣмъ же настроеніемъ, съ какимъ Штокманъ хотѣлъ бы скорѣе видѣть кругомъ себя пустыню, чѣмъ людей различныхъ съ нимъ взглядовъ. Мы, конечно, помнимъ, что и Штокманъ, и Нора одушевлены самыми благородными стремленіями, но, можетъ быть, никакой адъ не былъ такъ тщательно вымощенъ благими намѣреніями, какъ Нора и Штокманъ вымащиваютъ его: одна—для семьи, другой—для общества. И это не привилегія только ибсеновскихъ героевъ, это — исконный путь идеалистовъ западной литературы.

Развѣ въ каждомъ изъ нихъ мы не видѣли дѣйствительно все того же *сверхчеловѣка*, который поражаетъ насъ ужасомъ у Нитче? Его родовыя черты — пренебреженіе къ человѣку, если онъ не герой по природѣ или обстоятельствамъ, усиліе извратить и искалѣчить человѣческую природу, с[ъ]

пое равнодушіе къ законамъ ея естественнаго развитія. Развѣ отъ начала до конца это не одно и то же чудовищное созданіе своевольной фантазіи?

Этого мало. Въ результатѣ намъ понятно, почему современное искусство непремѣнно должно быть натурализмомъ, а философія—пессимизмомъ. И то, и другое—слѣдствіе *переоцѣнки* человѣческой природы, переоцѣнки положительной для избранныхъ, для героевъ, отрицательной для людей обыкновенныхъ. Кто безъ конца паритъ въ заоблачныя высоты, тотъ рискуетъ задохнуться и погибнуть въ великомъ паденіи. Кто требуетъ отъ человѣка быть ангеломъ, тотъ, навѣрное, откроетъ въ немъ звѣря. Это оправдалось на Западѣ съ буквальною точностью. Гюго создавалъ полубоговъ, его преемникъ и литературный побѣдитель сталъ создавать звѣрей, писать цѣлые романы на тему «человѣкъ-звѣрь». Переворотъ съ героинями еще поучительнѣе. Онъ совершился въ творчествѣ одного и того же писателя, безъ всякой ожесточенной преднамѣренной борьбы двухъ школъ. Дюма началъ прославленіемъ небесныхъ добродѣтелей женщины, началъ безграничною гуманностью и всепрощеніемъ, кончилъ яростнымъ воплемъ: «убей ее!»—и написалъ цѣлый рядъ пьесъ и воззваній противъ *звѣря*, даже не прибавляя къ нему смягчающихъ опредѣленій. Слово *bête* написано на знамени передовыхъ людей страны, шедшей до сихъ поръ во главѣ цивилизаціи. Но такое знамя можно водрузить развѣ только у той бездны, какая неоднократно открывалась жестокимъ идеалистамъ въ концѣ ихъ пути. Дальше—или анархія всѣхъ человѣческихъ отношеній, или совсѣмъ нѣтъ дороги. И это начинаютъ понимать на Западѣ. «Общія идеи, преобразовывающія Европу,—писалъ французскій критикъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—исходятъ уже не отъ французскаго духа»,—мы прибавимъ—не отъ западно-европейскаго.

Созданія благороднѣйшихъ силъ этого духа велики и вѣчны. Весь міръ усвоилъ изъ этого источника идеальныя представленія о гражданинѣ, объ обществѣ, о прогрессѣ. Все, что носитъ въ себѣ жизнь идеи, на чемъ стоятъ основы нравственной и политической свободы,—результатъ творчества европейской мысли—и *этимъ* завѣтамъ никогда не исчезнуть и не померкнуть на страницахъ исторіи. Но теперь, въ концѣ нашего вѣка, на широкій путь всемірнаго вліянія въ художественномъ творчествѣ вступаетъ новая сила—дѣйствующая и вдохновляющая...

У всѣхъ народовъ есть сказка о трехъ братьяхъ или о трехъ сестрахъ. Младшій братъ и младшая сестра сначала въ загонѣ у старшихъ, слывутъ глупыми, ни на что негодными, обиженными отъ людей и отъ судьбы. Но событія развиваются, и умныя и гордыя принуждены учиться у «глупости» и смириться предъ «ничтожествомъ». Трудно выдумать болѣе удачную аллегорію для характеристики отношеній Запада къ Россіи. Наша страна долго была въ глазахъ старшихъ братьевъ все, что̀ угодно—Сандрильона, Иванушка, только не равноправный работникъ цивилизаціи. У философовъ прошлаго вѣка находилось любовное, часто восторженно-нѣжное слово о дикарѣ, о негрѣ,—не было только мѣста въ этихъ гуманныхъ сердцахъ

русскому. Пересмотрите произведенія Руссо, Монтескьё — вы будете поражены преднамѣренно-враждебными чувствами къ нашимъ предкамъ. На каждомъ шагу доказывается, что русскіе — не европейцы, что нѣтъ даже надежды стать имъ европейцами, что они лишены нравственнаго сознанія, даже физической чувствительности... Это писалось въ то время, когда со сцены гремѣли монологи Позы, и немного спустя тѣ же рѣчи раздавались въ политическихъ собраніяхъ. Прошло сравнительно немного лѣтъ,—и Западъ ищетъ внѣ своихъ предѣловъ — и чувствительности, и гуманности, и нравственнаго сознанія.

Мы всему учились у Запада. Наши идеи, наша культурная жизнь — его отголоски. Но эхо далеко не съ буквальною рабскою точностью повторяло голосъ. Множество звуковъ пропадало, другіе звучали иначе, будто совершенно перерождались.

Наша художественная литература возникла и развилась въ то время, когда на Западѣ одна литературная школа смѣняла другую, и у насъ говорили о классицизмѣ, романтизмѣ, старались даже слѣдовать примѣрамъ и правиламъ того или другого иностраннаго учителя. Но все это оказалось сѣменами безъ почвы: потокъ нашей жизни разсѣялъ ихъ безслѣдно. Никакая литературная школа не прививалась у насъ. Оригинальный даровитый русскій писатель, при всемъ своемъ желаніи, не могъ быть ни классикомъ, ни романтикомъ. Въ самый разгаръ правилъ и теорій авторъ первой художественной русской комедіи заявилъ: «Я какъ живу, такъ и пишу— свободно». Это былъ отвѣтъ на классицизмъ.

Пушкинъ такимъ же путемъ порвалъ съ романтизмомъ, потративши предварительно не мало усилій стать въ ряды учениковъ. Русскому генію, очевидно, по натурѣ были недоступны и чужды теоріи и школы. Ему оставалось личное вдохновеніе и дѣйствительный міръ. Между поэтомъ и природой не воздвигалось никакихъ хитрыхъ стеколъ, притуплявшихъ зрѣніе и извращавшихъ дѣйствительныя очертанія предметовъ. Нравственно-свободная личность художника и его опытъ—также свободный, никакими предвзятыми теоріями не направляемый. Реализмъ—исконная основа русскаго истинно-художественнаго дарованія. Этотъ реализмъ такъ же всеобъемлющъ, какъ сама жизнь. Въ силу его сущности ему подлежатъ одинаково явленія самой прозаической дѣйствительности и высшія стремленія идеальнаго духа. Чтобы раскрывать благородныя свойства человѣческой природы, русскому писателю не было необходимости усвоивать идею Руссо. Чтобы правдиво изображать физическій міръ, ему не надо было дожидаться открытій Клода Бернара. Онъ не былъ ни фантастическимъ романтикомъ, не могъ стать потомъ въ азартѣ протеста безпощаднымъ натуралистомъ. Подъ его кистью образы возникли съ тою разносторонностью и полнотой, съ какими они представляются въ природѣ. Онъ не могъ возвести человѣка сначала на степень безплотнаго всемогущаго духа, чтобы потомъ унизить его до уровня звѣря. Это не значитъ, что здѣсь не было героевъ-идеалистовъ и

жестокой житейской правды. Напротивъ, человѣческая правда одинаково одухотворяетъ идеализмъ и жестокость.

Совершенно естественно появляться на Западѣ отважнымъ исповѣдникамъ всевозможныхъ идеаловъ. Тамъ историческое прошлое исполнено величественныхъ вдохновляющихъ преданій. Настоящее такъ часто захватываетъ энергіей и богатствомъ жизни, а будущее никогда, повидимому, не закрываетъ путей самымъ смѣлымъ надеждамъ. У насъ съ нашею безцвѣтною будничною исторіей, съ нашею худосочною, вялою дѣйствительностью быть идеалистомъ истинный подвигъ. И, между тѣмъ, идеалисты были, и не только въ мечтахъ и желаніяхъ. Вотъ слова одного изъ нихъ о судьбѣ своихъ товарищей,— слова, имѣвшія въ виду не поэтическую, а самую реальную несомнѣнную дѣйствительность. «Что сталось съ ними, праведное небо! Надо быть одушевленнымъ вѣрою во что-нибудь, чтобы не утратить бодрость духа, когда видишь, что такая преданность и такое самоотверженіе кончаются такимъ несчастіемъ и такими бѣдствіями». Это—не фантазія поэта. Вдумаемся въ эти слова, припомнимъ факты, и мы заранѣе повѣримъ нашимъ писателямъ, изображающимъ русскій идеализмъ, на какую бы высоту ни поднимались ихъ изображенія. Послѣ западныхъ идеальныхъ вымысловъ мы могли бы здѣсь простить и увлеченія, и крайности, если бы встрѣтили ихъ. Но ихъ нѣтъ. Реализмъ нашихъ авторовъ, эта настоящая школа здраваго смысла, особенная писательская добросовѣстность и искренность помѣшали окрасить простую жизненную правду въ легендарный свѣтъ.

Вы живо представляете дорогіе образы, созданные любимѣйшимъ русскимъ писателемъ. Предъ вами длинная исторія и психологія русскихъ идейныхъ увлеченій. Лаврецкій, Рудинъ, Потугинъ, Неждановъ, Базаровъ—это все люди, близкіе намъ по духу и крови. Всѣ они исполнены блестящихъ идей и горячихъ чувствъ. Большинство изъ нихъ одарено энергіей и необыкновенною выносливостью. Внѣшняя жизнь имъ безусловно враждебна, и, даже не прибѣгая къ громкой метафорѣ, ихъ гораздо естественнѣе сравнить съ одинокими пловцами по пустынному морю, чѣмъ идеальныхъ людей Запада. На Западѣ идеалистъ не дѣлалъ, а творилъ, не шелъ своимъ путемъ, а стремился совершить тріумфальное шествіе, не привлекалъ къ себѣ обстоящую толпу, а являлся передъ ней существомъ иного міра, снисходилъ къ ней въ уединенныхъ думахъ объ ея судьбѣ. Вы слышали демократическіе замыслы европейскихъ преобразователей,—послушайте, какъ о томъ же предметѣ разсуждаетъ русскій герой. Вся сцена освѣщена мягкимъ, поэтическимъ свѣтомъ. «Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени жилъ соловей. Его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи. Первыя звѣзды зажигались на небѣ надъ неподвижными верхушками липъ... Лаврецкій поднялся и началъ возражать... Онъ доказалъ невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительною вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный. Привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе,

требовалъ, прежде всего, признанія народной правды и смиренія предъ нею, того смиренія, безъ котораго и смѣлость противъ лжи невозможна. Не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ»...

Но это, можетъ быть, исключительно гуманный, скромный человѣкъ. Возьмите самыхъ энергичныхъ. Потугинъ, желчный, нетерпимый всякій разъ, когда рѣчь заходитъ объ его отечествѣ, въ разгаръ злобнаго настроенія вдругъ сознается въ страстной любви къ тому самому народу, чью исторію, чье творчество онъ только что унижалъ до послѣдней степени. И вы чувствуете, что въ этой странной любви, перемѣшанной съ ненавистью, заключена цѣлая драма—не отвлеченной идеи, а животрепещущаго человѣческаго сердца. И такъ вездѣ.

Какъ бы Базарову хотѣлось изобразить изъ себя совершеннаго положительнаго человѣка, равнодушнаго, жесткаго циника, и—западный натуралистъ непремѣнно удовлетворилъ бы это желаніе. Мы увидѣли бы новаго Діогена, у котораго даже лохмотья не покрывали бы наготы. У русскаго психолога первый учитель—общечеловѣческая правда, и—нигилистъ оказывается въ роли влюбленнаго, въ роли романтика. Какъ несправедливы и мало вдумчивы были критики, упрекавшіе писателя, будто онъ унизилъ своего героя, навязавъ ему любовное увлеченіе! Авторъ совершилъ двойной актъ не униженія, а оправданія, удержалъ свое вдохновеніе на высотѣ естественной правды и спасъ человѣческую природу, несмотря на всѣ усилія самого человѣка подавить ея голосъ. Когда шиллеровскій герой тономъ проповѣдника громитъ молодое увлеченіе принца, когда Лео съ высоты идейнаго величія отрицаетъ сердце и чувство, на насъ эти рѣчи производятъ впечатлѣніе гасконады, дерзкаго, легкомысленнаго оскорбленія вѣчныхъ законовъ нравственнаго міра. Мы равнодушны къ такому героизму, потому что за нимъ скрыто неразуміе героя и слезы его жертвъ. Но когда Базаровъ не знаетъ, какъ заклеймить свое мнимое паденіе, когда онъ скрежещетъ зубами и грозитъ себѣ кулакомъ при одномъ воспоминаніи о своемъ порывѣ, насъ охватываетъ чувство неволнаго уваженія и состраданія къ этой жертвѣ собственныхъ предубѣжденій...

Великій романистъ отнюдь не думалъ, чтобы такія драмы позорили человѣка и разрушали его энергію. Энергичнѣйшій практическій дѣятель у Тургенева — Маркеловъ—несчастливо влюбленный, тайкомъ рисующій ея портретъ, переживающій минуты жесточайшихъ страданій изъ-за своей неудачи. Эта двойственная психологія проходитъ по всѣмъ героямъ, чѣмъ бы они ни казались, какое бы равнодушіе и жесткость ни напускали на себя. У нихъ всегда отыщется «полуподозрѣнная тайна», т.-е. неумирающая органическая жизнь сердца. И не напрасно авторъ, говоря о могилѣ самаго суроваго своего героя, упоминаетъ не объ его нигилизмѣ, а о «страстномъ, грѣшномъ, бунтующемъ сердцѣ». Почему же именно въ русской литературѣ такой типъ идеалиста? Почему нашему писателю такъ дорога гармонія нравственнаго міра? Отвѣтъ простъ. Его подсказываютъ единодушно всѣ наши герои.

Одинъ изъ нихъ говоритъ про себя, что онъ вызванъ *народнымъ* духомъ. Другой требуетъ, прежде всего, признанія *народной* правды. Восторженный эстетикъ и нигилистъ Неждановъ произноситъ такую рѣчь: «А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя!» Даже Базаровъ, не желающій признавать никакихъ учителей и вдохновителей, стремится отыскать для себя оправданіе въ своей близости къ народу, въ своей способности понимать его, возбуждать въ немъ доброе расположеніе къ себѣ. Даже нигилистъ чувствовалъ бы себя неудовлетвореннымъ, если бы не могъ опереться на тотъ же народъ.

Всѣ эти люди могутъ не знать народа, могутъ навязывать ему свои желанія и идеалы, но дѣло не въ этомъ. Важно отношеніе къ народной правдѣ, важно чувство, съ какимъ люди исповѣдуютъ свои взгляды на народное благо. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о машинѣ, о цифрахъ, о жертвахъ. Предъ нами не гигантъ, съ недосягаемой высоты бросающій молніи въ далекій ничтожный міръ. Предъ нами человѣкъ, жаждущій страдать одними страданіями съ тѣмъ, кого онъ ведетъ за собой. Въ этомъ чувствѣ источникъ гуманности, искренности, смиреннаго сознанія въ своихъ ошибкахъ. По наблюденіямъ Тургенева, русскіе люди, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, ничего такъ не уважаютъ, какъ правду, ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей. И вотъ это-то народное чувство заставляетъ тургеневскаго идеалиста передъ смертью написать любимой дѣвушкѣ слѣдующія слова, совершенно невѣроятныя для западнаго реформатора: «Ложь была во мнѣ, а не въ томъ, чему ты вѣришь»... Какой благородный голосъ истиннаго идеализма! Его слѣдуетъ вспоминать всякій разъ, когда пошлость, эгоизмъ или малодушіе, изъ чувства жалкаго самосохраненія, начинаютъ бросать грязью въ то, чему они измѣнили...

Въ такихъ чертахъ рисуются у русскихъ писателей идеальныя явленія. Таковъ русскій романтизмъ. Какъ же изображается у нихъ обычная жизнь? Что соотвѣтствуетъ здѣсь европейскому натурализму?

Тургеневъ рядомъ съ любовью русскаго человѣка къ правдѣ и простотѣ отмѣчаетъ исключительную наклонность къ психологіи. Наша общественная жизнь ограниченна и однообразна, и нигдѣ нѣтъ такого простора человѣку думать о себѣ, о своемъ нравственномъ мірѣ. Пристальный, нерѣдко болѣзненный анализъ личности—отличительная черта русскаго. Она и воплотилась въ полномъ блескѣ въ нашей литературѣ. Русскаго генія психологіи мы могли уже видѣть на характерѣ идеальнаго типа, въ отвращеніи писателя ко всему одностороннему, неестественному. И вездѣ психологія также всемогуща и всеобъемлюща.

Русскій натурализмъ совершенно противуположенъ европейскому. На Западѣ писатели съ особенною гордостью именуютъ себя физіологами и анатомами, и, дѣйствительно, почти все вниманіе посвящаютъ тѣлу, физической природѣ. У насъ такому же анализу подвергаются явленія другого

порядка. Ближе всѣхъ къ натурализму стоитъ Достоевскій. Та же тщательность въ живописи мелочей, то же пристрастіе къ патологіи и даже уродству, та же склонность къ потрясающимъ моментамъ. Но предъ нами область духа—и въ результатѣ совершенно другое творчество. Отведите на вашей картинѣ первый планъ нравственному міру, вы непремѣнно спасете человѣка, какую бы натуру вы ни изображали, какой бы недугъ ни воплощался подъ вашею кистью.

Я напомню вамъ одинъ разсказъ. Авторъ—сравнительно умѣренный психологъ, предметъ разсказа,—на первый взглядъ ужасный, отвратительный,—рѣдкая физическая болѣзнь. Передъ вами женщина, представляющая «живыя мощи». «Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, носъ узкій, какъ лезвее ножа, губъ почти не видать, только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются пряди желтыхъ волосъ». Подумайте, что бы сдѣлалъ съ такимъ сюжетомъ Золя или кто-либо изъ его учениковъ?... У нашего автора—всего нѣсколько строкъ «натуральному вопросу», и затѣмъ начинаетъ развертываться поразительно богатая и увлекательная духовная жизнь полутрупа. Сколько поэзіи и чувства умѣетъ вложить великій психологъ въ разсказъ больной, шесть лѣтъ не покидавшей постели! Какою свѣжестью и жизнью вѣетъ на насъ отъ этихъ тихихъ восторговъ предъ едва замѣтными явленіями природы: запахъ гречихи, полевые цвѣты, щебетанье ласточки! А эта непередаваемая словомъ поэзія одиночества, это безсознательное сліяніе угасающей жизни съ могучимъ потокомъ равнодушной, но неотразимо прекрасной природы!... У насъ не остается и тѣни ужаса и тяжелаго чувства. Мы даже начинаемъ вѣрить, что дѣйствительно этому человѣку хорошо, что хорошіе сны иногда источникъ настоящаго счастья. Авторъ своею психологіей совершаетъ истинное чудо. Онъ заставляетъ насъ присутствовать при пѣніи «живыхъ мощей». Представьте, какое бы чувство охватило насъ, если бы писатель разрисовалъ намъ физическую немощь и не раскрылъ сокровищъ духа. Намъ теперь понятно, какая разница между русскимъ творчествомъ и западными школами.

Съ такимъ богатствомъ выступила Россія на сцену европейской литературы. Мы присутствуемъ при самомъ началѣ столкновенія двухъ различныхъ художественныхъ міросозерцаній. Всего какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ равнодушныхъ случайныхъ встрѣчъ европейскаго человѣка съ нашимъ словомъ. Мы видимъ только первые результаты культурнаго вліянія младшаго брата на его старшихъ предшественниковъ. Смыслъ этого вліянія съ каждымъ днемъ выясняется, но оно не успѣло стать на опредѣленную прочную дорогу. Оно еще крайне пестро и сбивчиво. Я хочу говорить исключительно о явленіяхъ художественной литературы и позволю себѣ не касаться цѣлаго ряда идей, переходящихъ въ настоящее время отъ насъ на Западъ. Я не буду останавливаться на многочисленныхъ теченіяхъ нравственной и общественной мысли, какія возникаютъ въ настоящее время на Западѣ подъ вліяніемъ публицистическихъ сочиненій нашего знаменитаго романиста. Эти именно теченія, можетъ быть,

неоднократно возбудили бы въ насъ сомнѣніе насчетъ культурнаго смысла нѣкоторыхъ русскихъ вліяній. На почвѣ литературы никакихъ сомнѣній намъ не встрѣтится. Здѣсь дѣйствительно предъ нами новая сила въ развитіи человѣчества.

Возьмемъ крупнѣйшія явленія.

Русскій натурализмъ—я бы сказалъ, вѣрнѣе, психологизмъ—создалъ во Франціи «аналитическій» романъ. Представитель его, всѣмъ извѣстный у насъ Поль Бурже, буквально повторяетъ пріемы русскихъ авторовъ, можетъ быть, даже, какъ всякій новый изслѣдователь, злоупотребляетъ ими. Его произведенія—психологическіе трактаты, тщательные разборы мельчайшихъ явленій нравственнаго міра. Не только самъ авторъ превосходный анатомъ души, его герои—потомки Гамлета. Я употребляю иностранное имя въ интересахъ простоты и цѣльности. Не менѣе будетъ справедливо, если для характеровъ Бурже мы станемъ искать именъ и образцовъ въ русской литературѣ. Приведу нѣсколько самыхъ яркихъ примѣровъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи были поражены небывалымъ замысломъ романа *Ученикъ* (Disciple). Герой романа—Грелу—казался совершенно чуждымъ французской культурѣ, былъ оторванъ авторомъ отъ какой-то другой почвы. Нація, менѣе всего когда-либо страдавшая рефлексіей, вдругъ увидѣла человѣка, подчинившаго всю свою дѣятельность и волю неустанному мучительному анализу. Грелу долго жилъ книжною жизнью, начитался психологическихъ и философскихъ трактатовъ и задумалъ провѣрить ихъ выводы на практикѣ. Общечеловѣческое представленіе о нравственномъ и безнравственномъ исчезаетъ совершенно. Грелу въ полномъ смыслѣ живетъ и думаетъ по-писанному: влюбляется, влюбляетъ въ себя, соблазняетъ, идетъ на казнь. Въ любви онъ думаетъ «разрѣшить задачу умственной механики». Онъ преднамѣренно отказывается отъ прямыхъ дѣйствій. Онъ хочетъ достигнуть цѣли по всѣмъ правиламъ книжной теоріи. Онъ хочетъ «разсѣчь живую душу», какъ анатомы разсѣкаютъ живыхъ звѣрей. И мы присутствуемъ при этомъ психологическомъ опытѣ, необыкновенно тщательномъ, напоминающемъ настоящее научное изслѣдованіе.

Вы теперь знаете, кто вдохновилъ Бурже. Герою *Преступленія и наказанія* во французскомъ романѣ дана только другая цѣль—не убійство, а обольщеніе, прибавлена извѣстная доза эгоизма,—порокъ, невѣдомый Раскольникову. Въ этомъ вся разница.

Обратимся къ героинямъ. У Бурже всѣ романическія интриги проникнуты новымъ духомъ. Въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ эстетикой и нравственностью натуральной школы, и намъ понятно—почему. Натуралисты изслѣдуютъ темпераментъ, чувственность, физическую почву любви,—у Бурже любовь развивается въ области сердца и идей.

Романъ во всемъ безусловно зависитъ отъ характера героини, а женщины у Бурже носятъ на себѣ яркую печать русскаго генія. Вспомните сюжетъ и героиню романа *Обѣтованная земля*. Дѣвушка, одаренная всѣми чарами женственности и, въ то же время, сильною натурой, любитъ

человѣка, успѣвшаго прожить цѣлую полосу жизни до встрѣчи съ ней. Прошлое оставило у него много горькихъ воспоминаній и упрековъ совѣсти, но онъ будетъ честнымъ, любящимъ мужемъ. Нужно только, чтобы прошлое какъ-нибудь не воскресло и не помѣшало будущему счастью. Судьба судитъ по-своему. Прожитая жизнь внезапно загораживаетъ дорогу: когда-то любимая женщина и дочь появляются, какъ боги въ драмѣ, и разбиваютъ всѣ надежды... Тогда юная героиня рѣшаетъ, что ей нѣтъ счастья, что она осуждена на одиночество, на подвигъ самоотреченія. Она готова отказаться отъ свѣта и заживо похоронить свою молодость.

Я въ самыхъ краткихъ словахъ разсказалъ французскій романъ, но кто изъ васъ не узналъ въ разсказѣ чего-то роднаго, не почуялъ отголоска давно знакомыхъ, невыразимо дорогихъ рѣчей? И не только французскій сюжетъ кажется вамъ не болѣе, какъ воспоминаніемъ,—героиня романа точная копія Лизы Калитиной. Дѣтство, молодость, непреодолимое стремленіе уходить въ таинственный міръ грезъ, врожденная жажда чего-то мистическаго, какихъ-то подвиговъ во имя религіи, сердце, переполненное мечтательнымъ, неисчерпаемымъ благоволеніемъ, знакомое съ неожиданными восторгами и экстазами,—сердце, часто съ поразительною ясностью и трепетомъ сознающее свое таинственное родство съ другимъ міромъ,—вѣдь, это все та же Лиза, это ея религіозность и восторженная мечтательность. Ничего подобнаго мы не видѣли до сихъ поръ въ современной французской литературѣ.

Бурже не остается одинокимъ. Въ самое короткое время выросла популярность молодого писателя. Онъ воспитался въ натуральной школѣ, но духъ времени превратилъ ученика въ жестокаго врага. Ученикъ во всемъ измѣняетъ своимъ учителямъ. У него другіе герои, другія цѣли, онъ часто колеблетъ вѣковыя литературныя преданія своей родины.

Недавно вы прочли романъ Маргерита *На закатѣ*. Случалось ли вамъ во всей французской литературѣ встрѣтить подобный сюжетъ? Сорокапятилѣтній герой влюбленъ въ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Достаточно этихъ цифръ, чтобы вамъ припомнился цѣлый рядъ комедій, водевилей, повѣстей, единодушно подвергающихъ жесточайшему осмѣянію запоздалую любовь. Почему же это было смѣшно, жалко, подчасъ возбуждало даже чувство презрѣнія и негодованія? Потому что авторы непремѣнно разсказывали намъ исторію чувственныхъ волненій. Новый авторъ совершенно иначе взялся за предметъ,—и вы знаете какъ,—стоитъ только вспомнить *Бѣдныхъ людей* Достоевскаго. Вамъ припоминается Макаръ Дѣвушкинъ, старый, захудалый чиновникъ, и Варинька—едва ли не втрое моложе его. Вы читали ихъ переписку. Вы съ первыхъ же писемъ поняли, какое чувство скрывается за этими безконечными: «радость моя, маточка, голубчикъ мой, ангельчикъ»... Но пришла ли вамъ мысль возмутиться этимъ чувствомъ? И всѣ эти наивно-нѣжныя слова развѣ оставили въ васъ впечатлѣніе чего-то приторнаго, жалкаго? Способны ли вы были осмѣять драматическій моментъ, когда старикъ, узнавши о намѣреніи Вариньки выйти замужъ в-

ствуетъ полную растерянность, пишетъ ей безсвязныя фразы, хватается за малѣйшій призракъ надежды удержать дѣвушку? Нѣтъ, вамъ было не до смѣха. На васъ такъ же, какъ и на первыхъ читателей романа—великаго русскаго критика и знаменитаго поэта—письма Дѣвушкина произвели впечатлѣніе глубокой драмы—бѣднаго, но возвышенно-благороднаго человѣческаго сердца. Совершенно такую же исторію разсказалъ и Маргеритъ. Полковникъ Франкёръ—двойникъ Дѣвушкина. Онъ также сердеченъ, юношески-наивенъ, также безотчетно живетъ своимъ чувствомъ. Онъ тщательно запоминаетъ каждое ласковое слово Ивелины и въ лучшія минуты готовъ вѣрить въ свое счастье, вѣрить боязливо, съ какимъ-то непреодолимымъ чувствомъ стыда. Вдругъ Ивелина—та же Варинька въ русскомъ романѣ—ничего не подозрѣвающая, уѣзжаетъ. Только тогда Франкёръ понимаетъ, чего онъ лишается. Онъ тайкомъ смотритъ въ окно на сцену отъѣзда: что онъ переживаетъ въ это время, мы знаемъ изъ писемъ Дѣвушкина.

Мы видимъ, какъ измѣняются отношенія французскихъ авторовъ къ дѣйствительности, въ какомъ до сихъ поръ необычномъ свѣтѣ является имъ человѣкъ и человѣческая природа. Дали мѣсто нравственному міру—и переворотъ совершился. Исчезли крайнія представленія о человѣческомъ ничтожествѣ, смягчилось чувство злобы и презрѣнія,—чувство, заставлявшее видѣть всюду звѣря и закрывать глаза на проблески человѣчности. Мѣняется взглядъ на страсти и увлеченія. Любовь—эта страшная темная сила въ рукахъ натуралистовъ—облагораживается, очеловѣчивается. Французскіе романисты начинаютъ рисовать картины семейнаго счастья, брать героями людей, способныхъ испытывать горячій приливъ мужества рядомъ съ своими дѣтьми... Вспомните, какъ цинически-безпощадно всѣ эти мотивы поднимались на смѣхъ модною до сихъ поръ литературой!...

Мы видимъ, какъ одновременно совершается переломъ въ двухъ направленіяхъ,—преобразуются исконныя художественныя міросозерцанія Запада—романтическое и натуральное.

Съ одной стороны, вскрываются заброшенные и забытые источники свѣта и добра, съ другой—героизмъ принимаетъ дѣйствительно человѣческія очертанія. *Звѣрь* и *полубогъ* уступаютъ мѣсто *человѣку* и постепенно улегаются болѣзненныя вспышки мизантропіи и пессимизма. На Западѣ прекрасно знаютъ учителей и вождей новаго направленія. Ихъ имена окружаютъ почетомъ и славой. Это—великое завоеваніе нашей литературы. Но этого мало. За именами русскихъ писателей стоитъ другое имя—имя русскаго народа. Оно не впервые произносится на Западѣ, но впервые *теперь* возбуждаетъ добрыя чувства. Долго оно звучало будто въ громѣ и огнѣ, воплощалось въ страшный призракъ варвара и козака... Въ началѣ вѣка нашъ историкъ, упоенный славой отечества, восклицалъ: «Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ». Мы видѣли, какъ насъ уважали: у людей, защищавшихъ человѣческія права негровъ-рабовъ, не хватало духа признать насъ европейскою націей. Потомъ наступили годы дѣйствительно

мощнаго вліянія Россіи на судьбы Запада. Русское оружіе предписывало законы, карало и спасало, кого хотѣло. И это было временемъ сильнѣйшаго ожесточенія европейскихъ народовъ противъ русскихъ. Никакія безкорыстнѣйшія жертвы не могли побѣдить этого чувства. Наконецъ, Россія совершила подвигъ во имя гуманности и свободы,—ей не повѣрили и здѣсь, на каждомъ шагу подозрѣвали вѣроломство, эгоистическіе замыслы. Восторженное заявленіе русскаго историка такъ и осталось бы простымъ самообольщеніемъ, если бы слово и мысль не совершили побѣдъ, изъ-за которыхъ безплодно тратилась великая сила. Русская литература въ нѣсколько лѣтъ достигла неслыханныхъ результатовъ, о какихъ не грезилось всѣмъ патріотическимъ поклонникамъ русскаго могущества и самобытности.

На Западѣ не только признали въ русскомъ европейца, но обратились къ нашему творчеству, къ нашему народному духу съ жадными запросами новыхъ идеаловъ, новыхъ путей. Русскіе писатели открыли Западу въ русскомъ народѣ культурную силу. И это только обмѣнъ услугъ. Все гуманное, все идейное, все правдивое въ нашей литературѣ воспиталось на любви къ народу. Это онъ живетъ въ сердцахъ тургеневскихъ идеалистовъ. Это онъ своимъ глубоко-человѣчнымъ міросозерцаніемъ, гдѣ даже преступникъ носитъ имя только несчастнаго, создалъ поэзію объ «униженныхъ и оскорбленныхъ», это онъ своею врожденною простотой и жизненною правдой спасъ нашихъ писателей отъ оптимизма романтиковъ и ожесточенія натуралистовъ. За это его имя выступило на сцену міровой цивилизаціи рядомъ съ мыслью и словомъ его лучшихъ дѣтей. Этой мысли и этому слову, *въ томъ же союзѣ*, предстоитъ другой путь, болѣе трудный и еще болѣе желанный. Наша мысль, наше слово выростаютъ въ европейскую культурную силу... Но ихъ назначеніе будетъ выполнено только тогда, когда они въ своемъ отечествѣ станутъ общепризнанною силой въ дѣятельности общества, въ гражданскомъ развитіи народа.

Ив. Ивановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театръ: *Венецейскій истуканъ*, картины московской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, П. П. Гнѣдича; *Расплата (Эгоисты)*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго; *Ночи безумныя!...* драматическія картины въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. Деденева. — Посмертная выставка картинъ академика К. А. Трутовскаго).

Мы не разъ говорили о слишкомъ мрачномъ настроеніи нашихъ драматурговъ, пишущихъ почти исключительно плачевныя драмы съ убійствами и самоубійствами, и выражали пожеланія видѣть на сценѣ такія комедіи, которыя вызывали бы смѣхъ и улыбки, дали бы зрителю возможность отдохнуть отъ всяческихъ скорбей и стоновъ, окружающихъ его въ дѣйствительной жизни. И вотъ въ театрѣ смѣются, въ театрѣ хохочутъ, г. Гнѣдичъ распотѣшилъ «почтенную» публику, а мы опять недовольны. Чего же вамъ, однако, еще нужно? — могутъ насъ спросить тѣ господа, которыхъ забавляютъ «картины московской жизни», нарисованныя г. Гнѣдичемъ. Намъ нуженъ смѣхъ, а не гоготаніе, нужна комедія, а не балаганное представленіе, изображающее въ каррикатурѣ лубочнаго издѣлія совсѣмъ не смѣхотворные эпизоды изъ прошлой русской жизни. Въ пьесѣ, носящей странное названіе *Венецейскій истуканъ*, изображено слѣдующее: живетъ въ Москвѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, богатый бояринъ Коптевъ (г. Рыбаковъ), женатъ онъ вторымъ бракомъ на молодой, красивой боярынькѣ Антонидѣ Авдѣевнѣ (г-жа Лешковская), отъ перваго брака у него взрослый сынъ, Тимоша (г. Геннертъ), съ бояриномъ живетъ его мать, боярыня, крѣпко держащаяся московской старины. Самъ же пятидесятилѣтній бояринъ Коптевъ увлекается всякими новшествами, желаетъ подражать европейскимъ обычаямъ, сбрилъ бороду, покупаетъ и выписываетъ книги, глобусы, картины, замысловатые часы, венеціанскій хрусталь и фарфоръ, для своего Тимоши онъ нанимаетъ учителей, «нѣмчина изъ Нѣмецкой слободы» (г. Лазаревъ) и «аглицкаго человѣка» (г. Дубровинъ), стремится, вопреки старозавѣтнымъ протестамъ своей матери, обучить сына всякимъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ. Къ великому негодованію старой боярыни, Коптевъ не держитъ въ теремномъ затворничествѣ свою молодую супругу, даетъ ей необычную по тогдашнему времени свободу. Во всемъ томъ, казалось бы, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ глумленію. Такъ жили

и то же самое дѣлали лучшіе, передовые люди Московскаго государства, прокладывавшіе пути дивнымъ преобразованіямъ Петра Великаго. Положеніе такихъ вводителей новшествъ бывало часто,— чтобы не сказать всегда,—очень драматическимъ среди закоснѣлаго невѣжества не только народныхъ массъ, но и высшихъ, правящихъ классовъ, борьба съ этимъ невѣжествомъ представлялась почти невозможною, а попытки, хотя бы самимъ только, выдти изъ него оказывались далеко не безопасными и кончались иногда трагически. Нужно было имѣть не только большой умъ, но и выдающуюся силу характера, непоколебимую вѣру въ благотворное вліяніе просвѣщенія, и огромную смѣлость для того, чтобы отступить отъ дикихъ обычаевъ, признаваемыхъ всѣми за святые завѣты, на вѣки ненарушимые. То, что дѣлаетъ бояринъ Коптевъ, могло бы послужить основой для серьезныхъ драматическихъ сценъ, а г. Гнѣдичъ измыслилъ сдѣлать изъ этого фарсъ, едва ли пригодный даже для балагана на Дѣвичьемъ полѣ. Въ лицѣ боярина Коптева мы видимъ грубую каррикатуру на передовыхъ русскихъ людей XVII вѣка. Все первое дѣйствіе посвящено изображенію пьянства на постояломъ дворѣ непричастныхъ къ пьесѣ лицъ: какого-то Мяздры (г. Макшеевъ), Ерошки Комара (г. Ѳедотовъ) и «аглицкаго человѣка» (г. Дубровинъ). Тутъ же происходитъ, равнымъ образомъ не находящееся ни въ какой связи со всѣмъ остальнымъ, ухаживаніе Микиты (г. Яковлевъ) за Марѳушей (г-жа Харитонова), женою хозяина постоялаго двора, Митрія (г. Миленскій), и ворожба Козлихи, ключницы Коптевыхъ (г-жа Турчанинова), у стряпухи Ульки (г-жа Маклакова). Между ними безъ толку болтаются «странный человѣкъ» (г. Музиль) и «малецъ» на постояломъ дворѣ (экст. Никольскій). Весь этотъ людъ собранъ сюда, топчется, пьетъ, цѣлуется, ругается, болтаетъ пустяковину лишь для того, чтобы было передъ кѣмъ появиться возвратившемуся изъ чужихъ краевъ молодому боярину Юреневу (г. Южинъ) и было бы кому оповѣстить, что на постоялый дворъ привезутъ два ящика съ заграничными посылками, — одинъ для Коптева, другой для какого-то обывателя Нѣмецкой слободы. Въ этихъ-то ящикахъ и сидитъ вся соль, весь комизмъ произведенія г. Гнѣдича. Для Коптева Юреневъ купилъ венеціанскій столовый сервизъ, нѣмцу онъ привезъ статую Меркурія. Ящики перепутываютъ и боярину привозятъ, вмѣсто посуды, «венецейскаго истукана», отъ котораго приходитъ въ смятеніе весь боярскій домъ. Въ третьемъ дѣйствіи мы опять на постояломъ дворѣ, присутствуемъ при похмѣльи Мяздры и англичанина. Они спятъ, на нихъ натыкается и падаетъ Козлиха, визги и ругань... Вотъ такъ комизмъ!... Козлиха подслушиваетъ, между прочимъ, что молодая боярыня назначила Юреневу свиданіе ночью въ саду. Козлиха мчится изловить ненавистную ей боярыню. Въ послѣднемъ дѣйствіи, вмѣсто боярыни и Юренева, всѣ натыкаются на спрятаннаго въ кустахъ «истукана» и на спящаго тутъ же «аглицкаго человѣка» и опять визжатъ, плюютъ, ругаются... И кончается все дѣло тѣмъ, что старая боярыня обзываетъ самого Коптева «венецейскимъ истуканомъ», «истукана» торжественно уносятъ въ Нѣмецкую слободу, Юреневъ съ мо-

лодою боярынсй идутъ подъ ручку — «итальянскимъ обычаемъ», за ними слѣдуетъ Коптевъ, очень довольный тѣмъ, что за ужиномъ они обновятъ посуду, только что привезенную изъ «Э-у-ропы», какъ говоритъ Коптевъ къ утѣшенію особенно смѣшливыхъ зрителей. Было бы очень любопытно знать, кому обязана сцена Малаго театра такою небывалою на ней никогда новинкой,—прежнимъ распорядителямъ репертуаромъ или вновь учрежденному литературно-театральному комитету?

Въ драмѣ съ двойнымъ названіемъ: *Расплата* и въ скобкахъ — *Эгоисты*, г. Гославскій хотѣлъ показать, какъ тяжело приходится «дѣтямъ» расплачиваться за «отцовъ», нелѣпо проводившихъ свою жизнь, легкомысленно растратившихъ крупныя состоянія и не съумѣвшихъ путно воспитать молодое поколѣніе, сдѣлавшееся такими же «эгоистами», какими были ихъ родители. Противъ такого намѣренія автора можно сдѣлать одно довольно серьезное, по нашему мнѣнію, возраженіе: далеко не всѣ «отцы» прожили свой вѣкъ безпутно, и поголовное обвиненіе какого бы ни было поколѣнія въ эгоизмѣ и во всемъ томъ, за что должна послѣдовать «расплата»,— рѣшительно несостоятельно. Тѣмъ не менѣе, въ частныхъ случаяхъ, которые намѣчены авторомъ, родителямъ и дѣтямъ приходится иногда жестоко поплатиться и за свои, и за чужіе грѣхи. Частный случай, взятый г. Гославскимъ въ основу драмы, таковъ: сынъ промотавшагося помѣщика Омшаринъ (г. Южинъ) пытается упорнымъ трудомъ по хозяйству вернуть прежнее состояніе и успѣлъ уже многое сдѣлать въ этомъ направленіи, учась хозяйничать у нѣкоего Реймана (г. Горевъ), крупнаго землевладѣльца, скупившаго большую часть родовыхъ имѣній Омшариныхъ. У Реймана единственная дочь, красавица Берта (г-жа Ермолова), которую старый паукъ усердно прочитъ въ жены дѣловитому сосѣду, носящему, къ тому же, аристократическое имя. Омшаринъ самъ не прочь былъ одно время жениться на красавицѣ съ большимъ состояніемъ, ухаживалъ за нею, и Берта безъ ума влюбилась въ него. Но почему-то,—не совсѣмъ ясно, почему,—молодой помѣщикъ охладѣлъ къ одной сосѣдкѣ и увлекся другою, влюбился въ Зою Заколову (г. Яблочкина 2-я), пустѣйшую дѣвицу, дочь пустѣйшей мамаши, Агнесы Наумовны (г-жа Бларамбергъ-Чернова), доканчивающей разореніе семьи, при дѣятельной помощи шалопая сына, Жана (г. Ильинскій). У Заколовой есть еще дочь, тридцатилѣтняя Юлія (г-жа Нечаева), давно любящая ветеринарнаго врача Недовѣева (г. Садовскій) и нѣсколько разъ отвѣчавшая отказами на его предложенія потому, что безъ нея плохо придется маменьѣ, Зоечкѣ и Жану. Крупное мѣсто къ пьесѣ занимаетъ генералъ Кошайскій (г. Рыбаковъ), старый холостякъ, очень богатый, благодаря наслѣдствамъ, подваливающимъ къ нему по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ проматываетъ. Кошайскій большой пріятель madame Заколовой и молодого Омшарина. Зоѣ очень нравится молодой сосѣдъ, она видитъ, что Омшаринъ влюбленъ въ нее, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда же, наконецъ, онъ объяснится и сдѣлаетъ предложеніе, сама вызываетъ его на это. Въ рѣшительную минуту, когда остается сказать одно,

послѣднее слово, Омшаринъ вдругъ спохватывается, отступаетъ и уходитъ, говоря: «Не судьба... не судьба!» Во второмъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ Кошайскимъ, Омшаринъ объясняетъ, что «не судьба» ему жениться на Зоѣ потому, что онъ не достаточно богатъ, не можетъ окружить свою жену «такою роскошью и нѣгой», въ какой «должна утопать его жена, Омшарина, кто бы она ни была»... Въ этомъ его «фамильная гордость»... Къ Омшарину заходятъ во время прогулки молодые Заколовы. Слѣдомъ за ними является Реймапъ съ дочерью и проситъ, почти требуетъ, чтобъ Омшаринъ тотчасъ же отправлялся съ Бертою въ городъ внести нотаріусу 107 тысячъ рублей. Деньги эти онъ тутъ же передаетъ дочери. Оставшись потомъ наединѣ съ Омшаринымъ, Берта говоритъ о своей любви, прямо ставитъ вопросъ о томъ, женится на ней или не женится Омшаринъ. Слишкомъ рѣзкіе, просто грубые отвѣты молодого человѣка даютъ поводъ къ бурной сценѣ, во время которой Берта забываетъ мѣшечекъ съ деньгами на диванѣ. Омшаринъ присвоиваетъ деньги, выгоняетъ вонъ прибѣжавшаго за ними разсвирѣпѣвшаго Реймана и старается оправдать передъ самимъ собою свой поступокъ тѣмъ, что возвращаетъ этимъ способомъ лишь часть награбленнаго Реймапомъ у его отца. Въ третьемъ дѣйствіи обѣдъ на открытомъ воздухѣ, во время котораго генералъ Кошайскій объявляетъ о помолвкѣ Омшарина съ Зоей Заколовой. Реймапъ пользуется случаемъ и говоритъ рѣчь, весьма задирательную для жениха, а послѣ обѣда объявляетъ Омшарину, что въ доказательство утайки имъ денегъ имѣются налицо достаточно убѣдительныя улики. Растерявшійся Омшаринъ соглашается вернуть похищенныя деньги. Реймапъ этимъ очень доволенъ, но за подержаніе денегъ желаетъ получить «процентики»,—50 тысячъ рублей, стоимость всего имѣнія Омшарина, — въ противномъ случаѣ, грозитъ начать тотчасъ же уголовное дѣло. На размышленіе онъ даетъ молодому человѣку сутки. И вотъ, по прошествіи сутокъ, Омшаринъ, рѣшившійся откупиться отъ Реймана, сообщаетъ невѣстѣ, что нѣтъ у него никакого состоянія, что жить имъ предстоитъ бѣдно, личнымъ трудомъ. Легкомысленная барышня плачетъ, злится и объявляетъ, что не желаетъ быть нищей... Съ женихомъ полный разрывъ. Мамаша въ отчаяніи,— замужство дочери давало ей надежду прожить безпечально на хлѣбахъ у зятя. Теперь они разорены въ конецъ и ей некуда голову приклонить. На выручку выступаетъ старикъ Кошайскій, предлагаетъ Зоѣ руку и сердце, а ея мамашѣ — восхитительное житье въ полномъ довольствѣ. Зоя согласна, всѣ въ восторгѣ. Узнавши объ этомъ, Омшаринъ выходитъ на балконъ и застрѣливается... Въ пьесѣ есть очень хорошія мѣста, весьма удачныя сцены; къ достоинствамъ ея надо отнести и то, что написана она литературнымъ языкомъ. По нашему времени даже и это оговаривать приходится. Въ общемъ же, какъ драма, эта *Расплата (Эюисть)* представляется намъ сплошною путаницей. Гдѣ тутъ «расплата»? Кто расплачивается и за что? Омшаринъ застрѣлился... такъ это онъ сдѣлалъ отнюдь не въ видѣ «расплаты», а съ отчаянія, что ему измѣнила прельстившая его своимъ [illegible]

комъ пустенькая барышня. Женившись на ней, онъ, вѣроятно, поплатился бы за свое увлеченіе цѣлыми годами отвратительной жизни съ крайне плохою супругой и, вдобавокъ, съ препротивною тещей. Но, положимъ, такъ ли, иначе ли, Омшаринъ поплатился за то, что стащилъ чужія деньги. А остальные-то «эгоисты»? Да они счастливы-пресчастливы: у стараго жуира—молодая, хорошенькая жена, у легкомысленной барышни — расчудесный для нея, богатый мужъ, у архи-эгоистки Заколовой—великолѣпнѣйшій зять, о какомъ она и мечтать не смѣла. Не-эгоисты, ветеринаръ и Юлія, вступаютъ въ законный бракъ, столь давно желанный, и, разумѣется, будутъ счастливы. Шалопай Жанъ... въ пьесѣ онъ говоритъ какія-то пустозвонныя фразы, но имъ нельзя вѣрить, и никто, конечно, не придаетъ имъ никакого значенія. Этотъ молодчикъ, увивавшійся за капиталами Берты, найдетъ себѣ богатую невѣсту, а не то явится къ генеральшѣ-сестрицѣ и заживетъ опять въ свое удовольствіе. Мы не вѣримъ болтовнѣ Жана, но этого мало: намъ рѣшительно неправдоподобною представляется кража Омшаринымъ Реймановыхъ денегъ. Эта кража обрушивается на зрителя, по французскому выраженію, «comme une tuile sur la tête». Мы видѣли, какъ Берта забыла свой красный мѣшокъ,—знали, разумѣется, что для чего-нибудь онъ оставленъ, — ждали, что его кто-нибудь стащитъ и изъ этого произойдетъ нѣкій конфликтъ. Если бы стащилъ его нравственный «растрепа» Жанъ, это насъ, быть можетъ, и не особенно удивило бы. Но Омшаринъ!... Такіе сюрпризы недопустимы въ литературномъ произведеніи и объяснимы могутъ быть только очень большою неопытностью автора. Молодость и неопытность писателя могутъ быть принимаемы въ качествѣ «смягчающихъ обстоятельствъ», но посѣщающей театры публикѣ нѣтъ никакого дѣла до лѣтъ драматурга и до его опытности. Публика, да и критика тоже, судятъ не автора, а произведеніе, и средствъ даже не имѣютъ входить въ оцѣнку написаннаго и поставленнаго на сцену, соображаясь съ возрастомъ и опытностью писателей. Кто слыхалъ, напримѣръ, имя А. В. Деденева, автора пьесы *Ночи безумныя...* или М. Бухарина, автора комедіи *Въ такую ночь?* Мы ни о томъ, ни о другомъ изъ этихъ новоявленныхъ драматурговъ никакого понятія не имѣли до тѣхъ поръ, пока ихъ пьесы, одна въ сентябрѣ, другая въ ноябрѣ, не «провалились» самымъ плачевнымъ образомъ на сценѣ Малаго театра. Въ «драматическихъ картинахъ» г. Деденева играютъ г-жи Ѳедотова и Лешковская, гг. Горевъ, Южинъ и Ильинскій. Эти ли артисты не выносили и не вынесутъ на своихъ плечахъ какой угодно пьесы! Оказалось, однако, что всякой силѣ есть мѣра, и опусканіе занавѣса по окончаніи пьесы г. Деденева сопровождалось дружнымъ шиканьемъ весьма сдержанной публики первыхъ представленій. Содержанія этой пьесы мы передавать не будемъ, ибо это съ начала до конца безсмыслица. Достаточно сказать, что, въ видѣ финала, г. Ильинскій застрѣлилъ изъ пистолета г. Южина, г. Южинъ умираетъ, г-жа Ѳедотова опускается около него на колѣни, причитаетъ удивительно трогательно, сходитъ съ ума, начинаетъ пѣть... а въ театральной залѣ раздаются

фырканья и сдерживаемый смѣхъ. Артистовъ вызвали, они, разумѣется, не виноваты... Кто же, однако, виноватъ въ томъ, что *Ночи безумныя... Венецейскій истуканъ* и всякая чепуха треплятъ силы талантливѣйшихъ русскихъ артистовъ? Какъ велики, какъ удивительны эти силы въ Москвѣ—всѣмъ извѣстно. Новымъ и блестящимъ тому доказательствомъ можетъ служить исполненіе г. Горевымъ роли Реймана и г-жею Ермоловой роли Берты въ пьесѣ г. Гославскаго. Къ сожалѣнію, г-жа Ермолова и г. Горевъ въ пьесѣ болѣе не участвуютъ. Ихъ игра скрашивала очень многія погрѣшности автора, поражала типичностью созданныхъ артистами фигуръ, поразительно жизненныхъ, высоко-художественныхъ.

Въ прошломъ октябрѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ залахъ общества любителей художествъ, была устроена посмертная выставка картинъ академика Константина Александровича Трутовскаго, скончавшагося въ нынѣшнемъ году на 67 году своей жизни. Трутовскій былъ, главнымъ образомъ,—если только не исключительно,—художникомъ малороссійскимъ. Горячо любя свой родной край, онъ живо чувствовалъ его красоты и поэзію простой деревенской жизни. Въ изображеніи, по большей части, незатѣйливыхъ, но милыхъ своею естественностью сценъ крестьянскаго быта покойный Трутовскій доходилъ до высокой степени художественности, какой достигнуть можетъ только человѣкъ, понимающій умомъ и чувствующій любящимъ сердцемъ все прекрасное, трогательное и поэтическое, чѣмъ скрашивается народная жизнь, что составляетъ ея радости, чѣмъ обусловливаются въ ней горести и страданія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи неподражаемо хороша извѣстная картина Трутовскаго *Разлучница*, представляющая собою цѣльную, законченную, тяжелую драму. На второмъ за нею мѣстѣ мы можемъ поставить картину, носящую названіе: *Совѣтъ*. У крылечка своего дома сидитъ старикъ священникъ и внимательно прочитываетъ бумагу, поданную ему старухою крестьянкой, пришедшею за совѣтомъ. Рядомъ съ матерью въ выжидающей позѣ стоитъ молодой парень. Ихъ обоихъ придавила нужда, отъ принесенной бумаги, очевидно, зависитъ ихъ дальнѣйшая участь—спасеніе или окончательная гибель. Добрый «батько» знаетъ это, и потому онъ такъ сосредоточенъ, такъ серьезно неторопливъ на подачу совѣта. За то дочь его, молодая, по-деревенски щеголеватая поповна, стоящая тутъ же на крылечкѣ, совершенно безучастна къ горю старухи, къ тревогѣ парня, къ бесѣдѣ съ ними отца. Она такъ присмотрѣлась къ подобнымъ сценамъ, такъ привыкла къ вздохамъ и стонамъ окружающей ее нищеты, что все это оказывается для нея вполнѣ заурядным, можно сказать, даже нормальнымъ въ ихъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Каждый штрихъ, каждая черточка въ этой картинѣ полны жизненной правды, истиннаго, высоко-художественнаго реализма въ лучшемъ смыслѣ этого слова, значеніе котораго подвергается съ нѣкоторыхъ поръ самымъ прискорбнымъ извращеніямъ, по милости умышленныхъ и неумышленныхъ лжетолкованій. И во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Трутовскій не-

сомнѣнный реалистъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поэтъ съ тонко развитымъ вкусомъ, съ возвышеннымъ эстетическимъ чувствомъ, а потому и реализмъ его изященъ и прекрасенъ, и чуждъ всякой тенденціозности. Но потому же самому и такъ же точно художникъ, въ силу своего очень крупнаго таланта, чуждъ и тому, что у насъ разумѣютъ подъ выраженіемъ служенія «искусству для искусства»,—служенія весьма удобнаго для всякой бездарности, добившейся извѣстнаго ремесленнаго мастерства въ распоряженіи красками. Трутовскій нигдѣ и ничего не прикрашивалъ, ни за какими эффектами не гонялся. Его малороссы, «паробки» и «дивчата», не на показъ отобраны и не для похвальбы писаны. Гуляетъ, напримѣръ, *Невѣста съ подругами*,—во всей картинѣ нѣтъ ни одного лица, которое можно было бы назвать хорошенькимъ, за то всѣ эти фигуры—живыя, выраженія ихъ переданы поразительно вѣрно, по нимъ ясно видно все разнообразіе характеровъ и настроенія данной минуты, такъ же точно, какъ въ картинѣ *Вѣйка пшена*, да и во всѣхъ почти произведеніяхъ покойнаго академика. Очень видное мѣсто на выставкѣ занималъ превосходный портретъ Т. Гр. Шевченко.

Ан.

Контора журнала „Русская Мысль“ *(Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21)* **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующа: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь. 1893 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Педагогика.—Публицистика.—Исторія.—Политическая экономія и статистика.— Этнографія и путешествія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.— Сельское хозяйство.—Учебники и книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *октябрь*.— «Русское Богатство», *сентябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *октябрь*.—«Русское Обозрѣніе», *октябрь*.—«Вѣстникъ Воспитанія», *сентябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1893 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Въ глуши“. М. Л. Песковскаго.—„Грѣхъ“. П. Засодимскаго.—„Хата“. Н. Н. Стеваненко.—„На безлюдьѣ“. В. И. Немировича-Данченко.—„Мурманская страда“. Его же.—„Приволье“. Его же.—„Полярное лѣто“. Его же.—„Сочиненія“ Шелли.

Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ М. Л. Песковскаго. Спб., 1893 г. Цѣна 1 рубль. Въ обращеніи *Къ читателямъ* авторъ говоритъ: „Я касаюсь (въ повѣсти) вовсе не того, чѣмъ могла и должна бы быть у насъ эта область просвѣщенія (обученіе сельскаго населенія), а только тѣхъ именно результатовъ, которые достигаются уже сельскою школой, несмотря даже на ея сильную захудалость“. Далѣе авторъ указываетъ на огромное значеніе сельской школы и деревенскихъ учителей-тружениковъ, находящихся, по большей части, въ очень тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, и добавляетъ: „Если моя слабая попытка сказать кое-что о трудахъ и житьѣ-бытьѣ народной школы и ея подвижниковъ, заронитъ нѣкоторый лучъ надежды хоть въ кого-нибудь изъ нихъ, хоть немного согрѣетъ и поддержитъ чью-либо наболѣвшую и усталую душу,—цѣль моя будетъ достигнута“. Мы не сомнѣвасмся въ томъ, что повѣсть г. Песковскаго произведетъ на многихъ читателей то именно впечатлѣніе, какое желательно автору, и не имѣемъ основаній не вѣрить ему въ томъ, что онъ даетъ въ своей повѣсти „результаты, которые уже достигаются сельскою школой“. Но мы думаемъ, что если гдѣ-либо и есть нѣчто похожее на описанное въ повѣсти, то это окажется крайне рѣдкимъ исключеніемъ, почти невѣроятнымъ для того, кто не видалъ его самолично. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что наши сельскія школы не могли бы быть такими, какія описаны въ повѣсти г. Песковскаго. Наоборотъ, въ высшей степени желательно, чтобы наши школы уподоблялись изображеннымъ авторомъ, и такое желаніе вполнѣ осуществимо, когда общество отнесется къ сельской школѣ съ тѣмъ сочувствіемъ и довѣріемъ, какихъ требуетъ почтенный авторъ повѣсти, когда, съ одной стороны,

равнодушіе, съ другой—формализмъ и подозрительность, съ третьей—невѣжество, непониманіе общественной пользы и своекорыстіе, боящееся свѣта знанія, уступятъ мѣсто гуманнымъ чувствамъ и разумнымъ взглядамъ на самыя насущныя потребности стомилліоннаго народа, живущаго „въ глуши", по деревнямъ и селамъ. Въ своей повѣсти авторъ разсказываетъ исторію сельскаго учителя Прахова, отдавшаго всѣ свои силы сельской школѣ, вложившаго всю душу въ святое дѣло служенія русскому народу на скромномъ поприщѣ деревенскаго учителя. Поразительные результаты, которыхъ достигъ этотъ необыкновенный труженикъ, представятся, быть можетъ, нѣсколько фантастическими читателямъ, видавшимъ сельскія школы заурядnаго и весьма невысокаго качества, соотвѣтствующаго „нормальному" типу, распространенному по всей Россіи. Но авторъ совершенно вѣрно указываетъ, что „норма" эта создана формалистикой и осуществляетъ собою лишь минимумъ, установленный для руководства преподавателей и дирекцій народныхъ училищъ. Подняться выше такого обычнаго уровня ничто не препятствуетъ, кромѣ индифферентизма однихъ, мнительной робости другихъ и дикости третьихъ, тѣхъ именно, кто держитъ теперь деревни въ своихъ загребистыхъ лапахъ подъ гнетомъ кабака и кулачества. Въ повѣсти г. Песковскаго разсказывается о превращеніяхъ посредствомъ доброй школы заморенныхъ нуждою и пропойствомъ сель въ цвѣтущіе здоровьемъ и обиліемъ уголки, гдѣ юное поколѣніе, подъ вліяніемъ преданнаго дѣлу учителя, выростаетъ въ трудовой жизни, развивается нравственно,—гдѣ школа вытѣсняетъ кабакъ, гдѣ кулачество вынуждено сторониться передъ наростающею силой знанія, гдѣ молодежь выучивается тому, „что взято прямо *изъ жизни*", и гдѣ учили ихъ „*для жизни*", не по печатной программѣ только, но въ разумной сообразности съ общими и съ мѣстными условіями народнаго быта. „Народная школа,—говоритъ авторъ,—занимая въ общей системѣ образованія самое незамѣтное мѣсто, оказывается, однако, могущественнѣйшимъ средствомъ для универсальнаго культурнаго подъема всего государства. Скудная своею программой, она, тѣмъ не менѣе, всемогуща, какъ факторъ, способный воздѣйствовать непосредственно на все трудовое населеніе, вести его къ всестороннему усовершенствованію въ моральномъ и матеріальномъ отношеніи". И г. Песковскій правъ безусловно,—противъ этого немыслимо никакое возраженіе. Если же кто, прочитавши повѣсть *Въ глуши*, скажетъ, что учитель Праховъ—„герой", едва ли возможный въ дѣйствительности, то на это и г. Песковскій, и мы можемъ отвѣтить, что въ средѣ русскихъ сельскихъ учителей такихъ героевъ не мало, и если подвиги ихъ не замѣтны и результаты ихъ самоотверженной дѣятельности не видны, то совсѣмъ не по ихъ винѣ, а потому, что на нихъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія общество, слишкомъ пренебрежительно смотрящее „на *великія и вѣчныя дѣла* на пользу государства и общества", которыя они дѣлаютъ въ тиши и „въ глуши". Книжку г. Песковскаго мы прочли съ большимъ интересомъ и смѣло рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ, кому дорогъ культурный ростъ нашего народа. Сельскіе учителя почерпнутъ изъ нея много полезныхъ указаній и, что того важнѣе, найдутъ въ ней поддержку бодрости духа, столь необходимой въ ихъ честномъ и тяжеломъ служеніи русскому народу.

Грѣхъ. Романъ П. Засодимскаго. Спб., 1893 г. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к. Передъ нами романъ изъ крестьянской жизни и написать такой романъ—дѣло совсѣмъ не легкое. Несомнѣнно, что и

въ глухихъ деревняхъ, въ чисто-крестьянской средѣ, разыгрываются романы и драмы, только происходитъ это не такъ, какъ въ городахъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ и, вообще, въ кругахъ болѣе культурныхъ, чѣмъ деревенская „темнота“, жизнь которой проще и однообразнѣе, замкнута въ опредѣленныя традиціонныя рамки, вертится въ очень небольшомъ, строго замкнутомъ кругѣ повседневныхъ нуждъ и тяжелыхъ заботъ о скудномъ существованіи. Надо очень близко знать эту на видъ простую, но по-своему сложную жизнь, надо не только понимать ея горести и радости, но и быть способнымъ ихъ чувствовать такъ, какъ ихъ переживаютъ деревенскіе люди; надо проникнуться воззрѣніемъ этихъ людей на жизнь и взаимныя между собою отношенія для того, чтобы разобрать подъ ровною сѣрою оболочкой не только грубые взрывы страстей, но и послѣдовательное наростаніе и развитіе очень тонкихъ, сложныхъ чувствъ, томящихъ души невидимыми для посторонняго глаза страданіями и не проявляющихся никакими дикими и звѣрскими поступками, повѣствовать про которые большіе охотники сочинители „разсказовъ“ изъ крестьянской жизни. Еще большую фальшь мы видимъ въ повѣстяхъ, проникнутыхъ слащавымъ отношеніемъ къ „мужичкамъ“, которыхъ сочинители заставляютъ говорить несуществующимъ, исковерканнымъ языкомъ совсѣмъ не крестьянскія рѣчи и выражать мысли и чувства, невѣдомыя простымъ людямъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ романѣ г. Засодимскаго. Авторъ отлично знаетъ и, что всего важнѣе, вѣрно понимаетъ описываемую имъ среду и то, какъ должно изображать ее въ литературномъ произведеніи. Въ романѣ *Грѣхъ* нѣтъ никакихъ „романическихъ“ приключеній, ни пылкой любви, ни жестокой ненависти, ни клокочащихъ страстей, ни даже „грѣха“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ пріобыкли понимать таковой люди, смотрящіе на крестьянскую массу съ своихъ культурныхъ высотъ. Главное дѣйствующее лицо,—героемъ его назвать было бы смѣшно, въ романѣ нѣтъ ни героя, ни героини,—центральное лицо, Григорій Чабанъ, „крѣпкій мужикъ“, полагающій всю душу свою въ работу, въ накопленіе достатка,—представляется фигурою вполнѣ типической: онъ—неустанный работникъ, страстный хозяинъ, самъ рукъ не покладаетъ и никому изъ семейныхъ не даетъ пощады на работѣ, всего больше ненавидитъ лѣнь, „вахлачество“ и презираетъ безсиліе во всѣхъ его проявленіяхъ. Въ накопленіи достатка исключительно трудомъ онъ видитъ залогъ благосостоянія и счастья семьи и въ охраненіи своей коробьи и своего амбара доходитъ до крайней суровости. Къ этимъ оберегаемымъ имъ твердынямъ нѣтъ доступа ни женѣ, ни сыну, ни замужней дочери, живущей въ большой нуждѣ съ „вахлакомъ“ мужемъ. И вдругъ, нежданно-негаданно, на сильнаго мужика обрушился „грѣхъ“: при переправѣ черезъ рѣку опрокинулся плотъ, на которомъ, съ нѣсколькими другими крестьянами, съ своимъ сыномъ и съ его молодою женой, старикъ Чабанъ отправлялся на сѣнокосъ. Всѣ кое-какъ выбрались на берегъ, кромѣ Чабановой „молодухи“ Аннушки. Она было ухватилась за ногу свекра, просила не дать ей погибнуть, но старикъ, не помня себя отъ страха, отшвырнулъ сноху прочь и ухватился за веревку. И вотъ въ его представленіи встаетъ и разростается совершонный имъ „грѣхъ“,—это онъ „утопилъ“ несчастную бабенку, не помогъ ей, когда была уже возможность и самому спастись, и ее вытащить... „Грѣхъ“ мучаетъ, изводитъ старика, и ничѣмъ не можетъ онъ снять его съ своей души до тѣхъ поръ, пока „книжный“ чело-

вѣкъ, свѣтлая душа, деревенскій „портняжка“ Прокофій, не указалъ ему, въ чемъ его наибольшій грѣхъ. „По моему разумѣнію,—говоритъ портной,—тебѣ нужно перво-на-перво быть пожалостливѣе, нужно съ людьми помириться. Ты ужь больно съ другими строгъ, да суровъ... не милостивъ. Помиришься съ людьми, перестанешь возноситься надъ ними, и съ совѣстью заживешь въ ладу“... „Вѣдь, ты у насъ былъ,—продолжаетъ книжный человѣкъ,—ровно вотъ снѣговой дѣдушка, бѣлый, чистый, да холодный... и высокій такой, клюкой не достать... О себѣ да о своемъ приплодѣ только у тебя было и думушки. Что-жь? По-твоему, и для покойной невѣстки ты другомъ былъ, когда въ воду ее толкалъ?... А по-моему, говорю: будь жалостливъ! Ежели тебѣ доведется увидать человѣка въ погибели, спасай, не давай ему тонуть“... „Я совсѣмъ не о рѣкѣ,—о другой погибели говорю. Люди вокругъ насъ повсечастно тонутъ. Одинъ тонетъ въ горѣ, другой—въ нуждѣ, а иной въ своей же злобѣ захлебывается... Этихъ спасай, не отталкивай отъ себя!“... Въ дѣло, въ прокъ пошли добрыя рѣчи „портняжки“, къ которому всегда нѣсколько пренебрежительно относился старикъ, немилостивый въ своей хозяйственно-трудовой безукоризненности. Григорій Чабанъ словно переродился, сталъ другимъ человѣкомъ и въ благожелательствѣ къ людямъ нашелъ миръ душевный, нарушенный „грѣхомъ“... Хороши, жизненны и интересны личности старой жены Чабана, его снохи Аннушки, старшины Капитона и его любовницы, красивой, но совершенно „деревянной“ дѣвки Ольги. Менѣе удачною, блѣдною и, пожалуй, лишнею даже мы находимъ фигуру горбатаго сельскаго учителя. Въ общемъ же, картина деревенской жизни въ глухомъ сѣверномъ уголкѣ Россіи написана вѣрно, спокойными тонами, и согрѣта добрыми чувствами гуманности и глубокой любви къ своему народу.

Хата. Разсказы и очерки Н. Н. Степаненка. Ромны, 1893 г. Ц. 80 к. Намъ не разъ приходилось отмѣчать плаксиво-ноющій тонъ нѣкоторыхъ сочинителей, выпускающихъ въ свѣтъ книжки подъ заглавіемъ „очерки и разсказы“. Въ отдѣльности тотъ или другой разсказъ можетъ быть недуренъ, пожалуй, даже хорошъ и трогателенъ. Но цѣлая книжка, наполненная одними плачевными причитаніями, всегда производитъ непріятное впечатлѣніе и по большей части отзывается фальшью. Не все на бѣломъ свѣтѣ радостно и сладко, далеко не все, но такъ же точно не все и безпросвѣтно, траурно и горько. Въ городѣ ли, въ деревнѣ ли есть и слезы, и смѣхъ, есть страданія, есть и счастье, и мы вправѣ желать, чтобы въ разсказахъ и въ очеркахъ изображалась дѣйствительная жизнь, какова она на самомъ дѣлѣ, а не отраженіе этой жизни въ представленіи мизантропствующаго сочинителя. Въ этомъ плачевномъ направленіи г. Степаненко пошелъ очень далеко: изъ девяти разсказовъ, помѣщенныхъ въ его книжкѣ, семь посвящены описанію различныхъ смертей отъ непосильной работы, отъ истощенія, отъ рукъ убійцъ, отъ самоубійства и проч. Въ восьмомъ (*Цыганенокъ*) разсказывается про несчастное положеніе бездомнаго мальчика, въ девятомъ (*Слава*) изображенъ жалкій чиновникъ, мечтающій о блестящей карьерѣ писателя и горько разочаровывающійся подъ конецъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ навѣяны добрыми чувствами, жалостью къ бѣднякамъ и несчастнымъ, но и написаны такъ вяло и однотонно, что, вмѣсто жалости, читатель испытаетъ только скуку отъ каждаго изъ разсказовъ порознь и досаду и недовольство отъ ихъ совокупности. Слогъ автора искусствен- ти-

гучъ: „Огромнымъ дискомъ солнце врѣзывалось въ горизонтъ, окрашивая края плывущихъ по небу облаковъ въ кровяной цвѣтъ и искрясь золотымъ отливомъ на гребняхъ низенькихъ, присидковатыхъ хатъ села“... „Изъ-подъ воротъ старой дьячковской хаты выползла старая, съ клочковатою шерстью собака, подняла голову, оттрубила своимъ разбитымъ голосомъ: гумъ, гумъ!—и скрылась, предполагая, вѣроятно, что она исполнила свой долгъ и больше ей не остается ничего дѣлать“. Встрѣчаются въ писаніи г. Степаненка и такія погрѣшности: „Онъ считалъ часы и даже минуты, а очутившись на волѣ—начинали закрадываться сомнѣнія“...

На безлюдьѣ (картины полярной зимы).—Мурманская страда (очерки изъ борьбы человѣка съ полярною природою у океана).—Приволье (картины промысловой жизни на сѣверѣ у океана).—Полярное лѣто (очерки невѣдомаго быта). В. И. Немировича-Данченко. Изданіе А. С. Суворина. „Дешевая библіотека“. Спб. Цѣна каждому томику 20 к., въ папкѣ 28 к. Мы отмѣчаемъ выходъ въ свѣтъ въ дешевомъ изданіи разсказовъ г. Немировича-Данченко о жизни нашихъ поморовъ на крайнемъ сѣверѣ у Ледовитаго океана и считаемъ совершенно излишнимъ входить въ подробный разборъ этихъ увлекательныхъ очерковъ „невѣдомаго“ края. Авторъ ихъ настолько извѣстенъ нашимъ читателямъ и всей грамотной Россіи, что нашъ отзывъ о вышеназванныхъ книгахъ ничего не прибавитъ къ его установившейся репутаціи блестящаго разскащика, умѣющаго силою таланта придать удивительную прелесть и суровымъ картинамъ природы, и описаніямъ жестокой борьбы съ нею человѣка, вынужденнаго съ опасностью жизни вырывать у нея скудное пропитаніе, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ зависимости отъ кулаковъ, держащихъ трудовой людъ въ вѣчной кабалѣ.

Сочиненія Шелли. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 2-й. Спб., 1893 г. Цѣна 50 коп. О первомъ выпускѣ сочиненій знаменитаго англійскаго поэта въ переводѣ г. Бальмонта мы говорили въ свое время (*Русская Мысль* 1893 г., кн. III), причемъ нами приведены были и краткія біографическія свѣдѣнія о рано-погибшемъ писателѣ. Тогда же мы привѣтствовали начало труда талантливаго переводчика, передающаго въ хорошихъ стихахъ не только содержаніе, но и самый духъ подлинниковъ, возвышенное, хотя и пессимистическое настроеніе Шелли. Во второмъ выпускѣ помѣщены десять лирическихъ стихотвореній, прозаическій отрывокъ *О любви* и поэма *Аласторъ или духъ уединенія*. Въ примѣчаніи переводчикъ поясняетъ заглавіе поэмы: „Аласторъ есть греческое названіе мстительнаго демона, который изгонялъ свои жертвы въ пустыни. Аласторъ—символъ возмездія, неизбѣжнымъ образомъ постигающаго души тѣхъ, съ кѣмъ неразлучно одиночество“. „Alastor is the Nemesis of solitary souls“ (Symonds). Прозаическій отрывокъ *О любви* служитъ какъ бы предисловіемъ къ поэмѣ и отчасти раскрываетъ намъ мысли поэта, которыми навѣяно это чудное произведеніе, блещущее „безумною роскошью красокъ“, по выраженію переводчика. Второй выпускъ переводовъ г. Бальмонта мы прочли съ такимъ же, въ наши дни рѣдко достающимся, удовольствіемъ, какъ и первый. Что же касается поэмы *Аласторъ*, то ее мало прочесть,—въ нее надо вчитаться, что весьма не трудно, такъ какъ влечетъ она къ себѣ съ неодолимою, чарующею силой.

ПЕДАГОГИКА.

„Мнемотехника или искусство укрѣплять память". *Н. Д. Слоуща.*

Мнемотехника или искусство укрѣплять память. Практическое руководство усвоивать легко и быстро и удерживать навсегда въ памяти числа, названія, серіи словъ, стихотворенія, иностранные языки, логариѳмы, бухгалтерію, даты, карты, шахматы и пр. Составилъ по новѣйшимъ иностраннымъ руководствамъ Н. Д. Слоущъ. Третье дополненное изданіе. Одесса, 1893 г. Ц. 35 к. Поистинѣ, мнемотехника г. Слоуща—забавная книжка, а составитель ея—человѣкъ чрезвычайно веселый. Доказательствъ и того, и другого искать не долго. Представьте себѣ, что вамъ нужно запомнить четыре верхне-итальянскихъ озера съ „протекающими по нимъ рѣками" (стр. 19): озеро Маджоре и рѣка Тичино, озеро Комеръ и рѣка Адда, озеро Исео и рѣка Олье, озеро Гарда и рѣка Минчіо; какъ вамъ быть, чтобы исполнить задачу безъ особенныхъ затрудненій? Дѣло, какъ оказывается, очень просто, если вѣрить г. Слоущу. Надо составить четыре пары словъ: 1) „Маджоре—Тичино, 2) Комеръ—Адда, 3) Исео—Олье, 4) Гарда—Минчіо", замѣнить ихъ похожими, какъ думаетъ г. Слущъ, словами: 1) „Маіоръ—теченіе, 2) Камера—ода, 3) Изшить—Ольга, 4) Горда—меньшій", изъ этихъ послѣднихъ составить предложенія: 1) „*Майоръ* сидѣлъ у *теченія рѣки*, 2) Въ *камерѣ* поютъ *оды*, 3) На *изшитомъ* коврѣ сидѣла *Ольга*, 4) Она *гордо* смотрѣла на *меньшаго* брата", и наконецъ соединить эти предложенія въ слѣдующій связный разсказъ: „*Майоръ* сидѣлъ у *теченія* рѣки; противъ *теченія* находилась *камера;* въ *камерѣ* этой сидѣлъ его старшій братъ и пѣлъ *оды;* оды были въ честь (,) сидѣвшей на *изшитомъ* коврѣ (,) *Ольги;* она сидѣла *гордо* и съ *гордостью* смотрѣла на *меньшаго* брата" (стр. 19).

Чего, кажется, проще? Совершенно такъ же или въ этомъ родѣ г. Слоущъ рекомендуетъ поступать и относительно чиселъ, цѣлыхъ стихотвореній, иностранныхъ языковъ и проч. Чтобы „усвоивать легко и удерживать навсегда въ памяти" неизвѣстныя слова, числа, логариѳмы и проч., нужно, во-первыхъ, „составлять искусственныя связи и соединять ихъ" (стр. 10) и, во-вторыхъ, „замѣнять новыя, незнакомыя понятія старыми, знакомыми" (стр. 13). Такимъ образомъ, чтобы запомнить, напримѣръ, что *хлѣбъ* по-французски *pain*, а *овца—brebis*, стоитъ только въ первомъ случаѣ припомнить слово „пѣна", а во второмъ — выраженія „вербное воскресенье" и составить предложенія: „*хлѣбъ* упалъ въ *пѣну*" и „*овцу* мы съѣли въ *вербное* воскресенье" (стр. 18 и 19) и французскія слова немедленно будутъ заучены.

Это ли не забава и какое еще нужно доказательство веселости нрава г. Слоуща? Любопытно, что дѣти очень часто и поступаютъ по рецепту составителя мнемотехники; слѣдовательно, вся его заслуга сводится къ тому, что онъ напечаталъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ узаконилъ вполнѣ дѣтскіе пріемы. Если же ему кажется, что онъ оказываетъ серьезную услугу учащимся во время экзаменовъ и всѣмъ вообще впослѣдствіи въ теченіе всей жизни (стр. 3), то онъ ошибается: его эквилибристическія упражненія, полныя всяческихъ ухищреній, требуютъ для пріисканія похожихъ словъ громадной затраты времени и громадной фантазіи и, въ концѣ-концовъ, очень мало цѣлесообразны, потому что весьма далеки отъ того интереснаго размышленія, которое онъ въ нихъ хочетъ видѣть (стр. 6). Въ самомъ дѣлѣ, какое количество ге-

мени и какая фантазія нужны для того, чтобы додуматься до приведеннаго выше разсказа о майорѣ, и какимъ образомъ подобный разсказъ можетъ явиться плодомъ интереснаго размышленія? Что въ процессѣ запоминанія важную роль играютъ законы ассоціацій идей, это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что въ основѣ этихъ законовъ лежитъ сравненіе (стр. 8 и 9); но одно дѣло воспользоваться этими законами и ихъ основой въ разумныхъ предѣлахъ, и другое доводить ихъ, какъ дѣлаетъ г. Слоущъ, до извращенія. Если бы авторъ разсматриваемой книжки указалъ намъ, что, однако, его мнемотехника во второмъ своемъ изданіи разошлась „менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца", мы отвѣтили бы, что мало ли что бываетъ на свѣтѣ со всякими книжками, а тѣмъ болѣе забавными; книжка же г. Слоуща, повторяемъ, можетъ вызвать рядъ улыбокъ со стороны читателя, а мѣстами и сплошной смѣхъ. Наконецъ, мнемотехника отличается безграмотностью: выраженія, вродѣ „*между* ямой находится сарай", или „соль эта доставляется грѣшниками *изъ* юга" (стр. 16) никоимъ образомъ нельзя назвать грамотными.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Die Thätigkeit des Deutschen Reichstags von 1890 bis 1893".—„Parie qui mendie", *par Louis Paulian.*

Die Thätigkeit des Deutschen Reichstags von 1890 bis 1893. Berlin, 1893. Передъ нами отчетъ о трехгодичной дѣятельности рейхстага, изданный редакціей газеты *Vorwärds*. Эта небольшая книжечка въ 170 страницъ, стоющая всего лишь 20 пфеннинговъ, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія. Авторъ или, скорѣе, авторы книжки (потому что она имѣетъ видъ коллективной работы) довольно широко поняли свою задачу: они не ограничились простымъ обзоромъ тѣхъ законодательныхъ мѣропріятій, которыя разсмотрѣлъ и принялъ рейхстагъ со времени своего созванія съ 1890 г. до распущенія въ текущемъ 1893 году, но самую эту законодательную дѣятельность рейхстага они поставили въ связь съ экономическою жизнью страны и нарисовали общую картину состоянія нѣмецкой промышленности и положенія рабочихъ. Ясный, опредѣленный взглядъ, проникающій все изложеніе, критическую такъ же, какъ и положительную часть, придаетъ книжкѣ характеръ единства и цѣльности, а строгая фактичность, изобиліе статистическихъ данныхъ и удобное распредѣленіе матеріала по рубрикамъ дѣлаютъ ее очень пригодною для всякаго рода справокъ. Людямъ, слѣдящимъ по газетамъ за политическими событіями въ Германіи, особенно полезно будетъ имѣть это изданіе,—оно имъ дастъ вѣрное освѣщеніе многихъ явленій нѣмецкой жизни и можетъ служить ключомъ къ пониманію правительственной политики и дѣятельности отдѣльныхъ политическихъ партій.

Все изложеніе распадается на слѣдующіе отдѣлы: милитаризмъ, косвенные налоги, соціальное законодательство, современная промышленность и торговля, всеобщее избирательное право, буржуазныя партіи и соціалъ-демократія. Въ особомъ приложеніи перепечатаны законодательныя постановленія, касающіяся выборовъ, и къ нимъ присоединены всякія другія практическія свѣдѣнія, необходимыя для нѣмецкихъ избирателей. Обстоятельность главы о милитаризмѣ объясняется, конечно, тѣмъ особеннымъ значеніемъ, которое получилъ вопросъ о

новомъ военномъ законѣ послѣ непринятія его распущеннымъ вслѣдствіе этого рейхстагомъ. Военный законопроектъ столько обсуждался уже со всѣхъ сторонъ, что что-нибудь новое сказать о немъ теперь довольно трудно; приведемъ поэтому изъ настоящей статьи о милитаризмѣ только одну не лишенную внушительности цифру въ 12,410 милліоновъ марокъ, выражающую собою, сколько всего затрачено Германіей на войско въ послѣднія 21 годъ, да еще отмѣтимъ ту мысль, что всѣ жертвы, приносимыя различными государствами якобы для сохраненія мира, въ дѣйствительности всего больше ему угрожаютъ, потому что „опасность войны,—читаемъ мы на стр. 29,—ростетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ численности армій". Для русскихъ читателей интересна будетъ глава о косвенныхъ налогахъ. Косвенные налоги увеличиваются съ ужасающею быстротой, вызывая повсюду однѣ и тѣ же жалобы на неравномѣрность и несправедливость подобнаго обложенія. Было бы слишкомъ долго излагать здѣсь главу о соціальныхъ реформахъ и рабочемъ законодательствѣ; къ тому же, мы думаемъ, что въ этомъ и нѣтъ особенной надобности, такъ какъ отношеніе нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ къ вопросамъ о законодательномъ регулированіи рабочаго дня, о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, о страхованіи на случай болѣзни или увѣченій и т. п. вещахъ, въ общемъ, всѣмъ хорошо извѣстно. Приводимыя же въ статьѣ статистическія данныя, равно какъ тѣ или иныя постановленія германскаго законодательства, заслуживаютъ прочтенія въ цѣломъ, но потеряли бы свою убѣдительность и значеніе въ краткихъ, болѣе или менѣе случайныхъ выдержкахъ. Остановимся поэтому только на общихъ, дѣйствительно любопытныхъ выводахъ книжки о дѣятельности рейхстага, о характерѣ современнаго нѣмецкаго законодательства, о партіяхъ вообще.

Главная отличительная черта распущеннаго рейхстага была полная раздробленность партій. Ничто постоянное ихъ не объединяло; три оппозиціонныя партіи—соціалъ-демократы, свободомыслящіе и центръ—представляютъ, каждая, совершенно различные, несовмѣстимые интересы. Большинство составлялось случайно: сегодняшніе союзники оказывались завтра врагами. Это отразилось и на свойствѣ принимавшихся рейхстагомъ законовъ: всѣ они носятъ характеръ уклончивости, неопредѣленности и являются какими-то полумѣрами. Такіе законы никакихъ затрудненій не разрѣшаютъ и никого неспособны удовлетворить: ни фабрикантовъ, ни землевладѣльцевъ, ни правительство, ни рабочихъ. „Въ результатѣ получается, что съ увеличеніемъ числа законовъ, которые бы должны отвѣчать существующимъ потребностямъ, *недовольство* не уменьшается, а, напротивъ, ростетъ" (стр. 9). Разрозненности партій въ рейхстагѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ обостреніе классовыхъ противорѣчій въ промышленной жизни. Цифры показываютъ, что экономическое неравенство въ условіяхъ жизни представителей владѣющихъ и трудящихся классовъ становится все рѣзче. Крупные земельные собственники замѣтно округляютъ свои благопріобрѣтенныя и наслѣдственныя помѣстья, а мелкіе владѣльцы продажей или сдачей въ аренду своихъ клочковъ земли содѣйствуютъ торжеству крупнаго землевладѣлія (что вполнѣ соотвѣтствуетъ предсказанію: „имущему дастся, отъ неимущаго отнимется"). Результатомъ скопленія земель въ рукахъ немногихъ помѣщиковъ является усиленный приливъ рабочихъ рукъ въ промышленные центры и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ пониженіе здѣсь заработной платы. Положеніе рабочаго класса становится все хуже: по-

требленіе хлѣба значительно сокращается и лошадиное мясо начинаетъ вытѣснять собой всякое другое.

А на глазахъ бѣднѣющихъ рабочихъ богатства ихъ хозяевъ ростутъ съ соотвѣтственною быстротой, все увеличивая пропасть между обоими классами и совершенно стирая съ лица земли классъ промежуточный: мелкую, независимую буржуазію. Народъ начинаетъ сильнѣе чувствовать и сознавать экономическіе интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ его недовольство, увеличивается необходимость найти какой-нибудь исходъ изъ существующаго тяжелаго положенія. Каждая политическая партія обѣщаетъ рабочимъ свое содѣйствіе и говоритъ, что она обладаетъ спасительнымъ секретомъ, панацеей отъ всѣхъ соціальныхъ болѣзней. Но рекламированныя лѣкарства оказываются всякій разъ мыльными пузырями, народъ перестаетъ вѣрить своимъ старымъ представителямъ, и вотъ буржуазныя партіи, особенно тѣ, которыя всего больше давали обѣщаній народу (въ Германіи — свободомыслящіе, во Франціи — радикалы оттѣнка Клемансо), терпятъ одно пораженіе за другимъ. Отъ всѣхъ этихъ смутъ, отъ всего современнаго неустройства въ выигрышѣ оказывается лишь соціалъ-демократія, въ настоящее время самая могучая германская партія по числу подаваемыхъ за ея представителей голосовъ. Количество соціалистическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ все увеличивается и остается только провести избирательную реформу въ смыслѣ пропорціональнаго представительства, чтобы соціалъ-демократы сдѣлались, въ сущности, вершителями судебъ Германской имперіи. Нечего и говорить, что такая реформа не встрѣчаетъ сочувствія въ остальныхъ партіяхъ и можетъ быть лишь отдаленною мечтой; въ ближайшую же сессію рейхстага соціалъ-демократы обѣщаютъ бороться лишь за нѣкоторыя насущныя, но частичныя экономическія реформы.

Paris qui mendie. Les vrais et les faux pauvres. Mal et Remède. Louis Paulian. Эпиграфъ изъ Альфонса Карра: Le mendiant tue le pauvre. Paris, 1893. Въ наше время всевозможныхъ экспериментовъ, когда одинъ газетный репортеръ, чтобы испытать степень заразительности холеры, ѣдетъ въ самый центръ холерной эпидеміи, поселяется тамъ среди больныхъ, пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ ними и ложится въ постели умершихъ, когда одинъ беллетристъ, желая дать вѣрное изображеніе ощущеній голоднаго человѣка, самъ обрекаетъ себя на всѣ ужасы голоданія,—неудивительно, что нашелся писатель, который добровольно сталъ нищимъ, чтобы ознакомиться ближе съ жизнью людей, протягивающихъ руку за подаяніемъ. Сдѣланныя такимъ непосредственнымъ путемъ наблюденія онъ опубликовалъ сначала въ журналахъ, а затѣмъ собралъ въ отдѣльную книгу, гдѣ, нарисовавши сначала картину нищенскаго существованія, онъ предложилъ еще свои мѣры для радикальнаго, какъ онъ думаетъ, уничтоженія нищенства. Всесвѣтность этого зла дѣлаетъ этюдъ Поліана интереснымъ и поучительнымъ и для русскихъ читателей.

Не знаемъ, какимъ именно путемъ, какими вычисленіями, но только Поліанъ пришелъ къ тому заключенію, что на бѣдныхъ въ Парижѣ ежегодно жертвуется болѣе 10 милліоновъ франковъ. Сумма громадная, достаточная, по мнѣнію автора, для полнаго искорененія нищеты въ городѣ, а, между тѣмъ, статистика показываетъ, что число нищихъ въ Парижѣ съ каждымъ годомъ все увеличивается и все безплоднѣе становится дѣло благотворительности. Отчего это происходитъ? Оттого,—говоритъ Поліанъ,—что жертвуемыя деньги идутъ не по истин-

ному ихъ назначенію, оттого, что на ряду съ дѣйствительными бѣдняками къ филантропіи взываютъ люди, имѣющіе всѣ средства для совершенно безбѣднаго существованія. „Ложные нищіе“ овладѣваютъ значительною частью милостыни и дѣлаютъ недостаточными самыя грандіозныя жертвы благотворительности, и чѣмъ послѣдняя напрягаетъ больше свои усилія, тѣмъ болѣе трутней пользуется ея благодѣяніями. Въ десяти случаяхъ изъ 20-ти,—говоритъ Поліанъ,—несчастные, которымъ мы подаемъ, на самомъ дѣлѣ просто эксплуатируютъ свой жалкій, оборванный видъ, занимаясь нищенствомъ, какъ ремесломъ, обыкновенно гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ всякое другое дѣло. Выручка нищаго въ среднемъ равняется 10—15 фр., достигаетъ иной разъ и 20 фр., тогда какъ фабричный рабочій довольствуется обыкновенно 5—8 фр. въ день за самый тяжелый и утомительный трудъ. Неудивительно, что среди профессіональныхъ нищихъ встрѣчаются богачи, откладывающіе деньги въ банкъ, и были случаи, когда сбереженія нѣкоторыхъ изъ нихъ достигали крупныхъ суммъ въ 30, 40 и 50 т. фр. Неудивительно и то, что нищіе въ своихъ ресторанахъ питаются обыкновенно лучше рабочихъ и позволяютъ себѣ такіе развлеченія и кутежи, о которыхъ послѣдніе не смѣютъ и думать.

Сдѣлавшись ремесломъ, нищенство стало требовать для занятія имъ соотвѣтствующихъ талантовъ и знаній. Мало еще протягивать руку за подаяніемъ, надо знать, какъ просить, какъ одѣваться, какъ придавать себѣ наиболѣе жалкій, профессіонально-нищенскій видъ. Притомъ, протягиваніе руки на улицѣ, если человѣкъ не обладаетъ такимъ преимуществомъ, какъ какое-нибудь особенное увѣчье (наприм., отсутствіе обѣихъ ногъ), въ виду громадной конкурренціи не можетъ теперь считаться самымъ доходнымъ занятіемъ. Выгоднѣе, наприм., ходить по квартирамъ, но тутъ-то и требуются большія познанія, чтобы не получать вездѣ однихъ отказовъ. Въ настоящее время дѣло это облегчено изданіемъ особаго нищенскаго путеводителя. Подобно тому, какъ иностранецъ, пріѣзжая въ Парижъ, пріобрѣтаетъ себѣ какой-нибудь Vade mecum или Бедекера, такъ и нищій, прежде чѣмъ приступить къ странствованію по лѣстницамъ, запасается своимъ путеводителемъ. Смотря по цѣнѣ и по обилію свѣдѣній, путеводитель этотъ бываетъ двухъ родовъ, такъ называемый grand jeu и petit jeu. Болѣе подробный стоитъ 6 фр. и заключаетъ въ себѣ не только адресы значительнаго количества лицъ, но еще подробнѣйшія указанія на родъ ихъ занятій, на ихъ особенности, вкусы, симпатіи, на лучшія средства, какъ можно эксплуатировать ихъ доброту, и даже на время, когда ихъ можно застать. Указанія эти составлены такъ: М. Б.—живетъ тамъ-то, денегъ не даетъ, но предлагаетъ одежду. Вдова Ц. — занимается преимущественно дѣтьми, для которыхъ даетъ бѣлье и молоко. М. Д. — религіозная семья, покровительствуетъ крестинамъ, бракамъ и первымъ причастіямъ; здѣсь можно заново одѣться съ головы до ногъ. М. Ф.— старый республиканецъ и радикалъ, очень богатъ, изображать себя передъ нимъ жертвою духовенства и реакціонеровъ и пр., и пр., все въ такомъ родѣ. Пріобрѣтая подобный grand jeu, всякій нищій можетъ быть гарантированъ, что онъ не потеряетъ времени даромъ, скитаясь по негостепріимнымъ домамъ, гдѣ передъ его носомъ будутъ захлопывать двери.

Личная изобрѣтательность и таланты нисколько не устраняютъ подобнымъ путеводителемъ. Напротивъ, чѣмъ больше облегчается и совершенствуется дѣло нищенства, тѣмъ болѣе требуется сноровки, что

успѣшно конкуррировать со все увеличивающимся наплывомъ просителей. Мы уже не будемъ говорить здѣсь о поддѣльныхъ слѣпыхъ, глухихъ и увѣчныхъ, о мнимыхъ сиротахъ и якобы безработныхъ рабочихъ. Подобные пріемы нищенства извѣстны каждому. Но вотъ два-три факта, рисующихъ совершенно исключительную изобрѣтательность. Поліанъ разсказываетъ, какъ однажды въ одинъ съ нимъ вагонъ конно-желѣзной дороги въ числѣ прочихъ пассажировъ сѣла одна беременная женщина съ необыкновенно большимъ животомъ. Едва конка тронулась, какъ женщина эта застонала и заохала. Всѣ пассажиры и въ особенности пассажирки стали участливо разспрашивать, что съ нею; она объяснила, что ей нужно бы поскорѣе въ родильный домъ, но что у нея нѣтъ денегъ нанять извощика. За этимъ дѣло, разумѣется, не стало: всѣ окружающіе поспѣшили каждый внести свою лепту и скоро у женщины оказалось денегъ гораздо больше, чѣмъ сколько нужно на нѣсколько фіакровъ. Сердобольные пассажиры этимъ не ограничились и упросили нашего автора проводить роженицу до самаго пріюта или до ея квартиры. Однако, лишь только онъ съ нею усѣлся въ фіакръ, какъ женщина стала выказывать признаки особеннаго безпокойства; своего адреса она не пожелала сказать, а потребовала, чтобы Поліанъ оставилъ ее, такъ какъ самое его присутствіе для нея будто бы мучительно. Не добившись толку, не слыша ничего, кромѣ стоновъ, нашъ авторъ, наконецъ, потерялъ всякое терпѣніе и слѣзъ съ извощика. Каково же было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько недѣль онъ встрѣтилъ ту же женщину на улицѣ въ точно такомъ же критическомъ положеніи? Но едва онъ къ ней подошелъ, едва успѣлъ вымолвить: „Однако, сударыня, ваши роды тянутся уже довольно долго“, какъ та, испугавшись, съ невѣроятною для ея положенія быстротой пустилась бѣжать, сдвинувъ на спину для бо́льшаго удобства свой... картонный животъ.

Спеціализація, какъ извѣстно, всегда увеличиваетъ искусство, а потому и среди нищихъ образовались свои спеціальности. Существуютъ, наприм., нищіе, состоящіе исключительно при литераторахъ. Они уже не докучаютъ своими просьбами никому, кромѣ писателей и журналистовъ, а въ отношеніи къ нимъ прибѣгаютъ къ своеобразнымъ пріемамъ. А то вотъ еще спеціалисты по новобрачнымъ,—есть, представьте себѣ, даже и такая профессія. Вотъ въ чемъ состоитъ это дѣло. Въ газетахъ отъ времени до времени появляются объявленія о предстоящихъ свадьбахъ, съ обозначеніемъ именъ жениха и невѣсты. Нищій-спеціалистъ, встрѣтивъ такое объявленіе, отыскиваетъ тотчасъ же въ заранѣе заготовленной коллекціи стихотвореній соотвѣтственный акростихъ на имя какой-нибудь Алисы или Маріи, переписываетъ его на розовую бумажку и преподноситъ въ запечатанномъ конвертѣ черезъ лакея самой новобрачной въ то время, когда она, счастливая, послѣ совершенія обряда въ мэріи или церкви, заканчиваетъ день въ компаніи друзей, среди шутокъ, веселья и танцевъ. Однимъ поздравленіемъ письмо на розовой бумажкѣ, конечно, не ограничивается, въ post-scriptum'ѣ стоитъ, что авторъ его, несчастный бѣднякъ, надѣется, что „молодая въ своемъ счастьѣ не забудетъ удѣлить ему подаяніе отъ щедротъ своихъ“. Нечего и говорить, что просьба блестяще достигаетъ своего назначенія: молодая женщина спѣшитъ къ своему супругу, проситъ его дать побольше („это приноситъ счастье!“) и остроумный проситель оказывается щедро вознагражденнымъ. Не станемъ приводить другихъ примѣровъ выдумокъ, которыми полна книга французскаго автора.

Однако, эксплуатируя чужую доброту, нищіе и сами въ свою очередь жестоко иной разъ эксплуатируются: слѣпые—своими вожатыми, дѣти—родителями. Бываетъ такъ, что цѣлая артель нищихъ работаетъ на одного „предпринимателя“. Къ сожалѣнію, объ этой сторонѣ дѣла, да и вообще о внутренней жизни нищенскаго населенія мы узнаемъ изъ книги Поліана очень немного. Все вниманіе нашего автора поглотили „ложные“ нищіе и тѣ уловки, которыя пускаются ими въ ходъ при собираніи ими милостыни, а бѣдняки настоящіе, протягивающіе руку за подаяніемъ потому, что они не находятъ работы, остались поэтому какъ бы въ тѣни. Этотъ односторонній характеръ описательной части книги отразился и на ея положительной и прикладной части, озаглавленной *Le remède*. Лѣкарство г. Поліана предназначено преимущественно для „ложныхъ“ больныхъ. Это жалко. Вотъ вкратцѣ предлагаемыя имъ мѣры.

Авторъ высказываетъ сожалѣніе, что при арестѣ нищаго на улицѣ всѣ симпатіи окружающей толпы бываютъ всегда не на сторонѣ полицейскаго, а на сторонѣ арестуемаго, почему и самый арестъ затрудняется, а иногда дѣлается и совсѣмъ невозможнымъ. Должно же быть прямо обратное: всѣ присутствующіе обязаны содѣйствовать задержанію нищихъ, отнимающихъ хлѣбъ у бѣдняковъ и являющихся настоящею язвой всѣхъ большихъ городовъ. Задерживать и преслѣдовать ложныхъ нищихъ надо неукоснительно (предпочитая, однако, штрафы тюремному заключенію), а для этого должны быть расширены функціи полиціи, которой слѣдуетъ предоставить право разбирать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причины, побуждающія къ нищенству, и поступать „по усмотрѣнію“. Подачу милостыни на улицѣ слѣдуетъ прекратить совершенно, а подаяніе деньгами замѣнить доставленіемъ нищимъ работы (организація ея можетъ быть поручена городскому самоуправленію). Увѣчные, слѣпые и больные имѣютъ право, конечно, на особенную заботу о себѣ со стороны своихъ согражданъ и, въ случаѣ надобности, на помѣщеніе въ больницу. Существующія теперь благотворительныя учрежденія надо реформировать, главнымъ образомъ, въ смыслѣ большей централизаціи, дабы получившіе помощь изъ одного мѣста не могли обращаться въ другое и третье, какъ это бываетъ теперь. „Уничтожить нищенство, — оговаривается нашъ авторъ, — не значитъ еще уничтожить пауперизмъ. Послѣднее составляетъ мечту благородныхъ умовъ, но не болѣе, какъ мечту“ (стр. 175). „Всегда будутъ нищіе между вами“,— повторяетъ Поліанъ извѣстное евангельское изреченіе.

Читатель видитъ самъ, какъ жалко, въ сущности, „лѣкарство“, предлагаемое Поліаномъ, и какъ бѣдны и недостаточны всѣ приведенныя имъ реформы. Нѣкоторымъ изъ нихъ мы прямо не сочувствуемъ: такъ, наприм., такому расширенію функцій полиціи, при которомъ должно произойти столь нежелательное смѣшеніе власти судебной и исполнительной. Что бы ни говорилъ нашъ авторъ о ложныхъ нищихъ, тѣмъ не менѣе, присутствуя при арестѣ одного изъ нихъ, мы, все-таки, будемъ всегда сочувствовать больше арестуемому, нежели арестующему. И это не оттого, чтобы мы не понимали всего вреда нищенства, но потому, что не вѣримъ, во-первыхъ, въ дѣйствительность такого „леченія“ соціальной болѣзни, а, во-вторыхъ, въ справедливость тѣхъ экзекуцій, которымъ, какъ извѣстно, подвергаются нерѣдко отправляемые въ участки... Перебирать въ отдѣльности всѣ реформы, предлагаемыя Поліаномъ, мы здѣсь не станемъ, скажемъ просто, что о самой главной, о самой радикальной реформѣ, способной дѣйствительно ис-

ренить нищенство, мы не находимъ въ его книгѣ ни слова. Мы разумѣемъ признаніе и освященіе закономъ права рабочихъ на трудъ, т.-е. права не на исканіе только труда, но на его нахожденіе,—иными словами, права всѣхъ гражданъ требовать себѣ работы отъ государства, разъ они ея не находятъ нигдѣ *). Узаконеніе этого права и его широкое примѣненіе въ жизни лучше всякихъ благотворительныхъ учрежденій и всѣхъ самыхъ ревностныхъ блюстителей порядка само собой выдѣлитъ изъ массы бѣдняковъ тѣхъ, кто не желаетъ работать или уже имѣетъ достаточно средствъ для существованія—этихъ „ложныхъ“ нищихъ Поліана. Безъ штрафовъ и тюремъ общество имъ предложитъ дилемму: работать или покидать страну—и нищенство безъ репрессивныхъ мѣръ и безъ сомнительныхъ реформъ Поліана самой собой сойдетъ со сцены и очиститъ улицы большихъ городовъ отъ показной, униженной и унижающейся нищеты... А до тѣхъ поръ мы будемъ подавать милостыню на улицахъ, будемъ сожалѣть объ арестуемыхъ и высылаемыхъ въ деревню бѣднякахъ, хотя, можетъ быть, 9 изъ 10 нищихъ, протягивающихъ руку за подаяніемъ и прикидывающихся слѣпыми, глухими и косноязычными, въ дѣйствительности и хорошо видятъ, и хорошо слышатъ, и хорошо говорятъ...

ИСТОРІЯ.

„La Guillotine pendant la Révolution“, *par Lenotre.*

La Guillotine pendant la Révolution, par Lenotre. Paris, 1893. Великая революція изучается въ настоящее время во Франціи чрезвычайно прилежно. Съ 1889 г. въ Сорбоннѣ учреждена спеціальная каѳедра по этому предмету и ее занимаетъ проф. Оларъ (Aulard), издающій съ недавнихъ поръ цѣлую серію документовъ относительно якобинскихъ клубовъ, а въ прошломъ году выпустившій изслѣдованіе о культѣ Разума и Верховнаго Существа. Каждую недѣлю на книжномъ рынкѣ Парижа появляется нѣсколько сочиненій, такъ или иначе трактующихъ о революціи: то это мемуары, печатаемые потомками, то документы, извлеченные изъ государственныхъ архивовъ, то монографіи объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ конвента или о какихъ-нибудь эпизодахъ изъ времени террора. Предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, какъ видитъ читатель изъ заглавія книги Ленотра, сдѣлалась, наконецъ, даже и гильотина,— тема, надо сознаться, довольно узкая. Конечно, отъ автора зависитъ всегда расширить рамки изслѣдованія, а потому и гильотина можетъ послужить поводомъ написать самую широкую и обобщающую бытовую картину. Но въ настоящемъ случаѣ нашъ авторъ предпочелъ сдѣлать какъ разъ обратное: вмѣсто того, чтобы расширить, онъ съузилъ тему и, вмѣсто изслѣдованія о гильотинѣ, о смертной казни, написалъ книгу о *палачахъ* времени революціи, и даже преимущественно лишь объ одномъ изъ нихъ, Сонсонѣ, палачѣ города Парижа. Поэтому мы находимъ еще въ сочиненіи Ленотра нѣкоторыя подробности о процедурѣ казни, нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніи народа къ гильотинѣ (поскольку это отражалось на па-

*) Право это въ принципѣ признается прусскимъ гражданскимъ кодексомъ, обязывающимъ государство кормить и одѣвать подданныхъ, не находящихъ себѣ работы, и доставлять имъ эту послѣднюю. Такъ гласитъ ст. XIX, въ сущности остающаяся мертвою буквой.

лачахъ), но за то авторъ не даетъ намъ ни статистики казней въ періодъ террора, ни описанія тюремной жизни арестантовъ, ни даже самой краткой исторіи смертной казни во Франціи,—ничего, что бы касалось больше казненныхъ, нежели казнящихъ. Правда, въ книгѣ есть нѣсколько общихъ замѣчаній о революціи и террорѣ, но, во-первыхъ, замѣчанія эти совершенно случайны, разбросаны по разнымъ главамъ и иногда приведены только въ выноскахъ, а, во-вторыхъ, бо́льшая часть ихъ такого сорта, что лучше имъ было бы совершенно отсутствовать. Мы уже не говоримъ объ общемъ тонѣ, крайне враждебномъ революціи и философіи XVIII в., но вотъ небольшой примѣръ собственной философіи нашего автора. Чѣмъ объясняется сочувствіе населенія къ крайнимъ мѣрамъ, принимаемымъ комитетомъ общественнаго спасенія, какъ объяснить вообще продолжительность и ожесточенность террора? По мнѣнію Ленотра, это естественно объясняется страстью народа къ кровавымъ зрѣлищамъ (см. стр. 177 и 179). Коротко и просто.

Мы указали на узость темы, мы указали на бѣдность критической мысли автора, теперь мы должны сказать, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ и въ своихъ далеко не широкихъ рамкахъ, изслѣдованіе Ленотра не лишено все же извѣстнаго интереса и извѣстныхъ достоинствъ. Заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ работалъ исключительно по первоисточникамъ и извлекъ въ первый разъ изъ національныхъ архивовъ цѣлый рядъ документовъ. Нѣкоторые изъ нихъ довольно любопытны. Характеренъ, наприм., счетъ (см. стр. 139 и слѣд.), представленный Конвенту парижскимъ палачомъ Сансономъ, который, жалуясь на плохое вознагражденіе, напоминаетъ, какими доходами располагалъ палачъ при старомъ режимѣ, и требуетъ себѣ ни больше, ни меньше, какъ круглымъ счетомъ 30,000 ливровъ. При этомъ онъ перечисляетъ, какіе расходы приходится ему дѣлать: 4 прислужника, 3 кареты, лошади, 16 человѣкъ семейства и все въ такомъ родѣ. Въ качествѣ расходной статьи поставленъ также и „предразсудокъ“, существующій противъ профессіи палачей и увеличивающій для нихъ стоимость помѣщенія и прислуги. Для характеристики этого „предразсудка“ Ленотромъ собрано много любопытныхъ чертъ, рисующихъ какъ бы отверженную жизнь всего семейства палача. Въ провинціи ему часто приходилось жить съ своею семьей на самыхъ окраинахъ города, знакомство съ нимъ считалось предосудительнымъ, а къ тому же еще въ народѣ было распространено убѣжденіе (приводившее иногда и къ кровавымъ развязкамъ), что тѣхъ изъ палачей, которымъ не сразу удавалось казнить свою жертву или которые вообще обнаруживали на эшафотѣ недостаточно ловкости, слѣдовало самихъ предавать смертной казни. Составляя предметъ отвращенія для однихъ, ужаса или презрѣнія для другихъ, палачи, тѣмъ не менѣе, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ по своей волѣ разставались съ своею профессіей, которая послѣ ихъ смерти переходила обыкновенно ихъ старшимъ сыновьямъ. Такимъ образомъ, эта должность сохранялась въ семьѣ, носительницѣ традицій, и переходила изъ рода въ родъ, какъ неприкосновенный майоратъ (лучшій примѣръ — семья Сансоновъ).

Документальность книги Ленотра, составляя ея достоинство, является, въ то же время, и ея слабымъ пунктомъ. Безъ пространнѣйшихъ документовъ авторъ шагу не можетъ ступить. Чтобы показать, наприм., что департаменты въ началѣ террора были недостаточно снабжены палачами, онъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ цитируетъ всевозможные

ныя донесенія и оффиціальную переписку. По самому ничтожному поводу Ленотръ приводитъ цѣликомъ длиннѣйшіе документы, въ которыхъ дѣйствительно интересна и важна, быть можетъ, всего лишь одна фраза. Понятно, что его книга отъ этого получила довольно внушительные размѣры, отнюдь не отличаясь, между тѣмъ, большою содержательностью. Впрочемъ, внѣшніе дефекты изложенія ничто въ сравненіи съ капитальною ошибкой автора, воображающаго, что при помощи такихъ монографій, какъ его, можно *понять* французскую революцію. До тѣхъ поръ, пока политическія событія 1789—1893 годовъ не будутъ сведены къ ихъ первоисточникамъ, до тѣхъ поръ французская революція не получитъ должнаго истолкованія. А когда этотъ переворотъ въ характерѣ историческихъ сочиненій о революціи произойдетъ, книги вродѣ Ленотра предадутся заслуженному забвенію, такъ какъ единственный ихъ raison d'être — документальность — устранится тогда хорошимъ критическимъ изданіемъ всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ документовъ, касающихся того времени.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Oeuvres posthumes“ *E. Leverdays.*—„Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“. *А. А. Кауфмана.*

Oeuvres posthumes de E. Leverdays. Les causes de l'effondrement économique suivies du prolétariat agricole et du prolétariat ouvrier. Paris, 1893. Имя Левердэ, автора книги, заглавіе которой мы выше выписали, довольно извѣстно во Франціи, но совершенно незнакомо нашей читающей публикѣ. Оно и понятно. Извѣстность Левердэ основывается на единственной книжкѣ, выпущенной имъ при жизни и посвященной, главнымъ образомъ, французскимъ дѣламъ и только немного нѣкоторымъ общимъ теоретическимъ вопросамъ. Таково содержаніе его *Assemblées parlantes,* этой довольно рѣзкой критики парламентскаго строя, такого, какъ онъ сложился во Франціи. Яркій демократизмъ автора, его убѣжденность и смѣлость его рѣчи доставили этой книжкѣ извѣстный успѣхъ, сильно раздутый, впрочемъ, услужливыми друзьями. Поощренный критикой, Левердэ, будучи уже далеко не молодымъ человѣкомъ, усиленно принялся за писательство и въ самый небольшой промежутокъ времени составилъ нѣсколько большихъ сочиненій по вопросамъ, касающимся государственнаго устройства и управленія. Смерть не дала ему самому опубликовать свои работы, это сдѣлала уже его мать, которая сочла своимъ нравственнымъ долгомъ предать гласности всѣ манускрипты, оказавшіеся въ портфелѣ ея глубоко-любимаго сына. Съ чисто-материнскою нѣжностью и неразборчивостью, а также съ тѣмъ рвеніемъ, которое въ интересахъ публики могло бы быть нѣсколько охлаждено, она въ краткій періодъ двухъ, даже неполныхъ, лѣтъ (1892—1893) успѣла выпустить три книги Левердэ: 1) *Nouvelle organisation de la république,* 2) *Centralisation des chemins de fer* и 3) *Les causes de l'effondrement économique.* Первая изъ нихъ, *Nouvelle organisation,* является естественнымъ дополненіемъ критики парламентскаго режима. Эта „новая организація“, предложенная авторомъ взамѣнъ существующей, оказывается, однако, ничѣмъ инымъ, какъ извѣстною формой федерализма, приблизительно на тотъ манеръ, какъ онъ практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ. „La critique est aisée, l'art est difficile“,—говоритъ французская пословица, и она какъ

нельзя лучше оправдалась на Левердэ. Съ силой обрушившись на современный порядокъ, онъ не съумѣлъ предложить взамѣнъ его ничего оригинальнаго и новаго, а ограничился только восторженною апологіей существующаго уже въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ устройства. При этомъ историческія условія, вліяющія на тотъ или иной складъ государственнаго порядка въ данной странѣ и дѣлающія невозможнымъ простое заимствованіе, были оставлены безъ вниманія, и это обстоятельство придало его книгѣ утопическій характеръ. Оставляя въ сторонѣ второе сочиненіе Левердэ, *Centralisation des chemins de fer,* посвященное спеціальному вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, остановимся теперь на той его работѣ, гдѣ онъ въ первый и въ единственный разъ высказывается въ качествѣ экономиста.

Les causes de l'effondrement économique (*Причины экономическаго крушенія*) отличаются тѣми же особенностями, какъ и всѣ другія сочиненія нашего автора. Это рѣзкая критика существующаго экономическаго строя, проникнутая ярко-демократическими стремленіями. Причины экономическаго крушенія во Франціи заключаются, по мнѣнію автора, въ перепроизводствѣ фабрикатовъ, въ привилегіяхъ отдѣльныхъ промышленниковъ, въ излишнемъ вывозѣ товаровъ подчасъ къ ущербу внутренняго рынка, въ ажіотажѣ и биржевыхъ спекуляціяхъ и, наконецъ, въ печальныхъ послѣдствіяхъ франко-прусской войны. Уже при простомъ перечисленіи этихъ причинъ мы замѣчаемъ нѣкоторую путаницу во взглядахъ автора, особенно если сопоставить „перепроизводство“ съ „излишнимъ вывозомъ“, но это все же не мѣшаетъ ему въ анализѣ отдѣльныхъ причинъ проявить извѣстную силу и высказать много вѣскихъ замѣчаній. Особенно справедливымъ, по нашему мнѣнію, является указаніе Левердэ на стремленіе французскаго правительства поощрять разныя заграничныя предпріятія, отчасти игнорируя внутреннія нужды страны. „Развѣ сочли своимъ долгомъ (люди стоящіе у власти) покровительствовать предпріятіямъ, которыя увеличили бы тотчасъ же богатства Франціи? Отнюдь нѣтъ; ея сбереженіямъ, напротивъ, позволили разсѣяться по вѣтру во всѣ четыре стороны свѣта, у всѣхъ нуждающихся народовъ... допустили зарыться въ иностранныя предпріятія, окончанія и успѣха которыхъ ждутъ иностранцы, чтобы наложить на нихъ свою руку: заемъ русскій, греческій, сербскій, турецкій, египетскій, тунисскій, желѣзныя дороги португальскія, испанскія, итальянскія, австрійскія, бельгійскій газъ, гуано Перу, каналы Суэцкій, Коринѳскій, Панамскій и проч. и проч. Лучше было бы у себя самихъ соединить каналомъ оба моря...“ (стр. 93).

Главное цѣлебное средство противъ всѣхъ экономическихъ золъ Левердэ видитъ въ обращеніи къ земледѣлію, которое должно быть всячески поощряемо государствомъ и улучшаемо въ техническомъ отношеніи. А для успѣха земледѣлія, кромѣ частичныхъ и временныхъ мѣръ, вродѣ уничтоженія всѣхъ косвенныхъ налоговъ, уменьшенія арендной платы на 25—50%, принудительнаго займа у болѣе состоятельныхъ классовъ населенія, устройства жюри посредниковъ между собственниками земли и арендаторами,—необходима, въ концѣ-концовъ, радикальная реформа существующихъ поземельныхъ отношеній, а именно—передача земли въ руки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Съ подъемомъ земледѣлія многія вредныя послѣдствія современной промышленной жизни должны исчезнуть сами собой, тѣмъ не менѣе, извѣстныя мѣры надо принять и въ отношеніи къ фабричной промышленности. Въ

этой области Левердэ свое главное вниманіе удѣляетъ иностранной конкурренціи и въ томъ, что онъ говоритъ о ней, оказывается ярымъ протекціонистомъ,—и не только протекціонистомъ, а даже больше: для успѣха національной промышленности онъ, не задумываясь, предлагаетъ запретить совершенно ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ. „Мы оставляемъ протекціонизмъ позади насъ,—говоритъ авторъ (см. стр. 170),—мы,—отчего не признаться въ этомъ открыто?—мы прогибиціонисты". Стремленіе къ искусственному огражденію національной промышленности авторъ усматриваетъ повсюду, но опредѣленно ссылается лишь на Соединенные Штаты, населеніе которыхъ высказалось рѣшительно въ этомъ духѣ на президентскихъ выборахъ 1888 г. Въ настоящее время ссылка эта уже потеряла свой смыслъ, въ виду перемѣны общественнаго мнѣнія, обнаружившейся на послѣднихъ выборахъ 1893 г. Едва ли также справедлива подобная ссылка и на другія страны, среди которыхъ Англія является блестящимъ опроверженіемъ взгляда Левердэ.

Мы не станемъ останавливаться далѣе на другихъ реформахъ, предлагаемыхъ авторомъ,—всѣ онѣ относятся къ области добрыхъ пожеланій (за исключеніемъ немногихъ—не добрыхъ), осуществленіе которыхъ хотя и не уничтожило бы всѣхъ золъ современной промышленности, но все же облегчило бы положеніе работающихъ классовъ. Къ сожалѣнію, подобнаго осуществленія трудно ждать во Франціи, какъ и во всякой странѣ, гдѣ власть фактически продолжаетъ оставаться въ рукахъ зажиточныхъ классовъ, мало заинтересованныхъ въ дѣйствительномъ благосостояніи массъ.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски XIV и XVIII. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ восточной части Томскаго округа и сѣверо-западной части Маріинскаго округа. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана. Томы I и II. Спб., 1893 г. Печатано по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ. Въ двухъ обширныхъ, изящно изданныхъ томахъ подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ А. А. Кауфманъ, даетъ намъ продолженіе своихъ трудовъ по изслѣдованію быта крестьянъ Западной Сибири. Громадный матеріалъ, накопившійся въ рукахъ автора, подвергнутый научной обработкѣ, иллюстрированъ подробными таблицами и составляетъ цѣнный вкладъ какъ вообще въ область статистики, такъ въ особенности въ область литературы Западной Сибири. Въ этомъ трудѣ, какъ и въ своихъ предъидущихъ, авторъ съумѣлъ избѣжать цифроваго характера, съумѣлъ придать своей работѣ ту ясность въ изложеніи, которая дѣлаетъ ее доступною не однимъ только спеціалистамъ. Мы не станемъ останавливаться на выясненіи тѣхъ пріемовъ и способовъ, какими пользовался почтенный авторъ при осуществленіи своей сложной задачи; въ отзывахъ о его предъидущихъ трудахъ указывалось уже какъ на пріемы, такъ и на тѣ преимущества, которыя явились логическимъ слѣдствіемъ личнаго собиранія предварительныхъ свѣдѣній и пользованія такъ называемою „волостною статистикой" только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ, прибавимъ только, что авторъ съумѣлъ избѣжать нѣкоторыхъ неправильностей, замѣченныхъ въ его первыхъ изслѣдованіяхъ и мѣшавшихъ цѣльности впечатлѣнія. Объектомъ новѣйшихъ изслѣдованій г. Кауфмана послужилъ районъ, обнимающій собой Томскій и Маріин-

скій округи и рѣзко дѣлящійся по своимъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ и вообще по всей экономической физіономіи на два округа: Чулымскій и Томскій (первый меньшій—по рѣкѣ Чулымѣ, второй—по рѣкѣ Томи). Чулымскій районъ можетъ быть характеризованъ, какъ преимущественно земледѣльческій, Томскій—какъ промысловый; отступленіе отъ этой общей характеристики представляютъ тѣ изъ селъ Томскаго и Чулымскаго округовъ, расположенныя по сибирскому тракту, экономическій бытъ которыхъ не можетъ быть подведенъ ни подъ одну изъ вышеупомянутыхъ характеристикъ. Вліяніе этого фактора настолько велико, что разъ селеніе лежитъ по тракту, все равно въ земледѣльческомъ или промысловомъ районѣ, оно пріобрѣтаетъ свои специфическія черты, порожденныя „большою дорогой". Это дѣленіе на двѣ группы проходитъ у автора красною нитью черезъ все его изслѣдованіе. Мы полагали бы, что, вслѣдствіе самостоятельной жизни селъ, расположенныхъ по сибирскому тракту, удобнѣе было бы экономическое дѣленіе не на двѣ, а на три части, тѣмъ болѣе, что общее количество населенія, принадлежащаго къ группѣ „трактовыхъ селеній", равняется 15,826 душамъ, т.-е. почти ¼ населенія всего изслѣдуемаго округа.

Для болѣе яркаго освѣщенія той рѣзкой разницы, которая существуетъ относительно земледѣлія между Чулымскимъ и Томскимъ округами, мы приведемъ нѣсколько цифръ, характеризующихъ какъ размѣры запашекъ, такъ и потребительное значеніе земледѣлія въ разсматриваемыхъ районахъ. Въ то время, какъ въ Томскомъ районѣ почти 65% всего населенія не имѣютъ вовсе запашекъ, въ Чулымскомъ уѣздѣ этотъ процентъ уменьшается до 21,9 и въ среднемъ засѣвается на хозяина отъ 5 — 8 десятинъ, тогда какъ въ Томскомъ цифра эта колеблется отъ 1 — 3. Считая на каждую душу по 18 пуд. пищевого хлѣба въ годъ, мы придемъ къ тому заключенію, что нужда населенія при среднемъ урожаѣ можетъ быть удовлетворена въ Томскомъ округѣ только на ¾; принявъ же за норму 25 пуд. ржаного хлѣба на душу, мы на основаніи цифръ можемъ сказать, что въ Чулымскомъ округѣ при такомъ же среднемъ урожаѣ получается излишекъ ежегодно въ 600 т. пудовъ. Не вдаваясь, за недостаткомъ мѣста, въ дальнѣйшія подробности по вопросу о земледѣліи, мы подѣлимся съ читателями только самыми общими выводами и коснемся, главнымъ образомъ, системы полеводства, сѣвооборота, основаній владѣнія и пользованія землей. По всему изслѣдованному району не замѣчается какихъ бы то ни было твердо установленныхъ, незыблемыхъ системъ хозяйства; здѣсь, какъ и въ формахъ пользованія землей, можно констатировать крайнюю безпорядочность, сбивчивость и неопредѣленность; системы хозяйства безконечно измѣнчивы въ зависимости и отъ объективныхъ причинъ,—количества пашенъ, почвенныхъ условій и отъ субъективныхъ,—главнымъ образомъ, отъ степени экономической состоятельности каждаго отдѣльнаго домохозяина. Какъ на общее явленіе, можно указать на полнѣйшее отсутствіе какой-либо интензивной культуры, что объясняется, главнымъ образомъ, незначительною плотностью населенія (5,3 человѣка на квадратную версту, причемъ въ пригородномъ районѣ 7,1, а въ земледѣльческомъ—4,8). Не бо̀льшій порядокъ замѣчается въ формахъ пользованія пахотными и сѣнокосными землями; преобладающею является старинная заимочно-захваточная и вольное пользованіе; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживается явленіе перехода къ болѣе высокимъ формамъ общинно-земельной жизни—къ душевому по-

зованію угодьями. Первая изъ указанныхъ формъ является слѣдствіемъ вольнаго заселенія края, изобилующаго свободными землями; сущность ея заключается въ неограниченномъ для каждаго отдѣльнаго общинника правѣ образовать „заимку", т.-е. захватить въ свое пользованіе количество земли, соотвѣтствующее степени хозяйственной обезпеченности. Владѣніе такого рода является, какъ объясняетъ г. Личковъ, результатомъ, съ одной стороны, права находки и захвата (occupatio), съ другой—права давности и, наконецъ, права затраченнаго на созданіе удобной культурной площади труда. Съ ростомъ населенія, очевидно, неудобства этой формы пользованія должны были быть очень ощутительны для населенія, чѣмъ и объясняется стремленіе перехода къ вольному пользованію, заключающемуся въ отсутствіи права образовать заимки; сущность этой формы пользованія заключается, слѣдовательно, въ томъ, что община предоставляетъ каждому члену право въ неограниченныхъ размѣрахъ влагать свой трудъ въ свободныя земли. Какъ только хозяинъ перестаетъ влагать трудъ, земля становится „вольной" и можетъ служить объектомъ труда другого члена общества. Переходя къ обзору констатированныхъ изслѣдователемъ въ разсматриваемомъ краѣ случаевъ душевого пользованія, мы можемъ указать всего на два такихъ явленія, стоящихъ, впрочемъ, обособленно и не имѣющихъ тѣсной связи съ общимъ ходомъ развитія формъ землевладѣнія въ дер. Марьевкѣ, Ишимской волости, и дер. Тюменевой, Балмской волости). Является вопросъ, насколько при такихъ условіяхъ земледѣльческой культуры, при среднихъ цѣнахъ и урожаяхъ, цѣнность продукта земледѣльческаго производства соотвѣтствуетъ стоимости послѣдняго,—другими словами, вознаграждаетъ ли хлѣбопашество и въ какой мѣрѣ крестьянина за затрачиваемый имъ трудъ? Отвѣты для каждаго изъ двухъ намѣченныхъ районовъ разны. Изслѣдованіе показываетъ, что въ Томскомъ районѣ земледѣліе не только вознаграждаетъ, но и даетъ крестьянину очень значительный рентный доходъ, до 60% и болѣе на затрачиваемый оборотный капиталъ (интересно сопоставленіе въ этомъ отношеніи данной цифры съ приводимою *Тверскимъ Сборникомъ* валовою выручкой съ десятины въ Тверской губ., не превышающей 26 р. (при высокихъ цѣнахъ). Этимъ объясняется замѣченная тенденція увеличивать площадь запашекъ и переходъ многихъ крестьянъ отъ заработковъ на сторонѣ къ земледѣлію. Выводъ этотъ неприложимъ къ прошедшему времени, когда цѣны на хлѣбъ были гораздо выше нынѣшнихъ. При рѣшеніи вопроса о выгодности земледѣлія въ Чулымскомъ районѣ, слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что отвѣтъ на него долженъ безконечно разнообразиться въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій каждаго отдѣльнаго хозяина и въ особенности отъ степени его состоятельности. Бѣдные, принужденные продавать хлѣбъ съ осени, когда цѣны на него особенно низки, терпятъ несомнѣнный дефицитъ, мириться съ которымъ можно только потому, что, не прибѣгая къ наемному труду, онъ цѣнитъ свой личный слишкомъ низко. Богатые, имѣющіе возможность долго выжидать удобнаго момента, съ избыткомъ могутъ покрыть свой трудъ. Во всякомъ случаѣ, при нынѣшнемъ упадкѣ посторонихъ заработковъ, земледѣліе и здѣсь, несмотря на истощенность почвы, является самымъ выгоднымъ занятіемъ для большинства населенія. Разница, существующая между Чулымскимъ и Томскимъ районами относительно земледѣлія, легко подтверждается цифровыми данными, которыя взяты изъ таблицъ, показывающихъ степень развитія скотоводства въ изслѣдуемомъ районѣ. Въ Томскомъ округѣ, съ менѣе развитою земле-

дѣльческою жизнью, скотоводство, являющееся главнымъ подспорьемъ въ земледѣліи, точно также менѣе развито, чѣмъ въ Чулымскомъ; количество дворовъ, вовсе не имѣющихъ скота, въ вышеуказанномъ округѣ достигаетъ очень значительнаго процента, 51,7%; число богатыхъ скотомъ опредѣляется всего 9%. Въ Чулымскомъ, земледѣльческомъ районѣ, наоборотъ, распредѣленіе дворовъ по размѣрамъ скотоводства представляется очень благопріятнымъ, особенно ничтожно число дворовъ, вовсе не имѣющихъ скота (11%), и очень невелика численность богатыхъ скотомъ дворовъ.

Переходя къ характеристикѣ второй отличительной черты экономической жизни Западной Сибири, къ промышленности, которая, какъ говорили мы раньше, является преобладающимъ занятіемъ населенія Томскаго округа, мы наталкиваемся на крайне рѣдкое и, въ то же время, интересное явленіе, могущее имѣть мѣсто исключительно только въ Сибири. Разбираясь въ богатомъ матеріалѣ г. Кауфмана, мы встрѣчаемъ на ряду съ остатками кочевого состоянія зародыши капиталистическаго строя, родовой бытъ и буржуазно-семейный строй со всѣми промежуточными стадіями развитія. Въ то время какъ организація извознаго промысла носитъ въ высокой степени капиталистическій характеръ (транспортировка кладей изъ Россіи на востокъ Сибири сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ, извлекающихъ громадныя выгоды и имѣющихъ массу рабочаго люда) охотничій и рыболовный промысла во многихъ своихъ проявленіяхъ дышатъ глубокою стариной и напоминаютъ до-земледѣльческій періодъ. Что касается послѣднихъ двухъ промысловъ, то во всемъ изслѣдованномъ краѣ нѣтъ ни одного значительнаго района, который занимался бы ими исключительно; прослѣдивъ же по таблицамъ измѣненія значенія рыболовнаго и охотничьяго промысловъ во времени, мы придемъ къ заключенію, что размѣры заработка, доставляемаго ими, значительно сократились въ настоящее время сравнительно съ прошедшими годами; въ особенности это замѣтно въ области охотничьихъ промысловъ; авторъ полагаетъ даже, что въ довольно близкомъ будущемъ можно ожидать его совершеннаго исчезновенія. Такой же быстрый упадокъ замѣчается и въ области лѣсныхъ промысловъ, по всѣмъ видамъ лѣсныхъ заготовокъ. Въ Чулымскомъ уѣздѣ, взятомъ, какъ одно цѣлое, они окончательно прекратились. Для Томскаго района лѣсные заработки являются до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и единственнымъ источникомъ благосостоянія; но едва ли можно сомнѣваться, что въ недалекомъ будущемъ, подъ вліяніемъ истощенія и вызванныхъ этимъ истощеніемъ правительственныхъ ограничительныхъ мѣръ, лѣсной промыселъ и здѣсь долженъ будетъ сократиться, а мѣстами и совсѣмъ придти въ упадокъ; это въ свою очередь повлечетъ за собой полное измѣненіе экономической физіономіи цѣлаго района, т.-е. обратитъ его изъ промысловаго въ земледѣльческій, заставивъ огромный % Томскаго округа взяться за землю. Обращаясь къ техническимъ и кустарнымъ промысламъ, мы, прежде всего, увидимъ, что въ главныхъ центрахъ кустарной промышленности, во всемъ Томскомъ районѣ промыслы возникли какъ непосредственный результатъ близости къ г. Томску, гдѣ существовалъ постоянный спросъ на кустарные продукты. Выводъ весьма существенный; его значеніе станетъ ясно, когда мы сопоставимъ его съ выводами г. Голубева, который, въ своей книгѣ *Алтай*, говоритъ, „что въ Сибири различныя производства совершенно независимо отъ городовъ зарождаются въ глухихъ деревняхъ; ихъ основатели и

чти исключительно переселенцы". Вышеприведенное положеніе опровергаетъ мнѣніе г. Голубева какъ въ первой его части, такъ и во второй: кустарные промыслы во всемъ Томскомъ округѣ, быть можетъ, первоначально и занесенные ссыльными, обязаны своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ исключительно крестьянамъ-старожиламъ.

Экономическая организація производства, за исключеніемъ отдѣлки дугъ, производства спичечныхъ коробокъ и выдѣлки заячьихъ мѣховъ, имѣющей организацію, подходящую подъ типъ домашней формы крупнаго производства, является типичной для мелкой промышленности. Обращаясь къ обзору характера самихъ промысловъ, мы увидимъ, что продукты ихъ изготовляются изъ мѣстнаго матеріала и на мѣстный сбытъ; во всѣхъ безъ исключенія промыслахъ трудъ кустаря получаетъ полную оплату. Въ этомъ отношеніи блестящее положеніе кустаря-сибиряка по сравненію съ нашимъ русскимъ кустаремъ указываетъ на ту громадную разницу, которая существуетъ въ промышленной жизни между Европейскою и Азіатскою Россіей.

ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Легенда о грѣшной матери". *Н. Ѳ. Сумцова.*—„Картинки Италіи". *С. Васильева.*

Легенда о грѣшной матери. Н. Ѳ. Сумцова. Кіевъ, 1893 г. Въ народной поэзіи и искусственной литературѣ европейскихъ народовъ легенда о грѣшной матери принадлежитъ къ числу излюбленныхъ темъ. Г. Сумцову удалось собрать значительное количество варіантовъ этого популярнаго сюжета и приблизительно намѣтить его первоначальный остовъ. Для исторіи этой легенды брошюра г. Сумцова даетъ немного, хотя трудно было и ожидать болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ результатовъ: для построенія такой исторіи мудрено найти методическія и фактическія основанія. Иное дѣло—болѣе тщательная классификація, а не случайная группировка версій: ея можно было требовать отъ г. Сумцова, и она не лишена значенія: самъ собою выяснился бы основной остовъ легенды, индивидуальныя особенности и сравнительная близость отдѣльныхъ версій. Замѣченная г. Сумцовымъ близость галицкорусской колядки съ болгарскою пѣсней и великорусскаго стиха съ Великимъ Зерцаломъ не безъинтересна для выясненія путей распространенія этого мотива.

Легенду о грѣшной матери г. Сумцовъ считаетъ однимъ изъ немногихъ слѣдовъ скудной малорусской легендарной литературы и указываетъ, съ своей точки зрѣнія, на причины этой скудности; указаніе причинъ кажется намъ нѣсколько преждевременнымъ, такъ какъ мы не считаемъ прочно установленнымъ самый фактъ: малорусская этнографическая литература даетъ значительное количество легендъ, хотя на записываніе ихъ обращали очень мало вниманія; малоизвѣстная старинная южно-русская литература имѣетъ ихъ тоже достаточное количество (онѣ встрѣчаются не только у Петра Могилы и Галатовскаго, о которыхъ упоминаетъ г. Сумцовъ, но у всѣхъ почти писателей XVI—XVIII вв.).

Картинки Италіи. Письма изъ Рима и Флоренціи. С. Васильева. Изданіе В. Г. Готье. Москва, 1894 г. Цѣна 3 руб. Письма эти въ видѣ газетныхъ фельетоновъ были напечатаны въ 1882 году. Книжку, очень роскошно изданную, въ которой они собраны, правильнѣе было бы назвать не *Картинки Италіи*, а „Картинки Рима", такъ какъ

она занята разсказами автора о его пребываніи въ „Вѣчномъ городѣ“ съ февраля мѣсяца по 22 апрѣля. Въ первыхъ трехъ письмахъ говорится слегка, мимоходомъ, о Берлинѣ, о картинахъ Верещагина и о музыкѣ Чайковскаго, затѣмъ двадцать три письма посвящены Риму и лишь два послѣднихъ (22 страницы изъ 329) отведены на долю Флоренціи. „Картинки“ Рима написаны очень живо, даютъ ясное представленіе объ уличной жизни и объ увеселеніяхъ, которыми развлекаются римскіе обыватели и заѣзжіе иностранцы. Достопримѣчательности и древности Рима приводятъ автора въ восхищеніе, но обо всемъ видѣнномъ онъ говоритъ лишь вскользь, едва касаясь объекта своихъ восторговъ, предполагая, вѣроятно, что городъ Цезарей и папъ, нынѣшняя столица объединенной Италіи, достаточно извѣстенъ изъ другихъ книгъ и по картинамъ, гравюрамъ и фотографіямъ. Повторяемъ: это не описаніе города, а разсказы о жизни въ немъ. Авторъ останавливается только на Колизеѣ и на храмѣ св. Петра, которому посвящаетъ цѣлое письмо, лучшее въ книгѣ, по нашему мнѣнію. Вотъ какъ передаетъ г. Васильевъ впечатлѣніе, произведенное на него величайшимъ католическимъ храмомъ: „Вы не парите душой къ небу въ храмѣ св. Петра. Это олицетвореніе земной гордыни. И эта гордыня держитъ васъ прикованнымъ къ землѣ. Все, повидимому, рвется здѣсь къ небу; ничто не можетъ отрѣшиться отъ земли. Не можетъ—и не хочетъ. Ибо этотъ храмъ предназначенъ совсѣмъ не для того, чтобы уносить вашу мысль и ваши чувства за земные предѣлы. Напротивъ. Онъ долженъ показать вамъ, прежде всего, земное величіе, величіе папы. Это Пантеонъ папъ... Это не домъ молитвы. Это апоѳеозъ папства“. Не менѣе ярко и очень интересно непосредственно слѣдующее за симъ и озаглавленное: „Ожившій Ватиканъ“ описаніе торжественнаго посвященія папой вновь назначенныхъ кардиналовъ. Что же касается самого Ватикана, Сикстинской капеллы, ложъ Рафаэля, то и о нихъ едва упоминается, равно какъ и о Римскомъ форумѣ, о Капитоліи и о замкѣ св. Ангела. „Монументальнаго“ Рима, его музеевъ, Пантеона, колоннъ Траяна и Адріана, катакомбъ, внутренности старинныхъ дворцовъ, княжескихъ виллъ и многого, многого другого г. Васильевъ точно совсѣмъ не видалъ, увлекшись улицей, карнаваломъ, магазинами, театрами и всякою сутолокой шумнаго города. За то описанія праздничной и будничной жизни даютъ очень вѣрное понятіе о внѣшности современнаго Рима въ самой легкой, — иногда слишкомъ легкой даже,—формѣ. Порою авторъ въ своихъ письмахъ обращается къ читателю съ такими тирадами, которыя невольно вызываютъ улыбку. Приводимъ примѣръ: „Да! Вотъ вы теперь начали останавливаться передъ магазинами! Если вы будете такъ дѣлать, то мы съ вами не уйдемъ далеко. Впрочемъ, взгляните на часы: ровно двѣнадцать. Въ половинѣ перваго нужно завтракать; все равно мы теперь никуда не поспѣемъ, походимте еще нѣсколько минутъ“... „Нужно идти завтракать. Помните, что обѣдъ вамъ дадутъ не ранѣе половины седьмого.. Когда вы позавтракаете, мы пойдемъ съ вами дальше. Нельзя же все стоять на Испанской площади“. Не менѣе странное впечатлѣніе производитъ чрезмѣрное пересыпаніе русской рѣчи итальянскими словами и фразами, въ такомъ родѣ: комитетъ „дѣлалъ блистательную газовую иллюминацію въ качествѣ *spettacolo,* безвозмездно предлаемаго римскому населенію, *gratuitamente afferto alla popolazione Romana*“... „Въ продолженіе поста пищу можно вкушать только одинъ разъ въ день, *non si puo prendere cibo che in un sol parto;* терпимы, однако

(*son puo tolerate*) обычные два пріема пищи въ день, *le due piccole refezioni d'uso*. Запрещается употребленіе мяса, яицъ, молока и приправы изъ свинаго сала (*condimento di lardo e strutto*)". Нѣкоторыя страницы сплошь испещрены такою окрошкой изъ итальянскаго курсива.

Книга издана извѣстнымъ нашимъ книгопродавцемъ В. Г. Готье съ тою роскошью, какою отличаются изданія этой старинной фирмы. Письма г. Васильева иллюстрированы двадцатью хорошими фототипіями мастерской О. Ренаръ. Цѣна за книгу назначена дешевая въ виду изящества изданія.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сводъ руководящихъ сужденій государственнаго совѣта, извлеченныхъ изъ дѣлъ объ отчужденіи частныхъ недвижимыхъ имуществъ на государственную или общественную надобность и о вознагражденіи владѣльцевъ этихъ имуществъ". — „Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній, инструкцій, положеній и правилъ о частной горной промышленности". *Н. И. Арефы.* — „О значеніи для торгово-промышленныхъ предпріятій обезпеченія служебнаго персонала". *Ѳ. Малышева.*

Сводъ руководящихъ сужденій государственнаго совѣта, извлеченныхъ изъ дѣлъ объ отчужденіи частныхъ недвижимыхъ имуществъ на государственную или общественную надобность и о вознагражденіи владѣльцевъ этихъ имуществъ. Изданіе государственной канцеляріи. Спб., 1893 г. Небольшая книга, вышедшая недавно подъ только что выписаннымъ нами заглавіемъ, является первымъ выпускомъ въ цѣломъ рядѣ трудовъ, предпринятыхъ государственною канцеляріей, и знаменуетъ собой новый періодъ въ ходѣ нашихъ законодательныхъ работъ.

До сихъ поръ вся законодательная дѣятельность, сосредоточенная въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ, составляла полную и ни для кого непроницаемую тайну. Посѣтителей канцеляріи этихъ учрежденій извѣщала объ этомъ лаконическая надпись: „здѣсь никакихъ справокъ не выдается". О томъ, что творится въ этихъ законодательныхъ лабораторіяхъ, общество узнавало или чрезъ „собраніе узаконеній и распоряженій правительства", когда какой-нибудь проектъ становился дѣйствующимъ закономъ имперіи, или чрезъ газеты, которыя разными подпольными и окольными путями узнавали кое-гдѣ и дѣлились обрывками своихъ знаній съ издателями.

Но этотъ порядокъ обсужденія и рѣшенія законодательныхъ вопросовъ, носящій на себѣ всѣ слѣды нашего дореформеннаго строя, доживаетъ, очевидно, послѣдніе дни.

Въ концѣ прошлаго года государственный секретарь Н. В. Муравьевъ, одинъ изъ горячихъ и неизмѣнныхъ сторонниковъ и дѣятелей судебной реформы, исходатайствовалъ два весьма важныхъ высочайшихъ повелѣнія. Первымъ изъ нихъ было разрѣшено опубликовывать время отъ времени списки дѣлъ, предназначенныхъ къ слушанію въ государственномъ совѣтѣ; это практикуется съ января мѣсяца текущаго 1893 г., и такимъ образомъ, общество знаетъ теперь заранѣе о проектахъ и видахъ правительства. Второе высочайшее повелѣніе, еще болѣе важное, заключается въ томъ, что государственной канцеляріи разрѣшено издавать нѣкоторые важные законодательные акты съ мотивами и разъясненіями.

Первымъ такимъ изданіемъ государственной канцеляріи и является разбираемая нами книга—сводъ руководящихъ сужденій государственнаго совѣта по вопросу объ экспропріаціи. Уже изъ предисловія къ этой книгѣ видно, насколько неудобенъ старый порядокъ законодательной тайны. „Обозрѣніе сосредоточенныхъ въ государственномъ совѣтѣ дѣлъ различныхъ вѣдомствъ о вознагражденіи за имущества, отчуждаемыя для государственной или общественной надобности, показываетъ, что существующая по дѣламъ этого рода практика не представляетъ желательнаго единства. Встрѣчающаяся при этомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимость требовать дополнительныхъ по дѣлу свѣдѣній или возвращать производство для исправленія допущенныхъ нарушеній отдаляетъ окончательное разрѣшеніе этихъ дѣлъ государственнымъ совѣтомъ, въ ущербъ интересамъ владѣльцевъ отчужденныхъ имуществъ. *Между тѣмъ, отступленія отъ узаконеннаго порядка оцѣночнаго производства могутъ быть отчасти объяснены незнакомствомъ съ принятыми въ этомъ отношеніи государственнымъ совѣтомъ руководящими началами*".

Это изданіе, какъ мы сказали въ началѣ нашей замѣтки, является первымъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, государственная канцелярія подготовляетъ къ изданію положеніе о земскихъ начальникахъ, законъ о преслѣдованіи ростовщиковъ и законъ о квартирномъ налогѣ со всѣми законодательными мотивами. Можетъ быть, недалеко уже то время, когда и самое обсужденіе законодательныхъ вопросовъ будетъ производиться гласно.

Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній, инструкцій, положеній и правилъ о частной горной промышленности въ европейскихъ и внѣевропейскихъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, губерніяхъ Царства Польскаго и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Составилъ Н. И. Арефа. Въ нашей справочной юридической литературѣ давно уже чувствовался недостатокъ въ сборникѣ, подобномъ тому, заглавіе котораго нами только что выписано. Дѣйствующее изданіе горнаго устава (1857 г.) очень устарѣло, такъ какъ въ послѣднее время наше горное законодательство подверглось весьма значительнымъ измѣненіямъ. Но и помимо законодательнаго разрѣшенія многихъ вопросовъ, относящихся къ предметамъ горнаго вѣдомства, горное дѣло нормируется у насъ еще цѣлою массой циркуляровъ, издаваемыхъ горнымъ департаментомъ и имѣющихъ, конечно, тоже обязательную силу. Собрать этотъ матеріалъ, привести его въ систематическій порядокъ—вотъ задачи, которыя преслѣдовалъ составитель *Сборника*. При печатаніи своего труда онъ пользовался, какъ это видно изъ предисловія, указаніями и совѣтами директора горнаго департамента; это обстоятельство придаетъ сборнику полуоффиціальный характеръ.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ указать, что цѣна *Сборника* (5 р.) является слишкомъ высокой, тѣмъ болѣе, что *Сборникъ* изданъ довольно небрежно и не имѣетъ никакого ни постатейнаго, ни алфавитнаго указателя.

О значеніи для торгово-промышленныхъ предпріятій обезпеченія служебнаго персонала; какъ способы его: пенсіонныя кассы, **страхованіе жизни и др., и нѣсколько словъ объ условіяхъ при коихъ эти способы обезпеченія могутъ считаться прочными. Докладъ въ обществѣ для распространенія коммерческихъ знаній Ѳ. Малышева. 2-е изданіе. Спб., 1893 г. Цѣна 20 коп.** Не касаясь здѣсь спеціальнаго вопроса о пенсіонныхъ кассахъ и т. д., приведемъ нѣ

сколько общихъ замѣчаній о томъ *общественномъ* значеніи, какое, по мнѣнію г. Малышева, имѣетъ въ настоящее время обезпеченіе торгово-промышленнаго служебнаго персонала, въ виду многочисленности послѣдняго, а также въ виду сильнаго вліянія на экономическую жизнь страны громадныхъ капиталовъ, коими располагаютъ торгово-промышленныя предпріятія. И хозяева предпріятій, и служащіе ихъ суть „общественные дѣятели", откуда понятно само собою, что торговля и промышленность есть *общественная* дѣятельность. Мысль не новая; но она исповѣдуется нашимъ купечествомъ только тогда, когда заходитъ рѣчь о его правахъ (на таможенное покровительство, на охрану и представительство его интересовъ, выступающихъ въ такихъ случаяхъ подъ эгидой „національнаго" труда, и т. п.), а не тогда, когда вопросъ идетъ о его обязанностяхъ къ покупателямъ (публикѣ) и служебному персоналу. Между тѣмъ, по справедливому мнѣнію автора, „если отношенія между хозяевами и ихъ служащими ненормальны, нечеловѣчны, то и развитіе промышленности не обезпечено; она тогда находится на пути къ разложенію и... можетъ попасть подъ вліяніе той чужой страны, гдѣ отношенія эти лучше и гдѣ совокупность другихъ условій даетъ возможность промышленности развиваться болѣе сильно. Въ странахъ, гдѣ промышленность и торговля хорошо поставлены, всѣ заботы направлены на то, чтобы принести пользу странѣ, удешевить производство, приспособиться къ потребностямъ покупателя". Если промышленность и торговля не будутъ стимулироваться „пользою страны", то развитіе ихъ, по выраженію автора, такъ же будетъ ненадежно, какъ и попытка выращивать на морозѣ розы. Несмотря на противоестественность этого послѣдняго явленія, нельзя сказать, чтобъ оно у насъ не существовало (примѣръ: преміи сахарозаводчикамъ при вывозѣ сахара за границу, стачки страховыхъ компаній). Такъ что нельзя уже вполнѣ категорически заявлять, что „поставить на подобающую высоту каждое дѣло можетъ *только* хорошій персоналъ". Нужны для этого и разныя „другія условія". Тѣмъ не менѣе, заботы автора объ участи служебнаго персонала въ торговлѣ и промышленности заслуживаютъ полнаго сочувствія. Каково положеніе его у насъ и каковъ онъ у насъ самъ по себѣ, это автору, повидимому, извѣстно очень близко. Повидимому, у насъ не всѣ и вѣрятъ въ необходимость хорошаго персонала и хорошаго его обезпеченія. По крайней мѣрѣ, авторъ считаетъ нужнымъ привести доказательство этой истины.

Справедливо, что „если персоналъ будетъ имѣть интересъ въ продолженіи дѣла и его процвѣтаніи, если заботы о персоналѣ не будутъ ограничиваться только платою за сегодняшній день, а продолжатся пожизненно, то онъ будетъ болѣе преданъ дѣлу... Несомнѣнно, что тогда и дѣла будутъ прочнѣе, *не будутъ гибнуть, какъ теперь*". Не подлежитъ далѣе сомнѣнію, что рановременная гибель предпріятій составляетъ убытокъ, разореніе страны, и что если человѣкъ не зарабатываетъ на насущныя потребности, то онъ ищетъ дополнить необходимое работою на сторонѣ, забирается нѣсколькими дѣлами, надрываетъ себя. „*Чаще же случается*, что если стремленіе къ обезпеченію не удовлетворено правильнымъ и законнымъ путемъ, то оно удовлетворяется въ самой уродливой формѣ—*тайной кражи*". Естественно, что, при такомъ порядкѣ, „персоналъ, вмѣсто того, чтобы думать о способахъ улучшенія дѣла, направляетъ свои мысли на *изысканіе способовъ кражи*, которые бы оставались неуловимыми. Изъ этого персонала выходятъ будущіе дѣятели, главы предпріятій: у этихъ еще больше заботъ, *не* от-

носящихся къ процвѣтанію дѣла". Какія же такія это заботы? „Съ одной стороны, многіе изъ нихъ, по *долговременной привычкѣ къ обману*, стараются къ изысканію (объ изысканіи?) способовъ обмана кредиторовъ, покупателей и т. д., а съ другой стороны—они должны быть настороже противъ обмана персоналомъ". При такомъ *обманномъ*, если можно такъ выразиться, положеніи, конечно, „для заботъ объ улучшеніи дѣла не остается времени и оно (т.-е., конечно, дѣло, а не время) идетъ только въ силу инерціи, не подталкиваемое живою движущею силой ума и знанія. При подобныхъ условіяхъ трудно ожидать должнаго развитія торговли и промышленности, не говоря уже о новыхъ дѣлахъ. Когда всякое новое дѣло приходится начинать съ вопроса: *а сколько могутъ украсть?* — то, понятно, энергія къ почину сильно заглушается и предпріимчивость у людей съ капиталомъ уступаетъ мѣсто страху, и въ ряды промышленныхъ дѣятелей становятся беззастѣнчивые люди безъ средствъ, которымъ бояться нечего, какъ бы дѣло ни пошло, ибо они ничего въ него сами не вложили и потерять ничего не могутъ. Подобныя предпріятія вѣчно находятся подъ страхомъ смерти, скрывая истинныя причины своего плачевнаго состоянія, неустанно *вопіютъ о помощи или льготахъ*, производятъ въ обществѣ тревогу указаніями на *мнимую* невозможность веденія дѣлъ и проч. Такъ какъ солидные (я?) дѣла ведутся спокойно, то понятно, что тотъ пустой шумъ является голосомъ всей промышленности и торговли, направляя на ложные пути мѣропріятія, предпринимаемыя на пользу промышленности и торговли".

Можно усомниться, чтобъ о „помощи и льготахъ" вопіяли у насъ одни беззастѣнчивые промышленные дѣятели. Но, съ другой стороны, изъ вышеизложенной характеристики нашей промышленно-торговой дѣятельности вытекаетъ такое нравоученіе, что законодательныя и правительственныя предпріятія, относящіяся къ ней, должны исходить изъ мысли, что движущая сила промышленности и торговли кроется не въ „льготахъ", но въ „умѣ и знаніи", а также въ правильномъ и честномъ отношеніи къ публикѣ и служащему персоналу.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Метеорологическое обозрѣніе". — „Научное значеніе химическихъ работъ Пастёра". *Зелинскаго.*

Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи въ 1892 году. Вып. III - V. Одесса, 1893 г. Организованная въ 1886 году проф. Клоссовскимъ сѣть метеорологическихъ станцій на юго-западѣ Россіи настолько быстро прогрессируетъ въ своемъ развитіи, что въ отчетномъ 1892 году метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета получала уже наблюденія изъ 1,648 пунктовъ и отъ 1,904 лицъ. По отдѣльнымъ губерніямъ пункты эти распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Херсонской 341, Таврической 277, Волынской 277, Бессарабской 254, Подольской 226, Кіевской 153, Полтавской 42, Екатеринославской 37, Черниговской 9, Рязанской 8, Области Войска Донского 6, Курской 6, Харьковской 2, Гродненской 2, Кубанской области 2, Орловской 2, Тульской 2, Минской 1 и Тверской 1. Что же касается наблюдателей, то главный контингентъ ихъ составили добровольцы науки, относящіеся съ крайнимъ вниманіемъ и чрезвычайною добросовѣстностью къ добровольно при-

тымъ ими на себя обязанностямъ. „Да и неудивительно,—говоритъ проф. Клоссовскій (*Опытъ спеціальнаго климатическаго изученія Россіи по районамъ*. Одесса, 1893 г., стр. 5),—вѣдь, это, очевидно, истинные любители научныхъ занятій, люди большею частью очень занятые и приступающіе къ служенію дѣлу съ истиннымъ уваженіемъ къ его задачамъ. Въ работѣ ихъ постоянно проглядываетъ крайне заботливое, просто трогательное отношеніе къ наблюденіямъ, боязнь внести ошибку въ методъ своихъ занятій... При наблюденіяхъ присылаются письма, иной разъ цѣлыя тетради, живо, картинно, съ искрой любви къ природовѣдѣнію рисующія намъ явленія типично, ярко, какъ сама разнообразная природа". Неудивительно, что, при такомъ развитіи метеорологической сѣти, въ рукахъ руководителей ея накопляется, можно сказать, колоссальный матеріалъ, разработка котораго требуетъ крайняго напряженія ихъ силъ. Тѣмъ не менѣе, они съ успѣхомъ выполняютъ свою тяжелую работу, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ печатные труды, посвященные, помимо разработки текущаго матеріала, цѣлому ряду весьма важныхъ вопросовъ сельско-хозяйственной и научной метеорологіи. Мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ работъ, помѣщенныхъ въ вышеуказанныхъ выпускахъ *Метеорологическаго обозрѣнія*, изъ которыхъ III содержитъ статьи по общей метеорологіи, IV—по сельско-хозяйственной и, наконецъ, въ V собраны „матеріалы". Но нѣкоторыя изъ статей заслуживаютъ быть особо отмѣченными,—такова, напримѣръ, статья С. Папруженка: *Матеріалы къ изученію пыльнаго тумана и песчаныхъ бурь (вьюги), господствовавшихъ на юго-западѣ Россіи въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1892 года*. Къ статьѣ этой приложенъ обширный матеріалъ, представляющій собою подлинныя сообщенія гг. наблюдателей. Явленія, послужившія предметомъ изслѣдованія г. Папруженка, имѣютъ весьма большое сельскохозяйственное значеніе, такъ какъ въ нихъ нельзя не видѣть зловѣщихъ симптомовъ все болѣе и болѣе усиливающагося изсушенія юга и востока Россіи. Значительный интересъ представляетъ также статья В. К. Барыбина: *Матеріалы по изученію культуры озимыхъ хлѣбовъ и причинъ ихъ вымерзанія. Изъ наблюденій на полтавскомъ опытномъ полѣ въ 1890—92 гг.* Обѣ эти работы, какъ и всѣ другія, помѣщенныя въ *Метеорологическомъ обозрѣніи*, отвѣчаютъ живымъ интересамъ практической жизни и науки, которыя не ждутъ и настойчиво требуютъ полнѣ точныхъ отвѣтовъ на рядъ выдвигаемыхъ ими вопросовъ. Такимъ образомъ, организація метеорологической сѣти юго-запада Россіи является дѣломъ живымъ и серьезнымъ, которому нельзя не пожелать еще болѣе блестящихъ и плодотворныхъ успѣховъ, надежно обезпечиваемыхъ неослабною энергіей всѣхъ участвующихъ въ немъ.

Научное значеніе химическихъ работъ Пастёра. Зелинскаго. Одесса, 1893 г. О Пастёрѣ и значеніи генія этого ученаго въ наше время было говорено и писано много. Настоящая рѣчь г. Зелинскаго, сказанная въ юбилейный день Пастёра,—рѣчь сама по себѣ прекрасная,—чего-либо новаго къ характеристикѣ ученой дѣятельности Пастёра не добавляетъ; но въ ней находится одно мѣсто, надъ которымъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. „Оканчивая свою рѣчь,—говоритъ г. Зелинскій,—не могу еще разъ не обратить вниманія вашего на величіе научнаго подвига, свершеннаго Пастёромъ, а также на то, что упорное изученіе спеціальныхъ задачъ не закрываетъ душу для широкихъ горизонтовъ". И дѣйствительно, вся жизнь Пастёра ушла въ изученіе мельчайшихъ организмовъ, едва уловимыхъ явленій кри-

сталлографіи, поляризаціи, броженія и т. п., но выводы... выводы необъятнаго мірового значенія: возможность существованія жизни безъ доступа воздуха; „все мірозданіе есть продуктъ космической диссиметріи", а далѣе: „не существуетъ ли во вселенной другой солнечной системы, также построенной по асимметрическому плану и представляющей какъ бы космическій изомеръ (антиподъ) нашей системы?"

МЕДИЦИНА.

„Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ". *Проф. Бекетова.*—„Научныя основанія вегетаріанства". *Анны Кингфордъ.*—„Холерные годы въ Россіи". *Проф. Павловскаго.*—„Отчеты нижегородской санитарной коммиссіи за 1891 и 1893 гг.". *Н. А. Граціанова.*—„Протоколы съѣзда врачей александровскаго уѣзднаго земства за 1892 г.".

Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Проф. Бекетова.—Научныя основанія вегетаріанства. Анны Кингсфордъ. Изданія „Посредника". М., 1893 г. Входить въ полемику съ вегетаріанцами неумѣстно на страницахъ „Библіографическаго отдѣла"; тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ по поводу двухъ названныхъ книжекъ. Въ основѣ вегетаріанства лежатъ воззрѣнія: гуманитарное, гигіеническое и экономическое. Обѣ книги развиваютъ ихъ, хотя и нѣсколько различными способами, но выводы одинаковы: человѣчеству, чтобы сбросить съ себя „животность", освободиться отъ растлѣвающихъ его страстей, чтобы быть физически здоровымъ, чтобы быть матеріально обезпеченнымъ, вообще чтобы спастись отъ разложенія нравственнаго, соціальнаго и физическаго, необходимо перейти къ растительной пищѣ. Все зло, существующее на земномъ шарѣ: нищета, пороки, преступленія, болѣзни, зависитъ отъ употребленія мяса. Посмотримъ, однако, какіе же доводы приводятъ г. Бекетовъ и г-жа Кингсфордъ въ доказательство справедливости этого положенія. Моральная сторона вопроса г. Бекетовымъ затронута очень поверхностно. На 26 и 27 стр. онъ говоритъ: „Мясная пища свойственна лишь дикому и варварскому человѣку", „наименѣе интеллектуальными являются тѣ народы, которые всего болѣе придерживаются мясной пищи. Всѣ страны ледовитаго прибрежья, не поддающіяся земледѣлію, населены рыболовными народами, стоящими на самой низкой ступени развитія". Неужели проф. Бекетовъ видитъ единственную причину низкаго интеллектуальнаго уровня населенія ледовитаго прибрежья исключительно въ мясной пищѣ? Во-первыхъ, не будь этой рыбы, все прибрежье неизбѣжно вымерло бы, а, во-вторыхъ, природа этого прибрежья, являясь злою мачихой для населенія, обездолила его не только матеріально, но и нравственно. Въ странѣ, полгода закутанной въ мракъ полярной ночи, 9—10 мѣсяцевъ скованной льдомъ и засыпанной снѣгомъ, едва успѣвающей на 2—3 мѣсяца освободиться отъ своего холоднаго, мертвящаго покрова, чтобъ обнажить тундру, выростить уродливую, стелящуюся сосну,—неужели въ этой странѣ вы будете искать цивилизаціи и, не найдя ея, будете винить въ этомъ ту жалкую пищу, которую вы называете животною? Далѣе: „Любовь не только къ одному человѣку, но и ко всему живому, даже ко всему, что входитъ въ составъ вселенной,—вотъ высшее проявленіе этого благороднѣйшаго аттрибута нравственно-развитаго человѣка... первѣйшій признакъ гуманности". Какъ же съ такою широкою любовью, съ такимъ „благороднѣйшимъ аттрибутомъ" вы будете употреблять въ пищу молочные продукты, яйца

Послѣдовательные вегетаріанцы лишаютъ себя и этого, но, тѣмъ не менѣе, и растеніе—живое существо, оно „входитъ въ составъ вселенной“, оно страдаетъ, вѣроятно, такъ же, какъ страдаетъ и яйцо, положенное въ кипятокъ; при видѣ срубленнаго дерева многимъ приходятъ невеселыя въ голову мысли. Смерть чего бы то ни было, дорогого ли человѣка, животнаго ли, къ которому привыкли, срубленнаго ли дерева, хотя и въ различной степени, но всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе. И такъ, остается изобрѣтать иные способы питанія, пользуясь неорганическою природой; всѣ составныя части самыхъ сложныхъ продуктовъ растительной и животной жизни: азотъ, углеродъ, водородъ, кислородъ—находятся въ изобиліи въ мертвомъ, неорганизованномъ царствѣ природы. Но до синтеза бѣлковъ еще очень и очень далеко. Такія же широкія воззрѣнія развиваетъ и г-жа Кингсфордъ, но та идетъ еще далѣе: на стр. 89 и 90 она беретъ подъ свое покровительство и вредныхъ полевыхъ животныхъ; описанія ловушки и капкана вызываютъ въ ней омерзѣніе. Пускай плодятся и множатся эти милые, невинные звѣрки: суслики, мышки, тушканчики. Злое человѣчество не довольствуется хитро-устроенными ловушками и капканами,—оно прибѣгаетъ теперь къ услугамъ бактеріологіи и ищетъ средствъ развить между этими невинными созданіями повальныя болѣзни, прививая имъ ядъ какого-то мышинаго тифа.

Матеріальная сторона вопроса тѣсно связана съ гигіеническою. На стр. 18 проф. Бекетовъ говоритъ, что „придетъ время, когда человѣчеству недостанетъ мѣста даже для произведенія того ничтожнаго количества мясной пищи, которое оно производитъ въ настоящую эпоху“... „въ будущемъ мясной элементъ человѣческой пищи не только уменьшится противъ настоящаго, но даже и вовсе исчезнетъ“. Предположимъ даже, что это такъ и будетъ, предположимъ къ этому же, что культура различныхъ растеній будетъ доведена до высшей степени совершенства и на незначительной поверхности земли будетъ воздѣлываться достаточное количество питательныхъ продуктовъ,—что же изъ этого? Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что теперь нужно бросить ѣсть мясо и питаться исключительно растеніями? Астрономы намъ говорятъ, что теплота солнечной системы будто бы уменьшается, геологи же прямо категорически предсказываютъ, что запасы топлива не неистощимы,—придетъ время, и міръ долженъ будетъ замерзнуть; спрашивается теперь, слѣдуетъ ли намъ топить наши помѣщенія? Не лучше ли въ виду такой ужасной перспективы начать понемногу ограничивать топку нашихъ печей? Но пока что будетъ, а въ настоящее время культура нашихъ растеній даетъ намъ тотъ же азотъ, углеродъ и проч., какъ и животная пища, и вегетаріанцы говорятъ, что въ достаточномъ количествѣ. Въ доказательство приводятся таблицы процентнаго содержанія названныхъ элементовъ въ различныхъ сортахъ пищи, убѣдительно указывающія, что въ нѣкоторыхъ продуктахъ растеній бѣлка даже больше, чѣмъ въ мясѣ. Все это совершенная правда; забыто только одно обстоятельство, что половина этого бѣлка выносится организмомъ вонъ, совершенно не переваренная, и служитъ только лишнимъ балластомъ для кишечника. Г-жа Кингсфордъ говоритъ на 39 стр., что для того, „чтобы воспользоваться всѣми цѣнными качествами зерна, слѣдовало бы употреблять для печенія муку не провѣянную, вмѣстѣ съ отрубями“, но тутъ же дѣлается сноска, доказывающая нелѣпость этого совѣта въ настоящее время; впрочемъ, нужно привыкнуть и, „быть можетъ, при привычкѣ, дѣло идетъ иначе“. Къ чему только ни застав-

ляютъ привыкать человѣчество! Не иначе, какъ чувствуя бездоказательность своихъ доводовъ и разсчитывая увеличить „поблажками“ число прозелитовъ вегетаріанства, на 42 стр. г-жа Кингсфордъ уже разрѣшаетъ употреблять молоко, яйца и проч., такъ какъ это почему-то не „противорѣчитъ нравственному чувству“.

Когда количество скота значительно уменьшится, за неимѣніемъ въ немъ надобности, то удобреніе полей, съ согласія корреспондента *Dietetic Reformer*, надо будетъ предоставить воздуху. Русскій переводчикъ, однако, дѣлаетъ выноску, въ которой говоритъ, что примѣръ этотъ не заслуживаетъ подражанія, а совѣтъ — исполненія; „неизбѣжнымъ и главнымъ источникомъ удобренія долженъ быть самъ пахарь и его ближайшіе сосѣди“. Всѣ остальные продукты животной жизни: мѣхъ, шерсть, кожа и проч. частью, по мнѣнію г-жи Кингсфордъ и по личному ея опыту, совершенно лишни и удовлетворяютъ болѣе требованіямъ моды, частью же могутъ быть замѣнены продуктами растительной жизни. Быть можетъ даже, что человѣчество, въ концѣ-концовъ, приспособится какъ-нибудь, обростетъ шерстью и не будетъ нуждаться ни въ обуви, ни въ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что самые возвышенные идеалы г-жи Кингсфордъ, это—употребленіе въ пищу *невареныхъ* плодовъ и сѣмянъ; но, къ несчастію, „этотъ наилучшій источникъ питанія сталъ недоступенъ для значительной части населенія земного шара“, употребляющаго теперь огонь для приготовленія пищи“.

Холерные годы въ Россіи. Историческій очеркъ. Проф. Павловскаго. Спб., 1893 г. Въ довольно сжатомъ изложеніи книга передаетъ исторію трехъ холерныхъ эпидемій, бывшихъ въ Россіи; послѣдняя 1892 г. не вошла въ этотъ очеркъ. Изучая исторію этихъ „холерныхъ годовъ“, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: каждая эпидемія въ началѣ своего развитія проявляла всегда большую силу, ослабѣвала постепенно, расплываясь на большемъ пространствѣ, и затѣмъ пропадала, когда населеніе становилось невоспріимчивымъ. Справедливость перваго и второго положенія можно считать доказанной многими изслѣдователями; относительно же послѣдняго едва ли можно согласиться съ авторомъ, хотя проф. Павловскій въ предисловіи говоритъ, что „авторъ статистически и фактически доказываетъ это *цѣлое положеніе*,—никѣмъ еще не высказанное въ исторической литературѣ пандемій,—что *населеніе послѣ всякой холерной волны иммунизируется* самою заразой и пріобрѣтаетъ до извѣстной степени *иммунитетъ*—невоспріимчивость къ холерѣ“ (курсивъ подлинника). Но, во-первыхъ, холерный иммунитетъ далеко еще не доказанъ и скорѣе всего справедливо то мнѣніе, что люди, уже перенесшіе холеру, легче заболѣваютъ ею вторично, а, во-вторыхъ, еслибъ этотъ общественный иммунитетъ и былъ, то періоды его должны бы были быть одинаковой продолжительности, чего, однако, на самомъ дѣлѣ не наблюдается,—промежутки между тремя пандеміями различны: между 1 и 2—9 лѣтъ, между 2 и 3—только 4 года, а между 3 и 4, на который авторъ не указываетъ,—20 лѣтъ; такіе же различные промежутки между мѣстными эпидеміями, наприм., въ Петербургской губерніи холера была: 1 разъ въ 1831—33 гг., во второй—въ 1848—49 гг., въ третій—въ 1852—59 гг., въ 4-й—1866—72, въ пятый—1892 г. и пока еще не окончилась, такъ что первый промежутокъ равенъ 15 годамъ, второй—3, третій—7, четвертый—20 годамъ; въ-третьихъ, почему же этого иммунитета нѣтъ въ Индіи, гдѣ мѣстами холера господствуетъ эндемически? Вообще изученіе исто[illegible]

холерныхъ эпидемій, ихъ зависимость отъ мѣстныхъ, климатическихъ, метеорологическихъ, геологическихъ, экономическихъ и проч. условій оставляетъ желать еще очень многого и ждетъ будущихъ изслѣдователей, а пока въ настоящее время выводы не представляются ни точными, ни достаточно убѣдительными. Кромѣ того, оказывается, что за шестьдесятъ лѣтъ изученія холеры въ дѣлѣ леченія ея медицина нельзя сказать, чтобы сдѣлала крупный шагъ; и въ 1830 г., какъ говоритъ авторъ, терапевтическія средства примѣнялись почти тѣ же, что и въ 1892 г., и тогда говорили о холерныхъ ядахъ, какъ теперь говорятъ о запятой и токсинахъ, но и тогда, также какъ и теперь, не знали противоядія. „У насъ есть своя исторія,—продолжаетъ авторъ,—свой огромный опытъ и свои многочисленные и поучительные факты, всѣми забытые и затерянные въ архивахъ и библіотекахъ". Въ изученіи этихъ фактовъ, несомнѣнно, кроется разгадка условій холерныхъ эпидемій; нужно умѣть пользоваться этими фактами... Въ концѣ книги приложены интересныя извлеченія и подлинныя выписки изъ документовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Вообще книга богата содержаніемъ и читается легко. Внѣшность изданія безупречна.

Отчетъ нижегородской санитарной коммиссіи за 1891 годъ. Н. А. Граціанова.—Тоже за 1892 г. Оба отчета составлены по одной и той же программѣ: I. Движеніе населенія въ Нижнемъ-Новгородѣ—смертность, болѣзненность. II. Дѣйствія санитарной коммиссіи и санитарный надзоръ. III. Врачебный отдѣлъ. IV. Расходы по санитарно-медицинской организаціи и затѣмъ таблицы. Оба отчета настолько шаблонны въ первой своей части, что даже по числу страницъ одинаковы (28); между тѣмъ, оба года значительно разнятся между собою. Авторъ отчетовъ, правда, дѣлаетъ попытки объяснить болѣе существенныя причины этой разницы, но нельзя сказать, чтобы удачныя: такъ, говоря о большой плодовитости населенія въ 1892 году сравнительно съ предъидущими годами, онъ объясняетъ ее нѣсколько искусственными условіями, вызванными выселеніемъ изъ города войскъ; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ разница между двумя послѣдними годами не превышаетъ 1,₈‰, а разница между 1891 и 1890 г. равняется 2,₈₇‰,—слѣдовательно, не выселеніе войскъ подняло коэффиціентъ рождаемости; то же выселеніе войскъ повысило до нѣкоторой степени коэффиціентъ смертности; во всякомъ случаѣ, автору отчетовъ не мѣшало бы высчитать истинный коэффиціентъ смертности, сравнивъ условія обоихъ годовъ; тогда стало бы ясно, что смертность 1892 г. рѣзко превалируетъ надъ 1891 г.; по нашимъ вычисленіямъ разница эта равняется 5,₂‰. Въ таблицу смертности отъ заразныхъ болѣзней не вошла холера, и сноска автора: „отчетъ (о) холерной эпидеміи" и т. д. этого пропуска не оправдываетъ. Высокая смертность въ Макарьевской части города въ 1891 г. объясняется авторомъ почвенными, экономическими и временными условіями,—въ 1892 г. авторъ упоминаетъ уже только о временныхъ условіяхъ и считаетъ ее „до нѣкоторой степени искусственной". Еще большія недоразумѣнія возникаютъ при сравненіи смертности обоихъ годовъ въ Рождественской части: въ 1891 г. въ этой части города умерло 28,₅‰ (отношеніе къ населенію)—почти столько же, сколько и въ первыхъ двухъ частяхъ города, въ 1892 г. это отношеніе возростаетъ до 40,₂‰; авторъ отчетовъ объясняетъ это явленіе экономическими и почвенными условіями этой части города (бѣднѣйшее населеніе, наносная почва); но, вѣдь, эти условія существовали одинаково и въ 1891, и въ 1892 гг., такъ что объясненіе автора нельзя

считать удовлетворительнымъ. На 20 стр. отчета 1892 г., объясняя эпидемію сыпного тифа между ночлежниками, авторъ говоритъ: „принимая во вниманіе образцовое устройство и содержаніе городского ночлежнаго дома, исключающія подозрѣніе о томъ, что этотъ домъ служитъ гнѣздомъ заразы“ и т. д., между тѣмъ какъ на 31 стр. оказываются переполненіе ночлежниками городского ночлежнаго пріюта и грязь, лежащая на полу и въ ретирадѣ городского пріюта, а едва ли такое явленіе можно отнести къ „образцовому содержанію“. Нельзя, къ тому же, не пожелать будущимъ отчетамъ большей тщательности и въ корректурѣ: „очная вода“, „освѣщеніе слоя песку“, необыкновенная операція „прошиваніе желудка“, не говоря уже о грамматическихъ ошибкахъ, едва ли пріятное явленіе въ отчетахъ.

Протоколы съѣзда врачей александровскаго уѣзднаго земства за 1892 годъ. Александровскъ, 1893 г. Книга состоитъ изъ протоколовъ двухъ сессій съѣзда, таблицъ болѣзненности, смертности, рождаемости, числа операцій, земской акушерской помощи и т. д. Въ концѣ приложенъ подробный отчетъ о состояніи земской медицины въ Александровскомъ уѣздѣ. Оказывается, что на каждаго врача приходится 30 т. жителей; замѣчается недостатокъ даже въ фельдшерахъ. Изъ всего числа больныхъ около $^1/_4$ составляютъ пришлые рабочіе, вообще лишь незначительная часть больныхъ ищетъ врачебной помощи, что, объясняется главнымъ образомъ, слишкомъ большимъ райономъ медицинскихъ участковъ; та же причина вліяетъ и на недостаточность акушерской помощи: изъ 100 родовъ только 3 прошли при содѣйствіи акушерки. Говоря о смертности населенія уѣзда, авторъ приходитъ къ неутѣшительному выводу: „безъ большой натяжки признать санитирное состояніе уѣзда удовлетворительнымъ едва ли возможно“.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей“. *И. И. Мещерскаго.* — „Сельское и лѣсное хозяйство въ Россіи“.—„Льноводство“. *Ф. Н. Боромева.* —„Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ садовъ въ южной Россіи“. *В. А. Паржиха.*

Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей. Составилъ И. И. Мещерскій. Спб., 1893 г. Обширный трудъ г. Мещерскаго заключаетъ въ себѣ богатые матеріалы для исторіи агрономическаго образованія въ Россіи; авторъ имѣлъ возможность пользоваться мало извѣстными публикѣ источниками, хранящимися въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ. Заграничное агрономическое образованіе разсмотрѣно въ книгѣ г. Мещерскаго отрывочно и неполно, но и за этимъ отдѣломъ книги остается значеніе для сравнительной оцѣнки нѣкоторыхъ русскихъ мѣропріятій по устройству агрономическихъ школъ.

Въ небольшомъ введеніи авторъ пробуетъ дать классификацію существующихъ агрономическихъ школъ; къ сожалѣнію, признаки группировки не обладаютъ достаточною ясностью; намъ кажется, что лучшая группировка могла бы быть исполнена на основаніи тѣхъ задачъ, которыя ставились отдѣльнымъ школамъ; при этомъ особую важность представляетъ вопросъ, стремится ли школа прежде всего дать научное образованіе своимъ питомцамъ, или же она предполагаетъ готовить какихъ бы то ни было „дѣятелей“? Мы должны оговориться, что

для подобной группировки въ примѣненіи къ Россіи интересующіеся найдутъ тщательно подобранный матеріалъ въ самой книгѣ г. Мещерскаго, который шагъ за шагомъ возстановляетъ разнообразные уставы и проекты уставовъ со многими часто второстепенными подробностями.

Историческія отмѣтки г. Мещерскаго начинаются съ 1797 г.; можно было бы начать и ранѣе, такъ какъ Ливановъ, издавшій свое *Наставленіе* въ 1786 г., именовался уже профессоромъ земледѣлія. Съ особою подробностью авторъ описываетъ учебныя заведенія министерства государственныхъ имуществъ: горыгорецкую школу, горыгорецкій институтъ, с.-петербургскій земледѣльческій институтъ и Петровскую академію. Затѣмъ по отдѣльной главѣ отведено маримонтскому институту (близъ Варшавы), новоалександрійскому институту и рижскому политехникуму. Преподаваніе агрономіи въ университетахъ разсмотрѣно довольно бѣгло, причемъ не указано немаловажное, по нашему мнѣніе, обстоятельство, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1836 г. сельское хозяйство преподавалось на юридическомъ факультетѣ *). Намъ кажется, что въ числѣ причинъ, препятствовавшихъ развитію агрономической науки, не малую роль играло ложное убѣжденіе, будто бы всѣ основы агрономіи заключаются въ естествовѣдѣніи; обществовѣдѣніе, какъ равноправный съ естествовѣдѣніемъ базисъ агрономіи, къ сожалѣнію, слишкомъ игнорировалось и до сихъ поръ игнорируется.

Въ очеркѣ заграничнаго агрономическаго образованія три главы посвящены Германіи и по одной Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Соединеннымъ Штатамъ.

Мы рекомендуемъ почтенную работу И. И. Мещерскаго вниманію всѣхъ тѣхъ, кто мирится съ мыслью о томъ, что и сельское хозяйство можетъ явиться предметомъ спеціальнаго научнаго образованія.

Сельское и лѣсное хозяйство въ Россіи. Изданіе департ. земледѣлія и сельской промышленности. Спб., 1893 г. Россія принимала видное участіе на всемірной колумбовской выставкѣ 1893 года; для этой выставки и составленъ подъ редакціею В. И. Ковалевскаго и при руководствѣ А. С. Ермолова настоящій сборникъ, изданный департаментомъ земледѣлія одновременно на русскомъ и англійскомъ языкахъ. Давно уже ощущалась у насъ потребность въ подобномъ сводномъ обзорѣ свѣдѣній о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ: такой же обзоръ, составлявшійся въ 1881 г. для московской выставки, значительно устарѣлъ, особенно въ виду возникновенія съ начала восьмидесятыхъ годовъ совершенно новыхъ работъ въ правительственной сельско-хозяйственной статистикѣ.

Сборникъ раздѣленъ на 22 главы, которымъ предпослано введеніе съ краткою сельско-хозяйственною характеристикой отдѣльныхъ областей по группировкѣ центральнаго статистическаго комитета. Вслѣдъ за описаніемъ климата и почвы данъ краткій очеркъ населенія и землевладѣнія, затѣмъ представлены разныя стороны современной сельскохозяйственной техники и, кромѣ того, очерчены различныя общественныя условія сельскаго хозяйства; Кавказу и Туркестану посвящены двѣ отдѣльныя главы. Сборникъ обильно иллюстрированъ картами и

*) См., наприм., Григорьева: *Истор. зап. о Спб. университетѣ*, 1870 г., стр. 130.

діаграммами (47 изображеній); изъ нихъ одна большая карта указываетъ расположеніе всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ.

Имена участниковъ, въ числѣ которыхъ значатся: А. С. Ермоловъ, В. И. Ковалевскій, А. И. Воейковъ, П. А. Костычевъ, Д. П. Семеновъ, А. А. Блау, покойный В. В. Черняевъ и многіе другіе, служатъ для сборника достаточнымъ ручательствомъ успѣха въ русской читающей публикѣ. Мы позволили бы себѣ выразить только одно сожалѣніе о томъ, что составители статей не пользовались богатымъ матеріаломъ земской сельско-хозяйственной статистики; конечно, вполнѣ достаточное объясненіе этого обстоятельства можно найти въ той быстротѣ, съ которою былъ составленъ сборникъ, а, между тѣмъ, обращеніе съ только что названнымъ отрывочнымъ матеріаломъ требуетъ долговременной механической работы.

Льноводство. Написалъ Ф. Н. Королевъ. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб., 1893 г. Цѣна 86 к. Первое изданіе *Льноводства* появилось 8 лѣтъ тому назадъ и въ свое время было отмѣчено на страницахъ *Русской Мысли*. Главныя измѣненія относятся къ лѣтней мочкѣ. Изложеніе сопровождается 47 рисунками. Особенность книги составляетъ щедро разсыпанная мѣстная терминологія, не всегда снабженная точными указаніями относительно того, изъ какой именно мѣстности взяты данные народные термины. Руководство посвящено, главнымъ образомъ, выдѣлыванію льна на волокно: культурѣ льна на сѣмя отведено мало вниманія. Средній урожай волокна въ Россіи показанъ довольно неопредѣленнымъ выраженіемъ: „до 25 пуд. на десятину“; для общей средней эта величина высока, хотя она и соотвѣтствуетъ среднему урожаю нѣкоторыхъ мѣстностей.

Касаясь въ заключеніе фальсификацій, авторъ заканчиваетъ свою книгу слишкомъ оптимистическою поговоркой: „брехнею хоть и цѣлый свѣтъ пройдешь, но ужь назадъ не вернешься“.

Руководство г. Королева, при своемъ живомъ, образномъ изложеніи и общедоступной цѣнѣ, должно найти себѣ дальнѣйшее распространеніе въ средѣ читателей, интересующихся льнянымъ дѣломъ.

Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ садовъ въ южной Россіи, составленное В. Я. Паржихомъ. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. Руководство, составленное г. Паржихомъ, ученымъ садовникомъ при Новороссійскомъ университетѣ, написано примѣнительно къ программѣ тѣхъ курсовъ, которые читаются для народныхъ учителей въ Херсонской губерніи. На первомъ мѣстѣ поставлены интересы разведенія садовъ въ южныхъ степяхъ; авторъ сознаетъ, какъ много еще остается сдѣлать для примѣненія пріемовъ садоводства къ особенностямъ степной полосы. Около 80 рисунковъ служатъ къ поясненію текста. Книга г. Паржиха можетъ имѣть педагогическое значеніе, хотя нѣкоторые отдѣлы, наприм., голый перечень сортовъ на стр. 77—82, получаютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если сопровождаются подробными демонстраціями.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія". *И. К. Гана.* — „Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ". *Ц. Балталона.* — „Вторая рѣчь оратора Демосѳена за Олиѳъ". *Н. Виноградова.* — „Основы русскаго правописанія". *Н. Н. Бахтина.* — „Руководство коммерческой бухгалтеріи по двойной системѣ". *М. П. Чернышева.* — „Краткій курсъ высшей алгебры". *Проф. М. Тихомандрицкаго.* — „Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ". *А. Ф. Комарова.* — „Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ". *Н. Павлова.* — „Начала механики". *И. Азбелева.* — „Путешествіе мышенка". *М. Л. Львовой.*

Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Составилъ учитель И. К. Ганъ. Изданіе 5-е. Вильна, 1893 г. Цѣна 30 коп. О 5-мъ изданіи руководства г. Гана, которое пересмотрѣно и исправлено, какъ указано на обложкѣ, новаго сказать рѣшительно нечего. Какъ и 4-е изданіе (см. „Библіограф. отдѣлъ" *Русской Мысли* 1889 г., кн. XII), 5-е отличается обиліемъ примѣровъ и разнообразіемъ задачъ, и въ немъ по-старому толково изложены всѣ случаи употребленія знаковъ препинанія. Издана книжка тщательнѣе, чѣмъ это было раньше, и стоитъ она недорого. Если и возражать противъ чего-нибудь въ ней, то это противъ примѣчанія на 69 страницѣ, гдѣ говорится, что можно задавать ученикамъ списывать съ *Руководства* любую статью *безъ знаковъ*, а послѣ требовать отъ нихъ разстановки знаковъ на основаніи пройденныхъ ими правилъ. Затрудняемся понять, почему г. Ганъ сначала допускаетъ ошибочное списываніе, а потомъ требуетъ правильнаго: казалось бы, отъ ошибокъ слѣдуетъ всячески оберегать учащихся.

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Составилъ Ц. Балталонъ. Изданіе второе. М., 1893 г. Ц. 45 коп. Появленіе второго изданія *Пособія для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ* менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ перваго показываетъ очень ясно, какъ нужна и полезна названная книжка. Встрѣчаемъ новое изданіе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оно представляетъ изъ себя не буквальную перепечатку прежняго, а содержитъ много цѣнныхъ дополненій. Прежде всего, книжка пополнена новыми авторами и произведеніями, такъ какъ, кромѣ всего стараго, въ ней предложены вопросы для изученія *Портрета*, *Шинели* и *Тараса Бульбы* Гоголя, *Горе отъ ума* Грибоѣдова, *Обломова* Гончарова, *Фауста* Гёте и нѣсколькихъ произведеній Мольера. Но этого мало. Въ свое время въ *Русской Мысли* („Библіограф. отдѣлъ" 1892 г., кн. I) указывалось на недостаточность руководства и помощи со стороны *Пособія* при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ немъ, и авторъ принялъ во вниманіе это указаніе: въ новомъ изданіи читатель найдетъ не только руководящія замѣчанія, но и ссылки на болѣе или менѣе извѣстныя критическія статьи и изслѣдованія. Статья, предшествующая вопросамъ, нѣсколько увеличена въ размѣрахъ и съ еще большею горячностью отстаиваетъ дѣло, которому служитъ *Пособіе*. Наконецъ, самые вопросы свои г. Балталонъ ставитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ иначе; иной разъ ихъ больше, сравнительно съ первымъ изданіемъ, другой — меньше, но всѣ подобныя измѣненія сдѣланы положительно къ лучшему.

Вторая рѣчь оратора Демосѳена за Олиѳъ. Николая Виноградова, преподавателя духовной семинаріи. Москва, 1893 г. Цѣна 30 коп. Вторую рѣчь Демосѳена за Олиѳъ г. Виноградовъ пе-

ревелъ нисколько не лучше рѣчи того же оратора о вѣнкѣ, переводъ которой разсматривался нами недавно. Въ новомъ переводѣ встрѣчаются очень тяжелыя мѣста. Таковъ, напримѣръ, § 12, гдѣ читаемъ слѣдующее: „Господа аѳиняне, вы смотрите на то, какъ бы наши послы не высказали одни только обѣщанія, но могли бы (ἔξουσιν) сослаться на наши дѣйствія, если вы выступите сообразно съ достоинствомъ государства и окажетесь при исполненіи дѣлъ, ибо всякія обѣщанія, если отсутствуютъ дѣла, кажутся вовсе неубѣдительными и пустыми, особенно же со стороны нашего города, ибо чѣмъ съ большею готовностью мы, кажется, пользуемся ими, тѣмъ болѣе всѣ имъ не довѣряютъ". Трудно вникать, кромѣ того, въ смыслъ предложеній, подобныхъ слѣдующему въ § 26: „Вѣдь, бываетъ гораздо легче, чтобы владѣющимъ за все стоять, чѣмъ, чтобы людямъ что-либо наживать".

Что касается примѣчаній ко второй рѣчи Демосѳена за Олинѳъ, то г. Виноградовъ совсѣмъ не претендуетъ въ нихъ на какую-нибудь самостоятельность, такъ какъ въ выноскѣ прямо заявляетъ, что они „ведутся при помощи *Freund's Schüles-Bibliotek* и труда проф. Московскаго университета А. Шварца: *Олинѳ. рѣчи*".

Основы русскаго правописанія. (Правописанія отдѣльныхъ словъ). Н. Н. Бахтина. Часть теоретическая. Варшава, 1892 г. Цѣна 2 руб. *Основы русскаго правописанія* богаты весьма обильнымъ матеріаломъ, и г. Бахтинъ пользуется имъ чрезвычайно осторожно и распоряжается очень умѣло. Именно благодаря этому, названная книга не только представляетъ собой цѣнное изслѣдованіе въ области собственно филологіи, но имѣетъ значеніе и для нашей школы, гдѣ русское правописаніе является больнымъ мѣстомъ и вопросомъ довольно жгучимъ. Пока передъ нами только теоретическая часть *Основъ русскаго правописанія*, но и въ ней очень много плодотворныхъ выводовъ, причемъ всѣ они сводятся къ слѣдующему общему заключенію: „*Для начертанія слова, надо, путемъ сравненія съ родственными (съ современной точки зрѣнія) словами, расчленить его на составныя части и опредѣлить мѣсто морфологическихъ узловъ* (т.-е. границъ между двумя смежными составными частями словъ) *и фонетически первоначальный типъ каждой морфемы* (т.-е. простѣйшей составной части слова)" (стр. 157, § 471). „Поэтому, — замѣчаетъ г. Бахтинъ, — при выводѣ основъ правописанія и *при обученіи правописанію* слѣдуетъ ставить на первый планъ принципы, выведенные логически изъ данныхъ современной фонетики и морфологіи" (стр. 157, § 470), и къ историко-этимологическому анализу позволительно обращаться только въ томъ случаѣ, „если данныхъ современнаго языка недостаточно для опредѣленія какого-нибудь фонетически-первоначальнаго типа" (стр. 157, § 471). Выдвигая, такимъ образомъ, фонетику впередъ, г. Бахтинъ, съ одной стороны, настаиваетъ вмѣстѣ съ И. Бодуэномъ-де-Куртенэ на томъ, что „только на отчетливомъ знаніи звуковъ языка можетъ основываться хорошій методъ обученія дѣтей и взрослыхъ читать и писать на извѣстномъ языкѣ" (стр. 86, § 246), съ другой—приглашаетъ принять мѣры къ ослабленію стремленія сохранять неизмѣннымъ то начертаніе, къ которому привыкъ уже глазъ (стр. 157, § 470). Относительно только что означеннаго стремленія г. Бахтинъ справедливо замѣчаетъ, что оно можетъ привести „къ такому же трудному и запутанному правописанію, какъ, наприм., англійское" (стр. 157, § 470).

Руководство коммерческой бухгалтеріи по двойной системѣ, удобной для употребленія въ небольшихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ и при учетѣ домашняго хозяйства. Сост. М. П. Чернышевъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. Эта тощая брошюрка—не руководство, а просто конспектъ или эскизъ по бухгалтеріи, при изложеніи котораго признавался, повидимому, излишнимъ хорошій литературный языкъ. „Для правильности и удобства,—пишетъ авторъ,—при (веденіи?) бухгалтеріи по двойной системѣ принято, что для записей... отводится въ книгѣ особое мѣсто, которое называется *счетомъ*, и такъ какъ съ учетомъ собственнаго имущества, *) приходится имѣть дѣла болѣе, чѣмъ исключительно по сношеніямъ съ *живыми лицами*, то всю дѣятельность удобнѣе при записяхъ вовсе *обезличить*, переведя (что?) на понятіе оборотовъ только по *счетамъ*". Это—обращикъ русскаго языка составителя *Руководства*. А вотъ обращикъ технической точности выраженій: „Каждый счетъ долженъ имѣть для записей двѣ отдѣльныя стороны, причемъ принято, что на *лѣвой* сторонѣ (книги?) ставятся записи по приходу или поступленію, а на *лѣвой* по расходу или выходу".

На обложкѣ авторъ заявляетъ, что „съ разрѣшенія мин. народн. просвѣщенія онъ читаетъ лекціи бухгалтеріи". Въ виду такой самоличной рекомендаціи и приведенныхъ выше обращиковъ изложенія, любопытно констатировать, что составителю *Руководства* вовсе чуждо умѣнье ставить знаки препинанія и наблюдать согласованіе по родамъ („участвующія счеты", „могущія оказаться остатки", „нужныя результаты").

Краткій курсъ высшей алгебры, составленный М. Тихомандрицкимъ, ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ, 1892 г. Цѣна 2 р. 20 коп., съ перес. 2 р. 50 коп. Свой *Курсъ высшей алгебры* авторъ назвалъ краткимъ потому, что въ немъ онъ ограничивается сообщеніемъ только тѣхъ свѣдѣній, которыя одинаково необходимы всѣмъ приступающимъ къ изученію высшихъ отдѣловъ математики. Для университетскихъ студентовъ курсъ этотъ содержитъ только minimum того, что требуется, а для студентовъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній нѣсколько болѣе, чѣмъ нужно. Въ виду этого, нѣкоторыя части курса высшей алгебры совсѣмъ выпущены авторомъ, другія болѣе или менѣе сокращены. Во второмъ изданіи прибавлена глава XIV объ исключеніи по способу общаго наибольшаго дѣлителя и въ особомъ прибавленіи дано краткое изложеніе графическаго поясненія способа Фурье. Во многихъ частяхъ сдѣланы разныя редакціонныя улучшенія и обращено особенное вниманіе на тщательную корректуру. Изъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, онъ указываетъ въ предисловіи на труды Серре, Салмона, Ващенко-Захарченка, Сомова, Сохацкаго, Остроградскаго, Тотгентера.

Курсъ проф. Тихомандрицкаго вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію служить пособіемъ при изученіи высшей алгебры. Толково и обдуманно составленный, онъ даетъ въ сжатомъ и ясномъ изложеніи весь матеріалъ, необходимый для усвоенія студентами университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Трудъ этотъ составляетъ солидный вкладъ въ русскую математическую литературу. Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо.

---

*) Знаки препинанія подлинника.

Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Составилъ А. Ф. Комаровъ, инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи. Воронежъ, 1892 г. Ц. 30 к. Что сказать о задачникѣ г. Комарова, когда всѣ подобнаго рода задачники похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды? Ничѣмъ онъ особенно не хуже, да и не лучше другихъ. Задачи всѣ, конечно, самыя простыя. Изложены онѣ, вообще говоря, не замысловато, вполнѣ доступно пониманію учениковъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ. Во всякомъ случаѣ, составители подобныхъ задачниковъ должны обращать особенное вниманіе на то, чтобы задачи были формулированы по возможности просто и ясно. Г. Комаровъ напрасно въ задачахъ употребляетъ такія мало извѣстныя слова, какъ молотникъ, грабарь и т. п. Землекопа рѣдко кто называетъ грабаремъ, молотильщика—молотникомъ, хлѣбопека—хлѣбникомъ. Задачи довольно однообразны, изданіе довольна сѣренькое.

Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть первая. Числа первой сотни и часть вторая—числа любой величины. Составилъ Н. Павловъ. Казань, 1892 г. Цѣна 1-й части 20 к., 2-й—30 коп. Вторая часть допущена въ библіотеки начальныхъ школъ и духовныхъ училищъ. Вотъ и г. Павловъ составилъ подобный же ариѳметическій задачникъ. Задачи у него, вообще говоря, посложнѣе, и онъ болѣе заботится объ ихъ систематичности и распредѣляетъ ихъ по группамъ въ порядкѣ постепеннаго усложненія условій зависимости искомаго отъ числовыхъ данныхъ задачи. Въ концѣ задачника приложена таблица русскихъ мѣръ. Обѣ части составляютъ одно цѣлое. Самыя задачи довольно интересны, разнообразны и представляютъ достаточно обильный матеріалъ для всевозможныхъ ариѳметическихъ упражненій. Рядомъ съ задачами приведены и отвѣты. Книжки изданы съ внѣшней стороны весьма прилично, что среди провинціальныхъ изданій, въ особенности по части учебниковъ, составляетъ большую рѣдкость.

Начала механики. Элементарное изложеніе И. Азбелева. Отдѣлъ I. Кинематика (законы движенія). Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 20 к. *Начало механики* г. Азбелева изложены настолько элементарно, что могутъ быть усвоены при помощи математическихъ познаній въ объемѣ курса средне-учебныхъ заведеній. Только въ немногихъ мѣстахъ кинематики приходится выходить за предѣлы этого курса и говорить о перемѣнныхъ величинахъ, объ ихъ предѣлахъ, о кривыхъ линіяхъ и проч. Эти дополнительныя математическія свѣдѣнія изложены авторомъ весьма элементарно во введеніи (главы IV и V). Содержаніе книги г. Азбелева слѣдующее: во введеніи глава I посвящена опредѣленіямъ, глава II—опредѣленію положенія точки и направленія линіи, глава III—основнымъ и производнымъ единицамъ мѣры. Кинематика точки содержитъ: основныя опредѣленія, равномѣрное и перемѣнное движенія, законъ скоростей, связь между закономъ разстояній и закономъ скоростей. Равномѣрно-перемѣнное движеніе. Паденіе тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ, сложеніе и разложеніе движеній и скоростей. Ускореніе, одографъ, угловыя перемѣщенія, скорости и ускоренія. Затѣмъ слѣдуетъ приложеніе началъ кинематики къ изслѣдованію нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ движенія. Составное движеніе изъ равномѣрнаго и равномѣрно-перемѣннаго, простое гармоническое движеніе, ускореніе движенія планетъ. Кинематика системы точекъ содержитъ

движеніе несвободнаго и свободнаго твердаго тѣла. Въ приложеніи къ XXII главѣ изложены нѣкоторыя свойства эллипса. Въ концѣ приложены задачи и примѣры (нѣкоторые съ рѣшеніями) для иллюстраціи и повѣрки усвоеннаго. Что касается изложенія, то оно страдаетъ нѣкоторыми существенными недостатками. Ему недостаетъ часто краткости, иногда и надлежащей ясности, а частыя повторенія только затемняютъ мѣстами сущность дѣла. Излишнее многословіе не совмѣстимо съ элементарностью изложенія. Для того, чтобъ уяснить предметъ, надо выражаться точно, ясно, опредѣленно и по возможности кратко. Языкъ автора мѣстами нѣсколько тяжелъ для учебника, а кромѣ того иногда встрѣчаются и не совсѣмъ правильные обороты. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи находимъ слѣдующую фразу: „въ настоящемъ трудѣ авторъ съ первыхъ же главъ знакомитъ читателя съ физическими уравненіями и еще ранѣе вводитъ его въ вопросъ объ измѣреніи величинъ изложенномъ въ главѣ III введенія—„объ основныхъ и производныхъ единицахъ". Не совсѣмъ удачно также выраженіе (стр. 155): „измѣреніе единицы угловаго ускоренія обратно пропорціонально квадрату единицы времени".

Путешествіе мышенка. М. Л. Львовой. Изд. Ледерле и К°. Спб., 1893 г. Разсказъ назначается для дѣтей отъ четырехъ до шести лѣтъ. Написанъ онъ безпритязательно, просто, ясно и живо, изданъ отлично и украшенъ рисунками барона Клодта. Цѣна книжки 50 коп., въ папкѣ—65 к. Судя по нашему опыту, маленькимъ дѣтямъ, шести-восьми лѣтъ, *Путешествіе мышенка* нравится.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Законы о печати". *З. Мсеріанца.*

Законы о печати. Настольная справочная книга. Составилъ старшій инспекторъ типографій и книжной торговли въ Москвѣ З. Мсеріанцъ. Шестое изданіе. М., 1893 г. Превосходная справочная книга г. Мсеріанца, необходимая для издателей, редакторовъ, писателей, типографій, библіотекъ, для лицъ судебнаго вѣдомства и т. п., въ новомъ изданіи пересмотрѣна и дополнена. Стоитъ книга 2 рубля. Издана она очень хорошо. Всѣ новѣйшія измѣненія нашихъ законовъ о печати вошли въ сборникъ г. Мсеріанца. Помѣщены въ немъ также важнѣйшія судебныя рѣшенія по дѣламъ печати.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *октябрь.*—„Русское Богатство", *сентябрь.* — „Сѣверный Вѣстникъ", *октябрь.*—„Русское Обозрѣніе", *октябрь.*—„Вѣстникъ Воспитанія", *сентябрь.*

Вѣстникъ Европы, *октябрь.* Въ прошедшей книжкѣ нашего журнала мы уже отмѣтили выдающіяся литературныя достоинства очерка г. Микулича *Мимочка отравилась:* отличный языкъ, живость развитія положеній, жизненность фигуръ и въ особенности замѣчательно тонкій сарказмъ, съ которымъ авторъ трактуетъ свои персонажи и ихъ духовный міръ. Въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* очеркъ г. Микулича законченъ и мы имѣемъ возможность вполнѣ оцѣнить это незаурядное беллетристическое произведеніе.

Мимочка, — эта маленькая граціозная женщина, съ птичьей голов-

кой и съ птичьемъ сердцемъ, — любитъ; Мимочка брошена, Мимочка страдаетъ, Мимочка даже отравляется. Въ ея птичьей душонкѣ проходитъ спасительный вихрь страсти и очищающаго страданія. Та самая Мимочка, которая въ Кисловодскѣ (*Мимочка на водахъ*) съ легкимъ сердцемъ совершила адюльтеръ, которая объ этомъ эпизодѣ своей жизни или, вѣрнѣе сказать, объ этомъ эпизодѣ своего птичьяго порханья разсуждала такъ: „Въ сущности, что тамъ было? Счастье? О, нѣтъ! Любовь? Но была ли бы тогда такъ легка разлука? Что же тамъ было? Такъ, вздоръ какой-то, шалости, прогулки, кавалькады“, — та самая Мимочка, которая „окончательно утвердилась въ томъ мнѣніи, что, въ сущности, совсѣмъ ничего и не было, а если что и было, то не съ ней, а съ кѣмъ-то другимъ“, которая послѣ этого эпизода „желала теперь пламенѣть и холодѣть, притворяться, лгать, хитрить“ и т. д.,—это самое невмѣняемое въ нравственномъ отношеніи существо, подъ вліяніемъ истиннаго горя, настоящей любви, свѣтлѣетъ, если не морально, то умственно. Въ ея головѣ появляются совсѣмъ необычныя для „Мимочекъ“ мысли, съ ея устъ слетаютъ слова, приводящія въ ужасъ ея благоразумную и добродѣтельную maman. Мимочка начинаетъ понимать, что она человѣкъ, что ея жизнь изуродовали, отдавъ ее за нелюбимаго старика, что всѣ эти браки по разсудку не только нелѣпость, но и подлость, что она имѣетъ право „плюнуть на этотъ поганый свѣтъ“... „Развѣ это люди?—кричитъ Мимочка.—Всѣ лгутъ, всѣ притворяются, всѣ презираютъ другъ друга... и ихъ ей стыдиться?“

Когда мы читали эти страницы очерка г. Микулича, намъ невольно было немножко боязно за автора и за его произведеніе. А что, какъ авторъ заставитъ Мимочку просвѣтлѣть окончательно и умственно, и морально? Это было бы большою жизненною и художественною неправдой; это испортило бы его очеркъ. Птицы, даже подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ стимуловъ, не превращаются въ людей, а остаются тѣми же легкомысленными и все забывающими птицами. Г. Микуличъ обладаетъ такимъ значительнымъ художественнымъ пониманіемъ, что онъ остановился именно тамъ, гдѣ слѣдовало, и Мимочка осталась тою же Мимочкой. Авторъ заставляетъ читателя относиться къ своей героинѣ не съ отвращеніемъ и не съ негодованіемъ, какія вызываются въ насъ грубымъ, чисто-объективнымъ изображеніемъ непригляднаго въ нравственномъ отношеніи духовнаго міра Мимочекъ; онъ заставляетъ читателя жалѣть эту несчастную, какъ жалѣютъ раненую и страдающую птичку. Читатель жалѣетъ Мимочку и съ невольнымъ сочувствіемъ слѣдитъ за ея грустными думами: „Какъ холодно, какъ холодно! Есть же, вѣдь, женщины, которыхъ любятъ. Никто не любилъ Мимочку и ей больно и грустно, что никто не любилъ ее. Ею любовались, ею забавлялись и проходили мимо, мимо... ею играли и ее бросали и никто не любилъ ея... О, какъ холодно, какъ холодно!“ Читатель вполнѣ ясно понимаетъ, что авторъ иначе и не могъ закончить своего превосходно отдѣланнаго очерка, какъ тѣми словами, какими онъ закончилъ его: „Мимочка отдается сладкому забытью, сознаніе ея ослабѣваетъ и она уже ничего не можетъ вспомнить, что было сномъ, что было дѣйствительностью? Жила она или не жила, любила или не любила, отравилась или не отравилась?“

Стоитъ ли, однако, такъ долго трактовать объ этой птицѣ въ образѣ женщины, стоило ли писать о ней три очерка, стоитъ ли критикѣ заниматься этими пустячками, изображенными яркими красками и въ прелестной формѣ? Намъ кажется, что разбираемый очеркъ г. Микулича даетъ самый лучшій отвѣтъ на такой вопросъ. Мы не хотимъ ска

зать, что это отвѣтъ преднамѣренный. Нѣтъ! Дѣло, вѣроятно, просто въ томъ, что художественное чутье автора подсказало ему, что первый очеркъ былъ чѣмъ-то неоконченнымъ, недодѣланнымъ, невыясненнымъ. Тамъ, въ этомъ первомъ очеркѣ, мы совершенно опредѣленно представляемъ себѣ типъ Мимочки, но недостачно опредѣленно выясняемъ ту среду, которая порождаетъ Мимочекъ. Въ новомъ очеркѣ среда обрисована, хотя и немногими, но вполнѣ опредѣленными штрихами. Это та среда, гдѣ „настоящими людьми считаютъ только чисто вымытыхъ, прилично и по модѣ одѣтыхъ, сытно и вкусно кушающихъ“,—среда, для которой „мужики, чернорабочіе, мастеровые, фабричные уже не люди, а какая-то сѣрая, грязная масса, рабочая сила, un élement“... Это—среда, гдѣ слова: „не хочешь трудиться, такъ и не ѣшь“, показались бы просто дерзостью, гдѣ смыслъ имѣютъ только оклады и карьера, гдѣ разсуждаютъ: „есть деньги — приложится въ свое время и все остальное“; гдѣ „учиться чему-нибудь никому не приходитъ и въ голову“, гдѣ „единственною достойною вниманія наукой признается наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ“. Это—среда, которую „спаиваетъ и общее бездѣлье, и общая жажда развлеченій“... Однимъ словомъ, это среда той своеобразной россійской буржуазіи sui generis, которая еще только нарождается и уже разлагается... Въ яркомъ изображеніи г. Микулича эта среда является тѣмъ, что она дѣйствительно изъ себя представляетъ, т.-е. даже не средой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, имѣющимъ свои опредѣленные интересы, свое опредѣленное міровоззрѣніе, свою нравственность. Нѣтъ, это просто гнилое и стоячее болото, которому предстоитъ исчезнуть при первой здравой попыткѣ ассенизаціи. Въ такой средѣ не одна только Мимочка, а и всѣ „о Богѣ ничего не знаютъ и никогда о Немъ не думаютъ. Библіи они не видывали, а Евангеліе хоть и видали, но никогда не читаютъ его, потому что разсуждаютъ такъ: вѣдь, если и прочтешь, все равно не будешь дѣлать ничего изъ того, что тамъ сказано“... Обо всемъ другомъ, что касается какъ физическаго, такъ и духовнаго міра человѣка, въ этой средѣ имѣются столь же ясныя представленія, какъ и о Богѣ. Тутъ царитъ полная оголтѣлость, умственная и нравственная, совершенная и страшная оголенность. Когда въ Англіи открыли существованіе среди общества цѣлаго класса людей, незнающихъ о Богѣ, о мірѣ, о государствѣ, общество пришло въ ужасъ и приняло извѣстныя мѣры для превращенія этихъ уличныхъ людей, этихъ „лохмотниковъ“ въ настоящихъ людей. А описываемая г. Микуличемъ среда,—среда нравственно оголенныхъ людей, „лохмотниковъ“ ума и сердца,—если не господствуетъ, то стоитъ на виду и даже вліяетъ на наши судьбы, на судьбы людей...

Мимочка не представляетъ луча свѣта въ этомъ новомъ темномъ царствѣ, также какъ не представляетъ его и Ольга — другая, выросшая въ той же средѣ, героиня очерка г. Микулича. Ольга настолько же умна, образована и энергична, насколько Мимочка глупа, невѣжественна и безвольна. Тѣмъ не менѣе, Ольга такая же эгоистка, какъ и Мимочка; она также не имѣетъ въ душѣ никакого общечеловѣческаго идеала и всѣ ея помыслы, всѣ ея идеалы сосредоточиваются также только на личномъ благополучіи, на созданіи для себя хотя бы маленькаго царства, гдѣ она была бы царицей. Иначе и быть не можетъ. Въ болотѣ не можетъ мелькнуть настоящій лучъ свѣта. Да если бы онъ и появился, онъ или былъ бы немедленно затушенъ испареніями болота, или ушелъ бы свѣтить и грѣть въ другую сферу, гдѣ есть настоя-

щая, подлинная человѣческая жизнь, гдѣ кипитъ подлинная житейская борьба, руководимая настоящими человѣческими идеалами, ради настоящихъ человѣческихъ интересовъ. Нѣтъ, ни Мимочка, ни Ольга—не лучи свѣта въ темномъ царствѣ; онѣ просто блуждающіе огоньки, порожденные испареніями болотной гнили и на минуту освѣщающіе всѣ ужасы болота. Тѣмъ не менѣе, эти блуждающіе огоньки доказываютъ, что и въ болотѣ живутъ люди, что человѣческая мысль и человѣческое чувство возстаютъ противъ засасывающей гнили или отрицаніемъ, какъ у Ольги, или искреннимъ, хотя бы и легковѣснымъ чувствомъ, какъ у Мимочки.

Изъ статей общественнаго характера, напечатанныхъ въ октябрскомъ нумерѣ *Вѣстника Европы,* обращаетъ на себя вниманіе статья г. Слонимскаго о нашихъ промышленныхъ дѣлахъ. Въ текущемъ году департаментъ торговли и мануфактуръ издалъ книгу: *Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи.* Составителями сборника были спеціалисты фабрично-заводскаго дѣла, а редактировалъ его профессоръ Менделѣевъ. Эти же лица были главными дѣятелями и ревнителями нашего промышленнаго протекціонизма при составленіи таможеннаго тарифа 1891 года, каковая тенденція отразилась и на сборникѣ. Однако, такова сила вещей,— говоритъ Слонимскій, разобравшій тщательно этотъ сборникъ въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы,*— что факты, собранные и разработанные завѣдомыми протекціонистами, приверженцами крупной промышленности, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ противъ нихъ и ясно указываютъ на неправильность самой постановки вопросовъ нашего народнаго хозяйства. Г. Менделѣевъ видитъ, наприм., преимущество въ существующей у насъ дешевизнѣ рабочихъ рукъ; „на этой русской дешевизнѣ рабочихъ,— говоритъ онъ,— можетъ основаться множество выгоднѣйшихъ и важныхъ промышленныхъ предпріятій, которыя могутъ свободно соперничать съ соотвѣтственными производствами Запада“ (стр. 48, прим.). Но что, спрашивается, означаетъ эта дешевизна рабочихъ рукъ, какъ не бѣдность населенія, нуждающагося въ заработкахъ? А можно ли строить зданіе промышленнаго богатства на народной бѣдности и не окажется ли это зданіе воздвигнутымъ на пескѣ?

Неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія, вытекающія на практикѣ изъ послѣдовательнаго примѣненія началъ промышленнаго протекціонизма, обрисовываются весьма наглядно въ богатомъ фактическомъ матеріалѣ сборника, изданнаго министерствомъ финансовъ. Обстоятельные обзоры различныхъ отраслей фабрично-заводской производительности доказываютъ совершенно не то, что утверждаетъ г. Менделѣевъ въ своемъ „введеніи“ по поводу „благодатнаго дождя“ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ. Фабрики и заводы, охраняемые отъ иностраннаго соперничества, нуждаются въ дешевомъ топливѣ, въ усовершенствованныхъ машинахъ и орудіяхъ; но въ дешевомъ каменномъ углѣ чувствуется недостатокъ, и хорошія машины слишкомъ дороги, вслѣдствіе того, что таможенная охрана распространяется и на добываніе каменнаго угля, и на производство необходимыхъ машинъ и орудій. Оттого фабрично-заводское дѣло, несмотря на всѣ заботы и старанія протекціонистовъ, гораздо менѣе процвѣтаетъ теперь, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда привозъ иностраннаго угля не былъ стѣсненъ и когда необходимыя машины пропускались изъ-за границы безпошлинно. Въ свою очередь машино-строительные заводы, охраняемые въ ущербъ всѣмъ другимъ фабрично-заводскимъ предпріятіямъ, страдаютъ

отъ дороговизны и нехорошихъ качествъ желѣза и чугуна, такъ какъ таможенное покровительство примѣнено и къ добычѣ этихъ металловъ, составляющихъ предметы первой необходимости для всѣхъ отраслей производства. Въ этой цѣпи стѣсненій теряется отчасти и самый смыслъ покровительства, и чрезмѣрныя выгоды однихъ перевѣшиваются убытками другихъ; наибольшій же ущербъ наносится казнѣ и громадному большинству населенія, въ двойномъ качествѣ потребителей продуктовъ и плательщиковъ податей.

Высокія пошлины должны, говорятъ, оградить русскую крупную промышленность отъ соперничества ея иностранныхъ конкуррентовъ; на самомъ же дѣлѣ наблюдается любопытное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ такими ожиданіями.

Иностранная конкурренція, объ устраненіи которой хлопотали наши фабриканты и заводчики, переносится на русскую территорію и становится, такимъ образомъ, гораздо ближе и опаснѣе для отечественнаго производства, съ точки зрѣнія промышленныхъ патріотовъ. Предупредить или ограничить дѣйствіе иноземнаго капитала на нашей территоріи и помѣшать водворенію у насъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій на иностранныя деньги, подъ руководствомъ иностраннымъ спеціалистовъ и мастеровъ, нѣтъ возможности уже потому, что капиталъ имѣетъ по существу космополитическій характеръ и легко мѣняетъ свои формы, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Неумѣренное таможенное покровительство туземной промышленности привлекаетъ въ нее заграничные капиталы и дѣлаетъ для насъ иностранное соперничество еще болѣе чувствительнымъ и близкимъ; а какъ оградить себя отъ этого неуловимаго вмѣшательства чужой предпріимчивости, чужого богатства, чужихъ знаній и искусства? Можно запретить иностраннымъ подданнымъ стоять во главѣ крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, можно требовать употребленія только русскихъ мастеровъ и рабочихъ,— и тогда иностранцы принимаютъ русское подданство или находятъ русскихъ исполнителей и дѣйствуютъ подъ русскою фирмой, основываютъ русскія акціонерныя компаніи даже подъ патріотическими русскими названіями, и нельзя ничего сдѣлать противъ такого перенесенія иностранной конкурренціи на русскую почву. „Гони природу въ дверь, она влетитъ во окно“,—эта пословица оправдывается и въ промышленныхъ, и народно-хозяйственныхъ дѣлахъ.

Порою дѣло доходитъ до того, что сами промышленники начинаютъ просить о сбавкѣ пошлинъ на иностранные продукты, высоко обложенные по ихъ же собственнымъ просьбамъ. Такъ, въ названномъ оффиціальномъ изданіи изложена любопытная исторія чрезмѣрнаго повышенія пошлинъ на произведенія желѣзодѣлательныхъ заводовъ за границей по ходатайству промышленниковъ. Очень скоро обнаружилось, что неумѣренное возвышеніе цѣнъ на эти издѣлія — слѣдствіе высоко-протекціонной пошлины — не пошло въ прокъ нашимъ заводчикамъ. На первыхъ порахъ чувствительно пострадали германскіе желѣзодѣлательные заводы, особенно вестфальскіе, бывшіе главными поставщиками мелкосортнаго желѣза для русскихъ проволочныхъ и гвоздильныхъ заводовъ. Не желая потерять выгодный рынокъ, нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ и солидныхъ фирмъ открыли въ Россіи, близъ западной границы и на побережьяхъ Балтійскаго моря, филіальныя отдѣленія своихъ заводовъ, снабдивъ ихъ современными механизмами. Эти вновь устроенные заводы, благодаря обширнымъ техническимъ средствамъ ихъ, довольно быстро стали снабжать внутренній рынокъ боль-

шимъ количествомъ проволочнаго желѣза и, притомъ, по цѣнамъ, сравнительно низкимъ, такъ что прежніе желѣзодѣлательные заводы наши не только не успѣли воспользоваться плодами высоко поднятой, по ихъ просьбѣ, пошлины на мелкосортное желѣзо, но, напротивъ того, создали себѣ сильныхъ и опытныхъ въ разсматриваемой спеціальности конкурентовъ. Эти послѣдніе, не ограничиваясь одною прокаткой желѣза, стали выдѣлывать также въ большомъ количествѣ гвозди и другія издѣлія изъ проволоки. Чтобы остановить дальнѣйшее устройство новыхъ прокатныхъ заводовъ, желѣзозаводчики обратились въ 1885 году къ правительству съ просьбою о примѣненіи пошлины въ 1 р. 10 к. лишь къ желѣзу діаметромъ въ четверть дюйма и менѣе, т.-е. просили возстановить порядокъ, существовавшій до 1882 года, что и было исполнено. Однако, въ силу наступившаго уже предложенія рынку большого количества проволочнаго желѣза, цѣна его весьма понизилась и остается въ такомъ положеніи до сихъ поръ безъ измѣненія, почему для заводовъ, не имѣющихъ своего проволочнаго желѣза, эта цѣна оставляетъ отъ продажной цѣны продуктовъ проволочнаго производства столь малую прибыль, что часть подобныхъ заводовъ должна была прекратить свое дѣйствіе.

Отъ таможеннаго протекціонизма выигрываютъ лишь крупныя предпріятія и повышается процентъ на промышленный капиталъ до неизвѣстной въ Европѣ величины. Весьма любопытныя свѣдѣнія о доходности частныхъ компаній и фирмъ авторъ разсматриваемой статьи *Вѣстника Европы* извлекаетъ изъ отчетовъ этихъ предпріятій, печатаемыхъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ*. Вотъ нѣсколько цифръ, выбранныхъ наудачу, за одинъ лишь послѣдній годъ:

Новороссійская компанія каменноугольнаго, желѣзнаго и стальнаго производствъ имѣетъ правленіе въ Лондонѣ и дѣйствуетъ въ Черноморскомъ округѣ; заводъ принесъ около ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ или милліонъ рублей дохода за 1892 годъ, и акціонерамъ выданъ дивидендъ въ размѣрѣ 25 проц. на акцію; тѣмъ не менѣе, казна даетъ еще субсидію, и въ отчетѣ фигурируетъ „ссуда отъ Императорскаго правительства, выплачиваемая полугодовыми платежами въ продолженіе 18 лѣтъ“ въ размѣрѣ 35 тыс. фунт. стерл. или 350 тыс. р. Казалось бы, что для русскаго государственнаго казначейства не было надобности употреблять деньги для возвышенія прибылей англійскихъ капиталистовъ до четверти всего капитала въ годъ; одной таможенной охраны болѣе, чѣмъ достаточно для обогащенія предпринимателей. Камское общество желѣзо- и сталедѣлательныхъ заводовъ, при станціи Чусовской, Уральской желѣзной дороги, имѣетъ правленіе въ Ліонѣ; прибыль за 1892 годъ—282 тыс. рублей при основномъ капиталѣ въ 400 тыс. рублей.

Можно было бы значительно продолжить этотъ списокъ.

Авторъ заканчиваетъ статью указаніемъ на широко развившуюся у насъ кустарную промышленность, захватывающую собою до десятка милліоновъ трудящагося населенія. Въ произведеніяхъ этой промышленности сказываются большія способности русскаго народа и невольно,—говоритъ авторъ статьи,—возникаетъ вопросъ, что было бы съ этимъ даровитымъ народомъ, если бы на его образованіе и на охрану отъ элементарнаго грабительства употреблялась хоть нѣкоторая доля тѣхъ настойчивыхъ усилій и жертвъ, которыя употребляются теперь для увеличенія барышей крупныхъ предпринимателей, фабрикантовъ и заводчиковъ? Вотъ куда должны направить свои заботы и свое ус-

дія современные ревнители національной промышленности, проповѣдники идей покровительства и охраны; здѣсь имъ открыто и обширное поле для борьбы съ „фритредерствомъ“ въ самой несправедливой его формѣ.

Въ той же книжкѣ журнала помѣщены интересныя воспоминанія г. Анучина о послѣдней русско-турецкой войнѣ. Въ качествѣ помощника начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, покойнаго кн. Черкасскаго, г. Анучинъ зналъ все, что дѣлалось въ главной квартирѣ и центральномъ управленіи Болгаріей, а потому записки его имѣютъ особенный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, написаны онѣ весьма живо и съ достаточною откровенностью для столь неотдаленнаго времени.

Русское Богатство, *сентябрь*. Литературная физіономія г. Мамина опредѣлилась достаточно отчетливо. Читающая публика уже лѣтъ десять тому назадъ оцѣнила его, какъ этнографа-беллетриста значительной изобразительной силы, какъ настоящаго искренняго реалиста, умѣющаго давать всѣмъ своимъ фигурамъ рѣзкія, рельефныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вполнѣ отдѣланныя очертанія. Г. Маминъ въ своихъ изображеніяхъ жизни населенія Пріуральскаго края никогда не гнался за тонкостями психологическаго анализа; его образы были всегда жизненны, но сухи и холодны; читатель видѣлъ въ этомъ почтенномъ и несомнѣнно талантливомъ писателѣ скорѣе холоднаго, немного равнодушнаго беллетриста-этнографа, замѣчательно правдиваго наблюдателя и талантливаго разскащика, чѣмъ настоящаго художника. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при описаніи природы своего родного Зауралья, г. Маминъ возвышался до настоящаго поэтическаго настроенія, до пафоса, до горячаго, даже иногда до страстнаго отношенія къ своему предмету. Эти немногія страницы произведеній г. Мамина заставляли читателя предполагать, что вѣрная и умѣлая передача хорошо выбранныхъ и глубоко продуманныхъ наблюденій не исчерпываетъ еще всѣхъ художественныхъ способностей г. Мамина, что на его палитрѣ имѣются другіе, болѣе яркіе тоны, что гдѣ-то, въ самой глуби его художественнаго темперамента, таится не дюжинная поэтическая струйка. Намъ кажется, что теперь г. Маминъ даетъ выходъ этой поэтической струйкѣ. Дѣлая такое предположеніе, мы имѣемъ въ виду послѣднія произведенія г. Мамина, а именно его *Дѣтскія тѣни*, печатавшіяся въ *Русскомъ Богатствѣ*, и *Ноктюрны*—въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* напечатанъ уже двѣнадцатый очеркъ г. Мамина подъ общимъ заглавіемъ: *Дѣтскія тѣни*. Всѣ эти очерки написаны въ одномъ тонѣ, который всего вѣрнѣе будетъ назвать меланхолическимъ. Все въ этихъ очеркахъ просто; сюжетъ всегда представляетъ крайнюю степень упрощенности; передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ тѣней дѣтей, загубленныхъ нелѣпостью и жестокостью жизни, и взрослыхъ людей, вся жизнь которыхъ исковеркана, изломана именно этими блѣдными дѣтскими тѣнями. Авторъ, нарисовавъ картинку простую и немногословную, картинку жизни погибшихъ дѣтей, смотритъ на нее съ глубокою грустью, никого, притомъ, не обвиняя, всѣхъ жалѣя и какъ будто говоря жизни: бѣдная, несчастная, изломанная жизнь, какъ могла бы быть ты хороша! Его настроеніе далеко не пессимистическое и далеко не покорное неизбѣжной судьбѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно далеко и отъ всякаго оптимизма. Это именно меланхолическое настроеніе, не исключающее, однако, стремленія къ лучшему, къ борьбѣ со зломъ и съ жестокостью жизни. И такое настроеніе г. Маминъ умѣетъ передать и читателю.

Послѣдній очеркъ г. Мамина называется *Папа*; сюжетъ, какъ и всегда, очень простъ; въ немъ даже нѣтъ, какъ въ другихъ очеркахъ, тѣней погибшихъ дѣтей. Это тѣни дѣтей несуществующихъ, тѣхъ, которыя могли бы быть и могли бы по иному сформировать всю жизнь героя разсказа. Въ провинціальный городъ пріѣзжаетъ за полученіемъ наслѣдства еще не старый, но уже успѣвшій сдѣлать хорошую карьеру петербургскій чиновникъ. Онъ, какъ ему и подобаетъ, фыркаетъ на грязь и отсутствіе какой-либо жизни въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ не былъ уже больше двадцати лѣтъ. И добрая старая провинція въ лицѣ его старушки-тетушки, перехоронившей всѣхъ своихъ близкихъ и самой готовящейся къ смерти, по какому-то наитію мѣтко опредѣляетъ его однимъ словомъ: эгоистъ. Всѣ его связи съ родиной давно порваны, но осталось одно воспоминаніе о дѣвушкѣ, которую онъ когда-то, во дни юности, любилъ и отъ которой убѣжалъ ради карьеры. Карьеру онъ сдѣлалъ и вполнѣ покоенъ и, по-своему, счастливъ. Но когда онъ послѣ визита къ своей старой пассіи, теперь счастливой женѣ бѣднаго провинціальнаго врача и матери нѣсколькихъ ребятишекъ, возвращается въ свой номеръ, ночью ему слышится тихій призывъ: „папа!“ Это призывъ тѣхъ дѣтей, которыя могли бы быть его дѣтьми, призывъ всей его безцѣльной, сухой и холодной жизни стараго холостяка, отдавшаго за карьеру всѣ интимныя радости существованія.

Только и всего; въ разсказѣ г. Мамина больше ничего нѣтъ и, тѣмъ не менѣе, грустное раздумье невольно овладѣваетъ вами. Не веселое дѣло сухая и холодная жизнь холостяка-карьериста. Но и чисторастительная жизнь изображаемаго въ разсказѣ провинціальнаго уголка не представляетъ также ничего привлекательнаго. Отъ той мертвенной жизни, въ которой происходитъ какая-то безсмысленная, вполнѣ растительная смѣна поколѣній, безъ всякаго развитія мысли, безъ прогресса, безъ улучшеній, даже безъ живого чувства, позволительно бѣжать и не будучи ни эгоистомъ, ни карьеристомъ. Дѣти могутъ быть, конечно, значительно искупающимъ бѣдность жизни элементомъ; но, что, если весь смыслъ жизни этихъ дѣтей приводится къ тому, чтобы вмѣсто Ивана Петровича продолжалъ мертвую жизнь его сынъ, Петръ Ивановичъ? А, вѣдь, въ данномъ случаѣ дѣло приводится именно къ этому. Потому-то такими грустными тонами и залита картинка, нарисованная г. Маминымъ. Онъ рисуетъ намъ подлинную жизнь, но эта жизнь не прогрессивная, а чисто-органическая, и другой жизни художникъ нигдѣ не видитъ.

Описанію дѣтей посвящено и другое беллетристическое произведеніе въ *Русскомъ Богатствѣ*—*Гимназисты* г. Гарина. По своему объему, это—большое беллетристическое произведеніе, но по своему внутреннему характеру оно, какъ и всѣ до сихъ поръ написанныя произведенія г. Гарина, представляетъ просто рядъ очерковъ. Это мы, конечно, говоримъ не въ осужденіе талантливому автору *Дѣтства Темы*. Несомнѣнно, лучше писать хорошіе очерки, чѣмъ плохіе романы. Въ *Гимназистахъ*, такъ же, какъ и въ *Дѣтствѣ Темы*, есть много очень хорошихъ, тепло написанныхъ страницъ, но также много блѣднаго, недодѣланнаго, неопредѣленнаго. Можетъ быть, эта неопредѣленность тона и настроенія вызывается и даже обусловливается въ значительной степени самымъ сюжетомъ очерковъ, авторъ въ нихъ имѣетъ дѣло съ современными молодыми людьми (его гимназисты—восемнадцатилѣтніе юноши). А современные молодые люди—народъ сложный и на-

строеніе ихъ довольно-таки трудно опредѣлимо. Такими они и изображены у г. Гарина. Это именно то, что называется теперь хорошими юношами. Они и гуманны, прежде всего, гуманны и, пожалуй, правды и идеаловъ ищутъ. Но въ этомъ исканіи они бродятъ безъ руля и вѣтрилъ; этотъ идеалъ не имѣетъ никакой опредѣленной и конкретной формы; жизни они, понятно, не знаютъ (на то они и юноши), но они не знаютъ также, съ какой стороны и съ какими требованіями подойти къ жизни. При подобномъ смутномъ гуманитарномъ идеалѣ такіе юноши составляютъ легкую добычу для жизни. Для умной и ловкой мамаши одного изъ гимназистовъ не представляетъ большого затрудненія повести ихъ туда, куда ей желательно, хотя вкусы мамаши не особенно чистоплотны. Трудно бываетъ предвидѣть, что сдѣлаетъ жизнь изъ такихъ юношей. Можетъ быть, они будутъ почтенными божьими коровками, можетъ быть, они будутъ регулировать крестьянскую жизнь въ качествѣ добродѣтельныхъ земскихъ начальниковъ, можетъ быть, они, унесенные какою-нибудь житейскою, внезапно нахлынувшею на нихъ волной, совершатъ какой-нибудь подвигъ, а, можетъ быть, они просто будутъ ныть всю свою жизнь, себѣ на муку и людямъ не въ утѣшеніе.

Не кажется ли вамъ, читатель, что въ смыслѣ настроенія мы вообще повторяемся, что именно мы переживаемъ теперь такое же настроеніе, какое переживали наши отцы или дѣды въ половинѣ сороковыхъ годовъ? Признаковъ такого настроенія достаточно, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ. Та же неопредѣленность, тотъ же расплывчатый идеалистическій гуманизмъ, которымъ отличалось и западничество сороковыхъ годовъ. Конечно, отличія есть; въ исторіи умственнаго и нравственнаго развитія явленія никогда не повторяются въ одинаковой формѣ, но сходство все же большое.

Интереснѣйшею статьей сентябрьской книжки *Русскаго Богатства* являются воспоминанія Г. З. Елисѣева, бывшаго соредактора *Отечественныхъ Записокъ*, о двухъ его товарищахъ по литературной дѣятельности—о Некрасовѣ и Салтыковѣ.

Некрасовъ и Салтыковъ, сильно отличные другъ отъ друга характеромъ и темпераментомъ, всецѣло сходились въ своихъ общественныхъ симпатіяхъ. Оба одинаково ясно понимали всѣ неурядицы нашей жизни, одинаково страстно любили русскую литературу и русскій народъ. Родившись и воспитавшись въ помѣщичьихъ семействахъ во времена крѣпостного права, они еще юношами возненавидѣли рабство и, насколько возможно было въ этомъ возрастѣ, обнаруживали противъ него протестъ.

Некрасовъ съ юныхъ лѣтъ отдался литературѣ и всю свою жизнь работалъ для нея. Обозрѣвая дѣятельность Некрасова за все то время, съ котораго я его узналъ, вплоть до смерти,—говоритъ Елисѣевъ;—я не знаю ни одного человѣка, который бы столько потрудился и оказалъ столько услугъ русской литературѣ, какъ онъ. Салтыковъ очень часто говорилъ о Некрасовѣ: „это большой человѣкъ въ русской литературѣ“. Можно прибавить къ этому, не боясь преувеличить значеніе Некрасова, что онъ былъ настолько большой, что цѣлою головой стоялъ выше многихъ изъ своихъ сверстниковъ сороковыхъ годовъ и былъ, нѣкоторымъ образомъ, учителемъ самого Салтыкова при начальныхъ его шагахъ.

Много цѣннаго сообщаетъ Елисѣевъ о Салтыковѣ. Вотъ, наприм., какое важное свидѣтельство для пониманія литературной дѣятельности

Салтыкова находимъ мы въ воспоминаніяхъ. „Нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ и рецензентовъ, въ особенности любители изящной, не тенденціозной беллетристики,—говоритъ авторъ воспоминаній,—не разъ выражали сожалѣніе: зачѣмъ Салтыковъ не пишетъ такихъ законченныхъ вещей, какъ *Семейство Головлевыхъ* или *Пошехонская старина*, а даетъ необработанные сатирическіе очерки вродѣ журнальныхъ фельетоновъ? Но иначе смотрѣлъ на это дѣло самъ Салтыковъ. Онъ смотрѣлъ на свои сатирическіе очерки, какъ на прямое общественное служеніе, а на свои беллетристическія произведенія, какъ *Семейство Головлевыхъ*, *Пошехонская старина*, какъ на отдыхъ отъ дѣла, который онъ не долженъ былъ себѣ позволять. Во время писанія своего послѣдняго произведенія *Пошехонская старина* онъ раза два спрашивалъ меня, хорошо ли онъ дѣлаетъ, что пишетъ это вмѣсто сатирическихъ очерковъ? Довольна ли этимъ публика? Я, конечно, отвѣчалъ утвердительно. Другіе, къ которымъ обращался онъ съ этимъ же вопросомъ, также хвалили его *Пошехонскую старину*. Наконецъ, похвалы ей сыпались изъ всѣхъ органовъ печати. И Михаилъ Евграфовичъ продолжалъ писать. Наконецъ, работа эта, все-таки, ему наскучила. „Послѣднія главы я скомкалъ, хотя бы можно было написать ихъ гораздо подробнѣе и интереснѣе,—говорилъ онъ мнѣ и другимъ.—Мнѣ хотѣлось бы передъ смертью напомнить публикѣ о когда-то цѣнныхъ и вѣскихъ среди нея словахъ: стыдъ, совѣсть, честь и т. п., которыя нынѣ совсѣмъ забыты и ни на кого не дѣйствуютъ". Надобно сказать,—замѣчаетъ Елисѣевъ,—что и свои чисто-беллетристическія вещи Салтыковъ писалъ не безъ задней мысли. По крайней мѣрѣ, это должно сказать о его *Пошехонской старинѣ*. Мнѣ и другимъ онъ говорилъ, что хочетъ посвятить это сочиненіе имени покойнаго Некрасова. При этомъ прибавлялъ, что „нынѣ вошло въ моду плевать на 60-е годы и людей, въ то время дѣйствовавшихъ. Топчутъ въ грязь всѣхъ и все". Надобно полагать, что Михаилъ Евграфовичъ своею *Пошехонскою стариной* хотѣлъ доказать всѣмъ порицателямъ 60-хъ годовъ, что при самомъ скромномъ, спокойномъ, можно сказать, даже идиллическомъ изображеніи русскаго общества, передъ самымъ началомъ 60-хъ годовъ, въ этомъ обществѣ было мало хорошаго".

По смерти Некрасова Салтыковъ сдѣлался редакторомъ *Отечественныхъ Записокъ*. Ему было тогда 50 лѣтъ. И вотъ что говоритъ Елисѣевъ о его редакторской дѣятельности. Ставъ во главѣ любимаго дѣла, Салтыковъ предался ему вполнѣ со всѣмъ напряженіемъ своихъ силъ, со всею энергіей. Но это именно по обстоятельствамъ и сдѣлалось началомъ его конца. Оно, т.-е. редакторство, въ связи съ его собственною неутомимою литературною дѣятельностью, мало-по-малу, день за день, расшатывая его нервы, произвело, наконецъ, полное ихъ разстройство и, въ концѣ концовъ, надѣлило его тою страшною болѣзнью, которою онъ страдалъ цѣлыхъ четыре года и отъ которой умеръ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что не сдѣлайся М. Е. редакторомъ, оставайся сотрудникомъ въ какомъ-нибудь журналѣ, онъ не подвергался бы тѣмъ непрестаннымъ волненіямъ, которыя испытывалъ въ качествѣ редактора журнала, и продолжалъ бы жить и писать еще долго и долго. Духовная его природа была такъ неистощимо богата, что съ лѣтами силы ея не уменьшались, а, повидимому, все болѣе и болѣе возростали, какъ можно видѣть изъ его послѣднихъ произведеній. Мозговая масса его была, очевидно, вполнѣ крѣпка и здорова для отправленія его обычныхъ литературныхъ за-

тій. Всѣ остальные важнѣйшіе органы его тѣлеснаго состава, несмотря на его крайнее истощеніе отъ четырехлѣтнихъ непрерывныхъ страданій, при вскрытіи оказались прочными, какъ удостовѣряли присутствовавшіе при вскрытіи врачи. Ясно, что главная причина его смерти была не столько физическая, сколько тѣ нравственныя огорченія, которыя принесло ему съ собой редакторство въ такомъ журналѣ, какъ *Отечественныя Записки*.

Сѣверный Вѣстникъ, *октябрь*. „Ради какой высокой цѣли сочиняются эти романы, повѣсти, разсказы; ради какого принципа тратится огромный трудъ, тратятся большія средства, чтобы предавать гласности никому ненужный мертворожденный матеріалъ?... Сколько вредныхъ, совершенно бездарныхъ произведеній преподносится читающей публикѣ, повидимому, безъ соображенія о томъ, что все ничтожное въ литературномъ отношеніи, все не отмѣченное живымъ талантомъ, все сдѣланное по шаблону, ремесленно, банально, безъ увлеченія, безъ порыва къ красотѣ, безъ любви къ художественной формѣ, принижаетъ и развращаетъ эстетическое пониманіе общества и профанируетъ достоинство литературнаго труда!... Такова физіономія нашей литературной жизни... Много людей пишущихъ, но мало людей *умѣющихъ* писать".

Такими грозными словами начинается одна изъ рецензій въ октябрьской книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника*. По довольно странному обычаю, укоренившемуся у критиковъ этого журнала, эти грозныя рѣчи раздаются, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, для того больше, чтобы публику попугать... Конечно, наша журнальная беллетристика совсѣмъ ужь не такъ плоха, какъ это можно подумать на основаніи подобныхъ статеекъ, въ особенности если сравнить эту беллетристику съ произведеніями европейскихъ беллетристовъ, хотя бы, наприм., нѣмецкихъ. Несомнѣнно однако, что въ нашей журнальной беллетристикѣ попадаются плохія, очень плохія, пожалуй, даже безобразныя вещи, къ которымъ вполнѣ примѣнимы грозныя слова критика *Сѣверн. Вѣстника*. Такова, наприм., повѣсть Л. Гуревичъ: *Порученіе*. Если не ошибаемся, *Порученіе*—первое произведеніе Л. Гуревичъ. Для журнальнаго обозрѣвателя всего труднѣе имѣть дѣло именно съ начинающими беллетристами; говорить о нихъ ему приходится по обязанности, хотя часто было бы желательнѣе не говорить ни слова. Какую „великую цѣль" имѣлъ въ виду авторъ *Порученія*? Указать на то, что провинціальная жизнь ведетъ къ одичанію, что одичавшія провинціальныя дѣвицы умѣютъ произносить только не вполнѣ вразумительныя, почти не членораздѣльныя рѣчи, вродѣ: „не знаю, когда хочу, когда не хочу; когда скучно, когда не скучно" и т. д., что онѣ имѣютъ обыкновеніе въ первый же день знакомства съ молодыми людьми являться ночью въ ихъ спальню? Смѣемъ увѣрить автора, что одичаніе, производимое провинціей, никогда не принимаетъ такихъ формъ. Совѣтовать Л. Гуревичъ не писать больше никакихъ *Порученій* мы, конечно, не будемъ, хотя бы потому, что авторъ все равно насъ не послушаетъ.

Изъ другихъ беллетристическихъ произведеній, напечатанныхъ въ *Сѣв. Вѣст.*, можно отмѣтить законченную въ октябрьской книгѣ повѣсть г. Потапенка: *Семейная исторія*. По сюжету, по замыслу автора, это—довольно любопытное произведеніе. Въ большой провинціальный городъ пріѣзжаетъ на каникулы студентъ, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ покинувшій семью; въ гимназическіе свои годы онъ такъ усердно сидѣлъ за уроками, что ничего не видѣлъ и ничего не понималъ, что происходитъ въ его семьѣ. А семья давно уже разложилась, въ

сущности, ея давно уже нѣтъ. Отецъ и мать разскащика,—разсказъ ведется отъ лица студента,—люди неглупые и по-своему честные, давно уже разошлись по добровольному соглашенію; мать живетъ съ другомъ мужа, очень порядочнымъ человѣкомъ, а отецъ, хорошій человѣкъ, у котораго въ сердцѣ сохраняется искорка если не любви, то просто теплаго чувства, привычки и уваженія къ женѣ, утѣшается сожительствомъ съ актрисой. По взаимному соглашенію родители разскащика не разъѣзжаются,—они живутъ вмѣстѣ ради дѣтей, и отчасти для нихъ, отчасти для свѣта играютъ довольно двусмысленную и во всякомъ случаѣ лживую роль счастливыхъ супруговъ. Мужъ и жена чувствуютъ себя довольно удобно и, повидимому, въ семьѣ все идетъ гладко. Но только повидимому. Дѣти, для которыхъ играется эта некрасивая комедія, знаютъ о ней; дочь, совсѣмъ еще юная дѣвица, задумывается надъ скрытою фальшью семейной жизни и если еще не страдаетъ, то только потому, что ее спасаетъ молодость и молодое легкомысліе; сынъ—гимназистъ, мальчикъ, въ сущности, неглупый и недурной, не хочетъ задумываться надъ окружающею его ложью и превращается въ провинціальнаго хлыща и спортсмена не по любви къ пустой жизни, а просто затѣмъ, чтобы быть не хуже другихъ. Юному студенту, руководимому составленнымъ имъ идеаломъ о семейной жизни,—идеаломъ, которому, какъ онъ самъ говоритъ, отъ роду всего десять мѣсяцевъ,—приходится стать судьей своихъ родителей. Сначала онъ обвиняетъ отца въ разрушеніи семейной жизни; но отецъ разсказываетъ ему всю ихъ семейную исторію, не обвиняя жены и стараясь уяснить сыну, что они поступили честно и имѣли въ виду только ихъ же, дѣтей, счастіе; что сердцу приказывать нельзя и т. д. Это не удовлетворяетъ, однако, свѣжаго молодого чувства юнаго идеалиста; не смѣя перенести свое осужденіе на мать, онъ негодуетъ на друга семьи и производитъ публичный скандалъ, не подавъ руки этому господину. Мать, разумѣется, оскорблена и державшаяся на очень тонкой нити взаимнаго соглашенія жизнь разрушается. Мать, негодующая и озлобленная противъ дѣтей, оставляетъ домъ. Благородный, но не продуманный порывъ порождаетъ страшныя муки всѣмъ заинтересованныхъ лицъ. Въ душѣ сына и дочери происходитъ переворотъ и сынъ начинаетъ такъ разсуждать о своемъ поступкѣ: „Я увидалъ, что во всѣхъ моихъ поступкахъ нѣтъ ничего, кромѣ глубокаго эгоизма, что я только и дѣлаю, что требую мѣста себѣ и ради этого комкаю чужую жизнь. Моя чистота? Но, вѣдь, она у меня есть только потому, что я не загрязнился. Всѣ они—и отецъ, и мать, и Будзинскій—урѣзали свою личную жизнь, чтобы не нарушить наше гнѣздо. Если бы они не захотѣли сдѣлать этого, какія драмы произошли бы въ нашей семьѣ и отразились бы на насъ и моя душа не была бы такъ ясна, какъ теперь". Отъ друга матери разскащику тоже приходится выслушать суровую отповѣдь: „Молодое чувство возмущается тѣмъ, что кажется неправдивымъ; оно благородно само по себѣ, но такъ какъ оно никогда не справляется съ разумомъ, то часто ведетъ къ неблагороднымъ послѣдствіямъ. Молодость обыкновенно гордится своею невинностью и чистотой. Она и не подозрѣваетъ, что это, въ сущности, недостатки. Что такое невинность? Это—крупное невѣжество. Что такое ваша чистота? Это—физическая и нравственная незрѣлость. На этихъ качествахъ вы построили вашъ жизненный идеалъ; но онъ хрупокъ и при малѣйшемъ прикосновеніи жизни разобьется. Поживете и увидите, что человѣкъ

на каждомъ шагу требуетъ снисхожденія къ себѣ и въ этомъ снисхожденіи и заключается справедливость".

„Не чистоты надо требовать отъ людей,—говоритъ самъ разскащикъ своей сестрѣ,—а честности; а что сдѣлали безчестнаго наши отецъ и мать? Мы не оскорблять ихъ должны были, а поклониться имъ и сказать спасибо за жертву для насъ".

Какъ видите, все это и очень умно, и очень интересно. Положеніе, занятое авторомъ по отношенію къ этому сложному и запутанному вопросу, во всякомъ случаѣ, весьма оригинально и, однако... Однако, не все благополучно въ разсужденіяхъ героевъ г. Потапенка. Къ чему, въ сущности, приводятся эти разсужденія? Что говорить, скромность въ молодыхъ людяхъ, преклоняющаяся передъ опытомъ умудренныхъ старцевъ, умѣвшихъ спокойно устроить свою жизнь, качество весьма похвальное. Но опыты опытамъ рознь—это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, зачѣмъ же ужь такъ строго насчетъ юношескаго идеала правдивости въ жизни? Вѣдь, безъ него жизнь, руководимая честными старцами, умѣющими создавать свое счастіе, превратилась бы въ стоячее болото, не допускающее никакого движенія въ направленіи къ идеалу. Да и правда ли, что снисхожденіе и есть справедливость? Намъ думается, что справедливость—это основное начало, на которомъ только и можетъ создаться истинно-человѣческая жизнь,—включаетъ въ себя нѣчто болѣе высокое, чѣмъ простое снисхожденіе. Снисхожденіе не прогрессивный, а только развѣ регулирующій факторъ общественной жизни. Наконецъ, неужели неправда отношеній,—а ее не отрицаютъ ни разскащикъ, ни его мать, ни Будзинскій,—есть честность? И что это за отношенія, при которыхъ „при одномъ правдивомъ намекѣ все пошло верхъ дномъ и всѣ, до сихъ поръ счастливые—вдругъ стали глубоко несчастны"? Учиться молодые люди, конечно, должны; должны они и много, и упорно думать, чтобы поставить свой идеалъ правдивости жизненныхъ отношеній на твердую почву, но изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ они обязаны были преклонять знамя своего идеала передъ опытомъ умудренныхъ жизнью людей... Притомъ, обратите вниманіе, къ чему, въ концѣ-концовъ, приводитъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти г. Потапенка правдивое слово разскащика. Правда, старшіе глубоко несчастны и жизнь ихъ разбита. Но дѣти спасены... Спасены отъ житейской пошлости, отъ опыта—„ума глупцовъ"... Лида изъ довольно пустой дѣвицы превращается въ серьезную работницу мысли; братъ-гимназистъ изъ хлыща-спортсмена дѣлается порядочнымъ человѣкомъ. Нѣтъ худа безъ добра—это извѣстное выраженіе грубаго житейскаго оптимизма, повидимому, оправдывается на дѣлѣ. Но, конечно, мы имѣемъ право сомнѣваться, чтобы зло въ самомъ дѣлѣ порождало добро, имѣемъ право полагать, что въ данномъ случаѣ поступокъ разскащика совсѣмъ не былъ зломъ, такъ какъ правдивость, какія бы она слѣдствія ни имѣла, какія бы она страданія ни принесла, не есть зло. Всѣ эти противорѣчія, возбуждаемыя въ умѣ читателя повѣстью г. Потапенка, обусловливаются, по нашему мнѣнію, неправильною постановкой самаго вопроса. Дѣло въ томъ, что это вопросъ не одной морали, но и соціологіи, что семья есть учрежденіе нравственно-соціальное... И если въ данномъ государствѣ не все благополучно, то и самая правда, вмѣсто добра, приноситъ зло и идеалъ справедливости блѣднѣетъ и закрывается тусклымъ идеаломъ снисхожденія...

Изъ серьезныхъ статей въ книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* можно указать на небольшую, но очень дѣльную статью г. Краснoперова: *Со-*

временная крестьянская община. Вопросъ объ общинѣ, повидимому, можно было бы считать окончательно порѣшеннымъ. И чисто-теоретическими, и статистическими изслѣдованіями доказано, что общинное владѣніе землей совсѣмъ не составляетъ препятствія для культурныхъ улучшеній, что подворное владѣніе ведетъ, съ одной стороны, къ невозможности вести какое-нибудь общее дѣло, къ невозможности примѣненія коллективнаго труда къ самымъ неотложнымъ улучшеніямъ, а съ другой—къ быстрому обезземеленію. Такъ, наприм., въ Самарской губерніи, по свидѣтельству г. Красноперова, процентъ бездомовыхъ и безхозяйныхъ въ волостяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ выше, чѣмъ у крестьянъ общинниковъ, и этотъ процессъ обезземеленія идетъ не только у нашихъ крестьянъ, но и у менонитовъ. Такимъ образомъ, „подворное землевладѣніе, насажденное у насъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія съ цѣлью усовершенствованія сельскаго хозяйства, имѣло своимъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, концентрацію земельной собственности въ рукахъ немногихъ домохозяевъ, съ другой—увеличеніе земледѣльческаго пролетаріата. Въ дѣйствительности личная иниціатива свелась къ свободѣ купли-продажи подворныхъ участковъ“, тогда какъ при общинномъ владѣніи оказались возможными такія работы, какъ устройство въ с. Савинкахъ (Новоузенскаго у.) плотины въ 4 версты длиной, или укрѣпленіе берега общиной с. Хряшевки, причемъ понадобилось вбить тысячу свай. И такія гигантскія сооруженія сдѣланы коллективнымъ трудомъ общинъ. Такое же прогрессивное вліяніе община оказываетъ и на введеніе улучшенныхъ орудій, какъ, наприм., въ д. Носпинкахъ (Тверскаго у.), гдѣ четверо зажиточныхъ домохозяевъ для того, чтобы ввести плужную обработку, обратились къ міру съ просьбою нарѣзать имъ болѣе широкія полосы, для чего, конечно, былъ необходимъ передѣлъ. Остальные двадцать два домохозяева согласились на передѣлъ и на рѣзку всѣмъ общинникамъ широкихъ полосъ, но съ условіемъ, чтобы богатые купили въ кредитъ плуги для *всѣхъ членовъ общины*... Все это давно извѣстно, и, несмотря на это, смутность нашего общественнаго пониманія такова, что община постоянно подвергается разнымъ и довольно значительнымъ опасностямъ и вопросъ о полномъ ея упраздненіи періодически и съ упорствомъ поднимается и въ печати, и въ жизни... Только тогда, когда, наконецъ, установится твердое сознаніе, что „никакое принудительное воздѣйствіе на общинные распорядки не въ силахъ улучшить ихъ, что общины сами отлично понимаютъ, какъ оріентироваться при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, только не мѣшайте имъ проявлять свою коллективную волю, не поддерживайте того, что противно лучшимъ соціальнымъ инстинктамъ народа, а, наоборотъ, поддержите въ немъ вѣру въ чудодѣйственную силу взаимной солидарности путемъ развитія общинныхъ началъ и распространенія просвѣщенія“,—только при укрѣпленіи такого сознанія вопросъ объ общинѣ перестанетъ быть вопросомъ и нашъ народъ будетъ избавленъ отъ грозящихъ ему бѣдствій.

Русское Обозрѣніе, *октябрь*. Ни одно изъ беллетристическихъ произведеній *Русскаго Обозрѣнія* не остановитъ на себѣ вниманія читателя: ни широковѣщательные *Злые вихри* г. Вс. Соловьева, ни безплодныя потуги быть остроумнымъ г. Аверкіева (*Художникъ Безналовъ и нотаріусъ Подлещиковъ*), ни, наконецъ, вяло написанная повѣсть Стернъ: *Въ тиши*. Всѣ эти произведенія черезъ-чуръ водянисты и скучны, чтобы ими стоило заниматься.

Въ разбираемой книгѣ заслуживаютъ вниманія только *Записки о прошломъ* г. Суворова. Г. Суворову удалось имѣть сношенія съ очень многими изъ выдающихся литературныхъ дѣятелей прошлаго и онъ разсказываетъ о нихъ довольно много любопытнаго. Говоря словами Теккерея въ какомъ-то изъ его романовъ, самъ г. Суворовъ далеко не роза, но общеніе съ подлинными розами дѣлаетъ его небезъинтереснымъ. Нельзя не отмѣтить, наприм., сообщенія г. Суворова объ отношеніяхъ новыхъ людей къ искусству:

„Я послѣдніе годы,—говорилъ Суворову Тургеневъ,—посвятилъ наблюденіямъ надъ жизнью русскихъ за границей и въ особенности надъ нашею молодежью. Все идеальное, прекрасное, что возбуждало поэтовъ и художниковъ къ созданію величайшихъ произведеній, нынѣ отсутствуетъ въ нашемъ юномъ поколѣніи. Въ университетахъ (?), въ обществѣ, въ книгахъ оно почерпаетъ понятія, чуждыя эстетическихъ воззрѣній нашихъ отцовъ. Эти позитивисты, утилитаристы, реалисты хотятъ, чтобы священный огонь не согрѣвалъ больше человѣчества".

„Я глубоко вѣрую, пока солнце свѣтитъ ярко на небосклонѣ, животворитъ природу и согрѣваетъ сердце человѣка, до тѣхъ поръ творчество и искусство не исчезнутъ на землѣ".

Это послѣднее, конечно, совершенно вѣрно. Тургеневъ былъ большимъ человѣкомъ и его мнѣніе во вниманіе принять всегда стоитъ; но чѣмъ въ данномъ вопросѣ его мнѣніе отличается отъ мнѣнія извѣстнаго въ свое время Юркевича?

„Все приличное, изящное, рыцарское (?) находится нынѣ въ загонѣ... въ драматическихъ произведеніяхъ осмѣиваются принципы, создавшіе религію, литературу и государственное устройство цивилизованныхъ народовъ".

Вотъ, вѣдь, какіе ужасы по поводу простого эстетическаго спора наговорилъ г. Суворову Юркевичъ! Онъ, очевидно, понималъ, какъ говорится, гдѣ раки зимуютъ. Ну, а Тургеневъ въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что эти злосчастные позитивисты, и проч. солнце съ неба устранить хотятъ. Если бы онъ повнимательнѣе читалъ произведенія новыхъ людей литературы, онъ бы, конечно, понялъ, что ничего подобнаго новые люди въ виду не имѣли, что, указывая на служеніе искусства жизни, они только вносили въ него струю свѣжаго воздуха, провѣтривали его затхлую атмосферу и расширяли сферу его примѣненія и его вліянія.

Г. Суворовъ передаетъ очень любопытный эпизодъ свиданія Тургенева съ Писаревымъ, при которомъ Писаревъ, узнавъ, что Тургеневъ отдалъ свой романъ *Дымъ* Каткову, озадачилъ его такою выходкой:

„Я васъ уважалъ какъ благороднаго представителя литераторовъ сороковыхъ годовъ, какъ *большого художника*, на котораго съ благоговѣніемъ смотритъ молодое поколѣніе. И что же я вижу? Человѣка, не стыдящагося знакомства и открытаго пріятельства съ главнымъ представителемъ ретроградныхъ элементовъ Россіи. Стыдитесь, И. С.! Вы стали торговать своимъ талантомъ, продавать свои убѣжденія. Я сожалѣю, что „искалъ знакомства съ вами".

Когда *Дымъ* появился въ *Русск. Вѣст.*, — разсказываетъ дальше г. Суворовъ,—Д. И. написалъ громовую, но превосходную статью. Статья была отдана въ печать, когда Писаревъ получилъ письмо отъ Тургенева, въ которомъ послѣдній скромно выражалъ сожалѣніе о происшедшемъ инцидентѣ и просилъ прежде появленія критическаго отзыва

о *Дѣлѣ* сообщить ему письменно свои воззрѣнія. Прочитавъ письмо, Писаревъ разорвалъ статью и написалъ И. С. жестокое письмо. Онъ говорилъ романисту, что тотъ устарѣлъ, что онъ не понимаетъ стремленій юной Россіи и сталъ отщепенцемъ отъ нея. Д. И. сравнивалъ Тургенева съ человѣкомъ, усѣвшимся на большую кучу и воображавшимъ, что онъ взобрался на высокую гору.

Мы, конечно, предоставляемъ самому г. Суворову отвѣчать за достовѣрность его разсказа; но несомнѣнно, что въ этомъ разсказѣ есть черты Тургенева: нѣкоторая неопредѣленность его общественнаго идеала и нѣкоторая хорошо извѣстная нерѣшительность его натуры.

Вѣстникъ воспитанія, *сентябрь*. Большой интересъ представляетъ статья извѣстнаго юриста и общественнаго дѣятеля П. Н. Обнинскаго *Принципіальное условіе въ защитѣ страждущаго дѣтства*. Статья эта вызвана недавнимъ появленіемъ въ Петербургѣ организованной защиты страждущаго дѣтства. Близко стоящій къ подобному же дѣлу, устроенному еще три года тому назадъ въ Москвѣ, почтенный авторъ даетъ цѣлый рядъ указаній для свѣдѣнія тѣмъ лицамъ, которыя берутъ на себя иниціативу въ устройствѣ такого труднаго и новаго у насъ дѣла, какъ защита дѣтей. Онъ особенно предупреждаетъ этихъ лицъ отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, отъ малѣйшаго игнорированія нашихъ жизненныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, и, руководствуясь своимъ,—подчасъ горькимъ,—опытомъ въ этомъ дѣлѣ, рекомендуетъ, прежде всего, бросить то заманчивое, хотя и наивное убѣжденіе, будто „стоитъ организоваться обществу, заручиться по уставу правомъ судебнаго преслѣдованія дѣтскихъ эксплуататоровъ—и заявленія о всяческихъ жестокостяхъ и эксплуатаціяхъ посыпятся отовсюду, какъ манна небесная".

Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, что если огромнѣйшая часть несчастныхъ дѣтей находится подъ невыносимымъ гнетомъ бѣдности, униженія и оскорбленій всякаго рода, то обильное количество жалобъ и указаній должно сразу же посыпаться на общество. „О, какъ это было бы хорошо, если бы дѣло стояло только за этимъ!"—восклицаетъ авторъ. Но опытъ Москвы показываетъ, что количество заявленій, увы, далеко не соотвѣтствуетъ количеству страждущихъ дѣтей; мало того, заявленія подаются до сихъ поръ очень рѣдко, и съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже: въ первый годъ поступило нѣсколько заявленій, во второй меньше, въ третій—почти ни одного. Отчего бы такъ?

Дѣти гибнутъ молча, ихъ стоны все болѣе и болѣе подавляются, потому что врагъ силенъ: угрозами и наказаніями онъ отнялъ у нихъ всякую смѣлость, всякую рѣшимость давать правдивыя показанія на судѣ противъ своего эксплуататора, который тѣмъ самымъ съумѣлъ себя избавить отъ законной кары по суду.

„Какъ же проникнуть въ этотъ замкнувшійся въ упорной самообороны міръ, какъ пробить его стѣны, которыя становятся тѣмъ выше и толще, чѣмъ ближе подступаешь къ нимъ?"

Вотъ вопросъ, составляющій, по словамъ г. Обнинскаго, центръ задачи каждаго общества, организующагося на защиту дѣтства, и *его практическомъ рѣшеніи—единственный залогъ возможнаго успѣха всякихъ въ этомъ направленіи начинаній.*

Такъ какъ жалобъ со стороны дѣтей, ихъ родителей и т. п. нечего и ожидать, то надо обществу учредить постоянный безустанный и пристальный контроль за ремесленными заведеніями.

Говорятъ, будто такой контроль по силамъ только правительству. Авторъ вооружается противъ такого ограниченія опеки общества надъ своими сочленами. По справедливому его замѣчанію, „замѣтить, что ребенокъ избитъ, плохо накормленъ, живетъ въ грязномъ, сыромъ и темномъ подвалѣ, изнуряется противузаконною работой, и сообщить о томъ подлежащей власти—задача вовсе ужь не такая мудреная, чтобы приходилась по плечу лишь чиновнику съ присвоеннымъ должности шитьемъ по мундиру и пенсіей установленнаго оклада".

Все это и справедливо, и очень хорошо,—могли бы мы замѣтить уважаемому автору. Но какъ быть съ тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ,—да не повторится оно въ Петербургѣ!—что московское общество защиты фактически почти лишено всякой возможности дѣйствовать? Дѣло, видите ли, остановилось, въ сущности, изъ-за самой что̀ ни-на-есть маленькой „бездѣлицы",—какъ иронически (иронія—сквозь слезы!) выражается самъ авторъ: сорока участковымъ членамъ для безпрепятственнаго осмотра ремесленныхъ заведеній нужно получить разрѣшеніе на выдачу каждому по билетику, называемому „открытымъ листомъ", на которомъ долженъ быть отпечатанъ коротенькій текстъ съ надлежащею „внушительною подписью".

Эти листы до сихъ поръ могла получить только $^1/_2$ изъ числа избранныхъ обществомъ участковыхъ членовъ. Ходатайство о выдачѣ такихъ листовъ всему остальному составу до сихъ поръ осталось безъ результата. А въ нихъ-то, въ этихъ листахъ, и заключается „вся сила успѣха, всѣ надежды общества, всѣ затаенныя упованія безмолвно и незримо погибающаго дѣтства"!

Такимъ образомъ, по признанію самого г. Обнинскаго, задача общества пока остается почти совсѣмъ невыполнимой.

И, все-таки, при такихъ условіяхъ авторъ, этотъ неутомимый другъ и защитникъ дѣтей, совѣтуетъ не падать духомъ, не терять надежды и терпѣливо дожидаться и добиваться своего.

Будемъ надѣяться и ждать.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1893 г.

Правда, місячник політики, науки і письменства. Томъ XVIII. Выпуски LIII и LIV. У Львові, 1893 г.

Шелли. Сочиненія. Вып. 2-й. Пер. съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. VIII+74 in 16.

Боасъ, І. Діэта при болѣзняхъ желудка и кишекъ. Пер. Л. О. Финкельштейна. Спб. 1894 г. Ц. 60 к. 91 in 8.

Шахрай, Л. М. Наша старина. Маккавеи, историческій этюдъ для еврейскаго юношества. Изд. Я. Х. Шермана. Одесса, 1893 г. Ц. 15 к. 50 in 16.

Совѣтовъ, А., и Докучаевъ, В. Матеріали по изученію русскихъ почвъ. Выпускъ 8-й. Спб., 1893 г. 83 in 8.

Статистика за търговията на българското княжество съ чуждатѣ държавипрѣзъ 1893 година. София, 1893 г. 345 in 4.

Коренилитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XV. Изд. К. К. Ванза. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.

Бертенсонъ, Л. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго. Спб., 1893 г. 129 in 8.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1892 годъ. Харьковъ, 1893 г. 67 in 8.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ. Подъ редакціей Тхоржевскаго. Вып. XXVIII. Тифлисъ, 1893 г. Ц. 20 к. in 4.

Горшкевичъ, М. И. Эпидемія азіатской холеры въ г. Херсонѣ въ 1892 году. Санитарно-статистическій очеркъ. Херсонъ, 1892 г. 112 in 8.

Гурляндъ, И. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г. 153 in 8.

Хвольсонъ, О. Д. Ученіе о движеніи и о силахъ. Изд. второе. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 244 in 8.

Бенціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 37 in 8.

Шумковъ, И. В. Верблюдъ, какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. 90 in 8.

Отчетъ совѣта общества попеченія объ учащихся въ уѣздномъ и начальныхъ училищахъ г. Тюмени за 1892 г. (IX годъ существованія общества). 21 in 8.

Внѣшняя торговля по европейской границѣ 1893 г., іюль и августъ. Спб., 1893 г. in 4.

Мензбиръ, М. А. Птицы Россіи. Вып. II. Съ 61 рис. Москва, 1893 г. 777 in 8.

Базуновъ, С. А. А. Н. Сѣровъ, его жизнь и музыкальная дѣятельность. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 79+8 in 16.

Любошинъ, С. Б. И. С. Тургеневъ. Этюдъ. Одесса. 1893 г. Ц. 35 коп. 44 in 8.

Гриммъ, братья. Библіотека сказокъ. Пер. А. А. Терешковича. Книжка II-я. Изд. А. Г. Кольчугина. Москва, 1893 г. Ц. 20 к. 122 in 16.

Риббингъ, С. Бракъ, совѣты и предостереженія врача. Изд. Н. Лейнеберга. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к. 38 in 8.

Измаильскій, А. А. Какъ высохла наша степь. Полтава, 1893 г. Ц. 45 к. 68 in 8.

И. С. Два слова о караимахъ. Одесса, 1893 г. 15 in 16.

Засодимскій, П. Грѣхъ. Романъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 164 in 8.

Перетцъ, В. Н. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. Изд. журн. „Библіографъ“ (Н. М. Ковровскаго). Спб., 1893 г. 46 in 8.

Залѣсскій, В. Ф. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Вып. II. Казань, 1893 г. IV+46; 308 in

Казанскій, П. Институтъ международнаго права (1873—1893 гг.). Казань, 1892 г. 51 in 8.

Гонести, И. Аналитическое и графико-аналитическое опредѣленіе разсчетныхъ моментовъ отъ подвижной системы грузовъ въ разрѣзныхъ балкахъ. Спб., 1893 г. 46 in 8.

Дройзенъ, І. Г. Исторія эллинизма. Пер. Э. Циммермана, Т. III. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1893 г. Ц. 4 р. 50 к. 508+117+LXXXII in 8.

Докладъ елецкой земской управы о народномъ продовольствіи въ 189½ году. Елецъ, 1893 г. in 8.

Малисъ, Ю. Г., д-ръ. Врачебная тайна. Этюдъ врачебной деонтологіи. Спб., 1893 г. Ц. 30 коп. 31 in 16.

Отчетъ о выдачѣ ссуды крестьянамъ елецкаго уѣзда въ 1891, 1892, 1893 гг. Орелъ, 1893 г. in 4.

Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. Москва, 1893 г. 87 in 16.

Сидоровъ, В. Драматическія сочиненія. Томъ 4-й. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 242 in 8.

Карѣевъ, Н. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 176 in 8.

Вѣтринскій, Ч. Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова. Изд. А. М. Муриновой. Москва, 1893 г. 94 in 16.

Дитерихсъ, Л. К. П. А. Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Спб., 1893 г. Ц. 25 к. 78 in 16.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи. Москва, 1893 г. Ц. 20 к. 40 in 8.

Скорбилинъ, М. М. Драматическія сочиненія. Бердянскъ, 1893 г. Ц. 3 р. 381 in 8.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система для практическаго самообученія русскаго правописанія. Часть 1-я. Изд. 5-е. Москва, 1893 г. Ц. 50 к. 88+80 in 8.

Славнинъ, К. Первоучка. Азбука для семьи и школы. Екатеринбургъ, 1893 г. 59+XII in 8.

Де-Мопассанъ, Гюи, и Норманъ, Жакъ. Красотка. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. О. М. Микуевой. Спб., 1893 г. Ц. 60 к. 90 in 8.

Гриммъ, бр. Сказки. Вып. I, II, III, IV и V. Иллюстрированная библіотека „Крестнаго Календаря". Москва, 1893 г. Цѣна каждаго выпуска 20 к. in 8.

Андерсенъ, Г. Повѣсти и сказки. Вып. I и II. Иллюстрированная библіотека „Крестнаго Календаря". Москва, 1893 г. Цѣна каждаго выпуска 25 к. in 8.

Мсеріанцъ, З. Законы о печати. Настольная справочная книга. Изд. 6-е. Москва, 1893 г. Ц. 2 р. 284 in 8.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе! Антимилитарный романъ. Пер. Л. Н. Линдегренъ. Съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб., 1893 г. Ц. 80 к. 411 in 8.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. Изъ журнала „Артистъ". Москва, 1893 г. Ц. 80 к. 242 in 32.

Новѣйшая хлестаковщина въ вопросѣ о евреяхъ. Уфа, 1893 г. 18 in 8.

Розенбергъ, Г. Я. Современный кумиръ. (Серебряный вопросъ). Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к. 23 in 8.

Мартьяновъ, П. К. Цвѣтъ нашей интеллигенціи. Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 307 in 8.

Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ V. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 991 in 8.

Гарбель и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 74-й. Москва, 1893 г. Ц. 40 к. in 8.

Кальнингъ, И. Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Томъ I. Вып. X-й. Москва, 1893 г. in 4.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к. 369 in 8.

Е., В. О коровѣ. Изданіе бр. Гудковыхъ-Бѣляковыхъ. Вологда, 1893 г. Ц. 5 к. 25 in 16.

Снятковъ, А. А. О холерѣ и какъ отъ нея уберегаться. Изданіе бр. Гудковыхъ-Бѣляковыхъ. Вологда, 1893 г. Ц. 2 к. in 16.

Дюрингъ, Е. Цѣнность жизни. Пер. Ю. М. Антоновскаго. Изданіе журнала „Русское Богатство". Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. 222 in 8.

Шнаубергъ, В. Н. Легочная чахотка въ Москвѣ 1880—1888 гг. Медико-статистическое изслѣдованіе. Изд. московской городской управы. Москва, 1893 г. 190 in 8.

Кохнеръ, С. Исторія средневѣковой медицины. Вып. I. Кіевъ, 1893 г. Ц. 2 р. 20 к. 352 in 8.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи, 1893 г. Выпускъ II.

Вагнеръ, П. Искусственныя удобренія въ примѣненіи къ огородничеству, плодоводству и цвѣтоводству. Изд. Э. Иммеръ и сынъ. Москва. 1893 г. Ц. 35 к. 48 in 8.

Бурже, Поль. Въ безсонныя ночи. Изд. т-ва А. А. Левенсона. Москва, 1894 г. Ц. 50 к. 172 in 16.

Летопис матице српске. Книга 175-я. У Новомъ Саду, 1893 г. 164 in 8.

Долячко, Б. А. Межевой сборникъ. Сводъ законовъ межевыхъ. Томъ X, ч. 3. Изданіе неоффиціальное. Москва, 1893 г. in 8.

Александровъ, Д. А. Царь Иродъ и царица Маріамна. Хроника-трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ и 9 картинахъ (въ стихахъ) по Іосту. Москва, 1893 г. Ц. 3 р. 182 in 8.

Гольдгаммеръ, Д. А. Профессоръ Слугиновъ и „электромагнитная теорія свѣта". Казань, 1893 г. Ц. 30 к. 26 in 8.

Барро, М. Забытое. Первыя произведенія Д. И. Писарева. Критическій очеркъ. Спб., 1893 г. Ц. 40 к. 24 in 8.

Ціолковскій, К. Аэростатъ металлическій управляемый. Вып. II. Калуга, 1893 г. Ц. 75 к. 116 in 8.

Бесѣды объ огородѣ для учащихся въ сельскихъ школахъ и грамотнаго народа. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к. 104 in 8.

Клоссовскій, А. Климатъ Одессы по наблюденіямъ метеорологической обсерваторіи Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к. 71 in 4.

Ѳедоровъ, В. Записки о преподаваніи отечественнаго языка и словесности. Маріуполь, 1893 г. Ц. 1 р. 208 + V in 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Въ глуши". *М. Л. Песковскаго.* — „Грѣхъ". *П. Засодимскаго.* — „Хата". *Н. Н. Степаненка.* — „На безлюдьѣ". *В. И. Немировича-Данченко.* — „Мурманская страда". *Его же.* — „Приволье". *Его же.* — Полярное лѣто". *Его же.* — „Сочиненія" *Шелли* 513

Педагогика: „Мнемотехника или искусство укрѣплять память". *Н. Д. Сѣоуща* 518

Публицистика: „Die Thätigkeit des Deutschen Reichstags von 1890 bis 1893". — „Parie qui mendie", *par Louis Paulian.* 519

Исторія: „La Guillotine pendant la Révolution", *par Lenotre* 525

Политическая экономія и статистика: „Oeuvres posthumes" *E. Leverdays.* — „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири". *А. А. Кауфмана* 527

Этнографія и путешествія: „Легенда о грѣшной матери". *Н. Ѳ. Сумцова.* — „Картинки Италіи". *С. Васильева.* 533

Юридическія книги: „Сводъ руководящихъ сужденій государственнаго совѣта, извлеченныхъ изъ дѣлъ объ отчужденіи частныхъ недвижимыхъ имуществъ на государственную и общественную надобность и о вознагражденіи владѣльцевъ этихъ имуществъ". — „Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній, инструкцій, положеній и правилъ о частной горной промышленности". *Н. И. Арефы.* — „О значеніи для торгово-промышленныхъ предпріятій обезпеченія служебнаго персонала". *Ѳ. Малышева* 535

Естествознаніе: „Метеорологическое обозрѣніе". — „Научное значеніе химическихъ работъ Пастёра". *Земпскаго* 538

Медицина: „Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ". *Проф. Бекетова.* — „Научныя основанія вегетаріанства". *Анны Кингфордъ.* — „Холерные годы въ Россіи". *Проф. Павловскаго.* — „Отчеты нижегородской санитарной комиссіи за 1891 и 1893 гг.". *Н. А. Граціанова.* — „Протоколы съѣзда врачей александровскаго уѣзднаго земства за 1892 г.". 540

Стр.

Сельское хозяйство: „Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи и за границей". *И. И. Мещерскаго.*—„Сельское и лѣсное хозяйство въ Россіи".—„Льноводство". *Ф. Н. Королева.* — „Руководство къ разведенію школьныхъ и промышленныхъ садовъ въ южной Россіи". *В. А. Паржицка* 544

Учебники и книги для дѣтей: „Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія". *И. К. Гана.*— „Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ". *Ц. Балталона.* — „Вторая рѣчь оратора Демосѳена за Олинѳъ". *Н. Виноградова.*—„Основы русскаго правописанія". *Н. Н. Бахтина.*— „Руководство коммерческой бухгалтеріи по двойной системѣ". *М. П. Черныше-ва.*—„Краткій курсъ высшей алгебры". *Проф. М. Тихомандрицкаго.*—„Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ". *А. Ф. Комарова.*—„Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ". *Н. Павлова.* — „Начала механики". *И. Азбелева.*—„Путешествіе мышенка". *М. Л. Львовой* 547

Справочныя книги: „Законы о печати". *З. Мсеріанца* 551

II. Періодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", *октябрь.* — „Русское Богатство", *сентябрь.* — „Сѣверный Вѣстникъ", *октябрь,*—„Русское Обозрѣніе", *октябрь.*—„Вѣстникъ Воспитанія", *сентябрь* 551

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 октября по 1 ноября 1893 г.

**МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.**

Поступило въ продажу

вновь пересмотрѣнное и дополненное **6-е** изданіе

ЗАКОНОВЪ О ПЕЧАТИ,

настольной справочной книги

для авторовъ, переводчиковъ, издателей и содержателей типографій, литографій, металлографій, заведеній, производящихъ и продающихъ принадлежности тисненія, книжныхъ магазиновъ, лавокъ, кіосковъ, библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, а также для торгующихъ произведеніями печати въ разносъ, фотографщиковъ, содержателей театровъ, драматическихъ писателей и лицъ судебнаго вѣдомства, составленной старшимъ инспекторомъ типографій и книжной торговли въ Москвѣ **З. Мсеріанцъ.**
Москва, 1893 года.

Цѣна 2 рубля.

НОВАЯ КНИГА:

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА

Европейской Россіи.

Составилъ **А. Фортунатовъ**, экстра-ординарный профессоръ Петровской академіи.

Содержаніе: Введеніе. I. Земля.—II. Сельское населеніе.—III.—Земледѣліе и скотоводство.—IV. Торговля сельско-хозяйственными продуктами.

Стран. 246+VII.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія при типо-литографіи Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москвѣ, Пименовская ул., соб. домъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

«Что такое подати и для чего ихъ собираютъ». 3-е изданіе. Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ: **«Янко музыкантъ»**. Цѣна 1 коп.

Кромѣ того, продаются слѣдующія изданія редакціи журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ»:

«Разсказъ про смутное время на Руси». Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И.: **«Счастье Ивана Непомнящаго»**. Цѣна 5 коп.

Короленко, В. Г.: **«Убивецъ»**. Цѣна 1½ коп.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала **«Русская Мысль»** (Москва, Леонтьевскій, 21).

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

П. И. ГНѢДИЧЪ — КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Изящное изданіе на эстампной бумагѣ съ 71 рисункомъ. *М. М. Далькевича*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его же—ЗА РАМПОЙ. Повѣсть. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его же—СЕМНАДЦАТЬ РАЗСКАЗОВЪ. 2-е изд. Цѣна 1 р.

Его же—НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ. Два тома. Цѣна кажд. 1 р.

В. И. Немировичъ-Данченко—СКАЗКИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. Цѣна 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

27 ГОДЪ. **ДОНЪ** XXVII Г.

ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

на 1894 годъ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полг.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Воронежѣ	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— 75 к.
Съ пересылкой въ друг. города . . .	7 руб.	4 р. — »	2 р. 50 »	1 р. — »

Съ 1 января 1894 г. будетъ издаваться безъ предварительной цензуры

НОВОЕ СЛОВО

научно-литературный и политическій журналъ.

Что можетъ выражать собою *новое слово?*

Новымъ считается все то, что хорошо забыто, и съ этой точки зрѣнія всѣ „забытыя слова", на которыхъ замерла рука одного изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей, могли бы для нашего времени представить интересъ новизны.

Но повтореніе пройденныхъ уроковъ не составляетъ главной цѣли той публичной каѳедры, для которой предназначаетъ себя „Новое Слово".

Natura hominum novitatis avida est,—сказалъ Плиній, и это классическое изреченіе новый журналъ будетъ имѣть въ виду постоянно, желая удовлетворять жажду новизны въ области науки, искусства, философскихъ движеній и литературныхъ направленій.

Программа „Новаго Слова" обширная: романы, повѣсти, стихи, драматическія произведенія, научныя статьи, историческіе очерки, путешествія, обзоръ искусствъ, публицистика, критика и библіографія, обозрѣніе внутреннее (письма изъ провинціи) и внѣшнее (политическая жизнь Европы), фельетонъ, театры и проч.

Сотрудничество „Новому Слову" на первыхъ порахъ обѣщали слѣдующія лица: *Д. А. Аверкіевъ*, проф. *В. А. Бильбасовъ*, *Г. К. Градовскій*, *Д. В. Григоровичъ*, *А. Н. Майковъ*, *Н. К. Никифоровъ*, *В. И. Немировичъ-Данченко*, *Я. П. Полонскій*, *М. И. Пыляевъ*, *Д. И. Стахѣевъ*, *Н. П. Стаховичъ*, *П. И. Таньевъ*, *С. И. Уманецъ*, *В. В. Чуйко*, *О. Н. Чюмина*, *Ольга Шапиръ*, *А. К. Шеллеръ*, *І. І. Ясинскій* и другіе.

Мы постараемся, чтобы къ новому журналу примкнули и многія другія лучшія литературныя силы, а равно и нарождающіяся дарованія.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами около 25 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкою—10 р., на полгода—5 р., за границу—15 р. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ по третямъ черезъ казначеевъ или по соглашенію съ конторой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала „Новое Слово", Саперный пер., д. № 6.

Редакторъ-издатель И. А. БАТАЛИНЪ.

Изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА:

Ал. СОРЕЛЬ. **Европа и французская революція.** Пер. съ франц., съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Т. I—**Политическіе нравы и традиціи.** Т. II—**Паденіе монархіи.** Т. III—**Война съ монархами.** Т. IV—**Естественныя границы.** Цѣна за 4 т. 11 р. 50 к. Отдѣльно III и IV т.—5 р. 50 к.

Въ 4-хъ томахъ 1690 стр. большого формата убористой печати.

М. БОБРЖИНСКІЙ, проф. Краковскаго университета. **Очеркъ исторіи Польши**, пер. съ 3 польскаго изданія подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева. Цѣна за 2 тома 5 р. 50 к.

ГЮЙО. **Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.** Съ предисловіемъ А. Фулье. Перев. съ франц. подъ редакц. А. Н. Пыпина. Цѣна 2 р. 50 к.

А. ДАЙСИ. **Основы государственнаго права Англіи.** Перев. съ 3-го англ. изданія, подъ редакц. проф. П. Г. Виноградова. Цѣна 2 р. 50 к.

Р. ДЖЕББЪ. **Гомеръ.** Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Перев. съ англ. А. Ѳ. Семенова.

В. И. МОДЕСТОВЪ. **Лекціи по исторіи римской литературы.** Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Цѣна 5 р.

МОНТЕСКЬЕ. **Персидскія письма.** Перев. съ франц. Цѣна 2 р. 50 к.

Ф. ЛАНГЕ. **Исторія матеріализма.** Перев. съ нѣмецк. Цѣна за 2 т. 5 р. Т. I—**Исторія матеріализма до Канта.** Т. II—**Исторія матеріализма послѣ Канта.**

ТАЦИТЪ. **Сочиненія.** Перев. съ примѣчаніями, со статьею о Тацитѣ и его сочиненіяхъ проф. В. И. Модестова. Т. I—**Агрикола. Германія. Исторіи.** Цѣна 2 р. 50 к. Т. II—**Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ.** Цѣна 3 р. 50 к.

ШЕРЕРЪ. **Исторія нѣмецкой литературы.** Перев. съ нѣмецк., подъ редакц. А. Н. Пыпина. Т. I—**Нѣмецкая литература до эпохи Возрожденія.** Цѣна 5 р. 50 к.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ, перев. съ фран.:

МАСПЕРО. **Древняя исторія.** Египетъ, Ассирія. Съ 192 рис. Цѣна 2 р.

ЛАНГЛУА. **Исторія среднихъ вѣковъ.** Съ 81 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

МАРЬЕЖОЛЬ. **Средніе и новые вѣка.** Съ 111 рис. Цѣна 2 р.

Наказъ Императрицы Екатерины II.

Роскошное изданіе in 4°. Русскій и французскій тексты. 201 стр. Съ библіографическими примѣчаніями И. Г. Безгина, 53 стр.

Въ отношеніи внѣшняго вида по возможности выдержанъ характеръ изданія 1770 года. Цѣна 3 р. Небольшое количество экземпляровъ на особой бумагѣ 5 руб.

Складъ изданій Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА—книжный магазинъ Н. П. КАРБАСНИКОВА, Спб., Литейная, 46; Москва—Моховая, д. Коха.

Печатаются:

М. С. Куторга—„Неизданныя сочиненія". *А. А. Карелинъ*—„Курсъ политической экономіи. *Томсонъ*—„Строеніе матеріи". Перев. съ англ. подъ ред. проф. И. И. Боргмана. *Лакуръ-Гайе*—„Историческія чтенія". Исторія новыхъ временъ. *Р. Даресте*—„Очерки по исторіи права". Пер. съ фран. Н. Н. Чеботаревскаго.

Готовятся къ печати:

Де-Мендоза—„Лазарилло де-Тормесъ". Пер. съ испанск. *Лесажъ*—„Жиль-Блазъ". Пер. съ франц.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія изданія:

Авенаріусъ, В. П. Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобіографическихъ разсказовъ. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Бабичевой, Л. Уходъ за ранеными и больными по правиламъ асептики и антисептики. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Батенькова, М. Я. Счетоводство для магазиновъ и лавокъ по двойной бухгалтеріи. 2-е исправленное изданіе. Нижній-Новгородъ, 1894 г. Цѣна 2 р.

Веръ, Альфредъ, д-ръ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранять и лѣчить себя отъ сифилиса. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ медицины Н. Лейненбергъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 50 к.

Вогасъ, І., д-ръ. Діэта при болѣзняхъ желудка и кишекъ. Переводъ подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями, д-ра мед. Л. О. Финкельштейна. Спб., 1894 г. Цѣна 60 к.

Враухъ, М. Популярно-научная библіотека. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Переводъ съ нѣмецкаго Гомберга. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 15 к.

Бурже, Полъ. Современный Вавилонъ. Романъ съ иллюстраціями. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Бьернсонъ (Бьернстьерне). Повѣсти и разсказы. Переводъ съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 35 к.

Вирениусъ, А. Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и школѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 20 к.

Гальтъ, Мари-Роберъ. Сочиненіе, одобренное французской академіей. Исторія одного маленькаго человѣка. Переводъ съ французскаго М. Гранстремъ. Изданіе 2-е. Съ 90 рисунками художниковъ: Шовена, Дюфо, Фера, Госселена, Мейера, Монжино, Тевено, Де-Пари, Вариьей, гравированными Меолле. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Гюи де-Мопассанъ и Жакъ Норманъ. Красотка. Драма въ 3 д. Переводъ съ небольшими измѣненіями для русской сцены О. М. Мижуевой. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Г—инъ, Николай П. Уходъ за красотой. Какъ сохранить до старости природную красоту и какъ возстановить ее въ случаѣ преждевременной утраты. Москва, 1894 г. Цѣна 25 к.

Гнѣдичъ, П. П. Кавказскіе разсказы. Пустыня. Отецъ. Бѣлые мальчики Асава. Счастливый день. Съ 71 рисункомъ М. М. Далькевича. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Горбачевскій, Л. И. Карманный русско-греческій словарь. Болѣе 3,000 употребительнѣйшихъ словъ съ этимологическими ихъ особенностями. Спб., 1893 г. Цѣна 35 к.

Гюго, Викторъ. Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Переводъ В. Д. Владимірова. Съ рисунками. Спб., 1893 г. Цѣна 60 к.

Данилевскій, Р. П. Не витанцовалось. Повѣсть. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 35 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. О лѣни. О тщеславіи. О любви. Объ одеждѣ. Объ ѣдѣ и питьѣ. Объ успѣхѣ. О нуждѣ. О памяти. Перевелъ съ 64-го англійскаго изданія Нинъ-Кинъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 50 к.

Кассовичъ, Максъ, д-ръ. Лекціи по болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго д-ровъ А. Р. Ильина и С. Л. Раппопорта. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кацоленко, В., д-ръ. Популярно-научная библіотека. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 15 к.

Кожевскій, Аксосъ. Великая дидактика. Переведенъ съ латинскаго А. Щепинской. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Корнетъ, Г., д-ръ. Популярно-научная библіотека. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 15 к.

Кругловъ, А. В., Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ 1893 г. Цѣна 1 р.

Лалаевъ, М. С. Ахиллесова пята современнаго воспитанія. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.

Леопарди (Джакомо). Стихотворенія (полное собраніе). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Перевелъ съ итальянскаго

В. Ф. Помянъ. Москва, 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Керкъ, К. И. Счетоводство для гостиницъ, ресторановъ, трактирныхъ и т. п. заведеній. Практическое руководство къ самостоятельному веденію торговыхъ книгъ. Спб., 1894 г. Цѣна 2 р.

Кессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Комедія въ 5 д. Переводъ съ нѣмецкаго Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 25 к.

Кессингъ, Г. Молодой ученый. Комедія въ 3 д. Переводъ съ нѣмецкаго Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 25 к.

Косинскій, А. А., д-ръ. Гомеопатія по ученію ея авторитетовъ. Спб., 1894 г. Цѣна 75 к.

Нѣтневъ, П. На волоскѣ. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

Мантегацца, П. Физіологія женщины. Переводъ Н. Ѳедоровой. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Мюллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растеній и рыбокъ. Съ 37 рисунками въ текстѣ. Спб., 1894 г. Цѣна 75 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Иван. Бѣломорье и Соловки. Воспоминанія и разсказы. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Стахѣевъ, Д. И. Неугасающій свѣтъ. Романъ. Спб., 1893 г. Цѣна 1 р.

Соколовъ, М. М. Берегите здоровье. Общедоступныя бесѣды о строеніи человѣческаго тѣла и сохраненіи здоровья. Подъ редакціей женщины-врача Е. Н. Залѣсовой. Москва, 1893 г. Цѣна 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 75 к.

Теплозъ, В. Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи. Спб., 1893 г. Цѣна 2 р.

Фелькнеръ, д-ръ. Женщина, ея назначеніе, положеніе въ семьѣ и призваніе. Изд. 3-е. Переводъ съ нѣмецкаго Гомберга. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 25 к.

Шиллеръ, Ф. Племянникъ-дядя. Комедія въ 3 д. Переводъ съ нѣмецкаго Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 15 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

БЕЗПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ

журнала „БУДИЛЬНИКЪ“ на 1894 годъ.

изнь—лотерея, въ которой мало кто выигрываетъ. Редакція „Будильника“, празднуя тилѣтіе журнала, открываетъ подписку на юбилейную безпроигрышную лотерею, ь которой всѣ будутъ въ выигрышѣ. Годовые подписчики (въ Москвѣ 9 руб., для огородныхъ 10 руб.) въ теченіе цѣлаго года выигрываютъ: 1) 200,000 фактовъ и рьезовъ столичной и провинціальной жизни, мелкихъ веселыхъ разсказовъ, мудрыхъ вѣтовъ, изреченій и проч. 2) 75,000 каррикатуръ и рисунковъ изъ общественной ительности столицъ и провинціи, политики, театра и различныхъ явленій обыденй жизни. 3) 10,000, а, можетъ быть, и меньше, художественныхъ каррикатуръ знаитаго иностраннаго каррикатуриста Фр. Гретца, приглашеннаго, по случаю юбилея, участію въ журналѣ „Будильникъ“. 4) 50 №№ журнала „Будильникъ“, съ упомяными выигрышами и, кромѣ того, приложенія къ нимъ съ постояннымъ юмористичемъ календаремъ (новость!), съ веселыми пьесами новаго репертуара и разсказами иностранной юмористики (опять новость!). Наконецъ 5) Будетъ выданъ юбилейный выигрышъ—роскошно изданное

безсмертное твореніе ГЕТЕ **„ФАУСТЪ“** въ лучш. переводѣ П. В. ТРУНИНА

10 большими иллюстраціями художника-академика К. А. Савицкаго, отпечатанныхъ отипіей въ лучшей фотографіи О. Ренаръ. Нежелающимъ получить преміи редакція тно уступаетъ изъ подписной суммы 1 р. Полугодовые подписчики (въ Москвѣ 4 р. к., для иногор. 5 р.) получаютъ ровно половину всѣхъ выигрышей, къ сожалѣнію, ь права на полученіе юбилейнаго выигрыша („Фаустъ“). По просьбамъ, редакція дильника“ великодушно допускаетъ разсрочку — 5 руб. при подпискѣ и 5 руб. 1 іюня 1894 г.

одписныя деньги — 10 р. за годъ и 5 р. за 1/2 года—просятъ адресовать: въ **Москву**, въ редакцію журнала „Будильникъ“.

VII-й г. изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 г. VII-й г. изданія.

СѢВЕРЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписчики „СѢВЕРА“ въ 1894 году получатъ:

52 №№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ изящную цвѣтную обложку.

12 №№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ **ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ**, составленныхъ по лучшимъ модныхъ парижскимъ журналамъ.

12 отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.

Ежемѣсячное безплатное приложеніе къ журналу

12 ***„БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА“***

томовъ сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и путешественниковъ.

Въ предстоящемъ году въ „БИБЛІОТЕКѢ СѢВЕРА“ будутъ напечатаны изъ пріобрѣтеннаго редакціей въ собственность полнаго собранія сочиненій

Н. Д. АХШАРУМОВА:

Чужое имя, романъ. ***Мандарины***, романъ. ***Концы въ воду***, повѣсть. ***Ночное***, разсказъ.

Смерть Слѣпцова, кавказская быль.

СОЧИНЕНІЯ:

баснописца **И. А. КРЫЛОВА.** Съ художественными иллюстраціями **В. Н. Головина.**

Е. А. Баратынскаго. Стихотворенія.

КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, подъ редакціей проф. **З. Ю. ПЕТРИ.**

Мельмотъ-скиталецъ. Романъ ***Матюрена.***

Остальныя сочиненія *Н. Д. Ахшарумова* будутъ помѣщены въ библіотекѣ „СѢВЕРА“ 1895 г. Такимъ образомъ подписчики „СѢВЕРА“ получатъ это полное цѣнное литературное приложеніе *безплатно.*

ДРУГОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1 Томъ: Русскій сельскій хозяинъ. Популярное изложеніе организаціи новаго и переустройства стараго хозяйства въ Россіи (съ приложеніемъ 7-ми нигдѣ не напечатанныхъ писемъ о сельскомъ хозяйствѣ *А. Н. Энгельгардта*). Соч. *С. Ѳ. Шарапова.*

1 Томъ: Комнатное цвѣтоводство (Руководство къ культурѣ комнатныхъ растеній). *Н. Е. Семенова.*

БЕЗПЛАТНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ:

Роскошный альбомъ акварелей къ избраннымъ

стихотвореніямъ Н. А. НЕКРАСОВА.

10 **„КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО“** и друг. художественно исполнен. акварелей извѣстнаго художника Петра Соколова.

Къ альбому будетъ приложенъ портретъ *А. Н. Некрасова*, исполненный акварелью съ портрета работы *И. П. Крамского*, находящагося въ галлереѣ Третьякова въ Москвѣ. Художественная обложка альбома исполнена акварелью *П. Н. Каразинымъ.* Всѣ рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительнымъ текстомъ. Альбомъ этотъ составляетъ исключительную собственность „СѢВЕРА“ и будетъ печататься въ одномъ изъ первоклассныхъ ателье за границей.

1 Стѣнной отрывной на 12 мѣсяцевъ табель-календарь, отпечатанный краск[ами].

Всѣ приложенія «СѢВЕРА» высылаются подписчикамъ безплатн[о]

12 томовъ „Библіотеки Сѣвера“ и 2 тома „Библіотеки прикладныхъ знаній“.

10 художественныхъ акварелей къ избраннымъ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . **6 Р.** Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской **6 Р. 50 К.**

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . . **7 Р.**

Разсрочка подписной платы за «СѢВЕРЪ» 1894 г. допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

Для гг. городскихъ подписчиковъ въ два срока:

Безъ доставки: при подписки 3 р., 1 іюня 1894 г. 3 р. Съ доставкою: при подпискѣ 3 р. 50 к., 1 іюня 1894 г. 3 р. 50 к.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ въ два срока: При подпискѣ 4 р. и 1 іюня 1894 г. 3 р. *Въ три срока:* При подпискѣ 3 р., 1 мая 1894 г. 2 р. и 1 августа 1894 г. 2 р.

Для гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ съ платою помѣсячно.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи «СѢВЕРЪ», Екатерининская, № 4.

Завѣдующій художественнымъ отдѣломъ *Н. Н. Каравинъ*.

Издатель *Е. А. Евдокимовъ*. Редакторъ *Вл. А. Тихановъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

ТЕРСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Съ 1892 года газета „Терскія Вѣдомости“ выходитъ

ТРИ раза въ недѣлю,

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, и заключаетъ въ себѣ попрежнему два отдѣла: оффиціальный и неоффиціальный. Въ оффиціальномъ отдѣлѣ газеты печатаются текущія распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія.

Неоффиціальная часть значительно расширена и дополнена.

Она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы.

1) Руководящія статьи; 2) хронику: а) общую, заключающую въ себѣ извѣстія, касающіяся интересовъ *всего края*, б) городскія извѣстія, происшествія и судебную хронику, в) извѣстія изъ области; 3) свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Ростовѣ, Новороссійскѣ и на важнѣйшихъ рынкахъ Терской области; 4) корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ области; 5) матеріалы по всестороннему изслѣдованію области; 6) научный фельетонъ (историческій, статистико-экономическій, сельско-хозяйственный, этнографическій и т. п.), фельетонъ путешествій и обыденной жизни; 7) свѣдѣнія о новыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ мѣстнымъ вопросамъ; 8) практически-полезныя свѣдѣнія; 9) телеграммы Сѣвернаго агентства; 10) справочныя свѣдѣнія и частныя объявленія.

Газета будетъ выходить каждый разъ въ объемѣ не менѣе 1 печатнаго листа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ БЕЗЪ ИЗМѢНЕНІЯ:

годовая плата для обязательныхъ и необязательныхъ подписчиковъ, съ пересылкою и доставкою на годъ **6** р., на полгода **3** р. **50** к., на 3 мѣсяца **2** р., и на одинъ мѣсяцъ **85** коп. Подписка принимается какъ отъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ въ областномъ правленіи и въ редакціи.

Редакторъ неоффиціальной части *П. Ф. Стевановскій*.

1835. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. **1894.**

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ

Годъ изданія 59-й. **ОБОЗРѢНІЕ.** Годъ изданія 59-й.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

Пятьдесятъ два нумера, выходящихъ еженедѣльно, въ 3 — 4 листа большого формата, на тоновой бумагѣ, съ 7 — 10 рисунк. альбомнаго размѣра.

КРОМѢ ТОГО ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА ВЫДАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО:

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

12 книгъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Книжки выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 15—20 листовъ.—***40 НУМЕРОВЪ „Иллюстрированные романы и повести“.—24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“*** съ рисунками.—***12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—12 ВЫКРОЕКЪ*** въ натуральную величину. — ***12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ“*** для фортепіано и пѣнія. — ***5 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для вышиванія“*** (новѣйшихъ рисунковъ).—***СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ*** (съ картою Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ.—***20 НУМЕРОВЪ „Жизнь и хозяйство“*** и ***20 НУМЕРОВЪ „Забавы для юношества“*** (съ рисунками).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1894 г. будетъ выдано ***ДВА*** новыхъ изданія:

1) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛОРДА БАЙРОНА.

2) ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ РАЗСКАЗОВЪ ШЕХЕРЕЗАДЫ

ТЫСЯЧА ОДНА НОЧЬ.

Предлагаемыя ***ДВА*** новыя большія и цѣнныя иллюстрированныя изданія будутъ выданы ***ПОЛНОСТЬЮ*** въ теченіе ***ОДНОГО*** подписного года, несмотря на то, что стоимость этихъ изданій въ отдѣльной продажѣ превышаетъ ***ВТРОЕ*** подписную цѣну нашего журнала.

ДВѢ ПРЕМІИ БЕЗПЛАТНО.

Годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ одновременно ***ДВѢ*** большія прозрачныя картины для украшенія оконъ, замѣняющія живопись на стеклѣ: 1) „ПѢСНЯ ЛЮБВИ“ и 2) „РѢШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ“. Новыя картины, благодаря интереснымъ сюжетамъ изъ средневѣковой жизни и богатству красокъ, весьма художественны и эффектны.

Кромѣ безплатной преміи, годовые подписчики въ 1894 г. могутъ получить слѣдующія ***НОВЫЯ*** художественныя произведенія:

1) БОЛЬШУЮ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА:

„БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ“.

(Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ).

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, составляющимъ собственность Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича.

2) Новый альбомъ большихъ акварелей, художественно воспроизведенныхъ съ картинъ „ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ“.

Въ коллекцію альбома вошли произведенія: профес. *Айвазовскаго*, проф. *Семирадскаго*, профес. *Клевера*, *Грузинскаго*, *Журавлева*, *Френца*, *Корзухина*, *Платонова*, *Загорскаго*, *Краснушкиной* и др.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ:

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ, ПИСАТЕЛЕЙ И КОМПОЗИТОРОВЪ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д. Ширина 7—8 д.

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. ***АЛЕКСАНДРЪ III.*** 2) Е. И. В. Гос. Имп. ***МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.*** 3) Е. И. В. Гос. Имп. ***АЛЕКСАНДРЪ II*** (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. ***ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ*** (Кронштадтскій). *Писатели:* 5) Пушкинъ, 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь, 8) Тургеневъ, 9) Достоевскій, 10) Графъ Л. Толстой и 11) Композиторъ Глинка.

Цѣна за бюстъ изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ 3 руб. (безъ пересылки).

Подписная цѣна на годъ:

Съ доставкой и пересылкою по Имперіи *8* р. Безъ доставки въ Спб. *6* р. *60* к.

1) Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, еще новыя художественныя изданія—картину или альбомъ, уплачиваютъ за каждый экземпляръ: безъ доставки 75 коп. Съ доставкою ОДИНЪ рубль.

2) Подписавшіеся одновременно на журналъ „***ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ***“ и газету „***СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА***“ (первое изданіе) съ доставкою и внесшіе сполна годовую подписную сумму за ОБА изданія, получаютъ, на выборъ, картину или альбомъ БЕЗПЛАТНО.

Подробное иллюстрированное объявленіе о нашихъ изданіяхъ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Главная контора: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68 — 40.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 г.

(*пятый годъ изданія*).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей, имѣющій цѣлію—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—**4) Хроника.—5) Приложенія** (литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.).—**6) Объявленія.**

въ «приложеніяхъ» имѣется въ виду между прочимъ, напечатать:

1) *Воображеніе и его разновидности у ребенка.* (Этюдъ по экспериментальной психологіи). Фридриха Кейра, проф. философіи въ Колледжѣ Моріака. Перев. съ франц. Лебедевой.—2) *Душевныя разстройства дѣтей, обучающихся въ школахъ, и 13 исторій болѣзней.* Ф. Уфера. Перев. съ нѣмец. Г. К.

КЪ ЖУРНАЛУ БУДУТЪ ПРИЛАГАТЬСЯ РИСУНКИ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки *5* р., съ доставкой и пересылкой *6* р., съ пересылкой за границу *7* р. *50* к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская дѣтская больница, кварт. главн. д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

Годъ изданія 82-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1894.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ въ форматѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ, ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ и КНИЖКАМИ

«РОМАНЫ и ПОВѢСТИ».

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммамъ, ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ въ первомъ изданіи вполнѣ замѣняетъ собою

дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики получатъ безплатно:

1) 52 НУМЕРА воскресныхъ приложеній въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) КНИЖКИ „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“. Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ. 3) 12 НУМЕРОВЪ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“. 4) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи), отпечатанный въ ТРИ краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ (съ доставкою и пересылкою):

на годъ 8 р., на полг. 4 р. 50 к., на три мѣс. 2 р. 50 к., на одинъ мѣс. 1 р.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ выходитъ ежедневно листами и въ дни слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы ***одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.***

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также рисунки сценъ событій изъ русской исторіи, видовъ мѣстностей, зданій, памятники, дворцы, монастыри, церкви и пр., сосредоточивающихъ въ себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

на годъ 4 р., на полгода 2 р., на три мѣс. 1 р., заграницу (на годъ) 6 р.

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики перваго или второго изданія газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить въ 1894 году слѣдующія новыя художественныя изданія, съ уплатою за каждый экземпляръ картины или альбома: безъ доставки 75 коп., съ доставкою ОДИНЪ рубль.

1) БОЛЬШАЯ АКВАРЕЛЬ СЪ КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА И. Е. РѢПИНА

„БУРЛАКИ на ВОЛГѢ“.

Размѣръ картины безъ полей: длина 22 вершка, высота 14 вершковъ.

Картина эта воспроизведена въ 25 красокъ, совершенно тождественно съ оригиналомъ, находящимся во дворцѣ и составляющимъ собственность Е. И. В. В. К. Владиміра Александровича

2) НОВЫЙ АЛЬБОМЪ БОЛЬШИХЪ АКВАРЕЛЕЙ СЪ КАРТИНЪ „Императорскаго Эрмитажа и Академіи Художествъ".

Въ коллекцію новаго альбома вошли произведенія: проф. *Айвазовскаго*, проф. *Семирадскаго*, проф. *Клевера, Грузинскаго, Журавлева, Френца, Корзухина, Платонова, Загорскаго, Краснушкиной* и друг.

Поводомъ къ изданію предлагаемаго нами новаго альбома акварелей послужило множество заявленій нашихъ подписчиковъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, нерѣдко далеко отъ столицы, и не имѣющихъ никакой возможности обозрѣвать сокровищницы русскаго искусства—Императорскій Эрмитажъ и Академію художествъ. Картины альбома отпечатаны въ 18 красокъ, вложены въ изящную папку и могутъ служить какъ для гостиныхъ, такъ и стѣнными украшеніями въ рамахъ.

3) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ:

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ

русскихъ государственныхъ дѣятелей, писателей и композиторовъ.

(Величина бюстовъ: высота 12—13 д., ширина 7—8 д.).

Первую серію составляютъ: 1) Е. И. В. Гос. Имп. *АЛЕКСАНДРЪ III.* 2) Е. И. В. Гос. Имп. *МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.* 3) Е. И. В. Гос. имп. *АЛЕКСАНДРЪ II* (въ Возѣ почившій). 4) *Прот. ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ* (Кронштадтскій). Писатели: 5) Пушкинъ, 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь, 8) Тургеневъ, 9) Достоевскій, 10) Графъ Л. Толстой и 11) композиторъ Глинка.

Цѣна бюста изъ металла, на выборъ, для подписчиковъ ТРИ руб. (безъ доставки).

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: СП.Б., НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, У АНИЧКИНА МОСТА, ДОМЪ 68—48.

Подробное объявленіе высылается по требованію БЕЗПЛАТНО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1894 годъ
на литературно-политическую и экономическую газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ".

Газета выходитъ въ г. Оренбургѣ три раза въ недѣлю.

Основная задача изданія—изученіе юго-восточнаго раіона Россіи (губерній Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. Е. Алекторовъ, И. Я. Атласовъ, П. А. Баратынскій, Н. И. Бутовскій, Л. А. Баратынскій, И. В. Будринъ, Ѳ. Ѳ. Гельмгольцъ, А. И. Добросмысловъ, В. Л. Дѣдловъ, Ф. А. Добросмысловъ, К. Н. Калачевъ, А. М. Михайловъ, Е. Н. Овсянниковъ, В. О. Португаловъ, Н. Полетаевъ, Г. Д. Поповъ, А. И. Тарнавскій, Н. Юрьинъ и другіе.

Корреспонденты „ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ":

въ Самарѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Бузулукѣ, Белебеѣ, Мензелинскѣ, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой защитѣ, Шарлыкѣ, Покровскомъ и проч.

Подписная цѣна: для иногородн. подписч. за годъ 6 руб., за полгода 3 руб.

Подписка на газету *„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ"* и объявленія принимаются въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ газеты, при типо-литографіи В. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ насл. Шошина и въ отдѣленіяхъ конторы, въ Уфѣ при книжномъ магазинѣ Блохина, Самарѣ при книжномъ магазинѣ Н. М. Федорова и Челябинскѣ при типо-литографіи Бреслина и Курчаева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ газетѣ *„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ"* отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ свои главныя конторы или правленія внѣ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Уфимской и Пермской губерній, Уральской области и Азіатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Редакторъ-издатель *Н. А. Баратынскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

XXV годъ. на 1894 г. годъ XXV.

Принявъ на себя въ 1893 г. изданіе „Русской Старины", новая редакція заявила, что, преслѣдуя тѣ начала, которыя легли въ основу изданія, начавшагося еще въ 1870 г., она употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ не только не утратилъ своего прежняго интереса, но, напротивъ, оживился бы еще болѣе и давалъ бы какъ можно менѣе сырого матеріала и какъ можно болѣе матеріала литературно разработаннаго. Смѣемъ думать, что наши подписчики не могутъ упрекнуть насъ, что мы не сдержали своего обѣщанія. Не трогая драгоцѣннаго и обширнаго архива, собраннаго покойнымъ издателемъ „Русской Старины" и пріобрѣтеннаго редакціей, благодаря благосклонному содѣйствію многихъ достойныхъ лицъ, намъ удалось дать въ теченіе года не мало интересныхъ статей, которыя составили солидный вкладъ въ отечественную историческую литературу. Мы тѣмъ смѣлѣе можемъ надѣяться на дальнѣйшее улучшеніе журнала, что въ теченіе одного года мы пріобрѣли много цѣнныхъ произведеній: воспоминаній и обширныхъ записокъ разныхъ лицъ, за весьма долгій періодъ времени. Съ нѣкоторыми изъ этихъ произведеній наши читатели имѣли уже случай познакомиться; къ числу ихъ принадлежатъ, между прочими: Записки *А. И. Михайловского-Данилевскаго*, Воспоминанія *В. А. Панаева*, Записки *М. Я. Олицкаго*, начатыя печатаніемъ въ книжкахъ текущаго года.

Кромѣ того, въ теченіе 1894 г. будутъ печататься, между прочими, слѣдующія произведенія: Записки В. А. Инсарскаго.—Автобіографія архимандрита Фотія.—За полстолѣтія, мемуары доктора А. И. Ильинскаго.—Записки П. Н. Глѣбова.—Записки С. Е. Глинки.—Изъ записокъ принца Евгенія Вюртембергскаго.—Воспоминанія А. А. Харитонова.—Изъ прошлаго, А. И. Ильинскаго.—Записки А. Т. Болотова.

Такія важныя пріобрѣтенія въ теченіе одного года новыхъ историческихъ вполнѣ обработанныхъ матеріаловъ, устанавливая связь редакціи съ интеллигентнымъ обществомъ лицъ, интересующихся отечественною исторіей, даютъ намъ надежду, что и на будущее время редакція въ состояніи будетъ удовлетворить любознательность лицъ, интересующихся историческими событіями въ разныя эпохи русской жизни.

Въ 1893 г. редакція начала новый отдѣлъ „ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ". Давая краткое содержаніе помѣщающихся въ нихъ статей, редакція „Русской Старины" имѣетъ полную возможность знакомить и на будущее время своихъ читателей съ цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по разнымъ изданіямъ.

Такимъ образомъ, программа изданія на 1894 г. будетъ слѣдующая: 1) Семейныя хроники.—2) Записки и воспоминанія.—3) Историческія изслѣдованія.—4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ.—5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ.—7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники.—8) Историческіе разсказы и преданія.—9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ.—10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи.—11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ.—12) Народная словесность.—13) Архивные документы.—14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 рублей съ пересылкой.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ *главную контору редакціи журнала* „Русская Старина"—Спб., Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ *Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ* и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана чрезъ редакцію журнала „Русская Старина"—Спб., Фонт., 145. Можно получить въ редакціи журнала „Русская Старина" за 1870, 76, 77, 78, 79, 80 и 81 гг. по 8 р. за годъ, т.-е. за 12 книгъ, и за 1884, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92 и 93 гг. по 9 р. за годъ, т.-е. за 12 кн.

Вышла ноябрьская (№ 31) книжка журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: *Марія Стюартъ*, траг. Шиллера. Акты 3 и 4. *Золотыя розсыпи*, ром. В. М. Михеева (окончаніе). *Этюды по вопросамъ искусства*, А. А. Киселева (съ снимк. съ карт. В. Е. Маковскаго). *Вражья сила*, Сѣрова, ст. С. М. Кругликова. *Преступленіе*, разск. Ж. Симона. *Бриджманъ* (съ снимк. съ рис. и портретомъ), *Театральныя свѣтила*, оч. Фрейда. *Франц. комедія 25 лѣтъ назадъ*, ст. С-на. *Чего недостаетъ нашей живописи*, ст. Н. В. Досѣкина. *Двѣ ночи*, разск. Е. Гославскаго. *Вопросы о театрѣ въ XVIII вѣкѣ*, ст. И. И. Иванова. *Мазурка* для ф.-п. П. П. Веймарна. *Романсъ* Н. Р. Кочетова. *Романсъ* бар. В. Г. Врангеля. *О будущемъ художествен. творчества*, ст. И. И. Иванова. Рѣчь К. М. Быковскаго на вечерѣ въ память К. А. Трутовскаго. *Совр. Обозрѣніе*, ст. И. И. Иванова, С. Н. Кругликова, Н. Д. Кашкина и др. *Предразсудки*, ком. М. И. Чайковскаго. *Расплата*, др. Е. П. Гославскаго. Фототипіи *Наемъ гувернантки*, карт. Э. Я. Шанксъ. *К. А. Трутовскій*, портр. В. Е. Маковскаго. *Добрый совѣтъ*, рис. К. А. Трутовскаго. Автотипіи: *Торговецъ туфлями*, карт. Бриджмана. Портретъ Гуно.

Подписная цѣна на „Артистъ"—10 р., съ перес.—12 р. Отд. №№ по 2 р.

Вышелъ № 31 (ноябрь) „ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ". Содержаніе: *Ложные итоги*, ком. въ 4 д. В. М. Михеева. Пять водевилей: *Драконы, Въ области фантазіи, Господа театралы, Съ новымъ годомъ, Автора въ театръ нѣтъ* и др., эт. въ 1 д. *Не надо*. Подписка (за годъ—8 р., съ перес.—4 р.) принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на „Артистъ". Отдѣльные №№ по 1 руб.

Открыта подписка на 1894 годъ.

Въ 1894 г. „Артистъ" будетъ выходить *двѣнадцать разъ* въ годъ по *увеличенной* программѣ и при *той же подписной цѣнѣ*.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1894 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ—**9** р., за полгода—**4** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** р. **25** к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, **14**). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 г.

XXV НИВА XXV

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими безплатными приложеніями и преміями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1894 г.:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1,500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 книгъ соч. Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

выходящія въ началѣ каждаго мѣсяца, будутъ заключать въ себѣ слѣдующія сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго:

КНИГА I. Бѣдные люди, рок. Двойникъ, петерб. поэма.—**КНИГА II.** Господинъ Прохарчинъ, разсказъ. Романъ въ девяти письмахъ. Хозяйка, пов. Ползунковъ. Слабое сердце, пов. Чужая жена. Честный воръ. Елка и свадьба, пов.—**КНИГА III.** Бѣлыя ночи, ром. Неточка Незванова. Маленькій герой. На Европейскія событія 1854 г., стих. Дядюшкинъ сонъ, пов.—**КНИГА IV.** Село Степанчиково и его обитатели. I и II ч., изъ запис. неизвѣстнаго.—**КНИГА V.** Записки изъ мертваго дома, ром. въ 2 част. Скверный анекдотъ, разск.—**КНИГА VI.** Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Записки изъ подполья, повѣсть. Крокодилъ, пов. Игрокъ, романъ.—**КНИГА VII.** Униженные и оскорбленные, ром. въ 4-хъ част. съ эпилогомъ.—**КНИГА VIII.** Вѣчный мужъ, разск.—**КНИГА IX.** Преступленіе и наказаніе, романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Части I, II и III.—**КНИГА X.** Преступленіе и наказаніе, романъ. Части IV, V и VI.—**КНИГА XI.** Идіотъ, романъ въ 4-хъ частяхъ. Части I и II.—**КНИГА XII.** Идіотъ, романъ. Части III и IV.

При первой книгѣ будетъ приложенъ портретъ Достоевскаго, гравир. на сталн Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Что касается остальныхъ произведеній Ѳ. М. Достоевскаго: „Бѣсы“, „Подростокъ“, „Дневникъ писателя“ и „Братья Карамазовы“, то мы нынѣ же принимаемъ на себя обязательство дать ихъ, какъ безплатное приложеніе при „Нивѣ“ 1895 г., такъ что подписчики „Нивы“ за 1894 и 1895 г. получатъ безплатно „Полное собраніе сочиненій“ Ѳ. М. Достоевскаго.

12 выпусковъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца, и будутъ содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

2 ОФОРТА проф. Ив. Ив. Шишкина: 1) „Дубовая роща Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ“ и 2) „Лѣсная рѣчка“.

2 КАРТИНЫ 1) „Островъ Наргенъ“. проф. Ю. Ю. Клевера, отпеч. 15 краск.
2) „Неро-Фіордъ въ Норвегіи“. худ. Расмуссена, отп. 18 краск.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1894 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложеніями:

Безъ доставки въ С.-Петерб. **5** р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петерб. **6** „ **50** „
Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской). . . . . „
Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи. . . . . „
ЗА ГРАНИЦУ . . . . . „

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „Нива“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій просп., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ (15—18 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакція ставитъ своею задачей доставленіе какъ юношеству, такъ и вообще читателю, который народился у насъ съ распространеніемъ образованія во всѣхъ классахъ общества, интереснаго и полезнаго общеобразовательнаго чтенія, состоящаго изъ оригинальной и переводной беллетристики, популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ гуманитарныхъ и естественныхъ наукъ, а также изъ откликовъ на текущую культурную жизнь—родную и иностранную. Поэтому редакція, для болѣе яркаго выясненія своихъ задачъ, присоединяетъ къ прежнему заголовку слова: и самообразованія.

Къ сотрудничеству въ журналѣ привлечены лучшія литературныя и научныя силы.

Въ вышедшихъ книжкахъ текущаго года помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отдѣлъ I. Беллетристика. 1. „Весеннія грозы". Романъ *Д. Мамина-Сибиряка*. — 2. „Тетя Наша". Разсказъ *П. Добротворскаго*.—3. „Забытая", Очеркъ *Н. Златовратскаго*.—4. „Изъ дневника Андрея Муратова". Разсказъ *П. Засодимскаго*.—5. „Блудный сынъ". II вѣсть *П. Засодимскаго*.—6. „Исторія моей жизни". Жоржъ-Зандъ (съ портретомъ).—7. „Соперникъ". Комедія *Шеридана*.—8. „Лѣто въ деревнѣ". Воспоминанія *О. Кайдановой*.—9. „Товарищи". Очеркъ *Эдмонда де-Амичиса*, пер. съ итальянскаго.—10. „Покойная миссъ Голлингфордъ". Повѣсть *Ч. Диккенса*.—11. „Снѣжная зима". *Густава аф-Гейерстама*, переводъ со шведскаго *М. Лучицкой*.

Отдѣлъ II. Наука и публицистика. 1. „Марія Стюартъ въ исторіи и драмѣ". *Ив. Иванова*.—2. „Въ дальнихъ странствіяхъ" (Алтай). *Н. М. Ядринцева*.—3. „Изъ путевыхъ впечатлѣній". *О. Южакова*.—4. „Начало и развитіе русской критики". *А. Скабичевскаго*.—5. „Какъ дѣйствуютъ психическія вліянія". Очеркъ по психологіи *Э*.—6. „Красоты природы и ея чудеса", съ рисунками. *Джона Леббока*, пер. съ англ.—7. „Помощь англійскихъ университетовъ народному образованію". Статья *Макса Леклерка*.—8. „Положеніе женщины на Востокѣ". Д-ра *А. В. Елисѣева*.—9. „Генрихъ Гейне въ семейной жизни". *Э. Пименовой*.—10. „Чѣмъ крѣпки русскія артели?" *Ф. Щербина*.—11. „Антропологическіе очерки". *А. В. Бекленди*, пер. съ англ. подъ ред. *Д. Коропчевскаго*.—12. „Лѣтніе курсы въ въ Америкѣ". *Э*.—13. „Знаніе и народное богатство". Публичная лекція проф. *А. И. Чупрова*.—14. „Наши земельные распорядки". Проф. *Н. Карышева*.—15. „Кукушка", біологическій очеркъ проф. *Н. Холодковскаго*.—16. „Наблюденіе природы". Очеркъ *А. Аѳанасова*.—17. „Гёте какъ человѣкъ". *Ив. Иванова* (съ новымъ портретомъ Гёте).

Отдѣлъ III. Библіографія: а) Систематическій обзоръ книгъ для самообразованія. По исторіи. Проф. *Н. И. Карѣева*.—По физикѣ. *Ю. Вагнера*.—По географіи. Проф. *Э. Ю. Петри*.—По біологіи. *Ю. Вагнера*. б) Подъ рубрикой „Новостей иностранной литературы" приведены отзывы о болѣе 400 появившихся за границей новыхъ книгахъ по литературѣ, культурѣ, исторіи, библіографіи, географіи, этнографіи, естествознанію, психологіи, философіи, антропологіи и искусству.

Отдѣлъ IV. Смѣсь. Отдѣлъ этотъ составляется частью изъ оригинальныхъ замѣтокъ и извѣстій, частью по многочисленнымъ русскимъ и иностраннымъ періодическимъ изданіямъ.

Отдѣлъ V. Приложеніе: „Гипатія". Историческій романъ *Ф. Мауттнера*, переводъ съ нѣмецкаго.—„Тайна богатой наслѣдницы". Романъ *Вальтера Безанта*, переводъ съ англійскаго.—„Астрономическіе вечера". *Г. Клейна*, переводъ съ 8-го нѣмецкаго изданія, съ портретами и рисунками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ и редакціи: Литовка, д. 25—8, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы книжнаго магазина Н. П. Карбасникова, Моховая, д. Коха, и конторѣ Печковской—Петровскія линіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 7 р., за границу 10 р., безъ доставки 6 р.

Разсрочка за ручательствомъ казначеевъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Съ доставкою въ г. Самарѣ. 6 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ"

Съ пересыл. въ др. города. 7 р.

на 1894 годъ.

(*Изданія годъ одиннадцатый*).

Въ 1894 году *Самарская Газета* будетъ издаваться, какъ и въ прежніе годы, по слѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства (по оффиціальнымъ источникамъ); 2) Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», ПОЛУЧАЕМЫЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО изъ ПЕТЕРБУРГА; 3) Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ и проявленіямъ жизни г. Самары и Самарской губ.; 4) Самарская хроника; 5) Внутреннія извѣстія: сообщенія корреспондентовъ изъ разныхъ городовъ, посадовъ и селъ Самарской и другихъ губерній, извѣстія изъ другихъ газетъ; 6) Иностранныя извѣстія; 7) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, очерки въ стихахъ и прозѣ; 8) Сельское хозяйство; 9) Критика и библіографія; 10) Смѣсь; 11) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о положеніи самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ рынковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; 12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Самарская Газета, имѣя основною своею задачей—служить интересамъ самарскаго края, слѣдя за его общественно-экономическою жизнью, даетъ также своимъ читателямъ статьи по общегосударственнымъ вопросамъ и знакомитъ съ выдающимися событіями въ Россіи и за границей.

Самарская Газета обращаетъ особенное вниманіе на состояніе хлѣбныхъ рынковъ. Независимо отъ сообщеній торговыхъ оборотахъ мѣстнаго самарскаго рынка, редакція печатаетъ свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ торговыхъ рынкахъ и ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ помѣщаетъ торговыя телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства» о состояніи С.-Пет. фондовой и хлѣбной биржи.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. Л. Бостромъ, Е. А. Буланина, Р. К. Вольскій, Орестъ Г. (псевдонимъ), Е. М. Ещинъ, В. О. Португаловъ, г. Пончъ (псевдонимъ) и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ САМАРѢ:		СЪ ПЕРЕСЫЛ. ВЪ ДРУГ. ГОРОДА:	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	7 р.
На ½ года.	4 » — »	На ½ года	5 »
На 1 мѣсяцъ	1 » 50 »	На 1 мѣсяцъ.	2 »

Иногородніе подписавшіеся на 1894 годъ въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года получаютъ газету со дня подписки до 1 января 1894 года безплатно.

На ½ г. 4 р.

Подписка принимается: въ Самарѣ 1) въ главной конторѣ редакціи, на Дворянской ул., въ д. Соколова; 2) въ редакціи по Воскресенской ул., д. Новиковой; въ Уфѣ—въ уфимскомъ отдѣленіи конторы *Самарской Газеты*, въ Сызрани—въ магазинѣ Калачева и книжномъ магазинѣ Мердина; въ Бузулукѣ—въ библіотекѣ Матвѣева; въ Оренбургѣ—въ книжномъ магазинѣ Михайловой.

На ½ г. 5 р.

Редакторъ-издатель М. П. Новиковъ

X годъ изданія. **Открыта подписка на ЮБИЛЕЙНЫЙ 1894 г.** X годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ КНИГЪ. Каждая книжка будетъ въ этомъ году представлять собою томикъ до 150 стран., имѣющій содержать или отдѣльный романъ, или законченный сборникъ разсказовъ, стихотвореній и проч.

Наступающимъ 1894 годомъ ЗАКОНЧИТСЯ

●● ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ●●

со дня выхода 1-го № журнала „Вокругъ Свѣта". За это время журналъ успѣлъ добиться такого прочнаго успѣха, который безусловно обезпечиваетъ его существованіе на многія и многія десятилѣтія. Настоящій годъ будетъ для журнала „Вокругъ Свѣта"

●● ЮБИЛЕЙНЫМЪ, ●●

а потому редакція и издатель намѣрены употребить всѣ силы для того, чтобы журналъ въ этомъ году превзошелъ, такъ сказать, самого себя. Въ концѣ года будетъ выданъ подписчикамъ увеличенный

●● ЮБИЛЕЙНЫЙ НУМЕРЪ. ●●

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ ДВУХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ, со множествомъ отдѣльныхъ рисунковъ и иллюстрацій (всего въ годъ болѣе 2,000 столбцовъ текста и до 400 рисунковъ).

Въ журналѣ попрежнему будутъ участвовать: **Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ**, проф. **А. Н. Гренъ** и многіе другіе. Иностранная литература путешествій и приключеній будетъ, какъ всегда, представлена въ журналѣ произведеніями ея корифеевъ; такъ, будутъ помѣщены: новый романъ **Жюля Верна**, съ рисунками **Беннета**; романъ новогреческаго писателя **Димитрія Бикеласа**, съ рисунками **Ралли**; романъ **Л. Жаколіо** (продолженіе романа „На океанѣ"); новѣйшій романъ **Андрэ Лори**; очень оригинальный романъ военнаго характера, написанный капитаномъ **Данри**, и, кромѣ того, повѣсти, разсказы и очерки **Стивенсона, Киплинга, Райдера-Хаггарда, Брауна, Каниве** и друг.

НЕ ВЪ ПРИМѢРЪ ПРЕДЪИДУЩИМЪ ГОДАМЪ РЕДАКЦІЯ

въ 1894 г. предлагаетъ при доплатѣ 1 р. за пересылку

безусловно-оригинальную, художественную премію:

6 РОСКОШНЫХЪ КАРТИНЪ (ПАННО)

СЪ АКВАРЕЛЕЙ Н. Н. КАРАЗИНА.

Эти картины, размѣромъ каждая $13^1/_2 \times 6^1/_2$ верш., сдѣланы художникомъ по спеціальному заказу редакціи и изображаютъ собою въ лицахъ и аксессуарахъ природу и людей всего земного шара: **Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи и отдѣльно Россіи.**

Подписная цѣна на журналъ «ВОКРУГЪ СВѢТА» съ доставкой и пересылкой во всѣ города съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

НА ГОДЪ 4 Р. | НА $^1/_2$ Г. 2 Р. 50 К.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ: при подпискѣ 2 руб., 1-го апрѣля и 1-го іюля по одному рублю.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., домъ Сытина.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и друг. городовъ Россіи.

Открыта подписка
на 1894 годъ на
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Н. К. Михайловской.

Въ 1894 г. журналъ будетъ выходить въ объемѣ книжекъ 1893 г. и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ 1893 г., между прочимъ, напечатано:

„Деревенскій эскизъ". *Ив. Бунина.* „По способу Коха". Очеркъ *Т. Барвенковой.* „Въ избѣ". Разсказъ *Ю. Безродной.* „Гимназисты". Изъ семейной хроники. *Н. Гарина.* „Мечтатели". *Н. Н. Златовратскаго.* „Грѣхъ". Романъ *П. В. Засодимскаго.* „Дѣти полка". *С. В. Ильича.* „Въ голодный годъ". *В. Г. Короленко.* „Впотьмахъ". Повѣсть *А. Куприна.* „Дама". Разсказъ *И. Котлова.* „Дѣтскія тѣни". Очерки. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* „Картинки парижской жизни". *М. Прокофьевой.* „Подкидышъ" (Присказка). *Гл. Успенскаго.* „Недоразумѣнія въ жизни". Разсказъ. *Густава-аѳъ-Гейерстама.* „Избиратель". Разсказъ *Н. Кобринской.* „Дверь изъ слоновой кости". Романъ *Уалтера Безанта.* „Мои воспоминанія". *Д. Т. Гнѣдина.* „Некрасовъ и Салтыковъ". Изъ посмертныхъ бумагъ". *Г. З. Елисеева.* „Изъ литературныхъ воспоминаній". *Э. Грсньс.* „Современная Европейская биржа". *Б. Ф. Брандта.* „Критикъ народничества". *В. В.* „Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія". *Н. Дружинина.* „Пьянство и борьба съ нимъ въ старинной Россіи". Историческіе очерки *Н. П. Загоскина.* „Народно-хозяйственные наброски". *Н. А. Карышева.* „Крестьянское хозяйство во Франціи сто лѣтъ назадъ". *М. М. Ковалевскаго.* 1) „Культурные скиты". 2) „Культурные одиночки во деревнѣ". *С. Н. Кривенко.* „Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писатель и общественный дѣятель". *В. В. Лесевича.* 1) „О дневникѣ Башкирцевой". 2) „Русское отраженіе французскаго символизма". 3) „Литература и жизнь" *Н. К. Михайловскаго.* „Г. Сементковскій о русскомъ обществѣ". *Н. В. М.* „О сѣверныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ". *Н. В. Максимова.* „Французскіе синдикаты". *А. Мурашкинцева.* „Агрономическіе противники общины". *Д. Протопопова.* „Изъяны творчества". *П. П. Перцова.* „Очерки изъ исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ". *В. И. Семевскаго.* 1) „Въ дебряхъ метафизики". 2) „Ребяческій идеализмъ" Cogitata metaphysica *Г. Волынскаго*). *М. М. Филиппова.* 1) „На Адамовой вершинѣ". 2) „Въ тропической пустынѣ". 3) „Въ странѣ хуа-хувовъ и тумановъ". 4) Мимоходомъ въ Японіи". Путевыя впечатлѣнія *С. Н. Южакова.* „О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ". *В. Якубовича.* „Какъ не слѣдуетъ обрабатывать статистическій матеріалъ". *В. Г. Ярошенко.* „Міръ невидимой борьбы". Біологическій очеркъ *П. Крылова.* Біологическіе очерки: „Живорожденіе и паразитизмъ". *В. А. Фаусека.* Въ приложеніи: „Измѣненіе личности" *А. Бэна.* (Перев. под. ред. д-ра Б. В. Томашевскаго). Хроника внутренней жизни. Хроника заграничной жизни. Новыя книги.

Подписная цѣна: На годъ съ дост. и перес.—9 р., безъ доставки—8 р., за границу—12 р.

Уступокъ съ поддисной цѣны никому не дѣлается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка для иногородныхъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой при подпискѣ—5 р. къ 1-му іюля—4 р. или при подпискѣ—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюля—3 р.; для городскихъ подписчиковъ безъ доставки по 1 р. въ мѣсяцъ—до 1 сентября.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 к. съ каждаго годового экземпляра.

Разсрочекъ подписной платы, при подпискѣ черезъ книжные магазины, не допускается.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литейный пр., 46.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Пог

Открыта подписка на 1894 годъ

НА

ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всесторонее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграф. Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ. ***Послѣдняя почта. Передовыя статьи*** по различнымъ общественнымъ вопросамъ. ***Обзоръ*** текущей прессы и журналистики. ***Областной отдѣлъ.*** Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. ***Казанская хроника:*** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. ***Судебная хроника.*** Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казенной судебной палатѣ. ***Библіографія. Театръ и музыка:*** отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. ***Ежедневное обозрѣніе*** текущей заграничной жизни. ***Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство и промышленность. Педагогика и народное образованіе. Торговый отдѣлъ:*** корреспонденціи и телеграммы. ***Фельетонъ.*** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ „Воскресныхъ Бесѣдъ" г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ КОНТИНГЕНТА СОТРУДНИКОВЪ, уже сплотившихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края.

Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893 года основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, профессоръ Н. П. Загоскинъ.

Подписная цѣна:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
съ доставкой:	безъ доставки:	
На годъ . . . . 7 р. — к.	На годъ . . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . . 9 р. — к.
„ полгода. . . 4 „ — „	„ полгода . . 3 „ 25 „	„ полгода. . . 5 „ — „
„ 3 мѣсяца . 2 „ 25 „	„ 3 мѣсяца. . 1 „ 75 „	„ 3 мѣсяца. . 2 „ 75 „
„ 1 мѣсяцъ . — „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ. . — „ 60 „	„ 1 мѣсяцъ . 1 „ — „

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюля 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА» на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира» (Воскресенская ул., д. Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостиный дворъ, № 1), въ зданіи биржи, у секретаря и въ иногородныхъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція «ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА».

Редакторъ-издатель *И. В. Рейнгартдъ.*
Издатель *В. М. Ключниковъ.*

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

въ 1894 году,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

самая большая и распространенная на югѣ Россіи между русскимъ населеніемъ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

«НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО,

не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ

(не менѣе 330 №№ въ годъ).

„Новороссійскій Телеграфъ“ въ 1894 году достигаетъ двадцатипятилѣтія своего существованія. Газета наша была первою частною газетой въ Одессѣ и теперь она старѣйшая газета въ Одессѣ. Выходя двадцатый годъ подъ личною редакціей теперешняго собственника газеты, „Новороссійскій Телеграфъ“ принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Никакихъ интересовъ, кромѣ русскихъ, наша газета никогда не защищала. Она всегда поддерживала и поддерживаетъ идею: „Россія для русскихъ“.

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ, что и въ прежнее время. Изъ *столичныхъ* литературныхъ дѣятелей приметъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы „Нов. Телеграфа“ шестнадцать лѣтъ. Изъ *мѣстныхъ* литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Неручевъ, Лепта (г. Стечькинъ), Зео (по беллетристическому отдѣлу) и др.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Въ будущемъ году редакція будетъ попрежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ.

„Новороссійскій Телеграфъ“, по своей программѣ, имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда, а также отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній. Этими правами не пользуется теперь ни одна изъ остальныхъ мѣстныхъ газетъ.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіи газеты при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишеневѣ: въ библіотекѣ А. Т. Гришенко (Губернская улица, домъ Шилькреда), въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ Николаевѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Херсонѣ: въ магазинѣ И. Н. Михайловой.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки:				Съ доставкою и пересылкой:			
На 1 мѣсяцъ	1 р.	на 7 мѣсяцевъ	7 р.	На 1 м.	1 р. 20 к.	на 7 м.	8 р. 40 к.
„ 2 „	2 „	„ 8 „	8 „	„ 2 „	2 „ 40 „	„ 8 „	9 „ 60 „
„ 3 „	3 „	„ 9 „	9 „	„ 3 „	3 „ 60 „	„ 9 „	10 „ 80 „
„ 4 „	4 „	„ 10 „	10 „	„ 4 „	4 „ 80 „	„ 10 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „	„ 11 „	11 „	„ 5 „	6 „ — „	„ 11 „	13 „ — „
„ 6 „	6 „	„ 12 „	12 „	„ 6 „	7 „ 20 „	„ 12 „	14 „ — „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 1-му сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ, до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1894 года.

Редакторъ-издатель **М. Озмидовъ**

„Театральная Газета“

иллюстрированное изданіе, посвященное театру, искусствамъ и литературѣ,

подъ редакціею Петра Вейнберга.

Выходитъ во время сезона, т.-е. съ 1 сентября по 1 мая,—ТРИ РАЗА, а въ остальную часть года—въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ—разъ въ недѣлю.

Подписная цѣна 6 р. въ годъ, съ дост. 7 р., съ перес. 8 р.; на 4 мѣсяца 1893 г. (сентябрь—декабрь) 2 р., съ дост. и перес. 3 р.

Годовые подписчики на *Театральную Газету* въ 1894 г., подписавшіеся до Новаго года, получаютъ газету *безплатно* въ 1893 г., со дня подписки на будущій годъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ (Литейный пр., домъ № 43, при типографіи А. Мучника), въ магазинѣ Е. В. Остолопова (бывшій Аравина), уг. Екатерининскаго канала и Черныщева пер., и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Въ послѣднихъ номерахъ, между прочимъ, напечатаны: *Встрѣча*, разсказъ Д. В. Григоровича, *Рѣчь*—А. А. Потѣхина, *Посмертное стихотвореніе* А. Н. Плещеева, *Джузеппе Верди*—Г. А. Ларошъ, комедія *Семейный адъ*—Гюи де-Мопассана, *Новыя силы*—очерки С. Сафонова, театральныя рецензіи М. И. Чайковскаго, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича, Ал. Иванова (псевдонимъ), проф. Н. Кашкина и друг.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Внутреннія извѣстія. 10) Внѣшнія извѣстія. 11) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 12) Библіографическія замѣтки. 13) Смѣсь. 14) Справочный отдѣлъ.

Условія подписки.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
съ дост. въ Харьковѣ.	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
безъ доставки	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	—80

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

ПРИРОДА и ОХОТА

И

ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА.

(*Двадцать первый годъ изданія*).

Подписчики получаютъ въ теченіе года 12 книгъ журнала «Природы и Охоты» съ картинами (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» съ рисунками и чертежами (выходъ еженедѣльно).

ПРОГРАММА: Природа, бытъ и охота русскихъ народностей.—Статьи зоологическаго содержанія.—Повѣсти, очерки, разсказы изъ охотничьей жизни.—Способы охотъ на звѣря и птицу.—Способы разведенія полезной дичи и уничтоженія хищниковъ.—Собаки борзыя, гончія, легавыя, породы, воспитаніе, дрессировка, леченіе.—Примѣненія новаго закона объ охотѣ.—Дѣятельность охотничьихъ обществъ.—Выставки, садки, полевыя испытанія собакъ, стрѣльба на призы.—Ружья и охотничьи принадлежности (системы, выборъ, пристрѣлка, чистка).—Рыболовство и уженье.—Удочки, принадлежности уженья.—Жизнь рыбъ и способы уженья.—Вопросы и отвѣты охотниковъ.—Новости изъ русской и иностранной охотничьей жизни.

Подписная цѣна:

съ пересылкой и доставкой на годъ—15 руб.; на полгода—7 руб. 50 коп.

...акціи: *Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.*

Издатели-редакторы: { Л. П. Сабанѣевъ. / Н. В. Туркинъ.

Русская Мысль, кн. XI.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издаваемую въ форматѣ и по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Попрежнему редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы подписчики всегда могли найти въ „АСТРАХАНСКОМЪ ВѢСТНИКѢ“ полезное и занимательное чтеніе.

Въ интересахъ читателей, а также и объявителей, съ новаго года газета будетъ выходить ЕЖЕДНЕВНО,

НЕ ИСКЛЮЧАЯ И ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Подписка принимается въ конторахъ редакціи—при Паровой Новой Русской Типографіи (Пароходная ул., соб. домъ) и въ домѣ Рѣпина, уголъ Табачнаго ряда и Эспланадн. улицы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою въ Астрахани: за годъ—7 руб., за полгода—4 руб., за три мѣсяца—2 руб. 50 коп.; съ пересылкою во всѣ города: за годъ—7 руб. 50 коп., за полгода—5 руб. и за три мѣсяца—3 руб. 50 коп.

Допускается РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 3 руб., къ 1 іюня—2 руб. и къ 1 сентября—остальныя, а также по соглашенію съ конторой: при подпискѣ—2 руб. и по 1 руб. къ 1 числу каждаго мѣсяца до мая включительно.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ НОВЫЕ ГОДОВЫЕ подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету СО ДНЯ ПОДПИСКИ и до конца года

безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на ежедневную

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

Орловскій Вѣстникъ,

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ друг. города: **на годъ 7 руб.**, 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

ДЛЯ УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и СЪ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ—ММ ГАЗЕТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й страницѣ газеты—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

ВЪ ОРЛѢ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлов. Вѣст.“, Болховская, д. Толстопятова. Въ книжномъ магаз. Кашкина-Шемаева и Хализева. ВЪ ЕЛЬЦѢ: исключительно у В. Е. Рощупкина, на Торговой улицѣ, контора „Надежды“. ВЪ БРЯНСКѢ—въ библіотекѣ М. И. Юдина. ВЪ ЛИВНАХЪ—въ магазинѣ г-жи Черемисиновой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ (XIII Г. ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ"

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ",

выходящіе въ СПБ. подъ редакіею **Е. Сысоевой** и **Алексѣя Альмединген**а.

„**Родникъ**" въ 1894 году будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 12 лѣтъ.

„**Родникъ**" выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1894 году въ „**Родникѣ**", между прочимъ, будутъ помѣщены слѣдующія большія произведенія: „**Въ львиной пасти**". Историческая повѣсть изъ временъ основанія Петербурга. В. П. Авенаріуса. (Съ рисунками).—„**На зарѣ**". Повѣсть. А. Я. Бабикова. (Съ рисунками).—„**Туанетинъ Филиппъ**". (Исторія няни и ея питомца). Повѣсть. М-съ Джемисонъ. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. (Со многими рисунками).—**Біографіи А. Кантемира и И. А. Крылова**. Сост. П. Барышниковымъ.—Рядъ очерковъ изъ народной литературы Исландіи и Скандинавскаго полуострова. О. Петерсонъ. — „**Дружба съ природой**". Очерки въ переводѣ и передѣлкѣ Д. Н. Кайгородова. (Съ рисунками).—**Наша родина въ великихъ явленіяхъ природы**. Л. П. Весина. (Съ рисунками). — Затѣмъ будетъ помѣщенъ рядъ статей научнаго содержанія: профессоровъ Д. Кайгородова и А. Никольскаго, Л. Весина, Г. Вольтке, Александра Альмединген и друг.

Къ „**Родникуу**" 1894 года будутъ приложены 12-ть отдѣльныхъ картинокъ, исполненныхъ академикомъ Н. П. Шаховскимъ. Въ видѣ **БЕЗПЛАТНАГО** приложенія всѣ подписчики на 1894 годъ получатъ отдѣльную книгу: повѣсть „**Уали**", перев. съ нѣмецкаго Н. Ахшарумовой. Съ рисунками М. Михайлова.

„**Родникъ**" рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ комитетами министерства народнаго просвѣщенія, святѣйшаго синода, собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ общества трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Педагогическій листокъ „**Воспитаніе и Обученіе**" выходитъ ежемѣсячно и посвященъ вопросамъ *семейнаго воспитанія*. Въ редактированіи листка принимаютъ непосредственное участіе: П. Ѳ. Каптеревъ, д-ръ В. В. Гориневскій и П. А. Литвинскій.

Условія подписки на 1894 годъ прежнія:

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ „Родникъ"	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Родникъ" и педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе"	6 „	3 „ — „	1 „ 50 „
За границу	8 „	4 „ — „	2 „ — „
Отдѣльно на педагогическій листокъ „Воспитаніе и Обученіе"	2 „	1 „ — „	— 50 „

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» *Н. Н. Морева*.

КАТАЛОГЪ
КНИЖНАГО СКЛАДА Д. И. ТИХОМИРОВА

(Москва, Тверская улица, домъ Гиршманъ, кв. № 40).

Книги для школъ Д. И. Тихомирова:

Новая книга: Изъ исторіи родной земли, очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. 1-я—*Древняя Россія*, ц. 50 к. Ч. 2-я—*Новая Россія*, ц. 40 к. Въ текстѣ рисунки и карты.

Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ? Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, грамматикѣ, правописанію, церковно-славянскому чтенію. 1893 г. Изд. 3-е, ц. 1 р. 25 к.

Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Руков. для школъ грамотности, для домашняго обученія, для церковно-приходскихъ и фабричныхъ школъ. Изд. 2-е. 1893 г., ц. 30 к.

Букварь для совмѣстнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и счисленію. Изд. 56—70, 1894 г., ц. 20 к. (Книга одобрена).

Руководство къ букварю. „Какъ учить на первой ступени писать, читать и считать". Изд. 12-е. 1893 г., ц. 40 к. (Книга одобрена).

Азбука церковно-славянская. Изд. 9-е. 1892 г., ц. 6 к.

Книга для церковно-славянскаго чтенія, — руков. для учениковъ, ч. 1-я, 1893 г. Изд. 8-е, ц. 30 к. — Ч. 2-я, 1889 г., ц. 20 к. (Книга одобрена),

Книга для церковно-славянскаго чтенія, — руков. для учителей, 1892 г. Изд. 3-е, ц. 1 р. (Книга одобрена).

Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе, изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта 1891 г. Изд. 2-е, ц. 5 коп. (Книга допущена въ сельскія библіотеки).

Элементарный курсъ грамматики, для городскихъ и двухклассныхъ школъ. Изд. 35—45, 1894, ц. 20 к. (Книга одобрена).

Начатки грамматики, руков. для сельскихъ школъ. Изд. 7-е, 1893 г., ц. 15 к. (Книга одобрена).

Азбука правописанія, ч. 1-я, сборникъ примѣровъ и статей для диктовки на главнѣйшіе случаи правописанія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго словаря. Изд. 17-е, 1894 г. ц. 40 к. (Книга одобрена).

Азбука правописанія, ч. 2-я, сборникъ примѣровъ и статей для диктовки на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Изд. 9-е, 1892 г., ц. 40 к.

Начатки географіи, для начальныхъ школъ. Изд. 4-е, 1893 г., ц. 30 к. (Книга одобрена).

Опытъ плана и конспекта элементарныхъ знаній по родному языку, методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е, 1889 г., ц. 55 к. (Книга одобрена).

Сказка про кота да про лису. Роскошное изданіе, ц. 25 к.

Сказка про лису да про волка. Роскошное изданіе, ц. 25 к.

КНИГИ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ:

Острогорскій, В. П.—*Выразительное чтеніе.* Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М. 1894 г., ц. 50 к. Одобрена для учительскихъ библіотекъ.

Его же. — *Художникъ русской пѣсни.* А. В. Кольцовъ. М. 1893 г., ц. 50 к.

Высоцкій, К., и Мазуринъ, В.— *Формулы* по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М. 1893 г., ц. 50 к.

Грековъ.—*Посевъ.* Сборникъ статей для чтенія въ школѣ и дома. Отдѣлъ 1-й: Ученье свѣтъ, неученье тьма. Отдѣлъ 2-й: Крестьянскій трудъ и крестьянское горе. Отдѣлъ 3-й: Три сестры: совѣсть, правда и честь. Отдѣлъ 4-й: Терпѣніе и трудъ все перетрутъ. Отдѣлъ 5-й: Великіе труженики. М. 1884 г., ц. 75 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И.—*На краю свѣта. Другъ за друга.* Повѣсть для дѣтей. Очеркъ изъ жизни и природы крайняго сѣвера, въ трехъ частяхъ для школьныхъ библіотекъ и подарковъ дѣтямъ, роскошное изданіе, ц. 1 р. Одобрена для библіотекъ средне-учебныхъ заведеній и для сельскихъ читаленъ.

Русскія народныя сказки, собранныя учителями Тульской губерніи подъ редакціей Эрленвейна. М. 1883 г., ц. въ бумажкѣ 60 к., въ папкѣ 1 р.

Фарраръ, Ф. В.—*Жизнь Іисуса Христа,* въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е, 1887 г., ц. 1 р. 50 к. Одобрена для библіотекъ средне-учебныхъ заведеній и для сельскихъ читаленъ.

Щепкина.—*Родныя мѣста.* Разсказы для дѣтей. Дуняша. Стадо. Дядя Нефедъ. Безъ работы. Рыбаки. Вѣдьма. Мельница на оврагѣ. Маленькій садовникъ. Помогай-бросайся. М. 1882 г., ц. въ папкѣ 1 р.

Цѣны обозначены безъ пересылки.

Книги эти продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книжный складъ Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., соб. домъ; Никольская, д. бр. Чижовыхъ, въ Москвѣ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ кн. маг. П. К. Прянишникова (Петровскія линіи, № 15) **продаются слѣдующія изданія.**

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Изданія т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° и книжн. маг. Прянишникова:

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки, 3 тома, полный переводъ, со статьею проф. А. Н. Веселовскаго, и 450 рисунками въ текстѣ.
т. I, ц. 3 р. 15 к. на вел. бум. 3 р. 50 к.
т. II, ц. 2 р. 75 к. „ „ „ 3 р. — „
т. III, ц. 2 р. 75 к. „ „ „ 3 „ — „

Боккаччьо, Джьованни. Декамеронъ. Полный переводъ проф. А. Н. Веселовскаго. Роскошн. иллюстр. изданіе, 2 тома, ц. . . . . 10 р. — к.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Гулливера. Полн. перев. съ 164 рисунками въ текстѣ. 2 тома, ц. . 4 р. 40 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія, иллюстрированныя лучшими русскими художниками. 2 тома, ц. . . . 5 р. — к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза, съ портр. Руссо и рис. ц. 2 р. — к.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Замок Вильпрэ, ц. . . . . 1 р. 75

Де-Фо, Даніэль. Приключенія Робинзона Крузо. Полн. перев., съ зорк автора и 100 иллюстр. въ текстѣ (одоб мин. нар. просв. для библ. средн. учеб завед.) 2 тома, ц. . . . 4 р. —

Монгомери. „Синяя вуаль". Повѣст для дѣтей старш. возраста съ 12 рисун въ папкѣ, ц. . . . . 1 р. 75

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсм триваемая какъ особый родъ движен переводъ подъ редакц. проф. А. Ш кова, съ 120 рисунк. въ текстѣ (реко мин. нар. просв. для фундам. и учени библ.), ц. . . . . 3 р. 75

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Пер подъ ред. проф. А. Кирпичникова ц. . . . . 2 р. —

Кромѣ того, на складѣ состоятъ:

Народы Россіи. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ ред. проф. Н. Зографа, больш. формата, съ 6-ю табл. рисунковъ въ каждомъ выпускѣ (одобрено учен. ком. мин. нар. пр. для ученич. библ. средн. учебн. зав.) вышло 2 выпуска, цѣна каждаго по . . . — р. 60 к.

Алабинъ, П. Четыре войны. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 гг., ч. I. Венгерская война 1849 г. ц. 2 р. ч. II. Восточная война 1853—54 г. ц. 3 р. ч. III Защита Севастополя 1854—1856 г., ц. . . . . 4 р.

Гюго, В. Встрѣчи и впечатлѣнія. Посмертныя записки В. Гюго, съ предисл. В. Гольцева, ц. . . . . 1 р. 50 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски, ц. . . . . 1 р. — к.

Елпатьевскій, С. Очерки Сибири, цѣна . . . . . 1 р. — к.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра, разск. изъ гимназич. жизни, ц. 1 р. 50 к.

Каронинъ (Петропавловскій). Разск., 3 тома съ добавл. біограф. очерк. и посмертн. произв., ц. . . . . 4 р. 50 к.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. 2 тома, ц. . . . . 6 р. — к.

Дюрингъ, Е. Критическая исторія общихъ принциповъ механики, ц. 4 р. — к.

Златовратскій, Н. Книжка разсказовъ, ц. . . . . — р. 50

Паренаго, М. Жертва самообманъ, романъ, ц. . . . . 1 р. 50

Нотовичъ, Н. Правда объ еврея цѣна . . . . . 1 р. 50

Карышевъ, И. Духовно-нравственны міръ въ человѣкѣ по ученію св. пра славной вѣры, ц. . . . . 1 р. 25

Его-же. Правосл. христіанскій взгля на основанія, принятыя гр. Л. Н. То стымъ для своего лжеученія, изложе наго въ его сочиненіи: „Въ чемъ м вѣра", ц. . . . . — р. 60

Фортунатовъ. Сельскохозяйственна статистика . . . . . 1 р. 25

Эмме Тираръ. Улучшенная культу картофеля, съ рис., ц. . . . — р. 2

Штеблеръ и Лауръ. Борьба съ в кормицей при помощи воздѣлыванія бавочныхъ корм. растеній, ц. — р. 2

Робертъ Боллъ. Страна звѣздъ. Вы I.—Солнце, со множ. рис., ц. — р. 2 — Вып. II.—Луна, со множ. рис., ц. 2

Л. Золотаревъ. Конопля, ея возд ваніе, почва для нея . . . ц. — р. 4

И. К. Турскій. Лѣсоводство, со мно рисунковъ, плановъ и картой лѣс цѣна . . . . . 2 р. 3

Его же. Лѣсов. орудія и инструмен съ рис., ц. . . . . — р. 6

Его же. Сборъ древесн. сѣмянъ и хр ченіе хвойн. сѣмянъ изъ шишекъ, ц. 2

Библіотека для любителей ремесла и научныхъ примѣненій.

Blin, Е. Фотоминіатюра. Упрощенный способъ раскр. фотографич. карточекъ, цѣна . . . . . — р. 50 к.
Bouffier, Н. Руководство рисованію пастелью, ц. . . . . — р. 50 к.
Его-же. Руковод. лѣпного искусства, съ 41 полит., ц. . . . . 1 р. 20 к.
Büttner, G. Руковод. къ тисненію на кожѣ, съ 20 полит., ц. . . — р. 60 к.
Восточная живопись (трафаретная) на бумагѣ, шелкѣ, бархатѣ, деревѣ и т. д., ц. . . . . — р. 70 к.
Donjean, А. Офортъ. Руковод. травл. крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и сталн, ц. . . . . — р. 75 к.
Дубовскій Ю. Живопись по маіоликѣ и глинѣ эмалевыми красками, съ 10 политипажами, ц. . . . . — р. 65 к.
Забронскій, О. Выжиганіе по дереву, съ прибавл. выжиган. по кожѣ и тканямъ, съ 9-ю табл., ц. . . . — р. 75 к.
Климке, А. Руковод. живописи по фарфору и стеклу, а также способъ домашняго обжига, ц. . . . . 1 р. — к.
Colson, К. Сниманіе копій съ чертежей и рис. свѣтовымъ способ., ц. — р. 60 к.
Lahnek, D-r F-r. Живопись по дереву (акварельн. краск.) съ замѣткой о лакировкѣ, ц. . . . . — р. 65 к.
Roux, U. Руковод. для травл. рисунк. на мѣди, бронзѣ, цинкѣ и стали съ прил. гальванопластики, ц. — р. 65 к.
Simons, А. Раскр. фотогр. карточ., фото-миніатюра, фото-живопись и фото-акварель (способы упрощены и доступны даже неумѣющимъ рисовать), ц. 50 к.
Hammond W. & Juppon, P. Электрич. освѣщеніе въ домашнемъ быту, съ 16 рис. ц. . . . . — р. 75 к.
Drouin, Е. & **Huche**, Е. Простые электрич. аппараты, и ихъ изготовленіе домашнимъ путемъ, ц. . . . 1 р. — к.
Fournier & Canter. Электр. звонки, ихъ устройство и условія правильн. дѣйств., съ 53 политип., ц. . 1 р. — к.
Боровичъ, Л. Фабричн. паров. котлы, устройство ихъ и уходъ за ними, съ 172 полит. въ текстѣ, ц. . . 2 р. 75 к.
Goffeyé. Пріемы шаблонной формовки, съ 6 табл. чертежей, ц. 1 1. 50 к.
Нетыкса, М. Упрощен. способы деревянной мозаики и инкрустаціи, съ замѣткой о выжиганіи рисунковъ на деревѣ, съ 8 хромол. таблицамп и 51 по. литипаж., ц. . . . . 2 р. — к.
Его-же. Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить), 433 политипаж. въ текстѣ, ц. . . . . 2 р. 75 к.
Tom, Tit. Поучительныя забавы или опыты и фокусы безъ приборовъ съ 113 политипажами. Двѣ серіи, цѣна каждой по . . . . . 1 р. 20 к.
Сборникъ итальянскихъ рисунковъ выпиловочныхъ работъ (1, 2 и 2-я серія), 37 большихъ таблицъ, цѣна . . . . . 2 р. 30 к.
Унвейнъ. Основы построенія частей машинъ. ц. . . . . 3 р. 50 к.
Schlotke. Курсъ графической статики, изложенный для архитекторовъ, техниковъ, строителей и проч. Съ 9 литогр. таблицами . . . . . 2 р. — к.
М. Нетыкса. Краткій курсъ слесарнаго дѣла (печатается).
М. Нетыкса. Краткій курсъ кузнечнаго дѣла (печатается).
М. Нетыкса. Краткій курсъ токарнаго дѣла (печатается).

Альбомъ картинъ. Копіи съ картинъ русск. художн. 2 вып.; каждый изъ 6 картинъ, размѣръ 6½×5 вершк., исполн. хромолит. въ изящн. папкѣ, цѣна кажд. выпуска . . . . 2 р. — к.

Изъ русской жизни и природы. Русскіе типы, виды и иллюстраціи къ произвед. русск. писателей.
Серія I, 15 карт. въ краск., ц. . 75 к.
Серія II, 13 „ „ „ ц. . 60 к.

Книги высылаются съ наложеннымъ платежомъ; лица, обращающіяся непосредственно въ контору типографіи или въ книжный магазинъ, за пересылку не платятъ.

ПОСТУПИЛА ВО ВСѢ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ НОВАЯ КНИГА:

Сочиненія Гюи де-Мопассана,

избранныя **Л. Н. Толстымъ,**

перев. *Л. П. Никифорова,* просмотрѣнный Л. Н. Толстымъ.

Т. I.—375 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ: въ типографіяхъ *т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°* въ Москвѣ (Пименовская ул., соб. домъ), въ Петербургѣ (Фонтанка, № 117) и въ Кіевѣ Бибиковскій бульв., д. Гвоздика).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ГОДЪ XIII.

Въ 1894 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1) Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2) Внутренній отдѣлъ: Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Пріазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3) Иностранный отдѣлъ: Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4) Судебная хроника. 5) Смѣсь. 6) Фельетоны: Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7) Справочный отдѣлъ. 8) Объявленія.

Подписная цѣна:

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки. .	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	— 75
Съ дост. и перес.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	— 85

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ: за 1-й разъ 20 к., за послѣдующіе 10 к., на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к.

За круглый годъ во всѣхъ номерахъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нѣсколько разъ печатаются не менѣе одного раза въ недѣлю. За украшенія—надбавка 10% платы. Доставляющимъ значительное количество объявленій дѣлается уступка 10%. За разсылку при газетѣ объявленій отдѣльными приложеніями взимается по разсчету 5 руб. съ 500 экземпляровъ и 8 р. съ 1,000 экземпляровъ.

Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторѣ редакціи при типографіи, г. Таганрогъ, Николаевская улица, домъ № 5.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ—для пріема подписки и объявленій—открыта въ будни отъ 8 ч. утра до 7 ч. в., а въ праздничные дни—отъ 9 ч. утра до 2 час. дня.

Объявленія для газеты *Таганрогскій Вѣстникъ* отъ учрежденій, фирмъ и лицъ, живущихъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Прибалтійскомъ, Привислянскомъ краяхъ и за границей (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, пароходныхъ и страховыхъ обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учрежденій) принимаются исключительно только *въ Центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°* въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, и его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на ежедневную

ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

КРЫМЪ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи:

На годъ	6 р. — к.
» полгода	4 » — »
» 3 мѣсяца	2 » 75 »
» 2 мѣсяца	1 » 75 »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ВЪ Г. СИМФЕРОПОЛѢ.

Разсрочка допускается лишь по соглашенію съ редакціей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на издающуюся въ гор. Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

X годъ изд. **СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ,** X годъ изд.

выходящую два раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
» полгода	2 » 50 »	» полгода	3 » — »
» 3 мѣсяца	1 » 50 »	» 3 мѣсяца	1 » 75 »

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: *Ставрополь-Кавказскій, редакціи* «Сѣвернаго Кавказа».

7-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г.

на

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

52 номера въ годъ.

Редакція въ теченіе года даетъ безплатныя приложенія (сѣмена) и помѣщаетъ въ журналѣ безплатно отвѣты на вопросы хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Въ „ВѢСТНИКѢ" помѣщаются статьи: руководящія по текущимъ вопросамъ хозяйства, сельско-хозяйственная экономія, полеводство и луговодство, молочное хозяйство и скотоводство (главный сотрудникъ *Николай Васильевичъ Верещагинъ*), сельско-хозяйственныя машины и орудія, техническія производства, садоводство, огородничество, коневодство, овцеводство, птицеводство, пчеловодство и статьи по многимъ другимъ отраслямъ хозяйства.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденція.—Хроника.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкою.	Безъ пересылки.
На годъ, съ 1 января	6 руб.	5 руб.
„ полгода.	4 „	3 „

На годъ съ пересылкою за границу—7 рублей.

Отдѣльный номеръ—20 коп., а съ заказною пересылкой—30 коп.

Цѣна полнаго экземпляра „Вѣстника" за 1892 и 1891 гг. по 8 руб., а за 1890 и 1889 гг. по 4 рубля за каждый годъ съ пересылкой.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи журнала—*Москва, Леонтьевскій пер., д. Варжаневскихъ, № 2,* а также и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта по 10 копѣекъ за каждый разъ (длина строки=2¹/₄ верш.).

За пересылку при журналѣ *прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій* взимается по 80 к. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ по 40 коп. съ сотни экземпляровъ.

За перемѣну адреса городского на иногородній или обратно платится 1 р., если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во второй полов. ; за перемѣну городского на городской и иногороднаго на иногородній—20 к.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, печатаются безплатными.

О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель *И. П. ПЕТРОВ*.

Открыта подписка на 1894 годъ

ГОДЪ XVI. (ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ) ГОДЪ XVI.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ".

(50 №№ ВЪ ГОДЪ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . **6** руб. | На полгода. . . **3** руб. **50** к.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 к.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той же программѣ и при участіи тѣхъ же лицъ, какъ и въ прошломъ году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель **А. М. Симоновъ.** Редакторъ **П. Н. Галинъ.**

ГОДЪ X. ОТКРЫТА ПОДПИСКА ГОДЪ X.

НА

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

на 1894 годъ.

Въ 1894 году «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ **ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ.** Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по **вторникамъ и субботамъ, ПРИБАВЛЕНІЯ,** за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Въ «Прибавленіяхъ» періодически помѣщаются свѣдѣнія о **золотопромышленности,** заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіеся золотого промысла; свѣдѣнія о пріискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ заявкѣ, и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того, **тутъ же помѣщаются торговыя свѣдѣнія и курсъ на ассигновки на золото.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ—9 р., ½ г.—5 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. 25 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника".

Редакторъ-издатель **В. П. Картамышевъ.**

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Перев. **В. М. Лаврова**, съ предисловіемъ **В. А. Гольцева**. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ **Генрика Сенкевича.** Перев. **В. М. Лаврова.** (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Космополисъ. Романъ **Поля Бурже.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). **Альфонса Додэ.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сизифъ. Картинки деревенской жизни **Клеменса Юнòши.** Перев. съ польскаго. **В. М. Лаврова.** Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Наше сердце. Романъ **Гюи де-Мопассана.** Перев. **М. Н. Ремезова.** Цѣна 1 руб.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки **В. А. Гольцева.** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ **А. И. Эртеля.** Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). **Н. К. Михайловскаго.** Цѣна 1 руб.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Очерки и разсказы. Владиміра Короленко. Книга вторая. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). **Владиміра Короленко.** (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа **Л. Н. Толстого: Для чего люди одурманиваются?** Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. **М. Анютина** (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Составилъ докторъ медицины **В. С. Богословскій**, профессоръ Московскаго университета. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Вопросы дня и жизни. В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

Стр.

ной росписи на 1892 годъ.—Земская школа; сельскія библіотеки — Юбилей Д. В. Григоровича.— Отъ комитета общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.—Заявленіе предсѣдателя крестецкой уѣздной земской управы.— По поводу возраженія проф. Сикорскаго.— † П. И. Чайковскій. 178

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 199

XIX. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: **Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи.—В. Ѳ. Миллера.** 207

XX. НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ СИЛА.—**И. И. Иванова.** 230

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: *Венецейскій истуканъ*, картины московской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, П. П. Гнѣдича; *Расплата (Эдоистъ)*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго; *Ночи безумныя!...* драматическія картины въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. Деденева.—Посмертная выставка картинъ академика А. К. Трутовскаго — **Ан.** . 249

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. **Книги: Беллетристика.**— Педагогика.— Публицистика.— Исторія.—Политическая экономія и статистика.—Этнографія и путешествія.—**Юридическія книги.**— Естествознаніе.— **Медицина.**— Сельское хозяйство.— Учебники и книги для дѣтей.— Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Вѣстникъ Европы», *октябрь*.—«Русское Богатство», *сентябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *октябрь*.— «Русское Обозрѣніе», *октябрь*. — «Вѣстникъ Воспитанія», *сентябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1893 г.** 513

Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. И. Алелековъ, проф. П. Г. Виноградовъ, С. И. Викторскій, Н. В. Водовозовъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, проф. Д. Ѳ. Дерюжинскій, В. Е. Ермиловъ, проф. А. А. Исаевъ, проф. И. И. Иванюковъ, П. П. Ивановъ, проф. И. А. Каблуковъ, Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, И. Н. Казанскій, проф. М. С. Корелинъ, проф. Н. Н. Милюковъ, А. В. Погожевъ, М. П. Ремезовъ, проф. С. М. Соболевскій, В. Н. Стороженъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. Н. Тумскій, проф. А. Н. Филиппов[illegible], А. Ѳ. Фортунатовъ, П. В. Яблоковъ и др.

При этой книгѣ разсылаются объявленія: о подпискѣ на [illegible] журналы „Семья“ и „Новости Иностранной Литер[illegible]“, „Живописное Обозрѣніе“ и газету „Сынъ Отече[illegible]“ писчиковъ и о подпискѣ на журналы „Сѣверн[illegible] исключеніемъ [illegible]

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1894 годъ

(пятнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

Книгопродававцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

5-71

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.